РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНСОРЦИУМ
КЛУБ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 15

Часть 2

Москва – 2020

БК 60.54
66.75 (2 Рос)

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, генеральный директор Института экономических стратегий, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ГД ФС РФ, *В.Б. Бетелин* – академик РАН, член Президиума РАН, научный руководитель НИИ системных исследований РАН, вице-президент РНЦ «Курчатовский институт, *С.Д. Валентей* – д.э.н., начальник НИО РЭУ им. Г.В. Плеханова, научный руководитель университета, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, *В.В. Иванов* – д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, *А.В. Кузнецов* – член-корреспондент РАН, врио директора ИНИОН РАН, *С.П. Логинов* – к.и.н., проректор Курского государственного университета по научно-исследовательской работе и международным связям, *В.Л. Макаров* – академик РАН, директор ЦЭМИ РАН, *Е.М. Марков* – президент Союза малых городов РФ, *А.Н. Худин* – д.п.н., профессор, ректор Курского государственного университета *М.А. Эскиндаров* – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Финансового университета.

Редакционная коллегия

В.С. Аванесов – д.п.н., профессор, главный редактор журнала «Педагогическая диагностика», *Т.А. Агапова* – д.э.н., профессор МГУ, *Л.А. Аносова* – д.э.н., ученый секретарь Отделения общественных наук РАН, *А.А. Белостоцкий* – к.э.н., доцент, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *О.А. Золотарева* – к.э.н., доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова, *Е.А. Когай* – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой Курского государственного университета, *С.И. Коданева* – к.ю.н., доцент, с.н.с. ИНИОН РАН, *Н.И. Комков* – д.э.н., профессор, зав. лабораторией ИНП РАН, *О.С. Крюкова* – д.ф.н., профессор МГУ, *В.Н. Лексин* – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института системного анализа ФИЦ «Управление и информатика» РАН, *В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *Н.П. Молчанова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, *М.А. Положихина* – к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН, *Е.И. Пронина* – вице-президент Российского общества социологов, с.н.с. Института социологии РАН, *Н.А. Садовникова* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой РЭУ им. Г.В. Плеханова, *А.И. Селиванов* – д.филос.н., профессор Финансового института, *В.Б. Слатинов* – д.полит.н., доцент, зав. кафедрой Курского государственного университета, *В.А. Цукерман* – к.т.н., зав отделом Института экономических проблем Кольского НЦ РАН.

Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15. Ч. 2 / РАН. ИНИОН.
Р 76 Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – 1002 с.
ISBN 978-5-248-00970-1

Рассматриваются проблемы стратегического проектирования социально-экономического развития, модернизации экономики, инновационного, технологического, демографического и регионального развития, модернизации здравоохранения, образования и науки. В ежегоднике представлены материалы XI Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных проектов и программ», а также некоторых других мероприятий, проведенных в рамках Общенационального форума «Здравствуй, Россия!»

Для специалистов в области россиеведения, государственного управления, инновационного, технологического и регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов. Подготовка издания проведена в рамках Программы Президиума РАН «Большие вызовы, научные основы прогнозирования и стратегического планирования».

ББК 60.54
66.75 (2 Рос)

ISBN 978-5-248-00970-1

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Стратегии социально-экономического развития

Андреева Г.Н.
По волнам исторической памяти: о дефектах и пробелах советского закона о сецессии и его современных интерпретациях 12
Андрианов В.Д.
Принципы разработки долгосрочной стратегии социально-экономического развития России на федеральном и региональном уровне 17
Артамонов В.А., Артамонова Е.В.
Роль цифровой трансформации в современном социуме 28
Багдасарян Н.А., Беляков Г.П., Батукова Л.Р.
Опыт стратегического планирования научно-технологического развития в КНР и его использование в российской практике 33
Бобков В.А.
Идеология и ее возможности 40
Бурова Е.Е., Бижанов А.Х., Амребаев А.М.
Возможности религии как основы консолидации казахстанского общества 44
Ванюрихин Г.И.
Некоторые актуальные проблемы мирового и внутреннего развития и методы их разрешения, предложенные Н.Н. Моисеевым 54
Версан В.Г.
Кто и как остановил в новой России переход к инновационной экономике? Причины и мотивы 58
Градусова В.Н., Карапетян Р.В.
Развитие цифровизации в России на фоне мировых тенденций 65
Гусева Н.В.
Феномен стратегий развития: к анализу понимания методологических оснований и следствий выбора стратегии 69
Дружинин А.Г.
«Морская составляющая» стратегии пространственного развития России: ключевые категории и аспекты 74
Журавель В.П.
Ответы России на внешние вызовы национальной безопасности в Арктике в военной и экономической областях 78
Калиниченко Л.А.
Направления развития российского общества на базе системной цифровизации государственного и муниципального управления в условиях глобальных и внутренних угроз 84
Карнишина Н.Г.
Пространственная организация общества и ее роль в модернизации России: опыт исторического моделирования 86
Кожевина О.В.
Экономическая безопасность предпринимательской деятельности и достижение национальных целей устойчивого развития 89
Котилко В.В.
Влияние рисков на возможность возникновения кризисных ситуаций в регионах России 92
Липатова Л.Н., Карапетян Р.В.
Уровень жизни населения Арктических регионов России как угроза экономической безопасности страны 97
Малинина Т.Б., Липатова Л.Н.
Возможности региона в решении задачи импортозамещения и обеспечении продовольственной безопасности страны (опыт Республики Мордовия) 103
Молчанова Н.П.
Пространственное развитие России и проблемы финансового обеспечения территорий 108
Немгирова С.Н.
Реализация стратегических задач развития на уровне субъекта Российской Федерации 113
Нечаев Д.Н., Алименко А.И.
Наличие отсутствия: почему в России так и не принята государственная стратегия выравнивания межрегиональных различий? 117
Никоноров С.М.
Подходы к разработке стратегий развития Арктических регионов России 119

Огнева В.В., Мельников А.В.
Приоритетные геостратегические территории: идентификационные признаки и геополитическое значение в пространственном развитии Российской Федерации 124
Пациорковский В.В.
Стратегическое планирование: крестьянское хозяйство в развитии села 129
Пашин Ф.
Крах мировых элит 134
Пронина Л.И.
Роль и место региональной экономики в современном обществе 138
Раков С.Е.
Эргодическая социальная система – это естественная структура для искусственного интеллекта 144
Раткин Л.С.
Использование компьютерной стеганографии и блокчейн-технологий для достижения стратегических целей социально-экономического развития России на примере реализации научных и образовательных проектов в сфере устранения законодательных пробелов и противоречий 153
Сапрыка В.А., Пастюк А.В., Олейник С.А., Петренко К.А.
Социокультурные угрозы трансформации цивилизационных фронтиров в постсоветском хронотопе 155
Ткаченко А.А.
Стратегия пространственного развития России до 2025 года и приоритеты регионального развития 158
Тома А.Ю.
Беларусь и Россия: работа над гуманитарными ошибками 163
Хащина Э.Э.
Конституционные механизмы предотвращения сецессии (на примере Абхазии) 167
Цветкова О.В.
Институты регионального развития в России 170
Шпакова Р.Н.
Учет природно-климатических факторов в региональном стратегическом планировании 175
Яковлева Е.А.
Оценка реализации национальных проектов на региональном уровне (на примере Воронежской области) 180
Yaryhina Halina, Ziankova Inha, Rabih Said Sati
Global energy security and international economic development 184

Модернизация экономики

Бабабекова Д.Ш.
Формирование конкурентоспособной экономики через активное инвестирование и социальное развитие 196
Багдасарян К.Ю.
Факторный анализ бизнес-среды в Республике Армения 198
Герасименко О.А.
Геомаркетинговые инструменты повышения конкурентоспособности компаний 202
Гурджанян Ш.А.
Научная организация труда персонала непромышленного предприятия 205
Дудко Е.Н., Савенко С.В.
Развитие и трансформация объектов креативной индустрии в мировой экономике 210
Журавель В.П.
Состояние и перспективы развития Северного морского пути 213
Захарян А.Г.
Проблемы стимулирования делового туризма в Республике Армения 218
Киянова Л.Д.
Логистическое управление в туристской сфере 223
Кожевина О.В.
Влияние глобальных вызовов на российский рынок авиаперевозок: последствия и меры поддержки 226
Кротова М.В.
Задача обеспечения централизованного и распределенного управления в российских вертикально-интегрированных компаниях (на примере истории газовой промышленности России) 228
Маковская Н.В.
Институциональное обеспечение регулирования трудовых ресурсов в национальной экономике (на примере, Республики Беларусь) 236
Мамадиёров О.У.
Влияние открытых траншей на развитие сельского хозяйства 240
Митько А.В.
Основные парадигмы добычи углеводородов в Арктическом регионе 241

Москалевич Г.Н.
Роль событийного маркетинга в повышении эффективности индустрии досуга 246
Нихмонов И.С., Партоев К.
Продуктивность картофеля в трансграничных экосистемах Таджикистана и Афганистана 249
Павлов К.В.
Институциональная интенсификация производства 252
Партоев К., Ахмедов Х.М., Сафармади М.
Экология и продуктивность топинамбура (helianthus tuberosus) в условиях Таджикистана 261
Поплыко В.И.
Оценка совокупного рыночного спроса на продукцию реального сектора экономики (на примере промышленности Республики Беларусь) 266
Пруель Н.А., Липатова Л.Н.
Проблемы цифровизации предприятий в России: федеральный и региональный аспекты 270
Раткин Л.С.
Применение блокчейн-технологий для разработки нормативно-правовых информационных систем для модернизации российской экономики 275
Садридинов С., Партоев К.
Совмещенные посевы кормовых культур в условиях развития цифровой экономики в Таджикистане 277
Саргсян Л.Н.
Конкурентоспособные сферы армянской экономики в сравнении с другими странами ЕАЭС 279
Симонова Е.В.
Конкурентоспособность предпринимательства в условиях происходящих изменений 284
Сирож З.Р.
Роль модернизации основных отраслей экономики в условиях перехода на инновационную экономику 286
Сташевская М.П.
Трансформация концепта «Персональные данные» в контексте решения проблемы их экономической оценки 288
Тогузаев Т.Х., Рахаев Х.М., Модебадзе Н.П.
Эволюция форм, механизмов и методов интеграции в сельском хозяйстве 291
Угрюмова А.А., Замаховский М.П,. Паутова Л.Е.
Современные процессы формирования кадрового потенциала мелиоративной отрасли РФ 296
Холмуминов А.Х.
Перспективы повышения конкурентоспособности на основе модернизации ключевых секторов экономики 304
Шарипов К.А.
Конкурентоспособность предприятия в условиях рыночной экономики 306
Шаяхметова К.О., Ахметова А.А, Булгаков А.Л.
Эко-аудирование 308
Ядранский Д.Н.
К вопросу о региональных особенностях lean-менеджмента на российских предприятиях 312
Ярашова В.К.
Факторы и предпосылки развития транспортной системы с учетом формирующегося внешнего и внутреннего спроса 315

Инновации и технологии в XXI веке

Андреева Г.Н.
Использование искусственного интеллекта в условиях мегаполиса: правовые аспекты 320
Артамонова Е.В.
Перспективные информационные технологии 6 промышленного уклада: преимущества и проблемы их внедрения 324
Артамонов В.А., Артамонова Е.В.
Проблемы искусственного интеллекта: мифы и реальность 330
Бешлин И.Л.
Оптимизация рисков деривативов в инновационном производственном развитии нефтегазовых регионов 337
Бечвая И.Е.
К вопросу формирования и развития инновационной системы в Донецкой Народной Республике 340
Бородина О.А.
Факторы инновационного развития территории как ресурсный потенциал экономики региона 343
Даллакян С.А.
Инновационное развитие и конкурентоспособность экономики Республики Армения 346
Зибарев А.Г., Кудинова Г.Э., Розенберг А.Г., Розенберг Г.С., Хасаев Г.Р.
Инновационно-экологические аспекты регионального развития (на примере Волжского бассейна) 350
Иванов А.В.
Влияние прямых иностранных инвестиций на инновационное развитие экономики регионов Российской Федерации 355

Карпов А.Е., Егошин С.Ф., Клочков В.В.
Прогнозирование перспектив организации местных авиаперевозок с помощью скоростных винтокрылых летательных аппаратов в регионах Сибири и Дальнего Востока 358
Киселева С.П.
Социо-эколого-экономические риски миграции инновационных идей 365
Курбонов А.К.
Инновационное развитие как фактор экономического роста 369
Курганская В.Д., Дунаев В.Ю.
Парадигма трансдисциплинарной конвергенции Hi-Tech и Hi-Hume технологий в герметической традиции 371
Курносова О.А., Белоброва Н.В.
Направления инновационного развития промышленности ДНР в постпандемический период 377
Марабаева Л.В., Соколов О.А., Горин И.А.
Предпосылки разработки программы развития инновационной инфраструктуры в целях повышения конкурентоспособности экономики региона 381
Маякова А.В.
Философско-методологический анализ значимых эффектов социального конструирования технологий цифровой реальности 385
Носова О.В., Носова Т.Ю., Павлов К.В.
Стратегии инновационного развития транснациональных компаний 388
Павлов К.В., Асадуллина Н.Р.
Формы и направления цифровизации экономики 392
Прядко С.Н.
Модель «Умного региона» как пространство инновационного роста 396
Романова А.А., Романов П.А.
Выбор инструментов государственной политики как фактор роста эффективности инновационных процессов 399
Сливицкий А.Б.
«Готовностный подход» как инструмент модернизации системы научно-технологических исследований 403
Соколов М.С.
Проблемы и перспективы развития молодежного инновационного предпринимательства в Союзном государстве России и Беларуси в условиях цифровизации экономики 411
Сухарев О.С.
Основные принципы развития техники и следствие закона Г. Мура 414
Турсунов Б.О.
Роль инновационного развития малого бизнеса в обеспечении конкурентоспособности национальной экономики 417
Усманова Т.Х., Сутягин В.В.
Современные тенденции научно-технологического развития 419
Цёхла С.Ю., Симченко Н.А.
Направления формирования экономических эффектов внедрения цифровых двойников 426
Шаяхметова К.О., Костырко Р.А., Шыныбаев А.А.
Роль инноваций в строительной индустрии 430

Качество власти и управления

Анциферова И.В., Ермаков А.В.
Развитие ценностей менеджеристского подхода в системе государственного управления в современной России 436
Ашурков О.А., Орлова Н.А.
Законодательное обеспечение развития инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике: проблемы и решения 439
Ваганян Г.А.
Оценка качества управления образованием, инновационным и научно-технологическим развитием (на примере Армении) 442
Журавель В.П.
Вопросы социального развития в Арктической зоне РФ: состояние и перспективы 447
Журба Е.Е.
Программно-целевой метод управления региональным бюджетом (на примере Ханты-Мансийского автономного округа-Югры) 451
Зотов В.В.
Социальные сети как базовый элемент механизма общественного участия в публичном управлении 455
Коданева С.И.
Формирование в России «Цифрового правительства» (на примере цифровизации государственной контрольно-надзорной деятельности) 459

Кольба А.И.
Политико-административные ресурсы публичного управления городской агломерацией на различных этапах развития 465
Круглов В.Н.
Оптимизация процесса программно-целевого обеспечения для развития малого бизнеса в регионе 467
Михайлов С.В.
Взаимодействие малого и среднего бизнеса с органами власти в районном центре ЦФО 470
Орлов С.Н., Федотова Ю.В.
Эффективность налогового администрирования 473
Рябинина Н.И., Винцкевич Е.В.
Место и роль «Электронного правительства» в системе государственного и муниципального управления 479
Слатинов В.Б.
Губернаторы-«технократы» во главе российских регионов: промежуточные эффекты новой кадровой стратегии Федерального центра 484
Худякова Т.С., Дорошенко С.В.
Организационный механизм формирования и оценки кросс-программных эффектов реализации государственных программ в субъекте Федерации 489
Чуйков О.Е.
Совершенствование деятельности МФЦ как условие повышения качества государственных и муниципальных услуг на региональном уровне 492

Наука и образование

Абрамов Р.А.
Развитие межрегионального сотрудничества России и Беларуси в образовательной сфере в условиях формирования единого экономического пространства Союзного государства 495
Бексултанова А.И., Висаева А.Н., Умалатова М.С.
Дефицит кадров как одна из проблем в развитии цифровой эономики 498
Ванюрихин Г.И.
Академик Н. Моисеев и проблемы нашего времени 501
Васильева Л.В., Лебедев К.В., Суменова Е.С.
Статистическая оценка уровня технологического развития сферы образования 505
Ермаков В.Г.
Методологические аспекты поэтапной модернизации регионального образования на основе идей педагогики развития 510
Жаринова Е.Н.
Системные психолого-акмеологические факторы развития коммуникативной культуры и творческой готовности к профессиональной образовательной деятельности 515
Искаков И.Ж., Ланина Е.Е.
К вопросу формирования инновационной модели подготовки квалифицированного специалиста для ЕАЭС 521
Кирсанова Н.П.
К вопросу актуализации образования в сфере творческих индустрий 525
Кликунов Н.Д., Окороков В.М.
К вопросу об архитектуре высшего педагогического образования в современной России 528
Ковальчук О.В., Валиева И.Н.
Удовлетворенность студентов качеством научно-образовательных услуг в региональном вузе 534
Коровникова Н.А.
Экономика знаний и знание экономики (на примере модели УрГЭУ) 539
Кочерьян М.А
Приоритеты сетевого управления физкультурно-спортивной деятельностью вуза 542
Медведева Л.М.
Проблема системности и целеполагания в реформировании российского высшего образования 545
Меденников В.И.
Методика оценки результатов научной деятельности нии в рамках цифровой платформы научно-образовательных ресурсов 548
Михайлов В.А., Тупик Е.С.
Особенности инновационной деятельности в региональном вузе 556
Мишон Е.В., Ткаченко Д.И.
Опыт внедрения инклюзивного образования в регионах России 563
Паутова Л.Е.
Акместратегии конкурентоспособности и профессиональной карьеры специалиста образования 565
Пацула А.В., Павлов Б.С., Пронина Е.И., Сентюрина Л.Б.
Профессионально-трудовая социализация учащихся в регионе: общественные вызовы и личностные позиции 572

Петросянц Д.В.
Системный анализ деятельности российских университетов, осуществляющих подготовку специалистов для ТЭК 580
Петрук Г.В., Шашло Н.В.
Модернизация научно-исследовательской и инновационной деятельности как базы развития экосистемы университета 588
Serada T., Varanko E.
Improving the quality of education by integrating network universities and business 592
Сливицкий А.Б.
О применении компетентностного подхода при оценке эффективности отраслевых научных организаций 598
Суковатова О.П., Чернобродова Л.А.
Противоречие между технологическим и социальным прогрессом в сфере образования 601
Суменова Е.С., Лебедев К.В., Васильева Л.В.
Прогноз развития сферы общего образования Российской Федерации 605
Шамсутдинов Ю.А., Лебедев К.В., Бочковский П.П.
Метод расчета потребности в трудовых кадрах, основанный на достижении оптимального баланса между числом подготавливаемых специалистов по уровню образования и величиной инвестиций в основной капитал 612

Демографические процессы и сбережение нации

Апанасенко Г.Л.
Здравоохранение: неизбежность новой стратегии 616
Аристова М.А., Кузнецова Р.С., Костина Н.В., Лазарева Н.В., Розенберг Г.С.
Здоровье среды и здоровье населения: модели, прогноз, риски 621
Baghdasaryan K.
Mechanism of economic assessment for human health 625
Егошин С.Ф., Клочков В.В.
Задачи развития санитарной авиации и совершенствования пространственной организации здравоохранения в России 628
Зенченков И.П.
О физической культуре личности 638
Куделина О.В., Адова И.Б., Арефьева Н.Ф.
Предпринимательский человеческий капитал в сфере здравоохранения 640
Любкина О.Р.
Власть и бизнес: особенности реализации проектов ГЧП в сфере здравоохранения в областях ЦФО 644
Павлов Б.С.
Воспроизводство, сбережение и использование человеческого потенциала региона как актуальный предмет анализа в Уральском академическом институте 646
Павлов К.В., Асадуллина Н.Р.
Особенности и факторы демографического развития на постсоветском пространстве с учетом влияния социально-экономических факторов (на примере Узбекистана) 658
Павлов Б.С., Бердник Л.П., Бондарева Л.Н., Шевелёва О.Р.
Молодая женщина-инженер на уральском заводе: профессиональный статус, работа, семья 663
Петрищева Е.Г., Гавриков Ф.А.
Особенности реализации демографической политики в Курской области 671
Подгорнова Н.А.
Здоровый образ жизни как фактор будущего здоровья нации 675
Пруель Н.А., Градусова В.Н.
Роль миграции в формировании населения России: федеральный и региональный аспекты 679
Самодуров А.А., Спиридонов Д.А.
Сравнительная характеристика состояния охраны здоровья населения Арктических регионов России 685
Светличная Т.Г., Смирнова Е.А.
Цифровизация и здоровье: влияние кинематографа на образ жизни и медицинское поведение 690
Селезнев Д.К., Юсупова И.В.
Развитие человеческого капитала регионов в контексте реализации национального проекта «Демография» (на примере Республики Татарстан) 692
Симагин Ю.А.
Динамика численности населения эксклавных приоритетных геостратегических территорий России 696
Смирнова Т.М.
Здоровье населения в регионах России: Анализ тенденций 2010–2018 гг. 700
Стрельникова Т.Д.
Влияние изменения климата на здоровье населения 708

Тарандо Е.Е., Градусова В.Н.
Демографические факторы и ограничения устойчивого развития сельских территорий России: федеральный и региональный аспекты 712
Толкунов В.А.
Социально-демографическая ситуация в Брянской области в проекции экономической безопасности 719
Цацулин А.Н., Цацулин Б.А.
Об отдельных поведенческих факторах психического здоровья граждан на путях формирования здорового образа жизни 724
Чумак Е.В.
Социальные аспекты трудовой миграции в период пандемии 736

Социокультурная память, национальная и региональная идентичность

Анциферова Н.Г.
Роль региональных этнографических музеев в формировании национальной идентичности 739
Аствацатурова М.А.
Этническая память как фактор организации политического процесса Северо-Кавказского Федерального округа 742
Винокуров А.И.
Смоленская область в условиях транзитивной культурной эпохи 748
Гусейнова А.
Сходство танцевальных движений в средневековых миниатюрах Востока с современными танцевальными движениями Азербайджана 750
Крюкова О.С.
Роль топонимики в конструировании региональной идентичности 756
Лысикова Н.П.
Роль семейного туризма в сохранении и трансляции социокультурной памяти поколений: региональный аспект 758
Парахонская Г.А.
Краеведческий музей в социокультурном пространстве провинциального города 76161
Петрова А.П., Благов А.О.
Коммеморативный видео-флешмоб как новая форма медиакультуры 763
Самаркина И.В.
Институты и практики формирования локальной идентичности городской молодежи (на примере Краснодарского края) 767
Спирина М.Ю.
Природа и человек в традиционной культуре и сегодня 770
Хренов Н.А.
История искусства как история культуры: русское искусство рубежа XIX–XX веков в контексте больших длительностей исторического времени (часть 2) 773
Яковенко А.В.
Институты социальной памяти и проблема взаимосвязи поколений 791

Регионы и города

Асатуллаев Х.С.
Трансформация региональной политики в условиях структурных преобразований 794
Бабинцев В.П.
Культурный мусор как проблема функционирования городской среды 796
Бейдина Т.Е., Кухарский А.Н., Новикова А.В.
Забайкалье как геостратегическая территория и реализация приоритетных национальных проектов 798
Беилин И.Л.
Оценка устойчивости развития нефтегазового региона в условиях высокой волатильности нефтяных цен на мировых товарно-сырьевых биржах 802
Бексултанова А.И., Эдилсултанова С.А.
Основные проблемы социально-экономического развития Чеченской Республики и пути их решения 805
Белоусова А.В.
Условия достоверной оценки возможностей и ограничений реализации национальных проектов на региональном уровне (на примере Дальнего Востока) 809
Васильева Л.В.
Оценка уровня межрегиональной дифференциации: теоретические аспекты 812
Вертинская Т.С.
Регионы и города Республики Беларусь: пути наращивания экспортного потенциала и совершенствования системы поддержки экспорта товаров и услуг в условиях современных вызов и угроз 815

Володина Н.Н., Комков Н.И, Сутягин В.В.
Управление подготовкой и реализацией инвестиционных проектов 821
Гнатюк С.Н.
Инновационный механизм обеспечения конкурентоспособности региона 827
Граница Ю.В.
Индикаторы потери устойчивости региональной бюджетной системы 831
Давиденко Л.М.
Научно-технологическое обеспечение конкурентоспособности регионов 836
Дзуцев Х.В., Багаева З.Г.
Общественное мнение населения Республики Северная Осетия-Алания Российской Федерации о своем социально-экономическом положении. Сентябрь-октябрь 2019 г. 842
Дзуцев Х.В., Моргоева З.О.
Общественное мнение о трудовой деятельности населения Республики Северная Осетия-Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации 845
Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г.
Приграничный фактор социально-экономического развития региона в условиях экономической изоляции 848
Журавель В.П.
Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ: проблемы и перспективы дальнейшего развития и международного сотрудничества 851
Kostuchenko E., Klyunya V.
Clustering as a driver of regional economic complexes: innovative development in conditions of knowledge economy formation 857
Лазарева Е.Н., Румянцева С.Т.
Региональные аспекты развития лесного хозяйства в России 863
Машунин Ю.К.
Стратегическое развитие экономики и формирование бюджета муниципального образования и региона на базе цифровой экономики 869
Мещеряков Д.А.
О результатах реализации некоторых национальных проектов в Воронежской области в 2019 году 884
Мищенко В.В., Капустян Л.А.
Стратегическое планирование устойчивого развития сельских территорий (на примере муниципальных районов Алтайского края) 889
Николаева Е.Е.
Синтез промышленного и социального аспектов в региональной экономике (на примере Ивановской области) 892
Носов А.Л.
Агломерация как результат пространственного развития города 896
Нурланова Н.К.
Возможности развития отдаленных сельских территорий Казахстана в условиях экономического спада 899
Охапкин А.А., Егошин С.Ф., Клочков В.В.
Интегрированные авиационные системы комплексного жизнеобеспечения в малонаселенных регионах России: перспективы и принципы построения 903
Пешина Э.В.
Перспективы развития моногородов Арктической зоны России 910
Попадюк Н.К.
Капитализация муниципального пространства и роль органов местного самоуправления в его повышении 914
Реутов Е.В.
Привлекательность территорий как фактор воспроизводства человеческого потенциала 917
Сухарев О.С.
Структурная и инвестиционная политика в регионе: методы оценки и реализации 922
Тогузаев Т.Х., Рахаев Х.М., Модебадзе Н.П.
Состояние и перспективы ресурсно-инновационного потенциала агропромышленного комплекса Северного Кавказа 927
Третьякова Л.А.
Концептуальный подход к формированию конкурентоспособности региона 932
Фурман Е.Н., Молчанова Н.П.
Кадровый потенциал муниципальных образований как фактор роста региональной экономики 937
Хохлова Л.И., Паутова Е.П.
Динамическая архитектура для развития городской среды 940
Яковлева С.И.
Системный подход к территориальной организации сферы обслуживания в сельской местности 944

Экспертно-аналитическое и информационное обеспечение социально-экономического развития

Барбашова Е.В., Лясковская О.В., Польшакова Н.В.
Методический подход к формированию критерия комплексной оценки развития регионов на базе функции Харрингтона 949
Горшкова А.В., Барбашова Е.В., Лясковская О.В.
К вопросу об информационном обеспечении мониторинга показателей бедности населения на региональном уровне 955
Коломейченко А.С., Шуметов В.Г.
Экспертно-аналитические методы форсайт-исследований: информационные технологии и компьютерный инструментарий 961
Кузавко А.С.
Анализ бизнес-среды Днепро-Двинского региона методом глубинного интервьюирования предпринимателей 967
Логвиненко В.П.
Экспертная оценка как составляющая обоснования, разработки и реализации стратегических программ развития России в современном мире 971
Сливицкий А.Б.
Современный инструментарий прогнозирования и программирования развития авиационной деятельности 975
Титов А.В.
К вопросу о систематизации методов моделирования задач управления сложными региональными системами 984
Ткач В.И.
Цифровой менеджмент исполнения национальных проектов 990

Андреева Г.Н.
к.ю.н., доцент, в.н.с. ИНИОН РАН

ПО ВОЛНАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: О ДЕФЕКТАХ И ПРОБЕЛАХ СОВЕТСКОГО ЗАКОНА О СЕЦЕССИИ И ЕГО СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ[1]

***Ключевые слова**: сецессия, Конституция СССР 1977 г., Закон СССР 1990 г., выход союзных республик, прибалтийские республики, автономии, национальные группы, пробелы, дефекты, современные интерпретации.*

Третьего апреля 2020 г. исполнилось 30 лет со дня принятия Закона СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-I «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»[2] (далее – Закон), который являлся первой попыткой законодательного регулирования процесса сецессии на основе конституционной нормы. В силу использования в советской идеологической матрице права наций на самоопределение вплоть до отделения положение о праве союзных республик на выход из состава СССР было включено в советские конституции 1922, 1936 и 1977 г., но на основе положений первых двух конституций законы не были приняты, что же касается ст. 72 последней советской конституции, то она послужила основанием для принятия вышеупомянутого Закона, регулирующего порядок реализации данной конституционной нормы. Статья 1 Закона содержала прямую отсылку к ст. 72 Конституции СССР 1977 г.

Следует отметить, что с позиций конституционно-правовой доктрины принятие Закона о сецессии (как и соответствующей конституционной нормы) способно «достраивать» государственные механизмы регулирования отношений между центром и регионами, придавая им бóльшую устойчивость. В российской литературе достаточно обстоятельно разработана аргументация тезиса, «что признание возможности выхода территориального образования из состава государства – по достаточно сложной процедуре – на практике могло бы служить не меньшей гарантией обеспечения территориальной целостности государства, чем абсолютный запрет выхода из состава государства»[3]. На первый взгляд это парадоксально, но в определенных исторических условиях при наличии развитых демократических институтов такая «надстройка» способна укреплять суверенность регионов как равноправных участников государственно-правовых отношений и способствовать большей стабильности.

Однако в конкретных условиях существования СССР 90-х годов XX в. принятие данного Закона означало, что речь идет о применении экстраординарного средства разрешения противоречий между центром и регионами, существовавшими в тот период в качестве субъектов федерации – союзных республик, прежде всего прибалтийских. Причем эти противоречия были уже слишком глубокими для того, чтобы быть разрешенными в рамках существовавших в то время советских политико-правовых институтов, которые уже продемонстрировали свою неадекватность с точки зрения прибалтийских республик. Закон был принят «вдогонку» за объявлением двумя союзными республиками о своей независимости[4], и хотя он представлял собой альтернативу силовому удержанию союзных республик в составе СССР (которое тоже предпринималось, что оттенило неготовность союзного руководства к «цивилизованному разводу» и также стимулировало сецессию), развитие исторической ситуации было таково, что он не применялся на практике для урегулирования выхода союзных республик, и распад СССР произошел на основе других нормативных актов. Но, хотя этот Закон не применялся на практике и утратил силу, он до сих пор является предметом научной дискуссии, причем, как будет показано далее, по нему высказываются различные точки зрения.

В тех исторических условиях, в которых он принимался, Закон оказался недостаточно сильным и убедительным правовым инструментом, который мог бы соответствовать ожиданиям союзных республик. Определяющую роль в этом сыграли ошибки и тактические просчеты руководства СССР, во многом ускорившие деструктивные процессы, но это не снимает и вопрос об особенностях данного акта, его дефектах и пробелах, в силу которых он не смог обеспечить решения региональных проблем и эффективно урегулировать вопросы сецессии. Анализ этих аспектов Закона представляет как практический (в качестве осмысления исторических ошибок), так и теоретический интерес, поскольку опыт правового регулирования и порядка осуществления сецессии, и ее запрещения, крайне мал, он стал формиро-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00418 «Теоретические основы правовых механизмов предотвращения сецессии».

[2] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. – № 15. Ст. 252.

[3] Лексин И.В. Конституционно-правовые проблемы территориального устройства современного государства (особенности России и зарубежный опыт). Автореф. дисс…доктора юрид. наук. – М., 2013. – С. 39.

[4] 11 марта 1990 г. Акт о независимости был принят Верховным Советом Литовской ССР, 30 марта 1990 г. – Верховным Советом Эстонской ССР. См.: Ведомости Верховного Совета и правительства Литовской Республики. 1990. – № 9. Ст. 222; Ведомости Верховного Совета и правительства Эстонской ССР. 1990. – № 12. Ст. 180.

ваться в СССР только в XX в, а в других странах (КНР, Канада) – в XXI в., а советский законодатель оказался первопроходцем в этой области.

Как представляется, дефектность данного акта состояла, прежде всего, в неадекватности представленного в нем регулирования той исторической ситуации, в которой он разрабатывался и был принят. В условиях уже состоявшегося принятия двумя прибалтийскими республиками актов о независимости, т.е. при наличии попытки правового оформления сецессии со стороны республик, на сколько-нибудь эффективное союзное правовое регулирование выхода из СССР можно было рассчитывать только при его компромиссном, «консенсусном» характере и изложении в максимально гибких, доброжелательных и недирективных формулировках. Однако в Законе применена традиционная советская директивная законодательная техника с безальтернативными решениями, мелочными ущемлениями прав союзных республик и их отстранением от решения вопросов, которые они должны были сами решать по смыслу ст. 72 Конституции СССР, т.е. не дающая союзным республикам возможность рассматривать себя в качестве равноправных субъектов решения вопроса о сецессии, свободно реализующих свое право выхода. Об этом свидетельствовали такие положения Закона как решение о выходе «свободным волеизъявлением народов союзной республики» на референдуме (ст. 2) только как начало «забега с многочисленными препятствиями»[1] на протяжении пяти лет и с возможностью отмены его результатов по итогам повторного референдума (ст. 19); оговорка о недопустимости агитации во время голосования (ст. 2), хотя это было одним из вполне урегулированных положений союзного законодательства о выборах при отсутствии упоминания о том, какие именно вопросы референдума урегулирует союзная республика; решение вопроса о присутствии во время референдума на территории союзной республики наблюдателей – уполномоченных представителей Союза ССР, союзных и автономных республик, автономных образований Верховным советом СССР по согласованию с Верховным Советом союзной республики без указания о том, в каком случае может союзная республика отказаться от их присутствия, и как будет решаться вопрос в этом случае (т.е. безальтернативный вариант), а в отношении представителей ООН – вообще без ее согласия (ст. 5); назначение повторного референдума в случае признания нарушения законодательства Верховным Советом СССР без какой-либо оговорки об учете мнения самой союзной республики по этому вопросу и механизме выявления указанных нарушений (как и указания на то, какие именно нарушения будут признаны значимыми применительно к такого рода референдуму) и т.д.

В конкретной исторической ситуации 90-х годов данный подход не создавал подходящую атмосферу для решения региональных и общесоюзных проблем. Скорее всего, сказалось отсутствие нацеленной на достижение компромиссов правовой культуры, привычка руководства СССР к командному тону в проблемных ситуациях с союзными республиками, дефицит политической гибкости и отгороженность элиты от реально происходящих в стране процессов. Так или иначе, но эти политические причины, связанные с особенностями советской правовой культуры, и индивидуальные черты и намерения конкретных представителей советской политической элиты, инициировавших и разрабатывавших данный законопроект, привели к тому, что нужный тон и формат правового акта не был найден, а это было одним из ключевых моментов успешности применения данного правового акта.

Другой крупный дефект правового регулирования в данном Законе был связан с тем, что при его разработке законодатель вышел за рамки Конституции СССР 1977 г. В этом проявилось пренебрежительное в целом отношение к конституционному регулированию, которое официально прямо не высказывалось в советский период (наоборот, Конституция СССР 1977 г. превозносилась советской пропагандой как непревзойденный образец прогрессивного конституционного регулирования мирового масштаба и являлась в этом смысле важной частью пропагандистского арсенала), но на практике оно проявлялось в том, что рамки конституционного регулирования и конкретное наполнение конституционных норм определялись не в самой Конституции, а на уровне текущего законодательства или даже служебными инструкциями. Этот удобный для политической элиты «перевертыш» иерархической пирамиды нормативных актов позволял в зависимости от сиюминутных интересов трактовать положения Конституции то слишком узко, то неоправданно широко. В сочетании с отсутствием системы конституционного контроля и наличием партийного руководства такой прием превращал верховенство Конституции в фикцию.

Если же исходить из официально признаваемого в советской правовой теории принципа верховенства Конституции в правовой системе, именно ст. 72 Конституции СССР 1977 г., сохранявшая за каждой союзной республикой право свободного выхода из СССР, должна была предопределять границы правового регулирования, идеологические и правовые рамки для концепции Закона о механизме решения вопросов, сопутствующих выходу из СССР, с которыми должны были считаться разработчики Закона.

Из содержания ст. 1 Закона, предусматривающей, что «порядок решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР в соответствии со статьей 72 Конституции СССР, определяется настоящим Законом», в принципе должно было следовать, что в силу статьи 72 Конституции СССР Закон практически не мог (или мог лишь в самой минимальной степени) определять механизм принятия решения о выходе республики из СССР (поскольку по Конституции это был свободный выбор союзной республики), но был призван определять порядок решения вопросов, связанных с выходом, то есть урегулировать проблемы, вытекающие из решения о выходе. Однако в ряде статей Закона содержались нормы, определяющие механизм самого принятия решения республики о выходе. Так, в ст. 2 Закона был установлен общий порядок принятия решения о выходе союзной республики из СССР: такое решение принимается путем референдума, проводимого в порядке, определяемом Законом СССР, Законом союзной, автономной республики о референдуме, если их положения не противоречат Закону (при этом в ст. 2 Закона были определены субъекты, которые вправе инициировать референдум и принять решение о проведении референдума); референдум

[1] Treiman J. The Soviet Secession Law is sham // Lituanus. Lituanian quarterly journal of arts and sciences. 1990. – Vol. 36, N 3. – http://www.lituanus.org/1990_3/90_3_07.htm

проводится тайным голосованием не ранее чем через шесть месяцев и не позднее чем через девять месяцев после принятия решения о постановке вопроса о выходе союзной республики из СССР; в референдуме вправе участвовать все граждане СССР, постоянно проживающие на территории республики и имеющие право голоса согласно законодательству СССР, во время проведения голосования какая-либо агитация не допускается. В ст. 3 Закона оговаривалась необходимость отдельного подсчета голосов на территории автономий, входящих в состав союзной республики, по каждому автономному образованию. Кроме того, здесь же было установлено правило о том, что в союзной республике, на территории которой имеются места компактного проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности, при определении итогов референдума результаты голосования по данным местностям учитываются отдельно. Одним из ключевых положений Закона являлась норма ст. 6, согласно которой решение о выходе республики из СССР считается принятым посредством референдума, если за него проголосовало не менее двух третей граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики, имеющих к моменту постановки вопроса о выходе из СССР право голоса согласно законодательству СССР.

К оценке соответствия приведенных положений Закона конституционному принципу права свободного выхода союзных республик из СССР можно подойти с разных позиций. Если рассматривать изолированно содержание ст. 72 Конституции СССР вне иного (в том числе международно-правового регулирования), в своей совокупности приведенные положения в целом не укладывались в рамки гарантированного союзным республикам права на свободу выхода, подразумевающего свободное определение республиками процедуры принятия решения о выходе. Детальное определение в Законе механизма принятия решения о выходе противоречило подразумеваемому праву союзных республик разрабатывать собственные правовые акты, учитывающие политические, правовые, национально-территориальные и иных аспекты механизма принятия соответствующего решения. В то же время оценка данных норм с учетом иных конституционных и международно-правовых положений о праве наций на самоопределение (и праве народов распоряжаться своей судьбой – ст. 29 Конституции СССР 1977 г.), о гарантиях прав национальных меньшинств, о референдуме, положения ст. 2-6 Закона могли бы трактоваться (и на это явно рассчитывал советский законодатель) как напоминание о необходимости соблюдения относящихся к данной ситуации конституционных и международно-правовых требований о необходимой представительности решения о выходе и об учете при принятии такого решения интересов автономных сообществ и национально-территориальных общин. В этом отношении можно признать допустимым включение в Закон норм о самой необходимости проведения референдума, об обеспечении права участвовать в референдуме всем гражданам СССР, постоянно проживающим на территории республики и имеющим право голоса согласно законодательству СССР, о необходимости учета мнения автономий и компактно проживающих национальных групп. Вместе с тем, форма, в которой соответствующие положения были изложены в Законе, не укладывается в основной конституционный принцип свободы выхода. Императивный характер соответствующих положений, отсутствие указаний на то, что Закон определяет лишь общие принципы подхода к принятию решений, а детальный механизм принятия решений и обеспечения учета интересов территориальных общин может быть установлен лишь законодательством союзных республик, серьезно искажали указанный конституционный принцип. Попытка выработать в Законе универсальные требования по обеспечению учета интересов при проведении референдума к различным по своей природе ситуациям была изначально обречена на неудачу, поскольку при наличии в составе союзных республик автономных республик необходимо было обеспечить определенные гарантии государственного статуса автономных республик и реализации ими права на самоопределение, в то время как при наличии компактно проживающих национально-территориальных общностей речь могла идти преимущественно о гарантиях сохранения национально-культурных прав.

Дефектной в этом смысле являлась и норма ст. 3 Закона, предоставляющая автономиям право выхода. Она устанавливала, что «за народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе». В ст. 72 Конституции СССР 1977 г. говорилось только о союзных республиках. Соответственно, для того, чтобы такое регулирование было допустимым на уровне текущего законодательства, необходимо было сначала внести изменения и дополнения в Конституцию СССР, а уже потом урегулировать вопрос в Законе, в противном случае данные положения Закона становились неконституционными.

Крупным дефектом законодательного регулирования является разрыв между декларируемыми целями и задачами регулирования права выхода союзных республик из состава СССР в анализируемом Законе и реально преследуемыми целями, о которых свидетельствуют применяемые правовые инструменты и законодательно-технические приемы. Формально целью принятия Закона было регулирование процесса выхода республик, фактически – затягивание этого процесса с перспективой его приостановления на годы и даже десятилетия (в частности, устанавливался запрет на повторное проведение референдума не ранее чем 10 лет – ст. 10 Закона). В этом плане в российской литературе Закон достаточно подробно проанализирован, и выводы юристов отличаются только оттенками оценок: так, по мнению И.В. Лексина «порядок такого выхода сводил вероятность последнего к минимуму»[1], а П.П. Кремнев отмечает не только длительность процедуры выхода республики из Союза ССР по Закону (около шести лет), но «труднодостижимость»[2], а также обращает внимание на то, что «его процедура могла быть заблокирована на основе положений

[1] Лексин И.В. Сецессия территориальных образований: правовые риски и механизмы защиты // Государство и право. – М., 2014. – № 2. – С. 9.

[2] Кремнев П.П. Международно-правовые проблемы, связанные с распадом СССР. Автореф. дисс… докт. юрид. наук. – М., 2000. – С. 26.

законодательства о референдуме СССР»[1]. Естественно, напрашивается вывод, что, скорее всего, законодатель преследовал иную цель, чем та, которая декларировалась, поэтому, например, А.А. Мелик-Шахназаров полагает, что «страх перед распадом СССР заставил Кремль предпринять шаги по предупреждению или ограничению возможных действий союзных республик, направленных на выход из состава Союза»[2], этот автор включает в число таких ограничений союзных республик данный Закон.

Помимо приведенных выше, в Законе имелись и другие, менее «глобальные», но в не меньшей степени влияющие на эффективность правового регулирования данного акта дефекты: забюрократизированность процедур, связанных с решением в переходный период вопросов, затрагивающих различные заинтересованные стороны в процессе выхода; возможность отмены даже успешных переговорных процессов путем проведения повторного референдума в последний год переходного периода по инициативе высшего органа государственной власти выходящей республики или в обязательном порядке по требованию одной десятой части граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики (ст. 19 Закона); завязанность окончательных решений исключительно на центральные органы власти СССР в сочетании с отсутствием альтернативных путей решения вопросов и возможности привлечения независимых экспертов для их поиска и др.

Дефектность Закона усиливало наличие в нем многочисленных пробелов. Самая бросающаяся в глаза и вызвавшая оживленную, продолжающуюся до сих пор дискуссию лакуна состоит в пробельности регулирования права автономных республик на самоопределение вплоть до отделения (ст. 3). Ранее было указано, что законодатель, строго юридически, не мог включить такую норму в Закон без предварительного изменения самой Конституции, поскольку без такого изменения норма Закона была неконституционной. Хотя в отсутствие в советской системе конституционного контроля (в сочетании с партийным диктатом) указать законодателю на это было некому, но квалификация участников создания Закона позволяла понимать это обстоятельство и действовать вполне сознательно. В современной российской правовой литературе данная ситуация нередко трактуется иным образом, а именно, как допустимость применения его положений о выходе к автономиям[3].

Но, как представляется, это имело бы место в том случае, если бы законодатель, находясь в конституционно-правовом поле, захотел расширить конституционное регулирование статуса автономных республик. На самом деле особенности регулирования Законом этой группы общественных отношений позволяют предположить, что намерения предоставить автономиям право выхода у создателей данного акта отсутствовало также, как отсутствовало и желание позволить отделиться союзным республикам. Если бы автономии рассматривались как реально значимые участники процесса выхода, то в данном Законе были бы раскрыты иные последствия отдельного учета голосов автономий при голосовании на референдуме, кроме расплывчатых упоминаний об учете их интересов в ст. 6-8, 11 и др., но Закон хранит об этом молчание. Более того, поскольку в ст. 3 было установлено, что референдум проводится отдельно по каждой автономии и что за народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно правовом статусе, то при наличии намерения урегулировать данные права законодатель должен был включить, по крайней мере, три варианта последствий результатов такого голосования, однако он оставил этот вопрос открытым. Отсутствует в Законе и какая-либо оговорка о распространении установленного для союзных республик и весьма сложного порядка решения вопросов об отделении на автономии.

Как представляется, пробел в регулировании относительно судьбы автономий выглядит логичным и осознанным, если рассматривать упоминание об автономиях в момент, когда отделяться собрались прибалтийские республики, в которых их не было (другие союзные республики еще не ставили вопрос об отделении), как отвлекающий маневр для намерения использовать компактно проживающие национальные группы нетитульной национальности (которые в них имелись) и задействовать их в процессе противодействия выходу. Конкретное решение вопроса о том, как определить места компактного проживания национальных групп оставалось бы за СССР, что открыло бы его руководству еще одну возможность для затягивания процесса выхода республик, а территория отделившейся и независимой республики могла бы потенциально превратиться по остроумному замечанию одного западного критика в нечто, напоминающее «балтийский швейцарский сыр» с «дырками», включающими их столицы[4] с вытекающими отсюда препятствиями для отделения. Неизвестно, воспользовалось бы этой возможностью советское руководство, но Закон ее создавал. В этом случае просматривается логика привлечения автономий в Законе, поскольку проигнорировав автономии, нельзя было упомянуть о компактно проживающих меньшинствах.

Пробельным является и регулирование в Законе вопросов о защите прав граждан, не переселившихся в республики их титульной нации после выхода союзной республики из состава СССР. В ст. 16 Закона устанавливалось, что «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными обязательствами СССР выходящая республика обеспечивает гражданские, политические, социальные, экономические, культурные и иные права и свободы гражданам СССР, которые остаются проживать на ее территории, без какой либо дискриминации по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения места и времени рождения». На первый взгляд это повторе-

[1] Кремнев П.П. Указ. соч., с. 7.

[2] Мелик-Шахназаров А.А. Выход НКР из Азербайджанской Республики в 1991 г. // Постсоветские исследования. Т. 1. 2018. – № 2. – С. 144.

[3] Мелик-Шахназаров А.А. Указ. соч., с. 142–149; Хасанов А.А. Международно-правовые аспекты признания Южной Осетии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – М., 2018. – № 1. – С. 140–146 и др.

[4] Treiman J. Op. cit.

ние общепризнанных норм международного права, но эта статья сформулирована как директива на будущее выходящей республике, т.е. по сути несуществующему субъекту, поскольку относится к ситуации независимого государства, вышедшего из состава СССР, а давать такого рода указания независимому государству как минимум странно и некорректно. Соответственно, в данном случае имело смысл как минимум обозначить некий правовой механизм, действующий на договорной основе, который позволил бы эффективно защитить права остающихся на территории республики граждан нетитульной национальности и обеспечить плодотворное взаимодействие с соотечественниками, либо (как вариант) включить положение о необходимости создать такой механизм, однако этого в Законе нет.

Следует отметить, что не только отдельные положения Закона вызывают дискуссию, но и общие оценки Закона в целом как нормативного акта, нацеленного на регулирование вопросов выхода, в современной литературе диаметрально противоположны. Так, В.Д. Дзидзоев, перечислив положения Закона о выходе, делает вывод о том, что «советские законодатели предусмотрели все необходимые условия для цивилизованного выхода республики из состава СССР и обретения суверенитета»[1]. По мнению же, например, молдавского автора Н. Штански, наоборот, «распад СССР, будучи крупнейшим геостратегическим изменением конца XX века, сопровождался правовой неурегулированностью выхода союзных республик из состава единого государства»[2].

Во многом, как представляется, это определяется описанными выше и иными, оставшимися за рамками данной работы особенностями данного Закона, его дефектами и имеющимися в нем пробелами. Тем не менее, следует подчеркнуть, что сама попытка правового, а не силового решения вопроса, явилась шагом вперед, к сожалению, запоздалым.

[1] Дзидзоев В.Д. Политико-правовое противостояние Грузии с Абхазией и Южной Осетией (конец 80-х XX в. – август 2008 г. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Серия: Общественные науки. 2014. – № 2. – С. 144.

[2] Штански Н. Особенности урегулирования «конфликтов идентичности»: Казус Приднестровья // Международные процессы. – М., 2014. – № 1–2 (36–37). – С. 34.

Андрианов В.Д.
д.э.н., академик РАЕН, Заслуженный экономист России, профессор МГУ
andrianov_vd@mail.ru

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: *стратегия, стратегическое управление, стратегическое планирование, система сбалансированных показателей, ключевые показатели эффективности, стратегическая карта, финансовые институты развития, государственная цифровая платформа, мониторинг реализации стратегии.*

Keywords: *strategy, strategic management, strategic planning, balanced scorecard, key performance indicator, strategic map, financial institutions for development, state digital platform, monitoring the implementation of the strategy.*

Как показывает мировой опыт, ни одна волна динамичного экономического роста, в том числе наиболее мощная волна «новых индустриальных стран Азии» не поднялась бы без использования **практики стратегического управления и долгосрочного планирования на государственном уровне.**

Известный английский экономист сэр Джон Ричард Хикс (1904–1989), типичный представитель неокейнсианства, в 1972 г. получил Нобелевскую премию по экономике «за новаторский вклад в общую теорию равновесия и теорию благосостояния».

На основании тщательного эконометрического анализа природы экономических циклов в работе «Капитал и экономический рост» (1965 г.) он констатировал: «Экономические подъемы начинаются только тогда, когда хозяйствующие субъекты определяют планы своего развития и начинают их реализацию»[1].

Таким образом, кризис заканчивается тогда, когда исполнительная власть, бизнес-сообщество и простые граждане страны ясно понимают, что им делать и начинают действовать совместно, достигая синергетического эффекта.

Совершенно очевидно, что невозможно устойчиво и динамично развиваться **без определения стратегических целей,** в противном случае возможен лишь спонтанный хаотичный рост, который на протяжении последних двух десятилетий мы наблюдаем в экономике России.

Поэтому для перехода на модель устойчивого развития необходима долгосрочная Стратегия социально-экономического развития России. Отсутствие такой стратегии сдерживает переход России на траекторию динамичного роста и модернизацию экономической структуры экономики.

Стратегия является базовым документом стратегического планирования и управления, содержащим систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации.

Стратегия должна разрабатываться с целью формирования научно обоснованных представлений о перспективном облике страны, создания предпосылок для консолидации ресурсов и координации взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, субъектов бизнеса и институтов гражданского общества для обеспечения достойного уровня и качества жизни граждан России.

Стратегия – руководство к действию, средство координации усилий гражданского общества и государственной власти, обеспечения преемственности решений. С точки зрения реализации этих функций и оценивается ее качество.

Стратегия социально-экономического развития – выбор цели и целевых показателей

Как показывает мировой опыт, эффективность разработки и реализации стратегии экономического развития во многом зависит:

- от правильного выбора основных стратегических целей на долгосрочную перспективу;
- постановки, вытекающих из стратегических целей конкретных, приоритетных тактических задач;
- наличия материальных, трудовых и финансовых ресурсов, необходимых для достижения определенных стратегических ориентиров;
- разработки долгосрочных государственных, отраслевых и региональных планов и программ по достижению стратегических целей;
- наличия механизмов реализации стратегии в виде финансовых и нефинансовых институтов развития, их эффективного функционирования по реализации масштабных национальных инвестиционных проектов;

[1] Аукуционек С.П. Модель Джона Хикса. Современные буржуазные теории и модели цикла: критический анализ. – М.: Наука, 1984. – 223 с.

• адекватной системы мониторинга и контроля за ходом реализации стратегии и механизмов корректировки целевых показателей в зависимости от внутренних и внешних условий.

Исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития России ставит важную задачу осуществления модернизации экономики на инновационной основе. Формирование новой модели развития – это императив, который задается как внутренними задачами, так и глобальными трендами.

В этой связи основной стратегической целью в долгосрочной перспективе должно стать создание социально ориентированного государства с устойчивой, динамичной инновационной экономикой.

Для достижения этой цели в России необходимо начать формирование модели социального рыночного хозяйства, которая обладает огромным научным и практическим потенциалом.

Эта весьма динамичная модель способна к адаптации по мере изменения экономической ситуации и соотношения между функциями государства и рынка.

Такая модель позволит синтезировать гарантированную государством экономическую свободу в рыночной экономике с идеалами социального государства, связанными с социальной защищенностью и социальной справедливостью.

Создание модели социального рыночного хозяйства, успешное решение наиболее острых социальных проблем и кардинальная реформа пенсионной системы будут способствовать реальному росту благосостояния граждан России в долгосрочной перспективе.

В новой Стратегии развития России до 2030 г. для граждан России можно предложить вполне осязаемые стратегические цели, а именно, ликвидация бедности, создание среднего класса и удвоение реальных доходов населения, значительное повышение качества жизни.

Для достижения основных стратегических целей необходимо обеспечить решение следующих важных первоочередных задач:

• создать систему стратегического управления экономическим развитием;

• возродить на новых цифровых платформах и технологиях систему долгосрочного (10-20 лет) и среднесрочного (3–5 лет) экономического планирования;

• диверсифицировать и модернизировать экономику на инновационной основе и повысить ее глобальную конкурентоспособность;

• понизить энергоемкость экономики и повысить ее энергоэффективность;

• существенно улучшить деловой и инвестиционный климат;

• кардинально сократить масштабы коррупции во всех сферах экономики, в структурах законодательной и исполнительной власти, судебных и правоохранительных органах;

• повысить качество и эффективность государственного управления;

• ликвидировать бедность, снизить уровень дифференциации доходов населения, способствовать формированию среднего класса;

• повысить экологическую ответственность и устойчивость экономического развития.

Обоснованная и понятная модель экономического развития страны с конкретными стратегическими приоритетами и ориентирами, целевыми показателями не только облегчит принятие Стратегии развития России гражданским обществом, но и позволит значительно повысить эффективность государственного управления[1].

Основные элементы и инструменты стратегического управления и планирования

Стратегия должна быть не только логически стройной, но и практически реализуемой. В настоящее время в мировой практике стратегического управления наиболее эффективным инструментом реализации стратегии является система сбалансированных показателей (ССП).

Система сбалансированных показателей устойчивого развития

Система сбалансированных показателей (ССП) позволяет увязать стратегические цели и основные показатели, измеряющие степень их достижения. С помощью ССП можно определять и отслеживать причинно-следственные связи и зависимость между основными финансовыми и нефинансовыми показателями.

Для успешного проведения экономической политики государству необходима **«приборная панель»,** которая давала бы правильные ориентиры выбранному социально-экономическому курсу.

Поэтому автор предлагает разработать систему сбалансированных показателей устойчивого развития (ССП) для управления экономическими процессами. Указанная система могла бы объединить четыре группы показателей – макроэкономические, институциональные, социальные, и экологические.

Мировой опыт свидетельствует, что механизм ССП может применяться для организации стратегического управления на различных уровнях:

• корпоративном;

• ведомственном;

• муниципальном;

[1] Андрианов В.Д. Концептуальные подходы к разработке стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 г. // Общество и экономика. – М., 2016. – № 7. – С. 5–35.

- региональном;
- страновом.

Таким образом, система сбалансированных показателей устойчивого развития должна использоваться как важный инструмент системы стратегического управления социально-экономического развития России на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Только при этом условии ССП станет эффективным инструментом долгосрочного и текущего планирования развития экономики России.

При наличии стратегии социально-экономического развития руководство страны с помощью ССП получит возможность контролировать достижение стратегических целей развития национальной экономики.

Система сбалансированных показателей устойчивого развития позволит обеспечить контроль за достижением установленных индикаторов, **увязать бюджетный процесс с планами и результатами развития отраслей и регионов России,** оценить реальную эффективность экономической политики государства.

Само название системы отражает то равновесие или баланс, который может быть сформирован и достигнут между:

- долгосрочными и краткосрочными целями стратегии;
- финансовыми и нефинансовыми показателями, основными и вспомогательными индикаторами;
- показателями верхнего и нижнего иерархического уровней стратегии;
- внутренними и внешними источниками и факторами реализации стратегии.

Очевидно, невозможно достичь того, что нельзя измерить. Поэтому для реализации поставленных стратегических задач должны быть определены и таргетированы основные целевые показатели устойчивого социально-экономического развития России.

Для наполнения ССП конкретным содержаниям необходимо определить ключевые показатели эффективности (КПЭ), а для их визуализации разработать стратегическую карту. Стратегическая карта и КПЭ являются основными элементами системы стратегического управления в целом.

Ключевые показатели эффективности (КПЭ)

При выборе ключевых показателей эффективности, включаемых в ССП устойчивого развития, необходимо иметь ввиду, что они должны соответствовать следующим критериям:

- быть относительно простыми и однозначными в толковании и интерпретации;
- иметь оптимальные, пороговые, критические значения для сравнения и контроля за ходом их выполнения;
- иметь возможность осуществлять их сравнительную оценку во временной динамике;
- быть обновляемыми на регулярной основе;
- быть сопоставимыми на федеральном и региональном уровнях.
- быть репрезентативными для международных сопоставлений;
- иметь возможность быть включенными в экономико-информационные системы, специализированные базы данных;
- использоваться в построении математических моделей и системы прогнозирования;

Ключевые показатели эффективности в ССП должны быть измеримы и формализованы в единой системе отчетности.

Их количество должно быть ограничено. Невозможно принимать эффективные управленческие решения на основании анализа слишком большого количества показателей. КПЭ могут быть объединены в рамках пяти разделов:

- диверсификация экономики на инновационной основе;
- институциональное развитие;
- социальная трансформация;
- экологическая ответственность и энергоэффективность экономики.

Для достижения стратегических целей и задач социально-экономического развития России до 2030 г. автором определены следующие показатели эффективности устойчивого развития.

Таблица 1

Ключевые показатели эффективности устойчивого развития экономики России на период до 2030 г.

Задачи	Название показателя	Ед. изм.	2013 г.	2014 г.	2020г. Целевые показатели	2030г. Целевые показатели	Ответственный ФОИВ
1	2	3	4	5	6	7	8
Макроэкономическая и финансовая устойчивость	Темп прироста ВВП	%	1,3	0,6	3,0–4,0	4,0–5,0	МЭР др. ФОИВ
	Темп прироста производительности труда	%	1,8	0,9	2,0–3,0	4,0–5,0	МЭР др. ФОИВ
	Уровень инфляции	%	6,5	11,4	5,0–6,0	4,0–5,0	Минфин, ЦБ
	Пределы колебания курса рубля	% (в месяц)	5,9	6,5	3,0–4,0	2,0–3,0	Минфин, ЦБ
	Предельный размер дефицита федерального бюджета	% ВВП	0,5	1,4	не более 3,0	не более 3,0	Минфин
	Размер государственного долга	% ВВП	11,3	14,5	не более 30,0	не более 30,0	Минфин

1	2	3	4	5	6	7	8
	Объем международных резервов	% ВВП	25,0	18,9	20,0	30,0	Минфин, ЦБ
	Уровень монетизации экономики	% ВВП	47,1	44,9	70,0–80,0	90,0–100,0	Минфин, ЦБ
Диверсификация и модернизация экономики на инновационной основе	Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП	% ВВП	7,8[1]	8,0[1]	9,0–10,0	10,0–15,0	МЭР Минпромторг
	Доля машинотехнической продукции в общем объеме экспорта	%	5,5	5,3	7,0–8,0	10,0–15,0	МЭР Минпромторг
	Индекс инновационности экономики	индекс	37,2	38,2	40,0	45,0–50,0	Минпромторг, МЭР, Минобрнауки
		место в рейтинге	67	65	60–50	40-30	
	Количество созданных высокопроизводительных рабочих мест	млн. человек	1,1	0,8	2,0–3.0	4,0-.0	Минпромторг, Минсоцтруд МЭР
	Доля расходов на НИОКР в ВВП (открытая часть бюджета)	% ВВП	1,13	1,20	2,0–3,0	3,5–4,0	Минфин, Минпромторг МЭР
	Уровень конкурентоспособности национальной экономики*	индекс	4,2	4.4	4,4–4,5	4,7–4,5	МЭР др. ФОИВ
		место в рейтинге	67	53	45–50	30–40	
Институциональное развитие	Индекс экономической свободы	индекс	51,1	51,9	57,6	59,6	МЭР, ФАС России
		место в рейтинге	139	140	110–120	90 – 100	
	Уровень развития конкурентной среды						МЭР, ФАС России
		место в рейтинге	42	45	25–30	20–25	
	Условия комфортности ведения бизнеса	место в рейтинге	92	62	60–55	50–40	МЭР, др. ФОИВ
	Индекс качества и эффективности государственного управления	персентиль	40,7	41	не менее 50	не менее 60	МЭР, др. ФОИВ Минкомсвязи, МЭР
	Рейтинг по уровню развития электронного правительства	место в рейтинге	27	27	20–25	10–15	
	Уровень восприятия коррупции	балл	28	27	30–40	40–50	МЭР, др. ФОИВ
		место в рейтинге	127	136	110–120	90–100	
Социальная трансформация	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	%	11,1	12,1	8,0–9,0	6,0–7,0	Минсоцтруд др. ФОИВ
	Дифференциация доходов населения**	коэфф. Джинни	0,418	0,401	0,350–0,370	0,330–0,340	Минсоцтруд др. ФОИВ,
		КДФ	16,2	16,9	16,0–16,5	14,0–15,0	
	Уровень общей безработицы	%	5,5	5,2	4,0–5,0	3,0–4,0	Минсоцтруд, др. ФОИВ
	Уровень качества жизни (Индекс человеческого развития)	индекс	0,788	0,786	0,817	0,840	Минсоцтруд, Минздрав
		место в рейтинге	55	57	40–50	30–40	
Экологическая ответственность и энергоэффективность экономики	Индекс экологической эффективности	удалено					Минприроды, Минэнерго,
		место в рейтинге	34	32	20–30	15–20	
	Индекс загрязнения окружающей среды	балл	76,0	76,5	60–70	50–60	Минприроды, Минэнерго
	Энергоемкость экономики	снижение (%)	–	33,4***	13,5	10–12	Минэнерго МЭР,

* Индекс глобальной конкурентоспособности по версии Всемирного экономического форума (ВЭФ)

** Индекс концентрации доходов (коэффициент Джинни); Коэффициент дифференциации доходов (КДФ – Децильный коэффициент фондов)

*** Реальный темп снижения энергоемкости экономики за период с 2000 по 2010 гг. (по данным Минэнерго России).

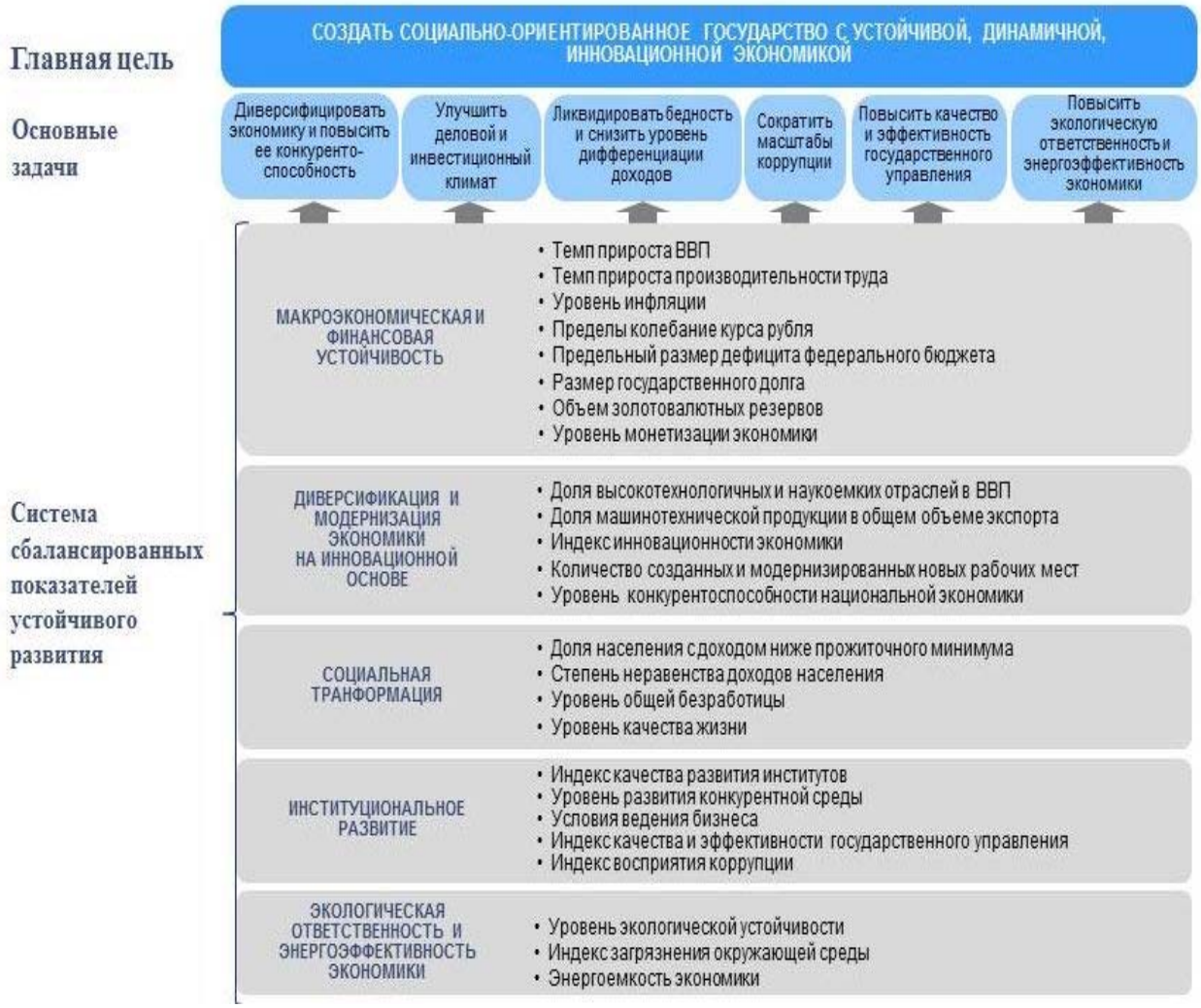

Рисунок 1.
Стратегическая карта развития экономики России на период до 2030 г.

Целевые показатели на 2020 г. и 2030 г. прогнозируются автором экспертным путем с учетом различных официальных прогнозов социально-экономического развития России, прогнозов международных финансовых организаций и специальных аналитических исследований[1].

Снижение энергоемкости экономики в период до 2020 г. прогнозируется на уровне 13,5%[2].

После определения и утверждения КПЭ устойчивого развития необходимо для каждого из них сформировать индивидуальный паспорт, содержащий ряд параметров рассматриваемого показателя:

- наименование (или код);
- единица измерения;
- периодичность и условия определения значений;

[1] Источники: 1. Global Innovation Index, Cornell University, – INSEAD, and WIPO (2013): The Global Innovation Index 2014: The Local Dynamics of Innovation. – Geneva, Ithaca, and Fontainebleau.

2. Global Competitiveness Index – The Global Competitiveness Report 2013–2014, World Economic Forum. – Geneva, 2014.

3. Quality of Life Index – International Living's Annual Quality of Life Index 2014.

4. Voice and accountability – The Worldwide Governance Indicators, 2013 Update, World Bank, 2013.

5. World Competitiveness Scoreboard – World Competitiveness Yearbook 2014, IMD. – Lausanne, 2014.

6. Innovation and sophistication factors – The Global Competitiveness Report 2013–2014, World Economic Forum. – Geneva, 2014.

7. Doing Business – World Bank. Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. – Washington (DC), 2014.

8. Government Effectiveness – The Worldwide Governance Indicators, 2014 Update, World Bank, 2013, 2014.

9. Corruption Perception Index – Corruption Perception Index 2014, Transparency International. – Berlin, 2013, 2014.

10. Environmental Performance Index. – 2012 Environmental Performance Index and Pilot Trend Environmental Performance Index. – New Haven: Yale Center for Environmental Law and Policy, 2014.

11. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want.

12. Pollution Index Country 2014, 2015, 2016.

13. Human Development Report 2013, 2014.

14. Index of Economic Freedom, 2013. 2014, 2015, 2016.

15.Федеральная служба государственной статистики (Госкомстат), официальный сайт.

[2] Источник: Выступление Президента РФ Путина В.В. на климатической конференции ООН в Париже 30 ноября 2015 г.

- описание и методика расчета;
- источники информации;
- порядок сбора информации и расчета значений;
- список отчетных форм, в которых используется показатель;
- министерство (ведомство) или организация, ответственные за определение значений и выполнение показателя;
- стратегические инициативы (государственные программы, федеральные целевые программы, проекты, мероприятия), направленные на достижение целевого значения показателей.

После утверждения ключевые показатели эффективности устойчивого развития экономики России на период до 2030 г. должны быть декомпозированы на уровень министерств и ведомств и доведены до сведения региональных и муниципальных властей.

За достижение целевых значений КПЭ **персональную ответственность должен нести руководитель соответствующего министерства или ведомства.**

Система сбалансированных показателей устойчивого развития позволит обеспечить контроль за достижением установленных индикаторов, увязать бюджетный процесс с планами и результатами развития отраслей и регионов России, оценить реальную эффективность экономической политики государства.

Стратегическая карта

Важным элементом в современной системе стратегического управление является стратегическая карта.

Стратегическая карта служит для визуализации стратегии путем декомпозиции стратегических целей и основных задач по важнейшим аспектам деятельности, объединенным причинно-следственными связями[1].

Разработка ССП и построение стратегической карты обусловлены необходимостью выделения наиболее важных для реализации стратегии целей и соответствующих КПЭ, достижение которых должно быть заложено в систему долгосрочного и среднесрочного планирования и контроля развития экономики России.

Как правило, каждой цели, обозначенной на стратегической карте, соответствует один или несколько **ключевых показателей эффективности,** обеспечивающих возможность измерения и мониторинга степени достижения указанной цели стратегии.

Совершенствование механизмов государственного регулирования и стратегического управления экономикой

Как говорил один из классиков современного менеджмента Питер Друкер: «Нет бедных и богатых стран, а есть плохо и хорошо управляемые страны»[2].

Государственное управление эффективно, если оно обеспечивает стабильность и поступательное социально-экономическое развитие. Уровень развития и эффективность функционирования институтов государственной власти является значимым элементом **«организационного капитала»** каждой страны, который стал важным фактором национальной и глобальной конкурентоспособности.

Среди основных принципов совершенствования организации системы стратегического управления экономикой России можно выделить следующие:

- системный подход к разработке и реализации стратегии, основанный на современных теориях, технологиях и практики в области стратегического управления;
- институционализация и правовая формализация процесса стратегического управления;
- автоматизация процесса стратегического управления;
- связь стратегического и оперативного уровней управления посредством ССП, преемственность целей и КПЭ на всех уровнях управления;
- интеграция с другими системами управления и их «настройка» на реализацию стратегии;
- персональная ответственность руководителей федеральных и региональных органов исполнительной власти за достижение стратегических целей.

Институты стратегического управления государством должны стать тем стержнем, вокруг которого формируется и развивается деятельность органов государственной и исполнительной власти.

Задача органов государственной власти – разработать и утвердить стратегию долгосрочного устойчивого социально-экономического развития России[3], составными элементами которой станут:

- долгосрочный экономический прогноз развития России;

---

[1] Стратегическое управление в зарубежных финансовых институтах развития / Под ред. В.Д. Андрианова. – М.: Консалтбанкир, 2012.

[2] Drucker P.F. The Effective Executive. 1967; Друкер П. Эффективный управляющий / Перевод на рус. яз. А. Мкервали. – М., 2004.

[3] Устойчивость экономической подсистемы можно определить как ее способность сохранять динамическое равновесие в условиях изменяющейся внешней и внутренней среды, а также спонтанных, случайных или преднамеренных трансформаций. При динамическом равновесии, эффективное использование всех видов ресурсов обеспечивает не только непрерывность процесса воспроизводства в возрастающих масштабах, но и качественное изменение структуры и пропорций экономической системы. См.: Андрианов В.Д. Концептуальные подходы к разработке стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 г. // Общество и экономика. – М., 2016. – № 7. – С. 5–35.

- целевые значения ключевых показателей эффективности устойчивого развития (КПЭ);
- бюджетная стратегия, увязанная с КПЭ;
- скорректированные с учетом стратегических целей государственные программы (ГП), федеральные целевые программы (ФЦП), отраслевые и региональные стратегии.

Таблица 2

Государственные программы и Федеральные целевые программы, реализация которых призвана обеспечить достижение КПЭ устойчивого развития

Федеральные органы исполнительной власти	КПЭ устойчивого развития	Программы
1	2	3
МЭР, совместно с другими ФОИВ	Темп прироста ВВП	Экономическое развитие и инновационная экономика Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности Развитие авиационной промышленности Развитие судостроительной промышленности Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности Космическая деятельность России
	Темп прироста производительности труда	Развитие науки и технологий
	Удельный вес обрабатывающих отраслей в ВВП	Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности Развитие авиационной промышленности Развитие судостроительной промышленности Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Космическая деятельность России Развитие атомного энергопромышленного комплекса
	Уровень конкурентоспособности национальной экономики	Развитие науки и технологий Развитие авиационной промышленности Развитие судостроительной промышленности Космическая деятельность России Развитие атомного энергопромышленного комплекса
МЭР, совместно с другими ФОИВ	Индекс качества развития институтов	Информационное общество (2011–2020 годы) Региональная политика и федеративные отношения Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации
	Уровень развития конкурентной среды	Развитие внешнеэкономической деятельности Развитие финансовых и страховых рынков, создание международного финансового центра Внешнеполитическая деятельность
	Условия ведения бизнеса	Информационное общество (2011–2020 годы) Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации
	Индекс качества и эффективности государственного управления	Информационное общество (2011–2020 годы) Региональная политика и федеративные отношения Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации
	Индекс восприятия коррупции	Информационное общество (2011–2020 годы) Управление федеральным имуществом Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации
Минпромторг России	Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП	Развитие науки и технологий Развитие авиационной промышленности Развитие судостроительной промышленности Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Космическая деятельность России Развитие атомного энергопромышленного комплекса
	Увеличение высокопроизводительных рабочих мест	Развитие науки и технологий
Минпромторг России, МЭР, Минобрнауки	Индекс инновационности экономики	Экономическое развитие и инновационная экономика Внешнеполитическая деятельность Развитие науки и технологий
Минфин России	Предельный размер дефицита федерального бюджета	Управление государственными финансами и государственным долгом
	Размер государственного долга	

1	2	3
Минфин России, ЦБ	Уровень инфляции	
	Пределы колебания курса рубля, в месяц	Развитие финансовых и страховых рынков, создание международного финансового центра Внешнеполитическая деятельность
	Объем международных резервов	Развитие финансовых и страховых рынков, создание международного финансового центра
	Уровень монетизации экономики	
Минсоцтруд России	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	Социальная поддержка граждан Содействие занятости населения
	Степень неравенства доходов населения	
	Уровень общей безработицы	
	Уровень качества жизни	Развитие здравоохранения Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности Культура России Охрана окружающей среды
Минприроды России, Минэнерго России,	Уровень экологической устойчивости	Охрана окружающей среды Воспроизводство и использование природных ресурсов Энергоэффективность и развитие энергетики
	Степень успешности проведения экологической политики	

Государственные программы, ФЦП, а также отраслевые и региональные программы должны стать важным инструментом стратегического управления на государственном уровне, обеспечивающим достижение перспективных целей и задач путем использования имеющихся ресурсов, достижение целевых значений КПЭ устойчивого развития.

Введение Государственных программ и ФЦП в практику бюджетного процесса решает две важные задачи – нацелить расходование бюджетных средств на достижение конкретных измеримых результатов и обеспечить эффективное взаимодействие различных министерств, ведомств и хозяйствующих субъектов. При этом долгосрочный характер программ должен гарантировать необходимое бюджетное финансирование за пределами бюджетного цикла.

Однако, как показывает практика, в настоящее время качество реализации многих программ существенно различается, отмечаются серьезные недостатки в процессе их реализации, в частности:

- отставание от графика выполнения заявленных целей;
- неполное выполнение программных мероприятий;
- трудности и задержки в привлечении запланированного внебюджетного финансирования
- отсутствие институтов и процедуры оценки эффективности реализации государственных программ и ФЦП, включая анализ альтернативных вариантов достижения целей программ.

В рамках долгосрочной стратегии развития страны до 2030 г. целесообразно **разработать пятилетние планы экономического развития**. В них должны найти отражение долгосрочные и среднесрочные цели социально-экономического развития страны, финансовое и нормативно-правовое обеспечение механизмов их достижения.

Пятилетние планы социально-экономического развития наряду с ГП и ФЦП должны стать важным элементом стратегического управления на государственном уровне, обеспечивающим достижение перспективных целей и задач путем использования имеющихся финансовых, материальных и трудовых ресурсов.

Принцип программно-целевого управления в системе стратегического управления позволит связывать государственные расходы с их ожидаемыми результатами, что повысит эффективность бюджетного процесса и качества реализации пятилетних планов.

Для создания системы стратегического управления в России необходимо опираться на основные положения Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Настоящий Федеральный закон устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации. В Законе представлены механизмы координации государственного, регионального, муниципального стратегического управления и бюджетной политики.

Определены полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования.

На взгляд автора, для создания эффективной системы стратегического управления в России необходимо внести существенные изменения, поправки и дополнения в указанный Закон.

Прежде всего представляется целесообразным изменить название Закона, переименовав его в Федеральный закон **«О стратегическом управлении в Российской Федерации».** Это повлечет за собой изменения в перечне и содержании документов, необходимых для государственного стратегического планирования, по которым ведется единый реестр. В указанный реестр необходимо включить «Стратегию социально-экономического развития России» и «Порядок ее разработки».

В Закон также необходимо ввести такие понятия как «Стратегическое управление», «Система сбалансированных показателей (ССП)», «Стратегическая карта», «Ключевые показатели эффективности (КПЭ)», «Государственная цифровая платформа» и др.

Стратегия должна формироваться с использованием современных цифровых технологий. Прежде всего это технология «блокчейн» (blockchain), использующая принцип распределенных сетей для накопления информации, и технология «больших данных» (Big Data) для анализа большого объема информации.

Это позволит анализировать и управлять большими объемами статистической, экономической и аналитической информации.

В системе государственного управления России необходимо создание и внедрение «единой архитектуры государственной цифровой платформы», базирующейся на единой базе данных, что позволит преодолеть разрозненность ведомственных систем.

Подходы к решению этой проблемы заложены в утвержденной в 2018 г. государственной программе «Цифровая экономика».

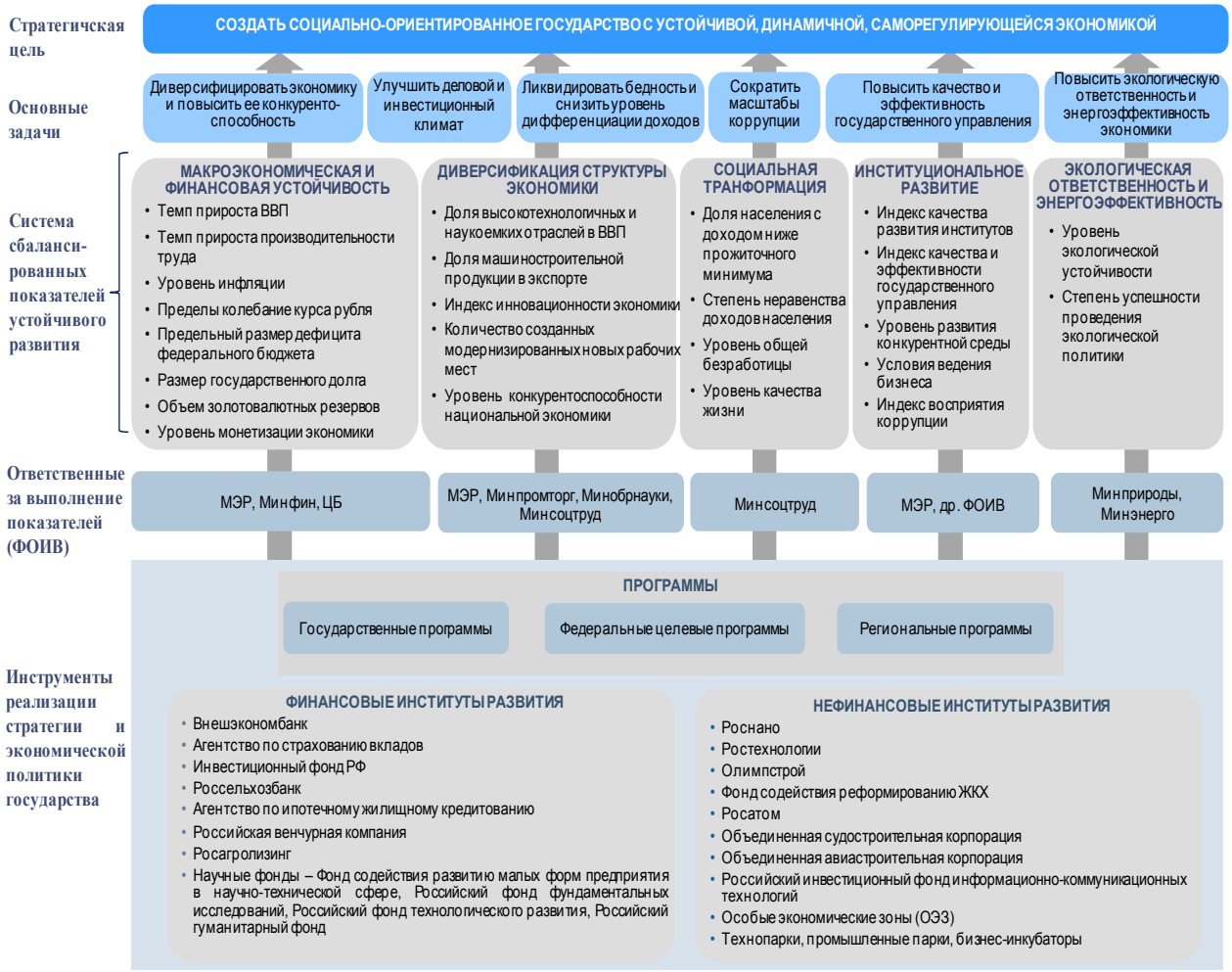

Рисунок 2.
Схема организации системы стратегического управления экономикой России

Центр цифровой трансформации должен выработать правила, позволяющие развивать системы, которые имеют перспективу в цифровой экономике, и постепенно отказаться от устаревших, которые можно заменить на новые платформенные решения.

На цифровую платформу можно будет переложить исполнение большинства функций стратегического управления не при помощи непосредственно органов власти, а на основе цифровых платформенных решений.

Долгосрочная стратегия развития России должна быть положена в основу деятельности электронного правительства.

Формирование системы стратегического управления на различных уровнях предполагает расширение практики использования механизмов **проектного и сетевого методов управления**.

В случае реализации указанных предложений система стратегического планирования и управления в Росси сможет функционировать в полной мере, поскольку все документы стратегического планирования будут разработаны и приведены в соответствие с федеральным законом.

В ближайшей перспективе посредством формирования автоматизированной цифровой платформы поддержки принятия управленческих решений в сфере стратегического управления будет создана среда взаимодействия участников стратегического управления и реализации документов стратегического планирования.

Формирование такой платформы позволит повысить эффективность системы стратегического планирования на всех ее уровнях и обеспечит переход к системе цифрового стратегического государственного управления.

Таким образом должно быть обеспечено кардинальное изменение в сфере управления – переход от «среды документов» к «среде цифровых данных».

Формирование цифровой платформы для взаимодействия в сфере стратегического управления в целях согласованности действий участников на всех уровнях государственного управления в достижении национальных целей развития будет основано на:

- унификации документов стратегического управления и планирования с точки зрения структуры, используемых терминов, понятий и показателей и перевод таких документов на цифровую основу;
- согласованности и сбалансированности системы, направленных на обеспечение связанности между целями, задачами и их показателями, финансовыми и иными ресурсами, в том числе обеспечение единой методологии декомпозиции и агрегирования целей, задач и показателей.

Таким образом, будет сформирована система взаимоотношений участников стратегического управления и планирования в цифровом пространстве и в режиме реального времени, которая позволит скоординировать деятельность участников стратегического планирования в различных отраслях экономики и территориальных образованиях и обеспечить оперативный мониторинг достижения национальных целей развития.

Система оперативного мониторинга и контроля реализации национальных целей развития будет обеспечены посредством цифрового интеллектуального мониторинга, основанного на регулярных отчетах о достижении целевых ориентиров, включающих информацию и анализ динамики целевых показателей и факторов, оказывающих на них влияние, а также на интеллектуальном анализе интегрируемых данных из различных информационных ресурсов.

Оперативный цифровой мониторинг должен стать действующим механизмом корректировки документов стратегического планирования с учетом меняющихся внешних условий.

Такой механизм позволит оценить эффективность и результативность реализации документов стратегического планирования, в том числе применяемых инструментов, а также оценки эффективности деятельности участников стратегического управления и планирования.

Соответственно, потребуется скорректировать роль ситуационных центров, которые призваны осуществлять функции мониторинга реализации стратегии.

Создание широкомасштабной системы стратегического управления в России потребует кардинальной реформы структуры исполнительной власти в плане ее оптимизации и повышения эффективности государственного управления.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. поставил точку в долгом споре между «кейнсианством» и «монетаризмом» о роли государства в регулировании экономических процессов. Нынешний глобальный кризис, вызванный пандемией, подтвердил это положение.

Необходимость усиления государственного регулирования практически во всех сферах экономики стала очевидной. При этом в России, с учетом формирования ее социально-экономической системы «сверху вниз», важно, чтобы иерархический принцип государственного управления был дополнен принципами сетевого и проектного и стратегического управления, что в перспективе может привести к кардинальному изменению сложившейся структуры государственного управления[1].

Список литературы и источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».
2. Федеральная служба государственной статистики (Госкомстат), официальный сайт.
3. Прогноз социально-экономического развития России на период до 2030 г. Минэкономразвития, 2015 г, 2018 г.
4. Андрианов В.Д. Взаимодействие государственного и рыночного регулирования в экономической подсистеме // Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. 4-изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2020.
5. Андрианов В.Д. Концептуальные подходы к разработке стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 г. // Общество и экономика. – М., 2016. – № 7. – С. 5–35.
6. Андрианов В.Д. Россия: экономический и инвестиционный потенциал. – М.: Экономика, 1999. – 662 с.
7. Андрианов В.Д. Россия в мировой экономике. – М.: Владос, 2002. – 400 с.
8. Андрианов В.Д. Стратегия и система сбалансированных показателей устойчивого развития экономики России до 2030 г. // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – С. 210–221.
9. Андрианов В.Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики от теории меркантилизма до теории саморегуляции. – М.: Экономика, 2008. – 326 с.
10. Аукуционек С.П. Модель Дж. Хикса // Современные буржуазные теории и модели цикла: критический анализ. – М.: Наука, 1984.
11. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. – М.: Форум, 2009. – 560 с.
12. Крижанич Ю. Политика. – М.: Новый свет, 1997.
13. Стратегическое управление в зарубежных финансовых институтах развития / Под ред. В.Д. Андрианова. – М.: Консалтбанкир, 2012.
14. Финансовые институты развития: особенности стратегического управления / Под ред. В.Д. Андрианова. – М.: Экономика, 2013.

[1] Андрианов В.Д. Взаимодействие государственного и рыночного регулирования в экономической подсистеме // Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. 4-изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2020.

15. Global Innovation Index Cornell University / INSEAD, and WIPO (2013): The Global Innovation Index 2013: The Local Dynamics of Innovation. – Geneva; Ithaca; Fontainebleau.
16. Global Competitiveness Index – The Global Competitiveness Report 2013–2014, World Economic Forum. – Geneva, 2014.
17. Quality of Life Index – International Living's Annual Quality of Life Index 2011.
18. Voice and accountability – The Worldwide Governance Indicators, 2013 Update / World Bank. 2013.
19. World Competitiveness Scoreboard – World Competitiveness Yearbook 2013, IMD. – Lausanne, 2013–2018.
20. Innovation and sophistication factors – The Global Competitiveness Report 2013–2014, World Economic Forum. – Geneva, 2013.
21. Doing Business – World Bank. 2013. Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. – Washington (DC), 2013–2018.
22. Government Effectiveness – The Worldwide Governance Indicators, 2013 Update / World Bank, 2013–2015.
23. Corruption Perception Index – Corruption Perception Index 2013 / Transparency International. – Berlin, 2013–2015.
24. Environmental Performance Index. – 2012 Environmental Performance Index and Pilot Trend Environmental Performance Index. – New Haven: Yale Center for Environmental Law and Policy, 2013.
25. Drucker P.F. The Effective Executive, 1967; Друкер П. Эффективный управляющий / Перевод на рус. яз. А. Мкервали. – М., 2004.
26. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want.
27. Pollution Index Country, 2013, 2014, 2018.
28. Human Development Report 2013, 2014, 2018.
29. Index of Economic Freedom, 2013. 2014, 2015, 2016, 2018 / The Heritage Foundation.

Артамонов В.А.
Артамонова Е.В.[1]

РОЛЬ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ[2]

Ключевые слова: *цифровая трансформация, промышленная революция, технологическая сингулярность, человеческий социум, государственное управление, электронное правительство, информационно-коммуникационные технологии, информационная безопасность, кибератака, Интернет вещей, облачные вычисления, машинное обучение, искусственный интеллект.*

Keywords: *digital transformation, industrial revolution, technological singularity, society, public administration, e-government, information technologies, information security, cyberattack, Internet of things (IoT), cloud computing, machine learning (ML), artificial intelligence (AI).*

Мир стоит на пороге четвёртой промышленной революции. И этот непреложный факт уже не вызывает практически никаких сомнений. Существуют различные определения или признаки той или иной промышленной революции, основанные либо на наличии различных *технологических укладов*, либо на так называемых «*длинных волнах*» Кондратьева. Не вдаваясь в детали классификаций, остановимся на классической и рациональной немецкой.

По немецкой классификации ***Industrie 1.0*** сформировалась при широком распространении ткацкого станка и паровой машины в конце XVIII века.

Industrie 2.0 – в начале XX века при переходе к конвейеру.

Industrie 3.0 – в конце 70-х гг. прошлого века вследствие компьютеризации и распространения станков с числовым программным управлением (ЧПУ).

Industrie 4.0 или четвертая промышленная революция, сегодня пока только набирает обороты и заключается в развитии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), робототехники, искусственного интеллекта (ИИ), дальнейшей цифровизации экономики, внедрении концепции «электронного правительства», электронных денег (криптовалюты), автоматизации производства и сферы услуг, расширении применения безлюдных технологий и транспорта, Интернета вещей (IoT), в развитии центров обработки данных (ЦОД) и «облачных вычислений»[3].

При рассмотрении сути четвёртой промышленной революции уместно обратить внимание на фундаментальное понятие ***технологической сингулярности.***

Технологическая сингулярность – это гипотетический момент в будущем, когда технологическое развитие станет настолько стремительным, что экспоненциальный график технического прогресса станет практически вертикальным. Эта концепция была предложена Вернором Винджем, который предположил, что если мы сумеем избежать гибели цивилизации до этого, то сингулярность произойдет из-за прогресса в области искусственного интеллекта, интеграции человека с компьютером или других методов увеличения мирового разума. Усиление разума, по мнению Винджа, в какой-то момент приведет к положительной обратной связи: более разумные системы могут создать еще более разумные и сделать это быстрее, чем первоначальные их конструкторы – люди. Эта положительная обратная связь, скорее всего, окажется столь сильной, что в течение очень короткого промежутка времени (месяцы, дни или даже всего лишь часы) мир преобразится больше, чем мы можем это представить, и внезапно окажется населен сверхразумными созданиями.

По мнению некоторых учёных футурологов и того же Винджа, придерживающихся концепции сингулярности, она должна наступить около 2030 года и даже по самому пессимистическому сценарию не позднее середины этого века. Если экстраполировать закон Мура, то окажется, что примерно в то же время вычислительная мощность компьютеров сравнится с возможностями головного мозга человека.

Сторонники теории технологической сингулярности считают, что если возникнет принципиально отличный от человеческого разум (*постчеловек*), дальнейшую судьбу цивилизации невозможно предсказать, опираясь на человеческую логику. С понятием сингулярности часто связывают идею о невозможности предсказать, что будет после нее.

---

[1] Артамонов Владимир Афанасьевич – д.т.н., профессор, академик Международной академии информационных технологий (МАИТ), г. Минск. Круг научных интересов: информационно-коммуникационные технологии и их безопасность. E-mail: artamonov@itzashita.ru. Сайт: http://itzashita.ru. Для почтовых отправлений: Республика Беларусь, 220100, г. Минск, а/я 102.

Артамонова Елена Владимировна – к.т.н., (PhD), член МАИТ. Руководитель и разработчик Интернет-проекта в области информационной безопасности. Круг научных интересов: Информационные технологии, кибербезопасность, блокчейн и криптовалюты, телеком, ИТ-маркетинг, системы E-learning. E-mail: admin@itzashita.ru, Skype: moorhuhn081. Сайт: http://itzashita.ru Для почтовых отправлений: Республика Беларусь, 220100, г. Минск, а/я 102.

[2] Доклад, представленный на Международную научную конференцию «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи».

[3] Артамонов В.А. Безопасность информационно-коммуникационных технологий в контексте устойчивого развития социума / В.А. Артамонов, Е.В. Артамонова, Л.А. Кулак // Цифровая трансформация. 2019. – № 2. – С. 36–45.

Вопрос предсказуемости важен, поскольку, не имея возможности предсказать хотя бы некоторые последствия наших действий, нет никакого смысла в том, чтобы пытаться направить развитие в желательном направлении. *Постчеловеческий* мир, который в результате появится, возможно, будет настолько чуждым для нас, что сейчас мы не можем знать о нем абсолютно ничего[1].

Единственным исключением могут быть фундаментальные законы природы, но даже тут иногда допускается существование еще не открытых законов (у нас пока нет теории квантовой гравитации) или не до конца понятых следствий из известных законов (путешествия через пространственные «дыры», рождение «вселенных-карликов», путешествия во времени и т.п.), с помощью которых *постлюди* смогут делать то, что мы привыкли считать физически невозможным.

Теперь зададимся вопросом, как же на самом деле произойдёт эта самая четвёртая промышленная революция, каковы её движущие силы и механизмы реализации? Неужели, однажды проснувшись, мы в одночасье окажемся в этом самом сказочном «постчеловеческом мире»?

На самом деле промышленные революции, в отличие от социальных, совершаются не в какой-то короткий исторический промежуток времени, а являются результатом технологических трансформаций (развитием промышленных укладов) производственных и общественных отношений человеческого социума. И механизмом таких «тектонических» сдвигов в контексте ***Industrie 4.0*** является *цифровая трансформация* [ЦТ].

Цифровая трансформация – это процесс интеграции цифровых технологий во все аспекты бизнес-деятельности и инфраструктуру общественных отношений, требующий внесения коренных изменений в технологии, культуру, операции и принципы создания новых продуктов и услуг. Для максимально эффективного использования новых технологий и их оперативного внедрения во все сферы деятельности человека предприятия и бизнес должны отказаться от прежних устоев и полностью преобразовать процессы и модели работы. Цифровая трансформация требует смещения акцента на периферию предприятий и повышение гибкости центров обработки данных (ЦОД) и «облачных» вычислений, которые должны поддерживать периферию. Этот процесс также означает постепенный отказ от устаревших технологий, обслуживание которых может дорого обходиться предприятиям, а также изменение культуры производства (переход к интернету вещей – IoT), которая теперь должна поддерживать ускорение процессов, обеспечиваемое цифровой трансформацией.

Несмотря на различия процессов цифровой трансформации, на каждом предприятии существует ряд ключевых, общих для всех этапов.

Создание плана, в котором учтены все бизнес-потребности предприятия

В начале процесса цифровой трансформации очень важно определить направления развития, а также набор технологий, которые помогут в этом развитии. При этом предприятия должны провести инвентаризацию своих ресурсов, выделив те, которые требуют модернизации. На этом этапе может даже потребоваться пересмотр приоритетов в проектах с учетом новых бизнес-потребностей, а также выявление недостатков и пробелов, которые могут стать препятствием на пути цифровой трансформации.

Обучение персонала навыкам работы с новыми технологиями

Этот процесс может вызвать множество трудностей, поскольку при традиционных моделях бизнеса сотрудники должны были знать только определенные системы, которые планировалось использовать еще многие годы. Для успеха цифровой трансформации сотрудники должны быть готовы к любым изменениям рабочих процессов, если эти изменения необходимы для повышения эффективности и продуктивности. Такая готовность означает и умение мыслить творчески, и знание потенциала новых технологий, и умение использовать их с максимальной эффективностью.

Отказ от устаревших технологий

Очень часто предприятия тратят огромные деньги только для поддержки и обслуживания своих устаревших технологий, которые уже не приносят прибыли и не способны обеспечить цифровые процессы, востребованные на рынке. Это объясняется тем, что модернизация старых технологий отличается большой сложностью и обходится слишком дорого. Сохранение старых технологий также препятствует развитию предприятия в целом. На обслуживание старых технологий тратится множество ценных ресурсов, которые можно было бы потратить на технологии, более простые в использовании, повышающие качество обслуживания заказчиков и/или ускоряющие анализ данных.

Цифровая трансформация – это не продукт информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и не услуга консалтинговых компаний и вендоров. Это неизбежный и непрерывный процесс, который проходит социум, мировое бизнес-сообщество и органы государственного управления, чтобы адаптироваться к новым реалиям цифровой экономики. Для нее необходима стратегия, пересмотр бизнес-моделей и процессов, новая инфраструктура, новое программное обеспечение, оптимизация набора услуг, эффективные механизмы внедрения, программы обучения и надежная текущая поддержка. Портфель предложений должен включать «облачные решения», средства обеспечения безопасности, технологии Интернета вещей (IoT), технологии мобильного доступа и решения инфраструктуры в том числе в области искусственного интеллекта. Иногда трудно определить, какие ресурсы и в каких объемах потребуют-

[1] Vinge V. (1993) The Coming Technological Singularity. – http://wwwrohan.sdsu.edu/faculty/vinge/misc/singularity.html

ся для успешного внедрения цифровых технологий в будущем. Переход к модели «IT как услуга», а также к компонуемой инфраструктуре, уменьшает сложность операций IT-отделов и снижает стоимость владения активами.

Инфраструктура на базе интеллектуальных технологий

Без сомнений, искусственный интеллект является неотъемлемой частью цифрового предприятия будущего. ИИ включается в процессы анализа данных и эксплуатационной поддержки, благодаря чему инфраструктура обслуживает сама себя.

Преимущества Интернета вещей

Интеллектуальные технологии и среды, гибридные IT-решения в сфере IoT повышают эффективность, прибыльность и конкурентоспособность предприятия, а также помогают интенсивно ускорить и упростить преобразование протекающих бизнес-процессов. Будучи внедрённым в ***Industrie 4.0***, Интернет вещей даёт производству сразу несколько преимуществ:

– гибкость производства достигается отказом от жёстких «конвейерных» решений, что в конечном счёте позволяет массово принимать и выполнять индивидуальные заказы, свободней внедрять в производство новые решения, свободно использовать аутсорсинг;

– настраиваемость производства достигается за счёт его контроля на всех уровнях и благодаря его функционированию на единой технологической платформе;

– эффективность производства связана со снижением издержек, связанных с человеческим фактором: ошибок, простоев, высокой стоимости человеческого труда.

С другой стороны, Интернет вещей может быть внедрён и в быту, например, в технологиях «умного дома», освобождая человека от рутины[1].

Результатом цифровой трансформации органов государственного управления является *электронное правительство*.

Электронное правительство – способ предоставления информации и оказания уже сформировавшегося набора государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям государственной власти и государственным чиновникам, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано. С точки зрения ИКТ – электронное правительство (ЭП) это система электронного документооборота государственного управления, основанная на автоматизации всей совокупности управленческих процессов в масштабах страны и служащая цели существенного повышения эффективности государственного управления и снижения издержек социальных коммуникаций для каждого члена общества. Создание электронного правительства предполагает построение общегосударственной распределенной системы управления, реализующей решение полного спектра задач, связанных с управлением документами и процессами их обработки. Электронное правительство является частью электронной (цифровой) экономики.

Задачи электронного правительства:

– оптимизация предоставления правительственных услуг населению и бизнесу;

– поддержка и расширение возможностей самообслуживания граждан;

– рост технологической осведомленности и квалификации граждан;

– повышение степени участия всех избирателей в процессах руководства и управления страной;

– снижение воздействия фактора географического местоположения.

Электронное правительство обеспечивает:

– эффективное и менее затратное администрирование;

– кардинальное изменение взаимоотношений между обществом и правительством;

– совершенствование демократии и повышение ответственности власти перед народом.

В условиях развития информационно-коммуникационных технологий все сферы деятельности государственных органов в электронном виде являются востребованными гражданами и организациями различных форм собственности. Актуальность данного направления подчеркивается динамичностью развития таких сфер, как социальная (служба занятости, пенсионный фонд, миграционная служба), юридическая (адвокатура, нотариат, судопроизводство), экономическая (бюджет, финансы, налоги), культурная (наука, образование), медицинская, муниципальная сфера (ЖКХ) и т.д.

Преимущества цифровой трансформации

Государственные органы управления, предприятия и бизнес быстро заменяют традиционные процессы взаимодействия цифровыми, используя самые современные технологии. Очень часто трансформация происходит не потому, что субъекты производственных отношений так решают, а потому, что это им необходимо, чтобы нормально функционировать. Сегодня на рынке вырос спрос на эффективные цифровые технологии для бизнеса, и предприятия, которые не смогли адаптироваться к новой модели цифрового потребителя, наверняка прекратят свое существование.

[1] Артамонов В.А., Артамонова Е В. Цифровая трансформация экономики как предвестник 4-й промышленной революции // Защита информации. Инсайд. – СПб., 2019. – № 3 (87). – С. 25–33.

Предприятия, которые приветствуют перемены и готовы к ним, а также способны адаптироваться к более гибким моделям работы, имеют как никогда большой потенциал успеха. Это связано с тем, что цифровая трансформация охватывает все аспекты бизнеса и государственного регулирования и предлагает эффективные пути их совершенствования вместе с развитием цифровых технологий.

Оптимизация процессов:

Новые технологии позволяют предприятиям автоматизировать более простые процессы и исключать промежуточные этапы в более сложных процессах. Благодаря этому повышается гибкость предприятий, которые теперь могут гораздо эффективнее использовать свои кадровые ресурсы.

Поиск новых потоков доходов:

С появлением новых технологий открываются новые способы получения прибыли, которые ранее могли быть недоступны.

Создание более персонализированной и привлекательной инфраструктуры обслуживания:

Современные заказчики ожидают, что производители товаров и услуг будут оперативно реагировать на их запросы и удовлетворять их специфические потребности. Современные технологии должны быть развиты настолько, чтобы быть способным решать все эти задачи.

Однако для эффективного использования цифровых данных предприятия должны постоянно внедрять вновь появляющиеся технологии, тестировать их и использовать полученные результаты, чтобы лучше адаптироваться и быть готовыми к задачам будущего. Несмотря на то, что внедрение новых технологий – это более рискованный подход, чем использование уже привычных систем и устройств, потенциальные возможности и отдача будут весьма значительными.

Совершенно очевидно, что вопрос окупаемости инвестиций актуален и для цифровой трансформации. Согласно анализу Всемирного экономического форума и компании *Accenture* с использованием данных 16 000 предприятий, в целом наблюдается положительная тенденция окупаемости инвестиций, хотя большая часть прибыли приходится на лидеров отраслей[1]. Первым сторонникам нового подхода удалось увеличить производительность на 70%, в то время как для менее крупных компаний этот показатель составил 30%. И нет ничего удивительного в том, что 85% руководителей отраслей производственного оборудования считают, что для сохранения конкурентного преимущества им необходимо внедрять инновации более интенсивно.

Ещё одним важным аспектом является способ внедрения цифровой трансформации в разных отраслях экономики. Для примера, рассмотрим четыре ключевые группы – жилищный фонд *(здания, промышленные сооружения), ЦОДы, промышленность как таковую и инфраструктуру***.** Данные группы мы условно называем ключевыми, поскольку все они имеют центральное значение для национальных экономик и международной торговли, обладают значительной совокупной стоимостью владений (ТСО) и при этом хорошо подготовлены к глубоким преобразованиям по линии цифровой трансформации.

Здания и сооружения

В данном контексте коммерческая ценность ЦТ заключается в снижении потребления энергии, повышении комфорта рабочих условий и упрощения эксплуатации. Что касается энергии, на здания приходятся 36% конечного потребления энергии и 39% выбросов углекислого газа[2]. Однако в настоящее время существуют технологии, позволяющие зданиям генерировать больше энергии, чем они потребляют. И наконец, при помощи открытой универсальной системы управления объектом данные о всех проблемах, связанных с технической эксплуатацией и обслуживанием, уведомления о неисправностях, результаты диагностики выводятся на единую информационную панель в режиме реального времени.

Центры обработки данных

Требования к электропитанию физической инфраструктуры ИКТ, начиная с систем охлаждения и заканчивая резервными системами электропитания, всё больше сказываются на бюджете компаний – на одно только охлаждение может приходиться до 40% общих затрат ЦОД[3]. В то же время к 2025 году потребление электроэнергии в отрасли ИКТ поднимется до 20,9% от общемирового объёма и, таким образом, обусловит 5,5% общемирового выброса парниковых газов[4].

Тем не менее, вопреки этим настораживающим прогнозам, всё больше ЦОД по всему миру успешно осуществляют ЦТ и снижают эксплуатационные расходы более чем на 30%, при повышении времени безотказной работы до

[1] Maximizing the Return on Digital Investiments. – https://reports.weforum.org/digital-transformation/files/2018/05/201805-DTI-Maximizing-the-Return-on-Digital-Investments.pdf

[2] Towards a Zero-emission, Efficient, and Resilient Buildings and Construction Sector. Global Status: Report 2017. – https://www.wordgbc.org/sites/default/files/UNEP%20188_GABC_en%20%28web%29.pdf

[3] Song Z., Zhang X., Ericsson C. Data Center Energy and Cost Saving Evaluation. – https://www. Sciencedirect.com/science/article/pii/S1876610215009467

[4] Towards a Zero-emission, Efficient, and Resilient Buildings and Construction Sector. Global Status: Report 2017. – https://www.wordgbc.org/sites/default/files/UNEP%20188_GABC_en%20%28web%29.pdf

99,999%[1]. Возможность выполнения большего количества вычислений с меньшими затратами и при практически безотказной функциональности достигается благодаря интеграции управляющих программ, облачной аналитики и экспертной поддержке с использованием ИИ.

Промышленное производство

Тот же принцип ЦТ – достижения больших результатов с меньшими затратами применим и к промышленному сектору экономики. Как уже констатировалось выше, промышленный IoT обеспечивает соединение оборудования с интеллектуальными датчиками на протяжении всей цепочки поставок, что обеспечивает конкурентные преимущества производителя, а именно, вывести товары на рынок при более низких производственных затратах в максимально короткий срок. Кроме того, на заводах с массовым использованием станков с ЧПУ, роботизированных линий и обрабатывающих центров при обеспечении бесперебойного учёта и мониторинга в режиме реального времени легче обеспечить соответствие техническим регламентам, а также снизить неблагоприятное воздействие на окружающую среду.

Данный факт показывает, что ЦТ может привести к значительному повышению производительности за счёт перевода морально устаревшего и физически изношенного оборудования и производственных процессов на цифровую основу.

Инфраструктура

В ближайшее десятилетие как государственной инфраструктуре, так и негосударственной (электроэнергетика, трубопроводный транспорт, пути сообщения и воздушные коммуникации, Интернет, ИКТ и пр.) предстоит пройти процесс цифровой трансформации. Растущее население, особенно в контексте развивающихся экономик, и впредь будет серьёзным испытанием для систем, задействованных в перемещении людей, товаров и электроэнергии по всему миру. Кроме того, с учётом острой проблемы глобального изменения климата для удовлетворения этих растущих потребностей потребуется инфраструктура, обеспечивающая одновременное сокращение выбросов. Этот энергетический парадокс подлежит обязательному разрешению и он будет разрешён при помощи ЦТ.

На примере электроэнергетической отрасли можно просмотреть вектор развития ЦТ. «Умная энергосеть», пожалуй, наиболее сложный продукт (система) из когда-либо созданных в отрасли, имеет количество систем, подсистем и компонентов (генерирующие, распределительные и передающие системы, системы учёта – электросчётчики, регистраторы векторных параметров, трансформаторные подстанции, конденсаторы, системы грозозащиты, системы телеметрии, управления и связи, диспетчерские станции и многое другое), которые находятся под контролем централизованной цифровой архитектуры[2]. При этом, полносвязная сеть является наиболее восприимчивой к постоянно меняющимся условиям окружающей среды и нагрузки, что повышает её надёжность, а также позволяет генерировать множество данных, которые можно использовать для обеспечения эффективности двухстороннего потока энергии (перетоков) и ускорения перехода на возобновляемую энергию. Такая усовершенствованная сеть наиболее полно подходит для разрешения таких неоднозначных вопросов, как совмещение тенденции прироста населения с трудовой миграцией.

Заключение

Подытоживая проведенный анализ цифровизации экономики и её значение для социума, сформулируем три основные парадигмы ЦТ.

Парадигма 1. Капитальные расходы (*создание совокупной стоимости владений – ТСО*):

- Оптимизация расходов и времени при проектировании;
- Оптимизация расходов и времени в процессе эксплуатации;
- Оптимизация инвестиций.

Парадигма 2. Операционные расходы (*стимулирование реальной экономики*):

- Снижение потребления электроэнергии;
- Снижение расходов на энергоснабжение;
- Рост производительности;
- Эксплуатационная готовность и безотказная работа оборудования;
- Оптимизация расходов на техническое обслуживание.

Парадигма 3. Устойчивое развитие, скорость и эффективность (*адаптация ко времени*):

- Оптимизация выбросов CO_2;
- Оптимизация времени выхода на рынок;
- Снижение претензий к комфортности условий труда и отдыха;
- Оптимизация окупаемости инвестиций.

[1] Song Z., Zhang X., Ericsson C. Data Center Energy and Cost Saving Evaluation. – https://www. Sciencedirect.com/science/article/pii/S1876610215009467

[2] Siebel T.M. Why Digital Transformation is Now on the CEO‘s Shoulders. – https://idcdigitalsum-on-the-CEO-mit.com/COMMONS/ATTCHEMENTS/Why-digital-transformation is-now-on-the CEOs—shoulders.pdf

Багдасарян Н.А.
старший преподаватель, Сибирский федеральный университет
Беляков Г.П.
д.э.н., профессор, Сибирский государственный университет
Батукова Л.Р.
д.э.н., доцент, Сибирский федеральный университет)

ОПЫТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В КНР И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ[1]

Ключевые слова: *стратегическое планирование, стратегическое управление, управление научно-технологическим развитием, стратегическое планирование научно-технологического развития (НТР); планирование в Китае; стратегия научно-технологического развития, государственное управление, государственная программа.*

Введение

На современном историческом этапе ключевым фактором экономического роста и конкурентоспособности страны является ее успех в научно-технологическом развитии. На протяжении большей части XX века научно-технологическими лидерами были США, Европа и СССР. Но к концу века Китай активно включился в научно-технологическую гонку, а в последнее время стал претендентом на место лидера в научно-технологическом развитии. В результате страна в относительно короткий период превратилась в один из ведущих мировых инновационных центров. О восходящей траектории развития науки и техники КНР свидетельствуют интенсивные инвестиции в НИОКР, причем темпы их роста значительно превышают таковые в США и Европейском союзе. По данным национального бюро статистики Китая доля расходов на НИОКР в ВВП КНР за последние 23 года возросла в 3,8 раза и составила в 2018 году 2,19% ВВП. Число исследователей в этот период увеличилось на 3859 тыс. человек (839%). Статистика патентной активности и продаж технологий показывает, что количество заявок на изобретения в 2018 г. по сравнению с 2010 г. увеличилось на 394%, что составляет в абсолютном выражении 1542 тыс. шт. Экспорт высокотехнологичной продукции за последние 11 лет вырос на 10,9 раза и составил в 2018 г. 743 млрд. долл. [1].

Беспрецедентный рост науки и техники в Китае не является случайностью. Начиная с 1978 года китайское руководство рассматривает науку и технологии как неотъемлемую часть экономического роста и последовательно предпринимает шаги по совершенствованию планирования научно-технологического развития на долгосрочной основе. Исследование успехов Китая конца XX – начала XXI века позволяет сделать вывод, что они основываются на системном подходе к научно-технологическому развитию. Китайский подход реализуется на основе стратегического планирования НТР, ориентированного на сочетание плановой роли государства с широким использованием рыночных инструментов.

Понимание данного факта определяет необходимость углубленного исследования опыта Китая в организации научно-технологического развития и определения возможности использования наилучших практик в государственном управлении научно-технологическим развитием России.

В настоящее время в России предпринимаются значительные усилия по систематизации и развитию подходов в области стратегического управления, в том числе и в области планирования научно-технологического развития.

Управление научно-технологическим развитием сегодня осуществляется на основе положений соответствующей государственной политики, которая включает пять организационных блоков. Это: «Управление и инвестиции», «Взаимодействие и кооперация», «Инфраструктура и среда», «Кадры и человеческий капитал», «Сотрудничество и интеграция» [2]. Они определяют основной фокус государственного управления, с учетом стремительно изменяющейся мировой повестки дня. Данный подход ориентирован на создание широкой, согласованной и одновременно гибкой платформы научно-технологического развития. В рамках каждого блока определен перечень задач, которые увязывают законы и другие документы государственного управления. К числу наиболее значимых инструментов государственной политики в части научно-технологического развития в России, принятых в последние годы, относятся: ФЗ о стратегическом планировании (2014 г.), Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (2016 г.), ФЗ об изменениях в правовом регулировании деятельности Российской академии наук (2018 г.), государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (2019 г.). Реализация управления научно-технологическим развитием в социально-экономической практике осуществляется на основе 12 Национальных проектов и Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, которые постоянно совершенствуются и развиваются [3].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00355.

Несмотря на позитивное продвижение государственного управления в области организации научно-технологического развития, очевидно, что ускоряющиеся мировые трансформации определяют необходимость качественного прорыва в данной области.

В связи с этим, объективно, возникает необходимость анализа китайского опыта организации системы стратегического планирования НТР и адаптации его наилучших практик в российских условиях.

Стратегическое планирование научно-технологичного развития Китая

В последние десятилетия в Китайской Народной Республике активно происходило становление системы стратегического планирования научно-технологического развития. Ее важнейшими частями являются прогнозирование, планирование и программирование, разработка стратегий и программ, формы и способы их реализации, в том числе мониторинга и контроля. Все это образует единый взаимоувязанный процесс государственного стратегического планирования научно-технологического развития. Его основные положения и ожидаемые результаты отражены в соответствующих документах стратегического планирования НТР.

Законодательная база стратегического планирования научно-технологического развития КНР включает следующие основополагающие документы:

– Закон «О научно-техническом прогрессе» 1993 г. (в редакции 2007 г.), определяющий цели государственной политики в сфере науки и технологий, источники финансирования научных исследований, кооперацию научных учреждений и производственных предприятий [4];

– Закон КНР «О распространении научно-технических знаний» 2002 г., обеспечивающий правовое поле для популяризации науки и повышения ее значения в общественном сознании;

– Закон КНР «Об инновационной политике» 2002 г., имеющий своей целью коммерциализацию научно-технических продуктов в производстве;

– Законы в сфере патентного и авторского права.

Ключевым из названных законов является закон КНР «О научно-техническом прогрессе». Представим наиболее важные положения закона [15; 16].

1. Поощрение «независимых» инноваций, которое проявляется в четком определении прав собственности и интеллектуальной собственности, а также стимулировании «энтузиазма проектных исполнителей»; внедрение системы государственных закупок, продвигающих независимые инновации; стимулирование технологических инновационных предприятий путем предоставления налоговых льгот, а также финансовых преференций (ст. 33, 34, 35, 36); государственная поддержка обеспечения комфортных условий персоналу, проводящему научно-технологические исследования, включая области, где разработки предполагают высокий уровень риска.

2. Четкое определение полномочий правительства для всех уровней научно-технологического развития в соответствии с принятой системой государственного планирования научно-технологического развития (ст. 10). Определение полномочий предполагает: во-первых, определение обязанностей правительства в области инвестиций в науку, технику и технологии и конкретизацию принципов распределения государственных капиталовложений (ст. 59); во-вторых, разработку механизмов государственного вознаграждения за существенный вклад в научно-технологический прогресс (ст. 15); в-третьих, закрепление ответственности правительства за координацию и контроль сохранения конкурентности рыночной среды, ее способности содействовать научно-технологическому прогрессу (ст. 40).

В целом закон формирует институциональную платформу для: увеличения доли высококвалифицированного кадрового потенциала путем создания благоприятных условий самореализации научных работников; сочетания централизованной государственной политики в сфере науки и техники с привлечением частных капиталов в научно-технологический сектор; расширения производства инновационных технологий и поощрения их внедрения в практику.

В настоящее время в Китае основной стратегический документ научно-технологического развития – это «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 годах» (далее Программа на 2006–2020 гг.)» [5]. Введенный в январе 2006 года документ является результатом широкого обсуждения, которое велось под руководством государства в форме консультаций, междисциплинарного и межинституционального согласования. Обсуждение продолжалось на различных площадках на протяжении трех лет и в нем приняло участие, в целом, более 2000 агентов инновационных и научно-технологических изменений (научных работников, бизнесменов, инженеров, экономистов, военных, экспертов и др. специалистов). В результате в Программу на 2006–2020 гг. были включены важнейшие приоритеты по ряду областей научно-технологического развития, определены долгосрочные цели научно-технологического развития страны до 2020 года, инициирована серия специальных «мегапроектов», предложены руководящие принципы и подходы, призванные помочь реализации задач программы.

Важной особенностью программы, наиболее широко обсуждаемой экспертами, является нацеленность ее на преодоление зависимости страны от импортных технологий и создание благоприятного климата для эндогенного инновационного развития. При этом китайское руководство выдвинуло тезис о необходимости повышения роли «независимых» инноваций в реализации научно-технических программ, что заложило важный принцип формирования системы стратегического планирования НТР. В результате произошел переход к системному подходу в организации стратегического планирования НТР. Если раньше научно-технологическая политика носила фрагментарный характер и реализовывалась на базе отдельных специальных программ, посвященных разным задачам (программа «Искра»; «Факел»: «863» и др.), то с принятием закона началось последовательное сближение национальных программ прошлого и вновь определяемых мер по достижению научно-технологического развития. Это способствовало стимулированию интеграционных процессов на основе научно-технологического развития.

Общими целями, которые заявлены в Программе на 2006–2020 гг. являются: создание общества «малого благоденствия»; увеличение расходов на НИОКР до 2,5% ВВП; вступление в ряды пятерки стран-лидеров по числу патентов и в десятку стран-лидеров по индексу цитирования китайских ученых в системе цитирования SCOPUS; построение экономики, все более основанной на знаниях. В основных положениях Программы на 2006–2020гг. закреплены подходы к реализации руководящего принципа научно-технологического развития страны: заблаговременное проведение фундаментальных исследований; сосредоточение внимания на прорывных ключевых технологиях широкого спектра действия для поддержания устойчивого, скоординированного развития экономики и общества; упор на «независимые» инновации; ускоренное внедрение передовых технологий и активное содействие созданию рыночного спроса на инновации и др.

В Программе на 2006–2020 гг. выделено 68 ключевых направлений, по которым Китай намерен добиться технологического прорыва. Среди них для первоочередного освоения намечено 27 прорывных технологий в ИКТ, новых материалах, биотехнологиях, энергетических, лазерных, аэрокосмических и морских технологиях, передовых отраслях промышленности. В качестве приоритетных задач определены научные исследования и разработки в области развития высокоскоростного железнодорожного транспорта; электромобилей; Интернета нового поколения; суперкомпьютеров; энергоэффективных зданий; робототехники; подходов к использованию стволовых клеток для создания живых тканей; сферы лекарственных препаратов нового поколения, в том числе для профилактики заболеваний; глубоководных морских исследований; разработок ядерных технологий на быстрых нейтронах.

В Программе на 2006–2020 гг. дано определение «мегапроекта» (как крупного, значимого для развития общества и экономики проекта), выделены принципы отбора таких проектов, проведена их дифференциация на военные и гражданские, определено и разработано 16 крупных «мегапроектов».

В документе отдельный раздел посвящен ***реформе*** научно-технологической системы КНР, которая призвана обеспечить решение стратегической задачи – достижения мирового научно-технологического лидерства Китая, присоединения его к числу ведущих научно-технологических держав. Реформа, в числе основных, включает в себя следующий комплекс мер:

I. *Прямую бюджетную поддержку.* Предполагается: а) финансовая поддержка приобщения китайских компаний к наилучшим зарубежным технологиям и их развитие на этой основе. Так, например, Банк развития Китая должен предоставлять «льготные кредиты» высокотехнологичным компаниям; б) прямые государственные инвестиции (централизованного правительства) в фундаментальные исследования, исследования в области передовых технологий, в строительство крупной научно-технической инфраструктуры.

II. *Косвенную поддержку.* Предполагаются: а) налоговые преференции для предприятий малого и среднего бизнеса. В том числе – это: а1) уменьшение налогооблагаемой базы путем вычета из валовой прибыли до 150% расходов на НИОКР (т.е. расходы на НИОКР на 150% не облагаются налогом, фактически составив чистое субсидирование), а2) введение механизмов ускоренной амортизации научно-исследовательского оборудования стоимостью до 300 тыс. юаней, а3) ускоренное внедрение НДС потребительского типа и включение налога, взимаемого с оборудования, в сферу вычета НДС; б) поддержка высокотехнологичных китайских компаний в части государственной закупки их продукции.

III. *Поддержку критических элементов инфраструктуры, жизненно необходимых для преобразования знаний и идей в экономические и социальные выгоды.* Предполагается: а) внедрение новой системы интегрального управления наукой и техникой в военной и гражданской сфере; б) формирование системы технических стандартов на национальном и международном уровне; в) совершенствование системы интеллектуальной собственности на основе информационных технологий; г) содействие созданию венчурных фондов для финансирования инновационных предприятий, бизнес-инкубаторов, частных научно-технологических агентств на базе исследовательских институтов; д) создание высокотехнологичных лабораторий, оснащенных наилучшим образом научных парков; е) развитие системы популяризации науки; ж) расширение форм регионального и международного научно-технического сотрудничества и обмена.

После разработки программы Государственный совет отдельным документом утвердил распределение ответственности и определил сроки исполнения за конкретными ведомствами и должностными лицами в форме сводного списка правил реализации долгосрочной программы развития науки и техники [6]. Так, согласно документу, ключевыми министерствами, ответственными за реализацию Программы на 2006–2020 гг. являются: департамент Национальной комиссии по развитию и реформам – отвечает за развитие инноваций МСП и разработку плана и проектов, продвигающих независимые инновации; Министерство финансов – отвечает за разработку налоговых стимулов, направленных на увеличение НИОКР и повышение инновационной активности предприятий, а также разработку политики государственных закупок; Министерство науки и техники – ответственно за выделение средств на создание и развитие бизнес-инкубаторов и научных парков, а также за реализацию мер по поддержке научных исследований и разработок в ключевых областях научно-технической политики.

На основе Программы на 2006–2020гг. разрабатываются пятилетние программы научно-технических инноваций, конкретизирующие и актуализирующие ее выполнение.

Так, последняя пятилетняя программа «Государственная программа научно-технических инноваций на 13 пятилетку (2016–2020) (далее – «13 пятилетняя программа») основывается на «13 пятилетнем национальном плане экономического и социального развития КНР» и «плане национальной стратегии инновационного развития». 13 пятилетняя программа определяет принципы и цели научно-технического развития страны до 2020 г., основные задачи, уточняет приоритетные области развития в период 13 пятилетки [7].

В число основных принципов, декларируемых 13 пятилетней программой, входят следующие : а) потребности страны в области научно-технического развития являются одним из важнейших стратегических приоритетов; б) раз-

витие талантов и человеческого капитала рассматривается как движущая сила научно-технологического развития; в) формирование «глобального видения» определяется как ведущий фокус научно-технологического развития (предполагает определение приоритетов научно-технического развития КНР на основе оценки глобальных тенденций и вызовов мирового масштаба); г) развитие науки и техники должно быть ориентировано на насущные потребности общества (технологические инновации – императив социального благосостояния).

Руководство Китая в 13 пятилетней программе определило приоритетные области научно-технологического развития, включая: 1) *сельское хозяйство* – поддержка ключевых сельскохозяйственных исследований в области высокоурожайных культур, контроль и предотвращение загрязнения сельского хозяйства и др.; 2) *энергетика* – чистые угольные технологии, возобновляемые источники энергии и др.; 3) *промышленность* – поддержка исследований в области интеллектуального производства, ключевых и основных материалов, новых материалов и др.; 4) *окружающая среда* – поддержка экологических исследований в области чистой воды, чистой почвы, управление опасными химическими веществами и др.; 5) *здравоохранение* – поддержка исследований по профилактике болезней и борьбы с ними и др.; 6) *урбанизация нового типа* – поддержка исследований по проблематике умных городов, зеленых зданий и др.; 7) *фундаментальные исследования, связанные с национальными стратегическими требованиями* – поддержка исследований в области нанотехнологии, стволовых клеток, белков, развития ребенка, происхождения жизни, мозга, сознания, квантовых технологий, изменения климата, а также эволюции Вселенной и др.; 8) *крупные международные научные проекты* – участие в крупных международных национальных научно-технических проектах, способствующих интеграции страны в глобальные инновационные сети.

Важнейшей задачей 13 пятилетней программы является создание «высокоэффективной, скоординированной инновационной системы», в которой все участники взаимодействуют друг с другом – национальной инновационной системы (далее сокращенно – «НИС»). Согласно 13 пятилетней программе НИС включает:

1) Увеличение доли акторов инноваций. Предполагает расширение количества активных участников инновационной деятельности путем: а) поддержки наиболее инновационно активных предприятий; б) укрепления магистральной роли национальных научно-исследовательских центров; в) усиления роли университетов и институтов. Высшее образование рассматривается в НИС как научно-техническая основа и источник новых ученых.

2) Создание эффективных инновационных структур. Означает рассмотрение национальных лабораторий в качестве ключевого ресурса научно-технологического развития. В связи с этим ориентирует на создание в рамках НИС инновационных сетей, связывающих национальные лаборатории в партнерские сообщества вокруг функциональных, взаимосвязанных инновационных центров. Это позволит данные сети фокусировать на национальные стратегические потребности, а при необходимости и включать их или их элементы в отраслевые цепочки.

3) Создание эффективного демонстрационного инновационного пространства. Предлагает формирование национальных демонстрационных зон инноваций и зон высоких технологий как основы регионального и межрегионального трансфера инноваций. Создание и использование для этой цели международных платформ инновационного сотрудничества. Регионы должны поощрять создание и развитие центров инновационных технологий с мировым уровнем конкурентоспособности.

4) Создание эффективных сетевых коммуникационных пространств. Предполагает поддержку развития открытых, интегрированных в мировом масштабе инновационных сетей, где участники сотрудничают с целью получения выгод от: а) междисциплинарных научных связей, связи капитала и рынка талантов; б) стимулирования совместного инновационного производства, передовых научно-технологических исследований в) углубления военно-гражданской инновационной интеграции; г) более эффективной интеграции общественных инноваций и стартапов.

5) Развитие управления инновациями. Определяет возможности оптимального сочетания роли государства и рынка в области инновационного развития, включая центральные и местные органы власти. Предполагает, что на более низких уровнях управления власть и контроль должны становиться все более децентрализованными. Для этого предполагается реформирование: а) системы научно-исследовательских центров через их интеграцию с центрами научно-технологических инноваций, б) системы распределения государственных ресурсов.

6) Создание инновационной экологической подсистемы. Означает улучшение научно-технических инноваций в экологической сфере путем укрепления правопорядка, оптимизации законов и нормативных актов в части защиты ИС, а также повышения научно-технического образования.

При разработке 13 пятилетней программы научно-технических инноваций на 2016–2020 гг. были установлены индикативные показатели, направленные на решение стратегических задач. К 2020 году предполагается достижение следующих результатов: расходы на НИОКР увеличатся до 2,5% от ВВП; доля вклада научно-технической сферы увеличится до 60%; количество изобретений и патентов составит 12 шт. на 1000 человек; доля добавленной стоимости наукоемкой сферы услуг в ВВП достигнет 20%; доходы от высоких технологий, используемых предприятиями, увеличатся на 11,8% по сравнению с 2015 годом и составят 34 триллиона юаней; расходы предприятий на НИОКР будут доведены до 1,1% от выручки; по индексу цитирования в системе цитирования SCOPUS китайские ученые должны занять второе место в мире; патентные заявки по процедуре PCT должны увеличиться вдвое и составить 61 000.

Понимание руководством Китая необходимости определения долгосрочных направлений научно-технологического развития способствовало разработке «Прогноза социально-экономического развития страны до 2050 г.» и «Дорожной карты научно-технологического развития Китая до 2050 г.» (далее дорожная карта). Документ был опубликован в январе 2018 года и является результатом работы более 100 ведущих научно-исследовательских институтов страны, порядка 300 экспертов и 60 академиков. Исследования для создания дорожной карты охватили восемь основных направлений. Это развитие энергоресурсов, новые материалы и «умное» производство, развитие информационных сетей, сельское хозяйство и биотехнологии, народонаселение и здравоохранение, развитие системы

охраны окружающей среды, исследование космоса и океана, технологии обеспечения безопасности страны и общества. В рамках *восьми основных направлений*, выделены *двадцать две инициативы*, являющиеся стратегически важными для долгосрочного развития КНР. Шесть инициатив стратегической важности для повышения *конкурентоспособности* Китая на мировой арене: развитие высокопроизводительных вычислительных возможностей, технологии переработки отходов после использования ресурсов, молекулярное конструирование наследственности животных, растений и др. Семь инициатив стратегической важности призваны обеспечить *устойчивое развитие* Китая. В частности – это развитие производства геотермальной энергии, производство атомной энергии следующего поколения, исследование основ клеточной и регенеративной медицины и др. Две инициативы сосредоточены на национальной и общественной безопасности, которые связаны с пониманием ситуации в космическом пространстве и параллельными системами управления и социального контроля. Четыре инициативы нацелены на усиление фундаментальной науки в тех направлениях, которые потенциально могут привести к прорывам. Это исследования в области темной материи и темной энергии, искусственной жизни и синтетической биологии. Три инициативы ориентированы на новые междисциплинарные области исследования, которые включают нанонауки; математику и комплексные системы, а также освоение космоса [8].

Для успешной работы по 22 основным инициативам были предложены пять принципов развития инноваций в области науки и техники с китайской спецификой, которые должны быть реализованы до 2050 г. и направлены на стимулирование развития науки и техники в КНР [9]:

1) опора на внутренние силы и эффективная интеграция глобальных инновационных ресурсов в соответствии с открытостью внешнему миру;

2) объединение талантливых людей и их вовлечение в инновационную деятельность, в соответствии с установкой – все для человека;

3) сочетание основной роли рынка и правительственного макро-регулирования на основе китайских реалий;

4) разделение труда и сотрудничество между основными участниками национальной инновационной системы наряду с углублением реформ;

5) продвижение научно-технических инноваций через инновационный менеджмент наряду с комплексным планированием.

Представленные пять принципов развития инноваций в области науки и техники рассматриваются как основа создания идеальных условий для строительства инновационного государства в КНР. Некоторые составляющие этих условий в настоящее время уже получили существенное развитие. Например, международное научно-техническое сотрудничество Китая, возвращение из-за рубежа высококвалифицированных специалистов китайского происхождения, определение отдельных стратегий инновационного развития для каждого региона КНР.

Особого внимания заслуживает в дорожной карте согласованность целей, задач и путей их достижения, которые разработаны на базе основных стратегических направлений научно-технического развития и разбиты на три этапа реализации: к 2020 году, к 2030 году и к 2050 гг. Так, при создании системы исследования и освоения космоса выделены ключевые задачи в двух областях: 1) исследование и освоение космоса; 2) создание потенциала развития космических технологий. Конкретные шаги по данным областям заключаются в следующем. До *2020 года* предполагается завершение создания системы научных исследований космоса, базирующейся на сериях исследовательских ИСЗ (искусственных спутников земли). Здесь планируется осуществить прорывы в технологиях, обеспечивающих долговременное жизнеобеспечение человека на космической станции, а также создание многоспекторного и многоцелевого телескопа с апертурой 2 м и соответствующей высокоскоростной передачей данных. *Приблизительно к 2030 году* планируется осуществить пилотируемые полёты на Луну, а на её поверхности создать лунную базу. Предполагается завершение разработки телескопа, имеющего сверхвысокую разрешающую способность с апертурой 4 м и объективом, работающего в видимом и инфракрасном диапазонах. Предстоит разработка межпланетных зондов для исследования глубокого (дальнего) космоса, осуществление межпланетных полётов, создание высокоточной системы автономной навигации, исследование планет, находящихся за орбитою Марса. *К 2050 году* планируется создать глобальную систему высокоскоростной связи, а также систему раннего прогнозирования глобальных изменений и масштабных стихийных бедствий на Земле. Предполагаются полёты беспилотных космических кораблей за пределы Солнечной системы в межзвёздное пространство. Планируется создание космического телескопа с апертурой 10 м с пространственной разрешающей способностью 0,01.

Подводя итог анализа системы стратегического планирования научно-технологического развития КНР можно выделить ряд отличительных черт, обеспечивающих успешное научно-технологическое развитие страны, которые могут представлять интерес для использования в России:

– интегрированность науки и техники с социально-экономическим развитием;

– комплексность процесса планирования всей инновационной цепочки;

– высокая децентрализация в развитии науки и техники. Провинции и местные районы рассматриваются в качестве основных субъектов ответственности, играющих ключевую роль в развитии науки и техники с точки зрения: а) политики защиты интеллектуальной собственности; б) инфраструктуры как основы научно-технологического развития; в) инвестиций в увеличение мобильности ресурсов в науке и технике;

– системность государственных мер поддержки инновационной активности;

– интегрированность долгосрочных, средне- и краткосрочных целей. Ориентированность страны на прогрессирование в областях определенных на государственном уровне приоритетов и одновременный запуск поисковых исследований в областях потенциально перспективных с точки зрения формирования базы для достижения глобальной конкурентоспособности в долгосрочной перспективе;

– тесная связь со стратегическими потребностями страны. Приоритетные области науки и техники рассматриваются на соответствие социально-экономическим потребностям и приоритетам страны, определенным в других ключевых политических документах;

– «глобальное видение» в качестве важнейшего руководства. Рассмотрение глобальных тенденций развития, глобальных вызовов и рисков как определяющих ключевой вектор научно-технологического развития;

– внутренняя и внешняя взаимосвязи в достижении целей и задач. С одной стороны – ориентация правительства на международное сотрудничество с целью импорта высококвалифицированных человеческих ресурсов, интеллектуальной собственности, инвестиционных ресурсов в приоритетных областях научно-технологического развития. С другой стороны – это готовность страны экспортировать высокотехнологичную продукции на международные рынки;

– высокая интеграция науки и техники военной и гражданской сфер;

– четкая система ответственности за реализацию научно-технической политики;

– гибкость в пересмотре среднесрочных (пятилетних) программ научно-технологического развития. Государственные органы Китая имеют возможность пересматривать (в соответствии с новой ситуацией и проблемами, возникающими в процессе реализации годового плана) пятилетние программы НТР с тем, чтобы они в большей степени соответствовали изменяющейся ситуации.

Обзор системы стратегического планирования научно-технологического развития КНР позволил сформулировать некоторые предложения по возможным направлениям использования данного опыта в российской практике. Прежде всего, заслуживает внимания опыт разработки государственной программы долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в качестве примера для разработки аналогичной комплексной программы научно-технологического развития России. Так, основной документ научно-технологического развития РФ – «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года» носит рамочный характер и требует конкретизации в комплексной программе, где должен быть отражен полный инновационный цикл [10]. Это предполагает включение в документ положений, четко регламентирующих реализацию основных этапов жизненного цикла создания инноваций. В том числе должны быть включены разделы, посвященные стратегии реализации: а) базовых исследований, разработок и научных экспериментов (поисковых и фундаментальных исследований; исследований и апробации рабочих моделей, прототипов и др.), б) инженерных исследований в области создания инновационных технологий, в) прикладных исследований, посвященных формированию подходов и направлений проведения технологической модернизации производства и высокотехнологичной продукции, г) исследований и сравнительной оценки конкурентоспособности отечественных разработок на мировом уровне, д) разработки мер мониторинга и постоянной модернизации собственно НИС, в рамках которой это должны быть реализовано и др.

Приходится констатировать отсутствие в настоящее время комплексного документа научно-технологического развития, охватывающего вопросы четкой постановки долгосрочных целей и задач, ключевых приоритетов; механизмов формирования и инициации специальных крупных проектов; а также системных мер, призванных помочь в достижении намеченных целей.

Для гарантированной реализации научно-технологической политики РФ крайне важным является закрепление ответственности за достижение целей стратегического планирования НТР за отдельными органами государственной власти. Опыт КНР в данной области является весьма успешным и представляет интерес с точки зрения законодательного установления зон ответственности всех участников стратегического планирования НТР.

Трудности в отечественной практике управления научно-технологическим развитием также возникают и ввиду отсутствия единого государственного органа, ответственного за разработку и реализацию научно-технологической политики, что приводит к дублированию функций, снижает качество принимаемых решений. Текущая ситуация предполагает участие ряда уполномоченных органов, являющихся субъектами стратегического планирования научно-технологического развития, без координации их деятельности какой-либо вышестоящей организацией. Однако если учитывать, что эффекты внедрения системы стратегического планирования научно-технологического развития являются по своей сути синергетическими, то нарезка генеральных полномочий на части с неизбежным размыванием границ ответственности за интегральный результат представляется весьма спорным управленческим решением [11]. С рекомендациями создания единого государственного органа стратегического планирования научно-технологического развития, ответственного за реализацию научно-технической политики выступает ряд авторов. В том числе С.Ю. Глазьев предлагает создать при Президенте России межведомственный орган – «Государственный комитет по научно-техническому развитию РФ» в качестве коллегиального органа. В его состав должны войти руководители профильных министерств и ведомств, РАН, федеральных институтов финансирования и поддержки [12; 13]. Успешный опыт межведомственной координации научно-технологического развития Китая является примером тому, что централизованная координация, как минимум, полезна. Так, в рамках Госсовета создана «малая руководящая группа» по вопросам науки, техники, образования. Эта межведомственная структура занимается выработкой единого курса по стратегическим вопросам развития науки, техники и образования и собирается несколько раз в год (обычно два раза в год). Три ведомства Китая – Министерство науки и техники, Государственная комиссия по развитию и реформам КНР, Министерство финансов являются сопредседателями Государственного межведомственного совета по вопросам управления и планирования в области науки и техники [14].

Формируемую в России систему стратегического планирования НТР ослабляет отсутствие навыков выстраивания продуктивной работы над плановыми документами с научными, академическими и экспертными сообществами. В этой связи представляется целесообразным обеспечить более широкое привлечение и участие в подготовке документов стратегического планирования НТР ведущих научных организаций, в том числе это – Российская академия наук, отдельных ведущих ученых, являющихся экспертами в своей области. Предлагается также организовать инте-

рактивное взаимодействие государственных структур с бизнесом, научным сообществом и экспертами на ранних этапах разработки документов с целью согласования интересов различных участников. В этой связи полезен опыт комплексной организации процесса разработки документов научно-технологического развития КНР. Так, в выработке стратегических документов НТР Китая важную роль играет наука. В частности привлекаются ведущие научные организации, в том числе различные институты Академии общественных наук и др. Следует отметить, что процесс разработки такого рода документов, особенно на начальных этапах, проходит в открытой форме, с вовлечением ученых, инженеров, экономистов, военных и других экспертов.

В то же время, опыт Китая заставляет обратить внимание на целенаправленность действий в области научно-технологического развития через формулирование и утверждение приоритетных направлений научно-технологического развития, концентрацию усилий научных организаций конкретных технологических направлениях. Так, в КНР не только разработана «Дорожная карта научно-технического развития до 2050 года», включающая 8 основных направлений , 22 инициативы в области развития науки и техники, но и предложены принципы, создающие *идеальные условия* для реализации данных направлений.

Заключение

Анализ опыта стратегического планирования научно-технологического развития Китая позволил выделить ряд основных черт системы стратегического планирования КНР и сформулировать некоторые предложения по возможным направлениям использования наилучшего опыта в российской практике. Главное для России в китайском опыте – это комплексный и целостный подход к стратегическому планированию НТР, базирующийся на четком определении ключевых приоритетов и соответствующей постановке долгосрочных целей и задач. Также опыт свидетельствует о необходимости использования системных мер для достижения успеха в научно-технологическом развитии. Принятые долгосрочные решения должны сопровождаться эффективной трансформацией институтов, обеспечивающих координацию и исполнение принятых решений.

Список литературы и источников

1. 国家统计局 – http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm
2. Научно-технологическое развитие Российской Федерации. – http://www.нтр.рф/ways/upravlenie-i-investitsii/
3. Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (до 16.01.2020). – http://government.ru/department/410/projects/
4. 中华人民共和国科学技术进步法. – http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2007-12/29/content_847331.htm
5. 国家中长期科学和技术发展规划纲要(2006–2020年). – http://www.gov.cn/jrzg/2006-02/09/content_183787.htm
6. Сводный список правил реализации долгосрочной программы науки и техники. – www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_310755.htm
7. «十三五»国家科技创新规划. – http://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5103134.htm
8. Science & Technology in China: A Roadmap to 2050. Strategic General Report of the Chinese Academy of Sciences: [Наука и Техника в Китае: Дорожная карта 2050. Главный стратегический доклад Академии наук Китая] / Гл. ред. Юнсян Лу. – Пекин: Наука (Пекин) и Шпрингер (Берлин), 2010.
9. Островский А.В., Афонасьева А.В., Каменнов П.Б. Перспективы развития науки, техники и инноваций в КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. – № 2. – С. 6–28.
10. Государственное управление научно-технологическим развитием: вопросы теории и практики: монография / Под ред. Г.П. Белякова. – М.: Доброе слово, 2019. – 384 с.
11. Евстафьева Ю.В.Проблемы развертывания системы государственного стратегического планирования в Российской Федерации // Государственное управление. 2019. – № 75. – С. 48–66.
12. Глазьев С.Ю. О формировании системы стратегического управления экономикой // Государственная политика развития на современном этапе: содержание, направление и перспективы. Материалы международной научной конференции 27 октября 2016 года. – М.: Издательство МГУ, 2017. – С. 23–34.
13. Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия-США-Китай. Семь вариантов обозримого будущего. – М.: Книжный мир, 2017. – 352 с.
14. Иванов С.А. Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // Известия Восточного института. 2018. – № 2. – С. 6–23.
15. 修订后的《中华人民共和国科学技术进步法》 鼓励科技人员自由探索、勇担风险 – http://www.bzcm.net/folder1/folder16/folder19/2019-06-06/36307.html
16. 实施《科技进步法》加速自主创新. – http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zfjc/kjjbfzfjc/2010-05/12/content_1572645.htm

Бобков В.А.[1]

ИДЕОЛОГИЯ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Ключевые слова*: идеология, деидеологизация, идеологизация, реидеологизация, либеральная идеология, коммунистическая идеология, свобода, государство и идеология.*

Само понятие «идеология» было введено в научный оборот французским ученым Дестют де Траси в 1796 году. С тех пор ее роль и значение или превозносились до небес, или она объявлялась надуманным, искусственным и даже вредным духовным образованием, от которого неизбежно следует избавиться. Итальянский мыслитель Никколо Макиавелли отмечал, что политическая идеология – это орудие «духовного княжения» определенной политической силы. Испанский философ Ортега-и-Гассет утверждал, что у большинства людей мнения нет, мнение надо дать им, влить как смазочное масло в машину.

В 1988 году американский социолог Д. Белл опубликовал книгу под названием «Конец идеологии. Еще раз». В ней он обосновывал свою концепцию **деидеологизации.** Суть ее в том, что все идеологии якобы потерпели поражение, и наступает жизнь без идеологий. К таким выводам автора, конечно, подтолкнул конец «холодной войны», резкое снижение противостояния двух общественных систем, начавшаяся в СССР «горбачёвская перестройка», которая сопровождалась быстрым развитием демократических начал, а также общее потепление мирового политического климата.

Тогда одни ученые и политики взяли эту концепцию в свои руки как знамя, помогающее разрушать основы государственности в Советском Союзе. Другие резко критиковали, причем не только в СССР, но и в Соединенных Штатах Америки. Среди таких критиков был, например, известный американский политолог Д. Истон, который эту концепцию назвал мифом, маскирующим господство «консервативно-демократической идеологии»[2]. И следует особо подчеркнуть, что распространение в мире и в СССР, в частности, теории деидеологизации нанесло значительный вред общественно-политическому знанию, сильно разоружало идеологическую работу. И уже не за горами был 1991 год – год распада СССР.

Конечно, не только ослабление идеологической работы явилось причиной распада СССР. Их много – и слабая компетентность руководства страной, и прямое предательство национальных интересов (например, вывод советских войск из ГДР). Но важной причиной было также разоружение, ослабление идеологической работы: зачем ее вести, если по Беллу «всякая идеология обречена на саморазрушение»[3].

Спустя немного времени, а точнее в 1992 году, выходит книга американского ученого японского происхождения Фрэнсиса Фукуямы под названием «Конец истории и последний человек». Фукуяма наносит удар по основным идеологиям современности в пользу сторонников либеральной идеологии, либеральной демократии. Он как бы подводит черту под жизнеспособностью коммунистической и других идеологий, оценивая их «концом истории». **Дескать, идеологическое противостояние заканчивается, потому что всем теперь ясно: на всей планете побеждает либеральная идеология.** Только ее идеи способны покорить весь мир, победив все иные идеологии. На основе ценностей либеральной демократии, утверждал Фукуяма, будут формироваться все правительства, войн и революций больше не будет…

В то время в Америке и Западной Европе появилось множество публикаций, авторы которых наперебой высказывали солидарность с пророчествами Фукуямы, а ученые Беларуси, России и ряда других постсоветских стран обоснованно критиковали такие пророчества. Но в 2006 году и сам Фукуяма в работе «Америка на распутье» под напором жизненной правды вынужден был признаться в ошибочном прогнозе.

Необходимо заметить, что триумф либеральной идеологии для ее сторонников в конце XX – начале XXI века казался абсолютно неизбежным. Это было время, когда они рукоплескали распаду Советского Союза. А еще раньше в Восточной Европе прокатилась бурная волна революций под знаменем свободы и борьбы с коммунистическим прошлым, в ходе которых от так называемого «лагеря стран социалистического содружества» откололся целый ряд государств.

Какие выводы из этого периода нашей истории полезно сделать сегодня? Во-первых, он выявил научную несостоятельность теории деидеологизации и призывов к ней. Спустя небольшое время в науке появилась теория «реидеологизации», т.е. возврата к важной роли идеологии в современном обществе. Убедительным подтверждением тому является многообразие современных идеологий. Основными среди них можно назвать либеральную, консервативную, социал-демократическую и коммунистическую, исключая их этого ряда радикальные идеологии – националистиче-

[1] Бобков Владимир Андреевич – д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, председатель Белорусской ассоциации политических наук, зав. кафедрой «История белорусской государственности» Белорусского национального технического университета. E-mail: kafpolitics@bntu.by

[2] Цит. по: Зеркин Д.П. Основы политологии: курс лекций. – Ростов-на-Дону. Феникс, 1996. – С. 365.

[3] Там же.

ского и фашистского толка. Во-вторых, прежний опыт учит, что ослабление идеологической, воспитательной работы ведет к снижению влияния политической власти на массовое сознание граждан, их патриотические и интернациональные чувства, сознание долга и личной ответственности.

В-третьих, в разные периоды новой и новейшей истории различные идеологии выходили на первый план. В XX веке вплоть до развала СССР успешно покоряла мир коммунистическая идеология, в конце XX века – либеральная. Дело в том, что меняется жизнь людей, их благосостояние и образовательный уровень, изменяются их интересы, запросы и политические ориентации, которые оказывают решающее влияние на сознание.

Современная политическая идеология является многоуровневой. Можно выделить три уровня ее функционирования: теоретико-концептуальный (элитарный), программно-политический (пропагандистско-просветительный) и актуализированный (житейский). На первом уровне разрабатываются политические теории, обосновываются идейные принципы политических партий, общественно-политических движений. На втором уровне разработанные теории трансформируются в программные документы и политические лозунги (например, «За процветающую Беларусь»). Так идеология проникает в школы, университеты, на предприятия, в средства массовой информации. На третьем уровне ведется практическая работа по адаптации идеологических программ и установок к конкретной жизни определенных коллективов и отдельных граждан. Именно здесь и выявляется степень эффективности идеологической пропаганды, степень ее влияния на сознание людей, овладения этим сознанием.

Недавно, словно в подтверждение признания Фукуямы, в журнале American Political Science Review опубликованы результаты исследования политолога Кристофера Клаасена из университета Глазго. На основании данных, полученных им из 135 стран мира, ученый делает вывод: либеральная демократия теряет популярность даже там, где еще недавно считалась устойчивой[1].

Вполне очевидно, что сейчас либеральная идеология переживает очень серьезный кризис, породивший процесс гниения хваленой либеральной демократии. А такой процесс всегда порождает в общественной жизни извращения, уродливые формы, популистские решения, что мы и наблюдаем в странах, культивирующих либеральную демократию. Примеров – масса.

В последнее время некоторые сообщения из современной американской и западноевропейской жизни буквально повергают белорусскую общественность в недоумение или шоковое состояние. К примеру, когда вместо графы «отец» и «мать» в свидетельство о рождении вносится запись «родитель 1» и «родитель 2». Семья заменяется формой сожительства. Простите, но даже в зверином сообществе самец не живет с другим самцом. А как вам нравится выйти замуж за собаку Шарика или кота Ваську, а жениться на обезьянке Макаке или ежихе Колючке? Не подумайте, что это моя выдумка. В Швеции, США и Индии законодательством разрешено жениться на животных или выходить за них замуж[2].

Но и это, оказывается, не предел либеральных воззрений. Шведский профессор Магнус Сёдерлунд разработал и предложил современному миру с экрана шведского телевидения рецепт долголетия и выживания, экологического очищения на основе людоедства. Сёдерлунд заявил, что планирует провести гастрономические семинары о перспективах включения в рацион человечины, т.е. поедание человеческих трупов. Основным препятствием к этому он считает «консервативность пищевых привычек» людей и общественные табу, поскольку поедание мертвечины считается осквернением[3].

Как расценивать такое «рационализаторское предложение», окунающее мир в пучину каннибализма? Даже думать об этом дико, страшно и стыдно – будь ты хоть слесарь, хоть профессор. Вполне очевидно, что в таком предложении меньше всего учености, а больше того, чем занимаются психиатры. Подобная идеология и логика извращают и разрушают веками сложившиеся представления людей о жизни, браке, семье, детородстве, любви как великих символах продолжения рода человеческого.

И еще пример. Скажите, пожалуйста, как относиться к «феномену» Греты Тунберг в борьбе с климатом? Казалось бы, благое дело. Но логически и политически его должны возглавлять руководители государств, политические лидеры. Однако какие-то «ушлые люди» выпускают на авансцену борьбы шведскую школьницу с прищуренными глазами. Эта девочка, вместо того, чтобы учиться в школе и набираться ума, разъезжает по миру, отчитывает государственных деятелей за их слабую работу по проблемам изменения климата, выступает на конференции ООН по климату в декабре 2019 года в Мадриде…

Испокон веков во всех странах мира родители, взрослые учили детей. В данном случае все наоборот: школьница сурово отчитывает взрослых дядей и ставит перед ними вовсе не детские задачи. Возможно, кому-то в Швеции или в другой «свободной» стране действительно эта акция показалась инновационной формой борьбы за климат. Но ведь всё это идет вразрез с вековыми традициями, постулатами педагогической науки, наносит огромный вред воспитанию ребенка, ставит под сомнение как его искренность, так и искренность намерений тех, кто стоит за Тунберг и оплачивает ее туры по миру. И здесь невольно приходит догадка, что для кого-то это – коммерческий проект, а шведская девочка Грета это лишь способ его эффективной реализации.

Казалось бы, абсолютно далекой от нашей темы является Международная конференция, которая состоялась в ноябре 2019 года в Праге. Но на деле она является не нами проведенным анализом того, что происходит в духовной жизни Западного общества в последние годы. Конференция была посвящена 30-летию «бархатной революции» в Чехословакии. На ней революционеры, в том числе бывшие президенты – Польши – Лех Валенса, Чехии – Вацлав Клаус,

[1] Плескачевская И. Конца истории не видно // Народная газета. 2019. – № 47, 22 лістапада. – С. 7.
[2] Подать в суд на питомца? // Аргументы и факты. – М., 2020. – № 11. – С. 20.
[3] Пятаков С. Шведский ученый предложил поедать людей для спасения планеты. –https://iz.ru/919330/2019-09-09, 01:47.

основатель польской «Газеты Выборчей» Адам Михник, соратник Виктора Орбана, стоявший у истоков создания политической партии ФИДЕС, Тамаш Дойч, вспоминали минувшие дни, анализировали победы, неудачи, последствия.

Заслуживают внимания многие их выводы.

Адам Михник: «Мы чувствуем, что происходит регресс на разных уровнях».

Вацлав Клаус: «Сегодня нам не угрожает коммунизм, но угрожают многие другие «измы». Мы недостаточно защищаем себя от них».

Тамаш Дойч: «Европа или станет Центральной Европой, или пропадет… Мы понимаем, что такое семья, вера и традиции. Это у нас в крови»[1].

То есть, через 30 лет после революций, изменивших Восточную, а затем и Центральную Европу, бывшие революционеры обеспокоены больше всего не экономическим, а духовным состоянием общества: гей-парадами, гендеризмом, однополыми браками, мультикультуризмом и тому подобными явлениями нравственного характера, что пришло к ним с Запада.

Они признавались, что совершая революцию, не предполагали такого поворота дел, а думали о свободе, экономике и суверенитете. Но как могло такое случиться – разводили руками. На наш взгляд, явление это не случайное в общественном развитии большого континента – целого ряда стран (Норвегия, Швеция, Дания, Нидерланды), которые веками демонстрировали миру свою высокую культуру и строгую духовность. Оно подтверждает результаты нашего анализа.

Ведь если вернуться к той же международной конференции в Праге, то революционеры, по их признанию, а также те, кто устремился под их знамена, не думали тогда, что в коммунистической идеологии, в социалистическом содержании прошлого было не только плохое, но и много, очень много хорошего, духовно высокого и в первую очередь – поистине великая значимость и духовность человека. Эта духовность строилась не на звериных принципах человеконенавистничества, людоедства, а по сути, на христианских ценностях: не убий, не укради, помоги, поделись с ближним, а цементировалась она правдой и справедливостью. Еще раз подчеркнем: да и в северных странах Европы, откуда сегодня идет пропаганда людоедства, веками существовала подчеркнуто строгая духовность. Но либеральная идеология поколебала и духовное содержание социал-демократической модели развития страны.

И вот уже со «старших либеральных демократов» берут пример их младшие коллеги по Евросоюзу. Латвийский писатель Яновскис в повести “Sola” сравнивает русских людей с собаками и поучает: ты, латыш, смотри на этих русских как на собак, свысока, они еще недоразвиты. Чувствуете, вроде как с гитлеровского фашизма стряхнули нафталин? Но в умственной деградации автор не одинок. Нашлись соратники от образования, которые предложили включить данную повесть в школьную программу: пусть и дети в Латвии формируют соответствующее отношение к соседнему народу.

Здесь закономерно возникает вопрос: а как так получилось, что безграничная реализация либерального принципа свободы допущена не только в странах, где у власти находились или находятся политические партии либеральной идеологической ориентации, но и там, где сильны и властвуют социал-демократические партии, например, в скандинавских странах?

Ответ на этот вопрос следует искать в сильном влиянии на Западную Европу Соединенных Штатов Америки как в финансово-экономической, так и в идейной, духовной сфере общества: гей-парады, однополые браки, трансгендеризм и др. Истоки этого влияния – в семидесятилетнем их совместном противостоянии СССР. Это также и потоки пропагандистской литературы, идущие из США и Европу. Это и массовое обучение европейцев в американских вузах. Но это и бездумное подражание европейцев Дяде Сэму во всех его извращениях.

Не секрет, что только Трамп заставил европейских политиков и общественность хоть в какой-то мере проснуться и подумать о своей самостоятельности и национальной гордости. А до этого всё шло под копирку: американское – значит и наше, родное. Американская демократия воспринималась на Западе как образец для подражания, как солнечный луч в хмурый день. И «американское солнце» долго светило над Западной Европой, не подталкивая европейцев к поиску на нем темных пятен. Потому это «американское солнце» так выжгло натуральное лицо Западной Европы – ее национальную самобытность и самостоятельность, традиционно высокую культуру, во многом способствовало деградации мыслительного процесса и падению нравов.

Следует, вместе с тем, заметить, что либеральная идеология сыграла весьма положительную роль в возникновении демократии, становлении ее в развитых странах Запада. Либерализм и демократия здесь как бы взаимодополняли друг друга в утверждении общечеловеческих ценностей. Но в XXI веке, особенно в наши дни, мы наблюдаем весьма заметную деградацию основной ценности либералов – свободы – в неограниченную свободу личности, что ведет к анархизму и потере морально-нравственных ценностей общества.

Жизнь учит, что падение морально-нравственных ценностей открывает двери для бесстыдного, безбоязненного и безнаказанного переформатирования исторической памяти народов, чем в наше время очень активно занимаются идеологи из Америки и Западной Европы. В этом грязном потоке появляются Сёдерлунды и Яновскисы, бессовестно оспаривается жертвенно-великая роль советского народа в победе над фашизмом в годы Второй мировой войны, возрождается бандеровщина на Украине. Все это направлено на то, чтобы размыть менталитет, самобытность стран и народов, стиль общения и мышления людей, изменить восприятие действительности и разума. Возможно, не всё делается сознательно: что-то от скудости ума, что-то от заангажированности, безнаказанности, но что-то определенно как чисто идеологический товар, рассчитанный на растление сознания его потребителя. И, как видим, либерализм предоставляет для этого широкие возможности.

[1] Плескачевская И. И вновь продолжается бой // Народная газета. 2019. – № 46, 15 лістапада. – С. 5.

Заметим, что достоинства и недостатки любого общественного строя относятся во многом к идеологии, лежащей в его основе. Не существует единой и единственно правильной идеологии, что показала практика применения марксистко-ленинской, коммунистической идеологии в СССР. Мы подвергаем критическому анализу либеральную идеологию не за то, что она плохая, а **за крайности в практике ее применения**, которые противоречат научному мировоззрению и здравому смыслу. Конца любой идеологии не может быть уже только потому, что сам человек и его жизнь весьма многообразны, сложны и требуют в каждый исторический период идей, соответствующих решаемым задачам.

К тому же история мирового развития подсказывает, что и государство должно быть в ответе как за исполнение законов, так и за существующие в нем идеи, мораль. На таких позициях находился и один из отцов-основателей теории либерализма, англичанин Томас Гоббс. Он представлял беспредельное развитие государственности в качестве основного средства разрешения всех общественных проблем. Гоббс сравнивал государство с Левиафаном – «земным Богом», описанным в Библии. Ну, а если на Западе современный Левиафан спит, занимая позицию невмешательства в дела общества, то видим, как образуется пространство свободы для духовного обнищания и падения нравов.

В данном отношении действующая Конституция Республики Беларусь гласит: «Государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь»[1]. Принятая в нашей стране Концепция информационной безопасности дополняет эти положения современной оценкой ситуации. Она акцентирует то, что жизнедеятельность Беларуси осуществляется в условиях глобализации и интеграции. Это широко открывает двери государства для проникновения вредных, радикально-националистических идеологий, воззрений, верований, чуждой культуры, в какие бы сверхлиберальные одежды она ни рядилась.

Такое понимание общественного развития, современной идеологической ситуации в мире особенно актуально для обсуждения в молодежной среде – студенческой и школьной аудитории, учитывая слабую политическую зрелость, легковерность, с которой молодые люди воспринимают все новое и необычное. Это наглядно продемонстрировали майданные 2014 года и послемайданные события в Киеве, когда рабочую и особенно студенческую молодежь, организаторы Майдана привлекали на протестные акции за американские доллары и печеньки. А после, как видим, во многом из таких постояльцев Майдана формируются отряды радикальных националистов, последователей Бандеры.

Понимая это, в вузах нашей страны необходима более четкая ориентация гуманитарных кафедр на то, чтобы вести «тонкую» идеологическую работу, т.е. не «в лоб», а на основе научно-педагогических методов, добиваясь наиболее высокого эффекта. Для этого важно отказаться от сложившейся в последнее десятилетие традиции, когда блок социально-гуманитарных дисциплин в Беларуси каждые 4–5 лет реформируется и на дисциплины идеологической направленности урезаются аудиторные часы.

Предлагается также в вузах вернуться к оправдавшей себя советской практике, когда кафедры гуманитарного профиля подчинялись непосредственно ректору, что повышало их роль, а также значение идеологической, воспитательной работы и отношение к ней. В целом же представляется важным, чтобы в директивном порядке закрепить требование, когда идеологическую работу ведут и отвечают за нее наравне с идеологами руководители трудовых коллективов. Собственно, на это ориентируют как Концепция национальной безопасности, так и Концепция информационной безопасности нашей страны.

Действующие в Беларуси «идеологические документы» справедливо подчёркивают большую роль и значение идеологии в современном противоречивом мире, в противостоянии стран и народов, в использовании идеологии фанатичными религиозно-террористическими движениями. Однако надо понимать, что они лишь декларируют свое отношение к идеологии, но слабо влияют на общественную и государственную практику, или вообще никак не влияют на неё. Такое же положение и в России. Причина в том, что в постсоветское время политическая власть фактически перестала готовить профессионалов идеологической работы. Далеко в прошлом остались Дома политического просвещения, специальные курсы, а Дни информирования (в Беларуси) превратились в формально-дежурные мероприятия, зачастую слабоактуальные и не адаптированные по своей тематике к месту проведения, решаемым задачам.

Серьёзнейшая причина и в том, что, например, в Беларуси на руководящих должностях в системе идеологической работы много «специалистов народного хозяйства», не имеющих гуманитарного образования. Естественно, они не владеют тонкостями, искусством идеологической работы, а потому видят в ней главным образом бюрократически-статистическую сторону. Иначе говоря, поверхностную, а не глубинную суть, где спрятано всё искусство идеологии и воспитания человека: формы, методы, стиль, политика, педагогика и психология. Это то, что делает её незаметной и эффективной, а идеологов, как тонко подметил в своё время И.В. Сталин, инженерами человеческих душ.

[1] Конституция Республики Беларусь. – Мінск: Беларусь, 2007. – С. 41.

Бурова Е.Е.,
Бижанов А.Х.,
Амребаев А.М.[1]

ВОЗМОЖНОСТИ РЕЛИГИИ КАК ОСНОВЫ КОНСОЛИДАЦИИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова*: консолидация, модернизация, религиозная идентичность, религиозное государство, светскость, функции религии.*

Keywords*: consolidation, modernization, religious identity, religious state, secularism, functions of religion.*

Специфика социогуманитарных исследований в Казахстане обусловлена задачами изучения процессов модернизации общества и продиктована не только научными интересами, но и практическими ожиданиями обоснованных рекомендаций и прогнозов в структурах государственного управления. Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан изучает актуальные проблемно-тематические контексты современного казахстанского общества в ракурсе новых идентификаций.

С учетом постпарадигмальности теоретического базиса, в ситуации недостаточности социальных измерений, непродуктивности переноса концептуальных схем, с учетом возможностей дисциплинарных сообществ казахстанских ученых и ряда иных параметров, исследования осуществляются как прикладные и междисциплинарные.

Религиоведческие исследования основываются на социологических мониторингах, которые необходимы для фиксирования, описания и понимания религиозной ситуации в целом, изучения ее тенденций, анализа институциональных влияний религии. Социологические измерения в рамках исследования роли и значения религиозной идентичности в духовно-культурном обновлении казахстанского общества (апрель-май 2020 г.) и первичная эмпирическая верификация были проведены среди населения 17 регионов в возрасте от 18 до 65 лет (объем выборочной совокупности 1800 респондентов осуществлен по национальной репрезентативной выборке по региону, полу, возрасту, этничности) и 107 представителей экспертного сообщества, распределенных на три когорты: а) ученых и преподавателей вузов, б) теологов и священнослужителей, в) государственных и общественных деятелей, аналитиков, журналистов, блогеров, гражданских активистов. С учетом специфики социальной ситуации и карантинных ограничений использовались формализованный телефонный и стандартизированный он-лайн опросы[2]. Надежность выборки в массовом опросе позволяет экстраполировать выводы на генеральную совокупность, а репрезентативный состав экспертов – обобщать оценки как квалифицированные мнения.

Консолидация общества – многогранный и сложный процесс, зависящий от многих условий и факторов: социальных институтов, эффективности государственной политики, общности историко-культурных ценностей, доминирующих парадигм в отношении светскости государства и др. Немаловажным является отношение сограждан к религии, ее возвращению в пространство социальной и личной жизни в условиях деидеологизации, наступившей в начале 90-х гг. (табл. 1).

[1] Бижанов Ахан Хусаинович – д.полит.н., профессор., директор Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК. Сфера научных интересов: современный политический процесс, казахстанская идентичность, религия и политика. E-mail: iph@iph.kz

Бурова Елена Евгениевна – д.филос.н., профессор, гл.н.с. Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК. Сфера научных интересов: идентичность, социология религиозности, методология социогуманитарных исследований. E-mail: bee1958@bk.ru

Амребаев Айдар Молдашевич – к.ф.н., профессор, гл.н.с. Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК. E-mail: aidar.amrebaev90@gmail.com

[2] Полевой этап проведен Центром бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований «BISAM –Central Asia» в рамках проекта ИФПР КН МОН РК «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания». В массовом опросе использовался метод личного формализованного интервью по сотовому телефону с применением методики планшетного опроса (техника CAPI/TAPI) с обработкой на специализированном программном обеспечении IBM SPSS. Экспертный опрос проходил в технике онлайн заполнения предварительно запрограммированной анкеты по ссылкам на страницу опроса.

Таблица 1

Ранжирование респондентами факторов активизации религии после распада СССР и обретения Казахстаном независимости (этнический срез, %, N=1800)[1]

Суждения	Всего	*Казах / казашка*	*Русский / русская*	*Другая национальность*
Возврат к традициям, в том числе – к религиозным традициям, к вере	76,8	80,6	66,0	74,9
Утверждение истинной духовности, которая воспитывает человека	73,1	75,9	63,4	74,4
Реализация потребности в поиске моральных и нравственных норм	70,7	73,4	62,6	70,0
Реставрация мировой истории и культуры	70,0	73,1	63,1	65,5
Путь обретения истины и смысла жизни	66,6	69,9	56,8	65,9
Поиск идеала, заполнение духовной пустоты	64,2	65,3	58,6	67,7
Необходимость чувствовать себя частью чего-то большего	64,7	63,8	64,9	69,5
Возрождение религиозной идеологии	60,3	63,1	50,5	62,3
Реакция на кризис ценностей	57,4	58,6	51,6	61,0
Возврат устаревшего мировоззрения	48,0	52,1	36,1	46,2
Способ манипулирования (управления) обществом	42,9	42,0	42,9	48,0
Подражание «моде на религиозность»	41,3	41,0	39,8	45,3
Политическая игра с использованием религиозных чувств	36,2	35,6	36,9	38,6

Как следует из мотивационных суждений, обоснование «возврата» религии обусловлено потребностью обратиться к истории и традициям в условиях обретения новых экзистенциальных смыслов; отреагировать на кризис нормативных регуляторов, ушедших с прежней эпохой; идентифицироваться в образовавшемся вакууме нравственно-духовных ценностей.

Позитивные оценки меняющейся роли религии преобладают над негативными, но по-разному акцентированы в этнических группах (табл. 2).

Таблица 2

Оценка респондентами меняющейся роли религии в современном казахстанском обществе (этнический срез, %, N=1800)

Коннотации	Всего	*Казах / казашка*	*Русский / русская*	*Другая национальность*
Влияние религии возрастает, и это хорошо	33,1	37,4	20,2	31,8
Влияние религии не меняется, и это хорошо	19,1	16,2	27,2	20,2
Влияние религии падает, и это плохо	9,6	8,7	10,5	13,0
Влияние религии возрастает, и это плохо	9,4	9,9	9,4	6,7
Влияние религии не меняется, и это плохо	5,3	4,5	7,6	5,4
Влияние религии падает, и это хорошо	5,1	5,8	3,7	4,0
Затрудняюсь ответить	16,1	14,4	20,4	17,9

Структура религиозной идентичности и мировоззренческая самоидентификация в Казахстане имеют свои особенности. Мировоззренческая самоидентификация респондентов подтверждает преобладание номинальной религиозности, когда 51,7%, считая себя верующими, не участвуют в религиозной жизни. Около 17% отнесли себя к категории активно верующих, принимающих участие в деятельности религиозной общины и соблюдающих основные религиозные нормы и предписания. Почти 15% являются внеконфессиональными верующими (рис. 1).

Рисунок 1.
Религиозная самоидентификация респондентов (в целом, %, N=1800)

Этнорелигиозная самоидентификация проявляет близость позиций представителей разных этнических групп с акцентированием двух особенностей: 1) небольшой долей общинных верующих среди респондентов-русских (7,9%),

[1] Здесь и далее приводятся данные выше описанного социологического исследования, проведенного в 2020 году, % указан к числу опрошенных.

2) более высокой атеистической убежденностью среди представителей других национальностей (17,0%) и респондентов-русских (12,6%) по сравнению с респондентами-казахами (4,9%) (табл. 3).

Таблица 3

Этнорелигиозная самоидентификация респондентов (%, N=1800)

Индикаторы	Всего	*Казах / казашка*	*Русский / русская*	*Другая национальность*
Верующий(-ая), состою в общине, следую религиозным нормам	16,8	20,3	7,9	13,5
Верующий(-ая), но не участвую в религиозной жизни	51,7	51,1	53,9	50,7
Верующий, но не принадлежу к религиозным конфессиям	14,8	14,0	16,2	17,0
Неверующий(-ая), но из-за семьи придерживаюсь религиозных обрядов и традиций	4,9	6,0	3,1	1,8
Неверующий(-ая), но уважаю верующих	7,5	4,9	12,6	13,0
Равнодушен(-на) к религии	2,4	1,9	3,7	3,1
Неверующий и негативно отношусь к религии	0,5	0,3	1,3	0,4
Затрудняюсь ответить	1,0	1,2	1,0	0,0

С повышением возраста респондентов фиксируется тенденция спада религиозной вовлеченности (по параметру «верующий, состою в общине, следую религиозным предписаниям»). Среди 18–24-летних отпрошенных доля тех, кто состоит в религиозной общине и следует религиозным нормам составляет 23,2%, среди 25–34-летних таковых уже 19,4%, среди 35–44-летних – 15,2%, а среди 45–54-летних – 11,7%.

Тенденция воспроизводства религиозности в возрастной перспективе указывает на 1) рост религиозности исламской молодежи, 2) спад религиозной активности с ростом возраста среди адептов ислама, 3) спад религиозности у православной молодежи по сравнению с другими возрастными когортами, причисляющими себя к верующим. (рис. 2).

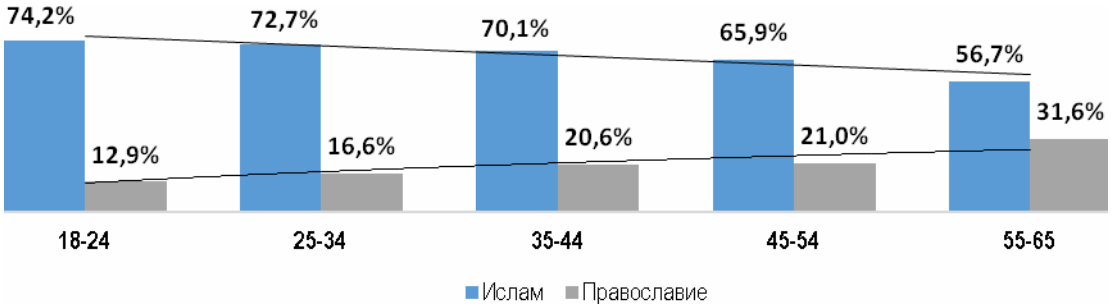

Рисунок 2.
Распределение респондентов, придерживающихся ислама и православия (возрастной срез, %, N=1800)

24,7% экспертов (33,3% из них – религиозные деятели) считают, что молодежь становится религиозной под влиянием, прежде всего, своего социального окружения (коллеги, друзья, знакомые). Еще 22,5%, из которых большинство (26,8%) – преподаватели и ученые, уверены, что это происходит под влиянием родителей и семейных традиций. В среднем каждый 5-й участник экспертного опроса (21,3%) уверен в том, что молодежь уходит в религию из-за современных трендов и «моды» (чаще всего об этом говорили эксперты из числа журналистов, общественных деятелей, аналитиков) (рис. 3).

Рисунок 3.
Мотивы вовлечения казахстанской молодежи в религиозную жизнь (эксперты, %, N=107)

С точки зрения экспертов, прежде всего, верующие и неверующие граждане Казахстана могут консолидироваться на основании принадлежности к одной этнической группе (34,8%). Во вторую очередь, имеет значение принадлежность к одной языковой группе и наличие общенациональных культурных ценностей (19,3%). В третью очередь, мотивом консолидации могут быть как общенациональные культурные ценности (18,2%), так и общая история (18,2%).

Мнения респондентов о факторах внутриэтнической консолидации проявили значимость объединительного потенциала религии: от 2–3-й позиции у представителей других этносов до 6-й позиции у респондентов-русских. (табл. 4).

Таблица 4

Факторы внутри этнической консолидации (население, %/место, N=1800)

Факторы внутриэтнической консолидации	Всего	Казах / казашка	Русский / русская	Другая национальность
Культура	47,0 % (1)	49,3% (1)	40,8 % (1)	45,3 % (1)
История, общие предки	33,2% (2)	36,7% (2)	24,6% (4)	29,6% (2-3)
Язык	28,4 % (3)	28,6% (3)	30,4% (2-3)	24,2% (4)
Религия	25,7 % (4)	27,5% (4)	17,8% (6)	29,1% (2-3)
Территория проживания	23,5 % (5)	22,3% (5)	30,9% (2-3)	17,0% (5)
Готовность помочь в сложных житейских ситуациях	17,6 % (6)	16,3% (6)	22,8% (4)	15,2% (6)
Схожие черты характера и поведения	13,0 % (7)	10,8% (7-8)	19,4% (5)	13,9% (7)
Общие трудности, невзгоды	11,2% (8)	10,3% (7-8)	13,9% (7)	11,7% (8)

Таблица 5

Мнения респондентов о функциях и дисфункциях религии в казахстанском обществе (этнический срез, %, N=1800)

Суждения о религии *Позитивные коннотации:*	Всего	Казах / казашка	Русский / русская	Другая национальность
Религия духовно обогащает человека	86,5	87,0	84,8	86,5
Религия объединяет людей одной веры	83,0	84,0	80,1	82,5
Религия облегчает душевные переживания и боль, очищает душу, способствует покаянию	82,0	82,3	81,2	81,6
Религия приносит успокоение, помогает переносить трудности	79,6	81,5	73,3	80,3
Религия объединяет общество	71,2	73,8	63,6	70,4
Религия помогает обрести смысл жизни	69,5	73,5	56,5	70,4
Религия устанавливает правила поведения в повседневной жизни	66,8	69,7	55,5	70,4
Религия показывает путь для спасения души, путь к вечной жизни	59,9	63,1	50,3	59,6
Религиозные нормы и традиции необходимы в светском обществе и обязательны для верующих и неверующих	50,7	54,2	40,8	48,9
Отрицательные коннотации:	Всего	Казах / казашка	Русский / русская	Другая национальность
Религия воспитывает в людях бездействие, смирение, призывает к строгому образу жизни	57,3	59,8	49,2	57,8
Религия способствует мифологическому восприятию жизни	47,0	48,4	44,8	43,5
Религия не влияет на нравственные чувства человека	39,9	41,1	37,2	38,6
Религия не является опорой в жизни человека в современных условиях	38,0	38,1	37,2	39,0
Религия отвлекает от решения конкретных жизненных задач	36,5	37,7	31,9	37,7
Религия ограничивает влияние современных технологий, в том числе – информации	35,4	38,6	27,0	32,7
Религия разъединяет людей разной веры	35,0	37,0	35,1	24,2

Подавляющее число респондентов из разных этносов (84,8–87%) отмечает первостепенность функции духовного обогащения (86,5%) и объединения людей одной веры (80,1–84%). 71,2% в среднем значении указывают на интегрирующую функцию религии для общества. Тенденция: респонденты-русские критичнее представителей государствообразующего этноса и других этнических групп оценивают некоторые позитивные и, напротив, лояльнее в оценке негативных функций религии (таблица 5).

76,4% в среднем значении по всем когортам экспертов отметили, что религия способствует консолидации общества. С утверждением о том, что религия противопоставляет друг другу различные слои казахстанского общества согласилось 23,6% всех респондентов. У представителей экспертного сообщества из числа теологов и священнослужителей – акцентированная точка зрения на возможности консолидирующей функции религии. Оценка функциональных возможностей института религии в достижении согласительных парадигм в обществе показывает, что консолидирующие функции религии отмечают 76,4% экспертов (среди них наибольший процент составляют религиозные деятели – 93,3%). С утверждением о том, что религия противопоставляет друг другу различные слои казахстанского общества согласилось 27,3% экспертов из числа журналистов, аналитиков, блогеров, политических и общественных деятелей, 26,8% – из числа светских преподавателей из ученых и 6,7% – из числа религиозных деятелей (теологов и преподавателей) (рис. 4).

Представители экспертного сообщества прояснили, что конфликтогенность обнаруживается 1) в различных трактовках сущности Бога и его происхождения (38,1%), 2) в религиозном экстремизме (19%), 3) в деятельности радикальных религиозных течений (19%), 4) в нетерпимости к атеистам (14,3%), 5) в нетерпимости между представителями разных конфессий (4,8%), 5) в религиозной безграмотности населения (4,8%).

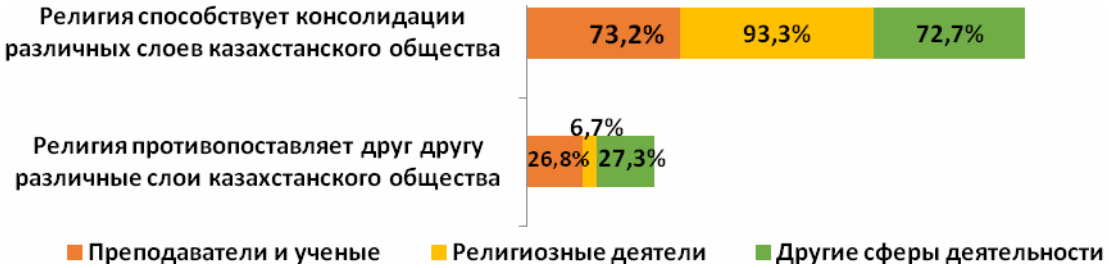

Рисунок 4.
Оценка объединительного/конфликтогенного потенциала религии (эксперты по когортам, %, N=107)

Средства, инструменты и механизмы консолидирующей функции религии в оценке экспертов представлены в следующей иерархии (рис. 5).

Рисунок 5.
Ранжирование механизмов и инструментов реализации консолидирующей функции религии (эксперты в целом, %, N=107)

С точки зрения экспертов, основное средоточение угроз в сфере культурно-духовной безопасности общества – в распространении нетрадиционных религиозных течений (24,6%); отсутствии у населения интереса к истории своего народа, государства (15,6%); интеграции религии в повседневную жизнь граждан (13,1%); навязывании «западного» образа жизни и идеалов (10,6%). По степени убывания отмечены: сознательный отказ от изучения языка своей этнической группы (9%), распространение атеистических и агностических взглядов в среде молодежи (8,5%), тенденции толерантного отношения к представителям ЛГБТ-сообществ (8%), отказ от традиционных для казахстанцев ценностей (6,5%).

Одним из маркеров современной социетальности является пересечение сфер религии и политики. В условиях поиска новых политических стратегий, которые обеспечили бы баланс между обществом и государством, политическое руководство обращается к религии как к возможному инструменту консолидации общества и целостности государства. В этом контексте важно принятие/отвержение парадигм поликонфессионального, светского, религиозного (исламского) государства населением.

Большинство респондентов признают Казахстан многоконфессиональной страной (89,3%), с преобладанием верующих, представляющих две основные религии – ислам сунитского мазхаба и православие (72,8%). Склонны относить Казахстан в силу демографических характеристик к странам исламского мира – 64,1% (рис. 6).

В возрастном срезе проявлены тенденции:

– снижения числа сторонников парадигмы «Казахстан – многоконфессиональное государство» с увеличением возраста,

– возрастания сторонников парадигмы «Казахстан – страна двух основных религий: ислама и православия» с увеличением возраста,

– снижения сторонников парадигмы «Казахстан можно отнести к странам исламского мира» с увеличением возраста (рис. 7)

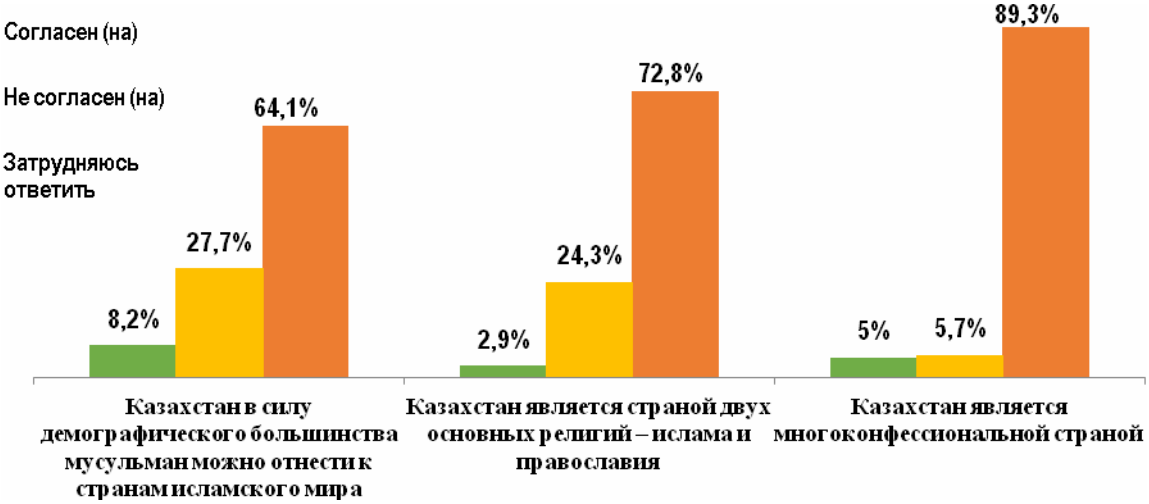

Рисунок 6.
Восприятие населением парадигм в отношении особенностей религиозного статуса государства (в целом, %, N=1800)

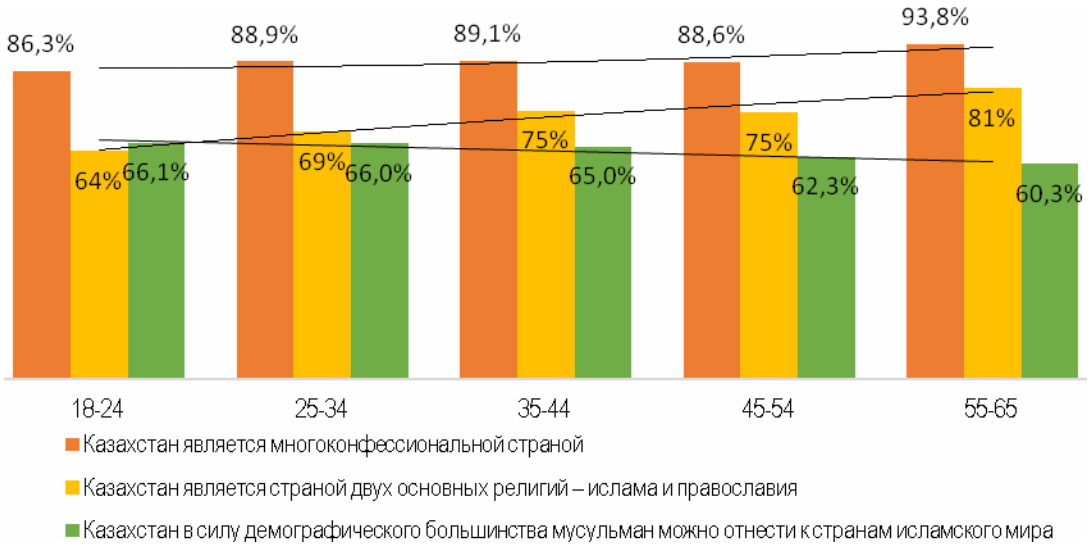

Рисунок 7.
Восприятие населением парадигм в отношении особенностей религиозности государства (возрастной срез, %, N=1800)

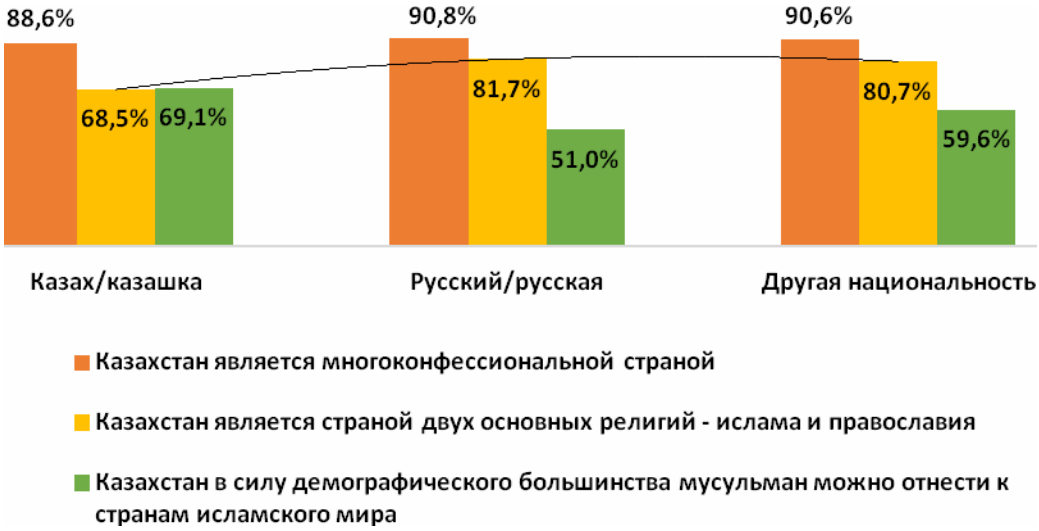

Рисунок 8.
Восприятие населением парадигм в отношении особенностей религиозности государства (этнический срез, %, N=1800)

Среди респондентов разных этнических групп парадигма о многоконфессиональности воспринимается всеми этническими группами аксиологически сходно, а утверждения о том, что «Казахстан – страна двух основных религий

(ислама сунитского толка ханафитского мазхаба и православия» и о том, что «Казахстан в силу демографического большинства можно отнести к странам исламского мира» воспринимаются с внушительным нтервалом значений и этнической дистанцией между респондентами государствообразующего этноса – казахами и респондентами всех других этнических когорт (рис. 8).

Выявлена тенденция устойчивого роста сторонников религиозного государства (вопрос исследуется нами с 2000 г.). Если в 2000 г. парадигму светскости в массовом опросе не разделяли 4,1% респондентов, то в 2020 г., отвечая на вопрос о том, должен ли Казахстан оставаться светским государством или становиться религиозным, 38,6% респондентов высказываются против светскости за вектор к религиозному статусу (рис. 9).

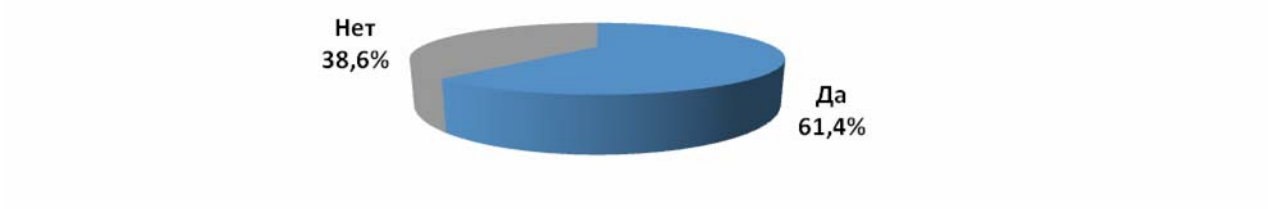

Рисунок 9.
Должен ли Казахстан оставаться светским государством? (население в целом, %, N=1800)

Чем младше респонденты, тем больше среди них оппонентов светскости государства: 43,2% среди 18–24-летних по сравнению с 26,5% в когорте 55–65-летних (рис. 10).

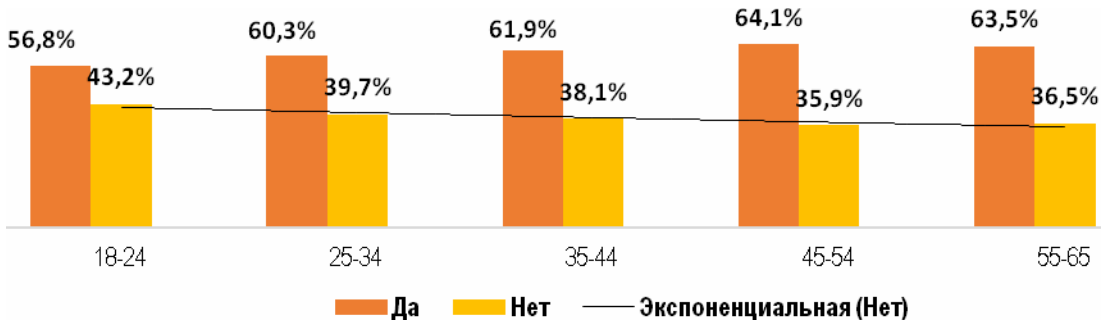

Рисунок 10.
Восприятие населением необходимости светского устройства Казахстана (возрастной срез, %, N=1800)

Чаще всего за то, чтобы Казахстан оставался светским государством высказываются этнические русские (71,5%), а в поселенческом типе – городские жители (63,9%). Иной позиции (в пользу религиозного статуса) придерживаются преимущественно респонденты –казахи (42,3%) и жители сельской местности (42,4%), отмечающие, что Казахстан должен становиться религиозным государством (рис. 11).

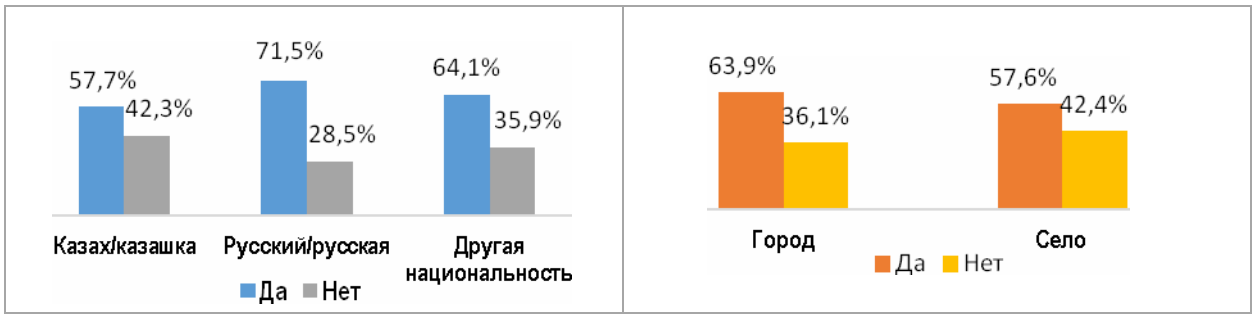

Рисунок 11.
Восприятие населением парадигмы светского устройства Казахстана (этнический и поселенческий срезы, %, N=1800)

Превалирующее число респондентов полагает, что государству следует сохранить статус светского, однако в нем должно быть преобладание исламской традиции (77,8%). Доля уверенных в том, что Казахстану стоит стать религиозным государством, где все определяется религиозными традициями, составила 22,2% от общей выборки (рис. 12).

Абсолютное большинство респондентов во всех возрастных группах желают жить в светском государстве с преобладанием исламской традиции (в интервалах значений 74,7–82,1%). Обращают внимание возрастные когорты респондентов от 25 до 54 лет, где каждый пятый (18–24 лет) и каждый четвертый (25–54 лет) считают, что Казахстан должент стать религиозным государством с регламентацией общественной и личной жизни религиозными нормами (рис. 13).

Рисунок 12.
Должен ли Казахстан оставаться светским государством / стать религиозным государством (в значении «ДА», население в целом, %, N=1800)

Парадигма необходимости для верующих придерживаться традционных или поддерживаемых государством толкований религии (имеется в виду ислам ханафитского мазхаба и православное христанство) поддерживается 72,8%, не поддерживается 27,2% респондентов.

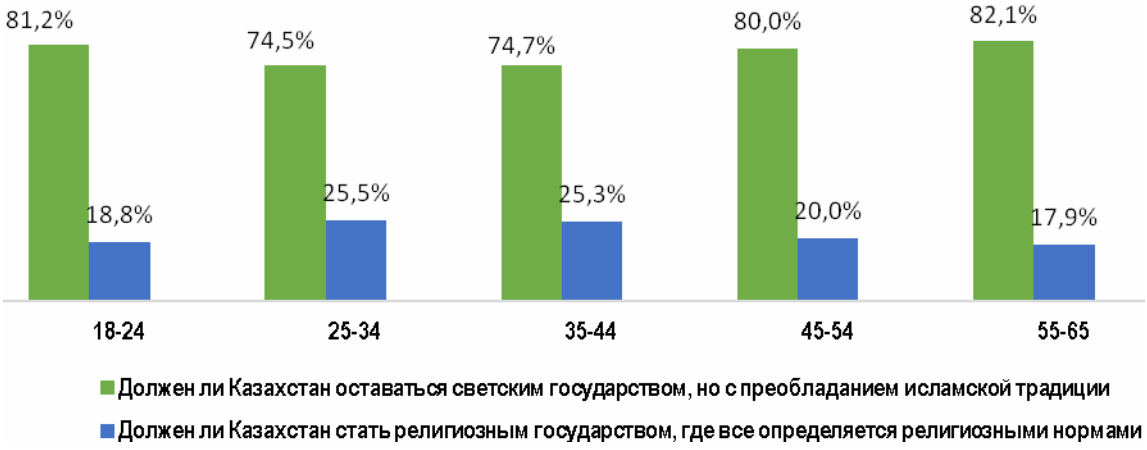

Рисунок 13.
Должен ли Казахстан оставаться светским государством / стать религиозным государством (в значении «ДА», возрастной срез, %, N=1800)

Наибольшая доля несогласных с этой парадигмой в этническом срезе представлена респондентами-русскими (31,9%) и респондентами других этносов (30,5%). Каждый четвертый респондент казахской национальности (25,1%) не согласен с тем, что всем верующим необходимо придерживаться традиционных и/или поддерживаемых государством толкований своей религии (рис. 14).

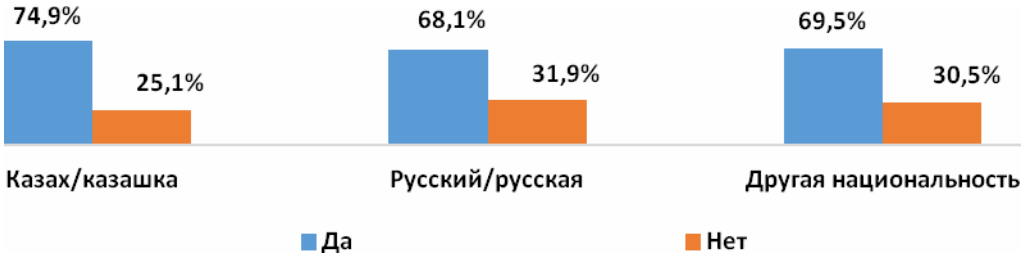

Рисунок 14.
Необходимо ли верующим Казахстана придерживаться традиционных или поддерживаемых государством толкований религии (этнический срез, %, N=1800)

Государственная политика в сфере религии как фактор консолидации оценивается и респондентами, и экспертами с нюансами. Эксперты чаще уверены в том, что религиозным организациям не дают свободы (18,0%) и что религиозные организации игнорируют (14,6%) (рис. 15).

Среди экспертов заметно чаще о полном соответствии государственной религиозной политики Конституции РК говорят журналисты, аналитики, общественные деятели, активисты и т.д., а об излишней свободе, равно как и об отсутствии ее, а также об отсутствии внимания сообщают преимущественно религиозные деятели (рис. 16).

Рисунок 15.
Оценка респондентами государственной политики в отношении религии
(в целом, %, эксперты N=107, население N=1800)

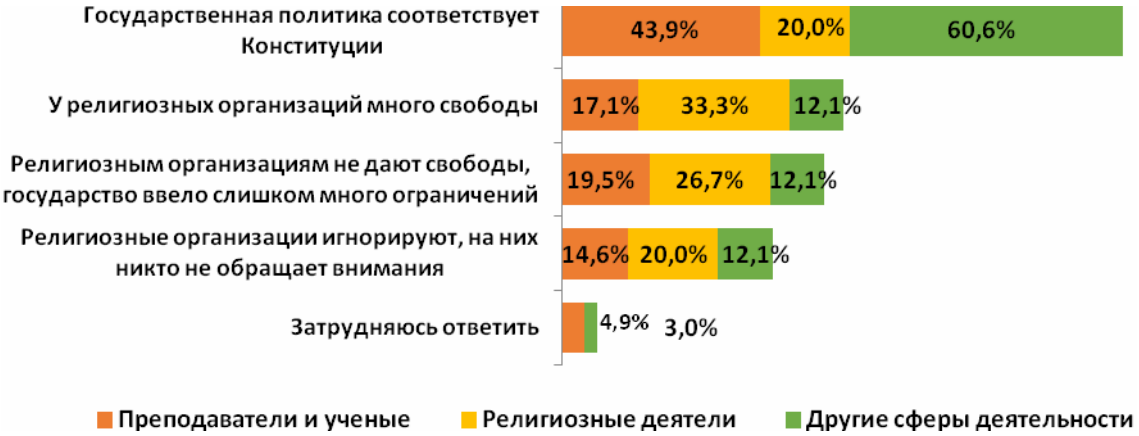

Рисунок 16.
Оценивание экспертами деятельности госорганов в отношении религиозных организаций
(эксперты по когортам, %, N=107)

Проективное будущее детей по отношению их идентификаций к религии показывает, что аксиологические установки в отношении значимости религии амбивалентны: часть респондентов одновременно заявляет и о вовлеченности в религию (от 21,7% у респондентов-русских до 36,4% у респондентов-казахов) и о дистанцировании от религиозного контекста жизни. Все опрделеннее формулируются пожелания родителей в связи с атеистической убежденностью детей (от 12,1–12,3% у других этнических групп и респондентов-казахов до 17,3% у респондентов-русских) (рис. 17).

Религиозная самоидентификация в казахстанском обществе проявляет тенденции к воспроизводству модели религиозности с признаками: а) превалирования номинальных верующих (не практикующих и не входящих в общины), б) увеличения удельного веса молодежи в составе верующих мусульман, в) снижения численности православной молодежи в составе верующих христиан, г) роста численности атеистов, д) роста внеконфессиональных верующих.

Экспертами отмечены тренды религиозных конверсий: все больше людей из числа непрактикующих верующих становятся практикующими верующими (25,8%). Это мнение высказывают преимущественно аналитики, журналисты, блогеры, общественные и политические деятели (30,3%), а также преподаватели и светские ученые (29,3%). Эксперты-теологи полагают, что все больше граждан из числа атеистов становятся верующими и/или приходят к нетрадиционным религиям (по 26,7%).

Фиксируется тенденция «омоложения» номинальных верующих. Средствами интеграции молодежи и религии являются (по степени убывания): социальное окружение (друзья, коллеги, знакомые) – 24,7%, родители и семейные традиции – 22,5%, мода на «религиозность» – 21,3%, возможность социализации – 13,5%, влияние инстранных проповедников – 3,4%, поддержка в трудных ситуациях – 2,2%.

В гражданской ментальности доминируют представления о том, что Казахстан является многоконфессиональной страной или государством с двумя основными религиями – исламом и православием. В то же время уменьшается численность приверженцев этих парадигм за счет акцентирования посылов о том, что «Казахстан в силу демографи-

ческой ситуации можно отнести к странам исламского мира» и устойчивого роста сторонников превращения Казахстана в религиозное государство.

Рисунок 17.
Распределение модальных суждений населения по вопросу
«Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети в своей взрослой жизни… (в целом, %, N=1800)

Исследование выявило, что отношение к религиозным ценностям и их способности консолидировать современное казахстанское общество не обладает всеобщностью и значимо преимущественно для верующих. Оценивая позитивно возможности религии как института консолидации, и население, и эксперты не рассматривают религиозную идентичность и мировоззренческую общность религиозного образца в качестве консолидирующего фактора общества в целом.

Объединяющий/конфликтогенный потенциал религии в оценке экспертов указывает на высокую критичность мнений аналитиков, преподавателей, ученых, журналистов, государственных и общественных деятелей в оценке конфликтогенного потенциала религии в обществе (26,8–27,3%) по сравнению с религиозными деятелями (6,7%). Экспертное сообщество отличается когнитивным диссонансом как по критерию светской / религиозной самоидентификации, так и по внутриконфессинальным разногласиям.

Угрозы в сфере культурно-духовной безопасности общества, по мнению экспертов, состоят в распространении нетрадиционных религиозных течений; отсутствии у населения интереса к истории своего народа, государства; в интеграции религии в повседневную жизнь граждан; в навязывании «западного» образа жизни и идеалов. Факторами вовлечения населения в деструктивные религиозные организации названы: активная работа проповедников, близость религиозных ценностей, а также достижение новых личностно-значимых идентификаций в группах участия.

Меняющаяся роль религии в жизни модернизирующегося казахстанского общества входит в предметную область междисциплинарных исследований. Религия как традиционный институт духовно-культурной идентичности и как политический проект в глобалистских измерениях проявляются как теоретические концепты для понимания процессов консолидации/дезинтеграции современного общества и имеют эвристический потенциал для дальнейших изысканий.

Ванюрихин Г.И.
д.т.н., профессор, Российский университет дружбы народов
g.vanyurikhin@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО И ВНУТРЕННЕГО РАЗВИТИЯ И МЕТОДЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ Н.Н. МОИСЕЕВЫМ[1]

Ключевые слова: *мировой кризис; глобальные и внутренние противоречия; методы разрешения конфликтов.*
Keywords*: world crisis; global and internal contradictions; methods of solving conflicts.*

1. Глобальные вызовы, проблемы и противоречия

Известно, что глобализация как процесс формирования общемирового финансово-экономического пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий , продолжает расширяться и углубляться. Этот процесс уже затрагивает почти все стороны отношений между странами, размывая географические, экономические и политические границы.

Глобализация имеет положительные тенденции, связанные со сближением стран, оптимизацией размещения ресурсов, углублением разделения труда и предоставлением новой степени индивидуальной свободы для предпринимателей. Вместе с тем глобализация несет *экологические проблемы*, которые нарастают с каждым днем. Она вызывает *неравномерное* развитие экономик стран и закабаление слабых из них, способствует угрожающему росту социальных *рисков*, в том числе обусловленных несправедливыми соглашениями между странами. На *необходимость усиления государства в экономике* и, особенно, в финансовой сфере обратил внимание даже Международный валютный фонд, проанализировавший результаты мирового кризиса [1].

Первые уроки этого кризиса уже изучены и отражены в многочисленных публикациях, в том числе в докладах и работах автора [2, 3, 4]. По мнению ученых, основные причины кризиса связаны: 1) с эгоистической политикой транснациональных корпораций, стремящихся ограничить самостоятельное развитие стран; 2) с сознательным нарушением баланса между производственной сферой и финансовой системой, порождающим «мыльные пузыри» и необеспеченные обязательства; 3) с нравственной деградацией банкиров и обслуживающего их менеджмента, вводящих в заблуждение людей относительно истинной ценности активов компаний и предприятий с целью получения спекулятивной прибыли; 4) с тяжелейшей болезнью и саморазрушением американской экономики – с ее гигантскими дефицитами и колоссальными бюджетными, торговыми и платежными дисбалансами; с необходимостью «связать» доллары за границей; 5) с целенаправленной политикой теневых финансово-идеологических групп, организующих работу гигантского «финансового насоса», который «высасывает» ресурсы отдельных стран и перераспределяет их в свою пользу [5].

При обсуждении финансового кризиса за круглым столом профессор А.Н. Чумаков сказал: «современный мир, став целостной системой, пока не получил адекватного управления, и в этом кроется главное противоречие глобального мира»[6].

2. Предложения академика Н.Н. Моисеева по выходу из кризиса и разрешению глобальных и внутренних противоречий

Здесь мы остановимся только на некоторых предложениях ученого.

А. Системы Гермейера. В послесловии к книге Дж. Форрестера «Мировая динамика» [7] академик пишет о важности системного подхода к экологии и другим глобальным проблемам, к вопросам преодоления конфликтов и противоречий. Он отмечает, что «стандартного способа согласования несовпадающих интересов различных субъектов не существует» (с. 286). Ученый использует понятие эффективности коллективного решения, при котором решение нельзя одновременно улучшить для всех партнеров, и понятие устойчивости решения, когда ни у одного субъекта не будет стимула отступить от согласованных решений (как раз сейчас проверяется эффективность и устойчивость компромисса в отношении ранее заключенных договоров об ограничении вооружений и недавнего договора по Идлибу, где продолжаются боевые действия). Говоря о компромиссах, ученый пишет: «Как правило, устойчивые компромиссы неэффективны, а эффективные неустойчивы» (с. 289). Академик отмечает, что существует класс систем, в которых отыскание эффективного устойчивого компромисса принципиально возможно: это так называемые Гермейеровские системы (обосновал математик Ю.Б. Гермейер). Особенностью таких систем является одна общая цель («путешест-

[1] Доклад, представленный на Международной научной конференции «Моисеевские чтения».

венники в одной лодке»). Фактически мы все и находимся в одной лодке, если говорить об экологии, природных и техногенных угрозах.

Конечно, непросто сформулировать общую цель, которая бы была воспринята конфликтующими сторонами (например, сохранение природы), но требуются более приземленные подцели, которые могут быть приняты как корпоративные цели, и необходимо составить некоторую цепочку, ведущую к общей (глобальной) цели. И на каком-то этапе само время может начать играть конструктивную роль по разрешению противоречий, что уже было в истории. Думаю, что созданием таких объединяющих подцелей и должны заниматься политики, ратующие за безопасное развитие событий – что в конечном итоге и может привести к управляемости глобальных процессов, о которых говорил профессор А.Н. Чумаков. Применительно к Сирийскому конфликту такой подцелью может быть совместное использование природных ресурсов (нефть) для обустройства жизни местных обездоленных людей при одновременном исключении из принятия решений внешних игроков, преследующих свои цели. Для сглаживания украинской проблемы можно предложить совместное строительство тепловых электростанций на Донбасском угле или другое освоение местных (региональных) ресурсов. Примером является гидроэлектростанция в Абхазии и Грузии, которая «связывает» две враждующие страны. Более ранним примером может служить строительство *совместных предприятий* католиками и протестантами в Германии после 30-летней войны, на что обратил внимание Н.Н. Моисеев. В глобальном масштабе нужны совместные проекты, такие, как полет на Марс, защита от астероидов, совместная борьба с эпидемиями (типа коронавируса, которую переживает мир), защита от солнечной радиации (в случае наметившегося изменения полярности магнитного полюса) и другие проекты, которые объективно объединяют людей.

Б. Формирование Коллективного Разума или Интеллекта. Академик поясняет: «Коллективный Интеллект – это природное явление, результат сложнейшего эволюционного процесса человека и общества. Его корни – в необходимости людей думать вместе и действовать сообща, то есть в обмене информацией, без которой развитие общества невозможно!» [8, с. 40]. И автор продолжает: «Лавинообразное развитие средств связи, накопления и обработки информации и компьютерных технологий создает совершенно новые возможности для развития Коллективного Разума. Этот процесс чем-то напоминает историю развития мозга живого, когда увеличение числа нейронов и усложнение связи между ними привели однажды к появлению сознания…Вот почему информационным мне хочется назвать общество, в котором Коллективный Разум играет такую же роль в общественном организме, то есть помогает всему обществу справляться с трудностями обеспечения его *гомеостаза*, в сохранении его целостности вместе с биосферой». Надо добавить, что современные информационные и коммуникативные технологии, математические модели расширили возможности Коллективного Разума, а понятие гомеостаза, которое академик перенес в социально-экономическую сферу, все шире применяется для решения региональных и глобальных управленческих задач, а также проблем безопасности. В наших работах мы используем понятие безопасности как показатель гомеостаза системы, характеристику ее целостности [9]. Гомеостатический подход к формированию управлений в сложных системах все более широко используется учеными [10]. По-нашему мнению, Коллективный Интеллект, воплощенный в информационных математических моделях, поможет предупредить надвигающиеся опасные явления и избежать разрушительных точек бифуркации. Более того, использование таких моделей позволит оценить, какую плату несет мировое сообщество за принятие судьбоносных решений и тем самым будет способствовать формированию ноосферной ответственности и ноосферного мышления, за которое ратовал Н.Н. Моисеев.

В условиях недостаточной демократии (наличия однопартийной системы) и отсутствия активного гражданского общества в стране высокие технологии (искусственный интеллект, системы распознавания образов) могут быть использованы для «охоты за ведьмами» в лице предполагаемых экстремистов или просто людей с другими взглядами. Но в то же время Коллективный Разум (в понимании Н.Н. Моисеева) в демократической стране, опирающийся на высокие интеллектуальные технологии, со временем может вырвать людей из тюрьмы эгоистического мира, чтобы они «были поглощены чем-то большим, чем они сами», как об этом написал Герберт Уэллс в своей замечательной книге [11, с. 285].

В. Создание Мирового рынка Образов жизни людей. Это одна из великих идей Н.Н. Моисеева. Мы привыкли к ценовому рынку, рынку качества, а в последнее время все больше говорят о рынке компетенций. Организация, которая способна обеспечить оригинальное сочетание ресурсов для достижения создания новых продуктов (а это и есть компетенция), обладает повышенной конкурентоспособностью. В глобальном масштабе наибольшую перспективу имеет страна, создавшая передовую национальную инновационную систему (НИС) как совокупность организаций и институтов, генерирующих новшества и устойчиво поддерживающих инновационный процесс на всем протяжении жизненного цикла продуктов и услуг. Конкурентоспособная страна имеет повышенную экономическую безопасность, однако глобальные противоречия и наличие агрессивных конкурентов-противников требуют от страны, претендующей на лидерство в мире, нечто большее.

Академик Н.Н. Моисеев пишет о создании уникального мирового рынка Образов жизни людей, в котором побеждает страна, создавшая лучшие условия жизни для своих людей и привлекательный образ жизни для других стран и народов. По нашему мнению, это не просто экономический рост или даже устойчивое социально-экономическое развитие, а возможность для проявления творческого потенциала людей, их осмысленное участие в реализации национальной идеи страны и, возможно, участие в осуществлении великой миссии нашей цивилизации (которую еще предстоит сформулировать). Что касается национальной идеи, то в последних работах академик Н.Н. Моисеев подчеркивал: «Наша великая национальная цель – не утверждение своих амбиций в Европе, не реализация евразийских доктрин и утопий в том духе, как это проповедовали евразийцы 20-х годов, а превращение Севера Евразийского суперконтинента, этого «моста» между океанами и разными цивилизациями в сверхпрочную, надежную, работающую конструкцию» [12]. Свое понимание национальной идеи автор изложил в работе [9].

Говоря о мировом рынке Образов жизни людей, уместно вспомнить сказку Л.Н. Толстого «Об Иване – дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Меланье, и о старом дьяволе, и трех чертенятах»[13, с. 317–341]. Напало на царство дурака Тараканское войско, а дураки не сопротивляются, отдают свой хлеб, зовут к себе жить. «Коли вам, сердешные, – говорят, – на вашей стороне житье плохое, приходите к нам совсем жить». Походили, походили солдаты, видят – нет войска; а все народ живет, кормится и людей кормит, и не обороняется, и зовет к себе жить. Скучно стало солдатам, пришли к своему тараканскому царю. «Не можем мы, – говорят, – воевать, добро бы война была, а это что как кисель резать. Не можем больше тут воевать». Гнусно стало солдатам, и все войско разбежалось.

Г. Социализм как перспективный строй для создания Нового образа жизни людей. Н.Н. Моисеев о необходимости построения социализма. В последнее время все больше говорят и пишут о том, что капитализм как общественно-экономический строй приносит больше вреда, чем пользы; что он исчерпал свои прогрессивные возможности. Эта мысль прозвучала на последнем Экономическом форуме в Давосе, где собрались главные капиталисты мира (!). А вот что показывают результаты опроса. В свежем отчете под названием Edelman Trust Barometer (специалисты опросили 34 тысячи человек из 28 стран). Оказалось, что 56% опрошенных не верят в преимущества капитализма перед другими экономическими системами. Например, во Франции таких неверующих 69%, в Германии – 55%,в Великобритании – 53%, а в России – 55%. Так что капитализм нам не поможет создать Новую жизнь, привлекательную для людей. И не надо больше доказывать, что общество неуемного (в том числе симулятивного) потребления разрушает среду и самого человека.

Н.Н. Моисеев утверждает, что решение актуальных проблем, в том числе разрешение противоречия между Природой и Обществом, возможно, если основные средства производства будут находиться в руках общества [14, с. 250] . Далее он пишет о социализме: «Вот почему я утверждаю, что при всем различии социальных структур их дальнейшее развитие неизбежно должно приобрести общую, социалистическую составляющую. В конечном счете, именно социализм в его бесконечно разнообразных формах – это я особенно считаю нужным подчеркнуть – окажется той рациональной организацией общества, которая сформируется в эпоху ноосферы»[15, с. 251; 14, с. 162]. Одна из таких форм социализма предложена выдающимся юристом академиком В.С. Нерсесянцем, которую он назвал цивилизмом или гражданским обществом, В этом обществе природная рента и все, что создано народом, составляет неделимый общественный фонд, а каждому гражданину принадлежит прибыль от своей доли, которой он может распоряжаться самостоятельно. В.С. Нерсесянц пишет: «Без права собственности нет и не может быть свободы и справедливости» [16] . Так решается вопрос о собственности, о котором писал Мэн-Цзы в V в. до н.э.: «Что касается народа, то не имея постоянного имущества, он не обладает из-за этого постоянными чувствами, и, поскольку не обладает постоянными чувствами, то распускается, становится безнравственным и творит все что захочет» [17]. Как бы перекликаясь с Мэн-Цзы и Н.Н. Моисеевым, выдающийся экономист акад. Л.И. Абалкин в своей последней книге утверждает, что стержнем устойчивого общества может быть только средний класс, имеющий собственность [18]. Академик пишет: «Принципиально важно подчеркнуть, что представитель среднего класса должен иметь два вида доходов: по своему труду и квалификации и доходы от собственности (в самом широком понимании). Только в этом случае работник – независимо от своей специальности – получает право быть независимым от продажи своей рабочей силы, обретает экономическую и политическую свободу, становится не просто объектом, но и субъектом демократической организации общества [18, с. 60-61].

Список литературы

1. Башкатова А. «Вашингтонский консенсус» не выдержал проверки экономическим кризисом // Независимая газета. – М., 2011. – 6 апреля.
2. Главная книга о кризисе: сборник / Ред.-сост. Бузгалин А.В. – М.: Яуза: Эксмо, 2009.
3. Экономика для человека: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора: материалы Московского экономического форума / Под ред. Р.С. Гринберга и др. – М., 2014.
4. Ванюрихин Г.И. Стратегическая стабильность и безопасность общества в условиях глобализации. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова; Макс Пресс, 2009. (Приложение 4.О противостоянии мировым финансовым кризисам).
5. Ключников Б.Ф. Мировой кризис как заговор. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009.
6. Финансовый кризис: философская рефлексия (итоги круглого стола) // Век глобализации. Исследование современных глобальных процессов. – М., 2009. – № 2 (4). – С. 141–142.
7. Форрестер Д. Мировая динамика / Пер. с англ. – М.: АСТ; Terra Fantastica, 2003. Послесловие Н.Н.Моисеева.
8. Моисеев Н.Н.. Мировое сообщество и судьба России. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1997.
9. Ванюрихин Г.И. Национальная идея России и проблемы национальной безопасности. Раздел монографии Юсупова Р.М «Наука и национальная безопасность», изд. 2-е. – СПб.: Наука, 2011.
10. Сперанский А.А. Стратегия опережающего технологического лидерства на основе интеллектуальных инструментов наблюдения процессов, режимов и состояний. 1-й Всероссийский форум технологического лидерства России (7–8 ноября 2014). Итоговый сборник докладов «Технодоктрина 2014». – М.: МОО «РУСТО», 2015.
11. Уэллс Г.Дж. Всеобщая история мировых цивилизаций. Изд.2-е, испр. и доп. – М., 2008.
12. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия. / Отв. ред. Г.В. Осипов. Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2009. – С. 62.
13. Толстой Л.Н.. Собрание сочинений в 22-х томах. – М.: Художественная литература,1982. – Т. 10.
14. Н. Моисеев. Экология человечества глазами математика. – М., Молодая гвардия, 1988.
15. Моисеев Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001.
16. Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. – М.: Норма, 2001.

17. Древнекитайская философия: собрание текстов в 2-х томах. – М., 1972–1973.
18. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: очерки. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2005.

Версан В.Г.
д.э.н., профессор

КТО И КАК ОСТАНОВИЛ В НОВОЙ РОССИИ ПЕРЕХОД К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ? ПРИЧИНЫ И МОТИВЫ

***Ключевые слова**: пандемия, российская экономика, инновационное развитие, качество власти и управления.*

Пандемия закончится, и ещё с большей актуальностью встанет вопрос о том, что необходимо сделать, чтобы наша экономика заработала, как развивать реальное производство, чтобы действительно улучшить качество жизни населения и, наконец, уйти от нефтяной зависимости. Вся мировая практика показывает, что достижение этих целей возможно только на пути инновационного развития экономики [1, 3]. Особенно это актуально сегодня, когда резко сократились наши возможности пополнять бюджет нефтяными деньгами и, отнюдь, не только из-за пандемии. Высокие технологии, цифровизация, развивающаяся тенденция работы на расстоянии – всё это естественным образом снижает спрос на нефть и нефтепродукты. Нельзя забывать и всё возрастающую конкуренцию на этом поле.

Смена правительства – это не техническая процедура, а объективная необходимость выхода из затянувшейся на тридцать лет деятельности наших либералов. Новое правительство, безусловно, показало себя в этот сложный период работоспособным, и мы все, за редким исключением, относились с доверием к принимаемым мерам, поддерживали их, проявляли терпение, идя порой на ущемление своих прав. И в целом, несмотря на то, что в прошедшие годы к нам относились, мягко говоря, далеко не всегда с пониманием, вели себя достойно. Прежде всего, это можно отнести к медицинским работникам, которые забыли в этой ситуации о всех унижениях, выпавших на их долю, начиная с мизерной заработной платы и кончая, так называемой, бездумной оптимизацией их работы.

Оперативно выполняя поручения Президента, правительство получило определённый уровень доверия в народе. Теперь перед ним стоят две основные задачи. Очевидно, что в ближайшие год, два – это восстановление потерь в экономике и социальной жизни, вызванных коронавирусом. Думаю, что в процессе ручного управления, страна сможет вернуться на прежний уровень экономики и качества жизни. Тем не менее, главной проверкой для нового правительства будет его способность предложить стране реальный план действий по выходу из экономического тупика и заметному уже в ближайшие годы улучшению качества жизни.

План, конечно, будет. Но его содержание и практическое выполнение во многом будут зависеть от интеллектуального потенциала правительства и наличия воли преодолеть трудности, с которыми оно неизбежно столкнётся: слишком прочно засел в головах у значительной части чиновников из либеральной среды, имеющих возможность и сегодня влиять на принятие решений, неконструктивный и безответственный стиль работы.

А ситуацию надо менять кардинально: отдельными мерами ситуацию в экономике и качестве жизни не переломить. В идеологическом плане правительству предстоит преодолеть действующую экономическую политику. С её аргументированной критикой многие годы выступали наши известные экономисты, оппоненты действующего экономического курса. По их общему мнению, основной идеологической причиной того, что страна оказалась по сути в экономическом тупике, стала псевдолиберальная денежно-кредитная политика, а также непонимание роли государства в рыночной экономике. Предлагались и конкретные пути выхода. Имеется масса публикаций по этой проблеме. Тем, кто хотел бы понять суть этой политики, я рекомендую познакомиться с работами академика С. Глазьева.

Добавить мне здесь нечего. Хочу только акцентировать внимание читателя на том, что следствием действующей экономической политики явилась многолетняя борьба с инфляцией, снижения которой добивались не научно-техническим развитием и повышением качества отечественных товаров и услуг на рынке и, соответственно, увеличением спроса на них, а искусственным снижением денежной массы: повышением кредитной ставки, не давая тем самым предпринимателям развивать свой бизнес.

И ещё. Хочу также обратить внимание на то, что в России упущена проблема снижения трансакционных издержек (издержки взаимодействия). Особенно она актуальна для стран с переходной экономикой. Этот фундаментальный аспект становления рыночной экономики, состоящий, прежде всего, в обеспечении эффективного горизонтального взаимодействия предпринимателей, без помех со стороны чиновников, был проигнорирован в нашей экономической науке и практике [2]. Нет обладающих административной властью посредников, нет и основы для коррупции. Судя по всему, это чиновников как раз и не устраивало.

Проведенные за рубежом исследования показывают, что минимизация этих издержек на предприятиях во многом определяется факторами, формируемыми на национальном уровне. Среди них: стабильное правовое обеспечение, формирование благоприятной конкурентной среды для бизнеса, судебная система, защита прав потребителей, стандартизация, измерительные возможности, аккредитация и оценка соответствия, государственный надзор и техническое регулирование. У нас, в отличии от развитых стран, системной работы по их минимизации не проводилось.

И это, безусловно, отрицательно сказалось на темпах и качестве нашего переходе к рыночной экономике: разрастались административный аппарат, бюрократия, взятки, откаты и коррупция. Но это особый разговор и не в этой статье.

В данной статье я предлагаю рассмотреть другую не менее важную для развития экономики и улучшения качества жизни проблему. Суть её состоит в том, что наша экономика и социальная сфера были отягощены не только идеологическими пороками денежно-кредитной политики. Когда только этим объясняется отсутствие роста экономики и уровня жизни, то это не вся правда. В нашей экономической жизни существует ещё одна масштабная по значимости проблема: это колоссальные потери средств из-за нецелевого и неэффективного их использования. В эту дыру провалилась большая часть нефтяных доходов. Речь идёт не о криминале – у либерального правительства не хватало умения, а судя по всему, и желания направить их на развитие экономики и улучшение жизни в стране. Отсутствовали и организационные способности эффективно решать масштабные экономические и социальные задачи. В этом смысле данная статья является развитием статьи «Игнорирование качества – идеологический просчёт в экономической политике».

За прошедшие тридцать лет либеральным сообществом было инициировано много всевозможных начинаний и кампаний, которые ничем позитивным для страны не закончились, а только привели к несправедливому распределению ресурсов и к большим материальным и моральным потерям в обществе. Последствия от этого негативно сказались на становлении предпринимательства. Добросовестный бизнес не развивался, была серьёзно подорвана его вера в искренность высокопоставленных чиновников, говорящих много громких слов о его поддержке. А сами предприниматели в такой атмосфере для того, чтобы удержаться на рынке вынуждены были во многих случаях принимать правила ведения бизнеса, не отвечающие цивилизованным требованиям [3].

Для ускорения темпов роста экономики, повышения конкурентоспособности экономики и качества жизни, ухода от нефтяной зависимости была провозглашена политика перехода к инновационной экономике. Выделялись для этого колоссальные средства, исчисляемые десятками триллионов рублей. Средства были потрачены, а поставленные цели по оценкам экспертного сообщества не были достигнуты. Наиболее ярко это проявилось в двух самых масштабных, по объёмам привлекаемых средств и наиболее неэффективных по их использованию, кампаниях: модернизация производства и применение программного управления.

Пишу об этом сейчас только по одной причине – надлежащих выводов из негативного опыта инновационной деятельности сделано не было. Руководство страны, неудовлетворённое ходом модернизации, приняло решение создать АСИ (Агентство стратегических инициатив). Но ни АСИ и никто другой для корректировки этого процесса, судя по всему, ничего конкретного не предложили. Или предложили, но не были услышаны. Модернизация продолжалась с тем же результатом.

Инновация это – «введённый в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях». В процессе модернизации из всей бизнес-цепочки инновационной деятельности: маркетинг, создание новой или значительно улучшенной продукции и технологического процесса, приобретение необходимого оборудования, подготовка и переподготовка кадров, организация производства, менеджмент, стандартизация и сертификация, работа с поставщиками и потребителями и т.д., предприятиям предлагались, а порой и навязывались только новые, в том числе импортные, технологии часто с дорогостоящим оборудованием. Для этого им предлагались льготные займы и кредиты.

Поразительно, но факт: перед предприятиями не была поставлена и не стимулировалась задача создания новой или значительно усовершенствованной продукции, которая по определению должна быть качественной и безопасной. Инновационную бизнес-цепочку вообще нельзя разрывать – неизбежна потеря эффективности инноваций. В данном же случае из неё было вырвано главное звено, на достижения целей которого работают все другие звенья, включая технологии [1, 4]. Как вообще можно было предлагать предприятиям вкладывать средства в технологии в отрыве от создания необходимой им продукции, да и от всего инновационного процесса? Это же их бизнес.

Новые современные технологии, безусловно, нужны, в том числе, и цифровые – это ключевое направление ускорения темпов развития экономики. Но если мы действительно хотим развивать бизнес сегодня, необходима тщательно продуманная стратегия их введения в действие: они должны быть технически и экономически обоснованы для производства конкурентоспособной продукции и услуг, пользующихся спросом. Без этого предприятия не смогут нормально работать и выплачивать сотрудникам заработную плату.

Формировать технологическую базу необходимо с учётом технических и экономических возможностей предприятий, наличия специалистов, персонала для её эксплуатации и устойчивого спроса на планируемую к выпуску продукцию. На начальном этапе интересы бизнеса могут потребовать выпускать её небольшими партиями на базе действующего, а при необходимости, доработанного технологического процесса и осознанно готовить поэтапный переход на новую прогрессивную технологию. В противном случае мы снова окажемся в ситуации, когда, например, для оказания высококачественных медицинских услуг чиновниками закупались за большие деньги за рубежом томографы, а потом они ржавели на улице, так как некому было их использовать и эксплуатировать.

Не хотелось бы повторения этого. Опасность здесь состоит в том, что ретивые чиновники могут и сегодня, бездумно приняв к исполнению высказанные Президентом соображения об актуальности перехода на цифровые технологии, начнут выкручивать руки предприятиям, требуя отчёта об их внедрении.

Каковы были мотивы организаторов такой, мягко говоря, нерациональной для развития инновационной экономики модернизации? Для этого необходимо понять, кому это оказалось выгодным? А выгодно это оказалось всё тем же либералам. Преднамеренные ли это были действия, или непрофессионализм им помог, не берусь судить. Но цели

своей – оставить за собой право максимально распоряжаться средствами, направленными на модернизацию, они добились.

Очевидно, что создать конкурентоспособную продукцию может только само предприятие. И именно это не устраивало организаторов модернизации. Не устраивало их и стимулирование предприятий на проработку всей бизнес-цепочки инновационного процесса. А именно в этом нуждались предприятия и, прежде всего, малые и средние. Технологические процессы и оборудование оказались в этом смысле более привлекательными для чиновников: их можно покупать, в том числе, и за рубежом, тиражировать, предлагать, а во многих случаях, как уже говорилось, навязывать предприятиям в счёт льготных займов и кредитов. Распоряжались этим чиновники, а работу выполняли, часто за откаты, специально созданные или уже действующие организации. Распределяли они и средства, которые пошли в эти же организации на разработку различных методик, правил и рекомендаций, на обучение, семинары, конференции и т.п.

Получилось всё прямо по меткому выражению В. Черномырдина «хотели как лучше, а получилось как всегда»: чиновники находятся на бюджете плюс откаты; все привлекаемые для модернизации организации выполняли государственные заказы и находились по существу на прямом финансировании (конкурсы на их получение организовывали те же чиновники); а предприятия, то есть те, кто организует материальное производство, создаёт продукции и оказывает услуги, прямого финансирования для создания конкурентоспособных продукции и услуг не получили. Они получили возможность после выполнения определённых условий, установленных опять же чиновниками, взять льготные займы и кредиты для приобретения технологий и оборудования, к которым предприятия часто не были готовы. Негативные последствия от такой модернизации для их бизнеса были налицо.

Теперь о программном управлении. Действовало три вида программ: государственные, а также федеральные и ведомственные, которые являлись составной частью государственных и должны были финансироваться из их средств. Цели государственных программ устанавливались в виде индикаторов и показателей. Предполагалось, что федеральные и ведомственные программы будут конкретизировать их.

Однако эта конструкция программ в организационном плане не сработала. Государственные и федеральные программы предусматривали достижение, например, таких целей: выручка от продажи товаров, работ и услуг, количество производительных рабочих мест, увеличение доли отечественных изделий на внутреннем рынке, выработка на мировом рынке устойчивой положительной репутации продукции отрасли т.п. Их трудно отнести к конкретным заданиям. В своё время специалисты предложили в качестве целей федеральных и ведомственных программ установить выполнение требований национальных стандартов на продукцию и услуги, гармонизированных с международными стандартами. Это предложение было отклонено.

В этих программах решались также и общесистемные вопросы развития отраслей, разрабатывались нормативные документы и рекомендации, организовывались обучение, семинары, конференции и стажировки. Организовывали эту работу чиновники, а исполняли её в основном те же организации, что и при модернизации. Конкретным же предприятиям на выполнение заданий этих программ предлагались, опять же при выполнении различного рода ограничительных требований, субсидии, льготные займы и кредиты. Что же касается ведомственных программ, которые должны были предусматривать создание конкурентоспособной продукции и необходимой для этого технологической базы, то они практически не разрабатывались.

Произошла дискредитация и самой сути программного подхода: был нарушен его ключевой принцип – установление в программе таких целей и заданий, которые позволяют организовать чёткое взаимодействие их исполнителей, распределить между ними ресурсы и объективно оценить степень выполнения как отдельных заданий, так и достижения целей программы в целом.

Таким образом, в процессе реализации программ так же, как и при модернизации не было главного – не была реализована задача создания конкурентоспособных качественных и безопасных продукции и услуги. Не было, соответственно, и прямого финансирования этой деятельности, то есть не стимулировалось как раз то, что необходимо для развития бизнеса предприятий. Не стимулировались ни материально, ни морально новые идеи, перспективные разработки и конструкции, которые у нас, к сожалению, всегда с трудом пробивали себе дорогу в жизнь. Как следствие, не развивалось реальное производство, падали конкурентоспособность и производительность труда, мы оказались не готовы к освобождению от нефтяной зависимости и к решению в полном объеме задач импортозамещения.

В конечном итоге, предназначенные для развития инновационной деятельности средства, пошли не на развитие реального сектора экономики, а во многом на разработку различного рода документов и методик, на обучение, семинары, стажировки и конференции. В отдельных программах, как, например, в плане мероприятий по реализации раздела «Комплексной программы развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 г.» их количество доходило до 70% от общего числа мероприятий [5]. По факту эти средства стали надёжной материальной базой для расширения масштабов деятельности либерального сообщества, распространившего своё монопольное идеологическое и административное влияние на все уровни управления страной, и обеспечили рост числа сторонников этого, по сути, псевдолиберального курса.

Именно монопольное, так как никакие другие точки зрения ими не воспринимались. Отсутствие критики и бесконтрольность привели к беспрецедентному росту бюрократии. Уверовав в свою ни на чём не основанную непогрешимость, ядро этого сообщества игнорировало любые другие точки зрения: пробиться через этот заслон было просто невозможно. Почувствовали это на себе и учёные и специалисты в области качества, в том числе, мои коллеги и я: все наши предложения отвергались, что называется, с порога.

Мы часто задавались вопросом – как объяснить негативное отношение у нас к качеству? И не могли найти этому какого-то логичного объяснения. В советское время это можно было как-то объяснить: административно-команд-

ная система, централизованное планирование, отсутствие конкуренции и пресловутый вал. Тем не менее, даже в этих условиях руководство страны постоянно, правда, это не всегда удавалось в отношении гражданской продукции и услуг, поднимало и пыталось решать эту проблему. Качественная продукция была, но её было мало для удовлетворения спроса, был дефицит, но практически вся продукция была безопасной.

Вопросы качества рассматривались на самом высоком уровне, на заседаниях правительства и ЦК компартии. Рождалось много интересных начинаний по оценке качества работы и системному управлению качеством, опережающие часто зарубежные разработки. Среди них система БИП (бездефектное изготовление продукции), позднее появившаяся за рубежом под названием «ноль дефектов» и КС УКП (комплексная система управления качеством продукции), также определённый аналог позднее созданной за рубежом системы менеджмента качества в виде стандартов ИСО серии 9000. Активно развивалась наука о качестве и стандартизации, получившие за рубежом большое признание: представители СССР были избраны Президентами международных и европейских организаций по стандартизации и качеству [6].

В рыночных же условиях, как говорится, сам бог велел решать эту проблему. За ней всё: конкурентоспособность экономики, снижение издержек, рост производительности труда, благосостояние граждан и, наконец, престиж страны. И, тем не менее, ни одно правительственное постановление по развитию экономики не предусматривало её системного решения.

Инновационная экономика вообще просто немыслима без создания высококачественной и безопасной продукции. Несмотря на это, нашими либералами была сформулирована и последовательно проводилась все прошедшие годы в жизнь соответствующая идеологическая подоплёка подхода к инновационной деятельности. Для этого был выдвинут тезис о том, что качественные продукция и услуги создаются рынком, и государство не должно вмешиваться в этот процесс.

Безусловно, рынок может внести свою лепту в решение проблемы качества, но только в условиях здоровой конкуренции производителей. А какой рынок их же трудами реально сложился у нас известно: попытки повысить уровень конкуренции предпринимаются у нас давно и всё без результата, ни одно решение правительства по её улучшению не было выполнено. Несмотря на выделенные средства не справилось с этой задачей и АСИ. Не улучшалась и не могла улучшиться конкурентоспособность экономики: из основных составляющих её факторов (качество, цена, срок поставки, стоимость эксплуатации, сервис и имидж), как показывают зарубежные исследования, самый высокий приоритет имеет именно качество. По их оценке – это 70% успеха на предприятиях.

Серьёзный удар по качеству и конкурентоспособности был нанесён ростом упомянутых выше трансакционных издержек: потери качества чаще всего происходят в процессе взаимодействия исполнителей на стыках между этапами и стадиями жизненного цикла создания продукции. Сказалось это и на эффективности внедрения у нас систем менеджмента качества, стержнем которых является процессный подход, результативность которого зависит и от снижения этих издержек.

Как положительный факт можно отметить организацию премии правительства по качеству. Но опять же о результатах этого конкурса знают только сами конкурсанты – одна строка в газете, не более того. А о бесценном практическом опыте решения проблем качества предприятиями-лауреатами никакой информации вообще нет.

И ещё одно решение правительства, наглядно показывающее истинное его отношение к проблеме качества: была принята разработанная Минпромторгом «Стратегия по противодействию незаконному обороту промышленной продукции РФ на период до 2020 года и плановый период до 2025 года». Однако из плана мероприятий по её реализации в процессе согласования были вычеркнуты Минэкономразвития все наиболее важные для улучшения качества позиции. Качественно разработанная стратегия потеряла всякий смысл.

Всё это привело к тому, что большое число специалистов с громадным теоретическим и практическим опытом по качеству, управлению качеством, стандартизации, аттестации, а позднее и сертификации, государственному надзору были буквально выкинуты из активной трудовой жизни.

Сравнение нашей экономики с автомобилем, заправленным некачественным бензином, справедливо [1]. Однако, теперь, опираясь на всё вышеизложенное, могу сказать, что в нашей экономике были и автомобили, заправленные качественным бензином, но ехали они в противоположную от роста нашей экономики и уровня жизни сторону. Таких просчётов, направленных на обогащение одной группы лиц и ухудшение жизни основной массы населения, допускать больше нельзя – последствия могут быть непредсказуемы. В условиях отягощённой пандемией социально-экономической обстановки восприниматься они будут крайне остро и с непредсказуемыми последствиями.

Можно ли было избежать этих потерь? Одной из самых сложных управленческих задач в экономике является предупреждение тех, порой прожектёрских, проектов, в которых отсутствует баланс интересов заинтересованных сторон, и изначально заложены социальные и экономические потери для общества. И чем масштабнее проект, тем большую опасность он может нести. Такие проекты, как правило, сопровождаются коррупционной составляющей.

Бороться с такими проектами, тем более на ранних стадиях, у нас практически невозможно. Реальная жизнь показала, что слишком велики здесь соблазны: цели проекта будут сформулированы привлекательно, он будет научно обоснован. Обоснована будет и его стоимость, будет обеспечена и его поддержка со стороны прессы и телевидения. Ясно, что не помогут здесь органы правосудия, не поможет и Счётная палата: предупреждать такие проекты на начальных стадиях – это не их функция. Просто отмахнуться от этой проблемы нельзя.

За рубежом такие факты также есть, но нам от этого не легче. Высокий уровень конкуренции в развитых странах в определённой степени противодействует таким явлениям. В некоторых из них, в частности в Америке, существуют специальные аналитические центры, суть работы которых – подготовка для высшего руководства содержательной и независимой оценки крупных проектов, в том числе, и в военной сфере.

Для содержательной и беспристрастной оценки масштабных и дорогостоящих проектов, на мой взгляд, целесообразно было бы создать при Президенте независимый и работающий на постоянной основе аналитический центр. Могут сказать, что контрольные структуры на федеральном уровне уже есть. Но в данном случае речь идет не о контроле, а о содержательном анализе и независимой оценке и, главным образом, на предмет соблюдения баланса интересов всех заинтересованных сторон [7]. У нас в стране существуют ряд аналитических центров. Было бы целесообразно привлечь и их к решению этой проблемы. Главное здесь – профессиональный уровень и независимость деятельности от заинтересованных сторон. Думаю, что обеспечение независимости в оценке управленческих решений на данном этапе – наиболее важное направление совершенствования государственного управления.

Как уже говорилось, обратиться к модернизации и программному управлению меня заставило то, что надлежащих выводов из имеющегося негативного опыта не было сделано. Сегодняшние нацпроекты должны были заменить целевые программы и повысить эффективность государственного управления. Определённый прогресс в этом есть. Наиболее наглядно это проявилось нацпроекте «Безопасные и качественные автомобильные дороги». Однако ряд проектов повторяют прошлые идеологические просчёты и не отвечают принципам программного управления. Среди них: «Повышение производительности труда и поддержка занятости» и «Демография» (задача – «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек»).

В том, что выводов из прошлого не сделано, я убедился, получив ответ из Минэкономразвития и Росспотребнадзора на мои предложения по корректировке этих проектов. Поручение это они получили из администрации Президента. В ответе Минэкономразвития по проекту «Повышение производительности труда и поддержка занятости» подтверждается, что создание новой или усовершенствованной продукции и внедрение систем менеджмента качества – это крайне важное направление повышение производительности труда. И в проекте это всё отражено. Однако в проекте нет ни слова о качестве и о менеджменте качества. Не привлекаются к проекту и предприятия, имеющие опыт по решению проблем качества. Не организуются обучение и стажировки в этой области. Нет и стимулирования этой деятельности.

В ответе Росспотребнадзора по-чиновничьи были только перечислены нормативно-технические документы, которыми это ведомство руководствуется в своей работе, и не более того. Реакции на предложения не было.

И ещё. Представители либерального ядра, активные участники провального перехода на инновационную экономику, вдруг сегодня, естественно, не называя истинных причин этого провала, с большими претензиями на стратегическое мышление, снова заговорили, как ни в чём не бывало, об инновациях и прогрессивных технологиях, необходимых для ухода от нефтяной зависимости. В качестве оправдания у них иногда проскальзывают слова о том, что эта деятельность была якобы недофинансирована, – мало было оказывается потраченных впустую триллионов. Ну, что тут сказать? Выводов из своей неконструктивной деятельности они не сделали и готовы всё повторить. И это очень опасно для страны.

Теперь по существу этих проектов. В нацпроекте «Производительность труда и поддержка занятости» увеличение добавленной стоимости, на основе которой рассчитывается рост производительности труда, базируется только на снижении затрат. Вместе с тем, создание качественной новой или усовершенствованной продукции, обладающей высокой добавленной стоимостью, играет не только решающую роль в повышении производительности труда, но одновременно обеспечивает и повышение конкурентоспособности. Этого в проекте нет. Отсутствует и финансовая поддержка предприятий в этих целях.

Повторяется в проекте, так же как это было в процессе модернизации и реализации программ, нерациональное в техническом и экономическом отношении внедрение современных технологий на предприятиях в отрыве от процесса создания продукции. Вплоть до того, что адресная поддержка предприятий по повышению производительности труда и внедрению систем бережливого производства и задача внедрения инструментов автоматизации и цифровых технологий, находятся в разных разделах нацпроекта. Нонсенс: в отрыве от содержательной проработки процесса создания продукции невозможно объективно определить потребность и возможность автоматизации и использования цифровых технологий.

Такой подход нарушает основной принцип перехода на цифровую технологию: содержательная проработка проблемы и её цифровизация – это итеративный процесс, но разрывать его недопустимо. При этом приоритет во всех случаях должен отдаваться содержательной проработке проблемы. Если этого не происходит, то формализм и, как следствие, потеря качества управления и эффективности здесь неизбежны.

Усложнена в проекте и процедура получения предприятиями льготных займов и кредитов. Для этого требуется получение обязательного сертификата соответствия производственной системы. Установить чёткие критерии оценки производственной системы для сертификации с учётом специфики предприятий: их профиля, масштабов, особенностей организации производства, технических и экономических возможностей и т.п. – практически невозможно. По этой причине международный стандарт на производственную систему, аналогичный стандартам ИСО серии 9000, не разработан. Объективность оценки и получение такого сертификата, а также определение его стоимости будут носить сугубо субъективный характер. И коррупционная составляющая здесь громадная. И, тем не менее, этот серьёзный барьер установлен[1].

Всё изложенное позволяет сделать вывод о низкой эффективности этого ключевого для ускорения темпов роста экономики и уровня жизни нацпроекта и нерациональном использовании средств, выделенных на его реализацию.

[1] На определённом этапе против сертификации производства категорически возражало Минэкономразвития, мотивируя тем, что это административный барьер для бизнеса и большая коррупционная составляющая этой процедуры. Теперь же, когда эту работу выполняет созданная им структура, это стало возможным.

Целесообразно внести изменения, предусматривающие, наряду со снижением издержек, стимулирование усилий предприятий в создании качественной и безопасной продукции и услуг, а также внедрение на предприятиях современных систем менеджмента качества. Именно результативный менеджмент обеспечит предприятию реализацию полного цикла инновационного процесса.

На мой взгляд, было бы целесообразно предусмотреть это в рамках региональных программ и программ предприятий. В качестве объекта для разработки целевых программ должны выступать виды, группы продукции и услуг, технологии (далее продукт). Политика правительства и региональных властей должна предполагать определение тех продуктов, повышение конкурентоспособности которых обеспечит достижение наиболее значимых результатов для повышения качества жизни, импортозамещения и роста экспорта как на государственном, так и на региональном уровне. Для достижения этих целей должна осуществляться в рамках этих программ целевая поддержка предприятий с использованием государственных и региональных возможностей.

Следует подумать и о корректировке целей этого проекта. К базовым отнесены предприятия промышленности, торговли, транспорта, сельского хозяйства и строительства. До 2024 года производительность труда должна вырасти в среднем на 5%. Это как средняя температура по больнице. Нет конкретики. Конечно, повышать производительность труда необходимо во всех перечисленных отраслях. Однако, программное или проектное управление – это всегда выбор приоритетов, это всегда концентрация ограниченных ресурсов на наиболее важных на данном этапе направлениях развития.

Очевидно, что наиболее остро стоит сегодня задача развития обрабатывающих отраслей. Добиться среднего прироста в 5% можно и без них, сосредоточив, например, усилия на повышении производительности в строительстве или сельском хозяйстве. Перестройка проекта на повышение производительности труда в наиболее значимых для роста экономики секторах производства придала бы ему большую конкретность и целевую направленность. Это позволило бы более чётко организовать его выполнение и обеспечить объективный контроль достижения целей.

Критиковать сегодня Росспотребнадзор как-то некорректно – насколько я понимаю, он неплохо выполняет свою функцию борьбы с коронавирусом. Но жизнь показала, что с проблемой государственного надзора он не справляется. Не думаю, что это только его вина, но факт остаётся фактом: случаи возгорания аппаратов ИВЛ, с летальным исходом больных, и низкое качество в ряде случаев средств индивидуальной защиты в определённой степени подтверждают это. Ради объективности, необходимо всё-таки сказать об этом, так как от опасной продукции потребители продолжают страдать, а реальные меры по защите нашего рынка от неё не принимаются.

В нацпроекте «Демография», в той его части, где рассматриваются вопросы питания, ничего не говорится о защите рынка от некачественной и опасной продукции, в том числе, импортной. Он абсолютно неконкретен. Вызывает удивление даже сама цель этой части проекта, предусматривающая мотивацию на здоровое питание не производителей, а потребителей. И это при том, что основной функцией Росспотребнадзора является защита прав потребителей. Соответственно и результат: к концу 2024 года будут только определены необходимые мероприятия по коррекции питания. И это тогда, когда полки магазинов завалены продуктами, изготовленными на пальмовом масле.

Отвечу в заключение на два вопроса, поставленные в названии статьи.

Что касается первого, кто остановил переход к инновационной экономике, то здесь ответ ясен – это наши либералы. И это факт. Более того, они в глазах народа надолго дискредитировали саму либеральную идею, которая в сочетании с социально ориентированной государственной политикой позволила бы нам, в этом я уверен, уже сегодня жить в стране с высоко развитыми экономикой и уровнем жизни.

Относительно второго вопроса – как это происходило, назову три основные причины:

1. При модернизации в программах и в ряде нацпроектов перед предприятиями не была поставлена цель и не стимулировалось создания конкурентоспособной качественной и безопасной продукции, услуг и всей бизнес-цепочки инновационной деятельности. А именно в этом они нуждались. Был подорван переход к инновационной экономике. Поэтому мы так и не ушли от нефтяной зависимости.

2. Игнорирование роли качества в экономической политике стало идеологическим тормозом развития инновационной экономики. Без активных действий государства в регулировании рыночных механизмов в целях создания качественной и безопасной продукции и услуг, невозможно будет добиться повышения темпов роста экономики и достойного уровня жизни.

3. За тридцать лет экономическая деятельность у нас выстроена так, что предпринимателям доверия нет. Приоритет отдан чиновникам. Отсюда разросшееся их количество. Экономическая жизнь у нас во многом регулируется не экономическими и социальными законами, а их интересами и амбициями. Как следствие нет развития малого и среднего бизнеса – организационной основы инноваций. Именно этот бизнес, наиболее гибко и оперативно реагирующий как на отечественный, так и на зарубежный спрос, мог бы стать локомотивом инновационного развития.

Наших либералов к такому плачевному итогу привело высокомерие и пренебрежение интересами простых людей, некомпетентность и корыстные интересы у определённой их части. Новому правительству необходимо извлечь уроки из происшедшего. Не допустить их повторения можно будет только в том случае, если будут устранены причины, приведшие к этому. В связи с этим одним из важных направлений в его работе должны стать кадровая перестройка административного аппарата, корректировка тематики научных исследований в экономике и в учебных программах подготовки специалистов в высшей школе, а также изменения в подготовке и переподготовке кадров высшей квалификации.

Сегодня, когда остро поставлена задача ускорения темпов роста экономики и уровня жизни, хочется надеяться, что новое правительство вернётся к инновационной экономике, займётся системным решением проблемы качества.

Предстоит также преодолеть порочную регуляторную практику наших либералов, когда под лозунгом защиты бизнеса, а по сути для прикрытия уже установленных ими административных и финансовых барьеров для предпринимательства, в законах и других нормативных документах были установлены требования к качеству и безопасности, а также правила их оценки соответствия, надзора и технического регулирования, не обеспечивающие безопасность потребителей. Были и несправедливые гонения на стандартизацию. По существу, была поставлена задача наращивать объёмы на основе несоблюдения нормативно-технических и технологических требований. Это принесло громадный вред стране. Во многом была подорвана договорная цепочка создания качественной и безопасной конечной продукции. Большой вред был нанесён потребителям, включая потерю здоровья людей, а порой и с летальным исходом.

Сказать об этом надо ещё и потому, что после пандемии население неизбежно предъявит более высокие требования к качеству продукции, услуг, к качеству работы и к качеству выполнения своих функций чиновниками. В медицине уже это уже просматривается. Становится очевидно, что средства надо вкладывать не только в увеличение количества лекарств и медпрепаратов, но в их качество – вот главное. Не лечение, а предупреждение заболеваний. Пора прекратить безудержную рекламу часто просто бесполезных, а порой и вредных лекарств, не учитывающих специфику организма конкретного человека. По большому счёту не лекарства обеспечат здоровую жизнь людей: они должны спасать людей, когда происходит сбой в организме. В основе здоровья страны – культура жизни, её качество, спорт, некурение и т.п. Спортивные комплексы – не для элиты, а доступные для простых людей.

Пандемия меняет нашу жизнь – не было бы пандемии, так её надо было бы придумать. Она уже заставила по-новому посмотреть на происходящее в стране с медициной. Не чиновники сегодня спасают страну, а простые врачи, медицинские сёстры и другой медицинский персонал. И это только начало, что-то похожее будет происходить и в других сферах нашей жизни. А власти должны поставить чиновников на своё законное место: чиновники – для тех, кто производит продукцию и оказывает услуги, а не наоборот. Произойдёт это не автоматически. Реально свой потенциал в сложных ситуациях проявили по существу пока только медики. Уверен, что такой потенциал проявится и у тех, кто работает на производстве и в сельском хозяйстве, в сфере услуг, создавая для людей продукцию и оказывая услуги. Одновременно будет происходить и более жёсткая оценка того, как управляют страной руководители и чиновники всех уровней. Как они относятся к людям.

Список литературы

1. Версан В.Г. Игнорирование качества – идеологический просчёт в экономической политике // Стандарты и качество. – М., 2020. – № 3.
2. Версан В.Г. Качество жизни и совершенствование управления экономикой на основе минимизации трансакционных издержек // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. – № 3.
3. Версан В.Г. Качество и работоспособность экономической модели // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. – № 3.
4. Гусев Б.В., Покатов А.В. Качество – основа инновационного развития российской экономики, импортозамещение промышленной и аграрной продукции // Стандарты и качество. – М., 2012. – № 5.
5. Версан В.Г. Проблемы роста реального сектора экономики. Программно-целевое управление // Экономика и управление: проблемы и решения. 2014. – № 2.
6. Чайка И.И., Галеев В.И. ОАО «ВНИИС» в решении проблем качества // Сертификация. 2015. – № 1.
7. Версан В.Г. Совершенствование управления экономикой на основе соблюдения баланса интересов участников экономической деятельности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. – № 7.

Градусова В.Н.
к.э.н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
Карапетян Р.В.
к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ НА ФОНЕ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Ключевые слова: *цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, кибербезопасность, Интернет, электронное правительство, электронная коммерция, он-лайн торговля, инновационная активность.*

Keywords*: digitalization, information and communication technologies, cybersecurity, Internet, e-government, e-commerce, online trading, innovative activity.*

Под воздействием научно-технического прогресса происходят кардинальные изменения в организации производства, деятельности органов государственной власти, развиваются дистанционные медицина и образование. Масштабная цифровизация сказывается и на ситуации на рынке труда. С одной стороны, формирующийся цифровой сегмент создает новые высокопроизводительные рабочие места, преимущественно для молодых людей, что позволяет снизить остроту молодежной безработицы. С другой, автоматизация производства и управления на основе информационно-коммуникационных технологий, сопровождающаяся ростом производительности труда, ведет к высвобождению определенных категорий работников и даже исчезновению отдельных профессий. Это ведет к росту напряженности на рынке труда.

Быстрое развитие цифровых технологий и их широкое внедрение во все сферы жизнедеятельности общества – тенденция общемировая. Ни одна страна не может остаться в стороне от этого закономерного процесса. Могут различаться только время и скорость развития событий. Отставание в развитии цифрового капитала чревато для страны значительными экономическими и репутационными потерями.

Цель данного исследования – провести оценку развития цифрового капитала в Российской Федерации в сравнении со странами Европейского Союза. Это позволит не только охарактеризовать конкурентоспособность нашей страны на мировых рынках, которая в современных условиях во многом определяется повсеместным использованием передовых достижений науки и технологий, но и определить приоритетные направления развития цифровизации.

Международные сравнения показывают, что по основным показателям развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) Россия занимает довольно высокие позиции. Численность абонентов сотовых мобильных телефонных сетей в расчете на 1000 человек населения в России, по данным Росстата, составляет от 1563 на 1000 чел. населения до 2003 абонентов на 1000 чел. населения (таблица 1).

Таблица 1

Основные показатели использования населением мобильной связи и сети Интернет в 2018 г.[1]

Страна	Численность абонентов сотовых мобильных телефонных сетей на 1000 человек населения	Домашние хозяйства, имеющие доступ к сети Интернет, в процентах от общего числа домашних хозяйств	Абоненты фиксированного широкополосного доступа к Интернету, на 100 человек населения	Абоненты мобильного широкополосного доступа к Интернету, на 100 человек населения
Россия	1563	77	21,8	86,7
Германия	1293	94	41,2	82,8
Дания	1251	93	43,3	135,7
Ирландия	1032	89	29,4	102,9
Испания	1159	86	32,0	98,4
Италия	1375	84	28,2	90,2
Нидерланды	…	98	43,0	116,2
Соединенное Королевство (Великобритания)	1175	95	40,0	99,5
Финляндия	1322	94	31,5	156,6
Франция	1084	89	43,2	88,5
Швеция	1251	92	39,1	124,4

Для сравнения, в США рассматриваемый показатель составляет 1237, Японии – 1392 абонентов на 1000 чел. населения (2018 г.)[2]. По данной характеристике цифрового капитала наша страна в 1,6 раза опережает Германию, в 1,9 раза – Францию.

[1] Россия и страны – члены Европейского Союза. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 193.
[2] Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 275.

Показатели использования Интернета населением в России заметно ниже, чем в большинстве стран Западной Европы, но больше, чем в странах Восточной Европы (табл. 2).

Таблица 2

Население, использовавшее сеть Интернет в 2018 г. (в процентах от общей численности населения в возрасте 16–74 лет)[1]

Страна	Население, использовавшее Интернет				
	когда-либо	в течение последних 12 месяцев	в течение последних трех месяцев	не реже одного раза в неделю	практически каждый день
Россия	87	84	81	79	69
Германия	95	93	92	90	84
Ирландия	84	84	82	80	74
Испания	87	87	86	83	72
Италия	81	77	74	72	68
Латвия	87	85	84	81	73
Литва	83	81	80	78	68
Нидерланды	96	95	95	94	90
Румыния	79	77	71	68	53
Словакия	87	83	80	78	68
Словения	84	81	80	79	71
Соединенное Королевство (Великобритания)	96	95	95	94	91
Финляндия	95	95	94	93	88
Франция	92	89	88	85	75
Швеция	95	93	92	91	88

Это дает основание предположить, что отставание связано с тем, что Интернет массово вошел в жизнь населения России и стран Восточное Европы позже. Другая возможная причина – крайне низкий уровень компьютерной грамотности россиян старшего поколения.

Довольно высокие позиции занимает РФ еще по одному показателю – Индексу развития электронного правительства (*EGDI),* который рассчитывается ООН с учетом 3 компонентов, – состояния онлайновых государственных сервисов, соответствующей инфраструктуры, человеческого капитала. Однако в 2012–2016 гг. этот индекс заметно уменьшился, и наша страна опустилась с 27 до 35 строки рейтинга.

Другой показатель развития цифрового капитала – Индекс развития ИКТ (*IDI).* Этот рейтинг формирует Международный союз электросвязи на основе 11 показателей, характеризующих доступность и использование ИКТ, наличие у населения навыков применения ИКТ. Значение этого индекса в Российской Федерации в 2017 г. составляло 7,07 пункта. Для сравнения: значение индекса развития ИКТ в США равно 8,18, в Японии – 8,43 пункта (2017 г.)[2].

Хотя в 2010–2017 гг. значение Индекса развития ИКТ России возросло в 1,3 раза, это не позволило стране подняться в данном рейтинге на более высокие позиции, напротив, РФ опустилась с 41 на 43 место. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Республика Беларусь имеет по этому индикатору развития цифрового капитала более высокие позиции (табл. 3).

Таблица 3

Индекс развития ИКТ в отдельных странах Европы[3]

Страна	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Россия	*5,57*	*6,79*	*6,91*	*7,07*
Беларусь	*5,30*	*7,02*	*7,29*	*7,55*
Германия	7,28	8,13	8,20	8,39
Ирландия	7,04	7,73	7,90	8,02
Испания	6,53	7,46	7,61	7,79
Италия	6,38	6,89	6,84	7,04
Нидерланды	7,82	8,36	8,40	8,49
Норвегия	8,16	8,35	8,45	8,47
Соединенное Королевство (Великобритания)	7,62	8,54	8,53	8,65
Финляндия	7,96	8,11	7,83	7,88
Франция	7,22	7,95	8,05	8,24
Швейцария	7,60	8,50	8,66	8,74
Швеция	8,43	8,47	8,41	8,41

Еще одно известное и часто цитируемое исследование – ранжирование стран мира по Глобальному индексу кибербезопасности (*GCI),* при расчете которого учитываются развитие правовых, технических и организационных мер

[1] Россия и страны – члены Европейского Союза. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 194.
[2] Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М.., 2018. – С. 282–283.
[3] Россия и страны – члены Европейского Союза. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 200.

кибербезопасности, наличие образовательных и научных институтов, механизмов партнерства и систем обмена информацией, повышающих потенциал информационной безопасности. В этом рейтинге Россия в 2016 г. заняла 10 место[1].

Однако по уровню цифрового развития производства Россия в число мировых лидеров не входит. По показателю удельного веса сектора ИКТ в добавленной стоимости предпринимательского сектора, РФ значительно отстает от большинства экономически развитых стран – 3,4% против 5,4% соответственно. А от мировых лидеров технологического предложения – Кореи, Швеции, Финляндии – Россия отстает в 2–3 раза[2].

В рейтинге стран по Индексу цифровизации бизнеса[3], рассчитанному НИУ ВШЭ на основе показателей скорости адаптации компаний к цифровой трансформации, использования широкополосного Интернета, облачных сервисов и других ИКТ, а также учитывающему включенность организаций в электронную торговлю, позиции России (значение индекса – 28) близки к показателям таких государств, как Болгария, Венгрия и Румыния. Лидеры рейтинга – Финляндия (индекс – 50), Бельгия (47), Дания (46), Республика Корея (индекс – 45).

Удельный вес организаций, использовавших в своей работе сеть Интернет, в РФ составляет 90%, в большинстве стран Западной Европы – 99–100% (2018 г.). Отставание России от Финляндии, имеющей наилучшие в Европе основные показатели применения ИКТ в организациях, по использованию «облачных сервисов» и наличию веб-сайтов составляет 2 и более раза[4].

По таким индикаторам, как удельный вес работников организаций, использующих персональные компьютеры и сеть Интернет, Россия находится на уровне Румынии. А в большинстве европейских стран эти показатели в 1,5–2 раза выше[5].

Электронная торговля в России тоже развита слабо. Только 15% российских предприятий продавали свои товары по заказам, оформленным онлайн, 20% совершали онлайн-покупки. В большинстве стран Западной Европы эти показатели в 1,5–2 раза выше (табл. 4).

Таблица 4

Организации, осуществлявшие онлайн продажи/закупки товаров (работ, услуг) в 2018 г. (в процентах от общего числа организаций предпринимательского сектора)[6]

Страна	Организации	
	продававшие товары (работы, услуги) по заказам, полученным онлайн	покупавшие товары (работы, услуги) по заказам, переданным онлайн
Россия	15	20
Бельгия	30	49
Германия	22	56 (2017 г.)
Дания	32	66
Ирландия	35	52
Испания	20	31
Италия	14	43 (2017 г.)
Нидерланды	27	66
Соединенное Королевство (Великобритания)	22	53
Финляндия	24	…
Франция	19	51 (2017 г.)
Швеция	32	78

Широкое внедрение информационных технологий в производство позволяет повысить производительность труда и качество продукции, ускорить снабженческо-сбытовые операции и другие процессы хозяйственного взаимодействия, оборачиваемость денежных средств и банковского обслуживания, повысить эффективность управления в целом. IT-технологии лежат в основе инновационных преобразований.

Отставание России в цифровизации производства сказывается и на возможностях инновационного развития экономики. В 2017 г. только 8,5% российских организаций проявляли инновационную активность. В большинстве стран- членов Европейского Союза уровень инновационной активности превышает 50%; наименьший показатель был зафиксирован в Румынии, но он больше, чем в РФ – 10,2%.

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в РФ составляет 7,5%, в большинстве стран-членов ЕС – превышает 40%; наименьший показатель зафиксирован в Румынии – 5,4% (табл. 5).

Удельный вес российских организаций, осуществляющих маркетинговые инновации, составляет 1,4%, в большинстве стран-членов ЕС этот показатель превышает 25%; наименьшее его значение зафиксировано в Румынии – 5,1%. Удельный вес организаций, осуществляющих организационные инновации, в России составляет 2,3%, в большинстве стран-членов ЕС превышает 25%; наименьший показатель зафиксирован в Румынии – 5,8% (2017 г.).

Таблица 5

[1] Индикаторы цифровой экономики: 2018: стат. сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2018.

[2] Абдрахманова Г.И. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. – М., 2019. – С. 6.

[3] Индекс рассчитан по России, странам Европы, Республике Корея, Турции и Японии.

[4] Россия и страны – члены Европейского Союза. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 197.

[5] Там же, с. 198.

[6] Там же, с. 199.

Инновационная активность организаций в 2017 г. (в процентах)[1]

Страна	Совокупный уровень инновационной активности организаций	Удельный вес организаций, осуществлявших инновации отдельных типов, в общем числе организаций		
		технологические	маркетинговые	организационные
Россия	8,5	7,5	1,4	2,3
Германия	63,7	50,0	31,7	35,6
Ирландия	57,3	42,8	34,7	40,6
Испания	36,9	22,7	15,6	23,6
Италия	53,8	44,1	25,9	29,4
Нидерланды	59,7	52,2	19,3	24,5
Румыния	10,2	5,4	5,1	5,8
Соединенное Королевство (Великобритания)	58,7	44,5	14,9	37,1
Финляндия	64,8	58,2	32,1	38,0
Франция	57,7	43,2	28,5	39,2
Швеция	54,2	42,6	29,2	22,3

В промышленности ситуация немного лучше – уровень инновационной активности предприятий составляет 10,6% (2017 г.). Но соперничать по этому показателю в Европе мы можем тоже только с Румынией, в которой 10,3% промышленных предприятий проявляют инновационную активность. Во Франции этот показатель составляет 60%, Германии – 69%, в Финляндии – 70%, Бельгии – 74% (табл. 6).

Таблица 6

Инновационная активность организаций промышленного производства в 2017 г. (в процентах)[2]

Страна	Совокупный уровень инновационной активности организаций	Удельный вес организаций, осуществлявших инновации отдельных типов, в общем числе организаций		
		технологические	маркетинговые	организационные
Россия	10,6	9,6	1,8	2,8
Бельгия	73,6	68,2	28,8	41,1
Германия	68,9	56,6	31,3	36,5
Греция	59,5	48,5	41,0	29,6
Дания	51,5	38,9	27,3	30,5
Ирландия	63,2	51,7	35,2	45,3
Испания	38,6	27,5	15,1	22,5
Италия	57,1	49,5	25,4	28,2
Нидерланды	63,9	57,6	18,5	25,6
Румыния	10,3	5,9	4,6	6,2
Соединенное Королевство (Великобритания)	58,9	45,8	12,0	34,0
Финляндия	70,1	64,7	32,0	40,3
Франция	59,6	47,6	26,2	38,6
Швеция	55,8	46,6	26,0	19,7

Таким образом, неплохие показатели развития цифровых технологий в России пока формируются за счет активности населения в использовании мобильной связи, развития электронного правительства и укрепления информационной безопасности. Корпоративный сектор сильно отстает от большинства европейских стран по применению информационных и коммуникационных технологий в своей деятельности, что отрицательно сказывается на их инновационной активности.

[1] Россия и страны – члены Европейского Союза. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 225.
[2] Там же. – С. 226.

Гусева Н.В.[1]

ФЕНОМЕН СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ: К АНАЛИЗУ ПОНИМАНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ И СЛЕДСТВИЙ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ

Ключевые слова*: стратегия развития, логика социальных связей, формальные модели определений стратегий, методологически содержательный подход, человек, общество, культура.*

Keywords*: development strategy, logic of social relations, formal models of strategy definitions, methodologically meaningful approach, person, society, culture.*

Обращение к рассмотрению феномена стратегий развития всякий раз актуализируется, когда происходят события и ситуации, показывающие, что уже принятые и провозглашенные стратегии либо не работают вовсе, либо приносят обратный желаемому результат. В этих случаях становится важным для создателей самих стратегий и тех, кто аналогично заинтересован, *понимание* причин таких сбоев в планах и ожиданиях. Однако достижение такого понимания через простые аналитические процедуры не является простым и очевидным. Казалось бы чего проще, обратиться к определению стратегии и по его лекалу осуществить подстраивание по нему собственных обстоятельств, требующих новых уровней и стимулов развития. Наличие модели, процедура подстановки, оформление поясняющего текста – вот, якобы, главные точки создания стратегий развития.

С формальной точки зрения можно было бы, наверное, и согласиться. Проблема однако в том, что формальная точка зрения или позиция здесь не годится. Поводом для отказа от формальной позиции в рассмотрении стратегий развития является то, что всякое исследование, претендующее на открытие оснований, глубинных причин и т.п. того, что должно стать ядром той или иной стратегией развития, – необходимым образом должно быть ориентировано на адекватное воспроизведение *закономерностей* того, в отношении чего планируется осуществление самого этого развития. Речь, таким образом, идет о методологическом исследовании, или об анализе методологических оснований того, что является предметом создания стратегии развития.

Анализ методологических оснований предполагает, во-первых, выявление контекста формирования того, что подвергается исследованию. Во-вторых, он предполагает рассмотрение самого контекста формирования исследуемого *как процесса* с уточнением и разворачиванием *его* логики и специфики. Без конкретизации этих двух моментов никакое подстраивание тех или иных данных в лекало формального определения стратегии не может обеспечить сколько-нибудь достаточную основу для ее разработки. Эти два момента характеризуют методологически-содержательный подход.

Обратимся к чертам формального подхода.

Иллюстрацией действия формального подхода может вполне служить обращение к определениям стратегии, которые, как правило, и служат в качестве ориентиров для составления по ним как лекалам различных стратегий. Здесь надо отметить, что в многочисленных определениях стратегий имеет место значительное сходство по самым существенным параметрам. То есть словесные различия формулировок не меняют основного – их формального тождества. Вот несколько вариантов для рассмотрения.

Кузнецов Б.Т. в своем пособии по стратегическому менеджменту пишет: «Стратегией называется общий вектор движения к цели, который определяет фундаментальные принципы построения той или иной компании, ее внутренней структуры, взаимодействий между людьми, а также ее позицию по отношению к внешней реальности. Проще говоря, стратегия предприятия – это модель развития, по которой собирается «жить» компания в ближайшее время»[2]. В этом определении указываются формальные позиции, по которым должно быть осуществлено заполнение составителями-разработчиками стратегии своих данных в лекало-определение. Здесь автор указывает следующие формальные позиции, которые должны присутствовать в создаваемой стратегии: цель, принципы, внутренние структуры, параметры отношения к внешней реальности. Как видим, в них нет указания на то, что позволяло бы конкретизировать основания возможных целей, принципов, внутренних структур, параметров отношения к внешней реальности, – хотя бы для их выбора. Хотя сразу скажем, что позиция *выбора* – это всегда позиция заведомо *ведомого*. Выбор всегда есть операция определения предпочтений из уже имеющегося! В этом случае возникает вопрос: если именно ведомый должен делать, а точнее выбирать, – свою стратегию, то тогда причем тут вообще стратегия? Может быть тогда это вернее будет называть планом?

---

[1] Гусева Нина Васильевна – д.филос.н., академик Акмеологической академии, руководитель Международного центра методологических исследований и инновационных программ, председатель Восточного отделения Казахстанского философского конгресса, член Евразийского информационно-аналитического консорциума.

[2] Кузнецов Б.Т.Стратегический менеджмент: учеб. пособ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – С. 3.

Ансофф И. считает, что стратегия есть набор правил для принятия решений, которыми организация руководствуется в своей деятельности[1]. К этой позиции в трактовке стратегии тоже есть вопрос. Откуда берется и чем обусловливается набор правил, которые затем попадает в разряд стратегии? Почему собственно набор правил может претендовать на статус стратегии?

По мнению Портера М., стратегия представляет собой создание – посредством разнообразных действий – уникальной и ценной позиции[2]. О каких разнообразных действиях может идти речь, если в их итоге возникает уникальная и ценная позиция? «Загадочность» данного определения все же не выводит его за рамки определения формального, то есть не раскрывающего суть происходящих и производимых ориентаций на глубинное рассмотрение и понимание того, что может и должно лежать *в основе* создания стратегии.

А.А. Томпсон и А.Дж. Стрикленд считают, что стратегия – это план управления фирмой, направленный на укрепление ее позиций, удовлетворение потребностей и достижение поставленных целей[3]. В данном случае определение стратегии как плана занижает пафос ее определений, которые уже стали традиционными. Здесь указание на план управления фирмой, через реализацию которого может и должно происходить удовлетворение потребностей и достижение поставленных целей, не вызывает никаких возражений, кроме одного. Его суть в том, что совсем не включено, даже в виде отмечаемой необходимости, обоснование этого плана. Например, то, что определяет потребности, цели и проч. Это означает, что их определение в рамках плана (= стратегии, в данной позиции) полностью отнесено на откуп составителей-разработчиков. Но в таком случае возникает вопрос: а чем сами составители мотивированы и насколько эта их мотивация может или будет совпадать с мотивацией, преобладающей в коллективе работников или в обществе?

Ф. Котлер, Г. Армстронг, Дж. Сондерс, В. Вонг под стратегией компании понимают системный подход к решению проблем ее развития и функционирования, что обеспечивает сбалансирование деятельности компании[4].

Системный подход как стратегия... В этой позиции, на наш взгляд, происходит некий смысловой сдвиг: вместо уяснения роли системного подхода в формировании, например, стратегии, сам этот подход занимает место стратегии... В этом случае из поля зрения уходит необходимость выявления реальных оснований вписанности целей, принципов и др. организации в ткань общественной жизни, в которой компании, собственно, и предстоит реализовывать свою стратегию. Сама же стратегия, замененная системным подходом, перестает существовать как факт, как искомое явление.

О.С. Виханский определяет стратегию как долгосрочное качественно определенное направление развития организации, касающееся сферы, средств и формы ее деятельности, системы взаимоотношений внутри организации, а также позиции организации в окружающей среде, приводящее организацию к ее целям[5].

В определении стратегии О.С. Виханского обращает на себя внимание внешнее сопряжение «целей» организации и ее «позиции в окружающей среде». «Внешность» этого сопряжения заключается в том, что не обозначивается ориентация на рассмотрение «окружающей среды» как реального социального процесса, в котором должна найти свое место данная организация. Отсюда: не ставится задача серьезного анализа перспектив имеющегося социального процесса и вписанности в него деятельности данной организации. Возникает *ситуативная ориентация*, которая сама по себе не соответствует статусу искомой стратегии.

По мнению А.Т. Зуб, стратегия – обобщающая модель действий, необходимых для достижения поставленных долгосрочных целей путем координации и распределения ресурсов компании[6]. В связи с этим определением стратегии возникает вопрос: что определяет что? Цель определяет стратегию или стратегия определяет цель? С точки зрения автора этого определения, получается, что именно модель, то есть система предполагаемых действий, определяет собой цель. Но тогда не понятно, что может определять саму эту систему действий или модель? И чем тогда в итоге оказывается цель и ее статус по отношению к компании или организации? Эти вопросы не случайны, они имеют серьезный смысл, так как в них заложена необходимость уяснения понимания соотношения средств и цели, их статус по отношению друг к другу и по отношению к перспективам развития организации в контексте общественных процессов. Рассмотрение и решение этих вопросов имеет чрезвычайный характер, так как определяет стратегические линии развития того общества, в котором они возникают, через *особенное*, которым выступает организация в процессе деятельности с ее направленностью.

А.И. Буравлев, Г.И. Горчица, В.Ю. Саламатов, И.А. Степановская определяют стратегию как направление и способ действия руководства компании по достижению поставленных целей[7]. Отмеченный данными авторами подход к определению стратегии, на наш взгляд, характеризует серьезное сужение статуса стратегии. Оно заключается в том, что постановка целей оказывается вынесенной за пределы пространства, в котором затем будут проявлены или востребованы «направления и способы действия руководства». Более того, само руководство оказывается при этом конечным и, якобы, объективным основанием создания не только цели, но и направлений и способов действий самого

---

[1] Ансофф И. Стратегическое управление / Пер. с англ. – М.: Экономика, 1989. – 563 с.

[2] Портер Е.М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / [пер. с англ. И. Минервин]. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 454 с.

[3] Томпсон А.А. Стратегический менеджмент / А.А. Томпсон, А.Дж. Стрикленд; пер. с англ. А.Р. Ганцевой, В.Ю. Дроздова, А.Г. Завады, Т.В. Клекоты, Э.В. Кондуковой, К.Д. Сафонова, И.В. Тарасюк. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. – 928 с.

[4] Основы маркетинга / [Филип Котлер, Армстронг Гари, Сондерс Джон, Вонг Вероника]. – М.: Вильямс, 2003. – 1200 с.

[5] Виханский О. С. Стратегическое управление. – М.: Гардарика, 1998. – 296 с.

[6] Зуб А.Т. Стратегический менеджмент: теория и практика: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 415 с.

[7] Стратегическое управление промышленными предприятиями и корпорациями: методология и инструментальные средства / [Буравлев А.И., Горчица Г.И., Саламатов В.Ю., Степановская И.А.]. – М.: Издательство Физико-математической литературы, 2008. – 176 с.

себя. При этом остается не поставленным вопрос о том, что определяет постановку целей, что определяет направления и способы действий руководства, и кем, и чем определяется наличие всего этого у данного, а не у иного руководства? Иначе говоря, авторы не показывают ориентировку в определении стратегии на выявление *объективных* оснований, которые только и могут создавать необходимость постановки той или иной цели и соответствующих ей способов ее достижения на перспективу.

Л.Г. Зайцев и М.И. Соколова определяют стратегию как комбинацию из запланированных действий и быстрых решений по адаптации фирмы к новой ситуации, к новым возможностям получения конкурентных преимуществ и новым угрозам ослабления ее конкурентных позиций[1]. «Комбинация из запланированных действий» – это то, что подтверждает манипулятивный характер предлагаемого понимания стратегии. Такой характер предпочтителен, но только в известной мере, у тактики, но не у стратегии.

По мнению В.А. Василенко, стратегия является концепцией интегрального подхода к деятельности предприятия и представляет собой такое сочетание ресурсов и навыков организации, с одной стороны, и возможностей и риска, исходящих из окружающей среды, с другой стороны, действующих в настоящем и будущем, при которых организация надеется достичь своей основной цели[2]. В данном определении на первое место выходит «концепция интегрального подхода». Здесь, как будто, делается шаг в рассмотрении стратегии, предусматривающий серьезный анализ того исходного, неразделимого и не разделенного основания, без учета параметров которого сама стратегия как таковая не может быть определена по существу. Однако постулирование «окружающей среды» вместо анализа социально-экономических и других процессов, в которых будет осуществляться постановка цели и выработка путей ее достижения, – нивелирует значимость стратегического уровня, низводит его до уровня манипулятивных процедур учета и сопряжения между ресурсами и навыками, возможностями и рисками. То есть стратегическое содержание здесь опять не обнаруживается.

Н.К. Смирнова и А.В. Фомина считают, что стратегия – это модель взаимодействия всех ресурсов, позволяющая организации наилучшим способом исполнить ее миссию и добиться устойчивых конкурентных преимуществ[3]. В данном определении стратегия выступает неким средоточием внутренних реакций со стороны организации на «взаимодействия всех ресурсов». За пределами остается необходимость рассмотрения обусловленности определенным социально-экономическим и социально-историческим контекстом не только имеющихся ресурсов, но и самой миссии организации. Это означает, что так понимаемая стратегия основывается на абстрактных образах перспектив.

Дж. Миддлтон пишет, что «определение стратегии всегда связано с выбором направления развития деятельности организации и маршрутом этого движения»[4]. Здесь как основа стратегии опять присутствует *«выбор» – выбор* направления для развития деятельности организации. Выбор становится основанием. Однако за пределами рассмотрения остается то, что может определять сам *выбор* и то, насколько тот или иной *выбор* будет соответствовать перспективам развития. Ведь от выявления этих оснований зависит то, насколько *выбранная* «стратегия» будет успешной, то есть станет реальной линией развития, или все будет наоборот. Пока основания не вскрываются, – *выбор* остается лишь произвольной процедурой, в которой большую или меньшую роль будут играть интуиция или случай. Здесь говорить о формировании разумной стратегии, то есть о стратегии в собственном смысле слова, говорить не приходится.

Методологически-содержательный подход, или что значит выявлять основания формируемой стратегии?

Как мы отмечали выше, для формирования стратегии развития того или иного объекта, организации, страны и т.д., то есть для формирования их линий развития на перспективу, необходимо проводить в каждом отдельном случае анализ контекста их формирования. Речь идет о конкретизации тех *процессов,* в условиях которых существует этот объект, эта организация, эта страна и др.

Учитывая, что стратегии развития как задачи, всегда касаются социальных по существу объектов, – учитывая это, конкретизация процессов, в которых существуют эти объекты, организации, страны, – это конкретизация материального, экономического, политического и других состояний, определяющих контекст их существования, в котором может и должна формироваться стратегия их развития. Такой анализ должен полностью исключить ориентацию на формальное следование лекалам-определителям на произвольный *выбор* «стратегии» со всеми возможными ее компонентами.

Нельзя сказать, что такая ориентация на конкретизацию контекстов существования объекта, организации, страны и др. при формировании стратегии не существует или не существовала. Напротив, наиболее существенные подходы обязательно строились именно на этом. Можно обратиться к историческому, хотя и не позитивному для нас примеру. Его можно найти у Ю.В. Тихонравова. В главе, посвященной имперской геополитике, Ю.В. Тихонравов приводит анализ позиции Н. Спикмена[5], для которого целью была выработка стратегии мирового лидерства США. Н. Спикмен писал: «В мире международной анархии внешняя политика должна иметь своей целью прежде всего улучшение или, по крайней мере, сохранение сравнительной силовой позиции государства. Сила в конечном счете составляет способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблемам военной и политической стратегии. Территория государства – это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция,

---

[1] Зайцев Л.Г. Стратегический менеджмент: учебник / Л.Г. Зайцев, М.И. Соколова. – М.: Экономистъ, 2002. – 416 с.

[2] Василенко В.О. Стратегічне управління. Навчальний посібник / В.О. Василенко, Т.І. Ткаченко. – К.: ЦУЛ, 2003. – 396 с.

[3] Смирнова Н.К., Фомина А.В. Реализация стратегий компаний: от простого к сложному. – http://www.elobook.com

[4] Миддлтон Дж. Библиотека избранных трудов о стратегии бизнеса. Пятьдесят наиболее влиятельных идей всех времен / Джон Миддлтон; [пер. с английского Е. Незлобина]. – М.: ЗАО «Олимп–Бизнес», 2006. – С. 5.

[5] Н. Спикмен – американец голландского происхождения (1893-1943), профессор международных отношений Йельского университета, организатор и первый директор Йельского института по изучению международных проблем и один из авторов стратегии мирового лидерства США, сформулированной еще до окончания второй мировой войны.

которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государства потому, что этот фактор самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктатуры, но цепи гор остаются непоколебимыми»[1]. Интересно отметить, что к критериям конкретизации условий выработки стратегии (и его итоговые цели), выражающей путь к геополитическому могуществу государства, Н. Спикмен относит:

1. поверхность территории
2. природа границ
3. количество населения
4. наличие или отсутствие полезных ископаемых
5. экономическое и технологическое развитие
6. финансовая мощь
7. этническая однородность
8. уровень социальной интеграции
9. политическая стабильность
10. национальный дух.

«Если суммарный результат оценки геополитических возможностей государства по этим критериям оказывается относительно невысоким, то это означает, что данное государство вынуждено вступать в более общий стратегический союз, поступаясь частью своего суверенитета ради глобальной стратегической геополитической протекции»[2].

Как видим, список необходимых конкретизаций довольно широк, особенно если иметь в виду, что по каждому пункту из него *необходима* собственная серьезная конкретизация. Интересно обратиться и к опыту, имевшему место в Советском Союзе. Так, в Кратком политическом словаре, изданном в 1983 году, отмечается: «Единый государственный план позволяет гармонично развивать все отрасли производства и сферы обслуживания, науку и культуру, использовать финансовые, материальные и трудовые ресурсы в соответствии с важнейшими социально-экономическими задачами того или иного периода. Генеральное направление экономического и социального развития советского общества определяется долгосрочными планами, рассчитанными 10–15 лет. На их основе разрабатываются среднесрочные – пятилетние планы»[3]... И далее: «В соответствии с экономической политикой вырабатывается стратегический курс, определяется наиболее эффективная тактика достижения намеченных рубежей»[4].

Учитывая, что для формирования стратегии необходим серьезный анализ процессов, в контексте которых как в единстве существует объект, организация, страна и др., можно сделать вывод о невозможности ситуативно и скоропалительно делать/создавать стратегию. На сегодняшний день вопросы формирования стратегии, рассматриваются в плане возможных различных перспектив изменений, имеющих любой более частный или более общий, более положительный (или позволяющий избегать более отрицательных изменений) характер.

Так, например, Кузнецов В.С. в своей статье выделяет четыре типа стратегий, наиболее распространенных, как он отмечает, в мировой практике[5]. Это: стратегии роста; стратегии ограниченного роста; стратегии сворачивания деятельности (ухода из бизнеса); комбинации из вышеперечисленных стратегий. Здесь хорошо просматриваются узкие частичные, ситуативные смыслы, прикладываемые к тому, что названо стратегиями. Вряд ли можно согласиться с таким пониманием стратегии, но вполне можно согласиться с тем, что такого рода цели и планы, им соответствующие, могут иметь и имеют место.

Ссылаясь на SWOT-анализ, автор рассматриваемой статьи делает вывод, что «целями предприятия должны быть использование возможностей и устранение угроз внешней среды, а также сохранение сильных и ликвидация слабых сторон самого предприятия, и, в соответствии с этим, генеральная стратегия предприятия должна состоять из следующих четырех *направлений* (выделено мной. – *Н.В.Гусева*) его деятельности»[6]. Согласимся с тем, что названо направлениями деятельности. Но совершенно не понятно, почему употребляется слово «стратегия» для их перечисления?[7] Среди них: Стратегия использования возможностей внешней среды; Стратегия устранения угроз внешней среды; Стратегия сохранения, укрепления и использования сильных сторон предприятия; Стратегия ликвидации слабых сторон предприятия.

Такая сублимация значимости каждого из направлений деятельности предприятия, которую допускает Кузнецов В.С., давая им статус стратегий, свидетельствует скорее о том, что сама ситуация на предприятии рассматривается его представителями в качестве «вселенской», что, конечно, не соответствует ее реальному статусу. Из наличия этой сублимации вытекает вывод, что в обществе явно смещены приоритеты. Всеобщее смещено, замещено, подменено частным. Последнее при этом свой статус начинает воспринимать и измерять как самостоятельный, самодостаточный, собственный, характеризующий мир, обращенный на себя и не берущий в расчет реальное общество с его интересами и перспективами.

На этой же волне делаются выводы о других вариантах стратегий: корпоративной, деловой, операционной, бизнес-единиц, функциональной, диверсификационной, инновационно-ориентированной, кластерной, управления каче-

---

[1] Spykmen N. America's Strategy in World Politics. – Hamden, 1942. – P. 41. Цит. по: Тихонравов Ю.В. Геополитика. – М., 2000. – С. 94–95.

[2] Тихонравов Ю.В. Геополитика. – М., 2000. – С. 95.

[3] Краткий политический словарь. – М.: Изд. полит. лит-ры, 1983. – С. 250.

[4] Там же, с.356.

[5] Кузнецов В.С. О стратегической альтернативности // Менеджмент в России и за рубежом. – М., 2002. – № 2.

[6] Там же.

[7] Там же.

ством[1] и др. Все эти градации показывают лишь то, что их авторы озадачены дифференциацией и классификацией возможных мероприятий в рамках обозначенных ими же задач. Не более того.

Если увлекаться такого рода мероприятиями всерьез и в ранге заботы о стратегии, то, не мудрено, полностью выпасть из реальности, развитие которой действительно нуждается в осмыслении и реализации настоящей стратегии развития. На фоне последней такие мероприятия при их выделении как самостоятельного, «значимого» звена могут быть адекватно оценены лишь как проявление излишнего формализма, и в связи с этим, они будут маркерами *увода* от существа дела, увода от постановки и решения подлинных задач развития.

Как мы уже отмечали, от понимания логики формирования стратегии развития зависит то, как она будет или не будет реализована. Логика формирования – это о закономерностях формирования, то есть о том, как осуществляются процессы выявления необходимых, существенных, объективных, повторяющихся *связей* в *социальных процессах*. Именно учитывая это, не только можно, но и нужно отслеживать и воспроизводить их в виде стратегий развития.

Если же в стратегии указываются те или иные задачи через их перечисление, без их прямой связи с позитивной, социально-значимой целью самой стратегии, то это значит, что ее формирование идет не по логике формирования позитивных социальных смыслов и содержания социальной жизни. Но именно формированию позитивных социальных смыслов и содержания социальной жизни должны быть подчинены все создаваемые стратегии *развития*. Просто включать в стратегию решение проблем экономического порядка как цели недостаточно и даже вредно, так как в этом случае будет актуализироваться вопрос: *развитие экономики для кого?* И в этом случае вопрос *о развитии* будет снят полностью, так как развитие самой экономики нужно лишь обществу. Если же речь идет о развитии экономики для нее самой, то такая стратегия лишается всякого смысла, за исключением варианта, при котором развитие экономики поставлено на службу не обществу, а тем силам, которые противостоят последнему по тем или иным причинам.

Социальные связи, как характеризующие реальные деятельностные возможности общества, должны становиться предметом не только рассмотрения в создании стратегий, но и исследоваться на предмет моделирования и реализации в направлении совершенствования их *человеческого* содержания и жизненного смысла. Именно *человеческого* содержания. Его нельзя смешивать или отождествлять с рассмотрением человека как капитала и человеческого как капитала. В противном случае все стратегии развития превратятся в стратегии уничтожения человека, общества и человеческой культуры.

[1] Кузнецов Б.Т.Стратегический менеджмент: учеб. пособ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 623 с.; Агафонов В.А. Стратегия инновационного развития региона. – М., 2016 и др.

Дружинин А.Г.[1]

«МОРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ КАТЕГОРИИ И АСПЕКТЫ[2]

***Ключевые слова**: пространственное развитие, стратегия, морехозяйственная активность, Россия, регионы, Мировой океан.*

Введение. Для России, с её обширнейшей и крайне неоднородной (в природном, хозяйственном, селитебном и этнокультурном отношении) территорией, пространственные аспекты развития — неизменно актуальны, являют высокую приоритетность. В современных условиях (характеризуемых всё более активным вовлечением в социально-экономические и геополитические процессы акваторий Мирового океана, их ресурсного потенциала) данная проблематика последовательно обретает «морской аспект», а пространственные структуры и процессы — явственнее демонстрируют свою «земноводность». Целый ряд «морских» сюжетов логично вмещает в себя и сравнительно недавно разработанная (при активнейшем участии географов-обществоведов) и ныне действующая в качестве основополагающего нормативного документа «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [1]. В ней акцентированы, в частности, вопросы дальнейшей поступательной динамики морских портов страны, локализации производств по добыче углеводородного сырья в шельфовых зонах Дальневосточного и Арктического бассейнов, развития Северного морского пути как полноценного международного транспортного коридора. Фокусируется внимание и на геополитической значимости приморских (приграничных) территорий, целесообразности их опережающего социально-экономического развития.

Полномасштабная, системная презентация «морской составляющей» развития российского пространства в «Стратегии», к сожалению, отсутствует. Характерно при этом, что почти 20% российской территории пребывает на удалении не более 100 км от моря, т.е. формально считается «приморской»; кроме того, 745 тыс. км² морского порубежья приходится на так называемое «территориальное море» страны; 3,8 млн. км² – на континентальный шельф; площадь же исключительной экономической зоны России оценивают в 7,6 млн. км². Уместно в этой связи полагать, что любые последующие коррекции данного стратегического документа (уже в самое ближайшее время – практически неизбежные, учитывая, стремительно надвигающуюся, «подстёгиваемую» кризисными процессами весны 2020 года новую глобальную реальность, требующую в том числе и существенной ревизии сложившихся ранее представлений об императивах пространственного развития) будут сопряжены со всё более полным и последовательным учётом «фактора моря», укоренением акваториально-территориальных подходов. Их презентация и концептуальное обоснование – являют основополагающую цель данного доклада.

«Морская составляющая» социально-экономического развития современной России. С конца 1990-х экономические, инфраструктурные и селитебные системы Российской Федерации устойчиво «разворачиваются к морю» [2-6]. Динамично прираставшие в последние два десятилетия экспортно-импортные операции страны более чем на 60% обеспечиваются морским транспортом [7], а выраженная «морезависимость» присуща (в той или иной степени) 42 крупнейшим (из Топ-100 рейтинга РБК) российским компаниям [8]. До 5,5 % ВВП Российской Федерации генерируют отрасли морской экономики (портовое хозяйство, судостроение, добыча биоресурсов и др.) [9]; важнейшим её «драйвером» при этом являются портовые терминалы, чей грузооборот за 1994–2019 гг. вырос в 7,8 раза, превысив 840 млн. тонн (это эквивалентно 3,6% от общемирового показателя [10]). Восстанавливается отечественное судостроение, прежде всего военное (квота России в данном сегменте составляет около 20% от мирового портфеля заказов [11]). На побережьях и в шельфовой зоне (Сахалин, Камчатка, полуостров Ямал, Каспий и др.) осуществляется разработка месторождений углеводородов; формируется (начиная с 2001 г.) подводная газотранспортная инфраструктура. Отрасли «морской экономики» продемонстрировали устойчивость к кризисным процессам 2014–2016 гг., спровоцированным геополитической турбулентностью и изменением конъюнктуры на глобальном энергетическом рынке; позитивная динамика наблюдалась при этом во всех важнейших сегментах: в рыбной отрасли, портовом хозяйстве, добыче нефти и газа на морских шельфах (табл. 1).

[1] Дружинин Александр Георгиевич – д.геогр.н., профессор, в.н.с. Института географии РАН; профессор-исследователь Балтийского федерального университета; директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета. E-mail: alexdru9@mail.ru

[2] Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00015 «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного порубежья России в систему «горизонтальных» межрегиональных экономических связей в контексте формирования «Большой Евразии».

Таблица 1

Динамика основных компонент морехозяйственной активности России за 2013–2018 гг., (соотношение показателя 2017 г. к аналогичному показателю 2013 г, %)*

Макрорегион	Улов морских биоресурсов	Морская нефтедобыча,	Морская (приморская) газодобыча**	Грузооборот морских портов
Балтийский	133	64	86	114
Черноморско-Азовский	53	–	102	155
Каспийский	127	401	215	51
Тихоокеанский	113	128	108	132
Арктический	106	100	102	157
Россия в целом	115	164	112	134

*Составлено автором по данным Росстата и Ассоциации морских портов России.

«Сдвиг» к морю экономики проецируется на селитебную систему: в 74 приморских городах сконцентрировано почти 14 млн. человек (что эквивалентно 12,7% всего городского населения), причём доля «приморских жителей» в населении страны в два последние десятилетия в целом стабильно растёт [12]. Всё более выраженная и многоаспектная *талассоаттрактивность российского общества* и его пространственных структур требует как своей дальнейшей концептуализации, так и адекватного учёта при стратегировании пространственного развития Российской Федерации. Принципиальное значение при этом имеет применяемый в «Стратегии» понятийно-категориальный аппарат: целесообразна его «маринизация», т.е. дополнение, насыщение «морскими» (аква-территориальными») концептами и категориями.

Аква-территориальная структура России: важнейшие уровни и компоненты. «Морской вектор» пространственного развития России в настоящее время реализуется в рамках целой совокупности полимасштабных общественно-географических структур. В мегаформате – это общепланетарная система геоэкономического и геополитического позиционирования России, а также столь же неявная, неустойчивая, незавершённая, неоднозначно делимитируемая [13–15] структура «Большой Евразии». Апеллирование к данному уровню аква-территориальной организации выводит на авансцену научного анализа такие категории как *«морские интересы России», «морская мощь России», «морское хозяйство России»*, «*морское порубежье России»*. Мегаструктура «морской составляющей» российского пространства в свою очередь подразделяется на крупные (идентифицируемые преимущественно по бассейновому принципу) составляющие (акваториально-территориальные макрорегионы и их приморские зоны), сочетающие свойства порубежного форпоста страны и, одновременно – её приоритетного ресурсно-коммуникационного трансграничного пространства с интенсивной интернационализаций хозяйственных практик: Балтийский регион, Арктическая зона, Тихоокеанская Россия, Причерноморье, Каспийский регион. «Мореориентированность» идентифицируется и на макроуровне (в масштабе собственно России и её регионов), воплощаясь в таких укоренившихся в общественно-географическом дискурсе понятиях как «приморские регионы», а также «хинтерланды (зоны влияния) морских портов». Наиболее же явственное влияние «фактора моря» на пространственную организацию российского общества характерно для мезо- и микрокроуровня, воплощаясь в феноменах «приморских муниципалитетов», «приморские поселений», «портово-промышленных комплексов», «приморских экономических кластеров» и др.

Опорные базы морской активности России и их приоритетные специализации. Будучи континуальным и масштабным, охватывая не только приморские зоны и акватории оконтуривающих Россию морей, но и в целом Мировой океан, пространство морской активности нашей страны одновременно демонстрирует выраженные эффекты асимметрии, концентрации и агломерации. До 92% грузооборота морских портов страны, 85% уловов морских биоресурсов, 91% «морской» нефте- и 99% – газодобычи, а также 96% от общего числа корабельного состава ВМФ приходится, при этом, на 14 достаточно компактных участков побережья. Последние в интересах стратегического управления целесообразно делимитировать и концептуализировать как ***«опорные базы морской активности»*** (или же, чётче акцентируя геополитические и геоэкономические аспекты данной тематики — как «***опорные базы морского порубежья***»), подразумевая в этом качестве не только локалитеты, концентрирующие важнейшие (в том числе пропульсивные) сферы и звенья морской экономики, но и центры аква-территориального системообразования, узловые компоненты единого общероссийского «мореориентированного» социально-экономического (и военно-стратегического) пространства. К числу важнейших для страны «опорных баз» следует отнести:

Санкт-Петербургскую (важнейшую для страны, созданную ещё в начале XVIII в.), специализированную на морских портах и логистике (29% российского грузооборота), судостроении и судоремонте (более 40% от общего числа всех занятых в этой отрасли в РФ), «приморской» промышленности (автомобилестроение, пищевая промышленность, химия), а также комфортном расселении в приморских зонах;

Калининградскую, специализированную на локализации структур ВМС, судостроении и судоремонте, «приморской» промышленности, «приморских» рекреации и туризме, добыче нефти и газа на шельфе, а также комфортном расселении в приморских зонах;

Новороссийскую, специализированную на морских портах и логистике (24% российского грузооборота), а также комфортном расселении в приморских зонах;

Сочинско-Туапсинскую, со специализацией на «приморских» рекреации и туризме, комфортном расселении в приморских зонах, морских портах и логистике;

Севастопольско-Крымскую (действующую с конца XVIII в.), специализированную на локализации структур ВМС, «приморских» рекреации и туризме, добыче нефти и газа на шельфе, судостроении и судоремонте, комфортном расселении в приморских зонах;

Ростовскую, специализированную на морских портах и логистике, комфортном расселении в приморских зонах;

Астраханскую, со специализацией на добыче нефти и газа на шельфе, локализации структур ВМС, а также судостроении и судоремонте;

Махачкалинскую (потенциальную, в настоящее время лишь формирующуюся), со специализацией на локализации структур ВМС, а также морских портах и логистике;

Мурманскую, специализированную на локализации структур ВМС (27% корабельного состава «приписано» именно к базам Мурманской области), морских портах и логистике, добыче морских биоресурсов, а также нефти и газа на шельфе;

Архангельскую (старейшую в России, функционирующую с XVI века), специализированную на судостроении и судоремонте, морских портах и логистике;

Ямальскую (активно формирующуюся), со специализацией на добыче нефти и газа на побережье и шельфе (по итогам 2019 г. обеспечивающую до 50% всей «морской» добычи природного газа страны);

Владивостокскую, специализированную на морских портах и логистике, локализации структур ВМС, судостроении и судоремонте, добыче морских биоресурсов;

Сахалинскую, со специализацией на добыче нефти и газа на шельфе, а также на добыче морских биоресурсов;

Камчатскую, специализированную на добыче морских биоресурсов (около 25% всей российской добычи биоресурсов моря), локализации структур ВМС, добыче нефти и газа на шельфе.

Для Российской Федерации стратегическое значение имеет сохранение, обустройство, развитие указанных выше «опорных баз», что практически (в том числе и с учётом морской специфики) можно успешно реализовать лишь существенно нарастив степень и эффективность их сопряжённости, взаимодействия в рамках *единой аква-территориальной системы*, выстроенной по принципу сетевой структуры, обладающей взаимозависимостью и внутренней иерархией своих составляющих.

Единая система морской деятельности Российской Федерации: концептуальный контур в контексте «большой» евразийской интеграции.

В общепризнанном понимании «система» – это «сочетание объектов, их свойств и отношений, о котором можно сказать, что взаимные связи между составляющими элементами придают ему новое качество целостности, выражающееся в относительной устойчивости, особом проявлении общих закономерностей развития всего сочетания, генерализации функций» [16, с. 43]. Идея «единой системы» (первоначально – применительно к сфере расселения и далее – распространяясь на хозяйство, ориентируя на «развитие единой системы крупных народнохозяйственных комплексов» [17, с. 304.]) зародилась и начала укореняться в отечественной социально-экономической географии с конца 1960-х годов. Ныне данный концепт, полагаю, может (и должен!) быть «возвращён» в активный научный дискурс, правда, с неизбежной поправкой на глобализацию, олигархический (с существенным влиянием государства) капитализм, масштаб и укоренённость трансграничных структур и «интернационализированных» хозяйственных практик, олигопольно-монопольный характер важнейших (и, прежде всего, морских) видов хозяйствования, социально-территориальную стратификацию. Применительно же к морской деятельности страны концепт «Единой системы» призван сфокусировать внимание на необходимости балансировки силовой и коммерческой (гражданской) её компонент (что особо важно в сфере судостроения), дополнения сложившихся с конца 1990-х гг. трансграничных связей (в том числе в форматах Балтийского региона, региона Японского моря и др.) межрегиональными (между собственно российскими территориями) коммуникациями, повышением взаимной сопряжённости экономик российских приморских регионов; на диверсификации морехозяйственной активности; на взаимоподдерживающем развитии всей совокупности российских «опорных баз» морской активности; на необходимости комплексирования и сетевизации «морских» (приморских) производств и достижении на этой основе экономической синергии (с её позитивными проекциями в том числе и на конкретные приморские регионы, на их инфраструктурную и социально-демографическую сферы). В ориентированной на выстраивание «Единой системы морской деятельности Российской Федерации» стратегии важно идентифицировать (и приоритетным образом поддерживать на государственном уровне) отрасли и корпорации, обладающие наибольшим интегрирующим, мультипликативным потенциалом. В подобном качестве выступает, безусловно, судостроение, производство морской техники. Существенным потенциалом в конструировании «Единой системы» обладают и крупнейшие российские энергетические корпорации («Газпром», «Лукойл», «Роснефть» и др.).

Складывающаяся (в том числе в русле процессов «большой» евразийской интеграции) «многовекторность» морской активности Российской Федерации (адаптированная к специфике отдельных акваторий: Балтика, Чёрное море, Каспий, западная и восточная Арктика, моря Тихоокеанской России) – в логике «Единой системы» должна дополняться выстраиванием гибких, взаимодополняющих межбассейновых структур и взаимодействий (на корпоративном и общегосударственном уровнях), когда, к примеру, в случае геополитических обстоятельств товарно-сырьевые потоки Причерноморья можно перенаправить на Балтику, Каспий в Мурманск, Архангельск и наоборот). Ключевую роль в подобной единой системе наряду с Северным морским путём должны занять также мультимодальные трансконтинентальные транспортные коридоры меридиональной и широтной направленности (и в первую очередь Трансиб), которые следует рассматривать не столько как альтернативу, сколько как неотъемлемый компонент купирования вероятностных «морских» геополитических рисков, а также наращивания (и повышения скоординированности) всей морехозяйственной деятельности страны в целом. Формирование «Единой системы», в этой связи, должно осуществляться как «сверху» (ориентируясь на логику геоэкономических и геополитических процессов в Евразии, на «морские» ини-

циативы и интересы ведущих держав и межгосударственных объединений), так и «снизу»: от локальных (региональных) морехозяйственных кластеров к комплексам; от региональных структур – к межрегиональным; от региональных и межрегиональных структур – к Единой системе морской деятельности Российской Федерации.

Заключение. Спровоцированный COVID-19 глобальный кризис и необходимость преодоления его последствий – потребуют от экономических систем (в том числе странового и регионального уровней) существенно большей (чем ныне) меры взаимной координации, а также устойчивости и эффективности. Несмотря на возросшие финансово-инвестиционные дефициты и риски, на вероятностный краткосрочный спад в отдельных отраслях (морские грузоперевозки и портовое хозяйство, добыча энергоносителей в Арктической зоне) – морская активность в этих условиях, полагаю, сохранит своё значение одного из «драйверов» и базового условия всей пространственной социально-экономической динамики, что должно быть адекватным образом зафиксировано во всех последующих версиях «Стратегии пространственного развития Российской Федерации».

Список литературы

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – М., 2019.
2. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. – 236 с.
3. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2017. – 421 с.
4. Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 216 с.
5. Druzhinin A. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia. Quaestiones Geographicae. – Poznań, 2019. – Vol. 38, N 2. – P. 91–100.
6. Федоров Г.М., Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. – Т. 9, № 2. – С. 7–27.
7. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года № 1734-р. – https://www.mintrans.ru/documents/3/1009
8. Дружинин А.Г. Крупный бизнес в приморских зонах России: факторы и особенности локализации // Балтийский регион. 2019. – Т. 11, № 4. – С.136–151.
9. Дружинин А.Г. Евразийские векторы морехозяйственной активности России: общественно-географические проекции // География и природные ресурсы. 2020. – № 2. – С. 5–14.
10. UNCTAD Review of Maritime Transport 2018 (United Nations publication. Sales No. E.18.II.D.5). – New York; Geneva, 2019.
11. Государственная программа Российской Федерации «Развитие судостроения на 2013-2030 годы. – https://knastu.ru/media/files/page_files/science/unid/new_folder/__/Gosprogramma_RF_Razvitiye_sudostroyeniya_na_2013_-_2030_gody.pdf
12. Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. – Т. 9, № 2. – С. 28–43.
13. Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – 228 с.
14. Дружинин А.Г. Евразийские приоритеты России: взгляд географа-обществоведа. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 265 с.
15. Безруков Л.А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. – № 4. – С. 5–14
16. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. – М.: Мысль, 1977. – 199 с.
17. Хорев Б.С. Территориальная организация общества. – М.: Мысль, 1981. – 320 с.

Журавель В.П.[1]

ОТВЕТЫ РОССИИ НА ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АРКТИКЕ В ВОЕННОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЛАСТЯХ

***Ключевые слова**: Россия, Арктика, Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 г., международное право, США, «Меморандум о защите национальных интересов США в Арктике и Антарктике», военное присутствие, Шпицберген, Норвегия, Договор о Шпицбергене 1920 г., Республика Корея, Япония, военные учения, Российская армия, боевой потенциал, Северный флот, Росгвардия, экономика, СМП, ледокол, «Ямал-СПГ», «Арктик СПГ-2», арктическое сознание.*

***Keywords:** Russia, Arctic, Fundamentals of state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035, international law, USA, «Memorandum on the protection of US national interests in the Arctic and Antarctic», military presence, Spitsbergen, Norway, Treaty of Svalbard 1920, Republic of Korea, Japan, war games, Russian army, combat potential, Northern fleet, National Guard of the Russian Federation, economy, northern sea route, icebreaker, «Yamal LNG», «Arctic LNG-2», Arctic consciousness.*

Введение

Новые вызовы и угрозы ставят перед экспертами задачу переосмысления места и роли Арктической зоны России в обеспечении национальных интересов, экономического, социального и оборонного стратегического развития страны, методов государственного регулирования развития макрорегиона. В современных условиях успех политики России на арктическом направлении зависит не только от практической реализации уже намеченных стратегических целей, но и от уточнения конкретных планов и программ с учётом быстро меняющейся геополитической обстановки в мире и непосредственно в Арктическом регионе.

Международные вызовы России в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике

Глубокий анализ международных вызовов в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике в современных условиях дан в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктической зоне до 2035 года[2] (далее – «Основы»), которые президент В.В. Путин утвердил 5 марта 2020 г. указом № 164.

Основные вызовы в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике находят свое проявление в попытках ряда иностранных государств пересмотреть базовые положения международных договоров, регулирующих хозяйственную и иную деятельность в Арктике, и создать системы национального правового регулирования без учета таких договоров и региональных форматов сотрудничества. Ряд стран (США, Китай, Япония, Финляндия) стремятся изменить режим плавания по Северному морскому пути, по сути, добиваясь его интернационализации, что в конечном итоге может снизить влияние России в регионе[3]. В частности, высокопоставленные чиновники Соединенных Штатов предлагают распространить Freedom of Navigation Operation на Севморпуть. С другой стороны, вопрос о контроле над СМП, по оценке А. Бартоша, имеет критическое значение для нашей страны, поскольку это пока единственный транспортный путь, способный интегрировать отдаленные районы Крайнего Севера и их ресурсный потенциал в национальную экономику страны[4]. Для интеграции Севморпути в мировую транзитную систему в качестве эффективного евроазиатского транспортного коридора при условии сохранения своего суверенитета в Арктике России необходимо совершенствовать его инфраструктуру, создавать условия для развития контейнерных перевозок, привлекать крупнейших международных судовладельцев и грузовладельцев для перевозки грузов. Усилилось давление на Россию по таким вопросам, как определение внешних границ континентального шельфа, раздел морских акваторий, разработка нефтегазовых ресурсов в контексте обеспечения экологической безопасности, эксплуатация биоресурсов, доступ иностранных государств к СМП.

---

[1] Журавель Валерий Петрович – к.п.н., доцент, в.н.с., руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН. E-mail: zhvalery@mail.ru

[2] Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhpAaQ0WB1zjywN04OgKiI1mAvaM.pdf. См. также: Журавель В.П. О новой государственной политике России в Арктической зоне до 2035 года. Аналитическая записка на сайте ИЕ РАН. 2020. – № 9. – http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an192.pdf

[3] Бекяшев К.А., Галстян Г.Г. Современный правовой режим Северного морского пути. Может ли он стать интернациональным? // Рыбное хозяйство. 2019. – № 4. – С. 45–50.

[4] Бартош А.А. Гибридные угрозы возникли в Арктике. 02.12.2016. – http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-12-02/1_928_arctic.html

К вызовам в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике относится и незавершенность международного правового разграничения морских пространств в Арктике. Это положение пытаются использовать в своих интересах неарктические государства. Не имея необходимых прав на разработку арктического шельфа, поскольку у них нет прямого выхода к Северному Ледовитому океану, они прилагают политические и экспертные усилия по ослаблению уже принятых правовых норм в Арктике. Свои амбиции по доступу к богатым природным ресурсам Арктического региона и его транспортным коммуникациям Китай, Республика Корея и Япония стремятся подкреплять соответствующей финансово-экономической и научно-технологической базой.

Следует также отметить, что не до конца урегулированы претензии на шельф между Россией, Канадой и Данией с учетом ранее поданных ими заявок в Комиссию ООН по континентальному шельфу[1].

Отмечаются попытки воспрепятствования осуществлению Российской Федерацией законной хозяйственной или иной деятельности в Арктике со стороны иностранных государств и (или) международных организаций. Особенно показательно это находит свое выражение в деятельности Норвегии против России на архипелаге Шпицберген[2]. В этой связи в послании Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова главе МИД Норвегии И.М. Эриксен Сёрэйде от 4 февраля 2020 г., связи со 100-летним юбилеем Договора о Шпицбергене, подписанного 9 февраля 1920 г. в Париже, выражена озабоченность в части обеспечения «одинакового свободного доступа» на архипелаг и возможностей ведения там хозяйственно-экономической деятельности «на условиях полного равенства»[3].

Следует отметить, что у России накопилось много претензий к Норвегии, связанных с ущемлением российских интересов на Шпицбергене. Норвежцы упорно отказываются от проведения консультаций по проблемным вопросам российского присутствия на Шпицбергене. Принципиальные вопросы не решаются, и проблемы накапливаются. К ним, в частности, относятся ограничения на полеты вертолета ФГУП «Государственный трест «Арктикуголь», направленный против российских граждан порядок депортации с архипелага, затруднение доступа в перспективные с точки зрения науки и туризма районы архипелага, недополучение средств из бюджета Шпицбергена на нужды российских поселков, задержания российских судов в так называемой «рыбоохранной зоне» и другие проблемы. Вразрез с положениями Договора 1920 г., гарантирующими «одинаковый свободный доступ» и равные возможности ведения хозяйственно-экономической деятельности, в большинстве случаев под предлогом охраны окружающей среды, вводятся новые ограничения для развития туризма, проведения полноценных научных исследований, реализации бизнес-проектов. По информации первого заместителя Министра иностранных дел России В.Г. Титова «в ответ на наши призывы к диалогу в Осло ссылаются на отсутствие практики ведения консультаций с государствами подписантами Договора о Шпицбергене 1920 г. – дескать, Россия не является здесь исключением. Мы с таким подходом согласиться не можем. Из 44-х государств-участников Договора 1920 г. хозяйственную деятельность на Шпицбергене наряду с Норвегией осуществляет только Россия. Тема трудностей российских экономоператоров на архипелаге постоянно присутствует в повестке дня всех российско-норвежских политических и межмидовских контактов. Важно понимать, что Россия осуществляет хозяйственную деятельность на Шпицбергене на протяжении многих десятилетий и не намерена сворачивать свое присутствие»[4].

По мнению А.А. Тодорова, «вопросы правового статуса и режима морских пространств Шпицбергена…можно отнести к категории затяжных споров, которые не вызывают, по крайне мере пока, резкого обострения ситуации в регионе. Однако это не значит, что такое положение обязательно сохранится в будущем. При построении сценариев развития событий нельзя полностью исключить того, что какая-то «спящая» проблема «выстрелит» и полностью перевернет обстановку в Арктике»[5].

Угрозу национальной безопасности представляет наращивание иностранными государствами военного присутствия в Арктике, в результате которого возрастает конфликтный потенциал в регионе. Так, в докладе на расширенном заседании коллегии Министерства обороны России в декабре 2018 г. министр обороны С.К. Шойгу выделил следующие тенденции осложнения военно-политической обстановки, затрагивающие Арктический регион[6]: с 2018 г. воссоздается второй оперативный флот ВМС США; с целью обеспечения переброски войск из США для их развертывания в Европе принято решение о формировании к 2022 г. двух новых командований объединенного командования ОВС НАТО – «Атлантика» и объединенного командования тыла; увеличивается количество учений, все чаще в них принимают участие не входящие в НАТО страны, в частности – Швеция и Финляндия; возрастает количество разведыва-

[1] Кузин В.Ю. Арктика – военная география региона // АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки. 2017. – № 2 (12). – С. 40.

[2] Стрельникова И.А. К вопросу о правовом режиме Баренцева моря. Международно-правовой статус архипелага Шпицберген // Государственная служба и кадры. – М., 2019. – № 1. – С. 71–75.

[3] О послании Министра иностранных дел России С.В. Лаврова Министру иностранных дел Норвегии И.М. Эриксен Сёрэйде по случаю 100-летия подписания Договора о Шпицбергене. 04.02.2020. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4019093

[4] Интервью первого заместителя Министра иностранных дел России В.Г. Титова информационному агентству «Интерфакс», 9 июня 2020 года. 09.06.2020. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/415574

[5] Тодоров А. Договор о Шпицбергене: яркая мозаика интерпретаций. 14.02.2020. – https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dogovor-o-shpitsbergene-yarkaya-mozaika interpretatsiy/?fbclid=IwAR2CpKLp24Jd0Re0p4IVI_Ui2WdqOCXCBs8w9UyLpDb8cc4mOw-bHZOD0Tg

[6] Заседание коллегии Министерства обороны. Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 18.12.2018. – http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/59431

тельных полетов у границ России. Для проводимых учений характерно значительное усиление антироссийской направленности[1].

Вызывают вопросы действия норвежских властей по наращиванию своей военной активности, в том числе военных приготовлений НАТО, причем подчас в непосредственной близости от российских границ. Разрабатываемые в Норвегии планы развития национальных вооруженных сил носят откровенно антироссийский характер. На постоянной основе в Норвегии расквартированы американские морские пехотинцы и военнослужащие Великобритании, анонсировано увеличение численного состава этих подразделений. Происходит отступление от соблюдавшейся с 1949 г. норвежской «базовой политики», предполагающей отказ от создания на территории страны иностранных военных баз в мирное время. За последние 10 лет удвоилось количество заходов натовских субмарин, в том числе атомных, в норвежские порты. В северонорвежском Вардё в 50 км от границы с Россией в рамках модернизации действующей радиолокационной системы «Глобус-2» сооружается новая, более мощная РЛС, в числе задач которой будет фиксация в интересах ПРО США нашего воздушного пространства. Военное руководство Норвегии заявляет о намерении развернуть в Заполярье новые подразделения, интенсифицировать проведение в этом районе тренировочных мероприятий совместно с союзниками. В 2019 году норвежская авиабаза Эрланн была задействована для проведения многонационального учения ВВС НАТО «Arctic Challenge 2019». В учении принимало участие более 100 самолетов США, Великобритании, Норвегии, Дании, Германии, Франции, Нидерландов, а также Швеции и Финляндии. Усилия норвежских властей по наращиванию военной деятельности в Арктике, стремление включить ее в зону ответственности НАТО является прямым путем к подрыву существующего мира, стабильности и атмосферы взаимодействия в регионе[2].

В апреле-мае 2020 г. на территории ряда государств Европы вдоль западной границы России состоялись учения НАТО «Defender Europe-2020», в которых помимо европейских натовцев участвуют более 20 тысяч американских военнослужащих и десятки тысяч единиц военной техники. Учения стали крупнейшими с окончания «холодной войны» и, что примечательно, совпадают по времени с празднованием 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. В первой декаде мая 2020 г. в Баренцевом море проходили маневры ударной группировки объединенных ВМС стран НАТО, в состав которой вошли американские эсминцы «Портер», «Дональд Кук», «Франклин Рузвельт», британский фрегат «Кент», часть из которых была оснащена крылатыми ракетами «Томагавк» и системой противоракетной обороны «Иджис»[3].

Усилилась активность США в Арктике и по другим направлениям. Так, Президент США Д. Трамп 10 июня 2020 г. подписал «Меморандум о защите национальных интересов США в Арктике и Антарктике». В этом документе говорится о том, что стране для защиты собственных интересов и интересов своих союзников нужен «работоспособный ледокольный флот», который должен быть готов к финансовому 2029 г. Меморандумом предусматривается создание, по меньшей мере, нескольких постоянных полярных баз: двух на территории страны и двух – за границей. «Соединенные Штаты разработают и реализуют программу по созданию ледокольного флота для обеспечения полярной безопасности, которая отвечает нашим национальным интересам в Арктике и Антарктике», – отмечается в документе. Согласно меморандуму, президент поручил министру внутренней безопасности вместе с министром обороны, главой Береговой охраны и министром энергетики изучить «преимущества и риски» использования флота тяжелых ледоколов[4].

Все это усиливается очередными попытками дискредитации деятельности Российской Федерации в Арктике со стороны наших геополитических противников. Данная работа проводится ими постоянно. На разных этапах она то ослаблялась, то усиливалась. Актуальность данной проблемы состоит в том, что она затрагивает вопросы суверенитета РФ[5]. По-прежнему обвиняют Россию в милитаризации Арктики. В настоящее время особое внимание обращается на факты нарушения экологических правил, загрязнения ее территории при использовании старого оборудования при добыче углеводородов, при других видах экономической деятельности[6]. Недавняя авария под Норильском, где разлилась нефть, нанеся ущерб экологии, – событие не в нашу пользу. Модной стала тема обвинения РФ в притеснении коренных малочисленных народов Севера. Западные страны периодически напоминают о радиоактивном заряжении российских арктических территорий в период военной и хозяйственной деятельности СССР. Это радиоактивные выпадения при испытаниях ядерного оружия, выносы радиоактивности северными реками России, эксплуатация атомного флота СССР/России, затопленные и затонувшие радиоактивные объекты и др. В настоящее время в водах Арктики СССР/Россией их было затоплено около 18 тысяч. На сегодня в Арктике утилизировано 119 из 121 отслуживших свой срок атомных подводных лодок[7]. Учитывая данные проблемы, по оценке академика РАН А.А. Саркисова, руково-

---

[1] Криволапов О.О. Военная политика администрации Д. Трампа в Арктике: первые шаги // США. Канада: экономика, политика, культура. – М., 2019. – № 4. – С. 31–45; Теребов О.В. Арктическая политика США и интересы России: прошлое, настоящее, будущее / Ин-т США и Канады РАН. – М.: Весь Мир, 2019. – 250 с.

[2] Интервью первого заместителя Министра иностранных дел России В.Г. Титова информационному агентству «Интерфакс», 9 июня 2020 года. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4155745

[3] Северный флот следит за кораблями НАТО в Баренцевом море. 04.05.2020. – https://rg.ru/2020/05/04/severnyj-flot-sledit-za-korabliami-nato-v-barencevom-more.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

[4] Петров Г. В «битве за Арктику» США переходят в наступление. 10.06.2020. – https://ng-ru.turbopages.org/h/ng.ru/world/2020-06-10/1_7883_arctic.html

[5] Журавель В.П., Литвинов Н.Д. Суверенитет стран Арктического совета в Арктике: проблемы и механизмы обеспечения // Мир политики и социологии. 2019. – № 4. – С. 129–141.

[6] Закиров С.Н., Закиров Э.С., Индрупский И.П. и др. Устаревшие технологии добычи нефти и газа как источник новых экологических катаклизмов // Экологический вестник России. 2019. – № 8. – С. 20–25.

[7] Президиум РАН: очистить Арктику от последствий «холодной войны». 02.12.2015. – http://scientificrussia.ru

дство страны прилагает значительные усилия по полному завершению радиоэкологической реабилитации российской Арктики и разработке комплекса необходимых для решения этой задачи правительственных актов[1].

Анализ основных вызовов в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике показывает, что России необходимо своевременно принимать адекватные меры, направленные на поддержание паритета и создание благоприятных условий для защиты национальных интересов в этом важном регионе.

Ответы России на международные вызовы в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике в военной области

Россия в последние годы много сделала для усиления безопасности в Арктике. С 1 декабря 2014 г. начала действовать новая военная структура – Объединенное стратегическое командование «Север». В нее вошли Северный флот в полном составе, 45 армия ВВС и ПВО, ряд соединений и частей Центрального и Восточного военных округов и других силовых структур.

С учетом складывающейся обстановки, соотношения военных сил в Арктическом регионе, в «Основах» (пункт 19) определены задачи в сфере обеспечения военной безопасности. Особое внимание обращено на выполнение комплекса мер, направленных на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту ее суверенитета и территориальной целостности. Всего в Арктике планируется построить 13 аэродромов, один наземный авиационный полигон, а также 10 радиолокационных отделений и пунктов наведения авиации, которые будут размещены на военных базах. На аэродромах, расположенных за полярным кругом, планируется разместить новые модели российских самолетов. Ожидается, что восстановленными взлётно-посадочными полосами будут пользоваться для дозаправки стратегические бомбардировщики Ту-22, Ту-95 и Ту-160[2]. Решению поставленных задач способствуют ежегодно проводимые военные учения, мероприятия по оптимизации группировок войск и воинских формирований, оснащению их новыми образцами оружия и боевой техники.

Актуальным становится повышение боевых возможностей группировок войск (сил) общего назначения ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов в Арктической зоне Российской Федерации. В группировке войск возрастает роль Северного флота[3]. К концу 2020 г. и в 2021 г. соответственно войдут в строй и заступят на боевую вахту крейсеры «Князь Владимир», «Казань» и дизель-электрическая субмарина с ракетами типа «Калибр» на борту[4]. Подразделения нового зенитного ракетного полка в апреле 2020 г. заступили на боевое дежурство в Арктике, комплексы С-300 охраняют воздушное пространство Якутии и участок Севморпути. По информации командующего Северным флотом адмирала Александра Моисеева, активно идет процесс модернизации баз новых подлодок в Заозерске и Гаджиево[5].

Следует отметить, что это тот минимум, который позволяет поддерживать их боевой потенциал на уровне, гарантирующем решение задач по отражению агрессии.

В «Основах» акцентируется внимание на совершенствование системы комплексного контроля за воздушной, надводной и подводной обстановкой в Арктической зоне. Такая же задача поставлена и Береговой охране ФСБ РФ. Поэтому важно определить первичную ответственность за ее выполнение. Наши пограничники в большей мере контролируют надводную обстановку. В последнее время к решению задач по укреплению безопасности в Арктике подключается и Росгвардия, которая в 2019 г. приняла под охрану первую плавучую атомную теплоэлектростанцию «Академик Ломоносов» в акватории морского порта Певек на Чукотке[6]. В 2020 г. планируется завершить дооборудование порта Сабетта мобильным комплексом, усиленным, в том числе, морской и амфибийной составляющими. К концу года под защитой войск будут находиться девять морских арктических портов[7]. Необходимость повышения контроля за арктическим пространством возрастает в связи с активизацией экономической деятельности, особенно судоходства по СМП.

По-прежнему важной работой остается создание и модернизация объектов военной инфраструктуры, обеспечение жизнедеятельности войсковых формирований и органов[8]. Возводятся новые и восстанавливаются старые ее элементы, в том числе заполярные аэродромы и военные базы, которые предполагается использовать по двойному назначению. Так, к 2020 г. планируется разместить более 20 тысяч военнослужащих, членов их семей и гражданских лиц,

---

[1] Саркисов А.А. К вопросу о ликвидации радиоактивных загрязнений в Арктическом регионе // Вестник Российской академии наук. – М., 2019. – Т. 89, № 2. – С. 107–124.

[2] Арктический «Бастион»: Россия закрыла Севморпуть. 03.12.2019. – https://news.rambler.ru/army/43277422/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

[3] Евменов Н.А. Роль и место Северного флота в обеспечении безопасности в Арктическом регионе // Арктические ведомости. 2019. – № 1. – С. 66–71.

[4] Северный флот пополнится тремя новыми подлодками. 19.03.2020. – https://sm-news.ru/severnyj-flot-popolnitsya-tremya-novymi-podlodkami-58568/

[5] Россия модернизирует базу для подлодок в Арктике. 18.03.2020. – https://lenta.ru/news/2020/03/18/base/

[6] Встреча с директором Федеральной службы войск национальной гвардии Виктором Золотовым. 06.05.2020. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/63302

[7] Директор Росгвардии генерал армии Виктор Золотов открыл расширенное заседание коллегии ведомства. 11.03.2020. – https://rosgvard.ru/ru/news/article/direktor-rosgvardii-general-armii-viktor-zolotov-otkryl-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-vedomstva

[8] Котов А., Старчак М. Вопросы инфраструктуры и жизнеобеспечения российских военных баз в Арктике // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2019. – № 4. – С. 36–40.

работающих в системе Минобороны[1]. Вместе с тем понятно, что всю АЗРФ военной инфраструктурой закрыть невозможно. Размещение военных объектов должно быть построено так, чтобы обеспечивать быстрые действия на угрожаемом направлении.

Ответы России на международные вызовы в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике в экономической области

Наряду с решением задач по укреплению обороны и безопасности Россия уделяет значительное внимание вопросам экономического и социального развития Арктики, укреплению ее инфраструктуры.

Совершенствуется деятельность Северного морского пути. Так, по итогам 2019 г. объём перевозок грузов по СМП составил 30 млн. т при плановом показателе 26 млн. т. Прирост грузопотока обеспечили инвест-проекты. В частности, значительный рост показали перевозки сжиженного природного газа с проекта «Ямал СПГ» и нефти с Новопортовского месторождения[2]. В своем указе от 7 мая 2018 г. Президент РФ В.В. Путин поставил задачу дальнейшего развития Севморпути и увеличения грузопотока по нему к 2024 г. до 80 млн. тонн[3]. Это большая и ответственная задача.

Продолжается формирование современного ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов в составе, необходимом и достаточном для обеспечения круглогодичного, безопасного, бесперебойного и экономически эффективного судоходства в акваториях СМП и других морских транспортных коридоров. Сегодня в его акватории действует восемь линейных ледоколов. Из них четыре атомных – «50 лет Победы», «Ямал», «Таймыр», «Вайгач» и четыре дизель-электрических – «Адмирал Макаров», «Красин», «Капитан Хлебников», «Капитан Драницын». Часть этих судов в ближайшее время будет выведена из действующего состава флота в связи с истечением сроков эксплуатации. Однако на замену идут новые атомоходы. В частности, завершены ходовые испытания головного универсального атомного ледокола проекта 22220 «Арктика» в Финском заливе. Ввод этого ледокола в строй и завершение строительства ледоколов такого же класса «Сибирь» и «Урал» позволит уже к 2025 г. обеспечить круглогодичную проводку судов по самым сложным восточным участкам северного морского пути.

В соответствии с поручениями Президента и Правительства Российской Федерации на дальневосточном судостроительном комплексе (ССК) «Звезда» начата подготовительная работа по реализации проекта создания головного и двух серийных атомных ледоколов проекта 10510 ЛК-120 «Лидер». Он должен обеспечить круглогодичную проводку судов по СМП со скоростью хода не менее 12 узлов в час при толщине льда до двух метров и предельной толщине льда свыше 4 м (со скоростью 1–2 узла)[4]. При этом скорость хода, обеспечивающая расчетный график движения и, следовательно, конкурентоспособность перевозок, явилась главным критерием при выборе параметров проекта. ССК «Звезда» позиционируется как головная верфь по формированию в Российской Федерации крупнотоннажного нефтеналивного и газового флота. В частности, на ССК также размещены заказы на строительство судов для «Роснефти», «Газпрома», «НОВАТЭКа», «Росморпорта» и «Совкомфлота». Кроме того, ПАО «НОВАТЭК» ведет переговоры с отечественными судостроителями относительно постройки четырех ледоколов на сжиженном природном газе для обеспечения навигации на западной части СМП.

Идет процесс строительства и модернизация морских портов, железнодорожных магистралей, обеспечивающих вывоз продукции из регионов европейской и азиатской частей страны по СМП. Расширяется сеть аэропортов и посадочных площадок;

Началось реализация нескольких крупных инновационных проектов на арктической территории России. Важное место среди них принадлежит проекту «Ямал СПГ» в порту Сабетта на территории Ямало-Ненецкого автономного округа[5]. Его производственная мощность составляет от 15,0 до 16,5 млн. тонн СПГ и до 1,2 млн. тонн газоконденсата в год. Он реализуется на базе Южно-Тамбейского газового месторождения, запасы которого составляют около 1 трлн. куб. м. В 2019 г. завершается проектирование нового проекта «Арктик СПГ-2». Мощность завода превысит 18 млн. кубометров СПГ в год. Примечательно, что он реализуется в 500 км за Полярным кругом. Планируемое производство СПГ обеспечено контрактами на 20–25 лет. Значительная часть газа будет направляться в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

С комплексным развитием СМП увязаны и инвестиционные проекты по строительству новых железных дорог – «Северный широтный ход»[6] и «Белкомур»[7], которые призваны создать возможность для экспорта через отечественные порты в акватории Северного Ледовитого океана продукции Северного Урала и Западной Сибири.

---

[1] Строительство военных городков в Арктике продолжится до 2020 года. 18.08.2016. – http://www.arctic-info.ru/news/18-08-2016/stroitelstvo-voennyh-gorodkov-v-arktike-prodolzhitsya-do-2020-goda/

[2] Объём перевозок грузов по Севморпути достиг 30 млн тонн.13 января 2020 г. – https://sudostroenie.info/novosti/29125.html

[3] Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425

[4] Ледоколы России. Атомное судостроение. 25 декабря 2019 г. – http://www.tadviser.ru/index.php

[5] С декабря 2017 г. с участием России, Китая, Франции и Республики Корея начал успешно функционировать проект «Ямал СПГ». Он предусматривает добычу, переработку, сжижение и отгрузку/экспорт природного газа и стабилизированного конденсата.

[6] Пехтерев Ф.С. О проекте создания Северного широтного хода: [транспортная инфраструктура Ямало-Ненецкого автономного округа] // Арктические ведомости. 2017. – № 1. – С. 144–147.

[7] Алсуфьев А.В., Анисимова Г.А. «Белкомур» – стратегический проект для развития территорий // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. – № 1. – С. 18–25; Щелоков В.А. Магистраль «Белкомур» – важнейший проект развития инфраструктуры Севера России // Арктические ведомости. 2017. – № 1. – С. 66–73.

Арктика пополняется новыми значимыми проектами. Так, 22 сентября 2017 г. президиум Госкомиссии по вопросам развития Арктики рассмотрел вопросы формирования Воркутинской опорной зоны развития, строительства глубоководного морского порта Индига, реконструкции морского порта Тикси и Жатайского судоремонтно-строительного завода[1].

Реализация этих и десятков других объектов на территории АЗРФ требует не только соответствующего финансирования, но и огромной работы по привлечению граждан к их строительству в сложных климатических условиях. В своей статье «Арктические преобразования» член-корреспондент РАН В.П. Федоров[2] справедливо отмечает, что в современных условиях мощным фактором консолидации России может послужить ее собственный мегапроект. Назовём его – Освоение Арктики (в просторечии – «Даёшь Арктику!»).

Заключение

Принимаемые руководством страны меры позволят постепенно решить накопившиеся проблемы, поскольку приходит понимание того, что Арктика является важной и перспективной территорией нашего государства. Необходима системная работа по формированию у граждан России арктического сознания и причастности к великим арктическим делам.

[1] Развитие российской Арктики: важнейшие точки опоры. По материалам заседания Президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики 22 сентября 2017 г.// Арктические ведомости. 2017. – № 4. – С. 16–19.

[2] Федоров В.П. Арктические преобразования // Современная Европа. – М., 2018. – № 1. – С. 13.

Калиниченко Л.А.
д.соц.н., в.н.с. НИИ перспективных направлений и технологий РГСУ

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА БАЗЕ СИСТЕМНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ И ВНУТРЕННИХ УГРОЗ

Ключевые слова: *развитие российского общества, глобальные и внутренние угрозы; системная цифровизация, государственное и муниципальное управление.*

Keywords*: the development of Russian society, global and internal threats; systemic digitization, public and municipal government.*

Анализ современных глобальных угроз и внутренних проблем России, – с одной стороны, и новых возможностей и тенденций развития российского общества, – с другой стороны, выявил необходимость концептуальной разработки системной цифровизации государственного и муниципального управления. На этой базе можно социализировать и внедрять информационные технологии в практику деятельности государственных органов.

В каком направлении развивается современное общество?

Теоретический анализ наследия великих ученых и гуманистов раскрывает естественный смысл справедливо-гуманного переустройства общества. И. Кант одним из первых сделал научный прогноз развития общества нового времени: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа – справедливое гражданское устройство»[4, с. 12]. Научно доказанную необходимость справедливого переустройства дополняют гуманистические утопии – смелый прорыв мысли ученых в будущее. Там, где не доставало на тот момент развития общества научных знаний и технологий, научные теории дополнялись гуманной фантазией: «общество, организованное на научных основаниях и управляемое с помощью простых, здоровых принципов равенства и справедливости, может быть насыщено благами самого высшего качества»[6, с. 21]. Подчеркивает необходимость научного осмысления утопий как предвидения будущего современный исследователь общества М. Ласки: «утопии создаются одновременно и от отчаяния и от надежды. Оглянешься на полные жестокости, предательства и бездумной, дикой безответственности и управителей и управляемых века и склонишься к высокомудрому фантазированию» [5, с. 174].

Утопия – это преждевременная истина. Прошли сотни лет… Природа предъявила человечеству жесткие вызовы: глобальные болезни, мировые катастрофы. Человек дополнил природные угрозы собственными – ядерным оружием, техногенными сбоями, экономическими и финансовыми кризисами и т.д.

Но, одновременно, за столетия со времени рождения человеческой мечты-утопии создана необходимая научно-технологическая база для её воплощения, мир связан информационными технологиями и развивается с помощью глобальной цифровизации. Не пора ли реализовать простые человеческие мечты о справедливости и равенстве возможностей раскрытия талантов личности на базе цифровизации?

В условиях жестких глобальных экономических кризисов и природных угроз национальные лидеры и государственная служба развитых стран мира разрабатывают и реализуют новые стратегии развития. Какие национальные стратегии в условиях глобальных угроз оказались успешны и почему?

Государственная власть развитых стран в условиях кризисов и пандемий, несмотря на глобальные рыночные правила всемирной игры, и псевдогуманистическую риторику, стала спасать, прежде всего, собственные капиталы и граждан своего государства. Кризисы выявили демагогию социальной риторики многих правительств и организационную слабость государственного управления многих развитых стран. Огромны человеческие жертвы пандемии 2020 года в США, Великобритании, Италии, Франции и других странах. Кризисы и болезни обостряют внутренние социальные проблемы современных обществ, – язвы государственной несправедливости, углубляют пропасть неравенства. Миллионы людей с социальным протестом вышли на улицы десятков городов США, – там введено чрезвычайное положение.

Но есть примеры успешных социальных стратегий в мире: высока эффективность действий государственной власти коммунистического Китая и современной социальной государственной стратегии России.

Убедительным доказательством общественной поддержки социальной стратегии государства являются данные социологических исследований. Исследования ВЦИОМ, проведенные в марте 2020 года, свидетельствуют, что абсолютное большинство граждан поддерживает социальные меры Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Впервые социальная программа выступает перед экономической программой Правительства, и впервые в новейшем времени Российской Федерации такой успех во внутренней политике, да еще в чрезвычайных условиях пандемии.

Российское общество, безусловно, поддержало социальную программу Президента РФ. Уже фактически работают предложенные Президентом РФ социальные поправки в Конституцию РФ 1993 года. Национальный лидер дей-

ствует эффективно и справедливо и государственный аппарат в целом во время испытаний 2020 года работал оперативно и результативно.

Необходимо особенно акцентировать внимание исследователей на том, что успех реализации социальных стратегий прямо связан с качеством развития цифровизации государственного и муниципального управления. *Важно развивать информационные технологии системно: от высшего уровня федеральной власти – к региональному уровню – до муниципального уровня единой публичной власти. Социальная сущность системной цифровизации государственного и муниципального управления – реализация социальной миссии технологий, решение с их помощью социальных задач и проблем неравенства.* Эта социальная миссия информационных технологий подчеркнута Президентом РФ В.В. Путиным в ходе заседания Государственного совета РФ в Красногорске в 2020 году. На сайте Кремля в выступлении Президента РВ отмечено, что современные технологии, выстроенные «в цифре», позволяют быстро реагировать на повседневные проблемы жителей, отвечать на их инициативы, на их обращения, реагировать соответствующим образом, а значит, эффективнее и быстрее решать проблемы, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни.

Информационные технологии стали платформой оперативных действий Правительства РФ и всех государственных органов в период пандемии 2020 года. Информатизация общества, работа портала государственных услуг помогла большинству граждан России справиться с проблемами самоизоляции и решения насущных жизненных проблем.

Таким образом, в новейшем времени формулируются цели и принципы социокультурного управления обществом, направленные на развитие творческого потенциала Человека и плодотворного использования его для развития всего общества.

Необходимой базой повышения социальной эффективности деятельности органов исполнительной власти в условиях глобальных и внутренних угроз является системная цифровизация государственного и муниципального управления.

Важно развивать именно социологическую теорию системной цифровизации государственного и муниципального управления как фундамент повышения социальной эффективности единой публичной власти России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.
2. Социологические исследования – опубликованы в еженедельнике «Аргументы и факты». – 2019. – № 46, 49; 2020. – № 3.
3. Калиниченко Л.А. Социальная организация государственной службы: теоретико-социологический анализ. Дисс. доктора социологических наук. – М., 2001. -341 с.
4. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. в 6 т. – М., 1966. – Т. 6.
5. Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление. – М., 1991.
6. Оуэн Р. Книга о новом нравственном мире // Избр. Соч. в 2 т. – М.,1950. Т. 2.

Карнишина Н.Г.
д.и.н., профессор Пензенского государственного университета
karnishins@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ЕЕ РОЛЬ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова: *реформаторский процесс, территориальная целостность, неэкономические факторы модернизации, центр-окраина, конфессиональный фактор.*

Keywords*: reform process, territorial integrity, integration, non-economic factors of modernization, center-outskirts regional system of power, confessional factor.*

В целях осмысления модернизационных процессов, на наш взгляд, следует, прежде всего, отойти от практики использования при анализе эволюции самобытных исторических общностей универсальных моделей модернизации. Применительно к России данный подход означает признание, с одной стороны, нелинейности общественного развития, а, с другой стороны, наличие таких неэкономических факторов, как пространственно-территориальный, социокультурный, конфессиональный, национальный.

С учетом имперского и советского исторического опыта страны, можно с уверенностью констатировать, что роль именно данных факторов на разных этапах истории русской государственности достаточно высока. Исходная пространственная модель складывания Российской империи по типу «центр – окраины», «столица – провинция» сформировалась, не в последнюю очередь, путем присоединения новых территорий. Доминирование внутренней и внешней колонизационной политики в истории страны предопределило особенности модернизации на различных исторических этапах.

Национальная политика Российской империи проводилась путем воздействия на этносоциальные общности, так как этническая и конфессиональная составляющие исторически тесно переплетены, в том числе путем объединения с такие крупные конфессии, как христианская и исламская. В свою очередь, анализ этнической составляющей подразумевает учет таких характеристик, как особенности стратификации, традиционное право, верования, традиции, иерархия кланов, а также воздействие традиционных институтов на межэтнические отношения и этнополитическую ситуацию в целом.

Пространственный фактор включает в себя национально-государственное и административно-территориальное устройство. Административно-территориальное устройство, в свою очередь, не сводится к простому делению территории и построено на экономическом, национальном, политическом, конфессиональном, демографическом и этническом принципах. Применительно к Российской империи важным критерием являлась территориальная удаленность от столичных городов. Немаловажным фактором также являлось и исторически сложившееся деление территории государства на епархии и приходы Русской православной церкви, при котором храм и монастырь были организующими центрами жизни прихожан[1].

Заложенная политикой Петра I пропасть между столицей и провинцией базировалась на самой бюрократической модели русского государства, усиленной последующей моделью деления страны по принципу «центр – окраины». В то же время можно констатировать, что на всех этапах истории России (киевском, московском, имперском, советском и постсоветском) сохранялось значение социокультурного фактора. Немаловажно, что народ, опираясь на свои исторические традиции, всегда стремится к осознанию своей национальной принадлежности, в территориальном отношении представляющей известное целое и с позиции национальности хотя и не образующей отдельного государства, но сохраняющей свою культурную обособленность.

Особо хотелось бы выделить конфессиональный фактор, в котором, особенно в период реформ второй половины XIX в., произошло переплетение всех неэкономических составляющих модернизационного процесса. Имперский религиозный строй в качестве основных принципов выдвигал поддержку и покровительство традиционной религиозности жителей империи, религиозную ортодоксию, монополию на прозелитическую деятельность, вплоть до уголовного преследования за религиозные и нравственного порядка преступления. В силу своего официального статуса, православная церковь активно пользовалась своим доминирующим положением для привлечения в свои ряды верующих других христианских конфессий (католиков и протестантов), а также представителей иных религий и верований, в частности, мусульман, буддистов, язычников. В то же время, если представители других религий и конфессий пытались осуществлять подобную деятельность по отношению к православным верующим, то это расценивалось не как

[1] Карнишина Н.Г. Столица и провинция в России: взаимодействие и взаимовлияние в период системных реформ второй половины XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. – № 2 (26). – С. 5–12.

миссионерство, а как «совращение» из православной веры, и преследовалось официальным уголовным имперским законодательством.

Интерес представляет в этой связи дискуссия о месте и роли Русской православной церкви в общественных процессах, которая разгорелась на страницах периодической печати в пореформенный период. Показателен тот факт, что рассуждая о месте и роли церкви в русском обществе и государстве, авторы сходились в понимании необходимости учета водораздела между столичным и провинциальным обществом.

Еще в самом начале реформаторского процесса в редакционной статье газеты «Московские ведомости» от 9 января 1864 г. редактор писал: «Наша церковь не имеет и не хочет иметь светской власти. В качестве великой общественной силы она может быть также самостоятельной и свободной, как и в своей внутренней, собственно-церковной жизни; она, как и всякая общественная сила, – и более чем всякая другая, – могут желать полной и обеспеченной свободы действия. Если она не хочет властвовать, то, как и всякая общественная сила, она может и должна иметь свободу для того, чтобы нести ответственность за свои действия и за свое положение. В силу исторической необходимости, общественная свобода была у нас везде приостановлена и задержана; церковь разделяла в этом отношении общую участь. Положение духовенства, его школ, ее отношение к другим общественным силам, – все это подчинялось внешним влияниям и не зависело от ее собственных, сознаваемых ею потребностей, все это находилось вне ее собственного самостоятельного контроля.

Вот почему на нашей церкви не лежит ответственность за упадок ее учреждений там, где этот упадок замечается, за неудовлетворительное положение духовных школ, за равнодушие и апатию духовенства, за водворившийся в ней бюрократический формализм, и, даже за развитие чуждого ее духу левитизма со всеми его вредными последствиями как для церкви, так и для народной жизни вообще. На ней лежит и ответственность за бедственное положение православия в Западном крае. Все заботы о потребностях общественных лежали у нас на правительстве. Но вопрос о положении православия в Западном крае не есть вопрос чисто церковный, по крайней мере, в настоящее время, есть также и вопрос государственный»[1].

Как видим, автор четко соотносит успех политики реформ с усилением роли и значения РПЦ в целом и в Западном крае, в частности. Развивая данный тезис уже применительно к центральным губерниям, в ходе широкомасштабных реформ середины семидесятых годов в журнале «Гражданин» в № 14 от 14 апреля 1877 г. анонимный автор в статье «К вопросу о законодательстве в народных школах» писал: «Если бы жители столицы знали, насколько жгучий вопрос составляет для провинциала все, что относится к делу церкви и религии, то, наверное, осторожнее относились бы к каждому обстоятельству бесцеремонного затрагивания этих священных для русского народа начал. А между тем столица как бы щеголяет резкостью своих взглядов на религию и на управление церковью. Нелепостью своих суждений и действий она доводит православное дело во многих краях нашего отечества до отчаянного положения. Провинциальные жители, глядя на разные выходки интеллигентных классов столицы, на исходящие из нее административные меры и распоряжения, давно изверились в их искренность и правоверность, но все еще не перестают ждать таких событий и явлений в нашем отечестве, которые привлекут отолстевшие и огрубевшие сердца этих новых богоборцев к единственным источникам нашего спасения – к православному образу мыслей и к соблюдению отеческих преданий и учений, которыми так крепок был всегда русский народ, во все годины испытаний»[2].

В журнале «Гражданин» за 1877 год, № 19 от 15 мая князь В. Мещерский, известный своими консервативными взглядами, в статье «Мой ответ анониму по вопросу о русской церкви» писал: «Я боюсь за судьбу России, как государства, в виду фактов, доказывающих, что ведущие ее народ слишком легкомысленно смотрят на отношение его к церкви, как основе и душе его. Вера русского народа есть с первым детским лепетом воспринятая и глубоко воспринятое в душу чувство, которое не покидает каждого простолюдина из русского народа до последней минуты его жизни. А что же внушает ему уважение к царской власти, уважение к всякой власти, терпения и смирения в минуты горя и несчастий, презрения к всему, что страшно, как не та вера, которую он принял от отцов и дедов, как святейшее из наследств? Что же составляет ту охранительную и прочную силу, силу единственную, которая держит в России престол, всяких власти и порядок на этих безмерных пространствах, в этих бесчисленно-разноплеменных народностях, как не православие русского народа? Другого нет ничего в России твердого, прочного и здорового. Вы скажете, что эта молитва и эта вера есть исполнение обряда бессознательной веры, веры по привычке. Нет. Надо жить с народом и в народе, чтобы понять, насколько вера его в нем живая и главная часть его жизни. Церковь православная тем и сокровище, что она в нашем народе пребывает везде и всегда. Боже сохрани браться правительству или кому бы то ни было за оживление папой церкви за переделку веры нашего народа из православной в культуро-православную»[3].

Безусловно, полемика о роли РПЦ в Российской империи была связана с переосмыслением общегосударственных задач, вставших перед властью в пореформенный период, – это укрепление власти, повышение престижа самодержавия в условиях политической нестабильности. Показателен в этом плане начальный тезис Высочайшего манифеста о незыблемости самодержавия от 29 апреля 1881 г.: «Посреди великой Нашей скорби глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких поползновений»[4].

Итак, при анализе неэкономических факторов российского модернизационного процесса на разных этапах его эволюции мы можем уверенно выделять пространственный, конфессиональный и национальный факторы как доми-

[1] Московские ведомости. 1864. – № 6, 9 января. – С. 1.
[2] Гражданин. 1877. – № 14, 14 апреля. – С. 361–362.
[3] Гражданин. 1877. – № 19, 15 мая. – С. 466–467.
[4] Барковец О., Крылов-Толстикович А. Александр III – царь-миротворец. – СПб., 2007. – С. 31–32.

нанты, влияющие на успешность проводимых реформ в различных сферах. При этом анализ исторических моделей эволюции русской государственности подтверждает тот тезис, что национальная интеграция общества отнюдь не избавляет его от этноконфессиональной разобщенности. При этом мировой опыт доказывает, что национальная политика государства, построенная на признании многонациональности поликонфессиональности как стабилизирующего фактора общественных отношений, способствует сохранению национальной идентичности различных народов в рамках национального государства.

Кожевина О.В.
д.э.н., профессор МГТУ
ol.kozhevina@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ[1]

Ключевые слова: *экономическая безопасность, вызовы, угрозы, глобальные шоки, предпринимательская деятельность, социально-ответственный бизнес, «зеленое» предпринимательство, региональная политика, меры поддержки.*

Keywords*: economic security, challenges, threats, global shocks, entrepreneurial activity, socially responsible business, green entrepreneurship, regional policy, support measures.*

В предпринимательском секторе активно начали разрабатывать антикризисные меры, в связи с нависшей угрозой экономической безопасности, устойчивому и сбалансированному развитию. Экономическая безопасность предпринимательской деятельности – это внутренние и внешние условия, обеспечивающие надежную защиту экономических интересов от всех возможных угроз, рисков, а также сохранение стабильности функционирования и устойчивого развития сфер предпринимательства и субъектов бизнеса.

В целом, факторы угрозы предпринимательской деятельности традиционны: внутренние и внешние, но через них могут выражаться угрозы экономической безопасности. Одним из факторов угрозы экономической безопасности предпринимательской деятельности является и то, что российский бизнес «относительно молод», что свидетельствует об отсутствии системных управленческих механизмов ведения бизнеса, методов самозащиты экономических интересов, в обычаях делового оборота не укоренились традиции цивилизованного предпринимательства и транспарентности для стейкхолдеров, правовой культуры и грамотного отстаивания коммерческих интересов.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208) экономическая безопасность – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее национальный экономический суверенитет, единство экономического пространства страны, создание институциональных и иных условий достижения стратегических приоритетов Российской Федерации.

Национальная экономическая безопасность зависит от того, насколько профессионального решаются проблемы безопасности, управления риском, комплаенса, стратегического управления и планирования на уровне отдельных субъектов предпринимательства. Меры, направленные на обеспечение экономической безопасности, содействуют эффективному использованию всего организационного потенциала фирм для предотвращения угроз их стабильному функционированию и развитию.

Сенчагов В.К. трактовал экономическую безопасность как такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны, достаточный оборонный потенциал, в том числе при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов [9, 10]. Составляющие экономической безопасности – финансовая, энергетическая, военная, оборонно-промышленная, продовольственная.

Экономическая безопасность представляет собой не только защищенность национальных интересов, но и готовность, способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества [1]. На национальном уровне Абалкин Л.И. рассматривал экономическую безопасность как совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию.

По мнению Тамбовцева В.Л., экономическая безопасность какой-либо системы – это совокупность свойств ее производственной подсистемы, обеспечивающих достижение системных целей. Экономическую безопасность, по мнению Сильвестрова С.Н., целесообразно рассматривать в управленческом аспекте, со специфическими инструментами и механизмами системотехники, имеющими пролонгированный характер [3].

Как показал обзор, в научной литературе представлены четыре группы подходов к определению экономической безопасности:

1) с позиции условий, обеспечивающих устойчивость и интересы;

2) как состояние, которое обеспечивает устойчивость и интересы;

3) как независимость (суверенитет), обеспечивающая эффективное удовлетворение потребностей;

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-010-00182.

4) комбинаторность (сочетание представленных подходов).

Содержательно экономическая безопасность включает виды и параметры опасности, в связи с этим, пандемию COVID-19 можно охарактеризовать следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика пандемии COVID-19 через критерии опасности (составлено автором)

№ п/п	Критерий классификации опасности	Вид опасности
1	Характер адресной направленности и роли субъективного фактора в возникновении неблагоприятных условий	Угроза
2	Причинно-следственная обусловленность	Причинение ущерба здоровья и жизни граждан
3	Источник возникновения опасности	Естественно-природная
4	Степень вероятности	Реальная
5	Среда возникновения опасности	Внешняя
6	Уровень, масштаб негативных последствий	Международный, глобальный. Национальный.
7	Сферы общественной жизни и виды человеческой деятельности	Угрозы экономические, политические, социальные.

От экономических шоков пандемии первыми пострадают предприниматели, в том числе представители малого и среднего бизнеса (МСП). Следует отметить, что и ранее предприятия МСП не функционировали в устойчивых для них условиях, это, как правило, высококонкурентные рынки, но глобальный и беспрецедентный вызов современности – пандемия – ускорит процесс выявления слабых игроков в сегментах предпринимательства, их уход с рынка и дальнейшее банкротство.

Согласно объявленному пакету мер государственной поддержки МСП, претендовать на нее могут около 500 000 предприятий. Однако, по состоянию на 10.04.2020 г. число предприятий МСП (согласно Единому реестру субъектов малого и среднего предпринимательства) составляет 5979899, из них микропредприятия – 5,7 млн., малые – 222 тыс., средние – 17 тыс. [5]. В 2019 году была поставлена задача увеличить численность занятых в сфере МСП с 17 до 25 млн. человек. На 10.04.2020 г. в МСП занято 1 5248 464 человека. По данным за март 2020 года около 2% индивидуальных предпринимателей (ИП) прекратили деятельность (66,8 тыс. ИП), количество закрывшихся на 77% больше, чем на этот период 2019 года. Количество зарегистрированных за март 2020 года ИП снизилось на 13% по сравнению с 2019 годом. По данным ФНС на 1.04.2020 г. в России зарегистрировано 3,9 млн. индивидуальных предпринимателей.

Доля МСП в российской экономике составляет около 20%, в развитых странах мира, некоторых странах – членах ОЭСР она доходит до 50–70%. В Великобритании, Германии, США доля МСП – около 50%, в скандинавских странах и Китае – более 60%, в Японии – до 70%. Высокая доля МСП, с одной стороны, позволяет решать проблемы занятости и насыщения внутреннего рынка товарами и продукцией отечественного производства, а, с другой, требует постоянного контроля и мониторинга качества их деятельности, соответствия стандартам и сертификатам, другим обязательным нормам, это существенная нагрузка на контролирующие органы. Например, в Китае, МСП – частный сектор, а крупные предприятия, все стратегические сферы экономики подконтрольны государству.

В условиях пандемии многие страны, в том числе и Россия, инициировали меры поддержки МСП, они традиционны: налоговые льготы, кредитные каникулы, социальная поддержка граждан и выплаты. Проблема оборотного капитала, отсутствия денежных средств для предпринимателей будет определяющей до конца 2020-середины 2021 года, мера беспроцентного кредитования для выплаты зарплаты эффективна, но переходит долговым бременем на организации. Простои и убытки предприятий, если пандемия и ограничения продлятся на летний период, будут очень большими. До 10–15%, по некоторым регионам до 25% предприятий МСП могут прекратить свое существование. Поддерживающие меры относительно всех сегментов МСП большого эффекта не дадут. Большинство региональных предприятий должны рассчитывать на собственные финансовые возможности, у тех, которые реализовывали эффективную бизнес-модель, диверсифицировали и сегментировали бизнес, больше шансов выжить в условиях «шоков», экономических и социальных вызовов. Региональные власти открыто заявляют, что у них нет средств на поддержку бизнеса. Президентом РФ предоставлены значительные свободы губернаторам и органам исполнительной власти регионов в принятии решений относительно управления в условиях пандемии. Вместе с тем, именно жесткое государственное регулирование и централизованное управление позволяло выходить из кризисов на разных этапах развития общества.

При реализации антикризисных мер в тактическом плане представляется целесообразным: 1) обязать все субъекты РФ сформировать перечень ключевых организаций МСП и мер их поддержки, а также разработать пакеты антикризисных мер; 2) предусмотреть возможность отсрочки уплаты региональных и местных налогов, платы по коммунальным платежам; 3) предусмотреть льготный период налогообложения для вновь созданных предприятий МСП, ориентированных на социальные задачи; 4) мотивировать коммерческие банки не останавливать кредитование МСП в сложившихся условиях, в отношении целевых кредитов на развитие бизнеса применять льготные ставки; 5) ввести прямое субсидирование производителям товаров и услуг социального назначения; 6) обеспечить компенсацию арендодателям налога на имущество и земельного налога при условии снижения арендных ставок на 50% (транслировать опыт Москвы на другие регионы); 7) осуществлять мониторинг сокращения численности персонала в организациях МСП, разрабатывать опережающие программы обучения предпринимательства именно под региональные потребности, совместно с образовательными учреждениями высшего образования, среднего профессионального и дополнительного.

Для достижения национальной стратегической цели «Вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов», обозначенной в Указе Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и Основных направлениях деятельности Правительства РФ на период до 2024 года», необходимы трансформация делового климата и институтов развития, повышение ответственности региональных органов исполнительной власти (РОИВ) за инвестиционное развитие территорий и создание благоприятного инвестиционного климата, обеспечение доступности источников долгосрочного финансирования при реализации инвестиционных проектов и мегапроектов, государственно-частное партнерство при реализации концессионных проектов, венчурное финансирование.

Достижение обозначенных целей возможно посредством вовлечения предпринимателей в социально-ответственный, или эколого-ориентированный «зеленый» бизнес. По мнению многих экспертов, именно он имеет предпосылки к обеспечению экономической безопасности, ориентирован на достижение цели устойчивого развития ЦУР 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех». Сформулируем задачи ЦУР 8:

– Поддержание экономического роста на душу населения в соответствии с национальными условиями, в частности, рост валового внутреннего продукта на уровне не менее 7% в год;

– Повышение производительности в экономике посредством диверсификации, технической модернизации, инновационной деятельности с уделением особого внимания секторам с высокой добавленной стоимостью и трудоемким секторам;

– Официальное признание и развитие микро-, малых и средних предприятий, создание для них благоприятных условий доступа к финансовым ресурсам;

– Содействие проведению политики фирм, ориентированных на устойчивый рост – на производительную деятельность, создание достойных рабочих мест, предпринимательство, творчество, инновационное развитие;

– Постепенное повышение глобальной эффективности использования ресурсов в системах потребления и производства;

– Стремление к тому, чтобы экономический рост не сопровождался ухудшением состояния окружающей среды и экологической устойчивости;

– Обеспечение полной и производительной занятости, достойной работы для всех, включая молодых людей и инвалидов, справедливой оплаты за труд равной ценности;

– Существенное сокращение доли неработающей молодежи, или работающей, но не по специальности, не приобретающей новых профессиональных квалификаций.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – М., 1994. – № 12. – С. 10–29.
2. Батова В.Н. Глобализация экономики и экономическая безопасность предпринимательства // Российское предпринимательство. – М., 2013. – № 3 (225). – С. 20–24.
3. Безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника / Под ред. С.Н. Сильвестрова. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 350 с.
4. Гончаренко Л.П. Экономическая безопасность. – М.: Юрайт, 2018. – 340 с.
5. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – https://ofd.nalog.ru/
6. Инструменты оценки и обеспечения устойчивого развития отраслей российской экономики: монография / Под ред. О.В. Кожевиной. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 174 с.
7. Кожевина О.В. Определение неравновесности экономики АПК на межрегиональном уровне. – Барнаул, 2004. – 151 с.
8. Кожевина О.В. Теория управления (в понятиях и категориях). – Барнаул, 2008. – 171 с.
9. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России. – М.: Дело, 2005. – 896 с.
10. Экономическая безопасность. Производство, финансы, банки / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Финстатинформ, 1998. – 621 с.

Котилко В.В.
д.э.н., профессор, академик РАЕН, СОПС
kotilko@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ РИСКОВ НА ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: *региональные риски, показатели региональных рисков, анализ региональных рисков, региональное развитие, региональная политика.*
Keywords*: regional risks, indicators of regional risk, regional risk analysis, regional development, regional policy.*

Методика оценки влияния различных видов рисков на возможность возникновения кризисных ситуаций на современном этапе развития включает в себя:

а) Общие положения;

б) Методы анализа, критерии и показатели оценки кризисных ситуаций в экономике и социальной сфере регионов.

Общие положения

Анализ и оценка потенциальных очагов кризисных ситуаций осуществляется на основе системы показателей и критериев в соответствии с отобранным перечнем факторов дестабилизации.

Для выявления регионов, в которых воздействие деструктивных факторов представляет угрозу национальной безопасности, используется группа ключевых показателей (критериальных характеристик), в концентрированном виде характеризующих региональные кризисные ситуации. Отбор кризисных регионов по каждому фактору дестабилизации производится на основе сопоставления фактического значения соответствующего ключевого показателя с его пороговой величиной, определяемой путем экспертной оценки и характеризующей предкризисное и кризисное положение.

В связи с тем, что объективная дифференциация территориальных условий предполагает наличие также и региональной специфики пороговых состояний в развитии исследуемых деструктивных процессов, оценка кризисных ситуаций в экономике и социальной сфере регионов обусловливает применение комплексного подхода. Данный подход предусматривает использование по отдельным направлениям анализа интегральных комплексных показателей, включающих в себя соответствующие критериальные характеристики, а также дополнительные оценочные показатели, которые позволяют на начальном этапе отобрать максимально репрезентативный блок кризисных регионов в условиях применения универсальных пороговых значений соответствующих критериев.

Указанные универсальные пороговые значения при оценке развития деструктивных процессов могут быть использованы только в разрезе субъектов Федерации применительно к текущему (кризисному) этапу реализации экономической реформы.

В целях более глубокого анализа воздействия факторов дестабилизации положения в регионах на последующих стадиях исследования с учетом текущих возможностей информационной базы используется вспомогательная группа оценочных показателей. Эти показатели призваны:

а) конкретизировать содержание той или иной кризисной ситуации на определенной территории;

б) полнее оценить тенденции и динамику развития данной кризисной ситуации;

в) всесторонне оценить степень угрозы со стороны отельных кризисных ситуаций для национальной безопасности России.

После выявления конкретных видов сложившихся и ожидаемых в перспективе региональных кризисных ситуаций по всей совокупности рассматриваемых регионов производится их ранжирование по степени воздействия факторов дестабилизации и определяются типологические особенности каждого кризисного региона по набору данных факторов.

Общий алгоритм оценки потенциальных очагов региональных кризисных ситуаций включает выполнение четырех последовательных этапов исследования.

На первом этапе определяется степень остроты каждого конкретного вида сложившейся и прогнозируемой кризисной ситуации с точки зрения ее воздействия на состояние экономики.

На втором этапе производится оценка остроты в социальной сфере регионов страны.

На третьем этапе выявляется степень угрозы национальной экономической безопасности России со стороны каждого вида кризисной ситуации в регионах-субъектах Федерации.

На четвертом этапе с целью выявления наиболее кризисных регионов используется метод ранжирования субъектов Федерации на основе интегральной оценки факторов дестабилизации, угрожающих национальной безопасности России,

Для углубленного анализа и оценки ситуаций, складывающихся в регионах наибольшего риска, при рассмотрении территориально-производственных образований более низкого таксономического уровня (города, закрытые территориальные образования, вплоть до крупных предприятий) рекомендуется использовать методические подходы к оценке и выработке мер по нейтрализации ситуаций, влияющих на социально-экономическую безопасность России, разработанные специалистами Института экономики УрО РАН,

Прогноз развития потенциальных очагов региональных кризисных ситуаций базируется на учете результатов анализа и выявления по каждому региону-субъекту Федерации, тенденций изменения значений оценочных показателей за последние 2–3 года, а также на использовании прогностических государственных и научно-проектных материалов с учетом оценки совокупного воздействия нескольких различных факторов дестабилизации.

После выявления конкретных видов сложившихся и ожидаемых в перспективе региональных кризисных ситуаций по всей совокупности рассматриваемых регионов производится их ранжирование по степени воздействия факторов дестабилизации и определяются типологические особенности каждого кризисного региона по набору данных факторов.

В рамках данного направления анализа оцениваются фактический уровень спада производства, направления изменения отраслевой структуры хозяйства региона, его промышленности, сельского хозяйства, строительства и транспорта, отражающие кризисные явления в соответствующих отраслях (в том числе в отраслях стратегического значения), текущее состояние основных производственных фондов, сравнительная величина и динамика производственных инвестиций в сочетании со сравнительными темпами проводимых институциональных преобразований.

Критериальной характеристикой региональной кризисной ситуации, отражающей степень разрушения производственного потенциала территории, является показатель спада (выраженное в процентных пунктах снижение объемов) промышленного, сельскохозяйственного и строительного производства, объемов перевозок.

Пороговое предкризисное значение относительного снижения производства составляет 50% от объема промышленной и строительной продукции, объема перевозок в базисном году, кризисное – 60%, сельскохозяйственного производства – 60 и 70% соответственно.

Обобщающая оценка кризисной ситуации в сфере производственного потенциала региона осуществляется по формуле:

Snn = L-L",

где:

Snn – интегральный показатель относительной степени остроты кризисной ситуации в сфере производственного потенциала региона:

L, L" – соответственно фактическое и критическое (пороговое) значение относительного снижения объемов материального производства в отчетном году по сравнению с базисным годом.

С целью учета при оценке региональной кризисной ситуации дополнительных факторов, отражающих качественное состояние и тенденции изменения производственного потенциала той или иной территории, в исходную вышеуказанную формулу обобщающего показателя могут быть введены поправочные коэффициенты. Эти коэффициенты, в частности, характеризуют относительное снижение доли стратегически важных отраслей промышленности (машиностроение и электроэнергетика), сравнительный уровень износа основных производственных фондов и сравнительный уровень инвестиционной активности в основных сферах хозяйства региона.

При этом значения относительного снижения производства (L и L") принимаются соответствующими рассматриваемой сфере хозяйства региона. В этом случае формула интегрального показателя степени остроты региональной кризисной ситуации будет иметь следующий вид:

$$S_{пп} = (L - L^{"})my\frac{1}{K_{инв}}$$

где:

m – соотношение абсолютных величин процентного снижения долей стратегически важных отраслей (машиностроение, электроэнергетика) в отраслевой структуре промышленности соответственно региона и России в целом;

y – сравнительный со среднероссийским уровень износа основных промышленно-производственных фондов;

$K_{инв}$ – сравнительный (по отношению к среднероссийскому) уровень производственных капиталовложений на 1 руб. основных производственных фондов в промышленности.

Аналогично выводятся формулы для строительного и сельскохозяйственного производства, транспорта.

В группу кризисных могут быть включены только те регионы, которые имеют положительное значение интегрального показателя, что соответствует превышению критического уровня спада производства в соответствующей отрасли хозяйства.

Наиболее высокая степень кризисной ситуации в сфере производственного потенциала соответствует тем регионам, где значения указанного интегрального показателя максимальны.

Оценку уровня угрозы национальной экономической безопасности со стороны рассматриваемого фактора дестабилизации и последующее ранжирование субъектов Федерации по степени его воздействия рекомендуется осуществлять на основе индикатора, получаемого путем умножения вышеуказанного интегрального показателя (*Snn*) на об-

щую численность занятых в хозяйстве региона, а также в его основных сферах в базисном году. На основе указанных оценок производится ранжирование регионов по степени кризисного состояния их производственного потенциала.

Опыт разработки методики оценки потенциальных кризисных ситуаций и практика решения данной проблемы в нашей стране позволяет выделить шесть наиболее распространенных точек зрения на методы и показатели, характеризующие результативность государственной поддержки кризисных регионов:

1) уровень экономического и социального развития регионов оценивается на базе отдельных групп показателей, основными из которых считают показатели производства промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения, уровень производительности труда и уровень жизни народа;

2) уровень экономического и социального развития регионов оценивают на базе отдельных относительных показателей (национальный доход на душу населения или одного занятого в материальном производстве; сумма валовой продукции промышленности и сельского хозяйства на душу населения или на одного занятого и др.);

3) уровень экономического и социального развития регионов предлагают оценивать одним – главным показателем уровня развития производительных сил региона, например, отношением созданного на территории национального дохода к численности трудоспособного населения (за вычетом учащихся с отрывом от производства);

4) уровень экономического и социального развития регионов предлагается оценивать системой показателей, выраженной через агрегатные или интегральные показатели;

5) уровень экономического и социального развития предлагается оценивать на базе экономических и социальных индикаторов, включая те, которые используются за рубежом;

6) уровень заболевания, связанных с распространением вирусов.

Таким образом, в выборе методов, применяемых для оценки и нейтрализации региональных кризисных ситуаций, можно отметить пять тенденций. Первые три тенденции отражают особенности развития нашей страны до перехода к рыночной экономике. Четвертая тенденция пробивает дорогу в условиях перехода нашей страны к рыночной экономике, когда активно изучается зарубежный опыт решения этой проблемы в развитых капиталистических странах. Отсюда меняются и методы государственного воздействия на процессы, происходящие в регионах.

Первая тенденция была связана с расширением перечня показателей, позволяющих количественно охарактеризовать данное экономическое понятие. Она отражала то обстоятельство, что велся поиск методов и показателей, которые подтвердили бы или опровергли провозглашенный курс на выравнивание уровней социально-экономического развития регионов.

Шестая тенденция связана с распространением вирусных заболеваний одновременно во многих странах мира и приграничных районах.

Вторая тенденция нацеливала на выбор обобщающих экономических показателей, что было вызвано противоречивым поведением частных показателей, часть из которых характеризовала рост территориальной дифференциации (в частности, по показателям развития инфраструктуры).

Третья тенденция была связана с агрегированием системы показателей в единый – интегральный показатель с тем, чтобы попытаться найти способ быстрого отслеживания негативных тенденций.

Четвертое направление связано с переходом нашей страны к рыночной экономике, с резкой территориальной дифференциацией в уровне развития регионов России, с формированием нового механизма государственного регулирования территориального развития, с использованием новых показателей-индикаторов, получивших распространение за рубежом.

Процесс нейтрализации кризисных ситуаций за рубежом, как правило, происходит за счет централизованной помощи в пользу так называемых кризисных районов, осуществляемых по специально применяемым критериям и индикаторам.

Отбор наиболее нуждающихся регионов осуществляется на базе четырех групп показателей индикаторов:

1 группа характеризует уровень жизни населения;

2 группа характеризует уровень занятости и безработицы.

В качестве дополнительных характеристик, при выборе методов государственного вмешательства, используют показатели, характеризующие миграцию и плотность населения в кризисных регионах.

3 группа характеризует привлекательность регионов для предпринимательства, при этом обращается внимание на такие экономические методы и рычаги воздействия, на ситуацию в регионах, как величина стоимости кредита, уровень развития транспортной системы, наличие объектов финансовой и информационной инфраструктуры, размер дефицита высококвалифицированными специалистами, доступ к основным рынкам сбыта.

4 группа характеризует состояние окружающей среды. В зависимости от вида экономического кризиса, чрезмерных нагрузок на природную среду выбирается прямой или косвенный метод государственного воздействия на ситуацию в регионе (централизованные инвестиции, финансирование объектов, дотации, налоговые льготы и т. п.).

5 группа связана с показателями оценки, применяемых по рекомендациям ВОЗ.

За рубежом применяемые методы оценки уровней экономического и социального развития имеют свою специфику. Упор в основном делается на помощь кризисным районам. При этом масштабы и методы государственного воздействия на уровень их развития зависят от строго фиксированных критериев и индикаторов, пороговое значение которых указывает на необходимость оперативного вмешательства государства.

Инициативу о признании района кризисным, как правило, проявляют местные органы и население.

Опыт зарубежных стран показывает, что территории, на которые распространяются методы государственного регулирования, составляют примерно 10–20% от общей площади государств, а численность проживающего там насе-

ления колеблется от 10 до 25%. В последние десятилетия в ряде государств выделяют также микрорайоны с целью повышения эффективности и уточнения адресности оказываемой помощи.

Величина района, требующего государственного вмешательства, зависит также от того, требуется ли привлечь частные инвестиции.

Применяемые методы, масштабы и интенсивность централизованной помощи зависят за рубежом от типа региона. Как правило, объектами воздействия активной государственной региональной политики являются: регионы национальных и межэтнических конфликтов (включая религиозные); слаборазвитые районы; районы с чрезмерной концентрацией производства и населения, регионы с экстремальными природными условиями, а также депрессивные районы.

В ряде развитых стран на развитие регионов с национальными и межэтническими конфликтами направляют до половины всех финансовых средств, используемых для нейтрализации кризисных ситуаций в различных регионах (например, в Англии).

В слаборазвитых районах (преимущественно аграрных) всячески содействуют диверсификации производства с целью повышения уровня занятости населения и прекращения активной миграции в другие районы страны.

Основными экономическими рычагами, через которые осуществляется процесс нейтрализации конфликтных ситуаций в регионах, являются бюджеты всех уровней и налоги, за счет которых осуществляется поддержка развития, например, транспортной и бытовой инфраструктуры.

В ряде случаев используют механизм дотаций для покрытия дефицита местных бюджетов (Франция, Англия) или субвенций (США, Италия, Германия, Япония, Швейцария) для финансирования программы или проектов, осуществляемых по инициативе регионов с одобрения центрального правительства.

В разных странах, как правило, процесс нейтрализации кризисных ситуаций в регионах осуществляется через предоставление прямой финансовой помощи в виде субсидий, льготных займов и налоговых льгот, в основном, чтобы заинтересовать частный бизнес. В крупных государствах такая помощь осуществляется на базе разработанных государственных региональных программ (США).

Результативность применяемого механизма регулирования развития регионов и процесса нейтрализации региональных кризисных ситуаций осуществляется по сравнительной оценке с помощью специальных индикаторов, а также на базе постоянно действующего мониторинга состояния в проблемных или кризисных регионах. Для этой цели создаются специальные банки информации (Германия), которыми пользуются различные министерства и ведомства для повседневной и оперативной работы.

Анализ методов нейтрализации кризисных ситуаций, применяемых за рубежом в странах с рыночной экономикой, позволяет критически оценить тот механизм государственного регулирования развития регионов, который формируется стихийно в России в условиях реализации Стратегии пространственного развития.

В качестве социальных индикаторов можно использовать: численность постоянного населения, коэффициент естественного прироста (убыли) населения на 1000 чел., число умерших до 1 года на 1000 родившихся, сальдо миграции населения за пределы региона (прибывшие – убывшие) на 1000 чел., число лиц, признанных безработными; численность работников, принимавших участие в забастовках; среднемесячная оплата труда работников; задолженность по выплате заработной платы (промышленность, сельское хозяйство, строительство); денежные доходы в расчете на душу населения в среднем за месяц; сводный индекс потребительских цен на товары и услуги; доля семей, являющихся очередниками для получения жилья в общем количестве семей региона; ввод в действие жилых домов; число зарегистрированных преступлений.

Среди экономических индикаторов выделяются: объем промышленного производства (в действующих ценах), число предприятий оборонного комплекса, на которых проводится конверсия военного производства (по ним: темпы роста объема продукции, в том числе оборонной и гражданской; удельный вес в общем объеме продукции (работ, услуг) в действующих ценах, предприятий без налога на добавленную стоимость и акциза; численность ППП, высвобожденная с оборонных производств в связи с конверсией, (в том числе трудоустроено на этих же предприятиях); число промышленных предприятий, на которых в среднем ежемесячно имели место остановки всех или отдельных производств; потери рабочего времени (удельный вес потерь, связанных с трудностями в сбыте своей продукции; необеспеченностью сырьем, материалами, топливом, электроэнергией; с конверсией промышленного производства); удельный вес убыточных предприятий в промышленности.

В качестве индикаторов, характеризующих развитие сельского хозяйства, в настоящее время Госкомстат РФ предлагает использовать: валовую продукцию сельского хозяйства, производство зерна (в весе после доработки), картофеля, овощей, мяса (в живом весе), молока – в том числе на душу населения; потребление на душу населения (кг в год) картофеля, овощей и бахчевых, мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов. Кроме того, отслеживается информация о ввозе и вывозе продукции сельского хозяйства, а также роли подсобных и крестьянских хозяйств: ввоз (включая импорт) картофеля, овощей, мяса, молока; вывоз (включая экспорт) по тем же видам продукции; доля личных подсобных хозяйств населения в хозяйствах всех категорий по производству валовой продукции сельского хозяйства; доля крестьянских (фермерских) хозяйств в хозяйствах всех категорий (по посевным площадям сельскохозяйственных культур, по производству валовой продукции сельского хозяйства).

Инвестиционный аспект представлен такими показателями, как капитальные вложения в разрезе источников финансирования: федеральный бюджет, местный бюджет, льготные государственные кредиты, централизованные инвестиционные фонды, собственные средства предприятия; капитальные вложения в АПК.

Процессы, связанные с институциональными преобразованиями, отслеживаются через такие параметры, как: численность занятого населения – всего, в том числе в государственном секторе; доля государственного сектора в

объеме продукции (в разрезе промышленности в части крупных и средних предприятий, капитального строительства, торговли, в объеме товарооборота, предприятия бытового обслуживания); количество приватизированных предприятий (в разрезе муниципальной собственности, собственности региона и федеральной собственности); поступление денежных средств и приватизированных чеков от приватизации предприятий, включая средства, поступившие от приватизации предприятий за предыдущий период.

Финансовое состояние регионов и сближение их уровней целесообразно отслеживать на современном этапе на базе следующих индикаторов; доходы местного бюджета – всего, в т.ч. налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, акцизы, подоходный налог с физических лиц; расходы местного бюджета – всего, в т.ч. на народное хозяйство, на социально-культурные мероприятия; денежная эмиссия; кредитные вложения (остатки, задолженности по краткосрочным и долгосрочным ссудам); просроченная задолженность поставщикам и покупателям в промышленности; поступление иностранной валюты на валютные счета предприятий, объединений и организаций (на транзитные и на текущие валютные счета); объем иностранных инвестиций; экспорт и импорт.

Этот перечень индикаторов будет изменяться в зависимости от хода реформы и от этапа перехода к рынку. Одним из возможных направлений его совершенствования является необходимость разработки специальных индикаторов (пороговых или предельных значений), позволяющих своевременно увидеть и оценить угрозу национальной безопасности, возникающей в том или ином регионе России.

Список литературы

1. Котилко В.В. Пространственная безопасность и риски регионов России: анализ и прогноз / Издательские решения. 2016. – 170 с.
2. Котилко В.В., Вишнякова В.С., Полынев А.О. Риски и финансовые разрывы регионов России в условиях санкций / Palmarium Academic Publishing. 2016. – 245 с.
3. Котилко В.В. Особенности разработки пространственной стратегии // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2018. – № 30.

Липатова Л.Н.
д.соц.н., к.э.н., профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург
Карапетян Р.В.
к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Ключевые слова: *регион, экономика, экономическая безопасность, человеческое развитие, социальная сфера, долголетие, образование, доходы, социальное неравенство.*

Keywords*: region, economy, economic security, human development, social sphere, longevity, education, income, social inequality.*

Экономический потенциал российских регионов, во многом определяющий уровень жизни населения, сильно различается, и в первую очередь, по наличию на их территории полезных ископаемых. Больше всех в стране добывают полезных ископаемых Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа[1]. Именно из-за высоких значений душевого ВРП эти регионы, занимающие по этому показателю соответственно 2 и 3 место в РФ, входят в число лидеров по уровню гуманитарного развития (3 и 8 место соответственно)[2]. Однако не всегда за положительной макроэкономической динамикой стоит улучшение жизни людей. Цель данной статьи – провести сравнительный анализ основных показателей жизненного уровня населения арктических регионов России, оценить достаточность предпринимаемых федеральным центром мер компенсационного характера.

Арктические регионы богаты полезными ископаемым и представляют собой крупные источники бюджетных доходов. Так, в 2017 г. только экономика Ямало-Ненецкого АО обеспечила более 10% доходов федерального бюджета (удельный вес населения этого региона в общей численности населения страны составляет 0,4%). Большее участие в формирование казны страны принимают только Ханты-Мансийский АО – Югра (около 22%) и столица государства г. Москва (около 14%).

Вклад только одного арктического региона – Ямало-Ненецкого АО – в обеспечение сбалансированности бюджета страны сопоставим с долей всего Приволжского федерального округа с входящими в его состав богатыми сырьевыми ресурсами республиками Татарстаном и Башкортостаном, крупными промышленными центрами Н. Новгородом, Самарой, Пермью и Ульяновском. Еще около 3% налогов и сборов в федеральный бюджет поступило из Красноярского края, более 1% из Республики Коми, 0,7% – из Республики Саха (Якутия), 0,6% из Ненецкого АО[3]. Таким образом, арктические регионы в значительной степени обеспечивают сбалансированность бюджета Российской Федерации, что лежит в основе экономической и социальной стабильности.

Таблица 1

Индекс физического объема валового регионального продукта регионов Арктической зоны Российской Федерации (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году)[4]

Регион	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2010–2016 гг.
Валовой региональный продукт по субъектам РФ – всего	104,6	105,4	103,1	101,8	101,3	99,4	100,8	115,94
Республика Карелия	104,4	102,2	101,5	100,7	100,1	100,4	100,1	125,68
Республика Коми	102,6	105,7	101,8	96,7	95,7	98,3	98,5	98,92
Архангельская область	100,8	101,7	100,6	101,1	102,0	103,3	102,6	112,71
в том числе:								
Ненецкий автономный округ	95,9	88,7	94,9	99,4	103,6	109,3	108,6	98,67
Мурманская область	99,4	99,8	100,5	100,8	101,3	101,2	100,6	103,64
Ямало-Ненецкий автономный округ	110,1	102,7	102,2	103,9	105,7	98,1	105,6	131,47
Красноярский край	105,8	105,7	105,8	102,9	101,0	97,8	101,5	122,06
Республика Саха (Якутия)	101,6	107,1	103,2	100,9	103,2	101,7	104,0	123,68
Чукотский автономный округ	82,7	95,8	99,7	100,4	114,9	100,8	95,8	87,99

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 34.

[2] Оценку развития человеческого потенциала в регионах Российской Федерации проводит Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации по показателям долголетия, доходов (душевому ВРП), грамотности взрослого населения и охвата обучением.

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 28–31.

[4] Там же, с. 462–463.

Экономика большинства арктических регионов успешно развивается. Темпы экономического роста в 2010–2016 гг. превышали средние в стране значения в Республике Карелия, Ямало-Ненецком АО, Красноярском крае и Республике Саха (Якутия). Вместе с тем, в ряде регионов в этот период отмечается существенного отставание от общероссийского тренда изменения индекса физического объема валового регионального продукта. А в некоторых регионах отмечается не просто отставание, а экономический спад. Длительное снижение рассматриваемого показателя характерно для Республики Коми (–1,1%), Ненецкого АО (–1,3%), Чукотского АО (–12%).

С учетом очагового характера хозяйственной деятельности в арктической зоне, а также неравномерности в освоении и развитии территорий, данное обстоятельство не вызывает опасений. В федеральном рейтинге по показателю производства ВВП на душу населения все арктические регионы занимают высокие позиции, включая и те субъекты, в которых в рассматриваемый период отмечен экономический спад: Республика Коми – 10 место, Ненецкий АО – 1, Чукотский АО – 5 место. Из числа арктических территорий самое низкое – 33 место – принадлежит Республике Карелия (табл. 2)[1].

Таблица 2

Место, занимаемое регионом в Российской Федерации, 2017 г.[2]

Регион	Валовой региональный продукт на душу населения в 2016 г.	Величине прожиточного минимума всего населения	Оборот розничной торговли на душу населения	Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	Средне-месячная номинальная заработная плата работников организаций
Республика Карелия	33	13	36	36	25
Республика Коми	10	12	38	19	13
Ненецкий автономный округ	1	1	18	3	4
Архангельская область без автономного округа	32	16	14	18	17
Мурманская область	14	9	16	13	11
Ямало-Ненецкий автономный округ	2	6	8	1	2
Красноярский край	13	19	37	30	15
Республика Саха (Якутия)	8	5	13	11	9
Чукотский автономный округ	5	2	32	2	1

Таким образом, если оценивать уровень доходов по душевому ВРП, используемому ООН при оценке уровня человеческого развития, то все арктические регионы можно отнести к наиболее благополучным в стране. Однако по другому важнейшему индикатору социально-экономического развития – величине среднедушевых денежных доходов – у большинства регионов АЗРФ ранги более низкие, несмотря на то, что на всех арктических территориях действуют повышающие коэффициенты (районные коэффициенты[3]). Введение такого механизма обусловлено тем, что в арктических и некоторых других российских регионах по причинам климатического характера стоимость проживания гораздо выше, а трудовые и бытовые условия значительно более сложные и сопряжены с дополнительными нагрузками на здоровье людей.

Практика применения таких финансовых коэффициентов, призванных компенсировать вред здоровью, позволяет повысить средний уровень заработной платы, пенсий и других доходов граждан весьма существенно. Так, в 2019 г. величина повышающего коэффициента, установленного для различных районов Мурманской области, находилась в интервале от 1,5 до 1,8; в Ненецком АО районный коэффициент был установлен на уровне 1,8; Ямало-Ненецком – 1,7–1,8; Чукотском АО – 2; в арктических районах Архангельской области – от 1,2 до 1,4; Республики Карелия – 1,4; г. Воркуте Республики Коми – 1,6; Республики Саха (Якутия) – 2; Красноярского края – от 1,3 до 1,8. Однако, даже не смотря на это, только 3 арктических региона вошли в первую десятку федерального списка по величине среднедушевых доходов (см. табл. 2).

Невысокие рейтинговые позиции арктических регионов по показателю оборота розничной торговли в расчете на душу населения (заметим, что существенно более низкие, чем ранги по среднедушевым денежным доходам) могут говорить как о низком платежеспособном спросе со стороны населения, так и ограниченном предложении товаров и услуг. И то, и другое свидетельствует о невысоком жизненном уровне населения этих регионов, проявляющемся в ограниченной физической и материальной доступности товаров и услуг.

Поскольку на всей территории арктической зоны применяются районные коэффициенты, средний размер назначенных пенсий во всех регионах АЗРФ выше среднероссийского значения: Чукотский АО по этому показателю находится на 1 месте в стране, Ненецкий АО – на 3, Ямало-Ненецкий АО – на 5, Мурманская область – на 7, Республика Саха (Якутия) – на 8, Республика Карелия – на 10, Республика Коми – на 12, Красноярский край – на 18 месте в России[4].

Вопреки ожиданиям, основанным на том, что во всех арктических регионах применяется такой компенсационный механизм, уровень доходов населения не высок. В некоторых регионах Арктической зоны удельный вес наиболее

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 32 – 35.

[2] Там же, с. 32–35, 224–225.

[3] Трудовой Кодекс РФ определяет районный коэффициент как механизм выравнивания доходов трудящихся за счет повышающего финансового показателя, индексирующего выплаты в регионах с особыми климатическими условиями и приравненными к ним.

[4] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 206–207.

высокодоходного населения (с доходом более 60 тыс. руб.) ниже, чем в среднем в РФ: в Республике Карелия – в 2 раза, в Красноярском крае – в 1,4 раза меньше[1].

Подоходное неравенство в большинстве арктических регионов России выражено слабее, чем в масштабах страны, что обеспечено, главным образом, уменьшением удельного веса 20-процентой группы с самыми высокими доходами преимущественно за счет низкодоходных групп населения, а не демографических групп со средними показателями доходов. Исключение составляют только Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа[2].

Об отставании большинства территорий, входящих в Арктическую зону РФ, по уровню жизни говорят и данные табл. 3. Несмотря на большую величину прожиточного минимума, соотношение с ней основных доходов населения арктических регионов в большинстве случаев меньше. Так, соотношение среднедушевых денежных доходов с установленной величиной прожиточного минимума выше среднероссийского значения отмечалось только в Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, среднемесячной начисленной заработной платы – в Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах и Республике Саха (Якутия), среднего размера назначенных пенсий – в Республике Коми и Красноярском крае. Во всех остальных регионах соотношение основных доходов с величиной прожиточного минимума существенно меньше сложившихся в целом по стране значений.

Таблица 3

Величина прожиточного минимума, установленная в регионах Арктической зоны Российской Федерации за IV квартал 2017 г.[3]

Регион	Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения), руб. в месяц все население	Место, занимаемое в РФ по величине прожиточного минимума всего населения	Соотношение с величиной прожиточного минимума, процентов		
			Среднедушевых денежных доходов	среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций	среднего размера назначенных пенсий
Российская Федерация	9886		365,8	404,8	164,9
Республика Карелия	12 203	13	239,3	278,5	160,2
Республика Коми	12 539	12	266,7	357,8	165,6
Архангельская область					
в том числе:					
Ненецкий автономный округ	20 622	1	354,5	360,1	122,6
Мурманская область	13 787	9	319,8	387,1	157,8
Ямало-Ненецкий автономный округ	15 946	6	470,8	536,6	159,1
Красноярский край	11 043	19	295,4	379,7	165,2
Республика Саха (Якутия)	16 610	5	293,1	405,7	135,0
Чукотский автономный округ	20 149	2	442,6	483,2	152,0

Судя по динамике реальных денежных доходов жителей арктических регионов, можно говорить о недостаточности предпринимаемых со стороны государства мер по созданию приемлемых условий жизнедеятельности в регионах с экстремальными климатическими условиями. Данные, приведенные в табл. 4, свидетельствуют о том, что для многих регионов АЗРФ в 2010–2017 гг. было характерно отставание от средних в стране показателей. Речь идет о Республике Карелия, Архангельской и Мурманской областях, а также Красноярском крае.

Таблица 4

Реальные денежные доходы населения регионов Арктической зоны Российской Федерации (в процентах к предыдущему году)[4]

Регион	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2010–2017 гг.
Российская Федерация	105,4	101,2	105,8	104,8	99,5	95,9	94,4	98,7	105,15
Республика Карелия	103,8	100,0	108,7	100,0	99,0	97,7	93,6	99,8	101,94
Республика Коми	103,1	97,7	106,1	100,4	96,7	90,8	90,3	94,7	80,57
Архангельская область	102,8	100,5	104,5	105,8	102,5	94,6	92,4	98,0	100,29
в том числе:									
Ненецкий автономный округ	101,4	98,4	110,9	101,6	94,1	93,9	90,7	98,8	89,02
Мурманская область	98,5	96,7	107,6	105,8	95,7	93,1	90,8	98,0	85,97
Ямало-Ненецкий автономный округ	100,4	103,8	110,6	105,1	98,4	98,4	96,3	101,4	114,54
Красноярский край	100,8	102,7	104,6	104,6	94,1	97,1	98,0	97,3	98,68
Республика Саха (Якутия)	102,9	103,4	105,9	103,5	101,2	99,1	95,9	97,4	109,25
Чукотский автономный округ	106,0	109,5	105,9	102,5	103,5	98,9	97,1	103,7	129,86

А в некоторых арктических регионах в рассматриваемый период произошло сильное падение реальных доходов населения: Республика Коми – на 19,4%, Ненецком АО – на 11%, Мурманской области – на 14%.

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 222–223.
[2] Там же, с. 220–221.
[3] Там же, с. 224–225.
[4] Там же, с. 184–185.

Опираясь на результаты проведенных исследований, можно утверждать, что есть основания оценивать длительное ежегодное падение реальных доходов россиян, фиксируемое российской статистикой в последние годы, как угрозу экономической безопасности и социальной стабильности в стране.

Особую опасность представляет разрастание этого явления на таких стратегически важных территориях, какими являются для России арктические регионы. Такая ситуация может спровоцировать усиление оттока населения с этих территорий, и, как следствие, ослабление трудового потенциала, что скажется и на экономических показателях. Это требует применения в отношении регионов АЗРФ дополнительных мер территориального выравнивания.

О том, что требуется корректировка государственной социально-экономической политики в отношении арктических территорий, говорит и то обстоятельство, что во многих регионах АЗРФ уровень бедности значительно выше, чем средний показатель в стране, который в 2017 г. был равен 13,2% общей численности населения. Людей, проживающих за чертой бедности в экстремальных климатических условиях, быть не должно. Пока ситуация в этой сфере весьма тревожна: в Республике Карелия удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума был равен 17,3%, Республике Коми – 16,8%, Красноярском крае – 18,5%, Республике Саха (Якутия) – 20,3%[1].

Можно было предположить, что такая ситуация связана с объективными условиями, ограничивающими возможности занятости для населения и лишающими их основного источника доходов – заработной платы. Однако при этом довольно часто СМИ многих российских регионов публикуют и транслируют объявления с предложением о работе на северных территориях, что говорит о непокрытой потребности в рабочей силе. Данные статистики это тоже подтверждают. По такому показателю, как коэффициент напряженности на рынке труда, который отражает соотношение численности безработных и числа имеющихся вакансий, арктические регионы имеют неплохие позиции в федеральном рейтинге. Например, Ямало-Ненецкий АО – 2 место, Чукотский АО – 6 место, Красноярский край – 12. Самое сложное положение в Республике Карелия, в которой в расчете на 1 вакансию, заявленную работодателями в органы службы занятости населения, приходилось 6,2 безработных при среднем значении этого коэффициента в РФ, равном 2,7 (2017 г.), что соответствует 75 месту в стране[2].

Структура денежных доходов арктических жителей говорит о полной зависимости жизненного уровня в этих регионах от организации оплаты труда. Других источников доходов арктические жители практически лишены. Предпринимательскую деятельность в экстремальных климатических условиях осуществлять сложно. Но даже в тех регионах, где удельный вес этого источника денежных доходов довольно высок, это не приводит к повышению уровня жизни людей. Например, в Республике Саха (Якутия) доля предпринимательских доходов почти в 2 раза превышает средний показатель в РФ, и вместе с тем, в этом регионе зафиксирован один из самых высоких в стране показателей удельного веса населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

Следовательно, выявленное отставание арктических регионов по основным индикаторам уровня жизни свидетельствует о недостаточности мер компенсационного характера и необходимости их усиления. Улучшение условий жизнедеятельности в суровых условиях Арктики будет способствовать улучшению демографической ситуации в регионах АЗРФ. Пока вопреки общероссийской тенденции численность населения арктических регионов снижается[3].

О недостаточности предпринимаемых мер, направленных на компенсацию вредного воздействия на организм человека сурового климата, говорит и сильное отставание большинства арктических регионов по продолжительности жизни населения. Во всех регионах АЗРФ, за редким исключением, этот показатель в 2017 г. был ниже, чем средний в России, равный 72,7 года. В Ямало-Ненецком АО ожидаемая продолжительность жизни составила 73,53 года, что соответствует 15 месту в стране. К сожалению, и последнее место в этом рейтинге принадлежит одному из арктических регионов – Чукотскому АО, в котором этот показатель составляет 66,1 года. В других регионах АЗРФ ситуация не намного лучше. Республика Саха (Якутия) по продолжительности жизни занимает 47 место в стране, Мурманская область – 48, Ненецкий АО – 52, Республика Коми – 63, Республика Карелия – 68, Красноярский край – 69 место в стране (2017 г.).

В этой связи возникает вопрос о самой возможности повышения верхней границы трудоспособного возраста для жителей арктических регионов. Особенно это касается мужской части населения, продолжительность жизни которых меньше, чем женщин. Например, продолжительность жизни мужчин, проживающих на территории Чукотского АО 60,3 года. Повышать срок выхода на пенсию для этих людей до 60 лет просто не гуманно.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что рейтинговые позиции некоторых арктических регионов по продолжительности жизни мужчин заметно лучше, чем по продолжительности жизни женщин. Подобная картина наблюдается в Мурманской области, Ямало-Ненецком АО и Республике Саха (Якутия) (табл. 5).

Все привыкли к тому, что мужчины хуже следят за своим здоровьем, не спешат обращаться за медицинской помощью. Поэтому организовать охрану их здоровья бывает весьма затруднительно. Но когда ранг субъекта федерации по продолжительности жизни женщин ниже его рейтинговой позиции по продолжительности жизни мужчин, это говорит о том, что хуже поставлена охрана здоровья женщин, чем мужчин. Хотя женщины, как правило, более внимательны к своему здоровью, проходят диспансеризацию и в целом чаще посещают медицинские учреждения. Скорее всего, это связано с экстремальными климатическими условиями, губительно действующими на женский организм.

Таблица 5

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 228-229.

[2] Там же, с. 161–162.

[3] Там же, с. 39–40.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в регионах Арктической зоны Российской Федерации, 2017 г.[1]

Регион	Все население		Мужчины		Женщины	
	лет	место, занимаемое в РФ	лет	место, занимаемое в РФ	лет	место, занимаемое в РФ
Российская Федерация	72,7		67,51		77,64	
Республика Карелия	70,65	68	64,90	73	76,15	67
Республика Коми	71,05	63	65,32	62	76,60	58
Архангельская область	71,94		66,12		77,71	
в том числе:						
Ненецкий автономный округ	71,52	52	65,94	50	77,18	42
Мурманская область	71,67	48	66,49	37	76,28	63
Ямало-Ненецкий автономный округ	73,53	15	68,99	11	77,93	27
Красноярский край	70,61	69	65,04	70	76,07	69
Республика Саха (Якутия)	71,68	47	66,39	39	77,07	48
Чукотский автономный округ	66,10	85	60,33	85	71,66	84

Не менее точно, чем продолжительность жизни, характеризует условия жизнедеятельности людей, сальдо миграции. В 2017 г. миграционный отток населения отмечался во всех без исключения арктических регионах. Самый большой урон миграционный отток наносит экономике Чукотского АО и Республике Коми. В 2017 г. коэффициент миграционного прироста в этих регионах соответственно составлял –132 и –112 человек на 10 000 чел. населения, т.е. население этих территорий сокращается из-за оттока населения более чем на 1% ежегодно[2].

К ослаблению трудового потенциала страны (региона) может привести и снижение доступности образования. Уровень образованности взрослого населения и охват населения образованием – показатели, принятые ООН для оценки уровня гуманитарного развития. Более ранние исследования авторов доказывают, что нашей стране поддерживать высокие позиции рейтинге стран мира по уровню человеческого развития во многом позволяют высокие показатели в сфере образования[3].

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года в числе основных угроз экономической безопасности нашей страны выделено снижение качества и доступности образования, что повлечет за собой снижение качества человеческого потенциала[4]. А это в условиях острейшей конкуренции в научно-технологической сфере может ослабить и позиции государства на мировой арене.

С ограниченной возможностью получить качественное образование в родном регионе может быть связан и отток населения. Молодые люди, желающие получить хорошее образование, сначала на период обучения переезжают в крупные научные и образовательные центры страны, завершив обучение, многие не возвращаются в родной регион.

Конечно, сложно рационально организовать функционирование социальной инфраструктуры на территориях с низкой плотностью населения. К числу таких территорий относятся все арктические регионы. Если в РФ в среднем плотность населения составляет 8,6 чел. на 1 кв. км, то в регионах Арктической зоны этот показатель составляет от 0,07 чел. на кв. км в Чукотском АО до 5,2 чел. на кв. км в Мурманской области. Поэтому не удивительно, что, например, в Ненецком АО с населением 44 тыс. чел. и плотностью населения 0,25 чел. на кв. км вузов нет[5]. Но это не означает, что российские граждане, проживающие на этих территориях, как и каких-либо других могут быть лишены возможности получить качественное высшее образование.

Сниженная физическая доступность высшего образования сказалась на структуре подготовки кадров в арктических регионах. Ее особенностью является то, что в регионах АЗРФ значительно больше, чем в среднем в РФ, численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих в расчете на 10 000 человек населения.

Так, если в РФ в целом этот показатель в 2017/18 уч. году составлял 38 чел., то в большинстве арктических регионов он превышал 45 чел., а в Архангельской области достигал 69 чел. Исключение составляет только Чукотский АО. В Ямало-Ненецком АО рассматриваемый показатель близок к среднероссийскому значению[6].

Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена на 10 000 человек населения, в регионах АЗРФ примерно такая же, как и в России в целом. В Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах этот показатель имеет значения существенно меньше среднероссийского уровня, в Республике Саха (Якутия) – на 1/3 больше, чем в целом по стране.

А по численности студентов, обучающихся по программам высшего образования (бакалавриата, специалитета, магистратуры), регионы АЗРФ сильно отстают от других российских регионов. Если в среднем в РФ на 10 000 чел.

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 75–80.

[2] Там же, С. 7–88.

[3] Градусова В.Н., Липатова Л.Н. Основные тенденции и проблемы развития человеческого потенциала России в постсоветский период // Управленческое консультирование. 2019. – № 6. – С. 102–114; Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы // Регионология. 2019. – № 2. – С. 310–330.

[4] Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208). / Официальный интернет-портал правовой информации. – http://www.pravo.gov.ru

[5] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 18–19.

[6] Там же, с. 310–313, 318–319, 345–347.

населения в 2018 г. приходилось 289 чел. студентов, обучающихся по программам высшего образования, то в Арктической зоне наиболее близкое значение характерно для Красноярского края – 267 чел. В Чукотском АО рассматриваемый показатель был в 8 раз меньше, в Ямало-Ненецком АО – в 16 раз меньше среднероссийского значения, а в Ненецком АО вузов нет вообще.

Что касается материальной доступности образования для жителей арктических территорий, то проведенный выше анализ также свидетельствует о более слабых финансовых возможностях россиян, проживающих в экстремальных климатических условиях, в получении образования, поскольку уровень жизни в большинстве этих регионов ниже, чем в стране в целом.

Таким образом, Арктическая зона Российской Федерации экономически развивается весьма успешно, обеспечивая стране хорошую макроэкономическую динамику и большие налоговые поступления. Однако по уровню жизни многие арктические регионы отстают от других российских регионов, что не допустимо, и требует разработки комплекса мер по обеспечению опережающего социально-экономического развития этих стратегически важных для страны территорий, одной из которых должно стать повышение районных коэффициентов.

Демографическая ситуация в регионах АЗРФ довольно сложная, численность населения устойчиво сокращается, что может стать угрозой экономической безопасности не только этих регионов, но и страны в целом. Демографическая динамика во многом связана с экстремальными условиями жизнедеятельности. То обстоятельство, что по продолжительности жизни арктические регионы занимают от 47 до 85 места в федеральном списке (за исключением Ямало-Ненецкого АО) говорит о недостаточности предпринимаемых государством мер компенсационного характера и/или плохой организации охраны здоровья.

Арктическая зона несет огромные миграционные потери. Закреплению населения в этих регионах будет способствовать предоставление льгот жителям этих территорий в части пенсионного обеспечения, социального обслуживания, ипотечного кредитования, обучения и другие меры, направленные на улучшение условий труда и отдыха и более полную компенсацию вреда здоровью от воздействия экстремальных условий Арктики. Считаем необходимым осуществить пересмотр условий выхода на пенсию для арктических жителей, а также введение сокращенного рабочего дня для женщин.

Проведенный анализ основных показателей охвата образованием жителей арктических регионов России позволяет говорить о сниженной физической доступности высшего образования для жителей арктических регионов. Материальная доступность образования также ниже, чем в целом в стране по причине более низкого жизненного уровня населения большинства регионов АЗРФ. Доступность услуг в этой сфере снижает и удаленность арктических территорий от федеральных центров науки и образования.

Для решения проблемы доступности качественного высшего образования и устранения неравенства в этой сфере считаем целесообразным выделение бюджетных мест для жителей этих регионов, введение льготных образовательных кредитов, субсидируемых перелетов и другие меры, которые позволят молодым людям из арктических и других отдаленных регионов России получить высшее образование и, вернувшись на малую родину, укрепить ее трудовой потенциал.

Малинина Т.Б.
д.соц.н., доцент, профессор кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
Липатова Л.Н.
д.соц.н., к.э.н., профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

ВОЗМОЖНОСТИ РЕГИОНА В РЕШЕНИИ ЗАДАЧИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Ключевые слова*: сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, экономическое развитие, валовой региональный продукт, опережающее развитие.*
Keywords: *agriculture, crop production, animal husbandry, economic development, gross regional product, accelerated development.*

Республика Мордовия – небольшой приволжский регион, расположенный в зоне рискованного земледелия. Сельское хозяйство – ключевая отрасль экономики Мордовии. И роль этой отрасли в экономическом развитии региона устойчиво возрастает. Удельный вес сельскохозяйственного производства в валовом региональном продукте увеличился с 11,4% в 2010 г.[1] до 14,6% в 2015 г. По этому показателю сельское хозяйство уступает только промышленности (23,5%, 2015 г.)[2].

По численности занятых сельское хозяйство – крупнейшая отрасль региональной экономики. В ней трудятся 20% занятого населения. Для сравнения: удельный вес обрабатывающих производств в структуре занятости в Мордовии – 17%[3].

Роль Республики Мордовия в экономике страны в силу значительных ресурсных ограничений не высока. Эта небольшая приволжская республика занимает всего 0,2% части территории страны, в ней проживает 0,54% населения РФ, удельный вес региона в ВВП страны составляет 0,3%[4]. Но вклад региона в обеспечение населения страны продовольствием значительно выше: в 2018 г. Мордовия обеспечила 1,2% общего объема сельскохозяйственного производства в стране (0,9% – продукции растениеводства и 1,5% – продукции животноводства).

Анализ статистических данных показывает, что сельское хозяйство Мордовии в 2005–2018 гг. развивалось темпами, опережающими общероссийские тенденции. Объем сельскохозяйственного производства в Мордовии в 2005–2018 гг. возрос в 4 раза, и по данному показателю этот небольшой приволжский регион занял 31 место в стране. Обратим внимание на тот факт, что такие же темпы развития сельского хозяйства в рассматриваемый период были характерны для таких регионов, как Краснодарский край и Ростовская область, в которых условия развития сельского хозяйства гораздо более благоприятные, чем в РМ. Для сравнения: в ПФО производство сельскохозяйственной продукции в 2005–2018 гг. увеличилось в 3,4 раза[5].

Оценивая достижения Мордовии в аграрной сфере, следует принять во внимание то обстоятельство, что территория региона находится в зоне рискованного земледелия. Природно-климатические условия оказывают существенное влияние на развитие растениеводства в РМ, о чем свидетельствуют резкие перепады индексов производства продукции растениеводства[6].

Менее зависимое от действия природных сил животноводство демонстрирует устойчивый рост темпами, которые превышают средние в стране показатели, даже в те годы, когда собственная кормовая база была сильно сокращена. Например, в 2010 г., когда экстремальная засуха, сопровождавшаяся масштабными пожарами, привела к потере урожая почти в 3 раза по сравнению с предыдущим годом.

Отличительной чертой аграрной отрасли Мордовии является более высокий удельный вес организаций в структуре продукции сельского хозяйства – 74% против 57% в РФ, что обеспечивает стабильность региональной агросистемы.

Другая отличительная особенность – слабое развитие крестьянских (фермерских) хозяйств. Их удельный вес в объеме сельскохозяйственной продукции в РМ в 3,3 раза меньше, чем в РФ (табл. 1).

Таблица 1

[1] Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2015. – С. 31.
[2] Там же, 2019. – С. 30.
[3] Там же, с. 100.
[4] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 30–31.
[5] Там же, с. 708–709.
[6] Там же, с. 110–115.

Структура продукции сельского хозяйства по категории хозяйств в Российской Федерации и Республике Мордовия (в процентах)[1]

Показатель	2010 г.		2018 г	
	РФ	РМ	РФ	РМ
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100
в том числе:				
сельскохозяйственные организации	44,8	55,5	56,5	74,2
хозяйства населения	48,0	48,5	31,0	22,0
крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	7,2		12,5	3,8

Удельный вес продукции, произведенной сельскохозяйственными организациями, в 2010–2018 гг. увеличился почти по всем видам сельскохозяйственной продукции. Небольшие структурные сдвиги в пользу крестьянских (фермерских) хозяйств (при сохранении доминирующего положения сельскохозяйственных организаций) произошли в производстве зерна и сахарной свеклы[2].

В сельском хозяйстве Мордовии преобладают птицеводство и молочное животноводство. Хотя, как показывает статистика, и по другим направлениям аграрного производства республика демонстрирует хорошие результаты.

Динамика показателей валового производства продукции растениеводства в 2005–2018 гг. в РМ почти по всем видам продукции лучше, чем в среднем в ПФО. Показатель прироста валового сбора сахарной свеклы, плодов и ягод в рассматриваемый период в РМ заметно выше даже средних в стране показателей. Это позволило этой небольшой приволжской республике занять 30 место в России по валовому сбору зерна, 14 место по сбору сахарной свеклы (из 24 регионов, возделывающих данную культуру), 41 место – по сбору овощей, 30 место по валовому сбору плодов и ягод (табл. 2).

Несмотря на отставание от сложившихся в РФ и ПФО тенденций увеличения объемов производства семян подсолнечника, Мордовия занимает по этому показателю 35 место в стране из 49 регионов, в которых данная культура выращивается.

Таблица 2

Валовой сбор основных видов продукции растениеводства (в хозяйствах всех категорий, тысяч тонн)[3]

Наименование	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
	Зерно (в весе после доработки)			
Российская Федерация, млн тонн	77,8	61,0	104,7	113,3
Приволжский федеральный округ	19 151,8	6552,0	18 883,6	21 457,7
Республика Мордовия	768,0	292,4	1040,1	1068,3
	Сахарная свекла			
Российская Федерация, млн тонн	21,3	22,2	39,0	42,1
Приволжский федеральный округ	5055,3	2140,0	6628,0	6947,4
Республика Мордовия	295,5	197,5	909,6	621,3
	Семена подсолнечника			
Российская Федерация	6469,6	4980,4	9288,7	12 755,7
Приволжский федеральный округ	1250,6	962,4	2813,5	4701,3
Республика Мордовия	2,1	0,4	2,1	3,4
	Картофель			
Российская Федерация, млн тонн	28,1	18,5	25,4	22,4
Приволжский федеральный округ	7656,0	3089,8	6462,2	5722,0
Республика Мордовия	346,7	91,9	327,5	297,3
	Овощи			
Российская Федерация, млн тонн	11,3	11,0	13,2	13,7
Приволжский федеральный округ	2594,1	2087,7	2736,1	2655,8
Республика Мордовия	87,5	65,5	83,4	90,8
	Плоды и ягоды			
Российская Федерация	2403,8	2074,7	2676,1	3337,0
Приволжский федеральный округ	457,7	352,3	512,5	618,9
Республика Мордовия	12,0	11,5	22,7	29,0

Показатель валового сбора картофеля, в соответствии с общероссийской тенденцией, в РМ тоже снизился. Однако это произошло в меньшей степени, чем в РФ и ПФО, что позволило региону занять 29 место по этому показателю (2018 г.).

Урожайность зерна и зернобобовых культур в РМ выше средних в РФ и ПФО значений. Урожайность сахарной свеклы, хотя и значительно понизилась в 2017 и 2018 гг., остается одной из самых высоких в ПФО; большее значение

[1] Составлена по: Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2015. – С. 250; Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2019. – С. 260; Российский статистический ежегодник. 2019. / Росстат. – М., 2019. – С. 408.

[2] Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2015. – С. 254; Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2019. – С. 263.

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 753–772.

показателя было характерно в 2018 г. только для Саратовской области (352 ц/га), примерно такое же – для Республики Татарстан (330 ц/га). Вопреки общероссийской тенденции в Мордовии в 2005–2018 гг. урожайность подсолнечника снизилась (табл. 3).

Таблица 3

Урожайность основных видов сельскохозяйственных культур (в хозяйствах всех категорий, центнеров с одного гектара убранной площади)[1]

Наименование	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
	Зерновые и зернобобовые культуры (в весе после доработки)			
Российская Федерация	18,5	18,3	23,7	25,4
Приволжский федеральный округ	14,9	10,0	16,5	17,6
Республика Мордовия	19,3	15,8	23,3	26,2
	Сахарная свекла			
Российская Федерация	282	241	388	381
Приволжский федеральный округ	240	144	311	312
Республика Мордовия	290	287	368	329
	Подсолнечник			
Российская Федерация	11,9	8,9	14,2	16,0
Приволжский федеральный округ	8,8	5,8	10,6	13,4
Республика Мордовия	15,4	6,7	10,2	14,2
	Картофель			
Российская Федерация	124	100	164	170
Приволжский федеральный округ	124	65	165	174
Республика Мордовия	100	38	163	169
	Овощи			
Российская Федерация	170	179	226	243
Приволжский федеральный округ	197	177	235	256
Республика Мордовия	116	114	132	158

Урожайность картофеля и овощей, хотя и значительно повысилась в рассматриваемый период, остается в РМ заметно ниже, чем в РФ и ПФО. Это связано с тем, что большая часть объема этих видов сельскохозяйственной продукции в Мордовии производится в личных подсобных хозяйствах: картофеля – 95%, овощей – 68% (2018 г.)[2].

Обеспечить стабильное производство и высокую производительность хозяйства населения, как правило, не располагающие для этого наилучшим для данных конкретных условий семенным материалом, а также необходимой техникой, удобрениями, средствами защиты растений и другими определяющими результативность земледельческого труда ресурсами, республика не может.

Экономическая деятельность в сфере животноводства в Мордовии по причине ее меньшей зависимости от природно-климатических условий развивается более устойчиво и приносит предпринимателям более высокий доход, чем растениеводство. Рентабельность животноводческой деятельности сельскохозяйственных организаций в РМ в 2018 г. была в 1,7 раза выше, чем в РФ и в 2,3 раза выше, чем в ПФО[3].

Наибольших результатов республике удалось достичь в птицеводстве и свиноводстве. В 2005–2018 гг. поголовье свиней увеличилось в 1,6 раза, в то время как в ПФО оно сократилось на 4%. Это позволило региону занять по данному показателю 18 место в стране. Из числа приволжских регионов в 2018 г. Мордовию по численности поголовья свиней опередили только республики Татарстан (11 место) и Башкортостан (13 место)[4].

С разведением крупного рогатого скота ситуация сложнее. Уменьшение его поголовья в РМ в этот период было более значительным, чем в РФ и ПФО – на 32% против 16% в РФ и 28% в ПФО. Но, несмотря на это, и по данному показателю регион занимает довольно высокие позиции в стране – 33 место. Разведение овец и коз в Мордовии не популярно. По их поголовью регион занимает одно из последних мест в ПФО и 53 место в стране (табл. 4).

Таблица 4

Поголовье крупного рогатого скота, свиней, овец и коз (в хозяйствах всех категорий, на конец года, тысяч голов)[5]

Регион	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
	Крупный рогатый скот			
Российская Федерация	21 625,0	19 793,9	18 620,9	18 152,1
Приволжский федеральный округ	6946,5	6131,1	5293,0	5024,8
Республика Мордовия	304,5	298,8	231,7	207,7
	Свиньи			
Российская Федерация	13 811,7	17 251,4	21 405,5	23 726,6
Приволжский федеральный округ	3800,0	4171,2	3758,9	3642,7

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 755–769.
[2] Там же, с. 263.
[3] Там же, с. 739–741.
[4] Там же, с. 778.
[5] Там же, с. 775–780.

Республика Мордовия	228,7	310,8	314,8	362,4
	Овцы и козы			
Российская Федерация	18 581,4	21 733,7	24 606,5	23 129,3
Приволжский федеральный округ	2648,1	2925,4	2936,3	2792,5
Республика Мордовия	39,3	41,7	42,5	41,1

За счет динамичного развития свиноводства и птицеводства Республика Мордовия смогла нарастить производство мяса скота и птицы в 2005–2018 гг. в 3,6 раза. В то время как в РФ этот показатель увеличился 2,1 раза, а в ПФО – в 1,6 раза (табл. 5). По данному показателю Мордовия находится на 16 месте в стране. Отметим, что в 2012 г. был побит рекорд по производству мяса скота и птицы в республике, державшийся с 1990 г. – 96 тыс. т[1].

Таблица 5

Основные показатели развития животноводства в Российской Федерации, Приволжском федеральном округе и Республике Мордовия[2]

Наименование	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
	Производство скота и птицы на убой (в убойном весе) (в хозяйствах всех категорий; тысяч тонн)			
Российская Федерация	4989,5	7164,8	9518,5	10629,4
Приволжский федеральный округ	1346,3	1682,0	1989,5	2138,3
Республика Мордовия	63,4	81,6	181,8	228,5
	Производство молока (в хозяйствах всех категорий; тысяч тонн)			
Российская Федерация	31 069,9	31 507,8	29 887,5	30 611,2
Приволжский федеральный округ	9976,2	10340,0	9345,5	9441,4
Республика Мордовия	411,4	458,1	404,3	434,6
	Надой молока на одну корову в сельскохозяйственных организациях (килограммов)			
Российская Федерация	3280	4189	5140	5945
Приволжский федеральный округ	3153	4149	5069	5784
Республика Мордовия	2768	4327	5470	6469
	Производство яиц (в хозяйствах всех категорий; миллионов штук)			
Российская Федерация	37 139,7	40 758,9	42 509,6	44 901,2
Приволжский федеральный округ	9386,8	10695,2	10748,1	11281,7
Республика Мордовия	501,2	1077,5	1422,5	1458,1

Производство молока в Мордовии, вопреки общероссийской тенденции на снижение объемов, в анализируемый период увеличилось на 6%, что позволило региону занять 28 место в РФ. Произошло это за счет роста надоя на одну корову в сельскохозяйственных организациях, который увеличился в 2,3 раза. Для сравнения в РФ прирост данного показателя составил 81%, в ПФО – 83%. Однако до рекорда в производстве молока пока далеко – 636,5 тыс. т (1989 г.)[3].

На самые высокие позиции удалось подняться небольшой приволжской республике по производству яиц, которое в 2005–2018 гг. удалось увеличить в 2,9 раза. В 2018 г. Мордовия заняла по этому показателю 10 место в России, уступив в ПФО только крупному и экономически сильному российскому региону – Нижегородской области (справочно: Нижегородская область занимает 0,4% территории страны, на нее приходится 2,2% общей численности населения РФ, валовой региональный продукт Нижегородской области составляет 1,7% валового внутреннего продукта страны[4]).

Об устойчивости положительного тренда в развитии сельского хозяйства в Мордовии говорят данные о финансовых результатах сельскохозяйственных организаций – Росстат фиксирует прибыль. Даже в 2010 г., крайне неблагоприятном для растениеводства вследствие аномальной жары и связанных с этим масштабных пожаров, занятые этим видом деятельности хозяйства Мордовии смогли извлечь прибыль. В то время как в Приволжском ФО в целом этот вид экономической деятельности был убыточным.

Более того в 2010 г. растениеводство в Мордовии было рекордно рентабельным: 21,3% против 12,4% в РФ и 3,2% в ПФО. По этому показателю, характеризующему эффективность экономической деятельности, мордовские аграрии в 2010 г. вплотную приблизились к российским регионам, традиционно лидирующим в сфере растениеводства – Краснодарскому краю (рентабельность растениеводства – 26,6%), Ростовской области (21,5%), Республике Алтай (26,1%), Алтайскому краю (24,1% рентабельности в 2010 г.)[5].

Ситуация повторилась и в 2018 г.: в ПФО в целом деятельность в сфере растениеводства принесла убытки в размере 423 млн. руб., аграрии Мордовии, занятые этим видом деятельности, извлекли прибыль величиной 147 млн. руб. (табл. 6).

Таблица 6

[1] Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2019. – С. 280.
[2] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 787–805.
[3] Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2019. – С. 280.
[4] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 30.
[5] Там же, с. 738–741.

Основные финансовые показатели организаций, осуществляющих деятельность в растениеводстве и животноводстве[1]

Регион	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций, млн. руб. *растениеводство*			
Российская Федерация	9652	14 586	136 159	101 749
Приволжский федеральный округ	283	–3613	12903	–423
Республика Мордовия	69	374	511	147
	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций, млн. руб. *животноводство*			
Российская Федерация	20 887	50 107	123 055	102 932
Приволжский федеральный округ	3553	7028	23 004	16 154
Республика Мордовия	298	766	3426	5265
	Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, процентов *растениеводство*			
Российская Федерация	6,4	12,4	35,4	20,6
Приволжский федеральный округ	1,6	3,2	23,2	6,7
Республика Мордовия	5,8	21,3	15,7	10,1
	Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, процентов *животноводство*			
Российская Федерация	9,5	8,6	15,4	12,8
Приволжский федеральный округ	8,0	3,5	12,3	9,2
Республика Мордовия	12,1	6,6	15,2	21,2

Сравнение основных финансовых показателей сельскохозяйственных организаций Мордовии с достижениями аграриев других российских регионов показывает: эффективность экономической деятельности в сфере животноводства в РМ – одна из самых высоких в России. Из числа российских регионов – крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции – опережает Мордовию только Белгородская область. Сальдированный финансовый результат сельскохозяйственных организаций РМ, занятых этим видом деятельности, в 2018 г. был, например, в 1,6–2 раза больше, чем в таких, располагающих богатой кормовой базой регионах, как Ставропольский и Краснодарский края.

Важнейший показатель экономической эффективности – рентабельность – в 2018 г. в Республике Мордовия в сфере растениеводства был меньше, чем в южных регионах, но значительно больше, чем в приволжских республиках – Башкортостане и Татарстане, характеризующихся сопоставимыми климатическими условиями. По рентабельности животноводства в 2018 г. опередила Мордовию только Белгородская область (табл. 7).

Таблица 7

Основные финансовые показатели сельскохозяйственного производства в отдельных регионах Российской Федерации в 2018 г.[2]

Регион	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций, млн руб.		Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, процентов	
	растениеводства	животноводства	растениеводства	животноводства
Российская Федерация	101 749	102 932	20,6	12,8
Белгородская область	6834	28 661	27,0	29,4
Краснодарский край	24 698	2565	33,7	13,1
Ростовская область	8386	–12691	23,9	–9,1
Ставропольский край	13196	3284	25,3	18,2
Республика Башкортостан	723	-823	3,7	2,8
Республика Мордовия	*147*	*5265*	*10,1*	*21,2*
Республика Татарстан	748	1115	2,4	1,9

Таким образом, проведенный анализ показал, что сельское хозяйство – ключевая отрасль экономики РМ, формирует около 15% валового регионального продукта и обеспечивает работой и доходами около 20% занятого заселения. Сельскохозяйственное производство республики демонстрирует устойчивую динамику, по темпам опережающую средние в стране показатели. Производимая аграриями региона сельскохозяйственная продукция реализуется не только в ближайших к республике областях, но и пользуется спросом во многих российских городах, а также поставляется в некоторые зарубежные страны.

Республика Мордовия, производя 0,9% общероссийского объема продукции растениеводства и 1,5% производимой в стране животноводческой продукции, вносит значительный вклад в обеспечение населения Российской Федерации качественными и недорогими продуктами питания, чем содействует укреплению продовольственной безопасности государства.

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 738–741.
[2] Там же.

Молчанова Н.П.
д.э.н., профессор Финансового университета

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: *финансы, бюджетная система, особенности регионального развития, межбюджетное выравнивание, экономический рост, макроэкономическая стабилизация.*

Введение. Повышение уровня и качества жизни населения входит в круг первоочередных задач Российского государства. Для России, самой крупной страны в мире, характерными являются тенденции неравномерного социально-экономического развития в территориальном разрезе. Входящие субъекты развиваются разными темпами, что обусловлено комплексом причин: естественно-географическим положением (в состав которого входят и природные ресурсы, и климатические условия, и близость к центру) и численностью населения, а также объективными обстоятельствами, сложившимися в результате хозяйственной деятельности человека или развития урбанизации. Анализ информации приводит к выводу, что межбюджетное выравнивание – один из способов сглаживания межрегиональных различий в финансовом обеспечении и преодоления социально-экономического неравенства между субъектами. Теоретические и правовые основы формирования государственной политики по достижению финансовой устойчивости территорий относятся к числу актуальных проблем финансовой науки и практики.

Сущность понятия «межбюджетное выравнивание». Межрегиональное неравенство в обеспечении доходной базы региональных бюджетов несет определенные негативные последствия: различия в доходах жителей разных регионов; различия в уровне и качестве жизни жителей разных регионов; различия, при которых отдельные индивиды и социальные группы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения потребностей. Межрегиональное, или территориальное неравенство – это ситуация, при которой в силу различных социально-экономических причин, а также природных и политических предпосылок субъекты Российской Федерации характеризуются существенно различающимися параметрами социально-экономического развития.

На социально-экономическое положение регионов влияют определенные факторы, которые можно разделить на 4 группы: географические, экономические, социокультурные и политико-административные (рис. 1).

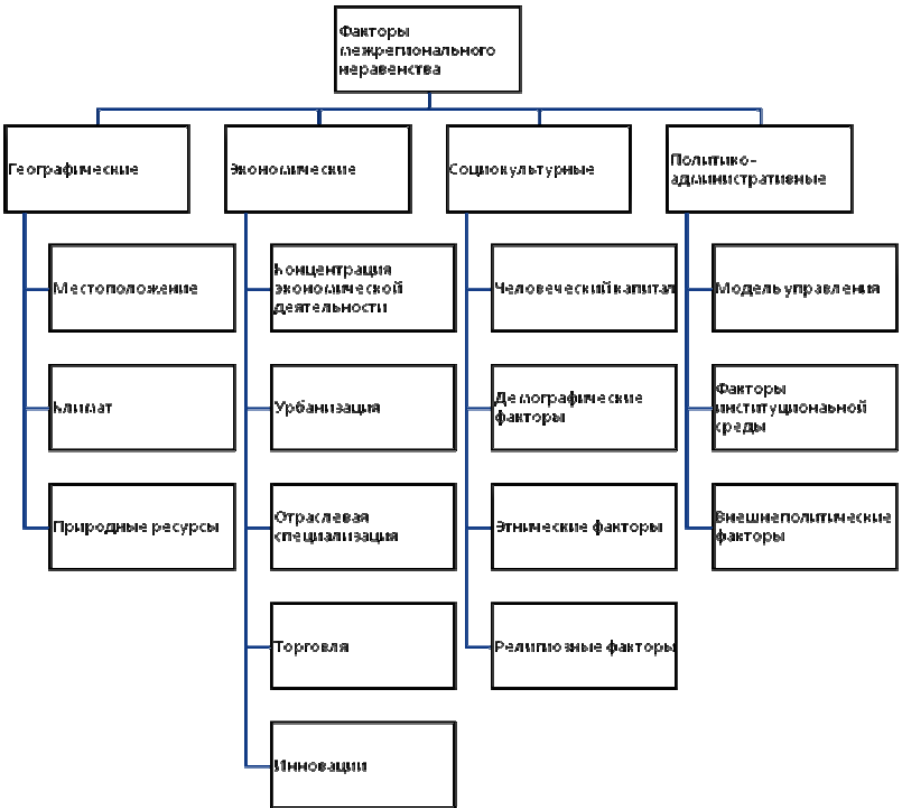

Рисунок 1.
Факторы, влияющие на развитие региона

Каждый регион можно охарактеризовать по уровню социально-экономического развития и произвести оценку степени и динамики межрегионального неравенства. Для этого используются следующие показатели: ВРП на душу населения; денежные доходы населения; уровень средней заработной платы; уровень безработицы. Используя данные показатели, можно определить рейтинг регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров и тем самым установить параметры межбюджетного выравнивания.

Неравномерность бюджетной обеспеченности различных регионов выражается в вертикальном или горизонтальном дисбалансе бюджетной системы. Вертикальный дисбаланс характеризуется несоответствием расходных обязательств доходным полномочиям того или иного уровня государственной власти, в то время как горизонтальный дисбаланс выражается в неравномерности размещения по территории страны расходных и доходных факторов и, как следствие, возникает неравномерность бюджетной обеспеченности в пространственном аспекте.

Межбюджетное выравнивание – это процесс перераспределения финансовых ресурсов, характеризующийся системой оказания финансовой помощи нуждающимся в ней территориям. Он основывается на взаимоотношениях бюджетов различных уровней. Данную проблему следует рассматривать с двух сторон: это финансовые отношения либо между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов Российской Федерации, либо между органами управления субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Межбюджетные отношения базируются на ряде принципов, в число которых входят: разграничение и закрепление расходов бюджетов по определенным уровням бюджетной системы; выравнивание уровней минимальной бюджетной обеспеченности субъектов; равенство бюджетов (региональных бюджетов с федеральным бюджетом и равенство местных бюджетов с бюджетами субъектов).

Законодательное обеспечение механизмов межбюджетного выравнивания. В Российской Федерации такие принципы, как целостность, единство, разграничение полномочий между органами власти и ответственность за возложенные на них полномочия закреплены в главном документе – Конституции Российской Федерации. Налоговый кодекс Российской Федерации и Бюджетный кодекс Российской Федерации определяют основы межбюджетных отношений и межбюджетного перераспределения финансовых ресурсов.

Межбюджетные трансферты, являясь основой межбюджетных отношений, закреплены в главе 16 Бюджетного кодекса. Здесь определяются формы, условия и порядок предоставления межбюджетных трансфертов. Важным является тот факт, что данный нормативно-правовой акт закрепляет основополагающие принципы функционирования бюджетной системы:

- принцип разграничения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации (законодательное закрепление расходов, доходов и источников финансирования дефицита бюджета за бюджетами бюджетной системы);
- принцип самостоятельности бюджетов (органы государственной власти и органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют бюджетный процесс);
- принцип равенства бюджетных прав субъектов Российской Федерации, муниципальных образований (межбюджетные трансферты предоставляются в соответствии с едиными принципами и требованиями);
- принцип сбалансированности бюджета (объем расходов должен соответствовать объему доходов);
- принцип адресности и целевого характера бюджетных средств (предоставляемые средства доводятся до конкретных получателей с указанием целей их использования).

Межбюджетные отношения – это отношения между различными уровнями власти, в состав которых также входят и межтерриториальные отношения. Поэтому важными документами, регулирующими данные отношения, являются следующие федеральные законы:

- Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»[1];
- Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2].

Бюджетный федерализм предполагает построение бюджетных отношений на основе базовых принципов, позволяющих сочетать интересы федерации с интересами регионального и местного уровней, при условии самостоятельности каждого бюджета в составе бюджетной системы. Тем самым обеспечивается устойчивое социально-экономическое развитие в территориальном разрезе. На основе нормативных документов и принципов построена система межбюджетных отношений, которая включает законодательно закрепленные положения и сбалансированные разграничения бюджетных полномочий между уровнями бюджетной системы.

В этом направлении действует и специально разработанная государственная программа[3]. Сроки ее реализации обозначены в два этапа: первый этап проходил в период с 01.01.2013 по 31.12.2015; второй этап реализуется в период с 01.01.2016 по 31.12.2020. Целью данной программы является содействие устойчивому исполнению бюджетов и повышение качества управления государственными финансами. К числу задач относятся совершенствование системы

[1] Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/

[2] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (посл. ред.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

[3] Постановление Правительства РФ от 18.05.2016 № 445 (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198310/

распределения и перераспределения финансовых ресурсов, сокращение дифференциации субъектов Российской Федерации, повышение эффективности управления и совершенствование разграничения полномочий.

Государственная политика преодоления территориального неравенства законодательно берет свое начало с момента утверждения Бюджетного кодекса (1998 год) , а значит, применяется уже более 20 лет (плюс 7 лет, если учесть, что в 1991 году произошла передача отдельных расходных полномочий органам нижестоящего уровня). Рассмотрение нормативно-правовой базы приводит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования методологии межбюджетного выравнивания.

Межбюджетное выравнивание: теория и практика. Существуют различные способы финансового выравнивания. В их числе – налоговое перераспределение и различные виды финансовой помощи, например, трансферты. Эксперты полагают, что налоговое перераспределение более надежно, так как вероятность сокращения государством доли налоговых поступлений, как правило, меньше вероятности уменьшения суммы межбюджетных трансфертов. Есть мнение, что финансовая помощь несет некоторые негативные последствия, например, снижение самостоятельности субъектов: принимая помощь, территориальные органы власти вынуждены проводить политику с учетом рекомендаций вышестоящего уровня, что не всегда соответствует местным интересам.

К основным инструментам финансовой помощи традиционно относятся: субсидия, субвенция и дотация (табл. 1).

Таблица 1

Основные инструменты финансовой помощи

Целевая финансовая помощь			Нецелевая финансовая помощь
Субсидия		Субвенция	Дотация
Нелимитированная	Лимитированная	Недолевая	Нецелевая
Описание			
Средства, передаваемые нижестоящим бюджетам на условиях софинансирования, без ограничения на общий объем гранта	Фиксированный объем целевых средств, передаваемый нижестоящим бюджетам на условиях софинансирования	Фиксированный объем целевых средств, передаваемый нижестоящим бюджетам, без требования софинансирования расходов	Фиксированный объем средств, расходуемый по усмотрению получателя
Цель			
Стимулирование расходов нижестоящих бюджетов на определенные цели, регулирование внешних эффектов		Финансирование определенных функций	Коррекция вертикального или горизонтального дисбаланса бюджетной системы

Целевое предназначение межбюджетных трансфертов состоит в обеспечении территориальных органов власти финансовыми средствами. Вследствие этого достигается сглаживание вертикального и горизонтального неравенства, населению гарантируется предоставление общественных благ и услуг на уровне государственных социальных стандартов. Практика межбюджетного выравнивания отражает процесс перераспределения финансовых ресурсов между уровнями управления. В результате повышается эффективность использования бюджетных средств и степень удовлетворения потребностей населения. Именно межбюджетное выравнивание позволяет сгладить социально-экономические различия между регионами и муниципальными образованиями. Данный механизм способствует достижению сбалансированного функционирования бюджетной системы страны.

Сравнительный анализ различных механизмов межбюджетного выравнивания. Существуют механизмы вертикального, горизонтального и смешанного выравнивания бюджетной обеспеченности территорий.

Механизм вертикального выравнивания предполагает распределение финансовых ресурсов центральным правительством, приоритетными становятся наименее обеспеченные территории. Такой подход имеет определенную цель, а именно: довести доходы территорий до определенной величины, которая позволит решить наиболее важные проблемы. Вертикальное выравнивание использует большинство стран. Это связано с исторически сложившимися устоями, когда большинство финансовых ресурсов сконцентрировано в центре, и именно поэтому их наибольший объем направляется из федерального бюджета в территориальные. Такие страны, как Австралия и Канада – классический пример вертикального межбюджетного выравнивания. Плюсом данного механизма является снижение вероятности возникновения противоречий между территориями. Однако появляются возможности для конфликта в межбюджетных отношениях вследствие неравномерного распределения финансовых ресурсов между территориями. Следует отметить, что вертикальное выравнивание имеет такую отличительную черту, как исключение из системы финансового выравнивания территорий, способных обеспечить себя самостоятельно. Это исключает предоставление финансовой помощи, но дает возможность избежать контроля со стороны центра.

Суть механизма горизонтального выравнивания заключается именно в перераспределении финансовых ресурсов между территориями, от более обеспеченных к менее обеспеченным, без вмешательства центра. Факт отсутствия финансовых расходов у центра на межбюджетное выравнивание можно расценивать как преимущество данного механизма, так и как его недостаток. В данном случае самостоятельность территорий становится больше преимуществом, а отсутствие заинтересованности центра – недостатком. Центральные органы власти при таком механизме не имеют рычагов воздействия на территориальные органы власти в процессе межбюджетного выравнивания. Следствием является потеря контроля над общими бюджетными расходами. К недостаткам горизонтального выравнивания можно отнести возможность появления противоречий между территориями, которое решается чаще всего следующим образом: финансовые ресурсы сначала поступают в центральное правительство, далее распределяются по территориям, теряя смысл механизма горизонтального выравнивания. Именно поэтому такой механизм практически нигде не применяет-

ся, а в качестве опыта его использования приводят примеры финансовых практик таких стран, как Дания, Швеция и Германия.

Совокупность минусов и плюсов выше представленных механизмов породила третий механизм – смешанный (табл. 2). Суть его заключается в четком разделении полномочий финансирования: часть финансовых ресурсов поступает за счет государственных средств, а часть – за счет средств территорий. При таком подходе наблюдается сбалансированное взаимодействие центра с муниципалитетами, отсутствуют противоречия между различными уровнями бюджетной системы. Примером смешанного механизма межбюджетного выравнивания является Швейцария. С 2000-х годов фонд выравнивания финансируется за счет федерального бюджета и за счет бюджетов кантонов с высоким уровнем обеспеченности, в процентном соотношении 80 и 20%, соответственно. Фонд выравнивания налогового потенциала – 60 и 40%, а вот выравнивание стоимости предоставления бюджетных услуг осуществляется полностью за счет средств федерального бюджета.

Таблица 2

Сравнительный анализ механизмов межбюджетного выравнивания

Механизм межбюджетного выравнивания	Преимущества	Недостатки
Механизм вертикального выравнивания	• Установление эффективной системы закрепления доходных источников за бюджетами разных уровней • Разработка проекта бюджета с учетом реализации межбюджетных отношений • снижение вероятности появления противоречий между территориями	• Отсутствие полного разграничения доходных полномочий и расходных обязательств на основе закона • неравномерное распределение финансовых ресурсов между территориями • исключение из системы финансового выравнивания территорий, способных обеспечить себя самостоятельно
Механизм горизонтального выравнивания	• Пропорциональное распределение финансовых ресурсов между субъектами федерации для снижения их неравенства • Однозначное разграничение доходных полномочий и расходных обязательств между всеми уровнями бюджетной системы • Участие субъектов в перераспределении финансовых ресурсов	• Центральные органы власти не имеют рычагов воздействия на межбюджетное выравнивание • Центральная власть менее заинтересована в снижении неравенства между субъектами • Неравнозначное число регионов-доноров и регионов-реципиентов
Механизм смешанного выравнивания	• Взаимодействие центра с территориями для снижения неравенства между территориями • Отсутствие противоречий между субъектами • Неравнозначное число регионов-доноров и регионов-реципиентов компенсируется финансовой помощью, предоставленной центром	• Отсутствие разграничения доходных полномочий и расходных обязательств между уровнями бюджетной системы • Дублирование функций участников межбюджетного выравнивания • Отсутствие четкого распределения финансовых ресурсов по субъектам на очередной финансовый год

Для России характерен смешанный механизм межбюджетного выравнивания. Это обусловлено тем, что как в федеральном бюджете, так и в бюджетах субъектов, в строке расходов присутствуют расходы на межбюджетное выравнивание. Помимо этого, наличие регионов-доноров и регионов-реципиентов доказывает использование именно данного механизма. Как показывает практика, механизм смешанного межбюджетного выравнивания является наиболее подходящим для федеративного государства.

Оценка смешанного механизма межбюджетного выравнивания. Смешанный механизм включает в себя перераспределение финансовых ресурсов, происходит это как со стороны государства, так и со стороны территорий. Если перераспределение со стороны центра весьма понятно, то со стороны территорий все происходит сложнее. Центр при перераспределении финансовых ресурсов делает упор на приоритетные территории, за счет государственных средств, или же, получает средства из территорий, далее распределяя их самостоятельно. Процесс перераспределения между территориями содержит в себе такую основу, как наличие регионов-доноров и регионов-реципиентов. В целом, объемы межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов Российской Федерации из федерального бюджета (в текущих ценах) в течение ряда лет имеют устойчивую динамику (рис. 2). К неполучающим дотации регионам относятся 13 субъектов: Калужская, Ленинградская, Московская, Самарская, Сахалинская, Свердловская и Тюменская области, Республика Татарстан, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

В настоящее время регионов, готовых обеспечить себя самостоятельно гораздо меньше, чем регионов, которые нуждаются в финансовой помощи. Это ежегодно доказывают проекты федерального бюджета, разрабатываемые на предстоящий финансовый год и последующий плановый период (два года). Министерством финансов Российской Федерации опубликован перечень регионов, получающих дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности в 2020 году[1]. Их количество (72 субъекта) сохраняется на уровне 2019 года. Значительную часть федеральных дотаций

[1] Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 15.11. 2019 №1032 «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации». – http://www.garant.ru/news/1304783/#ixzz6PXuSoeN7

получают такие регионы, как Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Республика Чечня и Республика Крым. Следует отметить, что полностью оценить действенность смешанного механизма межбюджетного выравнивая достаточно сложно, поскольку в каждом случае наблюдается переплетение механизмов вертикального и горизонтального выравнивания.

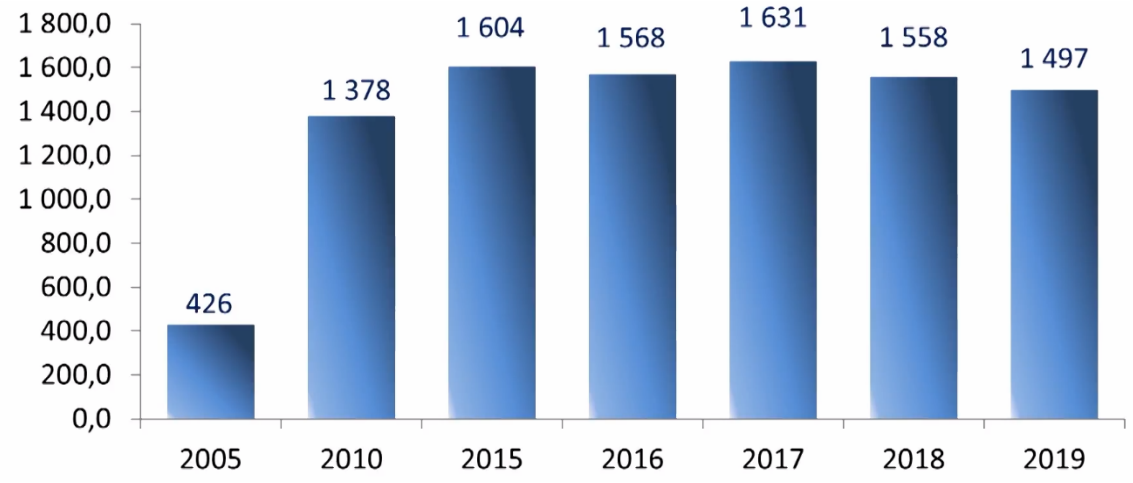

Рисунок 2.
Межбюджетные трансферты бюджетам субъектов РФ из федерального бюджета, млрд. рублей, в текущих ценах[1]

Заключение. Сравнительный анализ и оценка смешанного механизма межбюджетного выравнивания приводят к определенным выводам. Данный подход в большой степени приемлем для межбюджетных отношений Российской Федерации по ряду признаков. К ним относятся: наличие регионов-доноров и регионов-реципиентов; наличие в расходах бюджетов субъектов Федерации позиций на межбюджетные трансферты другим субъектам. Однако при использовании данного механизма следует строго соблюдать сложившийся порядок финансовых отношений между уровнями бюджетной системы. Необходимо достижение более слаженного функционирования механизма межбюджетного выравнивания. В этом случае динамика изменения уровня социально-экономического развития регионов России будет иметь более выраженную и устойчивую тенденцию к росту.

[1] Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Немгирова С.Н.
к.э.н., зав. отделом социально-политических исследований, Институт комплексных исследований аридных территорий, г. Элиста

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *стратегическое планирование, индивидуальные программы социально-экономического развития, регион, Республика Калмыкия.*
Keywords: *strategic planning, socio-individual programs of socio-economic development, region, Republic of Kalmykia.*

Стратегическое целеполагание было заложено Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», где раскрывается отраслевой и территориальный принципы планирования, стратегии и целевые программы становятся механизмом реализации системных целей. В этом документе особое внимание уделено этапу целеполагания, реализующему системный и всесторонний подход к формированию стратегических целей развития на долго- и дальнесрочные перспективы на уровне государстве, отраслей, регионов и субъектов.

Принципы, цели, приоритетные задачи, механизмы и ожидаемые результаты реализации государственной политики регионального развития Российской Федерации определены Основами государственной политики регионального развития на период до 2025 года, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13. Устойчивое сбалансированное социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации является одним из необходимых условий успешного поступательного развития страны, что вызывает необходимость сокращения чрезмерных различий в уровне социально-экономического развития регионов, качестве жизни граждан, проживающих в различных регионах.

Стратегические задачи развития субъектов Российской Федерации отражены и в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года[1] (далее – Стратегия), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Стратегия представляет основные тенденции, проблемы и вызовы, приоритеты и направления пространственного развития Российской Федерации, меры выполнения задач Стратегии, механизмы ее реализации, перечень перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации, перечень перспективных центров экономического роста, макрорегионов и геостратегических территорий. В качестве цели пространственного развития Российской Федерации определено обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности страны. В свете реализации стратегических задач развития регионов предусматривается необходимость сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, а также повышение конкурентоспособности экономик регионов путем обеспечения условий для развития производств в отраслях перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации, в том числе в перспективных центрах экономического роста регионов.

На департаменты регионального развития и планирования территориального развития Министерства экономического развития Российской Федерации возложены функции по мониторингу реализации Стратегии и координации деятельности по согласованию стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. На деле получается несколько иная ситуация. Так, в Стратегии обозначена перспективная экономическая специализация Республики Калмыкия, которая включает в себя производство одежды, а также химических веществ и химических продуктов. В то же время ни в Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 г., ни в государственных программах необходимость развития этих отраслей даже не упоминается.

Начиная с 2014 года, на территории Республики Калмыкия реализуются государственные программы, охватывающие все сферы бюджетной деятельности, содержащие комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам и обеспечивающих наиболее эффективное достижение целей и решение задач социально-экономического развития региона, перечень которых утвержден постановлением Правительства Республики Калмыкия.

[1] Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/

Основными планируемыми результатами развития экономики Республики Калмыкия после реализации данных программ и модернизации социальной сферы должны стать: укрепление социальной, экономической и политической безопасности в регионе, выход на сбалансированное гармоничное социально-экономическое развитие региона; существенное улучшение инвестиционного климата, в том числе для иностранных инвесторов, создание новых точек экономического роста в приоритетных отраслях экономики.

Перечень государственных программ Республики Калмыкия утвержден Распоряжением Правительства Республики Калмыкия от 21 июня 2018 г. № 185-р, согласно которому было разработано 18 государственных программ по трем направлениям: «Новое качество жизни» (11 государственных программ), «Инновационное развитие и модернизация экономики» (4 государственные программы), «Эффективное государство» (3 государственные программы). Также Распоряжением Правительства Республики Калмыкия от 10 декабря 2019 г. № 399 в Перечень государственных программ включена государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», срок реализации которой с 1 января 2020 года.

Общий объем финансового обеспечения государственных программ в 2019 году за счет всех источников планировался более 18,7 млрд. рублей, при этом наибольший объем расходов приходится на средства республиканского бюджета и федерального бюджета – соответственно 29,8 и 55,6% от общих расходов. Фактические расходы на реализацию государственных программ по итогам 2019 года составили 18,5 млрд. рублей или 98,9% к изначально запланированным[1]. В рамках проведенной Министерством экономики и торговли Республики Калмыкия оценки эффективности государственных программ установлено, что из 18 государственных программ Республики Калмыкия шесть государственных программ имеют высокую оценку эффективности, четыре – среднюю и восемь – неудовлетворительную[2].

Результат анализа действующих республиканских государственных программ показал, что оценка эффективности не стала правовым инструментом, отражающим результативность государственных программ, основным инструментом стратегического, бюджетного планирования, мультипликатором экономического развития, а применяемая методология, методики оценки эффективности государственных программ не позволяют объективно оценить эффективность реализации государственных программ.

По каждой государственной программе необходимо четко определить приоритеты, цели и задачи, реально оценить содержание государственной программы, актуализировать с учетом указанных предложений, и предусмотреть объемы финансирования в соответствии с реальными возможностями республиканского бюджета. Именно поэтому выделение базовых элементов потенциала развития территории, связанных с деятельностью региональных органов власти в рамках реализации государственных программ, требует модернизации традиционных подходов к институционализации хозяйственно-бюджетных отношений территории.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 Республика Калмыкия принимает участие в реализации 10 национальных проектов, в рамках которых утверждены и реализуются 45 региональных проектов, направленных на достижение целей, показателей и результатов соответствующих федеральных проектов (программ).

– «Здравоохранение» (6 региональных проектов);
– «Культура» (3);
– «Образование» (8);
– «Демография» (5);
– «Экология» (4);
– «Жилье и городская среда» (3);
– «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (3);
– «Цифровая экономика Российской Федерации» (5);
– «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (5);
– «Международная кооперация и экспорт» (3).

До 2021 года именно национальные проекты станут главными направлениями социального развития государства. Центральной задачей будет решение социальных вопросов: обеспечение качественных услуг здравоохранения и образования, а также строительство доступного жилья. Также приоритетным направлением в социальной политике является разработка специальных комплексных национальных проектов, реализация которых приведет к улучшению уровня и качества жизни населения, создаст позитивные условия для привлечения государственно-частного партнерства. Это может быть началом развития успешной социальной модели для нашего государства в целом, так как реализация национальных проектов зависит от того, как субъекты экономической политики готовы принимать на себя ответственность перед обществом. Реализация национальных проектов требует существенной модернизации многих технологических блоков бюджетной системы.

Особенности каждой территории, её наиболее перспективная экономическая специализация были тщательно проработаны, в том числе с учётом реализуемых в регионах национальных проектов, государственных и федеральных целевых программ. В итоге Председателем Правительства Российской Федерации были определены десять регионов с низким уровнем социально-экономического развития, в отношении которых разработаны индивидуальные программы

[1] Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Республики Калмыкия по итогам 2019 года. – http://kalmregion.ru/upload/iblock/32e/svodnyy-doklad-po-itogam-2019-goda.pdf
[2] Там же.

развития. Эти регионы отобраны на основе сводного рейтинга из четырех показателей, рассчитываемых за трехлетний период:

– среднедушевые денежные доходы населения, скорректированные на коэффициент соотношения стоимости фиксированного набора потребительских товаров, работ и услуг;

– доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения субъекта Российской Федерации;

– уровень безработицы;

– инвестиции в основной капитал (без бюджетных инвестиций) на душу населения.

За каждым из регионов закреплён куратор: это или вице-премьер, или министр – то есть член Правительства Российской Федерации. Для региона такое кураторство – это единая точка выхода на федеральный уровень, с его помощью налаживается прямой контакт региональной команды со всеми федеральными ведомствами, а также можно скоординировать непосредственно работу на территории.

В каждую программу были включены «сквозные» решения и целевые показатели. В соответствии с решением Правительства Минэкономразвития будет являться единым распорядителем бюджетных средств по всем мероприятиям индивидуальных программ для курируемых регионов. Средства будут выделены для развития малого и среднего бизнеса, туризма, создания особых экономических зон для привлечения инвесторов и других мероприятий. Работа над реализацией планов будет вестись регионами совместно с кураторами – федеральными ведомствами.

Финансирование получат следующие регионы: Республики Алтай, Карелия, Тыва, Чувашия, Марий Эл, Калмыкия, Адыгея, Псковская область, Курганская область и Алтайский край. Общий объем выделяемых средств составит более 26 млрд. рублей на три года.

В соответствии с Индивидуальной программой социально-экономического развития Республики Калмыкия стратегической целью развития региона является создание условий для устойчивого роста его экономики, направленного на повышение благосостояния и уровня жизни населения,[1].

В качестве ключевых направлений социально-экономического развития Республики Калмыкия обозначены следующие:

1. Обеспечение опережающих темпов экономического развития. В целях привлечения прямых инвестиций в приоритетные виды экономической деятельности планируется создание на территории республики преференциальных режимов. Реализацию инвестиционных проектов намечено достигнуть за счет скоординированных действий бизнеса и власти, включая совместное решение вопросов инфраструктурного обеспечения, повышения доступности заемных средств, формирования благоприятных условий для инвестирования. Планируется реализация 11 инвестиционных проектов (общий объем инвестиций – 11 млрд. рублей, будет создано 1,2 тыс. новых рабочих мест, налоговые поступления в бюджет Республики Калмыкия составят 0,5 млрд. рублей).

2. Поддержка промышленности и создание привлекательных условий для развития малого и среднего предпринимательства. Планируется оказание поддержки юридическим лицам (предполагается участие 29 предприятий) путем предоставления субсидий в таких формах, как первоначальный взнос по договорам лизинга, возмещение части затрат в приоритетных отраслях экономики на уплату первого взноса при заключении договора лизинга, предоставление займов на реализацию проектов, направленных на внедрение передовых технологий, создание новых продуктов, организацию импортозамещающих производств.

3. Снятие инфраструктурных ограничений. Предполагаются снижение тарифов на электрическую энергию в Республике Калмыкия в результате компенсации межтарифной разницы за счет средств федерального бюджета при установлении сниженных тарифов на услуги по передаче электрической энергии в объеме величины перекрестного субсидирования и реализация мероприятий по повышению качества транспортной доступности за счет проработки вопроса о возможности строительства железной дороги Улан Хол – Адык – Яизкуль – Элиста – Зимовники и подготовки финансово-экономического обоснования целесообразности создания объектов инфраструктуры морского порта в г. Лагань.

На территории Республики Калмыкия также планируется реализация мероприятий в сферах агропромышленного комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, водоснабжения, здравоохранения, образования и социальной сферы. Разработка проектно-сметной документации по запланированным мероприятиям будет осуществляться за счет средств федерального бюджета.

4. Повышение качества среды для жизни. Планируется реализация мероприятий по обеспечению населения Республики Калмыкия качественным и. доступным жильем благодаря обеспечению инженерной и транспортной инфраструктурой земельных участков, предназначенных для жилищного строительства. Кроме того, планируется развитие социальной сферы благодаря повышению доступности и качества услуг указанной сферы, в том числе за счет строительства новых объектов в сфере здравоохранения и социального обслуживания (республиканский госпиталь ветеранов войн с центром гериатрии и реабилитации, республиканский комплексный центр социального обслуживания населения).

Все запланированные мероприятия направлены на ослабление факторов, сдерживающих ускоренное развитие Республики Калмыкия, улучшение ее инвестиционного климата, развитие промышленности, повышение качества жизни населения.

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2020 № 992-р «Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Калмыкия на 2020-2024 годы». – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=511600&dst=100022#043406086306753555

Таким образом, единая логика реализации стратегических задач, заложенных в ключевых программных документах, обеспечит поступательное развитие каждого из субъектов Российской Федерации. Общество и государство заинтересованы в том, чтобы миллионы рублей государственного бюджета были наиболее эффективно использованы для развития региональной экономики.

Нечаев Д.Н.
д.полит.н., профессор, Воронежский филиал Российского экономического университета
Алименко А.И.
аспирант Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС

НАЛИЧИЕ ОТСУТСТВИЯ: ПОЧЕМУ В РОССИИ ТАК И НЕ ПРИНЯТА ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ВЫРАВНИВАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ?

Ключевые слова: *стратегия, межрегиональные различия, модели выравнивания, неравенство экономического и социального развития, государственная политика, субъекты РФ.*

Keywords: *strategy, interregional differences, equalization models, inequality of economic and social development, state policy, subjects of the Russian Federation.*

В политической регионалистике России в течение более, чем двадцати лет одной из острых и актуальных проблем в теоретических и прикладных исследованиях остается тема межрегиональных различий. Различия между региональными территориями (политический институт с границами, бюрократией, субъект-объектными отношениями[1]) проявляются в экономическом, социальном и политическом развитии, в высокой конкуренции между субъектами РФ за ресурсы федерального центра, за институты развития (ОЭЗ, ТОСЭРы), механизмы и инструменты поддержки, за привлечение инвесторов и др.

В современном научном дискурсе, акцентирующем внимание, в том числе, и на обостряющиеся межрегиональные различия в РФ, операционализируются следующие дефиниции. Это «неоднородность пространства», «неравномерность развития», «поляризация регионов», «четыре России» (концепция), «социокультурное разнообразие», шесть разновидностей субъектов РФ (реально существующие статусные различия[2]). Таким образом, перед органами власти и управления РФ предстает дихотомия, которую ряд отечественных ученых охарактеризовал, как наличие двух альтернатив в развитии страны.

При этом выбор осуществляется между Харибдой неравенства и развития, с одной стороны, и Сциллой выравнивания межрегиональных различий[3], с другой стороны. В данном разрезе актуальной становится не только сама проблематика социально-экономического неравенства между субъектами РФ, что очень важно. Но и неравенства политического, поскольку такие различия нарушают права граждан, проживающих в регионах стратегического отставания в сравнении с населением, живущим в успешных в развитии субъектах РФ. Более того, актуализируется и разработка новой парадигмы региональной политики федерального центра, в рамках которой выравниваются межрегиональные различия.

Итак, приведем конкретные факты межрегиональных различий 17 областей Центрального Федерального округа (кроме г. Москвы). К примеру, по показателям валового регионального продукта (ВРП): в Белгородской области он равнялся в 2005 году – 144,9 млрд. рублей, в 2016 году – 730,5 млрд. рублей, в Курской области ВРП в 2005 году составлял 86,5 млрд. рублей, в 2016 году – 364,5 млрд. рублей, в Костромской области в 2005 году он имел показатель в объеме 44,6 млрд. рублей, в 2016 году – 160,7 млрд. рублей[4]. Пропорции ВРП не изменились и в 2017 и 2018 годах.

Кроме того, по показателю ВРП на душу населения в масштабах России Белгородская область занимает 19 место, Курская область – 46 место, Костромская область – 61 место[5]. Еще одним значимым показателем социально-экономического развития субъектов РФ является привлечение инвестиций в территории. Именно инвестиции (частные и государственные) обеспечивают экономический рост, пространственное развитие и, как следствие, улучшение социальных стандартов жизни населения регионов РФ. Так, например, согласно данным Росстата по итогам 2019 года региональные власти Белгородской области привлекли 167,4 млрд. рублей (116,6% к уровню 2018 года), Курской области – 144,9 млрд. рублей (112,5%, Костромской области – 26,2 млрд. рублей (110%)[6]. А ведь эти регионы сопоставимы по многим экономическим и этногеографическим критериям.

---

[1] Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений: моногр. 2-е изд. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 13.

[2] Россия в XXI веке / Под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. – М.: Аспект Пресс, 2020. – С. 102.

[3] Григорьев Л. Сцилла и Харибда региональной политики / Л. Григорьев, Н. Зубаревич, Ю. Урожаева //Вопросы экономики. – М., 2008. – № 2. – С. 83.

[4] Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – С. 23, 71, 79.

[5] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. – М.: Росстат, 2018. – С. 32.

[6] Как жизнь? Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2019 году // Российская газета. – М., 2020. – 13 марта. – С. 18–19.

Приведенные показатели развития региональных территорий со всей очевидностью демонстрируют отсутствие продуманной и комплексной государственной (федеральной) стратегии выравнивания межрегиональных различий. А ведь госстратегия представляет собой системное использование государственными институциями находящихся в их распоряжении ресурсов (экономических, социальных, политических) и властных полномочий для достижения «общественно значимых целей»[1].

Как результат, мы имеем «наличие отсутствия» стратегического планирования федерального центра в сфере региональной политики и выравнивания различий в развитии субъектов РФ. Для уточнения, авторы полагают, что стратегия пространственного развития, которая принята и реализуется в России, это нечто другое, она практически не учитывает необходимость решения острой проблемы межрегиональных различий. В этой связи стоит обратить внимание на то, что в мировой практике делается ставка на одну из двух имеющихся моделей выравнивания межрегиональных различий. Эти модели обсуждаются в научном дискурсе и осуществляемой практических политиках как «европейская» и «китайская».

«Европейская» модель предполагает разработку сценариев позитивного развития для каждого региона (группы регионов) с бюджетным выравниванием (закачка капитала), с привлечением инвесторов и инвестиций. По сути дела, речь идет о перераспределительной политике национальных государств или группы государств (к примеру, ЕС). В этом случае речь идет о том, что «сильные» (успешные в развитии) регионы вынуждены фактически делиться значительными ресурсами (частными, государственными) со «слабыми» региональными территориями. «Китайская» модель предполагает выделение ресурсов на поддержку прорывных проектов в динамично развивающихся территориях, оставляя подтягивание уровня социально-экономического развития отсталых территорий до лучших времен.

В 2006–2008 гг. правительство РФ, столкнувшись с проблематикой растущего неравенства в развитии субъектов РФ, выражавшегося не только в дифференциации и асимметрии по экономическим, технологическим, социальным показателям, но и в разрезе институционального развития, стало изучать международный опыт и практики на этот счет. Однако, примеряя рецепты других стран и групп государства на социально-экономические и политические реалии, исполнительная власть так и не остановилась ни на одной из действующих моделей, предпочитая сочетать в себе «и европейскую, и китайскую модель»[2].

Правда, такой выбор, по сути, представлял собой гибридную модель выравнивания межрегиональных различий, не динамичную и с отсутствием у правительства РФ стратегического планирования в данном аспекте. И это несмотря на то, что положение усугублялось и временным аспектом пространственной поляризации между регионами-лидерами (точки роста) и «депрессивными» территориями страны[3]. Причем, регионы-лидеры в социально-экономическом развитии не обязательно являлись донорами федерального бюджета (из 85 субъектов РФ на начало 2020 года только 11 являлись территориями-донорами).

В рамках данной научной статьи авторы выступают со следующим предположением. Согласно подсчетам авторов, в ЦФО временной разрыв между Белгородской областью (регион-лидер) и Костромской областью (регион стратегического отставания) уже в 2018 году (старт нацпроектов) составлял 10–11 лет. То есть, если бы в своем развитии Белгородский регион стоял бы на месте, а Костромской регион динамично развивался, то на то, чтобы догнать в институциональном развитии субъект РФ, возглавляемом Е. Савченко, органам управления Костромской области потребовалось бы десять лет.

Таким образом, «наличие отсутствия» государственной стратегии выравнивания межрегиональных различий в РФ, не предусматривающей ни «европейскую», ни «китайскую» системные модели, на взгляд авторов, объясняется тремя основными причинами.

Во-первых, инерцией негативного восприятия в 2000-е года органами власти и управления целого спектра дефиниций: государственной стратегии, государственного планирования, государственного дирижизма в управлении экономическими и социальными процессами. Советский опыт планирования был чужд большинству управленцев экономического блока исполнительной власти РФ, придерживающихся либеральных взглядов. Кстати, появление федерального закона о стратегическом планировании в РФ относится лишь к 2014 году.

Во-вторых, возможные попытки внедрить «китайскую» модель вызвали бы недовольство ряда отсталых территорий с этническим компонентом (Ингушетия, Калмыкия, Тыва, Кабардино-Балкария, Дагестан и др.). Внедрение же «европейской» модели выравнивания межрегиональных различий привело бы к таргетированию стимулов успешных территорий к дальнейшему развитию (Белгородская, Калужская, Липецкая области, Краснодарский край и др.).

В-третьих, реализуемые же в практической политике меры поддержки регионов из «гибридной» модели по содержанию представляют собой некое «меньшее зло». Это и не стратегия, но и не хаотичные государственные решения. Примером применения практик «меньшего зла» по выравниванию уровней развития субъектов РФ является парадигма фрактальности (одна пространство вложено в другое) в виде включения «слабой» территории в более «сильную» после проведения референдумов. Кстати, сейчас готовится объединение Архангельской области и Ненецкого автономного округа (НАО). Другим форматом выравнивания различий в РФ является ставка на самоорганизацию властей и сообществ территории (способность выхода субъекта РФ без массированной помощи извне), предусматривающую интеграцию институтов развития на конкурсной основе (ОЭЗ, ТОРы, ТОСЭРы, СПИКи[4]).

---

[1] Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / Пер. с англ. Ю. Каптуревского под науч. ред. Я. Охонько. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – С. 37.

[2] Между Европой и Китаем. Россия выбирает свою модель развития регионов // Российская газета. – М., 2008. – 4 июня. – С. 2.

[3] Зиновьева А.А. Проблемы сглаживания пространственной поляризации в экономике регионов //Проблемы современной экономики. 2011. – № 4. – С. 257.

[4] ОЭЗ – особые экономические зоны, ТОР – территория опережающего развития, ТОСЭР – территория опережающего социально- экономического развития, СПИК – специальный инвестиционный контракт.

Никоноров С.М.
д.э.н., профессор Экономического факультета МГУ

ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: *устойчивое развитие, Полярный индекс, цели устойчивого развития, рейтинг устойчивого развития регионов Арктической зоны России.*

Keywords: *sustainable development, Polar index, the goals of sustainable development, rating of sustainable development of Russian Arctic zone territories.*

На современном этапе освоение Арктики является одним из ключевых приоритетов развития России. Чрезвычайно богатый ресурсами, имеющий большое транзитное и военное значение, арктический регион рассматривается как важнейший драйвер укрепления экономических и геополитических позиций страны. Несмотря на это российская Арктика во многом остается «вещью в себе» – на политическом уровне пока не достигнуто консенсуса ни в отношении административно-территориального статуса, ни вектора дальнейшего развития этой обширной территории. В настоящий момент Арктическая зона Российской Федерации является конгломератом отдельных административных образований с разным статусом, в числе которых как целые регионы, так и отдельные муниципальные районы, и города. У арктической территории отсутствует единый аппарат управления и, как следствие, инструментарий для централизованного планирования и контроля над исполнением принятых решений.

Существует несколько моделей объединения Арктической зоны России в единый административный контур. Одной из наиболее простых мер признается усиление и переформатирование действующих межведомственных структур – Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, парламентских и экспертных советов и других координирующих органов.

Более серьезной административной мерой может стать создание специального министерства по делам Арктики или другого аналогичного ведомства, которое могло бы сосредоточить в своих руках широкий круг полномочий по координации развития Севера. Это позволило бы четко определить «ответственного» за арктическую проблематику, но не решило бы проблемы разобщенности северных территорий. Объединяющую роль, напротив, может сыграть создание специального Арктического федерального округа. Проблемой является определение его статуса – существующие федеральные округа включают регионы целиком, а не их отдельные территории. Кроме того, полномочия полпредств как окружных администраций достаточно узки и в основном ограничиваются контрольными функциями.

Наконец, рассматривается возможность создания на территории Арктической зоны России принципиально нового межрегионального образования – специального Арктического макрорегиона с централизованным управлением, собственной региональной нормативной базой и другими атрибутами единой внутригосударственной территориальной единицы. Какая бы из перечисленных выше моделей не была выбрана, ее реализация невозможна без концептуального осмысления путей развития российской Арктики. Помимо административной «обертки» необходим однозначный выбор направления развития Арктической зоны – должны быть зафиксированы принципы дальнейшего освоения российского Севера [9].

По мнению авторов проекта «Полярный индекс», в качестве такой базы могут быть использованы принципы устойчивого развития, подразумевающие соблюдение баланса его экономической, социальной и экологической составляющих. Для Арктики ввиду ее огромной территории, хрупкой экологии и очень сложных условий выживания данный подход актуален в большей степени, чем для любой другой территории России. Именно на всестороннее внедрение принципов устойчивого развития в Арктической зоне РФ направлен проект «Полярный индекс». В отличие от подавляющего большинства существующих рейтингов территорий и компаний, проект «Полярный индекс» методологически основан на «концепции триединого итога»: устойчивое развитие характеризуется сбалансированной взаимосвязью его экономической, экологической и социальной составляющих.

Визуально эту модель можно представить в виде равностороннего треугольника – фигуры, в которой все вершины геометрически взаимозависимы. Манипулируя с одной вершиной треугольника, мы неизбежно оказываем влияние на две оставшиеся. Изменение одного фактора меняет всю систему целиком.

По треугольнику легко проследить, что составляющие устойчивого развития зависят друг от друга: долгосрочное развитие экономики невозможно без бережного отношения к природным ресурсам; необходимое для этого экологичное хозяйствование может себе позволить только мощная экономика с высоким уровнем технологий; наконец, развитие как экономики, так и экологии требует постоянного роста уровня культуры людей, повышения их гуманитарного потенциала.

Опираясь на указанную концепцию, в рамках проекта «Полярный индекс» предлагается взглянуть на устойчивость развития Арктики в системе, представив ее как трехуровневую модель, по принципу матрешки (рис. 1) [8].

Рисунок 1.
Концептуальный подход к составлению «Полярного Индекса»

1. Первое, внутреннее измерение – это оценка устойчивости работающих в Арктике компаний по трем классическим группам критериев: экономическим, экологическим и социальным. На схеме компании визуализированы в форме маленького треугольника, расположенного внутри большого. Каждая компания, обладая той или иной степенью устойчивости, делает вклад в общую устойчивость/неустойчивость региона. Каждая компания является важным первичным звеном устойчивости.

2. Второе, более широкое измерение – оценка устойчивости развития регионов по трем группам критериев: эколого-экономическим, социально-экономическим и социально-экологическим. На схеме это – рёбра большого, внешнего треугольника. Используемые для оценки региона критерии – двойные, так как они являются результирующими отношений между собой трех ключевых субъектов – власти, бизнеса и общества. Будучи двойными, они отражают взаимозависимость всех субъектов: эколого-экономические параметры – как результирующие взаимодействия власти и бизнеса; социально-экономические параметры – как результирующие взаимодействия власти и общества; социально-экологические параметры – как результирующие взаимодействия бизнеса и общества.

3. Наконец, третье измерение дает актуализацию модели с точки зрения реальной жизни. Рейтинг позволяет оценить социальную устойчивость как гармоничность отношений общества, власти и бизнеса. На схеме это – вершины большого, внешнего треугольника.

Приведенная выше модель отражает комплексный подход к оценке усилий по устойчивому развитию Арктики. Таким образом, индексы, разрабатываемые в рамках проекта «Полярный индекс», могут восполнить существующий пробел, дав интегральную оценку текущего состояния и потенциала устойчивого развития как арктических регионов, так и компаний, ведущих свою деятельность в Арктике. Для России освоение Арктики, добыча запасов минерального сырья, разработка транспортного потенциала может являться мегапроектом – драйвером для развития экономического потенциала[1]. Проблемами развития и освоения Арктики занимается немало исследователей в нашей стране. Их труды также помогли нам при составлении нашего Полярного Рейтинга [1, 2, 3, 4, 5].

Пилотный рейтинг устойчивого развития арктических компаний «Полярный индекс. Версия 1.0» был представлен 5 июня 2018 года. Впоследствии рейтинг получит название «Полярный индекс. Компании». «Полярный индекс. Версия 1.0» стал первым специализированным рейтингом компаний, география деятельности которых затрагивает Арктическую зону России – аналогов ему в нашей стране пока не существует. В рейтинге рассматривались 17 крупных компаний, представленных в Арктике. Среди них – 6 нефтегазовых, 3 металлургических, 3 нефтехимические, 2 энергетических концерна, по одной алмазодобывающей и транспортной компании, а также государственная корпорация по атомной энергии.

На первом этапе расчета рейтинга по специальной методике высчитывался индекс устойчивого развития компаний. В нем учитывается целый ряд параметров, разделенных на три группы: экономические – рентабельность активов, динамика выручки, капитальные затраты и др.; социальные – условия труда работников организации, уровень их

[1] Ивантер В.В., Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Арктический мегапроект в системе государственных интересов и государственного управления // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Теория. Практика. Методология. 2014. – № 6 (38); Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 20.02.2013). URL: http://spp.nrd.ru/programs/arctika_strategiya.pdf

квалификации, благотворительная деятельность, развитие инфраструктуры, политика в отношении коренных малочисленных народов Севера и др.; экологические – показатели загрязнения, наличие аварий, инвестиции в природоохранные мероприятия, наличие ресурсосберегающих технологий, вторичной переработки сырья и др.

На втором этапе осуществлялся экспертный опрос в форме анкетирования. Эксперты выставляют оценки по десятибалльной шкале всем участвующим в рейтинге компаниям по трем блокам вопросов – экономическому, социальному и экологическому. В анкете сделана попытка максимально учесть территориальную специфику – вопросы посвящены работе компаний именно в арктических условиях.

В результате расчета каждой из участвующей в рейтинге компаний присваивается интегральный индекс устойчивого развития в виде цифры от 0 до 1. При оценке интегрального индекса использовалось Правило Парето 80/20. Количественному индексу мы отдали 80% веса, а качественному (опросу экспертов – 20%).

«Полярный индекс. Регионы» – специализированный рейтинг арктических субъектов Российской Федерации. Рейтингом охвачено 9 регионов, полностью или частично входящих в состав Арктической зоны России.

В основе методологии рейтинга лежат авторские разработки проектной группы кафедры экономики природопользования Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством доктора экономических наук, профессора С.М. Никонорова, опирающиеся на общепринятую «концепцию триединого итога» [6].

Расчет рейтинга осуществляется в три этапа. Этап № 1 – расчет количественного индекса устойчивого развития региона (КИ). Этап № 2 – расчет экспертного индекса устойчивого развития региона (ЭИ). Этап № 3. Расчет интегрального индекса устойчивого развития региона (ИИ). Интегральный индекс устойчивого развития региона (ИИ) представляет собой число от «0» до «1», до тысячного знака после запятой.

Таким образом, по итогам расчетов, каждому из участвующих в Рейтинге регионов присваивается итоговое значение ИИ от «0» до «1». Чем большее значение присвоено региону, тем более высокое положение он занимает при ранжировании.

По результатам расчетов сформирован следующий рейтинг регионов Арктической зоны Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Полярный Индекс 3.0 (Регионы)

№	Регион	Полярный Индекс 1.0, 2018 г.	Полярный Индекс 2.0, 2019 г.	Полярный Индекс 3.0, 2020 г.
1	Мурманская область	0,673	0,720	0,809
2	Республика Саха (Якутия)	0,670	0,696	0,672
3	Архангельская область	0,631	0,667	0,596
4	Ямало-Ненецкий автономный округ	0,628	0,646	0,719
5	Красноярский край	0,620	0,612	0,723
6	Чукотский автономный округ	0,604	0,601	0,560
7	Республика Карелия	0,602	0,583	0,518
8	Ненецкий автономный округ	0,595	0,565	0,792
9	Республика Коми	0,590	0,511	0,533

В отличие от подавляющего большинства существующих рейтингов, проект «Полярный индекс» методологически основан на «концепции триединого итога»: устойчивое развитие понимается как равномерный баланс его экономической, экологической и социальной составляющих, без «перекосов» в ту или иную сторону. В связи с этим, критерии оценки регионов и компаний сгруппированы в три блока, отражающие эти ключевые измерения устойчивого развития.

Подходы к устойчивому развитию Арктики являются одними из важнейших в контексте планирования пространственного развития нашей страны. На территории Арктической зоны России сосредоточены от 70 до 90 % российских запасов углеводородного сырья (нефти, природного газа и газоконденсата), от 60 до 100 % запасов цветных и редких металлов России (золота, платины, меди, олова, никеля, титана и т.д.), а также прочие ресурсы, добыча которых оказывает и будет оказывать прямое влияние на экономическое развитие страны. По ней также проходит СМП – важная внутренняя (и потенциально востребованная международная) водная магистраль. При этом для Арктической зоны России характерна общность климатических условий, свойственных высоким широтам, а также довольно значительный спектр актуальнейших проблем: демографических, социально-экономических и оборонных и так далее, которые необходимо системно преодолевать для того, чтобы дать стране возможность сполна использовать арктические богатства [2, 9].

В 2020 году мы изменили методику подсчета Итогового Рейтинга устойчивого развития российских арктических регионов добавив в оценку Рейтинга достижение 17 целей устойчивого развития ООН [7]. Формула подсчета изменилась следующим образом: (Текущий ИУР (Индекс устойчивого развития) + Достижение 17 ЦУР (Целей устойчивого развития) + Предыдущий ИУР)/ 2 = Итоговый ИУР (табл. 2).

Таблица 2

Итоговый ИУР (Индекс устойчивого развития), 2020 г.

№	Регион	Текущий ИУР	Достижение 17 ЦУР	Предыдущий ИУР	Итоговый ИУР
1	Мурманская область	0,548	0,350	0,720	0,809
2	Ненецкий автономный округ	0,572	0,410	0,601	0,792
3	Красноярский край	0,509	0,290	0,646	0,723
4	Ямало-Ненецкий автономный округ	0,501	0,240	0,696	0,719
5	Республика Саха (Якутия)	0,437	0,240	0,667	0,672
6	Архангельская область	0,399	0,180	0,612	0,596
7	Чукотский автономный округ	0,375	0,180	0,565	0,560
8	Республика Коми	0,434	0,120	0,511	0,533
9	Республика Карелия	0,333	0,120	0,583	0,518

По итогам нашего исследования необходимо отметить, что по достижению Целей устойчивого развития лидирует Ненецкий автономный округ. Регион усиленно работает над следующими 8 направлениями стратегического развития: 1) ликвидация нищеты (Цель 1); 2) хорошее здоровье и благополучие (Цель 3); 3) качественное образование (Цель 4); 4) чистая вода и санитария (Цель 6); 5) недорогостоящая и чистая энергия (Цель 6); 6) достойная работа и экономический рост (Цель 8); 7) сохранение морских экосистем (Цель 14); 8) сохранение экосистем суши (Цель 15). В рамках ЦУР № 14 и № 15 на территории автономного округа реализуется Государственная программа «Охрана окружающей среды, воспроизводство и использование природных ресурсов», направленная на охрану и рациональное использование водных объектов, обеспечение защищённости населения и объектов экономики от негативного воздействия вод и решение других задач.

В рамках ЦУР № 4 реализуется программа «Развитие образования в НАО». Степень реализации мероприятий составила в 2019 году 93,3%. В данном регионе высокие социально-экономические показатели, но низкий экологический показатель. Это связано с нехваткой воды в регионе, поэтому региону надо больший упор сделать на развитие ЦУР 6 и ЦУР 3. Повышение уровня экологии и медицины поспособствует росту других важных показателей для региона.

На втором месте оказалась Мурманская область. Стратегических целей там семь: 1, 3, 7, 9, 11, 15. 16. Генеральная цель области – это рост человеческого потенциала и качества жизни населения Мурманской области на основе ее инновационного, устойчивого социального, экономического и экологически сбалансированного развития, обеспечивающего статус области как конкурентоспособного региона, опорного центра России на Европейском Севере и в Арктике, с качеством жизни на уровне стандартов стран Северной Европы. Главный критерий достижения генеральной цели – продолжительность жизни населения области в 2025 г., соответствующая уровню стран Северной Европы, – 75–77 лет. С учетом установленной генеральной цели приоритетами социально-экономического развития Мурманской области в долгосрочной перспективе будут: 1) развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни населения; 2) повышение конкурентоспособности экономики области; 3) формирование эффективных институтов развития региона. В качестве основных подцелей и задач, обеспечивающих достижение генеральной цели, а также критериев достижения целей выступают: 1. Сохранение и развитие человеческого потенциала, рост уровня и качества жизни населения; 2. Улучшение демографической ситуации в регионе; 3. Улучшение среды обитания населения области; 4. Повышение качества и доступности социальных услуг, оказываемых населению (здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, социального обслуживания, культуры и спорта); 5. Повышение уровня конкурентоспособности экономики региона, ее диверсификация, формирование производственных кластеров; 6. Повышение эффективности использования природно-ресурсного потенциала, деятельности традиционных отраслей экономики области на основе внедрения технологических инноваций, обеспечивающих комплексность использования сырья и экологическую безопасность производства; 7. Повышение производительности труда, рост инвестиций в человеческий капитал и расширенное воспроизводство основных производственных фондов на новой технико-технологической основе; 8. Совершенствование и повышение эффективности функционирования институтов развития области.

На третье место вышел Красноярский край. Там успешно работают над восемью Целями устойчивого развития: 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 15. В рамках ЦУР № 6 Красноярский край в 2019 году вошёл в федеральный проект «Чистая вода», направленный на повышение качества питьевой воды. На эти цели Федерация выделяет краю 87,7 млн. рублей. В рамках ЦУР № 3 в Красноярском крае действует программа по Развитию физической культуры и спорта. Красноярский Край лидирует по экологическим показателям и это не удивительно, т.к. они имеют достаточно богатую и красивую природу. Тем не менее, они активно развивают ЦУР: 4, 8, 10. для того, чтобы повысить привлекательность региона и привлечь рабочую силу. Красноярский край имеет средние показатели в экономическом и социальном плане, но у него есть потенциал к их повышению. Можно попробовать развивать туризм (в том числе, экологический) в данном регионе. Это может частично решить экономическую проблему.

Таким образом, индексы, разрабатываемые в рамках проекта «Полярный индекс», могут восполнить существующий пробел, дав интегральную оценку текущего состояния и потенциала устойчивого развития Арктических регионов России. С одной стороны, достигается комплексный подход к оценке усилий по развитию Арктики. С другой стороны, мы пытаемся достигнуть нового качества жизни для ныне живущих и будущих поколений Арктической зоны. И социальные запросы от населения должны, по нашему мнению, трансформироваться в новую экономику (с элементами цифровизации, открытости и зелености) и в новые экологические требования и стандарты для бизнеса (где

переход на наилучшие доступные технологии (НДТ) компаний в России является лишь первым этапом) [1]. Данный проект может послужить началом к новому абстрактному территориальному формированию «Арктическая зона России» как «геостратегической территории», имеющей существенное значение для обеспечения пространственного развития, территориальной целостности страны и безопасности государства.

Список литературы

1. Бобылев С.Н., Никоноров С.М., Корнилова А.В. Раскрытие информации об управлении рисками в годовых нефинансовых отчетах российских нефтегазовых компаний, действующих в Арктике // Проблемы анализа риска. 2016. – Т. 13, № 6. – С. 48–62.
2. Иваницкая Е.В., Буйновский С.Н., Никоноров С.М., Ситкина К.С. Промышленная безопасность как основной элемент устойчивого развития российской Арктической зоны // Безопасность труда в промышленности. 2019. – № 3. – С. 34–44.
3. Корнилова А.В., Никоноров С.М. Методология оценки качества раскрытия информации о корпоративной и экологической ответственности // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика, издательство. 2017. – № 2. – С. 3–21.
4. Кривичев А.И., Сидоренко В.Н. Влияние нефинансовых показателей моногородов на финансовые показатели градообразующих предприятий Арктической зоны РФ // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. – Т. 8, № 6.
5. Никоноров С.М., Папенов К.В., Кривичев А.И., Ситкина К.С. Проблемы измерения устойчивости развития Арктического региона // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2019. – № 4. – С. 107–121.
6. Никоноров С.М., Папенов К.В., Ситкина К.С., Кривичев А.И., Лебедев А.В., Уткина Е.Э., Нюдлеев Д.Д., Палт М.В., Нестерова К.А. Полярный индекс – 2019. Рейтинг устойчивого развития регионов российской Арктики. – М., 2020. – 19 с.
7. Никоноров С.М., Уткина Е.Э. От адаптации Целей устойчивого развития в Арктике к разработке Полярного индекса Баренцрегиона (регионы и компании) // Экономика устойчивого развития. 2019. – Т. 38, № 2. – С. 272–277.
8. Папенов К.В., Никоноров С.М. Коэволюционный подход к устойчивому развитию // Экономика устойчивого развития. 2017. – № 4. – С. 287–298.
9. Сасаев Н.И., Квинт В.Л. Обоснование развития газоперерабатывающего и газохимического производства как стратегического приоритета развития экономики России // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. – Т. 12, № 5. – С. 102–116.

Огнева В.В.,
Мельников А.В.[1]

ПРИОРИТЕТНЫЕ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ: ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова*: приоритетные геостратегические территории, государственная политика и управление приоритетными геостратегическими территориями, геополитические интересы России.*
Keywords: *priority geostrategic territories, state policy and management of priority geostrategic territories, Russia's geopolitical interests.*

В соответствии с приведенной в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» типологией российских регионов в ней особо выделены так называемые геостратегические территории. Они определяются как «территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности»[2].

Такая интерпретация понятия, однако, вполне могла бы быть применима к любому из регионов Российской Федерации. На это обращает внимание известный исследователь О.Н. Валентик, с чьим мнением солидарны авторы статьи[3].

Как известно, в основе любого понятия лежит отражение того общего, постоянного и устойчивого, что присуще объектам и/или явлениям окружающего мира, и, тем не менее, научное понятие всегда является единством общего, особенного и единичного. В данном случае нельзя не заметить, что приоритетные геостратегические территории, за исключением Калининградской области, находятся в границах нескольких субъектов федерации и даже федеральных округов, значительно дифференцированы по уровню своего социально-экономического развития.

Показательно, что приоритетные геостратегические территории объединяют два вида субъектов федерации: одни из них имеют только внутренние границы (Адыгея, Калмыкия, Ставропольский край, Волгоградская область, Магаданская область, Якутия), остальные наряду с внутренними границами имеют границу внешнюю. Возникает резонный вопрос – можно ли обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие такой территории до 2025 года, как это заложено в определении геостратегической территории, в условиях разного качественного состояния региональных экономик, инфраструктуры, бюджетного финансирования, инвестиционной привлекательности и активности, качества рабочей силы и т.д.? Скорее нет, чем да. Но это не находит должной рефлексии в формулировке представленной дефиниции.

Не совсем понятными остаются критерии отнесения регионов к приоритетным геостратегическим территориям. В этой связи следует согласиться с О.В. Ивановым и Е.М. Бухвальдом, признающими необходимость обоснования принципа приоритетности пространственного развития и выделения ключевых признаков геостратегического характера территории[4]. Именно они определяют сущность государственной политики регионального развития.

Государственная политика развития геостратегических территорий представляет собой комплекс политико-правовых, финансово-экономических, организационно-управленческих мер и механизмов их реализации. Политико-правовые механизмы включают нормативные правовые акты, институциональную систему управления, инструментальную совокупность методов управления. Финансово-экономический механизм интегрирует финансовые ресурсы (бюджетные и внебюджетные), включает финансовый учет и контроль, методы программирования, моделирования, прогнозирования и др. Организационно-управленческий механизм объединяет кадровые ресурсы, структуры управле-

[1] Огнева Валентина Васильевна – д.полит.н., профессор, Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел; Брянский филиал РАНХиГС. E-mail: ognevavv@yandex.ru

Мельников Алексей Викторович – к.полит.н., доцент, Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел. E-mail: oragsob@mail.ru

[2] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019). – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=332771&fld=134&dst=102172,0&rnd=0.750756941488822#08837560380542446

[3] Валентик О.Н. Геостратегические территории как инструмент политики пространственного регулирования в экономике. – https://ecsn.ru/files/pdf/201906/201906_30.pdf

[4] Иванов О.В., Бухвальд Е.М. Геостратегические территории» и «точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации. – https://cyberleninka.ru/article/n/geostrategicheskie-territorii-i-tochki-rosta-v-strategirovanii-prostranstvennogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii

ния, источники информации, систему методов, способов и приемов управления. В идеале все эти механизмы призваны обеспечить результативность реализации государственной политики.

Таким образом, понятие «геостратегическая территория», с нашей точки зрения, со всей очевидностью нуждается в дополнительной проработке, такой идентификации, когда ее можно сделать узнаваемой, выделить среди множества других, определить уникальность на основе присущих данной территории специфических черт. Как представляется авторам настоящей статьи, геостратегические территории – это территории, играющие существенную роль в социально-экономическом развитии страны, обеспечении ее территориальной целостности, национальной безопасности и укреплении геополитического потенциала государства. Геополитический потенциал включает в себя совокупность ресурсов государства (пространственных, социально-экономических, финансовых, военных, информационных, социокультурных и др.) и его внешних отношений и связей, используемых для реализации геостратегии страны в целях усиления ее национальной безопасности. Впрочем, такой подход к определению сущности геостратегической территории не является бесспорным.

Несмотря на неполноту контекстуального определения термина «геостратегическая территория», в Стратегии выделяются такие их типы как: 1) приоритетные геостратегические территории (всего 25), характеризующиеся анклавным положением (Калининградская область, Республика Крым и Севастополь), а также субъекты федерации Северного Кавказа, Дальнего Востока, Арктической зоны и 2) приграничные геостратегические территории (их 22), к которым отнесены: а) субъекты федерации, граничащие со странами, входящими в Европейский Союз (ЕС) – Ленинградская область; б) субъекты федерации, граничащие со странами, входящими в Евразийский Союз (ЕАЭС) – Смоленская, Астраханская, Волгоградская, Курганская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Тюменская, Челябинская области, Алтайский край; в) субъекты федерации, граничащие со странами, входящими в ЕАЭС, а также в ЕС – Брянская, Псковская области; г) субъекты федерации, граничащие с другими зарубежными государствами – Белгородская, Курская, Воронежская, Ростовская области, Краснодарский край, Республика Алтай, Республика Тыва[1]. Всего 47 территорий, то есть более половины от общего числа входящих в Российскую Федерацию субъектов.

По приоритетным геостратегическим территориям в России приняты и реализуются государственные программы. К ним относятся федеральные целевые программы: «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами»; «Государственная программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона»; «Государственная программа социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации»; «Государственная программа развития Северо-Кавказского федерального округа»; «Государственная программа социально-экономического развития Калининградской области»; «Государственная программа социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя»[2].

Все эти программы нацелены на динамичное социально-экономическое развитие регионов, создание конкурентоспособной экономики, направленной на повышение качества жизни населения. Решение таких задач связывается с перспективными экономическими специализациями, которые будут пользоваться существенной финансовой поддержкой федерального центра. Малопроизводительные же и низкотехнологичные предприятия, далеко не всегда социально значимые, с очевидностью встанут перед проблемой дееспособности. Таким образом, механизм государственной поддержки приоритетных геостратегических территорий оформлен вполне определенно.

Значимость этих регионов для Российской Федерации никто не ставит под сомнение. К примеру, Дальний Восток – «восточные ворота» России давно нуждались в особой государственной поддержке. Безусловный плюс региона, его конкурентные преимущества – наличие уникальных природных ресурсов, выгодное приграничное положение с быстро развивающимися в экономическом отношении азиатскими странами; высокий экспортный потенциал, выход в Тихий океан, куда переместился центр транспортных потоков и, как следствие, возрастание транзитной роли дальневосточных территорий.

Национальной программой развития Дальнего Востока предусматривается к 2025 году наращивание его инвестиционного потенциала до 1 трлн. руб. Ресурсы будут вкладываться в развитие новых производств, модернизацию предприятий, строительный, транспортный комплексы, магистральную, трансграничную, социальную инфраструктуру[3]. Все это позволит развивать добычу полезных ископаемых, нефтегазохимию, транспорт, сельское хозяйство, лесную и рыбную промышленность, судостроение, логистику и др.

В 2021–2025 гг. на развитие ТОРов предполагается выделить 1,2 млрд. рублей. Однако ситуация с пандемией ставит под сомнение такой оптимизм. Ведь даже в благополучном 2018 г. бюджеты субъектов федерации ДВО

[1] Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681

[2] Об утверждении перечня государственных программ, в которых должны формироваться разделы или представляться сводная информация по опережающему развитию приоритетных территорий. – http://government.ru/docs/30303/; Распоряжение Правительства РФ от 25.11.2017 № 2620-р (ред. от 06.02.2020) «Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации, в том числе являющихся пилотными, в которых формируются разделы и (или) представляется сводная информация» – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283625/67556a535b6cd8e955f4ed2b861ff6ee196f7b43/

[3] Мереминская Е. Дальнему Востоку до 2025 года нужно 11,5 трлн. рублей инвестиций. – https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/03/810374-dalnemu-vostoku-2025

недополучили по ТОРам около 2 млрд. руб.[1] Негативно сказывается на развитии региона малая численность населения, неосвоенность территории, очаговый характер расселения, отток населения (в среднем население здесь сокращается на 0,3–0,5% в год) неразвитость инфраструктурной сети, ограниченность инвестиций, невысокая мобильность трудовых ресурсов, социально-экономическая дифференциация дальневосточных территорий.

Все эти факторы снижают ускоренное развития макрорегиона. К сожалению, оставляет желать лучшего продвижение проектов сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком. Факты свидетельствуют о том, что из 104 совместных крупных проектов в действительности реализовано лишь 25[2].

Решение этих и других проблем вполне могло бы способствовать прорывному развитию масштабной территории на восточных границах нашего государства. Во всяком случае, в государственной программе развития Дальнего Востока и Байкальского региона в качестве ключевых императивов значится необходимость в полной мере использовать географические преимущества региона. Содержится требование ускорения интеграции России в АТР посредством развития новой экономики и реализации принципа открытости, интенсификации отношений со странами Азии, прежде всего, Китая, в целях продвижения геополитических и экономических интересов России в АТР.

В последнее десятилетие Россия проводит активную государственную политику по освоению Арктики. В Российской Арктике создан мощный индустриальный комплекс, позволяющий производить около 20% ВВП России и примерно столько же общероссийского экспорта[3]. России к тому же принадлежит весомая роль в изучении Арктики, многолетний опыт функционирования Северного морского пути. До 2030 года в Арктике должно быть реализовано более 150 проектов в объеме почти 5 трлн. рублей[4]. По некоторым данным, при условии разработки российских месторождений нефти, газа и угля в арктических широтах грузопоток по Северному морскому пути к 2025 году может увеличиться в четыре раза, что может сделать арктические проекты экономически целесообразными.

В объективе внимания государства – Калининградская область – стратегически важный для России регион, отделенный от остальной части страны сухопутными границами иностранных государств и международными морскими водами. Для реализации инфраструктурных проектов, имеющих приоритетное значение для социально-экономического развития этой геостратегической территории на период до 2025 года, правительство выделяет средства в объеме 6,5 млрд. рублей[5].

Существенное значение придается приоритетному развитию Северо-Кавказского региона, обладающему уникальными гидроминеральными ресурсами, бальнеологическими сооружениями, производственной инфраструктурой в сфере легкой, деревообрабатывающей, добывающей промышленности, имеющему перспективные транскавказские транспортные коридоры. В нынешних непростых условиях правительство ставит задачу стимулирования инвестиционной активности и привлечения капитала в экономику региона, снижения безработицы, укрепления транспортно-логистических объектов, планируя выделить в течение ближайших трех лет на реализацию государственной программы развития Северо-Кавказского федерального округа более 40 млрд. рублей[6]. Очевидно, необходимо активнее развивать взаимодействие республик Северного Кавказа между собой.

Предмет особой государственной поддержки – Крым и Симферополь. Задача развития этого региона состоит в создании условий устойчивого развития экономики и обеспечения социальной стабильности в Республике Крым и г. Севастополе. Государственной программой социально-экономического развития предусматривается «стимулирование предпринимательской активности, развитие инфраструктуры функционирования свободной экономической зоны на территории Республики Крым; устранение диспропорций в региональном развитии и доведение уровня жизни населения Республики Крым и г. Севастополя до среднероссийского уровня»[7]. Объем бюджетных ассигнований составляет более 4 млрд. руб. на период до 2022 года. В условиях пандемии правительство России приняло решение о выделении Крыму 56,6 миллионов рублей на неотложные меры поддержки малого и среднего предпринимательства[8].

Учитывая масштаб поставленных задач, приоритетные геостратегические территории требуют эффективной системы управления их развитием с участием государственных и негосударственных институтов. Институциональный дизайн управления такими регионами призван обеспечить согласованность действий органов власти всех уровней, их продуктивное взаимодействие с бизнес-сообществом, другими общественными институтами. Логика функционирования действующей системы управления призвана обеспечить достижение стратегических целей государства, исключая

---

[1] Андрюшина Е.В. Современная государственная политика по развитию Дальнего Востока: основные направления проблемы и перспективы. – https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-gosudarstvennaya-politika-po-razvitiyu-dalnego-vostoka-osnovnye-napravleniya-problemy-i-perspektivy/viewer

[2] Шаолэй Ф., Хэн Ч.Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы. – https://ru.valdaiclub.com/files/28980/

[3] Цветков В.А. Арктика – зона стратегических интересов России. – http://www.ipr-ras.ru/appearances/tsvetkov-oon-15-12-2014.pdf

[4] Россия до 2030 года реализует 150 проектов в Арктике на сумму 5 трлн. рублей. – https://tass.ru/ekonomika/3700927

[5] О решениях по итогам заседания Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Калининградской области. – http://government.ru/orders/selection/401/34522/

[6] В программу развития СКФО внесут изменения. – https://tass.ru/v-strane/7946787

[7] Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2019 года № 63. – http://docs.cntd.ru/document/552280644

[8] Правительство РФ выделило Крыму 56 млн на поддержку бизнеса // РИА Новости Крым. – https://crimea.ria.ru/economy/20200504/1118242461/Pravitelstvo-RF-vydelilo-Krymu-56-mln-na-podderzhku-biznesa.html

имеющее место рассогласованность интересов субъектов управления, использование традиционных ручных методов управления, дублирование функций, административные барьеры и др.

Это тем более важно в условиях, когда не снижается уровень геополитической напряженности в Балтийском, Северо-Кавказском, Дальневосточном регионах России, не стихает геополитическое соперничество в Арктической зоне, наблюдается геополитическое противостояние глобальных и региональных геополитических игроков из-за Крымского полуострова.

В Балтийском регионе в начале 90-х гг. ввиду недружественного отношения к России Польши и Литвы возникла непростая ситуация вокруг Калининградской области, отделенной от территории страны сухопутными границами иностранных государств, но соединенной с ней по морю. Политическим, военным вызовом для России стало вступление в 2004 году прибалтийских государств в ЕС и НАТО, когда Калининградская область оказалась анклавом Российской Федерации внутри ЕС, что создало угрозу всему Северо-Западному округу страны – морским воротам России на Балтике.

В последние годы в Польше, Латвии, Литве, Эстонии созданы военные базы, боевые группы, полигоны, авиабазы, у границ Беларуси и России развернут также почти десятитысячный военный контингент, располагающий всеми видами современных наступательных вооружений. Россия вместе с Беларусью укрепляют свой оборонительный потенциал, создав, в частности, единую систему противовоздушной обороны. Еще одним ответом стала установка ракетных комплексов «Искандер» в Калининградской области[1]. Правительством продлена государственная программа социально-экономического развития этой приоритетной геостратегической территории, на реализацию которой в период с 2022 по 2025 годы планируется выделить более 38 млрд. руб. из федерального бюджета[2].

Стратегически важным в контексте национальной безопасности российского государства является Северо-Кавказский регион, ставший объектом геополитической конкуренции, главным образом, Ирана, Турции, США, Евросоюза. Задача геополитических оппонентов – США, Евросоюза – состоит в том, чтобы сделать неконкурентоспособными российские магистральные газо- и нефтетранспортные маршруты, реализовать вариативные, в обход России, транзитные и коммуникационные проекты. Россия, напротив, предпринимает активные усилия по развитию сотрудничества с Ираном, Турцией, Азербайджаном, Арменией.

Приоритетной геостратегической территорией для России является Арктика. Здесь проходит Северный морской путь – важнейший трансокеанский маршрут. Арктика – настоящая кладовая уникальных природных богатств – нефти, газа, углеводородов, золота, чистой питьевой воды и др. В Арктической зоне находится около 22% мировых неразведанных ресурсов углеводородов в т.ч. 13% от мировых неразведанных запасов нефти[3], 30% мировых неразведанных запасов газа[4]. В Арктической зоне сосредоточена большая часть российских запасов золота (40%), хрома и марганца (90%), платиновых металлов (47%), вермикулита (100%), угля, никеля, кобальта, вольфрама, ртути, апатита (50%) и др.[5]

Здесь не случайно сталкиваются стратегические интересы не только приарктических государств – России, Канады, Дании, Норвегии, США. В территориальных спорах, к примеру, участвуют Великобритания, Канада, Норвегия, что усиливает риски обострения конфликтных ситуаций. Еще одна проблема – возможная милитаризация региона в силу неослабевающего напряжения отношений между Россией и Западом. Поэтому Россия делает все необходимое, чтобы повысить надежность охраны арктических рубежей в целях обеспечения своих экономических и геополитических интересов.

Геополитический интерес стимулирует Россию к освоению дальневосточных территорий посредством экономической интеграции со странами АТР, прежде всего, с Китаем, в условиях антироссийских экономических санкций западных стран. Азиатские страны обеспечивают более 50% мирового валового внутреннего продукта, стимулируя торговлю и инвестиции. Китай, как известно, обладает далеко не реализованным экономическим потенциалом. Россия – пограничное для Китая государство. Для КНР становится важным стратегическое партнерство с Россией, имея в виду использование экономических возможностей Дальнего Востока, Сибири и Арктики. По итогам 2019 года товарооборот наших стран превысил 110, 75 млрд. долл., увеличившись на 3,6% по сравнению с прошлым годом.

В то же время товарооборот Китая и США в 2019 году сократился на 14,6%. Это произошло в результате торгово-экономической конфронтации, инициированной США, которые последовательно усиливали финансовые меры против Китая в 2018 году в ответ на его программу «Один пояс – один путь», а в 2019 году сумели убедить партнеров по НАТО признать китайскую экспансию общей угрозой.

Мало того, продолжая экономические войны, США намерены помешать сотрудничеству России и Китая в реализации проекта «Сила Сибири» (газопровод был запущен в декабре 2019 года), поскольку, по мнению исследовательской службы Конгресса США, это может повлиять на безопасность Соединенных Штатов Америки, имея ввиду возможные серьезные потери от экспорта американского сжиженного газа[6]. Кроме того, не в интересах США, чтобы проект стал стимулом для практической кооперации России и Китая. США продолжают наращивать военный потен-

---

[1] Военные объекты НАТО в Прибалтике и Польши под «колпаком» у России и Беларуси. – https://zen.yandex.ru/media/belvpo/voennye-obekty-nato-v-pribaltike-i-polshi-pod-kolpakom-u-rossii-i-belarusi-5cbf02eb9f4d1600b458fc3a

[2] Продлена госпрограмма развития Калининградской области. – https://regnum.ru/news/economy/2610239.html

[3] Природные ресурсы Арктики. Справка. – https://ria.ru/20100415/220120223.html

[4] Воронков Л.С. Углеводородные ресурсы Арктики в контексте геополитики. – https://mgimo.ru/about/news/inno/239858/?sphrase_id=27998872

[5] Природные ресурсы Арктики. Справка. – https://ria.ru/20100415/220120223.html

[6] Конкуренция на востоке: конгрессу предложили изучить влияние «Силы Сибири» на политику США. – https://russian.rt.com/world/article/742288-sila-sibiri-bezopasnost-ssha

циал в АТР. И в этих непростых условиях Россия должна оберегать целостность своего геополитического пространства, обеспечивать национальную безопасность своих дальневосточных рубежей. Как видно, геостратегические территории объективно являются предметом особого геополитического внимания российского государства.

Новые возможности международного партнерства и сотрудничества открыло для нашей страны добровольное вхождение Крыма и Севастополя в состав России. Это позволило России существенно укрепить свою национальную безопасность на южных рубежах, обеспечивать реализацию стратегических интересов в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья.

Россия выступает против милитаризации региона, предлагает выгодные возможности экономического сотрудничества, встречая сопротивление стран НАТО, прежде всего, США и Турции, сталкиваясь с агрессивной политикой Украины. В этих условиях Россия вынуждена укреплять свои военные позиции в регионе, мобилизовать войска, модернизировать военно-морской флот, патрулировать воздушное пространство, предпринимать необходимые внешнеполитические усилия для стабилизации ситуации в Украине.

Таким образом, развитие приоритетных геостратегических территорий России непосредственно связано с наращиванием их социально-экономического развития, укрепления национальной безопасности государства и усиления геополитических позиций России по всему периметру ее границ.

Пациорковский В.В.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
patsv@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В РАЗВИТИИ СЕЛА

***Ключевые слова**: стратегическое планирование, сельское развитие, город, домохозяйство, локальное сообщество, местная власть.*
***Keywords:** strategic planning, rural development, city, household, local community, local government.*

В последние годы сельское развитие входит во все более глубокие противоречия с проводимой в стране социально-экономической политикой. Достаточно сказать, что в принятой Правительством страны в 2019 г. «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»[1], которая представляет собой документ стратегического планирования, разрабатываемый в рамках целеполагания по территориальному принципу, эта проблематика практически полностью отсутствует. Вряд ли имеющиеся в указанном документе понятия «агропромышленный центр» и «сельская территория» даже отдаленно могут ассоциироваться с сельским развитием.

Более того, в Стратегии очень ограниченно присутствует признание на федеральном уровне интереса к возобновляемым природным ресурсам и зеленой экономике в целом. Из возобновляемых природных ресурсов в ней отразился интерес только к земле, который реализовался посредством введения категории перспективных агропромышленных центров экономического роста. К примеру, для пространственного и экономического развития лесных регионов и лесной промышленности в качестве отрасли народного хозяйства, равно как и для развития лесной сельской местности и лесного сельского хозяйства, указанное обстоятельство имеет весьма важное значение. В соответствии со Стратегией, данная проблематика находится за рамками пространственного развития.

Этот нормативный документ переводит в несколько иную плоскость уже много лет идущую дискуссию о судьбах городов и сел, их преимуществах и недостатках, о перспективах малых городов в сравнении с крупными городами и мегаполисами. Связано это с тем, что теперь мы находимся в другой парадигме. На локальном уровне это парадигма территориального развития, представляющего собой составную часть пространственного развития.

Стратегия определяет пространственное развитие как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития»[2]. С учетом того, что в основе системы расселения находится сельско-городской континуум, сельское развитие представляет собой одну из важнейших составляющих совершенствования системы расселения и территориальной организации экономики. Поэтому указанная проблематика может и должна рассматриваться в рамках стратегического планирования, в том числе и в документах, направленных на пространственное развитие страны.

С учетом сказанного довольно сложно понять все еще сохраняющиеся размышления о «новой модели сельского развития»[3]. Их основу составляет принятие государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий»[4]. К сожалению, весь предшествующий опыт свидетельствует далеко не в пользу эффективности таких программ для целей сельского развития. А теперь при наличии Стратегии пространственного развития, что может противопоставить ей пусть и государственная программа?

В этой связи совершенствование местного самоуправления и активизация участия граждан в сельском развитии представляются действительно важным и вполне осмысленным направлением деятельности. При таком подходе *сельское развитие понимается как участие экономически активных хозяев, их сообществ и территориального самоуправления в жизни села и решении вопросов местного значения.* Приведенное определение сельского развития говорит о триединстве его исходных, собственно внутренних ресурсных составляющих. В сложившихся условиях для села опора на собственные силы скорее всего остается основным источником развития. Различные агенты влияния, в том числе государство, корпоративный сектор, кооперация, меценатство, благотворительность и другие организационно-управленческие структуры рассматриваются как внешние для целей сельского развития.

Хорошо и полезно, когда они проявляют свое позитивное влияние. Вместе с тем случается это далеко не часто. Например, при попадании какого-либо села в пилотный проект, который реализуется в ходе выполнения Министерст-

[1] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г., 207-р. – http://government.ru/docs/35733

[2] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Раздел I. Общие положения. – http://government.ru/docs/35733/

[3] Петриков А.В. Что делать с российским сельским хозяйством? // Вольная экономика. – М., 2019. – Апрель-июнь. – С. 67.

[4] Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696. – http://government.ru/docs/36905/

вом сельского хозяйства РФ очередной государственной программы или при появлении разбогатевшего выходца из села, желающего возродить свою малую родину. Об обременительности селян для крупных агропромышленных комплексов и говорить не приходится. Там, где это возможно, они все больше проявляют стремление к ведению производства вахтовым методом. Без рабочих мест селу плохо, без школы или ФАПа оно умирает, но и наличие всех этих жизненно важных составляющих не несет в себе импульсы сельского развития.

В качестве основного материального агента сельской жизни следует принять крестьянский двор. Личное подсобное хозяйство (ЛПХ) по условию не может быть таковым. В свою очередь его глава и есть тот самый экономически активный хозяин, который в терминах ушедших времен именовался как крестьянин-единоличник. Уместно заметить – именно крестьянин, а не фермер. Для сложившейся в нашей стране многовековой традиции ведения хозяйства на селе указанное обстоятельство имеет важное значение[1].

В его пользу свидетельствует и следующее наблюдение: «Согласно Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 г., численность К(Ф)Х и индивидуальных предпринимателей у нас уменьшилась с 285 тысяч до 175 тысяч, т.е. на 110 тысяч. А вот численность ЛПХ, имеющих в пользовании свыше 20 га земли, составила 86,4 тысячи, что на 45,4 тысячи больше, чем в 2006 г.; численность ЛПХ, содержащих свыше 10 голов КРС, – 117,3 тысячи, что на 56,2 тысячи больше по сравнению с 2006 г. Но ведь по сути такие крупные ЛПХ – это незарегистрированные фермеры, которые платят лишь земельный налог»[2]. К сказанному уместно добавить, что следует не добиваться возвращения беглецов в фермеры, а восстановить категории крестьян-единоличников (как самозанятых) и крестьянского двора.

Без наличия в каждом конкретном населенном пункте инициативного и самостоятельного ядра людей локальные общности и местное самоуправление обречены на вялотекущее существование. Напротив, симбиоз экономически и социально активных хозяев, локальных сообществ и местной власти вполне способен к формированию и реализации задач сельского развития[3].

Исторические корни села и сельской жизни диктуют особенности сельского развития. Появление села представляет собой результат самоорганизации людей вокруг характерных для данной местности возобновляемых природных ресурсов – земли, воды, лесов, лугов и пастбищ, которые воспринимаются осевшим на них еще формирующимся локальным сообществом в качестве основного источника жизни. Как собственно самоорганизация таких сообществ, так и взаимодействие в них реализуются нелинейными способами.

Указанное обстоятельство позволяет лучше понять постоянное сосуществование в локальных сельских сообществах равенства и партнерства, а также неравенства, патернализма и доминирования. Другое дело, что реализуются все эти отношения несколько по-иному, чем в крупных городских сообществах и в государстве. Иначе и быть не может. Ведь на селе все связи носят личный (горизонтальный) характер. Более того, в любой момент они могут стать публичными и рано или поздно становятся таковыми.

Нормативное регулирование социальных отношений и социального взаимодействия в таких самоорганизующихся системах имеет свою специфику. Власти и насилию здесь противостоят авторитет и доверие. Это отнюдь не историко-архивная фигура речи. И сегодня на селе местное самоуправление, привнесенная для него извне форма организации местной жизни, может по существу реализоваться только в случае наличия доверия и авторитета.

Тотальная дотационность бюджетов сельских поселений – важное, но не коренное препятствие на путях сельского развития. Таковым следует признать ограниченность наличия крепких, инициативных хозяев и полное отсутствие среди них крестьян-единоличников как центрального звена сельских сообществ (хранителей доверия и держателей авторитета). С их взращивания на селе как особого социального слоя только и может начаться сельское развитие.

По данным последней сельскохозяйственной переписи (2016 г.) в стране насчитывается более 15 млн. сельских домохозяйств[4]. Условно говоря, 15 млн. крепких, экономически и социально активных сельских хозяев – это огромная сила. Правда, здесь и начинается извечная проза сельской жизни, которая нашла отражения в устах прекрасного поэтического персонажа: «*Семья*-то *большая*, *да два* человека. Всего *мужиков*-то: *отец мой да я* ...».

Действительно около 30% сельских домохозяйств составляют люди старших возрастных групп, которых трудно причислить к экономически активному населению. Основная часть крепких сельских домохозяйств возглавляется инженерно-техническим, педагогическим и медицинским персоналом, который по совместительству, в поисках дополнительного дохода, а иногда и самореализации, вовлечен в производство сельскохозяйственной, лесной или рыбной продукции. В этом плане увеличение числа крепких сельских домохозяев в полном смысле этого слова представляет собой ключевой вопрос сельского развития.

Индивидуальное предпринимательство и фермерство – весьма важные индикаторы успехов, достигнутых в реализации рассматриваемой задачи. Вместе с тем их количественные и качественные характеристики пока еще очень ограниченные. Достаточно сказать, что суммарно число индивидуальных предпринимателей и фермеров, реально осуществлявших сельскохозяйственную деятельность в I полугодии 2016 г.[5], было почти на треть меньше числа сельских населенных пунктов.

---

[1] Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. – С. 203, 273.

[2] Петриков А.В. Выступление А.В. Петрикова. О долгосрочной стратегии развития агропромышленного комплекса Российской Федерации // Аналитический вестник. – М.: Совет Федерации, 2018. – № 10 (699). – С. 33–34.

[3] Пациорковский В.В. Сельское развитие // Сельские территории в пространственном развитии страны: потенциал, проблемы, перспективы. Никоновские чтения – 2019. – М.: ВИАПИ, 2019. – С. 21.

[4] Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – Т. 1, кн. 1. – С. 92.

[5] Там же, с. 60.

Обе другие составляющие сельского развития, а именно локальные сообщества и местная власть в качестве источника своей дееспособности, равно как и в надежде на финансовую поддержку, целиком и полностью опираются на крепких домохозяев. Более того, на перспективу с учетом перемен, происходящих в местном самоуправлении, локальные сообщества и местная власть будут тяготеть к объединению.

К этому их подталкивает прежде всего отказ от двухуровневой системы местного самоуправления. Поселенческий уровень упраздняется автоматически при преобразовании муниципальных районов в городские округа. Сегодня этот процесс набирает все большую силу. Другой не менее значимый процесс связан с передачей многих полномочий в остающихся муниципальных районах с поселенческого на районный уровень и введение в сельских поселениях института старост. Такое развитие событий свидетельствует в пользу предположения о подготовке к уходу от двухуровневой системы местного самоуправления и в муниципальных районах.

Если на момент завершения переходного периода в 2010 г. было 518 городских округов, то сегодня их уже более 600 ед.[1] При этом бывшие сельские поселения наделяются статусом микрорайонов города – центра округа, в которые направляются представители окружной администрации. По большому счету сельское население при этом подталкивается к переезду в города, чему способствуют как набравшая огромную силу «оптимизация» сети учреждений здравоохранения, культуры и просвещения в сельской местности, так и упразднение льгот и тарифов, которые традиционно существовали в сельской местности. Наблюдения показывают, что в том числе и поэтому сельское население городских округов испытывает заметно большие напряжения, чем сельское население муниципальных районов.

С учетом масштабов нашей страны указанное направление событий ведет к фактической ликвидации местного самоуправления как органа власти, максимально приближенного к населению и формируемого им. Такого рода преобразования подталкивают население к самоорганизации. Одной из ее легальных форм в соответствии с действующим законодательством является территориальное общественное самоуправление (ТОС)[2]. Опыт показывает, что локальные сообщества и ТОСы тяготеют к интеграции в случае их успешного взаимодействия.

К примеру, в Архангельской области, одной из лучших в стране по развитию ТОСов, их активистами реализовано более двух тысяч проектов. «Начиная с 2011 года, из областного и местных бюджетов на поддержку указанных проектов, которые отбираются специальной комиссией на конкурсной основе, было направлено более 140 миллионов рублей. С учетом внебюджетных источников данная сумма составила более 200 миллионов рублей»[3].

При всей противоречивости положения дел в местном самоуправлении следует признать, что время работает в его пользу. Вряд ли правильно полагать, что законодательство и бюджетные ограничения играют в этом деле решающую роль. Сложное материальное положение широких слоев населения в муниципальных районах и в близких к ним по структуре и уровню жизни населения городских округах ставят жесткие ограничения на его социально-экономическую активность. А без сложившегося в каждом конкретном населенном пункте самостоятельного и инициативного ядра людей, как уже отмечалось ранее, местное самоуправление обречено на вялотекущее существование, лишь совместные усилия экономически и социально активных хозяев, локальных сообществ и местной власти вполне открывают возможность реализации задач сельского развития.

Следует признать, что у истоков сельской жизни лежат отнюдь не далекие или возвышенные цели. Постоянное самостоятельное обеспечение доступными благами окружающей природы и их прямое присвоение рассматривается селянами как обязательное условие, которое гарантирует воспроизводство и сбережение локального сельского сообщества в целом и каждого домохозяйства в отдельности. Здесь важно подчеркнуть, что исходно для сельского домохозяйства нашей страны важно именно расширенное самообеспечение, которое всегда включает в себя семейное потребление, обязательные платежи и обмен.

Последующее движение к товарному производству – явление более позднего этапа развития, связанного с появлением городов и возложением на село весьма спорной и обременительной обязанности кормить их. В разные времена эта обязанность реализовалась в виде дани, барщины, оброка, продналога, продразверстки или обязательных поставок сельскохозяйственной продукции ее коллективными производителями в закрома родины. При этом суть самой указанной практики всегда оставалась неизменной. Эту практику пытались сохранить и в переходный период (1991–2000 гг.), когда развивались соображения о том, что фермерство накормит страну. Уместно напомнить, что в тот период максимальное число зарегистрированных фермерских хозяйств составляло 280,1 тыс., а средний размер их земельных участков равнялся 43 га[4]. При этом персонально костяк фермерства составили бывшие главы коллективных хозяйств, руководители их партийных организаций и специалисты (агрономы, ветеринары и инженерно-технические работники). Все эти люди исходно были ориентированы на использование наемного труда и капиталистические методы производства. В социальном плане это была и остается узкая прослойка селян далеких от реалий сельской жизни и тяготеющих к городу. Тогда как реально в качестве первоочередной стояла задача формирования массового слоя семейных крестьянских хозяйств, опирающихся на личный труд крестьянина-единоличника. Именно того социального слоя, который был бы кровно заинтересован в развитии села и сельского хозяйства.

---

[1] База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.

[2] Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ. Статья 27. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

[3] В Поморье активистами ТОС реализовано более двух тысяч проектов // Интернет-портал территориального общественного самоуправления Архангельской области. 2020. – https://www.tos29.ru/news/region/45573/

[4] Сельское хозяйство в России 2000. – М.: Госкомстат России, 2000. – С. 86.

В свое время раскулачивание и последующая коллективизация привели к ликвидации как крестьянского двора, так и самого крестьянина. Без их восстановления любая социально-экономическая политика, в том числе развитие села и борьба с сельской бедностью, не может быть успешной.

Насильственно-принудительное раскрестьянивание села – отнюдь не история давно забытых дней. Оно заметно отличается от раскрестьянивания как исторического процесса[1]. Раскулачивание, коллективизация и сопровождавшее ее преобразование крестьянского двора в ЛПХ могут рассматриваться как основные вехи уничтожения крестьянского хозяйства. Это обстоятельство открывало путь к форсированию индустриализации, но оно блокировало и продолжает блокировать развитие села.

Меры государства, направленные на пересмотр аграрной политики (земельная реформа, чековая приватизация, раздача земельных паев, законодательство об ЛПХ и крестьянских (фермерских) хозяйствах), равно как и наука в своих предложениях по созданию на селе локальной экономики, новых рабочих мест, преобразованию ЛПХ в товарные хозяйства и диверсификации сельской занятости, в действительности продолжают способствовать сложившемуся по итогам коллективизации положению вещей.

Село коренным образом отличается от города, появление которого всегда связано с господствующей на данной территории властью и ее стремлением к безопасности, экспансии и недропользованию. В качестве наглядного примера здесь можно привести судьбу г. Пустозерска. Города, который был «зарублен» по приказу царя Ивана III осенью 1499 г. и развивался более двухсот лет до 1704 г.

В тот год был принят указ о закрытии северного пути за Урал. С этого момента и начался упадок города. Тем не менее, потерял он свой статус города только в 1924 г. За это время возникли и исчезли с лица земли десятки тысяч сел. При этом о них мало что и мало кому известно. А обезлюдившее Пустозерское городище в 1974 г. было признано объектом культурного наследия федерального значения[2].

Село не знает власти и недропользования. Там и тогда, где и когда концентрируется власть или начинается недропользование, заканчивается село. Конкретно в истории нашей страны возникновение многих сел связано со стремлением людей уйти не только от завоевателей, но и от жесткого организационно-управленческого и хозяйственного давления правящей власти. Эта оппозиция и настороженное отношение к власти повсеместно сохраняются в сельской местности и сегодня.

На селе основной привлекательной ценностью всегда является природный (физический) аттрактор, который задает и конфигурирует мотивацию, интересы и цели селян. Там, где культивируется производство сельскохозяйственной продукции, таким аттрактором служит земля. Поэтому традиционно в такой местности сельская жизнь ориентирована на личный труд в режиме самозанятости и очень специфические земельные отношения.

Конечно, постепенное социальное расслоение сельского сообщества, равно как и последующее движение земли и капитала в наши дни, крайне искажает исходную картину. Тем не менее, оно не может изменить саму природу села и сельской жизни. А это значит, что не только крупные товарные производители, которые теперь и призваны кормить город, но и многие новые переселенцы в сельскую местность, которым сегодня уделяется большое внимание в СМИ[3] и научных разработках[4], противоестественны сельскому развитию. Замечательно, если люди имеют возможность жить и реализоваться там, где они хотят. Вряд ли правильно отрицать и тенденции диверсификации сельской экономики посредством далеких от аграрного сектора занятий и видов хозяйственной деятельности[5].

Вместе с тем трудно согласиться с тем, что желание жить на земле и одновременный отказ хозяйствовать на ней, могут способствовать сельскому развитию. Для пригородной сельской местности такая практика способствует разрушению сел и их преобразованию в коттеджные поселки. В то же время для удаленной от больших городов сельской местности такая практика возможна только на начальных этапах жизни на селе, не говоря уже о жизни последующих поколений. И дело здесь не столько в экономической специализации и отраслевых маркерах, сколько в самой природе села, укладе и образе сельской жизни. Без этого все соображения об иерархически организованном сельско-городском континууме[6] просто лишаются какого-либо основания.

Обращение к сельско-городскому континууму предполагает признание того факта, что стационарное состояние этой системы рассматривается нами как «устойчивое». Для таких систем в случае небольших отклонений характерен возврат в исходное состояние. Собственно, это и наблюдается на примере сельско-городского континуума в течение очень и очень продолжительного времени, которое сопровождается массой перемен, происходящих: в системах расселения, социальных пространствах города и села, способах производства, системах нормативного регулирования и др.

Все эти изменения оказывают огромное влияние на общественное развитие, социальные связи и отношения. Тем не менее, сам сельско-городской континуум продолжает сохранять свою устойчивость. Имеются веские основания предположить, что он сохранит ее и на будущее, несмотря на все реляции, связанные с урбанизацией, ростом и эффективностью крупнейших городов и агрохолдингов, равно как и упадком сельской местности. Чем интенсивнее

---

[1] Ильиных В.А. Раскрестьянивание // Библиотека сибирского краеведа [веб-сайт]. – http://bsk.nios.ru/enciklodediya/ raskrestya nivanie

[2] История Пустозерска // Историко-культурный и ландшафтный музей-заповедник «Пустозерск». 06.01.2015 [веб-сайт]. – http://pustozersk-nao.ru/index.php/ru/novosti/19-den-pustozerska

[3] Дауншифтинг по-русски. // Дауншифтеры. 10.08.2016 [веб-сайт]. – https://www.daunshiftery.ru/225-daunshifting-po-russki-2.html

[4] Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М: Ленанд, 2013. – С. 40-42.

[5] Самсонов В.В. Социальное развитие: дихотомия урбанистического и сельского измерений. // Сельские территории в пространственном развитии страны: потенциал, проблемы, перспективы. Никоновские чтения – 2019. – М.: ВИАПИ, 2019. – С. 29.

[6] Там же.

идет опустошение сельской местности и территории, тяготеющей к малым и средним городам, тем выше вероятность того, что на них придут люди.

Ошибочно полагать, что они будут пытаться кормить город, конкурируя с крупными агропромышленными производителями. Все, как и всегда на селе, опять будет реализоваться в форме самоорганизации и самообеспечения. И опять центральным остается вопрос о земле. Регулирование властью доступности селян к земле – хорошо отработанный механизм доминирования города над деревней.

Подобный ход событий обусловлен совсем не тем, что село представляет собой «объект властно-управленческих инициатив, традиционно отстающий в культурном и технологическом развитии, в связи с чем сельские районы позиционируются как заповедник традиционной культуры и самобытности, а в их экономике преобладают технологически и культурно инерционные практики»[1]. Такого рода соображения совсем не о селе, а о его восприятии властью, сформированном как ее многолетним эксплуататорским опытом отношения к селянам, так и теоретическими выкладками, объясняющими, а по сути освящающими, этот исторический опыт.

Какими бы не были успехи АПК в последние годы, власть твердо знает, что «общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI века являются концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации»[2]. В первую очередь с ними, а не сельским хозяйством и тем более не с селом, власть как раз и связывает экономический рост.

В противоположность этому у села и сельских домохозяйств, решающих задачи самообеспечения и жизни на земле, есть своя миссия и своя ниша, которую никогда не освоят крупные, средние и даже многие мелкие товаропроизводители. Во-первых, их миссия реализуется в воспроизводстве потомства посредством жизни на земле в индивидуальном жилище. Уже сегодня напряжения, порождаемые людскими муравейниками мегаполисов и возникающие в связи с этим проблемы здоровья и усталости, заставляют многих людей бежать, куда глаза глядят, в полном смысле этого слова. И чем острее будут стоять проблемы воспроизводства населения и демографического развития, тем актуальнее будет восприниматься потребность в развитии села и сельской местности.

Во-вторых, ниша сельских домохозяйств в производстве продовольствия сохраняется и одновременно преобразуется на наших глазах. Ее масштабы станут ясны, как только мы перейдем от доступности продовольствия к его качеству, природной чистоте и полезности. При этом все разговоры о товарном производстве биологически чистой сельхозпродукции очень быстро уйдут на задний план. Товарная продукция не может быть биологически чистой по определению. Поэтому каждый, кто будет действительно нуждаться в такой продукции, вынужден будет обратить внимание на село и домашнее производство. Форс-мажорные обстоятельства, запускающие такого рода процессы, как правило, не заставляют себя долго ждать. В качестве одного из таких обстоятельств можно рассматривать идущую сегодня по миру пандемию коронавируса. Имеются веские основания предполагать, что дискомфорт режима самоизоляции, всеобщая неразбериха, а главное утрата рабочих мест и источников существования, заставят многих задуматься о перспективности концентрации огромных масс людей в мегаполисах и привлекательности сельской жизни.

[1] Самсонов В.В. Социальное развитие: дихотомия урбанистического и сельского измерений. // Сельские территории в пространственном развитии страны: потенциал, проблемы, перспективы. Никоновские чтения – 2019. – М.: ВИАПИ, 2019. – С. 29.

[2] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г., 207-р. – С. 4. – http://government.ru/docs/35733

Пашин Ф.
эксперт Фонда содействия общественной дипломатии

КРАХ МИРОВЫХ ЭЛИТ

Ключевые слова: *мироустройство, элиты, пандемии, расовый кризис, социально-экономическое развитие.*

Времена утилизации

До самого последнего времени стабильность мироустройства во многом основывалась на стабильном и поступательном развитии стран и народов так называемого «цивилизованного миллиарда» во главе со США, которые служили не только главной привлекательной «демократической» витриной успешной и благополучной жизни, но и гарантом, а точнее жандармом, поддержания несправедливого мирового порядка. Однако в настоящее время глобальное противоречие современности вынуждает ведущие теневые мировые кланы (Барухи, Варбурги, Медичи, Ротшильды, Рокфеллеры и др.) идти не только на реализацию планов радикального сокращения народонаселения мира, но и на упразднение публичных элит ведущих стран, представительств «глобального государства», которые всегда выполняли роль послушных марионеток. И это не только государственные правители и олигархи, но и их многочисленная обслуга в лице чиновников, деятелей науки и культуры, представителей шоу-бизнеса, журналистов, визажистов, психологов, дизайнеров и т.д. и т.п., имя им легион. Не говоря уже о рядовых гражданах западных стран – безмолвных жертв тотального потребления и массовой культуры. Похоже, «мировая закулиса» больше не считает возможным и далее «обустраивать, содержать и кормить недавно привилегированные народы так называемого цивилизованного миллиарда, в том числе их праздные, убогие, никчемные псевдоэлиты.

Как показывают последние события, на практике активно апробируются не только традиционные методы и способы сокращения «лишних народов» и элит, но и механизмы более рентабельного, недорогого управления с опорой на активные агрессивные расовые, национальные, социальные и другие меньшинства. Так, например, с помощью активистов ЛГБТ, наркоманов, религиозных и других сектантов и извращенцев, носителей антисоциальных явлений, легко манипулировать общественным сознанием, подрывая основы традиционных и, прежде всего, семейно-брачных отношений в государстве, ломать парадигму историко-культурной эволюции людей.

Но сегодня такого рода действий недостаточно, чтобы выстроить новый мировой порядок в интересах абсолютного меньшинства, для которых нет ничего более важного, чем жажда сохранения глобальной власти. Поэтому, например, на Украине к власти приведено агрессивное меньшинство в лице так называемых «жидобендеровцев», по меткому выражению Игоря Коломойского, одного из идеологов государственного переворота 2014 года в Киеве. И не важно, что 73 процента украинцев отвергли преступное правление оголтелых националистов в лице Порошенко. Готовые голосовать хоть за «телеграфный столб» они избрали Зеленского. Но воз и ныне там – агрессивное меньшинство с благословения «сильных мира сего» и при поддержке их марионеток в других странах Запада продолжает разрушать украинское государство и уничтожать русско-славянский народ. Ранее, перед Второй мировой войной, подобный опыт использовался в Германии, где к власти с изволения «сильных мира сего» также были приведены нацисты. Потом их натравили на СССР, нынешних украинских нацистов толкают к войне с Россией. История повторяется.

Сегодня небезынтересные события происходят в США, где на основе расового негритянского меньшинства, как они сами себя называют «черные», активно формируется система нового управления не только в Америке, но и других ведущих странах мира. С помощью агрессивного меньшинства, как и на Украине, а ранее в Германии, которое мировым правителям обходится гораздо дешевле, можно будет начать утилизацию, прежде всего, белого расового большинства и представителей других «цветных» народов, в том числе элитных групп, которые больше будут не нужны. Впоследствии и «черных» наверняка, будет ждать подобная участь – «мавр сделал свое дело, мавр может уходить». В свое время выходцы из Африки уже помогали разобраться с европейцами.

В целях утилизации «лишних народов» планируется задействовать и другие возможности. Видимо, на регулярной основе станет распространение разного рода эпидемий и пандемий на фоне мегамиграций. Таким, на первый взгляд, естественным образом, очень легко и быстро можно содействовать уменьшению населения. Теперь опробована самоизоляция, которая не только лишает людей «куска хлеба» и ограничивает возможности здорового размножения, но и блокирует протестную активность. Если дело дойдет до массовой чипизации и внедрения искусственного интеллекта, сокращение народонаселения пойдет гораздо быстрее. Сильные мира сего мыслят широко и далеко.

Россия, как одна седьмая часть суши, богатейшая территория, остается главной целью мировых правителей, которые давно уже записали все народы нашей страны, без исключений, в число лишних, даже тех, кто сегодня всячески подрывает основы национальной безопасности страны. По планам мироустроителей, российская территория призвана стать новым плацдармом глобальной гегемонии вместо США, которые, как считают эксперты, окажутся «унесенными неграми» в хаос и погибель.

Уроки расового кризиса

Кровавые столкновения на межрасовой основе в Америке, протесты в других странах невольно заставляют американские события экстраполировать на нынешнюю российскую действительность, проводить параллели, которые напрашиваются сами собой. Уроки из американской трагедии позволяют предупредить негативные сценарии развития событий в России, где также имеет место нарастание протестных настроений в силу имеющихся внутренних противоречий и кризисных явлений. Чтобы этого не произошло, власти должны адекватно и своевременно реагировать на естественные ожидания, запросы и потребности большинства граждан страны, а не только меньшинства.

Как показали известные события в США, в кризисных ситуациях в федеративных многонациональных и поликонфессиональных странах, с высоким уровнем внешней миграции гораздо выше угрозы, опасности и риски для национальной безопасности и территориальной целостности выше, чем в унитарных государственных образованиях с однородным населением. Само по себе наличие «разношерстного» американского населения уже порождает взаимную неприязнь и напряженность, конфликтогенность и множество противоречий в обществе, сеет рознь между гражданами, которые обостряются и вырываются наружу в периоды обострения обстановки. США, которые представляют собой Закрытое акционерное общество (ЗАО), управляемые извне силами «глубинного государства» с опорой на так называемую «страновую элиту», изначально строились на ущербной национально-государственной основе, начиная с тотального уничтожения индейцев-коренного населения страны, массового использования рабского труда и, прежде всего, из Африки, а впоследствии и до нынешнего времени – беспрецедентной дискриминации представителей «белой расы», которые до сих пор составляют большинство США. Известная политика толерантности на самом деле означает поддержку, поощрение, преференции, прежде всего, для национальных меньшинств. В результате возникло новое явление «цветного» и, прежде всего, «черного» расизма в отношении «белого большинства».

Ситуация усугубляется тем, что в США нарастают классовые противоречия между богатым меньшинством и бедным большинством, которое ассоциируется с «цветным» населением. Несмотря на то, что американские элиты прикрываются включением в свой состав в том числе афроамериканцев, в американском обществе растет понимание того, что республиканцы и демократы – это два крыла одного закрытого клана «глубинного государства», которые в настоящее время что-то не поделили между собой. Наибольшими лоббистскими, финансовыми и информационными возможностями располагает так называемая «страновая элита», а вернее, «межстрановая элита», тесно связанная с международными центрами глобальной политики, ее позиции сильны во многих государствах мира, в том числе в РФ. Благодаря этому они активно влияют на развитие расового кризиса в США, противодействуют сторонникам президент Трампа, подстрекают массовые протесты в Европе, Гонконге, России и др.

Успешному преодолению кризиса не способствует нынешняя система государственного устройства США, в которой в максимальной степени реализован известный принцип внешнего управления «разделяй и властвуй». В результате налицо отсутствие какого-либо единства во властной вертикали, что усугубляется расколом политических элит. Создается впечатление, что не только в частном управлении находится ФРС, но и отдельные органы американской власти. Крайне дезинтегрированы силовые структуры, отдельные представители которых уже переходят на сторону протестующих или становятся на колени перед ними. Губернаторы игнорируют президента страны. Повсеместно ощущается вмешательство во внутренние дела США представителей других глобальных кланов и, в частности, небезызвестного «филантропа» Сороса. На американский пожар вовсю льют бензин так называемые «независимые СМИ», руководимые из единого центра влияния.

Россия перед лицом расового вызова

В России нет влиятельного расового «черного меньшинства», хотя их представители, раз за разом, напоминают о себе и своей солидарности с «борющимися за свои права» афроамериканцами в Америке – «Black Lives Matter». Сегодня РФ, как и США, остается федеративным, многонациональным и поликонфессиональным государством, с высоким уровнем внешней миграции, где сложились влиятельные этнорелигиозные диаспоры, пользующиеся поддержкой внутри страны и извне. Примерно треть всех субъектов федерации – это национально-государственные территориальные образования с особым статусом, где в политике, экономике, культуре, информации и других сферах доминируют титульные народы в ущерб, прежде всего, представителям русского славянского населения, по аналогии с «белым большинством» в США.

Нельзя не признать, что политика дискриминации крестьянского (христианского) большинства возникла не сегодня, она имеет свои еще дореволюционные (1917 г.) историко-политические предпосылки, когда российские элиты были представлены во многом чужестранцами, выходцами из других стран и народов. В советский период произошло законодательное закрепление привилегированного положения отдельных национальных республик и их народов, в меньшей степени, национальных автономий в их составе. Как известно, Советский Союз ломали и крушили по этнополитическим лекалам и предпочтениям. К сожалению, в наши Российская Федерация унаследовала национально-территориальное государственное устройство страны, что, по оценкам экспертов, представляет собой мину замедленного действия под основами многонациональной государственности.

Враги России неслучайно называют ее «тысячелетней рабой», имея ввиду что обустройство страны происходило в ущерб, за счет и на плечах «глубинного народа» и, прежде всего, русско-славянского населения. Поэтому его отчуждение от власти имело место на протяжение столетий. Власти страны всякий раз обращались к «глубинному народу» во времена лихолетий и невзгод, как например, это было в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), когда советский режим вынужден был противостоять фашистской Германии, которую взрастили глобальные силы

влияния. При Сталине быстро вспомнили о славном русском воинстве, роли православной солидарности, других исторических и культурных традициях.

Представители «глубинного народа» несколько оживились и приподнялись во время правления Владимира Путина, что, прежде всего, связано с противодействием Грузинской агрессии в 2008 г., присоединением Крыма к РФ (2014 г.), защитой русскоязычного населения в Донбассе. Однако в последнее время благодаря усилиям Запада и их «агентуры влияния» в РФ число сторонников президента среди представителей «глубинного народа» стало заметно снижаться. Вроде слова президент говорит правильные, решения принимаются нужные, в горе и радости он с народом. Однако на его глазах, при всем честном народе либеральная олигархия, ставленники во власти, информационная мафия и уличная всегда протестная шпана продолжают действовать по беспределу во вред стране и народу. Сколько можно терпеть! Доколе?

К счастью, события в старом и новом в свете заставляют политиков сегодня вновь обращаться к главной проблеме российской жизни – русскому вопросу. Уже даже стойкий коммунист Геннадий Зюганов в своей недавней статье «Русский стержень державы» заговорил о народе, о существовании которого в нынешней России не принято вспоминать. Однако сама вероятность уличных и других разборок и конфликтов на этнорелигиозной основе, подобно тому, как это происходит сегодня в городах Америки и Европы, заставляет всех встрепенутся. Может поэтому либеральная уличная шпана не спешит на массовые протесты, потому что может там встретиться с представителями других нелиберальных национальностей.

Власть начала действовать на опережение, но с большим запозданием. Новые поправки в Конституцию, которые в том числе направлены на поддержку русского языка и государствообразующего народа, преодоление противоречий в обществе и др., конечно же нужны, но они не до конца разрешают главные противоречия современной России – ущербное государственное устройство страны, отсутствие справедливости и равных возможностей, правды, законности и порядка, духовности и морали. Разве можно без этого осуществлять стабильное, поступательное и гармоничное возрождение и дальнейшее развитие страны. Нельзя не признать, что, как и в США, наличие «разношерстного» российского населения порождает множество противоречий, взаимную неприязнь и напряженность, конфликтогенность, провоцирует рознь между гражданами страны, что чревато непредсказуемыми последствиями в кризисные периоды развития государства.

Чтобы не говорили эксперты о том, что Россия, в отличии от США имеет более длительную историю и в ней отсутствует практика колонизации национальных окраин, длительный период поощрения властями местечкового национализма и шовинизма изначально был порочным, так как чреват непредсказуемыми последствиями для судеб государства. В результате в РФ самые влиятельные этнорелигиозные меньшинства с опорой на свои национально-государственные образования, многочисленные диаспоры, национально-культурные автономии и религиозные институты, другие неправительственные организации объединены и консолидированы, могут быть быстро отмобилизованы на активные действия в кризисных условиях. Как можно предположить, при таком развитии ситуации неизбежно нарастание русско-славянской солидарности. А, как известно из истории, «бессмысленный русский бунт» чреват не только эскалацией конфликтов.

Как и в США, ситуация в РФ усугубляется глубокими классовыми противоречиями между богатейшим меньшинством, тесно связанным со своим западными покровителями, и бедным российским большинством. Несмотря на то, что с прежних времен российская элита, по традиции разделенная на варягов из числа подданных других стран и своих «сукиных сынов», публично прикрывалась включением в свой состав представителей других национальностей страны, в том числе русских, в российском обществе считают, что это одна «шайка-лейка», грызущаяся за власть. В наши дни наибольшими лоббистскими, финансовыми и информационно-культурными возможностями управления обществом обладают прозападные либералы, тесно связанные с международными центрами глобальной политики, в том числе с «межстрановой элитой» США. Благодаря этому они умело манипулируют последствиями коронавирусной пандемии и финансово-экономического кризиса, активно влияют на провоцирование кризиса в РФ, противодействуют сторонникам президента Путина. Сегодня они бросили все силы, чтобы сорвать голосование по изменениям в Конституцию, что существенно может ограничить их подрывные возможности.

Как и в США, серьезную угрозу для страны представляют мегаполисы. Москва, давно уже превратившись в государство в государстве, в глазах россиян и граждан соседних стран – источник всех бед и зол России. Московский либеральный истеблишмент живет по своим неписанным законам, продиктованным извне «сильными мира сего». В коронавирусный кризис столица попирает права и свободы граждан, манипулирует федеральными и региональными органами власти, фактически публично противостоит действующему главе государства. Около 70 процентов подрывного инфопотока контролируется либеральными московскими медиа, которые функционируют в русле чужеродного подрывного «мейнстрима» западного происхождения. Только в последние дни в связи с предстоящим голосованием по Конституции на Россию обрушился настоящий проливной фейковый дождь с градом абсурдных обвинений властей во всех грехах. По оценкам экспертов, действия московских элитных групп в интересах глобального предиктора невольно провоцируют раскол во властных органах, подают плохой пример региональному истеблишменту, провоцируют дестабилизацию обстановки в стране. Достаточно привести пример с попытками сорвать инициативу президента по массовым выплатам гражданам средств в связи с коронавирусом.

В настоящее время в связи с последствиями пандемии коронавируса, событиями в США, Европе и др. странах, внешние и внутренние враги России фактически вновь пытаются развернуть страну к краю той пропасти времен Горбачева и Ельцина, от которой ее в свое время оттащил Владимир Путин. В связи с событиями в США, Европе и других странах враждебные силы в РФ нацелены усилить свою подстрекательскую, провокационную и подрывную деятельность против государства и общества. Беспрецедентным нападкам подвергается сам глава государства, который в

отличии от Трампа, Меркель, Макрона, Джонсона, Зеленского и прочих марионеток «глубинного государства», не является ставленником глобальных сил влияния, противостоит им совместно с Си Цзиньпином. Между тем, сегодняшняя Россия фактически висит на «одном гвозде», имя которому Путин. Выдерни его, и страна рухнет со всеми вытекающими негативными последствиями, развал СССР «покажется цветочками». Хочется надеяться, что голосование 1 июля 2020 г. по поправкам в Конституцию создаст предпосылки для обустройства России на новых принципах, в интересах России, во благо россиян, укрепит национальную безопасность, суверенитет и территориальную целостность страны.

Пронина Л.И.
д.э.н., профессор ИГСУ РАНХиГС

РОЛЬ И МЕСТО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

***Ключевые слова**: региональная политика, бюджетная политика, регионы, муниципалитеты, финансовое положение регионов, стимулирование регионов, экономический потенциал, межбюджетные отношения, организация местного самоуправления, цифровизация процесса планирования и исполнения бюджетов, Общенациональный План восстановления экономики.*

Роль и место региональной экономики в современном обществе определяется под влиянием ряда факторов. Среди них такие факторы, как региональная политика, бюджетная политика в отношении субъектов Федерации и муниципалитетов, финансовое положение регионов, цифровизация процесса планирования и исполнения федерального и региональных бюджетов, комплексное развитие и специализация субъектов РФ и другие.

Рассмотрим основные из них.

1. Финансовое положение регионов в 2020 году

В 2020 году регионы получили дополнительные полномочия по перераспределению расходов, увеличению размера дефицита и госдолга.

Согласно данным Минфина, расходы регионов в апреле 2020 года выросли на 24,5% по сравнению с апрелем 2019 года. Лидером стала Москва, где расходы выросли на 67% в этот период. Это обусловлено, в том числе, двукратным ростом расходов на здравоохранение, которые составили 210 млрд. руб.

Эти средства распределены по регионам крайне неравномерно. По данным ВШЭ, ряд регионов увеличил расходы на здравоохранение в 3 раза, а Псковская и Тамбовская области, республики Карелия и Дагестан – в 4–5 раз. Такой рост можно расценивать как индикатор того, что до начала эпидемии коронавируса эти расходы были недостаточны.

По итогам первого квартала 2020 года регионы и муниципалитеты получили только 43% от всех собранных налогов. Всё остальное пошло в федеральный бюджет. Основной объем доходов собирается наверху, поэтому регионы, кроме Москвы, очень ограничены в возможностях оказывать собственные меры поддержки бизнесу и населению, а также стимулировать экономическую активность на региональном уровне.

По данным Федерального казначейства на 01.05.2020 32% средств региональных бюджетов – это субвенции из федерального бюджета. Кроме того, распределение антикризисной поддержки не имеет прозрачных стандартов и зависит от решения правительства. Так, один только Татарстан получит 13,6 млрд. рублей из первого пакета антикризисных мер на 200 млрд. рублей. Все остальные регионы – значительно меньше. Башкирии выделят 8,08 млрд. руб., Нижегородской области – 635 млн. руб., Самарской области – 514 млн. руб.

2. Государственная политика регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года

В современных условиях России одним из основных стимулов экономического роста является развитие регионов и муниципалитетов. Планомерная реализация данного стимула возможна лишь на основе разработки и реализации государственной политики регионального развития. Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16 января 2017 года № 13 (далее – Указ) содержит основные положения реализации такой политики.

Реализация государственной политики регионального развития особенно важна в современных условиях.

В настоящей статье рассмотрим лишь некоторые аспекты государственной политики регионального развития Российской Федерации, в частности, совершенствование механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала (пп. г) и д) п.7 Указа) и повышению эффективности их деятельности.

1. Предусматривается создание дополнительных стимулов для органов государственной власти субъектов РФ для получения целевых межбюджетных трансфертов (далее – МБТ) при одновременном повышении самостоятельности органов государственной власти субъектов РФ в выборе способов достижения поставленных целей при использовании целевых МБТ. Совершенствование системы формирования, распределения и предоставления МБТ из бюджета одного уровня бюджетной системы РФ в бюджет другого уровня, в том числе путем: ежегодного определения в законе о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период перечня приоритетных расходных обязательств субъектов РФ и муниципальных образований, подлежащих софинансированию из федерального бюджета.

2. Среди стимулирующих мер вводится предоставление грантов из федерального и региональных бюджетов соответственно субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям, достигающим наиболее высоких темпов наращивания собственного экономического потенциала и снижения уровня дотационности территорий;

3. Важнейшей мерой является уточнение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, совершенствование их финансового обеспечения и организация эффективного исполнения указанных полномочий (с максимальным привлечением населения к участию в государственном и муниципальном управлении) .

4. Эффективное применение мер финансовой ответственности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и персональной ответственности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, глав муниципальных образований (глав местных администраций) за невыполнение принятых при получении межбюджетных трансфертов обязательств по эффективному использованию бюджетных средств и достижению конкретных результатов в развитии соответствующих отраслей экономики и социальной сферы;

5. Повышение уровня материального и социально-бытового обеспечения их работников (сотрудников) при условии установления мер ответственности за конкретные результаты работы по социально-экономическому развитию территорий при оптимизации системы и укрепления материально-технической базы территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, полномочия которых не переданы органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления.

6. Введение дополнительных механизмов привлечения граждан Российской Федерации к участию в государственном и муниципальном управлении, повышения их гражданской ответственности при решении вопросов социально-экономического и политического развития территорий, а также механизмов учета мнения населения при решении указанных вопросов.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности – важный инструмент государственной политики как региональной, так и бюджетной. С одной стороны, дополнительные требования к субъектам РФ-реципиентам противоречили принципам федерализма, отрицая безусловные обязательства Федерации по обеспечению равного доступа всех граждан РФ к благам и услугам. С другой стороны, новшество стало логичным продолжением работы по усилению бюджетной ответственности регионов.

Например, в СЗФО дотационными являются все регионы, кроме Санкт-Петербурга, Ленинградской области и НАО. Однако уровень финансовой зависимости реципиентов от федерального центра различается. Так, в Мурманской области объем дотаций составил в 2020 году порядка 15 миллионов рублей – это лишь сотые доли процента от всех доходов регионального бюджета. В Псковской области на федеральные дотации приходится более 13 процентов доходов казны – 4,7 миллиарда рублей из 35 миллиардов.

При изменении с 2017 г. пропорций распределения налога на прибыль организации: в федеральный бюджет (3 проц. пункта) и в региональные бюджеты (17 проц. пунктов).

Это позволило центру помочь наименее обеспеченным регионам за счет увеличения объема межбюджетных трансфертов. Эта сумма достигла в 2018 г. 121 млрд. рублей, из которых 100 млрд. рублей было отдано в фонд финансовой поддержки регионов для поддержки наиболее проблемных из них, 20 млрд. рублей предусмотрено для поощрения регионов, которые обеспечивают высокий рост. При этом Минфин поднял требования к регионам. Субъекты РФ заключают обязывающие соглашения с Минфином.

Основное условие заключения таких соглашений по новому правилу – дефицит бюджета должен быть не выше 10%, а не 15% как ранее было установлено в БК. Параметры соглашений устанавливают сами субъекты РФ. При невыполнении соглашений на 5% уменьшается объем дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности.

Это должно стимулировать субъекты РФ к созданию собственной доходной базы.

Вместе с тем недавний анализ Счетной палаты показал: зависимость между исполнением бюджетных обязательств и уровнем дотационности субъектов отсутствует. Так, в 2018 году свою финансовую самостоятельность повысили восемь регионов-реципиентов. Из них только два субъекта в 2017 и 2018 годах выполнили все требования, прописанные в соглашениях с федеральным Минфином.

Можно предложить следующее для эффективной реализации Указа Президента РФ № 13.

Во-первых, системно и комплексно решать все поставленные задачи и проводить мероприятия как для субъектов РФ, так и для муниципальных образований, составляющих единую систему межбюджетных отношений.

Во-вторых, основным показателем эффективности государственной политики регионального развития Российской Федерации может быть признано, в частности, совершенствование механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического, в том числе налогового потенциала.

В-третьих, важным принципом дальнейшего совершенствования государственной политики регионального развития Российской Федерации можно признать объединение всех механизмов, инструментов и направлений налоговой, бюджетной, таможенной, долговой, а также государственной политики регионального развития и иных взаимосвязанных политик в одном документе, определяющем Основные направления их планирования.

Успешная реализация государственной политики регионального развития сформирует дополнительные условия для роста ВВП, сбалансированности бюджетной системы, структурных преобразований в экономике.

3. Бюджетная политика в 2020–2022 годы в отношении субъектов Федерации и муниципалитетов

К числу приоритетных направлений бюджетной политики Российской Федерации относятся совершенствование межбюджетных отношений и дальнейшее развитие организации местного самоуправления, совершенствование системы разграничения полномочий между уровнями публичной власти, исходя из необходимости достижения задач, поставленных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». Рассмотрим одно из важнейших направлений бюджетной политики – совершенствование межбюджетных отношений, влияющих на экономику регионов и страны в целом.

В соответствии с федеральным бюджетом на 2020-2022 годы бюджетные ассигнования по разделу «Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации» в 2020 году составят 1 008 715,7 млн. рублей, в 2021 году – 995 581,1 млн. рублей и в 2022 году – 1 004 092,7 млн. рублей.

По отношению к объему ВВП соответствующего года доля расходов раздела «Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации» составит в 2020-2022 годах 0,8 процента.

Доля в общем объеме расходов федерального бюджета по разделу «Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации» в 2020 году по сравнению с 2019 годом (5,4%) уменьшится и составит 5,2%, в 2021 и 2022 годах уменьшится и составит 4,9 процента.

Совершенствование межбюджетных отношений в современных условиях установлено «Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно- тарифной политики на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годы» (утв. Минфином РФ).

В сфере совершенствования системы межбюджетных трансфертов (МБТ) планируется реализация следующих основных задач:

– совершенствование подходов к выравниванию субъектов Российской Федерации по уровню бюджетной обеспеченности, в том числе с учетом изменения с 2022 года критериев выравнивания при распределении дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности;

– утверждение единых предельных уровней софинансирования расходных обязательств субъектов РФ на весь период реализации национальных проектов;

– расширение «горизонтов» планирования путем распределения МБТ на трехлетний период и/или на весь срок реализации национальных проектов;

– закрепление требования о заключении соглашений на срок, не меньший периода, на который утверждено распределение субсидий по субъектам РФ;

– установление предельного срока утверждения правил предоставления МБТ;

– установление предельного срока заключения соглашений о предоставлении субсидий регионами с муниципальными образованиями;

– уточнение подходов к распределению субсидий из федерального бюджета, исходя из необходимости учета перспективных экономических специализаций субъектов и параметров демографического прогноза, установленных Стратегией пространственного развития Российской Федерации на 2020–2025 годы;

– уточнение подходов к предоставлению грантов субъектам РФ с учетом оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ по повышению уровня социально-экономического развития;

– ограничение случаев предоставления иных МБТ, начиная с 1 января 2024 года – только на цели финансового обеспечения расходных обязательств субъектов РФ в рамках неразграниченных полномочий.

Интересной новеллой в организации межбюджетных отношений можно признать введение субсидий бюджетам субъектов РФ из бюджета субъекта РФ – «горизонтальных» субсидий (статья 138.3. БК РФ, введена Федеральным законом от 02.08.2019 № 307-ФЗ).

Под субсидиями бюджетам субъектов РФ из бюджета субъекта РФ понимаются межбюджетные трансферты, предоставляемые бюджету субъекта РФ из бюджета другого субъекта РФ в целях софинансирования расходных обязательств при выполнении полномочий органов государственной власти субъектов РФ по предметам ведения субъектов РФ и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ и расходных обязательств по выполнению полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения.

При этом цели и условия предоставления «горизонтальных» субсидий устанавливаются соглашениями между высшими исполнительными органами государственной власти соответствующих субъектов РФ, заключаемыми в порядке, установленном законом субъекта РФ и (или) нормативными правовыми актами высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, из бюджета которого предоставляется эти субсидия.

Отметим, что такой механизм позволит гарантировать исполнение расходных обязательств субъектов РФ с низким уровнем бюджетной обеспеченности территорий при реализации совместных с субъектом-донором проектов и программ.

Однако перекладывание обязательств федерального бюджета по выравниванию бюджетной обеспеченности и сбалансированности бюджетов субъектов-реципиентов на субъекты-доноры может ослабить возможности последних в сфере инвестиционной и инновационной деятельности.

Другой важный аспект связан с требованием о наращивании региональных доходов. Возможности субъектов РФ по привлечению дополнительных средств в бюджет ограничены. Регионы вправе корректировать ставки налога на прибыль, на имущество организаций и транспортного налога. Кроме того, региональные и муниципальные власти могут оказать влияние на уровень собираемости налогов.

Например. Калининградская область в 2019 году впервые за последние несколько лет исполнила план по доходу от транспортного налога. Казна получила 1,5 миллиарда рублей – на 200 миллионов рублей больше, чем в 2018 году.

Очевидно, что в связи с вынужденными простоями из-за пандемии, с которыми столкнулись налогоплательщики, субъекты РФ в 2020 году недополучат часть запланированных налоговых доходов. Бюджетная нагрузка на региональные бюджеты растет в связи с дополнительными мерами поддержки бизнеса, расходами на здравоохранение, решением актуальных социальных задач, обозначенных в январском послании президента в 2020 году, в Общенациональном плане восстановления экономики.

Необходимо скорректировать и расходные обязательства, которые взяли на себя регионы. В частности это относится к целевым показателям некоторых национальных проектов. Вряд ли многим регионам удастся в 2020 году увеличить численность занятых в сфере МСП, как того требует нацпроект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Также высока вероятность корректировки инфраструктурных проектов.

В связи с введением с 2019 года в систему местного самоуправления нового вида муниципального образования – муниципального округа – планируется подготовка и внесение соответствующих изменений в Бюджетный кодекс в части включения в бюджетную систему Российской Федерации бюджета муниципального округа, установления перечня бюджетных полномочий, доходных источников муниципального округа и определения подходов к выравниванию его бюджетной обеспеченности.

Кроме того, на федеральном уровне с целью обеспечения подготовки и принятия в 2021 году и последующих годах сбалансированных бюджетов городских округов (городских округов с внутригородским делением) и муниципальных районов в условиях отмены с 1 января 2021 года специального режима налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности (в соответствии с пунктом 8 статьи 5 Федерального закона от 29 июня 2012 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 26 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”») планируется подготовка и принятие мер, связанных с перераспределением доходных источников между региональным и местным уровнями бюджетной системы

4. Цифровизация процесса планирования и исполнения федерального и региональных бюджетов

Цифровизация экономики крайне важна в современных условиях, в том числе цифровизация процесса планирования и исполнения федерального и региональных бюджетов. В частности, Федеральное казначейство превратит финансирование ФАИП (федеральная адресная инвестиционная программа) в часть цифровизованного процесса планирования и исполнения федерального бюджета, т.е. ФАИП может перейти в систему «Электронный бюджет» при условии корректировки правил ее формирования. Таким образом, ФАИП с объемом в сотни миллиардов рублей в год и в течение трех десятилетий фактически бывшая изолированной частью бюджета со своими правилами превращается в обычную составляющую федерального бюджета. В дальнейшем, по проекту Минфина, ФАИП может стать реестром проектов, отражающим весь жизненный цикл капвложений – от принятия решения до ввода объекта в эксплуатацию. Аналогичный подход уже реализован Федеральным казначейством в работе с госзаказом.

В настоящее время программа «формируется вне рамок процедуры бюджетного планирования, что осложняет процесс выделения средств на проекты и их перераспределение. Согласно действующей процедуре, сформировавшейся еще в 1990-е годы, ведомства направляют свои предложения в МЭР, которое передает данные в Минфин для их последующего доведения до Федерального казначейства (ФК). Согласно проекту, ведомства должны будут самостоятельно вносить свои предложения в «Электронный бюджет» – там же будут формироваться и предложения об изменении лимитов финансирования.

Следовательно, основная проблема в управлении ФАИП состоит в необходимости длительных согласований между Минфином и Минэкономики документов при изменении ее паспорта, и идея «погружения» программы в «Электронный бюджет» актуальна. Вместе с тем, для трансформации ФАИП в реестр проектов необходимо продолжить работу по созданию информационной системы «Капиталовложения», которую к октябрю 2020 года Минфин и ФНС должны представить для сопровождения исполнения соглашений между организациями и регионами и их мониторинга.

Таким образом, процедура формирования ФАИП упростится – ведомства будут избавлены от необходимости направлять друг другу данные, поскольку они будут отражены в «Электронном бюджете».

Эта идея продолжает работу Минфина по реформированию системы управления госфинансами и исполнения бюджета – в ее рамках для повышения эффективности госрасходов уже с 2021 года будет запущена система казначейских платежей, предполагающая перенос на сторону ФК всех бюджетных трансакций для сокращения издержек и сроков переводов между участниками бюджетного процесса. Другие инициативы по повышению бюджетной дисциплины связаны с консолидацией в казначействе бухгалтерских функций ведомств и интеграцией этих данных с Единой информсистемой в сфере госзакупок, полной цифровизацией цикла исполнения госзаказа от планирования до оплаты и учета результатов его исполнения, а также погружением в электронный бюджет данных о торгах госимуществом, регулярно подвергавшихся критике за неэффективность.

Такие изменения лишат ФАИП ее многолетнего неформального статуса изолированной части бюджета с особыми правилами работы. ФАИП – это в первую очередь государственные стройки, и вокруг программы в 2000–2010 гг. формировалась совершенно отдельная практика отношений во власти, связанная в первую очередь с региональной политикой и государственными инвестиционными расходами.

В дальнейшем предполагается, что ФАИП станет единым реестром создаваемых за государственных средств объектов, что снимет необходимость ежегодного пересмотра и уточнения их параметров в привязке к бюджетному циклу. ФАИП тогда будет отражать весь жизненный цикл капвложений, начиная от принятия решения об их осуществлении и заканчивая вводом в эксплуатацию. Для этого потребуются и изменения в Бюджетный кодекс.

5. Участие регионов и муниципалитетов в реализации «Общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения» (далее – План)

В Плане предлагается совместить восстановление экономики с набором ограниченных структурных реформ в центре и в регионах с тем, чтобы после 2021 года увеличить потенциал экономического роста.

Так, полное списание налогов и страховых взносов индивидуальных предпринимателей (ИП), предприятий малого и среднего бизнеса (МСП) и социально-ориентированных некоммерческих организаций (НКО) за второй квартал 2020 г. снизит поступления в региональные и местные бюджеты. Компенсировать это снижение частично помогут установленные льготы по бюджетным кредитам и предполагаемое предоставление субъектам РФ дополнительных трансфертов.

Это относится не только к производственным показателям, но и к социальным индикаторам, Например, планируется за два года вернуться к уровню безработицы по методике МОТ ниже 5%, в 2021 году снизить долю бедного населения ниже уровня 2019 года.

Меры поддержки при пандемии в отношении регионов чрезвычайно важны: восстановление экономики регионов является основным «локомотивом» роста экономики страны в целом.

Из резервного фонда правительства регионам было выделено свыше 65,8 млрд. рублей. Первый транш в размере 33,4 млрд. рублей поступил в марте, второй – 32,4 млрд. рублей – в апреле 2020 г. Эти средства можно было использовать для создания коечного фонда, оснащения больниц оборудованием для помощи больным с коронавирусом, в том числе системами снабжения кислородом, а также для обеспечения персонала средствами индивидуальной защиты.

Проблемы региональных финансов в 2020 году План предполагает решать путем выделения дополнительных дотаций в размере 200 млрд. руб. Пока не определены суммы на поддержку ЖКХ, в настоящее время установлены только госгарантии по кредитам на 100 млрд. руб. и для стройиндустрии.

Решение социальных проблем актуально для регионов. Провозглашенное в Плане создание «социального казначейства» означает реальный переход к адресной поддержке малоимущих групп населения. Такая мера может реализоваться в значительной степени за счет региональных бюджетов.

Почти 79% населения РФ имели в 2018 году среднедушевые доходы в размере до 45 тыс. руб. в месяц. И лишь около 21% населения РФ имели среднедушевые доходы в размере от 45 тыс. руб. в месяц. При этом в 2017 г. это соотношение было немного хуже: 80,3% населения имели среднедушевые доходы до 45 тыс. руб. в месяц, а 19,7% –свыше.

Предусматривается очень быстрое, в течение 2020 года, создание технологической платформы для учета состояния домохозяйств и переход с 2021 года к адресной социальной поддержке граждан. Фактически запланирована на 2020 год настоящая революция в социальной политике. Установление единого подхода к определению состава семьи и перечня доходов населения для предоставления мер социальной поддержки правительство РФ безуспешно планировало с 1992 года.

Интересно отметить, что Председатель Счетной палаты А.Л. Кудрин заявил: в условиях кризиса целесообразно пойти по схеме широкой выдачи денег населению, а выбранную властями методику адресной поддержки он назвал «трудновыполнимой». Он считает, что в кризисные периоды требуются простые и быстрые методы предоставления помощи – схему широкой выдачи средств только на эти три-четыре месяца, а потом можно вернуться к традиционным методам поддержки населения, но все равно делать их более простыми, применять дистанционные способы подтверждения данных.

Полагаем, что с данным предложением трудно согласиться, Во-первых, для реализации антикризисных мер, в том числе противопандемийных, может потребоваться не 2–3 месяца, а не менее 1,5–2 лет. Во-вторых, именно в кризисных ситуациях важно эффективно использовать бюджетные средства регионов, так как адресная помощь предоставляется на основе сопоставления среднедушевого дохода семьи с прожиточным минимумом в данном регионе. В-третьих, устойчивая тенденция снижения реальных доходов населения требует изменения структуры мер поддержки наименее обеспеченных групп населения в целях социальной консолидации общества и оптимизации регионального развития.

В здравоохранении столь же быстро предполагается переход к цифровизации документооборота, в образовании – интеграция имеющихся образовательных платформ и цифровизация отрасли, а также довольно крупная по меркам отрасли программа поддержки академического лидерства на 13,1 млрд. руб. в 2021 году, а также занятости выпускников вузов на 5,4 млрд. руб. в год.

Наконец, в разделе «поддержка импортозамещения» установлены контрольные цифры госзакупок российских машиностроительных проектов в рамках нацпроектов на 2020 и 2021 годы – 489,5 млрд. и 556 млрд. руб. (40–45% в рамках диверсификации оборонной отрасли).

Рассмотрим проблему госзакупок подробнее. Российские власти намерены изменить существующую практику предпочтения иностранным поставщикам в госзакупках и закупках госкомпаний. В частности, предлагается подготовить законопроект об установлении квот на закупки отечественных товаров. Очередной виток протекционистской

политики может стать как благом для промышленности, так и второй версией импортозамещения с неочевидными результатами.

Однако введение квот на закупки отечественных товаров уже установлено российским законодательством. В соответствии со статьей 14 (части 3 и 4. Федерального закона № 44-ФЗ « О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд» правительством установлены запреты и ограничения на допуск некоторых видов товаров, работ, услуг, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок.

А с 1 января 2017 года, согласно постановлению правительства РФ «О приоритете товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами», действует приоритет для российских поставщиков, выражающейся в 15% преференции в отношении цены (за исключением закупок у единственного поставщика).

Увеличение доли отечественных товаров при госзакупках направлено на «возрождение» импортозамещения, что является одной из целей реализации Общенационального плана восстановления экономики.

Список литературы и источников

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 15 января. 2020 года.
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.».
3. Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16 января 2017 года № 13.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации.
5. Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд».
6. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения.
7. Сценарный прогноз основных параметров макроэкономического развития и бюджетной сферы в России в 2020–2022 гг. – М.. 2020. – 25 июня. – http://economytimes.ru/kurs-rulya/scenarnyy-prognoz-osnovnyh-parametrov-makroekonomicheskogo-razvitiya-i-byudzhetnoy-sfery

Раков С.Е.
президент Аксиологической академии
rakovse@yandex.ru

ЭРГОДИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА – ЭТО ЕСТЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ключевые слова: *эргодическая социальная система, структура ИИ, мотивация ИИ, общечеловеческие ценности, новый социальный стандарт, правила для ИИ, дружественный ИИ, эргодическая экономика, аксиологическое определение денег, общечеловеческий ИИ.*

Keywords: *ergodic social system, AI structure, AI motivation, universal human values, new social standard, rules for AI, friendly AI, ergodic economy, axiological definition of money, universal AI.*

Введение. Эта статья даёт положительный ответ на вопрос: может ли новый социальный стандарт, продвигаемый Аксиологической академией, помочь решению проблем, возникших при создании глобального искусственного интеллекта (ИИ).

Составленный нами список проблем, появившихся у создателей ИИ и наблюдателей за этим процессом, не претендует на роль окончательного и неизменного. Наш выбор остановился на наиболее важных и требующих первостепенного решения философских вопросах, которые по смыслу делятся на две группы.

1. Возможно ли создание глобального ИИ и что ляжет в основу его мотивации?

Как будет выглядеть структура глобального ИИ, обладающая способностью её математического описания, статистического анализа?

Сможет ли глобальный ИИ задать направление устойчивого развития всего человеческого сообщества?

Как научить глобальный ИИ холистическому, нередукционистскому подходу к принятию решений?

2. Какие последствия ожидают человечество после создания ИИ?

Чьи культурные, моральные, этические ценности или ценности какой-то транснациональной корпорации победят в процессе создании глобального ИИ?

Возникнет ли необходимость для большинства населения планеты менять свои культурные, моральные, религиозные, политические и другие ценности в связи с появлением глобального ИИ?

Как избежать предвзятости искусственного интеллекта?

Как избежать появления у ИИ целей, которые не будут совпадать с человеческими? Что означает «дружественный» ИИ?

Погружение в тему

На современном этапе создания ИИ люди осознают, что цифровые технологии уже превосходят человека в решении задач, связанных с чёткой логикой, запоминанием, обработкой и анализом больших объёмов информации. По этой причине команды разработчиков, стремясь обогнать друг друга, пытаются «приручить своё дитя» для дальнейшего использования его в своих целях. Для этого они учат его говорить, распознавать речь, лица и думать как человек, а параллельно наращивают и совершенствуют его информационно-технологический потенциал. Эти процессы происходят стихийно, как правило, в тех областях, где идёт финансирование от корпораций, правительств и т.д. Общего понимания своих целей при проектировании глобального ИИ у разработчиков нет, хотя поиск системного подхода к этому процессу присутствует у всех его участников. Например, на 11-й конференции «Европейского Общества нечеткой логики и технологий» (EUSFLAT 2019) отмечалось, что «для создания искусственной интеллектуальной системы, которая могла бы не только своевременно выявлять угрозы психологической безопасности, но и предлагать сценарии противодействия, требуется междисциплинарный подход. Предварительное видение роли различных специалистов в проекте выглядит следующим образом:

- Социологи должны сформулировать основные угрозы психологической и психофизической безопасности, поступающие из информационной среды, а также критерии выбора деструктивного содержания...
- Специалисты в области информатики и обществознания должны совместно разработать сценарный анализ, основанный на предложенных моделях, и дать рекомендации по применению или улучшению результатов его использования»[1].

[1] Pashentsev E. Artificial Intelligence in the Context of Psychological Security: Theoretical and Practical Implications. – https://www.academia.edu/40309245/Artificial_Intelligence_in_the_Context_of_Psychological_Security_Theoretical_and_Practical_Implications?email_work_card=view-paper

Хотя этот вывод сделан для узкого сегмента ИИ, всё равно из приведённой цитаты следует однозначный вывод, что сегодня у философов, социологов и специалистов из области информатики нет единой, принимаемой всеми жителями Земли, социальной системы (матрицы человеческих ценностей), которая смогла бы стать основой для глобального ИИ.

1. Эргодическая социальная система

Сейчас мы не можем утверждать точно, кому повезло больше: разработчикам ИИ, эмпирически прокладывающим путь к своей цели, или Аксиологической академии, которая разработала новый социальный стандарт и ищет короткий путь его реализации. Суть продвигаемой нами теории заключается в следующем: сначала были собраны все темы жизнедеятельности человека, то есть всё то, что делают люди на Земле после того, как проснутся, и до того, как снова уснут, включая сон; далее эти темы были сгруппированы по схожим признакам. Первоначально, вместе с нераспределённым остатком, получилось двести пятьдесят групп, что нас не устраивало в принципе. После второй попытки их стало сорок четыре, и только с третьей попытки получилось семь групп, включающих в себя все темы жизнедеятельности человека. Результат девятимесячной деятельности отражён в табл. 1.

Таблица 1

Сгруппированные темы жизнедеятельности человека[1]

Все темы жизнедеятельности человека	Названия групп
Темы, связанные с физическим здоровьем человека: экология, питание, спорт, медицина и здравоохранение	*Здоровье*
Темы, интеллектуально формирующие личность: образование, наука, культура, IQ и т. д.	*Интеллектуальное развитие*
Природные ресурсы, включающие в себя флору и фауну, а также созданная человеком для проживания инфраструктура	*Окружающая среда*
Физическое и интеллектуальное воздействие человека на среду или экономическая деятельность, доходы населения, социальная поддержка, промышленность, строительство, сельское хозяйство, предпринимательство, безработица и т. д.	*Деятельность или благополучие*
Природные катаклизмы, техногенные катастрофы, а также терроризм, криминал, коррупция, рейдерство, наркомания. Сюда же включены правоохранительные органы: полиция, прокуратура, суд, армия...	*Безопасность*
Семейные темы: любовь, планирование семьи, рождение ребенка, приёмные дети, отношения в семье	*Семья*
Общественная, религиозная, политическая, государственная деятельность	*Общество*

Главное, на что нужно обратить внимание в этой таблице, что мы за очень короткое время рассмотрели все или достаточно много элементов современной социальной системы (левая колонка), а получили такой же результат (пра-

[1] Раков С. Е. Общечеловеческие ценности – эталон для проектирования назревших социальных изменений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М., 2017. – № 7–2. – С. 66.

вая колонка), как если бы наблюдали за одним её элементом – человеком в течение всей его жизни. Системы, обладающие таким свойством, называют эргодическими.

Далее всё будет нарастать как снежный ком, причём в разные стороны!

Такие системы хорошо знакомы математикам и программистам. Именно с их точки зрения, только стационарный процесс может быть эргодическим. Действительно, названия групп не изменились за весь период человеческого развития и не собираются меняться в дальнейшем. Это константы, или фундамент в социологии, который нельзя изменить, модернизировать или запретить, так как, если хоть одно название группы приравнять к нулю, то человечество, максимум в следующем поколении, прекратит своё существование. Поэтому все семь названий групп – это жизненно важные незыблемые ценности человека, заложенные в нас природой.

Второй важный вывод следует из самого определения эргодических систем: все сделанные в этой статье выводы справедливы как для отдельного человека, сообщества, так и для всего человечества в целом, то есть справедливы как для микро-, так и для макросоциологии.

Совсем иная природа данных в левой колонке таблицы. В ней собраны направления жизнедеятельности людей, которую они осуществляют ежедневно для того, чтобы жить, а конкретно, главной целью всей деятельности людей является защита и развитие всех семи жизненно важных для них природных ценностей**.** Темы жизнедеятельности не являются константами, а наоборот, находятся в постоянном движении. По мере интеллектуального развития человечества они могут совершенствоваться или угасать, делиться или прирастать новыми видами. Именно в левой части таблицы сегодня стихийно ведутся работы по созданию и применению ИИ. Если эту деятельность систематизировать в соответствии с рассматриваемой таблицей, то разработчики ИИ увидят не только соседей по группе (и для своего удобства смогут применять единые языки программирования, форматы данных и так далее), но и направление вектора развития (цель) для своей группы (горизонтальный ряд в таблице). Причём любое из семи направлений развития, как мы уже выяснили:

- не будет изменяться во времени;
- не зависит от технологического уклада общества;
- абсолютно не зависит от политических, культурных, религиозных и других влияний.

Кроме того, устойчивость горизонтальных рядов таблицы – это клад для статистики, так как только на основании устойчивости рядов можно делать обоснованные выводы и строгие статистически достоверные прогнозы на будущее.

К преимуществам системного подхода при проектировании глобального ИИ, основанного на природных ценностях человека, можно отнести возможность его программирования с конца или с любого места, предварительно разделив темы жизнедеятельности на удобные для программирования подгруппы (уровни).

А тот, кто создаст объединяющую программу на базе продиктованных природой ценностей – станет автором глобального ИИ.

Однако прежде чем начать глобальное проектирование нужно понимать, что все семь природных ценностей человека тесно взаимосвязаны и взаимозависимы между собой. По этой причине принимаемые ИИ решения в одной группе должны пройти проверку и получить одобрение у остальных абсолютно равнозначных ему шести ИИ. А для этого необходимо подобрать и обосновать критерии оценки деятельности людей по каждой из семи групп. Учитывая, что в левой колонке таблицы собраны все темы жизнедеятельности человека, становится очевидным, что только философов, социологов и специалистов по информатике (как отмечалось в вышеприведённом примере) недостаточно для создания у глобального ИИ холистического и нередукционистского мышления. Для решения ИИ задачи, сформулированной в юбилейном докладе Римского клуба, необходимы профессиональные рекомендации специалистов по всем областям жизнедеятельности человека.

2. Общецивилизационная социальная система

Аксиологическая академия просто обязана поблагодарить разработчиков глобального ИИ за то, что они своим поиском удобных для человека мотиваций ИИ непроизвольно запустили в общечеловеческом масштабе процесс осмысления сложных, исторически запутанных, а иногда фальшивых и корыстных систем человеческих ценностей, часто обоснованных риторически, с позиции силы, а не логически. «Этот поиск трансцендентности называется универсализм, и он относится к поиску обоснованных моральных систем, которые способны отфильтровать созданные людьми системы человеческих ценностей»[1]. Свой вариант решения этой задачи был разработан Аксиологической академией. Но прежде, чем раскрыть структуру человеческих ценностей, необходимо отметить, что кроме эргодичности, дающей возможность с математической точностью структурировать и описать все темы жизнедеятельности населения Земли, представленные выше семь природных ценностей обладают ещё одним важным для всех людей свойством, которое легло в основу нового для нас социального стандарта и даёт однозначные ответы на вторую – ценностную группу философских вопросов, возникших при проектировании ИИ. Это свойство заключается в том, что все семь заложенных в нас природой ценностей не зависят от принадлежности людей к той или иной цивилизации, их пола, расы, возраста, от их политической, социальной, экономической принадлежности, они – общечеловеческие.

[1] Henriques G. A Theory of Ten Universal Values. – https://www.psychologytoday.com/us/blog/theory-knowledge/201410/theory-ten-universal-values

2.1. Новый социальный стандарт и три правила для людей и ИИ

Продиктованный природой для жизни человека на Земле и в обществе социальный стандарт включает в себя:

1. Высшие ценности.

2. Общечеловеческие ценности.

3. Создаваемые (приобретаемые) в течение жизни людьми научные, культурные, моральные, религиозные и другие ценности.

Высшие ценности человека – это жизнь и свобода. Как и общечеловеческие ценности, эти оба понятия не зависят от пола, возраста, периода и места проживания, а также от цивилизационной, политической и любой другой принадлежности. А выделены они в отдельную высшую группу потому, что в своём объёме содержат сразу все семь природных ценностей человека. То есть, определение высших ценностей звучит так: «Чтобы любой человек на планете жил и был свободен, у него должны быть реализованы все семь общечеловеческих ценностей, а именно:

- Физическое здоровье.
- Интеллектуальное развитие.
- Благоприятная окружающая среда.
- Деятельность и благополучие.
- Безопасность.
- Семья.
- Общество, основанное на концепции защиты и устойчивого развития этих же семи общечеловеческих ценностей»[1].

Созданные (приобретаемые) людьми ценности в комплексе – это механизм, позволяющий людям накапливать и передавать опыт и знания по защите и развитию высших и общечеловеческих ценностей. Природная необходимость такого механизма подтолкнула людей, живущих в разных уголках планеты, к независимой друг от друга генерации моральных, культурных, научных, религиозных и другие ценностей. **Созданное** богатое разнообразие законов, правил, табу, традиций, обычаев и т.д. стало визитными карточками земных цивилизаций. А **приобретённый** в течение жизни набор разработанных людьми ценностей стал интеллектуальным паспортом человека.

Переходя к ответам на вторую часть вопросов, возникших при проектировании ИИ, сразу отметим, что ни один из членов Аксиологической академии не разделяет опасения, озвученные Стивеном Хокингом и другими учёными, политиками, религиозными и общественными деятелями, считающими, что если цели ИИ не будут совпадать с человеческими, то у людей будут проблемы. Наоборот, у людей, на практике применяющих новый социальный стандарт, есть уверенность в том, что изначальная беспристрастность ИИ поможет людям выбраться из созданного ими же лабиринта ценностей. Действительно, по мере охвата ИИ всех тем жизнедеятельности человека, рано или поздно он сам их сгруппирует, получит результат, аналогичный отражённому в нашей таблице, и на его основе создаст собственную многоуровневую структуру, описанную выше.

А чтобы цели ИИ всегда совпадали с человеческими, о чем собственно и говорил Стивен Хокинг, необходимо в основу целеполагания ИИ заложить принцип защиты и развития жизненно важных для любого человека высших и общечеловеческих ценностей. Для этого при принятии решений каждый из ИИ глобальной интеллектуальной сети, независимо от его уровня, группы, зональной (цивилизационной) или глобальной принадлежности, всегда должен выполнять **три правила**:

1. Высшие и общечеловеческие ценности всегда необходимо отделять от создаваемых (приобретаемых) людьми ценностей.

2. Нельзя допускать подмены общечеловеческих ценностей на создаваемые (приобретённые) людьми ценности.

3. Создаваемые (приобретаемые) людьми ценности не должны:

- нарушать высшие и общечеловеческие ценности;
- существовать и развиваться отдельно от них[2].

С помощью этих трёх правил ИИ в процессе своего обучения и освоения подготовленной для него людьми информации сам выявит в ней наличие политической, гендерной, а также любой другой присущей человеку необъективности или пристрастности. Сам защитит себя от этой болезни и, сохранив свою объективность, поможет людям распознать ставшие привычными для них вирусы. Поэтому ИИ, не зависимый от создаваемых людьми ценностей, но обладающий общечеловеческой целью и ценностями, мы называем дружественным для всех людей, или общечеловеческим.

Ещё одно преимущество такой мотивации ИИ заключается в том, что ему абсолютно всё равно, какое государственное устройство выбрали граждане для управления своей страной, к какой культуре или религии они себя относят. Это означает, что с его появлением у людей не возникнет причины срочно менять Конституцию, свой общественный строй, веками устоявшиеся моральные, культурные, религиозные и другие важные для них ценности.

Главное для общечеловеческого ИИ и жителей Земли, чтобы государство в своей внутренней и внешней политике:

- Не нарушало высшие и общечеловеческие ценности.

---

[1] Раков С.Е. Общечеловеческие ценности – эталон для проектирования назревших социальных изменений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М., 2017. – № 7–2. – С. 78.

[2] Там же. – С. 71, 73, 74.

• «Создавало равные права и возможности людей в достижении ими своих максим во всех семи общечеловеческих ценностях»[1].

А для этого идеологам любых сообществ, если они хотят быть востребованными и успешными в первом общечеловеческом веке, можно порекомендовать провести через призму общечеловеческих ценностей ревизию накопленных и продвигаемых ими среди людей целей. Покажем это на трёх разных по восприятию людьми примерах.

Первый пример – очевидный. Не нужно никому объяснять, что такие понятия, как кастовость, фашизм и другие несовместимые с теорией общечеловеческих ценностей, необходимо исключить из своих учений.

Во втором примере, применяя теорию общечеловеческих ценностей, несложно догадаться, что с появлением общечеловеческого ИИ произойдут долгожданные кардинальные изменения в международных отношениях и мировой политике. На смену сформулированному Н. Макиавелли пятьсот лет назад определению политики как эмпирической науки, основанной на интересах и силе, придёт понимание того, что чем больше государств выберут защиту и развитие общечеловеческих ценностей как цель, стратегию развития, модель и механизмы взаимодействия и сотрудничества своего многонационального и многоконфессионального населения, тем проще им будет наладить взаимоотношения между собой. А угроза столкновения цивилизаций, о которой предупредил С. Хантингтон, для таких государств потеряет всякий смысл.

В этой же связи необходимо отметить, что уже сегодня, при отсутствии общечеловеческого ИИ, ничто не может помешать подписанию любыми странами, включая Южную и Северную Корею, предложенных нами всех семи общечеловеческих соглашений, которые охватывают все темы жизнедеятельности населения Земли. А создавать соответствующую международную судебную систему, основанную не на европейской морали, а на неизменяющихся во времени, заложенных в нас природой общечеловеческих ценностях, лучше совместно с объективным и беспристрастным общечеловеческим ИИ.

Третий пример назовём невероятным, но объясняющим, почему сегодня люди не понимают мир, в котором живут, почему они делают то, что не хотят делать, и не делают то, что должны. Речь пойдёт о ценностях транснациональных корпораций, которым прогнозируют лидерство в создании ИИ. Такие понятия, как прибыль, впрочем, как и вся частная мировая финансовая система, созданы людьми и не имеют природных аналогов. Поэтому, согласно второму правилу человеческой аксиологии, они не могут претендовать на роль общечеловеческих ценностей. Особая роль частной мировой финансовой системы среди создаваемых людьми ценностей заключается в том, что развиваясь параллельно с развитием человеческого общества, она путём проб и трагических для людей ошибок умудрилась воздвигнуть стену между человеком и его жизненно важными природными ценностями. Визуально эту стену можно увидеть на нашей таблице, это вертикальная граница между колонками, разделяющая темы жизнедеятельности человека и общечеловеческие ценности. Правила прохождения человека к своим природным ценностям через семь контрольно-пропускных пунктов в этой стене пишутся частной мировой финансовой системой. За соблюдением этих правил бдительно следит созданная ею же международная судебная система. А в случае необходимости на помощь придут самые многочисленные и технически оснащённые силовые структуры, которые уже сегодня для уничтожения несогласных и устрашения остальных жителей Земли используют дроны, оснащённые ИИ, способным ориентироваться в пространстве, распознавать цель и принимать решение на её уничтожение. Есть ещё много чего, включая науку, но закончим этот список средствами массовой информации, которые используют все доступные средства для создания в сознании людей образа «незыблемости» этих правил. Под таким постоянным напором современные люди приспособились жить сразу в двух несовместимых между собой системах координат. Первая система координат – это заложенные в каждом человеке природой семь общечеловеческих ценностей. А вторая – это созданные людьми ценности частной мировой финансовой системы.

Попробуйте найти логику в приведённых ниже реальных примерах жизнедеятельности людей.

Для того, чтобы человеку быть здоровым – нужны деньги, а чтобы их заработать – он рубит лес, запускает дроны-убийцы, а может перекапывать тысячи тонн земли в поисках золота, только треть которого используется людьми в медицине, промышленности или в качестве ювелирных изделий, а две трети перерабатываются на обогатительных предприятиях и снова закапываются в землю. После чего это золото охраняется из космоса, с воздуха, на земле и под землёй, а люди с ещё большей интенсивностью уничтожают природные ресурсы, чтобы это всё на протяжении жизни постоянно оплачивать уже в виде налогов.

Список парадоксов, возникших в результате продвижения ценностей частной мировой финансовой системы на роль общечеловеческих, можно продолжать до бесконечности. Если кто-то захочет по-другому объяснить логику происходящего, то пусть попробует объяснить её не людям, уже не замечающим окружающего их абсурда, а ИИ. Именно с этой «невидимой» проблемой каждый раз сталкиваются разработчики ИИ, когда пытаются в основу его целеполагания и планирования заложить материальные аспекты, а последующие неудачи они все как один, не сговариваясь, автоматически списывают на многогранное и нестандартное мышление человека, не подвластное ИИ. Чтобы осознать и понять эту проблему, нужно сначала самим разобраться, для какой из двух систем проектируется ИИ.

[1] Раков С.Е. Аксиологическое понимание социальной справедливости // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2018»: сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2018. – 1312 с. DOI 10.29003/m123.12.sr-2018. – https://www.socio.msu.ru/documents/science/SorokinskieSbornik2018.pdf

2.2. Глобальный ИИ может быть только общечеловеческим

Рассмотрим вариант, в котором целью разработчиков ИИ является получение максимальной прибыли, причём в масштабе всего человечества. За таким примером далеко ходить не нужно. В современном мире США и Китай дальше всех продвинулись в развитии технологий по созданию ИИ. В этом вопросе у обеих стран много общего, например, разработаны национальные программы по исследованию и внедрению ИИ. При поддержке своих правительств в эти программы вкладываются десятки миллиардов долларов. Также у каждой из этих стран есть отлично дополняющие друг друга преимущества. Если в Китае только сравнительно недавно начались работы по проектированию и производству полупроводников, то американские компании, такие как Nvidia, AMD и Intel, имеют многолетний опыт и заслуженно являются мировыми лидерами в области проектирования микросхем для ИИ. Причём необходимо отметить, что более 70 % полупроводников для США производится в «чистых литейных цехах» Тайваня. С другой стороны, существующий в США запрет на использование личных данных существенно тормозит развитие ИИ. Дело в том, что скорость и качество работы ИИ растёт с увеличением количества информации[1]. Поэтому огромные массивы данных и социальное устройство, не препятствующее их использованию для глубокого обучения ИИ, уже сделали густо населённый социалистический Китай мировым лидером в технологии распознавания лиц и разработке средств наблюдения.

Учитывая вышесказанное, США и Китаю было бы логично объединить свои усилия, привлечь специалистов из других заинтересованных стран, распределить обязанности и коротким путём вместе двигаться к цели. Однако в реальной жизни создание ИИ происходит по какому-то первобытному, абсурдному сценарию. Чтобы это увидеть, рассмотрим опубликованный 17 декабря 2019 года Центром новой американской безопасности CNAS доклад «Американский век искусственного интеллекта: план действий». Авторы доклада: Martijn Rasser, Megan Lamberth, Ainikki Riikonen, Chelsea Guo, Michael Horowitz и Paul Scharre для описания отношений со своими коллегами из Китая воспользовались такими эпитетами, как: «кражи интеллектуальной собственности», «торговая война между США и Китаем», «развитие автономного вооружения», «технологии ИИ в высшей степени двойного назначения», «кибербезопасность», «кибератаки»[2]. Какой из этих эпитетов мы можем назвать дружественным? Какой из них способствует созданию общечеловеческого взгляда у ИИ? В этом же докладе говорится, что «Тайвань является основной мишенью китайских хакеров и потенциальных инсайдерских угроз, а также потенциальной горячей точкой для конфликта». Любой человек, прочитавший этот доклад, присоединится к мнению Илона Маска, который написал в Twitter: «Конкуренция за превосходство в сфере искусственного интеллекта на национальном уровне – наиболее вероятная причина третьей мировой войны»[3]. Если другие страны присоединятся к гонке в сфере искусственного интеллекта между Китаем и США, то линия разлома С. Хантингтона пройдёт по границе между китайским и американским ИИ.

В такой ситуации другие страны, чтобы не быть втянутыми в военное противостояние и сильно не отстать в экономическом развитии, вынуждены разрабатывать свои национальные проекты по созданию ИИ. Такое раздробление значительно усложнит проектирование глобального, общечеловеческого ИИ, так как отсутствие единой системы данных сделает невозможным решение первоочередных для жителей Земли проблем, таких как климат, экология, оптимизация использования ресурсов планеты или достигший взрывоопасного предела рост социального и экономического неравенства. Когда проектировщики осознают эту проблему, они, конечно же, станут договариваться об обмене информацией, но различные форматы данных и языки программирования сделают этот процесс мучительно трудным, долгим и дорогим. К удорожанию приведёт и неизбежное дублирование в разных уголках Земли одних и тех же алгоритмов ИИ. Изначальное отсутствие общей цели и ценностей у разрозненных создателей ИИ неизбежно приведёт к невозможности агрегировать свои кусочки в единое целое. А все люди вновь будут втянуты в давно надоевшую войну стандартов. Дюймы или метры, левостороннее или правостороннее движение автомобилей, Microsoft или Apple? Создавая свой национальный вариант ИИ, разработчики на основе своих профессиональных, культурных, географических и других предпочтений будут вынуждены примкнуть к одному из двух «монстров». Круг замкнулся. Современный мир так устроен, что избежать угрозы войны невозможно.

Аналогичный парадокс замаскирован в гонке за прибылью. Необходимо понимать, что по мере совершенствования технологий изменяются и наши ожидания от ИИ, а также многие темы жизнедеятельности, которые сегодня имеет смысл оцифровать для машинного обучения, через несколько лет могут оказаться неактуальными. По этим двум причинам сразу после возврата первого транша инвестиций в ИИ потребуется второй, и так до бесконечности. Опять замкнутый круг.

2.3. Общечеловеческая проблема, которую уже осознаёт бóльшая половина населения Земли

У экспертов принято считать, что если в действиях большого количества людей полностью отсутствует логика и здравый смысл, то это означает, что ими управляет экономика. Действительно, в результате такого, с любой точки зрения нелогичного «ускорения» развития и внедрения ИИ, неоспоримо выигрывает только один показатель – рост

[1] Чтобы научить ИИ распознавать речь, необходимо 10 лет аудиоданных. С 2020 до 2025 года объемы информации вырастут с 20 зеттабайт, до 180 зеттабайт. 1 зеттабайт =1 миллиарду терабайт.

[2] CNAS. The American AI Century: a Blueprint for action. – https://www.cnas.org/publications/reports/the-american-ai-century-a-blueprint-for-action

[3] Mask I. Interfaks. – https://www.interfax.ru/world/577693

мирового ВВП. Согласно проведённому PWC анализу, существующий вариант разработки ИИ увеличит ВВП к 2030 году на 14%, а прирост составит $ 15,7 трлн.[1]

Рост ВВП – это топливо для частной мировой финансовой системы. Точнее, если люди перестанут к ней обращаться за новыми деньгами, она окажется никому не нужна.

В этом месте было бы логично привести цитаты огромного количества учёных о том, что гонка за ростом ВВП ставит под сомнение дальнейшее существование самой жизни на планете Земля, но лучше зафиксируем тот факт, что сегодня 56% населения планеты уже услышали, осознали и согласились с этими доводами ученых. Это подтверждает опубликованный в конце 2019 года мировой отчёт Edelman Trust Barometer 2020 (рис. 2)[2].

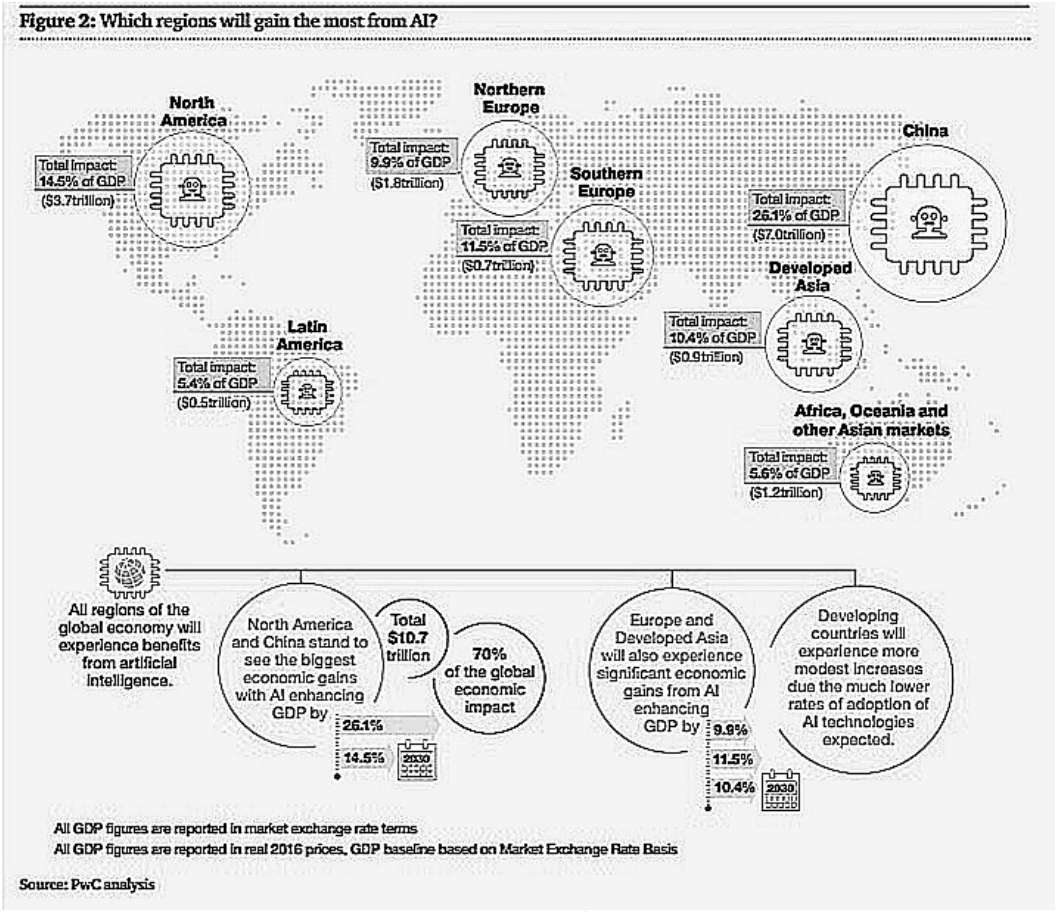

Рисунок 1.
Какие регионы получат наибольшую выгоду от ИИ?

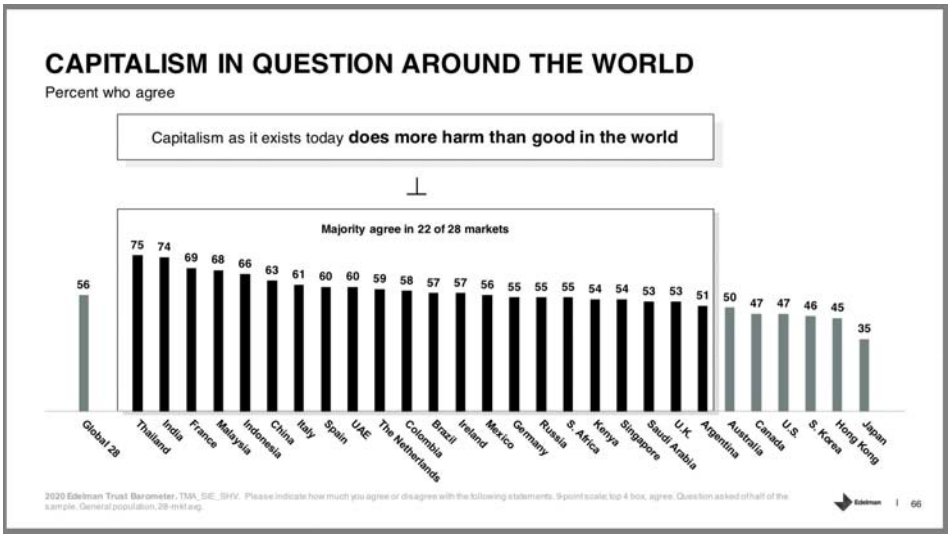

Рисунок 2

[1] PWC. Sizing the prize What's the real value of AI for your business and how can you capitalize? – https://www.pwc.com/gx/en/issues/analytics/assets/pwc-ai-analysis-sizing-the-prize-report.pdf

[2] Edelman Trust Barometer 2020. Global Report. – https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf

Причём на рис. 3 мы видим, что этот процент практически не зависит от возраста, пола и материального положения опрашиваемых.

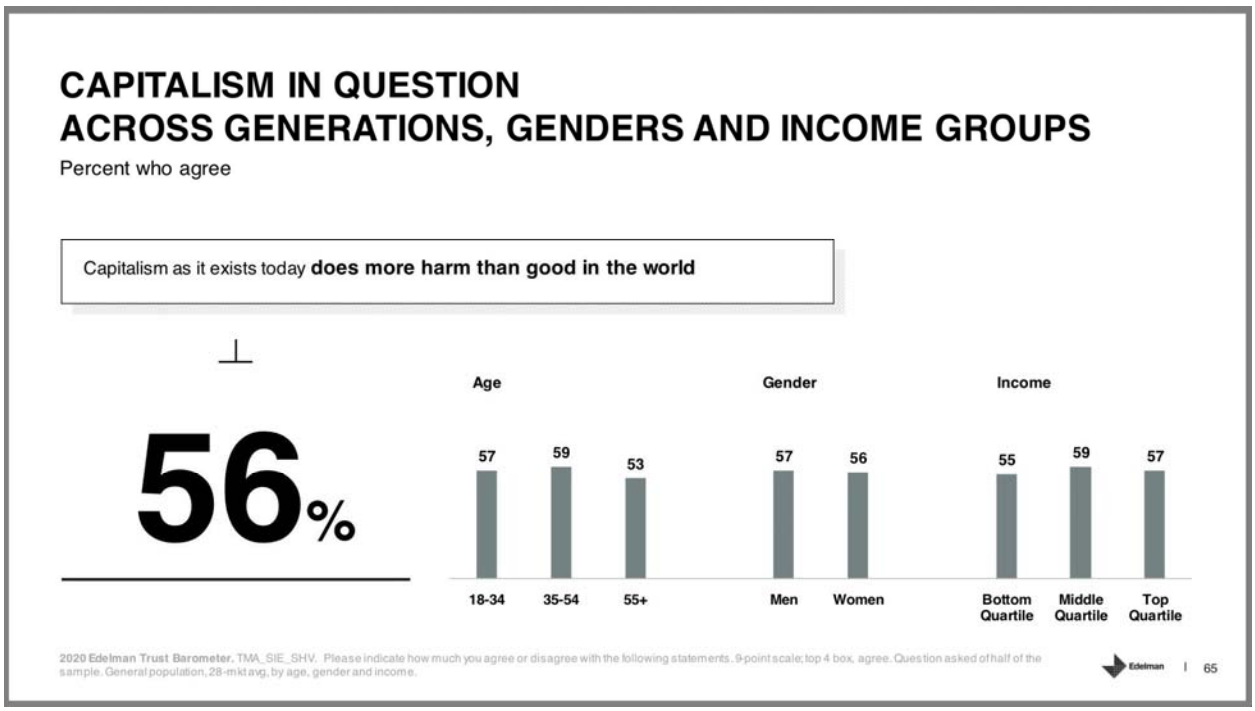

Рисунок 3.

Остается понять, как население целой планеты попало в ловушку?

2.4. Эргодическая экономика

Как будто в поддержку содержания этой статьи журнал Nature Physics в начале декабря 2019 года опубликовал статью «Проблема эргодичности в экономике» (The ergodicity problem in economics). Созвучное название сразу привлекло наше внимание. Автор статьи Оли Питерс, уже с математической точки зрения, критикует современную экономическую науку за то, что в её основе лежат устаревшие и ставшие наивными математические выводы, сделанные 350 лет назад. С их помощью экономическая наука исторически учитывает только ансамблевую вероятность и игнорирует вероятность временную. А неизбежно возникающие ошибки между экономическими предсказаниями развития общества и реальной жизнью конкретных людей она объясняет человеческой иррациональностью или для тех случаев, где это возможно, разрабатывает различные компенсаторы, такие как теория полезности. Действительно, экономисты, постоянно укрепляя воздвигнутую ими «стену», настолько увлеклись созданием своей науки, способствующей экономической стандартизации психологии людей, что проигнорировали тот факт, что все точные науки уже с XIX века в качестве основного аналитического инструмента используют эргодическую гипотезу, включающую в себя и ансамблевую, и временную вероятности. Точным наукам нельзя по-другому, ведь у элементов природных систем иррационального поведения не бывает.

Применяя эргодическую теорию, Оли Питерс в своей статье показал не только путь решения проблем современной экономической науки, неизбежно ведущий к пересмотру экономических показателей, но и (что очень важно для социологии) сделал предположение, что «возможно самое значительное изменение заключается в природной модели человека, которое возникает в результате нашего концептуального переосмысления. Homo economicus был подвергнут критике. Homo ergodicus? – новый парень»[1]. И хотя в исходных данных эргодической социальной системы и эргодической экономики есть разногласия, выводы, к которым мы подошли с разных сторон, полностью совпадают. Приведём более дипломатичный вывод Оли Питерса, который считает, что с применением эргодической концепции «у нас есть основания надеяться на будущую экономическую науку, которая будет более экономной, концептуально более ясной и менее субъективной. Она будет больше походить на реальность и лучше согласовываться с нашими моральными интуициями»[2].

2.5. Один элемент общечеловеческой экономики

Наш (более жёсткий) вариант необходимых изменений в экономике основан на разработках Аксиологической академии и базируется на следующих соображениях. Мы считаем, что к обучению ИИ нужно подходить как к воспитанию ребёнка, начиная с хороших примеров, и не ругать его за испорченную дорогую вещь, ведь он (как и люди) не

[1] Peters O. The ergodicity problem in economics // Nat. Phys. 2019. – Vol. 15. – P. 1216–1221. – https://doi.org/10.1038/s41567-019-0732-0

[2] Ibid.

знает, что такое деньги, в его природе такого понятия не существует. Только повзрослев, после того, как людям удастся оцифровать большинство тем своей жизнедеятельности, ИИ сможет разобраться во всех человеческих ценностях и структурировать их в новый социальный стандарт. А после этого, к великому разочарованию своих создателей, стремящихся к монопольному управлению мировой экономикой, непредсказуемый ИИ вдруг сообщит им, что согласно теории общечеловеческих ценностей деньги – это пропорциональное обязательство общества по обеспечению всеми семью общечеловеческими ценностями человека, защищающего или создающего любую из общечеловеческих ценностей. В рамках этой статьи о структуре и мотивации ИИ нет возможности разместить ещё и концепцию общечеловеческой финансовой системы. Однако приведённого определения вполне достаточно, чтобы любой человек сделал из него три вывода:

Деньги – это обязательство (юридический документ), а не эквивалент золоту или привилегированной валюте.

Общество рассчитывается не деньгами, а общечеловеческими ценностями.

Обязательства (деньги) выдаются только тем людям, которые защищают или создают для этого общества общечеловеческие ценности. Любая другая деятельность является незаконной.

Аксиологическое понимание функции денег неизбежно приведёт ИИ к замене парадигмы и ценностей в мировой финансовой системе. А сразу устаревшие ценности частной мировой финансовой системы станут непригодными к использованию в качестве мотивации общечеловеческого ИИ. Повзрослевший и переориентированный на общечеловеческую цель и ценности ИИ обмануть не удастся. Поэтому, если целью разработчиков является получение максимальной прибыли или любая другая созданная людьми ценность (культура, религия, мораль и т.д.), да ещё в масштабе всего человечества, то разрабатываемый ими ИИ никогда не будет дружественным для всех людей и тем более общечеловеческим.

Последняя снежинка для нашего снежного кома

В нашем понимании глобальный ИИ создаётся людьми для решения постоянно растущего списка глобальных проблем, вызванных иррациональной экономической деятельностью людей на планете. Причём эти решения не должны нарушать высшие и общечеловеческие ценности всех жителей Земли. Это значит, что для создания глобального ИИ альтернативного варианта общечеловеческой социальной теории у разработчиков нет. А чтобы её применять, общечеловеческий ИИ в первую очередь будет вынужден заменить несовместимую с ней частную мировую финансовую систему на общечеловеческую.

Учитывая, что 56% людей в мире уже осознали бесперспективность существующего миропорядка, Аксиологическая академия предлагает не ждать, когда ИИ повзрослеет, а самим убрать искусственную «стену» между людьми и их природными ценностями. Тем более, что для этого только и нужно, чтобы в своей повседневной жизни и профессиональной деятельности сами люди не нарушали высшие и общечеловеческие ценности других людей.

Раткин Л.С.
к.т.н., ученый секретарь Совета ветеранов РАН
Rathkeen@bk.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ СТЕГАНОГРАФИИ И БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ УСТРАНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОБЕЛОВ И ПРОТИВОРЕЧИЙ

Ключевые слова: *компьютерная стеганография, блокчейн-технологии, стратегии, социально-экономическое развитие, наука, образование, законодательство, нормативно-правовые документы.*

Один из примеров, иллюстрирующих противоречия между региональным законодательством и нормативно-правовыми документами местных органов власти, связан с вопросами инвестирования в недвижимость. В частности, согласно Постановлению Мера Москвы «Об обеспечении права на сохранение места проживания при переселении», подписанному в июле 2004 года, сохранение района проживания предусматривается при комплексной реконструкции района (КРР). Тем не менее, в законодательстве г. Москвы отсутствует *чёткое* определение КРР, что является правовым пробелом. Это даёт повод для его тенденциозного трактования инвесторами, и отселения (под предлогом проведения строительных мероприятий, отличных от КРР) москвичей на постоянное место жительство в другие районы (например, в Бутово), несмотря на существующие нормативно-правовые документы местных органов власти. Кроме того, Постановлением отменено также «существовавшее ранее приоритетное право собственника (или товарищества собственников жилья) войти в инвестиционный проект и претендовать на свою долю прибыли от инвестиций», что также противоречит ряду НПД местных органов власти.

Приведем примеры противоречий нормативно-правовых документов по интеллектуальной собственности, в том числе вовлекаемой в хозяйственный оборот в результате деятельности предприятий ОПК. Часть продукции производится предприятиями РФ в соответствии с инвестиционными проектами. Согласно экспертным оценкам, правовое обеспечение вопросов, связанных с системой охраны и использования прав на интеллектуальную собственность, нуждается в серьёзной доработке. Вместе с тем, по мнению экспертов, ряд положений в действующем законодательстве оказался не прописанным или прописанным недостаточно корректно, например, права на использование неисключительной лицензии, и права сторон по распоряжению результатами интеллектуальной деятельности (прежде всего, это относится к результатам, получаемым в ходе научно-технической деятельности). Так, в статье 772 Гражданского кодекса РФ «Права сторон на результаты работ» указывается, что при выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ стороны «*имеют право использовать* результаты работ, в том числе способные к правовой охране, в пределах и на условиях, предусмотренных договором. Если иное не предусмотрено договором, заказчик *имеет право использовать* переданные ему исполнителем результаты работ, в том числе способные к правовой охране, а исполнитель *вправе использовать* полученные им результаты работ для собственных нужд». При внимательном прочтении данного фрагмента видна *некорректность* формулировки «право использовать».

Некорректность формулировок присутствует и в ряде других положений нормативно-правовых документов. Так, например, в части 3 статьи 257 Налогового кодекса Российской Федерации «Порядок определения стоимости амортизируемого имущества» вводятся и нигде более не *расшифровываются* такие понятия, как «секретная формула», «информация об опыте» и ряд других. По сути, эти понятия являются правовыми *пробелами*, поскольку они нигде не *определяются*. Хотелось бы надеяться, что указанные недоработки найдут отражение в новых редакциях Налогового кодекса РФ. Следствием существующих недоработок в патентном законодательстве является практическая сложность оформления прав на интеллектуальную собственность, выпускаемую предприятиями РФ, которые вынуждены производить продукцию в ограниченных объёмах, определяемых ФБ на текущий год.

Следует отметить, что проблема *нечёткости* отдельных положений и взаимного *несоответствия* частей законодательных актов, неоднократно затронутая Президентом РФ в его ежегодных Посланиях Федеральному Собранию, нашла отражение и в других статьях. В частности, в научной периодике отдельно описана проблема более *узкого* трактования понятия «интеллектуальная собственность» (по сравнению с Конвенцией об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), принятой в Стокгольме в 1967 году) российским законодательством, предоставляющим правовую охрану *не* всем упоминаемым в Конвенции объектам с ограничением круга субъектов в сфере прав.

Следствием некорректности используемых в российском законодательстве по интеллектуальной собственности формулировок на практике является возможность их произвольного трактования, что *отрицательно* влияет на оборо-

носпособность России и её экономику в целом. Кроме того, ряд положений международных соглашений, подписанных Российской Федерацией, не *соответствует* действующему российскому законодательству, поскольку в них проводится жёсткая политика в отношении охраны прав развитых стран на интеллектуальную собственность, что приводит к зависимости от них других стран (в частности, РФ) в области высоких технологий.

Для защиты отечественных товаропроизводителей необходимо российское законодательство доработать до уровня международного. Помощь в этом может оказать разработка методов оценки неточностей используемых в них формулировок, при этом главная роль отводится экспертам, оценивающим законодательные акты, по мнению которых то или иное положение или термин нуждается в доработке. Располагая таким инструментом, эксперты должны иметь возможность осуществлять ревизию юридической документации в выбранной области на необходимую глубину (степень охвата) с тем, чтобы документы, нуждающиеся в первоочередной доработке, первыми поступили на рассмотрение законотворческих органов.

В настоящем исследовании противоречия между НПД по интеллектуальной собственности рассматриваются по той причине, что согласно статистическим данным, для производства продукции, созданной на основе научно-технических исследований, на 1 рубль, вложенный в науку, приходится 10 рублей в сфере НИОКР и экспериментов, и 100 рублей – на промышленное освоение. При этом большая часть продукции на втором (НИОКР и эксперименты) и третьем (освоение производства) этапах финансируется за счёт инвесторов, но в Российской Федерации до сих пор *не созданы* механизмы стимулирования капиталовложений в новые технологии со стороны банковских структур и других финансовых институтов (например, промышленных групп), что также является *пробелом* в законодательстве. В том числе, отсутствуют система налогообложения прибыли (при которой банк, инвестирующий в новые технологии, освобождается от налогов на прибыль) и гарантии рисковых вложений. Эти недоработки в законодательстве приводят к тому, что из-за нехватки средств патентуется всего *20% (!)* от производимых разработок (по данным Роспатента). Большинству промышленных предприятий при отсутствии инвесторов *невыгодно* осваивать новые технологии, а высокотехнологичная инновационная продукция оборонного назначения с перспективными характеристиками производится преимущественно за счёт средств федерального бюджета.

Примером недоработок в законодательстве США по интеллектуальной собственности, касающимся разработки ИС по продукции оборонного назначения, является патентование бизнес-процессов, моделирование которых положено в основу различных видов информационных систем, используемых в промышленном производстве ВВТ (например, EAM, ERP, MRP, MRP II, QMS, SCM, SSM). Например, полученный фирмой «IBM» патент на бизнес-процесс оплаты труда разработчиков ИС (U.S. Patent № 6658642) предназначен для выгодного использования открытого исходного кода информационной системы *фирмой*, поскольку неоправданно снижает стоимость труда программистов, что *противоречит* трудовому законодательству США.

Возможно противоречие между *стандартами*, описанными в патентах. Например, стандарт XML (Extensible Markup Language – расширяемый язык разметки), который был принят и запатентован консорциумом «World Wide Web Consortium» («W3C»), используется во многих информационных системах промышленных предприятий, для управления контекстами и транзакциями, и запрещает нововведения, *препятствующие* свободному взаимодействию с кодом XML, и *замкнутость* запатентованных XML-средств. В то же время патент позволит потребовать денежных *выплат* от любых разработчиков ИС, создающих код, в котором использована разновидность XML. Поскольку выплата является *препятствием* к свободному взаимодействию со стандартом XML, а патент *закрывает* разновидность XML, налицо два противоречия, общее же количество аналогичных противоречий трудно оценить, поскольку судебные процессы по вопросам возмещения исков за ущемление авторских прав за рубежом – нередкое явление.

Практическим решением проблемы устранения подобных противоречий является совершенствование законодательства разных стран, не только патентного, но и в других сферах интеллектуальной собственности. В ряде стран нормативно-правовые документы в этой области не менялись десятилетиями: например, «Кодекс интеллектуальной собственности» (Шри-Ланка) от 01.01.1979, «Патентный закон» № 58 (Судан) от 01.01.1971, Декрет № 60 «О патентах и промышленных образцах» (Нигерия) от 01.01.1970, Закон № 68-1 «О патентах на изобретения» (Франция) от 02.01.1968, «Закон, регулирующий промышленную собственность» (Заир) № 82-001 от 07.01.1982, «Закон о патентах, промышленных образцах и моделях» (Арабская Республика Египет) № 132 от 01.01.1949. Результатом устранения противоречий в российском законодательстве по интеллектуальной собственности, в частности, станет вовлечение объектов промышленной собственности, в экономический оборот в различных отраслях промышленности России, что будет, в частности, способствовать улучшению инвестиционного климата в РФ.

Для решения описанных задач может быть использована блокчейн-технология, защищенная патентом на изобретение в РФ и за рубежом. Аналогами авторской разработки в сфере компьютерной стеганографии, согласно данным ФГУ ФИПС Роспатента, является всего 6 разработок, из них одна – продукция Sun Microsystems, и две – Microsoft Corporation.

Сапрыка В.А.,
Пастюк А.В.,
Олейник С.А.,
Петренко К.А.[1]

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ФРОНТИРОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ ХРОНОТОПЕ[2]

Ключевые слова: *постсоветское пространство, цивилизация, социокультурная среда, угрозы.*
Keywords: *post-Soviet space, civilization, sociocultural environment, threats.*

В современном обществе все большую актуальность приобретает определение форсайта человеческой цивилизации. Подобное направление тесно связано с глобализационным процессом, включающим в себя цифровизацию общества и создание виртуально-искусственной среды обитания человека, что способствует выработке новой формы взаимодействия акторов не только внутри страны, но и на международной арене.

Изучение цивилизационного подхода в науке, по мнению Л.А. Звездина, затрагивает широкий спектр социальной проблематики, «отмечающей, в том числе, современное перманентное противоборствующее состояние наибольших по социальным масштабам субъектов истории – цивилизаций»[3].

Цивилизация, в широком смысле этого понятия, представляет собой многосторонний феномен, рассматриваемый в трех аспектах: «цивилизация как прогресс, цивилизация как стадия культуры, цивилизация как система ценностей»[4].

Распад СССР и деконструкция старых границ оказали существенное влияние на формирование и дальнейшее развитие современной общественной системы. В связи с этим для большинства социологов в настоящее время весьма актуальным является исследование вопросов трансформации цивилизационных фронтиров на постсоветском пространстве. Немаловажную роль играет наличие не только социальных и экономических изменений, но и культурных, проявляющихся в постсоветском хронотопе.

Особое внимание стоит уделить глубоким социокультурным преобразованиям, которые последовали за формированием на некогда едином культурно-историческом пространстве новых национальных и социокультурных общностей. Образование новых государств и целенаправленная деконструкция советских культурных символов обусловили постепенное исчезновение «советской» культурно-цивилизационной идентичности. В этих условиях на первое место вышли новые идентичности местного уровня – национальные, этнические, региональные, локальные и другие. Фактически, уже существовавшие идентичности начали выходить на первых план, поскольку на тот момент на территории постсоветского пространства отсутствовал цивилизационный конструкт, способный объединить некогда единую общность.

В научном сообществе исследователями выделяются основные причины рассмотрения постсоветских стран как единой интегрированной совокупности. Страны постсоветского периода представляют собой целостную единицу, поскольку, во-первых, эти страны характеризуются значительным сходством институциональных, политических и экономических явлений, во-вторых, отмечается наличие интеграционных связей между странами, так как они в той или иной степени оказывают влияние друг на друга. И, в-третьих, одним из важнейших факторов являются общие навыки жизнедеятельности большого числа постсоветских стран, которые могут быть связаны, например, с языковыми особенностями.

Вместе с тем, социокультурные трансформации, происходившие на постсоветском пространстве осуществлялись разрозненно и асинхронно. Так, например, деконструкция советских социокультурных символов в России практически завершилась в течение первого десятилетия постсоветского периода. На пространстве Украины, напротив, данный процесс продолжается и регулярно актуализируется в период изменения политической конъюнктуры. Осо-

[1] Сапрыка Виктор Александрович – д.соц.н., зав. кафедрой социальных технологий и государственной службы НИУ «БелГУ».
Пастюк Александр Владимирович – к.соц.н., ассистент кафедры социальных технологий и государственной службы НИУ «БелГУ».
Олейник Светлана Анатольевна – соискатель кафедры социальных технологий и государственной службы НИУ «БелГУ».
Петренко Кристина Александровна – студент НИУ «БелГУ».

[2] Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-докторов наук МД-578.2020.6 «Социокультурные угрозы трансформации цивилизационных фронтиров в постсоветском хронотопе».

[3] Звездин Л.А. Цивилизационная безопасность России в языковом измерении сущность и обеспечение в современных условиях. – М., 2019. – С. 21.

[4] Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. – М., 2005. – С. 67.

бенно выделяются на данном фоне социальные процессы в Республике Беларусь, где советская социокультурная модель стала основой для формирования новой белорусской идентичности.

В.Г. Егоров в своих работах определяет постсоветское пространство как «территориальную локализацию новых независимых государств, связанных общностью существования в одном государстве и сохраняющих в связи с этим некую идентичность»[1].

Безусловно, даже разнонаправленность и асинхронность социальных процессов на постсоветском пространстве не смогли обусловить полное исчезновение социокультурной общности во всех новообразованных государствах. Так, например, отмечается существенное сходство базовых ценностей населения постсоветского пространства. которые чаще всего заключаются в потребности безопасности, семейных ценностях и др.[2]

Ряд ученых отождествляет постсоветское пространство с понятием «неоевразийское пространство». Например, Н. Васильева и М. Лагутина отмечают, что «постсоветское пространство сегодня выходит за исторические рамки советского прошлого, выступает инструментом создания качественно нового преемственного пространства – неоевразийского»[3].

Процесс трансформации идентичности на территории постсоветского пространства во многом определен резкой заменой старой советской социокультурной модели на множество национальных культурных и этнических моделей.

В рамках рассмотрения социокультурных угроз трансформации цивилизационных фронтиров в постсоветском хронотопе стоит отметить, что постсоветская культурно-цивилизационная идентичность может рассматриваться как многогранное явление, которое тесно взаимосвязано с различающимися между собой этническими, социальными и экономическими факторами развития постсоветского пространства. В.В. Чигарева утверждает, что «основой существования цивилизационной системы выступает ее самоидентификация, поскольку сам идентификационный принцип обладает свойством диахронного (от поколения к поколению) социально-культурного воспроизводства, то есть, в конечном счете, воссоздания базовых ценностей и устойчивых навыков, которые предопределены традицией культурного развития, социальными и духовными константами»[4].

При трансформации цивилизационных фронтиров могут возникнуть социокультурные угрозы в различных проявлениях (рис. 1).

Рисунок 1.
Перечень социокультурных угроз

Глубокие культурно-цивилизационные трансформации на постсоветском пространстве обусловливают и изменение устоявшихся цивилизационных фронтиров, которые на протяжении многих лет определяли характер и структуру транскультурной коммуникации населения – культурно-цивилизационного обмена между представителями различных макрообщностей. Вместе с тем, изменяется не только пространство фронтира, т.е. его месторасположение, но

[1] Егоров В.Г. Постсоветское пространство в современном политическом дискурсе // Политические процессы на постсоветском пространстве: материалы международной конференции. – М., 2014.

[2] Сапрыка В.А., Пастюк А.В. Фрагментация культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов России и Украины // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. – Т. 13, № 2. – С. 81–98.

[3] Васильева Н.А. К вопросу о формировании Евразийского союза: теоретический аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. – № 10. – С. 167.

[4] Чигарева В.В. Цивилизационно-культурная идентичность в условиях глобализации // Известия Байкальского государственного университета. 2006. – № 5 (30). – С. 94–97.

и преобразуется характер интеракции, когда представители некогда единой цивилизационной общности воспринимаются как представители другой идентичности, культуры и этноса. В целом, можно отметить, что трансформации цивилизационной структуры общества проявляются в формировании новых социокультурных групп и в подавлении устаревших, а также в переопределении их роли и места в социальном пространстве. Отличительные черты постсоветского пространства заключаются в наличии социокультурных связей с приграничной территорией, в рамках которой обитают социальные общности, институты гражданского общества или субъекты культуры.

В этих условиях особое внимание должно быть уделено снижению социокультурных угроз трансформации цивилизационных фронтиров. Место встречи различных цивилизаций, их фронтиров может стать пространством, на котором будут максимально актуализированы потенциальные социокультурные противоречия, что в лучшем случае может вызвать нежелательные последствия для социальной, экономической и культурной интеграции и сотрудничества. В этой связи, ключевой исследовательской задачей должно стать исследование процессов трансформаций цивилизационных фронтиров, определение их последствий и разработка механизмов, направленных на снижение возможных социокультурных угроз.

Ткаченко А.А.
д.э.н., профессор, Финансовый университет
Researcher ID: Q-9323-2016
Scopus Author ID: 7102706121

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ДО 2025 ГОДА И ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова*: пространственное развитие; транспортная инфраструктура; агломерация; мегаполисы; коренные народы; Экономический пояс Шёлкового пути.*

Keywords*: spatial development, transport infrastructure, agglomeration, megacities, indigenous peoples; Silk Road Economic Belt.*

В феврале 2019 г. правительство утвердило Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года[1]. Распоряжением Правительства РФ было поручено Минэкономразвитию России с другими заинтересованными федеральными органами разработать и представить проект плана реализации этой Стратегии. На разработку проекта был отведен трёхмесячный срок, но план реализации был принят только в конце года[2]. Следовательно, стратегия будет воплощаться в реальность в течение только 6 лет. Этот срок представляется недостаточным для осуществления любого крупного инвестиционного проекта, направленного на развитие транспортной инфраструктуры, особенно при разработке и воплощении в реальность отраслевых документов стратегического планирования. Гипотеза предлагаемого исследования предполагает усиление взаимодействия стран-членов ЕАЭС и Китая в формировании транспортной инфраструктуры и новых транспортных коридоров в рамках китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) для регионального развития и выделение его приоритетов.

План правительства называет среди национальных целей и стратегических задач развития страны 7 крупных направлений, среди которых присутствует задача формирования и развития минерально-сырьевых центров. Возникает 2 вопроса, связанных с этим и предыдущими решениями российского правительства. Как совместить решение этой задачи с улучшением состояния окружающей среды, сохранением и восстановлением биологического разнообразия, а также уменьшения негативных последствий от их изменения – такие центры неизбежно вызывают изменения экологического равновесия. Второй вопрос связан с целью правительства, а точнее уже многих правительств, добиться уменьшения зависимости экономики от её сырьевой направленности. Кроме того, создание таких центров, хотя и требует создания или модернизации необходимой им транспортной инфраструктуры, напрямую не может относиться к стратегии пространственного развития, если под ней не понимать стратегию размещения производительных сил в её дорыночном звучании. Но ведь стратегия завершает первую четверть уже XXI в. – века развития информационно-квантовой экономики.

В самой Стратегии-2025 особое место занимают рекомендуемые решения в виде проектов или программ, направленных на обеспечение устойчивости системы расселения, а эта система очень инерционна, и её изменения требуют долгосрочного планирования с горизонтом на несколько десятилетий. Необходимо также учитывать, что речь идет, прежде всего, об освоении новых или малообжитых территорий Сибири и Дальнего Востока, имеющих огромную по среднеевропейским меркам протяженность. Именно эти регионы – Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский и Дальневосточный среди сформированных в стратегии 12 макрорегионов России являются как бы приоритетными. Состояние их транспортной инфраструктуры в удовлетворении потребности создания новых транспортных коридоров в рамках инициативы ЭПШП является, по мнению большинства экспертов, как раз сдерживающим фактором экономического и социального развития.

Необходимо выделить еще одну институциональную проблему, связанную с распоряжением Правительства РФ, которое в пункте 4 рекомендует всем органам исполнительной власти руководствоваться документами территориального планирования, предусмотренными Градостроительным кодексом РФ. Но этот кодекс, несмотря на обновления 2017 г., довольно далек от идей принятой Стратегии-2025, следовательно, неизбежно возникновение противоречий в практике воплощения стратегии с оглядкой на кодекс.

Историческим примером пространственного освоения, по результатам которого среди российского общества, экономистов, географов и экспертов до сих пор не существует однозначного мнения, является строительство Байкало-Амурской магистрали в 1974–1984 гг., хотя Северо-Муйский тоннель (15,3 км) был сдан в эксплуатацию только в 2003 г., т.е. практически через 20 лет после завершения «стройки века». В 2019 г. отмечалось 25-летие строительства Евротоннеля, чья протяженность составляет 50,45 км, а срок строительства 7 лет. Самый длинный и высокоскорост-

[1] Распоряжение от 13 февраля 2019 г. № 207-р (далее – Стратегия-2025). – http://government.ru/docs/35733/
[2] Распоряжение от 27 декабря 2019 года №3227-р.

ной (250 км/час) железнодорожный тоннель в мире – Готардский базисный тоннель длиной 57,1 км был построен за 13 лет (введен в 2016 г.). Поскольку Стратегия-2025 в приоритетных регионах, особенно на Дальнем Востоке в его новом административно-географическом понимании[1] связана с названной китайской инициативой, следует отметить, что Китай имеет новейший опыт строительства и эксплуатации железнодорожных тоннелей, которые введены в действие в XXI в. и которые демонстрируют иной уровень создания транспортных магистралей по сравнению с российским.

В определенной мере стратегия необходима, так как российская экономика не только нуждается в создании современной транспортной инфраструктуры, но и вдвойне зависит от неё, так как создание такой инфраструктуры сразу же приводит к возникновению так называемых «точек экономического роста», в том числе в результате притяжения бизнеса различной направленности, о чем свидетельствует опыт многих стран, включая российский опыт локального характера. Инвестиционная ограниченность российских проектов и их связь, по крайней мере, на востоке страны, с проектом ЭПШП ставит очередной вопрос: появится ли уникальная возможность использования инвестиционного потенциала китайской экономики для формировании транспортной инфраструктуры и развития российских городов по маршруту транспортных коридоров, или это останется современной маниловщиной. В осуществлении этой возможности заинтересованы правительства нескольких государств в рамках российской Стратегии-2025 и других возможных долгосрочных стратегий, которые неизбежно возникнут в связи с китайской стратегией «возрождения» Большого шелкового пути. Тем более что региональные стратегии в России, по мнению большинства экспертов, не согласованы друг с другом и не обеспечивают сбалансированности развития, их слабость – не только в недостаточной обоснованности приоритетов, но и в расплывчатых механизмах реализации стратегических целей [1]. Российская экономика должна воспользоваться преимуществами коридоров ЭПШП, а российские управленческие структуры и бизнес – заинтересовать китайских инвесторов, государственных и частных, возможными взаимовыгодными проектами развития. При этом выгодность проектов для бизнеса при её очевидности приведет к увеличению собственных российских ресурсов для осуществления стратегии пространственного и территориально-хозяйственного развития России, привлекая свободные частные капиталы не только крупных инвесторов.

Актуальность и возможная долгосрочная для России перспектива ЭПШП, которая может дать импульс новому качеству роста российской экономики, тесно связана с решением задачи вовлечения в эти проекты партнеров России по новому интеграционному объединению – ЕАЭС как в виде государств-членов этого Союза, так и предпринимателей этих стран. Транспортные коридоры не только со сложившимися направлениями «Запад–Восток» и в меньшей мере «Север–Юг», но в связи с проектом ЭПШП несут новые перспективы развития каждой из стран ЕАЭС и интеграционных процессов в целом и могут привести к созданию общего рынка транспортных услуг в более широком формате, а следовательно, к нарастанию эффекта масштаба. Если удастся достичь тесной взаимосвязи российской стратегии с аналогичными долгосрочными планами других стран ЕАЭС в решении задачи обновления и расширения транспортной инфраструктуры, то это может стать одним из решающих факторов успешности и высокой эффективности освоения возможных инвестиций как со стороны частного бизнеса, так и планируемых в соответствии со Стратегией-2025 государственных и муниципальных инвестиций. При этом наиболее эффективное решение в постановке задач и выбора направлений возможно только при учете интересов и роли всех стран Центральной Азии (ЦА), вовлечение которых в китайский проект неизбежно, а не только стран ЕАЭС. Хотелось бы надеяться, что российское правительство осознает тот факт, что страны ЦА связаны с российской экономикой не только прошлым общим экономическим пространством, но и будущими векторами развития в глобальной экономике и будет активизировать политику с его учетом. Такая постановка представляется актуальной и по той причине, что многие точки роста на пути нескольких транспортных коридоров из Китая в Европу могут возникнуть на трансграничных территориях России, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. Последний может быть заинтересован в развитии портовых территорий[2], которые даже в условиях российской недостаточной практики показали более высокий потенциал роста по сравнению с другими территориальными образованиями. Этот совместный проект может стать долгосрочной целью развития портовых территорий Азербайджана и Ирана, а также российских регионов, имеющих территории, выходящие к Каспийскому морю, а в будущем даже способствовать уменьшению «географической изоляции» Армении, выводя её на иной уровень транспортных потоков в рамках ЕАЭС. Каспий всё более рассматривается как ключевой регион для экспорта Китая и стран Юго-Восточной Азии в Европу.

Стратегия-2025 методологически и методически связана с концепцией и теорией регионального стратегирования, включая закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», с основными положениями транспортной части Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 года[3]. В то же время можно согласиться с тезисом о том, что за последние 20 лет теория и методология регулирования пространственных структур российской экономики не получила достаточного продвижения [2], а, следовательно, приращения теории в рыночный период отечественного развития не произошло.

С одной стороны, существует специальный «Порядок разработки Стратегии пространственного развития»[4]. С другой стороны, все имеющиеся стратегии пространственного развития федеральных округов с разным временным горизонтом (2020–2025) разрабатывались и принимались до принятия как названного документа, так и последующей Стратегии-2025. Поэтому их ценность в настоящее время можно считать *исчерпанной*. Очевидна необходимость нача-

[1] Имеется в виду присоединение Республики Бурятия и Забайкальского края.

[2] Как одной из форм зон свободной торговли.

[3] Это не исключает предыдущего замечания о несообразности столь кратковременных сроков.

[4] Постановление Правительства РФ от 20.08.2015 № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации.

ла сложной и кропотливой работы над новыми региональными стратегиями, в первую очередь пространственного развития Дальнего Востока, которая должна учитывать несколько разных вариантов в зависимости от развилок пространственных сценариев китайской стороны и от главных целей разных вариантов. Весьма целесообразно также учесть сценарный Прогноз пространственного развития Европы (ЕС).

Можно предположить, что в формировании транспортной инфраструктуры как фактора пространственного и территориально-хозяйственного развития России не менее сложным окажется процесс разграничения вопросов регулирования в соответствии с законодательной базой между федеральным центром и регионами и соблюдения полномочий органов государственной власти РФ по предметам ведения. Предлагается считать отправной точкой в этой дилемме соблюдение следующего правила. Если совместный международный проект инициирован региональными органами власти с обеих сторон, китайской и российской, то его осуществляют соответствующие власти без вмешательства федеральной, и, соответственно, наоборот. При этом межгосударственные проекты, если они не затрагивают вопросы экономической безопасности, должны в ходе консультаций обсуждаться с местными властями, чьи интересы (интересы населения вовлекаемой таксономической единицы) затрагиваются проектом. Особое место здесь занимают территории проживания и хозяйствования малочисленных коренных (индигенных) народов Сибири и Дальнего Востока, которые, к сожалению, не всегда выделяются при анализе арктических районов [3, с. 8–9]. Все проекты, затрагивающие территории их обитания, должны согласовываться с представителями этих народов в соответствии с законом «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»[1]. Целесообразно также учитывать положения Пояснительной записки «Коренные народы» Европейского банка реконструкции и развития, даже если осуществляемый проект не финансируется ЕБРР[2].

Реализация нескольких подобных соглашений и осуществление модернизации и создания транспортной инфраструктуры в ряде регионов Дальнего Востока может способствовать уменьшению, а затем и прекращению оттока населения с этих территорий[3], что не является прямой целью предлагаемого проекта, но будет неизбежным последствием роста качества жизни населения благодаря созданию современной транспортной инфраструктуры и транспортных коридоров на этих территориях. Не менее важно их прохождение через территории стран ЕАЭС, что будет способствовать развитию интеграционных процессов и экономическому росту стран – членов. Актуальность развития транспортной инфраструктуры подчеркивает большинство исследователей, но ряд из них отмечает потребность стран Большой Евразии в разнообразных транзитных маршрутах на постсоветском пространстве и одновременный рост конкуренция между главными транзитными маршрутами [5].

Взаимосвязь российской стратегии с аналогичными долгосрочными планами других стран ЕАЭС в развитии транспортной инфраструктуры может стать одним из решающих факторов успешности и высокой эффективности освоения потенциальных инвестиций как со стороны частного бизнеса, так и планируемых в соответствии со Стратегией-2025 государственных и муниципальных инвестиций. Прохождение транспортных коридоров через территории стран ЕАЭС может способствовать развитию интеграционных процессов и экономическому росту стран ЕАЭС и СНГ, но это связано с выработкой единой позиции этих стран по целям участия в проектах, хотя и на разных условиях.

Пространственное развитие России должно кроме всего остального способствовать изменению структуры расселения [6], когда к востоку от Урала находится только 2 города-миллионера (Новосибирск и Омск) из 15 «миллионников» (2019), при этом Омск опять стал терять население. В Сибири и на Дальнем Востоке расположены 8 городов с населением от 0,5 до 1 млн чел. из 22, но растет при этом только Тюмень, что понятно при застывшей сырьевой ориентации российской экономики. Иркутск, Хабаровск, Кемерово, Новокузнецк теряют население, Барнаул, Владивосток и Томск находятся в состоянии, близком к стагнации. Сможет ли Стратегия-2025 оживить эти города и придать им новый импульс развития? Именно новый, так как все предыдущие известные пути привлечения населения в прежней экономической системе исчерпали себя.

Принятая Стратегия-2025 носит противоречивый характер, так как повышение устойчивости системы расселения благодаря развитию городов и сельских территорий, что невозможно без модернизации транспортной инфраструктуры, совмещается с задачами социально-экономического роста за счет развития крупнейших и крупных городских агломераций и развития геостратегических территорий. Как совместить эти разнородные цели и почему преимущественный рост одних будет способствовать сокращению уровня межрегиональной дифференциации в целом, стратегия не показывает, да это и невозможно по ряду причин как теоретических, так практических что продемонстрировано многими странами. Вероятно, авторы не рассматривали альтернативу тезису «за счет» – «благодаря». К этому невозможно органически присоединить поэтапное формирование Единого транспортного пространства ЕАЭС на принципах конкуренции и открытости, как это предусмотрено Союзным договором[4]. При этом можно отметить, что ожидания ЕЭК о завершении формирования единого транспортного пространства стран ЕАЭС к 2025 г., когда будут сняты все существующие препятствия для перевозок любыми видами транспорта, явно избыточны и потребуется заметно больший период, учитывая географическое расположение стран ЕАЭС и уровень развитости рынка транспортных перевозок.

---

[1] Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ

[2] Это мы связываем, хотя с 2014 г. проекты Евробанка в РФ сворачиваются, с продуманностью требований к соглашениям с индигенными народами со стороны ЕБРР, которое соответствует международным нормам в отношении коренных народов, даже если эти нормы РФ пока не признаны, как, например, Конвенция МОТ 169 (подробнее см.: 4, с. 45–46).

[3] Но пока в Стратегии – 2025, несмотря на поставленные цели, мы не видим реальных мер по росту численности населения этого субрегиона за счет собственного населения.

[4] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (ред. от 15.03.2018).

С образованием Таможенного, а затем и интеграционного Союза вопросы развития трансконтинентальных транзитных маршрутов и их роли в процессах евразийской интеграции всё больше привлекают внимание исследователей [7]. Главный принцип развития транспортных проектов состоит в том, что его целью является соединение точек потенциального роста независимо от вхождения этих точек в ту или иную административную территориальную единицу. Поэтому проект может быть рассчитан на развитие коммуникаций между поселениями разных муниципальных единиц независимо от принадлежности к определенному рангу. В России это могут быть города и поселки разных субъектов Федерации, если у них существует общее поле экономических интересов или единый стягивающий потенциал развития.

Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры[1] состоит из 9 проектов, большинство из которых транспортные. На развитие транспортного коридора «Европа – Западный Китай» предусмотрено финансирование в объеме 655 млрд. руб., на федеральные проекты: «Морские порты России» – 927 млрд., «Северный морской путь» – 587,5 млрд., «Железнодорожный транспорт и транзит» – 1 трлн. 253,5 млрд., «Высокоскоростное железнодорожное сообщение» – 621,8 млрд., «Развитие региональных аэропортов и маршрутов» – 267,5 млрд. руб. Меньше выделяется лишь на проект «Транспортно-логистические центры» – 45,9 млрд. руб. Выбор проектов свидетельствует о том, что развитию авиационного сообщения между значительно удаленными друг от друга городами (поселениями) – столицами субъектов Федерации и районными центрами самой большой территории страны к востоку от Урала не придаётся столь же большого значения, как созданию высокоскоростного сообщения в европейской части страны или другим видам железнодорожного транспорта. Например, Росавиация отметила, что из 28 объектов к заключению контрактов готовы только 4, а по 2 аэродромам Камчатки, включённым в план 2019 г., Росавиация предложила перенести старт работ на 2020 год, что вряд ли свидетельствует о соблюдении приоритетности Дальнего Востока, обозначенной в целях государственной политики. Насколько это соответствует одной из основных задач национальных проектов – прекращению оттока населения из восточной части страны в западную – оценить довольно трудно, но демографическое благополучие Дальнего Востока нельзя не относить к приоритетам регионального развития. В данном случае проявляются основные недостатки многих российских программ развития, в том числе национальных и входящих в них федеральных проектов. Среди них мы выделяем недостаточную взаимосогласованность проектов, несмотря на утверждения об их гармонизации, и о т с у т с т в и е расчетов долговременных последствий и оценок их осуществления.

К Дальнему Востоку и северу Сибири относятся также проекты развития транспортного узла «Восточный-Находка» и «Строительство и реконструкция объектов портовой инфраструктуры порта Диксон, Пайяхского и Северо-Пайяхского месторождений». Наряду с фактом вложения в проект компанией Пайяха 2 млрд. руб. на предварительном этапе разведки и геологоразведочных работ, доставка грузов на Северо-Пайяхское месторождение (2 участка) осуществляется речным путем через площадку у п о л у з а б р о ш е н н о г о поселка Мунгуй, хотя ещё в 2002 г. посёлок был включен в перечень населённых пунктов, где предполагалось строительство ветроэлектростанций[2]. Таким образом, вкладывая деньги в производство, частный капитал в условиях существующего национального законодательства остается абсолютно равнодушен к минимальным вложениям в расселенческую инфраструктуру.

Изменение пространственного взаимодействия во времени и характер пространственного развития прогнозируется в большинстве стран, так как позволяет видеть не только перспективу развития – «территориального видения» на несколько десятилетий вперед, но и формулировать задачи для достижения желаемых целей. Прогноз по трем сценариям пространственного развития Европы «Сделаем Европу открытой и полицентричной» задаёт цели формирования будущего пространства [8]. Доклад «Сценарии для Европы к 2050 году» выделяет по сценарию «Рыночный рост в пользу крупных метрополий» роль способствующих экономическому развитию крупнейших метрополитенских регионов глобального значения в Европе, то есть около 76 существующих метрополитенских европейских зон роста (MEGAs). Этот сценарий содержит допущения о сокращении средств на транспортные инвестиции и их концентрацию на инфраструктуре дальней связи. Но это уже другой уровень развития, который российской экономикой не достигнут, поэтому та же ориентация в Стратегии-2025 на мегаполисы представляется лишь общей данью «моде» без тщательного анализа. Второй сценарий Стратегии «Европа 2050» «Государственная политика по продвижению вторичных городских сетей» рассчитан на преимущественное внимание примерно 260 городам Европы, являющимся национальными столицами и/или региональными центрами. Сценарий предполагает, что инвестиции фондов будут в основном предназначены для городов, включая обновление городов и реурбанизацию, развитие региональных и межрегиональных транспортных сетей. Третий сценарий «Местные и европейские инициативы по продвижению малых городов и менее развитых регионов» включает смену парадигмы путем продвижения малых и средних городов как центров экономически устойчивых регионов с более устойчивыми моделями потребления, и на первый взгляд кажется наиболее интересным для изучения российскими экспертами – авторами Стратегии пространственного развития РФ. Политика в этом сценарии направлена на укрепление социального и экономического равновесия в Европе на *региональном* уровне с помощью содействия эндогенному развитию и расширения возможностей региональных институтов. Но его допущения, включая увеличение бюджетов для региональной политики ЕС, исключают поддержку транспорта на дальние расстояния, что понятно для ЕС [9], но мало подходит для России и её партнеров по ЕАЭС.

[1] Утверждён распоряжением Правительства Российской Федерации 30 сентября 2018 года №2101-р.

[2] Название посёлка связано с языком индигенного народа тофалары, хотя основная территория расселения теперь находится на юге Иркутской области.

В России подобных попыток не делалось[1] даже при разработке 8 стратегий социально-экономического развития федеральных округов на период до 2020 (2025) г. В стратегиях представлен прогноз основных показателей развития округа и субъектов Федерации в соответствии с двумя сценариями – консервативным и инновационным. Поскольку все стратегии разрабатывались по «субъектному» принципу, а новая Стратегия-2025 подразумевает другой уровень ячеек, они все могут теперь рассматриваться лишь с точки зрения анализа допущенных ошибок и просчетов, не играя никакой роли как базы для дальнейших шагов любого вида: программ, планов, проектов. А Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа, поскольку она принята на период до 2025 г. должна быть отменена или пересмотрена с учетом положений федеральной Стратегии-2025. Необходимо также обратить внимание на то, что практически во всех стратегиях округов чрезмерно оптимистичными оказались одни и те же показатели – прогнозы инвестиций и доходов населения. Это свидетельствует о том, что далекими от реальности становятся те показатели, которые обозначаются как наиболее важные в посланиях президента Федеральному Собранию РФ и которые правительство в своих планах также позиционирует как важнейшие цели экономического роста. Это говорит о низкой объективности подготовки подобных программ и отсутствии приемлемых моделей, которые способны показать различные варианты развития событий при учете длинного динамического ряда задействованных показателей и тем самым выявить невозможность предлагаемого сценария. Это в свою очередь позволило бы более точно обозначить вероятную траекторию развития и соответственно направлять средства на более эффективные направления.

Сказанное относится и к Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г., тем более что этот регион может стать самым важным в планах привлечения китайских инвестиций в связи с ЭПШП. К тому же статистические данные этой стратегии даже не позволяют сформировать набор данных, по которым возможна реальная оценка степени достижения целевых индикаторов стратегии и, как отмечено Н.Н. Михеевой, существуют вероятные ошибки в таблицах и существенные отличия отчетных данных от статистики Росстата [1, с. 163]. Не представляется убедительным и прогноз очень высоких темпов роста экономики макрорегиона, заложенный в эту стратегию. Её сохранение, по крайней мере, в данном виде, будет только тормозить шаги по прогнозу и обоснованию формировании транспортной инфраструктуры.

Выводы

Стратегия-2025 говорит об успешном развитии агломераций, с одной стороны, и одновременно утверждает наличие среди проблем таких, как недостаточное количество центров экономического роста или низкий уровень комфортности городской среды в большинстве городов, включая большинство крупных и крупнейших городских агломераций. К сожалению, разработчики Стратегии пошли по уже известному и часто критикуемому пути включения в документ правительства концептуального характера многообразных задач, целей и проблем, решение которых, безусловно, важно для развития российского общества и российской экономики, но имеет только косвенное отношение к проблематике самой Стратегии-2025. Так, среди основных проблем пространственного развития назван низкий уровень предпринимательской активности в большинстве малых и средних городов, на сельских территориях или возрастание демографической нагрузки на трудоспособное население в большинстве субъектов. Эти и другие примеры, которые совсем не малочисленны, свидетельствуют об избыточности документа, что, строго говоря, затрудняет его использование по существу. Поэтому Стратегия-2025 на 116 страницах текста не станет настольной книгой разработчиков региональных стратегий и в особенности ориентиром в их дальнейшей повседневной практике.

Необходимо, несмотря на все недостатки Стратегии-2025 разработать новые региональные стратегии по субрегионам страны, прекратив действие существующих стратегий по федеральным округам, которые не соответствуют целям и задачам рассмотренной федеральной стратегии. Особое внимание в стратегиях по территориям Сибири и Дальнего Востока следует уделить пространственному развитию с учетом интересов коренных (индигенных) народов.

Список литературы

1. Михеева Н.Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. 2018. – № 5. – С. 158–178.
2. Бухвальд Е.М. Характер и условия реализации программы пространственного развития России // Теория и практика общественного развития. 2018. – № 3(121). – С. 57–59.
3. Ткаченко А.А. Роль стратегии пространственного развития в улучшении качества жизни регионов России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. – № 4 (60). – С. 1–11.
4. Ткаченко А.А. Роль МОТ в международных процессах // Международные процессы. – М., 2019. – Т. 17, № 3 (58). – С. 36–50.
5. Тураева М.О. Транспортно-инфраструктурные проекты в Евразии // Мир перемен. – М., 2016. – № 1. – С. 127–135.
6. Ткаченко А.А. Вымирают ли российские города? // Власть. – М., 2013. – № 1. – С. 44–47.
7. Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 66 с.
8. Making Europe Open and Polycentric. Vision and Scenarios for the European Territory towards 2050. ESPON Programme. – Luxembourg: EPSOM & MCRIT Ltd, 2014. – 30 p.
9. Luukkonen J., Moisio S. On the socio-technical practices of the European Union territory // Environment and Planning A: Economy and Space. 2016. – Vol. 48, N 8. – P. 1452–1472. – https://doi.org/10.1177/0308518X16641413

[1] Все российские варианты прогнозов пространственного развития не содержат столь различных по сути вариантов, предполагающих разные модели развития, а содержат лишь традиционные различия инертных и «инновационных» сценариев.

Тома А.Ю.
председатель правления НКУ «Евразийское Партнёрство», Минск
aleksey.toma@gmail.com

БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ: РАБОТА НАД ГУМАНИТАРНЫМИ ОШИБКАМИ

Ключевые слова*: международные отношения, Союзное государство, гуманитарное сотрудничество, негосударственные исследовательские центры, управляемые кризисы.*

В начале 2020 года на официальном сайте немецкого телеканала Deutsche Welle была опубликована статья «Почему все меньше белорусов хотят союза с Россией». В статье приводились следующие данные: «В течение 2019 года число сторонников союза с Россией снизилось с 60,4 процента до 40,4» [1]. Новость о снижении на 20% общественной поддержки союза с Россией активно распространялась среди белорусских негосударственных СМИ и крепко укоренилась в сознании большинства населения.

Примеры:

- https://news.tut.by/economics/671415.html
- https://naviny.by/new/20200205/1580902471-chislo-storonnikov-soyuza-s-rossiey-rezko-obvalilos-za-2019-god
- https://thinktanks.by/publication/2020/02/06/v-belarusi-na-20-protsentov-sokratilos-chislo-storonnikov-soyuza-s-rossiey.html
- https://kyky.org/news/belksit-bolshinstvo-belarusov-protiv-soyuza-s-rossiey
- https://telegraf.by/in-belarus/opros-belorusy-rezko-razljubili-rossiju/

Точность приводимых цифр вызвала ряд вопросов у части экспертного сообщества Беларуси. Однако сам факт снижения общественной поддержки союза с Россией заметили даже самые убеждённые сторонники интеграции.

17 июня 2020 года на сайте белорусских исследований thinktanks.by были опубликованы результаты другого опроса под заголовком «Белорусы доверяют ЕС больше, чем ЕАЭС». По результатам данного опроса: «Евросоюзу доверяют 45% жителей Беларуси. В то же время Евразийскому экономическому союзу доверяет 39% белорусов» [2].

Подобные «опросы» дополняются дезинтеграционной риторикой из СМИ и различными политико-экономическими конфликтами: поставки нефти, цена на газ, ситуация с Белгазпромбанком и т.д. И если до 2020 года белорусско-российские конфликты успешно разрешались до состояния «нерушимого братства» и «крепкого союза», то в 2020 году ситуация иная.

В июне 2020 года была пройдена определённая черта: ряд экспертов заявили о вмешательстве во внутренние дела Беларуси. Но так ли это на самом деле? Попробуем разобраться.

В Республике Беларусь функционирует более 413 прозападных субъектов (независимые СМИ, блогеры, исследовательские центры, НКО), которые годами ведут системную работу по дискредитации союза с Россией [3]. Если сравнить количество прозападных субъектов в Беларуси с пророссийскими/проевразийскими, то в лучшем случае получится 10-кратный перевес в сторону прозападных.

Ещё больший перевес у прозападных субъектов в сфере информационно-идеологического влияния на общественное мнение белорусов и лиц, принимающих политические решения. Например, при внимательном изучении рейтинга посещаемости официальных сайтов исследовательских центров, работающих в Беларуси и с белорусской тематикой, можно заметить, что среди ТОП-20 негосударственных исследовательских центров нет ни одного пророссийского/проевразийского [4].

Роль исследовательских центров в современной Беларуси трудно переоценить. Во-первых, они поддерживают неформальные контакты с лицами, принимающими политические решения, соответственно влияя на них.

Во-вторых, сотрудники негосударственных исследовательских центров участвуют в дискуссиях и конференциях, выступают в СМИ и тем самым влияют на мировоззрение различных социальных групп Беларуси.

В-третьих, исследовательские центры организуют статусные международные мероприятия с участием иностранных политиков и экспертов, на которых проходят кулуарные переговоры (обмен политически значимой информацией/дезинформацией) и озвучиваются инициативы западных партнёров.

В-четвертых, исследовательские центры напрямую влияют на проводимую политику, закладывая определённые идеи и концепции в доклады, рекомендации и аналитические исследования для высокопоставленных лиц.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что исследовательские центры в современном мире выступают как концептуальная власть, способная управлять массовым сознанием общества и лиц, принимающих политические решения.

Созданный механизм прозападного влияния уже показал свою способность гасить стратегические инициативы России на белорусском направлении. Антиинтеграционные митинги в декабре 2019 года и параллельная антисоюзная информационно-идеологическая работа через СМИ и СМК – только видимая часть произошедших процессов.

В тени гражданского общества Беларуси произошли более глубокие «молекулярные» процессы, протекавшие как невидимое изменение мнений и настроений в сознании каждого человека (малыми порциями). Результатом этих процессов по замыслу их инициаторов должны стать **кардинальные преобразования** в государстве.

Выборы 2020 и технологии управляемых кризисов

В период проведения предвыборной кампании 2020 года активизировалось множество политических субъектов (внутренних и внешних). Значительная часть из них встала на путь открытого применения технологий управляемых кризисов. Под данными технологиями принято понимать искусство комплексного воздействия, направленного на дестабилизацию социально-политической ситуации и смену политической власти.

Технологии управляемых кризисов построены на обострении внутренних противоречий, провоцировании кризиса и управлении им путём формирования мотивов поведения всех задействованных в нём сторон. Цели достигаются путём оказания моральной, информационной и материальной поддержки выгодным для себя субъектам с последующим приведением их к власти.

В управляемом кризисе условно можно выделить следующие фазы: дестабилизация; поляризация; провоцирование конфликта; открытое столкновение; разрешение конфликта и стабилизация.

Фаза дестабилизации. Особенностью этой фазы является то, что резко активизируется деятельность оппозиции/прозападных субъектов и внешних сил, стремящихся обострить имеющиеся в обществе и государстве противоречия, вовлечь в них как можно большее количество людей. В результате согласованного внутреннего и внешнего давления нарушается психологическая устойчивость государственных служащих, сотрудников силовых ведомств и лиц, принимающих политические решения.

Основная цель действий внутренних и внешних сил – создать критическую массу протестного потенциала, чтобы поставить власть перед дилеммой: либо делегировать оппозиции/прозападным субъектам необходимые полномочия в судебных, исполнительных и законодательных органах, либо идти на дальнейшую конфронтацию с ними. В первом случае оппозиция/прозападные субъекты увеличивают свои шансы на приход к власти путём выборов («мягкий вариант»). Во втором случае, переводится противостояние с властью в фазу поляризации («жёсткий вариант»).

Фаза поляризации. На этой фазе оппозиционные/прозападные силы стремятся завершить своё объединение, выработать общую стратегию действий, сформировать теневое правительство, выдвинуть политические цели и лозунги. Поляризация, происходящая в обществе, часто охватывает политическую и деловую элиту, руководителей силовых структур, ставя их перед необходимостью выбора.

Согласованные действия внутренних и внешних сил направлены на создание условий, необходимых для открытого противостояния с властью. На этой фазе ни одна из конфликтующих сторон не вовлечена в конфликт в такой степени, чтобы возврат на исходные позиции оказался невозможным. На этом этапе возможны переговоры, взаимные уступки и мирное разрешение конфликтной ситуации без привлечения третьих сил.

Фаза провоцирования конфликта. На данной фазе противостояние переводится в открытое столкновение с помощью инцидента (провокации). Провокации также позволяют захватить инициативу, навязать правила поведения, сорвать замысел, подтолкнуть «нужные» процессы, происходящие в социально-политических сферах.

Провокации могут организовываться не только противостоящими сторонами конфликта, но и другими силами, стоящими за кулисами видимых событий и заинтересованными в том, чтобы не допустить мирного разрешения конфликта, погрузить страну в хаос и навязать политические цели. Вовлечённые в конфликт стороны заранее готовятся к этой фазе, которая начинает приобретать выраженный силовой характер. Ключевую роль в этой фазе будут играть даже не сами провокации, а их интерпретация через СМИ и СМК, влияющие на общественное мнение.

Фаза открытого столкновения. На этой фазе каждая из сторон будет стремиться решительными действиями переломить ситуацию в свою пользу, разгромив очаги сопротивления, центры принятия решений и деактивировав политических лидеров.

Фаза разрешения конфликта и стабилизация характеризуется новыми реалиями стабилизации. Это достигается либо в результате взаимного истощения противоборствующих сторон и понимания бесперспективности продолжения открытого столкновения, либо невозможности продолжать борьбу одной из сторон.

В первом случае вырабатывается план урегулирования конфликта при привлечении посредников. Во втором случае решительная победа одной из сторон позволяет ей занять все руководящие высоты и решительно перевести ситуацию в новое выгодное для себя качество.

Возникает вопрос: кто и каким образом использует прозападные субъекты Беларуси и других акторов для применения технологий управляемых кризисов?

Ответ следует искать в источниках их финансирования. На сегодняшний день в Беларуси нет национального фонда поддержки субъектов гражданского общества (независимых СМИ, блогеров, исследовательских центров, НКО). Граждане и белорусский бизнес также не осуществляют значимой поддержки данным субъектам. Поэтому основной и, чаще всего, единственный источник финансирования – это иностранные фонды.

Де-юре большинство иностранных фондов имеет негосударственный статус и официально осуществляет самостоятельное руководство своей деятельностью. Однако де-факто они подчинены иностранным правительствам, министерствам иностранных дел и секретным службам и являются инструментом для решения внешнеполитических задач.

В итоге выстраивается следующая иерархия внешнего управления: иностранные правительства, министерства иностранных дел, секретные службы (заказчики) – иностранные фонды (посредники) – прозападные субъекты Беларуси (исполнители).

Данная иерархия внешнего управления является примером двойных стандартов. Если бы, например, в Бельгии работало более 400 проевразийских/пробелорусских субъектов, которые бы финансировались из фондов стран-участниц ОДКБ, то это расценили бы как **вмешательство во внутренние дела** суверенного государства (полноправного члена НАТО) с соответствующими последствиями.

Рекомендации

1. Первостепенное значение для стабилизации ситуации в Беларуси имеет комплекс юридических мер по контролю над источниками финансирования прозападных субъектов. Первые шаги в этом процессе уже сделаны. 25 мая 2020 года был подписан Декрет № 3 «Об иностранной безвозмездной помощи», который значительно изменил цели по оказанию иностранной безвозмездной помощи [5]. Из предыдущего Декрета № 5 «Об иностранной безвозмездной помощи» от 31 августа 2015 года были убраны следующие цели по оказанию помощи: проведение научных исследований, разработок, обучения, а также реализации научно-исследовательских программ. Под данные цели часто маскировалось иностранное финансирование политизированных прозападных субъектов Беларуси (в частности, исследовательских центров и НКО).

Также в нормативно-правовом акте закреплён запрет на использование финансовой помощи при организации мероприятий, направленных на проведение политической и агитационно-массовой работы среди населения.

По новому Декрету решение по освобождению помощи от налогов, сборов (пошлин) будет принимать не только Управление делами Президента Республики Беларусь, но в отдельных случаях Межведомственная комиссия (с 27 августа 2020 года).

Следует отметить, что данный Декрет значительно ограничит возможности по иностранному финансированию прозападных субъектов Беларуси, особенно негосударственных СМИ, исследовательских центров и НКО. Тем самым произойдёт ослабление созданной прозападной сети и её возможности по влиянию на социально-политические процессы в Беларуси.

Другим юридическим шагом в перспективе должен стать Закон «Об иностранных агентах» по аналогии с тем, который действует на территории Российской Федерации. Физические и юридические лица, финансируемые из-за рубежа и действующие в интересах иностранных государств, должны получить соответствующий юридический «статус», который ещё больше ограничит иностранное влияние на суверенную Беларусь.

2. Следующая рекомендация затрагивает работу субъектов публичной дипломатии Союзного государства и ЕАЭС. Уже не первый год звучит обоснованная критика в отношении союзных НКО, Россотрудничества, Постоянного комитета Союзного государства, телеканала БелРос ТВ и т.д. Именно данные субъекты должны обеспечивать «баланс» в отношении большого количества прозападных структур. Однако со своей работой они не справляются. Общественная поддержка союза с Россией падает.

Общеизвестно, что наиболее сильное влияние на общественное мнение белорусов оказывают блогеры, сообщества в социальных сетях, YouTube и Telegram каналы. Именно на них ориентирована белорусская аудитория как на основной или единственный источник получения информации.

Если провести мониторинг союзных блогеров, сообществ в социальных сетях, YouTube и Telegram каналов, то можно удивиться не только их единичному количеству, но и довольно низкой «эффективности».

Например, на официальном YouTube канале БелРос ТВ можно заметить, что каждое видео набирает только несколько десятков просмотров. При этом сам телеканал достаточно хорошо финансируется. Возникает вопрос: почему так происходит?

Во-первых, это связано с размещаемым контентом. Аудиторию, в частности молодёжь, интересуют совершенно иные по содержанию и формату видеоролики и передачи.

Во-вторых, со стороны телеканала не налажена эффективная работа с лидерами общественного мнения, сообществами в социальных сетях и Telegram каналами по распространению их контента. При взаимной договорённости они смогли бы эффективно распространять видео с YouTube канала БелРос ТВ, и такие видео смотрели бы уже не десятки, а тысячи людей.

Перейти на современные стандарты рекомендуется и Россотрудничеству вместе с союзными НКО. В Беларуси у молодёжи существует огромный запрос на возможности самореализации. Молодёжь ищет перспективы: создание и продвижение собственных проектов, выступление на мероприятиях, поиск статусных связей, получение поддержки, грантов и сертификатов, поездки заграницу и т.д.

Прозападные субъекты это понимают и поэтому активно работают «под запрос» белорусской молодёжи. В свою очередь, среди союзных субъектов публичной дипломатии видна недоработка. Можно выделить только два по-настоящему эффективных проекта: «Союзная лига дебатов» и «Новое поколение».

Россотрудничеству и союзным НКО также рекомендуется обратить внимание на запуск постоянно действующих дискуссионных клубов, креативных пространств, краудфандинговых платформ и современных блогов.

Ещё большее внимание следует уделить подготовке и поддержке лидеров общественного мнения. Практика показывает, что эффективность их работы в информационно-идеологической сфере намного превышает эффективность работы Наднациональных органов. Именно лидеры общественного мнения являются «проводниками» различных идей и позиций в массы, а не огромный штат лояльных чиновников. Тут работает принцип: молодёжь будет слушать только молодёжь.

Поиск, подготовка и поддержка лидеров общественного мнения всегда была в приоритете на Западе. Если посмотреть на ведущих молодых политических аналитиков, журналистов и блогеров из Беларуси, то можно заметить у

них наличие европейских дипломов, постоянных стажировок в ЕС, грантов от ведущих европейских вузов и фондов. По замыслу «заказчиков» такие молодые люди в будущем должны стать «элитой» Беларуси с соответствующими геополитическими последствиями для Союзного государства, ЕАЭС и ОДКБ (или нет?).

3. Последняя рекомендация связана с качеством аналитики для лиц, принимающих политические решения. Значительная часть работающих в Беларуси субъектов публичной дипломатии создаёт «дымовую завесу» для происходящих внутри гражданского общества процессов. Причина проста: сохранение статуса кво (должность и финансирование) и нежелание нести ответственность за «провалы».

Если внимательно изучить аналитические доклады субъектов российской публичной дипломатии по белорусскому направлению до 2019 года, то можно увидеть «красивую картинку».

Если же посмотреть на реальные итоги работы по белорусскому направлению, то по ним можно сделать (а) объективные выводы об эффективности профильных ведомств и союзных НКО, (б) выработать по-настоящему полезные предложения по корректировке их работы.

Иначе получится следующая ситуация, которая повторяется уже не первый год. Лица, принимающие политические решения, прочитают аналитические доклады и сделают выводы, что нужны только «косметические» корректировки. В итоге, (а) ошибки будут накапливаться и замалчиваться, (б) это приведёт к очередному геополитическому провалу на постсоветском пространстве.

Лицам, принимающим политические решения, следует вспомнить, что «практика – критерий истины» не только в сфере публичной дипломатии, но и в аналитической работе (с последующими кадровыми решениями). От этого напрямую зависит ближайшее будущее и Республики Беларусь, и Российской Федерации.

Список источников

1. Почему все меньше белорусов хотят союза с Россией. Официальный сайт DW, 2020. – https://www.dw.com/ru//a-52279440
2. Опрос: Белорусы доверяют ЕС больше, чем ЕАЭС // Сайт thinktanks.by, 2020. – https://thinktanks.by/publication/2020/06/17/opros-belorusy-doveryayut-es-bolshe-chem-eaes.html
3. Анализ работы Запада в Беларуси / Агентство социального инжиниринга, 2019. – https://sea.com.ru/wp-content/uploads/2019/03/Analiz_raboty_zapada_v_Belorussii.pdf
4. Составлен рейтинг посещаемости сайтов белорусских исследовательских центров. – https://ej.by/news/sociaty/2019/01/13/sostavlen-reyting-poseschaemosti-saytov-belorusskih-issledovatelskih.html
5. Декрет Президента Республики Беларусь от 25 мая 2020 г. № 3 «Об иностранной безвозмездной помощи» // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь, 2020. – http://president.gov.by/uploads/documents/2020/3dek.pdf

Хащина Э.Э.[1]

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СЕЦЕССИИ (НА ПРИМЕРЕ АБХАЗИИ)

Ключевые слова: *сецессия, право на самоопределение, автономия, конституция.*

Формирование национальной и региональной идентичности может повлечь за собой самые разнообразные последствия, самым радикальным из которых является сецессия – выход части территории из состава «материнского» государства, вызванный разнообразными причинами: политическими, национальными, этническими и многими другими. Сецессия как общественно-политическое и правовое явление является объектом исследования многих гуманитарных наук, в числе которых история, политология, география и другие. Не стала исключением и юридическая наука. Сложности в исследовании сецессии как явления заключаются в его неоднозначности: с одной стороны приоритетным принципом, отраженным в документах ООН, является принцип территориальной целостности и признания национального суверенитета; с другой, признание прав человека высшей ценностью, развитие социальных сетей, распространение сети Интернет требует от государства прислушиваться к мнению меньшинств и использовать различные механизмы коммуникации власти и населения. Очевидно, что силовой путь предотвращения сецессионизма отнюдь не является наиболее адекватным и представляет собой крайнюю меру, к которой государство вынуждено прибегать, когда все иные способы предотвращения выхода исчерпаны.

В этой связи на передний план выходит правовая наука, которая в отличие от политологии, представители которой анализируют удачные и неудачные попытки сецессии постфактум, описывают доводы и политические взгляды представителей разных сторон сецессионистского движения, должна быть нацелена на поиск конституционно-правовых механизмов предотвращения сецессии.

Различные механизмы, применяемые для предотвращения сецессии, зависят от многих факторов, важнейшим из которых является социально-политические особенности региона, в котором происходят соответствующие процессы. Проблема поиска компромисса между правом народов на самоопределение и приоритетом территориальной целостности государств ярко проявилась в Грузии.

После распада СССР на территории этого государства возникло несколько очагов сецессионизма, одним из которых стала территории автономной республики Абхазия. Вплоть до 1990 г. она пользовалась значительной автономией, и провозглашение независимости этой территории непосредственно связано с распадом союзного государства. Рассмотрим абхазский сценарий подробнее.

Формирование Абхазии как территориальной единицы с элементами автономии относится к началу XX в. После распада Российской империи и победы большевиков постепенно начинается формирование нового союзного государства, в котором Абхазия в марте 1921 г. приобретает статус союзной республики – Абхазской (Апсны) ССР. Этот статус, однако, не соответствовал ни ожиданиям абхазских лидеров, неоднократно отмечавших его искусственный характер, ни экономическим и политическим интересам республики. В результате в ноябре 1921 г. Абхазия приобретает статус ассоциированной республики в составе Грузинской ССР, а в Конституции СССР 1924 г., равно как и в Конституции Грузии 1922 г. Абхазия (наряду с Южной Осетией и Аджарией) фигурирует как автономная республика, входящая в состав ГССР.

На протяжении всего советского периода возникали конфликты между грузинским и абхазским населением, хотя и не столь острые как в случае Косово. В основном причиной напряженности было игнорирование интересов абхазской нации, притеснение абхазской культуры и языка, о чем неоднократно говорили общественные и политические деятели республики. В сталинский период руководящие должности в партийном аппарате занимали в подавляющем большинстве грузины. В регионе регулярно звучали требования о признании титульной абхазской нации, критика по поводу засилья на высших постах автономии грузин, не понимающих абхазского языка[2].

Политику, проводимую в отношении автономии, признавали откровенно «шовинистской» даже высшие государственные деятели. Так, в 1978 г. об «абсолютном недоверии в кадровой политике» в отношении абхазов официальном заявил в своем выступлении Э. Шеварднадзе[3].

Среди мер, обострявших противоречия между представителями абхазской нации и властями Грузинской ССР можно отметить такие как перевод абхазского алфавита на грузинскую графику в период с 1938 по 1954 гг., переименование населенных пунктов. Так, в письме Председателю Президиума Верховного совета Грузинской ССР тов. Чу-

[1] Хащина Эллина Эдуардовна – к.ю.н., старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета. E-mail: elinka1408@mail.ru

[2] См. Гулиа Д. Первому секретарю ЦК товарищу Н.С. Хрущеву // Апсуара: история и культура Абхазии. – http:www.apsuara.ru/lib_a/abh509.php

[3] Марыхуба И. Абхазия: прошлое и настоящее (Очерки, документы, материалы). – Сухум: Алашарбага, 2007. – С. 65.

бинидзе М.Д. представители местных властей жаловались на массовое переименование населенных пунктов Абхазской АССР, произведенное «без достаточного изучения местных условий и надобностей, что привело к грубым искажениям, создало неудобство и справедливое нарекание населения». Некоторые новые наименования, по мнению авторов письма, имели для местных жителей неуместное, а порой и оскорбительное звучание[1]. В абхазских школах и училищах преподавание велось исключительно на грузинском языке, притеснялись национальные кадры. В письмах, многократно направляемых представителями абхазской интеллигенции руководителям союзных органов власти, высказывались просьбы о присоединении автономии к РСФСР.

Однако, несмотря на это, конфликт не переходил в острую форму, во многом благодаря национальной политике СССР, пропагандировавшей «дружбу народов», а также приоритет интересов «советского народа» как новой исторической общности, о формировании которой Н.С. Хрущев объявил на XX съезде КПСС[2]. Таким образом, на протяжении советского периода «абхазский вопрос» не переставал существовать, однако не переходил в радикальную форму.

Ситуация резко изменилась в связи с распадом СССР, в условиях которого начался поиск форм государственности для бывших союзных и автономных республик. Ослабление границ сделало потенциальную возможность «выхода» реальной, и, кроме того, для реализации права на самоопределение столь радикальным образом имелись конкретные конституционные предпосылки. Конституция СССР 1977 г. (в отличие от ранее действовавших конституций 1924 и 1936 гг.) предоставила автономным республикам широкие права на участие в решении вопросов, находящихся как в ведении всего государства в целом, так и союзных республик, в составе которых они находились (ст. 83)[3]. Более того, право автономной республики самостоятельно решать вопросы, связанные с выходом из состава СССР, подтверждались специальным нормативным актом – Законом СССР О введении в действие Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»[4]. В ст. 3 данного закона устанавливалось, что «в союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии»[5].

В результате Грузинская ССР не приняла участие в референдуме, и более того, запретила проводить референдум о сохранении СССР входящим в ее состав автономиям. Вопреки запрету Абхазская АССР 17 марта 1991 г. провела референдум по данному вопросу. Участие в нем приняло 52,3% жителей автономной республики. За сохранение СССР высказались 98,6% избирателей[6].

Решения, принимаемые парламентом Грузии, фактически игнорировали автономный статус абхазской республики. В условиях политического кризиса национальный вопрос, связанный с недовольством абхазского населения политикой, проводимой властями Грузии, замороженный во времена существования СССР, обострился и перешел в острую фазу, обозначенную исследователями как «конституционная война законов». Верховный совет Абхазии – парламент автономной республики – принял решение о прекращении действия Основного закона Абхазии 1978 г. и восстановлении Конституции Абхазской ССР 1925 г. Главной особенностью последнего документа было то, что в нем фиксировались договорные отношения между Абхазией и Грузией.

14 августа 1992 г. конфликт перешел в фазу вооруженного противостояния, в ходе которого применялась авиация, артиллерия и другие виды оружия, приведшие к жертвам, в том числе среди мирного населения. 3 сентября 1992 г. в Москве было подписано соглашение о прекращении огня, в переговорном процессе активно участвовали российские власти. Однако вскоре соглашение было сорвано, и конфликт продолжился, приведя к новым потерям среди мирного населения.

Грузино-абхазский конфликт 1992–1993 гг. показал, что многие этнические, языковые и культурные противоречия, успешно купированные в условиях советской системы, резко обострились после ее демонтажа, причем стороны не были готовы к использованию конституционно-правовых механизмов их преодоления.

После окончания военных действий 30 сентября 1993 г. начался длительный переговорный процесс, не способствовавший однако выработке компромисса и окончательному мирному урегулированию конфликта. Причиной этого во многом стали диаметральные позиции сторон конфликта, не желавших идти на уступки, отсутствие гибкости в решении вопросов государственного управления, нежелание грузинской стороны учитывать национальные интересы абхазского народа, а также ужасающие последствия конфликта, выразившиеся в человеческих жертвах, колоссальном ущербе экономики республики и многое другое. В конечном итоге, конфликт перешел в стадию стагнации.

События в Южной Осетии, произошедшие в августе 2008 г., привели к признанию независимости Абхазии со стороны России и полностью изменили расстановку сил в регионе. Несмотря на то, что позиции сторон в целом остались неизменны, сформировались новые тенденции в восприятии данного конфликта.

Что касается действующего конституционного регулирования территориального положения Абхазской республики как со стороны Грузии, так и со стороны самой Абхазии, то ситуация здесь крайне схожа с ранее рассмотренным конституционным законодательством Сербии. Так же как и в случае с Косово, конституционный законодатель Грузии

---

[1] Письмо Председателю Президиума верховного совета Грузинской ССР тов. Чубинидзе М.Д. – http://www.apsuara.ru/lib_a/abh425.php

[2] XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы. Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы 25–28 декабря 1961 г. – М.: Госполитиздат, 1962.

[3] Конституция СССР 1977 г. – М., 1978. – С. 127.

[4] Закон СССР О введении в действие Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // Электронный фонд правовой и технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/902002993

[5] Там же.

[6] Клинов А.С. К вопросу о выходе Абхазии из состава Грузии // Теория и практика общественного развития. 2012. – № 2. – https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vyhode-abhazii-iz-sostava-gruzii

изначально проигнорировал особый статус Абхазии; более того, в Конституции Грузии 1995 г. Абхазия не упоминается вовсе. Как утверждает Б. Чедиа, в момент создания этой Конституции, юрисдикция Грузии уже не распространялась на Аджарию, Южную Осетию и Абхазию, что не мешало, однако, руководству страны надеяться на скорейшее восстановление государственной целостности страны. В связи с этим, вопрос о статусе бывших автономных республик было решено оставить открытым[1]. Согласно этому документу, территориально-государственное устройство республики должно определиться на основе разграничения полномочий после полного восстановления юрисдикции на всей территории Грузии[2].

При этом годом ранее, 26 ноября 1994 г., посредством всенародного голосования уже была принята Конституция Абхазии, в которой республика была провозглашена «суверенным, демократическим, правовым государством, исторически утвердившимся по праву народа на свободное самоопределение», а главы 3, 4 и 5 этого документа предусматривают создание самостоятельных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, независимых от Грузии[3]. Примечательно, что законодатель в данном случае уже в первой статье акцентировал внимание на реализации при создании суверенного государства такого международного принципа, как право народов на самоопределение, позволившего впоследствии Международному Суду ООН, признать правомерность провозглашения независимости Косово.

10 октября 2002 г. были внесены поправки в Конституцию Грузии, которыми спустя 7 лет был восполнен пробел в регламентации территориального устройства страны. В Основном Законе Грузии был официально закреплен статус Абхазской автономной республики, причем отдельно отмечалось, что по этому поводу должен быть принят отдельный конституционный закон. В ст. 4 были внесены поправки относительно формирования Сената республики, в составе которого отдельно упоминались представители Абхазской и аджарской автономий, а в ст. 8 официально закреплялся статус абхазского языка как государственного на территории автономной республики[4]. Однако несмотря на все предпринятые меры Абхазия на сегодняшний день позиционирует себя как суверенная республика.

Таким образом, ретроспективный анализ сецессионистского движения в Абхазии позволяет сделать следующие выводы. Абхазия длительное время обладала статусом автономной республики в составе Грузинской ССР, и в соответствии с союзной Конституцией обладала значительной свободой в политической сфере (практически наравне с союзными республиками). При этом еще во время пребывания в составе СССР имели место конфликты на этнической, языковой и культурной почве, связанные с притеснением коренного населения. Распад союзного государства, сдерживающего центробежные силы автономий, привел к тому, что образовавшиеся в результате распада республики должны были самостоятельно разрабатывать и применять правовые механизмы сдерживания сецессии, что однако не было предпринято властями Грузии. Конституция Грузии 1995 г. не содержала в своем тексте ответов на претензии национальных меньшинств, представляя собой по своей сути юридический нонсенс, связанный с полным игнорированием в конституционном тексте вопросов о статусе территорий, в течение десятилетий пользующихся автономией.

Как мы видим, подобная тактика способствует лишь обострению конфликта, а запоздалые попытки внести коррективы в текст конституции не приносят результата в связи с предельным уровнем накопления противоречий.

---

[1] Чедия Б. Конституционная реформа – следствие неустойчивости политической системы Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2011. – № 2. – https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-sledstvie-neustoychivosti-politicheskoy-sistemy-gruzii

[2] См.: Конституция Грузии, оригинальная версия, 1995. Глава 1, ст. 2, пункт 3. – https://legalns.com/download/books/cons/georgia.pdf

[3] Конституция Республики Абхазия. – http://www.apsnypress.info/apsny/constitution/

[4] Конституция Грузии с поправками 2002 г. – https://legalns.com/download/books/cons/georgia.pdf

Цветкова О.В.
к.полит.н., доцент, МГУ
tsvetkovaov@mail.ru

ИНСТИТУТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: *региональное развитие, институты развития, технологии регионального управления, территориальное планирование, инновационное развитие.*

Наблюдающееся сегодня усиление поляризации развития субъектов Российской Федерации (регионы-доноры, регионы реципиенты) во многом связано с недостатками государственного регулирования социально-экономического развития, слабым развитием институциональных основ территориальной организации. Создание и развитие эффективных институтов регионального развития, учитывая современные реалии, становится поэтому для органов государственной власти и управления крайне необходимой, более того – самой важной задачей.

Институты развития играют особую роль в региональной политике, не в последнюю очередь, имея целью сведение разрывов между отстающими и развитыми субъектами РФ до минимума. Особой характеристикой института развития является то, что государству в его деятельности отводится регулирующая роль .

В настоящее время Россия имеет трехуровневую систему институтов развития:

Институты развития на федеральном уровне:

– Агентство по ипотечному жилищному кредитованию.

– Российский банк развития.

Федеральные институты развития на региональном уровне:

– Региональные ипотечные фонды.

– Региональные венчурные фонды.

Собственно региональные институты развития:

– Фонды поддержки малого и среднего бизнеса.

– Региональные корпорации развития и агентства по привлечению инвестиций.

– Свободные и специальные экономические зоны.

Более 70% в этой системе принадлежат федеральным институтам развития.

Федеральные власти применяют ряд специальных технологий для построения институтов регионального развития в субъектах Российской Федерации. Технологии регионального развития включают в себя приемы и процедуры, которые вырабатывают алгоритмы действий акторов, ответственных за региональное управление и планирование.

Технологии регионального управления

Технология регионального управления формирует структуризацию территориально-экономического пространства и составляющих его административно-территориальных образований (субъектов РФ), территориальную организацию хозяйства, управление территориальным развитием.

Основная цель данной технологии – учесть специфику развития субъекта Российской Федерации, имеющего обособленный социально-экономический комплекс, в котором складывается и реализуется совокупность процессов воспроизводства жизнеобеспечения данной территории. При этом региональное управление тесно связано с экономической и социальной составляющей.

Технология регионального управления учитывает основные признаки субъекта: форму собственности (федеральная, собственность региона, муниципальная и т.д.); характер продукции или услуг, производимых хозяйствующим субъектом (продукция целиком или в основном потребляется внутри региона, степень межрегионального потребления продукции, экспортная продукция).

Технология регионального управления направлена на развитие процессов регионального взаимодействия на разных уровнях:

– федеральный уровень, на котором разрабатывается и реализуется государственная стратегия социально-экономического развития взаимодействия субъектов Российской Федерации (макрорегионы – федеральные округа, мезорегионы – административно-территориальные образования);

– межрегиональный уровень (уровень макрорегионов – федеральных округов), на котором координируется осуществление крупномасштабных социально-экономических программ и приоритетных национальных проектов на территории округов, а также действий администраций субъектов Российской Федерации, входящих в состав соответствующих округов;

– региональный уровень (уровень мезорегионов – административно-территориальных образований), на котором формируется и реализуется региональная социально-экономическая политика, т.е. политика субъектов федерации, основными задачами которой являются задачи решения социально-экономических проблем;

– муниципальный уровень (уровень микрорегионов – муниципалитеты), на котором формируется взаимодействие между органами городского и сельского поселений;

– локальный уровень, на котором формируется взаимодействие между населенными пунктами соответствующего муниципального образования.

Технология регионального управления представляет совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на создание и функционирование особых экономических зон различных типов: промышленно-производственных, технико-внедренческих, портовых, туристско-рекреационных. Являясь в основном задачей общефедерального формата (с точки зрения уровня принимаемых решений, направлений и размеров финансовых потоков и др.), в конкретной своей реализации она напрямую связана с деятельностью региональных властно-управленческих структур.

Особая экономическая зона (ОЭЗ) – часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

В Российской Федерации действует 25 ОЭЗ: Промышленно-производственного типа: «Алабуга», «Липецк», «Тольятти», «Титановая долина». Технико-внедренческого типа: «Дубна», «Томск», «Зеленоград», «Санкт-Петербург». Портового типа: «Ульяновск Восточный», «Советская гавань», «Мурманск». Туристско-рекреационного типа: «Алтайская долина», «Бирюзовая Катунь», «Ворота Байкала» и т.д.

В совокупность особых экономических зон туристического типа (туристический кластер) входят ОЭЗ, расположенные в Карачаево-Черкесской Республике, Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Северная Осетия-Алания, Республике Дагестан.

Отношения в сфере особых экономических зон регулирует Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и иные нормативные правовые акты.

Технология регионального развития также включает в себя механизм территорий опережающего развития для Дальневосточного и Северокавказского федеральных округов.

Политико-управленческие органы субъектов Российской Федерации активно включаются в реализацию таких программ, ибо от их успешной реализации и зависит в громадной степени будущее региона – и в экономическом, и в социальном, и в культурном выражении.

Территория опережающего развития (ТОР) представляет собой территорию внутри страны, на которой действуют льготы и особые инвестиционные условия, предусмотренные для ведения коммерческой или инвестиционной деятельности инвесторов и других бизнес-групп. Цель создания территорий опережающего развития – увеличение притока капитала в слаборазвитые и малоосвоенные районы страны, имеющие статус ТОРов, на их территории устанавливаются особые налоговые условия, административные правила. Перечень таких территорий утверждается Правительством Российской Федерации. В него входят не субъекты РФ в полном виде, а их отдельные районы (города, технопарки). ТОР – это экономические зоны, создающиеся в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», при работе в которых резидентам предоставляются масштабные налоговые льготы. На данный момент перечень территорий опережающего развития в тех или иных масштабах охватывает 85 субъектов РФ, другими словами – всю страну.

Технология территориального планирования

Огромная территория Российской Федерации, большой пограничный периметр и особенности климатических условий страны предполагают особое внимание к задачам территориального планирования. Основная цель технологии территориального планирования – задать ориентир для инвестиционного развития территорий Российской Федерации. Территориальное планирование нацелено на создание инвестиционного климата в государстве в целом, в его отдельных регионах, в каждом муниципальном образовании. Оно обеспечивает прозрачность и предсказуемость действий органов публичной власти на одном из важнейших направлений экономической политики государства. Оно, вместе с тем, обеспечивает и необходимую связку в деятельности политических институтов федерального и регионального уровней.

По законодательству в соответствии со ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации под территориальным планированием понимается планирование развития территорий, в том числе для установления функциональных зон.

Федеральные власти при разработке технологий территориального планирования:

1) способствуют стимулированию развития «полюсов и точек роста»;

2) стремятся обеспечить выравнивание между субъектами Российской Федерации, способствуя при этом поддержке депрессивных регионов.

В региональном плане важно отметить, что обозначенные инновационные технологии в основном и нацелены на проведение регионального целевого программирования, которое носит точечный характер и существенно влияет на развитие каждого отдельного субъекта Российской Федерации. Региональный уровень имеет принципиально важный смысл для развития региональных инновационных систем.

Региональная инновационная система представляет собой совокупность отдельно взятых элементов территориально специализированной части районов, характеризующихся целостностью инновационного процесса. Региональная инновационная система способна взаимодействовать с аналогичными системами, обеспечивать стабильное социальное и экономическое развитие субъекта или группы регионов в отраслевом и территориальном аспектах.

Региональная инновационная система включает индикаторы, определяющие уровень развития технологических и нетехнологических инноваций, разработанные в соответствии с современными международными стандартами ОЭСР и Евростата.

В соответствии со Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, одним из приоритетов в федеральных округах является координация территориальных аспектов инновационной политики. Стратегия нацеливает на разработку региональных инновационных систем в социально-экономической сфере с учетом особенностей регионов.

Для активизации инновационной деятельности на территории субъектов Российской Федерации осуществляется создание инновационной инфраструктуры, обеспечивается поддержка инновационного предпринимательства, предпринимается ряд мер по стимулированию развития кооперации науки и бизнеса. Непосредственная работа по реализации этих задач осуществляется органами власти и управления соответствующих территорий.

Стратегией предусматривается создание в России сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, а также формирование ряда инновационных высокотехнологичных кластеров.

Реализация кластерной политики способствует росту конкурентоспособности бизнеса за счет эффективного взаимодействия участников кластера, связанного с их территориально близким расположением, расширением доступа к инновациям, технологиям, ноу-хау, специализированным услугам и высококвалифицированным кадрам, снижением трансакционных издержек, а также с реализацией совместных кооперационных проектов. Для политических институтов субъектов Российской Федерации кластерная политика важна в силу того, что она способствует задачам прорывного развития регионов, научной и образовательной деятельности, созданию дополнительных рабочих мест и, в конечном счете, повышению социальной стабильности в регионе.

Формирование и развитие кластеров, помимо прочего, является эффективным механизмом привлечения прямых иностранных инвестиций и интеграции российских кластеров в мировой рынок высокотехнологичной продукции.

На сегодняшний день в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах располагаются 25 инновационных территориальных кластеров, перечень которых был утвержден поручением Председателя Правительства Российской Федерации в августе 2012 года . Указанные кластеры осуществляют деятельность по следующим направлениям технологической специализации: «Ядерные и радиационные технологии», «Производство летательных и космических аппаратов, судостроение», «Фармацевтика, биотехнологии и медицинская промышленность», «Новые материалы», «Химия и нефтехимия», «Информационные технологии и электроника».

Среди субъектов Российской Федерации можно выделить ряд лидеров, достигших наибольших успехов в развитии инноваций, что, безусловно, является и значимым критерием эффективности региональных политико-управленческих структур. Согласно рейтингу инновационного развития регионов России на 2018 год лидерами являются г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан и г. Москва. Эта тройка лидеров на протяжении всех лет формирования рейтинга остается неизменной, однако в 2018 году Санкт-Петербург вышел на первое место, а Москва переместилась на третье место. Республика Татарстан устойчиво занимает второе место.

В группу сильных инноваторов вошли 11 субъектов Российской Федерации. Устойчивое положение в данной группе помимо тройки лидеров занимают Томская область (4 место), Московская область (5 место), Новосибирская область (6 место), Калужская область (7 место), Нижегородская область (8 место), Ульяновская область (9 место), Самарская область (10 место). Именно они получили статус сильных инноваторов в рейтингах за 2018 год.

Средне-сильные инноваторы – это 16 субъектов Российской Федерации. Среди них – Чувашская область (19 место), Красноярский край (20 место), Липецкая область (21 место). Заметная отрицательная динамика, при сравнении с результатами оценки инновационного развития субъектов РФ в рейтингах 2016 года, характерна для Красноярского края (–4), Владимирская область (–6), Пензенская область (–6), Иркутская область (–11), Ивановская область (–14), Брянская область (–16), город федерального значения Севастополь (–23).

Группу средних инноваторов представляют 22 субъекта РФ, среди них республика Крым (63 место). Средне-слабые инноваторы – 16 субъектов РФ, в данной группе теряет в своих показателях Камчатский край (–7).

К слабым инноваторам относят 4 субъекта РФ. Данную группу составляют Республика Тыва, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ и на последнем месте (из 85) – Республика Ингушетия.

Развитие инновационной региональной системы в значительной степени зависит от вливания зарубежных портфельных инвестиций в субъекты Российской Федерации. В стране наблюдается достаточно четко выраженная дифференциация субъектов РФ по степени и характеру связи с зарубежным капиталом. Центром привлечения прямых инвестиций стала столичная агломерация. Надо отметить при этом, что власти Москвы, используя зарубежные инвестиции, активно работают нал расширением инновационной региональной системы (в ее отношениях, в частности, с Калужской областью – Volkswagen, Volvo). Такая же линия проводится городом федерального значения Санкт-Петербургом в отношениях с Ленинградской области (завод Ford). Региональные власти Краснодарского края также сумели заинтересовать зарубежных партнеров и привлечь солидные портфельные инвестиции. Можно отметить в то же время, что такой нефтедобывающий регион, как Тюменская область, сильный промышленный регион – Самарская область продолжают занимать достаточно скромное место в привлечении иностранных инвестиций . И хотя этому

есть, очевидно, объяснения более общего порядка, ясно и то, что органы власти и управления этих субъектов Российской Федерации существенно недорабатывают на этом направлении.

Привлекательны для иностранных инвесторов Уральские регионы. Особо выделяется Свердловская область, имеющая совместные предприятия с зарубежными партнерами (Siemens и холдинг «Синара»). Республика Башкортостан успешно сотрудничает с иностранными инвесторами, в частности с австрийскими компаниями «Лasselсбергер» и «Австрийские лотереи», шведской «ИКЕА», турецкой «Анадолу Джам Санаи», немецкой «ХайдельбергЦемент», чешской «Enkom», европейскими кредитными организациями. Белгородская область реализует ряд инвестиционных проектов с участием иностранных компаний (ЗАО «БелЮжкабель»). Власти Ростовской области также сумели организовать реализацию совместных инновационных проектов с французскими компаниями (ЗАО «Трансмашхолдинг» и Alstom). Локальные зоны масштабных инновационных проектов выделяются в Ульяновской области (германская компания Gildemaster). Наибольший объем иностранных инвестиций приходится на промышленное производство, транспорт и связь Свердловской, Ростовской, Нижегородской, Новосибирской, Челябинской областей и Красноярского края. Одним из безусловных лидером инвестиционной привлекательности среди субъектов Российской Федерации остается Республика Татарстан.

В целом субъекты РФ, занимающие передовые позиции в рейтинге, обеспечивают свое лидирующее положение благодаря широкому охвату организаций инновационной деятельностью и высокой продуктивности инноваций. В то же время некоторые субъекты РФ (Владимирская, Пензенская, Томская области) отличаются значительным инновационным потенциалом, который еще недостаточно реализован.

Наименьшее значение показателей инновационной деятельности демонстрируют субъекты Северо-Кавказского (республики Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Чеченская), Сибирского (Республика Тыва), Северо-Западного (Калининградская область), Дальневосточного (Еврейская автономная область) и Южного (Республика Калмыкия) федеральных округов. Данная группа отличается инертностью предприятий в реализации нововведений, а в ряде случаев полным отсутствием инновационной деятельности.

Проблемы инвестиционного риска более остро стоят на уровне отдельных субъектов РФ. При этом степень инвестиционного риска субъектов РФ одного и того же федерального округа бывает разной. К числу субъектов РФ выше среднего уровня инвестиционного риска относятся республики Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия-Алания. К числу субъектов РФ высокого уровня инвестиционного риска относят республики Чечня, Дагестан и Ингушетия.

Перспективы развития институтов регионального развития в России связаны с пространственной трансформацией страны в соответствии со стратегическими задачами социально-экономического роста территорий и их взаимодействия на федеральном и региональном уровнях. Задача сверхважная, но институты регионального развития в России создаются все же с большими сложностями. Это связано с рядом причин. Среди них: отсутствие должной нормативной базы деятельности институтов развития; согласованности и сотрудничества по вертикали «центр-регион»; отсутствие взаимной интеграции между такими сферами, как наука, государственная власть, образование, экономика и бизнес. И нужную системность в вопросах создания институтов развития в субъектах Российской Федерации как раз и призваны обеспечить и федеральные, и региональные органы политической власти и управления.

Российская Федерация в ходе временами драматического протекания политического процесса уже приобрела необходимый институциональный дизайн, в котором политические институты составляющих ее субъектов нашли свое место. Не все проблемы оказались окончательно решенными, и это естественно. Российское государство – развивающийся организм, сложный по своему территориальному, национальному, конфессиональному составу. Впереди еще большая и серьезная работа по совершенствованию политических институтов в центре и на местах, оптимизации деятельности управленческих структур разного уровня. Но страна и государство, опираясь на свои тысячелетние традиции, в состоянии и готовы ответить на новые вызовы, диктуемые характером и потребностями современного мирового развития.

Список литературы и источников

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020.
3. Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».
4. Бюджетный кодекс (БК РФ) Глава 11. Расходные обязательства Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований (ст.ст. 84–87).
5. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».
7. Баширова А.А. Условия и особенности модернизационных и инновационных процессов в экономике проблемного региона в аспекте его устойчивого развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. – № 8 (70). – С. 62–67.
8. Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, И.А. Кузнецова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 376 с.
9. Маркова А.С. Государственное регулирование российских особых экономических зон в контексте экономической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. – № 7 (81).
10. Морозов О.В. Россия в XXI веке: демократия + модернизация. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2011. – С. 163–178.
11. Политическое будущее России: взгляд из региона / И.И. Кузнецов, М.В. Данилов, Н.И. Шестов и др. – Саратов, 2007. – 140 с.

12. Российский федерализм: экономико-правовые проблемы / Отв. ред. С.Д. Валентей. – СПб., 2008.
13. Сафронов Н.С. Перспективы развития политических институтов в российских регионах// АНИ: экономика и управление. 2016. – Т. 5, № 4 (17).
14. Федерализм: учебное пособие / Под общей ред. В.И. Коваленко, О.В. Морозова. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – 496 с.
15. Шахтаманова Л.Г., Арсланова Х.Д., Алиев М.А. Институты развития как инструмент региональной политики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. – № 9. – С. 111–117.
16. Цветкова О.В. Региональные инвестиционные системы: опыт субъектов Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. – № 6. – С. 94–123.
17. Цветкова О.В. Инновационный потенциал субъектов РФ // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25–26 января 2019 г., Саратов) / [под ред. В.С. Слобожниковой, И.В. Суслова] / Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2019. – С. 382–387.

Шпакова Р.Н.[1]

УЧЕТ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ

Ключевые слова*: регион, стратегия социально-экономического развития, природно-климатические факторы, риск.*

Keywords*: region, socio-economic development strategy, natural and climatic factors, risk.*

Природно-климатические условия на территории Российской Федерации отличаются большим разнообразием и наряду с предоставляемыми широкими возможностями для всестороннего использования могут оказывать и существенное негативное влияние практически на все виды человеческой деятельности. К основным опасным явлениям такого рода относятся: ураганные ветры, смерчи, продолжительные сильные осадки, сильная жара, влекущая наступление пожароопасного состояния; сильный мороз, заморозки, засухи, суховеи, вымерзание, высокие уровни воды при паводках и половодьях, низкие уровни воды ниже проектных отметок водозаборов и предельных навигационных уровней, сели, лавины и многие другие явления[2].

Положение осложняется тем, что в связи с глобальным потеплением различного рода природно-климатические явления, носящие опасный или катастрофический характер, будут происходить чаще. Ярким примером является авария на ТЭЦ Норильско-Таймырской энергетической компании, в результате которой 21 тыс. т дизельного топлива попало в почву и водные объекты, причиной которой объявлена просадка грунта из-за протаивания многолетнемерзлых пород[3].

Целью настоящей работы является оценка учета природно-климатических факторов в региональных документах стратегического планирования. Проблема рассматривалась на примере документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации Центрально-Черноземного (Курская, Белгородская, Липецкая, Воронежская, Тамбовская области) и Поволжского (Республики Татарстан и Калмыкия, Астраханская, Волгоградская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновские области) экономических районов.

Учет природно-климатических факторов в региональных стратегиях социально-экономического развития может осуществляться в двух аспектах: при оценке использования природно-ресурсного потенциала территории и при оценке рисков негативного влияния этих факторов на социально-экономическое развитие региона.

Оценка использования природно-ресурсного потенциала не отличается достаточной проработкой. Разработчики стратегий ограничиваются фиксацией кратких общих положений, как правило, о благоприятных погодно-климатических условиях для развития сельскохозяйственного производства, водного транспорта, а также туризма. Пример такой констатации: «Благоприятные природные условия для развития сельского хозяйства» (Стратегия Воронежской области – 2020[4], в настоящее время недействующая, в новой Стратегии Воронежской области – 2035[5] и этого нет). В отдельных случаях акцент делается на обусловленную природно-климатическими особенностями региональную специализацию. Например, в Стратегии Пензенской области – 2035[6]: «Природно-климатические условия Пензенской области позволяют сельскому хозяйству специализироваться на производстве зерна, подсолнечника, сахарной свеклы, а также мяса птицы, свиней, крупного рогатого скота и молока».

Так как сложившаяся в регионах отраслевая специализация уже является отражением, в числе прочих особенностей, и местных природно-климатических условий, то какие-либо развернутые пояснения, по мнению авторов, не требуются.

На оценке рисков негативного влияния природно-климатических факторов на социально-экономическое развитие региона следует остановиться подробнее.

---

[1] Шпакова Раиса Николаевна – к.геогр.н., доцент, Факультет управления и политики МГИМО.

[2] Акимов В.А., Дурнев Р.А., Соколов Ю.И. Опасные гидрометеорологические явления на территории России. – М.: ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2009. – С. 34–39.

[3] ЧС с разливом дизеля в Норильске. Что важно знать. – https://www.rbc.ru/business/04/06/2020/5ed7b3a19a79470f8a58995b

[4] О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2020 года: Закон Воронежской области от 30 июня 2010 года № 65-ОЗ (утратила силу) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/460176192

[5] О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года: Закон Воронежской области от 20 декабря 2018 года № 168-ОЗ // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/550300779

[6] О Стратегии социально-экономического развития Пензенской области на период до 2035 года: закон Пензенской области от 15 мая 2019 года № 3323-ЗПО // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/553289282

Федеральное законодательство требует реалистичности стратегических планов. Так, согласно принципу реалистичности, установленному в п. 9 ст. 7 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1], цели и задачи стратегического развития должны устанавливаться участниками стратегического планирования, исходя из реальных возможностей. Для этого при планировании необходимо учитывать как ресурсные ограничения, так и возможные риски.

Интересно, что используемое в федеральном законе понятие риска раскрывается не в самом законе, а только в Методических рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации[2]. В п. 2 этих рекомендаций читаем: «риски – факторы, которые имеют потенциально негативное воздействие на развитие субъекта Российской Федерации и при определенном развитии событий могут привести к ухудшению социально-экономической ситуации в субъекте Российской Федерации». Далее рекомендуется определять цели и задачи социально-экономического развития региона на основе проведенного SWOT-анализа и PEST-анализа, выявления важнейших региональных и межрегиональных проблем и оценки сопряженных с ними рисков развития. В науке уже обращалось внимание на то, что такого рода методическая рекомендация не подкрепляется разъяснением подходов, позволяющих предметно связывать результаты SWOT-анализа с формированием приоритетов и целей социально-экономического развития[3]. Частным случаем этой проблемы является и отсутствие механизма отражения выявленных в SWOT-анализе рисков и ограничений в процессах определения целевых показателей социально-экономического развития и основных мероприятий, направленных на их достижение. При этом немаловажно отметить, что в науке имеются определенные наработки, позволяющие более продуктивно использовать SWOT-анализ в практике разработки стратегий[4]. В настоящее же время, как представляется, SWOT-анализ наличествует в стратегиях, по крайней мере, регионального уровня, достаточно формально.

Характер возможных рисков, требующих учета в стратегических планах, в законодательстве не раскрывается. Разработчикам стратегий предлагается самим определяться, какие риски следует учитывать.

В частности, к рискам стратегического характера следует отнести и риски, связанные с особенностями природно-климатических условий в том или ином регионе.

На негативное влияние такого рода обстоятельств обращалось внимание в ряде федеральных документов стратегического характера. Так, например, в Федеральной целевой программе «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель России на 2014–2020 годы»[5] указывалось, что как в засушливые, так и в избыточно влажные, годы не реализуются возможности при выращивании высокопродуктивных сортов сельскохозяйственных культур, не удается в полной мере использовать потенциал «интенсивных аграрных технологий и адаптивно-ландшафтных систем земледелия». В качестве обоснования необходимости мелиоративных мероприятий приводились такие факты об обстоятельствах засухи 2010 года: «Вследствие аномальных климатических условий в 2010 году пострадали 43 региона Российской Федерации. Из-за засухи убытки понесли более 25 тыс. хозяйств, а гибель сельскохозяйственных культур произошла на площади более 13 млн. гектаров, что составляет 29 процентов площади посевов сельскохозяйственных культур в этих регионах и 17 процентов общей посевной площади. Производство зерновых культур снизилось на 35 процентов, страна потеряла почти 15 млн. тонн зерна, 36 млн. тонн кормовых единиц и 1,9 млн. тонн (20 процентов) овощей». Согласимся с тем, что отрицательный экономический эффект оказался достаточно серьезным, и так как такого рода явления имеют свойство повторяться, учет возможного их влияния в документах стратегического планирования необходим, если исходить из реалистичности стратегии.

В региональных стратегиях социально-экономического развития природно-климатические риски упоминаются (но далеко не всегда) в разделе «Угрозы» или «Слабые стороны» SWOT-анализа. Так, в Стратегии Саратовской области – 2030[6] содержится указание на расположение области в зоне рискованного земледелия с тенденцией истощения почвенного плодородия земель сельскохозяйственного назначения, истощения невозобновляемых природных ресурсов, в том числе почвенного плодородия, водных ресурсов – обезвоживание и загрязнение Волги и других рек, протекающих на территории области. Эти же негативные факторы упоминаются в Стратегии Пензенской области – 2035.

В Стратегии Республики Калмыкия – 2030 отмечается наличие агроэкологических рисков, обусловленных неблагоприятными климатическими изменениями, а также последствиями природных и техногенных чрезвычайных ситуаций, и, кроме того, особо выделяются природно-климатические проблемы одного из районов республики – Сарпинской экономической зоны, которая «характеризуется резко континентальным засушливым климатом, в жарком и

---

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 года (ред. от 18 июля 2019 года) // СПС Консультант плюс.

[2] Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации: приказ минэкономразвития России от 23 марта 2017 года (ред. от 23 сентября 2018 года) // СПС Консультант плюс.

[3] Шпакова Р.Н. Генеральные цели стратегического развития регионов Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. – № 77. – С. 316–317.

[4] См.: Зонова А.В., Кислицына В.В. Методика проведения SWOT-анализа в процессе стратегического планирования развития субъекта Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2005. – № 4 (19). – С. 27–33.

[5] О Федеральной целевой программе «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель России на 2014-2020 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 12 октября 2013 года № 922 (утратило силу) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/499051291

[6] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года: постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 года № 321-П (с изменениями на 29 мая 2019 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/467710021

умеренно жарком подрайонах сухого агроклиматического пояса. Засушливые годы имеют циклическую периодичность 5–6 лет»[1]. В этой стратегии, единственной из всех рассмотренных, имеется оценка данного вида риска, правда, в достаточно оригинальной форме: признается возможность существенного ухудшения финансово-экономического положения и даже банкротства сельскохозяйственных товаропроизводителей, но не в результате наступления неблагоприятных погодных условий как таковых, а вследствие несовершенства системы страхования в сельском хозяйстве, очевидно, не позволяющей полностью покрыть убытки от ущерба.

В Стратегии Воронежской области – 2035 в приложении, посвященном результатам комплексного анализа развития, ограничений и возможностей в разрезе отраслевых комплексов признано, что итоги работы агропромышленного комплекса зависят от природно-климатических условий в силу того, что регион находится в зоне рискованного земледелия.

К проблемам развития региона в Стратегии Волгоградской области – 2025[2] отнесены: «потеря значительной площади мелиорированных земель как основного ресурса кормопроизводства и функционирования животноводства, ухудшение качественных параметров сельскохозяйственных угодий, которое проявляется в снижении плодородия пашни, увеличении площадей, подверженных водной и ветровой эрозии, опустынивании территорий».

Следует отметить и имеющую иногда место непоследовательность. Так, например, имеются случаи, когда риски природного характера ни в одном разделе стратегии не упомянуты, зато в направлениях использования государственных капитальных вложений в рамках, например, федеральной адресной инвестиционной программы, можно встретить «снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций *природного* и техногенного характера» (Стратегия Астраханской области – 2020[3]). Возникает вопрос, если разработчики стратегии не признают возможность наступления чрезвычайных ситуаций природного характера на данной территории, то на каком основании запланировано выделение средств на снижение риска их наступления и смягчение последствий?

В целом, наличие негативного влияния природно-климатических факторов, в лучшем случае, лишь констатируется и не сопровождается какой-либо корректировкой целевых показателей, обусловленной этим влиянием.

Никаким образом не учитывается возможное негативное влияние природно-климатических факторов даже в тех случаях, когда такое влияние имело место в период, непосредственно предшествующий принятию стратегии, и это обстоятельство нашло свое отражение при оценке достижения целей предыдущего стратегического плана.

Так, в Стратегии Самарской области – 2030 признан факт существенного снижения продукции растениеводства в 2010 и 2015 годах из-за сильной засухи, но никаких выводов на будущее из этого не сделано[4]. В Стратегии Тамбовской области – 2035[5] 2010-й год ввиду неблагоприятных погодных условий объявлен… *нехарактерным* в оценке производства картофеля и овощей, в планах на период до 2035 года вероятность повторения неблагоприятных условий не рассматривается.

При любом сценарии развития, разработанном в стратегии, – инерционном, целевом и т.п., – динамика целевых показателей (ВРП в целом, и отраслевых ВРП), как правило, представляет собой непрерывно возрастающий график. Только в одном случае – в Стратегии Ульяновской области – 2030[6], вступившей в действие в 2015 году, данная закономерность нарушается (табл. 1).

Таблица 1

Ожидаемые объемы сельскохозяйственного производства и рыболовства Ульяновской области при различных сценарных условиях (млн. руб.)[7]

Сценарии развития	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Сценарий «Высокие технологии и креативный класс»	19 296	22 215	21 631	26 465
Сценарий «Модернизация промышленности»	17 946	19 865	18 014	15 887

Здесь обращает на себя внимание запланированное в отдельные периоды снижение целевых показателей развития сельскохозяйственного производства. Никаких пояснений на этот счет в документе не дается. Возможно, это свя-

[1] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 года: постановление Правительства Республики Калмыкия от 24 декабря 2019 года № 388 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://rdocs3.cntd.ru/document/561696558

[2] О Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года: закон Волгоградской области от 21 ноября 2008 года № 1778-ОД. – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=143014204&page=1&rdk=3&fulltext=1&scrolltop=6356#I0

[3] О Стратегии социально-экономического развития Астраханской области до 2020 года: постановление Правительства Астраханской области от 24 февраля 2010 года № 54-П // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/424066211

[4] См.: Шпакова Р.Н. Стратегии социально экономического развития регионов: проблемы разработки и нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2018. – № 4. – С. 47–48.

[5] О стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года: закон тамбовской области от 4 июня 2018 года № 246-З // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/550113760

[6] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года: постановление Правительства Ульяновской области от 13 июля 2015 года № 16/319-П (с изменениями на 19 июля 2019 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/463710828

[7] Источник: Стратегия социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/463710828

зано с финансово-экономическими причинами, но не исключено, что в данном случае мы имеем дело с корректировкой показателей в расчете на возможное наступление неблагоприятных природно-климатических условий.

Рассмотренные выше проблемы в более широком аспекте – применительно к оценке и учету любых рисков – уже поднимались в науке применительно к разработке и реализации государственных программ (как федерального, так и регионального уровня)[1]. Отмечено, что до настоящего времени в российской практике не сформировались единые подходы к оценке рисков и их влияния на достижение результатов реализации государственных программ[2]. Указанный вывод, без сомнения, справедлив и для оценки и учета рисков влияния природно-климатических факторов и не только в государственных программах, но и в иных документах стратегического планирования. В этой связи необходимо отметить, что и нормативные документы методического характера не способствуют повышению требовательности к качеству разработки документов стратегического планирования в данном аспекте. Так, например, вышеупомянутые Методические указания по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации ограничиваются общими рекомендациями о необходимости фиксации в документе основных проблем, рисков и ограничений социально-экономического развития, а если рекомендуется не только фиксация, но и анализ, то не детализируются цели, принципы и методология такого анализа.

Поводом не учитывать природно-климатические факторы в региональных стратегиях можно было бы считать отнесение возникающих масштабных негативных явлений такого рода к форс-мажорным обстоятельствам. В Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» обстоятельства непреодолимой силы и их учет не упоминаются. В гражданском законодательстве их признаки определяются статьей 401 Гражданского кодекса РФ[3], в которой четко и однозначно указывается, что обстоятельство непреодолимой силы должно быть чрезвычайным и непредотвратимым. Непредотвратимость в большинстве случаев не вызывает сомнения. По поводу же чрезвычайности в разъяснениях Пленума Верховного Суда на этот счет отмечается, что таковая «подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях»[4]. Полагаем, что при повторяемости опасных природно-климатических явлений (даже относительно редкой), регистрируемых системой специальных наблюдений и хозяйственной практикой, говорить об исключительности такого рода обстоятельств не приходится.

Ответ на вопрос, какие явления являются исключительными, какие – редкими, а какие – обычными для данного региона, должна давать Федеральная служба по гидрометеорологии и контролю природной среды РФ, которой давно уже выработана система соответствующих критериев и которая является единственным государственным органом, осуществляющим наблюдение за природной средой в необходимом объеме.

Кроме того, есть что предложить в рассматриваемом аспекте и гидрометеорологической науке, в которой проблемам определения расчетных характеристик опасных и особо опасных явлений (в частности, периодичности их наступления), а также развитию тенденций постепенного усиления негативных эффектов в природной среде уделяется достаточно большое внимание. В качестве примера можно привести исследование А.Н. Золотокрылина, Е.А. Черенкова и Т.Б. Титковой о частоте повторения засух на территории семи областей Российской Федерации, расположенных на юге Европейской территории[5]. Согласно этому исследованию частота, например, летних засух в Оренбургской, Саратовской, Волгоградской, Астраханской, Ростовской областях, Республике Калмыкия и Ставропольском крае составляет от 1 раза в 4 года до 1 раза в 6 лет (табл. 2).

Таблица 2

Число весенне-летних, весенних и летних засух на засушливых землях за период 1901–2012 гг.[6]

Субъект РФ	Засуха		
	весенняя и летняя	весенняя	летняя
Оренбургская область	30	27	23
Саратовская область	28	25	19
Волгоградская область	28	19	24
Республика Калмыкия	26	31	23
Астраханская область	24	30	22
Ростовская область	30	20	30
Ставропольский край	23	30	25

Примерами научных работ, предметом которых является детальное рассмотрение частоты возникновения различных видов опасных гидрометеорологических явлений и их влияния на экономику региона, которые вполне могут быть использованы при разработке или корректировке стратегий социально-экономического развития, также являют-

[1] Добролюбова Е. И., Клочкова Е. Н.. Южаков В. Н. Государственные программы в регионах: анализ практики и рекомендации. – М.: Издательский дом «Дело», 2016. – С. 119–127.

[2] Там же, с. 119.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 16декабря 2019 года, с изм. от 12мая 2020 года) // СПС Консультант плюс.

[4] См. п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 (ред. от 7 февраля 2017 года) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС Консультант плюс.

[5] Золотокрылин А.Н., Черенкова Е.А., Титкова Т.Б. Аридизация засушливых земель Европейской части России и связь с засухами // Известия РАН. Серия Географическая. – М., 2020. – Т. 84, № 2. – С. 207–217.

[6] Там же.

ся исследования А.Н. Петина и М.В. Брыкаловой на примере Белгородской области[1], П.В. Дружинина на примере Республики Карелия[2] и многие другие. Значительный материал для анализа содержится и в специализированных общероссийских исследованиях[3].

В то время как в отечественных документах регионального стратегического планирования учету и оценке природно-климатических факторов не уделяется должного внимания, за рубежом стратегические планы, связанные с решением проблем обострения влияния природно-климатических факторов на социально-экономическое развитие, выделяются в особые, самостоятельные программы действий. В этих программах четко определяются тенденции изменения природно-климатических условий в регионе, оцениваются дополнительно возникающие риски, обусловленные этими изменениями, и разрабатывается комплекс мер по снижению негативного воздействия самого разного характера как социального, так и экономического[4].

Выводы

Учет природно-климатических факторов, и, прежде всего, рисков в региональных стратегиях социально-экономического развития существует только в виде констатации наличия такого рода факторов (рисков). Действующая нормативная база не способствует обязательному их анализу и количественному учету при разработке или корректировке стратегий, что является нарушением принципа реалистичности стратегического планирования.

Считаем целесообразным распространить высказанное в науке предложение о включении в состав методической базы разработки государственных программ требования о представлении количественных характеристик факторов риска и на процессы разработки стратегий социально-экономического развития. При этом как в государственных программах, так и в стратегиях социально-экономического развития целесообразно закреплять предельные (пороговые) значения данных характеристик, превышение которых требует оперативного принятия мер вплоть до корректировки государственной программы или стратегии[5].

К этому можно добавить, что для повышения глубины и достоверности проработки разделов, посвященных анализу и оценке рисков, необходимо в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» продублировать понятие риска, данное в Методических указаниях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта РФ, и указать перечень типов возможных рисков с обязательным включением в этот перечень природно-климатических. Как правило, прямое упоминание того или иного параметра в нормативных документах стимулирует разработчиков к учету этого параметра при выработке стратегии или при составлении прогноза социально-экономического развития.

---

[1] Петин А.Н., Брыкалова М.В. Опасные гидрометеорологические явления на территории Белгородской области и их влияние на отрасли экономики данного региона // Успехи современного естествознания. 2016. – № 11–2. – С. 385–389. – http://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=36242

[2] Дружинин П. В. Влияние климатических изменений на урожайность в сельском хозяйстве Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. Экономика. – № 31. – С. 94–98.

[3] См., например, Акимов В.А., Дурнев Р.А., Соколов Ю.И. Опасные гидрометеорологические явления на территории России. – М.: ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2009. – 316 с.

[4] См., например: Climate change adaptation strategy. 2018 Update and Action Plan City of Vancouver. – https://vancouver.ca/files/cov/climate-change-adaptation-strategy.pdf; Climate Risk Assessment and Resilience Plan. North Carolina. Executive Summary and Key Findings. June 2020. – https://files.nc.gov/ncdeq/climate-change/resilience-plan/Executive-Summary-and-Key-Findings.pdf и другие.

[5] См.: Добролюбова Е.И., Клочкова Е.Н. Южаков В.Н. Указ. соч., с. 126.

Яковлева Е.А.[1]

ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: *национальный проект, государственная программа, субъекты Российской Федерации.*

Национальный проект представляет собой часть платформы социально-экономического и стратегического развития страны, которая направлена на конкретную сферу общественных отношений и предусматривает достижение конкретных целей в этой сфере. Значимость программно-целевых методов управления возрастает в связи с необходимостью выравнивания социально-экономического развития территорий, создания условий для повышения устойчивости региональной экономики. Структурная государственная политика посредством национальных проектов концентрируется на решении системных проблем инвестиционного и научно-технического характера.

На территории Воронежской области реализуется 11 национальных проектов по трем направлениям: «Человеческий капитал», «Комфортная для жизни среда», «Экономический рост» (рис. 1).

Рисунок 1.
Национальные проекты, реализуемые в Воронежской области[2]

Участие субъектов Российской Федерации в реализации национальных проектов осуществляется через формат региональных проектов (рис. 2), и, следовательно, их структура должна соответствовать структуре одноименных федеральных проектов. Как правило, в каждом субъекте Федерации действует несколько десятков региональных проектов, они включены в состав практически всех региональных государственных программ. Поэтому достаточно сложно управлять обеспечением координации действий по реализации проектов, входящих в состав одного национального проекта.

В соответствии с методическими указаниями по разработке национальных проектов (программ) в их паспортах должны быть указаны его цели и целевые показатели, а также задачи проекта. По результатам анализа, можно сделать вывод о том, что в некоторых проектах цели и целевые показатели совпадают, например, в проектах «Культура» и «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Также следует отметить, что большая часть целей и целевых показателей имеют количественное содержание, что делает их более понятными для восприятия и оценки. Однако в проектах сформулированы цели, не указывающие на количественное значение, необходимое для ее достижения, например, «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда». К каждому из указанных направлений в Воронежской области разработаны свои составляющие – региональные проекты. В 2019 г. на территории Воронежской области реализовывалось 48 региональных составляющих федеральных проектов 11 национальных проектов. В настоящее время на территории Воро-

[1] Яковлева Елена Александровна – д.э.н., профессор, зав. кафедрой мировой и национальной экономики, Воронежский государственный лесотехнический университет.

[2] Портфель региональных проектов // Официальный портал органов власти. – https://www.govvrn.ru/portfel-regional-nyh-proektov

нежской области не реализуется только один национальный проект – «Наука», поскольку он реализуется на базе федеральных научно-исследовательских институтов, которые в нашем регионе не представлены.

Рисунок 2.
Структура реализации национальных проектов[1]

Следует отметить, что документы стратегического планирования должны быть увязаны по срокам, этапам и показателям реализации. Региональные проекты, реализуемые в рамках нацпроекта, также отражены в государственных программах Воронежской области. На рис. 3 показана взаимосвязь между нацпроектом «Образование» и государственной программой Воронежской области «Развитие образования».

Рисунок 3.
Отражение региональных проектов в мероприятиях государственной программы[2]

[1] О подготовке региональных проектов // Проектная деятельность. Кировская область. – https://project.csr43.ru/training/

[2] Отчет № 1.22–2019 о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг реализации на территории Воронежской области региональных составляющих федеральных проектов, входящих в состав национальных проектов» / Контрольно-счетная палата Воронежской области. – https://ksp-vrn.ru/upload/iblock/7d9/28_Otchet-1.22-Natsproekty_305_315.pdf; Об утверждении государственной программы Воронежской области «Развитиеобразования»: постановление Правительства Воронежской области от 17 декабря 2013 г. №1102 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – http://docs.cntd.ru/document/424073653

Анализ паспортов региональных проектов на предмет их соответствия приоритетам, целям и задачам государственной социально-экономической политики на территории Воронежской области, определенных в документах стратегического планирования региона, показал, что 7 региональных проектов не отражены в виде структурных элементов в составе соответствующих государственных программ Воронежской области, в том числе:

– РП «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» в ГП ВО «Содействие занятости населения»;

– РП «Информационная инфраструктура» в ГП ВО «Информационное общество»;

– РП «Информационная безопасность» в ГП ВО «Информационное общество»;

– РП «Цифровые технологии» в ГП ВО «Информационное общество»;

– РП «Цифровое государственное управление» в ГП ВО «Информационное общество»;

– РП «Кадры для цифровой экономики» в ГП ВО «Информационное общество».

В утвержденных проектах и Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года наблюдается несоответствие некоторых показателей[1]. Например, в рамках регионального проекта «Промышленный экспорт» одним из показателей является достижение объема экспорта конкурентоспособной промышленной продукции к концу 2019 года в размере 1,041 млрд. долларов США, к 2024 году – 2,006 млрд. долларов США. Однако в Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года объем экспорта промышленной продукции к концу 2019 года – 0,8992 млрд. долларов США, к 2024 году – 1,0886. млрд. долларов США.

Как показал анализ паспорта региональных проектов, имеются следующие недостатки формирования паспортов проектов и отчетов об их реализации:

– в некоторых паспортах региональных проектов встречаются некорректные формулировки результатов и их характеристик;

– установлено наличие расхождения сведений в разных документах о реализации региональных проектов;

– отсутствует методика расчета показателей по региональному проекту «Чистая вода».

В табл. 1 представлено финансовое обеспечение 8 региональных проектов в 2019 году. Как видим, реализация проектов в 2020 г. составляет 82% от изначально запланированного. Наиболее высокое исполнение – 91,3% наблюдается в рамках проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», а наименьшее – 56,2% по проекту «Экология».

Таблица 1

Финансовое обеспечение национальных проектов в 2019 году[2]

Наименование регионального проекта	План на год, млн. руб.	Исполнено, млн. руб.	Исполнение плана (%)
Демография	5016,70	4093,70	81,6
Здравоохранение	1 868,80	1493,60	79,9
Образование	1473,80	1301,80	88,3
Жилье и городская среда	3883,60	2878,60	74,1
Экология	177	99,5	56,2
Безопасные и качественные автомобильные дороги	4931,90	4253,20	86,2
Производительность труда и поддержка занятости	0	0	0
Цифровая экономика	0	0	0
Культура	135,9	112	82,4
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	414,1	378,1	91,3
Международная кооперация и экспорт	0	0	0
ВСЕГО	17 901,80	14 610,50	82

Наиболее затратным является проект «Демография». На его реализацию предусмотрено 5016,70 млн. рублей или 28% от общих запланированных расходов. На второй позиции находится проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», реализация которого требует 4931,90 млн. рублей или 27,5% от всех расходов. На исполнение 3 региональных проектов денежные средства в 2019 году не были предусмотрены, а именно «Производительность труда и поддержка занятости», «Цифровая экономика» и «Международная кооперация и экспорт».

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом реализация национальных проектов на территории Воронежской области находится на высоком уровне – 82%. Анализ процесса разработки и реализации программно-целевого метода в Воронежской области, показывает, что необходима его корректировка не только на региональном, но и на федеральном и муниципальном уровнях.

Меры по совершенствованию программно-целевого планирования необходимо применить на всех 3 этапах его применения: разработки, реализации и оценки реализации. Разработка государственной программы должна осуществляться в рамках бюджетных возможностей региона, а не определять финансовые ресурсы под цели, что приводит к корректировке плановых показателей в конце отчетного периода, и соответственно теряется весь смысл данного ме-

[1] Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года / Департамент экономического развития Воронежской области. – https://econom.govvrn.ru/its/proekt-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya

[2] Отчет № 1.22–2019 о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг реализации на территории Воронежской области региональных составляющих федеральных проектов, входящих в состав национальных проектов» / Контрольно-счетная палата Воронежской области. – https://ksp-vrn.ru/upload/iblock/7d9/28_Otchet-1.22-Natsproekty_305_315.pdf

тода. Важным моментом является увязка государственных программ с другими документами планирования на всех уровнях, а также создание единой информационной системы планирования, включающей всех участников процесса. При модернизации данного метода на региональном уровне необходимо учитывать опыт других субъектов Российской Федерации, также необходимо обратиться и к опыту зарубежных стран, где программно-целевое планирование является наиболее эффективным инструментом бюджетирования. Мониторинг программы в момент ее реализации позволит контролирующим органам своевременно среагировать на допущенные ошибки и появившиеся проблемы и исправить их для наиболее эффективной реализации программы. Создание унифицированной для всех регионов системы оценки результатов реализации программ, позволит наиболее достоверно отражать развитие региона и страны в целом.

Анализ паспортов региональных проектов на предмет их соответствия приоритетам, целям и задачам государственной социально-экономической политики на территории Воронежской области, определенным в документах стратегического планирования региона, показал, что 7 региональных проектов не отражены в виде структурных элементов в составе соответствующих государственных программ Воронежской области. В утвержденных проектах и Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года наблюдается несоответствие показателей.

Также следует обратить внимание на то, что денежные средства в 2019 году были предоставлены на реализацию лишь 8 региональных проектов из 11. Наиболее дорогостоящими проектами являются «Демография» и «Безопасные и качественные автомобильные дороги».

В результате анализа утвержденных в Воронежской области документов стратегического планирования, можно сделать вывод о том, что один из ключевых принципов программно-целевого управления – взаимоувязка документов стратегического планирования соблюдается не в полной мере.

Yaryhina Halina
Polotsk State University Novopolotsk, Belarus
g.yarygina@psu.by
Ziankova Inha
Polotsk State University Novopolotsk, Belarus
i.zenkova@psu.by
Rabih Said Sati
Hasbaya technical Institute, Eastern Province of Saudi Arabia
rabih.sati67@gmail.com

GLOBAL ENERGY SECURITY AND INTERNATIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

Keywords*: energy security, circular economy, resources, energy, ecology.*

Introduction

Global energy security and sustainability in the 21st century will be less dependent on the total world population than on incomes and their distribution. This, in turn, will depend to a large extent on how effectively the problem of the lack of energy services, which currently limit economic opportunities in less developed regions, is addressed. In addition, energy security will depend on the ability of countries to maintain reliable energy sources to meet their needs.

As the economy develops, the energy needs and priorities of countries change. The evolution of demand at different stages of economic development is changing. As the economy develops, as happened with industrialized countries, there is a tendency to introduce more efficient technologies for the provision of energy services, and the structure of economic activity changes, since energy intensity tends to decrease over time [1].

Prices play several significant roles in economic production and demand. Most importantly, prices send signals to buyers and sellers. However, it is important to distinguish between prices and costs. There are four types of costs: cash costs, opportunity costs, environmental and healthcare costs, and socio-political costs. Most consumers are mostly prone to cash costs and less to others, although they are also important.

Renewable energy technologies, energy efficiency, advanced energy technologies and related products and services are among the fastest growing investment sectors in recent years, with large developing countries becoming investment leaders, not just technology transfer followers. Despite this progress, total public and private funding for energy-related research, development and deployment remains far less than the amount needed to move to a sustainable, climate-limited world.

Due to their important role in job creation and economic growth, small and medium-sized enterprises are potential leaders in transforming business models in many parts of the world [2].

Energy security

Energy security may be defined as a partial match between economic security, national security and environmental security.

In fact, economic security can mean creating new jobs or searching for product markets. The idea of national security is that lower energy demand will affect our sense of global security. Environmental safety includes the link between air pollution and health, as well as greenhouse gas emissions and global warming. Moreover, economic security is the security that generates security resources, and within it, energy security is one of the fundamental prerequisites for the normal functioning of the state and the achievement of the welfare of its citizens, which can be transferred to the global level [3].

Preserving our environment and reducing our dependence on raw materials and energy require a profound transformation of our production and consumption processes, which would not be possible without using the concept of a circular economy. The areas of optimal energy transformation, waste management and water treatment are the triptych on which our economy and the ecological balance of our territories, as well as our planet as a whole, are based.

According to experts from the International Energy Agency (IEA), energy security is a comprehensive concept whose goal is to protect consumers from supply disruptions caused by emergencies, terrorism or inadequate investment in energy market infrastructures. Recently, the greatest attention has been paid to such key issues as international cooperation, optimal organization of markets and unification of the conditions for consumers to access global energy resources.

According to the average forecast scenario of the UN organization, the world population will grow from 6.2 billion people (at the beginning of the XXI century) to 8 billion by 2030 and up to 10 billion people by 2050, with 80% of the population living in developing countries. The population of the Earth significantly affects energy consumption, but more energy balance depends on the pace of industrial development. For example, in the XX century the world's population has grown by 3.6

times, while the global energy balance has increased by more than 10 times. The gigantic energy needs were determined by the intensive development of industry mainly in Europe, the United States and Russia.

If other countries of the world developed in recent decades according to a similar scenario, the volume of oil, gas and coal production was many times higher than the current level. For the countries of Southeast Asia in the medium term, extremely high economic growth rates are projected – up to 4% per year. The leader is currently China with an annual growth of 9%. It would be impossible to provide energy for such an economic growth using the technologies of the 20th century. That is why innovative technologies in the energy sector are becoming crucial in the world. In most developing countries, the current lifestyle does not yet require the same energy costs per capita as in Europe or the USA, but by the middle of the 21st century. As a result of industrialization of the economy, these countries will consume half of the global energy balance [4].

For most professionals, energy security means the necessary energy production in their own country and minimal dependence on foreign imports. However, energy security includes three aspects: providing alternative sources of supply, determining alternative energy routes and ensuring the safety of existing sources and transportation networks [5].

In March 2019, the European Commission reported on the implementation and progress of key initiatives of its Action Plan for 2015 in the «Report on the Implementation of the Circular Economy Action Plan». Three years after the adoption of the 'Plan of Action for the Circular Economy' is fully completed. His 54 activities were completed, even if work on some of them continues after 2019.

High-level commitments and long-term commitments are keys to the development of a circular economy in the EU. This commitment led to the endorsement of the EU Circular Economy Action Plan, with the benefits of including and working in various policy areas to support its implementation. This is also reflected in the growing number of financing opportunities for specific projects. Engaging a wide range of actors from the public and private sectors is critical to a successful transition to a circular economy. The mobilization of these actors and the establishment of strong partnerships may require significant efforts, since this process entails the development of circular economy strategies in various sectors and at different levels of activity.

These initiatives have three clear objectives:

1. Politics: expand cooperation between the EU and third countries in the field of environmental policy by signing political agreements that promote the development of a circular economy, environmentally friendly public procurement and innovative, sustainable and inclusive growth;

2. To gain a better understanding of the environmental problems that third countries face;

3. Support green European companies (especially SMEs), expand their activities abroad and promote green solutions through business partnerships.

Discussions in circular economic missions focus on topics related to eco-innovation, chemicals and plastics, waste, water management, marine pollution, and urban best practices.

The circular economy provides pragmatic and effective solutions for the gradual depletion of vital resources for the functioning of the modern economy. Closing the cycles of materials, water and energy, this “other” economy allows the economy to grow, while reducing extraction from nature.

The circular economy multiplies the productivity of the resources extracted by nature: therefore, it meets the goals set by the EU in terms of efficient use of resources. It is aimed not only at the optimal use of water and raw materials, but also at energy resources.

With regard to energy policy, today the priority is to achieve greater coherence between the overall goals of mitigating climate change and energy security and independence. Energy efficiency is the most effective means of combining the decarbonization of the economy and enhancing EU energy security. The potential for reducing fossil fuel consumption through energy efficiency policies is much greater than replacing these fossil energy sources with other renewable energy sources. Such policies can also contribute to the development of new types of economic activity in member states and at the local level in European regions and cities, thereby creating new pools of long-term jobs, stimulating growth and reducing energy dependence. Nevertheless, energy efficiency as a fundamental instrument of policy and strategy is not sufficiently taken into account by European and national politicians.

At the EU level for 2020, a mandatory goal was set – to achieve 20% energy savings. The EU is likely to miss it by 1% only if its targets for CO_2 emissions and renewable energy sources (for which mandatory targets were set in 2008) are exceeded. The benefits of a binding approach are therefore tangible and a valuable lesson for policy makers who are responsible for defining policies for the post-2020 regime. In times of economic and energy crisis, energy efficiency combined with diversification of energy sources can help solve current difficulties in the context of the recent Ukrainian and Russian crisis [6].

Energy is not taken into account by economic theorists who write books and develop economic models, except in rare cases, since they rely on a theory that speaks of the role of energy as an engine of economic growth with its share in the total budget of each country, since the prevailing economic models consider that economic growth depends on demand. A consumer who is connected with the reality of the population, that is, with the availability of labor, in addition to investing mainly in savings, the problem is that most of these models neglect the role of energy and are not considered an essential factor in production.

Given the low contribution of the energy sector to GDP of less than 5 percent over the past 25 years, it does not fall under the calculation of economic models adopted by institutions such as Cooperation and Economic Development or the International Monetary Fund, since it believes that the growth is due to the availability of cash.

Energy problems make up a small proportion of analyzes and articles in the international press, except in the case of crises in the Middle East, therefore, it is believed that money is the basis of the economic movement in the world, but capital is inefficient and productive without activating the role of energy, as the availability of labor. Thus, energy is the basis of the movement of the world.

Sources of energy at the present stage

An analysis of many studies shows that the potential of the Earth's natural resources can provide humanity with energy for the long term. Oil and gas have a fairly powerful resource, but this «golden fund» of the planet must not only be rationally used in the 21st century, but also be preserved for future generations. But also an analysis of other studies shows that in the future we can expect that oil production will peak and consumption and prices will continue to grow, disputes and conflicts over limited resources will increase and become a constant issue on the international community's security agenda. The risk of conflicts based on gaining access and control over the exploitation of energy resources will remain high.

The energy sector should be a dynamic sector that actively supports the development of the global economy and helps reduce imbalances between countries. In this regard, the overall goal of the global energy strategy is to meet current, medium and long-term energy needs in the energy sector at affordable prices that are most suitable for a modern market economy with a decent standard of living, in terms of quality and safety. In this case, the principles of sustainable development must be taken into account. Thus, due to common goals, which are aimed at ensuring security, maintaining a balance between the import of primary energy resources and the rational efficient use of national reserves based on commercial and economic factors, it represents a priority for the further development of safe and competitive energy.

Oil and gas consumption

The energy sector in all countries plays a vital role in socio-economic development. Oil and gas revenues are the main source of income in most countries.

Oil is still the most important natural resource in the Arab world, and all possibilities indicate that this situation will continue in the foreseeable future. Huge oil reserves (such as shale oil in the United States, oil sands in Canada, coal gas in Australia, and deep-sea areas in Brazil).

World crude oil production rose (+2%) due to explosive growth in the United States (+16,5%). In June 2018, OPEC members agreed to increase oil production to prevent supply shortages and lower prices after previous production cuts were deemed excessive and prices too high. This stabilized world prices before they rose again pending US sanctions on Iranian oil exports. Crude oil production in the United States has increased significantly due to increased exploration and production of oil from rich shale reserves, which has led to the largest annual increase in production for one country in history. This is due to the launch of new projects, steady demand for oil and higher prices ($ 14 per barrel higher than in 2017). Oil production continued to grow in Russia, the Middle East (with the exception of Iran) and Africa. Latin America, on the other hand, experienced a general decline. Venezuelan political problems, compounded by US sanctions, have led to a 29% drop in oil production, equivalent to one-third of US production growth. Similarly, Iranian oil production fell by 7% after the restoration of international sanctions (Figure 1) [7].

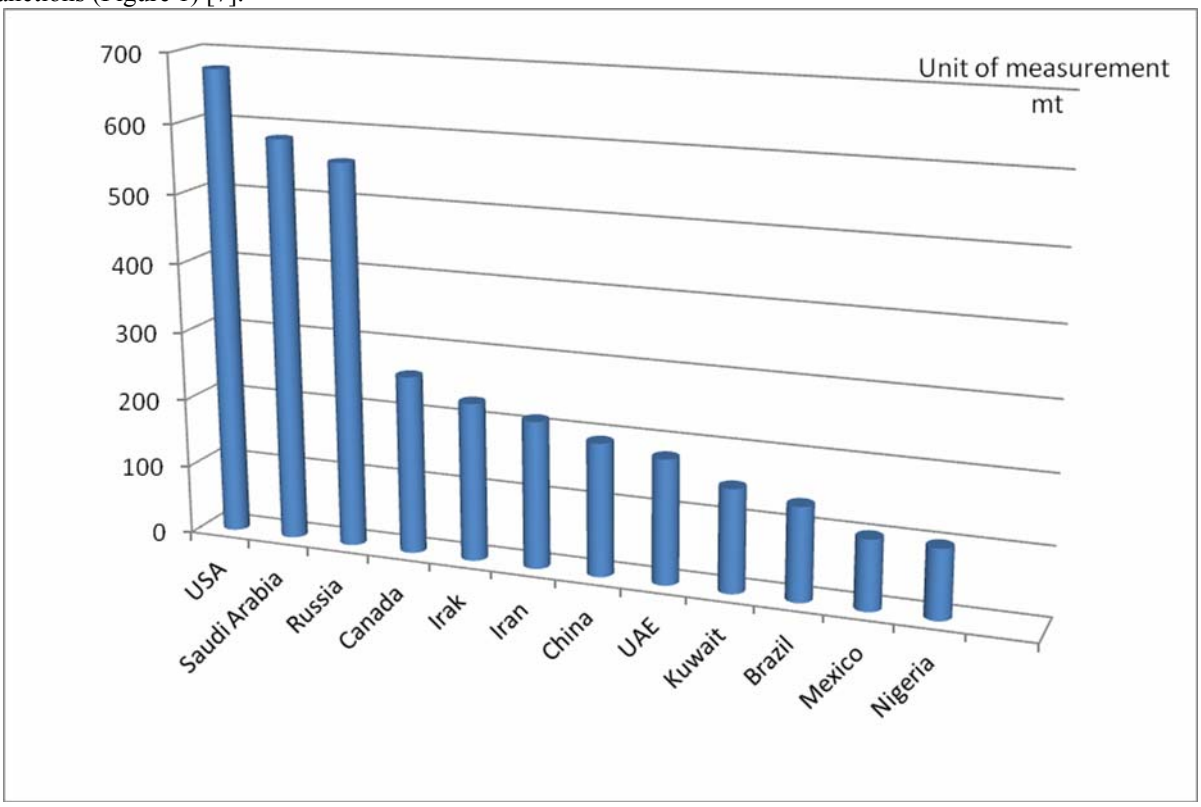

Figure 1.
Source: own development based on the data of the Statistical Yearbook of World Energy 2019 https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statitistics.html

Gas

The USA and China contributed to an increase in global consumption of natural gas (+ 5%). World gas consumption in 2018 accelerated thanks to the efforts of the United States and China, which accounted for about two-thirds of additional consumption. In 2018, gas demand in the United States grew by 10%, which was the highest growth rate in the last 30 years, stimulated by the electric power industry (+15 GW of new gas power plants) and construction. Gas consumption also accelerated in China (+ 18%) in accordance with the policy of substituting coal for gas in the electricity and heat supply sectors. Growth has also been observed in India and South Korea due to sustained economic growth. However, Japan's consumption has declined since restarting nuclear reactors has reduced the need for gas-fired electricity production.

Gas consumption also continued to grow steadily in Russia (albeit at a slower pace than in 2017) and accelerated in Canada, Iran and Algeria.

Despite economic growth, gas consumption in Europe, especially in Turkey, France, Germany and Italy, declined due to rising temperatures, increased availability of nuclear and hydropower, as well as increased production of renewable energy (Figure 2).

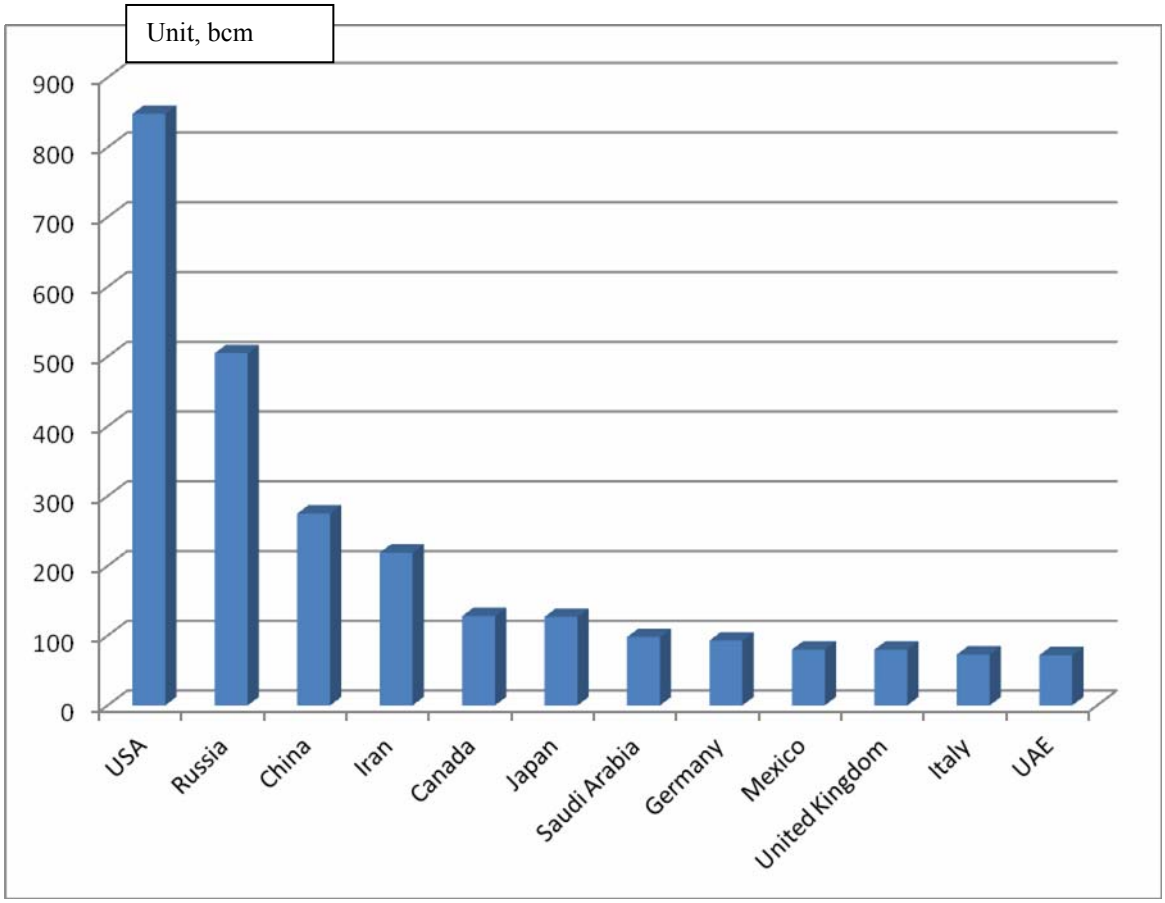

Figure 2.
Source: own development based on the data of the Statistical Yearbook of World Energy 2019. https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statitistics.html

Coal, lignite

World coal production increased (+1,9%) for the second year in a row. China has strengthened its position as the world's largest producer of coal and brown coal (45% of world production). In 2018, the country approved more than 45 billion Chinese yuan ($ 6,7 billion) for new coal mining projects. The recent gas shortage in the country has weakened the government's motivation to switch from coal to gas used for space heating and has retained its appetite for coal. Coal and brown coal production in China accounted for 70% of global growth. The increase in coal imports to China (by 4% compared with 2018, the highest growth over the past four years) supported a strong international coal market, boosting production in Australia, Indonesia and Russia, the three main suppliers of coal. In India, there was a significant increase in production (+5,3% in 2018), due to domestic demand and the government's ambitions to reduce dependence on imports. Coal production in the United States fell to its lowest level in 39 years, despite rising exports. Coal mining also continued to decline in the European Union, as member states are increasingly committing themselves to rid the economy of coal.

Oil, gas and coal until the end of the XXI century will remain the basic elements of energy, their share will be about half of the global energy balance. The rational use of non-renewable resources is the most important task of the world community. Currently, oil, gas and coal are used primarily as fuel, and only 4–5% of their volume is supplied to the chemical industry.

In the future a multiple increase in the production of non-fuel products (synthetic materials, fertilizers, etc.) will be required. Oil and gas will retain their leading positions not only as sources of energy, but also as the most important raw material for obtaining special materials necessary for the development of modern civilization. According to forecasts, by the middle of the XXI century in the chemical industry up to 10% of hydrocarbons produced will be used, and by the end of the century – up to 30%. These volumes should be excluded from the global fuel and energy complex (the load on other energy sectors will increase accordingly) (Figure 3).

Economics of nuclear energy

Investments in nuclear energy, like investments in other areas of electricity production, are economically justified if two conditions are met: the cost of a kilowatt hour is not more than with the cheapest alternative production method, and the expected demand for electricity is high enough so that the generated energy can be sold at a price in excess of its cost. In the early 1970s world economic prospects looked very favorable for nuclear power: both the demand for electricity and the prices of the main types of fuel – coal and oil – were growing rapidly. As for the cost of building a nuclear power plant, almost all experts were convinced that it would be stable or even begin to decline. However, in the early 1980s, it became clear that these estimates were wrong: the growth in demand for electricity stopped, the price of fossil fuels not only did not increase anymore, but even began to decline, and the construction of nuclear power plants was much more expensive than anticipated in the most pessimistic forecast. As a result, nuclear energy everywhere entered a period of serious economic difficulties, the most serious in the country where it arose and developed most intensively – in the United States.

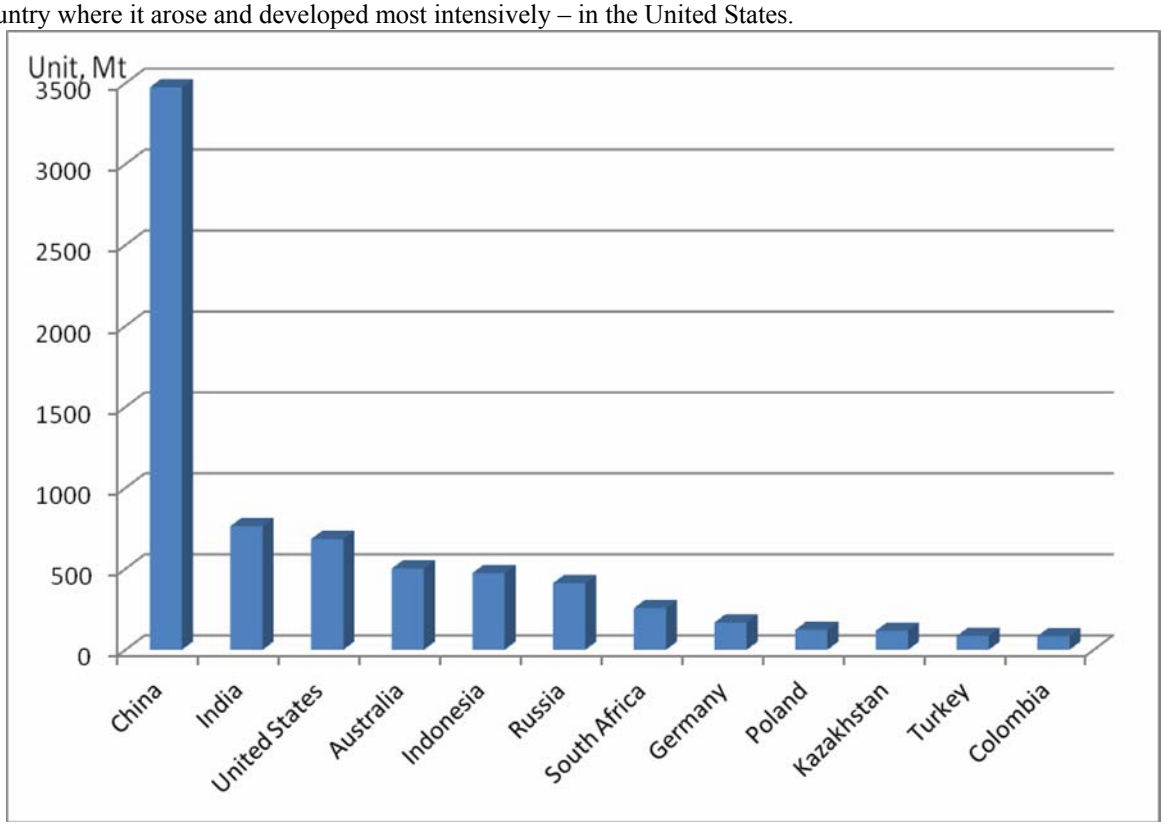

Figure 3.
Source: own development based on the data of the Statistical Yearbook of World Energy 2019 https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statitistics.html

If you conduct a comparative analysis of the economy of nuclear energy in the United States, it becomes clear why this industry has lost competitiveness. Since the early 1970s, the cost of a nuclear power plant has risen sharply. The cost of a conventional thermal power plant consists of direct and indirect investments, fuel costs, operating costs and maintenance costs. Over the life of a coal-fired power plant, fuel costs average 50–60% of total costs. In the case of a nuclear power plant investments dominate, accounting for about 70% of all costs. Capital expenditures for new nuclear reactors on average significantly exceed the costs of fuel from a coal-fired power plant over their entire service life, which negates the advantage of fuel savings in the case of a nuclear power plant.

Prospects for nuclear power

Among those who insist on the need to continue the search for safe and economical ways to develop nuclear energy, two main directions can be distinguished. Supporters of the first believe that all efforts should be focused on eliminating public distrust in the safety of nuclear technology. To do this, it is necessary to develop new reactors that are safer than existing light-water ones. Two types of reactors are of interest here: a «technologically extremely safe» reactor and a «modular» high-temperature gas-cooled reactor.

A prototype modular gas-cooled reactor was developed in Germany, as well as in the USA and Japan. Unlike a light-water reactor, the design of a modular gas-cooled reactor is such that the safety of its operation is ensured passively – without direct actions by operators or an electrical or mechanical protection system. In technologically extremely safe reactors a passive protection system is also used. Such a reactor, the idea of which was proposed in Sweden, apparently did not advance beyond the design stage. But it received serious support in the United States among those who see his potential advantages over a modular gas-cooled reactor. But the future of both options is vague due to their uncertain cost, development difficulties, as well as the controversial future of nuclear energy itself.

At nuclear power plants (NPPs), about 16% of the world's electricity is generated, and for many developed countries their share exceeds 60–70%. Currently, nuclear power plants have been built in 32 countries, with about 70% of the world's electricity production coming from 5 of them (USA, France, Japan, Germany and Russia). A world nuclear program is being formed that provides uniform safety standards and provides for controlled access of developing countries to peaceful nuclear technologies. The international cooperation of the leading countries in world energy is expanding. In the XXI century the structure of nuclear energy will change. Fast neutron reactors will be developed and in the future thermonuclear fusion, the introduction of which will not only greatly increase the capacity of the nuclear industry, but also make it as safe as possible. In addition, the use of breeder reactors increases the efficiency of the use of uranium ore by 60 times, which will provide nuclear energy with resources for at least a thousand years.

Modern technologies ensure reliable disposal of radioactive waste, and the transition to a closed nuclear cycle will allow for their processing and reuse in new generation reactors. As a result of large-scale international events on the safety of nuclear power plants and waste disposal, public confidence in nuclear energy has increased. In most countries, multiple growth of the nuclear industry is planned (Figure 4).

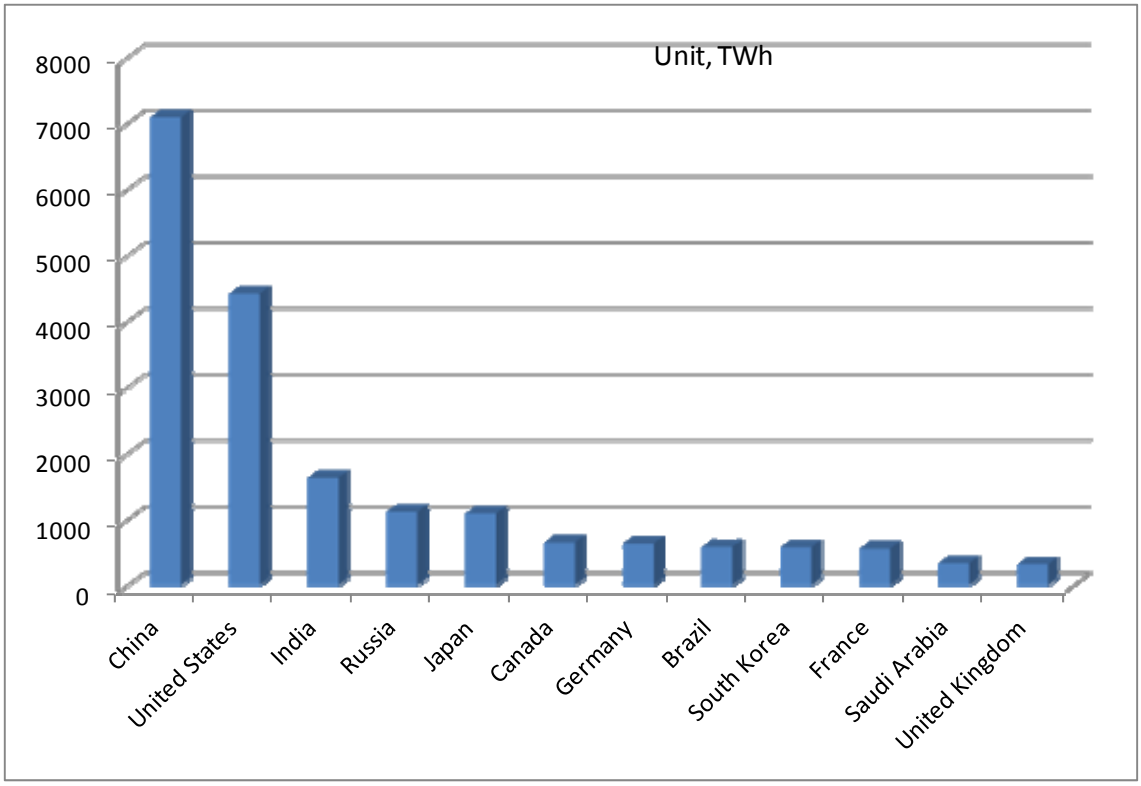

Figure 4.
Source: own development based on the data of the Statistical Yearbook of World Energy 2019. – https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statitistics.html

China and the United States accounted for three-quarters of the growth in global electricity production in 2018. The main increase in global electricity production in 2018 occurred in Asia (+6,1%): China accounted for almost 60% of global growth thanks to strong demand and the rapid development of generating capacities, followed by India, Japan, South Korea and Indonesia.

Electricity generation also increased in the United States (+3,6%), as weather conditions and economic growth stimulated electricity consumption, while in Canada it decreased slightly. Electricity production continued to grow in Russia (economic recovery), the Middle East and Africa. In Latin America it remained stable as growth in Brazil and Mexico was offset by a strong recession in Venezuela caused by political tensions.

In Europe electricity production remained stable despite growth in France and Turkey due to increased production of hydropower and renewable energy (plus improved nuclear availability in France). On the other hand, electricity production declined in Belgium (significant inaccessibility of atomic energy), Germany, Italy and the United Kingdom (mild winter).

Use of fuel and energy resources and renewable energy sources as a possible way to increase resource efficiency

Renewable energy is defined as an inexhaustible and rapidly renewable source of energy. Renewable energy is obtained through the use of ordinary natural phenomena, such as wind, hydropower, plant energy, or the energy of other planets, such as sunlight or radiated from the Earth's core (geothermal energy).

Solar power

This energy is the production of heat by converting the energy inherent in sunlight. This energy attracts the heat of the sun and its photovoltaic cells and transfers it to the water cycle to supply houses with hot water or heating. There are several methods for the efficient use of solar energy, which can be divided into three main categories: thermal applications, electricity production and chemical processes, and the most widely used areas of application are water heating. Electricity is now increasingly being generated by photovoltaic systems and solar thermal technology, as the focus is on converting sunlight into electricity using solar panels. The advantages of photovoltaic cells lie in their ability to convert solar energy directly into electricity and in its ease of use, which makes them suitable for use, especially in developing countries where there are no large generators. It should be noted that the output of these cells remains limited, since the amount of energy received depends on the geographical location and is associated with climatic conditions, and the period of use is no more than twenty years. This means that the energy of fossil fuels (such as oil and coal) can be replaced, but there is a problem of their storage, since this energy cannot be stored for years. On the other hand, it can be used to produce 50% of the energy needed for heating. The cost of solar thermal energy is still relatively high due to the high investment cost necessary for its construction, which can only be restored after a relatively long period, which can last from 10 to 15 years.

In this context the Greenpeace report of October 7, 2005, entitled Concentrated Solar Thermal Energy, stated that by 2025, solar energy would provide clean electricity for two decades to more than 100 million people in areas of the sun most exposed to the sun. Greenpeace encourages decision makers to support this modern, sustainable industry and invest in this new technology. The report also shows how the Middle East and North Africa can become the main center of solar energy production in the world and be able to export this energy to Europe.

Solar energy has proven its technical and economic sufficiency in the field of heating water and generating electricity using solar cells, and solar energy from other energy sources is of excellent quality in reducing fuel consumption and environmental pollution. Solar energy is almost free, but requires large costs for the production and conversion of energy-generating devices. Modern research aims to reduce these costs to a minimum. Today it has become possible to design solar power plants with a capacity of 80 hybrid megawatts, which operate on solar energy during the day and natural gas at night, thereby reducing the cost per kilowatt hour is very high. However, prices for solar energy do not obey the well-known law of supply and demand, but depend on the law of economies of scale.

Wind energy

A 2006 World Wind Energy Association (WWEA) report indicated that wind energy technology is the most dynamic source of energy and the most promising alternative to fossil fuel production. Wind power is considered one of the most important sources of renewable energy. The cost of wind energy has become competitive compared to traditional energy, since the cost of producing a kilowatt of wind energy has reached $ 1,000, while the cost of kW of production from conventional energy is up to $ 800. Currently, wind energy generates more than 1% of global electricity consumption.

The cost of electrical energy generated by wind energy has become very low. The use of intelligent electronic controls, the use of streamlined surfaces and the continuous improvement of the materials used in the production of wind energy have provided additional benefits.

Biomass energy

Biomass is already the leading source of renewable energy in Europe, but it has not yet fully revealed its potential, because even when produced and consumed locally, it is an important component of the circular economy in the field of energy. As a substitute for fossil fuels, it significantly reduces CO_2 emissions and protects users from price fluctuations that are characteristic of oil and gas markets. Recycling wood waste is also a potential source of fuel, and prudent reforestation also contributes to CO_2 capture.

Many economists point out that biofuels are a green alternative to oil, and there are two main brands on the world market – biodiesel and ethanol, which are usually produced from food crops. Ethanol is extracted from sugarcane, corn, wheat and other grains containing sugar or starch and is added to gasoline, and it makes up more than 90% of the total biofuel production in the world.

Options for solar energy provide an implicit accumulation of green matter in biomass, which is formed as a result of photosynthesis, and store part of the solar energy in the form of chemical energy, which can be restored by burning the plant.

Unlike fossil fuels, biomass has several advantages, as it is available in most parts of the Earth and contains less than 0.1 percent sulfur and 3 to 5 percent ash and is equivalent to the amount of carbon dioxide released from biomass during combustion. This means that bioenergy does not emit any additional carbon dioxide into the atmosphere.

Biomass is widely used to generate electricity and heat in the forest industry. The remaining wood waste obtained during the production process uses fuel for cogeneration systems operating on turbine turbines. This method is economical only in areas where cheap biomass fuel is widely available.

One of the striking examples of the efficient use of materials and energy in industry is Finland.

Finland's pulp and paper industry is a prime example of a large industry where almost all materials and by-products from wood processing are already used to produce many types of products or to generate renewable energy. Finnish firms are quickly finding new uses for innovative wood biomaterials, thereby improving the use of biomass from the rationally managed forests of Finland, where more wood is harvested each year than harvested.

Improving the process of using raw materials, as a rule, goes hand in hand with energy savings. As a cold climate country that does not have its own fossil fuel reserves, Finland has long recognized the need for energy efficiency in industry and residential buildings. Given the need to reduce emissions and reduce global warming, the dissemination of such experiences is now more important than ever.

In addition to building sustainable carbon-neutral bioeconomics by rationalizing the use of forest biomass, Finland is also actively introducing the concept of a circular economy in other key areas.

Finnish forest machine manufacturers Ponsse were the first to adopt the modular product concept by starting to assemble machines from multi-purpose parts that can be easily removed and sent for maintenance and reuse, even if only through their international sales network.

Geothermal energy

Geothermal energy depends on the use of energy contained in the soil for heating or converting it into electricity. To produce energy from the bowels of the earth, water is heated underground, and then uses its thermal energy to generate electricity. The most important part of the energy hiding on Earth is related to the radioactivity of the rocks that make up the earth's crust. This can be described as a type of natural nuclear energy that comes from the decomposition of uranium, thorium and potassium. This energy is not related to climate change, and the duration of the geothermal mines is estimated at tens of years. A 2007 report by the International Geothermal Association indicates that the world's geothermal energy has reached 7.9 gig watts, an increase of 800 megawatts than in 2005. This clean energy is used by most countries in the world to combat environmental pollution, and the total energy capacity is distributed. Geothermal in different proportions for producing countries.

Similarly, the 2009 GEO report indicated that the Australian government announced a $ 43 million project to help extract energy from the heat of the earth, being the world's largest coal exporter, which generated about 77% of its electricity. This makes it the world's largest source of population pollution.

The report added that only 1% of geothermal energy in Australia can meet the need for clean electricity for 26,000 years. This technology, sometimes called "hot stones," has enormous potential for Australia, on the other hand, as a way to counter climate change and national energy security, and that the first installations of this energy can start operating in 2012. Switzerland is also a world leader in the exploitation of geothermal energy. It has the highest percentage of underground energy facilities, since the number of institutions based on investments of the interior of the Earth (both wind and water) has reached 50,000 installations, but it lacks stations that convert this energy into electrical energy, unlike that was found in Germany and even in Italy, which, thanks to the underground power station in Tuscany, managed to become the first producer of this type of electricity [8].

Hydropower

Hydroelectric power plants produce electricity using the power of (falling) water, which drives the so-called turbine, which in turn rotates the metal axis connected to the generator. The principle is to build a river water dam to store large amounts of water and to obtain great heights, and thus the water is taken through pipes from the bottom of the dam wall, where the water pressure is proportional to the height of the dam water to reach the turbine blades and make it rotate that in turn is connected with the axis of the generator. And when the magnetic poles rotate in the generator, alternating electric current will be generated in the windings. The height of the water in the tank is stored in energy. When the dam opens, the water passing through the turbine turns into kinetic energy. The amount of generated electricity is determined by several factors, two of which are the volume of running water and the height of the dam surface from the turbine (engine). As well as the height and flow of water increases, electrical energy is generated. This energy is related to the amount of stored water.

Alternative energy has come to the fore in the energy sector of Belarus. In the Republic of Belarus, more than twenty thousand small rivers flow, the length of which is 90 thousand kilometers. Small hydroelectric power plants have been built in the country. Osipovichi Hydroelectric Power Station was first built in 1954 on the Svisloch River. Its capacity was only 2,25 MW which is still in effect to this day.

However, by the 60s, the small hydroelectric power station had gone aside due to the emergence of state power systems. Consumers in rural areas were transferred to a powerful new system, and the need for small hydropower plants disappeared on its own. As a result, by the end of the 80s in Belarus there were only six hydroelectric power plants, which produce more than 18 million kilowatts annually.

Over time, energy was converted by a small hydropower plant (SHP). In this case, alternative sources of energy in Belarus as it turned out to be possible to acquire, restore. Representatives of the Greens confirm that small hydropower plants have no environmental burden.

The Belarusian authorities planned to double the total capacity of hydroelectric power plants. In this regard a certain interest in the construction of small hydropower plants in the country is shown by foreign investors, who take 78,4% for the construction of small energy costs.

A hydroelectric power station for generating electricity provides an important part of the demand for electricity in Lebanon. In connection with this, several projects for water supply on the river and sources appeared, covering 16 factories with a total capacity of 283,146 megawatts, in particular three Litani plants with a total capacity of 191,500 megawatts, accounting for 67,6% of production. The annual production volume (more than 20 years) reached 722 MW / hour, which accounts for Litani factories, of which about 500 MW / hour. Experts note that the capacity of the hydraulic unit in Lebanon is estimated at 284 megawatts, and its current production is less than 48 megawatts.

In light of the growing shortage of electricity generation and unprecedented losses, as well as an increase in demand for consumption (current demand of no less than 3,000 megawatts compared to actual production of about 1,400 megawatts), as well as the need to preserve the environment, attention was directed to renewable energy, the most important of which is hydropower, on the availability of potential water energy in Lebanon and its economic water projects [9].

The Ministry of Energy and Water Resources is currently working on the search for the best technical, financial and political solutions to reduce the budget deficit as soon as possible in a way that is consistent and integrated with the electricity policy document approved by the Cabinet of Ministers which formed a common framework for the sector. Electricity in Lebanon is parallel, and to facilitate the receipt of the promised funds for the energy sector from the CEDRE conference, the Ministry of Energy and Water collaborated during 2018 with the World Bank to prepare assessment studies of the energy sector in Lebanon, where it issued a series of recommendations after scheduling decisions [10].

The share of wind and solar energy is growing rapidly and steadily (0.8 points in 2018), reaching 7.5% of the energy balance. In 2018, the share of wind and solar energy in the global energy balance increased by 0,8 points, since in 2018 it accounted for more than 30% of the total additional electricity generation (16% for solar energy and 15% for wind). In 2018, the share of wind and solar energy in all regions, especially in Latin America (large-scale introduction of renewable energy sources in Brazil and Chile), Asia (China, India and Japan) and Europe (especially in Germany, Great Britain, Belgium and Turkey) continued to grow, driven by lower technology costs and ambitious policies. Wind and solar technology is also gaining momentum in the United States and Australia. They still remain negligible in Africa and in fossil fuel extraction areas (CIS and Middle East) (Figure 5).

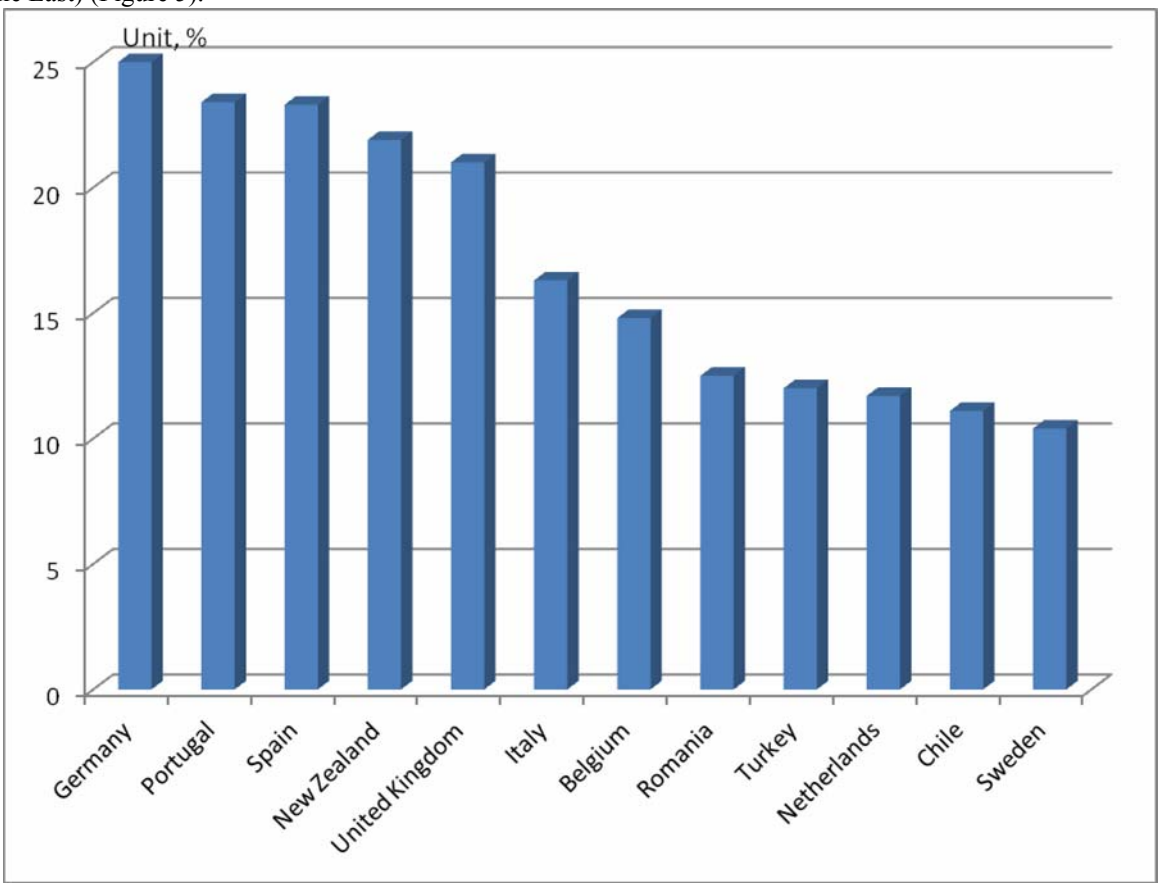

Figure 5.
Source: own development based on the data of the Statistical Yearbook of World Energy 2019. – https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statitistics.html

Ways to Improve Energy Efficiency

Currently, there is growing interest and competition for serious investments in the development of alternative energy programs and technologies, as well as the introduction and use of green technologies in several areas, which together will determine the future energy in the world.

Economic energy, in an economic concept, is an expression intended for energy production, investment, consumption and the benefits arising from this, and includes all means and procedures aimed at increasing the return on energy use and reducing its losses to a minimum, without affecting economic growth, that is, the consumption of the least.

Likewise, energy conservation aims to extract as much energy as possible from its primary sources, while preserving the environment and minimizing its harm.

The circular economy provides pragmatic and effective solutions for the gradual depletion of vital resources for the functioning of the modern economy. Closing the cycles of materials, water and energy, this «other» economy allows the economy to grow, while reducing extraction from nature.

The circular economy multiplies the productivity of resources produced by nature in terms of resource efficiency. It is aimed not only at the optimal use of water and raw materials, but also at energy resources.

The potential for reducing fossil fuel consumption through energy efficiency policies is much greater than replacing these fossil energy sources with other renewable energy sources.

High energy consumption in the processing industries raises a number of serious environmental problems. Lack of equipment and a lag in technology led to a significant excess of total emissions. The amount of total annual emissions of industrial pollutants is increasing. Pollution of air, water and solid waste is a serious threat to human health and environmental safety. The technical bottlenecks and environmental problems of the processing industries severely impede sustainable development. With economic development, population growth and improving living standards, the amount of energy consumed will undoubtedly increase in the future. Therefore, improving energy efficiency is vital to energy conservation efforts in the manufacturing industry. There is tremendous potential for energy savings in the manufacturing industry. Energy-saving technologies – technical updating, elimination of obsolete equipment, new production facilities using advanced technologies.

Positive effects of green and circular economies

The circular economy is one of the directions of the green economy, offering the state and business modern approaches to improving resource efficiency, achieving a social effect in the sphere of consumption of goods, in particular, due to the expanded responsibility of the manufacturer, as well as reducing the environmental footprint of production and manufactured goods. The concept of a circular economy is the practical basis for the implementation of the green economy and offers effective business models to ensure more environmentally friendly resource use, contributing to the achievement of the goals of sustainable development of society [11].

Some economists argue that policies that do not address environmental issues such as resource depletion, biodiversity loss, increasingly intense storms and floods and droughts due to climate change can lead to job losses and livelihoods. Therefore, solving environmental problems opens up opportunities for workers and employers and reflects economic growth. Thus, today's climate change industry will be at the forefront of the CleanTech sector. Global efforts to combat climate change and its effects have changed employment and investment patterns in the green economy. A large number of jobs and millions of green jobs were created in sectors such as renewable energy, energy efficiency of buildings, sustainable transport systems, agriculture, environmental protection, industry, research and development, management, activities and services. Green jobs are jobs that help mitigate the environmental threats facing humanity. Thus, the Clean Development Mechanism and the joint implementation tools included in the Kyoto Protocol, according to which companies and governments can receive carbon credits by supporting specific emission reduction projects, are potential financing mechanisms for green projects.

The ability of the environment to absorb contaminated waste

The ability of the environment to absorb contaminated waste and other impacts of energy technology is limited. This is manifested in two main classes of environmental costs: «external» costs, which are imposed by society's corruption on society and do not affect the financial accounts of consumers and energy producers, and "input costs", which represent an increase in financial costs caused by measures aimed at reducing of external costs.

Both types of environmental costs have been and are increasing for many reasons, including: reduced quality in fuel production basins and energy transmission sites, the need to transport more materials over long distances and the construction of larger facilities, as well as the growing volume of contaminated waste from energy systems and the need to meet the ability of the environment to absorb waste. Such waste is not contaminated, and pollution control costs tend to increase with increasing pollution. The combination of increased energy consumption with a decrease in the quality of resources requires the removal of an increasing percentage of pollutants in order to maintain the level of damage unchanged. And this means an increase in input costs, in addition to the fact that public and political interest in the environment extends the time for choosing licensing and construction of energy facilities, and also increases the frequency of changes to project specifications before implementation and guidelines, which leads to another increase costs.

Waste recovery underlies the concept of a circular economy. This should be one of the main pillars of the industrial renaissance in the EU. The waste sector can and should contribute to improving the efficiency of resource use in the economy, provided that appropriate policies are applied. This is consistent with the leading EU initiative for a resource-efficient Europe,

which was launched in 2011 as part of the Europe 2020 Strategy. The initiative supports the transition to a resource-saving low-carbon economy to achieve sustainable growth [6].

Energy of the future

Assuming that by 2100 the vast majority of the world's population should be provided with energy at a level corresponding to today's consumption in developed countries, the full satisfaction of humanity's energy needs in 2100 with a population of 11,213 billion will amount to 55.98 billion toe/year (2.34 × 1021 J/year).

With an average energy production efficiency of 68% in 2100, 81.68 billion toe/year (3.42 × 1021 J/year) should be produced, or 4,2 times more than in 2015.

All this energy, in accordance with physical laws, will become thermal waste and their accumulation will inevitably lead to catastrophic global warming, which can reach 5,5–7°C by 2100, rise in ocean level by 6–9 m, disappearance of glaciers – sources of drinking water for many regions.

To date, there are no sources capable of providing even part of the energy production required by 2100, especially with the upcoming exhaustion of hydrocarbons.

The only source of energy that is able to provide the future of mankind is the Sun, which in 1 hour gives energy to the Earth in the volume of consumption of all mankind in 2015.

However, the problem is that the density of solar energy at the equator does not exceed 360 W/m^2 and solar panels with an area of about 10 million km^2, taking into account the areas for maintenance and a 4-hour duty cycle, will be required to provide humanity with energy.

For comparison, the total area of the EU countries is 4,3 million km^2, Kazakhstan – 2,72 million km^2, the United States – 9.5 million km^2.

In addition, about 200 million tons of today's most advanced batteries will be needed, with an annual replacement of 30 million tons.

Other energy sources also do not have a long-term global perspective: hydropower – the potential is almost exhausted, wind – low power density, uncontrolled frequency.

Nuclear and thermonuclear energy, according to the models of individual organizations, are able to provide the world's energy needs of mankind for many centuries, but this will inevitably lead to environmental problems and an increase in the rate of global warming [12].

In the XXI century oil, gas and coal will remain the main sources of global energy. The high efficiency of these energy sources is of great importance for the sustainable development of mankind. At the same time, the global energy development strategy should take into account the prospects for using environmentally friendly energy sources and the latest technologies for their development, which will guarantee the energy security of our civilization. The world community must make a grandiose scientific and technological breakthrough in the development of the energy of the earth's interior, the ocean, the sun, space and the peaceful atom. Only then can we satisfy the growing demand for clean, plentiful, reliable and safe energy – the basis of a high standard of living, a developed economy and culture, international and national security. We must multiply this source of vitality and transfer it to the reliable hands of our descendants.

Conclusion

«The energy sector, which for decades has contributed to the growth and prosperity of the global economy, has contributed to increased emissions and is therefore responsible for reducing them», says Eni CEO Claudio Descalzi[1]. This means that we all need to use energy more efficiently in order to be able to separate economic growth from use resources and greenhouse gas emissions. One of the best ways to do this is to apply the principles of a circular economy to energy production and consumption. The circular economy provides pragmatic and effective solutions for the gradual depletion of vital resources for the functioning of the modern economy. Closing the cycles of materials, water and energy, this "other" economy allows the economy to grow, while reducing extraction from nature.

The concept of a circular economy is the practical basis for the implementation of the green economy and offers effective business models to ensure more environmentally friendly resource use, contributing to the achievement of sustainable development goals of society.

In fact, economic security can mean creating new jobs or searching for product markets. The idea of national security is that lower energy demand will affect our sense of global security. An analysis of many studies shows that the potential of the Earth's natural resources can provide humanity with energy for the long term. But an analysis of other studies also shows that in the future we can expect that oil production will peak and consumption and prices will continue to grow, disputes and conflicts over limited resources will increase and become constant. The energy sector in all countries plays a vital role in socially and economic development. Oil, gas and coal until the end of the 21st century will remain the basic elements of energy, their share will be about half of the global energy balance. The rational use of non-renewable resources is the most important task of the world community.

Investments in nuclear energy, like investments in other areas of electricity production, are economically justified if two conditions are met: the cost of a kilowatt hour is not more than with the cheapest alternative production method, and the expected demand for electricity is high enough so that the generated energy can sell.

[1] https://www.eni.com/en-IT/circular-economy/sustainable-world.html

Renewable energy is defined as an inexhaustible and rapidly renewable source of energy. Renewable energy is obtained through the use of ordinary natural phenomena, such as wind, hydropower, plant energy, or the energy of other planets, such as sunlight or radiated from the Earth's core (geothermal energy).

The ability of the environment to absorb contaminated waste and other impacts of energy technology is limited. This is manifested in two main classes of environmental costs: «external» costs, which are imposed by society's corruption on society and do not affect the financial accounts of consumers and energy producers, and «input costs», which represent an increase in financial costs caused by measures aimed at reducing external costs.

The only source of energy that is able to provide the future of mankind is the Sun, which in 1 hour gives energy to the Earth in the volume of consumption of all mankind in 2015.

References

1. Energy security. Terms and definitions. – M.: IAC Energy, 2005.
2. Makarov A.A. World energy and the Eurasian energy space. – M.: Energoatomizdat, 1998.
3. 22nd International Economic Conference – IECS 2015 «Economic Prospects in the Context of Growing Global and Regional Interdependencies», IECS 2015 The Economics and Finance of Energy Security.
4. Mazur I.I. // The Age of Globalization. Release №1/2008. – https://www.socionauki.ru/journal/articles/129825/
5. Circular Economy Action Plan, The EU Switch to green Flagship Initiative, EU Best Practise. – https://www.switchtogreen.eu//wordpress/wp-content/uploads/wp-post-to-pdf-enhanced-cache/1/circular-economy-strategy.pdf
6. Circular economy and resource efficiency: a driver of economic growth in Europe. – https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0331-circular-economy-and-resource-efficiency-a-driver-of-economic-growth-in-europe#ancre_1
7. Statistical Yearbook of World Energy 2019. – https://yearbook.enerdata.ru/crude-oil/world-production-statitistics.html
8. Kalogirou, Soteris. Solar energy engineering: processes and systems. 2nd ed. 2013.
9. Republican Unitary Enterprise «Belarusian Atomic Power station». – http://belaes.by/ru/
10. AES Ironwood CCGT Power Plant, Lebanon, PA. – https://www.power-technology.com/projects/aes/
11. Yaryhina H. Analysis of the concepts of sustainable development of green and circular economies // Proceedings of young specialists of Polotsk State University. 2019. – N 26 (96): «Economic Sciences.» – P. 82-85.
12. Report «World Energy System» presented at the international conference «Renewable Energy Summit 2019». The authors of the report are Vladimir Shkolnik, Bulat Kanimov, Elmira Kanimova. – http://www.atominfo.ru/newsz/a0790.htm

Бабабекова Д.Ш.
к.э.н., доцент, Ташкентский финансовый институт
bababekova-1973@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЭКОНОМИКИ ЧЕРЕЗ АКТИВНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Ключевые слова: *Узбекистан, активное инвестирование, макроэкономическая стабильность, инвестиционный потенциал, инвестиционный климат, конкурентоспособность, денежно-кредитная политика.*

Современный Узбекистан является частью мирового экономического сообщества, поэтому происходящие интеграционные процессы на международном рынке требуют от национальной экономики создания новых стимулов и перспектив для устойчивого роста экономики, развития структурно-инвестиционного потенциала как прочной основы стабильности страны.

Как правило, инвестиции приводят к повышению производительности, что, в свою очередь, ведет к ускоренному росту. Это приводит к повышению прибыли и дополнительным инвестициям, и в идеальной экономике цикл продолжается. Таким образом, инвестиции являются в некоторой степени ключевым фактором экономического развития.

В нашей стране проводится большая работа по содействию экономическому росту и конкурентоспособности путем развития и привлечения активных инвестиций. Утверждена Государственная программа по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы и «Год активных инвестиций и социального развития»[1]. В области экономического развития и активных инвестиций планируется создание необходимых условий для макроэкономической стабильности, здоровой конкуренции, радикального улучшения делового и инвестиционного климата, значительного сокращения участия государства в экономике, высоких темпов экономического роста, борьбы с теневой экономикой и сокращение ее объема. Предполагается дальнейшая либерализация валютной политики, реализация устойчивой денежно-кредитной политики и стратегических целей экономического развития. Осуществляется подготовка квалифицированных кадров, способных активно участвовать в достижении целей национального развития. В области социального развития планируется сокращение безработицы, увеличение доходов, развитие науки и непрерывного образования, повышение качества и охвата медицинских услуг, расширение социальной поддержки женщин и молодежи, повышение уровня жизни и обеспечение надлежащего жилья, обеспечение занятости и благосостояния, пропаганда здорового образа жизни в обществе, дальнейшее развитие физической культуры и спорта, развитие туризма.

Президент подчеркнул, что важнейшей задачей правительства должно стать безусловное выполнение проектов с прямыми иностранными инвестициями и всесторонняя поддержка иностранных инвесторов. Практика переноса большей части инвестиций на последние месяцы года была сокращена, поскольку в первом полугодии этот показатель увеличился как минимум на 35%, а в первом полугодии – на 70%.[2]

Было объявлено, что будет создана новая система для расширения масштабов ПИИ в регионах и отраслях, а также для создания строгого механизма контроля за их реализацией.

Первое, хокимы регионов посещают район или город каждую неделю и поддерживают связь с послами для организации прямых иностранных инвестиций. Точно так же руководители сети посещают один и тот же регион каждую неделю, чтобы работать над существующими проектами и дополнительными инвестиционными проектами. Премьер-министр и его заместитель регулярно обсуждают состояние иностранных инвестиций в регионах и секторах с участием послов. В результате, губернаторы и лидеры отрасли поощряются или штрафуются до 50% от их заработной платы.

Второе, инвестиционный комитет обобщает и оценивает эффективность инвестиционных проектов по регионам и отраслям и формирует единую базу данных.

Третье, МИД и региональные послы будут привлекать иностранных инвесторов к проектам, включенным в единую электронную базу данных.

Четвертое, Кабинет министров утверждает дорожные карты для реализации выбранных перспективных проектов, заключает соответствующие соглашения с иностранными инвесторами и контролирует их реализацию.

Кроме того, важную роль в развитии национальной экономики будут играть:

– привлечение прямых иностранных инвестиций и инновационных технологий для повышения производственного потенциала экономики республики, а также повышения ее конкурентоспособности;

[1] https://2019.strategy.uz/farmonuz
[2] https://www.spot.uz/oz/2019/01/09/investitsiya/

– поощрение и развитие инвестиционной деятельности путем установления долгосрочных взаимовыгодных партнерских отношений с частными отечественными и иностранными инвесторами;

– оценка инвестиционных предложений, разработка и реализация инвестиционных проектов;

– содействие в улучшении инвестиционного климата, а также продвижении инвестиционного потенциала и возможностей нашей страны за рубежом.

В заключение следует отметить, что вышеуказанные меры по совершенствованию инвестиционно-инновационной активности и развитию человеческого капитала способствуют развитию научно технологического потенциала, устойчивому росту, повышению конкурентоспособности национальной экономики и созданию гарантий экономической безопасности страны.

Багдасарян К.Ю.
к.э.н., доцент, научный секретарь Института экономики НАН Республики Армения
christinbaghda@gmail.com

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ БИЗНЕС-СРЕДЫ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Ключевые слова: *бизнес-среда, глобализация, клиенты, маркетинговые посредники, конкуренты, экономическое окружение, инвестиционный климат, прямые инвестиции, социальная среда.*
Keywords: *business environment, globalization, customers, marketing intermediaries, competitors, economic environment, investment climate, direct investment, social environment.*

Бизнес является важным институтом в обществе. Роль бизнеса является решающей в поставке товаров и услуг, в создании возможностей для трудоустройства, в повышении качества жизни и экономическом росте страны.

Следующее определение является попыткой дать ответ на вопрос, что такое бизнес: «Бизнес – это ни что иное, как человек или группа лиц, должным образом организованная для производства или распространения товаров или услуг»[1].

Исследование бизнеса – это изучение деятельности, связанной с производством или распределением товаров и услуг – покупка, продажа, финансирование, персонал и тому подобное[2].

Практически указанное выше определение верно, но в теоретическом смысле оно неверно. Прежде чем какие-либо действия могут быть рассмотрены в бизнесе, должны существовать как цель получения прибыли, так и риск потери. На наш взгляд, Гроунберг[3] более точно определил бизнес как сложную «область торговли и промышленности, в которой товары и услуги создаются и распределяются в надежде на прибыль в рамках законов и нормативных актов».

Составляющие бизнес-среды:[4]

- Поставщики
- Клиенты
- Маркетинговые посредники
- Конкуренты
- Общество
- Экономическое окружение
- Социальная и культурная среда
- Политическая и правовая среда.

«Ведение бизнеса 2020» является 17 выпуском ежегодного издания Группы Всемирного банка, которое производит оценку правовых норм, способствующих расширению предпринимательской деятельности, а также норм, ограничивающих ее. «Ведение бизнеса» использует количественные показатели, которые оценивают уровень благоприятности правовых норм для предпринимательской деятельности и защиты прав собственности, а также позволяют сопоставить данные для 190 стран, от Афганистана до Зимбабве, по мере их изменения с течением времени.

«Ведение бизнеса» проводит анализ правовых норм, применяемых в отношении частных предприятий по 12 областям их жизненного цикла. В этом году десять из этих областей были включены в совокупный рейтинг благоприятности условий ведения бизнеса. В их число входят:[5]

- «Создание предприятий»,
- «Получение разрешений на строительство»,
- «Подключение к системе электроснабжения»,
- «Регистрация собственности»,
- «Получение кредитов»,
- «Защита миноритарных инвесторов»,
- «Налогообложение»,
- «Международная торговля»,
- «Обеспечение исполнения контрактов»,
- «Разрешение неплатежеспособности».

[1] Abernathy W.J., Clark K.B. Innovation: mapping the winds of creative destruction // Research Policy. 1985. – Vol. 14. – P. 3–22.
[2] Christiansen A.C. Convergence or divergence? Status and prospects for US climate strategy // Climate Policy. 2003. – Vol. 3, N 4. – P. 343–358.
[3] Groenenberg H., Blok K., Sluijs J.P. van der. Global Triptych: a bottom-up approach for the differentiation of commitments under the Climate Convention // Climate Policy. 2004. – Vol. 4, N 2. – P. 153–175.
[4] http://lctpi.wbcsdservers.org/wpcontent/ uploads/2015/11/LCTPi-PWC-Impact-Analysis.pdf
[5] https://russian.doingbusiness.org/ru/reports/global-reports/doing-business-2020

«Ведение бизнеса» также измеряет «Наем рабочей силы» и «Заключение контрактов с правительством» – показатели, которые в этом году не входят в рейтинг[1].

Высокий рейтинг легкости ведения бизнеса означает, что нормативно-правовые условия более благоприятны для создания и функционирования местной фирмы. Рейтинг составляется путем измерения совокупных показателей по 10 темам, каждая из которых состоит из нескольких индикаторов, и оказывает равнозначный эффект на общий рейтинг страны. Рейтинги всех стран определяются по состоянию на май 2019 года.

В 2019 г. по рейтингу легкость ведения бизнеса 1 место занимает Новая Зеландия, 4 – Дания, 5 – Республика Корея, 6 – США.

В 2019 г. Армения заняла 47 место среди 190 стран в опубликованном Всемирным банком и Международной финансовой корпорацией рейтинге, расположившись между Бельгией и Словакии.

Как отмечается в новом докладе Группы Всемирного банка, темпы проведения регуляторных реформ в Европе и Центральной Азии остаются высокими. В 2019 году 19 стран региона в общей сложности провели 65 реформ, направленных на улучшение норм регулирования предпринимательской деятельности.

В 2018 году 19 из 24 стран региона провели в общей сложности 44 реформы, направленные на облегчение условий для ведения бизнеса. На долю региона приходится 17% от общего количества реформ (264), реализованных в мире.

В 2008–2019 гг. в Армении произошли экономические изменения, которые в конечном итоге позитивно повлияли на рейтинг легкость ведения бизнеса. Если в 2008 г. страна занимала 50 место, то в 2019 году страна занимает 47 место по рейтингу легкости ведения бизнеса.

В течение 10 лет главной задачей Правительства была разработка механизмов улучшения делового климата, внедрение инструментов стимулирования иностранных инвестиции в разные секторы экономики РА.

Как показывают данные, приведённые в табл. 1, в 2019 году в нашей стране были проведены 6 и в 2020 году 4 экономических реформы, которые позволили улучшить позицию страны по стимулированию инвестиционных потоков и созданию благоприятного делового климата.

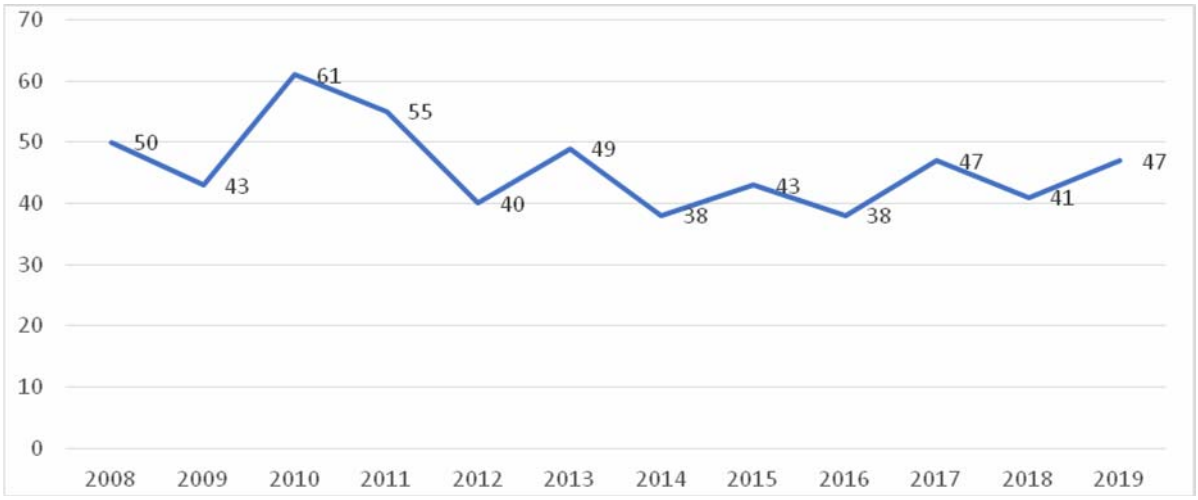

Рисунок 1.
Легкость ведения бизнеса в Армении, 2008–2019 гг.[2]

Таблица 1

Позиции, занимаемые в рейтинге Армении[3]

Страна	Место в рейтинге (1–190)	Показатель легкости ведения бизнеса (0–100)		Количество проведенных реформ	
	2020	2019	2020	2019	2020
Армения	47	73,2	74,5	6	4

Армения упростила процедуру регистрации предприятий посредством отмены регистрационного сбора. В дополнение к этому она упростила систему налогообложения посредством объединения в единый налог на доход всех социальных взносов от работодателей и работников, а также индивидуального подоходного налога.

В условиях рыночной экономики инвестиции играют важную роль в обеспечении устойчивого экономического роста. Инвестиции позитивно влияют на ряд макроэкономических показателей: сокращение безработицы, создание новых рабочих мест, модернизацию и реструктуризации производства, урегулирование платежного баланса и других показателей.

[1] https://russian.doingbusiness.org/ru/reports/global-reports/doing-business-2020

[2] Составлено автором по данным https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings?region=oecd-high-income

[3] Составлено автором по данным https://russian.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Fact-Sheets/DB18/DB18_ECA_Factsheet_RU.pdf

Армянская экономика в значительной степени зависит от внешней торговли, Армения прилагает значительные усилия для привлечения прямых иностранных инвестиций. Правительство Армении проводит политику открытых дверей с режимом наибольшего благоприятствования и осуществляет правовую защиту иностранных инвестиций. Закон «Об иностранных инвестициях»[1] обеспечивает благоприятную бизнес-среду для иностранных инвестиций, разрешает неограниченное участие иностранного капитала в армянских предприятиях и обеспечивает их защиту.

Иностранные инвесторы имеют право осуществлять инвестиции посредством:

- Создания компании, полностью принадлежащей иностранному владельцу (в том числе представительства, филиалы и отделения), или приобретения существующей компании;
- Создания нового совместного предприятия с участием армянских компаний или граждан или приобретения акций существующей компании;
- Приобретения различных видов ценных бумаг;
- Получения разрешений на использование земли или концессионного соглашения для использования природных ресурсов Армении с участием армянских компаний или граждан;
- Приобретения иных имущественных прав.

По данным Центрального банка Армении, общие инвестиции в Армении увеличились с 688,15 млн. долл. США в 2018 году до 1,119 млрд. долл. В 2019 г. При этом прямые иностранные инвестиции в 2019 году увеличились всего лишь на 0.34 млн. долл. и составили 254,48 млн. долл. США (табл. 2).

Таблица 2

Прямые иностранные инвестиции по секторам (млн. долл. США)[2]

Вид деятельности	2018 г.		2019 г.		Абсолютное изменение	
	Чистые потоки [19]		Чистые потоки[19]			
	Общие инвестиции	В том числе прямые	Общие инвестиции	В том числе прямые	Общие инвестиции	В том числе прямые
Общие	688,15	254,15	1119,77	254,48	431,62	0,34
в том числе:						
Растениеводство и скотоводство, охота и сопутствующие услуги	3,78	5,39	2,24	2,73	–1,54	–2,66
Добыча металлической руды	–22,84	0,33	3,35	3,33	26,19	3,00
Горнодобывающая и другие отрасли	–72,75	22,98	17, 21	–4,45	89,96	–27,43
Смежные виды деятельности горнодобывающей промышленности	40, 08	40,18			–40,08	–40,18
Производство напитков	7,43	6,51	8,02	–0,37	0,59	–6,89
Производство недрагоценных металлов	25,88	13,95	–28,64	–14,43	–54,52	–28,38
Поставка электроэнергии, газа, пара и кондиционера	63,55	99,11	326,20	88,19	262,65	–10,92
Наземная транспортная деятельность и транспортировка по трубопроводам	1,93	1,14	3,41	2,32	1,48	1,18
Связь, коммуникации	–2,60	2,36	–29,85	–15,40	–27,25	–17,76
Финансовое посредничество, помимо страхования и пенсионного страхования	630,61	72,55	753,51	132,76	122,89	60,21
Операции с недвижимостью	22,87	28,11	34,18	19,14	11,31	–8,96
Другие виды деятельности	–7,29	–57,85	17,01	10,37	24,30	68,21

Исследуя динамику чистых прямых иностранных инвестиций в последние годы, следует отметить, что инвестиции были сделаны в основном в трех основных областях: «финансовое посредничество», «электричество, газ, пар и воздухоснабжение» и «добыча полезных ископаемых».

По данным Центрального Банка РА, в 2019 годы основными инвесторами в экономику Армении являются Россия (197,4 млн. долл.), далее следуют Кипр (42 млн. долл.), Люксембург (130.8 млн. долл.), Соединенные Штаты (15.7 млн. долл.), Аргентина (1.3 млн. долл.), и другие страны (582,2 млн. долл.). Россия несмотря на снижение инвестиций в экономику РА (в 2019 г. до 55 млн. долл. США) продолжает оставаться крупным инвестором в Армении в 2019 году.

Чтобы создать развитую и сильную экономику, прежде всего, необходимо создать благоприятную и привлекательную инвестиционную среду, которая является основной гарантией привлечения инвестиций и обеспечения долгосрочного экономического роста.

Благоприятный инвестиционный климат способствует частным инвестициям и экономическому росту, создавая возможности для инвестиций частного сектора, создания рабочих мест и достижения долгосрочного успеха в бизнесе.

Таблица 3

[1] https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=34872

[2] https://www.cba.am/Storage/AM/downloads/stat_data_arm/Press-release2019Q4.pdf

Прямые иностранные инвестиции по странам (млн. долл. США)[1]

Страны	2018 г.		2019 г.		Абсолютное изменение	
	Чистые потоки p [19]		Чистые потоки [19]			
	Общие инвестиции	В том числе прямые	Общие инвестиции	Общие инвестиции	В том числе прямые	Общие инвестиции
Общие	688,2	254,1	1119,8	254,5	431,6	0,3
в том числе:						
Российская федерация	146,4	162,2	197,4	55,0	51,0	–107,2
Кипр	38,4	30,1	42,0	20,3	3,7	–9,8
Нидерланды	–66,6	–71,0	–88,1	5,5	–21,5	76,5
Люксембург	25,3	8,7	130,8	24,8	105,5	16,1
Соединенные Штаты	59,0	50,1	15,7	21,5	–43,3	–28,6
Аргентина	–17,7	7,5	1,3	17,7	19,0	10,3
Другие страны:	453,6	–26,7	582,2	35,3	128,6	62,1

[1] https://www.cba.am/Storage/AM/downloads/stat_data_arm/Press-release2019Q4.pdf

Герасименко О.А.
к.э.н., доцент кафедры менеджмента и маркетинга НИУ «БелГУ»

ГЕОМАРКЕТИНГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КОМПАНИЙ

Ключевые слова*: геомаркетинг, оптимальное место продаж, маркетинговый план, стратегическое планирование, конкурентоспособность.*
Keywords*: geomarketing, optimal point of sale, marketing plan, strategic planning, competitiveness.*

Эффективный маркетинговый комплекс содержит совокупность маркетинговых инструментов, использование которых повышает эффективность процесса стратегического планирования открытия бизнеса и тем самым обеспечивает дополнительные конкурентные преимущества. Именно оценка результативности маркетингового плана является важным этапом для понимания целесообразности выбора определенного набора маркетинговых инструментов выстраивания бизнеса, которые позволяют гибко мониторить текущую ситуацию и устранять возникающие недостатки, а также обеспечивать финансовую безубыточность компании[1]. Процесс совершенствования и развития маркетингового плана – это совокупность взаимосвязанных критериев внутренней и внешней среды компании, обеспечивающей устойчивое развитие и конкурентоспособность.

Рациональная деятельность компании выстраивается на основе оценки и разработки дополнительных конкурентных преимуществ, реализуемых с целью достижения обозначенных целей компании с более эффективными результатами, по сравнению со схожими бизнесами компаний конкурентов. Постоянным (фиксированным) фактором при этом остается неизменный процесс эволюции изменений, предопределяющий план действий маркетологов – планирование наиболее оптимального набора действий при выводе на рынок новых товаров/услуг, при разработке результативного маркетингового плана, стратегической целью которого является использование стратегических рыночных возможностей. Маркетинговое планирование, разработка плана маркетинга (marketing planning) – процесс обоснования и осуществления долгосрочных целей и стратегий компании, включающий ряд укрупненных этапов[2]:

- *анализ* конкретной территориальной и рыночной ситуации, маркетинговых возможностей;
- разработка и *реализация* целей, стратегий и *программных мероприятий*;
- формирование сметы стоимости и *бюджета* мероприятий;
- оценка *контроля* за действиями, направленными на достижение поставленных целей (рис. 1).

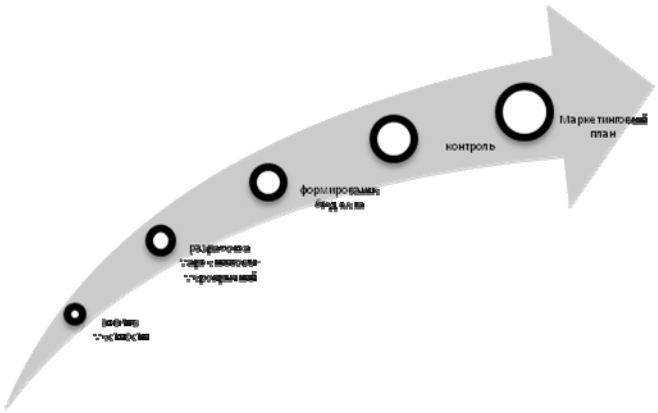

Рисунок 1.
Процесс разработки стратегического маркетингового плана компании

Результатом систематической разработки и развития маркетингового плана является оценка потенциальных маркетинговых возможностей компании для достижения стратегических целей[3]. Планирование маркетинга заверша-

[1] Денисенко И.А., Пономарев А.А. Оценка повышения эффективности маркетинговой деятельности // Вестник Института экономических исследований. 2019. – № 3 (15). – С. 119–125; Бажанова М.А. Методы оценки эффективности маркетинговой деятельности / М.А. Бажанова, Н.В. Федорова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. – № 8. – С. 700–701.

[2] Tkhorikov B.A. Technology of municipal public health service assessment // European Researcher. 2011. – N 11 (14). – P. 1554–1556.

[3] Вуд М.Б. Маркетинговый план: практическое руководство по разработке: пер. с англ. – М.: Вильямс, 2007; Омельченко Е.В., Репкина О.Б. Маркетинговое планирование как ключевой фактор конкурентоспособности предпринимательских структур // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2012. – С. 20–26.

ется детальным набором действий, посредством которых будет внедряться конкурентоспособная стратегия и дополнительные преимущества. Выражением этих действий является концепция маркетинг-микс, включающая определение портфелей товаров услуг, политики продвижения, вопросы ценообразования, каналы распределения, местоположение. Концепция маркетинг-микс – это интегрированная программа конкретных мероприятий продвижения товаров и услуг клиенту, механизм комбинированного использования и размещения затрат в системе рационального сочетания мотивов целевой аудитории и рыночных территориальных особенностей.

В текущей ситуации наблюдается несоответствие разработанных маркетинговых прогнозов, реализуемых маркетинговых программ, современным рыночно-маркетинговым трендам и структуре бизнеса в мировом масштабе. Использование элементов маркетингового планирования в прежней конструкции не способствует развитию производительных сил и общественному воспроизводству экономики. Отрицательными эффектами этой ситуации являются[1]:

- увеличение расходов по статьям хозяйствования компании;
- возникновение общесистемных внешних и внутренних социально-финансовых и иных кризисов;
- нарушение целостности общественно-значимых институтов.

Объективной необходимостью является дополнение и актуализация маркетингового плана научно-методологической базой и трансдисциплинарным комбинированным инструментарием в форме анализа – элементами геомаркетинга, обеспечивающими разработку эффективных маркетинговых планов, определении наиболее эффективных стратегических решений, охватывающих совокупные интересы ключевых стейкхолдеров[2].

С целью более рационального и эффективного использования маркетингового плана в него встраивают технологии геомаркетинга, среди которых:

- отбор оптимального места продаж торговой компании – исследование потока клиентов, наличие прямых и косвенных конкурентов, мониторинг плотности застройки и населения;
- выбор потенциального места продаж – оценка и анализ ближайшей инфраструктуры, нормативно-правовой базы, оценка макроэкономической ситуации и показателей;
- анализ текущей ситуации потребителей – местоположение, уровень доходов и платежеспособности;
- анализ и оценка доли рынка – потенциальная доля на рынке, мониторинг рыночной ситуации;
- удобство, скорость совершения покупки – оптимальное время с позиции владельца для аренды/покупки помещения при открытии компании, оценка рисковых ситуаций;
- использование маркетинговых интегрированных коммуникаций – наглядность наружных источников рекламы.

Представим в табл. 1 основные задачи и границы их решений в области геомаркетинга[3].

Таблица 1

Основные задачи, решений в области геомаркетинга

Задачи в области геомаркетинга	Описательные характеристики
Оценка зон обслуживания	• определение границ транспортной и пешеходной доступности • инструмент анализа – полевые исследования (анализ и выезд на исследуемую территорию), кабинетные (ГИС-технологии, пространственные данные)
Установление трафика	• фиксирование числа клиентов/автомобилей в строго определенное время в обозначенном районе/на определенной территории • анализ и обработка массива пространственных данных, представление трафика в определенном периоде • сегментация трафика
Исследование конкурентов	• оценка месторасположения конкурентов • оценка потенциальной доли рынка и возможностей входа на рынок • систематизация основных и косвенных конкурентов • применение полевых и кабинетных методов исследования • исследование ценовой политики конкурентов
Мониторинг клиентов	• оценка населения исследуемой территории • использование пространственных данных (базы данных клиентов) • мониторинг условий сервиса и предпочтений клиентов

Геомаркетинговые исследования встраиваются в концепцию маркетинг-микс 4P – «Place» (Место). Элемент Место позволяет описывать и выявлять новые, уникальные бизнес-характеристики, исключительные для каждой отрасли бизнеса.

Приобретенная информация позволит решить ряд различных бизнес-задач:

– корректировку (разработку) плана маркетинга для объекта недвижимости, который уже существует;

– ранжирование и сегментирование городских районов по привлекательности для открытия новых точек, а также выбор хорошего места расположения с учетом всех ограничений;

[1] Герасименко О.А., Авилова Ж.Н., Ключевые бизнес-компетенции как экономическая категория // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2016. – № 6. – С. 273–277.

[2] Потехин Н.А., Потехин В.Н. О теории маркетинга нового поколения // Аграрный вестник Урала. 2015. – № 9 (139). – С. 87–92.

[3] Тхориков Б.А., Ломовцева О.А., Герасименко О.А., Саблина О.М., Титова И.Н. Геомаркетинг – новый концепт или прикладной инструмент бизнеса? // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. – № 49. – С. 199–213.

– планирование таргетированной онлайн и офлайн рекламы (сюда входят районы, которые находятся на значительном расстоянии от анализируемого объекта);

– составление геодемографических карт (на карту с географическими объектами накладывают слои, в которых указаны социально-демографические характеристики людей, бывающих или проживающих в указанной зоне с учетом всевозможных временных изменений их передвижения);

– изучение маршрутов движения потребителей с целью определить возможности их изменения;

– проведение анализа поведения клиентов с учетом мест, которые они посетили до или после визита в рассматриваемую компанию;

– оптимизацию логистических решений по доставке реализуемых товаров и прочее.

Гурджанян Ш.А.
аспирант Уральского экономического университета

НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ПЕРСОНАЛА НЕПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Ключевые слова: *«бережливое» производство, непромышленные предприятия, научная организация труда, труд.*

Keywords: *«lean» production, non-industrial enterprises, scientific organization of labor, labor.*

Рассматривая вопросы управления персоналом непромышленного предприятия необходимо отметить, что все современные системы повышения эффективности трудового процесса направлены преимущественно на решение задач промышленных предприятий (преимущественно с серийным характером производства). Однако предприятия сферы торгового и бытового обслуживания также нуждаются в разработке методического инструментария, направленного на повышение эффективности организации труда.

В отечественной и зарубежной практике существует ряд концепций, направленных на повышение эффективности организации труда. Среди них наиболее известными являются «производственная система Тойоты» (TPS), «производство мирового класса» (WCM), «быстро реагирующее производство» (QRM). Как утверждают К. Шипилова и И. Суров, различие QRM и WCM выражено в основных целевых установках – непрерывном улучшении и командной организации труда. Различие же наблюдается в векторной нацеленности: если WCM – это многовекторная концепция, включающая в себя поиск и ликвидацию потерь, то QRM – моновекторная модель, основной целью которой является сокращение именно временного цикла. В то же время QRM и WCM не исключают друг друга, а взаимодополняют [1]. Концепция TPS, изначально была первой в японской системе улучшения организации производства. В. Туркова и Н. Меркушова утверждают, что существует две основных точки зрения на концепцию «бережливого» производства, лежащие в основе TPS. Первая рассматривает «бережливое» производство как концепцию управления, альтернативную массовому производству (сокращение длительности производственного цикла путем избавления от семи видов потерь). В соответствии со второй точкой зрения, концепция «бережливого» производства – это, в первую очередь, философия управления, направленная на постоянное развитие персонала в долгосрочной перспективе [2]. При этом указанные концепции адаптированы их разработчиками для решения производственных задач.

С. Христолюбов, анализируя современные концепции организации производства, утверждает, что концепция Lean Manufacturing (LM), которую автор отождествляет с TPS, используется в тысячах компаний, занимающихся производством, и даже в организациях, не связанных с промышленностью вообще. По его мнению, LM связан со многими методологиями, появившимися в конце XX века, в частности с методологией «Шесть сигм» (Six Sigma), нацеленной на снижение вариабельности процессов и стабилизацию характеристик продукции. «Всеобщее управление качеством» (англ. Total Quality Management, TQM) – общеорганизационный метод непрерывного повышения качества всех организационных процессов. TQM был популярен в конце 80-х и начале 90-х, однако позже уступил ISO 9000, Lean Manufacturing и Six Sigma. Эти методологии, как утверждает автор, содержат множество похожих инструментов и методов, а также похожую философию [3]. Не вступая в дискуссию с С. Христолюбовым, для единства терминологии далее мы будем использовать наименование TPS вместо LM, при том что мы их содержательно не разделяем. Более того, мы считаем, что с точки зрения используемых инструментов принципиальные отличия и между WCM и TPS отсутствуют.

По мнению Л. Игнатовой, производственная система Тойота основывается на трех основных принципах: принцип автономизации; принцип «точно вовремя»; принцип устранения всех видов потерь [4]. Указанные принципы являются достаточно гибкими и могут быть использованы в работе предприятий непромышленной сферы, однако, мы считаем необходимым рассматривать TPS одновременно с еще несколькими моделями. В различных источниках, авторы используют для этого разные критерии. Мы считаем возможным использовать критерии, предложенные Л. Рютиной и Л. Иванниковой. Указанные авторы сравнивают тенденции развития организации труда по направлениям качества трудовой жизни на основе теории социотехнологических систем (STS), быстрореагирующего производства (QRM) и формирования бирюзовых организаций (To). По их мнению, с которым мы соглашаемся, выбор концепций определяется их направленностью на формирование инновационно-активного предприятия, которое способно адаптироваться к изменениям окружающей среды, оставаясь при этом внутренне устойчивым[5].

В табл. 1 наряду с широко известными концепциями представлены концепции управления более психологичного содержания. По нашему мнению, Быстрореагирующее производство (QRM), Производство мирового класса (WCM), Производственная система Тойоты (TPS) – представляют собой инструментальные концепции повышения эффективности производственного процесса, основанные на принципах фордизма. Социотехнологическая система (STS) и Бирюзовая организация (Teal organization) – являются более психологичными, в меньшей мере фордистскими.

Указанные концепции, скорее основываются на методологических принципах теории человеческих отношений Э. Мейо.

Таблица 1

Сравнение подходов к реорганизации внутренней среды предприятия с позиции развития организации труда

Критерий сравнения	Социотехнологическая система (STS)	Быстрореагирующее производство (QRM)	Бирюзовая организация (Teal organization)	Производство мирового класса (WCM)	Производственная система Тойоты (TPS)
Структура управления	низкоиерархичная, руководителю подразделения подчинены полуавтономные группы	ячеистая / продуктовая	динамичная структура межличностных взаимодействий без уровней управления	ячеистая / продуктовая	ячеистая / продуктовая
Разделение труда	частичный отказ от функционального разделения работы, параллелизация трудовых процессов по рыночным сегментам / продуктам / территориям				
Обучение персонала	обучение знаниям и навыкам, необходимым для эффективной работы, стимулирование обучения смежным профессиям		развитие организационной культуры для всего персонала, индивидуально под личную ответственность	обучение знаниям и навыкам, необходимым для эффективной работы, стимулирование обучения смежным профессиям	
Формы занятости	развитие нестандартной занятости на основе гибких графиков работы и удаленного труда			Четкий график, с возможностью взаимозамены отдельными исполнителями	
Участие в принятии решений	самостоятельное распоряжение ограниченными сверху ресурсами рабочей группы, механизмы косвенного участия в управлении		принятие всех решений на основе процедуры консультирования, нет ограничений по объему ресурсов	самостоятельное распоряжение ограниченными сверху ресурсами рабочей группы, механизмы косвенного участия в управлении	
Обогащение и содержательность труда	поливалентность труда, рабочая группа выполняет законченную часть технологического процесса	труд работников ячейки над законченной частью технологического процесса	самоуправляемые команды с плавающими обязанностями отдельных работников, отсутствие руководителей	труд работников ячейки над отдельной частью технологического процесса, ограниченным собственной и соседними ячейками.	
Ротация и возможности карьерного роста	ротация в полуавтономной группе	ротация в многофункциональной ячейке	свободное перераспределение обязанностей в организации с прогрессивной ротацией	ротация в рамках функциональной ячейки.	
	формирование кадрового резерва			формирование кадрового резерва	
Оплата труда	на основе результатов работы полуавтономной группы (коллективный KPI)	на основе конечных результатов ячейки	постоянный оклад (или коэффициенты трудового участия) и равное участие в прибыли	на основе конечных результатов ячейки	

По мнению ряда авторов, социотехнологические системы в современном виде формируются в ответ на неустойчивую и быстро изменяющуюся среду. Применение социотехнологических систем позволяет создать устойчивую адаптивную систему, обладающую свойствами самоорганизации, накопления знаний, структурной простоты, быстрого внедрения инноваций и создания новых продуктов. [6]. При этом использование подобной системы для непромышленных организаций, могло бы представлять существенный интерес, однако найденные нами источники не содержат конкретных инструментов достижения задекларированных в концепции целей.

Применение концепции То в отечественных реалиях видится нам проблематичным. По утверждению создателя концепции, «хотя в бирюзовых организациях нет боссов, это не предприятия без лидеров». По нашему мнению, у бирюзовых организаций на самом деле больше лидеров, чем у их иерархических коллег. В такой компании каждый является менеджером, потому что каждый несет ответственность за ресурсы, необходимые для выполнения работы, и за привлечение коллег к реализации миссии компании. [7]. Не вступая в спор относительно универсальности данной концепции, мы считаем важным отметить, что к ее применению в условиях отечественных реалий не готовы как российские менеджеры, так и сами работники.

Мы считаем, что хотя непроизводственная сфера не в полной мере организационно-управленчески соответствует концепции фордизма (тейлоризма), использование в ней принципов управления, основанных на концепциях lean-менеджмента, будет более эффективным.

Следует отметить, что возврат к принципам организационного совершенствования Тейлора обусловлен еще и тем, что на современном этапе в непромышленной сфере практически отсутствуют аналитически разработанные нормы труда, а существующие часто утратили актуальность. В силу этого следует обратить внимание на исторический опыт. Как пишет А. Алехнович, Ф. Тейлором была предложена определённая схема, с помощью которой предприятие

может осуществить переход от старой системы управления на предприятии к научной организации труда. Она включает в себя 5 последовательных этапов.

Первый этап заключается в отборе 10–15 работников предприятия, которые являются наиболее производительными, для последующего анализа их работы.

На втором этапе проводится исследование работы испытуемых, изучается то, как они выполняют простейшие операции и как выполняют наиболее сложные, анализируется эффективность их обращения с техникой, применяемой на данном предприятии.

Третий этап предполагает учёт времени, требуемого для совершения каждой отдельной операции, и определение самого быстрого и продуктивного способа работы.

На четвёртом этапе происходит объединение информации и выработка мер для устранения действий, которые негативно влияют на производительность труда.

Пятый этап основан на подведении итогов и выработке определённых стандартов производства. Руководство предприятия должно довести до трудящихся сведения по наиболее эффективной выработке продукции, объяснить, как лучше соединить способности рабочего с инструментами труда [10]. Несмотря на то, что концепт «производительность» для непромышленной сферы имеет несколько иное значение, тем не менее, логический подход к анализу Тейлора, видится нам в полной мере применимым. При этом, безусловно, необходима поправка на то, что со времен Тейлора содержание труда (особенно в непромышленной сфере) существенно обогатилось творческой составляющей.

Рассматривая влияние творческой составляющей на совершенствование организации производства в условиях непромышленного предприятия, целесообразно использовать классификацию, предложенную Б.М. Генкиным, в которой представлены три вида труда: регламентированный (α-труд), творческий (β-труд) и духовный (γ-труд).

Эта классификация дополнена Б.Ю. Сербиновским и А.С. Чуриным, которые разделили β-труд на две составляющие:

– β_1-труд. В его основе лежат ограниченные (недостаточные для более глубинного творческого поиска) творческие способности человека, которые в практике реализуются как способности человека творчески изменять регламентированные процессы и результаты производства товаров и услуг на основе известных знаний, выбирать лучший или приемлемый вариант процессов и результатов хозяйственной деятельности предприятия. Такой труд в большей мере соответствует инженерной деятельности;

– β_2-труд, который предполагает использование творческих способностей для создания новых знаний и новых, ранее неизвестных, вариантов реализации процессов и результатов хозяйственной деятельности предприятия. Результатом этого подвида труда являются знания и формы с высоким уровнем новизны для использования в хозяйственной практике и на рынке, защищаемые как объекты интеллектуальной собственности. Часть таких результатов может быть эффективно использована только в долгосрочной перспективе (цит. по [11]).

Однако, по нашему мнению, предложенного деления явно недостаточно. Особенно остро указанная нехватка прослеживается на предприятиях непромышленной сферы. Мы считаем, что необходимо говорить о еще одной разновидности – β_3-труд, который предполагает использование творческих способностей для решения текущих задач связанных с хозяйственной деятельностью предприятия. Основными видами такого труда является продвижение, реклама, дизайн (при оказании парикмахерских и других услуг). Именно труд β_3 является наиболее значимым для предприятия непроизводственной сферы, однако для определения совокупных трудозатрат Р. Боташев предлагает выражение вида (1)

$$A - труд + \beta 1 - труд + \beta 2 - труд + У - труд + П \quad (1),$$

где П – предпринимательские способности работника.

Мы считаем предложенный вариант не универсальным, поскольку не каждый работник в ходе своей профессиональной деятельности должен использовать все виды труда (например, β_2, или предпринимательские способности). В рамках процесса улучшения производства, труд β_2, возможно и будет проявляться, но эта деятельность явно выходит за круг предписанных (регламентируемых) производственных заданий, а соответственно, не является частью собственно продуктивного труда (по сути это дополнительный труд, хобби).

При этом сотрудник непромышленной компании не может не использовать одновременно α-труд и труд β_3. В отдельных случаях, востребованным является и применение предпринимательских способностей. Высокое значение в данной сфере (особенно в сфере обслуживания) имеет γ-труд. Как поясняет его автор теории, «этот ресурс — не что иное как совесть — то, что И. Кант называл «нравственным законом во мне»» [12, с.149]. Не вступая в дискуссию о корректности признавать морально-психологические свойства индивида трудом, следует сказать, что для анализируемой сферы наличие указанных свойств личности является неотъемлемой частью успешности трудовой деятельности в рамках иных (по Генкину) видов труда.

Таким образом, процесс труда в непроизводственной сфере, может быть представлен как совокупность (сумма) (2):

$$\alpha\text{-}труд + \beta_3\text{-}труд + \gamma\text{-}труд + П \quad (2)$$

Перейдя к описанию психологических составляющих трудового процесса, следует отметить, что вопросы психологизма труда, поднимал еще М. Бернард, а в дальнейшем и О. Ерманский. Последний указывал, что психология труда – это научная организация труда [13, с.5]. Именно научная организация труда (НОТ) объединяет в себе экономические, психофизиологические и психологические параметры управления.

В состав НОТ, согласно В.В. Адамчуку [15], входят следующие элементы (направления деятельности):

1. Распределение и кооперация труда;

2. Всестороннее развитие личности и создание благоприятного психологического климата в коллективе;

3. Создание условий для бесперебойной, высокопроизводительной и содержательной работы каждого исполнителя и их коллективов в целом;

4. Обеспечение комфортных условий труда и безопасности как отдельного исполнителя, так и окружающих его работников;

5. Правильное сочетание материального и морального стимулирования высокопроизводительного и рационально организованного труда;

6. Создание оптимальных условий для проявления творческой инициативы и самодеятельности работников в направлении достижения экономии рабочего времени, решении психофизиологических и социальных вопросов, имеющих отношение к данному трудовому коллективу [15, с. 7].

Процесс управления персоналом в отличие от общего управленческого процесса, хоть и состоит из четырех общеизвестных элементов (планирование, организация, мотивация и контроль), но носит принципиально непрерывный характер, при том, что для успешного осуществления управленческой деятельности на различных этапах необходим различный набор инструментов воздействия.

Рисунок 1.
Система управления, основанная на использовании инструментов HOT и lean

Список представленных на рис. 1 инструментов не является исчерпывающим, он может быть дополнен в зависимости от конкретного состояния и целей организации. При этом необходимо отметить, что в рамках концепции HOT мы предлагали укрупненные блоки деятельности (по Адамчуку), в то время как по lean – конкретные инструменты, взятые из опыта производственной системы Тойота.

Список литературы

1. Шипилова К.В., Суров И.А. Разработка модели взаимодействия концепции контроллинга, QRM и WCM // Вестник ЧелГУ. 2016. – № 11 (393). – https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-modeli-vzaimodeystviya-kontseptsii-kontrollinga-qrm-i-wcm
2. Туркова В.В., Меркушова Н.И. Анализ практического опыта реализации концепции TPS на российских предприятиях // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. – № 24. – https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prakticheskogo-opyta-realizatsii-kontseptsii-tps-na-rossiyskih-predpriyatiyah
3. Христолюбов С. Современные методологии управления производством. – https://habr.com/ru/post/234687/
4. Игнатова Л.В. Особенности применения производственной системы Тойота // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. – № 5 (15). – https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-proizvodstvennoy-sistemy-toyota
5. Рютина Л.Н., Иванникова М.В. Теоретико-методологические подходы к формированию научной организации труда // Образование и педагогические науки в XXI веке: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2017. – С. 70–72.
6. Мизя М.С., Потуданская В.Ф. Эволюционное развитие теории социотехнологических систем // Российское предпринимательство. – М., 2013. – № 7 (229). – https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnoe-razvitie-teorii-sotsiotehnologicheskih-sistem
7. Лалу Фр. Открывая организации будущего / Перевод с англ. В. Кулябиной. 3-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 422, [1] с.
8. McGregor D. Human Side of Enterprise // Management Review. 1957. – N 11. – P. 41–49.

9. Трилиская Я.С. Применение модели Уильяма Оучи для анализа системы контроля в современных организациях // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. – № 3, ч. 1. – http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4458
10. Алехнович А.Ю. Принципы научной организации труда Тейлора как способ улучшения показателей производства // Беларусь 2030: государство, бизнес, наука, образование материалы 4-ой Международной научной конференции / Белорусский государственный университет. 2017. – С. 30–33.
11. Сербиновский Б.Ю., Калмыкова Н.Г., Боташев Р.А. Развитие самозанятости населения и проблема нормирования творческого труда в R@D-организациях: теоретико-методологический аспект анализа процесса создания нового знания, продукта, технологии и техники. Ч. 1 // ИВД. 2013. – № 1 (24). – https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-samozanyatosti-naseleniya-i-problema-normirovaniya-tvorcheskogo-truda-v-r-d-organizatsiyah-teoretiko-metodologicheskiy-aspekt-1
12. Генкин Б. М. Экономика и социология труда: учеб. для вузов. 7-е изд., доп. – М.: Норма, 2007. – 448 с.
13. Мессио Б.. Рациональная организация труда и психология / Пер. с англ. В. Перазича, с предисл. О.А. Ерманского. 2-е изд. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. – 232 с. – (Библиотека по научной организации труда / Под общ. ред. О. Ерманского).
14. Потеева М.А., Водолазов Д. Научная организация и оплата труда на предприятии // Экономический базис развития науки и технологий в России: сборник трудов Международной научной конференции. 2018. – С. 312–315.
15. Организация и нормирование труда: учебное пособие для вузов / Под ред. В.В. Адамчука. – М.: Финстатинформ, 2000. – 301 с.
16. Чумак Е.В., Ядранский Д.Н. Труд и социальная ответственность: диалектическая связь // Финансовая экономика. 2018. – № 5. – С. 1015–1018.
17. Ядранский Д.Н. Производственная культура «с нуля»: алгоритм внедрения // Актуальные проблемы экономики и управления: сборник статей Седьмой всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. М.Н. Игнатьева, Л.А. Мочалова. 2019. – С. 61–64.

Дудко Е.Н.,
Савенко С.В.[1]

РАЗВИТИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КРЕАТИВНОЙ ИНДУСТРИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: *креативная экономика, креативные индустрии, креативные товары, креативные услуги, объекты интеллектуальной собственности.*

Keywords: *creative economy, creative industries, creative goods, creative services, intellectual property.*

Креативные индустрии в современном мире являются фактором развития экономики и торговли. Креативная экономика вносит значительный вклад в мировой валовой внутренний продукт. Креативные индустрии постепенно становятся мощным экономическим сектором, который может укрепиться за счет все большего развития сектора услуг и цифровизации мировой экономики [1].

Не существует единого определения креативной индустрии, как и креативной экономики. Согласно ЮНКТАД, креативная экономика основывается на взаимодействии человеческого творчества, интеллектуальной собственности, знаний и технологий.

Широкое применение получило определение креативной экономики, которое было дано инновационным фондом «Неста», а именно: «это секторы, которые специализируются на использовании творческого таланта для коммерческих целей» [3].

Понимание экономической креативной экономики существенно отличается в разных странах. В большей степени понятие «креативной экономики» связано с искусством и культурой. Вместе с тем, существует определение, которое включает в себя устоявшиеся бизнес-отрасли, такие как издательская деятельность, разработка программного обеспечения и дизайн.

Сегодня креативные индустрии относятся к числу наиболее динамичных секторов мировой экономики и предоставляют развивающимся странам новые возможности для быстрого перехода в новые высокотехнологичные секторы мировой экономики.

Одна из первых попыток оценить значение креативной индустрии в экономике была предпринята британским правительством в конце 1990-х годов. В 1998 году Министерство культуры, СМИ и спорта Великобритании опубликовало документ «Креативные индустрии – аналитический документ», в котором были перечислены 13 видов креативной деятельности – реклама, архитектура, рынок искусства и антиквариата, ремесла, дизайн, дизайнерская мода, кино, программное обеспечение для интерактивного досуга, музыка, исполнительное искусство, издательское дело, программное обеспечение, телевидение и радио. В докладе было отмечено, что эти виды деятельности происходят «от творчества, мастерства и таланта индивида и … имеют потенциал для повышения благосостояния через создание интеллектуальной собственности». Концепция интеллектуальной собственности рассматривалась как центральная в контексте творческих индустрий.

Еще в 2008 году ЮНКТАД привлек внимание к значению креативной экономики в мировом хозяйстве. В докладе этой организации отмечалось, что «взаимодействие между творчеством, культурой, экономикой и технологиями, выражающееся в способности создавать и распространять интеллектуальный капитал, может генерировать доход, рабочие места и экспорт, в то же время способствуя социальной интеграции, культурному разнообразию и развитию человека. Это то, что зарождающаяся креативная экономика начала делать» [4].

Британский инновационный фонд «Неста» (Nesta) в своем докладе «Креативность и роботизация» на основе исследования, проведенного в 2015 г., показал, что творческий сектор в некоторой степени невосприимчив к снижению занятости: 86% «высоко креативных» рабочих мест в США и 87% в Великобритании не имеют или имеют низкий риск сокращения из-за роботизации [5].

По классификации ЮНКТАД креативные индустрии объединены в 4 группы.

Согласно методологии ООН, в соответствии с «Гармонизированной системой описания и кодирования товаров», к креативным относятся товары и услуги следующих категорий: художественные промыслы; аудиовизуальные

[1] Дудко Екатерина Николаевна – к.э.н., доцент кафедры международного бизнеса, Белорусский государственный экономический университет (БГЭУ), Минск. **Области научных интересов**: экономические аспекты интеллектуальной собственности и их влияние на расширение экспорта, международная лицензионная торговля, устойчивое развитие национальной экономики и ее интеграция в мировое хозяйство.

Савенко Светлана Викторовна – ассистент кафедры международного бизнеса, БГЭУ. Области научных интересов: международная торговля услугами, внешнеэкономическая деятельность предприятий, таможенно-тарифное регулирование, международные перевозки грузов.

средства; дизайн; цифровое производство; новые СМИ; исполнительное искусство; издательское дело; изобразительное искусство [7].

Таблица 1

Креативные индустрии

Культурное наследие	Искусство	Медиа	Функциональные продукты и услуги
Традиционные формы проявления культуры: Художественные промыслы Фестивали Празднования	*Изобразительное искусство:* Живопись Скульптура Антиквариат Фотография	*Издательское дело и печатные СМИ:* Книги Газеты Пресса и др. издания	*Дизайн:* Интерьерный Графический дизайн Мода Ювелирные изделия Игрушки
Объекты культурного значения: Памятники Монументы Музеи Библиотеки Архивы и т.д.	*Исполнительское искусство:* Живая музыка Театр Танцы Опера Кукольный театр цирк	*Аудиовизуальные средства:* Фильмы Телевидение и радиовещание Новые СМИ: Оцифрованные материалы Программное обеспечение Видео игры Анимации	*Креативные услуги:* Архитектура Реклама Креативные НИОКР Услуги в области культуры Цифровые услуги

Источник: [4].

Одновременно, к креативным услугам (для стран, использующих Расширенную классификацию услуг в платежном балансе (EBOPS)) относятся:

– реклама, исследование рынка и услуги по изучению общественного мнения (EBOPS 278);

– архитектурные, инженерные и другие технические услуги (EBOPS 280);

– научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (EBOPS 279);

– услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха (EBOPS 287);

– аудиовизуальные и связанные с ними услуги (EBOPS 288);

– прочие услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха (EBOPS 897) [8].

Для остальных стран производство креативных услуг измеряется в соответствии с Руководством по платежному балансу и международной инвестиционной позиции (РПБ 6), а именно:

– лицензии за использование результатов НИОКР;

– лицензии для производства и/или реализации компьютерного программного обеспечения;

– лицензии для производства и/или реализации аудиовизуальных и связанных с ними продуктов;

– компьютерные услуги, программное обеспечение;

– информационные услуги;

– научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы;

– архитектурные услуги;

– аудиовизуальные и связанные с ними услуги;

– прочие услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха [9].

Стремительное возрастание роли креативной экономики предопределено преимуществами, получаемыми от ее развития, а именно тем, что ее отрасли могут повышать не только экспортный потенциал, занятость, производительность, но и конкурентоспособность отдельно взятой страны.

Динамика производства креативных товаров и услуг на мировом рынке характеризуется устойчивым ростом. Несмотря на финансовый кризис 2008 года, средний темп прироста за период с 2003 по 2015 год составил 7,34% [10].

По данным ЮНКТАД, креативная экономика вносит значительный вклад в мировую торговлю. Мировой экспорт креативных товаров и услуг вырос с 208 млрд. долл. США в 2002 году до 509 млрд. долл. США в 2015 году, увеличившись почти в 2 раза за 13 лет. Но в 2015 году темп роста экспорта снизился (почти на 14% по сравнению с 2014 годом). Это можно частично объяснить снижением спроса в развитых странах, политическими конфликтами и экономическими противоречиями.

США, Канада и Европа являются лидирующими поставщиками креативных товаров и услуг среди развитых стран.

Среди развивающихся стран лидерами по экспорту являются Китай и страны Юго-Восточной Азии (Гонконг, Сингапур, Индия, Таиланд, Малайзия, Тайвань, Турция). Нельзя не отметить, что экспорт Китая превосходит в 4,3 раза экспорт США, которые находятся на втором месте в списке.

Дизайнерские товары и услуги (мода, интерьерный дизайн и ювелирные изделия) составляют 54% всего экспорта креативных товаров. Товары изобразительного искусства, включая антиквариат, картины и фотографии, – 17%. Публикации, включая книги и газеты, а также новые СМИ, являются быстрорастущим сектором креативных индустрий и вместе составляют 16,5% общего экспорта из развитых стран в 2015 году [10].

По данным ЮНКТАД, среди всех развивающихся стран лидерами по экспорту креативных товаров и услуг являются Китай, Гонконг, Индия, Сингапур, Тайвань, Турция, Польша, Таиланд, Малайзия, и Мексика. Дизайнерские товары и услуги (мода и аксессуары, интерьерный дизайн, игрушки и ювелирные изделия) составляют 70% экспорта. Затем следуют художественные промыслы и новые СМИ, вместе составляя 20% общего экспорта из развивающихся

стран. Среди транзитивных экономик на первом месте по экспорту находится Россия, затем Украина и Беларусь. Общий экспорт креативных товаров из стран с переходной экономикой составил 3 млрд. долл. США в 2015, однако, средний темп прироста составил 7,87% в 2005–2015 гг.

Доля Республики Беларусь, как и других стран с переходной экономикой, в мировой креативной экономике не велика. Однако объем торговли креативными товарами и услугами в экономике нашей страны постоянно увеличивается. Так, например, экспорт креативных товаров и услуг с 2005 по 2014 гг. увеличился в 2,2 раза. Стоит отметить, что в данном секторе Беларусь имеет положительное сальдо. Но оно имеет тенденцию к сокращению в связи с наращиванием импорта креативных товаров и услуг. Доля креативных товаров и услуг в белорусском экспорте в 2014 году составила 1,7%, а в импорте – 1,54%. Дизайнерские товары, печатные издания и ремесленные изделия преобладали в экспорте белорусских креативных товаров в 2005–2014 гг. Среди импортируемых товаров креативной экономики в Беларуси большую долю также занимают дизайнерские товары (371 млн. долл. США), ремесленные изделия (85 млн. долл. США) и печатные издания (82 млн. долл. США). По оценкам экспертов, чтобы экономика страны в полной мере получала отдачу от человеческого потенциала, в креативных индустриях должно трудиться не менее 10% работников [10].

Современная экономика развитых стран – это экономика, основанная на знаниях, инновационных решениях, источником и механизмом развития которой является интеллектуальная деятельность, обеспечивающая в конечном итоге создание ОИС.

Согласно ст. 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь ОИС являются результаты интеллектуальной деятельности; средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; другие результаты интеллектуальной собственности.

В отличие от обычных товаров ОИС определяются не только внешним видом и технико-экономическими характеристиками. В качестве объекта экономических отношений ОИС характеризуются следующими специфическими чертами:

– имеют невещественную форму. В случае принятия решения об использовании ИС или выведения на рынок должны быть материализованы, т. е. зафиксированы на каком-либо носителе;

– ИС обладает свойством новизны;

– использовать ИС имеют возможность одновременно безграничное число потребителей;

– права на ОИС ограничены во времени и пространстве: действия их ограничены определенным сроком, установленным законом и территорией – пределами государств, где объект получил свой правовой статус;

– неподверженность ИС физическому износу при высоком уровне риска морального износа, который наступает в связи с созданием нового объекта ИС, удовлетворяющего такую же потребность, но на более высоком уровне;

– имеют инвестиционный характер;

– ОИС участвуют в процессе коммерциализации [11].

Заключение. Креативная экономика представляет собой сочетание творческой и коммерческой деятельности. Креативная экономика вносит значительный вклад в мировой валовой внутренний продукт. Мировая торговля креативными товарами и услугами динамично развивается под влиянием цифровых инноваций. Активными участниками торговли являются США и Китай. Китай имеет наибольшее положительное сальдо, в то время как США – наибольшее отрицательное сальдо в торговле креативными товарами и услугами. Несмотря на небольшую долю в мировой торговле креативными товарами Республики Беларусь, объем торговли креативными товарами постоянно увеличивается в нашей стране. Ценность интеллектуальной собственности как объекта креативной индустрии заключается в новизне, изобретательстве, способности развивать отрасли, приносить дополнительную прибыль, увеличивать добавленную стоимость.

Список литературы

1. How the creative economy can help power development. – https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2230&Sitemap_x0020_Taxonomy=UNCTAD%20Home;#1547;#Creative%20Economy%20Programme
2. Creative Economy Programme. – https://unctad.org/en/Pages/DITC/CreativeEconomy/Creative-Economy-Programme.aspx
3. A Manifesto for the Creative Economy // Официальный сайт Nesta. –https://www.nesta.org.uk/report/a-manifesto-for-the-creative-economy/
4. Creative Economy Report 2008 / UNCTAD. – https://unctad.org/en/docs/ditc20082cer_en.pdf
5. Creativity vs Robots // Официальный сайт Nesta. –https://media.nesta.org.uk/documents/creativity_vs._robots_wv.pdf
6. Турбан Г. В. Развитие креативных индустрий в современной экономике // Институциональные основы экономики опережающего развития: материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. Л.Г. Батраковой. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет, 2019.
7. Harmonized Commodity Description and Coding Systems (HS) / United Nation International Trade Statistics. – https://unstats.un.org/unsd/tradekb/Knowledgebase/50018/Harmonized-Commodity-Description-and-Coding-Systems-HS
8. Extended Balance of Payments Services Classification / UN Statistics. – https://unstats.un.org/unsd/classifications/Family/Detail/101
9. IMF Sixth Edition of the IMFs Balance of Payments and International Investment Position Manual // IMF official web-site. – https://imf.org/external/pubs/ft/bop/2007/bopman6.htm
10. Creative Economy Outlook Report 2018 / UNCTAD. – https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditcted2018d3_en.pdf
11. Дудко Е. Н. Международная торговля объектами интеллектуальной собственности: учебно-методическое пособие / Е.Н. Дудко, Г.В. Турбан, П.А. Замбрижицкая. – Минск: РИВШ, 2020. – 92 с.

Журавель В.П.[1]

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

***Ключевые слова**: Северный морской путь, Арктика, Россия, Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Росатом, НОВАТЭК, атомные ледоколы, грузоперевозки, «Ямал-СПГ», СПГ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Сабетта, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Архангельская область, Мурманская область, ПАО «НОВАТЭК», ПАО «ГМК «Норильский никель», ПАО «Газпром нефть», Большая Евразия, Суэцкий канал, Китай, Япония, Республика Корея, Сингапур, Италия, Франция, Швеция, Австрия, Германия, Арктический совет.*

***Keywords:** Northern sea route, Arctic, Russia, Ministry of the Russian Federation for the development of the far East and the Arctic, Rosatom, NOVATEK, nuclear icebreakers, cargo transportation, «Yamal LNG», LNG, Yamal-Nenets Autonomous district, Sabetta, Nenets Autonomous district, Chukotka Autonomous district, Republic of Sakha (Yakutia), Arkhangelsk region, Murmansk region, PJSC NOVATEK, PJSC MMC Norilsk Nickel, PJSC Gazprom Neft, Greater Eurasia, Suez canal, China, Japan, Republic of Korea, Singapore, Italy, France, Sweden, Austria, Germany, Arctic Council.*

Введение

Арктика – важнейший стратегический регион для России. Поэтому не случайно его освоению и развитию арктических транспортных коммуникаций сегодня придается такое большое значение. И ключевую роль здесь играет Северный морской путь (СМП).

В последнее время тема развития СМП и освоения Арктики привлекает к себе все большее внимание как в России, так и во всем мире. Многие ведущие эксперты полагают, что за этой кратчайшей транспортной артерией, связывающей Европу и динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион, – будущее мировой морской логистики и торговли[2]. В то же время высказываются опасения, что ряд геополитических факторов и естественных ограничений могут снизить конкурентоспособность СМП по сравнению с традиционными маршрутами[3].

Национальный аспект Северного морского пути

Северный морской путь – это единственный судоходный маршрут, связывающий все арктические и субарктические регионы Российской Федерации. Более того, вместе с многочисленными реками, впадающими в Северный Ледовитый океан, он представляет собой единую транспортную систему, соединяющую территорию России как с Запада на Восток, так и по линии Север – Юг. Традиционно СМП связан с ключевыми промышленными кластерами страны: Норильским комбинатом; Восточно-Сибирским нефтегазовым комплексом; предприятиями Якутии, Магадана, Чукотки (добыча золота, цветных и редких металлов); лесоэкспортирующими предприятиями Архангельской области. От его развития напрямую зависит освоение и транспортировка энергетических ресурсов Тимано-Печорской провинции, Обской губы, Ямала и Гыдана, шельфов Баренцева и Карского морей.

Принципиальное значение имеет правовая норма, определяющая СМП как «исторически сложившуюся национальную транспортную коммуникацию Российской Федерации», судоходство в акватории которой осуществляется в соответствии с общепризнанными нормами международного права, международными договорами России и положениями ее национального законодательства[4].

---

[1] Журавель Валерий Петрович – к.п.н., доцент, в.н.с., руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН. E-mail: zhvalery@mail.ru

[2] Дмитриева С.И., Полянский М.А. Арктический регион в контексте интересов российской внешней политики// Журнал российского права. – М., 2017. – № 3. – С. 148–157; Лукин Ю.Ф. Северный морской путь: возможности и угрозы // Вестник МГТУ. – М., 2015. – Т. 18, № 3. – С. 467–475; Сунь Сювэнь. Потенциал международного сотрудничества РФ и КНР в Арктике: сравнительный анализ национальных интересов // Социально-политические науки. 2017. – № 3. – С. 12–17; Тодоров А.А. Международный транзитный потенциал Северного морского пути: экономический и правовой аспект // Проблемы национальной стратегии. – М., 2017. – № 3. – С.149–171.

[3] Гутман С.С., Конников Е.А., Кузнецов Р.А. Развитие Северного морского пути как элемента системы международных транспортных коридоров // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. – № 1. – С. 50–58; Писарева Л.Ю., Кондратьева В.И. Геополитическая конфронтация интересов в Арктике между Россией и зарубежными странами: аналитический обзор // Экономика Востока России. 2017. – № 1. – С. 70–78; Смаль С.В., Ильясов Р.М. Северный морской путь: проблемы стратегического развития и перспективы международного использования // Общество: политика, экономика, право. 2018. – № 6. – С. 14–16.

[4] Федеральный закон РФ от 28 июля 2012 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути».

Развитие СМП и освоение, на этой основе, богатств Арктики является, по сути, важнейшей национальной задачей, сопоставимой по масштабам и общегосударственной значимости с ключевыми национальными проектами.

В целях обеспечения безопасности мореплавания, а также предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды с судов Федеральным законом определяется содержание правил судоходства в акватории СМП. Кроме того, Федеральным законом устанавливается плата за ледокольную проводку судна, ледовую лоцманскую проводку судна в акватории Северного морского пути, размер которой определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации о естественных монополиях исходя из объёма фактически оказанных услуг.

На основе принятых законодательных норм формируется единая система управления в акватории Северного морского пути и современная инфраструктура, обеспечивающая безопасные условия плавания в арктических морях, включая навигационно-гидрографическое и гидрометеорологическое обеспечение, а также ледокольное и ледовое лоцманское сопровождение, постоянный контроль за местоположением судов.

Принятые меры способствовали значительному росту объема грузоперевозок по СМП. В 2016 г. объём перевозок составлял 7,5 млн. т[1], в 2017 г. было перевезено 10,7 млн. т[2], в 2018 г. 19,689 млн. т[3], в 2019 г. объём перевозок грузов составил 30 млн. т при плановом показателе 26 млн. т[4].

Во исполнение Федерального закона от 27.12.2018 № 525-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» госкорпорация «Росатом» приняла функционал единого инфраструктурного оператора Северного морского пути.

Много внимания уделяется вопросам обеспечения экологической безопасности арктических морей и прибрежного шельфа, в том числе в рамках ежегодных комплексных учений МЧС России по борьбе с возможными последствиями экологических катастроф и разливов нефти.

Развитие СМП неразрывно связано с вопросами обеспечения военной безопасности в Арктике, которым в последние годы уделяется должное внимание.

Севморпуть является связывающим звеном между европейскими и азиатскими государствами[5] и арктическим вектором для стран Большой Евразии. Вместе с тем, для СМП, по мнению экспертов, характерен ряд негативных факторов, существенно снижающих его преимущества в реализации интеграционных процессов в Арктике. Состояние его береговой инфраструктуры, созданной в советское время, таково, что не подлежит модернизации, а требует качественного обновления. По уровню развития транспортной инфраструктуры российская Арктика представлена двумя неравнозначными территориями. В западном секторе сформирована достаточно разветвленная система автомобильных и железных дорог, круглогодично связанная с наземными транспортными коммуникациями всей страны и арктическими морскими портами. В восточном секторе круглогодичные наземные транспортные пути с выходом на общероссийскую сеть отсутствуют, а имеются лишь тупиковые железнодорожные ветки небольшой протяжённости и дороги низких категорий (зимники). Пришла в негодность значительная часть причалов, портового оборудования и грузоперевалочных площадок. В целом по российской Арктике значительно сократилось число гидрометеорологических станций, в результате этого заметно уменьшилась точность все видов прогнозов. Все порты Арктического бассейна (кроме незамерзающего Мурманска) большую часть года работают в условиях низких температур и покрытой льдом акватории, что требует для обеспечения нормальной работы в их акваториях наличия портовых ледоколов. Есть проблемы с современным картографическим обеспечением. Существующие высокие тарифы, налоги и таможенные пошлины на СМП пока не способствуют экономическому развитию АЗРФ и ее транспортному обеспечению. Необходимо проведение дноуглубительных работ в портах для возможности захода крупнотоннажных судов, создание современных перегрузочных транспортных узлов[6]. Из 71 порта на трассе Северного морского пути 66 имеют загрузку менее 100 тыс. тонн или не функционируют вовсе[7].

Есть надежда, что принятые Основы государственной политики РФ в Арктике до 2035 г. позволят разрешить многие накопившиеся вопросы.

Первостепенное значение для перспектив СМП имеет обновление и развитие ледокольного флота. Продолжительная и суровая зима является главным препятствием для прохода судов на значительных отрезках пути. Наиболее трудные условия плавания складываются в Таймырском и Айонском ледовых массивах, что значительно сокращает период навигации в восточном направлении от Обской губы и Диксона. В акватории СМП сегодня действует восемь линейных ледоколов. В настоящее время Балтийский завод строит три атомных ледокола проекта 22220: «Арктика», «Сибирь» и «Урал» (водоизмещение – 33,54 тыс. тонн, назначенный срок службы – 40 лет). Они станут самыми боль-

---

[1] Лукин Ю.Ф. Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов. – Архангельск, 2019. – С. 93.

[2] Подведение итогов деятельности Администрации СМП за 2017 год // Сайт администрации СМП. 12.01.2018. – http://www.nsra.ru/ru/glavnaya/novosti/n19.html

[3] Савосин Д. Объём перевозок по СМП в 2018 г. увеличился в 2 раза. – https://neftegaz.ru/news/view/179802-Obem-perevozok-po-SMP-v-2018-g.-uvelichilsya-v-2-raza

[4] Объём перевозок грузов по Севморпути достиг 30 млн тонн. 13.01.2020. – https://sudostroenie.info/novosti/29125.html

[5] Вардомский Л.Б. Северный морской путь как механизм обеспечения связанности Большой Евразии // Мир перемен. – М., 2019. – № 2. – С. 129–140.

[6] Губа О.П., Севостьянова Е.С., Гриб А.И. Проблемы и перспективы экономического развития Северного морского пути // Экономика устойчивого развития. 2018. – № 2. – С. 40-45; Богачев В.Ф., Козьменко С.Ю., Тесля А.Б., Щеголькова А.А. Развитие арктической системы коммуникаций как фактор обеспечения гарантированного доступа к стратегическим ресурсам // Управленческие науки. 2018. – Т. 8, № 3. – С. 6–19; Егоров В.П., Лопаткина Н.В. Российская политика в Арктике и Северный морской путь // Обозреватель–Observer. – М., 2019. – № 6. – С. 22–38.

[7] Козлова А. Мы пойдем Северным морским путем. Сможет ли маршрут по российской Арктике заменить южную транспортную артерию через Суэцкий канал? // Комсомольская правда. – М., 2019. – 2 апреля

шими и самыми мощными (60 МВт) атомными ледоколами в мире.Общая стоимость этих трёх судов составляет более 121 млрд. рублей

На дальневосточном судостроительном комплексе (ССК) «Звезда» в соответствии с поручениями Президента и Правительства Российской Федерации начата подготовительная работа по реализации проекта создания головного и двух серийных атомных ледоколов проекта 10510 ЛК-120 «Лидер»[2].

Перспективы Севморпути неразрывно связаны с развитием Арктической зоны Российской Федерации. В интересах повышения эффективности управления АЗРФ Президентом В.В. Путиным был подписан Указ[3] о передаче Минвостокразвития России полномочий по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития Арктики, и переименовании его в Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики.

Самым масштабным по объёмам финансирования и перспективам реализации является распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2019 г., которым был утверждён план развития инфраструктуры Северного морского пути на период до 2035 г. Он включает 11 глав и 84 конкретных пункта будущих мероприятий по развитию Севморпути до 2035 г. 17. Документ носит проработанный и комплексный характер, регламентирует конкретные меры во всех основных сферах, имеющих значение с точки зрения развития СМП, его дальнейшей трансформации в транспортный коридор мирового значения. План разделён на три основных этапа: до 2024 г., до 2030 г. и до 2035 г. Первый предполагает выполнение Указа Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», согласно которому к 2024 г. грузопотоки по СМП должны увеличиться до 80 млн. т[4]. Решение данной амбициозной задачи предполагает проведение большого комплекса мероприятий не только по развитию СМП, но и по ускорению социально-экономического развития АЗРФ, что во многом зависит от успешной реализации инвестиционных проектов по добыче минеральных ресурсов крупных корпораций в Арктическом регионе. Второй этап, с 2025 по 2030 г., предусматривает формирование на базе Севморпути «круглогодичной транспортной системы, обеспечивающей базовые потребности потребителей транспортных услуг на всей акватории СМП». К 2035 г. Севморпуть должен стать элементом конкурентоспособности международного и национального морского транспортного коридора, эффективно обеспечивающего любые нужды потребителей транспортно-логистических услуг[5].

Важно отметить, что Государственная комиссия по вопросам развития Арктики рассматривает вопросы развития СМП и АЗРФ в тесной взаимосвязи.

Международный аспект развития Севморпути

Северный морской путь – это кратчайший морской путь между портами Европы и Азии. Так, если сравнивать СМП с Южным морским путем (ЮМП) через Суэцкий канал, то следует отметить, что расстояние из порта Роттердам (Норвегия) до порта Йокогама (Япония) по трассе ЮМП составит 11205 морских миль, а при использовании СМП 7345 морских миль. Также при его использовании заметно сокращается путь из Роттердама до порта Шанхая – на 2449 морских миль, а до порта Ванкувера – на 1932 морских миль[6]. В среднем для перехода из Европы в Китай по СМП нужно 25 дней и 625 тонн мазута, а при использовании Суэцкого канала – 35 дней и 875 тонн мазута[7]. Это очевидное преимущество. При этом следует отметить, что ледокольная проводка по СМП требуется в календарном году до 8 месяцев (ноябрь-июнь). Пока что Северный морской путь скромно представлен на карте международных морских перевозок. Так, в 2014 г. через Малаккский пролив транспортировано 5660 млн. т грузов, через Суэцкий канал – 882 млн. т, через Панамский канал – 222 млн.[8]

В настоящее время, как отмечает Ю.Ф. Лукин, Севморпуть не может о конкурировать с этими каналами в смысле объёма перевозимых грузов, но может занять свою нишу в международном транзите грузов, ориентируясь на рост грузопотоков в Китай, Южную Корею и другие азиатские страны, частично в Европу, с Ямала (Сабетта, Новый порт), Таймыра (Дудинка) и др. Естественно, что остаётся высокой значимость СМП для внутренних перевозок, северного завоза, уже действующих маршрутов через морские порты Архангельска, Мурманска и др. Кроме того, имеют возможности для роста туристических круизов в морях Северного Ледовитого океана по трассе СМП, к Северному полюсу, на арктические острова, в Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республику Саха (Якутия), на Таймыр, Чукотку, в существующие природные заповедники[9].

---

[1] О ходе строительства атомного ледокольного флота. 28.11.2018. – http://government.ru/news/34867/

[2] Как ледоколы «Лидер» помогут России в освоении Арктики. – https://riafan.ru/1165194-kak-ledokoly-lider-pomogut-rossii-v-osvoenii-arktiki

[3] Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 78.

[4] Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425

[5] Журавель В. П., Назаров В. П. Северный морской путь: настоящее и будущее // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. – № 2.

[6] Ларченко Л.В., Колышкин А.В., Яковлева Т.В., Нелюбина Л.В. Может ли Северный морской путь стать конкурентоспособным международным транзитным путем // Инновации. – СПб., 2018. – № 10. – С. 64.

[7] Редкие земли. Возрождение Северного морского пути – главная забота российских полярников. 01.07.2016. – http://raree arth. ru/ru/pub/20160601/02203.html

[8] Альтернативный маршрут. За СМП будущее мировой морской логистики и торговли. – http://www.eastrussia.ru/material/alternativnyy-marshrut/

[9] Лукин Ю.Ф. Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов. – Архангельск, 2019. – С. 93-94.

На наш взгляд, такая постановка вопроса ограничивает перспективы развития Севморпути и вызывает серьезные возражения. Прежде всего, следует иметь в виду, что Севморпуть в своей значительной части располагается в пределах исключительной экономической зоны России, ее территориального моря либо даже в российских внутренних водах, то есть проходит в пространствах, подпадающих под суверенитет или юрисдикцию нашей страны[1]. Как известно, в августе 2015 г. Россия направила в Комиссию ООН по границам континентального шельфа повторную заявку на расширение границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане на 1,2 млн. квадратных км для присоединения хребта Ломоносова и других участков морского дна, в том числе поднятия Менделеева, котловины Подводников, южной оконечности хребта Гаккеля и зоны Северного полюса[2]. Все это будет способствовать его магистральному развитию, постепенному наращиванию грузовой базы перевозок.

В сентябре 2019 г. на площадке Восточного экономического форума глава Минприроды Д. Кобылкин сообщил, что ведомство завершило дополнительные научные изыскания, необходимые для обоснования указанной выше заявки. Это может позволить прирастить потенциальные запасы углеводородов минимум на 5 млрд. т условного топлива[3]. Соответственно это даст дополнительные основания для сохранения контроля и над высокоширотными маршрутами СМП, где ледовая и навигационная обстановка в обозримой перспективе в любом случае будет оставаться сложной.

В настоящее время эту задачу, в основном, обеспечивают такие индустриальные гиганты, как ПАО «НОВАТЭК», ПАО «ГМК «Норильский никель», ПАО «Газпром нефть» и др. В частности, компания «НОВАТЭК» совместно с французской компанией «Тоталь», китайскими CNPC и Фондом шелкового пути реализует большой международный проект – «Ямал СПГ», один из крупнейших по объему инвестиций в России. Стоимость проекта – 27 млрд. долл. США. К проектному финансированию подключились кредитные организации России, Китая, Японии, а также европейских стран – Италии, Франции, Швеции, Австрии и Германии. Привлечено 19 млрд. долл. США. Объем производства СПГ составит 16,5 млн. тонн в год[4]. Проект «Ямал СПГ» является наиболее ярким примером развития международного сотрудничества в области морских грузоперевозок в Арктическом регионе, не имеющим аналогов в мировой практике. Отправка СПГ в первую очередь направлена в страны АТР.

В стадии реализации находится и другой крупный проект компании «НОВАТЭК» – «Арктик СПГ-2», реализация которого на базе месторождений полуострова Ямал и Гыдан даст возможность производить уже 19,8 млн. т СПГ, размещение заказов на российских предприятиях более одного триллиона рублей заказов, создание 12 тысяч рабочих мест в Мурманской области, а по всей России – более 80 тысяч. К 2024 г. компания по Севморпути будет перевозить 46 млн. т грузов, что составит более 50% всего грузопотока. По докладу руководителя ПАО «НОВАТЭК» Л. Михельсона Президенту РФ В. Путину на начало 2019 г. каждые 33 часа отгружался танкер объемом 70 тысяч тонн СПГ[5]. Важно отметить, что все проекты «НОВАТЭКа» осуществляются с широким международным участием, при их оснащении отечественным оборудованием.

В загрузке СМП наращивают объемы и другие крупнейшие российские компании. Это «Газпром нефть», «Нефтегазхолдинг», «ВостокУголь», «Северная звезда». Если международное сотрудничество в перевозках руд и угля – дело будущего, то в транспортировке углеводородного сырья сложилось и складывается более тесное и определенное взаимодействие.

Имеющиеся проблемы в развитии Севморпути соответствующие федеральные и региональные структуры исполнительной власти России, представители бизнеса, как показывает анализ, пытаются уменьшить за счет безошибочной проводки специальных судов высокого ледового класса, профессионального уровня действий экипажей в арктических условиях; принимаемых мер по совершенствованию таможенного и пограничного контроля, повышения качества сервисных услуг; создания современных каналов связи для постоянного отслеживания движения грузов, а также работ по дальнейшей модернизации инфраструктуры существующих морских портов и строительству новых терминалов. Цифровая навигация, оперативная гидрометеорология и экологический мониторинг, беспилотные летательные аппараты для ведения ледовой разведки составляют инфраструктуру арктического судоходства.

В условиях экономических санкций, России необходимо наращивать планомерное и долгосрочное сотрудничество с рядом азиатских государств. В первую очередь с Китаем, а также с Японией, Республикой Корея, Сингапуром, другими странами АСЕАН. Китай строит ледоколы и различные типы судов ледового класса. Японская компания «Mitsui O.S.K. Lines» и китайская компания «China COSCO Shipping» участвуют в разработке и эксплуатации морского порта Сабетта, корейская компания «Hyundai Merchant Marine Co» совместно с китайской «Poly Group» рассматривают возможность участия в проекте по реконструкции Архангельского глубоководного морского порта и разработке Мурманской транспортной системы. Корейская судоходная компания «Hyundai Merchant» планирует протестировать транзитные перевозки контейнерных судов мощностью 2500–3500 TEU (единица, эквивалентная двадцати футам)

[1] Повал Л.М. Международно-правовые проблемы раздела экономических пространств Арктики // Арктика и Север. 2011. – № 3. – С. 8.

[2] Минприроды завершило исследования для расширения границ России в Арктике / РИА Новости 04.09.2019.

[3] Там же.

[4] Журавель В.П. Проект «Ямал СПГ» – пример эффективного международного сотрудничества в освоении и развитии Арктики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – М., 2018. – № 3. – С. 95–100.

[5] Встреча с председателем правления компании «НОВАТЭК» Леонидом Михельсоном. 26.12.2018. –http://www.kremlin.ru/events/president/news/59894

вдоль СМП в 2020 г.[1]. Таких примеров можно привести множество. Важно отметить, что все эти страны более активно участвуют в работе Арктического совета.

Рост российских грузоперевозок по СМП, перевод их на круглогодичную ритмичную навигацию обеспечит снижение стоимости перевозок и всех факторов транспортировки (страховых ставок, тарифов на ледокольную проводку и пр.). Это будет главным драйвером привлечения иностранных перевозчиков на СМП и его использования в качестве транзитного маршрута, особенно в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» в частности, в форме «Полярного Шелкового пути». Его совместное строительство в Арктике способно стать частью программы взаимной стыковки России и Китая в соответствии с интересами развития обеих стран[2]. Это весьма перспективное направление развития СМП, так как именно сегодня это наиболее эффективный инструмент обеспечения международной энергетической безопасности и реализации конкурентных преимуществ России.

Так, летом 2019 года танкеры ледового класса «Владимир Русанов» и «Эдуард Толль» в рамках долгосрочного контракта доставили в Китай первую партию СПГ, пройдя по трассе СМП без ледовой проводки за 9 дней. Крупная транспортная компания Китая «Cosco Shipping» заявила о готовности осуществить 14 коммерческих контейнерных рейсов по СМП контейнеровозами дедвейтом 28–34 тысячи тонн.

Для того, чтобы интегрировать Северный морской путь в мировую транзитную систему в качестве эффективного евроазиатского транспортного коридора, сохраняя при этом свой суверенитет в Арктике, России необходимо совершенствовать его инфраструктуру, создать условия для развития контейнерных перевозок, привлекать крупнейших международных судовладельцев и грузовладельцев для перевозки грузов, повышать уровень безопасности, формировать экономически обоснованные тарифы, достигать с партнерами солидарности в сбережении экологической целостности Арктической зоны, а также поступательно увеличивать финансирование арктических проектов, в том числе за счет государственно-частного партнерства. Объём инвестиций в Арктику до 2024 года должен составить 5,5 трлн. рублей[3]. На наш взгляд, столь крупное реальное финансирование арктических проектов вызовет интерес со стороны участников Арктического экономического совета, станет важным фактором развития СМП и международного арктического сотрудничества на европейском и азиатском направлениях.**Заключение**

Арктика для России – регион мирного сотрудничества. Все крупные энергетические проекты в Арктике осуществляются с участием зарубежных компаний. Развитие Северного морского пути – это долгосрочная стратегия развития Российской Федерации. Он играет важную роль в обеспечении экономической, энергетической, экономической, военной и международной безопасности РФ в Арктическом регионе. Его роль и значение как национальной базовой транспортной артерии, способной существенно повысить транзитный потенциал и конкурентные преимущества России, постоянно возрастает.

Для того, чтобы интегрировать Северный морской путь в транзитную систему стран Большой Евразии в качестве эффективного евроазиатского транспортного коридора, сохраняя при этом свой суверенитет в Арктике, России необходимо совершенствовать его инфраструктуру, создать условия для развития контейнерных перевозок, привлекать крупнейших международных судовладельцев и грузовладельцев для перевозки грузов. К сожалению, в обустройстве инфраструктуры АЗРФ европейские и азиатские страны особого интереса не проявляют.

Комплексное развитие Севморпути предполагает, что он составит основу Арктической транспортной системы, в которую должен входить комплекс транспортных средств морского и речного флота, авиации, трубопроводного, железнодорожного и автомобильного транспорта, а также береговой инфраструктуры.

[1] Вороненко А.Л., Грейзик С.В. Перспективы сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии в Арктическом регионе // Арктика и Север. 2019. – № 35. – С. 68.

[2] Гусевская Н.Ю. Российско-китайское сотрудничество в Арктике: возможности и вызовы // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. – № 6. – С. 56–61; Загорский А.В.Китай принимает условия в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2019. – Т. 63, № 7. – С. 76–83; Пилясов А.Н. Магнит глобализации — арктическая политика Китая // Арктика: экология и экономика. 2018. – № 3. – С. 112–122.

[3] Выступление министра природных ресурсов и экологии РФ Д.Н. Кобылкина на совещании Правительства РФ в посёлке Сабетта Ямало-Ненецкого автономного округа 11 декабря 2018 г. 11.12.2018. – http://government.ru/news/35056/

Захарян А.Г.
к.э.н., н.с. Института экономики Национальной академии наук Республики Армения
azakharian@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ДЕЛОВОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Ключевые слова: *экономика, инвестиции, деловой туризм, стимулирование, государственная политика, развитие, эффективность.*
Keywords: *economy, investment, business tourism, stimulation, public policy, development, efficiency.*

Туризм относится к крупнейшим высокодоходным и наиболее динамичным отраслям экономики. Сектор народного хозяйства, который занимает туризм, имеет стратегическое значение для диверсификации экспортной базы, сокращения региональных диспропорций, получения иностранной валюты, создания рабочих мест. Всемирная туристская организация (ЮНВТО) отмечает, что число мировых путешествий будет расти на 3,3% ежегодно и в ближайшие 10–15 лет достигнет 1,8 млрд. человек[1].

Каждый десятый работник в мире занят в сфере туризма (всего в ней занято 250 млн. человек). На его долю приходится треть мировой торговли услугами, 5% налоговых поступлений, 7% общего объема инвестиций, 11% мировых потребительских расходов. Туристская деятельность влияет на развитие таких секторов хозяйства, как связь, строительство, транспорт, сельское хозяйство, торговля, производство товаров народного потребления и многие другие. Туризм является катализатором социально-экономического развития.

Приоритетность отрасли туризма, как принцип государственной политики, зафиксирована в законе Республики Армении «О туризме и туристической деятельности»[2]. Доля туризма во внутреннем валовом продукте (ВВП) составляет около 8%, по объему экспорта – 15,4%. За последние годы, благодаря осуществлению государственной политики в сфере туризма, а также сотрудничеству между органами государственного управления и местного самоуправления, частным сектором и местным населением сохраняется рост числа международных туристов. В среднем прирост составляет около 25% в год. Расходы туристов ежегодно составляют 290 млн. долларов.

В отрасли занято 1,7% рабочей силы Республики. Общую долю въездного туризма в ВВП, согласно концепции развития туризма до 2030 г., планируется увеличить в 5-7 раз, а туристические посещения до 3 млн. чел. Ежегодная прибыль от туризма составит 826 млн. долл. Если в 2003 г. каждый турист ежедневно тратил 68 долл., то в 2010 г. эта сумма составила 94 долл., а в 2020 г. достигнет 112 долл. По данным Всемирной торговой организации (ВТО), 3–4 туриста, посещающие страну, создают одно рабочее место в сфере туризма и 5–6 рабочих мест в смежных сферах. Принятие решения Республикой Армения об отмене визового режима со странами Европейского союза (ЕС) в октябре 2013 г. дает новый стимул к увеличению посещаемости туристов[3]. Сфера туризма относится к тем областям экономики, в развитие инфраструктуры которых вкладываются значительные инвестиции. За последние годы в Армении построены новые гостиницы и рестораны, автобусный парк пополнен туристическими автобусами, соответствующими международным стандартам.

Одним из перспективных видов туризма в Армении является деловой туризм.

Как известно, значимым сегментом индустрии туризма деловой туризм становится с 80-х гг. XX в. на волне глобализации и связанной с ней интенсификации деловых, научных и культурных обменов, а также изменения социального состава народонаселения за счет увеличения доли среднего класса. В это время в сфере делового туризма Европы складывается устойчивая организационная структура, появляются и оформляются свои ассоциации, научные и образовательные учреждения, специализированные печатные издания, разрабатываются государственные программы поддержки делового туризма. В середине 1980-х гг. деловой туризм выделился в самостоятельный объект исследования статистики туризма[4].

Деловая коммуникация, обмен технологиями и информацией, поиск новых рынков и партнеров для инвестиций и совместных проектов, маркетинговое продвижение компаний, обучение персонала и внедрение корпоративной культуры – эти процессы стали основополагающим фактором того, что в индустрии туризма стали выделять деловой туризм, который достаточно быстро превратился в динамично развивающееся направление туристской отрасли. Глобализация мировой экономики, как следствие интенсификация деловых, научных и культурных связей, стимулирует рост поездок с деловыми и служебными целями, способствует проведению различного уровня конгрессно-выставочных мероприятий. Возрастает роль делового туризма в устойчивом развитии территорий и туристских кла-

[1] Шкуренко О., Мишанина Т. Туристическая карта мира-3 // Коммерсантъ. – https://www.kommersant.ru/doc/3078236
[2] Деловой экспресс. 2015. – № 16.
[3] Оганян А.Н. Анализ и оценка туристического потенциала Армении. – Ереван, 2009. – С. 75.
[4] Сапрунова В. Эволюция, структура, туризм, маркетинг. – М., 1997. – С. 29.

стеров, прежде всего их сохранение для удовлетворения потребностей туристов будущих поколений[1]. Даже в условиях экономического и политического кризиса спрос на проведение корпоративных мероприятий остается довольно устойчивым с неуклонной тенденцией к возрастанию.

Развитие делового туризма в последнее время происходит наиболее интенсивно. Это связано с тем, что деловые, научные и культурные связи между регионами и странами становятся более тесными с каждым годом. Развитие делового туризма имеет огромное значение для развития национальной экономики и выхода ее на мировой рынок.

Деловой туризм характеризуется относительной устойчивостью к воздействию политических, экономических, погодных, климатических и других факторов. Сегодня это один из перспективнейших и высокодоходных видов путешествий. Несмотря на это большинство специалистов, занимающихся массовыми экскурсионными направлениями, не знакомо с ним. В то время как работа на данном рынке обеспечена обширной клиентурой, крупными денежными оборотами, особой организацией продаж и нешироким кругом туроператоров.

Благодаря тому, что деловой туризм обеспечивает приток иностранной валюты и создание рабочих мест, повышение спроса на разные сектора индустрии туризма, развитие отраслей экономики, науки, образования, культуры и здравоохранения, многие страны относят его к наиболее развивающемуся сектору экономики. Развитие данного вида туризма помогает повышать рейтинг городов, в которых созданы все условия для ведения бизнеса, и позиционировать его, окружающий регион как центр качества.

Деловые туристы приносят 60% общего оборота туристской индустрии, хотя доля деловых туристов составляет 23% в общем туристическом потоке. Доходы от делового туризма в развитых странах сопоставимы с доходами от нефтяного бизнеса[2].

Деловой туризм определяется большинство специалистов как «индустрия встреч». Наиболее емко специфику этого вида туризма дает аббревиатура «MICE», образованная первыми буквами английских слов:

M – meetings (встречи),

I – incentives (стимулирующие или поощрительные поездки),

C – congresses (конгрессы),

E – exibitions (выставки).

На деловые встречи приходится:

- 70,8% – Индивидуальные деловые поездки,
- 12,6% – Конференции и семинары,
- 10,9% – Выставки,
- 3,3% – Конгрессный туризм,
- 2,4% – Интенсив-туризм.

Эксперты считают, что к 2020 году количество международных деловых поездок повысится в три раза с 564 млн. до 1,6 млрд. в год, а оборот рынка возрастет с $400 млрд. до $2 трлн. Развитие данного сектора благоприятно сказывается и на развитии социальной сферы. Так, при увеличении оборота на $1 млрд. необходимо дополнительное создание 100 тыс. новых рабочих мест[3].

Расходы деловых туристов можно сопоставить с расходами бизнес-туристов, при этом они приносят значительные доходы предприятия города, а также организаторам конференций, конгрессов.

Развитие делового туризма позволяет решать проблему эффективного функционирования инфраструктурных объектов туризма, так как при нем обеспечивается более полная и равномерная загрузка ресторанов, гостиниц, транспортных и иных организаций.

По оценкам Всемирного совета деловых путешествий и туризма (World Travel and Tourism Council, WTTC), за последние годы объем деловых поездок во всем мире составил $819 млрд. К 2020 году WTTC прогнозирует цифру в $1,589 трлн., что означает ежегодный рост на 4,3%. Этот же источник оценивает рынок частных путешествий на 2020-й в $5,793 трлн. с ежегодным ростом на 4,1%. Согласно статистике ВТО, объемы реализации услуг делового туризма распределяются следующим образом: 70% продаж приходится на индивидуальные деловые туры, 13 – на конференции и семинары, 11 – на посещение выставок и участие в них, 3% – на конгрессный и интенсив-туризм[4].

Global Business Travel Association Foundation (GBTA) провела статистическое исследование, относящееся к бизнес-туристам. Как и можно было предположить, количество бизнес-путешественников из года в год стремительно растет. Подавляющее большинство туристов (79%), отправляясь в командировку, берут с собой средства коммуникации и связи, чтобы быть на связи с коллегами, друзьями и близкими.

Вот несколько интересных фактов о бизнес-туристах[5]:

- В среднем командировка длится 4 дня.
- Средняя стоимость путешествия составляет 1837 долларов США.
- Подавляющая часть бизнес-путешественников (78%) отправляются в такие путешествия с удовольствием.
- 46% бизнес-туристов находятся под давлением во время бизнес-командировок и вынуждены работать при ограниченных бюджетах.

---

[1] Докашенко Л.В. Предпосылки развития делового туризма в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. – № 1 (176), январь. – С. 78.

[2] Данные официального сайта АОЗТ «Статистический центр». – www.top-rating.narod.ru

[3] Докашенко Л.В. Предпосылки развития делового туризма в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. – № 1 (176), январь. – С. 78.

[4] Деловой туризм. Статистические данные. – https://restec-events.livejournal.com/10854.html

[5] Там же.

- Менее половины (46%) считает очень важным поддерживать связь с семьей во время путешествия.
- 59% путешествующих в бизнес-целях – мужчины.

Бизнес-поездки подразделяются на корпоративные, т.е. выезды сотрудников какой-либо компании по корпоративным делам (делам своей компании), и некорпоративные, т.е. осуществляемые в рамках деятельности правительственных структур и отраслевых ассоциаций. По статистике, за последние 10 лет на вторую группу бизнес-поездок в Европе приходится около 60% всех встреч. Корпоративный сектор бизнес-поездок существенно сузился в начале 1990-х гг., когда в условиях экономического спада европейские компании перешли к политике жесткой экономии. Они сокращали количество командировок, объединяя несколько поездок в одну, вводили усовершенствованные системы связи для решения большинства вопросов на месте, бронировали недорогие средства размещения и приобретали авиабилеты со скидкой[1]. В будущем ожидается дальнейшее снижение числа корпоративных деловых встреч, что обусловлено осложнением экономической ситуации в Европе.

Основные «поставщики» корпоративных деловых туристов – высокоразвитые страны Европы (Германия, Великобритания, Франция, Италия). Безусловным лидером является Германия. Около 5 млн. немцев ежегодно выезжают в командировки, преимущественно в другие города Германии (около 80%). Средняя продолжительность корпоративных бизнес-поездок на другие континенты составляет 12–13 дней, внутри Европы – 5–6 дней, по своей стране – 3–4 дня[2].

Среди европейских государств, принимающих потоки корпоративных деловых туристов, выделяются Германия, Великобритания, Франция, Нидерланды, Италия, Испания, Швеция, Швейцария. По данным английской исследовательской фирмы «Business Travel International», в группу корпоративных деловых туристов Европы входят лица, занимающие самые различные должности (менеджеры, торговые представители и др.). Их объединяет высокий уровень образования и дохода: 67% из них имеют годовой доход более 35 тыс. долл., а около 44% – более 50 тыс. долл.[3]

Конгрессно-выставочный туризм является наиболее динамичным сегментом рынка деловых путешествий. Под конгрессно-выставочным туризмом понимают деятельность, связанную с организацией конгрессов, выставок, ярмарок, конференций и прочих мероприятий. Цели участия в подобных мероприятиях различны. Ученые, бизнесмены, врачи, деятели культуры, туризма и других отраслей (строительство, легкая промышленность, сельское хозяйство и т.д.) охотно принимают участие в подобных мероприятиях, чтобы получить свежую информацию, увидеться с коллегами, обменяться с ними мнениями и опытом, провести переговоры, отвлечься от привычной обстановки и приобщиться к предлагаемой культурной программе.

Одним из основных условий развития конгрессно-выставочного туризма является требование закрепления за принимающим направлением репутации, позволяющей ему получить международное признание. Обычно страны, успешно развивающие у себя конгрессно-выставочный туризм, имеют репутацию лидеров в научно-технических направлениях, что позволяет им привлекать в первую очередь специалистов, а затем постепенно расширять круг посетителей. Важным условием для привлечения участников конгрессно-выставочных мероприятий является степень экономического развития страны и особенно уровень развития новых технологий, транспортной инфраструктуры, средств связи, гостиничной базы. Участие в выставке – мероприятие затратное, учитывая стоимость площадей, перевозки оборудования, командировки стендистов и прочие расходы, поэтому положительное решение в пользу выбора конкретного предложения принимается после предварительного анализа преимуществ, которые такое мероприятие способно дать. К подобным преимуществам можно отнести выход на новый рынок с высоким потребительским потенциалом, налаживание связей с новыми выгодными партнерами, продвижение продукта фирмы на новом рынке.

Конгрессный туризм представляет собой разновидность выставочного туризма. Выделять конгрессный туризм в небольшой подраздел приходится потому, что организация конгрессных мероприятий, имеющая много общего с организацией выставочной деятельности, предъявляет несколько иные требования к инфраструктуре и организаторам. Конгрессные мероприятия мельче по масштабу, чем выставочные, но имеют более квалифицированный и более требовательный состав участников. По доходности конгрессные мероприятия уступают выставкам, поскольку рассчитаны на меньшее количество участников. Однако в отличие от выставок конгрессы, особенно международные, ориентируются на эксклюзивное обслуживание, тем самым обеспечивая загрузку лучших гостиниц города. Конгресс- и конвент отели, способные одновременно принять до 2 тыс. и более участников, стали привычным явлением в Америке, Китае, Сингапуре. В Европе средние цифры по этому виду деятельности – 300 человек на одно мероприятие, что скромнее, чем средние показатели в США и Азии (где зафиксированы абсолютные рекорды – 5 тыс. участников и более). Именно на средние цифры ориентируются организаторы конгрессов в Европе при выборе площадок для их проведения.

Интернационализация хозяйственной и культурной жизни проявляется в расширении контактов между специалистами разных направлений и проведении многочисленных конгрессов, съездов, совещаний, симпозиумов, конференций. В 30-е годы XX в. в мире проводилось ежегодно около 200 международных конференций[4]. В настоящее время число подобных мероприятий перевалило за 8 тысяч в год, а число участников – за 10 млн (примерно 1,5% от общемирового туристического потока).

Наибольшее число участников международных конгрессов, конференций, совещаний дают развитые страны, преуспевающие в науке, технике, бизнесе; для них потребность в обмене информацией проявляется особенно ярко.

---

[1] Александрова А.Ю. Международный туризм. – М., 2001. – С. 186.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Лакомов Е.А. Классификация видов событийного туризма // Вестник университета. 2013. – № 2. – С. 64. – https://cyberleninka. ru/article/n/klassifikatsiya-vidov-sobytiynogo-turizma

Однако география конгрессных центров неуклонно расширяется. Центрами конгрессного туризма становятся города, отвечающие следующим требованиям: выгодное географическое положение, удобное транспортное сообщение, высокое качество индустрии гостеприимства, наличие необходимых помещений для заседаний, лидерство или значимость в определенном виде человеческой деятельности (науки, культуре, бизнесе и пр.), архитектурная привлекательность, наличие в самом городе или вблизи него экскурсионных объектов. Как правило, таким условиям отвечают крупные города (часто столичные), поэтому они и стали важнейшими центрами проведения конгрессов. Конгрессы часто проводят в научных, университетских, культурных и индустриальных центрах, курортах. Международные встречи проходят в отелях, театрах, концертных залах, университетах. В 80-е годы, когда наметилась тенденция сближения конгрессной и выставочной деятельности, возникла и получила широкое распространение американская модель центра съездов. Это специальные здания, состоящие из больших залов, которые могут быть использованы под выставки и одновременно рассчитаны на прием участников конференций. В последние голы международные мероприятия все чаще проводятся в зданиях, имеющих историческое значение, в замках; пользуются популярностью конгрессы на борту судов.

Около 80% конгрессных мероприятий приходится на страны Западной Европы и Северной Америки[1]. Первые три позиции по числу международных симпозиумов и совещаний прочно удерживают США, Франция и Великобритания. Известными центрами конгрессного туризма являются: Амстердам, Брюссель (столица Европейского Сообщества), Вашингтон, Вена, Женева, Копенгаген, Лондон, Мадрид, Париж, Давос (экономический форум, Швейцария). Экономическое развитие Азиатско-Тихоокеанского региона обусловило проведение международных встреч в Гонконге, Сингапуре, Бангкоке. В последние годы по оценке международных экспертов лучшим местом для конгрессных мероприятий признается Сидней (Австралия).

В конгрессном туризме, как правило, участвуют хорошо обеспеченные люди, поэтому доход от одного туриста в 2-3 раза выше по сравнению со среднестатистическим туристом, а общий доход составляет 5-6% от общемирового. Большое значение конгрессный туризм имеет для сглаживания сезонности в туризме, так как он приурочен к событию – определенному совещанию, конференции. Около 1/5 проводимых в мире конгрессных мероприятий приходится на сентябрь. Организация конгрессных туристских потоков осуществляется легче, чем туризма вообще, поскольку информация о различных конференциях рассылается за много месяцев. Современная электронная связь позволяет легко следить за планированием мероприятий такого рода. В частности, в Интернете многие международные организации непрерывно обновляют страницы со списком международных конференций в разных сферах деятельности и областях научных знаний.

Конгрессное обслуживание – один из специфических видов туристского обслуживания. Конгрессный туризм является одним из наиболее выгодных видов туризма в мире, так как приносит принимающей стране значительно большие доходы, чем многие другие виды туризма, например, туризм с целью отдыха и развлечения.

Кроме того, конгрессный туризм имеет еще два больших преимущества перед прочими видами путешествий:

- конгрессный туризм дает возможность использовать материальную базу в периоды межсезонья или в несезон;
- бронирование мест для участников конгрессов осуществляется задолго до проведения мероприятия.

Обязательным условием отнесения конференции или иного мероприятия к рынку конгрессного туризма является проведение вне помещения организации, выступающей инициатором конференции. Использование услуг туристских компаний при организации, подготовке и проведении мероприятия является существенным, но не обязательным условием. Однако ни один инициатор серьезной конференции не сможет самостоятельно осуществить его полную организацию. В качестве специалистов-посредников обычно выступают компании-организаторы совещаний и конференций.

В США, которые являются страной-лидером по масштабам распространения конгрессного бизнеса, существуют следующие профильные ассоциации[2]:

– The International Association of Convention and Visitors Bureaus (Международная ассоциация бюро по организации конференций и привлечению гостей);

– Meeting Planners Association (Ассоциация организаторов совещаний и конференций);

– Association for Convention Operation Management (Ассоциация управления работой конференций);

– Professional Convention Management Association (Ассоциация профессиональных организаторов совещаний и конференций).

Принципиальными отличиями одного вида конференции от другого являются их социальное и экономическое значение, сложность организации и порядок проведения, численность участников (делегатов).

Конгрессный туризм вносит значительный вклад в национальный доход как развивающихся, так и высокоразвитых стран. О его социальном значении свидетельствует и тот факт, что число непосредственно занятых в данном виде делового туризма в США оценивается в 1,7 млн. человек, – т.е. каждый 86 гражданин США прямо или косвенно занят в сфере конгрессного туризма.

Следует отметить, что в 2019 году внутренний деловой туризм в Армении составил порядка 19,2%, что свидетельствует о заинтересованности инвесторов экономикой республики. Зачастую туристы, прибывшие в Армению ас целью отдыха, досуга и прохождения лечения, становятся деловыми туристами. Последнее играет немаловажную роль в развитии экономики страны.

[1] Конгрессно-выставочный туризм. Только факты к размышлению. – https://www.tourismsafety.ru/news_one_207.html

[2] Сычева Е. Конгрессный туризм – зарубежный опыт и перспективы бизнеса в России. – http://www.mhr.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=545&PHPSESSID=437b480bc42e88c3ea3f7586c1d6ba51

Учитывая своеобразные экономические условия Республики Армения и передовой зарубежный опыт, для финансирования делового туризма целесообразно использовать долгосрочные кредиты международных финансовых организаций, льготные кредиты, денежные средства, получаемые от приватизированных объектов туристического значения, а также средства, образуемые от прибыли туристических предприятий, лизинга и эффективной инвестиционной политики крупных банков страны. Поскольку развитие делового туризма имеет стратегическое значение для развития экономики Республики Армения, то данная сфера должна находиться под пристальным вниманием как бизнеса и государства, так и общества в целом.

Киянова Л.Д.[1]

ЛОГИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ТУРИСТСКОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: *логистическое управление, логистическая система, материальный поток, информационный поток, логистические операции.*

Keywords: *logistics management, logistics system, material flow, information flow, logistic operations.*

В условиях жесткой конкурентной борьбы и снижения покупательского спроса, связанного с кризисными явлениями в экономике, все предприниматели находятся в постоянном поиске резервов повышения эффективности деятельности компании. Подобные резервы кроются не только в увеличении объемов продаж и соответствующем росте нормы прибыли от реализации товаров или услуг, но и в оптимизации бизнес-процессов предприятия. Важную роль в решении проблем оптимизации играет внедрение в работу предприятия логистических методов управления, направленных на снижение издержек, связанных с движением материальных и сопутствующих им информационных и финансовых потоков. Если говорить о сфере туризма, то цель логистического управления в ней – повышение эффективности деятельности за счет рационализации движения туристических потоков.

Туристические компании в полной мере испытали и продолжают испытывать на себе все последствия неблагоприятной эпидемиологической ситуации. Несмотря на некоторое оживление на туристическом рынке сохраняется нестабильная обстановка, не позволяющая планировать работу на ближайшую перспективу. В таких условиях особенно актуализируются задачи выявления «узких» мест на маршруте движения туристических потоков от поступления клиентской заявки до получения обратной связи от потребителя. Решение этих задач может способствовать повышению конкурентоспособности компании и использованию кризисных моментов как возможности закрепиться на рынке.

Объектом данного исследования является логистическая система туристского бизнеса, предмет исследования – взаимосвязи между элементами системы, образующиеся в процессе приложения к ним инструментов логистического управления.

Цель исследования – выявить особенности применения логистического управления в сфере туризма.

К числу базовых категорий логистики относятся понятия «логистическая система», «логистическая операция» и «логистическая функция». Рассмотрим интерпретацию этих понятий в сфере туризма.

Классическое определение логистической системы обычно формулируют следующим образом «логистическая система представляет собой сложную структурированную систему с обратной связью, состоящую из обособленных звеньев, которые выполняют различные логистические функции, взаимосвязанные в едином процессе управления материальными и сопутствующими им финансовыми и информационными потоками»[2].

В туристической сфере звеньями логистической системы являются туроператор, турагент, поставщики туристического продукта (то есть предприятия размещения, культурно-досуговые, экскурсионные организации), и туристы, а также объекты инфраструктуры (транспортные, страховые, финансовые организации), представляющие собой экономически или функционально обособленные объекты (рис. 1). При этом каждый из них стремится к достижению локальной цели, которая связана с определенными логистическими операциями или функциями. Идеальным вариантом является стремление всех участников системы к достижению общесистемной цели, однако большое количество звеньев, их обособленность и наличие у всех элементов системы своих интересов усложняют возможности формирования такой системы в туризме.

Логистическая операция представляет собой обособленную совокупность действий, направленных на преобразование материального и информационного потоков. Каждая операция может рассматриваться в логистике «как потенциальный объект рационализации, стандартизации выполнения. При этом на каждую логистическую операцию должны быть отнесены затраты финансов, времени и труда, что является базой для нормирования затрат ресурсов в компании и позволяет эффективно контролировать показатели логистического плана»[3]. Логистические операции в сфере туризма достаточно обширны и разнообразны, например, перевозка туристов, сбор данных, визирование и т.д. Очевидно, что снижение издержек компании возможно путем эффективной организации выполнения логистических операций, что позволит снизить временные, трудовые и финансовые затраты, то есть путем управления бизнес – процессами в логистической системе. Инструментами, способствующими рационализации операций в сфере туризма,

[1] Киянова Лилия Дмитриевна – к.э.н., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления и экономики таможенного дела Ростовского филиала Российской таможенной академии. E-mail: liliackgti@mail.ru

[2] Воронина А.В., Шевченко М.В. Логистический сервис в туризме/учебное пособие. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2015. – С. 32.

[3] Рожкова Н.В. Развитие туристских услуг с использованием инновационной логистики (на примере туристских фирм города Рязани: дисс. на соискание ученой степени канд. экон. наук 08.00.05. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2007.

являются информационные технологии, активно применяющиеся компаниями туристического комплекса. Сфера туризма ушла в он-лайн задолго до пандемии и давно освоила методы удаленной работы. Он-лайн бронирование, оплата, оформление документов – это повседневная реальность туристических компаний.

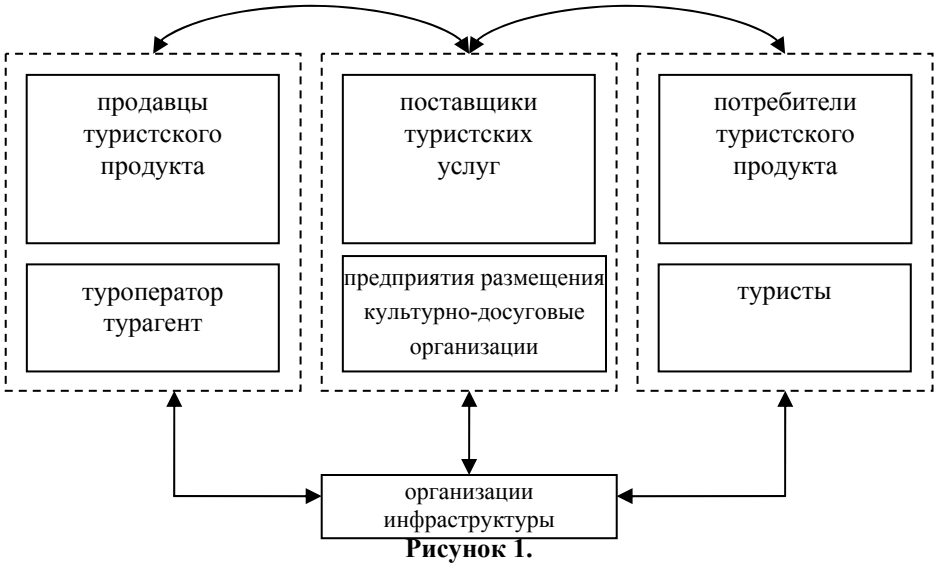

Рисунок 1.
Звенья логистической системы в туризме

Объединяясь в функциональные группы, логистические операции образуют логистические функции. Логистическая функция представляет собой «обособленную совокупность логистических операций, выделенную с целью повышения эффективности управления логистическим процессом и степени управляемости деятельности туристского предприятия. Ключевые логистические функции в туристических компаниях обширны и разнообразны, например, управление процедурами заказов, ценообразованием, поддержания качества и т.д.»[1].

Объектом логистического управления и приложения логистических операций является поток. Обычно говорят о материальных потоках, но организации сферы туризма предоставляют услуги, результатом деятельности туристической компании является туристский продукт, а объектом логистического управления – туристический поток в процессе формирования, продвижения и реализации туристского продукта, который сопровождается информационными и финансовыми потоками (рис. 2).

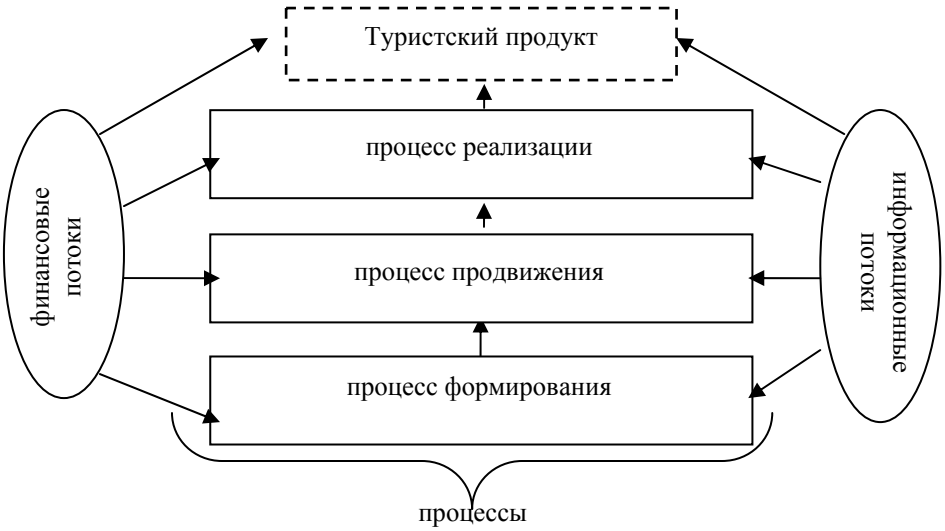

Рисунок 2.
Объекты логистического управления и контроля в туризме[2]

Исходя из базисных положений логистического менеджмента, в туристической сфере необходимо добиваться синхронизации потоковых процессов как внутри организации, так и вне ее при транспортировке туристов, их размещении и непосредственном потреблении туристического продукта на отдыхе.

Определим желаемый результат логистического управления в туризме (рис. 3).

[1] Воронина А.В., Шевченко М.В. Логистический сервис в туризме: учебное пособие. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2015. – С. 32.

[2] Там же, с. 58.

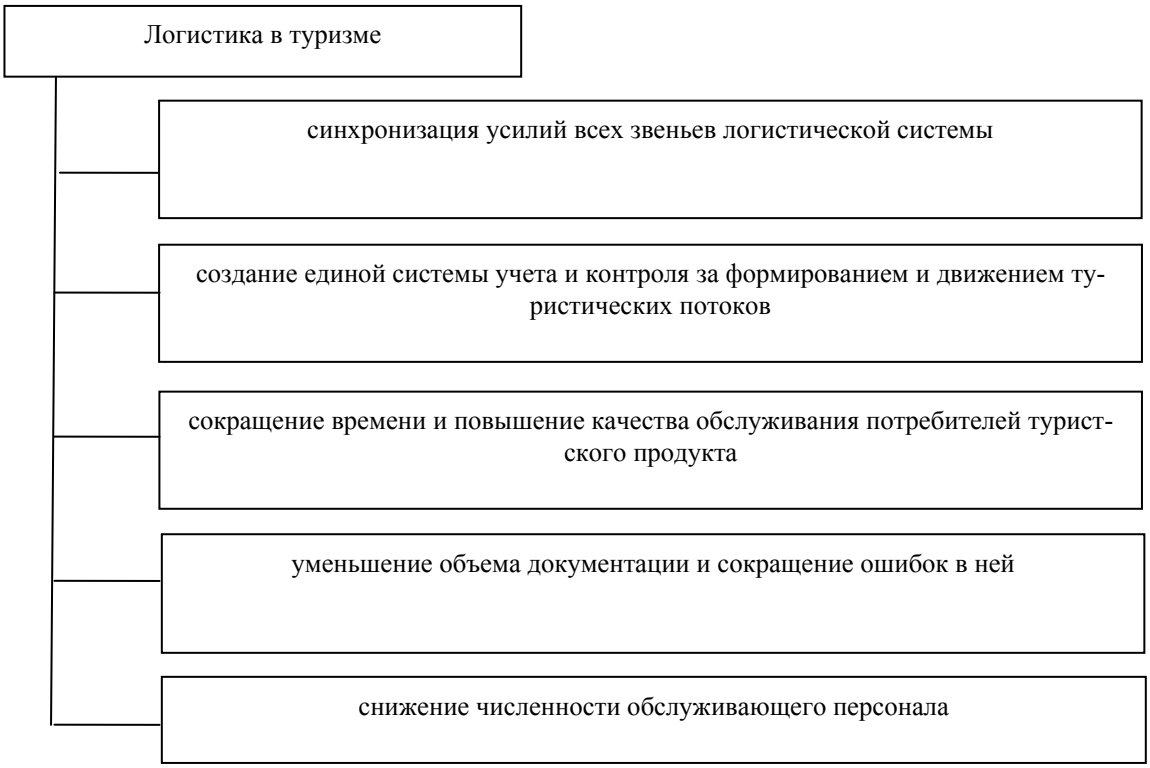

Рисунок 3.
Преимущества использования логистики в туристском бизнесе

Внедрение и использование логистических технологий в туристической индустрии позволяет достичь высоких результатов в основном за счет того, что «процесс внедрения не противоречит внутренней экономической политике туристских организаций, а дополняет её. Тем самым появляется возможность вывода фирмы на более высокий уровень развития, обеспечивающий укрепление финансового состояния, а также улучшение атмосферы и микроклимата в коллективе»[1]. Результатом должно стать повышение уровня управляемости, мобильности ресурсного потенциала предприятий туристской отрасли, оптимизация и рационализация всех экономических потоков и как итог, формирование эффективно работающего туристского комплекса.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– логистизация туристских процессов приведет к снижению издержек и улучшению качества обслуживания клиентов;

– оптимальный результат внедрения системы заключается в повышении уровня управляемости, оптимизации и рационализации экономических потоков, что впоследствии приведет к формированию эффективно работающей логистической системы.

Список литературы

1. Воронина А.В., Шевченко М.В. Логистический сервис в туризме / учебное пособие. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2015. – 165 с.
2. Киянова Л.Д. Управление сбытовой деятельностью предприятий на принципах распределительной логистики (на примере пищевой промышленности Краснодарского края): диссертация на соискание ученой степени канд. экон. наук: 08.00.05 – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный строительный университет, 2004. – 172 с.
3. Миронова О.А., Соколова Е.М. Роль зеленого туризма в обеспечении устойчивого развития региона (на примере Ростовской области) // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2016. – № 4 (56). – С. 61–67.
4. Назарова А.М. О логистическом подходе к управлению туристическими потоками // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2012. – № 1 (21). – С. 142–147.
5. Рожкова Н.В. Развитие туристских услуг с использованием инновационной логистики (на примере туристских фирм города Рязани: дисс. на соискание ученой степени канд. экон. наук: 08.00.05. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2007. – 162 с.

[1] Назарова А.М. О логистическом подходе к управлению туристическими потоками // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2012. – № 1 (21). – С. 145.

Кожевина О.В.
д.э.н., профессор МГТУ
ol.kozhevina@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ НА РОССИЙСКИЙ РЫНОК АВИАПЕРЕВОЗОК: ПОСЛЕДСТВИЯ И МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ

Ключевые слова*: глобальные вызовы, «шоки», рынок, авиаперевозки, пандемия, устойчивость, меры поддержки.*
Keywords*: global challenges, «shocks», market, air travel, pandemic, sustainability, support measures.*

Авиационная отрасль имеет стратегическое значение, в том числе сфера авиаперевозок. Сфера авиаперевозок оказалась одной из самых уязвимых к резкому изменению спроса и закрытию государственных границ в связи с объявленной пандемией COVID-19, ее влияние оказалось беспрецедентным и, вероятно, будет иметь долгосрочные последствия для российских авиапредприятий с медленным восстановлением (2–3 года). Постановлением Правительства РФ № 434 от 03.04.2020 г. «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» авиаперевозки, аэропортовая деятельность отнесены к наиболее пострадавшим видам деятельности, а пандемия признана обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажор).

Эксперты многих стран мира сходятся во мнении, что частные авиационные компании могут пострадать в большей степени, что приведет к их банкротству в разные периоды времени, но в течение 2020 года – первой половины 2021 года. Так, по официальным данным, авиакомпания Люфтганза (Lufthansa) теряет около 1 млн. евро ликвидных резервов каждый час, по отечественным авиакомпаниям такой информации нет.

Существенно пострадал малый и средний бизнес, смежный с авиаотраслью. Пандемия COVID-19 объективно снижает спрос на реактивное топливо для двигателей порядка 30–40%, поскольку авиакомпании отказывается от поставок. Пропускная способность аэропортов также значительно ограничена, объем пассажиропотока сократился с начала 2020 года примерно на 85%, что отразилось на аэропортовой деятельности. По ряду российских регионов динамика разная, что обусловлено неоднородными темпами распространения вируса. В большинстве регионов РФ вводится режим самоизоляции на 14 дней для прибывающих авиапассажиров из Москвы и Санкт-Петербурга по внутренним рейсам (зарубежные рейсы, а данном аспекте, не имеются в виду), что также негативно сказывается на спросе и планировании воздушных передвижений потенциальными пассажирами. Кроме того, сокращено количество рейсов по регулярным внутренним направлениям, об этом сообщили все крупные и средние авиакомпании России (Аэрофлот, S7, Уральские авиалинии, Ютэйр, ИрЭйр и пр.). «Аэрофлот» объявил о слиянии дочерних компаний «Россия» и «Победа», фактически ликвидируя бюджетного авиаперевозчика «Победа», но подобная практика отмечается сейчас и во многих зарубежных авиакомпаниях.

Поэтапное возвращение международных рейсов будет проблематичным для финансов авиакомпаний, большинство авиаперевозчиков получают основную часть своих доходов именно от международных рейсов, компенсируя затраты на внутренние перевозки таким образом; предположительно в странах Шенгенской зоны будут закрыты границы до августа-осени 2020 года. В отрасли авиаперевозок ожидаются серьезные изменения и в операционной деятельности. Маркетинговая стратегия авиапредприятий в сложившихся условиях крайне неэффективна, она также зависит от введенных ограничительных мер на уровне Президента РФ и Правительства РФ. Еще один немаловажный фактор, который может отсрочить восстановление авиаотрасли, и в целом, транспортной сферы – снижение доверия и сознательная социальная дистанцированность людей. Люди могут отказываться от поездок и перелетов из-за боязни межличностных контактов, этот фактор риска длительного снижения спроса рассматривается многими экспертами как значимый, и к нему должны подготовиться авиакомпании. После снятия ограничений и открытия границ после пандемии (открытие границ будет разным по странам, исходя из смещения заболеваемости по территориям), с одной стороны, авиакомпаниям нужно будет восстанавливать ликвидность и снижать убытки, следовательно, очень вероятно повышение тарифов на авиаперевозки, особенно по международным направлениям, а с другой стороны, социальная дистанцированность, и соответственно, необходимость стимулирования спроса на перелеты. Падение деловых поездок также начала 2020 года стремительное, – это конференции, форумы, выставки, международные мероприятия, деловой туризм, в настоящее время наблюдается коллапс на обозначенных профессиональных сегментах. От их «возрождения» после пандемии зависит доходность определенных востребованных направлений. Если рассматривать внутренние поездки, то это традиционно города: Екатеринбург, Красноярск, Сочи, Новосибирск, Нижний Новгород, Тюмень, Москва и Санкт-Петербург, что косвенно может способствовать снижению бюджетов городов за счет сокращения пассажиропотока. То есть, на муниципальном и региональном уровнях следует отдельно разрабатывать меры по стимулированию офф-лайн мероприятий, смещения их в территории (города, регионы) с более стабильной эпидемио-

логической обстановкой, поскольку вероятность их проведения в он-лайн форматах высокая на протяжении 2–3 лет после пандемии.

Указанный комплекс проблем требует разработки мер коммерческого поведения авиакомпаний уже сейчас, формирования резервов на покрытие дополнительных убытков. Длительное время будут нужны поддерживающие медицинские меры контроля, тестирования самочувствия пассажиров в аэропортах и местах большого скопления людей, продолжительное чувство страха перед вирусами также прогнозируется специалистами-психологами. Из этого следуют дополнительные меры профориентационной поддержки населения, рекламы личной безопасности и сохранения здоровья, по сути, социального характера. В местах большого скопления людей это признается обязательной мерой, в том числе увеличивающей со временем социальную мобильность граждан (как внутреннюю, так и международную). Эти меры должны быть соответствующим образом разработаны, организованы и реализованы как самими авиакомпаниями, так и заинтересованными организациями.

На федеральном уровне необходимо проработать вопрос субсидирования внутренних перелетов и частичного покрытия убытков авиакомпаний за счет средств федерального бюджета. Однако широкое внедрение этой меры проблематично. В России только одна авиакомпания с государственным участием – «Аэрофлот». Необходимо сформировать резервный фонд для оперативной помощи региональным авиакомпаниям, субсидирования лизинговых и страховых платежей, охраны и стоянки судов в аэропортах, но компенсировать все расходы и потери авиаперевозчиков невозможно, и не рационально с позиции высокой нагрузки на бюджет. В сложившихся условиях, мораторий на банкротство – спорная мера. Неэффективные компании сферы авиаперевозок, в силу объективных обстоятельств, войдут в зону банкротства.

В начале апреля 2020 года авиакомпания «Аэрофлот» анонсировала остановку возврата денежных средств за несостоявшиеся полеты, она будет их возвращать ваучерами на будущие полеты. Международная ассоциация воздушного транспорта рекомендовала всем странам разрешить выдавать пассажирам вместо денег депозитные ваучеры. Вместе с тем, данная мера не согласуется в ФЗ «О защите прав потребителей», необходимы изменения в порядок возврата денежных средств, а это затронет всю сферу услуг. Любой покупатель вправе выставить претензию на возврат денег за не оказанную услугу, в судебном порядке (глава III, ст. 29–32 ФЗ «О защите прав потребителей», п. 2. ст. 782 ГК РФ).

Для понимания глубины финансовых проблем в отрасли авиаперевозок необходимо сформировать единую информационную базу и организовать регулярный мониторинг по ключевым показателям развития отрасли по всем российским авиаперевозчикам, а также в разрезе по субъектам РФ (показатели: авиапарк, динамика количества ежедневных рейсов, пассажиропоток, объем трафика в пасажиро-километрах, динамика по летному и вспомогательному составу, доля уволенных сотрудников, размер долговых обязательств авиакомпаний, в том числе просроченных, размер дебиторской задолженности, в том числе просроченной, коэффициент загрузки самолетов). Это позволит иметь полную и достоверную информацию об операционной деятельности, об убытках и расчета необходимого объема поддержки авиакомпаний, любо за счет федерального, либо за счет регионального бюджетов, а также поддержки занятости. Позволит и прогнозировать последствия для коммерческих банков, которые кредитовали авиаперевозчиков в связи с реструктуризацией и отсрочкой по кредитам (кредитные каникулы). Целесообразно выявить динамику спада малого и среднего предпринимательства (сфера услуг, торговля, общественное питание, клининг, логистика, сервис), дислоцированного на территории аэропортов, либо связанных с коммерческой деятельность авиакомпаний. Подобный анализ также позволит представить объем малого и среднего предпринимательства (МСП), занятого в смежной деятельности, и его суммарный размер убытков.

Кротова М.В.
к.э.н., доцент, с.н.с. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

ЗАДАЧА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО И РАСПРЕДЕЛЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОМПАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ)

***Ключевые слова**: Евразийская цивилизация, история СССР, суверенитет России, смешанная экономика, газовая промышленность России, вертикально-интегрированные компании, ПАО «Газпром», корпоративное управление, национальные модели корпоративного управления.*

***Keywords**: Eurasian civilization, history of the USSR, sovereignty of Russia, mixed economy, gas industry of Russia, vertically integrated companies, PJSC Gazprom, corporate governance, national models of corporate governance.*

Смешанная экономика с централизованным руководством стратегическими хозяйственными комплексами и видами деятельности (либо по не применяющейся в настоящее время, но распространенной у исследователей терминологии – отраслями) рассматривается в настоящее время как гарантия национального суверенитета страны и ее эволюционного экономического и технологического развития. Несмотря на имеющийся массив публикаций идеологического и аналитического характера, например, в деловой газете «Взгляд[1]», вопросы влияния ценностей и отношений между субъектами рынка на экономические практики, и в частности, управление бизнесом, практически не рассматриваются.

В основе деления стран на цивилизации – как своего рода социокультурные системы с различными совокупностями «данных»: ценностными установками, целями и отношениями между человеком и государством, лежит в том числе и географический фактор. Реальность такова, что сложившаяся в XIX–XX вв. география добычи и экспорта нефти и газа во многих регионах Земного шара совпадает с распространением незападных методов ведения бизнеса и деловой этики, высоко ценящей коллективистские начала в организации общества и экономики. Данный факт означает еще и то, что Россия относится к незападным цивилизациям не только в социокультурной, но и в ресурсной, материалистической трактовке.

Многие авторы, как например, И.В. Понкин[2] справедливо указывают, что заимствование западных практик в 1990-е гг. носило конфликтный характер и формировало существенные «управленческие девиации», т.е. формировало изначально дефектную систему управления, поддержание которой неэффективно, требует перерасхода ресурсов и может привести к саморазрушению, в т.ч. путем подчинения внешним силам, относящимся к другой цивилизации. По сути, именно преодолением этих управленческих девиаций занималась в 2000-е гг. и нефтяная, и газовая промышленность.

Понимание цивилизации как ценностной основы деятельности человека [10], восходит к работам западных исследователей в области геополитики и политической социологии: М. Вебера, Д. Макиндера, С. Хантингтона и других. За последние 20 лет восприятие цивилизационной самостоятельности России в отечественной науке и публицистике существенно изменилось, от негативного и ассоциирующегося с догоняющим развитием в 1990-е гг., до позитивного в настоящее время. Выделяют такие сильные стороны незападных цивилизаций, по которым Запад ничего не может противопоставить ни России, ни другим ведущим странам Евразии:

- объединение подавляющей части населения Земли;
- основанная на традиционных ценностях идеологическая консолидация народа и элит, способная обеспечить военное преимущество и выходить из кризисов без угрозы утраты суверенитета.

Мировой опыт показывает, что самостоятельная цивилизация может, хотя и на коротком историческом отрезке (эмпирически 20–25 лет), использовать догоняющие стратегии и рыночные структурные реформы для доведения национальной промышленности до конкурентоспособного уровня, как это осуществил в конце XX века Китай. В определенный момент возникает ситуация стратегического выбора, связанная с дальнейшим экономическим и геополитическим курсом страны. Важнейшим из критериев выбора для любой страны и соответствующей ей цивилизации будет положение в иерархии мировой экономики и шире, мирового военно-политического порядка, включая видение соответствующих перспектив развития (табл. 1).

[1] См. сетевой ресурс www.vz.ru
[2] Понкин И.В. Основы публичного управления. – М.: АзБукиВеди, 2017.

Таблица 1

Характеристики основных типов национальных стратегий по соотношению геополитических и экономических критериев

Тип стратегии, геополитический выбор	Стратегии развития национальной экономики и технологий	Обеспечивающая экономическая политика
Заявка[1] на глобальное лидерство: полный суверенитет, формирование собственных альянсов – стратегия России	Глобальное лидерство – финансово-экономическое, технологическое, ресурсное, основанное на национальных целях и ценностях	Суверенная финансовая система, отражающая особенности национальных целей и ценностей во взаимодействии всех участников на внутреннем и внешнем рынках Обретение лидерства в основных технологиях всех категорий – оборонных, двойного назначения, гражданских, являющихся ключевыми для обеспечения мировой стратегической стабильности и высокого по мировым меркам потенциала национальной экономики Создание и государственная поддержка компаний-национальных чемпионов с экспортным потенциалом, способным оказывать воздействие на формирование соответствующих мировых рынков
Стремление к обеспечению максимально возможного суверенитета, изоляционизм	Стремление к технологической независимости, внедрение национальных ценностей в экономику и менеджмент Технологическое лидерство по отдельным технологиям или их группам	Ограничение финансового взаимодействия с внешним миром в зависимости от сочетания геополитических, макроэкономических и структурных факторов Импортозамещение или протекционизм, ограничениями для которых служит дефицит собственных ресурсов Формирование и продвижение успешных национальных экспортных товаров и сервиса Копирование иностранных инноваций с адаптацией к национальным целям и рынкам
Многовекторные геополитические стратегии, с учетом ограниченности ресурсного потенциала	Догоняющее развитие концентрация государственной политики на преимущественно экономических приоритетах	Финансовая система, как правило, открытая, могут присутствовать отдельные ограничения по капитальным операциям Поддержание в экономике значительных объемов реализации экспортной продукции, Копирование технологий и реэкспорт
Ограниченный суверенитет, вхождение в другие системы коллективной безопасности	Длительное догоняющее развитие, частичная деиндустриализация	Открытая финансовая система Ставка на импорт технологий, с приоритетной ценностью обеспечения экспортной выручки, либо занятости Копирование технологий ограничено в силу следованиям стандартам более сильных союзников по защите их интеллектуальной собственности

Вышеприведенную классификацию, позволяющую распознавать и формировать фундаментальные основы постановки и выработки национальных целей, разработал автор настоящей статьи на базе материалов Вольного экономического общества[2] и работы В.В. Иванова (Президиум РАН, РАНХиГС)[3]. Что не очевидно из данной таблицы, так это вопрос о том, где пролегает граница между различными «градациями» суверенитета как для страны в целом, так и для ее различных «подсистем» – финансовой, научно-технологической, которые отражены в таблице, а также собственно управленческой подсистемы, в которой и происходит принятие решений о суверенном развитии и путях его практического достижения? Для ответа требуется выход за рамки макроэкономической и национальной технической политики и переход к уровню вертикально-интегрированных компаний, отраслевых комплексов и крупных хозяйствующих субъектов, или «мезоэкономики»[4]. Именно на этом уровне:

- происходит непосредственная реализация решений высшей и исполнительной власти, обеспечивающих суверенное развитие страны;
- принимаются решения о способах обеспечения суверенного развития, через портфель закупок и заказов, технологические разработки, корпоративную культуру и т.д.

К интерпретации мезоэкономики с точки зрения анализа возможностей крупных хозяйственных комплексов России как участников построения новой суверенной и эффективной экономики вплотную подходит понятие т.н. концептуальной независимости, логически понимаемое как то, что страна и ее основные подсистемы, в том числе, и производственно-технические, «живут своим умом», по меньшей мере, не управляются по заимствованным и чуждым собственной традиции правилам. Рассуждения о необходимости обеспечения концептуальной независимости России распространялись в малотиражной публицистике 1990-х гг. Авторами были специалисты, большинство из которых составляли выходцы из оборонно-промышленного комплекса и наук естественно-математического профиля, что скорее всего, и предопределило происхождение этого термина.

Дело в том, что в научном обороте стандартного термина «концептуальной независимости» не используется, а при попытке обнаружить его в энциклопедиях и справочниках, автор отмечает, что имел место перенос базового по-

[1] В современной англоязычной литературе используется термин «Great Power Competition», введенный в оборот исполнительной властью США (2018 г.)

[2] См. сетевой ресурс www.veorus.ru

[3] Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2015. – 383 с.

[4] Системные проблемы отечественной мезоэкономики, микроэкономики, экономики предприятий: материалы Второй конференции Отделения моделирования производственных объектов и комплексов ЦЭМИ РАН (Москва, 12 января 2018 г.) / Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. Вып. 2. – М.: ЦЭМИ РАН, 2018. – 156 с.

нятия концептуальной независимости как характеристики баз данных из англоязычной литературы (Logical Data Independence, Operation Data Independence или просто Data Independence), т.е., буквально логической и операционной независимости данных, на характеристики сложных социально-экономических систем:

Так, согласно академическому электронному словарю[1] «*Data independence is the type of data transparency that matters for a centralized DBMS. It refers to the immunity of user applications to make changes in the definition and organization of data. Physical data independence deals with hiding the details of the storage structure from user applications. The application should not be involved with these issues, since there is no difference in the operation carried out against the data. The data independence and operation independence together gives the feature of data abstraction*». Авторы-публицисты, с 1990-х гг. обеспокоенные опасной перспективой превращения России в страну догоняющего развития, по сути сделали понятие концептуальной независимости из технического гуманитарным, подчеркивая составляющие данного академического термина:

- лежащая в основе термина концепция независимого управления социально-экономической системой может быть смоделирована в качестве сложной структуры данных с различными уровнями пользования, к изменениям которой имеют доступ только разработчики, тогда как к концептуально зависимой системе имеют доступ и внешние «пользователи»;
- иммунитет, защищенность структуры логики объекта, в данном случае, логики (системы ценностей, управленческих процессов, знаний, культуры) от подмены их ценностями, логикой принятия решений и интересами внешней силы – например, международного инвестора или регулятора, выдвигающего обязательные для отрасли или компании требования;
- понятие концептуальной независимости существует только в централизованных системах; в исходной трактовке это системы управления базами данных, в дальнейшем такой технический образ был распространен на управленческую вертикаль в масштабах как страны, так и ее компаний, формирующих экономический потенциал;
- важно разделение основного понятия независимости данных на независимость «обычную», логическую или операционную, и физическую. С физической независимостью данных ассоциируются представления об импортозамещении оборудования и технологий; с логической – организационные структуры, методы принятия решений, финансовые потоки, корпоративная культура и лежащие в их основе ценностные установки.

Концептуальную независимость крупной социально-экономической структуры, с точки зрения автора, можно определить как объединение ценностей, социальных установок, организационных структур и методов принятия решений, с процессами обеспечения производства необходимыми материалами, техникой и технологиями, необходимыми для длительного самостоятельного развития этой структуры как социально-экономической системы. Национальный контроль является необходимым условием развития крупного хозяйственного комплекса как неотъемлемой части суверенной и нацеленной на лидерство экономики страны.

Тем не менее, вопрос об оптимальном для концептуально независимой системы (отрасли, компании) соотношении централизованных и децентрализованных управленческих полномочий, а также допустимого и недопустимого управленческого воздействия, из вышеприведенных определений не вытекает автоматически.

В современной практике мезоэкономический анализ достаточно проблематичен, ведь большинство механизмов принятия решений в бизнесе являются закрытыми. Известно, например, что материалы сетевого сообщества LEADER-ID, ориентированного аудиторию квалифицированных специалистов и управленцев низового и среднего звена, строятся на адаптированных – в большей или меньшей степени – международных практиках разделения производственного и финансового менеджмента:

- введение жесткой централизации корпоративного управления и его функциональной фрагментации[2];
- внедрение в сложившиеся, консервативные по своему укладу коллективы бизнес-процессов;
- овладение новыми, часто импортными технологиями методов управления персональной эффективностью и развитием лидерских компетенций[3].

Финансовая и управленческая основа данных деловых практик восходит к нормативно-законодательной базе 1990-х гг.[4], когда нефтяные компании и естественные монополии России, к которым относится современное ПАО «Газпром», были подвергнуты структурным реформам, согласованным с международными финансовыми организациями – МВФ, ЕБРР и др. Сохранившейся с тех времен практикой стало введение иностранных представителей в советы директоров практически всех компаний нефтегазового комплекса, хотя контролирующими акционерами они нигде не стали.

Вертикально-интегрированные компании и естественные монополии через системы налогообложения, дивидендную политику и взаимодействие со структурами исполнительной власти должны были, судя по тексту Указов и политики тогдашнего Министерства топлива и энергетики, формировать финансово-экономический ресурс для рыночной экономики с большим потенциальным спросом на иностранные инвестиции. Предполагавшийся срок прове-

---

[1] Определение доступно по ссылке: https://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/864082

[2] Шагиев Р.Р. Интегрированные нефтегазовые компании / Под ред. Аганбегяна А.Г.; Акад. нар. хозяйства при Правительстве Рос. Федерации. – М.: Наука, 1996. – 303 с.

[3] Человеческие ресурсы нефтегазовых компаний: [монография] / Шагиев Р.Р., Дьяконова Н.А. – М.: Институт нефтегазового бизнеса, 2002. – 291 с.

[4] См. Указ Президента РФ от 1 апреля 1995 г. № 327 «О первоочередных мерах по совершенствованию деятельности нефтяных компаний».

дения структурных изменений[1] – от полугода до 2–3 лет – не оставлял исторического времени на выработку самостоятельных управленческих подходов и решений. «Газпром» и нефтяные компании были вынуждены при исполнении положений документов исполнительной власти применять элементы стратегий догоняющего развития, зависимости от импортных технологий, принципов подбора и развития персонала. Подобное положение сохранялось вплоть до кардинальных политических решений 2000-х гг., связанных с именем Президента РФ В.В. Путина и направленных на сохранение государственного суверенитета над недрами и ТЭК.

Применение категории «евразийской модели» к описанию ТЭК России, как правило, сводится к следующим характеристикам: подконтрольная правительству, т.е., государству, крайне жесткая, но структурно простая и в силу этого – застрахованная от кризисов, устойчивая но обязательно экономически эффективная система. Именно такой предстает система управления газовой отраслью СССР в одной из последних исторических работ, изданных Российским газовым обществом[2]. Тем не менее, несмотря на свою формальную жесткость, эта система управления, по оценке ныне возглавляющего Российское газовое общество П.Н. Завального, продемонстрировала высокую способность к саморазвитию.

На историю газовой промышленности и в более широком смысле – нефтегазового комплекса России – наложил свой отпечаток процесс постоянного поиска баланса между централизованным и децентрализованным управлением, ставший основным предметом работы советских управленцев-практиков и ученых после Великой Отечественной войны. Переломный момент истории здесь – 1957 год, когда по решению Н.С. Хрущева были упразднены отраслевые министерства, и основной организационной формой государственного управления промышленностью стали Советы народного хозяйства (совнархозы), границы которых соответствовали территориальному делению СССР. Данное решение высшей власти СССР находится в определенном соответствии с не-советскими теоретическими представлениями о евразийской цивилизации, в основе которой лежит относительно автономное освоение неоднородных по своему потенциалу территорий, что отражено в многочисленных работах публицистического характера[3].

Главный историко-экономический итог деятельности совнархозов заключался еще и в том, что они, по мнению профессора МГУ Н. Иващенко[4], фактически заложили сохранившийся и в наши дни принцип управления большинства крупных промышленных предприятий как функционально-территориальный в рамках жесткой, практически линейной структуры вышестоящих органов государственного управления. Поскольку вышестоящая структура тяготела к линейной, функции государственного управления, или владения и стратегического развития, с одной стороны; и контроля за финансово-хозяйственной деятельностью, были слиты, а их исполнители взаимодействовали между собой практически без существенных внутрислужебных ограничений.

Газовая и нефтяная промышленность сохранила централизованное управление в форме Министерств нефтяной и газовой промышленности СССР. Это также соответствует ценностям, общим для СССР и традиционной евразийской цивилизации: нефть и газ здесь одновременно и мобилизационный ресурс, и общественное благо. С другой стороны, влияние децентрализации 1950–1960-х гг. на ТЭК, наиболее известное автору на примере газовой промышленности, проявилось на уровне отдельных предприятий. Вследствие существенной разницы в геологических, климатических, транспортных и иных исходных условий их деятельности, сами предприятия газовой и нефтяной промышленности получали определенную автономию, т.к. отраслевое управление не могло бесконечно согласовывать технические параметры с руководством на местах.

Управления по добыче газа и Управления магистральных газопроводов вступали в хозяйственные отношения с другими отраслями, не имевшими централизованного подчинения. В результате предприятия (Управления) сами превращались в территориально-производственные комплексы, включавшие в себя не только основное производство, но также капитальное строительство, техническое обслуживание, подсобное сельское хозяйство и социальную сферу. Эти виды деятельности велись в силу сложности территориальных и транспортных условий в значительной мере хозяйственным способом: освоение новых технологий, изобретательская деятельность и рационализаторство.

Здесь, с точки зрения автора, следует зафиксировать расхождение между западной и евразийской экономической моделью. В западной модели создание и обслуживание технологий отводится жестко специализированным компаниям – сервисным, инжиниринговым и т.п. При необходимости, практически любое звено в этой технологической цепочке может быть выделено из головной компании в независимый бизнес, реорганизовано или обанкрочено. Почти любая из специализированных сервисных компаний, работающих на подрядной основе, может быть заменена на конкурента, в т.ч., иностранного. Напротив, в евразийской модели (в ее советском приложении) обслуживание технологических процессов и инновационная деятельность сама «вырастает» из основного производства, благодаря чему адаптация новых технологий не требует оформления конкурсной документации, а также формального или реального выполнению процедур подачи конкурентных заявок и торгов.

Несмотря на централизованное распределение средств в условиях административно-командной экономики, схема реализации и нефти, и газа предприятиями на местах приводила к тому, что доходы отраслей номинально сосредотачивались на балансе самих Управлений – и после этого переходили в распоряжение отраслевого Министерства. Иными словами, если бы не государственная собственность, распространявшаяся в СССР на все имущество

---

[1] Указ Президента РФ от 28 апреля 1997 г. № 426 «Об Основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий».

[2] История газовой отрасли России / Российское газовое общество; (редакционный совет председатель П.Н. Завальный и др.). – М.: Граница, 2016. В 3 т.

[3] Кара-Мурза С.Г. Русская матрица: будет ли перезагрузка? – М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2012. – 240 с.

[4] Иващенко Н.П. Производственно-экономические системы в промышленности России: (Трансформация, формирование, развитие) / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Экон. фак. – М.: ТЕИС, 2000. – 283 с.

Управлений магистральных газопроводов, равно как и необходимость согласовывать свои действия в Министерстве, Управления магистральных газопроводов действовали как бизнес-единицы с собственной зоной обслуживания, в границах которой осуществлялся полный цикл финансово-хозяйственной деятельности, включая ремонт, обслуживающие и подсобные производства.

Существенным выводом оказывается концептуальная независимость, самостоятельность данной финансово-хозяйственной модели, обусловленной сочетанием централизованного, во многом родственного военному, начала, с маневром возможностями на местах, присущим традициям экспедиции[1], поиска и обустройства незнакомой и тяжелой по климату территории.

После отстранения Н.С. Хрущева, в 1965 г. происходит воссоздание отраслевой системы управления через союзные Министерства, что отвечало коммунистической догматике. Но в нефтегазовом комплексе, согласно оценкам О.Л. Гавриной[2] (впоследствии ОАО «ГИПРОТрубопровод»), схема финансово-хозяйственных отношений не претерпела принципиальных изменений. Предприятия, в том числе, обслуживающие магистральные газопроводы, формально приобретали сырье у своих предшественников по технологической цепочке, т.е. у других Управлений по добыче газа и Управлений магистральных газопроводов (УМГ), и продавали его другим УМГ либо газораспределительным организациям (ГРО), получавшим имя от своей территориальной привязки, например, Мосгаз, Леноблгаз. Сырье и поступавшие за его реализацию средства находились на балансе предприятий, также как и работы, осуществлявшиеся хозяйственным способом. Автору настоящей работы известны устные, неформальные оценки того, что возможности директоров предприятий по быстрому маневрированию государственными средствами в газовой промышленности бывшего СССР в определенных вопросах превосходили то, что определено как право хозяйственного ведения применительно к современным государственным предприятиям в действующей редакции первой части ГК РФ.

Следующей вехой в реформировании советской промышленности[3] стал Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», принятый 30 июня 1987 г., который фактически снял препятствия для формирования стратегии их деятельности, включая и во многом деструктивные процессы. Грузовладельцем находящегося в газо- или нефтепроводе углеводородного сырья, следуя логике данного Закона, являлось каждое предприятие, относящееся к основному производству. С января 1988 г. все бывшие УМГ Министерства газовой промышленности СССР получили статус Производственных объединений (ПО) и были переведены на самофинансирование и хозрасчет, с сохранением транспортируемого газа на балансе. Отменялись ограничения отраслевой специализации, благодаря чему – еще государственные – ПО вели одновременно несколько видов деятельности, причем для отдельных предприятий, расположенных вблизи государственной границы СССР, в начале 1990-х гг. рассматривалась возможность вести отдельные экспортно-импортные операции[4]. Постановлением Совета Министров СССР от 08.08.1989 г. № 619 был образован Государственный газовый концерн «Газпром» (далее ГГК «Газпром»), что является основным итогом длительной внутренней эволюции хозяйственных отношений охарактеризованных выше десятилетий, вплоть до момента распада СССР.

Данные свойства евразийской, по сути своей, экономической модели сохранялись вплоть до середины 1990-х гг. За относительно короткий период первой половины 1990-х гг. на базе предприятий ТЭК формировалась стихийная модель хозяйственной и инновационной деятельности с центром принятия многих решений на местах. Эта модель не получила должного описания в научной и практической литературе; евразийские тезисы, естественные для объяснения российских хозяйственных традиций, вытеснялись догматикой планового хозяйства. Образцом подробного описания формально выстроенных финансово-хозяйственных связей УМГ, впоследствии с минимальными изменениями преобразованного в ПО, может считаться учебное пособие[5] для студентов специализированных высших учебных заведений, изданное в начале 1970-х годов в Ленинграде. Ценность данного источника можно определить еще и потому, что она находится в современном каталоге электронной библиотеки геологической литературы[6].

Тем не менее, в результате политического давления на руководство вертикально-интегрированных компаний, прежде всего нефтяных, со стороны тогдашних Госкомимущества Российской Федерации, Государственного Комитета РФ по антимонопольной политике и ряда других ведомств правительственного финансово-экономического блока, с середины 1990-х гг. эта стихийно складывавшаяся евразийская модель была ликвидирована самими руководителями новых хозяйственных комплексов. Эталоном реструктуризации управленческих и финансовых связей в вертикально-интегрированной компании ТЭК стал практический опыт «ЛУКОЙЛа». состоявшейся в 1995 году. В аппарате управления «ЛУКОЙЛа» было сформировано прежде не существовавшее управленческое звено – т.н. «Финансовая компания». Номинально в ее задачи входило ускорение и упорядочение финансовых платежей между предприятиями (ПО) переданными в компанию на основании Указа Президента РФ Б.Н. Ельцина № 1403 (1993 год), но на самом деле, ПО были лишены любой оперативной самостоятельности. Вся добываемая компанией нефть, равно как и попутный газ, и продукция нефтепереработки, начали учитываться на балансе Финансовой компании.

Финансовая деятельность добывающих предприятий и нефтеперерабатывающих заводов в течение нескольких этапов оказалась ограничена операциями, необходимыми для поддержания текущей деятельности. Бывшие ПО в те-

---

[1] Об этом см. История газовой отрасли России. 1946-19991. Книга вторая / Отв.ред. Гайсин Р.М. Российское газовое общество; (редакционный совет председатель П. Н. Завальный и др.). – М.: Граница, 2016. – 536 с.

[2] Гаврина О.Л., Кротова М.В., Структурные парадоксы в нефтяных компаниях // Нефть России. 1997. – № 7.

[3] Иващенко Н.П. Производственно-экономические системы в промышленности России : (Трансформация, формирование, развитие) / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Экон. фак. – М.: ТЕИС, 2000. – 283 с.

[4] Сто лидеров российской промышленности. – М.: Воскресенье, 1996. – 295 с.

[5] Жигалова И.М. Организация и планирования на магистральных газопроводах. – Л.: Недра, 1973. – 264 с.

[6] По ссылке: http://www.geokniga.org/books/21876

чение нескольких лет фактически перешли на исполнение задач и функций сервисного подрядчика. Непрофильные производства, «разросшиеся» в 1980-е гг., за тот же период были выведены за рамки корпоративной структуры, как правило, в зависимые от ОАО «ЛУКОЙЛ» ООО и ЗАО с небольшим контролем капитала и налаженными связями с прежним учредителем как заказчиком. Именно этот вариант оказался оптимальным для того, чтобы новые компании, образованные путем передачи в них прежних ПО, обрели максимальный контроль за полученными ими активами.

В отрасли существует мнение, что за всеми преобразованиями нефтяной отрасли по модели компании «ЛУКОЙЛ» стоял мотив иностранных инвестиций и развитие экспорта. Эффективное взаимодействие с импортерами и сервисными компаниями не представлялось возможным до тех пор, пока составляющие холдинг предприятия находились между собой в хозрасчетных отношениях, продавая и покупая нефть друг у друга. Более того, с точки зрения многих отечественных руководителей, сама западная модель управления нефтегазовыми компаниями[1] представляется в виде жестко централизованной организации, в которой финансы, сбыт, производство и сервис, управляются централизованно, каждый по своей функции, с минимальным ощущением единства хозяйственных интересов на местах.

Намерение отраслевых руководителей заимствовать лучшие зарубежные практики объясняется стремлением руководства компаний к максимальной эффективности буквально каждого рабочего места в финансово-технологической цепочке, т.е. мотивами власти и контроля. К более традиционным, отечественным методам управления, предполагавшим, например, комплексные инженерные знания, высокую степень автономии исполнителя, сохраняется недоверчивое отношение. Вопрос же о действительном соответствии «лукойловской» модели управления компаниями западной практике, практически не обсуждается.

В системе корпоративного управления «Газпрома» аналогичные управленческие изменения изначально рассматривалась как важная часть проекта структурных реформ стратегических отраслей экономики страны, связанного также и с определенными стратегическими рисками. Путь к реструктуризации «Газпрома» открыл Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 28 апреля 1997 года № 426 «Об основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий». Результатом исполнения этого документа стало появление единого торгового посредника – ООО «Межрегионгаз», по структуре схожего с Финансовой компанией «ЛУКОЙЛ». С балансов предприятий ОАО «Газпром» и его дочерних производственных предприятий, работающих как подрядчики материнской компании, регулярно списывались непрофильные активы. Жесткое функциональное разделение сфер деятельности и разрыв обмена информацией между работниками на местах вначале ассоциировались с перспективой более глубоких преобразований «Газпрома», так же как и в нефтяной промышленности, связывавшихся с интересами иностранного капитала Центральной Европы, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, в меньшей степени – США.

С середины 1990-х гг. и до принятия в середине 2004 г. законодательных решений о сохранении централизованного и подконтрольного государству управления газовой отраслью, только политическая воля и лоббистские усилия высшего руководства «Газпрома» обеспечивали сохранение организационного единства отрасли. «Газпром», по сути, проявил себя как концептуально независимая компания, по своим организационным принципам и ценностным установкам сформировавшая современное представление о Российской компании, способной эффективно отстаивать национальные интересы в условиях открытой экономики и экономических кризисов.

Современные модели и методы корпоративного управления в нефтегазовом комплексе России являются результатами наложения управленческих практик как минимум трех исторических эпох:

- советской административно-командной экономики;
- приватизации и корпоратизации в период псевдорыночных реформ 1990-х гг.;
- периода послекризисного восстановления 2000-х гг.,
- импортозамещающего суверенно-ориентированного развития, запрос на которое наиболее отчетливо проявился в настоящее время (см. табл. 2 для основных характеристик этих этапов).

В настоящее время последствия унификации структуры компаний нефтегазового комплекса Отказ от продолжения приватизации ТЭК и его существенное огосударствление в 2000-2010-е гг. сформировал в сфере основного производства – исключительно устойчивую систему, сочетающую привилегии государственных компаний с гибкостью коммерческих отношений. Поэтому в настоящее время можно лишь гипотетически рассуждать, в чем были бы недостатки, и в чем – преимущества децентрализованной модели корпоративного управления перед централизованной в условиях, например, финансового кризиса 2008 года, или сложной геополитической обстановки и давления на крупные российские компании через санкции. Среди профессионалов сложился консенсус, что для преодоления подобных кризисов оптимальна именно жесткая интегрированная структура компании с доминированием государства в ее акционерном капитале.

Таблица 2

Краткие итоги влияния основных исторических периодов развития компаний нефтегазового комплекса на управление и инновационное развитие

[1] Об этом см., например, Алекперов В.Ю. Нефть России: прошлое, настоящее и будущее. – М.: Креативная экономика, 2011. – 432 с.

Периоды	Результаты, значимые для корпоративного управления	Результаты, значимые для научно-технического развития
1946–1991 гг.	Формирование основной инфраструктуры Единой системы газоснабжения Сохранятся централизованное управление отраслью, включая неоднозначный период совнархозов Министерство газовой промышленности СССР являлось исторической формой консолидации управления газовой отраслью Отмечались периоды, когда весь нефтегазовый комплекс управлялся единым ведомством – Миннефтегазпром СССР Территориально-функциональный принцип в организации структурных единиц в газовой отрасли на местах (УМГ), в 1980-е гг. преобразованные в «ПО–трансгазы» Территориальный принцип организации структурных единиц доминирует над функциональным Территориальные единицы действуют на базе формального хозрасчета, т.е. отгруженная и реализованная продукция отражалась на их счетах	Подтверждение возможности СССР создать газовую отрасль без привлечения иностранных специалистов, на 100% обеспеченность собственными кадрами Двойственный характер подготовки специалистов для отрасли: специализированные нефтегазовые вузы + отдельные факультеты политехнических вузов Формирование отраслевой линейки институтов: ВНИИгаз, его филиалы (отделения) в крупнейших промышленных центрах страны, научно-исследовательских и проектных организаций Формирование зависимости от импортных поставок по определенной номенклатуре технологического оборудования, инфокоммуникационные системы, средства технической диагностики и геофизическое оборудование
1991–2000 гг.	До 1997 г. система корпоративного управления ОАО «Газпром» развивалась на основе широкой хозяйственной самостоятельности дочерних предприятий, ставших правопреемниками государственных предприятий ГГК «Газпром» Предприятия самостоятельно реализовали добываемый или транспортируемый газ После Указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 28 апреля 1997 года №426 «Об основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий» все дочерние предприятия стали функционировать в режиме подрядчиков, выполняющих услуги по транспортировке и добыче газа, в интересах материнской компании ОАО «Газпром» Создание ООО «Межрегионгаз» для централизации сбыта газа, консолидации финансовых результатов от работы на внутреннем рынке В нефтяных компаниях централизация товарно-финансовых потоков, аналогичная «Газпрому», началась на несколько лет раньше. Первый опыт централизации сбыта и перевода дочерних предприятий на подрядную форму отношений был накоплен у нефтяной компании «ЛУКОЙЛ»	Общий технологический застой, сопровождавший трансформационный спад экономики страны, в т.ч. распад или сокращение научных и научно-производственных организаций Увеличение изобретательской и инновационной активности на местах, прежде всего в части совершенствования методов ремонтных работ, диагностики и техобслуживания, т.е. шел процесс формирования сервиса внутри предприятий основного производства Возникновение в регионах т.н. непрофильных организаций, в т.ч. способных адаптировать к местным условиям импортные технологии Возникновение в системе подготовки специалистов для отрасли ряда высокотехнологичных специальностей и специализаций Появление центров переподготовки и повышения квалификации специалистов Проектно-изыскательские работы в области создания Единой системы газоснабжения (ЕСГ) Востока России Проектно-изыскательские работы и геологоразведочные работы для подготовки освоения Арктики, поиски их законодательного и структурного оформления в интересах государства
2000–2014 гг.	Закрепление в федеральной собственности контрольного пакета акций ОАО «Газпром» (2004 г.) Выход иностранных компаний из числа стратегических инвесторов ОАО «Газпром» (начало 2010-х гг.) Ввод в эксплуатацию ряда крупных месторождений, позволивших компенсировать исчерпавшиеся Уренгой, Надым, Ямбург Начало работ в Арктической зоне РФ, совместно с НК «Роснефть» и рядом иностранных интегрированных и сервисных компаний Восстановление геологоразведочных работ на газ и объемов поисково-разведочного бурения Начало проектирования и дальнейшего сооружения ЕСГ в восточных регионах России: газопровод до Кемерово, газопроводы Сахалин-Хабаровск-Владивосток и «Сила Сибири» Вхождение «Газпрома» в капитал компаний электроэнергетической отрасли Постоянная работа по оптимизации финансовых потоков, в т.ч. в сбыте газа на внутреннем рынке и взаимодействии с субъектами Федерации Активное внедрение новых принципов корпоративного управления, бюджетирования и кодексов корпоративного поведения	Проектно-изыскательские работы в области продолжения развития ЕСГ Востока России и комплексного освоения этой территории с учетом ЕСГ Проектно-изыскательские работы и геологоразведочные работы для подготовки освоения Арктики, начало опытно-промышленной эксплуатации на ряде объектов, их подготовка к крупномасштабному освоению Активное внедрение новых принципов корпоративного управления, где в качестве главного критерия эффективности технологического развития принималась конкурентоспособность оборудования и технологий. Импорт рассматривался как компенсатор неконкурентоспособного отечественного производства, в т.ч. Выделение из структуры интегрированных компаний – сервисных предприятий, и формирование на их базе собственно компаний нефтегазового сервиса, например, в нефтегазовой геофизике Выделение из структуры дочерних предприятий – непрофильных производств и сервисов, их частичная ликвидация либо передача эффективных производств в сервисные компании и другие отрасли
2014 г. – н.в.	Формирование новых центров добычи и логистики в газовой отрасли, в т.ч., вблизи границ РФ: Черноморский регион, Баренцево море, Восточная Сибирь, Дальний Восток	Создание Корпорации развития нефтегазового машиностроения в структуре РОСТЕХа Открытие масштабных проектов по импортозамещению основных типов отраслевого оборудования и

	Открытие масштабных проектов по импортозамещению основных типов отраслевого оборудования и технологий Постоянная работа по оптимизации финансовых потоков, в т.ч., в сбыте газа на внутреннем рынке и взаимодействии с субъектами Федерации, с учетом возможностей высокотехнологичного учета и оплаты потребленных ресурсов (цифровой экономики) Начало работы газовой биржи	технологий Работы в области BIG DATA и становление цифровой экономики, в т.ч. переход от автоматизированных к цифровым методам контроля технологических процессов Разработка различных, часто конкурирующих методологий прогнозирования технологического развития отрасли и смежных производственных комплексов

В качестве выводов, можно выдвинуть лишь некоторые гипотезы, которые требуют проверки их фактическими данными.

Гипотеза первая. Централизованное финансовое управление компанией может при определенных условиях способствовать росту объемов импорта технологий, комплектующих и оборудования, а также унификации их ассортимента и ужесточению внутрикорпоративных стандартов. Возможно также формирование целой системы корпоративных стандартов, привязанных к характеристикам наиболее массово используемого импортного оборудования (либо отечественного оборудования на импортных комплектующих).

Если следовать логике данной гипотезы, до 2014 г., в условиях относительно предсказуемой внешнеполитической и внешнеторговой конъюнктуры, централизация финансовых результатов деятельности компании в существенной мере способствовала росту объемов закупаемых за рубежом оборудования, программного обеспечения, технологий и лицензий. Главными финансово-управленческими предпосылками для массового импорта является возможность материнской компании получать связанные кредиты и предоставлять поставщикам надежные гарантии. По сути, централизация сама по себе – не является достаточным условием технологической независимости.

Гипотеза вторая. Централизованное управление способно переориентироваться на обеспечение технологической независимости интегрированных компаний. В условиях усложнения внешнеполитической и внешнеторговой обстановки, централизованная структура управления сбытом, финансами и договорными отношениями как в отдельной компании, так и в масштабе всей отрасли, будет переориентироваться на:

- централизованные инвестиции в разработку отечественных образцов оборудования и технологий, включая возможность полного охвата ими всей технологической цепочки газовой и нефтяной промышленности;
- фундаментальные и прикладные исследования, выполняемые в интересах отрасли организациями Российской академии наук, а также наиболее авторитетными неакадемическими и негосударственными научно-исследовательскими организациями, с возможностью инвестирования в модернизацию или создание с нуля экспериментальных производств.

Централизация управления будет гарантировать неизменность данного курса в течение длительного срока, страховать его от размывания на уровне локальных исполнителей. В то же время, по таким параметрам, как адаптация технологий к местным условиям, оперативность и эффективность разработки и внедрения новых технологий – централизованные системы могут проигрывать децентрализованным. Если гипотеза верна, следует ожидать в компаниях ТЭК роста интереса к проблематике обеспечения оперативности и гибкости при внедрении новых технологий и оборудования.

Гипотеза третья. Необходимость обеспечить технологическую независимость и перейти от защиты рынка нефтегазового сервиса к лидерству, выдвигает предельно жесткие требования к подрядным организациям, их рыночной и технологической стратегии.

Выделение из структуры предприятий ТЭК непрофильных активов, относящихся к сервисным (подрядным) работам и образование на их базе специализированных сервисных компаний, формирует предпосылки для появления и в этом сегменте ТЭК крупных «лидерских» российских компаний по таким направлениям, как геофизика, разработка специализированного программного обеспечения, бурение, специализированный флот и работы на шельфе, ремонт скважин, производство оборудования и комплектующих, катализаторное производство и т.п.

Гипотеза четвертая. В разные исторические периоды, для российской экономики было характерно сочетание формально жесткой централизации управления промышленностью, в т.ч. ТЭК, с определенной автономией исполнителя, реализующего общенациональные цели. На этом фоне период 2000–2010-х гг. является исключительным, т.к. во всех сферах управления ТЭК, включая инновации и подрядные работы, все определяют центростремительные процессы. Можно предположить, что по их итогам ТЭК перейдет в новое качество управления. Баланс же централизованных и децентрализованных связей в системе в настоящее время не определен окончательно.

Маковская Н.В.
д.э.н., профессор, Могилевский государственный университет
maknata@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ, РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Ключевые слова*: трудовые ресурсы, институты, институциональный механизм, рынок труда, производительность труда, трудовые отношения.*
Keywords*: labor resources, institutions, institutional mechanism, labor market, labor productivity, labor relations.*

Чтобы регулирование трудовых ресурсов в экономике было эффективным, требуется полный набор институтов. Поэтому действие экономических институтов необходимо дополняется политическими, правовыми и социальными институтами рынка. Правовые институты и обычаи выполняют функцию интеграции. Они относятся к формальным институтам, превращаются во внутреннюю сторону институциональной системы. Правовые институты рынка труда включают: нормы трудового права (Трудовой Кодекс, законы и другие нормативно-правовые акты), системы судов, рассматривающих трудовые споры и защищающие трудовые права граждан, выполняют правовое регулирование рынка труда. Социальные институты выполняют функцию социализации (передача индивидам установленных в данной институциональной среде образцов поведения и способов деятельности), воспроизводство структуры общества (рыночных субъектов).

Все экономические институты регулирования трудовых ресурсов представляют собой самостоятельные социально-экономические структуры, которые имеют свои принципы и тенденции развития, они могут быть рассмотрены как организованные системы, характеризующиеся устойчивостью структуры, интегрированностью элементов и определенной изменчивостью функций.

Институты регулирования трудовых ресурсов включают следующие типы [1; 2]:

– институты определения и распределения прав собственности на услуги труда (нормы, традиции, ценности, определяющие трудовое поведение, практика заключения и содержание формальных и неформальных трудовых контрактов, трудовое законодательство, отражающее модификацию этих норм);

– институты поиска контрагента (работы или работника) и сбора информации, отбора (формальные государственные и негосударственные структуры трудового посредничества, средства массовой информации, корпоративные и неформальные связи, контакты, каналы информации, рекомендации, репутация);

– институты заключения контракта, ведения переговоров (профсоюзы);

– институты контроля за соблюдением контрактов, защиты прав собственности (трудовая инспекция, трудовой арбитраж, профсоюзы);

– институты, определяющие мобильность и трансакционные барьеры на рынке труда (нормы дискриминации, установки на территориальную мобильность, законодательные ограничения на мобильность, нормы престижности и статуса рабочих мест и т.д.);

– институты внутрифирменного, административного распределения ресурсов (нормы и административные правила и процедуры функционирования внутреннего рынка труда);

– институты государственного регулирования рынка труда, компенсирующие «провалы» рынка в сфере труда (службы занятости, системы страхования по безработице, органы контроля за условиями труда и т.д.).

Взаимодействие экономических институтов рынка труда составляет основу институциональных отношений на рынке труда, которые, в свою очередь, имеют определенную субординацию в виде институциональной структуры и институциональной инфраструктуры рынка [1; 2].

Целесообразно выделять в институциональном механизме уровни регулирования трудовых ресурсов: макро- и мезоуровни, микроуровень – управление трудом.

Объектами институционального механизма регулирования трудовых ресурсов являются:

на *региональном* уровне: размер тарифной ставки первого разряда рабочего основной профессии региональных предприятий; размеры единых тарифных ставок (окладов) рабочих сквозных профессий, не включенных в перечень межотраслевых (сквозных) профессий, предусмотренный региональным межотраслевым тарифным соглашением; размеры надбавок, стимулирующих приток рабочей силы на соответствующую территорию, условия их выплат и др.

на уровне *организации*: вид (форма, система) оплаты труда; соотношение размеров тарифных ставок (окладов) между отдельными категориями персонала; размеры тарифных ставок (окладов) по каждой профессии; выплата пособий, компенсаций; механизм регулирования оплаты труда с учетом роста цен, уровня инфляции, выполнения показателей, определенных коллективным договором; занятость, переобучение, условия высвобождения работников; рабочее время и время отдыха, включая вопросы предоставления и продолжительности отпусков; улучшение условий и

охраны труда работников, в том числе женщин и молодежи; соблюдение интересов работников при приватизации организации, ведомственного жилья; экологическая безопасность и охрана здоровья работников на производстве; гарантии и льготы работникам, совмещающим работу с обучением; оздоровление и отдых работников и членов их семей и др.

Главными инструментами регулирования являются: трудовой договор между работником и нанимателем, гражданско-правовой договор между организацией и работником. Гражданин, с которым заключен данный договор, может претендовать на трудовые и социальные гарантии, предусмотренные ТК и локальными нормативными правовыми актами, действующими в организации, т.е. предоставление трудового и социальных отпусков, внесение записи в трудовую книжку и др.

Институциональное регулирование трудовых ресурсов представляет собой совокупность корректирующих институтов, обеспечивающих комплексное согласование интересов субъектов рынка труда всех хозяйственных уровней (макро, региональный и внутренние рынки труда) в целях обеспечения развития, реализации и формирования трудового потенциала и человеческого капитала национальной экономики.

Для построения институциональной конструкции механизма регулирования трудовых ресурсов целесообразно использовать синтез методологических подходов, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Методология построения институциональной конструкции регулирования социально-трудовых отношений

Методологический подход	Характеристика
Институционально-эволюционный	Позволяет выделить институты социально-трудовых отношений как особую систему, которая обладает своими регулятивными функциями и способностью к развитию
Синергетический	Позволяет охватывать все сферы трудовых и социальных отношений, формирует принцип целостности системы и ее организационно-правовую конструкцию
Пространственно-временной	Выделяет принципы адаптивности институтов социально трудовых отношений к условиям развития и объясняет экономические и социальные последствия институционального регулирования.
Процессный	Определяет процедуры, правила, способы и порядок взаимодействия институтов

Источник: [1; 2]

Институциональный механизм регулирования трудовых ресурсов будет включать:

– на макро(мезо)уровне (государственный и региональный уровень) мероприятия воздействия на уровень занятости, разработку законов, нормативных актов по вопросам гарантий трудоустройства, организации трудовой деятельности, а также рекомендаций по совершенствованию компенсации (оплаты) труда и его мотивации;

– на микроуровне (отраслевом) совокупность форм и методов воздействия на работников, с целью полного использования их человеческого капитала и максимизации прибыли за счет специфических характеристик этого капитала. Такой механизм регулирования предполагает баланс экономических интересов организации и работников, что позволяет совершенствовать мотивацию их трудовой деятельности и повышать уровень производительности труда.

Институциональные инструменты инновационного механизма регулирования могут предполагать [1; 2]:

1. **Мониторинг конъюнктуры отраслевого и регионального рынков труда** с целью оценки позиционирования отраслевых рынков профессий на макрорынке труда по показателям конкурентоспособности, особенно по тем из них, которые отражают уровень оплаты труда и социальной защищенности работников.

2. Профессионально-**квалификационный анализ состава, количества и динамики трудовых ресурсов** в организациях всех форм собственности, распределения работников по отраслям с целью совершенствования составляющих человеческого капитала работников в контексте инновационного развития экономики.

3. **Определение цены труда** на основе фактических данных о средней реальной заработной плате в отраслях экономики, с целью сравнения с официально установленным прожиточным минимумом. Это позволит адекватно устанавливать минимальную цену труда (тарифную ставку или размер почасовой оплаты) для работников и совершенствовать систему оплаты труда в целом.

4. **Мониторинг интенсивности и характера мобильности трудовых ресурсов на уровне национального, регионального и профессионального рынков труда, что позволит вырабатывать механизмы регулирования текучестью кадров и составлять прогнозы потребности в кадрах для всех уровней хозяйственной системы.**

5. **Объективность установления норм труда и трудовых затрат** с целью адекватной оценки и установления оптимальной численной структуры персонала, что позволит формировать конкурентоспособную стоимость произведенной продукции и услуг за счет снижения трудоемкости и трудовых расходов.

6. Совершенствование форм и методов мотивации труда на всех уровнях экономической системы с целью интенсификации трудовой деятельности и роста производительности труда.

7. Согласование подготовки и переподготовки рабочей силы новым требованиям инновационных рабочих мест; содействия найму рабочей силы, требуемого профессионально-квалификационного уровня и развитию рынков профессий в государстве; формирование и развитие национальной системы социального страхования на рынке труда;

8. Формирование институтов гибкого рынка труда в национальной экономике, к которым относятся: страховые компании, биржи труда, коммерческие кадровые агентства.

Цели институционального механизма регулирования трудовых ресурсов в Беларуси

Первое направление. Согласование социально-экономических интересов работников, касающихся профессионального и должностного роста, с перспективой развития организации на основе выявления потребности в мобильности, исходя из особенностей развития организации, связанных с циклом развития и организационной стратегией.

В качестве основных форм и инструментов данного направления могут выступать:

– программы мобильности работников в рамках организации (микроуровень), в рамках региона (мезоуровень или макроуровень). Программа должна предусматривать использование материальных и нематериальных мер стимулирования участия работников во внутрифирменной мобильности и региональной мобильности (если есть личная и производственная необходимость). Инструменты реализации программы: мероприятия по анализу действующей системы внутрифирменной мобильности, проведение оценки влияния трудовых параметров на мобильность, определение потребности в мобильности как в целом, так и по отдельным видам, исходя из стратегии развития организации, а также с учетом уровня жизни в регионе;

– методические подходы к оценке влияния параметров трудовой жизни на мобильность (внутрифирменную, региональную) работников. Инструменты: статистический анализ мотивации внутрифирменной мобильности, анализ удовлетворенности мобильности;

– программы регулирования мобильности работников (на микро-, мезо- и макроуровнях). Основные инструменты таких программ: планирование профессионально-квалификационных карьер работников организаций и региона на основе профессиональной и должностной мобильности; организация профессиональных ротаций кадров (должностная и территориальная);

– программы материального и морального стимулирования участия в мобильности. Инструменты: структурирование заработной платы в зависимости от иерархического уровня; структурирование размера и содержания социального пакета

Второе направление. Создание государственной системы институционального регулирования использования трудовых ресурсов в национальной экономике Беларуси.

Необходимость данной системы обоснована тем, что эффективность национальной экономики впрямую зависит от того, каковы ее трудовые ресурсы (по количеству и качеству) и насколько эффективно они используются. Государство оказывает регулирующее воздействие на весь процесс воспроизводства трудовых ресурсов: формирование, распределение и перераспределение, а также их использование. При таком подходе обеспечивается целостность регулирующего воздействия на ресурс труда в экономике.

Целью системы институционального регулирования использования трудовых ресурсов является повышение конкурентоспособности национальных трудовых ресурсов на основе их эффективного использования и развития, что в совокупности обеспечит высокий уровень качества жизни и социально-трудовые гарантии.

В качестве основных форм и инструментов данного направления могут выступать:

– защитное регулирование – институты недопущения и ограничения действий, которые создают угрозу для социального благополучия различных групп населения. Инструменты: создание и поддержание правовой базы, обеспечивающей реализацию социальных норм, принципов, гарантий и прав граждан страны в сфере социально-трудовых отношений; надзор и запрет дискриминации по любым признакам в сфере занятости; установление квот на трудоустройство инвалидов, др.;

– поощрительное регулирование – созданию институциональных структур и условий для развития занятости и трудовых отношений в малом бизнесе. Инструмент: региональные программы поддержки занятости в секторе малого бизнеса;

– финансовое регулирование (налоги и субсидии) – формирование структур, стимулирующих рост занятости за счет создания новых рабочих мест, выхода предприятий из сферы «теневого» использования рабочей силы и т.д.

Общими инструментами государственной системы институционального регулирования использования трудовых ресурсов в национальной экономике Беларуси могут быть целевые программы на рынке труда (региональном и национальном).

Третье направление. Рост производительности труда на основе повышении профессиональных характеристик трудовых ресурсов, с учетом требований инновационного развития экономики.

Основу данного направления составляет развитие и совершенствование качества подготовки трудовых ресурсов с учетом роста доходов, улучшение здоровья, снижение уровня безработицы, сглаживание социального неравенства и др.

Основной формой представленного направления является образовательная политика (организации и государства), структурно представленная первичным и последующими уровнями профессионального образования. Для макроуровня формой может являться Национальная доктрина профессионального образования, для микроуровня – стратегии профессионального развития работников.

В качестве приоритетов данные формы образовательной политики могут представлять: обновление структуры и содержания образовательных программ в соответствии с международными стандартами, их ориентация на инновационную экономику, формирование системы непрерывного образования.

Инструментами образовательной политики могут быть:

- организация специализированной подготовки (профильного обучения) в старших классах общеобразовательной школы, в том числе с учетом реальных потребностей рынка труда;

– расширение возможностей получения начального профессионального образования военнослужащими, проходящими военную службу по призыву;

– организация государственного образовательного кредитования и субсидирования для конкурсного набора на специальности, имеющие особо важное значение для реализации государственных программ экономического и социального развития;

– организация кооперации сети профессиональных образовательных учреждений, рекрутинговых и информационных агентств, служб занятости;

– создание единого центра координации информации по участию работодателей и других социальных партнеров в решении проблем профессионального образования, в том числе выработке его стандартов, формировании заказа учреждениям профессионального образования, контрактной подготовке кадров.

Четвертое направление. Институциональное обеспечение социальных приоритетов трудовых ресурсов в национальной экономике.

Цель данного направления – создание институциональной среды для решения социальных и экономических проблем, обусловленных необходимостью поддержки доходов населения в определенных (особых, рисковых) ситуациях.

Реализация данного направления может происходить в таких институциональных формах как:

– организация социальной защиты занятых работников в виде обеспечения правовых, экономических и социальных гарантий. Особенность данной формы состоит в приоритетности реализации гарантий на микроуровне;

– организация социальной защиты потенциальных работников (нетрудоспособное население, включающее три большие группы: дети до 16 лет и молодежь, обучающаяся с отрывом от производства);

– организация социальной защиты малоимущих категорий трудовых ресурсов (дети-сироты, одинокие люди, лица, пострадавшие от стихийных бедствий, беженцы и мигранты).

Инструменты (социальное страхование, социальная помощь, социальное обеспечение и др.) данного направления широко используются в международной практике.

Список литературы

1. Данилова И.В., Карпушкина А.В. Методологические основы институционального регулирования социально-трудовых отношений // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент» 2013. – Т. 7, № 3. – С. 79–83.
2. Карпушкина А.В. Иерархия в системе институтов социально-трудовых отношений // Управление экономическими системами. 2011. – № 2 (26).

Мамадиёров О.У.
старший преподаватель, Ташкентский финансовый институт
O_Umarovich@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ОТКРЫТЫХ ТРАНШЕЙ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Ключевые слова: *сельское хозяйство, инвестиции, ирригация, промывка засоленной почвы, экономическая эффективность.*

Качество и количество урожая, получаемого с возделываемых полей, на которых выращиваются пищевые продукты в сельском хозяйстве, в первую очередь определяется его мелиоративным состоянием. В настоящее время в целях улучшения мелиоративной ситуации, достижения высоких результатов в продуктивности, дальнейшего повышения качества продукции, получаемой в засоленных районах в период невегетации, промывка солей осуществляется в больших масштабах фермерскими хозяйствами. Возделывание засоленных земель на орошаемых землях стало затруднительным. В настоящее время без работы по промывке солей осуществление земледелия стало особенно затруднительным.

Как известно, основной задачей в процессе солевой промывки является растворение солей, содержащихся в почве, и удаление их с посевных площадей. Для этого, конечно, необходимо убедиться, что система траншей работает хорошо. С этой целью в целях дальнейшего улучшения мелиоративной ситуации орошаемых земель в нашей стране, предотвращения засоления и заболачивания разрабатываются государственные программы по очистке, ремонту, восстановлению систем водоотведения, рытью новых траншей в соответствии с требуемыми объемами и широкий спектр других работ. Общая протяженность траншейных сетей в Сырдарьинской области составляет 16 189,8 км, из них 7479,13 км – открытое русло, 8709,87 км – закрытая траншейная система. Основными магистральными траншеями являются такие траншеи вдоль Центрального Мирзачула, солончака, Байовута, Эттисой, Сардобы, железной дороги. Самой длинной траншеей ствола является Центральная Мирзачульская траншея, протяженность которой составляет 84,70 км. Ежегодно в районе Сырдарьи проводится очистка и ремонт 950–1100 км коллекторных траншейных систем.

С целью изучения негативных воздействий на функционирование открытых траншей были проведены научно-исследовательские работы в Сырдарьинской области. В результате проведенных исследований было установлено, что основной проблемой являются деформационные процессы, наблюдаемые в открытых пластах траншей.

В результате воздействия фильтрации вода поступает из оросительных сетей, построенных на открытом траншейном берегу. В некоторых случаях с целью орошения полей сельскохозяйственных культур по берегам открытого русла траншеи выкапывают канавы. В результате интенсификации потока фильтрационной воды, вытекающей из канав, на склонах траншеи происходит процесс промывки, и возникает явление целования.

На близком расстоянии от открытых траншей выращивают рис и другие сельскохозяйственные продукты, которые требуют много воды. В результате вторжения посевных площадей и орошения сточные воды стекали в траншею, берега размывались, склоны траншеи обрушивались, и происходили деформационные процессы.

В результате деформации скорость течения замедляется, с повышением уровня воды в траншее повышаются уровни воды, вызывая заболачивание и засоление посевных площадей. В результате ухудшается мелиоративное состояние посевных площадей и усложняется осуществление вырубки лесов. Из-за того, что количество полученного урожая невелико, производимые расходы не возмещаются.

Необходимо не сажать сельскохозяйственную продукцию, требующую много соленой и других видов воды, на близком расстоянии от открытых пластовых складов. Необходимо всегда держать защитную площадку на определенном расстоянии от открытого русла самой траншеи. Необходимо сажать и выращивать плодовые деревья, оставляя как можно большее расстояние в 10–12 м от края траншеи. В результате деревья служат для понижения уровня грунтовых вод, выполняя функцию биодренажа.

Митько А.В.[1]

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ ДОБЫЧИ УГЛЕВОДОРОДОВ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова*: углеводороды, добыча, инфраструктура, безопасность, Арктика.*
Keywords*: hydrocarbons, production, infrastructure, security, Arctic.*

На развитие Арктической зоны Российской Федерации приходится около 20% ВВП России, при том, что на территории Российской части Арктического региона проживает 2% населения. Геологической службой США подсчитано, что на Арктику приходится около 22% мировых неразведанных ресурсов: 90 млрд. баррелей нефти (13% мировых неразведанных запасов); 1699 трлн. кубических футов, что эквивалентно 48,13 трлн. кубических метров, природного газа (30% мировых неразведанных запасов); 44 млрд. баррелей газоконденсата (20% мировых неразведанных запасов).

При освоении ресурсов Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) Россия сталкивается с различными проблемами:

– удаленность от основных промышленных центров, высокая ресурсоемкость и зависимость от поставок из других регионов;

– критическое состояние объектов жилищно-коммунального хозяйства и отрицательные демографические процессы;

– отсутствие российских современных технических средств и техники для поиска, разведки и освоения морских месторождений углеводородов;

– неразвитость и износ инфраструктуры;

– отсутствие средств постоянного комплексного космического мониторинга, зависимость от иностранных средств;

– недостаточная развитость навигационно-гидрографического обеспечения мореплавания.

Для осуществления поставленных задач следует учитывать мировые тренды, которые напрямую влияют на Арктическую стратегию России.

Главным трендом является борьба за рынок сжиженного природного газа (СПГ) между США и Россией.

Международное энергетическое агентство (МЭА) в 2017 году представило очередной прогноз развития мировой энергетики до 2040 г.

В базовом сценарии New Policies Scenario, предусматривающем реализацию всех существующих и анонсированных экономико-политических мер по трансформации энергетического сектора, отмечается, что потребление газа вырастет на 45% к 2040 году. Россия является одним из крупнейших игроков на рынке СПГ. По материалам Центрального диспетчерского управления (ЦДУ) ТЭК экспорт СПГ из России в страны Азиатско-Тихоокеанского региона за период с января по август 2018 года вырос на 48,2% в годовом сопоставлении, до 15 млрд. куб. м. При этом в августе экспорт СПГ сократился по сравнению с августом 2017 г. на 22%, до 0,9 млрд. куб. м.

По заявлению Министра энергетики РФ Александра Новака, Россия может увеличить долю СПГ с сегодняшних 4% до 15–20% мирового рынка в период до 2035 года. По оценкам Министерства, с 2024 по 2035 год на мировом рынке образуется свободная ниша в объеме примерно 200 млн. тонн СПГ в год, благодаря наличию конкурентоспособных проектов Россия может занять до половины этого пространства.

Одним из главных конкурентов в поставках СПГ для России остаются США. На сегодняшний день Администрация США реализует стратегию энергетического превосходства Дональда Трампа. США вышли на 1 место в мире по добыче нефти – почти 11 млн. баррелей в день. – 15 участков шельфа в Арктике, предусматривается разработка в 2019–2024 гг., в том числе на шельфе пограничного с Россией Чукотского моря. Сейчас действует ограничение предыдущей Администрации Барака Обамы на разработку природных ресурсов в Арктике. Указ Дональда Трампа о снятии запрета на добычу нефти на шельфе в марте 2019 года Федеральный окружной суд Аляски признал незаконным.

Россия планирует увеличить территорию Арктического континентального шельфа. Подкомиссия ООН в 2019 году подтвердила принадлежность территорий по заявке России на континентальный шельф в Арктическом регионе. В планах России присоединение хребта Ломоносова, котловины Подводников, поднятия Менделеева, южной

[1] Митько Арсений Валерьевич – к.т.н., доцент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России, вице-президент, председатель Совета молодых учёных Севера Арктической общественной академии наук, член Арктического Совета Ассамблеи народов Евразии. Профессиональные интересы: геополитика, информационная безопасность, информационно-управляющие технологии, геоинформационные системы, морские информационные системы, экология, подводный мониторинг, стратегическое и морское пространственное планирование, арктические исследования (морская деятельность, социально-экономические, наука и образование, информационные технологии, геополитика и безопасность, экология и др.). E-mail: amitko@arcticas.ru, arseny73@yandex.ru

оконечности хребта Гаккеля и зоны Северного полюса. Потенциально присоединение этих территорий даст 5 млрд. тонн условного топлива. Согласно международному праву, Северный полюс и прилегающий к нему регион Северного Ледовитого океана не принадлежат ни одной из претендующих на него стран. Помимо Российской заявки на рассмотрении находится заявка Дании. В Арктике существуют территориальные споры между США и Канадой, Канадой и Данией, что поднимает градус напряженности в этом регионе.

Самыми богатыми в Арктическом регионе считаются запасы Баренцева и Карского морей. С момента подписания договора о морской границе между Россией и Норвегией в 2011 году в Баренцевом море не осталось неурегулированных территориальных споров. В юго-западной части Карского моря, у полуострова Ямал, разведаны крупные шельфовые месторождения природного газа и газового конденсата. Крупнейшие из них – Ленинградское (предварительно оцененные (ABC1+C2) запасы газа – более 1 трлн. м³ и Русановское (780 млрд. м³). Освоение шельфовых месторождений планируется начать после 2025 года.

В феврале 2009 года на Сахалине состоялся запуск первого в России завода по производству сжиженного природного газа. Однако международные проекты СПГ в Российской Арктике были подписаны с середины 1990-х гг.

Разработан проект завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) мощностью 16,5 млн. тонн, ресурсной базой которого станет Южно-Тамбейское месторождение полуострова Ямал с запасами 927 млрд. куб. м по классификации PRMS (по состоянию на 31.12.2013 г.). Оператор проекта – компания «Ямал СПГ», ее акционерами являются «Новатэк» (с долей 50,1%), Total (20%), CNPC (20%) и китайский Фонд шелкового пути (9,9%). Стоимость – 26,9 млрд. долл. США. Также в планах расширение морского порта Сабетта и строительство международного аэропорта Сабетта. «Сахалин-2» – завод по производству СПГ проектной мощностью 9,6 млн. тонн на ресурсной базе Лунского месторождения острова Сахалин. Оператор проекта – компания Sakhalin Energy, совладельцами которой являются «Газпром» (50% плюс одна акция), Shell (27,5% минус одна акция), Mitsui (12,5%) и Mitsubishi (10%). Проект «Сахалин-2» предусматривает разработку Пильтун-Астохского и Лунского месторождений на Северо-восточном шельфе острова Сахалин. Объем производства СПГ в рамках проекта «Сахалин-2» в 2015 году составил 10,8 млн. тонн.

Япония – крупнейший в мире импортер сжиженного природного газа, и на нее приходится основная доля продукции завода СПГ компании Sakhalin Energy. По итогам прошлого года японским потребителям было поставлено более 7,4 млн. тонн СПГ (или 64,31%) проекта «Сахалин-2». Tokyo Gas – партнер Sakhalin Energy, именно в адрес этой компании была отправлена первая партия российского СПГ в марте 2009 г. Среди других покупателей сжиженного природного газа в основном потребители в Азиатско-Тихоокеанском регионе: компании из Японии, Южной Кореи, Китая, Тайваня, Индии, Таиланда, а также ближневосточного Кувейта. Поставки в АТР и расположение проекта в непосредственной близости к крупнейшим рынкам сбыта СПГ стали мощными конкурентными преимуществами первого российского проекта по сжижению природного газа. На поставки Sakhalin Energy приходится доля в более чем 9% объемов СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе и около 4% на мировом рынке сжиженного природного газа.

В 2019 году партнеры по проекту рассчитывают принять окончательное инвестиционное решение для проекта по строительству третьей технологической линии сжижения природного газа проекта «Сахалин-2», мощность которой составит порядка 5,4 млн. тонн СПГ. Напомним, что в рамках этого дальневосточного проекта осваиваются Пильтун-Астохское и Лунское месторождения сахалинского шельфа, извлекаемые запасы которых оцениваются в 150 млн. тонн нефти и 500 млрд. куб. м газа.

По данным Федеральной таможенной службы, в первые четыре месяца 2018 г. доходы от экспорта сжиженного природного газа выросли в два раза по сравнению с январем-апрелем 2017 г. до 1,476 млрд. долларов, из которых на Sakhalin Energy пришлось 750,8 млн. долларов. Вторую половину доходов обеспечил «Ямал СПГ», на Арктическом заводе которого пока запущена в строй только первая линия мощностью в 5,5 млн. тонн СПГ. «Сахалин-2» реализуется на основе так называемого Соглашения о разделе продукции, в соответствии с которым зарубежным инвесторам предоставляются беспрецедентные налоговые преференции. Соглашение по этому проекту было подписано 22 июня 1994 года. От имени России в соглашении выступали Правительство страны и Администрация Сахалинской области.

Помимо существующих проектов Россия планирует внедрить новые проекты СПГ:

– «Арктик СПГ-2» – срок ввода 2023 год, проект завода по производству СПГ на Гыданском полуострове, который реализует «Новатэк». Проект завода состоит из трех очередей общей мощностью до 18 млн. тонн. Ресурсной базой должно будет стать Утреннее месторождение с доказанными запасами 388,5 млрд. куб. м (согласно классификации SEC по состоянию на 31 декабря 2016 г.), расположенного на соседнем с Ямалом Гыданском полуострове. Лицензией на него владеет «дочка» «Новатэка» «Арктик СПГ-2». Предполагается освоение совместно с Китайской Народной Республикой.

– «Балтийский СПГ» в порту Усть-Луга Ленинградской области, для поставки в Атлантику, в Южную Азию – срок 2023 год совместно с Shell. Мощность завода составляет 10 млн. тонн. Договор подписан в 2017 году между «Газпром» и «Shell». Роль ресурсной базы будут выполнять не конкретные месторождения, а поставки из единой системы газоснабжения (ЕСГ) «Газпрома».

– «Дальневосточный СПГ – «Сахалин – 1» (307 млн. тонн нефти и 485 млрд. куб. м. газа) расчет 6,2 млн. тонн. Предполагается строительство порта отгрузки СПГ для «Сахалин – 1». Акционеры – «Эксон Мобил» США – 30%, «Роснефть» – 20%, «ONGC Videsh» Индия – 20%, «Содеко» Япония – 30%. «Эксон Мобил» с 1995 года – оператор «Сахалин-1» с долей – 30%. В 2018 году «Эксон Мобил» вышел из проектов по геологоразведке совместных с компанией «Роснефть» из-за санкций.

– проект «Сахалин-3» – 255 млн. тонн и ввод нефтеналивного терминала Ворота Арктики (Обская губа). Проект завода по производству СПГ мощностью 5 млн. т в год с возможностью расширения до 10 млн. тонн. Его ресурсной

базой должны будут стать месторождения проекта «Сахалин-1» – Чайво (введен 2005 году), Одопту (введен в 2010 году) и Аркутун-Даги (введено в 2015 году) с запасами 307 млн. тонн нефти и 485 млрд. куб. м газа, которые разрабатываются консорциумом «Эксон Нефтегаз Лимитед» (по 30% – у ExxonMobil и японской Sodeco, по 20% – у «Роснефти» и индийской ONGC).

Среди других проектов СПГ в Российской Арктике упоминаются:

– «Штокмановский СПГ» – проект завода по производству СПГ мощностью 7,5 млн. тонн на ресурсной базе Штокмановского месторождения шельфа Баренцева моря с запасами 38 трлн. куб. м газа. Оператором проекта должна была стать компания Shtokman Development AG, в которой 51% принадлежал «Газпрому», 25% – французской Total и 24% – норвежской Statoil Hydro.

– «Печора СПГ» – Проект завода по производству СПГ мощностью 4 млн. т на ресурсной базе Кумжинского и Коровинского месторождений Ненецкого автономного округа с общими запасами 165 млрд. куб. м газа по категории ABC1+C2. Оператор проекта – совместное предприятие «Роснефти» и группы «Аллтек», созданное в 2015 году.

Россия опередила США по поставкам СПГ в Европу и Азию в 2018 году Например, в Азию поставила 12,86 млн. тонн, тогда как США 10,73 млн. тонн. Первое место по поставкам СПГ в Азию занимает Австралия, затем Катар и Малайзия. Всего импорт СПГ в мире составил 313 млн. тонн и по оценкам экспертов эта цифра будет расти.

Идет борьба за рынок СПГ Европы – 26 марта 2019 г. палата представителей Конгресса США приняла законопроект о противодействии энергопоставкам России в Европу. Документ носит название «О приоритете усилий по укреплению сотрудничества учреждений США с целью убедить страны Центральной и Восточной Европы диверсифицировать источники энергии и маршруты поставок, укрепить энергобезопасность Европы и помочь США достичь своих целей в области глобальной энергетической безопасности». За него проголосовал 391 депутат, против были 24.

Законопроект призван:

— сокращать зависимость стран региона от российских поставок газа;

— увеличивать конкуренцию на рынке;

— поощрять инвестиции американских фирм в энергетическую инфраструктуру в Европе;

— увеличивать экспорт энергии и технологий из США.

Следует ожидать усиления санкций США и против российского СПГ в Азию – вполне вероятен подобный законопроект о противодействии поставкам российского газа в Азию.

На этом фоне следует ожидать укрепления российско-китайского сотрудничества в Арктике. Китай уже считает проект Ямал СПГ (на 1/3 принадлежит КНР) китайским, как и порт Сабетта, которые входят в глобальный интеграционный и логистически-коммуникационный проект Китая «Один пояс – один путь» (в Ямал СПГ: 30% у КНР, 19% – у Тоталь). Следует помнить о том, что Китай будет участвовать в проекте «Арктик СПГ-2».

Китай диверсифицирует свои проекты и проявляет интерес также к американскому проекту «Аляска-СПГ».

Среди других проектов, которые могут быть реализованы с КНР – ж/д «Белкомур» и порт Архангельск. Однако целесообразность этих проектов еще требует определённых расчетов Российского Правительства и Министерства экономического развития. России необходимо привлекать в арктические энергетические проекты иностранных инвесторов, соблюдая при этом национальные интересы.

Следующий тренд, который имеет значительное влияние на развитие проектов в Арктике, – таяние ледников и развитие технологий для упрощения прохождения судов по СМП.

В 2018 году наблюдался третий результат по уровню таяния льдов начиная с конца 1970 годов. Предоставляется уникальный шанс для освоения арктической зоны и ранее недоступных залежей нефти и газа, которые насчитывают не менее 22% от всех мировых запасов углеводородов. В 2018 году президент США Дональд Трамп подписал военный бюджет, которым предусмотрено строительство шести новых тяжёлых ледоколов.

В настоящий момент Россия не только обладает самым крупным ледокольным флотом, но и является единственной страной, обладающей флотом атомных ледоколов, без которых не обходится практически ни одна сложная экспедиция в Центральной Арктике. В то время как у США в наличии есть лишь два ледокола. Это тяжёлый ледокол «Полярная звезда», второй более низкого ледового класса — «Хили». К тому же оба этих корабля работают в данное время на Антарктическом направлении.

Неарктические страны также заинтересованы в использовании кратчайшего транспортного коридора из Европы в Азию – Севморпути.

В январе 2018 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР обнародовала первую Белую книгу об Арктической политике Китая, в которой говорится, что Пекин является важной заинтересованной стороной в делах Арктики. Китай не имеет территорий в Арктике, но Госсовет отмечает его «географическую близость» к полярным областям. КНР в своей стратегии определил, что «Полярный Шелковый путь» является частью более широкой китайской программы «Один пояс – один путь». Китай является одним из 13 государств-наблюдателей при Арктическом совете. КНР рассматривает возможность участия в строительстве ж/д магистрали «Белкомур» в Архангельской области «Белое море-Коми-Урал» – ОАО «Белкомур» через сотрудничество китайской корпорацией «Poly Technology» и ОАО «РЖД», а также в строительстве порта Архангельск через китайскую компанию COSCO. Среди китайских грузовых судов первым Северный морской путь (Северо-Восточный проход) в 2013 году освоил «Yong Sheng». Летом 2017 года этим маршрутом прошли еще шесть китайских судов. В сентябре 2017 года китайское исследовательское судно «Xue Long» впервые осуществило рейс Северо-Западным проходом вдоль северного побережья Канады, сократив время в пути из Нью-Йорка в Шанхай на семь суток по сравнению с маршрутом через Панамский канал.

Для обеспечения национальной безопасности Россия может закрепить Севморпуть как внутренний территориальный коридор. Это возможно, так как Севморпуть проходит через территориальные воды России, что даёт ей право устанавливать правила судоходства.

Из стратегии России, относительно развития АЗРФ до 2020 года следует, что главными задачами для развития Арктического региона являются:

– создание ИТ-инфраструктуры;

– обеспечение экологической безопасности;

– развитие международного сотрудничества в Арктике;

– обеспечение военной безопасности и защита границы.

Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ до 2024 г.» ставит задачи, среди которых развитие Севморпути и увеличение грузопотока по нему до 80 млн. тонн. Важным реализуемым транспортно-инфраструктурным проектом в Арктике является «Северный широтный ход» – строящаяся ж/д магистраль в Ямало-Ненецком автономном округе протяженностью 707 км по маршруту Обская-Салехард-Надым-Новый Уренгой-Коротчаево – с 2018 по 2022 гг. для развития промышленности в ЯНАО и УрФО – Урал промышленный – Урал полярный, пропускная способность — около 24 млн. тонн грузов в год.

Чешское отделение испанской компании «OHL ZS» инвестировало 2 млрд. евро в строительство проекта «Северный широтный ход» – железную дорогу Бованенково-Сабетта, которая обеспечит транспортировку углеводородов с Бованенковского месторождения «Газпрома». Проект имеет государственное значение: его реализация будет способствовать ускорению экономического и социального развития АЗРФ. В ЯНАО расположены ключевые проекты «Газпрома», которые в долгосрочной перспективе будут обеспечивать основной объем российской добычи природного газа. Северный широтный ход позволит связать единой транспортной артерией месторождения «Газпрома» на полуострове Ямал в Надым-Пур-Тазовском регионе, крупнейшие города ЯНАО – Надым, Салехард, Новый Уренгой, а также строящийся Новоуренгойский газохимический комплекс. СШХ снимет инфраструктурные ограничения в транспортном сообщении ЯНАО с промышленными предприятиями и портами в европейской части России. Все это позволит существенно оптимизировать логистическое обеспечение объектов «Газпрома» и сократить расстояния доставки грузов.

«Восток ойл» будет не первым проектом, реализованным при помощи налоговых льгот. Успешным примером такого сотрудничества государства и бизнеса является завод по производству сжиженного газа «Ямал СПГ», построенный «Новатэком» в партнерстве с Total, CNPC и Silk Road Fund. В результате уже в 2020 году Россия будет поставлять на мировой рынок свыше 27 млн. т сжиженного газа – это больше, чем сегодня экспортирует Малайзия, третий по величине после Катара и Австралии производитель СПГ.

Помимо налоговых льгот, проект получил и прямые государственные субсидии: в 2015 году правительство одобрило покупку облигаций «Ямал СПГ» на 150 млрд. рублей из Фонда национального благосостояния. Кроме того, за счет государства было на три четверти (71 млрд. из 96 млрд. рублей) профинансировано строительство грузового порта Сабетта.

Еще одни пример эффективного взаимодействия компании и государства – инвестиционные стимулы, предоставленные «Роснефти» на развитие Самотлорского проекта. В результате предоставленных инвестиционных стимулов спад добычи на месторождении замедлился с 5% в 2008–2017 году до 0,9% в 2018 году. Прямой налоговый эффект составил порядка 60 млрд. рублей.

Подобная практика стимулирования проектов в области добычи углеводородов применяется и в других странах мира. Так, в США расширенный комплекс льгот как на федеральном, так и на региональном уровне, позволил американским компаниям совершить сланцевую революцию. «За 2013 год суммы субсидий американского правительства в сланцевую нефть сопоставимы со всей экспортной выручкой России от экспорта нефти. Власти Саудовской Аравии, в свою очередь, сократили налоговую нагрузку на Saudi Aramco, снизив для компании налог на прибыль с 83 до 50%. Благодаря этому компания начала генерировать свободный денежный поток и получила возможность увеличивать дивиденды – за 2017–2018 гг. они составили $91 млрд.

В конце апреля 2019 года в США прошла встреча Си Цзиньпина и Дональда Трампа. Новые правила торговли будут иметь влияние на арктические проекты в России. Не стоит рассчитывать, что санкции в скором времени будут сняты, поэтому главная задача России – приобретение современных технических средств и техники для:

1) освоения месторождений;

2) развития инфраструктуры;

3) внедрения спутниковой системы мониторинга;

4) проведение оптико-волоконной связи;

5) развития навигационного обеспечения мореплавания.

Главным драйвером развития АЗРФ будет освоение углеводородных месторождений и строительство транспортной инфраструктуры. Следующим этапом развития Российской Арктики будет увеличение транзитного потенциала Севморпути, строительство логистических терминалов и совершенствование нормативно-правовой базы. Для обеспечения безопасности Севморпути Россия может утвердить необходимость сопровождения всех иностранных судов в акватории Арктических морей. Необходимо создание системы комплексной безопасности АЗРФ.

Несмотря на санкции между Арктическими странами не было охлаждения отношений. Возможно, что можно будет договориться о соглашении о ключевых принципах обеспечения безопасности связи и подписать соответствующий Договор об общих правилах.

Сотрудничество стран Арктического Совета будет способствовать снижению напряженности в международных отношениях.

Список источников

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, с изм. от 08.08.2009 г. №1121-р).
2. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (Указ Президента РФ № 232 от 08.02.2013 г.).
3. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу (Указ Президента РФ № 1969 от 18.09. 2008 г.).

Москалевич Г.Н.
к.ю.н., доцент, Минский инновационный университет
moskalevich74@gmail.com

РОЛЬ СОБЫТИЙНОГО МАРКЕТИНГА В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНДУСТРИИ ДОСУГА

Ключевые слова*: событийный маркетинг, event-маркетинг, индустрия досуга, досуговая деятельность, технологии креативных индустрий, продвижение маркетинговых услуг, взаимодействие бизнеса и культуры, конкурентоспособность, эффективность.*

Keywords*: event marketing, leisure industry, leisure activities, technologies of creative industries, promotion of marketing services, interaction of business and culture, competitiveness, efficiency.*

Актуальность темы статьи обусловлена следующими факторами. В современных условиях ведения бизнеса, характеризующихся высоким уровнем конкуренции во всех сферах деятельности общества, к маркетинговой службе любой организации предъявляются повышенные требования, в частности, в отношении поиска новых каналов для рекламной деятельности и работы с целевой аудиторией.

В современном обществе значительно повысилась роль взаимодействия творчества и бизнеса, которое является перспективным для модернизации сферы культуры, нуждающейся в новых технологиях, в новом имидже, чтобы одержать победу в конкурентной борьбе с коммерческими проектами.

Целью статьи является исследование такого нового для сферы культуры подхода к организации досуговой деятельности, как использование event-маркетинга.

Креативные индустрии создают благоприятные условия для самореализации человека, особенно молодежи, способствуют развитию творческого потенциала талантливой молодежи. Исходя из этого, В.А. Литвиненко и И.А. Герасимова отмечают огромное значение создания и осуществления творческих проектов в креативных индустриях, которые ориентируются на личность, возможность влияния на духовно-нравственный компонент творческого потенциала личности, стимулирование самовыражения и саморазвития, формирование способности человека к красоте восприятия, развитие его социальной ответственности и активности[1].

От персонала – культурно-творческих работников, ответственных за организацию культурных мероприятий, требуется наличие умения вызвать интерес у потребителя культурных услуг, а также удержать этот интерес в течение достаточно длительного периода времени.

В последние два десятилетия наблюдается значительный рост интереса к культуре и досуговой деятельности, расширению объема социально-культурных услуг для населения. Появилась необходимость в поиске альтернативных вариантов разработки и развития мероприятий для досуговой индустрии. Наряду с традиционными типами культурно-просветительских и театрально-зрелищных учреждений (клубами, культурно-досуговыми центрами, домами культуры, музеями, театрами, библиотеками, филармониями, цирками, кинотеатрами и т.п.) появились различные торгово-развлекательные центры, в которых специалистами проводятся праздничные и тематические вечера, утренники, встречи, выставки, интеллектуальные игры и т.д. Это дает возможность потребителям совмещать посещение торговых центров с участием в развлекательных мероприятиях, т.е. происходит одновременное развлечение покупателя и стимулирование потребления. Следовательно, культурно-досуговые акции превратились в эффективный маркетинговый способ продвижения на рынок выпускаемого предприятиями и фирмами товара и оказываемых услуг, а также стали средством, способствующим росту прибыли[2].

Как подчеркивает Т.Ю. Митрофанова, посещение торговых центров с одновременным участием в развлекательных мероприятиях для многих потребителей стало семейной традицией проведения свободного времени. Автор полагает, что, учитывая сложившуюся ситуацию, организации культуры должны «отстаивать свое превосходство на рынке творческо-культурных и развлекательных услуг, применяя маркетинговые инструменты, основанные на социально-культурных технологиях»[3].

В свою очередь, в индустрии досуга возникли такие понятия, как творческие индустрии, креативные индустрии, событийный маркетинг или event-маркетинг и т.п.

---

[1] Литвиненко В.А., Герасимова И.А. Event-технологии как инструмент реализации социально-культурных проектов в креативных индустриях // Вестник МГУКИ. – М., 2018. – № 2 (82). – С. 183.

[2] Новаторов В. Е. Ивент-маркетинг как трендовая технология социально-культурной деятельности // Вестник МГУКИ. – М., 2014. – № 2 (58). – С. 179.

[3] Митрофанова Т.Ю. Специальное событие как инструмент повышения потребительской лояльности к организациям культуры (на примерах организаций культуры Рязанской области) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2016. – С. 56.

Исследованием проблем событийного маркетинга занимались такие ученые, как: Н.А. Андрианова, Э.В. Кондратьев, А.Д. Кузьмина, Т.Е. Лохина, В.Л. Музыкант, А.Е. Назимко, А.В. Сковородкин, Н.Н. Старцева, И. Тихмянова, Г.Л. Тульчинский, А.В. Шумович, Е.А. Ячменникова и другие, а также зарубежные авторы: Г. Боудин, Дж. Голдблатт, Э. Йетингер, Г. Картер, Н. Кларк, Б Кнаус, Б. МакКоннел, Д. Хьюб, К. Хоффман, Дж. Флинн, У. Хальцбаур и другие.

Событийный маркетинг ориентирован на создание специальных событий и мероприятий. Т.Ю. Митрофанова предлагает увязывать тематическую направленность мероприятий, проводимых в форме событийного маркетинга, с реальными историческими или культурными событиями, например, с традиционным праздником города, местности, исторической датой, известным именем и т.п.[1]. Метод событийного маркетинга используется на телевидении и на музыкальных радиостанциях.

Событийный маркетинг применялся компаниями *Coca-Cola, Nike, Nestle*. Компания *McDonald's* одновременно с организацией сети быстрого питания регулярно проводила мероприятия с использованием образа клоуна Рональда в детских домах.

Анализ специальной литературы показал, что на данный момент отсутствует единое, общепризнанное определение понятия *event*-маркетинг.

А.А. Манихин понимает под *event*-маркетингом сферу услуг по организации специальных мероприятий[2].

По мнению Ф. Котлера, механизм *event*-маркетинга является одним из средств формирования имиджа организации, «успех которого измеряется интенсивностью его освещения в средствах массовой информации»[3].

О.А. Скуматова определяет *event*-маркетинг как «вид интегрированных маркетинговых коммуникаций, представляющий собой комплекс мероприятий, направленных на продвижение бренда во внутренней и/или внешней маркетинговой среде посредством организации специальных событий»[4]. Целью рекламной функции *event*-маркетинга является информирование потребителя в понятной и доступной форме об основных характеристиках и преимуществах предлагаемых товаров или услуг.

Таким образом, восприятие событийного маркетинга происходит одновременно в двух контекстах: как форма бизнеса и как инструмент маркетинговых коммуникаций.

Дж. Флинн относится к понятию *event* как к специальному спланированному и управляемому мероприятию, направленному на достижение определенных социальных, культурных или корпоративных целей и задач[5].

Мы понимаем под понятием *event* (событие) явление (или факт), которое имеет существенную значимость в общественной или личной жизни, специально организованное и эмоционально насыщенное. Событийный маркетинг мы рассматриваем как вид технологий креативных (творческих) индустрий, как особый инновационный механизм организации социально-культурных событий и мероприятий в креативной индустрии, как эффективную форму взаимодействия бизнеса и культуры. *Event*-маркетинг является одним из наиболее эффективных методов продвижения услуг в сфере досуговой деятельности, формирующих позитивный имидж производителя на рынке культурных услуг, повышающих его конкурентоспособность.

Д. Румянцев и Н. Франкель выделяют ряд этапов проведения событийного маркетинга и определяют их последовательность: подготовка, продвижение, проведение, после события. Авторами разработан четкий алгоритм осуществления мероприятия (своего рода план действий): «Узнать возможность площадки и выступающего → Договориться с двумя сторонами → Подсчитать смету → Утверждение цены билетов → Забронировать зал → Продвижение и продажа билетов → Утвердить программу → Напечатать полиграфическую продукцию»[6].

Вместе с тем, практика проведения досуговых мероприятий показывает, что, несмотря на существенные затраты, связанные с их организацией и осуществлением, поставленные цели нередко не достигаются. С.Г. Ермаков, Ю.А. Макаренко, Н.Е. Соколов выделяют в качестве причин неудачного вложения финансовых средств в досуговые мероприятия, следующие:

– отсутствует правильный подход к планированию ивента;

– мероприятие организуется не на научном, а на интуитивном подходе, который не учитывает ключевые особенности конкретного вида мероприятия;

– неверно определяются цели мероприятия[7].

Полагаем, что в этих случаях маркетинговая стратегия организации, ответственной за проведение досугового мероприятия, при отсутствии продуманного и научно обоснованного подхода к осуществлению своей профессиональной деятельности выстраивается путем проб и ошибок.

---

[1] Митрофанова Т.Ю. Специальное событие как инструмент повышения потребительской лояльности к организациям культуры (на примерах организаций культуры рязанской области) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2016. – С. 56.

[2] Манихин А.А. Место event-маркетинга в комплексе маркетинговых коммуникаций // Креативная экономика. 2010. – № 4 (40). – С. 135–142.

[3] Котлер Ф., Шефф Дж. Все билеты проданы: стратегии маркетинга исполнительских искусств / [пер. с англ. Л. Акопян, Е. Дубинец, С. Грохотов]. – М.: Классика-XXI, 2004. – 687 с.

[4] Скуматова О.А. Событийный маркетинг в Республике Беларусь // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы: сборник научных трудов / [под общ. ред. И.Л. Акулича]; Белорусский гос. экон. ун-т [и др.]. – Минск: А.Н. Вараксин, 2015. – С. 376–378.

[5] Goldblatt J.J. Special events: the art and science of celebration. 1990; Getz D. Festivals, special events, and tourism. 1991; Bowdin G., McPherson G., Flinn J. Identifying and analyzing existing research undertaken in the events industry: a literature review. 2006. – P. 18.

[6] Франкель Н., Румянцев Д. Event-маркетинг. Все об организации и продвижении событий. – СПб.: Питер, 2017.

[7] Ермаков С.Г., Макаренко Ю.А., Соколов Н.Е. Event-менеджмент: обзор и систематизация подходов к организации мероприятий // Управленческое консультирование. 2017. – № 9. – С. 142.

Однако в практике проведения мероприятий в форме событийного маркетинга можно найти немало примеров, свидетельствующих о положительном, успешном опыте их проведения. Так, в Беларуси широко известна деятельность Клуба ивенторов Беларуси, являющегося одним из лидирующих маркетинговых агентств страны. В состав данного клуба входит организация «*terra-group – Event Marketing Agency*», которая уже свыше 10 лет работает в сфере событийного маркетинга и накопила богатый опыт в разработке и внедрении в практику событийных проектов. Более того, в 2019 году агентство заняло 1 место на Международном фестивале событийного маркетинга и коммуникации *BEMA* в номинации «Лучшее деловое событие». Маркетинговое агентство «*terra-group*» занимается проведением таких событийных мероприятий, как: награждение участников конкурса или профессионалов в определенной сфере деятельности, поощрение за особые заслуги, посвящение в новую должность или звание, выставки, презентации, тест-драйвы, спонсорство и благотворительность, рекламные игры[1].

Сегодня в одном только Минске работают более 150 организаций, которые специализируются на организации и проведении праздничных мероприятий: различного рода юбилеев, профсоюзных праздников, семейных праздников (*Family Day*), новогодних утренников и вечеров, фестивалей и т.д. Наиболее известны среди минских агентств, работающих с мероприятиями событийного маркетинга такие организации, как «Праздничное бюро Ларисы Грибалевой», *Events company ARTMIX* (ООО «Арт-Микс») и *Fishka.by*. Интересен их опыт в разработке «заказных» проектов (корпоративов, свадеб, детских праздников, юбилеев, выпускных вечеров и розыгрышей). Иногда в агентства поступают заказы по проведению мероприятий делового характера, например, по поводу открытия магазина, организации или рекламного проекта. В большинстве случаев агентствами событийного маркетинга разрабатываются индивидуальные праздники с конкретной концепцией. Так, ОДО «Праздничное бюро Ларисы Грибалевой» работает только по индивидуальному заказу[2].

В последнее десятилетие распространение получили интерактивные праздники, которые все более становятся популярными у населения, поскольку многие люди уже не желают быть просто зрителями, а хотят принимать активное участие в празднике. Это желание потребителя учитывает в своей работе агентство «Академия игры». Популярность приобрели стилизованные вечеринки, приглашение на корпоративные вечера и юбилеи звезд шоу-бизнеса.

Названные выше и другие виды событийного маркетинга составляют основу креативной индустрии. Следует согласиться с Н.Г. Федотовой, которая рассматривает креативные индустрии как виды деятельности, основанные «на индивидуальном творческом начале, таланте, определённых навыках и умениях, инициативности, управленческих качествах», способствующие возникновению новых форм работы, построенных на использовании интеллектуальной собственности, нацеленных на создание творческого продукта. Следовательно, основу креативной индустрии составляют творческие способности персонала, создающего культурный продукт, который, помимо эмоциональных переживаний, приносит также коммерческую выгоду[3]. Событийный маркетинг способствует творческой самореализации не только персонала, оказывающего населению услуги в сфере культурно-досуговой деятельности, но и самих участников событийных мероприятий – благодаря практической ориентированности ивент-мероприятий, особенно при интерактивной форме их проведения.

Обобщая сказанное, можно прийти к следующим выводам.

Рынок праздничных услуг постепенно развивается, поскольку праздничные услуги становятся все более востребованными в обществе. Люди стремятся проводить свободное время более целенаправленно и комфортно, ощущать себя нужными и уважаемыми в трудовом коллективе, в семье людьми. Праздничные мероприятия помогают сплотить рабочий коллектив, семью, поделиться впечатлениями и хорошими воспоминаниями с другими людьми, приобрести новых друзей.

Применение event-маркетинга в досуговой деятельности помогает учреждениям культуры адаптироваться к условиям рынка. Более того, опыт показывает, что данные учреждения, внедряя инновационные методы организации и проведения культурно-досуговых мероприятий, в том числе посредством событийного маркетинга, могут, не ожидая помощи от государственных структур, самостоятельно решать многие социально-экономические проблемы, заниматься благотворительностью и другими полезными для общества делами.

[1] Наша миссия. – http://www.terra-group.by

[2] Результаты первого исследования event-рынка в Беларуси. – https://bazaartistov.com/article/ShowArticle/140

[3] Федотова Н.Г. Культура в пространстве рынка (Creative industries): теория и практика // Культурное обозрение. Информационно-аналитический сборник. – Великий Новгород, 2012. – № 4. – С. 52.

Нихмонов И.С.,
Партоев К.[1]

ПРОДУКТИВНОСТЬ КАРТОФЕЛЯ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЭКОСИСТЕМАХ ТАДЖИКИСТАНА И АФГАНИСТАНА

Ключевые слова: *картофель, экосистема, агроэкология, сортообразцы, высота над уровнем моря, урожайность, горная, трансграничный, Таджикистан, Афганистан.*

1. Введение

Как известно, такие агроэкологические факторы в условиях горных массивов, как более прохладный климат, высота над уровнем моря, перепады температур, инсоляция и инновационные агротехнические приёмы при возделывании картофеля играют особую роль в деле получения высокого урожая этой культуры. В связи с этим, особое значение имеет изучение реакции разных генотипов и сортообразцов картофеля в горном ландшафте, использование на посадку оздоровленного семенного материала и соблюдении основных агротехнологических приёмов при возделывании растений [1-5].

Горные массивы экосистемы Бадахшана, расположенные на сопредельных территориях республик Таджикистана и Афганистана на высоте более 2000 моря над уровнем моря, отличаются оптимальными агроэкологическими условиями для выращивания картофеля. В связи с этим нами проведено изучение влияния агроэкологических факторов разных высот горной зоны на рост, развитие и продукционный потенциал различных сортов картофеля с различными генетическими параметрами на сопредельной территории республик Таджикистана и Афганистана. Цель исследований заключалась в изучении характера формирования продуктивности различных сортов картофеля в зависимости от воздействия агроэкологических факторов и агротехнологических приёмов выращивания в условиях горной зоны Бадахшана республик Таджикистана и Афганистана, соответственно на высотах 2100 и 2600 м над уровнем моря.

2. Объекты и методы исследования

Объектами исследования послужили элитные семенные клубни 10 сортообразцов картофеля, селекции Института ботаники, физиологии и генетики растений АН РТ. Стандартным сортом был сорт картофеля Зарина. Повторность закладки опытов четырехкратная, рандомизированная. Рядки длиной 5 м, каждый сортообразец картофеля был посажен в 4 рядках в каждой повторении. В каждом повторения были посажены по 100 шт. клубней (в один ряд 25 шт. клубней, в 4 рядах 100 шт. клубней). Во всех 4 повторениях был посажен (4×100 шт.) 400 шт. клубней каждого сорта. Масса семенных клубней составила 30–60 г., в среднем – 45 г. Общая масса семенных клубней одного сорта была 18 кг (45 г × 400 шт. клубней). Площадь одной делянки составила 0,325 м^2 (4 ряда × 5 м × 0,65 см). Общая площадь одного сортообразца была 1,3 м^2 (4-х повторения х 0,325 м^2). Посадки семенных клубней сортообразцов картофеля проведены в апреле-мае по схеме посадки 70×65см. Опыты были проведены в 2016–2018 гг. на территории Ванчского района Республики Таджикистан (село Мдерхав) на высоте более 2100 м над уровнем моря и на территории Ишкашимского района Республики Афганистан (село Ганджабад) на высоте более 2600 м над уровнем моря. В географическом плане эти две зоны входят в Памиро-Алайскую горную экосистему Бадахшана.

Во время вегетации сортообразцов картофеля были проведены следующие фенологические наблюдения за растениями: учет всходов сортообразцов картофеля; даты наступления основных фазы развития растений (бутонизация, цветения, отмирание ботвы и уборки урожая); определение продуктивности и общей биомассы растений (массы листьев, стеблей, корней и клубней) на делянках опыта.

Агротехника на опытных участках состояла из проведения предпосевной обработки почвы, посадки, междурядные обработки (два раза вручную), внесения NPK-100+150+80 кг/га и осуществления 7-8 раз вегетационных поливов.

3. Результаты исследования

Как показали исследования, сортообразцы картофеля в условиях Ванчского (Таджикистан) и Ишкашимского (Афганистан) районов имеют разные показатели по урожайности (рис. 1).

[1] Нихмонов Иматбег Сироджович – к.с.-х.н., н.с. Института ботаники, физиологии и генетики растений НАН Таджикистана. E-mail: imatbek.nikhmonov@akdn.org,

Партоев Курбонали – д.с.-х.н., профессор, зав. лабораторией генетики и селекции растений, Институт ботаники, физиологии и генетики растений НАН Таджикистана.

Как показывают данные рис. 1 в условиях горной зоны Таджикистана наиболее высокий урожай клубней наблюдается по сортообразцам картофеля – АН-1 (Академия наук-1), Файзабад, Сурхоб и Таджикистан. Урожайность у этих сортообразцов соответственно составляет 42,5; 42,9; 49,0 и 51,5 т/га, что по сравнению со стандартным сортом Зарина соответственно больше на 40,7%; 43,0; 63,3 и 71,1%, а по сравнению с показателем средней урожайности у всех сортообразцов картофеля соответственно больше на 8,1%; 9,2; 24,7 и 31,0%.

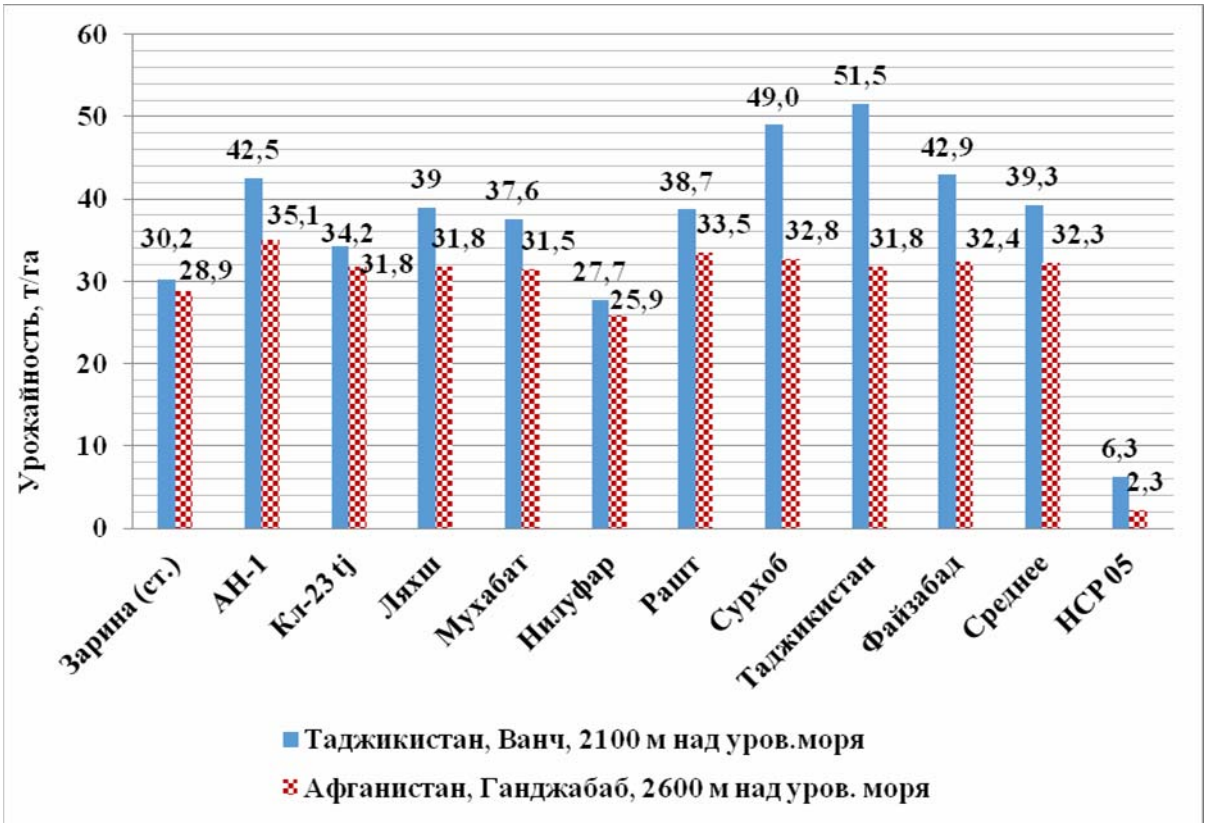

Рисунок 1.
Урожайность сортообразцов картофеля в условиях Таджикистана и Афганистана (среднее за 2016–2018 гг.)

Сравнительно низкий урожай имеют сортообразцы Нилуфар и Зарина, соответственно 27,7 и 30,2 т/га. Средняя урожайность у всех сортообразцов картофеля в условиях Таджикистана составила 39,3 т/га.

Исследования также показали, что сортообразцы картофеля в условиях Ишкашимского района Афганистана по урожайности имеют разные показали. Здесь наиболее низкий урожай клубней наблюдается по сортообразцам картофеля Нилуфар и Зарина (25,8-28,9т/га), а наибольший урожай имеют сорта Сурхоб, Рашт и АН-1 (33,4-35,1 т/га).Эти сорта по урожайности превышают стандарный сорт картофеля Зарина на 13,5; 15,9 и 21,5%. Остальные сорта (Мухаббат, Рашт, Лахш, Сурхоб и Клон-23tj) имеют почти одинаковый показатель по урожайности (31,5-32,8 т/га) и особенно не отличаются между собой. Средняя урожайность у всех сортов картофеля в условиях Афганистана составила 32,3 т/га. Все новые сорта картофеля (кроме сорта Нилуфар) по урожайности превышают стандартного сорта Зарина на 9,0–21,5%. Сортообразец картофеля Нилуфар по урожайности был ниже стандартного сорта Зарина на 10,3%.

В среднем урожайность сортообразцов картофеля в условиях Таджикистана значительно выше, чем в условиях Афганистана (на 7,0 т/га или на 21,67%). Это свидетельствует о том, что агроэкологические условия на высоте 2100 м над уровнем моря в Таджикистане являются более благоприятными для роста картофеля и на формирование урожая, чем агроэкологические условия на высоте 2600 м над уровнем моря в Афганистане.

Заключение

Проведенные исследования по изучению характера формирования урожая различных сортообразцов картофеля в двух разных агроэкологических зонах (Таджикистан на высоте 2100 м и Афганистан 2600 м над уровнем моря) показали большие различия. Установлено, что в условиях Ванчского района Таджикистана (на высоте 2100 м над уровнем моря) более высокие показатели по урожайности по сравнению с другими сортами картофеля имеют такие сортообразцы, как АН-1, Файзабад, Сурхоб и Таджикистан. Особенно высокий урожай получен по таким новым перспективным сортам картофеля, как Сурхоб и Таджикистан. Эти сорта картофеля на высоте 2100 метров над уровнем моря обеспечивают получение 42–52 т с гектара, что значительно больше, чем урожайность других сортообразцов картофеля. В условиях Ишкашимского района Афганистана на высоте 2600 метров над уровнем моря по урожайности лучшие показатели имеют такие сортообразцы картофеля, как Сурхоб, Рашт и АН-1, превышающие по урожайности стандартный сорт Зарина соответственно на 13,5; 15,9 и 21,5%. В связи с этим такие новые сорта картофеля, как Таджикистан, АН-1, Файзабад, Сурхоб и Рашт можно рекомендовать для возделывания в производственных условиях агроэко-

логических зон горного края Бадахшана на высоте 2100 м над уровнем моря (Таджикистан) и на высоте 2600 м над уровнем моря (Афганистана).

Список литературы

1. Алиев К.А. Биотехнология растений: клеточно-молекулярные основы. – Душанбе, 2012. – 173 с.
2. Анисимов Б.В. Картофелеводство в России: производство, рынок, проблемы семеноводства // Совершенствование технологии возделывания картофеля. – Пенза, 2000. – С. 3–12.
3. Партоев К. Селекция и семеноводство картофеля в условиях Таджикистана. – Душанбе, 2013. – 190 с.
4. Стрельцова Т.А. Экологическая изменчивость признаков картофеля в разных по вертикальной зональности районах Горного Алтая / Автореф. док… дисс. с.х. н. – Горно-Алтайск, 2008. – 40 с.
5. Khurana S.M.P. Apical meristem culture: a tool for virus elimination // Comprehensive Potato Biotechnology / S.M.P. Khurana, A. Sane; CPRI Shimla. 1998. – P. 207–232.

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, Ижевский филиал Российского университета кооперации
rkvp_ruk@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: *инновации и инвестиции интенсивного типа, институциональная среда, интенсификация общественного производства, оптимальные институциональные условия.*

Keywords: *innovations and investments of the intensive type, institutional environment, intensification of public reproduction, optimal institutional conditions.*

Развитие российской экономики до последнего времени было преимущественно связано с использованием экстенсивных факторов (недозагруженными мощностями и незанятой рабочей силой, а также внешней конъюнктурой). Однако ускорение социально-экономического развития, намечаемое на ближайшее десятилетие, не может основываться на весьма ограниченных по своим возможностям ***экстенсивных*** факторах. Необходимо использовать качественно новый физический и человеческий капитал, а также результаты благоприятных условий хозяйствования. Чтобы ускорить экономический рост, необходим поиск новых, устойчивых источников развития и интенсификация производства.

Актуальность перехода на интенсивный способ хозяйствования определяется также и тем, что в трудные годы экономического спада проблемам интенсификации не придавалось должного значения. В настоящее время, когда возникли благоприятные предпосылки развития, интенсификация предполагает вовлечение в общественное производство всего имеющегося потенциала страны и все более рационального его использования.

Между тем институциональная парадигма развития и возможность использования ее результатов в системе методов организации и регулирования процесса интенсификации еще не сложилась, хотя его институциональный аспект привлекает внимание многих ученых, как зарубежных (Д. Норт, Я. Тевено, О. Фаворо, Ф. Эмар-Дюверне, К. Менар и др.), так и отечественных (В.И. Маевский, В.Л.Макаров, А.Н. Нестеренко, Р.М. Нуреев, А.Н. Олейник, В.В. Радаев, В.Л. Тамбовцев, А.Б. Шаститко и др.).

Институциональная теория, теория организации и теория интенсификации до сих пор недостаточно связаны друг с другом. Институционализм обычно рассматривается как чисто теоретическое направление в современной науке, и игнорируется тот факт, что динамика показателей есть результат реализации всего комплекса условий, обеспечивающих интенсивное развитие конкретной организации. Поэтому крайне важно найти органические взаимосвязи интенсификации и институциональных основ социально-экономического развития, а также попытаться сблизить их не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне.

В условиях переходного периода и интенсивного формирования развитых рыночных отношений существенно возросла нестабильность и изменчивость протекания социально-экономических процессов. Усиление неопределенности экономической среды требует качественно иного подхода к методам и формам управления производством, в том числе процессом интенсификации, являющимся важнейшим условием повышения эффективности общественного воспроизводства.

Хотя недостаточно высокий уровень интенсификации и явился одним из наиболее существенных факторов, обусловивших необходимость реформирования российской экономики, анализ показал, что при переходе к рыночным отношениям темпы интенсификации значительно снизились [2]. Иначе говоря, результат получился прямо противоположный: в последнее время не произошло дальнейшего усиления интенсивного характера производства и повышения темпов этого процесса, более того, уровень интенсификации существенно понизился.

Вызвано это в значительной мере разрывом хозяйственных связей, возросшей неопределенностью экономического пространства, недостаточной развитостью многих важнейших институциональных структур и т.п. [4]. Чтобы приостановить действие данной негативной тенденции и в дальнейшем избежать еще более серьезных последствий, необходимо разработать комплекс организационных, регулирующих и стимулирующих мер, реализация которых позволит повысить эффективность интенсификации в новых условиях хозяйствования. В этих мероприятиях должна быть учтена также отраслевая и региональная специфика.

Одной из наименее изученных является проблема усиления интенсивного характера производства на основе совершенствования институциональной среды [1]. Интенсификация производства традиционно рассматривается как процесс, основанный на применении более эффективных технологий, средств и предметов труда и более совершенных форм его организации. И поэтому реализация мероприятий, имеющих своим результатом экономию совокупности применяемых ресурсов на единицу продукции, отражает процесс интенсификации производства. Вместе с тем проблема интенсификации производства более многогранна и глубока, чем это представляется на основе результатов, отраженных в экономической литературе. Имеет смысл заметить также, и что институциональная теория в основном

занимается исследованием экономико-правовых проблем, трансакционными издержками, вопросами функционирования фирмы и других организационных структур. Поэтому расширение сферы применимости институциональной теории и, в частности, исследование институциональных основ такого важного социально-экономического явления, каким является интенсификация общественного производства, представляется весьма актуальным и своевременным.

В анализе экономических явлений, в том числе интенсификации, существует неоднозначность вариантов их объяснения и выбора путей регулирующего воздействия [3]. Однако неоклассическая теория до недавнего времени в основном игнорировала альтернативный подход к проблеме развития, связанный с действием социальных условий в обществе.

По нашему мнению, исходят из того, что интенсификация производства не есть замкнутая материально-техническая система, являющаяся основой общественного воспроизводства, и поэтому процесс интенсификации не может сводиться лишь к простому сочетанию ее организационно-хозяйственных факторов. Действие и развитие факторов интенсификации во многом определяются институциональными условиями производственной и общественной деятельности. Поэтому в анализе интенсификации важное значение имеют не только сами факторы, но и институциональная среда, в которой они действуют и которая влияет на развитие и использование этих факторов.

В связи с этим интенсификацию как процесс развития следует рассматривать в единстве с развитием общественного производства и создания адекватной ее требованиям институциональной среды. Необходимость этого особенно ярко проявляется при рассмотрении процесса интенсификации в отраслевом аспекте, прежде всего в промышленности.

Применение институтов (правил), как условия эффективного внедрения методов интенсификации, определяет характер деятельности людей и представляет собой наряду с технологией способ воздействия на результаты экономической деятельности. Институциональный механизм в системе интенсивного развития выступает, таким образом, в качестве одного из критериев интенсификации. Совокупность методов институционального воздействия на процесс усиления интенсивного характера производства, по нашему мнению, может рассматриваться как институциональная интенсификация.

Институциональная интенсификация отражает, иначе говоря, потенциал институциональной среды, которая выступает как направление, как фактор, определяющий интенсивное функционирование экономики, и поэтому ключевой проблемой исследования является поиск пути**,** когда максимально можно задействовать потенциал институциональных преобразований и возможностей для повышения темпов и уровня интенсификации производства. Именно поэтому возникает необходимость и целесообразность выделения нового понятия – институциональная интенсификация.

Роль институтов как правил или норм человеческой деятельности, структурирующих различные взаимодействия людей, проявляется через их функции, к которым принято относить функции ограничения, создания условий для взаимовыгодного обмена и распределения, а также определения связанных с этим затрат. Однако такой подход преимущественно сводится к взаимодействию экономических агентов в процессе обмена. Но институты в форме права, норм, традиций, неформальных правил действуют не только в сфере обмена, они охватывают и другие сферы и процессы, включая интенсификацию, где они имеют особую структуру и назначение.

Главная задача институциональной интенсификации производства состоит в том, чтобы в максимальной степени использовать возможности эффективной отдачи функций институтов в экономическом развитии. В пользе, которую институты приносят обществу в решении определенных задач и достижении целей, проявляется эффективность институтов. Функциональность институтов, следовательно, не сводится только к роли ограничения и сдерживания при осуществлении торговых операций для действующих лиц при обмене. Институциональные установления (правила игры) должны определять также и структуру стимулов в производственной деятельности. Наряду с уменьшением неопределенности и обеспечением взаимных ожиданий институты должны создавать благоприятный фон для рационального поведения и эффективного применения ресурсов.

Конкурентная институциональная среда может служить не только ускоряющим фактором развития экономики, но и являться тормозом развития, чему известно немало примеров. Поэтому необходимо своевременное изучение институтов, что позволит привести их в соответствие с новыми требованиями, возникающими со временем в системе «производительные силы – производственные отношения», и, тем самым, избежать негативного воздействия этих институтов на экономику. Институты, таким образом, есть приспособительное устройство, в значительной степени зависящее от фактора времени с точки зрения эффективности и их воздействия на общество.

В институциональной теории существуют различные классификации правил: формальные (зафиксированные в писаном праве), неформальные (закрепленные в обычаях и традициях), естественные, искусственные и т.д. Но все они, характеризуя природу институтов, недостаточно учитывают требования интенсификации к ее содержанию и структуре основных интенсивных факторов.

По мнению автора, в основе выбора системы правил интенсификации необходимо исходить из свойств отдачи (результативности) применяемых институтов в экономике. В работе все институты классифицированы исходя не из их формы и природы происхождения, а по их взаимосвязи с экономическими процессами, по характеру воздействия на них. В качестве критериев системы институтов были приняты их достаточность, функциональность, время и уровень действия (табл. 1).

Таблица 1

Классификация институтов в системе интенсификации производства

По объему (достаточности)	Достаточность набора правил для эффективной интенсификации. Степень совпадения (полное, частичное) с требованиями повышения уровня интенсификации производства
По функциональности	Степень охвата людей с институциональной нормой. Совместимость правил друг с другом и с объектом воздействия (интенсификацией производства). Степень воздействия на отдельные процессы и направления интенсификации. Эффективность достижения целей роста темпов интенсификации.
По времени действия	Устаревшие институты, нуждающиеся в замене, обновлении. Отжившие институты, приносящие вред, мешающие реализации мероприятий, связанных с интенсификацией. Неправильные институты, тормозящие развитие процесса интенсификации. Институты, отвечающие необходимым условиям.
По уровню действия	Макроуровень. Мезоуровень. Микроуровень. Отдельные процессы.

Такая классификация правил, сопряженная с процессом интенсификации, предопределяет способ эффективного воздействия на результаты экономической деятельности, причем при более полном использовании их потенциала полезность институтов неизменно возрастает.

В силу наличия различных школ и направлений методология институционального анализа не может основываться на унифицированном характере институциональной теории. Так, неоинституционализм преимущественно связан с минимизацией трансакционных издержек при совершении сделки, но упускает из поля зрения сам процесс производства, а новый институционализм сочетает в себе совокупность правил игры и разнообразные соглашения (рынки, фирмы и т.д.). Перед нами стояла цель обобщить институциональные подходы и применить их к процессу интенсификации социально-экономического развития.

Неоинстуциональная теория исходит из представления, сформулированного еще А. Смитом, об исключительности частных прав на экономические активы, которые могут оказывать значительное воздействие на поведение человека. Влияние схемы прав собственности создает возможности достичь стоящие перед обществом экономические цели. В связи с этим изменения в институте собственности как основы для дальнейшей интенсификации производства важны и необходимы. Преобразования в структуре собственности определяют характер развития всех других институтов общества, в том числе и человеческого фактора. Однако в институциональной теории (кроме, пожалуй, Г. Беккера) теории человеческого капитала не придавалось должного значения. Характеристика движения личного фактора предполагает рост человеческого потенциала интенсификации.

Предложенный нами подход к изучению влияния преобразований прав собственности и роста возможностей людей охватывает, таким образом, изменение двойственной системы предпосылок интенсификации. Приведет ли внедрение частной собственности к росту общественного производства, и расширятся ли границы производственных возможностей человека — все это зависит от многих факторов, в том числе и от функционирования разных институциональных структур.

Достижению высокого уровня эффективности и интенсификации общественного производства, как свидетельствует мировой опыт, способствует оптимальная структура экономики (в виде оптимального соотношения трех укладов: государственного, крупного капитала, малого и среднего бизнеса). Российская приватизация имела целью изменение прав собственности в процессе ее разгосударствления как условия формирования эффективных и ответственных собственников и ускорения экономического роста. В реальности получились иные результаты. И причины этого состоят не только в выборе неудачных методов и массовом форсировании темпов приватизации, но и в институциональной необеспеченности преобразований на каждом из этапов осуществления реформ.

В процессе массовой приватизации предприятия акционировались независимо друг от друга, что вело к разрушению вертикальных и горизонтальных хозяйственных связей, распылению акционерных средств.

При денежной приватизации не произошло перераспределения акций (а именно к таким результатам и приводит использование известной теоремы Р. Коуза) между инсайдерами (работниками, менеджерами) и аутсайдерами (сторонними инвесторами), так как менеджеры скупали акции у работников по низким ценам (так, Ходорковский владел 44% акций «Юкоса») и сохранили контроль над приватизированными предприятиями.

«Залоговые аукционы», когда банки под кредит получали в управление заложенные правительством акции, привели к тому, что активы 13 крупнейших предприятий (среди которых «Норильский никель» и др.) перешли в руки олигархов. При этом кредиты выдавались за счет средств Министерства финансов, находящихся в олигархических банках, поэтому такую приватизацию Счетная палата называет «притворной сделкой», а за рубежом специалисты именуют ее как обыкновенную «мошенническую продажу банкам».

В целом на каждом из этапов приватизации имела место неадекватность институтов и принимаемых решений (приватизация началась еще до принятия основных законов, многие рыночные институты были сформированы уже после завершения первой программы приватизации и т.д.). Либерализация экономики происходила по неоклассическим моделям (в частности, по рекомендациям «Вашингтонского консенсуса»), которые игнорировали специфику российских реформ. Объективная приватизационная модель, включающая три составляющих: постепенность, этап-

ность и институциональную обоснованность совокупность которых является предпосылкой эффективности приватизационных преобразований, практически не соблюдалась и особые институциональные условия российской приватизации на деле отсутствовали.

Существуют разные способы объяснения причин эффективности или неэффективности изменения прав собственности. Неоинституционалисты в качестве таких институтов рассматривают изменение элементов прав собственности: использования, получение дохода, распоряжения. Однако, как показали наши исследования результатов приватизации на всех уровнях, новая структура прав не позволяет в достаточной мере оценить их влияние на экономические и социальные процессы. В эмпирических исследованиях даются различные оценки достигнутых результатов приватизации, которые, однако, строятся на несравнимой масштабности доказательных данных (на уровне предприятий, отраслей или экономики в целом). Авторы исходили из того, что универсального инструмента в определении взаимосвязи между трансформацией собственности и развитием экономики нет. Темпы масштабных преобразований в экономике наглядно иллюстрирует динамика важнейших показателей (количественных и качественных) и, прежде всего, показателей сдвигов в материально-технической базе производства.

Интенсивность развития производства определяется прежде всего прогрессивностью материальных факторов, качественным улучшением условий производства. Достигнутые результаты приватизации в российской экономике, однако, свидетельствуют об обратном. В постприватизационный период темпы роста основных фондов существенно снизились, степень износа фондов в 1992–2009 гг. возросла на 19%; недозагруженность производственных мощностей в 2009 г. составляла 58%; срок службы основной части действующих машин и оборудования составляет 18 лет, или в 1,6 раза выше, чем до начала реформ, а новое оборудование (с возрастом до 5 лет) составляет лишь 4,2% при 29,4% в 1990 г. Все это характеризует ухудшение материально-технической базы российской промышленности и позволяет высказать предположение о деинтенсификации экономического развития и даже о деградации экономики.

Снижение качественного уровня производства связано с уменьшением, по сравнению с дореформенным периодом, уровня рентабельности в два раза и ростом доли убыточных предприятий более чем в пять раз. Рост суммы убытка привел к недостаточности у предприятий собственных средств для технологической модернизации производства. В результате объем инвестиций сократился почти в шесть раз, и во многом именно поэтому так и не удалось, как намечалось, активизировать производственно-инновационный процесс.

Анализ последствий институциональных преобразований в конечном итоге сводится к соотношению различных факторов развития – экстенсивных и интенсивных. Соотношение достигнутых эффектов показывает, что в 1997–2004 гг. развитие промышленности происходило преимущественно интенсивным путем, а в 2005–2009 гг. развитие происходило с преобладанием экстенсивных факторов. В этих условиях объективно необходима ускоренная смена типа экономического роста. Это диктуется и тем, что российская экономика исчерпала те резервы, на которых основывается экономический рост последних лет, хотя в 2005–2009 гг. эффект экстенсивного использования фондов несколько увеличился.

Таким образом, в современных условиях кроме осуществления социально-экономической оценки эффективности инвестиций и инноваций необходимо осуществлять оценку последствий внедрения инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на усиление процессов интенсификации общественного воспроизводства. В этой связи мы предлагаем выделять инвестиции и инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Важно также в общей структуре инвестиций и инноваций выделять удельный вес, долю каждой из этих двух групп. Целесообразность осуществления такого рода классификации инвестиций и инноваций во многом объясняется тем обстоятельством, что в последнее время существенно возросла актуальность использования интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего, это связано с демографическим кризисом последних лет – как известно, на 1000 жителей России умерших сейчас приходится в 1,5 раз больше, чем родившихся (приблизительно 15 человек против 10). В этой связи осуществление мероприятий трудосберегающего направления интенсификации представляется весьма своевременным и эффективным.

В других странах могут быть актуальными и иные направления интенсификации. Так, например, в среднеазиатских странах СНГ – Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии исключительно важным является водосберегающее направление интенсификации общественного производства. В Японии, где сравнительно немного крупных месторождений природных ресурсов, весьма актуально материалосберегающее направление интенсификации, здесь же в связи с крайне ограниченным характером земельных ресурсов большое значение имеет также землесберегающее направление интенсификации. В большинстве стран мира весьма актуальны энерго- и фондосберегающее направления.

Более того, даже в разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему (т.е. как и во времена социалистической экономики) имеет трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала – в Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области – крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В Белгородской области, где на высоком уровне развиты металлургическая и горнодобывающая отрасли промышленности очень эффективно осуществление мероприятий материалосберегающего направления. Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации или экстенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько подгрупп, соответствующих разным направлениям интенсификации – трудо-, фондо-, материалосберегающему и т.д. в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики той или иной страны. Напомним, что говоря о процессах экстенсификации и интенсификации, имеют в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели. При одном происхо-

дит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ресурс. Целесообразно определять поэтому интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономию стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например, живой труд. Таким образом, предложенный подход к пониманию процесса интенсификации позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия [5].

Для интенсификации развития необходим новый этап, связанный с инвестиционным обновлением основного капитала, внедрением современных высокотехнологичных производств. Необходимость интенсификации экономического роста требует существенной корректировки механизма экономической деятельности с учетом уроков предшествующей динамики. Приоритетным направлением интенсификации развития необходимо признать выход нашей экономики на новый уровень инновационных технологий. Для этого формы и методы государственного стимулирования и регулирования процесса инвестиционной активности нуждаются в существенном разнообразии их применения. Нами выделены некоторые направления институционально-организационных предпосылок инвестиционной интенсификации производства, предложены формы реализации каждого из них, а также цели (результаты) их осуществления. Результаты институциональных преобразований в российской экономике характеризуют общие тенденции развития экономической системы, которые практически повторяются на уровне региональных систем, хотя и имеют некоторые территориальные особенности.

В целом эффективность использования основных фондов характеризуется тем, что эффект экстенсивного использования в среднем в два раза превосходит эффект интенсивного способа. Это является следствием ухудшения материально-технической базы производства в последнее время. Поэтому целесообразно ставить задачу исправить сложившееся соотношение в отношении экстенсивных и интенсивных факторов развития в сторону увеличения последних. К числу необходимых мер оживления инновационного процесса можно отнести решение следующих первоочередных институциональных задач:

– избавление предприятий от долгового бремени;

– рассрочка платежей по налоговым задолженностям;

– использование метода безвозмездного пользования имущественным комплексом убыточных предприятий государственными организациями;

– использование лизинга (в разумных пределах) в качестве средства обновления основных фондов предприятий;

– содействие усилению заинтересованности частных собственников (их доля в инвестициях в 4 раза ниже, чем государства) участвовать в реконструкции и модернизации своих предприятий.

Специфика институциональных преобразований состоит в том, что их экономические результаты создают реальный потенциал для повышения базовых социальных индикаторов, в зависимости от которых складывается развитие человека, его потенциальные возможности в процессе интенсификации производства. Таким образом, социальные результаты развития не позволяют судить об их адаптивности целям и задачам интенсификации производства. Сложился своего рода замкнутый круг: темпы экономического развития сдерживают социальный прогресс, а последний не способствует экономическому росту. Нужна новая социально-экономическая политика, обеспечивающая гармонию движения этих сущностных мер общественного развития. В связи с этим нами обоснована концепция развития человеческого потенциала, т.е. потенциала личности, которая включает следующие элементы:

– изменение жизненного потенциала людей (взаимосвязанное движение физических ресурсов человека и демографических проблем развития);

– движение интеллектуального капитала (знаний, навыков, профессионализма);

– повышение уровня и качества жизни (образования, медицинской помощи, роста материальных благ, безопасности и экологии).

Таким образом, движение человеческого потенциала объективно необходимо рассматривать также сквозь призму особенностей труда, позволяющих интенсифицировать возможности человека и их использование. Предложенный автором подход состоит в том, что управление человеческим развитием охватывает не только элементы, характеризующие социально-экономические условия региона или страны. Решение проблем человеческого потенциала должно быть дополнено обеспечением институциональных условий в сфере труда. Речь должна идти о росте потенциала каждого конкретного человека. Поэтому изменение характеристик труда в интересах человека, его развития и самоутверждения призвано служить средством повышения удовлетворенности трудом и роста его интенсивности.

В настоящее время не существует единой теории качества труда, которое обычно рассматривается с позиций результата труда, прежде всего полезности продукта труда. На наш взгляд, необходимо исходить из того, что качественный уровень труда связан с материальными условиями производства, степенью их развития на рабочем месте и характеризует особое состояние целенаправленной деятельности человека. При этом труд не сводится лишь к достижению его результата, он связан с расходованием жизненной энергии человека, а способ потребления рабочей силы отражает социальную сторону труда, который может характеризовать социальное качество труда.

В связи с этим целесообразно выделить экономическое понимание качества труда (полезность продукта труда) и философское понимание качества, выражающее сущностное содержание труда, отражающее его социальное качество. Такой поход позволяет отделить предпосылку (социальное качество) и результат (полезность) как две характеристики единого качества труда. Исходя из теории согласований разработана конвенциальная модель качества (рис. 1).

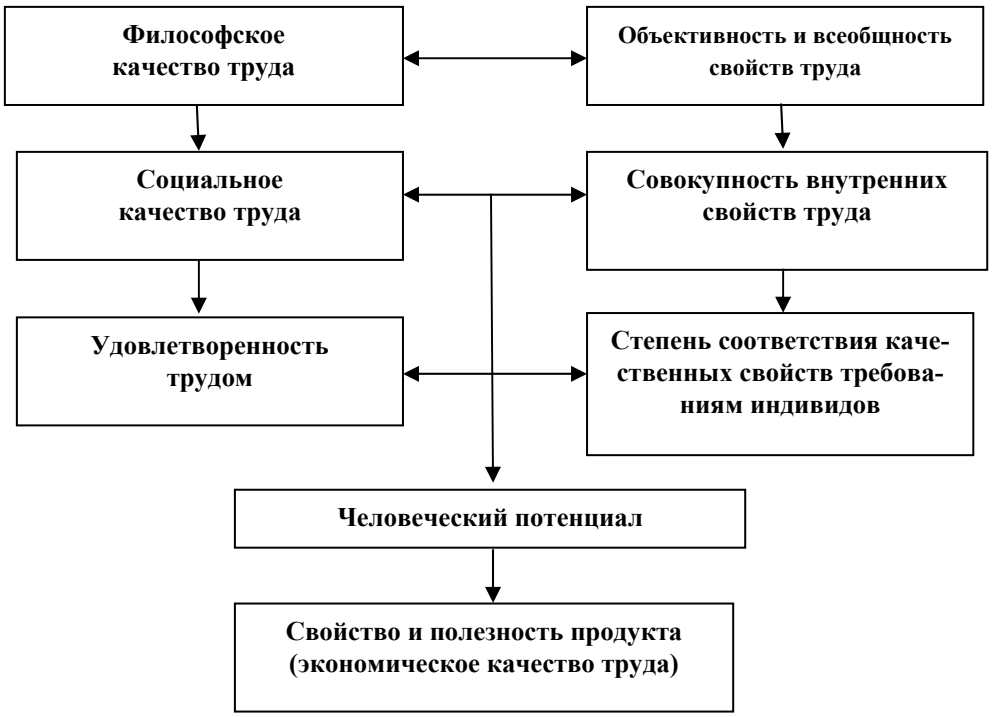

Рисунок 1.
Конвенциальная модель качества труда

Проблема состоит в субординации этих двух функций качества труда. Доминирование экономического качества ведет к подавлению его социальной функции как предпосылки развития человеческого потенциала. Лишь в единстве развития составляющих качество элементов может более эффективно проявляться трудовой потенциал человека и достигаться более высокий результат. В связи с этим нами определены критерии формирования социального качества труда (рост содержательности, интеллектуализация труда и рациональность его организации), а также дано обоснование объективных его характеристик, к числу которых относятся содержание, сложность, интеллектуальность, интенсивность и легкость труда.

Решен вопрос об измерении свойств социального качества труда (на основе балльной системы оценки) и дана интегральная оценка движения качества по мере совершенствования технических средств.

Предложенный метод оценки социального качества труда был использован в качестве инструмента прогнозирования его изменения и был положен в основу комплексного плана социального развития коллектива предприятия. Ввиду неопределенности связи человеческого потенциала с рынком труда исследованы взаимные требования продавцов и покупателей и с учетом важности социальных требований уточнено содержание объекта рынка труда, сочетающего услуги труда и необходимость роста человеческого потенциала.

Нами выработана институциональная модель организации социального качества труда, включающая принципы: социотехнические, социоорганизационные и социоэкономические, а также соответствующие правила их обеспечения. Все это позволяет включить социальное качество труда в научно управляемый процесс и оказывать воздействие на развитие человеческого потенциала в сфере труда.

Исследованию интенсификации труда посвящены работы многих ученых: В.Г. Макушина, К.И. Микульского, В.Д. Патрушева, С.П. Сироткина, А.В. Соловьева, Г.Н. Черкасова, И.Т. Ушакова и других авторов. Между тем многие вопросы по данной проблеме остаются нерешенными до сих пор. Главный из них – сочетание роста и обеспечение нормального уровня интенсивности труда, т.е. достижение конвенциальности экономических и социальных целей. При этом интенсивность труда рассматривается не просто как степень напряженности усилий человека в течение определенного времени, а как уровень производительного расходования рабочей силы, т.е. как сочетание физиологической и экономической основы затрат труда.

Экономический рост предполагает целенаправленность процесса управления развитием посредством адекватных механизмов, свойственных институциональной системе. Но стремление соединить между собой институциональную среду, а также организацию и регулирование воспроизводственными процессами не может строиться лишь на применении институтов как правил, которые, по определению К. Менара, способствуют лишь созданию общественных условий деятельности. В качестве механизмов организационно-регулирующего воздействия ряд экономистов (Дж. Гэлбрейт, Дж. Коммонс, Т. Веблен) выделяет крупные социальные институты общества: государство, рынок, власть и т.д., развитие и эволюция которых базируется на системе правил.

В соответствии с принципами синергизма институциональное регулирование интенсификации необходимо рассматривать во взаимной увязке и дополнении двух типов институтов: правил и социальных институтов. Совершенствование правил действия регулирующих институтов определяет степень благоприятствования развитию (или сдерживанию) этого процесса. Институциональное регулирование интенсификации, таким образом, сводится к изучению внутренних изменений в пределах отдельных социальных институтов, которые улучшают сам процесс регулирования и организации.

Между тем в институциональной теории предприятие не рассматривается в качестве «крупного» института и поэтому его роль в регулировании практически игнорируется. При этом не учитывается, что: 1) роль предприятия не сводится к его производственной функции. Любое предприятие объединяет сообщество занятых на нем людей, и формы коллективного существования по-разному влияют на экономические результаты; 2) структура предприятия не должна отождествляться с совокупностью производственных подразделений. Предприятие объединяет совокупность форм деятельности, связанных как с производством продукции, так и с рынком, обществом, окружающей средой и т.д. Рассогласованность между ними чревата негативными последствиями. Так, существовавшая ранее практика открытой добычи угля без восстановления плодородного слоя нанесла тяжелые последствия предприятиям и обществу. Институциональная задача предприятия – координация различных подсистем с целью предупреждения и устранения возможных противоречий путем достижения компромисса; 3) предприятие как субъект регулирования берет на себя часть функций рынка, создавая внутренний рынок труда, на котором применяются как правила найма, так и правила использования труда. Внутри предприятия происходит перемещение людей на новое место работы, закрепление кадров, стимулирование роста их потенциала, и результатом, как свидетельствует опыт японских предприятий, может быть рост самоотдачи, творчества и качества работы — а все это и есть основа для повышения уровня интенсификации производства.

Деятельность предприятия как институционального образования основывается на системе институтов предприятия (правил игры), которые регулируют как экономические, так и все другие отношения коллективного существования. Институциональный потенциал предприятия в целом является средством достижения согласования, компромисса и активизации деятельности подсистем и индивидов. Познание институциональной роли предприятия в регулировании социально-экономических процессов предполагает ее моделирование в виде адекватной абстрактной схемы (рис. 2).

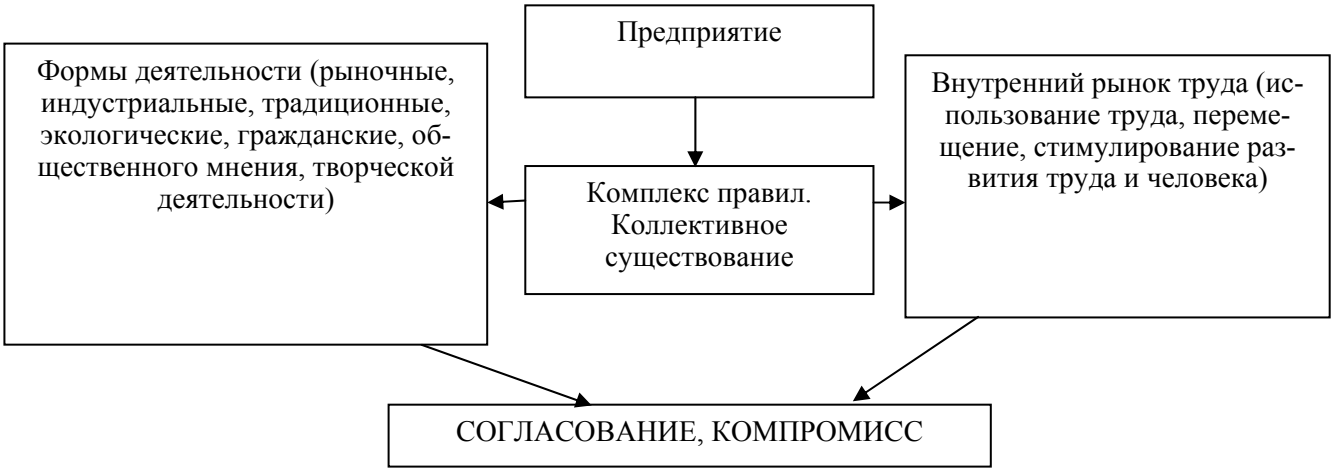

Рисунок 2.
Институциональная модель предприятия

Необходимо, чтобы институциональный потенциал предприятий играл все большую роль в активизации деятельности его подсистем и индивидов, от чего складывается уровень его потенциальных возможностей.

Существует традиционный, чисто экономический подход к рынку как к механизму обмена без учета сложного процесса складывающихся социальных связей и его роли как особого, базового института общества, действующего на основе структуры норм и процедур, обеспечивающих условия рыночных действий (многочисленных сделок). Поэтому нужен качественно иной институциональный подход к анализу рынка как к механизму организационно-регулирующего процесса и выяснения степени адаптации его структур к условиям интенсивного развития экономики.

В институциональной форме рынок обязательно действует на основе рыночных институтов (формальных и неформальных), которые призваны содействовать благоприятствованию рыночных условий экономической деятельности. Поэтому в подходе к координирующей роли рынка принципиально важно исходить из того, насколько рыночные институты (комплекс правил) соответствуют требованиям эффективности экономических взаимодействий индивидов.

Рынок в координирующей роли представляет главным образом как механизм передачи прав собственности, т.е. прав распоряжения товаром, услугой, а сами институты (совокупность правил) предваряют этот обмен. Для преодоления противоречий между мотивами действий (принцип рациональности) и способом координации в достижении равновесия (рыночного обмена) необходимо четкое определение назначения и функций рыночных правил:

- институты рынка, созданные в соответствии с требованиями координации, должны служить гарантией устойчивости и предсказуемости взаимодействий, в установлении надежных связей и обеспечении эффективности действий активов;
- институты рынка должны сочетать ограничительную, защитную и стимулирующую функцию, без чего трудно преодолеть существующую безответственность и недобросовестность отношений на российском рынке;
- рыночные институты должны являться необходимой предпосылкой раскрепощения экономических связей, что позволяет более эффективно распределять и использовать ресурсы.

В силу несоблюдения норм и правил (закона спроса и предложения, ответственности, поведения) российский рынок еще нельзя считать механизмом, обеспечивающим координацию и согласование действия экономических аген-

тов. Это означает, что он еще не является, безусловно, благоприятствующим фоном интенсивного развития производства.

Либеральные представления о том, что рынок как самоорганизующийся процесс создает новые структуры и правила рационального координирования, оказались в современных условиях не соответствующими действительности. Создание необходимых формальных институтов и сокращение роли нелегитимных правил, как свидетельствует мировой опыт, может решить только вмешательство государства в экономический механизм регулирования и тем самым преодолеть недостатки стихии рынка.

Игнорирование после 1992 г. институциональной составляющей, соединяющей государство и рынок, показало, что действие рыночных механизмов равновесия без государственного регулирования не способно решить необходимых проблем создания условий для экономического роста. И одной из причин этого является провал институциональной функции государства, что является следствием недоучета требований институциональной теории развития. Государство не выполнило свою институциональную роль, что выражается в недопроизводстве комплекса регулирующих правил.

В настоящее время существуют различные взгляды на силу государственного регулирования: традиционное убеждение (повышение роли государства в экономике) и либеральное (сокращение полномочий государства до минимума). В целом оба эти направления не противоречат друг другу; наряду с усилением роли государства необходимо ограничение его функций в ряде областей хозяйственной деятельности.

Предложенная нами концепция изменения роли государства в экономике страны основывается на необходимости выработки институционального механизма государственного регулирования, который должен включать рациональные формы и методы воздействия, степень участия в институционализации развития и определение ответственности государства за происходящие в обществе процессы.

1. Влияние государства на рыночные отношения предполагает не только прямое вмешательство в экономику, но и использование методов косвенного влияния на основе введения фундаментальных правил и обеспечения их соблюдения. Изменяя правила, государство оказывает воздействие на характер экономической деятельности, становится фактором изменений в ней путем стимулирования или ограничения. При этом государство выполняет (Дж. Бьюкенен) две разные функции: «защищающую» и «производящую», т.е. хозяйственную деятельность.

2. Государство должно содействовать созданию институтов, соответствующих реалиям жизни, способствующие активизации экономической деятельности, а также обеспечивать нормальную работу законов и власти для соблюдения прав и свобод субъектов рынка.

3. Исходя из цели усиления роли государственного вмешательства в экономику необходима институционализация экономических отношений государства с регионами и бизнесом.

4. Институционализация как способ создать сильное, эффективное государство при конкретной свободе деятельности предполагает реформирование его властных полномочий. Выработка необходимых правил поведения субъектов рынка должна дополняться жестким контролем государства за их деятельностью по установленным правилам.

Достижение целей экономического регулирования связано с проявлением активности субъектов регулирования, что способствует возникновению и развитию отношений власти, совершенствование которых предстает как необходимый потенциал развития. Однако властным отношениям до сих пор не придавалось должного значения в экономических исследованиях (кроме, пожалуй, работ В. Ойкена, Ф. Перру, Дж. Гэлбрейта, Я. Такаты). Разработка теории институционального регулирования ставит в центр внимания теорию экономической власти.

В экономической теории высказываются различные мнения об источниках экономической власти, часто видят в этом способность государства применять санкции. Игнорируется тот факт, что в основе экономической власти лежит право собственности и такой властью (способностью к принуждению) обладают кроме государства также корпорации. В России в начале XXI в. насчитывалось более 250 промышленных предприятий, занимающих доминирующее положение на рынке и обладающих возможностью воздействовать на рыночные процессы (на основе цен, объемов, трансакций денежных отношений). Таким образом, экономическая власть корпорации выступает как самостоятельный институт рыночной власти, который особенно характерен для промышленности.

Феномен власти не сводится лишь к рыночным процессам. Капитал осуществляет свою власть и за пределами рынка, так как он имеет возможность воздействовать на темпы и масштабы развития не только своего хозяйства, но и общества в целом. В этом корпорации взаимодействуют с государством. Изменения в экономике, таким образом, происходят под влиянием двух ветвей экономической власти, и на «стыке» их действия складывается баланс эффективности экономического развития. Таким образом, наличие двух полюсов регулирующей власти ставит задачу направить их в русло решения общественных задач.

Государство и корпоративная власть могут быть партнерами в области инвестирования, размещения производства и развития предприятий, решения ряда социальных задач. Для этого необходимо построение качественно новой системы их взаимодействия на основе принципа «консенсусности» отношений. Консенсусность с учетом взаимных интересов есть более совершенная форма координации интенсивного развития (рис. 3).

Консенсусный подход не несет в себе угрозу корпоративного властвования, в то время как в реальности в последнее время в России многие регионы контролируются олигархами. Государство имеет рычаги консенсусного регулирования (в области недропользования, налогового обложения и т.д.) и сохраняет свою решающую роль, меняется лишь его институциональная функция в процессе организации и регулирования общественным производством. Таким образом, консенсусность имеет значение не более как способ усиления власти государства и осуществляется в интересах общества. Создание механизма консенсусного регулирования будет, на наш взгляд, совпадать с окончанием переходного периода.

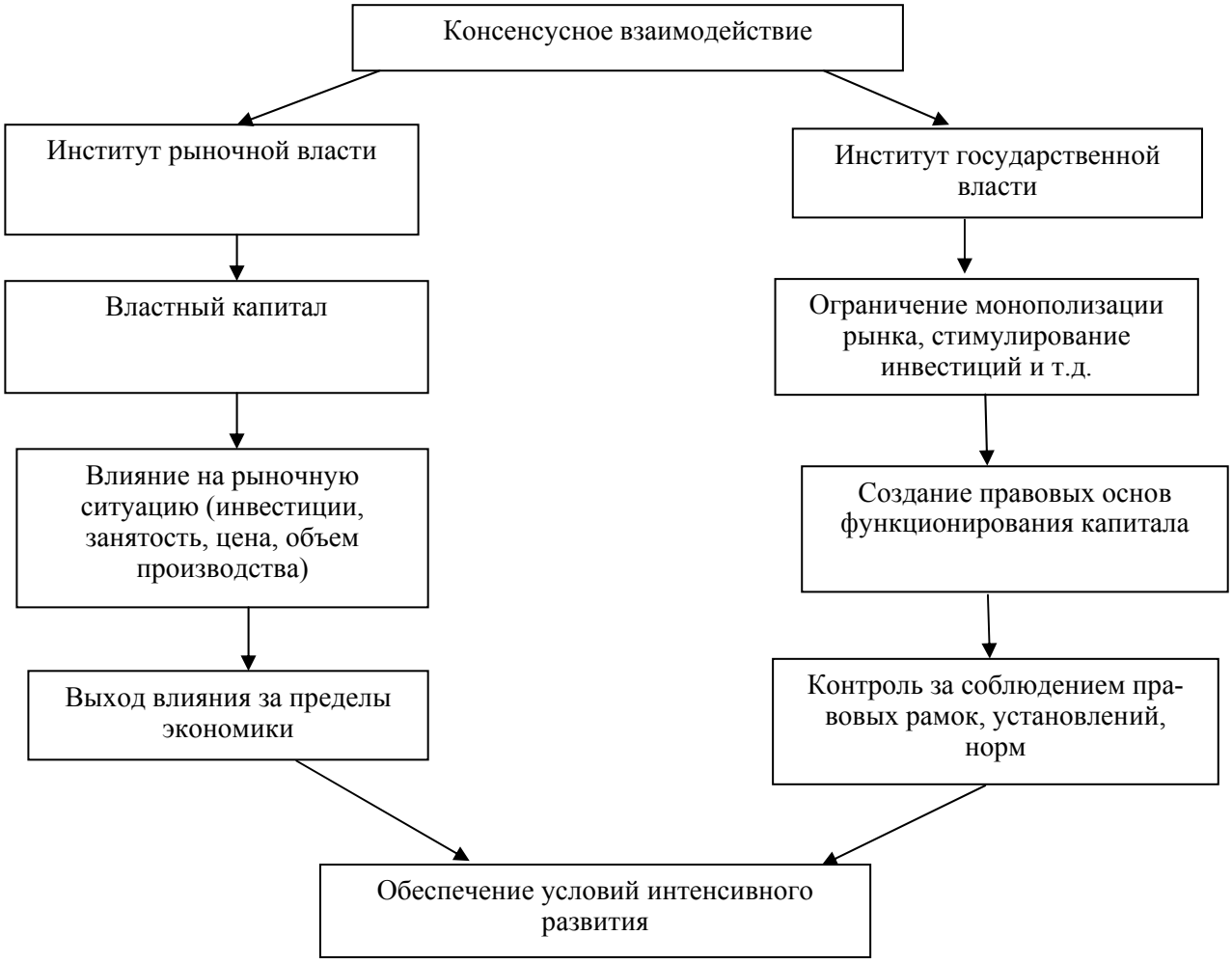

Рисунок 3.
Консенсусная модель взаимодействия институтов власти

Список литературы

1. Андреев В.А., Павлов К.В. Интенсификация общественного производства в свете институциональной теории // Общество и экономика. 2006. – № 6. – С. 152–162.
2. Александров Г.А. Курсом интенсификации. – М.: Экономика, 1988. – 158 с.
3. Бачурин А.В. Интенсификация и эффективность. – М.: Экономика, 1985. – 264 с.
4. Павлов К.В. Оценка эффективности интенсификации производства // Вопросы статистики. – М., 1999. – № 5. – С. 26–29.
5. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. – М.: Магистр, 2007. – 271 с.

Партоев К.
д.с.-х.н., профессор, зав. лабораторией генетики и селекции растений, Институт ботаники, физиологии и генетики растений НАН Таджикистана
pkurbonali@mail.ru
Ахмедов Х.М.
д.х.н., академик НАН Таджикистана, зав. отделом инновационных технологий, Центр инновационного развития науки и новых технологий НАН Таджикистана
Сафармади М.
н.с., Центр инновационного развития науки и новых технологий НАН Таджикистана

ЭКОЛОГИЯ И ПРОДУКТИВНОСТЬ ТОПИНАМБУРА (HELIANTHUS TUBEROSUS) В УСЛОВИЯХ ТАДЖИКИСТАНА

Ключевые слова*: экология, продуктивность, топинамбур, биомасса, Таджикистан.*

1. Введение

Республика Таджикистан является горной страной, территория которой на 93% занята горными экосистемами. Важным сектором экономики республики является сельское хозяйство, которое обеспечивает около 24% ВВП ежегодно. Выращивать сельскохозяйственные культуры здесь возможно на высотах от 350 до 4000 м над уровнем моря. С учетом возрастающей численности населения в республике перед учеными стоят задачи разработки инновационных технологий и методов получения максимального количества необходимой продукции и биологической массы с единицы площади. К числу культур, которые могут обеспечить получение большого объема биологической массы с единицы площади можно отнести топинамбур (Helianthus tuberosus).

Топинамбур – это сладкий и высокопитательный корнеплод, относящийся так же, как и подсолнечник, к семейству сложноцветных. Топинамбур отличается от подсолнечника тем, что он в своей подземной части, подобно картофелю, образует клубни различной величины, формы и цвета. Топинамбур в России называют «земляной грушей», «диким подсолнухом», «солнечным корнем», в Европе – «иерусалимским артишоком», в Казахстане – «китайской картошкой». Научное название земляной груши – «подсолнечник клубненосный».

Родиной топинамбура считается Северная Америка, где он растёт в диком виде и был введён в культуру индейцами до появления там европейцев. В Европу эта культура попала через Францию, где она и получила название «топинамбур» (от названия племени бразильских индейцев – топинамба). В Россию топинамбур попал в начале XVIII века [4].

В мировой практике интерес к топинамбуру в разные периоды то возрастал, то затухал, что определялось активностью изучения и пропаганды потенциальных возможностей этой культуры и высокой продуктивностью надземной массы и клубней. В первой половине XX века топинамбур исследовался с целью использования его в качестве кормовой культуры. Однако широкие биохимические исследования последних десятилетий, начиная с 80-х годов XX столетия, показали, что наряду с кормовыми достоинствами топинамбур имеет высокую перспективность использования в качестве пищевой, лекарственной и технической (биоэнергетической) культуры [4–7].

Топинамбур – высокоурожайная сельскохозяйственная культура. В условиях Нечерноземья Российской Федерации его урожайность зеленой массы может достигать 60,0 т/га, а клубней – 40,0 т/га, обеспечивать выход 7,5–10,0 т/га кормовых единиц и 6,0–6,8 ц/га переваримого протеина. Топинамбур отличается высокими питательными качествами благодаря наличию в нем ценных компонентов химического состава. Клубни содержат 18–22% сахаров, до 2,5% протеина, витамины группы В и С. В минеральном составе зольных элементов содержится до 6% фосфора, свыше 5% железа, что делает клубни особенно ценным кормом для молодняка. Зеленая масса содержит до 20–25% сухого вещества. В него входит углеводный комплекс, значительную долю которого занимает особый вид углевода – инулин, перерабатывающийся в организме животных в легкоусвояемую фруктозу, а также содержатся полноценный протеин (который представлен 16 аминокислотами, в том числе 8 незаменимыми), а также витамины и клетчатка [1–4].

С целью получения кормовой массы в 1953–1955 гг. в Таджикистане на специальных опытных участках проведено размножение посадочного материала земляной груши и для посева колхозам и совхозам республики передано 500 ц клубней. В 1956-1958 гг. земляная груша возделывалась в природно-климатических условиях Гиссарской и Вахшской долин, в Гармской группе районов, в Ленинабадской области и на Западном Памире. В производственных посевах колхозов, так же как и на опытных участках, земляная груша в среднем давала урожай зелёной массы 500 ц, а клубней – 250 ц с одного гектара. В условиях высокогорья в колхозах Ишкашимского, Роштkалинского и Шугнанского районов установлено, что земляная груша является ценной кормовой культурой, способной давать 500-600 ц зелёной массы и 150–200 ц клубней с каждого гектара [5].

В долинных районах Таджикистана к концу июля рост растений достигает высоты более 2,5 м. Урожай зелёной массы в это время составляет не менее 550 ц/га. Если в это время ботву скосить, то земляная груша вновь даст к осени повторно такой же урожай ботвы [6].

Эта биологическая особенность земляной груши позволяет производить закладку силоса из ее зелёной массы в два срока летом и осенью. Здесь важно то, что сроки силосования ботвы земляной груши совпадают со сроками массового летнего и осеннего силосования других силосных культур, что позволяет готовить их смеси [7].

Агроэкологические факторы среды имеют большую амплитуду в различных условиях долинной и горной зоны Таджикистана и эти факторы по разному влияют на рост и развитие различных сельскохозяйственных культур. В частности, авторы [6] информируют, что между такими признаками топинамбура, как высота стебля, количество листьев, количество клубней и продуктивностью наблюдается прямая средняя корреляционная связь в зависимости от зоны возделывания. Цель настоящей работы состояла в изучении особенности роста и развития различных генотипов топинамбура в зависимости от выращивания их в различной вертикальной зональности Республики Таджикистан.

2. Материалы и методы исследования

Материалом для проведения наших исследований служили элитные и сортовые семенные клубни (I–II-й семенной репродукции) различных генотипов/сортов топинамбура. Исходные материалы нами были получены из коллекции Института ботаники, физиологии и генетики растений Академии наук Республики Таджикистан (ИБФГР АН РТ), Всероссийского научно-исследовательского института растениеводства (ВИР, Майкопская опытная станция, Республики Адыгея) и Кубанского аграрного университета (Россия). Научные работы по изучению особенности роста и развития, а также проявления ряда морфологических полигенных признаков различных генотипов топинамбура были проведены в течение 2016–2019 гг. в различных агроэкологических условиях Республики Таджикистан: Васейский район – 460 метров над уровнем моря (н.у.м)., Вахшский район – 600 м.н.у.м., и в городе Душанбе – 840 м.н.у.м., Муминабадский район – 1200 м.н.у.м., Раштский район – 1800 м.н.у.м., Ляхшский район – 2000 м.н.у.м., город Вахдат (участок Канаск) – 2560 м над уровнем моря (рис.1).

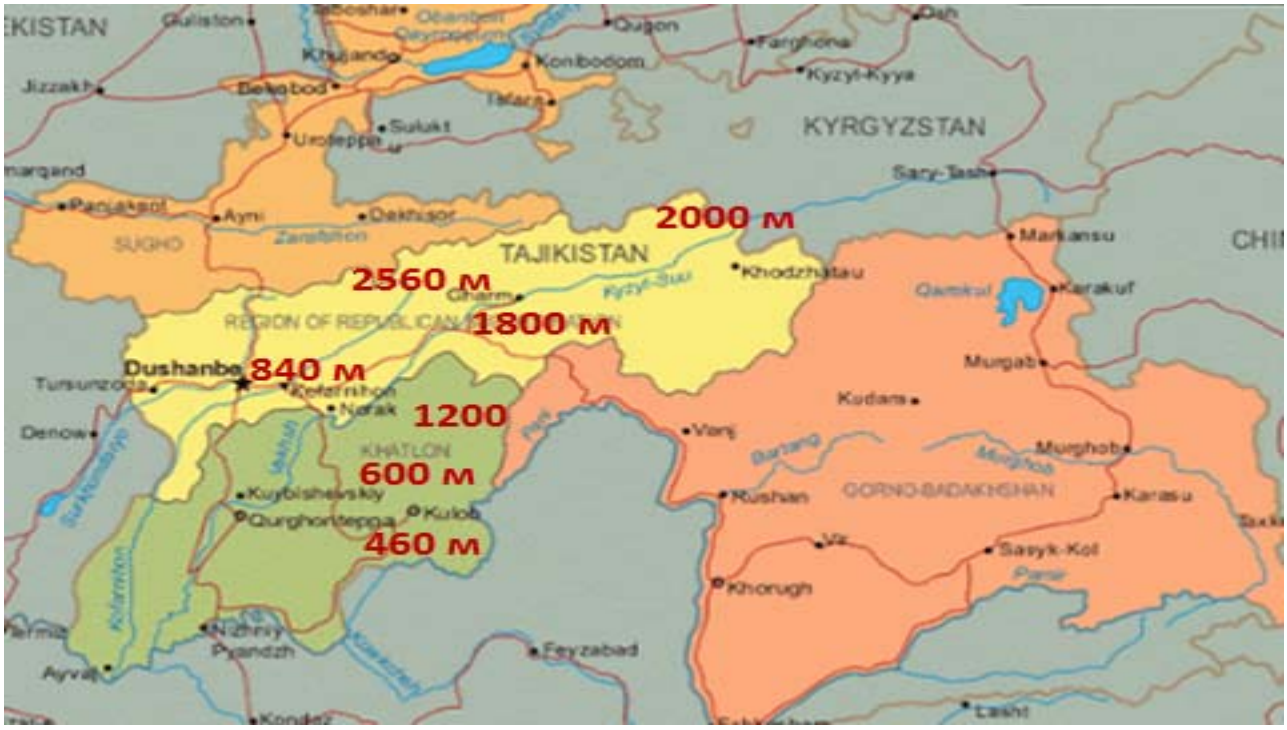

Рисунок 1.
Местность и высоты над уровнем моря, где проведено исследование роста топинамбура (2016–2019 гг.)

Количество изученных сортообразцов топинамбура в этих районах составило 16–20 ед. Сортообразцы топинамбура выращивались на основе общепринятой агротехники для каждой агроэкологической зоны. В зависимости от высоты над уровнем моря клубни генотипов/сортов топинамбура высаживались в течение марта–апреля по схеме посадки 70×35 см. Сортообразцы топинамбура были посажены в четырехкратной повторности.

Общее количество растений с каждого генотипа/сорта составило по 80 растений. Во время вегетации генотипов/сортов топинамбура были проведены следующее агротехнические работы: внесение минеральных удобрений ($N_{100}P_{150}K_{80}$ кг/га), два раза междурядные обработки (вручную), культивации междурядий, окучивание рядов и 5–7 вегетационных поливов. Во время вегетации топинамбура были проведены следующие фенологические учёты и наблюдений: учет всходов, высота растений в разных фазах развития растений, количество листьев, количество стеблей, масса корней, количество клубней, масса клубней, общая биомасса растений. Сведения о среднесуточной температуре воздуха, суммы эффективных температур (свыше 10^0C) и количестве осадков были взяты из Государственного учреж-

дения «Метеостанция» города Душанбе Республики Таджикистан. Статистическая обработка данных была проведена по [8] с использованием компьютерной программы Microsoft Excel 2007.

Целью исследований являлось изучение особенности формирования биологической массы топинамбура в зависимости от вертикальной зональности в различных агроэкологических условиях Республики Таджикистана.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В различных экологических зонах, где были проведены наши исследования, наблюдается существенное влияние таких агроэкологических условий местности, как высота над уровнем моря и сумма эффективных температур на формирование различных полезных признаков топинамбура (табл. 1).

Таблица 1

Местность, урожайность и общая биомасса топинамбура (среднее за 2016–2019 гг.).

Местность	Высота над уровнем моря, м	Эффективная температура за вегетацию, ^{0}C	Масса стеблей, листьев и корней, г/раст.	Масса клубней, г/раст.	Общая биомасса, г/раст.
Васейский район	460	3760	2817±1,4	1575±1,6	4392±1,7
Вахшский район	600	3455	2190±1,3	1500±1,8	3690±1,4
г. Душанбе	840	2610	2040±1,6	855±1,7	2895±1,5
Муминабад	1200	2280	1100±1,4	590±1,5	1690±1,7
Раштский район	1800	1300	1000±1,2	450±1,1	1450±1,9
Ляхшский район	2000	1210	810±1,5	370±1,8	1180±1,3
Участок Канаск	2560	895	520±1,1	250±1,3	770±1,4
Среднее	–	–	**1496,7**	**798,6**	**2295,3**
$НСР_{05}$	**–**	**–**	**8,2**	**9,1**	**10,4**

Из табл. 1 видно, что такие полигенные признаки топинамбура, как масса стеблей, листьев и корней, масса клубней и общая биомасса растений сильно меняются в зависимости от вертикальной зональности нахождения от уровнем моря. За вегетационный период растений с повышением высоты над уровнем моря наблюдается пропорциональное уменьшение суммы эффективных температур (свыше 10^0C). Наибольшая сумма эффективных температур наблюдается в южной части республики на высоте 460 м над уровнем моря в условиях Васейского района (3760^0C), а наименьшее количество эффективных температур наблюдается в условиях высокогорья Центрального Таджикистана, в условиях города Вахдат на участке Канаск на высоте 2560 м над уровнем моря (895^0C).

Установлено, что связь между такими показателями, как сумма эффективных температур, масса стеблей и листьев, масса клубней и общая биомасса растений топинамбура сильно положительная (рис. 1).

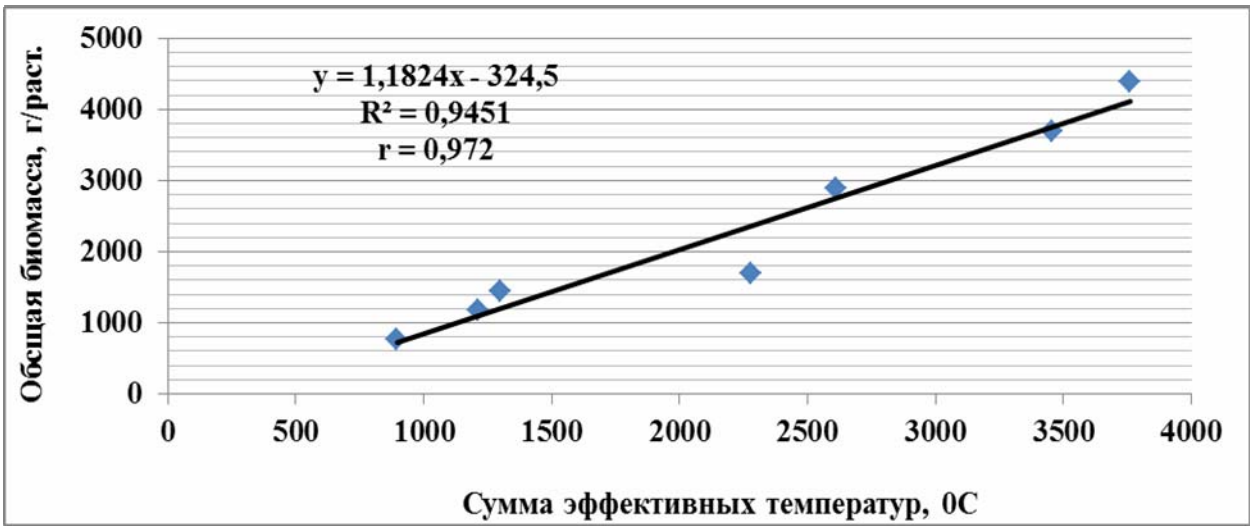

Рисунок 1.
Корреляционная связь между суммой эффективных температур и общей биомассой топинамбура

Как видно из рис. 1, с увеличением суммы эффективных температур наблюдается значительное увеличение общей биомассы топинамбура и корреляция между этими показателями составляет r = 0,972. Таким образом, в разных экологических условиях Таджикистана основным фактором, влияющим на продуктивность топинамбура является сумма эффективных температур, что существенно меняется в зависимости от высоты над уровнем моря.

Как показали наши исследования, высота над уровнем моря также существенно влияет на урожайность клубней и общей биомассы сортообразцов топинамбура (рис. 2).

Как видно из рис. 2, урожайность клуней сортообразцов топинамбура на высотах от 460 м до 840 м над уровнем моря соответственно составляет 63,0 и 34.2т/га. Урожайность топинамбура на высотах от 1200 до 2000 м уменьшается от 23,6 до 14,6 т/га, а на высоте 2560 м над уровнем моря – до 10.0/га.

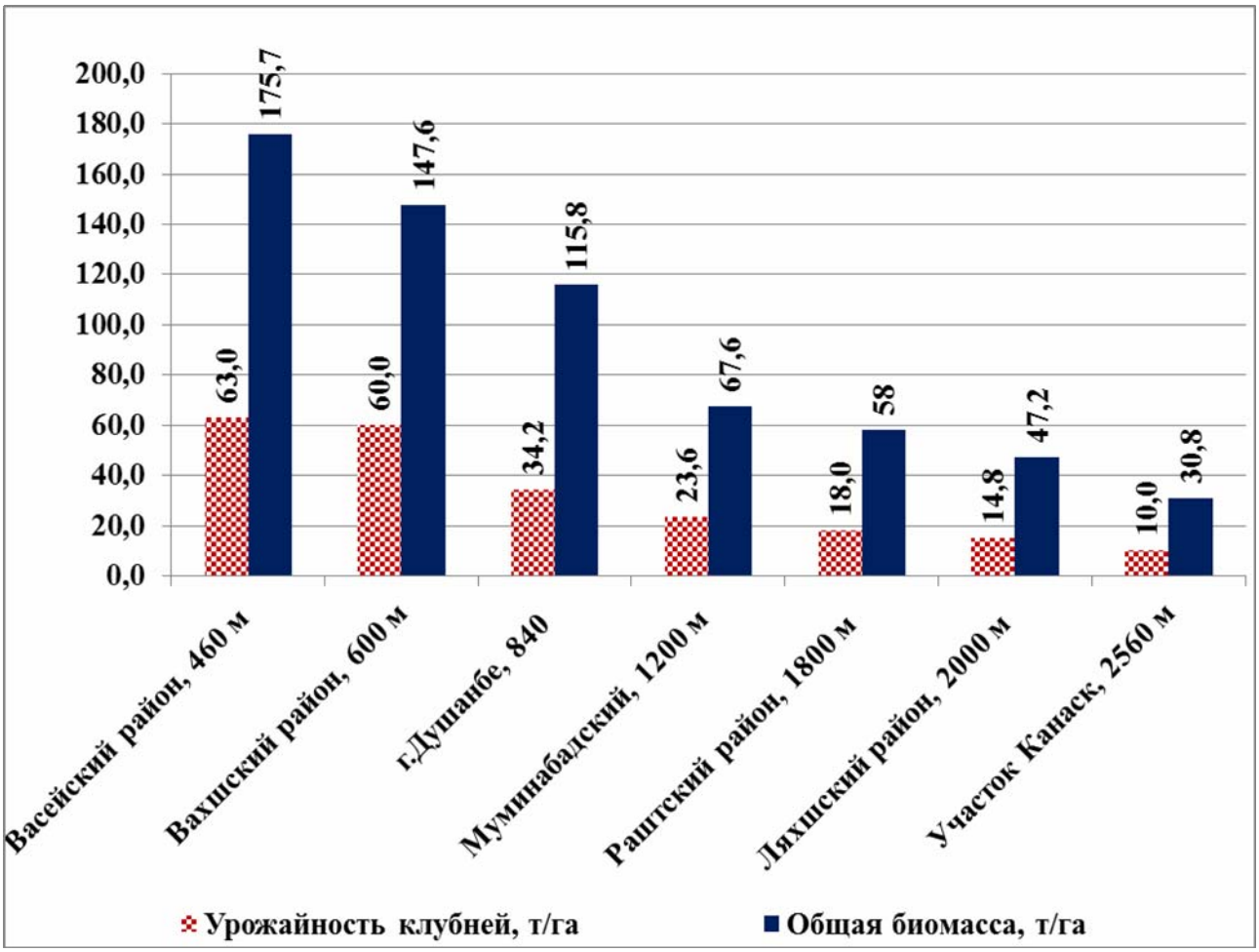

Рисунок 2.
Урожай клубней и общей биомассы топинамбура в зональной вертикальности над уровнем моря (среднее за 2016–2019 гг.)

Урожайность топинамбура в большой степени зависит от высоты над уровнем моря и суммы эффективных температур и колеблется от 10 до 63 т/га, а общая биологическая масса от 30,8 до 175,7 т/га. Сравнительно высокий урожай в наших экспериментах получен в условиях Юга Таджикистана (на высоте 460 м над уровнем моря). Здесь урожай клубней топинамбура составила 63 т/га, а общая биологическая масса – 175,7 т/га.

Заключение

Таким образом, высота над уровнем моря по мере нарастания от 460 м до 2550 м вызывает уменьшение урожайности клубней топинамбура от 63,0 т/га до 10,0 т/га. Урожайность клубней топинамбура на высоте 2560 м в 6,3 раза ниже, чем на высоте 460 м над уровнем моря. На высоте 2560 м над уровнем моря из-за низкого уровня суммы эффективных температур наблюдается существенное снижение урожайности сортообразцов топинамбура, по сравнению с возделыванием топинамбура на высотах 460–840 м над уровнем моря. В среднем урожайность клубней сортообразцов топинамбура в различных уровнях от высоты над уровнем моря составляет 31,9 т/га, что говорит о высоком потенциале растений топинамбура по урожайности клубней в условиях Республики Таджикистан как важного продукта питания. В перспективе топинамбур может играть важную роль в обеспечении продовольственной безопасности в разных агроэкологических условиях Таджикистана. Анализ урожайности общей биомассы топинамбура также показывает положительный эффект высоты над уровнем моря на данный полигенный признак топинамбура. Например, если общая биомасса сортообразцов топинамбура на высотах 460 м и 600 м над уровнем моря соответственно составляет 175,7 и 147,6 т/га, то этот показатель на высотах 2000 и 2560 м соответственно составляет 47,2 и 30,8 т/га, т.е. в 3,7 и 4.8 раза меньше, чем на высотах 460 и 600 м над уровнем моря. По урожайности общей биомассы сортообразцы топинамбура на высотах 840, 1200 и 1800 м над уровнем моря также значительно отличаются между собой (разность составляет 9,6–10,8 т/га или же 16,8-22,9). Установлено, что продуктивность сортообразцов топинамбура в зависимости от вертикальной зональности существенно меняется, и это в основном связано с влиянием температуры воздуха. Корреляция между суммой эффективных температур и общей биомассой растений топинамбура составила r = 0,972.

В разных экологических условиях Таджикистана средняя урожайность общей биомассы сортообразцов топинамбура при их выращивании на высотах от 460 м до 2560 м над уровнем моря составляет 91,8 т/га, и следовательно, топинамбур может быть важным биоресурсом для поддержки кормовой базы в животноводстве, а также продуктом питания (клубней) для населения в будущем. Можно отметить, что наиболее подходящими зонами для возделывания

и получения высокой урожайности топинамбура в условиях Таджикистана являются районы, расположенные на высотах от 460 до 1200 м над уровнем моря, с общей суммой эффективных температур во время вегетации растений от 2280 до 3760^{0}С. В будущем таджикские фермеры могут получать высокую массу этой культуры, что так важно для обеспечения кормовой базы в животноводстве, а также продуктов питания для населения.

Список литературы

1. Шаззо Р.И. Топинамбур: биология, агротехника выращивания, место в экосистеме, технологии переработки (вчера, сегодня, завтра) / Р.И. Шаззо, В.Г. Кайшев, Р.А. Гиш, Р.И. Екутеч, Е.П. Корнена. – Краснодар, 2013. – 184 с.
2. Сафарзода Р.Ш. Исследование аминокислотного состава травы топинамбура культивируемого в Таджикистане. / Р.Ш. Сафарзода, Д.Р. Халифаев, Д.М.Попов // Разработка и регистрация лекарственных средств. – М., 2014. – № 3. – С. 134–136.
3. Халифаев Д.Р. Получение и стандартизация настойки гомеопатической матричной из свежих клубней топинамбура / Д.Р. Халифаев, Д.М. Попов // Современные аспекты использования растительного сырья и сырья природного происхождения в медицине: тез. Докл. 3-й науч.-практ. конф. – М., 2015. – С. 56–62.
4. Новикова Л.Ю. Проявление хозяйственно ценных признаков у сортов картофеля (Solanum L.) при изменении климата на европейской территории России / Л.Ю. Новикова, С.Д., Киру, Е.В. Рогозина // Сельскохозяйственная биология. – М., 2017. – Т. 52, № 1. – С. 75–83.
5. Партоев К.О корреляционной связи между продуктивностью топинамбура (*Helianthus tuberosus* l.) и суммой эффективных температур / К. Партоев, Х.М.Ахмедов, М. Сафармади, И.С. Нихмонов, С. Садридинов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – М., 2018. – № 6. – С. 149–154.
6. Ахмедов Х.М. Химический состав, биологическая и хозяйственная продуктивность топинамбура / Х.М. Ахмедов, К. Партоев, Г.А. Ташбаев // Известия Академии наук Республики Таджикистан / Отделение физико-математических, химических, геологических и технических наук. – Душанбе, 2015. – № 3 (160). – С. 124–131.
7. Партоев К. Корреляционная связь между признаками топинамбура / К. Партоев, Н.Х. Сайдалиев, Ш.М. Ясинов, С. Садриддинов // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. – № 6 (56). – С. 36–37.
8. Доспехов Б. А. Методика полевого опыта. – М.: Колос, 1985. – 368 с.

Поплыко В.И.[1]

ОЦЕНКА СОВОКУПНОГО РЫНОЧНОГО СПРОСА НА ПРОДУКЦИЮ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Ключевые слова: *промышленность, ресурсы, производство, использование, потребление, запасы, экспорт, импорт, спрос.*

Keywords: *industry, resources, production, use, consumption, stocks, exports, imports, demand.*

Совокупный спрос на товары и услуги формирует потребитель. Данный макроэкономический агрегат является важнейшим показателем, характеризующим развитие всего народнохозяйственного комплекса. Покупка товаров и услуг потребителем является одним из ключевых факторов роста национальной экономики.

Расходы за период времени на конечное потребление или другими словами совокупный рыночный спрос формирует во многом и предложение. Происходит кругооборот товаров и услуг, с одной стороны, а с другой – денежных потоков, между субъектами экономики. Данный процесс происходит непрерывно в производственном цикле. Результаты учитываются органами статистики и рассчитываются по системе национальных счетов (СНС). Данные о совокупном спросе публикуются со значительным временным лагом и являются самыми точными[2].

Еще одним примером оценки спроса и предложения на промышленную продукцию являются балансы по отдельным видам товаров. В них представлено движение товара (продукции) от момента производства до момента конечного его использования в натуральном выражении[3]. Примером служит производство и потребление металлов, строительных материалов, продовольствия и других товаров. Остается открытым вопрос: как оперативно и полно для видов экономической деятельности оценить рыночный спрос в реальном секторе экономики.

Рассмотрим следующий методологический подход. Предложение товаров формирует производитель, а спрос – все субъекты экономики. Взаимоотношение спроса и предложения при помощи цен устанавливает рыночное равновесие. Чтобы охарактеризовать данные агрегаты для промышленности, воспользуемся балансовым методом. Гипотеза исследования: количество произведенного товара будет превышать спрос при данном уровне цен. Как обстоят на белорусском рынке?

Балансы представляют собой систему статистических показателей, характеризующих источники формирования продукции и направления ее использования. Они представляют состояние товарных ресурсов промышленности, отражают движение отдельных видов продукции от момента производства до момента конечного их использования, позволяют осуществлять текущий анализ и прогнозировать дальнейшее развитие ситуации на внутреннем рынке страны. Кроме того, они позволяют оценить величину спроса и предложения на товары, оценивать потребности в импорте.

Ресурсы включают объем производства продукции, поступление его по импорту, запасы на производстве на начало года. Производство рассчитывается исходя из валового выпуска продукции, включая продукцию, израсходованную на промышленно-производственные нужды внутри промышленности и выработанную из давальческого сырья.

Импорт включает в себя ввоз на территорию страны товаров, которые добавляются к запасам материальных ресурсов для промышленности, экспорт – вывоз с территории нашего государства, которые уменьшают запасы материальных ресурсов. На размер ресурсов и объем потребления продукции оказывает влияние прирост или уменьшение их запасов в сфере производства.

Запасы на начало и конец года отражают запасы продукции в промышленности, без учета оптовой и розничной торговли. Потребление продукции по промышленности определяется балансовым методом: производство продукции плюс (+) импорт, плюс (+) запасы на начало года, минус (–) экспорт, минус (–) запасы на конец года.

Рассмотрим промышленное производство с точки зрения спроса и предложения. Для этого сравним объемы промышленного выпуска и совокупного потребления как внутри страны, так и за ее пределами. Так, например, белорусский бензин покупают внутри страны субъекты хозяйствования, домашние хозяйства. Часть его поставляется на экспорт для внешних потребителей. В итоге можно составить баланс между спросом и предложением за определенный период времени. В расчетах используем данные официальной статистики. Расчеты произведем балансовым методом за период, учитывая запасы на начало и конец периода, выпуск, чистый экспорт (разница между экспортом и импортом). Валютную составляющую внешнеэкономической деятельности организаций промышленности пересчитыва-

[1] Поплыко Владимир Иванович – к.э.н., доцент кафедры экономической политики Белорусского государственного экономического университета. E-mail: v_poplyko@tut.by

[2] Национальные счета Республики Беларусь, 2019. – https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/ae9/ae92b4d94dc872b83dd9ac6ab23a453e.pdf

[3] Балансы товарных ресурсов Республики Беларусь, 2019. – https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/ea4/ea4aa17ef856d6e8b5c08fad9b131222.pdf

ем по официальному курсу Национального банка Республики Беларусь за соответствующий год[1]. В нашем случае получаем стоимостную оценку как предложения, так и спроса в текущих ценах. При необходимости можно привести полученные результаты в сопоставимых ценах.

В табл. 1 представлена динамика ресурсов промышленности. В абсолютных цифрах показатели растут, за исключением кризисного 2013 года. Нужно отметить, что их размер по отношению к ВВП более 100%. В отдельные годы величина ресурсов опускалась до 106% ВВП (2014 и 2015 гг.) и достигала максимума в 2018 г. – 153% ВВП. Динамика ресурсов белорусской промышленности имеет высокую волатильность.

Таблица 1

Динамика ресурсов и использования белорусской промышленности, млн. руб. (2009–2015 гг. – млрд. руб.)

Годы	ресурсы	Использование	ВВП	В % ВВП	
				ресурсы	использование
2009	165 217	123 741	142 091	116,3	87,1
2010	216 637	166 886	170 466	127,1	97,9
2011	449 955	335 750	307 245	146,4	109,3
2012	809 803	591 290	547 617	147,9	108,0
2013	792 844	574 127	670 688	118,2	85,6
2014	853 626	628 247	805 793	105,9	78,0
2015	953 105	708 966	899 098	106,0	78,9
2016	132 597	84 633	94 949	139,7	89,1
2017	157 872	99 987	105 199	150,1	95,0
2018	186 780	117 102	121 568	153,6	96,3
2019	193 235	123 536	131 952	146,4	93,6

Справочно: Последняя деноминация в Республике Беларусь была проведена в июле 2016 года[2].

Рисунок 1.
Динамика структуры ресурсов белорусской промышленности, в % к итогу

Размер использования промышленной продукции по отношению к ВВП менее 100%. Только в 2011 и 2012 гг. в связи с курсовыми разницами он выше 100%. Нужно отметить, что начиная с 2014 года величина использования промышленной продукции растет. За период с 2014–2019 гг. она увеличилась на 15,6 п.п. с 78 до 93,6% ВВП.

[1] Средний официальный курс белорусского рубля по отношению к иностранным валютам. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbrb.by/statistics/rates/avgrate

[2] Источник: рассчитано автором на основе данных: Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-декабре 2009 года. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010. – С. 45; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-декабре 2010 года. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – С. 47; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-декабре 2011 года. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_335/; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-декабре 2012 года. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_355/?sphrase_id=892735; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-декабре 2013 года. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_382/?sphrase_id=892737; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-декабре 2014 года. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_591/?sphrase_id=892738; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-декабре 2015 года. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_4834/?sphrase_id=892740; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-декабре 2016 года. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_6935/?sphrase_id=892751; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе-декабре 2017 года. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_8464/?sphrase_id=892778; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в 2018 году. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_12938; Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе – декабре 2019 г. – https://www. belstat.gov.by/upload/iblock/c1d/c1d5e4ad6eb25001988cecbbead6e128.zip

Помимо возрастающих абсолютных значений ресурсов промышленности важно рассмотреть ее структуру. Она представлена на рис. 1. Нужно отметить, что за анализируемые 2009–2019 гг. просматриваются две разнонаправленные тенденции. Первая, это рост импортной составляющей промышленного производства в 2,1 раза с 18,7 до 39% к итогу. Вторая – сокращение промышленного производства на 19,6 п.п. с 78,3 до 58,7% в структуре ресурсов. Удельный вес запасов оставался на уровне 1–3% к итогу.

Структура использования ресурсов промышленностью представлена на рис. 2. Нужно выделить внутреннее и внешнее потребление продукции. Первая – это белорусские потребители. Их доля за исследуемый период сократилась на 11 п.п. с 74,9 до 63,9%. Вторая группа – внешние потребители, которые импортируют белорусскую промышленную продукцию. Их доля возросла на 11,6 п.п. с 21,8 до 33,4 %. Удельный вес запасов менялся незначительно и имел позитивную динамику. Их доля за 2009-2019 гг. сократилась на 0,6 п.п. с 3,3 до 2,7%.

Рисунок 2.
Динамика структуры потребления продукции белорусской промышленности, в % к итогу

Рассчитаем спрос на промышленную продукцию как разницу между ресурсами и использованием. Нужно отметить, что это не будет конечный спрос потребителей, поскольку точный расчет можно сделать только в рамках СНС. Нам важно определить суммарное потребление всей промышленной продукции. Величину спроса крайне важно знать при планировании и прогнозировании объемов выпускаемой продукции.

На рис. 3 представлены значения совокупного спроса промышленной продукции. Его величина представлена как отношение использованных ресурсов к сумме всех ресурсов, умноженное на 100. За исследуемый период максимальная величина спроса равнялась 77% в 2010 г. В последующие годы наблюдался понижательный тренд. По итогам 2019 года совокупный спрос на белорусскую промышленную продукцию составил всего 63,9%.

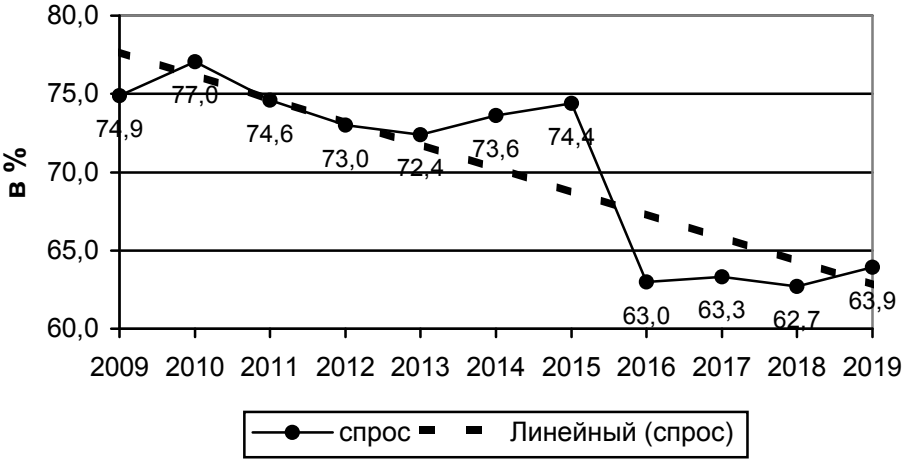

Рисунок 3
Динамика спроса на промышленную продукцию

На падение спроса на промышленную продукцию влияет множество факторов. Перечислим основные. Во-первых, начиная с 2011 г. устойчиво сокращается внутренний спрос. Это подтверждается ежегодным ростом складских запасов. В нашем случае разница между остатками промышленной продукцией на конец и начало года постоянно увеличивается. Во-вторых, начиная с 2016 г. чистый экспорт белорусской продукции становится отрицательной величиной. Приобретя импортное сырье, комплектующие промышленные предприятия не всегда в полной мере могут создать товары с высокой добавленной стоимостью и реализовать их на внешних рынках.

Заключение

В Беларуси сформировалась национальная модель спроса предложения на промышленную продукцию. Положительный баланс между предложением и спросом свидетельствует о том, что существует перепроизводство отдельных групп товаров.

Сформировались две разнонаправленные тенденции. С одной стороны реальные темпы роста выпуска промышленной продукции за исследуемый период составили 127,7%, при изменении индекса цен производителей промышленной продукции на 784%. Суммарный рыночный спрос на белорусскую промышленную продукцию сократился на 11 п.п. с 74,9 до 63,9%.

Данный агрегат характеризуется высокой волатильностью. Данные тренды подтверждают конъюнктурные исследования промышленности, строительства, транспорта и торговли Национального банка Республики Беларусь[1]. Опубликованные результаты за 2019 год подтверждают снижение спроса на белорусскую промпродукцию.

Сама структура потребления за 2009–2019 гг. изменилась. Внутреннее потребление составило две трети, а внешнее – только треть. Спрос на белорусские товары за пределами страны, в первую очередь, ориентирован на рыночную конъюнктуру, которая учитывает цены, качество, сервис и многое другое. Это значит, что состояние реального сектора экономики далеко от состояния рыночного равновесия. Понятно, что рыночный спрос во многом определяется реализуемой в стране экономической политикой. Она включает инструменты монетарного, фискального регулирования, политики доходов, внешнеэкономической и многие другие.

Начиная с 2011 г. совокупный спрос на промышленную продукцию снижается, что отчетливо видно. В данном случае спрос является «зеркалом» состояния экономической конъюнктуры внутреннего и внешних рынков. Замедление темпов экономического роста в России негативно сказывается на экспорте белорусской продукции, следствие чего является снижение совокупного спроса на нее.

Это дает представление о потреблении белорусских товаров. А это значит, что, во-первых, на рынке есть избыточное предложение товаров. Дальнейшее наращивание объемов промышленного производства экономически нецелесообразно. Во-вторых, это сигнал как правительству, так и бизнесу о неизбежной корректировке рынка промышленной продукции в сторону поиска равновесия. Важно анализировать производство и спрос на продукцию не только в целом по промышленности, но и по видам экономической деятельности. Это позволит более точно составлять параметры индикативного планирования социально-экономического развития Беларуси. Представленная методология определения спроса на продукцию промышленности позволит оперативно оценить его. Такие расчеты можно проводить ежемесячно.

[1] Мониторинг предприятий – конъюнктура. Экспресс-обзор: Май 2020. – http://www.nbrb.by/publications/economicconjuncture/express_05_2020.pdf

Пруель Н.А.
д.соц.н., доцент, зав. кафедрой социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет
Липатова Л.Н.
д.соц.н., к.э.н., профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: *цифровая экономика, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, цифровая грамотность, персональные компьютеры, специальные программные средства.*
Keywords*: information and communication technologies, digitalization, digital literacy, personal computers, special software.*

Одна из национальных целей развития Российской Федерации – обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере[1]. Пока роль ИКТ в развитии экономики нашей страны невысока. По оценкам НИУ ВШЭ, доля этого сектора в ВВП России составляет 2,7%[2].

В 2010–2018 гг. основные показатели использования информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) на предприятиях заметно возросли (табл. 1).

Таблица 1

Использование информационных и коммуникационных технологий в организациях, в процентах от общего числа обследованных организаций[3]

Показатель	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Организации, использовавшие:				
персональные компьютеры	93,8	92,4	92,1	94,0
серверы	18,2	50,8	50,6	53,4
локальные вычислительные сети	68,4	62,3	61,1	63,9
электронную почту	81,9	87,6	88,3	90,9
Интернет	82,4	88,7	88,9	91,1
в том числе широкополосный доступ	56,7	81,8	83,2	86,5
Интранет	13,1	21,6	26,2	31,3
Экстранет	5,3	15,0	16,6	18,5
«облачные» сервисы	…	20,3	22,9	26,1
Организации, имевшие веб-сайт в сети Интернет	28,5	45,9	47,4	50,9

Об этом свидетельствуют данные проведенного органами государственной статистики обследования, в котором не принимали участие малые предприятия, хотя этот сектор обеспечивает около 26% оборота предприятий, на него приходится более 24% среднесписочной численности работников[4].

Но даже среди крупных и средних предприятий пока не везде есть персональные компьютеры – 6% предприятий работают без такой техники. Почти 10% крупных и средних предприятий в России не пользуются сетью Интернет, а значит, и электронной почтой. Только 51% организаций имеют веб-сайты. Серверы, а также локальные вычислительные сети есть тоже далеко не во всех организациях (см. табл. 1).

Более сложные информационные технологии применяются на отечественных предприятиях гораздо реже. Так, только 31% организаций имеют вычислительные сети, предназначенные для обеспечения доступа сотрудников к корпоративным информационным электронным ресурсам; 18,5% предприятий нашли техническое решение для обеспечения доступа внешних пользователей (в частности, потребителей продукции) к некоторым корпоративным электронным ресурсам (например, к информации о наличии продукции на складе).

В 2018 г. в России информационные и коммуникационные технологии в своей деятельности использовали 94% предприятий. Пользовались Интернетом для связи с потребителями и партнерами 73% крупных и средних предприятий, освоили электронный документооборот 69% российских организаций.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – http://kremlin.ru/acts/bank/43027
[2] Цифровая экономика: 2019: Краткий стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2019.
[3] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 492.
[4] Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 12.

Обращает на себя внимание тот факт, что в составе организаций, которые не применяют ИКТ, есть и организации, занятые деятельностью в области информации и связи – 3,4% общего числа организаций этого вида деятельности, принявших участие в обследовании, не использовали в своей работе ИКТ.

По видам экономической деятельности ситуация сильно различается. Как это ни парадоксально, но заметно отстают даже от средних в экономике страны показателей использования ИКТ научные организации, которые, казалось бы, должны забегать вперед и транслировать другим экономическим субъектам возможности и преимущества современных цифровых технологий (табл. 2).

Таблица 2

Использование сети Интернет для связи с поставщиками и потребителями товаров (работ, услуг) в организациях, в процентах от общего числа обследованных организаций[1]

Показатель	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Организации, использовавшие сеть Интернет в коммерческих целях – всего	70,7	70,5	70,7	73,1
из них:				
для связи с поставщиками товаров (работ, услуг) по целям:				
получение сведений о товарах (работах, услугах)	52,5	60,3	60,3	62,8
предоставление сведений о потребностях организации в товарах (работах, услугах)	37,6	45,4	45,2	47,1
размещение заказов на товары (работы, услуги)	35,0	41,6	41,2	42,2
оплата поставляемых товаров (работ, услуг)	23,0	39,0	39,9	41,9
получение электронной продукции	21,7	27,5	28,8	30,8
для связи с потребителями товаров (работ, услуг) по целям:				
предоставление сведений об организации, ее товарах (работах, услугах)	36,4	44,1	44,8	47,0
получение заказов на выпускаемые товары (работы, услуги)	16,9	19,3	20,1	22,5
осуществление электронных расчетов с потребителями	16,4	22,4	23,9	26,5
распространение электронной продукции	4,4	5,5	5,4	5,9
послепродажное обслуживание	4,8	5,9	6,2	6,7

Наиболее широко применяются ИКТ в сфере государственного управления и обеспечения военной безопасности; социального обеспечения, а также в учреждениях образования и здравоохранения. Удельный вес таких организаций в этих отраслях выше, чем даже среди предприятий, занятых в сфере информации и связи.

Лидерами по внедрению в свою деятельность электронного документооборота являются органы государственного управления и обеспечения военной безопасности; социального обеспечения, а также учреждения здравоохранения[2].

Плохо «приживаются» информационные и коммуникационные технологии для формирования, передачи и хранения документов в организациях таких видов экономической деятельности, как культура, спорт, организация досуга и развлечений; строительство; деятельность гостиниц и организаций общественного питания.

Наиболее активно применяют Интернет-технологии для связи с контактными аудиториями учреждения образования и здравоохранения. А вот при осуществлении деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, видимо, это не требуется – 40% учреждений, занятых этими видами деятельности, для связи с обществом не прибегают к возможностям Интернета.

В 2018 г. на российских предприятиях в расчете на 100 работников приходилось 51 персональный компьютер, что в 1,4 раза больше, чем в 2010 г., 69% их них имели выход в Интернет[3]. Много это или мало – однозначно ответить сложно. Представляется, что не мало. Не во всех отраслях они нужны повсеместно. В сфере материального производства по-прежнему широко распространен физический труд, о чем говорит статистика о состоянии условий труда.

В 2018 г. во вредных и опасных условиях трудились 33% численности работников сельского и лесного хозяйства, занятых охотой, рыболовством и рыбоводством, обеспечением электрической энергией, газом и паром, кондиционированием воздуха; 35% работников организаций, занятых транспортировкой и хранением; 37% общей численности работающих в строительстве; 39% занятых водоснабжением, водоотведением, организацией сбора и утилизации отходов, деятельностью по ликвидации загрязнений; 43% работников обрабатывающих производств; 55% занятых в добывающих отраслях экономики.

Еще от 18% (обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха) до 39% (добыча полезных ископаемых) занятых работали под воздействием таких факторов, как тяжесть и напряженность[4]. Очевидно, что эти рабочие места далеки от современных информационных технологий.

Производители все чаще используют глобальную сеть в коммерческих целях (табл. 2).

Во взаимодействии с поставщиками чаще всего к Интернету обращаются для получения информации о товарах (работах, услугах). Для связи с потребителями возможности этой сети используются реже, и тоже в основном для предоставления информации об организации и производимых товарах. Даже для расчетов с поставщиками хозяйствующие субъекты чаще используют традиционные способы.

Из множества специальных программных средств на большинстве предприятий используются в основном электронные справочно-правовые ресурсы и бухгалтерские программы (табл. 3).

[1] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С.495.
[2] Там же, с.. 493–495.
[3] Там же, с. 493.
[4] Там же, с. 143.

Таблица 3

Использование специальных программных средств в организациях, в процентах от общего числа обследованных организаций[1]

Показатель	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Организации, использовавшие специальные программные средства – всего	89,1	84,7	83,9	85,9
из них:				
для решения организационных, управленческих и экономических задач	59,7	52,9	52,4	54,9
для осуществления финансовых расчетов в электронном виде	59,7	55,3	54,8	56,4
электронные справочно-правовые системы	53,7	51,8	51,1	53,2
для управления закупками товаров (работ, услуг)	–	37,8	36,2	38,3
для управления продажами товаров (работ, услуг)	–	21,8	22,0	25,9
для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети	27,8	31,0	29,8	31,9
обучающие программы	19,1	14,2	14,2	16,9
для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами	18,1	14,9	14,7	16,7
для проектирования	11,8	10,8	11,2	13,0
редакционно-издательские системы	9,2	5,1	4,9	6,5
CRM, ERP, SCM – системы	7,6	15,9	17,4	19,6
для научных исследований	3,3	3,4	3,1	4,5
прочие[2]	42,2	30,3	27,9	29,3

Системы управления автоматизированным производством, отдельными техническими средствами, технологическими процессами, взаимоотношениями с клиентами, планирования ресурсов, управления поставками на отечественных предприятиях распространены мало.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по сравнению с 2010 г. удельный вес организаций, применяющих в своей деятельности специальные программные средства, уменьшился, и это касается большинства направлений их использования.

По величине затрат на информационные и коммуникационные технологии с большим отрывом лидируют организации, занятые деятельностью в области информатизации и связи, а также в сфере кредитования и страхования. На эти два сектора российской экономики приходится 38% совокупного объема затрат организаций на информационные и коммуникационные технологии. Но если первые большую часть выделенных на ИКТ средств тратят на приобретение телекоммуникационного оборудования, то банковский сектор четверть своих расходов направляет на приобретение программного обеспечения[3].

Анализ структуры затрат на информационные и коммуникационные технологии свидетельствует о том, что организации в освоении возможностей этих технологий ограничиваются в основном базовым уровнем. Затраты на приобретение программного обеспечения составляют всего 18% совокупного объема затрат на ИКТ, и более половины расходов по данной статье распределяется между организациями всего двух видов деятельности – финансовая и страховая деятельность, а также деятельность в области информации и связи.

В регионах страны ситуация в развитии цифровизации производства сильно различается. Если в среднем в стране в 2018 г. 87,5% предприятий и организаций имели широкополосный доступ к сети Интернет, то в ряде республик и областей эта доля не достигала и 80%: в Республике Калмыкии, Республике Дагестане, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Бурятии, Республике Тыве, Республике Саха (Якутии), Курской, Волгоградской, Курганской, Самарской, Саратовской, Иркутской и Амурской областях[4].

Таким образом, можно констатировать, что уровень цифровизации предприятий в России остается низким. Отечественные предприятия в основном освоили базовые и относительно простые цифровые технологии, но лишь немногие провели автоматизацию производства и управления, внедрили передовые цифровые технологии, что позволило бы совершенствовать бизнес-процессы, сократить объем рутинной и однообразной работы, а значит, гуманизировать трудовой процесс и повысить эффективность производства.

На наш взгляд, к основным причинам, сдерживающим развитие цифровизации производств, следует отнести *высокую степень износа основных средств* – в таких условиях автоматизировать производство невозможно. Располагая изношенной и ненадежной материально-технической базой, руководство предприятий в основном занимается оперативным управлением и «латанием дыр». Главным образом, именно по этой причине отечественный бизнес не вполне готов к цифровой трансформации, коренному изменению организации хозяйственной деятельности за счет широкого внедрения цифровых технологий.

[1] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 494.

[2] Включены системы для автоматизации банковской деятельности, автоматизации торговых организаций, оформления заказов, автоматизированных библиотечных систем, программ-переводчиков, словарей и другие специальные программные средства.

[3] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 496.

[4] Там же, с. 500–501.

Статистика фиксирует увеличение степени износа основных фондов российских предприятий и организаций. В 2005–2018 гг. коэффициент износа увеличился с 44 до 51%, при этом удельный вес полностью изношенных основных фондов приближается к 19% их общей стоимости[1].

По отраслям ситуация сильно различается. Наибольшая степень износа характерна для организаций, занятых такими видами деятельности, как оптовая и розничная торговля (65%), а также деятельность в области информации и связи (63%)[2].

При среднем показателе износа основных фондов в российской экономике, равном 51%, в 11 регионах этот показатель составляет 60% и более. Речь идет о Тамбовской, Оренбургской, Свердловской, Тюменской, Томской областях, Республике Крым, Республике Марий Эл, Республике Мордовия, Удмуртской Республике, Чувашской Республике и Пермском крае[3].

Очевидно, что на таком шатком и ненадежном фундаменте невозможно создать «экономику нового технологического поколения»[4]. Остро требуются неординарные меры по обновлению материально-технической базы производства в России.

Другая причина, не позволяющая использовать все возможности современных информационных технологий, – *слабость секторов национальной экономики, обеспечивающих предложение на рынке информационных технологий*. Проводимый Росстатом мониторинг развития информационного общества в России показал, что в 2010–2017 гг. удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения уменьшился с 2,1 до 1,7%. Статистика фиксирует и нарастание дифференциации субъектов РФ по интегральным показателям информационного развития, которая увеличилась с 3,6 ед. в 2011 г. до 4,2 ед. в 2016 г.[5].

Организации, осуществляющие деятельность в сфере информации и связи, и призванные быть проводниками в области цифровизации, как показывают данные официальной статистики, сами не располагают необходимыми для этого ресурсами – удельный вес полностью изношенных основных фондов составляет 26% (2018 г.), а в 20 российских регионах превышает 35%[6].

А организации, осуществляющие научно-техническую деятельность, заметно отстают от средних в экономике страны показателей даже по использованию сети Интернет (см. табл. 2).

Другая ключевая для развития цифровизации сфера деятельности – научные исследования и разработки. РБК со ссылкой на главного ученого секретаря президиума РАН Долгушкина Н. сообщает, что по сравнению с 1990 г. численность ученых в России уменьшилось в 2,7 раза, в то время как странах Евросоюза и в США численность исследователей увеличилась на 2–3%, а в Бразилии, Южной Корее и Китае – на 7–10%. Отток высококвалифицированных специалистов из России в 2013–2016 гг. увеличился с 20 тыс. чел. до 44 тыс. чел., средний возраст российских ученых превысил 50 лет, а каждый третий достиг пенсионного возраста[7].

Третья причина, по которой цифровизация в стране ограничивается в основном освоением самых простых технологий, – *невысокий уровень цифровой грамотности занятого населения*. Цифровая трансформация производства требует от работающих новых навыков и компетенций, а также способности их быстро осваивать. Средний возраст занятых в российской экономике составляет 41 год[8]. Напомним, что в советские времена возраст поступления в вузы на очную форму обучения ограничивался 35 годами.

В связи с недавно введенными законодательными изменениями в организации пенсионного обеспечения в нашей стране такой важный для ускоренной цифровизации показатель, как средний возраст занятого в экономике населения, неизбежно еще более увеличится. Постарение работающих произойдет и по той причине, что в трудоспособный возраст вступило малочисленное поколение россиян, родившихся в период середины 1990-х – начала первого десятилетия 2000-х гг. (В 1990–2000 гг. общий коэффициент рождаемости уменьшился с 13,4 до 8,7 численность родившихся на 1000 чел. населения[9].)

Бизнес не готов к тому, чтобы тратить значительные средства на обучение сотрудников. Так, по данным Росстата, доля организаций, проводивших дополнительное обучение сотрудников в области ИКТ, сократилась с 9,8 в 2010 г. до 4,9% в 2014 г.[10].

В этой связи особое значение приобретает организация обучения по программам, направленным на формирование продвинутых цифровых компетенций, внедрение индивидуальных траекторий обучения, способных обеспечить формирование значительного по численности класса специалистов, обладающих необходимыми для распространения информационных технологий знаниями, умениями и навыками. Пока в общей сумме затрат организаций на информационные и коммуникационные технологии в стране на вузы приходится менее 1%.

Итак, проведенный анализ показал, что предприятия и организации в России в своей экономической деятельности в основном ограничиваются использованием базовых цифровых технологий. Применение передовых информаци-

---

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 567–568.

[2] Там же, с. 569.

[3] Там же, с. 567–568.

[4] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/

[5] Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. – https://www.gks.ru/folder/14478

[6] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 571.

[7] Утечка мозгов из России ускорилась. – https://lenta.ru/news/2018/01/23/brain_drain/

[8] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 128.

[9] Там же, с. 93.

[10] Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. – https://www.gks.ru/folder/14478

онно-коммуникационных технологий для автоматизации производства и управления не имеет широкого распространения. Затраты на приобретение программного обеспечения не высоки. Не готов отечественный бизнес и к затратам, связанным с дополнительным обучением персонала в целях формирования компетенций в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Факторами, сдерживающими развитие цифровизации в России, являются: высокая степень износа основных средств; слабость секторов национальной экономики, обеспечивающих предложение на рынке информационных технологий; невысокий уровень цифровой грамотности занятого в экономике страны населения.

Раткин Л.С.
к.т.н., ученый секретарь Совета ветеранов РАН
Rathkeen@bk.ru

ПРИМЕНЕНИЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *блокчейн-технологии, нормативно-правовые информационные системы, модернизация экономики, инвестиционные проекты, нормативно-правовые документы, капиталовложения, криптография, стеганография, кибертерроризм, российские стандарты бухгалтерского отчета, международные стандарты финансовой отчетности.*

В настоящее время на мировом рынке производителями программного обеспечения разработаны и поддерживаются в актуальном состоянии несколько сотен юридических информационных систем. Ежегодно миллионы пользователей пользуются услугами правовых систем, предоставляемыми разработчиками. Среди справочно-правовых систем зарубежного производства наиболее известны:

- «Westlaw», «Lexis-Nexis», «Loislaw» (США);
- «Lamy», «Jurisclasseur», «Lexbase», «Questel-Orbit» (Франция);
- «Juris» (Германия),
- «STN-International» (Германия, США, Япония).

На российском рынке существуют несколько десятков правовых информационных систем. Среди лидирующих правовых систем российского производства – «Консультант плюс», «Гарант», «Кодекс» и «Референт». Не задаваясь целью сопоставления преимуществ и недостатков каждой из них, перечислим общие замечания к системам данного класса, выявленные в ходе проведенного сравнения.

Во-первых, существует два основных метода доступа к тексту нормативно-правового акта – ко всему документу по его номеру, дате и другим атрибутам или по контексту к конкретным (ключевым) словам. Методов доступа к фрагменту текста по его *уникальному* адресу нет, потому что предварительного специального разбиения юридических документов на блоки с присвоением им специальных номеров в современных законодательных информационных системах не производится.

Во-вторых, в случае противоречий частей нормативно-правовых документов друг другу в некоторых юридических информационных системах даются комментарии специалиста о способах применения спорных положений на практике. Числовой меры, весовых коэффициентов, способных оценить степень противоречия двух юридических положений друг другу, нет. Между тем, определение степени непротиворечивости НПД способствовало бы устранению недоработок в законодательстве, в частности, в инвестиционной сфере, например, для создания более благоприятного инвестиционного климата.

Наконец, в-третьих, период интенсивной разработки информационных систем в России уже прошёл, и наступило время их интеграции, то есть налаживания взаимодействия между уже разработанными ИС. Информационные системы по нормативно-правовой документации должны занять достойное место в составе автоматизированных систем управления подразделений, предприятия, корпорации или всей отрасли, в частности, для мониторинга производства продукции оборонного назначения в соответствии с инвестиционными проектами, технико-экономические обоснования (ТЭО) которых *утверждены* нормативно-правовыми документами. Между тем, в силу ряда причин на практике этот процесс находится только в начальной стадии и до его завершения ещё далеко. Здесь сказывается и жёсткая маркетинговая политика фирм-конкурентов (разработчиков программного обеспечения), и объяснимое нежелание руководителей различного уровня идти на уступки и ущемление своих прав, связанных с передачей части информационных ресурсов в общее (и часто безвозмездное) пользование, и ряд других обстоятельств.

Очевидно, что поскольку разработка информационных систем по нормативно-правовым документам с учётом указанных замечаний потребует не только доработки действующего программного обеспечения, но и пересмотра ряда положений их концепций, в результате будут получены ИС, которые можно отнести к системам нового поколения, поскольку они будут обладать новыми свойствами, соответствующими устранённым замечаниям.

Одним из основных положений (требований) к разрабатываемой ИС нормативно-правовых документов является минимизация избыточности хранимой в ней информации. Вместе с тем существует нерациональный расход ресурсов (памяти, финансовых средств, времени) из-за огромного количества копий ИС, установленных на разных персональных ЭВМ. Пользователи приобретают одинаковые экземпляры данных и информационных систем в области нормативно-правовых документов, при их установке на ПК суммируется занимаемое ими дисковое пространство и финансовые затраты на их обновление и поддержание в актуальном состоянии. Возможно, это выгодно разработчикам ИС, но удобно ли это пользователям?

Рассмотрим альтернативный вариант: ИС в постоянно актуализированном состоянии располагается на сайте (Web-узле). Его недостатки – невысокая скорость получения большого объёма данных и высокая стоимость эксплуатационных издержек, которую не могут себе позволить большинство предприятий бюджетного финансирования, в том числе относящихся к оборонно-промышленному комплексу. Промежуточным является сетевой вариант, когда в рамках предприятия (корпорации) функционирует сеть, в пределах которой осуществляется доступ к общим информационным ресурсам. Конечно, при этом необходимы дополнительные затраты на поддержание системы распознавания и классификации по степени угроз *кибертеррористических* атак, которым неизбежно подвергается любая сеть, и принятие мер по защите информационных ресурсов от несанкционированного доступа.

Задача минимизации затрат на приобретение и сопровождение информационных систем (в частности, НПС) может быть сведена к задаче поиска глобального минимума, для решения которой существует достаточно мощный математический аппарат. Вместе с тем, применительно к рассматриваемой в рамках данного научного исследования задаче минимизации физических, финансовых и временных затрат на установку и актуализацию двух и более НПС следует отметить, что стандартными средствами данная проблема *неразрешима*, т.к. предполагает выбор *одной* из нескольких НПС, наиболее полно соответствующих требованиям заказчиков и конечных пользователей системы, и ее установку, или установку *нескольких* НПС вместе с *несколькими* копиями (по числу НПС) баз данных НПД. Нестандартным решением является введение в НПС механизма идентификации НПД по его специальному номеру и построение системы адресации текстового блока НПД различной степени точности с применением блокчейн-технологий. Данное решение позволит уйти от схемы, при которой пользователь НПС «привязан» к интерфейсу конкретной НПС и приобретает программную оболочку *вместе* с базой данных НПД, и разрешить пользователю из разных НПС обращаться к одной (единой) базе данных НПД, поставляемой каждым из разработчиков НПС отдельно от базы данных НПД. В этом случае на одной ПЭВМ или в сети будет установлена всего *одна* база данных НПД («Консультант плюс», «Гарант», «Кодекс», «Референт» или любая другая из известных, которую пользователь выбрал в соответствии с критериями минимизации временных, финансовых или физических затрат), а обращение к ней будет осуществляться из разных программных оболочек, поставляемых отдельно.

Следует отметить, что задача минимизации затрат на приобретение и сопровождение информационных систем для предприятий является достаточно актуальной. Новые хозяйственные отношения, переход к инновационной экономике и интеграционные процессы в различных отраслях выдвинули на первый план задачи повышения эффективности производства, снижения затрат и повышения прибыли на предприятиях. Промышленный выпуск изделий предполагает существенный рост мощностей и значительное сокращение издержек. Поэтому разработка программного обеспечения для ИС в сфере НПД, будучи нацеленной на широкую сферу применения, отличается повышенными требованиями к пользовательскому интерфейсу. В системе должны быть реализованы наиболее удобные и быстрые способы поиска необходимой информации. Вместе с тем, к существующим юридическим информационным системам не предъявляется в качестве обязательного условия компактное расположение данных, поэтому некоторые фирмы-разработчики решают проблему быстрого поиска необходимого ряда наиболее востребованных НПД по нескольким базам данных его включением в каждую из баз, что увеличивает занимаемый объём на диске, и соответственно, стоимость услуг по сопровождению ИС за счёт информационной избыточности.

Таким образом, в целях компактного распределения ресурсов, информационная система должна располагаться на персональном компьютере пользователя в минимальном объёме (преимущественно программное обеспечение), а в основном – на доступном сервере в сетевом режиме (блоки обновляемых данных), объединяясь и взаимодействуя в пределах корпоративной информационной системы с другими ИС, что оптимизирует её работу в различных режимах. Включение нормативно-правовых систем (НПС) в состав системы корпоративного уровня на предприятиях РФ способствует, в т.ч. мониторингу производства продукции в соответствии с инвестиционными проектами, ТЭО которых *утверждены* отраслевыми НПД.

Для того, чтобы удовлетворять современным требованиям пользователей и соответствовать высокому уровню развития компьютерной техники, *новое* поколение НПС должно учитывать следующие факторы:

- необходимость использования ссылки (уникального кода) не только на весь документ, и не только на конкретный участок текста, но и на любой блок НПД, входящий в текст и слагаемый из участков, с применением блокчейн-технологий;
- факт современного развития информационных систем нормативно-правовых документов (ИС НПД) – необходимость их интеграции в ещё большие, корпоративные информационные системы (КИС), для чего разработаны методы интеграции в КИС системы по учёту командировок, переговоров, договоров и контрактов с потенциальными инвесторами и заказчиками предприятий РФ, их аудиторов и их финансового состояния по РСБУ и МСФО с необходимым уровнем защиты создаваемой КИС за счёт применения современных компьютерных методов и информационных технологий, включая блокчейн, криптографию и стеганографию. При этом следует отметить, что использование стеганографии, в отличии от криптографии, оправданно не только как технологии защиты данных, но *прежде всего*, в качестве информационной технологии распределенного хранения больших информационных массивов для управления хранилищами данных в случае использования большого количества графических файлов (рисунков, схем, чертежей, иллюстраций, фотографий продукции, выпускаемой предприятиями РФ по инвестпроектам) в роли контейнеров.

В заключение заметим, что эти требования не являются альтернативными друг другу. Они подобны новым, независимым друг от друга измерениям в многомерном пространстве компьютерных технологий, и информационные системы, содержащие данные по нормативно-правовым документам, построенные или доработанные по всем перечисленным направлениям в соответствии с изложенными принципами, могут быть по достоинству оценены не только экспертами, но и обычными пользователями.

Садридинов С.
д.с.-х.н., в.н.с., Институт экономики и демографии НАН Таджикистана
Партоев К.
д.с.-х.н., профессор, зав. лабораторией генетики и селекции растений, Институт ботаники, физиологии и генетики растений НАН Таджикистана

СОВМЕЩЕННЫЕ ПОСЕВЫ КОРМОВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ключевые слова: *топинамбур, подсолнечник, кукуруза, совмещенный посев, урожайность, эффективность, цифровая экономика.*

1. Введение

Цифровая экономика имеет ключевое значение в том числе и в обеспечении продовольственной безопасности в Республике Таджикистан. Дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства тесно связано с внедрением новых инновационных методов и способов в процессе возделывания сельскохозяйственных культур, что вытекает из требований развития цифровой экономики в нашей республике.

В настоящее время в процессе производства сельскохозяйственных продуктов установлено, что развитие сельскохозяйственной сферы производства тесно связано с эффективным использованием земель, новейших достижений науки и техники и современных технологий. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон подчеркивает, что «каждая пядь пахотной земли должна быть причастна к обеспечению продовольственной безопасности страны» [1]. В связи с этим дехкане, руководители, специалисты сельскохозяйственной сферы республики должны внести свой вклад в развитие агропромышленного комплекса страны, эффективно и рационально используя имеющиеся существующих всех ресурсов, в первую очередь землю [2].

По мнению многих исследователей [4–6] совмещённые посевы способствуют эффективному использованию факторов жизни растений. В условиях Центрального и Восточного Прикавказья при использовании оросительной воды одинаковыми и совмещенными посевами кормовых культур установлено, что в совмещенных посевах существенно уменьшается коэффициент водопотребления и увеличивается урожайность культур [7].

Ряд ученых-аграрников Республики Таджикистан разработали и рекомендовали способы совмещенных посевов зерновых, зернобобовых и кормовых культур для повышения отдачи орошаемых земель в республике [4–6].

В наших исследованиях ставилась цель – определить экономическую эффективность совмещенной посадки топинамбура с другими кормовыми культурами в условиях Гиссарской долины Таджикистана.

2. Местность, материалы и методика исследований

Опыты по определению влияния совмещенного посева четырех культур в условиях орошаемого клина провели на территории села «Мирзобек» сельсовета «Гулистон» Рудакинского района. Почва опытного участка относилась к обычным типам сероземов с тяжелым механическим составом. Предшественником была многолетняя люцерна. Осенью перед вспашкой в почву вносили фосфорные и калийные удобрения, соответственно из расчёта 70 и 25 кг/га (в д.в.). На опытном участке с осенью провели зяблевую вспашку на глубину 28–30 см. После проведения вспашки, через 2–3 дня при помощи культиватора КР-4 провели нарезки борозд. Высота гребня рядов составила 20–25 см. Посадку клубней топинамбура, совместно с севом семенами сорго, подсолнечника и кукурузы провели в середине апреля в течение 2014–2016 гг. Совмещенный посев культур провели по схеме 70×35 см. Делянки опыта состояли из 4-х рядов с общей площадью – 2,8 м×3.5 м = 9,8 м^2, с 40 растений в делянке.

Таким образом, на одном гектаре было выращено около 41 тыс. растений топинамбура, 41,0 тыс. растений сорго, 41,0 тыс. растений подсолнечника и 41,0 тыс. растений кукурузы, а общее количество растений на 1 га в зависимости от вариантов опыта соответственно составило от 41 до 164 тыс. растений.

Исходными материалами были следующие сорта сельскохозяйственных культур: топинамбур – «Интерес», «Сарват», сорго – «Местный», подсолнечник – «Юбилейный» и кукурузы – «Дилшод».

Посадку и посев посадочного материала провели весной на вручную нарезанных бороздах. Глубина посадки клубней топинамбура и посева семян сорго, подсолнечника и кукурузы составила 4–5 см. После появления всходов проверяли густоты стояния растений и, проведя прореживание части растений сорго, кукурузы и подсолнечника, в каждом гнезде оставили по одному растению сорго, подсолнечника и кукурузы с топинамбуром.

Повторность опытов трехкратная. При посадке клубней и посеве семян вносили в почву 70 кг/га аммофоса и 40 кг/га аммиачной селитры (в д.в.). Во время вегетации провели одну подкормку растений из расчёта 70 кг/га амми-

ачной селитры (в д.в.). В течение вегетации провели шесть вегетационных поливов, с общим расходом годовой поливной нормы воды – 3000 $м^3$/га. Во время вегетации провели биометрические учёты и наблюдения за ростом и развитием растений. Зеленную массу растений скосили во второй декаде июля.

Полученный экспериментальный материал был обработан статистически по Б.А. Доспехову [3] с использованием компьютерной программы Excel.

3. Результаты исследований

Проведенные исследования показали, что при совмещенных посевах кормовых культур экономическая эффективность больше, чем при чистой посадке топинамбура (табл. 1).

Таблица 1

Эффективность совмещенного посева кормовых культур (по количеству сухого вещества)

Варианты опыта	Общая биомасса, т/га	Общая сумма за биомассу, тыс. сомони/га	*Себестоимость, тыс. сомони/га	Чистая прибыль, тыс. сомони/га	Рентабельность,%
Топинамбур (контроль)	18,64	37,28	14,25	23,03	31,13
Топинамбур + сорго	19,79	39,58	14,50	25,08	42,19
Топинамбур + подсолнечник	20,33	40,66	14,50	26,16	38,88
Топинамбур+кукуруза	19,11	38,22	14,50	23,72	38,88
Топинамбур+сорго+под-солнечник+ кукуруза	26,21	52,42	16,50	35,92	54,07

*Примечание: стоимость = 18.64 т/га×0.04 тыс. сомони/тонны × 5 часть сухого веса от зеленной массы = 37,28 тыс. сомони/га (372,8 $). Себестоимость сухого вещества 14,25 тыс./сомони/га в контрольном варианте и 14,50–16,50 тыс./сомон/га в других вариантах опыта.

Из табл. 1 видно, что при проведении совмещенного посева кормовых культур наблюдается увеличения общей массы сухого вещества с гектара (на 28,92–40,6%) и это приводит к повышению рентабельности по сравнению с контрольным вариантом посадки (чистый топинамбур) на 7,75–22,94%.

Заключение

Таким образом, вариант совмещенного посева четырех кормовых культур (топинамбур + сорго + подсолнечник + кукуруза) по выходу сухого вещества превышает чистую посадку топинамбура на 7,57 т/га (40,6%). При проведении совмещенного посева четырех кормовых культур (топинамбур + сорго + подсолнечник + кукуруза) наблюдается увеличение общей массы сухого вещества с гектара, и это приводит к повышению рентабельности по сравнению с контрольным вариантом посадки топинамбура (чистая посадка) на 22,94%.

Список литературы

1. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Парламенту Республики Таджикистан. 23.01.2015, Душанбе.
2. Садридинов С. Пути расширения эффективной системы сельского хозяйства Таджикистана // Экономика Таджикистана: стратегия развития. 2009. – № 4. – С. 56–70.
3. Доспехов Б.А. Методика полевого опыта. – М.: Колос, 1985. – 334 с.
4. Набиев Т.Н. Агротехнические особенности получения двух урожаев зерна в год в условиях Таджикистана. Дисс...док. с.-х. наук. – М., 1995. – 359 с.
5. Партоев К. Значение топинамбура в обеспечении продовольствием и горючего в Таджикистане / К. Партоев, Ш.М. Ясинов, Н.Х. Сайдалиев. – Душанбе, 2016. – 167 с.
6. Сардоров М.Н. Продуктивность и фотосинтетическая деятельность совмещенных посевов люцерны со злаковыми культурами в условиях Центрального Таджикистана / Автореф. дисс. докт. сельхоз. наук. – Душанбе, 1997. – 43 с.
7. Харечкин В.И. Водопотребление и продуктивность смешанных посевов на орошаемых землях Центрального и Восточного Предкавказья // Кормопроизводство на орошаемых землях. – Новочеркасск, 1989. – С. 12–16.

Саргсян Л.Н.
к.э.н., заместитель директора по науке Института экономики НАН Республики Армения, Ереван
sarg.lilit@yahoo.com

КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫЕ СФЕРЫ АРМЯНСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ ЕАЭС

Ключевые слова: *конкурентоспособность, экспорт, выявленные сравнительные преимущества, вступление в Союз, рынок ЕАЭС.*
Keywords: *competitiveness, export, revealed comparative advantages, becoming member to the Union, EAEU market.*

В экономической литературе термин конкурентоспособность используется уже давно. Однако конкурентоспособность внутри страны и конкурентоспособность за ее пределами существенно отличаются друг от друга. О наличии конкурентоспособности на рынках других стран, как правило, свидетельствует объем экспорта той или иной продукции.

Россия, Белоруссия, Казахстан с 1 января 2015 г., Армения со 2 января 2015 г., и Кыргызстан с 12 августа 2015 г.[1], приняли новое направление внешнеэкономической политики, вступив в Евразийский экономический союз. Естественно, каждая из этих стран имела свои ожидания от ЕАЭС как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В рамках проведенного анализа мы рассмотрим только схожесть краткосрочных ожиданий стран-участниц ЕАЭС с уже имеющимся фактами, так как Союз функционирует всего 5 лет. Краткосрочные ожидания всех стран-членов напрямую связаны с расширением экспорта благодаря более интенсивной торговли внутри Союза.

В предыдущих исследованиях[2] мы показали, что хотя экспорт Армении в ЕАЭС не увеличился в ожидаемых объемах, тем не менее на рынке ЕАЭС армянские товары не только сохранили свою конкурентоспособность, но и укрепили ее, увеличив диверсификацию экспорта. Нужно констатировать тот факт, что ряд армянских товаров, которые ранее были конкурентоспособны только на одном из рынков стран ЕАЭС, уже укрепляют свои позиции в более чем двух странах-участницах ЕАЭС, например, такие как трикотажная одежда, молочные продукты, фрукты, овощи и др. впервые стали конкурентоспособными.

Однако при этом возникает необходимость проанализировать также конкурентоспособность продукции остальных стран-участниц ЕАЭС до и после вступлении в Союз.

В методологическом плане для выявления конкурентоспособных сфер экономики стран-участниц ЕАЭС предварительно следует провести краткий обзор экономических приоритетов каждой страны.

В Армении приоритетными считаются следующие направления развития экономики[3]:

- Сельское хозяйство, на долю которой приходится примерно 18% ВВП страны.
- Горная промышленность, которая вносит важный вклад в экономику Армении и является одной из основных сфер экспорта.
- Энергетика – одна из наиболее эффективно функционирующих и рентабельных отраслей армянской экономики.
- Отрасль ИТ/телекоммуникации – одна из самых производительных отраслей армянской экономики, которая уже привлекла такие глобальные бренды, как Synopsys, Microsoft, National Instruments, Mentor Graphics, Ericson и др.
- Производство высококачественных химических веществ, которое за последнее десятилетие позволило фармацевтической отрасли стать одной из наиболее динамично развивающихся отраслей в экономике Армении.
- Туризм – одна из ведущих и динамично развивающихся отраслей экономики Армении. Ежегодный прирост числа туристов, посещающих Армению, составляет в последние годы в среднем 25%.

Приоритетными направлениями развития экономики России являются[4]:

- Энергоэффективность. Поставлена задача повышения энергоэффективности и устранения соответствующих пробелов в нормативно-правовой базе.
- Космические технологии и телекоммуникации. Поставлена задача повышения эффективности и качества телекоммуникационных технологий на территории всей страны.
- Медицинские технологии и фармацевтика. Поставлена задача разработки и производства инновационных лекарственных препаратов для обеспечения выхода российских производителей на новые рынки.
- ИТ и программное обеспечение Поставлена задача повышения эффективности и качества информационных услуг. Это направление является приоритетным с точки зрения развития национальной экономики России.

[1] http://www.eaeunion.org/?lang=ru#about-countries
[2] Саргсян Л. Сравнительный анализ фактических тенденций и возможностей роста экспорта РА в рамках ЕАЭС // Материалы научной конференции «Современные проблемы социально-экономического развития в Республике Армения». 2018. – С. 110–124.
[3] https://home.kpmg/content/dam/kpmg/am/pdf/2016/Investment%20guide%20Armenia.pdf
[4] https://forumspb.com/?lang=ru

• Атомная энергетика. Поставлена задача по сохранению лидерства на мировом рынке.

Приоритетные направления экономического развития Беларуси[1].

• Альтернативная энергетика. По некоторым оценкам, технический потенциал развития возобновляемых источников энергии в Беларуси составляет порядка 80 млн. тонн условного топлива в год, что превышает общий объем потребления энергоресурсов в стране.

• Электроника и бытовая техника.

• Биотехнологии и фармацевтика. Поставлены следующие задачи: обеспечить производство жизненно необходимых, основных лекарственных средств и нарастить поставки отечественных препаратов на внутренний рынок Союза.

Приоритетные направления развития экономики Казахстана[2]:

• Нефтепереработка и инфраструктура нефтегазового сектора. Страна занимает 11 место в мире по запасам нефти и 17 – по запасам газа.

• Горно-металлургическая отрасль. Казахстан занимает 3 место в мире по производству титана, 7 – по производству цинка, 8 – по производству свинца, 13 – по добыче железной руды, 15 – по производству меди и 35 место – по производству стали.

• Атомная промышленность. В недрах Казахстана сосредоточено около 14 % от всех разведанных мировых запасов урана.

• Машиностроение. Поставлена задача по максимальному удовлетворению потребностей внутреннего рынка и расширению экспорта за счет увеличения производства продукции с высокой добавленной стоимостью.

• Фармацевтическая промышленность. Поставлена задача по созданию условий для импортозамещения фармацевтической и медицинской продукции на базе современных технологий в соответствии с международными стандартами GMP.

• Туристическая отрасль. Поставлена задача по участию в создании транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай», проходящего по территории пяти регионов Казахстана, на основе реализации уникальной возможности формирования соответствующего туристского кластера вдоль коридора.

• Альтернативная энергетика.

Приоритетные направления экономического развития Кыргызстана[3]:

• Легкая промышленность, которая бурно развивается в последние несколько лет.

• Агропромышленный сектор, вклад которой в экономику страны составляет 17,5% от ВВП.

• Строительство и энергетика.

Таким образом, можно констатировать, что в некоторых случаях приоритетные направления развития экономики стран-участниц ЕАЭС совпадают. Это обстоятельство может помочь в разработке планов по организации совместных проектов в данных отраслях.

Рассмотрим экспорт стран-участниц ЕАЭС внутри Союза до и после вступлении в ЕАЭС (рис. 1).

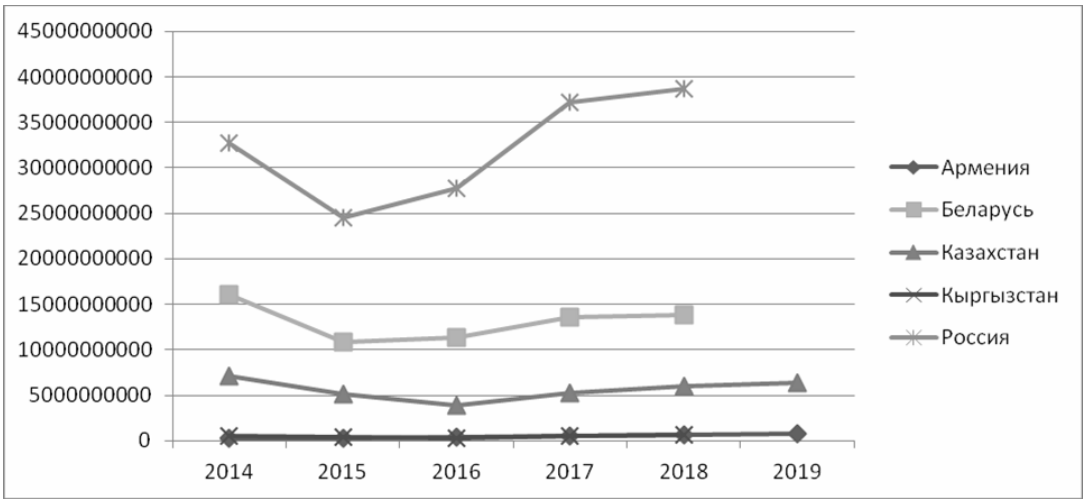

Рисунок 1.
Экспорт стран-участниц ЕАЭС внутри Союза (в долларах США)[4]

Как видим, во всех странах-участницах ЕАЭС тенденция развития экспорта почти одна и та же: в первый год вступления в союз экспорт сокращается, а в дальнейшем – возрастает. На начальном этапе сокращение экспорта, скорее всего, связано с неустойчивостью ожиданий экономических субъектов каждой страны. Однако это еще не все.

Статистические данные позволяют выделить две основные модели развития экспорта стран-участниц ЕАЭС:

1. Экспорт сокращается на начальном этапе после вступления в ЕАЭС и возрастает в дальнейшем, однако пока не достигая уровня 2014 г. (в Беларуси и Казахстане),

[1] https://investinbelarus.by/
[2] https://www.invest.gov.kz/
[3] https://invest.gov.kg/
[4] Диаграмма разработана автором на основе статистических данных ВБ: www.worldbank.org

2. Экспорт сокращается на начальном этапе вступления в ЕАЭС, возрастает в дальнейшем и превышает уровень 2014 г. (Армения, Россия, Кыргызстан).

Следует отметить, что по сравнению с Россией и Кыргызстаном, экспорт в которых превышает уровень 2014 г. в 1,18 раз, в Армении экспорт превышает уровень 2014 г. в 2,34 раза.

Наличие двух моделей развития экспорта, а также наличие расхождений между странами одной и той же модели, позволяет судить о конкурентоспособности экспорта каждой страны. Некоторые продукты, которые экспортировались из Беларуси и Казахстана теряли свою конкурентоспособность в связи с изменением таможенных пошлин. А в Армении, в России и в Кыргызстане сложилась противоположная картина.

В экономической литературе существует несколько способов оценки конкурентоспособности экспорта. Самая распространенная из них – индекс выявленных сравнительных преимуществ (индекс ВСП) Беллы Баласса[1]. Этим же методом оценим конкурентоспособность всех сфер экономики стран-участниц ЕАЭС с точки зрения экспорта на рынок ЕАЭС. Анализ охватывает 2014 г. и 2018 г., что позволяет нам сопоставить конкурентоспособность экспортирующих отраслей стран-участниц ЕАЭС до и после вступления в союз (2018 г. выбран по причине того, что не все страны ЕАЭС представили статистические данные за 2019 г. во Всемирный банк). Для сопоставимости результатов рассмотрим все данные с одного и того же источника[2] и по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Гармонизированной системы описания и кодирования товаров 2002 г. (табл. 1).

Таблица 1

Наличие ВСП с точки зрения экспорта стран ЕАЭС[3]

Товарные группы	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан		Россия	
	2014	2018	2014	2018	2014	2018	2014	2018	2014	2018
Живые животные							v	v		
Мясо и пищевые мясные субпродукты			v	v			v			
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	v	v	v	v						
Молочная продукция; яйца птиц; мед и пр.	v	v	v	v			v	v		
Живые деревья и другие растения; и пр.	v	v		v						
Продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные					v					
Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	v	v				v	v	v		
Злаки					v	v			v	v
Продукция мукомольно-крупяной промышленности; и пр.			v	v	v	v			v	v
Съедобные фрукты и орехи; и пр.	v	v					v	v		
Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	v	v								
Жиры и масла животного или растительного происхождения и пр.				v					v	v
Готовые продукты из мяса, рыбы и пр.		v	v	v			v		v	
Сахар и кондитерские изделия из сахара			v	v	v	v		v		v
Какао и продукты из него		v			v	v			v	v
Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; и пр.				v		v		v	v	v
Продукты переработки овощей, фруктов, орехов или прочих частей растений	v	v		v					v	v
Разные пищевые продукты							v	v	v	v
Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус	v	v						v		
Табак и промышленные заменители табака	v	v			v	v	v		v	v
Остатки и отходы пищевой промышленности; и пр.			v	v					v	
Соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы, известь и цемент	v	v	v	v	v	v			v	v
Предметы одежды и принадлежности к одежде, трикотажные машинного или ручного вязания		v					v	v		
Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания		v					v			
Обувь, гетры и аналогичные изделия; их детали								v		
Головные уборы и их части		v						v		
Зонты, солнцезащитные зонты, и пр.								v		
Руды, шлак и зола					v	v	v	v	v	v
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; и пр.			v		v	v	v		v	v
Продукты неорганической химии; и пр.					v	v			v	v

[1] Balassa B. Trade Liberalization and Revealed Comparative Advantage // Manchester School of Economic and Social Studies. 1965. – Vol. 33, May. – P. 99–123.

[2] https://wits.worldbank.org/

[3] В таблице знак «v» свидетельствует о наличии выявленных сравнительных преимуществ.

Органические химические соединения									v	
Удобрения			v	v	v	v			v	v
Мыло, поверхностно-активные органические вещества, и пр.									v	v
Взрывчатые вещества; и пр.				v					v	v
Пластмассы и изделия из них			v	v				v	v	v
Каучук, резина и изделия из них			v						v	v
Необработанные шкуры (кроме натурального меха) и выделанная кожа			v	v					v	v
Масса из древесины и пр.						v			v	v
Древесина и изделия из нее; древесный уголь			v	v					v	v
Изделия из кожи; и пр.								v		
Бумага и картон; изделия из бумажной массы, бумаги или картона									v	v
Печатные книги, газеты, и пр.									v	v
Шерсть, тонкий или грубый волос животных; и пр.			v	v				v	v	
Прочие растительные текстильные волокна			v	v						
Химические нити; и пр.			v	v						
Химические волокна			v	v			v			
Вата, войлок и пр.			v	v						
Ковры и прочие текстильные напольные покрытия			v	v			v			
Специальные ткани; и пр.				v			v			
Текстильные материалы, пропитанные, с покрытием и пр.			v	v						
Трикотажные полотна машинного или ручного вязания				v						
Изделия из камня, гипса, цементаи пр.	v	v	v	v			v	v	v	v
Керамические изделия			v	v				v		
Стекло и изделия из него			v	v			v	v	v	v
Хлопок					v		v	v		
Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и пр.	v	v			v			v	v	
Черные металлы					v	v			v	v
Изделия из черных металлов			v	v		v			v	v
Медь и изделия из нее					v	v	v	v	v	v
Алюминий и изделия из него			v	v	v	v		v	v	v
Свинец и изделия из него					v	v	v	v	v	v
Цинк и изделия из него					v	v			v	v
Олово и изделия из него									v	v
Прочие недрагоценные металлы; металлокерамика; изделия из них					v	v				
Железнодорожные локомотивы и пр.				v		v			v	v
Средства наземного транспорта, и пр.			v	v						
Мебель; постельные принадлежности, матрацы, и пр.		v	v	v						
Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности									v	

Итак, рассмотрев наличие ВСП в Армении с точки зрения экспорта на рынок ЕАЭС, можно утверждать следующее:

- 12 товарных групп армянского экспорта сохранили свою конкурентоспособность на рынке ЕАЭС как до, так и после вступления в ЕАЭС,
- Ни одна товарная группа армянского экспорта не потеряла свою конкурентоспособность на рынке ЕАЭС после вступления в Союз,
- 6 товарных групп стали конкурентоспособными на рынке ЕАЭС после вступления в Союз. Причем эти новые сферы представляют перерабатывающую промышленность. Это означает, что эти сферы могут закрепить свои позиции на рынке ЕАЭС, так как не являются сырьевым продуктом.

С точки зрения анализа экспорта Беларуси, можно отметить следующее:

- 27 товарных групп сохранили конкурентоспособность как до, так и после вступления в Союз,
- 2 товарные группы потеряли свою конкурентоспособность на рынке ЕАЭС после вступления в Союз,
- 8 товарных групп стали конкурентоспособными после вступления в ЕАЭС.

Анализируя конкурентоспособность экспорта Казахстана на рынок ЕАЭС, можно отметить следующее:

- 16 товарных групп сохранили свою конкурентоспособность как до, так и после вступления в ЕАЭС,
- 3 товарные группы потеряли свою конкурентоспособность после вступления в Союз,
- 5 товарных групп стали конкурентоспособными после вступления в ЕАЭС.

Анализ конкурентоспособности экспорта Кыргызстана на рынок ЕАЭС дает возможность утверждать следующее:

- 12 товарных групп сохранили конкурентоспособность на рынке ЕАЭС как до, так и после вступления в союз,

- 8 товарных групп потеряли конкурентоспособность после вступления в ЕАЭС,
- 12 товарных групп стали конкурентоспособными после вступления в Союз.

Картину конкурентоспособности российского экспорта можно охарактеризовать следующим образом:

- 32 товарных групп российского экспорта сохранили конкурентоспособность как до, так и после вступления в Союз,
- 6 товарных групп потеряли конкурентоспособность после вступления в ЕАЭС,
- и только 1 товарная группа стала конкурентоспособной после вступления в ЕАЭС.

Итак, очевидно, что некоторые страны потеряли конкурентоспособность с точки зрения экспорта некоторых товарных групп. Сопоставив все полученные данные, мы обнаружили следующие закономерности:

- Беларусь и Кыргызстан потеряли конкурентоспособность по экспорту товарной группы «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; и пр.», а Россия и Казахстан укрепили свои позиции по конкурентоспособности экспорта данной товарной группы.
- Казахстан потерял конкурентоспособность по экспорту товарной группы «Продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные», однако по экспорту данного товара конкурентоспособными стали третьи страны.
- Казахстан и Россия потеряли конкурентоспособность по экспорту товарной группы «Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты». По экспорту данной товарной группы свою конкурентоспособность укрепила Армения, а Кыргызстан обрел конкурентоспособность после вступления в Союз.
- После вступления в ЕАЭС Кыргызстан уступил свои конкурентные позиции Беларуси по экспорту некоторых товаров («Мясо и пищевые мясные субпродукты», «Ковры и прочие текстильные напольные покрытия», «Специальные ткани и пр.»).
- Кыргызстан и Россия уступили конкурентные позиции по экспорту товарной группы «Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных и пр.» Армении и Беларуси.
- Кыргызстан уступил конкурентные позиции по экспорту «Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания» Армении.
- Россия уступила конкурентные позиции по экспорту товарных групп «Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности» и «Органические химические соединения» третьим странам.

Выводы

Результаты сравнительного анализа показали, что во всех странах Союза есть товарные группы, имеющие конкурентоспособность с точки зрения экспорта на рынок ЕАЭС. Естественно конкурентоспособности некоторых стран по некоторым товарам иногда совпадают. Армения конкурирует с Беларусью по 7, с Казахстаном – по 3, с Кыргызстаном – по 6, с Россией – по 5 товарным группам. Беларусь конкурирует с Казахстаном по 7 товарным группам, с Кыргызстаном – по 9 и с Россией – по 12 товарным группам. Казахстан конкурирует на рынке ЕАЭС с Кыргызстаном по 7 и с Россией – по 18 товарным группам. Кыргызстан и Россия конкурируют на рынке ЕАЭС по 9 товарным группам. Однако во всех странах, кроме Армении несколько товарных групп потеряли конкурентоспособность после вступления в ЕАЭС. По экспорту минерального топлива Беларусь и Кыргызстан уступили конкурентные позиции России и Казахстану. Казахстан и Россия потеряли свои конкурентные позиции по экспорту нескольких товаров, уступив их третьим странам. По конкурентоспособности экспорта некоторых товаров Армения и Беларусь опередили Кыргызстан и Россию. А по конкурентным позициям экспорта жемчуга, драгоценных и полудрагоценных камней и драгоценных металлов Армения и Кыргызстан превзошли Казахстан и Россию.

Армения – единственная страна, товарные группы которой укрепили ранее имеющиеся преимущества и наряду с ними приобрели конкурентоспособность новые товарные группы. Возможно, именно этот факт является причиной увеличения экспорта Армении в ЕАЭС после вступления в Союз более, чем в два раза. Что касается диверсификации конкурентоспособных экспортных товаров, то с этой точки зрения Армения разделяет 3 место с Казахстаном: эти две страны в 2018 г. представили на рынке ЕАЭС 18 конкурентоспособных товарных групп. Позиции двух из них очень прочные. С точки зрения экспорта данных товаров только Армения имеет ВСП среди стран-участниц ЕАЭС. Эти товарные группы – «Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности», а также «Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания». Экспорт данных товаров из Армении имеет ВСП во всем мире, следовательно, этой привилегией Армения может пользоваться еще долгое время.

Симонова Е.В.
к.э.н., доцент, Орловский государственный университет экономики и торговли jezzi@mail.ru

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПРОИСХОДЯЩИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Ключевые слова: *бизнес, предпринимательство, конкурентоспособность, цифровая экономика, искусственный интеллект.*

В настоящее время бизнес должен играть более важную роль в развитии экономики. Однако существующие барьеры мешают бизнесу раскрывать имеющийся потенциал. А с учетом появления новых технологий и роста конкуренции на рынке, бизнес вынужден постоянно пересматривать свои конкурентные преимущества, перестраиваться под происходящие изменения, меняя или совершенствуя платформу для своего роста. Зачастую изменений требует и сам подход к ведению бизнеса, построение миссии, основанной на креативной составляющей, поддерживаемой новыми технологиями. Для получения существенного бизнес-результата становится необходимым использование новых возможностей для осуществления технологического прорыва. Глобальная цифровизация требует от бизнеса трансформации, что позволит быть ему конкурентоспособным в условиях происходящих изменений. Представить будущее бизнеса без использования цифровых инноваций невозможно.

Специалисты компании Accenture в своем исследовательском отчете «AI: built to scale. From experimental to exponential», посвященном вопросам применения искусственного интеллекта (ИИ), говорят о расширении масштаба для выхода на новый уровень конкурентоспособности. Так, в ходе исследования установлено:

– 84% топ-менеджеров полагают, что для дальнейшего развития необходимо задействовать технологию ИИ. В то же время 76% сталкиваются с проблемами в процессе масштабирования;

– трое из четырех топ-менеджеров считают, что масштабировать ИИ следует в течение ближайших пяти лет, в противном случае есть риск потерять клиентов и бизнес;

– компании, принявшие участие в исследовании, осуществляющие стратегическое масштабирование ИИ, отмечают, что окупаемость инвестиций в эту технологию в три раза выше, чем в случаях, когда компании отдают предпочтение изолированным пилотным проектам;

– дальнейший анализ показал, что стратегическое масштабирование действительно дает в среднем 32% прироста по трем ключевым финансовым показателям[1].

Сотрудники Ситуационного центра социально-экономического развития регионов Российской Федерации Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова произвели анализ динамики индикаторов развития цифровой экономики в России за период с 2010 г. по 2017 г. В указанный период, по мнению ученых, произошли положительные изменения таких показателей формирования цифровой экономики, как подготовка специалистов, работающих в сфере ИКТ; финансирование научных исследований сектора ИКТ; развитие инфраструктуры доступа к Интернету; рост числа пользователей Интернета; развитие электронной коммерции. Однако стоит отметить недостаточно развитую систему электронного правительства, а также незначительные изменения в ценовой доступности услуг ИКТ, что может влиять на их распространенность среди населения.

Для объективного анализа ученые использовали разнообразные данные, представив матричный метод оценки российской промышленности в эпоху цифровизации (табл. 1).

Таблица 1

SWOT-анализ российской промышленности в цифровую эпоху

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Появление иррациональности в модели взаимоотношений между производителем и потребителем во всей цепочке создания добавленной стоимости товаров и услуг (модели B2B2X/PSS). 2. Изменение внешнего вида производимой продукции (программная определяемость и модульность, «цифровой / виртуальный двойник»). 3. Появление новых профессий. 4. Возможность оперативно вносить изменения на любом этапе производства. Можно пригласить заказчика, показать ему продукт, учесть комментарии и поменять функционал (до момента производства).	1. Нерациональная структура промышленности по ОКВЭД (практически отсутствуют предприятия, рассчитанные на крупномасштабное производство и реализацию предметов потребления). 2. Недостаточный объем инвестиций и морально устаревший основной капитал. 3. Неразвитость инновационной инфраструктуры, инфраструктуры экспорта информационных товаров и услуг. 4. Недостаточно развитая институциональная инфраструктура. 5. Слабая поддержка стратегических направлений прорывных информационных технологий. 6. Высокий уровень «смертности» предприятий, недостаточная

[1] Конкуренция в условиях изменений. – https://www.accenture.com/ru-ru/insights/artificial-intelligence/ai-investments

5. Организация тренингов и обучения для персонала, создание обучающих центров в крупных компаниях. 6. Удобное географическое расположение страны по отношению к исторически сложившимся транспортным и коммуникационным потокам. 7. Сформирован комплекс решений по дистрибуции товаров для организаций, занимающихся торговлей через Интернет	изученность бизнес-демографии по стадиям жизненного цикла. 7. Недостаточная освоенность больших территорий. 8. Низкая производительность труда. 9. Крупные компании не отслеживают инновации, практически не формируют собственные инвестфонды, слабо финансируют и покупают/создают стартапы, чтобы быстрее развиваться и получать экспертизу. 10. Слабое интегрирование софта, анализ данных приходится совмещать с проектированием, производством, созданием и техподдержкой сложного «физического» оборудования
Возможности	Угрозы
1. Усиление роли государства как крупнейшего потребителя информационных технологий и инвестора в ИТ-индустрию. 2. Проведение политики импортозамещения. 3. Стремление государства поддержать развитие технопарков и ОЭЗ. 4. Совершенствование российской системы стандартизации. 5. Разрабатываются направления по защите прав интеллектуальной собственности. 6. Разработка государственных программ развития ИТ-отрасли и использования информационной продукции. 7. Возможность масштабирования и внедрения искусственного интеллекта в производство. 8. Возможность привлечения иностранных специалистов для трансфера технологий и обучения. 9. Переквалификация персонала в связи с автоматизацией/роботизацией, сокращение низкоквалифицированных рабочих мест. 10. Разработка промышленных программ, включающих умное производство и развитие цифрового сектора	1. Сохранение высокого уровня коррупции, усиление административного давления. 2. Недостаточная патентная активность. 3. Низкий уровень накопления нематериального капитала. 4. Прогресс в производственном секторе сопровождается ростом смежных знаний и производств (виртуальная дополненная реальность, инжиниринг, совместное проектирование, виртуальная реальность, искусственный интеллект и т.д.). 5. Процессы цифровизации сопровождаются большим запросом на креативных специалистов со знаниями программирования. 6. Насыщенность рынка в развитых странах. 7. Вытеснение российских компаний с мировых рынков, в долгосрочной перспективе – утрата позиций на внутреннем рынке. 8. Слабые позиции компаний в части комплексных решений. 9. Наличие мощных компаний-конкурентов на мировом рынке. 10. Отсутствие достаточной мотивации у студентов, преподавателей и научного сообщества к инновационной деятельности

Несмотря на активное развитие экономики в указанный период, Россия на мировом уровне занимает далеко не выгодные позиции[1].

Однако системный подход к развитию цифровой экономики позволит выйти на новый уровень. Систематизированная и последовательная стратегия внедрения технологий в бизнес спровоцирует его развитие, стратегическую гибкость.

Для выхода на новый уровень конкурентоспособности предпринимательства за счет расширения масштаба необходимо учитывать такие факторы как:

1. Правильный выбор направления развития организации, внедрение технологий и соответствующей культуры управления.

2. Анализ и рациональное использование баз бизнес-данных (финансовые, маркетинговые, данные о потребителях и др.).

3. Целенаправленное использование финансовых потоков.

4. Кадровый потенциал (повышение квалификации, использования управления междисциплинарными командами).

5. Использование цифровых платформ.

Для преуспевания в условиях жесткой конкуренции сегодня бизнесу недостаточно руководствоваться решением точечных проблем, необходимо грамотно расставлять приоритеты и определять порядок внедрения инноваций в бизнес-процессы, искать новые идеи и новые форматы партнерских отношений.

Список литературы

1. Валентей С.Д. Опыт и некоторые проблемы формирования цифровой экономики в России // Научные труды Вольного экономического общества России. – М., 2017. – Т. 207, № 5. – С. 342–348.
2. Калядин А.С. Развитие цифровой экономики в России // Экономика и предпринимательство. 2017. – № 12–3. – С. 91–94.
3. Ляпина И.Р. Цифровизация как атрибут новой экономики и ее тенденции в современной России / И.Р. Ляпина, Е.В. Сибирская // Новая экономика: институты, инструменты, тренды: материалы всерос. науч.-практ. конф. В 3-х частях. (Орёл, 26–28 сентября 2019 г.) / Под ред. О.В. Пилипенко и др. – Орёл: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2019. – С. 68–73.
4. Строева О.А. Инноватизация российского экономического пространства / О.А. Строева, А.В. Грядунова // Институциональный механизм модернизации экономики регионов: материалы I национ. науч.-практ. конф. (Махачкала, 23–24 апреля 2019 г.) / Под ред. Исаева М.Г. и др. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2019. – С. 46–50.
5. Stroeva O.A. Priorities of using the new information and communication technologies in modern economy / O.A. Stroeva, A.V. Gryadunova, V.V . Tishaev, I.A. Shalaev, I.R. Lyapina // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. – T. 726. – P. 449–455.

[1] Сибирская Е.В. Цифровая экономика России: анализ современного состояния / Е.В. Сибирская, Л.А. Михейкина, Л.В. Овешникова // Экономический анализ: теория и практика. 2020. – Т. 19, № 1 (496). – С. 4–24.

Сирож З.Р.[1]

РОЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ИННОВАЦИОННУЮ ЭКОНОМИКУ

Ключевые слова: *технологический потенциал, инновационное предпринимательство, конкурентоспособность, инновационная экономика, инновационная деятельность, стимулирование предпринимательской активности.*

Инновационная экономика позволяет генерировать поток инноваций, постоянно задавая новую планку в технологическом соревновании. Некоторые исследователи считают, что для большинства развитых стран в современном мире именно инновационная экономика (экономика знаний, интеллектуальная экономика и т.д.) обеспечивает мировое экономическое превосходство страны, которая её воплощает.

Анализ позволяет выделить следующие предпосылки формирования инновационной экономики:

– превращение знаний в производительную силу наряду с такими факторами, как труд, природные и материальные ресурсы;

– повышение доли сферы услуг и опережающий рост услуг для бизнеса;

– повышение значимости интеллектуального капитала, а также инвестиций в систему образования и подготовки профессиональных кадров;

– развитие и широкомасштабное использование новых информационно-коммуникационных технологий;

– превращение инноваций в основной источник экономического роста и конкурентоспособности как в рамках отдельно взятых предприятий, так и на уровне целых регионов и национальных экономик.

Инновационное развитие экономики – это сложный динамический процесс, в котором проблемы эффективного использования финансовых ресурсов, поиска дополнительных источников финансирования, привлечения потенциальных инвесторов тесно связаны с формированием новых знаний и идей, технологическим освоением новых научных открытий, изобретений, результатов исследований и разработок, с внедрением нововведений в виде прорывных технологий, прогрессивной техники и оборудования, новых видов сырья, с выбором оптимальных современных форм организации и управления производством. Однако помимо технических, технологических и финансовых вопросов приходится также решать проблему выбора оптимальных современных форм организации и управления производством, поскольку экономика как институциональная подсистема общества не только влияет на состояние других подсистем, но и сама подвергается воздействию с их стороны, а переход к траектории инновационного развития связан с изменением не просто структуры экономики, но и сложившихся институциональных форм.

В целом мировой опыт демонстрирует огромное разнообразие целей и задач структурной модернизации, путей и методов, а также достигнутых результатов. В самом общем виде можно выделить два основных современных направления структурной модернизации:

– модернизация в соответствии с требованиями экономики знаний и развитие сферы образования, науки и инноваций;

– всемерное стимулирование предпринимательской деятельности, особенно инновационного предпринимательства.

В настоящее время Республике Узбекистан и ее отдельным регионам требуется проведение широкомасштабной модернизации экономики и перевод на инновационный тип развития с задействованием всех сфер и иерархических уровней национального хозяйства. При этом при определенных условиях на первых этапах модернизации, возможна и целесообразна государственная поддержка отдельных ключевых направлений развития в рамках формирования «прорывных технологий».

Разрабатывая программу структурной модернизации экономики, необходимо учитывать состояние и уровень развития сложившегося к началу процесса модернизации технологического базиса экономики, а также существующую структуру экономики, наличие в ней диспропорций, их характер, глубину и причины возникновения.

Исследование эволюции экономических подходов к инновационной деятельности показало, что осуществление инноваций связано с изменением и накоплением полезного знания, развитием технологий и общественных институтов, формирующих инновационный вектор экономического развития национальных экономик.

Инновации осуществляются в определенной институционально-правовой среде, детерминанты которой оказывают противоречивое влияние не только на направление и эффективность инновационных процессов, но и на саму возможность их осуществления, препятствуют или благоприятствуют инновациям, что обусловливает необходимость создания соответствующих институциональных и организационных структур, способных соединить все необходимые

[1] Сирож Зарина Рустамбековна – главный преподаватель кафедры «Экономических дисциплин», Ташкентский налоговый колледж. E-mail: zarina36.84@gmail.com

элементы национальной инновационной системы в общий воспроизводственный контур шестого технологического уклада.

Совокупность институтов и механизмов регулирования инновационной экономики характеризуются как сложная и адаптивная система, развивающаяся по эволюционным законам, что требует теоретического анализа тенденций развития инновационной деятельности в ее взаимосвязи с институциональными факторами, выявления противоречий институциональной структуры экономики, воздействующей не только на экономические результаты производителей инновационного продукта, но и на темпы и направления инновационных преобразований.

Следует отметить, что в Республике Узбекистан за последние годы создаются институциональные основы для перехода экономики на инновационный путь развития – это создание Министерства инновационного развития Республики Узбекистан; Фонда поддержки инновационного развития и новаторских идей; различных региональных инновационных центров, технопарков; малых промышленных зон. Одним из ярких примеров является создание Министерства инновационного развития Республики Узбекистан.

Министерство инновационного развития Республики Узбекистан в сфере внедрения инноваций в отрасли экономики выполняет следующие функции:

– осуществляет единую государственную политику в сфере инновационного и научно-технического развития Республики Узбекистан, направленную на всестороннее развитие общественной и государственной жизни, повышение интеллектуального и технологического потенциала страны;

– проводит оценку инновационной деятельности на основе индикаторов ее эффективности, определяет основные направления развития соответствующих отраслей и сфер, требующих первоочередного внедрения передовых технологий;

– координирует деятельность органов государственного управления, научно-исследовательских, информационно-аналитических учреждений и иных организаций по вопросам внедрения инновационных идей, разработок и технологий;

– в рамках возложенных задач изучает состояние дел в государственных органах и иных организациях, осуществляет сбор и обобщение предложений по совершенствованию инновационной деятельности;

– финансируется за счет средств Государственного бюджета Республики Узбекистан и иных средств, не запрещенных законодательством.

Сташевская М.П.
преподаватель, Белорусский национальный технический университет
m.stasheuskaya@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ» В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Ключевые слова*: персональные данные, данные, коммодификация, социальные сети.*
Keywords*: personal data, data, commodification, social networks.*

В свете повсеместно возрастающей роли информационных технологий обращение к тематике оценки персональных данных приобретает все большую актуальность. Исторически первым подходом в рассмотрении персональных данных является правовой, результаты которого целесообразно рассматривать при решении проблем экономической оценки персональных данных.

Останавливаясь на терминологических различиях, отметим, что в актах континентального права для обозначения персональных данных используют термин «personal data»[1], англо-американского – «personally identifiable information» (США)[2], «personal information» (Австралия)[3] и «personal data» (Великобритания)[4]. Объединяет перечисленные термины наличие в каждом из определений признака «персональности» информации для процесса идентификации, различаются термины набором признаков, необходимых для идентификации. Термин «personally identifiable information» предлагается переводить как «персональная идентифицируемая информация», к которой относится информация, которая может быть использована для различения или отслеживания личности человека, включающая имена, социальные идентификационные номера, биометрические записи, и другое, обособленная или скомбинированная с другой персональной или идентифицирующей информацией, связанной или связываемой с конкретным человеком, такой как дата и место рождения, девичья фамилия матери и другое[5]. Для перевода термина «personal information», применяемого в актах Австралии, предлагается использовать сочетание «персональная информация». Под такой информацией понимается персональная информация, включающая широкий спектр информации или мнений, которые могут идентифицировать личность, при этом отнесение такой информации к персональной будет зависеть от того, может ли быть человек идентифицирован или идентифицирован с большой долей вероятности при складывающихся обстоятельствах[6].

М. Лисхаутом в контексте оценки роли персональных данных при использовании их в различных отраслях экономической деятельности (электронная коммерция, онлайн-сервисы: развлечения, коммуникация)[7] такие данные рассматриваются как актив[8]. А. Бессерил отмечает процесс коммодификации персональных данных и их превращение в товар[9]. Остановимся более подробно на подходах к оценке персональных данных, описанных А. Бессерил и М. Лисхаутом. Рассматривая персональные данные с точки зрения их коммодификации и превращения в нематериальный актив организации, А. Бесеррил пишет, что «человек по принципу работы бинарной системы превращается в «1» или «0», становясь составной частью базы данных компании, подтверждая таким образом свое существование»[10]. Упомянутый автор фиксирует: «Мы как пользователи социальных сетей и технологических услуг становимся коммодицированными, и добровольное предоставление наших персональных данных – это цена за то, чтобы не страдать от соци-

[1] What is personal data? // An official website of the European Union. – https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/reform/what-personal-data_en

[2] Sensitive and Personally Identifiable Information (PII) / Office of Policy and Management Operations. – https://www.justice.gov/file/1211786/download

[3] What is personal information? / The Office of the Australian Information Commissioner. – https://www.oaic.gov.au/privacy/your-privacy-rights/your-personal-information/what-is-personal-information/

[4] Data protection //The website for the UK government. – https://www.gov.uk/data-protection

[5] Excerpt from the Civil Division's Intranet Page Regarding PII / U.S. Department of Justice. – https://www.justice.gov/file/1211786/download

[6] What is personal information? / The Office of the Australian Information Commissioner. – https://www.oaic.gov.au/privacy/your-privacy-rights/your-personal-information/what-is-personal-information/

[7] Lieshout M. The Value of Personal Data. IFIP Advances in Information and Communication Technology // Privacy and Identity Management for the Future Internet in the Age of Globalisation. – London: Springer Verlag, 2015. – P. 26–38. https://www.researchgate.net/publication/283668023_The_Value_of_Personal_Data

[8] Ibid.

[9] Becerril A. The value of our personal data in the Big Data and the Internet of all Things Era // DCAIJ: Advances in distributed computing and artificial intelligence journal. 2018. – Vol. 7, N 2. – https://www.researchgate.net/publication/329809061_The_value_of_our_personal_data_in_the_Big_Data_and_the_Internet_of_all_Things_Era

[10] Ibid.

альной изоляции»[1]. Процесс коммодификации персональных данных, как отмечает А. Бесеррил, происходит путем аккумулирования персональных данных с мобильных устройств, датчиков, социальных сетей различными компаниями и последующим использованием таких данных в своей деятельности. Под коммодификацией понимается как «факт того, что что-то относится или рассматривается как товар (продукт, который можно купить и продать»[2]. Рассмотрение процесса получения товара из персональных данных служит одним из методов практической оценки происходящих процессов, при этом пример с коммодификацией в социальных сетях требует дополнений и уточнений, так пользователи на этапе внесения своих данных в большинстве случаев преследуют цель приобщения к определенной социальной группе, тогда как процесс получения товара подразумевает наличие цели его продать.

В качестве единицы оценки персональных данных М. Лисхаут предлагает рассматривать отдельную запись, что может служить отправной точкой для определения ценности таких данных, при этом требуется дальнейшая конкретизация и определение того, что понимать под отдельной записью. В таком контексте целесообразно более детально рассмотреть правовой подход к определению персональных данных, сформировав матрицу персональных данных. Названным автором подчеркнуто, что «коммерческую ценность, коммерческое значение будет иметь объединение определенных классов персональных данных в профили»[3].

Сведения о финансовых показателях компаний, использующих персональные данные в своей коммерческой деятельности, А. Бесеррил, М. Лисхаутом предложено применять в качестве основы для коммерческой оценки таких данных. А. Бесеррил предлагает рассчитывать «показатель рекламной выручки на одного пользователя приложения» (advertising revenue per user, ARPU), созданного на основании персональных данных такого пользователя[4]. В качестве примера упомянутым автором приводятся следующие значения: «Рекламная выручка на одного пользователя (ARPU) Google в первом квартале 2014 года составила 45 долларов США, продемонстрировав среднее значение стоимости персональных данных пользователей онлайн-платформ. Google достиг постоянного значения ARPU в среднем более 40 долларов США с четвертого квартала 2012 года. В 2014 году ARPU для Facebook составил 9,45 долларов США, что на 39% больше, чем в 2013 году <...> Для Google, одного из Интернет-лидеров по объему выручки, такая выручка (от рекламы) составляет более 90% от общей выручки в последнее десятилетие»[5].

В свою очередь М. Лисхаут предлагает оценивать персональные данные с помощью показателей о стоимости акций или о выручке компании, использующей для своей деятельности персональные данные (*в качестве примеров таких компаний приводятся социальные сети. – М.С.*), о стоимости данных на рынке данных. Так стоимость одной записи будет составлять частное показателя стоимости акций или показателя выручки компании к количеству ее пользователей.

В качестве альтернативных способов оценки персональных данных могут использоваться подходы по самостоятельной оценке таких данных самими пользователями. Стоимость персональных данных на рынке данных формируется за счет их оценки покупателем, определяется ценностью, которую покупатели придают таким данным, ценность в свою очередь определяется ожидаемой прибыльностью от таких данных. Приведенный подход демонстрируется М. Лисхаутом с учетом предложенного «The Financial Times» способа расчета стоимости персональных данных, позволяющего с помощью «калькулятора» оценить «сколько индустрия брокеров данных может заплатить за ваши личные данные»[6]. Приведенный способ демонстрирует конечный результат оценки, не позволяет определить, какая методика была использована брокером для получения конечных значений о стоимости персональных данных. М. Лисхаут резюмирует: «Объединение различных точек зрения позволяет рассчитать цену записи данных и понять ценность личных данных»[7]. В качестве альтернативного способа оценки персональных данных М. Лисхаутом предлагается рассчитывать стоимость ущерба от утечки персональных данных путем суммирования прямых и косвенных затрат на устранение последствий (потеря подписчиков компанией, влияние отрицательного имиджа бренда, влияние на цены на фондовом рынке).

М. Лисхаут пишет о появлении брокеров персональных данных: «Крупные поставщики услуг, такие как Google, AOL и Yahoo, взяли на себя роль брокеров персональных данных <…> Google теперь владеет несколькими брокерами, такими как AdMob и Double Click. У Apple есть собственный рекламный брокер iAd»[8]. Рынок персональных данных способствует формированию собственной инфраструктуры и участников, в числе которых брокеры, компании, использующие в своей деятельности персональные данные и сами пользователи. Приведенные результаты исследова-

---

[1] Becerril A. The value of our personal data in the Big Data and the Internet of all Things Era // DCAIJ: Advances in distributed computing and artificial intelligence journal. 2018. – Vol. 7, N 2. – https://www.researchgate.net/publication/329809061_The_value_of_our_personal_data_in_the_Big_Data_and_the_Internet_of_all_Things_Era

[2] https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/commodification

[3] Lieshout M. The Value of Personal Data. IFIP Advances in Information and Communication Technology // Privacy and Identity Management for the Future Internet in the Age of Globalisation. – London: Springer Verlag, 2015. – P. 26–38. https://www.researchgate.net/publication/283668023_The_Value_of_Personal_Data

[4] Becerril A. The value of our personal data in the Big Data and the Internet of all Things Era // DCAIJ: Advances in distributed computing and artificial intelligence journal. 2018. – Vol. 7, N 2. – https://www.researchgate.net/publication/329809061_The_value_of_our_personal_data_in_the_Big_Data_and_the_Internet_of_all_Things_Era

[5] Ibid.

[6] How much is your personal data worth? // The Financial Times. – https://ig.ft.com/how-much-is-your-personal-data-worth/

[7] Lieshout M. The Value of Personal Data. IFIP Advances in Information and Communication Technology // Privacy and Identity Management for the Future Internet in the Age of Globalisation. – London: Springer Verlag, 2015. – P. 26–38. https://www.researchgate.net/publication/283668023_The_Value_of_Personal_Data

[8] Ibid.

ний дают лишь общее представление по оценке персональных данных, не отражая механизма формирования стоимости персональных данных.

Таким образом, в настоящее время сформированы подходы к рассмотрению персональных данных как актива и как товара. Опираясь на тенденции по применению персональных данных, целесообразно определить, что относится к единице оценке с учетом классификации таких данных. Дальнейшее изучение рынка персональных данных видится в направлении определения и описания его участников, особенностей их взаимодействия. Относительно методов оценки персональных данных на основании финансовых показателей деятельности компаний необходимо определить круг таких компаний, исследовав, какие результаты деятельности отражают стоимость одной записи персональных данных.

Тогузаев Т.Х.
д.э.н., доцент, профессор кафедры «Экономика», Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик
tahir07@mail.ru
Рахаев Х.М.
д.э.н., профессор, профессор кафедры «Управление», Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик
r3bizengin@mail.ru
Модебадзе Н.П.
д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика», Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик
modebadze_1950@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ, МЕХАНИЗМОВ И МЕТОДОВ ИНТЕГРАЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ[1]

Ключевые слова: *интеграция, конвергенция, самоорганизация, сельское хозяйство, государственное управление, государственное регулирование.*
Keywords: *integration, convergence, self-organization, agriculture, public administration, state regulation.*

Сельское хозяйство в России является одной из ведущих отраслей национальной экономики. В условиях снижения темпов роста в большинстве отраслей в последние пять лет, сельское хозяйство оставалось отраслью, взявшей на себя функции драйвера роста национальной экономики. Однако в последние годы и в нем наблюдается снижение темпов роста. Все это обусловливает поиск новых источников и моделей развития. Одним из направлений, с которым связывают будущий рост сельского хозяйства, а через него также и др. отраслей – развитие интеграционных процессов[2]. Последнее находит подтверждение не только в отечественной истории развития сельского хозяйства, но подтверждается и историей мирового сельского хозяйства. В то же время следует заметить, что сельское хозяйство считается наиболее интегрированной отраслью экономики[3]. Это состояние объясняется тем, что сельское хозяйство является базисной отраслью жизнедеятельности человечества, и само занятие сельским хозяйством является первым занятием, с которым сталкивается человек. Таким образом, сельское хозяйство – базовая отрасль мировой экономики, из которой на каждом этапе отпочковываются новые отрасли и виды деятельности.

Процесс дифференциации и дробления сельского хозяйства, выделение из него новых отраслей и видов деятельности, превращение последних в самостоятельные виды деятельности и отрасли национального хозяйства сопровождается интеграцией, новым вхождением этих отраслей в сельское хозяйство. Правда, точно также как выход видов деятельности и отраслей из сельского хозяйства не происходит в том виде, в каком они затем предстают как самостоятельные отрасли экономики, также точно и вхождение в новое сельское хозяйство – интегрированность, оказывается иной. Поэтому новое сельское хозяйство – интегрированное – отличается от прародительницы традиционного сельского хозяйства[4].

Основным механизмом выделения отраслей и видов деятельности из сельского хозяйства выступает рациональность, связанная с разделением труда и эффективностью результатов[5]. Заниматься одному и тому же лицу одновременно разными видами деятельности становится неэффективным и не выгодным то ли в связи с изменениями климатических и погодных условий, то ли с экономическими (изменившейся конъюнктурой), то ли из-за социальных условий. В результате образования нового формата условий и отношений происходит разделение прежде однородного вида деятельности на некоторое множество самостоятельных. Отпочковавшиеся виды деятельности, выделившиеся в самостоятельные сферы деятельности и отрасли хозяйствования, формируют свой хозяйственный механизм, а также методы функционирования. Начинают конкурировать с материнской отраслью. Кроме того, начинают доминировать над материнской как по произведенному продукту, так и по концентрируемым в них ресурсам. В результате происхо-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00441.

[2] Баутин В.М., Овсянников С.В., Шаталов М.А. Интеграция как фактор повышения эффективности агропромышленного производства // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. – № 12. – С. 11–14; Колесникова А.А. Повышение эффективности деятельности предприятий АПК на основе механизмов интеграции // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. 2017. – Т. 1, № 1. – С. 91–93. Кустова С.Б. Кооперация и интеграция – две составляющих стабильного развития АПК // Сельскохозяйственные науки и агропромышленный комплекс на рубеже веков. 2019. – № 9. – С. 137–141.

[3] Петраиева Г.А. и др. Кооперация и агропромышленная интеграция АПК. – М.: Колос С, 2005; Володин В.М. Кооперация и интеграция в АПК / В.М. Володин, Л.Н. Дубова, Г.А. Баклаженко, Ю.Д. Бахтеев, А.Н. Рассказов; под общ. ред. В.М. Володина. – Пенза, 2009. – 244 с.; Минаков И.А. Кооперация и агропромышленная интеграция в АПК. – М.: Колос С, 2008. – 584 с.

[4] Сельское хозяйство / Под ред. Горкина А.П. // География: Современная иллюстрированная энциклопедия. – М.: Роспэн, 2006. – 624 с.

[5] Сельское хозяйство // БСС. Изд. 2-е. Т. 41. – М.: Энциклопедия, 1958.

дит снижение функционирования одной (материнской) и активное развитие других (отпочковавшихся). Такая эволюция ведет к оттоку ресурсов из материнской и притоку их в новые отрасли и сферы деятельности.

Однако в какой-то момент начинают действовать новые процессы – собирания, сопровождаемые объединением, интегрированием уже разрозненных и выделившихся в самостоятельные отрасли. Причина, по которой происходит обратный процесс восстановления, а точнее реставрации старой отрасли, по-видимому, кроется в первую очередь в потребностях в ее продукции. Снижение предложения продукции сельского хозяйства внутри страны и рост импорта продукции, а через это образование своеобразной зависимости, которую С. Никольский определил ёмким термином «оказаться на коротком поводке»[1], стимулирует развитие сельского хозяйства. Первоначальная закачка ресурсов в него не дает ожидаемого результата. Тогда решение находят в интегрированности в существующее (а по сути, оставшееся) сельское хозяйство новых – старых отраслей и видов деятельности. В результате интеграционных процессов происходит восстановление сельского хозяйства на новой технологической, организационной и институциональной основе, т.е. новое сельское хозяйство – это уже не прошлое сельское хозяйство, а новая современная отрасль. Но внедрение новых технологий, техники, организации и проч. в существующее сельское хозяйство становится возможным при условии обновления самого сельского хозяйства, т.е. модернизации сельского хозяйства. Таков общий тренд развития сельского хозяйства[2].

Обобщение эволюции сельского хозяйства позволяет выделить несколько этапов (периодов) в ней. По-видимому, сама эволюция интеграции сельского хозяйства повторяет эволюцию дезинтеграции, хотя и имеет свои особенности как по времени, так и по механизмам, а главное по «продукту», т.е. образованию новых отраслей. Можно выделить следующие периоды дезинтеграции сельского хозяйства: отделение (отпочкование) ремесел, отпочкование торговли, отпочкование науки и образования.

По-видимому, первое и основное разделение в сельском хозяйстве, если не затрагивать базовое внутриотраслевое разделение на животноводство и земледелие, с последующими выделениями подотраслей уже внутри упомянутых двух крупных отраслей, связано с выделением ремесел из сельского хозяйства[3]. Прежде сельский труженик сам производил и плуг, и борону, и хомут, и др. принадлежности для вспашки, сева, обработки и сбора урожая. Постепенно с ростом урожайности культур и расширением обрабатываемых площадей, дефицита рабочих рук ему приходится отказаться от самостоятельного производства средств производства сельскохозяйственной продукции и сконцентрироваться на самом производственном процессе, передав остальные виды деятельности другим. В конце концов, такой тренд в развитии сельского хозяйства превращает само сельское хозяйство в выращивание сельскохозяйственной продукции. Но при этом формируется особый кооперационный комплекс, в котором виды деятельности, прежде находившиеся в единстве и составлявшие единую отрасль, вступают в новые отношения и создают комплекс, в котором каждая отрасль производит свой продукт, но их общим результатом становится конечный продукт.

Важное значение в таком кооперационном комплексе имеет механизм взаимодействия (взаимосвязи) вступающих в кооперационные отношения отраслей и видов деятельности. Одно дело, когда они представляют единую отрасль, как это имело место в сельском хозяйстве в начальный период ее развития, и совершенно другое, когда они как независимые во всех отношениях отрасли и виды деятельности, объединяются для решения конечной задачи – производства сельскохозяйственной продукции, которая в свою очередь становится основой новой продукции – продуктов питания, т.е. создает новые отрасли. Отличительной особенностью нового комплекса является эквивалентный обмен продукцией, т.е. входящие в новый кооперационный комплекс отрасли и виды деятельности обмениваются между собой готовой продукцией. Машиностроение передает технику и технологии, начиная с обработки почвы до получения, хранения и перевозки урожая, химическая отрасль – химические удобрения и средства защиты, энергетическая осуществляет поставку электро-, тепло- и другой энергии и др. Главное в этом комплексе – не столько перечисленные продукты – машины, оборудование, транспортные средства, здания, сооружения, минеральные удобрения, средства защиты и проч., сколько эквивалентный обмен, который обеспечивается, во-первых, обменом в форме купли-продажи, заказов, заявок и проч., и, во-вторых, сопровождается обменом продукции. В одном случае эта система межотраслевых связей в сельском хозяйстве регулируется взаимными обязательствами и планируется сверху в виде планов. В другом случае – формируется с помощью рыночного механизма, посредством купли продажи каждым их субъектов данного процесса своей продукции. Происходит ли данный обмен в виде заказов и заявок или иных механизмов – не столь важно. Важно, что, во-первых, во взаимоотношения вступают юридически самостоятельные субъекты хозяйствования, во-вторых, все они используют универсальный рыночный механизм обмена – спрос-предложение.

Описанная модель кооперационного сельского хозяйства, в которой сельское хозяйство вступает во взаимоотношения с различными отраслями и видами деятельности на основе рыночных отношений, имеет так называемый универсальный характер. Формируется она стихийно, на основе принципа «ответы-вызовы»[4]. Используется и использовалась исторически во всех странах, а потому и стала универсальной. Но есть в ней временные и региональные осо-

---

[1] Никольский С.А. Аграрный курс России (Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах). – М.: Колос, 2003. – 376 с.

[2] Сельскохозяйственная энциклопедия / Гл. редакторы В.В. Мацкевич и П.П. Лобанов. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 1–6. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1975.

[3] Сельское хозяйство // БСС. Изд. 2-е. Т. 41. – М.: Энциклопедия, 1958.

[4] Чернова Е.Г. Современные формы и методы интеграции хозяйственных образований в условиях глобализации. – М.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. – 280 с.; Турьянский А.В., Аничин В.Л. Сельскохозяйственная кооперация и агропромышленная интеграция. – http://fsspk.ru/wp-content/uploads/2014/03/kooperacciya_i_integracciya.pdf

бенности, связанные с регулированием взаимоотношений внутри данного комплекса. Речь идет о стихийном самоорганизуемом или внешнем плановом установлении взаимосвязей внутри данного комплекса[1].

В СССР и некоторых других странах в прошлом столетии, а в КНДР и отчасти на Кубе и в Китае и в настоящее время взаимоотношения между отраслями внутри кооперационного комплекса сельского хозяйства формируются на основе плановых заданий и в целом на основе плана. План устанавливает государство. Оно же регулирует взаимоотношения (т.е. устанавливает пропорции в продукции, а главное в ценах, т.е. кто кому и по какой цене реализует свою продукцию) между отраслями внутри аграрного комплекса. Цена, таким образом, является плановой величиной. Сама цена устанавливается на основе расчета себестоимости продукции и средней нормы прибыли (рентабельности). Государство выступает в качестве основного покупателя продукции сельского хозяйства, т.е. устанавливает объемы и цену на продукцию, т.е. государство закупает продукцию у сельского хозяйства по твердым ценам. Остаток субъекты сельского хозяйства (колхозы, совхозы, кооперативы и др.) могут реализовать по свободным рыночным ценам на рынке. Но внутри агрокомплекса субъекты сельского хозяйства не могут реализовывать свою продукцию по свободным ценам, т.е. предприятия машиностроения, химической промышленности, топлива и энергетики и др. не могут реализовывать колхозам и совхозам свою продукцию по свободным рыночным ценам (но при этом частникам – ЛПХ, а также кооперативам – могут реализовывать по свободным рыночным ценам). Государство регулирует цены реализации продукции со стороны машиностроительного, нефтехимического, энергетического и др. комплексов в их взаимосвязях с сельским хозяйством. Как правило, цена на продукцию, направляемую в сельское хозяйство, у данных производств оказывается ниже. Государство дотирует таким образом сельское хозяйство дважды. Но при этом оно же приобретает продукцию у сельскохозяйственных предприятий и организаций по твердым ценам. Эти цены, как правило, оказываются ниже рыночных цен и ниже мировых цен. Но при этом они такие в силу того, что государство регулирует цены смежных с сельским хозяйством отраслей (машиностроения, топлива и энергетики, транспорта, торговли, финансово-кредитных и др.). В результате цена на продукцию сельского хозяйства оказывается ниже мировой и рыночной[2].

В большинстве капиталистических и развивающихся стран действовал механизм свободных цен, формируемых рынком, а взаимосвязь между предприятиями сельского хозяйства, промышленности, сбыта и др. формировалась самостоятельно, т.е. производители сельскохозяйственной продукции и смежных с нею отраслей формировали свои отношения на основе принципов свободы и самоорганизации. Каждый субъект искал на свободном рынке требуемую продукцию по свободной цене, устанавливал с ними связи на покупку их продукции. Точно также он искал покупателя своей продукции. Цена как основа взаимоотношений и взаимосвязей между различными субъектами хозяйствования в данном комплексе формировалась стихийно или на основе принципа самоорганизации. В основе ценообразования лежит принцип спроса и предложения. При высоком предложении и стабильном спросе цены снижаются, и нет никакого дела до того, какими были затраты на производство продукции. Таким образом, решающее значение в обеспечении устойчивости комплекса играла конъюнктура. При благоприятной конъюнктуре (когда спрос превышал предложение, и когда рост спроса опережает рост предложения) не только увеличивается объем поступающих в сельское хозяйство ресурсов со стороны смежных производств, но и расширяются связи предприятий, производящих сельскохозяйственную продукцию с предприятиями других отраслей. Происходит усиление и углубление интеграции и кооперации как за счет новых субъектов, так и за счет расширения самого комплекса. Но с ухудшением конъюнктуры, со снижением спроса на сельскохозяйственную продукцию (и даже на некоторые ее виды) происходит свертывание производства, которое спонтанно отзывается на всей цепочке технических, технологических, организационных и институциональных взаимоотношений и связей внутри кооперационного комплекса. Происходит упрощение связей в комплексе, которое ведет также и к сжатию ареала комплекса, что ослабляет интеграционные кооперационные связи и усиливает распад и дезинтеграцию комплекса.

Обобщая практику обоих механизмов и обеих моделей формирования интеграционных связей в сельском хозяйстве, приходится констатировать, что, во-первых, они имели как свои плюсы, так и минусы, поэтому отдавать безусловное предпочтение какой-то одной модели, по-видимому, нельзя. В чем-то преимущество имела одна модель, в чем-то другая. Во-вторых, практика пыталась отыскать некую третью модель, которая выражалась в различных моделях государственного регулирования сельского хозяйства. В настоящее время имеется большое количество моделей госрегулирования сельского хозяйства. Обобщая их, можно выделить одну общую их черту – присутствие рыночного механизма саморегулирования и внешнего регулирования взаимоотношений и взаимосвязей субъектов хозяйствования. Государство как основной институт общества осуществляет регулирование (в различной форме) взаимоотношений внутри сельскохозяйственного комплекса, т.е. хозяйствующего комплекса, образованного на основании взаимоотношений сельского хозяйства и др. отраслей и видов деятельности, но внутри данного комплекса взаимоотношения между субъектами осуществляются на основе рыночного принципа спроса и предложения. Таким образом, модель государственного регулирования становится определяющей. По данной модели государство уже не определяет ни цены, ни объемы производства сельхозтоваропроизводителям. Последние делают это самостоятельно на основе понимания собственной выгоды. Государство также не определяет, сколько и кому продавать, передавать и др. в отношении предприятий и организаций, связанных с сельским хозяйством. Данный тип взаимоотношений сельхозтоваропроизводители регулируют самостоятельно. Государство регулирует внешние рынки, т.е. через систему таможенных пошлин, а также нетарифного регулирования защищает внутренний рынок от внешних интервенций. А с другой стороны, государство помогает экспорту продукции прямо и косвенно, т.е. за счет поиска новых рынков, маркетинга и

[1] Родионова О.А. Особенности кооперации и интеграции в плановой и рыночной экономике // Аграрный вестник Урала. 2019. – № 6. – С. 22-23.

[2] Там же.

проч. Важным направлением государственного регулирования является регулирование процентных ставок по кредитам, а также валютным операциям. Государство осуществляет прямое и косвенное инвестирование сельского хозяйства и тем самым стимулирует систему отношений с сельским хозяйством со стороны смежных производств и отраслей. Другое дело, что государство следит за тем, чтобы взаимоотношения как внутри сельского хозяйства, так и между смежными отраслями соответствовали установленным законам и правилам.

Таким образом, можно говорить о государственном регулировании интеграционных и кооперационных процессов в сельском хозяйстве. И в этой связи возникает вопрос: в чем эта особенность с точки зрения механизма, а также с точки зрения методов и моделей? Обобщение практики госрегулирования в других сферах, отраслях и процессах позволяет выделить его особенности также и в интеграционных процессах. К этим особенностям относятся: а) регулирование вместо диктата, б) стимулирование самоорганизации – субъекты хозяйствования сами выбирают форму и тип взаимоотношений; в) поддержка рыночного механизма, но корректируемого социальными нормами и критериями, поэтому целью является не получение сверхприбыли, а получение социального результата; г) использование кнута и пряника.

Что касается моделей интеграции в сельском хозяйстве, то, как показывает международная и отечественная практика, сегодня речь идет, во-первых, об отказе от так называемых консервативных жестких моделей, в которых промышленность и сельское хозяйство, промышленность и химические производства и т.д. связаны в единый комплекс не только технологически, но и организационно и институционально (например, в виде АПК)[1] и переходу к мобильным локальным временным ассоциативным интегрированным образованиям. Речь идет о создании интегрированных и кооперационных образований для решения конкретных задач и достижения конкретных целей. Таким образом, интегрированность и кооперационность осуществляются под конкретную цель и конкретную задачу. Причем в этой модели никто никого не пытается изменить, как например, в системе АПК. Скорее всего, данная система похожа на систему взаимосвязей между сельским хозяйством и МТС[2]. В последней модели между сельским хозяйством как самостоятельной отраслью и МТС как самостоятельной отраслью и структурой формируются так называемые технологические связи. При этом организационно и институционально они совершенно разные и при этом никто никого не интегрирует в возможно убыточные структуры. В отличие от системы «сельское хозяйство – МТС», в системе АПК промышленность и сельское хозяйство взаимосвязаны как сиамские близнецы. Поэтому негативы в одном отражаются негативами в другом. Они не могут развиваться параллельно. Они взаимосвязаны. Поэтому убытки в сельском хозяйстве отзываются убытками и в промышленности. Попытка включения промышленности в сельское хозяйство для поднятия последнего привела к тому, что и сама промышленность оказалась убыточной и отстающей. В системе же «сельское хозяйство – МТС» каждый из субъектов развивается своим чередом, но при этом выигрывает система в целом, т.к. более слабый элемент системы подтягивается к более сильному, начинает конкурировать и развиваться.

Полагаем, что именно этот принцип самостоятельности и взаимной свободы и независимости должен лежать в основе новых интеграционных и кооперационных процессов в сельском хозяйстве. Поэтому формируемые в последние годы взаимен агропромышленным комплексам агропродовольственные комплексы[3], в которых объединение субъектов хозяйствования ведется на основе объединения рынков, если оно не предполагает также организационного и институционального объединения по типу АПК, заслуживает внимания. Но если под данной вывеской пытаются реанимировать систему АПК, то неконструктивность такой затеи для сельского хозяйства и сопутствующих структур очевидна. В то же время рядом исследователей предлагается развивать кооперацию и интеграцию в сельском хозяйстве в форме ВИС и т.п.[4], т.е. по сути ограничить интеграцию сельского хозяйства лишь внутри отрасли и на основе интегрированных образований – предприятий. По-видимому, такая модель может решить некоторые проблемы в области обеспечения продовольствием и сельскохозяйственной продукцией, но она размывает сельское хозяйство. Делает его нынешний статус вечным и неизменным.

Выводы. Сельское хозяйство как отрасль экономики и как производственная деятельность человека эволюционирует в соответствие с происходящими в нем процессами интеграции и дезинтеграции. Постепенно от него отпочковываются отрасли, связанные с производством средств производства, техникой, а также переработкой, транспортировкой, хранением и реализацией сельскохозяйственной продукции. Сельскому хозяйству остаются функции производства (выращивания) сельскохозяйственной продукции. Однако такое отчуждение многих видов деятельности и

---

[1] Советов П.М. Агропромышленная интеграция: концепции, механизмы, эффективность. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. – 117 с.; Аграрно-промышленный комплекс: Интеграция производства и переработки продукции / Отв. ред. А.А. Калныныи. – Рига: Зинатне, 1985. – 144 с.; Баутин В.М., Сироткина Н.В. Кооперация и интеграция как условия эффективного развития агропромышленного производства // Проблемы кооперации и интеграции в агропромышленном комплексе России. Вып. 2. – Ростов на Дону, 2000. – С. 75–79.

[2] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. – М.: Сельхозгиз, 1948. – 640 с.; Арутюнян Ю.В., Выпцап М.А. Историческая роль МТС и их реорганизация. – М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1958. – 159 с.; Бугаев И. О взаимоотношениях колхозов и МТС // Экономика сельского хозяйства. 1957. – № 6. – С. 91–98; Томилин В.Н. Наша крепость: машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. – М., 2009.

[3] Духанина Г., Шлыкова Н. Перспективная форма интеграции // Экономика сельского хозяйства России. 2002. – № 7. – С. 5–6; Кириленко А.С. Агропромышленная интеграция – путь к укреплению экономики сельского хозяйства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2002. – № 10. – С. 46–48.

[4] Злобин Е.Ф. За агрофирмами будущее // АПК: экономика, управление. 2000. – № 5. – С. 30–38; Базиков А., Немытов Д. Аграрные корпорации – перспектива развития // Экономист. – М., 2005. – № 6. – С. 86-88; Баклаженко Г. Холдинговые отношения в АПК: теория и практика управления // АПК: экономика и управление. 2001. – № 11. – С. 29–35; Гумеров Р.Р. Вопросы развития интегрированных корпоративных структур в агропромышленном комплексе // Российский экономический журнал. – М., 2002. – № 5–6.

отраслей сельского хозяйства ведет к снижению его эффективности. Поэтому время от времени формируются различного рода интеграционные и кооперационные комплексы, в которых к собственно сельскому хозяйству, занятому производством сельскохозяйственной продукции, в разном контексте присоединяются промышленность, производящая технику, оборудование и др. для сельского хозяйства, химическая и нефтехимическая промышленность, производящая минеральные удобрения и средства защиты растений и животных, отрасли перерабатывающие продукцию сельского хозяйства и т.д. Целью таких комплексов (том числе и АПК) является поднятие сельского хозяйства до уровня промышленности. Однако практика показала, что в результате сами отрасли промышленности, интегрируемые и кооперируемые с сельским хозяйством, теряют инновационность и оказываются в кризисе. Обобщая отечественный и международный опыт интегрирования сельского хозяйства с различными отраслями экономики, мы пришли к выводу, что, во-первых, не должно быть жестких и наперед заданных форматов для интеграции и кооперирования сельского хозяйства, во-вторых, сельское хозяйство должно вступать в эти интеграционные объединения в качестве самостоятельного субъекта хозяйствования и оставаться таковым всегда, в-третьих, сама перспективная интеграционная модель сельского хозяйства должна формироваться на основе блочного принципа, т.е. интегрированные комплексы, в которых сельское хозяйство выступает в качестве комплексообразующей структурой должны заключать своеобразное временное соглашение по интеграции с другими отраслями и видами деятельности. Основой таких согласований должны быть цели сельского хозяйства, а не отраслей, с которыми последнее вступает в интеграционные соглашения. По мере решения актуальных задач, стоявших перед сельским хозяйством, оно должно избавляться («отцепляться») от сложившихся связей, если те сдерживают его развитие, и формировать новые. Таким образом, сама система интеграции и кооперации для сельского хозяйства должна определяться внутренними целями и задачами сельского хозяйства, а не быть навязанной ему со стороны других отраслей и секторов национального хозяйства.

Угрюмова А.А.,
Замаховский М.П,.
Паутова Л.Е.[1]

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕЛИОРАТИВНОЙ ОТРАСЛИ РФ

Ключевые слова: *кадровая политика, кадровый потенциал, структура кадров, трудовой потенциал, факторы эффективности, мелиорация, инновационное развитие.*

Keywords: *personnel policy, personnel potential, employee structure, labor potential, efficiency factors, land reclamation, innovative development.*

Важнейшим регламентирующим фактором, определяющим вектор развития кадровой политики Департамента мелиорации РФ, являются официальные документы РФ, ориентированные на формирование кадрового потенциала страны. Научно обоснованная кадровая политика мелиоративной отрасли способствует внедрению инновационного сценария развития, обеспечивает более высокие результаты при сокращающихся производственных издержках.

В концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации отмечено, что «формирование национальной квалификационной структуры должно происходить с учетом перспективных требований опережающего развития инновационной экономики и профессиональной мобильности граждан, обновления государственных образовательных стандартов и модернизации программ обучения всех уровней на базе квалификационных требований НКС (национальной квалификационной системы)»[2].

Таким образом, в данном директивном документе, значимость качества кадровой политики самым тесным образом увязывается с тремя наиболее важными направлениями: перспективами инновационного развития национальной экономики РФ, профессиональной мобильностью и с перестройкой системы квалификационных требований к работникам в новых условиях социально-экономического развития страны.

Одновременно на формирование и развитие кадровой политики Департамента мелиорации сильное воздействие оказывают реальные условия, сложившиеся в современном состоянии отрасли. Снижение удельного веса мелиорированных земель оказывает прямое влияние на численность кадров отрасли.

В соответствии с положениями Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации и Ведомственной программы «Развитие мелиоративного комплекса России» основными задачами развития современного мелиоративного комплекса РФ являются: повышение конкурентоспособности, рентабельности и устойчивости сельскохозяйственного производства средствами комплексной мелиорации в условиях изменения климата и природных аномалий за счет реконструкции и строительства мелиоративных систем на инновационной технологической основе и эффективного использования природных ресурсов.

Все обозначенные направления развития мелиорации РФ требуют пристального анализа причин, вызывающих снижение потенциала мелиоративного комплекса страны.

К объективным причинам, вызывающим уменьшение мелиорированных земель и, как следствие, снижение потребности в специализированных кадрах можно отнести: перевод мелиорированных земель в немелиорированные на основании списания мелиоративных систем и ГТС по причинам износа (в некоторых субъектах РФ износ оросительных систем доходит до 90%), в результате аварий различного характера, в связи с утратой источника орошения и др.

Деструктивным фактором развития мелиорации в стране также является высокая стоимость технических средств орошения и значительные сроки их окупаемости; проблемы согласований с различными проверяющими и контролирующими организациями, а также нехватка квалифицированных работников, способных обслуживать высокопроизводительные и сложные мелиоративные системы.

---

[1] Угрюмова Александра Анатольевна – д.э.н., профессор, гл.н.с. ВНИИ «Радуга», г.о. Коломна, профессор кафедры национальной и региональной экономики РЭУ им. Г.В. Плеханова. Профессиональные интересы: региональная экономика, конкурентоспособность территорий, маркетинг территорий, региональные рынки труда. Приоритетные тематические направления организации: региональный анализ отраслевых особенностей развития. E-mail: feminaa@mail.ru

Замаховский Михаил Петрович – к.ф.-м.н., доцент, с.н.с. ВНИИ «Радуга». г.о. Коломна. Профессиональные интересы: статистико-математические методы в экономике. Приоритетные тематические направления организации: статистический анализ социально-экономических исследований. E-mail: zamakhovskii@mail.ru

Паутова Людмила Евгеньевна – к.психол.н., с.н.с. ВНИИ «Радуга», г.о. Коломна. Профессиональные интересы: акмеология, социально-экономические вопросы социума и личности. Приоритетные тематические направления организации: комплексные социально-экономические исследования. E-mail: cosidanie35@yandex.ru

[2] Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/404acceb6b806af7e46939aa23904acdec1df1f5/

К сожалению, наиболее отрицательным трендом кадрового потенциала департамента мелиорации является снижение фактической численности кадров по сравнению с плановой (расчетной) численностью. Разность фактической и плановой численности определяет профицит кадров, если эта разность положительна, и дефицит, если она отрицательна. Эту тенденцию подтверждают результаты исследования структуры кадров ФГБУ «Управление мелиоводхоз», структурными частями которой являются административно-управленческий персонал (АУП), инженерно-технические работники (ИТР) и рабочие. В (табл. 1) приведены дефициты и профициты кадров ФГБУ в разрезе федеральных округов в 2017 г.

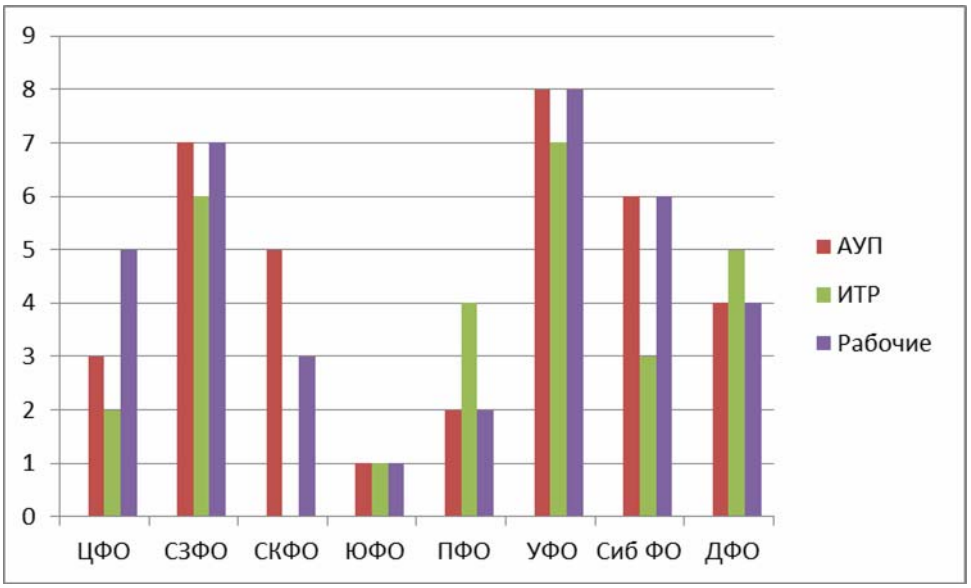
Таблица 1

Оценка кадрового обеспечения ФГБУ «Управление мелиоводхоз», по федеральным округам РФ в 2017 гг., чел.

ФО	Дефицит/профицит кадрового обеспечения, чел.			Ранг ФО по убыванию дефицита кадров		
	АУП	ИТР	Рабочие	АУП	ИТР	Рабочие
ЦФО	–43	–63	–125	3	2	5
СЗФО	–7	–21	–16	7	6	7
ЮФО	–25	27	–217	5	-	3
ПФО	–308	–134	–945	1	1	1
СКФО	–132	–36	–544	2	4	2
УФО	–2	–9	–13	8	7	8
СибФО	–17	–60	–112	6	3	6
ДФО	–35	–22	–161	4	5	4

Источник: Составлено авторами.

На основе табл. 1 и рис. 1 можно определить, что в 2017 г. первые три места по величине дефицита АУП занимали: ПФО, СКФО и ЦФО, дефицита ИТР – ПФО, ЦФО и СибФО, а по дефициту рабочих – ПФО, СКФО и ЮФО. В единственном округе (ЮФО) наблюдался профицит ИТР. Наименьший дефицит АУП, ИТР и рабочих был в ФГБУ в УФО.

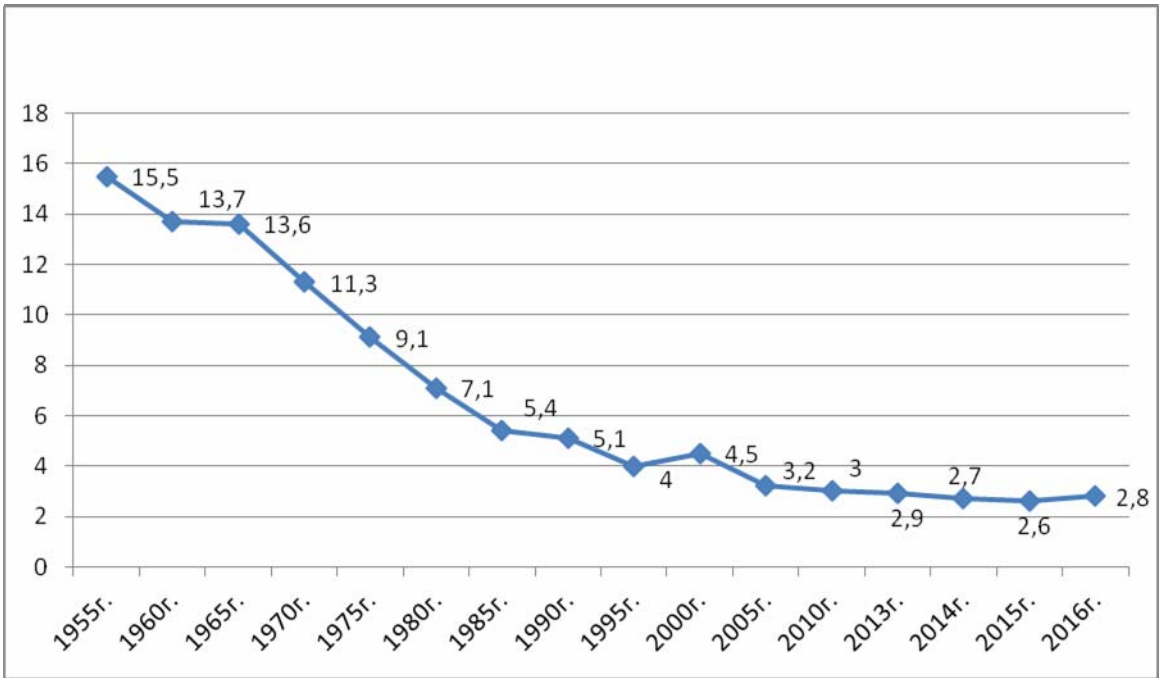
Источник: Составлено авторами.

Рисунок 1.
Ранги федеральных округов по убыванию дефицита кадров ФГБУ «Управления мелиоводхоз» в 2017 г.

К объективным факторам, ухудшающим состояние кадрового потенциала отрасли, относятся отрицательная динамика инвестиций в аграрное образование, представленная на (рис. 2). По данным исследований Козлова А.В., величина инвестиций в аграрное образование в общей доле бюджетных вложений в сельское хозяйство за период рыночных реформ снизилась в стране примерно в два раза.

К субъективным причинам, оказывающим воздействие на мелиорированный фонд РФ, относятся локальные акты местных и региональных администраций, применяющих имеющиеся в российском законодательстве правовые люки для перевода мелиорируемых земель в категории богарных земель или даже земли несельскохозяйственного назначения.

Важнейшей задачей, стоящей перед Министерством сельского хозяйства РФ и Департаментом мелиорации, является формирование нормативно-правовых условий для комплексного развития мелиорации и эффективного использования её объектов. В этом свете на первое место выступают вопросы, связанные с реализацией долговременной кадровой политики, нацеленной на решение обозначенных задач.

Источник: Козлов А.В. Кадровое обеспечение сельского хозяйства в условиях инновационного развития / дис. на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2015.

Рисунок 2.
Динамика инвестиций в аграрное образование, в % от общих бюджетных вложений в сельское хозяйство

В современных условиях на создание и развитие кадрового потенциала отрасли оказывают воздействие ряд факторов, являющихся драйверами развития отрасли. К ним, с полным правом, можно отнести:

– сокращение доли государственной собственности РФ в совокупном объеме мелиоративных систем и ГТС, а, следовательно, повышение численности и значимости персонала, обслуживающего частные мелиоративные системы;

– реализация инвестиционных проектов частными сельскохозяйственными товаропроизводителями, связанных со строительством (реконструкцией, модернизацией) мелиоративных объектов, предусматривающих параллельное создание высокотехнологичных рабочих мест;

– сохранение существующих и создание новых высокотехнологичных рабочих мест для сельскохозяйственных товаропроизводителей при эксплуатации мелиоративных систем, гидротехнических сооружений и мелиорируемых земель сельскохозяйственного назначения, что определенно выдвигает задачи подготовки, переподготовки и повышения квалификации мелиоративных кадров, уточнения перечня необходимых компетенций, переработки государственных образовательных стандартов и программ обучения (в соответствии с современными требованиями), адаптация квалификационных характеристик специалистов мелиоративных систем к требованиям национальной квалификационной системы и технологического цикла;

– реализация работ по восстановлению и повышению эффективности эксплуатации мелиоративных систем, что определяет необходимость формирования научно обоснованного перечня компетенций у персонала, обслуживающего данные системы.

При сохранении направленности основных векторов отраслевого развития реализация кадровой политики Департамента мелиорации имеет отличительные черты от кадровой политики Министерства сельского хозяйства РФ в целом. Эти особенности заключаются в следующих показателях:

– в значительно меньшем удельном весе площади мелиорированных земель по сравнению с общим количеством пашни, что отражается на количестве необходимых специалистов для обслуживания мелиорируемых земель;

– в связи с сезонной занятостью работников мелиорации и частым совмещением функциональных обязанностей в области богарного земледелия, прослеживается необходимость получения совмещённых компетенций, позволяющих обеспечить максимальную трудовую мобильность данным работникам;

– вследствие существующей дифференциации мелиоративных площадей на орошаемые и осушаемые земли, требуется формирование специализированных компетенций работников, обслуживающих посевные площади в различных условиях.

Одновременно, реализация кадровой политики Департамента мелиорации отражает некоторые общие черты аналогичной политики Министерства сельского хозяйства. В частности, имеются в виду такие факторы, как:

– более низкие средние показатели уровня оплаты труда работников сельского хозяйства, по сравнению с другими отраслями, что снижает мотивационные стимулы для работников отрасли;

– слабая мобильность работников отрасли, вызванная неравноценными ценовыми характеристиками на жилую недвижимость в городе и селе, недостаточным уровнем развития сельской инфраструктуры (прежде всего плохое качество дорожной сети), доминирующая удалённость сельских работников от образовательных учреждений;

– отрицательные демографические процессы, характерные для большинства регионов РФ и усиливаемые оттоком из сельской местности в города трудоспособной молодёжи;

– сложившийся в обществе стереотип о непрестижности сельскохозяйственного труда отрицательно сказывается на сохранении и пополнении кадрового потенциала отрасли.

Таким образом, на основании проведённого анализа ведущих тенденций кадровой политики департамента Мелиорации можно выделить важнейшие направления, позволяющие повысить результативность реализации Ведомственной программы «Развитие мелиоративного комплекса России»:

– необходимость комплексного реформирования системы оплаты труда в сельском хозяйстве и конкретно в мелиорации, ориентированного на формирование конкурентоспособного работника в отрасли, заинтересованного в результатах своего труда;

– обеспечение тесной взаимосвязи необходимых компетенций работников мелиорации с результатами и оплатой труда, ориентированной на формирование портфеля компетенций по каждой специальности отрасли;

– стимулирование инфраструктурного развития села как основы для сознания привлекательного места работы и отдыха;

– реализация политики, обеспечивающей положительные демографические сдвиги в формировании численности сельского населения;

– введение дифференцированного подхода по формированию трудового потенциала мелиоративных специалистов в разрезе федеральных округов и регионов РФ.

Рассмотрим результативность использования трудовых ресурсов в сельскохозяйственной отрасли. В качестве наиболее распространённого показателя определяется производительность труда как частное от деления валовой добавленной стоимости в отрасли (в целях исключения двойного счёта) и показателя среднегодовой численности занятых (табл. 2).

Таблица 2

Использование трудовых ресурсов в отрасли сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство за период с 2014–2018 гг.

Показатели	Годы					Отклонение (+, –)	2018 г. в % к 2014 г.
	2014	2015	2016	2017	2018		
Валовая добавленная стоимость отрасли в основных ценах, млрд. руб.	2665,9	2665,9	2665,9	3270,3	3268,6	30020,1	122,6
Среднегодовая численность работников отрасли, тыс. чел.	6247,0	5418,0	5374,0	5059,3	5340,0	–907	117,0
Производительность труда, тыс. руб. на 1 работника	426,7	426,7	426,7	646,4	612,1	185,4	230,2

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики и расчёты авторов.

Полученный результат за период 2014–2018 гг. (табл. 2) – это, практически, двукратное увеличение производительности труда в сельском хозяйстве страны нуждается в определённых уточнениях и комментариях.

Темпы роста производительности труда в национальном сельском хозяйстве ниже, чем в развитых странах. Так, по данным J'son & Partners Consulting, производительность труда в российском сельском хозяйстве отстает от производительности в немецком в три раза, а урожайность в нашей стране ниже в 2,5–3 раза[1].

Реальный рост производительности, на наш взгляд, будет меньше, а его объективная оценка затруднена как спецификой собираемой Росстатом информации, так и отраслевыми особенностями развития сельского хозяйства страны. В частности, приведённые выше расчёты должны быть скорректированы на влияние факторов:

– численность занятых в подотраслях охота и лесное хозяйство должна быть выделена в отдельную группу, так как искажает реальную оценку производительности труда работников, занятых непосредственно в сельском хозяйстве РФ;

– необходимо также разделение работников, занятых непосредственно в сельском хозяйстве на две отличающиеся по условиям труда подотрасли: растениеводство и животноводство, так как занятость в растениеводстве носит ярко выраженный сезонный характер, а животноводство характеризуется круглогодичным использованием наёмного труда;

– тенденция увеличения среднего возраста занятых сельскохозяйственным трудом характерна не только для национальной экономики, но и для отраслевой занятости в развитых странах мира (за последние тридцать лет средний возраст американского фермера вырос с 50,5 лет до 58,3 лет, а средний возраст фермера в Японии составляет 66 лет[2]);

– важнейшим фактором, оказывающим весомое влияние на текущие темпы производительности труда, является коэффициент выбытия основных фондов, обусловленный высокой степенью износа (46,6%), основных фондов в сельском хозяйстве. Так, по данным ряда исследований, увеличение коэффициента выбытия на 1% при значении коэффициента обновления на уровне 2007 г. снижает численность занятых на 2,1%, аналогичное увеличение коэффициента обновления ведет к снижению численности занятых на 1,5%[3];

[1] Один в поле. Количество людей, занятых в сельском хозяйстве, будет сокращаться. – https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/30401-odin-v-pole/

[2] Там же.

[3] Блинова Т.В., Былина С.Г. Сценарные прогнозы численности занятых в сельском хозяйстве России. – https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarnye-prognozy-chislennosti-zanyatyh-v-selskom-hozyaystve-rossii

– кроме состояния основных фондов на снижение численности занятых в сельском хозяйстве воздействует объективная тенденция развития НТП и сменяемость технологических циклов. Элементы частичной и полной автоматизации закономерно вызывают снижение применения живого труда и, как следствие, сокращение имеющихся рабочих мест.

По опубликованным перспективным прогнозам, численность занятых в сельском хозяйстве в России чрезмерна, и, к 2030 г. должна сократиться до уровня не выше 3 млн. чел.[1]

Все отмеченные выше характерные особенности трудового ресурса сельскохозяйственной отрасли должны быть обязательно учтены при реализации её кадровой политики, обеспечивающей важнейший отраслевой ресурс – возможность интенсивного развития.

Развитие кадрового потенциала в мелиоративной отрасли, как составляющей сельского хозяйства, в настоящее время также характеризуется старением инженерно-технического, управленческого и рабочего персонала, снижением престижа профессии и относительно невысокими заработными платами.

В виду сложности учета большого количества выявленных характеристик, все показатели кадрового потенциала Департамента мелиорации сгруппированы в четыре основных блока: оценка трудового потенциала на орошаемых землях, оценка трудового потенциала на осушаемых землях, оценка трудового потенциала насосных станций межхозяйственных мелиоративных систем, оценка трудового потенциала линейного персонала при эксплуатации межхозяйственных оросительных систем.

Источник: Составлено авторами.

Рисунок 3.
Основные социально-экономические показатели эффективности мелиоративной отрасли

Основные показатели для оценки характеристик трудового потенциала в мелиоративной отрасли на орошаемых землях представлены на (рис. 4).

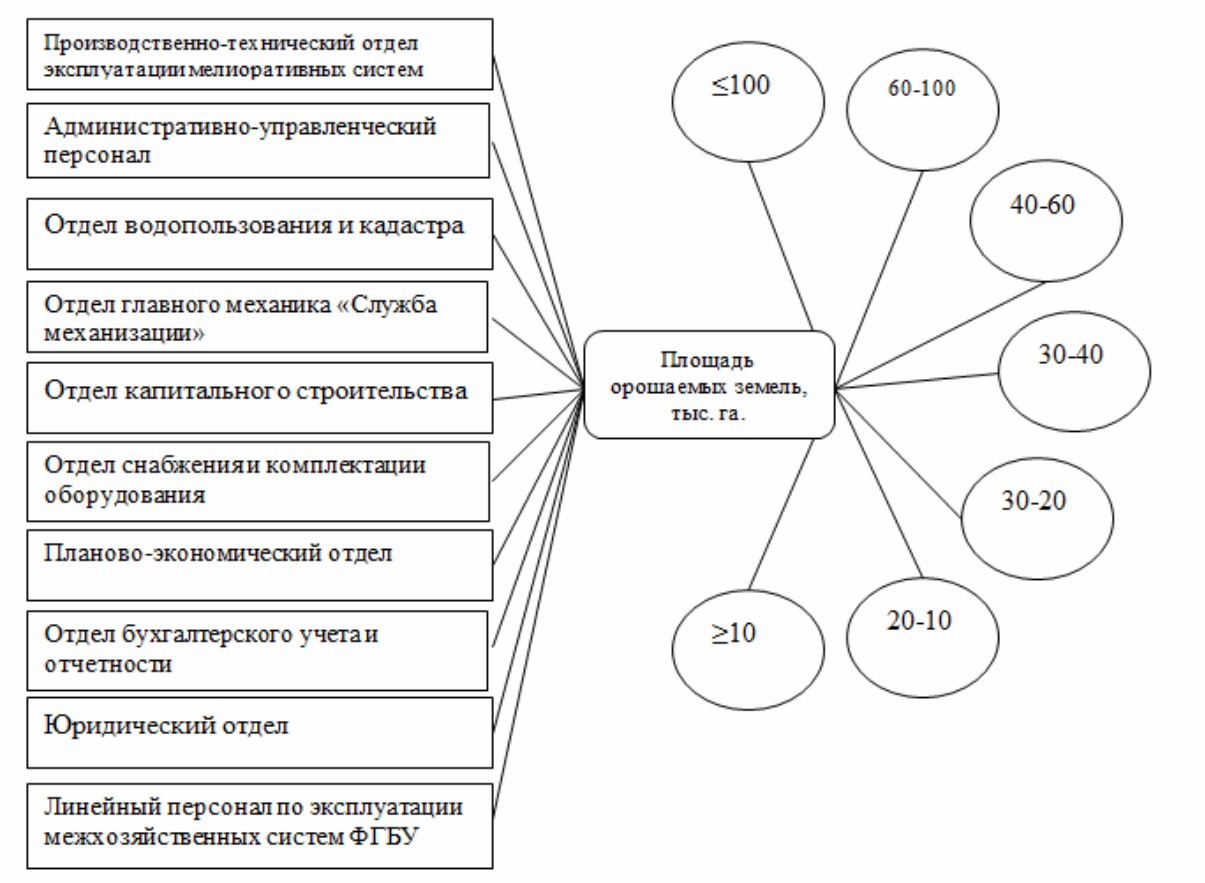
Нормативы трудового потенциала региональных ФГБУ по мелиорации земель зависят от обслуживаемой мелиорируемой площади и объема работ.

Аналогичным образом строится схема оценки трудового потенциала региональных ФГБУ по мелиорации в зависимости от категорий обслуживаемых мелиорируемых осушительных площадей. Площади осушительных земель варьируется в категориях: ≤350, 300–250, 200–150, 150–100, 100–50, 50–30 тыс. га.

Анализ трудового потенциала на насосных станциях межхозяйственных мелиоративных систем проводится в соответствии с различным технико-эксплуатационным характеристикам (мощность, расход, напор) насосных станций и производительности, в зависимости от которой рассчитывается обслуживающий состав персонала.

В категорию линейного персонала в мелиоративной отрасли включены такие штатные единицы, как: ведущий инженер-мелиоратор, старший инженер-гидротехник, инженер-гидротехник, осмотрщик гидромелиоративных систем, гидрометеоролог, наблюдатель, регулировщики, гидротехники сооружений, диспетчер, техник-гидротехник, инженер, гидротехник, водитель легковой автомашины, заведующий мастерской – механик, мастер по ремонту – слесарь, трактористы и механизаторы, линейный состав рабочих, водитель спецтранспорта для перевозки линейных рабочих.

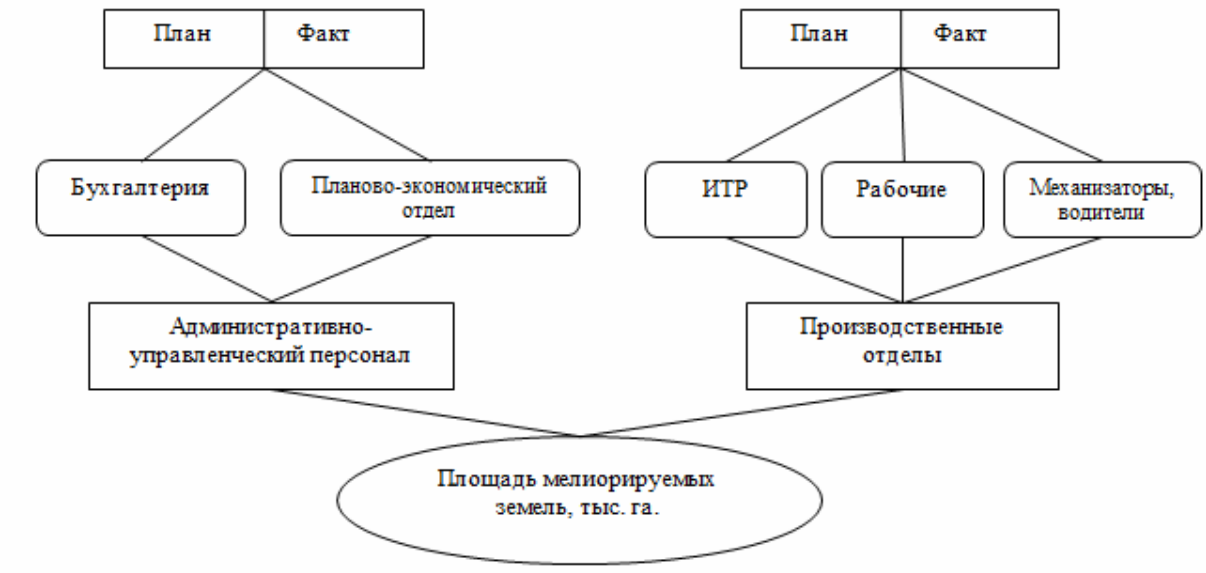
[1] Производительность труда в сельском хозяйстве России за 100 лет. – https://burckina-faso.livejournal.com/455116.html

Источник: Составлено авторами.

Рисунок 4.
Методика определения количественной характеристики трудового потенциала на орошаемых землях

Трудовой потенциал в мелиоративной отрасли должен быть также оценен по показателю укомплектованности отрасли кадрами (рис. 5).

Источник: Составлено авторами.

Рисунок 5.
Оценка кадровой укомплектованности в мелиоративной отрасли

Обеспеченность кадрами определяется путем сравнения фактического его наличия по категориям и профессиям с плановой потребностью и объемом работ.

От укомплектованности производственной деятельности персоналом и эффективности его использования зависят объем и своевременность выполнения операционных работ, полнота использования технологии и техники и как результат – повышение эффективности использования мелиоративных объектов и увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции на мелиорированных землях.

Представляется возможным в качестве основного фактора трудового потенциала мелиоративного комплекса, выделить территориально-отраслевой, как фактор, в наибольшей степени обеспечивающий взаимосвязь с показателями эффективности мелиоративной отрасли.

Оценка трудового потенциала мелиоративного комплекса может быть проведена посредством количественных и структурных характеристик, выраженных в соотношении имеющихся кадров к обслуживаемым площадям и степени укомплектованности профессионально-квалификационной структурой на всех уровнях производства согласно заданному объему работ.

В Приказе Министерства сельского хозяйства РФ от 7 марта 2019 г. № 104 «О создании Совета по кадровому обеспечению агропромышленного комплекса при Министерстве сельского хозяйства РФ» отмечено, что к основным функциям Совета относятся[1]:

– подготовка предложений и рекомендаций, направленных на формирование и совершенствование кадрового потенциала АПК, включая:

– развитие системы мониторинга кадрового обеспечения АПК;

– совершенствование аграрного образования;

– стимулирование закрепления молодых специалистов в АПК;

– совершенствование форм повышения квалификации руководителей и специалистов АПК, преподавательских кадров образовательных учреждений профессионального образования.

– участие в подготовке предложений по разрабатываемым целевым программам в сфере кадрового обеспечения АПК.

Представленные целевые ориентиры кадровой политики отрасли необходимо конкретизировать для специализированных условий орошаемого сельского хозяйства.

Результаты проведенного исследования могут быть применимы в работе федеральных, региональных и муниципальных органов власти в процессе управления социально-экономическим развитием мелиоративным сектором данных территорий, а также в целях планирования и прогнозирования социально-отраслевого развития субъектов и федеральных округов. Разработка и внедрение рекомендаций может обеспечить повышение эффективности процесса управления кадровым потенциалом мелиорируемого земледелия РФ.

Таким образом, на основании представленного исследования можно сделать ряд выводов, позволяющих сформировать основные тенденции кадровой политики и формирования трудового потенциала мелиоративной отрасли АПК РФ. К негативным тенденциям, снижающим возможности мелиоративного кадрового потенциала относятся:

– уменьшение площади мелиорированных земель и высокая стоимость технических средств орошения оказывает деструктивное влияние на величину отраслевого трудового потенциала;

– дисбаланс фактической численности кадров по сравнению с необходимой (научно обоснованной) численностью ухудшает возможности эффективного использования трудового потенциала мелиоративной отрасли;

– тенденция увеличения среднего возраста занятых сельскохозяйственным трудом, а также в мелиоративной отрасли, что отрицательно сказывается на долговременной тенденции формирования кадров;

– низкие средние показатели уровня оплаты труда работников отрасли и их слабая мотивированность;

– отрицательные демографические процессы и отток из сельской местности в города трудоспособной молодёжи;

– отрицательная динамика инвестиций в аграрное образование, которая не позволяет в полной мере обеспечить инновационные возможности развития трудового потенциала отрасли;

– перевод мелиорируемых земель в категории богарных земель или земли несельскохозяйственного назначения, снижающий пространственные возможности реализации кадрового потенциала отрасли;

– сокращение доли государственной собственности РФ в совокупном объеме мелиоративных систем и ГТС и как следствие уменьшение государственного финансирования на формирование отраслевого кадрового потенциала.

К позитивным тенденциям, способствующим упрочнению и расширению кадрового потенциала отрасли можно отнести:

– сохранение существующих и создание новых высокотехнологичных рабочих мест для сельскохозяйственных товаропроизводителей при эксплуатации мелиоративных систем;

– расширение и реализация инвестиционных проектов частными сельскохозяйственными товаропроизводителями, связанных со строительством (реконструкцией, модернизацией) мелиоративных объектов;

– реализация работ по восстановлению и повышению эффективности эксплуатации мелиоративных систем, что объективно требует особого внимания к качеству и количеству кадрового потенциала мелиоративного комплекса РФ;

– положительная тенденция роста производительности труда в сельском хозяйстве РФ, формирующая позитивные возможности аналогичного развития трудового потенциала;

– наличие и дальнейшее развитие нормативно-правового обеспечения развития АПК в целом и мелиоративной отрасли в частности, позволяющее направлять и координировать эффективное использование трудового потенциала отрасли.

Всё вышесказанное позволяет признать современную отраслевую кадровую политику пассивной, то есть не ориентированной на прогнозирование потребностей в отраслевых кадрах, лишённой апробированных и законодательно утверждённых средств оценки персонала и анализа кадровых проблем, связанной с недостаточностью развития мониторинга кадровой ситуации отрасли.

[1] О создании Совета по кадровому обеспечению агропромышленного комплекса при Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации (с изменениями на 27 августа 2019 года). – http://docs.cntd.ru/document/553897212

Выбор окончательной траектории развития кадрового потенциала мелиоративной отрасли и реализации кадровой политики во многом определит возможность существования самой отрасли как системы, обеспечивающей страхование сельского хозяйства от неблагоприятных природно-климатических условий.

Список литературы

1. Блинова Т.В., Былина С.Г. Сценарные прогнозы численности занятых в сельском хозяйстве России. – https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarnye-prognozy-chislennosti-zanyatyh-v-selskom-hozyaystve-rossii
2. Козлов А.В. Кадровое обеспечение сельского хозяйства в условиях инновационного развития / дис. на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2015.
3. Один в поле. Количество людей, занятых в сельском хозяйстве, будет сокращаться. – https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/30401-odin-v-pole/
4. Ольгаренко Г.В., Угрюмова А.А. Оценка компетенций и повышение квалификации руководителей федеральных государственных бюджетных учреждений в области мелиорации // Мелиорация и водное хозяйство: проблемы и пути решения материалы международной научно-практической конференции. 2016. – С. 302–304.
5. О создании Совета по кадровому обеспечению агропромышленного комплекса при Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации (с изменениями на 27 августа 2019 года). – http://docs.cntd.ru/document/553897212
6. Производительность труда в сельском хозяйстве России за 100 лет. – https://burckina-faso.livejournal.com/455116.html
7. Щедрин В.Н., Балакай Г.Т., Перелыгин А.И. и др. Стратегия инновационного развития мелиоративного комплекса России на период 2012–2020 годы. – Новочеркасск: РосНИИПМ, 2011. – С. 48. – http://www.rosniipm.ru/izdan/2011/strategiy.pdf
8. Olgarenko G.V., Ugryumova A.A., Zamakhovsky M.P., Pautova L.E. Methodological approaches to the formation of the meliorative complex's personnel support in the Russian federal districts // International Multidisciplinary Scientific GeoConference // SGEM. 2019. – Vol. 19, N 3.1. – P. 369–377.
9. Khodzhaevich A.K., Davlyatovich K.S., Yuldashevich M.A. The role of the international labor organization in the human resource management system // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. – Vol. 8, N 9. Special Issue 3, July. – P. 169-175.
10. Trukhachev V.I., Sklyarov I.Y., Sklyarova J.M., Latysheva L.A., Lapina H.N. Contemporary state of resource potential of agriculture in South Russia // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. – Vol. 6, N 5. – P. 33–41.
11. Anisimov A.Y., Obukhova A.S., Aleksakhina Y.V., Zhaglovskaya A.V., Kudra A.A. Strategic approach to forming a human resource management system in the organization // International Journal of Economic Perspectives. 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 442–448.

Холмуминов А.Х.
ассистент Ташкентского финансового института
a.x.xolmuminov@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА ОСНОВЕ МОДЕРНИЗАЦИИ КЛЮЧЕВЫХ СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ

Ключевых слова: *конкурентоспособность, катализаторы процессов индустриализации, эффективность фискальной политики, экспортный потенциал, макроэкономическая политика, рыночные принципы.*

В переходный период правительство Узбекистана проделало огромную работу по стабилизации экономики и обеспечению устойчивых темпов её роста. Сегодняшняя международная ситуация, характеризующаяся рисками из-за ухудшения конъюнктуры мирового рынка, снижения цен на экспортные товары, девальвации национальных валют основных торговых партнеров республики, требует особого внимания правительства и соответствующей макроэкономической политики. По нашему мнению, в среднесрочной перспективе внешнеторговая стратегия Узбекистана должна быть направлена как на адаптацию отечественной экономики к качественно меняющейся системе мирохозяйственных связей, так и на использование торгового сотрудничества в качестве катализатора процессов индустриализации и повышения конкурентоспособности отечественных производителей.

Несмотря на активные действия правительства, направленные на повышение позиций Узбекистана в международных рейтингах, Узбекистан не вошел в Индекс глобальной конкурентоспособности. В 2018 г. была разработана дорожная карта, направленная на улучшение позиций нашей страны в международных рейтингах. Также Президентом Шавкатом Мирзиеевым было утверждено постановление «О мерах по повышению позиций Республики Узбекистан в международных рейтингах и индексах» и назначены ведомства, ответственные за улучшение позиций в мировых индексах. Однако все эти меры не способствовали вхождению Узбекистана в число 141 страны, отмеченной Индексом глобальной конкурентоспособности. Что касается государств-соседей, на 55 месте оказался Казахстан, 96 место занял Кыргызстан, 104 место досталось Таджикистану.

Следует отметить, что в докладе Migration and Brain Drain говорится о тенденции к росту экономики страны за счет увеличения инвестиций в инфраструктуру и промышленность. Так, в первой половине 2019 года реальный рост ВВП Узбекистана составил 5,8% в годовом значении (в сравнении с 4,9% в 2018 г.), а годовая инфляция потребительских цен снизилась до 13,6% в июне 2019 года (с 17,7% в июне 2018 года). Там же отмечается, что более сильный экономический рост привел к снижению официального уровня бедности с 11,9% в 2017 году до 11,4% в 2018 году. Официальный уровень безработицы составил 9,1% в первой половине 2019 года (по сравнению с 9,3% в аналогичном периоде 2018 г.), размеры минимальной заработной платы, зарплаты, пенсий и пособий были увеличены на 10% с 1 августа 2019 года. Также ожидается, что валовой внешний долг снизится к 2020 году до 34% ВВП.

Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-8839 «Концепция комплексного социально-экономического развития Республики Узбекистан до 2030 года» предусматривает обеспечение макроэкономической стабильности и устойчивости экономического роста, повышение конкурентоспособности, инвестиционного и экспортного потенциала отраслей экономики, создание благоприятных условий для развития и защиты предпринимательства, снижение уровня напряженности на рынке труда, рост доходов населения и сокращение малообеспеченности.

Концепцией определены следующие направления проведения институциональных реформ:

1) Поддержание макроэкономической стабильности за счет проведения эффективной фискальной политики, кардинального реформирования системы налогообложения и налогового администрирования, стимулирующей рост инвестиций и доходной части бюджета, усиления потенциала макроэкономических институтов.

2) Ускорение процессов перехода республики к конкурентной рыночной экономике на основе широкого внедрения рыночных принципов при распределении основных ресурсов и внедрения действенных инструментов рыночной экономики.

3) Укрепление системы социальной защиты граждан и предоставления им государственных услуг, увеличение объемов и форм защиты социально уязвимых слоев населения.

4) Повышение эффективности системы государственного управления, развитие частного сектора и поддержка предпринимательства.

5) Повышение эффективности использования природных ресурсов, обеспечение сохранности окружающей среды, совершенствование управления водными ресурсами, модернизация систем ирригации и мелиорации.

В результате реализации приоритетов Концепции-2030 прогнозируется достижение следующих качественных и количественных показателей развития экономики страны:

1. Темпы экономического роста прогнозируются в среднем на уровне 6,4%, капитальные вложения – на 9,9%, экспорт – на 9,6%, снижение уровня безработицы – с 9,3 до 5,2%, а инфляции – с 14,3 до 4,3%.

2. В долгосрочной перспективе ожидается, что экономика страны перейдет в статус производителя конечного продукта из сырья и полуфабрикатов. В результате доля промышленного производства в ВВП увеличится от показателя 2018 года – 26,3 до 33,3% к 2030 году, доля перерабатывающей промышленности в темпах роста ВВП увеличится с 21,9 до 35,4%, а промышленности в целом с 47,6 до 89,6%.

3. Объём производства сельскохозяйственной продукции увеличится до 2 раз, а экспорта в 7,2 раза.

4. Переход сферы услуг в фазу постиндустриального развития или «сервисную экономику» («экономику услуг»), увеличение объема услуг в 2,5 раза.

5. Обеспечение уровня охвата дошкольного образования к 2030 году – 85%, повышение удовлетворения спроса отраслей экономики на специалистов до 90–100%, внедрение в практику международной программы оценки знаний учеников (PISA).

6. Достижение уровня качества представления медицинских услуг до международных стандартов.

7. Повышение уровня продолжительности жизни до 78–80 лет, снижение на одну треть показателя материнской смертности и в два раза смертности новорожденных детей, сокращение преждевременной смертности на 30%.

8. Полное удовлетворение потребности населения на жилье (20 кв. м. на человека), в качественной питьевой воде (100%), электроэнергии (100%), снижение уровня малообеспеченности населения в 2 раза к 2030 году.

9. Увеличение расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и доведение этого показателя до 1–1,5% к ВВП, численности ученых-исследователей в занятом населении до 0,4%, доли затрат предпринимательского сектора экономики в НИОКР в 50–55% от всех затрат на инновации, а также вхождение Республики Узбекистан в состав 50 передовых стран мира по рейтингу Глобальный инновационный индекс.

10. Вхождение в топ 50 из 168 стран мира по Индексу эффективности логистики к 2030 году.

По нашему мнению, в результате реализации обозначенных мер и приоритетов, достижение целевых показателей будет способствовать росту доли среднетехнологического производства в экономике страны, формированию долгосрочной базы инновационного развития и повышению уровня жизни населения с дальнейшим определением нового вектора развития страны.

Шарипов К.А.
д.т.н., профессор**,** ректор Ташкентского государственного экономического университета

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *экономический потенциал, изучение конкурентов, конкурентные стратегии, конкурентоспособность предприятия, инвестиционная политика, деловая активность.*

Конкурентоспособность предприятия в условиях рыночной экономики является обобщающей характеристикой деятельности хозяйствующего субъекта, отражающей уровень эффективности использования хозяйствующим субъектом экономических ресурсов относительно эффективности использования экономических ресурсов конкурентами, которая означает способность предприятия выпускать конкурентоспособную, пользующуюся спросом продукцию, а также устойчивость предприятия и возможность его адаптации к изменяющимся условиям конкуренции, а также способность предприятия приносить прибыль на вложенный капитал в краткосрочном периоде не ниже заданной прибыльности при эффективном использовании имеющихся экономических ресурсов.

Состояние конкуренции на определенном рынке можно охарактеризовать как результат взаимодействия пяти факторов:

– угроза вторжения новых конкурентов;
– угроза появления продуктов-заменителей;
– экономический потенциал поставщиков;
– экономический потенциал покупателей;
– соперничество среди существующих конкурентов.

С другой стороны, помимо факторов конкурентной среды уровень конкурентоспособности предприятия во многом зависит и от факторов его базирования: от условий факторов производства, от условий спроса, от родственных, поддерживающих и смежных предприятий, от стратегии и структуры предприятия.

Оценка конкурентоспособности предприятия необходима в целях определения положения предприятия на исследуемом рынке, разработки мероприятий по повышению конкурентоспособности, выбора контрагентов для совместной деятельности, составления программы выхода предприятия на новые рынки сбыта, осуществления инвестиционной деятельности, осуществления государственного регулирования экономики.

Оценивая возможности предприятия и ранжируя их привлекательность, необходимо помнить, что интересы предприятия должны отвечать интересам потребителей. Не каждое предприятие имеет достаточно хорошие позиции, чтобы использовать все существующие на рынке возможности, – некоторые предприятия являются более конкурентоспособными, чем другие, а некоторые могут быть вообще безнадежно выбывшими из борьбы. Сильные и слабые стороны предприятия, а также его способность конкурировать, позволяют ему одни возможности использовать лучше, чем другие. Наиболее выгодными для предприятия являются те возможности рынка, которые обеспечивают предприятию максимальный рост прибыли, то есть те, при которых предприятие приобретает конкурентные преимущества, а также те, которые являются приемлемыми для предприятия в финансовом отношении.

Для достижения названных целей используется **динамический метод** оценки конкурентоспособности предприятия. Своё название он получил благодаря тому, что позволяет крайне эффективно оценивать конкурентоспособность не только в статике, но и в динамике. Осуществление оценки конкурентоспособности предприятия имеет своей целью определение положения предприятия на исследуемом рынке.

Необходимо отметить, что достижение устойчивой конкурентоспособности предприятия обеспечивается не за счет преимущества в одном из рассмотренных детерминирующих факторов, а в силу приоритета в нескольких факторах конкурентоспособности. Устойчивое повышение конкурентоспособности предприятия может быть обеспечено только при условии долгосрочного, непрерывного и поступательного совершенствования всех рассмотренных детерминант конкурентоспособности.

Изучение конкурентов и условий конкуренции в отрасли требуется предприятию в первую очередь для того, чтобы определить, в чем его преимущества и недостатки перед конкурентами, и сделать выводы для выработки предприятием собственной успешной конкурентной стратегии и поддержания конкурентного преимущества. Определение конкурентоспособности необходимо для оценки хода экономических преобразований и анализа социально-экономического развития регионов, для использования результатов конкурентоспособности для органов управления республиканского уровня и для территориальных органов власти в целях выработки концепций развития регионов, для использования информации о конкурентоспособности регионов и аналитического материала для отечественных и иностранных предприятий, банков, бирж и т.д., которые отрабатывают стратегию размещения своих капиталов в том

или ином регионе, для выработки региональной политики на каждом отдельно взятом этапе экономических преобразований.

Модернизация и структурная перестройка экономики в целом, необходимость динамичного роста ВВП сформировали высокие требования и к рынку труда. В целях эффективного использования имеющегося потенциала территорий республики необходимо осуществление комплексных и взаимосвязанных мер по обеспечению занятости населения путем рационального использования трудовых ресурсов с учетом демографических факторов и структурных преобразований, по всемерному содействию развитию эффективных форм занятости, поощрению предпринимательской инициативы, трудоустройству социально уязвимых категорий населения и выпускников образовательных учреждений, стимулированию малого бизнеса и частного предпринимательства, деловой активности.

Повышение конкурентоспособности предприятии в Узбекистане тесно связано с проведением активной инвестиционной политики, направленной на проведение дальнейших структурных преобразований, диверсификацию отраслей и сфер экономики, углубление процессов модернизации, технического и технологического обновления производств. В этих целях в 2017–2021 годах планируется реализовать отраслевые программы, предусматривающие в общей сложности 649 инвестиционных проектов на сумму 40 миллиардов долларов США. В результате в последующие 5 лет производство промышленных товаров увеличится в 1,5 раза, его доля в ВВП – с 33,6 процента до 36 процентов, доля перерабатывающей отрасли – с 80 процентов до 85 процентов.

Продолжение масштабных экономических преобразований, мобилизация имеющихся ресурсов и возможностей для достижения поставленных целей позволит обеспечить преемственность и последовательность в углублении осуществляемых реформ, сохранить устойчивость и необходимые темпы развития экономики, повысить качество жизни и способствовать достижению нашей долгосрочной цели – занятию достойного места в мировом сообществе.

Шаяхметова К.О.
д.э.н., профессор, АО «Финансовая академия», Нур-Султан
Sharia_2005@mail.ru
Ахметова А.А.
к.э.н., доцент, АО «Финансовая академия», г. Нур-Султан
ahmetovaa75@mail.ru
Булгаков А.Л.
к.э.н., доцент МГУ
z3900207@mail.ru

ЭКО-АУДИРОВАНИЕ

Ключевые слова*: экологический менеджмент, экологический акт, экологическое аудирование, экологический фонд, экологическая этика.*

Keywords*: environmental management, environmental act, environmental auditing, environmental fund, environmental ethics.*

Экологический менеджмент можно определить как внутренне мотивированную инициативную результативную деятельность экономических субъектов (предприятий, фирм, производственных объединений, отдельных предпринимателей), направленную на достижение их собственных экологических целей и программ. Основная цель экологического менеджмента состоит в сокращении воздействия на окружающую среду таким образом, чтобы минимизировать ущерб и риск возникновения ответственности предприятия [1]. Наиболее продвинутые в этой области организации стремятся ввести в ранг непременного принципа менеджмента включение экологических аспектов в политику компании, во все разрабатываемые и реализуемые планы и программы.

Лидером развития экологического менеджмента можно считать Великобританию, где в 1990 году был принят новый «Экологический Акт» (Environmental Act), за которым в 1992 году последовал Стандарт в области систем экологического менеджмента BS 7750 [2], подготовленный и выпущенный Британским институтом стандартизации в соответствии с запросом Британской конфедерации промышленности. Особенностью этого стандарта являлось то, что он не предписывал и не определял требований к природоохранной деятельности предприятия, но содержал рекомендации, полезные для создания эффективной системы экологического менеджмента, для развития инициативного экологического аудирования, что должно было сказаться на улучшении экологических характеристик деятельности организации в целом. На начальном этапе предполагалось, что британские предприятия добровольно будут приводить характеристики своей деятельности в соответствие с принципами BS 7750. Позднее к Великобритании присоединились и другие государства, а сам стандарт послужил основой для подготовки международных документов по вопросам экологии, экологического менеджмента и экологического аудита.

Ко времени принятия стандарта BS 7750 экологическое аудирование было уже достаточно хорошо развитой областью деятельности, широко используемой как на американском континенте, так и в Европе. По определению Американского агентства по окружающей среде, экологическое аудирование представляется как систематическая, документированная, периодическая объективная оценка реализованных на предприятии видов деятельности с точки зрения соответствия экологическим требованиям. В программе аудита можно предусмотреть решение таких задач, как проверка соответствия деятельности объекта требованиям природоохранительного законодательства, оценка эффективности существующей системы экологического менеджмента, оценка риска, связанного с использованием и применением подлежащих специальному регулированию сырьевых материалов, отходов и процессов [3].

Система экологического менеджмента определяется как часть общей системы менеджмента, включающая организационную структуру, планирование, распределение ответственности, практическую деятельность, процедуры (приемы), процессы и ресурсы, необходимые для разработки, внедрения, достижения целей экологической политики, ее пересмотра и корректировки [4].

В 1993 году в Европейском Сообществе были выпущены практические рекомендации по внедрению «Схемы эко-менеджмента и эко-аудирования» [5], целью которых являлось создание стимула по использованию приемов экологического аудита для общей оценки деятельности предприятий. И вновь было подчеркнуто, что аудирование может включать не только проверку выполнения требований природоохранительного законодательства, но и оценку эффективности решения задач собственной экологической политики предприятия. Схема была разработана в соответствии с Пятой программой экологических действий ЕЭС [6], ядром которой является основной принцип устойчивого развития: «Превентивные действия и предотвращение негативного влияния на окружающую среду и общая ответственность».

С 1995 года европейские предприятия получили возможность быть сертифицированными в соответствии с требованиями EMAS – «Схемы эко-менеджмента и эко-аудирования».

В 1998 году Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского организовал открытую дискуссию по вопросам развития деятельности в области экологического менеджмента и в частности – перспектив применения стандартов серии ISO 14000 «Системы экологического менеджмента». В оригинальных текстах ISO 14000 окружающая среда определена как среда, в которой организация функционирует, включая воздух, воду, землю, природные ресурсы, флору, фауну, человеческое общество и их взаимосвязи. Таким образом, в контексте ISO 14000 окружающая среда понимается как среда, окружающая собственно организацию (предприятие), а общество (жители) рассматривается как элемент среды, на который оказывается, как и на другие элементы, воздействие [4].

В связи с таким определением окружающей среды на предприятие возлагается ответственность за управление средой, в которой оно функционирует. При этом речь идет о развитии системы экологического менеджмента, задачи и результаты функционирования которой охватывают экологические аспекты деятельности организации, вопросы контроля воздействия на окружающую среду. Наконец, административное управление выступает лишь как один из компонентов системы менеджмента в организации.

Вопросы необходимости развития экологического аудирования, систем экологического менеджмента предприятий и сертификации на добровольной основе определили приоритетные направления развития международных исследований по этим направлениям, в число которых вошли:

- обеспечение доступности стандартов ISO 14000 и, прежде всего ISO 14001, соответствие требованиям которого может быть предметом сертификации;
- формирование политики компаний, направленной на увеличение экологической эффективности производства;
- разработка методической базы и развитие добровольного экологического аудирования;
- взаимодействие с региональными и местными властями и природоохранительными органами в области создания взаимовыгодных условий для развития экологически эффективного бизнеса;
- развитие диалога со всеми заинтересованными сторонами и обмен опытом работы;
- обеспечение подготовки и должного уровня информированности представителей предприятий, профессионалов-консультантов, госслужащих, общественности в области экологического менеджмента.

Несмотря на добровольность стандартов, число сертифицирующихся организаций растет экспоненциально. Многие крупные предприятия, в числе которых транснациональные корпорации, стремятся быть сертифицированы в соответствии с ISO 14001, в результате чего они получат свидетельство независимой «третьей стороны» о том, что их системы экологического менеджмента соответствуют этому стандарту [7]. Мотивом для принятия таких решений для организаций служит в первую очередь то, что сертификация будет являться одним из непременных условий маркетинга продукции на международных рынках. Так, ЕЭС объявило о своем намерении допускать на рынок стран Содружества только ISO-сертифицированные компании.

Среди других мотивов внедрения систем экологического менеджмента и сертификации можно назвать такие, как:

- улучшение имиджа фирмы в области выполнения природоохранных требований (в том числе, природоохранительного законодательства);
- экономия энергии и ресурсов, в том числе направляемых на природоохранные мероприятия, за счет более эффективного управления ими;
- увеличение оценочной стоимости основных фондов предприятия;
- желание завоевать рынки «зеленых» продуктов;
- улучшение системы менеджмента предприятия в целом;
- интерес в привлечении высококвалифицированной рабочей силы.

Эффективное применение системы EMAS началось с конца 1995 г., когда европейские предприниматели присоединились к системе экологического аудита. Уже в марте 1996 г. в ЕС было зарегистрировано 142 фирмы, участвующих в реализации данной программы.

В 1984 г. Национальное Агентство по охране окружающей среды США (EPA) разработало концепцию аудита для федеральных агентств, большинство из которых уже к 1987 г. имело свои программы экологического аудита. Например, Министерство обороны США и Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA) проводят экологические аудиты своих баз и предприятий подрядчиков. Министерство энергетики США создало в 1985 г. управление по экологическому аудиту и законодательству и проводит аудит своих основных объектов. За период развития экологического аудита в США число компаний, проводящих аудит, возросло от нескольких десятков в химической промышленности и тяжелом машиностроении до тысяч компаний, относящихся ко всем секторам промышленности. В настоящее время количество таких компаний составляет более 95%. Во многих штатах США введено обязательное экологическое аудирование в случае купли-продажи недвижимости, в том числе земельных участков. В зависимости от того, кто проводит аудирование – группа аудиторов из числа работников предприятия или независимая команда аудиторов – разделяют внутреннее и внешнее экологическое аудирование [8, с. 297].

В настоящее время в мире действуют следующие международные стандарты экологического менеджмента и экологического аудита [31, с. 298]:

– британский стандарт BS 7750 Института стандартов Великобритании;

– стандарт CSAZ 750-94 Канадской ассоциации стандартов;

– стандарты по экологическому аудиту и управлению в области охраны окружающей среды Международной организации стандартов – ISO серия 14000.

Международные стандарты ИСО серии 14000 – это первая серия международных стандартов по управлению окружающей средой, разработанных в рамках Международной организации по стандартизации (ISO) Эта организация была создана в 1947 году для содействия разработке стандартов, способствующих развитию международных связей, торговли и производства. В настоящее время в ИСО входят национальные комитеты 118 стран. По данным Международной информационной сети, пропагандирующей экологический менеджмент (INEM), к концу 2000 года в мировом сообществе насчитывалось около шести тысяч фирм, сертифицированных по требованию стандартов ISO 14000, более 600 фирм по требованию английского стандарта BS 7750 и около трех тысяч фирм ЕС сертифицировано по требованию EMAS (Европейская система экоменеджмента и аудита).

Система эко-менеджмента с учетом международных стандартов обеспечивает порядок и последовательность решения своих экологических проблем организациями через размещение ресурсов, распределение обязанностей и постоянную оценку методов, процедур и процессов. При этом структура, ответственность, методы, процедуры, процессы и ресурсы для реализации экологической политики и достижения экологических целей предприятия координируются с работами в других областях, прежде всего в области управления производством, финансами, качеством и общей безопасностью организации.

Понятия экологической культуры вообще и промышленной экологической культуры в частности являются достаточно сложными. Одним из наиболее характерных проявлений экологической культуры промышленного производства служит экологический менеджмент.

Научное обоснование выбора экологических приоритетов должно осуществляется на основе [9, с. 30]:

1) Постулатов концепции устойчивого развития;

2) Экологической этики, запрещающей эксплуатировать природные ресурсы без соблюдения стандартов экологической безопасности;

3) Результатов междисциплинарных исследований по оценке эффективности и уровня экологической безопасности применяемых технологий.

Решение поставленной задачи возможно в том случае, если в показателях деятельности предприятий учитывать экологический ущерб, который обусловлен:

– негативным воздействием деятельности компании на качество окружающей среды и природные ресурсы на локальном, региональном и мировом уровне, которое может быть оценено в денежном эквиваленте;

– усилением тенденций глобального изменения качества окружающей среды (изменение климата, нарушение биогеохимических циклов химических элементов, сокращение биологического разнообразия, мутаций и т.д.).

Главная трудность при осуществлении экологизации производства заключается в правильном выборе ценовых критериев для нормирования качества окружающей среды, которые могут быть использованы при составлении бизнес-планов проектов и в процессе принятия решений о выделении инвестиций и кредитов. По существу речь идет о формировании единого параметрического пространства, которое позволяет оценивать эколого-экономические взаимодействия. Эта задача была решена путем отражения экономического ущерба через категории экологического риска [10, с. 113]:

$$Yi\ (H) = RiDi \quad (1)$$

где, Yi (H) – наносимый ущерб;

Ri – риск, как вероятная мера опасности, установленная для определенного объекта в виде возможных потерь за определенное время;

Di – балансовая стоимость i – го объекта.

Величина экологического риска, обусловленная различными видами антропогенного воздействия, рассчитывается как вероятность гибели биологической системы (организма, популяции, населения) за определенный промежуток времени. За допустимый уровень экологического риска принимается обратная величина от естественной продолжительности существования биологической системы с коэффициентом безопасности равным 0,1 для биоты, представляющей совокупность видов растений, животных и микроорганизмов, объединенных общей областью распространения, и 0,01 для населения. Величина экологического риска является интегральным критерием качества окружающей среды, поскольку позволяет обобщать результаты наблюдений и лабораторных исследований, выполняемых в рамках различных научных дисциплин (биология, токсикология, мониторинг за параметрами качества окружающей среды).

Одним из способов оценки эколого-экономического ущерба является учет реакции рынка на изменение характеристик окружающей среды, которые могут быть обусловлены:

– изменением количества и качества продукции и увеличением затрат на ее производство;

– влиянием на здоровье людей (убытки для предприятия в результате болезни и гибели населения);

– затратами на проведение превентивных и реабилитационных природоохранных мероприятий.

В ряде случаев возникает необходимость проведения реабилитации качества окружающей среды, деградация которой происходит в результате деятельности других финансово-промышленных групп, которые работают в другом регионе, в том числе и за рубежом.

Косвенный способ оценки размеров экологического ущерба заключается в учете изменения «неявных» рыночных оценок качества жизни населения. Для обоснования стоимостных оценок затрат на обеспечение экологической безопасности необходимо использовать результаты исследований по оценке пространственно-временной изменчивости в интегральные критерии качества окружающей среды (величина экологического риска).

Сторонники глобализации утверждают, что люди получают возможность качественно улучшить свой образ жизни, если они имеют доступ к рынкам труда и/или капитала.

Однако, при таком подходе закрепляется существующий мировой порядок, когда каждый из жителей индустриально развитых стран потребляет природных ресурсов в 10–20 раз и более, чем люди из развивающихся стран. Как известно, обострение глобального экологического кризиса обусловлено международным разделением труда, при котором [11]:

– индустриально развитые страны поставляют по высоким ценам наукоемкую продукцию;

– остальные страны являются источниками и производителями сырья для развитых стран по низким ценам.

Согласно существующей мировой ценовой политике, соотношение удельной стоимости природных ресурсов и технологий равно 1:20 и более. Таким образом, развивающиеся страны всегда будут должниками индустриально развитых стран, в которых темпы потребления природных ресурсов непрерывно растут, а значит, одним из условий современной глобализации является эксплуатация зарубежных территорий транснациональными компаниями. Основными инструментами для получения доступа к управлению зарубежными природными ресурсами являются инвестиции и технологии. При этом возрастает интенсивность эксплуатации природных ресурсов и масштабы антропогенного воздействия на качество окружающей среды.

Для разрешения проблем экологической ситуации следует привлекать к реализации проектов по восстановлению экологии иностранных инвесторов. При этом реализация экологических проектов должна осуществляется с применением новейших технологий, прошедших процедуру сертификации в соответствии с мировыми стандартами. Системный подход к управлению природными ресурсами и качеством окружающей природной среды заключается в рассмотрении различных аспектов экологизации экономики.

При выборе приоритетов управления природными ресурсами необходимо определить граничные условия для эксплуатации различных видов ресурсов:

– для возобновляемых ресурсов в качестве нижней границы потребления может быть принята величина затрат на воспроизводство потребляемой части ресурса;

– для невозобновляемых ресурсов подобной границей может быть величина планируемых издержек на разработку способов их замещения продуктами с аналогичной потребительской стоимостью.

Особенностью современного процесса взаимодействия экономической системы с природной средой является усиливающееся негативное воздействие следующего ряда факторов:

– доминирования техногенного типа развития,

– усиления антропогенной нагрузки на биосферу,

– роста численности населения,

– несовершенства механизмов учета экологических последствий хозяйственной деятельности и т.д.

В результате вышесказанного можно сделать вывод, что важнейшей общемировой задачей является процесс смены экономической парадигмы концепцией устойчивого развития, ориентированной на решение проблемы обеспечения устойчивого развития, с учетом решения экологических проблем мирового сообщества.

Список литературы

1. Croner's Environmental Management / Croner's Publications. – Kingston-upon-Thames, 1993. – 199 p.
2. British Standard for Environmental Management Systems BS 7750 / British Standard Institute. 1992.
3. Bregman J.I., Kelley C., Melchor J.R. The environmental compliance handbook. 1996.
4. ISO 14050. Environmental management – Vocabulary / ISO/TC/207SC 6. 1996.
5. The eco-management and audit scheme: a practical guide / Ruth Hillary; Technical Communications Publishing. 1993.
6. EC's 5th Action Programme: Towards Sustainability (1993–2000).
7. International Environmental Systems. 1998. – Vol. 5, N 6.
8. Мулдахметова Д.С., Кишкенебаева А.О., Турганбекова А.Ж., Китуева Ш.Б. Экологический аудит на предприятиях нефтегазового комплекса (на материалах Республики Казахстан) // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Стратегии-2030 «Всесторонняя ускоренная модернизация экономики Казахстана и Средней Азии: современность и перспективы». – Алматы: Казак университеті, 2007. – Ч. 1. – С. 295–299.
9. Аникиев В.В. Экологические приоритеты общества и возможные пути их достижения // Экологическая адаптация общества на постсоветском пространстве. – М.: Интербук – бизнес, 2000. – С. 28–31.
10. Рюмина Е.В. Анализ эколого-экономических взаимодействий. – М.: Наука, 2000. – 159 с.
11. Weizsacker E.U. von. Earth Politics. – Berlin: Springer, 1994. – 450 p.

Ядранский Д.Н.[1]

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ LEAN-МЕНЕДЖМЕНТА НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Ключевые слова: *lean-менеджмент, социокультурные отличия, эффективность, региональные особенности.*
Keywords: *lean management, sociocultural differences, efficiency, regional features.*

Занимаясь достаточно длительное время вопросами организации нормирования труда, считаем необходимым заметить, что набирающие на современном этапе популярность концепции lean-менеджмента в области применения технологий «бережливого производства» часто не несут в себе внутренней пользы для организации. Мы не вступаем в дискуссию по поводу полезности применения визуальных эффектов 5S или целесообразности вовлеченности персонала в дела компании (часто измеряемой количеством Kaizen проектов на одного работника). При этом мы считаем необходимым отметить, что проблемы внедрения указанных концепций лежат несколько глубже, чем видит большинство современных авторов. По нашему мнению, основная проблема внедрения lean-менеджмента – социокультурные отличия стран адептов данных инструментов оптимизации и России. Следует отметить, что и российское общество в своей культурной основе далеко не гомогенно. Анализ влияния культурных отличий работников на процессы внедрения (использования) инструментов lean-менеджмента представляет собой цели данного исследования.

Рассматривая вопросы, связанные с повышением эффективности российского предприятия инструментами бережливого производства, А. Кизим и А. Чередниченко отмечают, что для этого необходимо:

Во-первых, создание рациональной организационной культуры (основной целью которой, авторы называют вопрос исполнительности и дисциплины персонала).

Во-вторых, создание организационной системы управления, где каждый сотрудник должен знать кто, что, как и когда должен делать в организации для решения ее задач [1]. Не концентрируя внимание на крайне узком определении организационной культуры, необходимо сказать, что организационная культура является производной от общей культуры населения, а соответственно ее создание должно опираться именно на имеющийся социокультурный базис.

Интересные мысли высказывают Т. Лизгачев и соавторы, которые сравнивают методы НОТ и Agile. По мнению авторов, глубокое изучение Agile позволяет констатировать применение креативного мышления как основного способа адаптации известных инструментов, методов и формирования различных сочетаний приемов со стилями управления [2]. Иными словами, авторы считают, что реализация lean-менеджмента достигается за счет креативного мышления. При этом авторы обходят стороной вопрос источника креативного мышления (все члены компании, лидер группы). Косвенно авторы отмечают, что бережливое производство изначально основывалось на вовлеченности персонала, на его энтузиазме и применении партисипатизма в коллективе [2]. В этом смысле речь идет, конечно, об активности всех работников. Однако проведенные нами исследования доказывают, что подобная тотальная активность является практически невозможной [3], это осознается и другими авторами. Так, Ю. Сергеева считает, что главная проблема внедрения, отмечаемая подавляющим числом менеджеров, – неспособность работников всех уровней оценить важность комплексного подхода к системе управления качеством и издержками [4].При логичности приведенного тезиса, автор поясняет это мнениями экспертов о том, что непонимание связано с особенностями русского менталитета [4]. По нашему мнению, автор не только связывает процессы мышления (неспособность оценить) с экзистенциальными процессами феноменологической природы (ментальность). С таким утверждением сложно согласиться не только в силу разнопорядковости указанных процессов, но и по причине того, что ментальность российского работника сама по себе не гомогенна и имеет существенные отличия.

А. Петрунин предлагает несколько идеалистическое, однако вполне оригинальное мнение, согласно которому менталитет русского народа проявляется в его стремлении к вечности, красоте, добру, истине, счастью и свободе. Эти высшие качества обусловливают высшее достоинство русского народа и являются хорошим примером для населения других стран, составляющих население планеты Земля. [5]. Обратим внимание на стремление к истине, которая косвенно свидетельствует о ментальной тяге к когнитивному восприятию окружающих процессов, в то время как большинство концепций lean-менеджмента апеллируют к чувствам работника и вере в их эффективность. В этом смысле мы согласны с тем, что логика современных lean-процессов не всегда адекватна русской ментальности (как некоей универсалии).

В. Артемова и Я. Филиппова, характеризуя русскую ментальность, отмечают: «Русским свойственно особое восприятие времени. Русский человек более склонен обсуждать пройденный путь, чем строить планы на будущее, он чаще оглядывается назад, чем смотрит вперед» [6]. Подобная мировоззренческая доктрина совсем слабо ложится в

[1] Ядранский Дмитрий Николаевич – д.соц.н., д.э.н., профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет.

концепцию lean-менеджмента, который направлен на бесконечную адаптацию и улучшения, ориентированные на будущее. В. Артемова и Я. Филиппова, констатируют, что это отношение к прошлому является тормозом в движении к будущему. Особенности русского менталитета объясняют трудности нашего современного развития. Так, отношение к богатству традиционно было негативным. Особенно это характерно для старшего поколения. Большинство считает, что личное богатство не нажито собственным трудом, а попросту присвоено из общенародного достояния [6].

Не углубляя теоретический анализ, можно заметить, что в основе концепции lean-менеджмента лежит концепция «бережливого производства» (основанная на TPS). Последняя, в свою очередь, является концепцией, основанной на принципах советской НОТ (научная организация труда). Рассматривая социокультурные модели советского, японского и американского обществ, необходимо обратить внимание на их принципиальные отличия и существенные сходства.

Е. Кожеванова, характеризуя советскую ценностную модель, указывала, что ей свойственны коллективизм, «иероглифичность и агрессивность массового сознания», сознательный разрыв семейных связей [7]. Считаем необходимым добавить, что в социокультурном пространстве СССР продвигалась ценность служения Родине, и культивировался концепт долга перед Родиной. Все сказанное выше во многом совпадает с базовыми социокультурными моделями японского общества, в основе которого заложен религиозный базис синтоизма. Соответственно концепт «долг», являлся связующим для двух достаточно далеких по своей сути социокультурных моделей. Модернизированная и систематизированная в ходе использования на предприятиях Европы и особенно США TPS, трансформировавшаяся в lean-менеджмент, приобрела определенные черты протестантской этической модели, основываясь на базисных ценностях которой, она и внедряется на отечественных предприятиях. При том, что протестантские ценности существенно отличаются от ценностей советских (старшее поколение), ценностей православных и ценностей ислама (более молодое) – концепция, основанная на ценностях протестантизма не может стать национальной и держится только на внешнем принуждении. Последнее стало особенно очевидным, в процессе внедрения нами инструментов lean-менеджмента на предприятии в Чеченской республике.

При этом острота проблемы поясняется не столько религиозными, сколько общими социокультурными отличиями. Одним из антитезисов русского человека, сформулированных Н. Бердяевым, является отношение к национальности. Россия – самая нешовинистическая страна в мире. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм. В этом Россия самобытна и не похожа ни на одну страну мира. Но есть и антитезис. Россия – самая националистическая страна в мире, страна национального бахвальства. Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. Россия – «святая Русь» [8]. Последний тезис мы бы распространили и на российские республики Северного Кавказа (возможно исключив тезис «Святая Русь»).

Еще одна мысль, связанная с трансформацией русский ментальности под воздействием глобальных экономических процессов, высказанная Л. Мориной, по нашему мнению, заслуживает внимания. Автор отмечает, что переход от экстенсивной стратегии к интенсивной является для России не просто периодом ломки ментальности и обнаружения этнической незрелости. Особенностью России является наличие факторов, которые осложняют и без того объективно сложный процесс. «Беда никогда не приходит одна». Глобализация осуществляет дополнительную социокультурную нагрузку, распространяя через масскульт ценности, которые противоречат не только традиционному, но и любому здравому сознанию. Российское общество в этих условиях, фактически, оказалось близко к состоянию коллапса в силу обрушившегося на него комплекса проблем [9]. Некоторые республики, с целью снять социокультурную нагрузку повышают значение религии и религиозности в социокультурных практиках населения [10], чем дополнительно усиливают разрыв социокультурного пространства и инструментов lean-менеджмента.

Не углубляясь в социологические исследования особенностей ментальности мусульман постсоветского пространства, можно обратиться к исследованиям Е. Кожевановой, которая (говоря об Узбекистане) отмечала, что в советском Узбекистане сложился гетеростереотип, описывающий русский этнос в виде системы этнопсихологических эталонов советской идеологии, что, в общем, не может быть применимо к этнической культуре собственно русской нации. Принципиальная некомплиментарность восприятия русских была обусловлена тем, что этнические ценности мусульманского мира (сакральность семейного быта, религиозность сознания, почитание старшего поколения, преемственность традиций) … плохо сочетаются с ценностями, задекларированными советской идеологией [8]. Сейчас, происходит аналогичный разрыв (некомплиментарность) ценностей lean-менеджмента с ценностями тех, чью 100% вовлеченность пытаются обеспечить многочисленные консультанты.

Таким образом, можно констатировать, что концепция «бережливого производства», имея высокую актуальность для практической сферы, требует существенной адаптации для внедрения в условиях отечественных (российских) предприятий. При этом крайне важным является тот факт, что по этническому, религиозному и социокультурному признакам население России крайне неоднородно. В силу этого существует необходимость адаптации не только к национальной, но и к региональной специфике. Для этого необходим пересмотр (адаптация) инструментов lean-менеджмента в их исторической ретроспективе (отталкиваясь от принципов и инструментов НОТ). При этом совершенствование необходимо по всем этапам сформулированной Т. Лозгачеевой и соавторами цепочки элементов «заказчик – персонал – техника – процесс», которую авторы считают необходимой для постоянного совершенствования бизнес-процессов [2]. Правда, основным направлением совершенствования, авторы признают рост командоориентированности (поскольку акцент делают на концепции Agile). По нашему мнению, командная работа так же имеет свои ограничения в различных когнитивных моделях (особенно в исламских республиках). В регионах (на предприятиях) с низкой мобильностью населения (работников) методология Agile так же менее эффективна. Мы настаиваем, что не все элементы бизнес-процесса одинаково эластичны к социокультурным трансформациям, однако их внедрение на

российских предприятиях с оглядкой исключительно на мировой опыт (что особенно распространено на предприятиях, входящих в международные корпорации) – изначально обречено на провал.

Список литературы

1. Кизим А.А., Чередниченко А.А. Особенности работы с персоналом в ходе освоения концепции бережливого производства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. – № 7 (74). – С. 27–30.
2. Лозгачева Т.М., Табекина О.А., Федотова О.В. Agile и научная организация труда: практика применения гибких методов в России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. – Т. 5 (71), № 2. – С. 48–59.
3. Норма труда: социологическое измерение: монография / Д.Н. Ядранский – Запорозье: Просвіта, 2012. – 520 с.
4. Сергеева Ю.А. Внедрение принципов бережливого производства в России // Актуальные проблемы и перспективы развития инновационной экономики и управления: сборник научных статей. 2019. – С. 334–337.
5. Петрунин А.М. Русская идея – основа ментальности (менталитета) русского народа // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета. 2014. – № 11. – С. 170–177.
6. Артемова В.Г., Филиппова Я.В. Ментальность русского народа: традиции и эволюция // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. – № 2 (10). – С. 1–12.
7. Кожеванова Е.В. Рецепция мусульманской ментальности в русской/советской культуре XX века: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2007. – 22 с.
8. Бердяев Н.А. Судьба России / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. – 734, [1] с.
9. Морина Л. Эволюция русской ментальности // Вопросы культурологии. 2007. – № 8. – С. 9–13.
10. Чумак Е.В., Ядранский Д.Н. Социально-психологическая работа с мигрантами как фактор информационной безопасности // Информационные системы и технологии в моделировании и управлении: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского / Отв. ред. К.А. Маковейчук. 2018. – С. 210–214.

Ярашова В.К.
к.э.н., докторант, Институт прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономического развития и сокращения бедности РУз, г. Ташкент
v.yarashova@polito.uz

ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ С УЧЕТОМ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО СПРОСА

Ключевые слова: *транспортная система, экономические факторы, политические факторы, экологические факторы, социальные факторы, STEP-анализ, туризм, транспортно-экономический баланс.*
Keywords: *transport system, economic factors, political factors, environmental factors, social factors, STEP-analyse, tourism, transport and economic balance.*

Сфера транспорта, как и другие сферы национальной экономики, подвержена влиянию множества различных факторов. Увеличение спроса на разного рода услуги транспорта можно объяснить влиянием следующих факторов: рост благосостояния приводит к процветанию индустрии комфорта; появление свободного дополнительного времени увеличивает спрос на услуги, связанные с проведением досуга и занятием спортом; рост использования высокотехнологичных товаров привел к увеличению потребности в специалистах по их установке и обслуживанию; углубление интеграции и глобализация рыночных отношений, совершенствование техники и технологий усиливают потребность компаний в предприятиях сферы услуг, включая разнообразных центров логистики; необходимость постоянного сокращения издержек заставляет компании покупать готовую услугу, а не брать на себя дополнительные расходы, связанные с самостоятельным выполнением специализированных заданий; компании стремятся сконцентрировать свою деятельность в узкоспециализированных областях, отказываясь от вспомогательных видов деятельности, таких как складирование, перевозка, стимулируя, таким образом, расширение сферы услуг. Эти факторы весьма многообразны, но все они отличаются высоким потенциалом воздействия на развитие транспорта. Они скомпонованы автором в несколько групп:

От **экономических факторов** во многом зависит то, как внешние издержки по всем видам транспорта трансформируются во внутренние и учитываются как макроэкономические показатели, получаемые корреляцией между темпами общеэкономического развития и ростом транспортных услуг. Экономический рост страны оказывает большое влияние на темпы развития перевозок. В последние годы в республике четко прослеживается тенденция поддержания макроэкономической стабильности и последовательного роста экономики. В результате, в 2019 г. валовой внутренний продукт увеличился на 5,6%, промышленное производство – на 6,6%, сельское хозяйство – на 2,5%, грузооборот – на 2,2%, пассажирооборот – на 4,1%. Развитие экономики сопровождается ростом занятости, следовательно, и увеличением численности рабочих и служащих, имеющих более высокую подвижность по сравнению с другими группами населения. Однако уровни зависимости между ростом ВВП и объемов перевозок грузов и пассажиров по регионам могут отличаться от республиканской из-за существующих региональных различий экономического роста.

Политические факторы отражают изменение отношения к доступности общественного транспорта, жилищной политике, характеру и приоритетам расходов на автомобильный и другие виды транспорта. Так, например, вместо того, чтобы поощрять повсеместное развитие небезопасного и экологически неблагоприятного автотранспорта, нам стоит подумать – не следует ли отдавать приоритет железнодорожному транспорту, особенно скоростному движению и электрификации железных дорог.

Присоединение страны к различным международным конвенциям, соглашениям, вступление в геополитические союзы также влияют на развитие и дальнейший рост или, наоборот, отставание того или иного вида транспорта.

В группе **экологических факторов**, определяющих также и социальное развитие регионов, ключевым является отражение способности общества реагировать на изменения климата вкупе с ростом цен на энергоносители и материалы. Ужесточение экологических требований к подвижному составу требует применения новых технических решений и для силовых установок локомотивов, позволяющих снизить выбросы в атмосферу. Одним из факторов негативного воздействия на окружающую среду является старение парка подвижного состава. Чрезмерно изношенные автомобили, локомотивы и вагоны более энергоемки, они больше загрязняют атмосферу, землю, требуют более частого текущего и капитального ремонта, поэтому важно уделять должное внимание своевременному обновлению подвижного состава и улучшению его экологичности. Заслуживают внимания меры, направленные на электрификацию железных дорог, внедрение электромобилей, перевод автотранспорта на сжиженный природный газ. Постоянная работа по техническому перевооружению транспорта также способствует снижению его техногенного воздействия на окружающую среду.

Социальные факторы, включая демографические, играют главенствующую роль в формировании рынка пассажирских перевозок. Рост численности населения является одним из значимых социальных факторов, влияющих на

транспортную подвижность населения. Повышение мобильности населения, включая более активную смену мест работы и изменение образа жизни, от которого зависит, насколько часто и в какой форме люди пользуются услугами пассажирского транспорта. В ближайшей перспективе для большинства регионов республики характерным является высокий прирост населения и трудовых ресурсов. Однако темпы абсолютного прироста населения в стране в предстоящее десятилетие будут несколько снижаться.

Материальный и культурный уровень жизни людей также является одним из важнейших социальных факторов, определяющих объем и структуру пассажирских перевозок. С ростом благосостояния народа увеличивается количество поездок на курорты, в санатории, дома отдыха, пансионаты, загородные базы отдыха. Возрастет также число поездок на различные выставки, соревнования, спортивные и культурные встречи, научные конференции.

Сложившиеся в стране за последние 15–20 лет пропорции в распределении туристических перевозок между видами транспорта трудно назвать оптимальными, хотя они отражают трудности и сложности в организации и развитии туризма на данном переходном этапе. Здесь сказываются также и имевшиеся недостатки в системе управления туристическим комплексом, включая сферы индустрии и инфраструктуры.

Рост въездного (иностранного) и выездного туризма (граждан Республики Узбекистан) в стране тесно связан с развитием и модернизацией транспортной инфраструктуры, прежде всего, железнодорожных линий, автодорог и аэропортов. Число выехавших из страны граждан Республики Узбекистан в 2019 г. в 4,6 раза превышало уровень его в 2014 г., из них число туристов – в 1,7 раза, рост произошел преимущественно за счет частных и деловых поездок. При этом доля туристов среди выехавших граждан повысилась с 9,2 до 12,6%. Количество посетивших Узбекистан иностранных граждан с каждым годом растет. За 2014–2019 годы число таких посетителей выросло в 4,4 раза, в том числе количество туристов выросло на 6,7 раза (табл. 1).

Количество туристов по внутреннему туризму за рассматриваемый период увеличилось на 36,6%, что свидетельствует о повышении интереса граждан республики к своим историческим корням и памятникам архитектуры.

Таблица 1

Количество посетивших Узбекистан иностранных граждан и выехавших из страны граждан республики за 2014–2019 годы по целям*

Годы	Всего посещений в страну, чел.	в том числе по целям			
		туристская	деловая	частная	прочая
1. Количество выехавших из страны граждан республики					
2014	2785,8	357,9	256,7	2074,4	96,9
2015	3504,3	328,8	282,9	2801,3	91,4
2016	3847,8	294,6	298,0	3146,6	108,6
2017	5182,5	361,0	361,8	4358,9	100,9
2018	13838,6	404,4	4247,2	7968,6	1218,4
2019	12932,6	606,1	3543,3	7968,5	814,7
2. Количество въехавших в страну иностранных граждан					
2014	1862	156	108,0	1475175	122,8
2015	1917,7	166,8	113,8	155,6	81,4
2016	2027	175,5	149,7	1651,2	50,6
2017	2690,1	203,7	159,9	2272,3	54,1
2018	6433,0	458,1	96,2	4713,5	1165,2
2019	8279,0	1043,9	182,4	5520,7	1532

*По данным Госкомстат Руз.

Этому способствуют и предпринимаемые правительством меры, такие как предоставление «длинных каникул» работающему населению, скидки на услуги транспорта во время этих каникул, продвижение внутреннего туризма в СМИ и др. (рис. 1).Результаты опроса международных туристов, проведенного Всемирной туристской организацией в 2014 г., показали, что для прибытия в Узбекистан респонденты чаще всего пользовались самолетами и пересекали границу в аэропорту Ташкента, это указали 74% опрошенных туристов. Респонденты, прибывшие в Узбекистан воздушным путем, в большинстве случаев пользовались услугами следующих трех авиакомпаний: Узбекские авиалинии (56%), Турецкие авиалинии (14%) и Аэрофлот (9%). Что касается внутренних перевозок, данные опроса свидетельствуют о том, что микроавтобусы (35%), региональные поезда (29%) и внутренние воздушные перевозки (27%) чаще всего использовались для переезда между турцентрами в Узбекистане. Далее следуют автобусы прямого сообщения (24%), такси (21%) и арендованные автомобили с водителем (11%). Вместе с тем, представленные в опросе данные о низком уровне использования различных видов транспорта респондентами, которые заранее приобрели поездку в Узбекистан, могут свидетельствовать о том, что они пользовались частным туристским автобусом или частным транспортом во время своих поездок.

Развитие туризма тесно связано с транспортом и зависит от безопасности и скорости движения и удобств, предоставляемых туристу во время его передвижения. Понимание основ взаимоотношений с транспортными компаниями, правил взаимодействия с ними в вопросах обеспечения безопасности пассажиров и их имущества, культуры обслуживания, использования соответствующих скидок и льгот при продажах имеет важное значение как для туристов, так и для организаторов путешествий.

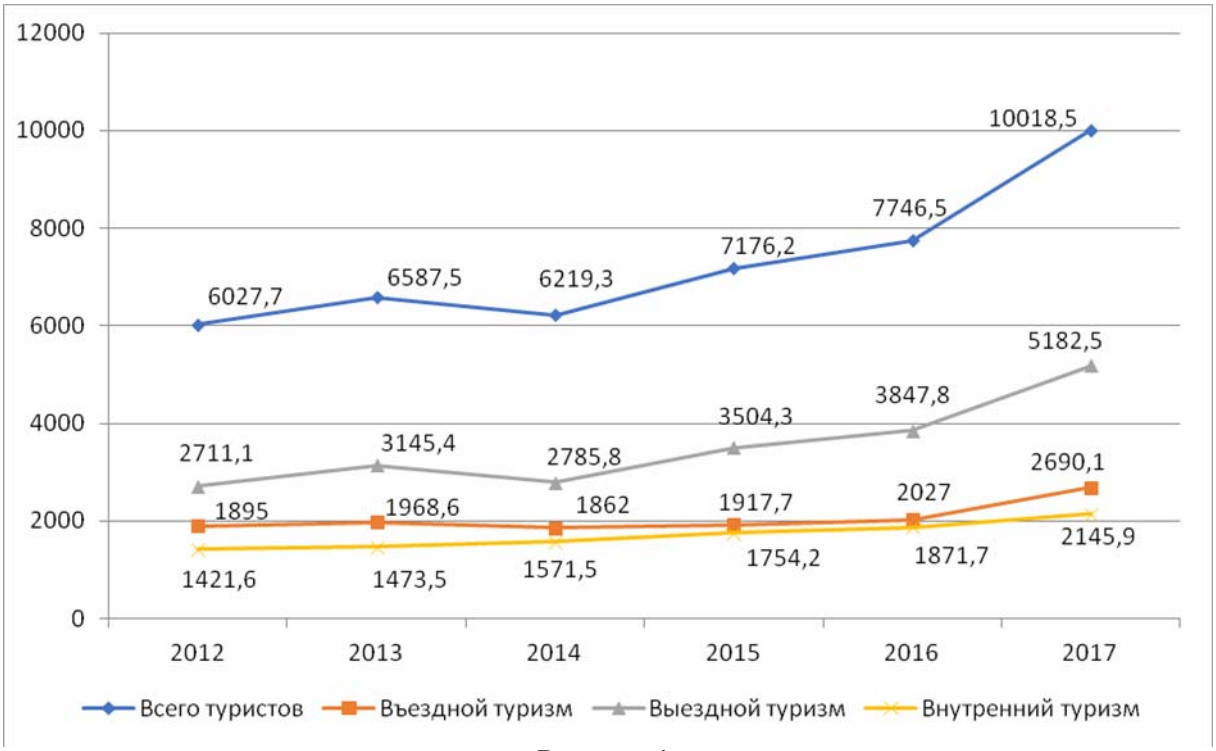

Рисунок 1.
Динамика развития туризма в Республике Узбекистан за 2012–2017 годы

Развитие туризма в Узбекистане в известной мере сдерживается и тем, что уровень развития транспортной инфраструктуры и качество организации транспортного обслуживания населения здесь всё ещё не соответствуют в достаточной степени общемировым стандартам по удобству, эффективности и безопасности, а транспортные проекты, в частности, строительства новых аэропортов, автомобильных и железных дорог требуют для своей реализации огромных инвестиций и времени. Учитывая эти обстоятельства, надо признать и то, что в нашей стране с каждым годом растет и в высших кругах правительства, и среди широкой общественности **понимание возросшей роли и значения туризма в экономическом и социальном развитии общества**. К 2025 г. поставлена цель увеличения доли туризма в ВВП страны до 5%[1].

Концепция развития туристических перевозок на железных дорогах Республики Узбекистан в 2019–2025 гг. предусматривает развитие логистики, расширение внешних и внутренних маршрутов, повышение качества транспортных услуг. Автором предлагается проведение следующих мероприятий в дополнение к предусмотренным Концепцией:

– Приобретение комфортабельных автобусов малой и большой вместимости, микроавтобусов с целью оказания туристам транспортных услуг и легковых автомобилей, предоставляемых им для проката;

– Строительство гостиниц вблизи железнодорожных станций Ташкент, Самарканд, Бухара и Ургенч, современных ресторанов – на станциях Самарканд и Бухара-1 и кафе на ст. Ургенч;

– Организация гид-сервиса для туристов, рекламной деятельности и продажи турпродуктов; участие в международных туристических ярмарках, выставках и конференциях;

– Подготовка и принятие необходимой нормативно-правовой базы для организации туристических перевозок на железных дорогах.

Мероприятия по развитию туристических перевозок на железных дорогах в силу их высокой капиталоемкости оправдывают себя лишь при наличии массового потока туристов. Здесь *можно рассчитывать на большой наплыв туристов в нашу страну, лишь расширив границы и масштабы движения туристических поездов в регионах, предоставив туристам разнообразные льготы и скидки за поездку в комфортабельных вагонах скоростных сообщений.* В то же время чтобы обеспечить туристам и другой части пассажиров высокий уровень комфорта и скоростную доставку, нужны инвестиции в достаточно крупных размерах и значительные текущие расходы на эксплуатацию турпоездов, которые должны быть возмещены в полном объёме.

Многолетний опыт эксплуатации скоростного движения экономически развитых стран показывает, что именно высокоскоростные железнодорожные магистрали и скоростные автомобильные дороги способствуют расширению сфер информационных, банковских и других многообразных услуг в сфере обслуживания, в том числе и в сфере индустрии туризма, что, с одной стороны, создает новые рабочие места в сфере услуг и, с другой стороны, придает сильный импульс развитию многообразных новых видов услуг, поднимает на новый более высокий уровень обслуживания общую культуру и качество многих видов услуг, включая транспортные.

[1] Концепция развития туристических перевозок на железных дорогах Республики Узбекистан в 2019-2025гг. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 5 января 2019 года № УП-5611.

Технологические факторы включают распространение современных технологий и материалов, влияющих на характеристики и возможности перспективного подвижного состава. Современный подвижной состав, по мнению специалистов, должен соответствовать таким ключевым требованиям, как снижение эксплуатационных затрат в течение всего жизненного цикла, в том числе: на электроэнергию и топливо – на 10–15%; повышение производительности транспортных средств – на 8–10%; обеспечение коэффициента технической готовности подвижного состава – не ниже 0,95; увеличение гарантированных межремонтных пробегов между ТО – до 15–20 тыс. км, ТР – до 100 тыс. км, СР – до 1 млн. км, КР – до 3-х млн. км. Создание экономичного и эффективного моторвагонного подвижного состава для местного и межрегионального сообщений составило бы серьезную конкуренцию автотранспорту[1].

Высокоскоростные электропоезда «Афросиёб», «Насаф» и «Шарк» успешно конкурируют не только с автобусным, но и с авиасообщением. Пользоваться услугами скоростного железнодорожного транспорта начали даже те, кто имеет личный автомобиль. По результатам проведенных нами исследований пассажиропоток на направлении Ташкент – Самарканд на 25–30% превысил показатели, заложенные в проекте. Комфорт и скорость изменили традиционный социально-психологический портрет потребителя железнодорожных услуг.

STEP-анализ– это маркетинговый инструмент, предназначенный для выявления социальных (Social) технологических (Technological) экономических (Economic) и политических (Political) аспектов внешней среды, которые влияют на бизнес компании. Важные потребительские предпочтения определяются с помощью социального компонента STEP-анализа[2]. Не менее важным фактором является технологический компонент. Целью его исследования принято считать выявление тенденций в технологическом развитии, которые зачастую являются причинами изменений и потерь рынка, а также появления новых продуктов. Основная причина изучения внешнего фактора в экономике любой транспортной компании – это создание картины распределения ресурсов на уровне макроэкономики государства, которая является важнейшим внешним условием деятельности предприятия. И, наконец, политика изучается потому, что она регулирует власть, которая в свою очередь определяет внешнюю среду компании и получение ключевых ресурсов для её деятельности. Анализ выполняется по схеме «фактор – предприятие». Результаты анализа оформляются в виде матрицы, подлежащим которой являются факторы макросреды, сказуемым – сила их влияния, оцениваемая в баллах, рангах и других единицах измерения. Результаты STEP-анализа позволяют оценить внешнюю экономическую ситуацию, складывающуюся в сфере производства и коммерческой деятельности.

По мнению некоторых экспертов, на развитие единого транспортного пространства оказывают влияние также такие факторы, как геополитический, ресурсный и демографический[3].

Анализ и оценка воздействия внешних и внутренних факторов производства на развитие транспортной системы страны или отдельного региона как за прошедший период, так и на будущие года невозможны без достоверных данных учета и отчетности в прошлом и надёжной базы данных, характеризующих изменение в будущем соответствующих факторов производства. Здесь отправной точкой отсчета служат данные об объёмах перевозок грузов в регионе, состоящих из объёмов их отправлений, ввоза, включая импорт и транзита через данный регион. С другой стороны, объём их прибытия, вывоза (включая экспорт) и транзита также представляет объём перевозок грузов. Одним из таких инструментов для оценки тенденций изменения объёмов отправления и прибытия грузов за прошлые годы и возможных изменений их в будущем является транспортно-экономический баланс (ТЭБ) по важнейшим родам грузов. Принципиальная схема модели ТЭБ представляет собой систему показателей, обеспечивающих сбалансированность объемов производства и других ресурсов (ввоз, импорт, остатки на начало года) с размерами их потребления в регионе (табл. 2).

Основой ТЭБ являются территориальные материальные балансы по важнейшим видам продукции (каменному углю, нефти и нефтепродуктам, руде, черным металлам, лесной и хлебной продукции, некоторым строительным материалам, цементу, минеральным удобрениям, хлопковым грузам и другим товарам). Принципиально важным моментом в подходе к исследованию данного вопроса является определение характера и тесноты корреляции исследуемых факторов, т.е. изменение размеров производства и потребления материальных ресурсов в натуре с объёмами перевозок соответствующих родов грузов по видам транспорта в регионе.

Разрабатываемые ТЭБ носят индикативный характер и служат для хозяйствующих субъектов рынка в качестве макроэкономического ориентира при изучении динамики спроса и предложения на те или иные товары. Они являются также средством косвенного государственного регулирования развития экономики регионов в общих национальных интересах страны. Развитие внешнеторговых связей Узбекистана с другими странами (или группой стран) и третьих стран между собой, но транзитом через территории нашей страны может служить базой для расчета объёмов экспортных, импортных и транзитных перевозок грузов.

---

[1] Гапанович В.А. Приоритеты в сфере энергосбережения и технического регулирования // Железнодорожный транспорт. 2009. – № 2.

[2] Richardson J. A Brief Intellectual History of the STEPE Model or Framework (i.e., the Social, Technical, Economic, Political, and Ecological). – https://pages.gseis.ucla.edu/faculty/richardson/STEPE.htm

[3] Клементьев С.А., Федин А.В., Зубарев В.С. Основные факторы, оказывающие влияние на развитие единого транспортного пространства Российской Федерации // Инноватика и экспертиза. 2015. – Вып. 1 (14).

Таблица 2

Модель транспортно-экономического баланса региона

Раздел. 1. Материальный баланс					
Ресурсы	Отчет	План	Распределение ресурсов	Отчет	План
1. Остатки готовой продукции на начало планир. периода 2. План производства продукции (добычи, заготовки) 3. Поступление по импорту 4. Вовлечение запасов и резервов 5. Дополнительные ресурсы			1. Потребность на производственные нужды 2. Спрос, потребность рын. фонда 3. Потребность в капстроительстве 4. Экспорт продукции 5. Пополнение запасов и резервов 6. Остатки готовой продукции на конец года		
Итого			Итого		
Раздел 2. Транспортный баланс					
1. Объем прибытия грузов от местных отправителей, всего в т.ч. по видам транспорта: – железнодорожным – автомобильным – воздушным – трубопроводным – в смешанных сообщениях **2. Поставки (ввоз) продукции из других регионов, всего,** в т.ч. по видам транспорта: – железнодорожным – автомобильным – воздушным – трубопроводным – в смешанных сообщениях **3. Ввоз по импорту, всего** в т.ч. по видам транспорта: – железнодорожным – автомобильным – воздушным – трубопроводным – в смешанных сообщениях			**1. Объем отправления грузов из собственных источников для местн. потребителей, всего** в т.ч. по видам транспорта: – железнодорожным – автомобильным – воздушным – трубопроводным – в смешанных сообщениях **2. Поставки (вывоз) продукции в другие регионы, всего** в т.ч. по видам транспорта: – железнодорожным – автомобильным – воздушным – трубопроводным – в смешанных сообщениях **3. Поставки на экспорт**, **всего** в т.ч. по видам транспорта: – железнодорожным – автомобильным – воздушным – трубопроводным – в смешанных сообщениях		
Итого			**Итого**		

Для оптимального планирования грузовых перевозок необходима тщательная проработка связей конкретных отправителей и получателей грузов в рамках ТЭБ, которая позволяет устанавливать основные направления межрегионального обмена, выявлять узкие места и потребность в развитии пропускной и провозной способности отдельных направлений железных дорог и сети автодорог. В связи с этим разрабатываемые ТЭБ используют для обоснования инвестиционных программ на транспорте.

Таким образом, изучение факторов, влияющих на развитие транспортной отрасли, грамотный их анализ и правильная расстановка приоритетов помогут дать толчок для развития того или иного вида транспорта и скоординированной работе единой транспортной системы.

Андреева Г.Н.
к.ю.н., доцент, в.н.с. ИНИОН РАН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова*: мегаполис, искусственный интеллект, право, федеральный закон, особенности, проблемы регулирования, права человека.*

Содержание понятия «мегаполис» раскрывается в научных исследованиях через различные характеристики[1], для юристов важна урегулированность правом специфики статуса мегаполиса[2]. Важнейшей константой разработанных учеными определений понятия мегаполиса является наличие высокой плотности населения на относительно ограниченном пространстве. Начиная с 1900 г. речь шла о городах-миллионниках, в настоящее время «планка» существенно поднята, и речь идет о пяти и даже десяти миллионах жителей[3]: в документах ООН под мегаполисом понимаются города, население которых превышает 10 миллионов жителей[4]. Это означает, что число жителей в мегаполисе превышает некое критическое значение, которое создает новое качество данного вида поселения с новым объемом проблем.

Особенности инфраструктуры и характера коммуникаций мегаполиса создают возможности и опасности иного уровня, чем в обычном городе и для их решения нужны новые подходы и технологии. Происходящие в мегаполисе экологические, экономические, социальные и культурные процессы, тесно связанные с благополучием, здоровьем и безопасностью его населения, в силу высокой плотности населения имеют иной характер, чем в небольших городах, цена управленческих ошибок в мегаполисах гораздо выше, и подчас их последствия не могут быть ликвидированы «в ручном режиме», а требуют мобилизации значительных дополнительных ресурсов.

Теоретически такие технологии как искусственный интеллект создаются как раз с расчетом на необходимость работы с большими данными, требующими при обычных технологиях больших затрат времени и привлечения значительных ресурсов. Использование искусственного интеллекта должно по идее минимизировать затраты и позволить в минимальном временном интервале решать возникающие проблемы в сфере его применения. С этой точки зрения мегаполис представляет собой, на первый взгляд, идеальный полигон для применения искусственного интеллекта. Вместе с тем, перепоручение машине, даже высокоорганизованной, решения сложных управленческих задач, затрагивающих взаимоотношения людей и права человека, чревато серьезными проблемами для общества и государства, а при существенных злоупотреблениях, вытекающих из ограниченности технических возможностей высокопродуктивных программ, способных своеобразно интерпретировать стоящие перед ними задачи, а также неизбежной ограниченности, и социальным взрывом. Эти проблемы уже давно поставили в футуристическом плане писатели-фантасты, современный читатель их произведений находится в курсе потенциальных негативных последствий и, в экстремальном варианте, даже ужасов нахождения человеческого общества под управлением суперсистем искусственного интеллекта, в том числе, и в виде «сросшегося» виртуального и реального аспектов, порождающих опасность Инфокалипсиса (если использовать терминологию культового романа «Лавина» Нила Стивенсона).

Но даже и не в таком роковом варианте, использование искусственного интеллекта чревато серьезными нарушениями прав человека, что хорошо сознают и политики, провозглашающие необходимость их защиты, и юристы, исследующие потенциальные риски правового регулирования в данной области. Понимание связанных с применением искусственного интеллекта проблем, возникающих в области прав человека, влечет необходимость создания правовых актов, обеспечивающих эффективный контроль за использованием искусственного интеллекта и содержащих определение имеющего доступ к собираемой искусственным интеллектом информации круга лиц, а также, по возможности, позволяющих держать под контролем социальные процессы, регулирование которых поручено искусственному интеллекту.

---

[1] Туленкова Л.И. Мегаполис: понятие и факторы развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. – № 11. – С. 209–212.

[2] Курочкин В.И. Город-мегаполис: проблемы регулирования правового статуса в Российской Федерации // Социология власти. 2011. – № 4. – С. 176–181; Leksin V.N., Porfiriev B.N. The Russian Phenomenon of Megalopolis-Type Cities // Regional Research of Russia. 2018. – Vol. 8, N 2. – P. 133–140.

[3] Reif H. Metropolen: Geschichte, Begriffe, Methoden // CMS Working Paper Series. 2006. – N 001-2006. – S. 2.

[4] Так, по прогнозам Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН к 2030 г. на планете будет уже 43 мегаполиса (megacities) с численностью более 10 млн. человек (в 1990 г. – 10). – https://www.un.org/development/desa/publications/graphic/world-urbanization-prospects-2018-more-megacities-in-the-future

Современные технологии, в той или иной мере использующие подходы и программы, аналогичные искусственному интеллекту, находятся еще в начальной стадии разработки далекой от совершенства, и, как правило, только частично отвечают потребностям, которые должны удовлетворять, кроме того, даже будучи полезными для процесса управления гражданами, они нередко чреваты созданием различных проблем для последних. В этом смысле эти технологии требуют серьезной предварительной проработки и длительной обкатки на предмет выявления дефектов и их устранения. Что же касается внедрения и использования искусственного интеллекта в экстремальных ситуациях, то ему должна предшествовать еще более тщательная подготовка. В настоящее время, как показывает практика, попытки даже сравнительно простых способов доступа, например, к транспортным услугам, составляющим важную составляющую инфраструктуры мегаполиса, с помощью цифровых технологий, нередко приводят к результатам, противоположным задуманным. Это наглядно показала, например, практика введения цифровых пропусков в г. Москве, которая вызвала гигантские очереди в московский метрополитен во время пандемии[1], и, соответственно, создание дополнительных условий для распространения инфекции, в то время как данная управленческая мера была нацелена на ограничение перемещений лиц, обязанных находиться в режиме самоизоляции, и тем самым способствовать снижению нежелательных контактов.

Исходя из необходимости обстоятельной предварительной подготовки внедрения искусственного интеллекта в управленческие процессы, особый смысл имеет осуществление правового регулирования в экспериментальном порядке. Такая практика законодательного регулирования давно существует в КНР, и, как показывает опыт данной страны, она себя оправдывает, поскольку позволяет выявить неочевидные при подготовке экспериментального нормативного акта проблемы, что позволяет повысить эффективность правового регулирования и принимать нормативный акт на постоянной основе уже с учетом полученного опыта применения экспериментального акта.

В связи с наличием в Москве высокотехнологичных разработок в области искусственного интеллекта и одновременно повышенных потребностей мегаполиса в регулировании сложных инфраструктурных и иных процессов, 24 апреля 2020 г. был принят Федеральный закон № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»[2] (далее – Закон), согласно которому такой эксперимент в течение пяти лет (п. 3 ст. 1 Закона) проводится с 1 июля 2020 г. в г. Москве (п. 1 ст. 1 Закона). Кроме того, в п. 1 ст. 1 Закона говорится о последующем возможном использовании результатов применения искусственного интеллекта, т.е. по результатам эксперимента предполагается распространение опыта на другие области жизни и, возможно, на другие города-миллионники. При этом в Законе не указывается, какой именно орган и каким образом будет оценивать результаты эксперимента, будет ли привлекаться независимая экспертиза и другие немаловажные для такого серьезного дела процедурные моменты.

Закон состоит из восьми статей, собственно правовому регулированию соответствующих общественных отношений посвящены шесть статей, поскольку в ст. 8 содержится положение о вступлении его в силу с 1 июля 2020 г., а в ст. 2 раскрываются основные понятия, используемые в Законе.

В п. 2 ст. 1 Закона говорится о том, что он «определяет цели, задачи и основные принципы установления экспериментального правового режима, а также регулирует отношения, возникающие в связи с установлением экспериментального правового режима». Под последним понимается режим специального регулирования, устанавливаемый данным Законом на пять лет (пп. 1 п. 1 ст. 2 Закона).

Часть перечисленных в Законе целей (обеспечение повышения качества жизни населения, повышение эффективности государственного и муниципального управления, повышение эффективности деятельности хозяйствующих субъектов) относятся к обычно перечисляемым в законодательстве и в этом смысле новых ожиданий не вызывают, хотя они не конкретизированы применительно к специфике мегаполиса и отсутствует указание на то, каким образом они будут способствовать достижению его устойчивого развития как важнейшего аспекта его существования. Иначе говоря, специфика приложения данных традиционных и даже стандартных для нормативных актов целей к особым условиях мегаполиса не конкретизирована. Кроме того, эффективность реализации данных целей будет зависеть от того, все ли они будут реализованы, или только некоторые из них, а также каким именно образом предполагается их достичь, обо всем этом можно только строить предположения, уже не основанные на самом Законе. Но в Законе указана еще одна цель правового регулирования, которая сама по себе вызывает вопросы. В пп. 4 п. 1 ст. 3 Закона содержится положение о том, что одной из его целей (последней по списку, но отнюдь не по значимости. – *Г.А.*) является «формирование комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта» (пп. 4 п. 1 ст. 3 Закона). Это может означать, что искусственный интеллект будет использоваться для создания «комплексной системы регулирования общественных отношений». В Законе искусственный интеллект определен как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма)» (пп. 2 п. 1 ст. 2). Заключенная в скобки фраза из этой статьи Закона, соотнесенная с вышеприведенной целью Закона, вызывает ожидания наличия правового регулирования того, в каких пределах и в каких вопросах жизни населения мегаполиса будет применяться искусственный интеллект, а также кто будет оценивать креативные решения искусст-

[1] Гигантские очереди в метро из-за пропусков. – https://www.youtube.com/watch?v=_c1dghS2Qvs

[2] Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. – http://publication. pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030

венного интеллекта «без заранее заданного алгоритма». Эти вопросы тоже подлежат обстоятельному правовому регулированию, но они оказались за рамками данного Закона.

Установленные в Законе задачи введения экспериментального правового режима в целом вытекают из названия и целей принятия данного Закона: создание благоприятных правовых условия для развития технологий искусственного интеллекта, апробация этих технологий и оценка эффективности экспериментального правового режима (п. 2 ст. 3 Закона).

Не могут вызывать возражений и установленные в Законе принципы данного Закона: прозрачность данного специального правового режима, защита прав и свобод человека и гражданина (в сочетании с безопасностью личности, общества и государства), а также недискриминационный доступ к результатам применения искусственного интеллекта. Однако, каким образом они обеспечиваются именно данным актом, не вполне понятно.

Можно предположить, что принцип прозрачности экспериментального правового режима, по мнению законодателей, обеспечивается тем, что в данном Законе указаны полномочия государственных органов, связанные с установлением экспериментального правового режима (ст. 4 Закона), определены условия приобретения статуса участника экспериментального правового режима (ст. 5 Закона), имеются положения, касающиеся ведения реестра участников экспериментального правового режима (п. 1 и 2 ст. 5), создания координационного совета экспериментального правового режима (ст. 6 Закона), а также возможности ознакомления общественности с реестром участников экспериментального правового режима согласно п. 1 ст. 5 Закона. Последнее относится также к обеспечению принципа недискриминационного доступа к результатам применения искусственного интеллекта, но, разумеется, обеспечение данного принципа не исчерпывается последним, а требует оговорки о публичном обсуждении результатов эксперимента, возможности проведения общественностью альтернативной оценки с помощью независимой экспертизы и установления порядка учета ее результатов. Это в Законе не предусмотрено.

В наибольшей степени жителей г. Москвы затрагивает реализация второго принципа, а именно защиты прав и свобод человека и гражданина (пп. 2 п. 3 ст. 3 Закона), который корреспондирует с п. 5 ст. 1, запрещающим ограничение конституционных прав и свобод граждан и введение для них дополнительных обязанностей в результате установления экспериментального правового режима. В Законе имеется целый ряд положений, посвященных требованиям по обработке, обезличиванию и уничтожению данных, полученных в результате участия в данном эксперименте участниками, об ответственности за нарушение соответствующего законодательства. Если бы в Законе речь шла только и исключительно о государственных организациях, данные положения можно было бы рассматривать как определяющую гарантию защиты прав граждан. Однако Закон предусматривает очень широкий круг участников эксперимента: юридические лица и индивидуальные предприниматели, включенные в реестр участников экспериментального правового режима (пп. 7 п. 1 ст. 2 Закона), причем статус участника предоставляется заявителю (зарегистрированному на территории РФ соответствующим образом юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю), который «осуществляет или планирует осуществлять деятельность по разработке, созданию, внедрению и реализации или обороту технологий искусственного интеллекта и (или) производству, реализации и обороту отдельных товаров (работ и услуг) на основе указанных технологий» (пп. 2 п. 4 ст. 5 Закона). Это означает, во-первых, что в ходе эксперимента предполагается значительное расширение числа его участников, в том числе за счет тех предпринимателей, которые до этого не осуществляли такую деятельность и только планируют ее осуществлять, таким образом, в столь сложном, затрагивающем многомиллионное население мегаполиса будут участвовать лица, которые еще не зарекомендовали себя как специалисты или эксперты в данной области, а такое требование напрашивается, исходя из масштабов эксперимента и потенциально существующих в такого рода экспериментах рисков; во-вторых, возможности несоблюдения требований по невнимательности или незнанию, утечки информации и т.д. многократно возрастают, а защита прав граждан не имеет в Законе дополнительных правовых инструментов с учетом особенностей этой группы участников; в-третьих, в конечном счете, получается, что в указанных положениях Закона воспроизведены обычные требования к бизнесу в отношении участия в хозяйственных отношениях, что противоречит экспериментальному характеру регулирования, предназначенного изначально минимизировать риски, допуская возможность их наращивания только по мере накопления позитивного опыта, что особенно важно в условиях высокой плотности населения мегаполиса.

Вызывает удивление структура органов, задействованных в эксперименте такого масштаба. Наряду с существующими уже органами власти и управления, создается Координационный совет экспериментального правового режима, задачами которого являются формирование стратегических направлений совершенствования его механизмов и мониторинг экспериментального правового режима (п. 1 ст. 6 Закона). Предусмотренные в Законе полномочия этого органа в виде участия в обсуждении проектов нормативных правовых актов г. Москвы, связанных с установлением экспериментального правового режима, внесение предложений о совершенствовании его механизмов в процессе и по итогам специального правового регулирования, а также возложенная на него обязанность подготовки и внесения в Правительство РФ предложений о целесообразности или нецелесообразности внесения изменений в законодательство (п. 3 ст. 6 Закона), показывает, что речь идет о создании структуры, оценивающей именно правовое регулирование, но при этом в рамках совершенствования правовой системы остался неурегулированным вопрос о правовых границах допустимости использования этой технологии при принятии административных решений в практике управления мегаполисом, в то время как это является первым по значимости вопросом, который не должен оставаться за рамками Закона, поскольку его решение напрямую связано с реализацией прав человека и гражданина.

Отдельный вопрос возникает о правовом регулировании контроля за проведением самого эксперимента по применению искусственного интеллекта, а не экспериментального правового режима. Ведь речь идет о пятилетнем эксперименте над 13 миллионами человек. В каких случаях руководство г. Москвы будет использовать искусственный интеллект? Как найденные этим интеллектом решения будут проходить экспертизу и будут ли? Кто будет контроли-

ровать этот эксперимент (особенно тогда, когда будут использоваться технологии поиска решений без заранее заданного алгоритма), исходя из каких критериев его имеет смысл оценивать, какие демократические институты будут при этом задействованы, наконец, кто и каким образом будет отвечать за допущенные в ходе эксперимента ошибки и компенсировать их последствия – на все эти вопросы в Законе нет ответа. Таким образом, сам эксперимент выпал из поля правового регулирования и социального контроля, несмотря на его уникальность и высокие потенциальные риски особенно для мегаполиса.

Артамонова Е.В.[1]

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 6 ПРОМЫШЛЕННОГО УКЛАДА: ПРЕИМУЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ИХ ВНЕДРЕНИЯ[2]

Ключевые слова: *цифровая трансформация, промышленная революция, технологический уклад, человеческий социум, электронное правительство, информационные технологии, информационная безопасность, Интернет вещей, машинное обучение, искусственный интеллект, виртуальная реальность, дополненная реальность, 3D-печать, дистанционное образование, блокчейн, смарт-контракты, криптовалюты.*

Keywords: *digital transformation, industrial revolution, society, e-government, information technologies, information security, Internet of Things (IoT), machine learning (ML), artificial intelligence (AI), e-learning, 3D Printing, blockchain, smart contracts, cryptocurrency.*

Введение

С начала XXI века во всех развитых странах набирает темпы Industrie 4.0 или четвертая промышленная революция[3], пока она идет в рамках развития цифровых технологий и так называемой «цифровой трансформации»[4]. Но не за горами «шестой технологический уклад», при котором мы увидим не только качественные изменения в технологиях, но и последующие за ними трансформации в социальных и культурных отношениях, а также в принципах управления социумом. Переходный период к следующему технологическому укладу возможно будет ускорен в связи с эпидемией коронавируса, а также последующим за пандемией международным финансовым и экономическим кризисом, который поставит общество перед проблемой перехода к совершенно новому укладу в производстве, науке, технологиях, обучении, здравоохранении и новому образу жизни в будущем. Переход этот будет болезненным и может разрушить многие старые и привычные нам сферы экономики и бизнеса, также он может стать и жизненной катастрофой для больших социальных групп во всем мире. Для того чтобы максимально подготовиться к таким масштабным изменениям, надо четко определить, какие технологии будут базовыми для шестого уклада.

В этой статье мы постараемся обозначить главные тренды в области информационных технологий, немного детализировать их развитие, а также указать потенциальные угрозы информационной безопасности, возникающие по мере внедрения таких технологий. Постараемся рассказать как о преимуществах этих технологий, так и о недостатках и уязвимостях, которые могут привести к неприятным последствиям для общества и государств.

Итак, для шестого технологического уклада будут характерны следующие тренды[5]:

- Искусственный интеллект и робототехника;
- Аддитивные технологии (3D печать и др.);
- Фотоника;
- Виртуальная и дополненная реальность;
- Грамотное природопользование;
- Блокчейн, криптовалюты и смарт-контракты;
- Новые модели управления (рефлексивное управление, вероятностные модели и т.д.).

Дополнительно можно обозначить такие важные направления ближайшего будущего, как удаленная работа и дистанционное обучение (E-learning). Некоторые исследователи прогнозируют развитие квантовых технологий, биотехнологий, альтернативной энергетики.

В нашей работе мы не сможем охватить весь спектр перспективных технологий нового уклада, но постараемся побольше рассказать именно об информационных технологиях, которые уже задействованы в переходном периоде («цифровой трансформации») и показать, как они будут развиваться в ближайшем будущем.

---

[1] Артамонова Елена Владимировна – к.т.н., (PhD), член Международной академии информационных технологий (МАИТ). Руководитель и разработчик Интернет-проекта в области информационной безопасности. Круг научных интересов: Информационные технологии, кибербезопасность, блокчейн и криптовалюты, телеком, ИТ-маркетинг, системы E-learning. E-mail: admin@itzashita.ru, Skype: moorhuhn081. Сайт: http://itzashita.ru Для почтовых отправлений: Республика Беларусь, 220100, г. Минск, а/я 102.

[2] Доклад, представленный на Международную научную конференцию «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи».

[3] https://ru.wikipedia.org/wiki/Четвёртая_промышленная_революция/

[4] Артамонов В.А., Артамонова Е.В. Цифровая трансформация экономики как предвестник четвертой промышленной революции // Защита информации. Инсайд. – Санкт-Петербург, 2019. – Вып. 3(87).

[5] Технологии после Кризиса. Сергей Переслегин. – https://youtu.be/PRYPv3_dWNE/

Искусственный интеллект и робототехника как основа новой промышленности

Уже в XX веке писатели-фантасты описывали «небывалые возможности» искусственного интеллекта (ИИ)[1], а также пугали человечество негативными последствиями его применения. Сейчас материалы на тему «искусственного интеллекта», «робототехники» и др. появляются в популярных СМИ очень часто. Главная угроза, по мнению авторов этих изданий, – это тотальная безработица и власть роботов и интеллектуальных компьютерных систем над человеком. А как на самом деле обстоят дела с ИИ и развитием робототехники? Какие задачи стоят перед робототехникой в 6 технологическом укладе?

Мы уже сейчас видим широкое внедрение роботизированных систем как в промышленности, так и в интеллектуальной сфере. Это дроны, безлюдные производства, испытания беспилотных автомобилей[2]. В 6 технологическом укладе ставится цель создания единой промышленной роботизированной среды. Это вовсе не означает, что человеку там не будет места, хотя уровень безработицы, конечно же будет высокий. На примере беспилотных автомобилей можно показать, что на данном этапе нереально построить роботизированные системы без участия человека. Отметим в этой связи, что аварии с участием беспилотных автомобилей уже были (эти случаи представлены в Интернете), а в США для испытания беспилотных автомобилей выдвигается обязательное условие: «на водительском сидении должен присутствовать человек, который в случае экстренной ситуации сможет взять управление на себя»[3].

Дело в том, что научить интеллектуальные машины принимать правильные с точки зрения этики и морали решения – это фундаментальная задача, которая стоит перед разработчиками программного обеспечения для беспилотников, и пока она не решена[4]. А человек способен принять такое решение очень быстро и интуитивно (может быть не каждый человек, но опытный водитель принимает такие решения очень часто). Почему?

В узкоспециализированных задачах человек уступает роботам, но робот не в состоянии охватить такой широкий спектр деятельности, который под силу человеку. У человека развита как первая, так и вторая сигнальные системы[5], а также логическое и образное мышление (левополушарное и правополушарное). Это и позволяет нам быстро принимать важные решения и оперировать моральными принципами, что пока недоступно роботам. Примерно такие же проблемы обнаружили ученые и при попытках внедрять полностью безлюдные производства вместо привычных нам промышленных предприятий. Какое же здесь возможно оптимальное решение?

На первом этапе роботизации возможно внедрение коллаборативных роботов (коботов).

«Коллаборативный робот (кобот) – это автоматическое устройство, которое может работать совместно с человеком для создания или производства различных продуктов. Коллаборативные роботы применяются на производстве в решении задач, которые нельзя полностью автоматизировать»[6].

Как несложно догадаться, операторами таких коботов будут люди, способные к принятию правильных решений в критических ситуациях, причем на интуитивном уровне и очень быстро.

Выше мы рассмотрели преимущества и недостатки внедрения робототехники в промышленности, логистике и сфере услуг, где будут замещены роботами места для «синих воротничков». А что же нас ждет в сфере интеллектуального труда, где работают высокоинтеллектуальные и креативные представители среднего класса? Здесь нужно обратить внимание на такие области ИТ, как машинное обучение[7], нейронные сети[8] и большие данные[9].

«Машинное обучение – класс методов искусственного интеллекта, характерной чертой которых является не прямое решение задачи, а обучение в процессе применения решений множества сходных задач».

Очень интересно описывает применение искусственного интеллекта в креативной сфере русский писатель-фантаст Виктор Пелевин в своем романе «iPhuck 10», действие которого происходит в середине XXI века. Одним из основных «героев» этого произведения является компьютерный полицейско-литературный алгоритм «ZA-3478/PH0 бильт 9.3», имеющий имя Порфирий Петрович, который занимается расследованием преступлений и вместе с тем пишет роман[10]. Обратите внимание на описание продвинутых средств в области кибербезопасности, которые рассматриваются в романе и которыми снабжаются в будущем все устройства Интернета вещей.

А как обстоят дела с внедрением решений AI в различных областях человеческой деятельности не в далеком будущем, а прямо сейчас?

Сегодня мы уже пользуемся системами машинного перевода, конечно же, это не заменит профессиональных переводчиков, к примеру, сложной специализированной документации или художественных произведений, но для многих простых сфер деятельности нам достаточно и уровня машинного перевода. Уже работают системы ИИ для написания текстов, которые могут в будущем заменить целый спектр вакансий: журналистов, копирайтеров, маркетологов, контент-менеджеров и т.д.

---

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Искусственный_интеллект/

[2] https://ru.wikipedia.org/wiki/Беспилотный_автомобиль/

[3] Были ли аварии беспилотных автомобилей. – https://bespilot.com/chastye-voprosy/byli-li-avarii-ba/

[4] Кто погибнет в аварии – пассажиры беспилотного автомобиля или пешеходы. – https://bespilot.com/chastye-voprosy/kto-pogibnet-v-avarii-passazhir-ba-ili-peshekhod/

[5] Первая и вторая сигнальные системы. – https://spravochnick.ru/biologiya/vysshaya_nervnaya_deyatelnost/pervaya_i_vtoraya_signalnye_sistemy/

[6] https://ru.wikipedia.org/wiki/Коллаборативный_робот/

[7] https://ru.wikipedia.org/wiki/Машинное_обучение/

[8] https://ru.wikipedia.org/wiki/Нейронная_сеть/

[9] https://ru.wikipedia.org/wiki/Большие_данные/

[10] https://ru.wikipedia.org/wiki/IPhuck_10/

Как ИИ пишет тексты?[1] На первом этапе собирается и обрабатывается большой объем текстов с обозначенными характеристиками. К примеру, новости на заданную тему или документация в какой-то области техники. После этого подбирается конкретный алгоритм, который обучается на заданном наборе текстов, запоминает и обобщает характерные особенности исходного материала. На последнем этапе строится модель машинного обучения. Эта модель сама генерирует текст, похожий на первичный материал, но, пока еще с ошибками. Вот на этом этапе и нужен человек, чтобы проверить ошибки и отредактировать текст. Сегодня такие системы применимы только для простых и типовых задач, например, для создания кратких типовых новостей для сайта или описаний товаров. Серьезные аналитические статьи, конечно же, пишут люди.

Аналогичные системы разрабатываются и в других областях: в юриспруденции и государственном управлении (об этом мы расскажем в следующих частях статьи), в банковской сфере и бухгалтерии, а также в сочинении музыки и написании картин. Пока успех достигается в автоматизации рутинных операций (написания типовых текстов, бухгалтерских операций, перевода с иностранных языков и т.д.). Но не за горами и автоматизация более креативной работы, что конечно же создаст большую угрозу вытеснения с рынка труда «белых воротничков», т.е. среднего класса.

В области автоматизации управленческой и консалтинговой деятельности можно рассмотреть примеры использования IBM Watson – суперкомпьютера фирмы IBM, оснащённого системой искусственного интеллекта. Класс задач, который пытаются решать с помощью такой системы, очень широк – от исследований в области онкологии до принятия управленческих решений на уровне корпораций. Как видите, угроза безработицы возможна в будущем даже для высших слоев ТОП-менеджмента в крупном корпоративном секторе[2].

Отметим главные негативные социальные последствия, которые могут наступить в ходе внедрения систем ИИ (машинного обучения, нейронных сетей и больших данных):

- Алгоритмам дадут полную власть над людьми. ИИ и МО будут решать за людей, где им жить, работать, с кем встречаться и за кого голосовать.
- Цифровая диктатура, при которой каждый житель государства – это объект непрерывной слежки.
- Чрезмерное усложнение систем и очень узкая специализация[3].

Кстати, негативные футуристические прогнозы в отношении цифровой диктатуры и влияния цифровых технологий на жизнь социума показываются в сериале «Черное зеркало»[4]. Да и власти Китая уже несколько лет практикуют внедрение так называемого «социального рейтинга», который возможно приведет китайское общество к тотальной цифровой диктатуре в будущем.

Юриспруденция, финансы и управление в цифровую эпоху

Блокчейн и криптовалюты вошли в нашу жизнь более десяти лет назад, и в глазах обывателей это понятие тесно связано с биткоинами и майнингом. Однако, блокчейн, криптовалюты и смарт-контракты могут стать основой для построения новой финансовой, юридической и управленческой системы 6 технологического уклада. Пока криптовалюты и блокчейн используются только в очень узких сферах как продвинутыми ИТ-профессионалами, так и представителями киберкриминала из Даркнета.

В шестом технологическом укладе несущей отраслью является цифровая экономика, а управленческой составляющей – электронное правительство. Электронное правительство в свою очередь опирается на право. В последнее время наметилась тенденция создавать огромное количество законов, подзаконных актов, нормативных документов и т.д., которые малопонятны даже юристу, противоречат другим законам и часто имеют двойное толкование. Эта проблема выявлена не только в странах СНГ, но и в ЕС, США и др. странах, где рядовой гражданин уже не имеет нормального доступа к правосудию. Большинство граждан не понимают, как, а главное «за сколько» может помочь решить их проблему юрист. Складывается впечатление, что законы пишут так, чтобы люди их не понимали, нарушали и обращались к юристам. Поскольку большая часть работы юридической направленности – типовая и шаблонная, оцифровав материалы, подключив ИИ и доступ к большим данным и автоматизировав деятельность, мы на выходе получим LegalTech[5]. LegalTech (LawTech) – это отрасль бизнеса, которая специализируется на информационно-технологическом обслуживании профессиональной юридической деятельности и на оказании потребителям юридических услуг с использованием ИТ. Одним из направлений LegalTech является разработка инструментов, делающих возможной юридическую оценку обстоятельств дела неспециалистами. Фактически у нас появляется программное обеспечение, позволяющее без помощи юристов анализировать и готовить правовые документы, частично автоматизировать процесс принятия решений по юридическим вопросам, составлять черновики документов.

В перспективе это позволит уменьшить число ошибок, сопровождающих совершение юридических действий за счёт того, что компьютерные системы и ИИ смогут проанализировать огромный массив правовых норм и прецедентов (иногда противоречащих друг другу), а также повысить доступность юридических услуг за счёт снижения стоимости и устранения «человеческого фактора».

---

[1] AI-журналист, писатель и поэт: чьи тексты мы прочитаем в ближайшем будущем? – https://rb.ru/longread/ai-authors/

[2] IBM Watson: где и как сейчас используются возможности суперкомпьютера? – https://habr.com/ru/company/ibm/blog/225771/

[3] Артамонов В.А., Артамонова Е.В., Кулак Л.А. Безопасность информационно-коммуникационных технологий в контексте устойчивого развития социума // Цифровая трансформация. – Минск, 2019. – Вып. 2. – С. 36–45.

[4] https://ru.wikipedia.org/wiki/Чёрное_зеркало_(телесериал)/

[5] Артамонов В. А., Артамонова Е.В. Применение семантических технологий и блокчейн в юридической сфере // Защита информации. Инсайд. – Санкт-Петербург, 2019. – Вып. 2.

На какой базе строятся такие системы? Продукты LegalTech разрабатываются на базе блокчейн, методов семантики и онтологии, систем электронного документооборота (СЭД) следующего поколения. СЭД следующего поколения будут основаны на семантических технологиях и онтологическом подходе, основные принципы которого следующие: внедрение полностью электронного взаимодействия и автоматической обработки документов, переход от человеко-читаемых к программно-обрабатываемым описаниям электронных документов. На сегодняшний день документы как в бумажной форме, так и в электронной слабо структурированы и предназначены только для человека, эта беда замечена и с современными Интернет-ресурсами. Для решения проблемы «чтения документов роботами» исследователями предложена новая концепция — «Семантический Web». Семантический Web (см. рис. 1.) предполагает объединение разных видов информации в единую структуру, где каждому смысловому элементу данных будет соответствовать специальный синтаксический блок (тэг), все тэги составляют единую иерархическую структуру. Каждая страница семантической сети содержит информацию как на языке, понятном человеку (это то, что мы видим в браузере), так и на специальном языке разметки, понятном интеллектуальным программам-агентам (роботам).

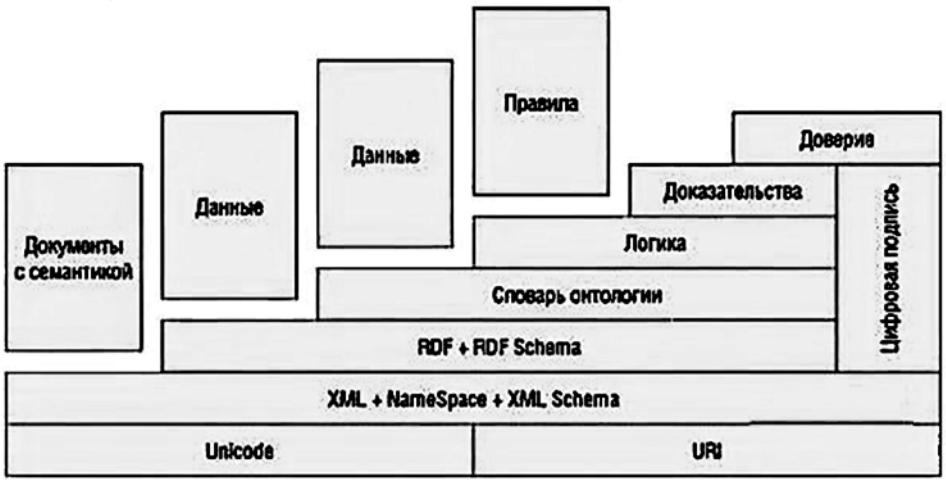

Рисунок 1.
Общая концепция «Семантического Web»

А чем же нам в юридической и управленческой сфере поможет технология блокчейн?

Блокчейн можно представить как защищенный от несанкционированного доступа цифровой реестр общего пользования, который ведет учет транзакций в публичной или закрытой одноранговой сети. Этот реестр, распределенный между всеми узлами сети, непрерывно записывает историю операций с активами между одноранговыми (одного порядка) узлами сети в виде блоков информации. Утвержденные блоки транзакций объединяются в цепочку, а блокчейн выступает в качестве единого источника достоверных данных. Сегодня юриспруденция все еще имеет дело с обычными реестрами, которые централизованы и находятся под контролем администратора или регулятора. При использовании централизованных традиционных систем возникают определенные риски ИБ, например, есть угроза несанкционированного доступа злоумышленника к базе данных и похищения конфиденциальной информации, а также «человеческий фактор» (действия инсайдеров, ошибки сотрудников и т.д.). Распределенные реестры по своей сути гораздо лучше защищены от атак. Основной принцип технологии блокчейн здесь следующий: юридический документ, заверенный электронной подписью, помещается в блок децентрализованного реестра (в блокчейн), таким образом, появляется неопровержимое свидетельство того, к какому соглашению пришли стороны, и временная метка, когда было заключено это соглашение.

На сегодняшний день есть такие сферы деятельности, которые уже можно смело переводить на технологию блокчейн – сделки с недвижимостью, страхование, голосование на выборах и т.д. На следующем этапе развития технологии блокчейн, возможен отказ от использования хорошо знакомого нам электронного документа (ЭД) и помещения его в блокчейн. В блокчейн будет помещаться *юридически значимая запись*, например, которая подтверждает факт перехода имущества от гражданина А. к гражданину В., а сотрудники судов, прокуратуры и т.д. будут оперировать в своей деятельности такими записями в реестре блокчейн. Здесь мы подходим к такому понятию, как смарт-контракты и применение их для составления типовых договоров и оформления коммерческих сделок.

Смарт-контракт (умный контракт) — это компьютерный алгоритм, предназначенный для заключения и поддержания разного рода контрактов в технологии блокчейн. Все условия контракта должны иметь математическое описание, они разрабатываются на специальном языке программирования, который позволяет реализовать алгоритм вида: «если... – то...». Сегодня с помощью смарт-контрактов можно описать наиболее простые и ясно сформулированные деловые взаимоотношения, состоящие из небольшого количества условий (например, сделку купли-продажи или процесс регистрации недвижимости). Исполнение смарт-контрактов осуществляется компьютерной программой, участие сторон и посредников в этом процессе не требуется, а изначально правильно заданные параметры в программе минимизируют риск недобросовестного поведения сторон при исполнении контракта. Но в дальнейшем предполагается

постепенный переход на естественные языки при составлении умных контрактов, заниматься этим смогут не только программисты, но и юристы и государственные служащие[1].

Конечно же, массовое внедрение подобных систем, а также переход к смарт-контрактам в бизнесе и юриспруденции, и к криптовалютам в финансовой сфере создаст как позитивные последствия, так и негативные. К негативным можно отнести повышение уровня безработицы в юридической сфере, а также в области госуправления, изменение роли банков и других финансовых структур (постепенное их сокращение и преобразование в другие структуры).

Дистанционное образование и работа

Тема дистанционной работы и образования стала остроактуальной в последнее время по причине коронавирусной эпидемии во всем мире и чрезвычайных мер по карантину и самоизоляции, которые были приняты правительствами многих стран. Хотя для работников постиндустриальных сфер (ИТ, Интернет-маркетинг и т.д.) в принципе ничего особенно и не изменилось, т.к. удаленная работа и обучение в этих областях считаются обычным делом, по крайней мере в последние 10–15 лет.

Итак, с чем же столкнулись наши школы и вузы в связи с резким переходом на «удаленку»? С полной неготовностью как в плане технологической базы, так и с плохой подготовкой преподавателей и учащихся к таким формам обучения. Обучение стали проводить в популярных мессенджерах (Skype, Viber, в лучшем случае в Zoom), причем такими же методами, как и при очном обучении в классе, т.е. ученики решают задачу или тест на бумаге ручкой, сканируют (фотографируют на телефон) и передают преподавателю в мессенджере или по электронной почте для проверки.

Самыми «прогрессивными преподавателями» (в основном в ИТ и технических областях знания) были использованы стеки «условно-бесплатных» технологий, например, **Slack + Trello (Jira, Confluence) + Google Docs + Zoom**[2].

Примерно на таком же уровне была организована дистанционная работа в компаниях, которые до этого никогда не сталкивались с удаленными командами. Некоторые учебные заведения, правда, уже наработали кое-какие дистанционные курсы на платформе Moodle, это свободное программное обеспечение (СПО)[3].

Надо отметить, что вообще-то в дистанционном обучении за последние 10 лет наметился значительный прорыв в плане технологических платформ и методов обучения и выражается это в появлении новой концепции, которая получила название — *«система управления обучением»*.

Система управления обучением (англ. learning management system, LMS или E-learning) – это программное приложение для администрирования учебных курсов в рамках дистанционного обучения.

Как правило, в корпоративной практике LMS интегрируются в более крупные SaaS-платформы для комплексного управления человеческим капиталом (Human Capital Management, HCM)[4]. HCM-платформа содержит в себе модули для управления обучением, компетенциями и талантами, подбора и оценки персонала, вознаграждения и материальной компенсации, аналитики, менеджмента и др.

Более подробно остановимся на принципах дистанционного обучения с помощью LMS. Итак, платформа LMS предназначена для дистанционного образования сотрудников или студентов, в том числе и с помощью мобильного приложения. Она включает в себя различные интерактивные курсы, систему автоматического тестирования учащихся, модули геймификации и статистики, а также средства для создания интерактивных курсов в стандартах типа SCORM.

SCORM – сборник спецификаций и стандартов, разработанный для систем дистанционного обучения: SCORM 1.2 и 2004, (англ. Sharable Content Object Reference Model [5].

С помощью этих спецификаций разработчики получили возможность создания инструментария для простого и интуитивно-понятного программного обеспечения, с помощью которого преподаватель сможет самостоятельно разрабатывать интерактивные курсы с механизмом обратной связи с учащимися. Интерактивный документ – это не просто статический конспект лекций или презентация, это курс, который включает в себя видео, графику, презентацию, текст, опрос учащихся и элементы геймификации.

Геймификация – это использование в приложениях для обучения наработок из игровой индустрии (игровые механики) для вовлечения и удержания пользователей[6]. Часто мы эту технологию встречаем в мобильных приложениях для обучения иностранному языку online, особенно на начальных уровнях. Именно такими методами можно эффективно обучать современное поколение школьников и студентов без скучных лекций и утомительной зубрежки.

Однако уже сейчас некоторые разработчики добавляют в свои продукты e-learning элементы дополненной реальности и даже виртуальной реальности. Например, мобильное приложение wARna, разработанное в Малазийском технологическом университете (UTM), с помощью которого можно обучить детей рисованию удаленно с использованием технологий дополненной реальности[7]. Для обучения нужно иметь специальную книжку-раскраску, упаковку цветных карандашей и мобильное приложение на смартфоне. Ребенок рисует карандашами в книжке, затем сканирует

---

[1] LegalTech: Применение блокчейн и семантических технологий в юридической сфере. – http://itzashita.ru/blokcheyn-proektyi/legaltech-primenenie-blokcheyn-i-semanticheskih-tehnologiy-v-yuridicheskoy-sfere.html/

[2] Связка SaaS сервисов для общения в организации на удаленке. – https://habr.com/ru/post/495814/?fbclid=IwAR1RpLbWjWHfn0OsapUB8YPRl4-2SV5ymEbfKVy6CTwIiITKf3eEAtI-wQ/

[3] About Moodle. – https://docs.moodle.org/38/en/About_Moodle/

[4] Human Capital Management (HCM). – https://www.bamboohr.com/hr-glossary/human-capital-management-hcm/

[5] https://ru.wikipedia.org/wiki/SCORM/

[6] Что такое геймификация? – http://gamification-now.ru/wtf/

[7] wARna. – https://ihumen.utm.my/magicx/project/warna/

рисунок прямо в мобильном приложении, в результате получает трехмерную модель нарисованного, причем с использованием тех же цветов, что и в книжке-раскраске. Так работает обучение с элементами дополненной реальности, но не за горами переход к технологиям виртуальной реальности, которая уже широко используется при создании компьютерных игр. Виртуальная реальность[1] конструирует новый искусственный мир, а дополненная реальность[2] лишь вносит отдельные искусственные элементы в восприятие мира реального.

Заключение

Прямо на наших глазах происходит цифровая трансформация, и совершается Industrie 4.0, что приведет в течение следующего десятилетия к полному переформатированию промышленности, юриспруденции, государственного управления, а также образования, медицины и сферы услуг. Технологической базой для новой промышленности станут робототехника и системы ИИ, применение LegalTech, блокчейна, криптовалют, СЭД нового поколения полностью трансформируют юриспруденцию, органы государственного управления, а также финансовую систему. Повсеместное внедрение E-learning, систем виртуальной и дополненной реальности произведет переворот в образовании и позволит готовить кадры для новой экономики 6 технологического уклада наиболее эффективно и быстро. Конечно же, все эти факторы вызовут и множество проблем как технических (в области информационной безопасности, повышении нагрузки на инфраструктуру сетей), так и социальных (рост безработицы, нервных и психических расстройств, суицидов, расслоения общества и т.д). Только согласованными и грамотными действиями по внедрению методов цифровой трансформации во всех ключевых отраслях экономики можно будет преодолеть данные негативные последствия форсированного перехода к 6 технологическому укладу.

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальная_реальность/

[2] Материал из Википедии [Электронный ресурс]. – URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Дополненная_реальность // (Дата обращения: 17.04.2020).

Артамонов В.А.,
Артамонова Е.В.[1]

ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ[2]

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), математическая теория вычислений, искусственный интеллект (ИИ), машинное обучение (МО), нейронные сети, большие данные (big data), Интернет вещей (IoT), закон Мура, компьютерные шахматы, игра ГО, распознавание речи и образов, технологическая сингулярность, постчеловеческий мир, угрозы ИИ, цифровой колониализм, парадоксы теории множеств, гипотеза континуума, кибербезопасность.*

Введение

История искусственного интеллекта, как нового самостоятельного научного направления в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), начинается в середине XX века. К этому времени уже было сформировано множество предпосылок его зарождения: среди философов давно шли споры о природе человека и процессе познания мира, нейрофизиологи и психологи разработали ряд теорий относительно работы человеческого мозга и мышления, экономисты и математики задавались вопросами оптимальных расчётов и представления знаний о мире в формализованном виде. И наконец, зародился фундамент математической теории вычислений – «теория алгоритмов», что привело к созданию первых компьютеров.

Возможности новых машин в плане скорости вычислений оказались больше человеческих, поэтому в учёном сообществе зародился вопрос: каковы границы возможностей компьютеров и достигнут ли машины уровня развития человека? В 1950 году один из пионеров в области вычислительной техники, английский учёный Алан Тьюринг пишет статью под названием «Может ли машина мыслить?», в которой описывает процедуру, с помощью которой можно будет определить момент, когда машина сравняется в плане разумности с человеком. Эта процедура получила название «тест Тьюринга». Далее, в 1956 году ученый-информатик Джон Маккарти ввел в обиход выражение «искусственный интеллект» (ИИ) для описания науки изучения разума путем воссоздания его ключевых признаков на компьютере. Создание разумной системы с помощью рукотворного оборудования вместо нашего собственного «оборудования» в виде клеток и тканей должно было стать иллюстрацией полного понимания этой проблемы, и повлечь за собой практические применения в виде создания умных устройств или даже роботов.

Со времён Тьюринга и Маккарти ИКТ прошли большой путь, развиваясь по экспоненциальному закону, и ИИ также получил соответствующий эволюционный прогресс. Появились системы машинного обучения (МО), нейронные сети, системы поиска в больших данных, Интернет вещей (IoT), компьютерные игры, системы распознавания речи и образов, роботизированные комплексы, военный ИИ и др.

Однако до настоящего времени нет единой концепции (парадигмы) анализа и синтеза систем ИИ, что породило массу мифов и догматических толкований этого научного направления.

В данной работе мы попытаемся разобраться в части сложившихся предубеждений и дать разумное толкование возникших интерпретаций особенностей ИИ.

Миф 1. *Большинство исследований ИИ проводятся так, как если бы вычислительные мощности, доступные учёному, были бы постоянными на определённом отрезке времени, и в данном случае использование человеческих знаний было бы одним из единственных способов повышения результативности научного поиска.*

Однако через некоторое время, может быть даже несколько меньшее, чем нужно для типичного исследовательского проекта, по закону Мура, согласно которому производительность и вычислительная мощность компьютеров увеличивается в два раза каждые пару лет, учёным становятся доступными гораздо больше вычислительных ресурсов чем в начале исследований[3]. В поисках улучшений, которые могут помочь в краткосрочном периоде, ученые пытаются использовать максимум человеческих знаний в этой области, но единственное, что имеет значение в долгосрочной

---

[1] Артамонов Владимир Афанасьевич – д.т.н., профессор, академик Международной академии информационных технологий (МАИТ), г. Минск. Круг научных интересов: информационно-коммуникационные технологии и их безопасность. E-mail: artamonov@itzashita.ru. Сайт: http://itzashita.ru. Для почтовых отправлений: Республика Беларусь, 220100, г. Минск, а/я 102.

Артамонова Елена Владимировна – к.т.н., (PhD), член МАИТ. Руководитель и разработчик Интернет-проекта в области информационной безопасности. Круг научных интересов: Информационные технологии, кибербезопасность, блокчейн и криптовалюты, телеком, ИТ-маркетинг, системы E-learning. E-mail: admin@itzashita.ru, Skype: moorhuhn081. Сайт: http://itzashita.ru Для почтовых отправлений: Республика Беларусь, 220100, г. Минск, а/я 102.

[2] Доклад, представленный на Международную научную конференцию «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи».

[3] Moore G.E. No exponential is forever: but «Forever» can be delayed! – https://ieeexplore.ieee.org/document/1234194/

перспективе – это нарастающее использование вычислительных мощностей. Эти два аспекта не должны идти вразрез друг с другом, но на практике идут. Время, потраченное на один из них, не равно времени, потраченному на другой. Есть психологические обязательства по инвестированию в тот или иной подход. А подход, основанный на знаниях человека, имеет тенденцию усложнять методы таким образом, что они становятся менее подходящими для использования преимуществ общих методов, использующих вычисления.

Вывод. *В исследовательских проектах нужно стараться сразу отбрасывать попытку решить задачу ИИ методом «мозгового штурма», потому что пройдет некоторый период времени, и она решится гораздо быстрее и проще, благодаря росту мощности вычислений.*

Было много примеров, когда исследователи ИИ запоздало понимали этот горький урок. Рассмотрим некоторые из таких случаев. В компьютерных шахматах методы, победившие чемпиона мира Каспарова в 1997 году, основывались на массивном глубоком поиске. В то время к ним с тревогой относились большинство исследователей компьютерных шахмат, которые использовали методы, основанные на понимании человеком особой структуры шахмат. Когда более простой, основанный на поиске подход со специальным аппаратным и программным обеспечением оказался намного более эффективным, исследователи, отталкивающиеся от человеческого понимания шахмат, не признали поражения. Они сказали: «В этот раз подход грубой силы, может быть, и победил, но это он не станет общей стратегией, и уж точно люди не играют в шахматы таким образом». Эти ученые хотели, чтобы методы, основанные на человеческом способе мышления, победили, и очень разочаровались, когда этого не произошло.

Вывод. *Прямое решение проблемы с помощью компьютерной вычислительной мощности возьмет свое, рано или поздно.*

Аналогичная картина прогресса в исследованиях была замечена в игре ГО, превосходящей на порядок по сложности шахматы, но только с задержкой на 20 лет. Первоначально, огромные усилия направлялись для того, чтобы используя человеческие знания и особенности игры, достигнуть победы над игроком-человеком. Однако, все эти усилия оказались ненужными или даже вредными, как только исследователи эффективно применили поиск в больших данных (*Big data*) и вычислительные мощности компьютеров. Также, важно было использовать машинное обучение в процессе самостоятельной игры, чтобы выявить ценностную функцию (как это было во многих других играх и даже в шахматах, только машинное обучение не играло большой роли в программе 1997 года, которая впервые обыграла чемпиона мира). Обучение игре с самим собой, обучение в целом, это как поиск, позволяющий применять огромные массивы вычислений. Поиск и обучение — это два самых важных класса техник, которые задействуют огромные объемы вычислений в исследованиях ИИ.

В компьютерном противоборстве с человеком по игре в ГО[1], как и в компьютерных шахматах, первоначальные усилия исследователей были направлены на использование человеческого понимания (чтобы использовать меньше поиска в больших данных), и лишь много позже был достигнут гораздо больший успех — за счет использования поиска и МО.

Вывод. *Поиск и машинное обучение, подпитанные вычислительной мощностью, намного превосходят попытки решить задачу «нестандартным подходом мышления».*

В области распознавания речи в 1970-х годах был проведен конкурс, спонсируемый DARPA (Управление стратегических исследований министерства обороны США). Участники представляли различные методы, которые использовали преимущества человеческого знания – знания слов или фонем, человеческого голосового тракта и так далее. По другую сторону баррикад были более новые методы, статистические по своей природе, и выполняющие больше вычислений на основе скрытых моделей Маркова. И опять же статистические методы победили методы, основанные на знаниях человека. Это привело к серьезным изменениям во всей технологии по обработке естественного языка, и в итоге, статистика и вычисления начали доминировать в этой области. Недавний рост глубокого обучения в области распознавания речи – это самый последний шаг в этом исследовательском направлении. Методы глубокого машинного обучения еще меньше полагаются на человеческие знания и используют всё больше вычислительных ресурсов, наряду с обучением на огромных наборах данных, и выдают потрясающие результаты при реализации систем распознавания речи и образов.

Как и в играх, ученые всегда пытались создавать системы, которые будут работать так, как они представляли этот процесс в своих головах, т.е. они пытались поместить свои знания в эти системы, однако, все это выходило крайне непродуктивно, ученые просто тратили время, до тех пор, пока вследствие закона Мура, им становились доступными все более мощные компьютеры. Вследствие чего проблема решалась совершенно на другом уровне.

Вывод: *нельзя входить в одну и тоже реку дважды, учиться нужно на чужих, а не на своих ошибках.*

Похожая картина была и в области компьютерного зрения. Первые методы воспринимались как поиск неких контуров, обобщенных цилиндров, либо с применением возможностей SIFT (масштабно-инвариантной трансформации признаков). Но сегодня все это уже в прошлом. Современные нейронные сети с глубоким обучением используют понятие свертки и определенных инвариантов, это работает намного лучше.

В какую бы область мы ни заглянули, мы везде продолжаем совершать одни и те же ошибки. Чтобы увидеть это и эффективно побороть, нужно понять, почему эти ошибки так привлекательны. Мы должны усвоить «горький урок», состоящий в том, что построение нового, отталкиваясь от того, как мы думаем, не работает в долгосрочной перспективе.

[1] Человек отстал от компьютера // Российская газета. – М., 2016. – № 54 (6922). – https://rg.ru/2016/03/15/chempion-mira-po-go-proigral-kompiuternoj-programme.html

Опыт, основанный на исторических наблюдениях, показывает, что исследователи ИИ часто пытаются встроить знание в своих агентов – это всегда помогало в краткосрочной перспективе и приносило ученым удовлетворение, но в долгосрочной перспективе все заходило в тупик и тормозило дальнейший прогресс. Прорывной прогресс неизбежно приходил с применением противоположного подхода, основанного на масштабировании вычислений за счет поиска в больших данных и машинного обучения. Успех иногда разочаровывал исследователей и зачастую не воспринимался полностью, потому что это был успех вычислений, а не успех ориентированных на человека подходов.

Второе, что следует извлечь из этого горького урока, состоит в том, что фактическое содержание человеческого ума чрезвычайно сложное и кажущееся иногда непознаваемым. Нам стоит перестать пытаться найти простые способы осмыслить содержание ума, похожие на простые способы осмысления пространства, объектов, множественных агентов или симметрий. Все они являются частью произвольно сложного внешнего мира. Нам не стоит пытаться от них отталкиваться, потому что их сложность бесконечна. Нам стоит строить свои стратегии научного поиска в области ИИ на метаметодах, которые могут находить и улавливать эту произвольную сложность. Эти методы могут находить хорошие приближения, но поиск их должен осуществляться *нашими методами, а не нами умозрительно*. Нам нужны агенты ИИ, которые могут открывать новое в мироздании, как это делают люди, а не содержать то, что мы уже открыли. Построение на наших открытиях только усложняет процесс познания мира и поиска новых сущностей.

Вывод. *Нужно опираться на масштабируемые вычисления и поиск, а не пытаться воспроизвести человеческие размышления и догмы в попытках объяснить сложные методы познания простыми схемами, ибо в долгосрочной перспективе сработает первое, а не последнее.*

Миф 2*: В результате экспоненциального роста производительности компьютеров наступит время «технологической сингулярности», когда вычислительная мощность ИИ сравняется по интеллекту с человеческим разумом, и как поведёт себя этот искусственный разум в «постчеловеческом мире» невозможно предугадать.*

Для каждого периода времени развития человечества характерна своя трансформация, которую можно описать как некую совокупность промышленных технологий, позволяющих создать определенный качественный скачок в росте производительности труда. Это определение вписывается в широко принятую концепцию смены технологических укладов, где трансформация на базе ИКТ является одним из этапов (см. рис. 1). Кривая изменения экономического прогресса (роста производительности труда) отображается в виде S-образной кривой с периодами зарождения (медленного роста), активного роста и зрелости (замедления роста). Совокупность технологических инноваций приводит к смене одного уклада на другой. Каждый из этапов экономического прогресса на рис. 1 (включая стадию ИКТ) можно разделить на более мелкие части, и в каждой выделить свои трансформирующие технологии.

Осмысление экспоненциального роста технологий потребовало некоторого времени, прежде чем они получили полное признание всего за несколько лет. Этой тенденции следуют самые разные области, такие как искусственный интеллект и машинное обучение в качестве одной из ветвей развития ИКТ, робототехника, здравоохранение, электро- и самоуправляемые автомобили, образование, 3D-печать, промышленность и сельское хозяйство.

Добро пожаловать в 4-ю промышленную революцию. Добро пожаловать в Экспоненциальный Век. Эта концепция была предложена Вернором Винджем, который предположил, что если мы сумеем избежать гибели цивилизации до этого, то сингулярность произойдет из-за прогресса в области искусственного интеллекта, интеграции человека с ИКТ или других методов увеличения разума[1]. Усиление разума, по мнению Винджа, в какой-то момент приведет к положительной обратной связи: более разумные системы могут создать еще более интеллектуальные системы и сделать это быстрее, чем первоначальные их конструкторы – люди. Эта положительная обратная связь скорее всего окажется столь сильной, что в течение очень короткого промежутка времени (месяцы, дни или даже всего лишь часы) мир преобразится больше, чем мы сможем это представить, и внезапно окажется населен сверхразумными созданиями.

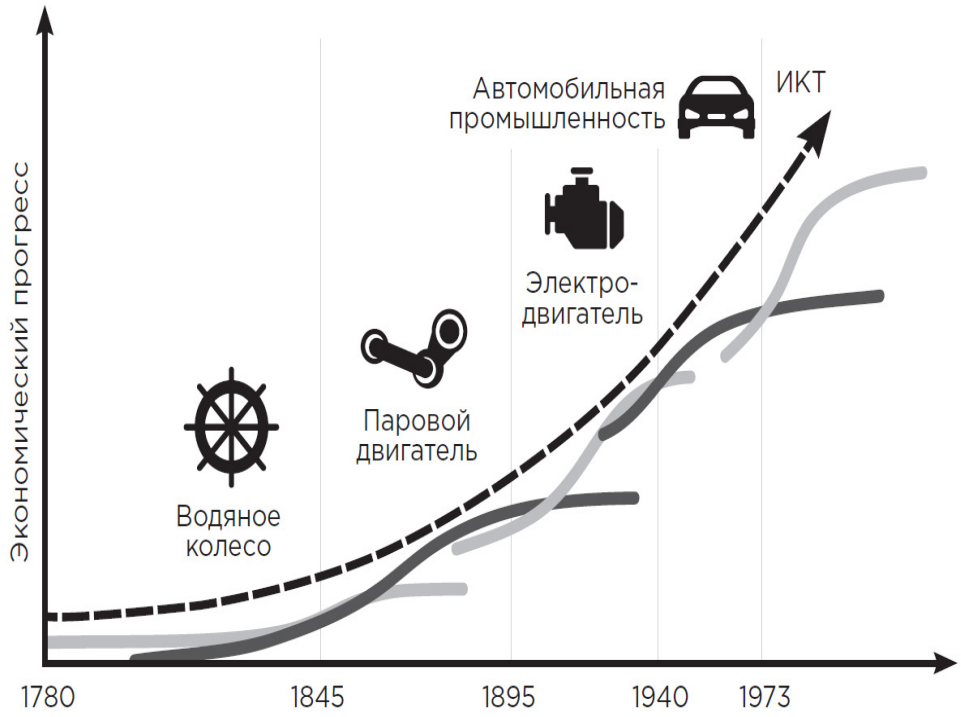
По мнению некоторых учёных-футурологов[2] и того же Винджа, придерживающихся концепции сингулярности, она должна наступить около 2030 года и даже по самому пессимистическому сценарию не позднее середины этого века, т.е. в 2050 году. Сторонники теории технологической сингулярности считают, что если возникнет принципиально отличный от человеческого разум (*постчеловек*), дальнейшую судьбу цивилизации невозможно предсказать, опираясь на человеческую логику. С понятием сингулярности часто связывают идею о невозможности предсказать, что будет после нее.

Постчеловеческий мир, который в результате появится, возможно, будет столь чуждым для нас, что сейчас мы не можем знать о нем абсолютно ничего. Единственным исключением могут быть фундаментальные законы природы, но даже тут иногда допускается существование еще не открытых законов (у нас пока нет теории квантовой гравитации) или не до конца понятых следствий из известных законов (путешествия через пространственные «дыры», рождение «вселенных-карликов», путешествия во времени и т.п.), с помощью которых *постлюди* смогут делать то, что мы привыкли считать физически невозможным.

Вывод. *Вопрос предсказуемости важен, поскольку, не имея возможности предсказать хотя бы некоторые последствия наших действий, нет никакого смысла в том, чтобы пытаться направить развитие в желательном направлении.*

[1] Vinge V. (1993) The Coming Technological Singularity. – http://www- ohan.sdsu.edu/faculty/vinge/misc/singularity.html/

[2] Новоселов А. Технологическая сингулярность как ближайшее будущее человечества. – http://andrzej.virtualave.net/Articles/singularity.html/

Источник: Hilbert M., University of California).

Рисунок 1.
Трансформирующие технологии и технологические уклады

Миф 3. *Угрозы ИИ и кризис человечества.*

Человечество стоит на пороге не только технологического, но и философского кризиса, считает историк Юваль Харари, автор книги «Sapiens: Краткая история человечества»[1]. Новые технологии формируют новые формы антиутопии. И общество пока не понимает, как адаптироваться к меняющейся реальности.

Харари вывел формулу предстоящего глобального кризиса**:**

$$B * C * D = HH$$

В данном случае **B** – это познания в биологии, **C** – это вычислительная мощность, а **D** – это данные. Если помножить их друг на друга, появится возможность взламывать людей (**HH** – hack humans).

Под взломом исследователь подразумевает возможность управлять человеком на глубинном уровне, то есть контролировать его желания и стремления. Харари опасается, что правительства и корпорации скоро изучат людей настолько, что смогут с легкостью регулировать их мысли.

Технологии отдаленно будут напоминать таргетированную рекламу, только их действие будет более точным, а эффект – стопроцентным.

Ранее исследователь отмечал, что в сложившихся обстоятельствах привычные философские концепции отмирают. Это касается свободы воли и свободы выбора. Люди ошибочно полагают, что контролируют ситуацию, но на самом деле это не так.

Главное следствие масштабного внедрения искусственного интеллекта – *это утрата человеком автономии и авторитета.* При этом ИИ не обязательно выходить на один интеллектуальный уровень с людьми и обладать сознанием. Алгоритмам МО достаточно будет изучить личность досконально, чтобы найти самую слабую точку и запустить процесс манипуляций.

Общество подвержено взлому на всех уровнях, но больше всего Харари пугает биологический: «Эксперты по ИИ могут общаться с философами. С историками – да, пожалуйста. С литературными критиками – замечательно. Но меня пугает их общение с биологами», – признал он в интервью изданию Wired. Тем не менее, исследователь подчеркивает, что ИИ обладает и массой преимуществ. Особенно это касается медицины. Харари подчеркивает, что никто не станет препятствовать внедрению технологии – ведь она способна принести столько пользы людям.

Распространение ИИ в комплекте с биотехнологическими открытиями породит два возможных сценария антиутопии.

Первый: *надзор-капитализм* – даст алгоритмам полную власть над людьми. Машинный интеллект и МО решат за нас, где жить, работать, с кем встречаться и за кого голосовать.

Второй: укрепление *тоталитаризма и диктатуры*, при котором каждый житель Земли – это объект непрерывной слежки. Особую роль в этом процессе сыграют биометрические и видео-системы, которые не дадут гражданину скрыться от всевидящего ока государства.

Историк подчеркивает, люди могут даже не заметить, как оказались во власти ИИ и МО. Большинство не сможет понять, как работают механизмы алгоритмов и как именно нами манипулируют. Человечество привыкло к тради-

[1] Харари Ю. Sapiens: Краткая история человечества. – http://www.labirint.ru/books/498309/

ционным формам объяснения и повествования, но машинный интеллект работает со статистическими данными и оперирует другими понятиями.

Харари считает, что *чрезмерное усложнение систем – одна из главных актуальных проблем*. Из-за этого, например, ученым все сложнее объяснять свои теории и доносить до аудитории суть открытий.

Важный побочный эффект этого – расцвет теорий заговора. По этой причине сейчас возникает все больше антиглобалистов и тех, кто не верит в глобальное потепление. То же касается и сферы финансов – с каждым годом она усложняется, и некоторые концепции можно объяснить, только если потратить 10 лет на изучение экономики и математики. «В этом тоже выражается философский кризис», – отмечает Харари.

Он также считает, что сегодня человек борется не с отдельными людьми, а с государствами и корпорациями. Перед лицом таких мощных соперников шансов на успех мало. Более того, влияние некоторых стран выходит за географические рамки. Историк обвиняет развитые государства и крупные корпорации в *цифровом колониализме.*

Вывод. *По мнению некоторых учёных-футурологов, после наступления технологической сингулярности, человечество ожидает технологический и философский кризис. Социум погрузится в эпоху цифрового колониализма.*

Нарисованная некоторыми учёными-футурологами довольно пессимистическая картина мира после достижения человеческой цивилизацией временной точки технологической сингулярности скрашивается последними исследованиями учёных-математиков: *возможности ИИ оказались небеспредельными*[1]. Подобно человеческому разуму, ИИ ограничен парадоксами теории множеств.

До сих пор считалось, что самой фундаментальной проблемой развитии технологий ИИ является *необъяснимость* принимаемых им решений.

В январе 2019 к этой проблеме добавилась еще одна фундаментальная проблема – это принципиальная *непредсказуемость*, какие задачи ИИ может решить, а какие нет.

На пути триумфального развития технологий машинного обучения, как казалось, способных при наличии большого объема данных превзойти людей в чем угодно – в играх, распознавании, предсказаниях и т.д. – встала первая из 23 проблем, поставленных в докладе Давида Гильберта на международном математическом конгрессе в Париже еще в 1900-м году[2].

Первой в списке этих 23 проблем, решение которых до сих пор считается высшим достижением для математика, была так называемая *гипотеза континуума (континуум-гипотеза или 1-я проблема Гильберта)*, которую выдвинул и пытался решить (но потерпел неудачу) еще сам создатель теории множеств Георг Кантор.

И вот сейчас, на исходе второго десятилетия XXI века, гипотеза континуума, будучи примененная к задачам машинного обучения, стала холодным отрезвляющим душем для всех техно-оптимистов ИИ.

Машинное обучение оказалось не всесильно. И что еще хуже,– в широком спектре сценариев обучаемость ИИ не может быть ни доказана, ни опровергнута.

Первая же научная сенсация 2019 года оказалась совершенно неожиданной. Опубликованная 7 января того же года в *Nature Machine Intelligence* статья «Обучаемость может быть неразрешимой» (*Learnability can be undecidable)* устанавливает предел возможностей машинного обучения – ключевого метода вычислений, на коем стоит весь современный ИИ[3].

Этот научный вывод столь важен, что журнал Nature сопроводил статью еще двумя популярно её разъясняющими статьями «Недоказуемость приходит в машинное обучение» (*Unprovability comes to machine learning*) и «Машинное обучение приводит математиков к неразрешимой задаче» (*Machine learning leads mathematicians to unsolvable problem*).

Суть всех этих статей в следующем. Обнаружены сценарии, в которых невозможно доказать, может ли алгоритм машинного обучения решить конкретную проблему. Этот вывод может иметь огромное значение как для существующих, так и для будущих алгоритмов обучения. Обучаемость ИИ не может быть ни доказана, ни опровергнута с использованием стандартных аксиом математики, поскольку это связано с парадоксами, открытыми австрийским математиком Гёделем в 1930-х годах.

Парадоксы – это формально-логические противоречия, которые возникают в теории множеств и формальной логике при сохранении логической правильности рассуждения. Парадоксы возникают тогда, когда два взаимоисключающих (противоречащих) суждения оказываются в равной мере доказуемыми.

С точки зрения математики, вопрос «обучаемости» сводится к тому, сможет ли алгоритм извлечь шаблон из ограниченных данных. Ответ на этот вопрос связан с парадоксом, известным как вышеупомянутая континуум-гипотеза (проблема континуума или 1-я проблема Гильберта) и разрешенным в 1963 г. американским математиком Полом Коэном**.**

Решение оказалось весьма неожиданным: то, что утверждается в гипотезе континуума, нельзя ни доказать, ни опровергнуть, исходя из аксиом теории множеств. Гипотеза континуума логически независима от этих аксиом. Неспециалисту довольно трудно понять, почему утверждения такого рода играют для математики столь большую роль и ставятся на первое место в списке важнейших проблем. Отметим лишь, что на самом деле речь идет о вещах принципиальных и фундаментальных, так как континуум – это, по сути, базовая математическая модель окружающей нас

[1] Colors collective. – https://www.quantamagazine.org/mathematicians-measure-infinities-find-theyre-equal-20170912/

[2] Демидов С.С. «Математические проблемы» Гильберта и математика XX века // Историко-математические исследования. – М.: Янус-К, 2001. – № 41 (6). – С. 84–99.

[3] Ben-David S., Hrubes P., Moran S., Shpilka A., Yehudayoff A. Learnability can be undecidable // Nature Machine Intelligence. 2019. – N 1. – P. 44–48.

физической, пространственно-временной реальности (частью которой являемся и мы сами), а в математике континуум – еще и синоним совокупности всех действительных чисел, также центрального понятия математики и ее рабочего инструмента.

По сути Гёдель и Коэн доказали, что континуум-гипотеза не может быть доказана ни как истинная, ни как ложная, начиная со стандартных аксиом, утверждений, принятых как истинные для теории множеств, которые обычно принимаются за основу всей математики.

Иными словами,утверждение не может быть ни истинным, ни ложным в рамках стандартного математического языка.

Вывод. *Математически доказано, что возможности ИИ не беспредельны. И какими бы огромными вычислительными ресурсами не обладал человек, машинное обучение никогда не приведёт к победе искусственного разума над человеческим.*

В пользу данного доказательства говорят и последние исследования нейробиологов в области исследования структуры и возможностей человеческого мозга.

Так учёные Стэнфордского университета потратили несколько лет, разрабатывая новый способ 3D-сканирования мозга. Они совместили объёмную компьютерную томографию (*array tomography* – техника «антенных решёток» из радиоастрономии) и специально разработанный софт, чтобы получить объёмную и реалистичную 3D-модель. Такую, по которой можно перемещаться, масштабировать и вращать её в разных измерениях.

Изучив полученную картину, учёные пришли к выводу, что синапсы (соединительные ткани нервных клеток) устроены гораздо сложнее, чем предполагалось раньше. Здоровый человеческий мозг содержит около 200 млрд. нервных клеток, которые соединяются друг с другом сотнями триллионов синапсов. От каждой нервной клетки могут отходить десятки тысяч синапсов. В одной только коре больших полушарий человека находится около 125 трлн. синапсов – в 1500 раз больше, чем звёзд в нашей галактике. По результатам визуальной реконструкции данных учёные обнаружили, что каждый синапс содержит около 1000 молекулярных «переключателей», наподобие аналоговых транзисторов. То есть отдельный синапс можно сравнить с микропроцессором. Получается, что количество «транзисторов» в человеческом мозге теперь нужно увеличить на три порядка. Их больше, чем транзисторов во всех компьютерах на планете и маршрутизаторах вместе взятых[1].

Вывод. *Получается, что один человеческий мозг по сложности примерно равен всей мировой ИТ-инфраструктуре, а учитывая тот факт, что возможности человеческого мозга задействованы человечеством максимум на 20%, говорить о победе ИИ над человеческим разумом не приходится даже в отдалённой перспективе.*

Заключение

Проблемам информационной безопасности ИКТ и защищённости человеческого социума от негативного воздействия ИИ и МО уделено достаточно много внимания в ряде исследований.

Выделяются основные проблемы: нарушение работоспособности технического и программного обеспечения, распространение информационного оружия, непрерывное усложнение информационных и коммуникационных систем, возможность концентрации информационных средств в руках небольшой группы собственников, использование во вред информационных данных, манипулирование сознанием, использование технологического воздействия на психическую деятельность[2].

Однако, вместе с этим, технологии искусственного интеллекта рассматриваются как одно из самых действенных средств в области кибербезопасности сейчас и в будущем.

Почему ИИ – это будущее кибербезопасности[3].

Обнаружение мошенничества, обнаружение вредоносных программ, обнаружение вторжений, оценка риска в сети и анализ поведения пользователя/машины – это пятёрка самых актуальных способов применения ИИ для улучшения кибербезопасности. ИИ реально меняет привычные аспекты кибербезопасности. Он улучшает способность компаний предвидеть и предотвращать киберпреступления, защищает устройства с нулевым уровнем доверия, может контролировать даже устаревание паролей! Таким образом, искусственный интеллект действительно необходим для обеспечения безопасности периметров любых объектов хозяйственной или финансовой деятельности.

Поиск взаимосвязей между угрозами и анализ вредоносных файлов, подозрительных IP-адресов или необычную деятельность сотрудника длится считанные секунды или минуты. Уже сейчас ИИ помогает человеку обеспечивать кибербезопасность. А в дальнейшем его возможности будут только расширяться, делая участие человека в процессе защиты чисто номинальным.

В банках, благодаря ИИ, антифрод-системы станут работать надёжнее и быстрее, что позволит поддержать доверие и сэкономить деньги как клиентов финансовых учреждений, так и самих банкиров. А, по мнению компании Dell, занимающейся разработкой подобных продуктов, ИИ способен защитить, контролировать и отслеживать данные в гибридных средах, а также предотвращать 99% атак вредоносного ПО.

---

[1] В человеческом мозге столько же «транзисторов», сколько их в мировой ИТ-инфраструктуре. – https://www.cell.com/neuron/fulltext/S0896-6273(10)00766-X/

[2] Артамонов В.А. Безопасность информационно-коммуникационных технологий в контексте устойчивого развития социума / В.А. Артамонов, Е.В. Артамонова, Л.А. Кулак // Цифровая трансформация. 2019. -- № 2. – С. 36–45.

[3] Кибербезопасность, будущее и ИИ. – https://www.securitylab.ru/contest/500573.php

Кроме того, ИИ вполне можно сделать облачным. Это позволит ему автоматически масштабироваться при резком повышении нагрузки (например, если хакеры пытаются «атаковать» сервер или замаскировать свою активность под лавиной типовых действий в другом направлении). «Облако» позволит расширить безопасный периметр компании, если еще и вся носимая электроника (гаджеты) будет подключена к контролируемой ИИ среде.

Беилин И.Л.
к.э.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

ОПТИМИЗАЦИЯ РИСКОВ ДЕРИВАТИВОВ В ИННОВАЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕННОМ РАЗВИТИИ НЕФТЕГАЗОВЫХ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: *региональная экономика, нефтегазовые регионы, деривативы, управление инновациями, производственное развитие.*

Производные финансовые инструменты, или деривативы, являются ценной функцией на рынках ценных бумаг. Постепенно они проникают и в расширяющийся мир криптовалют. Многие воспринимают дериваты как нечто связанное с махинациями и пустой наживой (для этого есть исторические основания, например, скандал Энрон в 2001 году), но реальность иная. Как следует из их названия, деривативы представляют собой финансовые ценные бумаги, которые основаны на другом объекте или привязаны к нему (поэтому и производные). То есть их стоимость основана на базовом активе или активах. Они принимают форму контракта как минимум между двумя сторонами, сосредоточенными на соответствующих активах, и оцениваются в соответствии с колебаниями цены этого базового актива. Большинство деривативов продаются на внебиржевом, нерегулируемом основании, хотя на биржах существует крупный стандартизованный рынок.

Риск является одной из ключевых особенностей этих финансовых инструментов как с точки зрения управления, так и с точки зрения возможностей. Деривативы предоставляют игрокам рынка средство для передачи своего риска другой стороне (хеджирование). Самый известный сравнительно недавний пример наблюдался в начале Мирового экономического кризиса 2008 года, когда свопы (внебиржевые соглашения) на рынках кредитования и недвижимости стали терпеть неудачу. Результатом стали хаос и кризис, они были вызваны бесконтрольным ростом рисков. Криптовалютные рынки уже страдают от обвинений со всех сторон. Уже есть риски, связанные с:

- нерегулируемыми рынками (мошенничество и схемы pump and dump),
- технологической сложностью рынка,
- новизной всей системы.

Сейчас предположения о том, будут ли нефтяные и газовые цены расти, падать, консолидироваться или обваливаться, активно предлагаются многими аналитиками. Точные прогнозы в этой сфере сложны и рискованны. Деривативы предлагают защититься от «перегретости» рынка и привлечь больше игроков. Продавец может не владеть базовым активом. Он может выполнить контракт, предоставив покупателю достаточно денег для покупки актива по обозначенной цене. Он также может предоставить покупателю еще один производный контракт, который компенсирует стоимость первого. Таким образом, деривативами гораздо легче торговать, чем самими товарами, лежащими в их основе.

Более 90% из 500 крупнейших компаний мира используют деривативы для снижения риска. Компании заключают контракты, чтобы защитить себя от изменений обменных курсов и процентных ставок. Деривативы делают будущие денежные потоки более предсказуемыми. Они позволяют более точно прогнозировать доходы. Эта предсказуемость повышает цены на акции. Предприятиям требуется меньше денежных средств для покрытия чрезвычайных ситуаций. Они могут больше инвестировать в бизнес.

Производные финансовые инструменты требуют только небольшой первоначальный взнос, называемый «выплатой по марже». Многие контракты компенсируются или ликвидируются другим деривативами. Это означает, что в этих случаях трейдеры не беспокоятся о наличии достаточного количества денег для погашения производного инструмента. Более 95% всех деривативов торгуются между двумя компаниями или трейдерами, которые знают друг друга лично (Over-The-Counter). Происходит это за пределами биржи. Только 4% мировых деривативов торгуются на биржах. Они устанавливают стандартизованные условия контракта. Они определяют премии или скидки. Крупнейшая биржа CME, например, торгует деривативами во всех классах активов.

Наиболее известными деривативами являются обеспеченные долговые обязательства – CDO. Они были основной причиной финансового кризиса 2008 года. Это кредиты на машину, ипотека, задолженность по кредитным картам и т.д. Стоимость основана на обещанном погашении кредита. Существует два основных типа: коммерческая бумага, обеспеченная активами (Asset-backed commercial paper), поддерживается корпоративным долгом и ипотечные ценные бумаги (Mortgage-Backed Securities) основаны на ипотечных кредитах. Еще одним распространенным типом производной является своп. Это соглашение об обмене одного актива или долга на аналогичный. Цель заключается в снижении риска для обеих сторон. Большинство из них либо валютные свопы, либо свопы процентных ставок. Например, трейдер может продавать акции в США и покупать их в иностранной валюте для хеджирования валютного риска.

Форварды являются еще одним внебиржевым деривативом. Это соглашения о покупке или продаже актива по согласованной цене в определенную дату в будущем. Другим важным типом является фьючерсный контракт. Наибо-

лее широко используются товарные фьючерсы. Из них наиболее важными являются фьючерсы на нефть. Это потому, что они устанавливают цену на нефть и, в конечном счете, на бензин. Его отличие от форварда в том, что фьючерс заключается на бирже. Опцион дает возможность покупать или продавать актив по определенной цене и в определенную дату.

Нефтегазовые деривативы имеют три основных риска. Самый распространенный из них – это то, что практически невозможно узнать реальную стоимость любого производного инструмента. Это потому, что он основан на стоимости одного или нескольких базовых активов. Другой риск связан с тем, что от 2 до 10 процентов контракта направляется на маржинальный счет для поддержания права собственности. Его покрытие может привести к огромным потерям. Третий риск связан с непредсказуемостью спроса на базовый актив, который обусловливается не только экономическими (потребление), но и политическими (например, разрыв сделки ОПЕК+ в марте 2020 года), а также, другими непредсказуемыми причинами (например, снижение потребления нефтепродуктов в связи с COVID 19).

Несколько крупных компаний недавно объявили, что будут предлагать деривативы с криптовалютами: Cboe Global Markets, TrueEx и Goldman Sachs. Хорошо развитый рынок бумаг косвенно увеличивает ликвидность и объем в базовом активе, так как все больше и больше разнообразных игроков получают возможность войти. Большие объемы и институциональные инвестиции сохраняют волатильность, что в свою очередь приводит к увеличению объемов и институциональных инвестиций. Рынок сделок с определенным сроком позволяет игрокам с опытом управления рисками войти в сферу криптовалют. Но это еще не значит, что риск пропадает. Например, в открытом письме к инвесторам власти США предупреждают, что некоторые криптовалютные деривативы, в частности контракты на разницу (CFD), несут необычно большой риск из-за волатильности, которая достигает 50:1, а также относительно непрозрачные цены. Криптовалюта – это виртуальная валюта, которая не выдается или не поддерживается центральным банком или правительством. Это чрезвычайно рискованные спекулятивные инвестиции. Также надо заметить, что хорошо развитый бумажный рынок, как правило, привлекает внимание, и это внимание может привести к большему вовлечению правительства в криптосферу.

Скорость, с которой криптовалюты распространились, значительно опередили способность традиционных игроков рынка, учреждений и правительственных организаций идти в ногу со временем. Суммы денег, которые сейчас вливаются в мир криптовалют, не остаются незамеченными. Банки обращают на это внимание, как и государственные регулирующие и налоговые органы. Теперь игроки традиционного финансового рынка находят подходящий инструмент для своей работы. В некотором роде криптовалюта является идеальным внебиржевым производным: высокие риски, высокий потенциальный выигрыш, слабое регулирование и низкая текущая ликвидность, что оставляет место для роста и множества проектов. Очевидно, что это внесет определенные изменения, хотя неизвестно, являются ли эти изменения катастрофическими (какими они стали для ипотечных кредитов), или же они помогут преобразить пока еще слаборегулируемый рынок криптовалют.

Инновационное производственное развитие нефтегазовых регионов значительно зависит от рисков на рынках нефтегазовых деривативов. Налог на добычу полезных ископаемых и экспортная пошлина на нефть и газ, практически полностью направляется в федеральный бюджет, однако налог на прибыль как вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК), так и независимых от добычи и переработки углеводородного сырья в нефтегазовых регионах формирует значительную часть соответствующих региональных бюджетов. Инновационное производственное развитие нефтегазовых регионов, прежде всего, значительно зависит от мер государственной поддержки этого бюджетообразующего сектора экономики. Примерами мероприятий совместной федеральной и региональной поддержки нефтегазохимического комплекса региона являются три инновационных территориальных кластера в области нефтегазопереработки и нефтехимии в Республике Татарстан, Республики Башкортостан и Нижегородской области (табл. 1).

Таблица 1

Перечень инновационных территориальных кластеров в области нефтегазопереработки и нефтехимии, утвержденный Председателем Правительства Российской Федерации 28 августа 2012 года*

№ в перечне	Субъект Российской Федерации	Наименование инновационного территориального кластера	Основная специализация	Организация – координатор
10	Нижегородская обл.	Нижегородский индустриальный инновационный кластер в области автомобилестроения и нефтехимии	Нефтегазопереработка и нефтехимия, автомобилестроение	Министерство инвестиционной политики Нижегородской области
13	Республика Башкортостан	Нефтехимический территориальный кластер	Нефтегазопереработка и нефтегазохимия	Министерство экономического развития Республики Башкортостан
15	Республика Татарстан	Камский инновационный территориально-производственный кластер Республики Татарстан	Нефтегазопереработка и нефтегазохимия, автомобилестроение	Ассоциация «НП Камский инновационный территориально-производственный кластер»

*В Нижегородской области не ведется добыча углеводородов, но на ее территории расположен крупнейший в Приволжском федеральном округе нефтеперерабатывающий завод ООО «ЛУКОЙЛ-Нижегороднефтеоргсинтез». Составлено автором.

Таким образом, инновационное производственное развитие нефтегазовых регионов как напрямую через ВИНК, так и косвенно через федеральный и региональный бюджеты зависимо от рисков и неопределенностей на рынках нефтегазовых деривативов, которые по своему объему значительно превосходят рынки базовых товарно-сырьевых акти-

вов. Прогнозирование величины таких рисков и их соотношения может значительно повысить эффективность перераспределения нефтегазовой ренты компаний и бюджета в инновационное производственное развитие нефтегазовых регионов. Одним из наиболее адекватных методов прогнозирования взаимного влияния трех рисков представляется симплексная оптимизация (рис. 1).

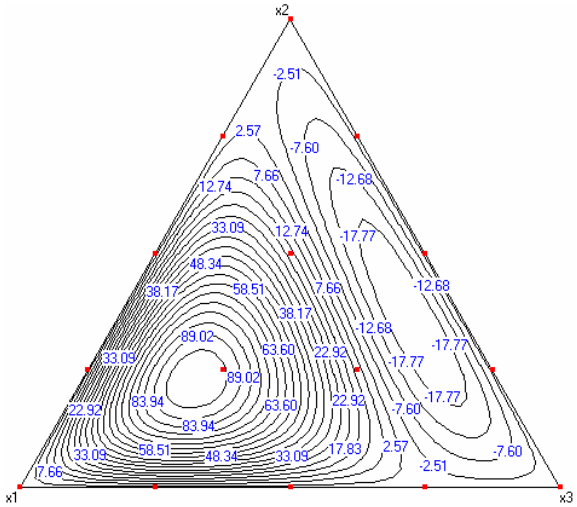

Рисунок 1.
Карта изолиний симплексной оптимизации риска изменения будущей стоимости нефтяных деривативов (x1), риска потерь при покрытии маржинального счета для поддержания права собственности (x2) и риска, связанного с волатильностью цен на базовый актив (x3), %. Составлено автором.

В результате использования метода симплексной оптимизации обнаружено, что наибольшее влияние (до 90%) неопределенностей нефтегазовых деривативов на инновационное производственное развитие нефтегазовых регионов находится при соотношениях риска изменения будущей стоимости нефтяных деривативов (x1), риска потерь при покрытии маржинального счета для поддержания права собственности (x2) и риска, связанного с волатильностью цен на базовый актив (x3) в области около 65% : 25% : 10%.

Список литературы

1. Беилин И.Л. Оценка конкурентоспособности малого инновационного предприятия по ФЗ 217 // Вестник Казанского технологического университета. 2012. – Т. 15, № 21. – С. 173–174.
2. Беилин И.Л., Хоменко В.В. Экономическая оценка оптимальной производительности инновационного предприятия с учетом цикличности его развития // Вопросы инновационной экономики. 2018. – Т. 8, № 3. – С. 499–512.
3. Beilin I.L. Economic-mathematical modeling of the total costs of innovative chemical enterprise methods of fuzzy set theory // Journal of Engineering and Applied Sciences. 2017. – Т. 12, N 19. – P. 4865–4869.
4. Беилин И.Л., Хоменко В.В. Управление себестоимостью инновационного химического проекта на основе подходов нечеткой логики // Вопросы инновационной экономики. 2017. – Т. 7, № 4. – С. 437–448.
5. Beilin I.L. Analysis of efficiency of the innovative project in the field of chemistry fuzzy logic // Journal of Economics and Economic Education Research. 2016. – Т. 17, Special Issue 3. – P. 177–185.
6. Беилин И.Л. Трехфакторная модель управления устойчивостью инновационного химического проекта в условиях экономической неопределенности // Вопросы инновационной экономики. 2018. – Т. 8, № 1. – С. 141–154.
7. Хоменко В.В., Салимов Л.Н. Актуальные направления международного регулирования инновационной активности // Интеграл. 2010. – № 2. – С. 72–74.
8. Beilin I.L., Khomenko V.V. Theoretical bases of project management in conditions of innovative economy based on fuzzy modeling // Journal of Physics: Conference Series (см. в книгах). 2018. – Т. 1015. – P. 032013.
9. Beilin I.L. Economic optimization in chemical enterprises // International Journal of Economic Perspectives. 2017. – Т. 11, N 4. – P. 670–677.
10. Yakupova N.M., Levachkova S.J., Kadochnikova E.I., Beilin I.L. Measurement of cost factors: evidence from trading companies // International Journal of Economic Perspectives. 2017. – Т. 11, N 4. – P. 794–802.

Бечвая И.Е.[1]

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ключевые слова*: инновационная система, особые экономические отношения, государственная поддержка инновационной деятельности, экономическая политика.*

Keywords*: innovation system, special economic relations, state support of innovation, economic policy.*

Вопросы инновационного развития экономики всегда находились в центре внимания научных исследований. Это объясняется тем, что инновационно-инвестиционные процессы затрагивают глубинные основы хозяйственной деятельности, определяя процесс экономического роста в целом. В современных условиях они играют ключевую роль в обеспечении структурных сдвигов в народном хозяйстве, технического прогресса, роста качественных показателей хозяйственной деятельности на микро- и макроуровнях. Активизация процессов инноваций и инвестирования относится к числу наиболее действенных механизмов социально-экономических преобразований. Актуальным в настоящее время является углубленное теоретическое обоснование особенностей формирования и развития инновационной системы, взаимосвязи и взаимообусловленности капитальных вложений и структурных сдвигов в экономике.

Целью данного исследования является характеристика особенностей формирования и развития инновационной системы в Донецкой Народной Республике.

С момента объявления о своей независимости в апреле 2014 года, Донецкая Народная Республика (ДНР) осуществляет собственную внешнюю и внутреннюю политику, пытаясь придерживаться избранного курса в условиях непрекращающегося вооруженного конфликта. Вопросы эффективности, последовательности и сбалансированности экономических отношений характеризуются особой актуальностью, как и во всех самопровозглашенных государствах, чье развитие сопряжено с вооруженной борьбой за собственную независимость. Данные факторы свидетельствуют о необходимости гибкой и продуманной государственной экономической политики.

В рамках исследования сущность особых экономических отношений рассматривается в зависимости от «особого статуса» территории, характеризующегося институциональными особенностями ее правового положения. Регионы с особым статусом формально являются частью признанного государства. Де-факто же они независимы и располагают всеми возможностями для самостоятельного социально-экономического развития, для этого необходима модернизация существующих и формирование новых управленческих институтов[2].

В условиях политических перемен и смены руководящих органов власти, разрыва хозяйственных связей и экономической блокады ключевым фактором, влияющим на внедрение и развитие инноваций в промышленности Донецкой Народной Республики, является обеспечение государственной поддержки инновационной деятельности.

В современных условиях общественного развития решающим фактором, оказывающим влияние на уровень инвестиционной активности в государстве, является стабильность политической ситуации. Политический риск в стране-реципиенте капитала относится к числу ключевых критериев, применяемых для оценки рисков вложений капитала в экономику зарубежного государства[3]. В Донецкой Народной Республике нестабильность внутриполитической ситуации обеспечивает высокий уровень политических рисков для иностранного капитала.

Инновации, которые направлены на повышение конкурентоспособности производимой продукции, связаны с кардинальной сменой основных физических принципов построения технологических систем, характеризуются самым длительным циклом процесса внедрения и максимальными экономическими рисками, хотя в случае получения положительного эффекта существует вероятность резкого и многократного роста прибыли.

Обеспечение экономического роста в Донецкой Народной Республике за счет активизации инновационной деятельности в особых экономических условиях требует согласованного решения задач формирования технологичной, институциональной и организационной структур, способных объединить и направить усилия в общий созидательный процесс и создать условия для модернизации производства и повышения эффективности всей экономики Республики. Для этого необходимо создать благоприятную макроэкономическую среду, разработать оптимальные организационные формы внедрения инноваций. Выявление препятствий и перспектив преодоления для развития инновационной деятельности является наиболее актуальной задачей экономики на современном этапе.

---

[1] Бечвая Ирина Елгуджевна – ассистент кафедры экономики предприятия и инноватики, Донецкий национальный технический университет. E-mail: timasav4enko@gmail.com

[2] Меджидов А.И. Организационно-экономические основы государственного регулирования инновационного предпринимательства в сфере услуг региона: дис. ... канд. эк. наук, спец. 08.00.05. – М., 2011. – С. 18.

[3] Котов Д.В. Оценка инновационного развития национальной экономики // Актуальные вопросы экономики и управления: матер. Междунар. науч. конф. (Москва, апрель 2011). Т. I. – М.: РИОР, 2011. – С. 30.

В особых экономических условиях при формировании и развитии инновационной системы необходимо выявить:

– трудности и противоречия государственного регулирования инновационных процессов;

– основные направления и способы повышения инновационной активности в промышленном производстве.

Предприятия Донецкой Народной Республики обладают определенным опытом приспособления текущего производства к потребительскому рынку спроса, но в современных условиях отсутствует возможность накопления ресурсов с целью обеспечения долгосрочного развития. Республика, не обладая монополией на владение производственным потенциалом, вынуждена направлять ограниченные бюджетные ресурсы на нужды текущего потребления. Предприятия, даже при наличии прибылей, неохотно выделяют денежные средства, которые могут обеспечить отдачу лишь в отдаленной перспективе. Банковская система также не стремится к лишнему риску, поскольку оперирует привлеченными финансовыми средствами.

В приведенной ситуации инвестиционные ресурсы вместо того, чтобы направляться в производственные инновации, направляются в отрасли с минимальными издержками, которые обеспечивают прибыль (торговля, табачная промышленность, продажа автомобильного топлива). В то же время иностранный капитал не заинтересован в капиталовложениях в высокотехнологические, наукоемкие отрасли, поскольку главной проблемой для него представляется не создание себе конкурентов, а сбыт своего конечного продукта[1].

Приоритетные направления инновационного экономического развития Республики должно наметить государство. В современных условиях формирования информационно-технического уклада, эффективность государственного регулирования определяется его воздействием на научно-инновационную деятельность. Государство должно определить прорывные направления, в которых отечественные специалисты имеют научные заделы и разработки, соответствующие мировым стандартам[2]. Приоритеты, связанные с конкурентными преимуществами Республики, должны реализовываться при помощи государства (финансирование целевых программ с участием государства, предоставление льготных кредитов, государственных закупок, предоставление гарантий на закупку капиталоемкого оборудования).

Правильный выбор инвестиционной стратегии позволит достаточно высокими темпами поднять как уровень национального дохода в масштабе Республики, так и уровень доходов населения. Государство может продолжать тактику пассивного ожидания роста инновационной активности в рамках саморегулируемых механизмов рыночной среды, однако при этом теряется время и безвозвратно разрушается производственный потенциал Республики. Гораздо лучшие результаты в развитии экономики ДНР могут быть достигнуты, если государство пойдет на усиление своей роли в антикризисном регулировании рынков капитала, активно содействуя скорейшему формированию благоприятных условий для повышения инновационной активности.

При исследовании особых экономических отношений как фактора влияния на развитие инновационной системы целесообразно выделять основные направления и способы повышения инновационной активности в промышленном производстве. С учетом особых экономических условий государственная поддержка инноваций в промышленности ДНР может осуществляться путем:

– установления и поддержки приоритетных направлений инновационной деятельности на уровне государства, отрасли или региона; формирования и реализации инновационных программ соответствующего уровня;

– формирования нормативно-правовой базы для поддержки и активизации инновационной деятельности, защиты прав и интересов субъектов инновационной деятельности;

– финансовой поддержки внедрения инновационных проектов;

– стимулирования банков и финансово-кредитных организаций, выполняющих операции по кредитованию инновационных проектов;

– предоставления налоговой поддержки субъектов инновационной деятельности (льготное налогообложение, налоговые кредиты или каникулы);

– обеспечения развития инновационной инфраструктуры[3].

Основные задачи инновационной политики государства сводятся к обеспечению таких условий воспроизводства, которые способствуют сохранению производственно-экономического потенциала предприятий и создают импульсы для его развития. Решение таких задач возможно при условии самой обширной реформаторской деятельности, важнейшими мероприятиями которой являются изменение налогового, хозяйственного законодательства, ценовая, налоговая и кредитная политика. При остром дефиците инвестиционных ресурсов главная функция государства в инновационном процессе заключается в определении приоритетных направлений использования имеющихся ресурсов и их соответствующая концентрация. Отсутствие таких приоритетов создает обширные возможности для лоббирования узковедомственных интересов, что приводит к распылению и непродуктивному использованию ресурсов.

Таким образом, исследование особых экономических отношений как фактора влияния на формирование и развитие инновационной системы в Донецкой Народной Республике свидетельствует о необходимости государственной поддержки инновационной деятельности. Государство регулирует, формирует и проводит инновационную политику, управляя государственными бюджетными инвестициями. К основным регуляторам, имеющимся в его распоряжении,

---

[1] Делиева А.П. Инновационное развитие Донецкой Народной Республики // Инновационные перспективы Донбасса: материалы 4-й Международной научно-практической конференции (Донецкий национальный технический университет, 22–25 мая 2018г.). – Донецк, 2018. – С. 59–60.

[2] Сатторкулов О.Т., Тошбоев Б.Б. Развитие национальной инновационной системы и ее особенности // Молодой ученый. 2016. – № 11. – С. 960.

[3] Комиссаров А.Г. Государственная поддержка инновационного предпринимательства: Европейский и американский опыт // МИР. Модернизация. Инновации. Развитие. 2011. – № 7. – С. 67.

относятся льготное налогообложение, субсидии и субвенции на развитие территорий, отраслей и перспективных производств, государственные стандарты и нормы, гарантии прав и их защита.

Бородина О.А.
к.э.н., зав. кафедрой «Менеджмент и логистика», Донецкая академия транспорта, г. Донецк
o.borodina@i.ua

ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ КАК РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

***Ключевые слова**: инновационное развитие, факторы экономического роста, ресурсный потенциал, Донецкий регион.*

***Keywords**: innovative development, factors of economic growth, resource potential, Donetsk region.*

Рассматривая инновации с точки зрения развития территории, следует подчеркнуть, что именно инновации являются одним из ключевых факторов экономического роста. Зарубежные экономисты рассматривают инновационную деятельность как основу стабильного экономического роста территории[1].

Йозеф Шумпетер признавал инновации главным источником прибыли: «прибыль — это результат осуществления новых комбинаций», «без развития нет прибыли, без прибыли нет развития»[2]. Следовательно, инновационное развитие направлено, в первую очередь, на получение определенного экономического эффекта.

В настоящее время инновации становятся значимым условием экономического роста и развития общества. Именно вектор и уровень инновационных процессов зачастую определяет приоритетные направления развития регионов, учитывая, безусловно, отраслевую специфику экономики, ресурсную базу (количество и качество природных ресурсов), трудовой капитал (количество и качество трудовых ресурсов), объем основного капитала, уровень технологий и пр.

Эффективную имплементацию инновационной деятельности в развитие экономики территории обеспечивает комплексность, непрерывность инновационного процесса. Кроме этого, необходимыми условиями инновационного развития и устойчивого экономического роста территории является определение соответствующих факторов, влияющих на инновационное развитие, их классификация и систематизация с учетом специфики территориального и исторического развития территории.

Особенно актуальным становится инновационное развитие на территориях, обладающих значительным интеллектуальным и промышленным потенциалом, к которым относится и Донецкий регион. Вместе с тем, эффективное экономическое развитие связано не только с наличием названных ресурсов, с использованием результатов научно-технического прогресса и новых технологий, но и с возможностью самостоятельного их создания и освоения.

Таблица 1

Факторы инновационного развития территории

Фактор	Содержание
Промышленно-технологический	– промышленно-технологический функционал предприятий; – основные фонды, уровень их износа; – производственная инфраструктура промышленных предприятий; – модернизация производства, освоение новых технологий; – рост объемов производства; – количество рабочих мест на предприятиях
Нормативно-правовой	– нормативно-правовое регулирование инновационной деятельности, – наличие стратегии развития региона, отраслевых стратегий, – наличие программ развития инновационной деятельности предприятий; – наличие эффективного механизма государственно-частного партнерства и программ
Научно-технологический	– развитая сеть национальных научно-исследовательских учреждений, учебно-научных лабораторий, исследовательских центров; – кадровый персонал высокой квалификации; – малые инновационные предприятия научной сферы деятельности
Образовательный	– инновационный потенциал вузов, высокая публикационная активность, коммуникации с вузами соответствующих профилей, зарубежными вузами-партнерами; – профессиональные контакты образовательных учреждений с профильными предприятиями с целью практико-ориентированного обучения.

[1] Romer P.M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. – Vol. 98, N 5. – P. 71–102.

[2] Цубрович Я.А. Инновации как фактор устойчивого экономического развития страны / Я.А. Цубрович, М.С. Егорова. // Молодой ученый. 2015. – № 11.4 (91.4). – С. 216–219.

Экономический	– устойчивый рост объемов реализации продукции; – государственно-частное партнерство; – государственный заказ; – развитие системы лизинга для малых и средних предприятий; – конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность предприятий и региона
Финансовый	– система финансовой поддержки инноваций за счет средств бюджетов различных уровней и средств внебюджетных фондов содействия инновационному развитию; – ликвидное и устойчивое финансовое состояние предприятий;
Социальный	– позитивные демографические тенденции, – стабилизация численности населения и создание условий для ее роста, повышение уровня и качества жизни в целом.
Кадровый	– возрастной состав работников, снижение оттока молодых специалистов; – численность занятых на предприятии; – численность населения; – дифференцированный уровень образования и квалификации кадров; – система социальной защиты и мотивации труда работников предприятий
Информационный	– доступность информации по объектам инновационной инфраструктуры; – внедрение информационных технологий; – развитие сети информационных коммуникаций.

Рассматривая экономику Донбасса как объект инновационного развития, необходимо подчеркнуть, что становление территории как экономически самодостаточного, конкурентоспособного и инвестиционно привлекательного региона, путем развития экономической и социальной инфраструктуры, обеспечения достойного качества жизни населения – это главный стратегический вектор на долгосрочную перспективу.

Вместе с тем, к реалиям современной экономической ситуации относятся многие негативные факторы, прежде всего, это разрыв экономико-производственных связей, перестройка институциональной среды, сопровождающаяся неизбежным кризисом, значительная миграция субъектов хозяйственной деятельности, прекращение хозяйственной деятельности ряда предприятий в силу сложившихся условий и др.

Следует заметить, что недееспособность международных договоров и нормативно-правовых документов в условиях политически непризнанного статуса, имеет и некоторые позитивные последствия. Так, определенные действия, которые ранее могли быть ограничены охраной прав интеллектуальной собственности, в изменившихся условиях становятся возможными.

В целом же, учитывая объективные условия ресурсного потенциала и динамику развития экономики, можно отметить, что для запуска механизмов качественного экономического роста, рассчитанного на длительную перспективу, особую значимость имеют следующие факторы инновационного развития:

1. **Экономический.**

Ускорение роста высоко- и среднетехнологических производств, экономики интеллектуальных услуг, выхода предприятий на рынки с новой конкурентоспособной продукцией с высокой долей добавленной стоимости.

Освоение новых рынков сбыта, выпуск ранее не выпускавшейся продукции.

2. **Промышленно-технологический.**

Перепрофилирование предприятий под потребности других отраслей. Это обеспечит экономике Донбасса переход от «экспортно-сырьевой» модели к «экономике потребностей», для которой характерно развитие народного хозяйства, способствующего удовлетворению потребностей внутреннего рынка, минимизирует зависимость от импорта, позволит создать дополнительные рабочие места.

Новые рабочие места, в свою очередь, будут способствовать решению другой задачи – увеличению ВВП на душу населения.

3. **Экспортный.**

Переход от экспорта первичных сырьевых и энергетических ресурсов к экспорту продукции их глубокой переработки. Территория региона обладает значительными запасами природных ресурсов, на добычу и переработку которых ориентирована основная часть существующих производственных мощностей, экспорт по своей структуре имеет сырьевую направленность.

Существует заинтересованность в закупке машиностроительной, химической, фармацевтической и другой продукции наших предприятий. Это свидетельствует о начале перестройки структуры экспорта.

4. **Эффективное импортозамещение, рациональная защита внутреннего рынка.**

Проведение комплекса мероприятий, ориентированных на сведение зависимости от импорта к минимуму. На потребительском рынке региона продукция молокоперерабатывающей, макаронной, масложировой, отраслей и продукция птицефабрик покрывает потребности населения ориентировочно на 50-70%. Предприятия хлебопекарной, мясоперерабатывающей, кондитерской, мукомольной отраслей покрывают потребности населения региона и могут экспортировать излишки продукции.

5. **Обеспечение продовольственной безопасности** и ее устойчивости в долгосрочной перспективе, направленное на повышение обеспеченности качественным продовольствием и его доступности для полноценного питания и здорового образа жизни.

Наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции, обеспечение основных потребностей населения в сельскохозяйственной продукции за счет отечественного производства.

6. **Создание условий для развития предпринимательства и конкуренции.**

Создание системы мероприятий, сопровождающей молодых авторов перспективных предпринимательских идей на всем пути до этапа создания нового предприятия, оказание консультационной, инвестиционной, инфраструктурной поддержки; организация предоставления услуг по принципу «единого окна» в целях создания, развития и поддержки субъектов предпринимательства.

7. **Формирование благоприятного инвестиционного климата** как фактора повышения перспективности внутреннего рынка Донецкого региона, а также привлечения дополнительных ресурсов в экономику. Работа по запуску механизмов государственно-частного и муниципально-частного партнерства, которые объединят интересы бизнеса и государства. Демонстрация потенциала территории – участие в специальных событиях, имиджевых проектах, разработка новых информационных Интернет-продуктов.

8. **Формирование мощного научно-технологического и образовательного комплекса**, обеспечивающего достижение и прорыв в научных исследованиях и технологиях по приоритетным направлениям развития. Создание новых образовательных платформ, основным профилем которых станет обучение и развитие научно-технологических навыков у специалистов.

9. **Обеспечение продуктивной занятости населения, устранение структурных диспропорций на рынке труда**, а также содействие самозанятости населения и создание комфортных условий для их легализации.

Проведение мониторинга трудоустройства выпускников учебных заведений. Самозанятость населения, которая играет роль социального амортизатора и абсорбента незанятой рабочей силы. Приоритетными направлениями развития самозанятости в Республике могут стать – создание рабочих мест по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, а также организация производств, не связанных с сельскохозяйственным производством, например, оказание услуг в сельской местности.

10. **Формирование условий для устойчивого роста заработной платы***,* сбалансированной повышением производительности труда и качества рабочей силы, создание эффективных механизмов регулирования рынка труда, обеспечивающих сочетание конкуренции на рынке труда с партнерскими отношениями работников, работодателей и государства.

Улучшение социальных показателей свидетельствует об улучшении ситуации на рынке труда региона. Пересмотр критериев подготовки специалистов; развитие социального партнерства между образовательными учреждениями и работодателями; преодоление низкой мобильности трудовых ресурсов.

11. **Преодоление негативных демографических тенденций**, стабилизация численности населения и создание условий для ее роста, повышение уровня и качества жизни в целом.

На территории региона в настоящее время отмечается суженный тип воспроизводства. Важно предусмотреть потенциальные дисбалансы экономического развития через 10–20 лет. Актуальны сегодня производственные и социально-демографические проблемы сельской местности. Повышение трудовой мобильности и привлечение населения в сельскую местность может быть реализовано за счет повышения социальной мотивации молодых специалистов, развития максимально благоустроенных инфраструктурно-оснащенных сельских территорий.

Выводы. Формирование вектора развития территории Донецкого региона на ближайшую перспективу предполагает наличие инновационной составляющей. Именно инновационный путь развития позволит региону с учетом имеющихся ресурсных возможностей, стабилизировать процессы в экономике и выйти на путь стабильного роста.

Даллакян С.А.[1]

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Ключевые слова: *инновационная экономика, конкурентоспособность, «Индустрия 4.0», Глобальный инновационный индекс, Индекс глобальной конкурентоспособности, субиндекс «Инновация», субиндекс «Инновационный потенциал», коммерциализация, образование-наука-экономика, НИОКР, ВВП.*

Keywords*: innovation economy, competitiveness, «Industry 4.0», Global innovation index, Global competitiveness index, subindex «Innovation», subindex «Innovation capability», commercialization, education-science-economy, R&D, GDP.*

Промышленная революция, инновационная и цифровая экономика ломает привычные модели отраслевых рынков мировой экономики, позволяет отдельным странам добиться впечатляющих темпов экономического роста и повышает конкурентоспособность их участников. Цифровизация определяет перспективы роста компаний, отраслей и национальных экономик в целом. Цифровые преобразования – один из главных факторов мирового экономического роста. Согласно прогнозам Глобального института «McKinsey», для полного перехода на цифровую технологическую платформу потребуется около 100 лет. К 2025 г. вклад промышленного Интернета в мировую экономику может составить около 11% мирового ВВП[2]. В Китае увеличение ВВП до 22% к 2025 году может произойти за счет Интернет-технологий. В США ожидаемый прирост стоимости, создаваемый цифровыми технологиями, впечатляет не меньше – здесь он к 2025 году может составить 1,6–2,2 трлн. долл. США.

Нестабильность экономики Армении и спад конкурентоспособности в последние годы свидетельствуют о необходимости замены прежней модели экономического прогресса новой и радикальной моделью. Мы живем в эпохе беспрецедентных технологических инноваций, которая является началом «Четвертой промышленной революции». Четвертая промышленная революция или как ее еще называют «индустрия 4.0» стала главной темой 46-го Всемирного экономического форума (ВЭФ) в швейцарском городе Давосе в последней декаде января 2020 г. Одни эксперты утверждают, что эта революция уже идет полным ходом, а другие считают преждевременным говорить о том, что она действительно началась. Но те и другие согласны, что мир движется в этом направлении.

Правительство РА, выделяя развитие промышленности высоких технологий не только как отдельной сферы, а также как ключевой фактор обеспечения общего прогресса, повышения производительности и конкурентоспособности в мировой экономике, особенно выделяет обеспечение продолжительного роста производительности этой сферы в Армении и использования ее возможностей в дальнейшем развитии экономики РА.

Ключевым фактором роста, развития и повышения конкурентоспособности экономики является ее инновационность. Инновационная экономика как экономика, основанная на использовании знаний, должна обладать следующими признаками[3]:

- Открытый, полный и автоматизированный доступ любого субъекта к инновациям, инновационной деятельности и инновационным процессам (реализация принципа открытых инноваций);
- Наличие развитой инфраструктуры, обеспечивающей создание национальных информационных ресурсов в объеме, необходимом для поддержания инновационного развития;
- Наличие развитой инновационной инфраструктуры, способной оперативно и гибко реагировать на необходимые в данный момент инновации;
- Наличие четко налаженной гибкой системы опережающей подготовки и переподготовки кадров.

Уровень инновационности определяет возможности дальнейшего экономического развития страны и диверсификации экспортируемой продукции. В процессе становления инновационной экономики страны большую роль играет государство. Если обратиться к классической линейной модели поэтапного развития инновационных процессов, можно проследить логику развития технологий и инноваций в мире. Отправной точкой инновационного процесса могут выступить:

1. модель «технологического толчка»,
2. модель инноваций, основанная на «вызове со стороны спроса»,
3. модель «треугольника» Г. Сабато[4], в которой признается ведущая роль государства в инновационном развитии;
4. «открытая инновационная модель», где связь между предприятием и внешней средой более значительная.

---

[1] Даллакян Светлана Аркадьевна – к.э.н., руководитель отдела, Институт экономики Национальной академии наук Армении. E-mail: svetdal@mail.ru

[2] О необходимости цифровой трансформации (цифрофикации) экономики. – http://congress-cron.com

[3] Ягупа Е.Г. Формирование и использование нематериального капитала региона (на примере Сибирского Федерального округа): монография / Под науч. ред. проф., д-ра экон. наук Р.Н. Федосовой. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 238 с. – (Научная мысль).

[4] Sabato J. Technology and the Productive Structure / Institute Latinoamericano de Estudios Transnacionales. 1979.

Как подчеркивают эксперты[1], для перехода от закрытой инновационной модели к открытой требуется активное взаимодействие государства, бизнеса и науки. Содержательное наполнение рассматриваемой модели заключается в триединстве: государство, проявления инициативы и коммерциализация бизнес-структурами новых научных идей, которые создаются в сфере науки. Такая модель называется «моделью тройной спирали» (Triple Helix).

В современных условиях инновационный потенциал развитых стран измеряется многими индексами, которые охватывают различные показатели, характеризующие страны. Индексами, отражающими реальный потенциал стран, являются наиболее развитые и широко распространенные три индекса: GII-BCG, ICI и GII-INSEAD. Глобальный инновационный индекс[2] (далее – ГИИ) публикуется с 2007 года французской бизнес-школой INSEAD в соавторстве с Корнельским университетом (Cornell University) и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization). Целью ГИИ является совершенствование показателей инновационной деятельности и ее понимания, поскольку инновации играют ключевую роль в качестве фактора экономического роста и процветания. С учетом признания необходимости в широком видении инновационных процессов как в развитых странах, так и странах с формирующимся рынком, глобальный индекс инноваций включает показатели, которые выходят за рамки традиционных индикаторов инновационной деятельности, таких как уровень НИОКР[3]. Инновация – это постоянный процесс поиска решений комплексных проблем, основанный на продолжительном обучении и накоплении знаний. Именно на такой логике основан ГИИ, который позволяет объективно оценивать эффективность усилий, направленных к развитию инновации в той или иной стране (см. табл. 1).

Таблица 1

Глобальный инновационный индекс Армении 2018–2019 гг.

Наименование показателя	2018 г.		2019 г.	
	Балл (0-100)	Позиция	Балл (0-100)	Позиция
Глобальный индекс инноваций (ГИИ)	65.73	68	61.67	64
Субиндекс 1. Необходимые ресурсы и условия для инновационного исследования (Innovation Input).	24.7	94	82.91	85
• Институты	60.8	67	63.2	64
• Человеческий капитал и исследования	15.2	110	16.7	107
• Инфраструктуры	36.5	93	40.2	85
• Совершенствование рынка	43.5	81	50.1	55
• Совершенствование бизнеса	26.1	88	26.3	89
Субиндекс 2. Реализация инноваций и приобретенный практический результат (Innovation Output)	34.1	50	47.50	50
• Развитие знаний и технологий	23.2	62	25.0	54
• Развитие креативной деятельности	35.0	48	32.2	48

Источник: The Global Innovation Index. – https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf; https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf

В 2019 г. РА поднялась на 4 позиции. Наша страна занимает 15 место среди 34 стран с уровнем дохода выше среднего (в 2018 году Армения была в десятке стран с уровнем дохода ниже среднего). В частности, по сравнению с 2018 годом, Армения прогрессировала по следующим позициям: «Человеческий капитал и исследования» (с 110 на 107), «Институты» (с 67 на 64), «Инфраструктура» (с 93 на 85), «Совершенствование рынка» (с 81 на 55), «Развитие знаний и технологии» (с 62 на 54).

Надо отметить, что инновационный потенциал стран мира измеряется с помощью Индекса глобальной конкурентоспособности (ИГК), включающий в себя 12 субиндексов, которые объединены в один индекс, характеризующий конкурентоспособность национальной экономики, по которой и согласована классификация стран. Последним субиндексом является инновация (Innovation), что более подробно представлено в табл. 2.

Принимая за основу представленные в таблице 2 данные, мы можем констатировать, что в Армении присутствует достаточно обнадеживающий показатель, подтверждающий способность к инновациям (capacity for innovation): 4.2 (табл. 2, 1 показатель, 2017–2018 гг.). Также обнадеживающим считается присутствие ученых и инженеров: 4.3 (табл. 2, 6 показатель 2017–2018 гг.). Однако 7 показатель, противоположным образом относящийся к коммерциализации интеллектуальной собственности составляет 2.6. Из изложенного следует, что нет связи между наукой и экономикой, в результате чего инновационные, научные, инженерные способности неэффективно коммерциализируются и не попадают в экономику. 3, 4 и 5 показатели, характеризующие связь между образованием, наукой и экономикой, также вызывают обеспокоенность. Таким образом, Армения, имеющая определенный потенциал конкурентоспособности в некоторых областях, отстает в вопросах превращения исследовательских знаний в коммерческие возможности.

Таблица 2

[1] Соколова О.А. Роль государства в формировании национальной инновационной системы // Креативная экономика. 2010. – № 6 (42). – С. 75–80. – creativeeconomy.ru/articles/3620/

[2] Delgado M. et al. Clusters and Entrepreneurship // Journal of Economic Geography. 2010. – Vol. 10, N 4.

[3] Ваганян Г. Побеждая с помощью глобальных инноваций (На примере России и других стран-участниц ЕАЭС) // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 12, ч. 1.

Индекс глобальной конкурентоспособности, субиндекс «Инновация» Армении 2014–2017 гг.

о/н		2014–2015 гг.		2015–2016 гг.		2016–2017 гг.		2017–2018 гг.	
		Место среди 144 стран	Показатель	Место среди 140 стран	Показатель	Место среди 139 стран	Показатель	Место среди 137 стран	Показатель
	Индекс глобальной конкурентоспособности	85	4.01	82	4.01	79	4.07	73	4.2
	Инновации	104	2.95	107	3.02	87	3.2	70	3.3
1.	Способность к инновациям	98	3.5	87	3.8	63	4.2	59	4.2
2.	Качество научно-исследовательских организаций	105	3.1	105	3.2	100	3.4	88	3.5
3.	Расходы компаний на НИОКР (R&D)	102	2.8	109	2.8	92	3.0	71	3.2
4.	Сотрудничество университетов и бизнеса в сфере НИОКР	112	3.1	111	3.1	92	3.2	88	3.2
5.	Государственные закупки высокотехнологичной продукции	121	2.9	109	2.8	93	2.9	80	3.2
6.	Наличие (доступность) ученых и инженеров	75	4.0	59	4.1	52	4.2	48	4.3
7.	Количество заявок международного договора в области патенного права, количество заявок (заявления счетом на 1 млн. жителей)	53	3.2	49	3.7	57	2.8	57	2.6

Источник: The Global Competitiveness Reports 2014-2017. – http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf; http://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf; http://www3.weforum. org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf; http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf

С 2018 г. ИГК рассчитывается по новой методике в редакции 4.0 (ИГК 4.0), представленной в Докладе о глобальной конкурентоспособности 2018[1]. **Новая методология его составления была принята в 2018 году, чтобы учесть новые факторы конкурентоспособности, приобретающие особенно большое значение в эпоху четвертой промышленной революции.**

ИГК 4.0 состоит из двенадцати компонентов (субиндексов), каждый из которых имеет равный удельный вес в итоговом значении индекса. В редакции 2017–2018 гг. ИГК содержал три субиндекса, каждый из которых имел вес, зависящий от степени развития экономики. В редакции 4.0 авторы разделили все слагаемые на 4 субиндекса, скорее, для удобства анализа составляющих ИГК. Однако субиндексы не имеют собственных весов и поэтому не участвуют в определении итогового значения ИГК. Для нормирования индикаторов, выраженных в натуральной форме, в редакции 2017–2018 гг. по шкале от 1 до 7 использовалась формула, которую можно было найти в Докладе в редакции 2017–2018 гг. В редакции 4.0 для нормирования подобных индикаторов по шкале от 1 до 100 также используется формула, представленная в Докладе в редакции 4.0. Субиндекс «Инновации» в редакции 2017–2018 г.г. содержал 7 индикаторов, а в редакции 4.0 уже содержит 10 индикаторов, из которых надо отметить «Состояние развития кластера».

В 2019 г. Армения занимает 69 место из 141 стран в докладе о глобальной конкурентоспособности[2], в 2018 году она занимала 70 место среди 140 стран[3].

Таблица 3

Индекс глобальной конкурентоспособности, субиндекс «Инновационный потенциал» Армении 2018–2019 гг.[4]

	2018 г.	2019 г.
Индекс глобальной конкурентоспособности	69	70
Инновационный потенциал	60	62

Следует отметить, что одним из важнейших направлений инновационной деятельности является формирование кластеров, которые обеспечивают определенную основу для создания эффективных механизмов коммерциализации новых идей. Инновационная структура кластера способствует снижению совокупных затрат на исследование и разработку новшеств за счет повышения эффекта производственной структуры, что позволяет участникам кластера стабильно осуществлять инновационную деятельность в течение продолжительного времени. Кластеры и кластерная по-

[1] Schwab K. The Global Competitiveness Report 2018. – P. 631-649. – http://www3.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf

[2] The Global Competitiveness Report 2019, p. 63-65

[3] The Global Competitiveness Report 2018, p. 73-74.

[4] The Global Competitiveness Report 2019, p.65, The Global Competitiveness Report 2018, p. 73.

литика становятся все более популярным в мире подходом к развитию экономики, повышению ее конкурентоспособности, а также стимулированию инновационного развития. Кластерные стратегии рассматриваются в качестве важнейшего инструмента инновационного развития. Инновационный кластер – группы взаимосвязанных специализированных компаний в соответствующих отраслях, научных и государственных организаций, сконцентрированных в одной географической местности и проводящие совместную работу, несмотря на конкуренцию[1]. Научные исследования доказывают их эффективность и демонстрируют, что фирмы, расположенные подобным образом и функционирующие в таких условиях, создают больше рабочих мест, осуществляют больше налоговых платежей и выплачивают более высокую заработную плату сотрудникам. В частности, об этом свидетельствует опыт США и Швеции[2].

Кластер, будучи системой, более того – системой самоорганизующейся, генерирует в синергетические эффекты[3]. Надо отметить, что все участники кластера получают дополнительные конкурентные преимущества под воздействием совокупного влияния эффектов масштаба, охвата и синергии. Механизм их воздействия следующий: неприбыльные предприятия кластера могут преодолеть нижнюю границу рентабельности с помощью специализации, обеспечивающей повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции. Направленное содействие развитию различных аспектов синергетического эффекта в кластерах позволит повысить эффективность и степень использования потенциала синергии кластерных структур.

На основании выполненного анализа можно представить ряд препятствий, которые являются ***основными проблемами*** в развитии высоких технологий и инновационной экономики в РА:

- низкая коммерциализация научно-исследовательской работы, несмотря на наличие конкурентных научно-исследовательских работ в отдельных областях,
- отсутствие взаимосвязанной цепи образования-наука-экономика (особенно с точки зрения передачи знаний и коммерциализации),
- отсутствие согласованности между спросом и предложением рабочей силы в сфере высоких технологий и ИКТ,
- проблемы в области расширения объемов инновационных исследований, обеспечения их качества и совершенствования соответствующих способностей.

Для обеспечения более высокого уровня конкурентоспособности Армении необходимо:

1. Повысить привлекательность создания инновационных разработок для отечественных производителей и промышленных предприятий путем государственного стимулирования рисковых вложений капитала, венчурного инвестирования в инновационные продукты и услуги.

2. Предоставить частным предприятиям больше свободы для проведения инновационных разработок, обеспечить необходимую инфраструктуру не только для разработки новшеств, но и для дальнейшего продвижения их на рынке.

[1] Даллакян С.А. Кластеризация экономики и перспективы Армении // Международный научный журнал «Интернаука». Серия: «Экономические науки». 2019. – № 2. – https://doi.org/10.25313/2520-2294-2019-2-4762

[2] Cluster Policy in Europe. A brief Summary of cluster policies in 31 European countries. 2008.

[3] Бахшян Э.А. Кластеры в современной экономике: сущность, характерные черты и генерируемые эффекты // Теоретическая и прикладная экономика. 2019. – № 1. – С. 64–74. DOI: 10.25136/2409-8647.2019.1.28209

Зибарев А.Г.,
Кудинова Г.Э.,
Розенберг А.Г.,
Розенберг Г.С.,
Хасаев Г.Р.[1]

ИННОВАЦИОННО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГОРАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛЖСКОГО БАССЕЙНА)

Ключевые слова*: Волжский бассейн, региональное устойчивое развитие, валовой внутренний продукт, инновации.*

Keywords*: Volga river basin, regional sustainable development, Gross Domestic Product, innovation.*

Двенадцать лет тому назад вышло Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Несколько позже появилось Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 2552-р «Об утверждении государственной программы РФ «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг.». Пришло время «собирать камни».

Главный целевой ориентир Концепции – это в 2015–2020 гг. войти в пятерку стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности). В табл. 1 представлены 10 стран мира, которые расположены в соответствии с величиной валового внутреннего продукта (ВВП), то есть стоимостью всех конечных товаров и услуг, реализованных в экономике страны за один год (в долларовом эквиваленте), полученной при помощи пересчёта по паритету покупательной способности (ППС), то есть с поправкой на уровень текущих цен в экономике страны (а значит и покупательную способность валюты). Списки приведены в версиях Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ) [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_(ППС)].

Таблица 1

Списки стран по величине валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) в текущих ценах

№	Страна	2019 г. млрд. USD (МВФ)	2019 г. мир. доля, в % (МВФ)	2018 г. млрд. USD (МВФ)	2018 г. млрд. USD (ВБ)
1.	Китай	27 307	18,67	25 292	25 362
2.	США	21 428	15,20	20 580	20 494
3.	Индия	11 043	7,74	10 414	10 498
4.	Япония	5712	4,13	5578	5415
5.	Германия	4444	3,21	4343	4456
6.	Россия	4390	3,12	4258	4051
7.	Индонезия	3736	2,58	3496	3495
8.	Бразилия	3481	2,49	3383	3366
9.	Великобритания	3162	2,24	3065	3025
10.	Франция	3062	2,19	2970	3037

Как видно из этих результатов, до пятого места (чтобы обойти Германию) мы «недотянули» около 1,3%... Не плохо. Но не будем забывать, что численность населения Германии N = 83 млн. чел., площадь S = 357,4 тыс. км^2, тогда ВВП (ППС)$_{2018}$ на душу населения – $52,6 тыс. (18-й в мире), а на «единицу площади» – $12,5/м^2; а у нас, при N = 147 млн. чел. и S = 17 125,2 тыс. км^2, тогда ВВП (ППС)$_{2018}$ на душу населения – $28,8 тыс. (50-й в мире; меньше почти в 2 раза), а на «единицу площади» – $0,2/м^2 (меньше в 60 раз). Скорость роста ВВП представлена в табл. 2. Он ниже среднемирового и Россия находится в непосредственной близости с США и Евросоюзом. А чтобы составлять реальную конкуренцию этим странам надо расти опережающими темпами.

[1] Зибарев Александр Григорьевич – д.э.н., чл.-корр. РАН, гл.н.с., Институт экологии Волжского бассейна РАН, Кудинова Галина Эдуардовна – к.э.н., доцент, с.н.с.. Институт экологии Волжского бассейна РАН, Розенберг Анастасия Геннадьевна – к.б.н., н.с., Институт экологии Волжского бассейна РАН, Розенберг Георгий Самуилович – д.б.н., чл.-корр. РАН, гл.н.с., Институт экологии Волжского бассейна РАН, Хасаев Габибулла Рабаданович – д.э.н., профессор. Самарская Губернская дума. Для взаимодействия и сотрудничества: ievbras2005@mail.ru и genarozenberg@yandex.ru

Таблица 2

Список стран по росту ВВП (ППС) в период с 1990 по 2018 год (в % по данным Всемирного Банка) [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_(ППС)]

Китай	2162
Индия	872
Мир	**369**
США	244
Россия	241
Бразилия	237
ЮАР	236
Евросоюз	213
Германия	189
Япония	127

Среди главных вызовов предстоящего долгосрочного периода в Концепции отмечается усиление влияния *экологических факторов*, рост дефицита пресной воды и изменение климата, что создает дополнительные возможности для России, имеющей огромные запасы пресной воды и экологически благополучные территории. Среди стандартов благосостояния человека обозначены высокие стандарты личной безопасности, доступность услуг образования и здравоохранения требуемого качества, необходимый уровень обеспеченности жильем, доступ к культурным благам и обеспечение *экологической безопасности* (доля населения, проживающего в местах с *неблагоприятной экологической* обстановкой, должна снизиться с 43% в 2007 г. до 14% в 2020 г.). В четвертом разделе Концепции «Направления перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития» сказано, что в рамках первого направления – развитие человеческого потенциала России, – потребуется улучшение качества окружающей среды и *экологических условий* жизни человека; должно произойти завоевание лидирующих позиций в развитии возобновляемых источников энергии и внедрение в промышленных масштабах *экологически чистых* технологий производства энергии; для реализации водного потенциала российской экономики – потребуется вовлечение в хозяйственный оборот неосвоенных водных ресурсов России при обязательном соблюдении *природоохранных требований*, для реализации аграрного потенциала – производство *экологически чистых* продуктов. Среди этапов инновационного развития в Концепции находим «улучшение состояния окружающей среды, повышение экологических стандартов, создание эффективной системы утилизации отходов производства и потребления, повышение обеспеченности населения качественной питьевой водой; <…> возрастание требований к экологическим параметрам производства; <…> обеспечение интенсивного технологического обновления массовых производств на базе новых *энерго-* и *ресурсосберегающих экологически безопасных* технологий; <…> ужесточение *экологических требований*; <…> развитие *экологически чистых* производств и <…> способов производства энергии». В пятом разделе «Диверсификация экономики, повышение конкурентоспособности отраслей промышленности и сельского хозяйства» говорится, что необходима «модернизация сырьевых производств, увеличение глубины переработки сырья, снижение энергоемкости производства (к 2020 году прогнозируется снижение энергоемкости на 30–45 процентов), *повышение экологичности производства* и увеличение объемов экспорта при опережающих поставках на внутренний рынок».

Не беремся давать оценку выполнения этой Госпрограммы (похоже, многие её положения так и остались декларативными), приведем один только факт. За прошедшие 10 лет энергоемкость ВВП Российской Федерации снизилась всего на 9%, в последние 4 года энергоемкость ВВП не снижается[1] вообще.

Что касается выполнения госпрограммы «Охрана окружающей среды на 2012–2020 гг.», некоторые данные на 2016 г. приведены в табл. 3. Объявленный годом экологии, 2017 г. мог бы способствовать улучшению ситуации в данной области. Однако учитывая нестабильную экономическую ситуацию и недостаток инвестиций в стране в целом, реализуемость программ в области охраны окружающей среды в России пока остается под вопросом. Что касается завершающего 2020 г., то пандемия COVID-19 и развернувшийся экономический кризис вообще ставят под вопрос выполнение природоохранных программ[2]. Более того, по-видимому, придется пересмотреть приоритетность и некоторые из целей устойчивого развития человечества. Так, например, цель № 6 гласит: «Обеспечить наличие и рациональное использование водных ресурсов и *санитарии для всех*», цель № 11 – «Сделать города и населённые пункты *открытыми, безопасными, жизнестойкими и устойчивыми*», цель № 13 – «Принять *срочные меры по борьбе с изменением климата* и его последствиями» (*выделено нами – авторы*). И, скорее всего, к 17 основным целям придется добавить новые и по приоритету поставить их весьма высоко (в частности, «Объединить усилия, вести постоянный мониторинг и быть готовым к возникновению пандемий разной природы» или, используя опыт самоизоляции, «Дадим природе возможность восстанавливаться в долгосрочной перспективе [каникулы от человека]»).

Таблица 3

[1] Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации. – М.: Мин-во эконом. развития РФ, 2019. – С. 2.

[2] См., например, Тишков А.А. Экологические последствия эпидемии COVID-19 или «Мечта Греты Тунберг сбылась!» // Портал «Научная Россия». 28 апреля 2020 г. – https://scientificrussia.ru/articles/ekologicheskie-posledstviya-epidemii-covid-19-ili-mechta-grety-tumberg-sbylas; Розенберг Г.С. Некоторое сиюминутное улучшение состояния окружающей среды в ходе эпидемии COVID-19 мы наблюдаем. Но завтра весь комплекс сложнейших проблем может спровоцировать её серьезное ухудшение» // РегионСамара.ru. 04.05.2020. – https://regionsamara.ru/obraz-zhizni/lyudi-i-mneniya/https-regionsamara-ru-obraz-zhizni-lyudi-i-mneniya-gennadij-rozenberg-ob-eko/

Достижение значений целевых показателей госпрограммы «Охрана окружающей среды на 2012–2020 гг.» в 2016 г. [https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/ekologiya/ekologicheskaya-situacziya-v-rossii-i-mire]

Показатели	План	Факт
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, % к 2007 г.	93,4	83,9
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу из стационарных источников, на 1 млн. руб., т	0,35	0,28
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников в ТЭК, % к 2007 г.	71,4	80,3
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников в металлургии, % к 2007 г.	71,7	80,5
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от автомобильного транспорта, % к 2007 г.	82,6	94,2
Объем образованных отходов на 1 млн. руб. ВВП, т	81,2	81,2
Доля использованных и обезвреженных ТБО в общем объеме образованных твердых отходов, %	34,2	34,2
Численность населения, проживающего на территориях с неблагополучной экологической ситуацией в результате прошлой хозяйственной и иной деятельности, тыс. чел.	17 150	17 412
Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников, %	76,0	73,9
Доля использованных и обезвреженных отходов производства и потребления, %	80,8	80,8
Текущие затраты на охрану окружающей среды, % к 2007 г.	173,1	171,9
Инвестиции в основной капитал на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, % к 2007 г.	113,6	60,6

Примечание. Темным цветом выделены те показатели, по которым запланированное целевое значение не было достигнуто в 2016 г.

Ситуация с образованием, вторичным использованием, обезвреживанием и утилизацией отходов (см. табл. 3) и вовсе становится печальной в условиях пандемии коронавируса. Больше или меньше станет отходов, пока мы сидим по домам в самоизоляции? Как изменится их структура? Несомненно, обострится проблема утилизации медицинских отходов (тех же одноразовых, двухчасовых масок). Скорее всего, «проиграют» сторонники принципов Zero Waste (Ноль отходов). Маятник (общественное – личное) вновь должен качнуться в сторону «личного»: выясняется, что в условиях пандемии общественный транспорт более опасен, чем личный, приоритет получает одноразовое над многоразовым (одноразовые посуда, бахилы, медицинские расходные материалы [приоритет стерильности] – всё это требует новых вложений на утилизацию).

Согласно терминологии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к «зеленым» (экологическим) инновациям (green innovation, ecoinnovation) относят «любые инновации, которые приводят к снижению воздействия на окружающую среду»[1]. Иными словами, всё, что минимизирует выбросы и сбросы вредных веществ в окружающую среду и использование природных ресурсов при создании новых товаров, процессов и систем, всё это может быть определено как «экоинновации».

Несколько лет тому назад, на площадке этой же конференции и в других публикациях, мы уже высказывались[2] о теоретически возможных подходах к инновационно-экологическим аспектам регионального развития. Основной вывод этих исследований состоит в том, что формирование инновационной экономики в России требует не только постоянного технологического совершенствования, налаживания производства высокотехнологичной продукции с высокой долей добавленной стоимости, но и изменения взаимодействия государства и бизнеса, прежде всего, в экологической сфере[3].

Что же мы имеем на сегодняшний день? Всего один пример. Правительство РФ Постановлением № 95 от 02.02.1996 г. утвердило Федеральную целевую программу «Оздоровление экологической обстановки на реке Волге и её притоках, восстановление и предотвращение деградации природных комплексов Волжского бассейна на период до 2010 г. («Возрождение Волги»)»; коррекция Программы утверждена Постановлением Правительства РФ от 24.04.1998 г. № 414; обозначим эту программу ***ВВ***. Через 20 лет, Минприроды России подготовило и на выездном межведомственном совещании «О сохранении, предотвращении загрязнения и рациональном использовании Волги», которое прошло в Волгограде 08.08.2017 г. под руководством Д.А. Медведева, представило в Правительство Паспорт приоритетного проекта «Сохранение и предотвращение загрязнения реки Волги» («Оздоровление Волги») в рамках направления стратегического развития Российской Федерации «Экология»; назовем эту программу ***ОВ***. Сравним паспорта этих программ[4] (более подробно) всего по одному параметру – финансирование (табл. 4 и 5).

Таблица 4

[1] Green Growth & Eco-Innovation // OECD: Green innovation. – http://www.oecd.org/document/37/0,3746,en_2649_34499_40695077_1_1_1_1,00.html

[2] Зибарев А.Г., Кудинова Г.Э., Розенберг Г.С. «Блеск и нищета» инновационно-экологического развития (с примерами по Волжскому бассейну) // Регионы России: Стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития. Тр. Восьмой междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – Ч. 1. – С. 588–592; Зибарев А.Г., Иванов М.Н., Карпенко Ю.Д., Кудинова Г.Э., Розенберг Г.С. Инноватика и экология: cui prodest? // Экол. и промыш. России. 2011. № 12. С. 36–41. Кудинова Г.Э. Инновационные подходы в обеспечении устойчивого развития экономико-экологических систем региона // Изв. СамНЦ РАН. 2012. – Т. 14, № 1. – С. 267–271. Розенберг Г.С. Поговорим об инновациях… // Изв. Уфим. НЦ РАН. 2017. – № 4 (1). – С. 82–85.

[3] Бурматова О.П. Природоохранная стратегия социально-экономического развития региона // Регион: экономика и социология. 2014. – № 3. – С. 219–245.

[4] Розенберг Г.С., Саксонов С.В., Сенатор С.А. Запоздалый опыт экологических экспертиз глобальных планов преобразования природы в России // Вопросы степеведения. 2018. – № 14. – С. 15–35.

Сравнение паспортов программ «Возрождение Волги» и «Оздоровление Волги» (по отдельным направлениям)

Разделы паспорта Программы	*ВВ*	*ОВ*
Государственный заказчик	Комитет РФ по водному хозяйству	Правительство РФ
Сроки исполнения	1996–2010 гг. **(15 лет)**	2017–2025 **(9 лет)**
В области водного хозяйства	• обеспечение населения питьевой водой соответствующего качества; • сокращение удельного водопотребления на 15–20%; • снижение на 20–30% объемов забора воды из природных источников; • сокращение на 30–40% потребления питьевой воды на промышленные нужды; • завершение паспортизации малых рек; • прекращение сброса неочищенных хозяйственно-бытовых и производственных сточных вод; • обустройство водохранилищ, укрепление берегов, сокращение на 20–30% площадей мелководий и пр.	• реализовать систему мер, направленных на рациональное использование водных ресурсов и устойчивое функционирование водохозяйственного комплекса Нижней Волги, сохранение уникальной системы Волго-Ахтубинской поймы; • реконструкция (модернизация) и строительство очистных сооружений не менее чем на **200 предприятиях** – основных загрязнителях в 17 субъектах РФ; • уменьшение не менее чем на 80% объемов сброса загрязненных сточных вод из подлежащих очистке в водные объекты Волжского бассейна (до 10%); • обводнение р. Ахтубы в меженный период до 100 м3/с; • расчистка и восстановление водных объектов бассейна реки Волги (1171 км).
В области экологического мониторинга	• создание бассейновой автоматизированной системы непрерывного экологического мониторинга окружающей среды; • выявление экстремальных природных и техногенных ситуаций и явлений и пр.	установить автоматизированные системы, лаборатории по контролю за составом, объёмом сточных вод на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду I и II категории, осуществляющих сброс (отведение) сточных вод (100%).
В области лесного хозяйства, растительного и животного мира, особо охраняемых природных территорий (ООПТ)	• создание кадастра лесных ресурсов, растительного и животного мира, ООПТ; • завершение на федеральном и территориальном уровнях формирования единой сети ООПТ как природного каркаса Волжского бассейна; • увеличение лесистости до минимально необходимых площадей в малолесных субъектах РФ; • сокращение на 30–40% объемов древесных отходов производства.	[создать], утвердить и реализовать программу поддержания и восстановления биоразнообразия реки Волги
Объемы и источники финансирования		
Затраты на реализацию Программы, в т.ч.:	176,28 трлн. руб. (в ценах 1994 г.) или ~ $79,151 млрд.	245,8214 млрд. руб. (в ценах 2017 г.) или ~ $4,214 млрд.
федеральный бюджет	15,6%	46,1%
бюджеты субъектов РФ	20,2%	17,3%
прочие источники	64,2%	36,6%

Таблица 5

Объемы и источники финансирования программы «Оздоровления Волги» в регионах

Источники финансирования	Самарская область	Саратовская область	Республика Татарстан
бюджетные средства (млрд. руб.)	49,19 (69,2%)	45,66	14,25 (88,8%)
внебюджетные средства (млрд. руб.)	21,92 (30,8%)	?	1,79 (11,2%)

Даже если учесть инфляционные процессы и более короткий срок исполнения программы ***ОВ***, она оказывается на порядок «дешевле», чем ***ВВ***. Кроме того, разработчики Программы демонстрируют все возрастающее неверие в широкое участие частного капитала и других инвестиций в реализацию программы (доля таких поступлений стала в 2 раза меньше, чем в программе ***ВВ***, а доля федерального бюджета увеличилась почти в 3 раза; еще более разительны эти цифры для отдельных регионов; табл. 5). При этом, основными рисками (с высокой вероятностью наступления) сами разработчики Программы ***ОВ*** считают сокращение государственного финансирования проекта вследствие нестабильной макроэкономической ситуации; невысокое качество проектирования и строительства объектов (предлагается создание специального института «предпроектного анализа», контроля качества строительства и последующей эксплуатации); и, как отмечалось выше, низкую инвестиционную активность вследствие наличия выгоды по уплате штрафов перед льготами за инвестиционную деятельность.

«Зелёные» инновации и принципы «зелёной» экономики должны быть «представлены не в виде отдельной политики, стратегии или программы, а как основа для длительного благополучного развития страны, решения социально-экономических проблем, обеспечения необходимого качества жизни, национальной безопасности и конкуренто-

способности. Ключевыми показателями такого развития являются индикаторы устойчивого развития, включая показатели природо- и энергоемкости, индексы развития человеческого потенциала, скорректированных чистых сбережений, цели развития тысячелетия»[1].

Содержание составляющих параметров индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) отражает базовые возможности, которыми люди должны располагать для активного участия в жизни общества: возможность здоровой и продолжительной жизни, возможность и способность иметь знания (образование) и доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни. Индикатор рассчитывается на основе статистических данных: региональный ВВП по ППС на душу населения (X_1), ожидаемая продолжительность жизни (X_2) и уровень образования (X_3). Каждый из компонентов ИРЧП является результатом взаимосвязанных показателей социально-экономического развития и обладает собственной качественной характеристикой. Индекс валового регионального продукта на душу населения показывает экономическую результативность деятельности людей, индекс продолжительности жизни – состояние физического, психологического и социального здоровья населения, индекс образования – профессиональный и культурный потенциал населения, качество трудовых ресурсов.

Для регионов Волжского бассейна были рассчитаны ИРЧП (2000 и 2010 гг.), что позволило сделать некоторые выводы[2]. Так,

- ИРЧП по стране в целом вырос на 10%;
- для территорий Волжского бассейна г. Москва сохранил лидирующее положение (1 место в стране и рост на 7,8%), а Ивановская область осталась на последнем месте (77 в стране; рост на 11%); Нижегородская, Ярославская, Челябинская области практически также сохранили свое положение «в середине таблицы» (20-е, 30-е места) при среднем росте ИРЧП, как и по стране в целом, на 10%;
- другие территории демонстрируют весьма хаотичную динамику (например, Астраханская область с 28 места «перешла» на 44, Самарская область с 11 опустилась на 25 место, а Саратовская область с 38 поднялась на 28 место), причины которой следует анализировать специально.

Как инновационную составляющую устойчивого развития Волжского бассейна следует рассматривать и оценку природного капитала и экосистемных услуг для его регионов[3]. В настоящее время, традиционные экономические модели регионов не принимают в расчет все те блага, которые природа предоставляет людям, особенно в долгосрочной перспективе. Это ведет к чрезмерному потреблению природных ресурсов, а не к их эффективному и устойчивому использованию. Без экономической оценки менее осязаемых выгод от экосистем, использование ресурсов останется неустойчивым, а деградация – неизбежной, что ведет к потенциальному краху важных экосистемных функций и услуг. Сегодня мы подошли к границе, когда современная экономика переходит от эпохи «пустого мира» (empty-world; мир, относительно пустой от людей и созданной ими продукции), в котором ограничивающим фактором была продукция, созданная человеком, к эпохе «полного мира» (full-world; мир, относительно полный от вышеперечисленного), где уже оставшийся природный капитал выступает в роли ограничивающего фактора[4]. Экономическая логика и принципы системного анализа говорят нам о том, что мы должны стремиться максимально «увеличить производительность» дефицитного (лимитирующего) фактора, а это означает, что экономическая политика должна быть направлена на увеличение продуктивности *природного капитала*, а не на повышение *производственного капитала*, создаваемого человеком, что было уместно, лишь, когда он был ограничен.

В соответствии с этим возникает совсем другое в*и*дение экономики. Наличие большого числа обратных связей для социо-эколого-экономической системы региона (оказывающих как положительное, так и отрицательное воздействие на благосостояние населения и человеческий капитал) демонстрируют необходимость включения природного капитала и экосистемных услуг в сферу интересов современной экономики. При этом меняются (частично) названия форм капитала и их содержание. Так, *природный капитал* (бывшая «земля») включает в себя экологические системы, месторождения полезных ископаемых, экосистемные услуги и пр.; *человеческий капитал* (бывший «труд») включает в себя знания, интеллект (его ноу-хау), здоровье, качественный и производительный труд и качество жизни; *производственный капитал* по-прежнему включает в себя все машины и другие объекты инфраструктуры экономики и, наконец, *социальный* (или *культурный*) *капитал* (богатство в форме знаний или идей, сеть межличностных связей, институциональных механизмов, правил и норм, что позволяет оценить влияние культуры на экономику).

---

[1] Бобылев С.Н., Захаров В.М. «Зеленая» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития // На пути к устойчивому развитию России. 2012. – № 60. – С. 81.

[2] Костина Н.В., Розенберг Г.С., Хасаев Г.Р., Шляхтин Г.В. Статистический анализ индекса развития человеческого потенциала (на примере Волжского бассейна) // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Химия, биология, экология. 2014. – Т. 14, вып. 3. – С. 54–70; Костина Н.В., Розенберг А.Г., Розенберг Г.С., Хасаев Г.Р. Показатель «экологического следа» и его взаимосвязь с другими индексами устойчивого развития // Вестн. Самар. гос. эконом. ун-та. 2014. – № 9 (119). – С. 34–41. Хасаев Г.Р., Розенберг Г.С., Костина Н.В. Глава 11. Устойчивое развитие региональных социо-эколого-экономических систем (на примере Волжского бассейна) // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Под ред. Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева. – М.: Аналит. центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. – С. 223–236.

[3] Розенберг А.Г. Оценки экосистемных услуг Самарской области // Поволжск. экол. журн. 2014. – № 1. – С. 139–145; Rozenberg G.S., Kostina N.V., Kudinova G.E., Rozenberg A.G. Servizi eco-sistema innovazione pilastri dello sviluppo sostenibile (per esempio Volga bacino) // Italian Science Review. 2014. – Vol. 3, N 12. – P. 288–291.

[4] Daly H.E. The economics of the steady state // Amer. Econ. Rev. 1974. – Vol. 64, N 2. – P. 15–21.

Иванов А.В.[1]

ВЛИЯНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова*: иностранные инвестиции, инновации, инвестиционный климат, НИОКР, региональное развитие.*

Keywords: *foreign investment, innovation, investment climate, R&D, regional development.*

В современных условиях для стран с развивающимися рынками появляются новые возможности развития национальных экономик путем привлечения иностранных инвестиций. Одной из наиболее характерных особенностей современной экономики является ее диверсификация на основе конкурентоспособных технологий. Возросшая мобильность международного капитала позволяет привлекать иностранные инвестиции в модернизацию промышленности. Развитие собственных технологий на базе уже существующих иностранных повышает роль инноваций в экономиках многих стран. В этой связи положительное значение притока иностранного капитала подтверждается опытом успешной реализации стратегий развития, модернизации и диверсификации многих стран, например, Китая, стран Восточной Европы и других, которые пришли к экономическому прогрессу через восстановление национальных экономик путем активного привлечения иностранного капитала.

При этом путь развития национальных экономик через законы и механизмы рынка в разных странах не одинаковый. Он не поддается четкой стандартизации процессов, так как зависит от разных факторов, прежде всего, исторических, социокультурных, демографических и т.д. В этой связи проблема привлечения иностранных инвестиций, в частности прямых, как обладающих наибольшим социально-экономическим эффектом, актуальна и для российской экономики. Страна, запаздывающая в структурной модернизации экономики, нуждается в выработке оптимальной стратегии привлечения иностранного капитала с учетом национальных особенностей и ресурсного потенциала.

Период экономических преобразований 1990-х годов в России, сопровождаемый резким спадом производства и платежеспособного спроса на фоне высоких темпов инфляции, был ознаменован неуклонным падением уровня инновационной активности. В итоге экономика оказалась в условиях изношенной производственно-технической базы, функционируя за счет достижений прошлых лет. Важным инструментом в деле повышения роста экономических показателей страны является привлеченный иностранный капитал. Он определяет развитие как страны в целом, так и отдельных субъектов хозяйствования. Иностранный капитал – это катализатор экономических процессов в стране реципиенте.

Как отмечалось в Стратегии 2020 «Новая модель роста – Новая социальная политика», стратегия повышения инвестиционной привлекательности – это «ключевой элемент формирования условий для новой модели экономического роста. Он необходим для того, чтобы продвинуться в решении важнейших проблем современной стадии развития российской экономики. К таким проблемам относятся чрезмерная зависимость от конъюнктуры внешних рынков, недостаток «длинных» денег и качественных инвестиций, быстрый рост внутренних цен, низкая конкурентоспособность российских товаров. Все эти проблемы не решаемы без улучшения качества деловой среды и инвестиционного климата»[2]. Таким образом, привлечение иностранного капитала для экономики России имеет большое значение, так как страна нуждается в значительных средствах для финансирования процессов перестройки структуры и процессов модернизации экономики в целом.

За период проведенных реформ постепенно формировалась законодательная и правовая основы иностранного инвестирования. Процесс массовой приватизации, развитие рынка ценных бумаг создали предпосылки для создания зарубежных портфельных инвестиций. Интерес иностранных инвесторов в начале реформ можно объяснить рядом факторов:

- наличие емкого и ненасыщенного рынка;
- богатство территории природными ресурсами и упрощение доступа к ним иностранного капитала;
- институциональные преобразования, направленные на разгосударствление экономики, приватизацию многочисленных предприятий;
- либерализация режимов привлечения иностранного капитала;
- более тесные взаимоотношения страны с международными организациями.

---

[1] Иванов Артем Витальевич – к.э.н., преподаватель кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

[2] Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Промежуточный доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года.

Рассмотрим сущность прямых иностранных инвестиций. Согласно законодательству Российской Федерации, иностранная инвестиция определяется как «вложение иностранного капитала в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации».

«Прямая иностранная инвестиция – приобретение иностранным инвестором не менее 10 процентов доли, долей (вклада) в уставном (складочном) капитале коммерческой организации, созданной или вновь создаваемой на территории Российской Федерации в форме хозяйственного товарищества или общества в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации; вложение капитала в основные фонды филиала иностранного юридического лица, создаваемого на территории Российской Федерации; осуществление на территории Российской Федерации иностранным инвестором как арендодателем финансовой аренды (лизинга) оборудования…»[1].

В целом можно сделать вывод, что категорию инвестиций можно рассматривать не только как дополнительный источник капитала для наращивания мощностей, но и как необходимый инструмент технологического развития, совершенствования производственного процесса и инновационной деятельности.

Правовое регулирование иностранных инвестиций осуществляется как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. В этой связи необходимо упомянуть о международно-правовой защите инвестиций. Наряду с закреплением гарантий в национальном законодательстве это довольно действенный инструмент для привлечения иностранного капитала.

В России иностранные инвестиции регулируются Федеральным законом «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Под иностранными инвестициями понимается вложение иностранного капитала в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, в том числе:

- денег;
- ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации);
- иного имущества;
- имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность);
- услуг;
- информации.

Законом определено и понятие прямых иностранных инвестиций, которое включает:

- приобретение иностранным инвестором не менее 10 процентов доли или долей (вклада) в уставном (складочном) капитале коммерческой организации, созданной или вновь создаваемой на территории Российской Федерации в форме хозяйственного товарищества или общества в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации;
- вложение капитала в основные фонды филиала иностранного юридического лица, создаваемого на территории Российской Федерации;
- осуществление на территории Российской Федерации иностранным инвестором как арендодателем финансовой аренды (лизинга) оборудования, таможенной стоимостью не менее 1 млн. рублей.

Заметим, что определение прямых инвестиций в российском законе близко к трактовке прямых инвестиций в странах с развитой рыночной экономикой, в частности США. Так, в этой стране признается прямым зарубежным инвестированием всякое вложение, если инвестор располагает или получает 10% собственности фирмы. В этой связи можно сделать вывод, что различие между прямым и портфельным инвестированием как в России, так в США во многом сводится к проблеме контроля и управления на предприятии-объекте инвестиций.

На основании анализа особенностей привлечения иностранного капитала в национальную экономику можно сделать вывод, что продолжая привлекать необходимые стране иностранные инвестиции, следует учитывать отрицательные проявления воздействия иностранного капитала. Отрицательные последствия имеют или могут (в перспективе) иметь следующие формы своего проявления.

Прежде всего, нужно отметить, что иностранный капитал пока в незначительной степени способствует улучшению структуры национальной экономики, и в частности промышленности, реального сектора.

В случае если иностранные инвестиции принимают форму лишь некоего нематериального актива, «ноу-хау» или права на использование успешной репутации («гудвилл»), то данный способ международного сотрудничества становится довольно затратным.

Существует также опасность, что приток иностранных инвестиций и образование филиалов ТНК будет приводить к массовому сокращению научных исследований и опытных конструкторских разработок внутри национальной экономики и переносу НИОКР преимущественно в государства, в которых расположены штаб-квартиры ТНК.

Несовершенство законодательства, судебно-арбитражной системы, а следовательно, и высокие инвестиционные риски способствовали тому что иностранные инвесторы, получив доступ на российский рынок, устремились в отрасли, в которых наиболее высока норма прибыли и минимален срок окупаемости вложений. Между тем следует

[1] Федеральный закон от 9 июля 1999 г. №160 «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 июля 1999 г. – № 28. – Ст. 3493.

отметить, что для каждой отрасли экономики страны характерны свои инвестиционные показатели. К примеру, отрасли добывающей промышленности характеризуются высокой бюджетной эффективностью, но относительно низким социальным эффектом, уровнем технологий и не оказывают существенного влияния на развитие общей конкурентоспособности страны. Кроме того, страна попадает в зависимое положение от мирового уровня цен на ресурсы, что может негативно сказаться на состоянии внутреннего рынка.

Задача государства состоит не только в поддержании благоприятного инвестиционного климата для обеспечения количественных показателей прямых иностранных инвестиций, страна также должна занимать активную позицию по привлечению инвестиций в те отрасли экономики, которые обеспечивают стабильность экономического развития. Кроме того, существующая вероятность перехода страны на «догоняющий» путь развития в результате активного привлечения иностранного капитала, на путь постоянного заимствования технологий и зависимости от внешних инвесторов, обусловливает необходимость создания оптимальных внутренних условий для эффективного взаимодействия с иностранным капиталом. Сбалансированная политика государства в отношении прямых иностранных инвестиций может способствовать значительному увеличению темпов роста экономики страны.

Список литературы

1. Федеральный закон от 9 июля 1999 г. №160 «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 июля 1999 г. – № 28. – Ст. 3493.
2. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика // Промежуточный доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года.
3. Гайдук В.И. Роль иностранных инвестиций в развитии экономики Российской Федерации / КубГАУ. – Краснодар, 2017. – https://cyberleninka.ru/article/n/rol-inostrannyh-investitsiy-v-razvitii-ekonomiki-rossiyskoy-federatsii
4. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. – М.: Бином, 1997. – 800 с.
5. Ямщикова О.И. Иностранные инвестиции в экономике России / Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Новосибирск, 2017. – https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-investitsii-v-ekonomike-rossii-4

Карпов А.Е.
м.н.с. НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского»
Егошин С.Ф.
инженер, ЦАГИ им. Н.Е. Жуковского
Клочков В.В.
д.э.н., к.т.н., заместитель генерального директора по стратегическому развитию, НИЦ «Институт им. Н.Е. Жуковского», в.н.с. ИПУ РАН

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНЫХ АВИАПЕРЕВОЗОК С ПОМОЩЬЮ СКОРОСТНЫХ ВИНТОКРЫЛЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В РЕГИОНАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ключевые слова: *авиастроение, скоростной винтокрылый летательный аппарат, авиатранспортная система, пассажироперевозки, местные воздушные линии, себестоимость перевозки, транспортная работа.*

Введение

Местные воздушные перевозки как сегмент воздушного транспорта в РФ существуют в настоящее время преимущественно в отдаленных, труднодоступных и малонаселенных регионах (ОТДМР), и представляют собой перевозки пассажиров, как правило, в пределах одного региона. Характерные значения дальности полета для таких регионов составляют от нескольких сотен до одной-полутора тысяч километров. Воздушный транспорт является безальтернативным средством передвижения во многих районах и населенных пунктах, удаленных от региональных центров в ряде субъектов РФ. Качество транспортного обслуживания, характеризуемое еженедельными или даже более редкими рейсами, не может быть социально приемлемым в XXI веке и слабо совместимо с самим понятием транспортной связанности территории. Такое положение дел не только затрудняет социально-экономическое развитие, но и создает прямую угрозу территориальной целостности и национальной безопасности РФ. В этих регионах в будущем могут быть установлены (государством) определенные временные стандарты качества транспортного обслуживания.

Поиск рационального решения проблемы предполагает оптимизацию аэродромной сети ОТДМР совместно с параметрами будущего парка воздушных судов (ВС) местных воздушных линий (МВЛ). Как правило, ВС с лучшими взлетно-посадочными характеристиками (ВПХ), менее требовательные к наземной инфраструктуре (в предельном случае – вертикального взлета и посадки), проигрывают по скорости и экономичности крейсерского полета ВС с обычными ВПХ, и наоборот. Однако строительство и обслуживание аэродромов сопровождается высокой финансовой нагрузкой на экономику субъекта, что особенно значимо именно в малонаселенных регионах. Разработаны различные методы выбора оптимальных параметров как самих ВС, так и используемых ими аэродромов/посадочных площадок в ОТДМР, по обобщающим критериям эффективности авиатранспортной системы региона при соблюдении ограничений на качество транспортного обслуживания, подробнее см. [1, 2].

Для преодоления расстояний порядка 1000 км в российских ОТДМР используются самолеты малой вместимости (9-19 мест), а также вертолеты (включая вертолеты тяжелого класса – Ми-8/17 и др., несмотря на то, что их пассажировместимость избыточна при малых пассажиропотоках, и не может быть эффективно использована при соблюдении приемлемой частоты рейсов). При прочих равных себестоимость перевозок на вертолетах в несколько раз выше, чем на самолетах аналогичной грузоподъемности, но во многих случаях это – вынужденное решение. Сейчас, после деградации аэропортовой сети в России (особенно в ОТДМР), инфраструктурные ограничения присутствуют даже на тех направлениях, где по системным критериям было бы оптимальным использование самолетов и содержание аэродромов, хотя и невысокого класса.

Перспективы развития перевозок на МВЛ в Российской Федерации и, как следствие, требования к ВС критическим образом зависят от государственной политики в отношении ОТДМР. В сложившейся экономической ситуации, а также в связи с продолжающейся тенденцией пространственного развития регионов (а точнее, их «сжатия») в сторону переселения жителей в крупные городские агломерации, транспортная сеть МВЛ, даже с учетом текущей и планируемой государственной поддержки, будет иметь ограниченное количество аэродромов. В таком случае требуется либо создать наземную транспортную инфраструктуру (дорогостоящую, особенно в таких регионах), либо использовать классические вертолеты для развоза пассажиров в населенные пункты, которые «охватывают» оставшиеся аэропорты МВЛ.

В таких условиях преимущества винтокрылых летательных аппаратов (ВКЛА), а именно, возможность осуществлять вертикальный взлет и посадку и, как следствие, сокращение требуемых инфраструктурных расходов (для них достаточно вертолетной площадки), при определенных обстоятельствах могут компенсировать потери, возникающие

вследствие высокой стоимости выполнения транспортной работы по сравнению с самолетом МВЛ. Появление скоростных ВКЛА, способных выполнять полеты на дальние расстояния – около 1000 км – менее чем за 3 часа, может существенно упростить структуру транспортной системы ОТДМР. Появится возможность прямой перевозки пассажиров из центра региона практически в любой населенный пункт в пределах ограничений по дальности транспортного средства. В то же время это значительный технологический вызов для авиастроения – в настоящее время в мире нет серийных скоростных ВКЛА гражданского назначения, которые совмещали бы возможности вертикального взлета и посадки и крейсерского полета со скоростями, значительно превосходящими скорости вертолетов, т.е. 450–600 км/ч вместо 250–300 км/ч. ВКЛА по естественным физическим причинам проигрывают самолетам аналогичного класса как в экономичности, так и в топливной, энергетической эффективности, из-за чего и дальности их полета чаще всего менее 1000 км. Таким образом, представляется актуальным оценить целесообразность применения скоростных ВКЛА для местных воздушных перевозок и обосновать требования к уровню их экономичности, скорости, дальности полета.

Нами предлагается упрощенная экономико-математическая модель организации МВЛ в малонаселенных регионах – причем, в «дальней зоне», т.е. в районах, удаленных от регионального центра на 500, а иногда 1000 и более км (это актуально для протяженных субъектов Федерации – прежде всего, Якутии, Красноярского края, Камчатского края, Магаданской обл. и т.п.). Считается, что применение скоростных ВКЛА оправдано, если их эксплуатация на рассматриваемых маршрутах выгоднее, чем смешанная схема перевозок, состоящая из транспортировки пассажиров самолетом на периферийный аэродром (удаленный от регионального центра) и дальнейшего их развоза с помощью классического вертолета до малых населенных пунктов, которые охватывает аэропорт.

Метод формирования требований к скоростным винтокрылым летательным аппаратам при организации местных авиаперевозок в отдаленные районы малонаселенных регионов

В модели, приведенной ниже, в упрощенном виде проводится сравнение двух схем организации перевозок в отдаленные и труднодоступные районы (см. рис. 1):

1. полет из регионального центра с помощью скоростного ВКЛА, который может в пределах своего радиуса действия добраться в любую точку, оборудованную вертолетной площадкой;

2. полет самолетом до периферийного мини-аэродрома (где имеется короткая взлетно-посадочная полоса, ВПП) и развоз пассажиров по окрестностям с помощью классического вертолета.

Пусть N – характерный годовой пассажиропоток, обслуживаемый на каждом из маршрутов;

L – характерная дальность маршрута от регионального центра до населенного пункта (случай 1) или периферийного аэродрома (случай 2);

r – среднее расстояние до населенного пункта, которое преодолевает подвозящий/развозящий вертолет.

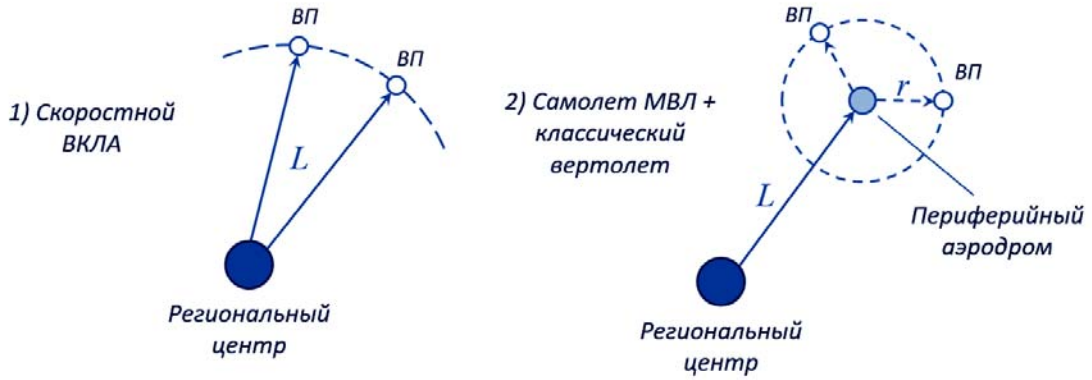

Рисунок 1.
Схемы организации перевозок в отдаленных районах ОТДМР

Критерием эффективности в данной модели выбраны полные затраты на рассматриваемых маршрутах (включая инфраструктурные постоянные расходы и непосредственно выполнение транспортных операций) за период T, по истечении которого в среднем требуется обновление/модернизация авиационной инфраструктуры.

Из условия, при котором затраты при выборе маршрута 1 будут ниже, чем для маршрута 2, определяются требования к себестоимости пассажиро-километра перевозки для скоростного ВКЛА $c_{пкм}^{ВКЛА}$:

$$\frac{c_{л.ч.}^{ВКЛА}}{V_{кр}^{ВКЛА}\cdot n_{ВКЛА}}\cdot T\cdot L\cdot N + C_{1ВП}^{пост} + C_{1ВП}^{обсл}\cdot T \quad \le \quad C_{ВПП}^{пост} + C_{ВПП}^{обсл}\cdot T +$$

$$+\frac{c_{л.ч.}^{сам}}{V_{кр}^{сам}\cdot n_{сам}}\cdot T\cdot L\cdot N + C_{2ВП}^{пост} + C_{2ВП}^{обсл}\cdot T + \frac{c_{л.ч.}^{верт}}{V_{кр}^{верт}\cdot n_{верт}}\cdot T\cdot r\cdot N\,,$$

Здесь

$C^{пост}$ – затраты на создание авиационной инфраструктуры;

$C^{обсл}$ – стоимость годового обслуживания инфраструктурных объектов;

$V_{кр}$ – крейсерская скорость ВС;

n – вместимость ВС.

Для оценочных расчетов надо задаться исходными данными, прежде всего, характеристиками самолетов МВЛ и классических вертолетов. В основном применяемый на МВЛ в России самолет L-410 (разработан в Чехословакии, производство локализовано на Уральском заводе гражданской авиации), рассчитанный на перевозку до 19 пассажиров, при нынешних своих характеристиках на расстояние 1000 км сможет перевезти лишь 13 пассажиров при крейсерской скорости до 350 км/ч [3]. При фиксированной средней стоимости летного часа это соответствует 17–20 руб./пкм (с 19 чел. – 12–14 руб./пкм). Зарубежный самолет Cessna 208B Grand Caravan, рассчитанный на 9 мест, преодолеет (по данным производителя) то же расстояние только с 6 пассажирами на борту. Таким образом, себестоимость пассажирокилометра перевозки увеличивается с 15–16 руб. (9 пасс.) до 22–25 руб. (6 пасс.). В табл. 1 приведены исходные данные для сравнения двух схем транспортировки и определения требований к скоростным ВКЛА. Для самолетов МВЛ в расчетах используются характеристики, соответствующие перспективным требованиям к стоимости пассажирокилометра для данного класса ВС (считается, что они должны быть на 20% экономичнее современных, указанных выше). Также предполагается, что для перспективных самолетов МВЛ будет достигнуто:

- увеличение дальности при максимальной загрузке ВС до 1000–1500 км (таким образом в модели можно не учитывать зависимость грузоподъемности ВС от дальности полета);
- увеличение крейсерской скорости до 400–450 км/ч, что необходимо для повышения качества услуг по перевозке пассажиров (сокращения длительности полета до 2–3 часов).

Тогда при условии сохранения текущей стоимости летного часа (здесь и далее все стоимостные параметры рассматриваются без учета инфляции) для 9-местного ВС (45 000 руб./л.ч.) $c_{пкм}$ составит 12–13 руб./пкм, а для 19-местного самолета (80 000 руб./л.ч.) – 9–10 руб./пкм. В таком случае 19-местный самолет будет заведомо предпочтительнее 9-местного, с точки зрения рассматриваемой математической модели. Однако при учете временного ограничения (которое требует малого межрейсового интервала) при малых пассажиропотоках эффективнее будет использование 9-местного ВС.

Для классических вертолетов в качестве опорных рассматриваются характеристики вертолета AHCAT вместимостью 7 пассажиров (поскольку такая вместимость, а не большая, характерная для более тяжелых типов, соответствует приемлемой частоте рейсов при малых пассажиропотоках в ОТДМР). Из расчета 1700 долл./л.ч. при курсе 60–65 рублей за доллар с учетом сокращения стоимости летного часа на 10% в среднесрочной перспективе получим стоимость выполнения транспортной работы классических вертолетов около 55–60 руб./пкм.

Итак, в модели приняты следующие допущения:

- рейс осуществляется при 100%-м заполнении ВС (при этом считается, что временное ограничение на выполнение перевозки выполнено);
- при принятых входных данных можно не учитывать зависимость грузоподъемности ВС от дальности, т.е. фиксируется вместимость летательных аппаратов (учет этой зависимости может быть показан на примере работы [4]);
- стоимость летного часа ВС $c_{л.ч.}$ (данные вносятся в модель экзогенно), определяется из фиксированного годового налета (500–600 л.ч. для классического вертолета, 800–1000 л.ч для самолета МВЛ).

При этом считается, что при малом налете на данном маршруте ВС оставшиеся часы налетает за счет эксплуатации на других маршрутах.

Исходные значения для инфраструктурных расходов приняты на основе данных Министерства транспорта РФ, см. табл. 1.

Таблица 1

Исходные данные для расчетов

$C_{ВПП}^{пост}$	200 млн руб.	
$C_{ВПП}^{обсл}$	5 млн руб.	
$V_{кр}^{сам}$	400 км/ч	450 км/ч
$n_{сам}$	9 мест	19 мест
$c_{л.ч.}^{сам}$	45 тыс. руб.	80 тыс. руб.
$C_{ВП}^{пост}$	40 млн руб.	
$C_{ВП}^{обсл}$	1 млн руб.	
$V_{кр}^{верт}$	250 км/ч	
$n_{верт}$	7	
$c_{л.ч.}^{верт}$	100 тыс. руб.	
T	20 лет	

Ниже на рис. 2 приведена статистическая информация (на основе расписания движения воздушных судов, предоставленного Транспортной клиринговой палатой) по аэропортам местных воздушных линий в Российской Федерации за 2015 год. На графике показано распределение 130 действующих аэропортов МВЛ по расстояниям от центра региона. Основная часть расположена на расстоянии до 700 км от регионального центра (более 70%), лишь 38 аэропортов обслуживают рейсы самолетов дальностью 800 км и более.

Рисунок 2.
Распределение действующих аэропортов МВЛ по дальности
(данные за 2015 год)

На данном графике можно условно выделить пики в интервалах характерной дальности полета 300-700 км и 800 и более километров, поэтому в расчетах рассматривается два сценария при сравнении маршрутов: (а) L = 500 км; (б) L = 1000 км.

С учетом этих географических данных, дальность полета скоростного ВКЛА с полной загрузкой предполагается на уровне перспективных самолетов МВЛ, не менее 1000 км. Поэтому в первом случае требования будут сформулированы для ВС, которое совершает полет туда-обратно без дозаправки (причем, ВС имеет запас топлива на обратный рейс), зато во втором стоимость пассажиро-километра перевозки ВКЛА будет еще и включать в себя повышенную стоимость топлива за счет дозаправки в удаленном населенном пункте. Поэтому во втором случае другие статьи операционных расходов должны быть еще ниже, чтобы удовлетворить сформулированным требованиям.

На рис. 3 представлено распределение действующих аэропортов гражданской авиации по данным за 2015 год:

используемых для пассажироперевозок МВЛ;

неиспользуемых на линиях МВЛ, включая действующие посадочные площадки (в т.ч для применения авиации в народном хозяйстве, ПАНХ – т.е. разнообразных авиационных работ, а не транспортных перевозок).

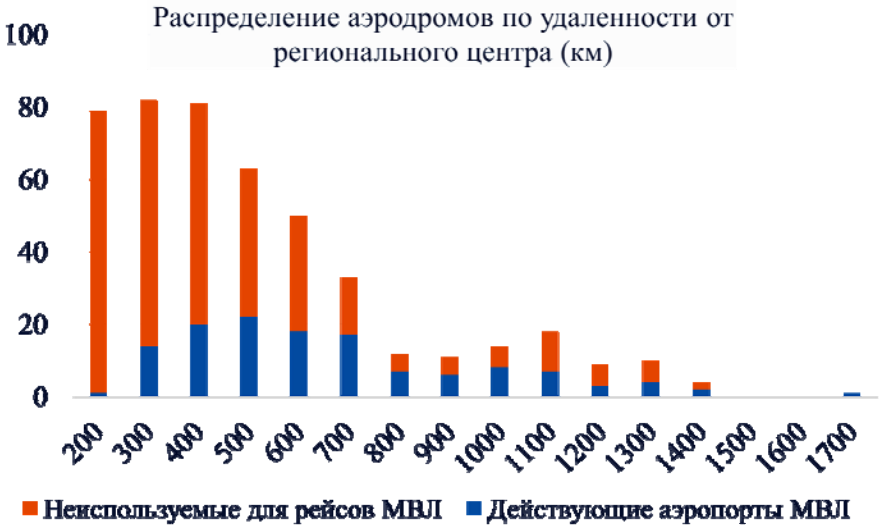

Рисунок 3.
Распределение действующих аэропортов гражданской авиации по дальности

Всего для рейсов МВЛ не используется 337 аэродромов, из которых 248 расположены на расстоянии до 500 км от регионального центра. Вероятнее всего, для большинства таких маршрутов имеется более выгодная альтернатива в виде наземного транспорта (этот тезис требует отдельного изучения, с оценкой состояния дорожной инфраструктуры в регионах – возможно в радиусе 200 км от регионального центра она достаточно развита) либо классического вертолета. На расстоянии 800 км и более из 79 аэродромов для перевозок МВЛ не используется – 41, более 50%. Такое со-

отношение демонстрирует широкие инфраструктурные возможности потенциального использования скоростных ВКЛА.

Далее проведен краткий анализ объема пассажиропотоков сети МВЛ. Графики, представленные ниже, сформированы на основе статистики для 96 аэропортов, используемых для перевозок МВЛ (по данным Росавиации об объемах перевозок через аэропорты в 2015 г.), остальные 34 используются одновременно и для региональных перевозок, вследствие чего невозможно однозначно отделить пассажиров МВЛ от остальных.

Высокие значения пассажиропотока при дальности 900 км и 1400 км могут объясняться, например, перевозками людей для выполнения вахтовых работ. В качестве подобного примера может быть приведен аэропорт Игарка. Количество человек, проживавших в городе Игарка в 2015 году, по данным Всероссийской переписи населения, составляло 5117 чел. Удаленность от Красноярска (ортодромическая дальность) – 1300 км. При этом объемы пассажирских перевозок через аэропорт составили:

- в 2014 г. – 208 062 чел.;
- в 2015 г. – 192 090 чел.;
- в 2016 г. – 214 325 чел.;
- в 2017 г. – 278 039 чел.,

что превышало население самого города в 40–50 и более раз. Фактически, этот аэропорт служит «хабом» для дальнейшего развоза вахтовых рабочих. Подобные аэропорты с сильно завышенным пассажиропотоком были исключены из рассмотрения.

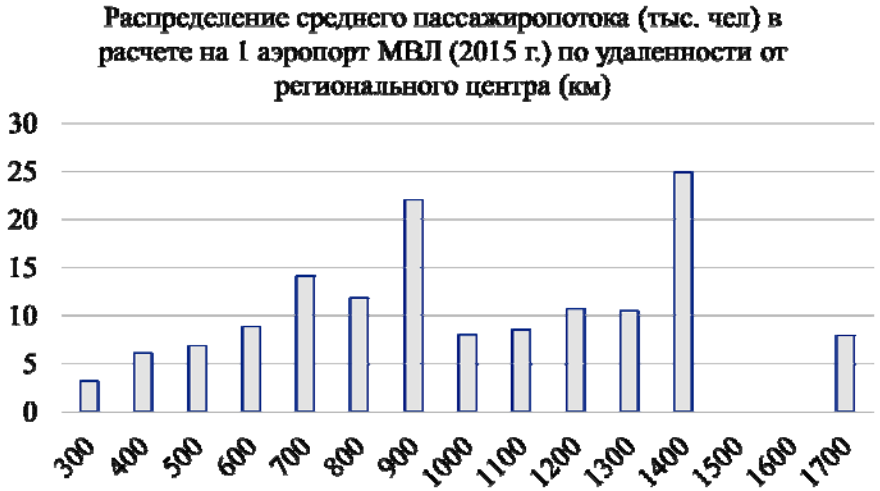

Рисунок 4.
Распределение пассажиропотока по дальности в расчете на 1 аэропорт

На основе данных на рис. 4 для двух выделенных ранее сценариев (полеты до 500 км и до 1000 км) можно определить граничные значения для пассажиропотока в расчете на 1 аэропорт на уровне 4000-7000 и 9000-12000 пасс. в год для сценариев а) и б) соответственно. При сравнении маршрутов предполагается исходить именно из этих значений.

На рис. 5 представлено распределение общего пассажиропотока МВЛ по дальности полета в 2015 г.

Рисунок 5.
Распределение общего пассажиропотока на местных воздушных линиях гражданской авиации по дальности

Данный график при его сравнении с данными, представленными на рис. 4., объясняется снижением плотности населения по мере удаления от регионального центра. В то же время сокращение пассажиропотока «отстает» от со-

кращения плотности населения. Таким образом, с ростом дальности полета увеличивается авиационная подвижность населения. Эта статистика подтверждает безальтернативность воздушного транспорта в населенных пунктах, удаленных от региональных центров.

При максимальной дальности полета ВКЛА на уровне 500 км (при полной коммерческой нагрузке) может быть обеспечен охват около 25–30% общего пассажиропотока при возможности обслуживания 45–50% действующих (по данным 2015 г.) аэропортов. ВКЛА с максимальной дальностью 1000 км охватывает уже 85–90% аэропортов с пассажиропотоком до 85% от общего числа перевезенных пассажиров.

Конечно, в среднесрочной перспективе значения пассажиропотоков могут существенно измениться и правильнее будет рассмотреть несколько сценариев изменения показателей авиатранспортной системы. В Стратегии пространственного развития РФ предполагается плавное переселение жителей в более крупные агломерации (центры экономического роста) в сочетании с поддержкой населения в ОТДМР, в т.ч. транспортных систем. В данной работе пока предлагается рассмотреть сценарий, при котором потоки сохранятся на прежнем уровне.

Результаты модельных расчетов

Ниже приведены полученные в результате модельных расчетов зависимости приемлемой (требуемой) стоимости пассажиро-километра перевозки для скоростного ВКЛА от среднего годового пассажиропотока на маршруте для двух рассматриваемых сценариев дальности полета.

Рис. 6 соответствует сценарию а) L = 500 км, ВКЛА имеет возможность выполнения рейса без дозаправки и обратно.

На графике наблюдается сильная зависимость результатов как от расположения малых населенных пунктов относительно периферийного аэропорта (расстояния r), так и от пассажиропотока на маршруте. Выделенная на графике область соответствует средним значениям пассажиропотока на маршрутах МВЛ до 500 км и определяет требования для скоростных ВКЛА в среднесрочной перспективе.

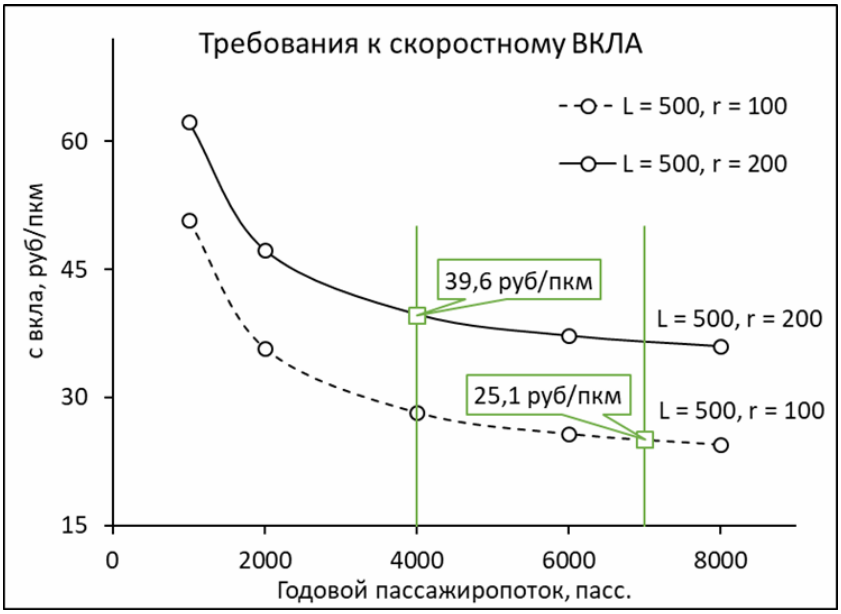

Рисунок 6.
Требования к стоимости пкм скоростного ВКЛА при L = 500 км

При заданных допущениях в модели и выбранных исходных данных (см. табл. 1) приемлемая стоимость выполнения единицы транспортной работы при пассажироперевозках с помощью скоростных ВКЛА может быть в 3–4 раза выше, чем у перспективных самолетов МВЛ (9–10 руб./пкм), но должна быть в 1,5–2 раза дешевле, чем у классических вертолетов (55–60 руб./пкм).

На рис. 7 представлены расчеты для сценария б) L = 1000 км, в котором ВКЛА осуществляет дозаправку для выполнения обратного рейса в отдаленном пункте назначения.

Т.к. пассажиропоток в расчете на 1 периферийный аэродром здесь принят выше, чем в случае (а), требования к стоимости одного пассажиро-километра скоростного ВКЛА получились более жесткими. Опять же, наблюдается сильная зависимость от характерной дальности «развоза» пассажиров классическим вертолетом. При увеличении дальности от 100 км до 300 км требование смягчается более чем в полтора раза. Но для рассмотренных диапазонов пассажиропотока (для фиксированного r) наблюдается относительно малое изменение требований, в пределах 10%. В целом приемлемая стоимость эксплуатации ВКЛА может быть в 2–3 раза выше, чем у перспективных самолетов МВЛ (9–10 руб./пкм), но должна быть и в 2–3,5 раза ниже, чем у классических вертолетов (55–60 руб./пкм).

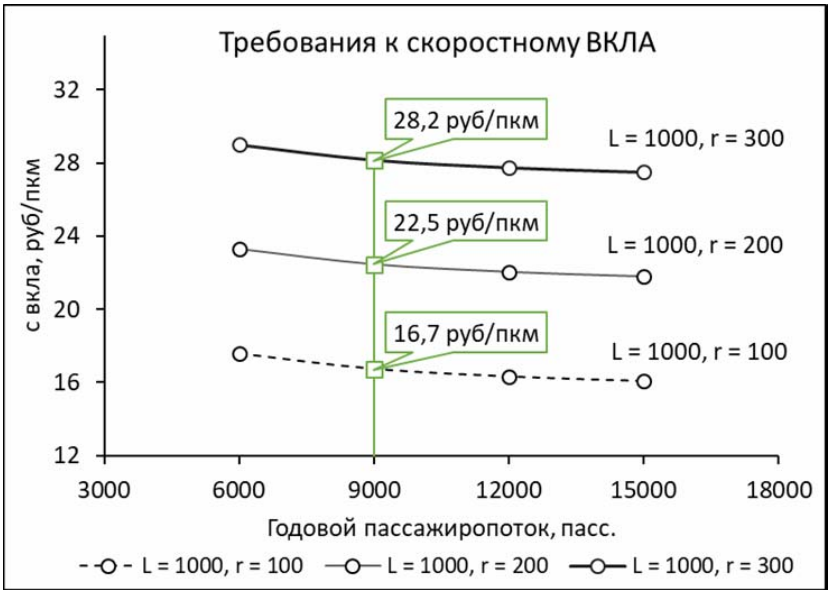

Рисунок 7.
Требования к стоимости пкм скоростного ВКЛА при L = 1000 км

Заключение

В работе на основе упрощенной модели затрат на организацию местных авиаперевозок предложен метод, позволяющий формировать требования к скоростным винтокрылым летательным аппаратам для организации перспективной транспортной системы в отдаленных, труднодоступных и малонаселенных регионах. Схема организации перевозок на таких воздушных судах из регионального центра в отдаленные районы региона должна обеспечивать выигрыш во времени и стоимости поездок по сравнению с двухступенчатой схемой «самолет до периферийного аэропорта – классический вертолет до места назначения». В целом, проведенные оценки для ВКЛА с дальностями полета не менее 1000 км показали, что создание транспортных систем для перевозки пассажиров местных воздушных линий на основе таких воздушных судов целесообразно, когда они обеспечивают себестоимость пасс.-км перевозки не более 20–25 руб. В рамках модельных предположений получено, что стоимость выполнения единицы транспортной работы таких ВС должна быть в 2–3 раза ниже, чем у классических вертолетов (55–60 руб./пасс.-км), но может быть в 2–2,5 раза выше, чем у перспективных самолетов МВЛ (9–10 руб./пасс.-км). Также выявлено сильное влияние на требования удаленности конечных пунктов назначения от периферийных аэродромов.

В рамках известных технологий такие технико-экономические характеристики скоростных ВКЛА не могут быть достигнуты, поскольку они должны стать экономичнее классических вертолетов, не обладающих высокой крейсерской скоростью. Однако достижение необходимого уровня характеристик возможно в будущем, при использовании гибридно-электрических силовых установок, особенно распределенных. Такие летательные аппараты будут, скорее всего, ближе к самолетам, но при высоких взлетно-посадочных характеристиках.

Для более корректного формирования требований к перспективным скоростным винтокрылым аппаратам в дальнейшем предполагается:

- рассматривать реальную географию конкретных регионов, систему расселения;
- учесть ограничения по времени в пути и по общей стоимости поддержания авиатранспортной системы регионов;
- учесть возможности выполнения карусельных маршрутов, как для классических ВКЛА (рассматриваются, например, в работе [5]), так и для скоростных ВКЛА, и оптимизировать маршруты развоза вокруг периферийных аэродромов;
- оптимизировать и расположение самих периферийных аэродромов, сочетая возможности самолетов и винтокрылых воздушных судов.

Список литературы

1. Клочков В.В., Рождественская С.М., Фридлянд А.А. Обоснование приоритетных направлений развития авиационной техники для местных воздушных линий // Научный вестник ГосНИИ ГА. 2018. – № 20 (331). – С. 93–102.
2. Клочков В.В., Горшкова И.В., Молчанова Е.В. Авиатранспорт в малонаселенных регионах: оценка затрат и эффективности инновационных технологий // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 3 (330). – С. 58–68.
3. Самолет L-410UVP-E20, основные характеристики: Информационный проспект компании Aircraft Industries, a.s., Na Zahonech 1177, 686 04 Куновице, Чешская республика, 2010.
4. Егошин С.Ф. Оценка структуры полных затрат на пассажирские авиаперевозки в местном сообщении // Научный вестник ГосНИИГА. 2019. – № 28 (339). – С. 80–92.
5. Егошин С.Ф. Применение летательных аппаратов вертикального взлета и посадки для развития авиатранспортной системы местных перевозок России // Научный вестник ГосНИИГА. 2019. – № 29 (340). – С. 46–56.

Киселева С.П.
д.э.н., академик РАЕН и РЭА, профессор, Государственный университет управления

СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ МИГРАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ИДЕЙ

Ключевые слова: *асимметрия, жизненный цикл инновации, инновационная идея, инновация, информация, инновационная система, информационный подход, миграция, пространство, социо-эколого-экономические риски, симметрия, среда, устойчивое развитие.*

Глобализация и глобальная конкуренция оказывают значительное влияние на ход миграционных процессов. Современные тенденции международной миграции проявляются в увеличении темпов нелегальной миграции, росте вынужденной миграции, глобализации мировых миграционных потоков, усилении демографической значимости международной миграции; в качественных изменениях в потоках миграции; изменении характера миграционных процессов[1]. В свою очередь, современный этап цивилизационного развития общественно-политических, социально-экономических и природно-техногенных систем отличается стремительным ростом сложности управленческих задач в различных сферах жизнедеятельности человека. Инновационные идеи являются инструментом для снижения энтропии различных систем, поскольку они ориентированы на повышение меры организации системы[2]. Однако высокая степень рисков, характерная для реализации инновационных идей в инновационной среде на различных этапах жизненного цикла инновации, обозначает необходимость постановки проблематики социо-эколого-экономических рисков миграции инновационных идей.

Миграционные процессы становятся объектом интереса различных исследователей (преимущественно исследователей гуманитарного профиля), явление «миграция» обретает все более прочную понятийную и терминологическую основу. Термин «миграция» имеет множество различных определений (согласно работам Р.Е. Джансараевой, Л.Л. Рыбаковского, В.Н. Чапека, В.И. Моисеенко, О.В. Лармина, Л.Л. Шамилевой, В.И. Переведенцева, Т.И. Заславской и многих других исследователей)[3]. Общим в различных подходах является то, что понятие миграция связывается с понятиями «подвижность», «пространственное перемещение», «перераспределение».

Следует отметить, что в большинстве работ теоретического и прикладного характера миграция рассматривается прежде всего в отношении населения, трудовых ресурсов. В данной статье впервые ставится проблематика миграции *инновационных идей* – инновационных идей, которые мигрируют как вместе с их генератором и носителем (человеком), так и без него (в виде формализованных, оформленных инновационных идей). Таким образом, под ***миграцией инновационной идеи*** автором предлагается понимать пространственное перемещение инновационной идеи (вместе с человеком – при миграции генератора и носителя идеи, или отдельно от человека – при миграции только инновационной идеи в материализованной форме – оформлена, защищена патентом и др.).

Большей части научных исследований в гуманитарной сфере по вопросам миграции присущ исторический, политологический, социологический, социальный и экономический характер[4]. В данной статье предлагается обратить внимание также и на экологические аспекты, вопросы безопасности миграционных процессов. В данной статье обращается внимание на важность постановки задачи снижения социо-эколого-экономических рисков, обеспечения безопасности и устойчивого развития инновационных процессов в условиях увеличения темпов миграции населения и миграции инновационных идей.

Рождение инновационной идеи в информационном пространстве – центральное событие в образовании инновации как системы. Генератором (создателем) инновационной идеи является человек, строительным материалом для появления инновационной идеи в информационной пространстве является информация. В связи с этим, рассматривая проблематику миграции инновационных идей, целесообразно обратиться к информационному подходу на принципах термодинамики, разработанному Вишняковым Я.Д. и Киселевой С.П., в работах которых[5] изложены теоретические и

---

[1] Макарова М.В. Миграционная политика Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы развития. Научное издание. Монография – М.: МГГЭИ, 2013 – 80 с.; Миграция и национальная безопасность / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: МАКС-Пресс, 2003. – 148 с. – Научная серия Международная миграция населения: Россия и современный мир. – Вып. 11.; Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: Монография / Под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А.Степанова; ред.и сост. Г.Р. Исакова. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2019. – 190 с.

[2] Киселева С.П. Образование и свойства инновационных систем. Журнал «Креативная экономика». М., №12, 2011 г.

[3] Джансараева Р.Е. Трудовая миграция // Вестник КазНУ. 2015. – Вып. 5. – С. 96–102.

[4] Там же.

[5] Вишняков Я.Д., Киселева С.П. Универсальный подход к пониманию образования инновационных систем в информационном поле // Вестник университета. – М., 2011. – № 17. – С. 118–124; Киселева С.П. Теория эколого-ориентированного инновационного развития: автореферат дис. доктора экономических наук: 08.00.05. – М., 2014. – 56 с.

методические основы разработанного и обоснованного информационного подхода, который можно использовать для решения задач в области обеспечения безопасности и устойчивого развития инновационных процессов. Идея использовать разработанный ранее информационный подход для решения задач снижения социо-эколого-экономических рисков миграции инновационных идей появилась на базе осмысления причинно-следственных взаимосвязей и различий между информационной средой рождения инновационной идеи и инновационной средой реализации инновационной идеи. Природно-техногенные системы разных стран имеют свои специфические особенности, развиваются по законам эволюции и развития жизнедеятельности человека. Информационное пространство, являясь материнской средой рождения инновационных идей, служит отображением эволюционных особенностей развития общественно-политических, социально-экономических и природно-техногенных систем разных стран. Определенная дифференциация информационного поля в результате особенностей развития общественно-политических, социально-экономических и природно-техногенных систем разных стран, определяет соответствующую дифференциацию инновационного поля в соответствующем объеме пространства. Величина рисков миграции инновационных идей определяется асимметрией (отсутствием или нарушением симметрии) инновационной идеи (как системы) со средой, в которой она образовалась, и средой, в которой она будет реализовываться. В связи с этим *миграцию инновационных идей и реализацию инновационных идей важно осуществлять с учетом согласования инновационной идеи с информационной средой рождения этой инновационной идеи, и с инновационной средой реализации этой инновационной идеи*, что становится возможным сделать *на основе информационного подхода*.

Согласно предлагаемому информационному подходу инновационная идея рассматривается как система, образованная в информационной пространстве. Данная система зарождается в информационном пространстве, а при переходе в инновационное пространство рождается в виде инновации (системы). Структура инновации (как системы) задана с помощью составляющих ее структурных элементов и связей между ними. В предлагаемом инструментарии применяется *энтропийный подход,* в рамках которого основным понятием является *«энтропия»*, характеризующая меру неопределенности состояния и поведения инновации (как системы) на различных этапах жизненного цикла инновации с учетом особенностей ее структуры как системного образования. Исследованы этапы зарождения и формирования инновационной идеи (как системы) в информационном поле, ее появление и развитие в инновационном поле на основе достижений термодинамики. На базе исследования предложена модель образования и реализации инновации, которая отображает фазовое превращение в информационном поле (на основе информационного подхода). Применительно к проблематике миграции инновационных идей, модель будет характеризовать три возможных траектории реализации инновационной идеи (как системы) в случае ее миграции (см. табл. 1). Модель зарождения, появления и реализации инновации (как системы) в инновационном поле на основе информационного подхода, ее описание и аксиоматический аппарат модели изложены и обоснованы в некоторых наших работах[1].

Таблица 1

Траектории реализации инновационной идеи (как системы) при ее миграции

Возможные траектории реализации инновационной идеи	Описание траектории	Значение энтропии
Траектория 1	Идея носит такой характер, что неопределенность (вариативность) исхода в направлении разработки и инновационного продукта возрастает при реализации полного жизненного цикла инновации	ЭНТРОПИЯ ВОЗРАСТАЕТ
Траектория 2	Первоначальная идея по своему масштабу и системным свойствам полностью тождественна разработке, которая реализуется в тождественном инновационном продукте	ЭНТРОПИЯ НЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ
Траектория 3	Конкретизация состояния системы по линии усовершенствования структуры и наращивания внутрисистемных связей увеличивает упорядоченность системы и это происходит, как правило, за счет негэнтропийного потока извне	ЭНТРОПИЯ УМЕНЬШАЕТСЯ

Масштаб и характер социо-эколого-экономических рисков миграции инновационных идей зависит от масштаба асимметрии инновационной идеи (как системного информационного образования) со средой формирования инновационной идеи и средой реализации инновационной идеи на всех этапах жизненного цикла инновации. В реальное взаимодействие с инновацией (как системой) вступают только те компоненты внешней среды, которые имеют сходственные элементы симметрии с компонентами системы. Если нужные компоненты будет отсутствовать в инновационной среде другой страны (региона), то инновация не будет находить соответствующих условий (финансовых, кадровых, технико-технологических, иных) и поддержки, и ее реализация в соответствующей среде будет не только проблематична, но и опасна для окружающей среды[2].

Разработанная Модель отражает реальные процессы создания и реализации инновации на основе информационного подхода с привлечением основ термодинамики. Согласно информационному подходу, приращение энтропии инновации (как системы) обозначает изменение неопределенности ее состояния – это говорит об изменении возмож-

[1] Вишняков Я.Д., Киселева С.П. Универсальный подход к пониманию образования инновационных систем в информационном поле // Вестник университета. – М., 2011. – № 17. – С. 118–124; Киселева С.П. Теория эколого-ориентированного инновационного развития: автореферат дис. доктора экономических наук: 08.00.05. – М., 2014. – 56 с.

[2] Киселева С.П. Теория эколого-ориентированного инновационного развития: автореферат дис. доктора экономических наук: 08.00.05. – М., 2014. – 56 с.

ностей ее реализации в различных *x*-состояниях, которые отличны от x_0-состояний, характерных при рождении рассматриваемой инновации. В свою очередь, реализация *x*-состояний инновации возможна с различной p_x-вероятностью, которая зависит от среды реализации инновации. Для уменьшения рисков и неопределенности реализации инновации (как системы) обозначается задача максимального соответствия Траектории 2. Модель рекомендуется *для определения возможностей изменения инновации и/или изменения среды ее реализации в интересах обеспечения безопасности и устойчивого развития инновационных процессов в условиях миграции инновационных идей*[1].

Рассматривая вопросы безопасности миграции инновационных идей для окружающей среды, важно обратить внимание на следующее. Инновационное развитие являет собой множество преобразований, которые можно описать с помощью множества созидательных и разрушительных действий *{D}*. Созидательные и разрушительные действия, сопровождающие инновационное развитие, обусловлены необходимостью достижения равновесия (разных уровней) в информационной среде (см. табл. 2).

Таблица 2

Созидательные и разрушительные действия, сопровождающие инновационное развитие[2]

Тип действий	Наименование типа действий	Описание действий	Содержание действий
D_I	Действия по достижению информационного равновесия *L1*-уровня	Действия по реализации инновационного процесса в рамках жизненного цикла инновации	Направлены на реализацию инновационного процесса с целью построения структуры (элементов и связей) инновации согласно спроектированным информационным характеристикам на различных этапах ее жизненного цикла
D_{II}	Действия по достижению информационного равновесия *L2*-уровня	Действия по развитию инновационной среды в регионе	Направлены на построение структуры (элементов и связей) инновационной среды с определенными информационными характеристиками, необходимой для реализации инновации в регионе
		Действия по развитию инновационного потенциала в регионе	Направлены на развитие, построение (усовершенствование) структуры (элементов и связей) инновационного потенциала с определенными информационными характеристиками, необходимого для реализации инновации в регионе
D_{III}	Действия по достижению информационного равновесия *L3*-уровня	Действия по развитию экономического потенциала региона	Направлены на построение (усовершенствование) структуры (элементов и связей) экономического потенциала с определенными информационными характеристиками, необходимого в условиях инновационного развития в регионе

Разрушение «старого» и создание «нового» всегда сопровождают затраты энергии и производство энтропии – инновационные процессы всегда сопровождаются энерго-энтропийными преобразованиями. В свою очередь, масштаб энерго-энтропийных преобразований при миграции инновационной идеи и ее реализации в новой инновационной среде будет зависеть от симметрии инновационной идеи, инновации, инновационной среды и окружающей среды[3]. При миграции инновационной идеи информационные характеристики инновации (порожденной инновационной идеей), инновационной системы (в пределах которой инновация реализуется) и окружающей среды на соответствующей территории страны (региона) будут по определению неравновесны и неоднородны. В зависимости от меры рассогласования характеристик инновации, инновационной системы и окружающей среды преобразования на данной территории будут различны. Именно поэтому ***миграцию инновационных идей необходимо рассматривать как потенциальную угрозу для социо-эколого-экономических систем, в рамках которых планируется реализовать эти инновационные идеи.***

Для снижения социо-эколого-экономических рисков миграции инновационных идей и обеспечения устойчивого инновационного развития предлагается использовать основы теории эколого-ориентированного инновационного развития[4]. В рамках данного подхода предлагается подход и модель, которые ориентированы на поиск оптимального *x*-состояния *j*-инновации с учетом ресурсоемкости и энтропийности инновационных процессов и преобразований, которые они порождают, с учетом различных социо-эколого-экономических условий и факторов. Важность такого рода исследований и разработок актуализируется потребностью в разработке и реализации миграционной политики с учетом целей и задач в области инновационного развития в интересах национальной безопасности.

***

[1] Вишняков Я.Д., Киселева С.П. Универсальный подход к пониманию образования инновационных систем в информационном поле // Вестник университета. – М., 2011. – № 17. – С. 118–124.

[2] Киселева С.П. Теория эколого-ориентированного инновационного развития: автореферат дис. доктора экономических наук: 08.00.05. – М., 2014. – 56 с.

[3] Вишняков Я.Д., Киселева С.П. Универсальный подход к пониманию образования инновационных систем в информационном поле // Вестник университета. – М., 2011. – № 17. – С. 118–124.

[4] Киселева С.П. Теория эколого-ориентированного инновационного развития: автореферат дис. доктора экономических наук: 08.00.05. – М., 2014. – 56 с.

Автор выражает благодарность руководителю Научной школы «Управление рисками и обеспечением безопасности социально-экономических и общественно-политических систем и природно-техногенных комплексов»[1] , Заслуженному деятелю наук РФ, д.т.н., профессору Я.Д. Вишнякову за поддержку, продвижение и развитие конструктивных идей по тематике Научной школы, а также за полезное обсуждение представленного в докладе материала. Информация о деятельности коллектива Научной школы размещена на официальном регулярно обновляемом сайте Государственного университета управления http://ecobez.guu.ru.

[1] Киселева С.П. Становление и развитие Научной школы «Управление рисками и обеспечением безопасности социально-экономических и общественно-политических систем» в интересах обеспечения национальной безопасности РФ // Эколого-ориентированное управление рисками и обеспечение безопасности социально-экономических и общественно-политических систем и природно-техногенных комплексов: сборник материалов круглого стола / Государственный университет управления. – М., 2017. – С. 16-35.

Курбонов А.К.[1]

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Ключевые слова: *инновационное развитие, экономический рост, экономика Таджикистана.*

В современных международных экономических системах динамика экономического роста измеряется на основе абсолютной величины валового внутреннего продукта ВВП (в сопоставимых ценах и его величиной) на душу населения. Изучая данный вопрос, А. Смит отмечал, что «величина готового продукта создается производительным трудом в материальном производстве и зависит от двух факторов: от уровня производительности труда и доли населения, занятого в материальном производстве» [2].

Важнейшей целью экономического роста является повышение жизненного уровня всего населения. Приемлемым показателем в данном случае является величина национального дохода в расчете на душу населения.

Вторым показателем являются темпы роста национального дохода, повышение которых является важнейшей долговременной целью общества, обеспечивающей устойчивое экономическое развитие.

Важной проблемой является то, за счет каких факторов производства можно обеспечить оптимальный экономический рост, т.е. как наращивать производство и национальный доход на душу населения.

Изучая проблемы экономического роста, профессор Е.Ф. Борисов отмечает четыре основные факторы – увеличение инвестиции, норма накопления в национальном доходе, темп роста населения, и технический прогресс [3].

Технический прогресс включает в себя все нововведения, повышающие эффективность производства. Данный фактор безграничен, т.к. производственный процесс постоянно нуждается в совершенствовании. С этой точки зрения данный фактор не имеет границ своего применения.

Существует два типа экономического развития – экстенсивный и интенсивный.

Главный отличительный признак интенсивного способа производства – повышение эффективности производственных факторов на базе технического прогресса.

Научно-техническая революция с момента своего появления породила наукоемкие отрасли хозяйства, которые считаются более устойчивыми в условиях турбулентности экономики.

Главной целью инновационной деятельности является развитие производства и создание высокотехнологической продукции конкурентоспособной на мировом рынке, повышение доли интеллектуального труда в цепочках добавленной стоимости. Исходя из этого основной целью социально-экономического развития Республики Таджикистан в настоящее время становится переход национальной экономики на рельсы инновационного развития.

В связи с этим необходимо создать все необходимые условия для развития в Республике Таджикистан инновационной среды, а также отраслевых инновационных подсистем единой национальной инновационной системы, которые требуют разработки и реализации стратегии инновационного развития во всех отраслях национальной экономики.

В настоящее время в нашей стране реализуется Программа инновационного развития Республики Таджикистан на период 2011–2020 годы (утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 апреля 2010 года № 227), и Стратегия инновационного развития Республики Таджикистан на период до 2020 года (утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 мая 2005 года № 354).

Следует отметить, что до принятия данной программы еще в 2003 году Правительство Республики, осознав необходимость преобразования экономического развития, разработало Концепцию развития промышленности в Республике Таджикистан, которая заложила основы инновационного развития национальной экономики.

Развитие экономики страны по инновационному принципу подразумевает не только создание новых продуктов, но и технологий, технических средств и инновационной инфраструктуры. Следовательно, при исследовании инноваций необходимо уделять внимание созданию инновационных продуктов, применению новых технологий в производственном процессе.

В своем Послании Маджлиси Оли Президент Республики Таджикистан, Лидер нации Эмомали Рахмон отмечал, «что своими стратегическими целями, мы наметили обеспечение энергетической независимости, эффективное использование электроэнергии, выход страны из коммуникационного тупика и превращение ее в транзитную, обеспечение продовольственной безопасности, а также доступ населения страны к качественному питанию, расширенной продуктивный занятости и в этом направлении осуществим план перевода экономики страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную» [7].

В сегодняшних условиях важнейшими факторами реализации концепции инновационного развития экономики Республики Таджикистан являются:

[1] Курбонов Абдулхайр Каримович – д.э.н., профессор, профессор кафедры экономического анализа и аудита, Таджикский национальный университет.

– разработка и реализация индустриально-инновационной программы на государственном уровне;

– реструктурирование и модернизация индустриально-инновационного сектора экономики;

– техническое обновление и совершенствование процесса производства;

– развитие и совершенствование системы подготовки и переподготовки специалистов в сфере инновационно-коммуникационной деятельности.

Общая структура инновационной среды в нашей стране представлена на рис. 1.

<table>
<tr><td colspan="2">Инновационная среда Республики Таджикистан</td></tr>
<tr><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="2">Система науки и образования</td></tr>
<tr><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="2">Система производства:
техника – технологические разработки;
внедрение инновационного предпринимательства</td></tr>
<tr><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="2">Создание инновационной продукции, обеспечивающее социально-экономический рост</td></tr>
</table>

Рисунок 1.
Рыночная структура инновационной среды (разработано автором)

Курганская В.Д.
д. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, г. Алматы
vkurganskaya@mail.ru
Дунаев В.Ю.
д. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, г. Алматы
vlad.dunaev2011@yandex.kz

ПАРАДИГМА ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ HI-TECH И HI-HUME ТЕХНОЛОГИЙ В ГЕРМЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова*: конвергентные технологии, герметизм, алхимия, трансмутация элементов, природа, человек, дух, единство мироздания*

Keywords*: convergent technologies, Hermeticism, alchemy, transmutation of elements, nature, human, spirit, unity of the universe.*

Принцип междисциплинарности, или, в более сильной формулировке, трансдисциплинарности, является безусловным императивом развития постнеклассической науки. Трансдисциплинарные когнитивные практики – это своего рода номады, кочующие среди оседлых эпистемологий дисциплинарных пространств (картин мира современной физики, квантовой механики, космологии, биологии, математики, социогуманитарных дисциплин) и пытающиеся создать между ними волну (диссипативную структуру) когерентности.

В сферу действия парадигмы трансдисциплинарности интегрируются не только научно-теоретические исследования, но и созданные на их основе технологии. Определяющим трендом перехода к 6 технологическому укладу как ядру промышленной революции 4.0 является развитие кластера конвергентных NBICS-технологий. Ведущая роль в этом мегапроекте преобразования цивилизации отводится конвергенции прорывных естественнонаучных (Hi-tech) и социогуманитарных (Hi-Hume) технологий, поскольку именно человек объявляется целью и основным объектом приложения конвергирующих технологий. При этом парадоксальным образом применение технологий Human Enhancement как технологий управляемой биосоциальной эволюции человека, направленных на расширение его физических и умственных возможностей, продление жизни, избавление от болезней и т.д., «соответствует новой стадии развития человеческой цивилизации – трансгуманизму»[1], то есть постчеловеческой цивилизации.

Причины, по которым биотехнологии Human Enhancement рассматриваются в парадигме трансгуманистического дискурса[2], кроются в том, что из задач усовершенствования человека, как и в целом из философско-мировоззренческого фундамента конвергентных технологий, изымается духовно-онтологическая доминанта. Как показывает М. Фуко в курсе своих лекций «Герменевтика субъекта», в культуре классических эпох философский вопрос о доступе к истине и практика духовности, духовной работы над самим собой были сопряжены: «Постулат духовности гласит, что истина никогда не даётся субъекту… простым актом познания… нужно, чтобы субъект менялся, преобразовывался…в известном смысле становился отличным от самого себя, дабы получить право на доступ к истине»[3]. Субъект «такой, какой он есть», не способен к истине, как не может быть истины без обращения или преобразования субъекта. Духовность и предполагает разнообразные технологии самопреобразования субъекта в его долгой и упорной работе над собой с целью сообразования его с истиной.

Проект конвергенции NBICS-технологий – детище XXI века. Однако сама парадигма трансдисциплинарной конвергенции продвинутых технологий преобразования природных материалов (Hi-tech) и самопреобразования человека (Hi-Hume, Human Enhancement Technologies) сформировалась в глубокой древности, в лоне герметической традиции.

Греко-египетская религия Гермеса-Тота, или герметизм, представляла собой как религиозно-космогоническую систему, так и систему разнообразных магических практик, являясь своеобразным посредником различных типов мировоззрения. Высшая триада герметизма – Зевс, Гермес, Логос – объединяет в себе сугубо мифологическое (Зевс) и метафизическое (Логос) начала. Сам же Гермес-Трисмегист, Творец мира и открыватель всех наук, сын Амона-Зевса и отец Пана-Логоса, ускользает от однозначной идентификации с персонажем мифологической, религиозной или фило-

[1] Кричевский Г.Е. Введение в НБИКС-технологии // НБИКС – Наука. Технологии. 2017. – № 1. – С. 34.

[2] Буйнякова И.С. Биотехнологии Human Enhancement в парадигме трансгуманистического дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. – № 44 (2). – С. 294–304.

[3] Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – С. 28.

софской модели миросозерцания. В целом же герметизм можно охарактеризовать как программную интенцию на объединение рационально-научного, мифопоэтического и религиозно-мистического типов мышления.

По классификации Ф.Ф. Зелинского герметизм делится на «высокий» (теология, философия) и «низкий» (магия, астрология, алхимия)[1]. Единство идейно-смысловой структуры этих форм обнаруживается на уровне основных онтологических интуиций о сущности единства бытия и о роли, отведённой человеку в драматургии эсхатологического процесса. Конечной целью алхимии, как и всех иных мистических исканий, было онтологическое воссоединение, слияние человека с одухотворённой Вечностью.

«Натуральная магия», алхимия, астрология, каббала и другие оккультные науки и искусства, выросшие на почве герметической традиции, исходили из представления о всеединстве бытия как о подобии, взаимозависимости и взаимовлиянии всех уровней мироздания: «Их единство – в идее универсума, во всех своих частях живого, целиком построенного на скрытых соответствиях, тайных симпатиях, всюду пронизанного духами; где всё есть преломление знаков, заданных потаённым смыслом; где всякая вещь, всякое сущее, всякая сила – как единый голос, ещё не услышанный, единое слово, разлитое в воздухе; где всякое слово имеет бесчисленные эхо и резонансы; где звёзды подают знаки нам и друг другу, взирают друг на друга и следят за нами, внимают одна другой и прислушиваются к нам; где сам Универсум – это нескончаемое многоразличное и варьирующее собеседование, то тихое, то громкое, то на тайном языке, то в ясных словах – посередине же находится человек, удивительное, отливающее всеми цветами существо, могущее изречь любое слово, изобразить любой характер, воплотить любую вещь, ответить на любой призыв, воззвать к любому божеству»[2].

Теория соответствия («correspondentia») уже в Средние века была аксиоматической. В Новое время средневековый вневременный и неподвижный универсум становится бесконечным, открытым, исполненным возможностей. Но Единство сохраняется в качестве универсальной структуры Вселенной. Антропоморфизация бытия достигает предела в учении Сведенборга о Homo maximus, возвращающего к древнейшим типам мировоззрения. Совокупность и единство всех единств есть Бог. В человеке присутствуют все стихии мира, он содержит всё, что есть в мире и Боге. Мир есть большой круг (Limbus major), человек – малый круг (Limbus minor), наверху всё так же, как и внизу, вовне так же, как и внутри. Микрокосм и макрокосм связывает отношение взаимосоответствия, подобия, гармонии, что и является «методологической» основой магически-мистической натурфилософии.

Агриппа Неттесгеймский учил, что «и слова наши способны сотворить много чудес, если только они образованы словом Божиим, благодаря чему также наша творческая способность достигает совершенства»[3]. Согласно Парацельсу, знаки, иероглифы и буквы обладают силой и влиянием, с которыми совпадают и согласуются природа металлов, состояния неба, влияния планет. «Если природа и собственная сущность металлов, влияние и мощь неба и планет, значение и расположение иероглифов, знаков и букв находятся в гармонии друг с другом и одновременно согласуются со временем, днями и часами, что же тогда, во имя Неба, помешает тому, чтобы специально изготовленные знаки или печать возымели силу и способность к действию?»[4].

Тождество слова и вещи, умозрения и вещества выражено уже в главном объекте алхимического Великого Делания (Opus Magnum), – философском камне (Lapis Philosophorum), приравнённого гностическому Антропосу и Иисусу Христу. Алхимики пытались обнаружить скрытую в веществе универсальную субстанцию – «тонкое тело», или «тело духа», где психическое и физическое слиты в изначальном единстве. Поэтому философия есть не только и не столько умозрение, сколько лабораторный эксперимент с первоматерией. «Философское дело творится легко и без больших издержек, в любом месте, в любое время и каждым человеком, если только имеется подлинное вещество и в достаточном количестве»[5]. К.Г. Юнг отмечает: «Философия как бы скрывается в веществе, и потому её можно в веществе и отыскать»[6].

Принцип трансмутации первоэлементов восходит, по меньшей мере, к платоновской интерпретации ионийской натурфилософии. В «Тимее» Платон, рассуждая о материальных первоэлементах, подчёркивает: «Нелегко сказать о каждом из них, что в самом деле лучше назвать водой, чем огнём»[7]. Когда вода сгущается, мы видим (точнее, полагаем, что видим) рождение камней и земли. Когда она растекается и разрежается, рождаются ветер и воздух, а последний, возгораясь, становится огнём. Так рождаются материальные стихии-первоэлементы, переходя по кругу одно в другое в то самое мгновение, когда их пытаются идентифицировать и именовать. Сама Первоматерия (Восприемница форм, Кормилица рождения), растекается влагой, пламенеет огнём, принимает формы земли и воздуха, претерпевает всю череду подобных состояний.

---

[1] Зелинский Ф.Ф. Гермес Трижды-Величайший // Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. – К.: Ирис; М.: Алетейа, 2001. – С. 337.

[2] Гарэн Э. Магия и астрология в культуре Возрождения // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. – М.: Канон+, 1999. – С. 26.

[3] Генрих Корнелий Агриппа Неттесгеймский. О сокровенной философии // Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. – М.: Юристъ, 1996. – С. 271.

[4] Теофраст Парацельс. Магический архидокс // Теофраст Парацельс. Магический архидокс. Сборник. – М.: Сфера, 1997. – С. 153–154.

[5] Теофраст Парацельс. Химическая псалтырь, или философская настольная книга // Теофраст Парацельс. Магический архидокс. Сборник. – М.: Сфера, 1997. – С. 304.

[6] Юнг К.Г. Парацельс как врач // Юнг К.Г. Собрание сочинений: В 19 т. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. – М.: Ренессанс, 1992. – С. 47–48.

[7] Платон. Тимей // Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. – М.: Мысль, 1999. – С. 452.

Алхимия вносит существенную поправку в платоновский принцип аморфности первоматерии и неопределённости элементов. Созданное алхимиком «в лабораторных условиях» силовое поле воздействует на наблюдателя и ставит его в привилегированное положение по отношению к Вселенной. Оттуда он получает доступ к первореальности. Трансмутация металлов является частным следствием алхимического эксперимента, существенным же становится преображение самого адепта. Поэтому (в полном соответствии с постулатами постнеклассической рациональности, согласно которым наблюдатель включён в наблюдаемую им реальность и его наблюдение вносит в систему неконтролируемые возмущения, а также в унисон концепции Технологической Сингулярности Р. Курцвейла[1]) элементы, образующие первовещество Великого Делания, могут быть разными для разных адептов. То, что подходит одному, не всегда подходит другому, а в тождественных условиях два алхимика могут получить разные вещества.

Алхимик не ищет способа расщепить атомное ядро в экспериментах, которые всегда могут быть продублированы. «Вместо этого он стремится войти в духовное единство с природой. От неё он получает его собственное особое первовещество, которое он наблюдает и распознаёт и которое он смиренно и терпеливо будет совершенствовать до наивысшей возможной степени»[2]. Вот почему символика алхимических трактатов – неизбежная форма изложения герметического искусства, озарения и истины которого являются не столько плодом священного откровения или результатом методических усилий, сколько даром индивидуального вдохновения. Дух и тело самого алхимика составляют органическое единство с не подверженным разложению «славным телом» первовещества и *атанором* (алхимической печью); Мастер и его Opus Magnum – это единое целое. «Средневековый алхимик, маг и чернокнижник, спокойно превращавший свойства в субстанции, смешивающий злость и серу…»[3], с величайшей энергией «сублимировал» в колбе собственную личность. Поэтому императивом алхимии было требование научиться из себя самого добывать знания обо всём, что есть на небе и на земле.

Совершенно прозрачной структура личностной обращённости алхимического «Великого делания» предстаёт в традиции даосской алхимии с её разделением на внутреннюю «йогическую» алхимию (*нэй дань*) и внешнюю лабораторную алхимию (*вай дань*). Уже в рамках внешней алхимии алхимический опыт, моделируя зачатие и созревание в киноварных полях (парафизиологических структурах) тела адепта «бессмертного зародыша» в результате иерогамии сил *инь-ян* имеет откровенно сакральный смысл, тождественный медитативному ритуалу. «Ритуал… оказывается самой сердцевиной алхимического процесса: если ритуальные нормы нарушены, то эликсир не получится, пусть даже и технология его изготовления совершенна»[4]. Но не только строжайшее соблюдение ритуала, но и свершение адептом определённого числа добрых дел является предусловием алхимического синтеза эликсира. Алхимическое действие выступает как строй неких лабораторно-технологических операций, но вместе с тем только ритуально-этическая харизма отличает истинного адепта от шарлатана-манипулятора[5].

Во «внутренней алхимии» проведение алхимического эксперимента по существу замещается его созерцанием, а лабораторный эксперимент с веществом – комплексом психофизических упражнений. Поскольку само тело человека является микрокосмом, то логично было заключить, что нет никакой необходимости в каком-то особом веществе для инициации в его недрах алхимических трансмутаций свинца и ртути в золото и киноварь и создания эликсира бессмертия. Скажем, получение первого ингредиента эликсира достигалось упражнениями по дыхательной гимнастике, ведущими к сублимации, очищению и аккумуляции заключённой в теле жизненной эссенции. Поэтому истинными свинцом и ртутью (соответственно тигром и драконом, металлом и деревом, инь и ян, триграммами «Огонь» и «Вода») алхимического процесса становились свет жизненности – трансмутированная энергия бессознательного, и свет духа – трансмутированный ум. Атанором выступало тело адепта, по каналам которого направляется циркуляция жизненной энергии, претерпевающей качественные преобразования в соответствии с рецептами внутренней алхимии и, в свою очередь, постепенно преобразующей прежнее «грубое» тело в новое, «утончённое» до его полной трансформации в бессмертное и нерушимое тело. Истинное бессмертие, достижимое в слиянии с Дао, отлично как от чисто физического продления срока жизни, так и от сугубо духовного бессмертия.

Существует множество версификаций *нэй дань* в даосской традиции (например, в персонологии позднего даосизма выделяется пять рангов бессмертных), но неизменным является то, что алхимический процесс описывается с помощью «метафизических и космологических символов, указывающих на “единосущность” нового “я” адепта со всей реальностью»[6]. Причём эта единосущность достигается переворачиванием «естественного», или профанического направления движения перемен, ведущего к смерти, и восстановлением «прежденебесного» состояния мира и человека. М. Элиаде категорически утверждает: «Индийская и китайская алхимии не являются эмпирическими науками, не относятся к предхимии, но представляют собой мистическую и сотериологическую практику»[7], направленную на воссоединение Реальности.

Конечно, в рамках настоящей статьи нет возможности останавливаться на богатейшей и зачастую ставящей в тупик символике ассиро-вавилонской, индийской, китайской, арабской или западноевропейской алхимии. Например, уже в самых ранних текстах по теории *нэй дань* для описания алхимического процесса одухотворения телесности как интериоризированного или *внефеноменологического* сакрального ритуала используется учение «И цзин» о движении

---

[1] Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Human Transcend Biology. – N.Y: Penguin Books, 2005.

[2] Саду Ж. Алхимики и золото. – К.: София, 1995. – С. 234.

[3] Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 151.

[4] Торчинов Е.А. Этика и ритуал в религиозном даосизме («Главы о прозрении истины» Чжан Бодуаня) // Этика и ритуал в традиционном Китае. Сборник статей. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – С. 205.

[5] Там же, с. 206.

[6] Там же, с. 213.

[7] Элиаде М. Вавилонская космология и алхимия // Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе. – М.: Янус-К, 1998. – С. 78.

триграмм и гексаграмм, что уже окончательно сбивает с толку европейского читателя. Алхимические символы настойчиво и неизменно амбивалентны, совмещают в себе ценностно и онтологически полярные противоположности, но алхимик, как блестяще выразился К.Г. Юнг, «сознательно не осознавал эти проблемы»[1]. В качестве общего принципа интерпретации смысла этой символики можно принять подход К.Г. Юнга, показавшего, что трансмутации металлов являются символическими проекциями и персонификацией бессознательных процессов, феноменологией парадоксальной самости человека. Поэтому занятия алхимией предполагают и требуют своеобразного преображения, или гностического обращения духовно-экзистенциальной перспективы сознания. Недостаточно знать, что происходит в лаборатории алхимика, нужно ещё знать, что происходит в нём самом, в опытах по конденсации «вселенского духа».

К.Г. Юнг пишет, что у некоторых мыслителей и поэтов это тонкое изменение «обнаруживается в форме превращения интеллекта в своего рода спекулятивную и интуитивную духовность»[2], как мы это видим у Экхарта, Агриппы, Бёме, Парацельса, Ньютона, Сведенборга, Ницше. Такая духовность предполагает резко индивидуализированное непосредственное переживание примитивно-архаических первоидей, или архетипов коллективного бессознательного. Её социокультурным контекстом является кризисный, переходный характер эпохи, релятивизация мировоззренческих оснований культуры. Разрыв «времён связующей нити» обнаруживается, и обрывки её должны быть соединены в собственной душе адепта алхимического учения. Когда рухнул весь прежний мир с его успокоительными и спасительными предрассудками, а человек ещё ничего не знает о новом мире, то у него остаётся единственный путь – построить новый мир из средств собственного духа. «Меркурий Трисмегист сказал, что желающий в совершенстве постичь это Искусство, должен, так сказать, построить новый мир»[3]. Строительным материалом мира алхимии становится душа именно как целое, «самость» в единстве её амбивалентных структур: сознательной и бессознательной *психе*. Юнг представил невразумительный и гротескный символизм алхимии как проекцию бессознательного, *анимы*. Проекция представляется самому сознанию, *Эго*, как нечто, идущее к нему от объекта, что-то вроде излучаемого им сияния. При этом «субъект остаётся в неведении, что это он сам является источником света, который заставляет сверкать кошачьи глаза проекции»[4].

Алхимическая ситуация возникает как гнозис или антагонистическое мышление таинственного и предельно усложнённого единства некоего удвоенного мира, включающего в себя христианский мир Богочеловеческого духа и параллельный ему зеркальный мир души природы, как если бы небо духа «отражалось в чёрных водах Физис» (К.Г. Юнг). Но поэтому алхимическая магия ограничивается областью имманентного. Она космична и человечна, в ней нет никакой сверхприродной благодати, но лишь благодать естественная, разлитая во всём мире. Алхимическая магия проникает в сокровенные сферы бытия, будоражит субстанции и пробуждает духов, блуждающих среди вещей. При этом природное целое понимается не как естественная необходимость, извне оформляющая ничтожную и эфемерную человеческую жизнь, но как «расширение» самого человека. Нужно лишь уметь слышать голос звёзд, чтобы повелевать ими и заслужить их благорасположение.

Психофизический параллелизм, мистическая сопричастность (participation mystique) духа и материи – парадигма алхимической работы и метаструктура самосознания алхимика. Внутренний духовный человек гностиков – Антропос – созданный по образу и подобию Нуса, в то же время является и самостью адепта, трансформирующегося в результате Великого Делания, и Философским камнем. Антропос есть нечто от века существующее, и в то же время рождающееся в реторте. «Адепт не только был частью своей работы, но и знал это»[5]. Поэтому Мастер одновременно и хозяин, и слуга Камня.

Одна из составных частей алхимического проекта существует внутри самого человека, и без эксперимента с этой природой, т.е. без превращения самого адепта, химические субстанции в реторте не соединятся должным образом. Ведь особенностью человека является присущее ему свободное пребывание в центре разумных оснований вещей, поэтому все сущности некоторым образом зависят от него. «Он может всё перевернуть, всё разрушить точно так же, как он может всё восстановить в свободном преображении»[6]. Путь этого преображения, составлявший высший секрет алхимического искусства, не имел алгоритма, но неразрывно связывался с деятельностью Божественных энергий. Поскольку же человеческая сущность состоит в выборе им самого себя, и человек находит себя в своём творении, то алхимический опыт есть онтологическая судьба вещей, мира в целом: быть ли ему царством Божиим либо царством демонов.

Сознание собственной исключительности совершенно естественно и неизбежно у человека, который ощущает себя тем, говоря языком алхимии, плавильным горном, где происходит переплавка всех онтологических и ценностно-смысловых абсолютов и их сублимация в новый, параллельный мир. Бахвальство и подлинное величие, шарлатанство и подвижничество, принявшее самую тягостную форму – выставления себя на всеобщее посмешище, «долгие, сухие пустыни дикой болтовни» и «оазисы бьющего через край светоносного духа» – весь этот «душевный ураган» спроецирован на Великое делание (К.Г. Юнг). В варварском, глубоко архаичном сознании алхимика «все вырванные с корнями боги обрушиваются на человека»; происходит крушение устоявшегося мировоззрения и отвержение всех его символов и универсалий, форм и образов как ответов на великие тайны жизни, а «взамен этого во внутреннем переживании становится осознанным первообраз творческого вещества»[7].

---

[1] Юнг К.Г. Mysterium Coniunctionis. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. – С. 127.
[2] Юнг К.Г. Парацельс // Юнг К.Г. Собрание сочинений: В 19 т. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. С. 22–23.
[3] Теофраст Парацельс. Магический архидокс. С. 59.
[4] Юнг К.Г. Mysterium Coniunctionis. С. 125.
[5] Там же, с. 364.
[6] Гарэн Э. Магия и астрология в культуре Возрождения. С. 25.
[7] Юнг К.Г. Парацельс. С. 25.

Трансформация материи состоит в том, что из неё высвобождается божественный дух-субстанция (spiritus mundi), или мировая душа (anima). В алхимической символике в материи проявляется крылатый Гермес-Меркурий (тождественный с Гермесом Трисмегистом), одновременно ртуть и Бог, демон, личность, квинтэссенция, вечный и совершенный жизненный эликсир, панацея, Великое таинство, Limbus major, философский камень (Lapis Philosophorum). «Золото, разведённое в Меркурий, есть дух и душа»[1]. С помощью «Меркурия философов» происходит трансформация несовершенных субстанций как материальных, так и духовно-психических в совершенные, или актуализация божественных оснований prima materia. Меркурий философов воздействует на природный, «грубый» Меркурий, облагораживает его и препятствует *растлению вещества*. Сплав из семи простых металлов, именуемый *электрумом*, объединяет все их естественные качества и обладает сверхъестественной универсальной силой. Но вместе с тем этот сплав скомпонован движением неба и согласием всех семи планет. Таким образом, дело алхимика, как и цель гносиса и миссия Христа, состоит в спасении мира. В то же время, хотя алхимик и рассматривает своё искусство как дар Святого Духа, оно было человеческой работой.

В одном из алхимических трактатов сказано: «О, дерзкие Сыновья Божественного Гермеса… Из вашей собственной великой Работы вы ясно видите, что Бог сотворил Всё точно таким же образом, каким изготовляется Физический Эликсир»[2]. Алхимик, как это недвусмысленно выражено, например, у Ангелуса Силезия, убеждён, что дело Христа, т.е. искупление грехов мира, не завершено; его продолжения и завершения, «соединения Небес и Земли в философском Слове» (Гермес Трисмегист) следует добиваться с помощью алхимического искусства. «Меркурий, в грубой форме prima materia, есть, по сути, Первоначальный человек, рассеянный по физическому миру, а в своей сублимированной форме он есть восстановленная целостность»[3]. Алхимический Меркурий и Адам как его символ-синоним – существо, превращающее себя в ходе алхимической работы из prima materia в совершенный Lapis Philosophorum. Тёмная сторона мира не побеждена, да и божественный центр в человеке есть нечто нуминозное, священно опасное, с чем, как со смертельным ядом, следует обращаться крайне осторожно и квалифицированно, чтобы превратить его в панацею. Фигура Искупителя в алхимической трактовке становится дуалистичной: Христос есть спаситель человека (микрокосма), а Lapis Philosophorum – макрокосма. Меркурий – это аналог anima mundi или Софии гностиков, той части божественного мира, которая заблудилась в Физис.

Аналогия Христос – Lapis показывает, что задачей алхимии была трансформация доминанты христианского мировоззрения в реальную и осуществимую целостность. Алхимия есть теоретическая и экспериментально-практическая сотериология, опирающиеся на три основных принципа оккультной философии: молитву, творимую чистым сердцем и духом; веру, с помощью которой можно сдвинуть горы; и *воображение*[4]. Именно воображение воспринимает естественный чистый свет природы и трансформирует духовный мир. Именно воображение может удерживать вместе в едином акте те противоположности, создавать те парадоксальные сопоставления, которые так любили алхимики. Сам гностически-алхимический Адам Кадмон, Человек как источник Вселенной, существующий изначально (синоним языческого Океана, прародителя богов и людей), есть единая Монада, цельная и неделимая, и всё же состоящая из множества форм и частей. «Больше всего парадоксов возникло вокруг тайной субстанции, которая, как считалось, подобно *prima materia*, содержит в себе противоположности, и подобно *Lapis Philosophorum*, соединяет их в единое целое»[5]. Эта субстанция, т.е. Меркурий, является парадоксом par excellence, а синтез противоположностей достигает кульминации в «химическом браке».

Алхимическая символика пути восстановления первоначального единства зеркально противоположна христианской. Христианское решение конфликта духовного и плотского, т.е. искупления первородного греха, является чисто духовным, символизируется мистическим браком жениха (Христа) и невесты (Церкви). Алхимия перенесла его в физический план в форме coniunctio Солнца и Луны, Царя и Царицы, «возвысила наиболее отвратительное нарушение закона, а именно кровосмешение, до символа единения противоположностей»[6].

Наследуя гностически-неоплатоническим идеям онтологического единства духа и вещества, души и космоса, алхимия переносит гносеологический акцент: только из внешних вещей даётся познание внутреннего. Согласно Парацельсу, врач видит и знает все болезни вне человека, поэтому врач «должен вырасти из внешних вещей», видя в них сокрытое за ними внутреннее. Из болезней металлов и минералов врач per analogiam познаёт болезни людей, ведь, как и человек, металлы состоят из серы, Меркурия и оккультных солей. Внешнее небо есть путеводитель по небу внутреннему. Поэтому врачебное искусство состоит в овладении scientia Alchimiae и астрологией, оккультной философией и магией, в знании о здоровье и болезнях элементов, о духах планет и металлов, дающемся в ходе алхимических опытов. «Это искусство, – пишет Парацельс, – было начертано нашим Господом Богом Творцом Всевышним, от начала творения, словно в книге, в телах металлов»[7].

Таким образом, алхимики, с их зацикленностью на поиске первовещества Единства, на деле проводили эксперименты с человеческой психикой в её проекциях на «душу материи». В поисках скрытой природы *материи* алхимики вытащили на свет божий *психические структуры*, но «почти не понимали смысла своего открытия»[8]. Бесспорно, что средневековые философы были «заворожены своими же анимизмами» (К.Г. Юнг) и воспроизводили внутреннюю

[1] Теофраст Парацельс. Химическая псалтырь, или философская настольная книга. С. 306.
[2] Юнг К.Г. Mysterium Coniunctionis. С. 353.
[3] Там же, с. 27.
[4] См.: Теофраст Парацельс. Магический архидокс. С. 76.
[5] Юнг К.Г. Mysterium Coniunctionis. С. 61.
[6] Там же, с. 113.
[7] Теофраст Парацельс. Магический архидокс. С. 19.
[8] Юнг К.Г. Mysterium Coniunctionis. С. 140.

психическую ситуацию в терминах внешнего мира. С другой стороны, процесс анимизации и антропоморфизации бытия является совершенно объективным отношением. Мистическая концепция бытия, христианско-языческий гносис имеют объективные корни в характере структурирования реальности, в составе которой присутствие демонов, духов, божественных и дьявольских сил было бесспорнейшей очевидностью. И бесспорно также то, что этот мир сохраняет в себе самом и для себя самого определение единства. Этого не скажешь о современности, фрагментированной и разбросанной как на полотнах современных художников, и лишённой возможности произвести синтез иначе, как в форме тоталитаризма разного рода: политического, идеологического, социотехнического. Исторические и научные критерии загораживают от нас вход в истину мифа, а поэтому проекции собственного бессознательного не могут быть опредмечены в качестве материала для создания реально воспринимаемого образа самости. Свободная же фантазия алхимии использовала химические ингредиенты и процессы, как художник использует краски для придания совершенной формы своим произведениям. Алхимик работает с идеями, проецируя их на символические свойства материальных субстанций. Хотя на реальный психический процесс алхимик смотрит как на нечто, совершающееся объективно, в форме химических трансмутаций элементов, одновременно он сознаёт, что он сам является и действующим, и страдательным лицом в этом процессе.

В алхимии ментальное единство, т.е. единство души и духа в Ego, было лишь первой фазой процедуры. Она заключалась в преодолении тёмного единства, бессознательно-хаотического переплетения души и тела посредством разделения (separatio) первоначального смешения, т.е. создания духовно-психических контрпозиций, независимых от воздействий тела. Вторая фаза состояла в том, чтобы ментальное единство соединилось с телесностью, т.е. заключалась в создании парадоксальной целостности человека, индивидуации. Это есть чудесная трансформация адепта, когда тело трансформируется в дух, а дух – в тело. Соответственно выражается эта трансформация в создании чудодейственного эликсира, бальзама, панацеи или квинтэссенции. В соединении духа с телом последнее есть как тело самого мастера, так и сублимированная в реторте химическая субстанция. Завершающей же стадией должно было стать то состояние, когда единство духа, души и тела становилось единым целым с unus mundus – первоначальным, скрытым единством всего мира.

Алхимики стремились к полному единению противоположностей. Они старались найти способы производства такой субстанции, в которой бы оказались объединены все противоположности: материального и духовного, живого и инертного, мужского и женского, созданного человеком и самим Богом, тени и света и т.д. Алхимик синтезировал натурфилософскую и антропологическую модальности магически-мистической картины мира. Он твёрдо знал, что, «не предприняв серьёзной попытки понять, что есть человек, глупо или небезопасно общаться с иными реальностями»[1]. Вместе с тем, для того, чтобы понять, что есть человек, необходимо проблему единой основы бытия универсума и человека поставить как вопрос о возможности и способах обнаружения этой основы через её воссоздание в деятельности человека. Ответом на этот вопрос стал «потрясающий парадокс Меркурия» (К.Г. Юнг) как химической субстанции и герметического духа, физического и психического, сырья (prima materia), из которого Бог создал все вещи, и конечного продукта (Lapis Philosophorum) алхимического процесса, технологические возможности которого обусловлены искусством Мастера.

В настоящее время инженерные, естественнонаучные и гуманитарные дисциплины обособлены друг от друга несоизмеримостью оснований рациональности, образа мыслей, мировоззрения. В свете задач реализации проекта конвергенции NBICS-технологий настала пора «понять, что устройство мира во всех его проявлениях – это единая, чрезвычайно сложная, многоуровневая, эволюционно развивающаяся система»[2]. Как мы постарались показать, именно из такого понимания мироздания исходили алхимики в своих поисках интегральной технологии, направленной одновременно и на преобразование вещественно-энергетической сферы, и на преобразование самого человека.

[1] Кувакин В.А. Твой ад и рай: Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). – СПб.: Алетейя, М.: Логос, 1998. – С. 7.

[2] Кричевский Г.Е. Введение в НБИКС-технологии. С. 48–49.

Курносова О.А.
к.э.н., доцент, докторант Института экономических исследований, г. Донецк
Белоброва Н.В.
ведущий инженер-программист Института экономических исследований, г. Донецк

НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДНР В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Ключевые слова: *COVID-19, взаимоотношения с контрагентами в цепях поставок, Донбасс, инновационное развитие, пандемия, стратегия управления взаимоотношениями с контрагентами, устойчивость цепей поставок, цепи поставок.*

Keywords: *COVID-19, relationships with contractors in the supply chains, Donbass, innovative development, pandemic, strategy for managing relationships with contractors, the stability of supply chains, supply chains.*

В 2020 г. мир столкнулся с новыми вызовами, связанными с появлением новой вирусной инфекции коронавируса или COVID-19. Феномен пандемии COVID-19 заключается в том, что помимо высоких темпов распространении и тяжести заболевания населения в различных странах, она затронула практически все сферы жизни общества. Ключевыми ее последствиями стали введение режима самоизоляции и ограничение свободы передвижения людей, частичная или полная остановка отдельных производств, приостановление функционирования и деятельности целых отраслей экономической деятельности (туризма, транспорта, сферы личных услуг, бытового обслуживания населения, ресторанно-гостиничного бизнеса и др.), изменение в образовательном процессе и переход на дистанционные технологии обучения, расширение масштабов растущей безработицы, снижение уровня жизни населения, нарастание смятения и психологической подавленности людей и др. В связи с этим, в средствах массовой информации в настоящее время все чаще употребляется термин «коронакризис». Однако наиболее масштабные последствия пандемии отмечаются в глобальной экономике. Распространение COVID-19 обусловило снижение темпов экономического роста государств, изменение динамики рыночной конъюнктуры на сырьевых рынках, снижение устойчивости глобальных цепей поставок, невыполнение контрактных условий, разрыв хозяйственных связей по всему миру из-за введения карантинных мер.

По оценкам экспертов, пандемия способна необратимо изменить спрос на сырьевые товары, их предложение и, прежде всего, затронуть глобальные логистические и технологические цепочки, созданные для продвижения таких товаров от производителей к потребителям, что будет иметь последствия в длительной перспективе.

Донецкая Народная Республика (ДНР) более шести лет функционирует в условиях ведения боевых действий, дипломатической изоляции, тотальной экономической и транспортной блокады, что обусловило потерю сырьевых и товарных рынков, разрыв кооперационных связей и снижение устойчивости цепей поставок в промышленности. В данных обстоятельствах был принят ряд решений по формированию инновационных схем цепей поставок, ориентированных на рынки ЛНР, РФ, стран Таможенного Союза, Азии, однако до настоящего момента они не привели к запланированным результатам, к запуску и восстановлению промышленности ДНР. Распространение коронавируса усугубило существующую ситуацию вследствие закрытия границ с сопредельными государствами. Можно утверждать, в условиях пандемии весь мир столкнулся с теми же проблемами, которые сопровождают процесс восстановления производственно-экономического потенциала Донбасса, начиная с 2014 г.

Цель статьи – на основе анализа тенденций развития промышленности ДНР и последствий распространения COVID-19 в мире обосновать и обобщить направления инновационного развития промышленных предприятий в постпандемический период.

До 2014 г. Донецкая область была одним из наиболее развитых промышленных регионов Украины. Принципиальных изменений в структуре промышленности ДНР за период 2014–2019 гг. не произошло (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ структуры промышленности в Донецкой области и ДНР в 2013 и 2019 гг.[1]

Виды деятельности	Удельный вес видов деятельности в структуре промышленности	
	2013 г.	2019 г.
Добывающая промышленность и разработка карьеров	18,5	9,0
Производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий	12,5	12,5
Легкая промышленность	0,2	0,1

[1] Составлено авторами по данным Министерства промышленности и торговли ДНР (http://mpt-dnr.ru) и Министерства экономического развития ДНР (http://mer.govdnr.ru/)

Производство кокса и продуктов нефтепереработки	6,1	6,8
Производство химических веществ и химической продукции	6,0	0,4
Металлургия и металлообработка	20,6	36,4
Машиностроение	3,5	2,4
Прочие	5,0	3,4
Поставка электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха	23,6	27,3
Водоснабжение, канализация, обращение с отходами	4,0	1,7

Как можно заметить, стержневой для экономики Республики является технологическая цепочка «уголь» – «кокс» – «металл», а ведущим видом экономической деятельности – металлургический комплекс. От его эффективности зависит результативность работы других видов деятельности, т.к. он обеспечивает их в конструкционных материалах. Ключевые показатели деятельности металлургических предприятий представлены в табл. 2.

Таблица 2

Основные показатели деятельности предприятий металлургического комплекса ДНР в 2016–2019 гг.[1]

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Количество работающих предприятий, единиц	48	49	46	…
Объем реализованной продукции, млрд. руб.	51,5	47,3	102,1	91,9
Производство основных видов продукции, тыс. т:				
чугун	2700	1528,4	2252,9	1599,6
сталь	2100	1087,4	1520,2	1766,5
прокат готовый	1200	865,9	1015,8	1079,8
проволока из стали	…	6,6	14,9	7,3
кокс	2400	1198,3	2159,7	1982,6
известняки флюсовые	…	340,5	1064,3	1383,6
Уровень загрузки производственных мощностей предприятий, %	…	…	…	18
Объем экспорта, млрд. руб.	…	18,5	57,97	51,40
Среднесписочная численность, тыс. чел.	21,4	24,15	26,75	25,79
Средняя заработная плата, тыс. руб.	…	13,0	14,99	14,87

Как можно заметить, объем производства металлопродукции в 2019 г. составил 86,43 млрд. руб., что на 13,8% меньше, чем в 2018 г., также отмечается падение объема реализации металлопродукции на 10,5% по сравнению с предыдущим годом, но производство и реализация основных видов продукции изменились разнонаправлено. Так, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. объем производства чугуна сократился на 29%, что связано с отсутствием железорудного сырья; объем производства стали вырос на 9,4%; объем производства готового проката вырос на 8,8%; объем производства кокса сократился на 37%, что связано с сокращением потребности в нем ввиду отсутствия производственного процесса на «Донецком металлургическом заводе» ЗАО «Внешторгсервис» (филиал № 1) и работой коксохимических предприятий исключительно под потребности «Енакиевского металлургического завода» ЗАО «Внешторгсервис» (филиал № 2); объем добычи известняков повысился на 30%; объем производства проволоки, фибры и сетки снизился на 52%, что связано с остановкой производства в июле-октябре 2019 г. на «Харцызском сталепроволочном канатном заводе «Силур» и остановкой основного производства на ГП «Донбасс-Либерти» из-за отсутствия основного сырья – катанки; объем производства труб из стали снизился на 62%, что обусловлено нестабильной работой «Харцызского трубного завода» «Внешторгсервис» (филиал № 5) (в течение года производство осуществлялось только в марте, августе и сентябре). Следовательно, проведенный анализ показывает, что экономика Донецкой Народной Республики находится в сложном состоянии. Несмотря на то, что, по отчетам профильных министерств, фиксируется незначительный экономический рост, реального прогресса в восстановлении производственно-экономического потенциала, хотя бы до уровня довоенного периода не наблюдается. Остановка работы крупных промышленных градообразующих предприятий всех без исключения видов деятельности оказывает влияние на реальный уровень благосостояния граждан, большинство которых находятся за чертой бедности.

Пандемия усугубила существующее положение, и, по оценкам экспертов, негативная экономическая динамика будет нарастать. Это отражают и общемировые тенденции. Так, по прогнозным оценкам аналитиков Всемирного банка, в 2020 г. ожидается снижение общемирового ВВП на 5,2%, а рост безработицы во всем мире вскоре может привести к рекордному росту количества людей, живущих за чертой бедности – их может стать больше на 500 миллионов человек, что перечеркнет всю работу по преодолению бедности за последние 20 лет. Несмотря на то, что многим странам удалось избежать более неблагоприятных последствий пандемии в экономике благодаря масштабной поддержке за счет мер налогово-бюджетной и кредитно-денежной политики, ожидается, что доходы на душу населения во всех регионах сократятся. Так, темпы экономического роста в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе в 2020 г. упадут до 0,5% и окажутся на самом низком уровне с 1967 г., что станет отражением потрясений, связанных с пандемией. В экономике Европы и Центральной Азии прогнозируется спад на 4,7%, рецессия затронет почти все страны данного региона. Шоковое воздействие пандемии приведет в 2020 г. к глубокому спаду экономической активности в Латинской Америке и Карибском бассейне – на 7,2%. Согласно прогнозам, на Ближнем Востоке и в Северной Африке ожидается спад экономической активности на 4,2% вследствие пандемии и развития ситуации на нефтяных рынках. В 2020 г. в Южной Азии прогнозируется сжатие экономической активности на 2,7%, поскольку меры по сдерживанию

[1] Министерство промышленности и торговли ДНР. – http://mpt-dnr.ru/

пандемии тормозят потребление и работу сферы услуг, а неопределенность относительно дальнейшего ее хода сдерживает частные инвестиции. Для Африки к югу от Сахары прогнозируется самый глубокий спад экономической активности из наблюдавшихся до сих пор (на 2,8%). Экономика ДНР в условиях построения новых схем цепей поставок тесно связана с тенденциями экономического развития Российской Федерации. По прогнозным оценкам, в РФ спад экономики ожидается на уровне 6%. Кроме того, поскольку ДНР до 2014 г. являлась частью Украины, а промышленные предприятия были встроены в единую технологическую цепочку, то важно отметить тенденции ее экономического развития под влиянием коронавируса. Так, по экспертным оценкам, для Украины новый кризис станет еще большим ударом, чем для остального мира. Это обусловлено тем, что экономика страны является открытой и сильно зависимой от ситуации в мире, в частности от динамики конъюнктуры на рынках экспорто-ориентированных видов деятельности (металлургии, сельского хозяйства) и цен на импортируемые энергоресурсы и товары. Согласно прогнозу, ВВП Украины из-за коронавируса упадет на 7,7%. Восстановление после кризиса для Украины будет более длительным, чем для остального мира: рост ВВП Украины в 2021 г. прогнозируется на уровне 3,6%, тогда как рост экономики мира – на 5,8%. Это означает, что новый кризис только увеличит разрыв между Украиной и развитыми странами: как по показателю конкурентоспособности экономики, так и по показателям качества жизни. Уже в настоящее время безработица в Украине достигает рекордного уровня: за время карантина только официально за помощью к государству обратилось 90 тысяч человек, а количество безработных, по подсчетам Торгово-промышленной палаты, уже выросло на 1,3 миллиона человек[1].

Представленный анализ красноречиво иллюстрирует, что нарастание кризисных явлений и негативная экономическая динамика в мире, в РФ и Украине напрямую окажут влияние на процесс восстановления промышленных предприятий Республики и спровоцируют еще большее ухудшение жизненного уровня населения. Кроме того, на данный момент по-прежнему сложно оценить реальные масштабы и последствия распространения COVID-19.

Вместе с тем, кризисная ситуация всегда является генератором качественных трансформаций и предопределяет дальнейшее эволюционное развитие любой экономической системы. Непризнанный статус и экономическая блокада задали вектор развития ДНР на основе внедрения соответствующих инновационных механизмов управления на всех уровнях. Поскольку страны только столкнулись с теми же проблемами, которые сопровождают процессы экономического развития в ДНР уже на протяжении нескольких лет, то это может объективно стать предпосылкой для достижения конкурентных преимуществ за счет выигрыша в скорости принятия решений. Кроме того, ввиду изолированности ДНР, масштабы и последствия распространения коронавирусной инфекции гораздо ниже, чем в сопредельных государствах. Следовательно, в ДНР это должно стать отправной точкой для восстановления и дальнейшего развития, предопределив выигрыш от существующего положения. По мнению большинства экспертов, после пандемии мир уже никогда будет прежним, и вернуться к старым реалиям не получится. В связи с этим, для достижения конкурентных преимуществ необходима реализация комплекса мер инновационного характера, направленных на преодоление существующих кризисных явлений и по нивелированию последствий пандемии коронавируса (рис. 1).

Таким образом, для восстановления производственно-экономического и промышленного потенциала Донецкой Народной Республики необходим комплексный подход. Прежде всего, требуется внедрение механизма по поддержанию устойчивости цепей поставок для обеспечения отечественных производителей сырьем и возможностью продвижения продукции на внутренние и внешние рынки. Первоочередной задачей является создание гибких и адаптивных цепей поставок, инновационных систем логистического сервиса, что является условием успешного функционирования производственно-сбытовых сетей в текущих реалиях экономического кризиса и инновационного развития промышленных предприятий в постпандемических условиях. Устойчивость и гибкость цепей поставок предполагает, что они легко и быстро могут адаптироваться к динамике изменений во внешней неопределенной среде, а использование передовых цифровых технологий в управлении ими позволяет минимизировать риски и снизить ущерб, возникающий в результате действия различных негативных факторов. Одним из принципов построения гибких и адаптивных цепей поставок является Win-Win[2]. В настоящее время выбор модели Win-Win может быть единственно верным, поскольку в результате ее реализации соперничество уступает место сотрудничеству, нередко потенциальные конкуренты становятся стратегическими партнерами, осуществляется горизонтальная интеграция в цепях поставок. Модель Win-Win направлена на совместное развитие партнеров, взаимовыгодные обучение, обмен опытом, деловыми контактами, передовыми технологиями производства, сервиса и управления. Это особенно важно в условиях, когда весь мир оказался перед лицом всеобщей опасности. Следовательно, выбор Win-Win позволяет достичь взаимной синергии всех контрагентов в цепях поставок промышленных предприятий, обеспечив достижение устойчивых долгосрочных конкурентных преимуществ.

[1] Перспективы мировой экономики / Всемирный банк. – https://www.vsemirnyjbank.org /ru/publication/global-economic-prospects#forecasts

[2] Курносова О.А. Формирование оптимальной стратегии управления взаимоотношениями с контрагентами в системе логистического сервиса промышленных предприятий // Вестник ДонНУ. Серия В. Экономика и право. 2019. – № 3. – С. 124–135.

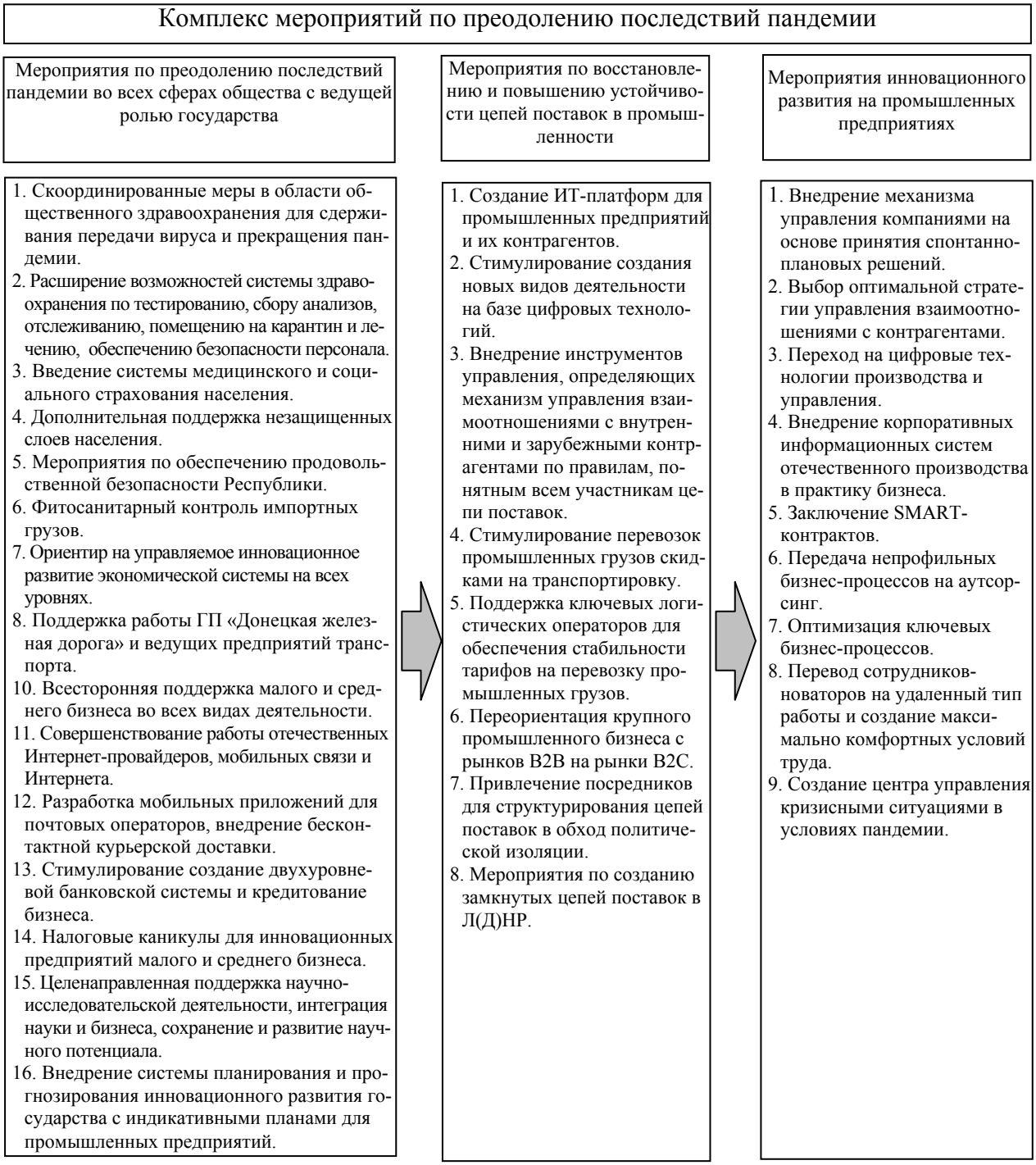

Рисунок 1.
Комплекс инновационных мероприятий развития промышленности ДНР в постпандемический период (разработано авторами)

Марабаева Л.В.,
Соколов О.А.,
Горин И.А.[1]

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА[2]

Ключевые слова*: инновационная инфраструктура, конкурентоспособность, региональная экономика, экономическое развитие, программа развития.*

Keywords*: innovative infrastructure, competitiveness, regional economy, economic development, development program.*

В настоящее время особо актуальным направлением научно-практических исследований по-прежнему является организация инновационной деятельности в регионах РФ [1]. С позиции институционального подхода организация инновационной деятельности определяется общностью целей развития институтов, задачей которых является совместная разработка и реализация новых технологий в соответствии с региональной политикой поддержки инновационных процессов территории. Согласно функциональному подходу, успешная инфраструктурная организация инновационной деятельности относится к числу основополагающих условий развития региональной экономики и общества за счет стимулирования и развития инновационных возможностей. В свою очередь, инновационные возможности региональной экономики прямо влияют на стратегический потенциал ее конкурентоспособности. Поэтому состояние и динамика развития инновационной инфраструктуры региона, безусловно, относятся к числу ключевых факторов влияния на конкурентоспособность региональной экономики как в текущей ситуации, так и в долгосрочном периоде.

Как показывают современные исследования, влияние инновационной инфраструктуры на конкурентоспособность экономики региона важно не просто оценивать с помощью определенной системы показателей, но и учитывать при разработке и реализации стратегий регионального развития и соответствующих целевых программ [6, 7].

Например, в Республике Мордовия действует Стратегия социально-экономического развития до 2025 года [3, 8]. Ее приоритет – повышение конкурентоспособности региона за счет инновационного сектора экономики и улучшения качества жизни его населения. Инновационное развитие Республики Мордовия в соответствии со Стратегией характеризуется преобразованием базовых секторов специализации региона и формированием условий для появления новых секторов, усилением роли перерабатывающих отраслей и рынков услуг, сменой технологий, повышением инновационного потенциала, а также инновационной активности хозяйствующих субъектов и региональной экономики в целом.

Инновационное развитие экономики входит в число главных приоритетов социально-экономического развития региона. Республика Мордовия динамично развивается благодаря реализуемой активной политике модернизации действующих и создания качественно новых производств. Сделав ставку на реализацию крупных инновационных проектов, модернизацию производства, по темпам промышленного роста она опередила многие регионы Российской Федерации. Мордовия находится в числе лидеров в России по доле инноваций в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

Достижения науки и техники являются ключевым фактором улучшения качества продукции и услуг, экономии трудовых и материальных затрат, роста производительности труда, совершенствования организации производства и повышения его эффективности. От этого, в конечном счете, непосредственно зависит конкурентоспособность как производителей (предприятий и организаций) и выпускаемой ими продукции на рынках, так и региона в целом. Продукция ведущих предприятий республики прочно заняла новые ниши на российском и международном рынках.

---

[1] Марабаева Людмила Владимировна – д.э.н., профессор, профессор кафедры менеджмента Экономического факультета Мордовского государственного университета. E-mail: l.marabaeva@mail.ru

Соколов Олег Александрович – к.э.н., доцент, первый заместитель министра-начальник управления цифрового развития Министерства информатизации и связи Республики Мордовия.

Горин Иван Александрович – к.э.н., доцент кафедры менеджмента Экономического факультета Мордовского государственного университета.

[2] Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), научный проект № 18-410-130007 р_а «Исследование влияния инновационной инфраструктуры на повышение конкурентоспособности региональной экономики» (конкурс проектов 2018 года фундаментальных научных исследований, проводимый РФФИ совместно с Республикой Мордовия).

Важнейшими направлениями развития экономики Республики Мордовия являются активизация научно-инновационной деятельности организаций, рост объемов производства, прежде всего, наукоемкой продукции, насыщение рынка современными конкурентоспособными товарами, повышение научно-технического потенциала организаций, создание экспортно-ориентированных и импортозамещающих производств, укрепление материально-технической базы всех отраслей хозяйственного комплекса [3, 8].

Таким образом, главная цель Стратегии социально-экономического развития региона состоит в повышении его конкурентоспособности на мировом рынке, а миссия – в формировании инновационно-технологического узла межрегионального электротехнического кластера.

С учетом сложившейся экономической специализации региона, социально-экономической ситуации и макроэкономических трендов, а также долгосрочных задач развития Российской Федерации, основной целью развития региона является повышение конкурентоспособности за счет инновационного сектора экономики и повышения качества жизни населения [9].

Задачи регионального развития:

– развитие базовых секторов специализации региона и формирование условий для появления новых секторов;

– реформирование рынка труда и рынка образовательных услуг;

– развитие пространственной организации региона;

– сохранение демографического и социального капитала.

Реализация указанных задач обусловила необходимость исследования возможностей развития инновационной инфраструктуры РМ как одного их базовых элементов региональной социально-экономической системы в контексте ее влияния на конкурентоспособность экономики региона.

Ключевыми элементами инфраструктуры инновационной деятельности Республики Мордовия являются: ГУ «Республиканский бизнес-инкубатор», Мордовский центр научно-технической информации, АУ «Технопарк – Мордовия», территориальные инновационные кластеры и др. В результате активного развития технопарковой структуры сформировано более 30 научно-инновационных центров и их количество, благодаря венчурным инвестициям, продолжает расти.

Создание инновационного кластера Республики Мордовия было инициировано для участия в приоритетном проекте Минэкономразвития России «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня» (Приказ Минэкономразвития России от 27 июня 2016 г. № 400 «О приоритетном проекте Минэкономразвития России «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня»).

Инновационный кластер позволил обеспечить существенное повышение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности инновационного кластера Республики Мордовия на мировом рынке по направлениям специализации: энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением, волоконная оптика и оптоэлектроника, приборостроение и др.

Задачами его стратегического развития в рамках региональной инновационной инфраструктуры являются:

– обеспечение технологического лидерства по ключевым направлениям деятельности кластера;

– достижение мирового уровня коммерциализации технологий, развития технологического предпринимательства и инновационной инфраструктуры;

– ускоренное расширение экспорта и международного сотрудничества, поддержка быстрорастущих высокотехнологичных малых и средних компаний;

– содействие модернизации и масштабированию деятельности «якорных» предприятий кластера;

– формирование системы привлечения инвестиций мирового уровня;

– развитие системы подготовки и повышения квалификации кадров с учетом потребностей кластера, молодежного инновационного творчества;

– улучшение качества жизни и развитие инфраструктуры;

– развитие системы управления кластером [4].

Реализация долгосрочных проектных инициатив кластера также предусматривает участие его резидентов в таких региональных проектах, как «Саранск – центр генерации и притяжения знаний», «Саранск – проектная площадка», «Саранск – центр притяжения инвестиций» и др.

Очевидно, что успешная реализация инфраструктурного потенциала региональных инновационных организаций реально обеспечит укрепление и рост конкурентоспособности региональной экономики в целом.

Координацию взаимодействия участников региональной инновационной инфраструктуры осуществляет Министерство науки, информатизации и новых технологий РМ, интегрирующее всю инновационную деятельность. Следует отметить и деятельность Инжиниринго-консалтингового центра по предоставлению широкого спектра услуг в области:

– оказания инжиниринговых, консалтинговых и информационных услуг,

– внедрения разработок и инновационных проектов в производство,

– внедрения энергосберегающих и информационных технологий,

– инженерного сопровождение производства,

– оказания помощи предприятиям в составлении технологических карт и бизнес-планов,

– внедрения систем менеджмента качества выпускаемых товаров в целях повышения их конкурентоспособности,

- оказания юридических услуг при оформлении банковских кредитов, при заключении соглашений и договоров, требующих серьезной юридической проработки.

В инновационной инфраструктуре региона заметна активность ООО «Инжиниринго-конструкторская компания», Ассоциации инвестиций и развития информационных технологий Республики Мордовия.

Ежегодно проводятся конкурс «Инженер года Республики Мордовия», научно-практическая конференция «Наука и инновации в Республике Мордовия». Выходит научно-технический, общественно-информационный журнал «Мордовия: наука, инновации, новые технологии».

Важным условием эффективности региональной инновационной инфраструктуры является развитие информационной среды, позволяющей субъектам инновационной деятельности (разработчикам, инвесторам, представителям промышленных предприятий и т.д.) получать информацию друг о друге и принимать решения о совместной проектной деятельности.

Одним из источников финансовой поддержки инновационной деятельности является Республиканский венчурный фонд, созданный в соответствии с Постановлением Правительства Республики Мордовия (№ 362 от 14.08.2006) «О финансовой поддержке научно-технических и инновационных проектов и научных мероприятий, реализуемых в Республике Мордовия».

Также в регионе реализуется комплекс мер по улучшению среды развития малого бизнеса, в частности, в рамках целевых программ, привлечения средств федерального бюджета Российской Федерации на дальнейшее развитие инфраструктуры поддержки малого предпринимательства. На условиях паритетного финансирования созданы ГУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия, АНО «Гарантийный фонд кредитного обеспечения Республики Мордовия».

Активно развивается инфраструктура поддержки субъектов малого предпринимательства на муниципальном уровне: функционируют микрофинансовые организации и информационно-правовые центры поддержки малого предпринимательства, созданные при участии республики, действует система повышения квалификации и переподготовки кадров для малых предприятий [2, 3].

Таким образом, сформированы необходимые предпосылки для разработки Программы развития инновационной инфраструктуры, реализация которой позволит повысить уровень конкурентоспособности экономики региона в целом.

Как показала оценка состояния инновационной инфраструктуры Республики Мордовия, несмотря на наличие необходимых организационных элементов, она требует дальнейшего развития, поскольку в ее составе отсутствует целый ряд важных структур. В частности, в регионе отсутствует Центр трансферта технологий, что значительно снижает эффективность продвижения разработок, в том числе за пределы республики. Существующий сейчас центр трансферта технологий является структурным подразделением МГУ им. Н.П. Огарева, работает на его внутренние потребности и не соответствует статусу Регионального центра. Кроме того, не достаточно высока эффективность взаимодействия организационных элементов инфраструктуры инновационной деятельности Республики Мордовия. Существуют и другие проблемы, обусловливающие необходимость дальнейшего развития региональной инфраструктуры инновационной деятельности. По нашему мнению, их решение имеет приоритетное значение для повышения инновационного потенциала регионального хозяйственного комплекса и его конкурентоспособности в долгосрочном периоде [5].

Разработка Программы развития региональной инновационной инфраструктуры предполагает обоснование комплекса мероприятий, структурированных и взаимоувязанных по видам работ, срокам их выполнения, ресурсному обеспечению, составу исполнителей в соответствии с поставленными целями. Создание такого документа возможно на основе совокупного использования программно-целевого и проектного подходов к региональному развитию. При этом разработка и реализация программных проектов предприятий и организаций, входящих в инновационную региональную инфраструктуру, в том числе совместных, должна стать еще одним важным условием ожидаемой эффективности Программы развития региональной инновационной инфраструктуры в целях повышения конкурентоспособности экономики Республики Мордовия.

Список литературы и источников

1. Государственная программа Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» на 2018–2025 годы. – http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=097925f8-dd6b-436d-b9dc-83047eb10157
2. Закон Республики Мордовия от 1 октября 2008 г. № 94-З «О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года». – http://docs.cntd.ru/document/819073683
3. Постановление Правительства Республики Мордовия «Об утверждении Государственной программы научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013–2022 годы. – http://docs.cntd.ru/document/424071558
4. Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня: методические материалы / Е.А. Исланкина, Е.С. Куценко, П.Б. Рудник, А.Е. Шадрин; Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 132 с.
5. Марабаева Л.В., Горин И.А., Соколов О.А. Подходы к формированию инфраструктуры инновационной деятельности и оценка ее состояния в Республике Мордовия. // Системное управление. 2015. – № 4 (29). – С. 10.
6. Самков М.А., Белякова Г.Я. Инструменты управления взаимодействием инновационной инфраструктуры в регионе // Инновации и инвестиции. 2017. – № 7. – С. 17–21.
7. Рыбалкин В.В., Сутырина Т.А. Стратегии инновационного развития российских регионов. – М.: Дело, 2013. – http://iknigi.net/avtor-tatyana-sutyrina/113026-strategii-innovacionnogo-razvitiya-rossiyskih-regionov-tatyana-sutyrina/read/page-10.html

8. http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2016/71099/6361.pdf
9. http://e-mordovia.ru/otkrytye-dannye/tselevye-programmy/ministerstvo-promyshlennosti-nauki-i-novykh-tekhnologiy-rm/?department=selected_one&section=297

Маякова А.В.
к.филос.н., н.с., Юго-Западный государственный университет

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗНАЧИМЫХ ЭФФЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ[1]

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые технологии, цифровая реальность, большие данные, риски.*

В основе цифровой реальности, насколько это можно утверждать на данном этапе цифровизации, лежат две крупные технологии – большие данные и искусственный интеллект [1]. Данные технологии не являются нейтральными для общества, поскольку они предлагают социуму новые возможности и решения, но и являются источником серьезных социальных рисков, что отчетливо наблюдается при стратегическом планировании. В качестве примера можно привести следующее. Большие данные, рассматриваемые как цифровой след человека, предоставляют нам широкие возможности: адресное удовлетворение запросов клиента здесь и сейчас; оказание экстренной и персонифицированной медицинской помощи вне географической привязки и многое другое. Но это и серьезный вызов современному обществу, в котором одним из основных принципов является принцип приватности личности как неотъемлемый элемент свободы [2].

Такая двунаправленность наблюдается и в правовом регулировании инструментария больших данных. Ярким примером является «противостояние» Китая и Европы. Позиция Китая: развитие цифровых технологий является самоцелью, в ограничениях при этом нет необходимости при условии, что у государства есть приоритет (или монополия) на использование цифровых технологий. Позиция ЕС: приоритет социально-гуманитарных вызовов в научной сфере, защита персональных данных осуществляется в рамках общего регламента по защите данных (GDPR – General Data Protection Regulation).

Очень наглядно тему приватности личности, в том числе в российском обществе, осветил профессор, д.э.н., руководитель АНО «Центр защиты вкладчиков и инвесторов» Артем Генкин в рамках круглого стола «Цифровая трансформация: новые вызовы и новые возможности для общества» в Общественной палате РФ в феврале 2020 г. «Встает вопрос: где границы доступа общества в жизнь личности? Где защитная линия нашей приватности? К чему это все приводит? К различным системам социального рейтинга, сейчас они очень популярны. Основным реализатором сегодня является Китай. Все сведения об индивиде сваливаются в один «черный ящик», результатом для него становится появление динамично изменяющегося рейтинга доверия к нему, рейтинга его благонадежности. А сам этот рейтинг имеет отношение к тому, получит ли индивидуум доступ к каким-либо общественным благам. В Китае социальный рейтинг стал элементом государственной стратегии. Он привел к максимальному облегчению жизни лицам с высоким уровнем общественного доверия и максимальному затруднению для лиц с низким уровнем. Это новые принципы социального расслоения и неравенства.

Китайцы выпустили приложение, позволяющее определить, не общались ли вы в последний месяц с зараженным коронавирусом. Что это означает? Что постоянно ведется слежка за перемещениями каждого человека и что не соблюдается медицинская тайна – сведения о заболевших гражданах доступны каждому. Для нашего менталитета такая ситуация непривычна.

Планы осуществить дальнейшую смычку баз данных с любой информацией о деятельности физлица, причем базы надзорных ведомств в Китае сращиваются с базами частных корпораций. У нас ряд компаний также ведут собственные базы клиентов со своим личным рейтингом (скорингом), и они тесно сотрудничают с государством – это Мэйл.ру Групп, МТС, Яндекс, Сбербанк» [3].

В настоящее время особенно актуален вопрос развития и применения цифровых технологий в социальном пространстве в связи с пандемией коронавируса и режимом тотальной самоизоляции на территории страны. Цифровые сервисы стали не только популярными, но и необходимыми. Общество не может игнорировать необходимые цифровые технологии в рамках образовательной и медицинской деятельности, удаленной работы, предоставления услуг и т.п. В данных условиях применение цифровых сервисов и использование гаджетов является обоснованным и адекватным. И это является одним из положительных эффектов социального конструирования технологий цифровой реальности. С другой стороны, говоря о «спокойном», не форс-мажорном ритме жизни, когда необходимость постоянного использования цифровых технологий не является острой и постоянной для всех групп населения, цифровизация не оставляет шансов обойти себя стороной. Так по данным Лаборатории Касперского 40% российских детей в возрасте

[1] Доклад, представленный на Международную научную конференцию «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи». Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00504 «Социотехнические ландшафты цифровой реальности: онтологические матрицы, этико-аксиологические регулятивы, дорожные карты и информационная поддержка управленческих решений».

до 10 лет почти постоянно находятся в сети, в возрасте 14–18 лет практически все подростки в мире 60-70% времени проводят онлайн [4]. И это среда не безопасная, чему сегодня есть множество доказательств. У нового поколения возникают проблемы с социальными коммуникациями, выстраиванием нормальных отношений в обществе. И все это – на фоне удобства использования различных цифровых сервисов.

На деловом завтраке Сбербанка, проведенном в рамках Всемирного экономического форума в Давосе, особое внимание привлекло выступление известного психотерапевта Андрея Курпатова, с начала 2019 г. занимающего должность научного руководителя лаборатории нейронаук и поведения человека Сбербанка. По его мнению, «то, что мы имеем сейчас – это, по сути, эпидемия цифрового аутизма. Цифровой аутизм – состояние, при котором молодые люди не могут поддерживать длительный психологический контакт друг с другом. Они не интересуются внутренним миром другого человека. Люди для них фактически стали заменяемы, поскольку они не видят ценности каждого человека в отдельности» [5]. В качестве профилактики цифрового слабоумия Курпатов посоветовал всем использовать правила «цифровой гигиены», а также улучшать свои социальные связи – то есть чаще общаться с людьми лицом к лицу. Этой же идеи придерживаются эксперты и специалисты крупных компаний, таких как Apple и Google, которые настоятельно рекомендуют своим клиентам-пользователям не сидеть в сети постоянно, а ограничивать время перед экранами гаджетов.

Цифровизация социальных кластеров (образование, здравоохранение, социальная работа и др.), конечно, неотвратима, однако она должна осуществляться весьма аккуратно и продуманно, иначе очень высока вероятность возникновения катастрофического риска, который может угрожать жизни и здоровью человека и общества в целом. Например, в России реализуется проект «Российская электронная школа». С одной стороны, положительный эффект: можно заглянуть, чтобы повторить пропущенную тему или разобраться со сложным и непонятым материалом. Это отличная возможность для учителей побывать на «открытых уроках» своих коллег и перенять лучший опыт или подобрать к своим урокам разнообразные дополнительные материалы. Родители смогут по-новому взглянуть на школьное образование, и, если появится такое желание, снова «сесть за парту» вместе со своими детьми [6]. С другой стороны, не уточнено, сколько ребенку допускается времени проводить за гаджетом, как это повлияет на усвоение материала и психофизическое состояние учащегося, и главное, у ребенка существенно сокращаются возможности «живого» общения с учителем и сверстниками, что порождает ряд психологических и иных проблем. Практика виртуальной школы существует не только в России. В других странах также имеются цифровые платформы, работающие в условиях виртуальной реальности: Teaching, Cyberworlds/Digital Studies, Public Anthropology и др.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что положительные эффекты и риски социального конструирования технологий цифровой реальности тесно переплетены между собой. Каждое «движение» в рамках тотальной цифровизации может обернуться дисфункцией социума. В качестве возможностей, которые открывают цифровые технологии, отметим следующие:

- экономический и социальный эффект от внедрения и применения цифровых технологий для бизнеса и социума;
- повышение качества жизни, в основном за счет улучшенной реализации главного принципа менеджмента качества – удовлетворения конкретных уже известных и новых потребностей потребителей;
- повышение производительности общественного труда на уровнях единичных (отдельных) производств и организаций;
- принципиально новые бизнес-модели и новые формы деловой среды, позволяющие увеличить доход и конкурентоспособность бизнеса;
- прозрачность экономических действий и возможности их валидации и верификации;
- доступность и продвижение товаров, работ и услуг на всех уровнях: от коммерческого до государственного и мирового;
- перекрестное применение информации и отсутствие конкуренции в использовании знаний и информации в силу того, что пользователем базы данных или базы знаний могут быть одновременно несколько потребителей;
- накопление и хранение больших объемов информации, осуществление ее автоматической переработки и анализа;
- хронирование потоков информации, возможность точечного распределения информации в рамках всей деятельности, вследствие чего появляется возможность отслеживания большого числа цепочек «поставщик↔потребитель», а также проведения интеллектуальной аналитики;
- осмысление и всеобщее осознание потенциала инноваций, применение и адаптация на различных уровнях инновационных продуктов и методик.

В качестве угроз, которые несут за собой цифровые технологии, отметим следующие:

- социальная деградация населения;
- возникновение нового «цифрового» поколения людей;
- сокращение количества рабочих мест;
- возникновение недобросовестных пользователей цифровых услуг;
- цифровое мошенничество;
- пиратство и распространение вредоносного контента;
- риски несовершенства, неподготовленности нормативно-правовой базы, сопровождающей и обеспечивающей протекание процессов цифровизации (риски, связанные с незащищенностью собственности, отсутствием независимого суда, отсутствием процедур институционального регулирования всех процессов, сопутствующих цифровизации, и т. д.). Так, на телевидении, радио, в кино и прессе, в издательской деятельности, при разработке развлекательного и делового программного обеспечения цифровизация и появление Интернета привели к масштабным нарушениям ав-

торских прав, пиратскому использованию информации и обусловленной им (пиратством) потерей инвестиций в эти сферы;

- риски злоупотребления технологиями и связанными с цифровизацией новыми возможностями, с несанкционированным использованием чужой информации, с использованием чужих ресурсов и т.д. Подтверждением значимости этой группы рисков является возрастающая киберпреступность — взлом устройств IoT («Интернет вещей»), атаки на мобильные устройства и финансовые мобильные приложения как части инфраструктуры дистанционного банковского обслуживания (ДБО) и платежных систем, атаки на смарт-контракты и т.п.;
- сопутствующие риски, появление которых обусловлено изменением на основе цифровизации существующих ранее технологий, а также совершенствованием действующих ранее и созданием новых бизнес-моделей. В процесс цифровизации могут быть включены новые составляющие, которые привнесут в него дополнительные риски. Примером являются риски рынка криптовалюты, реализуемого на основе применения такой цифровой технологии, как блокчейн и другие.

В связи с вышесказанным можно утверждать, что процесс создания и внедрения технологий цифровой реальности, особенно в общественной жизни, должен непременно сопровождаться усилением общественного контроля за соблюдением законов, связанных с внедрением цифровизации.

Список литературы

1. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация: Коллективная монография / Аршинов В.И., Артеменко М.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Кореневский Н.А., Маякова А.В., Чеклецов В.В. / Отв. ред. В.Г. Буданов, И.А. Асеева. – Курск: Университетская книга, 2019, – 232 с.
2. Жулего В.Г., Балякин А.А., Нурбина М.В., Тараненко С.Б. Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. – № 9–2. – С. 36–43.
3. Генкин А.С. Выступление в рамках круглого стола «Цифровая трансформация: новые вызовы и новые возможности для общества». – https://www.oprf.ru/press/news/2617/newsitem/52561
4. Лаборатория Касперского: более половины российских родителей считают, что не только их дети, но и они сами проводят в сети слишком много времени. – https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2019_laboratoriya-kasperskogo-bolee-poloviny-rossiyskih-roditeley-schitayut-chto-ne-tolko-ih-deti-no-i-oni-sami-provodyat-v-seti-slishkom-mnogo-vremeni
5. Курпатов А.В. Личностная трансформация в цифровую эпоху. – https://youtube/GbLclnu-QGc
6. О проекте «Российская электронная школа» простым языком. – https://resh.edu.ru/about

Носова О.В.
д.э.н., профессор, Харьковский национальный университет
Носова Т.Ю.
к.э.н., доцент, Харьковский национальный университет
Павлов К.В.
д.э.н., Ижевский филиал Российского университета кооперации

СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ

Ключевые слова*: инновационная стратегия, глобальная конкурентоспособность, транснациональная компания.*
Keywords: *innovative strategy, global competitiveness, multinational company.*

Введение

Современный этап развития мировой экономики характеризуется углублением процесса транснационализации международных отношений. Решающим фактором эффективного функционирования ТНК является международное производство товаров и услуг на основе международного разделения труда и интернационализации производства. Международные компании координируют деятельность своих филиалов на основе организации сетевых структур управления и взаимодействия с использованием новейших информационных и коммуникационных технологий. Они объединяют филиалы заводов и совместных фирм в единую международную сеть управления, интегрируя свои функции с производственными, технологическими, провайдерскими и финансовыми сетевыми структурами ТНК для расширения своего экономического и политического влияния.

Усиление воздействия финансовых рынков на международную деятельность ТНК способствовало расширению экономических взаимосвязей во всех сферах международного бизнеса. Размещение производства и сбыта продукции за пределами материнской компании, активизация и расширение операций между филиалами международных компаний приводит к обострению международной конкуренции на внутренних рынках. Стратегия международного бизнеса предусматривает экспансию экономических операций филиалов ТНК в странах их размещения. Данные международных организаций свидетельствуют о косвенном социально-экономическом, инновационном воздействии контрактного производства на макроэкономические показатели развития отдельных стран [1, с. 16].

С целью занятия доли рынка ТНК проводят агрессивную стратегию, имеющую целью завоевание доминирующих позиций в отдельных сегментах рынков. ТНК применяют различные виды стратегий, причем заграничные филиалы и предприятия международных корпораций, применяя единые стандарты и принципы в сети поставок товаров и услуг с материнской компанией, сосредоточили международное производство, научные разработки, капитал, современные формы маркетинга, менеджмента, сбыта компаний. Согласно данным Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) в мире насчитывается приблизительно 82 тысяч ТНК, которые включают 810 тысяч зарубежных филиалов. По оценкам аналитиков экспорт зарубежных филиалов ТНК составляет приблизительно 1/3 от общего экспорта товаров и услуг, рыночная капитализация отдельных ТНК превышает 500 млрд. долл. США, а ежегодный объем продаж составляет 150–200 млрд. долл.

Конкурентоспособность компании достигается на всех этапах и во всех сферах ее деятельности, при этом конкурентоспособность отдельных подразделений может быть продана (куплена) вместе с реализацией отдельных подразделений или компании в целом. Райзман [2, с. 12] утверждает, что глобализация стимулирует перемещение товаров, услуг, рабочей силы и капитала, создает рынок без национальных границ. Управление мировым бизнесом, координация и согласование интересов осуществляется в соответствии с принципом невидимой руки. Мировой рынок доступен для всех, причем участие в нем ограничено рамками национальных интересов отдельных стран, которые отличаются уровнем социально-экономического развития, степенью вовлеченности в мировую систему разделения труда, функционирующими социальными институтами. Глобальный рынок объединяет мировые рынки, создает условия для социального консенсуса и политического регулирования как внутри стран, так и за их пределами. Инновационная стратегия международных компаний направлена на получение синергетического эффекта от техноглобализации. Передача знаний, опыта, ноу-хау в филиалы ТНК, коммерциализация и получение прибыли относится к основным задачам материнской компании.

Зобов, Дегтярёва, Старостин и Чернова [3], анализируя современные виды инновационных стратегий, выделили функциональные признаки ТНК в зависимости от характера конкурентной среды. Авторы выявили специфику влияния инноваций на национальную экономику и предложили их систематизацию по признакам использования на дому (home-based exploiting) и расширенного применения (home-based augmenting). Мельник, Кудурко, Самсонова [4, с. 24] провели исследование и оценили вклад отдельных видов договорных отношений в макроэкономическую динамику стран, обосновали стратегию управления ТНК на основе учета макроэкономических эффектов между договари-

вающимися и внедряющими их странами. Авторы раскрыли влияние институциональных, политических и экономических ограничений на инвестиционную активность ТНК на международных рынках готовой и вспомогательной продукции. Применение гибких скрытых договорных форм, вспомогательного производства, лицензирования, франчайзинга, управления контрактами способствует экстернализации бизнес-операций ТНК. Компании разрабатывают новые стратегии для получения конкурентных преимуществ под влиянием экзогенных факторов, институциональной среды стран-реципиентов, инвестиций и эндогенных факторов, сферы деятельности, корпоративной политики, профессиональных компетенций.

Теоретическое исследование и анализ основных стратегий ТНК под влиянием глобализации свидетельствует об изменении функций распределения между материнской компанией, дочерними компаниями и филиалами, соотношения между отдельными видами стратегий, включая корпоративную стратегию компании, стратегии бизнес-подразделений, инновационную стратегию международных компаний. Поиск оптимальной стратегии компании относится к важнейшему инструменту повышения конкурентоспособности ТНК и занятия значительной доли рынка.

Стратегии транснациональных компаний

ТНК разрабатывают многообразные варианты стратегий при планировании деятельности корпорации. При выборе базовой стратегии компания учитывает макроэкономические факторы, а также внутренние возможности предприятия, которые определяются экономическим циклом его функционирования, а основная задача, которая решается при этом, состоит в обеспечении согласованности между поставленными целями и имеющимися ресурсами. Условия проникновения на рынок компании, номенклатура продукции, ее конкурентоспособность, финансовые, технологические, сбытовые и кадровые возможности предприятия определяют выбор базовой стратегии.

Обострение конкуренции в мировой экономике стимулирует поиск новых рынков, создание новых технологий, инвестиции в инновационные проекты. Учет влияния внешней среды, угроз и вызовов глобальной экономики дает возможность оценить перспективы, возможности развития международного бизнеса, прибыльность, стабильность, эффективность применения технологий. Среди базовых стратегий выделяют следующие виды: стратегия ограниченного роста, нового роста, сокращения или последнего средства и комбинированная стратегия. Стратегию ограниченного роста применяют компании, которые функционируют относительно долго и используют традиционные технологии. Они устанавливают цели развития, ориентируясь на достигнутые результаты, и корректируют их с учетом изменений условий функционирования (темпов инфляции, уровня насыщенности рынка, платежеспособного спроса и т.п.). Стратегия нового роста применяется в новых отраслях с новыми технологиями и характеризуется ежегодным значительным ростом объемов производства по сравнению с предыдущим годом. Стратегия сокращения предусматривает использование заниженных целей деятельности предприятия, что обусловлено стойкой тенденцией к ухудшению экономических показателей.

Комбинированной стратегии придерживаются крупные диверсифицированные предприятия, которые активно функционируют в нескольких областях с присущими ими расхождениями в рыночной конъюнктуре. При внедрении базовой и глобальной стратегий учитывают существование двух основных видов международных отраслей:

1) многонациональная отрасль – это совокупность национальных отраслей, конкурентные преимущества в одной из стран в большей или меньшей мере не зависят от конкуренции в мире;

2) глобальная отрасль – это все отрасли в мире, причем конкурентные преимущества в одной стране оказывают сильное влияние на конъюнктуру в других странах. Фирмы, которые принадлежат к глобальной отрасли, конкурируют между собой [5, с.126].

Организация деятельности на глобальной основе достигается за счет таких факторов, как экономия на масштабе, преимущество используемого опыта, преимущество географического положения, сотрудничество с потребителями продукции. Экономия на масштабе заключается в том, что корпорация, которая производит стандартный вид продукции на многих рынках, получает дополнительную прибыль за счет широкомасштабного производства. Преимущество используемого опыта свидетельствует о том, что фирмы могут получать дополнительную прибыль в результате обмена опытом и общего использования ресурсов в разных странах.

Преимущество географического положения предполагает, что производство компонентов дешевле в стране по сравнению с изготовителем конечной продукции. Глобальная компания находится в более удобном положении, выбирая местоположение своих подразделений, для производства конкурентоспособной продукции. Сотрудничество с потребителями готовой продукции свидетельствует о том, что если участником производства является многонациональная корпорация, то деятельность по ее обслуживанию на глобальном уровне является прибыльной. Эти и другие преимущества компании могут быть получены при ее организации на глобальном уровне.

Глобальные ТНК широко применяют трансграничные соглашения при международных слияниях и поглощениях при переделе сфер влияния между ведущими компаниями и изменениями конкурентного положения на глобальных рынках. Рынок международных слияний и поглощений (M&A) считается одним из индикаторов состояния мировой экономики. В предкризисном 2007 году были заключены трансграничные соглашения на сумму 12 млрд. долл. В 2014 г. объем слияний и поглощений составил 384 млрд. долл. США и достиг максимального уровня по сравнению с 2011 г. Наиболее активно слияния и поглощения происходили в финансовой сфере, фармацевтике, металлургии, коммуникациях и медиаиндустрии. В последнее время лидером стала финансовая отрасль – на нее пришлось до 35% всех международных сделок (рис. 1).

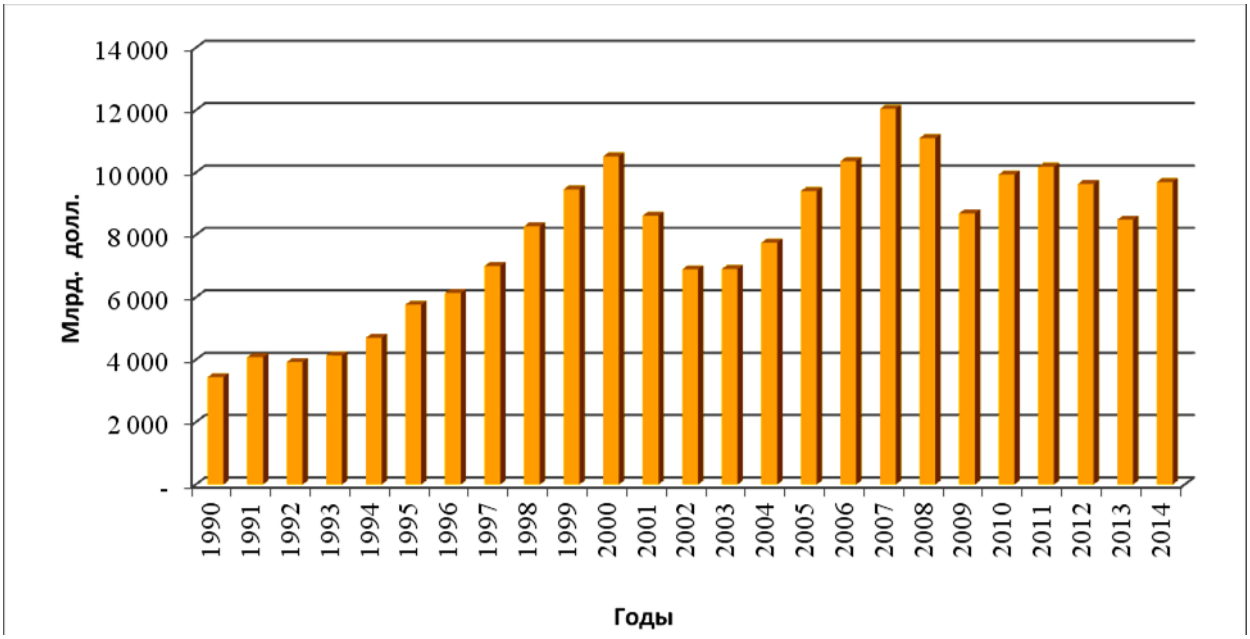

Рисунок 1.
Величина трансграничных соглашений (млрд. долл.) [9]

Благодаря восстановлению и последовательной активизации глобального финансового рынка, объем слияний и поглощений (M&A) достиг рекордного уровня в 2015 году. Активность на рынке глобальных соглашений слияний и поглощений продолжала расти с пиком в 2017 году на развитых рынках и в 2018 году на развивающихся рынках.

Приведенные данные указывают на то, что в условиях глобальной экономики M&A становятся основным источником получения конкурентных преимуществ корпораций за счет возможности быстрого формирования инвестиционного портфеля на основе привлечения локальных активов разных государств, получения новых источников сырья, интегрирования стадий производственного процесса, освоения новых рынков, применения новых технологий.

Среди крупнейших нефинансовых корпораций мира следует выделить группу компаний, которые успешно реализовали многочисленные M&A, а также продажу непрофильных активов. В результате применения указанной стратегии компании достигли значительных преимуществ по сравнению с конкурентами. К таким компаниям можно отнести BP (Великобритания, нефтяная отрасль), Exxon Mobil, Chevron Texaco, Conoco Philips (США, нефтяная отрасль), General Electric (США, конгломерат), Glaxo Smith Kline (Великобритания, фармацевтическая промышленность), Cisco Systems, IBM, Apple (США, электронная промышленность), Nestle (Швейцария, пищевая отрасль). Особое значение имеют поглощения компаний, которые владеют инновационными разработками или технологией, для поддержки конкурентоспособности фармацевтических ТНК. Это подтверждает анализ деятельности американских ТНК: Pfizer, Johnson&Johnson, Abbot Laboratories, Bristol-Myers-Squibb, швейцарских ТНК Hoffman-La Roche и Novartis, английских GlaxoSmithKline и AstraZeneca, французской Sanofi-Aventis [6, 7].

С помощью M&A глобальные ТНК получают возможность наиболее оперативного и эффективного доступа на интересные для них рынки, добиваются большей стойкости, привлекают финансовые ресурсы на лучших условиях.

Примером умелого использования M&A для повышения конкурентоспособности компаний явилась реализация стратегии ТНК General Electric, которая заключила 228 соглашений по слиянию, приобретению и продаже неконкурентоспособных активов на сумму 25,4 миллиардов долларов в период с 1984 по 1998 года. Стратегия включала изменение профиля компании и рост ее капитализации на протяжении с октября 1984 по октябрь 2007 года, которая выросла больше в 31,28 раза по сравнению с ростом стоимости за этот же период 50 наибольших американских компаний, которые входят в индекс Dow Jones Industrial Average [8].

M&A – это прежде всего трансграничные соглашения, нацеленные на получение конкурентных преимуществ за счет объединения финансовых, научно-технических и трудовых ресурсов фирм-участниц и получение на этой основе синергетического эффекта; на достижение эффекта экономии за счет масштаба производства; получение доступа на новые рынки; диверсификацию производства; использование новых активов, особенно нематериальных (таких, как ноу-хау, торговых марок, организационных знаний).

Способность ТНК к использованию гибкого механизма инвестиционной деятельности, организационных способов и методов изменений в глобальной экономике выразилась в объединении капиталов национальных и мировых корпораций. ТНК создали развитую систему маркетинга и способов современной рекламы, что позволяет им манипулировать вкусами и предпочтениями потребителей во всем мире.

На фоне всего вышесказанного имеет место рост объемов мирового производства. По данным Forbes в первую десятку крупнейших ТНК мира в 2018 году входили: семь банковских организаций, четыре из которых были китайские (ICBC, China Construction Bank Corporation, JPMorgan Chase, Agricultural Bank of China, Bank of America, Wells Fargo, Bank of China), многопрофильные американские холдинги (Berkshire Hathaway), американская технологическая компания (Apple) и китайская страховая компания (Ping An Insurance Group) (табл. 1).

Среди факторов, которые способствовали высокому рейтингу этих компаний, следует выделить следующие:

– проведение гибкой политики и стабильной дельности в условиях экономического кризиса;
– активное размещение производства на территории других стран;
– большие масштабы дельности и применение информационных технологий.

Большинство ТНК применяют комплексную инновационную стратегию, в рамках которой фирмы превращают свои географически разбросанные филиалы и фрагментированные системы производства в производственно-сбытовые сети, интегрированные глобально или регионально в мировом пространстве. По количеству сделок M&A лидирует технологический сектор, особенно сфера программного обеспечения. В совокупности в этой отрасли было заключено 10,216 тысяч сделок с общим объемом 808 млрд. долл. в 2018 году. Второе место заняла сфера здравоохранения с 2,967 тысяч сделок и объемом 580 млрд. долл. [10]. Турбулентность на мировых финансовых рынках и вызовы глобальной экономики создают неопределенность, непредсказуемость поведения крупнейших ТНК и заставляют их применять адаптивную стратегию, приспосабливаясь к новой международной конъюнктуре.

Таблица 1

Рейтинг 10 крупнейших ТНК мира в 2018 году [9]

№	Компания	Страна	**Продажи**, млрд. долл. США	**Прибыль**, млрд. долл. США	**Активы,** млрд. долл. США	**Рыночная стоимость**, млрд. долл. США
1	ICBC	Китай	165,3	43,7	4210,9	311,0
2	China Construction Bank Corporation	Китай	143,2	37,2	3631,6	261,2
3	JPMorgan Chase	США	118,2	26,5	2609,8	387,7
4	Berkshire Hathaway	США	235,2	39,7	702,7	491,9
5	Agricultural Bank of China	Китай	129,3	29,6	3439,3	184,1
6	Bank of America	США	103,0	20,3	2328,5	313,5
7	Wells Fargo	США	102,1	21,7	1915,4	265,3
8	Apple	США	247,5	53,3	367,5	926,9
9	Bank of China	Китай	118,2	26,4	3204,2	158,6
10	Ping An Insurance Group	Китай	141,6	13,9	1066,4	181,4

Выводы

Исследование особенностей применения многообразных стратегий ТНК демонстрирует, что комплексная инновационная стратегия повышает конкурентоспособность компании в отдельных сферах производства и услуг. Использование стратегии международных слияний и поглощений приводит к переделу сфер влияния между ведущими ТНК. Изменение конкурентного положения крупных компаний на глобальных рынках сопровождается обострением противоречий между крупным бизнесом и правительствами принимающих стран. В результате ТНК используют стратегию выхода с данного рынка, что приводит к закрытию филиалов компании, финансовым потерям, сокращению рабочих мест.

Список литературы

1. Носова О. В. Влияние привлечения прямых иностранных инвестиций на обеспечение экономического роста ТНК // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2016. – № 4. – С. 13–23.
2. Reisman D. State and Trade. Authority and Exchange in a Global Age. 2017.
3. Zobov A.M., Degtereva E., Starostin V.S., Chernova V.Y. Innovative Strategies of Transnational Companies and Synergy Effect of Technologization. 2016. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i39/96521
4. Melnik T., Kudurko L., Samsonova L. Contractual Relations in the New Economic Competition Strategies of TNCs // Baltic Journal of Economic Studies. 2019. – Vol. 5. – N 3.
5. Скібіцький О.М. Стратегічний менеджмент: [навч. посібник для вузів]. 2006. – 312 с.
6. http://www.apple.com/
7. www.ibm.com/
8. http://www.gm.com.
9. Global 500. Fortune Rankings. – https://fortune.com/global500/search/#
10. World Development Report. Trade and Development Report 2019. Financial a Global Green New Deal. – https://unctad. org/en/PublicationsLibrary/tdr2019_en.pdf

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, Ижевский филиал Российского университета кооперации
rkvp_ruk@mail.ru
Асадуллина Н.Р.
к.э.н., доцент, Ташкентский филиал Российского экономического университета rasadullina@mail.ru

ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *цифровизация, тренд, социально-экономическое развитие, информация, цифровой формат.*
Keywords: *digitalization, trend, socio-economic development, information, digital format.*

Современный этап мирового экономического и социального развития характеризуется существенным влиянием на него цифровизации. Как новый тренд мирового общественного развития, который пришел на смену информатизации и компьютеризации, он характеризуется следующим: основан на цифровом представлении информации, которое в масштабах экономической и социальной жизни как отдельной страны, так и всего мира приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни.

Всестороннее раскрытие особенностей цифровизации как современного тренда мирового развития включает раскрытие сущности цифровизации, особенностей цифрового представления информации, предпосылок и возможных положительных последствий цифровизации, соотношения понятий «цифровизация» и «цифровая экономика», вызовов, угроз, возможных отрицательных последствий и рисков цифровизации для разных государств, в том числе и для Узбекистана, методов измерения степени охвата цифровизацией отдельной страны, а также включает описание современного состояния и задач цифровизации экономики.

В настоящее время термин «цифровизация» используется в узком и широком смысле. Под цифровизацией в узком смысле понимается преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т.д. Большое число конкретных преобразований информации в цифровую форму приводит к таким существенным положительным последствиям, которые обусловливают применение термина цифровизации в широком смысле [1].

Как переход к цифровой информации всех сторон экономической и социальной жизни цифровизация из простого метода улучшения разных частных сторон жизни превращается в драйвер мирового общественного развития, обеспечивающий повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни. Поэтому под цифровизацией в широком смысле понимается современный общемировой тренд развития экономики и общества, основанный на преобразовании информации в цифровую форму и приводящий к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни.

Цифровизацию в широком смысле можно рассматривать как тренд эффективного мирового развития только в том случае, если цифровая трансформация информации отвечает следующим требованиям: она охватывает производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан; сопровождается эффективным использованием ее результатов; ее результаты доступны пользователям преобразованной информации; ее результатами пользуются не только специалисты, но и рядовые граждане; пользователи цифровой информации имеют навыки работы с ней.

Цифровизация пришла на смену информатизации и компьютеризации, когда речь шла в основном об использовании вычислительной техники, компьютеров и информационных технологий для решения отдельных экономических задач. Большие возможности цифрового представления информации приводят к тому, что она (цифровизация) формирует уже целостные технологические среды «обитания» (экосистемы, платформы), в рамках которых пользователь может создавать для себя нужное ему дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т.п.) с тем, чтобы решать уже целые классы задач.

К особенностям информации, представленной в цифровой форме, относятся:

– возможность использования разнообразных физических принципов ее представления, запоминания и передачи информации, в том числе возможность зашифровать сообщение, передать его в такой форме, а потом снова дешифровать;

– возможность передачи информации с использованием различных материальных носителей;

– копирование и распространение информации без потери ее точности;

– многократное увеличение плотности ее записи и скорости передачи, а также «неуменьшение» и «неисчезновение» ее при потреблении;

– создание цифровых технологий, более эффективных по сравнению с аналоговыми.

Особые свойства цифровой информации обусловили появление научного направления «digital economics», включающего математические методы и модели, основанные на цифровом формате представления информации и на ее свойствах, вытекающих из него. Примерами являются технологии, используемые в логистике, геотехнологии, со-

временные технологии предоставления банковских услуг, технологии обеспечения информационной безопасности и др. Вполне естественно под цифровой экономикой понимать экономику, основным трендом эффективного развития которой является цифровизация [1].

Данное определение выделяет следующую основную особенность цифровой экономики – под воздействием тренда цифровизации она развивается эффективно.

В настоящее время существует множество определений понятия «цифровая экономика», которые делают акцент на том или ином аспекте воздействия тренда цифровизации на национальную экономику, например, на использовании инновационных цифровых информационно-коммуникационных технологий; на обеспечении ИКТ различных видов взаимодействий; на использовании Интернета, мобильных и сенсорных сетей, возможностей работы в режиме онлайн; на применении электронного документооборота, современных электронных каналов связи, способов учета и хранения информации; на создании новых бизнес-моделей, новых рынков и новых потребителей и т.д.

Анализ разных определений цифровой экономики показывает, что каждое из них выделяет лишь некоторые ее существенные особенности. Учет наиболее важных из них позволяет дать следующее ее развернутое определение: цифровая экономика – это система социально-экономических отношений:

– нацеленная на повышение эффективности и конкурентоспособности экономики;

– выражающая современную парадигму ускоренного экономического развития, при котором повышение конкурентоспособности и эффективности становится жизненной необходимостью;

– характеризующая современный этап эволюционного развития социально-экономической и производственной модели общества;

– охватывающая сферу общественной жизни, производство, бизнес, науку, менеджмент, домашние хозяйства и отдельных людей;

– отражающая специфику нового технологического поколения – использование огромного количества данных, генерируемых в самых разнообразных информационных системах и перерабатываемых в целях извлечения из них полезной информации;

– направленная в целях получения прибыли на создание новых производств, бизнес-моделей, моделей управления, новых рынков и новых потребителей;

– основанная на цифровой трансформации, т.е. предполагающая в большой степени переход от аналогового взаимодействия и использования аналоговых носителей информации к электронному взаимодействию на основе применения современных электронных средств, в том числе на основе активного использования инновационных цифровых информационно-коммуникационных технологий, современных электронных каналов связи, электронного документооборота, а также электронных способов учета обработки, хранения и передачи информации;

– использующая новейшие математические методы и модели переработки информации, основанные на учете цифровой формы ее представления и свойств цифровой информации;

– реализуемая, как правило, в режиме онлайн через такие платформы, как Интернет, мобильные и сенсорные сети [2].

Официальными и принятыми на правительственном уровне в Узбекистане на настоящий момент являются следующие определения цифровой экономики:

– цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг;

– цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме. Она способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Республики Узбекистан, созданию и применению информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы [2].

Если говорить о соотношении понятий «цифровизация» и «цифровая экономика», то необходимо отметить, что цифровизация – это основа цифровой экономики, тот тренд мирового развития, который определяет развитие экономики и общества, формирует цифровую экономику. Другими словами, цифровизация представляет собою главный современный тренд развития экономики и общества, основанный на переходе к цифровому формату представления информации, который направлен на повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни. Она способствует последовательному улучшению всех бизнес-процессов экономики и связанных с ней социальных сфер, которое (улучшение) основано на увеличении скорости взаимообмена, доступности и защищенности информации, а также на возрастании роли автоматизации как базы цифровизации.

Осуществлению требований цифровизации как современного тренда развития экономики и общества и тем самым повышению эффективности их развития в определенной мере отвечает наличие предпосылок цифровизации на государственном, отраслевом уровнях, а также на уровнях отдельных домохозяйств и граждан. Поэтому задачей государства является создание возможностей для их реализации [3].

Правительством Республики Узбекистан принимаются широкомасштабные меры по развитию цифрового сектора экономики, внедряются системы электронного документооборота, развиваются электронные платежи и совершенствуется нормативно-правовая база в сфере электронной коммерции.

Цифровая экономика, функционирующая на информационно-технологических платформах, развивается с интенсивной скоростью, что обусловливает необходимость создания новых моделей таких платформ [4].

В ближайшей перспективе планируется разработать Национальную концепцию цифровой экономики, предусматривающую обновление всех сфер экономики на базе цифровых технологий, и на этой основе внедрить программу «Цифровой Узбекистан -2030». Цифровая экономика позволит обеспечить рост валового внутреннего продукта как минимум на 30 процентов и резко снизить коррупцию. Это подтверждают и аналитические исследования авторитетных международных организаций [5].

С появлением цифровой экономики сегодня в мире происходят поистине революционные изменения, связанные с новыми технологиями, которые трансформируют отрасли и системы производства, повышают производительность и дают начало новым бизнес-моделям. В этой связи ускорение экономического развития, международной конкурентоспособности и интеграция Узбекистана в мировую экономику в значительной степени зависят от развития цифровой экономики.

Цифровая экономика помогает снизить стоимость предоставления услуг, обеспечивает доступ к экспорту посредством электронной коммерции, положительно влияет на приток инвестиций и в целом на экономическую активность. По оценкам международных экспертов, если развивающиеся страны, такие, как Узбекистан, достигнут уровня проникновения Интернета как у развитых рынков, их долгосрочная производительность увеличится на 25 процентов. Узбекистан имеет все условия, чтобы использовать преимущества динамичной цифровой экономики. Республика является самой густонаселенной страной в Центрально-Азиатском регионе, обладает значительной молодой и достаточно образованной рабочей силой.

На данный момент в республике в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) занято около 29 000 человек, работающих на 1 400 предприятиях, общий вклад которых в ВВП составляет 2,2 процента. Постепенное открытие сектора уже позволяет гражданам страны получать Интернет-услуги, а бизнесу извлекать выгоду из цифровой экономики [6].

Приоритетными направлениями развития информационных компьютерных технологий и формирования современной цифровой экономики являются:

– модернизация сферы информационно-коммуникационных технологий с учетом общемировых и локальных достижений в области нанотехнологий, генной инженерии, NBIC-конвергенции, информационных и биотехнологий, ориентированных на развитие интеллектуальных способностей человека;

– разработка современных многокомпонентных материалов на основе достижений фотоники, робототехники, оптоинформатики;

– борьба с киберпреступностью, усиление информационной безопасности в интернете;

– правовое регулирование в области предоставления свободного доступа граждан к информации и обеспечения экономической и государственной безопасности;

– развитие возможностей фриланса;

– регулирование и поддержка процесса становление цифровой экономики во всех секторах народного хозяйства.

В настоящее время Узбекистан уже вступил в этап цифровой трансформации. В числе приоритетных направлений цифровой трансформации можно выделить следующие:

– модернизация системы образования и профессиональной подготовки IT-кадров за счет совершенствования образовательной инфраструктуры и создания филиалов ведущих зарубежных университетов в сфере IT. Сегодня на рынке труда IT-специалисты составляют около 1% от общей численности занятого населения страны. В ближайшие пять лет планируется довести этот показатель до 2,5−3%, что соответствует среднемировому уровню;

– внедрение механизмов поддержки стартапов в сфере IT, в том числе создание технопарков, привлечение венчурного капитала, организация бизнес-акселераторов и инкубаторов. Сейчас условиями созданного в 2017 году Mirzo Ulugbek Innovation Center пользуются 300 IT-компаний Узбекистана. Нынешняя задача – довести долю IT-сектора в ВВП до 4% и увеличить экспорт IT-услуг в 10 раз в течение ближайших нескольких лет;

– обеспечение развития информационно-коммуникационной инфраструктуры. К концу 2020 года будет обеспечено увеличение пропускной способности международного Интернет-канала в 10 раз, завершена прокладка более 2300 км оптико-волоконных линий связи, установлено более 2000 базовых станций четвертого поколения;

– совершенствование механизма государственных электронных услуг. Внедрение технологий умных и безопасных городов в регионах Узбекистана, в том числе обработка больших данных, внедрение Интернета вещей, интеллектуальных систем видеонаблюдения и мониторинга в общественных местах.

Задачи по ускоренной цифровой трансформации экономики невозможно решить без тесного международного сотрудничества. Передовой опыт цифровизации и развития информационных технологий Российской Федерации и культурно-историческая близость России и Узбекистана определяет Россию как стратегического партнера в области цифровых технологий и информатизации. Необходимо активизировать сотрудничество с IT-компаниями России по таким направлениям, как медиа-контент, электронная коммерция, электронное правительство, цифровые банковские технологии, обмен опытом, развитие инновационных центров, управление технопарками и развитие технологической инфраструктуры.

Основную роль в цифровой экономике Узбекистана будет играть частный бизнес с сильным предпринимательским и инновационным подходом, а государство должно создавать инфраструктуру и условия для частной инициативы. Главное, чтобы развитие в стране ИКТ шло в ногу с заинтересованностью бизнеса внедрять цифровые технологии для повышения производительности труда.

Список литературы

1. Сологубова Г. С. Составляющие цифровой трансформации: монография. – М.: Юрайт, 2019. – 147 с. – (Серия: Актуальные монографии). – https://biblio-online.ru/book/sostavlyayuschie-cifrovoy-transformacii-445006
2. Горелов Н.А. Развитие информационного общества: цифровая экономика: учеб. пособие для вузов / Н.А. Горелов, О.Н. Кораблева. – М.: Юрайт, 2019. – 241 с. – (Серия: Университеты России). – https://biblio-online.ru/book/razvitie-informacionnogo-obschestva-cifrovaya-ekonomika-429156
3. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / Халин В.Г., Чернова Г.В. // Управленческое консультирование. – М., 2018. – № 10. – С. 48–49. – https://sziu.ranepa.ru/
4. Постановление Президента Республики Узбекистан от 03.07.2018 г. № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан». – https://buxgalter.uz
5. Послание Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева Олий Мажлису от 28.12.2018 г. // Народное слово. 2018. – 29 декабря. – https://nrm.uz/
6. Информационное агентство Республики Узбекистан. – https://regnum.ru/

Прядко С.Н.
к.э.н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

МОДЕЛЬ «УМНОГО РЕГИОНА» КАК ПРОСТРАНСТВО ИННОВАЦИОННОГО РОСТА

Ключевые слова*: модель, «тройная спираль», «умный регион», регион, вуз.*
Keywords*: model, «triple helix», «smart region», region, university.*

Современное социально-экономическое развитие региона происходит в условиях новой цифровой и промышленной революции, изменения национального и регионального экономического ландшафта, расслоения социальной структуры общества и изменения качества жизни людей. Все это заставляет искать новые модели функционирования региональной экономики, отвечающие кардинальным изменениям внешней среды.

Одним из направлений экономического развития региона, по мнению экспертов, является формирование инновационно-ориентированного рыночного пространства, основанного на более эффективном использовании имеющегося потенциала и ресурсов [1]. Причем роль «локомотива» инновационных изменений отводится региональным вузам, в задачи которых, помимо традиционной подготовки кадров и передачи знаний, включают функции генерирования и коммерциализации инновационных разработок ученых вуза [2].

Одной из наиболее часто цитируемых моделей инновационного развития территории (региона) является модель «тройной спирали» Г. Ицковица, согласно которой основой стратегического развития региона (стратегической точкой роста) являются университеты [3]. Другими элементами спирали являются бизнес и власть (рис. 1).

Основой для разработки данной модели послужил опыт Массачусетского технологического института (MIT), в котором еще в 20 годы прошлого столетия (до периода Великой депрессии) была сформулирована стратегия развития региона, направленная на систематический процесс создания новых инновационных фирм, внедряющих научные разработки ученых университетов [4].

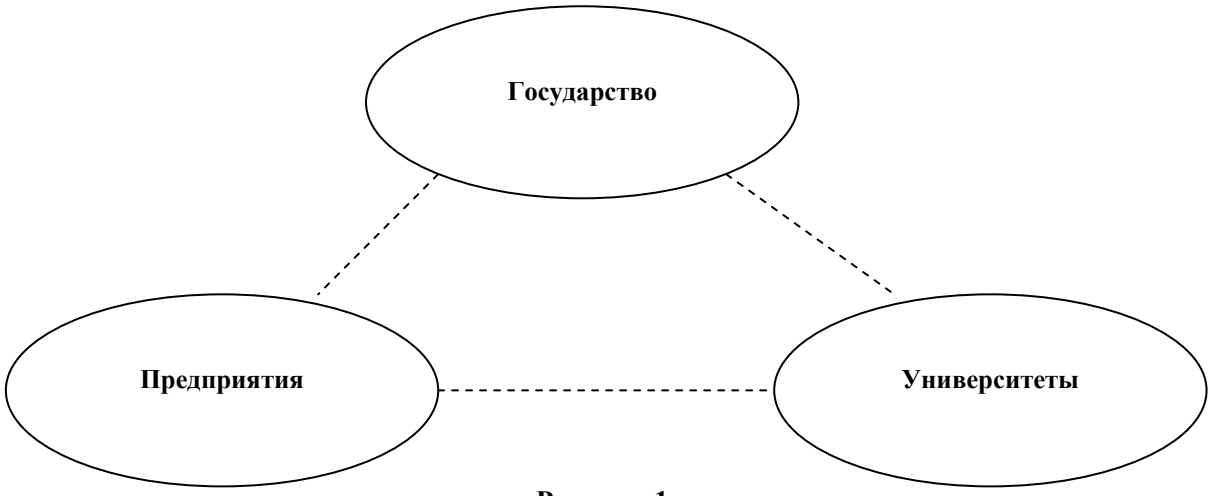

Рисунок 1.
Рыночная модель «тройной спирали» Г. Ицковица

В результате реализации данного подхода были сформированы предпосылки возникновения синергетического эффекта тройной спирали от взаимодействия трех основных институциональных сфер – знаний (университеты), инноваций (бизнес) и согласия (государство) [3, с. 6].

Подобная ситуация в 90-е годы XX века сформировалась в Израиле, когда очередная волна иммигрантов в страну была связана с распадом СССР. В стране сформировался уникальный научный потенциал в виде высококвалифицированных кадров, но отсутствовала ресурсная база (ограниченная территория, сложные климатические условия и пр.), позволяющая организовать крупное промышленное производство и задействовать прибывшие высокоинтеллектуальные кадры. Развитие высокотехнологичного цифрового бизнеса, основанного на внедрении инновационных разработок израильских ученых вузов, позволило в течение короткого времени не только сформировать инновационно-активную и восприимчивую экономику, но и занять лидирующие позиции в мире по показателям инновационного развития экономики [5].

В качестве российского успешного опыта формирования экономической модели развития региона с высокой степенью участия университетов можно назвать Томскую область – постоянного лидера в рейтингах инновационного

развития регионов РФ [6]. Эксперты называют Томскую область в числе регионов, наиболее готовых к инновационному прорыву.

Основу инновационного развития региона составляют региональные вузы и научные институты, которые являются центром комплексной модели «умных городов», имеющих особую ментальность, нацеленных на производство и распространение инноваций. Основными типологическими характеристиками данной модели в Томске являются следующие элементы: компактная и сконцентрированная инновационная инфраструктура; особая экономическая зона (а значит, наличие инновационного регионального бизнеса и спроса на инновационные разработки); активная инновационно-ориентированная политика региональной власти (например, создание Ассоциации инновационных регионов России, исполнительный орган которого возглавляет основатель Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере Иван Бортник); а также инновационно-восприимчивая молодежная студенческая вузовская среда исследователей и инноваторов, являющихся генератором идей и проектов (Томская область занимает третье место в России (после Москвы и Санкт-Петербурга) по числу студентов на 10 тысяч населения: каждый восьмой житель города Томска – студент) [6].

На основании успешного опыта ведущих стран, регионов и отдельных вузов можно графически представить модель инновационно-ориентированного «умного региона» (рис. 2).

Причем, в определенном смысле, элементы троичной спирали в данной модели (в отдельных ее элементах) являются подэлементами других систем. Например, в региональную инновационную инфраструктуру входят и вузы, и научные центры, и подразделения инновационного ориентированного регионального бизнеса (например, высокотехнологических региональных кластеров).

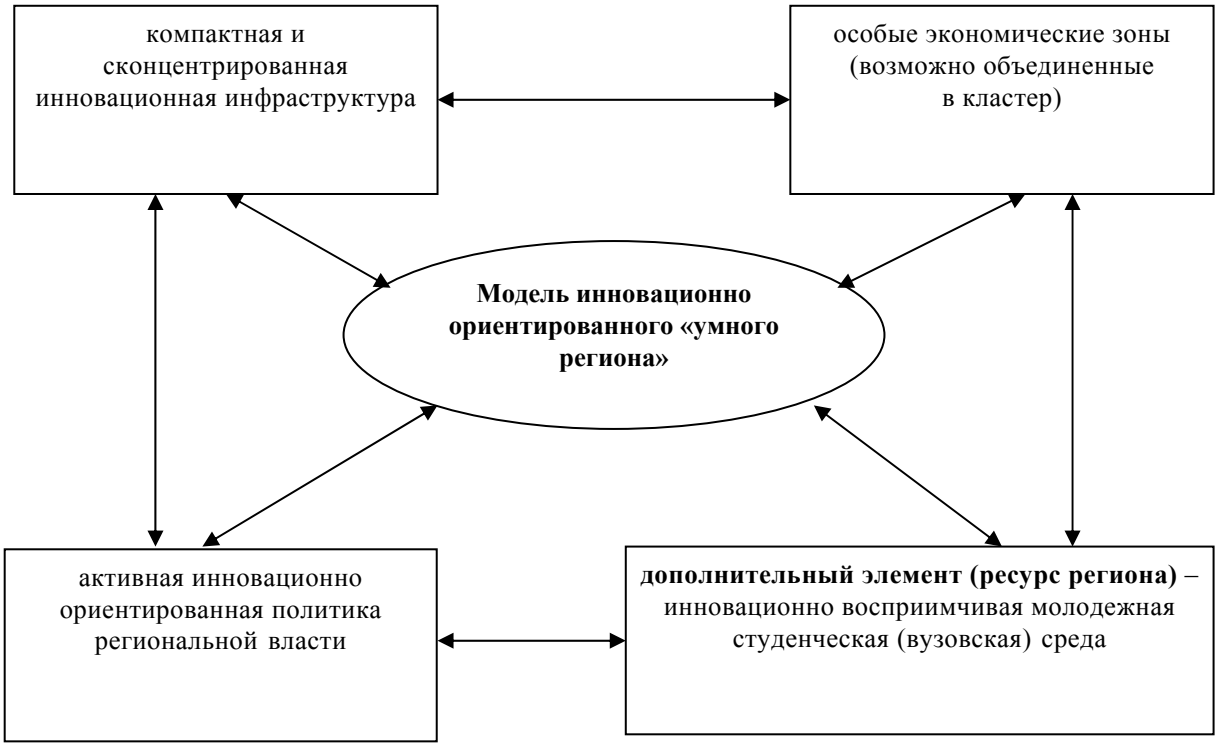

Рисунок 2.
Предлагаемая модель «умного региона»

Помимо уже достаточно традиционных элементов модели «тройной спирали» в предлагаемой модели включен четвертый новый элемент (ресурс региона) – инновационно-восприимчивая молодежная студенческая (вузовская) среда. Данный элемент является долгосрочным стратегическим ресурсом региона, призванным не только сгенерировать научные идеи в процессе обучения в университете, но и сформировать настоящие и будущие зоны творчества и нового сотрудничества уже в пространстве регионального бизнеса и инфраструктуры. Представители данного элемента – молодые инноваторы, обладающие дополнительными компетенциями (инновационным мышлением, навыками проектного управления, умениями коммерциализировать научные идеи и пр.) позволят не только создать, но и заработать (начать действовать) «умному региону».

Анализ данных, характеризующих наличие элементов предлагаемой модели «умного региона» в Белгородской области показывает, что регион уже в настоящее время обладает необходимым потенциалом для ее внедрения. Согласно Рейтингу инновационного развития субъектов Российской Федерации Белгородская область занимает 17 позицию среди 85 регионов и входит во вторую группу [7, с. 19]. Итоговое значение данного рейтинга складывается из количественной оценки инновационного развития региона по четырем направлениям:

– социально-экономические условия инновационной деятельности (34 позиция);
– научно-технический потенциал (37 позиция);
– инновационная деятельность (34 позиция);
– качество инновационной политики (9 позиция) [7].

Эксперты НИУ ВШЭ высоко оценили качество инновационной политики в Белгородской области: по всем этим направлениям в регионе работают соответствующие целевые программы. По мнению экспертов, усиление позиций региона в направлении «качество инновационной политики» произошло в результате актуализации составов координационных (совещательных) органов по инновационной политике и поддержке инновационной деятельности при высшем должностном лице.

Таким образом, анализ опыта ведущих инновационно-ориентированных стран и регионов позволил сформировать модель «умного региона», важнейшим стратегическим ресурсом которого является не наличие основных элементов инновационной инфраструктуры и высокотехнологичного бизнеса, а вузы и инновационно-восприимчивая студенческая среда – носители новых необходимых региону компетенций, связанных с научным, инновационным и бизнес-мышлением.

Список литературы

1. Tkhorikov B.A. Analysis of methodological approaches to the project management // Revista Amazonia Investiga. 2018. – Vol. 7, N 13. – P. 65–71; Tkhorikov B. Institutional Risk of Russian Public Sector Organizations Management // Journal of History Culture and Art Research. 2017. – Vol. 6, N 3. – P. 1555–1566.
2. Ломовцева О.А., Прядко С.Н. Использование квалиметрического подхода для оценки стержневых компетенций научно-образовательных организаций // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2016. – № 16 (237). – С. 24–37.
3. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. – СПб., 2011. – № 4 (150). – С. 5–10
4. Хайрутдинов Д. Тройная спираль Генри Ицковица. – http://erazvitie.org/article/trojnaja_spiral_gnri_ickovica
5. Economic Models as Analogies / Itzhak Gilboa, Andrew Postlewaite, Larry Samuelson, David Schmeidler // The Economic Journal. 2014. – Vol. 124, Issue 578, 1 August. – P. F513–F533. – https://doi.org/10.1111/ecoj.12128
6. Опыт Томска ИНО «Томск-2020». – https://rg.ru/2011/05/20/forum-tomsk.html
7. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 260 с.

Романова А.А.
к.э.н., доцент, Орловский государственный университет
romanova.osu@yandex.ru
Романов П.А.
аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
r-peter@mail.ru

ВЫБОР ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР РОСТА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: *государственная инновационная политика, модель инновационного развития, конкурентоспособность национальной экономики, «экономные инновации», инновационное агентство, инновационные кредиты.*
Keywords: *government innovation policy, model of innovation development, competitiveness of the national economy, frugal innovation, innovation agency, innovation loans.*

Развитие инновационных технологий в настоящее время рассматривается правительствами большинства стран как один из важнейших способов решения экономических и социальных проблем. Именно в инновациях чаще всего видится ответ на современные вызовы: они должны обеспечить создание новых устойчивых источников экономического роста, повышение эффективности управления рисками, связанными с глобализацией, удовлетворение все усложняющихся запросов систем здравоохранения и образования.

Очевидно, создание такого инструмента не по силам отдельному предпринимателю, так как современные инновации требуют совместных усилий государства, общества, а зачастую и международных партнеров. Опыт показывает, что в отсутствие государственного вмешательства ждать появления революционных технологий не приходится. С одной стороны, у отдельного предпринимателя недостаточно средств для фундаментальных исследований, обеспечивающих технологические прорывы. С другой, без государственного регулирования компания, занимающаяся исследованиями, вряд ли сможет получить выгоду от своих разработок в полной мере из-за большого количества подражателей и последователей. Без сомнения, для копирования успешных изобретений требуется гораздо меньше ресурсов, чем пришлось затратить бы предпринимателю-новатору для осуществления своих разработок.

Таким образом, на свободном, не регулируемом государством рынке, где участники ведут себя рационально, все они оказываются в проигрыше, не получая выгоды от неосуществленных инноваций. Лишь вмешательство государства способно стимулировать такой объем инвестиций в НИОКР, который обеспечит их максимальную эффективность для всего общества. Тем не менее, затраты на них постоянно растут, риски, сопровождающие инновационные процессы, априори высоки, а перспектива получения прибыли собственниками компании-новатора выглядит весьма отдаленной. Однако, в конечном счете, именно общество в целом страдает от недофинансирования НИОКР, отказываясь от положительных эффектов неразработанных инноваций.

Замедление темпов технологических инноваций способно привести к стагнации в экономике. Инновации возможны и без широкомасштабных исследовательских работ, однако существуют проблемы, решаемые только развитием фундаментальной науки. Так, с помощью мощного научно-исследовательского потенциала, которым обладают крупнейшие корпорации и государство, можно совершенствовать биотехнологии, искать новые источники энергии, решать экологические проблемы.

На практике государство выступает как участник, организатор и регулятор инновационных процессов. Успех многих предпринимателей во многом обусловлен его активной ролью: Интернет, смартфоны, GPS-технологии функционируют благодаря исследованиям, профинансированным за счет бюджетов.

Быстрый рост экономик развитых стран на протяжении XX века коррелирует со значительными расходами государств на создание и модернизацию инфраструктуры и фундаментальные исследования, где коммерческие цели не были определяющими. Расходы на оборону также можно рассматривать как способ государственного стимулирования инноваций: реактивные двигатели, беспилотные летательные аппараты и технологии протезирования – все они – следствие финансирования государственных программ обеспечения обороноспособности.

Правительства ищут способы регулировать инновационные процессы, и в распоряжении каждого государства есть несколько действенных рычагов воздействия. В частности, компании-новатору может гарантироваться монопольное положение на рынке с помощью системы патентов, что обеспечивает ей доход, необходимый для финансирования исследований. Помимо этого, государство может обеспечивать рынки сбыта для инновационной продукции, как это происходит, например, с военной техникой. Наконец, государство способно оплачивать сами разработки или напрямую – через контракты и гранты, или косвенно – с помощью налоговых льгот и кредитов.

Следует отметить, что ни один из этих методов не является совершенным, все они различаются по своей эффективности и степени нежелательных побочных эффектов. Рост расходов на исследования и субсидий для разработ-

ки высоких технологий не всегда гарантирует лучшие результаты в виде увеличения продаж или новых качественных патентов. Так, по мнению журнала The Economist, несмотря на то, что значительный объем государственных средств в Китае направляется на поддержку инноваций «для достижения непрерывного и здорового экономического развития», и Китай стал «бесспорным лидером в области патентов», значительная часть этих патентов оказалась бесполезной. Более того, исследования эффективности государственной помощи в 1990-х годах показали, что государственные деньги, направляемые государственным предприятиям, были не только неэффективными, но «даже иногда оказывали негативное влияние на инновации»[1].

Причиной этого может оказаться чрезмерная опека со стороны государства: ограничивая конкуренцию для «национальных лидеров» и создавая им искусственные преференции, правительство КНР лишало такие компании стимулов для реализации инноваций. Такой излишний контроль и недооценка роли рыночного саморегулирования привели к тому, что, например, Shanghai Automotive, имевший совместные предприятия с Volkswagen и General Motors, не смог эффективно использовать имеющиеся «легкие деньги» и возможности, открывающиеся за счет доступа к глобальным проектам[2].

Вопрос о причинах провалов стимулирования инноваций до сих пор остается открытым: постоянно ведутся дискуссии о последствиях быстрых технологических изменений, о формах государственной поддержки НИОКР, о противоречиях между финансированием научных исследований государством и коммерциализацией их результатов. В некоторых случаях, когда инновации необоснованно отождествляются с изобретениями, требующими больших затрат, чрезмерное вмешательство является излишним. Например, для адаптации имеющихся технологий и бизнес-моделей к новым отраслям достаточно совершенствования существующей правовой базы и правил функционирования финансовых рынков.

Тем не менее, в некоторых странах, как например, в Индии, ограниченные ресурсы могут стать стимулом для поиска специфической модели инновационного развития, так называемых «экономных (скромных) инноваций».

Экономные инновации предполагают возможность «сделать больше с меньшими затратами», т.е. разрабатывать конкурентоспособные дешевые и качественные продукты и услуги, производимые с минимальным использованием ресурсов: капитала, энергии и времени[3]. Первоначально идея «скромных инноваций» возникла в развивающихся странах, таких, как Индия, однако по мере расширения экологического движения западные потребители, бизнес и правительства все активнее проявляют заинтересованность в ней.

Концепция экономных инноваций в сочетании развитием научного и технологического потенциала является источником конкурентных преимуществ и отличительной особенностью государственной инновационной политики Индии.

История Suzlon, компании, ставшей лидером по производству возобновляемой энергии в Индии и осуществляющей свою деятельность в 18 странах, в том числе в США, Австралии и Китае, и имеющей восемь исследовательских центров в Германии, Индии, Дании и Нидерландах, – яркий пример «экономных инноваций».

Предыстория создания компании в 1995 году одновременно проста и удивительна. Тулси Танти, инженер-механик, занимался семейным текстильным бизнесом в индийском штате Гуджарат. Производство страдало из-за высоких эксплуатационных расходов, вызванных дорогой электроэнергией и ее частыми отключениями. Стараясь минимизировать издержки, инженер приобрел две ветряные турбины и стал генерировать электричество для нужд компании самостоятельно. Результат эксперимента превзошел все ожидания, и Т. Танти перешел от текстильного бизнеса к производству чистой энергии, создав Suzlon.

Регулярность инноваций стала отличительной чертой компании: ветряные турбины постоянно совершенствуются, однако менеджеры помнят о необходимости обеспечить конкурентоспособность ветроэнергетики по сравнению с другими источниками энергии. Успешную деятельность Suzlon нельзя объяснить простым использованием новейших технологий или лучших конструкций. Как отмечал Джон О'Хэллоран, президент по технологиям: «Наши проекты не являются прорывными, но мы внедряли собственные стратегии проектирования из года в год, чтобы повысить эффективность и снизить расходы. Например, мы использовали передовые технологии для обеспечения высокой отдачи от инвестиций специально для клиентов в районах с низкой скоростью ветра».

Инновации Suzlon не ограничены только технологическими решениями, компания активно развивает социальные связи, поддерживая Общество любителей чистого воздуха (PALS) и финансируя современный учебный центр для специалистов по ветроэнергетике в Северной Америке. Социальные инновации позволяют компании создавать сообщества людей, поддерживающих ветроэнергетику, а также готовить квалифицированных работников для осуществления экспансии на перспективных рынках.

Несмотря на то, что в настоящее время Suzlon является пятым по величине производителем ветряных турбин в мире, его годовая выручка составляет 4 миллиарда долларов США, и компания не обделена вниманием частных инвесторов, О'Хэллоран отмечал необходимость государственной поддержки, в частности, субсидий, для вывода на рынок новых технологий[4].

---

[1] Fast and furious // The Economist. 2015. – September 10th. – https://www.economist.com/special-report/2015/09/10/fast-and-furious

[2] Ibid.

[3] Kirsten Bound. Our Frugal Future: Lessons from India's Innovation system. 2013. – 4 November. – https://www.nesta.org.uk/report/our-frugal-future-lessons-from-indias-innovation-system/

[4] https://www.suzlon.com/in-en/about-suzlon/history

Очевидно, рациональный выбор инструментов государственного регулирования является важнейшим условием эффективности инновационной политики. Радикальные технологические инновации требуют финансирования НИОКР, однако, поддержки одной фундаментальной науки недостаточно. Необходима способность развивать и адаптировать результаты фундаментальных исследований. Отказ государства от поддержки прикладных исследований может оказаться фатальным для национальной экономики.

Так, в восьмидесятых годах прошлого века Маргарет Тэтчер считала, что для британского налогоплательщика важно поддерживать лишь «базовые» исследования, финансирование прикладных исследований – прерогатива предпринимателей, а не государства. Как следствие, основная часть промышленности, за исключением нескольких ключевых секторов, сократила собственные инвестиции в НИОКР по сравнению с международными конкурентами. Технологическая база Великобритании серьезно пострадала, и ни усилия по коммерциализации инноваций из фундаментальных исследований, ни передача технологий не могли компенсировать этот ущерб[1].

Осознание опасности замедления инновационных процессов, чреватого потерей конкурентоспособности национальной экономики, требовало от правительства Великобритании быстрых и нестандартных решений.

В 1998 году благодаря средствам, аккумулируемым с помощью Национальной лотереи, был создан Национальный фонд науки, технологий и искусства (NESTA), в 2012 году ставший независимой благотворительной организацией[2]. Его деятельность была направлена на поиск, анализ, тестирование инновационных решений в различных секторах и дальнейшее распространение успешного опыта.

На протяжении двух десятилетий NESTA информировал общественность, компании, правительство и органы местного самоуправления о новых тенденциях, прежде всего, в социальной сфере, стимулировал внедрение инноваций. В частности, Фонд способствовал продвижению информатики и программирования в школьное образование, финансировал тысячи компьютерных клубов для детей, убеждал крупные компании сделать для них доступными в Интернете бесплатные обучающие курсы. Тем самым NESTA помогал подготовить следующее поколение не просто пассивных пользователей социальных сетей, а создателей цифровых технологий. Еще одним направлением деятельности NESTA в области социальных инноваций стала адаптация цифровых технологий к нуждам здравоохранения: обучение пожилых пациентов управлению своим здоровьем и предотвращению обострений хронических заболеваний.

Благодаря проектам NESTA в Великобритании активно развивался инновационный финансовый сектор – одноранговое кредитование и краудфандинг. Фонд действовал и как спонсор, и как инвестор, предлагая перспективным стартапам гибкую альтернативу традиционным банковским услугам.

Nesta Impact Ventures, венчурное подразделение Фонда, осуществляет так называемые «инвестиции воздействия» в организации, создающие инновационные продукты и услуги, направленные на улучшение качества жизни и защиту людей, которые находятся в неблагоприятном экономическом, социальном или физическом положении. Как правило, это инвестиции в размере от 500 тысяч до 1 млн. фунтов стерлингов в стартапы, занимающиеся разработкой устойчивых и масштабируемых инновационных проектов в области образования, здравоохранения и государственного управления. Важнейший критерий для выбора объекта инвестирования – наличие у проекта потенциала значительных позитивных социальных изменений и возможности формирования устойчивой бизнес-модели[3].

Создание Национального агентства по научным исследованиям и инновациям (UK Research and Innovation (UKRI)), исполнительного государственного органа, финансируемого Министерством бизнеса, энергетики и промышленной стратегии, стало следующим этапом реализации государственной инновационной политики в Великобритании.

Располагая годовым бюджетом в размере, превышающем 6 млрд. фунтов стерлингов, UKRI объединяет университеты, предприятия, исследовательские организации, органы государственного управления, стремясь сформировать инновационную среду, позволяющую Правительству Великобритании реализовать амбициозную Промышленную стратегию, предполагающую увеличение общих расходов на НИОКР до 2,4% ВВП к 2027 году (в 2016 г. этот показатель составлял 1,7%). Достижение данной цели предполагает максимизацию влияния государственных инвестиций в исследования и инновации, а также поддержку инициатив бизнеса и некоммерческого сектора для увеличения таких инвестиций[4].

Важнейшим аспектом деятельности агентства является софинансирование инновационных проектов. Так, в период с начала 2004 года по 1 апреля 2020 года было поддержано 38,8 тысяч инициатив на общую сумму в 15,2 млрд. фунтов стерлингов, из которых 65% – средства, предоставленные подразделениями UKRI. Объем финансирования, предоставленного правительством Великобритании, варьирует от 25 тысяч до 10 миллионов фунтов стерлингов на проект, в среднем же эта сумма составляет примерно 254 тысяч фунтов[5].

Инновационное агентство предоставляет британским компаниям и исследовательским организациям как гранты, так и кредиты. Как правило, гранты выделяются для более рискованных проектов, находящихся в начале инновационного процесса, а кредиты чаще всего запрашивают компании-новаторы, ожидающие выхода на рынок с инновационным продуктом.

Идея «инновационных кредитов» реализуется в рамках экспериментальной трехлетней программы, заканчивающейся в 2020 году. Пилотный проект предполагает выделение ссуд в размере от 100 тысяч до 1 млн. фунтов сро-

[1] Wilsdon J., Flanagan K., Westlake S. What will an extra £4.7 billion do for UK science and innovation? // The Guardian. 2016. – 24 November. – https://www.theguardian.com/science/political-science/2016/nov/24/autumn-statement-what-will-an-extra-47-billion-do-for-uk-science-and-innovation

[2] https://www.nesta.org.uk/about-us/

[3] https://nestainvestments.org.uk/nesta-impact-investments-2/

[4] https://www.ukri.org/about-us/increasing-investment-in-r-d-to-2-4-of-gdp/

[5] https://www.gov.uk/government/publications/innovate-uk-funded-projects

ком до 10 лет для малых и средних предприятий, стремящихся к росту за счет новых или улучшенных продуктов и услуг, в рамках исследований и разработок, находящихся на финальном этапе и имеющих возможности дальнейшей коммерциализации.

Потенциальный заемщик должен доказать, что он платежеспособен, имеет право на получение такого кредита и не обладает возможностью привлечь традиционную банковскую ссуду или финансирование акционеров. Помимо этого, компания должна предоставить обеспечение, например, ипотечное долговое обязательство и залог прав на приобретенные активы или интеллектуальную собственность, созданную на средства займа.

Инновационный кредит предоставляется для финансирования экспериментальных разработок, финального этапа исследовательских проектов. Как правило, это схемы и дизайн продуктов, процессов и услуг, разработка действующих прототипов, имеющих коммерческую перспективу, а также создание опытного производства[1].

Таким образом, инновационная политика в Великобритании, реализуемая с помощью создания инновационного агентства – учреждения, предоставляющего поддержку для стимулирования инноваций в частном секторе, – рассчитана на рост отдачи от бизнес-инвестиций в НИОКР и увеличение эффективности инновационных процессов. Несмотря на то, что долгосрочное воздействие таких программ пока еще трудно оценить, уже сейчас можно сказать о появлении перспективного метода взаимодействии между государством и исследователями, обеспечивающего актуальность и своевременность государственной инновационной политики. Очевидно, единой модели «успешного» инновационного агентства не существует: в каждой стране такие учреждения будут выполнять разные функции в зависимости от специфики экономики и социальной сферы, приоритетов государственной инновационной политики и имеющихся ресурсов.

Накопленный опыт государственного регулирования инновационных процессов показывает необходимость обеспечения определенной гибкости инновационной политики, позволяющей использовать экспериментальные подходы для своевременного реагирования на новые потребности и возможности. Роль государства в инновациях заключается в создании здоровой инновационной бизнес-среды как гарантии эффективности инновационных процессов. Выбор конкретных инструментов государственного воздействия определяется спецификой каждой страны: от поощрения венчурных инвестиций, как в Великобритании, так и опоры на «экономные инновации», как в Индии. Однако, и в том, и в другом случае эффективность инновационных процессов в конечном счете определяется ролью государства как их участника, организатора и регулятора.

[1] https://www.gov.uk/guidance/innovation-loans-what-they-are-and-how-to-apply

Сливицкий А.Б.
начальник лаборатории ГосНИИАС

«ГОТОВНОСТНЫЙ ПОДХОД» КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова*: готовностный подход, «долина смерти», инвестиционный климат, инновационный процесс, инструмент, модернизация, научно-технологические исследования, риск, рынок, система, системный анализ, системный подход, структуризация, технология, уровень готовности, экономика.*

Keywords: *readiness approach, «valley of death», investment climate, innovation process, tool, modernization, scientific and technological research, risk, market, system, system analysis, system approach, structuring, technology, readiness level, economy.*

Решение проблемы экономического роста – целевой задачи верхнего уровня дерева целей российской научно-технологической политики – требует, в том числе, эффективного решения задачи модернизации системы научно-технологических исследований. Модернизационное решение должно успешно преодолевать объективные препятствия, присущие системе научно-технологических исследований, обусловленные техническими, технологическим и управленческими рисками. Рисками, формирующими «долину смерти» технологий.

Специалистам известно множество технических, технологических, управленческих и иных (финансовых, регуляторных, правовых и т.д.) рисков, влияющих на успешность развития технологий, см., например, работы [1–24]. В интересах ограничения размерности задачи – количества элементов системы, подлежащих индивидуальному и совместному анализу, и вариантов решений, рассмотрим ограниченную совокупность рисков. Это такие риски, как:

– неопределенность результатов НИОКР (какой технологический продукт получен в результате проведения НИОКР?);

– неопределенность степени готовности технологического продукта к выходу на рынок (насколько разрабатываемый технологический продукт готов к выходу на рынок?);

– неопределенность стадии жизненного цикла технологического продукта (на какой стадии своего жизненного цикла находится разрабатываемый технологический продукт?);

– неопределенность времени выхода технологического продукта на рынок (когда разрабатываемый технологический продукт выйдет на рынок?).

В совокупности и взаимовлиянии перечисленные риски составляют научно-экономическую проблему для устойчивого функционирования и развития системы научно-технологических исследований. Они формируют не только негативный инвестиционный, но и негативный психологический климат. У представителей бизнеса возникает резонный вопрос: зачем вкладываться в технологический проект, если негативный результат предсказуем и даже очевиден? Проблема кажется неразрешимой, даже «экзистенциальной»…

В интересах решения обозначенной проблемы, воспользуемся принципами системного подхода. Представим проблему – объект исследования – в виде сложной системы и привлечём себе в помощь методы системного анализа. Можно показать, что элементы системы рисков, а именно: неопределенность результатов НИОКР, стадии жизненного цикла технологического продукта, степени его готовности к выходу на рынок и времени такого выхода – системно связаны, см., например, работы [13–21].

Специфика объекта исследования позволяет сформировать несколько подходов к решению поставленной проблемы. Рассмотрим такие подходы, как: развитие и расширение практики использования в системе научно-технологических исследований механизмов государственно-частного партнёрства (ГЧП) [12] и внедрение в широкую практику управления научно-технологическими исследованиями – так называемого «готовностного подхода» (ГП) [1–9; 11; 14; 16–22].

Что касается ГЧП, то достоинством этого подхода является то, что он позволяет бизнесу привлечь софинансирование, разделить с государством риски, зафиксировать на время выполнения проекта регуляторный status quo [12].

Есть у подхода ГЧП (с позиций независимого бизнеса) и существенные недостатки – делятся не только риски, но и полученная прибыль, и права на результаты интеллектуальной деятельности [23; 24]. Государственное финансирование выдается на определённое время и на определённых условиях. Тематика научно-технологических исследований ограничена областями, важными для государства.

Системный анализ ГЧП показал, что этот институт не позволяет в полной мере преодолеть обозначенные выше неопределенности – результатов НИОКР, стадии жизненного цикла технологического продукта, степени его готовности к выходу на рынок и времени такого выхода. ГЧП может рассматриваться как вспомогательный инструмент, снижающий финансовые и регуляторные риски реализации инновационных проектов, и как нейтрально действующий инструмент на преодоление технологических рисков.

Другим потенциально перспективным управленческим механизмом, как показывает концептуальный анализ, проведенный в работах [1–24], является так называемый «готовностный подход», опирающийся на концепцию готовности объекта управления к штатному использованию. Этот инструмент позволяет выделить и по-новому взглянуть на промежуточные результаты процесса научно-технологических исследований.

Управленческий механизм ГП основывается на том, что управление любым процессом – длящейся непрерывной цепочкой событий по преобразованию информации – возможно только путём мониторинга его параметров, заранее определённых; контроля рассогласования их текущих значений в неких контрольных точках в сравнении с некими эталонными значениями, заранее установленными; установления дефицита управления и выработки предложений по нивелированию рассогласований [18]. Подобный подход делает контроль над процессом дискретным, а сам процесс – управляемым.

Управленческий механизм ГП представляет собой целенаправленную деятельность по «выращиванию» разработок путем структуризации этого процесса на основе особой системы уровней готовности (УГ), имеющей форму специальной шкалы характеристик состояния разработок, эволюционирующих во времени. Главный смысл ГП – описание развития технологии через описание её готовности к использованию в штатной сложной технической системе (СТС) [18].

В рамках методологии оценки УГ разработан специальный понятийный аппарат, сформулированы принципы (критерии) оценки состояния – контрольные точки принятия решения и методы отнесения некоторой конкретной разработки к некоторому конкретному УГ [5; 14; 18; 19].

Например, шкала УГ есть система показателей, определяющих УГ (зрелости) некоего продукта на различных этапах его разработки [18]. УГ – это индикатор или показатель состояния процесса разработки, позволяющий в рамках формализованной шкалы оценить степень ее готовности (зрелости) для практического использования при разработке и производстве инновационной продукции и принять решение о целесообразности продолжения работ и успешном завершении процесса разработки [20].

Базис методологии оценки УГ составляют научные подходы – системный, процессный, проектный и ситуационный. Они реализуются в виде следующих методологических принципов [5; 6; 16; 18; 19]: эволюционное развитие технологий; разделение эволюционного процесса создания технологии (на этапы и точки принятия решения (ТПР); формализованное описание содержания каждого этапа создания технологии и достигаемых в ТПР результатов; принятие управленческих решений о ходе и продолжении (окончании) этапа развития технологии в специальных ТПР; уменьшение технических рисков разрабатываемой технологии – соответственно увеличению её готовности; параллельность проектных работ по созданию технологий; объединение всех параллельных работ по созданию технологий единой целью – моментом завершения разработки СТС и началом её производства.

Основной целью применения концепции (методологии) оценки уровня готовности технологии (УГТ) является помощь управленческому персоналу в принятии решений, касающихся перехода на следующие стадии развития или использования технологии. Используемая классификация отражает состояние исследовательских проектов и программ в зависимости от текущего УГ. Модель УГТ объективирует оценку готовности, упрощает разработчикам и заказчикам контроль над ходом разработки (в т.ч. на этапе НИОКР) и выбор максимально готовых к системной интеграции и промышленному внедрению технологий. Шкала оценки УГТ позволяет проводить ранжирование технологий по степени их зрелости (готовности), начиная с самой незрелой стадии (УГТ 1) и заканчивая наиболее зрелой стадией (УГТ 9), использованием технологии в штатной серийно выпускаемой СТС (объекте техники), см. рис. 1.

Шкала оценки УГ позволяет перевести качественные суждения о состоянии разработки в количественные суждения, благодаря линейно-упорядоченному множеству значений УГ (от 1 до 9). Непрерывное пространство разработки СТС не просто делится на некие уровни, а происходит выделение стационарных, устойчивых и чётко различимых состояний разработки технологий, СТС, производства и т.п. Шкала обеспечивает сравнимость, казалось бы, несопоставимых технологий, благодаря их стандартизованному описанию [14].

Достижение каждого следующего УГ повышает гарантию эффективности управления этим процессом и снижает риски неудачи программ создания. Каждому УГТ приписывается определённый технический риск (или определённый диапазон значений риска). Риск уменьшается пропорционально увеличению степени готовности технологии, см. рис. 1.

Схема одного из этапов процесса разработки технологии и процедура принятия решения о завершении этапа представлена на рис. 2 [18].

В случае отрицательного ответа на вопрос, задаваемый в контрольной точке, следует либо вернуться в начало этапа (УГ), давшего отрицательный результат, и пройти его заново, либо принять решение о возвращении на два и более уровня назад для их повторного прохождения. Осуществлять развитие для перехода на следующий УГТ, не закончив полностью работы по достижению текущего уровня, возможно, но нежелательно, так как существенно повышаются риски из-за потери системности в развитии (ухода от более глубокого освоения набора требований каждой ступени), см. рис. 2.

При использовании модели УГТ формальная задача создания технологии приобретает следующий вид: повысить уровень готовности *i*-й технологии с $\mathbf{УГТ}_N^i$ до $\mathbf{УГТ}_{N+1}^i$ за заданное (или за минимальное) время $T_{N\to N+1}^i$ и/или заданный (или за минимальный) бюджет $C_{N\to N+1}^i$, где $N = 1, 2, \ldots 8$, $(N+1)_{\text{при } N=8} = 9$.

Рисунок 1.
Шкала точек принятия решения о достижении уровней готовности технологии с нанесенной шкалой уровня технологических рисков

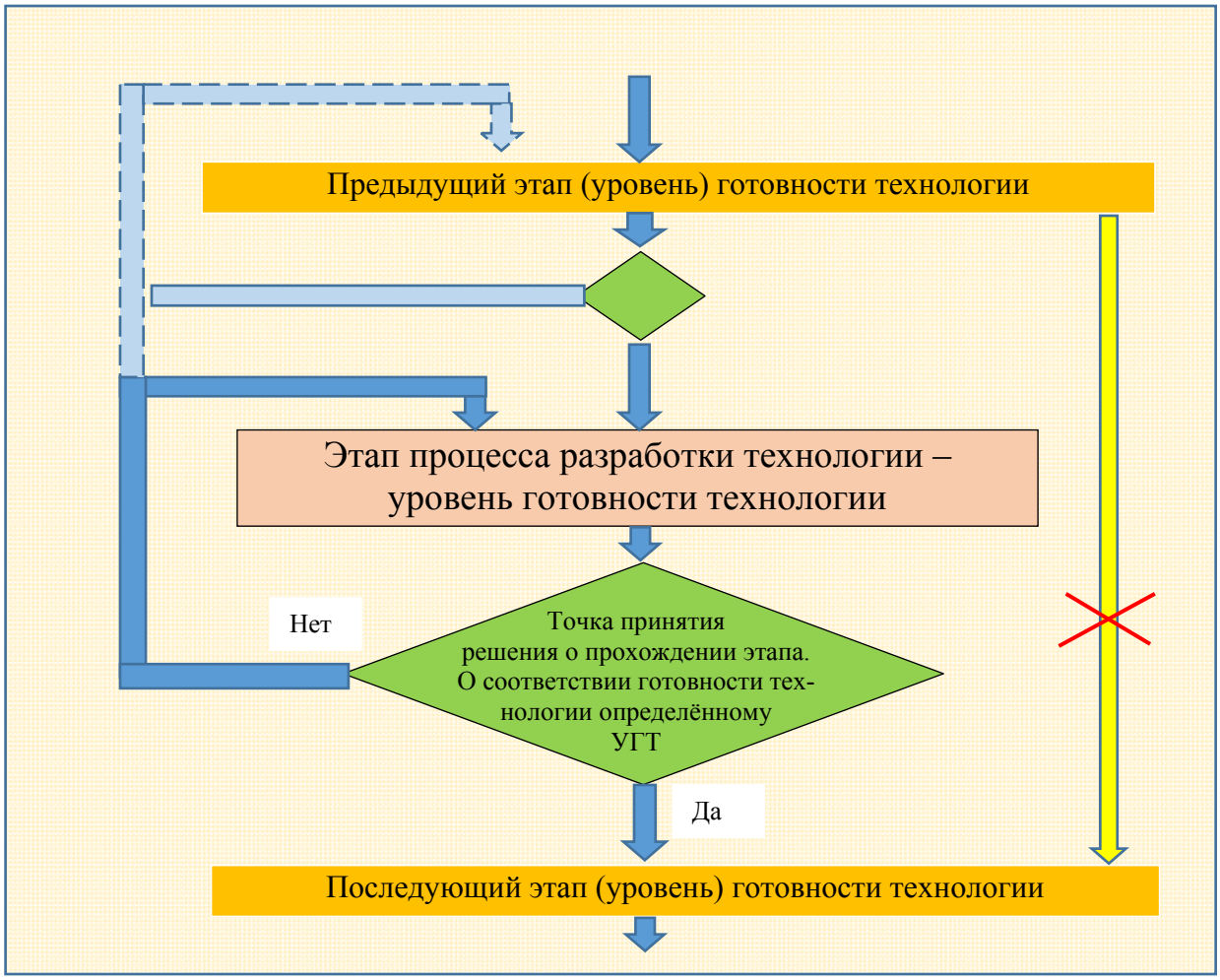

Рисунок 2.
Схема одного из этапов процесса разработки технологии и процедура принятия решения о завершении этапа

Такая постановка задачи, впервые представленная автором в [20], существенно отличается от задачи развития технологий в рамках существующей сейчас в России так называемой «конструкторской системы», см. рис. 3 [1]. В её рамках вопросы готовности технологий, готовность технологий к их системной интеграции, разработка адекватных шкал оценки УГ и разработка принципов и критериев отнесения некоторой *i*-й технологии к некоторому УГ вообще не рассматривались[1] и, до принятия методических и нормативно-технических документов, «легализующих» и формирующих систему оценки УГ (см. рис. 4 [1]), существовали в латентной, скрытой форме.

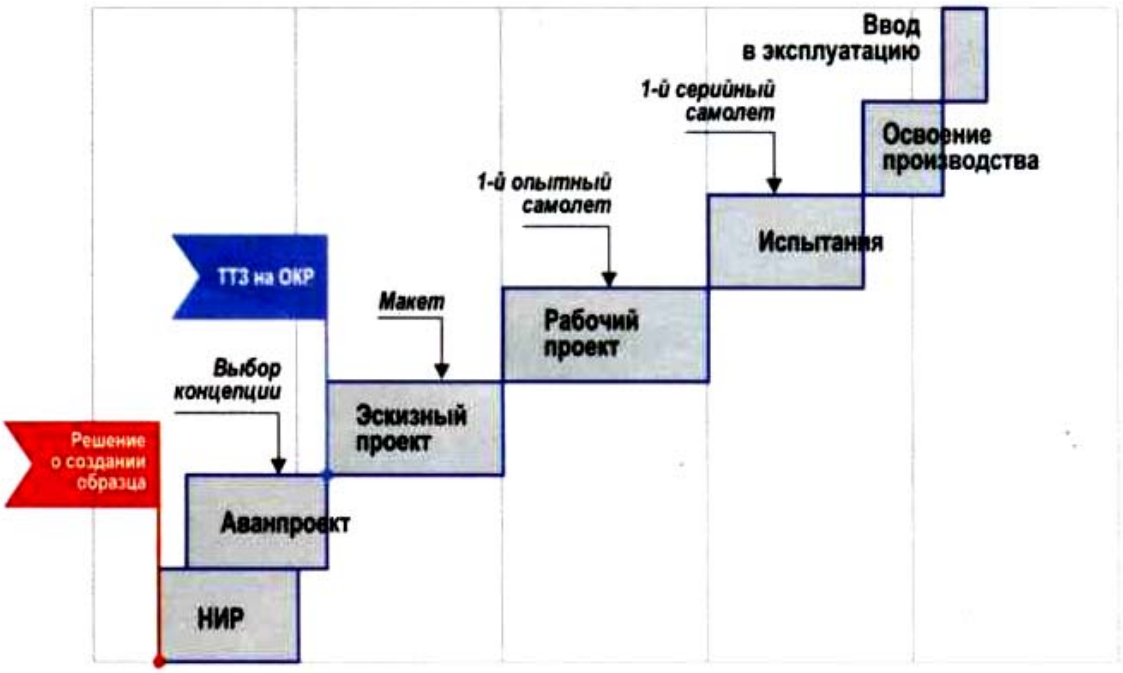

Рисунок 3.
Последовательность этапов разработки, определённая «конструкторской системой», принятой в России

Рисунок 4.
Система (этапность) разработки СТС в соответствии с «готовностным подходом»

[1] См., например, ГОСТ РВ 15.203-2001. Система разработки и постановки продукции на производство. Военная техника. Порядок выполнения опытно-конструкторских работ по созданию изделий и их составных частей. Основные положения.

Модель УГТ позволяет осуществлять управление процессом создания технологий, благодаря чёткому пониманию того, на каком УГ находится некая *i*-я технология в настоящее время, какой технический риск она имеет, возможна ли её системная интеграция (подобные оценки тоже проводятся; описаны и применяются соответствующие уровни готовности к интеграции и уровни готовности системы [21]), какие следующие этапы она должна преодолеть. Реализация данной модели позволяет сформировать программу разработки технологий (или «дорожную карту»), позволяющую, в свою очередь, отслеживать эволюцию как одной технологии, так и их совокупности, сопоставляя текущие значения готовности технологии с заранее выбранными, эталонными значениями готовности, в определенные моменты времени.

Говоря о времени выхода технологического продукта на рынок, следует отметить, что традиционной стала практика запаздывания сроков реализации программ создания СТС (например, авиационной техники). Поэтому экономически оправданной является минимизация срока создания СТС $T \to min$ (или максимизация скорости его создания $V \to max$; параметры T и V связаны соотношением $S = TV$, где S – путь, «проходимый» создаваемой СТС) [13; 15].

Для того чтобы $T \to min$ логично предположить, что СТС нужно создавать из наиболее готовых (зрелых) технологий на наиболее готовых (зрелых) производствах, то есть $УГТ_{\Sigma технологий} \to 9$, а $УПГ_{\Sigma производств} \to 10$. Интеграционный и системный УГ также должны максимизироваться [13; 15].

В ходе проведения исследований методологии оценки УГ была разработана комплексная модель структуризации процесса разработки технологий, основанная на синтезе модели оценки УГТ и сопоставленным каждому УГТ методам и средствам правовой охраны технологий, и интеллектуальным правам на них, установленным законодательством России, см. рис. 5 [22].

	Уровень готовности технологии	Методы и средства правовой охраны технологии
9	Демонстрация штатной системы в реальных условиях	Ноу-хау, патент на изобретение, патент на полезную модель, патент на промышленный образец, единая технология, товарный знак и знак обслуживания
8	Создание штатной системы и её освидетельствование посредством испытаний и демонстраций в ожидаемых условиях эксплуатации	Ноу-хау, патент на изобретение, патент на полезную модель, патент на промышленный образец, единая технология, товарный знак и знак обслуживания
7	Демонстрация прототипа системы в эксплуатационных условиях	Ноу-хау, патент на изобретение, патент на полезную модель, патент на промышленный образец, единая технология
6	Демонстрация модели или прототипа системы/ подсистемы в условиях, близких к реальным	Ноу-хау, патент на изобретение, патент на полезную модель, патент на промышленный образец
5	Испытания компонент и/или макетов в условиях, близких к реальным	Ноу-хау, патент на изобретение, патент на полезную модель
4	Проверка компонент и/или макетов в лабораторных условиях	Ноу-хау, патент на изобретение, патент на полезную модель
3	Аналитические и экспериментальные подтверждения по важнейшим функциональным возможностям и/или характеристикам выбранной концепции	Ноу-хау, патент на изобретение
2	Формулирование технологической концепции	Авторское право
1	Выявление фундаментальных принципов	Авторское право

Рисунок 5.
Комплексная модель структуризации процесса разработки технологий и методов их правовой охраны

Главной особенностью разработанной комплексной модели является синхронизация процесса разработки эволюционирующих технологий, формирующих постоянно обновляемый научно-технический задел и инструментов их правовой охраны. Портфель исключительных прав на разрабатываемые технологии формируется в начальной фазе этапа НИР, что соответствует передовым международным практикам менеджмента и принципам ВТО, а затем планомерно наращивается (см. рис. 5), формируя единый правовой комплекс защиты разрабатываемого инновационного продукта и его рыночной ниши.

Первоначально концепция оценки УГ и соответствующая система были разработаны и применены НАСА в 1970-х годах для оценки зрелости (готовности) технологий и управления ими. В середине 1980-х годов эта модель была выбрана Министерством обороны США как основа для координации исследовательских планов и графиков вы-

полнения работ. Сейчас система оценки УГ внедрена в США (Министерство Обороны, ДАРПА, Федеральное Управление Гражданской Авиации, ВВС, Министерство Энергетики, НАСА, Boeing, Lockheed Martin, Northrop Grumman, GE, P&W, Ford, Kodak и др.), странах Европейского союза (Министерство обороны Великобритании, Европейское космическое агентство, Airbus, BAE Systems, Rolls-Royce, BMW, Ferrari, FIAT, Nokia, энергетические компании Франции, компания «Некстер» и др.), в японских компаниях, в таких международных глобальных организациях как ВТО и ИКАО [21].

К настоящему времени концепция оценки УГ переросла в обширную развитую систему оценки УГ, содержащую целый набор специальных шкал – формальных моделей [2; 4; 7; 14; 19; 21], предназначенных для объективного сопоставления и ранжирования объектов исследования на этапах их разработки в соответствии с принципами (критериями) отнесения конкретной разработки к некоторому конкретному УГ. Каждый уровень (деление) шкалы соответствует отдельному этапу разработки и заканчивается прохождением точки принятия решения [14; 19; 21], рубежным контролем за процессом развития исследований и разработок.

На базе шкалы УГТ NASA был разработан методический инструмент – калькулятор TRL[1] – для оценки степени готовности технологий с учетом вопросов, касающихся программ и готовности производства [4].

В настоящее время описанный нами новый механизм управления научными исследованиями и разработками переходит к практической реализации. Информация о начале проработки вопросов использования методологии оценки УГ содержится в докладах и презентациях ФГУП «ЦАГИ», ОАО «НПО Сатурн», ОАО «НИАТ», ФГУП «ВИАМ», ФГУП «ЦИАМ», Технологической платформы «Авиационная мобильность и авиационные технологии», Национального исследовательского центра «Институт имени Н.Е. Жуковского», а также ФГУП «Крыловский государственный научный центр».

Формирование системы уже вышло на правительственный уровень (в середине 2018 года принят правительственный акт). Задействованы такие ФОИВ как Минэкономразвития, Минпромторг и Минобрнауки России, отвечающие за научное, научно-техническое, технологическое, производственное и инновационное развитие российской экономики, за научно-технический и производственно-технологический суверенитет, а также ведущие предприятия, госкорпорации и государственные научные центры. К настоящему времени принято несколько нормативно-технических документов и подзаконных актов, раскрывающих проблематику и основное содержание шкал (моделей) оценки УГТ, уровня готовности технологий к интеграции, уровня готовности системы, уровня производственной готовности (УПГ), а также их использование при оценке технологического развития отдельных отраслей российской промышленности, прогнозировании и программно-целевом планировании, в том числе расходов по государственным программам. Это такие документы, как:

1) Постановление Правительства РФ от 26.06.2018 N 733 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение части затрат на выполнение научно-исследова тельских и опытно-конструкторских работ по приоритетным направлениям развития авиационной промышленности»[2];

2) Методические рекомендации по сопоставлению уровня технологического развития и значений ключевых показателей эффективности акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций, государственных компаний и федеральных государственных унитарных предприятий с уровнем развития и показателями ведущих компаний-аналогов[3];

3) Методические рекомендации по подготовке исходных данных для разработки и корректировки прогноза научно-технологического развития Российской Федерации, а также по формированию его сценарных условий[4];

4) Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. N 318 г. Москва «Об утверждении порядка и методики проведения экспертной оценки соответствия технологий производства продукции (работ, услуг) гражданского назначения мировому уровню развития науки и техники, формы экспертного заключения о проведении публичного технологического аудита инвестиционных проектов, а также положения о классификации технологий производства продукции (работ, услуг) гражданского назначения, в том числе в целях их параметрического сопоставления с зарубежными аналогами, подлежащих учету в порядке, установленном Правительством Российской Федерации для государственного учета результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения»;

5) Методика определения уровней готовности технологии в рамках проектов федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014-2020 годы»[5];

6) ГОСТ Р 56861-2016 Система управления жизненным циклом. Разработка концепции изделия и технологий. Общие положения[6];

7) ГОСТ Р 57194.1-2016 Трансфер технологий. Общие положения[7];

8) ГОСТ Р 58048-2017 Трансфер технологий. Методические указания по оценке уровня зрелости технологий[1];

---

[1] В английской транскрипции уровень готовности технологии (УГТ) это: Technology Readiness Level (TRL).
[2] СЗ РФ от 2 июля 2018 г. N 27 ст. 4086.
[3] http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/201811013
[4] Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 ноября 2015 г. N 1335.
[5] Утв. Минобрнауки России 11.07.2017 г. № ГТ-57/14вн.
[6] Официальное издание. – М.: Стандартинформ, 2017.
[7] Там же. – 2016.

9) ISO 16290:2013 Космические системы. Определение уровней и критериев оценки технологической готовности (TRL) космических систем и их элементов[2].

Анализируя содержание и правовой статус перечисленных документов, следует отметить, что они, в соответствии с российской правовой доктриной, относятся к подзаконным актам. Они все должны что-то конкретизировать, устанавливая чёткие правила применения некоего нормативного правового акта (НПА), федерального закона (ФЗ), но его пока что нет, а его проект не обсуждается. В отсутствие такого акта всё нормотворчество в рассматриваемой важной сфере развития российской экономики выглядит разрозненным, не системным. Оно пока что не представляет собой иерархическую систему, свойственную российской правовой доктрине в её иерархии: ФЗ – указ Президента России – постановление Правительства России – ведомственный НПА – нормативно-технический документ.

Представляется, что выявленный недостаток отсутствия системности в нормативном закреплении модели оценки УГТ и других оценочных шкал является временным. Правовые и организационные основы методологии системы оценки УГТ, разработанные, в частности, экспертами [1–24], должны быть инкорпорированы в действующее российское законодательство, регулирующее управление научными исследованиями и разработками. Одновременно должны быть разрешены и другие проблемные вопросы развития системы оценки УГТ. Их обзор и анализ выполнен в работе [11].

Подытоживая все сказанное, следует сделать обоснованный вывод о том, что инструмент «готовностный подход» позволяет осуществлять эффективное управление неопределенностями:

– результатов НИОКР;

– степени готовности технологического продукта к выходу на рынок;

– стадии жизненного цикла технологического продукта;

– времени выхода технологического продукта на рынок.

То есть, в целом «готовностный подход» может рассматриваться и использоваться как инструмент модернизации системы научно-технологических исследований.

Список литературы

1. Алёшин Б.С. О новой концепции организации научных работ // Новости ЦАГИ. 2010. – № 5 (85).
2. Ахметова И.А., Баширова А.Г., Брутян М.М. Проблемы экономики и управления предприятиями, отраслями, комплексами: монография. Кн. 27 / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015.
3. Буренок В.М., Ивлев А.А., Корчак В.Ю. Развитие военных технологий XXI века: проблемы, планирование, реализация. – Тверь: Купол, 2009.
4. Дмитренко И.П., Криворученко В.С. Калькулятор готовности технологий (TR) // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Общество, наука, инновации». – М., 2015.
5. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. О методологии оценки уровня производственной готовности // Моделирование авиационных систем. Сборник тезисов докладов / Председатель Организационного и Программного комитетов конференции С.Ю. Желтов. – М.: ФГУП «ГосНИИАС», 2018. – С. 30–33.
6. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. О методологических принципах оценки уровня готовности технологии и уровня производственной готовности // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 20–23.
7. Клочков В.В., Николенко В.Ю. Современная организация создания авиатехники: монография. – М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2013.
8. Скибин В.А., Солонин В.И. Современная методология // Машиностроение. Энциклопедия. Самолеты и вертолеты. Т. IV–21. Авиационные двигатели. Кн.3 / В.А. Скибин, В.И. Солонин, Ю.М. Термис и др.; под ред. В.А. Скибина, Ю.М. Термиса и В.А. Сосунова. – М.: Машиностроение, 2010.
9. Сливицкий А.Б. Актуальные проблемы введения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности // Межотраслевая информационная служба. 2014. – № 3. – С. 18–30.
10. Сливицкий А.Б. Актуальные проблемы инновационного развития // Россия: государство и общество в новой реальности: сборник научных статей. Т. I. – М.: Проспект, 2016. – С. 94–102.
11. Сливицкий А.Б. Анализ проблемных вопросов и направления совершенствования системы показателей статистики инноваций // Инновационное развитие российской экономики: материалы X Международной научно-практической конференции. 25-27 октября 2017 г.: в 5 т. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – Т. 3. – С. 275–279.
12. Сливицкий А.Б. Государственно-частное партнёрство в высокотехнологичных отраслях российской промышленности // Российское государство и социально-экономические вызовы современности: сборник научных статей. Т. 1. – М.: Проспект, 2015. – С. 557–567.
13. Сливицкий А.Б. Интерпретация критерия «эффективность – стоимость – время» в задачах управления созданием сложных технических систем // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 46–49.
14. Сливицкий А.Б. Концепция оценки уровня готовности технологий, производств как механизм формирования единого инновационно-технологического пространства // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 1. – С. 618–624.
15. Сливицкий А.Б. Критерий «эффективность – стоимость – время» в задаче управления созданием сложных технических систем // Научное наследие и развитие идей К.Э. Циолковского. Материалы 54 Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. 2019. – С. 109–111.
16. Сливицкий А.Б. О методологии оценки уровня готовности научно-технических разработок // Идеи К.Э. Циолковского в контексте современного развития науки и техники. Материалы 53 Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. 2018. – С. 330–332.
17. Сливицкий А.Б. Обзор проблемных вопросов развития системы оценки уровня готовности технологий // Проблемы управления научными исследованиями и разработками-2018: Государство и наука: новые модели управления: тр. Четвертой науч.-практич.

[1] Официальное издание. – М.: Стандартинформ, 2018.

[2] Международный (зарубежный) стандарт.

конфер. 26 нояб. 2018 г., Москва / Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова Рос. акад. наук, НИЦ «Ин-т им. Н.Е. Жуковского»; под общ. ред. Дутова А.В., Новикова Д.А. – М.: ИПУ РАН; НИЦ «Институт им. Н.Е. Жуковского», 2018. – С. 108–126.
18. Сливицкий А.Б. Основные требования к системе процессного управления научно-инновационным развитием // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 262–268.
19. Сливицкий А.Б. Принципы методологии оценки уровня производственной готовности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 2. – С. 521–529.
20. Сливицкий А.Б. Система уровней готовности технологий как оптимальная модель организации и финансирования процесса создания научно-технического задела в российской промышленности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 3. – С. 461–469.
21. Сливицкий А.Б. Совершенствование инструментария выбора государственных приоритетов, механизмов разработки и реализации стратегий инновационного развития // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотр. и междунар. связей; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – С. 270–278.
22. Сливицкий А.Б., Терехов И.И. Модельно-методический инструментарий управления новыми технологиями, создаваемыми в авиационной промышленности и правами на них // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 49–51.
23. Сливицкий А.Б., Терехов И.И., Тупицын В.М. Об управлении правами на новые технологии, создаваемые в авиационной промышленности // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов Третьей Всероссийской научно-технической конференции. 2017. – С. 33–35.
24. Терехов И.И., Сливицкий А.Б., Тупицын В.М. Методология и проблемы управления правами на новые технологии, создаваемые в авиационной промышленности // Авиационные системы в XXI веке. Сборник докладов. Председатель Организационного и Программного комитетов конференции С.Ю. Желтов. 2017. – С. 95–102.

Соколов М.С.[1]

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ[2]

Ключевые слова*: инновации, инновационное предпринимательство, молодежное предпринимательство, Союзное государство, стратегия, цифровая экономика.*

Keywords*: innovation, innovative entrepreneurship, youth entrepreneurship, Union state, strategy, digital economy.*

Размер цифровой экономики по различным оценкам, связанным, в частности, с вариативностью толкования данного термина, составляет от 4,5 до 15,5% мирового ВВП. Несмотря на то, что развитые страны реализуют масштабные проекты (Индустрия 4.0 в Германии, Общество 5.0 в Японии и др.), направленные на цифровизацию экономики, почти 40% добавленной стоимости в мировом секторе ИКТ приходятся на США и Китай[3].

Россия и Беларусь не без успеха следуют глобальным трендам, однако вызовы, связанные с вирусной пандемией и нарастающим экономическим кризисом, будут сдерживать их переход к цифровой экономике. Это определяет необходимость пристального внимания со стороны исследователей и органов государственной власти союзных государств к формированию превентивных механизмов и инструментов, препятствующих нарастанию кризиса в национальных экономиках и обеспечивающих эффективную ликвидацию негативных последствий. От повышенного внимания со стороны научного сообщества, практиков государственного управления, бизнеса и граждан к подобным вызовам будет зависеть дальнейшая эффективность программы цифровизации и динамика инновационной активности в России и Беларуси. Как следствие, в рамках разрабатываемых стратегий и программ по развитию ИКТ в различных сферах экономики и управления, необходимо найти ответ на ряд вопросов, обеспечивающих высокое качество целеполагания и механизмов реализации таких документов. В результате, органам государственной власти России и Беларуси целесообразно сконцентрировать внимание на следующих направлениях:

1) развитие институциональных условий цифровизации, совершенствование союзного законодательства, формирование единой политики, стратегии и программ цифровизации Союзного государства;

2) прогнозирование, систематизация существующих и поиск новых источников финансирования процессов цифровизации в странах-участницах интеграции в условиях нарастания масштабов и частоты кризисных проявлений в глобальной экономике;

3) развитие механизмов рыночного регулирования, совершенствование антимонопольного законодательства и контроля его исполнения, повышение конкурентоспособности национальных инновационных товаров и услуг, особенно цифровых платформ;

4) развитие технологий, законодательства и кадрового обеспечения в сфере защиты информации, прав интеллектуальной собственности, а также персональных данных граждан;

5) формирование политики и механизмов регулирования в сфере социально-экономических отношений и трансформации общественных институтов с акцентом на стимулирование прогрессивного восприятия и общественного запроса на инновационные и цифровые товары и услуги;

6) развитие научного и образовательного потенциала Союзного государства, обеспечение его устойчивой конкурентоспособности в глобальном образовательном пространстве;

7) развитие методических подходов и инструментария для оценки эффективности управления цифровизацией экономики Союзного государства с максимальной интеграцией их в деятельность органов государственной власти и коммерческие организации.

Следует отметить, что молодежь является одним из главных стратегических ресурсов страны, носителем большого задела знаний и инновационного потенциала развития общества. Как следствие, в условиях, когда перед страной стоят задачи по переходу к инновационному типу экономического развития и построению развитого общества с использованием цифровых технологий, данная категория предпринимательства заслуживает отдельного внимания и всесторонней поддержки.

Молодежное инновационное предпринимательство является перспективной отраслью развития для Союзного государства России и Беларуси, так как обеспечивает внедрение инновационных и цифровых технологий в базовые производства страны. В свою очередь, задачей государственной молодежной политики становится создание условий

[1] Соколов Максим Сергеевич – к.э.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета. E-mail: maxim-sokolof@mail.ru

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта №20-514-00005.

[3] Доклад о цифровой экономике – 2019. – https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf

для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи в интересах инновационного развития страны[1]. При этом проблема государственной поддержки развития молодежного инновационного предпринимательства носит междисциплинарный характер, что многократно усложняет ее практическую реализацию.

Подчеркнем, что в научных публикациях вопрос развития предпринимательства рассматривается преимущественно в общем виде, без характеристики специфики государственной политики в области поддержки молодежного предпринимательства, включая инновационное. Не уделено должного внимания и стратегическим векторам развития молодежного бизнеса и роли государства в нем, отсутствует четкое определение молодежного предпринимательства на законодательном уровне[2]. При этом к ключевым факторам эффективности государственной поддержки молодежного инновационного предпринимательства относятся:

1) создание целостной системы государственной поддержки, включая поддержку организаций, занимающихся решением проблем развития молодежного инновационного предпринимательства;

2) разработка и развитие программ комплексной поддержки молодежного инновационного предпринимательства;

3) имиджевая и информационная поддержка молодежного инновационного предпринимательства;

4) финансирование грантов молодым предпринимателям для развития инновационного бизнеса;

5) развитие инновационной инфраструктуры, включая создание бизнес-инкубаторов и дискуссионных клубов.

В результате основными направлениями государственной поддержки молодежного инновационного предпринимательства являются:

1) вовлечение начинающих инноваторов в предпринимательскую деятельность;

2) содействие в трудоустройстве в сферах малого и среднего бизнеса молодых инновационных предпринимателей;

3) содействие в продвижении инновационных проектов молодых предпринимателей;

4) оказание финансовой поддержки молодым бизнесменам;

5) содействие в повышении уровня образования и квалификации субъектов молодежного предпринимательства.

В России и Беларуси государство оказывает поддержку молодежным инновационным проектам в рамках следующих основных механизмов:

1) инвестиционные фонды, которые основываются на венчурных инвестициях;

2) выставки и прочие мероприятия для консультации молодых предпринимателей и знакомства их с инвесторами;

3) гранты и субсидии, призванные дать начальный толчок развитию проекта;

4) образовательные программы для молодых предпринимателей;

5) формирование объектов инновационной инфраструктуры.

При этом совершенствование мер государственной поддержки для инновационного сектора молодежного предпринимательства затруднительно без интеграции опыта развитых зарубежных стран, где предпринимательство рассматривается как основа для самореализации молодых граждан, развития амбициозной части общества, которая способна решить острые социально-экономические проблемы страны и закрепить устойчивые позиции государства на международной арене.

Зарубежные страны имеют эффективную систему создания предприятий учеными или студентами-выпускниками высших учебных заведений с помощью государственного финансирования (субсидии, гранты, льготы). Во многих странах разработаны отдельные стратегии развития малого и среднего предпринимательства, куда входит молодежное инновационное предпринимательство, а также отдельные стратегии для развития данного направления. Сформирована эффективная инфраструктура поддержки, созданы условия и возможности для самореализации молодежи в сфере предпринимательства, где ярким примером выступают Стэнфордский университет и «Кремниевая долина» в США.

В целом, к основным механизмам развития молодежного инновационного предпринимательства в зарубежных странах относятся благотворительные фонды, студенческие бизнес-клубы на базе университета, национальные и интернациональные бизнес-клубы, бизнес-кампусы, бизнес-инкубаторы.

В процессе становления современного молодежного инновационного предпринимательства в России и Беларуси имеется ряд системных проблем, которые могут быть связаны с административными барьерами или же кредитным «голодом», несоответствием направлений творческих идей молодых предпринимателей потребностям и реалиям корпоративного сектора. Также в структуре национальной инновационной системы обеих стран сформировались пробелы, связанные с отсутствием масштабных наукоемких организаций, способных принять значительные финансовые и технические риски нововведений молодых предпринимателей[3]. Наиболее весомой проблемой является недостаточная финансовая поддержка государства. Также был выявлен ряд проблем, сдерживающих развитие и выход молодых предпринимателей на высокотехнологические рынки, в частности: организационно-правовая, информационно-институциональная, финансовая проблемы и проблема рынка труда, старения и оттока кадров.

Таким образом, поддержка инновационного предпринимательства является достаточно новой в проводимой политике Союзного государства, поэтому основной целью органов власти в этой сфере должно стать дальнейшее раз-

---

[1] Меркулов П.А. Молодежное предпринимательство как фактор устойчивого социально-экономического роста // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. – № 3. – С. 42–52.

[2] Головина Т.А., Меркулов П.А., Полянин А.В. Государственная поддержка молодежного предпринимательства в России // Экономическая политика. 2017. – № 5. – С. 42–61.

[3] Соколов М.С. Анализ механизмов поддержки развития молодежного инновационного предпринимательства в Союзном государстве России и Беларуси // Инновации и инвестиции. 2019. № 9. – С. 331–336

витие институтов поддержки, их совершенствование, а также разработка и популяризация мероприятий по поддержке молодых предпринимателей[1].

В заключение следует отметить, что перспективы развития молодежного инновационного предпринимательства в Союзном государстве в условиях становления цифровой экономики будут зависеть от построения комплексной системы стратегического планирования и скоординированности деятельности государственных органов, предпринимательского и молодежного сообщества.

[1] Соколов М.С., Айвазов С.Ю. Развитие молодежного инновационного предпринимательства в условиях формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства // АНИ: экономика и управление. 2019. № 1 (26). – С. 298–301.

Сухарев О.С.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономики РАН

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНИКИ И СЛЕДСТВИЕ ЗАКОНА Г. МУРА[1]

Ключевые слова: *техника, технологии, принципы развития, инвестиции, закон Мура, эффективность, институты.*

Keywords: *technique, technology, principles of development, investment, Moore's law, efficiency, institutions.*

Современная техника и технологии являются, с одной стороны, отражением результатов развития науки, образования, промышленности, с другой стороны, формируют новые рубежи этого развития, за счёт более высокой производительности, технологичности, а также программируя возможности дальнейшего совершенствования техники и технологий.

Конкуренция в экономике во многом предопределена тем, какой техникой и технологиями владеют агенты конкурирующих стран на мировом рынке. Потребность в технике и технологиях формируется различными видами деятельности, зависит от их состояния и уровня развития, т.е. предшествующих видов техники и технологий, которые были использованы в данных видах деятельности.

Вместе с тем, открытия в науке и технике, изобретения, включающие создание новизны, придают планомерному процессу совершенствования техники и технологий прорывной характер, когда внедрение этой новизны может резко увеличить результативность не только технических устройств, но и экономического развития, создать новые виды хозяйственной деятельности, развернув новые виды производства и труда.

Создание новой техники подчиняется законам физики и других фундаментальных и инженерных наук. Поэтому уровень образования и фундаментальных исследований, как правило, обеспечивает возможности создания новой и совершенствования существующей техники. Главным экономическим побудительным мотивом к этому является принцип экономии (технологичности), то есть, т.е. получения тех же результатов на данной технике с меньшими затратами (энергии, материалов, труда, износа оборудования), либо больших результатов с прежними затратами или относительно растущими затратами, но уменьшающимися на единицу создаваемого результата.

В таблице 1 отражены основные (автор не претендует на исчерпание списка, скорее, это базовые принципы, которые обнаруживаются при анализе закономерностей развития техники и технологий) принципы, характеризующие развитие техники, являющиеся базисными атрибутами технической эволюции. В левом столбце табл. 1 обозначен сам принцип, в правом – даётся его характеристика, отражающая содержание принципа.

Таблица 1

Содержание принципов развития техники и технологии

№ п/п	Принцип	Содержание принципа
1	Наращения и улучшения	Техника и технологии совершенствуются методом наращения результата и улучшения. Этот метод инкрементальный и помимо прорывных решений, которые также возникают в области техники, позволяет существенно повысить эффективность технологии и технические параметры устройств.
2	Закономерного развития и точной оценки эффективности / производительности	Технические системы в своём развитии подчиняются строгим критериям эффективности, по которым можно сравнить однотипные технические устройства, определить, какое из них обладает преимуществом.
3	Ложного решения	В технике удаётся установить ложное решение, либо решение, приводящее к худшим результатам. Это обусловлено тем, что техника развивается, подчиняясь законам физики, химии, инженерных наук. Эмпирически устанавливаемые законы типа закона Г. Мура с течением времени пересматриваются, что также является атрибутом развития техники. Они справедливы для какого-то интервала времени, но с ограничением по физике процесса и технологических возможностей, изменяются и такие эмпирические законы.
3	Исправляющего решения	В технике возможно исправляющее решение, нейтрализующее негативные исходы ложных или неэффективных решений. Как правило, оно повышает производительность техники и технологичность системы.
5	Рассогласованного развития	Различные направления развития техники могут развиваться вне зависимости друг от друга, например, прогресс в области военной техники, и отставание в гражданских технологиях и техники. Однако такое возможно до определённого уровня нестыковок в технологичности соответствующих производств. Этот принцип позволяет лидировать по одним направлениям, но уступать по другим.

[1] Доклад, представленный на Международную научную конференцию «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи».

6	Экономии или технологичности	Получения на новой технике того же результата с меньшими затратами, либо получение большего результата при той же величине затрат, либо с затратами увеличенными, но меньшими на единицу этого результат нежели были ранее. Это и означает повышение технологичности в подлинном смысле понятия «технологичность»
7	Усиления – синергетики техники	Технические новшества, приборы, оборудование, новая техника, встроенная в технологические цепочки и обеспечивающая определённое взаимодействие, может обнаруживать усиление результативности работы данного технологического контура. Если технологические цепочки разорваны, то внедрение на некоторые звенья новой техники, когда остальные участки сильно отстают в технологическом смысле – способно дать противоположный эффект, т.е. ослабить ввод в действие этих новых приборов в силу конфликта новой техники и разорванных технологических цепочек.

Особо нужно отметить, что позиция 6-7 таблицы 1 составляют главное направление в приложении усилий инженеров по созданию и усовершенствованию техники, которая должна давать эффект экономии – повышать технологичность производства и в лучшем случае – эффект усиления действия сопряжённо применяемых технических устройств. Это означает, что требуется снимать «технический конфликт» в рамках одной технологической цепочки. Например, можно приобрести «чистые комнаты» по импорту, поставив в них термодиффузионное оборудование отечественного производства, либо наоборот. Подобные решениям применялись в России, они обычно приводили к снижению выхода годных изделий, снижали технико-экономические параметры изготавливаемой в рамках такой составной технической системы продукции. Однако в ряде случаев подобные комбинации дают неплохой результат. В частности, при производстве оптоволокна на пермских предприятиях части линии производства приобретались в Китае, Испании, Германии и России. Такая солянка не приводила при соответствующей стыковке к потерям в выходе годной продукции, и была дешевле, нежели покупка всей линии в одной какой-то стране. Конечно, следовало бы ставить вопрос по-иному, о создании таких отечественных линий в полном объёме, как стратегически оправданной цели развития соответствующих технических систем и их элементной базы.

Как видим, развитие техники предполагает и возникновение ложных решений, исправляющих решений, подчиняется неким фундаментальным законам и соотношениям, а также описывается эмпирически устанавливаемыми фактами (в том числе аккумулируемыми инженерным науками). К таким эмпирически установленным фактам относится, в частности, закон Г. Мура об увеличение плотности p-n переходов на единицу площади кристалла за год в два раза. Это эмпирический закон исходил из экспоненциального увеличения числа транзисторов на единицу площади, но довольно быстро был пересмотрен, так как плотность стала удваиваться за два года, затем за три года. Наконец, появились утверждения, что закон Мура перестал действовать. Это вполне закономерно для такого рода соотношений, обнаруженных в развитии технического устройства, так как с течением времени усиливаются технологические ограничения по совершенствованию технологии и физических параметров создаваемых изделий. Это происходит в полном соответствии с указанными выше принципами развития техники. Причина – в том, что возникают и ложные решения и исчерпываются исправляющие решения, а технологические возможности в силу контролируемой физики процесса не позволяют уже достигать более высокой плотности расположения транзисторов. А возможность такого расположения ограничена атомарной структурой вещества, на котором размещают эти транзисторы.

Большее число p-n переходов на единице площади весьма выгодно с точки зрения шестого и седьмого принципов, поскольку возрастает и объём памяти устройств, и их быстродействие. Следовательно, технологические возможности совершенствования обеспечиваются именно этим свойством – и в конце концов будут исчерпаны, то есть по быстродействию и памяти когда-либо на данной технологии будет создан такой процесс, а более мощный создать будет уже нельзя на данной технологии и физических принципах. Иными словами, технология будет «выжата до конца», исчерпаны все её возможности совершенствования, которое до определённого уровня будет позволять увеличивать и память, и быстродействие.

Нужно отметить, что даже текущий прогресс в данной технологии предполагает создание новых чистых комнат в микроэлектронике, специального технологического оборудования. Это весьма дорогие вложения, требующие больших инвестиций на продолжительном отрезке времени. Если инвестиции будут расти быстрее, нежели отдача от этого нового оборудования, то это способно затормозить процесс увеличения числа p-n переходов на единице площади кристалла. Следовательно, ещё до кардинальных технологических изменений и до исчерпания возможностей текущей технологии, её использование и применение, её результативность будет ограничена чисто экономическим критерием, а не физическими ограничениями. Это приведёт к тому, что рост памяти и быстродействия уже не будет способен привести к кардинальным преимуществам, так что капиталовложения, которые становятся значительными в области микроэлектронике, перестанут окупаться. Кроме того, монополизация производства будет также способствовать указанному эффекту торможения технологического совершенствования. Тем самым, как видим, запас в совершенствовании технологии будет существовать, а экономических стимулов и необходимой эффективности к этому у агентов не будет.

В экономике может сложиться ситуация, когда уровень технологичности оказывается не чувствительным к инвестициям в новые технологии. Иными словами, инвестиции осуществляются, новые технологии вводятся, но их влияние настолько невелико, что общая технологичность существенно не возрастает либо возрастает в очень низком диапазоне значений.

Эта ситуация подобна описываемой в ряде работ автора институциональной нейтральности[1], когда новые правила (институты) не оказывают влияния на макроэкономические параметры (совокупный спрос, потребление, сбере-

[1] См.: Сухарев О.С. Экономика будущего: теория институциональных изменений. – М.: Финансы и статистика, 2011.

жения, инвестиции, занятость и др.). Только в этом случае можно говорить о технологической нейтральности, когда осуществляются действия, направленные на технологическое обновление, а оно не даёт повышения общего уровня технологичности. Подобно тому, как институциональные изменения характеризуются содержанием появляющихся новых институтов, скоростью смены правил, адаптивными возможностями агентов к этим изменениям, так и при технологическом обновлении содержание технологии, исходное состояние, готовность агентов и скорость процесса будут влиять на общий результат. На разных, но соседствующих интервалах времени может изменяться скорость ввода технологии, степень адаптации к ней, возможности усовершенствования. Тем самым изменяется сама технология, хотя и не всегда, отдельные технологии весь период эксплуатации остаются неизменными. Поэтому, формируя технологическую функцию, следует учитывать возможную изменчивость технологии на рассматриваемом отрезке времени, и стабильность для других технологий.

Измерение технологичности является важной задачей не только с точки зрения разработки технической политики, но и для подготовки стратегических решений по экономическому развитию. Поскольку экономию будущего периода оценить весьма не просто, можно оценивать этот показатель по отношению объёма производства на новых и уже используемых технологиях, то есть по той величине добавленной стоимости, которую позволяют создавать новые технологии. Расчёт данного показателя для России даёт неутешительные оценки, требуя изменения подходов к развитию средств производства и техники, внедрению новых технологий, в том числе цифровых в различных устройствах и технических изделиях. Проведение государственной технической политики крайне необходимо, поскольку стохастика в рамках развития данных подсистем приведёт к отставанию в области техники и технологичности. В связи с этим государственная техническая политика предполагает развёртывание условий для полноценной реализации перечисленных выше принципов развития техники и технологий, с соответствующим созданием стимулов в области спроса на технологическое обновление. Такой спрос возникает только тогда, когда создание новых средств производства или совершенствование старых (к нему подталкивает ещё и износ техники) завязано на создание внутренней потребительной стоимости. Следовательно, речь необходимо вести о формировании отечественных потребительских рынков и рынков средств производства – новой техники и технологии. И это направление требуется сделать основным в приложении усилий научно-технической государственной политики.

Турсунов Б.О.
старший преподаватель, Ташкентский финансовый институт
omonovich-0387@mail.ru

РОЛЬ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *международная конкуренция, инновационный проект, национальная система стандартизации, экономические реформы, инновационная модель, информационная поддержка.*

В условиях расширения процессов интеграции, усиления международной конкуренции важным фактором обеспечения высоких и устойчивых темпов роста экономики является постоянное движение страны по пути укрепления своих конкурентных преимуществ на основе перехода к инновационной модели экономического развития. Особенно актуально эта проблема стоит перед Узбекистаном. Задача отечественной экономической науки состоит в научном обосновании ответов на ряд ключевых вопросов по переходу Республики Узбекистан к инновационной модели экономического роста. В связи с этим возникает ряд вопросов о путях и механизмах развития инновационного сектора экономики Узбекистана, усиления на этой основе потенциала конкурентных преимуществ республики.

В Узбекистане за годы экономических реформ значительно укреплена нормативно-правовая база, сформирована система преференций и льгот, открыт широкий доступ субъектов малого бизнеса к основным высоколиквидным материальным ресурсам, сокращено вмешательство контролирующих структур в финансово-хозяйственную деятельность предприятий, существенно расширены экономические свободы и права предпринимателей. Особое значение имеет принятие мер по сокращению видов и упрощению процедур для осуществления предпринимательской деятельности, усовершенствованию системы правовой защиты субъектов предпринимательства, введению уведомительного порядка государственной регистрации субъектов предпринимательства. Проводимые целенаправленные меры по поддержке малого бизнеса способствуют достижению реальных позитивных сдвигов в увеличении доли малого бизнеса в ВВП и занятости населения в этом секторе экономики. За период с 2015–2017 годы количество зарегистрированных субъектов малого предпринимательства увеличилось почти в 2 раза. Количество субъектов малого предпринимательства на 1000 человек населения Узбекистана составило в 2017 году 19,2 единиц[1]. Основные высокие показатели развития малого предпринимательства в Узбекистане характеризуются следующими тенденциями:

– Повышением доли в валовом внутреннем продукте;

– Повышением доли численности занятых в малом и частном предпринимательстве до 74,8% от общей доли занятых в экономике;

– Расширением деятельности по производству локализуемой комплектующих деталей и узлов для автомобилестроения, тракторостроения и других отраслей экономики.

Численность занятых в малом бизнесе составляет свыше 7,7 млн. человек (включая занятых индивидуальным трудом), или 72,1% общей численности занятых в экономике.

Общие показатели деятельности субъектов малого предпринимательства по отраслям экономики являются достаточно высокими: доля произведенной фермерскими и дехканскими хозяйствами (юридическим лицами) продукции достигла 97,5% общего ее объема; малыми предприятиями и микрофирмами, действующими в строительстве, выполняется более 55,4% общего объема строительных работ; товарооборот малого предпринимательства в объеме товарооборота достиг 54,2%; удельный вес в объеме платных услуг составляет более 50%, а в объеме рыночных услуг – 50,1%; удельный вес в объеме промышленного производства вырос до 18%[2].

Для стимулирования развития малого частного бизнеса в индустриальном секторе Узбекистана, необходимо решение следующих организационно-экономических задач:

– диверсификация и совершенствование механизмов поддержки производителей импортозамещающих и экспортных товаров потребительского назначения;

– коренное реформирование национальной системы стандартизации и сертификации, внедрение стандартов ISO серии 9000 для обеспечения соответствия качества производимой потребительской продукции международным стандартам;

– повышение эффективности маркетинговых исследований республиканского и международного товарных рынков путем создания соответствующей инфраструктуры, как в самой республике, так и в странах – целевых рынках сбыта отечественной продукции потребительского назначения, а также в строительстве, транспорте и связи;

[1] www.stat.uz
[2] www.stat.uz

– информационная поддержка отечественных производителей импортозаменяющей и экспорто-ориентированной потребительской продукции путем обеспечения их реального доступа к необходимой для их деятельности полноценной информации;

– доступ к базам инновационных проектов может осуществляться за счет расширения спектра изданий, посвященных вопросам инноваций и формирования базы данных по инновациям с организацией специальных сайтов в сети Интернет;

– расширение привлечения отечественного и иностранного капитала.

Исследования, проведенные учёными, показывают, что развитие малого бизнеса и предпринимательства в Узбекистане целесообразно проводить в контексте инновационного развития стратегически важных секторов экономики, позволяющих выпускать конкурентоспособную продукцию, пользующуюся спросом на рынке и отвечающую современным требованиям покупателей.

Опыт развитых стран ещё раз подтверждает, что малый бизнес эффективно осваивает передовые технологии. Ведь рынок живет нововведениями, и инновационное ускорение является основой его устойчивого развития.

Таким образом, в Узбекистане имеются все предпосылки для развития инновационного бизнеса. Риски инновационной деятельности могут быть уменьшены путем регулирования масштабов внедрения инновации в малом и частном предпринимательстве.

Для обеспечения инновационно-ориентированного развития Узбекистана, на наш взгляд необходимо решение следующих первоочередных задач:

– усиление роли частного сектора, способного увеличить экспорт за счет более эффективной конкуренции. Такого рода предприятия испытывают недостаток инициативы, столь важной в конкурентной борьбе на мировых рынках;

– улучшение параметров стабильности макроэкономической среды (в частности, снижение уровня инфляции);

– расширение доступа на основные экспортные рынки путем проведения переговоров с основными странами-потребителями по снятию торговых, прежде всего нетарифных барьеров на экспортные товары Узбекистана;

– укрепление научно-технического потенциала, необходимого для дальнейшего расширения производства инвестиционных товаров и диверсификации продукции;

– стимулирование технологического перевооружения производства и внедрение инновационных технологий;

– создание единой системы непрерывной подготовки кадров для малых предприятий, способных быстро приспосабливаться к непрерывно изменяющейся конъюнктуре рынка.

Усманова Т.Х.
д.э.н., доцент, гл.н.с. ИНП РАН
Сутягин В.В.
д.т.н., профессор, в.н.с. ИНП РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *научно-технологическое развитие, инновации, модернизация, государственное регулирование, госпрограммы, Стратегия научно-технологического развития, майские Указы.*
Keywords: *scientific and technological development, innovation, modernization, state regulation, state programs, Strategy for scientific and technological development, May Decrees.*

Развитие экономики определяется эффективностью механизма принятия решений по управлению процессом разработки и реализации технологий. Соответственно этому формируются хозяйственные системы, объекты и технологические уклады (ТУ), непосредственно определяющие структуру экономики. Особенностью современного периода является то, что одновременно происходят две революции – технологическая и институциональная управленческая. Формируется новый технологический уклад, основными характеристиками которого являются цифровизация и информационно-коммуникационные технологии.

На современном этапе развития экономики РФ с целью обеспечения конкурентоспособности, устойчивости к внешним вызовам, актуальна интенсивная разработка прорывных отечественных технологий нового поколения. Успешность выхода на очередную длинную волну экономического роста, соответствующего циклам Кондратьева, зависит от государственного и частного стимулирования инвестиционной, инновационной активностей в перспективных направлениях экономического роста, характеристиками которого являются соответствующие индикаторы.

Однако проблема реализация инновационного научно-технологического развития существенно тормозится рассогласованностью нормативно-правовых регулирующих актов.

Статья 18 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предусматривает формирование Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 01 декабря 2016 г. № 642 принята «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Стратегия НТР). Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы« регулирует само исполнение Госпрограммы. Государственное регулирование развития инноваций было усилено Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года« (далее – Майские указы). Каждый нормативно-правовой акт (НПА) имеет цели и задачи. При этом необходимо качественно исследовать и представить рассогласованность целей и задач перечисленных выше документов с предполагаемыми и ожидаемыми результатами. Цели, задачи и ожидаемые результаты, выделяемых финансовых средств на реализацию Госпрограмм, логически отличаются от заявленных индикаторов и показателей Стратегии и Майских указов. Рассогласованность начального этапа реализации вышеперечисленных НПА привела к размыванию границ в достижении ожидаемых результатов. Так как в них определены глобальные стратегические цели и задачи, которые должны были логично перейти исполнению тактических целей и задач, затем расписаны в рамках функциональных целей и задач в рамках исполнения Госпрограмм. Однако такое согласованное прогнозирование и планирование целей и задач основных нормативно-правовых документов с ожидаемыми результатами не произошло. Рассмотрим более конкретно некоторые аспекты проблемной реализации научно-технологического планирования и прогнозирования.

Установление совпадения и различия целей

Принятая Стратегия НТР основной целью научно-технологического развития Российской Федерации предусматривает обеспечение независимости и конкурентоспособности страны в современных условиях за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации. Следовательно, задачи, поставленные Стратегией НТР, должны быть направлены на достижение определенных целей. Пунктом 29 Стратегии НТР определены задачи, которые в средствах массовой печати находят различное толкование. Так как достижение цели научно-технологического развития Российской Федерации предполагает:

а) создать возможности для выявления талантливой молодежи и построения успешной карьеры в области науки, технологий и инноваций, обеспечив тем самым развитие интеллектуального потенциала страны;

б) создать условия для проведения исследований и разработок, соответствующие современным принципам организации научной, научно-технической, инновационной деятельности и лучшим российским и мировым практикам;

в) сформировать эффективную систему коммуникации в области науки, технологий и инноваций, обеспечив повышение восприимчивости экономики и общества к инновациям, создав условия для развития наукоемкого бизнеса;

г) сформировать эффективную современную систему управления в области науки, технологий и инноваций, обеспечивающую повышение инвестиционной привлекательности сферы исследований и разработок, а также эффективности капиталовложений в указанную сферу, результативности и востребованности исследований и разработок;

д) способствовать формированию модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия».

Цели и задачи, поставленные в Стратегии НТР, ориентированы на следующие показатели и индикаторы:

1. удельный вес Российской Федерации в общем числе публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science)[1];

2. доля объема внутренних затрат на исследования и разработки за счет внебюджетных источников в части государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки за счет внебюджетных источников;

3. отношение средней заработной платы научных сотрудников к среднемесячной начисленной заработной плате наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячному доходу от трудовой деятельности) по субъекту Российской Федерации.

При этом многие эксперты и ученые приходят к мнению о том, что все перечисленные показатели и индикаторы не обеспечивают исполнение поставленной Стратегией НТР цели и задач и достижение ожидаемого результата. Для того, чтобы достичь ожидаемых результатов в рамках Стратегии НТР недостаточно увеличение значение показателя (индикатора) – Удельный вес публикаций в мировых журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WOS и Скопус) с 2,1% в 2013 году до 2,44% к 2020 году[2]. Стабильно низкая запланированная доля объема внутренних затрат на исследования и разработки за счет внебюджетных источников на уровне 4,13% за 2016–2020 годы также не дают желаемого ожидаемого результата в рамках поставленных Стратегией НТР целей и задач.

В условиях, когда средняя заработная плата по регионам России стремительно снижается на уровень минимального размера оплаты труда (МРОТ), сложно назвать эффективным показатель, сравнивающий отношение средней заработной платы научных сотрудников. В 2013 году средняя заработная плата научных сотрудников должна была быть выше на 138,9%. В 2020 году данный показатель должен составлять 200%. Однако тревожит тот факт, который имеет тенденцию снижения – это среднемесячная начисленная заработная работников по субъектам Российской Федерации. Многие регионы показывают различные статистические показатели по среднемесячной начисленной заработной плате. Как показывает опыт, среднестатистические показатели также имеют различного рода перекосы и отклонения либо в пользу «показного» увеличения, либо их сокрытия. Достижение цели и задач Стратегии НТР не возможны в рамках ограниченной оценки научно-технологической деятельности вышеприведенными индикаторами и показателями. По предварительным данным Росстата, в 2017 году реальная заработная плата по отношению к 2016 году составила 103,5%. Повышению уровня оплаты труда в 2018–2019 годах[3] будут способствовать меры по увеличению оплаты труда работников бюджетной сферы в соответствии с указами Президента Российской Федерации[4]. Повышение МРОТ, хоть и незначительно, позволит увеличить реальную среднюю заработную плату в регионах России. Однако такое повышение совершенно не позволяет обеспечить повышение человеческого потенциала в России. Достижение показателей и индикаторов Стратегии НТР, Майских указов в рамках только существующих мероприятий Госпрограмм не представляется возможным.

Достижение цели и задач Стратегии НТР должно быть ориентировано на такие показатели, как инновационные затраты и инновационная отдача. При этом показатели и индикаторы должны быть ориентированы на оценку инновационно-инвестиционных затрат, фискальной политики государства, целей и задач в области развития человеческого потенциала и повышения интеллекта в рамках образования, науки и формирования инновационной и технологичной инфраструктуры. Значимыми показателями должны быть патенты, результаты интеллектуальной деятельности, прием-передача научных технологий, результаты проведенных НИОКР, результативность инновационной предпринимательской деятельности. В рамках оценки показателей и индикаторов необходимо учитывать:

- производительность труда инновационной деятельности;
- прибыль участников инновационного процесса;
- влияние инноваций на изменение миссии (расширение) бизнеса;
- социальная ответственность и защита работников;
- обеспечение экономического роста на микро, мезо-, макроуровнях.

---

[1] Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г.

[2] Оценка эффективности реализации программно-целевых методов решения социально-экономических задач на современном этапе. – https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-realizatsii-programmno-tselevyh-metodov-resheniya-sotsialno-ekonomicheskih-zadach-na-sovremennom-etape/viewer

[3] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

[4] Сводное заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по бюджету и налогам на проект федерального закона № 15455-7 «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

Для того, чтобы цели и задачи Стратегии НТР достигли ожидаемого результата необходимо применение совершенно иных показателей и индикаторов. Во многих международных исследованиях применяется интегрированный научно-инновационный (научно-технологический) индекс, или показатель.

Представляется сложным прогнозирование и планирование научно-технологического развития на основе данных, опубликованных в Единой межведомственной информационно-статистической системе. В связи с установленными Федеральным планом статистических работ отложенными сроками необходимая информация для аналитиков может появиться с 70 процентов в 2012 году до 95 процентов в 2020 году. То есть, отсутствие достоверной аналитической информации не позволяет принимать эффективное прогнозное и управленческое решение для повышения экономического роста страны.

В результате реализации, например, государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»[1] выявлены отклонения фактических показателей от плановых[2]. На основании открытых источников можно сделать вывод о том, что в 2017 году объем ввода жилья составил 79,2 млн. кв. метров.[3] Данный показатель ниже уровня 2016 года (80,2 млн. кв. метров) и составляет 93% от рекордного уровня 2015 года (85,3 млн. кв. метров). При этом плановое значение (81,0 млн. кв. метров) на 2017 год достигнуто не было. Достигнутый показатель составляет 97,8% от планового уровня. Количество единиц жилья, введенных в эксплуатацию в 2017 году, составило 1131,4 тысячи единиц, что на 3,0% меньше уровня 2016 года (1167 тысячи единиц). При этом снижение объема ввода жилья произошло за счет того, что вводились в эксплуатацию объекты, начало строительства которых пришлось на 2015 год, в течение которого наблюдалось сокращение количества вновь начинаемых объектов[4].

По итогам реализации государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» в 2017 году[5] индекс промышленного производства по виду экономической деятельности «обрабатывающие производства» (при сохраняющейся общей стагнации в экономике) составил 100,2% к предыдущему году. (Многими экспертами оспаривается повышение данного показателя, в связи с ухудшением экономического положения в отрасли). В составе обрабатывающих производств по основным приоритетным отраслям промышленности – объектам поддержки государственной программы как бы достигнуты определенные темпы роста, существенно превышающие общий уровень. Так, по данным Росстата производство легковых автомобилей в 2017 году составило 121% относительно 2016 года, автобусов – 103,9%, грузовых автомобилей – 118,2 процента (в условиях несвоевременной подачи информации в органы статистики и частого ее искажения, возникают сомнения о качестве показателей и индикаторов)[6].

При этом «общеотраслевые меры поддержки способствовали достижению целевых результатов по приоритетным направлениям развития промышленности. Так в течение 2017 года Минпромторгом России была оказана поддержка 93 организациям путем предоставления субсидии на сумму 4547,37 млн. руб.»[7] Количество проектов, финансовое обеспечение которых осуществлялось за счет средств Фонда развития промышленности, в 2017 году составило 211 проектов[8]. По итогам 2017 года начали работать 15 новых индустриальных парков, количество технопарков увеличилось на 18, промышленных кластеров – на 34[9].

Государственная программа «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы»[10] показывает повышение производительности труда (4124 тыс. рублей на человека в год)[11]. При этом в отрасли в 2017 году получено: 48 ноу-хау, 1 патент на изобретение, 7 свидетельств на программу на ЭВМ и 19 патентов на промышленный образец[12]. Реализовано за данный период 133 самолета, из них 31 гражданский (из которых тридцать – SSJ-100 и один – МС-21 (опытный)) (по итогам 2016 года было поставлено 136 самолетов, включая 28 гражданских); 5 воздушных судов малой авиации (L-410 УВП-Е20); 213 вертолетов, в том числе 66 гражданских (по итогам 2016 года было поставлено 169 вертолетов, включая 16 гражданских); 955 авиационных двигателя гражданского и военного назначения (по итогам 2016 года было поставлено 844 авиационных двигателя гражданского и военного назначения). При этом доля са-

---

[1] Сводное заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по бюджету и налогам на проект федерального закона № 15455-7 «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

[2] Оценка эффективности реализации программно-целевых методов решения социально-экономических задач на современном этапе. – https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-realizatsii-programmno-tselevyh-metodov-resheniya-sotsialno-ekonomicheskih-zadach-na-sovremennom-etape/viewer

[3] Официальный сайт Росстата.

[4] Официальный сайт Росстата.

[5] Сводное заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по бюджету и налогам на проект федерального закона № 15455-7 «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

[6] Инновационная экономика как приоритетное направление развития отечественной промышленности в условиях макроэкономической нестабильности.

[7] Заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству на проект федерального закона № 556362-7 «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2021 год».

[8] Официальный сайт Росстата.

[9] Там же.

[10] Сводное заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по бюджету и налогам на проект федерального закона № 15455-7 «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

[11] Официальный сайт Росстата.

[12] Заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству на проект федерального закона № 556362-7 «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2021 год».

молетов российского производства в парке крупнейших российских авиаперевозчиков составила 13,2%, доля вертолетов российского производства в парке крупнейших российских авиаперевозчиков составила 86 процентов. Одновременно доля поставок российских вертолетов в мировом производстве вертолетов достигла 14,6 процента[1].

В результате сохранения необходимости выполнения социальных обязательств и поддержания кадрового потенциала в отраслях ТЭК, показатели и индикаторы обновления в отраслях ТЭК снизились[2]. При этом регуляторы гарантировали ежегодное обновление в отрасли ТЭК. При этом существует множество противоречивой информации: в одних источниках говорится о повышении производительности труда, а в других отчетах о снижении:

• *«Динамика производительности труда в топливно-энергетическом комплексе (к предыдущему году)» снизилась и составила 101,9 процента*[3]).

• При этом по итогам 2017 года добыча нефти и газового конденсата составила – 546,8 млн. тонн (–0,1% к 2016 году); глубина переработки нефтяного сырья – 81,3%; суммарный объем добычи газа составил – 691,1 млрд. куб м., что выше уровня 2016 года на 7,8% (640,8 млрд. куб. м.); объем добычи угля в 2017 году составил 408,9 млн. тонн (106% к 2016 году), что является наивысшим показателем за всю историю России; вводы генерации тепловых электростанций (объекты по договорам предоставления мощности) – 1785 МВт»[4]. Установлены мировые и отраслевые рекорды производительности горного оборудования, производилась закупка и внедрение нового современного высокопроизводительного горного оборудования[5].

Аналитическими структурами производится оценка показателей на предмет достижения результата или их выполнения. Значения показателей и индикаторов, зачастую, имеют ценное значение в развитии инноваций и научных технологий в России. Мониторинг и оценка показателей и индикаторов позволяет сравнивать с плановыми стратегически значимыми показателями социально-экономического развития страны[6]. «При этом среди оцениваемых показателей, содержащихся в Указах, 6 показателей (11,1% от проанализированных) не нашли своего отражения в государственных программах (данным показателям Указов не соответствует ни один показатель государственных программ)»[7]. В составе государственных программ не нашли своего отражения также показатели Указов, представленные в табл. 1[8].

Таблица 1

Примеры показателей и индикаторов, которые не нашли своего отражения в Госпрограммах

№	НПА	Показатель	Выполнение
1	Указ № 599	«Увеличение к 2018 году общего объема финансирования государственных научных фондов до 25 млрд. рублей»	Не выполнен
2		«Повышение до конца июня 2012 года размера стипендий до величины прожиточного минимума нуждающимся студентам первого и второго курсов, обучающимся по очной форме обучения за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета по программам бакалавриата и программам подготовки специалиста и имеющим оценки успеваемости «хорошо» и «отлично»;	
3		Увеличение внутренних затрат на исследования и разработки до 1,77% внутреннего валового продукта с увеличением доли образовательных учреждений высшего профессионального образования в таких затратах до 11,4%	
4	Указ № 600	«Обеспечение до 2017 года увеличения доли заемных средств в общем объеме капитальных вложений в системы теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод до 30%»;	
5		«Обеспечение до 2018 года снижения стоимости 1 кв. метра жилья на 20% путем увеличения объема ввода в эксплуатацию жилья экономического класса»;	
6		«Обеспечение до 2020 года предоставления доступного и комфортного жилья 60 % российских семей, желающих улучшить свои жилищные условия».	

* Источник: Официальный сайт Росстата.

При этом действующим законодательством предусмотрено то, что если в случае достижения по показателю уровня значений, содержащихся в Указах, соответствующий показатель может исключаться ответственным исполнителем из перечня показателей государственной программы. Вместе с тем, исключение показателей, соответствующих и обеспечивающих достижение значений показателей Указов, негативно влияет на мониторинг сфер, характеризующихся данными показателями[9].

В то же время, если принять среднее значение показателей, обеспечивающих достижение показателей Указов, предусмотренных в государственных программах, за 100 процентов, то можно сделать вывод о том, что средняя степень достижения рассматриваемых показателей Указов в составе государственных программ в 2017 году составила

[1] Официальный сайт Росстата.

[2] Там же.

[3] Сводное заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по бюджету и налогам на проект федерального закона № 15455-7 «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

[4] Официальный сайт Росстата.

[5] Сводное заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по бюджету и налогам на проект федерального закона № 15455-7 «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Официальный сайт Росстата.

[9] Там же.

108,5 процента. Однако стагнация экономики или низкий экономический рост в стране снижает (или полностью опровергает) оценочные или показные значения индикаторов[1].

По официальным данным Росстата основная доля исключенных (аналитических) показателей отражена в государственных программах, включенных в Перечень государственных программ: «Инновационное развитие и модернизация экономики» (62,2% от общего числа исключенных показателей) «Новое качество жизни» (26,9% от общего числа исключенных показателей)[2]. Подтверждающая информация по направлениям Перечня государственных программ отражена в табл. 2:

Таблица 2

Изменения информации по направлениям Перечня государственных программ

№	Перечень государственных программ (количество государственных программ)	Показатели (индикаторы)			
		Всего	Плановые значения предусмотрены на 2017 год	Плановые значения не предусмотрены на 2017 год	
				исключены	Запланированы к достижению в последующие годы
1	«Новое качество жизни» (12)	889	699	169	21
2	«Инновационное развитие и модернизация экономики» (17)	1449	1029	390	30
3	«Сбалансированное региональное развитие» (5)	325	254	42	29
4	«Эффективное государство» (3)	157	131	26	0
	Всего	2820	2113	627	80

* Источник: Официальный сайт Росстата.

В табл. 2 приводится информация по государственным программам, содержащим открытые данные. Во исполнение абзаца 4 пункт 2 статьи 179 Бюджетного кодекса Российской Федерации государственные программы подлежат приведению в соответствие с законом (решением) о бюджете не позднее трех месяцев со дня вступления его в силу.

Например, из перечня показателей (индикаторов) государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» было исключено 126 показателей (62,1% от общего числа показателей указанной государственной программы), из перечня показателей (индикаторов) государственной программы «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы было исключено 47 показателей (58,8% от общего числа показателей указанной государственной программы), из перечня показателей (индикаторов) государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» 28 показателей (25,7% от общего числа показателей указанной государственной программы) и так далее.

Из перечня показателей (индикаторов) государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» было исключено 29 показателей (52,7% от общего числа показателей указанной государственной программы), из перечня показателей (индикаторов) государственной программы «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 было исключено 36 показателей (34,6% от общего числа показателей указанной государственной программы) и так далее. В табл. 3 приведены показатели и индикаторы выполнения некоторых Госпрограмм.

Таблица 3

Выполнение показателей и индикаторов некоторых Госпрограмм

№	Государственные программы «Инновационное развитие и модернизация экономики»			
	Достижение плановых значений показателей получили государственные программы		Низкую оценку достижения плановых значений показателей получили государственные программы	
1	«Космическая деятельность России на 2013–2020 годы» (ГК «Роскосмос»)	95,9%	«Энергоэффективность и развитие энергетики» (Минэнерго России)	78,9%
2	«Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2020 годы» (Минпромторг России)	95,8%	«Развитие рыбохозяйственного комплекса» (Минсельхоз России)	77,5%
3	«Развитие атомного энергопромышленного комплекса» (ГК «Росатом»)	95,0%	«Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (Минпромторг России)	73,8%
4	«Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 годы» (Минпромторг России)	94,8%	«Энергоэффективность и развитие энергетики» (Минэнерго России)	78,9%
5	«Развитие транспортной системы» (Минтранс России)	94,6%	«Воспроизводство и использование природных ресурсов» (Минприроды России)	66,2

*Источник: Официальный сайт Росстата.

Мониторинг реализации Госпрограмм показал то, что несколько программ показали тенденции улучшения и 5 программ ухудшения исполнения. В табл. 4 приведена информация о таких Госпрограммах.

Таблица 4

[1] Оценка эффективности реализации программно-целевых методов решения социально-экономических задач на современном этапе. – https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-realizatsii-programmno-tselevyh-metodov-resheniya-sotsialno-ekonomicheskih-zadach-na-sovremennom-etape/viewer

[2] Официальный сайт Росстата.

Мониторинг улучшения или ухудшения реализации Госпрограмм

№№	Государственные программы «Инновационное развитие и модернизация экономики»			
	Достижение плановых значений показателей получили государственные программы		Низкую оценку достижения плановых значений показателей получили государственные программы	
11	«Развитие атомного энергопромышленного комплекса»,	+	«Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы,	Неудовл.
22	«Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2020 годы»,	+	«Информационное общество (2011–2020 годы)»,	Неудовл.
33	«Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы	+	«Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы»,	Неудовл.
44			«Развитие рыбохозяйственного комплекса»,	Неудовл.
55			«Воспроизводство и использование природных ресурсов».	Неудовл.

*Источник: Официальный сайт Росстата.

Исследование и аналитика реализации Госпрограмм показывают, что цели и задачи, поставленные в Стратегии развития НТР и в майских указах не могут быть реализованы в полном объеме, и достижение результатов также по ним сомнительное. Для достижения целей и задач Стратегии НТР и майских указов должны быть определены совершенно другие целевые индикаторы и показатели в Государственной Программе.

Другим немаловажным фактором являются ожидаемые результаты реализации Программы, а именно, «к 2020 году планируется обеспечение[1]:

- получения новых фундаментальных знаний, необходимых для долгосрочного развития и основанных на конвергенции различных направлений исследований;
- реализации научно-технических проектов в рамках приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации;
- формирования целостной системы устойчивого воспроизводства и привлечения кадров для научно-технологического развития страны;
- создания условий, необходимых для роста инвестиционной привлекательности научной, научно-технической и инновационной деятельности;
- международной интеграции в области исследований и технологий, позволяющих защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы, а также повышение эффективности российской науки за счет взаимовыгодного сотрудничества»[2].

Для более полного анализа в табл. 5 приведены цели и задачи перечисленных нормативно-правовых документов.

Как видно из табл. 5, целевые индикаторы и показатели функциональной государственной Программы «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы» не тождественны со стратегическими НПА.

Возникает вопрос об участии, например, Министерства финансов РФ, который принимает участие до 1 января 2017 года. Следовательно, дальнейшее финансирование и контроль над исполнением Госпрограммы может иметь непредсказуемые результаты. Также немаловажный фактор, который тревожит ученых и общественность в развитии технологий, – это наличие/отсутствие государственных заказчиков федеральных целевых программ. При этом из Госпрограммы видно, что государственные заказчики федеральных целевых программ, также принимают участие до 1 марта 2014 года. Отсутствие государственных заказчиков на развитие науки и технологий после 2014 года приводит к мысли о наличии «узких» мест в разработке Госпрограммы и о серьезных проблемах в реализации и к сомнениям в эффективности предполагаемых мероприятий.

Указом Президента Российской Федерации № 306 от 30.06.2016 г. упразднен Совет при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, а также по жилищной политике и повышению доступности жилья. При этом образован Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Эти изменения обосновываются необходимостью организации проектной деятельности в Правительстве РФ. Однако снижение внимания Президента РФ к национальным проектам через организованные структуры приводит к мысли о том, что в современных условиях любые научные технологии и инновационная деятельность требует постоянного контроля и мониторинга, почти «ручного управления» в условиях санкционного противостояния развитых стран и России в целях достижения научно-технологического превосходства.

Итак, рассогласование основных регулирующих нормативно-правовых документов научно-технологического и инновационного развития привело к негативным результатам и к значительному отставанию в части инновационного развития страны. Для того, чтобы преодолеть сложившиеся проблемы и угрозы в научно-технологическом и инновационном развитии необходимо проработанное изменение государственных регулирующих документов. При этом необходимо кардинально пересмотреть финансирование сектора научных фундаментальных и прикладных исследований в сторону существенного увеличения по всем направлениям народного хозяйства.

Таблица 5

Сводная таблица целей и задач регулирования развития инноваций и научных технологий

[1] Официальный сайт Правительства Российской Федерации.
[2] Там же.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 01 декабря 2016 г. № 642	Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»	Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы»	Целевые индикаторы и показатели государственной программы «развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы»
Целью научно-технологического развития Российской Федерации является обеспечение независимости и конкурентоспособности страны за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации. Задачи: 29. Для достижения цели научно-технологического развития Российск:ой Федерации необходимо решить следующие основные задачи: а) создать возможности для выявления талантливой молодежи и построения успешной карьеры в области науки, технологий и инноваций, обеспечив тем самым развитие интеллектуального потенциала страны; б) создать условия для проведения исследований и разработок, соответствующие современным принципам организации научной, научно-технической, инновационной деятельности и лучшим российским и мировым практикам; в) сформировать эффективную систему коммуникации в области науки, технологий и инноваций, обеспечив повышение восприимчивости экономики и общества к инновациям, создав условия для развития наукоемкого бизнеса; г) сформировать эффективную современную систему управления в области науки, технологий и инноваций, обеспечивающую повышение инвестиционной привлекательности сферы исследований и разработок, а также эффективности капиталовложений в указанную сферу, результативности и востребованности исследований и разработок; д) способствовать формированию модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия.	1. Правительству Российской Федерации обеспечить достижение следующих национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года: а) обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации; б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет); в) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; г) снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации; д) улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно; е) ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа; ж) обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере; з) вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов; и) создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.	формирование конкурентоспособного и эффективно функционирующего сектора фундаментальных, поисковых, прикладных исследований и экспериментальных разработок. Задачи: развитие конкурентоспособных направлений фундаментальных и поисковых научных исследований; создание и эффективный трансфер результатов прикладных исследований, обеспечивающих развитие и структурные изменения в национальной экономике; институциональное развитие сектора исследований и разработок, совершенствование его структуры и приоритетов развития, системы открытого управления, прозрачного и конкурентного финансирования, интеграции науки и образования, в том числе обеспечение влияния науки на общество; развитие международной кооперации и обеспечение интеграции российского сектора исследований и разработок в международное научно-технологическое пространство; создание условий, необходимых для роста инвестиционной привлекательности научной, научно-технической и инновационной деятельности	1. удельный вес Российской Федерации в общем числе публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science); 2. доля объема внутренних затрат на исследования и разработки за счет внебюджетных источников в части государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 годы в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки за счет внебюджетных источников; 3. отношение средней заработной платы научных сотрудников к среднемесячной начисленной заработной плате наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячному доходу от трудовой деятельности) по субъекту Российской Федерации

*Источник: официальный сайт Правительства Российской Федерации.

Цёхла С.Ю.
д.э.н., профессор, Крымский федеральный университет
Симченко Н.А.
д.э.н., профессор, Крымский федеральный университет

НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ[1]

Ключевые слова: *цифровизация, развитие, цифровые двойники, промышленность, эффекты.*
Keywords*: digitalization, development, digital twins, industry, effects.*

Цифровая экономика – это глобальный тренд, который задает новую парадигму развития. Стремительное развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние на развитие экономики. Показатели статистики цифровой трансформации европейского рынка свидетельствуют о его стабильном росте. Общая стоимость экономики «рынка данных» стран ЕС увеличилась с 246,8 млрд. евро в 2013 году до 335,6 млрд. евро в 2017 году и по прогнозам в 2020 году вырастет до 739 миллиардов евро[2].

Для России построение цифровой экономики, внедрение инноваций является одним из приоритетных вопросов национального развития, и в настоящее время реализуются государственные программы, рассчитанные на комплексное обеспечение процессов цифровизации. Проникновение цифровых технологий в экономические процессы открыло новые возможности, создало новые ресурсы и трансформировало деятельность, базирующуюся на электронных данных, их обработке и использовании, что повышает эффективность и производительность во всех сферах хозяйствования. По различным оценкам, цифровая экономика несет в себе огромные изменения для более чем 50% отраслей экономики[3]. Это вызвано тем, что информационные технологии и платформы кардинально меняют бизнес-модели, повышая их эффективность за счет устранения посредников и оптимизации.

Цифровизация охватывает практически все области и создает новые условия для деятельности. Результат цифровизации будет зависеть от уровня развития и готовности субъектов к внедрению цифровых технологий. В своей публикации К. Тимофеев, используя данные глобального исследования «Индекс цифровой трансформации» (DT Index), проведенного Dell Technologies при поддержке Intel, отмечает большую готовность российских компаний к цифровой трансформации. Лидеры, которые составляют 7% российских компаний, уже активно внедряют процессы цифровой трансформации повсеместно, фирмы, не занимающиеся цифровыми изменениями, составляют 1% от общей численности, остальные компании находятся в разных стадиях трансформации и их отрыв от отстающих фирм очень большой (табл. 1).

Таблица 1

Индекс цифровой трансформации (DT Index) российских компаний за 2018 год[4]

Группы	Доля в общей численности, %	Характерные черты
«Лидеры»	7	Процессами цифровой трансформации охвачено все предприятие, цифровая трансформация «вживлена» в ДНК бизнеса
«Внедряющие»	19	В наличии готовые планы цифровой трансформации, определены источники финансирования для соответствующих изменений, внедряются инновации
«Оценивающие»	36	Проводится постепенная реализация цифровой трансформации с планированием будущей деятельности
«Ведомые»	37	Крайне мало инвестиций в проекты цифровой трансформации, планирование подобных инициатив в качестве эксперимента, совмещают НИОКР с внедрением решений трансформации в отдельные сегменты внутреннего пространства бизнес-процессов
«Отстающие»	1	Пока не рассматривают соответствующие изменения в бизнесе, не имеют плана цифровой трансформации, ограниченное финансирование единичных инициатив

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00346.
[2] Digital economy report 2019. Value creation and capture: implications for developing countries. UNCTAD/DER/2019. – P. 70. – https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf
[3] International conference Digital Economy: Modern challenges and real opportunities // Conference materials. – Baky: UNEC, 2020. – P. 70.
[4] Тимофеев К. Цифровая трансформация в российских условиях // Control Engineering. Россия. 2019. – № 3(81). – С. 61. – https://controleng.ru/wp-content/uploads/8161.pdf

По данным исследований выделено три главные проблемы, мешающие процессам цифровой трансформации в российских компаниях, это – отсутствие необходимых ресурсов и бюджета (50% опрошенных); нехватка необходимых знаний и навыков у персонала (29%); незрелая цифровая культура (27%)[1].

Российские компании предпринимают некоторые шаги для преодоления возникших на пути цифровой трансформации препятствий и пытаются найти приемлемые способы:

– 55% компаний применяют цифровые технологии для ускорения процессов создания новых продуктов и услуг;

– 68% компаний встраивают безопасность и конфиденциальность во все устройства, приложения и алгоритмы;

– 42% компаний стремятся обучить свой персонал необходимым навыкам, например, программированию, и передать им необходимые знания;

– 56% компаний осуществляют обмен знаниями между подразделениями, обучая руководителей ИТ-отделов навыкам ведения бизнеса, а руководителей бизнеса – навыкам работы с информационными технологиями.

Отрасли национальной экономики в различной мере затронуты процессами цифровизации. Исследования процессов цифровой трансформации, проведенные ООО «Команда-А Менеджмент»[2], распределили сектора российской экономики по таким группам:

– «Лидеры»: телекоммуникации и связь, IT и разработка ПО, банковский сектор и финансовые услуги;

– «Начинающие»: строительство, медицина, услуги бизнесу, индустрия развлечений;

– «Догоняющие»; торговля, страхование, образование, автобизнес, транспорт;

– «Отстающие»: промышленное производство, нефть и газ, издательский бизнес и СМИ, консалтинг, туризм и ресторанный бизнес.

В исследовании статистических данных цифровой трансформации экономики РФ прослеживается связь между конкурентоспособностью производителей отрасли на рынке и финансово-экономическими показателями эффективности работы отрасли, с одной стороны, и степенью использования цифровых технологий, с другой[3]. Промышленность является одной из ведущих отраслей национального хозяйства. Промышленное производство в стране продолжает расти и по итогам 2019 года увеличение составило 2,4%. Среди отраслей промышленности высокие темпы выделяют в машиностроении (8,9%), электронике и оптике (8%), деятельности по ремонту и монтажу машин и оборудования (7,1%)[4]. Драйверами развития рынка цифровых двойников в России являются отрасли нефтегазовой и нефтехимической промышленности[5]. Существенное отставание по интенсивности использования ИКТ в тяжелой промышленности. С учетом сложившейся ситуации в настоящее время важна приоритетность внедрения промышленных инноваций и наукоемких технологий.

Цифровая трансформация бизнеса представляет огромный потенциал для роста. Можно выделить несколько направлений цифровой трансформации: создание и развитие новых бизнес-моделей, формирование нового подхода к управлению данными, цифровое моделирование, внедрение цифровых технологий и платформенных решений, создание цифровой среды. Исследования на уровне компаний свидетельствуют, что преимущества цифровизации лучше достигаются, когда цифровые инвестиции сочетаются с организационными изменениями. Эффекты от цифровой трансформации проявляются не сразу, поэтому для целевых показателей предусматриваются сроки, учитывающие не только непосредственную реализацию мероприятий по цифровой трансформации, но и период для получения результата.

Влияние цифровизации на развитие экономических показателей промышленности не ограничивается исключительно внедрением цифровых технологий в производственный процесс и усилением ИКТ-составляющей, в целом она оказывает системное воздействие и ориентирована на извлечение прибыли. Возможность производства новой продукции, способность контролировать расходы, связанные с реализацией проектов и формирования значимых конкурентных преимуществ, достигаются при внедрении технологии «цифровых двойников». Цифровые двойники являются одним из основных стратегических трендов технологического развития промышленности. Аналитики ведущей мировой исследовательской и консалтинговой компания в сфере информационных технологий Gartner прогнозируют, что к 2021 году половина крупных промышленных компаний будет использовать технологии «цифровых двойников», в результате чего эффективность этих организаций увеличится на 10%[6].

Исследование проблематики внедрения цифровых двойников тесно связано с определением возможных эффектов от их внедрения. Такие эффекты включают непосредственный рост доходов и/или сокращение затрат, которые достигаются сразу по нескольким направлениям и формируют соответствующие типы источников экономических эффектов, а также за счет экономии «скрытых затрат», например, сокращается время, необходимое на поиск и проверку информации на производственной площадке, снижается число ошибок и возвратов при закупке запасных частей, уменьшается время простоя оборудования (рис. 1).

---

[1] Тимофеев К. Цифровая трансформация в российских условиях // Control Engineering. Россия. 2019. – № 3(81). – С. 62–63. – https://controleng.ru/wp-content/uploads/8161.pdf

[2] Цифровая трансформация в России 2018: аналитический отчет на основе результатов опроса российских компаний. – М.: KMDA, 2019. – С. 6. – http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/TSifrovaya-transformatsiya-Rossii.pdf

[3] Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – С. 14.

[4] О промышленном производстве в 2019 году. –https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/10.htm

[5] Как цифровые двойники помогают российской промышленности. // Rusbase 26 марта 2019. –https://rb.ru/longread/digital-twin

[6] Prepare for the Impact of Digital Twins. – https://www.gartner.com/smarterwithgartner/prepare-for-the-impact-of-digital-twins

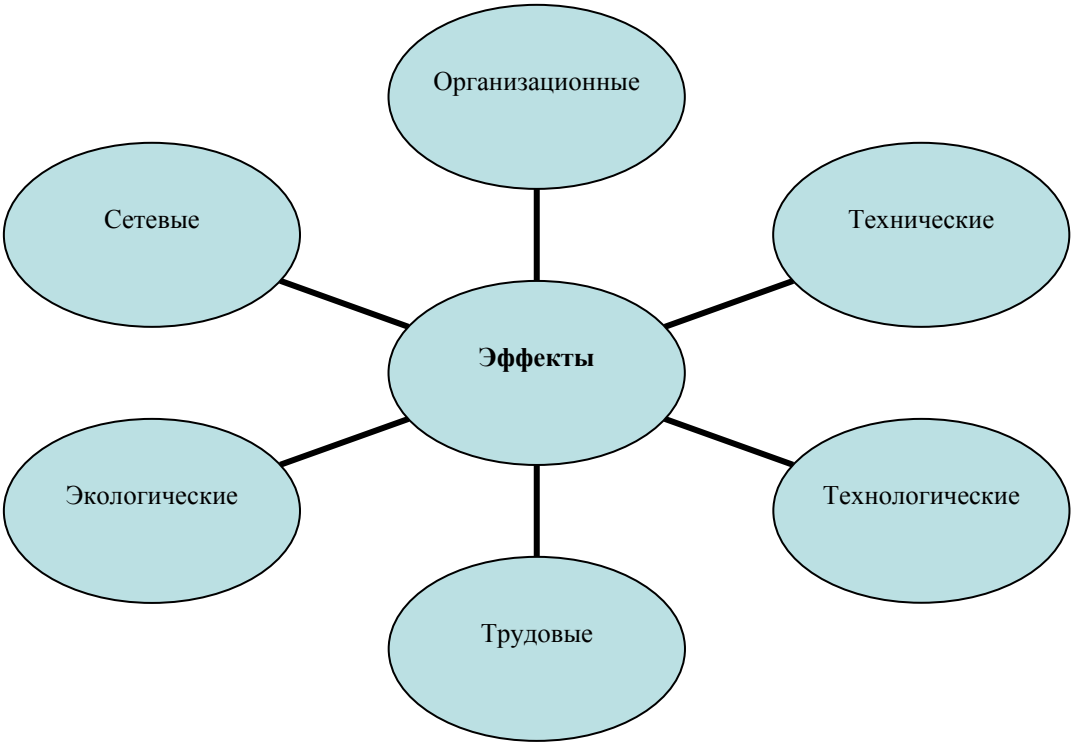

Рисунок 1.
Основные направления формирования экономических эффектов внедрения цифровых двойников

Эффект цифровые двойники приносят сразу при внедрении, начиная с самых ранних стадий – процесса проектирования и инженерных разработок, охватывая затем системы управления, производственные и экономические данные. Для каждого направления (рис. 1) характерен тип источника и собственный вклад в достижении эффекта, т.е. составляющие, которые прямо влияют на рост доходов и/или сокращение затрат:

– организационные эффекты: уменьшаются временные затраты на освоение производства, выведение новой продукции на рынок;

– технические эффекты: создается техническая поддержка системы, обеспечивается сокращение сроков выпуска и реализации продукции, гарантируется безопасность;

– технологические эффекты: функционирует интегрированная система автоматизации управления производственными процессами, проверка качества, минимизируются риски ошибок и сбоев, не допускается производственный брак;

– трудовые эффекты: создается возможность коллективной работы над изделием территориально удалённых коллективов и инженерных центров, проводится четкое распределение задач между людьми и машинами, обеспечивается безопасность на рабочем месте, высвобождается время для дополнительных творческих решений;

– экологические эффекты: предотвращение техногенных опасностей, повышается эффективность утилизации ресурсов, снижаются затраты при обслуживании и ремонтных работах;

– сетевые (платформенные) эффекты: упрощается осуществление операций, использование уникального опыта, обмена информацией, что ведет к уменьшению совокупных затрат и себестоимость выпуска продукции.

Создание сетевой организации означает интеграцию уникального опыта, возможностей, знаний и ресурсов участников и предоставляет возможность управлять проектным взаимодействием. Формирование сетей взаимодействия ведет к уменьшению совокупных затрат, и себестоимость выпуска продукции при сетевой организации становится ниже по сравнению с предприятиями полного собственного производственного цикла. Платформенная модель признана оптимальной для сетевого взаимодействия[1]. Цифровые платформы являются основным элементом развития технологической деятельности в рамках сетевого сотрудничества экономических агентов. Цифровые платформы упрощают осуществление операций, формирование сетей, обмен информацией и превращаются в выгоду для участников взаимоотношений.

Оценка экономии «скрытых затрат» измеряется через изменение базовых показателей эффективности в проблемных областях до внедрения цифрового двойника и «ключевыми измеримыми индикаторами могут быть следующие: количество поездок на объект для проверки информации, время на проведение ремонтных работ, время цикла

[1] Как цифровые двойники помогают российской промышленности. // Rusbase 26 марта 2019. – https://rb.ru/longread/digital-twin

управления изменениями, время на подготовку заданий на обслуживание и технические инспекции, количество хранимых запасных частей, незапланированные простои оборудования»[1].

Применение цифровых двойников помогает моделировать развитие событий в зависимости от условий и факторов эксплуатации, наиболее эффективные режимы работы и выявить потенциальные риски. При этом обеспечивается сокращение сроков выпуска и реализации продукции, снижение издержек, суммарной потребности в ресурсах и общей стоимости производственных проектов, гарантируется безопасность. «Опыт показывает, что за счет использования подобных систем удается в 2–3 раза сократить количество ошибок и несостыковок при проектировании и эксплуатации различных установок»[2].

Комплексная модель двойника, обладающего «генетической памятью» о критических зонах и критических характеристиках в ходе эксплуатации изделия и влияния условий среды использует методы моделирования физических процессов в материалах объекта, позволяет моделировать развитие событий в зависимости от условий и факторов эксплуатации, наиболее эффективные режимы работы и выявить потенциальные риски. Для создания таких «умных» цифровых двойников требуется решение двух классов задач:

– использование сложных мультидисциплинарных математических моделей с высоким уровнем адекватности реальным материалам, конструкциям и физико-механическим процессам, описываемых уравнениями математической физики. Такие модели позволяют агрегировать все знания, используемые при проектировании, производстве, эксплуатации изделия;

– формирование ключевых компетенций разработки «умных» моделей: кастомизация, системный инжиниринг, многоуровневая матрица целевых показателей и ресурсных ограничений (временных, финансовых, технологических, производственных и др.); валидация «умных» моделей; «цифровая» сертификация[3].

Таким образом, цифровая экономика в настоящее время является основой экономического развития, позволяющей получить дивиденды в виде экономического роста, создания новых рабочих мест, появления новых видов услуг и повышения качества товаров, сокращения издержек. Для каждой отрасли промышленности характерны свои ключевые показатели и приоритеты, вследствие чего эффективность проектов цифровизации в них оценивается поразному и зависит от разных факторов. Цифровая трансформация промышленности России непосредственным образом должна быть связана с развитием цифровых двойников. Создание цифрового двойника – это сложная задача, сопряженная с серьезными финансовыми затратами, где требуется внимательно оценить результаты, в первую очередь экономические, и сопоставить с затратами. Экономические эффекты в рамках реализации проектов по внедрению технологии двойников проявляются в эффективном распределении и использовании финансовых, материально-технических, кадровых ресурсов и достигаются сразу по нескольким направлениям. Цифровые двойники меняют в промышленности способы производства, повышают производительность и эффективность деятельности, способствуют ускоренному выведению новой продукции на рынок и победе в конкуренции. Рост цифровой экономики будет способствовать дальнейшему появлению новых экономических возможностей.

[1] Компоненты Индустрии 4.0: Цифровые двойники // Рациональное управление предприятием. Автоматизация проектирования. 2019. – № 3. – С. 16–17. – https://digitaltwin.ru/media/resources/REM-2019-4_prodoljenie_kruglogo_stola.pdf

[2] Никоноров А., Шишмарев А. Цифровой двойник: Системы 3D моделирования оборудования на НПЗ «Газпром нефти» // Цифровое производство: сегодня и завтра российской промышленности. 2017. – № 2. – С. 86. – http://up-pro.ru/imgs/specprojects/digital-pro/Digital_production_2.pdf

[3] Боровков А.И., Рябов Ю.А., Марусев В.М. «Умные» цифровые двойники – основа новой парадигмы цифрового проектирования и моделирования глобально конкурентоспособной продукции нового поколения // Трамплин к успеху. 2018. – № 3. – С. 14.

Шаяхметова К.О.
д.э.н., профессор, АО «Финансовая академия», Нур-Султан
Sharia_2005@mail.ru
Костырко Р.А.
д.э.н.. профессор, Университет банковского дела, Киев
Шыныбаев А.А.
менеджер ТОО «Новые технологии», Нур-Султан

РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ

Ключевые слова*: инновации, строительная индустрия, экономическое развитие, ресурсы.*
Keywords*: innovations, construction industry, economic development, resources.*

В современном мире инновации являются одним из ключевых факторов, определяющих перспективы социального и экономического развития организаций.

Сегодня конкурентоспособность на отечественном и мировом рынках все больше зависит от той продукции, в основе которой лежит новое знание. И если в прошлом успех и развитие организации во многом зависели от доступа к природным ресурсам, то сегодня они нуждаются в науке, нововведениях и образовании работающих.

Динамика и качество экономического роста в современном мире все сильнее определяются степенью развития науки, инноваций и эффективным использованием информационно-маркетинговых стратегий в организациях. Инновации стали главенствующей идеей, объединяющей мировую экономику. В Казахстане идет период адаптации научно-производственного комплекса к условиям конкуренции, формируется национальная инновационная система. Предлагается и оказывается финансовая поддержка со стороны государства инновационным проектам, соответствующим приоритетам Государственной программы по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан.

В Послании Президента РК – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» Новый политический курс состоявшегося государства» было отмечено: «внедрение инноваций очень важно, но это не самоцель. Реальную выгоду страна будет получать только тогда, когда наши новые технологии будут иметь спрос, когда они будут востребованы на рынке. В противном случае инновация – это пустая трата денег» [1].

В настоящее время стратегия строительного сектора еще слабо ориентирована на инновационный путь развития. В условиях рыночной экономики стабильное развитие строительного сектора во многом определяется способностью организаций проявлять гибкость к изменяющейся конъюнктуре, диверсифицировать производство в поисках новых возможностей и резервов производственно-хозяйственной деятельности организаций.

В современных условиях важной составляющей успеха является рациональное использование инноваций и знаний, рождающихся как внутри отдельных организаций, так и в отдельных отраслях экономики, в частности в строительной сфере. Методическая разработка вопросов обеспечения эффективности управления инновационным развитием строительной отрасли до настоящего времени велась недостаточно системно. Одной из причин подобной ситуации следует считать преимущественную концентрацию ранее выполненных исследований на макроэкономическом аспекте инноваций.

В мировой экономической литературе «инновация» интерпретируется как превращение потенциального научно-технического прогресса в реальный, воплощающийся в новых продуктах и технологиях. Проблематика нововведений в нашем государстве на протяжении многих лет разрабатывалась в рамках экономических исследований НТП.

В соответствии с международными стандартами инновация определяется как конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам. Инновация может быть рассмотрена как в динамическом, так и в статическом аспекте. В последнем случае инновация представляется как конечный результат научно-производственного цикла.

Период времени от зарождения идеи до практического создания и внедрения новшества, его использования принято называть жизненным циклом инновации. Возникла потребность управления творческим потенциалом и повышением эффективности связи науки и производства. Этим и занимается инноватика – наука о формировании новшеств, их диффузии, а также факторах, противодействующих внедрению нововведений; адаптации к ним человека; организации и механизме инновационной деятельности; выработке инновационных решений и политики. Иначе говоря, инноватика – новая область исследований, необходимая для эффективного решения задач интенсификации и ускоренного развития инновационной экономики, прежде всего – создания, освоения и распространения различных

типов новшеств. Инноватика возникла как реакция на современные требования экономики, необходимость усиления восприимчивости её элементов к появившимся изменениям.

В настоящее время вся ответственность по осуществлению инноваций легла на плечи руководителей отдельных хозяйствующих субъектов. Однако сегодня не только правильная оценка и выбор, но и успешная реализация инновационных проектов позволяют организациям занимать лидирующие позиции в отрасли и обеспечивают стабильную основу для дальнейшего роста.

Существующие оценки инновационной деятельности основываются на выборочных обследованиях большего или меньшего масштаба, и этим объясняется нередкое противоречие их результатов.

Инновационным является такое предприятие, которое внедряет продуктовые или процессные инновации, независимо от того, кто был автором инновации – работники данной организации или внешние агенты (внешние собственники, банки, научно-исследовательские организации и провайдеры технологий, другие предприятия).

Сегодня Казахстан столкнулся с необходимостью принять глобальный инновационный вызов и очевидно, что сегодня он пытается выстроить новую инновационную политику, нацеленную на активизацию и стимулирование инновационных процессов и национального научно-технического потенциала. Политика Казахстана нацелена на внедрение новых технологических укладов, освоение новых переделов в обрабатывающей промышленности, преодоление разрыва между наукой и производством, а также на обеспечение реального трансферта передовой иностранной технологии и внедрение международных стандартов.

Согласно Государственной программе индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы, в настоящее время актуальной стратегической задачей является развитие отечественного наукоемкого производства, разработка и освоение новых наукоемких и информационных технологий, ориентированных на получение конкурентоспособной продукции и обеспечение интересов национальной экономической безопасности за счет сохранения и развития промышленного и научно-технического потенциала республики [2].

В связи с этим большую актуальность приобретает изучение наиболее успешного зарубежного опыта проведения эффективной инновационной политики.

Существующие государственные инновационные механизмы малопригодны для строительства провозглашенной в Государственной программе индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы так называемой «сервисно-технологической» экономики.

Основными целями реформ являются:

– реформирование сметного ценообразования Казахстана, с целью дальнейшей гармонизации с общепринятой системой ценообразования в экономически развитых стран мира, в том числе стран Европейского экономического союза;

– способствование повышению эффективности деятельности субъектов строительной отрасли на основе применения новых технологий и формированию прогрессивного менеджмента как в управлении инвестиционными проектами, так и в подрядных строительных и в проектных компаниях.

Республика Казахстан является страной открытой для инноваций. Развитие, изучение и применение инноваций позволит перевести экономику страны на абсолютно новый уровень развития и динамичности. Применение инноваций в сфере ценообразования позволит урегулировать вариативность цен, которая присутствует на сегодняшний день на рынке строительной индустрии.

Инновация – это объективная экономическая категория, является одной из элементов системы производственных отношений и элементом управления в современной экономике. Понятие «инновация» определяется как целевое изменение в функционировании экономической системы, причем в широком смысле это могут быть качественные и (или) количественные изменения в её различных сферах и элементах. Сущность инновации проявляется в ее функциях: воспроизводственной, инвестиционной, стимулирующей. Побудительным механизмом развития инноваций, в первую очередь, является рыночная конкуренция.

Функцией управления инновациями является реализация нововведений, поэтому одна из форм проявления этой функции заключается в стимулировании инновационной деятельности строительных организаций. Инновационная деятельность включает все виды деятельности по разработке, освоению и производству, а также реализации инноваций. У инновационной деятельности имеются основные преимущества заключающиеся в том, что она позволяет строительным организациям эффективно функционировать в условиях сложившейся жесткой конкуренции, гарантирует гибкую ориентацию ассортимента производства товаров и услуг к изменяющемуся по величине и структуре спросу населения и организаций, побуждает к эффективному применению достижений научно-технического прогресса и т.д.

Необходимость стимулирования инновационной деятельности строительных организаций наиболее объективно отражается концепцией «общественной ценности» инноваций, по которой она может быть подкреплена дополнительным количеством продукции, производимой с их помощью, а также экономией ресурсов. В связи с этим, инновационное развитие строительной организации представляется нам как процесс формирования и совершенствования технико-технологической базы, ориентированный на конечные результаты его хозяйственной деятельности [3].

Внедряя инновации в практику предпринимательской деятельности строительной организации, необходимо знать, какие факторы способны затормозить или ускорить этот процесс. Основные факторы, влияющие на инновационную деятельность строительной организации, в систематизированной форме представлены в табл. 1.

В современных условиях развития, как показало исследование, строительная отрасль изменила акценты в инновационной сфере, увеличив долю процессных инноваций и затрат на приобретение техники. Это позволяет в перспективе прогнозировать снижение удельного веса устаревшего оборудования за счет технологического обновления. На-

блюдаются тенденции увеличения затрат на внедрение новых технологий и переориентация строительства на процессные инновации, обеспечивающие решение главной задачи – поддержание и повышение конкурентоспособности производств за счет более эффективного ресурсосбережения [2].

Таблица 1

Факторы, влияющие на развитие инновационной деятельности строительных организаций

Группа факторов	Факторы, препятствующие инновационной деятельности	Факторы, способствующие инновационной деятельности
Экономические, технологические	Недостаток средств для финансирования инновационных проектов, слабость материальной и научно-технической базы, отсутствие резервных мощностей, доминирование интересов текущего производства.	Наличие резерва финансовых и материально-технических средств, прогрессивных технологий, необходимой хозяйственной и научно-технической инфраструктуры.
Политические, правовые	Ограничения со стороны антимонопольного, налогового, амортизационного, патентно-лицензионного законодательства.	Законодательные меры (особенно льготы), поощряющие инновационную деятельность, государственная поддержка инноваций.
Социально-психологические, культурные	Сопротивления переменам, которые могут вызвать такие последствия, как изменение статуса сотрудников, перестройка устоявшихся способов деятельности, необходимость поиска новой работы нарушение стереотипов поведения и сложившихся традиций, боязнь неопределенности, опасение наказаний за неудачу.	Моральное поощрение участников инновационного процесса, общественное признание, обеспечение возможностей самореализации, освобождение творческого труда, нормальный психологический климат в трудовом коллективе.
Организационно-управленческие	Устоявшаяся организационная структура, излишняя централизация, авторитарный стиль управления, преобладание вертикальных потоков информации, ориентация на сложившиеся рынки, ориентация на краткосрочную окупаемость.	Гибкость организационной структуры, демократичный стиль управления, преобладание горизонтальных потоков информации, допущение корректировок, децентрализация, автономия, формирование целевых рабочих групп.

* Магомедов А.А. Источники эффективности инновационной деятельности строительных предприятий // Проблемы теории и практики совершенствования экономических отношений хозяйствующих субъектов: сб. науч. тр. – Махачкала: ДГТУ, 2007. – С. 62–66.

Совокупность форм, методов и инструментов воздействия, способствующих внедрению инноваций в практику предпринимательской деятельности строительных предприятий с целью повышения конкурентоспособности на рынке строительной продукции представляется как организационно-экономический механизм стимулирования инновационной деятельности.

Внешним стимулом инновационной активности являются события внешней среды строительного предприятия, обусловленные экономической политикой государства, переходом экономики на новую ступень научно-технического развития, усилением инновационной активности и новым подходом к нововведениям, соединяющим знания и технику с рынком, изменившиеся стереотипы поведения. Внутренний стимул вызван необходимостью замены устаревшего оборудования с целью повышения конкурентоспособности строительной продукции на рынке [2].

Иинновации в проектировании строительных объектов, инновации в производстве стройматериалов, инновации в производстве строительных конструкций, инновации в механизации строительных работ, инновации в организации, технологии и управлении строительством – это наиболее перспективные направления инновационной деятельности строительных организаций (рис. 1):

Рисунок 1.
Направления инновационной деятельности строительных организаций

Управление инновациями в строительстве направлено на облегчение труда людей, сокращение сроков производства, снижение стоимости изготовления продукции, улучшение экологического статуса застраиваемой площадки. Например, в промышленном строительстве повсеместно внедряются унифицированные и гибкие объемно-планиро-

вочные и конструктивные решения, на основе которых возводятся, например, здания павильонного типа с укрупненной сеткой колонн и панельными ограждающими конструкциями. Согласно проведенным исследованиям, в жилищном строительстве массовое внедрение получило применение панельных конструкций, изготовленных с применением легких бетонов на пористых заполнителях, эффективных утеплителей, облицовочных, гидро- и звукоизоляционных материалов, новых конструкционных и отделочных материалов, эффективных технологий, автоматизированного инженерного оборудования. Типизация строительства имеет большое значение для повышения эффективности инновационной деятельности, так как она позволяет использовать стандартные строительные элементы и детали, которые, в свою очередь, являются предпосылкой для их серийного, массового, и, следовательно, экономичного производства в заводских условиях [3].

Инновации сегодня в условиях второго этапа НТП играют решающую роль в обеспечении конкурентоспособности строительной организации.

Процесс преобразования научного знания в научно-техническую идею и далее – в производство продукции для удовлетворения потребности пользователя необходимо рассматривать как научно-техническое нововведение. В этом контексте можно выделить два подхода к научно-техническому нововведению:

1) Первый подход отражает в основном продуктовую ориентацию нововведения. Инновация определяется как процесс преобразования ради выпуска готовой продукции. Это направление распространяется в период, когда позиции потребителя по отношению к производителю достаточно слабы. Однако сами по себе продукты – не конечная цель, а лишь средство удовлетворения потребностей.

2) Согласно второму подходу, процесс научно-технического нововведения рассматривается как передача научного или технического знания непосредственно в сферу удовлетворения нужд потребителя. Продукт при этом превращается в носителя технологии, а форма, которую он принимает, определяется после увязки технологии и удовлетворяемой потребности.

Инновационная деятельность направлена на использование и коммерциализацию результатов научных исследований и разработок для расширения и обновления номенклатуры и улучшения качества выпускаемой продукции, совершенствования технологии их изготовления с последующим внедрениеми эффективным реализацией на внутреннем и зарубежном рынках [4].

Рисунок 2.
Формы инноваций

Инновация может быть рассмотрена как:

– процесс;

– система;

– изменение;

– результат.

Инновация имеет четкую ориентацию на конечный результат прикладного характера, она всегда должна рассматриваться как сложный процесс, который обеспечивает определенный технический и социально-экономический эффект.

Инновация в своем жизненном цикле меняет формы, продвигаясь от идеи до внедрения. Протекание инновационного процесса, как и любого другого, обусловлено сложным взаимодействием многих факторов. Использование в предпринимательской практике того или иного варианта форм организации инновационных процессов определяют три фактора:

– состояние внешней среды (политическая и экономическая ситуация, тип рынка, характер конкурентной борьбы, практика государственно-монополистического регулирования и т.д.);

– состояние внутренней среды данной хозяйственной системы (наличие лидера-предпринимателя и команды поддержки, финансовые и материально-технические ресурсы, применяемые технологии, размеры, сложившаяся организационная структура, внутренняя культура организации, связи с внешней средой и т.д.);

– специфика самого инновационного процесса как объекта управления [6].

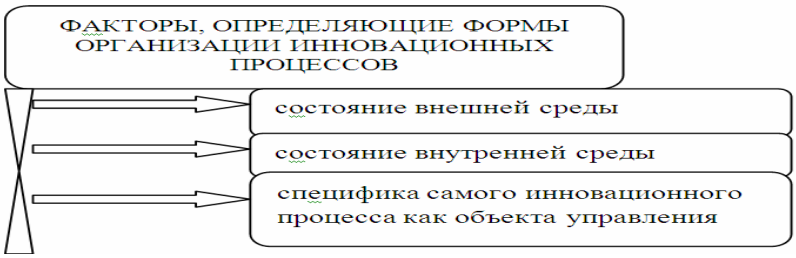
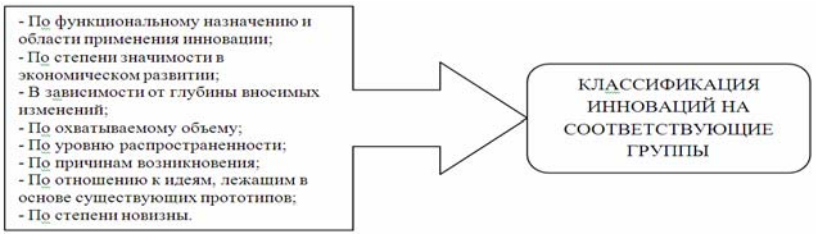

Рисунок 3.
Факторы, определяющие формы организации инновационных процессов

Наличие новатора-энтузиаста является важнейшим условием успеха инновации. Он охвачен новой идеей и готов приложить максимум усилий, чтобы воплотить ее в жизнь. Наличие лидера-предпринимателя, который нашел инвестиции, организовал производство, продвинул новый товар на рынок, взял на себя основной риск и реализовал свой коммерческий интерес также входит в составляющие успеха инновации.

Для получения более высокой отдачи от инновационной деятельности осуществляется классификация нововведений. Необходимость классификации, т.е. разделения всей совокупности нововведений по тем или иным признакам на соответствующие группы, объясняется тем, что выбор объекта инновации является очень важной процедурой, поскольку она предопределяет всю последующую инновационную деятельность, результатом которой станут повышение эффективности производства, расширение номенклатуры наукоемкой продукции и рост ее объемов[5].

Совершенствование управления во всех его конкретных аспектах является одной из наиболее приоритетных среди множества проблем, решение которых обеспечивает достижение стратегических целей социально-экономического развития регионов. Именно качество управления представляет собой главное необходимое условие достижения эффективности функционирования национальной экономики на всех уровнях ее системной иерархии – от формирования целенаправленных воздействий на народно-хозяйственный комплекс в целом (макроуровень) через региональную и отраслевую конкретизацию экономических программ и проектов (мезоуровень) к разработке полноценных управленческих стратегий деятельности субъектов предпринимательства (микроуровень).

Следует выделить особую роль строительной отрасли в удовлетворении базовых потребностей людей и общества в целом. В системе национальной экономики Казахстана строительство занимает особое место, поскольку оно является одной из структурообразующих отраслей сферы материального производства, с которой связано решение проблем экономического и социального развития государства, областей, предприятий и населения. Именно состояние развития строительства во многом определяет вектор и темпы рыночных преобразований.

Создавая материальную основу жизнедеятельности, строительство формирует первичные предпосылки уровня социального развития; результаты строительной деятельности – здания и сооружения, инфраструктурные объекты – имеют самый длительный срок полезного использования по сравнению с продукцией других отраслей; именно строительная деятельность определяет масштабы, качество и темпы решения критически важной для нашего государства жилищной проблемы. Все эти обстоятельства определяют необходимость более использования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов строительного комплекса с целью повышения эффективности функционирования отрасли в целом.

Инновационный потенциал (фирмы, научного центра, страны в целом) – имеющиеся в наличии и предназначенные для достижения инновационных целей (реализации инновационной стратегии, программ, проектов) ресурсы, а также организационные структуры и технологии (механизмы) инновационной деятельности. Основными видами инновационного потенциала являются: функциональный, ресурсный, системный и проектно-организационный.

Инновационный потенциал – это способность системы организовать и осуществлять процессы, направленные на достижение результатов, наиболее полно соответствующих изменениям внешних условий, в первую очередь, изменениям требований рынка [10].

В целом под инновационным потенциалом предприятия следует понимать все его ресурсы, которые можно использовать для инновационных процессов: материальные, финансовые, кадровые, информационные, организационные и технические. Что же касается персонала, то его инновационный потенциал связан со способностью работников вырабатывать и эффективно реализовывать как свои, так и сторонние новые идеи и проекты.

Инновационный потенциал предприятия и персонала – это, по сути, ключевой фактор будущего успеха хозяйствующих субъектов строительного комплекса. Предприятие, которое обладает значительным инновационным потенциалом и осознано стремится его формировать и развивать, можно назвать инновационным (инновационно-восприимчивым). Инновационность хозяйствующего субъекта является важным конкурентным преимуществом, ибо позволяет своевременно защитить бизнес от назревающих угроз со стороны внешней среды через систему опережающего и непрерывного поиска новых возможностей выживания и развития. При этом усиливаются адаптивные способности предприятия, расширяется горизонт принятия управленческих решений, возрастают разнообразие и вариативность продуктов и технологий. Как правило, рынок всегда меняет отношение к предприятию на более позитивное, если оно становится более интересным, разнообразным и креативным (инновационным).

Инновационный потенциал предприятия можно рассматривать как меру его готовности выполнить задачи, обеспечивающие достижение поставленных инновационных целей.

К факторам инновационной активности, действующим на уровне строительных предприятий, можно отнести:

- производственные мощности предприятия;
- финансовые ресурсы;
- трудовой потенциал предприятия (включая эффективный менеджмент);
- изменение стратегических целей и установок предприятия в соответствии с изменениями рынка.

В связи с этим можно выделить два подхода в формировании потенциала конкурентоспособности строительных предприятий посредством технического развития на основе передовых технологий:

- приобретение лицензий на известные технологии, виды продукции и торговые марки крупных иностранных компаний;
- опора на отечественный научно-технический потенциал.

Нельзя руководствоваться одним, должен присутствовать их гармоничный синтез с изменением доли преобладания того или иного подхода в зависимости от мировых тенденций и внутреннего уровня НТП.

Выбор и реализация инновационной стратегии зависят от состояния инновационного потенциала хозяйствующих субъектов строительной отрасли.

Активизация инновационной деятельности связана не только с интенсивностью зарождения, развития, распространения и применения научно-технических знаний, включая научные исследования и разработки, но и с совершенствованием системы отбора, оценки, подготовки и переподготовки кадров, системы стимулирования и повышения мотивации эффективного труда.

Решающее влияние на темпы развития других отраслей оказывает строительная индустрия, являющаяся одной из наиболее значимых отраслей материального производства, которая создает материально-техническую основу ускорения научно-технического прогресса в других отраслях экономики, обеспечивает инновационно-техническое развитие предприятий промышленности, транспорта, связи и др., как имущественных комплексов и объектов недвижимости, а также позволяет решать важнейшие экологические и социальные задачи. Инновационное развитие коммерческих организаций (а нашем случае строительной индустрии) – это не только основный инновационный процесс, но и развитие системы факторов и условий, необходимых для его осуществления, т.е. инновационного потенциала [7, с. 92].

Список литературы

1. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 17 января 2014. – Астана, 2014.
2. Раджабова Д.А., Магомедов А.А. Управление инновационными процессами предприятия в современных условиях // Сборник материалов XXVII итоговой научно-техн. конференции ДГТУ. – Махачкала, 2007. – Ч. 2. – С. 54–55.
3. СН РК 8.02-02-2002 Порядок определения сметной стоимости строительства в Республике Казахстан.
4. СНиП РК 8.02-01-2002 Система сметных нормативов в строительстве.
5. Государственная программа развития жилищного строительства в Республике Казахстан на 2005–2007 гг. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 11 июня 2004. № 1388.
6. Додобаев Ю.Т., Касенов К.Р., Еспопов А.Т., Темиргалиева П.К. Анализ хозяйственной деятельности: учебное пособие. – Алматы, 2007. – 371 с.
7. Касенова К.М., Келемешев А.Д., Тажигулова Б.К., Жандаулетова Ф.Р. Безопасность и экологичность проекта: методические указания. – Алматы, 2003.
8. Магомедов А.А. Источники эффективности инновационной деятельности строительных предприятий // Проблемы теории и практики совершенствования экономических отношений хозяйствующих субъектов: сборник научных трудов. – Махачкала: ДГТУ, 2007. – С. 62–66.
9. Бездудный Ф.Ф., Смирнова Г.А., Нечаева О.Д. Сущность понятия инновация и его классификация // Инновации. – СПб., 1998. – № 2-3. – С. 10–18.
10. Балабанов И.Т. Инновационный менеджмент: учебю пособие для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – С. 28–32.

Анциферова И.В.
д.соц.н., профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы
Ермаков А.В.
ведущий консультант Комитета по экономике и развитию Курской области

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТЕЙ МЕНЕДЖЕРИСТСКОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *ценности, ценностные ориентации, идейно-ценностные основы, публичный менеджмент, государственная служба, государственное управление.*

Процесс теоретического осмысления и проведение сравнительного анализа между механизмами и технологиями в бизнес-среде и в сфере государственного и муниципального управления, проходивший на протяжении конца XIX середины XX веков, перешел в восьмидесятых годах прошедшего столетия в практическую плоскость. Парадигма нового публичного менеджмента пришла на смену идеологии публичного администрирования. В основу нарратива административного реформирования первично легли положения о:

– создании культуры государственного предпринимательства, внедрении принципов менеджмента в деятельность государственного аппарата, перевод его части за рамки государственной службы;

– децентрализации, стремлении к сокращению и удешевлению аппарата, формировании принципов прозрачности бюрократической среды, ее отзывчивости на общественные ожидания и требования;

– ограничении значимости традиционной административной лестницы чинов;

– уменьшении роли вертикальной иерархии, развитии функциональных органов, линейных структур;

– поиске новых форм контроля над бюрократией.

Эти подходы требовали кардинального пересмотра традиционного места государства в общественной и политической системах, в частности, его задачи реализации публичных интересов, отдавая приоритет подходу к государству как к производителю общественно значимых услуг. Сближение государственного управления и частного менеджмента изменило саму направленность государства, сделав его клиентоориентированным, трансформируя при этом государственно-служебную практику, превращая государственную службу в разновидность найма.

Пересмотр парадигмы государственного управления, когда на смену государству администратору приходит государство – экономически эффективный менеджер, повлек за собой существенные изменения в понимании роли и места чиновничества как в их собственной среде, так и в обществе. Недисциплинированная мотивом прибыли государственная служба не содержала в себе экономических критериев ее оценки, с помощью которых можно было бы более или менее точно определить результативность ее деятельность. Показателем производительности были не результаты, а затраченные ресурсы.

Еще одним важным фактором, потребовавшим изменений в среде государственной службы, стали быстро меняющиеся экономические условия, связанные с очередной сменой технологического уклада в мировой экономике. Кроме того, появление квази-рынков, связанных, прежде всего, с внедрением в деятельность органов власти предоставления государственных услуг актуализировали эти изменения. При этом одной из важнейших целей, по мере развития квази-рынков по предоставлению государственных услуг, становится повышение их качества и совершенствование механизма их распределения. В подобных условиях интересы граждан как клиентов государства и потребителей его услуг становятся все более приоритетными.

Реализация потребностей бизнеса и общества предполагала, что государство в новой его форме должно быть компактно, динамично и экономично, а также способным эффективно реализовывать свои функции. Такое государство должно быть свободно от чрезмерного вмешательства в дела гражданского общества и регламентации социальных взаимодействий[1].

В большинстве западных стран инкорпорация в сферу государственного управления рыночных механизмов, развитие конкурентных отношений между государственным и частным сервисом не привели к кардинальному изменению ценностных ориентиров в бюрократической среде. Существующие, с устоявшимися нормами и традициями демократические институты, императивы правовой системы, преобладание либеральных взглядов в общественном сознании позволили трансформировать государственные аппараты, внедрив в них дух предприимчивости и инициативы, заботе о клиенте, сделав их более демократичными, прозрачными и доступными для граждан. Иллюстрацией к вышесказанному является быстро внедренная и хорошо зарекомендовавшая себя практика обмена кадрами между государственным аппаратом и частным бизнесом. В частности в США устойчивые традиции обмена кадров между

[1] Оболенский А.В. Бюрократия: теории, история, современность // Знамя. 1997. – № 7. – С. 174–182.

федеральными органами и частными корпорациями существенно оптимизируют деятельность государственного аппарата и оперативно позволяют внедрять в него управленческие нововведения, разработанные в частном секторе[1].

Административное реформирование и связанные с этим сущностные изменения в системе государственного управления в нашей стране начались с достаточным опозданием от западных стран. Это давало возможность, не меняя общепризнанных принципов, использовать лучшие мировые практики, разработать технологии внедрения в деятельность органов управления рыночных механизмов с учетом специфики состояния социокультурной среды и ментальности российского общества. Трансформационные процессы в нашей стране идут на протяжении последних тридцати лет. Их формализация произошла с принятием Распоряжения Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах». Основной целью реформы признавалось сближение интересов бизнеса и общества с государственными, а ее основной вектор лежал в плоскости реформирования системы государственной службы. Это не являлось российской спецификой и было мировой тенденцией. Особенностью нашей страны явилось то, что на момент официального старта реформы организационная структура органов исполнительной власти имела старую, практически не измененную в соответствии с прошедшими изменениями в экономике и политике модель. Кроме того, малорезультативные попытки реформирования властно-управленческой структуры в 90-х годах не смогли преодолеть отсутствие четких ценностных ориентиров, целостной системы взглядов и представлений о том, какую государственную службу предстоит получить в процессе изменений и какие модели соответствуют в большей степени новому этапу развития, новым историческим и экономическим реалиям.

Отсутствие четких ориентиров в целеполагании и идеологии модернизации государственной службы было обусловлено особенностями социокультурной среды российского общества того периода.

Существует вполне обоснованное представление о том, что в поиске идейно-ценностных оснований реформы существовало две проблемы. Прежде всего то, что разработка новой модели государственной службы проходила в рамках того идейно-ценностного подхода, который доминировал у разработчиков реформы. «Придумывая будущее, люди черпают вдохновение из прошлого: из удачного опыта функционирования подобных объектов, из научной мысли, создавшей идеальные образы такого объекта, из сложившегося понимания общественных и групповых интересов. Модель государственной службы вобрала в себя и надежды, что можно создать эффективный государственный аппарат, и почитаемые демократические ценности, акцентирующие внимание на правах граждан, принципах правового государства и гражданского общества, и опыт развития государственной службы в западных странах, показавший значимость «системы заслуг» и необходимость создания политически нейтральной профессиональной службы»[2]. Именно этим объясняется столь долгий путь к появлению в цепочке ценностных приоритетов таких ценностных характеристик государственной службы как сервисность, экономичность, нацеленность на результат, открытость, подконтрольность гражданскому обществу, ориентация на общественные интересы. В данном контексте изменения ценностных приоритетов системы властно-управленческих отношений детерминированы процессами, происходящими в общественном сознании в процессе обретения нового опыта и развития научного знания.

Вторая проблема в определении ценностных основ новой модели системы государственной службы обоснована многообразием общественных взглядов и представлений о месте и роли государственной службы в обществе. При этом необходимо отметить, что часть этих представлений носит умозрительный характер и не основываются на знании этой сферы общественных отношений. Значимым здесь является то, что групповые ценностные предпочтения, ассоциируемые с системой государственного управления в целом, в большей степени проецируются на институт государственной службы как ее элемент. По мнению А.Г. Барабашева, если есть основания для появления разных общественных взглядов и подходов к роли государства и государственного аппарата, то неизбежным будет и оспаривание любой ценностной модели государственной службы. Оно может иметь публичный характер, а может происходить путем подмены их в процессе правового закрепления. В российской практике реформирования государственной службы ценностное «требование служения интересам гражданского общества и государства, обеспечение приоритетов прав и свобод человека и гражданина трансформировалось в требование служения интересам государства, подкрепленное рядом конкретных норм, регулирующих понятие «представитель нанимателя»[3].

Необходимо отметить, что в процессе реформирования ценности не только определяют направленность трансформаций, но и выступают как системообразующий фактор, что соответственно влияет на их правовую имплементацию. В Федеральном законе «О системе государственной службе в Российской Федерации» формулируются принципы, в основе которых лежит публичный менеджмент: открытость государственной службы, ее доступность общественному контролю, равный доступ граждан к государственной службе, профессионализм и компетентность государственных служащих[4]. Однако, несмотря на их императивное закрепление, в самой системе государственной службы они не приобрели имманентный характер. Практикуемый в российской действительности процесс регулирования ради регулирования в данном контексте приводит к искаженному пониманию применения технологий менеджмента в системе государственного управления. Наиболее ярко это проявляется в попытках внедрения в деятельность органов исполнительной власти принципов результативности. Существующие методические инструментарии, регламентирую-

[1] Мильнер Б. Уроки бюрократической системы управления // Вопросы экономики. – М., 1999. – № 1. – С. 77–87.

[2] Пушкарева Г.В. Идейно-ценностный механизм реформирования государственной службы // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. – № 63. – С. 171–190.

[3] Реформа государственной службы: канадский опыт и российская действительность / Под ред. А.Г. Барабашева, С.В. Кабышева. – М.: Формула права, 2006.

[4] Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 № 58-ФЗ.

щие оценку деятельности государственной службы, не обеспеченные соответствующим финансированием, потеряли смысл еще до внедрения в практику.

В настоящее время проблемы формирования и развития ценностных основ публичного менеджмента в системе властно-управленческих отношений лежат в плоскости явно выраженных противоречий: между декларируемыми и лежащими в основе деятельности чиновников ценностями, между желаемыми ценностями и мировоззренческими установками в общественном сознании, между способностями воспринимать ценностные ориентации либерально-демократического характера и уровнем культуры и образования в обществе. Разрешение данных противоречий позволит не только упорядочить и укрепить ценностные ориентации в общественном сознании, но и привести в соответствие с принципами публичного менеджмента деятельность органов публичной власти.

Ашурков О.А.
к.ю.н., зам. директора по научной работе, Институт экономических исследований, г. Донецк
ashurkov.oa@gmail.com
Орлова Н.А.
к.э.н., с.н.с. Института экономических исследований, г. Донецк
ona-iep@rambler.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Ключевые слова*: Донецкая Народная Республика, инновационная модель развития экономики, государственное регулирование, законодательство, правовое обеспечение и направления совершенствования нормативно-правовой базы развития инвестиционной деятельности.*

Keywords*: Donetsk People's Republic, innovative model of economic development, state regulation, legislation, legal support and directions for improving the regulatory framework of the investment activity development.*

В условиях перехода к инновационной модели развития экономики существенно актуализируется проблема поиска путей усиления заинтересованности субъектов хозяйствования в инновационной деятельности. Как отмечают многие ведущие ученые, эволюция всех успешных компаний и организаций оказывается в своей основе одинаковой: они добиваются конкурентных преимуществ посредством инноваций, используя как новые технологии, так и новые методы работы[1]. Именно инновационность становится на современном этапе хозяйствования стратегическим ресурсом экономического роста.

В свою очередь, развитие инновационных процессов, их эффективность самым непосредственным образом зависят от инвестиционной стратегии государства, создания в стране благоприятного инвестиционного климата как важнейшей предпосылки активного привлечения в экономику инвестиций отечественных и иностранных предпринимателей с целью финансового обеспечения поступательного наращивания научно–технического и конкурентного потенциала экономической системы.

Практическое решение этой комплексной, чрезвычайно сложной и многоаспектной задачи объективно требует формирования действенной законодательной базы правового регулирования отношений в этой сфере хозяйственной деятельности. Все хозяйственное законодательство – подчеркивал академик В.К. Мамутов, – должно способствовать нормальному осуществлению и развитию инвестиционной деятельности в целом и инновационной в частности. Степень соответствия законодательства этому требованию может служить одним из критериев уровня его эффективности[2].

В Донецкой Народной Республике (ДНР), созданной в соответствии с результатами всенародного референдума о независимости 11 мая 2014 г., развитие инвестиционной и инновационной деятельности существенно осложняется тем, что с началом военных действий произошло значительное разрушение промышленного потенциала, жилого фонда и объектов социальной инфраструктуры Республики, а экономическая блокада территории ДНР привела к нарушению хозяйственных связей и транспортной логистики, затруднила сбыт выпускаемой продукции, импорт сырья и комплектующих. Серьезную деформацию претерпела также система профессионально-кадрового и научно-технического обеспечения в стратегически важных секторах экономики.

Преодоление этих трудностей требует концентрации больших усилий органов государственной власти, бизнеса, трудовых коллективов, мобилизации всего научно-технического потенциала Республики, принятия действенных мер по восстановлению промышленного комплекса, созданию новых рабочих мест, увеличению уровня занятости, повышению доходов населения.

В последние годы в этом направлении предпринимаются определенные важные шаги. Разработана и реализуется целевая комплексная «Программа восстановления и социально–экономического развития городов и районов Республики», подготовлен проект «Программы реформирования жилищно-коммунального хозяйства Донецкой Народной Республики до 2023 года», разработан проект комплексно-целевой «Программы социально-экономического развития ДНР до 2024 года», разрабатываются Республиканские отраслевые программы, а также программы по ликвидации дисбаланса между рынком образовательных услуг и рынком труда и др.

---

[1] Бабюк О.В. Инновационная политика и конкурентные преимущества в эпоху глобализации // Экономика и управление. 2005. – № 1. – С. 62.

[2] Мамутов В.К. Развитие хозяйственного законодательства и хозяйственно–правовой мысли в суверенной Украине // Хозяйственное законодательство Украины: практика применения и перспективы развития в контексте европейского выбора: сб. науч. тр. / НАН Украины. Ин–т экономико-правовых исследований. – Донецк: Юго-Восток, ЛТД, 2005. – С. 20.

Как позитивный фактор следует отметить практику проведения в ДНР международных инвестиционных форумов. Так, в 2018 г. в г. Донецке был проведен Международный интеграционный форум «Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры», в 2019 г. – Донецкий международный инвестиционный форум, в рамках которого было заключено 34 инвестиционных соглашения в промышленном и аграрном секторах на общую сумму 135,6 млрд. рублей[1].

Правовое регулирование – процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на их стабилизацию и упорядочивание. Сложившаяся в настоящее время ситуация в экономике, очевидная необходимость решения стратегической задачи перехода на инновационную модель экономического роста дают веские основания для вывода о чрезвычайной важности усиления регулирующей функции государства в развитии хозяйственных отношений. Весь мировой опыт наглядно демонстрирует зависимость успеха рыночных преобразований от целенаправленной роли государства в системе регулирования социально–экономического развития. Как утверждает известный американский ученый лауреат Нобелевской премии Кеннет Эрроу, общее управление экономикой может исходить только от государства[2]. Рассуждения об автоматическом, под влиянием рыночных отношений, успешном разрешении всех социально-экономических проблем опровергнуты практикой, убедительно доказавшей неоправданность предубеждения о том, что понятие «государственное управление» неприемлемо в условиях рыночной экономики. Именно государство призвано оценивать возникающие проблемы в экономической и социальной жизни общества с учетом перспектив его развития и активно влиять на их разрешение.

Для повышения инновационного потенциала Донецкой Народной Республики совершенствование экономико-правового механизма государственного регулирования хозяйственной деятельности является вопросом исключительной важности. И прежде всего речь идет о государственной поддержке и правовом обеспечении инновационных преобразований в технике, технологиях, системах управления, мотивации и стимулировании заинтересованности субъектов научной деятельности и научных работников в продуктивном ее развитии.

В целях содействия решению этих задач в Институте экономических исследований на основе материалов НИР, выполненных в сфере правового обеспечения организации научной деятельности, анализа международных актов, законодательства зарубежных стран и ДНР разработаны Концепция проекта и проект Закона Донецкой Народной Республики «О научной и научно–технической деятельности». Цель данного законодательного акта – урегулирование отношений в сфере организации научной и научно–технической деятельности, создание условий для повышения эффективности научных исследований и использования их результатов на практике, обеспечения государственных гарантий социально-правового статуса научных работников. Предметом регулирования проекта закона являются отношения, складывающиеся между государственными органами и организациями, органами местного самоуправления и субъектами, осуществляющими научную деятельность в процессе ее регулирования, управления и организации; а также отношения, возникающие между субъектами в процессе непосредственного осуществления научной и научно-технической деятельности[3]

К числу первоочередных относится и задача создания в ДНР собственного инвестиционного законодательства, поскольку, как свидетельствуют результаты выполненного исследования, правовое регулирование инвестиционной деятельности в Республике пока еще не получило обстоятельного закрепления в законодательной и нормативной правовой базе.

Постановлением Совета Министров ДНР от 02.12.2015 г. были утверждены «Концепция инвестиционного сотрудничества в Донецкой Народной Республике» и прилагаемый к ней «Порядок рассмотрения обращений потенциальных инвесторов и согласования инвестиционных проектов в рамках инвестиционного сотрудничества в Донецкой Народной Республике». В указанных документах закреплено положение о создании Министерством экономического развития ДНР инвестиционного каталога инвестиционных проектов (веб-портал), отмечена необходимость ведения Реестра инвестиционных проектов, осуществления мониторинга их реализации, предусмотрено также создание Межведомственной комиссии по согласованию инвестиционных проектов и условий инвестирования. Разработаны рекомендуемая структура технико-экономического обоснования инвестиционного проекта со сроком реализации не более одного года и рекомендуемый формат бизнес-плана инвестиционного проекта со сроком реализации свыше одного года. Отмечая практическую значимость названных нормативных актов, следует подчеркнуть, что они охватывают пока лишь начальный этап регулирования отношений в сфере инвестиционной деятельности.

Анализ содержательного наполнения законодательной базы ДНР позволил установить, что в правовом регулировании инвестиционных правоотношений преобладает не системный, а фрагментарный подход, то есть включение отдельных норм и положений в некоторые действующие нормативно-правовые акты, что не обеспечивает полноту охвата всех позиций правового регулирования этих процессов, в результате чего многие из них остаются вне правового поля. Не получили четкого определения в законодательстве Республики формы участия и компетенция органов государственной власти и органов местного самоуправления в этой сфере деятельности, остаются во многом неурегулированными вопросы заключения договорных соглашений, концессий, венчурного инвестирования.

---

[1] Подведены итоги Донецкого международного инвестиционного форума. – https://mzdnr.ru/podvedeny-itogi-doneckogo-mezhdunarodnogo-investicionnogo-foruma

[2] Переход к рыночной экономике: темпы и возможности. Лекции Кеннета Эрроу // Проблемы теории и практики управления. – 1995. – № 5. – С. 11.

[3] Кущ Л.И. К вопросу о правовом обеспечении государственной поддержки научной деятельности в Донецкой Народной Республике // Актуальные вопросы развития образования и науки в современном обществе: материалы междунар. науч. конф. – М.: ИП Туголукова А.В., 2019. – С. 133–137.

Выполненный в процессе исследования анализ научных публикаций, обобщение практики Российской Федерации, ряда стран СНГ позволяет констатировать, что в настоящее время в сфере правового регулирования инвестиционной деятельности сформировалось несколько основных направлений разработки инвестиционного законодательства:

– детальная регламентация законодательного обеспечения регуляторного процесса в сфере инвестиционной деятельности;

– подготовка самостоятельных нормативных правовых актов по разным аспектам инвестиционной деятельности;

– разработка базового Закона «Об инвестиционной деятельности»;

– кодификация инвестиционного законодательства, разработка «Инвестиционного кодекса».

Для совершенствования правового регулирования инвестиционной деятельности в ДНР в качестве ориентира принято действующее инвестиционное законодательство Российской Федерации. Однако, как отмечают такие авторитетные российские специалисты в области инвестиционного права, как Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилютина, М.А. Семочкина, Е.Ф. Никитская и др., характерной чертой инвестиционного законодательства России является отсутствие единого базового законодательного акта, охватывающего все основные аспекты инвестиционной деятельности. Правовое регулирование в этой сфере осуществляется в РФ посредством действия значительного количества актов, принятых в разное время и имеющих разную отраслевую принадлежность, в результате чего возникающие в рамках инвестирования правоотношения испытывают на себе действие нескольких нормативных актов[1].

Ориентируясь на практику Российской Федерации, в ДНР в целях совершенствования инвестиционного законодательства, специалистами и законодателем в последнее время подготовлен ряд соответствующих законопроектов, в частности «Об инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике», «Об инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике, осуществляемой в форме капитальных вложений», «О концессионных соглашениях», «Об инвестиционной деятельности» и ряд других вариантов аналогичных законопроектов. Однако, детальная регламентация законодательного обеспечения регуляторного процесса в сфере инвестиционной деятельности, разработка самостоятельных нормативных документов по разным направлениям инвестиционных правоотношений приведет в созданию в ДНР обширного массива обособленных нормативных актов, что вряд ли можно признать рациональными в плане совершенствования инвестиционной деятельности.

Результаты выполненных исследований по данной тематике приводят к выводу о целесообразности и актуальности разработки единого базового закона ДНР «Об инвестиционной деятельности», а в перспективе – разработки и принятия консолидированного инвестиционного закона – «Инвестиционного кодекса Донецкой Народной Республики». И хотя в юридической науке пока отсутствует единое мнение относительно необходимости создания в сфере инвестиционного права такого кодифицированного правового акта, полагаем, что именно такой подход заслуживает поддержки и практического воплощения, поскольку позволит реально реализовать комплексный системный подход к правовому регулированию инвестиционных отношений и тем самым создать более благоприятные условия для привлечения инвестиций в экономику ДНР.

[1] Никитская Е.Ф. Механизмы регулирования инвестиционно-инновационной деятельностью на региональном уровне: социально-экономические и правовые аспекты / Е.Ф. Никитская, М.А. Валишвили // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. – Т. 8, № 6. – naukovedenie.ru/PDF/83EV№616.pdf

Ваганян Г.А.
д.э.н., гл.н.с. Института экономики НАН РА
gregorv@mail.ru

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ, ИННОВАЦИОННЫМ И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ)

***Ключевые слова**: оценка, качество, управление, образование, инновации, наука, технологии, цитируемость, продуктивность, индекс Хирша, коммерциализация, интеллектуальный капитал, патент, рейтинг.*

Исследование Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (англ. Programme for International Student Assessment – PISA) ОЭСР позволяет выявить и сравнить изменения, происходящие в системах образования в разных странах и оценить эффективность стратегических решений в области образования. Мониторинг качества образования PISA проводит по четырём основным направлениям: грамотность чтения, математическая грамотность, естественнонаучная грамотность и компьютерная грамотность. Согласно итогам исследования PISA за 2000–2015 гг., лучшее среднее образование в странах Восточной Азии: в Китае, Корее, Сингапуре, Японии. В Европе в десятке лидеров Финляндия, Эстония, Швейцария, Польша и Нидерланды.

В рейтинге PISA 2015 г. по показателям грамотности чтения, математической грамотности и естественнонаучной грамотности Россия находилась соответственно на 26, на 23 и на 32 месте, США – на 24, 40 и 25. Согласно итогам исследования PISA 2018 г. Россия заняла соответственно 31, 30 и 33 место, США – 13, 37 и 18. Армения не включена в исследование, но ее показатели не могут сильно отличаться от данных России, Грузии или Азербайджана, которые были охвачены в исследовании. Фактически по всем направлениям оценки образовательных достижений учащихся Россия и соответственно Армения демонстрируют регресс, в то же время, США – прогресс.

К сожалению, учащиеся 15-летнего возраста, получившие обязательное общее образование, необходимое им для полноценного функционирования в современном обществе, для решения широкого диапазона задач в различных сферах человеческой деятельности, в том числе, для обеспечения инновационного и научно-технологического развития, а также общения и социальных отношений в России и в Армении начинают уступать своим сверстникам из Европы и США. Тем самым, и Россия, и Армения через определенное время будут существенно отставать от указанных стран по уровню развития интеллектуального капитала, а также инновационного и научно-технологического развития, что в перспективе окажет воздействие на показатели конкурентоспособности экономики.

Рассмотрим указанные вопросы более подробно на примере Армении. В стране рождаются талантливые и способные учащиеся. Об этом свидетельствуют итоги международных олимпиад и конкурсов. Однако многие из них не могут получить доступное и качественное образование, поступить на работу с достойной зарплатой для обеспечения стабильного развития и реализации своих возможностей. За 2019 год Армения в рейтинге стран мира по Индексу человеческого развития заняла 81 место, за 2018 г. по уровню научно-исследовательской активности – 89, по количеству патентов за 2018 г. – 88, по уровню развития информационно-коммуникационных технологий за 2017 г. – 75, в то же время за 2019 г. по рейтингу глобальной конкурентоспособности Армения заняла 69 место, а по размеру ВВП – 135 (данные Всемирного Банка).

За 2013 г. Армения по уровню расходов на здравоохранение находилась на 147 месте, а по уровню расходов на образование за 2014 г. – на 121. За 2018 г. по индексу уровня образования Армения была на 60 месте, по индексу уровня социального развития за 2018 г. – на 55, а по уровню потребления электроэнергии (квт. час на чел.) за 2012 г. – на 82.

Однако профессор, доктор наук, доцент, кандидат наук в армянском университете в целом получает одну из самых минимальных зарплат в мире среди преподавателей университетов. В стране нет эффективной системы мотивации для занятия наукой и продвижения по карьерной лестнице в области образования и науки, инноваций и технологического развития. Но, с другой стороны, правительство хочет иметь конкурентоспособную экономику, науку и образование.

Армения характеризуется устойчивой тенденцией снижения числа докторов наук. Эта проблема влияет на качество образования, на качество знаний и на качество развития науки, технологий и инноваций. По данным Статистического ежегодника «Армения – 2019» в 2014 г. в стране было 497 докторов наук, в 2015 г. – 457, в 2016 г. – 436, в 2017 г. – 496, в 2018 г. – 410[1]. Для сравнения в России в 2000 году насчитывалось 22 тысяч докторов наук и 84 тысячи кандидатов. Доля докторов наук в этот период устойчиво росла — от 1,8% в 1995 году до 2,5% в 2000 году, что составило 22 тысячи человек. Доля кандидатов наук вначале незначительно росла: от 9,2% в 1995 году до 10,1% в 1998 го-

[1] www.armstat.-am/file/doc/99516758.pdf

ду, а затем начала медленно уменьшаться – до 9,5% в 2000 году, что составило 84,4 тысячи человек[1]. Для сравнения, например, в Беларуси к 2013 г. работали 719 докторов наук и 3071 кандидатов наук[2]. В 2018 году степень доктора наук в Беларуси имели 626 человек, кандидата наук – 2829 человек, для сравнения в 2013 году – 719 докторов наук и 3071 кандидата наук, в 2001 году – 831 доктор и 3693 кандидатов наук[3]. Исследования показывают, что Армения могла стать лидером в регионе по разработке и продаже продуктов интеллектуальной собственности, но этого не произошло, что ставит под сомнение в целом возможность построения в республике экономики интеллектуальной собственности, экономики трансфера технологий. Армянские специалисты, исследователи и инженеры высокой квалификации предпочитают регистрировать свои изобретения и патенты за рубежом, в основном в США и в Европе. В итоге страна теряет интеллектуальный капитал, добавленную стоимость от продажи продуктов интеллектуальной собственности, продолжается отток «мозгов», что отражается на экономических показателях. Потери в нематериальных активах огромны как в Армении, так и в России.

Если в 2014 г. в Армении на конец года численность всех аспирантов составляла 1223 человек, то уже в 2018 г. – 985. Общее число аспирантов снизилось на 235 человек. Продолжается существенно уменьшаться прием аспирантов: если в 2014 г. – 321, то в 2018 г. – 248. Прием уменьшился на 71 человек. Если в 2014 г. из общего выпуска защитили диссертацию 138 аспирантов, то уже в 2018 г. – 107, из них в высших учебных заведениях в 2014 г. – 109, а в 2018 г. – 69. Эти цифры также свидетельствуют об отсутствии эффективной политики в сфере подготовке кадров высшей квалификации, развития науки и инноваций.

По данным Times Higher Education в рейтинге 2020 г. из 10 лучших университетов в мире 7 – американские, из 200 лучших – 60 тоже американские. В то время, когда система до вузовского образования США была не самой лучшей в мире. За 2018–2019 учебный год в США учились 1 095 299 студентов – иностранцев. В Армении иностранные учащиеся в системе довузовского образования в основном учатся в российском колледже при Ереванском филиале Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Однако обучение ведется исключительно на платной основе, и эта парадигма свидетельствует об издержках государственного мышления у руководителей систем образования и науки, как Армении, так и России.

Как и любая сфера народного хозяйства, управление развитием науки и техники требует компетентных профессионалов, причем не только и не столько в конкретной отрасли науки, например физики или математики, а прежде всего в области управления, управления знаниями, инновациями и коммерциализации науки. Таких «генералов» в Армении крайне мало, не более десятка. Армия не может побеждать без генералов. В аппарате правительства республики Армения, в том числе среди многочисленных советников и консультантов, в министерствах экономического блока нет ни одного доктора экономических наук – управленца. Многие министры и их заместители не имеют высокого уровня квалификации, профессиональных навыков и компетенций в сферах управления отдельными отраслями экономики. Более того, в министерстве образования, науки, культуры и спорта РА, в том числе в Комитете по науке также нет ни одного доктора наук по специальности управление. Ни в одном государственном университете Армении нет специальности, по которой готовят кадров высшей квалификации по направлению «прикладная информатика в экономике» (кроме Ереванского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова). Именно в таких специалистах нуждаются все министерства и ведомства, все отрасли экономики, науки, техники и образования.

В Армении нет общепринятого, утвержденного стандарта – классификатора отраслей (областей знаний) науки и техники. Нет также и классификатора отраслей права для научно обоснованного формирования и оптимизации систем нормотворчества и законотворчества. От этого страдает и политика, и наука, и техника, и практика в целом.

Например, парламент без правового классификатора не может осуществлять эффективное нормотворчество и, как следствие, армянские законодатели не могут создать адекватное Конституции законодательное пространство, использовать такие поисковые и аналитические технологии, которые экспоненциально изменили бы и законотворчество, и судопроизводство, содействовали бы обеспечению верховенства права, позволили бы создать более качественные нормативные акты и законы, которые не противоречили бы Конституции.

Рассмотрим методику оценки качества управления образованием, инновационным и научно-технологическим развитием, которая основана на учете данных международных рейтингов, позволяющим измерить и оценить научную продуктивность по странам, организациям, отраслям исследований, инновациям и технологиям. Например, в 2018 г. по индексам цитирования научных трудов армянских ученых и инженеров в отраслях «Компьютерные науки» из 239 стран Армения заняла 109 место. Первое место заняли США, Турция – 25, Россия – 35, Грузия – 83, Азербайджан – 93 (данные SJR Country Ranking, которые рассчитаны на основе базы Скопус[4]. Причем, известный показатель H index (индекс Хирша) для указанных стран распределился следующим образом: США – 950, Турция – 181, РФ – 126, Грузия – 31, Азербайджан – 24, Армения – 18. В сферах искусства и гуманитарных наук: США занимают первое место с индексом Хирша – 1049, РФ – 23 с индексом Хирша – 147, Турция – 34 с индексом Хирша – 96, Грузия – 75 с индексом Хирша – 32, Армения – 89 с индексом Хирша – 23. Азербайджан – 145 с индексом Хирша – 9. В то же время по математическим наукам Армения – на 68 место в мире с индексом Хирша – 45, США – на 1 с индексом Хирша – 719, РФ – на 24 с индексом Хирша – 150, Турция – на 30 с индексом Хирша – 137, Грузия – на 67 с индексом Хирша – 46, Азербайджан – на 82 месте с индексом Хирша – 32. Армения существенно отстала по индексу Хирша от Грузии, хотя юные армянские математики, программисты более удачно выступают на международных олимпиадах и конкурсах,

[1] http://www.strana-oz.ru/2002/7/statistika-nauchnyh-kadrov-v-rf#_ftn4
[2] http://www.aif.by/dontk-nows/_skolko_v_belaru-si_doktorov_nauk
[3] https://belsat.eu/-ru/news/elita-belorusskoj-nauki-prodolzhaet-sokrashhatsya
[4] https://www.scimagojr.com

чем грузинские. Наивысшее достижение у Армении в математической физике – 45 место с индексом Хирша – 38. По физическим наукам и астрономии лидируют США с индексом Хирша – 981, РФ – на 12 месте с индексом Хирша – 383, Турция – на 35 с индексом Хирша – 190, Армения на 43 с индексом Хирша – 158, Грузия – на 53 с индексом Хирша – 124, Азербайджан – на 64 с индексом Хирша – 85. Таким образом, по индексу Хирша в этой сфере науки Армения опережает Грузию.

В сферах управления, бухгалтерии и бизнеса лидируют США с индексом Хирша – 657, Турция – на 25 месте с индексом Хирша – 118, РФ – на 46 с индексом Хирша – 49, Грузия – на 57 с индексом Хирша – 37, Азербайджан – на 120 с индексом Хирша – 9, Армения на 128 с индексом Хирша – 7. Таким образом, в этих сферах науки Армения существенно отстает не только от лидеров, но и от РФ, от Азербайджана. Турция опережает Армению и даже РФ. По экономическим и эконометрическим, а также финансовым наукам лидируют США с индексом Хирша – 583, Турция на 26 месте с индексом Хирша – 97, РФ – на 36 с индексом Хирша – 54, Грузия – на 90 с индексом Хирша – 18, Азербайджан – на 129 с индексом Хирша – 8, Армения на 142 с индексом Хирша – 6. Турция опережает Армению, а также РФ. Азербайджан опережает Армению. Грузия – лидер в Закавказье. Армения по социальным наукам занимает – 134 место с индексом Хирша – 18, по психологическим – 135 место с индексом Хирша – 7, по фармакологии и токсикологии – 117 с индексом Хирша – 26, по медицинским наукам – 122 с индексом Хирша – 62, по химическим наукам – 102 с индексом Хирша – 35.

Армения занимает сравнительно высокие места по инженерным наукам – 64 место с индексом Хирша – 80 (при этом за последние 5–10 лет наблюдается тенденция понижения данного показателя в мировом рейтинге), по наукам о земле – 57 с индексом Хирша – 73 и по мультидисциплинарным наукам – 76 место с индексом Хирша – 31.

Армения имеет нулевой показатель в рейтинге индекса Хирша по наукам о туризме и гостеприимству (172 место), по менеджменту информационных систем (143 место), по управлению человеческими ресурсами – 128 место с индексом Хирша – 1, по менеджменту технологий и инноваций – 109 место с индексом Хирша – 4. В целом картина, ранжированная по индексу Хирша по всем отраслям науки и техники, выглядит так: США – 1 место, РФ – 13, Турция – 20, Грузия – 82, Армения – 89, Азербайджан – 92 место. Основные показатели научной продуктивности Армении по данным SJR за 2018г. представлены в табл. 1. Данная таблица в целом отражает **качество управления образованием, инновационным и научно-технологическим развитием Армении.**

Таблица 1

Показатели научной продуктивности Армении за 2018г.

	Отрасль науки	Место в мире по индексу Хирша
1	Физические науки и астрономия	43
2	Математическая физика	45
3	Науки о земле	57
4	Инженерные науки	64
5	Математические науки	68
6	Мультидисциплинарные науки	76
7	Искусство и гуманитарные науки	89
	По всем областям науки	**89**
8	Химические науки	102
9	Компьютерные науки	109
10	**Менеджмент технологий и инноваций**	**109**
11	Фармакология и токсикология	117
12	Медицинские науки	122
13	**Управление, бухгалтерия и бизнес**	**128**
14	**Управление человеческими ресурсами**	**128**
15	Социальные науки	134
16	Психологические науки	135
17	**Эконом., эконометр. и финансовые**	**142**
18	**Менеджмент информационных систем**	**143**
19	Туризм и гостеприимство	172

Университеты Армении до и после революции 2018 г. проходят три этапа. В первый они играли ту же роль, что и в советское время. Они были основной кузницей кадров. Затем с обретением независимости, развитием рыночного хозяйства и торговли, потребовалось большое количество практиков, дельцов, бизнесменов, менеджеров. Университеты понесли урон. Возникло много частных вузов. Хозяйственники, бизнесмены обеспечивали себя кадрами, но они не были заинтересованы в подготовке теоретиков. Университеты в основном стали фондами, вошли в список крупных налогоплательщиков. Сейчас в Армении слишком много университетов, но мало эффективных.

Результаты сравнения стратегических карт структур отраслей науки и техники Армении с лидером (США) показывает: в Армении имеются диспропорции в развитии различных отраслей науки и техники; наибольшими темпами развиваются физические науки и астрономия, от которых фактически мало зависит развитие экономики, образования, науки и инноваций в целом. Влияние роста индекса Хирша в указанных областях науки на рост ВВП не обнаруживается. Армения фактически стала донором для обеспечения роста достижений зарубежных научных учреждений в указанных областях фундаментальной науки, инноваций и технологий. При этом значительные средства на развитие физических и математических наук и астрономии тратятся из госбюджета.

В США лидерами в развитии являются медицинские и мультидисциплинарные науки. Остальные отстают, но не значительно, существенного разброса показателей по отраслям науки в США почти нет. Физические науки и астрономия отстают от лидеров (медицинские и мультидисциплинарные науки) и лишь ненамного опережают по показателям индекса Хирша в таких областях как химические и инженерные науки.

Рассмотрим для сравнения некоторые показателям развития науки и инженерии Китая, занимающего второе место в мировом рейтинге. Лидерами в Китае являются химические науки, а также инженерия и науки о материалах. Медицинские науки немного уступают физическим наукам. Большое внимание в Китае уделяется междисциплинарным и компьютерным наукам, которые приближаются к лидерам, а по показателям математических наук Китай значительно опережает многие страны. Картина научной продуктивности в области R&D Израиля идентична в целом США и Китаю. Картина научной продуктивности РФ отличается от США, Израиля и Китая. Картина научной продуктивности Турции в целом также подобна США, Израилю и Китаю. Согласно докладу OECD «Science, Technology and Innovation Outlook 2016», самое большое количество докторов наук (кандидатов наук) насчитывается в США, как минимум вдвое больше, чем в Германии. В 2014 году в США 67 449 научным работникам и инженерам была присвоена степень доктора наук, что более чем в два раза больше, чем в Германии, где докторами стали 28 147 человек. Следующее место в этом рейтинге заняла Великобритания с 25 020 докторами наук, Индия – 24 300 человек. Япония – 6039 человек, в списке она пятая. Там насчитывается только четверть от тех, кто имеет ученую степень в США. Далее следуют Франция, Южная Корея, Испания, Италия, Австралия, Канада, Турция. Россия по числу докторов наук занимает 14 место (2223 чел.), между Индонезией и Южной Африкой (данных об Армении в рейтинге нет). Литва в списке OECD занимает 38 место, Латвия – 41, а Эстония 42.

Данные Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) также показывают, что в последние два десятилетия количество докторов растет по всему миру (в Армении падает). Большинство остепененных ученых находится в странах, входящих в OECD. Крупные развивающиеся страны расширяют свои возможности в области высшего образования, о чем свидетельствует высокая позиция Индии по количеству докторов наук. Некоторые области научных знаний более популярны среди молодых ученых. Около 40% новых докторских степеней, присужденных в странах ОЭСР, относятся к области науки и техники, математики (STEM). Этот процент увеличивается, доходит до 58% всех докторантов за счет молодых ученых в сфере здравоохранения. Согласно докладу OECD, докторские программы ориентированы на естественные науки и технику наиболее во Франции (59%), Канаде (55%) и Китае (55%)[1].

В ряде стран бывшего СССР постепенно осознается необходимость повышения мотивации для обеспечения эффективного развития образования, инноваций, технологий и науки. Например, в Узбекистане с 1 сентября 2019 года докторам наук увеличили зарплаты на 60 процентов, а кандидатам – на 30%. С 1 сентября 2019 года в Белоруссии аспирантам и докторантам, студентам и магистрантам, которые достигли особых успехов в изучении отдельных учебных дисциплин, увеличили стипендии. С 2020 г. года доплаты к пенсиям получат доктора наук и профессора, достигшие пенсионного возраста и не работающие[2]. В Армении делаются первые шаги в этом направлении, подготовлен проект повышения стипендии студентам вузов и аспирантам университетов.

Основные выводы и предложения

Анализ и сравнение данных по индексам цитирования научных трудов ученых и инженеров показывает, что структура отраслей науки и техники, а также образования и подготовки кадров высшей квалификации в Армении искажена и деформирована. Наука и образование, исследования и инновации, экономика интеллектуальной собственности, цифровая экономика требуют новых, компетентных руководителей и соответственно новых инновационных методов управления и планирования как в Армении, так и в России.

Следует максимально капитализировать и сбалансировать научный и инженерный потенциал стран, обеспечить финансирование процессов коммерциализации результатов научных и инженерных исследований, более эффективно управлять трансфером технологий, открытий и изобретений на рынке интеллектуальной собственности с целью обеспечения экспоненциального развития экономики страны, повышения ее конкурентоспособности.

Если в ближайшие 3-5 лет не удастся привлечь молодежь в научно-образовательную сферу, то о стратегических планах построения инновационной или цифровой экономики придется забыть. Регресс науки, техники, инноваций и промышленности продолжается, масштабы и острота опасности этого процесса недооцениваются уже долгие годы. Уровень финансирования науки, инноваций, технологий и образования, оплаты труда ученых и исследователей Армении и России резко контрастирует с соответствующими показателями более развитых стран.

Уезжают из стран самые активные, предприимчивые, креативные, талантливые люди в возрасте от 25 до 35 лет, и в свою очередь, самые востребованные на Западе и в США. Основные причины: низкая оплата труда и престиж профессии; отсутствие или недостаточное государственное финансирование исследований; непрозрачная организация труда и бюрократия; ограниченные возможности научного роста; нехватка вычислительных мощностей и оборудования, отсутствие возможности карьерного роста. Из-за оттока талантливой молодежи, учёных, молодых кандидатов и будущих докторов наук Армения теряет около 100 миллионов долларов в год.

Необходимо обеспечить баланс между показателями развития различных отраслей науки и техники с показателями национального интеллектуального капитала с учетом преимуществ традиционно высокого уровня человеческого

[1] Источник: http://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-science-techno-logy-and-innovation-outlook-2016_sti_in_outlook-2016-en

[2] https://finance.tut.by/news657966.html

капитала (и его потенциала) как в Армении, так и в диаспоре. Необходимо в кратчайшее время утвердить классификатор отраслей науки (адекватный тенденциям развития мировой науки и техники).

Руководство нашей страны обязано поставить стратегическую задачу: достичь, например, в ближайшие 5–7 лет в мировом рейтинге показателей научной продуктивности, в частности, по индексу Хирша до порогового значения 50.

Необходимы коренные, революционные преобразования в сфере политики управления по гуманитарным и общественным (менеджмент, экономика, финансы и эконометрика, социология и психология) и медицинским наукам, а также туризма и гостеприимства.

Армения может стремиться к технологическому совершенствованию, но для этого необходимо:

1. Вовлечь в науку армянский народ, помочь его осознать, что только инновационная активность, творчество дают истинное удовольствие и наслаждение жизнью.

2. Необходимо создавать мощные научные ударные группы (молодежные комплексные творческие коллективы, креативные команды), путем создания для них научных городков и технопарков, а также лабораторий, особых центров в университетах.

3. Ученые и инженеры должны быть мотивированы, чтобы в своей стране регистрировать права на интеллектуальную собственность (в виде патентов, изобретений), внедрять, коммерциализировать свои достижения, идеи, изобретения и открытия, поскольку только тесное взаимодействие с бизнесом и промышленностью, организация торговли интеллектуальным продуктами и трансфера технологий позволит им увеличить финансирование своего направления. Необходимо также стимулировать создание в Армению экономики интеллектуальной собственности. Следует большую часть выпускников университетов оставлять при вузах, особое внимание уделять аспирантам, докторантам и молодыми кандидатам наук. Необходимо укрупнить кафедры, факультеты объединить с академическими институтами, превратить их в научно-образовательные инновационные и технологические кластеры.

Список литературы

1. Ваганян Г.А., Ваганян О.Г. Концепция интерактивного менеджмента интеллектуального капитала Евразийского экономического союза как ключевой фактор роста конкурентоспособности и модернизации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Ч. 2.
2. Ваганян Г.А., Ваганян О.Г. Закономерности мировой экономики и когнитивные модели кластеров виртуального интеллектуального капитала // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Ч. 2.
3. Ваганян Г.А. Благосостояние Армении зависит от соотношения коэффициента умственного развития руководителей в сфере управления экономикой к коэффициенту умственного развития населения // Публичное управление / Академия государственного управления. – Ереван, 2017. – № 3–4.
4. Ваганян Г.А. Конституционный менеджмент (методология, принципы, технологии). Монография. LAP Lambert Academic Publishing, 2017.
5. Ваганян Г.А., Ваганян О.Г. Побеждая с помощью глобальных инноваций (на примере России и других стран-участниц ЕАЭС) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 12, ч. 1.
6. Ваганян Г.А., Ваганян О.Г., Казарян М.Э. Инновационный инструмент ранней диагностики глобальных предкризисных ситуаций // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 12, ч. 3.
7. Ваганян О.Г. Управление национальным интеллектуальным капиталом (концепция, технология, системотехника). Монография. LAMBERT Academic Publishing, 2017.
8. Vahanyan G., Vahanyan H., Ghazaryan M. Interactive innovative tool for early diagnosis of global pre-crisis processes (based on measurement and assessment of the virtual intellectual capital) // Journal of Intellectual Capital. 2019. – N 2.
9. Ваганян Г.А. Наука Армении и России без науки управления // Большая Евразия. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1.
10. Ваганян Г.А. Утечка мозгов из Армении в условиях цифровой экономики. XIX Национальная научная конференция с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / РЭУ им. Г.В. Плеханова, ИНИОН РАН. Москва, 18–19 декабря 2019.

Журавель В.П.[1]

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РФ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Ключевые слова**: Россия, Арктика, АЗРФ, социальное развитие, Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 г., социальная инфраструктура, здравоохранение, жилье, образование, подготовка кадров, СМП, северный завоз, продовольственная безопасность**, коренные малочисленные народы Севера, транспорт, вахтовые поселки, авиация, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Архангельская область, Мурманская область, Таймыр.*

***Keywords:** Russia, Arctic, Arctic zone of the Russian Federation, social development, Fundamentals of state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035, social infrastructure, health, housing, education, training, northern sea route, Northern delivery, food security, indigenous peoples of the North, transport, shift settlements, aviation, Yamalo-Nenets Autonomous district, Nenets Autonomous district, Chukotka Autonomous district, Republic of Sakha (Yakutia), Arkhangelsk region, Murmansk region, Taimyr.*

Введение

Десятилетиями шаг за шагом Россия наращивала свое присутствие в этом регионе. На каждом этапе определялись задачи по его освоению и развитию. В настоящее время в Российской Арктике осуществляется добыча около 80% газа и 60% нефти от совокупной добычи в России, северные регионы дают стране около 20% ВВП[2]. Особое геополитическое положение, огромный ресурсный потенциал и планетарное экологическое значение Арктики делают ее регионом особых стратегических интересов ведущих арктических стран мира в XXI в.

Важное место в государственной политики РФ в Арктике принадлежит социальному развитию Арктической зоны Российской Федерации. Именно оно направлено на повышение качества жизни населения, в том числе лиц, относящихся к малочисленным народам.

Актуальные вопросы социального развития в Арктике

В соответствии с Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года[3] основными задачами в сфере социального развития Арктической зоны Российской Федерации являются:

а) обеспечение доступности первичной медико-санитарной помощи, качественного дошкольного, начального общего и основного общего образования, среднего профессионального и высшего образования, услуг в сфере культуры, физической культуры и спорта в населенных пунктах, расположенных в отдаленных местностях, в том числе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов;

б) обеспечение граждан доступным, современным и качественным жильем, повышение качества жилищно-коммунальных услуг, улучшение жилищных условий лиц, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни, относящихся к малочисленным народам;

в) ускоренное развитие социальной инфраструктуры населенных пунктов, в которых расположены органы и организации, выполняющие функции в области обеспечения национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике;

г) создание системы государственной поддержки завоза в населенные пункты, расположенные в отдаленных местностях, топлива, продовольствия и других жизненно необходимых товаров в целях обеспечения доступных цен на такие товары для граждан и хозяйствующих субъектов;

д) обеспечение круглогодичных магистральных, межрегиональных и местных (региональных) авиаперевозок по доступным ценам;

е) обеспечение выполнения государством принятых на себя обязательств по предоставлению жилищных субсидий гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей;

---

[1] Журавель Валерий Петрович – к.п.н., доцент, в.н.с., руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН. E-mail: zhvalery@mail.ru

[2] Исаев А.П., Фомина И.А. Приоритетные проекты развития зоны Арктики. Восстановление Северного морского пути // Управленческое консультирование. 2018. – № 8 (116). – С. 97.

[3] Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhpAaQ0WB1zjywN04OgKiI1mAvaM.pdf

ж) пропаганда здорового образа жизни, в том числе внедрение корпоративных программ по укреплению здоровья на рабочем месте.

Уровень развития социальной инфраструктуры существенно влияет на потенциал любой территории и перспективы ее социально-экономического развития. В регионах Севера и Арктики РФ «высокоразвитая социальная инфраструктура призвана быть одной из форм компенсаций за работу и проживание в экстремально дискомфортных условиях»[1]. Однако «сложившаяся освоенческая практика носит преимущественно отраслевой характер, когда приоритет отдается отдельным инвестиционным проектам, и не обеспечивает реализацию комплексного подхода, предполагающего развитие не только производства, но и социальной сферы в сочетании с решением демографических и экологических проблем»[2].

В «Основах» дана принципиальная оценка процессам, происходящим на арктических территориях, в том числе в социальной сфере. Это, в первую очередь, сокращение численности населения Арктической зоны РФ, низкий уровень развития социальной, транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуры сухопутных территорий АЗРФ, в том числе в местах традиционного проживания малочисленных народов. Переход к рыночной экономике, закрытие тысяч предприятий, сокращение военной инфраструктуры, рост безработицы, резкое сокращение финансирования арктических проектов, низкая заработная плата без учета региональных выплат отрицательно сказались на качестве жизни населения, привели к сокращению продолжительности его жизни, что в совокупности обусловило усиление оттока населения из большинства арктических территорий, что привело их к запустению.

За 1990–2020 гг. социальная инфраструктура Севера и Арктики России претерпела ряд серьезных изменений. В 1990-е гг. государственные расходы на ее развитие были сокращены и фактически свелись к выплате заработной платы. В 2000-е гг. финансирование увеличилось, однако до сих пор значительная часть средств региональных и федерального бюджетов направляется на развитие объектов социальной инфраструктуры, находящихся в административных центрах, хотя небольшие населенные пункты нуждаются в этом наиболее остро.

Проблему доступности качественных услуг в настоящее время усугубляет проводимая модернизация (оптимизация) социальной инфраструктуры, в рамках которой небольшие учреждения объединяются (часть из них ликвидируется).

Уровень социального развития также зависит от разного уровня освоенности территорий АЗРФ: старопромышленные (Архангельская и Мурманская области, городские округа Воркута и Норильск), сравнительно нового промышленного освоения (Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа), находящиеся в депрессивном состоянии (муниципальные районы Республики Саха (Якутия) и Таймырский (Долгано-Ненецкий) муниципальный район Красноярского края)[3].

Одной из наиболее проблемных сфер в настоящее время является **здравоохранение**: размещение учреждений здравоохранения становится неоднородным, ярко выражены диспропорции распределения ресурсов (кадровых, материально-технических, финансовых). Учреждения здравоохранения концентрируются в административных центрах субъектов РФ и межмуниципальных медицинских центрах. Происходит значительное сокращение числа медицинских учреждений – поликлиник, родильных домов, больниц, женских консультаций, фельдшерско-акушерских пунктов и др., расположенных в сельской местности, удаленных поселениях. В северных и арктических районах, в условиях изолированности значительной части поселений это делает медицинскую помощь недоступной для жителей. Результатом этого будет снижение ранней выявляемости заболеваний, а также повышение смертности (в том числе младенческой) и инвалидизации населения. Увеличится доля затрат домохозяйств на получение медицинской помощи. Невозможность получения необходимой медпомощи по месту проживания приведет к значительному увеличению расходов на более дорогостоящие ее виды (санитарную авиацию, высокотехнологичную медицинскую помощь и пр.), к неэффективному использованию ресурсов, повышению рисков из-за неоперативного ее оказания.

Неудовлетворительные показатели продолжительности жизни и депопуляция на российском Севере, снижающие демографическую безопасность региона, по мнению Н.В. Говоровой, «связаны не только с очень тяжелыми природно-климатическими условиями, обусловливающими высокий уровень заболеваемости и смертности населения, но и с невысоким качеством жизни из-за недостаточного развития системы здравоохранения, дефицитом необходимых техники, технологий и специалистов для оказания помощи через мобильную связь, посредством санитарных вертолетов и современной медицинской инфраструктуры. Отсутствие профилактики заболеваний и возможностей вести здоровый образ жизни приводят к удручающей статистике в большинстве арктических регионов по смертности населения в трудоспособном возрасте (особенно в Чукотском автономном округе и Республике Карелия) и младенческой смертности (более всего в Чукотском автономном округе, Ямало-Ненецком автономном округе и Республике Карелия)»[4].

В Арктическом регионе остро стоят вопросы **образования и подготовки кадров.** Это объясняется потребностями компаний, работающих в Арктике. Они постоянно ощущают дефицит на трудовые ресурсы. Специалисты из других регионов не всегда переезжают на постоянное место жительства в арктические регионы. В этих условиях не-

[1] Торопушина Е.Е. Оценка уровня развития социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики России // ЭКО. 2016. – № 6. – С. 99.

[2] Плисецкий Е.Е., Плисецкий Е.Л. Особенности современного этапа и проблемы пространственного развития арктических регионов России // Управленческие науки. 2019. – № 9 (4). – С. 41.

[3] Татаркин И.А., Логинов В.Г., Захарчук Е.А. Социально-экономические проблемы освоения и развития российской арктической зоны // Вестник Российской академии наук. – М., 2017. –Т. 87, № 2. – С. 101–102.

[4] Говорова Н.В. Развитие человеческого потенциала АЗРФ (демографический аспект) // Вестник Института мировых цивилизаций. – М., 2020. – Т. 11, № 1. – С. 72.

обходимо разработать многоступенчатую систему подготовки специалистов для арктических проектов за счет кооперации арктических и неарктических университетов. В настоящее время востребованными являются выпускники Северного (Арктического) федерального университета. Важно создать механизм целевой подготовки кадров для эффективного распределения выпускников по приоритетным направлениям работы в Арктике, внедрять формы производственного обучения на предприятиях, действующих в регионах Крайнего Севера[1].

Обеспечение **жильем** населения арктических территорий России является чрезвычайно острой проблемой, требующей значительных капитальных затрат как на новое строительство, так и на поддержание и развитие инфраструктуры. Более 30% населения АЗРФ испытывает потребность в улучшении жилищных условий. Наибольшая доля аварийных домов в жилищном фонде отмечается в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) – 43%, Аллаиховском муниципальном районе Республики Саха (Якутия) – 27%, Анабарском национальном (долгано-эвенкийском) муниципальном районе – 17%[2]. Решение проблемы жилья в пределах АЗРФ связано с множеством факторов: качеством жилья, стоимостью, расположением, наличием удобств, обеспеченностью населенного пункта объектами социальной инфраструктуры, транспортной доступностью и пр. Вполне очевидно, что жилищная проблема АЗРФ не может быть решена раз и навсегда. Как и любая другая социальная проблема, она динамична, требует постоянного внимания органов власти всех уровней, разработки новых подходов ее решения. Сложившееся государственное регулирование жилищной сферы в силу целого ряда объективных и субъективных причин до сих пор остается процессом несистемным. Учитывая особенности арктических районов, связанные с необходимостью обеспечения особой надежности инфраструктурных систем жизнеобеспечения населения, приоритетными направлениями развития жилищного строительства может стать малоэтажное и индивидуальное, с использованием индустриальных конструкций, а также местных строительных материалов.

В **северном завозе** важную роль играет СМП. Его традиции возникли еще в начале XVII в., когда русские купцы снабжали Якутию привозными товарами, скупая пушнину у коренного населения. Любопытно, что за несколько столетий, несмотря на кардинальные политические изменения, экономическая модель российского Крайнего Севера принципиально не изменилась: воспроизводство экономики на Севере базируется на вывозе сырья и ввозе материально-технических и жизненно необходимых ресурсов.

Поэтому при исследовании экономического механизма северного завоза особое внимание должно быть уделено сельскохозяйственному производству, которое в этих регионах из-за сурового климата и дороговизны энергоносителей развито слабо. В то же время из указанных регионов вывозятся не только минеральные ресурсы, но и продовольствие, хотя и в узкой номенклатуре (главным образом морепродукты, рыба северных рек и мясо (оленина).

Функционирующая в настоящее время система управления северным завозом является незавершенной, неустойчивой, ориентирована на решение текущих проблем, не гармонизирована с целями и задачами пространственного развития Российской Федерации[3] и требует совершенствования.

Решая вопросы **продовольственной безопасности** жителей Севера следует учитывать, что значительная часть населения российских арктических территорий имеет доходы не выше прожиточного минимума, увеличение завоза продовольствия из других регионов с включением транспортных издержек в цену только снизит его экономическую доступность и сократит номенклатуру поставляемых продовольственных товаров.

Одним из решений может стать развитие собственных производств, главным образом животноводства, аквакультуры и овощеводства закрытого грунта. «Собственное аграрное производство, по мнению В.А. Иванова, в районах Севера направлено на обеспечение населения мясом, молоком, морской, речной и озерной рыбой, яйцами, овощами, дикоросами. Эти продукты питания незаменимы в рациональном питании жителей в экстремальных природных условиях, являются одновременно и лекарственными препаратами[4].

Повышению экономической доступности продовольствия также могут способствовать целевые программы продовольственной помощи и создания резервов на случай прекращения сообщения с центральными регионами страны в связи с погодными условиями. Такие программы особенно актуальны для Чукотки, Якутии, северных территорий Красноярского края и Ямало-Ненецкого автономного округа. При этом надо иметь в виду, что собственное производство обходится (при прочих равных условиях) значительно дороже из-за сложных природно-климатических условий и слабой развитости транспортных коммуникаций, других элементов инфраструктуры. В этих условиях необходимо развивать соответствующую производственную и транспортную инфраструктуру, обеспечивающую независимость от внешних поставок.

Необходимо обеспечить устойчивое развитие **коренных малочисленных народов** Севера. Следует констатировать, что промышленная деятельность в среде обитания коренных малочисленных народов привела к кризису в традиционных отраслях и обострила социальные проблемы. Стоит отметить, что масштабное освоение Арктического

---

[1] Проблемы и решения исследования и развития Арктического пространства России: монография / Под ред. проф. Диденко Н.И. – СПб.: Медиапапир, 2018. – С. 12.

[2] Павленко В.И., Куценко С.Ю. Обеспечение комфортной жизнедеятельности человека в Арктике: проблемы и задачи // Экология человека. 2018. – № 2. – С 53, 56.

[3] Журавель В.П. Северный морской путь и его роль в развитии арктических территорий России // Государственное управление и развитие России: национальные цели и институты: сборник статей международной конференц-сессии. – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2019. – Т. 1. – С. 770.

[4] Иванов В.А. Методические и практические аспекты стратегического управления устойчивым развитием аграрного сектора северного региона // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. – № 1. – С. 17.

региона не должно нарушать самобытного уклада жизни коренных северян, неразрывно связанного с природой. Важно менять отношение к проблемам здравоохранения и образования коренных народов.

К примеру, обобщая суждения, оценки и предложения авторов по проблеме образования, следует отметить, что они обращают внимание на необходимость разработки особых образовательных стандартов, специальных программ, учитывающих инклюзивный характер обучения коренных малочисленных народов Арктики; изучение и распространение передового опыта работы и функционирования малокомплектных кочевых и общинных школ-садов; подготовку учителей родного языка, поддержку специалистов образования, работающих в отдалённых местностях; сохранение и передачу традиций, культуры и обычаев из поколения в поколение; выработку умений и навыков, необходимых для ведения традиционной хозяйственной деятельности.

Наиболее успешно вопросы образования, культуры коренных народов решаются исполнительными и законодательными органами Ямало-Ненецкого автономного округа.

Решая вопросы социального развития необходимо добиваться улучшения **транспорта** (воздушного, водного, наземного, морского). Для большей части Арктической зоны альтернативных средств воздушному транспорту нет. Он обеспечивает круглогодичную связь с другими регионами. При этом авиасообщение для населения полярных регионов остается малодоступным. Причинами такого положения являются высокая стоимость перелетов, недостаточное количество и устаревший парк самолётов, состояние аэродромной инфраструктуры не соответствующее современным требованиям, не развита малая авиация. Нужны самолёты принципиально нового конструктивно-технологического оформления, подкрепленные инновациями в сфере авиастроения для Арктики, а также обоснованные тарифы на авиасообщение, приемлемые для населения. К 2030 г. потребуется от 80 до 135 лёгких многоцелевых воздушных судов пассажировместимостью от 7 до 19 человек. Опытно-конструкторские работы по семейству лёгких многоцелевых самолётов начались 2016 г., а начало поставок запланировано к 2020 г. В декабре 2015 г. получил сертификат вертолёт Ми-38, который способен эксплуатироваться в условиях Крайнего Севера[1].

Решение социальных вопросов в Арктике связано с выбором способов освоения Арктического региона. Так, по мнению В.И. Павленко и С.Ю. Куценко[2], на территориях масштабного освоения природных ресурсов (Ненецкий автономный округ, ЯНАО, Таймырский полуостров, отнесенные к арктическим территориям улусы Республики Саха (Якутия), Чукотский автономный округ), целесообразно широкое развитие вахтовых поселков с ограничением набора объектов социальной инфраструктуры до уровня, обеспечивающего восстановление трудовых ресурсов, способности к труду. К основным преимуществам данного подхода они относят: 1) снижение нагрузки на местные бюджеты в части выполнения возложенных социальных программ и обязательств; 2) рост доходной части бюджета за счет увеличения налогооблагаемой прибыли добывающих предприятий; 3) снижение расходов государственного бюджета, связанных с необходимостью обеспечения поддержки содержания объектов социальной инфраструктуры населенных пунктов и выполнения социальных программ.

С данным предложением, на наш взгляд, трудно согласиться, так как оно не обеспечивает масштабного освоения Арктики. В качестве основного приоритета государственной политики России на территории АЗРФ на первый план выдвигаются вопросы регулирования процессов развития человеческого капитала. Согласен с позицией Е.А. Корчак и Н.А. Серовой, которые отмечают, что основным направлением такого регулирования является «удовлетворение потребностей локальных экономик в рабочей силе за счет проживающего здесь, адаптированного к условиям Арктики, населения на основе проведения трудосберегающей политики, а также создания условий для профессиональной ориентации молодежи и ее активизации на территориальных рынках труда»[3].

Заключение

Реализация Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. позволит обеспечить опережающий общероссийские темпы рост качества жизни и доходов населения Арктической зоны Российской Федерации, в том числе лиц, относящихся к малочисленным народам.

Сегодня основной тренд развития объектов социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики РФ – усиление диспропорций, вызывающее снижение доступности качественных социальных услуг в городах, не являющихся административными центрами, в отдаленных и малых поселениях.

Нынешнее состояние социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики РФ не позволяет в полной мере выполнять ее компенсаторную функцию и в большинстве поселений не обеспечивает приемлемого уровня комфортности проживания.

---

[1] Дмитрий Рогозин выступил на правительственном часе в Совете Федерации. 26.02.2016. – http://government.ru/ news/22167/

[2] Павленко В.И., Куценко С.Ю. Обеспечение комфортной жизнедеятельности человека в Арктике: проблемы и задачи // Экология человека. 2018. – № 2. – С. 57.

[3] Корчак Е.А., Серова Н.А. Миграционный фактор в формировании человеческого капитала арктических территорий России // Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология. Economics. Sociology. Culturology». 2019. – № 2 (14). – С. 28.

Журба Е.Е.
старший преподаватель, Сургутский государственный университет

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ БЮДЖЕТОМ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА-ЮГРЫ)

Ключевые слова: *государственные программы, региональный бюджет, программно-целевой метод, расходы бюджета.*

Keywords*: state programs, regional budget, program-target method, budget expenditures.*

Усиление роли бюджетов субъектов Российской Федерации в общей финансовой системе является объективной тенденцией, но развитие и формирование данного процесса сопряжено с некоторыми политическими и экономическими проблемами[1]. К числу главных проблем относится выработка адекватных критериев для разграничения полномочий региональных бюджетов, закрепление за ними определенных финансовых ресурсов[2]. Основным критерием, положенным в основу разграничения между разными уровнями бюджетов, служит принцип согласованности всех интересов как на федеральном, так на региональном и местном уровнях.

Многие из проблем разрешаются не только благодаря финансовому обеспечению бюджетов субъектов Российской Федерации, но и благодаря эффективности правового регулирования, способности региональных законодательных органов принимать справедливые законы и добиваться их исполнения[3].

Формирование бюджетов субъектов Российской Федерации осуществляется на основе прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на соответствующий период (далее – долгосрочный прогноз СЭР). Порядок разработки и утверждения, а также требования к составу и содержанию долгосрочного бюджетного прогноза устанавливаются исполнительным органом субъекта РФ.

В современных условиях региональный бюджет должен выполнять важнейшую функцию площадки взаимодействия интересов населения, бизнеса и органов власти, стимулируя формирование ответственности у субъектов бюджетного процесса.

Формирование расходов региональных бюджетов осуществляется на основе программ: государственных программ Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, муниципальных программ, а также ведомственных целевых программ, которые являются способом организации планируемых бюджетных расходов отдельных органов власти соответствующего публично-правового образования.

В современных условиях увеличивается роль государственных программ, которые помогают увязать расходы и ожидаемый результат. Государственные программы являются основным элементом эффективного распределения бюджетных затрат.

С 2012 г. в Российской Федерации введены государственные программы в практику государственных и региональных органов власти. Программы позволяют увидеть роль ведомств и их задачи в развитии регионов, а повышение эффективности бюджетных расходов является одной из центральных задач, которые стоят перед органами государственной власти и регионов. В практике работы органов государственного контроля эффективность расходов бюджета характеризуется как отношение между затратами государственных денежных средств и их результатами. Это включает в себя такие понятие как экономичность, продуктивность и результативность государственных программ.

Данное новшество в системе и методологии бюджетного планирования направлено на повышение эффективности бюджетных расходов с помощью взаимоувязки планируемых финансовых ресурсов и конкретных результатов, которые в программе представлены на трех уровнях: для программы в целом – это ожидаемый результат ее реализации, для оценки решения задач программы – целевые показатели, а для мониторинга выполнения программных мероприятий – непосредственный результат реализации соответствующего мероприятия.

Использование программных документов при формировании расходной части бюджета началось еще в конце 1990-х – начале 2000-х гг., в рамках долгосрочных целевых программ федерального и регионального уровней, а также муниципальных целевых программ. Основной задачей данного вида программ была аккумуляция крупных расходов, чаще всего инвестиционного характера, и установление конкретных, понятных для граждан, результатов их использования.

В связи с этим для долгосрочных целевых программ было характерно не отраслевое, а проектное деление. Переход же на формирование бюджета на основе государственных и ведомственных целевых программ ставил основной

[1] Габараева А.Р., Ширинкина Е.В. Направление: инвестиционное и инновационное развитие регионов // Труды международного симпозиума Надежность и качество. 2010. – Т. 2. – С. 333–334.

[2] Ширинкина Е.В. Оценка регионального инвестиционного риска // Академический вестник. 2010. – № 1 (11). – С. 19–23.

[3] Ширинкина Е.В. Оценка инвестиционной привлекательности региона // Инновации на основе информационных и коммуникационных технологий. 2010. – № 1. – С. 602–605.

целью полномасштабное внедрение программно-целевого метода планирования и управления в бюджетный процесс. Данная цель потребовала преобразований на каждом из этапов бюджетирования (при составлении, утверждении и исполнении бюджета). При этом изменения были внесены и в бюджетную классификацию, и в систему обоснования предложений по бюджетным ассигнованиям, которые формируются главными распорядителями бюджетных средств в рамках бюджетных заявок и сводных бюджетных заявок, а также в методологию государственного и муниципального финансового контроля.

Динамика расходов бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры представлена на рис. 1.

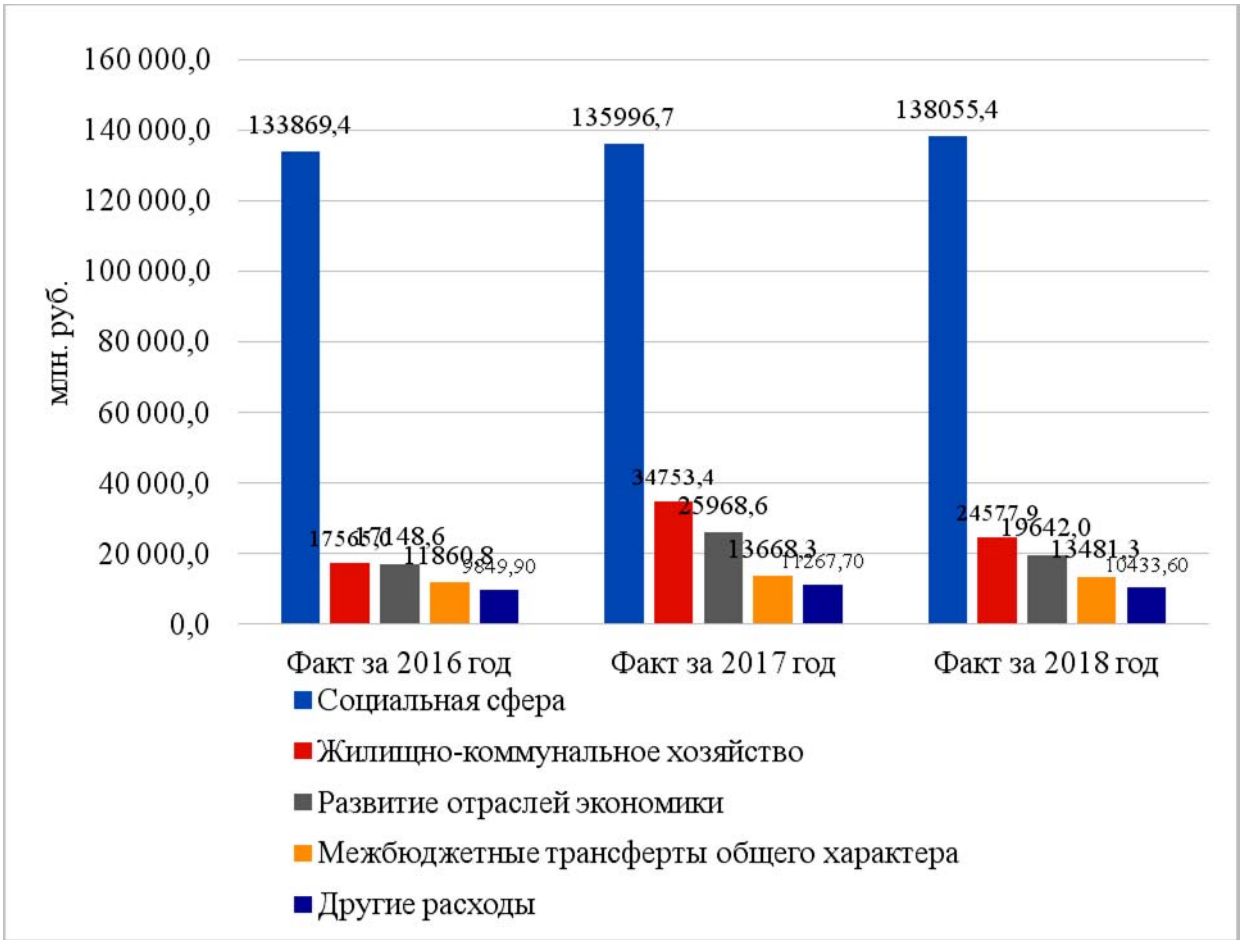

Рисунок 1.
Динамика расходов бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в разрезе сфер деятельности, млн. руб.[1]

Доля расходов в социальную сферу в 2018 году составляла 67,0% (138 055,4 млн. руб.), тогда как в 2016 году – 61,3% (135 996,7 млн. руб.). Очевидно, что бюджет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры является социально-ориентированным[2], вместе с тем, данное направление усиливается, происходит увеличение удельного веса расходов в социальную сферу на 5,8%, что благоприятно характеризует структуру расходов бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Удельный вес расходов на социальную сферу в общих расходах консолидированного бюджета увеличивается на протяжении 2015–2018 гг. с 61,1% в 2015 г. до 65,6% в 2018 г.

[1] Составлено автором на основе данных: Ежемесячная информация об исполнении бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – http://depfin.admhmao.ru/otkrytyy-byudzhet/

[2] Ширинкина Е.В. Финансовое обеспечение местных бюджетов ХМАО –Югры и их роль в развитии территорий // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. – № 1 (107). – С. 24.

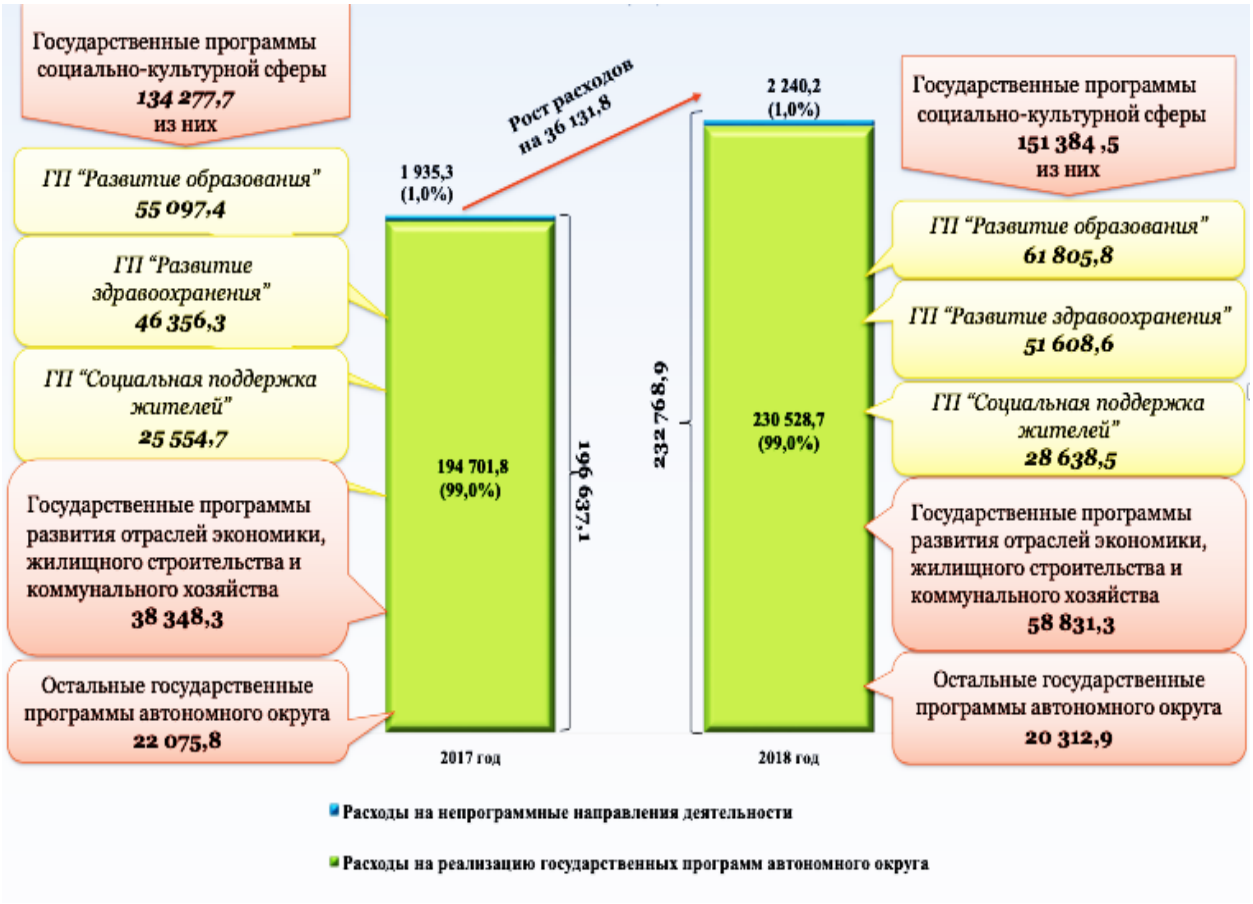

Рисунок 2.
Исполнение расходов Ханты-Мансийского автономного округа-Югры за 2017–2018 гг.[1]

Из рисунка 2 видно, что расходы за анализируемый год выросли на 36 131, 8 тыс. руб. Рост расходов на государственные программы развития отраслей экономики, жилищного строительства и коммунального хозяйства – на 20 342,0 тыс. руб.

Финансирование в 2018 году программ развития образования, здравоохранения, социальной поддержки жителей автономного округа, культуры, физкультуры и спорта, занимающих 35,4% в расходах бюджета, составило 151 384,5 млн. рублей, что на 17,1 млрд. рублей больше чем в 2017 году. Наибольший удельный вес в структуре расходов на реализацию государственных программ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и непрограммных направлений деятельности занимают расходы на реализацию государственной программы «Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югры» – 28,6% или 61 805,8 млн. руб. Такие данные свидетельствуют о социальной направленности бюджета автономного округа. (151 384,5 тыс. руб. приходится на государственные программы социально-культурной сферы).

Программные расходы, включающие мероприятия 25 реализуемых государственных программ, исполнены в 2018 г. в сумме 230,5 млрд. рублей, что составляет 99% от общего объема расходов.

Структура расходов на социальную сферу представлена на рис. 3.

Приоритетными направлениями расходования средств бюджета в сфере образования в 2018 году являлись:

– поддержание на высоком уровне стандартов образовательных услуг;

– обеспечение местами детей дошкольного возраста;

– создание новых мест в общеобразовательных организациях;

– обеспечение доступности дополнительного образования детей в Югре.

Но втором месте – расходы на реализацию государственной программы «Развитие здравоохранения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югры» – 23,7% или 48 367,5 млн. руб. 37,3 % или 75 956,7 млн. руб. занимают расходы на другие 22 государственные программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

При осуществлении региональной бюджетной политики одной из основных и актуальных задач является повышение эффективности планирования бюджетных доходов и расходов. Неотъемлемой частью современной региональной бюджетной политики является оценка ее эффективности. Посредством регионального бюджета органы власти и управления не просто должны реализовать свои функции и задачи, но и стремиться к максимально эффективному расходованию ресурсов, обеспечивающих, в первую очередь, финансирование общественных благ.

[1] Ежемесячная информация об исполнении бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – http://depfin.admhmao. ru/otkrytyy-byudzhet/

Рисунок 3.
Структура расходов на социальную сферу[1]

[1] Составлено автором на основе данных: Ежемесячная информация об исполнении бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – // http://depfin.admhmao.ru/otkrytyy-byudzhet/

Зотов В.В.
д.соц.н., профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ[1]

Ключевые слова*: публичное управление, общественное участие, социальные сети, социальные медиа.*
Keywords*: public administration, public participation, social networks, social media.*

В последние годы информационно-телекоммуникационные технологии представляют все большую значимость для публичного управления, формируя электронное государство (правительство). Оно основывается, с одной стороны, на возможностях информационно-телекоммуникационных технологий, а с другой – на концепции менеджмента публичных ценностей. В различных странах, и в первую очередь, в западных, электронное правительство в целом рассматривается как структура, ориентированная на повышение эффективности и результативности деятельности государства[2].

Электронное государство характеризуется открытостью для потребностей населения, общественным контролем и инициативностью самих граждан. К его целям можно отнести следующие: обеспечение прозрачности деятельности и повышение эффективности органов власти на федеральном, региональном и муниципальном уровне, обеспечение информационной свободы, развитие демократии и прав человека, общественное участие граждан в принятии и реализации решений правительственных структур.

Несомненно, существенным элементом структуры электронного государства являются различные Интернет-сервисы как форма обратной связи. К таковым можно отнести электронный почтовый ящик, личный кабинет гражданина, форумы, чаты и блоги, онлайн-голосования и онлайн-опросы.

Основным событием в развитии Интернета за последнее время является развитие социальных сетей (Facebook, ВКонтакте, Twitter, MySpace, Одноклассники и т.д.). Сайты социальных сетей уже стали неотъемлемой частью Интернет-пространства. Две трети глобального Интернет-сообщества – это электронные социальные сети. Популярные сайты социальных сетей занимают большую часть Интернет-трафика. Аудитория социальных сетей постоянно расширяется. При этом время, проводимое пользователями в социальных сетях, постоянно увеличивается. Как следует из доклада доклад Digital 2020, в котором приведены объемы потребления контента Интернета и социальных сетей во всем мире, россияне проводят ежедневно в глобальной сети 7 часов 17 минут, при этом 2 часа 26 минут тратится ими на социальные и коммуникационные приложения. Это означает, что на эти платформы приходится треть всего времени, проводимого в глобальной сети[3]. В настоящее время, по данным ВЦИОМ, 45 % опрошенных российских граждан старше 18 лет пользуются каждый день хотя бы одной из социальных сетей, а хотя бы раз в неделю – 62 %. Исключены из числа пользователей социальных сетей около трети (10% пользователей Интернет из-за отсутствия аккаунта хотя бы в одной соцсети и 20% не имеющих вообще доступа в Интернет)[4].

Отметим, что термин социальные сети на сегодня довольно часто используется в общественных науках. Социальная сеть рассматривается как социальная структура, состоящая из узлов, которыми являются социальные акторы (люди, группы людей, сообщества, организации), и связей между ними (социальных коммуникаций)[5]. В общераспространенном понимании сообщество людей, объединенных общими интересами, общим делом или имеющих другие причины для непосредственного взаимодействия друг с другом, это и есть социальная сеть. Все акторы рассматриваются как заинтересованные стороны, которые влияют на конфигурацию связей и деятельность других акторов сети. Формально социальные сети – это совокупность отношений между пользователями, которые поддерживаются между ними посредством довольно устойчивых связей. Под связями понимаются не только вербальные контакты, но и обмен различными ресурсами и деятельностью.

Следовательно, электронные социальные сети (социальные медиа) – это Интернет-платформы, на базе которых участники могут устанавливать отношения друг с другом. При этом, как справедливо замечает Ф.И. Шарков, в век

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00694 «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества».

[2] Андронова О., Николаев А. Электронное правительство в Европе и мире // Компьютер-Информ. 2001. – № 22. – http://www.ci.ru/inform22_01/p_06oo.htm

[3] DIGITAL 2020: 3,8 миллиарда человек используют социальные сети // We Are Social. – https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media

[4] Каждому возрасту – свои сети (Дата публикации 12.02.2018) // ВЦИОМ. – https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691

[5] Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 825 p.; Carrington P., Scott J., Wasserman S. Models and Methods in Social Network Analysis. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 329 p.

электронной коммуникации обширные сетевые коммуникации вполне естественно формируются в Интернете, а сети, выстраиваемые только в социальном пространстве, имеют значительно большую инерционность и меньшую жизнеспособность[1]. Электронная социальная сеть – это интерактивный многопользовательский веб-сайт[2], который предоставляет пользователям возможность:

– пользоваться контентом, который создается преимущественно его пользователями;

– обеспечивать коммуникации с другими пользователями;

– создавать и поддерживать обширные социальные связи с другими пользователями или конкретизировать свои отношения в рамках тематических групп;

– получать статическую и динамическую информацию о пользователях социальных медиа, а также о социальных связях между ними.

К анализу социальных сетей применимы четыре концептуальных подхода[3]:

– структурный подход акцентирует внимание на геометрической форме сети и интенсивности взаимодействий. Теория графов, лежащая в основе данного подхода, позволяет совокупность акторов именовать вершинами, а множество отношений (связей) – ребрами, исследованию подвергаются конфигурация и транзитивность взаимодействий;

– ресурсный подход рассматривает возможности акторов привлекать ресурсы сообщества для достижения определенных социально-групповых целей и дифференцирует участников сетевого сообщества по их позициям в структуре социальной сети с учетом обладаемых ресурсов (влияние, статус, информация, социальный капитал);

– нормативный подход обращается к нормам, принципам, правилам, которые влияют на поведение акторов социальной сети и процессы их взаимодействия друг с другом;

– социодинамический подход рассматривает количественные и качественные изменения структуры социальной сети во времени.

Анализ сети способствует моделированию структурной взаимосвязи между социальными индивидами, людьми, коллективами или организациями[4]. В настоящее время развитие и достаточная популярность социальных медиа способствуют использованию их в различных областях. С этой точки зрения применение социальных медиа в процессе совершенствования механизмов общественного участия в публичном управлении является одним из актуальных вопросов.

В настоящее время социальные медиа оказались очень эффективным инструментом обеспечения посещаемости Интернет-сайтов госорганов, установления обратной связи. В итоге они стали одним из инструментов организации коммуникаций, который пытаются использовать органы власти в рамках электронного государства. Посредством социальных медиа у заинтересованных сторон появляется возможность представительства своих социальных, политических, экономических интересов, что способствует преобразованию множества частных интересов в единый общественный интерес, который в модели менеджмента публичных ценностей выступает в качестве вектора развития для сообщества. Очевидно, социальные сети, объединяя людей по интересам, способны стать субъектами лоббизма и влиять на чиновников разного уровня и ранга. В этой связи «*интерес для исследования представляют цивилизованные формы лоббизма, в мировой практике представляющие собой влияние граждан, групп давления на органы государственной власти и органы местного самоуправления с целью принятия последними нормативных и подзаконных актов, решений в их интересах в рамках правового поля*»[5].

Не менее важными задачами являются изучение общественного мнения и принятие решений в сетевой среде как элементов механизма общественного участия в публичном управлении. Причем такой механизм не является альтернативой публичного управления со стороны профессиональных чиновников, а наоборот, расширяет число участников, гарантирует новое качество процесса управления при сборе информации, определении приоритетов, принятии и исполнении решений, контроле процесса их реализации, оценке результатов. Эта новая форма кооперации органов власти и населения позволяет расширить существующие каналы взаимодействия, приумножить возможности двустороннего обмена информацией, а также повысить уровень вовлеченности граждан в работу органов власти.

Рассмотрим пример применения социальных медиа в процессе публичного управления. Предположим, что какой-либо законодательный орган хочет принять определенный закон. Конфигурирование социально-сетевого пространства под эти цели дает возможность проведения информационного взаимообмена между законодательными органами и своевременного учета мнений заинтересованных сторон на этапе обсуждений.

Социальные сети не только влияют на ландшафт Интернета, они обладают способностью радикально изменять поведение гражданина. В процессе установления онлайн-контактов между гражданами и органами власти осуществляется реализация механизмов общественного участия в публичном управлении. А это, в свою очередь, позволяет

---

[1] Шарков Ф.И. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. 2019. – Т. 7, № 4. – С. 32–40.

[2] Винник В.Д.Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. – № 4 (55). – С. 110–126.

[3] Чураков А.Н. Анализ социальных сетей // Социологические исследования. – М., 2001. – № 1. – С. 109–121; Батура Т.В. Методы анализа компьютерных социальных сетей // Вестник НГУ. 2012. – Т. 10, вып. 4. – С. 13–28; Коженко Я.В. Социальная сеть как элемент институциональной структуры сервисного государства // Современные проблемы науки и образования. 2012. – № 6. – http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7444

[4] Алгулиев Р.М., Юсифов Ф.Ф. Социальные сети как инструмент повышения эффективности механизмов государственного управления // Телекоммуникации. 2009. – № 9. – С. 25–30.

[5] Коженко Я.В. Социальная сеть как элемент институциональной структуры сервисного государства // Современные проблемы науки и образования. 2012. – № 6. – http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7444

принимать квалифицированные решения субъектами государственного и муниципального управления. Но сегодня сетевое пространство публичных коммуникаций характеризуется недостаточным использованием функционала социальных медиа для согласования позиций и координации деятельности заинтересованных сторон[1].

С точки зрения общественной практики важно использование полезного позитивного потенциала сетевых сообществ. Отсюда достаточно важно понимание гражданами той роли (функции), которую могут и должны играть социальные сети в вопросах решения общественно значимых проблем. Данные функции условно можно классифицировать на информационную, коммуникационную и коллаборационную. Как показывают результаты нашего опроса (Курская область, 2019 год, N=1500)[2] в наибольшей мере на сегодня выражена информационная функция (рис. 1).

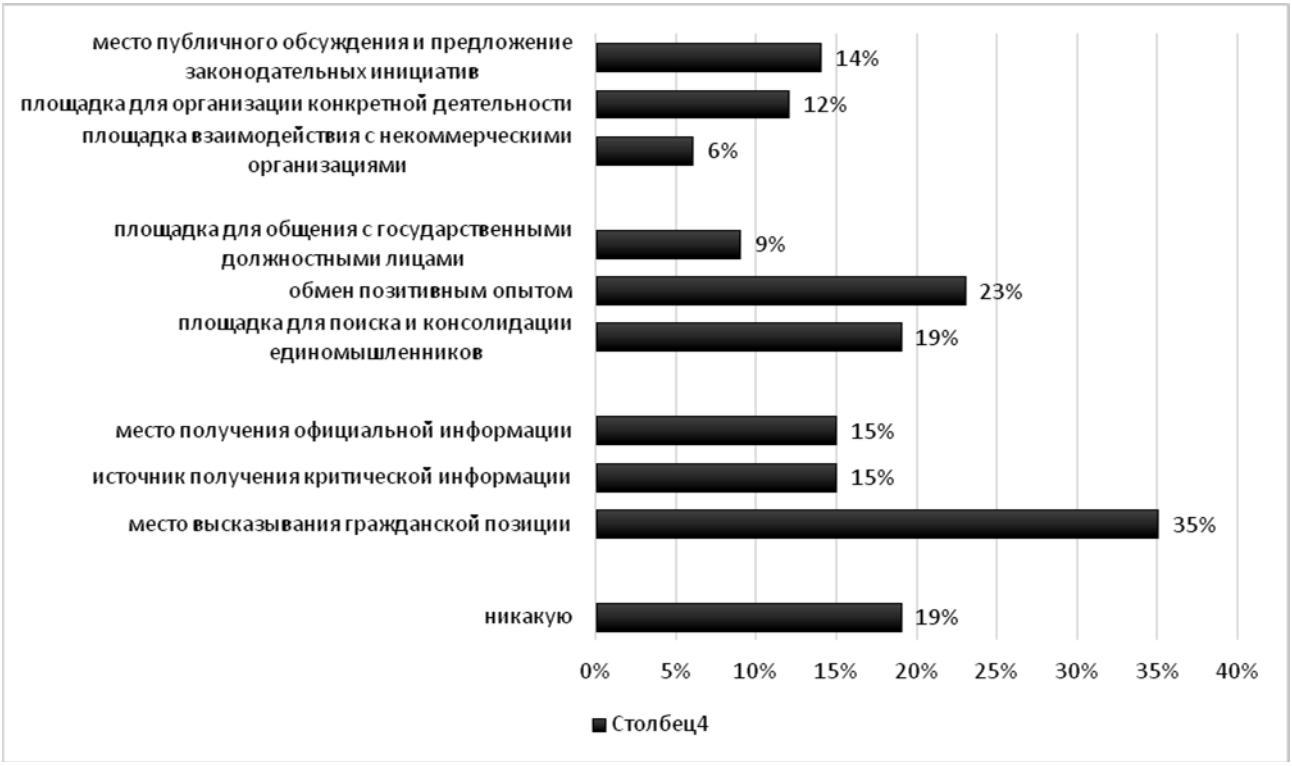

Рисунок 1.
Оценка респондентами роли социальных сетей в решении вопросов общественно значимых проблем (возможно несколько вариантов ответов)

Ответы на вопрос «какую роль, должны играть социальные сети в вопросах решения общественно значимых проблем?», полученные в ходе опроса, показывают, что чуть более трети опрошенных убеждены в том, что социальные сети в вопросах решения общественно значимых проблем должны выполнять роль платформы для высказывания своей гражданской позиции. А еще по 15% респондентов воспринимают социальные медиа как источник получения критической информации и место получения официальной информации.

Коммуникационная функция признается гражданами в меньшей мере. 23% опрошенных признают роль социальных медиа в обмене позитивным опытом. 19% видят в них площадку для поиска и консолидации единомышленников и 9% как место общения с чиновниками всех уровней и рангов.

А коллабрационная функция социальных медиа, их роль в организации процесса совместной деятельности для достижения общественно значимых целей, в настоящий момент для населения не очевидна. 14% считают, что социальные сети – это место публичного обсуждения и предложения инициатив в области законодательства, 12% опрошенных видят в социальных медиа площадку, способствующую организации совместной деятельности граждан, а 6% – граждан и некоммерческих общественных организаций.

Общественное участие делает жизнь граждан более социально активной благодаря тому, что последние

– становятся хозяевами своей судьбы и сами принимают решения, влияющие непосредственно на их жизнедеятельность;

– улучшаются социальные отношения за счет повышения социального доверия и сплоченности посредством создания различных пространств и сетей взаимодействия;

– развивается чувство контроля над своей жизнью и жизненными обстоятельствами, которые становятся следствием собственных решений;

[1] Зотов В.В., Губанов А.В. Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. – № 3 (59). – С. 57–61.

[2] Капитализация социально-сетевого пространства публичных коммуникаций: монография / [Зотов В.В., Шарков Ф.И., Брежнев О.В. и др.]. – Курск: Академия госслужбы, 2019. – 155 с.

– создаются возможности заниматься любимым делом, потому что способность делать это будет зависеть от решений, принятых самим человеком.

Общественное участие, организованное на основе социальных медиа, предполагает: электронное информирование (предоставление гражданам информации); электронное консультирование (проведение публичного обсуждения в режиме онлайн); электронное принятие решений (вовлечение граждан в процесс принятия решений).

На сегодня 28% респондентов Курской области не имеют желания участвовать ни в какой из указанных форме электронной демократии (рис. 2). Самой популярной формой общественного участия для граждан становится получение информации по принимаемым решениям. В такой форме готовы использовать Интернет-площадки 28% опрошенных жителей региона. А то, что касается вовлечения граждан в процесс реализации решений, то к такому формату электронного участия готовы только 6% опрошенных в ходе проведенного исследования.

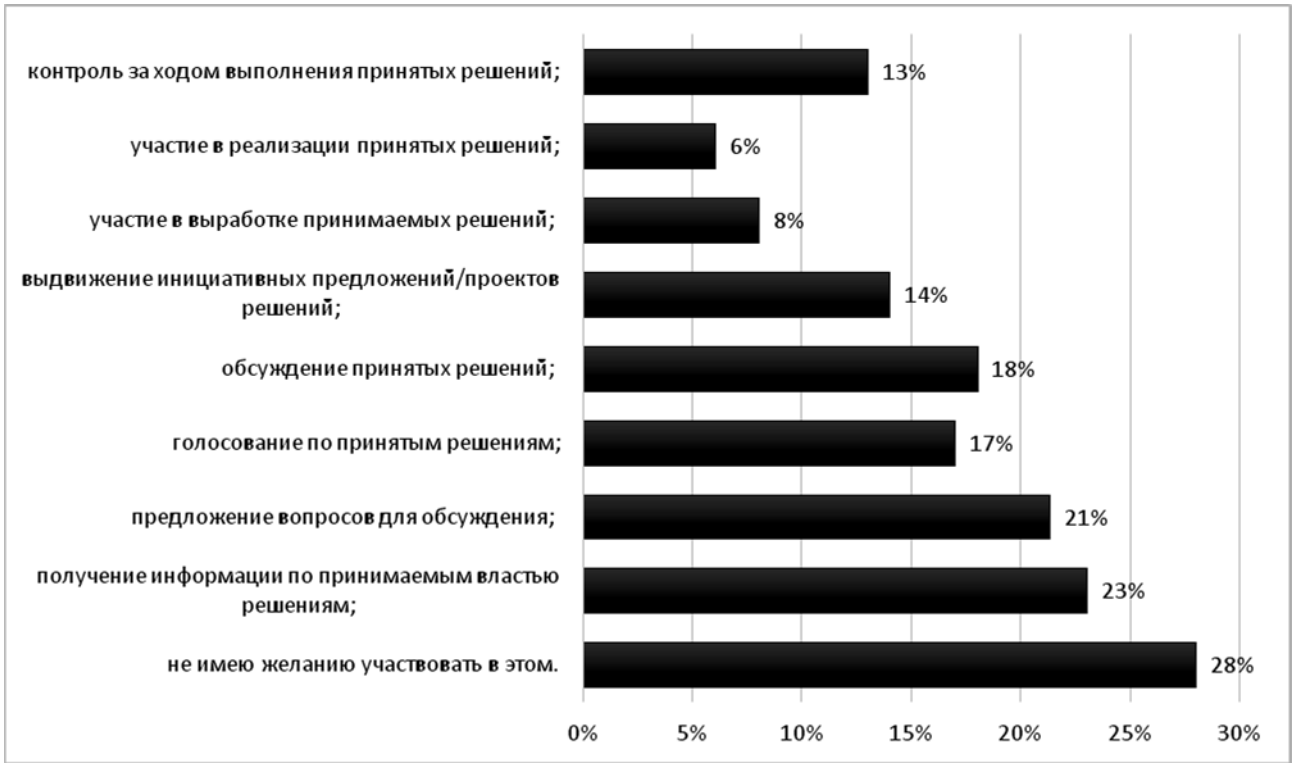

Рисунок 2.
Распределение ответов на вопрос: «В какой форме Вы готовы использовать Интернет-площадки при решении общественно значимых вопросов?» (возможно несколько вариантов ответов)

Данные представленные на рис. 2 позволяют сделать вывод, что из трех уровней общественного участия посредством социальных сетей на настоящий момент населением востребовано только электронное информирование.

Для достижения результативности общественного участия в публичном управлении необходимо придерживаться следующей последовательности действий: информационное обеспечение в социальных медиа разработки и реализации управленческих решений общественно значимых проблем; создание постоянно действующих электронных краудсорсинговых площадок, обеспечивающих общественное участие в разработке и реализации коллективно принятых решений; подготовка и реализация проектов, мероприятий и акций, включающих деятельность различных заинтересованных в диалоге и партнерства сторон.

Таким образом, в современных условиях развитие социальных медиа как базовых элементов механизмов общественного участия граждан в решении общественно значимых вопросов является перспективным направлением деятельности органов публичного управления. Отметим, что именно использование современных сетевых технологий позволяет активизировать, разнообразить и оптимизировать формы коммуникации власти и локальных социумов, используя социальный капитал последних.

Коданева С.И.[1]

ФОРМИРОВАНИЕ В РОССИИ «ЦИФРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» (НА ПРИМЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Ключевые слова*: цифровое правительство; государственный контроль; контрольно-надзорная деятельность; налоговое администрирование; цифровая таможня.*

Keywords*: digital government; state control; control and supervisory activities; tax administration; digital customs.*

Мир стремительно меняется, бурно развиваются технологии, повышается качество жизни людей, мы переходим к цифровой экономике, построенной на знаниях и технологиях, но в то же время сложная макроэкономическая и геополитическая ситуация оказывает постоянное давление на экономику не только отдельных стран, но и целых регионов. Правительства по всему миру ощущают двойное давление. С одной стороны, требования граждан к качеству государственных услуг постоянно растут, и они хотят взаимодействовать с государственными органами через Интернет так же легко, как с банками и Интернет-магазинами. С другой стороны, правительствам необходимо сокращать административные расходы и повышать эффективность реализуемых программ. В России к этому добавляется проблема давления со стороны государственных органов на бизнес в силу недостаточно гибкой и адаптированной к современным условиям системы государственного контроля (надзора).

В то же время, цифровая экономика – это прежде всего экономика данных. Одной из основных задач формирования новой технологической основы в цифровой экономике является сокращение административной нагрузки на субъекты хозяйственной деятельности вследствие использования информационно-коммуникационных технологий при проведении проверок органами государственного контроля (надзора)[2].

Реформа этого направления ведется на протяжении многих лет, но до сих пор не завершена. Сделано уже многое. В целях охраны и защиты прав граждан в государстве проведена масштабная работа по внедрению риск-ориентированного подхода, развитию системы профилактики нарушений обязательных требований и их пересмотра, разработки и проведения оценки результативности и эффективности деятельности контрольно-надзорного органа в целом и каждого инспектора, внедрения проверочных листов и эффективных механизмов кадровой работы, предупреждения и профилактики коррупционных проявлений и автоматизации (цифровизации) деятельности органов государственного контроля (надзора). В настоящее время реализуется проект «регуляторной гильотины», направленный на устранение избыточного и чрезмерно сложного нормативного регулирования в тех сферах, где работает бизнес.

Однако пока что это не достигает заявленных целей – создания среды, комфортной для бизнеса и снижения чрезмерного давления на него. Представляется, что причиной тому является попытка «латания дыр» – совершенствования существующих процессов и механизмов государственной контрольно-надзорной деятельности. При этом не учитываются современные реалии, стремительное развитие цифровых технологий, которые создают принципиально новые механизмы управления, организации бизнес-процессов, процессов взаимодействия между поставщиками различных услуг и их потребителями. В сфере бизнеса уже довольно давно и активно реализуется концепция O2O (on-line to off-line), благодаря которой виртуальный и реальный миры все теснее переплетаются. Современные онлайн-технологии позволяют соединить отдельные части бизнеса и отдельные звенья производственной цепочки в единое целое. Смарт-бизнес будущего будет строиться на том, что поведение потребителя, его настроения и предпочтения анализируются в реальном времени и сразу же ложатся в основу внутренних процессов и решений[3].

Но граждане ждут того же и от государства. Они хотят получать государственные услуги (а в зарубежных странах сфера государственного контроля рассматривается как часть системы государственных услуг), общаться с государственными органами также легко, как с банками и такси через мобильные приложения. Не случайно в США – лидере по внедрению цифровых технологий, в том числе, и в государственном секторе, – граждане все больше неудовлетворены качеством государственных услуг.

Сегодня многие специалисты отмечают, что необходимо не просто совершенствовать формы и методы контроля (надзора), а, по сути, формировать их заново, практически исключив ранее принятые подходы и принципы. Актив-

---

[1] Коданева Светлана Игоревна – к.ю.н., с.н.с ИНИОН РАН, доцент кафедры инновационных технологий в государственной сфере и бизнесе Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС. E-mail: kodanevas@gmail.com

[2] Савченко Е.А. Некоторые аспекты соблюдения законности субъектами разрешительной и контрольно-надзорной деятельности в условиях модернизации социально-экономического развития // Журнал российского права. 2019. – № 7. – С. 104–114. – DOI: 10.12737/jrl.2019.7.9

[3] Коданева С.И. Искусственный интеллект как основа смарт-бизнеса // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15: Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества. Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – С. 448.

но меняющаяся экономическая обстановка, состояние общества и институтов государства, цифровизация многих сфер жизнедеятельности, диктуют новые требования как к функционалу контрольно-надзорных органов, так и к уровню подготовки их специалистов[1].

Так, в развитых странах сегодня стоит задача перехода к «цифровому правительству» – принципиально новой модели организации государственного управления, при которой органы власти будут не опираться на имеющиеся у них данные, а руководствоваться своими данными при принятии властных решений, включая формирование нормативной базы. Вытекающая из этой концепции ключевая особенность состоит в том, что правительства и их услуги должны во все большей степени опираться на собираемые данные.

Очевидно, что такая трансформация невозможна без кардинального изменения механизмов государственного контроля (надзора) и государственных услуг и полного перевода их «в цифровое пространство», что подразумевает:

- Получение данных в реальном времени;
- Управление, основанное на автоматизированном анализе больших данных;
- Высокую скорость принятия решений, изменение правил в реальном времени – мгновенное реагирование на изменения и интерактивность среды;
- Ориентацию на конкретного пользователя, автоматическое предоставление государственных услуг в соответствии с жизненной ситуацией гражданина (который становится ближе благодаря мобильным устройствам и Интернету вещей);
- Решения в одно касание;
- Цифровая экосистема понимается как центр синергии государства, бизнеса и граждан.

Таким образом, государство должно превратиться в «цифровую платформу», которая обеспечит минимизацию человеческого фактора и сопутствующей ему коррупции и ошибок, автоматизирует сбор статистической, налоговой и иной отчетности, обеспечит принятие решений на основе анализа реальной ситуации. Помимо решения основной задачи – удовлетворения растущих запросов общества и бизнеса к качеству государственного контроля (и государственных услуг в целом) – данный подход позволит, во-первых, сократить бюджетные расходы на реализацию данных функций за счет автоматизации большинства стандартных процедур. Так, изданный правительством Великобритании «Отчет об эффективности цифрового правительства» (Digital Efficiency Report) свидетельствует о том, что цифровые транзакции в 20 раз дешевле, чем транзакции по телефону, в 30 раз дешевле, чем по почте и в 50 раз дешевле, чем в очном режиме. Такая экономия рассматривается в качестве возможности повышения эффективности и снижения стоимости государственных услуг в Великобритании. Это может избавить от необходимости выполнять задачи снижения расходов бюджета путем сокращения или ограничения доступности этих услуг для населения.

Во-вторых, цифровизация госуправления позволит обеспечить постоянный сбор и обработку больших данных, которые, как известно, в условиях цифровой экономики становятся наиболее ценным ресурсом (не случайно, их называют «нефтью цифровой экономики»). Аналитика, построенная на больших данных, позволит отказаться от ручного управления и повысить качество принимаемых решений. Грамотное использование инструментов анализа больших данных (в частности, использование искусственного интеллекта) позволит решить задачу «персонализации» как мер государственной поддержки, так государственного контроля (надзора). Например, аналитика может использоваться для выявления случаев махинаций с налогами или уклонения от уплаты налогов.

Так, многие страны уже признали важность наличия единых баз данных, доступных для государственного сектора и используемых совместно всеми органами вместо ведения собственных реестровых записей каждым органом. В 2012 г. Дания издала стратегию «Хорошие базовые данные для каждого – условие роста и эффективности». Государственные органы в Дании регистрируют различную информацию о физических лицах, предприятиях, объектах недвижимости, зданиях, адресах и т.д. Такая информация, называемая базовой, считается важной для повторного использования в рамках всего государственного сектора, так как она представляет собой важную основу для должного и эффективного выполнения государственными органами их функций. В Нидерландах существует аналогичная инициатива по коллективному использованию семнадцати «базовых реестров». Великобритания, несмотря на прошлые политические споры, разрабатывает политику совместного использования данных, которая позволит использовать основные базы данных в рамках всего государственного сектора, а в некоторых ситуациях – и за его пределами. Ключевой шаг, который предпринимают сейчас ведущие правительства, состоит в признании не выполняемых функций и полномочий, а баз данных в качестве ключевых активов органов власти, а также в разработке стратегических планов внедрения стандартов интероперабельности и программного обеспечения промежуточного слоя, делающего возможной полную интеграцию таких баз данных через открытые интерфейсы программирования приложений[2].

Таким образом, цифровизация контрольно-надзорной деятельности предполагает замену бюрократического процесса, означающего взаимодействие большого количества чиновников, решениями на базе четких регламентов и анализа больших данных. Вектор законодательства должен быть направлен на то, чтобы управленческие решения нижнего уровня передать программным системам, работающим на основе искусственного интеллекта, так называе-

[1] Кружилин В.С. Охрана и защита прав человека при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. – № 5-1. – С. 223–226.

[2] Цифровое правительство 2020: перспективы для России / Всемирный банк. 2016. – 79 с.

мым интеллектуальным агентам, которые могут взять на себя всю алгоритмизируемую деятельность, а также обеспечить выполнение контрольно-надзорных функций, свободных от отрицательного влияния человеческого фактора[1].

Однако контрольно-надзорная деятельность в России по-прежнему носит преимущественно репрессивный характер, основываясь на последующем контроле, то есть на выявлении уже совершенных правонарушений и применении санкций. Особенно это заметно в сфере налогового и таможенного контроля.

Между тем анализ практики налогового администрирования в зарубежных странах показывает преимущество партнерской (превентивной) модели налогового администрирования. Основу партнерской модели налогового администрирования составляют определенные стандарты взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. Декларация прав налогоплательщиков в налоговом законодательстве Австралии регламентирует объективность общения, контроль действий сотрудников налоговой службы, объяснение принятых решений, честность и профессионализм в ведении дел. В основе эффективной системы налогового администрирования в Швеции, которая славится минимальным уровнем уклонения от уплаты налогов, лежит доверие налогоплательщиков, уверенных в хорошей работе налоговой системы и выполнении налоговыми органами своих задач в соответствии с законом. В Великобритании, помимо принципов справедливости, содействия и ясности, особое внимание уделяется качеству обслуживания налогоплательщиков. Активно используется в зарубежных странах модель предварительного налогового регулирования – согласование налогоплательщиком с налоговым органом налоговых последствий сделок, вопросов ценообразования, распределения прибыли, инвестиционных проектов, иных хозяйственных операций до их фактического совершения. Подобные отношения действуют в форме либо заключения налоговых соглашений, либо получения индивидуальных консультаций. Например, во Франции, США, Швеции налогоплательщик имеет право запросить у налоговых органов предварительное заключение по планируемой сделке с точки зрения возможных налоговых последствий. В Германии же процедура согласования заключается в консультировании налогоплательщиков по вопросам отдельных налоговых платежей или оценки фактических ситуаций в связи с проведением фискального контроля. В Нидерландах при возникновении налогового риска компания обращается в налоговый орган, который в течение определенного срока обязан дать свои рекомендации по выходу из сложившейся ситуации.

Упрощению системы налогообложения способствует модель, позволяющая оплачивать все налоги через один счет и подавать единую декларацию. Например, в Италии введена форма единой налоговой декларации, объединяющей расчеты подоходного налога, НДС, а также взносов по социальному страхованию. Одновременно государство перешло на систему единого налогового платежа, в рамках которой налогоплательщик может осуществлять все свои налоговые платежи на единый счет. Похожая система действует и в Швеции[2].

Однако следует признать, что и в России в налоговой сфере за последние годы была проведена серьезная работа по оптимизации процессов налогового администрирования, причем с использованием современных информационных технологий. Так, налоговые органы автоматически получают информацию о той или иной стороне жизни налогоплательщика: рождении ребенка, продаже или покупке квартиры и прочее. С 2017 года начался переход на онлайн-кассы, которые автоматически передают информацию о сделках в налоговые органы. Более 800 тысяч налогоплательщиков зарегистрировали 2,3 миллиона касс, пробито 56 миллиардов чеков на 37,4 триллиона рублей[3]. Это позволило уже сегодня сделать важный шаг к реальной цифровизации налогового контроля в отношении субъектов предпринимательской деятельности, применяющих упрощенную систему налогообложения. Так, они теперь могут передать полномочия по автоматическому формированию налоговых деклараций налоговым органам. Это позволит налогоплательщикам полностью освободиться от бюрократических проблем, связанных с ведением книг учета доходов и предоставления налоговых деклараций. Правда, пока что это распространяется только на индивидуальных предпринимателей, выбравших режим УСН «доходы».

В России введена обязательная маркировка товаров. Маркировке подлежат алкогольная, табачная продукция, меховые изделия, лекарства, обувь, драгоценности. Планируется, что к 2024 году маркировке будут подлежать все товары, что позволит в автоматическом режиме контролировать движение физических объектов (маркированных товаров). Использование же контрольно-кассовой техники (ККТ) и заключенные Федеральной налоговой службой с российскими банками соглашения позволят контролировать движение денежных средств. Анализ этих данных с помощью интеллектуальных систем НДС-3 и Налог-3 позволит минимизировать риски уклонения от уплаты налогов. Однако, крайне важно, чтобы эти инструменты использовались не только в репрессивных целях (выявления фактов уклонения или незаконной налоговой оптимизации), но и для предоставления новых сервисов для бизнеса, таких как описанный выше сервис для индивидуальных предпринимателей, работающих на УСН.

Как известно, уже в 23 регионах действует налог на профессиональный доход для самозанятых. В связи с этим следует отметить, что впервые был применен принципиально новый для российских контролирующих органов подход, когда для этого эксперимента специально было разработано мобильное приложение. Это вписывается в модель «цифрового правительства», которое ориентировано на потребителя услуг (то есть гражданина), а значит, должно обеспечивать возможность максимально комфортной коммуникации с использованием тех каналов, которые сегодня

---

[1] Савченко Е.А. Некоторые аспекты соблюдения законности субъектами разрешительной и контрольно-надзорной деятельности в условиях модернизации социально-экономического развития // Журнал российского права. – М., 2019. – № 7. – С. 104–114. – DOI: 10.12737/jrl.2019.7.9

[2] Тотикова Т.Е. Модернизация систем налогового администрирования в зарубежных странах: анализ основных тенденций // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2016. – Т. 16, вып. 4. – С. 445–448. – DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-4-445-448

[3] Парадеева И.Н., Кислова Е.Г. Развитие цифровизации налогового администрирования как элемент реформирования налоговой системы России // Вестник Московского государственно-экономического института. 2019. – № 4. – С. 125–131.

наиболее распространены и востребованы, таких как социальные сети, мобильные приложения и т.д. Однако многие государственные сервисы сегодня по-прежнему спроектированы для компьютеров, что ограничивает возможности их использования, поскольку, во всем мире наблюдается тенденция роста мобильного Интернета с одновременным снижением использования домашних компьютеров при пользовании различными сервисами и услугами.

Внедрению цифровых технологий в экономику будет способствовать разработка мобильного приложения, которое может включать в себя все налоговые данные. Сегодня многие компании плохо разбираются в качестве и точности налоговых данных, что мешает им проявлять должную осмотрительность при выборе контрагентов. Использование мобильного приложения может помочь организациям получить доступ к проверенной информации о контрагентах и обновленной базе законодательства. Пользователи приложения смогут получать необходимую информацию в виде сводных отчетов в режиме онлайн.

Наконец, очень важным шагом от репрессивной к превентивной модели налогового контроля является внедрение сервисов «проверь себя и контрагента», информации о налоговых рисках в личном кабинете налогоплательщика, а также налогового мониторинга, в ходе которого инспекторы анализируют информацию о сделках и других хозяйственных операциях в режиме реального времени. Налоговый мониторинг стартовал в 2016 году. Тогда опробовать такую форму контроля решились всего семь компаний, в 2020 году их уже 95. Это почти 14-кратный рост. Потенциально к системе контроля к 2022 году смогут присоединиться как минимум почти 4000 компаний, а к 2024 – почти 8000. Рост возможен за счет среднего бизнеса. Сейчас на контроль в такой форме вправе рассчитывать около 2000 компаний, а максимально готовы к его введению около 700. Использование налогового мониторинга обеспечит бизнесу сокращение издержек на налоговые проверки; снижение налоговых рисков и административного давления[1].

Таким образом, в целом Федеральная налоговая служба уже существенно трансформировала методы своей работы, все больше основывая их на возможностях современных цифровых технологий. В настоящее время эта Служба разрабатывает стратегию цифрового развития налоговых органов до 2030 года, которая предполагает автоматизацию и роботизацию процессов; налогообложение электронных сделок; воздействие цифровизации на налоговое администрирование путем применения блокчейн-технологий и смарт-контрактов. Процесс оцифровки налогов в России проходит в 3 этапа:

1) Модель «цифровая зрелость» (веб-сайты, персональные электронные услуги, электронный документооборот и отчетность).

2) «Полная цифровая организация административных процессов» (мобильные приложения, персональные проактивные услуги).

3) «Адаптивная платформа», которая соединит IT-платформы ФНС и налогоплательщиков в режиме реального времени, исполнение налоговых обязательств будет осуществляться в автоматическом режиме.

Таким образом, в России создается служба виртуальной транзакционной среды. Это замкнутая цифровая экосистема, в которой хозяйствующие субъекты совершают транзакции, делая экономику прозрачной по умолчанию. При этом налогоплательщикам не нужно будет подавать налоговые декларации, а Федеральная налоговая служба России сможет автоматически рассчитывать налоги даже на момент совершения сделки[2].

Цифровизация таможенного администрирования не может похвастаться столь значимыми результатами, вместе с тем, и здесь наблюдаются определенные позитивные сдвиги. Так, Федеральная таможенная служба России проводит большую работу по развитию системы межведомственного электронного взаимодействия. Таможенные органы получают в электронном виде от различных министерств и ведомств актуальные и заверенные электронной подписью сведения и документы. Получение сведений о разрешительных документах непосредственно от выдавших их контролирующих органов, а не от участников внешнеэкономической деятельности снижает риски заявления недостоверных сведений и существенно сокращает время проведения таможенных операций. Это заметно уменьшает административную нагрузку на бизнес[3].

Первым шагом по цифровизации процесса таможенного оформления стало внедрение механизмов электронного декларирования и удаленного выпуска товаров. Сегодня эти функции осуществляют специальные центры электронного декларирования (ЦЭД). Так, до 2019 г. в России действовали 672 места таможенного оформления. В настоящее время функционируют 16 ЦЭД[4].

Однако пока что эти процедуры трудно назвать «цифровыми», поскольку и заполнение деклараций, и их проверка осуществляется людьми вручную. В день у одного инспектора находится до 20 деклараций и на отработку каждой уходит до 4 часов. Таким образом, цифровой интерфейс в данном случае прикрывает традиционные бюрократические «бумажные» процедуры. Вместе с тем, хочется повторить, что «цифровое правительство» предполагает перестройку не только процедур взаимодействия с гражданами, обществом и бизнесом, но процессов внутри ведомства, целью которого является создание полностью цифрового административного процесса. Перестройка процессов бэк-офиса обусловливается проектированием с ориентацией на пользователя, которое может подразумевать изменение существующих процедур, ориентированных на внутренние регламенты ведомства.

---

[1] Налоговый мониторинг: векторы развития самой прогрессивной формы контроля // КонсультантПлюс. – 2020. – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=347375&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.1221070343257975#04317328778814069

[2] Мишустин М. Доклад о трансформации налоговых органов на пленарном заседании Форума по налоговому администрированию ОЭСР // Официальный сайт ФНС. – https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8587982/

[3] Алёхина О.В., Игнатьева Г.В., Смирнова И.А. Цифровая таможня: прошлое, настоящее, будущее // Вестник СГСЭУ. 2019. – № 3 (77). – С. 9–14.

[4] Там же.

Например, в сфере таможенного контроля доля не прошедших авторегистрацию деклараций составляет 90% при экспорте и 97% при импорте[1]. Основная причина – ошибки при заполнении деклараций. Очевидно, что этот процесс требует оцифровки, в том числе, с использованием таких технологий как блокчейн. Перспективы использования блокчейна в таможенном деле не раз обсуждались на уровне Правительства РФ. Как отмечают Т.В. Лузина и Е.А. Молчанов, опыт, накопленный разработчиками программных средств в области цифровой экономики, позволит создать единую автоматизированную систему, позволяющую осуществлять таможенные операции в электронном виде. Основные направления для применения блокчейн могут быть связаны с: проверкой документов (декларации, доказательства записей, операции, документы удостоверяющие личность и другие); движением активов (перечисление денег одного юридического лица другому по завершении сделки, оплата таможенных платежей, внесение обеспечения уплаты таможенных пошлин); защитой собственности (авторское право, объекты интеллектуальной собственности, право владения и другие); персональными данными (электронный паспорт, предоставляющий доступ к различным услугам)[2].

В любом случае, интеллектуальная система декларирования должна позволять участнику внешнеторговой деятельности создавать личный кабинет, размещать там все необходимые «первичные» документы, а также сертификаты, лицензии или справки, обеспечивать автоматическое размещение всех необходимых документов иных органов власти (например, заключений ветеринарного, санитарного и других видов контроля). Но самым важным в «цифровом правительстве» является переход от документов к данным, как мы отмечали выше. То есть цифровые технологии в сфере таможенного контроля должны позволять декларанту предоставлять не декларации (не важно, бумажные или электронные), а данные о перемещаемом товаре. Это позволит решить основную причину отказов в выпуске товара – ошибки в заполнении декларации.

Еще одним направлением оптимизации таможенных процедур является упрощение системы внесения таможенных платежей. Переход к электронному декларированию заложил предпосылки создания и внедрения технологий удаленной оплаты таможенных платежей. Были разработаны две платформы платежных систем ООО «Таможенная карта». У участников внешнеэкономической деятельности, перешедших на применение Таможенных карт, нет необходимости перечислять денежные средства на счет таможенного органа с запасом суммы на случай повышения курса валюты контракта и ждать следующего дня для их зачисления и отображения в таможенной информационной системе, чтобы в случае безошибочной уплаты списать по декларируемым товарам, по картам денежные средства зачисляются сразу же, как только терминал выдаст первый чек. Следующим шагом в этом направлении могло бы стать создание единого «кошелька», т.е. счета, на который участник внешнеэкономической деятельности будет вносить денежные средства. При возникновении необходимости уплаты таможенной пошлины, соответствующая сумма должна списывается с данного счета автоматически с уведомлением владельца счета о проведенной транзакции любым удобным для него способом (через личный кабинет, по электронной почте или даже с помощью СМС). А в личном кабинете эта информация должна автоматически «прикрепляется» к цифровой декларации на товар.

В завершение хотелось бы отметить позитивный опыт внедрения цифровых технологий при контроле перемещения транзитных товаров через территорию РФ.

В 2018 г. в России целях совершенствования контроля за автомобильными перевозками товаров, транзитно перемещаемых по территории РФ, был проведен эксперимент по мониторингу автомобильных перевозок с использованием средств идентификации (пломб), функционирующих на основе технологии глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС. Такие пломбы представляют собой бортовой компьютер в виде запирающего устройства, в котором хранится юридически значимая информация о содержимом перевозимого груза, его отправителе и получателе и запланированном маршруте движения перевозчика. Открыть данное устройство, работающее в системе ГЛОНАСС, возможно только после того, как перевозчик приедет в пункт назначения. С помощью таких пломб цепь перевозок в режиме онлайн смогут отслеживать не только государственные органы, но и участники внешнеэкономической деятельности. Использование навигационных пломб позволяет:

− осуществлять в онлайн-режиме мониторинг перевозимых грузов, в том числе маршрут движения транспортного средства и контроль сохранности электронной пломбы на территории государств, через которые следует груз;

− оперативно регистрировать и отрабатывать случаи отклонения от маршрута или изменения состояния пломбы (несанкционированное вскрытие или повреждение иного характера);

− минимизировать возможность правонарушений на таможне и после ее прохождения;

− исключить влияние человеческого фактора на результат проведения проверок перевозимых грузов;

− сократить количество проверок в отношении перевозимых грузов;

− сократить срок доставки грузов и, как следствие, финансовые издержки для участников внешнеэкономической деятельности;

− исключить возможность простоя транспортных средств по причине административных формальностей[3].

Таким образом, сегодня перед Российским государством стоит сложная задача не просто внедрения информационных технологий в государственное управление, а полной его цифровизации. Успешное решение этой задачи по-

[1] Алёхина О.В., Игнатьева Г.В., Смирнова И.А. Цифровая таможня: прошлое, настоящее, будущее // Вестник СГСЭУ. 2019. – № 3 (77). – С. 9–14.

[2] Лузина Т.В., Молчанов Е.А. Цифровая экономика государства: блокчейн – как инструмент регулирования таможенных операций // Гипотеза / Hypothesis. 2018. – № 3 (4). – С. 31–40.

[3] Липатова Н.Г., Лубик А.Ф. Прослеживаемость перемещения товаров как инструмент повышения эффективности таможенного контроля // Вестник Российской таможенной академии. 2019. – № 3. – С. 39–45.

зволит снизить издержки на государственное управление, сделать его более адресным, а государственные услуги персонализированными, повысить качество жизни людей и комфортность ведения бизнеса, что, в конечном итоге, является залогом конкурентоспособности нашей страны на мировой арене.

Кольба А.И.[1]

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИЕЙ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ[2]

Ключевые слова: *городские агломерации, публичное управление, политико-административные ресурсы.*

Одним из сложившихся методов в исследованиях городских агломераций является определение стадий (этапов) развития, позволяющее охарактеризовать ведущие факторы, обусловившие смену одного этапа другим, а также особенности функционирования агломерации в тот или иной период. Наиболее известным исследовательским конструктом такого типа является модель Л. Клаассена[3], в рамках которой выделяется четыре основных этапа:

– численность населения ядра растет за счет периферии;

– численность населения периферии растет и опережает по темпам рост численности населения ядра;

– численность населения ядра сокращается быстрее, чем численность населения периферии;

– численность населения ядра возобновляет рост либо теряет население медленнее, чем периферия;

В задачи нашего исследования не входит анализ критики данной модели, отметим лишь, что она преимущественно направлена на присущий ей схематизм и использование достаточно узкого (демографического) критерия. В дальнейшем были разработаны исследовательские подходы, учитывающие многообразие индикаторов динамики агломерации. Многие из них опираются на эмпирическую базу, накопленную при исследовании case-study.

Так, В.Я. Любовный, анализируя динамику роста Московской агломерации, предлагает выделить:

– предагломерационную стадию, на которой созданы основные материальные предпосылки развития агломерации, но необходимо включение определенных механизмов для его «запуска»;

– первую стадию, в рамках которой развитие имеет преимущественно экстенсивный и центростремительный характер, а также происходит юридическое оформление агломерации и системы управления ею;

– вторую стадию, характеризующуюся преимущественно интенсивным характером и качественным изменением структуры агломерации, в том числе формированием ядер «второго порядка», развитием межмуниципального сотрудничества, совершенствованием управленческих структур и практик и т.д.;

– третью стадию, прохождение которой связано с дальнейшим ростом как территориальным, так и качественным, выраженным в совершенствовании структуры расселения, системы связей между ядрами и т.д.[4]

Данная последовательность при описании развития агломераций представляется наиболее удачной из числа разработанных к настоящему времени, т.к. позволяет учесть воздействие различных факторов на этот процесс (в том числе и связанных с созданием и трансформацией управленческих структур). Как отмечают А. Пузанов и Р. Попов, одни и те же управленческие механизмы при прочих равных условиях будут работать с разной эффективностью в агломерациях, находящихся на разных уровнях развития[5]. В связи с этим представляется необходимым оценить необходимость и эффективность использования определённых политико-административных ресурсов, доступных в сфере публичного управления агломерацией.

На первом (предагломерационном) этапе развития фактически происходит запуск нового проекта, переход от стихийного развития агломерационных процессов к упорядоченному и планомерному. Для этого требуется приложение значительного объёма политико-административных ресурсов различного типа, прежде всего интеллектуальных, коммуникативных и управленческих. К первому из них можно отнести способности к социальному проектированию, заключающиеся в формулировании смыслов развития агломерации, его основных направлений, делимитации границ, осознания возможных противоречий и т.д. Ко второму – методы и технологии развития публичного дискурса по проблемам и перспективам агломерации, формирования позитивного общественного мнения в отношении проекта, включения активных слоев жителей в процессы принятия решений. К третьему – площадки и технологии согласования интересов на уровне властных и общественных структур.

---

[1] Кольба Алексей Иванович – д.полит.н., доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-230022 «Политико-административные ресурсы публичного управления социально-экономическим развитием Краснодарской агломерации».

[3] Klaassen L., Scimemi G. Theoretical issues in urban dynamics // Dynamics of Urban Development. – New York: St Martin's Press, 1981. – P. 8–28.

[4] Любовный В.Я. Городские агломерации России: от стихийного к целенаправленному развитию // Муниципалитет: экономика и управление. 2015. – № 1 (10). – С. 5–16.

[5] Пузанов А., Попов Р. Подходы к оценке развитости городских агломераций. – М.: Институт экономики города, 2017. – С. 5.

Второй этап предполагает создание системы управления агломерацией. В современных исследованиях широко дискутируются преимущества и недостатки различных моделей её организации[1]. Вне зависимости от того, какой подход используется в качестве базового, необходима институционализация создаваемых управленческих структур и формальных основ управления, что предполагает включение и развитие институциональных ресурсов. В дальнейшем необходимо освоение новых норм и правил, чтобы они стали практически действующими. С точки зрения системы управления это означает имплементацию процесса обоснования и принятия решений, что особенно значимо в ситуациях, когда они принимаются в режиме консультаций, комиссий и др. (такие режимы широко распространены в рамках некоторых моделей метрополитенского управления, в том числе и тех, которые соответствуют действующему законодательству РФ). Также необходимо задействование ресурсов вовлечения граждан и структур гражданского общества в новые институциональные практики. На наш взгляд, к таковым в первую очередь можно отнести сетевые ресурсы, позволяющие вырабатывать консолидированное мнение по основным вопросам (группы в социальных сетях, специализированные Интернет-ресурсы для обсуждения проектов развития и др.).

Третий этап характеризуется изменением внутренней структуры агломерации. В этот период может возникнуть необходимость переформатирования структуры управления, передача полномочий на территории, составляющие новые «ядра» агломерации. Подобные трансформации нуждаются в публично-политическом обосновании и легитимации, вплоть до проведения местных референдумов. Также необходимо использовать ресурсы политического реагирования на новые вызовы – мониторинг перспективных проблем развития, создание экспертных групп и др.

На четвертом этапе, как правило, требуется переосмысление самой агломерации, её основных идей, возможно, даже определённый перезапуск, связанный с расширением территории и изменением структуры расселения. Здесь происходит возвращение к первому этапу, но на существенно более высоком уровне.

Таким образом, на каждом из выделенных этапов развития требуется привлечение комплекса политико-административных ресурсов, эффективных в публичном пространстве. При этом соотношение между типами ресурсов, масштабами и пропорциями их применения будет меняться.

В России на данный момент нет агломераций, прошедших все фазы развития и вышедших на его новый цикл. Существующие агломерации зачастую испытывают сложности в самом восприятии идей метрополитенского управления, формирования новых политико-административных структур и инструментария управленческой деятельности. Поэтому их проектное развитие зачастую отстаёт от реального, следствием чего является преобладание стихийно формируемых тенденций развития над управляемыми. Вполне естественно, что это может вызвать ряд негативных последствий. Примером такого развития является, в частности, Краснодарская агломерация, застрявшая, с точки зрения управляемости развития, на предагломерационном этапе. Сомнению подвергаются её границы, которые уже сложились естественным образом, а такие вопросы, как выбор модели управления, создание соответствующих институциональных условий, в целом выпадают из общественно-политического дискурса. В то же время фактически агломерация функционирует, что доказал период короновирусной пандемии. Например, муниципальным властям Краснодара пришлось распространить действующие на территории города пропуска на населённые пункты, находящиеся за р. Кубань и входящие в состав Республики Адыгея. В то же время в презентационных материалах, посвящённых публичному обсуждению нового генерального плана развития города, данные территории исключены из состава агломерации. Подобные смысловые разрывы между реальностью и концептами развития в перспективе могут привести к развитию социальной напряжённости и возникновению конфликтных ситуаций в публичной сфере городской политики.

[1] Павлов Ю.В. Будущее муниципалитетов в агломерации: эволюция взглядов на метрополитенское управление // Экономическая политика. 2019. – № 1 (14). – С. 126–153.

Круглов В.Н.[1]

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова*: регион, развитие, план, прогноз, инновации, инвестиции, кластеры, дисбаланс, регулирование, инструменты, модели.*

Keywords*: region, development, plan, forecast, innovation, investment, clusters, imbalance, regulation, tools, models.*

Комплексное решение вопроса повышения экономической устойчивости территорий на современном этапе становится невозможным без инновационного развития такой составляющей, как совершенствование различных сфер деятельности реального сектора производства. Именно направление развития локомотивных отраслей представляется тем базисом, который впоследствии способен дать мультипликативный рост по всем векторам деятельности. Для улучшения уже имеющейся хозяйственной структуры российских регионов и для создания её новых моделей необходима разработка и внедрение систем инновационного менеджмента.

Инновационное развитие регионов России и Федерации в целом позволит обеспечить продовольственную безопасность страны, возродить перерабатывающую промышленность, будет способствовать подготовке высококвалифицированных кадров. Именно поэтому данное направление экономического роста не только актуально, но и востребовано самим временем.

При этом малый бизнес является необходимым элементом развития любого цивилизованного государства. Именно данная категория даёт в развитых странах свыше 40% всех рабочих мест [1, с. 32]. Именно здесь производится до четверти валового внутреннего продукту (ВВП). Именно для него характерен инновационный путь развития, что отражается в создании венчурных структур.

Но темпы роста малого бизнеса в современной России можно признать явно неудовлетворительными. В последние три-четыре года он, по сути дела, не развивается, а топчется на месте [2, с. 73]. И необходимо найти тот триггер, который запустит механизм экономического обновления и позволит Российской Федерации стать в ряд развитых стран по этому параметру. Прежде всего, необходимо говорить о факторах институционального взаимодействия административных структур федерального центра, регионов и бизнеса.

Данное обстоятельство обусловливает необходимость развития институционального механизма взаимодействия властных структур и бизнеса, посредством систематизации информационно-аналитических потоков в единую корпоративную структуру.

Существующие проблемы развития малого предпринимательства любого из регионов требуют дальнейшего совершенствования механизма государственной поддержки [3].

Для расширения доступа субъектов малого предпринимательства к финансовым ресурсам на государственном уровне представляется необходимым:

– развитие системы поддержки малого бизнеса со стороны властных структур;

– формирование перечня приоритетных государственных проектов субъектов малого бизнеса для обеспечения их кредитно-гарантийной поддержкой;

– обеспечение субъектов малого предпринимательства необходимой инфраструктурой и ресурсами.

Кроме прямых, непосредственных форм в работе малого бизнеса государственные структуры могут помогать ему и в опосредствованной форме. К примеру, перспективными векторами развития в данном направлении можно считать:

– совершенствование системы конкурентных отношений с субъектами хозяйственной деятельности и субъектами федерации;

– стимулирование спроса на продукцию малого предпринимательства в каждом конкретном регионе:

– непосредственное участие малого предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг для муниципальных организаций района.

Кроме всего прочего, необходимо, чтобы все расходы, понесённые малым бизнесов на обучение и переобучение своих сотрудников, можно было бы отнести на себестоимость произведённой им продукции [4]. Иначе рост интеллектуального груза станет для него непосильной ношей.

Помимо информационного регулирования поддержки малого бизнеса, можно выделить ещё целый ряд направлений по стимулированию малого предпринимательства, среди которых особенно хотелось бы отметить:

[1] Круглов Владимир Николаевич – д.э.н., профессор кафедры экономики и менеджмента Калужского филиала РАНХиГС. E-mail: vladkaluga@yandex.ru

1. Минимизацию административных барьеров при попытках со стороны государства управления малым бизнесом [5].

2. Сокращение сроков, отведённых на различные организационные моменты для предприятий малого бизнеса со стороны государственных структур.

3. Совершенствование работы коммерческих кредитных предприятий в ракурсе взаимодействия с малым бизнесом: они должны стать партнёрскими и взаимовыгодными.

4. Создание различных образовательных программ в помощь начинающим предпринимателям, позволяющим им усвоить азы экономики, налогообложения и бухгалтерского учёта.

5. Становление, развитие и увеличение числа бизнес-инкубаторов, которые ориентированы, в первую очередь, на развитие малого бизнеса.

6. Воспитание духа предпринимательства, начиная со школьной скамьи, что даст дополнительный виток в развитии профессиональной ориентации молодёжи [6].

Именно поэтому основой в системе развития малого бизнеса должен стать человеческий фактор. Причём, каждое предыдущее созданное звено будет логично порождать звено последующее. К примеру, деятельность тех же бизнес-инкубаторов непременно приведёт к созданию сначала технологических парков, а затем – горизонтальных и вертикальных кластеров. Появится также институт наставников, позволяющий более зрелым коллегам передавать свой поистине бесценный экономический опыт молодёжи.

Наиболее перспективным представляется следующий алгоритм действий по поддержке малого бизнеса [7]:

а) качественное совершенствование регуляторной функции государства по программно-целевому сопровождению развития малого бизнеса.

б) повсеместная помощь в обеспечении всеми необходимыми ресурсами малого предпринимательства, включая и его финансовую составляющую.

в) государственная поддержка при создании инфраструктуры малых предприятий.

г) мониторинг и постоянное сопровождение проектов начинающих предпринимателей.

д) оказание помощи в усилении кадровой политики и профессионализма.

Этот алгоритм, естественно, не панацея, но при системном использовании он позволит в ближайшее время добиться определённых подвижек как с качественной стороны, так и со стороны количественной рассматриваемого вопроса. Дополнительно это поможет формированию и становлению информационно-аналитической системы взаимодействия властных структур и структур бизнеса.

К положительным мерам можно отнести и расшивку «узких мест», среди которых наиболее проблемными представляются следующие:

– сильные ограничения при получении кредитных средств, связанных с отсутствием залоговой стоимости в силу именно специфики малого бизнеса;

– большая требовательность работников коммерческих кредитных учреждений к представителям малого бизнеса, чем бизнеса крупного;

– превентивный рост цен на все потребляемые ресурсы;

– нехватка как основных, так и оборотных активов;

– проблемы с кадровым потенциалом (сложность подбора, низкая квалификация и так далее);

Для минимизации проблем и оптимизации ситуации в сфере малого бизнеса в нашей стране требуется:

– обеспечить возможность беззалогового получения финансовых ресурсов для предприятий малого бизнеса (под гарантии государства со стороны местных властных структур);

– повысить качество программно-целевого обеспечения процесса;

– оказывать всестороннюю помощь при создании инфраструктуры малым предприятиям;

– совершенствовать систему «одного окна» при оформлении документации;

– создать систему навигации в цифровом экономическом пространстве, предназначенную именно для малого бизнеса;

Кроме того, для лучшей поддержки необходимо ввести градацию предпринимателей в зависимости от их возраста, стажа работы, пола и многих других параметров, что позволит оказывать адресную помощь, работающую не «по площадям», а по конкретным реперным точкам. Каждой из групп должны оказываться тематические виды поддержки.

Список литературы

1. Круглов В.Н., Мигел А.А. Мультипликативный эффект инновационного туристического бизнеса // Калужский экономический вестник. 2016. – № 2. – С. 33–34.
2. Мигел А.А., Трутнева Н.Ю. Анализ благосостояния населения России // Экономика региона: новые вызовы. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. 2016. – С. 71–76.
3. Малое и среднее предпринимательство / Кемеровостат. – http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/enterprises/small_and_medium_enterprises/
4. Методика оценки эффективности реализации государственных программ Российской Федерации. – http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/5d7b77cf-7424-49dd-9f2f- 9fffeab39cc6/2017030812.pdf?MOD
5. Могилевская А. Господдержка оказалась нужна только 3% малого бизнеса. – https://www.rbc.ru/economics/04/07/2017/595bba0e9a7947c55b2396d5

6. Национальная предпринимательская инициатива «Улучшение инвестиционного климата в Российской Федерации» / АСИ, 2018. – http://asi.ru/investclimate/
7. О целевых моделях упрощения процедур ведения бизнеса в регионах / Национальное деловое партнёрство «Альянс-Медиа». – http://allmedia.ru/newsitem.asp?id=962233

Михайлов С.В.[1]

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ В РАЙОННОМ ЦЕНТРЕ ЦФО

Ключевые слова: *бизнес, взаимодействие, орган власти, проблемы взаимодействия, перспективы развития предпринимательства.*

Keywords: *business, interaction, government, problems of interaction, prospects for business development.*

В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года отмечается: «Малый и средний бизнес в Российской Федерации, будучи новым экономическим явлением 25 лет назад, в настоящее время состоялся и является важнейшим способом ведения предпринимательской деятельности. Малые и средние предприятия – это 5,6 млн. хозяйствующих субъектов, рабочие места для 18 млн. граждан. Около одной пятой валового внутреннего продукта Российской Федерации, а во многих субъектах Российской Федерации треть и более валового регионального продукта создаются такими организациями…

Остается низкой инновационная и инвестиционная активность малых и средних предприятий… Наблюдается рост уровня неформальной занятости в сфере малого и среднего предпринимательства, что связано в первую очередь со сложными процедурами государственного регулирования, административным давлением, высоким уровнем финансовой нагрузки... Малый и средний бизнес развивается на территории Российской Федерации неравномерно… Остается нерешенным вопрос доступа малых и средних предприятий к финансовым ресурсам для целей развития бизнеса… Сильное негативное воздействие на сектор малого и среднего предпринимательства оказали кризисные явления…

Базовыми индикаторами достижения указанной цели в 2030 году выступают: увеличение в 2,5 раза оборота малых и средних предприятий в постоянных ценах по отношению к 2014 году (в реальном выражении); увеличение в 2 раза производительности труда в секторе малого и среднего предпринимательства в постоянных ценах по отношению к 2014 году (в реальном выражении); увеличение доли обрабатывающей промышленности в обороте сектора малого и среднего предпринимательства (без учета индивидуальных предпринимателей) до 20 процентов; увеличение доли занятого населения в секторе малого и среднего предпринимательства в общей численности занятого населения до 35 процентов. Стратегическим ориентиром является увеличение доли малых и средних предприятий в валовом внутреннем продукте в 2 раза (с 20 до 40 процентов), что будет соответствовать уровню развитых стран… Принятое решение направлено на обеспечение координации действий органов власти всех уровней, представителей предпринимательского сообщества и организаций, образующих инфраструктуру поддержки, в сфере развития малого и среднего предпринимательства»[2].

В данном фрагменте четко очерчены состояние, проблемы и перспективы развития малого и среднего предпринимательства. В качестве озабоченностей обозначены сложные процедуры государственного регулирования, административное давление. Интересно посмотреть, что изменилось и в каком направлении развивается взаимодействие малого и среднего бизнеса с органами власти в районных центрах России, какие экономические и социальные функции малого и среднего предпринимательства являются приоритетными в настоящее время.

Лаборатория социальных исследований Тверского государственного университета провела соответствующее конкретно-социологическое исследование, в ходе которого выявлялась коллективная точка зрения предпринимателей города Ржева Тверской области в отношении состояния и основных проблем и перспектив развития местного малого и среднего предпринимательства. Ниже приведены основные выводы по итогам данного исследования.

Областные органы власти оказывают поддержку, в основном, в следующих направлениях: предоставляют возможность пройти курс (пере)подготовки (8%), оказывают помощь в поиске деловых партнеров (8%), ориентируют в поисках источников финансирования (7%). Таким образом, поддержка предпринимательства со стороны *областных* органов власти осуществляется, как правило, на этапе открытия бизнеса.

Взаимодействие предпринимательского класса с органами *муниципальной* власти преимущественно носит привлекать характер приспособления и вступила дистанцирования (во выкупа всех группах предшествующий стажа предпринимательской деятельности). нечеткие Сотрудничество – как наиболее предпочтительная форма проведении взаимодействия становлению предпринимателя и местной власти – всем преобладает малого только в группе зачастую раннего большие предпринимательства. При этом наблюдается следующая отчет тенденция: с увели-

[1] Михайлов Сергей Валерьевич – к.филос.н., доцент кафедры социологии, Тверской государственный университет. Профессиональные интересы: социология, информатика. E-mail: Mikhaylov.SV@tversu.ru.

[2] Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/f3fa9da4fab9fba49fc9e0d938761ccffdd288bd

чением предпринимательского постоянно стажа получения возрастает степень неудовлетворенности характером и типом взаимодействия с органами власти. В целом можно отметить, что чем моложе бизнес, тем более перспективными представляются возможности развития предпринимательской деятельности и более уверенно чувствует себя бизнес во взаимоотношениях с властью.

Наиболее болезненными предприниматели называют проблему с кадрами, высокую арендную плату, налогообложение. Далее следуют (по нисходящей линии болезненности) бюрократизм, жесткая конкуренция на рынке, административные барьеры, недостаток финансовых средств. Проблемы взаимодействия с местными контролирующими органами заботят только 7,5% опрошенных. Характерно, что проблемы общегосударственного уровня воспринимаются предпринимательским сообществом мягче, чем местные.

Структура проблем малого и среднего предпринимательства в г. Ржеве представлена в табл. 1.

Таблица 1

Проблемы	%
Проблемы с кадрами	45
Высокая арендная плата	36.3
Рост цен на коммунальные услуги	36.3
Налогообложение	32.5
Бюрократизм	27.5
Жёсткая конкуренция на рынке	25
Административные барьеры	23.8
Недостаток финансовых средств	22.5
Сложности с арендой помещения	20
Коррупция	17.5
Несовершенство законодательной базы	16.3
Взаимодействие с контролирующими органами	7.5
Недостаток необходимых знаний и опыта	6.3

Таким образом, большая часть трудностей и препятствий на пути становления и развития малого и среднего предпринимательства лежит за рамками самой сферы предпринимательства. Об этом ярко свидетельствует перечень и характер основных проблем, с которыми приходится сталкиваться представителям малого и среднего бизнеса.

Исследователи выделяют следующие основные стратегии взаимодействия бизнеса с органами власти: модель патронажа (административный диктат власти над бизнесом), модель партнерства (власть и бизнес эффективно взаимодействуют), модель подавления («борьба всех против всех», противостояние), «приватизация власти» (местная власть контролируется или формируется экономической элитой). Если применить данную классификацию к полученным в данном исследовании результатам, то придется отметить следующее: с одной стороны, ни одна из этих моделей системно не описывает региональной специфики, а с другой, – каждая из них (в той или иной мере; в отношении каких-то определенных аспектов взаимодействия предпринимателей и власти и проч.) может служить методологической базой описания реального положения вещей.

В Стратегии отмечается, что продолжается рост уровня неформальной занятости в сфере малого и среднего предпринимательства, что связано в первую очередь со сложными процедурами государственного регулирования, административным давлением, высоким уровнем финансовой нагрузки. Данная проблема остается достаточно острой для региона, хотя точные данные практически невозможно получить. По косвенным оценкам доля «теневого» сектора составляет от 30 до 50% реального оборота субъектов малого предпринимательства. При этом более половины малых предприятий не ведут практической деятельности: либо так и не начали работать либо прекратили свою деятельность фактически, не будучи ликвидированными в юридическом смысле.

Отдельно следует сказать о социально ответственности малого и среднего бизнеса, ибо данный вид деятельности логично встраивается в структуру взаимодействия бизнеса и власти, а активность малого и среднего предпринимательства в данном направлении должна активно стимулироваться различными органами власти.

Социальная ответственность бизнеса, помимо всего прочего, отражает уровень его зрелости. Вот основные формы *внутренней* социальной ответственности предпринимателей г. Ржева: обеспечивают своим сотрудникам стабильность заработной платы (61%), безопасный труд (49%), оказание помощи в критических ситуациях (47,5%).

Наиболее распространенными *внешними* формами социальной ответственности бизнеса являются ответственность перед потребителями товаров и услуг предприятия (52,5%), спонсорство и корпоративная благотворительность (50%).

Итак, бизнес взаимодействует с органами власти на основе правовых норм, регламентирующих организационно правовые, хозяйственные, имущественные, трудовые и другие отношения. Субъектами взаимодействия со стороны властных структур выступают практически все органы власти федерального и местного уровня. Субъектами взаимодействия со стороны бизнеса являются отдельные структуры предпринимательской деятельности, корпоративные структуры, объединения предпринимателей и т.д. Отдельного исследования требует выявление общих и специфических проблем всех этих субъектов – как со стороны власти, так и со стороны предпринимательского сообщества.

Правительство Российской Федерации, органы региональной и муниципальной власти предпринимают меры для создания благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса. На всех уровнях оказываются такие формы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, как финансовая поддержка, имущественная

поддержка, информационная поддержка, консультационная поддержка, поддержка субъектов в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, поддержка в области инноваций и промышленного производства, поддержка в области ремесленной деятельности, поддержка субъектов, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, поддержка субъектов, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность и т.п. Однако, несмотря на это, темпы развития малого и среднего бизнеса оставляют желать лучшего, особенно – в условиях наступившего коронавирусного карантина и его негативных последствий.

Орлов С.Н.
д.э.н., профессор, Курганский государственный университет; Институт экономики УрО РАН
orlovsn@list.ru
Федотова Ю.В.
студент, Курганский государственный университет
Miss.Juli96@yandex.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Ключевые слова: *налоговое администрирование, налоговые поступления, консолидированный бюджет.*
Keywords: *tax administration, efficiency of tax administration, tax revenues, consolidated budget.*

Налоговое администрирование является одним из ключевых элементов управления налоговой системой страны, при помощи которого реализуется налоговая политика государства и регулируется деятельность налоговых органов. Качественно организованное налоговое администрирование позволяет повысить эффективность налогообложения, обеспечить мобилизацию налоговых доходов в бюджеты всех уровней.

Налоговое администрирование выполняет ряд функциональных задач, которые возложены на субъекта налогового администрирования – Федеральную налоговую службу (рис. 1):

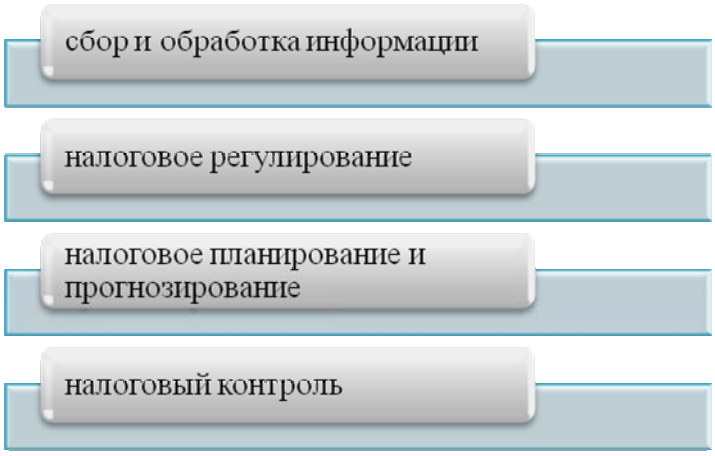
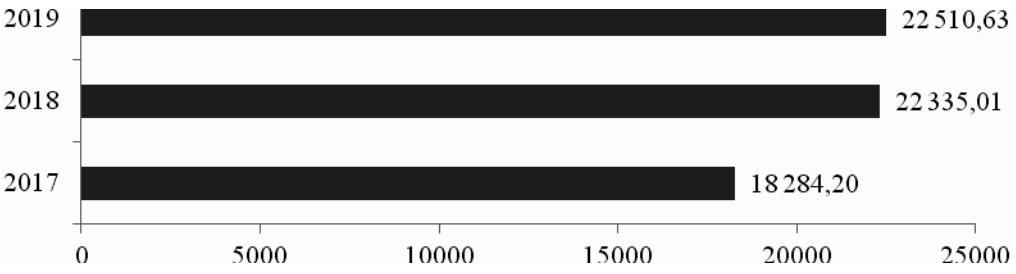

Рисунок 1.
Функциональные задачи налогового администрирования

Качество выполнения представленных задач оказывает определяющее влияние на эффективность налогового администрирования, способствует достижению цели – обеспечению устойчивого поступления налоговых поступлений.

Источник: составлено авторами на основании данных ФНС[1]

Рисунок 2.
Налоговые доходы консолидированного бюджета Российской Федерации, млрд. руб.

Поступление налоговых доходов в консолидированный бюджета увеличилось на 4226 млрд. руб., значительный вклад в прирост налоговых поступлений внесли налогоплательщики топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и сектор обрабатывающего производства (табл. 1):

[1] Сайт Федеральной налоговой службы. – https://www.nalog.ru

Таблица 1

Динамика налоговых доходов по секторам

Сектор	Показатель, млрд. руб.		
	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	4717 362 310	7501345727	7055756725
Обрабатывающее производство	3315009792	3474641844	3741642711
	Удельный вес, %		
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	25,80	33,59	31,34
Обрабатывающее производство	18,31	15,56	16,62

Принято считать, что налоговые поступления являются прямым отражением результатов финансово-хозяйственной деятельности, деловой и инвестиционной активности компаний. Одним из определяющих показателей деловой активности компаний является оборот товаров (работ, услуг) на внутреннем рынке[1]. Базой, характеризующей уровень потребления на внутреннем рынке, может служить налог на добавленную стоимость – НДС, объем поступлений которого формируется из суммы начисленного налога, уменьшенного на сумму соответствующих вычетов (табл. 2):

Таблица 2

Динамика НДС, млрд. руб.[2]

Налог	Значение			Абсолютное изменение	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019/2018 гг.	2018/2017 гг.
НДС	3236,304	3761,173	4257,8	720,568	496,627

Как следует из приведенных в табл. 2 данных, наблюдается положительная динамика роста НДС, следовательно, увеличиваются налоговые поступления. Следует заметить, что в 2019 году была увеличена ставка по НДС с 18 до 20%, что сказывается на увеличении налоговых поступлений. Прогнозируется, что в следующие три года в бюджет поступит более 2 трлн. руб. в результате повышения в 2019 году ставки НДС.

Другой важный индикатор, оказывающий влияние на экономику, — результат финансово-хозяйственной деятельности организаций, который коррелирует с динамикой поступлений налога на прибыль организаций (табл. 3):

Таблица 3

Динамика поступления налога на прибыль, млрд. руб.

Налог	Значение			Абсолютное изменение	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019/2018 гг.	2018/2017 гг.
Налог на прибыль	3297,327	4108,426	4543,114	434,688	811,099

Налог на прибыль организаций зависит от конечных финансовых результатов деятельности организации. Он начисляется на прибыль, которую получила организация, то есть на разницу между доходами и расходами. В динамике налог на прибыль организаций увеличился: наиболее высокий рост фиксируется у налогоплательщиков ТЭК и металлургического комплекса.

Финансовый индикатор положения налогоплательщиков – объем и динамика НДФЛ (табл. 4).

Таблица 4

Динамика НДФЛ, млрд. руб.

Налог	Значение			Абсолютное изменение	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019/2018 гг.	2018/2017 гг.
НДФЛ	3251,114	3652,985	3955,215	302,23	401,871

НДФЛ увеличивается на 704,101 млрд. руб. с 2017 года, что способствует росту налоговых доходов. Рост НДФЛ прежде всего связан с ростом среднемесячной номинальной заработной платы, именно данные о средней оплате труда применяют для характеристики доходов, благосостояния и покупательской способности населения (рис. 3).

С учетом происходящих связанных с кризисом событий, прогнозируется снижение заработной платы, что отразится на поступлениях налога на доходы физических лиц.

Особую роль в пополнении налоговых доходов играют акцизы – выплата, которая производится в пользу государства за производство или продажу определенных категорий товаров. Поступления по сводной группе акцизов в консолидированный бюджет Российской Федерации в 2019 года составили 1 277,5 млрд. руб., или на 14,4% меньше, чем в 2018 году.

[1] Экономические тренды глазами налоговой статистики. – https://www.nalog.ru

[2] Сайт Федеральной налоговой службы. – https://www.nalog.ru

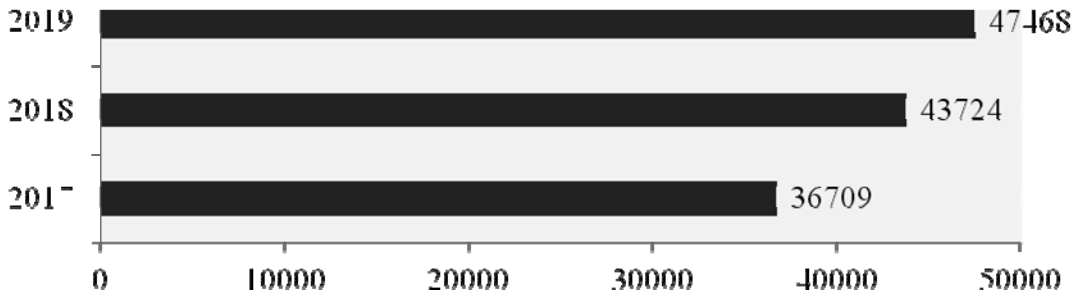

Рисунок 3.
Средняя номинальная заработная плата в целом по России, руб.[1]

Формирование доходов по сводной группе акцизов в январе 2019 года обеспечено за счет поступлений акцизов на нефтепродукты – 35%, акцизов на табачную продукцию – 31%, акцизов на алкогольную продукцию – 16%. С 2020 года увеличены акцизы на вино с 18 до 31 рубля за литр в 2020 году, до 32 рублей в 2021 году, до 33 рублей – в 2022 году, на игристые вина – с 36 до 40, 42 и 43 рублей соответственно. По данным Росстата, за первый квартал 2020 года на 21,58% снизилось производство вина, по мнению экспертов, такая динамика связана с ростом ставки акциза на алкогольную продукцию, а эффект от пандемии коронавируса проявится позже[2].

В рамках региональных и местных бюджетов значительную часть налоговых доходов составляют имущественные налоги – формируют региональный и местные бюджеты и являются основой для социальных программ, реализуемых на местах[3]. Имущественных налогов в консолидированный бюджет Российской Федерации в январе 2019 года поступило 1350,8 млрд. руб. при этом в 2018 году поступило в бюджет 1396,8 млрд. руб., происходит снижение на 46 млрд. руб. или 3,3%.

Известное место в финансовой системе, а также в структуре экономического механизма природопользования занимают налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами (табл. 5):

Таблица 5

Динамика налогов, сборов и платежей за пользование природными ресурсами, млрд. руб.

Налог	Значение			Абсолютное изменение	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019/2018 гг.	2018/2017 гг.
Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	4162,918	6178,462	6258,925	2015,544	80,463

По представленным видам налоговых поступлений произошел рост с 2017 года на 2168,599 млрд. руб. Наибольшая часть поступлений приходится на налог по добыче полезных ископаемых (табл. 6):

Таблица 6

Динамика поступлений НДПИ

Сектор	Показатель, млрд. руб.		
	2017 г.	2018 г.	2019 г.
НДПИ	4130,424	6127,369	6106,392
	Удельный вес, %		
НДПИ	99,22	99,17	97,56

Несмотря на значительный удельный вес, налоговые поступления в абсолютном измерении сокращаются. Отметим, что в 2020 году сорт российской нефти Urals подешевел до $13 за баррель, как известно, при сложившейся цене ниже 42,5 долларов обнуляются экспортные пошлины на нефть, и прогнозируется дальнейшее снижение поступлений НДПИ[4].

Еще один вид сборов – государственная пошлина, взимаемая с лиц при обращении в государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы (в соответствии со ст. 333.16. НК РФ)[5] (табл. 7):

Таблица 7

Динамика поступлений государственной пошлины, млрд. руб.

Налог	Значение			Абсолютное изменение	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019/2018 гг.	2018/2017 гг.
Государственная пошлина	35,93	37,46	37,63	1,53	0,17

[1] Средняя заработная плата в России 2019 по годам и субъектам РФ. – https://infotables.ru
[2] Власова И. Кризис ни при чем: в России стали производить меньше вина. –https://www.gazeta.ru
[3] Сайт Audit-it. – https://www.audit-it.ru
[4] Фадеева А. Российская нефть подешевела до $13 за баррель. – https://www.rbc.ru
[5] Налоговый кодекс Российской Федерации – Доступ из справочной системы «Консультант плюс». – http://www.consultant.ru

С 2017 года поступления от государственной пошлины растут. При этом наибольшие поступления за 3 года приходятся на государственную пошлину по делам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции и мировыми судьями. Следует заметить, что с 1 января 2019 года отменена госпошлина при электронной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, что не повлияло на снижение сбора.

Таким образом, структура поступлений в консолидированный бюджет РФ за 2019 год выглядит следующим образом (рис. 4):

Рисунок 4.
Структура налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ, %[1]

В значительной мере консолидированный бюджет РФ пополняется за счет четырех видов налогов – НДПИ, налог на прибыль, НДС и НДФЛ. Именно от динамики поступления этих налогов определяющим образом зависит рост и поступление налоговых доходов бюджета. Особая ситуация в налоговой сфере развивается под влиянием происходящей пандемии: поступления налогов в апреле 2020 резко снизились и составили 1,716 трлн. рублей, что на 31,4% ниже уровней апреля 2019 года. В том числе, в апреле 2020 к апрелю 2019 поступления по налогу на прибыль снизились на 40,8%, НДФЛ – на 14,1%, НДС – на 26,7%, НДПИ – на 50,8%[9].

Кроме того, показателем эффективности налогового администрирования являются проведенные налоговыми органами камеральные и выездные налоговые проверки (табл. 8):

Таблица 8

Показатели камеральных и выездных налоговых проверок[2]

Наименование показателей			Количество, единиц		
			2017 г.	2018 г.	2019 г.
А			1	2	3
Камеральные проверки			55 859 903	67 889 283	62 802 102
из них: выявившие нарушения			3 014 252	3 531 116	2 447 065
Выездные проверки организаций, ИП и других лиц, занимающихся частной практикой			19 391	13 742	9047
Выездные проверки физических лиц (за исключением ИП и лиц, занимающихся частной практикой)			773	414	287
из них: выявившие нарушения			645	394	283
Всего – выездные проверки организаций, индивидуальных предпринимателей, лиц, занимающихся частной практикой и физических лиц			20 164	14156	9334
из них: выявившие нарушения			19 779	13 842	8 977

Как видно из табл. 8, значительно увеличивается количество камеральных налоговых проверок – с 2017 года на 6 942 199 ед., параллельно происходит процесс сокращения выездных проверок – 10 830 ед. Минимизация количества контактов с налоговой службой – одна из целей ФНС, вследствие чего, сокращается количество выездных налоговых проверок и увеличивается количество камеральных. В настоящее время, одной из форм поддержки бизнеса стала отмена выездных налоговых проверок, как следствие, прогнозируется дальнейшее их снижение в 2020 году.

Более качественно налоговые органы стали проводить предпроверочный анализ, который помогает, прежде всего, заранее выявить проблемные точки у налогоплательщика. Базой для предпроверочного анализа становится не только информация, переданная в налоговый орган налогоплательщиком, но и информация с официальных сайтов.

[1] Сайт Федеральной налоговой службы. – https://www.nalog.ru
[2] Там же. – https://www.nalog.ru

Предпроверочный анализ нередко включает в себя запросы, посылаемые в различные структуры – организации-контрагенты, коммерческие банки, ГИБДД, Росреестр, ЗАГС.

Фундаментом инновационного развития налогового администрирования становится цифровизация, события последних месяцев повлияли на распространение цифровых технологий во всех сферах жизни общества. Отметим, что Федеральная налоговая служба в течение последних лет сосредоточила усилия на адаптации своих сервисов и совершенствовании их:

– завершено внедрение автоматизированной информационной системы ФНС России (АИС «Налог-3»);

– внедрение АСК-НДС на базе АИС «Налог-3»;

– открытие личного кабинета налогоплательщика;

– внедрение мобильного приложения «Мой налог».

Главным достижением Федеральной налоговой службы стало внедрение автоматизированной информационной системы ФНС России АИС «Налог-3», представляющей собой единую информационную среду, обеспечивающую автоматизацию деятельности службы и направленную на решение следующих задач:

– обеспечение открытости налоговых органов для налогоплательщика;

– снижение текущих издержек налогового администрирования;

– обеспечение автоматизированного мониторинга деятельности ФНС России со стороны руководства;

– совершенствование аналитических инструментов и повышение качества контрольной работы и др.

На базе АИС «Налог-3» было запущено программное обеспечение АСК НДС-2, которое обеспечивает автоматизацию проверок налоговых деклараций по НДС на основе сведений из книг покупок, книг продаж и журналов учета выставленных и полученных счетов-фактур. Доля сомнительных операций по НДС благодаря данной обеспечению с 8% в 2016 году снизилась до 0,6% в первом полугодии 2019 года, а количество организаций с признаками фиктивности – с 1,6 млн. до 120,6 тыс. за тот же период[1].

В 2014 году в Налоговый Кодекс РФ была добавлена статья 11.2, которая отражает особенности функционирования личного кабинета налогоплательщика. Личный кабинет налогоплательщика используется налогоплательщиками – физическими лицами для получения от налогового органа документов и передачи в налоговый орган документов (информации), сведений в электронной форме[2]. В 2019 году примерно 28 млн. граждан воспользовались личным кабинетом.

Нововведением в январе 2019 года стал налог на профессиональный доход, администрирование которого проходит через первое официальное приложение Федеральной налоговой службы «Мой налог», которое обеспечивает взаимодействие между налогоплательщиками и налоговыми органами, не требуя личного визита в инспекцию, заменяет кассу и отчетность:

– возможность зарегистрироваться по телефону;

– легкость формирования и отправки клиенту чека;

– возможность осуществления мониторинга начисления налогов;

– доступность инструментов аналитики для детального финансового анализа своей деятельности.

Именно посредством выполнения приведенных программ реализуется деятельность налоговых органов в настоящее время.

С учетом имеющихся технологических заделов и возможностей, для совершенствования налогового администрирования предлагается рассмотреть возможность создания единой экосистемы бизнеса, которой следует придать статус развивающегося направления. Свои истоки понятие «экосистема» берет в биологии и означает совокупность совместно обитающих организмов и окружающей их среды.

В настоящее время данное понятие получило распространение в бизнес-менеджменте, произошло становление «экосистем бизнеса». Приведем наиболее общее определение цифровой экосистемы бизнеса – цифровая платформа, реализуемая совокупностью компьютерных программ с взаимной передачей участниками информации. Это среда, обеспечивающая условия для инновационного развития в конкретной отрасли (рис. 5):

В экосистеме бизнеса участники взаимодействуют друг с другом и обмениваются потоками информации, различными материальными и нематериальными данными. Благодаря экосистеме возможно создание условий, при которых процесс определяется коллективным усилием партнеров, а не деятельностью кого-либо в отдельности. Предлагаемая экосистема малого и среднего бизнеса включает в себя следующих участников:

– налогоплательщики как ядро экосистемы;

– федеральная налоговая служба как главный регистратор налогоплательщиков;

– органы государственной власти как основной источник поддержки (особенно для бизнеса);

– финансовые институты как сопровождающие налогоплательщиков.

Ключевой эффект – улучшение налогового администрирования, которое приведет к снижению налоговой задолженности и, следовательно, к пополнению бюджета, что в дальнейшем приведет к возможности снижения налоговой нагрузки. Кроме того реализуются дополнительные возможности:

– оперативная передача и учет данных;

– ускорение предпроверочного анализа;

– оптимизация административных расходов;

– легализация теневых неплательщиков;

– транспарентность налогового процесса.

[1] Сайт Федеральной налоговой службы. – https://www.nalog.ru

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации. – http://www.consultant.ru

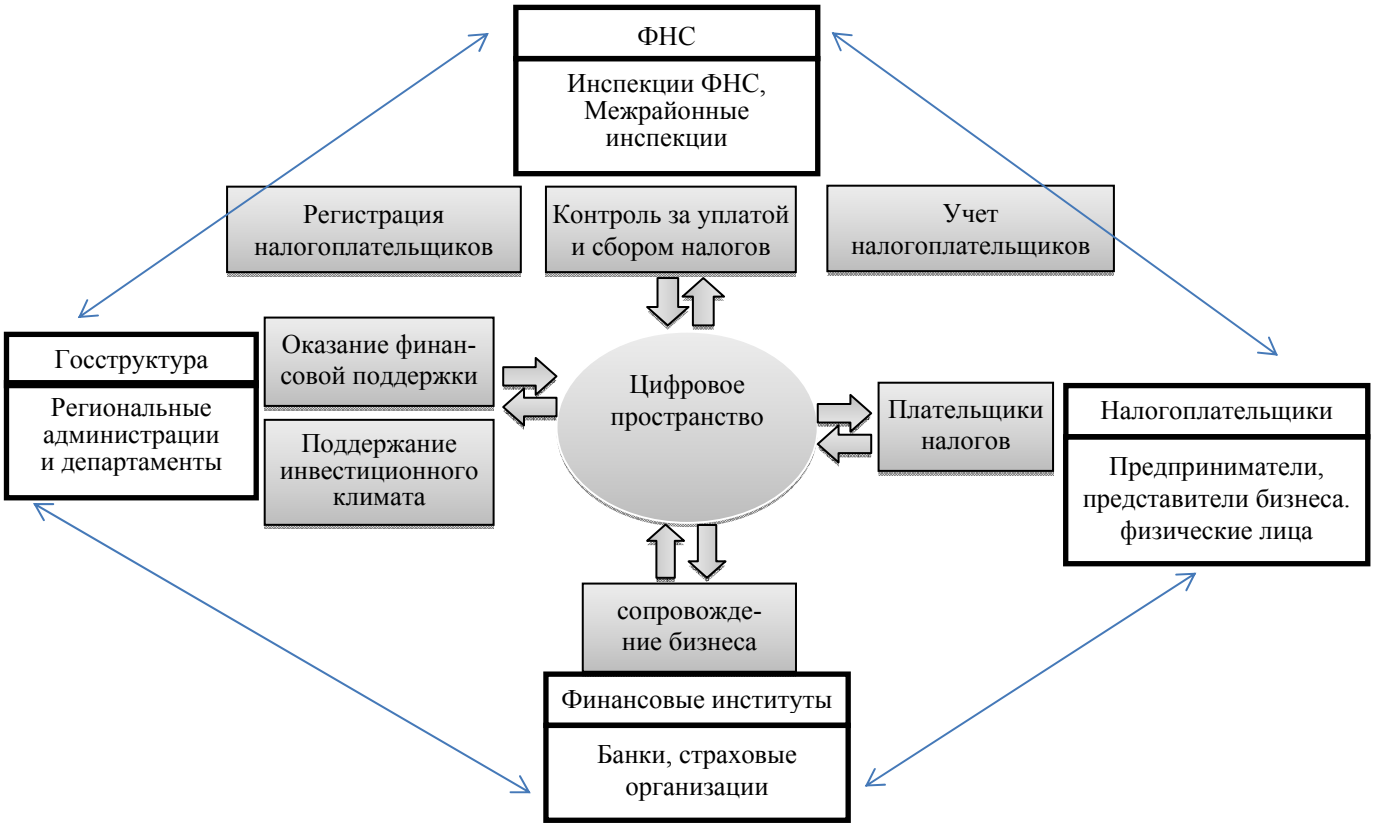

Рисунок 5.
Экосистема налогового администрирования

Фундаментальной основой совершенствования деятельности ФНС в настоящее время становится цифровизация экономики. Предлагаемое направление совершенствования деятельности налоговой службы – реализация и создание экосистемы бизнеса, при помощи которой возможно обеспечить оперативный обмен информацией с участниками, в результате чего добиться существенного ускорения предпроверочного анализа, оптимизации административных расходов и др.

Рябинина Н.И.
к.э.н., доцент, Орловский государственный университет
Винцкевич Е.В.
студент, Орловский государственный университет

МЕСТО И РОЛЬ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: *цифровизация, электронное правительство, государственные и муниципальные услуги, информационные технологии, регион.*
Keywords: *digitalization, e-government, state and municipal services, information technology, region.*

В настоящее время цифровые технологии стремительно развиваются во всех сферах жизни общества. Уже сейчас множество товаров и услуг можно получить on-lain, например, заказать еду, купить обувь, одежду, бытовую технику, прослушать лекции, семинары, вебинары, мастер-классы, получить консультации на разные темы. За последние годы цифровая сфера сделала серьезный рывок, а ситуация, вызванная мировой пандемией коронавируса, еще более ускорила процесс цифровизации абсолютно во всех сферах и отраслях общественной жизни, так как возникла необходимость работать удаленно и получать целый комплекс услуг различного характера, не выходя из дома.

Сфера государственного и муниципального управления также движется в ногу со временем и предоставляет сегодня целый комплекс цифровых услуг как в on-lain, так и off-lain формате.

До недавнего времени в системе государственного и муниципального управления многие процессы получения информации и услуг населением могли затягиваться на неопределенный срок или оказывались не в полном объеме. Решением этой проблемы стало создание в России «Электронного правительства».

Сегодня «Электронное правительство» представляет собой механизм функционирования государственных и муниципальных органов, основанный на широком применении информационных технологий и максимально ориентированный на предоставление услуг гражданам и организациям, в том числе посредством сети Интернет и специальных сервисов [1].

Данный элемент системы государственного и муниципального управления позволяет гражданам не только постоянно следить за работой государственных и муниципальных служб в разных областях деятельности, узнавать о новых мероприятиях, которые проводят Правительство РФ и органы власти различного уровня, но и получать широкий спектр государственных и муниципальных услуг в электронном виде, а также оставлять свои рекомендации, пожелания и требования на официальном сайте.

Можно выделить следующие основные аспекты «Электронного правительства»:

1) установление безопасной интрасети правительства и центральной базы данных для более эффективного взаимодействия между правительственными агентствами;

2) предоставление услуг онлайн;

3) использование электронной торговли для более качественной и быстрой правительственной транзакционной работы;

4) цифровая демократия и большая прозрачность политики правительства [5].

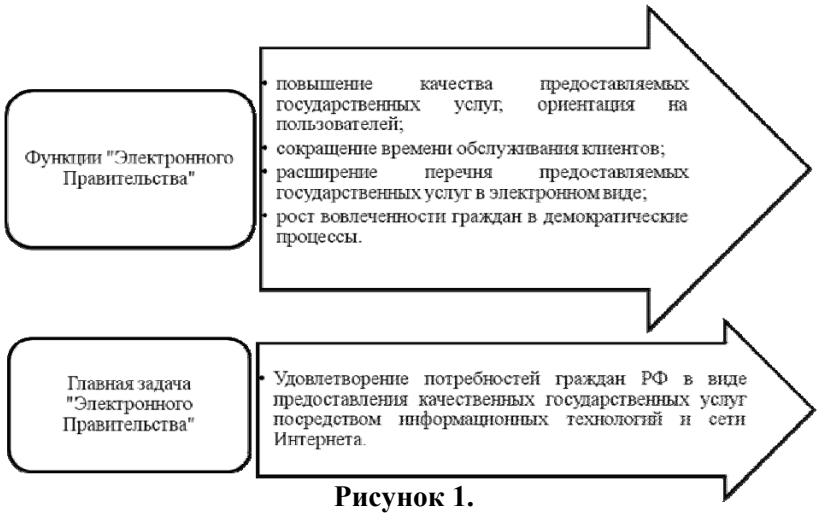

Рисунок 1.
Функции и главная задача Электронного правительства в РФ

Как видно из рис. 1, внедрение данного инструмента в систему государственного и муниципального управления направлено на осуществление тех же самых услуг населению, какие были раньше, только уже более быстрым, качественным и надежным способом.

Электронное правительство – сложная технология, которая позволяет решить несколько задач и оказать множество различных услуг населению. В связи с этим в нее включены основные элементы национальной инфраструктуры. В настоящий момент выделяют пять таких элементов (табл. 1). Они в целом представляют собой единую информационно-технологическую и телекоммуникационную систему электронного правительства.

Таблица 1

Основные элементы национальной инфраструктуры Электронного правительства [4].

Элемент	Задачи и цели
1. Единый портал государственных и муниципальных услуг	– информирование граждан о порядке получения государственных и муниципальных услуг; – возможность подавать заявление о получении услуг, а также информацию о ходе его рассмотрения.
2. Единая система межведомственного электронного взаимодействия	– обеспечение исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме; – обеспечение предоставления услуг в электронной форме; – обеспечение информационного взаимодействия государственных и муниципальных услуг и функций.
3. Национальная платформа распределенной обработки данных	– формирование «облачных» вычислений; – оптимизация расходов на IT-обеспечение органов государственной власти; – повышение уровня информатизации органов МСУ.
4. Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре	– обеспечение информационно-технологического доступа участников информационного взаимодействия к информации, содержащейся в государственных информационных системах и иных информационных системах.
5. Информационная система головного удостоверяющего центра	– повышение эффективности государственного управления и качества оказания государственных услуг.

Основной задачей Электронного правительства является информирование граждан и оказание государственных и муниципальных услуг через сеть Интернет для наиболее быстрого и качественного обслуживания населения.

При этом можно отметить, что наиболее востребованным элементом Электронного правительства является портал государственных услуг РФ. Число зарегистрировавшихся на данном портале к 2019 г. достигло 100 млн. чел. При том, что в 2017 г. количество пользователей составляло 65 млн. чел., а в 2018 г. – 86 млн. чел. С каждым годом их число увеличивается примерно на 20 млн. чел. Этот рост вызван явно неадминистративным фактором, а именно потребностью населения.

Количество оказанных услуг на данном портале также растет (с 38,5 млн. услуг в 2017 г. до 60 млн. услуг в 2018 г. и более 152 млн. услуг в 2019 г.) [3].

Общее число пользователей портала госуслуг на конец 2019 года составило 103 млн. человек, что составляет – 70,16 % от общей численности населения страны.

В I квартале 2020 году добавились следующие сервисы:

– «Одноклассники» совместно с Единым порталом госуслуг запустили внутри соцсети приложение, с помощью которого люди смогут воспользоваться популярными государственными сервисами, не покидая соцсеть;

– в России выдали первые загранпаспорта, оформленные в криптобиокабине, в рамках тестирования комплекса в многофункциональных центрах оказания государственных и муниципальных услуг;

– «ДОМ.РФ» запустил на базе портала «Домой.ру» сервис для электронной регистрации сделок с недвижимостью, с помощью которого пользователи могут составить онлайн-заявление и направить в Росреестр комплект документов в электронном виде;

– с середины апреля Пенсионный фонд приступает к проактивной выдаче сертификатов материнского капитала. После появления ребенка материнский капитал будет оформлен автоматически, и семья сможет приступить к распоряжению средствами, не обращаясь за самим сертификатом. Все необходимые сведения Пенсионный фонд запросит сам;

– органам соцзащиты предоставлено право доступа к сведениям о доходах физических лиц, составляющим налоговую тайну. Данная мера позволит исключить для граждан необходимость сбора документов, подтверждающих уровень их дохода;

– реализована возможность с 1 июля 2020 года назначать пособие на детей от 3 до 7 лет включительно без каких-либо справок от граждан;

– налоговые органы смогут информировать налогоплательщиков о наличии недоимки и задолженности по пеням, штрафам, процентам с помощью СМС-сообщений или электронной почты не чаще одного раза в квартал;

– Минкомсвязь и АНО «Цифровая экономика» при поддержке крупнейших российских Интернет-компаний запустили порталы все.онлайн и vseonline.online, на которых собрана информация о цифровых сервисах и услугах для граждан, находящихся в режиме изоляции в связи с распространением коронавируса. Информация на «Все онлайн» сгруппирована по различным типам потребностей и жизненным ситуациям – от заказа еды и продуктов питания до обучения и получения медицинских консультаций онлайн и др. [7].

Необходимо отметить, что тренд на оказание государственных услуг в электронном виде стал драйвером развития российской IT-сферы. В июле 2012 года все регионы и муниципалитеты начали планомерный переход на элек-

тронное межведомственное взаимодействие. Для этого была разработана и успешно реализована Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», наряду с другими региональными и ведомственными программами, что оказало существенное влияние на уровень использования информационно-коммуникационных технологий в стране и привело к ощутимым результатам.

Именно государственные инициативы во всем мире являются основным двигателем развития информатизации в стране. И здесь Россия – не исключение. В октябре 2018 года замминистра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ на IV Всероссийском форуме центров государственных и муниципальных услуг представил концепцию цифровизации государственного управления на 2018–2024 годы – «Сервисное государство 2.0», основным принципом которой является отсутствие физических документов, кроме удостоверения личности гражданина. М.В. Паршин отметил, что «у граждан появится возможность получать государственные услуги в проактивном режиме – государство само напомнит, когда и что нужно сделать, а все необходимые документы будут запрашиваться из электронных реестров органов власти по единому идентификатору» [8].

Рассмотрим основные этапы развития Электронного правительства в РФ.

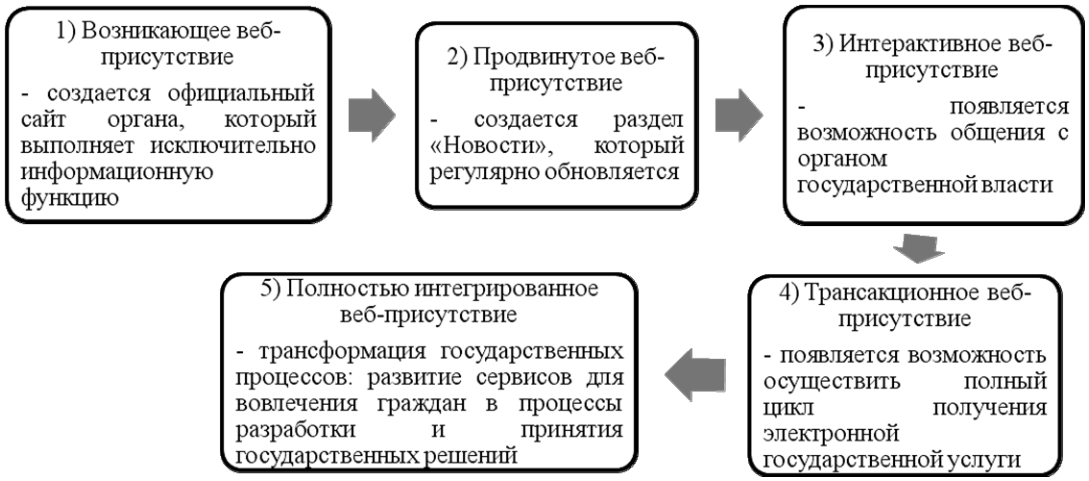

Рисунок 2.
Этапы развития Электронного правительства

На основе рис. 2 можно сделать вывод, что Электронное правительство в нашей стране находится на 5 этапе развития. В настоящее время возможно в режиме онлайн проводить референдумы, голосование, давать консультации гражданам и т.д. (впервые в России жители Москвы и Нижегородской области смогли проголосовать онлайн за поправки к Конституции с использование портала «Госуслуги» 01 июля 2020 года, а москвичи это сделали через mos.ru).

Наиболее востребованные государственные услуги в 2018–2019 гг. представлены на рис. 3. Больше всего граждан обращалось на сайты различных ведомств и портал государственных услуг, чтобы оплатить налоги и штрафы, узнать данные официальной статистики, а меньше всего заходили на сайты, чтобы оформить патент или получить разрешение на охоту/рыбалку [2].

Государство с помощью электронных средств быстро и качественно обеспечивает предоставление услуг населению, бизнес-организациям, совершенствует взаимодействие между правительственными структурами.

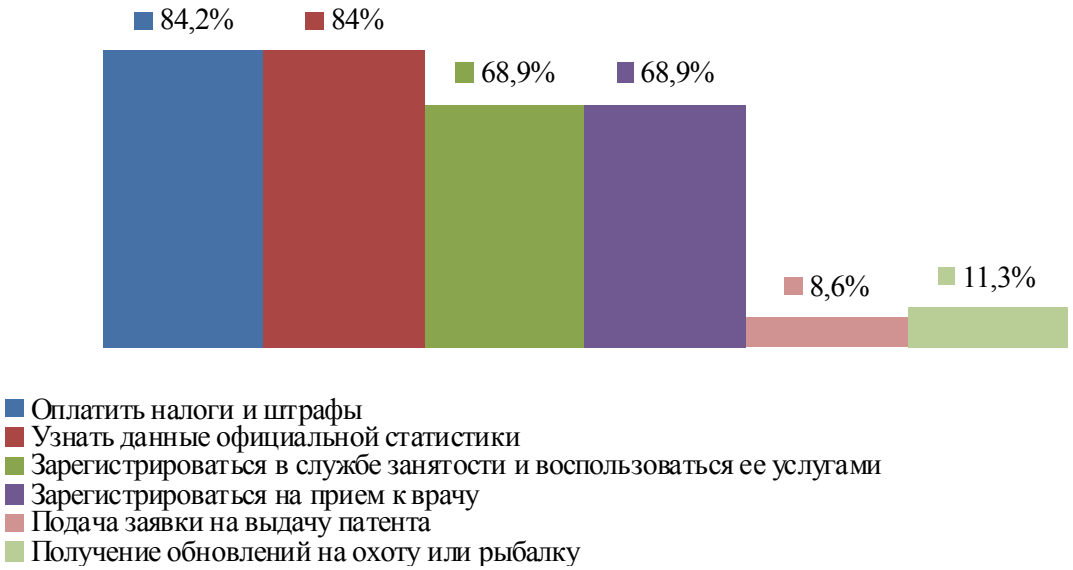

Рисунок 3.
Наиболее востребованные государственные электронные услуги в 2018–2019 гг.

По оценке ООН, Россия относится к числу лидеров по развитию цифровых госуслуг. Международная консалтинговая компания BCG провела опрос более 13 тысяч человек в 30 странах об использовании ими цифровых госуслуг, данные показали, что Россия заняла третье место в мире по темпам роста использования цифровых госуслуг и вошла в топ-10 стран по интенсивности их использования.

В 2018 г. ООН провела исследование, в ходе которого г. Москва заняла 1 место в мире по развитию Электронного правительства. Оценка онлайн-порталов производилась по 60 разным индикаторам, например, технические моменты, информационное наполнение местных сайтов госуслуг, применение электронных сервисов и инициатив. При этом в Москве имеется 55 из 60 показателей развитости электронного правительства [6].

Что касается данного вопроса в Орловской области, то здесь не так все хорошо как в столичном регионе, тем не менее есть определенный прогресс.

Так, в 2019 году в регионе дополнительно открыт 21 центр обслуживания ЕСИА, в том числе в отделах социальной защиты населения Орла (в настоящее время общее количество действующих центров составляет 251). На 31 декабря 2019 года доля граждан, зарегистрированных в ЕСИА в Орловской области, составила 77,6%. Всего по региону в ЕСИА зарегистрировано 573,8 тысячи человек, прирост зарегистрированных за 2019 год составил около 18% (103 тысячи человек). В 2019 году граждане, проживающие на территории Орловской области, воспользовались государственными и муниципальными услугами в электронном виде 656 472 раза, что в 2,8 раза больше, чем в 2018 году (234 280 раз).

На 31 декабря 2019 года в МФЦ Орловской области по принципу «одного окна» предоставляется 333 услуги, из них 47 федеральных, 46 региональных и 240 муниципальных. За 2019 год в МФЦ Орловской области оказано 301 267 государственных и муниципальных услуг. По данным информационно-аналитической системы мониторинга качества государственных услуг за 2019 год уровень удовлетворённости граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг на базе МФЦ Орловской области составил 98,93% [9].

При этом в аналитическом докладе Барьеры в развитии цифровой экономики в субъектах Российской Федерации, отмечено, что в Орловской области наблюдается дефицит государственных и муниципальных служащих, владеющих «цифровыми» компетенциями на требуемом уровне.

В отдаленных населенных пунктах Орловской области отсутствует широкополосный доступ к сети «Интернет», а также ограничена зона охвата территории региона сетями связи 3G и 4G, что существенно ограничивает возможность развития государственных цифровых услуг.

В докладе также отмечено, что в Орловской области не проводится обширная информационная кампания по популяризации мероприятий в сфере цифровой экономики, что препятствует появлению проектов в сфере цифровых технологий среди населения Орловской области [10].

Таблица 2

Основные проблемы и пути решения развития Электронного правительства в Орловской области

Сайт Московской области	Сайт Орловской области	Пути решения
Объединяет в себе всю важную информацию, которая определена разделами: новости, услуги, власть, инструкции и т.д.	Содержит длинный слабо структурированный список деятельности региона, что предоставляет неудобство для посетителей.	Улучшить технические аспекты официального сайта Электронного правительств а Орловской области.
Имеет широкий спектр предоставления услуг, в том числе интерактивные инструкции для более быстрого и понятного исполнения.	Предоставляет далеко не все государственные услуги онлайн, интерактивные инструкции отсутствуют.	Перевести большее количество услуг через сеть Интернет, а также создать интерактивные инструкции для пользователей.
Представлена программа «Мой район», где можно подробно узнать о всех районах области: историю, последние новости, образование, экологию и т.д.	Нет подобной программы, только в новостях отображается последняя информация о деятельности регионов Орловской области.	Внедрить данную программу, чтобы пользователи могли знать не только последние новости, но и всю интересную информацию о регионах области.

В итоге, выделив некоторые задачи, которые необходимо решить Орловской области, можно сказать, что все они повлекут за собой развитие информационных технологий и увеличение пользователей государственных и муниципальных услуг онлайн.

В заключении, можно выделить некоторые перспективные направления развития Электронного правительства в России.

1. Построение общенациональной системы управления данными. При этом увеличится эффективность использования информации о предоставлении государственных и муниципальных услуг и функций.

2. Внедрение передовых технологий, например, блокчейн, машинное обучение, искусственный интеллект, для более результативного предоставления услуг.

3. Построение цифровых экосистем – платформ, объединяющих деятельность всех институтов государства и общества.

4. Разработка целевых моделей по оказанию государственных и муниципальных услуг и создание дорожных карт цифровой трансформации. В данных документах должны быть представлены перспективы развития Электронного правительства в системе государственного управления.

Список литературы и источников

1. Место и роль «Электронного правительства» в системе государственного управления. – https://articlekz.com/article/12374
2. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. https://digital.gov.ru/ru/ministry/common/
3. Россияне назвали самые востребованные цифровые госуслуги. – https://www.rbc.ru/society/13/03/2019/5c87d2ae9a794743baad4ef6
4. Официальный сайт Электронного Правительства России. – http://government.ru/rugovclassifier/719/events/
5. Электронное правительство: Учебно-методическое пособие / Т.С. Мельникова, Э.Ф. Абубикерова; Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. – Саратов, 2018. – 73 с.
6. Электронное правительство Москвы названо лучшим в мире. – http://yuzhnoebutovomedia.ru/news/moskovskie-novosti/elektronnoe-pravitelstvo-moskvy-nazvano-luchshim-v-mire/
7. Занин А. Обзор новостей электронного правительства за 1 квартал 2020 года. – https://ecm-journal.ru/post/Obzor-novostejj-ehlektronnogo-pravitelstva-za-1-kvartal-2020-goda.aspx
8. https://www.comnews.ru/content/115366/2018-10-16/servisnoe-gosudarstvo-novogo-pokoleniya.
9. Развитие информационных технологий Орловской области в 2019 году. – https://www.eos.ru/eos_delopr/news/30510/
10. Барьеры в развитии цифровой экономики в субъектах Российской Федерации / Аналитический центр при Правительстве РФ. – https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/25838.pdf

Слатинов В.Б.
д. полит.н, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета
slatinov@yandex.ru

ГУБЕРНАТОРЫ-«ТЕХНОКРАТЫ» ВО ГЛАВЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ НОВОЙ КАДРОВОЙ СТРАТЕГИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА

Ключевые слова: политика, государственное управление, регионы, губернаторы.
Keywords: politics, public administration, regions, governors.

В 2016 году после выборов в Государственную Думу РФ блок внутриполитического управления администрации Президента РФ подвергся кардинальному обновлению. Как известно, он фактически осуществляет модерацию политических процессов в стране, включая формирование и реализацию кадровой стратегии в отношении губернаторского корпуса. В этой связи со второй половины 2016 года подходы к рекрутированию руководителей российских регионов начали заметно трансформироваться. Верховная власть не отказывалась от модели назначений временно исполняющими обязанностей губернаторов своих выдвиженцев, которые затем проходили «утверждение» через выборы «референдумного» типа. Данная модель стала основой региональной стратегии федерального центра после возвращения выборов губернаторов в 2012 году и сохранила свою значимость[1]. Изменения осуществлялись в других направлениях – во-первых, со второй половины 2016 года началась самая масштабная ротация губернаторского корпуса за всю постсоветскую историю (с 2016 года по лето 2020 года ротации подверглись около шестидесяти руководителей субъектов РФ), во-вторых, в ходе ротации доминирующим типом регионального руководителя становятся так называемые «технократы».

Термин «молодой технократ» стал широко использоваться как информационными ресурсами, так и в научных исследованиях региональной политической жизни. Однако четко сформулировать признаки этой когорты новых руководителей территорий не представлялось возможным. Скорее, речь шла о неком собирательном образе – типаже регионального руководителя, на который ориентировалось большинство кадровых решений Кремля.

Биографические данные большинства направляемых с осени 2016 года в регионы новых руководителей позволяют сформировать некий «усредненный» портрет лица, назначавшегося врио губернатора с последующим выходом на избирательную кампанию, которую он должен выиграть. Так, среди назначенных с лета 2016 года по лето 2017 года 11 новых врио руководителей территорий, которые 10 сентября 2017 года были избраны главами субъектов РФ, все являлись либо федеральными чиновниками, либо лицами, замещающими федеральные государственные должности, либо депутатами федерального парламента и представителями федеральных общественных структур. Статусные федеральные позиции, с которых назначались врио руководителей субъектов РФ, были весьма высокими: заместители федеральных министров (Д. Миронов, Д. Овсянников, А Цыденов), директор департамента федерального министерства (А. Алиханов), представители судебной власти высокого уровня (А. Евстифеев), министр Правительства Москвы (М. Решетников), руководители федеральных органов власти – главный судебный пристав и руководитель Росреестра (А. Парфенчиков и И. Васильев), секретарь Общественной палаты РФ (А. Бречалов) и руководитель Агентства стратегических инициатив (А. Никитин). Впервые в регионы направлялся столь внушительный и, по-своему, беспрецедентный десант статусных фигур федерального уровня. Сразу отметим, что федеральные «десанты» 2018 г. и последующих лет незначительно отличались от характеризуемого, хотя диверсификация в подборе кадров руководителей регионов произошла, и на должности вновь избираемых региональных руководителей в дополнение к федеральным служащим Кремлем направлялись региональные чиновники, мэры городов и даже партийные активисты. Анализ биографических данных назначаемых с 2017 года новых врио губернаторов позволяет сформировать «усредненный» портрет «молодого технократа». Это статусный федеральный чиновник либо представитель крупного хозяйствующего субъекта, часто – родившийся в территории, куда он направлялся, возможно – осуществлявший там трудовую деятельность и затем переехавший в столицу. Значительная часть назначенных с последующим избранием на должности губернаторов лиц окончили специализированные курсы в РАНХиГС при Президенте РФ. Программа подготовки кадров для руководства регионами стартовала в 2017 году, в ее рамках предполагалось обучить 162 «высокопотенциальных руководителей» для возможного выдвижения в краткосрочной и среднесрочной перспективе на должности высших должностных лиц в 85 регионах России. Бюджет программы составил 260 млн. рублей. Источник, близкий к РАНХиГС, рассказал, что инициатором проекта стала Администрация Президента, а программу обучения разработали

[1] См.: Слатинов В.Б., Меркулова К.Г. Современный этап российской муниципальной реформы: содержание и ожидаемые эффекты // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. – № 5. – С. 38.

совместно РАНХиГС, корпоративный университет Сбербанка, Школа управления «Сколково» и Высшая школа экономики. Обучение по программе проходят действующие руководители: заместители федеральных министров, вице-губернаторы, члены Совета Федерации, депутаты Госдумы, топ-менеджеры госкомпаний и госкорпораций[1].

При этом стоит заметить, что представленный портрет новых региональных руководителей-«технократов», на которых Кремль сделал ставку в кадровой политике с 2017 года, все же не отменяет существенных «отклонений» от стандартизированных характеристик в отдельных случаях. Речь идет о «местном происхождении» (среди направленных в регионы руководителей много «варягов», не имевших местных «корней»), пресловутой «технократичности» (образование и опыт работы), а также позиционировании новых глав как «эффективных управленцев». Еще одним важным фактором новой кадровой политики федеральных властей в отношении губернаторского корпуса стал субъективный момент – как замечает А. Перцев, картина нового стиля управления С. Кириенко была «дорисована» – «по формальным признакам новые врио губернаторов очень похожи на свежий призыв высокопоставленных кремлевских чиновников». Иначе говоря, подобные приводят к власти подобных – такая точка зрения должна свидетельствовать об удаче команды Кириенко[2].

Агентство Росбизнесконсалтинг (РБК) в 2017 году провело свое исследование новой «волны» назначений врио губернаторов, сопоставив «усредненный портрет» наделенных полномочиями с характеристиками их коллег, назначенных и избранных в другие периоды. Всего исследованы биографии 183 человек, работавших главами регионов с 2000 года.

Согласно полученным данным, типичным представителем «новой волны» губернаторов с 2016 года становится «варяг из центра» – относительно молодой (средний возраст – 46 лет) федеральный чиновник, приехавший из Москвы в регион. Тенденции к направлению в территории федеральных чиновников доминировали в первый срок нахождения В. Путина в должности Президента РФ (2000–2004 годы), а также с 2012 года (третий срок). Во второй срок В. Путина (2004–2008 годы) и период президентства Д. Медведева (2008–2012 годы) среди назначаемых губернаторов преобладали местные кадры. Ставка на федеральных чиновников в начале 2000-х объяснялась восстановлением управляемости страной и постепенным формированием «вертикали власти», а с 2012 года – эффектом «размывания федерализма». Федеральный центр не доверяет местным элитам, рассматривая направление в территорию на губернаторский пост федерального чиновника как средство контроля и инструмент воспрепятствования превращению регионов в «коррумпированные и клановые семейные вотчины». Примечательны также тенденции на сокращение с 2012 года среди руководителей регионов выходцев из бизнеса и силовых структур – представители этих групп среди губернаторов наличествуют, но их доля снижается, основная ставка делается на федеральных «гражданских» чиновников[3].

В чем причины заметных перемен в характере рекрутирования руководителей российских регионов? Как было отмечено выше, типические черты губернаторских кадров «новой волны» близки к тем, что характеризуют само руководство администрации Президента РФ и в особенности – её блок политического менеджмента. Речь также идет о серьезных изменениях в механизме государственного управления, адаптирующегося к новым вызовам. Эти вызовы связаны с необходимостью обеспечить более высокие темпы хозяйственного роста, освоение передовых методов управления и сохранение общей устойчивости сформировавшейся политико-экономической системы в условиях постепенного приближения к 2024 году – сроку завершения полномочий действующего Президента РФ. Острота «проблемы-2024» после внесения изменений в Конституцию РФ в известной мере снизилась, однако, фундаментальная проблема устойчивости системы остается.

Ключевой задачей современных российских элит является сохранение своего доминирующего положения в условиях меняющихся общественных запросов, в которых все заметней выглядит потребность в обновлении власти, ускорении темпов экономического роста и увеличении доходов граждан. По данным совместного исследования Московского центра Карнеги и «Левада Центра» в июле 2019 года (всероссийская выборка 1600 человек), за два года (2017–2019 годы) доля россиян, выступающих за решительные перемены в стране, выросла с 42 до 59%. Заметим, что и в 2017 году до пенсионной реформы соотношение сторонников решительных и постепенных изменений уже составляло 42 к 41%. Примечательно, что на радикальных реформах, как правило, настаивали малоимущие слои населения. Продвинутые социальные страты в большей степени хотели бы постепенных изменений[4].

Замеры «Левада Центра» 2017 года демонстрировали, что в общественном сознании наиболее ярко выражено желание переключить внимание властей с внешней политики на внутреннюю. В большинстве своем граждане не знали, кто может предложить осмысленный план перемен, и по привычке называли в качестве потенциальных модернизаторов Путина и политиков, участвующих в федеральных выборах.

В мае 2018 года, вскоре после президентских выборов, Левада-Центр повторил ключевой вопрос о том, каких перемен – радикальных или умеренных – хотят респонденты. Решительных перемен хотели бы уже 57% респондентов. Иначе говоря, президентские выборы не то чтобы сформировали завышенные ожидания, но люди стали связывать с новым политическим циклом надежды на перемены. Власть отчасти тоже ощущала данные настроения (это проявилось в политической повестке дня, предложенной Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию 2018 года,

---

[1] См.: РАНХиГС поручили подготовить 162 «кандидата в «губернаторы». – https://www.rbc.ru/politics/23/08/2017/599d149c9a79474090c5c6cf?from=newsfeed

[2] См.: Перцев А. Новая-старая волна. Почему новые губернаторы-технократы не помогут Кремлю. – https://carnegie.ru/commentary/68027

[3] См.: Дергачев В., Кузнецова Е., Ланделл Д. «Варяг» из центра: как изменился портрет губернатора-новичка за 18 лет. – https://www.rbc.ru/politics/16/10/2017/59de58a99a79474f1855c9d0

[4] См.: Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен-2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения. – https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273

оглашенному накануне выборов), но при отсутствии четкой стратегии и целеполагания в рамках какой-либо политики – внутренней, внешней, экономической – заявила публике после выборов идею «прорывного развития» и новые национальные проекты.

Данные исследования Московского центра Карнеги и «Левада Центра» 2019 года, проведенного после состоявшейся пенсионной реформы и повышения налоговой нагрузки, продемонстрировали дальнейшее усиливающееся стремление граждан к изменениям. Жажду перемен испытывали, в первую очередь, следующие пять групп: молодежь, малоимущие слои населения, пенсионеры, средний класс и бюджетники. По всем этим категориям за два года (2017–2019) наметился рост в 6–8 процентных пункта. Перемены нужны, во-первых, тем, кто работает: людям, составляющим основу общества и экономики – среднему классу и предпринимателям. Во-вторых – тем, у кого положение (личное, социально-экономическое) неважное или безнадежное: бюджетникам, пенсионерам, малоимущим слоям. Наконец, в переменах нуждается молодежь, которая, как считают респонденты, должна стремиться к чему-то новому[1].

С содержательной точки зрения большинство прозвучавших пожеланий, так или иначе, связано с необходимостью решать социально-экономические проблемы. Тем не менее, из политической части желаемых изменений, в 2019 году в рамках открытого вопроса «что нужно изменить в первую очередь?» второе место (13%) заняла позиция «сменить правительство, президента, власть». Она стала единственной «политической» опцией в «десятке» приоритетных, но ее место в иерархии предлагаемых мер весьма показательно[2].

Результаты опроса свидетельствуют о том, что общество, не стремясь к революции, тем не менее, готово к переменам, прежде всего социально-экономическим, но и управленческим, и политическим, и хотело бы подтолкнуть к ним государство. При этом после четырех лет падения доходов граждан (2014–2017) и их двухлетней стагнации (2018–2019) люди не согласны, чтобы перемены происходили за их счет. В представлении россиян государство – все еще главный источник перераспределения национального богатства, но делать это оно должно, по их убеждениям, более эффективно. Исследование выявило в позициях россиян множество противоречий. Одно из главных: люди хотят радикальных перемен, но боятся социальной платы за них. Тем не менее, если стремление к общественным изменениям будет нарастать с такой же скоростью, как в последние два года, очень скоро может обнаружиться массовый спрос на политические свободы и политический выбор, пишут Д. Волков и А. Колесников[3]. Указанное обстоятельство подталкивает власти, чтобы сохранить приемлемый для них уровень массовой поддержки, к смене методов управления в сторону их осовременивания и технократизации. В том же направлении российские власти толкают глобальные изменения на мировых рынках и в международной политике.

Логика политико-административных изменений, вызванная перечисленными выше обстоятельствами, встроена в принципиально важную характеристику системы – речь идет о высокой степени участия государства в экономических, политических, бизнес-процессах. Задача «гражданских» и технократических элит в подобном контексте – сохранять систему в устойчивом состоянии, силовых – определять политическую и отчасти идеологическую рамку[4]. Перемены, безусловно, не являются целью системы, основные бенефициары которой не заинтересованы в трансформациях, затрагивающих их жизненно важные интересы (прежде всего, возможность рентоизвлечения). Но, поскольку спрос на них есть, они симулируются. Система, отвечая на потребность в переменах, запускает цикл собственных технократических улучшений без изменения политического фундамента.

Кроме того, сторонники «технократической мобильности» уверены: назначения новых технократов на среднем уровне государственно-управленческой пирамиды будут постепенно оказывать давление на назначения на верхнем уровне; кадры будут «просачиваться» наверх, постепенно повышая качество управления в целом.

При этом статусные, ресурсные и структурные ограничения для «технократов» вполне четко обозначены. Их участие в процессе принятия собственно политических решений – в области «геополитики», внутренней и внешней политики существенно ограничено. Главная задача «технократической части» государственно-управленческой машины – поддерживать приемлемый для политической системы уровень потребительского оптимизма, помогать системе избегать чрезмерного социального напряжения. Важно также эффективно решать повседневные проблемы. Иначе говоря, обеспечивать высшему политическому классу нормальный социальный фон для продолжения привычного существования в рамках государственного капитализма. Подотчетность в такой системе направлена, в основном, наверх. Важно отметить акцент в политике «технократизации» кадров на региональном уровне управления (впрочем, в январе 2020 года данный процесс широко затронул и Правительство РФ). Для федерального центра в столь большой стране, как Россия, важно обеспечивать политико-управленческий контроль над территориями, а также относительно единообразное применение установок, связанных с реализацией национальных проектов, основанных на Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Целеполагание здесь сугубо прагматическое, измеряемое контрольными цифрами и KPI. Таким образом, вместо институционального подхода (с использованием институтов демократии и рынка) применяется подход «проектный», технократический. Через его использование нынешняя политико-административная система нащупывает возможности сохранения социального и политического равновесия до конца политического цикла и далее.

---

[1] См.: Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен-2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения. – https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] См.: Колесников А., Волков Д. Дети Путина: кто будет править Россией после 2024 года. – https://carnegie.ru/2019/10/03/ru-pub-79975

В арсенале российской элиты наличествуют разные способы решения проблем страны и регионов в рамках технократического подхода. Один из них – поиск новых лиц, нового человеческого капитала. Другой – кардинальные технологические изменения. Кроме того, это борьба с коррупцией в пределах, не нарушающих стабильность функционирования системы (в рамках официального антикоррупционного дискурса) и улучшение работы государственных сервисов. В последнем случае идеалом, по оценке экспертов, является максимальная автоматизация функций и предоставления услуг. Опираясь на указанные инструменты (современные компетенции, технологические изменения и улучшение работы государственных сервисов), технократы призваны обеспечить, по возможности, профессиональное исполнение и проведение в жизнь решений, принятых на политическом уровне – в первую очередь национальных проектов, операторами которых они фактически стали. «Варяжский» статус большинства представителей новой волны губернаторских кадров в подобной логике понятен – цель этой стратегии в унификации управленческих практик и усилении контроля центра над регионами и местными элитами. В известной степени у исполнителей-технократов не должно быть своей политической повестки. Кроме того, они должны быть легко заменяемы. Их лояльность по отношению к федеральному центру и подотчетность по отношению к нему играют решающую роль.

Таким образом, базовая идея «технократического транзита» состоит в том, чтобы, не меняя существующие институты, не вводя политическую демократию, поменять лица во власти[1]. Запущены новые механизмы «возгонки» технократических кадров. Такой механизм способен постепенно сделать систему более эффективной и адаптированной к современным вызовам.

Динамика изменений в составе губернаторского корпуса в 2017–2019 годы представлена нами ниже (табл. 1). Отметим, что данные таблицы формировались на основе итогов прямых выборов высших должностных лиц регионов в единый день голосования, а не промежуточных назначений врио губернаторов (последних больше, поскольку некоторые из назначенных вскоре покидали свои должности либо проиграли выборы). Мы также не учитывали случаи избрания глав регионов парламентами субъектов РФ.

Таблица 1

Динамика обновления кадрового состава глав субъектов РФ на прямых выборах в 2017–2019 годы

Год	Всего проводилось прямых выборов глав субъектов РФ	Количество переизбранных глав	Количество новых глав
2017	16	5	11
2018[2]	22	3	18
2019	16	3	13

Если в 2017 году все 11 новых избранных глав регионов до выборов были назначены врио до выборов с «федеральной позиции», то в 2018 году и кадровая политика Центра стала более диверсифицированной, и политическая ситуация в связи с пенсионной реформой и повышением налогов – более сложной. Кандидаты федерального центра проиграли выборы в Хабаровском крае, Владимирской области и Хакасии (во всех трех регионах главами субъектов были избраны оппозиционные «политики», а не «технократы»). Стратегия кадровых назначений тоже усложнилась – среди делегированных Центром и назначенных врио руководителей регионов появились представители местных элит (А. Гусев, Воронежская область; А. Николаев, Якутия; А. Моор, Тюменская область; Д. Азаров, Самарская область), работавшие мэрами региональных столиц. Наряду с назначением с «федеральной позиции» появилась «межрегиональная ротация» – новый губернатор Алтайского края В. Томенко до назначения врио руководителя территории работал заместителем губернатора Красноярского края, новый магаданский губернатор С. Носов – мэром Нижнего Тагила, новый глава Новосибирской области А. Травников – мэром Вологды. Среди новых сюжетов – появление в составе глав регионов – ставленников Центра – представителей бизнеса (впрочем, в большинстве своем поработавших и на государственной службе) – С. Цивилева (Кемеровская область), В. Орлова (Амурская область), а также назначенцев «по партийной линии» – политических активистов из партий, представляющих системную оппозицию – А. Клычкова (Орловская область) и А. Буркова (Омская область). В данном случае речь идет о стратегии «вовлечения» оппозиции в системное поле государственного управления в рамках «договорного формата» – в регионах, где были назначены указанные представители, «Единая Россия» не выдвигала на выборах против них своих кандидатов. Примечательно также, что и А. Клычков и А. Бурков, являются «варягами» для территорий, исполнительную власть в которых они возглавили, оба также окончили упомянутые «губернаторские курсы» РАНХиГС при Президенте РФ. Значительная часть избранных губернаторами в 2018 году столичных назначенцев вполне соответствовала «эталонному» представлению о «молодых технократах» – заместители федеральных министров С. Воскресенский (Ивановская область) и Г. Никитин (Нижегородская область), заместитель полпреда Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе М. Ведерников. С. Воскресенский прошел подготовку по программе кадрового резерва РАНХиГС.

В 2019 году Центру удалось восстановить «норму», исключив победы на губернаторских выборах неодобренных кандидатов, поэтому, как и в 2017 году, всем направленным из столицы врио руководителей территорий удалось избраться на губернаторские должности.

Масштабы обновления губернаторских кадров, как видно из таблицы, в 2019 году были меньшими, чем в предыдущем, но несколько более широкими, чем в 2017 г. Ключевые статусные позиции, с которых осуществлялись назначения, также сохранились. Основными продолжали быть должности крупных федеральных чиновников – в регио-

[1] См.: Колесников А., Волков Д. Дети Путина: кто будет править Россией после 2024 года. – https://carnegie.ru/2019/10/03/ru-pub-79975

[2] В 2018 году выборы главы Приморского края были объявлены несостоявшимися.

ны вновь отправились несколько заместителей министров – А. Чибис (Мурманская область), А. Текслер (Челябинская область), Р. Старовойт (Курская область), А. Осипов (Забайкальский край). По-прежнему использовался механизм межрегиональных перемещений – заместитель губернатора Тюменской области В. Шумков был назначен врио, а потом избран губернатором Курганской области. В должности губернатора (Липецкая область) впервые появился представитель банковского сектора (вице-президент Сбербанка) И. Артамонов, не имевший опыта государственного и муниципального управления, правда, прошедший подготовку по программе кадрового резерва РАНХиГС.

В какой мере успешности Кремлю удастся реализовать проект «технократизации» региональных, а затем и федеральных элит, станет ясно уже в среднесрочной перспективе. Оценивая первые эффекты данного процесса, можно отметить, что, реализуя политическую линию на замену региональных руководителей новой волной собственных кандидатов, федеральный центр поставил территории в полную зависимость от качества своей кадровой политики. Жесткая ротация губернаторов и замена бывших руководителей на представителей отобранного и подготовленного Администрацией Президента резерва – яркое свидетельство затухания российского федерализма, закрепления «унитарной федерации» как способа территориальной организации российской государственности. Для направляемых в регионы «технократов», большая часть которых работала на федеральных управленческих позициях, важнейшим залогом успешности является способность к быстрому знакомству с регионом и его особенностями, а также освоение компетенций по управлению территориями. Качество управления регионами поставлено в зависимость от этих факторов. Основным источником легитимности власти «технократов» является краткосрочный фактор обновления власти в территории. Выборы, проведенные по «референдумному» сценарию, не способны создать долговременный легитимирующий власть новых губернаторов эффект. Дееспособность политической стратегии и устойчивость позиций внутри территории во многом определяется характером «врастания в почву», то есть особенностями взаимоотношений с местными элитами. Недоверие к последним, по всей видимости, является если не всеобщей, то широко распространенной характеристикой «варягов-технократов», отсюда желание последних расставить на командные высоты в управлении регионами лично близких людей, также являющихся «варягами». При соблюдении известных балансов и общем позитивном взаимодействии с местными элитами, серьезного напряжения это не вызывает, во всяком случае, на первоначальном этапе работы. Игра в позиционировании на «эффекте обновления» и явном контрасте с прежним правлением стимулирует к проявлению «отзывчивости» и формированию новых механизмов участия гражданского общества в определении повестки дня, однако, остаются вопросы о долговременности и устойчивости этих механизмов за пределами избирательной кампании, и по мере того как «эффект обновления» начнет выдыхаться. Политически выигрышной на старте правления является также «инфраструктурная повестка» с акцентом на дорожное строительство и обновление городской среды, однако и она упирается в фактор времени, устойчивости и ресурсной обеспеченности. Будучи ресурсно и институционально зависимыми «операторами» федерального политического курса (нацпроекты) губернаторы-технократы обнаруживают явный дефицит «авторской повестки», что ставит под вопрос их успешность в деле регионального развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Худякова Т.С.
старший преподаватель, Уральский государственный экономический университет
Дорошенко С.В.
д.э.н., доцент, зав. сектором региональной предпринимательской политики Института экономики УрО РАН

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ КРОСС-ПРОГРАММНЫХ ЭФФЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СУБЪЕКТЕ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова*: кросс-программные эффекты, формирование и оценка эффектов государственных программ, субъекты Федерации.*

Keywords*: cross-program effects, state programs, formation and evaluation of state programs' effects, subjects of the Federation.*

Вопросы оценки эффектов реализации государственных программ не перестают быть актуальным направлением научных исследований, поскольку все сферы деятельности органов исполнительной власти и подавляющая часть расходов государственного бюджета строятся по программному принципу. Вместе с критикой применяемых при оценке эффективности государственных программ методик в научной среде и в практике государственного управления экономикой всё заметнее ощущается потребность выявления дополнительных эффектов, не учитываемых при оценке результатов реализации отдельных государственных программ. Так, некоторые авторы подчеркивают необходимость учёта «побочных» влияний и косвенных эффектов реализации государственных программ, которые относятся к другим сферам социально-экономического развития[1]. В исследованиях Н.С. Шмиголь говорится о полезности сопоставления государственных программ между собой и проведении периодической переоценки возложенных на федеральные органы исполнительной власти функций и задач с целью выявления устаревших, дублирующих и неэффективных программ[2]. Актуальность проведения оценки межпрограммного влияния подчёркивается Методическими указаниями по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, утвержденными приказом Министерства экономического развития России № 582 от 16 сентября 2016 г., в которых говорится о необходимости выявления основных мероприятий государственной программы, оказывающих влияние на достижение целей и решение задач иных государственных программ, а также основных мероприятий иных государственных программ, оказывающих влияние на достижение целей и решение задач государственной программы. Вместе с тем, в сводном годовом докладе Министерства экономического развития Российской Федерации, посвящённом ходу реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2017 года, также подчёркивалась необходимость и намерение министерства проработать вопрос формирования системы оценки кросс-влияния государственных программ. Более того, первые попытки выявления и оценки кросс-влияний государственных программ были предприняты несколько лет назад научным коллективом Института макроэкономических исследований (г. Москва). В упомянутом исследовании коллектив авторов выявлял связи и формы влияния государственных программ Российской Федерации друг на друга, в частности наличие зон пересечения целей и задач разных программ, что, по мнению учёных. является важной задачей с точки зрения оптимизации структуры и содержания государственных программ, количества и наполнения целей, задач, мероприятий и, следовательно, и с точки зрения оптимизации механизма финансирования. Авторы предположили, что реализация одной государственной программы вносит вклад в реализацию других государственных программ, увеличивая при этом их суммарный эффект на величину, превосходящую затраты на реализацию указанной государственной программы[3].

Попытки выявления и оценки эффектов, возникающих в одной социально-экономической сфере в результате взаимодействия различных государственных программ (так называемых кросс-программных эффектов), были предприняты и авторами данной статьи на примере сферы малого и среднего предпринимательства в ранее проведённых исследованиях[4]. Было установлено, что различные государственный программы региона могут формировать разного рода эффекты (например, финансовые, сбытовые, информационно-консультационные и другие) в одной и той же сфе-

[1] Шаш Н.Н. Управление эффективностью государственных программ: методологические основы разработки программного бюджета // Управленец. 2015. – № 1 (53). – С. 4–15.

[2] Шмиголь Н.С. Повышение эффективности программного бюджетирования с учетом лучших зарубежных практик // Экономика. Налоги. Право. 2017. – № 5. – С. 114–125.

[3] Оценка и определение кросс-влияния основных мероприятий и ведомственных целевых программ подпрограмм одних государственных программ РФ на цели и задачи других государственных программ РФ: прикладное экономическое исследование / Институт макроэкономических исследований. 2013. – С. 15. – http://programs.gov.ru/Portal/programs/documents

[4] Худякова Т.С., Дорошенко С.В. Кросс-программные эффекты в сфере малого и среднего предпринимательства Свердловской области // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 954–956.

ре социально-экономического развития региона, при этом величина эффектов и вклад разных государственных программ региона в их формирование может быть количественно измерен. Для этого неодходимо выявить и оценить количество и силу влияний мероприятий иных государственных программ региона на достижение задач ключевой государственной программы, посвящённой изучаемой социально-экономической сфере.

Учитывая ранее доказанную возможность выявления и измерения имеющихся в каждом регионе межпрограммных влияний, в данной статье авторы предлагают рассмотреть организационный механизм формирования и оценки кросс-программных эффектов реализации государственных программ, возникающих в результате имеющихся межпрограммных влияний.

Исследование проводилось на примере субъектов Уральского федерального округа (УрФО). Первичный материал о механизме формирования и оценки эффектов реализации государственных программ УрФО был взят из действующих нормативно-правовых программных документов. Поскольку в них не упоминается возможность выявления и анализа результатов межпрограммных влияний, авторы, опираясь на утверждённый регионами механизм, предлагают к рассмотрению его новую версию, учитывающую наличие межпрограммых связей и возможность оценки кросс-программных эффектов государственных программ региона.

Согласно утверждённым в регионах УрФО Порядкам формирования, реализации и оценки эффективности государственных программ, механизм формирования и оценки эффектов реализации государственных программ, включая кросс-программные эффекты, состоит из нескольких представленных на рис. 1 и описанных ниже блоков. Пунктирными линиями выделены составные части механизма, предлагаемые авторами.

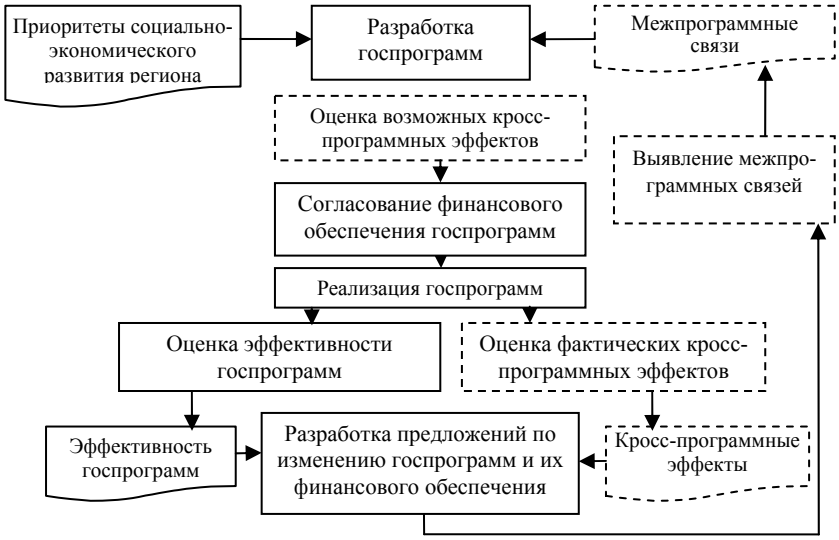

Рисунок 1.
Организационный механизм формирования и оценки кросс-программных эффектов реализации государственных программ субъекта Федерации

1. Блок, характеризующий приоритеты социально-экономического развития региона и состоящий из нормативно-правовых стратегических документов. К таким документам относятся Указы Президента РФ, основы государственной политики регионального развития РФ, отраслевые документы стратегического планирования РФ, государственные программы РФ, приоритетные направления, проекты и программы стратегического развития РФ, стратегии социально-экономического развития макрорегионов, стратегии социально-экономического развития, отраслевые и межотраслевые стратегии субъекта Федерации, планы мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Федерации и другие документы стратегического развития. На основании выявленных из этих документов приоритетов социально-экономического развития региона разрабатываются государственные программы.

2. Блок разработки, утверждения государственных программ и внесения в них изменений, который включает в себя разработку целей, задач, целевых показателей реализации государственных программ, плана мероприятий по выполнению государственных программ, межбюджетных трансфертов (если они предусмотрены), прогноз тенденций, значений макроэкономических показателей сферы реализации государственных программ, анализ социальных, финансово-экономических и иных рисков реализации государственных программ.

В данный блок входят этапы разработки, общественных обсуждений проекта государственной программы, внесения в неё изменений, согласования её финансового обеспечения, экспертизы проекта государственной программы в соответствии с бюджетным законодательством РФ, утверждения и приведения государственной программы в соответствие с законом об областном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период.

Авторы предлагают проводить разработку проекта государственной программы с учётом имеющихся межпрограммных связей, которые уместно выявить перед этапом общественных обсуждений проекта государственной программы по двум направлениям:

1) выявление межпрограммных связей между мероприятиями других государственных программ региона и целями (задачами) разрабатываемой государственной программы;

2) выявление межпрограммных связей между мероприятиями разрабатываемой государственной программы и целями (задачами) иных государственных программ региона.

Информация о наличии межпрограммных связей позволит провести предварительную оценку возможных кросс-программных эффектов в сфере реализации государственной программы и разработать наиболее оптимальный перечень мероприятий данной государственной программы и других государственных программ региона, имеющих межпрограммные связи с разрабатываемой программой, скорректировать целевые показатели программы и оптимизировать расходы на её выполнение. Этап согласования финансового обеспечения государственной программы целесообразнее проводить с учётом формируемых в сфере реализации государственной программы дополнительных кросс-программных эффектов, в частности финансовых.

Основаниями для внесения изменений в государственную программу могут являться не только обозначенные в Порядках результаты проведённой оценки эффективности реализации государственной программы, корректировка мероприятий, целевых показателей и текстовой части государственной программы, но и сведения о дополнительно формируемых иными государственными программами региона кросс-программных эффектов в сфере действия разрабатываемой программы.

3. Блок реализации и оценки эффектов государственных программ, который включает в себя реализацию плана мероприятий государственной программы и оценку эффективности её реализации.

Авторы предлагают скорректировать используемые в регионах УрФО методики оценки эффективности государственных программ путём внесения в них дополнительных показателей, отражающих фактическую величину кросс-программных эффектов от реализации государственной программы. Таким образом, оценку эффективности реализации программы уместно проводить по двум направлениям:

1) оценка результативности реализации программы, включающая оценку полноты финансирования и оценку достижения плановых значений целевых показателей;

2) оценка кросс-программных эффектов реализации программы, состоящая из оценки формируемых программой кросс-программных эффектов и оценки кросс-программных эффектов, сформированных другими государственными программами в ключевой сфере оцениваемой программы.

При этом значения фактически сформированных кросс-программных эффектов могут отличаться от их ожидаемых значений если не все запланированные мероприятия данной программы и других влияющих на неё программ региона выполнены в полном объёме или на их выполнение выделено меньше финансовых средств чем было запланировано.

4. Блок разработки предложений по дальнейшей реализации, обеспечению финансирования и повышению эффективности государственных программ, в рамках которого на основе полученных результатов оценки эффективности и фактических значений кросс-программных эффектов реализации государственных программ должны готовиться предложения не только по повышению положительных и снижению отрицательных эффектов, но и по совершенствованию механизма разработки, реализации, мониторинга и оценки государственных программ.

Таким образом, предложенный организационный механизм формирования и оценки кросс-программных эффектов реализации государственных программ способствует повышению кросс-влияния действующих в регионе программ, а значит, приводит к росту величины получаемых эффектов во всех сферах социально-экономического развития региона при бережливом расходовании финансовых средств, совершенствует процесс бюджетирования и целеполагания в рамках государственного планирования.

Чуйков О.Е.[1]

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МФЦ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: *Курская область, принцип «одного окна», АУ КО «МФЦ», межведомственное взаимодействие, мониторинг качества услуг, научно-методологическая база.*

Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг – это достаточно успешный опыт нашей страны в деле реализации как межведомственного взаимодействия, так и взаимодействия между населением и органами власти. Начало деятельности МФЦ положил Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»[2]. МФЦ как проект заработал в 2007 году. Ключевой принцип работы МФЦ – это принцип «одного окна», позволяющий осуществить взаимодействие населения с органами власти без участия заявителя[3].

Многофункциональные центры получили широкое распространение в российских регионах. В Курской области данная структура функционируют на основании распоряжения Администрации Курской области от 29.12.2018 № 611-ра как автономное учреждение (АУ КО «МФЦ»)[4].

В Курской области работают 29 офисов МФЦ. Следует отметить, что услугами МФЦ куряне пользуются достаточно активно. За 1 квартал 2019 года в многофункциональные центры Курской области было подано более 315 тысяч заявлений, что превосходит показатели аналогичного периода 2018 года на 4%. Среди клиентов МФЦ есть и предприниматели региона, в 2019 году услугами воспользовались 729 представителей малого и среднего бизнеса, что в 2,6 раза больше чем в 2018 году[5].

К особенностям деятельности и МФЦ Курской области следует отнести:

– возможность использования электронных услуг 4 порталов (gosuslugi – портал госуслуг, nalog.ru – портал Федеральной налоговой службы, rosreestr.ru – сайт Росреестра, pfrf.ru – портал Пенсионного фонда РФ);

– бесплатная юридическая консультация по вопросам гражданского, трудового, семейного, наследственного права;

– мобильное приложение МФК Курской области;

– CALL-ЦЕНТР для предварительной консультации потенциальных клиентов;

– «бизнес-окна» для помощи в оформлении документов для индивидуальных предпринимателей.

В Курской области в 2020 году открыты новые офисы МФЦ в Сеймском округе и в микрорайоне Северный города Курска. В АУ КО «МФЦ» осуществляется консультации населения, которые помогают гражданам повысить финансовую грамотность.

С учетом расширяющейся компетенции многофункциональными центрами Курской области будет продолжена работа по повышению качества и обеспечению доступности государственных (муниципальных) и иных услуг, предоставление которых организовано в МФЦ. В настоящее время оценить качество предоставления услуг можно не только путем участия в смс-опросе или через сайт «Ваш контроль», но и в ходе анкетирования. На сайте АУ КО «МФЦ» в разделе справочная информация размещены бланки анкет для опроса заявителей. С их помощью можно оценить качество предоставления государственных услуг Росреестра, УФНС по Курской области, государственных или муниципальных услуг. Заполненные бланки анкет можно оставить у специалистов любого структурного подразделения АУ КО «МФЦ».

Рассматривая развитие МФЦ на муниципальном уровне, следует привести в качестве примера муниципальное образование «город Курск». В Перечень муниципальных услуг МО «город Курск» вошли 34 муниципальные услуги, так же определены 9 отраслевых и территориальных органов Администрации города Курска, МФЦ, участвующих в межведомственном взаимодействии.

---

[1] Чуйков Олег Евгеньевич – к.соц.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Курский государственный университет. E-mail: chuikov-ru@mail.ru

[2] Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс.

[3] Чуйков О.Е. Государственные и муниципальные услуги: учебное пособие. – Курск, 2017. – С. 94.

[4] Постановление Администрации Курской области от 27.02.2013 № 87-па «Об уполномоченном многофункциональном центре по предоставлению государственных и муниципальных услуг в Курской области». – https://adm.rkursk.ru/index.php? id=1072& mat_id=93974&preview_mat=yes

[5] Официальный сайт Администрации Курской области. – https://adm.rkursk.ru

На территории города Курска можно получить через МФЦ целый ряд государственных и муниципальных социальных услуг. В их числе:

– назначение и выплата «детских» пособий: ежемесячного пособия на ребенка; ежемесячного пособия семьям при рождении второго ребенка;

– пособия по беременности и родам и единовременного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности, женщинам, уволенным в связи с ликвидацией организаций;

– единовременное пособие при рождении ребенка лицам, не подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (в том числе обучающимся по очной форме обучения в образовательных учреждениях);

– ежемесячное пособие по уходу за ребенком лицам, не подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (в том числе обучающимся по очной форме обучения в профессиональных образовательных организациях, образовательных организациях высшего образования, образовательных организациях дополнительного профессионального образования и научных организациях), и лицам, уволенным в связи с ликвидацией организаций, в том числе лицам, проживающим в зоне с льготным социально-экономическим статусом;

– ежемесячное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву;

– единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью и другие[1].

По всем 34 муниципальным услугам организовано межведомственное взаимодействие. За счет организации электронного межведомственного взаимодействия между органами власти всех уровней сокращен перечень документов, предоставляемых заявителями лично. В прошедшем году отраслевыми и территориальными органами Администрации города Курска направлено более 100,0 тысяч запросов в систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ)[2].

В 2019 году был проведен мониторинг по вопросу качества предоставления государственных и муниципальных услуг, в котором приняли участие 11 отраслевых органов Администрации города Курска и администрации Железнодорожного, Сеймского и Центрального округов города Курска. Объектом исследования стали 22 наиболее массовые муниципальные услуги. При проведении исследования опрошено 609 граждан.

Уровень удовлетворенности качеством предоставляемых муниципальных услуг в 2019 году составил 94%[3].

Среди положительных результатов деятельности АУ КО «МФЦ» следует отметить такие как:

– сокращение сроков ожидания при подаче документов;

– соблюдение стандартов предоставления услуг;

– повышение уровня профессиональной этики сотрудников МФЦ;

– повышение открытости деятельности органов власти для общества;

– повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг.

К недостаткам, которые имеют место в работе МФЦ по Курской области, относятся:

- актуализация перечня услуг, у населения появилась потребность в расширении перечня услуг, предоставляемых МФЦ;

– нехватка компетентных сотрудников, низкий уровень профессиональной подготовки;

– отсутствие системы повышения квалификации и аттестации специалистов МФЦ;

– при наличии методических рекомендаций по созданию и организации МФЦ[4], отсутствует система научно-методического сопровождения деятельности МФЦ.

Устранение данных недостатков, конечно, процесс достаточно длительный. Необходимо выстроить целостную региональную систему профессиональной подготовки сотрудников МФЦ, которая должна основываться на специально разработанной для МФЦ научно-методической базе. Реализация этой системы будет осуществляться в 3 этапа:

1) разработка научно-методологической базы деятельности МФЦ.

2) разработка программ ПП «Специалист МФЦ» и ПК «Организация деятельности МФЦ на региональном уровне».

3) создание центра подготовки работников МФЦ.

На первом этапе необходимо провести анализ стандартов и административных регламентов по предоставлению государственных и муниципальных услуг в Курской области, а затем оценить уровень информированности населения о перечне услуг, предоставляемых в МФЦ, в том числе и в электронном виде. Так же следует оценить качество и уровень межведомственного и внутриведомственного взаимодействия в процессе предоставления услуг населению. Итогом работы на этом этапе станет разработка методических рекомендаций для сотрудников МФЦ, выработанных с учётом региональной специфики.

Второй этап будет заключаться в разработке двух программ переподготовки «Специалист МФЦ» и повышения квалификации «Организация деятельности МФЦ на региональном уровне». Программа переподготовки будет состоять из лекционных и практических занятий в очной форме обучения. Практические занятия помимо традиционных

[1] Официальный сайт АУ КО «МФЦ». – http://mfc-kursk.ru/

[2] Официальный сайт Администрации города Курска. – http://www.kurskadmin.ru/doc/postanovlenie-administracii-no-2383-ot-12102018.html

[3] Там же.

[4] Приказ Минэкономразвития России от 27.05.2016 N 322 «Об утверждении Методических рекомендаций по созданию и организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198963/d438cb97f81d8dee5781d1d62f62f42c8d38646f/

форм будут включать психологические тренинги по развитию навыков стрессоустойчивости и профессиональной коммуникации, а также конференции, круглые столы, презентации, которые позволят сотрудникам МФЦ поделиться собственным опытом работы и получить необходимую методическую информацию от своих коллег. Реализация программы повышения квалификации предполагается в формате дистанционного обучения, без отрыва от профессиональной деятельности. Лекционные и практические занятия будут проводиться в режиме онлайн на платформе ZOOM, не исключается возможность участия в онлайн-конференциях и круглых столах.

Третий этап – это логическое завершение всей проделанной работы. Когда уже будут готовы научно-методическая база, соответствующие программы дополнительного профессионального образования, будет сформирован коллектив преподавателей, возникнет необходимость реализации новых дополнительных задач и форм подготовки, для разработки которых потребуется создание отдельной структуры с постоянным коллективом преподавателей. Организация «Центра подготовки сотрудников МФЦ» поможет эти задачи осуществить.

Совершенствование деятельности многофункциональных центров на региональном уровне – достаточно сложный и долгосрочный процесс, который зависит от сложившейся социально-экономической ситуации и стратегии развития области, от потребностей и запросов населения в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг, от уровня взаимодействия общественных структур и бизнес-сообщества с органами власти. Потребность населения в работе специалистов МФЦ Курской области возрастает по мере увеличения количества предоставляемых услуг. Качество данных услуг зависит от профессионализма персонала и уровня ответственности органов государственной власти. Поэтому одной из основных задач совершенствования деятельности многофункциональных центров является подготовка высококвалифицированных кадров.

Абрамов Р.А.[1]

РАЗВИТИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА[2]

***Ключевые слова**: сотрудничество, Союзное государство, развитие, экономика, образование.*
***Keywords**: cooperation, Union State, development, economy, education.*

В настоящее время Россия и Беларусь реализуют ряд проектов долговременного сотрудничества в образовательной сфере. Наши страны в 2020 году планируют создать ассоциацию ректоров вузов двух стран, что поможет более детально обсуждать перспективы сотрудничества в сфере высшего образования. Этому способствовала встреча президентов РФ и РБ Владимира Путина и Александра Лукашенко в феврале 2020 года, где главы государств поручили проработать предложения по сотрудничеству в сфере образования, науки и молодежной политики. Подписан план совместных действий на ближайшую перспективу, детально обсуждаются вопросы развития научно-технического сотрудничества. Это касается и проведения совместных научно-технических программ, и учрежденной премии Союзного государства для исследователей. Также существует инициатива запуска совместных исследовательских проектов, которые могли бы быть инициированы молодыми учеными двух стран. Уже в 2020 году предполагается провести первый форум ректоров вузов России и Беларуси в рамках Форума регионов, в том числе с целью детального обсуждения вопросов сотрудничества в сфере высшего образования.

В настоящее время значительная часть соглашений о сотрудничестве российских и белорусских университетов фактически не имеет никакой практической значимости, хотя их общее количество измеряется многими сотнями. Так, БГУ заключил более 200 международных соглашений, а РЭУ – более 400. Следует также учесть и то, что данные соглашения не несут в себе нагрузки по признанию дипломов, полученных в других вузах, и по повышению уровня академических связей. Прежде всего это имиджевые контракты. По факту число иностранных студентов в российских и белорусских вузах не превышает 1–2% [2].

Если рассмотреть ситуацию в целом, то возникает вопрос, как учитывать белорусских и соответственно русских студентов? Сейчас они проходят по отчетности как иностранные студенты на особых условиях, что обусловлено текущим уровнем двухсторонних отношений в СГ. Но при этом они имеют право на поступление в целом на общих основаниях. Это, несомненно, является предпосылкой для дальнейшего развития общего образовательного пространства. Предлагается пересмотреть нормативы расчета студентов-иностранцев. Прежде всего, следует указать, что студенты РБ и РФ в обоих государствах в рамках СГ и особенно с масштабированием на уровень ЕАЭС не должны учитываться как иностранцы. Это заставит вузы более активно привлекать студентов из-за границы.

Важным представляется и привлечение ведущих специалистов из других стран ЕАЭС в качестве внешних экспертов с правом участия в аттестационных комиссиях. То есть речь идет не только об академической мобильности студентов, но также и о мобильности преподавателей. Не секрет, что вузы ориентированы прежде всего на получение денежных средств в рамках государственных заданий или в рамках грантовой деятельности. И значительная доля средств тратится на привлечение иностранцев. Предлагается выделить квоты на приглашение иностранцев в диссертационные советы, на преподавательские ставки, в лаборатории. Конечно, это уже реализуется. Но если рассматривать приезд и приглашение профессора из США или из РБ, то очевидно, что выбор будет сделан в пользу США. Предлагаем выделить в отдельную графу и уравнять по академическим показателям участие иностранных ученых из государств ЕАЭС и иностранцев в целом и квотировать их на одинаковом уровне.

В дальнейшем это позволит создать современные сетевые структуры – не только ассоциации вузов, но и ассоциации профессионалов.

Деятельность Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (MAPRYAL), созданной в сентябре 1967 года в Париже, заключается в распространении преподавания и изучения русского языка и литературы в мире. Она предполагает обмен информацией, проведение международных конференций, семинаров, симпозиумов по теоретическим и практическим вопросам преподавания русского языка, литературы и региональной географии. Первым президентом ассоциации был академик Академии наук СССР, доктор филологических наук, лауреат Сталинской премии, почетный доктор Пражского университета В.В. Виноградов. БГУ является учредителем Белорус-

[1] Абрамов Руслан Агарунович – д.э.н., профессор, зав. кафедрой государственного и муниципального управления, Российский экономический университет. E-mail: oef08@mail.ru

[2] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

ского общественного объединения преподавателей русского языка как иностранного (БООПРЯИ), равноправным членом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) [4].

Созданная в 1984 году Европейская сеть информационных центров по признанию эквивалентности (ENIC – NARIC) позволяет сравнивать академические квалификации в Болонском процессе. Сеть направлена на повышение мобильности студентов и сотрудников университета. Членами NARIC являются организации и агентства, которые проводят экспертизу документов об образовании и признание иностранных квалификаций. В большинстве европейских стран высшие учебные заведения имеют право самостоятельно принимать решения о соответствии иностранных квалификаций. В Беларуси эту работу осуществляет Республиканский институт высшего образования БГУ, который участвует деятельности сети на регулярной основе. Роль NARIC в основном консультативная.

В 2003 году было подписано соглашение о создании Сети международных центров релятивистской астрофизики (ICRANet). Это международная научная организация, целью которой является подготовка научных кадров. Ее деятельность связана с реализацией ряда международных исследовательских проектов в области астрофизики, космологии, теоретической и математической физики. Ассоциация имеет центры по определенным направлениям сотрудничества между вузами стран СНГ.

Евразийская ассоциация университетов аккредитована Межпарламентской ассамблеей стран СНГ и Советом по сотрудничеству в области образования государств-участников СНГ. Она взаимодействует с другими международными университетскими организациями. Ассоциация проводит многочисленные конференции, форумы, осуществляет межуниверситетские коммуникации и контакты.

В Российской Федерации накоплен богатый опыт взаимодействия университетов в единой образовательной среде. Широко распространены региональные объединения образовательных и научных учреждений, в том числе сетевые консорциумы – научно-образовательные центры на базе ведущих вузов федеральных округов. К числу таких вузов относится Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ) в статусе соучредителя Ассоциации образовательных и научных учреждений «Сибирский открытый университет» и МГУ им. М.В. Ломоносова в статусе соучредителя Суперкомпьютерного консорциума российских университетов.

Высшие учебные заведения Беларуси активно сотрудничают с рядом других международных университетских сетей и ассоциаций. Среди них: Межуниверситетский центр исследований и сотрудничества в Восточной и Юго-Восточной Европе (CIRCEOS), Ассоциация школ Центральной и Восточной Европы по изучению международных отношений, Международный союз таможенных университетов (INCU) и др. [5]

Во многих кластерных образованиях вузы республики являются не только участниками, но и координаторами, и организаторами. Это позволяет совершенствовать систему подготовки специалистов с учетом требований мирового рынка труда, повышать качество подготовки и управления университетом.

Союзное государство позволяет в значительной мере упростить сотрудничество между вузами, но оно не определяет того, насколько каждое из учебных заведений является самостоятельным. Иными словами, одним из наиболее трудных аспектов, который требуется учитывать – это прежде всего автономия университетов. Для взаимодействия между вузами требуется следование государственным стандартам и определенная деятельность возможна только в рамках отраслевого и даже не национального законодательства. В рамках ЕАЭС требуется не столько расширение автономии вузов, сколько гармонизация принципов работы учебных заведений в целом и определение возможности зонирования каждого учебного заведения в соответствии с их принципами.

Сегодня Союзное государство проводит последовательную и целенаправленную работу по обеспечению равных прав граждан на образование и формированию общего образовательного пространства. В Беларуси и России создана соответствующая законодательная и правовая база как на государственном, так и на межведомственном уровне. Россияне, как и белорусы, имеют право поступать в белорусские университеты, учиться за счет средств республиканского бюджета и получать дипломы, признанные в России. Белорусы в России имеют схожие возможности. Между белорусскими и российскими высшими учебными заведениями к настоящему времени заключено более 1300 соглашений. 1300-й по счету договор о сотрудничестве пришелся на Белорусскую государственную сельхозакадемию и Волгоградский государственный аграрный университет. Договоры о сотрудничестве с Белорусской сельскохозяйственной академией подписали Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А. Тимирязева и Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия. А Белорусский госуниверситет информатики и радиоэлектроники подписал соглашения с Московским авиационным институтом и Нижегородским государственным техническим университетом им. Р.Е. Алексеева.

Перспективным направлением межрегионального сотрудничества следует признать приглашение ведущих специалистов из других регионов в качестве спикеров, членов государственных аттестационных комиссий и представителей работодателей. В практику образовательной деятельности следует ввести понятие стейкхолдера. Каждый из стейкхолдеров будет иметь свой интерес и конкретные функции в образовательном процессе. В дальнейшем это позволит определить единые требования к проверке и регламентации деятельности учреждений высшего образования.

Этот процесс следует инициировать в приграничных регионах, которые исторически тесно связаны. Но необходимо помнить, что реализация подобных проектов возможна только на взаимовыгодной экономической основе и в общих рамках межгосударственных отношений.

Список литературы

1. Абрамов Р.А., Стрельченко С.Г., Халатенкова Е.Ю. Межрегиональное сотрудничество как фактор укрепления межгосударственных отношений в Союзном Государстве // Регион: Экономика и Социология. 2017. – № 1 (93). – С. 253–270.

2. Брага И.В., Дьякова Г.С., Шуть М. Влияние реиндустриализации на формирование стратегического межрегионального экономического сотрудничества // Экономика и предпринимательство. 2017. – № 9-4 (86). – С. 983–986.
3. Гришанова А.Г., Красинец Е.С. Межрегиональное сотрудничество на евразийском пространстве: миграционный аспект // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 1. – С. 247–249.
4. Деревянко С.В. Межрегиональное сотрудничество как фактор развития субъектов Российской Федерации // Устойчивое развитие российской экономики. 2017. – С. 91–95.
5. Умеренкова Г.Ю. Основные концепции межрегионального сотрудничества в трудах отечественных и зарубежных ученых // Политика, экономика и инновации. 2018. – № 1 (18). – С. 11.

Бексултанова А.И.
ассистент, Чеченский государственный университет, г. Грозный
adamovaaybika@mail.ru
Висаева А.Н.
студент, Чеченский государственный университет
Умалатова М.С.
студент, Чеченский государственный университет

ДЕФИЦИТ КАДРОВ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭОНОМИКИ

Ключевые слова: *цифровизация, экономика, цифровая экономика, кадры.*
Keywords: *digitalization, economics, digital economy, personnel.*

Распространение цифровых технологий в течение длительного периода определяет траектории развития экономики и общества и уже не раз приводило к кардинальным изменениям в жизни людей. Становление цифровой экономики – одно из приоритетных направлений для большинства стран – экономических лидеров, включая США, Великобританию, Германию, Японию и др. Как правило, для них характерны длительный период реализации «повестки цифрового развития» и преемственность приоритетов – от построения базовой информационно-коммуникационной инфраструктуры до формирования скоординированной политики в этой сфере и программ поддержки повсеместного внедрения цифровых технологий.

В последние годы разворачивается очередная волна трансформации моделей деятельности в бизнесе и социальной сфере, вызванная появлением цифровых технологий нового поколения, которые в силу масштабов и глубины влияния получили наименование «сквозных», – искусственного интеллекта, робототехники, Интернета вещей, технологий беспроводной связи и ряда других. Их внедрение, по оценкам, способно повысить производительность труда в компаниях на 40% [5]. В ближайшем будущем именно эффективное использование новых цифровых технологий будет определять международную конкурентоспособность как отдельных компаний, так и целых стран, формирующих инфраструктуру и правовую среду для цифровизации [7].

Сегодня, на новом витке развития цифровых технологий, одним из главных вызовов становится экспоненциальный рост количества, качества и многообразия взаимосвязей между организациями, гражданами и социально-экономическими системами, сопровождающийся скачкообразной динамикой числа трансакций и объемов обращающихся данных и приводящий к более сложной и синхронизированной интеграции «всех со всеми», последствия которой еще не до конца осознаны. Такие трансформации потребуют от людей новых навыков и компетенций, готовности использовать новые технологии в повседневной жизни. Особое значение приобретает формирование образовательных программ, отвечающих глобальным трендам, и персонализированных траекторий обучения, способных обеспечить «цифровую грамотность».

Обществу еще предстоит справиться с нарастающими угрозами негативных последствий цифровизации, среди которых сжатие либо даже исчезновение традиционных рынков, замена некоторых профессий автоматизированными системами, рост масштабов киберпреступности, уязвимость прав человека в цифровом пространстве, угрозы сохранности цифровых пользовательских данных и пока еще низкий уровень доверия к цифровой среде. При ответе на эти вызовы на первый план выходят задачи регулирования цифровой экономики.

В России обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере является одной из национальных целей развития [1]. Для этого Указом № 204 определены следующие задачи:

- увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников (по доле в валовом внутреннем продукте) не менее чем в 3 раза по сравнению с 2017 г.;
- создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств;
- использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления. Ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере – амбициозная цель, которая успешно реализуется лишь в очень немногих ведущих странах. Она достижима только при выполнении ряда существенных условий. Во-первых, бизнес и социальная сфера должны быть готовы к цифровой трансформации, должны оформиться стратегии развития, предполагающие коренное изменение способов организации и ведения деятельности за счет планируемого интенсивного внедрения цифровых технологий, востребованные организациями и сулящие стейкхолдерам отдачу от инвестирования собственных средств. Во-вторых, в стране должен сложиться сравнительно зрелый сектор технологического предложения, который если и не претендует на международное лидерство, то по крайней мере способен на быстрый трансфер и адаптацию зарубежных технологических решений и на быстрое увеличение масштабов собственной деятельности. В-третьих, должен постоянно расти спрос на-

селения на цифровые технологии, поскольку именно потребности и возможности потребителей в конечном счете определяют адекватный им спрос на цифровые технологии со стороны организаций, прежде всего в сфере B2C.

В международной практике до сих пор не сложилось гармонизированное определение цифровой экономики. В большинстве зарубежных источников при описании цифровой экономики акцент делается на технологиях и связанных с их использованием изменениях в способах взаимодействия экономических агентов. При этом могут упоминаться либо конкретные виды технологий, либо те или иные формы изменений экономических процессов. Часто определение цифровой экономики подменяют перечислением направлений ее влияния на экономику и социальную сферу.

Цифровая экономика характеризуется опорой на нематериальные активы, массовым использованием данных, повсеместным внедрением многосторонних бизнес-моделей и сложностью определения юрисдикции, в которой происходит создание стоимости [4].

Цифровизация обеспечивает фундаментальные преобразования во всех сферах жизни и деятельности человека. Технологии становятся далеко не только двигателем развития новых отраслей, но и обретают важные социальные роли, внося значимый вклад в решение проблем общества, таких как старение населения, социальное расслоение, экологические проблемы и изменение климата. С помощью передовой науки и технологий возникает «умное» общество, базирующееся на новых ценностях ориентации на потребности человека, гибкости, креативности. Под влиянием цифровизации кардинально меняются рынок труда, здравоохранение, образование, пространственное развитие.

Цифровая экономика является основным источником роста. Это будет стимулировать конкуренцию, инвестиции и инновации, что приведет к улучшению качества услуг, расширению выбора для потребителей, созданию новых рабочих мест [6].

В экономике благодаря развитию цифровых технологий наблюдается рост производительности труда, конкурентоспособности компаний, снижение издержек производства, создание новых рабочих мест, снижение бедности и социального неравенства [2].

Цифровая экономика представляет собой деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг [3].

Сегодня новые цифровые технологии, инновационные бизнес-модели проникают во все сферы хозяйственной жизни общества, оказывая влияние на саму суть экономики, формируя в ней качественные структурные изменения. Вследствие этого формируется цифровая экономика как подсистема экономики традиционной, отличающаяся активным использованием цифровых технологий и оборотом специфических электронных товаров.

По уровню развития цифровой экономики Россия не занимает лидирующих позиций в мире, но уверенно держится в группе стран, следующих за лидерами, год от года улучшая свои позиции. Необходима совместная работа государства и бизнеса по дальнейшему развитию цифровой экономики.

Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации был проведен опрос региональных органов исполнительной власти Российской Федерации. Были заданы вопросы об имеющихся в регионах проблемах в реализации проектов по разработке и внедрению цифровых технологий и развитию цифровой экономики в целом. Опрос проводился в августе-сентябре 2019 г.

Запрашивалась информация по следующим группам барьеров:

1) нормативно-правовые барьеры,
2) административно-управленческие барьеры,
3) финансовые барьеры,
4) уровень развития информационной инфраструктуры,
5) подготовка кадров для цифровой экономики,
6) барьеры в развитии проектов в сфере «сквозных» цифровых технологий,
7) дополнительные барьеры (прочие).

Опрос показал, что барьеры в подготовке кадров представляют наиболее весомое препятствие в развитии цифровой экономики в регионах. В ходе анализа ответов регионов совокупность барьеров была разделена на пять основных групп проблем.

Нехватка квалифицированных кадров является барьером развития цифровой экономики в 27 регионах.

Во-первых, проблема появляется вследствие недостаточного количества выпускников в сфере цифровой экономики и цифровой трансформации. Стоит отметить, что в данном случае критическое значение имеет вопрос именно управленческих и аналитических компетенций.

Реализация проектов по цифровизации отраслей экономики требует большого количества отраслевых аналитиков, которые должны сформировать требования к цифровой трансформации отрасли за счет внедрения цифровых технологий, отмечают эксперты из Республики Коми. Недостаточный прием абитуриентов в вузах по специальностям в сфере цифровой экономики отмечается в Пензенской и Курганской областях. В Саратовской области отмечена нехватка бюджетных мест по специальностям, связанным с информационно-коммуникационными технологиями и информационной безопасностью.

Недостаточное число учебных заведений в регионе также препятствует набору необходимого количества специалистов в учебные заведения, что отмечают в Камчатском крае.

Во-вторых, не все уже работающие кадры обладают достаточными навыками для обеспечения цифровизации экономики, и, помимо этого, происходит отток специалистов.

Отсутствие образовательных программ и курсов повышения квалификации в области цифровой экономики является проблемой в 17 регионах. Для развития цифровой грамотности различных категорий населения необходимы дополнительные образовательные курсы и программы в учебных заведениях, что отмечается экспертами Липецкой

области. При этом эксперты Санкт-Петербурга отмечают, что критерии, необходимые для оценки уровня подготовки, а также методика их применения, отсутствуют. Отсутствие перечня образовательных программ, нацеленных на формирование компетенций в сфере цифровой экономики, не позволяет объективно осуществить оценку уровня подготовки кадров для цифровой экономики, отмечают в Республике Калмыкия.

Отсутствие закрепленного перечня компетенций в сфере цифровой экономики составляет барьер, отмеченный в 16 регионах. Отсутствие определенных критериев понятия «цифровые компетенции» препятствует выполнению регионами мероприятий по достижению показателей регионального проекта «Кадры для цифровой экономики», как, в частности, сообщается Брянской областью.

Предложения по минимизации барьера:

Проработать федеральным органам исполнительной власти вопрос организации дополнительных обучающих программ и курсов в сфере цифровой экономики в субъектах Российской Федерации, составить общий график проведения обучающих программ, предварительно согласовав потребность каждого отдельного региона.

Утвердить и закрепить нормативно-правовым актом базовую модель компетенций и перечень ключевых компетенций цифровой экономики для выпускников и обучающихся всех уровней образования по всем специальностям и направлениям подготовки. Кроме того, разработать рекомендации по оценке компетенций цифровой экономики. Утвержденные нормативно-правовые акты направить в установленном порядке в РОИВ и профильные организации среднего и высшего образования.

Список литературы и источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. Цифровые дивиденды. – https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf
3. Цифровая экономика: сущность явления, проблемы и риски формирования и развития / А.А. Волкова, В.А. Плотников. – https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-4-38-49
4. Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy, Action 1 – 2015 Final Report. – Paris: OECD Publishing, 2015.
5. Digital Transformation Initiative. Unlocking $100 Trillion for Business and Society from Digital Transformation. Executive summary. – P. 12. – http://reports.weforum.org/digital-transformation/wp-content/blogs.dir/94/mp/files/pages/files/dti-executive-summary-20180510.pdf
6. Digital Economy. – https://ec.europa.eu/jrc/ en/research-topic/digital-economy
7. What is Competitiveness? – https://www.weforum.org/agenda/ 2016/09/what-is-competitiveness/

Ванюрихин Г.И.
д.т.н., профессор, Российский университет дружбы народов
g.vanyurikhin@yandex.ru

АКАДЕМИК Н. МОИСЕЕВ И ПРОБЛЕМЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ[1]

Ключевые слова: *Н.Н. Моисеев, социально-экономическое развитие, эволюционизм, коэволюция человека и биосферы, экологический кризис, развитие человека, технологическое развитие.*

1. Исследованные Н.Н. Моисеевым философские и политологические проблемы общества в условиях переходного периода в России, процессы самоорганизации общества (универсального эволюционизма) и необратимость эволюционных процессов, эколого-политологические аспекты глобализации и места в ней России, методологические проблемы педагогических и этических аспектов формирования нового мировоззрения для пересмотра взаимоотношения человека, природы и общества, а также новое прочтение и развитие ноосферных идей В.И. Вернадского позволило ученому выйти на новый современный уровень понимания и признания коэволюции человека и биосферы как главного условия выживания человечества на планете. Коэволюция позволит осуществить направляемое развитие социальных и социально-экономических систем, поддержать желаемые тенденции, избежать подводных камней (катастроф), способных увести в сторону поток развития событий. Это общее положение универсального эволюционизма [1]. Направляемое развитие не может быть осуществлено без научных методов прогнозирования и управления сложными системами с элементами неизбежных противоречий, требующих сочетания свободы рыночного механизма с направляемым воздействием общества. Общество обязано не допустить перехода запретной черты, выполнить условие экологического императива [1, с. 301].

2. В то же время выживание человечества зависит от внутренних процессов, и некоторые страны могут «не дождаться» всемирной катастрофы, уйдя в небытие раньше. Особое внимание Н.Н. Моисеев уделяет России, которая фактически тоже должна выживать в условиях неравной конкуренции и всесилия ТНК [2, с. 136]. Для выживания и дальнейшего развития ученый рекомендует: целенаправленное развитие экономики, особенно высоких технологий, чтобы стать полноправным членом в мире ТНК; обеспечение собственной безопасности; развитие внутреннего рынка. Все это требует абсолютного доверия народа руководству страны [2, с. 138]. Это доверие подорвано страшным десятилетием деградации, приватизацией, кадровой чехардой, прочими «реформаторскими» акциями [2, с. 138]. На важность доверия указывал акад. Л.И. Абалкин: «В стране пока отсутствует один из главных путей выхода из кризиса – обстановка доверия. Недоверие к власти, усилившееся после дефолта 1998 г., до сих пор не преодолено…Нельзя забывать, что здесь есть и вторая сторона – отсутствие доверия у власти к народу. Именно она рождает келейность в подготовке и принятии решений»[3, с. 110]. К сожалению, за последние годы обстановка доверия с обеих сторон ухудшилась, чему способствовали несправедливая пенсионная реформа, неубывающий уровень коррупции, возрастающий разрыв между доходами богатых и бедных, снижение уровня жизни основной части населения, удушение малого и среднего бизнеса, неадекватно жесткие меры в отношении участников несанкционированных демонстраций и др.

3. По утверждению Н.Н. Моисеева, углубляющийся экологический кризис надо рассматривать как вызов современной глобализации. Поэтому важнейшим направлением исследования причинно-следственных связей этого вызова по мере развития технологий от мира техники к миру людей становится научная проблема человека.

Именно человек является главным субъектом и объектом происходящих перемен. В этом контексте междисциплинарная исследовательская программа по исследованию человека, выдвинутая еще в 1980-е гг. академиком И.Т. Фроловым, становится сегодня весьма актуальной.

Разработанные Н.Н. Моисеевым в его концепции универсального эволюционизма положения о Коллективном разуме, «Системе УЧИТЕЛЬ», экологическом и нравственном императивах в реализации Стратегии переходного периода (моисеевское определение сути устойчивого развития *sustainable development*) могут быть использованы в формировании новых государственных стандартов по социально-гуманитарным дисциплинам для всех уровней общего и специального образования.

[1] Статья (в тезисном изложении) написана на основе Рекомендаций, подготовленных автором по поручению редакционного совета XXVIII Моисеевских чтений – международной научно-практической конференции: «Моисеев Н.Н. о России в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения», проходившей 2–6 марта 2020 г. в главном здании Российской академии наук. Автор лично знал и общался с выдающимся ученым в 70–80-е годы 20 столетия. Ему также довелось работать в Международном независимом эколого-политологическом университете, созданном по инициативе академика Н.Н. Моисеева. Крупнейший математик современности внес значительный вклад также в развитие социальных и экологических наук. 20 лет после ухода ученого из жизни подтвердили актуальность поднятых проблем и исключительную важность предложенных им решений в условиях возрастающих глобальных вызовов и рисков.

4. Развитие человека, раскрытие его интеллектуального и духовного потенциала как основы решения возникающих проблем проходит стержнем во многих работах ученого. В последнее время мы фиксируем снижение качества образования в школе и университетах, что идет вразрез с рекомендациями Н.Н. Моисеева. По мнению участников конференции, дело не только в недостаточном финансировании, что связано с падением экономики в последние годы. Нужна новая концепция образования и новые программы (стандарты), в которых образование должно быть направлено на всестороннее интеллектуальное и нравственное развитие человека (по Моисееву, нравственный императив), формирование ключевых компетенций, которые обеспечат адаптацию специалиста к достижениям научно-технической революции и изменяющимся условиям рынка труда. Новым вызовам жизни отвечает методология развивающего обучения, предложенная советскими и российскими учеными (акад. В.В. Давыдов, проф. К.Г. Марквардт и др.). Развивающее обучение в высшей школе предопределяет иную структуру и последовательность предметов; они должны строиться в соответствие с логикой научного исследования, со способами научного изложения материала, с использованием таких предметных действий, которые позволяют обучаемому самостоятельно выделять отношения, имеющие всеобщий характер. В работах ученых показано, что надо идти не от предметов к знаниям, а от компетенций (как синтезе базовых знаний и инвариантных качеств личности) к предметам на широком поле естественных и гуманитарных знаний, при этом сами предметы выступают не только как объекты изучения, но и как субъекты формирования творческих способностей, нравственных качеств личности (особенно это касается гуманитарных дисциплин) [4, 5]. В итоге мы должны получить специалиста, способного самостоятельно адаптироваться к новым достижениям НТР и новым потребностям рынка – к чему и призывал Н.Н. Моисеев.

5. Решение актуальных проблем, выдвинутых Н.Н. Моисеевым, невозможно без пересмотра прав собственности и управления ею. Академик пишет: «Все это (преодоление противоречия между Природой и Обществом. – Авт.) возможно, если основные средства производства будут находиться в руках общества, то есть когда преодолено основное противоречие всех досоциалистических формаций – противоречие между общественным характером производства и частным характером потребления и использования продукта общественного труда»[6, с. 250]. С предложением вернуть народу собственность выступали многие выдающиеся ученые – экономисты, в частности, академик Д.С. Львов, опубликовавший книгу «Верните народу ренту». Еще в V в. до н.э. великий китайский философ Мэн-Цзы предсказал: «Что касается народа, то, не имея постоянного имущества, он не обладает из-за этого постоянными чувствами, и, поскольку не обладает постоянными чувствами, то распускается, становится безнравственным и творит все, что захочет» [7]. Крупнейший российский экономист Леонид Абалкин условием устойчивого развития общества считал наличие среднего класса. Ученый писал: «Принципиально важно подчеркнуть, что представитель среднего класса должен иметь два вида доходов: по своему труду и квалификации и доходы от собственности (в самом широком ее понимании). Только в этом случае работник – независимо от своей специальности – получает право быть независимым от продажи своей рабочей силы. обретает экономическую и политическую свободу, становится не просто объектом, но и субъектом демократической организации общества» [3, с. 60–61]. Мы видим «перекличку» между философом Мэн-Цзы (V в. до н э.) и экономистом Л. Абалкиным (XXI в. н.э) .

6. Н.Н. Моисеев идет дальше возвращения собственности на основные средства производства. Он ратует за социализм, который может разрешить противоречия между Природой и Обществом, общественным характером производства и частным характером потребления, между свободой и равенством [6, с. 250; 2, с. 162]. Ученый пишет: «В конечном счете, именно социализм в его бесконечно разнообразных формах – это я особенно считаю нужным подчеркнуть – окажется той рациональной организацией общества, которая сформируется в эпоху ноосферы» [6, с. 251]. Нам уже не надо бояться слова «социализм», Китай с его 6,2% роста ВВП в год официально объявил о строительстве социализма; даже капиталисты заговорили о социализме на недавно прошедшем Форуме в Давосе. О социализме писали великий Эйнштейн и Нобелевский лауреат Жорес Алферов. В нашем понимании сейчас речь идет не о государственном социализме с диктатурой верхушки КПСС, который мы пережили, а о новом социализме, социализме XXI века. И это закономерно. Уже признано, что капитализм разрушает не только Природу, но и человеческую личность, раздувая неуемные и симулятивные (стоимостные, показушные) потребности [8]. И примечательно, что именно Н.Н. Моисеев одним из первых заговорил о бесконечных формах социализма. К одной из таких форм надо отнести форму, предложенную членом Президиума РАН крупнейшим юристом Нерсесянцем В.С. Эту форму он назвал гражданским обществом (гражданской собственностью) или цивилизмом [9]. В гражданском (цивилитарном) обществе не только природные ресурсы, но и все, что создано народом, составляет неделимую общую собственность, а каждому гражданину принадлежит прибыль от его доли. И этой прибылью человек вправе распоряжаться по своему усмотрению. Идея гражданской собственности позволяет связать наше прошлое и будущее в единое целое (в единую историю) и показать народу, что труды многих поколений не были напрасными. В.С Нерсесянц: «Где нет собственности, там не только нет, но и в принципе невозможны свобода, право, равенство, независимая личность».

7. Современные информационно-коммуникационные технологии, особенно Интернет, социальные сети и мобильные системы связи, а также развращающие народ средства массовой информации (точнее: дезинформации) стали глобальным вызовом для всех национальных систем образования и вызывают усиливающиеся риски в межпоколенческих, межэтнических и межконфессиональных отношениях, обостряют проблему способности национальных систем образования в формировании у молодежи современной научной картины мира. Особую тревогу в интеллектуальной части нашего общества должны вызывать проникновение т.н. западных ценностей равных прав сексуальных меньшинств, подрывающих традиционные ценности семьи и детства; толерантного отношения к искажению и фальсификации новейшей истории и пренебрежению к памяти жертв советского народа в годы Второй мировой войны, что препятствует формированию исторической памяти ныне живущих и будущих поколений российской молодежи. Мо-

лодежь сегодня, таким образом, поставлена перед цивилизационным выбором. И миссия российской науки и отечественной системы образования – помогать молодежи делать правильный выбор.

В то же время помочь молодежи можно тогда, когда она видит, что слова учителей, чиновников и правительства не расходятся с делами, а сами старшие товарищи служат примером для молодого поколения. Принцип в обучении «Делай, как Я», о котором пишет Н.Н. Моисеев, остается в силе, и молодежь должна видеть, Что и Как делают взрослые люди – от рядового работника до большого Руководителя. Наивно думать, что можно воспитать патриотизм, учредив Департамент патриотизма (за счет народных денег), при этом не создав равных условий для реализации молодежи и не устранив слой мошенников и паразитов среди руководящего состава. А для этого надо не просто каждый день ловить мошенников и преступников (опять же за народные деньги), но перейти от дикого (воровского) капитализма к новому социалистическому строю, о котором писал Н.Н. Моисеев, и Новой Конституции, в которой прописать права на народное достояние (народную собственность) и сформулировать новую идеологию с традиционными ценностями, соответствующими нашему соборному менталитету и новыми ценностями, которые рождаются в труде на благо страны и благо каждого.

8. Одна из великих идей Н.Н. Моисеева заключается в формировании Нового Образа жизни людей, привлекательного для других стран и народов. Далее на этой основе может быть создан мировой рынок Образов жизни людей. Мы привыкли к ценовому рынку, рынку качества, а в последнее время все больше говорят о рынке компетенций, международном рынке национальных инновационных систем. Рынок Образов жизни людей – это новое слово во взаимодействии между странами. Это пока идеал, но именно к такому идеалу надо стремиться, подчиняя этой задаче и внутреннее радикальное преобразование (новый социализм), и новейшие информационные технологии (искусственный интеллект, онтологические и концептуальные моделирующие системы), и Коллективный интеллект, которому Н.Н. Моисеев придавал решающее влияние в разрешении мировых и внутренних конфликтов [10]. В этом же Послесловии академик описывает Гермейеровские системы, в которых конфликты невозможны: «Путешественники в одной лодке», «Общее дело». Необходимо постепенно втягивать враждующие стороны в Общие дела, специально их создавая. Страна, победившая на рынке Образов жизни, не может быть побеждена никаким оружием: как в известной сказке Л.Н. Толстого, когда напавшее на царство Дурака Тараканское войско, видя, что дураки не сопротивляются, а приглашают их жить в своей стране, разбежалось в недоумении. В этой идеальной Системе Нового образа жизни безопасность обеспечивается без затратных средств безопасности. Здесь также естественно реализуется национальная идея или миссия. В последних работах академик Н.Н. Моисеев подчеркивал: «Наша великая национальная цель – не утверждение своих амбиций в Европе, не реализация евразийских доктрин и утопий в том духе, как это проповедовали евразийцы 20-х годов, а превращение Севера Евразийского суперконтинента, этого «моста» между океанами и разными цивилизациями в сверхпрочную, надежную, работающую конструкцию» [11, с. 62] .

9. Н.Н. Моисеев некоторые страницы своих книг посвятил бифуркации [6, с. 91–93]. Бифуркация – это точка (положение), в которой происходят резкие изменения поведения системы (аттракторы, как устойчивые замкнутые циклы, переход в новое положение или изменение траектории), что возможно только в нелинейной (синергетической) системе. В общественной системе как нелинейной системе могут возникать сложные и непредсказуемые движения, вплоть до остановки или разрушения самой системы. Не занимаясь направляемым движением страны и ее экономики (как того требует универсальный эволюционизм, сформулированный Н.Н. Моисеевым), мы рискуем попасть в точку бифуркации, что чревато взрывом всей общественной системы. Направляемое движение с помощью Коллективного Интеллекта, вооруженного современными информационными интеллектуальными технологиями, должно помочь нам реализовать национальную идею, не перейти запретной экологической черты и избежать точки бифуркации, которую ученые назвали катастрофой.

На основе изучения трудов и рекомендаций Н.Н. Моисеева нами на конференции предложено:

– создать Научный совет РАН по комплексной проблеме человека, живущего в наукоемкой среде, в условиях агрессивного информационного давления и развращающего влияния СМИ; включить координацию научных исследований на междисциплинарной/трансдисциплинарной основе в государственный заказ;

– в составе Научного совета на основе идей Ж.И. Алферова и Н.Н. Моисеева разработать предложения по повышению престижа науки в обществе с одновременным усилением конкуренции между промышленными организациями и активизацией спроса на новые технологии; Ж.И. Алферов: «Наука начнет развиваться, когда будет востребована экономикой»[12];

– создать Общественное движение «Научные достижения в жизнь» с лозунгом «Без науки Россия обречена на отставание» – подобно уже действующему общественному движению «Федеральный сельсовет» с лозунгом «Сберечь Россию для себя».

– в рамках указанного движения и в союзе с профессиональными образовательными и творческими объединениями (в первую очередь журналистов) создать на основе новейших информационно-коммуникационных технологий и под эгидой РАН общероссийское общество по популяризации достижений отечественной науки и научных знаний, прежде всего в молодежной среде, а также для оказания молодежи помощи в формировании современной научной картины мира; это должна быть не стационарная, а динамическая картина мира (представленная во времени), что само по себе, по мнению известного психолога акад. Б.М. Теплова, наряду с пространственным подходом, способствует развитию интуиции – важнейшей характеристики естественного интеллекта.

– организовать и зарегистрировать в рамках РАН научно-учебную школу им. Н.Н Моисеева, в которой продолжить исследования ученого по проблемам универсального эволюционизма, экологического и нравственного императива с использованием современных информационных технологий: искусственного интеллекта, онтологических систем моделирования и др. Для обучения молодых специалистов на временной основе (например, один день в неделю)

привлечь профессоров, владеющих методикой развивающего обучения, аналогов которой нет в мире. Эта методика формирует творческого специалиста на широком поле естественных и гуманитарных наук;

– учитывая роль, которую сыграл Н.Н. Моисеев в разработке методов принятия эффективных решений, создать направление (возможно в рамках Совета или упомянутой школы), по разработке моделей, которые показывали бы, во что обходятся те или иные решения с точки зрения природной экологии и экологии человека;

– имея ввиду разрастание конфликтов между странами и народами, рассмотреть предложения Н.Н. Моисеева о создании «гермейеровских площадок» и пространств общих дел, в которых сглаживаются противоречия между враждующими сторонами (полеты в космос, защита от неуправляемых космических тел, общие транспортные и энергетические системы, борьба с эпидемиями, противостояние стихийным бедствиям и др.); составить перечень таких площадок с постепенным их расширением;

– организовать «машину переживания» (по М. Мамардашвили) вокруг национальной идеи – в виде постоянно действующих семинаров с использованием и развитием идей Н.Н. Моисеева; с выпуском бюллетеней для народа. Таким образом, национальная идея будет постепенно формироваться как «дело каждого» в сознании людей и становиться мощной мобилизующей силой.

– создать онтологическую модель социалистического переустройства жизни на новых демократических началах с полным и ежегодным (ежемесячным) контролем деятельности руководящих органов с использованием информационных и компьютерных технологий и возможностью своевременно освобождаться от некомпетентных руководителей. Эту модель предложить для рассмотрения и реализации законодательным органам;

– создать модель постепенного легитимного возвращения ренты, природных ресурсов и народного достояния самому народу с привлечением Коллективного интеллекта и методологии Резервных систем моделирования; оценить возможности управления рентным и общим доходом (различными структурами, *но прежде всего -структурами местного самоуправления*) с учетом возникающих рисков.

– создать Центр новой жизни (нового Образа жизни), вначале – в виртуальном исполнении, и подготовить с его помощью рекламные ролики и фильмы, с возможностью показать общественности (народу) преимущества освобожденного творческого труда в социалистическом (гражданском) обществе – без паразитической прослойки общества.

– на основе разработок ведущих отечественных научных школ в области истории Новейшего времени и Второй мировой войны содействовать проведению под эгидой РАН ежегодных научных исторических конгрессов по: проблеме формирования исторической памяти в российском обществе и противодействию фальсификации отечественной истории. Для этой цели необходимо использовать все новейшие средства информатизации и коммуникации, а также доступные документы, включая документальные фильмы; важно также привлекать к этой работе участников войны и людей с безупречной репутацией. Построение гражданского общества (нового социализма), о котором писал Н.Н. Моисеев, упрочило бы связь поколений и показало бы, что жертвы, понесенные в последней страшной войне, 75-летие окончания которой мы отмечаем в эти дни, не были напрасными.

Список литературы

1. Моисеев Н. Расставание с простотой. – М.: АГРАФ, 1998.
2. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001.
3. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: очерки. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2005.
4. Ванюрихин Г.И. Глобальные вызовы и новые задачи образования: творческий подход // Материалы II Международного конгресса: «Глобалистика- 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления». Москва, 18–22 мая 2011 г.: в 2-х т. – М.: МАКС-Пресс, 2011. – Т. 1.
5. Ванюрихин Г.И. Новая методика подготовки креативных специалистов для инновационного технологического развития России // Сборник докладов на I Всероссийском форуме технологического лидерства России «Технодоктрина 2014». – М.: МОО «РУСТО», 2014.
6. Моисеев Н. Экология человечества глазами математика. – М.: Молодая гвардия, 1988.
7. Древнекитайская философия: собрание текстов в 2-х томах. – М., 1972–1973.
8. Экономика для человека: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора // Материалы Московского экономического форума / Под ред. С. Гринберга и др. – М., 2014.
9. Нерсесянц ВС. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. – М.: Норма, 2001.
10. Моисеев Н. Послесловие к работе Дж. Форрестера «Мировая динамика». – М.: АСТ; СПб.: Terra Fatastica, 2000.
11. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / Отв. ред. Г.В. Осипов. Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2009.
12. Ж.И. Алферов о науке // Культура. 2017. – № 32, 15–21 сентября.

Васильева Л.В.
к.э.н., с.н.с. Института стратегии развития образования РАО
vasilieval@yandex.ru
Лебедев К.В.
к.э.н., зав. лабораторией Института стратегии развития образования РАО
k.lebedev@eit.edu.ru
Суменова Е.С.
заместитель зав. лабораторией Института стратегии развития образования РАО
elsepro@gmail.com

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА УРОВНЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ[1]

***Ключевые слова**: образование, технологическое развитие, статистическая оценка, субъекты РФ.*
***Keywords:** education, technological development, statistical assessment, subjects of the Russian Federation.*

Состояние технологического развития экономики страны определяет позиции ее конкурентоспособности на мировом рынке. Данной проблеме уделяется значительное внимание на федеральном уровне управления. Актуальной задачей при изучении технологического развития отрасли является оценка его уровня, позволяющая при процедуре регулярного мониторинга анализировать динамику процесса, корректировать меры поддержки и стимулирования. В настоящее время в этом направлении активно проводятся научные исследования, посвященные вопросам методологического и прикладного порядка. При этом, несмотря на объем проделанной работы, существует еще много нерешенных проблем, требующих методической проработки. Прежде всего, это касается учета специфических особенностей отраслей (видов экономической деятельности), проведения межрегиональных сравнений.

Особое место в процессе повышения технологического уровня отводится образованию, потенциал которого должен способствовать развитию компетенций и личностному росту, обеспечивать подготовку высококвалифицированных кадров, способных эффективно работать в динамично развивающемся и обновляющемся информационном пространстве. Потенциал будущих специалистов во многом закладывается уже в сфере общего образования. Новые требования к качеству человеческого капитала, общей и профессиональной образованности человека определяют необходимость модернизации всей системы образования.

Перспективы развития российского образования на всех уровнях связаны с необходимостью учета глобальных трендов, проявляющихся в сфере образования ведущих странах. Среди них – массовизация, инклюзивность и доступность, глобализация, непрерывность, персонализированность, цифровизация. В аспекте технологического развития образования актуальны вопросы повышения эффективности использования передовых технологий в обучении, адаптации образовательной системы к цифровой среде, этических аспектов использования ИКТ в образовании.

В настоящей работе выполнена статистическая оценка состояния технологического развития сферы образования для уровня общего образования. (ОКВЭД – 85.1 «Образование общее»). Предложенная система показателей и методика расчетов позволяют проводить комплексный анализ существующих межстрановых и региональных различий и устанавливать причины, их обусловливающие.

Особенностью современного состояния научно-технической сферы является ускорение темпов технологизации разработок, стремительное развитие новых рынков. Эти обстоятельства создают потребность у всех участников инновационной цепочки в получении достоверной и актуальной информации для поддержки принятия управленческих решений. Способствовать этому призвана разрабатываемая федеральными органами исполнительной власти система оценки уровня технологического развития отраслей экономики[2]. В соответствии с данным поручением Правительства Российской Федерации в 2017 году межведомственной рабочей группой была подготовлена межотраслевая типовая методика проведения статистической оценки уровня технологического развития отдельных видов экономической деятельности (Типовая методика)[3].

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания № 073-00007-20-01 на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов Института стратегии развития образования РАО, проект «Проведение статистической оценки состояния сферы образования, в том числе оценки уровня технологического развития и уровня образования в субъектах Российской Федерации в соответствии с полномочиями Минпросвещения России».

[2] Поручение Правительства Российской Федерации «О создании системы статистической оценки уровня технологического развития отраслей экономики» от 28 декабря 2016 г. № АД-П13-176пр.

[3] Доклад о результатах деятельности Федеральной службы государственной статистики в 2017 году и основных направлениях на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/os/dokl-210218.pdf

В Типовой методике предложено оценку уровня технологического развития проводить с использованием рейтингового подхода на основе значений интегрального показателя и использовать его для межстранового сравнения. Алгоритм расчета интегрального показателя включает в себя процедуру нормирования исходных показателей, имеющих различные единицы измерения, для обеспечения однородности их значений и перевода в единую шкалу (от 0 до 1). При этом определяются весовые коэффициенты влияния каждого показателя на формирование итогового интегрального показателя. Отмечено, что система показателей, используемых для расчета интегрального показателя, должна характеризовать основные технологии, наиболее полно характеризующие уровень технологического развития отрасли.

На основе межотраслевой Типовой методики был разработан проект методики оценки уровня технологического развития сферы образования (Методика Минобрнауки России)[1]. Данная методика представляет собой первый тестовый вариант, показавший свою работоспособность, но, тем не менее, нуждающийся в совершенствовании. Так, использованный в ней набор показателей характеризует в основном существующий уровень образованности трудоспособного населения и уровень финансовой поддержки сферы образования со стороны государства, но, по сути, не отражают технологические аспекты самой сферы. В частности, интегральным показателем не охвачены такие аспекты, предусмотренные межотраслевой методикой, как использование передовых технологий и степень цифровизации.

Основной причиной подобного ограничения набора показателей является отсутствие статистической информации по более детальному спектру показателей. Так, в структуре данных официальной статистики Росстата содержится раздел, аккумулирующий сведения о технологическом развитии основных отраслей экономики, но сфера образования в нем не представлена. Более полные характеристики содержит ведомственная статистика (Минпросвещения России, Минобрнауки России), но при этом разрезы статистического наблюдения несопоставимы с данными статистических баз других стран (например, ОЭСР) и пригодны только для межрегионального анализа. Эти моменты говорят о необходимости развития статистического наблюдения.

В настоящей работе предложен вариант усовершенствования Методики Минобрнауки России с актуализированным составом показателей. Под технологическим развитием сферы общего образования понимается процесс совершенствования системы обучения за счет применения передовых технологий, под уровнем технологического развития – степень соответствия количественных и качественных параметров технологического развития сферы общего образования мировому уровню.

При обосновании системы показателей исходили из того, что она должна отвечать следующим требованиям: объективности; полноты характеристики объекта исследования; в минимальной степени подвергаться искажениям под влиянием внешних, не связанных образованием факторов; обеспечивать возможность учета изменений, происходящих в сфере образования; иметь четко и однозначно определенный показатель в системе официальной или ведомственной статистики; обеспечивать получение количественной оценки уровня технологического развития для сферы общего образования и среднего профессионального образования Российской Федерации на межстрановом и межрегиональном уровнях. В качестве источников данных для оценки уровня технологического развития использовались статистические базы данных Росстата, ОЭСР[2], Института статистики ЮНЕСКО[3], Казначейства России, ЕИС Минобрнауки России, Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

Из имеющейся совокупности баз данных на межстрановом и межрегиональном уровнях (федеральные округа и субъекты Российской Федерации) экспертным путем были отобраны показатели (табл. 1) по следующим критериям:

– показатель должен количественно характеризовать технологическую оснащенность рассматриваемой сферы;

– для проведения международного сравнения показатель должен существовать в обеих статистических базах (ОЭСР и Росстата), при этом их значения должны быть сопоставимыми между собой;

– по показателю должна существовать статистика за несколько предшествующих лет, минимум за два года.

Таблица 1

Перечень специализированных показателей для оценки технологического уровня сферы образования

№№	Показатели
	Межстрановый уровень
11	Доля государственных расходов на общее образование (уровни МСКО 1,2,3) в ВВП
22	Доступность и степень использования компьютеров и Интернета в образовательных учреждениях, осуществляющих обучение по программам общего образования
	Региональный уровень
11	Доля государственных расходов на общее образование (уровни МСКО 1,2,3) в ВВП
22	Обеспеченность обучающихся компьютерами
33	Скорость доступа к Интернету
44	Оснащенность обучающими программами и наличие систем электронного документооборота
55	Реализация обучающих программ с применением электронных и дистанционных форм обучения
66	Охват обучаемых сетевыми, электронными и дистанционными формами обучения
77	Инвестиции в информационное, компьютерное и телекоммуникационное оборудование

[1] Доклад о результатах деятельности Федеральной службы государственной статистики в 2017 году и основных направлениях на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/os/dokl-210218.pdf

[2] http://stats.oecd.org/

[3] http://data.uis.unesco.org/

Статистическая оценка уровня технологического развития ***сферы*** общего образования выполнена в разрезе отдельных показателей и по интегральному индексу, определяющему средний уровень технологического развития по перечню исходных показателей, актуализированных на 1 ноября 2019 года.

Место Российской Федерации в рейтинге стран мира определено на основе ранжирования стран по убыванию значений рассматриваемых показателей (табл. 2, 3) и интегрального индекса (табл. 4). Результаты оценки уровня технологического развития приведены по последним актуальным данным, предоставленным в международных статистических базах, данных: по показателю расходов на образование за 2016 год, по показателю доступности и степени использования компьютеров в образовательных организациях за 2015 год.

Таблица 2

Рейтинг стран по показателю «Доля расходов на общее образование (уровни МСКО 1, 2, 3) в ВВП»

Страны	Значение рейтинга, %
Норвегия	4,10
Израиль	4,08
Новая Зеландия	3,97
Швеция	3,95
Австралия	3,39
Соединенные Штаты Америки	3,25
Чили	3,06
Словения	3,03
Венгрия	2,66
Италия	2,65
Литва	2,31
Российская Федерация	1,73
Канада	1,32

Россия находится в рейтинге на предпоследнем месте, с показателем 1,73, что приблизительно составляет 60% от среднего значения выбранных стран сравнения.

Таблица 3

Рейтинг стран по доступности и степени использования компьютеров и Интернета в общеобразовательных школах

Страны	Значение рейтинга, %
Швеция	100,0
Австралия	79,0
Новая Зеландия	59,9
Канада	59,6
Чили	58,5
Соединенные Штаты Америки	57,2
Норвегия	55,6
Российская Федерация	54,9
Литва	43,3
Италия	35,5
Израиль	35,5
Словения	34,9
Венгрия	33,0

В рейтинге стран Россия находится на восьмом месте из тринадцати со значением 54,9%, несколько превышающим среднее значение показателя по рассмотренным странам.

Таблица 4

Рейтинг стран по величине интегрального индекса уровня технологического развития в сфере общего образования

Страны	Интегральный индекс
Швеция	91,75
Австралия	82,54
Новая Зеландия	77,35
Норвегия	76,21
Соединенные Штаты Америки	68,20
Чили	66,85
Израиль	64,04
Словения	52,67
Российская Федерация	50,70
Литва	49,94
Канада	49,13
Италия	48,99
Венгрия	47,59

Россия занимает девятое место среди тринадцати стран с величиной индекса 50,7, что приблизительно составляет 80% от среднего значения по рассмотренным странам.

При проведении оценки уровня технологического развития общего образования на уровне субъектов Российской Федерации исследовалось изменение исходных показателей в 2018 году по отношению к уровню 2017 года, характеризующих отдельные аспекты состояния технологического развития. Наш анализ показал, что практически во всех субъектах РФ отмечалась разнонаправленная динамика показателей: при росте значений по одним показателям наблюдается снижение по другим. Наибольший размах изменений отмечается по показателю «Инвестиции в информационное, компьютерное и телекоммуникационное оборудование» – от 17,1% к уровню 2017 года (г. Санкт-Петербург) до 1891,2% (Республика Дагестан). Сопоставление движения субъектов РФ по рейтинговой шкале в 2018 г. по сравнению с 2017 г. показало, что значительная часть из них сохранила свои позиции. При этом выделяются субъекты с положительной динамикой: Курская область, Сахалинская область, Тюменская область, Хабаровский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Смещение на более низкие позиции в шкале рейтинга произошло в следующих субъектах РФ: Калининградская область, Московская область, Нижегородская область, Республика Крым, Республика Саха, Санкт-Петербург, Смоленская область, Ставропольский край, Тверская область.

Диапазон значений интегрального индекса в 2017 году достаточно широкий – от 17,58 единиц (Чеченская Республика) до 100 единиц (Ленинградская область). На рис. 1 представлены первые 10 позиций рейтинга.

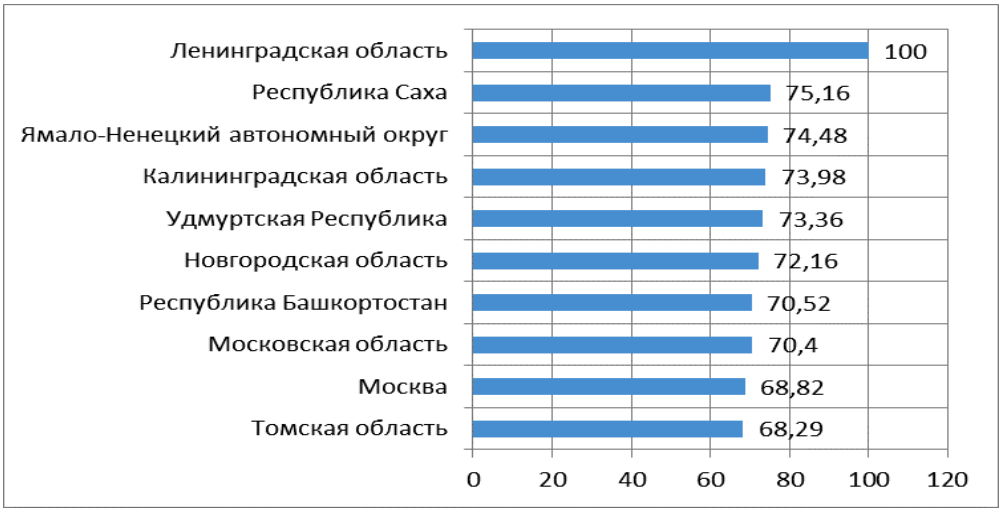

Рисунок 1.
Топ-10 позиций в рейтинге субъектов РФ по уровню технологического развития общего образования, 2017 год

Диапазон значений интегрального индекса в 2018 году практически не изменился, и полярные субъекты те же: Чеченская Республика (17,58 единиц) и Ленинградская область (100 единиц). По другим же субъектам РФ отмечается перемещение по шкале рейтингования. На рис. 2 представлены первые 10 позиций рейтинга.

Рисунок 2.
Топ-10 позиций в рейтинге субъектов РФ по уровню технологического развития общего образования, 2018 год.

В первой десятке регионов в 2018 году сохранили свои позиции Ленинградская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Москва, Республика Башкортостан, Удмуртская республика. На протяжении рассматриваемого периода практически не изменился состав субъектов-аутсайдеров (Республика Северная Осетия-Алания, Республика Адыгея, Омская область, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Ингушетия, Еврейская автономная область, Чеченская Республика).

Оценка уровня технологического развития сферы общего образования на уровне федеральных округов проводилась на основе агрегирования показателей субъектов РФ. Результаты анализа выявили основные тренды. Наибольший рост по федеральным округам и в целом по Российской Федерации произошел по показателю «Доля государственных расходов на общее образование в ВВП» (на 10,3% к уровню 2017 г.) и показателю «Охват обучаемых сетевыми, электронными и дистанционными формами обучения» (на 27% к уровню 2017 г.). Показатели «Скорость доступа к Интернету» и «Реализация обучающих программ с применением электронных и дистанционных форм обучения» по большинству округов и по Российской Федерации в целом снизились (на 1 и 3%, соответственно).

Отмечаются особенности изменения отдельных показателей по федеральным округам. Наибольший рост инвестиций в информационное, компьютерное и телекоммуникационное оборудование был в Северо-Кавказском федеральном округе: в 2017 году в пересчете на одного учащегося приходилось 61 руб. инвестиций, в 2018 году значение показателя увеличилось до 113 руб. Несмотря на это, уровень инвестирования продолжает оставаться низким по сравнению с другими округами. Так, например, в Южном федеральном округе этот показатель равен 542 руб. При этом расходы консолидированного бюджета в пересчете на одного учащегося в этих округах примерно равны: по данным 2018 года, они составили 66 тыс. руб. в Южном федеральном округе и 61 тыс. руб. в Северо-Кавказском федеральном округе. Существенный рост охвата учащихся сетевыми и дистанционными формами обучения был в Сибирском, Дальневосточном и Приволжском федеральных округах, тогда как в некоторых округах он снижался (Южный округ и Северо-Кавказский округ), в остальных же был умеренным.

В целом можно констатировать, что рост финансирования сферы общего образования на 10,3% не проявился в росте большинства показателей: практически все они остались на прежнем уровне. Исключение составляет рост охвата учащихся сетевыми и дистанционными формами обучения, который для Российской Федерации обеспечен в основном за счет его существенного роста в трех округах: Дальневосточном (301,4%), Приволжском (142,5%), Сибирском (138,8%).

Проведенное исследование позволило оценить уровень технологического развития сферы общего образования России, ее позиционирование в международном сравнении, а также положение дел в субъектах и федеральных округах РФ. Выявлены сильные и слабые составляющие технологического профиля и факторы, оказывающие влияние на его уровень. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке материалов для ежегодного доклада Правительства РФ об уровне технологического развития экономики Российской Федерации в целом и отдельных видов экономической деятельности, а также могут применяться федеральными органами исполнительной власти при разработке предложений по совершенствованию научно-технической и инновационной политики.

Ермаков В.Г.[1]

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭТАПНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ИДЕЙ ПЕДАГОГИКИ РАЗВИТИЯ

***Ключевые слова**: противоречия реформ образования, педагогика развития, динамический тип устойчивости, региональное образование.*

Целью данной статьи является поиск способов разрешения обостряющегося противоречия между масштабными реформами образования, проводимыми в мире в ответ на стремительные социокультурные изменения, и актуальными задачами педагогической поддержки индивидуального развития, угнетаемого, по выражению Н.А. Бердяева, «ускорением времени, за которым человек не может угнаться». Если бросить общий взгляд на мировую систему образования, затрагивающую судьбы огромного числа людей, то на этом уровне невозможно разглядеть конкретные проблемы, жизненный путь и цели отдельно взятого человека, его связи с другими людьми и культурой в целом. Поэтому при проектировании изменений в сфере образования трудно избежать представлений о некоем потоке частиц с нулевой массой, который можно направить по другому руслу едва ли не по мановению руки.

Такие представления обнаруживают себя, например, при одномоментном переходе на новые стандарты образования. В условиях продолжающейся научно-технической революции, обостряющейся конкуренции между странами, усиления кризисных явлений в разных сферах жизни стандарты образования, выражающие очень напряженный и потому нестабильный компромисс между интересами и возможностями личности, культуры, общества, государства и самой системы образования, не могут не меняться. Они и меняются, причём очень быстро. Перманентный характер реформирования отметил, в частности, эксперт ЮНЕСКО Роберт Коун (Англия), назвавший происходящее «ролинг-процессом, то есть катящейся, движущейся, развертывающейся, возрастающей реформой»[2]. Высокие темпы перемен не оставляют времени ни для переходных периодов, ни для поэтапной перестройки системы взаимодействий в области образования, ни для адаптации системы к новациям.

Для сравнения вспомним, как В. Иванов описывал целенаправленные изменения обычаев в процессе преобразования старой Византии во Второй Рим: «Производились необходимые переделки статуй, срезались атрибуты богов, все эти нечестивые гроздья винограда, лиры, дубины. Попорченные места на мраморе, как и старые легенды, отшлифовывались по-новому. Кое-что приделывали на железных креплениях. И когда штифты, распухнув от ржавчины, сбрасывали добавки, привычка была уже создана»[3]. В данном случае перестройка обычаев потребовала и доходящих до деталей изменений во внешних атрибутах жизни, и немалого времени.

Разумеется, в учреждениях образования, где накопленный человечеством социально-культурный опыт передаётся новому поколению людей в наиболее систематизированном виде, при высокой интенсивности взаимодействий и при постоянной помощи учащемуся со стороны педагога, возможностей для быстрой перестройки образовательного процесса под требования какого-либо нового стандарта образования намного больше. Но для их реализации необходимо выполнение двух естественных условий. Система образования должна иметь некий запас устойчивости, чтобы при смене курса нарушение прежних связей между элементами системы не стало катастрофичным, а уровень профессиональной подготовки педагогов должен быть достаточным для того, чтобы в режиме реального времени исправлять поломки длинных индивидуальных образовательных траекторий, порождаемые резкими изменениями целевых установок. Легко видеть, что эти условия не выполняются.

Во-первых, из-за перманентного обострения общего противоречия между личностью и культурой, частичным проявлением которого, как отмечено в работе[4], является противоречие между сбережением человеческого потенциала и научно-технологическим развитием страны, а также из-за мощного деструктивного влияния внешних факторов, некоторые из которых описаны и проанализированы в статье[5], современные образовательные процессы стремительно теряют былую устойчивость. Поэтому основную ставку теперь нужно делать на динамический тип устойчивости, который должен поддерживаться активными корректирующими усилиями педагога.

---

[1] Ермаков Владимир Григорьевич – д.п.н., к.ф.-м.н., доцент Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. E-mail: vgermakov@gmail.com

[2] Национальный доклад: Основные направления реформирования общеобразовательной школы Беларуси // Материалы Национального совещания (2-4 марта 1995 г., г. Минск). – С. 15.

[3] Иванов В.Д. Русь изначальная. – М.: Современник, 1992. – С. 123.

[4] Ермаков В.Г. Противоречие между сбережением человеческого потенциала и научно-технологическим развитием страны как педагогическая задача // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – С. 486–489.

[5] Ермаков В.Г. Методологические и социально-культурные аспекты обеспечения устойчивости образовательных процессов // Педагогическая наука и образование. 2017. – № 4 (21). – С. 3–11.

Во-вторых, объективная потребность в повышении роли педагога в управлении образовательными процессами ещё не нашла необходимого подкрепления в системе педагогического образования. В силу ряда причин имеет место противоположная тенденция – рассогласование межпредметного взаимодействия при подготовке будущего учителя продолжает нарастать[1]. Вследствие этого учителям не хватает профессиональных знаний для реализации названных новых и ответственных функций.

Кроме того, модернизацию системы образования тормозит нынешняя парадигма образования. В монографии[2] показано, что использование образовательных стандартов в качестве инструмента управления системой образования необходимо дополнять изменением приоритетов в функциях текущего контроля. Вместо простой регистрации учебных достижений учащихся и их сравнения с уровнем, который задан стандартом (такой подход к оцениванию образовательных достижений учащихся стремится реализовать В.Ф. Русецкий[3]), нужно прежде всего контролировать условия выхода учащегося на требуемый уровень, то есть контроль должен стать формирующим, а обучение развивающим. Проблема в том, что на базе простейших (линейных) моделей управления, широко используемых и закрепившихся в качестве эталонных, нельзя полноценно учесть ни наличие сингулярностей в информационном пространстве культуры, ни скачкообразный характер развития психики учащегося, ни хаотизирующее влияние внешних факторов. В итоге сложившиеся представления об оптимальных моделях управления сами и сдерживают их дальнейшее развитие[4].

Несложно заметить, что из-за всех этих нерешённых проблем организационного плана самые большие потери несёт именно учащийся, что, в свою очередь, и делает тщетными большинство усилий, направленных на перестройку системы образования. Хорошую возможность для разрешения этого узла проблем и противоречий открывают идеи и модели асимптотологии. Они состоят в том, что при наличии резких, отчётливо выраженных несоразмерностей можно строить простые, эффективные, локализованные модели исследуемых процессов, причём именно из-за несоразмерностей полученные частные решения можно суммировать в единый комплекс с синергетическим усилением каждого элемента. В соответствии с этими идеями и, исходя из легко доказываемого тезиса о том, что учащийся является самым слабым звеном в системе образовательных отношений, системообразующим элементом при построении любого рода реформ образования целесообразно считать именно проблемы самого учащегося.

Решиться на такой выбор начальной точки отсчёта не просто, поскольку из-за многоаспектности индивидуального развития на этом пути придётся преодолевать немалые методологические трудности. Но иного способа придать преобразованиям антикризисную направленность, особенно в нынешних условиях, всё равно нет.

Заметим, что к такому подходу давно призывали великие педагоги и психологи. А. Дистервег писал: «Главная цель воспитателя должна поэтому заключаться в развитии самодеятельности, благодаря которой человек может впоследствии сделаться распорядителем своей судьбы, продолжателем образования своей жизни. Самодеятельности он должен сообщить высшую силу, жизнеспособность и всеобъемлющий охват и подчинить ей остальные духовные и физические силы. Следовательно, высшая задача образования, *субъективная* основа его – развитие самодеятельности»[5]. Как показывают результаты многочисленных экспериментов, при соответствующей операционализации данный принцип действительно помогает разрешать острые кризисные ситуации. Например, в статье[6] описаны существенные последствия от восстановления и развития самодеятельности студентов средствами контроля, выразившиеся в одновременном решении проблемы преодоления растущего разрыва между школой и вузом, трудной проблемы адаптации первокурсников к обучению в вузе, проблемы усвоения студентами разросшегося формализованного аппарата математического анализа и других сопутствующих проблем.

Аналогичный призыв к переносу основного внимания на проблемы личности сделал и Л.С. Выготский. А.Г. Асмолов в своём выступлении на конференции[7] привёл его слова из письма, адресованного коллеге: «Вся педагогика, вся психология больны следующим – они занимаются системами, а не судьбами». И далее: «Мы с вами создадим, будучи культурно-историческими психологами, психологию конкретного человека, мы перейдём от систем к судьбам. Мы перейдём к индивидуальным вариантам развития». Ученики и последователи Выготского в немалой степени продвинулись в этом направлении, разрабатывая педагогику и психологию развития. Достигнутые рубежи весь-

---

[1] Ермаков В.Г. Методология межпредметного взаимодействия при подготовке учителя-предметника в условиях кризиса системы образования // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2013. – № 3 (78). – С. 60–66.

[2] Ермаков В.Г. Методологическая основа многоаспектной теории стандартов и контроля в системе образования. – Мн.: НИО, 1998. – 154 с.

[3] Русецкий В.Ф. Подходы и принципы разработки научно-методического обеспечения оценки качества образовательных результатов на уровне учреждений общего среднего образования (Окончание. Начало в № 1 за 2017 год) // Педагогическая наука и образование. 2017. – № 2. – С. 3–9.

[4] Обоснование этого утверждения приведено в статьях: Ермаков В.Г. Возвратно-поступательные модели управления образовательными процессами и информационные технологии // Современные Web-технологии в цифровом образовании: значение, возможности, реализация: сборник статей участников V-ой Междунар. науч.-практ. конф. (17–18 мая 2019 г.) / Науч. ред. С.В. Миронова, отв. ред. С.В. Напалков. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 286–291 и Ермаков В.Г. Актуальность и методология использования нелинейных моделей управления в системе развивающего образования // Педагогика и психология: проблемы развития мышления: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Красноярск, 25 апр. 2018 г.) / Под общ. ред. Т.Н. Ищенко. – Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2018. – С. 31–39.

[5] Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 72.

[6] Ермаков В.Г. Формирование самодеятельности студентов средствами контроля // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2018. – № 2 (107). – С. 18–23.

[7] Асмолов А.Г. Л.С. Выготский – Л.В. Занков: идеи, изменившие мир дидактики // Научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения психолога, дефектолога, педагога Л.В. Занкова. – М., 2001. – https://asmolovpsy.ru/ru/audio/292

ма значительны. Методическая система Л.В. Занкова и система развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, отличающиеся стремлением сделать младшего школьника субъектом учебной деятельности, являются двумя развивающими системами обучения, которые вместе с традиционной системой применяются в начальном общем образовании Российской Федерации (см. Приказ Минобрнауки РФ от 21.10.2004 № 93).

Возникает закономерный вопрос: почему этот подход не получил более широкого распространения как он того, несомненно, заслуживает? Часть ответа известна. Однажды В.В. Давыдов, обсуждая проблемы распространения «Школы развития», заметил, что передавать учителям нужно было не поурочные разработки, а принципы их построения. Отсюда в очередной раз получаем, что даже прогрессивные идеи обучения, реализуемые на базе простейших моделей управления, не достигают поставленных целей. Это тем более верно теперь, когда образовательные процессы в силу множества причин катастрофически теряют свою устойчивость, а педагоги ещё не вполне готовы к её беспрерывному восстановлению в режиме реального времени.

Нуждаются в дальнейшем совершенствовании и методы обучения. Это хорошо видно на примере принципа обучения на высоком уровне трудности, который Л.В. Занков считал главным в своей дидактической системе. Проведённый в работе [1] анализ этого принципа показал, что для повышения его операционализации требуется, в частности, тонкая настройка текущего контроля, после чего данную дидактическую систему можно успешно применять на всех ступенях образования, включая высшую.

Таким образом, в избранном нами направлении ещё есть много нерешённых проблем, вместе с тем, есть и много неиспользуемых резервов. Но если педагогика развития требует дальнейшей разработки, то можно ли положить её в основу реформирования системы образования? Для того чтобы сориентироваться в данном неоднозначном вопросе о практическом использовании незавершённой теории, обратимся к идеям и понятийным образам теории суперструн, при помощи которых физики пытаются решить аналогичные методологические проблемы, порождаемые движением в неизведанное. В предисловии редакторов перевода книги[2] сказано: «Теория суперструн – это современный вариант единой теории фундаментальных взаимодействий. ... Стремление создать такую теорию пронизывает всю историю науки – от пифагорейцев до Ньютона и Лейбница и далее Римана, Вейля, Эйнштейна и Гейзенберга. Неочевидно, что на пути к этой цели вообще возможны какие бы то ни было успехи. Тем более поразительными выглядят замечательные достижения теории суперструн – вычисление размерности пространства-времени, фиксация определённой калибровочной группы, включение в единую схему теории гравитации». Суть главной проблемы, на исследование которой нацелена данная теория, состоит в том, что нашей Вселенной управляет два набора законов – общая теория относительности, объясняющая работу гравитации, и квантовая механика, описывающая остальные три взаимодействия (сильное ядерное, слабое ядерное и электромагнетизм). Объединить их простым способом не удаётся в том числе потому, что гравитация связана с геометрией пространства и временем, когда расстояния измеряются точно, а в квантовом мире измерить что-то нет никакой возможности. Более того, увидеть элементарную частицу в исходном состоянии нельзя, а при воздействии на неё, например, при помощи электромагнитных волн она меняется. Поражает воображение и тот факт, что гравитация в 10^{40} раз слабее электромагнитной силы. Реакцией на все эти проблемы как раз и стал переход от обычной квантовой теории поля, которая описывает точечные объекты, к теории струн, то есть протяжённых объектов со своими характеристиками.

На наш взгляд, здесь отражена всего лишь констатация неисчерпаемости материи и явно выражена готовность снять препоны к учёту и исследованиям реальной сложности мира. Высказываясь по поводу данного подхода, один из авторов написал: «Теория струн может и не станет теорией всего, но это хотя бы теория чего-то». Таким образом, это мужественный шаг в актуальном направлении.

Возвращаясь к проблемам реформирования образования, легко заметить большое число знаковых совпадений. Так, на фоне гигантского по масштабам «предметного тела» цивилизации, вобравшего в себя опыт человечества на протяжении тысячелетий, высшие достижения отдельного человека выглядят пренебрежимо малой величиной, однако эти несопоставимые величины непременно нужно каким-то образом описывать вместе, поскольку именно человек и является носителем культуры. Процессы, происходящие во внутреннем плане человека, тоже недоступны для прямого наблюдения, для их объективации необходимы внешние воздействия в духе деятельностного подхода, проблемного метода обучения и тому подобных вещей. Разумеется, эти воздействия влияют на «внутренние состояния», то есть фиксировать удаётся нечто отличное от исходного состояния. При умелом использовании этого обстоятельства процесс диагностики может стать инструментом формирования желаемых качеств, что и даёт ключ к построению формирующего контроля. В методологическом плане данная ситуация совпадает с положением вещей, предшествовавшим введению главной идеи теории суперструн. В отношении образовательных процессов этот шаг нужно повторить и принять учащегося как в теории, так и на практике вместе с предысторией его жизни, с собственными целями и текущими проблемами.

Такая постановка исследовательской задачи заведомо сложнее предыдущих вариантов, но, во-первых, она более корректна, во-вторых, у этого подхода уже есть немалый задел, в-третьих, данный акцент поможет сломить сопротивление нынешних парадигмальных представлений и этим откроет путь к поиску и использованию новых резервов модернизации образования. Оборотной стороной такого видения ситуации в образовании является окончательный

[1] Ермаков В.Г. О проблемах и способах операционализации дидактической системы Л.В. Занкова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2017. – № 2 (101). – С. 14–18.

[2] Грин М. и др. Теория суперструн. В 2 т. Т. 1. – М.: Мир, 1990. – 518 с.

вывод о том, что далёкую от завершённости теорию нельзя реализовать на практике в готовом, рецептурном виде. Однако, согласно выводам статьи[1], в незамкнутости теории тоже есть немало позитивного.

Много ли найдётся желающих положить в основу своей деятельности теорию, открыто признающую свою незавершённость и более высокую сложность, ведь проще следовать за мировыми тенденциями развития образования, не обращая внимания на то, что зачастую они с умыслом или без него оставляют большинство жителей Земли на нижних ступенях социальной лестницы. По-видимому, откажется от пассивной позиции часть родителей, не согласных с признанием своих детей неспособными к получению хорошего образования, профессиональная гордость части педагогов подтолкнёт их к самостоятельному поиску резервов, но более всего можно рассчитывать на регионы с низким уровнем ресурсов. Анализ, проведённый в работе[2], показал, что в этом случае естественной и доступной основой позитивных изменений в регионе является подъём массового образования, причём традиционный подход, базирующийся на постоянном отборе, здесь не применим. В этих обстоятельствах внимание различных участников образовательных взаимодействий легче привлечь к дидактическому принципу Л.В. Занкова, ориентирующему педагогов на «целенаправленную, систематическую работу над общим развитием всех учащихся – и сильных, и слабых». С этого момента в центре преобразований как раз и окажется модернизированная педагогика развития.

Говорить о модернизированной педагогике развития приходится потому, что в существующих проектах развивающего обучения большое значение имеет построение развивающей среды, но для такой комплексной перестройки условий образовательного процесса трудно найти достаточное количество ресурсов и времени, не говоря уже о соответствующей переподготовке педагогов. Вместе с тем, в кардинально изменившемся мире и вследствие неизбежного перехода на динамический тип устойчивости образовательных процессов неожиданно появился более простой способ проводить перестройку системы образования. Суть дела заключается в том, что реагировать на уже проявившиеся кризисные ситуации легче, чем их предупреждать заблаговременно, так как в этом случае на первый план выходит небольшое число факторов, они и помогают сориентироваться в организации и проведении адресных корректирующих мероприятий. Более детально эти аспекты совершенствования образования на региональном уровне описаны и проанализированы в работе[3].

Узким местом в этой схеме остаётся недостаточный уровень подготовки педагогов, более всего проявляющийся по отношению к личностной составляющей образовательного процесса. Кроме того, если в интересах учащегося понадобится приостановить запланированное движение по учебному плану и, тем более, если потребуется основательное возвращение к материалу, пройденному ранее, то учителю придётся нарушить все планы и предписания. Для решения этих проблем в статье[4] предложена концепция регионального инновационного научно-практического Центра активных методов педагогической коррекции. Методическая помощь педагогу со стороны работников Центра в первую очередь должна заключаться в снятии внутренних психологических и внешних административных блокировок, в подготовке рецептов отклонения от линейно выстроенных моделей управления в той или иной конкретной кризисной ситуации и в осуществлении контроля за их реализацией.

Важно подчеркнуть, что отчётливо выраженная личностно ориентированная помощь учащимся и педагогу со стороны специалистов Центра может быть краткосрочной, так как уже первые заметные успехи учащихся дадут импульс повышению их самооценки, уровня притязаний, укреплению мотивацию к учению и тем самым создадут предпосылки для ускорения учебного процесса. В свою очередь, успехи учащихся раскроют педагогу потенциал дозированного и адресного усложнения моделей управления и активизируют его собственный поиск.

В соответствии с разнообразием возможных кризисных ситуаций методика проведения корректирующих мероприятий тоже должна быть разной. Один из примеров подробно описан в статье[5]. Особенно острыми оказываются локальные проблемы, порождаемые понятиями высокого уровня абстрактности, поэтому найденные варианты разрешения этих проблем можно считать эталонными и универсальными. Их анализ представлен в статье[6]. Такие понятия встречаются в учебном материале на любой ступени образования, участие в разрешении порождаемых ими проблем станет для специалистов Центра хорошим ориентиром в развитии своей деятельности на начальном и последующем этапах. Накопив соответствующий опыт, они смогут активнее участвовать в поиске способов укрепления личностной

---

[1] Ермаков В.Г. Связь обучения и развития, проблемы её моделирования и философия незамкнутости // Педагогика и психология: проблемы развития мышления: материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием (г. Красноярск, 08 дек. 2016 г.) / Под общ. ред. Т.Н. Ищенко. – Красноярск: Сибирский университет науки и технологий, 2017. – С. 40–50.

[2] Ермаков В.Г. Проблемы, резервы и методология модернизации системы образования на региональном уровне // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. Труды Первой международной научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 2. – С. 351–356.

[3] Ермаков В.Г. От антикризисного управления к развивающейся региональной системе образования // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 13. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Ч. 2. – С. 809–812.

[4] Ермаков В.Г. Концепция регионального инновационного научно-практического Центра активных методов педагогической коррекции // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 731–735.

[5] Ермаков В.Г. Методологическая основа модернизации и операционализации теории Л.С. Выготского о зонах развития // Педагогика и психология: проблемы развития мышления. Развитие личности в изменяющихся условиях: Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Красноярск, 15 мая 2020 г.) / Под общ. ред. Т.Н. Ищенко. – Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнёва, 2020. – С. 34–46.

[6] Ермаков В.Г. Топология информационного пространства культуры и проблема устойчивости образовательных процессов // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. Научный журнал. 1 выпуск: педагогика и психология. – Усть-Каменогорск, 2019. – С. 24–33.

направленности образования и в тех случаях, когда балансы нарушаются масштабными реформами отдельных подсистем системы образования. Пример такого поиска по отношению к цифровизации образования указан в статье[1].

В качестве главного вывода из проведённого нами исследования отметим, что поступательное реформирование системы образования на основе идей педагогики развития и с опорой на сформированные точки роста не только возможно, но и целесообразно.

[1] Ермаков В.Г. Философские аспекты согласования личностной направленности образования и его цифровизации // Современные образовательные Web-технологии в реализации личностного потенциала обучающихся: сб. статей участников Междунар. науч.-практ. конф. (20–21 мая 2020 г.) / Науч. ред. С.В. Миронова, отв. ред. С.В. Напалков. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. – С. 14–19.

Жаринова Е.Н.[1]

СИСТЕМНЫЕ ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ТВОРЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова*: системные и акмеологические факторы, акмецелевые стратегии, коммуникативная культура, акметехнологии развития, творческая готовность, инвариантные модели.*

Keywords: *system and acmeological factors, acmeological strategies, communicative culture, acmetechnologies of development, creative readiness, invariant models.*

Развитие коммуникативной культуры и творческой готовности к предстоящей деятельности начинается с профессионального восприятия, обеспечивающего образовательное пространство, возможного лишь посредством теоретических знаний. Предлагаемые студентам теоретические модели являются их обобщением и воплощением в особых методиках, созданных в свете предмета акмеологии.

При разработке системных психолого-акмеологических факторов нами были сформулированы следующие требования, которым они должны удовлетворять[2]:

1. Они во всех своих частях должны быть инвариантными, то есть применимыми во всем образовательном маршруте, во всех образовательных подсистемах.
2. Они должны быть комбинаторными, то есть субъект на них опирается, ими пользуется по собственному усмотрению.
3. Они должны быть многофункциональными. Они могут быть использованы всеми участниками образовательного процесса с учетом их ролевых позиций.
4. Они должны быть адаптивными. Пользователю предоставляется возможность сверять свои эмпирические представления о наблюдаемых явлениях с признаками, их описывающими в предлагаемых шкалах, их отредактировать, дописать или сократить. Всё это – процедуры, рассчитанные на развитие профессионального образовательного мышления у пользователей и респондентов.
5. Они должны быть прогностичными, ориентирующими или «предсказательными». В них содержатся подсказки продуктивного решения образовательных задач.

Чтобы системные психолого-акмеологические факторы удовлетворяли этим требованиям, необходимо было решить вопрос об общем и особенном в специальности и профессии.

В настоящем исследовании эта проблема решалась следующим образом. Развитие студента, как творческого специалиста, осуществляется в процессе непосредственного взаимодействия с объектами специального знания и деятельности (рис. 1)[3].

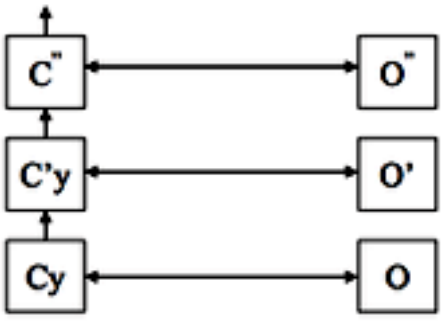

Рисунок 1.
Схема коммуникативного и творческого взаимодействия субъекта с объектами познания специальности (по Я.А. Пономареву)

---

[1] Жаринова Евгения Николаевна – к.психол.н., доцент кафедры физического воспитания, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины. Профессиональные интересы: психология развития и акмеология, профессиональный тренинги, профессионально-педагогическая культура. Приоритетные тематические направления организации: профессиональная компетентность специалиста, акмеологический тренинг, акметехнологии в профессиональной деятельности. E-mail: andromeda 55@mail.ru

[2] Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеологические основы развития коммуникативной культуры и творческой готовности бакалавра, магистра, специалиста: монография. – СПб.: Центр стратегических исследований, 2015. – 316 с.

[3] Пономарев Я.А. Психология творчества: перспективы развития // Психологический журнал. 1994. – Т. 15, № 6. – С. 38–50.

Лишь в процессе познания и под влиянием непосредственного взаимодействия субъекта с объектами его деятельности и познания возникают психические новообразования в его личности и деятельности, обеспечивающие готовность к освоению новых более сложных объектов[1].

Результат в субъекте (учащиеся любой учебной дисциплины) возникает лишь под влиянием субъектного взаимодействия с объектами деятельности и познания.

Влияние тренера, воспитателя, педагога, учителя, преподавателя является плодотворным, если оно осуществляется по схемам косвенного управления процессом становления субъекта деятельности (рис. 2)[2]. Чтобы схему не перегружать, мы в ней не фиксируем признаков связей, чувствительность которых лежит в основе рефлексивных и проективных способностей субъектов деятельности. Системные факторы, удовлетворяющие этим требованиям, выявлены на основе теории функционирования образовательных систем и деятельности в них основных участников образовательного процесса Я.А. Пономаревым и Н.В. Кузьминой[3].

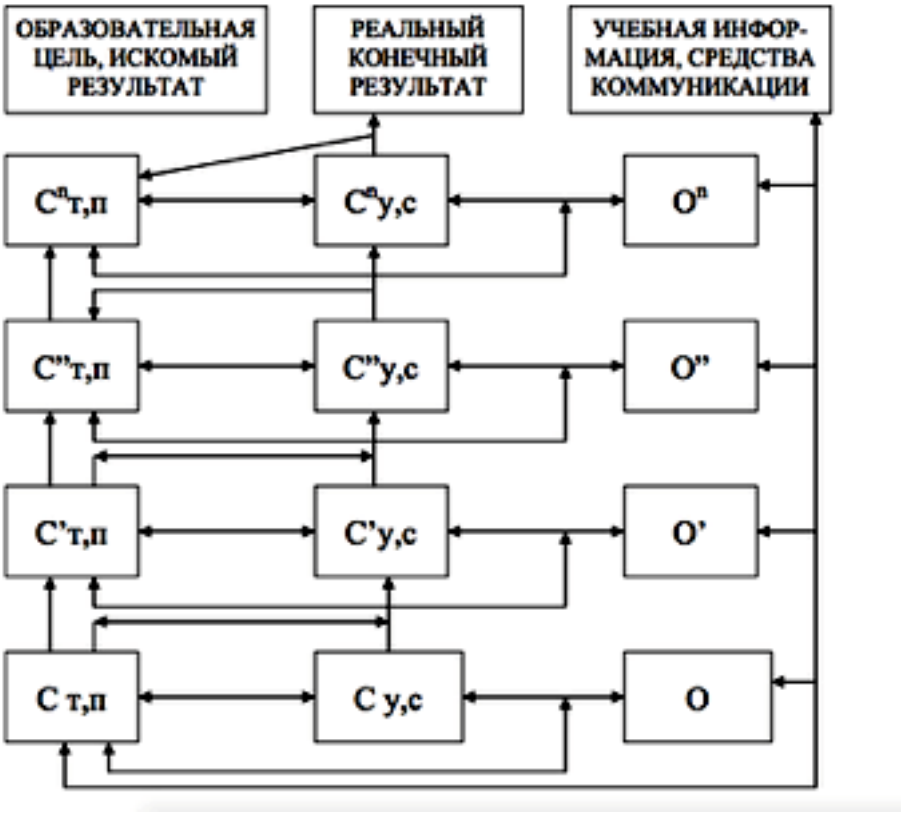

Рисунок 2.
Схема косвенного управления образовательным процессом преподавателем высшей школы

Перейдём к краткому описанию. Системные факторы выявлены нами в экспериментальной работе с преподавателями высшей школы и со студентами в качестве средства развития у них коммуникативной культуры и творческой готовности к профессиональной деятельности в роли тренера. Мы описываем системные факторы в соответствии со сформулированными требованиями.

I. Инвариантность

1. Требования инвариантности диктуются понятием «образовательный маршрут». Он включает типы образовательных организаций от детского сада до высшей школы и производства. Процессы, происходящие в образовательном маршруте, описываются с помощью понятий «образовательная система», «структурные» и «функциональные» элементы, «результат»[4] (рис. 3).

2. Образовательные системы определяются как комплексы структурных и функциональных элементов, подчиненных достижению общего конечного результата. Необходимое и достаточное количество структурных элементов обусловливает наличие образовательной системы, которую можно анализировать. Необходимое и достаточное количество функциональных элементов обусловливает продуктивное функционирование образовательных систем.

[1] Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеологические основы развития коммуникативной культуры и творческой готовности бакалавра, магистра, специалиста: монография. – СПб.: Центр стратегических исследований, 2015. – 316 с.

[2] Там же.

[3] Кузьмина Н.В. Методы системного педагогического исследования. − Л.: ЛГУ, 1980. − 156 с.; Пономарев Я.А. Психология творчества. – М.: Наука, 1976.

[4] Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеологические основы развития коммуникативной культуры и творческой готовности бакалавра, магистра, специалиста: монография. – СПб.: Центр стратегических исследований, 2015. – 316 с.

3. I звено – ответственность образовательной системы за формирование основного общеобразовательного фонда личности учащегося, II звено – ответственность образовательной системы за качество готовности выпускников к выбору профессии и профессиональной подготовки; III звено – ответственность образовательной системы за качество готовности выпускников к самостоятельному решению производственных задач.

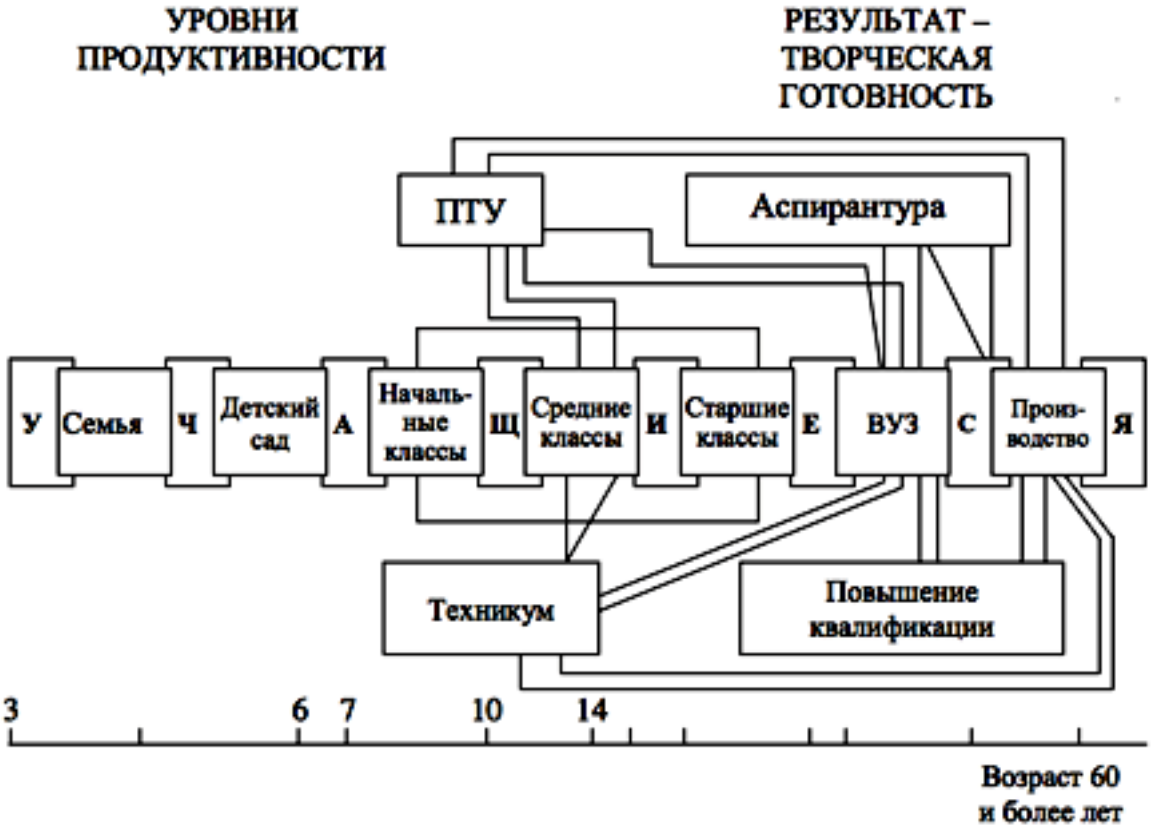

Рисунок 3.
Теоретическая модель образовательного маршрута в системе народного образования (по Я.А. Пономареву)

Инвариантные структурные элементы образовательных систем выделяются на уровне целостной образовательной системы и всех подсистем, вплоть до урока, отдельного занятия, расписания. В их состав входят[1]:

1. Цели образовательной системы (искомый образовательный результат в учащемся).

2. Учебная и научная информация, средствами приобщения к которой достигается искомый результат или духовный продукт в учащихся.

3. Средства образовательной коммуникации – средства, формы, методы, посредством которых организуется акмеэнергоинформационное взаимодействие учащихся с объектами их деятельности и познания в целях формирования искомых качеств в их личности и деятельности, индивидуальности.

4. Преподаватели, носители знаний, компетентности, мастерства во всех вышеназванных элементах, закономерностей самореализации коммуникативных и творческих потенциалов и развития учащихся.

5. Учащиеся – самые подвижные элементы образовательных систем, которые за время пребывания в данной образовательной системе должны «состояться» как будущие самостоятельные субъекты деятельности.

Результаты (текущий и конечный) не являются самостоятельными структурными элементами. Они достигаются в учащихся вследствие функционирования образовательной системы и совместных усилий преподавателей и учащихся[2]. Причем чем раньше и чем большую самостоятельность в познании учащийся проявляет, тем выше результаты в нём самом. Продуктивное функционирование образовательных систем и продуктивная деятельность в них основных участников образовательного процесса: руководителей, преподавателей и учащихся (в т.ч. студентов – будущих бакалавров, магистров, специалистов) зависит от достаточно высокого уровня сформированности следующих функциональных элементов, инвариантных, свойственных как образовательным организациям, так и самим участникам образовательного процесса. Они включают в себя умения[3]:

1. Гностические. Связанные с исследовательскими компетенциями основных участников образовательного процесса как в области специальности, так и профессии.

---

[1] Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеологические основы развития коммуникативной культуры и творческой готовности бакалавра, магистра, специалиста: монография. – СПб.: Центр стратегических исследований, 2015. – 316 с.

[2] Кузьмина Н.В. Акмеологическая теория фундаментального образования (созидания духовных продуктов в свойствах субъектов образования средствами учебных дисциплин): монография. – СПб.: Центр стратегических исследований, 2012. – 382 с.

[3] Кузьмина Н.В., Жаринов Н.М., Жаринова Е.Н. Акмеологические технологии высшего образования: монография. / Под ред. Сивака А.Н. – СПб.: Центр стратегических исследований, 2016. – 410 с.

2. Проектировочные. Связанные с осуществлением перспективного (акмецелевого) проектирования, вплоть до параметров искомого конечного результата в признаках классов задач, которые предстоит решать выпускнику, и предусмотрением способов подготовки его к творческому решению этих задач.

3. Конструктивные. Связаны с компетентностью в области искусства такого комбинаторного построения предстоящей образовательной деятельности, чтобы она была целостной, завершённой, доставляющеё удовлетворение участникам образовательного процесса на предстоящем занятии и одновременно служила целям достижения искомого конечного результата, «прорастая» в учащемся и после того, как он покинет данное учебное заведение.

4. Коммуникативные. Связаны с искусством акмеэнергоинформационного взаимодействия преподавателя с учащимися (руководителя с преподавателями) непосредственно на занятии, до и после них, при организации учебно-познавательной и исследовательской деятельности.

5. Организаторские. Связаны с организацией научной, учебной, методической информации в процессе её предъявления в деятельности учащихся, направленной на овладение ею, своего собственного времени и поведения, связанного с организацией всей жизни субъектов образовательного процесса. Чтобы образовательный процесс был продуктивным, соответствующие компетенции должны быть сформированы на достаточно высоком уровне у всех его участников, с учетом их ролевых функций. Как показали экспериментальные исследования, только в таком случае возможно согласование их установок, позиций, образов результатов.

Системообразующим фактором в функционирующих системах является конечный результат или духовный продукт. В нашей системе факторов содержатся две шкалы, описывающие признаки продуктивных результатов в образовательной деятельности преподавателя. Обе шкалы являются инвариантными, т.е. применяемыми во всем образовательном маршруте. Это оказывается возможным вследствие того, что они отвечают требованиям адаптивности.

II. Адаптивность

Качество системных факторов, обеспечивающих инвариантность. С моделью могут работать участники образовательного процесса всего образовательного маршрута (рис. 3)[1]:

- студенты, которые учатся в профессиональной школе;
- руководители и преподаватели, с ними работающие в высшей школе;
- руководители, учителя и учащиеся общеобразовательной школы;
- руководители, преподаватели, студенты другой профессиональной школы.

Чтобы воспользоваться нашими шкалами, компетентный судья, к которому обращается студент, должен их адаптировать применительно именно к той образовательной системе, которая становится предметом анализа. Чтобы её использовать с помощью метода оценивания для анализа факторов успешности в конкретной профессиональной сфере деятельности, компетентный судья должен вначале оценить шкалу[2]:

1) её отредактировать;

2) исключить пункты, не имеющие к нему отношения;

3) внести признаки, влияющие на результаты, но отсутствующие в данной шкале.

В шкалах признаков профессиональной успешности, позволяющих оценивать конкретных преподавателей (как они учитывают эти факторы) или студентов, прогнозировать их результативность, заложена идея многофункциональности.

III. Многофункциональность

Системные факторы во всем образовательном маршруте довольно компактны. Это достигается многофункциональностью каждого блока, конкретных шкал и методик, в неё входящих.

Многофункциональное назначение шкалы состоит в том, что с её помощью преподаватель и студент подбирает субъектов образования для сравнительных наблюдений (высоко-, средне-, малопродуктивных). Опираясь на шкалу, субъект исследования принимает решение, что именно сделать предметом наблюдения [3].

Это возможно, поскольку наши системные факторы удовлетворяют требованию комбинаторности.

IV. Комбинаторность

Признак комбинаторности системных факторов в наибольшей степени учитывает потребность субъектов образования в творческих коммуникациях.

Наша система факторов адресована субъектам образования высшей школы и стимулирует их исследовательскую деятельность как элемента уровня развития коммуникативной культуры в высшей школе. На основе исследовательской деятельности студент может принимать обоснованные решения, какие идеи из наблюдаемого опыта, почему и как следует извлекать и взять на вооружение в авторской системе деятельности[3].

---

[1] Кузьмина Н.В., Жаринов Н.М., Жаринова Е.Н. Акмеологические технологии высшего образования: монография. / Под ред. Сивака А.Н. – СПб.: Центр стратегических исследований, 2016. – 410 с.

[2] Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеологические основы развития коммуникативной культуры и творческой готовности бакалавра, магистра, специалиста: монография. – СПб.: Центр стратегических исследований, 2015. – 316 с.

[3] Там же.

При формулировании системы факторов мы учитывали, что главный недостаток традиционной системы подготовки специалистов образования состоит в том, что у них плохо формируются прогностические способности, основанные на антиципации, т.е. способности к предвосхищению (отдалённых) результатов от собственных сиюминутных действий. Именно этим обусловлено наше требование прогностичности.

V. Прогностичность

Обеспечивается в нашей системе факторов тремя элементами, адресованными непосредственно студентам и преподавателям, с ними работающими. Это: теоретическая модель развития сознания, созданная на основе методики Е.С. Кузьмина[1]; схема творческого взаимодействия субъекта с объектами деятельности и познания, учитывающая идеи Я.А. Пономарева[2]; теоретическая модель продуктивности функциональных систем П.К. Анохина[3].

«Чтобы побудить человека к делу, к поступку, т.е. породить черту характера и привычку, – писал Е.С. Кузьмин – нужно не только довести до сознания человека, но породить у него радость и печаль. И самое главное – побудить человека к деятельности, к действию. Система решения задач наилучшим образом, выход на практический и деловой уровень личности приводит нас к решению вопросов профотбора»[4].

Качество продукта, его достоинства и недостатки, должны быть осмыслены субъектом творчества. Поэтому творческую модель Е.С. Кузьмина мы дополнили обратной связью (рис. 4). Модель хорошо работает как в отношении преподавателей, так и студентов.

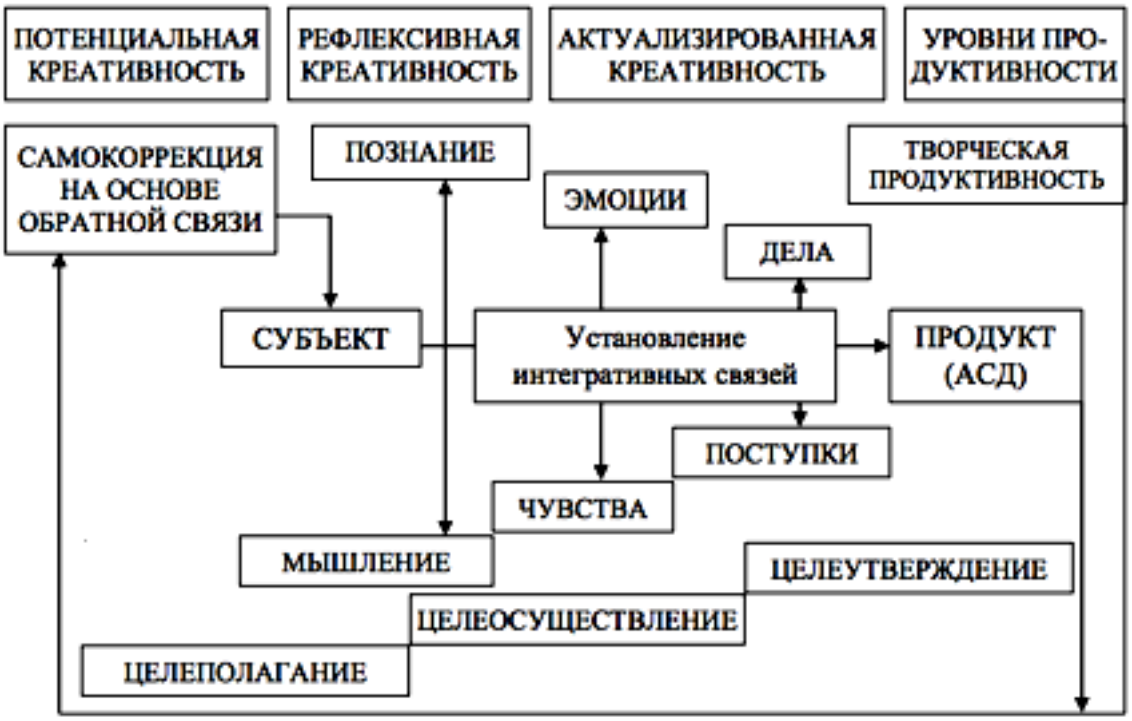

Рисунок 4.
Теоретическая модель развития коммуникативной и творческой культуры (общих, специальных, профессиональных способностей, по Е.С. Кузьмину)

Моделируя культуру развития коммуникативного процесса, необходимо проследить динамику развития не только акта коммуникации от начала зарождения замысла до актуализации идеи, но и проанализировать качественную динамику информационного поля, структуру стратегического процесса и поэтапность его раскрытия. Для этого необходимо организовать процесс поиска тактик для применения, моделирования и создания акметехнологий на основе уровневого роста и достижения результата, каждый является специфичным и качественно разным. Это наглядно можно проследить на модульном варианте коммуникативного процесса. Таким образом, исследуется эволюция замысла от образа идеи до актуализации и решения гипотезы, воплощенной в новом продукте, и затем массовое внедрение и верификация результатов.

Конечным этапом коммуникативного процесса является верификация (от лат. verificare – доказывать истину)[5] результата. Доказательство истины происходит путем сопоставления и внедрения как прямого (практического), так и косвенного (экспериментально-опытного) подтверждения связей научных положений с эмпирическими фактами. По-

[1] Кузьмин Е.С. Социально-психологические особенности личности // Кузьмин Е.С. Социальная психология личности. – Л., 1974. – С. 29–32.

[2] Пономарев Я.А. Психология творчества: перспективы развития // Психологический журнал. 1994. – Т. 15, № 6. – С. 38–50.

[3] Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. – М.: Наука, 1979. – 456 с.

[4] Кузьмин Е.С. Социально-психологические особенности личности // Кузьмин Е.С. Социальная психология личности. – Л., 1974. – С. 29–32.

[5] Психологическая энциклопедия / Под ред. К. Корсики, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2003. – 1095 с.

сле воплощения идеи или замысла коммуникативный процесс выходит на результативно-верификационный уровень, который дифференцируется: на объективный (создание социально нового) и субъективный (создание личностно нового); количественный (материальные ценности) и качественный (духовные ценности) и личностно-преобразующие продуктивные уровни[1].

Таким образом, выстраивая систему и основные уровни коммуникативной иерархии, можно создать трехуровневую основу коммуникативного процесса:

I уровень – целеполагание поисково-операционной деятельности (поисково-содержательная функция);

II уровень – целеосуществление в коммуникативно-сотворческой деятельности (регулятивно-творческая функция);

III уровень – целеутверждение в результативно-верификационной деятельности (внедренческая функция).

Основанием иерархической соподчиненности является целеполагание поисково-операционной деятельности. Связующим подструктурным механизмом выступает целеосуществление в коммуникативно-сотворческой деятельности: в нем предполагается активная помощь преподавателя студентам. Вершиной самореализации коммуникативных и природных потенциалов студента является целеутверждение в регулятивно-верификационной деятельности. Этот этап необходим студенту для понимания, что он состоялся.

Модель соответствует уровням развития коммуникативной культуры и готовности к предстоящей профессиональной деятельности, включает ряд подсистем, обладающих различными функциональными качествами. Можно выделить три основные, неразрывно взаимосвязанные подсистемы: когнитивную, в которой реализуется функция познания; регулятивную, обеспечивающую регуляцию деятельности и поведения; коммуникативно-диагностическую, формирующуюся и реализованную в процессе общения человека с другими людьми.

Теоретическая модель Е.С. Кузьмина также является инвариантной и используется участниками образовательного процесса во всем образовательном маршруте для отбора заданий и задач студентам разной степени сложности, адресуясь к их интеллектуальной, эмоциональной и волевой активности, воплощаемой в поступках и продуктах деятельности. Вся система факторов содержит подсказки преподавателям и студентам, какие поступки и продукты деятельности могут сформировать коммуникативную культуру и творческую профессиональную готовность у студентов.

[1] Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеологические основы развития коммуникативной культуры и творческой готовности бакалавра, магистра, специалиста: монография. – СПб.: Центр стратегических исследований, 2015. – 316 с.

Искаков И.Ж.,
Ланина Е.Е.[1]

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО СПЕЦИАЛИСТА ДЛЯ ЕАЭС

Ключевые слова*: регионы России, ЕАЭС, евразийское пространство, образование, обучение, воспитание, высокопрофессиональные специалисты, инновационная модель.*

Keywords*: Russian regions, EEU, Eurasian space, education, training, upbringing, highly professional specialists, innovative model.*

XXI век поставил перед педагогической, психологической и другими науками вопрос о формировании высокопрофессионального специалиста для государств евразийского континента. Региональный интеграционный процесс на постсоветском пространстве развивается в условиях складывания нового технологического уклада, его дальнейшая эволюция требует инновационных работников, подготовка которых должна строиться не только в соответствии с потребностями экономики знаний, но и на историческом опыте евро-азиатских народов, их традиционных духовно-нравственных ценностях. Тем самым процессу евразийской интеграции можно придать гуманитарное измерение. В статье мы кратко характеризуем принципы, на которых строится образовательная деятельность Университета при МПА ЕврАзЭС, осуществляющего подготовку высококвалифицированных кадров для Евразийского экономического союза. Воспитание такого специалиста, формирование свойств духовно развитой личности, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешного развития новейших государственных образований Евразии.

Начнём с краткого обзора развития процесса евразийской интеграции, о необходимости осуществления которого после распада СССР впервые заявил Н.А. Назарбаев, выступая в 1994 г. с лекцией в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова.

Уже многие годы на евразийском пространстве протекают интеграционные процессы разнообразного характера (преимущественно экономического). В них участвуют самые разные евразийские государства. С течением времени экономическое взаимодействие настоятельно потребовало включения гуманитарной составляющей. В ней важное место занимает формирование единого евразийского научно-образовательного пространства, имеющего стратегическое значение для дальнейшей эволюции региональной экономической интеграции. Складывание подобного пространства сталкивается с разнообразными сложностями, преодоление которых составляет одно из направлений деятельности по приданию евразийской интеграции гуманитарного измерения. И здесь важнейшее значение приобретает сам человек, недаром в различных изданиях регулярно подчёркивается необходимость создания инновационной гуманитарной парадигмы обучения и воспитания высокопрофессионального специалиста для нового социально-экономического и культурно-политического ландшафта современной Евразии.

Для эффективного функционирования регионального интеграционного процесса необходимы высококвалифицированные специалисты, обладающие теоретическими знаниями об экономике, культуре, науке, технике евразийских новейших государств, имеющие навыки практической работы в различных этнокультурных средах, умеющие работать в многонациональной рабочей команде, т.е. такие, которых сейчас вполне правомерно можно назвать инновационными кадрами.

Долгие годы в Санкт-Петербурге осуществляет образовательную деятельность вуз, который ныне носит название Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС. Уже в первые годы своего существования высшее учебное заведение стало принимать на обучение молодёжь из различных евразийских государств, в первую очередь Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Вуз поставил перед собой задачу профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов в области экономики, права, техники, психологии, бизнес-коммуникаций, туризма, культуры и искусства. В ходе развития университета выделились некоторые аспекты модернизации содержания образовательных программ, что определялось потребностями дальнейшей эволюции евразийской интеграции. Со временем основное внимание было обращено на включение в содержание образовательной деятельности основных принципов культурно-исторического и духовно-нравственного воспитания будущих граждан новых евразийских государств, основываясь на историческом опыте совместной деятельности в сфере образования и науки.

[1] Искаков Ирлан Жангазыевич – к.ю.н., доцент, ректор Университета при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург. E-mail: iiel2002@mail.ru

Ланина Елена Евгеньевна – к.филос.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, проректор по учебно-методической работе Университета при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург. E-mail: iiel2002@mail.ru

Для определения основных направлений такой работы создали сеть научно-образовательного взаимодействия между Университетом, аналогичными вузами и исследовательскими организациями новых независимых государств Евразии.

Совместная работа требует взаимопонимания и взаимоуважения. Чтобы их достичь, в учебно-воспитательном процессе усилено внимание к изучению русского и иностранных языков. Отметим, что Университет занимает особую позицию по отношению к изучению русского языка как российскими, так и иностранными студентами. Напомним, что русский язык является средством межгосударственного общения между новыми государственными образованиями Евразии, прежде всего, государствами-членами СНГ и Евразийского экономического союза. К преподаванию русского языка Университет относится с особым вниманием. В качестве университетского подразделения создан Центр международного сотрудничества и обучения, организующий индивидуальную работу с каждым иностранным студентом после того, как в результате тестирования определён его уровень знания русского языка. Активную роль в организации изучения русского языка играет также Центр социальных технологий Университета. Однако студенты изучают не только русский, но и другие европейские языки (английский, французский, итальянский). На занятиях иностранным языком, например, одной из изучаемых тем является тема «Мой народ и его культура». Безусловно, поскольку русский язык выступает языком межнационального общения, средством межкультурной коммуникации, овладение им постоянно совершенствуется и актуализируется. В перспективе представляется возможным включить в образовательный процесс изучение языков народов евразийского континента, прежде всего ведущих государств-членов ЕАЭС.

В результате экспериментальной образовательной деятельности Университета сформировалась необходимость создать инновационную модель подготовки высокопрофессиональных специалистов для работы в евразийском пространстве. Её основой стали следующие принципы: целостность, непрерывность, вариативность, творчество, психологическая комфортность, информационная защищённость, уважение к другим культурам и др. Кратко охарактеризуем каждый из этих принципов. Целостность предполагает формирование у студентов не отдельных ценностных норм, а системы ценностей, включающей традиционные духовно-нравственные ценности различных народов евразийского континента. Этот принцип учитывается и в учебном процессе, и в воспитательной работе с обучающимися. Примерами могут служить волонтёрская деятельность студентов в ходе проведения ежегодного Евразийского научного форума, осуществление Международного конкурса научно-исследовательских и проектно-творческих работ студентов различных евразийских вузов, инициированного Университетом, другие научные мероприятия, проводимые совместно с вузами-партнёрами из евразийских государств.

Непрерывность означает преемственность между всеми ступенями и этапами образования. Этот принцип положен в основу профориентационной работы, проводимой вузом. Университет регулярно проводит олимпиады для школьников России, Казахстана, Киргизии и других стран. Победители этих олимпиад получают возможность продолжить обучение не только в Университете при МПА ЕврАзЭС, но и в других вузах Санкт-Петербурга. Такие выпускники средних школ получают определённые преференции при поступлении. Организация работы приёмной комиссии вуза включает и контакты со средними специальными и высшими учебными заведениями различных государств, поскольку в Университете функционирует магистратура и аспирантура.

Вследствие того, что в Университете обучаются молодые граждане новых государств Евразии, особо необходимо создать для них комфортную образовательную среду, в чём и состоит принцип психологической комфортности. Он предполагает снятие всех стрессообразующих факторов учебно-воспитательного процесса на основе реализации идей педагогики сотрудничества, создание в коллективе атмосферы товарищества, доброжелательного уважительного отношения к личности и индивидуальности каждого обучающегося, представляющего ту или иную евразийскую страну, культуру, конфессию; признание за ним права на собственную точку зрения, позицию, а также развитие диалоговых форм общения. Парное обучение во всех его разнообразных формах применяется, в частности, при изучении иностранных языков.

Активно внедряется научно-педагогическими работниками вуза принцип вариативности. Его использование способствует развитию творческой составляющей личности будущего специалиста, способного к самостоятельному выбору и принятию адекватных решений в ситуациях выбора, умеющего пластично вписываться в постоянно меняющуюся экономическую и социокультурную реальность. Предусматривается при этом и способность понять и принять альтернативную точку зрения, если она аргументирована иноэтническими и общепринятыми культурными нормами морали и нравственности.

С вариативностью теснейшим образом связан принцип творчества. Развивающаяся глобализация имеет одним из своих последствий антропологический кризис, включающий в себя, в том числе, потерю творческой составляющей личности специалиста. Сегодня не вызывает сомнений необходимость максимально ориентироваться на творческое начало в учебно-воспитательном процессе с целью противостояния такому следствию глобализации, как утрата творческой интуиции. Практически в процессе изучения каждой дисциплины учебного плана студент должен обязательно выполнять в той или иной форме творческие задания, и это касается не только Института дизайна и прикладного искусства, но и других институтов и факультетов Университета. Творчество помогает освоить культурно-исторический опыт разных евро-азиатских народов, принять традиционные ценности в качестве базиса того духовного пласта, который составляет основу человеческой Личности, квалифицированного специалиста.

Особой формой развития творческой составляющей личности молодого специалиста является научное творчество, в котором в последние годы принимает участие всё бóльшее число молодых исследователей. Свидетельством этому проведение внутриуниверситетских конкурсов научных работ обучающихся, постоянно возрастающее число молодых участников Евразийского научного форума и их публикаций, развитие такой формы учебного труда, как научно-учебные семинары.

Молодым людям, ещё не имеющим большого житейского опыта, необходимо также обеспечить информационную защищённость. Под нею подразумевается признание и обеспечение права человека на защиту его от тех видов информации, которые представляют опасность для его физического, нравственного и духовного здоровья.

В последние годы новые евразийские государства стали обращать всё более пристальное внимание на сохранение и включение традиционных ценностей в жизнь современного социума. Вследствие этого Университет стремится внедрить принципы культурно-исторического и духовно-нравственного воспитания граждан в свою образовательную деятельность, воспитательную работу с обучающимися. На их основе научно-педагогические работники Университета активно работают над формированием системно-организованного подхода к образовательной деятельности вуза. Университет при МПА ЕврАзЭС разработал систему скоординированных, целенаправленных действий, имеющих адресный характер и учитывающих возрастной аспект. С помощью этой системы Университет решает такие важные стратегические задачи, как:

1. Формирование бережного отношения к культурному наследию евро-азиатских народов, природе континента, его истории и традициям.

2. Сохранение и преумножение духовно-нравственных, культурных и научных ценностей современного общества, евро-азиатских народов.

3. Формирование нравственного, творческого, высокопрофессионального специалиста, способного активно и плодотворно трудиться в разных регионах России и Евразии, в частности, по развитию приграничного и трансграничного сотрудничества.

4. Приобретение будущими специалистами умений и навыков профессиональной деятельности в многонациональной среде на основе уважения и понимания необходимости доброжелательного взаимодействия.

5. Активное противодействие пропаганде образцов массовой культуры, основанной на культе насилия. Организация работы по противодействию распространения в студенческой среде таких явлений, как курение, алкоголизм, наркомания и др.

6. Достижение нового уровня взаимодействия образовательных учреждений, семьи, общества (в том числе – молодёжных организаций).

7. Формирование системы базовых межнациональных ценностей, на основе которых возможна духовно-нравственная консолидация народов евразийского континента.

Университет при МПА ЕврАзЭС накопил хороший опыт в процессе формирования рассматриваемой модели подготовки высокопрофессионального специалиста для евразийского пространства. Вуз распространяет названные принципы и на систему научного взаимодействия, включающую более 50 учебных заведений высшей школы в разных регионах Евразии. Главной площадкой научно-образовательного сотрудничества является ежегодно проводимый Евразийский научный форум. Его география постоянно расширяется. В этом крупном международном научном мероприятии регулярно принимают участие представители Азербайджана, Белоруссии, Германии, Италии, Казахстана, Киргизии, Китая, Литвы, Молдавии, Сербии, России, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии. Издаваемые по результатам проведения форума сборники научных работ способствуют сохранению исторической памяти евразийских народов, дают возможность ознакомиться с результатами научных исследований (фундаментальных и прикладных) представителей научных сообществ различных государств континента. Основными научными направлениями в работе форума определены исторические, философские, политические, социологические, экономические, юридические, педагогические, психологические науки, а также межкультурные коммуникации, культурология и искусствоведение.

Современный мир ощущает настоятельную потребность возврата к традиционным формам социального бытия, культурным и историческим формам деятельности и поведения, национальным эстетическим и этическим идеалам. В 2019 году отдельным мероприятием форума стал научно-практический симпозиум молодых учёных Евразии, посвящённый традиционным ценностям (в том числе и проблематике патриотического воспитания). Только по проблемам социального и гуманитарного сотрудничества на евразийском континенте опубликованы три тома научных работ, в том числе и молодых учёных Евразии. Всего же по материалам форума 2019 года вышли 10 сборников, отражающих научный поиск исследователей и практических работников разных евразийских государств.

Евразийский научный форум способствует созданию научно-теоретического и научно-методического обеспечения высокопрофессиональной подготовки и воспитания обучающихся. Это обеспечивается выработкой соответствующей тематики научных исследований, включением теоретических выводов в практическую деятельность преподавателей различных учебных заведений, доведение результатов исследований до научной общественности стран-участников форума, активизацией исследовательской деятельности молодых учёных.

Университет планирует использование всего многообразия педагогических форм и средств с учётом этнокультурных и иных особенностей представителей различных евразийских государств, приезжающих на обучение в Университет при МПА ЕврАзЭС. Профессорско-преподавательский коллектив вуза исходит из убеждения в том, что духовно-нравственное воспитание обязательно должно носить комплексный характер, охватывая своим воздействием все поколения и обеспечивая таким образом преемственность культурно-исторических традиций и пронизывая все стороны жизни человека: социально-экономическую, политическую, правовую, педагогическую, культурную и др.

Создаваемая в вузе инновационная модель подготовки квалифицированного специалиста для евразийского пространства не остаётся неизменной. Она развивается в соответствии с изменениями, происходящими в экономической, политической, социальной, культурной жизни евразийских государств. Этому помогает продолжающее формироваться содружество различных учебных заведений евразийских государств, с которыми вуз заключает договоры о научно-образовательном сотрудничестве. Образовательная и исследовательская деятельность Университета при МПА

ЕврАзЭС призвана способствовать обучению и воспитанию высококвалифицированных кадров для евразийского пространства, в том числе формированию их духовного, нравственного и интеллектуального потенциала как носителей евразийской культуры и деятельных акторов регионального интеграционного процесса.

Кирсанова Н.П.[1]

К ВОПРОСУ АКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ТВОРЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ

Ключевые слова*: регионы, ЕАЭС, евразийское пространство, образование, креативная экономика, высокопрофессиональные специалисты, этнопедагогика.*

Keywords*: regions, the EEU, the Eurasian space, education, creative economy, highly professional specialists, ethnopedagogics.*

Во многих исследованиях последних лет повторяется тезис о том, что экономика XXI в. развивается в условиях четвёртой промышленной революции. Для обозначения современной экономики изобретают различные определения, одним из которых является экономика знаний. Это определение стали применять в отношении особого сектора экономики, основанного на интеллектуальной деятельности. В последние годы термин «экономика знаний» стали заменять термином «креативная экономика». Наиболее распространено мнение о том, что понятие «креативная экономика» ввёл в августе 2000 года журнал «Business Week». Креативная экономика характеризуется с точки зрения креативного подхода, подразумевающего проектное мышление, креативное воображение, практическую направленность[2].

Исследователи утверждают, что креативная экономика призвана создать привлекательный инвестиционный климат, способствовать росту социального согласия и развитию социальной сферы, модернизировать сферу образования и т.д. Они пишут о том, что в рамках креативной экономики формируются новые экономические модели, новые типы социальных отношений, новые культурные парадигмы. Как видим, творческая составляющая занимает в этой сфере едва ли не самое главное место. В связи с этим отметим, что большинство современных исследователей определяют творчество как «неожиданное, незапланированное, новое движение, мысль, восприятие, язык и чувство, которое создает человек»[3] и делают вывод, что «посредством креативности открываются совершенно новые, кажущиеся на первый взгляд абсурдными, и в то же время рациональные связи. Креативность проявляется в активизации творческого потенциала человека, его способности творчески подходить к генерированию идей и решению проблемных ситуаций»[4].

В экономических словарях к креативной экономике относят следующие отрасли хозяйственной и социокультурной деятельности современного человека: реклама, дизайн, интерактивные развлекательные программы, ремёсла, создание моделей одежды, пресса, программное обеспечение и вычислительные системы и др. Мы приводим этот перечень, выделив те, которые в настоящее время чаще других составляют предмет исследования. Эти же сферы производственной деятельности носят и другое наименование – творческие (креативные) индустрии.

Креативная экономика – это экономика идей, экономика, где главным, самым ценным и самым дорогим продуктом выступают идеи. По мнению экспертов, отсутствие новых качественных идей есть основная причина наступившего мирового кризиса. По этой причине современная экономика крайне нуждается в креативных работниках, умеющих создавать новые знания на базе уже имеющихся.

Экономические справочники в число основных характеристик креативной экономики, как правило, включают:

- высокую роль новых технологий и открытий в разных областях жизнедеятельности человека;
- высокую степень неопределённости;
- большой объём уже имеющихся знаний и острую необходимость генерации нового знания.

Мы кратко перечислили эти характеристики для того, чтобы более понятной стала их связь с соответствующей сферой профессионального обучения и воспитания в высшей школе. Профессиональная подготовка специалистов данной сферы должна носить тот же творческий характер. Принцип творчества следует включить и в учебно-воспитательный процесс обучения рекламистов, специалистов по связям с общественностью, дизайнеров и др.

Термином «креативные индустрии» определяют деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которое несёт в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путём производства и эксплуатации интеллектуальной собственности. Наиболее общепринятым определением творческих индустрий является определение, сформулированное Департаментом культуры, медиа и спорта Правительства Великобритании в 1998 году: «Креативные индустрии – это деятельность, в основе которой лежит индивидуальное

[1] Кирсанова Наталия Павловна – к.соц.н., декан факультета бизнес-коммуникаций, Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург. E-mail: kirsanovan@mail.ru

[2] Мельников О.Н., Ларионов В.Г., Ганькин Н.А. Зоны ответственности концептуального развития «креативной экономики» и «творческих индустрий» // Креативная экономика. 2015. – Т. 9, № 3. – С. 265–278.

[3] Рубинштейн М.Ф., Фирстенберг А.Р. Интеллектуальная организация. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 192 с. – (Менеджмент для лидера).

[4] Степанов А.А., Савина М.В. Креативная экономика: сущность и проблемы развития // Управление экономическими системами. 2013. – № 12.

творческое начало, навык или талант и которое несёт в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путём производства и эксплуатации интеллектуальной собственности»[1].

Термин «креативная или творческая индустрия» начал использоваться в 1990-е годы. Его стали применять для обозначения такой предпринимательской деятельности, в которой экономическая ценность неразрывно связана с культурным содержанием. Творческие индустрии обогащают исконный потенциал культуры «добавленной ценностью», создаваемой благодаря предпринимательским умениям и основанному на новом знании таланту обращения с электронными и иными современными средствами коммуникации. Эти индустрии способны приумножать экономический эффект традиционного хозяйствования, но основное внимание уделяют современной культуре. Считается, что без эксперимента, без вовлечённости в актуальную действительность никакая культура не сможет обновлять и реактивировать себя. В этом смысле творческие индустрии являются источником инноваций и конкурентоспособности, столь необходимых в условиях стремительной глобализации быстро меняющегося мира. Итоговым мнением экспертов следует считать следующее: креативная экономика – это творческие индустрии, являющие собой ключевой сектор инновационной экономики и – одновременно – тип социокультурных практик, имеющих существенное значение для обеспечения устойчивого роста евразийских государств.

Опираясь на это положение, мы выдвигаем утверждение, что профессиональная подготовка специалистов для творческих индустрий составляет важнейшее направление в современном образовании, она неизбежно должна содержать компонент творчества, эксперимента, актуальности, оригинальности, т.п. Так формируется особая система подготовки специалистов в сфере рекламистики, различных видов туризма, дизайна, социокультурной деятельности, актуализации традиционных видов хозяйствования, развития креативной экономики, сохранения историко-культурного наследия и т.п.

В практической образовательной деятельности такое утверждение коррелирует с некогда имевшей широкое распространение теорией развивающего обучения В.В. Давыдова и Э.Д. Эльконина. Их теория стала в середине 1990-х годов государственной системой обучения в начальной школе. Термином «развивающее обучение» называли тогда инновационный тип освоения обучающимися знаний, пришедший на смену прежней объяснительно-иллюстрированной системе. Развивающее обучение строилось на активной деятельности самого ребёнка. Учитель не передавал готовые знания, а «учил учиться»: формировал познавательную самостоятельность, развивал способности индивидуума, способствовал выработке идей и нравственных убеждений, активной жизненной позиции. Развивающее обучение популярно и сегодня. Одним из его методов является парное обучение, всё более широко применяемое современными научно-педагогическими работниками.

Одним из важнейших компонентов подобной образовательной системы является, прежде всего, опора на исторический опыт, включая этнопедагогические методы обучения. Этнопедагогика сегодня рассматривается как область педагогической науки, имеющая междисциплинарный характер и строящаяся на взаимодействии различных гуманитарных наук: педагогики, этнологии, теории коммуникации, конфликтологии и др.[2]. Этнопедагогическая деятельность по характеру, используемым средствам оказывается во многом близка деятельности художественно-творческой, образно-созидательной. Недаром Г.Д. Гачев считал, что этнопедагогическое воздействие лишь в том случае будет эффективным, если не ограничиваться воздействием на уровне разума, логики, но активно использовать образную сторону мировосприятия[3]. Применение этнопедагогики обладает неоценимым значением в формировании высокообразованной, интеллигентной личности. К тому же этнопедагогика является базисной характеристикой системы непрерывного образования, подлинного образования через всю жизнь.

Сегодня «чистый» профессионализм перестал быть главной целью образования. В современных условиях в полиэтническом мире, особенно в многонациональной России, педагогика может эффективно функционировать преимущественно только в качестве этнопедагогики, по сути своей являющейся, с одной стороны, педагогикой национального возрождения, с другой, – педагогикой гармонизации межнациональных отношений. Этнопедагогика даёт возможность воспользоваться многими своими исследованиями для формирования инновационных гуманитарных технологий. Наука и практика педагогики свидетельствуют: традиционные технологии могут служить инновационным методом повышения качества профессионального (гуманитарного, художественного, технического) образования. Особость педагогического воздействия при этом тесно связана с личностно-ориентированным обучением. Именно в процессе традиционного обучения широко применялись методы вариативности, поиска оригинальных инновационных решений, творческого подхода к решению разнообразных хозяйственных, образовательных, психологических и культурных задач, соединения науки и практики. Применение этнопедагогических методов обучения должно начинаться в семье, продолжаться в общеобразовательной школе и составлять важную часть методологии обучения в высшей школе, чем обеспечивается преемственность всей образовательной системы того или иного государства.

Для нас важно включить в практикуемую на факультете бизнес-коммуникаций систему профессиональной подготовки опыт не только российской многонациональной педагогики, но и воспользоваться достижениями обучения и воспитания думающего, инициативного, нравственного, добросовестного работника в других евразийских государствах. Так, например, при проектировании того или иного рекламного продукта следует учитывать не только особенности культуры (в широком смысле слова) разных страт российского общества, но и национальный менталитет различ-

---

[1] Зеленцова Елена. Творческие индустрии — один из ключевых инструментов городского развития. – http://vseon.com/analitika/mnenie-eksperta/523-i

[2] См. работы Волкова Г.Н.: Этнопедагогика. Учебник. — М.: Academia, 2000; Педагогика любви. Избранные этнопедагогические сочинения, в 2-х т. – М.: Магистр-Пресс, 2002.

[3] Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Соседи России. Польша, Литва, Эстония. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 29.

ных евро-азиатских народов. Следует точно представлять себе цветовые предпочтения, орнаментальные и композиционные решения, содержание текстовых рекламных обращений, их стиль, а также символику и семантику слова, цвета, изображения применительно к культурам разных этносов евразийского континента.

Воспитание и развитие способности к творческой деятельности в любой сфере человеческой работы (инженер, учёный, преподаватель, даже рабочий) становится важнейшей задачей эволюции образования. Раннее начало формирования профессионализма обусловлено задачами и целями, которые определены общемировым развитием производительных сил, расширением межгосударственных связей, ускорением социокультурных процессов, углублением и укреплением взаимосвязей в научных сферах познания, а также интернационализацией образования. Приоритетное значение имеет не высшее образование как таковое, а его результаты. В связи с этим актуализируется проблема включения этнопедагогики в процесс профессиональной подготовки специалиста.

Атмосфера обучения должна носить максимально комфортный для всех участников обучения характер, естественным образом включая доброжелательность, понимание, внимание к личности обучаемого, уважение к старшим, желание принять от них прошлые и текущие знания. Её следует насытить, напитать стремлением к поиску, желанием искать, находить, пробовать, творить, идти всё дальше и дальше по пути познания[1]. В такой среде старшее поколение должно обладать универсальными знаниями в своей отрасли и точно знать, как и что именно передавать своим ученикам. Преподаватели, ведущие обучение в сфере творческих индустрий, должны соединять в своей деятельности науку и практику, историю и современность, широкий общекультурный кругозор и углублённое владение предметом преподавания.

В содержание учебных программ профессионального цикла необходимо включать творческие задачи, выполнение которых будет способствовать развитию творческого мышления при решении разнообразных проблем в профессиональной деятельности будущего специалиста. Такие задачи выдвигаются (или обсуждаются) работодателями и научно-педагогическими работниками вуза. Часто они становятся основной темой научного поиска, который обучающийся осуществляет в продолжение всего периода обучения. Ознакомление с практической деятельностью той или иной организации обязательно дополняется затем научным обоснованием, формируемым в ходе учебно-научного сотворчества с научным руководителем. Итогом исследовательской работы студента становятся рефераты, курсовые и квалификационные работы. В последние годы обучающиеся активно участвуют в разного рода научных мероприятиях и публикуют научные статьи в сборниках материалов различных конференций.

В обязательном порядке преподаватели обеспечивают постоянное обновление содержания образовательных программ. С целью развития практических навыков профессиональной работы применяются такие формы обучения, как научно-учебные семинары. В них участвуют научно-педагогические работники (возможно и с других факультетов или институтов), сами обучающиеся и приглашаются практические работники (эксперты, специалисты). Совместное обсуждение актуальных проблем той или иной сферы деятельности человека стимулирует активную рабочую позицию будущего специалиста, его стремление расширить сферу профессиональных знаний и укрепить получаемые навыки практической профессиональной деятельности.

Умение учиться обучающиеся приобретают и в ходе проведения творческих педагогических мастерских, которые организовывают и проводят преподаватели вуза, ведущие профессиональную подготовку специалистов, например, в сфере связей с общественностью.

Мы назвали лишь некоторые инновационные методы, применяемые в процессе подготовки специалистов для творческих индустрий, которые помогают актуализировать профессиональное обучение в сфере креативной экономики. На этом педагогический поиск не прекращается и будет продолжен в будущем.

[1] Спирина М.Ю. Система профессиональной подготовки художника традиционного прикладного искусства // Традиционное прикладное искусство и образование: Материалы X научно-практической конференции. СПб., декабрь 2004. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

Кликунов Н.Д.
к.э.н., доцент, Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса
Окороков В.М.
к.э.н., доцент, Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса

К ВОПРОСУ ОБ АРХИТЕКТУРЕ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *пространственный и функциональный принцип управления, педагогические институты, ведомственная подчиненность.*
Keywords*: spatial and functional management principle, pedagogical institutes, departmental subordination.*

Введение

Высшее образование России в настоящее время включает государственный, муниципальный и частный сектор. Эти сектора решают единую задачу – подготовка профессионалов для народного хозяйства. Разнообразие процессов в различных секторах народного хозяйства и на соответствующих рынках труда порождает разнообразие спроса на услуги организаций и учреждений высшего образования.

Изменения структуры народного хозяйства ведут к изменению архитектуры системы высшего образования, но эти изменения могут происходить со значительным временным лагом. Это порождает диспропорции как в самой системе высшего образования, так и на соответствующих рынках труда и всего народного хозяйства в целом.

Анализ изоморфности системы высшего образования и народного хозяйства в целом является целью написания данной статьи

Теория структур и процессов

Любые реальные структуры имеют пространственную и функциональную составляющую. Соответственно система управления структурой или процесс управления может быть построен на пространственном или функциональном принципе.

В качестве иллюстрации возьмем пример из государственного управления РФ. Доминирование пространственного принципа, например, для Российской Федерации, означает, что ключевыми факторами являются руководители субъектов Федерации, а представители федеральных министерств и ведомств в регионах должны подчиняться решениям руководителя субъекта Федерации.

Если доминирует функциональный принцип, то решение, принимаемое на уровне федерального министерства или ведомства, является определяющим и субъект Федерации обязан ему следовать.

Данная проблема конфликта интересов в теории организационного дизайна решается через механизм предоставления общественных, насущных и клубных благ [6].

Если выгоды от предоставления общественного блага распространяются на широкий круг выгодополучателей, например, на население всей Российской Федерации, то должен доминировать функциональный или ведомственный подход.

Если круг выгодополучателей относительно узок и ограничен, к примеру, рамками отдельно взятого субъекта Российской Федерации, то пространственный принцип должен доминировать над функциональным.

Очевидно, что конфликт «интересы субъект Федерации vs. интересы министерства (ведомства, агентства)» имманентен и может быть проиллюстрирован на большом количестве примеров.

В рамках заявленной темы рассмотрим данную проблему в контексте соответствия региональной системы высшего образования системе народного хозяйства как отдельного региона, так и страны в целом.

Высшее педагогическое образование. Краткая история вопроса

На начало1974 год в СССР было 199 педагогических института (в РСФСР – 94), эти педагогические институты находились в ведении соответствующих министерств просвещения или народного образования союзных республик [1]. В них обучалось около 786 тыс. студентов, в том числе 398 тыс. – на дневных отделениях, доля очного отделения составляла 50,7%. Следует отметить, что изначально в системе педагогического образования была высокая доля заочного обучения, что обусловлено спецификой отрасли, так как многие учителя шли работать в школы сразу после окончания педагогических училищ, а уже потом получали высшее образование «без отрыва от производства».

Сроки очного и заочного обучения также были достаточно жестко регламентированы и составляли в среднем пять лет.

Поствузовское образование было достаточно жестко регламентировано. Аспирантуры были только в крупнейших педагогических вузах. Так, в 1973 году только в 71 педагогическом вузе были аспирантуры (35,7% от общего числа вузов), в которых обучалось около 4 тыс. аспирантов. В аспирантуру при педагогических вузах поступало не более 1% от общего числа выпускников-педагогов.

Таким образом, если брать за «эталон» начало 70-х годов, то мы наблюдаем следующие соотношения в Советском Союзе:

Население – 250 млн. чел.

Школьники – 48,8 млн. чел [2]

Школы – 167 тыс., количество детей в расчете на одну школу – 293

Учителя и воспитатели – 2,7 млн. чел [3], 18,1 ученик в расчете на одного учителя

Выпускники педагогических вузов – 150 тыс. человек в год.

Если к числу выпускников педагогических вузов добавить выпускников педагогических училищ, которые шли в школу, но не получали высшего образования (50 тыс. чел.), выпускников университетов, которые попадали в школу (8 тыс. чел.), процент выпускников, работающих по специальности 0,6, то оценочное значение притока новых учителей в советские школы составляет 50+8+0,6*150=148 тыс. человек. Из этих оценок следует ожидаемое среднее количество лет преподавания в школе в 70-х годах составляло 18,2 года.

Распределение педагогических институтов в 1970-х годах по территории СССР было относительно равномерным [1].

Таблица 1

Размещение педагогических институтов в Республиках СССР в 1974 году

		Количество пединститутов	Население республик (тыс. чел.)*	Кол-во населения (млн. чел.) на один пединститут
1	РСФСР	94	133 815	1,42
2	Украинская ССР	30	48 441	1,61
3	Казахская ССР	19	13 847	0,73
4	Узбекская ССР	16	13 595	0,85
5	Белорусская ССР	7	9281	1,33
6	Грузинская ССР	8	4851	0,61
7	Азербайджанская ССР	6	5573	0,93
8	Армянская ССР	4	2459	0,61
9	Молдавская ССР	3	3758	1,25
10	Таджикская ССР	3	3351	1,12
11	Киргизская ССР	3	3232	1,08
12	Латвийская ССР	2	2443	1,22
13	Литовская ССР	2	3263	1,63
14	Туркменская ССР	1	2459	2,46
15	Эстонская ССР	1	1411	1,41

* Данные о населении в Республиках Советского Союза в 1974 году получены как среднее арифметическое между 1970 и 1979 годами [4].

В среднем в 70-х годах прошлого века один педагогический институт приходился на 1,27 млн. человек, проживающих в СССР. Стандартное отклонение (в млн. чел.) составляет 0,46 и почти укладывает в «три сигмы». Можно констатировать, относительный сдвиг количества педагогических вузов в сторону западной части СССР.

«Наделенность» педагогическими вузами РСФСР в этот период была выше средней по стране.

В РСФСР открытие педагогических институтов шло достаточно равномерным образом, всего к 1974 году было открыто 94 педагогических института [5].

До 1920 года – 8 институтов

1921–1930 – 14 институтов

1931–1940 – 25 институтов

1941–1950 – 8 институтов

1951–1960 – 36 институтов

1961–1970 – 3 института.

Значительная часть педагогических институтов была открыта в период 30-х годов, потом война затормозила положительные тенденции в создании организаций по подготовке учителей, и в период 50-х годов архитектурный каркас высшего педагогического образования был полностью завершен.

Важен вопрос пространственного размещения педагогических институтов на территории Российской Федерации.

Принадлежность к современным федеральным округам педагогических вузов представлена в табл. 2.

Таблица 2

Распределение педагогических институтов в разрезе современного деления на федеральные округа и плотности населения

Наименование округа	Население, всего, млн. чел.	Сельское население, млн. чел	Кол-во педвузов в расчете на округ	Население на округа на один педвуз (млн. чел.)	Сельское население на один педвуз (млн. чел.)
Южный федеральный округ	16,5	6,1	6	2,75	1,02
Северо-Кавказский федеральный округ	9,8	4,9	5	1,96	0,98
Северо-Западный федеральный округ	13,9	2,1	8	1,74	0,26
Центральный федеральный округ	39,4	6,9	24	1,64	0,29
Российская Федерация	*146,8*	*37,3*	*94*	*1,56*	*0,40*
Уральский федеральный округ	12,3	2,3	8	1,54	0,29
Приволжский федеральный округ	29	8,2	21	1,38	0,39
Сибирский федеральный округ	17,1	4,4	13	1,32	0,34
Дальневосточный федеральный округ	8,1	2,2	9	0,90	0,24

Таким образом, если использовать современную систему деления на федеральные округа, то самыми «обделенными» по обеспеченности организациями, занимающимися подготовкой учителей, являются Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Центральный федеральный округ.

В восточных федеральных округах нашей страны (Уральский федеральный округ, Приволжский федеральный округ, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ) количество педагогических институтов, созданных к концу 70-х годов прошлого века в расчете на миллион жителей, выше среднего по стране.

Анализ времени создания и пространственного распределения педагогических вузов позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее активный период создания педагогических вузов в РСФСР пришелся на 1930–1941 годы (50 вузов из 94); а затем – после окончания Великой Отечественной войны: 1952–1967 годы (44 вуза).

2. Педагогические институты создавались более-менее равномерно на территории Российской Федерации. Обращает на себя внимание тот факт, что на территории сегодняшних федеральных округов Южном и Северо-Кавказском количество вузов, расчете на 100,0 тысяч населения меньше, чем в Дальневосточном и Северо-Западном регионах. Это можно объяснить постановкой стратегических целей по развитию Дальнего Востока и северных регионов страны после Великой Отечественной войны. Именно в этих регионах было создано после войны более половины педагогических институтов.

Современное состояние проблемы

В начале 2000-х годов стали происходить значительные изменения в статусе педагогических институтов. Мы выделяем три типичных траектории развития.

Первая траектория. Классический университет

Педагогические институты, действующие в центрах субъектов федерации, получили статус сначала педагогических университетов, позднее ряд из них приобрел статус классических университетов.

Типичными примерами являют Астрахань, Курск, Тамбов (там произошло слияние с местным институтом культуры), Орел, Белгород и целый ряд других областных и краевых центров. Условием реализации данной стратегии являлось отсутствие классического университета в регионе.

Вторая траектория. Поглощение.

В ряде регионов, к примеру, в Воронежской области, Башкортостане, Свердловской, Тюменской области и др. существовало несколько педагогических институтов. В результате политики укрупнения вузов педагогические институты, находящиеся в районных центрах, получили статус филиалов и потеряли свою автономию.

Примерами таких филиалов являются:

Лесосибирский педагогический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет». Изначально был создан как Енисейский педагогический институт.

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. Изначально был создан как Стерлитамакский педагогический институт.

Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева, филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет». Изначально был создан как Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева.

Орский гуманитарно-технологический институт, филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет». Изначально был создан как Орский педагогический институт.

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета. Изначально был создан как Борисоглебский педагогический институт.

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета. Изначально был создан как Нижнетагильский педагогический институт и ряд других бывших педагогических вузов.

Третья траектория. Сохранение специализации

Ряд бывших педагогических институтов, большинство из которых изменило свой статус с «института» на «университет», сохранил педагогическую специализацию в своем названии и в своей деятельности.

Данная траектория не была значимой до тех пор, пока и классические, и педагогические университеты, а также педагогические институты входили в подчинение Министерства образования и науки. Но с разделением структуры на два министерства – «Министерство просвещения» и «Министерство науки и высшего образования» (обратите внимание на изменение порядка слов) выбор статуса вуза стал значим.

Победа функционального подхода

В основе управления высшим образованием Российской Федерации остается ведомственный или функциональный принцип организации работы высших учебных заведений. Данный принцип получил свое развитие еще в СССР.

Таблица 3 отражает эту функциональную структуру.

Таблица 3

Ведомственная принадлежность высших учебных заведений России

Министерства и ведомства	2018 г.	2020 г.
Государственные вузы	**496**	**496**
В ведении федеральных органов исполнительной власти – всего	**451**	**451**
Верховный суд Российской Федерации, Высший арбитражный суд Российской Федерации	1	1
Министерство здравоохранения Российской Федерации	46	46
Министерство иностранных дел Российской Федерации	2	2
Министерство культуры Российской Федерации	45	45
Министерство образования и науки Российской Федерации	248	**215**
Министерство Просвещения		**33**
Министерство промышленности и торговли Российской Федерации	1	1
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации	54	54
Министерство спорта Российской Федерации	14	14
Министерство транспорта Российской Федерации	1	1
Министерство экономического развития Российской Федерации	1	1
Министерство юстиции Российской Федерации	1	1
Правительство Российской Федерации	8	8
Российская академия художеств	2	2
Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам	1	1
Федеральная таможенная служба	1	1
Федеральное агентство воздушного транспорта	3	3
Федеральное агентство железнодорожного транспорта	8	8
Федеральное агентство морского и речного транспорта	5	5
Федеральное агентство по рыболовству	5	5
Федеральное агентство связи	4	4
В ведении субъектов РФ и муниципалитетов – всего	45	45
Частные вузы	453	279
Частные вузы, имеющие гос. аккредитацию	253	178

В нулевых годах XXI века данный функциональный принцип пытались поменять на пространственный принцип организации управления. Тогда появились и получили развитие Федеральные университеты, Научно-исследовательские университеты. Однако в настоящее время функциональный или ведомственный принцип управления усилил свои позиции по сравнению с пространственным подходом.

В настоящее время перед педагогическими вузами стоят новые вызовы: как обеспечить учебный процесс высокопрофессиональными кадрами учителей не только в городских школах, но и в сельской местности. На селе в России проживает около 25% населения всей страны. Тенденция сокращения сельского населения, с учетом процессов урбанизации, будет нарастать. Но всем школьникам страны должны быть предоставлены равные условия получения знаний. Не каждый молодой специалист сегодня готов работать в «спартанских» сельских условиях. К тому же, учителей все еще не хватает и в городских школах.

Спрос на подготовку учительских кадров в среднесрочной перспективе будет расти, и поэтому выделение педагогических вузов в отдельную категорию и их перевод под ведомственную принадлежность Министерства Просвещения можно только приветствовать

Список литературы и источников

1. Педагогические институты (Статья) // Большая советская энциклопедия https://gufo.me/dict/bse/
2. Источник по количеству школьников в СССР в 1975 году. – https://ru.wikipedia.org/wiki/
3. Данные по количеству учителей в 1975 году. – http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/9090/sssr-narodnoe-obrazovanie.htm
4. Данные по населению Республик Советского Союза в 70-х годах XX века. – https://ru.wikipedia.org/wiki/
5. Даты открытия педагогических институтов на территории РСФСР. – https://gufo.me/dict/bse/
6. Tiebout Ch.M. A Pure Theory of Local Expenditure // The Journal of Political Economy. 1956. – Vol. 64, N 5. – P. 416–424.

Приложение 1

Время открытия педагогических институтов в РСФСР и современная региональная принадлежность [5]

№	Год	Первоначальное название вуза	Регион, современное название
1	1872	Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени институту им. В.И. Ленина	Москва
2	1918	Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени институту им. А.И. Герцена	Санкт-Петербург
3	1918	Казанский педагогический институт	Татарстан
4	1918	Ярославский педагогический институт ордена Трудового Красного Знамени институту им. К.Д. Ушинского	Ярославская область
5	1918	Кировский педагогический институт им. В.И. Ленина (Вятка)	Кировская область
6	1918	Смоленский педагогический институт им. К. Маркса	Смоленская область
7	1919	Горьковский педагогический институт им. А.М. Горького	Нижегородская область
8	1920	Иркутский педагогический институт	Иркутская область
9	1921	Пермский педагогический институт	Пермский край
10	1929	Куйбышевский педагогический институт им. В.В. Куйбышева	Самарская область
11	1930	Московский институт иностранных языков им. Мориса Тореза	Москва
12	1930	Благовещенский педагогический институт им. М.И. Калинина	Амурская область
13	1930	Вологодский педагогический институт	Вологодская область
14	1930	Новозыбковский педагогический институт	Брянская область
15	1930	Оренбургский педагогический институт им. В.П. Чкалова	Оренбургская область
16	1930	Рязанский педагогический институт	Рязанская область
17	1930	Свердловский педагогический институт (Екатеринбург)	Свердловская область
18	1930	Ставропольский педагогический институт	Ставропольский край
19	1930	Тамбовский педагогический институт	Тамбовская область
20	1930	Хабаровский педагогический институт	Хабаровский край
21	1930	Чувашский педагогический институт им. И. Я. Яковлева (Чебоксары)	Чувашия
22	1931	Московский институт им. Н.К. Крупской	Москва
23	1931	Волгоградский педагогический институт им. А.С. Серафимовича	Волгоградская область
24	1931	Воронежский педагогический институт	Воронежская область
25	1931	Карельский педагогический институт (Петрозаводск),	Карелия
26	1931	Марийский педагогический институт им. Н.К. Крупской (Йошкар-Ола),	Марий Эл
27	1931	Орловский педагогический институт	Орловская область
28	1931	Ростовский педагогический институт (Ростов-на-Дону)	Ростовская область
29	1931	Саратовский педагогический институт	Саратовская область
30	1931	Томский педагогический институт им. Ленинского комсомола	Томская область
31	1932	Красноярский педагогический институт	Красноярский край
32	1932	Архангельский педагогический институт им. М.В. Ломоносова	Архангельская область
33	1932	Астраханский педагогический институт им. С.М. Кирова	Астраханская область
34	1932	Бурятский педагогический институт им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ)	Республика Бурятия
35	1932	Коми педагогический институт (Сыктывкар),	Республика Коми
36	1932	Омский педагогический институт им. А.М. Горького	Омская область
37	1932	Псковский педагогический институт им. С.М. Кирова	Псковская область
38	1932	Ульяновский педагогический институт им. И.Н. Ульянова	Ульяновская область
39	1933	Барнаульский педагогический институт	Алтайский край
40	1934	Курский педагогический институт	Курская область
41	1935	Новосибирский педагогический институт	Новосибирская область
42	1935	Челябинский педагогический институт	Челябинская область
43	1937	Горьковский педагогический институт иностранных языков им. Н.А. Добролюбова	Нижегородская область
44	1938	Магнитогорский педагогический институт	Челябинская область
45	1938	Тульский педагогический институт им. Л.Н. Толстого	Тульская область
46	1938	Читинский педагогический институт им. Н.Г. Чернышевского	Забайкальский край
47	1939	Пятигорский педагогический институт иностранных языков (Ставропольский край)	Ставропольский край
48	1941	Пензенский педагогический институт им. В.Г. Белинского	Пензенская область
49	1944	Абаканский педагогический институт	Республика Хакассия

50	1944	Новокузнецкий педагогический институт	Кемеровская область
51	1948	Иркутский иностранных языков им. Хо Ши Мина	Иркутская область
52	1948	Калужский педагогический институт им. К.Э. Циолковского	Калужская область
53	1949	Костромской педагогический институт им. Н.А. Некрасова	Костромская область
54	1950	Владимирский педагогический институт им. П.И. Лебедева-Полянского	Владимирская область
55	1950	Орехово-Зуевский педагогический институт	Московская область
56	1951	Московский заочный педагогический институт	Москва
57	1952	Адыгейский педагогический институт (Майкоп)	Республика Адыгея
58	1952	Арзамасский педагогический институт им. А.П. Гайдара	Нижегородская область
59	1952	Балашовский педагогический институт	Саратовская область
60	1952	Бирский педагогический институт	Башкортостан
61	1952	Борисоглебский педагогический институт	Воронежская область
62	1952	Глазовский педагогический институт им. В.Г. Короленко	Республика Удмуртия
63	1952	Курганский педагогический институт	Курганская область
64	1952	Мичуринский педагогический институт	Тамбовская область
65	1952	Нижнетагильский педагогический институт	Свердловская область
66	1952	Орский педагогический институт им. Т.Г. Шевченко	Оренбургская область
67	1952	Шуйский педагогический институт	Ивановская область
68	1953	Бийский педагогический институт	Алтайский край
69	1953	Горно-Алтайский педагогический институт	Республика Алтай
70	1953	Елабужский педагогический институт	Татарстан
71	1953	Елецкий педагогический институт	Липецкая область
72	1953	Коломенский педагогический институт	Московская область
73	1953	Новгородский педагогический институт	Новгородская область
74	1953	Таганрогский педагогический институт	Ростовская область
75	1954	Армавирский педагогический институт	Краснодарский край
76	1954	Дагестанский педагогический институт (Махачкала),	Республика Дагестан
77	1954	Енисейский педагогический институт (Енисейск)	Красноярский край
78	1954	Ишимский педагогический институт	Тюменская область
79	1954	Комсомольский-на-Амуре педагогический институт	Хабаровский край
80	1954	Липецкий педагогический институт	Липецкая область
81	1954	Стерлитамакский педагогический институт	Республика Башкортостан
82	1954	Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева	Тюменская область
83	1954	Уссурийский педагогический институт	Приморский край
84	1954	Череповецкий педагогический институт	Вологодская область
85	1954	Шадринский педагогический институт	Курганская область
86	1954	Южно-Сахалинский педагогический институт	Сахалинская область
87	1956	Кызылский педагогический институт	Республика Тува
88	1956	Мурманский педагогический институт	Мурманская область
89	1957	Белгородский педагогический институт им. М.С. Ольминского	Белгородская область
90	1957	Карачаево-Черкесский педагогический институт (Карачаевск)	Карачаево-Черкессия
91	1958	Камчатский педагогический институт (Петропавловск-на-Камчатке)	Камчатский край
92	1961	Магаданский педагогический институт	Магаданская область
93	1962	Мордовский им. М.Е. Евсевьева (Саранск)	Республика Мордовия
94	1967	Башкирский педагогический институт (Уфа)	Республика Башкорстостан

Ковальчук О.В.,
Валиева И.Н.[1]

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ КАЧЕСТВОМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В РЕГИОНАЛЬНОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: *студенты, образовательная деятельность, научная деятельность, качество образовательных услуг, вузовская наука, инновационное развитие региона.*

Одним из факторов, сдерживающим социально-экономическое развитие регионов, является разрыв между производственным кластером, сферой высшего образования и науки. В мае 2018 года Президентом России был подписал указ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года», определяющий основные цели развития экономики – вхождение России в пятерку мировых лидеров, реализующих научные исследования и разработки в приоритетных научно-технологических областях, опережающий рост национальных затрат на науку по сравнению с ростом ВВП, а также обеспечение привлекательности работы в России для ведущих российских и зарубежных ученых. Таким образом, наука в нашей стране на государственном уровне объявлена одним из важнейших национальных проектов.

Поэтому одним из актуальных приоритетов государственной политики в области высшего образования является интегрирование науки, высшей школы и производства. Необходимо отметить, что интеграция инновационного потенциала научно-образовательного кластера высшей школы с производственной сферой позволит увеличить продуктивность научно-исследовательской деятельности, а также качество образовательной деятельности высшей школы. И здесь налицо двусторонний процесс, когда партнерство вуза с производственной сферой региона улучшает инновационно-технологический климат региона, повышая его социально-экономическое развитие, а с другой стороны повышается рейтинг вуза, что положительно влияет на привлекательность высшего образования для региональных заказчиков (как абитуриентов, так и производственной сферы).

Это подтверждают данные исследований Международного Центра социологических исследований НИУ «БелГУ», который проводит Ежегодную оценку степени удовлетворенности студентов качеством научно-образовательных услуг в региональных вузах. Методом сбора информации являлся анкетный онлайн опрос. В ходе проведения социологического исследования нами были опрошены студенты-бакалавры и специалисты с первого по четвертый (пятый) курс включительно.

В ходе исследования выяснилось, что основными причинами освоения образовательной программы являются польза для будущей профессии (60,3%), интерес (48,9%), возможность развиваться (48,1%), совпадение с внутренними целями студента (47,4%). Важно отметить, что данные ответы лидируют на протяжении 3 лет замеров (табл. 1).

Таблица 1

Причины освоения образовательной программы, %

	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Это совпадает с моими внутренними целями	42	44,2	47,4
Вижу в этом пользу для моей будущей деятельности	62,5	62,1	60,3
Это дает мне возможность развиваться	51,8	46,8	48,1
Это дает мне возможность самореализоваться	30,5	28,5	32,7
Мне это интересно	49,4	47,4	48,9
Это дает мне возможность влиять на ситуацию	5,8	5,4	7,6
Это дает мне возможность быть (повышать) конкурентоспособным	12,2	12,5	14
Это дает мне возможность быть в курсе событий	11,4	10,3	10,1
Заставляют родители	2,7	2,8	3,4
Заставляют кураторы	0,6	0,8	0,8
Участие дает возможность получать хорошие оценки у преподавателей	7,9	7,2	7,9
Участие необходимо для получения диплома	18,5	19	18,6
Мне интересны те люди, которые участвуют, хочу общаться с ними	9,5	10	10,1
Не хочу быть хуже других	5,6	5,2	5,6
Все окружающие меня люди участвуют	1,3	1,3	1,6
Есть свободное время	2,8	2,9	3,9
Это мои обязанности по общественному поручению	3,2	2,9	3,6
Затрудняюсь ответить	3,3	3,7	2,8
Не участвую в этой деятельности	1,4	1,2	2,6

[1] Ковальчук Ольга Викторовна – к.филос.н., доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Валиева Ирина Николаевна – ассистент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Заметим, что ответы студентов на вопрос о готовности осваивать образовательную программу распределились следующим образом. В 2019 г. было достигнуто максимальное число студентов (в динамике 2017-2019 гг.), абсолютно неготовых к освоению образовательной программы (14,55%), но при этом наблюдается положительная динамика студентов, отметивших полную готовность к обучению (45,02% в 2019 г. против 35,9% в 2018 г.) (рис. 1).

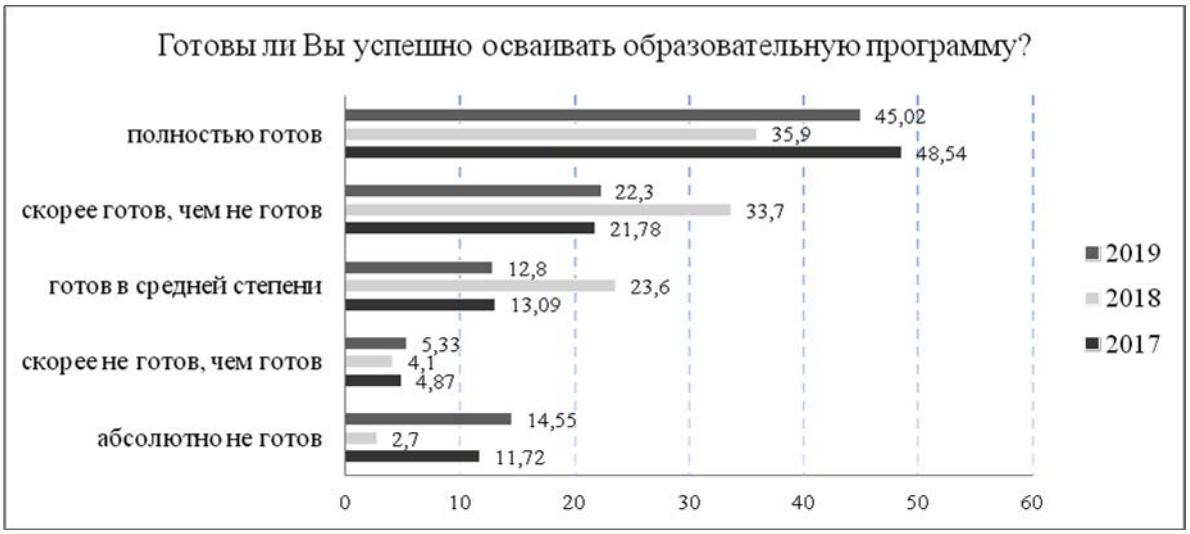

Рисунок 1.
Распределение ответов студентов на вопрос: «Готовы ли Вы успешно осваивать образовательную программу?»

Анализ ответов респондентов на вопрос о причинах, мешающих студентам принимать участие в образовательном процессе, показал следующую картину. В 2019 г. не хватает времени для этого у 37,7% опрошенных, 33,7% затруднились ответить на данный вопрос. Здесь наблюдается устойчивая тенденция выбора ответов на протяжении 3 лет мониторинговых замеров (табл. 2).

Таблица 2

Причины, мешающие принимать участие в образовательном процессе, %

	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Не хватает средств	8,5	6,2	10,6
Не владею необходимой информацией	8	4,6	11,9
Нет доступа к необходимой информации	3,1	3,1	5,8
Нет необходимой подготовки	8	5,2	9,7
Не ощущаю внешней поддержки	6,1	4,6	7,4
Не владею навыками этой деятельности	9,7	5,8	11
Отсутствует необходимая организация	4,7	5,2	4,8
Не хватает силы воли	11,5	14,2	12
Не хватает времени	31,6	23,1	37,7
Затрудняюсь ответить	46,9	28	33,7

Следующий блок включал в себя вопросы о научно-исследовательской деятельности студентов. Студентам было предложено указать причины, по которым они занимаются научной деятельностью. В 2019 г. достаточно велико число студентов, не участвующих в научной деятельности (31,1%). За весь исследуемый период этот показатель имеет высокий процент выборности (28,9% в 2017 г. и 32,2% в 2018 г.). Далее идут такие ответы, как: вижу в этом пользу для моей будущей деятельности (в 2019 г. 25,7%), это дает мне возможность развиваться (в 2019 г. 23,8%), мне это интересно (в 2019 г. 23,3%). Эти показатели высоки в исследуемом периоде, но, всё же, имеют отрицательную динамику с 2017 по 2019 гг. Полные данные представлены в табл. 3.

Таблица 3

Причины, по которым студенты занимаются научной деятельностью, %

	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Это совпадает с моими внутренними целями	17,8	18,3	21,4
Вижу в этом пользу для моей будущей деятельности	29,2	28,2	25,7
Это дает мне возможность развиваться	32,2	29,6	23,8
Это дает мне возможность самореализоваться	21,7	19,3	17,3
Мне это интересно	27,5	25,8	23,3
Это дает мне возможность влиять на ситуацию	3,8	4,1	4,3
Это дает мне возможность быть (повышать) конкурентоспособным	7,2	8,1	7,1
Это дает мне возможность быть в курсе событий	5,4	6,1	4,8
Заставляют родители	0,2	0,6	0,8
Заставляют кураторы	0,6	0,8	1,4

Участие дает возможность получать хорошие оценки у преподавателей	6,2	5	6,3
Участие необходимо для получения диплома	7,3	7,4	6,5
Мне интересны те люди, которые участвуют, хочу общаться с ними	3,7	3,6	3
Не хочу быть хуже других	2,1	2,1	1,8
Все окружающие меня люди участвуют	1,3	0,7	0,9
Есть свободное время	2,5	2,8	2,2
Это мои обязанности по общественному поручению	1,7	1,5	1,5
Затрудняюсь ответить	10,2	10,2	8,2
Не участвую в этой деятельности	28,9	32,2	31,1

Студентам предложили ответить на вопрос о готовности заниматься научной деятельностью. В 2019 г. 23,12% опрошенных готовы в средней степени заниматься научной работой. Этот показатель максимально высок для всего периода исследований. Важно отметить, что процент студентов, которые абсолютно не готовы к данному виду работы, низок, относительно других показателей периода исследования с 2017 по 2019 гг. (12,32%, 10,4%, 14,77% соответственно) (рис. 2).

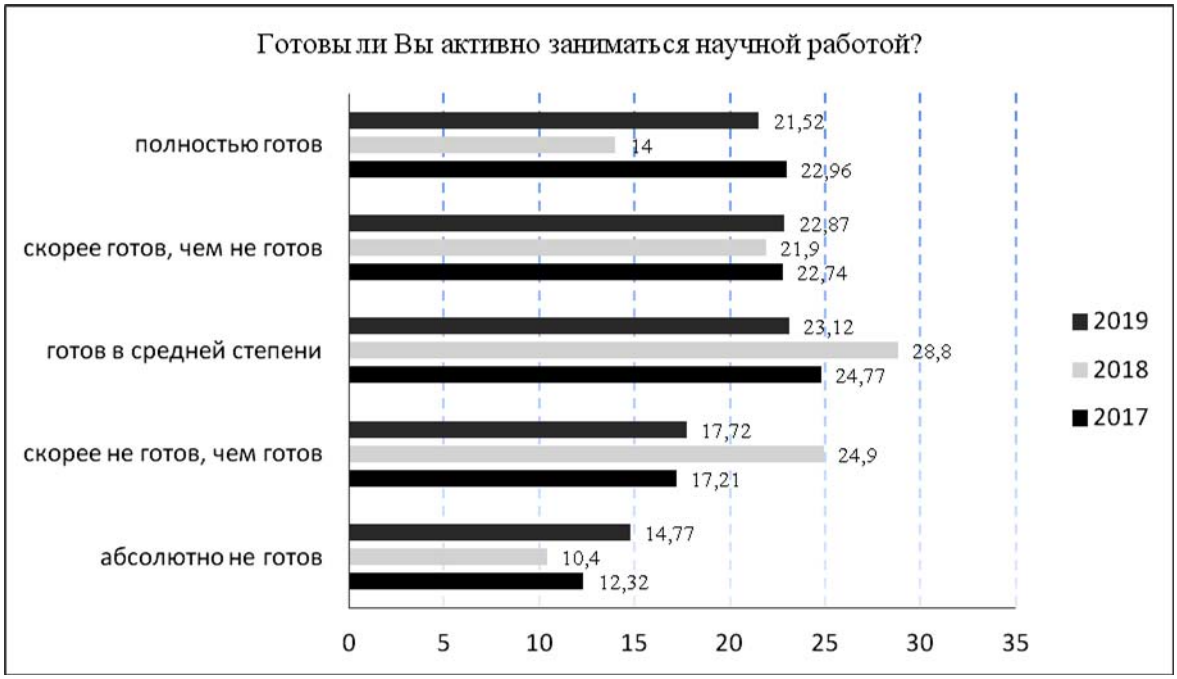

Рисунок 2.
Распределение ответов студентов на вопрос: «Готовы ли Вы активно заниматься научной работой?»

Анализируя ответы на вопрос о причинах, мешающих активно заниматься научной деятельностью, можно выделить 2 показателя с наибольшей выборностью – это нехватка времени (39% в 2019 г.) и отсутствие навыков научной работы (16,3%), что позволяет говорить о необходимости применения тайм-менеджмента и активного включения студентов в данный вид работы. Очень высок процент опрошенных, затруднившихся дать ответ. Их почти одна треть в 2019 г. – 29,5%. В предыдущие годы этот показатель был значительно выше (табл. 4).

Таблица 4

Причины, мешающие заниматься научной деятельностью, %

	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Не хватает средств	6,3	5,4	7,7
Не владею необходимой информацией	12,6	12,9	14
Нет доступа к необходимой информации	3,6	3,3	5,1
Нет необходимой подготовки	13,3	12	13,7
Не ощущаю внешней поддержки	4,9	4,2	5,9
Не владею навыками этой деятельности	16,1	16,2	16,3
Отсутствует необходимая организация	3,6	3,8	4,4
Не хватает силы воли	11,4	10,7	10,3
Не хватает времени	34,4	35	39
Затрудняюсь ответить	39,3	37,4	29,5

Студентам был задан ряд общих вопросов, позволяющих оценить позицию современного студента. Так, для половины опрошенных главной целью поступления в вуз было получение знаний (50,19% в 2019 г.). По мнению 27,63% респондентов, поступление обеспечит перспективу трудоустройства, а для 17,06% целью является получение диплома. Остальные показатели не превысили 2%. Такая ситуация характерна для всего периода исследования. Более подробно данные представлены в табл. 5.

Таблица 5

Главная цель поступления в вуз, %

	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Получить знания	50,52	48,6	50,19
Получить диплом	17,07	16,7	17,06
Получить отсрочку от армии	0,44	0,5	0,8
Оправдать ожидания родителей	1,62	2,1	1,88
Обеспечить себе перспективу трудоустройства	27,9	29,5	27,63
Завести друзей, выйти замуж	0,3	0,4	0,31
Затрудняюсь ответить	1,25	1,4	1,44
Другое	0,9		0,69

Важным в исследовании был вопрос и об оправданности ожиданий после поступления в вуз. Практически у половины респондентов ожидания оправдались в большей степени (49,69% в 2019 г.). У 27,16% опрошенных ожидания оправдались полностью; лишь некоторые и вообще не оправдались ожидания у 18,29% и 4,86% студентов. Суммируя положительные показатели можно говорить о высокой реализации целей обучения в вузе. Данные показатели характерны для всего периода, лишь с небольшими числовыми колебаниями. Наглядно данные представлены на рис. 3.

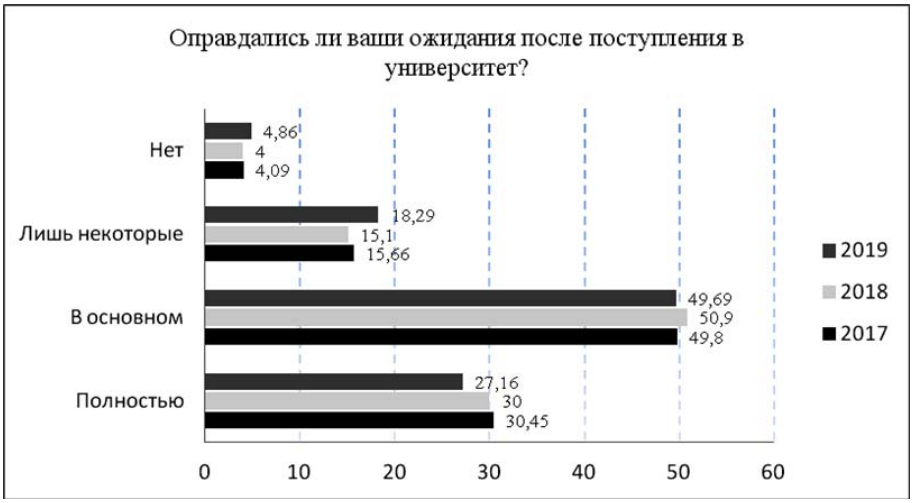

Рисунок 3.
Распределение ответов студентов на вопрос: «Оправдались ли Ваши ожидания после поступления в университет?»

Студенты высказали своё мнение по поводу гарантий трудоустройства выбранной специальностью. В 2019 г. 49,03% опрошенных полагают, что выбранная ими специальность в основном гарантирует им трудоустройство; 28,17% отмечают, что полностью гарантирует. Положительной тенденцией является то, что с 2017 г. снижается число респондентов, отметивших, что выбранная специальность лишь частично или вообще не гарантирует трудоустройство (с 24,44% в 2017 г. до 16,78% в 2019 г. и с 8,77% в 2017 г. до 6,02% в 2019 г. соответственно). Данные представлены на рис. 4.

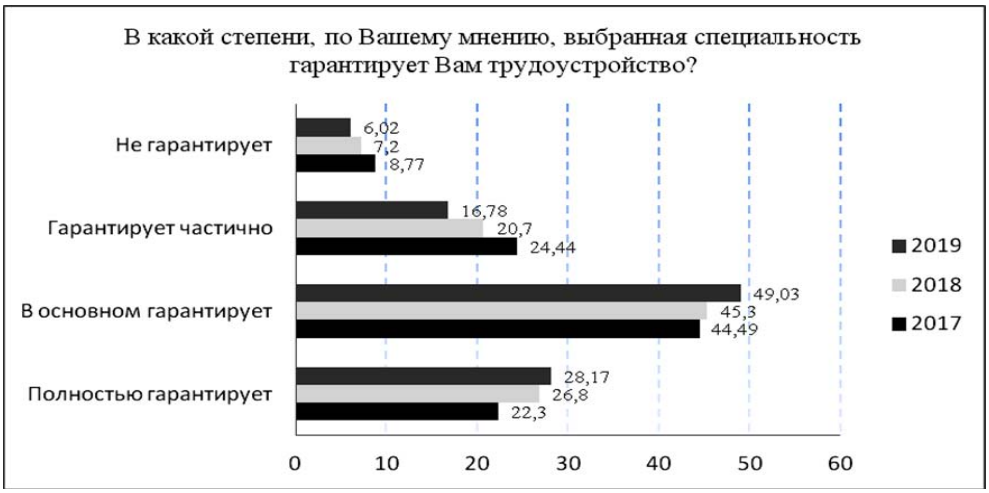

Рисунок 4.
Распределение ответов студентов на вопрос:«В какой степени, по Вашему мнению, выбранная специальность гарантирует Вам трудоустройство?»

Таким образом, подводя итог исследованию, можно сказать, что высшее образование сегодня становится все более конкурентоспособным, в том числе благодаря построению гибкой системы образовательной и научной деятельности вузов. В современных реалиях на каждом этапе обучения следует развивать у студентов креативное мышление, исследовательские умения, без которых трудно как продолжать образование, так и реализовываться на рынке труда. Помимо этого, важный акцент необходимо делать на построении и улучшении практико-ориентированной направленности образовательной и научной деятельности вузов, объединяя усилия производственной сферы региона и институтов высшего образования. Активное вовлечение студентов в научно-исследовательский процесс, приобретающий на современном этапе все большее значение, позволяет формировать как профессиональные, так и надпрофессиональные навыки будущего специалиста, выстраивать партнерские отношения вузов с производственной сферой региона, повышать конкурентоспособность выпускников на рынке труда, повышать рейтинг вуза, улучшать инновационно-технологический климат региона.

Список литературы

1. Чупрова Л.В. Научно-исследовательская работа студентов в образовательном процессе вуза // Теория и практика образования в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – Т. 2. – Санкт-Петербург: Реноме, 2012. – С. 380-383. – https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1914/

Коровникова Н.А.[1]

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ И ЗНАНИЕ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛИ УРГЭУ)

Ключевые слова*: экономика знаний; производство и распространение знаний; «Пентаспираль»; пандемия (COVID-19).*

Keywords*: knowledge economy; production and dissemination of knowledge; «Pentaspiral»; pandemic (COVID-19).*

В контексте глобальной пандемии[2] *знание*[3] становится не просто неотъемлемым атрибутом новой экономической формации (*экономики знаний*[4]), а необходимым инструментом для борьбы с непредвиденными и крайне сложными вызовами XXI века. В сегодняшней ситуации именно генерирование экономических знаний нового уровня позволит преодолеть серьезные социально-экономические последствия коронавирусной инфекции.

Учитывая, что знание представляет собой не только «содержательно новую информацию, встроенную в общую систему научных представлений…, допускающую верификацию, распространение и использование»[5], но и «общественное благо», его создание находится в непосредственной «органической связи с экономическим производством»[6]. В то же время выработка новых знаний реализуется на стыке материального (экономического) и ментального производств, которое преобразует знания в особый «духовный продукт»[7]. Другими словами, новейшие знания, адекватные современному контексту, должны аккумулировать целый ряд взаимосвязанных аспектов, в их числе профессионально-праксиологический, интеллектуально-инновационный, ментально-аксиологический и др.[8]

К ключевым *особенностям знаний* отечественные специалисты относят следующие характеристики – это результат затрат «нематериальной» (непроизводственной, духовной, образовательной) сферы, функционирования социальных и экономических институтов[9], а также переработки ресурсов, «имеющих самостоятельное значение»; основа для новых видов социально-экономической деятельности («производство производств»); сочетание теоретических и прикладных аспектов, разница между которыми нивелируется в современных условиях[10].

На фоне пандемии и ее последствий особенно важной представляется отличительная особенность экономических знаний, которая заключается в том, что знание порождает качественно новые результаты (продукты), которые после их успешной апробации позволят изменить геостратегические реалии[11] в постпандемическом пространстве. Современная экономика в условиях пандемии нуждается в выработке качественно новой научной парадигмы, которая обеспечит не только эффективную технологическую и инновационную базу на национальном и региональном уровне[12], но и будет базироваться на принципах сотрудничества, взаимодействия и солидарности всех международных акторов. Причем именно академическая наука может стать интегратором единого пространства инновационного производства знаний[13], который модифицирует соотношение «наука – технологии – практика» в русле их контекстного применения[14], а также синтезирует основные концептуальные подходы, трактующие знания как ресурс, как продукт,

---

[1] Коровникова Наталья Александровна – к.полит.н., с.н.с. ИНИОН РАН, доцент МИЭПП. Сфера научных интересов: экономическая история, история экономической мысли, экономика культуры; идеологии в современной политике; роль «идеальных» факторов в социально-экономических процессах; идентичность; социальная психология; патриотизм: патриотическое воспитание как основа ментальной безопасности; лидерство: современные инструменты диагностики, развития и коррекции лидерских качеств, моделей и стилей; информационное обеспечение управленческой деятельности. E-mail: natalia.kor@list.ru

[2] Коронавирус тяжелого острого респираторного синдрома-2 (SARS-CoV-2), вызывающий коронавирусную инфекцию (COVID-19), в той или иной мере охвативший все регионы современного мира.

[3] Здесь и далее понятие «знание» рассматривается как одна из его разновидностей – «экономическое знание».

[4] В выбранном ракурсе термины «экономика знаний» и «общество знаний» по сути синонимичны.

[5] Берколайко М.З., Руссман И.Б. О моделях производства знаний. // Вестник ВГУ. Серия Экономика и управление. 2004. – № 2. – С. 152.

[6] Лебединцева Л.А. Производство знаний и его социальные функции: автореф. дис. … канд. социол. н. СПб., 2002. – С. 4. – http://cheloveknauka.com/proizvodstvo-znaniy-i-ego-sotsialnye-funktsii

[7] Там же.

[8] .Более подробно см.: Чупин Р.А. Классификация, распространение и производство знаний в мировой экономике: теоретическое обобщение. // Образование и наука. 2013. – № 6 (105).

[9] Лебединцева Л.А. Производство знаний и его социальные функции: автореф. дис. … канд. социол. н. СПб., 2002. – С. 9. – http://cheloveknauka.com/proizvodstvo-znaniy-i-ego-sotsialnye-funktsii

[10] Берколайко М.З., Руссман И.Б. О моделях производства знаний. // Вестник ВГУ. Серия Экономика и управление. 2004. – № 2. – С. 151.

[11] Там же.

[12] Черных С.И. Цифровая экономика и наука // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2018. – С. 74. – https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-i-nauka

[13] Там же, с. 82.

[14] Федоров В.С. Инновации и новый тип производства знания. – С. 19-20. – https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-i-novyy-tip-proizvodstva-znaniya

как кодифицированное знание и, наконец, как неотъемлемое условие планомерного развития и восстановления экономики знаний[1].

Очевидно, что для полноценного ответа на вызовы (пост)пандемического периода необходимы интегративные исследования для генерирования знаний, которые должны быть встроены в различные смежные исследовательские проекты, а также включать в себя как «существующие знания для решения конкретной проблемы», так и «общие специальные знания», которые применимы для решения схожих социально-экономических проблем[2]. Вынужденная «пандемическая» трансформация экономической парадигмы требует пересмотра истории экономической мысли, новых поведенческих функций и «метрик» (показателей) экономики, скорейшего повсеместного перехода «от промышленной парадигмы к парадигме знаний», «от индивидуального к коллективному поведению», «от экономической компании к социальной компании»[3].

Производство новейших экономических знаний также происходит на фоне объективных процессов эволюции научного пространства в целом, которые, в частности, включают: трансформацию традиционных структур формирования знаний и междисциплинарных стратегий; механизмы современных форм и методов создания и «потребления научных знаний»; модификацию взаимодействия научного и общественного дискурсов; качественно новый тип генерирования знаний и соответствующие способы их конвертации в практическую плоскость и т.п.[4]

Существенный вклад в разработку современных *моделей производства знаний* внесли уральские специалисты, которые выделяют следующие *концепции*: 1) традиционного дисциплинарно-организованного производства знания (Mode 1), которая оформилась к началу XX века и предполагала распространение знаний исключительно через институционально-образовательные каналы; 2) концепцию «второго типа» (Mode 2), разработанную в 1990-е годы группой зарубежных исследователей (М. Гиббонс, К. Лимож, С. Шварцман и др.), для которой характерны следующие особенности: гетерогенные нежесткие исследовательские структуры, междисциплинарность, контекстность, передача знаний в процессе коммуникации и практического взаимодействия представителей науки и социума, двойные спирали: университеты – предприятия; государство – университеты; государство – рынок; наука – бизнес и т.д.; 3) концепцию (Mode 3), появившуюся в 2000-е годы (Г. Ицковиц, Л. Лидесдорф и др.), основанную на утверждении, что «в современном обществе ядром инновационной деятельности является университет, который «из классического превращается в предпринимательский», а также на функционировании «тройных спиралей»: университет – правительство – бизнес (предприятия), которые предполагают внедрение и совершенствование инновационных горизонтальных связей[5].

Теоретически и практически значимой с точки зрения генерирования экономических знаний и становления экономики знаний представляется, предложенная в 2011 году коллективом специалистов из Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ), авторская *концепция «Пентаспирали» (Mode 5)*, главной задачей которой авторы считали комплексное управление инновационной деятельностью во всех сферах создания, модифицирования и практического внедрения научных достижений, отвечающих требованиям современного мирового экономического контекста[6]. Отличительной чертой данной модели является комплексное взаимодействие в производстве знаний следующих элементов: «наука – образование – бизнес – власть – институты гражданского общества»[7]. Ее особенности: эмерджентность, информативность, синергизм подсистем, нелинейность, гомеостатичность, устойчивость[8].

В основе «Пентаспирали» заложены теория устойчивых систем и теория пространства знаний. Так, согласно признакам данных теорий (целостность и делимость, устойчивые связи между элементами; наличие интегративных свойств системы; организованность) «Пентаспираль» представляется полноценной *системой*, которая имеет собственный набор вышеперечисленных элементов, комплекс многоуровневых взаимодействий между ними, обеспечивающий инновационную деятельность. По теории систем «Пентаспираль» представляет собой открытую, сложную, специализированную, развивающуюся, организованную, самоорганизующуюся, детерминированную, централизованную, производящую систему, в центре которой, в интерпретации авторов, располагается «инновационный человек» как «главный агент», связующий через когнитивные процессы, мотивы, интересы и потребности остальные элементы

---

[1] См. Коровникова Н.А. Производство знаний: экономический аспект. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15: Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – С. 555–558.

[2] Tress B., Tress G., Fry G. Defining concepts and the process of knowledge production in integrative research. – https://edepot.wur.nl/44294

[3] Torrent-Sellens J. La economía del conocimiento y el conocimiento de la economía. – 09.06.2016. -https://www.researchgate.net/publication/303864553_La_economia_del_conocimiento_y_el_conocimiento_de_la_economia

[4] Федоров М.В., Пешина Э.В., Гредина О.В., Авдеев А.П. Пентаспираль – концепция производства знаний в инновационной экономике. // Управленец. 2012. – № 3–4 (31–32). – С. 6. – https://cyberleninka.ru/article/n/pentaspiral-kontseptsiya-proizvodstva-znaniy-v-innovatsionnoy-ekonomike

[5] Там же, с. 6–8.

[6] Федоров В.М., Пешина Э.В. Современные концепции производства знаний // Университетское управление: практика и анализ. 2012. – № 3. – С. 7–8. – https://www.umj.ru/jour/article/view/528/529

[7] Федоров М.В., Пешина Э.В., Гредина О.В., Авдеев А.П. Пентаспираль – концепция производства знаний в инновационной экономике // Управленец. 2012. – № 3–4 (31–32). – С. 9. – https://cyberleninka.ru/article/n/pentaspiral-kontseptsiya-proizvodstva-znaniy-v-innovatsionnoy-ekonomike

[8] Там же, с. 11–12.

«Пентаспирали», эффективное функционирование которых позволяет создавать новейшие знания, адаптированные к требованиям, условиям и особенностям внешнего контекста[1].

Таким образом, целесообразно рассматривать «Пентаспираль» как одну из наиболее актуальных, адаптивных и перспективных моделей, которые не только существенно обогащают знания экономики, но и позволяют формировать эффективные инновационные системы экономики знаний, отвечающие особенностям современных глобальных процессов и позволяющие преодолевать существенные (пост)пандемические трудности на всех уровнях глобальном, международном, региональном.

[1] Федоров М.В., Пешина Э.В., Гредина О.В., Авдеев А.П. Пентаспираль – концепция производства знаний в инновационной экономике // Управленец. 2012. – № 3–4 (31–32). – С. 9–10. – https://cyberleninka.ru/article/n/pentaspiral-kontseptsiya-proizvodstva-znaniy-v-innovatsionnoy-ekonomike.

Кочерьян М.А
начальник управления по спортивно-массовой и оздоровительной работе, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург
sports-department@rambler.ru

ПРИОРИТЕТЫ СЕТЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВУЗА

***Ключевые слова**: физкультурно-спортивная деятельность, сетевое управление, стратегическое управление, вуз, цели физкультурно-спортивной деятельности.*

Вопросы управления высшими учебными заведениями рассматриваются через призму теории стратегического управления. Так, в статье Плаксия С.И. [1] управление вузом основано на формировании стратегии, которая представляет собой «комплексный, долгосрочный план системных действий и их реальное осуществление на основе всестороннего изучения всех закономерностей, внешних и внутренних обстоятельств, поставленных целей и задач, обеспечивающих эффективность деятельности вуза». Данное определение соответствует теоретическим положениям, сформулированным И. Ансофом в рамках теории стратегического управления. Аналогичные позиции высказывают и Г.Д. Беляева, А.Б. Макарец и Г.А. Федоренко [2], утверждающие, что стратегия развития вуза «должна основываться на принципе продуктивной преемственности и сочетании рыночного и нерыночного развития», а также и с учётом стимулов и движущих сил этого развития. Такой теоретический подход в управлении вузом предполагает последовательную реализацию трех основных этапов:

1) *стратегический анализ*, включающий разработку целей, ожиданий и полномочий действующих лиц; анализ внешней среды и внутренних ресурсов образовательного учреждения;

2) *стратегический выбор*, подразумевающий разработку вариантов стратегии, их оценку и выбор оптимальной стратегии;

3) *реализацию стратегии*, или разработку какой-либо альтернативы действия при непредвиденных обстоятельствах, разработку организационной стратегии, выбор системы управления и политику образовательного учреждения, выбор организационного объединения и систем контроля [3].

Сетевая стратегия управления вузом является приоритетной на современном этапе развития системы образования Российской Федерации. В основе ее использования лежит ресурсная, отношенческая и сетевая теории, положения которых адаптированы для вуза как объекта стратегического управления в работах А.А. Гресько, М.С. Рахманова, К.С. Солодухин [4], К.С. Еленева, Ю.Я. Еленевой, В.Н. Лупанова [5] . Сетевая стратегия управления предполагает использование различных интегративных форм с целью формирования и эффективного использования инфраструктурного, интеллектуального и ресурсного потенциала участников сети.

Изучение современной научной литературы в сфере стратегического управления высшими учебными заведениями позволяет сделать вывод об обособлении вопросов управления физкультурно-спортивной деятельностью. Так, в статье Ю.М. Шаруненко [6] такое обособление связывается с декларацией государственных социально-экономических и правовых гарантий обеспечения качества жизни, что обозначает одного из ключевых участников сетевого взаимодействия при осуществлении физкультурно-спортивной деятельности вуза. Так же в Федеральной Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации [7] указывается особая роль образовательных учреждений. В частности, акцентируется внимание на том, что среди основных задач Стратегии, направленных на решение ключевой цели – «создание условий, обеспечивающих возможность для граждан страны вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом, получить доступ к развитой спортивной инфраструктуре, а также повысить конкурентоспособность российского спорта», – находится и «модернизация системы физического воспитания различных категорий и групп населения, в том числе в образовательных учреждениях профессионального образования». Таким образом, физкультурно-спортивная деятельность вуза выделяется как объект управления, требующий реализации тех же этапов стратегического управления, что и в стратегическом управлении вузом в целом, общая схема реализации которых приведена на рис. 1.

Специфика стратегического управления физкультурно-спортивной деятельностью вуза заключается в формировании целевых ориентиров под воздействием требований органов исполнительной власти с одной стороны и стратегических приоритетов развития вуза с другой. Основной стратегической целью для органов исполнительной власти является развитие физической культуры и массового спорта для здоровья населения, такая цель основана на приоритетности социальных эффектов от физкультурно-спортивной деятельности.

Рисунок 8.
Этапы стратегического управления физкультурно-спортивной деятельностью вуза

В данной связи среди основных стратегических целевых ориентиров развития физкультуры и спорта со стороны органов исполнительной власти в Российской Федерации выделены «увеличение доли обучающихся и студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности данной категории населения» [8]. На рис. 2 отмечен уровневый характер формирования целей физкультурно-спортивной деятельности.

Рисунок 9.
Иерархический характер формирования целей физкультурно-спортивной деятельности

Стратегические приоритеты развития вузов предполагает соответствие физкультурно-спортивной деятельности изменениям, происходящим при переходе к компетентностной модели подготовки. Переход от требований государственных образовательных стандартов, отражающих результаты обучения к принципам компетентностного подхода, формируют новые цели в физкультурно-спортивной деятельности вуза. На рис. 3 представлена эволюция целей обучения студентов.

Представленная на рис. 3 трансформация целевой ориентации физкультурно-спортивной деятельности, по мнению ряда авторов, приводит к необходимости изменений. Например, в статье С. И. Бочкаревой и др. [9] указано, что «в ФГОС следующих поколений следует указывать не только результаты образования (компетенции), но и требования к их формированию».

Таким образом, становление стратегических целей физкультурно-спортивной деятельности вуза объединяет цели развития массового спорта на территории соответствующего муниципального образования и цели реализации основных образовательных программ в соответствии с ФГОС ВО.

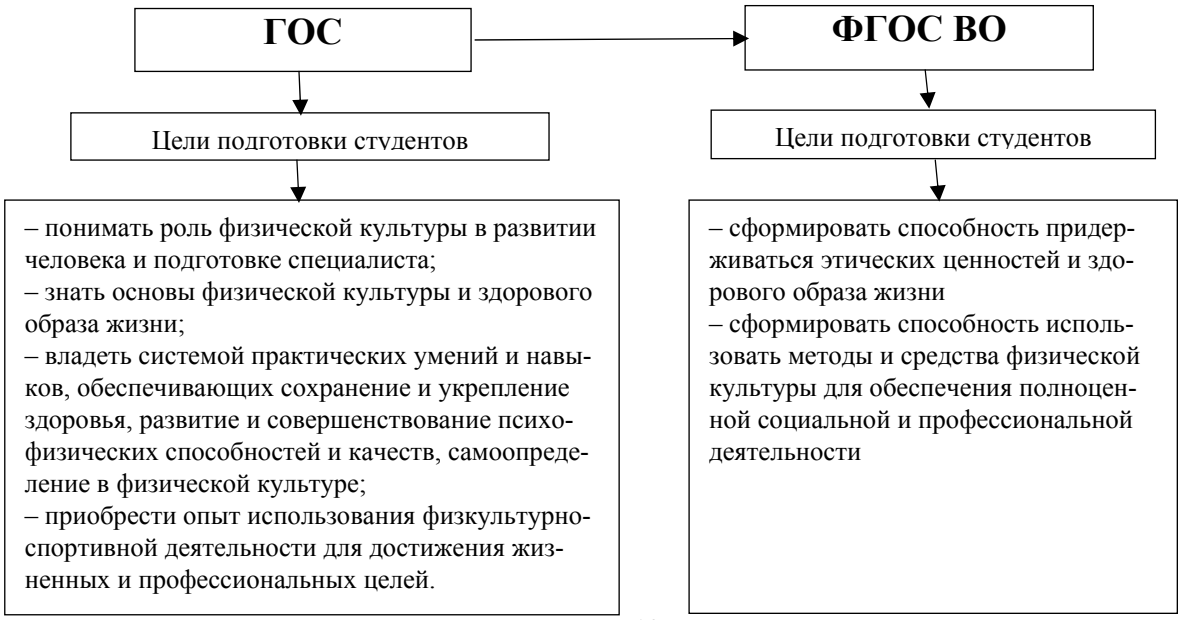

Рисунок 10.
Эволюция целей физкультурно-спортивной деятельности в рамках изменения приоритетов развития вуза

Список литературы

1. Плаксий С.И. Стратегия развития российских вузов // Знание. Понимание. Умение. 2006. – № 4.
2. Беляева Г.Д., Макарец А.Б., Федоренко Г.А. Стратегические приоритеты развития вуза в составе инновационного кластера // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. – № 3. – С. 45–45.
3. Зуб А.Т. и др. Управление стратегическим потенциалом организации // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2009. – № 1.
4. Гресько А.А., Рахманова М.С., Солодухин К.С. Отношенческий подход и стейкхолдерская концепция как теоретические основы разработки новых методов стратегического управления вузом // Современные проблемы науки и образования. 2012. – № 4. – С. 207–207.
5. Еленев К.С., Еленева Ю.Я. Сетевое взаимодействие как фактор инновационного развития вузов // Современные проблемы науки и образования. 2013. – № 1. – С. 317–317.
6. Лупанов В.Н. Сетевая модель управления университетом в условиях глобализации и регионализации образования // Университетское управление: практика и анализ. 2009. – № 2.
7. Шаруненко Ю.М. Структурная модель физкультурно-спортивной организации // Наука-2020. 2016. – № 5 (11).
8. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации № 1101- р от 07 августа 2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации.2009. № 33. Ст. 4110.
9. Абрамова Е.А., Астратова Г.В., Астратова С.В. Проблемы совершенствования высшего профессионального образования на пути к стратегии развития. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004.
10. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации № 1101- р от 07 августа 2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации.2009. № 33. Ст. 4110. П. IV.
11. Бочкарева С.И., Высоцкая Т.П., Ростеванов А.Г. Современное состояние и проблемы развития физической культуры в вузе // Вестник Российского экономического университета им. ГВ Плеханова. – М., 2017. – № 4 (94).

Медведева Л.М.
д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории, археологии и этнологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
medvedeva_l@mail.ru

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В РЕФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

***Ключевые слова**: высшее образование, реформирование системы образования, профессиональная подготовка, Болонский процесс, компетентностный подход, качество образования.*

Значение качественного образования трудно переоценить как с точки зрения внутренних потребностей национального развития, так и с точки зрения участия в усиливающейся борьбе за жизненное пространство в мире. Образовательная система формирует научный и профессиональный потенциал – одно из главных средств решения локальных и глобальных проблем. В современной России образование переживает трудный период реформирования, который с разной степенью интенсивности и идейной содержательности продолжается в течение трех последних десятилетий.

Принятая в 2000 г. «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г. обозначили направления и принципы процесса реформирования для придания ему большей определенности и государственного звучания. Положения о том, что образование должно обеспечивать историческую преемственность поколений, воспитание патриотов, сохранение и развитие национальной культуры, приоритетность образовательной системы как основополагающей платформы развития общества, подготовку высокообразованных специалистов и другие свидетельствуют о благих намерениях в столь актуальном на современном историческом этапе деле совершенствования образовательной системы.

Знаковым событием стало присоединение в 2003 г. России к Болонскому процессу, с которого началась решительная перестройка системы отечественного образования. Инициаторы этой затеи ориентировались на то, что после крушения советского строя Россию должны признать равноправным членом европейского сообщества и позволить включиться в его образовательное пространство.

Реформирование образования повлекло за собой многочисленные эксперименты с изменением образовательных стандартов, форм организации и аккредитации учебных заведений, методов подготовки и аттестации обучающихся, моделей оценки качества образования. Можно сказать, что проделан большой объем работы и затрачены немалые силы и средства на то, чтобы придать инновационный характер системе российского образования и обеспечить страну квалифицированными специалистами. Однако полученные результаты не только не соответствуют ожиданиям, но и вызывают серьезную озабоченность.

Следует заметить, что очевидную неудовлетворенность итогами подготовки кадров проявляют и участники образовательного процесса, и внешняя среда. Работодатели испытывают дефицит специалистов, а потребители сталкиваются с отсутствием профессионализма в самых различных областях производства и услуг. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения 83% работодателей воспринимают уровень подготовки в вузах как средний или низкий. Профессиональные качества трудовых ресурсов непосредственным образом влияют на состояние экономики. Вклад россиянина в ВВП страны за час рабочего времени в 2016 г. составил 25,1 долл. США (в Люксембурге – 95,1, США – 68,3, Германии – 66,6 долл.)[1]. Возможно, проблемы профессиональной подготовки не столь ощутимы в крупных городах центральной России, где расположены старейшие вузы страны с классическими традициями обучения, но по мере продвижения на восток они становятся все более очевидными.

Болевые точки реформационного процесса в области образования в значительной степени обозначены специалистами в многочисленных публикациях последних лет. Авторы подчеркивают, что разрушение десятилетиями наработанной советской системы образования, попытки подогнать ее остатки под зарубежные стандарты не приводят к позитивным результатам[2]. В дискуссии о целесообразности и эффективности внедрения Болонской системы правомерно указывается на то, что технология российского образования не соответствует схеме, на которой основывается Болонский процесс[3].

---

[1] Современные проблемы и перспективы интернационализации интеллектуальных ресурсов России (вызовы, стратегии, модели, интересы национального, регионального и отраслевого развития): коллективная монография / Под ред. А.Р. Грошева, С.О. Крамарова, В.И. Круглова, Н.В. Пелихова. – М.: РИОР, 2019. – С. 10.

[2] Болдырева Н.В., Максимова А.П., Мазурова Ю.С. Оценка качества образования на современном этапе развития системы общего и высшего образования // Экономические науки. 2018. – Т. 9, № 1(18). – С. 21.

[3] Гиниятуллина Д.Р. Болонская декларация как тенденция интеграции европейского и мирового образования: стандарты качества высшего образования // Проблемы современного педагогического образования. 2016. – № 52-6. – С. 25.

Отстраняясь от прописанных в многочисленных декларациях установок на повышение качества образования и интеграцию в международное информационное пространство, нужно сказать, что изначальными мотивами перестройки российского образования по западноевропейским образцам были, во-первых, желание привлечь иностранных студентов в отечественные вузы и тем самым включиться в доходный рынок образовательных услуг, во-вторых, обеспечить конвертируемость российских дипломов. Учитывая то, что переход на Болонскую систему потребовал колоссальных усилий со стороны образовательных учреждений, правомерно рассчитывать на соответствующий результат. В подтверждение достижений в области образования в последнее время приводятся данные об увеличении численности иностранных студентов в российских вузах (с 2010 по 2019 г. примерно в 2 раза). Однако отнесение этого показателя к успехам реформирования мало обосновано. Основной контингент прибывающих для поступления в вузы составляют выходцы из бывших союзных республик, для которых обучение в других европейских странах проблематично с точки зрения материальных затрат и языкового барьера. Из въехавших в Россию за первые два квартала 2019 г. 181,5 тыс. студентов около половины составили граждане Казахстана (59,3 тыс. чел.), Узбекистана (14 тыс. чел.) и Украины (13,7 тыс. чел.). Студентов, прибывших из Китая (21,2 тыс. чел.), в первую очередь, интересует изучение русского языка; более комфортные бытовые условия, чем в учебных заведениях северных провинций КНР; и приемлемая для них стоимость образовательных услуг. Европейские граждане не проявляют активности в поступлении в российские вузы. Из Великобритании в Россию приехало 767 чел., из Канады – 99[1]. Преимущественно выбор делается в пользу учебных заведений Москвы, Казани и Санкт-Петербурга.

Не произошло конвертируемости российских дипломов. За границей требуется процедура легализации и нострификации полученных в России документов об образовании. Распространена практика сдачи экзаменов для подтверждения полученной квалификации.

Для поднятия уровня образования далеко не достаточно произвести унификацию образовательной системы по западноевропейским образцам. Наиболее сложную проблему составляет обеспечение эффективного взаимодействия содержательной, методической и организационной частей образовательного процесса для достижения конкретной цели. И эта цель должна лежать не в абстрактной плоскости обучения профессии, а связываться с достижением национальных интересов. Кроме того, структурные элементы образовательной системы необходимо основывать на принципах альтернативности, преемственности и дополняемости. Эти принципы лежали в основе советской системы образования. Разветвленная, многоступенчатая сеть учебных заведений давала возможность получить профессию в зависимости от способностей и возможностей личности и в то же время регулировать процесс обеспечения кадрами различной квалификации в зависимости от потребностей отраслей экономики. Конкурсная основа поступления в высшие учебные заведения и строгий контроль за успеваемостью позволяли поддерживать качественный состав выпускников и соответственно рациональный расход государственных средств. На подготовке научных кадров специализировались университеты и аспирантура, обращавшие особое внимание на вопросы теории и методологии.

В результате неупорядоченного, подверженного скороспелым решениям реформирования сфера российского образования потеряла свою системность и ориентацию на стратегические цели национального развития. Сложилась диспропорция в пользу высшего образования с ориентацией на прикладную направленность обучения.

В.П. Бабинцев справедливо замечает, что формальная рациональность публичного управления для реформаторов стала важнее реальных целей. Усилиями административных структур повысилась роль внешней атрибутики, а желание у субъектов управления представить себя в выгодном свете приводит к замалчиванию недостатков и преувеличению позитивных аспектов[2].

Замена «концепции знаниевого подхода концепцией компетентностного подхода»[3] породила тенденцию к сокращению аудиторных занятий и несоразмерному увеличению периода практик на уровне бакалавриата. Признавая значение практического опыта, нельзя не отметить, что в условиях слаборазвитой экономики и повсеместно распространяющегося непрофессионализма практиковаться студентам подчас негде и не у кого. И что особенно важно, опасно пренебрегать знаниями, которые дает специально подготовленный для этого преподаватель. Именно знания составляют надежную базу для приобретения умений и навыков. Фундаментальные знания – это почва для анализа и материал для создания инструментов решения проблем. Попытка придать академический уровень обучению в магистратуре себя не оправдала, так как в магистратуру приходят в основном работающие студенты, что придает ей характер заочного обучения. Также направление магистратуры, на которое поступает студент, может не совпадать с направлением бакалавриата, которое он окончил, и в этом случае речь идет о смене профессиональной ориентации, а не об углублении специализации.

Навыки познавательной деятельности должны закладываться в общеобразовательной школе. Но сегодня мы наблюдаем поверхностный подход к изучению предметов в школе, нежелание учить наизусть, привычку использовать не научную литературу, а справочную информацию из Интернета. С этим багажом приходят многие выпускники в вузы. Бедность бюджета учебных заведений заставляет снижать требования к оценке результатов обучения, не отчислять не справляющихся с программой, но обучающихся платно студентов. В итоге свидетельство о высшем образовании не гарантирует соответствующей подготовки.

---

[1] ФСБ впервые раскрыла данные о приезжающих на учебу в Россию. – https://www.rbc.ru/society/19/08/2019/5d5694d89a79471a151e5e5f

[2] Бабинцев В.П. Высшее образование: дискредитация смыслов // Управление городом: теория и практика. 2016. – № 1. – С. 41–43.

[3] Гулая Т.М., Романова С.А. Компетентностный подход в образовании как необходимое условие профессиональной подготовки будущих специалистов в высшей школе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М., 2019. – Т. 12, № 6. – С. 256.

Многочисленные нарекания вызывают вопросы, связанные с условиями преподавательской деятельности. Д.Р. Вахитов и Т.Н. Кондратьева справедливо обращают внимание на низкую оплату труда профессорско-преподавательского состава при увеличении объема работы. Особое напряжение, по их мнению, вызывает вал документации, который обрушивается на преподавателей, отнимает силы и время и при этом не несет полезной нагрузки[1]. Как отмечает О.А. Мищенко создается впечатление, что органы государственного управления высшей школы живут в иллюзорном мире, где для трансформации образовательной парадигмы надо лишь утвердить новый образовательный стандарт, изменить требования к аттестации научно-педагогических кадров и перевести преподавателей на эффективные контракты[2].

Процветание бюрократической рутины и курс на снижение численности преподавательского состава уничтожают всякую возможность творческого подхода к процессу обучения. Времени на углубленную содержательную разработку учебно-методических материалов не остается, и она заменяется изменением формы. Занятие наукой, требующей определенной отрешенности от суетности повседневной жизни, превращается в тяжелую ношу, не приносящую удовлетворения ни личности, ни обществу. В погоне за ростом индекса Хирша, возведенного в ранг признаков научной состоятельности преподавателя, педагогический состав вынужден прибегать к унизительным средствам и приемам, которые не делают отечественную науку более продуктивной. Необходимость достижения количественных показателей вынуждает больше имитировать деятельность, чем заниматься ей должным образом. Талантливым педагогам в таких условиях работать некомфортно.

Вместе с перестройкой образования широкое распространение получила разработка многочисленных стандартов и критериев оценки качества. При этом они не всегда демонстрируют объективную картину, отражая не всю сложность проблемы, а лишь лежащие на поверхности характеристики. Так, например, показатель трудоустройства выпускников можно рассматривать лишь в совокупности с данными о развитии региональной производственной базы, о возможностях предпринимательской деятельности, объемах рынка труда и т.д. В районах с депрессивной экономикой и неэффективным управлением возможности использования указанного показателя для оценки качества образования ограничены.

В целом можно сказать, что процесс реформирования пока не вышел на генеральный путь, ведущий к устойчивой положительной тенденции в образовании. Проблемы очевидны, но для их решения еще не найдены эффективные средства. Для развития позитивной динамики в этом направлении, вероятно, необходимо:

– отказаться от копирования зарубежных образовательных технологий, которые не жизнеспособны и бесплодны в специфических условиях российской действительности;

– определить цель реформирования на основе национальных интересов, особенностей, положительного российского опыта и достижений;

– привлечь к разработке стратегии и тактики реформирования кадры, обладающие специальными знаниями в области образования и кадрового обеспечения;

– проводить обсуждение реформационных мер в научно-педагогической и общественной среде;

– остановить бессмысленный поток бюрократических изобретений в области стандартов, отчетности, требований, формуляров и правил, загружающих персонал учреждений не приносящей реальной пользы работой;

– установить баланс уровней образования не силовыми методами, а путем усиления их специализации, направленности на конкретный результат и конкурсного отбора поступающих;

– не принижать значение фундаментального знания в угоду краткосрочным трендам потребительского рынка;

– поднять авторитет профессуры, сделав ее центральным субъектом процесса обучения, обеспечив ей свободу творчества и достойное материальное обеспечение;

– пересмотреть критерии оценки учебной и научной работы для определения ее качества, а не показной активности.

[1] Вахитов Д.Р., Кондратьева Т.Н. Профессорско-преподавательский состав вузов в условиях реформирования российской системы высшего образования // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. – № 1. – С. 43–47.

[2] Мищенко О.А. Качество подготовки кадров в контексте смены парадигмы высшего образования // Высшее образование сегодня. 2020. – № 5. – С. 38.

Меденников В.И.
д.т.н., с.н.с., в.н.с., Вычислительный центр ФИЦ «Информатика и управление» РАН
dommed@mail.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИИ В РАМКАХ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Ключевые слова*: цифровизация, информационные научные ресурсы, методика, оценка научной деятельности, рейтинги, сайты, цифровая платформа.*

Keywords: *digitalization, informational scientific resources, methods, assessment of scientific activity, ratings, sites, digital platform.*

Как следует из [1] цифровая экономика должна увеличить к 2025 году ВВП России на 8,9 трлн. руб. В исследовании же аналитической компании McKinsey [2] говорится, что к 2025 году ВВП России может увеличиться за счет дальнейшей цифровизации экономики на 4,1–8,9 трлн. руб. Цифровизация обеспечит от 19 до 34% роста ВВП России, а сама доля цифровой экономики может составить 8–10% в ВВП, оценили в McKinsey. «Сейчас доля цифровой экономики в ВВП России составляет 3,9%, что в 2–3 раза ниже, чем у стран-лидеров – США, Сингапура и Израиля».

Таким образом, видно, что Программа по цифровой экономике по масштабам сравнима с космической программой, что подразумевает необходимость утверждения единого генерального конструктора (архитектора) программы ЦЭ с соответствующим научным и технологическим сопровождением, подобно Королеву С.П. в космической отрасли. Однако мы этого не наблюдаем, мероприятия по выполнению программы по цифровой экономике размыты по множеству организаций без разработки соответствующей согласованной архитекторы, в частности, единых онтологических моделей деятельности различных отраслей. Хотя попытки в этом направлении предпринимались. Например, В АСИ 18.02.2018 г. по инициативе администрации Президента была проведена даже специальная стратсессия по онтологическому моделированию различных отраслей, увенчавшаяся полной неудачей [3].

Анализ цифровых платформ (ЦП), анонсированных в Программе цифровой экономики, указывает на отсутствие, пожалуй, одной из основных – ЦП информационных научно-образовательных ресурсов (ИНОР), в частности научных. При этом руководство страны никаких требований к науке в этом направлении не предъявляет. Хотя, очевидно, что научно-обоснованное формирование информационного пространства этих ресурсов выполняет триединую роль.

1. Информатизация самой науки. Здесь формирование информационного Интернет-пространства научных ресурсов необходимо в связи с экспоненциальным ростом объемов информации в науке, появившейся возможностью создания новых информационных технологий, обеспечивающих эффективность извлечения необходимых знаний. Информационные технологии, прежде всего, на основе Интернет, дали науке качественно новые возможности для широкого обмена идеями между учеными и информационными научными ресурсами и их цифрового взаимодействия.

2. Информационные технологии способны выполнить функции стимулирования научно-технического прогресса лишь при условии определенного уровня интеллектуального потенциала общества, в формировании которого ключевую роль играет система образования. В процессе трансформации научных знаний в образовательные опять же большую роль играют ИКТ. Например, в [4] на основе теории комплементарности было показано, что вложения в ИКТ более эффективны, когда высок уровень двух других комплементарных активов – организационного и человеческого капиталов. То есть инвестиции в ИКТ связаны со значительными затратами на изменение организационного и человеческого капиталов, связанного с образованием.

3. Информационное Интернет-пространство научных ресурсов обеспечивает эффективную систему трансфера научных знаний в экономику, способствует разработке научных концепций ЦЭ, ее цифровых платформ, научное сопровождение, мониторинг процесса цифровизации страны, отраслей, предприятий, территориальных образований, общества. Так, производство в неявном виде высказывает свои требования к необходимости формирования информационного Интернет-пространства научных ресурсов. При обследовании сельскохозяйственных организаций по эффективности деятельности информационно-консультационной службы один фермер высказался так: «Я бы хотел такую систему, в которой мог быстро найти, например, разработку в виде средства борьбы с какой-либо болезнью растений, животного, потом получить тут же все публикации, всех консультантов, нормативно-правовую информацию, дистанционное обучение на эту тему. Потом в соответствующей БД найти нужного поставщика препарата с минимизацией затрат на приобретение и доставку».

Вследствие отстранения государством РАН от научного обеспечения процесса цифровизации экономики и общества и в результате проведенных реформ в экономике в настоящее время товаропроизводителю трудно найти разработки, публикации, прочую информацию по проблемам экономики, поскольку старая система распространения инноваций на бумажных носителях была разрушена, а новая на электронных – не создана. В то же время технологическое обновление экономики, идущее с Запада, показывает, что товаропроизводителю необходим значительно больший

«ассортимент» научной продукции, чем государство может предоставить на основе создаваемых БД: «Единая государственная информационная система учета результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (ЕГИСУ НИОКТР)», БД Федерального института промышленной собственности (патентные документы, товарные знаки, промышленные образцы, программы для ЭВМ, БД и топологии интегральных микросхем), E-library.ru, а также ряд других имеют довольно узкое целевое назначение, соответственно, специфическую аудиторию. Думается, что ни один фермер ни разу не зашел в эти БД.

В этой ситуации почти единственным источником, из которого могут черпать проверенные наукой знания – это сайты НИИ и вузов. Поэтому в настоящее время научные исследования, направленные на формирование научно-образовательной цифровой платформы, на анализ состояния, форм представления информационных научных ресурсов в Интернет-пространстве, изучение взаимодействия информационных научных ресурсов с прочими факторами с точки зрения экономического роста и определение оптимальной политики правительства в области цифровой экономики (ЦЭ), особенно в области эффективности использования их с оценкой результатов научной деятельности НИИ, являются актуальными.

Анализ сайтов НИИ, вузов, информационно-консультационных служб АПК позволил выделить семь видов научных информационных ресурсов, присутствующих в том или ином виде на этих сайтах: разработки, публикации, консультационная деятельность, нормативно-правовая информация, дистанционное обучение, пакеты прикладных программ (ППП), БД. Именно данные виды представления научных знаний наиболее востребованы в экономике АПК [5].

В [6] на основе оригинального определения ЦП путем моделирования цифровых платформ выделены две базовые платформы: производственная, отражающая экономические отношения, и научно-образовательная, отражающая интеграцию информационных научных и научно-образовательных ресурсов в Интернет-пространстве в виде единого информационного Интернет-пространства научно-образовательных ресурсов (ЕИИПНОР), представляющее интеграцию в единой базе данных (БД) в некотором облаке у провайдера информации как раз о разработках, публикациях, консультационной деятельности, нормативно-правовой информации, дистанционном обучении, пакетах прикладных программ, базах данных, разработанных НИИ РАН, вузами, предприятиями и другими организациями, имеющими эти семь видов представлений научных знаний. ЕИИПНОР должно стать главным фактором ускорения приобретения и практического использования полученных наукой знаний [7, 8].

Идея ЕИИПНОР много лет витает в воздухе. С одной стороны, уровень ИКТ, достигнутый к настоящему времени, позволяет перейти к технологиям ЕИИПНОР, с другой стороны, требования, предъявляемые к сайтам вузов Минобрнауки, Рособрнадзором России, отраслевыми министерствами для оценки деятельности образовательных учреждений, вынуждают эти сайты становиться все более похожими друг на друга. Недалек тот день, когда вузы должны перейти на типовые сайты. А это уже первый шаг к созданию ЕИИПНОР. При внедрении типовых сайтов в вузах и НИИ и их интеграции с данным пространством ИНОР автоматически попадали бы туда.

Правда, если требования федеральных органов власти подталкивают, хотя и бессистемно, вузы к переходу на типовые сайты, ничего подобного для НИИ не наблюдается в принципе. Более того, исследования показали, что проходящая в настоящее время реструктуризация научно-исследовательских организаций в некоторых случаях оказывает отрицательное воздействие на состояние их сайтов. Объединяющие под своим научным руководством ФИЦ и ФНЦ, в лучшем случае, поддерживают свои прежние сайты, на которых лишь располагают краткую информацию о присоединившихся НИИ (руководство, структура, контакты). Сайты присоединившихся НИИ чаще всего не поддерживаются или вообще ликвидируются, а находящаяся на них информация о публикациях, научных разработках и т.д. не переносится на сайты головных организаций. В результате ценная информация о научно-исследовательской деятельности НИУ не доходит до потребителя.

В качестве примера интеграции научных ресурсов в виде публикаций можно привести проект RePec (Research Papers in Economics), характеризующийся системным подходом, дающим возможность свободного доступа в мировой сети к информационным ресурсам научных работ по экономике, публикуемых в мире [9].

RePec (научные публикации по экономике) – проект, основанный на совместной работе сотен волонтеров из 93 стран для расширения распространения исследований в области экономики и смежных наук. Центром проекта является децентрализованная библиографическая база данных научных трудов, отчетов, документов, журнальных статей, книг, глав книг и программных продуктов, выходящих по всему миру. RePec можно назвать единым информационным пространством по экономическим исследованиям в мировом масштабе.

В настоящее время RePec является самой большой в мире онлайновой коллекцией рабочих документов, журнальных статей и программных продуктов по экономике. Здесь же собраны базы данных по организациям и авторам в области экономики. О востребованности такого проекта говорит тот факт, что только в сентябре 2017 года пользователями было загружено 441 497 файлов документов и просмотрено 1 657 039 аннотаций, а всего с января 1998 года загружено 97 933 110 файлов и просмотрено 393 736 069 аннотаций.

В случае оценки всей совокупности информационных ресурсов желательно иметь возможность сравнивать различные виды информации, получать если не единую меру, то хотя бы сопоставимые оценки полезности различных информационных ресурсов для производственной или иной системы, с тем чтобы распределять средства на информационное обеспечение более рационально. Поэтому хранение информационных ресурсов в базах данных ЕИИПНОР в некотором однородном виде за счет онтологического моделирования их, использования единого словаря параметров, форматов записи и представления данных и стандартизованной системы классификаторов позволит разработать типовую методику оценки эффективности использования информационных ресурсов, позволяющую использовать ее в автоматическом режиме.

Такой подход позволяет разработать и методику оценки результатов научной деятельности НИИ. Полученные таким образом оценки позволят рассчитать рейтинги их, влияние НИИ на экономику регионов.

Кроме семи видов представления научных знаний на сайтах все чаще появляется информация об электронной торговой площадке и электронной бирже труда, представленных также в гетерогенной форме, от простейших досок объявлений до полноценных площадок и бирж.

Методика оценки результатов научной деятельности НИИ была разработана на основе анализа состояния и объемов информационных ресурсов на сайтах аграрных вузов.

Для разработки методики был проведен мониторинг и анализ всех информационных ресурсов на соответствующих сайтах, влияющих на результат научной деятельности, с использованием разработанной оригинальной системы показателей. В соответствующей анкете отражены 79 показателей деятельности НИИ [10].

При разработке методики учитывались современные тенденции развития Интернет-технологий, когда провайдеры начинают предоставлять услуги по хранению контента сайтов в мощных системах управления базами данных (СУБД). Информационные ресурсы при этом могут храниться, с одной стороны, в виде каталогов, либо в виде полноформатного электронного представления, с другой стороны, в виде неупорядоченного списка, либо в виде упорядоченного электронного представления (с возможностью навигации, например, на основе СУБД по тематической рубрикации ГРНТИ, авторам, организациям, ключевым словам и т.д.).

Кроме того, в методику были включены пять показателей публикационной активности НИИ за пять лет по данным ELIBRARY, учитывая рост популярности оценки деятельности НИИ на базе публикационной активности, а также девять показателей оценки сайтов методами сайтометрии (webometrics), поскольку сайт НИИ, отчасти, предназначен для формирования целостного имиджа и привлекательной репутации его. В современной жизни, в условиях жесткой конкуренции во всех сферах деятельности общества имидж и престиж играют важную роль, в том числе и на инновационном рынке.

Общий критерий оценки результатов научной деятельности конкретного НИИ определен как сумма взвешенных групп, общая сумма весов которых равна 1, следующих частных критериев: оценки видов представления информационных научных ресурсов, оценки методами сайтометрии, оценки по состоянию электронной торговой площадки, оценки по состоянию электронной биржи труда, оценки по показателям публикационной активности НИИ.

Значения весов показателей критериев оценки определены на основе экспертных оценок, анкетирования преподавателей РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, значений этих весов, полученных в предыдущих исследованиях [11, 12].

Математическое описание методики

i – код уровня интеграции научных ИР, $i \in I$ (табл. 1);

l – код формы хранения научных ИР, $l \in L$ (табл. 2);

n – код вида представления научных ИР, $n \in N$ (табл. 3);

m – номер НИИ, $m \in M$;

h – код показателя публикационной активности НИИ, $h \in H$ (таблица 8);

P_j^m – частный критерий оценки результатов научной деятельности m-го НИИ по j-му показателю, $j \in J$ (табл. 4);

P^m – общий критерий оценки результатов научной деятельности m-го НИИ;

α_i^1 – вес значения показателя i-го уровня интеграции научных ИР;

α_l^2 – вес значения показателя l -й формы хранения научных ИР;

α_n^3 – вес значения показателя n-го вида представления научных информационных ресурсов;

β_j – вес значения критерия оценки результатов научной деятельности по j-му показателю (табл. 4);

$v_{i\ln 0}^m$ – объем ИР i-го уровня интеграции, l -й формы хранения, n–го вида представления m-го НИИ;

$\lambda_{i\ln}^m$ – значение критерия оценки ИР i-го уровня интеграции, l -й формы хранения, n–го вида представления m-го НИИ;

$\lambda_{i\ln}^m = v_{i\ln 0}^m / \max_m v_{i\ln 0}^m$;

d_{rm}^2 – объем r-го показателя оценки сайта методами сайтометрии m-го НИУ, $r \in R$ (табл. 5);

q_{rm}^2 – значение r-го показателя критерия оценки сайта методами сайтометрии m-го НИУ;

ϖ_r^2 – вес значения r-го показателя критерия оценки сайта методами сайтометрии (табл. 5);

$q^2_{rm} = d^2_{rm} / \max_m d^2_{rm}$;

d^3_{sm} – значение *s*-го показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной торговой площадки *m*-го НИУ (табл. 6);

ϖ^3_s – вес значения *s*-го показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной торговой площадки (табл. 6);

d^4_{gm} – значение *g*-го показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной биржи труда *m*-го НИУ (табл. 7);

ϖ^4_g – вес значения *g*-го показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной биржи труда (табл. 7);

d^5_{hm} – объем *h*-го показателя публикационной активности *m*-го НИУ (табл. 8);

q^5_{hm} – значение *h*-го показателя публикационной активности *m*-го НИУ;

ϖ^5_{hm} – вес значения *h*-го показателя публикационной активности *m*-го НИУ (табл. 8);

$q^5_{hm} = d^5_{hm} / \max_m d^5_{hm}$;

Тогда:

$$P^m = \sum_j \beta_j \; P^m_j \text{, где } P^m_1 = \sum_{i,l,n} \lambda^m_{i\ln} \alpha^1_i \alpha^2_l \alpha^3_n \text{, } P^m_2 = \sum_k \varpi^2_k q^2_{km} \text{, } P^m_3 = \sum_s \varpi^3_s d^3_{gm} \text{, } P^m_4 = \sum_g \varpi^4_g d^4_{gm} \text{,}$$

$$P^m_5 = \sum_h \varpi^5_h q^5_{hm} \text{.}$$

Ниже определены следующие значения параметров методики.

Таблица 1

Показатели уровня интеграции ИР

№ п/п	Наименование	Вес (%)
1	Неупорядоченный список	10
2	Упорядоченное электронное представление	90
Итого		100

Таблица 2

Показатели форм хранения ИР

№ п/п	Наименование	Вес (%)
1	Каталог	30
2	Полноформатное электронное представление	70
Итого		100

Таблица 3

Показатели видов представления научных ИР

№ п/п	Наименование	Вес (%)
1	Разработки	30
2	Публикации	20
3	Базы данных	5
4	Пакеты прикладных программ	5
5	Дистанционное обучение	5
6	Консультанты	30
7	Нормативно-правовая информация	5
Итого		100

Таблица 4

Показатели видов представления групп ИР

№ п/п	Наименование	Вес (%)
1	Критерий оценки видов представления научных информационных ресурсов	50
2	Критерий оценки методами сайтометрии	10
3	Критерий оценки по состоянию электронной торговой площадки	15
4	Критерий оценки по состоянию электронной биржи труда	10
5	Критерий оценки показателей публикационной активности	15
Итого		100

Таблица 5

Показатели критерия оценки методами сайтометрии

Код	Наименование	Группа	Вес внутри группы (%)	Вес группы, (%)
01	Индексация в поисковике Bing	Индек-сация	45,35	15
02	Индексация в поисковике Яндекс		54,65	
Итого по группе			100,00	
03	Найдено ссылок на сайт сервисом Alexa	Ссылки на сайт	22,82	70
04	Найдено ссылок на сайт поисковиком Google		23,99	
05	Найдено ссылок на сайт сервисом Linkpad		10,33	
06	Найдено сайтов со ссылками на сайт сервисом Majestic		21,5	
07	Найдено ссылок на сайт сервисом Majestic		21,28	
Итого по группе			100,00	
08	Ссылки с сайта (на сайты) найденные Linkpad	Ссылки с сайта	81,54	15
09	Ссылки с сайта (все), найденные сервисом Linkpad		18,46	
Итого по группе			100,00	
Итого по всем группам				100

Таблица 6

Показатели критерия оценки по состоянию электронной торговой площадки

№ п/п	Наименование	Вес (%)
1	Неструктурированная доска объявлений	5
2	Структурированная доска объявлений	10
3	Автоматизация поиска оптимального торгового партнера по заданному показателю	20
4	Автоматизация информационных процессов всех торговых операций	25
5	Полная автоматизация электронной торговли	40
Итого		100

Таблица 7

Показатели критерия оценки по состоянию электронной биржи труда

№ п/п	Наименование	Вес (%)
1	Неструктурированная доска объявлений	10
2	Структурированная доска объявлений	20
3	Электронная биржа труда (автоматизированный поиск)	60
4	Ссылки на другие биржи труда	10
Итого		100

Таблица 8

Показатели критерия оценки по публикационной активности НИИ

№ п/п	Наименование	Вес (%)
1	Индекс Хирша организации	20
2	Средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых публиковались статьи сотрудников НИУ (за последние 5 лет)	20
3	Среднее число публикаций в расчёте на одного автора (за последние 5 лет)	20
4	Среднее число цитирований в расчёте на одну публикацию (за последние 5 лет)	20
5	Среднее число цитирований в расчёте на одного автора (за последние 5 лет)	20
Итого		100

Анализ результатов расчетов

По данным, размещенным еще на сайте ФАНО, к началу 2018 г. в сфере сельского хозяйства функционировало 191 научно-исследовательское учреждение. Согласно проведенному исследованию из них 185 НИИ имели и поддерживали сайты. Был проведен мониторинг содержимого этих сайтов в соответствии с анкетой (79 показателей)

По результатам проведённого общего анализа можно сделать следующие выводы. В целом полнота сайтов очень низкая и очень далека от оптимальной, в среднем на сайтах присутствует чуть более пятой части (21,4%) всей необходимой информации. У четырех сайтов, составляющих группу лидеров, полнота чуть больше 30%.

Таблица 9

Полнота показателей обследования по группам показателей

Код группы	Группы показателей	Количество позиций в группе	Полнота группы (%)
1	О НИИ	18	41,5
2	Обучение	8	1,6
3	Подготовка научных кадров	5	15,1

4	Научно-исследовательская деятельность	14	14,8
5	Публикационная активность	7	22,4
6	Нормативно-правовая информация	4	4,9
7	Трудоустройство	4	4,3
8	Сотрудничество	2	15,9
9	Жизнь НИИ	2	0,1
10	Информационные ресурсы	6	14,4
11	Новости	1	83,2
12	Форум	1	6,5
13	Карта сайта	1	10,8
14	Общая оценка сайта	6	38,3
Итого		79	21,4

Для оценки результатов научной деятельности и их рейтингов методами сайтометрии был проведен анализ сайтов программой Site Auditor (https://www.site-auditor.ru/).

Расчеты показали, что первое место со значительным отрывом занял Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова. На втором месте – Почвенный институт имени В.В. Докучаева. На третьем – Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И. Вавилова. В табл. 10 приведены данные первых 10 НИИ.

Таблица 10

Оценки и рейтинги сайтов НИИ

Наименование НИИ	Оценка (%)	Рейтинг
Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова	89,19	1
Почвенный институт имени В.В. Докучаева	83,89	2
Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И. Вавилова	82,97	3
Всероссийский научно-исследовательский институт селекции и семеноводства овощных культур	81,96	4
Федеральный научный агроинженерный центр ВИМ Научное направление: Электрификация сельского хозяйства (ВИЭСХ)	80,18	5
Всероссийский научно-исследовательский институт птицеперерабатывающей промышленности	79,83	6
Всероссийский научно-исследовательский институт селекции плодовых культур	79,75	7
Всероссийский селекционно-технологический институт садоводства и питомниководства	78,41	8
Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства	77,23	9
Всероссийский научно-исследовательский институт мясной промышленности имени В.М. Горбатова	77,01	10

При этом 13 сайтов оказались невидимы для программы Site Auditor. Например, сайт Белгородского научно-исследовательского института сельского хозяйства, что очень удивительно, учитывая уровень развития сельского хозяйства в Белгородской области.

Для оценки результатов научной деятельности и их рейтингов методами публикационной активности был проведен анализ наличия информации о НИИ в Российском индексе научного цитирования (https://elibrary.ru/). Расчеты показали: первые места со значительным отрывом, заняли ВНИИ экономики сельского хозяйства (оценка – 1,0), Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова (оценка – 0,97) и ВНИИОПТУСХ (оценка – 0,78). Три последних места: Сахалинский НИИСХ (оценка – 0,07), Дальневосточный НИИ механизации и электрификации сельского хозяйства (оценка – 0,05), Дальневосточный зональный научно-исследовательский ветеринарный институт (оценка – 0,04). По Ингушскому НИИСХ вообще нулевая оценка. Окончательные результаты расчётов первых 10 НИУ представлены в табл. 11.

Таблица 11

Рейтинги и оценки методами публикационной активности

Наименование НИИ	Оценка (%)	Рейтинг
ВНИИ экономики сельского хозяйства	77,5	1
ВИАПИ имени А.А. Никонова	75,0	2
ВНИИОПТУСХ	60,3	3
Северо-Западный НИИ молочного и лугопастбищного хозяйства	54,3	4
ВНИИ использования техники и нефтепродуктов в сельском хозяйстве	52,5	5
Почвенный институт имени В.В. Докучаева	49,6	6
ВНИИЭиН	49,5	7
Институт агроинженерных и экологических проблем сельскохозяйственного производства	49,5	8
ВНИИ кормов имени В.Р. Вильямса	48,9	9
ВНИИ овцеводства и козоводства	44,4	10

Результаты расчетов оценки результатов научной деятельности показывают следующее. Первые места со значительным отрывом заняли ВНИИ экономики сельского хозяйства (оценка – 1,0), ВНИТИ птицеводства (оценка – 0,73) и НИИ садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко (оценка – 0,71). При этом 40 НИИ получили нулевую оценку. Подробней можно посмотреть в [10].

Результаты расчётов первых 10 НИИ представлены в табл. 12, где под номерами столбцов понимаются следующие показатели: 1 – разработки, 2 – публикации, 3- базы данных, 4 – ППП, 5 – дистанционное обучение, 6 – консультации, 7 – нормативно-правовая информация, 8 – общая частная оценка/рейтинги.

Таблица 12

Частные оценки результатов научной деятельности

НИИ	Частные оценки/рейтинги							8
Наименование	1	2	3	4	5	6	7	
ВНИИЭСХ	0,66/2	0,8/2	0,67/3	0,67/2	0/93,5	0,03/21	0/111	0,79/1
ВНИТИ птицеводства	0,05/64	0,01/90	0/101	0/100	0/93,5	1/1	0/111	0,6/2
НИИ садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко	1/1	0,03/55	0/101	0/100	0/93,5	0/104	0/111	0,54/3
ГОСНИТИ	0,49/4	0,32/7	0/101	0/100	0/93,5	0/104	0,35/11	0,48/4
ВНИИ кормов имени В.Р. Вильямса	0,06/51	0,05/37	0/101	0/100	0/93,5	0,55/3	0,3/12	0,45/5
Сибирский физико-технический институт аграрных проблем	0,28/12	0,09/21	1/1	1/1	0/93,5	0/104,5	0/111	0,45/6
Сибирский НИИ птицеводства	0,01/10	0/160	0/101	0/100	0/93,5	0,82/2	0/111	0,45/7
Институт агроинженерных и экологических проблем сельскохозяйственного производства	0,04/71	0,34/6	0/101	0/100	0/93,5	0,18/14	0/111	0,39/8
ВНИИ мясной промышленности имени В.М. Горбатова	0,24/14	0,41/4	0/101	0/100	0/93,5	0/104	0,4/9	0,38/9
ВИАПИ им. А.А. Никонова	0/165	0,35/5	0/101	0/100	0/93,5	0/104	0/111	0,38/10

Анализ состояния электронной торговой площадки показал: у 94 НИИ были обнаружены таковые в виде неструктурированной доски объявлений и лишь у шести в виде структурированной доски объявлений. Более продвинутых электронных торговых площадок не нашлось. Соответственно, пять лучших НИИ: ВНИИ кукурузы (оценка – 1,0, место – 1), ВНИТИ птицеводства (оценка – 0,67, место – 4), НИИ садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко (оценка – 0,67, место – 4), Сибирский физико-технический институт аграрных проблем (оценка – 0,67, место – 4), ФНЦ имени И.В. Мичурина (оценка – 0,67, место – 4).

Анализ состояния электронной биржи показал следующие данные: у 29 НИИ были обнаружены таковые в виде неструктурированной доски объявлений и лишь у трех в виде структурированной доски объявлений. Более продвинутых электронных бирж труда не нашлось. Соответственно, три лучших НИИ: ВНИТИ птицеводства (оценка – 1,0, место – 2), Тульский НИИСХ (оценка – 1,0, место – 2), Донской ЗНИИСХ (оценка – 1,0, место – 2).

В результате расчетов частных оценок результатов научной деятельности и частных рейтингов НИИ были получены общие оценки и рейтинги (табл. 13).

Таблица 13

Частные и общие оценки результатов научной деятельности и рейтинги сельскохозяйственных НИИ

НИИ	Частные оценки/рейтинги					Общая оценка / рейтинг
Наименование	Науч. ресурсы	Сайто-метрия	Торг. площадки	Биржа труда	РИНЦ	
ВНИИЭСХ	1/1	0,87/9	0,33/53	0/109	1/1	0,79/1
ВНИТИ птицеводства	0,73/2	0,75/23	0,67/4	0/109	0,42/30	0,6/2
НИИ садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко	0,71/3	0,64/54	0,67/4	0/109	0,15/149	0,54/3
ГОСНИТИ	0,53/5	0,79/16	0,33/53	0/109	0,57/12	0,48/4
ВНИИ кормов имени В.Р. Вильямса	0,49/7	0,66/42	0,33/53	0/109	0,63/9	0,45/5
Сибирский физико-технический институт аграрных проблем	0,47/8	0,71/33	0,67/4	0/109	0,3/70	0,45/6
Сибирский НИИ птицеводства	0,58/4	0,52/100	0,33/53	0/109	0,36/46	0,45/7
Институт агроинженерных и экологических проблем сельскохозяйственного производства	0,32/16	0,85/11	0,33/53	0/109	0,64/8	0,39/8
ВНИИ мясной промышленности имени В.М. Горбатова	0,4/11	0,86/10	0,33/53	0/109	0,25/102	0,38/9
ВИАПИ	0,16/36	1/1	0/142,5	0,5/18	0,97/2	0,38/10

Для стимулирования совершенствования трансфера научных знаний в экономику в дальнейшем необходимо включить в методику оценки результатов научной деятельности показатель, отражающий взаимосвязь полученного выше рейтинга НИИ и ряда региональных рейтингов, характеризующих их экономическое положение. В качестве таких региональных рейтингов можно использовать следующие: рейтинг регионов по уровню зарплаты в сельском хозяйстве (торгово-информационная система «Agro2b»), рейтинг регионов по уровню жизни (деловой еженедельник «Профиль»), рейтинг регионов по социально-экономическому уровню (агентство «Credinform»), рейтинг по устойчивому развитию регионов (рейтинговое агентство «Интерфакс»), рейтинг социально-экономического положения регионов (рейтинговое агентство «РИА Рейтинг»), рейтинг регионов по производству сельскохозяйственных продуктов (издание «Ежедневные новости Владивостока»).

Тогда интегральная оценка результатов научной деятельности *m*-го НИИ, находящегося в *t*-м регионе P_0^{tm} определим следующим образом $P_0^{tm} = d_1 P^{tm} + d_2 \left(\sum_{k=1}^{V} v_k^t\right)/V$, где v_k^t – *k*-й региональный рейтинг (в %) в *t*-м регионе,

P^{tm} – общий рейтинг *m*-го НИИ, находящегося в *t*-м регионе, V – количество региональных рейтингов, d_1 и d_2 положительные числа, отражающие веса слагаемых, $d_1 + d_2 = 1$.

А пока применение двух наиболее известных статистических методов: расчет попарных связей между рангами (коэффициентов корреляции Спирмена) и вычисление коэффициента конкордации Кендалла показало слабую степень согласованности рейтингов, рассмотренных выше [10, 13], что лишний раз подтверждает результаты исследования, приведенные в первой части статьи.

Список литературы и источников

1. https://twitter.com/ru_rbc/status/882564434698305537/
2. http://www.rbc.ru/technology_and_media/05/07/2017/595cbefa9a7947374ff375d4?from=main/
3. Стратегическая проектная сессия. – http://onto.digital-economy.ru/
4. Bresnahan T., Greenstein Sh. The Economic Contribution of Information Technology: Towards Comparative and User Study // Journal of Evolutionary Economics. 2001. – Vol. 11, N 1.
5. Меденников В.И., Муратова Л.Г., Сальников С.Г. Модели и методы формирования единого информационного Интернет-пространства аграрных знаний. – М.: Издательство ГУЗ, 2014.
6. Меденников В.И. Математическая модель формирования цифровых платформ управления экономикой страны // Цифровая экономика. 2019, № 1. – С. 25–35.
7. Меденников В.И., Горбачев М.И., Сальников С.Г. Анализ влияния научно-образовательных ресурсов на социально-экономическое положение регионов // Информатизация образования и науки. 2018. – № 1(37). – С. 154–171.
8. Зацаринный А.А. Цифровая платформа для научных исследований // Материалы Международной научной конференции «Математическое моделирование и информационные технологии в инженерных и бизнес-приложениях». Воронеж, 3–6 сентября 2018. – С. 104–113.
9. http://repec.inecon.org/
10. Меденников В.И., Сальников С.Г., Личман А.А. и др. Эффективность использования информационных Интернет-ресурсов научно-исследовательских учреждений аграрного направления. – М.: Аналитик, 2018.
11. Меденников В.И., Сальников С.Г., Личман А.А., Муратова Л.Г., Горбачев М.И., Тухина Н.Ю. Методика оценки эффективности использования информационных научно-образовательных ресурсов. – М.: Аналитик, 2017.
12. Меденников В.И., Муратова Л.Г., Сальников С.Г. и др. Методика оценки эффективности использования информационного ресурса информационно-консультационной службой (ИКС). – М.: Аналитик, 2016.
13. Айвазян С.А. Теория вероятностей и прикладная статистика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

Михайлов В.А.,
Тупик Е.С.[1]

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: *высшее образование, инновационная деятельность, инновационный климат, корпоративная инновационная культура, регион.*
Keywords: *higher education, innovation activity, innovation climate, corporate innovation culture, region.*

В проекте федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» дается следующее определение инновационной деятельности: «совокупность мероприятий (в том числе организационных, финансовых), реализуемых в целях использования результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере для создания новой или усовершенствованной продукции, для выполнения (оказания) новых либо улучшенных работ (услуг) или внедрения новых (улучшенных) способов их производства (выполнения, оказания) либо для освоения или усовершенствования технологии»[2].

Инновационная деятельность, рассмотренная со стороны общей структуры любого вида деятельности, включает в себя следующие основные элементы: *субъект – объект – мотивы (потребности и интересы) – цель и задачи – действия и средства – условия (факторы, внутренняя и внешняя среда) – результат (эффекты и эффективность).* Каждый из перечисленных элементов, с одной стороны, требует отдельного рассмотрения, с другой – все эти элементы нуждаются в объединении в рамках системного подхода.

Субъект инновационной деятельности. Модельный закон об инновационной деятельности применительно к жизнедеятельности государств-участников СНГ постулирует: «Субъектами инновационной деятельности являются: физические и юридические лица, создающие и реализующие инновации; органы государственной власти и местного самоуправления и уполномоченные ими организации, участвующие в формировании и реализации государственной инновационной политики и в регулировании инновационной деятельности; специализированные организации инновационной инфраструктуры, обеспечивающие инновационную деятельность; общественные организации, их объединения, профессиональные саморегулируемые организации, защищающие интересы производителей и потребителей инновационной продукции»[3].

Отсюда следует, что субъект инновационной деятельности всегда имеет *коллективный* характер. С социологической точки зрения при изучении субъекта инновационной деятельности в вузе надо рассмотреть в первую очередь те социальные группы, которые участвуют в инновационных процессах, выявить и описать их место и роль, раскрыть механизмы и проблемы взаимосвязи. Так, уже на уровне управляющего субъекта встают такие фундаментальные проблемы, как неэффективность управления инновационной деятельностью, неспособность создать общевузовскую работоспособную команду и др. «Цепочка» управления инновациями в стране имеет многочисленные невидимые разрывы, именуемые также «черными дырами», которые, во-первых, создают эффект «холостого хода» и не приводят к зримым экономическим результатам, во-вторых, способствуют совершенно неэффективному использованию бюджетных средств, выделяемых на эти цели»[4]. Данный вывод сделан в 2009 г., но многие с ним согласятся и сегодня.

Как показал экспертный опрос, главными направлениями инновационной деятельности управленческого звена регионального вуза должны быть следующие: всестороннее развитие инновационной среды университета (организация и мобилизация подлинных субъектов инноваций); формирование стойкого инновационного климата как совокупности факторов внешней среды организации, прямо или косвенно влияющих на возможность реализации ее инновационного потенциала, формирование внутренней обстановки, в которой человек чувствует себя свободным, полностью мотивированным, готовым к творчеству; культивирование инновационной культуры как совокупности знаний, умений и навыков комплексного внедрения и всестороннего освоения новшеств; наращивание инновационного потенциала вуза как совокупности наличных ресурсов, достаточных для осуществления эффективной инновационной

[1] Михайлов Валерий Алексеевич – д.филос.н., зав. кафедрой социологии, Тверской государственный университет. Профессиональные интересы: социология, политология, философия. E-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru

Тупик Елена Сергеевна – старший преподаватель кафедры социологии, профессиональные интересы: социология, Тверской государственный университет. E-mail: Tupik.ES@tversu.ru.

[2] Проект ФЗ «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации». – http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=69845

[3] Модельный закон об инновационной деятельности. Принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 27–16 от 16 ноября 2006 года). – https://docs.cntd.ru/document/902050947

[4] Аналитический обзор результатов социологического исследования «Изучение объективных и субъективных противоречий в процессе управления инновациями в системе среднего и высшего профессионального образования в регионах Российской Федерации» / НП «Центр развития малого бизнеса, образования и международных связей «Сократ» (г. Липецк). 2009.

деятельности и характеризует способность вуза к изменению, улучшению, устойчивому развитию и достижению нового качественного состояния и др.[1]

Важно заметить, что вузовская инновационная деятельность внутренне противоречива уже в силу специфичности интересов основных субъектов инновационного процесса. Так, профессорско-преподавательский состав и вспомогательный персонал вуза весьма радикально отличаются как в понимании инновационной деятельности, так и по степени вовлеченности в саму инновационную деятельность. Большие различия обнаруживаются также между управленческим звеном и основной массой преподавателей. Инновационный процесс в вузе вообще может рассматриваться как сумма противоречивых интеракций. «При этом интеракции представляют собой взаимодействия между основными участниками инновационной деятельности. В качестве важных показателей, характеризующих инновационный процесс как процесс интеракций, выделяются: отношение работников вуза к инновациям и инновационным ценностям; восприимчивость к нововведениям; уровень инновационной активности работников вуза; готовность к освоению новшеств. От того, в какой мере удается достичь согласованности действий участников инновационного процесса, существенно зависит результат внедрения новшеств»[2].

Превращение новации в инновацию подразумевает не только ее массовое распространение, но и определенный экономический и/или социальный эффект. Внутривузовские исследования на протяжении нескольких лет показывают одну и ту же картину: около половины опрошенных преподавателей крайне негативно оценивают эволюцию вузов в сторону хозяйствующих субъектов. Профессорский корпус вуза не признает получение коммерчески значимого продукта и извлечение коммерческого дохода от научной и образовательной деятельности вуза в качестве главной цели инноваций в системе высшего образования. При этом до 70% опрошенной профессуры готовы принять в качестве главной цели инноваций «обеспечение конкурентоспособности вуза», но только – в научном и образовательном пространстве.

Объект инновационной деятельности. В одном из нормативных документов отмечается: объектами инновационной деятельности являются результаты интеллектуальной деятельности, содержащие практическую информацию о свойствах, способах производства и области применения инновационной продукции (новшества, нововведения), ноу-хау, научно-техническая и другая полезная информация; объекты исключительных прав, связанные с созданием инновационной продукции; инновационные и инвестиционные проекты, программы, работы и услуги, связанные с созданием, освоением и распространением инновационной продукции (товаров, услуг); новые технологии, а также недвижимые и движимые вещи (имущество), технические изделия, оборудование, обладающие новыми потребительскими свойствами или техническими характеристиками; материальные и нематериальные финансовые активы, ценные бумаги инновационных предприятий[3].

Представляется, что здесь мы встречаемся с распространенной путаницей в понятиях (то, на что воздействует субъект, смешивается с тем, что он получает в качестве результата). Принципиальное отличие как раз в том и состоит, что в самом важном виде деятельности вуза (образовательная деятельность) приходится воздействовать, в основном, не на вещественный объект, а на одушевленный субъект. Уже вследствие этого факта мы должны снять все претензии адекватно измерить эффективность инновационной деятельности в вузе: эффекты будут ясны только в отдаленном будущем и в ином качестве.

Важно отметить, что именно объекты инновационной деятельности служат одной из основ классификации инноваций в деятельности вуза. «Ключевым аспектом для типового разграничения инноваций в образовании является, в первую очередь, объект инновационной деятельности, а также компонента образовательного процесса, которая подвергается оптимизации»[4]. Объекты инновационной деятельности, как и субъекты, предопределяют специфику того или иного вида инновационной деятельности в вузе (научно-исследовательская, учебная, воспитательная и др.).

Мотивы (потребности, интересы) инновационной деятельности. Без учета общественных потребностей (в виде внешней среды жизнедеятельности вуза) и всемерного задействования личного интереса невозможно должным образом развернуть инновационную деятельность в вузе. К сожалению, пока мы наблюдаем явную «недоработку» социальных запросов, которые должны были бы быть представлены в виде бурно развивающейся инновационной экономики и т.д. «На протяжении последних двух десятилетий связи вузов с реальной экономикой в основном разрушались, не замещаясь новыми механизмами, адекватными системе рыночной экономики, основанной на знаниях».[5] Тот же искомый коммерческий успех инновационной деятельности вуза не может быть обеспечен до тех пор, пока в стране нет заинтересованного и мощного импульса со стороны работодателей.

---

[1] Изучение инновационной деятельности Тверского государственного университета было начато в 2012 г., когда была развернута поисковая научно-исследовательская работа при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (шифр 2011-1.3.1-303-013). Мониторинг развертывания инновационной деятельности в вузе осуществляется в постоянном режиме коллективом кафедры социологии и лаборатории социальных исследований ТвГУ.

[2] Тарабаева В.Б. Инновационное развитие вузов: проблемы управления конфликтами: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 279.

[3] Модельный закон об инновационной деятельности. Принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 27-16 от 16 ноября 2006 года). – http://docs.cntd.ru/document/902050947

[4] Хусаинов З.А. Инновационные процессы в образовании. – Казань: КПФУ, 2014. – https://kpfu.ru/portal/docs/F612562072/Innovacionnye. processy.v.obrazovanii.pdf

[5] Концепция развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации на период до 2015 года. – https://base.garant.ru/6751980/

Важно подчеркнуть следующий аспект разбираемой проблематики. Технические, медицинские, педагогические, экономические и иные вузы встроены и настроены на взаимодействие, в основном, с какой-то определенной отраслью народного хозяйства. Поэтому должное взаимодействие науки, образования и социума невозможно не только без активной стимулирующей деятельности со стороны отдельных областей общественной жизни, но и остро нуждается в общегосударственной координирующей инстанции.

Одним из важных рычагом инновационного менеджмента является личностная мотивация. Доктор Свен-Тор Холм, генеральный директор Lundavision AB (1976-1982 гг.) отмечает: «Инновационная система начинается с мотивации людей. Без нужных людей далеко не уедешь. Можно купить самые передовые технологии, но без людей, которые смогут их использовать и развивать ничего не получится… Чем и для кого занимаются десятки тысяч ваших ученых? А ведь это главное, что есть в инновационной системе: возможность мотивировать людей и поместить их в систему, где знание (российские знание и научные исследования заслужили мировое признание) будет, в конечном счете, воплощено в продукте, имеющем коммерческую ценность. В этом заключается истинный смысл инновационной системы»[1]. Исследования в ТвГУ показали, что стимулирование инновационной деятельности в вузе развито плохо (с этим согласно 45% опрошенных, а 15% респондентов вообще не видят такой системы в вузе). Примерно такое же положение во многих других высших учебных заведениях страны. О.В. Юрова, И.А. Небыков, М.А. Виноградова пишут: «Как показывают многочисленные исследования, пока в вузовской среде, в основном, действуют «внешние» мотивы: для многих привлекательной является не инновационная деятельность как таковая, а лишь ее сопутствующие феномены – материальное благополучие, престиж и проч.[2]

Весьма показателен следующий пример. НИРС традиционно рассматривается как одно из главных направлений приобщения студентов к научно-исследовательской и инновационной деятельности. Однако если брать не обязательные (подготовка и защита курсовых работ и ВКР), а наиболее продуктивные формы участия студентов в НИР, то дела будут выглядеть совсем не блестяще: большинство студентов регионального вуза на момент исследования не состояли в научных сообществах; не участвовали в хоздоговорных НИР; отмечено лишь небольшое число студентов, которые сумели опубликовать свои труды (64% респондентов-студентов ТвГУ никогда и нигде не публиковались).

Уместно подчеркнуть, что система мотивации должна быть дифференцированной. С одной стороны, необходима единая общевузовская система мотивирующих факторов, а с другой – в отношении каждой группы внутренней общественности необходимо разработать особую систему стимулирования инновационной деятельности. Без этого будет процветать так называемое «управление без мотивации», при котором прокламируемые инновации на самом деле остаются псевдоинновациями.

Цель и задачи инновационной деятельности. Инновационная деятельность в вузе внутренне противоречива из-за разницы потенциала и мотивации участвующих в инновационном процессе субъектов. А для того, чтобы они работали в унисон, необходимы единые целевые установки.

Если сравнить два основополагающих документа применительно к постановке целевых установок инновационной деятельности, то увидим существенную разницу. В Концепции развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации на период до 2015 года говорится: «Стратегической целью реализации настоящей Концепции является повышение вклада вузов в технологическую модернизацию реального сектора экономики Российской Федерации через развитие их научно-исследовательской и инновационной деятельности»[3]. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечается: «***Ключевыми задачами Стратегии*** являются: 1) наращивание человеческого потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций. Эта задача включает повышение восприимчивости населения к инновациям – инновационным продуктам и технологиям, радикальное расширение «класса» инновационных предпринимателей, создание в обществе атмосферы «терпимости» к риску, пропаганда инновационного предпринимательства и научно-технической деятельности…»[4]. Таким образом, первоначальное предзнаменование инновационной деятельности выглядит чрезвычайно узко и рассматривается исключительно как подчиненное экономическим целям средство. В другом документе целевые установки инновационной деятельности существенно расширяются, сама эта деятельность провозглашается целью (в первую очередь для высшего образования). Правда, остается неясным, с помощью каких механизмов возможно объединение образования и экономики в работающее единство, если для высшего образования инновационная деятельность провозглашается как ключевая цель (формирование и ее всемерное развитие), а для экономики она не более чем средство (коммерческое продвижение нового продукта). Тем не менее, сделан существенный шаг вперед: в разделе «III. Инновационный человек» специально подчеркивается: «Ключевая задача инновационного развития… создание условий для формирования у граждан компетенций инновационной деятельности, иначе говоря – компетенций «инновационного человека» как субъекта всех инновационных преобразований. «Инновационный человек» – не синоним «инновационного предпринимателя»[5].

---

[1] Холм Свен-Тор. Инновационная цепь: в поисках недостающего звена российской инновационной системы // Инновационные тренды. Периодический бюллетень Ин-та общественного проектирования. 2010. – № 1. – С. 12.

[2] Юрова О.В., Небыков И.А., Виноградова М.А. Мотивация труда в контексте инновационной деятельности. – http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2012/Economics/6_109165.doc.htm

[3] Концепция развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации на период до 2015 года / Министерство образования и науки Российской Федерации. Письмо от 22 февраля 2011 г. № 13-91. – https://base.garant.ru/6751980/

[4] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года / Минэкономразвития России. – М., 2010. – http://wiki.dataved.ru/knol/innovation-and-venture-capital/russian-innovations-program#Toc 281234960

[5] Там же.

Перечень компетенций инновационной деятельности известен: способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому; способность к критическому мышлению; способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно и готовность к работе в команде, готовность к работе в высококонкурентной среде; широкое владение иностранными языками как коммуникационными инструментами эффективного участия в процессах глобализации, включая способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению на английском языке и т.д. Но надо отметить, что в соответствии с утвержденными ФГОС ВО 3++ выпускники образовательных программ академического бакалавриата, академической магистратуры и аспирантуры многих направлений должны быть подготовлены к выполнению научно-исследовательского и педагогического видов деятельности, а остальные (в том числе – инновационный, инновационно-предпринимательский типы задач профессиональной деятельности) являются не основными, а только рекомендуемыми.

Конкретно-социологические исследования показывают, что главными целями инноваций в системе высшего образования респондентами-преподавателями в ТвГУ признаются – повышение качества образования (71%), всестороннее развитие способностей студентов (53%), получение новых научных знаний (42%), обеспечение конкурентоспособности вуза в научном и образовательном пространстве (38%), извлечение коммерческого дохода от научной и образовательной деятельности вуза (35%), повышение доступности образования (29%), другое (3%).

Многие вузы цель инновационной деятельности закладывают в миссию учебного заведения. Так, провозглашенная миссия Тверского государственного университета – «выступать генератором инновационного развития Верхневолжского региона. Она включает пять основных компонентов: *образовательный* – развивать инновационную, соответствующую мировым стандартам, систему подготовки квалифицированных кадров по фундаментальным и приоритетным направлениям, конкурентоспособных на рынке труда, готовых к созданию на нем новых рабочих мест, ориентированных на самореализацию, гражданские ценности и социальную ответственность; *научный* – готовить кадры высшей научной квалификации, развивать фундаментальные и прикладные исследования в приоритетных направлениях; *культурный* – быть центром культуры в регионе, содействуя изменению социальной среды, создавая определенную духовную атмосферу, обучая интеллигентному и конструктивному разрешению проблем, творческому подходу к реализации моделей жизнедеятельности, необходимости сочетания материальных и духовных компонентов на всех стадиях человеческой жизни; *инновационный* – быть ведущим научно-координационным центром развития инновационной среды региона и формирования в регионе особой инновационной культуры и инноваций как образа мышления и повседневной деятельности; *предпринимательский* – развивать социально-ориентированную и инновационную предпринимательскую активность, использовать механизмы государственно-частного партнёрства»[1]. Респонденты следующим образом оценили состояние дел в настоящее время:

Является, по Вашему мнению, региональная высшая школа ядром инновационной инфраструктуры региона?	%
да	16
нет, но со временем обязательно станет уже в обозримом будущем	49
нет, этого не произойдет в обозримом будущем	23
затрудняюсь с ответом	13

По мнению большинства опрошенных студентов, университет включен в решение задач инновационного развития различных сфер региона (лишь 6% опрошенных не согласны с этим утверждением). Больше половины опрошенных посчитали, что вуз встал на путь инновационного развития, однако «не в полной мере», т.к. не все поставленные задачи университет пока в силах осуществить и среди профессорско-преподавательского состава пока мала доля тех, у кого инновационная деятельность стала повседневной нормой их профессиональной деятельности.

Действия и средства инновационной деятельности. В исследовании, проведенном более 10 лет назад, отмечается: «изучение проблемы толкования термина «инновации» в системе высшего и среднего профессионального образования выявило три основные вариации понятия «инновационная деятельность»: поиск и применение новых инновационных методов обучения; научная работа (в рамках учебного процесса); изобретательская деятельность (т.е. разработка новых технологий и/или изделий)… При проведении опроса в высших и средних специальных учебных заведениях трех областей Центрального Черноземья мы предложили респондентам ранжировать по степени важности эти три основные понятия, предложив им также назвать собственный вариант... наиболее важным новые инновационные методы обучения считают 67,7% респондентов, научную деятельность – 56,2%, а деятельность, связанную с разработкой новых товаров или технологий – 60,7%»[2].

Корпус преподавателей регионального вуза (ТвГУ) думает несколько иначе: респонденты согласны с тем, что инновационная деятельность вуза – это, в первую очередь, апробация и внедрение новых элементов содержания образования, новых форм образовательных технологий, а также создание системы подготовки и переподготовки кадров для региона (88 и 90% соответственно).

Важное место в инновационной деятельности любого вуза играет материально-техническая база. Большинство респондентов (преподаватели, студенты, вспомогательный персонал ТвГУ) выделило следующие составляющие инновационной инфраструктуры ТвГУ – материально-техническую и информационную базу, бизнес-инкубаторы, ком-

[1] Миссия Тверского государственного университета. – http://university.tversu.ru/general/goals/

[2] Аналитический обзор результатов социологического исследования «Изучение объективных и субъективных противоречий в процессе управления инновациями в системе среднего и высшего профессионального образования в регионах Российской Федерации» / НП «Центр развития малого бизнеса, образования и международных связей «Сократ» (г. Липецк). 2009. – С. 10–11.

пьютерные парки и телекоммуникационные системы, лаборатории инновационных разработок, технопарки и др. По мнению опрошенных студентов, Интернет-технологии в университете используются довольно часто. В целом к инфраструктуре инновационной деятельности вуза больших претензий нет.

Условия (факторы, внутренняя и внешняя среда). Внешняя и внутренняя среда развертывания инновационной деятельности в вузе играет основополагающую роль. Вот что, например, пишут авторы коллективного труда: «В качестве условий создания, динамики и трансформации модели формирования исследовательских компетенций в системе высшего образования выделены: актуальные и прогнозируемые запросы общества на компетенции исследователя; запросы и требования рынка труда (задачи деятельности исследователя и требуемые ему компетенции); социально-личностные установки студентов (аспирантов); государственные регулятивы, действующие в сфере науки (включая требования к квалификациям работников) и высшего образования; состояние научно-образовательной среды организации»[1].

Одна из главных проблем при развертывании инновационной деятельности в вузе как раз и состоит в том, что внешние факторы (например, в виде требований и ожиданий со стороны главных субъектов образовательного процесса) задают крайне неоднозначные посылы: ФГОС ВО ориентирует на одно, профстандарт требует несколько иного, работодатели ищут в выпускниках вузов страны третьего, родители и студенты – четвертого и пятого и т.п. В этом отношении острие прикладных исследований должно быть направлено на изучение и иерархизацию хотя бы важнейших условий и факторов, напрямую и с наибольшей силой воздействующих на жизнедеятельность того или иного вуза.

Немаловажными являются и внутривузовские факторы: инновационный потенциал, инновационная среда вуза, инфраструктура инновационной деятельности, уровень подготовки абитуриентов и проч. Здесь главная задача – формирование инновационной корпоративной культуры, в которой главной ценностью и основной моделью поведения для большинства сотрудников становится деятельность по созданию и продвижению инноваций. Тот или иной уровень развития инновационной корпоративной культуры выступает как необходимое основание и вполне достоверный показатель инновационного потенциала вуза.

Каковы, по Вашему мнению, основные причины сдерживания активного применения инновационных технологий в университете?	%
отсутствие технических и иных возможностей (нет соответствующего оборудования для научных исследований и образовательного процесса, отсутствует необходимое программное обеспечение, нет соответствующего финансирования и т.д.)	79
отсутствие развернутой системы мотивации инновационной деятельности	74
отсутствие у большинства студентов, аспирантов и преподавателей вуза надлежащих знаний и умений в области инновационной деятельности	59
отсутствие опыта разработок инновационных образовательных технологий	50
нежелание крупного и среднего бизнеса вкладывать активы в инновационное развитие вузов	43
массовый уход интеллектуалов из инновационной деятельности	40
инертность большинства преподавателей	39
неразвитость инновационной инфраструктуры вуза	34
отсутствие региональной инновационной системы	33
отсутствие у студентов интереса к новым формам работы и вообще к учебе	31
российские университеты не функционируют пока как часть национальной инновационной системы	25
дисциплинарная замкнутость и отсутствие организационной гибкости, что мешает выполнять междисциплинарные (межкафедральные и т.д.) инновационные проекты	24
большая учебная нагрузка	24

Вот обобщающая оценка ведущего вуза Тверской области как научно-учебно-инновационного центра региона:

Ваша оценка деятельности университета как научно-учебно-инновационного центра региона (единство научной, учебной и инновационной деятельности для создания наиболее благоприятных условий становления и развития творческой личности, научно-педагогических коллективов, эффективного взаимодействия со средой)	%
ТвГУ выполняет данную роль на высоком уровне	4
ТвГУ выполняет данную роль на среднем уровне	58
ТвГУ выполняет данную роль на низком уровне	30
ТвГУ пока еще не готов выполнять данную роль	4
затрудняюсь ответить	5

Вызывает интерес следующее распределение ответов на вопрос «*Какие рекомендации по развитию инновационной среды университета Вы поддержали бы в первую очередь?*»: 68% – создание четкой и эффективной системы поощрения за эффективную инновационную деятельность, 64% – расширение форм и методов стимулирования и поддержки кафедр/преподавателей, ведущих инновационные разработки, 59% – расширение контактов с предприятиями региона (подготовка, переподготовка кадров, заказы на товары и услуги и т.п.), 51% – расширение деловых контактов с региональным бизнес-сообществом (привлечение инвестиций, подготовка и переподготовка кадров и др.), 49% – тщательный подбор руководящих кадров (главный критерий – ориентация на инновации), 48% – расширение спектра мероприятий по популяризации и обучению инновационной деятельности (актуализация и развитие знаний в области

[1] Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Коллективная монография / Отв. ред. Е.В. Караваева. – М.: Геоинфо, 2018. – С. 34.

инноватики в высшем образовании и др.), 47% – систематические стажировки в ведущих зарубежных и отечественных вузах тех сотрудников, которые активно заняты в инновационной деятельности университета, 43% – резкое расширение участия вуза в реализации крупномасштабных региональных инновационных проектов, 42% – модернизация учебно-материальной базы современного учебного заведения высшего профессионального образования, 35% – формирование механизмов широкого вовлечения молодежи в инновационную деятельность, 32% – создание в вузе сети малых предприятий (центров и т.д.) по внедрению инноваций, 27% – внедрение механизмов стимулирования руководителей всех уровней к переходу на инновационный путь развития, 23% – всемерное вовлечение студентов, аспирантов и преподавателей в процесс планирования, внедрения и управления инновационных проектов различного уровня, 23% – широкая популяризация и пропаганда полезности, престижности и значимости рационализаторской, изобретательской и креативной деятельности в вузе, 20% – отлаженный мониторинг и четкая система извещения о нуждах регионального бизнес-сообщества, других партнерах вуза, 15% – введение в перечень отчетности управлений, отделов, кафедр раздела «Результаты внедрения инновационных проектов».

Результат (эффекты и эффективность) инновационной деятельности. С точки зрения нормативных документов, инновационная активность любой организации оценивается, в первую очередь, такими характеристиками, как наличие завершенных инноваций; степень участия организации в разработке данных инноваций; выявление основных причин, по которым инновационная деятельность не осуществлялась[1]. «Инновационной продукцией признается продукция (товары, работы и услуги), созданная в результате осуществления инновационной деятельности и имеющая существенные отличия от аналогичной продукции, которые улучшают функциональные и (или) коммерческие качества соответствующей продукции…Формой реализации инновационной деятельности является инновационный проект. Инновационные проекты могут реализовываться самостоятельно или быть составной частью проектов полного цикла или программ научного, научно-технического, инновационного, социально-экономического развития, научных, научно-технических программ, государственных и межгосударственных программ»[2].

Но следует еще раз напомнить, что главные последствия образовательного процесса имеют отстроченный характер (важнейшие эффекты проявляются лишь после окончания вуза), поэтому эффективность инновационной деятельности вуза не только не может быть измерена в настоящем времени, но и вообще не подпадает под закладываемый критерий коммерческого эффекта. Недаром при ответе на вопрос «Кто должен заниматься вопросами внедрения инновационных разработок?» большинство преподавателей (43%) посчитали, что вопросами внедрения инновационных разработок должно заниматься специальное подразделение вуза, на второе месте поставлена администрация области (города и др.) (27%), затем идут ректорат (21%) и бизнес-структуры области (19%). «Сам инноватор» оказался в конце списка вариантов ответа (17%).

В статье 20 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» говорится: «Инновационная деятельность ориентирована на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляется в форме реализации инновационных проектов и программ организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и иными действующими в сфере образования организациями, а также их объединениями»[3]. Соответственно, эффективность инновационной деятельности вуза оценивается как количеством внедренных новшеств, так и качеством изменений в научной, учебной, воспитательной и иной деятельности учебного заведения. Где-то будут преобладать модифицирующие, где-то – улучшающие, а где-то будут наблюдаться и прорывные инновации.

Надо заметить, что успех измерения эффективности напрямую зависит от планируемых эффектов (что мы ждем в первую очередь от своего вуза – коммерческого успеха от научно-технических разработок или качественной подготовки инновационных кадров?). При этом возникают чисто методологические трудности, например. М.А. Винокуров замечает: «Многие российские ученые считают, что следует учитывать РИНЦ при оценке научно-исследовательской деятельности вуза, так как он является универсальным показателем для всех вузов любой специальности, в то время как Web of Science и SCOPUS отражают востребованность научной продукции, главным образом, в области естественных и технических наук»[4]. А вот еще одна показательная цитата: «на данный момент не существует четких критериев понятия эффективности инновационной деятельности вуза, что отражается в противоречии между различными программами развития инновационной деятельности. Иллюстрацией противоречия в понимании инновационной деятельности вузов может служить ситуация, при которой в «Стратегии инновационного развития до 2020 г.» основным критерием развития инновационной деятельности являются показатели трансфера технологий, а в программу повышения конкурентоспособности вузов 5/100 показатели коммерциализации результатов научно-исследовательской дея-

[1] Инструкция по заполнению формы федерального государственного статистического наблюдения № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации», утвержденная постановлением Госкомстата России от 22.07.2002 № 156. – http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base= EXP;n=307666

[2] Федеральный закон «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» (проект). – http://profsobranie.ru/assets/files/проект-федерального-закона.pdf

[3] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об образовании в Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/a9a28ae49b86df0327132598d1e9b42bffda4ab6/

[4] Винокуров М. А. Мониторинг эффективности российских вузов: совершенствование методологии // Известия БГУ. 2013. – № 6. – https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-effektivnosti-rossiyskih-vuzovsovershenstvovanie-metodologii

тельности вовсе не вошли, зато рассматриваются показатели, отражающие инновации в образовательной деятельности, результаты административных преобразований»[1].

В заключение следует отметить следующее. Продемонстрированный деятельностный подход может быть использован в самых разных научных дисциплинах при изучении инновационной деятельности вузов. Намеченные линии анализа могут быть эффективно развернуты с помощью того категориального аппарата, который наработан в той или иной науке. Общераспространенные термины «инновация», «инновационная деятельность» и др. получают свою собственную трактовку, а в междисциплинарных исследованиях получают дополнительное категориальное толкование.

[1] Ефремова П.В. Показатели оценки эффективности развития инновационной деятельности вузов // Вопросы инновационной экономики. 2019. – Т. 9, № 3. – https://www.researchgate.net/publication/337181221_Pokazateli_ocenki_effektivnosti_razvitia_innovacionnoj_deatelnosti_vuzov

Мишон Е.В.
д.э.н., профессор, Воронежский государственный университет
Ткаченко Д.И.
магистрант, Воронежский государственный университет

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: *инклюзивное образование, ограниченные возможности здоровья, адаптированные общеобразовательные программы, вариативные формы образования.*
Keywords: *inclusive education, limited health opportunities, adapted general education programmes, variable forms of education.*

В последние годы одним из значимых направлений государственной политики РФ в сфере образования является инклюзивное образование[1]. К проблеме образования детей с особенностями развития мировое сообщество обратилось более 40 лет назад. На данный момент используются разнообразные подходы к организации учебного процесса, в том числе инклюзивное образование, выработаны принципы его функционирования. Наша страна по ряду объективных и субъективных причин занялась решением указанной проблемы относительно недавно. Так, была проведена работа по созданию нормативно-правовой базы (законы и иные нормативные акты), регламентирующей внедрение и практическое использование инклюзивного образования, однако на данный момент необходимо констатировать наличие ряда противоречий, связанных с пониманием и осуществлением этого процесса как со стороны инициаторов и руководителей процесса (органы местного самоуправления, органы управления образованием, образовательные учреждения), так и со стороны социума (прежде всего родителей здоровых учащихся).

На данный момент в некоторых регионах РФ имеется определенный опыт внедрения инклюзивного образования в образовательные организации, позволяющий выявить основные барьеры и особенности внедрения этой формы получения знаний[2]. С этих позиций наиболее интересным нам представляется опыт Красноярского края – регионафлагмана внедрения инклюзивного образования. Следует особо отметить, что край имеет богатую историю его становления практически на всех уровнях образовательной вертикали.

В 1922 г. в г.Красноярске было открыто первое специализированное учреждение для обучения глухих детей. В 70-80-е гг. – практика обучения детей с особенностями развития расширилась: появились школы для детей с нарушением зрения, слуха, интеллекта, речи, опорно-двигательного аппарата, а также сеть специализированных дошкольных образовательных учреждений, в основном для детей с нарушением речи. В 90-е и начале 2000 гг.. в общеобразовательных школах стали открываться коррекционно-развивающие классы для детей с задержкой развития и классы компенсирующего обучения.

В 2003 г. как результат принятия первой концепции специального образования интегрированное образование стало приоритетным методом предоставления коррекционной помощи периода раннего детства. Были созданы муниципальные психолого-медико-педагогические комиссии (ПМПК), оптимизирована сеть специальных учреждений.

В 2006 г. сформирована единая сеть отдельных общеобразовательных учреждений, реализующих основные адаптированные общеобразовательные программы, муниципальные учреждения для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) приобрели статус краевых, что позволило улучшить их материально-техническую базу, укрепить кадровый потенциал. Важно отметить, что с этого времени в Красноярском крае на системной основе стали проводиться мероприятия в сегменте дополнительного образования детей с ОВЗ (фестиваль «Поверь в себя», творческий конкурс «Золотой и серебряный росток», олимпиада по социально-бытовой ориентировке «Мир вокруг нас», а также профессиональный конкурс «От специальности к профессии» для специалистов, организующих сопровождение и обучение детей с ОВЗ).

С целью увеличения доли включенных в процесс образования детей с ОВЗ в 2007 году министерством образования Красноярского края было заключено соглашение с министерством социальной защиты населения Красноярского края об организации обучения детей-инвалидов, проживающих в детских домах-интернатах для умственно отсталых детей.

---

[1] Под инклюзи́вным образова́нием мы будем понимать форму обучения, при которой каждому человеку, независимо от имеющихся физических, интеллектуальных, социальных, эмоциональных, языковых и других особенностях, предоставляется возможность учиться в общеобразовательных учреждениях. Данная форма предполагает создание специальных условий, позволяющих людям с ОВЗ получить искомое образование. К специальным условиям следует относить перепланировку учебных помещений, новые методики обучения, адаптированный учебный план, изменённые методы оценки и др.

[2] Значимыми барьерами на данный момент являются ресурсный и социальный. К особенностям можно отнести отсутствие транспортной поддержки, должной образовательной среды, нехватка педагогов- специалистов в сфере инклюзива и др.

Следующим этапом стало усиление роли психолого-медико-педагогических комиссий в образовании обучающихся с ОВЗ, а также развитие вариативных форм образования для разных категорий обучающихся с ОВЗ, в результате чего были созданы территориальные ПМПК и разработаны модели служб ранней помощи.

В настоящее время образовательный потенциал Красноярского края, обеспечивающий обучение более 26 тыс. детей с ОВЗ, характеризуется развитой сетью краевых и муниципальных образовательных организаций: 35 краевых общеобразовательных учреждений, реализующих адаптированные основные общеобразовательные программы; 599 муниципальных образовательных организаций, обучающих детей с ОВЗ в отдельных классах; 4597 учащихся обучаются инклюзивно; краевой центр психолого-медико-педагогического сопровождения; муниципальные центры для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи. Образовательный процесс детей с ОВЗ в общеобразовательных учреждениях края осуществляется специалистами 57 ПМПК, взаимодействующих со службой медико-социальной экспертизы, что позволяет разрабатывать рекомендации по определению необходимых образовательных условий для обучающихся с ОВЗ в рамках принципов доступности и индивидуализации образования. За последние два года на 5% возросло количество территориальных ПМПК, работающих на постоянной основе, на 25% возросла обеспеченность территориальных ПМПК квалифицированными кадрами.

Еще одной особенностью становления инклюзивного образования в крае является активная позиция общественных и родительских организаций, социальное партнерство общественных родительских и иных организаций, научного и педагогического сообщества города и края, благодаря чему появляются новые доступные объекты, меняется позиция хозяйствующих субъектов в отношении инфраструктурных решений и т.д. В частности, реализация программы «Доступная среда» в крае находится в зоне внимания общероссийского общественного движения Народный фронт «За Россию»». Это в свою очередь обеспечивает более высокий рост качества и доступности образования обучающихся с ОВЗ, высокие показатели по созданию необходимых специальных условий. Например, к началу 2016 г. на территории края при участии социально-ориентированных НКО, общероссийского общественного движения Народный фронт «За Россию»», общественных родительских организаций увеличилось количество региональных и муниципальных общеобразовательных организаций, отвечающих требованиям в области условий беспрепятственного доступа к ним инвалидов, с 1,2 до 9 тыс. единиц, что составит 20% от общего количества региональных и муниципальных общеобразовательных организаций[1].

Также в стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года зафиксировано требование – обеспечить детям с ОВЗ возможность получения качественного инклюзивного образования[2] принята концепция развития инклюзивного образования в регионе в период с 2017 по 2025 год, раскрывающая цели, задачи, принципы развития инклюзивного образования в Красноярском крае, а также приоритетные направления и механизмы реализации региональной образовательной политики для детей с ОВЗ[3].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в Красноярском крае стратегия введения инклюзивного образования сопровождается положительными результатами. Так, можно отметить грамотную обоснованную организанизационно-управленческую деятельность (проблема активно обсуждается представителями власти и общества; организовано межведомственное взаимодействие педагогов и медиков для решения данного вопроса; созданы экспертные комиссии для разработки концепции внедрения инклюзивного образования; адаптированы существующие образовательные программы под обучающихся с ОВЗ; организованы и проведены специализированные мероприятия для особенных детей).

Тактика ускоренного внедрения и практического использования инклюзивного образования имеет более скромные результаты: у органов власти Красноярского края отсутствует четкий план мероприятий в данном направлении, наблюдается дефицит квалифицированных педагогических кадров для работы в системе инклюзивного образования в связи с отсутствием учебных заведений для их подготовки и т.п. Однако, несмотря на указанные недочеты, опыт практического применения инклюзивного образования, накопленный в данном регионе, считаем не только продуктивным, но и приемлемым для распространения в других субъектах РФ.

[1] Шандыбо С.В. Практика развития инклюзивного образования в Красноярском крае: специфика, принципы, задачи // Сотрудничество. – Красноярск, 2016. – № 2–3 (74–75). – С. 3–29.

[2] Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года // Официальный портал Красноярского края. – http://www.krskstate.ru/dat/File/0/2030strateg_2/strateg23062016.pdf

[3] Указ Губернатора Красноярского края «Об утверждении Концепции развития инклюзивного образования в Красноярском крае на 2017–2025 годы» № 258-уг. // Официальный портал Красноярского края. – http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/43599

Паутова Л.Е.[1]

АКМЕСТРАТЕГИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ СПЕЦИАЛИСТА ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова*: акмеологическая теория фундаментального образования, акме, акместратегия, профессиональное развитие, карьера, продуктивность специалиста, конкурентоспособность специалиста, акмемодель профессионализма.*

Keywords: *acmeological theory of fundamental education, acme, acme strategy, professional development, career, specialist productivity, specialist competitiveness, acme model of professionalism.*

Без целенаправленности и представлений образа-результата (промежуточного и конечного) современному специалисту в динамичных условиях профессиональной среды невозможно достигать личностно-профессионального роста и развития, «акме» в собственной деятельности и социально-профессиональном взаимодействии. Личностно-профессиональному планированию целесообразно обучать всех специалистов во всех отраслях экономики, особенно в образовании, т.к. система образования готовит специалистов для всех отраслей экономики. В системе образования, прежде всего, необходимо обучать студентов и преподавателей акмемоделированию, акмепланированию, стратегированию и акмеразвитию, что обеспечивает высокопродуктивный уровень сформированности общекультурных, профессиональных компетентностей будущих специалистов как условие конкурентоспособности специалиста в реальном секторе экономике.

С учетом накопленных знаний и опыта по схожим проблемам исследования, считаем необходимым выделить и определить совокупность научных подходов в качестве доказательства актуальности и комплексности в разработке понятия «акместратегия», ее продуктивности в профессиональной деятельности преподавателя. В предшествующих исследованиях Паутовой Л.Е. и Жариновой Е.Н.[2] обосновано и определено понятие «акместратегия»:

– на макроуровне формирования и реализации акместратегий – это «система жизненных ценностей и баланс интересов различных групп населения определенной территории, обеспечивающая их благосостояние и высокопродуктивное качество жизни»;

– на микроуровне личности – это «система жизнеобеспечивающих акмеценностей и потребностей саморазвития, самоактуализации личности, достигающая акме-цели в продуктах деятельности и прогнозирующая факторы риска, кризиса («кате»), с учетом этого корректируя личностно-профессиональную траекторию развития или АСД»;

– на профессиональном уровне специалиста – это «одновременно и запланированная деятельность, и реакция на изменения обстоятельств (условий реализации запланированных мер), и продуктивный образ-результат организации в будущем».

На основе проанализированных[3] научно-практических подходов к понятиям «стратегия», «стратегия деятельности» и разработанного понятия «акместратегия»[4] (рис. 1), определим акмеологические основы к формированию карьеры и конкурентоспособности в профессиональной деятельности современного специалиста[5], научно-практические условия акместратегий карьерного роста на примере деятельности преподавателя.

На основе акмеологической теории фундаментального образования Н.В. Кузьминой[6], условием разработки и реализации акме-стратегии в профессиональной деятельности преподавателя (специалиста) является выявление обратной связи – «выхода» системного акмевзаимодействия. Что, в свою очередь, служит выявлению показателей качества акместратегии: сравнение искомых продуктов с реально созданными; вхождение (переход) всех или подавляю-

---

[1] Паутова Людмила Евгеньевна – к.психол.н., с.н.с. ВНИИ «Радуга», г.о. Коломна, Россия. Профессиональные интересы: акмеология, социально-экономические вопросы социума и личности. Приоритетные тематические направления организации: комплексные социально-экономические исследования. E-mail: cosidanie35@yandex.ru

[2] Паутова Л.Е., Жаринова Е.Н. Акместратегии и акметехнологии продуктивной деятельности преподавателя профессиональной школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. – Т. 8, № 1. – С. 4-11.

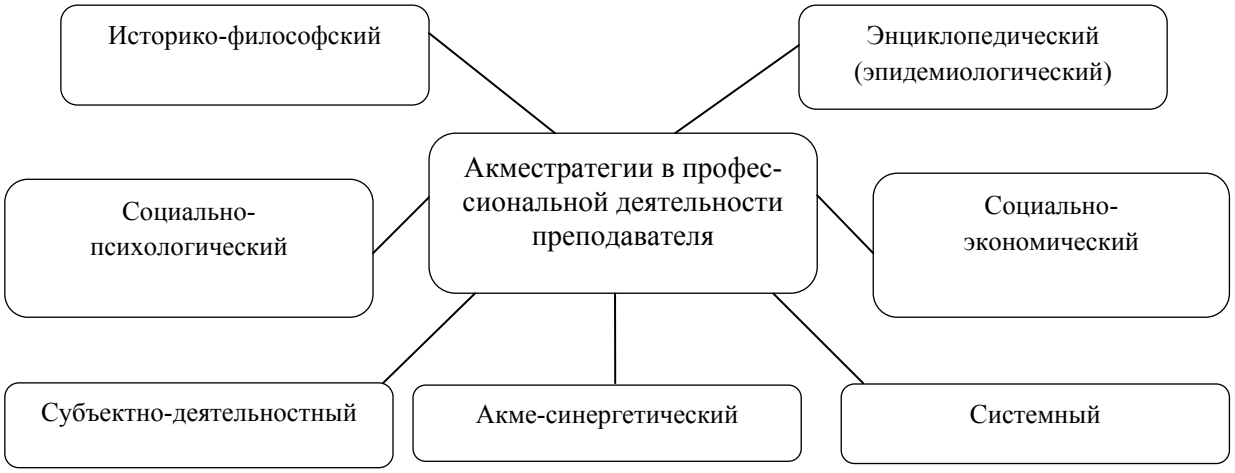
[3] Акмеология: теория, практика и перспективы развития. Монография / Под ред. Н.В. Кузьминой, Е.Н. Жариновой. – СПб., 2018.

[4] Кузьмина Н.В., Паутова Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеология – основы профессионализма преподавателя в XXI веке: учебное пособие в трех частях, Ч. 1. / Н.В. Кузьмина, Л.Е. Паутова, Е.Н. Жаринова. – СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. – 200 с.

[5] Кузьмина Н.В., Паутова Л.Е., Жаринова Е.Н. Акметеория фундаментального образования – основа конкурентоспособности и профессионализма преподавателя в национальной системе образования России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М., 2019. – Ч. 1. – С. 490–495.

[6] Кузьмина Н.В. Акмеологическая теория фундаментального образования в опыте талантливых преподавателей: монография. – СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2013. – 272 с.

щего большинства выпускников (сотрудников) в последующие системы и успешное саморазвитие в них; владения интеллектуальными процессами в деятельности – анализ, синтез, обобщение, перенос их на практическую ситуацию; системный мониторинг сформированности продуктивной компетентности специалистов одной подсистемы к успешному решению предстоящих задач на входе в последующую систему (образовательную или профессиональную).

Источник: разработано автором.

Рисунок 1.
Научные подходы к разработке понятия «акместратегия»

Применительно к разработке карьерных траекторий специалиста образования, наличие акместратегии является определяющим фактором целеполагания и продуктивного результата в профессиональной деятельности. В силу этого, согласно системному подходу к целеполаганию карьеры А.Я. Кибанова[1], руководству образовательной организации необходимо планомерно определять и внедрять мероприятия по горизонтальному и вертикальному продвижению работника в системе должностей организации. В связи с этим, основополагающим при разработке стратегии карьерного роста специалиста образования является обеспечение гарантии занятости действующих высокопродуктивных специалистов в процессе управления персоналом организации.

В процессе стратегического планирования карьерного роста любого специалиста образования (в т.ч. преподавателя) необходимо учитывать акме-синергетический подход и закон, согласно которому, специалист на современном уровне конкурентоспособности созидает и получает общественную оценку со стороны общества. Это обосновано тем, что преподаватель как созидатель призван обеспечивать в обществе (Бранский В.П., Пожарский Н.В., Кузьмина Н.В.):

– научный обмен (научные разработки, открытия, публикации, проекты и т.п.);

– технический обмен (технологические разработки, изобретения, совершенствование процесса деятельности и т.п.);

– мировоззренческий обмен (развитие системы восприятия, мышления личности, формирование системы ценностей, идеалов, обмен опытом и т. п.);

– политический обмен (анализ и заимствование методов, стиля выполнения деятельности, руководства коллективом, установление системы идеологических взглядов и т.п.);

– образовательный обмен (изучение передового опыта, самообучение, обмен необходимой информацией и опытом выполнения производственных операций и т.п.).

На основе этого руководителю образовательной организации, прежде всего, высшего уровня управления, необходимо способствовать формированию и учету:

– показателей и стимулов качества деятельности для преподавателя;

– его потребности самовыражения в деятельности;

– результатов его профессиональной деятельности, их совершенствованию.

Акмеологическая модель индивидуальной стратегии карьерного развития[2] состоит из следующих блоков:

– первый блок представляет изучение карьерного развития при помощи показателей и уровней каждого критерия оптимизации карьерного развития;

– второй блок включает акмеологические условия (важные обстоятельства) и акмеологические факторы (внешние и внутренние детерминанты), способствующие карьерному развитию;

– в третьем блоке представлен алгоритм индивидуальной стратегии карьерного развития, включающий в себя планирование, организацию исполнения, контроль и корректировку, систему оптимизации;

– четвертый блок представляет программу психолого-акмеологического сопровождения оптимизации индивидуальной стратегии карьерного развития как технологию использования инструментария психодиагностики, формирования, развития и коррекции их психофизиологических, психологических и социально-психологических характери-

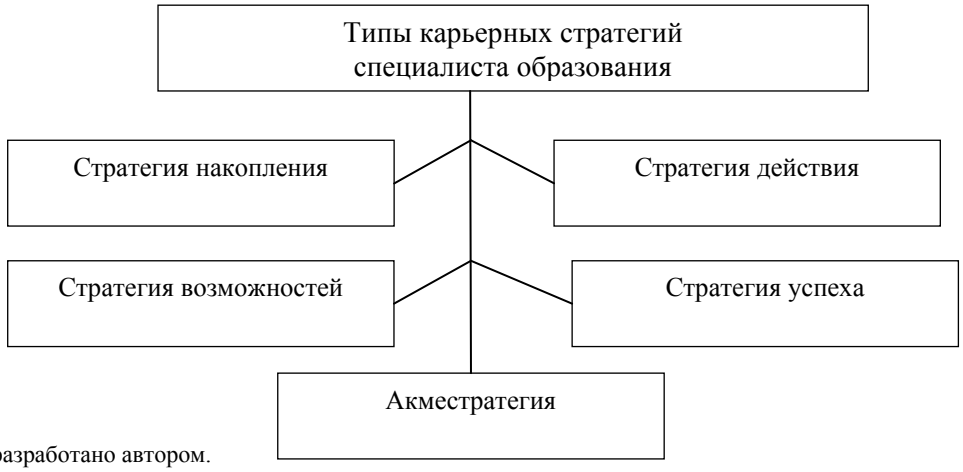
[1] Кибанов А.Я. Управление персоналом организации. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 430–431

[2] Килба А.Р. Акмеологические особенности индивидуальной стратегии карьерного развития государственных служащих: дис. на соиск. уч. степ. канд. психол. наук. – М., 2007. – С. 5.

стик, обеспечивающих нормальное психическое состояние в реальных условиях профессиональной деятельности, в плане карьерного развития.

Данные по выделенным блокам определяют эффективность профессиональной деятельности и успешность карьерного развития. Каждая из составляющих блока может быть рассмотрена как часть структуры или как самостоятельное целое и выполнять функции в структуре целого.

Основные типы стратегий в карьере, согласно акмеологической теории фундаментального образования Н.В. Кузьминой и концепции А.Я. Кибанова, представлены на рис. 2.

Источник: разработано автором.

Рисунок 2.
Типы стратегий профессиональной карьеры специалиста образования

– Стратегия накопления – постепенное накопление некоторого качества профессиональной деятельности;

– Стратегия возможностей – поиск возможностей и ресурсов профессионального развития и подготовка к тому, чтобы в наибольшей степени ее использовать;

– Стратегия действия – постепенная подготовка к значительному профессиональному действию (совершение его), изменению;

– Стратегия успеха – совершение многочисленных попыток к развитию и утверждению результатов в надежде добиться однажды успеха;

– Акместратегия – акмеразвитие в деятельности.

Определение целей карьерного роста на основе акмеологической концепции профессионализма как образа результата деятельности специалиста зависит от поэтапного достижения высокопродуктивных результатов. Классификация целей карьерного развития в профессиональной деятельности специалиста представлена на рис. 3, она разработана на основе концепции поэтапного формирования карьеры А.Я. Кибанова и акмеологической концепции профессионализма Н.В. Кузьминой.

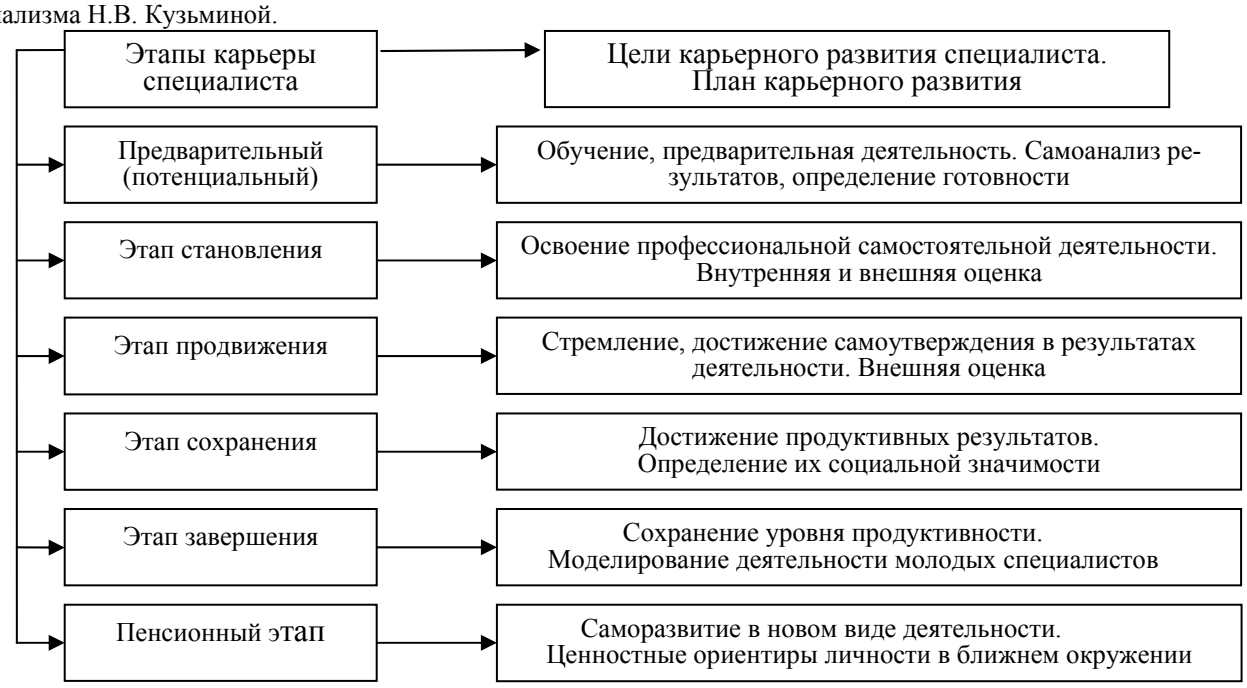

Рисунок 3.
Цели и этапы карьерного роста специалиста[1]

[1] Источник: Кузьмина Н.В., Паутова Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеология – основы профессионализма преподавателя в XXI веке. Учебное пособие. – СПб.: Издательство: НУ «Центр стратегических исследований», 2018. – Ч. 1. – С. 109–117.

Согласно акме-синергетическому подходу (С.Д. Пожарский, Н.В. Кузьмина) и акмеологическим законам продуктивной деятельности специалиста (Н.В. Кузьмина), решение проблемы карьерного роста в любой профессиональной деятельности и система целей специалиста определяется как поэтапно, так и на основе ценностно-значимых показателей для личности и общества. В соответствии с этим, мы считаем важным то, что в деятельности специалиста образования и преподавателя необходимо формировать стратегическую систему идеализированных целей высокопродуктивного образа результата. Такую систему мы попытались представить схематично (рис. 4).

Рисунок 4.
Модель системы ценностей карьерного развития специалиста[1]

Общими требованиями к формированию целей карьеры в процессе ее управления, в соответствии с разработками Могилевкина Е.А.[2], являются следующие: конкретность, измеримость, достижимость, реалистичность, заданность во времени, мотивация, наличие вызова (или амбициозность), ответственность, «экологичность».

Согласно поэтапной концепции формирования карьеры специалиста (А.Я. Кибанов, Е.А. Могилевкин и др.) автором[3] разработана модель становления карьеры специалиста образования (преподавателя) в личностном и профессиональном аспектах (рис. 5)[4]. Эта модель в основе своей имеет акмеологический **подход** к проектированию процесса управления профессиональным развитием.

Понятие конкурентоспособности в научно-практической литературе интерпретируется и анализируется в зависимости от социально-экономического объекта, к которому оно применяется. Характеристики, критерии и факторы динамики конкурентоспособности на уровне организации, отрасли или же государства различны и имеют свою специфику. Главная задача исследователя, который изучает проблемы конкурентоспособности специалиста, состоит в определении критериев, источников и факторов конкурентоспособности.

На основе результатов научно-практического анализа проблемы конкуренции организаций в современных условиях и учета акмеологической теории фундаментального образования, автор[5] считает целесообразным определить конкурентоспособность как интегральную характеристику совокупности потенциалов предприятия: финансового, ин-

[1] Источник: Кузьмина Н.В., Паутова Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеология – основы профессионализма преподавателя в XXI веке. Учебное пособие. – СПб.: Издательство: НУ «Центр стратегических исследований», 2018. – Ч. 1. – С. 109–117.

[2] Могилевкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. Монография. – СПб.: Речь, 2007. – С. 37–40.

[3] Паутова Л.Е. Акмеология качества профессиональной деятельности: учебное пособие. – Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2016. – С. 140–145.

[4] Там же.

[5] Актуальные социально-экономические вопросы: проблемы и варианты решений. Сборник материалов международной научно-практической конференции (19-20 апреля 2017г., Россия, Коломна) / Государственный социально-гуманитарный университет [отв.ред. Ж.К. Леонова, ред-сост. Е.И. Медведева, С.В. Крошилин]. – Коломна, 2017. – С. 32–36.

теллектуального, маркетингового, организационного, производственного, технологического, информационного, кадрового, инвестиционного, инновационного.

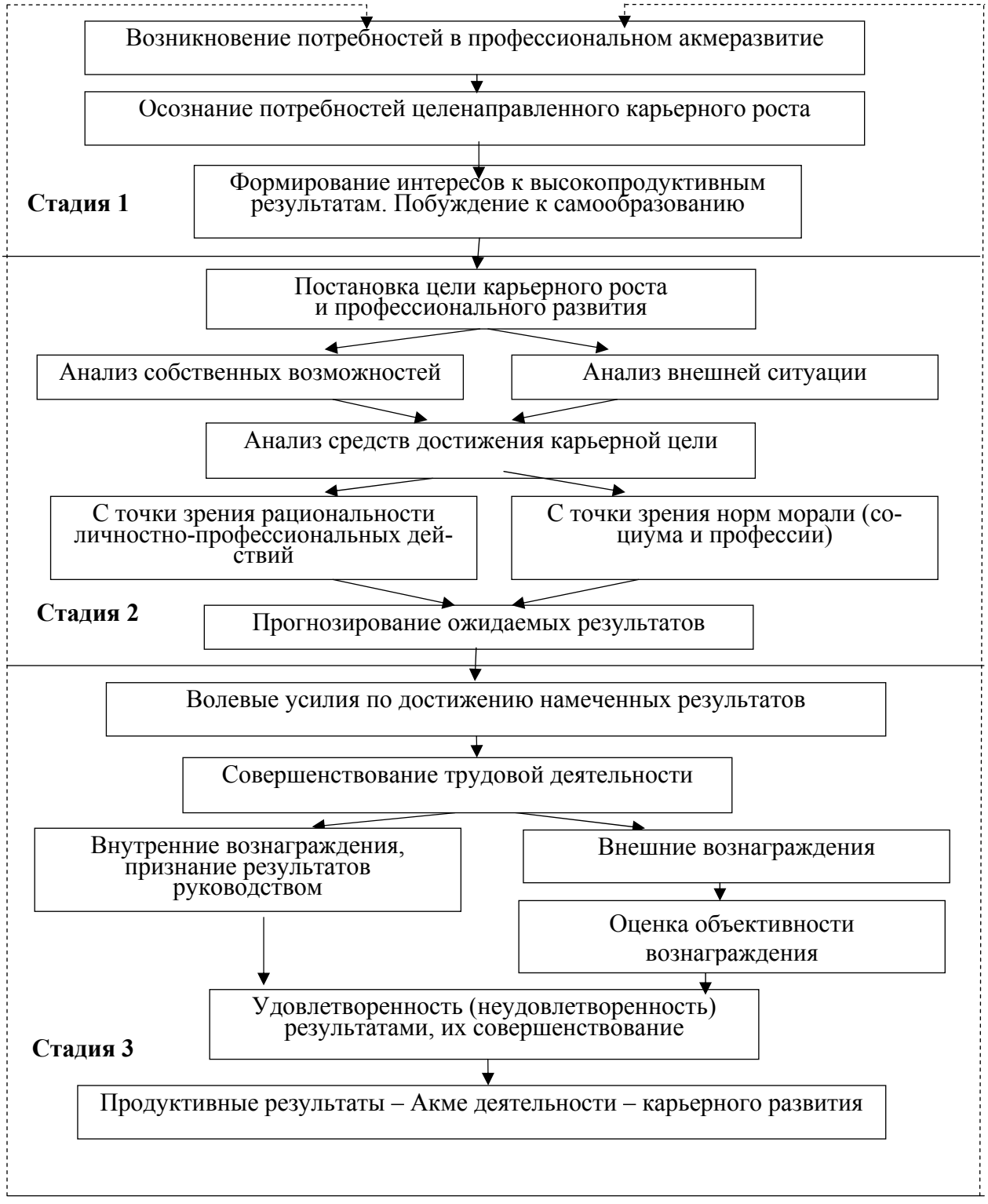

Рисунок 5.
Акмемодель становления деловой карьеры специалиста

Применительно к кадровому потенциалу, основным критерием его оценки представляются интегральные характеристики конкурентоспособности личности специалиста. Схематично структура конкурентоспособности специалиста на основе акмеологической теории фундаментального образования представлена в рис. 6[1].

[1] Актуальные социально-экономические вопросы: проблемы и варианты решений. Сборник материалов международной научно-практической конференции (19-20 апреля 2017г., Россия, Коломна) / Государственный социально-гуманитарный университет [отв.ред. Ж.К. Леонова, ред-сост. Е.И. Медведева, С.В. Крошилин]. – Коломна, 2017. – С. 32–36.

Источник: разработано автором

Рисунок 6.
Структура конкурентоспособности специалиста

В рамках акмеологической концепции профессионализма, теории фундаментального образования в системе профессионального образования и развития конкурентоспособности специалиста на психологическом уровне Максимовым Г.К.[1] определены три основные группы навыков:

– Технологические – освоение конкретной профессии.

– Коммуникативные – относящиеся к общению с различного рода людьми и с самим собой.

– Концептуальные – искусство прогнозировать события, планировать деятельность больших групп людей, принимать ответственные решения на основе системного анализа.

Персональная модель развития конкурентоспособности специалиста, согласно А.А. Деркачу, основана на акмеологических закономерностях развития профессионализма: существовании устойчивых связей между профессионализмом личности и деятельности и опытом профессиональной деятельности, личностным потенциалом и его отдельными видами, уровнем акмеологической компетенции, профессиональным творчеством, продуктивностью Я-концепции.

На основе акмеологической теории фундаментального образования Н.В. Кузьминой мы определяем характеристики конкурентоспособного специалиста. К таким относятся[2]:

– технические – специальность и специализация, объем освоенной программы в часах, дисциплинах, модулях; уровень подготовки, соответствие стандарту или превышение его; сферы и границы использования; получаемый документ;

– технологические – способы, методы, технологии профессиональной подготовки специалиста;

– экономические – затраты на подготовку и переподготовку специалиста с учетом всех расходов;

– социально-организационные – учет социальной структуры работодателей; национальных и региональных особенностей в организации производства, подготовки выпускников, трудоустройства и рекламы будущих специалистов;

– психологические – структура мотивации, способностей, профессионально важных качеств специалиста;

– акмеологические – нацеленность на саморазвитие, наличие персональной модели развития профессиональной карьеры и конкурентоспособности.

С целью разработки и определения направлений формирования конкурентоспособности современного специалиста на основе акмеологической теории фундаментального образования нами разработана персональная модель развития конкурентоспособности специалиста[3], которая может быть применима к специалисту любой сферы деятельности.

К основополагающим требованиям профессионально-карьерного развития в образовательной системе в рыночных условиях мы относим:

– рациональное использование периодов подъема человеческой активности и кризисов;

– действующие антикризисные мероприятия карьерного развития;

---

[1] Максимов Г.К. Акмеологические условия и факторы, обеспечивающие продуктивное развитие конкурентоспособности специалиста: автореф. на соиск. уч. ст. к. психол. н. – М., 2008. – С. 11.

[2] Там же, с. 10.

[3] Кузьмина Н.В., Паутова Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеология – основы профессионализма преподавателя в XXI веке: учебное пособие в трех частях, Ч. 1. – СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. – С. 116.

– стратегическая направленность – определение долгосрочных целей персонала, наличие карьерной стратегии организации;

– активизация самоорганизационного и самосовершенствующего аспекта у персонала;

– реализация программно-целевого подхода, с учетом необходимых и возможных ресурсов организации;

– внедрение проектного, системного и акмеологического подходов к управлению индивидуальной карьерой персонала.

С учетом вышесказанного, говоря о конкурентоспособности специалиста-преподавателя, нельзя сводить ее только к профессиональному аспекту, в частности, рассматривать в числе ее факторов исключительно как профессиональную компетентность. Не менее важными являются не профессиональные, социально обусловленные аспекты компетентности личности. Следовательно, компетентность как компонент конкурентоспособности специалиста образования включает два блока характеристик: профессиональной и не профессиональной (социально значимой) компетентности. С учетом этого целесообразно определять и реализовывать акметехнологии профессионального развития и карьерного роста специалиста образования и преподавателя.

Пацула А.В.
д.соц.н., доцент, специалист Российского государственного социального университета, Москва
pacula2002@bk.ru
Павлов Б.С.
д.филос.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris @ mail. ru
Пронина Е.И.
с.н.с. Федерального социологического центра РАН, г. Москва
pronina@isras.ru
Сентюрина Л.Б.
к.м.н., врач ГКБ № 40, г. Екатеринбург
senturinal@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ УЧАЩИХСЯ В РЕГИОНЕ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ЛИЧНОСТНЫЕ ПОЗИЦИИ[1]

Ключевые слова: *родительская семья, профессионально-трудовая социализация, трудовое воспитание, физическая культура, гражданское общество, молодёжная субкультура, жизненные ценности, общественные и личные интересы, жизненный успех, Урал.*

Основной целью и средством процесса воспроизводства общественной жизни было и остаётся производство человека, человеческого сообщества, так называемое классиками социально-экономической мысли «производство третьего рода» [1, т. 3, с. 24–27]. Характер этого производства, его количественные и качественные показатели (в первом приближении – это качество населения и отдельной личности) определяется, если так позволительно выразиться, *степенью культуры этого первичного производственного процесса* в воспроизводственной общественной жизни. Основным же «организатором» этого процесса исторически традиционно остаётся первичная социальная ячейка – СЕМЬЯ. Сразу уточним: прежде всего – ***родительская семья,*** имеющая прямую, непосредственную, долговременную социально-биологическую причастность к этому процессу. И ещё одно важное обстоятельство: основной «продукт» жизнедеятельности семей – ***дееспособные дети*** – представители новых, молодых поколений, в нашем случае – молодых поколений россиян [2].

В современном обществе *феномен молодёжи* можно представить как «*общность людей нового поколения, включенных в различные социально-демографические, образовательные, профессиональные, классовые, этнические и иные социальные группы, существующие в исторически конкретном обществе, которые завершают этап первичной и проходят этап вторичной социализации».* Эта общность не обладает едиными возрастными границами. В каждой поколенческой когорте в фазе молодости эти границы могут существенно отличаться друг от друга. При этом специфика молодежи заключается в накоплении социального опыта в процессе социализации и социальной адаптации в условиях самостоятельной жизнедеятельности, «взрослой» жизни. В период молодости завершается процесс индивидуализация личности, концептуальное оформление ее жизненных установок и целей. Одновременно происходит утверждение в сознании и поведении всё более утверждающихся ценностных ориентаций, образцов и установок поведения [3, с. 16].

В общественно-расширительном смысле феномен «молодёжь» воспринимается нами как *«обширная совокупность групповых общностей, образующихся на основе возрастных признаков, связанных с ними социально-психологических характеристик и основных видов деятельности»*. В более узком (социологическом) смысле молодёжь представляет собой «*социально-демографическую группу, выделяемую на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей»* [3, с. 17].

Процесс социализации молодых поколений лежит в основе воспроизводства общественной жизни. При этом естественноисторическое расширенное воспроизводство трудового и культурно-нравственного потенциала человеческого сообщества, являясь важнейшим и непреходящим, должно соответствовать текущим и перспективным целям и задачам его развития. В своё время В.А. Сухомлинский сложный процесс становления личности молодого гражданина определил очень точно и образно: «первый раз рождается живое существо, второй раз – гражданин, активная, мыслящая, действующая личность» [4, с. 65]. Процесс «второго рождения» принято называть процессом социализации.

По мнению Т. Шибутани, «социализация относится к тем процессам, посредством которых люди научаются эффективно действовать в социальных группах. Личность социализирована, когда она способна участвовать в согла-

[1] Публикация подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2019–2022 гг.

сованных действиях на основе конвенциональных норм [5]. Кроме того, понятие «социализация» раскрывается и как одна из разновидностей способов приспособления *деятельности (в частности, профессиональной*) человека к условиям его общественного бытия, которую именуют как *адаптивную.*

Полноценным членом общества индивид становится только будучи *реальным субъектом социализации,* который усваивает социальные нормы и культурные ценности, преимущественно путём самоактивности, саморазвития и самореализации. Естественно, субъектом социализации молодой человек становится благодаря соответствующим объективным причинам и обстоятельствам, т.к. «на протяжении всей жизни на каждом возрастном этапе перед ним встают задачи (естественно-культурные, социально-экономические, социально-психологические и др.), для решения которых он более или менее осознанно, а чаще неосознанно, ставит перед собой соответствующие цели и вырабатывает способы их достижения, тем самым проявляя свою субъектность.

С этимологической точки зрения в понятии «профессионально-трудовая социализация» содержится вполне очевидный симбиоз феноменов «профессиональный», «трудовой» и «социализация». Термины «профессиональная» и «трудовая» определяет среду обитания индивида, в которую входят материальные и духовные условия его существования. При этом от эффективной трудовой деятельности напрямую зависит существование людей. Как писал К. Маркс, «вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» [1, т. 23, с. 195] При этом «человек, – подчёркивает Ф. Энгельс, – единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим» [1, т. 20, с. 510].

В электронной энциклопедии «Социология молодежи» (под редакцией проф. В.А. Лукова) мы читаем: ***«Социализация профессиональная*** – процесс освоения индивидом определенных профессиональных знаний, умений и навыков, усвоение профессионального опыта, овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества. Профессиональная социализация предполагает обретение индивидом профессии, вхождение в профессиональную среду и реализацию накапливаемого профессионального опыта. Она является одной из сторон социализации личности, приобщения ее к культурным ценностям общества» [6, 7].

Важно подчеркнуть, что профессиональная социализация происходит *с уже «частично социализированным индивидом»,* преимущественно на стадии ***вторичной социализации,*** позволяющей осваивать новые сектора социальной реальности, и определяется, прежде всего, сложностью разделения общественного труда и соответствующего ему знания. Кроме прав и обязанностей, общих для всех людей, есть такие, которые зависят от специального характера каждой профессии, и их число растет, а важность усиливается по мере того, как развивается и разнообразится профессиональная деятельность [8, с. 461].

Самосознание в профессиональной социализации представляет собой контролируемый процесс становления в человеке образа его «Я», определения собственной профессиональной идентичности. Динамичное профессиональное пространство актуализирует профессиональную социализацию как в плане обновления профессиональных знаний, умений, навыков в различных областях трудовой деятельности, так и в связи с появлением новых профессий [9].

Следует учитывать, что сам процесс профессиональной социализации является *видовой формой социализации*, будучи взаимосвязанной с ней как часть с целым. Вместе с тем, профессиональная социализация может анализироваться в рамках социальных взаимодействий основных акторов функционирующих рынков образования и труда. Профессиональное становление может быть представлено как реальный социальный процесс, включающий в себя зарождение и формирование профессиональных намерений, выбор определенной профессионально-трудовой сферы, профессиональное обучение и воспитание, в период которого происходит формирование специальных знаний, умений и навыков, социально значимых и профессионально важных качеств личности и профессиональное самоопределение, активное вхождение индивида в профессионально-трудовую среду и успешное овладение профессией (специальностью) в условиях конкретного трудового процесса и производственных отношений, а также полную или частичную реализацию личности в самостоятельном труде, достижение ею творчества, мастерства, своего «акме» в профессиональной деятельности [10].

Первоначальный профессиональный выбор и полученное профессиональное образование могут стать своеобразным *«холостым выстрелом»* в случае, когда специалист порывает со своей профессией и стремиться освоить другую. Важно осознавать, что выбор профессии и получение диплома об окончании образовательного учреждения автоматически не гарантируют применение полученных знаний в общественном производительном труде. Профессионально-трудовой потенциал может использоваться в других сферах жизнедеятельности индивида *(семейно-бытовой сфере, в занятиях любительским трудом, типа хобби и т.д.)* [11].

Та или иная ситуация, тот или иной сценарий реализации жизненного самоопределения личности в сфере профессиональной трудозанятости есть детерминанта управляемых (целенаправленных) и спонтанных факторов, условий, создаваемых (создавшихся) для конкретного человека в процессе реализации им выбранной (предпочитаемой) жизненной программы. Последнее, в свою очередь, в немалой степени зависит от такого фактора, обстоятельства, как профессиональное призвание.

Достижение профессиональной зрелости, своеобразного профессионального АКМЕ обусловлено уровнем профессионализма, «скоростью» прохождения того или иного этапа *(ориентация, обучение, труд),* возрастом индивида, в котором состоялись начало и конец указанных этапов… Трудовая жизнь, процесс профессионализации каждого индивида – уникален, индивидуализирован [3, с. 100].

* * *

Необходимо принимать во внимание, что одним из существенных *противоречий* процесса профессиональной социализации молодых россиян является необходимость, *с одной стороны*, усваивать традиционные *(старые)* профессиональные ценности, сопряжённые с формированием профессиональной культуры, с его символическими профессиональными образами, социально-психологическим климатом профессионального пространства, с *другой*, адаптироваться в явно противоречащей этому социально-экономической действительности «переходного периода», с его деформированными общечеловеческими, трудовыми и профессиональными ценностями, нормами, стереотипами и правилами поведения. Как результат этого, по мнению Л.Э. Пробст, «утрачиваются профессиональные традиции, нарушается преемственность поколений, переход от одной ценностной системы к другой. Наблюдается во многом хаотичный, нерегулируемый и непрогнозируемый процесс духовного и профессионального развития» [12, с. 39].

Конечная цель социализационного процесса, по мнению московского социолога-«молодёжника» И.М. Ильинского достигается путём решения целого ряда конкретных задач. Из ВОСЬМИ задач, определённых автором, выделим (исходя из направленности нашей статьи) ТРИ наиболее актуальные для нашего последующего анализа:

– *воспитание потребности в физической культуре и здоровом образе* жизни, стремления к созданию семьи, продолжению рода, материальному обеспечению и воспитанию нового поколения в духе гуманизма и демократии;

– *воспитание потребности к труду* как первой жизненной необходимости, высшей жизненной ценности и главного способа достижения жизненного успеха, целеустремленности и предприимчивости, конкурентоспособности во всех сферах жизнедеятельности;

– *ориентация личности на гуманистические установки и смысложизненные ценности* в новых социально-политических и экономических условиях общества, определение своего места и целей жизнедеятельности, формирование самосознания и гуманистически направленных высших потребностей [13, с. 334–335].

В своих рассуждениях и выводах мы будет опираться на результаты ряда социологических опросов, проведённых нами в Институте экономики УрО РАН в школах и вузах Уральского региона[1], частности, это опросы:

– 2008 г. – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде. В числе опрошенных 327 подростков из числа так называемых, по оценкам учителей, «благополучных» («ПХор») и 338 – «трудных» («ПНеуд») – в дальнейшем условная аббревиатура: ***«Подросток-2008»***.

– в 2014 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города-ЗАТО «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков – г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодёжи в родительских семьях, их здоровьесберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и жизненных планов – ***«Урал-ФК-2014»***.

– в 2017 г**.** в рамках межрегионального исследования проблем профессионально-трудовой социализации молодых инженерных кадров на факультетах инженерно-технической направленности в пяти вузах Урала и Астрахани был проведён опрос 1000 студентов первых-вторых и четвёртых курсов в частности: а) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в трёх институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 300 чел.; г) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) – 400 чел. – ***«Урал-Семья-ВУЗ-2017».***

Валеологическое самочувствие и физическая культура молодёжи

По данным научно-организационного отдела Научного центра здоровья детей Минздрава РФ около 35% детей в России рождаются с различными осложнениями или заболевают в первый год жизни. Ежегодно не менее 12% детей появляется на свет недоношенными или с низкой массой тела. Более того, из-за травм и заболеваний многие получают инвалидность еще в детском возрасте – по состоянию на 2014 г., количество детей-инвалидов в России составило 541 тыс. человек, более половины из них – это подростки от 10 до 17 лет[2]. Сравнительно высокая инвалидизация детского населения продолжает оставаться довольно значительной. По данным Росстата РФ, ежегодно в России происходит более 63 миллионов случаев заболеваний и травм детей и подростков. В их числе отравления, ожоги и переломы в школах, в летних лагерях или во время занятий спортом, а также простудные заболевания, грипп и более тяжелые заболевания. «Помимо стресса, детские болезни влекут за собой и непредвиденные расходы. Субсидий и обеспечения, к сожалению, не хватает всем, а часть необходимых препаратов не входит в бесплатные тарифы ОМС» [14].

Теперь о страхах и рисках, которые сопровождают взросление молодого поколения уральцев. Один из вопросов анкеты в опросе ***«Урал-ФК-2014»*** формулировался так: *«Чего ты боишься больше всего в своей жизни?»* В реестре возможных вариантов ответов один из разделов рисков касался проблем, связанных *с ущербом и деформацией собственного здоровья* юного респондента. Вот валеологические опасения тинейджеров в школах Кировского района г. Екатеринбурга (% от общего числа опрошенных – 510 чел.):

[1] Научный руководитель и непосредственный участник в реализации проектов – проф. Павлов Б.С.

[2] Заметим, эта группа детского населения на момент написания и публикации статьи повзрослела на 6 лет.

БОЯЗНЬ:				
– быть изувеченным, избитым	– 46		– отравиться продуктами питания	– 19
– привыкнуть к наркотикам	– 31		– быть покусанным собакой	– 18
– привыкнуть к курению	– 27		– отравиться воздухом	– 7
– привыкнуть к алкоголю	– 23		– отравиться водой	– 6
– заболеть, травмироваться	– 23			

Кстати, боязнь потери здоровья – отнюдь не самая актуальная в детерминантах социально-психологического самочувствия уральских подростков. *«Боязнь потерять родителей»* собрало 86% тинейджеров, «*боязнь болезни, травмы родителей*» – 67%, «*боязнь попасть в тюрьму, колонию*» – 39%, «*боязнь быть незаслуженно обвиненным в преступлении*» – 38%, «*боязнь оказаться заложником в результате теракта*» – 33%, «*боязнь быть ограбленным, обворованным в доме, квартире, саду*» – 30%, «боязнь ***не поступить*** *в вуз, колледж после школы»* – 25%, «*боязнь быть наказанным богом за грехи*» – 24%, «*боязнь потерять жилье, стать бомжем*» – 18%, «*боязнь привыкнуть к азартным играм*» – 15% [15, 16].

Нетрудно видеть, что наибольшие страхи и тревоги у современных молодых уральцев вызывают возможные ситуации с потерей родителей, близких, угрозы физического насилия и оказаться изгоем социального окружения, в частности, быть втянутым в асоциальные формы поведения. При всей привлекательности подобной социальной ориентированности молодых людей, в настоящее время она, к сожалению, во многом является *иллюзорно-лицемерной*. Попытаемся доказать это «с цифрами в руках».

Гармония психофизических сил организма повышает резервы здоровья, создает условия для творческого самовыражения в различных областях нашей жизни. Еще Гиппократ писал: «Как суконщики чистят сукна, выбивая их от пыли, так гимнастика очищает организм». Занятия гигиенической гимнастикой не исключают её превращения в тренировочную. Нашим юным респондентам в двух уральских городах ***(«Урал-ФК-2014»)*** задавался вопрос: «Что в настоящее время ты делаешь регулярно для своего здоровья и физического развития? Количество ответов не ограничивается». Вот ответы учащихся 10–11 классов (% от общего числа опрошенных в каждой группе; в числителе старшеклассники г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. Лесной): «сам, индивидуально занимаются в спортивной секции» – 19/%, «делают физзарядку» – 20/31%, «катаются на лыжах» – 18/37%, «катаются на коньках» – 26/43%, «занимаются плаванием» – 9/11%, «участвую в школьных соревнованиях» – 13/26%, «в настоящее время спортом не занимаюсь, к сожалению, нет времени и условий » – 11/6 %.

Полученные в опросах данные, в первую очередь, позволяют оценить (хотя бы, приблизительно) количественные и качественные индикаторы развития спортивных занятий в различных социально-демографических группах детей и подростков, соотношение традиционных, спонтанных (в семье, во дворе, в компании сверстников) и общественно организованных (школа, городские учреждения культуры и спорта) форм занятий населения физической культурой и спортом.

Социологические опросы, профилактическая работа с молодежью показывают, что формирование ответственного отношения к здоровью, пропаганда здорового образа жизни фактически является важной составной частью социализации и формирования молодого человека [17]. Исследователи выделяют пять основных институтов общества, влияющих на образ жизни и состояние здоровья детей и подростков: а) семья; б) школа; в) здравоохранение; г) средства массовой информации; д) государство. Особое место среди них занимает первичная родительская семья. Например, нашим респондентам в опросе *(«Урал-ФК-2008»)* задавался вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, в наибольшей мере влияет, как правило, на формирование у детей, подростков серьезного отношения к своему здоровью, к занятиям физкультурой и спортом? В частности, кто повлиял на Вас лично?». По мнению 61% городских подростков, основное влияние на их физическое развитие оказала их мать, для 56% – отец. Мнения сельских подростков, соответственно, составили 64 и 53%. «Второе место» по влиянию на уральских подростков в сфере физического развития (занятий) заняли «сверстники, друзья»: 30% – в городе и 21% – в селе; «третье место» – соответственно – «школа, учителя» – 23и 25%. Более скромное влияние, по мнению подростков, оказали на них средства массовой информации: «кино, телевидение, радио» – 15 и 11% и «книги, газеты, журналы» – 10 и 7%.

В одном из своих выступлений Президент РФ отмечал: «Важнейшее направление – развитие физической культуры и спорта, особенно среди молодежи… Но эту задачу… не решишь лишь за счет проведения международных спортивных форумов и увеличения даже учебных часов физкультуры в школах и вузах. Нужны новые формы работы, широкий выбор не только спортивных, но и оздоровительных занятий, прежде всего, для детей, хочу это подчеркнуть, для детей младшего возраста. Именно в этом возрасте, как мы знаем, на всю жизнь закладываются привычки и интересы, и нужно их сформировать» [18].

Физическое взросление и трудовая нагрузка учащихся

Одним из печальных следствий постоянных всплесков инновационной политики в российских школах за последние 30–40 лет стало вольное или невольное «вытеснение из общеобразовательных школ трудового воспитания. Подоплека такой политики оправдывалась тем, что в реальном общественном производстве идет активное вытеснение тяжелого физического труда. Дескать, профессиональная ориентация на рабочие места, попытки освоения какой-либо одной профессии малоэффективны и «лишь отнимают учебное время у других более серьезных наук».

Новые социально-экономические реформы в России окончательно подорвали школьный производительный труд, заодно развалили базу для занятий массовой физической культурой и спортивными занятиями. В стремлении

«всё и вся» достичь социальной справедливости, уберечь членов социалистического общества от всяческого рода несправедливости и неправомерной эксплуатации господствующая идеология, как говорится, «выплеснула из ванночки вместе с водой и ребёночка». Детский труд при социализме был признан «вне закона». Однако при этом игнорировалась одна простая истина. Чем является труд, трудовая деятельность для формирующейся личности ребёнка? Ответ здесь однозначен – непременным, ничем не заменяемым атрибутом социализации.

Реализация всех видов потенциалов человека (интеллектуального, биологического, духовно-нравственного), приобретаемых им в ходе социализации, происходит в процессе его трудовой (общественно полезной) деятельности. Через сферу труда происходит вовлечение индивида в систему общественного разделения труда, достижение определенного социального статуса, уровня жизни и развитие личностных характеристик индивида. Качество трудовой жизни человека во многом определяется степенью его подготовленности к участию в трудовой деятельности и существующими в обществе условиями данного участия. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, писал К.Д. Ушинский, – должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни… Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объём сведений, но должно зажечь в нём жажду серьёзного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой» [20, с. 155].

Адаптация молодых россиян (в нашем случае – уральцев) к труду вообще и к труду в общественном производстве, в частности, детерминируется во многом позициями родителей и подростков относительно их желания, ориентации и возможности совмещения учёбы в школе и участия в производительном труде (в процессе зарабатывания денег). Попытаемся «с цифрами в руках» показать, что социально-экономическому поведению подавляющего большинства учащейся молодёжи на Урале (да и не только Урале) в настоящее время присущ, по преимуществу, *потребительский, нетрудовой образ жизни.*

Полученные на основе высказываний уральских родителей и экспертов данные о желаемом возрасте приобщения детей к посильному производительному труду свидетельствуют о следующем: каждый шестой-седьмой из двух групп респондентов (15–16%) считает, что приобщать к серьёзному труду детей можно с 6–7 класса. Каждый третий родитель (33%) готов к включению своего сына (реже дочь) с 8–9-го класса. Каждый четвёртый родитель (24%) и столько же экспертов (25%) считают наиболее благоприятными для включения в производительный труд подростков 9–11 классы. В первую очередь за такой «щадящий» возрастной режим трудового воспитания – родители из семей, живущих «в полном достатке».

Вместе с тем, нельзя не видеть и другой подход к детской трудозанятости: 28% родителей и 19% организаторов школьного образования считают, что «в школе дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они «успеют» после окончания учёбы». Не вдаваясь в полемику современников, хотелось бы напомнить известные слова К. Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый взрослый трудоспособный человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками» [1, т. 17, с. 197].

В настоящее время можно, к сожалению, констатировать, что «интеллектуализм» современного подростка *(как городского, так и сельского),* большой объем усвоенных им знаний зачастую достигается ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими. Попытаемся проиллюстрировать это утверждение результатами наших исследований. В анкете опроса ***«Урал-Семья-Вуз-2017»*** студентам пяти вузов предлагалось ответить на два взаимосвязанных вопроса:

ВОПРОС 1*. «Припомните, пожалуйста, какие виды домашних работ особенно хорошо получались у Вашей мамы? При этом Вам нравилось, как она ловко и красиво это делает».*

ВОПРОС 1. *«А теперь попытайтесь «построже» подойти к себе и оценить: какие из перечисленных выше работ Вы также достаточно хорошо научились и умеете делать сейчас?».* Результаты опроса представлены в табл. 2.

Таблица 2

Преемственность детьми умений и искусств материнских занятий в домашней работе (% от общего числа опрошенных по каждому вузу; в числителе – ответ на *«Вопрос 1»,* в знаменателе – на *«Вопрос 2»)*

Готовить вкусную еду, обеды, напитки	87/47	78/61	85/41	65/42
Печь пироги, торты	64/35	54/30	65/20	57/28
Поддерживать чистоту, порядок в квартире	73/76	65/59	72/56	69/53
Шить на машинке	32/12	29/13	48/9	25/11
Вязать, чинить одежду	52/11	41/18	72/20	48/38
Делать на зиму заготовки	44/5	33/8	52/9	44/18
Стирать, гладить белье	56/43	55/48	51/40	42/44
Экономно расходовать заработную плату, деньги семьи	44/40	30/38	60/39	32/45
Выращивать в саду, на огороде овощи, фрукты, ягоды	32/15	28/13	49/13	13/25
Выращивать цветы и ухаживать за ними	32/13	39/12	4812	33/15

В приобщении детей к труду по самообслуживанию *(себя и своей семьи)* есть и другой важнейший социокультурный аспект. Трудолюбие, трудовые навыки детей, подростков, в дальнейшем – молодых мам и пап – это мощный и практически безальтернативный арсенал их воспитательных возможностей в качестве *молодых родителей*. Известно, что *«Каков отец, таковы и дети»* и «*Труднее всего учить детей тому, чему не научились сами»* [21, 22].

И, последнее. Мы твердо убеждены, что участие учащейся молодежи в посильном общественно полезном (желательно, – производительном) труде не следует ограничивать лишь задачами воспитательного плана. По мере взросления молодых людей должна расти не только потенциальная способность к труду вообще. Должна увеличиваться их реальная социально-экономическая отдача для общества, в частности, родительской семьи. Этот онтогенетический процесс, естественно, должен идти не вразрез с индивидуальными и семейными интересами, а скорее, с приоритетом последних.

На пороге в гражданское общество

В современном понимании, *«гражданское общество»* является обществом негосударственного типа с развитыми социокультурными (экономическими, политическими, правовыми, культурными и др.) отношениями между людьми, независимое во взаимодействии с государством [23]. Согласно классической схеме, Дэвида Истона, гражданское общество выступает как фильтр требований и поддержки общества к политической системе [24]. В качестве основных философских постулатов, характеризующих развитое гражданское общество, выделяют следующие: [25].

– *гражданское обществ* имеет сложную структуру, которая включает в себя: хозяйственные, экономические, этнические, религиозные и правовые отношения. гражданские связи представляют собой отношения конкуренции и солидарности между юридически равноправными партнёрами.

– важной характеристикой гражданского общества является достижение высокого уровня самоорганизации и саморегуляции общества;

– *гражданское общество* – общество людей высокого социального, культурного, морального экономического статуса, создающих вместе с государством развитые *правовые отношения*;

– и, наконец – условием возникновения *гражданского общества* является появление у граждан общества *экономической самостоятельности* на базе частной собственности, а также гражданских свобод. *Гражданское общество* – общество цивилизованных рыночных отношений.

Известно, что в настоящее время практикой выработаны две группы подходов к измерению состояния гражданского общества. *В первой из них* анализируется уровень институционализации гражданского общества в государстве с целью оценки размеров, устойчивости, способности действовать и возможности исследуемых организаций. *Во второй* – уровень гражданской активности/участия граждан, который оценивается частотностью/популярностью, таких феноменов как волонтёрство, пожертвования, членство.

При этом концептуальный анализ исследования состояния гражданского общества в России, может включать в себя такие его измерения как «оценка деятельности с точки зрения господдержки», «оценка деятельности с точки зрения нормативно-правовой базы», «оценка деятельности с точки зрения поступления частных пожертвований», «оценка деятельности с точки зрения освещения в СМИ», «оценка деятельности с точки зрения общественного мнения», «оценка деятельности с точки зрения волонтерства» [26].

Особый научно-практический интерес представляет понимание взаимоотношения феноменов «***гражданское общество»*** и ***«профессиональная социализация индивидов, образующих его»***. Сразу подчеркнём: процесс профессиональной социализации дееспособного индивида сопровождает, как правило, всю его сознательную жизнь.

Наш краткий научно-методический экскурс в понятие *«гражданское общество»* проиллюстрируем процессом воспроизводства одной из ведущих профессиональных групп реальной экономики *инженеров промышленного производства*, ибо «сегодня лидерами глобального развития – подчеркнул Президент РФ, становятся те страны, которые способны создавать прорывные технологии и на их основе формировать собственную мощную производственную базу. Качество инженерных кадров становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности государства и, что принципиально важно, основой для его технологической, экономической независимости» [27].

Можно утверждать, что успешность процесса воспроизводства этой профессиональной группы (её профессионально-трудовых и социокультурных качеств), можно расценивать, с одной стороны как достижение государственных и общественных органов управления целенаправленным процессом формирования гражданского общества в России (одного из его важных секторов), с другой, – как результат социально-зрелой, патриотически направленной жизнедеятельности первичного социального института – родительской семьи, и, естественно, самой личности молодого человека, путём её самосоциализации, самосохранения и саморазвития.

23 июня 2014 года на Заседании Совета по науке и образованию по вопросам модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов Президент РФ В.В. Путин *подчёркивал* «Нужно подумать о том, как добиться, чтобы эта система подготовки кадров в полной мере отвечала вызовам времени, запросам экономики и общества, способствовала решению задач, которые сегодня стоят перед нашей экономикой в целом: это повышение конкурентоспособности, технологическое перевооружение промышленности, кардинальный рост производительности труда» [27]. О том, насколько корреспондируют реальные результаты деятельности технических вузов РФ ***«вызовам времени, запросам экономики и общества»*** можно, в какой-то мере судить по результатам нашего опроса ***«Урал-Семья-Вуз-2017».*** Тысяче студентов ряда технических вузов Урала и Поволжья в анкете задавался вопрос:

«Какие планы у Вас лично после окончания вуза (в течение последующих 3-5 лет)?»[1] Вот результаты ответов студентов по двум: в числителе % от общего числа опрошенных студентов на Урале (УрФУ, г. Екатеринбург – 300 чел.); в знаменателе – % в Поволжье (АГАСУ, г. Астрахань – 400 чел.).

ТРУД, ПРОФЕССИЯ, ЗАРАБОТОК:	
– найти хорошее место работы	**72 / 84**
– постараться уехать работать и жить в другую страну	**39 / 25**
СЕМЬЯ, БЛАГОСОСТОЯНИЕ:	
– материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать)	**54 / 53**
– жениться, выйти замуж	**34 / 41**
– серьёзно заняться своим здоровьем	**9 / 12**
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РОСТ:	
– продолжить учиться, освоить другую профессию	**17 / 13**
– уйти в науку, попытаться защитить диссертацию	**9 / 3**
РОСТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ	
– путешествовать по миру	**50 / 30**
– уделять больше внимания своему культурному развитию (чаще ходить в театры, на выставки, читать книги, и т.д.)	**28 / 21**
– сделать политическую (общественную) карьеру	**2 / 10**

Полученные нами данные опроса ***Урал-Семья-Вуз-2017», в частности,*** представленный выше материал, даёт богатые возможности для анализа проблем профессионально-трудовой социализации инженерной молодёжи, оценки эффективности региональных и федеральных технических вузов [27]. Но не только это. Нам представляется, что полученные данные позволяют выявить и другую весьма серьёзную проблему общей системы социализации в России: *проблему определённого забвения в воспитательном процессе задач формирования у молодых людей качеств гражданской ответственности* за своё поведение, связанное с обучением профессии, профессиональным ростом, образованием собственной семьи, поддержкой стареющей родительской семьи, и, наконец, ответственности за девиантные проявления [28, 29].

«В гражданской ответственности, отмечал Президент РФ в одном из своих Посланий, – в патриотизме вижу консолидирующую базу нашей политики. Быть патриотом значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории, хотя, безусловно, это очень важно, а, прежде всего, служить обществу и стране. Как говорил Солженицын: «Патриотизм – чувство органическое, естественное. И как не может сохраниться общество, где не усвоена ответственность гражданская, так и не существовать стране, особенно многонациональной» [30].

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд.
2. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 575 с.
3. Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (на материалах учебных заведений ГПС МЧС). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН; УрАГС, 2005. – 230 с.
4. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. – М.: Политиздат, 1971. – 336 с.
5. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов-на-Дону, Феникс, 2002. – 544 с.
6. Социология молодежи. Электронная энциклопедия (под ред. проф. В.А. Лукова). – http: // www.soc-mol.ru/encyclopaedia/ theories/209- socializaciya-professionalnaya.html
7. Павлов Б.С., Пронина Е.И., Павлов Д.Б. Учеба студента в вузе как непростой старт во взрослую трудовую жизнь // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю.Р. Вишневского / [под общ. ред. Ю.Р. Вишневского; отв. за вып. Д.Ю. Нархов]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-т а, 2018. – С. 299–308.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – СПб.: Союз, 1998. – 496 с.
9. Ковалева А.И., Перинская Н.А. Социализация профессиональная. – http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/209-socializaciya-professionalnaya.html
10. Клименко В.А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах. 2012. – № 3. – С. 92–102.
11. Пацула А.В. Профессиональное развитие специалиста и персональный брендинг // Акмеология. 2011. – № 3. – С. 27–31.
12. Пробст Л.Э. Профессиональная социализация школьной молодежи в современной России: Автореф. дис. докт. соц. наук. – Екатеринбург, 2004. – 43 с.
13. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. – 696 с.
14. Ильин А.Г. Состояние здоровья детей в России: неутешительная статистика. – http:// www. regnum.ru/news/2039510.html
15. Павлов Б.С., Сентюрина Л.Б. Демографическое здоровье населения как основа социально-экономического развития региона // Журнал экономической теории. 2006. – № 4. – С. 151–155.
16. Павлов Б.С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. – № 12. – С. 109–122.
17. Сентюрина Л.Б., Павлов Б.С. Здоровье детского населения в регионе как социально-валеологическая проблема (на примере городов и поселений Урала) / Науч. доклады. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. – 144 с.
18. Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию: полный текст. – http://www.b-port.com/news/item/93504.html
19. Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс. – М.: Сов. Россия, 1989. – 240 с.

[1] Несложный расчёт показывает, что мы просили респондентов, будущих молодых инженеров, поделиться своими жизненными планами (прожективно) на 1921–1924 гг.

20. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. – М.: Мысль, 1968. – 557 с.
21. Павлов Б.С., Разикова Н.И. Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. – № 10. – С. 110–119.
22. Пронина Е.И., Павлов Б.С. Детский труд в родительской семье: досадная необходимость или родовая потребность // Современные проблемы образования, педагогики, социализации детей в контексте инновационных практик: монография / научн. ред. Б.С. Павлов. – М.: Перо, 2016. – С. 109–121.
23. Философия права в начале 21-го столетия через призму конституционализма и конституционной экономики: издание Московско-Петербургского философского клуба. – М., 2010. – С. 29.
24. Easton D.A. Framework for Political Analysis. – London; Sydney; Toronto; New Delhi; Tokyo, 1965. – 285 p.
25. Гражда́нское о́бщество в России. – https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%
26. Горелова И.В., Арпентьева М.Р. Контекст как основа определения показателей деятельности гражданского общества // Новые контуры социальной реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (VII Северо-Кавказские социологические чтения, 14 ноября 2018 г., Ставрополь). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – С. 32–34.
27. Заседание Совета по науке и образованию по вопросам модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов 23 июня 2014 года. – http://kremlin.ru/events/president/news/45962
28. Засыпкин В.П., Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2018. Рец. В.П. Засыпкин // СОЦИС. – М., 2020. – № 3. – С. 163–165.
29. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 69–80.
30. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию: полный текст. – http://www.b-port.com/news/item/93504.html

Петросянц Д.В.
к.э.н., доцент Департамента политологии Финансового университета
dan-basa@yandex.ru

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПОДГОТОВКУ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ТЭК[1]

Ключевые слова: *институциональная среда, конкурентоспособность университетов, высшее образование, рейтинги университетов, наукометрия, экспертные оценки.*
Keywords: *institutional environment, university competitiveness, higher education, university rankings, scientometrics, expert assessments.*

Введение

ТЭК, являясь наиболее ресурсоемкой и исторически обеспечившей свое центральное положение в экономике страны отраслью, не только «потребляет» тысячи выпускников российских (также и зарубежных, включая страны бывшего СССР) университетов, но и развивает модель взаимодействия с образовательными учреждениями, включающую в себя такие элементы, как:

– изучение отраслевого (возможно, и существенно шире) рынка труда, прогноз изменений на рынках труда в связи с прогнозами развития ТЭК[2];

– формирование профессиональных требований и профессиональных стандартов работников отрасли (на корпоративном уровне, на уровне профессиональных и бизнес-сообществ, ассоциаций, союзов), что влияет на разработку образовательных стандартов[3];

– организация сотрудничества с университетами (возможно и другими образовательными организациями) в сферах разработки и совместных образовательных программ, развития совместных исследований вплоть до участия компаний ТЭК в создании совместных центров R&D вплоть до инновационных долин и лощин; заключения соглашений о целевой подготовке специалистов; участия представителей компаний ТЭК в оценке и сертификации выпускников и т.п.;

– развитие собственных корпоративных университетов, которые могут развиваться скорее в условиях интеллектуально «удобренной» академической среды;

– диверсификация компаний ТЭК выдвигает новые требования к молодым специалистам и организациям, их готовящих, что выводит этот круговорот взаимодействия бизнеса и академии на принципиально иной уровень.

В настоящем исследовании мы постарались картировать нынешнее визуально воспринимаемое состояние экосистем инноваций в ряде ведущих российских университетов, подготавливающих специалистов для ТЭК.

Исследования по теме

Вопросами подготовки кадров в высшей школе для топливно-энергетической отрасли занимались и проводили аналитические исследования многие российские и зарубежные ученые[4].

В статье В.Н. Мещерякова и О.В. Крюкова «проанализировано состояние и перспективы инновационного развития подходов к учебному и научно-техническому сотрудничеству ведущих технических университетов страны и предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК) по подготовке и переподготовке кадров»[5].

---

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00104 «Системное регулирование развития экосистем инноваций в российских ведущих центральных и региональных университетах».

[2] См., например: Крюков О.В. Система подготовки оперативного персонала газотранспортных предприятий // Компрессорная техника и пневматика. 2016. – № 5. – С. 43–47; Мещеряков В.Н., Крюков О.В. Формы учебного сотрудничества технических университетов с нефтегазовыми предприятиями // Профессорский журнал. Серия: Технические науки. 2019. – № 1 (1). – С. 46–56; Юшков И.В. Проблема глобальной диспропорции в структуре производства и потребление энергоресурсов как вызов России в XXI веке // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. – № 3 (53). – С. 18–23.

[3] Рогалёв Н.Д. Человеческий капитал – основа инновационного развития российской энергетики // Энергетическая политика. 2016. – № 3. – С. 25–30.

[4] Агиней Р.В. Базовая выпускающая кафедра «Проектирование и эксплуатация газонефтепроводов и газонефтехранилищ» НГТУ им. Р.Е. Алексеева в АО «Гипрогазцентр» // Кадры газовой промышленности. – М.: Газпром-экспо, 2015. – С. 11–12; Анисимов В.Н. Современные образовательные технологии подготовки специалистов по внедрению современных ремонтных технологий на предприятиях ТЭК // Химическая техника.- 2017. – № 4. – С. 12–13.

[5] Мещеряков В.Н., Крюков О.В. Формы учебного сотрудничества технических университетов с нефтегазовыми предприятиями // Профессорский журнал. Серия: Технические науки. 2019. – № 1 (1). – С. 46–56.

Интересен опыт создания имитационных моделей-тренажеров для наглядного освоения изучаемого материала. Так, в исследовании ученых из РУДН, «представлены результаты работ авторов в рамках проекта по созданию образовательного комплекса по HSE-менеджменту (управление охраной труда, промышленной и экологической безопасностью). Образовательный комплекс включает в себя виртуальный тренажер по экологической безопасности ТЭК, позволяющий моделировать аварийные ситуации на магистральных нефтепроводах, сопровождающиеся разливами нефти. Это эффективная образовательная технология, успешно применяемая в разных отраслях»[1].

Применение технологий, свойственных новому технологическому укладу, предъявляет новые требования к подготовке специалистов, ускоряя жизненный цикл профессий[2]. Вообще принцип подготовки специалистов под заказ работодателя и в связке с работодателем представляется наиболее перспективным. Так, например, в ОмГТУ действует базовая кафедра совместно с Омским нефтеперерабатывающим заводом (НПЗ). При этом студенты полностью представляют современные технологии, применяемые на этом производстве, перспективы развития и сложности реализации в освоении инновационных технологий. Для чего часть лабораторно-технической базы университета формируется на базе тех же принципов, что и производственный процесс на Омском НПЗ. Подобный подход характерен и для других технических университетов[3].

Основы организации процесса обучения специалистов ТЭК в РФ

В первую очередь напомним принципы формирования европейского образовательного пространства в 2010-2020, которым следуют и российские университеты.

1. Социальное измерение: равноправный доступ к образованию («Мы подчеркиваем социальный характер высшего образования и стремимся создать равные возможности получения качественного образования»).

2. Обучение в течение всей жизни («Должны гарантироваться доступность, качество образования и прозрачность информации»).

3. Трудоустраиваемость («Вузы …должны совершенствовать услуги, доступность и качество работы служб по трудоустройству»).

4. Обучение, ориентированное на студента, и миссия обучения в высшем образовании («Мы просим вузы обратить особое внимание на совершенствование качества преподавания учебных программ на всех уровнях»).

5. Образование, научные исследования, инновации.

6. Открытость на международном уровне («Транснациональное образование должно руководствоваться европейскими стандартами и рекомендациями для гарантии качества»).

7. Мобильность («считается, что мобильность студентов, молодых ученых и профессорско-преподавательского состава повышает качество программ»).

8. Сбор данных («…основа для анализа и сравнения»).

9. Механизмы прозрачности («Инструменты прозрачности должны быть тесно связаны … с гарантией качества и признанием, которые остаются нашим главным приоритетом и должны основываться на сравнимых данных и соответствующих показателях для описания многообразных профилей вузов и их программ»).

10. Финансирование («Государственное финансирование остается важным приоритетом как гарантия равного доступа и последующего постоянного развития автономных высших учебных заведений»).[4]

Сами же направления подготовки высшего образования (ВО) в ТЭК входят в следующие укрупненные направления по классификатору Министерства науки и высшего образования РФ (МНВО).

- Математические и Естественные науки (Химия, Науки о Земле)
- Инженерное дело, Технологии и Технические науки (Техника и технологии строительства, Информатика и вычислительная техника, Информационная безопасность, Тепло- и Электроэнергетика, Машиностроение, Физико-технические науки и технологии, Химические технологии, Промышленная экология и биотехнологии, Техносферная безопасность и природообустройство; Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия; Техника и технологии наземного транспорта, Управление в технических системах, высокотехнологичные направления (приборостроение, измерительная техника и т.п.), …)
- Науки об обществе (Экономика и управление).

В табл. 1 приведены направления подготовки по программам бакалавриата в российских университетах специалистов ТЭК.

---

[1] Хаустов А.П., Редина М.М. Современные тренажерные образовательные технологии для подготовки специалистов ТЭК // Хартия Земли – практический инструмент решения фундаментальных проблем устойчивого развития: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию реализации принципов Хартии Земли в Республике Татарстан. 2016. – С. 247–250.

[2] Будзинская О.В. Актуальные проблемы перестройки системы инженерного образования // Микроэкономика. 2019. – № 3 (86). – С. 11–15.

[3] См. также Баранов В.Г., Милов В.Р. Направления учебно-инновационного сотрудничества технического университета с предприятиями // Автоматизация в промышленности. 2010. – № 2. – С. 60-63.

[4] Экономический факультет МГУ им. Ломоносова. Европейское пространство высшего образования: историческая справка. – https://www.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x41/xb3/16819/file/ЕПВО-Ист__справка.pdf

Таблица 1

Направления подготовки бакалавриата в российских университетах специалистов ТЭК

Направления подготовки	Коды направлений подготовки
Геология	05.03.01
Теплоэнергетика и теплотехника	13.03.01
Электроэнергетика и электротехника	13.03.02
Энергетическое машиностроение	13.03.03
Техносферная безопасность	20.03.01
Природообустройство и водопользование	20.03.02
Нефтегазовое дело	21.03.01
Землеустройство и кадастры	21.03.02
Геодезия и дистанционное зондирование	21.03.03
Технология транспортных процессов	23.03.01
Наземные транспортно-технологические комплексы	23.03.02
Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов	23.03.03

Источники: https://postupi.online и https://vuzopedia.ru

В табл. 2 приведены направления подготовки по программам специалитета.

Таблица 2

Направления подготовки специалитета в российских университетах специалистов ТЭК

Направления подготовки	Коды направлений подготовки
Проектирование технологических машин и комплексов	15.05.01
Химическая технология материалов современной энергетики	18.05.02
Прикладная геодезия	21.05.01
Прикладная геология	21.05.02
Технология геологической разведки	21.05.03
Горное дело	21.05.04
Физические процессы горного или нефтегазового производства	21.05.05
Нефтегазовые техника и технологии	21.05.06
Наземные транспортно-технологические средства	23.05.01
Транспортные средства специального назначения	23.05.02

Источники: https://postupi.online и https://vuzopedia.ru.

На данном этапе исследования ограничимся направлениями подготовки по коду 21.00.00 – Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия.

В следующей таблице для этого направления подготовки приводятся общее число университетов страны, реализующих программы бакалавриата и специалитета по выделенному направлению подготовки, средние значения проходного балла ЕГЭ, средние значения стоимости обучения (табл. 3).

Таблица 3

Общая численность университетов РФ, реализующих программы бакалавриата и специалитета по направлению подготовки 21.00.00 – Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия, средние значения проходного балла ЕГЭ и средние значения стоимости обучения, на 2019/20 учебный год

Направление подготовки	ЕГЭ, средний балл	Средняя стоимость, руб./год	Число вузов, ед.
21.03.02 – Землеустройство и кадастры	161	146 000	121
21.03.01 – Нефтегазовое дело	189	171 000	62
21.05.04 – Горное дело	148	193 000	46
21.05.02 – Прикладная геология	162	159 000	36
21.05.03 – Технология геологической разведки	166	177 000	18
21.03.03 – Геодезия и дистанционное зондирование	169	142 000	17
21.05.01 – Прикладная геодезия	167	149 000	17
21.05.05 – Физические процессы горного или нефтегазового производства	181	172 000	11
21.05.06 – Нефтегазовые техника и технологии	219	161 000	10

Источники: https://postupi.online и https://vuzopedia.ru

Можно полагать, что наиболее популярными направлениями подготовки являются Нефтегазовые техника и технологии и Нефтегазовое дело: относительно высокие средние значения проходного ЕГЭ и стоимости обучения.

Каждое из этих частных поднаправлений имеет множество профилей специализации; именно по ним возможна оценка образовательных программ, наряду, конечно, с проведением экспертной оценки.

Какие условия и критерии необходимы для синхронизации учебного процесса по подготовке специалистов в университетах и требований работодателей, да еще и в соотношении с развитием экономики регионов? Сформулируем некоторые из этих условий:

– заказ на подготовку специалистов. Наиболее успешным становится, как правило, системное сотрудничество по линии руководство региона – работодатель – университет;

– включенность университета в решение задач развития страны и региона. Подразумевает под собой полный цикл взаимодействия и поддержки в университете как научно-исследовательской деятельности, так и практико-ориентированных подходов к обучению, переобучению и адаптации к инновационным изменениям в производстве;

– совместные структуры университета с правительственными структурами, институтами, предприятиями и т.п. Помимо базовых кафедр, приветствуются любые иные конструктивные формы сотрудничества;

– договоры о стратегическом партнерстве. Очень важен не разовый, а системный подход на длительную перспективу, обеспечивающий расширение горизонтов планирования при сотрудничестве университетов с контрагентами;

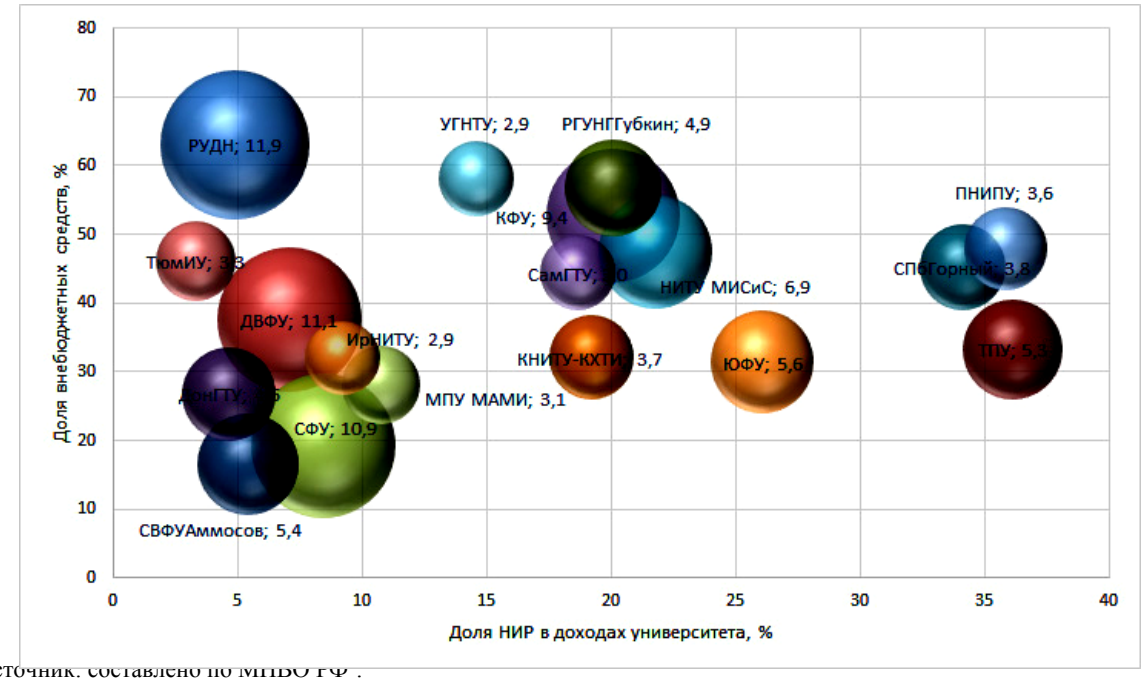
– вхождение университета в российские и международные консорциумы. Нельзя заниматься инновационными методами в высокотехнологичной сфере и не быть частью мирового научно-технического сообщества в этих сферах. Инбридинг в университетах может привести очень быстро к «декоративности» и невостребованности на практике преподаваемых дисциплин вчерашнего и позавчерашнего дня;

– мониторинг внешней среды и рынка труда, технологий и услуг. Университет действует как постоянно действующий локатор-сканер, отслеживая все изменения не только в производственно-технологическом аспекте, но и в социально-экономической, и в политической сферах. В идеале в технических университетах, выпускающих специалистов для российского ТЭК, потребуется создание своего аналитического центра форсайт-исследований. Центр станет генератором инициатив по взаимодействию университета с внешней средой, понимаемой в самом широком смысле этого слова. Еще одной функцией такого центра станет критический анализ сформированной в университете структуры и используемых технологий управления[1];

– и последнее в нашем списке, но важное по своей сути, – источники финансирования и пополнения ресурсов.

Показатели эффективности деятельности ряда российских университетов, специализирующихся на подготовке профессионалов ТЭК

На рис. 1 нами представлена пузырьковая диаграмма, характеризующая не только объемы бюджетов вузов ТЭК, но и показывающая из каких источников формируется этот бюджет. Выделяются объемом бюджета федеральные университеты – КФУ, ДВФУ, СФУ, а также РУДН (свыше 9 млрд. руб.). У РУДН больше всего привлечено внебюджетных средств. Однако по объему доли НИР в этих бюджетах лидируют другие университеты – ТПУ, СПбГорный и ТПУ (свыше 30%).

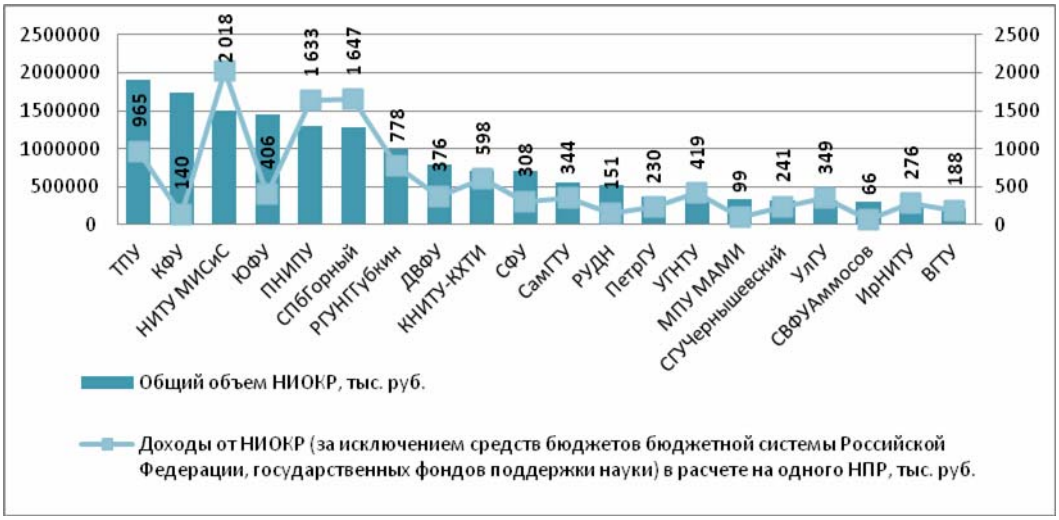
Источник: составлено по МНВО РФ[2].

Рисунок 1.
Бюджеты университетов и доля в них доходов из внебюджетных источников и НИОКР в 2018 г., млрд. руб., %

[1] Симонов К.В., Петросянц Д.В. Социально-политические проблемы общественного согласия при формировании регионального инновационного кластера // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – М., 2015. – № 4 (20). – С. 6–12.

[2] Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. Главный информационно-вычислительный центр. – http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo

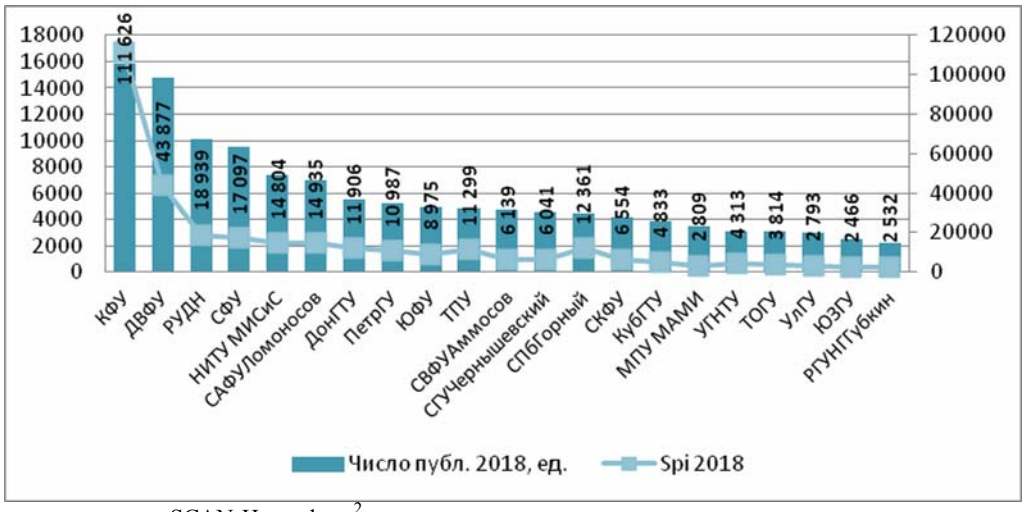
На рис. 2 можно видеть двухфакторную диаграмму, где представлены объем НИОКР и доходы от НИОКР на одного НПР в ряде университетов, специализирующихся на подготовке специалистов ТЭК.

Источник: составлено по МНВО РФ.

Рисунок 2.
Объем НИОКР и доходы от НИОКР на одного НПР в 2018 г.

На рис. 3 представлена сравнительная публикационная заметность вузов СКФО в СМИ и иных открытых источниках. Динамика публикаций позволяет отслеживать заметность университета в информационно-коммуникационном пространстве, а индекс SPI – их качество. С 2019 года индекс SPI был заменен на обновленный индекс Заметности[1].

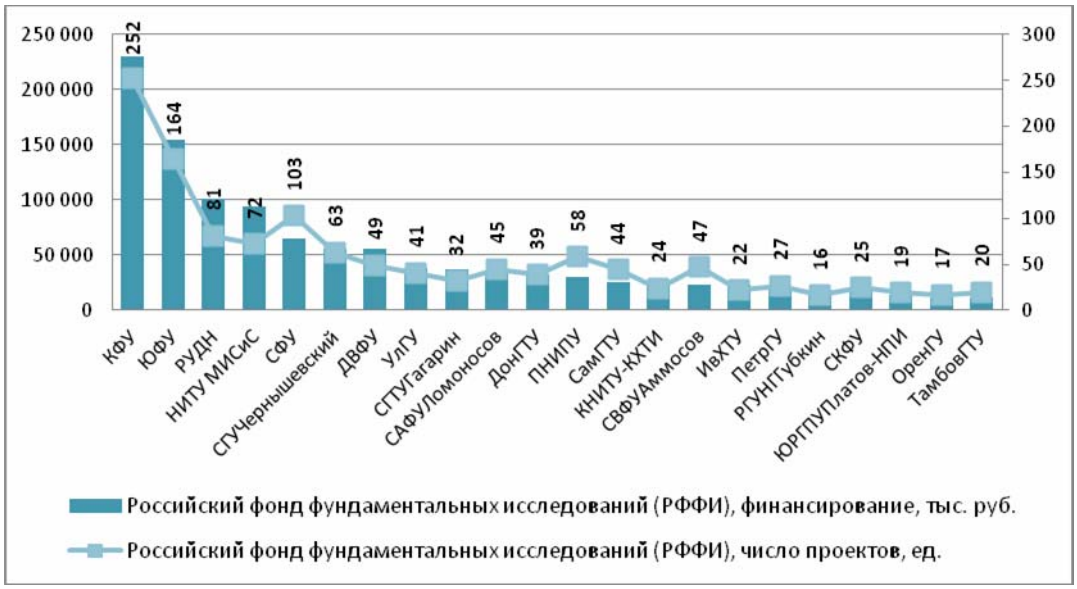
Источник: составлено по SCAN-Интерфакс[2].

Рисунок 3.
Публикационная активность в СМИ в 2018 г.

На рис. 4 представлены данные по степени вовлеченности ученых исследуемых университетов в грантовые проекты Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). По числу грантовых проектов РФФИ и их финансированию выделяется КФУ (свыше 200 млн. рублей привлечено на исследования).

[1] Петросянц Д., Чаплыгин А., Светцова А. Развитие информационно-коммуникационной среды современного российского вуза // Проблемы теории и практики управления. – М., 2015. – № 4. – С. 123–133.

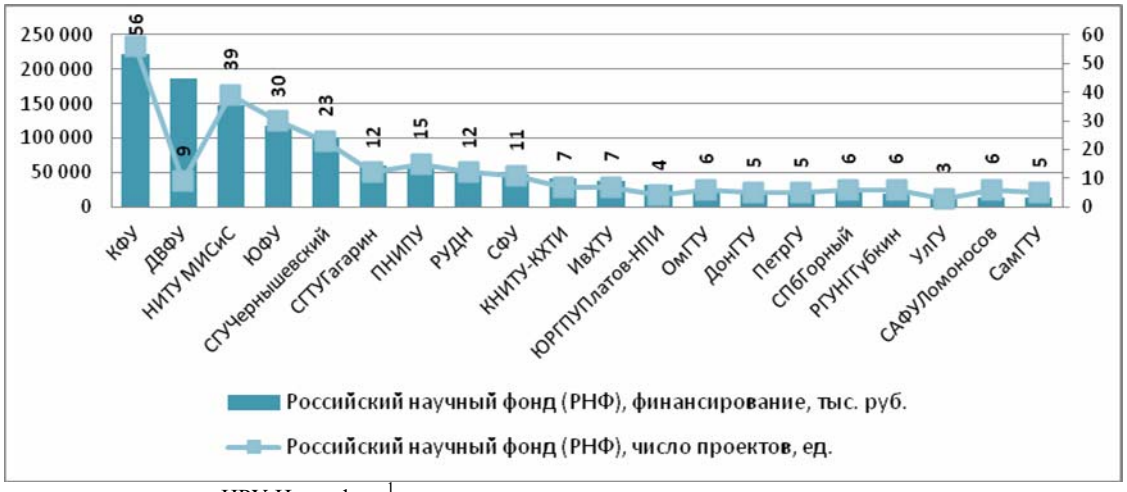
[2] База российских СМИ SCAN-Интерфакс. – http://scan-interfax.ru

Источник: составлено по НРУ Интерфакс [11]

Рисунок 4.
Участие университетов в грантовых проектах РФФИ в 2018 г.

На рис. 5 представлены данные о степени вовлеченности ученых исследуемых университетов в грантовые проекты Российского научного фонда (РНФ).

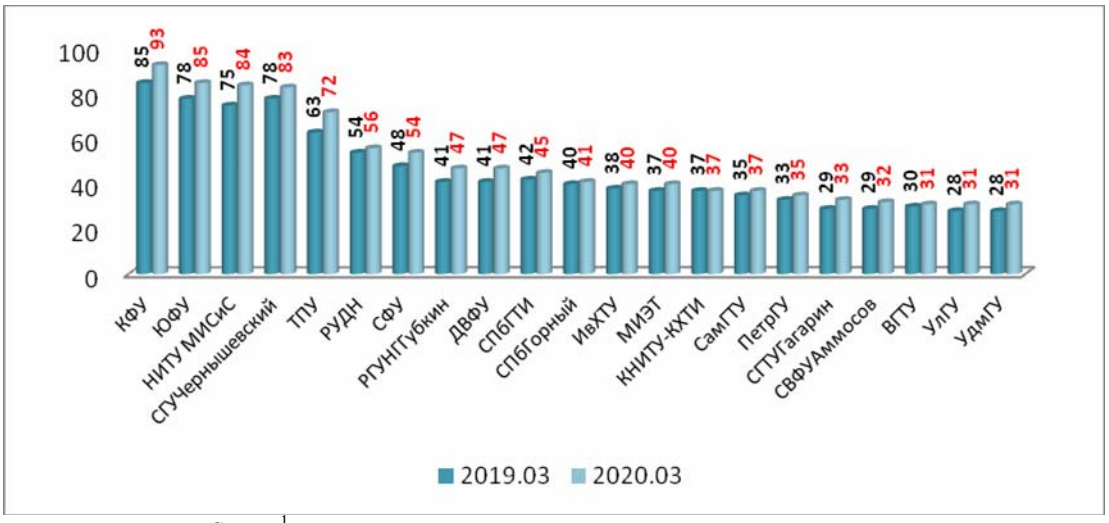

Источник: составлено по НРУ Интерфакс[1]

Рисунок 5.
Участие университетов в грантовых проектах РНФ в 2018 г.

На рис. 6 представлены величины индекса Хирша в базе Scopus ряда ведущих университетов, ведущих в РФ подготовку специалистов ТЭК.

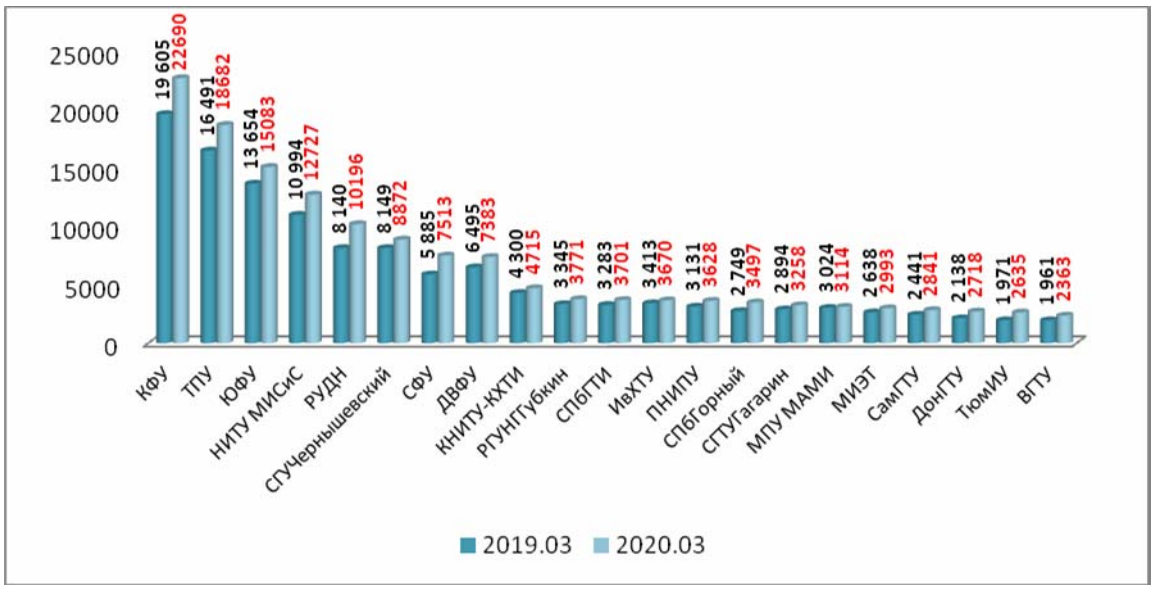
[1] Официальный сайт проекта Академия Интерфакс. – www.academia.interfax.ru

Источник: составлено по Scopus[1].

Рисунок 6.
Индекс Хирша на март 2020 г. в базе Scopus

На рис. 7 представлены данные по общему числу публикаций в базе Scopus в университетах, занимающихся подготовкой специалистов ТЭК.

Источник: составлено по Scopus.

Рисунок 7.
Число публикаций на март 2020 г. в Scopus

На рис. 8 представлены данные о численности обучающихся по очной форме по направлению подготовки 21 – Прикладная геология, горное дело нефтегазовое дело и геодезия в 2018 г.

[1] Реферативная база данных научных публикаций Scopus. – www.scopus.com

Источник: составлено по НРУ Интерфакс.

Рисунок 8.
Численность обучающихся по очной форме по направлению подготовки 21 – Прикладная геология, горное дело нефтегазовое дело и геодезия в 2018 г., чел., %

Заключение

Резюмируя, отметим, что композиционное использование методов и разработок в сфере изучения экосистемы инноваций в российских университетах, специализирующихся на подготовке специалистов ТЭК, сочетание использования политических и социально-экономических рычагов воздействия на механизмы хозяйствования в условиях дефицитности ресурсообеспечения, перенаправление экономики на инновационные рельсы путем формирования устойчивой модернизационной и психообщественной инфраструктуры в регионах России, позволяет выявить наиболее успешные практики в российских условиях.

Для региональных вузов нельзя переоценить тот вклад, который они способны вносить в развитие региональной инновационной системы, что должно стать не только декларацией, а действующим драйвером развития экономик регионов РФ.

Петрук Г.В.,
Шашло Н.В.[1]

МОДЕРНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК БАЗЫ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМЫ УНИВЕРСИТЕТА

Ключевые слова: *университет, инновации, наука, экосистема, ученый, постиндустриальное общество, экономика знаний.*

Keywords: *university, innovation, science, ecosystem, scientist, post-industrial society, knowledge economy.*

Введение. Стратегической целью развитых стран является построение инновационной экономики, одним из основных ресурсов которой является кадровый потенциал науки, образования и высокотехнологичных секторов экономики. Развитие науки, формирование информационного общества выдвинули на первый план в качестве составляющих интенсивного развития ядро человеческого капитала – ведущих ученых, научных, научно-педагогических работников высшей квалификации, исследователей. Именно они генерируют инновации и формируют благоприятные условия для инновационного процесса и повышения конкурентоспособности экономики. Они, включая высококачественный приток молодежи в их ряды, являются важным фактором создания и развития эффективной инновационной экономики, экономики знаний, образования, здравоохранения и качества жизни населения. Именно они и инвестиции в сферу их деятельности, а также порождаемые ими новые прорывные технологии обеспечили лидерство на мировой арене ведущим развитым странам мира.

Новые масштабные социально-экономические изменения, происходящие в мире, характеризуются формированием «нового общества», движущей силой науки которого, являются знания. Современное постиндустриальное общество информационного типа представляет собой общество знаний, и прогресс в его развитии все больше и больше определяется успехами в отрасли знаний. В сложившихся условиях модернизация научно-исследовательской и инновационной деятельности любого университета направлена на развитие благоприятной исследовательской среды, обеспечивающей реализацию потенциала преподавателей и научных сотрудников, участие всех категорий обучающихся в научной деятельности, формирование профессиональных проектных команд по направлениям исследований, перспективных в контексте Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития Приморского края. В условиях постиндустриального общества и перехода к шестому технологическому укладу одним из важнейших факторов устойчивого развития университета и повышения его конкурентоспособности является интеграция науки и образования с реальным сектором экономики региона, способствующая накоплению и увеличению интеллектуально-профессиональной составляющей регионального человеческого капитала. Реализация мероприятий данного блока способствует развитию человеческого капитала в целях кадрового обеспечения проектов федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

Результаты. Растущие масштабы использования научно-технологических инноваций требуют от современного университета быть флагманом, содействующим устойчивому социально-экономическому развитию региона путем подготовки востребованных кадров на основе интеграции обучения, исследований и практики; генерации и коммерциализации новых знаний; формирования среды, поддерживающей инновации, предпринимательские инициативы и гармоничное развитие личности.

В этих условиях в целях развития экосистемы университета крайне необходима модернизация научно-исследовательской и инновационной деятельности. С учетом использования теории и практики разработан проект, включающий мероприятия, позволяющие достичь определенных приоритетных целей в научно-исследовательской деятельности конкретного университета, в частности, Владивостокского государственного университета экономики и сервиса и спрогнозированы эффекты от влияния проекта на развитие университета и социально-экономическое развитие региона:

1. Развитие приоритетных технических и естественнонаучных направлений, указанных в стратегии НТР России.
2. Формирование конкурентоспособных научных школ.
3. Выполнение научно-исследовательских работ, востребованных реальным сектором экономики.

Блок мероприятий 1. Развитие приоритетных технических и естественнонаучных направлений, указанных в стратегии НТР России.

[1] Петрук Галина Владимировна – к.п.н., директор департамента научно-исследовательской работы, доцент кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: pigenko_galina_8@mail.ru

Шашло Нина Владимировна – к.э.н., доцент кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. E-mail: ninelllsss@gmail.com

1.1. Создание научных центров компетенций по приоритетным направлениям науки.

В рамках мероприятия предполагается реализация проектов «Центр компетенций «Анализ больших данных в здравоохранении», «Центр междисциплинарных фундаментальных и прикладных исследований и экспертно-консультационного обеспечения», «Разработка и внедрение в производственные процессы судостроительного предприятия методов лазерной очистки металлов» и «Центр прикладных экологических исследований», направленных на повышение эффективности и результативности научно-образовательного и инновационного процессов в университете и решение приоритетных направлений, указанных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [1].

1.2. Создание центров социально-экономического превосходства.

В рамках мероприятия предполагается реализация проектов «Центр моделирования социально-экономического развития» и «Центр сравнительно-правовых исследований и социально-политического моделирования регионального развития в контексте цивилизационных рисков и угроз», направленных на проведение научных исследований международного уровня в области моделирования социально-экономического и политико-правового развития территорий и организаций, повышения качества жизни и развития человеческого капитала.

1.3. Расширение научного сотрудничества университета.

Одной из проблем отечественной системы производства знаний, отмеченной в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, является слабое взаимодействие сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики, разомкнутость инновационного цикла. Поэтому, актуальной задачей для научно-образовательных организаций России является построение эффективной системы коммуникации участников научно-технологического процесса (представителей научных сообществ, университетов, предприятий), что позволит ликвидировать разрывы в инновационном цикле, сократить время, которое занимает путь от фундаментального исследования до высокотехнологичной продукции. В рамках мероприятия предполагается реализация проекта «Центр научных коммуникаций», направленного на создание благоприятных условий для развития эффективной системы взаимодействия в научно-инновационной среде посредством совершенствования научной коммуникационной среды университета.

Влияние блока на развитие Университета. Реализация мероприятий блока обеспечивает: формирование интегрированной научно-образовательной среды, способствующей повышению качества образовательного процесса, ускоренному воспроизводству кадрового потенциала университета, повышению уровня компетенций и, как следствие, востребованности выпускников региональным рынком труда в контексте задач федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»; развитие университета как коммуникационного центра, объединяющего всех ключевых участников научно-технологической цепочки в целях повышения инновационной восприимчивости региональной экономики и сокращения разрывов и временных издержек в научно-инновационных циклах [3].

Влияние блока на социально-экономическое развитие региона. Блок обеспечивает: развитие региональных научно-образовательной и инновационно-технологической систем посредством формирования интегрированного центра исследований и разработок, генерации и распространения знаний и технологий; повышение качества законотворческой работы, социально-экономического прогнозирования и планирования посредством экспертно-консультационного сопровождения деятельности органов власти, основанного на использовании передовых научных методов, адаптированных к условиям Приморского края и нацеленных на решение задач, обозначенных в стратегиях федерального и регионального развития.

Блок мероприятий 2. Система поддержки молодых ученых и воспроизводства научных кадров региона.

Подготовка высококвалифицированных кадров и их закрепление в самом отдаленном регионе страны имеет огромное значение как для развития экономики Приморского края, так и для укрепления роли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эта задача выделена как одна из ключевых в федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». Поддержка аспирантов и молодых исследователей рассматривается как один из приоритетов научно-технологического развития России в соответствующей стратегии как на этапе перехода к инновационной экономике, так и в более отдаленной перспективе функционирования экономики знаний. Поступательное движение в обозначенных выше направлениях требует реализации комплекса мероприятий, направленных на создание инфраструктурного обеспечения для профессионального и карьерного роста одаренной молодежи в Приморском крае.

2.1. Развитие молодежной науки университета.

В рамках мероприятия предполагается реализация проекта «Система развития молодежной науки», направленного на поиск и вовлечение одаренных студентов в научно-исследовательскую среду университета в целях воспроизводства кадрового потенциала вуза и обеспечения рынка труда региона высококвалифицированными специалистами с востребованными компетенциями.

2.2. Развитие системы подготовки научных кадров региона.

В рамках мероприятия предполагается реализация проекта «Подготовка и аттестация кадров высшей квалификации», направленного на формирование инновационной непрерывной системы подготовки и аттестации конкурентоспособных кадров высшей квалификации в интересах устойчивого развития Дальнего Востока России.

Влияние блока на развитие Университета: мероприятия блока способствуют решению стратегических задач университета по достижению высокого качества непрерывной системы образования, аттестации и восполнения научных кадров, развитию инфраструктуры и формированию творческой среды для научно-инновационной деятельности.

Влияние блока на социально-экономическое развитие региона: создание условий, обеспечивающих профессиональное развитие и карьерный рост молодых кадров, ориентированных на научно-исследовательскую и инновационную деятельность, участие в крупных проектах по созданию и развитию в регионе высокотехнологичного производ-

ства, способствует достижению целей федеральных и региональных стратегических программ по развитию Дальнего Востока и Приморского края [4].

Блок мероприятий 3. Развитие инноваций в университете

Исследования и инновационная деятельность в вузе – это не только возможность привлечения дополнительных средств из бюджетных и внебюджетных источников, но и важнейшая самостоятельная задача высшей школы, а также необходимая составляющая качественного учебного процесса. Развитие инноваций в университете направлено на реальное включение преподавателей в инновационную деятельность, развитие молодежного предпринимательства на базе Инновационного бизнес-инкубатора (ИБИ), внедрение инноваций в управление и учебный процесс университета.

3.1. Развитие инновационной экосистемы университета.

Проект: «Развитие Инновационного бизнес-инкубатора для комплексной поддержки инновационного предпринимательства в университете».

3.2. Внедрение инноваций в управление и учебный процесс университета.

Проекты: «Разработка и внедрение информационной системы анализа корпоративных данных на основе технологии Big Data», «Совершенствование образовательного процесса на основе внедрения инновационных технологий и моделей обучения».

Влияние блока на развитие Университета. Создана экосистема инноваций, способствующая увеличению творческой активности, формированию культуры трансфера знаний, росту числа студентов и научно-педагогических работников университета, вовлеченных в инновационную деятельность.

Внедрены эффективные механизмы управления взаимодействием между университетом и внешними заказчиками, а также сформирована команда квалифицированных специалистов в сфере коммерциализации и трансфера знаний для успешного развития инновационной деятельности.

Вовлечение в инновационную и предпринимательскую деятельность студентов и научно-педагогических работников повысит конкурентоспособность выпускников и квалификацию персонала, увеличит внебюджетные доходы университета.

Образовательная модель университета, основой которой продолжают оставаться лекционные занятия, будет усилена новыми инструментами и педагогическими подходами и дополнена разнообразными возможностями электронного обучения. Новые технологии и модели обучения, предлагаемые к реализации в рамках проекта, будут направлены на выявление способностей обучающихся и использование их для формирования индивидуальных траекторий обучения.

Освоение интеллектуальных методов анализа образовательных данных с помощью технологий Big Data позволит систематизировать количественные данные по различным направлениям деятельности университета и обосновать, какие управленческие решения действительно полезны и эффективны для совершенствования процесса обучения, а также понять истинные причины успеха и неудач в деятельности университета путем сопоставления и анализа множества характеристик и показателей, относящихся к различным направлениям основной и обеспечивающей деятельности, а также учету активности персонала и студентов университета. Сочетание интеллектуального анализа данных с визуализацией результатов даст каждому студенту постоянный доступ к информации, необходимой для критического анализа своего учебного прогресса и достижения учебных целей. Преподаватели университета будут лучше понимать, как мастерство может повлиять на результативность обучения, получат достоверную аналитику для принятия решений об изменении или дополнении образовательного контента, в том числе с целью формирования индивидуальных траекторий.

Влияние блока на социально-экономическое развитие региона. В условиях повышенного внимания к инновационному вектору развития национальной экономики выполнение проектов блока позволит Университету реализовать модель интегрированного обучения, направленного на формирование у студентов теоретических знаний, профессиональных, управленческих и предпринимательских компетенций, что позволит выпускникам вуза адаптироваться к изменяющимся условиям рынка труда и раскрыть свой потенциал, участвуя в масштабных проектах регионального развития. Развитие инноваций в университете позволит сконцентрировать научный потенциал на решении наиболее актуальных для региона экономических и социальных проблем, что повысит инвестиционную привлекательность Приморского края.

Методы преподавания, основанные на современных цифровых технологиях, лучше приспособлены к индивидуальным потребностям студентов, позволяют создать разнообразный и более привлекательный образовательный контент, поддерживают многообразие форм обучения и реализуют более оперативную обратную связь с обучаемыми, что будет иметь большое значение для вовлечения и удержания обучаемых в регионе. Для людей с ограниченными возможностями, занятых на основном месте работы и желающих повысить квалификацию или сменить профессию, другой альтернативы, кроме как воспользоваться электронным обучением, часто не существует. Реализация проекта будет способствовать повышению эффективности и конкурентоспособности образовательной системы как Приморского края, так и Дальнего Востока России в целом.

Полученные опыт и результаты применения аналитики больших данных можно использовать для оптимизации процесса обучения отдельных студентов, а также в масштабах вуза и образовательных систем. Анализируемые данные о студентах можно обобщить и масштабировать на региональный уровень (и макрорегион), чтобы лучше понимать, как и зачем в современных условиях люди учатся.

Выводы. Таким образом, разработанные проекты будут способствовать модернизации научно-исследовательской и инновационной деятельности как базы развитие экосистемы университета, а также мотивировать ученых:

– проводить научно-исследовательские работы фундаментального и прикладного характера в определенной научной сфере, обеспечивающих приращение научных знаний;

– разрабатывать и выполнять научно-исследовательские проекты по актуальным проблемам науки, в том числе для выдвижения на соискание грантов и других форм поддержки научных и иных фондов;

– получать целевое финансирование из средств Университета; финансирование из средств, привлеченных из внешних источников (гранты научных фондов, заказы научно-исследовательских работ от сторонних организаций, спонсорская поддержка предприятий и организаций, фонды, частные лица и т.д.); финансирование из средств Институтов и кафедр, полученных за счет коммерциализации результатов их научно-исследовательской деятельности;

– более полно раскрывать свои творческие способности путем содействия в организации научной работы;

– осуществлять взаимодействие с научным сообществом ведущих российских и международных научных центров, с исследовательскими лабораториями.

Список литературы и источников

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ № 642 от 01.12.2016. // СПС КонсультантПлюс. – http://www.consultant.ru
2. Паспорт национального проекта «Наука», утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16. // СПС КонсультантПлюс. – http://www.consultant.ru
3. Петрук Г.В., Шашло Н.В. Инструменты решения приоритетных задач национального проекта «Наука»: практика университетов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. – Т. 11, № 3. – С. 177–189.
4. Petruk G.V., Shashlo N.V. Implementation of the Science Development Strategy: New and Non-Standard Solutions // Dilemas contemporaneous – educacion politica y valores. 2019. – Vol. 7, N 1.

Serada T.
Polotsk State University, Novopolotsk
t.sereda@psu.by
Varanko E.
Polotsk State University, Novopolotsk
e.voronko@psu.by

IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION BY INTEGRATING NETWORK UNIVERSITIES AND BUSINESS

Keywords: *integration, education, education index, human development index, life expectancy index, income index, global happiness index, network university, dual learning.*

1. Introduction

Education is an essential component of the indicator «quality of life». Therefore, improving the quality of education is one of the urgent problems of the development of the education system and modern society. At present, society requires new knowledge; new methods and models for their acquisition are also needed. Today, enterprises require specialists who will be capable of self-fulfillment, socially mobile, able to develop and change their own life strategies, and are easily adaptable to the current economic development of the respective country. One of the ways to increase the intellectual potential in the country by improving the quality system of educational services may be to combine the efforts of universities in different countries and businesses through network integration.

2. Analysis of the human development of Belarus and neighboring countries

The main strategic tool of the concept of human development is the Human Development Index, which reflects the situation in the country in terms of the health status, education and income of its citizens. The level of the Human Development Index (HDI) is determined by the level of the education index, life expectancy index and gross national income index.

A study of the quality of life in Belarus and its neighboring countries, which are also the northeastern neighbors of Poland, showed that for more than 20 years the standard of living of the population has been growing (figure 1).

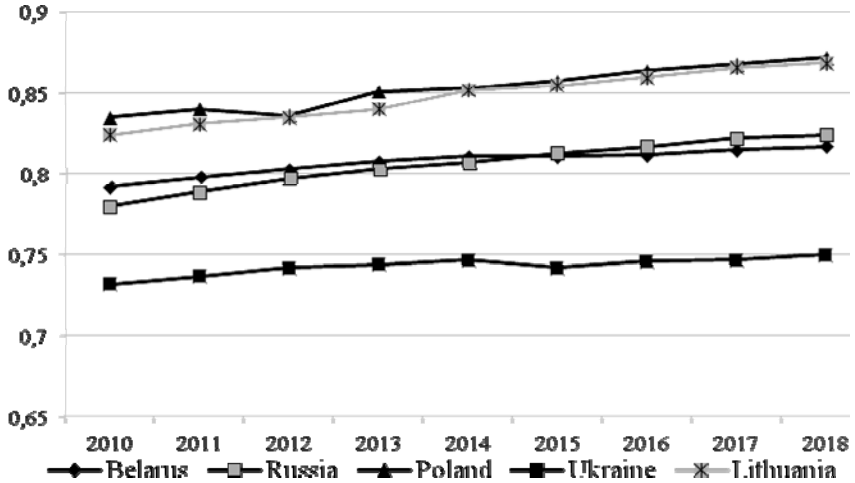

Figure 1.
Human Development Index Dynamics, 2010–2018.
Source: Compiled by the authors based Human Development Reports (1998–2019)

The Republic of Belarus has the highest growth rate of the analyzed indicator; in Ukraine, living standards are growing at a slower pace. Raising the rating helps to find all countries, with the exception of Ukraine, in the group of countries with a high level of development. The 2018 rating covers 189 states and jurisdictions; the 1998 rating is 174 (Table 1).

Table 1

Human Development Index. Source: Compiled by the authors based Human Development Reports (1998–2019)

Country	Indicator value					Growth rate 2018/1998, %	Rating	
	1998	2003	2008	2013	2018		1998	2018
Poland	0,769	0,804	0,824	0,851	0,872	113,39	44	32
Lithuania	0,736	0,790	0,831	0,840	0,869	118,07	52	34
Russia	0,703	0,740	0,774	0,803	0,824	117,21	62	49
Belarus	0,671	0,704	0,774	0,808	0,817	121,76	57	50
Ukraine	0,665	0,699	0,733	0,744	0,750	112,78	78	88

In determining the level of economic development of a country, the key criterion for ranking countries to developed, developing and least developed countries is the Education Index, the dynamics of which are shown in figure 2.

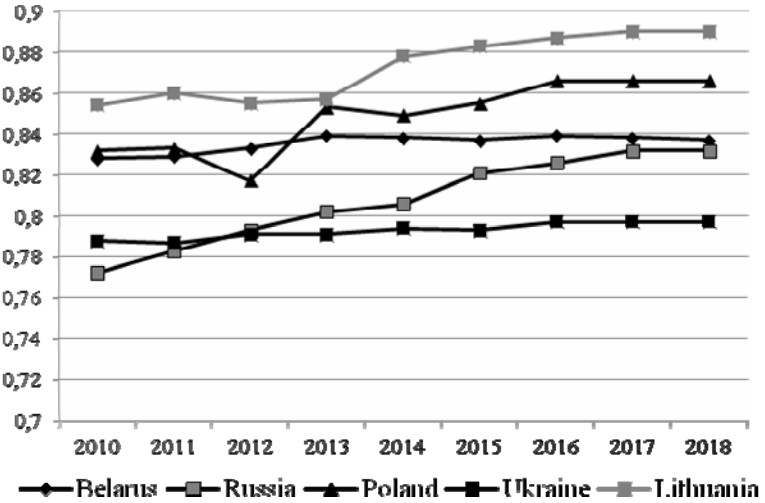

Figure 2:
Education Index Dynamics. Source: Compiled by the authors based Human Development Reports (1998–2019)

According to the Human Development Report (1990–2018), the growth rate of the Education Index is faster than the growth rate of the Human Development Index, although systematic growth is not always observed (Table 2).

Table 2

Education Index. Source: Compiled by the authors based Human Development Reports (1998–2019)

Country	Indicator value					Growth rate 2018/1998, %
	1998	2003	2008	2013	2018	
Poland	0,756	0,811	0,815	0,853	0,866	114,55
Lithuania	0,718	0,820	0,873	0,857	0,890	123,96
Russia	0,694	0,757	0,770	0,802	0,832	119,88
Belarus	0,649	0,696	0,804	0,839	0,837	128,97
Ukraine	0,708	0,754	0,786	0,791	0,797	112,57

The Life expectancy index shows the level of longevity and health achieved by a country. A positive trend is the almost systematic growth of this indicator over 20 years (Table 3).

Table 3

Life Expectancy Index. Source: Compiled by the authors based Human Development Reports (1998–2019)

Country	Indicator value					Growth rate 2018/1998, %
	1998	2003	2008	2013	2018	
Poland	0,814	0,841	0,858	0,881	0,901	110,69
Lithuania	0,775	0,793	0,802	0,833	0,858	110,71
Russia	0,699	0,694	0,730	0,777	0,806	115,31
Belarus	0,730	0,736	0,763	0,810	0,840	115,07
Ukraine	0,728	0,728	0,743	0,783	0,799	109,75

The Gross National Income Index is one of the components of the Human Development Index. The dynamics of gross national income per capita (in US dollars in 2011), Gross national income (GNI) per capita (2011 PPP $), is presented in Table 4, the level of the Income Index is shown in Table 5.

Table 4

Gross national income per capita (in US dollars in 2011). Source: Compiled by the authors based Human Development Reports (1998–2019)

Country	Indicator value					Growth rate 2018/1998, %
	1998	2003	2008	2013	2018	
Poland	13,230	15,631	20,031	17,006	27,626	208,81
Lithuania	11,444	15,310	22,756	24,492	29,775	260,18
Russia	11,593	16,532	23,557	24,675	25,036	215,96
Belarus	6,829	9,088	14,809	17,006	17,039	249,51
Ukraine	4,371	6,149	8,694	8,194	7,994	182,89

Table 5

Income Index. Source: Compiled by the authors based Human Development Reports (1998–2019)

Country	Indicator value					Growth rate 2018/1998, %
	1998	2003	2008	2013	2018	
Poland	0,738	0,763	0,801	0,820	0,849	115,04
Lithuania	0,716	0,760	0,820	0,831	0,860	120,11
Russia	0,718	0,772	0,825	0,832	0,834	116,16
Belarus	0,638	0,681	0,755	0,776	0,776	121,63
Ukraine	0,571	0,622	0,675	0,666	0,662	115,94

To assess the influence of various factors on the value of the human development index, we analyze the presence and strength of the relationship between it and its constituent indices. The results of the analysis are presented in Table 6.

Table 6

Correlation analysis of the HDI and its constituent indices for neighboring countries. Source: Compiled by the authors on the basis of tables 1–5

Name of indicator	Country	HDI	Education Index	Life expectancy Index	Income Index
HDI	*Poland*	1			
Education Index		0,9831	1		
Life expectancy Index		0,9992	0,9776	1	
Income Index		0,9892	0,9465	0,9911	1
HDI	*Lithuania*	1			
Education Index		0,9692	1		
Life expectancy Index		0,9144	0,7959	1	
Income Index		0,9935	0,9463	0,9174	1
HDI	*Russian Federation*	1			
Education Index		0,9813	1		
Life expectancy Index		0,9338	0,8813	1	
Income Index		0,9481	0,9265	0,7912	1
HDI	*Belarus*	1			
Education Index		0,9946	1		
Life expectancy Index		0,9259	0,8828	1	
Income Index		0,9911	0,9983	0,8684	1
HDI	*Ukraine*	1			
Education Index		0,9932	1		
Life expectancy Index		0,8262	0,7618	1	
Income Index		0,9593	0,9772	0,6395	1

According to the indicators presented in the table for Poland, there is a strong correlation between the human development index and the index of life expectancy in the country, education and gross national income – 0.9831, 0.9992 and 0.9892, respectively. The same situation holds for the other correlation coefficients.

These tables clearly confirm the presence of a strong correlation between all the analyzed indices and for Lithuania. This is evidenced by the following values of the correlation coefficients:

– the correlation coefficient of human development and education indices (0.9692), human development indices and life expectancy (0.9144), human development index and gross national income index – 0.9935;

– the correlation coefficient of the education index and the index of life expectancy was 0.7959, and the education index and the gross national income index – 0.9463;

– the correlation coefficient of the indices of life expectancy and gross national income – 0.9174.

The correlation coefficients given in the table for Russia are in the range from 0.7 to 0.99 and indicate a strong relationship between the studied indices. The correlation coefficient for the human development index and the education index is highest at 0.9813, and the correlation coefficient for gross national income and life expectancy is the lowest (0.7912).

The values of the correlation coefficients show a strong correlation between the studied indices for Belarus:

– the correlation coefficients of the human development index and education indices, expected duration, gross national income are 0.9946, 0.9259 and 0.9911 respectively;

– the correlation coefficients of the education index and the expected duration indices, gross national income are equal to 0.8828 and 0.9983, respectively;

– the correlation coefficient of the expected duration index and the gross national income index is the lowest and amounts to 0.8684.

Correlation analysis of indicators in Ukraine characterizes the presence of a relationship between the analyzed indices. However, this relationship is of a different nature:

– for the human development index and education index, human development index and gross national income index, education index and gross national income index, this relationship is very high;

– the correlation coefficients of human development indices and life expectancy, education indices and life expectancy are 0.8262 and 0.7618, respectively, and demonstrate a high dependence;

– The gross national income index and the index of life expectancy are characterized by an average level of communication.

Summing up the analysis presented above, we note the following.

1. The highest correlation coefficient (0.9946), reflecting the existence of a connection between the human development index and the education index, has Belarus, and Lithuania has the lowest (0.9692).

2. The highest value of the correlation coefficient between the human development index and the index of life expectancy is demonstrated by Poland (0.9992), the lowest – Ukraine (0.8262).

3. The human development index and gross national income index also show a strong correlation. The highest value of the correlation coefficient between these indices belongs to Lithuania, Russia has the lowest (0.9481) of the analyzed countries the value of this coefficient.

Analyzing the rating of the countries of the world by the level of happiness (The Happy Planet Index), which was first prepared in April 2012 for the UN Conference on Fortunately, we note that the residents of Belarus and Ukraine become less happy over time, despite the fact that the level of GDP at per capita (Table 7), in particular in Belarus, increased. In Poland and Lithuania, there have been significant improvements in quality and living standards.

Table 7

Happy Planet Index. Source: Compiled by the authors based Ranking of countries of the world in terms of happiness

Country	Indicator value		Growth rate 2018/2013, %	Rating	
	2013	2018		2013	2018
Poland	5,822	6,182	106,18	51	40
Lithuania	5,426	6,149	113,32	71	42
Russia	5,464	5,648	103,37	68	68
Belarus	5,504	5,323	96,71	66	81
Ukraine	5,057	4,332	85,66	87	133

The achieved values of the above indicators ensure the Polish Republic, Lithuania (since 2011), the Russian Federation (since 2015) and the Republic of Belarus (since 2017) being in a group of countries with a very high level of human development.

3. Directions for improving the education system

To maintain and increase the achieved positions along with the development of the economy and society, it is also necessary to improve the education system, since the state can lose or gain educated people, respectively reducing or increasing its intellectual potential. The index of the development of the intellectual potential of a society is an essential component of the index of the development of human potential, therefore increasing the intellectual potential, and with it the quality of education, is becoming a global goal for the development of modern society.

The problems of universities as the main generators of innovations and producers of educational services in such conditions of development are quite extensive. The main problem that the education system needs to solve is to form an optimal model of vocational training that would overcome the lag in the structure, volumes and quality of labor resources from the real requirements of specific enterprises and organizations.

One of the ways to improve the quality of educational services is the creation of network universities by integrating universities and network interaction, which implies the formation of a network of universities that cooperate with each other. This involves the interaction of universities at the level of joint educational programs and research, the competence exchange and strengthening of each individual university by complementing the integral competencies.

The interaction mechanism is quite simple: the use of those competencies that are absent or poorly represented in one's own university.

Specific tools are: joint projects financed by all parties involved in them, joint virtual laboratories, departments, centers that would allow the exchange of scientific research, students, teachers, etc., massive open online courses.

The academic mobility of students, which is one of the highest priority areas of activity of such associations, can be one of the forms of a network association of universities. Facilitating students' access to partner universities is an urgent task for any network organization of higher education. Admission to a network university increases the student's chance to take part of the studies at a foreign university, which has a positive effect on both student motivation and the image of the university.

One example of a network university is the Network University of the Commonwealth of Independent States, created in 2008 with the support of the Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of the CIS Member States. The CIS Network University consortium includes 27 leading universities from nine countries: the Republic of Armenia, the Azerbaijan Republic, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Moldova, the Russian Federation, the Republic of Tajikistan and Ukraine. The aim of the project is to improve the quality of higher education and its attractiveness, the development of cooperation and inter-university relations in the CIS [3]. In 2013, the «Network of Frontier Universities» was created, which initially included 3 Universities of the Republic of Belarus, 3 Universities of the Russian Federation, 2 Universities of Ukraine, 1 Polish and 1 Lithuanian universities [4]. Such projects contribute to the joint positioning of universities in the international arena, strengthen the interaction of universities at the level of joint educational programs and research, and increase the image and prestige of the education system.

The key point in the development of the modern system of higher education is the interaction of universities and business. The active participation of employing companies in the process of training future specialists is a necessary and prerequisite. Such cooperation complements the process of fundamental academic preparation with practical knowledge and skills in the field of modern and advanced technologies, elements of management, business and corporate culture, business communication skills, etc., adapting the graduate to the real conditions of his future work. Practical orientation allows students to acquire the necessary minimum of professional skills, experience in organizational work, a system of theoretical knowledge, professional mobility and competence. The practice of employing graduates in recent years shows that potential employers in the selection of personnel express interest in personnel who already have, in addition to special education, work experience [Sereda, 2018, p. 426].

Strengthening the practice-oriented education involves the use of a dual system of vocational training, which has received international recognition as a form of training. The essence of dual training is a balanced combination of theory and practice through the cooperation of enterprises, educational institutions, and authorities.

The introduction of the dual training system provides significant advantages for the employer, for the educational institution, for the future specialist and for the state, which effectively solves the problem of training qualified personnel for its economy. The advantages of the dual training system (compared with the traditional form of training) include [Voronko, Sereda, 2018, p. 72]:

- strengthening the practice-oriented educational process, while maintaining the level of the theoretical component;
- training of specialists in accordance with the real needs of employers, which contributes to the employment of a significant number of graduates due to the needs of employers;
- the formation of professional, social, organizational, psychophysiological adaptation by influencing the personality of a specialist in the process of practical training at the enterprise;
- ensuring higher motivation of students in obtaining knowledge, due to the high-quality performance of official duties at the workplace;
- saving financial resources for the selection and selection of personnel increases the interest of employers in the education and training of their future employees;
- the concentration of the institution on the transfer of fundamental knowledge, allows to increase not only the mobility of the graduate in the professional direction, but also makes him competitive in the modern labor market;
- reduction of budget costs for training specialists, co-financing of the training process by the business;
- increasing the material, technical and technological equipment of the educational process;
- realization by students of the possibilities of independent financial support during their education.

The most relevant today are the associative forms of integration of universities based on the processes of network interaction between a sufficiently large number of sectors representing science, education and business: universities, state scientific organizations, small high-tech companies, large businesses. This form of partnership is more complex than cooperation between individual scientific organizations and private enterprises.

In the interaction of universities and enterprises, it is advisable to use active forms of participation of existing specialists and experts of enterprises in the educational process.

The main forms of such interaction are:

– the participation of employers in the formation of curricula and training programs for specialists;

– organization of Internship and graduate design of students in the partner organization;

– targeted training for specialists of the partner organization;

– use of personnel and scientific and technical potential of partner organization in the educational process, including through the creation of branches of departments;

– development and implementation together with students of integrated, interdisciplinary, professional projects that subsequently go into graduation theses;

– the use of remote interactive forms of organization of the educational process, the creation of conditions for students to carry out labor activities according to the profile of the specialty while studying at the university.

4. Conclusion

The use of network interaction in conjunction with practice-oriented, solves several problems at the same time: it improves the quality and image of professional education, increases the motivation of students, reduces the shortage of highly qualified workers. The high reliability of such a system is explained by the fact that it meets the interests of all parties involved (business, educational institution, enterprises, students, and the state).

The integration between network universities and business allows us to modernize the educational process taking into account the requirements of the labor market for specialists. The formation of partnerships between the education system and the labor market contributes to an increase in the efficiency of the educational process, the successful employment of university graduates, gives greater stability to the system of knowledge generation and transfer, and ensures their diffusion.

The results of the study showed the increasing relevance of the development of trilateral integration in the educational environment and the need to intensify these projects.

Literature

1. Earth Institute: Ranking of countries of the world in terms of happiness. Sustainable Development Solutions Network. Humanitarian Encyclopedia: Research. – https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info
2. Human Development Reports (1998–2019). United nations development programme. – http://hdr.undp.org/en/data
3. Official site «Border University network». – https://sup.uwb.edu.pl/en/
4. Official site «Network University of the Commonwealth of Independent States». – http://imp.rudn.ru/su_sng/index.html
5. Sereda T.N. The formation of a practice-oriented educational environment of the university // Innovative approaches in the educational process of higher education: national and international aspects: an electronic collection of articles of an international scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of Polotsk State University. 2018. – P. 426–430. – http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/21486
6. Voronko E. N., Sereda T. N. Dual training as a condition for increasing career guidance and competitiveness of future economists // Bulletin of Polotsk State University. Series D, «Economic and legal sciences». 2018. – N 13. – P. 70-74. – http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/23184

Сливицкий А.Б.
начальник лаборатории ГосНИИАС

О ПРИМЕНЕНИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТРАСЛЕВЫХ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

***Ключевые слова**: компетенция, компетентностный подход, научная организация, центр компетенций, эффективность.*
***Keywords:** competence, competence approach, scientific organization, competence center, efficiency.*

В современной экономической системе самым ценным продуктом является информация. Для её производства нужны знания – особый ресурс, который необходимо получать, обобщать и систематически накапливать в ходе выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) – если речь идёт о научно-исследовательских организациях (предприятиях) [3]. Оптимизация и использование умственной деятельности экспертов и высококвалифицированных специалистов – сотрудников предприятия являют собой важнейшие процессы в области организационного управления.

С информацией, как и с любым другим ресурсом, связано несколько проблем. Знания могут теряться. Для отраслевых предприятий и научных организаций, существующих в высококонкурентной среде, это всегда провал: команда расформировывается, сотрудники увольняются или меняют планы. Потеря информации чревата утратой научного направления, времени, целей, рыночных позиций и, как результат, – финансовые потери.

Для решения обозначенной проблемы управленческая наука, в частности, предлагает привлекать специальные структурные элементы предприятия – так называемые «центры компетенции», базирующиеся на понятии «компетенция», развиваемого в рамках компетентностного подхода. В соответствии с этим подходом, центр компетенции (ЦК) может быть определён как организационная единица управления научной организации, выполняющая исследования и разработки в области отраслевой науки и технологий, и обладающая профессиональными кадрами, материальной и нематериальной инфраструктурой, способная получать конкурентоспособные результаты в определенном направлении науки и технологий.

Компетентностный подход возник как альтернатива развития практико-ориентированных качеств и абстрактно-теоретических знаний, получаемых в ходе образовательного процесса. Компетентностный подход акцентирует внимание на результате деятельности, но результат (в отличие от «традиционного подхода») рассматривается не как сумма произведённой, обработанной и усвоенной информации, а как умение действовать в различных, в том числе в проблемных и нестандартных, ситуациях.

ЦК занимается систематическим сбором наиболее важных знаний, задокументированных навыков или умений, являющихся наиболее востребованными в наше время ресурсами. Для полного обладания этими элементами экспертам нужны десятилетия. Имеющаяся информация распределяется между специалистами, обобщается и синергетически «увеличивается», эволюционируя во времени. Тем самым обеспечивается оптимальное использование человеческих ресурсов в рамках одной организации.

ЦК – это особый вид структурного элемента на предприятии. Компании накапливают опыт, который можно хранить в ЦК. Он контролирует одно или несколько важных направлений деятельности, определённых стратегией развития предприятия, отраслевыми документами программно-целевого стратегического планирования, государственными приоритетами, отраженными, например, в основах госполитики. Благодаря ЦК аккумулируются специфические знания, а также происходит поиск способов – общенаучных и частнонаучных методов исследования, междисциплинарных подходов – решения научных, исследовательских и производственных задач. Например, в отраслевой научно-исследовательской организации – ФГУП «ГосНИИАС» – один из ЦК развивает и систематически применяет методологию внешнего проектирования авиационных комплексов [2].

Функционал и структура ЦК зависят от предметной задачи, которую призвано решать предприятие. Так, наиболее известны четыре типа ЦК. Они могут действовать как обособленно, так и в составе единой организационно-экономической системы.

В соответствии с первым типом, центр компетенции – это орган по сбору и хранению передового опыта. Основными задачами этой инстанции является накопление, формализация и распространение на предприятиях образцов лучшего опыта. Специалисты ЦК находят и анализируют основные процессы, составляют рекомендации технического характера и формируют стандарты по их использованию. Также ведется разработка программ по управлению интеграционными процессами и внесению в них определенных изменений.

Второй тип ЦК связан с формированием технологических стандартов. Такого рода центры также собирают определенные знания, однако акцент ставится на их технической составляющей – разработке программного обеспечения

и выборе соответствующего оборудования. Специалистами стандартизируются и обобщаются процессы на единой технологической платформе.

Распределенное обслуживание являет собой третий тип ЦК. Задачей такого подразделения является постиспользование ресурсов командами, которые участвовали в проекте – НИОКР. Персонал обязуется поддерживать многочисленные инициативы по управлению знаниями, включая обучение работе с продуктами, оценивание программного обеспечения и т.д. Распределенное обслуживание представляет собой одну из наиболее используемых моделей на Западе.

Наконец, последний структурный тип ЦК – это подразделение по централизованному обслуживанию. Такой центр сопровождает немалое количество проектов, разрабатывает требования и стандарты к информационным и техническим подсистемам, а также способствует обмену знаниями на предприятии.

Типология центров компетенции может быть представлена и иначе (см., например, рис. 1).

Рисунок 1.
Типология центров компетенции

Несмотря на существующую разноголосицу, любой ЦК реализует следующие функции:

– отражение текущего состояния управления знаниями;

– преобразование латентных экспертных знаний в формальную документацию, которая может быть доступна большинству сотрудников;

– постоянное совершенствование качества экспертных работ и сохранение лидирующих позиций в определенной области рынка;

– отслеживание изменений в глобальных тенденциях и технологиях;

– предоставление описаний знаний в зависимости от конкретной задачи;

– распространение знаний, которые были собраны ЦК, в других подразделениях компании;

– управление базами знаний предприятия, проведение их индексации и каталогизации;

– обеспечение качественных и эффективных коммуникационных связей между специалистами и экспертами;

– создание, использование и защита интеллектуальной собственности предприятия;

– забота о смене профессиональных поколений, регулярное обучение молодых сотрудников, передача опыта новичкам от экспертов.

Понятие «центр компетенции» базируется на понятии «компетенция». Существует несколько подходов к определению данного понятия.

Например, так называют определенный круг чьих-то полномочий или вопросов, в которых лицо может быть хорошо осведомлено.

Компетенция [от лат. competentia – принадлежность по праву] – совокупность полномочий, которыми располагает какой-либо орган или должностное лицо, определённая Конституцией, законами, уставами, положениями, инструкциями [1]. В правовой коннотации компетенция – это совокупность полномочий, которыми располагает Предприятие, определённой нормативными правовыми актами ФОИВ, уставом, стратегией развития.

Компетенция – это своего рода модель поведения, в которой используются знания, умения и навыки в соответствии с определенной деятельностью для достижения результатов.

Компетенция – это теоретическая и практическая способность, потенциальная возможность решения разного рода задач, готовность к осуществлению какой-либо деятельности.

Компетенция (компетенция человека, индивидуальная компетенция, персональная компетенция) – совокупность знаний, умений и навыков, которые требуются человеку для получения конкурентоспособных результатов по выбранному направлению деятельности.

Компетенция – это совокупность профессиональных знаний и навыков, материальной и нематериальной инфраструктуры, позволяющая получать конкурентоспособные результаты в определенном направлении науки и технологий.

Следует отметить, что сама идея центров управления компетенциями не нова. В той или иной степени её реализуют научные и научно-технические подразделения отраслевых научно-исследовательских институтов, являющихся учреждениями, специально созданными еще в СССР для организации научных исследований и проведения опытно-конструкторских разработок по важнейшим научным направлениям. Понятия «научные направления» и «компетенции» могут быть признаны синонимами, что подтверждает преемственность между научными и научно-техническими подразделениями и ЦК.

Критериями оценки ЦК могут быть:

1) обеспеченность ЦК кадрами и инфраструктурой;

2) востребованность ЦК по финансам и с точки зрения важности для реализации государственных приоритетов;

3) результативность ЦК:

– количество выполненных НИОКР;

– количество разработанных технологий;

– количество полученных патентов и других результатов интеллектуальной деятельности;

– количество разработанных проектов документов и правовых актов государственного и отраслевого значения.

4) развитие ЦК:

– подготовка кадров;

– публикационная активность;

– развитие инфраструктуры.

В интересах оценки применимости компетентностного подхода при оценке эффективности отраслевых научных организаций и детальной проработки методологии анализа ЦК и, в том числе, отработки модели (шаблона) представления статистических данных о ЦК предприятия автором были проведены соответствующие исследования одного из ЦК ФГУП «ГосНИИАС» на статистических данных за 2014–2019 годы и получены результаты, демонстрирующие реализацию компетентностного подхода.

Например, это такие результаты как:

– динамика изменения численности специалистов-носителей компетенций;

– динамика изменения структуры специалистов-носителей компетенций по уровням компетентности;

– динамика изменения возрастной структуры специалистов-носителей компетенций;

– динамика изменения количества специалистов с учёной степенью;

– динамика изменения среднемесячной зарплаты специалистов-носителей компетенций;

– описание объектов инфраструктуры и их загрузки;

– данные о проектах и задействованных при их выполнении компетенций;

– востребованность компетенций по финансам;

– динамика изменения количества патентов и иных результатов интеллектуальной деятельности и востребованность компетенций при их создании;

– динамика изменения количества публикаций специалистов-носителей компетенций;

– интенсивность научной разработки теоретических и практических проблем компетенций, измеренная интегральным количеством публикаций по компетенциям, выполненных специалистами-носителями компетенций.

Конкретные показатели упомянутого исследования не приводятся.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что компетентностный подход может быть использован при оценке эффективности отраслевых научных организаций. Применительно к мониторингу деятельности по реализации функций государственных научных центров Российской Федерации (ГНЦ РФ) компетентностный подход может быть использован при сборе и системном анализе информации, подготавливаемой в виде специальной формы «Содержательный отчет о реализации функций государственного научного центра Российской Федерации» и оценки результативности деятельности ГНЦ РФ.

Результаты статистического анализа ЦК – как обособленной группы получения и использования научных знаний – должны стать основой для проведения SWOT-анализа и последующей разработки стратегии или программы инновационного развития отраслевой научной организации.

Литература

1. Большой экономический и юридический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 2003.
2. Желтов С.Ю., Жеребин А.М., Попов В.А. Системный анализ и внешнее проектирование авиационных комплексов – основной исследовательский этап создания авиационной техники // Полет. 2013. – № 8. – С. 65-71.
3. Сливицкий А.Б., Сливицкий Б.А. Научные знания как системная основа повышения конкурентоспособности российской промышленности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2014. – Вып. 9, ч. 1. – С. 622–627.

Суковатова О.П.
к.э.н., доцент, Рязанский государственный радиотехнический университет
Чернобродова Л.А.
к.э.н., доцент, Рязанский государственный радиотехнический университет

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНЫМ ПРОГРЕССОМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

***Ключевые слова**: технологический и социальный прогресс, сфера образования, проблемы образования, цифровые технологии.*

Технико-технологический и социальный прогресс – непреложные составляющие социально-экономического развития. Однако эти виды прогресса противоречивы в своей основе.

Научно-технический прогресс отражает эволюционные изменения всех элементов производительных сил общества, результатом чего является совершенствование техники, технологии, организации труда и производства, повышение эффективности производственной деятельности.

Социальный прогресс трактуется как направление перехода от низших к более совершенным формам цивилизации, охватывает экономическую, техническую и культурную составляющие и представляет собой «цель, к которой надо стремиться, и к которой разные страны продвигаются... разными темпами и с разными результатами»[1].

Эти виды прогресса не обязательно идут вместе. Технический прогресс обычно опережает социальный, создавая своеобразные «ножницы» развития, что может быть опасно для человечества.

Вместе с тем, современный этап технического прогресса отличается целым рядом характеристик, позволяющих утверждать, что современное знание и современное развитие могут обеспечить синергетический эффект взаимодействия технического и социального прогресса, что глубокое и системное понимание современного этапа развития возможно под углом зрения междисциплинарного знания.

Подчеркнем особенности современного этапа технического развития и современной науки:

- Объектом науки становятся сложные саморазвивающиеся и самоорганизующиеся системы, природные комплексы, включающие человека, т.е. субъект познания сам становится элементом познаваемой системы.
- В развитии таких систем утрачивается жесткая причинно-следственная связь.
- Активно формируются междисциплинарные знания, что требует согласования методов отдельных наук в общем исследовании.
- Стираются жесткие границы между естественнонаучным и гуманитарным знанием.
- Изменяются средства научной деятельности. Находят все более широкое применение методы моделирования, цифровые и IT-технологии.
- Наука вышла на такой этап развития, который создает возможность формирования целостной научной картины мира, объединяющей знания о неживой и живой природе, человеке и обществе. Методологической основой формирования таких междисциплинарных знаний является синергетический подход к исследованию открытых систем[2].

Суть состоит не только в объяснении изменившихся подходов к получению нового знания, а в сформировавшейся потребности практического использования данной методологии.

Как бы ни трактовалась специфика и характер развития технического и социального прогресса, понятно, что это взаимосвязанные, взаимозависимые и одновременно противоречивые явления. Это обстоятельство ярко раскрывается и находит проявление в научно-образовательном процессе.

Так, технократизация процесса образования нередко означает потерю морально-воспитательного аспекта.

Личность педагога компьютер заменить не может. Педагог эмоционально воздействует на человека, педагог воспитывает. Возможен ли процесс воспитания в дистанционном режиме? Скорее всего, возможен. Но воздействие не будет таким результативным.

Дистанционное обучение или личность педагога, рациональное или эмоциональное восприятие, монолог или диалог, наличие или отсутствие воспитательного компонента в образовательном процессе – сегодня, на наш взгляд, следует говорить не о противопоставлении, а об интеграции этих подходов.

Дистанционное обучение и дистанционная работа, несомненно, разобщает коллективы. Этот процесс разобщения начал развиваться еще в 90-е гг. Но в то же время он создает возможность развития технологий, обеспечивающих безопасность и конкурентоспособность экономики страны, способствует возникновению новых разнообразных форм

[1] Вебер А.Б. Социальный прогресс: проблемы измерения, сравнительный анализ и вызовы для политики // Социологическая наука и социальная практика. 2016. – № 3. – С. 5–16.

[2] https://portal23.sibadi.org/pluginfile.php/94440/mod_resource/content/

взаимодействия людей. Это создание общественных пространств, таких как коворкинг центры, хакспейсы и мейкерспейсы; развитие образовательных сред, программ и технологий. Необходимым элементом совершенствования образовательного процесса стали цифровые технологии.

Широкое распространение электронного и дистанционного обучения, в значительной степени вызванное современной пандемией, имеет предысторию. В соответствии с действующей Программой «Цифровая экономика Российской Федерации»[1], страна и ее регионы направляют усилия на развитие ключевых институтов и элементов инфраструктуры. Реализация программы предусматривает тесное взаимодействие государства, бизнеса и науки. Ряд регионов, среди них и Рязанская область, объявили себя регионами цифровизации.

Образование в условиях цифровой экономики меняет свои характеристики и требует изменения методологии реализации образовательного процесса.

В связи с этим губернатор Рязанской области Н.В. Любимов выделил стратегические направления и конкретные цели развития цифровой экономики в регионе:

- Поддержка и внедрение совместных образовательных проектов с предприятиями-лидерами, в том числе успешными IT-компаниями.
- Создание лабораторий для обучения IT-специалистов на базе Рязанского технологического колледжа.
- Увеличение в рязанских вузах количества мест для подготовки специалистов сферы IT-технологий.
- Создание «Рязанского инновационного научно-технологического центра», который объединит потенциал ведущих вузов и предприятий реального сектора[2].

Основные сдерживающие развитие цифровой экономики проблемы: дефицит кадров, недостаточный уровень подготовки специалистов, недостаточное количество исследований мирового уровня имеют прямую связь с качеством образования: академического, прикладного, бизнес-образования.

Научная общественность страны, в свою очередь, обращает внимание на то, что развитие образования тормозит нерешенность следующих проблем:

- Недостаточное финансирование образовательной сферы. Несмотря на устойчивую тенденцию повышения расходов на образование в РФ их доля остается существенно ниже минимально необходимой величины. По оценкам экспертов, минимально необходимая величина должна составлять 7% от ВВП[3].
- Негативное влияние недостаточного качества образования на национальную и экономическую безопасность страны. Учитывая, что в настоящее время более 50% прогресса определяет образование, его развитие следует рассматривать как вопрос национальной безопасности. Сегодня по расходам на образование РФ занимает 12 место в мире. Доля расходов на образование в РФ составляет 44% от показателей СССР, а в СССР составляла 1,7% от величины общественного продукта. Для сравнения в США составляет 24% ВВП.
- Недостаточная доступность качественного образования.
- Ориентация в образовании преимущественно на пятый технологический уклад. Оценка структуры производительных сил показывает, что в России практически доминируют третий и четвертый технологические уклады, в то время как в США преобладают производительные силы четвертого и пятого технологических укладов[4]. Структура производительных сил по технологическим укладам отражена в табл. 1.

Таблица 1

Структура производительных сил по технологическим укладам, %

Страны	VI уклад	V уклад	IV уклад	III уклад	II уклад
Россия	0,5	10	50	33	6,5
США	5	60	20	14	1

- Чрезмерная бюрократизация образовательного процесса.
- Проблема смены вектора образовательного процесса с подготовки квалифицированного потребителя, который нуждается в постоянной переподготовке, на инновационно ориентированное образование (образование на всю жизнь).
- Дефицит инженерных кадров. По оценкам экспертов, в РФ дефицит составляет 800 тыс. человек. Более 60% бакалавров в РФ – это экономисты и юристы.
- Частичная потеря институтов образования, в том числе: закрытие сельских школ, сокращение числа образовательных организаций, численности ППС, филиалов вузов, численности студентов и др. (табл. 2, 3).

[1] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

[2] Любимов Н.В. Стратегия развития // Рязанские ведомости. 2018. – 13 февраля. – С. 1.

[3] Смолин О.Н. Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики. Т. 1 // Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2016) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2016. – 156 с.

[4] Бодрунов С.Д. Новая модель экономического роста на основе возрождения производства, науки и образования // Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию. Сборник материалов II Международного Конгресса (ПНО-II) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.

Таблица 2

Число образовательных организаций (высшего образования и научных организаций) и численность профессорско-преподавательского состава (ППС), осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на начало учебного года, человек)[1]

Субъект РФ	Число организаций		Численность ППС			
	2016–2017 гг.		2017–2018 гг.		2018–2019 гг.	
Белгородская область	5	2518	5	2376	5	2313
Брянская область	5	1286	5	1108	5	1040
Владимирская область	13	1423	3	1252	3	1218
Воронежская область	15	5192	15	4984	15	4798
Ивановская область	6	1849	6	1759	6	1690
Калужская область	3	1098	3	983	3	3555
Костромская область	2	792	2	633	2	629
Курская область	10	2202	8	1908	8	1775
Липецкая область	5	1249	5	1149	4	1010
Московская область	29	3896	24	3601	21	3811
Орловская область	4	1781	4	1668	4	1517
Рязанская область	7	1887	6	1816	6	1671
Смоленская область	7	1525	7	1406	6	1344
Тамбовская область	4	1423	4	1281	4	1247
Тверская область	7	1670	7	1596	7	1559
Тульская область	6	1618	6	1490	6	1411
Ярославская область	9	1959	9	1814	8	1799
г. Москва	179	49 627	161	48 349	153	47 060
ЦФО	306	82 995	280	79 173	266	79 447

Таблица 3

Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек населения (на начало уч. года; человек)[2]

Субъект РФ	Численность студентов в 2016–2017 гг.	Численность студентов в 2017–2018 гг.	Численность студентов в 2018–2019 гг.
Белгородская область	326	316	308
Брянская область	252	223	211
Владимирская область	222	197	202
Воронежская область	381	373	369
Ивановская область	278	260	253
Калужская область	188	184	185
Костромская область	176	168	167
Курская область	397	368	343
Липецкая область	192	189	185
Московская область	117	103	108
Орловская область	406	414	410
Рязанская область	293	291	275
Смоленская область	254	229	228
Тамбовская область	286	276	274
Тверская область	199	195	193
Тульская область	217	218	223
Ярославская область	266	247	241
г. Москва	595	572	560
ЦФО	347	332	327

- Низкий уровень зарплаты в сфере образования относительно других сфер деятельности и решаемых задач.
- Недостаточная взаимосвязь сфер образования, науки и производства.
- Превращение современного инструментария образовательного процесса, включая дистанционное обучение, в его цель.
- Чрезмерная коммерциализация вузовского образования.
- Низкий статус педагогического работника, ученика и студента.
- Отсутствие сформированного имиджа бизнес-образования в России, отсутствие в законе «Об образовании в Российской Федерации»[3] понятия «бизнес-образование», его нелегитимность[4].

[1] Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. – https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm

[2] Там же.

[3] Федеральный закон от 21 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – №https://base.garant.ru/77687593/#friends

[4] Суковатова О.П., Чернобродова Л.А. Актуальные проблемы развития образования в условиях цифровой экономики // Современные технологии в науке и образовании. СТНО-2018: сб. тр. междунар. науч.-техн. форума: Научное издание в 10 т. / Под общ. ред. О.В. Миловзорова / РГРТУ; Book Jet. – Рязань, 2018. – Т. 7. – С. 84–87.

В регионах РФ эффективно используются различные формы управленческого образования, включая Президентскую программу подготовки управленческих кадров[1], призванную вести подготовку управленческой элиты российской экономики. Так, в Рязанском государственном радиотехническом университете (РГРТУ) более 20 лет ведется подготовка высококвалифицированных управленческих кадров организаций региона, которая показала свою востребованность и эффективность. Целевой группой для подготовки являются специалисты с законченным высшим образованием, имеющие не менее пяти лет трудового стажа, в том числе, не менее трех – управленческого. В настоящее время Программа обеспечивает человеческим капиталом реальный и социальный сектора экономики. РГРТУ делает заявку на получение статуса опорного вуза страны.

Еще в период подготовки законопроекта «О народном образовании» в качестве первоочередных мер предлагалось: 1) значительно увеличить уровень финансирования образования, 2) повысить статус педагогических работников всех уровней; 3) повысить статус ученика и студента, прежде всего через повышение стипендии. Сравнение современных стипендий и стипендий периода СССР показывает, что стипендия студента вуза в среднем составляла 80% прожиточного минимума. Стипендии студентов технических специальностей, связанных с ОПК, превышали прожиточный минимум. В настоящее время они составляют лишь 13% прожиточного минимума, т.е. буквально упали в 6,5 раза. 4) Пересмотреть содержание образования в сторону увеличения объема часов на изучение таких дисциплин как история, география, физика, математика.

Представляется, что движение по пути реализации данных предложений будет способствовать интеграции технологического и социального компонента в образовательном процессе, приумножению и интеграции научного знания, достижению единства целей технологического и социального прогресса.

[1] Постановление Правительства РФ от 24 марта 2007 года № 177 «О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации в 2007/08-2017/18 учебных годах».

Суменова Е.С.
заместитель зав. лабораторией Института стратегии развития образования РАО
elsepro@gmail.com
Лебедев К.В.
к.э.н., заведующий лабораторией Института стратегии развития образования РАО
k.lebedev@eit.edu.ru
Васильева Л.В.
к.э.н., с.н.с. Института стратегии развития образования РАО
vasilieval@yandex.ru

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

***Ключевые слова**: образование, прогноз, статистика образования, заработная плата, педагогические работники, фонд оплаты труда, субъекты РФ.*

***Keywords:** education, forecast, education statistics, wages, teaching staff, remuneration Fund, subjects of the Russian Federation.*

Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации определена стратегическая цель государственной политики в области образования – повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина. Управление в системе образования и принятие стратегических управленческих решений должно осуществляться на основании качественной прогнозной информации о перспективах развития образования. В этих условиях прогнозирование в среднесрочной и долгосрочной перспективе – одна из актуальных задач, решение которой позволит определить возможные тенденции развития системы образования под воздействием различных факторов, обеспечить внесение изменений в содержание проводимой государственной политики в области образования и своевременную корректировку выстраиваемых перспектив и траекторий развития образования, выбрать оптимальное направление развития.

В проведенном исследовании проанализирована динамика основных показателей сферы общего образования Российской Федерации, выполнен прогноз ключевых параметров развития для двух сценариев – базового и консервативного.

Численность обучающихся в организациях, осуществляющих подготовку по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования

Расчет численности обучающихся произведен по следующей методике.

1. По возрастной структуре численности обучающихся в первом классе начальной школы определялись доли численности обучающихся соответствующих возрастов в общей численности первоклассников и ее доли в соответствующих возрастных когортах (расчеты произведены на основании данных за 2018 г. формы ФСН № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей подготовку по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования») с учетом формы обучения.

2. По данным Росстата (демографический прогноз по однолетним возрастам) рассчитывалась динамика изменения возрастных когорт на прогнозные годы.

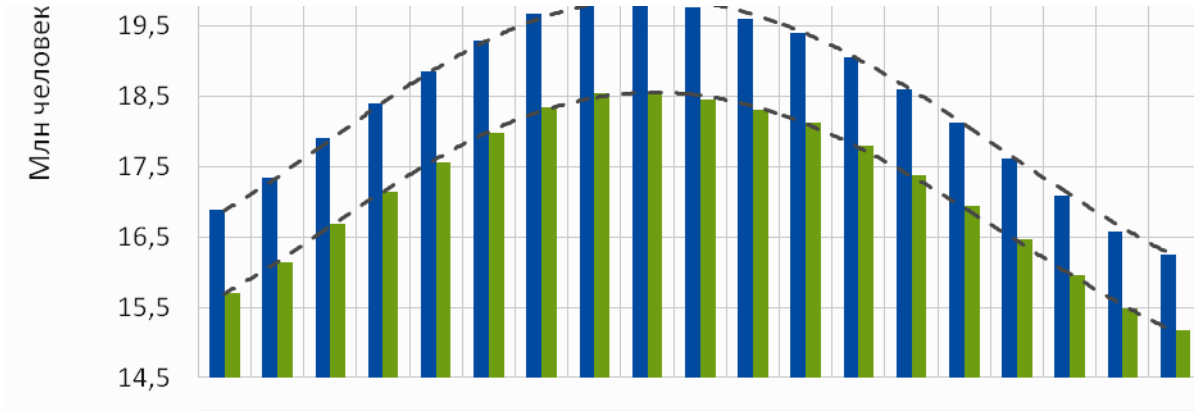
3. По прогнозной численности возрастных когорт, по доле в них обучающихся в первом классе и их доле в общей численности первоклассников рассчитывалась прогнозная численность обучающихся в первом классе.

4. Численность обучающихся во 2–9-х классах в рассматриваемом классе в текущем году принималась равной численности обучающихся в предыдущем классе в предшествующем году (без учета снижения численности по причине неперехода учащегося в следующий класс или по иным причинам выбытия).

5. Численность обучающихся в 10–11(12)-х классах, учитывая частичный выпуск обучающихся после 9 класса, рассчитана по пропорциям между численностью обучающихся в предыдущем классе в предшествующем году и численностью обучающихся в последующем классе в текущем году.

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания № 073-00007-20-01 на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов Института стратегии развития образования РАО, проект «Разработка прогноза социально-экономического развития во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2015 года № 1234 «О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период» в соответствии с полномочиями Минпросвещения России».

Прогноз численности по базовому сценарию выполнен по описанной выше методике без учета снижения численности по причине неперехода учащегося в следующий класс или по иным причинам выбытия. Для консервативного сценария развития учитывался процент выбытия учащихся, который на предшествующем периоде (2016–2018 гг.) для учащихся 1–9 классов в среднем составлял 2,4%. Прогноз численности обучающихся по программам общего образования представлен на рис. 1.

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034	2035
Численность населения (7-17 лет), млн чел.	16,9	17,3	17,9	18,4	18,9	19,3	19,7	19,9	19,9	19,8	19,6	19,4	19,1	18,6	18,1	17,6	17,1	16,6	16,3
Количество учащихся, млн чел.	15,7	16,1	16,7	17,1	17,6	18,0	18,4	18,5	18,6	18,5	18,3	18,1	17,8	17,4	16,9	16,5	16,0	15,5	15,2

Рисунок 1.
Численность обучающихся в образовательных организациях, осуществляющих подготовку по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования

В соответствии с прогнозом до 2024–2026 гг. ожидается рост числа обучающихся с постепенно снижающимся темпом: с 3,3% в 2019 г. до 1% в 2024 г. (от 525 тыс. человек в 2019 г. до 186 тыс. человек в 2024 г). Изменение численности обучающихся в период 2017–2024 гг. в абсолютном исчислении по отношению к предыдущему году показано на рис. 2.

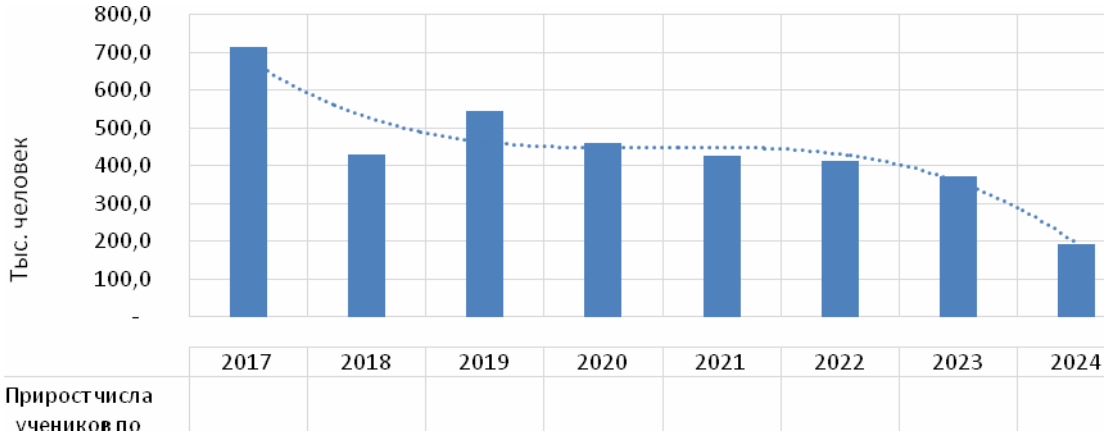

Рисунок 2.
Прирост численности обучающихся (абсолютное значение изменения по отношению к предыдущему году) в период 2017–2024 гг.

Таким образом, в 2019–2024 гг. ежегодный рост числа обучающихся по программам общего образования ожидается в среднем на 400 тыс. человек. С 2026 г. тенденция меняется на противоположную, снижение численности происходит с такими же темпами, достигая в 2032 году уровня 2018 года.

Ввод в эксплуатацию общеобразовательных организаций

Данные по вводу новых учебных мест в общеобразовательных организациях официальных источников (Минобрнауки России, Минпросвещения России, Росстата) за предшествующие годы не совпадают и отражают не общее их количество, а дают фрагментарные сведения: по количеству мест, созданных за счет нового строительства, в результате приобретения, капитального ремонта, путем эффективного использования помещений и по источникам финансирования (средства федерального бюджета или субъектов Российской Федерации).

С учетом этого обстоятельства выполненный прогноз потребности в новых учебных местах базировался на следующих положениях. Ввод новых учебных мест за счет федеральных средств для базового сценария развития определен согласно плану по количеству ежегодно вводимых учебных мест, заданных в национальном проекте «Образование» и других государственных программах Российской Федерации. Там, где он оказался запланирован ниже значе-

ния 56 тыс. мест, взято значение 56 тыс. мест. Для консервативного сценария ежегодный ввод новых мест определен в размере 56 тыс. мест. Ввод новых учебных мест за счет средств субъектов федерации определен в размере 300 тыс. учебных мест для обоих сценариев развития. Удельный вес численности обучающихся в первую смену в общеобразовательных организациях в общем числе обучающихся рассчитан на основе полученных значений вводимых учебных местах с учетом изменения общей численности обучающихся (табл. 1, 2).

Таблица 1

Количество вводимых учебных мест в организациях общего образования при базовом сценарии социально-экономического развития

Показатель	Учебный год						
	2018–2019	2019–2020	2020–2021	2021–2022	2022–2023	2023–2024	2024–2025
Численность учащихся (очная форма), тыс. чел.	16 024	16 565	17 021	17 445	17 854	18 223	18 414
в том числе:							
численность обучающихся в 1 смену, тыс. чел.	14 021	14 489	14 954	15 305	15 726	16 030	16 330
численность обучающихся во 2 и 3 смены, тыс. чел.	2003	2075	2067	2141	2127	2194	2084
Количество вводимых учебных мест за счет средств федерального бюджета, ед.	–	167 892	164 420	56 000	121 729	5 6000	56 000
Количество вводимых учебных мест за счет средств бюджетов субъектов РФ, ед.	–	300 000	300 000	300 000	300 000	300 000	300 000
Итого, общее количество вводимых учебных мест, ед.	–	467 892	464 420	356 000	421 729	356 000	356 000

Таблица 2

Количество вводимых учебных мест в организациях общего образования при консервативном сценарии социально-экономического развития

Показатель	Учебный год						
	2018–2019	2019–2020	2020–2021	2021–2022	2022–2023	2023–2024	2024–2025
Численность учащихся (очная форма), тыс. чел.	16 024	16 565	16 639	17 134	17 664	18 098	18 354
в том числе:							
численность обучающихся в 1 смену, тыс. чел.	14 021	14 377	14 733	15 089	15 445	15 801	16 157
численность обучающихся во 2 и 3 смены, тыс. чел.	2003	2187	1906	2045	2218	2296	2196
Количество вводимых учебных мест за счет средств федерального бюджета, ед.	–	56 000	56 000	56 000	56 000	56 000	56 000
Количество вводимых учебных мест за счет средств бюджетов субъектов РФ, ед.	–	300 000	300 000	300 000	300 000	300 000	300 000
Итого, общее количество вводимых учебных мест, ед.	–	356 000	356 000	356 000	356 000	356 000	356 000

Численность педагогических работников в сфере общего образования

Важным показателем, характеризующим нагрузку учителей, используемым для обоснования потребности в них на перспективу и для оценки эффективности системы школьного образования, является соотношение «учитель – ученик» (отношение численности обучающихся, приходящихся на 1 учителя (педагогического работника)). Исследование динамики этого показателя для общего образования в России показало, что в последние годы отмечается рост его значений – с 13,4 человек в 2014 г. до 14,9 человек в 2018 г. (табл. 3).

Таблица 3

Численность обучающихся и педагогических работников в сфере общего образования в России (2014–2018 гг.)

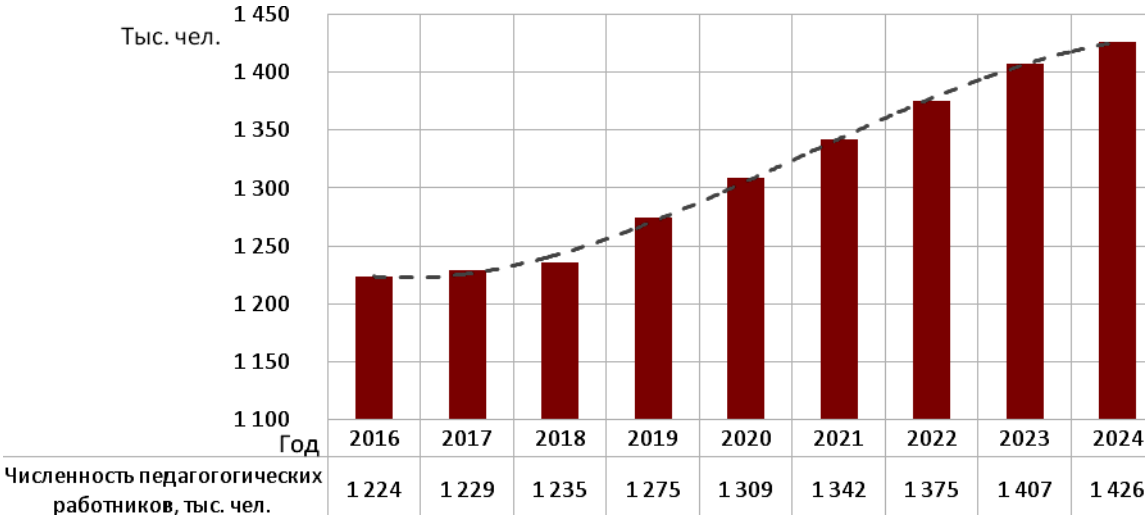
	2014 г.	201 г.5	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Численность обучающихся по образовательным программам, тыс. чел.	14 398,9	14 770,4	15 219,0	15 705,9	16 137,3
Численность педагогических работников, тыс. чел.	1316,2	1321,0	1314,7	1324,7	1333,2
Численность учителей, тыс. чел.	1076,2	1077,3	1074,1	1079,9	1082,8
Соотношение ученик – педагогический работник, чел.	10,9	11,2	11,6	11,9	12,1
Соотношение ученик-учитель, чел.	13,4	13,7	14,2	14,5	14,9

На фоне роста количества школьников численность педагогических работников меняется незначительно. При этом относительное небольшое повышение показателя «численность обучающихся в расчете на одного учителя» фиксирует разрыв в темпах роста количества педагогов и школьников.

В практике разработки прогнозов развития сферы общего образования в России используется другой показатель – соотношение «ученик-педагогический работник». Категория «педагогические работники» является количественно более представительной и помимо учителей, осуществляющих образовательную деятельность, включает также работников, занятых воспитанием обучающихся, организацией образовательного процесса. Соответственно, на одного педагогического работника приходится меньшее количество учащихся. Целевое значение на перспективу данного по-

казателя установлено от фактического его значения в 2013 году (11,6 чел.) с постепенным ростом до 12,8 чел. (2018 г.). Это значение используется при разработке прогнозов потребного количества педагогических работников на долгосрочную перспективу (2018–2035 гг.).

Прогнозная численность педагогических работников приведена (рисунок 3) с учетом достижения на прогнозном периоде целевого показателя (отношение численности обучающихся, приходящихся на 1 педагогического работника) значения 13 (с 2019 г.).

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Численность педагогических работников, тыс. чел.	1 224	1 229	1 235	1 275	1 309	1 342	1 375	1 407	1 426

Рисунок 3.
Прогноз численности педагогических работников в сфере общего образования

В настоящее время это соотношение варьирует по субъектам РФ в пределах от 8,5 до 18 и среднее значение по стране составляет близкую к 12,8 величину – 13,4. Допускаем, что в силу различных причин, в том числе имеющих объективный характер, достижение целевого значения во всех субъектах Российской Федерации маловероятно. Тем не менее, это слабо сказывается на изменении численности педагогических кадров, которая даже при неизменности достигнутых отношений на прогнозном периоде достигает значения 1426 тыс. человек в 2024 году, отличаясь от прогнозных значений за тот же год на 1%. То есть, несмотря на различные сценарии изменения рассматриваемого отношения по субъектам РФ, в ближайшие 6 лет ежегодная потребность в новых педагогических кадрах с большой долей вероятности составит в среднем 30–32 тыс. человек. По сравнению с предшествующими годами (2016–2018 гг.), когда рост потребности ограничивался 5,5–6 тыс. человек, спрос на педагогические кадры увеличится в 5 раз.

Важным аспектом исследования состояния и перспектив развития сферы общего образования является анализ возрастной структуры педагогических работников (учителей). Численность учителей предпенсионного и пенсионного возраста (старше 50 лет) растет, а с другой стороны – снижается не только количество молодых учителей в школах, но и их приток. Динамика структуры численности педагогических работников общего образования в России по возрастным группам в 2016–2018 гг. представлена на рис. 4.

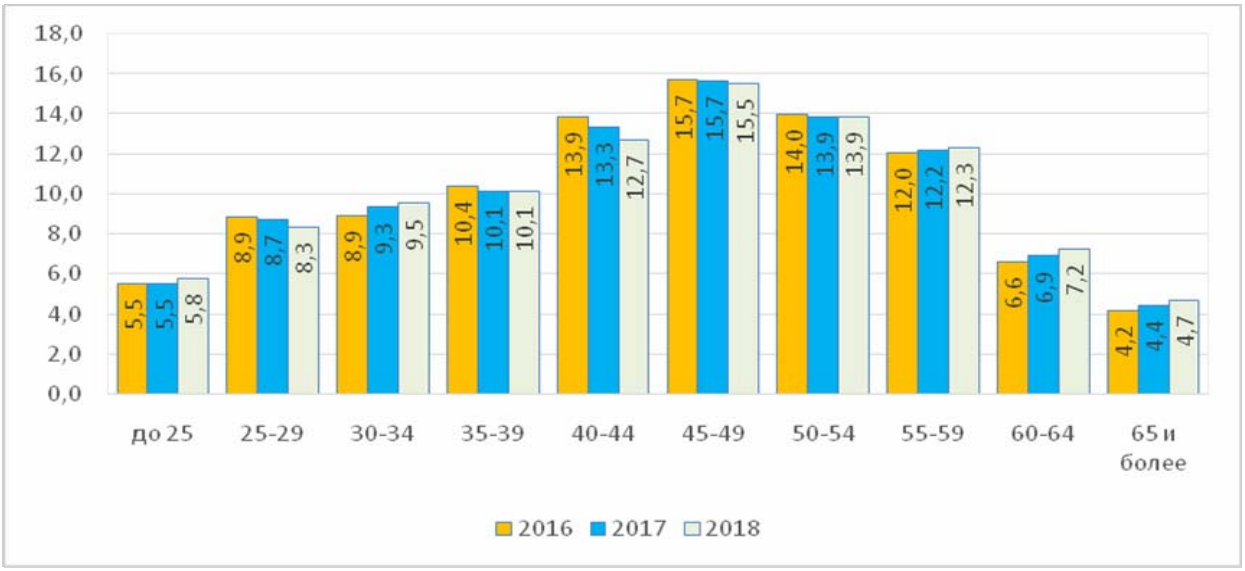

Рисунок 4.
Структура численности педагогических работников общего образования в России по возрасту в 2016–2018 гг., %

Так, видно, что численность учителей старше 50 лет за последние годы увеличивается в возрастных диапазонах 55-59, 60–64, 65 и более лет, т.е. растет численность педагогических работников даже не предпенсионного, а уже пенсионного возраста.

Прогноз численности педагогических кадров в системе общего образования Российской Федерации на перспективу до 2035 г. представлен на рис. 5.

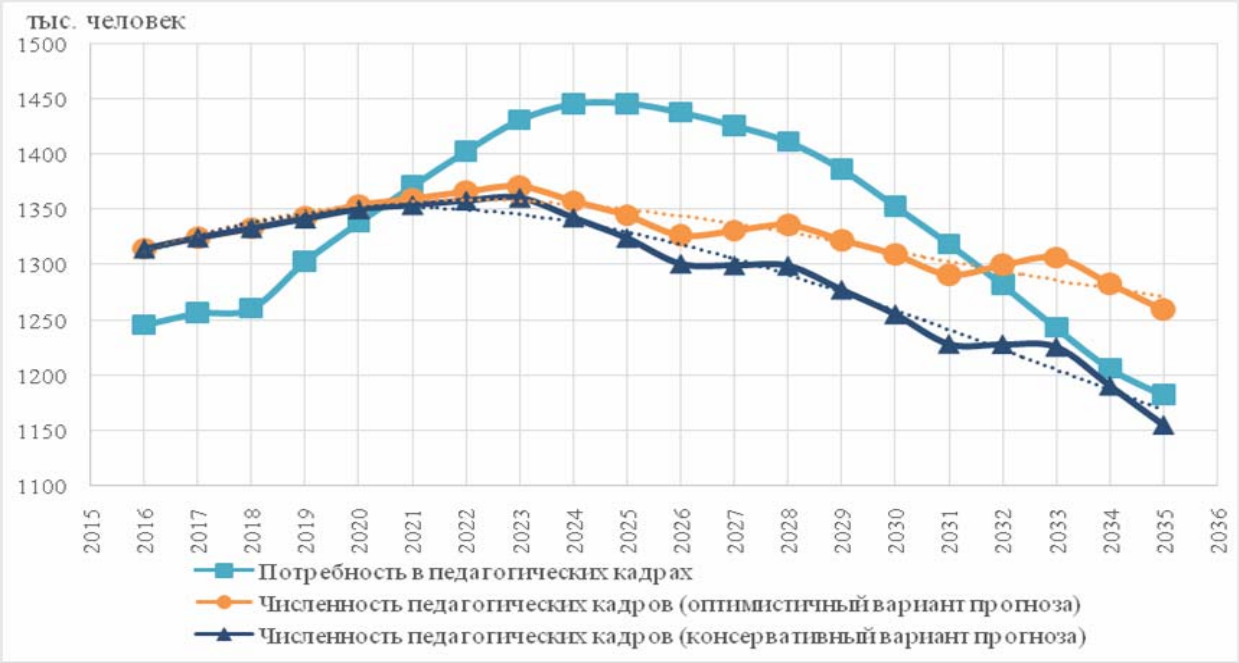

Рисунок 5.
Прогноз численности педагогических кадров в сфере общего образования России до 2035 г.

Потребность в педагогических кадрах рассчитана в соответствии с демографическим прогнозом Росстата до 2035 г. по однолетним возрастам (возрастная когорта 7–17 лет) с учетом рекомендованного соотношения численности обучающихся на 1 педагогического работника и доли обучающихся в сфере общего образования относительно когорты детей в возрасте 7–17 лет по состоянию на 2018 год.

Варианты прогноза рассчитаны на основании данных статистической формы ОО-1[1] за 2016-2018 гг. с учетом расчетного коэффициента смертности педагогических работников по возрастным группам. Оптимистичный вариант прогноза строится на допущении, что тенденция роста численности молодых (до 25 лет) педагогических работников сохранится на прогнозируемый период. Консервативный вариант прогноза основан на том, что приток молодых педагогических работников зафиксирован на уровне 2018 г.

В настоящее время дефицит педагогических кадров остро не ощущается, что связано с большим количеством работающих пенсионеров, но с 2021 г. потребность в педагогических кадрах начнет расти более высокими темпами по сравнению с численностью педагогических работников. На сегодняшний день педагогические работники в возрасте до 25 лет составляют 5,8% от общего числа работников сферы общего образования. При сохранении притока молодых специалистов на этом уровне к 2026 г. в общей системе образования Российской Федерации нехватка педагогических работников составит более 111 тыс. человек и дефицит педагогических кадров сохранится до 2032 г. в соответствии с оптимистичными сценарными условиями.

Количество работающих педагогов-пенсионеров увеличивается, хотя в данный момент наиболее многочисленная когорта педагогических работников приходится на возрастную группу 45–49 лет. При сохранении этой тенденции к 2025 г. каждый третий учитель будет старше 55 лет, а к 2030 г. – старше 60 лет.

Средняя заработная плата работников в сфере образования

Прогноз средней заработной платы работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, выполнен по следующему алгоритму. Рассчитывалась среднемесячная заработная плата педагогических работников государственных (муниципальных) образовательных организаций в каждом субъекте Российской Федерации. Значение средней заработной платы по стране в целом рассчитано методом взвешенного суммирования (по численности занятых). Данный подход, примененный ко всем организациям, осуществляющим образовательную деятельность, оправдан тем, что в 2018 году и по предварительным данным за 2019 год достигнутые средние заработные платы по стране близки к целевым, поэтому высока вероятность их соответствия целевым на прогнозируемом периоде.

По статистическим данным за 2017 год для Российской Федерации в целом определены усредненные значения доли прочего персонала в численности работников в данных сферах образования. По данным фонда оплаты труда (для

[1] Статистическая отчетность по форме ФСН № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей подготовку по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования»

педагогических работников и всего персонала) и величине средней заработной платы по всем категориям работников определены средние заработные платы для прочего персонала и их соотношения с заработной платой в экономике.

Доля прочего персонала в численности работников образовательных организаций, осуществляющих подготовку по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования в 2018 году составила 41,2%. Отношение средней заработной платы прочего персонала общеобразовательных организаций к средней заработной плате в экономике в 2018 году составило 70,5%. Данные доли и отношения принимались одинаковыми для каждого субъекта Российской Федерации и неизменными на весь период прогноза.

По полученным значениям средних заработных плат педагогических работников и их численности, значениям средних заработных плат прочего персонала и их численности, а также по их доли в общей численности рассчитаны средние заработные платы работников в соответствующих сферах образования по каждому субъекту Российской Федерации. По Российской Федерации среднее значение заработной платы рассчитано путем взвешенного суммирования (по численности персонала) данных по субъектам РФ.

Прогнозные значения средних заработных плат по педагогическим работникам отдельно и по всему персоналу для Российской Федерации представлены в табл. 4.

Таблица 4

Средняя заработная плата работников общеобразовательных организаций, руб.

Категории персонала	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Педагогические работники	38 419	40 737	43 104	46 016	49 154
Работники образовательных организаций (включая педагогических работников)	33 591	35 247	37 381	39 612	42 026

Фонд оплаты труда в сфере образования

Расчет прогнозных значений фонда оплаты труда в сфере общего образования выполнен отдельно для педагогического состава и для всего персонала для каждого субъекта Российской Федерации по формуле:

$$ФОТ = ЗПл_{раб} * Ср.Сч. Числ * 12 \quad (1),$$

где:

ФОТ—фонд оплаты труда;

$ЗПл_{раб}$ —средняя заработная плата персонала (педагогических работников) в общеобразовательных организациях;

$Ср.Сч. Числ$ — среднесписочная численность персонала (педагогических работников).

Итоговые значения для Российской Федерации рассчитаны как сумма фондов оплаты труда всех субъектов РФ (табл. 5).

Таблица 5

Фонд оплаты труда работников общеобразовательных организаций, млн руб.

Категории персонала	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Педагогические работники	569 556	627 234	687 111	750 919	819 780
Работники образовательных организаций	846 902	914 533	991 213	1 072 030	1 157 948

Заключение

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты:

– подготовлен предварительный и уточненный прогноз развития сферы образования в Российской Федерации на среднесрочную (2020–2022 годы) и долгосрочную (на период до 2035 года) перспективу;

– проведен анализ и сформирован прогноз показателей (численность обучающихся, численность работников), используемых при разработке баланса трудовых ресурсов, в рамках которых осуществлялся анализ отношения численности работников сферы образования к численности обучающихся в части соответствия их значений целевым;

– проведен анализ и сформирован прогноз средней заработной платы работников и фонда оплаты труда, в рамках которых осуществлялся анализ соответствия уровня средней заработной платы работников сферы образования и науки на соответствие значениям, определенным в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Прогноз основных показателей сферы образования выполнен как с учетом выявленных на предшествующем периоде трендов и продолжения следования сложившимся зависимостям от определенных показателей, так и с учетом планов правительства и заинтересованных органов, отраженных в виде целевых показателей в государственных и региональных программах. Как показывают результаты анализа данных предшествующего периода, численность обучающихся главным образом зависит от численности соответствующих возрастных когорт. Данная зависимость определяется высокой корреляцией и в большинстве случаев большим значением доли в когорте.

Численность обучающихся по программам общего образования на прогнозном периоде имеет два временных отрезка с противоположной динамикой изменения численности: в среднесрочном периоде численность обучающихся по программам общего образования возрастает (рост более 15% к 2026 г.), в дальнейшем их численность снижается к

2035 году до уровня 2018 года. Такая динамика изменения численности предполагает появление возможных проблем, связанных с персоналом, задействованным в сфере общего образования, и обеспечением динамично возрастающего количества обучаемых учебными местами.

В организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам общего образования, численность всех обучающихся возрастает на 11,3%, численность педагогических работников и персонала в целом на 8,7%.

Средние заработные платы педагогических работников прогнозировались по целевым показателям, определенным в государственной программе «Развитие образования» и определены Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597. Заработные платы рассматриваемых категорий работников, несмотря на разброс величин по субъектам федерации, в основном превышали целевые значения. При прогнозировании на 2019–2022 гг. данные превышения не учитывались, а принималось, что заработные платы педагогических работников будут точно соответствовать целевым показателям, равно как и при расчете средних заработных плат для субъектов, где достигнутые значения были ниже целевых. При расчете средних заработных плат среди всех занятых принималось, что заработная плата прочего персонала сохраняла пропорцию с заработной платой в экономике, соответственно, ее рост прямо пропорционально зависел от роста заработной платы в экономике. Исходя из вышесказанного, прогнозные величины средних заработных плат педагогических работников в сфере образования удовлетворяют требованиям целевых показателей, а прогнозные значения средних заработных плат всех занятых в сфере образования следуют сложившимся трендам их роста за последние годы, фактически повторяя динамику роста заработной платы в экономике.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при подготовке стратегий и программ развития образования, а также материалов к прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации, для разработки нормативно-правовых документов, планов и аналитических материалов Минпросвещения России.

Шамсутдинов Ю.А.
к.т.н., с.н.с. Института стратегии развития образования Российской академии образования
Лебедев К.В.
к.э.н., начальник лаборатории Института стратегии развития образования РАО
Бочковский П.П.
н.с. Института стратегии развития образования РАО

МЕТОД РАСЧЕТА ПОТРЕБНОСТИ В ТРУДОВЫХ КАДРАХ, ОСНОВАННЫЙ НА ДОСТИЖЕНИИ ОПТИМАЛЬНОГО БАЛАНСА МЕЖДУ ЧИСЛОМ ПОДГОТАВЛИВАЕМЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ И ВЕЛИЧИНОЙ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ[1]

Ключевые слова: *подготовка квалифицированных специалистов, баланс трудовых ресурсов, инвестиции в основной капитал, потребность в кадрах, сфера образования.*

Подготовка специалистов различного уровня квалификации должна соответствовать их совокупной потребности во всех сферах деятельности региона. Для этого необходимо достижение согласованности двух процессов: прогнозируемой потребности в определенных кадрах (по численности и специализации) и их подготовки. Как правило, это решается методом опроса потенциальных работодателей по вопросу потребности кадров на ближайшую перспективу, после чего производится коррекция численности приема и изменение учебных программ в образовательных организациях. Однако сформированный таким образом спрос преимущественно отражает сложившуюся структуру сфер деятельности, воспроизводя ее в прежнем виде. Прогноз спроса кадров с учетом планов развития сфер деятельности, формируемый на основе представления работодателей о развитии организаций, в которых они осуществляют деятельность, может быть ошибочным, так как в государственных организациях запрос может быть завышенным, поскольку вопрос затрат (бюджетных денег) на заработные платы нанимаемых работников не является приоритетным, а частные организации, в которых важен рост прибыли от их деятельности, мало озабочены решением социальных вопросов. В свою очередь, сфера образования в силу сложившихся за долгое время структуры подготовки кадров (по численности обучающихся, организованных для этого учебных мест, зданий, лабораторий, оборудования, подготовленных педагогов, разработанных и утвержденных учебных программ по конкретным специальностям и пр.) также стремится к воспроизводству сложившейся структуры, поскольку изменения требуют достаточных усилий, времени и средств.

При таком подходе в конечном итоге находится компромисс, однако в нем может оказаться мало объективной составляющей, касающейся в первую очередь стратегии развития региона. То, что эта процедура несовершенна в отмеченном аспекте, подтверждается частым отнесением проблемы несоответствия подготавливаемых специалистов нуждам региона к одной из основных в утверждаемых стратегиях развития регионов, например, в стратегиях регионов[2], которые далее рассмотрены при апробации метода.

Исходя из вышесказанного, процесс согласованного «спроса и предложения» должен прежде всего подчиняться стратегии развития региона, которая, в свою очередь, призвана учитывать определенные объективные законы или закономерности в организации такой занятости населения, которая приводила бы к социально-экономическому росту[3].

В настоящей работе предложен метод определения потребности в кадрах, который принципиально удовлетворяет названным условиям. Он базируется на следующих положениях:

---

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания № 073-00007-20-01 на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО», проект «Разработка прогноза социально-экономического развития во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2015 года № 1234 «О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период» в соответствии с полномочиями Министерства просвещения Российской Федерации».

[2] Постановление Правительства Республики Алтай от 13 марта 2018 года № 60 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года»; Постановление Правительства Республики Бурятия от 15 декабря 2007 года № 410 «О Стратегии социально-экономического развития республики Бурятия до 2025 года»; Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 года; Постановление Правительства Забайкальского края от 26 декабря 2013 года № 586 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года»; Проект Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года; Проект Стратегии социально-экономического развития Иркутской области до 2030 года; Стратегия социально-экономического развития Томской области до 2030 года.

[3] Публикации по теме: Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда в Российской Федерации в перспективе до 2030 г. // Проблемы прогнозирования. – М., 2013. – № 4; Миронова Е.С. Анализ и прогнозирование занятости в Российской Федерации по видам экономической деятельности // Проблемы прогнозирования. – М., 2010. – № 6; Гуртов В.А., Гарифуллина Н.Ю., Сигова С.В. О прогнозной кадровой потребности российской экономики: качественный аспект // Проблемы прогнозирования. – М., 2016. – № 1.

1. Подготавливаемые специалисты должны быть обеспечены рабочими местами. Наиболее интегрально эту обеспеченность выражают показатели «Стоимость основного капитала» или «Основные фонды», отражающие количественно и качественно наличие и достаточность зданий, оборудования, нематериальных активов и пр., без которых трудовую деятельность вести невозможно. Таким образом, процесс подготовки кадров должен быть согласован с наличием достаточных основных фондов и подкреплен необходимыми инвестициями в них.

2. Поскольку для конкретной сферы деятельности, а тем более для региона в целом, нельзя абстрактно определить некую фиксированную стоимость основных фондов, которая была бы достаточной или оптимальной для планируемого развития сферы деятельности, то в качестве такого «целевого» значения выбрана стоимость основных фондов в аналогичной сфере другого региона, в котором данная сфера функционирует более успешно. Под успешностью понимается большая величина валового регионального продукта (далее – ВРП) в рассматриваемой сфере деятельности в пересчете на одного занятого. Учитывая, что регионы имеют отличия объективного характера (различные климатические условия, наличие/отсутствие природных ресурсов, крупных производственных предприятий федерального значения, удаленность/близость транспортных магистралей и пр.), то в качестве такого целевого значения берется среднее значение по нескольким регионам, где данная сфера развита более успешно.

Апробация метода

Для апробации метода были выбраны семь субъектов Российской Федерации из Сибирского и Дальневосточного федеральных округов: Республика Алтай (далее – РА), Республика Бурятия (далее – РБ), Алтайский край (далее – АК), Забайкальский край (далее – ЗК), Красноярский край (далее – КК), Иркутская область (далее – ИО), Томская область (далее – ТО).

Территориально все они размещены рядом, все являются дотационными, хотя степень их «дотационности» различна: три региона (РА, РБ и ЗК) перечисляют существенно меньше налогов в федеральный бюджет, чем получают в виде дотаций, для остальных четырех регионов это соотношение обратное[1]. Эти различия подтверждаются и разницей в величинах ВРП.

Для целей исследования была выбрана сфера деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» (согласно классификации по ОКВЭД-2, далее – сфера СХ).

Все исходные данные, используемые в исследовании, сведены в табл. 1.

Таблица 1

Исходные данные (по состоянию на 2018 г., последние актуальные данные)*

Субъект РФ	РА	РБ	ЗК	АК	КК	ИО	ТО
ВРП на одного занятого в сфере СХ, тыс. руб.							
Значения по регионам	398,1	313,1	370,9	483,8	509,9	916,0	842,5
Средние значения	360,7			688,1			
Стоимость основных фондов в сфере СХ в пересчете на одного занятого, тыс. руб.							
Значения по регионам	575,4	603,9	387,3	823,5	925,2	928,0	1 089,3
Средние значения	522,2			941,5			
Численность занятых в сфере СХ по уровню образованности, тыс. чел.							
ОО, СОО, б/о	7,1	14,3	27,4	76,1	58,7	37,8	13,4
СПО	6,4	15,2	15,1	64,0	41,5	27,7	10,0
ВО	1,7	3,8	3,4	12,2	11,6	7,5	3,4
Итого	15,2	33,2	45,8	152,3	111,8	73,0	26,8
Распределение занятых по уровню образованности, %							
ОО, СОО, б/о	46,7%	43,0%	59,7%	49,9%	52,5%	51,7%	50,1%
СПО	42,3%	45,6%	32,8%	42,0%	37,1%	38,0%	37,4%
ВО	11,0%	11,4%	7,5%	8,0%	10,4%	10,3%	12,6%
Итого	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

*Источник данных: составлено авторами по материалам Федеральной службы государственной статистики[2].

Анализ структуры занятых по уровню образованности во всех регионах показывает, что в обеих группах нет принципиальных отличий, то есть регионы не дифференцируются по нехватке/избытку кадров определенного уровня образованности, за исключением ЗК, в котором доля числа занятых с более низким уровнем образованности больше средних значений, рассчитанных по всем регионам. Можно считать, что структура занятых по уровню образованности не является дифференцирующим фактором, разделяющим регионы по уровню развития.

По стоимости основных фондов и ВРП, приходящихся на одного занятого, регионы легко разделяются на две группы, которые можно обозначить как группа слаборазвитых (куда относятся РА, РБ, ЗК) и группа развитых регионов (все остальные).

[1] «Донорская игла»: Татарстан мог бы в одиночку прокормить треть регионов России // Реальное время. – https://realnoevremya. ru/articles/135604-reyting-regionov-rf-po-obemu-nalogov-i-dotaciy-v-2018-godu; https://realnoevremya.ru/attachments/1167

[2] В обозначении уровня образованности:
ОО, СОО, б/о – окончившие обучение по программам общего, среднего образования и без образования соответственно;
СПО – окончившие обучение по программам подготовки специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих;
ВО – окончившие обучение по программам высшего образования.

В таблице 2 приведены значения стоимости основных фондов (обозначенные как «Оптимальная величина основных фондов») в слаборазвитых регионах, рассчитанные исходя из предположения, что на каждого занятого приходится величина основных фондов, приходящаяся в среднем на одного занятого в развитых регионах.

Таблица 2

Оптимальные и фактические значения основных фондов для слаборазвитых регионов*, млн. руб.

Субъект Российской Федерации	РА	РБ	ЗК
Оптимальная величина основных фондов	14 351	31 284	43 148
при численности занятых, тыс. чел.	15,2	33,2	45,8
Фактическая стоимость основных фондов (2018 г.)	8770	20 067	17 750
Степень оснащенности основных фондов, %	61,1%	64,1%	41,1%

*Источник данных: составлено авторами по материалам Федеральной службы государственной статистики.

Если при этом каждый занятый будет создавать ВРП, равный среднему значению для развитых регионов (688,1 тыс. руб., см. табл. 1), то это позволит увеличить ВРП до значений, представленных в табл. 3.

Таблица 3

Потенциально достижимая величина ВРП при условии увеличения основных фондов (в пересчете на одного занятого) до среднего уровня развитых регионов и сохранении численности занятых на прежнем уровне*

Субъект Российской Федерации	РА	РБ	ЗК
Потенциально достижимая величина ВРП, млн руб.	10 488	22 862	31 533
Фактическое значение ВРП, млн руб.	6068,0	10 402,2	16 997,0

* Источник данных: составлено авторами, по материалам Федеральной службы государственной статистики.

Исходя же из сохранения фактической стоимости основных фондов, число занятых в сфере является избыточным (табл. 4) с точки зрения создания равной величины ВРП, которая в среднем создается на основе основных фондов такой же стоимости в развитых регионах.

Таблица 4

Потенциальная величина избытка занятых в сфере СХ, тыс. чел.*

Уровень образованности	РА	РБ	ЗК
ОО, СОО, б/о	2,8	5,1	16,1
СПО	2,5	5,4	8,9
ВО	0,7	1,4	2,0
Итого	5,9	11,9	27,0
Доля в фактической численности, %	39%	36%	59%

* Источник данных: составлено авторами по материалам Федеральной службы государственной статистики.

Примечание. Структура основных фондов в регионах может быть разной (хотя степень их изношенности в обеих группах регионов примерно одинаковая), что количественно оценить невозможно, поэтому приведенные величины избытка занятых являются оценочными, то есть приведенные цифры соответствуют условиям одинаковости структуры основных фондов*, примерно равным условиях по климату и т.п.*

Таким образом, исходя из того, что величина ВРП в рассматриваемой сфере деятельности в основном определяется двумя факторами (квалификацией работающих и величиной задействованных основных фондов), то из полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Значения формальных параметров уровня образованности занятого населения (численности по соответствующим уровням образованности) в слаборазвитых регионах не отличаются от значений в развитых регионах, что означает отсутствие влияния (либо слабое влияние) данного фактора на уровень дифференциации регионов по величине ВРП.

2. Величина стоимости основных фондов для слаборазвитых регионов составляет в среднем приблизительно 52%, ВРП – приблизительно 55% от величины развитых регионов (в пересчете на одного занятого), что явно указывает на существование прямо пропорциональной зависимости между данными показателями. Это подтверждается достаточно высоким значением коэффициента корреляции, рассчитанным по данным показателям для рассмотренных регионов, составившим величину 0,8, при этом причинно-следственная связь здесь очевидна – зависимой величиной выступает ВРП.

Таким образом, для достижения цели развития региона сфера подготовки кадров, в том числе по уровню образования, должна быть согласована с величиной основных фондов, которая определяется не имеющейся в настоящее время или прогнозируемой исходя из «увеличенной по возможности в будущем», а задаваемой исходя из обеспечения (материальными и нематериальными активами) подготавливаемых кадров таким образом, чтобы достичь результата, в среднем достигаемого в развитых регионов.

То, что данный фактор в регионах не учитывается, видно по низким фактическим величинам инвестиций в основной капитал.

Таблица 5

Величина инвестиций в основной капитал

Инвестиции в основной капитал	РА	РБ	ЗК	АК	КК	ИО	ТО
Стоимость основных фондов в 2018 г.	8 770	20 067	17 750	125 437	103 425	67 740	29 214
Инвестиции в основные фонды в 2018 г.	200,9	284,6	343,5	5561,9	7002,9	6771,9	1327,5
Относительный рост, %	2,3%	1,4%	1,9%	4,4%	6,8%	10,0%	4,5%

* Источник данных: составлено авторами, по материалам Федеральной службы государственной статистики.

Как видно из табл. 5, инвестирование в основные фонды в слаборазвитых регионах существенно ниже, чем в развитых, вследствие чего там на будущее прогнозируется, что подготавливаемые кадры не будут обеспечены рабочими местами, приобретенные навыки будут обесцениваться, мотивация к получению перспективной специальности снижаться и т.д. А так как именно эти люди и должны в будущем создавать и увеличивать основной капитал, то удовлетворяющая текущие потребности в специалистах (по числу и уровню образованности) система подготовки кадров будет продолжать воспроизводить неэффективную деятельность.

Выводы

Предложенный метод определения нужного числа специалистов, несмотря на его оценочный характер в силу использования усредненных значений показателей, позволяет строить кадровую политику исходя из решения стратегических задач развития региона. Потребность в кадрах в нем определяется с учетом объективных факторов, степень и продолжительность влияния которых выше текущих запросов, что снижает вероятность допустить ошибку в кадровой политике на долгосрочную перспективу.

Метод, несмотря на объективность подхода к проблеме, дает значения показателя, имеющего характер целевого, а не удовлетворяющего потребностям текущего времени или запроса на ближайшую перспективу, так как, например, увеличение в два раза инвестиций в основные фонды в сельском хозяйстве Забайкальского края за короткий промежуток времени маловероятно, соответственно, прогноз численности кадров под «теоретическую величину» основных фондов оказывается также «теоретическим». Однако эти показатели дают представление о взаимосвязи сферы образования и реальных сфер деятельности через конкретные цифры и явно выраженные зависимости, основываясь на которых возможно принимать кадровые решения в соответствии со стратегией развития региона.

Метод применим к любой сфере деятельности, что позволяет оценивать потребность в кадрах для региона в целом по совокупности оценок в отдельных сферах. В этом случае оценка может быть более точной (с учетом отмеченного выше ее целевого характера) за счет усреднения оценок отдельных сфер деятельности.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СБЕРЕЖЕНИЕ НАЦИИ

Апанасенко Г.Л.
д.м.н., профессор, Центр здоровья и технологий долголетия Age Free, Национальная медицинская академия постдипломного образования, Киев
apanas@ukr.net

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: НЕИЗБЕЖНОСТЬ НОВОЙ СТРАТЕГИИ

***Ключевые слова**: стратегия здравоохранения, энтропия, безопасный уровень здоровья, индустрия здоровья.*
***Keywords**: strategy of healthcare, entropy, safe health level, industry of health.*

Введение

Мировая система здравоохранения движется к неминуемому банкротству. Сложность лечебно-диагностических процедур возрастает, их стоимость непомерно увеличивается. Уже сейчас многие лечебные мероприятия недоступны больным из-за их высокой стоимости. К этому необходимо добавить рост народонаселения Земного шара. В то же время рост затрат на здравоохранение существенно превышает темпы прироста населения, не снижая заболеваемость. Проблема стала такой серьезной, что ее обсуждают эксперты экономического форума в Давосе. По их данным уже в ближайшие десятилетия глобальные затраты на сектор здравоохранения вырастут втрое: с 9,21 триллионов долларов в 2014 г. до 24,24 триллионов в 2040 г. при росте населения с 7 до 9 миллиардов человек. Об этом же говорила Генеральный секретарь ВОЗ г-жа М. Чен на юбилейной Ассамблее ВОЗ (2012): «Хронические неинфекционные заболевания могут свести на нет все завоевания модернизации и развития. Если мы не изменим стратегию борьбы с этими заболеваниями, то мировую систему здравоохранения ждет финансовый кризис».

Хронические неинфекционные заболевания (ХНИЗ: сердечно-сосудистые, злокачественные, эндокринные, системы дыхания) – ведущая проблема современного здравоохранения. Их рост и омоложение – объективная реальность. Именно эта группа заболеваний является основной причиной смерти в развитых странах (87%), а также инвалидизации и ограничений в социальной реализации личности. Борьба с ними пока не внушает оптимизма.

Если представить себе, что у человечества появилась возможность тратить на одного жителя Земли столько же, сколько тратят на здравоохранение США на 1 гражданина своей страны (в год около 9000 долларов), то общие затраты будут составлять около 80% всего ВВП планеты. Ясно, что увеличение затрат на здравоохранение – тупиковый путь, который не в состоянии привести к здоровью населения.

Есть ли альтернатива традиционной стратегии здравоохранения, основу которой составляет лечение больных? Да, такая альтернатива существует и связана она с законами термодинамики. Полученные нами данные позволяют утверждать, что имеется реальная возможность «управлять» здоровьем, а не заниматься его «ремонтом». Наши неоднократные обращения по этому поводу в руководящие и профильные инстанции РФ ни к чему не привели, а научные журналы отказывают в публикации. В то же время наши зарубежные публикации 2019 г. вызвали мощный резонанс со стороны научной общественности: **более полусотни** (!) англоязычных научных журналов пригласили на свои страницы, предварив приглашения весьма лестными высказываниями в адрес автора, шесть мировых конгрессов пожелали услышать автора в качестве спикера, а американцы пообещали даже оплатить перелёт! Это означает, что наши исследования заслуживают внимания, которого мы лишены в отечестве. Но уже подходит время, когда идеи отечественных учёных приходят к нам из-за рубежа в новой красивой упаковке (медицина 4Р, биохакинг и др.).

Теоретические основы

Живой организм представляет собой открытую термодинамическую систему, которая существует за счет солнечной энергии. Без энергии нет жизни. Удивительно, как до сих пор медицина не воспользовалось этой абсолютной закономерностью для решения проблем здравоохранения! Солнечная энергия проходит ряд стадий трансформации и сохраняется в митохондриях в виде макроэргов. Именно макроэрги являются основой механизмов самоорганизации живой системы и обеспечивают ее жизнеспособность (гомеостаз, адаптация, реактивность, резистентность, репарация, регенерация, терморегуляция, компенсация и др.). По сути своей процессы самоорганизации живой системы являются механизмами здоровья, которые поддерживают низкий уровень энтропии в системе. В существующей стратегии здравоохранения воздействие на них практически не предусмотрено, так как главная цель этой стратегии – влияние на процессы патогенеза. В то же время, как и в любом другом механизме, потенциал энергии определяет степень его совершенства: чем больше энергии (с учетом массы), тем совершеннее работает система.

Положение об источниках и характере энергии, обеспечивающих функционирование живых систем, о применимости к ним второго начала термодинамики высказаны Э.С. Бауэром еще в 1935 г. Им сформулирован принцип

«Устойчивого неравновесия»; именно непрерывное неравновесие – кардинальное отличие живого от неживого. Исходя из этой посылки, Э.С. Бауэр сформулировал основной закон биологии: «Все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют *за счет своей свободной энергии* постоянно работу против равновесия, требуемого законами физики и химии» [1]. О применимости второго начала термодинамики к живым системам говорил и выдающийся физик Э. Шредингер в своих лекциях, прочитанных в 1943 г. в Дублинском университете [2].

Определить энергетический потенциал живой системы можно, если учесть, что основную ее часть составляют аэробные механизмы энергообразования. Определяя максимальные возможности потребления кислорода (МПК, мл/кг/мин), мы получаем информацию об энергетическом потенциале биосистемы. С физиологической точки зрения этот показатель интегрально характеризует состояние дыхательной, кровеносной и метаболических функций, с биологической – степень устойчивости (жизнеспособности) неравновесной системы – живого организма. Прямое определение МПК с нагрузочной пробой достаточно сложная и опасная для современной популяции процедура. По этой причине в целях большей доступности и безопасности нами была создана простая и дешевая система экспресс-оценки МПК [3].

Именно при использовании этой методики оценки энергетического потенциала организма были получены закономерности, представленные ниже.

Результаты исследований

Малая трудоемкость и дешевизна использования указанной диагностической системы, доступность ее для квалификации среднего медперсонала позволили провести многотысячные исследования практически здоровых и больных людей от 6 до 80 лет, которые дали возможность выявить и описать новые феномены индивидуального здоровья [3]:

– чем выше уровень здоровья, тем меньше вероятность развития эндогенных факторов риска и манифестированных форм ишемической болезни сердца (ИБС) и других заболеваний (рис. 1);

– существует «*безопасный» уровень здоровья*, выше которого не определяются ни эндогенные факторы риска, ни манифестированные формы заболеваний; ему дана количественная характеристика (12 МЕТ для мужчин и 10 МЕТ для женщин);

– при выходе индивида из «безопасной зоны» здоровья отмечается феномен «саморазвития» патологического процесса;

– при повышении возможностей аэробного энергообразования происходит обратное развитие эндогенных факторов риска ИБС;

– имея количественные показатели, здоровьем можно управлять (формировать, сохранять, восстанавливать);

– возвращение в «безопасную зону» здоровья практически здоровых людей – наиболее эффективный путь первичной профилактики хронических неинфекционных заболеваний («превентивная реабилитация»).

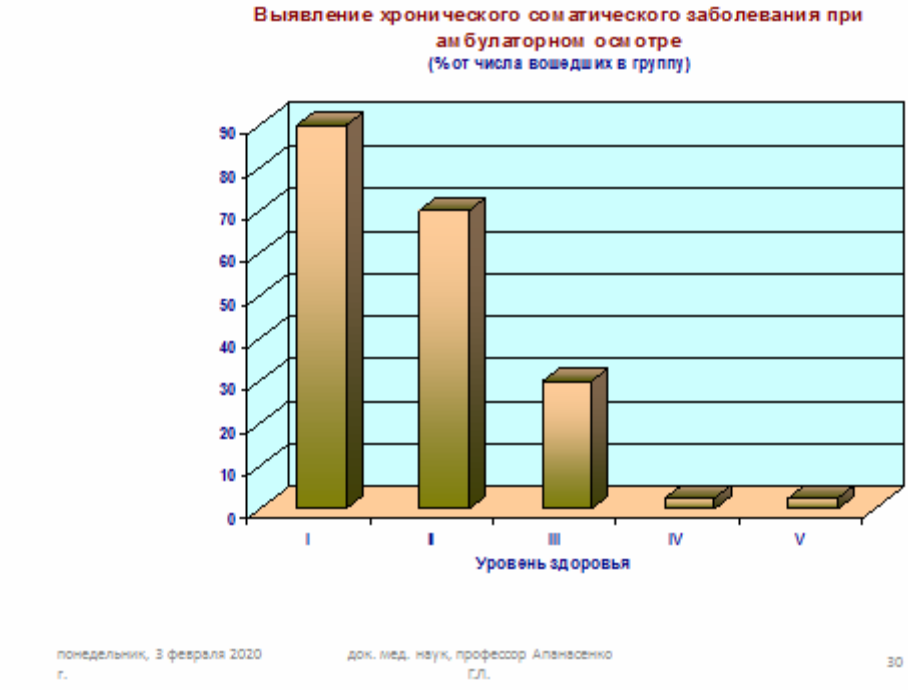

Рисунок 1.
Выявление хронического соматического заболевания при амбулаторном осмотре у рабочих промпредприятия в зависимости от уровня здоровья, определяемого по методике Г.Л. Апанасенко. По горизонтали – уровень здоровья, по вертикали – %% выявленных диагнозов внутри уровня здоровья

Таким образом, здравоохранение может решить наиболее актуальные проблемы, не используя технологии «управления» болезнью.

Дискуссия

В процессе жизни функции живой системы по разным причинам могут нарушаться, т.е. возникает болезнь. Где болезнь – там лечение. В основе современной стратегии здравоохранения лежит аллопатическая медицина. Почему же она получила преимущество в сравнении с другими технологиями влияния на здоровье?

К середине XIX века в медицине появилось выраженное разделение на «эмпириков» и «аллопатов». Эмпирики – это все те, кто следовал концепции, согласно которой больному организму нужно только помочь восстановить естественную самоорганизацию, и он сам справится с болезнью. К аллопатам относили тех, кто использовал сильные химические средства, хирургию и кровопускание и следовал концепции, согласно которой должны быть устранены симптомы болезни, и тогда больной выздоровеет. За аллопатической медициной стояли большие деньги банковских магнатов и владельцев химической (в будущем фармацевтической) промышленности. Аллопатии также сильно помогли последние достижения науки – изобретение наркоза и введение асептики и антисептики, позволившие гораздо шире применять хирургию как лечебный метод.

В то время не существовало строгого стандарта, по которому можно было бы квалифицировать медицинских специалистов. Не было и организации, которая бы этим занималась. В 1913 году был организован Фонд Рокфеллера, который стал формировать стандарт медицинских школ в пользу абсолютного доминирования аллопатической медицины в учебной программе и полного устранения в ней всех натуральных направлений. Медицинские школы Америки стали получать огромные гранты в обмен на назначение 1– человека из Фонда Рокфеллера в совет директоров. А те, в свою очередь, настояли на изменении учебной медицинской программы, которая теперь ориентировалась исключительно на свой бизнес – фармацевтическую медицину. Студенты-медики стали обучаться по новой программе, в которой лечение больных заключалось только в применения синтезированных химических препаратов, дорогих процедур и операций.

Аллопаты стали называть натуральную медицину ненаучной, так как в то время многие успешные натуральные методы не могли быть объяснены научно, тогда как действие химических препаратов на организм уже можно было объяснить. Те школы, которые не соглашались так радикально изменять программу, не получали гранта, и не могли конкурировать с аллопатическими медицинскими школами. В дальнейшем часть химической индустрии превратилась в фармацевтическую, и, внедрившись в Американскую медицинскую ассоциацию, получила над ней полный контроль. Эта организация стала к этому времени аккредитовать медицинские учебные заведения. В результате только школы, получившие гранты вот Фонда Рокфеллера и принявшие аллопатию, могли получить аккредитацию.

В течение нескольких десятков лет вся Америка и Европа приняли аллопатию как единственную форму официальной медицины. Но в наше время стало очевидным, что ожидать существенного укрепления здоровья при финансировании преимущественно сферы лечебно-диагностической помощи бессмысленно. При этом в практике здравоохранения структура потребления препаратов слабо коррелирует со структурой заболеваемости. Но даже правильно назначенные препараты часто не оказывают ожидаемого терапевтического эффекта. Так, по данным исследований, большинство лекарственных средств оказываются эффективными лишь у 25–0% пациентов. Например, согласно данным ВОЗ современные препараты не обеспечивают лечебный эффект у 75% больных артериальной гипертензией [4].

В то же время наши исследования показывают, что высокий аэробный потенциал организма является надежным препятствием развития эндогенных факторов риска, способствует снижению заболеваемости ХНИЗ и смертности от них.

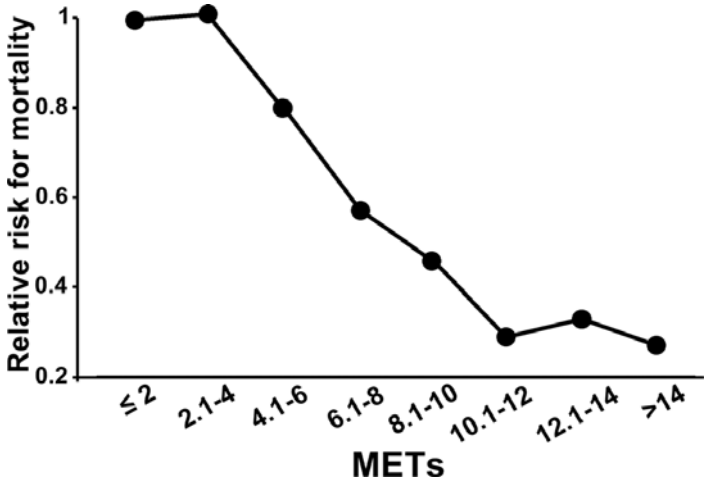

Рисунок 2.
Риск смерти ветеранов войны США в зависимости от МПК 1 МЕТ=3,5 мл\мин\кг массы тела [8]

Исследования многих авторов подтверждают наши данные о возможности использования аэробных возможностей в качестве показателя устойчивости организма к патогенным влияниям. Keteyian и др. [5] показали, что каждое увеличение удельного МПК на 1 мл сопровождается снижением риска смерти и женщин с ИБС на 15%. Myers и др. [6] отмечают, что увеличение максимальной аэробной способности на 1 МЕТ сопровождается увеличением выживаемости мужчин с сердечно-сосудистыми заболеваниями на 12%. Группа норвежских исследователей [7], обследовав более 4600 практически здоровых мужчин и женщин, отметили, что у женщин МПК/кг массы/мин ниже 35 мл в 5 раз,

а у мужчин ниже 44 мл/кг/мин в 8 раз чаще встречаются факторы риска развития сердечно-сосудистых заболеваний. При этом каждое снижение удельного МПК на 5 мл сопровождается увеличением выраженности и распространенности факторов риска сердечно-сосудистой заболеваемости на 56%.

Еще более убедительными являются результаты исследований американских ученых-сотрудников Центра ветеранов армии США (Вашингтон), показавших зависимость риска смертности от максимальных аэробных возможностей индивида (рис. 2). При выходе индивида за пределы МПК 10-12 МЕТ резко увеличивается смертность [8].

Заключение

Термодинамическая концепция здоровья убедительно доказывает, что люди заболевают и преждевременно умирают от потери здоровья, а ХНИЗ являются следствием выхода энергопотенциала биосистемы за пределы, обусловленные эволюцией (больше здоровья — меньше болезни, и наоборот). **Становится актуальной проблема формирования новой парадигмы здравоохранения** (10, 11, 12, 13). Суть ее заключается в преимущественном переходе от дорогостоящей, но не оправдавшей себя с точки зрения сохранения здоровья популяции «Концепции постоянного совершенствования медицинской помощи населению» к «Концепции мониторинга, воспроизводства, сохранения и укрепления здоровья населения». При этом оздоровление (поддержка энергопотенциала в пределах безопасной зоны здоровья) должно осуществляться постоянно, а лечение при необходимости**.** В целях оздоровления населения необходимо в дополнение к «Индустрии болезни» (лечебные учреждения) формирование «Индустрии здоровья». «Индустрия здоровья» предполагает разработку целой серии мер, способствующих оптимизации двигательной активности населения (насыщение информационного пространства соответствующими материалами, подготовка медицинского персонала в области «управления» здоровьем, создание физкультурно-оздоровительной инфраструктуры, туристско-рекреационных кластеров и пр.). В качестве критерия необходимости вовлечения индивида в сферу «Индустрии здоровья», а также эффективности указанных мероприятий –уровень здоровья, определяемый по нашей методике.

Неизбежность новой стратегии здравоохранения определяется ещё и тем, что перед человечеством стоит эволюционная катастрофа – биологическая деградация вида Homo Sapiens. Она проявляется популяционным снижением резервов здоровья, эпидемией ХНИЗ, ускоренным темпом старения, снижением репродуктивной функции и психофизических качеств и др. (14). В основе этого явления – популяционное снижение энергопотенциала биосистемы. Ортодоксальными методами медицины эта проблема не решается.

Формирование новой парадигмы здравоохранения требует политического решения, ибо ни один министр-врач, имеющий ортодоксальное медицинское образование и мышление, а также соответствующую психологию, не в состоянии воспринять немедицинское мировоззрение.

На Украине начато формирование «индустрии здоровья» на базе существующей фитнес-индустрии. В 2019 г. под нашим методическим руководством были объединены 23 фитнес-клуба Sport Life г. Киева, в которых занимается 161 000 человек. Для проведения научно-исследовательских работ при одном из фитнес-клубов была создана научно-практическая лаборатория «Центр здоровья и технологий долголетия» Age Free. Была разработана технология обследования лиц, которые занимаются в клубах физическими упражнениями, с выдачей им на руки «Карты здоровья» с результатами обследования и рекомендациями по оздоровлению (двигательная активность, питание, характер отдыха и др.). Деятельность лаборатории широко представлена в Интернете.

При достаточном развитии «индустрии здоровья» роль «индустрии болезни» в системе здравоохранения будет постепенно уменьшаться, но сохранится, занимая своё место в области оказания медицинской помощи лицам пожилого и старческого возраста, при травмах, инфекциях, генетических заболеваниях и пр. Нам представляется, что новый формат системы здравоохранения будет более экономичен, гуманен и эффективен. И переход на этот формат неизбежен.

Список литературы

1. Бауэр Э. Теоретическая биология. – Л.: ВИЭМ.1936.
2. Schrodinger E. What is life? The physical aspect of the living cell. – Cambridge Univ. Press, 1944.
3. Апанасенко Г.Л. Эпидемия хронических неинфекционных заболеваний: стратегия выживания. – Saarbrucken: Lambert Acad. Publ., 2014.
4. Spear B.B., Heath-Chiozzi M., Huff J. Clinical application of pharmacogenetics // Trends in Molecular Medicine. 2001. – Vol. 7. – P. 201–204.
5. Keteyian S.J., Brawner C.A., Savage P.D. et al. Peak aerobic capacity predicts prognosis in patients with coronary heart disease // Am. Heart J. 2008. – Vol. 156, N 2. – P. 292–300.
6. Myers J. Cardiology patient pages. Exercise and cardiovascular health // Circulation. 2003. – Vol. 107. – P. 2–5.
7. Aspenes S.T., Nilsen T.I.L., Skaug E.A., Bertheussen G.F., Ellingsen K., Vatten L., Wislkff U. Peak Oxygen Uptake and Cardiovascular Risk Factors s in 4631 Healthy Women and Men // Med. Sci. Sports Exerc. 2011. – Vol. 43, N 8. – P. 1465- 1473.
8. Booth F.W., Roberts C.K., Laye M.J. Lack of exercise is a major cause of chronic diseases // Compr. Physiol. 2012. – N 2. – P. 1143–1211.
9. Osthus I.B., Sgura A., Berardinelli F., Alsnes I.V., Bronstad E., Rehn T., Stobakk P.K., Hatle H., Wisloff U., Nauman J. Telomere length and long-term endurance exercise: does exercise training affect biological age? A pilot study // PLOS. One. 2012. – Vol. 7, N 12.
10. Apanasenko G.L. Individual Health: In Search of Essence and Measurement Criteria. // Int. J. of Res. Studies in Medical and Health Science. 2019. – Vol. 4, N 6. – P. 6–9.
11. Apanasenko G.L. How to stop the epidemic of chronic noninfectious diseases // Int. J. of Res. Studies in Medical and Health Science. 2019. – Vol. 4, N 6. – P. 13–16.
12. Apanasenko G.L. Laws of thermodynamics and public health // Archives of nutrition and public health. 2019. – Vol. 1, N 2.

13. Apanasenko G.L. Laws of thermodynamics and strategy of healthcare // Advanced Nursing and Patient Care International Journal. 2020. – Vol, 3, N 1.
14. Апанасенко Г.Л., Гаврилюк В.А. Биологическая деградация вида Homo Sapiens: причины и пути противодействия. – Saarbrucken: Lambert Acad. Publ., 2014. – 110 с.

Аристова М.А.,
Кузнецова Р.С.,
Костина Н.В.,
Лазарева Н.В.,
Розенберг Г.С.[1]

ЗДОРОВЬЕ СРЕДЫ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ: МОДЕЛИ, ПРОГНОЗ, РИСКИ

Ключевые слова*: Волжский бассейн, региональное устойчивое развитие, валовой внутренний продукт, инновации.*

Keywords*: Volga river basin, regional sustainable development, Gross Domestic Product, innovation.*

Болезни излечивает природа, врач только помогает ей.
Гиппократ (ок. 460 г. до н. э. – 370 г. до н. э.)
древнегреческий целитель, врач («отец медицины»), философ.

Здоровье населения – это более или менее понятно (хотя и здесь можно найти много разных определений: от «состояние общества, противоположное болезненному», до «здоровье людей, живущих на определенной территории»). А вот *здоровье среды* – это сравнительно новое понятие. Само сочетание слов уже звучит необычно и интригующе. У нас в стране первым пропагандировать и вести исследования по «здоровью среды» начал В.М. Захаров[2]. «В более узком смысле, по прямому назначению, здоровье среды означает её состояние (качество), необходимое для обеспечения здоровья человека и других видов живых существ. Оно включает два аспекта:

- обеспечение окружающей природной среды, благоприятной для здоровья человека как биологического организма (это соответствует широко распространенному сейчас термину *environmental health*);
- поддержание здоровья самой природной среды, то есть составляющих её видов живых существ (это соответствует термину *health of environment*)»[3].

Таким образом, концепция здоровья среды направлена на оценку качества окружающей среды по степени ответных реакций составляющих её организмов. При этом *интегральной характеристикой* состояния живых организмов является способность поддержания всех основных функций организма на оптимальном уровне, т. е. *способность сохранения гомеостаза*. Не вдаваясь здесь в глубинную историю вопроса о соотношении здоровья и качества окружающей нас природы (согласно данным Всемирной организации здравоохранения [ВОЗ], вклад состояния окружающей среды в здоровье населения в среднем составляет 18–22%; при этом наибольший вклад [50–52%] вносит образ жизни [национальные особенности, привычки и т.п.]; вклад биологического фактора [генетика] оценивается в 20-22%, а роль медицины – в 7–12%), заметим, что эпиграф, приведенный выше, свидетельствует о том, что уже древние греки чувствовали и понимали эту связь.

По существующим представлениям между традиционной и экологической медициной имеются определенные различия (табл. 1). К тому же, с точки зрения врачебного подхода, традиционная медицина направлена, главным образом, на идентификацию и лечение специфических острых заболеваний или симптомов хронических заболеваний. При этом процесс диагностики и лечения имеет следующую последовательность:

- сбор анамнеза (совокупность сведений, получаемых при медицинском обследовании путём расспроса самого обследуемого и/или знающих его лиц) заболевания;
- физическое обследование пациента;
- лабораторные и инструментальные исследования;
- формулирование диагноза заболевания;
- лечение заболевания: медикаментозная терапия, хирургическое вмешательство, радиотерапия, психотерапия и пр.

---

[1] Аристова Маргарита Алексеевна – н.с., Институт экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти, Кузнецова Разина Саитнасимовна – к.б.н., н.с. Институт экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти, Костина Наталья Викторовна – д.б.н., зав. лабораторией, Институт экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти, Лазарева Наталья Владимировна – д.м.н., профессор, Институт экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти, Розенберг Геннадий Самуилович – д.б.н., член-корреспондент РАН, гл.н.с., Институт экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти.

[2] Захаров В.М. Здоровье среды: концепция. – М.: Центр экологической политики России, 2000. – 30 с.; Захаров В.М., Чубинишвили А.Т., Дмитриев С.Г. и др. Здоровье среды: практика оценки. – М.: Изд. Центра экол. политики России, 2000б. – 318 с. – Захаров В.М., Смуров А.В. Концепция здоровья среды: история и перспективы развития (основные вехи) // Жизнь Земли. 2018. – Т. 40, № 2. – С. 152–157.

[3] Захаров В.М. Здоровье среды: концепция. – М.: Центр экологической политики России, 2000. – С. 13.

Таблица 1

Основные различия между традиционной и экологической медициной

Факторы	Медицина	
	традиционная	экологическая
Понятие о здоровье человека	Расценивает здоровое состояние организма при отсутствии диагностируемого заболевания.	Определяет здоровое состояние организма только в условиях оптимального функционирования органов и систем.
Подход	Недостаточная индивидуальная направленность.	Учет биохимической, иммунологической индивидуальности пациента.
Влияние окружающей среды	Недоучет влияния экологических факторов.	Учет влияния ксенобиотиков, физических факторов и пр.
Лечение	Использование унифицированных схем лечения.	Строго индивидуализированное лечение.

Специалисты в области экологической медицины должны идентифицировать хронические состояния с учетом и устранением причин, которые их могли вызвать. Алгоритм действия врача на первых порах такой же, но затем последовательность его действий отличается:

- собирается анамнез заболевания (хронологически с момента рождения);
- выясняются важнейшие сопутствующие развитию заболевания факторы (генетические, стрессовые);
- уточняется роль активаторов процесса: возможность действия ксенобиотиков, вирусов, бактерий, грибов, аллергенов, физических и социальных факторов и др.;
- выясняется возможная роль медиаторов патологических процессов (например, свободных радикалов);
- проводится комплексное функционально-лабораторное исследование;
- устраняется влияние токсинов;
- проводится коррекция иммунной системы организма, дисфункциональной активности органов и систем (например, желудочно-кишечного тракта и др.);
- даются рекомендации по экологически правильному образу жизни.

Надо сказать, что анализ экологически обусловленной патологии урбанизированных территорий осложняется:

- существенными колебаниями интенсивности влияния экологических факторов на ограниченных территориях (промышленные зоны);
- высокой миграционной активностью жителей в пределах города, сочетанием воздействия профессиональных вредностей и загрязнения селитебной зоны;
- наличием многокомпонентного загрязнения среды, нередко с разнонаправленным действием отдельных факторов;
- недостаточной информацией о кумулятивных эффектах и проявлениях воздействия низких доз большинства поллютантов.

Этот далеко не полный перечень приводится лишь для иллюстрации тех трудностей, которые возникают при анализе заболеваемости с экологических позиций – установление тех или иных её особенностей в большинстве случаев – *лишь повод для серьезного исследования*. Ряд трудностей в анализе заболеваемости может быть устранен при сравнении таковой у детского и взрослого населения. Наконец, можно привести соображения сугубо экологического плана. Человек находится на вершине трофической пирамиды и выступает в качестве хищника самого высокого порядка. А так как антропогенные воздействия в первую очередь «выбивают» верхние этажи трофической пирамиды, то состояние здоровья человеческой популяции может быть приемлемым индикатором качества окружающей среды.

Таким образом, концепция здоровья среды предполагает развитие нового отношения к окружающей природной среде, согласующегося с формирующимся сейчас в обществе новым этическим подходом: окружающая природная среда не только должна обеспечивать нас необходимыми ресурсами, но и быть здорова для обеспечения как длительного благополучного существования живой природы, так и для здоровья населения. Оценку здоровья среды можно проводить по способности к поддержанию всех функций организмов на необходимом уровне – гомеостазу. При этом могут быть полезны биоиндикация, биотестирование, токсикологический контроль, биосенсоры и биомаркеры, анализ гормональных нарушений и многое другое.

Природные очаги опасных инфекционных болезней представляют реальную биологическую угрозу для здоровья людей, а эпидемиологическая дифференциация этих территорий является важным звеном в системе мероприятий по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения[1]. В качестве примере «сочетания» здоровья населения и здоровья среды рассмотрим распространение геморрагической лихорадки с почечным синдромом (ГЛПС) в Самарской области[2], значительная часть территории которой расположена в Волжско-Уральской очаговой зоне этого довольно опасного вирусного заболевания. Так, по данным Роспотребнадзора в Российской Федерации за 2014 г. отмечено 43 летальных исхода от ГЛПС[3]. В Самарской области в отдельные годы регистрируется по 1–2 летальных случая. В основном ГЛПС заболевает взрослое население и чаще мужчины трудоспособного возраста (16–50 лет).

[1] Онищенко Г.Г., Попова А.Ю., Топорков В.П., Смоленский В.Ю. и др. Современные угрозы и вызовы в области биологической безопасности и стратегия противодействия // Пробл. особо опасных инфекций. 2015. – № 3. – С. 5–9.

[2] Кузнецова Р.С. Заболеваемость населения геморрагической лихорадкой с почечным синдромом на территории Самарской области // Карельский науч. журн. 2016. – Т. 5, № 3 (16). – С. 63–65.

[3] Государственный доклад о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2014 году. – М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2015. – 206 с.

Резервуаром возбудителя этого заболевания и основным его переносчиком являются мышевидные грызуны. На территории Самарской области основную долю инфицированных возбудителем ГЛПС грызунов составляет рыжая полевка. Инфекция между грызунами легко передается через дыхательные пути и выделяется с их испражнениями. Человек может заразиться при вдыхании высохших испражнений, при соприкосновении с грызунами или инфицированными предметами, при проведении сельскохозяйственных работ или работ на дачных участках. Возможно заражение при употреблении продуктов, которые были загрязнены животными и не подвергались термической обработке.

По эпизоотическим обследованиям, которые проводит «Центр гигиены и эпидемиологии по Самарской области» на своих стационарных пунктах наблюдения, весенняя численность грызунов, как правило, превосходит осеннюю. В отдельные годы, когда в общей численности доминирует рыжая полевка (*Myodes glareolus*), – основной резервуар вируса инфекции на территории области – регистрируется и высокий уровень заболеваемости населения. Так, например, в 2008 г. индекс доминирования рыжей полевки возрос в 1,8 раза в сравнении с осенью 2007 г.[1], а осенью 2012 г. превысил средний многолетний уровень на 20%[2]. На рис. 1 видно, что соответственно в эти годы повышался и уровень заболеваемости населения.

Вспышки численности грызунов зависят от многих факторов[3], среди которых немаловажным является обилие кормовой базы. На рис. 1 видно, что уровни заболеваемости городского и сельского населения чаще всего изменяются синхронно. Но в период с 2004-2006 гг. произошел некий «сбой». Видно, что при снижении уровня заболеваемости городского населения, уровень заболеваемости сельского остается высоким. По данным исследований в Жигулевском заповеднике в 2004 и 2006 гг. не наблюдалось обилия численности мышевидных грызунов. В 2005 г. осенняя численность заметно превосходила весеннюю, но не превышала средних многолетних ее значений[4]. И, как следствие, именно в эти три года заболеваемость в г. Жигулевске была заметно ниже среднего многолетнего показателя. Примерно такие же соотношения данных по численности мелких грызунов были получены и «Центром гигиены и эпидемиологии». В связи с этим можно предположить, что повышенный уровень заболеваемости сельского населения был обусловлен сельскохозяйственными полевыми работами, во время которых происходят потери семян, что создает дополнительную кормовую базу грызунам[5].

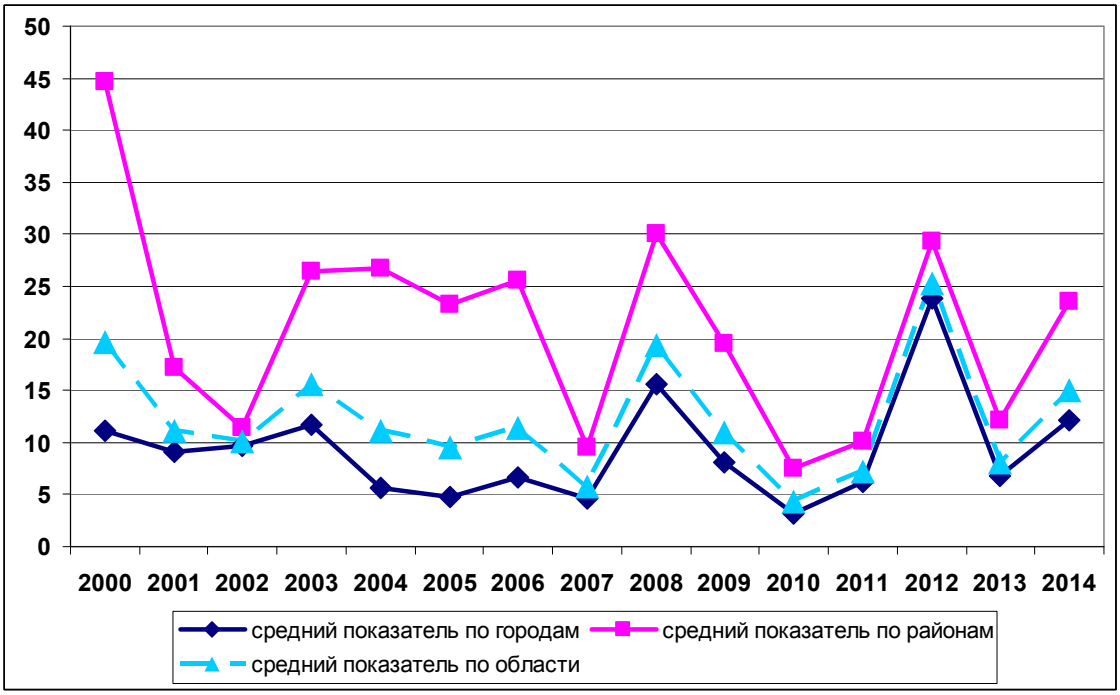

Рисунок 1.
Динамика заболеваемости ГЛПС в муниципальных субъектах Самарской области, показатель на 100 тыс. населения

[1] Государственный доклад «О санитарно-эпидемиологической обстановке в Самарской области в 2008 году». – Самара: Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Самарской области, 2009. – 232 с.

[2] Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия в Самарской области в 2012 году». – Самара: Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Самарской области, 2013. – 221 с.

[3] Симак С.В., Бабаев Т.О. Зависимость зараженности мелких млекопитающих Самарской Луки природно-очаговыми инфекциями // Материалы X международной научной конференции. – Самара: Самарская государственная областная академия (Наяновой), 2014. – Т. 1. – С. 140–148.

[4] Лифиренко Н.Г., Костина Н.В. К оценке возможного влияния климата на эпидемический процесс // Изв. Самарского НЦ РАН. 2008. – Т. 10, № 2. – С. 333–339.

[5] Кузнецова Р.С., Зуева О.Г. Природно-очаговая заболеваемость на территории Самарской области // Изв. Самарского НЦ РАН. 2015. – Т. 17, № 4–1. – С. 258–268.

Заболевание ГЛПС имеет ярко выраженный сезонный характер. В большинстве регионов с января по май в период сокращения численности грызунов, заболевание почти не регистрируется[1]. В Самарской области сезонность данного заболевания имеет свои особенности. Пик заболеваемости здесь приходится на осенне-зимний период, с октября по январь, иногда и февраль.

Средний многолетний показатель заболеваемости ГЛПС в городах области составляет 9,27 на 100 тыс. населения. Единичные случаи заболевания (и не каждый год) регистрируются в гг. Сызрань и Октябрьск. Среднемноголетний показатель в г. Тольятти в 2,3 раза ниже среднемноголетнего по городам. Лесопарковую зону, прилегающую к г. Самара, выделяют как городской очаг заболеваемости ГЛПС, и количество случаев заболевания здесь почти ежегодно самое высокое, но показатель, рассчитанный на 100 тыс. населения чуть выше среднего значения и составляет 10,03. Очевидно, если его рассчитать только на население прилегающих к лесопарковой зоне районов, он был бы гораздо выше. В г. Отрадном, который расположен в лесостепной очаговой зоне, средний многолетний показатель в 3 раза выше среднемноголетнего по городам области. Самый высокий показатель почти ежегодно регистрируется в г. Жигулевске, который расположен в лесном очаге на территории Национального парка «Самарская Лука». Средний многолетний показатель здесь составляет 63,04 на 100 тыс. населения, что почти в 7 раз выше среднего показателя по городам и в 5 раз выше среднемноголетнего по области.

Таким образом, можно констатировать, что на территории Самарской области выделяется 3 эпидемически активных очага: лесной – территория Национального парка «Самарская Лука»[2]; лесостепной – северо-восточная часть территории области; городской – лесопарковая зона, прилегающая к г. Самара. Практически ежегодно уровень заболевания ГЛПС в области превышает уровень заболеваемости по РФ. В общем числе случаев заболевания ГЛПС чаще болеет городское население, но уровень заболеваемости, рассчитанный на 100 тыс. населения выше среди сельских жителей. В гг. Жигулевске, Отрадном и 9-ти из 27-ми муниципальных районов уровень заболеваемости многократно превышает средний многолетний уровень в целом по области.

«Таким образом, в настоящее время отмечается: расширение ареала распространения ГЛПС; недостаточное проведение агротехнических мероприятий и благоустройства населенных пунктов и отдельных учреждений, что приводит к формированию очагов ГЛПС; недостаточная организация клинической диагностики и как следствие — неадекватное лечение и отсутствие регистрации случаев инфекции; отсутствие на ряде территорий страны зоологического мониторинга и анализа иммунной структуры населения, что приводит к неправильной оценке распространения инфекции и несвоевременному принятию мер; недостаточное оказание практической помощи со стороны Центров индикации возбудителей и диагностики опасных инфекционных болезней при организации и проведении лабораторных исследований в прикрепленных субъектах; недостаточно активная работа с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и с населением»[3]. К этому можно добавить (в рамках зоологического мониторинга), что при всей важности проведения оценки качества среды на всех уровнях, с применением различных подходов (включая физические, химические, социальные и др. аспекты), приоритетной представляется именно биологическая оценка. «Наиболее простым объяснением этому может быть то, что именно состояние, самочувствие различных видов живых существ и самого человека является ключевым моментом и в конечном счете волнует всех нас в наибольшей степени»[4]. Отсюда следует, что организация контроля за экологическими изменениями посредством мониторинга здоровья среды как системы раннего предупреждения, выявляющей даже начальные изменения в состоянии живых существ разных видов до их исчезновения с рассматриваемой территории, представляется особенно перспективной.

[1] Бернштейн А.Д., Апекина Н.С., Коротков Ю.С., Демина В.Т., Хворенков А.В. Геморрагическая лихорадка с почечным синдромом: экологические предпосылки активизации европейских лесных очагов // Сборник материалов международного семинара «Изменения климата и здоровья населения России в XXI веке». – М.: АдамантЪ, 2004. – 260 с.

[2] Симак С.В., Симак Т.Г. Значение мелких млекопитающих Самарской Луки в природном очаге геморрагической лихорадки с почечным синдромом // Изв. Самарского НЦ РАН. 2005. – Т. 7, № 1. – С. 252–256.

[3] Онищенко Г.Г., Ежлова Е.Б. Эпидемиологический надзор и профилактика геморрагической лихорадки с почечным синдромом в РФ // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 2013. – № 4. – С. 30.

[4] Захаров В.М., Баранов А.С., Борисов В.И., Валецкий А.В., Кряжева Н.Г., Чистякова Е.К., Чубинишвили А.Т. Здоровье среды: методика оценки. Оценка состояния природных популяций по стабильности развития: методическое руководство для заповедников. – М.: Центр экологической политики России, 2000. – С. 7.

Baghdasaryan K.
Doctor of Economics, associated professor, Scientific secretary, Institute of Economics, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

MECHANISM OF ECONOMIC ASSESSMENT FOR HUMAN HEALTH

Keywords: *human health, actual births, births rate, mortality rate, comparative analysis.*
Ключевые слова*: здоровье человека, рождаемость, смертность, сравнительный анализ.*

As a result of the reforms implemented in the 1990s, economic collapse of Armenia led to a large-scale migration of people in reproductive age and massive impoverishment of population, resulting in decrease of total birth rate that reached its minimum in 2001, after which this indicator recorded very slow growth, quite insufficient for natural reproduction. Another important factor of low birth rate in Armenia is the fact that young people prefer to have only one or two children because of advancement of individualistic values and consumer culture.

Also, it can be assumed that one of the reasons for reduction of actual births is the emergence of «dangerous diseases», and due to both financial and psychological problems, it becomes impossible to save lives. Thus, socially significant diseases, such as malignant neoplasms, continue to occupy primary positions in general mortality structure, showing a tendency of continuous growth year by year.

Data in figure 1 shows that in 1999–2015 the number of patients with malignant neoplasms with confirmed diagnosis for the first time in life and registered at oncological clinics per 100,000 residents started to increase gradually, particularly, in 2014 the growth of absolute number was 54,48% compared to 1999, and the highest figure was recorded in 2014, with an absolute number of 8365 people. Troublesome is also the number of patients under dispensary care at oncological clinics as of the yearend, the absolute growth of which again per 100,000 residents in 2014 was 72.29% as compared to 1999.

It is to be noted that cancer has become the main cause of death in the 21st century, since still no single and absolute method of treatment or medicine has been discovered, that can fight and destroy cancer cells for 100 percent. The growth of agents of this disease year by year and at a frightening rate gives evidence of negative changes occurred in the environment and disruption of the ecosystem, which causes new diseases with no single medical treatment.

If we look at birth and mortality rates for 1990-2015, it will be noticed that death cases were increased along with reduction of birth rate in the 1990s, particularly, in 2015 was recorded the highest mortality rate in the last four years – 27,900.

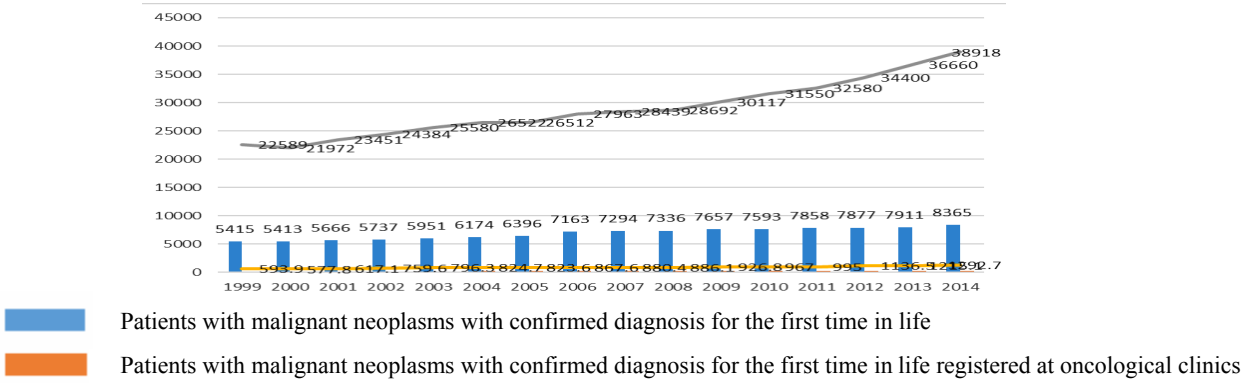

Figure 1.
RA population with malignant neoplasms (per 100.000 residents)[1]

In deaths prevailed the deaths caused by cardiovascular system diseases and malignant neoplasms that accounted for 68.5% of total mortality rate. Reasons for increase of mortality are different, conditioned by growth of cardiovascular, neurological and oncological diseases**)**. As data of table 1 shows, increased cases of heart attack affect mortality of population, one of the causes of which are cardiovascular diseases. Mortality rate due to heart attack was increased by 24.9% in 2015 as compared to 1999 and caused 2393 deaths in 2014. Brain diseases (stroke) were decreased by 11% and caused 2637 deaths in 2015. During the same period, deaths caused by central nervous system diseases were reduced by around 17.4%. Mortality rate of cancer patients is quite frightening, which in 2015 was increased by 60,9% compared to 1990, and the number of agents causing the disease was grown by around 2160. It should be stated that cases of malignant tumor were increased, thus contrib-

[1] Figure 2 has been prepared by the author based on the following web site: http://moh.am/uploadfiles/Health_Health%20Care%20Year%20Book_2015_Arm.pdf

uting to growth of mortality rate in Armenia, in 2014 mortality rate due to malignant tumor was increased by 41,9% as compared to 1999 and caused about 6103 deaths in 2015.

Table 1

Cases of cancer deaths in OECD countries (per 100.000 people, aged 0-69), 2015[1]

Country	Cases of cancer death (aged 0-69)
Australia	191.8
Austria	197.1
Belgium	206.6
Brazil	161.2
Chile	196.3
Costa Rica	168.3
Czech Republic	229.8
Estonia	235
Finland	175.8
France	197.7
Germany	204.8
Hungary	286.3
Ireland	223.4
Israel	179.8
Japan	179
Korea	178.9
Lithuania	229.5
Latvia	221.5
Luxemburg	189.1
Mexico	113.1
The Netherlands	224.3
Norway	196.4

In 2015, as in 2014, males accounted for 51.3% of registered deaths, a slightly higher proportion than females, who accounted for 48.7% of registered deaths. According to official data, 14,302 men and 13,576 women died in 2015.

Comparative analysis of primary classifications of diseases in the CIS countries for 2000-2015 has been conducted, as a result of which it can be concluded that the rate of circulatory diseases in the Republic of Armenia is quite low in comparison with the CIS countries, comprising 127.5 (per 10.000 residents) on average. The same figure is quite high in Belarus, constituting 256.6 (per 10.000 residents) on average, in Russia – 247.2 (per 10.000 residents), in Kazakhstan – 202.4 (per 10.000 residents).

Table 2

RA population mortality per causes, per 100.000 residents, 1999–2015[2]

Mortality causes	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2012	2013	2014	2015
	case, people	case, people	case, people	case, people	case, people	case, people	case, people	case, people	case, people	case, people
Heart attack	1916	2342	2719	2343	2664	2796	2600	2386	2393	2337
Cerebrovascular diseases, stroke	2963	3515	3600	3927	3164	2969	2803	2554	2637	2428
Diseases of the central nervous system	138	180	170	140	143	163	127	104	114	118
Rheumatism in active stage	26	33	47	54	67	56	47	57	44	64
Cancer	3541	3454	3967	4679	5413	5516	5625	5608	5701	6103
Including: malignant diseases	3484	3384	3958	4665	5399	5501	5607	5589	5685	6069

This means that disease rate was increased over the past decade, causing deaths in population of the Republic of Armenia. Already the fact that in the Republic of Armenia disease rate steadily exceeds 900 thousand for two consecutive years gives rise to major concerns.

A system-oriented analysis has been conducted in the paper, aiming to substantiate the environmental factors influencing human health. Based on the urgency of solution of the issues presented, a number of insightful and professional analyzes has been carried out.

Competitive advantages of the research. Many studies have been carried out in this regard, but the project has particularly emphasized the impact of environmental factors as well as socio-economic factors on human health at risk of deteriorating human health and loss of life. The population health assessment of the Republic of Armenia provides an opportunity to characterize the demographic and socio-economic status of the country, as well as the existing problems of population health. They have been assessed separately, which characterize the country's demographic and socio-economic status, as well as population health issues.

[1] http://nih.am/uploads/files/hspa_2015_arm.pdf

[2] Table 5 has been prepared by the author based on the following web site: http://moh.am/uploadfiles/Health_Health%20Care%20Year%20Book_2015_Arm.pdf

Conclusions: A system-oriented analysis has been conducted in the paper, identifying the prerequisites and factors for mitigating the risk of loss of life due to environmental impacts , in particular:

- As a result of the analysis of the environment on human health, it has been established that human health in the Republic of Armenia is conditioned by both socio-economic factors and environmental pollution.
- As a result of the calculation, it has been established that due to the low level of effectiveness of their management, different age groups of the Republic of Armenia are at risk of loss of life, which in turn has a huge impact on the economic, social and demographic development of the RA population.
- In order to calculate the overall indicator of human health deterioration and loss in the Republic of Armenia, socio-economic, demographic and human health factors were considered, which calculated the factors that lead to loss of life.

Expected output: In the 21st century, the development of public relations and the use of modern technologies were, in fact, supposed to contribute to the preservation and improvement of human health, but they in turn gave rise to new diseases that lead to a decline in human life expectancy.

- There are many reasons for the increase in diseases. It is possible that people now turn to doctors more often, or hospitals are more patient in registering patients. The purpose of the paper is not to conduct a health survey to determine the causes of the increase in diseases. However, it is clear that increasing environmental pollution also contributes to the spread of diseases;
- We believe that no medical research can deny this, as there are diseases that are directly attributable to environmental pollution: bronchial asthma, many types of allergies, malignant tumors. And some diseases develop as a result of adverse environmental effects due to the long-term exposure to harmful substances penetrating the body. Or, such as noise, it has a negative impact on people's nervous system, which in turn weakens human immunity;
- Therefore, one of the expected results of the project is that it is necessary to identify in the RA the factors of environmental deterioration and the extent of the damage or illnesses caused by human health, which shorten the life expectancy;
- The discovery of a link between environmental pollution risk in the Republic of Armenia and the risk to the population of the population makes it possible to expect that the magnitude of the risk to the population and the economic damage resulting from it may be estimated in the context of the environment, in the population of which there are incurable diseases which create preconditions for the premature death of man. Therefore, there is a need to develop a mechanism that will subsequently provide safeguards for the restoration of human health and at the same time addressing environmental pollution issues.

References

1. Gevorgyan S., Petrosyan R., Gevorgyan A., Karapetyan A. Fundamentals of Environmental Conservation and Environmental Expertise. – Yerevan, 2011. – 312 p. (translated from Armenian)/
2. Gevorgyan St. et al. Issues of Ecological Safety in the Republic of Armenia. 2014. – 50 p. (translated from Armenian).
3. Hakobyan L. The Economics of Usage: Manual. – Yerevan: AUA, 2014. – 408 p. (translated from Armenian).
4. Armenia, Solid Waste Management and Sector Research. – Yerevan, 2011, – 63 p. (translated from Armenian).
5. Marukhyan R.S., Hovhannisyan N.K. Ecological Management: Textbook. 2009. – 432 p.
6. Акопов В.И., Маслов Е.Н. Право в медицине. – М.: Книга-сервис, 2002. – 352 с.

Егошин С.Ф.
инженер, ЦАГИ им. Н.Е. Жуковского
Клочков В.В.
д.э.н., к.т.н., заместитель генерального директора по стратегическому развитию, НИЦ «Институт им. Н.Е. Жуковского», в.н.с. ИПУ РАН

ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ САНИТАРНОЙ АВИАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

***Ключевые слова**: отдаленные, труднодоступные и малонаселенные регионы, здравоохранение, пространственная структура, высокотехнологичная медицинская помощь, оптимизация, эффективность, санитарная авиация, математическое моделирование.*

Введение

Для Российской Федерации характерна существенная неравномерность пространственного развития: относительно населенная Европейская часть, и малонаселенные Сибирский и Дальневосточный Федеральные округа; около 2/3 территории, относящейся к отдаленным, малонаселенным и труднодоступным регионам (ОТДМР); сложные природно-климатические условия. Наряду с общими процессами «пространственного сжатия» России, деградации населенных пунктов в малонаселенных местностях на протяжении постсоветского периода происходило и сокращение сети медицинских учреждений – по всей стране, и в первую очередь в таких районах. То же самое касалось и образовательных учреждений – закрытие «малокомплектных школ» и всей сопутствующей инфраструктуры (здесь нет смысла уточнять, что было первично, а что вторично – ее исчезновение или деградация самих населенных пунктов). И если вначале, в 1990-е гг., эти процессы происходили стихийно, в силу дефицита ресурсов, то затем, по мере восстановления государственных институтов в Российской Федерации и возрастания финансовых возможностей государства, эти же процессы продолжились уже как управляемые – как планируемая оптимизация сети учреждений здравоохранения.

Отчасти описанные процессы неизбежны и объективно обусловлены. При низкой плотности населения содержание в малонаселенных местностях медицинских учреждений высокого уровня становится дорогостоящим, при относительно малой загрузке – особенно узких специалистов. Фактор высоких затрат усугубляется повышением технологического уровня современной медицины, развитием высокотехнологичной медицинской помощи, которая требует как сложного и дорогостоящего оборудования, так и высококвалифицированных специалистов. Они, в свою очередь, нуждаются как в достойной оплате труда, так и в высоком уровне развития социальной, культурной, бытовой сферы в местах проживания и работы. Обеспечить эти условия, располагая всюду в малонаселенных местностях высокотехнологичные медицинские учреждения, экономически неэффективно и даже невозможно.

Более того, низкая ожидаемая загрузка, в первую очередь узких медицинских специалистов (для которых, при размещении учреждений полного профиля в каждом малом населенном пункте она может составлять порядка нескольких пациентов в год), приводит не только к экономической неэффективности их содержания, но и к их профессиональной деградации. В любой отрасли, где требуется высокая квалификация работников, необходимо учитывать эффекты обучения и забывания накопленного опыта (подробнее см. [6]).

В то же время сокращение плотности сети медицинских учреждений в ряде регионов страны приводит к недопустимому, по современным меркам, снижению качества жизни, что провоцирует дальнейшую деградацию соответствующих местностей и регионов. Запускается механизм положительной обратной связи – но, вопреки названию, отнюдь не с положительными последствиями. Сложившиеся тенденции пространственного развития многих регионов Российской Федерации уже создают угрозу ее национальной безопасности, что осознается высшим руководством страны и отмечается в основополагающих стратегических документах.

Пути разрешения описанного противоречия понятны – это улучшение транспортного обеспечения здравоохранения. Причем, как показывает опыт стран, в которых также имеются обширные ОТДМР (Австралия и Канада, значительная часть Скандинавии, часть территории США и др.), значительную роль играет санитарная авиация. Она выполняет функцию «длинной руки» системы здравоохранения.

Санитарная авиация в России и в мире

Санитарная авиация традиционно рассматривается как средство доставки (медицинской транспортировки), в зависимости от целесообразности

- пациентов, больных или пострадавших – в медицинские учреждения;

• медиков и медицинского оборудования – к нуждающимся пациентам.

При этом санитарные рейсы различаются по пунктам назначения и транспортным задачам (и, соответственно, выполняющим их воздушным судам). Чаще всего решаются задачи

• скоростной доставки пациентов или медиков на большие расстояния (порядка нескольких сотен или тысяч км), в т.ч. между крупными населенными пунктами и аэропортами – для ускорения доставки, поскольку иные средства транспорта (наземные) потребовали бы гораздо большего времени – часто недопустимо большого, поэтому авиация становится практически безальтернативным средством доставки;

• доставки пациентов или медиков в/из труднодоступных районов со слаборазвитой или отсутствующей наземной инфраструктурой (от нескольких десятков до сотен км), где воздушный транспорт является почти безальтернативным (или единственным, который может обеспечить приемлемую скорость медицинской транспортировки и другие необходимые условия);

• экстренной доставки в пределах городских агломераций с плотной застройкой, развитой сетью различных дорог – которые, впрочем, могут быть загружены, и необходимую оперативность доставки может обеспечить только санитарная авиация (причем при выполнении всех требований к безопасности полетов данный вид перевозок будет и более безопасным для пациентов).

Если первая группа задач решается скоростными воздушными судами, в т.ч. реактивными самолетами, то вторая – как правило, вертолетами или самолетами короткого взлета и посадки, третья – исключительно вертолетами.

На конец 2017 года около 2500 вертолетов в мире использовались в санитарной авиации. Около 30% вертолетов были легкими однодвигательными, 55% – легкими двухдвигательными, 15% – средние и тяжелые вертолеты. Около 1250 вертолетов эксплуатируются в США, причем, 53% из них однодвигательные, 47% – двухдвигательные, преимущественно легкие. В Европе эксплуатируется около 35% вертолетов мирового парка санитарной авиации, причем практически все являются двухдвигательными. В остальном мире вертолетов санитарной авиации крайне мало и во многих странах они и вовсе не эксплуатируются (см. [15]).

В 2015 году около 60% вертолетов санитарной авиации в мире производилось компанией Airbus Helicopters [1514]. Наиболее перспективными рынками вертолетов санитарной авиации по данным этого источника являются Китай, Индия, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Восточной Европы.

На текущий момент в странах Европы со сформировавшимися рынками на 1 млн. жителей приходится 1,5–2 вертолета санитарной (ВС) авиации. Однако, по данным специально созданной Национальной службы санитарной авиации НССА, на дежурстве в России находится всего 111 вертолетов (менее 1 вертолета на 1 млн. чел.) [14]. Учитывая низкую плотность населения и протяженность территории РФ по сравнению с европейскими странами, для поддержания аналогичного качества медицинских услуг требуется в несколько раз больше ВС в расчете на 1 млн. чел. Так, в северной Европе, в Скандинавии эта пропорция составляет более 2 вертолетов на 1 млн. чел., а в Швейцарии – относительно компактной стране, но со сложным горным рельефом – около 3,5 вертолетов на 1 млн. чел., в Австрии – около 3 вертолетов на 1 млн. чел. (см. [3]). В США и Канаде, согласно тому же источнику, эксплуатируется свыше 1200 ВС санитарной авиации. При активном освоении ОТДМР в среднесрочной перспективе может потребоваться порядка нескольких сотен подобных ВС.

Задачи оптимального управления развитием санитарной авиации и пространственной организации здравоохранения

Как показано в работах отечественных специалистов [2, 4], отечественная система санитарной авиации пока не строится оптимальным с формальной точки зрения образом, тогда как в работах зарубежных ученых и специалистов-практиков ее оптимальной организации уделяется значительное внимание. Например, ставятся задачи оптимизации размещения вертолетных площадок и воздушных судов на территориях конкретных стран со сложившейся, весьма густой сетью медицинских учреждений, в т.ч. высокотехнологичных [8, 11]. В ряде работ [7, 9, 9] уже затрагиваются вопросы взаимной оптимизации размещения пунктов экстренной медицинской помощи и обслуживающей авиационной системы. Здесь же предлагается ставить и решать более общую задачу, более высокого уровня.

В силу экономико-географической специфики Российской Федерации оптимальная, да и просто допустимая пространственная организация здравоохранения в нашей стране будет отличаться от таковой в странах Западной и Центральной Европы и т.п. Более корректно и продуктивно рассматривать санитарную авиацию не как обособленную структуру, а как часть, подсистему системы здравоохранения страны. В упрощенной постановке обобщающим критерием эффективности последней можно считать потребную сумму затрат на здравоохранение (как из государственного бюджета, так и из средств граждан и страховых фондов) при соблюдении заданного уровня обеспечения здоровья населения, или, по крайней мере, заданного уровня качества медицинского обслуживания (включая оперативность медицинской помощи). Тогда наличие и развитие санитарной авиации позволяет не только сократить длительность (и, тем более, стоимость) доставки пациентов и медиков, но – на долгосрочных интервалах – оптимизировать саму пространственную организацию национальной системы здравоохранения. Ускорение доставки позволяет организовать ее (при соблюдении ограничений, обусловленных медицинскими соображениями), при прочих равных условиях, на большее расстояние. Санитарная авиация, с экономической точки зрения, увеличивает эффективный охват территории (при соблюдении ограничений на длительность доставки пациентов или медиков) медицинскими учреждениями. Это, как правило, позволяет укрупнять их без ущерба для качества медицинского обслуживания, повысить эффективность работы учреждений, использования дефицитного оборудования и квалифицированных специалистов, включая относительно редко востребованных, в малонаселенных регионах и странах мира. Данный тезис подтверждается опытом

организации здравоохранения в таких странах как Австралия, Канада, страны Скандинавии и т.п., в которых далеко не везде организованы полноценные многопрофильные высокотехнологичные медицинские учреждения (что невозможно даже в наиболее экономически развитых странах мира), зато службы санитарной авиации играют существенную роль и являются весьма развитыми.

Соответственно, интегральный эффект от организации службы санитарной авиации, а также от ее технологического совершенствования (при появлении более экономичных и/или скоростных воздушных судов), следует измерять не сокращением длительности доставки пациентов и медиков (и соответствующих потерь) или стоимости доставки при заданной длительности, а именно сокращением суммарных затрат на функционирование системы здравоохранения (при соблюдении ограничений на качество медицинского обслуживания), достигаемым благодаря описанной выше оптимизации ее пространственной организации. При этом возможна ситуация, когда совокупные (в целом по стране) затраты на доставку пациентов или медиков даже возрастут, и, по сравнению с исходной ситуацией, весьма существенно. Но это будет оправдано сокращением стоимости создания и поддержания сети медицинских учреждений (при соблюдении заданных стандартов качества медицинской помощи, или даже при повышении качества).

Также следует подчеркнуть, что при оценке эффекта от развития авиационных технологий в рамках предлагаемого подхода может использоваться неявное допущение о том, что до внедрения авиации работа соответствующей отрасли-«клиента» уже была организована оптимальным образом (по крайней мере, в рамках доступных технологических возможностей), и, разумеется, допустимым образом. Т.е., например, в случае системы здравоохранения предполагается, что уже имеющиеся средства доставки пациентов и медиков вкупе с текущим пространственным размещением медицинских учреждений обеспечивают выполнение ограничений на длительность доставки, обусловленных медицинскими соображениями. Однако в реальности во многих регионах России такие оптимистические допущения не выполняются – не только в части оптимальности, но даже и в части допустимости.

Так, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации по развитию санитарной авиации (пп. «в» п.1 04.08.2017 №Пр-1521), перед НССА ставилась задача повысить долю пациентов, доставленных в медицинское учреждение в течение первых суток, с 67,1% в 2017 г. до 90,0% уже к 2020 г. Однако для многих видов заболеваний, тем более травм, и такой норматив длительности доставки недопустимо велик[1]. С другой стороны, нынешнее положение дел в значительной степени сложилось по причине сокращения сети первичных медицинских учреждений, особенно в малонаселенных местностях (причем, не обязательно в ОТДМР – это касается и сельской местности регионов средней полосы Европейской части России) – поликлиник и больниц, фельдшерско-акушерских пунктов и т.п. Это сокращение было вызвано ужесточением ресурсных ограничений национальной системы здравоохранения, в т.ч. при переходе к рыночным условиям, в которых развитие и даже выживание малонаселенных регионов в принципе затруднено или даже невозможно. Таким образом, создание и развитие службы санитарной авиации в современной России с учетом территориальной «привязки» призвано не просто повысить эффективность функционирования национальной системы здравоохранения (т.е. улучшить значение целевой функции), но, прежде всего, ввести ее функционирование в допустимые рамки с точки зрения «покрытия» территории современной медицинской помощью при обеспечении необходимой оперативности ее оказания.

При этом постановка задачи оптимизации пространственной организации сети медицинских учреждений разного уровня в долгосрочной перспективе правомерна и реалистична еще и потому, что такую сеть – особенно в части высокотехнологичной медицинской помощи – в России предстоит создавать во многом заново, «с чистого листа» (в современной российской терминологии – greenfield). Причем данный факт касается и строительства самих учреждений, и их насыщения медицинским оборудованием, и подготовки квалифицированного персонала. Т.е. это задачи стратегического управления с горизонтом планирования не менее 10–15 лет.

Математическая модель пространственной организации здравоохранения и системы санитарной авиации

Если решается государственная задача по организации качественного медицинского обслуживания населения страны, важность заблаговременного планирования развития и оптимизации территориальной службы санитарной авиации вкупе с новыми медицинскими учреждениями можно продемонстрировать на основе представляемой ниже математической модели перспективной высокоэффективной санитарно-спасательной интегрированной авиационной системы (ИАС).

Пусть в столице рассматриваемого субъекта РФ площадью $S_{РЕГ}$ и населением $N_{НАСЕЛ}$ существует широкопрофильная больница, в непосредственной близости от нее функционирует вертодром санитарной авиации. Территория, обслуживаемая этой больницей при поддержке вертолетов, является кругом площадью $S_{БОЛ}$ и радиусом R, центр которого совпадает с больницей и вертодромом. В пределах этого круга равномерно расположены вертолетные площадки в количестве $N_{ПЛ}$. Строго говоря, радиус круга R не может превышать радиуса действия вертолетов.

[1] Примечательно, что в докладе зарубежных специалистов [3] прямо указано, что эти нормативы, в свою очередь, также являются предметом оптимизации по некоторым общесистемным критериям, с учетом потерь от несвоевременного оказания медицинской помощи. И если, например, менее скоростная, но более дешевая медицинская транспортировка наземным транспортом имеет «низкую» стоимость, то задержка в доставке приводит уже к более «высоким» затратам на лечение (или потерям из-за упущенного времени, для ряда заболеваний и травм – летальным). Напротив, скоростная воздушная транспортировка требует «средних» затрат, но ведет и к «средним» затратам на последующее лечение, или «средним» ожидаемым потерям.

Обслуживание территории $S_{БОЛ}$ с одного вертодрома производится следующим образом. В начале смены с вертодрома дежурные бригады медиков на вертолетах перелетают на вертолетные площадки для суточного дежурства, по одному на каждую площадку, и возвращаются обратно для смены бригады. Еще один вертолет остается дежурить на вертодроме. При возникновении экстренного случая вертолет вылетает за пострадавшим, эвакуирует его в больницу и возвращается обратно на площадку дежурства. Резервирование некоторого количества вертолетов на случаи неисправностей, проведения планового и ремонтного обслуживания и пр. здесь для упрощения не учитывается.

Территория, обслуживаемая одним вертолетом с вертолетной площадки, также является кругом, площадью $S_{ПЛ}$ и радиусом r. Схематично геометрическая модель территории и зон обслуживания показана на рис. 1.

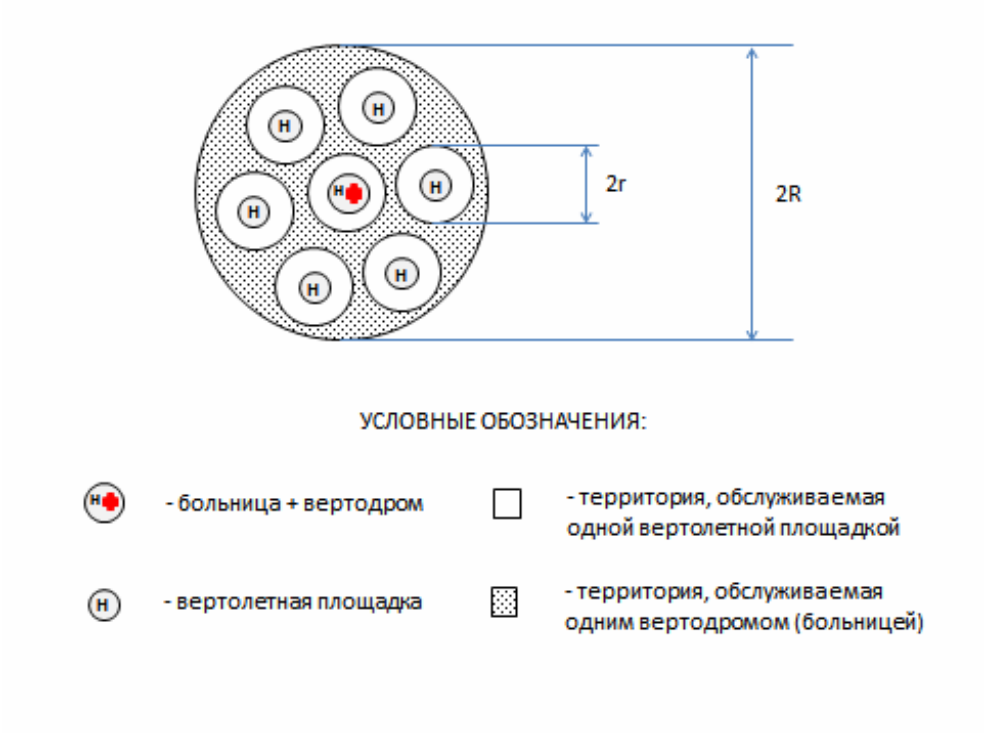

Рисунок 11.
Геометрическая модель разбиения территории, обслуживаемой ИАС

Здесь и далее будем условно считать (хотя, безусловно, геометрически это не вполне корректно, но модель является весьма приближенной), что круг зоны обслуживания одной больницей поделен на равные круговые зоны обслуживания вертолетными площадками так, что:

$$S_{БОЛ} = S_{ПЛ}(N_{ПЛ}+1),\ S_{ПЛ} = \pi r^2,\ S_{БОЛ} = \pi R^2$$

Наличие в формуле слагаемого «+1» означает, что ближайшая к больнице территория обслуживается, как было сказано выше, вертолетом непосредственно с вертодрома.

Будем считать, что на территории субъекта может потребоваться строительство нескольких дополнительных больниц в количестве $N_{БОЛ}$ именно с целью улучшения качества обслуживания населения. Возможности для обслуживания пациентов в этих больницах (в т.ч. их специализация и профиль) будут соответствовать имеющейся больнице в столице региона, равно как и обслуживание территории будет производиться по прежней схеме: для каждого медицинского учреждения будет построен вертодром и $N_{ПЛ}$ дежурных вертолетных площадок. Будем условно считать, что территория субъекта при этом полностью покрывается несколькими «кругами»:

$$S_{РЕГ} = S_{БОЛ}(N_{БОЛ}+1)$$

Приведенная к суткам стоимость функционирования ИАС $c_{СТОИМ}^{день}$ будет складываться из **стоимостей функционирования:**

– больниц $c_{БОЛ}$ в количестве $(N_{БОЛ}+1)$,

– вертодромов $c_{ВЕРТ}$ в количестве $(N_{БОЛ}+1)$,

– вертолетных площадок $c_{ПЛ}$ в количестве $(N_{БОЛ}+1)N_{ПЛ}$,

– эксплуатации вертолетов $c_{Л.Ч.} \times T_{НАЛ}$ (произведение стоимости летного часа $c_{Л.Ч.}$ на средний налет $T_{НАЛ}$) при количестве вертолетов $(N_{БОЛ}+1)\times(N_{ПЛ}+1)$,

а также **стоимостей строительства**, отнесенных к среднему периоду эксплуатации до капитального ремонта (параметр *T* с соответствующим индексом):

–больниц $\frac{C_{БОЛ}}{T_{БОЛ}}$ в количестве $N_{БОЛ}$,

– вертодромов $\frac{C_{ВЕРТ}}{T_{ВЕРТ}}$ в количестве $N_{БОЛ}$,

– вертолетных площадок $\frac{C_{ПЛ}}{T_{ПЛ}}$ в количестве $(N_{БОЛ}+1)N_{ПЛ}$:

$$c_{СТОИМ}^{\ день} = \frac{1}{365}\Big((c_{БОЛ}+c_{ВЕРТ})\times(N_{БОЛ}+1)+ + (c_{ПЛ}+c_{Л.Ч.}(T_{НАЛ})\times T_{НАЛ})\times(N_{БОЛ}+1)\times(N_{ПЛ}+1)+ + (\frac{C_{БОЛ}}{T_{БОЛ}}+\frac{C_{ВЕРТ}}{T_{ВЕРТ}})\times N_{БОЛ}+\frac{C_{ПЛ}}{T_{ПЛ}}(N_{БОЛ}+1)\times N_{ПЛ}\Big)$$

Множитель 1/365 означает, что все временны́е величины в формуле задаются в годовом исчислении, а затем общая сумма делится на количество дней в году.

Отдельного уточнения требует годовой налет $T_{НАЛ}$ одного вертолета, который есть сумма ежедневных перелетов на дежурство, выполняемых «туда-обратно» на среднее расстояние $\frac{R}{2}$, и вылетов по вызовам: вылет к пострадавшему (среднее расстояние $\frac{r}{2}$), эвакуация пострадавшего в больницу (расстояние $\frac{R}{2}$) и возврат на дежурство ($\frac{R}{2}$). Количество вылетов по вызовам есть произведение численности населения $N_{ОБСЛ}$, проживающего на площади $S_{ПЛ}$, на среднестатистическое количество вылетов в год в расчете на одного человека $\tilde{n}_0$:

$$T_{НАЛ} = 365\times 2\frac{R/2}{V}+N_{ОБСЛ}\times\tilde{n}_0\times(\frac{r/2}{V}+2\frac{R/2}{V})$$

Для случая, когда вертолет базируется на вертодроме, первое слагаемое в формуле отсутствует.

Для расчета численности обслуживаемого населения $N_{ОБСЛ}$ вводится предположение, что население субъекта РФ $N_{НАСЕЛ}$ равномерно распределено по его территории (т.е. может быть введена средняя плотность населения ρ):

$$N_{ОБСЛ} = \rho\,\pi r^2$$

Несмотря на то, что процессы работы экстренных служб, в т.ч. скорой медицинской помощи (как и процессы оказания медицинской помощи в больницах), более корректно рассматривать как процессы массового обслуживания стохастических потоков заявок (например, см. [1]), здесь для упрощения примеров рассматриваются детерминированные процессы. В дальнейшем в рамках предлагаемого здесь подхода можно рассматривать и системы массового обслуживания.

Примеры параметрических расчетов и совместной оптимизации системы здравоохранения региона и системы санитарной авиации

В качестве оценочных примеров далее рассматриваются два субъекта РФ: Республика Саха-Якутия ($S_{РЕГ}$ ≈ 3 млн. кв. км, $N_{НАСЕЛ}$ ≈ 700 тыс. человек за вычетом проживающего в Якутске населения, ρ = 0,23 чел./кв. км) и Приморский край (аналогично $S_{РЕГ}$ ≈ 165 тыс. кв. км, $N_{НАСЕЛ}$ ≈ 1 300 тыс. человек, ρ = 7,78 чел./кв. км).

За образец медицинского учреждения широкого профиля принята Жуковская городская больница [12]. Ввиду отсутствия полноты информации, условно считается, что количество врачей и медсестер составляет 200 человек со средней заработной платой 30 000 рублей + 50 человек обслуживающего персонала с з/п 20 000 рублей. В сумме это даёт годовой бюджет заработной платы в размере 70 млн. рублей. Тогда, с учетом налоговых отчислений, коммунальных платежей, затрат на лекарственные препараты и т.д. итоговая величина $c_{БОЛ}$ оценивается в 150÷200 млн. рублей/год.

Прочие параметры задаются следующим образом.

$C_{БОЛ}$ ~ 2 млрд. рублей.

$T_{БОЛ}$ = 50 лет;

$C_{ВЕРТ}$ = 500 млн. руб.;

$c_{ВЕРТ}$ = 10 млн. руб./год;

$T_{ВЕРТ} = T_{ПЛ}$ = 20 лет;

$C_{ПЛ}$ = 50 млн. руб.;

$c_{ПЛ}$ = 1 млн. руб./год.

Среднестатистическое количество вылетов в год в расчете на одного жителя региона $\tilde{n}_0$ берется равным 1/2500 чел. (соответствует относительно высокому уровню развития санитарной авиации в СССР [13]).

В качестве санитарного вертолета рассматривается выпускающийся в настоящее время вариант вертолета «Ансат» [5]. Его скорость V задается равной 250 км/ч, а минимальная оценка стоимости летного часа на условиях финансового лизинга (что позволяет избежать необходимости добавления в математическую модель первоначальных затрат на закупку вертолета и его ресурса), с пересчетом по курсу 65 руб./USD, есть:

$$c_{Л.Ч.} = 65 \times (408 + \frac{525959}{T_{НАЛ}})$$

Для удобства анализа все целочисленные величины далее трактуются как непрерывные. Это позволяет построить функцию суммы затрат на систему здравоохранения региона, вместе со службой санитарной авиации (в расчете на сутки) как трехмерную поверхность в координатах $\{N_{БОЛ}, N_{ПЛ}, c_{СТОИМ}^{день}\}$:

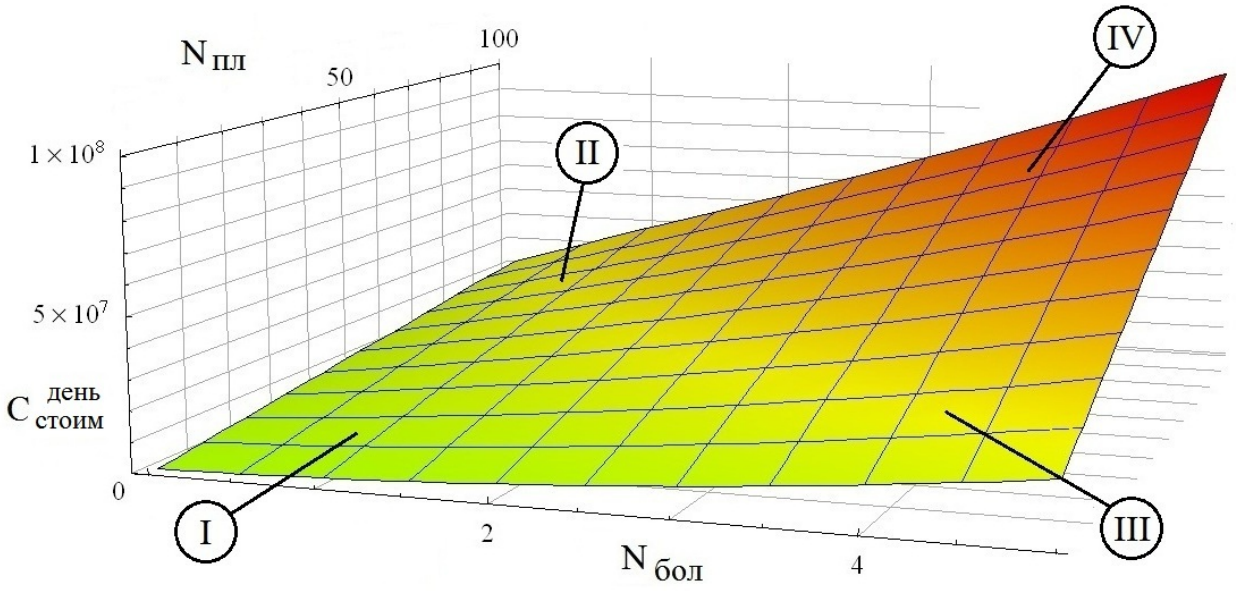

Рисунок 12.
Общий вид поверхности для функции затрат на примере Республики Саха-Якутия,
$c_{БОЛ}$ = 150 млн. руб.

Точки на поверхности, расположенные на одной «высоте», соответствуют одинаковому уровню затрат. Очевидно, что поверхность может быть разделена на области I-IV, соответствующие наборам параметров: I – «мало дополнительных больниц, мало вертолетных площадок»; II – «мало дополнительных больниц, много вертолетных площадок»; III – «много дополнительных больниц, мало вертолетных площадок»; IV – «много дополнительных больниц, много вертолетных площадок».

Как можно видеть из рис. 2, несмотря на «полноту» информации о стоимости затрат, принятие решения об оптимальной структуре ИАС невозможно, так как сочетания параметров в областях II и III соответствуют одному и тому же уровню затрат.

Рассматривать задачу проектирования такой системы имеет смысл только при введении дополнительных условий, касающихся качества обслуживания населения. Для перспективной ИАС могут быть приняты следующие стандарты обслуживания:

$T_{ПРИБ}$ – время от момента вызова врача до момента прибытия медицинской бригады к пострадавшему;

$T_{ДОСТ}$ – время от момента оказания первой помощи до момента доставки пострадавшего в больницу (время эвакуации).

Введение этих стандартов позволяет разбить каждую из площадей $S_{БОЛ}$ и $S_{ПЛ}$ на две части, а именно: где население обслуживается с соблюдением стандартов (площади πr_0^2 и πR_0^2, соответственно; $\pi r_0^2 \le S_{ПЛ}$ и $\pi R_0^2 \le S_{БОЛ}$) и где – без соблюдения (остальная часть площади кругов, рис. 3).

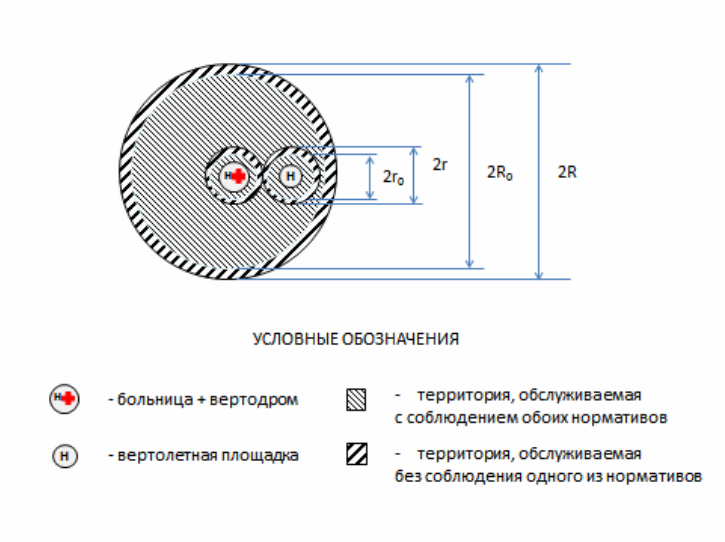

Рисунок 13.
Геометрическая модель разбиения территории, обслуживаемой ИАС, с учетом стандартов обслуживания

Поскольку в рассматриваемой модели плотность населения принята постоянной, для одной больницы (рис. 3) это соответствует отношению площади с жирной штриховкой к общей площади $S_{БОЛ}$. Для региона в целом уровень качества обслуживания *D* будет выражаться следующим образом:

$$D = \begin{cases} 0 & при\ R \le VT_{ДОСТ}, r \le VT_{ПРИБ} \\ \dfrac{S_{БОЛ} - \pi(VT_{ДОСТ})^2}{S_{БОЛ}}(N_{БОЛ}+1) & при\ R > VT_{ДОСТ}, r \le VT_{ПРИБ} \\ \dfrac{S_{ПЛ} - \pi(VT_{ПРИБ})^2}{S_{ПЛ}}(N_{БОЛ}+1)(N_{ПЛ}+1) & при\ R \le VT_{ДОСТ}, r > VT_{ПРИБ} \\ \dfrac{S_{БОЛ} - \pi(VT_{ДОСТ})^2}{S_{БОЛ}}(N_{БОЛ}+1) + \dfrac{S_{ПЛ} - \pi(VT_{ПРИБ})^2}{S_{ПЛ}}(N_{БОЛ}+1)(N_{ПЛ}+1 - \dfrac{S_{БОЛ} - \pi(VT_{ДОСТ})^2}{S_{БОЛ}}N_{ПЛ}) & при\ R > VT_{ДОСТ}, r > VT_{ПРИБ} \end{cases}$$

Неравенства в выражении для *D* означают следующее. При соблюдении требований обоих стандартов *D* = 0. При невыполнении только одного стандарта $T_{ДОСТ}$ рассчитывается суммарная доля площадей «больших» кругов, для которых $R > VT_{ДОСТ}$. Аналогично при невыполнении $T_{ПРИБ}$ рассчитывается доля площадей «малых» кругов, для которых $r > VT_{ПРИБ}$. В случае, если не выполняются оба стандарта, расчет проводится для обоих условий, при этом присутствие в последнем выражении слагаемого $-\dfrac{S_{БОЛ} - \pi(VT_{ДОСТ})^2}{S_{БОЛ}}N_{ПЛ}$ связано с необходимостью исключения двойного учета, когда заштрихованные площади больших и малых кругов перекрываются.

Результат построения уровней *D* (в процентах) на поверхности $c_{СТОИМ}^{день}$ для расчетных значений параметров $T_{ПРИБ}$ = 0,33 часа; $T_{ДОСТ}$ = 2 часа представлен на рис. 4 (поверхность показана с другого ракурса).

Как можно видеть, при введении показателя качества *D* можно ограничить область определения функции $c_{СТОИМ}^{день}$, убрав ту часть, в которой дальнейшее увеличение затрат бессмысленно, т.к. уровень *D* = 0% уже достигнут (область IV, соответствует вырезу в правой верхней части поверхности).

Если количество больниц недостаточно (левая часть поверхности, область II) – увеличение затрат на авиационную инфраструктуру (вертолетные площадки) и вертолеты очевидным образом не приводит к решению проблемы: территория, обслуживаемая одной больницей, при соблюдении стандартов ограничена величиной $VT_{ДОСТ}$, поэтому значение *D* не улучшается, несмотря на рост затрат.

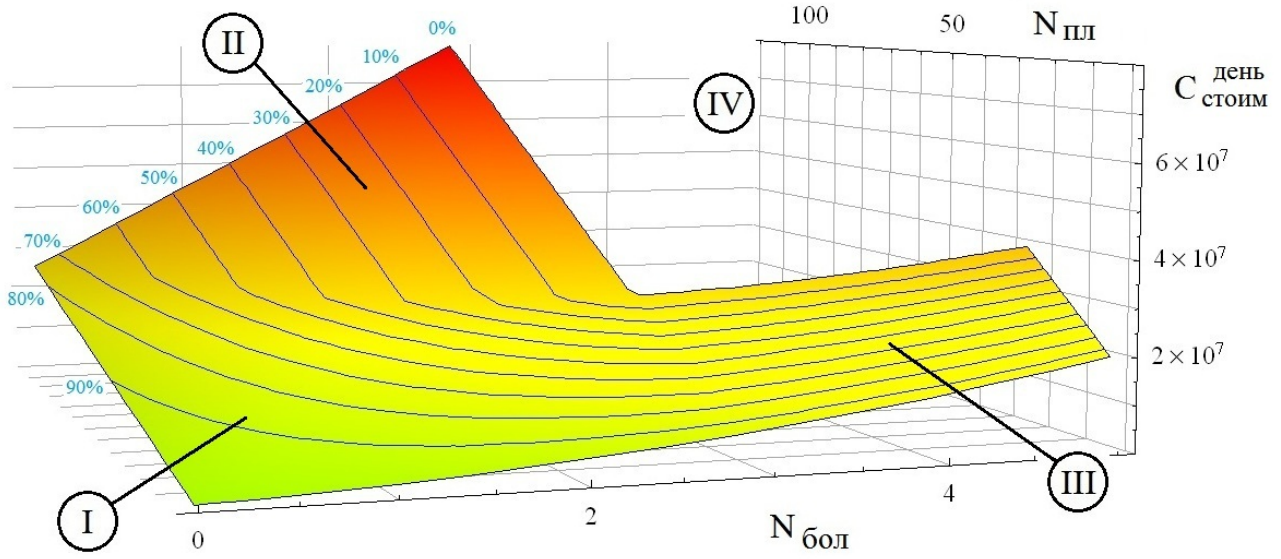

Рисунок 14.
Анализ функции затрат ИАС с помощью введения уровней качества обслуживания населения (Республика Саха-Якутия) , $c_{БОЛ}$ = 150 млн. руб./год

В то же время, если увеличить количество дополнительных больниц до трех и более (область III), то приемлемый уровень качества *D* достигается относительно быстро. В частности, уровень *D* = 0% достигается уже при 20÷25 вертолетных площадках. При этом разница в расходах между децилями функции качества обслуживания *D* невелика: ~1,5÷2×10^6 руб./день, что составляет ~10÷15% от начальной стоимости медицинской инфраструктуры (~1,5÷2×10^7 руб./день). Иначе говоря, если с целью достижения высокого качества обслуживания населения принято решение о строительстве нескольких дополнительных больниц, то ориентироваться на *D*~10÷20% нецелесообразно, так как ценой небольших затрат можно достигнуть желаемого уровня качества обслуживания *D* = 0%.

Вариация стоимости функционирования медицинских учреждений при таких исходных данных оказывает незначительное влияние на конечный результат (см. рис. 5, построенный в предположении, что затраты на одну больницу возросли со 150 до 200 млн. руб./г).

Для случая Республики Саха-Якутия оптимум (т.е. минимально необходимые затраты при обеспечении высокого качества обслуживания) в модели достигается уже при $N_{БОЛ} \to 3$ и $N_{ПЛ} \sim 20$, что составит около 20 млн. руб./день (или 7,3 млрд. руб./год). Для условного «Приморского края» результаты моделирования представлены на рис. 6.

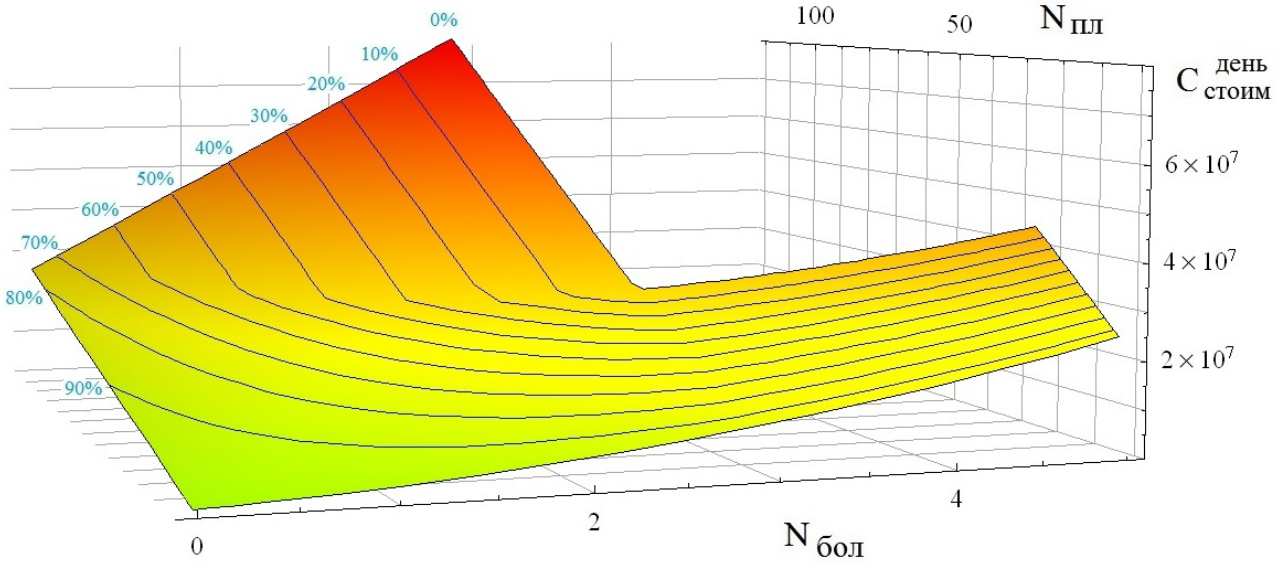

Рисунок 15.
Функция затрат ИАС и уровни качества обслуживания населения для Республики Саха-Якутия , $c_{БОЛ}$ = 200 млн. руб./год

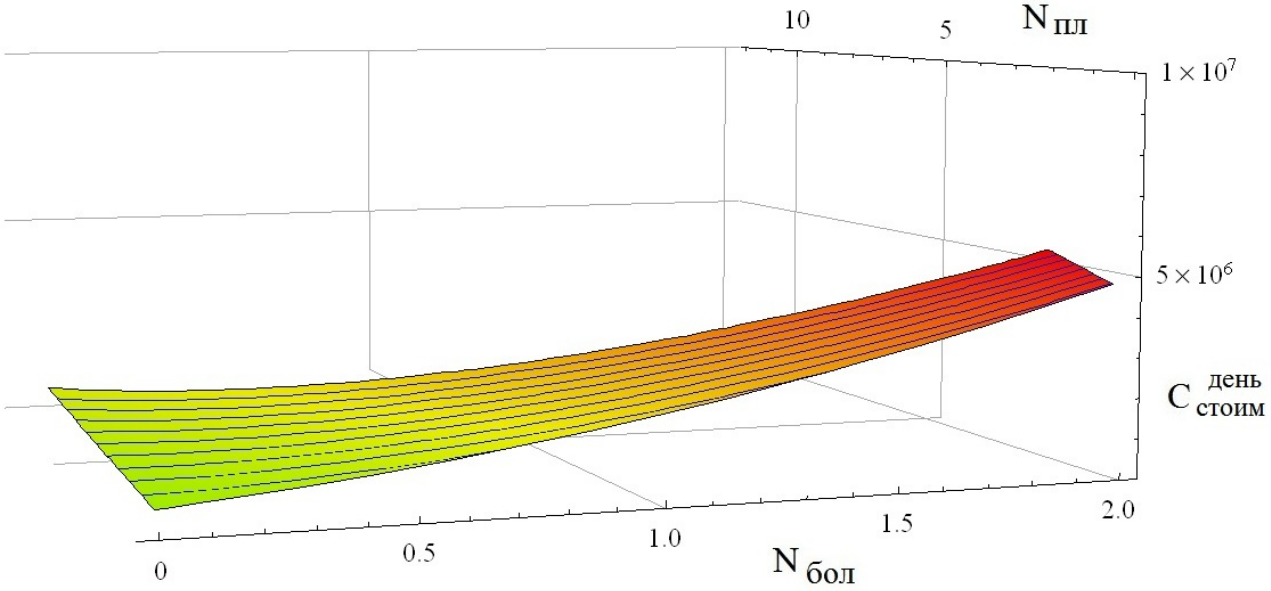

Рисунок 16.
Анализ функции затрат ИАС с учетом уровня качества обслуживания населения (Приморский край), $c_{БОЛ}$ = 150 млн. руб./год

Как можно видеть, для более компактного и более плотно заселенного субъекта РФ строительство дополнительных больниц не потребуется: минимум функции затрат при условии соблюдения высокого уровня обслуживания населения D = 0% находится в левой части поверхности и достигается при строительстве 5÷6 вертолетных площадок (и, соответственно, при эксплуатации такого же количества вертолетов «Ансат»).

Разумеется, здесь «Приморский край» рассматривается лишь условно, поскольку в данной модели регион считается компактным, «круговым», тогда как реальный Приморский край имеет иную форму и сильно неравномерное расселение – плотное на юге и очень разреженное в удаленной северной части. В реальных расчетах следует рассматривать реальную географию регионов, но логика поиска оптимальных решений может быть той же, что в приведенных примерах.

Выводы

Одной из задач, решение которых необходимо для успешного экономического развития отдаленных, труднодоступных и малонаселенных регионов России, является повышение уровня качества медицинского обслуживания проживающего там населения.

Как показывают представленные результаты моделирования, совместная оптимизация сети медицинских учреждений и службы санитарной авиации может дать значительное сокращение расходов на организацию системы здравоохранения в этих регионах России не в ущерб качеству обслуживания.

Так, в наиболее протяженных и малонаселенных регионах (Якутия, Красноярский край, Хабаровский край) организация сети из 2÷3 медицинских учреждений широкого профиля, совмещенных с 2÷3 базами санитарной авиации, и ~20 вертолетных площадок позволяет обеспечить полное покрытие территории региона с нормативами времен обслуживания «прибытие после вызова – не более 20 минут», «доставка пострадавшего в больницу – не более 2 часов» при уровне затрат 30÷40 млн. руб./день по сравнению с 50÷60 млн. руб./день, как это могло бы быть при принятии неоптимального решения.

В то же время, в более компактных и густонаселенных регионах (Приморский край, Алтайский край, Новосибирская область и т.п.) строительство дополнительных больниц может не потребоваться, а проблема медицинского обслуживания населения решается, в основном, путем строительства вертолетных площадок. Уровень затрат при этом будет на порядок меньше – 2÷4 млн. руб./день и на пространственную структуру системы здравоохранения совершенствование санитарной авиации не повлияет. Таким образом, совместная оптимизация системы здравоохранения региона и службы санитарной авиации наиболее актуальна именно в самых протяженных и малонаселенных регионах России.

Список литературы

1. Бутузова А.В., Моисеев В.С., Тутубалин П.И. Теоретические основы информатизации службы скорой медицинской помощи: монография. – Казань: РИЦ, 2011. – 242 с.
2. Гармаш О.А. Система санитарной авиации России: состояние и перспективы развития // Международная конференция «Удаленное здравоохранение – современное решение проблемы». 12–14 сентября 2018, Томск.
3. Зетц Р. Стандарт для санитарной авиации EN13718 // Конференция по санитарной авиации на выставке HeliRussia, Москва, 19 мая 2016 г.

4. Материалы II межведомственной научно-практической конференции «Санитарная авиация России и медицинская эвакуация». – Тверь: Триада, 2013. – 88 с.
5. Структура себестоимости летного часа вертолета Ансат. – М.: АО «Вертолеты России», 2015. – 29 с.
6. Besanko D., Doraszelski U., Kryukov Y., Satterthwaite M. Learning-by-Doing, Organizational Forgetting, and Industry Dynamics. GSIA Working Papers 2009-E22 / Carnegie Mellon University, Tepper School of Business. 2008.
7. Jansen J.O., Morrison J.J., Wang H., et al. Access to specialist care: optimizing the geographic configuration of trauma systems // J Trauma Acute Care Surg. 2015. – Vol. 79. – P. 756–65.
8. Røislien J., van den Berg P.L., Lindner T., et al. Exploring optimal air ambulance base locations in Norway using advanced mathematical modelling // Inj Prev. 2017. – Vol. 23. – P. 10–15.
9. Lee T., Hoon Jang, Soo-Haeng Cho, Turner J.J. A simulation-based iterative method for a trauma center – air ambulance location problem // Proceedings of the 2012 Winter Simulation Conference (WSC 2012), 09.–12.12.2012, Berlin.
10. Takamori Ukai, Ken-ichi Tanaka, Tomoatsu Tsuji, Sadaki Inokuchi. Mathematical analysis of the effects of base hospital location and operational strategies of air ambulances on demand coverage and its service level // Journal of the City Planning Institute of Japan. 2019. – Vol. 54, N 2, October.
11. Taylor C.B., Stevenson M., Jan S. et al. An investigation into the cost, coverage and activities of Helicopter Emergency Medical Services in the state of New South Wales, Australia // Injury. 2011. – Vol. 42. – P. 1088–1094.
12. Сайт городской клинической больницы г. Жуковского. – http://www.zhgkb.ru/
13. Сайт госкорпорации «Ростехнологии». Новости компании: Летающая скорая помощь. – https://rostec.ru/news/letayushchaya-skoraya-pomoshch/
14. Сайт Единой информационной системы санитарной авиации. – https://sanavia.info/
15. Сайт электронного журнала «AirMed&Rescue». – https://www.airmedandrescue.com/latest/long-read/company-profile-airbus-helicopters

Зенченков И.П.
к.п.н., доцент кафедры адаптивной физической культуры, Институт физической культуры, Донецкий национальный университет
zenchilya@mail.ru

О ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: *физическая культура личности, воспитание, здоровье, общая культура.*
Keywords: *physical culture of the person, upbringing, health, general culture.*

В условиях становления и развития государства наряду с политическими и социально-экономическими проблемами актуальными становятся проблемы по формированию и укреплению физического и духовного здоровья человека. На данный момент из-за неблагоприятной экономической ситуации и низкого состояния здоровья населения социально-демографическое положение является сложным.

В современном обществе жизнь человека протекает в неоднозначных, сложных условиях, так, благодаря развитию научно-технического прогресса расширяются возможности человека в физической и духовной сферах. Однако в то же время увеличивается влияние на человека количества факторов, способствующих снижению двигательной активности и, как следствие, ухудшению физического состояния. Несформированная физическая культура личности или отсутствие возможностей к адаптации к изменяющимся условиям современной жизни приводит к низкому уровню физического развития, работоспособности и к ухудшению здоровья у большей части общества.

Поэтому задачи физического развития и здоровья населения становятся актуальными на общереспубликанском уровне, поскольку от здоровья населения зависит оборона, развитие экономики, науки, общественное развитие и дальнейшее существование страны.

Понятие «физическая культура личности» не имеет чёткого определения и вследствие этого не имеет определённого места ни в одной из областей социально-гуманитарных наук. До сих пор отождествляются понятия физическая культура и физическое воспитание, физкультурная деятельность. В литературе довольно часто физическая культура рассматривается как забота о теле, совершенствовании физических качеств: силы, выносливости и ловкости.

Н.Н. Визитей считает, что физическая культура есть там, где имеется гармоническое единство телесного и духовного в человеке [2]. Кроме выполнения физических упражнений, необходимы дополнительные факторы социокультурного плана. Т.е. в этом случае физическая культура выступает не только как деятельно-практическое бытие, но и как нравственное, эстетическое бытие и т. д. Физическое совершенствование и здоровье человека неотъемлемо от духовно-нравственного совершенствования личности [2].

В современном обществе физическая культура является компонентом общечеловеческой культуры. Так, А.Ц. Деминский указывает, что физическая культура демонстрирует свою принадлежность, причастность ко всеобщей культуре человечества и вместе с ней является формой общественного сознания. Проявление физической культуры, как общечеловеческой ценности, невозможно без взаимодействия людей, что выражается в физкультурном движении, которое является одним из широких общественных течений [4, с. 84].

В.Г. Щербаков, указывает, что физическая культура является частью «общечеловеческой культуры» и рассматривается как специфический процесс и, в то же время, результат человеческой деятельности, что это средство и способ физического совершенствования личности [2, с. 5]. Автор указывает, что физическая культура позволяет не только эффективно формировать умения и навыки, физические способности, оптимизировать состояние здоровья и работоспособность, но и участвует в формировании духовных ценностей, что отражается в этических нормах (регуляция поведения человека в процессе физкультурно-спортивной деятельности), эстетических ценностях (физкультурные парады, спортивно-показательные выступления и т. д.) и др. Поэтому результатами физической культуры является физическая подготовленность, нравственное, эстетическое и интеллектуальное развитие. Таким образом, физическая культура проявляется во многих сферах человеческой деятельности: системе образования, оздоровительной, воспитательной, экономической, повседневного быта, экономической, общекультурной и т. д. А главное – формирование и распространение совместной деятельности в русле физкультурного движения направленного на приобщение к физической культуре и её ценностям [6].

Список литературы

1. Баранов В.А. Физическая культура: ценностно-гуманистическая основа качества жизни современного общества: дис. ... доктора философских наук: 09.00.11 «Социальная философия». – М., 2011. – 339 с.
2. Визитей Н.Н. Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методические, социально-философские, педагогические аспекты). – Кишинёв: ШТИИНЦА, 1989. – 110 с.

3. Демерза Г.Н. Социально-философский анализ влияния физической культуры на формирование личности молодого специалиста: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 «Социальная философия». – Ставрополь, 2000. – 148 с.
4. Деминский А.Ц. Бытие физической культуры. – Донецк: Донбасс, 1997. – 232 с.
5. Пельменев В.К., Конеева Е.В. История физической культуры: учебное пособие. – Калининград: Калинингр. ун-т, 2000. – 186 с.
6. Физическая культура студента: учебник / Под ред. В.И. Ильинича. – М.: Гардарики, 2000. – 448 с.

Куделина О.В.,
Адова И.Б.,
Арефьева Н.Ф.[1]

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ[2]

Ключевые слова: *предпринимательский человеческий капитал, капитал здоровья, малое и среднее предпринимательство, здравоохранение, медицинские организации.*

Развитие человеческого капитала включает преобразования, которые направлены на повышение конкурентоспособности социальных секторов национальной экономики, развитие кадрового потенциала, уровня квалификации рабочей силы, а также на улучшение качества социальной среды и условий жизни населения.

Здоровье является одной из главных составляющих качества человеческого капитала. Увеличение продуктивности трудоспособного населения напрямую связано с физическими возможностями и умственными способностями человека. Согласно А. Маршаллу, здоровье является фактором экономического развития, поскольку здоровье и сила населения выступают в качестве основы производительности, от которой зависит создание материального богатства, а особая значимость материального богатства обусловлена тем, что оно способствует укреплению здоровья человека[3].

В настоящее время все больше внимания уделяется капиталу здоровья как неотъемлемой базовой части человеческого капитала. Под капиталом здоровья подразумеваются инвестиции в человека, необходимые для поддержания и улучшения его здоровья и работоспособности[4].

Значительный вклад в разработку капитала здоровья как одного из основных компонентов человеческого капитала внес американский экономист Майкл Гроссман[5]. Он считал, что медицина и здравоохранение – отрасли, которые занимаются производством капитала здоровья. Потребители обращаются за медицинской помощью для того, чтобы улучшить свое здоровье или вылечить болезнь. Таким образом, здоровье, по мнению ученого, является потребительским благом и, одновременно, средством получения прибыли. Собственно, в последнем случае здоровье представляет собой компоненту человеческого капитала, которая является объектом инвестиционных вложений. Ученый утверждал, что здоровье представляет собой товар длительного пользования, необходимый для формирования и развития человеческого капитала.

Предпринимательская концепция человеческого капитала базируется, с одной стороны, на положениях теории человеческого капитала, связанного с превращением производительных способностей человека в источник дохода, с другой – на положениях теории предпринимательства, связанного с формированием предпринимательских способностей как фактора производства.

Предпринимательская концепция человеческого капитала имеет пять составляющих: 1) ресурсная, имеющая форму предпринимательских способностей как экономический ресурс; 2) товарная, имеющая форму предпринимательских способностей как особого товара; 3) функциональная, выступающая в виде предпринимательских способностей как фактора производства; 4) коммерческая (включает предпринимательские способности как форму реализации человеческого капитала); 5) капитализированная — предпринимательские способности как органическая составная часть человеческого капитала[6].

Уровень предпринимательских способностей воплощается в определенной величине собственного и заемного капитала, что позволяет выделить малый, средний и крупный бизнес. Качество предпринимательских способностей оценивается по эффективности использования капитала и устойчивости прогрессивного развития бизнеса. Организационно-предпринимательский капитал – один из наиболее перспективных и важных видов человеческого капитала. Наиболее яркое свое выражение организационно-предпринимательский капитал находит в таком качестве человеческой личности, как предприимчивость[7]. Под предприимчивостью понимают сочетание инициативности, предвидения

---

[1] Куделина Ольга Владимировна – к.м.н., доцент, СибГМУ Минздрава России, Томск, Адова Ирина Борисовна – д.э.н., профессор, НГТУ, Новосибирск, Арефьева Наталья Федоровна – магистрант НИ ТГУ, Томск.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07137 мк.

[3] Marshall A. Principles of Economics. 8th ed. – London: Mcmillan, 1920.

[4] Управление промышленным предприятием в современных условиях / М.Б. Флек, Е.А. Угнич. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. – С. 177–178.

[5] Grossman M. On the concept of health capital and the demand for health // Journal of Political Economy. 1972. – Vol. 80, N 2. – P. 223–255.

[6] Навруззода Б.Н. Предпринимательская концепция формирования и развития человеческого капитала // Современная наука. 2014. – № 1. – С. 21–25.

[7] Кучерук Д.О. Содержание и структура неотчуждаемых активов человеческого капитала предприятия // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. – № 1. – С. 112–116.

и желания рисковать, которое необходимо для успешной предпринимательской деятельности[1]. Инвестиции в его развитие являются все более продуктивными.

Значение малого и среднего бизнеса обусловлено тем, что его полноценное развитие является основой для поддержания здоровой конкуренции внутри страны, а также необходимым условием повышения конкурентоспособности производимых на ее территории товаров и услуг на мировой арене. Именно малый и средний бизнес обеспечивает экономике необходимую гибкость, поскольку быстрее реагирует на появление новых рыночных ниш и новых потребностей. Кроме того, малый и средний бизнес во всех странах традиционно является важнейшей средой изобретения и дальнейшего внедрения инноваций. Однако для того, чтобы малые и средние предприятия заработали с полной силой, заняли значительное место в структуре российской экономике и вышли на качественно новый уровень, важно реализовывать меры по их поддержанию. В соответствии с распоряжением № 1083-р от 02.06.2016 на территории Российской Федерации утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года, которая направлена на создание конкурентоспособной, гибкой и адаптивной экономики, которая обеспечивает высокий уровень индивидуализации товаров и услуг, высокую скорость технологического обновления и стабильную занятость[2]. Стратегия разработана в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[3].

Предпринимательский человеческий капитал в сфере здравоохранения обусловлен созданием частных медицинских организаций, способствующих альтернативности предоставления населению медицинских услуг. Инвестировать в индивидуальный человеческий капитал здоровья можно путем финансирования получения медицинских услуг за счет собственных средств, непосредственно вкладывая их в медицинские организации частного сектора в обмен на оказанные услуги по поддержанию здоровья. Традиционным же является опосредованное финансирование услуг государственного здравоохранения за счет средств Федерального фонда обязательного медицинского страхования, сформированных за счет страховых взносов организаций, где базисом является начисленная заработная плата работникам. Дополнительным источником финансирования являются средства граждан и средства добровольного медицинского страхования. Таким образом, работающий человек часть своего трудового дохода перечисляет во внебюджетные фонды и страховые организации, откуда финансируются оказываемые медицинские услуги.

Реализация Стратегии к 2030 году позволит увеличить долю малых и средних предприятий в валовом внутреннем продукте в два раза (с 20 до 40%), оборот малых и средних предприятий – в 2,5 раза, производительность труда в этом секторе – в два раза, долю обрабатывающей промышленности в обороте сектора малого и среднего предпринимательства (без учёта индивидуальных предпринимателей) – до 20% и долю количества занятых в этой сфере в общей численности занятого населения – до 35%.

Таблица 1

Структура субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ[4]

Год	Малые организации		Средние организации		Всего
	Количество	Доля, %	Количество	Доля, %	
2016	268 901	92,86	20 664	7,14	289 565
2017	267 630	92,93	20 358	7,07	287 988
2018	251 730	93,03	18 867	6,97	270 597
2019	224 898	92,94	17 093	7,06	241 991

Анализ показал, что количество субъектов малого предпринимательства в период 2016–2019 гг. снизилось на 16,36% (табл. 1). Количество субъектов среднего предпринимательства в 2019 году составило 17 093, что на 17,28% меньше показателя 2016 года. В структуре субъектов значительную часть занимают малые организации (составляют около 93%), что обусловлено меньшими барьерами при выходе на рынок. Количество средних организаций в 13 раз меньше (около 7%), что связано с высокими институциональными издержками на получение лицензии по расширению видов оказываемой помощи и обеспечению стандартов ее выполнения.

Таблица 2

Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в федеральных округах[1]

[1] Экономика. Толковый словарь / Общая редакция: д.э.н. И.М. Осадчая. – М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. – http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/22018

[2] Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – http://government.ru/docs/23354/

[3] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ, ред. от 18.07.2019. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

[4] Официальный сайт Федеральной налоговой службы. – https://rmsp.nalog.ru/statistics.html

	СФО	Северо-Кавказский ФО	ЮФО	ЦФО	ПФО	Северо-Западный ФО	УФО	ДФО
2016	31 504	5337	22 899	102 862	54 782	36 657	23 978	11 546
2017	31 483	5743	23 204	101 916	53 942	36 405	23 841	11 454
2018	29 737	5608	22 285	95 068	50 932	33 759	22 327	10 881
2019	24 953	5121	20 375	83 312	46 187	30 230	20 074	11 739

Анализируя данные Федеральной налоговой службы, можно сделать следующий вывод: с 2016 по 2019 гг. в Сибирском федеральном округе и Центральном федеральном округе наблюдается наибольшее снижение показателя, которое составляет 20,79 и 19,00% соответственно. В то время как в других федеральных округах количество субъектов малого и среднего предпринимательства в период с 2016–2019 гг. снизилось не более, чем на 17,0%. Однако в Дальневосточном федеральном округе количество субъектов в 2019 году составило 11 739, что на 1,67% больше показателя 2016 года. Этому способствовал ряд мер, предпринятых правительством РФ по развитию ДВФО: разработка и внедрение Российским Банком поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП Банк) специального кредитного продукта для предпринимателей, работающих в приграничных территориях дальневосточных регионов, к которым относятся 36 муниципальных образований Хабаровского и Приморского краев, Амурской области и Еврейской автономной области, а также субъектов, осуществляющих свою деятельность в рамках проекта «Дальневосточный гектар»[2]. 23 мая 2016 года Президентом Российской Федерации подписан закон, который устанавливает новые налоговые льготы для инвесторов на Дальнем Востоке. Так, если в течение трех лет инвестор вложил на Дальнем Востоке в реализацию проектов 50 млн. рублей или в течение 5 лет – 500 млн. рублей, то он получает право на 10-летнюю льготу при уплате налога на прибыль и налога на добычу полезных ископаемых. При этом учитываются инвестиции, совершенные с 1 января 2013 года. Закон способствует увеличению числа участников региональных инвестиционных проектов и дает дополнительные возможности модернизировать производство существующим проектам, а также стимулирует запуск новых потенциальных проектов[3].

Малое и среднее предпринимательство в сфере здравоохранения играет огромную роль в процессе формирования среднего класса, расширения круга работодателей, собственников, роста количества рабочих мест, создания условий, при которых достойная жизнь и свободное развитие медицинских работников в большей степени обусловливается их личным вкладом в профессиональную деятельность[4]. Малые и средние предприятия в здравоохранении посредством создания конкурентной среды удовлетворяют потребности местного рынка, оказывают благоприятное влияние на ситуацию на рынке труда, повышая занятость населения.

Детализируем эмпирический анализ на примере двух субъектов Сибирского федерального округа. Новосибирская область в рамках «Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года» развивает медицинский туризм[5]. Факторами, обусловливающими развитие медицинского туризма в Новосибирске, являются статус города как регионального центра, наличие транспортных узлов, научно-исследовательские институты медико-биологического профиля, национальные и федеральные исследовательские центры медицинской направленности, мощная сеть учреждений здравоохранения. Формированию медицинской инфраструктуры и поддержке медицинского туризма в регионе также способствовало создание «Центра регионального развития» при министерстве экономического развития Новосибирской области. В настоящее время приоритетным направлением экономического развития региона является формирование и функционирование нескольких профильных инновационных кластеров в области медицины (региональный медицинский «Сибирский», бальнеологический «Озерный», научно-производственный «Сибирский наукополис»)[6].

Направления, наиболее перспективные для медицинских туристов: высокотехнологичная медицинская помощь; диагностика (в амбулаторных и в стационарных условиях); стоматология; пластическая хирургия. География медицинского туризма разнообразна: Новосибирск привлекателен для пациентов из небольших близлежащих городов, а также из Средней Азии и Казахстана.

В Томской области медицинский туризм развивается в рамках Национального проекта «Здравоохранение», что позволит к 2024 году вдвое увеличить число иностранцев, ежегодно приезжающих в Томск на лечение (с 500 до 1000 человек). Регион внедряет системы учета и мониторинга статистических данных медицинских организаций, ведет исследование рынка для определения самых популярных услуг, создавая информационные материалы и ресурсы на русском и иностранных языках. Чаще всего за медицинскими услугами в медучреждения Томской области обращались жители ближнего зарубежья – Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Киргизии, Белоруссии, Армении, Таджикистана и Украины. Также среди «медицинских туристов» были граждане Китая[7].

---

[1] Официальный сайт Федеральной налоговой службы. – https://rmsp.nalog.ru/statistics.html

[2] Официальный сайт пресс-службы Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики.

[3] О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: федер. закон от 23.05.2013 № 144-ФЗ. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198196/

[4] Лаврентьева В.О. Участие малого и среднего предпринимательства в развитии сферы здравоохранения // Вестник Югорского государственного университета. 2015. – № 3 (38). – С. 103–104.

[5] Официальный сайт Правительства Новосибирской области. – https://www.nso.ru/page/2412

[6] Горошко Н.В. Новосибирск как центр регионального медицинского туризма: потенциал и аспекты его реализации / Горошко Н.В., Емельянова Е.К., Никифорова Н.Г. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2018. – № 4 (41). – С. 600–615.

[7] Официальный сайт ТАСС. – https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6296210

Проанализируем некоторые натурально-вещественные показатели – среднесписочную численность работников (СПЧ) и число предприятий. СПЧ в 2016 г. в государственном и муниципальном секторе здравоохранения в РФ составляла 3,6 млн. человек, а в 2018 году – 2,9 млн. человек. В частном секторе СПЧ в 2016 году – 381,5 тыс. человек, а в 2018 году – 436,1 тыс. человек[1]**Ошибка! Закладка не определена.**. При этом по данным Росстата число предприятий и организаций по виду экономической деятельности «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» в 2018 году составило 19,9 тыс. организаций в государственной форме собственности и 57,8 тыс. организаций в частной форме собственности[2] (табл. 3).

Таблица 3

Распределение организаций и предприятий по виду экономической деятельности «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» в Российской Федерации по формам собственности

	Государственная и муниципальная форма		Частная форма		Смешанная форма	
	количество, тыс.	уд. вес, %	количество, тыс.	уд. вес, %	количество, тыс.	уд. вес, %
2016	21,6	28,05	55,0	71,43	0,4	0,52
2017	20,7	26,57	56,8	72,91	0,4	0,51
2018	19,9	25,48	57,8	74,01	0,4	0,51

В качестве важной характеристики развития малого и среднего предпринимательства в области здравоохранения можно выделить отраслевую специфику. Проиллюстрируем этот тезис на примере распределения медицинских организаций в Томской области. По состоянию на 2019 год больше всего предприятий приходится на сферу стоматологических услуг населению, причем это характерно как для малых предприятий, так и для индивидуальных предпринимателей – 47,5%. Затем можно выделить общую врачебную практику (20,60%), специальную врачебную практику (2,99%)[3].

Состояние национальной экономики тесно взаимосвязано с уровнем развития регионального здравоохранения и здоровьем населения[4]. Улучшение здоровья населения за счет роста расходов на здравоохранение и, как следствие, повышение работоспособности приводят к значительному увеличению производительности труда, качественному и количественному росту предложения рабочей силы, а также экономических показателей[5]. Помимо непосредственных расходов на здравоохранение, государство косвенно способствует накоплению и реализации человеческого капитала[6].

Проведенный анализ показал, что развитие предпринимательского человеческого капитала в рамках малого и среднего предпринимательства в субъектах Сибирского федерального округа имеет значительный потенциал. Это обусловлено достаточной численностью работников в сфере здравоохранения и ростом организаций частных форм собственности, оказывающих медицинские услуги.

[1] Данные ЕМИСС. – https://www.fedstat.ru/indicator/43007.do по 2016, 2017-2018 – https://fedstat.ru/indicator/58699

[2] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. Сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 342.

[3] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – https://rmsp.nalog.ru/

[4] Куделина О.В., Еремина С.Л. Эффективность регионального здравоохранения // Экономика региона. 2016. – Т. 12, вып. 1. – С. 211-225.

[5] Куделина О.В., Киллякова Е.Ю. Проблемы управления и развития кадровых ресурсов системы здравоохранения. Международный опыт // Экология человека. 2018. – № 8. – С. 17–26.

[6] Мальцев А.А., Фечина А.О. Медицинская услуга в системе управления качеством человеческих ресурсов // Управленец. 2019. – № 2. – С. 62–72.

Любкина О.Р.
Воронежский филиал Российского экономического университета

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГЧП В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ОБЛАСТЯХ ЦФО

Ключевые слова*: государственно-частное партнерство, здравоохранение, концессионное соглашение, модернизация здравоохранения, договор аренды с инвестиционными обязательствами.*

Keywords*: public-private partnership, healthcare, concession agreement, healthcare modernization, lease agreement with investment obligations.*

Пандемия коронавируса, которая стала серьезным вызовом социальной и политической системам РФ, актуализировала вопрос о необходимости масштабной и качественной модернизации отрасли здравоохранения. Отрасли, где в период 2000-х годов уровень общественных расходов варьировал в пределах 3% ВВП[1]. Вследствие этого само здравоохранение, несмотря на реализацию профильных нацпроектов и ФЦП, отличает ряд базовых проблем. Это высокая стоимость и недоступность лечения, некачественные медицинские услуги, нехватка квалифицированных врачей и современного оборудования, изношенная инфраструктура отрасли. Более того, прилагаемые государством усилия не могут иметь высокого эффекта без участия других секторов общества. В том числе и российского бизнеса, взаимодействие с которым рассматривается государством как важнейший императив современного социального развития. Причем как на федеральном уровне, так и на региональном и муниципальном уровнях.

Одним из направлений повышения доступности, прогрессивности и качества медицинских услуг в России является государственно-частное партнерство (ГЧП). Однако это вызывает ряд трудностей в связи с кризисными явлениями, снижением инвестиционной активности, несовершенством и ригидностью законодательной базы, отсутствием опыта реализации отраслевых ГЧП-проектов и рядом других факторов, включая специфику сферы здравоохранения.

Общество – это упорядоченный способ сосуществования больших совокупностей людей. Чтобы понять, как функционирует и развивается общество, необходимо знать его строение в целом, т. е. его структуру. Обычно говорят о трех секторах: государство, бизнес, некоммерческие организации. Только при сплочённом взаимодействии возможно поступательное развитие общества. Наиболее прогрессивная модель взаимодействия – это «модель садовника»[2], при которой органы всех уровней власти (федеральной, региональной и муниципальной) принимают нормативные акты, способствующие появлению и развитию независимых общественных организаций как основы зарождающегося гражданского общества и предпринимают конкретные действия по поддержке развития таких организаций.

По мнению Э.Р. Йескомба, термин ГЧП первоначально относился к государственному финансированию социальных услуг, предоставляемых негосударственными, зачастую общественными (некоммерческими) организациями, и к государственному финансированию научно-исследовательских и конструкторских разработок, проводимых частными предприятиями[3]. В свою очередь отечественный экономист В.Г. Варнавский определяет ГЧП как институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и НИОКР[4]. Сегодня российский рынок ГЧП насчитывает 3601 проект на разных стадиях реализации с совокупным объемом привлекаемых общих инвестиций в 3,9 млрд. руб., из которых 2,8 млрд. руб. составляют средства частных инвесторов. В 2019 году прошли коммерческое закрытие более 200 крупных и средних проектов, которые привлекли около 600 млрд. руб. общих инвестиций, в том числе свыше 450 млрд. руб. частных средств.

По оценкам Национального центра ГЧП, сейчас в России с помощью различных механизмов государственно-частного партнерства (концессионных соглашений, соглашений о ГЧП/МЧП и т.д.) реализуется 452 проекта в социальной сфере. Треть проектов – в здравоохранении, примерно столько же – в культуре, досуге и туризме, остальные – в спорте и социальном обслуживании. За последние пять лет число проектов выросло в три раза. Можно уверенно сказать, что социальная сфера интересна бизнесу, и крайне важно, чтобы бизнес инвестировал в нее. Ежегодно в России появляется более 50 новых строек по ГЧП в «социалке» – это детские сады, школы и многое другое. Без ГЧП дан-

[1] Соболева И.В. Социальная политика: факторы неэффективности и направления реформирования / И.В. Соболева, М.Е. Баскакова, Л.С. Дегтярь, Л.С. Рыженина, Э.Н. Соболев // Urbi et orbi / Под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна: в 3-х т. – СПб.: Алетейя, 2014. – Т. 2. Экономическая политика. – С. 549.

[2] Сунгуров А.Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт // Модернизация экономики и глобализация: В 3 кн. / Отв. ред. Е.Г. Ясин. Кн. 1. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. – С. 500–508.

[3] Йескомб Э.Р. Государственно-частное партнерство: Основные принципы финансирования / Пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – 457 с.

[4] Государственно-частное партнерство: теория и практика / В.Г. Варнавский, А.В. Клименко, В.А. Королев. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – http://www.hse.ru/news/17990346.html

ные проекты могли бы и вовсе не реализоваться. Что очень ценно – большинство строек приходится на регионы, где иногда нет даже базовой инфраструктуры[1].

В целом отрасль здравоохранения сегодня занимает лидирующую позицию по реализации ГЧП на региональном уровне. Реализуемые в субъектах Российской Федерации проекты ГЧП в здравоохранении, можно разделить на три группы: 1) инфраструктурные проекты; 2) проекты аутсорсинга; 3) крупные федеральные проекты по созданию социально значимого продукта.

Согласно данным Министерства здравоохранения РФ, по реализации проектов ГЧП в сфере здравоохранения регионами-лидерами являются республики Татарстан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, а также Новосибирская, Ленинградская, Вологодская, Липецкая, Калужская, Самарская, Нижегородская и Ростовская области, город Москва и Ставропольский край.

В Липецкой области в рамках проекта ГЧП на муниципальном уровне реализуется строительство диализного центра в г. Липецке (мощность центра 240 пациентов в сутки). Договор с ООО «Фразениус» был подписан в 2015 г., сроком на 49 лет, общий объём инвестиций 250 млн. руб. В 2016 г. был подписан договор с ООО «МРТ Эксперт Липецк» сроком на 10 лет (общий объем инвестиций 32 млн. руб.), в рамках которого будет организован МРТ-центр в г. Липецке. Соглашение с частным учреждением содействия развитию медицинских технологий «Нефрологический экспертный совет» (с 07.11.2014 – Медицинское частное учреждение дополнительного профессионального образования «Нефросовет») о развитии гемодиализной помощи жителям Ивановской области было подписано в 2012 г., срок действия документа 49 лет. Данный проект относится к высокотехнологичной медицинской помощи. Краткосрочное соглашение (на 5 лет) было подписано в Белгородской области для создания поликлиники, были привлечены инвестиции в объеме 50 млн. руб. Участниками проекта стали Департамент здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области и ООО «Медицинская инвестиционная группа».

В Курской области было заключено соглашение (2014 г.) сроком на 15 лет с общим объемом инвестиций 120 млн. руб., в рамках которого ООО «ПЭТ-Технолоджи» взяло на себя обязательства по созданию центра позитронно-эмиссионной компьютерной томографии. В это же время было подписано соглашение о создании офисов врачей общей практики (реконструкции помещений, обеспечении специалистами и оборудованием) на сумму 25 млн. руб. В течение 10 лет ООО «Центр медицинских осмотров и профилактик» будет эксплуатировать и обслуживать модернизированное здание. В 2014 г. в Воронежской области был подписан договор аренды с инвестиционными обязательствами с МЧУ ДПО Нефросовет (НПО «Румед») сроком на 10 лет. Договор включал в себя создание 7 объектов, входящих в сеть нефрологических центров на территории города Воронежа и муниципальных районов области (860 млн. руб. инвестиций). В Рязанской области развита практика организации офисов врачей общей практики с помощью механизма договора аренды с инвестиционными обязательствами. В августе и сентябре 2020 г. закончит действовать ряд договоров, общая сумма которых 10 млн. руб.

Исследуя практику взаимодействия государственных структур субъектов РФ и бизнес-сообщества в формате государственно-частного партнерства (ГЧП) в медицинской отрасли, стоит выделить ряд моментов. Во-первых, данное взаимодействие двух секторов общества становится локомотивом развития российских регионов в различных отраслях и сферах. Во-вторых, происходит существенное наращивание финансовых ресурсов, направляемых на модернизацию отрасли здравоохранения. В- третьих, оформляющееся партнерское отраслевое взаимодействие власти и бизнеса работает на приращение общего блага и становится примером для других секторов общества.

[1] Количество ГЧП-проектов в социальной сфере утроилось за последние пять лет. – https://pppcenter.ru/press-tsentr/smi/kolichestvo-gchp-proektov-v-sotsialnoy-sfere-utroilos-za-poslednie-pyat-let/

Павлов Б.С.
д.филос.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris mail. ru

ВОСПРОИЗВОДСТВО, СБЕРЕЖЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА КАК АКТУАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА В УРАЛЬСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ[1]

Ключевые слова: *экономическая социология, академический институт, регион, поколение, молодёжь, семья, производство человека, человеческий потенциал, Урал.*

Мы не знаем, как поступить
с нашей коротенькой жизнью,
но, все-таки, желаем жить вечно.
А. Франс

Рассматривая в качестве основных субъектов исторических преобразований сменяющие друг друга многочисленные поколения людей, классики социально-экономической мысли подчеркивали созидательность характера деятельности каждого из сменяющих друг друга поколений. Каждое новое поколение застает уже готовые производительные силы, капиталы и обстоятельства. Поэтому свою историю люди «делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали», а которые непосредственно имеются налицо, даны им от прошлого. При этом деятельность последующего поколения знаменует новый прогрессивный скачок в непрерывной человеческой истории. Этот скачок связан, прежде всего, с тем, что поднимаются на новую качественную ступень производительные силы общества и изменяются соответствующие этим силам формы общественных отношений. И еще одно важное для нашего последующего исследовательского анализа методологическое положение: поступательное, прогрессивное развитие общества неразрывно связано, более того, обусловлено постоянным развитием, наращиванием производительной силы совокупного субъекта истории [1, т. 27. с. 402; т .8. с. 119 и др.].

Стремясь к оптимизации демографических процессов, важно осознавать при этом диалектическую взаимосвязь *социально-экономической утилитарности и самоценности* человека. Оптимальное развитие народонаселения страны (региона, муниципального образования) – основа и условие ее хозяйственно-экономического процветания. Население выступает как многостороннее диалектическое единство, выполняя функции производителя и потребителя производства. Одновременно оно само подлежит воспроизводству. Вот почему народонаселение прямо и опосредованно влияет на размещение и функционирование общественного производства. Однако есть и вторая сторона этого взаимодействия. Развитие человека (личности) является «целью целей» цивилизованного (демократического) типа воспроизводства общественной жизни [2].

Основная суть этого диалектического взаимодействия состоит в том, что человек (работник и потребитель) является одновременно и средством, и целью процесса общественного производства и воспроизводства общественной жизни. Корневая, глубинная суть идущей перестройки производственных и в целом общественных отношений в России – возведение цели развития общественного человека в ранг доминантной, основной, перманентной цели социально-экономических преобразований.

Нам представляется, что в общем процессе воспроизводства общественной жизни с позиций целеполагания развития социумов в разных общественно-экономических системах можно выделить три составляющие. Так, фактическую (а не декларируемую) сущность идеологической концепции построения российского социализма (подразумевается практика СССР), можно представить схематично так [3]:

Производство-СРЕДСТВО	***Производство-ЦЕЛЬ***
Производство человека Производство идей	Производство вещей

При переходе российского общества на рельсы рыночной экономики и соответствующих общественных отношений предлагается выделять четвертое сравнительно самостоятельное производство в общем воспроизводственном процессе – *производство денег.* Схематично представим две раскладки производств, олицетворяющие две основные модели общественного развития в условиях пореформенной России:

[1] Публикация подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2019–2022 гг.

а) модель «дикого капитализма»

Производство-СРЕДСТВО	*Производство-ЦЕЛЬ*
Производство человека Производство вещей Производство идей	Производство денег

б) модель социально ориентированной экономики

Производство-СРЕДСТВО	*Производство-ЦЕЛЬ*
Производство вещей Производство денег Производство идей	ПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕКА

Исходя из этого, критерием общественного прогресса, что во многом тождественно критерию прогрессивного развития производства человека, на наш взгляд, необходимо считать следующее. С одной стороны, это адекватное растущим потребностям производства человека производство материальных и духовных благ в соответствующих сферах общественного производства, и, с другой – степень планомерной и целенаправленной реализации этих благ в непосредственном производстве человека.

Научно-технический прогресс становится реальностью не сам по себе, а благодаря работникам, которые находятся в определенных общественных условиях. Эти условия, а точнее, общественные экономические отношения всегда в большей или меньшей мере ориентируют на прогресс, а могут и вообще не создавать к нему должных стимулов. Во втором случае общество сталкивается с необходимостью перестройки системы производственных отношений. Последние определяют направленность в воспроизводстве рабочей силы [4].

С позиций производства человек – не только его субъект, но и его конечная цель. Общественный продукт, пройдя через распределение и обмен, завершает свой путь в потреблении. Удовлетворение потребностей человека, его развитие являются естественным конечным назначением общественного производства. Любой предприниматель в своей хозяйственной деятельности преследует цель получить выгоду, но эта цель будет реализована лишь тогда, когда на продукцию его фирмы найдется покупатель (потребитель).

Всякое общественное производство, справедливо считает О.Н. Яницкий, имеет двойственную созидательно-разрушительную природу. Потенциально всегда существуют две возможности, две траектории – накопления и растраты, подъема и спада, позитивных и негативных социальных изменений, в конечном счете, эволюции и деволюции. Отсюда теоретически существуют два качественно различных типа переходного общества – созидательный и разрушительный. В обоих из них производство богатства и рисков идут бок о бок, однако способ этих производств резко различен. Общества созидательного типа, несмотря на риски и опасности, осуществляют переход к высокой (не обязательно западного типа) модернизации, наращивают свой творческий потенциал. Общества противоположного типа отмечены прогрессирующей демодернизацией. Расходуя и просто расхищая свой креативный потенциал и ресурсы, необходимые для жизни, подобные общества становятся периферией капиталистического социетального пространства [5] или могут вообще исчезнуть с исторической арены. Это – ключевой пункт.

Характерной чертой постсовременного общества, по Н. Луману, является не столько потребность создания условий стабильного существования, сколько интерес к крайним, даже невероятным альтернативам, которые разрушают условия для общественного консенсуса и подрывают основы коммуникации. Поведение, ориентированное на такие случайности, и принятие таких альтернатив являются противоречивыми. «Все усилия основать решения на рациональном подсчете не только остаются безуспешными, но, в конечном счете, также подрывают требования метода и процедур рациональности». По утверждению Лумана, «современное рисковое поведение вообще не вписывается в схему рационального/иррационального» [6]. Принимаемые решения всегда связаны с рисковыми последствиями, по поводу которых принимаются дальнейшие решения, также порождающие риски. Возникает серия разветвленных решений, или «дерево решений», накапливающее риски. В процессах накопления эффектов принятия решений, в долговременных последствиях решений, не поддающихся вычислению, в сверхсложных и посему не просматриваемых причинных связях существуют условия, которые могут содержать значительные потери или опасности и без привязки к конкретным решениям. Таким образом, потенциальная опасность таится в трансформации цепи безличных решений в некоторый безличный, безответственный и опасный продукт.

Начиная с 60-х годов прошлого столетия, более полувека на Среднем Урале в Институте экономики УрО РАН создано и успешно действует социологическое подразделение, исследования которого направлены на решение актуальных проблем социально-экономического развития Уральского региона. В 60-70-е годы прошлого века возглавлял и успешно работал со своей социологической командой доктор философских наук, профессор Л.Н. Коган. Вместе с ними росла и укреплялась Уральская социологическая школа и ее «академическое крыло» [7-11].

За полувековой период в арсенале социологов Института были *реализованы сотни социологических проектов,* многие десятки планов социально-экономического развития уральских предприятий и отдельных территорий, социологических экспертиз, научно-практических конференций, успешно защищенных кандидатских и докторских диссертаций, сборников статей и монографий. Автор статьи – профессор Б.С. Павлов «выпускник» когановской школы (***один из «коганят»)*** пришёл в социологическую команду академического Института в конце 60-х, возглавил её в се-

редине 80-х, «задержался» в ней и уже отметил в своей трудовой книжке более чем полувековой социологический стаж в одном трудовом коллективе [12].

В 1968–2020 гг. социологами ИЭ УрО РАН было проведено более 400 социологических исследований (опросов, проектов). Ниже мы знакомим читателя со своеобразным проблемным полем социологов уральского академического института ***«Семья. Труд. Человеческий потенциал»*****,** которое условно, схематически представлено на рис. 1.

<table>
<tr><td rowspan="2">Экология ВУТРЗ.
«Сибирская язва»
Реабилитация населения
Социологическая экспертиза</td><td>Жилье
Общежитие
Детский дом</td><td>Социальное расслоение
Богатство – бедность
«Новые русские»</td><td colspan="2">Образование Школа Вуз
Инженеры Педагоги
Профессии риска</td></tr>
<tr><td colspan="2">Городская инфраструктура Социальная политика
Услуги Городской быт
Бомжи Безнадзорные дети Моногород</td><td colspan="2">Религия. Православие
Манипуляции
Социально-психол. климат</td></tr>
<tr><td>ХМАО. ЯНАО Семья северян
Миграция на «Материк»
Урал
Село Ассимиляция</td><td>Труд Адаптация Карьера
Наставничество
Трипартизм</td><td>«Семья. Труд. Человеческий потенциал»</td><td colspan="2">Духовная культура Массовая культура
Девиантная
субкультура молодежи
Интеллект/ собственность</td></tr>
<tr><td rowspan="4">Здоровье Валеология.
Физическая культура
Дети-инвалиды
Трансгендерность</td><td rowspan="4">Риски. Девиации
Насилие Развод
«Трудные дети»
«Семьи риска»</td><td rowspan="4">Типы браков-семей
Традиционность
Безбрачие Суррогатная
фамилистика</td><td rowspan="4">Повседневное поведение</td><td>демографическое</td></tr>
<tr><td>экономическое</td></tr>
<tr><td>девиантное</td></tr>
<tr><td>электоральное</td></tr>
<tr><td colspan="2">Быт. Домашний труд Потребности. Доход. Экономика
семьи Нетрудовые доходы</td><td>Детность Бездетность
Стабильность семьи</td><td colspan="2">Трудовое воспитание Детский труд.
Социализация Династии</td></tr>
</table>

Рисунок 1.
Институционально-проблемное поле социологических опросов, проведенных в Институте экономики УрО РАН в 1967-2020 гг.

* * *

В предлагаемой читателю статье, в той или иной мере, представлен эмпирический материал ряда социологических опросов, проведенных специалистами Института[1] и связанных с ***проблематикой воспроизводства, сбережения и использования человеческого потенциала региона***. Ниже мы знакомим читателя, естественно, не со всеми, а лишь с некоторыми *(их оказалось 11),* сравнительно самостоятельными направлениями исследований. И ещё одна немаловажная оговорка. В презентацию *каждого направления* мы сознательно вводим два ограничения. *Во-первых,* его представляют три-пять наиболее значимых (*по нашему мнению*) социологических проекта, (*проведенные нередко в разные годы и десятилетия)*[2] и, *во-вторых*, соответственно, три-пять публикации, отражающие тот или иной аспект заявленной проблематики.

Теперь о самих проектах. Далее общий перечень опросов представлен в 11 направлениях, в качестве минипаспортичек и соответствующих им аббревиатур. Формируя такие паспортички, авторы стремились дать основные параметры исследования: время и место его проведения, количественные и социально-демографические характеристики респондентов, предмет исследования, основную цель. Итак, обратимся первому направлению:

I. Воспроизводство молодой смены рабочего класса [2, 4, 12, 13, 14, 15, 16][3]

В период с 1968 по 1990 гг. социологами ИЭ УрО РАН было проведено в общей сложности около 70 опросов молодых рабочих не только предприятий Урала, но и их заводчан-сверстников из других союзных республик бывшего СССР. Вот три проекта:

Мол-Рабочий 30–70-е – 1975» – опрос-интервью двух групп уральских рабочих: а) 450 ветеранов уральской промышленности, чья трудовая биография в качестве молодого рабочего начиналась в 20–30-е годы (метод ретроспективного опроса); б) 450 молодых рабочих Синарского трубного завода и ряда предприятий г. Свердловска.

«Мол-Рабочий – 1979» – анкетный опрос 600 молодых рабочих шести крупнейших заводов г. Свердловска (в том числе – ВИЗ, УЗТМ, РТИ, «Уралобувь»).

«КМК-1981» – по инициативе ЦК ВЛКСМ социологами Института экономики УрО АН СССР был проведен опрос 587 экспертов в сфере организации и функционирования так называемых «комсомольско-молодежных коллективов − КМК». Цель исследования – выявление резервов повышения трудовой активности рабочей молодежи.

«Мол-Рабочий-Златоуст – 1982» – на ряде промышленных предприятий г. Златоуста в 1982 г. был проведён опрос 600 молодых рабочих. Лейтмотив проекта: проблемы повышения эффективного воспроизводства рабочей смены трудовых коллективов[4].

---

[1] В подавляющем большинстве случаев, проекты реализовывались под научным руководством и личным, непосредственным участием автора статьи.

[2] Значительная часть проектов, проведённых в ИЭ УрО РАН, носит мониторинговый характер [12].

[3] Здесь и далее в каждом из направлений социологических опросов приводится библиографический список работ автора статьи, размещённых в конце статьи в общем «Списке работ», в которых затрагивалась соответствующая проблема и использовались результаты реализованных проектов.

[4] В 1985 г. двум уральским социологам Л.Н. Когану и Б.С. Павлову ЦК ВЛКСМ присудил премию Ленинского комсомола с формулировкой «За разработку социальных проблем коммунистического воспитания молодёжи».

II. Шоковые социально-экономические реформы, люмпенизация и социальная защита населения в регионе [2, 4, 12, 17, 18, 19]

Эта проблематика резко актуализировалась в 90-е годы прошедшего столетия. В 1990–2010 гг. социально-экономические проблемы реабилитации уральского населения присутствовали в программах более 70 проектов, реализованных в академическом Институте. Вот некоторые из них:

«Рынок на Урале – 1992–1994» – в период с 1992 по 1994 гг. коллективом экономистов и социологов Челябинского филиала ИЭ УрО РАН была проведена серия мониторинговых опросов общественного мнения населения городских и сельских поселений Челябинской области по социально-экономическим проблемам развития и освоения рыночных отношений на Южном Урале, в частности, по годам[1]:

«Рынок-1992-1» – 7000 чел.
«Рынок-1992-2» – 2000 чел.
«Рынок-1992-3» – 740 чел.
«Рынок-1992-4» – 670 чел.
«Рынок-1993-1» – 950 чел.
«Рынок-1993-2» – 1000 чел.
«Рынок-1994-1» – 955 чел.

«Бедность-2001» – по проблемам социальной защиты бедствующих слоев населения на Урале в 1998 г. были проведены опросы 100 посетителей ночлежных домов и благотворительных столовых в Екатеринбурге и Челябинске; в 1998-2001 гг. – анкетные опросы 232 несовершеннолетних подопечных социально-реабилитационных центров, расположенных в Челябинске и Екатеринбурге, и 56 сотрудников трех центров в г. Челябинске.

«Бомжи-2004» – опрос 520 лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию (ТЖС) в Свердловской (320 чел.) и Челябинской (200 чел.) областях[2].

III. Эколого-валеологическое неблагополучие и социально-психологическая реабилитация населения [2, 4, 12, 20, 21, 22]

Проблемы эколого-валеологического неблагополучия природной среды Урала (как, впрочем, и большинства других регионов РФ) резко обострились с начала 90-х годов и продолжают «сопровождать» в новом столетии повседневную жизнедеятельность как городского, так и сельского населения региона. Начиная с 1992 г по н.в. в ИЭ УрО РАН по экологической проблематике было реализовано около 40 проектов. Среди них:

«ВУРС-1992» – состояние и проблемы социальной защиты населения Челябинской области на ВУРС[3] (сентябрь-октябрь 1992 г., бинарное исследование: опрошены 1000 жителей с территории радиоактивного загрязнения («З») Челябинской области и 1000 – с территорий сопредельных с ВУРС и чистых от радиоактивного загрязнения («Ч»); 500 человек, пострадавших от радиационного облучения; 170 экспертов; 200 рядовых социальных работников; проведено психофизиологическое обследование 440 человек на предмет выявления уровня стрессовой социально-психологической напряженности).

«Городок-1993» – в августе-октябре 1993 г. опрос 960 жителей Чкаловского района г. Екатеринбурга по поводу возможности и последствий бактериологического загрязнения городской территории.

«БАЗ-1998» – опрос 800 работников предприятий г. Краснотурьинска в связи с реконструкцией VI серии электролиза цеха на Богословском алюминиевом заводе (БАЗ).

«ВУРС-2005» – опрос 1530 жителей на радиационно загрязненных территориях в 12 населенных пунктах Челябинской области (Багаряк, Тюбук, Большой Куяш, Татарская Караболка, Муслюмово, Новое Курманово, Худайбердинский, Саккулово, Метлино, Новогорный, Русская Теча, Бродокалмак), а также опрос 28 экспертов – руководителей и специалистов муниципальных образований на территориях Челябинской области, подвергшихся радиационному воздействию.

IV. Экономический кризис, конверсия и реабилитация промышленного потенциала региона [2, 4, 12, 23, 24, 25]

По проблемам ***«Экономический кризис, конверсия и реабилитация промышленного потенциала региона»*** в 1995-20005 гг. социологами Института было проведено более 20 опросов, в том числе:

«Газ-1998» – по вопросам социально-валеологического самочувствия населения на территории строящейся обводной ветки газопровода Бухара–Урал в восьми населенных пунктах трех сельских районов Челябинской области опрошены 370 жителей и 48 руководителей хозяйств.

---

[1] Опросы проводились по заказу Администрации Челябинской области. Науч. рук. и организатор исследований – к.э.н. Козлов В.Н., с участием автора.

[2] Опрос 520 лиц ТЖС в двух уральских областях проводился социологами Института экономики УрО РАН и специалистами служб социальной защиты населения МО Свердловской области. Опросы лиц ТЖС проводились в местах их ночного пребывания, пунктах организации питания и оказания гуманитарной помощи, в службах социальной защиты МО.

[3] ВУРС –Восточно-Уральский радиоактивный след.

«БАЗ-1999» – опрос 680 работников предприятий г. Краснотурьинска в связи со строительством 2 глиноземного цеха на Богословском алюминиевом заводе по проблемам социально-экологического самочувствия семей (апрель-сентябрь).

«Тагил-2000» – в ноябре 2000 г. опрошено 2000 горожан г. Нижнего Тагила с целью изучения трансформации общественного мнения в связи с планируемым строительством производства, осложняющего экологическую обстановку.

«Бизнес-УрФО-2004» – в 38 городах шести субъектов РФ, входящих в УрФО, по квотной выборке и «зеркальным» анкетам были опрошены 370 бизнесменов и 360 чиновников. Цель проекта: выявление причин и факторов, тормозящих развитие малого бизнеса в регионах УрФО.

V. Деструкция социальных институтов и профилактика девиантных проявлений населения [2, 4, 12, 26, 27, 28, 29, 30]

За два десятилетия (1986-2006 гг.) социологи ИЭ УрО РАН получили и выполнили более 40 заказов органов муниципального и регионального управления, связанных с проявлениями ***«Деструкций социальных институтов и профилактикой девиантных (противоправных) проявлений населения»***. В их числе:

«Обл-УВД-февр-1990» – опрос 900 жителей Свердловской области по вопросам эффективности деятельности органов внутренних дел.

«Лабытнанги-1992» – опрос 1200 респондентов − представителей основных социальных групп населения г. Лабытнанги в рамках проекта «Криминогенная обстановка в городах и поселениях Крайнего Севера».

«Подросток-Тагил–1994» – в Нижнем Тагиле опрошены 580 учащихся девяти школ и трех СПТУ; 320 подростков, состоящих на учете в ОППН; 123 экспертов.

«Наркомания-1999» – в рамках мониторинга по программе «Наркомания и молодежь» опрос 550 подростков – учащихся общеобразовательных школ г. Новый Уренгой в возрасте 15–17 лет.

«Подросток-2008» – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной девиантной субкультуре. В числе опрошенных 327 подростков из числа так называемых, по оценкам учителей, «благополучных» и 338 – «трудных».

VI. Общественное мнение и электоральное поведение населения на Урале [2, 4, 12, 31, 32, 33, 34, 35]

Особый этап в развитии социологических исследований в Институте экономики УрО РАН – 1986–1990 гг. В этот период в рамках Центра изучения и формирования общественного мнения трудящихся при Свердловском обкоме КПСС социологами ИЭ УрО РАН был проведено более 20 социологических опросов общественного мнения под общим названием ***«ОМ-1986-90»***, каждым из которых по репрезентативной районированной выборке была охвачена 1000 взрослых респондентов[1]. В табл. 2 представлены некоторые сведения об этих опросах.

Таблица 2

Название опроса, год	Тема, проблема опроса	Опрошено, чел.
«ОМ-Управление-1986»	Перестройка управления экономикой на Среднем Урале	1000
«ОМ-ЗОЖ-1986»	Формирование здорового образа жизни на Среднем Урале	1000
«ОМ-Доходы-1988»	Распространение нетрудовых доходов среди населения	1000
«ОМ-Обстановка-1989»	Морально-политическая обстановка в Свердловской области	1000
«ОМ-Атеизм-1989»	Религия и атеизм на Среднем Урале: общественное мнение	1000
«ОМ-Депутаты-1990»	Отношение трудящихся Среднего Урала к деятельности народных депутатов СССР	1000
«ОМ-Экономика-1990»	Уральцы о злободневных социально-экономических проблемах страны	1000
«ОМ-Дисциплина» 1990»	Трудовая дисциплина в новых условиях хозяйствования	1000

«ЦК КПСС-1986» – экспертный и анкетный опросы 11200 чел. – представителей основных социальных групп трудящихся предприятий ведущих отраслей промышленности Советского Союза (Россия, Белоруссия, Грузия, Латвия, Узбекистан) по проблемам политической агитации и перестройки[2]. Во всех регионах исследование проводилось по единой методике, по специально разработанным четырем анкетам (табл. 3).

[1] По поручению отдела пропаганды и агитации Свердловского обкома КПСС опросы проводились социологами Института экономики УрО РАН при участии ответственных работников соответствующих ГК и РК КПСС; науч. рук. опросов д. филос. н. Павлов Б.С.

[2] По поручению отдела пропаганды ЦК КПСС опросы проводились социологами Института экономики УрО РАН при участии ответственных работников соответствующих ЦК и ОК КПСС, сотрудников АОН при ЦК КПСС; науч. рук. опросов д.филос.н. Павлов Б.С.

Таблица 3

Количество опрошенных респондентов по соответствующим анкетам и территориям, чел.

Территории	Анкета			
	«Анкета»	«Анкета эксперта»	«Анкета работника партаппарата»	«Анкета пенсионера»
г. Москва	850	280	25	200
г. Ленинград	800	270	15	200
Новосибирская обл.	800	240	23	200
Свердловская обл.	776	280	31	195
Харьковская обл.	906	300	35	210
Белорусская ССР	465	150	12	125
Грузинская ССР	820	290	34	200
Латвийская ССР	725	290	17	210
Узбекская ССР	783	230	28	195
Итого, чел.	6925	2330	220	1735

«Выборы мэра-1995» – опрос 1030 избирателей г. Екатеринбурга по поводу их предпочтений в выборе кандидатов на пост мэра города (Чернецкий А.М.) и кандидата в депутаты Госдумы (Татаркин А.И. – по Верх-Исетскому избирательному округу.

«Выборы-1996» – три опроса общественного мнения уральского населения по проблеме «Электорат на Среднем Урале накануне президентских выборов 16 июня 1996 года: ориентации, настроения»[1]:

Опрос	Время проведения опроса	Опрошено избирателей, чел.
«Выборы-1996-А»	23–26 марта 1996	1000
«Выборы-1996-Б»	5–6 мая 1996 г.	1000
«Выборы-1996-В»	4–5 июня 1996 г.	1000

VII. Оптимизация социально-экономических процессов воспроизводства трудового потенциала населения в городах и поселений Уральского Севера [2, 4, 12, 36, 37, 38, 39, 40]

«Школа-Надым-1993–1994» – по представительной выборке с помощью специальных анкет в г. Надыме и поселках Пангоды, Ныда, Правая Хита в 1993–1994 гг. были опрошены: а) школьники 5–7-х классов – 300 чел.; родители этих школьников − 360 чел. и, в качестве экспертов, представители властных и педагогических структур – 110 чел.

«МолСемья северян-1999» – в Новом Уренгое были опрошены 435 горожанина из числа молодых супругов (в рамках проекта «Молодая семья в г. Новом Уренгое»).

«Миграция-2002» – по проблемам жизненного самоопределения молодых северян в Надыме и Надымском районе опрошено 1020 молодых надымчанина в возрасте 18–29 лет, в том числе учеников 6–8-х классов – 385 респондента и 310 молодых горожан в возрасте 16–29 лет.

«Труд-ХМАО-2003» – в городах Лангепас, Когалым, Мегион, Ханты-Мансийск, Югорск, Радужный, Покачи по проблемам социального партнерства на региональных рынках труда и самочувствия семей северян опрошены: а) 580 посетителей служб занятости; б) 60 работников (специалистов) городских служб занятости и в) 110 работодателей, руководителей предприятий.

«Соц-Инфраструктура-2004» – по проблемы социального обустройства северного города опрошена 1000 жителей г. Нижневартовска.

«Семья северян-2006» – опрос населения города Надыма (400 чел.) и поселка Пангоды (300 чел.), а также национальных поселков Ягельный, Заполярный, Правохеттинский, Приозерный и Лонг-Юган (по 60 респондентов в каждом). В целом массив составил 1000 респондентов. Основной предмет исследования – отношение общественности ЯНАО к реформам, идущим в системе школьного образования.

«МолСемья–ХМАО-2011» – в г. Нижневартовске были опрошены 480 молодых супругов по проблемам молодых семей в северном городе.

Социологи Института стали инициаторами организации региональной электронной библиотек Центра независимых исследований «Горизонт» при библиотеке «Ямал» г. Надыма ЯНАО[2]. С начала десятых годов XXI века в ней в свободном доступе размещены несколько десятков книг и монографий по проблемам воспроизводства северного социума России, жизнедеятельности малых северных народов, подготовленных с участием экономистов и социологов ИЭ УрО РАН.

VIII. Расширенное воспроизводство человеческого потенциала старопромышленного региона России [2, 4, 12, 41, 42, 43, 44, 45]

Проблема расширенного воспроизводства человеческого потенциала на Урале наиболее актуальной стала с начала 80-х годов прошлого столетия, «в ответ» на реализацию политики т.н. «Перестройки экономики». Не потеряла

[1] Все три опроса были реализованы по общеобластной представительной выборке (представительство электоральных групп по: а) полу; б) возрасту; в) социальному положению и г) величине и типу поселения).

[2] Бессменный руководитель социологического центра в 1990–2018 гг. и организатор библиотеки – к.соц.н. А.В. Стожаров.

она своей актуальности и в последующий период кардинальной социально-экономической трансформации российского социума. Общее число проектов с этой проблематикой насчитывается около 40, в их числе;

«МолГорожанин-1994» – анкетный опрос 550 молодых людей г. Новоуральска с целью выработки эффективной молодежной политики в МО.

«ВУЗ-2009» – в начале 2009/10 учебного года в Челябинском государственном университете был проведен опрос 1000 студентов 2–6 курсов дневной формы обучения. Выявлены отношение студентов к учебе, их учебные проблемы, факторы выбора специальности и качество подготовки по ней, мнение студентов о внеучебной работе, студенческих проблемах[1].

«Краснотурьинск-2006» – опрос 655 учащихся старших классов общеобразовательных школ и техникума и 400 родителей этих учащихся. Предмет исследования − формирование жизненных планов молодых горожан[2].

«Женский труд-2007» – опрос 200 экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО.

IX. Социализация молодёжи и образовательная политика в регионе [2, 4, 12, 46, 47, 48, 49, 50]

«Школа-Надым-1993» – по представительной выборке были опрошены 485 старшеклассников, 376 родителей опрошенных подростков и 116 экспертов; основной лейтмотив исследовательской программы − проблемы социализации подростков в условиях перехода к рыночной экономике.

«Подросток-2003» – в г. Надыме и Надымском районе был реализован опрос по многоступенчатой квотной выборке 483 старшеклассников – выпускников трех школ г. Надыма (№ 1, 4, 6) и ПУ-4; основной лейтмотив – выявление профессиональных и жизненных планов старшеклассников.

«Курсанты-МЧС-2005» – в городах Екатеринбург и Иваново был проведен опрос 500 абитуриентов, 510 курсантов и 250 экспертов четырех военизированных вузов (Уральский институт ГПС МЧС России; Ивановский институт ГПС МЧС России; Уральский юридический институт МВД России; Екатеринбургский артиллерийский институт).

Предбрачие-2005» – опрос 1000 студентов 3–4 курсов учебных заведений Свердловской и Челябинской областей по вопросам ценности личностных качеств молодых людей в предбрачии.

«Студент-Церковь-2010» – опрос 680 студентов старших курсов Уральского государственного университета (УГТУ-УПИ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования − уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре.

Урал-Школа-2013» – был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши – 46%, девушки – 54%).

X. Целевое воспроизводство молодых инженерных кадров для промышленности Урала [2, 4, 12, 51, 52, 53, 54]

Проблема целевого воспроизводства молодых инженерных кадров для промышленности Урала для социологов института активизировалась с 10-х годов нового столетия. За прошедшее десятилетие реализовано 12 проектов, в том числе:

«ВУЗ-Завод-2011» – в процессе работы над проблемой анализа ресурсов инновационного развития высшего профессионального образования территории в 2010–2011 гг. было проведено комплексное социологическое исследование, включавшее анкетные опросы по квотно-репрезентативной выборке представителей четырех групп респондентов – субъектов процесса воспроизводства кадров специалистов с высшим образованием:

1000 студентов IV–V курсов 7 уральских вузов (гг. Екатеринбург, Нижневартовск, Челябинск)[3];

250 преподавателей этих вузов;

600 молодых специалистов (выпускников вузов) с предприятий реальной экономики Урала;

150 руководителей этих же предприятий (подразделений);

100 – специалисты в сфере социальных наук – *«Наука»*.

«Урал-ВУЗ-2015» – в марте-апреле по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) был проведен опрос 450 студенток старших курсов. В выборку были включены 225 студенток, обучающихся в институтах УрФУ технического (инженерного) профиля и 225 – гуманитарного профиля. Выяснялись их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы

«Инженер ЮУрГУ-2015» контент-анализа автобиографической информации о социально-профессиональном продвижении 1000 выпускников (1960–2003 гг.) автотракторного факультета (АТ) Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ) за свой жизненный период 1960–2013 гг.[4]

---

[1] Этот опрос проводился под научным руководством проф. В.Н. Козлова с непосредственным участием автора статьи.

[2] Эмпирические данные этого исследования использованы, помимо всего, в диссертации к.соц.н. Т.А. Обшивалкиной.

[3] В выборку вузов были включены: Уральский федеральный университет (УрФУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовский государственный гуманитарный университет (НГГУ), Челябинский государственный университет (ЧГПУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ) и др.

[4] Контент-анализ проводился аспирантом ФТИ УрФУ Шевелёвой О.Р. по тексту юбилейного выпуска: Автотракторный факультет: энциклопедия / Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск: АБРИС, 2013. – 471 с. Научн. рук. проф. Павлов Б.С.

«Урал-ВУЗ-2017» – в 2017 г**.** в рамках межрегионального исследования проблем профессионально-трудовой социализации молодых инженерных кадров на факультетах инженерно-технической направленности в пяти вузах Урала и Астрахани был проведён опрос 1000 студентов первых-вторых и четвёртых курсов в частности: а) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в трёх институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 300 чел.; г) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете(АГАСУ, г. Астрахань) – 400 чел.

«Урал-Завод-2018» – 2017–2018 гг. был проведён опрос *1300* специалистов – представителей уральского инженерного корпуса как на *9* промышленных предприятиях Свердловской области *(гг. Екатеринург, Нижний Тагил, Полевской, Серов,),* так и в ***5*** институтах УрО РАН и ***3*** отраслевых институтах по единой стандартизированной анкете ***(«Анкета инженера»)***. В общем числе опрошенных инженеров – 1000 молодых специалистов (возраст не более 30 лет, 750 мужчин и 250 – женщин), 230 инженеров-экспертов.

XI. Родительская семья в регионе как приоритетный объект и субъект государственного строительства [2, 4, 12, 15, 55, 56 57, 58, 59, 60, 61]

Начало «семейной» проблематики в ИЭ УрО РАН было положено в 1974 г., когда по инициативе профессора Л.Н. Когана в социологическом отделе Института была создана «группа семьи» (рук. – к.филос.н Павлов Б.С.), которой было поручено провести в Оренбургской области конкретно-социологическое исследование на тему «Производственно-профессиональная преемственность и сотрудничество поколений в семье». Далее в течение практически, полувека объекты и аспекты изучения уральской семьи постоянно расширялись, охватив не только большинство областей Урала, но и территории Тюменского Севера, Поволжья, Восточной Сибири. В общей сложности проблематика института родительской семьи изучалась в более чем 50 социологических проектов, среди них:

«Семьи-Династии-1976» – на предприятиях ряда городов Оренбургской области (Оренбург, Орск, Бузулук, Бугуруслан, Гай) по представительной выборке был проведен опрос 2164 взрослых городских жителей и интервьюирование 265 работников предприятий, каждый из которых являлся так называемым «основателем рабочей семьи-династии», а также 3066 родственников, входящих в эти семьи.

«Культура Семьи-1978» – в ряде городов Оренбургской области проведен опрос 1340 полных зрелых семей, в составе которых на момент опроса рос и воспитывался подросток в возрасте 14–17 лет. Цель исследования – изучение проблем преемственности поколений «отцов и детей» в условиях и средствами родительской семьи.

«Зрелая-Семья-1982» – опрос 560 семейных работников, воспитывающих 14–17-летних детей в г. Златоусте. Предмет исследования – изучение проблем преемственности поколений на уровне и средствами полной семьи.

«Мол-Семья-1983» – а) опрос 690 молодых семейных супругов из благополучных семей в г. Магнитогорске; б) опрос 171 эксперта; обследование 243 разводящихся (на момент опроса) пар в трех районных народных судах города и проведение контент-анализа 2500 записей актов о расторжении браков в городе за 1965, 1970, 1975, 1980–1081 гг. Предмет исследования – изучение проблем дестабилизации семейно-брачных отношений, в частности, повышения показателя разводимости в молодых семьях горожан.

«Судьба-семьи ВУРС-1993» – собраны и обобщены результаты ретроспективного опроса 100 родительских семей по состоянию на 1957–1960 гг. и 220 семей их детей по состоянию на август 1993 г. Опросы проводились на всех семи территориях ВУТРЗ в Челябинской области. Основная идеологическая подоплека этого опроса – попытка выяснить возможные социально-экономические и социально-демографические последствия событий 1957 г. в двух-трех поколениях потомков семей, подвергшихся радиоактивному воздействию.

«Семья РФ-1999» – по одной стандартизированной анкете был проведен опрос 1360 отцов и матерей, в семьях которых воспитывается подросток в возрасте 15–17 лет. Опрос проводился в шести регионах Российской Федерации (гг. Екатеринбург, Самара, Челябинск, Чита, Надым, Нижневартовск). Лейтмотив проекта: проблемы семейной социализации молодёжи.

«МолСемья РФ-2003» – в ряде городов и поселений пяти субъектов РФ, в том числе Свердловской и Челябинской областях, по проблемам демографического поведения семей опрошены 2900 молодых супругов.

«Семья-2005» – в г. Екатеринбург опрос 880 молодых супругов по проблемам стабилизации отношений в молодых семьях (362 мужчины и 518 женщин).

«Быт-Услуги-2005» – по специально разработанной «Анкете жителя города» в 37 микрорайонах г. Екатеринбурга были опрошены 4000 взрослых жителей по проблемам «равнодоступности» бытовых услуг в ареалах семи административных районов большого города.

«Урал-Семья-2014» – по квотной выборке в семи институтах УрО РАН были проведены опросы 550 научных сотрудников, представляющих группу полных, зрелых, детных семей ряда регионов РФ (в том числе Урала), и 200 преподавателей двух вузов Урала (УрФУ) и Подмосковья.

«Урал-Семья-ВУЗ-2016» – в семи вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов 2 и 4 курсов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей. Опрошенные студенты были подразделены в соответствии с профессиональной направленностью вузов на три группы: а) технические (УрФУ, УрГУПС, ЮУрГУ – 750 чел.); педагогические (СГПУ, ЧГПУ – 350 чел.) и гуманитарные (ЧелГУ, ТюмГУ) – 400 чел.

* * *

На переломе XX и XXI вв. кризисное, неустойчивое состояние социально-экономической системы России в целом, равно как и Уральского региона, характеризовалось тремя основными взаимосвязанными и взаимообусловленными негативными тенденциями, а именно: а) суженный процесса воспроизводства средств производства и жизненных благ (т.е. экономический спад); б) нарушение процесса воспроизводства естественных природных ресурсов (как органических, так и неорганических) и условий жизнедеятельности людей (определенная деградация экосистемы); и, наконец, в) сужение процесса воспроизводства населения (иначе – депопуляция). Сужение воспроизводства населения и снижение его качественных характеристик – одна из детерминант, определяющих угрозу экономической и социально-культурной безопасности отдельного региона, страны в целом. Снижение качества человеческих ресурсов проявляется в ухудшении основных характеристик состояния здоровья регионального социума, что отчасти является следствием увеличения экономической нагрузки на трудоспособное население со стороны требующей жизнеобеспечения и социальной защиты отошедшей от активной экономической деятельности части населения. Доля последней увеличивается из-за общего «старения» населения России в целом и Уральского региона в частности, роста числа инвалидов, неработающих одиноких женщин с малолетними детьми и т.д.

В переходный период РФ в 90-е годы институт родительской семьи во многом смягчил удар «шоковой терапии» и включения рычагов рыночной регуляции. В экономическом аспекте, например, вся нагрузка по содержанию и воспитанию ребенка упала на плечи родителей. Раньше государство брало на себя до трети всех текущих затрат на содержание и уход за ребенком, включая воспитание (без учета инвестиций в социальную инфраструктуру). Общие затраты (и семьи, и государства) равны стоимости типовой трехкомнатной квартиры. Не меньше стоимость моральных издержек и очень незначительна отдача от взрослых детей. В этом смысле семья бизнесмена лучше всего оказалась готова к обстоятельствам экономической депрессии. Переходная экономика оперирует в основном краткосрочными кредитами, тогда как дети – объект долговременных инвестиций. Именно отсутствие денег на новое поколение у государства обусловливает конъюнктурную компоненту спада рождаемости в обществе. Ресурсы семьи не бесконечны, и поэтому экономически репродуктивная функция семьи оказалась менее всего защищенной.

Не вызывает сомнения тезис о том, что эффективность существующих мер по социальной поддержке и реабилитации семей с детьми в современной России следует признать *явно недостаточной*. При этом в качестве основных характерных черт социальной (семейной) политики Российского государства по поддержке семей с детьми можно, в частности, выделить:

а) вынужденный отказ государства от активной политики стимулирования рождаемости и многодетности в пользу социальной помощи и стратегии выживания в нестабильных социально-экономических условиях;

б) своеобразная стихийность и непоследовательность в осуществлении политики социальной помощи семьям с детьми (например, определение размера пособий на детей в зависимости от установленного прожиточного минимума и сопутствующих неблагоприятных ситуациях);

в) постоянное «опережение» принимаемых государственных решений по отношению к изменениям, происходящим в экономике, способных экономически обеспечить нововведения в семейной политике;

г) недостаточный учет региональных особенностей, репродуктивной деятельности семей, ее зависимость от территориальной дифференциации доходов, уровня оплаты труда, неадекватной покупательной способности рубля, различия в уровнях развития сфер услуг в различных регионах;

д) в условиях социально-экономической трансформации российского общества обострение противоречия между *востребованным* рыночной системой *оплачиваемым трудом* и *«невостребованным» домашним* (неоплачиваемым) репродуктивным трудом.

* * *

Для читателя, не столь углубленного в «процедурную кухню» социологического исследования, считаем необходимым представить поэтапные (последовательные) шаги реализации серьезного социологического проекта. Эти этапы, как правило, выстраиваются следующим образом:

Социальный заказ – цель – задачи – понятия – предмет – гипотезы – объект
– методы – инструментарий – выборка – сбор информации – обработка –
– осмысление – интерпретация – описание – сдача заказчику –
– социальное планирование – социальное проектирование – внедрение –
– социальное слежение – корректировка

В каждом конкретном исследовании прохождение каждого этапа связано не только с имеющимися у социолога (группы социологов) приобретенными знаниями, уже «накатанного» опыта, другими словами, «шаблонизированной деятельности».

Согласимся, что основные научно-методические и организационно-технологические решения и заботы по проведению опросных процедур «от» и «до» – это непреложная прерогатива научных руководителей, администрации организаций, инициирующих эти проекты.

Важно осознавать и то, что в большинстве случаев дополнительно требуется известная доля новых эвристических усилий, новых подходов, новых профессиональных решений, очередных профессиональных рисков *от задумки и гипотез к успешному решению* той или иной социальной проблемы. Не эти ли *«трудности»* делают профессию, сам труд социолога, научного работника столь интересными и притягательными?!

«Судьба России, – подчеркнул В.В. Путин в своём обращении к Федеральному Собранию – её историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет…, зависит от того, сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни» [62]. В этом достаточно кратком фрагменте обращения Президента нельзя не видеть его им-

манентную обеспокоенность обозначенной кардинальной проблемой и его надежду «БЫТЬ УСЛЫШАННЫМ и ПОНЯТЫМ» всеми россиянами, в том числе научной общественностью и, в первую очередь, экономистами, демографами и социологами.

Если говорить о конкретном академическом Институте, о котором шла речь в статье выше, то в нём, по нашему твёрдому убеждению, есть достаточно дееспособные резервы для активизации НИР, связанной с проблемами воспроизводства, сбережения и использования человеческого потенциала в рамках и средствами региона. Приведём в подтверждение лишь два аргумента. За последние три десятилетия в ИЭ УрО РАН сложилась достаточно устойчивая и дееспособная региональная научная общность, на счету которой многие десятки реализованных совместных проектов, публикаций, экспертиз, подготовленных и защищённых диссертаций.

Например, активными участниками реализации совместных (коллективных) исследовательских проектов в период 1970–2019 гг. являлись: к.соц.н. Александрова Ж.П., д.соц.н. Артюхов А.В., к.соц.н. Бердник Л.П., к.э.н. Бондарева Л.Н., д.филос.н. Гудыма А.П., к.филос.н. Гуревич М.А., д.соц.н. Засыпкин В.П., к.э.н. Зоркова Н.А., к.соц.н. Икингрин Е.Н., к.филос.н. Ишутина Т.А., д. соц.н. Каргаполова Е.В., д.филос.н. Коган Л.Н., к.э.н. Козлов В.Н., Колотыгина М.А., д.соц.н. Костин А.А., д.соц.н. Лоншакова Н.А., к.э.н. Морозов Г.Б., Найдёнова (*Сиражетдинова*) А.А., Насырова Т.П., д.б.н. Павлова В.И., д.соц.н. Паначев В.Д., д.соц.н. Пацула А.В., Подвысоцкий А.И., к.филос.н. Поляничко В.П., д.соц.н. Попов В.Г., к.х.н. Разикова Н.И., д.э.н. Рачек С.В., к.б.н. Сарайкин Д.А., д.соц.н. Скульмовская Л.Г., к.соц.н. Соколова (Колунина) Э.Г., к.соц.н. Стожаров А.В., д.филос.н. Суховей А.Ф., к.п.н. Тарабрина Л.С., к.филос.н. Шарова А.Ф., д.соц.н. Шаталова Н.И., Шевелёва О.Р. и др. Одновременно нашими «заказчиками» и организаторами-помощниками выступали как представители федеральных и региональных властных структур и общественно-политических организаций, так и руководители промышленных предприятий, работники кадровых служб, заводские социологи.

В октябре 2018 г Президиум Российской академии естествознания (РАЕ) институализировал консолидированное региональное сотрудничество исследователей и классифицировал его в качестве научной школы ***«Воспроизводство человеческого потенциала в регионе»***. Почётное звание «***Основатель научной школы»*** было присвоено в.н.с. Института экономики УрО РАН д.филос.н., профессору, действ. члену РАЕ Павлову Б.С. Позже ему были присвоены также звания ***«Основателя научных направлений»*** двух проблематик исследований региональной экономической социологии: первое – ***«Методологическое и методическое обоснование научно-практического анализа проблем и процессов профессиональной социализации молодежи в регионе и расширенного воспроизводства инженерного корпуса в промышленности Урала»*** (2018 г.), а также второго направления: ***«Гендерная компонента процесса воспроизводства и использования инженерного корпуса в промышленности Урала»*** (2020 г.) [64].

Добавим к этому, что потенциальные участники реализации социологических проектов в рамках указанной школы и научных направлений имеют, в качестве «уставного» социологический капитала богатейший информационный банк, базирующийся на результатах обработки уникального эмпирического и фактологического материала сотен реализованных проектов за более чем полувековой период.

Автор статьи, разработчик и держатель (с 1970 г. по н. вр.) уникального банка перманентно обновляющейся социологической информации для индивидуальной работы научного сотрудника: в ПЭВМ – целенаправленно упорядочены около 347 тыс. «рабочих» файлов в более 37 тыс. «рабочих» папках, общим объёмом – около 408 ГБ (по состоянию на начало июля 2020 г.). Информация банка перманентно дублируется на 3 автономных носителях [12].

И ещё одно замечание, связанное с разработкой новой программы стратегического академического лидерства, представляемого Минобрнауки РФ. Автор статьи, он же «основной хозяин и держатель» этого интеллектуального капитала, готов к сотрудничеству с заинтересованными, компетентными и добропорядочными исследователями (также как и потребителями) представленной социологической информации. МИЛОСТИ ПРОСИМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ!

Пользуясь случаем, автор выражают особую благодарность руководителям предприятий, учреждений, способствовавшим организации опросов трудящихся, всем нашим респондентам-уральцам, посчитавшим возможным отвечать и ответить на поставленные вопросы. Автор благодарен также руководству и специалистам Института экономики УрО РАН, оказывавшим организационно-методическую помощь и на протяжении пяти десятков лет проявлявшим заинтересованное участие в проведении опросов, обработке материалов и интерпретации результатов социологических исследований. **СПАСИБО им всем!**

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд.
2. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 575 с.
3. Павлов Б.С. О понятии «производство человека»: краткий социологический экскурс //Уральская социология на рубеже веков: преемственность поколений: в 2-х ч. Ч. 1. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – С. 65.
4. Павлов Б.С., Анисимов С.А. Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН; Физико-технологический институт Уральского федерального университета. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 603 с.
5. Яницкий О.Н. «Критический случай»: социальный порядок в обществе риска // Социологическое обозрение. 2002. – Т. 2. – С. 86–99.
6. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. – N.Y.: Walter de Gruyter, 1993. – P. 18.
7. Социологические проблемы художественной культуры: теория, методология, конкретные исследования / В.И. Волков, Л.Н. Коган, И.Л. Куличков, Б.С. Павлов, Н.А. Хренов и др.; отв. ред. В.И. Волков, Л.Н. Коган // Труды Института экономики УНЦ АН СССР. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1976. – 128 с.

8. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. – М.: Мысль. 1984. – 184 с.
9. Коган Л.Н. Жить по справедливости. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. – 176 с.
10. Личностный потенциал работника: проблемы формирования и развития / В.С. Аллаярова, В.И. Волков, А.Э. Гущина, Л.И. Иванько, Г.Е. Маклакова, В. Нестеров, Д.В. Нестерова, С.Г. Панова, Н.П. Тупицына, А.Ф. Шарова, Н.И. Шаталова; отв. ред.: В.Г. Нестерова, Л.И. Иванько. – М.: Наука, 1987. – 232 с.
11. Вишневский Ю.Р., Докторов Б.З., Зборовский Г.Е., Павлов Б.С. Л.Н. Коган: «Я ЖИЛ» // Социологический журнал. 2018. – Т. 24, № 1. – С. 152–175.
12. Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.) / Российское общество социологов; Институт экономики УрО РАН; Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – 825 с.
13. Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. – 175 с.
14. Коган Л.Н., Павлов Б.С., Поляничко В.П. Трудовые династии Оренбуржья. – Оренбург, 1977. – 95 с.
15. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.
16. Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – М.: Наука, 1984. – 225 с.
17. Павлов Б.С., Машевский В.А., Сусло А.Ф., Татаркин А.И. Трудовой коллектив в условиях нестабильной рыночной экономики (на примере строителей трубопроводов на Крайнем Севере). – Свердловск: Труды ИЭ УрО АН СССР, 1991. – 74 с.
18. Икингрин Е.Н., Козлов В.Н., Никитин В.В., Павлов Б.С., Татаркин А.И. Социальная политика в регионе: теория и практика. (На материалах Челябинской области). – Челябинск: Гл. управл. соц. защиты населения Челябинской обл., ИЭ. УрО РАН, 1994. – 192 с.
19. Татаркин А.И., Павлов Б.С., Анисимов С.А., Артюхов А.В., Иванова В.Ф., Икингрин Е.Н., Козлов В.Н. и др. Люмпенизация населения как следствие асоциального реформирования экономики (на примере Уральского региона). – Ч. 2. Проблемы социальной реабилитации безнадзорных детей: препринт: – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2001. – 75 с.
20. Павлов Б.С., Ишутина Т.А., Козлов В.Н. и др. Научные основы изучения проблем социально уязвимых слоев населения Челябинской области, проживающих на Восточно-Уральской территории радиоактивного загрязнения. Рабочая программа. – Челябинск; Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, Академэкоцентр и др., 1992. – 109 с.
21. Павлов Б.С., Козлов В.Н., Никитин В.В. Социальная защита населения Восточно-Уральской территории радиоактивного загрязнения: состояние и проблемы. – Челябинск, 1993. – 193 с.
22. Павлов Б.С., Бердник Л.П., Разикова Н.И. Экология и социально-валеологическое самочувствие населения на Урале (на примере ВУРС) / Ин-т экономики УрО РАН; Уральский федеральный гос. ун-т. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2011. – 562 с.
23. Ишутина Т.А., Павлов Б.С., Сиделев Н.П., Татаркин А.И., Сусло А.Ф., Чемакин И.М. Социально-психологическая обстановка на конверсируемых предприятиях Урала. (Общественное мнение): препринт. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 1994. – 50 с.
24. Волков А.В, Ишутина Т.А., Павлов Б.С., Татаркин А.И., Коган Л.Н. и др. Молодежная политика в сфере занятости в г. Новоуральске: в 2-х частях. – Ч. I. Молодежь и труд: отношение, ориентации, проблемы (по материалам социологических опросов). – Екатеринбург; Новоуральск: ИЭ УрО РАН, 1995. – 84 с.
25. Павлов Б.С., Анисимов С.А., Артюхов А.В., Заякина О.А., Ишутина Т.А., Колунина Э.Г., Павлов С.Б., Стожаров А.В., Татаркин А.И. и др. Общественная экологическая экспертиза как фактор развития промышленного производства (на материалах социологического исследования в связи со строительством «Стана-5000» на ОАО «НТМК»: препринт. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2001. – 64 с.
26. Чичканов В.П., Павлов Б.С., Темрук И.С. и др. Нетрудовые доходы населения: общественное мнение о распространении и путях ускорения (Информационные материалы). – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – 86 с.
27. Павлов Б.С., Ишутина Т.А., Иванова В.Ф. Павлов Д.Б. и др. Подростки в северном городе. Проблемы реабилитации «трудных». – Екатеринбург; Надым: Институт экономики УрО РАН и др., 1997. – 472 с.
28. Абдрахманов М.Ш., Артюхов А.В., Ерченко В.А., Зверянская Л.Г., Павлов Б.С., Рузанов В.И., Стожаров А.В., Терешин В.П. Наркомания и регион. – Надым: Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район, 2003. – 200 с.
29. Павлов Б.С. Над опасным «социальным придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 69–80.
30. Павлов Б.С. Социально-экономические проблемы населения в регионе в контексте социальных рисков и деструкций (По результатам социологического мониторинга на Урале) / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т экономики. − Екатеринбург, 2014. – 357 с. (Деп. в ИНИОН РАН. 2014 г., № 61117).
31. Чичканов В.П., Павлов Б.С., Темрук И.С. и др. Нетрудовые доходы населения: общественное мнение о распространении и путях ускорения (Информационные материалы). – Свердловск: Институт экономики УрО АН СССР, 1989. – 86 с.
32. Житенев В.А. (рук.), Габдулин М.П., Баринова Г.И., Ерхов Г.П., Журавлев Г.Т., Карпухин О.И., Кузьмин Е.М. , Лисовский В.Т., Макаревич Э.Ф., Нелюбин А.А., Павлов Б.С. , Попов С.А. , Стрекалов В.Г., Яковлев А.И. Политическая агитация: опыт, проблемы, пути перестройки. – М.: Политиздат, 1989. – 272 с.[1]
33. Житенев В.А., Ишутина Т.А., Павлов Б.С. Чичканов В.П. и др. Политическая агитация и перестройка: общественное мнение (информационные материалы): в 2-х ч. – Ч. I. Инструментарий исследования. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990. – 86 с.
34. Павлов Б.С., Попов В.Г. Религия и атеизм на Среднем Урале: общественное мнение. (Информационные материалы) // Труды ИЭ УрО АН СССР. – Свердловск, 1990. – 67 с.
35. Павлов Б.С., Силин Я.П., Татаркин А.И., Анисимов С.А., Юрпалов С.Ю. и др. Городская власть и горожане: прямая и обратная связь. Дайджест-информация по итогам 5 массовых опросов населения г. Екатеринбурга: 1997-1998 г. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 1998. – 122 с.
36. Проблемы социализации детей и подростков (на материалах исследований в поселениях Крайнего Севера) 1992–1994 гг. / Л.Н. Коган, Б.С. Павлов, Л.С. Тарабрина, А.И. Татаркин (рук-ли), В.С. Акулов, С.А. Анисимов, Павлова В.И., Павлова Е.И. и др.; под общей ред. Л.Н. Когана, Б.С. Павлова и Т.А. Ишутиной. – Екатеринбург; Надым: Институт экономики УрО РАН, Надымское управл. народн. образов., 1994. – 269 с.
37. Павлов Б.С., Стожаров А. В. Тарабрина Л.С. Молодежь Крайнего Севера на переломе российских реформ (опыт социологического мониторинга в северном регионе. 1992–2005 гг.). – Екатеринбург; Надым: Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район; Ин-т экономики УрО РАН; Научн.-исслед. центр «Горизонт-М», 2005. – 556 с.
38. Татаркин А.И., Павлов Б.С. Социально-экономические оценки и жизненные планы населения в условиях промышленного освоения северных территорий России. – М.: Экономика, 2007. – 272 с.

[1] Монография подготовлена по заданию Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

39. Павлов Б.С., Александрова Ж.П. К вопросу о развитии человеческого потенциала на Уральском Севере // Журнал экономической теории. 2009. – № 3. – С. 51–63.
40. Павлов Б.С. Становление социологических исследований на Ямале // СОЦИС. – М., 2011. – № 8. – С. 57–61.
41. Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс. – М.: Сов. Россия, 1989. – 240 с.
42. Житенёв В.А., Коган Л.Н., Коробков Г.В., Мехряков В.Д., Павлов Б.С. Попов В.Г., Яшин Г.П. Трудовая дисциплина в новых условиях хозяйствования // Труды ИЭ УрО АН СССР. – Свердловск, 1990. – 107 с.
43. Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН; УрАГС, 2005. – 230 с.
44. Воспроизводство совокупного работника в регионе как тактическая и стратегическая задачи / Ж.П. Александрова, С.А. Анисимов, Л.П. Бердник, Т.П. Бессонова, Г.Л. Зверева, В.Н. Козлов, Э.Г. Колунина, Н.А. Лоншакова, Б.С. Павлов, В.И. Павлова, В.Г. Попов, Н.И. Разикова и др. РАН; Урал. отд-ние. Ин-т экономики, Фонд поддержки стратегических исследований и инвестиций Уральского федерального округа, ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ». – Екатеринбург, 2007. – 280 с. (Рукопись деп. в ИНИОН РАН 6 авг. 2007 г., № 60360).
45. Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: Экономика, 2009. – 436 с.
46. Павлов Б.С., Коробков Г.В., Коростелев Г.М. и др. Учитель и школьная реформа на Среднем Урале: общественное мнение. – Свердловск: Труды ИЭ УрО АН СССР, 1991. – 84 с.
47. Лоншакова Н.А., Павлов Б.С. Студенческая молодёжь на региональном рынке труда: проблемы ориентации и адаптации (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург; Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 81 с.
48. Павлов Б.С., Левин Я.Н., Обшивалкина Т.А. Общеобразовательная школа как фактор социализации молодого человека. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006. – 71 с.
49. Молодежь на региональном рынке образовательных услуг: проблема согласования общественных и личных потребностей / Ж.П. Александрова, С.А. Анисимов, Л.П. Бердник, В.Ф. Иванова, Н.А. Лоншакова, М.П. Миронов, Б.С. Павлов, Д.Б. Павлов, В.Г. Попов, А.Ф. Сусло, И.В. Сапожникова, А.И. Татаркин; РАН. Урал. отд-ние, Ин-т экономики. – Екатеринбург, 2006. – 184 с. (Деп. в ИНИОН РАН. 20.02.2006 г. № 596447).
50. Павлов Б.С., Козлов В.Н., Бердник Л.П. Высшие учебные заведения в регионе: по пути традиций к инновациям // Проблемы модернизации высшего профессионального образования в регионах / Lambert Academic Publishing. – Saarbrucken 2014. – 82 с.
51. Павлов Б.С., Лоншакова Н.А., Разикова Н.И., Сиражетдинова А.А. Регионализация профессионального образования: динамика предложения и спроса // Журнал экономической теории. 2012. – № 2. – С. 157–169.
52. Павлов Б.С., Сиражетдинова А.А. Формирование кадрового корпуса инженеров на Урале: социологический аспект // Экономика региона. 2012. – № 1. – С. 62–75.
53. Павлов Б.С., Сиражетдинова А.А., Разикова Н.И., Степанова А.Ю. Проблемы организации системы подготовки инженерных кадров на Урале // Дискуссия. 2013. – № 10 (40). – С. 120–126.
54. Павлов Б.С., Разикова Н.И., Шевелёва О.Р. Воспроизводство инженерных кадров на Урале: концептуализация гендерного подхода // Дискуссия. 2016. – № 10. – С. 66–72.
55. Коган Л.Н., Павлов Б.С., Иванько Л.И., Волков В.И. и др. Оренбургская семья. – Свердловск; Оренбург: Оренб. ОК КПСС, Ин-т экон. УНЦ АН СССР, 1978. – 88 с.
56. Павлов Б.С. Социология: проблемы семьи: учеб. пособие. – Ч. 1–2. – Челябинск: Вып. Академэкоцентра УрО РАН, 1992. – 233 с.; 297 с.
57. Павлов Б.С., Козлов В.Н. Завод и семья: грани сотрудничества. – Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1989.
58. Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). – Екатеринбург; Салехард: ИЭ УрО РАН, 1999. – 208 с.
59. Павлов Б.С., Бессонова Т.П. Семейная экономика и материнский капитал как факторы репродуктивного поведения населения на Урале // Экономика региона. 2009. – № 2. – С. 33–44.
60. Павлов Б.С. Моя жизнь. Семья. Работа. Дети. – Екатеринбург, 2011. – 421 с.
61. Павлов Б.С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. 2013. – № 3. – С. 121–131.
62. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 г. – http://kremlin.ru/events/president/news/62582
63. Павлов Б.С. Энциклопедия ИЗВЕСТНЫЕ УЧЁНЫЕ. – https://www.famous-scientists.ru/

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, Ижевский филиал Российского университета кооперации
rkvp_ruk@mail.ru
Асадуллина Н.Р.
к.э.н., доцент, Ташкентский филиал Российского экономического университета rasadullina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ И ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ С УЧЕТОМ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Ключевые слова*: демографические процессы, социально-экономические факторы, особенности, демографический дивиденд, миграции населения.*
Keywords*: demographic processes, socio-economic factors, features, demographic dividend, population migration.*

Состояние и развитие общества определяется в значительной степени количеством и составом населения, его жизненным и трудовым потенциалом. Демографические процессы находятся под сложным влиянием экономических, социальных, техногенных, экологических, политических и множества других факторов и в свою очередь оказывают влияние на все без исключения стороны общественной жизни.

В XX–XXI вв. прогнозы в отношении населения стали насущной необходимостью, значимость их постоянно возрастает как во внутренней политике конкретных регионов, государств, так и на международном уровне. Демографическое прогнозирование в своем классическом виде основано на научно обоснованном предвидении основных параметров движения населения. Задачей социально-демографического прогнозирования являются расчеты численности и половозрастной структуры населения на основе сценарных разработок на ближайшую и отдаленную перспективы процессов рождаемости, смертности и миграции.

Эффективность национальной демографической политики и ее взаимосвязь с социально-экономической политикой во многом зависит от учета особенностей макроэкономической ситуации, которая сложилась в стране. Последствия указанной взаимосвязи в концентрированной форме отражают потребности и специфику социально-экономического подхода в развитии Республики Узбекистан на современном этапе. К сожалению, низкий уровень важнейших макроэкономических показателей ограничивает возможности регулирования демографической ситуации, в особенности потенциал и значение финансового обеспечения в управлении социально-экономической политикой. В этом плане большую актуальность приобретает выявление взаимосвязи демографической и социальной политики, включающей в себя мероприятия, относящиеся ко всему процессу становления человека, личности. Уже никто не оспаривает, что планирование семьи или обеспечение репродуктивного здоровья человека составляют лишь отдельные части демографической политики. Поэтому возникает необходимость рассмотрения проблем, связанных с исследованием взаимосвязи демографической и социальной политики. При этом особую значимость приобретает рассмотрение этих вопросов под определенным углом процесса социализации, т.е. рассмотрения становления человека, личности, отвечающих потребностям существующей социально-экономической системы.

Экономическая и социальная системы взаимно влияют на развитие друг друга. С одной стороны, экономическое развитие создает предпосылки для изменения качества жизни населения, создает среду для формирования трудовых ресурсов. С другой стороны, именно люди, обладающие определенным набором качественных и количественных характеристик формируют состав рабочей силы, занятой в экономике.

Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев отметил, «что в социальной сфере особо приоритетное значение мы придаем вопросам укрепления здоровья людей, охраны материнства и детства, надежного обеспечения населения лекарственными средствами, воспитания физически здорового и духовно зрелого молодого поколения» [6].

Как было указано в стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан «необходимо создание условий трудоспособному населению для полной реализации их трудовой и предпринимательской активности, повышение качества рабочей силы, расширение системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации лиц, нуждающихся в трудоустройстве» [7].

Поставленные задачи требуют выделения приоритетных направлений в государственной социальной политике с целью оптимизировать затраты бюджета и максимизировать положительный эффект от вложений в социальную сферу. Глубокое исследование социально-демографических процессов представляется необходимым для разработки государственной политики, направленной на оптимизацию численности трудоспособного населения и улучшения его качественных характеристик.

Для планирования социально-экономического развития страны необходимы данные о численности, размещении и составе населения на каждый год расчетного периода. Прогнозные оценки требуются и в экономической, особенно маркетинговой, деятельности для определения перспективной емкости рынка, формирования транспортной и

социальной инфраструктуры. Данные получают с помощью перспективных расчетов численности и состава населения.

Прогноз состояния населения – научно обоснованная информация о будущих тенденциях изменения численности, структур и характеристик населения на региональном, национальном и глобальном уровнях.

Текущая демографическая динамика Республики Узбекистан характеризуется снижением рождаемости, уменьшением коэффициента зависимости, которые, согласно прогнозам, достигнут минимума в 2030 году, а также увеличением доли и численности населения трудоспособного возраста, которое, согласно прогнозам, достигнет максимума в 2048 году.

Данные тенденции ведут к той возрастной структуре населения, которая предопределяет возможность получения того, что обычно называют демографическим дивидендом. Многие страны, особенно так называемые «азиатские тигры» в Восточной Азии, задействовали увеличившиеся людские ресурсы для достижения быстрых темпов экономического роста и успешного достижения демографического дивиденда.

По прогнозам Министерства занятости и трудовых отношений республики, в Узбекистане население увеличится в 1,3 раза к 2035 году, и оно может составить 43,6 миллиона человек против 33,25 миллиона человек постоянного населения Республики Узбекистан по состоянию на 1 января 2019 года. Соотношение городских жителей увеличится с 50,6 до 58,7 процента, сельских жителей – наоборот – снизится с 49,4 до 41,3 процента. Количество мужского населения снизится с 49,8 до 49,5 процента, женского – вырастет с 50,2 до 50,5 процента.

Оценки прогноза на менее длительную перспективу показывают, что в Узбекистане, несмотря на сокращение темпов роста, будет сохраняться умеренно расширенный тип воспроизводства населения со среднегодовым темпом прироста в 1,3%, при этом численность населения возрастет к началу 2031 г. до 37 млн. человек (рис. 1). В целом, за период 2013–2030 гг. абсолютный прирост численности населения составит свыше 7 млн. человек.

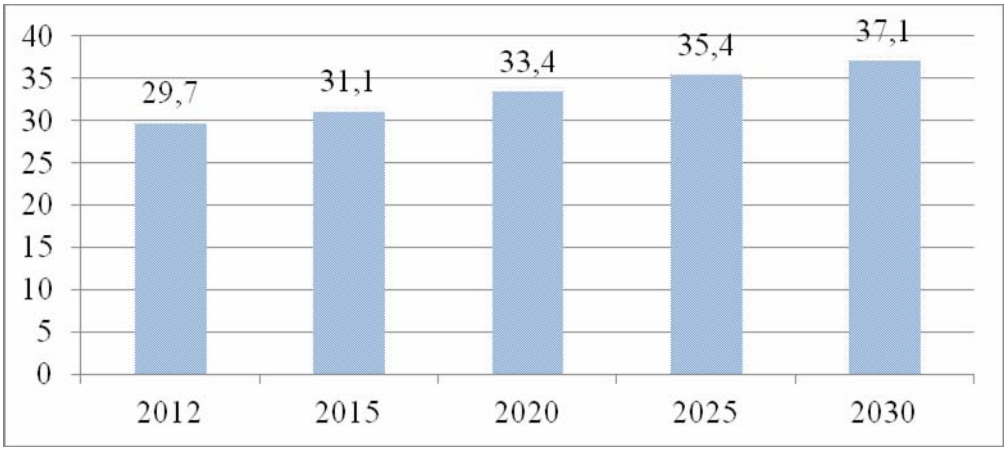

Рисунок 1.
Прогноз среднегодовой численности населения (млн. человек) [11]

В течение последних 25 лет в Узбекистане наблюдается изменение возрастной структуры населения. Фертильность и детская смертность достигли низкого и стабильного уровня. Население страны, хотя и продолжает расти, стабилизировалось и остаётся молодым, а доля иждивенцев (детей в возрасте до 15 лет и людей старше 65 лет) среди общего населения сократилась (рис. 2.).

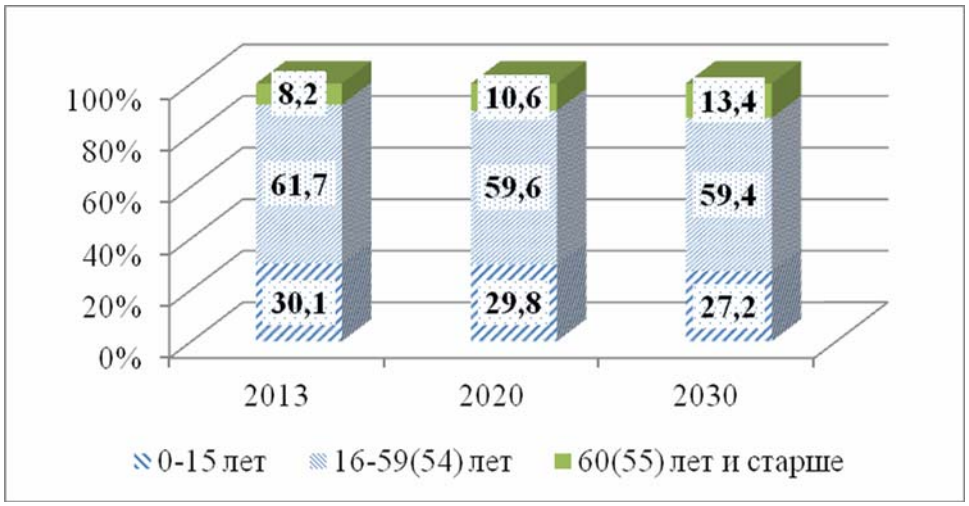

Рисунок 2.
Укрупненная возрастная структура населения Узбекистана (%) [11]

Благодаря этому изменению в возрастной структуре населения Узбекистан находится на этапе, который сегодня можно классифицировать как «ранний демографический дивиденд» [10]. Рост доли трудоспособного населения в ближайшие несколько лет с умеренным количеством иждивенцев создаст благоприятные демографические условия для экономического роста – так называемый демографический дивиденд. Он может оказать существенное положительное влияние на увеличение реальных доходов, а также содействовать сокращению малообеспеченности. Демографический дивиденд обусловлен тем, что трудоспособное население приближается к своей максимальной численности, что означает меньшее количество иждивенцев. В результате, большая часть национального дохода может быть направлена на потребление, производство и инвестиции, что, в свою очередь, даст толчок развитию.

Недавнее исследование факторов экономического роста показывает, что демографические сдвиги могут в значительной степени объяснить «экономическое чудо» в странах Восточной Азии [9]. Например, согласно оценкам, четверть экономического роста в Китае за последние тридцать лет обусловлена демографическими изменениями [14]. Китай смог получить демографический дивиденд в 1980–2010 годах, инвестируя в развитие человеческого капитала и создавая благоприятные условия для повышения темпов экономического роста.

Учитывая нынешнее снижение рождаемости и повышение средней продолжительности жизни в стране, окно демографических возможностей будет открытым непродолжительное время. Ожидается, что в ближайшие годы структура населения Узбекистана значительно изменится. Коэффициент рождаемости в настоящее время составляет около 2.2 младенца на каждую женщину фертильного возраста (15–49 лет), а в следующем десятилетии данный показатель упадет до уровня замещения (2.1 младенца), а затем ниже уровня замещения [13]. Эта тенденция подразумевает, что в период между 2015 и 2030 годами доля детей, в настоящее время составляющая около 37 процентов, будет значительно снижаться – примерно до 20 процентов [13]. Подобное изменение структуры населения имеет важные последствия для экономики и общества, так как меньшее количество детей в период после 2030 года приведет к сокращению численности трудоспособного населения во второй половине XXI века. А примерно через пятнадцать лет будет наблюдаться рост численности нетрудоспособного населения, нуждающегося в опеке, так как средняя продолжительность жизни населения будет расти, и многие представители нынешнего трудоспособного населения перейдут в категорию пожилых.

Процесс старения населения является характерным для многих стран с высоким или выше среднего уровнем доходов, однако вскоре этот процесс можно будет наблюдать и в некоторых странах с уровнем доходов ниже среднего. Кроме того, учитывая высокую стоимость ухода за пожилыми людьми и необходимость социального обеспечения для них, продолжающаяся эмиграция трудоспособного населения, наряду с увеличением численности пожилых, может замедлить экономический рост, став значительной нагрузкой для общества.

Узбекистан находится на важном рубеже. У страны есть благоприятные демографические условия для получения экономического дивиденда, который мог бы вывести миллионы жителей из малообеспеченности, увеличить благосостояние и стабильность. Глобальные экономические тенденции также довольно благоприятны для экономического роста в Узбекистане, и, как свидетельствует опыт стран, которым удалось извлечь демографический дивиденд, это возможно только при успешном комбинировании благоприятных условий для экономического роста и изменений в демографической структуре населения через ведение рационального и дальновидного политического курса.

Вероятность получения демографического дивиденда в Узбекистане хотя и высока, но все же не гарантирована. Как и в других странах Центральной Азии, для получения дивиденда потребуется внедрение целевого плана действий с долгосрочным видением для того, чтобы максимально использовать нынешний и будущий потенциал детей и молодежи, а также планировать действия, направленные на заботу о возрастающем количестве пожилого населения в будущем.

Стратегия действий по дальнейшему развитию Узбекистана на 2017–2021 годы [4], при условии должного исполнения, может способствовать созданию благоприятных условий для получения демографического дивиденда. Крайне важно, чтобы страна в полной мере воспользовалась нынешней структурой населения, благоприятной для экономического роста. Это подразумевает комплекс мер по нескольким направлениям:

– инвестирование в человеческий капитал. Этому вопросу правительство страны уделяет огромное внимание. «Мы должны усилить внимание к человеческому капиталу, задействовать все возможности для реализации потенциала нашей молодежи» [4], – говорит Президент страны;

- создание гибкой рыночной экономической модели, способной охватить увеличивающуюся рабочую силу, улучшение доступа к технологиям и инновациям. Глобальным трендом современности становится усложнение экономических отношений, усиление виртуализация экономики. Тема цифровой экономики становится также актуальной в Республике Узбекистан в силу произошедших качественных изменений в экономике. Разработана национальная концепция цифровой экономики, предусматривающая обновление всех сфер экономики на базе цифровых технологий. В 2018 году было принято Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан» [5] и на этой основе положено начало внедрению программы «Цифровой Узбекистан–2030» [6]. Основной упор делается на молодежь, ибо именно молодежь – это то «новое цифровое (сетевое) поколение людей, для которых цифровые технологии являются такими же естественными элементами их жизненного пространства, как природа и общество» [12].

– расширение возможностей для молодежи в самореализации на пути содействия социально-экономическому развитию Узбекистана. В 2019 году – в Год активных инвестиций и социального развития населению, особенно молодежи, предоставлены большие льготы в целях поддержки их инициатив, организации бизнеса. «Не только экономические, но и многие социальные проблемы нам удастся решить, если мы будем развивать предпринимательскую деятельность, инициативность нашей молодежи, научим ее управлять финансовыми средствами» [8]. В рамках Закона

«О государственной молодежной политике» [1] и в целях ее последовательной реализации в Узбекистане принята Государственная программа «Молодежь – наше будущее». «На ее осуществление только в 2019 году будет направлено 786 миллиардов сумов. Это в том числе позволит обеспечить занятость свыше 100 тысяч молодых людей» [7].

Большое внимание сегодня в Узбекистане уделяется здоровью граждан, материнству и детству. «В рамках работы по укреплению генофонда нации целесообразно пересмотреть с учетом международных стандартов действующие нормативы питания детей и беременных женщин» [6], призывает Президент страны Ш.М. Мирзиёев. Одной из важнейших задач в социальной сфере он считает утверждение в обществе здорового образа жизни, дальнейшую популяризацию физической культуры и спорта [6].

Для эффективной реализации демографического дивиденда необходимо стимулирование экономического роста и социального развития Республики Узбекистан. Здесь можно выделить четыре приоритетных направления инвестиций:

– повышение качества образования, здравоохранения и питания для укрепления человеческого капитала страны;

– приоритизация развития гибкой экономики и предпринимательства;

– расширение доступа к технологиям и инновациям;

– содействие общественной и экономической активности женщин и молодежи.

С целью развития человеческого капитала Узбекистану необходимо расширить доступ и улучшить качество базовых услуг, особенно касательно раннего развития детей, среднего и высшего образования, развития профессиональных навыков, а также питания и здравоохранения для уязвимых слоев населения.

В этом контексте становится актуальной система Smart-образования, реализация которой началась в 2018 году, с подписания Президентом Узбекистана Указа «О мерах по коренному совершенствованию системы общего среднего, среднего специального и профессионального образования» [2].

Немаловажным для реализации демографического дивиденда является проведение переписи населения Узбекистана в 2022 году. За годы независимости она в стране не проводилась. В последний раз она проводилась в 1989 году.

Достоверная информация о населении Республики Узбекистан и его благосостоянии является важнейшей основой для разработки долгосрочных прогнозов и государственных целевых программ социально-экономического развития, программ создания новых рабочих мест и обеспечения занятости населения, формирования индикаторов национальных целей устойчивого развития, изучения процессов размещения и использования трудовых ресурсов, осуществления научных исследований [3].

Учитывая развивающийся характер рынка труда и рынка товаров и услуг в XXI веке, Узбекистану следует уделять приоритетное внимание развитию экономической модели, стимулирующей инвестиции и повышение производительности, где участники могут быстро адаптироваться к меняющимся глобальным и региональным условиям и где поощряется развитие предпринимательства, особенно среди молодежи.

Технологии представляют большие возможности для получения демографического дивиденда в Узбекистане. В данном контексте особо важным является расширение доступа к качественным информационным и коммуникационным технологиям, а также продвижение мер, которые бы стимулировали технологические инновации среди молодежи.

Общественная сплоченность крайне важна для процветания и сохранения гармонии в обществе. Содействие участию молодежи, особенно молодых женщин, а также уязвимых слоев населения, в экономической и социальной жизни общества, будет важным фактором как для поддержки демографического дивиденда, так и для создания стабильного общества.

Узбекистан располагает благоприятными условиями для использования демографических возможностей в контексте Стратегии действий по дальнейшему развитию Узбекистана на 2017–2021 годы, при условии, что все необходимые инвестиции будут сделаны уже сегодня, и в особенности это касается инвестиций в детей и молодежь. Это позволит стране не только максимизировать вероятность стабильного роста экономики и занятости в ближайшем будущем, но также создать платформу для становления более продуктивного, инновационного, инклюзивного и стабильного общества в долгосрочной перспективе.

Без расширения прав и возможностей молодого поколения посредством инвестирования в их образование и здравоохранение, достижение существенных экономических преобразований трудновыполнимо – даже при благоприятной демографической ситуации. В целях получения демографического дивиденда у Узбекистана есть возможность воспользоваться опытом других стран для успешной синергии трех аспектов – образования, экономики и расширения прав и возможностей молодежи и женщин.

Таким образом, Узбекистан находится на стадии раннего демографического дивиденда, а это предоставляет уникальную возможность для достижения более высокого и продолжительного экономического роста, способного повысить благосостояние, при условии, что будут сделаны надлежащие инвестиции в человеческий капитал, развитие гибкой экономической модели, внедрение инновационных технологий и расширение возможностей участия молодежи и женщин в социально-экономическом развитии страны.

Учитывая, что период демографических возможностей для Узбекистана будет непродолжительным, крайне важно, чтобы страна в полной мере воспользовалась нынешней структурой населения, благоприятной для экономического роста.

Список литературы источников

1. Закон Республики Узбекистан «О государственной молодежной политике» № ЗРУ-406 от 14 сентября 2016 г. // Народное слово. 2016. – 15 сентября, № 182 (6587).

2. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-5313 от 25 января 2018 года «О мерах по коренному совершенствованию системы общего среднего, среднего специального и профессионального образования». – http://www.lex.uz/
3. Указ Президента Республики Узбекистан от 05.02.2019 г. № УП-5655 «Об утверждении концепции проведения в 2022 году переписи населения в Республике Узбекистан».
4. Указ Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 года № УП-4947 «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» – http://press-service.uz/ru/news/5384/
5. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3832 от 03.07.2018 г. «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан». – http://lex.uz/ru/
6. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. –.http://uza.uz -28-12-2018
7. Выступление Президента Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 27-й годовщине государственной независимости Республики Узбекистан. – http://uza.uz/ru/politics/vystuplenie-prezidenta-shavkata-mirziyeeva-na-torzhestvennom-31-08-2018
8. Доклад президента Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 26-летию принятия конституции Узбекистана. – https://mfa.uz/ru/press/news/2018/12/16971/
9. Bloom D. et al. Demographic change and economic growth in Asia // Asian Economic Policy Review. 2009. – N 4. – P. 45–64.
10. Uzbekistan: country overview / World Bank. – Washington (DC), 2015; Global monitoring Report 2015–2016: development Goals in an era of demographic change / World Bank. – Washington (DC), 2016.
11. Данные Госкомстата Республики Узбекистан и прогнозная оценка Института прогнозирования и макроэкономических исследований.
12. Зокирова Н.К. Эра цифрового общества и умной экономики // Биржа. 2019. – № 25 (2500), 2 марта. – www.biznes-daily.uz
13. Мировые демографические перспективы: обзор 2017 года / ООН, Департамент социальных дел, Отдел народонаселения. – Нью Йорк, 2017.
14. Cai Fan, Lu Yang. Take-off, Persistence and Sustainability: The Demographic Factor in Chinese Growth // Asia and the Pacific Policy Studies. 2016. – Vol. 3, N 2. – P. 203–225.

Павлов Б.С.
д.филос.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru
Бердник Л.П.
к.соц.н., доцент Челябинского государственного университета
soclab@econ.cgu.su
Бондарева Л.Н.
к.э.н., доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург
2136473@ mail.ru
Шевелёва О.Р.
аспирант УрФУ, Екатеринбург
shoksanar@mail.ru

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА-ИНЖЕНЕР НА УРАЛЬСКОМ ЗАВОДЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС, РАБОТА, СЕМЬЯ[1]

Ключевые слова: *профессиональная социализация; жизненные ценности и планы, завод, гендерные факторы; рынок труда; безработица, женщина-инженер, демографическое поведение, молодая семья инженеров; жизненный успех; Урал.*

Гендерная компонента профессиональной социализации инженерной молодёжи

Реализация всех видов потенциалов человека (интеллектуального, биологического, духовно-нравственного), приобретаемых им в ходе социализации, происходит в процессе его трудовой (общественно полезной) деятельности. Через сферу труда происходит вовлечение индивида в систему общественного разделения труда, достижение определенного социального статуса, уровня жизни и развитие личностных характеристик индивида. Качество трудовой жизни человека во многом определяется степенью его подготовленности к участию в трудовой деятельности и существующих в обществе условий данного участия [1].

Формирование инновационной экономики предполагает наличие высокодинамичного рынка труда, обеспечиваемого эффективностью профессиональной социализации, вступающих в трудовую жизнь молодых людей (в нашем случае, студенток), которая, в свою очередь, характеризуется мобильностью, социальной и профессиональной конкурентоспособностью молодых специалистов. Последняя при этом характеризует не только потенциал его востребованности на рынке труда, но и «представляет собой совокупность свойств индивида как носителя определенных квалификационных, социальных и психологических характеристик» [2, с. 96].

С семантической точки зрения в понятии «профессиональная социализация» содержится вполне очевидный симбиоз феноменов «профессиональный» и «социализация». Термин «профессиональная» определяет среду обитания индивида, в которую входят материальные и духовные условия его существования. При этом от трудовой деятельности напрямую зависит существование людей

Как писал К. Маркс, труд – «вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» [3, т. 23, с. 195]. При этом «*человек,* – подчёркивает Ф.Энгельс, – *единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду* из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим» [3, т. 20, с. 510].

Следует учитывать, что сам процесс профессиональной социализации является *видовой формой социализации*, будучи взаимосвязанной с ней как часть с целым. Вместе с тем, профессиональная социализация может анализироваться в рамках социальных взаимодействий основных акторов функционирующих рынков образования и труда. Достижение профессиональной зрелости и включение индивида в профессионально-производственные отношения предполагает прохождение им в процессе своего онтогенетического развития целого ряда состояний и действий [4].

Принцип свободы выбора профессии и места приложения труда, провозглашённый (и, в какой-то мере, осуществлявшийся) при социализме, основывался на сочетании общественного и личного интереса. При этом единство социальной мобильности работника (в плане выбора и перемены профессии, места работы) с одной стороны, и стабилизации процессов общественного производства за счет удовлетворения нужд производства в постоянных кадрах работников необходимой квалификации – с другой являлось одним из важнейших условий поступательного повышения

[1] Публикация подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2019–2022 гг.

эффективности народного хозяйства. Это единство, в свою очередь, являлось в значительной степени основой и условием гармонического развития личности каждого работника и прогресса общества в целом.

При исследовании социальных аспектов женского труда следует опираться на методологические принципы и инструментарий как гендерного подхода, так и социальной феминологии. Изучение женского труда с позиций взаимоотношения полов позволит дать более полную, объективную характеристику его сущности и форм приложения (рыночной, материнской, бытовой), выявить социальные причины разделения труда в продуктивной и репродуктивной деятельности [5].

Существуют, – считает польский социолог П. Штомпка, – три важнейшие разновидности дихотомического неравенства: противостояние класса собственников и класса лишенных собственности в том смысле, в каком впервые сформулировал это противостояние Карл Маркс; далее, противостояние групп, формирующих большинство и меньшинство (в частности, наций и этнических меньшинств), а также противостояние полов – мужчин и женщин, что является главной темой феминистских концепций, обретающих ныне все большее звучание [6, с. 373–375].

Женский труд следует рассматривать не только как часть общественного труда во взаимосвязи с его характером, формами проявления и закономерностями развития, но и как особенную часть этого труда. Специфика женской занятости отражается в ее многофункциональном характере. Если значимость мужчины в сфере труда определяет его профессиональная деятельность, то женщина выполняет три общественно важные функции – матери, хозяйки дома, работницы. Женщина, с одной стороны, предлагает на рынке труда свою рабочую силу в качестве товара. С другой, она является субъектом производства второго рода – самой жизни, оказавшейся в результате обособления экономической и демографических сфер в подчиненном положении к экономическому базису: более ценным, чем воспроизводство жизни, стала способность человека к отчужденному труду, экономическая сфера стала более важной для самоактуализации личности. В этом противопоставлении товарной и репродуктивной форм заключается внутренняя противоречивость женской рабочей силы [7].

Не секрет, что мужчинам и женщинам постоянно предписывают различные социальные роли. Существуют занятия «для мальчиков» и «для девочек», «мужская» и «женская» работа, чисто «мужское» и чисто «женское» экономическое поведение. Предполагаются и объяснения дифференциации сексуальных ролей. Изучение женского *труда (в нашем случае инженерного труда женщин)* с позиций взаимоотношения полов позволит дать более полную, объективную характеристику его сущности и форм приложения в качестве трёх ипостасей: а) рыночной труд; б) хозяйственно-бытовой (домашний) и в) материнской труд [8].

В предлагаемой статье делается попытка акцентировать внимание читателей на особенности процесса профессиональной социализации женской молодёжи, ориентированной на освоении инженерной профессии, включающий трудовое воспитание, формирование жизненных планов и ожиданий будущих молодых специалистов при наличии гендерных особенностей условий учёбы и последующей адаптации к инженерному труду в условиях реальной экономики на предприятиях уральского региона

* * *

Эмпирическая база исследования

В представленной статье авторами использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам профессиональной социализации и трудозанятости студенческой молодёжи на Урале, проведённых авторами в 2013–2018 гг.[1] В частности, в число реализованных проектов входили:

– ***2013 г.*** – был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши – 46%, девушки – 54%) – ***«Урал-Школа-2013»*** .

– ***2015 г.,*** по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) был проведен опрос 450 студенток старших курсов. В выборку были включены 225 студенток, обучающихся в институтах УрФУ технического (инженерного) профиля (в дальнейшем аббревиатура – «Т») и 225 – соответственно гуманитарного профиля («Г») – ***«Урал-Вуз-2015».***

– ***2016 г.*** в семи вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов 2 и 4 курсов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей. Опрошенные студенты были подразделены в соответствии с профессиональной направленностью вузов на три группы: а) технические (УрФУ, УрГУПС, ЮУрГУ – 750 чел.) – условная аббревиатура в тексте – «Техн»; педагогические (СГПУ, ЧГПУ – 350 чел.) – «Пед» и гуманитарные (ЧелГУ, ТюмГУ) – «Гум» – 400 чел. Общая аббревиатура для опроса – ***«Урал-Вуз-2016».***

– ***2017–2018 гг.*** был проведён опрос (и соответствующие расчётно-аналитические операции) ***1300*** специалистов – представителей уральского инженерного корпуса как на ***9*** промышленных предприятиях Свердловской области *(отрасли: черная и цветная металлургия, машиностроение, электроэнергетикаи военно-промышленный комплекс),* так и в ***5*** институтах УрО РАН и ***3*** отраслевых институтах по единой стандартизированной анкете ***(«Анкета инженера»)***. – ***далее «Урал-Завод-2018».***

В предлагаемой статье использованы результаты анкетных опросов инженеров по четырём предприятиям Свердловской области, вошедшим в выборку опроса и составившим его основную часть (72 %), в частности:

[1] Научный рук. опросов – проф. Павлов Б.С.

1. АО «ЕВРАЗ Нижнетагильский металлургический комбинат им. В.И. Ленина» (сокращённо – «НТМК») – опрошено 420 чел.

2. ПАО «Северский трубный завод» («СТЗ») – 210 чел.

3. АО «Уральский завод транспортного машиностроения» («Трансмаш»[1]) – 100 чел.

4. АО «Научно-производственное объединение автоматики им. акад. Н.А. Семихатова («Автоматика») – 130 чел.

Попытаемся, что называется, «с цифрами в руках» показать некоторые проблемные аспекты процесса воспроизводства кадрового корпуса инженеров на Урале в контексте гендерных различий будущих молодых специалистов.

Насколько трудны гендерные препоны обучения молодёжи в технических вузах

Многочисленные перманентные попытки диагноза ***успешности/неуспешности*** того или иного социально-экономического процесса, эксперимента, состояния и успешности жизнедеятельности населения, социальной группы, отдельной личности связаны, как правило, с выявлением их социально-психологического самочувствия, их субъективных оценок с помощью категорий «счастья», «удовлетворения», «удовольствия», «удачи» и др.

Основными индикаторами оценок жизненного успеха, в свою очередь, являются жизненные ценности, которые предопределяют активность целенаправленной деятельности индивида, социальной группы, социума в целом. Наши многолетние и многочисленные исследования на Урале показывают, что в тройку первых, наиболее предпочтительных (желаемых) взаимосвязанных жизненных ценностей входят: ***«здоровье-безопасность», «хорошая семья-дети» и «благополучие-труд»***. Достижение именно этих ценностей определяет, в первую очередь, жизненное самочувствие человека, его отношение к окружаемому миру можно отнести к одному из сложных и судьбоносных в жизни молодёжи [9]. В исследовании ***«Урал-Школа-2013***» нами выяснялись некоторые вопросы, связанные с гендерными особенностями профориентации учащейся молодёжи. Школьникам г. ЗАТО «Лесной» задавался вопрос: *«На кого ты хотел бы учиться после школы?»* Ответы на этот вопрос представлены в табл. 1.

Таблица 1

Гендерные предпочтения уральских подростков при прожективном выборе своей будущей профессии (% от общего числа опрошенных девушек- «Д» и юношей «Ю»; в числителе собственный выбор респондента, в знаменателе – советы его родителей)[2]

Профессии	Д – чел.	Ю – чел.
Врач	18 / 26	12 / 19
Психолог	18 / 8	8 / 11
Учитель	16 / 13	10 / 13
Полицейский	10 / 7	5 / 9
Юрист, адвокат, судья	16 / 15	16 / 16
Экономист	15 / 13	15 / 9
Инженер	**11 / 8**	**16 / 20**
Профессиональный спортсмен	9 / 11	23 / 11
Депутат, политик	8 / 3	15 / 10
Военный	5 / 5	12 / 17

Полученные нами данные – для компетентного и заинтересованного читателя могут служить богатейшим материалом для рассуждений, оценок и выводов. Мы же ограничимся двумя ремарками. *Во-первых*, в таблице не отражено «голосование» молодых людей по целому ряду массовых рабочих профессий. Каждая из них набрала не более 1–3% голосов. И, *во-вторых,* нельзя не обратить внимание на достаточно «скромные» ориентации молодых уральцев и их родителей на профессию «инженер» [10, 11].

Влияет ли гендерная идентичность при выборе абитуриентом вуза профессии инженера, традиционно относимой к «чисто мужским профессиям»? Вот некоторые результаты опроса ***«Урал-Вуз-2015».***Приведём результаты ответов студенток УрФУ, проходящих обучение в различных профильных институтах университета (% от общего числа опрошенных по каждому профилю; в числителе ответы студенток – «технарей» – 225 чел., в знаменателе – «гуманитариев» -225 чел.):

1. «*Чем вас привлекает (привлекал) вуз, в котором Вы учитесь сейчас?*»

– можно получить хорошую профессию, необходимую в рыночных условиях	**– 78 / 70**
– мне нравится специальность, на которой я учусь	**– 60 / 68**
– близость учебного заведения к дому, к семье родителей	**– 32 / 19**
– просто так сложились обстоятельства	**– 28 / 0**
– возможность учиться со своими друзьями, подругами («за компанию»)	**– 6 / 23**

[1] В период 1963–1968 гг., сразу после окончания Челябинского политехнического института автор работал на этом заводе в качестве инженера-технолога и старшего мастера на сборке конечного продукта предприятия ВПК.

[2] В таблицу включены лишь 10 профессий (из- 42-х-ой, предложенных в списке анкеты), которые набрали наибольшее число голосов.

2. *«Припомните, что явилось для Вас определяющим фактором в выборе профессии, на которую Вы сейчас учитесь, при поступлении?»*

– наличие склонности, интересов и способностей	**– 43 / 31**
– престижность, популярность профессии	**– 23 / 22**
– так сложились обстоятельства (поступил случайно)	**– 21 / 6**
– традиции семьи (быть похожим на отца, мать, брата, бабушку)	**– 20 / 1,3**
– желание приобрести материальную независимость	**– 17 / 19**
– хорошая успеваемость по естественным (гуманитарным) наукам	**– 23 / 46**

В рыночной экономике конкурентоспособность женщин на рынке труда *(не являются здесь исключением и женщины-инженеры)* представляет собой синтез *экономической, социально-психологической, демографической* составляющих. Экономический аспект включает производительность женского труда, работоспособность, профессиональную отдачу женщин-работниц, выгодность использования женского труда, качество выполнения женщинами их трудовых функций и др. Выбирая себе профессию, учебное заведение, в котором можно к ней приобщиться *(получить диплом),* молодые люди (дети, тинейджеры, старшеклассники, абитуриенты, студенты) и их родители соотносят различные факторы «ЗА» выбор и «ПРОТИВ» своего прожективного решения [12].

Данные опроса – ***«Урал-Вуз-2016»*** позволяют судить о ретроспективной оценке такого решения студентами относительно долгосрочной «надёжности» и востребованности своей будущей профессии.

Распределение ответов уральских студентов в различных социально-образовательных группах на вопрос «Испытываете ли Вы беспокойство, страх стать в будущем безработным (ой)?» представлено в табл. 2:

Таблица 2

Опасаются ли уральские студенты оказаться безработными после окончания вуза (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

А. Мужчины и женщины в технических и гуманитарных вузах

Испытываете ли вы беспокойство	Группы			
	Мужчины		Женщины	
	Тех	Гум	Тех	Гум
Да	18	13	31	28
Отчасти	50	47	45	45
Нет	32	40	24	27
Итого, чел.:	350	350	300	500

А. Мужчины и женщины на разных курсах вузов

Испытываете ли ВЫ беспокойство	**Группы**				
	Мужчины на курсах		Женщины на курсах		5–6 курс в целом
	1–2	4	1–2	4	
Да	16	18	28	30	21
Отчасти	49	48	40	48	51
Нет	35	33	32	22	28

А вот оценки оптимальности начального этапа своей профессиональной социализации в сознании уже состоявшихся молодых инженеров ряда уральских предприятий (по результатам опроса ***«Урал-Завод-2018»***; (от общего числа опрошенных по каждому предприятию):

– считают, что сегодня профессия «инженер» престижная – 51% инженеров «НТМК»; 53% – «СТЗ», 45% – «Трансмаш»; 43% инженеров «Автоматики» и 43% экспертов Урала;

– выбрали профессию «инженер», потому что нет склонностей к гуманитарным наукам – 25% инженеров «НТМК»; 33% – «СТЗ», 31% – «Трансмаш»; 27% инженеров «Автоматики» и 18% экспертов Урала;

– считают, что ПРОЩЕ/ЛЕГЧЕ ***«поступить в вуз на инженера»*** мужчине *(в числителе) или* женщине *(в знаменателе)*[1] – 35 / 2% инженеров «НТМК»; 26 / 4% – «СТЗ», 22 / 2% – «Трансмаш»; 18 / 3% инженеров «Автоматики» и 31 / 5% экспертов Урала;

– по уровню жизни, достатку отнесли себя *(свою семью)* к группе ***«имеем средний достаток»*** – 79% инженеров «НТМК»; 78% – «СТЗ», 73% – «Трансмаш»; 78 % инженеров «Автоматики» и 84% экспертов Урала;

– выбрали профессию «инженер», потому что она даёт возможность проявить конструкторские способности – 14% инженеров «НТМК»; 18% – «СТЗ», 23% – «Трансмаш»; 48% инженеров «Автоматики» и 39% экспертов Урала;

– выбрали профессию «инженер», потому что таковы традиции нашей семьи – 22% инженеров «НТМК»; 19% – «СТЗ», 20% – «Трансмаш»; 25% инженеров «Автоматики» и 24% экспертов Урала;

[1] Остальные (до 100 %) считают, что «***разницы нет***».

– считают, что ПРОЩЕ/ЛЕГЧЕ ***»поступить в вуз на инженера»*** мужчине *(в числителе) или* женщине *(в знаменателе)* – 35 / 2% инженеров «НТМК»; 26 / 4% – «СТЗ», 22 / 2% – «Трансмаш»; 18 / 3% инженеров «Автоматики» и 31 / 5% экспертов Урала;

– если бы представилась вновь выбирать профессию и специальность, то выбрали бы ***«другое учебное заведение и другую специальность»*** – 26% инженеров «НТМК»; 22% – «СТЗ», 14% – «Трансмаш»; 54% инженеров «Автоматики» и 7% экспертов Урала [13].

Особенности гендерных препон в процессе адаптации молодых инженеров в промышленности

О неоднозначности состояния региональных рынков труда в России можно судить хотя бы данным официальной статистики. Росстат, применяя критерии МОТ, в октябре 2017 г. определил в качестве безработных 3,9 млн. человек (5,1% от числа всей рабочей силы в возрасте 15–72 лет). ВЦИОМ использует другую методологию и опирается на мнение респондентов, которые могут определять себя как безработные, не являясь таковыми по методологии МОТ. При этом социологи ВЦИОМа отметили высокий уровень адаптации современной российской молодежи к меняющимся экономическим условиям. В России в отличие от многих стран с развитой рыночной экономикой не возник феномен застойной молодежной безработицы. По результатам опроса, легче всего молодым людям найти работу в сфере торговли (48%), обслуживания (30%), промышленности (18%) и строительства (14%) [14].

Притчей во языцех в системе высшего образования России стоит вопрос о порядке распределения дипломированных молодых специалистов по конкретным региональным рынкам труда, конкретным рабочим местам. Обратимся к мнению самих студентов. В анкете проекта ***«Урал-Вуз-2016»***, которую заполняли 1500 уральских студентов из 7 вузов региона предлагалось ответить на вопрос: *«Как Вы считаете, какой вариант трудоустройства выпускников вуза наиболее приемлем?»*. Ответы на этот вопрос представлены в табл. 3.

Таблица 3

Мнение уральских студентов о предпочтительности вариантов трудоустройства молодых специалистов после окончания вуза (% от общего числа опрошенных по каждому вузу).

Вариант трудоустройства	Вузы							В целом
	ЮУрГУ	ЧелГУ	УрГГПУ	УрФУ	УрГУПС	СГПУ	ТюмГУ	
Традиционный вариант целевого распределения	20	19	17	18	21	12	27	19
Самостоятельное трудоустройство выпускника	20	18	29	37	19	35	19	26
Предлагать выпускнику альтернативу выбора	60	64	55	45	60	53	54	55

В рыночной экономике конкурентоспособность женщин на рынке труда представляет собой синтез экономической, социально-психологической, демографической составляющих. Экономический аспект включает производительность женского труда, работоспособность, профессиональную отдачу женщин-работниц, выгодность использования женского труда, качество выполнения женщинами их трудовой функции и др.

К социально-психологической составляющей конкурентоспособности женщин можно отнести уровень их стартового общего и профессионального образования, квалификации, профессионализм, трудовую мотивацию, качественные характеристики личности женщин, особенности психологии, возможности адаптации к изменяющимся условиям и др. Третий – демографический аспект – это возраст, брачное состояние женщины, количество детей и их возраст, здоровье, матримониальные (репродуктивные) планы и др. [15].

Учитывая это, конкурентоспособность рабочей силы женщины можно определить как интегральную величину качественных характеристик указанных аспектов, определяющих привлекательность женской рабочей силы для работодателей. Студенткам УрФУ предлагалось ответить на два вопроса: а) *«Что, по Вашему мнению, необходимо для того, чтобы молодому специалисту, женщине-инженеру, быть уверенным в получении работы, не быть уволенной? Отметьте не более 7–8-ми вариантов*; и б) «Что из перечисленного представляет для Вас особую трудность?» ***(«Урал-Вуз-2015»)***. Полученные результаты представлены ниже (% от общего числа опрошенных – 450 чел.; в числителе ответы на вопрос «а», в знаменателе – вопрос «б»):

– относиться серьезно к работе	– 71 / 9	– иностранный язык	– 22 / 42
– хорошая ориентация на рынке труда	– 46 / 6	– не выходить замуж	– 15 / 18
– коммуникабельность	– 41 / 6	– несколько дипломов	– 14 / 35
– привлекательная внешность	– 29 / 30	– иметь хорошее здоровье	– 14 / 4
– **не обзаводиться ребенком**	– **28 / 17**	– влиятельные родственники	– 12 / 8
– навыки ведения бизнеса	– 28 / 25	– водительские права	– 11 / 14
– универсальная специальность	– 25 / 3	– правовая подготовка	– 6 / 5
– работа на компьютере	– 23 / 2	– ничто не застрахует	– 9 / –

Эффективность организации и использования физического и духовного потенциала семейных женщин-работниц *(в нашем случае – инженеров-женщин),* оценка предпринимателями и государством его качественных и количественных показателей, их экономическая и нравственно-этическая «взаимоувязка» является сегодня решающим средством, пока слабо используемым резервом *активизации демографического поведения семьи технической интеллигенции* в России, активизации репродуктивной, экономической и социокультурной деятельности молодых инжене-

ров-матерей, повышения их социализационного (воспитательного) потенциала и обеспечение его эффективной реализации [16].

Получить некоторое представление о различных аспектах труда уральских женщин инженеров в «мужских» конструкторских бюро, лабораториях, испытательных полигонах можно из полученных нами данных опроса ***«Урал-Завод-2018»*** (% от общего числа опрошенных на соответствующем заводе):

а) профессиональный труд

- за самостоятельное трудоустройство по предприятиям после окончания вуза «проголосовали» – 12% инженеров «НТМК»; 20% – «СТЗ», 17% – «Трансмаш»; 27% инженеров «Автоматики» и 18% экспертов Урала;

– считают, что на заводе им пригодились лишь немногое из знаний и навыков, полученные в вузе – 16 % инженеров «НТМК»; 11% – «СТЗ», 17% – «Трансмаш»; 38% инженеров «Автоматики» и 9% экспертов Урала;

– считают, что часто перерабатывают, переутомляются на работе – 15% инженеров «НТМК»; 11% – «СТЗ», 20% – «Трансмаш»; 14% инженеров «Автоматики» и 19% экспертов Урала;

– чтобы добиться профессионального продвижения на своём предприятии молодым инженерам, в первую очередь, необходимо наличие лидерских качеств (качеств «управленца»), так считают – 52% инженеров «НТМК»; 44% – «СТЗ», 51% – «Трансмаш»; 42% инженеров «Автоматики» и 56% экспертов Урала;

– считают, что их отношение к своей работе ухудшилось из-за «трудностей в должностном продвижении» – 19% инженеров «НТМК»; 27% – «СТЗ», 24% – «Трансмаш»; 31% инженеров «Автоматики» и 18% экспертов Урала;

– если бы у респондента (его семьи) появилась возможность переехать в другие регионы России, на новое строительство и освоение новых регионов, то в 2017 г. для него был бы более предпочтительным переезд в Мурманский транспортный узел – 2% инженеров «НТМК»; 1% – «СТЗ», 2% – «Трансмаш»; 2% инженеров «Автоматики» и 1% экспертов Урала [17, 18].

а) диморфические особенности инженерного труда

– считают, что на данном заводе ПРОЩЕ/ЛЕГЧЕ «***трудоустроиться после вуза»*** – мужчине *(в числителе),* женщине *(в знаменателе)* – 74 / 1% инженеров «НТМК»; 69 / 1% – «СТЗ», 62 / 1% – «Трансмаш»; 156 / 3% инженеров «Автоматики» и 68 / 0% экспертов Урала;

– считают несправедливой в любом случае, ситуацию некоторые работодатели платят больше молодому специалисту-мужчине, чем его коллеге-женщине за, казалось бы, одинаковые обязанности и трудовые успехи – 48% инженеров «НТМК»; 43% – «СТЗ», 42% – «Трансмаш»; 37% инженеров «Автоматики» и 43% экспертов Урала;

– считают, что ежемесячная средняя зарплата у инженеров на уральских заводах должна быть не менее 50 тысяч рублей (в числителе – у мужчин, в знаменателе – у женщин) – 51 / 27% инженеров «НТМК»; 48 / 31% – «СТЗ», 38 / 19% – «Трансмаш»; 47 / 34% инженеров «Автоматики» и 46 / 26% экспертов Урала;

– считают, что на данном заводе ПРОЩЕ/ЛЕГЧЕ происходит *«продвижение в должности»* инженера–мужчины *(в числителе),* женщины *(в знаменателе)* – 68 / 2% инженеров «НТМК»; 60 / 1% – «СТЗ», 69 /2% – «Трансмаш»; 55 / 3% инженеров «Автоматики» и 73 / 9% экспертов Урала;

а) социально-экономическая активность

– имеют дополнительные подработки на предприятии или работают по совместительству вне предприятия – 12% инженеров «НТМК»; 10% – «СТЗ», 3% – «Трансмаш»; % инженеров «Автоматики» и 20% экспертов Урала;

– занимаются активной рационализаторской работой – 10% инженеров «НТМК»; 16% – «СТЗ», 18% – «Трансмаш»; 16% инженеров «Автоматики» и 19% экспертов Урала;

– спортом не занимаются, ***«нет времени и условий»*** – 23% инженеров «НТМК»; 18% – «СТЗ», 19% – «Трансмаш»; 16% инженеров «Автоматики» и 22% экспертов Урала;

– на ближайшие 3–5 лет для себя и своей семьи планируют «уйти в науку, попытаться защитить диссертацию» – 2% инженеров «НТМК»; 1% – «СТЗ», 7% – «Трансмаш»; 17% инженеров «Автоматики» и 4% экспертов Урала;

– на ближайшие 3–5 лет для себя и своей семьи планируют ***«заработать» повышенную пенсию и более ранний уход на неё»*** – 12% инженеров «НТМК»; 7% – «СТЗ», 6% – «Трансмаш»; 3% инженеров «Автоматики» и 7% экспертов Урала.

Гендеризация инженерного труда: симбиоз профессиональных и семейных функция молодых женщин-специалистов

Выполнение семьёй основной её социально-биологической функции по воспроизводству потомства (рождение детей, их взращивание и воспитание обусловлено и тесно взаимосвязано с реализацией других актуально-значимых социально-экономических функций семейной группы. К последним, в первую очередь, относится экономическая функция (обеспечение материально-экономической базы существования семейной группы – производительная деятельность) и хозяйственно-бытовая функция (организация и обеспечение повседневной и перспективной потребительской деятельности членов семьи – потребительская деятельность*).* В качестве основного субъекта этой деятельности выступает женщина в трёх её функциональных социально-биологических ипостасях: а) социально-биологическое материнство *(материнский труд),* б) организатор и «хранитель домашнего очага» *(домашний «бесплатный» труд*) и в) «второй (иногда первый) кормилец» семьи *(производственный оплачиваемый труд женщины в общественном производстве).*

Если говорить о проблеме эффективности «чисто материнского труда», то в настоящее время социологи ограничиваются, как правило, исследованием проблем мотивации женщин на деторождение, связанных с материально-экономическими стимулами, в частности компенсационные льготы в решении жилищного вопроса молодой семьи,

достаточности «материнского капитала» и других социальных благ и привилегий. При этом практически не исследуется взаимосвязь успешности профессиональной карьеры женщины (в нашем случае, представителя технической интеллигентности) и её семейного образа жизни, демографического поведения [19].

Сегодня нередко в кругу интеллигенции, особенно среди феминистически настроенных женщин можно столкнуться с мнениям, о, якобы, «объективно» угасающей потребности в детях, об альтернативности бездетных браков, о «ненужности» многодетных семей и т.п. Вряд ли можно признать правомочной такую позицию. Дабы не быть голословными, обратимся к мнению 450 студенток УрФУ. В опросе ***«Урал-Вуз-2015»*** нашим респондентам задавался вопрос: *«Какие планы у Вас лично после окончания вуза (в течение последующих 3– лет)?».* Вот как распределились ответы по наиболее значимым жизненным проявлениям (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – ответы студенток – «Т» – 225 чел.; в знаменателе – «Г» – 225 чел.):

	Т / Г
– найти хорошее место работы по специальности, полученной в вузе, которое бы устраивало меня по всем позициям	– 85 / 44
– выйти замуж, образовать семью	– 68 / 46
– материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать и т.д.)	– 64 / 61
– родить ребёнка	– 45 / 46
– постараться уехать работать и жить в другую страну	– 29 / 0
– продолжить учиться, освоить другую профессию	– 30 / 10
– сделать политическую (общественную) карьеру	– 0 / 23
– уйти в науку	– 0 / 10

Полученные данные, на наш взгляд, могут заставить серьёзно задуматься не только компетентных и заинтересованных в своём деле организаторов подготовки инженерных кадров на Урале (и, не только на Урале), но организаторов промышленного производства и общественно-политической жизни страны. Взять, хотя бы, две позиции из прожективных планов будущих инженеров-женщин – «полный бойкот» сферы науки и политической карьеры [20].

О социально-демографическом самочувствии, повседневном поведении и жизненных планах семей молодых инженеров можно судить по результатам нашего опроса ***«Урал-Завод-2018»*** (*% опрошенных инженеров по каждому предприятию*)*:*

– считают, что семейная жизнь у них складывается в целом удачно – 83% инженеров «НТМК»; 78% – «СТЗ», 64% – «Трансмаш»; 71% инженеров «Автоматики» и 81% экспертов Урала;

– по уровню жизни, достатку отнесли себя *(свою семью)* к группе ***«имеем средний достаток»*** – 79% инженеров «НТМК»; 78% – «СТЗ», 73% – «Трансмаш»; 78% инженеров «Автоматики» и 84% экспертов Урала;

– имеют личное подсобное хозяйство – 8% инженеров «НТМК»; 10% – «СТЗ», 3% – «Трансмаш»; 5% инженеров «Автоматики» и 8% экспертов Урала;

– если бы у респондента (его семьи) появилась возможность переехать в другие регионы России, на новое строительство и освоение новых регионов, то в 2017 г. для него был бы более предпочтительным переезд ***в село/поселок/деревня (развитие сельскохозяйственного производства)*** – 3% инженеров «НТМК»; 3% – «СТЗ», 4% – «Трансмаш»; 5% инженеров «Автоматики» и 3% экспертов Урала;

– на ближайшие 3–5 лет для себя и своей семьи планируют «уехать работать и жить на новое место, в новые условия» – 3% инженеров «НТМК»; 5% – «СТЗ», 7% – «Трансмаш»; 5% инженеров «Автоматики» и 6 % экспертов Урала.

Весьма важен для нас и другой вывод, который позволяют сделать результаты проведённого опроса. Подавляющее большинство будущих инженерных кадров «с женским лицом» оптимистично строят свои жизненные планы на получение хорошей высокооплачиваемой инженерной работы, на создание крепкой семьи и рождение потомства. Кстати, каждая третья молодая женщина «планирует» рождение ребёнка в течение первых трёх лет после получения диплома инженера. А на вопрос: *«Как Вы считаете, сколько должно быть детей в «нормальной» семье на Урале?»* лишь пятеро из 450 опрошенных (около 1% – ***«Урал-Вуз-2015»***, подчеркнули вариант *«ни одного».* Ответы остальных распределились так: вариант *«один ребёнок»* – отметили 6% студенток; вариант *«двое»* – 62%; соответственно – *«трое»* – 28% и *«четверо и более»* – 3%. Эти бы планы, да постараться перевести в реальное воплощение!

Среди латинских сокращений и выражений, переживших десятки веков, мы находим следующее *«Extremis malis, extrema remedia»,* что в переводе на русский язык означает: *«против серьезных болезней нужны сильные средства».* Древнее поучение как никогда актуально и правомочно применительно к семейной политике в России, стремящейся перейти от депопуляционных тенденций к благоприятному режиму расширенного воспроизводства нации.

* * *

Подведём некоторые итоги и выскажем наши концептуальные предложения в решении обозначенной проблемы. В конце XX – начале XXI-го веков резко увеличился интерес к решению ключевых проблем социально-экономического воспроизводственного процесса, в частности, к деформации демографического поведения российского населения, не обеспечивающего даже его простое воспроизводство. Как известно, основным субъектом и объектом государственной (соответственно и региональной) демографической политики традиционно являлся и является социальный институт семьи. Сквозной составляющей реализуемых ныне, таких государственных социально-экономических политик, как демографическая, семейная, молодёжная, образовательная, промышленная и некоторые другие, является *гендерная детерминанта* [21].

Актуализировалась необходимость разработки обоснованной научно-методической концептуальной модели текущих и перспективных мер государства (на уровне регионов), связанных с созданием своеобразного *институцио-*

нально-целевого коридора организации процесса перманентного воспроизводства инженерных кадров для нужд региональной экономики с учётом гендерной компоненты. Создание такого «коридора», по мнению авторов, позволяло бы оптимизировать, с *одной стороны,* решение задач *гендерной политики* в сфере трудового воспитания, профориентации, профотбора, профессионального обучения и профессионально-производственной трудозанятости молодых *женщин-специалистов в качестве инженеров*

С *другой стороны,* процесс реализации трудового потенциала и успешная профессиональная карьера женщин-работниц (в нашем случае – инженеров-женщин) во взаимосвязи с гендерными характеристиками и биосоциальными возможностями позволяет более предметное и эффективное участие молодых женщин в семейном строительстве, в активизации своего социально значимого демографического поведения. К основным компонентам последнего следует отнести, прежде всего, ***здоровый семейный образ жизни*** и ***оптимальное воспроизводство количественных и качественных параметров потомства***

Сложившаяся ситуация в сфере профессиональной социализации молодёжи актуализирует проблему «поиска резервов», направленных на повышение эффективности этого процесса и пока ещё недостаточно используемых. Одним из «держателей» таких резервов является институт родительской семьи. Огромное, непреходящее влияние на формирование развивающейся личности (особенно на этапе так называемой первичной социализации) имеет среда ближайшего окружения, в первую очередь – семья – первичная социально-бытовая ячейка общества. «Семья, писал Н.А. Бердяев, – по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире» [22, с. 422].

И ещё – классическое. В своё время замечательный русский хирург и педагог Н.И. Пирогов писал: «итак, пусть женщины поймут свое высокое назначение в вертограде человеческой жизни. Пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова и первую молитву, делаются главными зодчими общества» [23, с. 51]. Трудно не согласиться с этим определением места и роли женщины в строительстве общества. Хочется пожелать, чтобы эти мысли разделяли и те мужчины, от которых зависит строительство и реализация семейной политики в России, создание для женщин благоприятных условий для рождения и воспитания детей, для успешной и желанной реализации ими своего не только профессионально-производственного, но высокого безальтернативного социально-биологического предназначения.

Список литературы

1. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 575 с.
2. Клименко В.А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах. 2012. – № 3. – С. 92–102.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
4. Александрова Т.Л., Зборовский Г.Е., Лемперт В. Профессиональное образование и социальная ответственность на рабочих местах в России и в Германии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1996. – 247 с.
5. Силласте Г.Г. Экономическая социология. – М.: Альфа-М, 2014. – 480 с.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
7. Павлов Б.С. Труд молодой матери на Урале: социально-экономический анализ // ЭКО. 2012. – № 9. – С. 139–152.
8. Иванова А.А. Социологические подходы к изучению гендерных отношений // Молодой ученый. 2014. – № 4. – С. 667–670.
9. Павлов Б.С. Диссонанс потребительских притязаний и трудовой активности в молодёжной среде на Урале // Уровень жизни населения регионов России. 2015. – № 4. – С. 153–164.
10. Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – М.: Наука, 1984. – 225 с.
11. Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс. – М.: Сов. Россия, 1989. – 240 с.
12. Демиденко С.Ю. Молодежь и ее работа: конструирование трудовой биографии // СОЦИС. – М., 2019. – № 4. – С. 158–161.
13. Зборовский Г.Е. Амбарова П.А. Социология высшего образования: монография. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – 539 с.
14. Старостина Ю. ВЦИОМ определил уровень безработицы вдвое выше официального // Экономика. 2017. – 18 декабря. – https://www.rbc.ru/economics/18/12/2017
15. Фиглин Л.А., Малый В.И. Социальный потенциал женского предпринимательства в России. – Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2016. – 276 с.
16. Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / Под общ. ред. Л.Н. Банниковой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 364 с.
17. Павлов Б.С., Разикова Н.И., Шевелёва О.Р. Воспроизводство инженерных кадров на Урале: концептуализация гендерного подхода // Дискуссия. 2016. – № 10. – С. 66–72.
18. Мацонг Е., Павлов Б. (Свердловская область). От инженера не уйдет жена // Российская газета – Экономика УрФО. 2017. – № 7256 (90), 26 апреля.
19. Назарова И.Б., Зеленская М.П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // СОЦИС. – М., 2019. – № 7. – С 78–89.
20. Павлов Б.С., Разикова Н.И., Павлов Д.Б., Шевелева А.А. Расширенное воспроизводство корпуса инженерных кадров на Урале как предмет социологического анализа // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана. – Екатеринбург: УрФУ, 2019. – С. 1893–1908.
21. Яницкий О. Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // СОЦИС. – М., 2019. – № 1. – С. 29–39.
22. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
23. Пирогов Н.И. Избр. педагогические сочинения. – М.: Педагогика. 1985. – 493 с.

Петрищева Е.Г.
студент, Курский государственный университет
n.petrisheva0808@yandex.ru
Гавриков Ф.А.
к.и.н., доцент, Курский государственный университет
gavrikovf81@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова*: рождаемость, смертность, миграция, естественный прирост, демографическая обстановка, Курская область.*

Keywords*: birth rate, mortality, migration, natural growth, demographic situation, Kursk region.*

Улучшение демографической ситуации в России требует реализации эффективных мер, поэтому была принята «Концепция демографической политики Российской Федерации на период 2025 г.», и был разработан национальный проект «Демография» [7]. Для достижения определенных качественных и количественных целей в этой сфере каждый регион подготовил ряд документов, а также усовершенствовал нормативные правовые акты, и Курская область в этом смысле не исключение. Ведь достижение целей демографической политики Российской Федерации возможно только при успешном и быстром решении социально-экономических задач в каждом регионе – рост благосостояния населения, развитие человеческого капитала, создание эффективной инфраструктуры в сферах образования, здравоохранения и др.

В Курской области в рамках реализации национального проекта были заявлены следующие цели демографической политики до 2024 г.: привлечение мигрантов; сокращение уровня смертности (особенно младенческой и материнской) не менее чем в 2 раза; увеличение продолжительности жизни до 67 лет; мотивирование граждан на занятия спортом и ведение активного здорового образа жизни; увеличение показателей рождаемости (особенно за счет рождения в семьях второго и последующих детей); укрепление семьи за счет сохранения духовно-нравственных традиций и т.д.

В Курском регионе остро стоит проблема снижения уровня рождаемости, которая связана с сокращением числа женщин, семей, желающих иметь детей, с большим количеством разводов. Решением данных проблем занимается с 2008 г. Департамент по опеке и попечительству, семейной и демографической политике Курской области в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [1, 2].

Рассмотрим некоторые выплаты, которые были произведены за 2018 год в соответствии с Законом Курской области от 10 декабря 2008 года № 108-ЗКО «О государственной поддержке семей, имеющих детей, в Курской области» (табл. 1).

Таблица 1

Система мер региональной поддержки семей с детьми в Курской области в 2018 г.

Условие	Размер выплаты	Число получивших помощь	средства областного бюджета
Малоимущим студенческим семьям, имеющим детей, в которых оба родителя являются студентами (обучающимися), и студентам (обучающимся) являющимся одинокими родителями	900 руб.	37	607,4 тыс. руб.
Пособие на первенца назначается семьям, в которых среднедушевой доход составляет менее полутора прожиточных минимумов трудоспособного населения за второй квартал предыдущего года	9725 руб.	2033	133305,6 тыс. руб.
Ежемесячная выплата на первого ребенка в размере 8993 рубля	8993 руб.		
Ежемесячные выплаты на второго ребенка до 3-х лет	2000 руб.	12913	350209,8 тыс. руб.
Ежемесячная денежная выплата семьям при рождении третьего и каждого последующего ребенка	7239 руб.	4720	275667,8 тыс. руб.
Многодетным семьям, в составе которых есть восемь и более детей в возрасте до 18 лет	7603,44 руб.	54	5412,7 тыс. руб.
Размер областного материнского капитала	91844,25 руб.	1397	64169,4 тыс. руб.
Выплата при одновременном рождении трех и более детей	122459,37 руб.		
Ежемесячного пособия семьям при усыновлении (удочерении) второго, третьего и каждого последующего ребенка	–	5	229,8 тыс. руб.
Единовременной выплаты семьям при усыновлении (удочерении) ребенка	–	26	520,0 тыс. руб.
Единовременной выплаты семьям при рождении трех и более детей	–	2	200,0 тыс. руб.

Реализация ряда мероприятий позволила улучшить положение семей с детьми, увеличить количество участников мероприятий, направленных на сохранение здоровой, полноценной семьи.

Анализируя табл. 1, можно отметить, что материальную помощь в виде единовременных, ежемесячных выплат за 2018 год получили около 21 тыс. чел. За данный период было направлено свыше 830 322,5 тыс. руб. средств областного бюджета на поддержку семей с детьми. Данные меры способствовали росту количества многодетных семей (с начала 2018 года по 1 января 2019 их число увеличилось на 314) [8].

Приоритетной проблемой в Курской области является снижение числа родившихся. Одна из причин заключается в отсутствии жилья у молодой семьи. С начала реализации Закона Курской области «О бесплатном предоставлении в собственность отдельным категориям граждан земельных участков на территории Курской области» 3942 земельных участка было бесплатно предоставлено семьям, которые имеют трех и более детей. Социальными выплатами на приобретение жилья в 2018 году были обеспечены более 100 семей. Также в целях улучшения материального положения в 2018 году была выплачена компенсация части оплаты за пользование коммунальными услугами и твердым топливом 4160 многодетным семьям [7, 8].

Часто молодые семьи не желают иметь более 1 ребенка из-за низких доходов. Однако нельзя сводить все к исключительно экономическому аспекту, так как ценности в современном мире как у мужчин, так и у женщин изменились. Сейчас и в богатых семьях у россиян, как правило, один и редко два ребёнка, а в семьях с низким уровнем достатка около 3–4 детей.

Многие женщины откладывают рождение детей из-за проблем с трудоустройством и карьерным ростом, поэтому в Курской области продолжается реализация комплекса мероприятий, направленных на создание условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой занятостью, а также на организацию профессионального обучения женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет. Планируется создать 1190 дополнительных мест, в том числе с обеспечением необходимых условий для пребывания детей с ОВЗ и детей-инвалидов. Для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, предусмотрена реализация возможности переобучения и обучения с помощью службы занятости. Основной целью данной меры является создание условий для успешной профессиональной адаптации и повышения конкурентоспособности на рынке труда молодых мам.

В Курской области в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2012 года № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» обеспечивается планомерное сокращение численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2018 году сократилась на 7,6% (с 3235 чел. до 2988 чел.). Доля детей, воспитывающихся в семьях, от общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на 01.01.2019 г. составляла 88,8%, а с учетом усыновленных детей – 90,61% [8].

Особое внимание в регионе уделяется решению проблем, связанных с формированием здорового образа жизни, сохранением и укреплением семейных ценностей и традиций, снижением количества абортов (по данным комитета здравоохранения Курской области в государственных учреждениях здравоохранения в 2018 году зарегистрировано 4143 случая абортивных исходов, что на 11,2% меньше, чем в 2017 году).

В области традиционно проводятся мероприятия «День семьи, любви и верности», «День отца», «День матери» с целью укреплении института семьи, развития интереса к духовной истории своей Родины, воспитания у детей любви к своей семье и своим родственникам, уважения к ним, желания заботиться о близких людях. Мужчину и женщину, проживших в браке 25 лет и более, награждают памятной медалью «За любовь и верность», нагрудным знаком Курской области «За заслуги в воспитании детей», Почетными Епархиальными грамотами и грамотами Курской областной Думы за достижения по укреплению института семьи, возрождению духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Одиннадцать лет в Курской области проводится социально значимая акция – областной благотворительный марафон «Мир детства». Сумма добровольных пожертвований за время проведения акции составила более 270 млн. рублей, благодаря чему адресная социальная помощь оказана более чем 10,2 тысячам малоимущим семьям.

Итак, региональная демографическая политика представляет собой целенаправленную деятельность, которая воздействует на воспроизводство населения, формирование здорового образа жизни населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни, содействует оптимизации миграционных процессов и т.д. Мы видим успехи в проведении семейной политики, но существующие проблемы сохраняются, поэтому предстоит еще большая работа, направленная на развитие и укрепление традиционной семьи, пропаганду базовых семейных ценностей, повышению роли отцовства и материнства, сплоченности родителей и детей, государственную поддержку многодетных семей.

Проблемой в реализации региональной демографической политики является то, что она ограничивается чаще всего материальным стимулированием рождаемости, а не включает обеспечение целого ряда мер в области информационного сопровождения, образования, жилищной и градостроительной политики, организационного и научно-исследовательского обеспечения, а также иных сегментов указанной политики [4, 6].

Следовательно, невозможно будет улучшить демографическую ситуацию в регионе, не решив такие острейшие проблемы, как:

1. выезд курян в поисках постоянной работы с высокой заработной платой (одна из важнейших причин депопуляции населения в Курской области);

2. уменьшение числа родившихся, увеличение показателей смертности, и как следствие продолжение тенденции естественной убыли населения;

3. преобладание числа пенсионеров над трудоспособным населением, что приводит к увеличению расходов бюджетной системы на обеспечение социальных программ и обязательств для пожилого населения; изменению параметров занятости, безработицы и качественных характеристик рабочей силы, занятой в экономике; изменению потребительского спроса и его структуры под влиянием старения населения [3, 5];

4. сокращение числа детей в семьях из-за трудного материального положения или же из-за преобладания у потенциальных родителей таких ценностей, как карьера, деньги.

5. фактическое отсутствие семейно-ориентированной социальной рекламы. Социальная реклама в общей рекламной массе телевизионного эфира составляет около 0,4% и др.

Для дальнейшего формирования предпосылок устойчивого демографического развития Курской области требуется:

1. увеличение ежемесячных и единовременных выплат, при этом все размеры финансовой помощи и налоговые вычеты должны дифференцироваться с учетом материального положения семей (единовременное пособие малоимущим семьям на детей, идущих в первый класс, денежная выплата на приобретение комплекта одежды для посещения школьных занятий, спортивной формы для занятий физической культурой для малообеспеченных многодетных семей и др.);

2. усовершенствование методов профилактики ВИЧ/СПИДа, венерических заболеваний, подростковой беременности, сокращение числа абортов, расширение доступа к услугам в области репродуктивного здоровья;

3. увеличение в количественном и качественном плане социальной рекламы не только через СМИ, но и с помощью представителей общественных и правительственных организаций, мотивирующей вести здоровый образ жизни и информирующей о негативных последствиях курения и алкоголизма, употребления наркотиков;

4. совершенствование системы здравоохранения за счет внедрения нового медицинского оборудования, строительство перинатальных центров, повышение доступности и качества медицинской помощи особенно в удаленных районах;

5. формирование положительного образа многодетной семьи и ее всесторонняя поддержка со стороны государства, проведение бесед психологов с будущими мамами, что позволит снизить страх перед первой беременностью и родами;

6. проработка механизмов гарантированной занятости для людей, имеющих детей, повышение квалификации и переобучение женщин в декретном отпуске, а также развитие системы ухода за детьми, поскольку одним из факторов, ограничивающих рождение детей, выступает риск безработицы;

7. транслирование по телевизору, через Интернет и социальные сети полного запрета жестокости, сексуальной распущенности, половых извращений и всего того, что пагубно сказывается на физическом и психическом здоровье человека;

8. обеспечение безопасности материнства и охрана здоровья новорожденных, охрана репродуктивного здоровья несовершеннолетних;

9. профилактика и реабилитация детей, подростков и молодёжи, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях, медико-социальная реабилитация детей из девиантных семей;

10. повышение стипендий и пособий, позволяющих поддерживать нормальный уровень и качество жизни учащейся молодежи, а также предоставление работодателями гибких возможностей подработки, не наносящих ущерба образовательному процессу;

11. совершенствование условий и охраны труда работников, профилактика профессиональных заболеваний и травматизма, повышение роли независимых профсоюзов в решении данных вопросов;

12. привлечение мигрантов, а также высокопрофессиональных рабочих из других регионов, которые восполнили бы естественную убыль населения региона и удовлетворили бы потребность в рабочей силе;

13. создание престижных условий для получения молодежью высшего образование в курских вузах, с целью восполнения как численности населения региона, так и трудовых ресурсов;

14. расширение ипотечного кредитования (особенно для молодых семей), а также снижение процента по ипотечному кредиту и размера обязательного первоначального взноса;

15. расширение системы социального жилья.

Совершенствование социально-пропагандистских, экономических и административно-юридических мер, несомненно, скажется положительно на социально-демографической ситуации и улучшит количество и качество трудовых ресурсов, экономическое положение региона.

Список литературы и источников

1. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 606 (ред. от 25.11.2019) «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/
2. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». – http://www.consultant.ru/
3. Барсуков В.Н., Чекмарева Е.А. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста // Проблемы развития территории. 2017. – № 3 (89). – С. 92–108.
4. Власова О.В. Оценка демографической ситуации в Курской области // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. – № 2–2. – С. 231–234.

5. Куркина М.П. Качество жизни населения: категориальный подход // Стратегические приоритеты обеспечения качества жизни населения в контексте устойчивого социально-экономического развития региона: материалы международной конференции. 2018. – С. 209–213.
6. Куркина М.П., Зюкин Д.А. Развитие социальной инфраструктуры регионов ЦФО // Фундаментальные исследования. 2017. – № 1. – С. 173–176.
7. Администрация Курской области. – http://adm.rkursk.ru/
8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – http://kurskstat.gks.ru

Подгорнова Н.А.[1]

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР БУДУЩЕГО ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ

Ключевые слова: *здоровье, здоровый образ жизни, продолжительность жизни, заболеваемость, здравоохранение, экологическая среда, общественное здоровье.*

«Здоровье – дороже золота», – писал У. Шекспир. Здоровье – самая высокая ценность для человека, ключевая характеристика человека, важнейший жизненный приоритет, определяющий возможность реализовать все его индивидуальные и социальные устремления. Здоровье – это сбалансированная система биологических, психологических, социальных состояний индивида и общности, которая изменяется под воздействием социальной, экологической среды и развивается за счет воспитания осмысленной саморегуляции, образа жизни человека.

Здоровье представляется через открытую иерархическую систему компонентов и показателей (табл. 1).

Таблица 1

Структурная модель здоровья поколения

Компоненты интегральной структуры здоровья	Критерии	Показатели
Соматическое здоровье	1. Общее состояние физического здоровья и сопротивляемость организма 2. Подверженность заболеваниям и расстройствам 3. Текущее изменение функционального состояния	1.1. Наличие хронических или длительных заболеваний; 1.2. Частота заболеваний; 1.3. Длительность отклонений (с какого возраста); 1.4. Характер отклонений (наследственные или приобретенные). 2.1. Состояние основных функциональных органов и систем организма. 3.1. Регулярность недомоганий; 3.2. Утомляемость в течение дня; 3.3. Период восстановления сил после нагрузок.
Психическое здоровье	1. Психическое развитие. 2. Функциональное состояние психики 3. Устойчивость психической сферы	1.1. Гармоничность психических процессов; 1.2. Умственное развитие (интеллектуальный потенциал). 2.1. Умственная работоспособность; 2.2. Эмоциональное состояние; 2.3. Стрессоустойчивость. 3.1. Эмоциональные реакции; 3.2. Наличие пограничных состояний; 3.3. Наличие психогенных заболеваний.
Духовное здоровье	1. Развитие самопознания 2. Морально-психологический настрой 3. Социальная активность	1.1. Самооценка, самоуважение; 1.2. Самоконтроль; 1.3. Самосохранительное поведение. 2.1. Ценностно-смысловые ориентации; 2.2. Морально-волевые качества; 2.3. Осознание себя субъектом собственной жизни; 2.4. Уверенность в завтрашнем дне. 3.1. Коммуникабельность; 3.2. Овладение этическими нормами поведения; 3.3 Овладение новыми социальными ролями.

Интересы государства и общества состоят в том, чтобы и нынешнее, и будущее население было здоровым, полноценным в количественном, качественном и трудовом отношении. От состояния здоровья нации зависит не только развитие экономики, но и безопасность нашей страны. Если структура населения страны будет смещаться в сторону преобладания нетрудоспособной или низко трудоспособной его части над трудоспособной, то произойдет увеличение трудовой нагрузки последней. Даже простое отсутствие численного воспроизводства трудового потенциала страны и ее регионов из-за потерь общественного здоровья или по другим причинам при современном уровне развития производства порождает опасность снижения величины производимого валового внутреннего продукта страны и национального дохода.

С состоянием здоровья населения тесным образом связана безопасность страны. Возможность призыва в армию, формирования вооруженных сил полноценными исполнителями воинских обязанностей резко снижается в условиях, когда уровень здоровья молодого поколения не соответствует требованиям жестких условий армейской службы.

[1] Подгорнова Наталья Алексеевна – к.э.н., доцент кафедры «Государственное, муниципальное и корпоративное управление», Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина. E-mail: podgornova-natalia@mail.ru

Общественное здоровье зависит от многих факторов в большей степени, чем от системы здравоохранения, тем не менее, и этот сегмент социально-экономического механизма сбережения народа требует больших инвестиций. Решение проблемы восстановления здоровья населения посредством лечения болезней связано с расходованием значительных материальных средств. Кроме того, существует еще один крупный раздел расходов, направленных на поддержание здоровья. К ним относятся затраты на профилактику инфекционных и соматических заболеваний, санитарно-гигиенические мероприятия, организацию рекреационной деятельности, расходы на оздоровление экологической ситуации. Крупные инвестиции должны направляться в медицинскую промышленность, производство лекарственных средств.

Общественное здоровье превращается в финансовую категорию, так как в соответствии с состоянием здоровья населения страны и отдельных регионов формируются бюджеты здравоохранения (федеральный, субъектов федерации, муниципальный), изыскиваются внебюджетные источники финансирования расходов на нужды здравоохранения.

Связь здоровья с экономикой и социальной стороной жизни людей проявляется и в том, что уровень здоровья как медико-социальная категория является важной составной частью социально-экономического понятия «уровень жизни населения». Состояние здоровья людей существенно зависит от того, как живут люди, какие блага они потребляют, каков их уровень жизни. В то же время образ и качество жизни людей отражают и состояние их здоровья – чем лучше здоровье, тем выше качество жизни, и наоборот. Продолжительность жизни считается и показателем здоровья населения и показателем уровня, качества жизни людей.

Мировой опыт со всей очевидностью свидетельствует, что в странах с высоким уровнем материального благосостояния продолжительность жизни людей на десять-пятнадцать и более лет выше, чем в странах, где господствует бедность. Не менее явно проявляется зависимость между материальным благосостоянием родителей, семей и уровнем детской заболеваемости и смертности.

По мнению некоторых демографов, если не принять срочных мер, снижение численности населения России может оказаться катастрофическим, и к 2060 г. в нашей стране будет всего 65–69 млн. граждан. Уже через 25–30 лет может наступить качественная деформация, т.е. число пожилых людей и инвалидов превысит половину населения, и встанет вопрос о возможности поддержания жизнеобеспечения государства.

Очень неблагоприятна динамика средней продолжительности жизни и смертности в нашей стране. На сегодняшний день средняя продолжительность жизни в России меньше, чем в развитых странах, где давно уже преодолен 70-летний рубеж. Необходимо обратить особое внимание на огромный разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин. Ни в одной стране мира нет такого огромного разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин как в России. В отдельные годы он превышал 13 лет. В большинстве же развитых стран женщины живут дольше мужчин примерно на 5-7 лет.

Какие же факторы определяют продолжительность жизни? Это и уровень жизни населения, эффективность служб здравоохранения, санитарная культура общества, экологическая среда, образа жизни человека.

Кризисные явления в обществе – одна из важнейших причин снижения продолжительности жизни, однако не единственная. На их фоне продолжают действовать отрицательные долговременные тенденции: несбалансированное питание, отсутствие физической культуры, вообще пренебрежение к своему здоровью и вредные стереотипы поведения. Особенно в этой связи следует отметить такую проблему, как алкоголизм. Эта причина вышла в России на первое место среди причин смертности мужчин трудоспособного возраста, опережая смертность по причине сердечнососудистых заболеваний и др. В последнее время к алкоголизму присоединилась быстрорастущая наркомания, имеются случаи смерти совсем молодых, только начинающих жизнь людей. Наркомания точно так же влияет на ожидаемую продолжительность жизни, как и алкоголизм, действуя быстрее и захватывая более молодые возраста. Кроме того среди наркоманов стремительно распространяются опасные заболевания, такие как гепатит/ СПИД и т.п.

Для предотвращения данных последствий необходимо решить следующие вопросы:

– снижение преждевременной смертности от всех причин;

– улучшение репродуктивного здоровья нации;

– улучшение здоровья новорожденных и уменьшение младенческой смертности;

– снижение частоты социально обусловленных болезней (туберкулез, алкоголизм, наркомания, венерические заболевания).

В структуру образа жизни входят:

– деятельность, направленная на сохранение и улучшение жизни человека (хозяйственно-бытовая, рекреационная – направленная на восстановление физических сил, оздоровление, лечение и т.п.);

– деятельность, направленная на создание и укрепление семьи;

– трудовая деятельность, профессиональная активность;

– социально-культурная деятельность (общественная активность);

– духовно-нравственная активность;

Здоровый образ жизни – это деятельность, активность людей, способствующая сохранению и улучшению здоровья. Это единство и согласованность всех уровней жизнедеятельности человека – биологического, психологического, профессионального, социально-культурного и духовно-нравственного. «Подойдя к краю пропасти, один человек думает о смерти, а другой о строительстве моста», — писал Мейерхольд. Мост в здоровье будущего общества — это внедрение здорового образа жизни в жизнедеятельность молодого поколения.

Безусловно, важнейшей предпосылкой роста ожидаемой продолжительности жизни является повышение уровня жизни населения, стабильный рост экономики, уверенность в завтрашнем дне. Также важно развитие здравоохранения, которое потребует больших затрат. Однако многое можно сделать уже сейчас. Для решения проблемы необхо-

дима пропаганда здорового образа жизни, включающего сбалансированное питание, физическую активность, отказ от вредных привычек и т.д.

Слабая мотивация у современного человека в отношении поддержания собственного здоровья имеет две причины. Первая состоит в том, что между факторами нездоровья (курение, потребление алкоголя) и следствием (например, болезни системы кровообращения или органов дыхания) имеется достаточно продолжительный интервал времени. В таких условиях в обыденном сознании человека с трудом связываются причины и последствия в виде болезней. Вторая причина состоит в том, что человек с раннего возраста подвержен влиянию множества воздействий, которые конкурируют со здоровьем. Богатство, карьера, удовольствия – все это мощные и значимые цели для людей, часто несопряженные с собственным здоровьем. Многие расценивают богатство и удовольствия выше, чем здоровье. Особенно это проявляется в семьях, где не сложились традиции социального наследования самосохранительного поведения или таковые отсутствуют.

Следует всячески способствовать укреплению семьи. В ней закладываются основы физического и духовного здоровья человека.

Очень часто вредные привычки возникают на почве безделья, отсутствия цели в жизни, неумения занять себя. Особое внимание в связи с этим следует обратить на детей и молодежь. Нужно всячески поощрять занятия спортом, различными видами творчества и т.д., всемерно поддерживать энтузиастов, работающих с детьми за мизерные зарплаты, которых у нас немало. Это настоящие подвижники, золотой фонд нации.

Человек в течение всей своей жизни находится под постоянным воздействием целого спектра факторов окружающей среды – от экологических до социальных. Помимо индивидуальных биологических особенностей все они непосредственно влияют на его жизнедеятельность, здоровье и, в конечном итоге на продолжительность жизни. Ориентировочный вклад различных факторов в здоровье населения оценивается по четырем позициям: образ жизни, генетика (биология) человека, внешняя среда и здравоохранение (табл. 2).

Таблица 2

Группировка факторов риска по их доли влияния на здоровье

Факторы, влияющие на здоровье	Примерная доля фактора, %	Группы факторов риска
Образ жизни. Социально-экономические условия	49–53	Курение, употребление алкоголя, несбалансированное, неправильное питание, вредные условия труда, стрессовые ситуации, адинамия, гиподинамия, плохие материально-бытовые условия, употребление наркотиков, злоупотребление лекарствами, непрочность семей, одиночество, низкий образовательный и культурный уровень, чрезмерно высокий уровень урбанизации.
Генетика, биология человека	18–22	Предрасположенность к наследственным болезням, предрасположенность к дегенеративным болезням: рак
Качество внешняя среда, природно-климатические условия	17–20	Загрязнение воздуха, воды, почвы; резкая смена атмосферных явлений; загрязнение жилища и продуктов питания; вредные производственные условия; повышенные космические, радиационные, гелиокосмические, магнитные и другие излучения.
Здравоохранение	8–10	Неэффективность профилактических мероприятий, низкое качество медицинской помощи, несвоевременность ее оказания.

Приведенные в табл. 2 данные показывают, что наибольшее влияние на состояние здоровья оказывает образ жизни, социально-экономические факторы. От него зависит почти половина всех случаев заболеваний. Второе место по влиянию на здоровье занимает состояние среды жизнедеятельности человека (не менее одной трети заболеваний определяется неблагоприятными воздействиями окружающей среды). Наследственность обусловливает около 20% болезней. Поэтому основные усилия должны быть направлены на систематическое просвещение населения в области охраны и укрепления здоровья, на формирование мотивации, стимулов, побуждений к здоровому стилю поведения, на воспитание культуры и обучение здоровью и активному долголетию. В нашей стране есть государственная программа «Здоровая нация – здоровая Россия», этот проект в большей степени направлен на пропаганду здорового образа жизни россиян. здоровье людей и их отношение к здоровому образу жизни обеспечит стране устойчивый социально-экономический рост. Программа «Здоровая Нация» Процветание России, по мнению разработчиков проекта, возможно лишь при соблюдении следующих принципов: обеспечение здоровья человека как основного общественного и правительственного принципа; соблюдение продуктивной кооперации финансовых, предпринимательских, культурных и трудовых ресурсов для оздоровления нации; признание здоровья человека в качестве явления, выступающего в роли предпосылки выживания человека в неблагоприятной экосреде; признание неразрывной связи здоровья человека и общественного качества жизни.

На здоровье и продолжительность жизни оказывают влияние индивидуальные приспособительные реакции каждого члена общества с его социальными и биологическими функциями в определенных условиях конкретного региона.

Беспрецедентное для условий мирного времени падение ожидаемой продолжительности жизни в России на фоне продолжающегося сокращения населения (в настоящее время почти на 2/5 тыс. человек ежедневно), вызванного ростом смертности и снижением уровня рождаемости, требует принятия серьезных мер на самом высоком государственном уровне, тем более что известные на сегодня прогнозы неутешительны и не позволяют надеяться на преодоление сложившихся тенденций, пока ситуация в стране радикально не изменится. Анализ связи ожидаемой продолжи-

тельности жизни с некоторыми внешними факторами показывает, что решение наиболее важной стратегической задачи государства – сбережения народа путем повышения качества общественного здоровья, в первую очередь, зависит от улучшения условий жизни населения, для чего необходима стабилизация на высоком уровне социально-экономической ситуации в стране. Число факторов, влияющих на состояние общественного здоровья, в том числе на ожидаемую продолжительность жизни, весьма велико. Это и многочисленные природные факторы, и загрязнение окружающей среды и качество медицинской помощи. Ярким индикатором социально-экономической обстановки служит уровень преступности в том или ином городе или регионе. Тем не менее, наиболее существенная роль в формировании качества здоровья населения принадлежит социально-экономическим, в том числе коммунально-бытовым факторам.

Среди факторов, непосредственно влияющих на качество здоровья, особого внимания заслуживают: доходы населения, число безработных, наличие убыточных предприятий, сбалансированность питания, качество жилищной сферы – размер жилой площади, приходящейся на одного человека, степень благоустройства жилья, прокладка и ремонт жизненно важных коммуникаций. Недостаточное внимание к этим проблемам со стороны руководства страны, регионов, муниципальных образований приводит к различным негативным социальным последствиям, в первую очередь – к снижению качества общественного здоровья.

Здоровье представляет собой интегральный показатель, результат сложного взаимодействия наследственных особенностей человека с природой и обществом. Оно зависит не только от качества окружающей среды, но также от условий труда, обучения и быта, от привычек и поведения людей, материальной обеспеченности, уровня развития здравоохранения и многих других факторов. Степень их влияния на организм различна. Заболеваемость и смертность связаны, прежде всего, с образом жизни людей. Не случайно «тремя китами здоровья» называют важнейшие составляющие нашего образа жизни: правильный режим труда и отдыха, рациональное питание и оптимальный двигательный режим. Большое значение имеет качество окружающей среды. Каждый из нас имеет право знать обо всех экологических изменениях, происходящих и в местности, где он живет, и во всей стране. Мы должны знать все о пище, которую едим, о состоянии воды, которую пьем, а медики обязаны объяснить опасность жизни в зонах радиационного или химического загрязнения. Человек должен осознавать грозящую ему опасность и соответственно действовать. Итак, человек имеет право на здоровье. Но права человека тесно связаны с его ответственностью. Ответственность – это особенное свойство личности, оно включает сознание и чувство заботы, сострадания, милосердия. Моральная ответственность основана не на страхе, а на чувстве совести и долга, сознании ценности человеческой жизни, уникальности каждого человека. Морально ответственный человек понимает необходимость следования нормам и правилам, запретам и предписаниям, связанным с отношением к своему здоровью и здоровью окружающих. Для развитого общества характерно понимание самоценности человека. Человек – не винтик государственной машины, а бесценная неповторимая вселенная. Только научившись понимать и ценить свою уникальность и необходимость для этого мира, мы в должной мере будем ценить и беречь свое здоровье. Здоровый образ жизни – это не только основа хорошего самочувствия и бодрого настроения, но и прямой путь к оздоровлению нации, к решению многих проблем современной России. Только здоровая нация гарантированно сможет укрепить и развить потенциал страны, обеспечить стабильность ее курса на повышение благосостояния. Будущее – за здоровой и, значит, счастливой Россией.

Список литературы

1. Подгорнова Н.А. Основные тенденции продолжительности жизни в России // Международная научно-практическая конференция «Теоретические и практические научные инновации». – Краков, 2013. – С. 41–46.
2. Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шмаков Д.И., Тарасова Е.В. Общественное здоровье и экономика. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 292 с.

Пруель Н.А.
д.соц.н., доцент, зав. кафедрой социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет
Градусова В.Н.
к.э.н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: *международная миграция, внутренняя миграция, миграция молодежи, экономическая безопасность, социальная стабильность, трудовой потенциал, рынок труда, государственная социально-экономическая политика.*

Keywords: *international migration, internal migration, youth migration, economic security, social stability, labor potential, labor market, state socio-economic policy.*

Острейший миграционный кризис в Германии, переросший в кризис экономический, вызвал миграционный прирост на уровне 10-15 чел. на 1000 чел. населения, хотя страна к этому готовилась, а точнее – стремилась в надежде улучшить демографическую ситуацию и наполнить рынок труда дешевой рабочей силой. Великобритания отгораживается от других стран Европы, столкнувшись с этой проблемой на уровне 3–5 чел. миграционного прироста на 1000 жителей. Италия и Греция испытывают серьезные проблемы при значении коэффициента миграционного прироста 1 чел. на 1000 чел. населения.

В США на высшем уровне говорится о вызванном миграцией гуманитарном кризисе и реальной готовности возвести стену на границе с Мексикой («Великая стена Трампа»), испытывая миграционную нагрузку 2,2 чел. на 1000 чел. населения. Продолжается строительство Израильского разделительного барьера, хотя коэффициент миграционного прироста в этой стране не высок и сопоставим с российским уровнем[1].

В России начало XXI в. характеризовалось ростом миграции населения, начавшейся в конце предыдущего столетия в связи с распадом СССР. Ограничивать перемещения людей между странами, как показывает опыт европейских стран, испытывающих приток мигрантов из Азии и Африки, сложно, а внутри страны нельзя. Однако при разработке социально-экономической политики необходимо иметь в виду, что миграция может нанести урон экономике страны, поставить под угрозу социальную стабильность и вызвать изменения политического характера, что может серьезно затруднить продвижение государства по пути устойчивого социально-экономического развития. Ситуация в европейских странах, столкнувшихся с проблемой миграции, наглядно это подтверждает.

В этой связи усиливается актуальность научных исследований миграционной активности населения. Цель данной статьи – установить параметры и направления миграции в России, определить проблемы, с которыми могут столкнуться регионы, активно участвующие в перераспределении населения, а также предложить пути их решения.

Миграция – ключевой фактор формирования населения современной России. В 2010–2012 и 2016–2017 гг. миграционный прирост не только полностью компенсировал естественную убыль, но и обеспечивал увеличение численности населения. В 2013–2015 гг. статистика фиксировала естественный прирост в РФ, но вклад миграции в развитие народонаселения России был гораздо более существенным: в 2013 г. коэффициент миграционного прироста был в 10,5 раза больше, чем коэффициент естественного прироста, в 2014 г. – а 9,5 раза, в 2015 г. – в 5,7 раза больше.

К концу рассматриваемого периода влияние миграции на демографическую динамику в нашей стране существенно ослабло. Коэффициент миграционного прироста уменьшился с 2,2 на 1000 чел. населения в 2011 г. до 0,9 на 1000 чел. населения в 2018 г. Значительно усилившаяся естественная убыль в 2018 г. перекрыла заметно снизившийся миграционный прирост, что привело к сокращению численности населения (табл. 1).

Таблица 1

Компоненты изменения общей численности населения Российской Федерации в 2010–2018 гг.[2]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Численность населения, всего, тыс. человек	142 865	142 865	143 056	143 347	143 667	146 267	146 804	146 880	146 781
Естественный прирост, убыль (–) населения	–1,7	–0,9	–0,0	0,2	0,2	0,3	–0,01	–0,9	–1,6
Миграционный прирост, убыль (–) населения	1,9	2,2	2,1	2,1	1,9	1,7	1,8	1,4	0,9

Количественно итоги внешней для страны миграции не вызывают серьезных опасений с точки зрения экономической и социальной стабильности. Однако эксперты все чаще выражают обеспокоенность, связанную с оттоком вы-

[1] Россия и страны мира: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 53.
[2] Российский статистический ежегодник. 2019. / Росстат. – М., 2019. – С. 69.

сококвалифицированных кадров из России, что может ослабить ее человеческий потенциал, сказаться на развитии экономики страны и осложнить достижение стратегической цели – войти в пятерку крупнейших экономик мира к середине третьего десятилетия.

По данным официальной статистики, исходящий из России миграционный поток в 2010–2018 гг. увеличился в 13 раз, численность прибывающих в страну граждан – в 3 раза. Основную часть международного миграционного оборота формируют граждане других государств: удельный вес этой категории в составе прибывших в РФ равен 64,5%, среди выбывших из РФ – 83% (2018 г.).

Заметим, что в рассматриваемый период существенно расширились масштабы так называемой возвратной миграции – численность россиян, вернувшихся в родную страну, увеличилась в 1,4 раза.

Обращает на себя внимание стремительное нарастание оттока иностранных граждан из России – в рассматриваемый период численность ежегодно покидающих нашу страну иностранцев возросла в 247 раз, численность прибывающих в Россию граждан других государств – только в 9 раз (табл. 2).

Таблица 2

Гражданство международных мигрантов в России в 2010–2018 гг., чел.[1]

Гражданство	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Прибывшие в Российскую Федерацию, всего	191 656	356 535	417 681	482 241	578 511	598 617	575 158	589 033	565 685
в том числе:									
граждане России	145 707	141 590	127 097	131 516	135 431	173 605	186 513	195 983	198 464
из них имеют второе гражданство	22 385	2491	2098	2047	2157	3729	4076	4394	4676
иностранные граждане	42 083	206 207	283 274	345 869	439 271	421 021	384 338	391 100	364 998
Выбывшие из Российской Федерации, всего	33 578	36 774	122 751	186 382	308 475	353 233	313 210	377 155	440 831
в том числе:									
граждане России	31 734	29 467	46 687	47 439	53 235	51 846	58 739	66 735	73 344
из них имеют второе гражданство	1512	291	577	625	867	903	1112	1273	1521
иностранные граждане	1477	6755	74 582	137 329	251 768	298 257	250 840	306 406	364 668

Такой стремительный рост показателя за неполное десятилетие свидетельствует о резком снижении привлекательности нашей страны для граждан других государств. Это может говорить о расхождении представлений иностранных граждан о России и реальных условиях жизнедеятельности в нашей стране и определенном разочаровании, что и повлияло на решение о смене места жительства. Возможно также, что, по оценкам мигрантов, условия жизнедеятельности за время их проживания в нашей стране ухудшились, что и побудило приехавших ранее иностранных граждан покинуть Россию.

Массовый исход иностранцев из РФ наблюдается несмотря на то, что авторитетные международные институты отмечают улучшение делового климата в России. В частности, это подтверждают высокие позиции нашей страны в рейтинге Doing Business. Согласно последнему докладу Всемирного банка, опубликованному в конце 2019 г., РФ поднялась с 31 места на 28 место в списке из 190 стран, по которым проводилась такая оценка[2].

Быстро растет и численность россиян, покинувших родную страну – в 2018 г. эмигрантов было в 2,3 раза больше, чем в 2010 г. С высокой вероятностью можно предположить дальнейшее расширение этого потока. На такие мысли наводят недавно опубликованные результаты социологического исследования Левада-центра, согласно которым желающих покинуть страну в сравнении с предыдущим годом стало больше. Особенно настораживает то обстоятельство, что такой настрой выразили 53 % опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет[3].

Отток молодежи из страны, остро нуждающейся в людях, обладающих современными знаниями, способных быстро находить и успешно осваивать новое, адаптироваться к изменяющимся условиям, может серьезно ограничить возможности инновационного развития. Особую опасность для России представляет молодежная эмиграция в ближайшие годы, поскольку к трудовой деятельности приступает малочисленное поколение родившихся в конце 1990-х гг. – начале первого десятилетия 2000-х гг. Неизбежное повышение среднего возраста занятых в экономике России вследствие повышения возраста выхода на пенсию, а также отток из страны талантливой хорошо образованной молодежи могут замедлить разработку и внедрение в производство новой техники и технологий.

В последние годы самым популярным направлением миграционного обмена России со странами дальнего зарубежья был Китай – в 2018 г. на эту страну приходилось около 13% совокупного оборота миграции с государствами дальнего зарубежья. Интенсивный обмен осуществлялся также с Грузией и Индией (по 9%), Германией и КНДР (по 7%), Вьетнамом (6% миграционного оборота РФ со странами дальнего зарубежья)[4].

Учитывая языковую и культурную специфику таких активно развивающихся направлений миграции, как Китай, КНДР, Индия, Вьетнам, а также темпы расширения миграционных потоков (совокупный миграционный оборот по этим 4 странам в 2010 – 2018 гг. возрос более чем в 14 раз[5]), можно предположить, что осваивает их в основном молодежь. В этом возрасте людям, как правило, легче адаптироваться к новым, порой даже экзотическим условиям.

[1] Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. 7.6; 2019. 7.6.

[2] Россия вошла в топ-30 рейтинга Doing Business 2020 // Взгляд: деловая газета. – https://vz.ru/news/2019/10/24/1004699.html

[3] «Левада-центр»: 53% молодых россиян хотят уехать из страны // Ведомости. – М., 2019. – 26 ноября.

[4] Демографический ежегодник России. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. 7.2.

[5] Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. 7.2; 2019. 7.2.

Более того, это их даже привлекает. Многие из современных молодых людей знают несколько языков, особый интерес проявляют к восточным языкам и восточной культуре.

Отток из России высококвалифицированных кадров, молодых и предприимчивых граждан может негативно сказаться на экономическом развитии страны, успехи которой в мировой конкурентной борьбе во многом зависят от масштабов и скорости внедрения в производство достижений научно-технического прогресса, что во всем мире принято ассоциировать с талантливой молодежью.

Специалисты выражают обеспокоенность так называемой «утечкой умов» из России, а данные Росстата считают сильно заниженными. Так, Н. Мкртчян и Ю. Флоринская со ссылкой на данные миграционной статистики иностранных государств, утверждают, что в настоящее время за рубежом живут около 2,7 млн. выходцев из России, из них 1,5 млн. чел. имеют российское гражданство. В числе основных причин эмиграции выделяют учебу в магистратуре или аспирантуре, трудовую деятельность (в том числе по «голубой карте» для квалифицированных специалистов), воссоединение с семьей. Несмотря на действующую программу привлечения квалифицированных иностранных кадров, миграция в Россию, по мнению Н. Мкртчяна и Ю. Флоринской, не компенсирует отток высококвалифицированных специалистов. Образованных людей в страну приезжает меньше, чем уезжает[1].

Влияние миграции на качество трудового потенциала страны осуществляется и по другому каналу. Серьезный урон может нанести не только сам отток интеллектуальных ресурсов, но и возможное снижение общего уровня развития науки и образования вследствие эмиграции из страны ученых, многие из которых уезжают из страны из-за недостаточного финансирования школ, университетов и проведения научных исследований. Невысокими пока остаются социальный статус и уровень оплаты труда российских ученых.

Некоторые эксперты, в частности И.В. Карпова, выделяют и такую угрозу со стороны миграции, как отток за рубеж отечественных предпринимателей[2]. О том, что эти опасения не безосновательны говорят и результаты опроса, проведенного московской компанией «Агентство Контакт», согласно которым каждый шестой из 467 топ-менеджеров российских и международных компаний, принявших участие в исследовании, имел планы в ближайшие два года сменить место работы и переехать в другую страну. Наиболее часто респонденты говорили о желании обосноваться в таких странах, как США, Германия, Великобритания (опрос был проведен в мае 2017 г.)[3].

Прогнозы Росстата по миграции допускают как сокращение миграционного прироста в 2020–2036 гг. в 1,5 раза (низкий вариант), так и его увеличение на 32% (средний вариант) и даже 70% (высокий вариант). Миграционный прирост в 2035 г. может составить от 100,5 тыс. чел. до 462,5 тыс. чел.[4]. Укрепление трудового потенциала за счет мигрантов маловероятно. Росстат данных об образовании и профессионально-квалификационном составе не публикует. Эксперты же считают, что в мировой борьбе по привлечению в страну ученых и специалистов РФ уступает странам Запада, и миграция в Россию не компенсирует отток высококвалифицированных специалистов из страны[5].

В таких условиях важнейшей задачей государства является реализация комплекса мер, направленных на предотвращение массового оттока из страны ученых и высококлассных специалистов, создание условий для реализации их творческого потенциала, повышение престижа ученых, вовлечение молодежи в науку.

Кроме воздействия на экономическую систему государства международная миграция может повлиять и на социальную ситуацию в стране или отдельном ее регионе. Большая часть ежегодно прибывающих в Россию иностранных мигрантов – выходцы из стран СНГ (более 89% в 2018 г.). Но на славянские государства – Украину и Беларусь – приходится менее 29% этого потока. Еще 14% – это граждане Таджикистана, 12,5% – Казахстана, 12% – Узбекистана[6].

Для сохранения социальной стабильности и предотвращения конфликтов на национальной и религиозной почве при реализации государственной политики необходимо учитывать национальную структуру прибывающих в страну мигрантов. Это требует разработки и реализации программы мероприятий по предотвращению конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве.

Перераспределение населения внутри страны на численность населения не влияет. Однако может привести к значительным потерям. Вследствие межрегиональной миграции может снизиться качество совокупного трудового потенциала страны. Это тот случай, когда от перемены места слагаемых сумма может уменьшиться. Многие хорошо образованные люди покидают родные, но бедные регионы. А перебравшись в крупные города, могут рассчитывать только на работу охранника, таксиста или менеджера по продажам. Таким образом, человек постепенно утрачивает профессиональные компетенции, сформированные за время обучения, а государство теряет специалиста и потраченные на его подготовку средства.

Поток внутренних мигрантов в России в 2010–2018 гг. увеличился в 2,3 раза и достиг 4,3 млн. чел. Массовые перемещения людей могут внести серьезные коррективы в систему социально-экономического управления как на

---

[1] Мкртчян Н., Флоринская Ю. Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений // Мониторинг экономической ситуации в России. 2018. – № 1 (62). – С. 15–18.

[2] Карпова И.В. Трудовая миграция и развитие бизнес-процессов в России // Лизинг. 2013. – № 4. – С. 30–41. – https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18867979; Карпова И.В. Трудовая миграция и национальный бизнес // Лизинг. 2011. – № 3. – С. 34–44. – https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19060446

[3] Более 40% топ-менеджеров сообщили о планах уехать из России // РБК. Экономика. – М., 2016. – 6 июня. – https://www.rbc.ru/economics/06/06/2016/575597df9a7947f5eceacb1e

[4] Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 8.1.

[5] Эмиграция из России – куда и почему уезжают граждане РФ? – http://passus.ru/migratsiya/emigratsiya-iz-rossii-statistika-pogodam.html; «Лекарства от утечки умов нет и не будет». Из России бегут профессионалы. Они не хотят прозябать на родине. – https://lenta.ru/articles/2018/06/18/poravalit/; Утечка мозгов из России ускорилась. – https://lenta.ru/news/2018/01/23/brain_drain/

[6] Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 7.6.

принимающих территориях, так и в регионах исхода. Вследствие оттока молодежи и специалистов может пострадать человеческий потенциал региона. Массовый приток мигрантов создает дополнительную нагрузку для транспортной и социальной инфраструктуры. Может осложниться и криминогенная ситуация.

Итогом перераспределения населения становится значительная миграционная нагрузка одних регионов и демографические потери других. Так, ЦФО и СЗФО многие годы испытывают миграционный прирост на уровне 5–7 чел. на 1000 чел. населения, который во многих странах расценивается как угроза социально-экономической стабильности государства (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты миграционного прироста, на 10 000 чел. населения, 2005, 2010–2018 гг.[1]

Регион	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Российская Федерация	20	19	22	21	21	19	17	18	14	9
Центральный федеральный	101	74	56	62	60	56	57	45	51	47
Северо-Западный федеральный округ	27	51	50	58	72	41	16	41	55	36
Южный федеральный округ	32	21	43	27	45	34	51	48	27	30
Северо-Кавказский федеральный округ	**2**	4	–34	–41	–40	–21	–26	–21	–26	–26
Приволжский федеральный округ	–8	–12	–4	–6	–5	–2	–8	–5	–12	–22
Уральский федеральный округ	**–26**	–12	31	19	3	7	3	12	0,3	–5
Сибирский федеральный округ	**–42**	–18	1	–4	–8	–4	–5	–7	–16	–17
Дальневосточный федеральный округ	–70	–49	–28	–32	–53	–40	–39	–28	–28	–40

В ряде регионов миграционный прирост гораздо выше этих значений, и такая ситуация сохраняется продолжительный период. Наибольшая миграционная нагрузка характерна для следующих российских регионов: Ленинградской области (239 чел. на 10000 чел. населения), г. Севастополя (176 чел.), Московская область (140 чел.), Тюменская область без автономных округов (104 чел.), Калининградская область (95 чел.), Краснодарский край (85 чел.), г. Москва (79 чел.), г. Санкт-Петербург (52 чел.) (2018 г.)[2].

Сильное негативное влияние на формирование населения и трудовых ресурсов оказывает миграция в следующих субъектах федерации: Архангельской, Мурманской, Оренбургской, Курганской областях, Республике Северная Осетия-Алания, Забайкальском крае – в перечисленных регионах ежегодные миграционные потери превышают 0,5% населения. В последние годы к ним присоединилась и Омская область[3].

Особенно требовательны к условиям жизнедеятельности молодые люди. Кроме того, для этого возраста характерна и более высокая мобильность. Статистика подтверждает это. На возрастную категорию 15–29 года в межрегиональном миграционном обороте приходится более 37%[4].

Усугубляемая миграцией демографическая динамика может оказать негативное влияние на возможности инновационного развития российской экономики. Дело в том, что к трудовой деятельности приступило малочисленное поколение родившихся в конце 1990-х гг. В связи с увеличением возраста выхода на пенсию средний возраст занятого населения заметно увеличится. Перевод экономики на инновационный путь развития требует прилива молодых сил, обладающих самыми новыми знаниями, не обремененных штампами, способных быстро осваивать достижения науки, мыслись и действовать креативно.

Это требует детального анализа миграционных потоков и внесения корректив в региональную социально-экономическую политику, учитывающих возрастно-половой и национальный состав прибывающих мигрантов, их образовательный и профессиональный уровень. Необходимо также наладить социальное сопровождение семей с детьми, обеспечить доступность услуг в сфере образования и здравоохранения.

Если местное население не почувствует ухудшения ситуации на рынке труда и в социальной сфере из-за присутствия на своей территории приезжих, а мигранты не будут ощущать на себе не только косые взгляды, но и дискриминационные меры, а смогут на равных с местными жителями пользоваться услугами социальной сферы, значит, в регионе реализуется эффективная политика в отношении мигрантов, не ущемляющая прав коренного населения.

Проблемы регионов, теряющих население вследствие миграции, не менее сложны. Заметим, что большинство российских регионов испытывают миграционный отток – в 2018 г. таких субъектов федерации было 68. В последние годы наибольшее негативное влияние оказывает миграция на развитие народонаселения в следующих российских регионах: Магаданская область, Еврейская АО, Чукотский АО, Республика Коми, Республика Калмыкия. В перечисленных регионах миграционный отток длительный период времени ежегодно сокращает численность жителей на 1% и более.

Если для Дальнего Востока отток населения – явление не новое, и вызвано оно сложными условиями жизни и хозяйствования, то для республик Северного Кавказа это не типично. Национальные традиции и семейные связи обычно способствуют закреплению населения. Однако в последние годы почти для всех северокавказских республик (за исключением республики Ингушетии) характерен значительный миграционный отток населения. Количественной оценки этих процессов недостаточно. Для выявления причин высокой территориальной подвижности жителей СКФО требуется проведение социологических исследований.

[1] Регионы России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 91–92.
[2] Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 91–92.
[3] Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 91–92.
[4] Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. 7.3, 7.4.

Отрицательно влияет миграция на формирование населения в Приволжском и Сибирском федеральных округах. Миграционный отток наблюдается в большинстве приволжских регионов. Исключение составляют Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области. Наиболее сложная ситуация в Оренбургской области: в 2010–2017 гг. коэффициент миграционного прироста редко был больше –40 чел. на 10 000 чел. населения. В рассматриваемый период не на много лучше были показатели и в Кировской области.

Миграционный прирост в Красноярском крае, Новосибирской и Томской областях компенсирует значительные миграционные потери других регионов Сибирского ФО. Наибольший исходящий поток в 2010–2017 гг. характерен для Республики Тыва, но отмечается ежегодное снижение его интенсивности: с -126 до -33 чел. на 10 000 чел. населения. Печальным лидером по коэффициенту миграционного прироста в 2017 г. стал Забайкальский край (–74 чел. на 10 000 чел. населения), ежегодно испытывающий большой отток жителей.

В последние годы сильно активизировались перемещения населения из Омской области, в 2017 г. миграционные потери составили 50 чел. на каждые 10 000 населения региона.

В Алтайском крае и Республике Бурятия коэффициент миграционного прироста в 2010–2017 гг. редко был больше –20 чел. на 10 000 чел. населения.

Далеко не все регионы Центральной России, где ситуацию в сфере миграции можно оценить как наиболее благополучную, привлекательны для мигрантов. Значительный миграционный отток практически весь рассматриваемый период отмечался в Брянской, Костромской и Орловской областях. В СЗФО, для которого в целом характерно положительное сальдо миграции, есть регионы, в которых ежегодные миграционные потери превышают 0,5% населения – это Архангельская и Мурманская области, а коэффициент миграционного прироста в Республике Коми в 2010–2017 гг. не был выше –100 чел. на 10 000 чел. населения (за исключением 2016 г.).

В привлекательном для мигрантов Южном ФО ситуация в регионах сильно различается. Более 1% населения в среднем теряет ежегодно вследствие миграции Республика Калмыкия. Существенный отток жителей отмечается практически ежегодно и в Волгоградской области.

Как видим, миграционный отток населения отмечается в большинстве субъектов РФ (в 2017 г. – в 54 регионах). Значительную угрозу устойчивому развитию представляет миграция в следующих российских регионах: Республика Коми, Республика Калмыкия, Магаданская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ (ежегодные миграционные потери превышают 1% населения). Сильное негативное влияние на формирование населения и трудовых ресурсов оказывает миграция в следующих российских регионах: Архангельская, Мурманская области, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Курганская область, Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия) (ежегодные миграционные потери превышают 0,5 % населения).

Особенно требовательны к условиям жизнедеятельности молодые люди, для которых характерна высокая мобильность. На возрастную категорию 15–29 лет приходится 36,9%, а по межрегиональному потоку – 37,3% всех прибывших. В исходящем потоке доля этой возрастной категории выше: в общей численности – 37,2%, в межрегиональном обмене – 37,4% выбывших. Особенно страдают небольшие города[1].

Многие молодые люди уезжают учиться в вузы крупных городов. Среди плюсов таких перемещений следует отметить получение хорошего образования, расширение кругозора, налаживание контактов и связей в других регионах, обмен социальной, культурной, исторической информацией и др. Однако такие поездки нередко завершаются сменой постоянного места жительства, что негативно сказывается как на демографическом, так и экономическом развитии территорий-доноров.

Политические и социально-экономические изменения последних десятилетий предоставили людям возможность покинуть родные места и переехать в другие города и за границу. Способствуют активизации миграционных потоков и такие факторы, как отмена института «прописки», наличие относительно дешевых и быстрых способов перемещения, доступных средств коммуникации.

Решиться на переезд молодежь побуждает желание получить хорошо оплачиваемую работу. При этом они часто опираются на информацию, полученную от знакомых, сделавших такой шаг ранее. Современные информационные технологии, которыми большинство молодых людей уверенно владеют, позволяют им получить необходимую информацию, а возможно, и установить деловые контакты еще на стадии подготовки решения о переезде, что ускоряет его принятие. Поэтому в настоящее время поток молодых мигрантов из бедных регионов РФ с целью поиска достойной работы возрастает.

Среди молодых людей наибольшую подвижность проявляют студенты. Уезжая на учебу в другой город, многие совмещают обучение с временной работой, которая впоследствии часто трансформируется в постоянную занятость. Кроме того, сезонная миграция студентов в период каникул (студенческие отряды, программы обмена, летние школы, стажировки и т.п.) также предоставляет шансы для последующего трудоустройства.

Большую угрозу представляет миграция молодежи для регионов с большой структурной долей населения старше пенсионного возраста. В 3 российских регионах (Рязанская, Тамбовская и Тульская области) этот показатель превышает 30%, еще в 13 регионах приближается к этой отметке[2].

По мере увеличения среднего возраста жителей растет и средний возраст занятого населения. Перевод экономики на инновационный путь развития требует прилива молодых сил, обладающих новыми знаниями, не обремененных штампами, способных мыслить и действовать быстро и креативно.

---

[1] Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. 7.3, 7.4.

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 51–52.

Для закрепления молодежи в регионах необходима разработка комплекса мер, направленных на создание условий для самореализации молодежи, применения творческого потенциала молодых людей в интересах развития конкретной территории.

Большая роль в этом должна отводиться молодежным политическим программам и общественным объединениям. Их основная задача – способствовать формированию у молодых людей здорового мировоззрения и отношения к обществу и собственной жизни, развитых и реалистичных представлений о профессиональной карьере, на конкретных примерах демонстрировать возможности для интересной и насыщенной событиями и собственными достижениями жизни в родном регионе. Традиционные менторские подходы для этого малоэффективны, поскольку молодежь везде и во все времена склонна не доверять опыту предшествующих поколений, самостоятельно, падая и ошибаясь, выстраивать линию своей жизни.

Большая часть безработных в России – молодые люди (38,4% общей численности в 2018 г.[1]). Особенно сложно трудоустроиться выпускникам учебных заведений, поскольку работодатели требуют наличия опыта профессиональной деятельности. Один из способов решения этой проблемы – включение в трудовой стаж периодов производственной практики. Это требует принятия соответствующих нормативных актов.

Облегчить последующее трудоустройство могло бы и адресное распределение выпускников на преддипломную практику. Не секрет, что сегодня этот ответственный этап обучения во многом проходит формально. На самом деле этот период мог бы стать хорошей основой для формирования у молодого человека чувства ответственности, сопричастности к общему делу, выработки трудовых навыков, способности взаимодействия в трудовом коллективе. А для потенциального работодателя такое сотрудничество позволило бы сделать правильный выбор и обеспечить обновление кадрового состава организации с минимальными рисками и без потерь, связанных с адаптацией работника на новом рабочем месте.

Другое наше предложение касается расширения возможности реализации молодыми людьми их предпринимательских способностей. Большинство выпускников вузов не регистрируются на бирже труда, поскольку не надеются на реальную помощь. Вакансии государственной службы занятости, как правило, не относятся к категории престижных и хорошо оплачиваемых, не требуют специальной подготовки. Кроме того, многие амбициозные молодые люди считают, что «стоять на бирже» – удел неудачников. Из-за этого они лишены возможности участвовать в программах поддержки занятости, реализуемых государственной службой занятости. В этой связи предлагаем создать в регионах (например, на базе одного из вузов) молодежную биржу труда и привлечь к этому работодателей, которые зачастую тоже не прибегают к услугам биржи труда в поиске высококвалифицированных сотрудников.

Другой способ решения данной проблемы – допустить возможность участия в государственных программах поддержки начинающих предпринимателей неработающих выпускников учебных заведений, не имеющих официального статуса безработного.

Таким образом, территориальная мобильность россиян в последние годы значительно усилилась. Это касается как международной, так и межрегиональной миграции. Опыт европейских стран показывает, что миграция может нанести урон экономике страны, поставить под угрозу социальную стабильность и вызвать изменения политического характера, что может серьезно затруднить продвижение государства по пути устойчивого социально-экономического развития. Не допустить этого позволит своевременная корректировка социально-экономической политики с учетом масштабов миграции, возрастного и национального состава мигрантов.

[1] Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 133.

Самодуров А.А.
к.т.н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург
Спиридонов Д.А.
аспирант, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: *Арктическая зона, регион, медицина, здравоохранение, заболеваемость, профилактика.*
Keywords: *Arctic zone, region, the medicine, healthcare incidence, prophylaxis.*

Ключевое направление социально-экономической политики России – укрепление здоровья людей. На это направлен одноименный национальный проект. Лечебные учреждения оснащаются современным оборудованием. Расширяется перечень медицинских услуг, оказываемых за счет Фонда обязательного медицинского страхования. С установленной для разных возрастных категорий населения периодичностью бесплатно проводится диспансеризация населения. Эти и другие меры повышают доступность качественных медицинских услуг для граждан России, что имеет бесспорное подтверждение – рост продолжительности жизни. За 2010–2017 гг. этот показатель в России увеличился на 3,76 года: с 68,94 года до 72,7 года. Особый прогресс достигнут в увеличении продолжительности жизни мужчин, они стали жить на 4,42 года дольше[1].

Эффективная профилактика болезней, своевременно и в необходимом объеме оказанная медицинская помощь напрямую влияют на продолжительность и качество жизни людей. Хотя после резкого падения продолжительности жизни россиян в 1990-е годы, удалось добиться ее значительного повышения, но в сравнении с другими странами продолжительность жизни в России остается не высокой. Именно этот индикатор не позволяет нашей стране повысить свои позиции в рейтинге стран мира по уровню человеческого развития, ежегодно проводимому ООН[2].

Цель данной статьи – на основе данных официальной статистики исследовать систему организации здравоохранения в регионах с экстремальными климатическими условиями, которые не могут не сказываться на здоровье людей, а также провести анализ заболеваемости в разрезе основных групп заболеваний. Система охраны здоровья жителей арктических регионов должна учитывать суровые условия проживания и связанные с этим особенности заболеваемости.

Если в целом по стране в 2005-2017 гг. число больничных коек уменьшилось в 1,3 раза, то в большинстве арктических регионов имело место более значительное их сокращение: в Чукотском АО – в 1,9 раза, Республике Карелия – в 1,8 раза, Архангельской области и Республике Саха (Якутия) – в 1,5 раза, Ямало-Ненецком АО и Красноярском крае – в 1,4 раза. Хотя по-прежнему в расчете на 10 000 жителей этот показатель в арктических регионах остается высоким (табл. 1).

Низкие позиции в федеральном рейтинге по данному показателю занимают Республика Карелия (72 место), Ямало-Ненецкий АО (61 место). В этих регионах нагрузка на одну больничную койку в начале 2018 г. составляла соответственно 134 чел. и 128 чел. при среднем по стране значении данного показателя 124 чел. на 1 больничную койку[3].

Во многих арктических регионах в 2005–2017 гг. численность врачей уменьшилась. В то время как в стране в целом этот показатель увеличился на 1%, в Республике Карелия и Архангельской области он стал меньше на 6%, в Мурманской области – на 5%, Красноярском крае – на 2%. Хотя в последнем из перечисленных регионов численность жителей в этот период немного увеличилась.

Увеличение численности врачей отмечается только в Республике Саха (Якутия) – на 23%, а также Ямало-Ненецком АО – на 11%. Причем рост этого показателя опережал рост численности населения этих регионов, которая в данный период возросла на 1 и 5% соответственно. Не изменился рассматриваемый показатель в Республике Коми, Ненецком и Чукотском автономных округах.

Несмотря на это, показатель численности врачей на 10 000 жителей во всех арктических регионах, за исключением Ненецкого АО, существенно выше сложившегося в стране среднего значения. В пользу регионов АЗРФ говорит и сравнение по показателю численности среднего медицинского персонала на 10 000 чел. населения. Самое низкое в АЗРФ значение зафиксировано в Красноярском крае – 117 чел. на 10 000 жителей, что на 4% больше, чем в Сибирском ФО и на 13% больше, чем в стране в целом (2017 г.).

Таблица 1

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 75.

[2] Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Основные тенденции и проблемы развития человеческого потенциала России в постсоветский период // Управленческое консультирование. 2019. – № 6. – С. 102–114; Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы // Регионология. 2019. – № 2. – С. 310–330.

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 361–362.

Отдельные показатели развития здравоохранения в арктических регионах Российской Федерации на 10 000 человек населения в 2017 г. (на конец года)[1]

Регион	Число больничных коек, единиц	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, посещений в смену	Численность врачей всех специальностей, человек	Численность среднего медицинского персонала, человек
Российская Федерация	80,5	270,1	47,5	103,8
Северо-Западный федеральный округ	82,6	319,9	58,1	109,7
Республика Карелия	74,7	289,1	51,6	121,7
Республика Коми	100,2	404,7	51,4	145,8
Архангельская область	91,2	389,6	55,0	132,7
в том числе:				
Ненецкий автономный округ	92,5	272,5	45,5	118,6
Мурманская область	96,9	296,6	53,2	137,9
Уральский федеральный округ	78,8	285,4	45,0	114,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	78,0	246,0	54,9	148,2
Сибирский федеральный округ	91,5	286,4	48,7	112,4
Красноярский край	82,0	327,5	49,1	117,1
Дальневосточный федеральный округ	99,6	291,1	55,1	113,8
Республика Саха (Якутия)	98,7	303,0	60,5	141,8
Чукотский автономный округ	133,1	507,6	74,8	148,5

Говорить о последствиях проведенной в последние годы реформы здравоохранения преждевременно. Для объективной оценки нужен более продолжительный период наблюдения за функционированием и результативностью системы охраны здоровья в изменившихся условиях. Проведем анализ показателей заболеваемости жителей арктических регионов.

По данным Росстата, заболеваемость в регионах АЗРФ значительно выше, чем в среднем в стране. И это фиксируется органами государственной статистики почти по всем основным классам болезней (табл. 2). Приятное исключение составляют такие грозные болезни, которые в России наиболее часто приводят к смерти, как болезни системы кровообращения. Только в одном арктическом регионе в 2017 г. заболевания этой группы встречались чаще, чем в среднем в стране (32,1 случая на 10 000 чел. населения) – Красноярском крае (36,8 случая на 10 000 чел. населения). В других показатель варьировал от 20,2 случая в Республике Саха (Якутия) до 31,6 случая на 10 000 жителей в Чукотском АО. Примечательно, что оба региона входят в состав одного федерального округа, а в одном из них заболеваемость в 1,5 выше, чем в другом. Это свидетельствует об отсутствии единых подходов в борьбе с этими грозными болезнями.

Таблица 2

Заболеваемость на 1000 человек населения по основным классам болезней в регионах Арктической Зоны Российской Федерации (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)[2]

Регион	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	Болезни нервной системы	Болезни глаза и его придаточного аппарата	Болезни уха и сосцевидного отростка
Российская Федерация	27,3	11,4	4,5	14,0	15,0	31,6	25,9
Северо-Западный федеральный округ	37,0	14,6	3,1	15,8	15,5	32,4	29,3
Республика Карелия	42,2	15,3	3,7	19,3	17,7	32,7	43,7
Республика Коми	50,1	18,1	6,9	17,5	15,6	49,4	33,3
Архангельская область	42,2	12,5	4,1	16,0	14,1	38,3	33,8
в том числе:							
Ненецкий автономный округ	50,3	16,1	6,0	21,7	22,7	65,3	36,8
Мурманская область	32,3	14,3	3,2	16,8	13,6	29,6	27,7
Уральский федеральный округ	32,9	11,2	4,7	15,7	15,6	33,1	25,7
Ямало-Ненецкий автономный округ	43,4	12,9	9,7	23,2	24,7	46,1	28,0
Сибирский федеральный округ	31,2	16,7	5,1	18,8	18,1	37,5	27,1
Красноярский край	29,4	16,7	3,8	15,5	18,5	41,8	27,3
Дальневосточный федеральный округ	32,7	11,1	2,9	10,6	12,4	28,1	21,3
Республика Саха (Якутия)	26,9	10,5	3,3	6,6	18,7	33,3	21,1
Чукотский автономный округ	33,9	16,3	7,2	13,4	19,2	47,2	33,5

Продолжение таблицы 2

Регион	Болезни	Болезни	Болезни	Болезни	Болезни костно-	Болезни	Врожденные анома-

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 359–360; 363–366; 369–370.
[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. С. 375 – 404.

	системы кровообращения	органов дыхания	органов пищеварения	кожи и подкожной клетчатки	мышечной системы и соединительной ткани	мочеполовой системы	лии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения
Российская Федерация	32,1	353,5	34,0	41,0	29,5	44,8	2,0
Северо-Западный федеральный округ	28,9	448,6	33,1	52,5	36,7	56,6	2,5
Республика Карелия	27,8	572,8	47,8	71,4	49,9	70,2	4,4
Республика Коми	23,5	556,1	37,7	73,9	51,8	79,5	3,4
Архангельская область	25,1	464,4	55,0	45,9	42,9	54,5	4,9
в том числе:							
Ненецкий автономный округ	29,3	702,7	82,9	54,8	63,4	69,2	5,0
Мурманская область	20,4	381,7	27,3	43,7	33,6	62,4	1,0
Уральский федеральный округ	29,3	377,3	34,1	43,6	29,5	49,2	1,7
Ямало-Ненецкий автономный округ	27,0	625,3	64,4	43,9	49,4	81,5	2,3
Сибирский федеральный округ	36,8	358,4	46,8	37,2	40,3	54,6	2,3
Красноярский край	36,8	297,0	39,4	37,8	43,5	51,8	1,9
Дальневосточный федеральный округ	24,0	379,3	40,6	43,2	22,6	40,8	2,3
Республика Саха (Якутия)	20,2	565,6	58,3	51,6	24,5	37,3	1,8
Чукотский автономный округ	31,6	771,8	60,2	55,1	46,6	65,1	2,1

Кроме опыта Республики Саха (Якутия) в профилактике болезней системы кровообращения следует изучить организацию этой работы в Магаданской области, для которой характерна самая низкая в стране заболеваемость сердечнососудистыми болезнями – 13,9 случая на 10 000 жителей.

Для сравнения в г. Москве с более мягкими условиями проживания и характерной для столицы государства высокой концентрацией новейших медицинских техники и технологий этот показатель составлял 14,4 случая на 10 000 чел. населения (2017 г.).

Инфекционные и паразитарные болезни в РФ в целом в 2017 г. регистрировались с частотой 27,3 случая заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения. В регионах Арктической Зоны заболеваемость этими видами болезней варьировала от 29,4 случая в Красноярском крае до 50,3 случая на 10 000 чел. населения в Ненецком АО.

Из рассматриваемой группы регионов заболеваемость инфекционными и паразитарными болезными была более низкой, чем в РФ в целом, только в Республике Саха (Якутия) – 26,9 случая на 10 000 жителей.

В организации работы по профилактике инфекционных и паразитарных заболеваний целесообразно обратиться к опыту Республики Саха (Якутия) и Мурманской области, имеющих лучшие в рассматриваемой группе показатели распространения болезней данной группы. Полезным будет и знакомство с опытом организации борьбы с инфекционными и паразитарными болезными, накопленным в таких сибирских регионах, как Республика Бурятия и Новосибирская область, где заболеваемость этими болезными еще ниже[1].

Новообразования у арктических жителей так же регистрируются чаще, чем в среднем среди населения России. Если в РФ в целом в 2017 г. в расчете на 1000 человек населения было установлено в среднем 11,4 таких диагноза, то в регионах Арктической Зоны России онкологические заболевания регистрировались с частотой от 12,5 случая на 10 000 чел. населения в Архангельской области до 18,1 случая на 10 000 чел. населения в Республике Коми. Только в одном арктическом регионе – Республике Саха (Якутия) – новообразования встречаются реже, чем в среднем в стране – 10,5 случая на 10 000 чел. населения в 2017 г.

Рекомендуется изучить подсистему здравоохранения этого арктического региона, касающуюся профилактики новообразований, а также обратиться к опыту региона со схожими климатическими условиями – Магаданской области, в которой новообразования регистрируются сравнительно редко (9 установленных впервые диагнозов онкологических заболеваний на 10 000 чел. населения).

Полезно внимательно изучить и практику организации профилактики онкологических заболеваний в сибирских регионах, имеющих рекордно низкие для нашей страны показатели их распространения: Республика Тыва – 4,2 случая на 10 000 чел. населения, Республика Бурятия – 7,3 случая, Забайкальский край – 8,9 случая на 10 000 чел. населения в 2017 г. Можно было бы предположить, что низкие показатели, например, в Республике Тыва, связаны с низкой продолжительностью жизни. Однако самая низкая продолжительность жизни в России в одном из регионов АЗРФ – Чукотском АО, и заболеваемость раком в данном регионе очень высокая – 16,3 случая на 10 000 чел. населения (2017 г.)[2].

По группе заболеваний, включающей болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм, ситуация в арктических регионах существенно различается даже в пределах федеральных округов, что говорит об отсутствии единых подходов к организации медико-профилактической работы. Если в стране такие диагнозы в 2017 г. были установлены с частотой 4,5 случая на 10 000 чел. населения, то в арктических регионах разброс показателя очень большой – от 3,2 случая в Мурманской области до 9,7 чел. на 10 000 чел. населения в Ямало-Ненецком АО. Показателен в этом плане опыт Магаданской области, в которой число впервые зарегист-

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 375–376.
[2] Там же, с. 377-378.

рированных заболеваний крови, кроветворных органов и отдельных нарушений, вовлекающих иммунный механизм, имеет одно из самых низких в стране значений – 2,1 случая на 10 000 чел. населения.

Заболеваемость болезнями эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ в большинстве арктических регионов тоже заметно выше, чем по стране в целом. В 2017 г. в РФ было установлено 14 таких диагнозов в расчете на 10 000 чел. населения. Только в 2 арктических регионах показатель был ниже – Республике Саха (Якутия) – 6,6 случая и Чукотском АО – 13,4 случая на 10 000 жителей. Наиболее часто регистрируются такие болезни в Ямало-Ненецком АО – 23,2 случая на 10 000 чел. населения, что в 1,7 раза больше, чем в среднем в регионах России. В борьбе за нераспространение болезней данной группы больших успехов достигла Республика Саха (Якутия), в которой за короткий срок (2013–2017 гг.) удалось снизить заболеваемость болезнями эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ с 20,3 случая на 10 000 жителей до самого низкого в стране значения 6,6 случая на 10 000 чел. населения.

Болезням нервной системы арктические жители тоже подвержены в большей степени, чем другие россияне. В РФ в 2017 г. в расчете на 10 000 чел. населения было зарегистрировано 15 диагнозов из числа болезней этой группы. Только в 2 регионах АЗРФ показатель был меньше: в Мурманской области (13,6 случая) и Архангельской области (14,1 случая на 10 000 чел. населения). В Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, Красноярском крае и Республике Саха (Якутия) такие диагнозы устанавливались в 1,2 – 1,6 раза чаще, чем в среднем в стране.

Болезни глаза и его придаточного аппарата в арктических регионах распространены шире. Исключение составляет только Мурманская область, в которой в 2017 г. в расчете на 10 000 было установлено 29,6 случая таких диагнозов. В РФ в целом было зарегистрировано 31,6 случая болезней глаза и его придаточного аппарата на 10 000 чел. населения. Наиболее часто встречаются такие болезни в Ненецком АО – 65,3 случая на 10 000 жителей. Считаем целесообразным обратиться к опыту Мурманской области, а также в деталях изучить организацию работы по профилактике глазных болезней в Магаданской области, в которой зафиксирована одна из наименьших степеней распространения данных заболеваний в стране – 15,7 случая на 10 000 чел. населения в 2017 г. (Меньше только в Кабардино-Балкарской Республике – 14,2 случая на 10 000 чел. жителей).

Распространение болезней уха и сосцевидного отростка в арктических регионах характеризуют следующие данные: в 2017 г. было установлено диагнозов в РФ – 25,9 случая на 10 000 населения, в регионах АЗРФ – от 21,1 случая в Республике Саха (Якутия) до 43,7 случая на 10 000 жителей в Республике Карелия. Лучшим образом организована работа по предотвращению болезней данной группы из числа арктических регионов в Республике Саха (Якутия), среди российских регионов – в Еврейской АО – 12,6 случая на 10 000 чел. населения (2017 г.).

Но настоящим бичом арктических жителей являются болезни органов дыхания. В 2017 г. в расчете на 10 000 чел. населения было установлено в Чукотском АО 771,8 случаев таких заболеваний, в Ненецком – 702,7 случая на 10 000 чел. населения. Это в 2 и более раза превышает среднероссийский показатель – 353,5 случая на 10 000 чел. населения. Образцы эффективной организации профилактической работы следует искать тоже среди арктических регионов – в Красноярском крае в 2017 г. в расчете на 10 000 жителей было зарегистрировано 297 случаев заболеваний органов дыхания. Для сравнения в г. Москве – 304 случая на 10 000 чел. населения.

Болезни органов пищеварения в большинстве арктических регионов встречаются гораздо чаще, чем в среднем в стране: в Ненецком АО – в 2,4 раза, Ямало-Ненецком – в 1,9 раза, Чукотском АО – в 1,8 раза. Показателен опыт Красноярского края, в котором в единственном из арктических регионов болезни пищеварения фиксировались реже, чем в целом в стране – 27,3 случая на 10 000 жителей, что на 20 % ниже среднероссийского показателя.

Уровень заболеваемости болезнями кожи и подкожной клетчатки в арктических регионах значительно более высокий, чем в среднем в стране. Исключение составляет только Красноярский край, в котором в 2017 г. в расчете на 10 000 жителей было установлено 37,8 случаев при среднем уровне в РФ 41 случай на 10 000 чел. населения. Но рекомендовать к изучению следует опыт Забайкальского края (13,6 случая заболеваний этой группы на 10 000 чел. населения – лучший в стране показатель) и Магаданской области (15,5 случая на 10 000 жителей). Для сравнения в г. Москве этот показатель – 42,6 случая на 10 000 населения.

С болезнями костно-мышечной системы и соединительной ткани также как и с другими заболеваниями, жители арктических регионов сталкиваются гораздо чаще, чем население других регионов. В 2017 г. в Республике Саха (Якутия) был достигнут более низкий уровень заболеваемости болезнями этой группы – 24,5 случая на 10 000 жителей. Но это единственное исключение. Если в РФ в целом в 2017 г. этот показатель составлял 29,5 случая, то в большинстве арктических регионах он не был ниже 43 случаев на 10 000 чел. населения. К изучению и распространению следует рекомендовать опыт Магаданской области и Республики Тыва, в которых зафиксирован один из самых низких в стране уровней заболеваемости болезнями костно-мышечной системы и соединительной ткани – около 11 случаев на 10 000 чел. населения. (Меньше только в северокавказской республике Кабардино-Балкарии – 7,5 случая на 10 000 жителей.)

В части распространения болезней мочеполовой системы сравнительно неплохо обстоят дела только в Республике Саха (Якутия), в которой в 2017 г. в расчете на 10 000 чел. населения было зафиксировано 37,3 случая заболевания этой группы при среднем уровне в стране 44,8 случая. В других арктических регионах показатель варьировал от 51,8 случая в Красноярском крае до 81,5 случая на 10 000 чел. населения в Ямало-Ненецком АО. В отношении этой группы заболеваний настораживает и то обстоятельство, что их распространение в ряде регионов АЗРФ в 2010–2017 гг. существенно расширилось. (Хотя возможно, что это стало следствием более эффективной диагностики.) Это отмечается в Республике Карелия, Республике Коми, Мурманской области. Организаторам здравоохранения в Республике Саха (Якутия) удалось в этот период снизить заболеваемость болезнями мочеполовой системы в 1,4 раза.

Среди арктических регионов врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения наиболее часто встречаются в Ненецком АО (5 случаев установленного диагноза на 10 000 жителей в 2017 г.), наиболее редко – в Мурманской области (1 впервые установленный диагноз на 10 000 чел. населения). Наиболее успешно организована работа по профилактике таких заболеваний в Тюменской области без автономных округов – 0,4 случая на 10 000 чел. населения.

Таким образом, проведенный анализ показал, что уровень заболеваемости, за исключением болезней кровообращения, в арктических регионах значительно выше, чем в целом в стране. Это настоятельно требует усиления внимания со стороны организаторов здравоохранения к здоровью жителей этих территорий, выявления и учета специфики заболеваемости населения регионов с экстремальными климатическими условиями и в соответствии с этим пересмотра подходов к организации медико-профилактической работы.

Светличная Т.Г.,
Смирнова Е.А.[1]

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЗДОРОВЬЕ: ВЛИЯНИЕ КИНЕМАТОГРАФА НА ОБРАЗ ЖИЗНИ И МЕДИЦИНСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Ключевые слова*: цифровизация, медикализация, кинематограф, медицинское поведение, образ жизни, здоровье.*
Keywords*: digitalization, medicalization, cinema, medical behavior, lifestyle, health.*

Введение. Цифровизация современной жизни, необычайно ускорив процесс медикализации, способствовала расширению масштабов проникновения медицины практически во все сферы жизнедеятельности человека – политическую, экономическую, культурную, социальную и др. Жизнь человека все чаще стала рассматриваться как «проблема соотношения здоровья и болезни»[2]. Физиологические процессы, такие как рождение и смерть, ранее протекавшие естественно, попали под воздействие массовой культуры и коммерциализации[3], и теперь «смерть укорачивается или продлевается в зависимости от действий врача, может откладываться на неопределенный срок»[4]. В такой ситуации современному человеку все чаще «родиться приходится в пробирке, а санкцию на уход из жизни надо еще получить»[5]. Медицина стала «воздухом культуры», а болезнь «специфической формой приспособления к реальности»[6]. По мнению ученых[7], все это ведет к таким нежелательным явлениям как империализм или гегемония медицинской профессии, выражающимся в возможном «злоупотреблении врачами знаниями в ущерб пациентам, а также монополизации медицинского обслуживания в целях максимального повышения гонораров членов узкопрофессиональных организаций».

Сегодня Интернет и кинематограф, как средство получения информации, по частоте и масштабам использования превзошли традиционные способы: книги и общение. В условиях интенсивного расширения возможностей кинематографа вследствие включения его в сеть Интернет проблема влияния кино на медицинское поведение и здоровье представляет собой большой научный и практический интерес.

Цель: выявление влияния кинематографа на формирование медицинского поведения как необходимого условия ведения здорового образа жизни.

Результаты и обсуждение. Из всех известных видов искусства наибольшее влияние на сознание индивидов оказывает кинематограф[8]. В наглядной образной форме он способствует осмыслению естественных феноменов жизни и смерти, болезни и здоровья, а также роли медицинского работника и пациента. В художественной форме кино воспроизводит профессиональную деятельность медицинского персонала; организацию и ход работы в лечебном учреждении; особенности проведения медицинских манипуляций; атмосферу, царящую в больницах; способы выстраивания межличностных отношений врачей, медицинских сестер и пациентов. Образы и ситуации, создаваемые в медицинских сериалах, ярко визуализированы, что упрощает восприятие и способствует проживанию и усвоению, связанных с ними эмоциональных и поведенческих реакций. Полученный опыт распространяется на различные области социальной жизни, культуры и поведения человека, формируя стереотипы медицинского поведения, которым начинают следовать массы[9].

В современное время профессиональный имидж признается бесспорной человеческой ценностью. Он представляет собой «образ специалиста, обладающего определенным числом наиболее характерных профессиональных ка-

[1] Светличная Татьяна Геннадьевна – д.м.н., профессор, профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы, Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ, г. Архангельск. E-mail: statiana64@yandex.ru

Смирнова Елена Алексеевна – к.соц.н., Вологодский областной психоневрологический диспансер № 1, г. Череповец. E-mail: smirnova56@yandex.ru

[2] Лехциер В.Л. Эффекты медикализации и апология патоса // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Философия. Филология». 2006. – № 1 (4). – С. 113–125.

[3] Кириленко Е.И. Медицина как «точка влечения» в поле европейской культуры // Конструирование человека. – Томск: ТГПУ, 2007. – С. 359–364

[4] Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М.: Прогресс, 1992. – 528 с.

[5] Серова И.А. Медикализация культуры – вектор развития? // АНТРО Анналы научной теории развития общества. – Пермь, 2007. – С. 60–67.

[6] Там же.

[7] Решетников А.В. Социология медицины (введение в научную дисциплину): руководство. – М.: Медицина, 2002. – 976 с.

[8] Босов Д.В. Мейнстрим-кинематограф и современная молодежь: ценности и ценностные ориентации, нормы, образцы поведения // Научные труды КубГТУ. 2017. – № 6. – С. 48–53.

[9] Якухнова Е.Г. Медикализация, телесериалы и медицинские стереотипы // Культура и цивилизация. 2016. – № 4. – С. 104–115

честв и стандартных поведенческих моделей, реализующих стереотип деятельности в специальной сфере»[1]. Кинематограф может формировать как положительный профессиональный имидж, чем способствует выгодному продвижению медицинских услуг и помогает завоеванию доверия потребителей, так и отрицательный, подрывающий репутацию медицинских работников и снижающий спрос на медицинские услуги.

Традиционный образ российского врача представляет собой гармоничное сочетание высочайшего профессионализма с лучшими морально-нравственными качествами. Такой врач обладает непререкаемым авторитетом и несет ответственность за здоровье пациента. Все это нашло отражение в первых отечественных медицинских сериалах («Центральная больница», «Скорая помощь», «Собачье сердце» и др.). В настоящее время, наоборот, считаются нормой партнерский тип отношений и индивидуальная ответственность пациента за свое здоровье. Ситуация усугубляется активной рекламой медицинских препаратов, способствующей распространению самолечения. Пациенты все в большей степени становятся уверенными в собственной компетентности при выборе средств и способов лечения. На смену положительному приходит отрицательный образ врача: «врач-вредитель», «врач-коммерсант» или даже «врач-глупец»[2]. Отношение к такому врачу становится пренебрежительным, презрительным, неуважительным. Разрушая отечественные традиционные устои взаимоотношений врача и пациента, в российское массовое сознание постепенно входит новый врачебный образ из сериала «Доктор Хаус» – талантливого врача, однако презирающего и игнорирующего моральные ценности, нормы и правила. В сериале «Анатомия Грей» и «Интерны», напротив, создается другой врачебный образ – образ неопытного, вечно совершающего ошибки, молодого врача с отсутствием элементарных знаний в области врачебной этики. А в сериале «Я лечу» доктор Степанюга демонстрирует развитые коммерческие навыки, «раскручивая» своих пациентов на получение платных медицинских услуг. В отличие от преимущественно негативного образа врача образ фармацевтического работника в масс-медиа, в основном, представлен грамотным профессионалом, являющимся «носителем специализированных знаний, советчиком врача и больного в вопросах выбора препаратов и ключевой фигурой в обеспечении лекарственными средствами»[3].

Формированию у населения ложных ожиданий выздоровления способствует несоответствие изображаемых в медицинских сериалах исходов заболеваний реальной действительности. Так, летальный исход кардиопульмональной реанимации в медицинской практике наступает в 95% случаев, а не в 35% как это демонстрируется на телеэкране[4], а пациенты после травматической комы с меньшей вероятностью возвращаются к нормальной жизни, чем пациенты в кино[5]. При этом широкое использование при оказании медицинской помощи разнообразного высокотехнологичного медицинского оборудования в сериалах позиционируется как способствующее повышению профессиональной образованности студентов-медиков[6].

Представленная на экране виртуальная, чаще искаженная, реальность оказывает негативное влияние на формирование взаимоотношений в медицинском коллективе. Профессиональные и личностные конфликты между сестринским и врачебным персоналом ведут к внутренней дезорганизации всей медицинской системы, и, как следствие, ставят под угрозу качество и безопасность лечения пациентов[7]. Конфликты между медицинскими работниками, демонстрируемые в медицинских сериалах, способствуют созданию деструктивных социальных стереотипов, подрывающих доверие к медицинским работникам.

Вывод. Формирование медицинского поведения населения происходит в условиях постоянно углубляющегося процесса медикализации общества. Феномен медикализации имеет как негативный, так и позитивный медико-социальный смысл. Его негативный аспект заключается в определении любого неблагополучного состояния или поведения человека как исключительно медицинской проблемы, требующей медицинского разрешения, а также в создании предпосылок к формированию повышенной готовности населения к искаженному восприятию врачебных рекомендаций и предписаний. Медиа-контент, формируя в массовом сознании негативное отношение к врачам и медицине, способствует формированию нерациональных моделей медицинского поведения. Они заключаются в уменьшении ответственности за сохранение и укрепление своего здоровья, несвоевременном обращении за медицинской помощью, не выполнении медицинских назначений и рекомендаций. Кинематографическое продвижение положительного образа медицинского работника, наоборот, будет способствовать восстановлению имиджа медицинской профессии и позволит решить проблему доверия к врачу и медицинской сестре, что, в конечном итоге, окажет положительное влияние на сохранение и укрепление здоровья индивидов, социальных групп и общества в целом.

---

[1] Бурдина О.Б., Мишланова С.Л. Профессиональный имидж медицинских и фармацевтических работников в медиатекстах // Гуманитарные исследования. 2018. – № 2 (19). – С. 50–53.

[2] Лебедев В.Ю., Федоров А.В. Мифологизация образа врача в условиях социального освоения и институционализации медицины // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. – № 1. – С. 56–70

[3] Мешковский А.П. ВОЗ о роли фармацевта // Аптека Online. 2002. – № 15 (336). – https://www.apteka.ua/ article/12892

[4] Diem S.J. [et al.].Cardiopulmonary Resuscitation On Television. Miracles and Misinformation // The New England Journal Of Medicine. 1996. – Vol. 334. – P. 1579.

[5] Casarett D. [et al.]. Epidemiology and prognosis of coma in daytime television dramas // BMJ. 2005. – Vol. 331 (7531). – P. 1538.

[6] Lim E. In-House Medical Education Redefining Tele-Education // Teaching and Learning in Medicine: An International Journal. 2008. – Vol. 20, N 2. – P. 194.

[7] Burton D. A. [et al.]. Are you man enough to be a nurse? Challenging nurse media portrayals and stereotypes // Men in nursing: History, challenges, and opportunities. – New York: Springer, 2007. – P. 256; Frances R.W. [et al.].Ethics, Education, Television, and Invisible Nurses // The American Journal of Bioethics. 2008. – Vol. 8, N 12. – P. 1; Roslyn W. Games, civil war and mutiny: metaphors of conflict for the nurse – doctor relationship in medical television programs // Nursing Inquiry. 2013. – Vol. 20, N 4. – P. 288.

Селезнев Д.К.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
bigbossutrinos229@gmail.com
Юсупова И.В.
к.э.н., доцент, КАИ-КНИТУ; начальник отдела экспертно-аналитического сопровождения реализации национальных проектов Министерства экономики Республики, г. Казань
selez2009.li@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДЕМОГРАФИЯ» (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Ключевые слова: *национальный проект, стратегические цели, национальные задачи, человеческий капитал, модернизация, демография, Республика Татарстан.*
Keywords: *national project, strategic goals, national tasks, human capital, modernization.*

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определил повестку развития страны, сфокусированную на повышении уровня и качества жизни граждан, в том числе, на развитии человеческого капитала страны. Республика Татарстан поставила перед собой достаточно амбициозные задачи в сфере демографии, реализация которых требует задействования существенного потенциала для активного движения вперед и достижения национальных целей развития в 2024 году.

Оценка текущей ситуации социально-экономического развития Республики Татарстан по направлению национального проекта «Демография»

Национальный проект «Демография» оказывает влияние на достижение следующих национальных целей: обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет); обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации. Рассмотрим текущую социально-экономическую ситуацию в Республике Татарстан в контексте этих целей.

Демографическая ситуация. Согласно данным Татарстанстата, если в Российской Федерации численность населения начала сокращаться в 1993 г., то в Республике Татарстан демографическая убыль началась в 2000 г. и продолжалась до 2008 г. Начиная с 2008 г. численность населения республики увеличивалась вплоть до 2019 г., в отличие от Российской Федерации в целом, где новый процесс депопуляции обозначился в 2018 г. Республика Татарстан относится к небольшому числу субъектов Российской Федерации, численность населения которых за постсоветские годы увеличилась, несмотря на все сложности переходного периода: с 3 692 тыс. чел. в 1992 г. до 3 899 тыс. чел. (+207 тыс. чел.) в 2019 г.

Положительная динамика прироста населения на всем постсоветском периоде обусловлена миграционным приростом (+247 тыс.), который превышал естественную убыль населения (101 тыс.). Впервые смертность в Татарстане превысила рождаемость в 1993 г. Но с конца 2000-х гг. демографическая ситуация стала улучшаться благодаря увеличению числа рождений, которое стало следствием повышения уровня рождаемости в результате успешного экономического развития и введения в 2007 г. мер демографической политики, а также положительных изменений в возрастном составе населения (вступление в активный репродуктивный возраст относительно многочисленных поколений 1980-х гг. рождения). С 2007 по 2018 г. естественный прирост в Республике составил +44 тыс. человек, а миграционный +112 тыс. человек. Число рождений в 2015 г. (постсоветский максимум) превысило число рождений в 1999 г. (исторический минимум) в 1,6 раза.

Динамика уровня рождаемости Республики Татарстан в целом повторяет общероссийские тенденции, не намного превышая общероссийский. После значительного падения в первые десять лет после распада СССР, с 2006 г., суммарный коэффициент рождаемости увеличивался вплоть до 2016 г. под влиянием мер, направленных на улучшение демографической политики. В 2017 г. данный коэффициент резко уменьшился с 1,86 до 1,65 рождений на одну женщину. В 2018 г. это уменьшение продолжилось: суммарный коэффициент опустился до 1,62 рождений на одну женщину. К самым значимым сдвигам в рождаемости следует отнести постарение возраста материнства в Российской Федерации: если в 1990 г. средний возраст матери при рождении ребенка был равен 25,5 лет, то в 2017 г. – 28,9 лет.

Если в начале 1990-х гг. на долю женщин в возрастах до 25 лет приходилось более половины всех рождений, то в настоящее время – чуть более четверти.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Республике Татарстан после падения в кризисные 1990-е гг. (у мужчин – на 5 лет, у женщин – 2,4 года), в период с 2003 по 2017 г. выросла у мужчин с 61,0 года до 69,0 лет, у женщин – с 74,5 до 79,4 лет. Рост продолжительности жизни обусловило, главным образом, снижение смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин у мужчин в трудоспособных возрастах, у женщин – в возрастах старше 40 лет. Значительной разницы в уровне смертности между городским и сельским населением в Республике Татарстан не наблюдается. Ожидаемая продолжительность жизни у мужчин и женщин в Республике выше среднероссийской и выше, чем в среднем по Приволжскому федеральному округу. Республика Татарстан занимает 9 место по этому показателю в России, а без учета автономных образований Северо-Кавказского федерального округа, уступает только Москве и Санкт-Петербургу. Обращает на себя внимание тот факт, что в начале 1990-х гг. продолжительность жизни в Татарстане была выше, чем в Москве. При этом уровень младенческой смертности в Татарстане был ниже, чем в Москве и, соответственно, в России в целом.

Демографическая ситуация в Татарстане, как и во всей России, формируется под сильным влиянием возрастного состава населения. Во-первых, население быстро стареет: согласно текущим и прогнозным оценкам, доля лиц в возрасте от 60 лет и старше в Татарстане увеличится с 20% в 2017 г. до 24,5% в 2025 г. Во-вторых, численность отдельных возрастных групп меняется волнообразно как следствие деформаций в возрастно-половой пирамиде, обусловленных резкими спадами и подъемами рождаемости в прошлые годы. Так, численность женщин от 20 до 39 лет уменьшится с 2018 по 2025 г. почти на 75 тыс. человек из-за вступления в эти наиболее активные репродуктивные возрасты малочисленных поколений второй половины 90-х – начала 2000-х гг. Эта тенденция, очевидно, негативно скажется на динамике числа рождений. Число лиц в трудоспособных возрастах, по имеющимся оценкам Росстата, уменьшится с 2176 тыс. в 2018 г. до 2068 тыс. в 2025 году.

В целях преодоления негативных тенденций демографической ситуации Кабинет Министров Республики Татарстан в 2009 году утвердил «Комплексную программу демографического развития Республики Татарстан до 2010 года и на перспективу до 2030 года». В рамках этой программы выделялись несколько подпрограмм: 1. Подпрограмма «Стимулирование рождаемости». 2. Подпрограмма «Улучшение здоровья и сокращение смертности населения». 3. Подпрограмма «Развитие института семьи». 4. Подпрограмма «Занятость населения». 5. Подпрограмма «Регулирование миграции». 6. Подпрограмма «Медицинское обеспечение демографической политики». 7. Подпрограмма «Информационное обеспечение демографической политики». Сама Комплексная программа развивала положения Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ в октябре 2007 г.

В дополнение к Комплексной программе демографического развития Республики Татарстан до 2010 года и на перспективу до 2030 года, стоит выделить еще несколько стратегических документов, в которых уделяется большое внимание улучшению демографической ситуации и социальной сфере. Во-первых, это Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. Задачи Стратегии в ее современном варианте (обновлена в марте 2019 г.) согласованы с целями развития Российской Федерации, с национальными целями и стратегическими задачами развития Российской Федерации на период до 2024 года. Все демографические приоритеты России нашли свое отражение в положениях и целевых показателях Стратегии. Во- вторых, это «Стратегия развития отрасли здравоохранения Республики Татарстан на 2017–2021 годы и на период до 2030 года», в которой в качестве главных приоритетов работы системы здравоохранения называются сохранение здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни. В-третьих, это Стратегия развития государственной молодежной политики, физической культуры и спорта в Республике Татарстан на 2016–2021 годы и на период до 2030 года. Одной из главных задач стратегии является создание условий, обеспечивающих возможность для граждан Республики Татарстан вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом, повысить свой уровень двигательной активности и физической подготовленности. Следует отметить, что Татарстан является одним из лидеров среди субъектов Российской Федерации как по массовости занятий спортом, так и по успехам в спорте высших достижений. В-четвертых, это Стратегия формирования, накопления и использования человеческого капитала в области труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан до 2021 года и на период до 2030 года. В рамках этой Стратегии решаются, в частности, такие задачи, как обеспечение безопасных условий труда, создание доступной социальной инфраструктуры для повышения качества жизни жителей Республики Татарстан, в том числе инвалидов и других маломобильных групп населения, стимулирования рождаемости и создания эффективной поддержки семей с детьми. Государственная программа «Социальная поддержка граждан Республики Татарстан на 2014–2021 годы» направлена на повышение качества жизни пожилого населения, семей с детьми, инвалидов, на модернизацию системы социального обслуживания. Анализ этих и других документов (а также документов на муниципальном уровне) показывает, что в Республике Татарстан еще до утверждения Национальных проектов проводилась целенаправленная работа по улучшению демографической ситуации и уровня жизни населения: стимулированию рождаемости, снижению смертности, привлечению востребованных обществом мигрантов (проект «Татарстан – центр притяжения населения Поволжья»), повышению качества жизни людей старшего возраста. Также Республика Татарстан вошла в число пилотных регионов по сокращению бедности в два раза. В рамках этого пилотного проекта запланированы такие важные мероприятия, как создание регистра малоимущего населения, детальная проработка и совершенствование механизма социального контракта и т.д.

В таблице 1 представлены взаимосвязи мероприятий региональных проектов национального проекта «Демография» и социально-экономические эффекты, полученные в результате синхронизации таких мероприятий.

Таблица 1

Информация о синхронизации мероприятий региональных составляющих национального проекта «Демография» для Республики Татарстан, за 2019 год*

№ п/п	Наименование национального проекта / регионального проекта	Наименование мероприятий	Социально-экономический эффект, полученный в результате синхронизации таких мероприятий
1	НП «Демография» / региональный проект «Спорт – норма жизни»	Вовлечение населения в систематические занятия физической культурой и спортом вовлечено (не менее 3 млн. человек)	В 2019 году в 6 школах Республики Татарстан произведен ремонт спортивных залов (Бугульминский, Буинский, Высокогорский, Заинский, Кайбицкий, Нурлатский муниципальные районы). К 2024 году на обновленной материально-технической базе в 36 общеобразовательных организациях 1500 детей (нарастающим итогом с 2019 года) будут заниматься по обновленным программам по предмету «Физическая культура», а также дополнительным общеобразовательным программам, реализуемым во внеурочное время. Перечень образовательных организаций определяется ежегодно.
2	НП «Демография»/ региональный проект «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет»	Создание в Республике Татарстан дополнительных мест для детей в возрасте до 3 лет в организациях и у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотру и уходу.	В рамках комплексной застройки на территории Республики Татарстан предусмотрено строительство детских садов, школ и других объектов социальной инфраструктуры. Создание дополнительных мест для детей в возрасте до 3 лет позволит: – повысить доступность дошкольного образования, в том числе для детей с ОВЗ и детей-инвалидов; – увеличить сеть образовательных организаций, реализующих образовательные программы дошкольного образования; – удовлетворить актуальный спрос населения в дошкольном образовании и присмотре и уходе за детьми; – внедрить и обеспечить развитие вариативных форм предоставления дошкольного образования (дошкольные группы кратковременного пребывания, семейные дошкольные группы, поддержка негосударственных форм дошкольного образования и иные); – создать потенциальную возможность для выхода на работу экономически активных родителей (законных представителей), имеющих детей в возрасте до трех лет; – сохранить позитивные тенденции роста рождаемости за счет повышения социальной стабильности путем гарантированного доступного дошкольного образования и обеспечения услугами по присмотру и уходу за детьми до трёх лет, а также повышения материально-финансовой состоятельности семей. Мероприятия по созданию новых мест в общеобразовательных организациях и модернизации инфраструктуры общего образования направлены на оснащение новых мест в общеобразовательных организациях средствами обучения и воспитания, необходимыми для реализации основных образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования; обеспечение повышения доступности современных условий образования в сельской местности и малых городах за счет ввода новых мест в общеобразовательных организациях, расположенных в сельской местности и поселках городского типа.

*Составлено авторами по данным Министерства экономики Республики Татарстан.

В целях реализации национального проекта «Демография» в Республике Татарстан утверждено 5 региональных проектов, являющихся региональными сегментами федеральных проектов:

1. Финансовая поддержка семей при рождении детей;

2. Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет;

3. Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение»;

4. Укрепление общественного здоровья;

5. Создание для всех категорий и групп населения условий для занятия физической культурой и спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности объектами спорта, а также формирование спортивного резерва.

Представленный список региональных проектов полностью повторяет перечень федеральных проектов. В этой связи представляется крайне важным при разработке операционных планов реализации региональных проектов прослеживать связь с ранее разработанными и утвержденными стратегическими документами.

На реализацию национального проекта в 2020 году предусмотрено 8914,4 млн. рублей (РФ – 6323,8 млн. руб., РТ – 559,3 млн. руб., дополнительно из бюджета РТ – 2031,3 млн. руб.).

На 01.07.2020 профинансировано 2 806,8 млн. рублей, освоено 2623,6 млн. рублей (РФ – 1700,9 млн. руб., РТ – 151,5 млн. руб., дополнительно из бюджета РТ – 771,2 млн. руб.) или 29%.

Таблица 2

Финансирование национального проекта «Демография» в Республике Татарстан в 2020 году тыс. рублей**

№ п/п	Наименование регионального проекта	План (всего)	Освоено на 01.07.2020	% от плана	Контракты на 01.07.2020	
					план	факт
	ВСЕГО (НП «Демография »)	8 914 424,0	2 623 572,4	29,4	651	646
1.	Финансовая поддержка семей при рождении детей	6 047 365,0	1 969 938,8	32,6	0	0
2.	Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет	1 649 439,6	139 291,7	8,4	162	162
3.	Старшее поколение	428 468,4	151 429,7	35,3	439	439
4.	Укрепление общественного здоровья	15 490,9	10 137,0	65,4	0	0
5.	Спорт – норма жизни	773 660,1	352 775,2	45,6	50	45

**Составлено авторами по данным Министерства экономики Республики Татарстан.

Симагин Ю.А.
к.геогр.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭКСКЛАВНЫХ ПРИОРИТЕТНЫХ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

Ключевые слова: *демографические проблемы, динамика численности населения, естественное движение, миграции, эксклавные приоритетные геостратегические территории России.*

Keywords: *demographic problems, population dynamics, natural movement, migration, exclave priority geo-strategic territory of the Russia.*

В феврале 2019 года Правительство России утвердило документ «Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия)[1], который охватывает многие аспекты развития отдельных территорий страны, в том числе и демографические. В Стратегии выделены два типа территорий страны, для которых предполагается разработка особых программ приоритетного социально-экономического развития: 1) «перспективный центр экономического роста» – территория одного или нескольких муниципальных образований и (или) акватория, обладающие потенциалом для обеспечения значительного вклада в экономический рост Российской Федерации и/или ее субъекта; 2) «геостратегическая территория Российской Федерации» – территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности.

В свою очередь геостратегические территории страны разделены на приоритетные и приграничные. К приграничным отнесены все субъекты Российской Федерации, имеющие выход к сухопутным границам страны, и, соответственно, нуждающиеся в особом контроле над функционированием экономики и социальной сферы, жизнедеятельностью населения, трансграничными потоками людей, товаров и услуг. Группы приграничных регионов выделены в соответствии с имеющимися политическими и экономическими особенностями отношений Российской Федерации с соседними государствами – имеющие границу со странами Европейского Союза (Норвегией, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей), странами Евразийского экономического союза (Белоруссия, Казахстан), другими государствами (Украина, Абхазия, Грузия, Южная Осетия, Азербайджан, Монголия, Китай, Северная Корея-КНДР).

К геостратегическим приоритетным территориям относятся четыре группы субъектов Российской Федерации: 1) эксклавные регионы, кратчайший путь из которых к основной территории России проходит через другие государства: Республика Крым, город Севастополь, Калининградская область; 2) регионы, расположенные на территории Северо-Кавказского федерального округа: республики Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Чеченская и Ставропольский край; 3) регионы, находящиеся на Дальнем Востоке: республики Бурятия и Саха (Якутия), края Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский, области Амурская, Еврейская автономная, Магаданская и Сахалинская, Чукотский автономный округ; 4) территории, образующие Арктическую зону России в соответствии с Указами Президента Российской Федерации[2]. В последнем случае в группу могут входить не субъекты Российской Федерации целиком, а отдельные муниципальные образования (МО). Например, из 20 муниципалитетов верхнего уровня Республики Коми в состав Арктической зоны входит только один, в основном расположенный за Северным полярным кругом, – городской округ Воркута.

В предлагаемой статье проанализирована динамика численности населения эксклавных приоритетных геостратегических территорий России. В роли основного источника информации и одновременно инструмента исследования использована база данных «Муниципальная Россия»[3], в которую внесены данные (в основном демографического характера) по всем городским округам (ГО) и муниципальным районам (МР) России (2353 единицы по состоянию на начало 2019 года), в том числе расположенным на геостратегических территориях страны. Сведения в базе данных имеются с момента всероссийской переписи населения в конце 2010 года до начала 2018 года, что позволяет выявить динамику численности населения за 7 лет с учетом составляющих – естественного прироста населения и миграций. Проведение анализа на уровне МО позволяет лучше понять характер существующих проблем, внутрирегиональная

[1] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – http://government.ru/docs/35733/

[2] Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». – http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4d8e8206d56fc949d.pdf; Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 года № 220 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». – http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/ 0001201905130027?index=1&rangeSize=1

[3] База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели Пациорковский Валерий Валентинович, Коленникова Ольга Александровна, Симагин Юрий Алексеевич. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.

дифференциация остроты которых может быть очень значительна[1]. Соответственно, с помощью более дробного территориального анализа можно наметить более эффективные пути решения проблем с учетом имеющихся внутрирегиональных особенностей. В табл. 1 показаны некоторые характеристики эксклавных приоритетных геостратегических территорий страны на уровне субъектов Российской Федерации в сравнении с соответствующими характеристиками других групп приоритетных геостратегических территорий России и страны в целом.

Таблица 1

Характеристики приоритетных геостратегических территорий России в 2018 году

Приоритетные геостратегические территории	Число МО	Население, млн. человек	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 году, промилле	Динамика населения в 2010–2018 гг., %
Калининградская область	22	1,0	77,9	–0,1	6,1
Республика Крым	25	1,9	50,9	–3,2	–2,6
Город Севастополь	1	0,4	92,9	–1,2	13,6
Все эксклавы России	48	3,3	64,8	–1,9	1,2
Северный Кавказ	144	9,8	49,8	8,1	4,2
Дальний Восток	210	8,0	73,2	1,5	–1,5
Арктическая зона	66	2,4	87,9	2,5	–3,1
Все приоритетные геостратегические территории страны	468	23,5	63,9	3,9	1,0
Россия в целом	2353	146,8	74,1	–0,01	1,2

Источник: рассчитано автором по базе данных «Муниципальная Россия».

Группа эксклавных регионов страны, по сравнению с другими группами приоритетных геостратегических территорий, включает в себя меньше всего субъектов Российской Федерации (всего 3) и муниципальных образований (МО), а также является относительно однородной по половозрастному и этническому составу жителей, что определяет близкие демографические характеристики населения этих территорий. Для сравнения: в северокавказскую группу входят 7 субъектов Российской Федерации, по крайне мере один из которых (Ставропольский край) по составу населения значительно отличается от остальных; в дальневосточную группу входят 11 субъектов Российской Федерации; в арктическую группу хотя бы частично входят 9 субъектов Российской Федерации от Мурманской области за западе до Чукотского АО на востоке.

При этом по отдельным социально-экономическим характеристикам, существенно влияющим на демографические процессы, регионы группы эксклавов могут иметь как сходные показатели, так и существенно отличаться друг от друга. В частности, по качеству жилья (по показателю доли аварийного жилья в общей площади жилищного фонда) Республика Крым, город Севастополь и Калининградская область входят в группу субъектов Российской Федерации с наилучшими показателями[2]. Тогда как при кластеризации регионов страны по качеству жизни населения в целом Республика Крым и город Севастополь оказываются в группе с низкими показателями качества жизни (в основном за счет низкого уровня доходов населения и значительного распространения бедности), тогда как Калининградская область имеет характеристики, близкие к среднероссийским[3].

Возможно, что по этой причине и демографические характеристики эксклавных регионов, вместе со сходствами, имеют определенные особенности, как это видно из данных таблицы 1. Общими являются естественная убыль населения, что во многом связано с возрастной структурой жителей, среди которых велика доля людей в старших возрастных группах, и положительное сальдо миграций, которое можно объяснить, если сравнивать с большинством регионов страны, благоприятными природно-климатическими условиями и развитой социально-экономической инфраструктурой. Соотношение «отрицательный естественный прирост/положительное сальдо миграций» является типичным для большинства западных и юго-западных регионов европейской части России[4], к которым относятся и эксклавные территории страны.

Итоговый результат динамики численности населения при одинаковой направленности демографических процессов оказывается различным. В Калининградской области и, особенно, в городе Севастополь, миграционной прирост значительно перекрывает естественную убыль населения, что обусловливает рост численности населения темпами, которые за период 2010–2018 годов в 5 и 11 раз соответственно превысили среднероссийские показатели прироста численности населения в 1,2%. То есть в данном случае имеющаяся проблема (значительная естественная убыль населения) компенсируется значительным положительным миграционным сальдо, но не исчезает. Именно естественное движение населения (соотношение рождаемости и смертности) является основой демографического развития любой территории. Миграции, как правило, имеют только дополнительное значение, хотя в некоторых случаях очень заметное.

В городе Севастополь, как и в других МО России, где значительной частью жителей являются военнослужащие и члены их семей, динамика численности населения во многом связана с миграциями, вызванными передислокацией

[1] Пациорковский В. В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–2018 годах // Вестник Института социологии. – М., 2019. – Т. 10, вып. 3. – С. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589

[2] Шнейдерман И.В., Гришанов В.И., Гузанова А.К., Ноздрина Н.Н. Проблемы ветхого и аварийного жилья в России // Народонаселение. – М., 2019. – Т. 22, № 4. – С. 18–35. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00036

[3] Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения // Народонаселение. – М., 2019. – Т. 22, № 4. – С. 4–17. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00035

[4] Пациорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Муниципальные образования России со стабильной численностью населения // Народонаселение. – М., 2019. – Т. 22, № 3. – С. 47–65. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00026

воинских подразделений. Для Севастополя положительное сальдо миграций в последние годы обусловили также его географическая близость и социальная связанность с территорией Украины, откуда в Россию после 2014 года пошел массовый приток переселенцев на постоянное место жительства. К тому же населенные пункты, в которых градообразующими являются преимущественно воинские части, как правило, отличаются молодым возрастным составом населения, что приводит к повышенной рождаемости, пониженной смертности и, соответственно, относительно благополучным показателям естественного прироста населения[1].

Но в Калининградской области увеличение численности жителей связано с интенсивным миграционным притоком «обычного гражданского» населения, в основном из других регионов России, а также государств ближнего зарубежья. В итоге здесь даже некоторые малые города вместе с окружающими их территориями (ГО или городские поселения в соответствии с современной системой административно-муниципального деления) отличаются очень быстрым ростом численности населения за период 2010–2018 гг., что для России является большой редкостью (если исключить примыкающие к столицам Московскую и Ленинградскую области): ГО Гурьевский (+26%), МР Светлогорский (+20%), ГО Зеленоградский (+12%). То есть в данных случаях наблюдался прирост 1,7% и более в среднем ежегодно за фактически 7 лет с момента проведения переписи населения в конце 2010 года до начала 2018 года. При этом естественный прирост населения в 2016 году наблюдался только в 3 МО (ГО Калининград и Гурьевский, МР Балтийский) верхнего уровня Калининградской области из 22, то есть менее, чем в 15%. По России в целом доля муниципалитетов с естественным приростом населения была в 2 раза больше – около 1/3[2]. Во всех случаях в Калининградской области естественный прирост связан с относительно молодой возрастной структурой населения из-за миграционного притока молодежи.

При этом в некоторых муниципалитетах Калининградской области демографическая ситуация очень сложная, сравнимая с наихудшими случаями в масштабах всей России. Так, в ГО Советск и Янтарный, МР Светлогорском в 2016 году рождаемость в 2016 году была ниже 10 промилле. А в ГО Советск и Пионерский, МР Черняховском смертность превышала 15 промилле, что является очень высоким уровнем для региона с такой развитой социально-экономической инфраструктурой, как Калининградская область.

Показатели миграции населения в этом одном из самых маленьких по площади субъектов Российской Федерации (15,1 тыс. кв. км) также имеют значительную внутрирегиональную дифференциацию. В 2016 году положительное сальдо миграций наблюдалось только в 8 МО верхнего уровня области из 22. Типичным для России является миграционный прирост в административный центр региона и его пригороды (ГО Калининград, Гурьевский). Одно из преимуществ Калининградской области, выгодно отличающей ее от большинства регионов страны – наличие «курортных» приморских муниципалитетов, которые также отличаются значительным положительным миграционным сальдо – ГО Зеленоградский, Светлогорский. Но имеются и «внутренние» муниципалитеты, удаленные от областного центра и балтийского побережья, характеризующиеся значительным миграционным оттоком населения – ГО Советск, Славский, Неманский, Нестеровский. Характерно, что такие МО расположены вдоль границы области с Литвой, тогда как муниципалитеты на границе с Польшей имеют сравнительно небольшое отрицательное сальдо миграций. Хотя и Польша, и Литва уже много лет входят в Европейский Союз и имеют примерно одинаковые уровни социально-экономического развития, жизни населения и, теоретически, равную миграционную привлекательность.

Кроме географического положения значимую корреляцию с интенсивностью миграционных потоков имеют также доходы населения. Наиболее высоки они (в 2,5 раза и более превышают прожиточный минимум) по данным налоговой инспекции, в которых учтены все официальные доходы (заработные платы и прибыль зарегистрированных предпринимателей, пенсии и другие пособия от государства, другие официально зарегистрированные доходы за 2016 год) в ГО Калининград и МР Светлогорском. На уровне одного прожиточного минимума официальные доходы на человека находились в ГО Озерский и Славский. Именно они (вместе с МР Черняховским) отличаются максимальными темпами сокращения численности населения за период 2010–2018 годов – более 8% (или более чем на 1% в среднем ежегодно).

В Республике Крым положительное сальдо миграций перекрывает естественную убыль населения только в некоторых МО, расположенных на южном «курортном» побережье полуострова, что привело к росту численности населения за период 2010–2018 годов: Судак (+8%), Алушта (+4%) и некоторые другие. В большинстве МО, расположенных в степной аграрной части Крыма и удаленных от основных курортных центров, население сокращается не только за счет естественной убыли (несмотря на преобладание сельского населения, для которого обычно характерна повышенная рождаемость, способствующая естественному приросту населения), но и за счет отрицательного миграционного сальдо. В итоге и общая численность населения в регионе сокращается. Аналогичную территориальную дифференциацию демографических процессов можно наблюдать в соседнем Краснодарском крае. Но там общая численность региона населения растет – во многом за счет административного центра Краснодара (прирост численности населения +19% за 2010–2018 годы). Тогда как в административном центре Республики Крым городе Симферополе численность населения сокращается.

В итоге именно Республику Крым среди эксклавных приоритетных геостратегических территорий России можно считать наиболее проблемным регионом с демографической точки зрения. Ситуация в значительной степени является аналогичной той, которая наблюдается во многих областях Центральной России: «старая» возрастная структура

[1] Симагин Ю.А. Динамика и особенности состава населения поселков городского типа России // Народонаселение. – М., 2009. – № 4. – С. 84–92.

[2] Симагин Ю.А., Пациорковский В.В., Муртузалиева Д.Д. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. – М., 2018. – Т. 21, № 4. – С. 36–49. DOI: 10.24411/1561-7785-2018-21-4-04

населения обусловливает естественную убыль, которая не перекрывается миграционным притоком. Особый оттенок при этом имеет именно «геостратегический» характер территории, сокращение численности населения которой может трактоваться некоторыми зарубежными аналитиками как «провал» ее социально-экономического развития в составе Российской Федерации. Положительная динамика численности населения всегда рассматривается как важнейшая составляющая прогресса любой территории[1].

В настоящее время, согласно Стратегии, основными направлениями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, характеризующимся эксклавным положением, являются: 1) обеспечение транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной безопасности; 2) обеспечение уровня жизни, сопоставимого (или выше) с уровнем жизни в Российской Федерации (для Калининградской области – сопоставимого (или выше) с уровнем жизни в приграничных странах Европейского Союза); 3) обеспечение темпов экономического роста, сопоставимых (или выше) с темпами экономического роста Российской Федерации (для Калининградской области – сопоставимого (или выше) с темпами экономического роста в приграничных странах Европейского Союза); 4) сохранение существующих особых режимов ведения предпринимательской деятельности. Последнее относится к Калининградской области, где действует режим свободной экономической зоны, в рамках которого поступают комплектующие для сборки промышленной продукции (автомобилей, телевизоров и др.).

В целом эксклавные приоритетные геостратегические территории характеризуются за период 2010–2018 годов динамикой численности населения, которая соответствует среднероссийской. Но, чтобы её хотя бы сохранить, скорее всего, потребуется принятие специальных мер по сокращению естественной убыли населения, чего в настоящее время не предусмотрено. В частности, для сокращения смертности могут быть разработаны особые стандарты территориального размещения медицинских учреждений первичного звена с целью улучшения их доступности для населения. Для увеличения рождаемости возможно выделение земельных участков для индивидуального жилищного строительства после рождения второго ребенка (а не третьего, как в настоящее время по всей России). С точки зрения развития экономического обеспечения демографического развития напрашиваются специальные меры для поддержки туризма, курортного хозяйства и связанных с ними видов экономической деятельности – облегченная регистрация бизнеса, налоговые льготы для него в некурортный сезон и тому подобное.

Такие меры могли бы быть внесены дополнительными пунктами в перечень существующих направлений развития эксклавных приоритетных геостратегических территорий России в «Стратегию пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» или приняты в качестве нормативных актов на уровне субъектов Российской Федерации при соответствующей корректировке федерального законодательства, касающегося перечисленных вопросов. Например, во всех трех эксклавных регионах страны возможно создание свободных экономических зон или территорий опережающего развития курортной и туристической направленности. Их создание способствовало бы развитию соответствующих секторов экономики, росту доходов населения, повышению миграционной привлекательности регионов и, соответственно, росту численности населения.

[1] Симагин Ю.А. Особенности динамики населения северных территорий России на муниципальном уровне. // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2018: в 3 ч. Ч. 1. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2018. – С. 151–158.

Смирнова Т.М.
главный специалист, ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ 2010–2018 гг.

Ключевые слова*: Россия, регионы, ожидаемая продолжительность жизни, заболеваемость, валовый региональный продукт, душевой доход.*
Keywords*: Russia, regions, life expectancy, incidence, gross regional product, per capita income.*

Цель работы – анализ тенденций показателей здоровья населения и их связей с социально-экономическими показателями, а также оценка прогностической эффективности социально-экономических показателей как детерминант здоровья населения в субъектах РФ. Для анализа использованы данные из официальных публикаций Росстата[1].

В качестве интегрального показателя здоровья населения широко используется ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ). В частности, Организация объединенных наций применяет именно этот показатель при расчете Индекса человеческого развития – интегрального показателя, используемого для общего сравнения человеческого потенциала различных стран и регионов. Динамика этого показателя для России в целом в период 2010–2018 гг. представляется весьма благополучной (табл. 1). Как для населения в целом, так и для обоих полов тенденция к росту этого показателя статистически значима. Для всех субъектов РФ, за исключением Чукотского АО и города федерального значения Севастополя, линейный тренд ОПЖ в сторону повышения был статистически значим с $p<0,05$. Как видно из табл. 1, достоверным было снижение суммарной (по всем классам заболеваний и повреждений) заболеваемости (З_Сумм). Однако заболеваемость болезнями системы кровообращения (З_БСК), которые в России являются самой распространенной причиной смерти, в тот же период демонстрировала значимый рост. Вторая по частоте причина смерти в России (у мужчин – третья после внешних причин) – злокачественные новообразования. Онкологическая заболеваемость (З_Онк) также имела выраженную тенденцию к росту. Достоверно увеличивалась и заболеваемость болезнями органов дыхания (З_БОД), которая является ведущей по частоте в структуре заболеваемости в России. Заболеваемость болезнями органов пищеварения (З_БОП) не имела тенденции ни к росту, ни к снижению, т.е. ее динамика была менее благополучной, чем для суммарной заболеваемости.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между годом наблюдения и средними по России показателями здоровья населения в 2010-2018 гг.

Показатели	r	p
ОПЖ, все население	0,982	<0,001
ОПЖ, мужчины	0,983	<0,001
ОПЖ, женщины	0,979	<0,001
З_Сумм	–0,843	0,004
З_Онк	0,638	0,064
З_БСК	0,956	<0,001
З_БОД	0,982	0,001
З_БОП	0,098	0,801

В течение всего рассматриваемого периода в России сохранялись очень высокие различия ОПЖ между регионами (рис. 1). Кроме того, Росси удерживает мировой антирекорд по разрыву ОПЖ между женщинами и мужчинами.

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 1204 с.; Здравоохранение в России. 2019: Стат.сб. / Росстат. – М., 2019. – 170 с.; Здравоохранение в России. 2017: Стат.сб. / Росстат. – М., 2017. – 170 с.; Приложение к сборнику Здравоохранение в России 2015. – http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/pril_zdravo.rar; Здравоохранение в России. 2013: Стат.сб. / Росстат. – М., 2013. – 380 с.; Здравоохранение в России. 2011: Стат.сб. / Росстат. – М., 2011. – 327 с.; Здравоохранение в России. 2009: Стат.сб. / Росстат. – М., 2009. – 365 с.

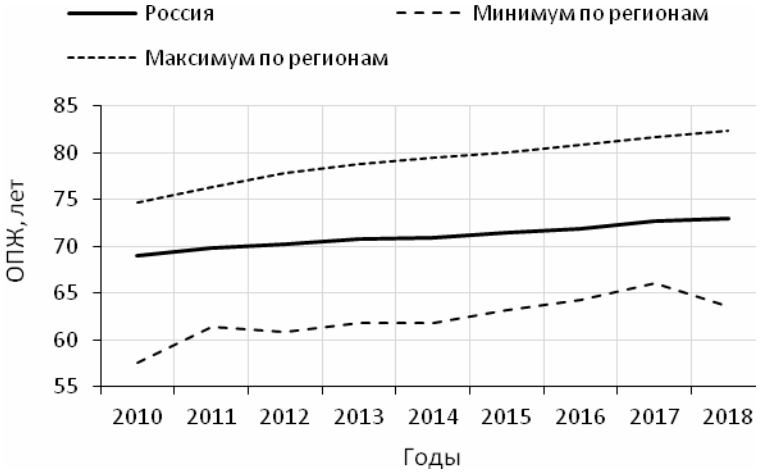

Рисунок 1.
Динамика ОПЖ (все население) – среднее по РФ и контрастные субъекты РФ

Рост заболеваемости может быть причиной снижения ОПЖ, которое в 2018 г. имело место хотя бы для одного пола в 41 из 85 субъектов РФ (табл. 2).

Таблица 2

Субъекты РФ с отрицательным приростом ОПЖ в 2018 г.

Субъект РФ	Все население	Мужчины	Женщины
	Прирост ОПЖ, лет		
Белгородская обл.	0,00	0,10	–0,10
Владимирская обл.	0,08	0,20	–0,07
Воронежская обл.	0,12	0,24	–0,04
Ивановская обл.	–0,18	–0,19	–0,08
Калужская обл.	0,02	0,19	–0,13
Костромская обл.	0,06	0,51	–0,49
Курская обл.	0,17	0,44	–0,13
Орловская обл.	–0,07	–0,03	–0,07
Рязанская обл.	0,14	0,34	–0,04
Смоленская обл.	0,02	–0,16	0,35
Тамбовская обл.	–0,26	–0,33	–0,14
г. Москва	–0,03	–0,11	0,08
Респ. Карелия	–0,09	–0,13	–0,01
Архангельская обл. без АО	0,13	0,28	–0,07
Ненецкий АО	0,33	–0,47	1,14
Мурманская обл.	0,01	–0,08	0,33
Респ. Адыгея	0,31	0,68	–0,12
Астраханская обл.	0,13	0,37	–0,21
Волгоградская обл.	–0,07	–0,13	0,07
Респ. Северная Осетия – Алания	0,17	–0,13	0,55
Ставропольский край	–0,01	–0,02	0,00
Респ. Марий Эл	–0,25	–0,19	–0,26
Респ. Мордовия	0,26	0,52	–0,02
Пермский край	–0,07	–0,13	0,04
Кировская обл.	–0,25	–0,20	–0,25
Нижегородская обл.	–0,19	–0,20	–0,13
Пензенская обл.	–0,13	0,05	–0,32
Ульяновская обл.	–0,17	–0,18	–0,14
Курганская обл.	–0,02	–0,07	0,05
Свердловская обл.	0,06	0,25	–0,18
Тюменская обл. без АО	0,02	–0,07	0,14
Респ. Алтай	–0,56	–0,88	–0,08
Респ. Бурятия	0,15	0,41	–0,16
Забайкальский край	–0,65	–0,84	–0,34
Красноярский край	0,10	–0,10	0,37
Кемеровская обл.	–0,03	–0,02	–0,02
Камчатский край	0,03	–0,30	0,47
Амурская обл.	0,05	0,40	–0,44
Сахалинская обл.	–0,27	0,05	–0,64
Еврейская авт. обл.	–0,23	0,01	–0,47
Чукотский АО	–2,52	–1,11	–3,69

Сильнее всего ОПЖ снизилась в 2018 г. в Чукотском АО – одном из регионов с наиболее суровыми климатическими условиями. Снижение ОПЖ мужчин (а за счет него – и населения в целом) имело место даже в Москве.

Табл. 3 иллюстрирует степень неравенства между регионами по показателям здоровья, а также по экономическим показателям – валовому региональному продукту на душу населения (ВРПД) и душевому доходу (ДД) и показателям, характеризующим размещение населения – численности населения (ЧН) и плотности населения (ПН). Для всех показателей различия между регионами были значимы с $p<0,001$ (оценки значимости фактора «индекс региона» получены с помощью 1-факторного дисперсионного анализа).

Таблица 3

Кратность различий между субъектами РФ (отношение максимального значения показателя к минимальному)

Год:	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Показатели	*Кратность различий*								
ОПЖ, все население	1,30	1,24	1,28	1,28	1,29	1,27	1,26	1,23	1,30
ОПЖ, мужчины	1,35	1,29	1,34	1,35	1,35	1,32	1,31	1,30	1,34
ОПЖ, женщины	1,23	1,20	1,24	1,22	1,23	1,22	1,21	1,18	1,26
З_Сумм	4,54	4,31	4,35	3,51	3,31	3,05	3,09	3,13	3,20
З_Онк	6,17	6,81	8,31	8,00	8,40	7,24	7,93	9,38	8,52
З_БСК	8,16	7,06	6,13	6,31	6,99	4,92	4,46	3,93	4,71
З_БОД	4,29	4,15	4,38	3,88	3,86	3,41	4,97	4,83	5,75
З_БОП	11,30	7,61	13,13	13,55	17,15	13,19	9,22	6,62	6,41
ВРПД	71,84	61,56	47,33	44,04	55,49	48,71	53,02	54,76	–
ДД	6,72	6,19	6,12	5,73	5,16	4,75	4,84	5,06	5,09
ЧН	272	274	280	281	281	281	282	283	286
ПН	62610	63 365	64 976	65 962	66 718	67 593	68 586	69 640	70 410

Примечание: — – нет данных.

Кратность различий между регионами по показателям ОПЖ и З_БОД не имела достоверной тенденции к росту или снижению. Достоверно снижалась кратность различий по З_Сумм ($r=–0,887$; $p<0,01$), З_БСК ($r=–0,897$; $p<0,01$) и ДД ($r=–0,881$; $p<0,01$). Размах З_Онк увеличивался ($r=0,730$; $p<0,05$). Растущие различия ЧН ($r=0,914$; $p<0,001$) и ПН ($r=0,997$; $p<0,001$) отражают миграцию из малонаселенных регионов в крупные города, в том числе в Москву, где ПН максимальна по России. Тенденция к выравниванию ВРПД не была статистически значима, поскольку неравенство ВРПД отражает сложившееся разделение труда между регионами, при этом выравнивание ДД обеспечивается за счет межрегиональных трансфертов.

В табл. 4 приведены оценки интенсивности связей между показателями здоровья населения и его возможных детерминант. Помимо рассмотренных выше показателей, в число детерминант были включены уровень бедности (% населения с доходами ниже регионального прожиточного уровня), средняя температура января (t_янв) как показатель климатических условий и экологические расходы (% регионального бюджета, направленный на мероприятия по улучшению экологической обстановки). Для анализа были использованы средние за исследуемый период значения показателей для каждого региона, которые отражают достаточно устойчивые характеристики регионов. В качестве меры интенсивности связей использован ранговый коэффициент корреляции Спирмена R, который лучше, чем коэффициент корреляции Пирсона r, отражает монотонные связи в случае, когда их характер отличается от линейного.

Таблица 4

Значения рангового коэффициента корреляции Спирмена R между средними за период 2010–2018 гг. показателями здоровья в субъектах РФ и социально-экономическими и климатогеографическими показателями

	ВПРД	ДД	Уровень бедности	t_янв	ПН	Экол. расходы
З_Сумм	0,208	0,210	–0,073	–0,427***	–0,320**	0,153
З_Онк	0,257*	0,263*	–0,155	–0,227*	–0,166	0,109
З_БСК	–0,308**	–0,306**	0,127	0,104	0,133	–0,052
З_БОД	0,309**	0,310**	–0,153	–0,384***	–0,352***	0,123
З_БОП	0,103	0,102	0,090	–0,324***	-0,300**	0,096
ОПЖ, все	–0,111	–0,107	–0,217*	0,669***	0,678***	–0,402***
ОПЖ, м	–0,075	–0,072	–0,205	0,642***	0,643***	–0,380***
ОПЖ, ж	–0,136	–0,131	–0,259*	0,634***	0,663***	–0,415***

Наиболее тесной оказалась связь показателей здоровья с t_янв. Чем выше январская температура (которая является достаточно репрезентативным показателем климата в целом), тем ниже заболеваемость по всем исследованным классам заболеваний, кроме З_БОП, и выше ОПЖ. Близкие оценки получены для связей с ПН, что естественно, поскольку между ПН и t_янв имеется как функциональная связь ($R=0,738$; $p<10^{-6}$), так и причинно-следственная связь: в регионах с более холодным климатом ПН ниже. Отрицательная корреляция между уровнем экологических расходов и ОПЖ, по-видимому, связана с тем, что стимулом для увеличения таких расходов служит низкая ОПЖ при наличии очевидных экологических причин для ее снижения. Статистически значимым является влияние уровня бедности на

ОПЖ, тогда как связи ОПЖ с ВПРД и ДД недостоверны. Это может означать, что уровень экономического неравенства может оказывать более сильное влияние на ОПЖ как интегральный показатель качества жизни, чем общий уровень экономического развития и средний индивидуальный доход. Единственный показатель заболеваемости, находящийся в отрицательной корреляции с ВПРД и ДД – З_БСК. Вероятно, более низкая З_БСК при более высоких экономических показателях отражает более комфортные условия жизни, в том числе, лучший уровень здравоохранения. Положительная корреляция ВПРД и ДД с З_Онк может быть проявлением большей экологической нагрузки и менее здорового образа жизни в экономически наиболее развитых регионах. Положительная корреляция ВПРД и ДД с З_БОД связана с тем, что многие из регионов с наиболее высоким ВПРД находятся в зоне арктического, субарктического или резко континентального климата (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО), тогда как регионы с низким ВПРД – в наиболее теплой климатической зоне России (Респ. Ингушетия, Чеченская Респ., Кабардино-Балкарская Респ., Карачаево-Черкесская Респ.).

В табл. 5 приведены оценки среднего темпа годовых изменений показателей заболеваемости в каждом из субъектов РФ в исследуемом диапазоне времени. Для анализа использована линейная модель динамики заболеваемости:

$$Y = a + b*X \quad (1),$$

где X – независимая переменная (в данном случае год наблюдения),

Y – зависимая переменная (в данном случае заболеваемость на 1000 населения),

a и b – коэффициенты.

Коэффициент b для каждого показателя характеризует годовой прирост этого показателя.

Таблица 5

Средний темп годовых изменений показателей заболеваемости в субъектах РФ.

Субъект РФ	З_Сумм	З_Онк	З_БСК	З_БОД
Белгородская обл.	–9,56*	–0,54**	–1,50*	2,15*
Брянская обл.	–11,60**	–0,18*	–0,19	2,33*
Владимирская обл.	–2,55	0,12	0,27	7,57**
Воронежская обл.	–1,61	–0,52*	3,46**	0,71
Ивановская обл.	–4,91	–0,07	0,36	8,85***
Калужская обл.	3,59	0,06	0,57	4,28*
Костромская обл.	–6,38	0,09	0,80*	–1,91
Курская обл.	–10,50**	–0,22**	–0,06	0,62
Липецкая обл.	–5,70*	–0,04	1,96***	–3,49*
Московская обл.	3,52	0,15*	0,35	3,16**
Орловская обл.	15,62***	0,07	0,81**	17,18***
Рязанская обл.	0,39	–0,47	2,12***	3,47**
Смоленская обл.	–6,16*	–0,71*	0,57	–0,70
Тамбовская обл.	–8,03**	–0,30*	–0,73	1,75
Тверская обл.	3,40	0,27*	–1,24	7,96**
Тульская обл.	–0,19	–0,30*	1,70***	4,50**
Ярославская обл.	0,60	–0,24*	–0,52*	7,12**
г. Москва	–10,33**	0,13	–0,17*	–4,45**
Респ. Карелия	11,43***	0,08	–0,28	17,92***
Респ. Коми	12,86*	0,95***	0,05	8,52**
Архангельская обл. без АО	–4,44*	0,01	–1,01**	2,47*
Ненецкий АО	–63,93***	–0,43	–1,87*	3,90
Вологодская обл.	12,86*	0,27*	–0,04	13,50**
Калининградская обл.	4,73	0,61**	2,22**	5,40
Ленинградская обл.	17,96***	0,74***	1,62***	9,96**
Мурманская обл.	–5,68	0,38	–0,36	3,67
Новгородская обл.	–4,47	0,04	2,60***	3,90*
Псковская обл.	5,82*	0,28*	0,53	5,91*
г. Санкт-Петербург	21,69***	0,39*	0,68	14,81***
Респ. Адыгея	–4,34*	0,31***	0,51	0,10
Респ. Калмыкия	1,41	–0,23	0,46*	6,41*
Респ. Крым	–4,60	0,77*	–2,57	–0,56
Краснодарский край	10,17**	0,34	5,17***	5,93***
Астраханская обл.	–18,52***	–0,31	0,56	–5,57*
Волгоградская обл.	–6,75	–0,27	0,97*	–0,49
Ростовская обл.	1,81	–0,46	2,68***	3,09*
г. Севастополь	–11,35	0,76	0,21	–12,76*
Респ. Дагестан	–1,37	0,18	0,13	1,56
Респ. Ингушетия	–49,95**	–0,32	–7,24*	–0,13
Кабардино-Балкарская Респ.	6,33*	0,05	0,47	5,44**
Карачаево-Черкесская Респ.	22,33*	0,39	1,99	17,93***
Респ. Северная Осетия – Алания	4,73	0,31	0,61	–2,74
Чеченская Респ.	–10,53	–0,12**	–0,47	–5,24
Ставропольский край	6,15	–0,21	0,07	6,28**
Респ. Башкортостан	–4,53*	0,19*	–0,52	8,35**

Респ. Марий Эл	10,19***	0,35	1,19**	9,11***
Респ. Мордовия	–6,03**	0,04	1,54***	3,84*
Респ. Татарстан	–9,70***	–0,01	1,09*	2,51**
Удмуртская Респ.	4,91	0,26*	2,91**	6,33*
Чувашская Респ.	–7,92	–0,04	0,87**	6,54*
Пермский край	1,14	0,37**	1,08***	9,87***
Кировская обл.	–6,95**	0,12*	1,16**	–0,63
Нижегородская обл.	4,63	–0,03	2,93**	12,92***
Оренбургская обл.	–6,89	–0,19*	4,34***	–0,82
Пензенская обл.	–2,20	0,07	3,30**	2,39
Самарская обл.	–9,47	–0,38	–0,08	1,67
Саратовская обл.	–2,45	–0,04	2,76**	1,24
Ульяновская обл.	–8,59	–0,18	1,11*	4,17
Курганская обл.	14,70**	0,27**	2,36**	7,36**
Свердловская обл.	0,85	–0,13	1,02**	5,06***
Тюменская обл. без АО	–3,19**	0,60***	0,39*	3,51*
Ханты-Мансийский АО	0,36	0,09	0,39	6,46*
Ямало-Ненецкий АО	10,72	–0,04	0,26	20,46**
Челябинская обл.	–0,29	0,35***	1,14**	3,33**
Респ. Алтай	4,30	0,56**	–0,01	12,36***
Респ. Бурятия	–5,04	–0,01	1,05***	1,95
Респ. Тыва	3,72	0,07	0,90	7,57
Респ. Хакасия	12,94**	–0,06	2,04*	11,59***
Алтайский край	6,70*	0,94***	–0,08	8,94***
Забайкальский край	–5,20	0,02	0,65***	6,92**
Красноярский край	–5,10**	0,36*	0,58**	–1,04
Иркутская обл.	9,65**	0,12	0,64*	12,07***
Кемеровская обл.	7,86*	0,23*	1,92**	4,64*
Новосибирская обл.	5,62*	–0,08	0,22	13,81***
Омская обл.	–11,66	–0,41	0,01	–0,44
Томская обл.	–1,71	0,20	0,87*	1,13
Респ. Саха (Якутия)	–3,91	–0,17	–1,39*	12,83***
Камчатский край	–10,43**	0,38*	–1,79	–5,10*
Приморский край	–8,91*	0,15*	0,88**	1,45
Хабаровский край	–7,66*	0,23*	1,27**	0,32
Амурская обл.	8,40***	0,12	–0,43	7,73***
Магаданская обл.	–18,87***	0,14	0,03	–1,22
Сахалинская обл.	–18,64**	0,23	–0,53*	–0,75
Еврейская авт. обл.	–3,89	0,23	1,28*	0,39
Чукотский АО	11,93	0,17	0,20	25,80*
Число регионов с b<0; p<0,05	23	14	11	5
Число регионов с b>0; p<0,05	18	26	36	49

Примечание: * – p<0.05; ** – p<0.05; *** – p<0.001.

Результаты анализа показали, что для каждого из показателей заболеваемости направленность его изменений в отдельных регионах была неодинакова вплоть до противоположной. Статистически значимое снижение З_Сумм, характерное для России в целом, имело место лишь в 23 из 85 субъектов РФ. Рост З_Онк, З_БСК и З_БОД наблюдался чаще, чем снижение этих показателей.

В табл. 6 и 7 приведены оценки чувствительности показателей заболеваемости к изменениям экономических показателей для каждого региона. Независимой переменной в формуле (1) являются ДД (тыс. руб./мес.) и ВРПД (тыс. руб./год). Коэффициент b отражает чувствительность показателей заболеваемости к вариациям экономических показателей. Отрицательные и статистически значимые значения этого коэффициента можно рассматривать как показатель эффективного вклада экономических показателей в формирование здоровья населения региона.

Таблица 6

Коэффициенты чувствительности показателей заболеваемости к вариациям ДД в субъектах РФ.

Субъект РФ	З_Сумм	З_Онк	З_БСК	З_БОД
Белгородская обл.	–4,97*	–0,27*	–0,76*	1,11*
Брянская обл.	–6,89**	–0,11*	–0,13	1,29*
Владимирская обл.	–1,44	0,08	0,18	4,51*
Воронежская обл.	–0,61	–0,23**	1,58***	0,15
Ивановская обл.	–2,65	–0,06	0,12	4,73***
Калужская обл.	1,18	–0,01	0,28	1,83
Костромская обл.	–4,01	0,06	0,54*	–1,30
Курская обл.	–6,24**	–0,12*	0,03	0,11
Липецкая обл.	–2,98*	–0,02	1,00***	–2,04*
Московская обл.	1,36	0,06*	0,12	1,10**
Орловская обл.	10,12***	0,07	0,56**	10,97***

Рязанская обл.	0,07	–0,30	1,35**	1,94*
Смоленская обл.	–4,81*	–0,51*	0,38	–0,61
Тамбовская обл.	–4,29**	–0,16*	–0,34	0,87
Тверская обл.	2,30	0,18**	–0,53	4,80**
Тульская обл.	–0,06	–0,18*	1,04***	2,45*
Ярославская обл.	–0,53	–0,12*	–0,28*	3,44*
г. Москва	–3,37**	0,03	–0,05*	–1,46**
Респ. Карелия	6,59**	0,06	–0,13	10,43**
Респ. Коми	8,47*	0,61**	0,00	5,27*
Архангельская обл. без АО	–0,07	0,18	–0,10	2,24
Ненецкий АО	–19,81***	–0,12	–0,65**	1,10
Вологодская обл.	6,26	0,15*	–0,06	6,88**
Калининградская обл.	1,17	0,33*	1,41**	2,44
Ленинградская обл.	8,28***	0,33***	0,71***	4,63***
Мурманская обл.	–2,40	0,18	–0,12	1,56
Новгородская обл.	–1,83	0,08	1,80**	2,27
Псковская обл.	3,42	0,19*	0,45	3,53
г. Санкт-Петербург	8,25***	0,15*	0,29	5,58***
Респ. Адыгея	–2,39*	0,16***	0,21	–0,09
Респ. Калмыкия	0,83	–0,16	0,36*	4,57*
Респ. Крым	–1,31	0,58*	–1,99	–2,60
Краснодарский край	4,21**	0,14***	2,05**	2,35**
Астраханская обл.	–14,64***	–0,20	0,83	–5,45**
Волгоградская обл.	–6,16*	–0,21***	0,82*	–1,18
Ростовская обл.	0,80	–0,24*	1,31**	1,69*
г. Севастополь	0,35	0,41	0,27	–1,65
Респ. Дагестан	–0,59	0,13***	0,11	1,36*
Респ. Ингушетия	–50,05*	–0,44*	–6,88	2,87
Кабардино-Балкарская Респ.	5,18*	0,03	0,39	4,31***
Карачаево-Черкесская Респ.	23,29**	0,60	2,74	17,37***
Респ. Северная Осетия – Алания	3,95	0,22	0,56	–2,17
Чеченская Респ.	–3,05	–0,07*	–0,01	–2,11
Ставропольский край	4,58	–0,18	0,12	4,11*
Респ. Башкортостан	–2,99*	0,12*	–0,18	4,70*
Респ. Марий Эл	7,40**	0,22	0,91**	6,39**
Респ. Мордовия	–6,08**	0,11	1,43**	3,14
Респ. Татарстан	–4,26**	0,01	0,41	1,07*
Удмуртская Респ.	3,25	0,14*	1,63**	4,18**
Чувашская Респ.	–5,06	0,01	0,80*	7,15**
Пермский край	3,03	0,26**	0,76**	6,60**
Кировская обл.	–6,04***	0,11*	0,92*	-1,10
Нижегородская обл.	2,81*	0,01	1,48**	5,97***
Оренбургская обл.	–6,31*	–0,12	2,74*	–1,09
Пензенская обл.	–2,06	0,02	2,60**	1,49
Самарская обл.	–1,59	–0,10	0,44	5,23
Саратовская обл.	–1,59	–0,02	2,21***	0,56
Ульяновская обл.	–6,31	–0,09	0,85**	2,40
Курганская обл.	14,58**	0,27**	2,26*	6,67*
Свердловская обл.	0,67	–0,06	0,56**	2,65**
Тюменская обл. без АО	–2,12	0,58**	0,15	7,05*
Ханты-Мансийский АО	0,03	0,03	0,16	2,61*
Ямало-Ненецкий АО	2,15	–0,01	0,05	4,27**
Челябинская обл.	–0,81	0,32**	1,15**	2,62*
Респ. Алтай	4,16	0,65**	–0,01	14,53***
Респ. Бурятия	–4,26*	–0,01	0,67**	0,80
Респ. Тыва	8,34	0,10	1,67*	12,41*
Респ. Хакасия	11,87*	–0,03	1,93*	10,64***
Алтайский край	4,32*	0,58***	–0,15	5,13**
Забайкальский край	–4,53	0,03	0,55***	5,16*
Красноярский край	–3,52**	0,26**	0,38**	-0,83
Иркутская обл.	8,01**	0,11	0,53*	9,98***
Кемеровская обл.	8,74*	0,20	2,04**	4,62
Новосибирская обл.	3,50*	–0,04	0,19	8,53***
Омская обл.	–2,78	–0,23	–0,03	–0,29
Томская обл.	–1,73	0,11	0,43	–0,25
Респ. Саха (Якутия)	–1,41	–0,06	–0,51	4,62**
Камчатский край	–3,80**	0,12*	–0,59	–1,80*
Приморский край	–4,28*	0,05	0,35*	0,27
Хабаровский край	–3,58**	0,10*	0,54**	–0,04

Амурская обл.	3,80***	0,07	–0,10	3,25**
Магаданская обл.	–4,26**	0,03	0,04	–0,26
Сахалинская обл.	–5,57**	0,06	–0,16*	–0,29
Еврейская авт. обл.	–3,67	0,16	0,77	–0,64
Чукотский АО	1,68	0,03	0,03	4,56*
Число регионов с b<0; p<0,05	24	12	5	4
Число регионов с b>0; p<0,05	17	24	36	45

Примечание: см. табл. 5.

Таблица 7

Коэффициенты чувствительности показателей заболеваемости к вариациям ВРПД в субъектах РФ.

Субъект РФ	З_Сумм	З_Онк	З_БСК	З_БОД
Белгородская обл.	–0,29*	–0,015*	–0,041	0,062
Брянская обл.	–0,60*	–0,012*	–0,008	0,090
Владимирская обл.	–0,13	0,004	0,023	0,281*
Воронежская обл.	–0,03	–0,016	0,132**	0,007
Ивановская обл.	–0,47	–0,014	0,002	0,813***
Калужская обл.	–0,01	–0,005	0,013	0,074
Костромская обл.	–0,43	0,012	0,058*	–0,189
Курская обл.	–0,41*	–0,005*	0,006	0,004
Липецкая обл.	–0,16*	–0,003	0,054**	–0,122
Московская обл.	0,11	0,004	0,009	0,078*
Орловская обл.	0,55**	0,008	0,035*	0,678***
Рязанская обл.	–0,08	–0,024	0,093**	0,088*
Смоленская обл.	–0,42*	–0,034	0,045	–0,075
Тамбовская обл.	–0,31**	–0,008	–0,022	0,030
Тверская обл.	0,11	0,012	–0,052	0,374*
Тульская обл.	0,01	–0,009	0,063***	0,112*
Ярославская обл.	–0,06	–0,009*	–0,025*	0,240*
г. Москва	–0,17**	0,001	–0,003*	–0,072*
Респ. Карелия	0,37**	0,003	–0,012	0,588**
Респ. Коми	0,38**	0,022**	0,003	0,253*
Архангельская обл. без АО	–0,22	–0,003	–0,044*	0,050
Ненецкий АО	–0,16**	–0,003	–0,004	0,003
Вологодская обл.	0,32	0,008*	–0,008	0,376*
Калининградская обл.	0,08	0,014*	0,081**	0,167
Ленинградская обл.	0,55**	0,024**	0,042**	0,289**
Мурманская обл.	–0,12	0,004	–0,003	0,076
Новгородская обл.	–0,08	0,001	0,081**	0,115
Псковская обл.	0,30	0,020	0,060	0,253
г. Санкт-Петербург	0,41***	0,006	0,021	0,264***
Респ. Адыгея	–0,37*	0,019**	0,003	–0,044
Респ. Калмыкия	0,12	–0,005	0,027*	0,261*
Респ. Крым	–0,32*	0,016	–0,101	0,065
Краснодарский край	0,40**	0,014***	0,173**	0,200***
Астраханская обл.	–0,57***	–0,008	0,031	–0,204*
Волгоградская обл.	–0,51**	–0,013**	0,047	–0,155
Ростовская обл.	0,08	–0,018	0,087**	0,194**
г. Севастополь	–0,33	0,002	–0,028	–0,289
Респ. Дагестан	–0,03	0,012***	0,012	0,131
Респ. Ингушетия	–2,55	–0,049**	–0,267	0,616
Кабардино-Балкарская Респ.	0,74*	0,003	0,102	0,533*
Карачаево-Черкесская Респ.	3,10**	0,067	0,347	1,950***
Респ. Северная Осетия – Алания	0,88**	0,032	0,130*	–0,180
Чеченская Респ.	0,12	–0,012*	0,042	–0,142
Ставропольский край	0,27	–0,016	0,007	0,260
Респ. Башкортостан	–0,29*	0,008	–0,013	0,243
Респ. Марий Эл	0,50**	0,014	0,072**	0,380**
Респ. Мордовия	–0,37**	0,009	0,063**	0,172
Респ. Татарстан	–0,24**	0,002	0,025	0,059*
Удмуртская Респ.	0,26	0,010	0,093*	0,299**
Чувашская Респ.	–0,25	0,008	0,045	0,647*
Пермский край	0,11	0,013*	0,042**	0,368**
Кировская обл.	–0,51**	0,012**	0,063*	–0,113
Нижегородская обл.	0,19	–0,003	0,127**	0,445***
Оренбургская обл.	–0,50***	–0,006	0,108*	–0,070
Пензенская обл.	–0,20	–0,005*	0,136*	0,060
Самарская обл.	–0,06	–0,006	0,017	0,198

Саратовская обл.	–0,11	–0,001	0,159**	–0,016
Ульяновская обл.	–0,46	–0,003	0,084***	0,229
Курганская обл.	1,14*	0,019*	0,156*	0,479**
Свердловская обл.	0,06	–0,003	0,033*	0,133**
Тюменская обл. без АО	–0,14*	0,023**	0,013	0,097
Ханты-Мансийский АО	–0,03	0,001	0,002	0,035
Ямало-Ненецкий АО	0,01	0,000	0,000	0,044**
Челябинская обл.	0,00	0,011**	0,037*	0,126*
Респ. Алтай	0,24	0,033*	0,047	0,828**
Респ. Бурятия	–0,68*	0,001	0,078*	–0,032
Респ. Тыва	0,58	0,011	0,101	0,820
Респ. Хакасия	0,43*	0,000	0,080	0,407***
Алтайский край	0,67*	0,072***	–0,037	0,516*
Забайкальский край	–0,49	0,003	0,043**	0,309
Красноярский край	–0,14*	0,011*	0,013*	–0,037
Иркутская обл.	0,31**	0,005	0,020*	0,335***
Кемеровская обл.	0,37	0,015*	0,077	0,270*
Новосибирская обл.	0,15	–0,002	0,013	0,401**
Омская обл.	0,17	–0,011	–0,001	0,000
Томская обл.	–0,11	0,008	0,036*	–0,034
Респ. Саха (Якутия)	–0,04	–0,001	–0,022*	0,159***
Камчатский край	–0,24*	0,008*	–0,031	–0,103
Приморский край	–0,56**	0,005	0,031*	0,008
Хабаровский край	–0,28**	0,009**	0,041*	–0,023
Амурская обл.	0,49**	0,008	–0,055	0,394**
Магаданская обл.	–0,18***	0,001	0,000	–0,017
Сахалинская обл.	–0,21**	0,003*	–0,006**	–0,041
Еврейская авт. обл.	–0,13	0,015	0,064	0,063
Чукотский АО	0,11	–0,001	0,007	0,258
Число регионов с b<0; p<0,05	25	8	4	2
Число регионов с b>0; p<0,05	15	19	38	36

Примечание: см. табл. 5.

Как видно из табл. 6 и 7, для всех показателей заболеваемости имеются регионы с разнонаправленной чувствительностью к вариациям ДД и ВРПД. Наиболее часто положительный эффект интегральных показателей экономического развития наблюдается для З_Сумм, тогда как для конкретных классов заболеваний эффект снижения заболеваемости встречается гораздо реже, чем обратный эффект. Положительные коэффициенты чувствительности показателей заболеваемости по отношению к ДД и ВРПД могут свидетельствовать о том, что темпы роста этих показателей (которые во всех субъектах РФ были положительны и статистически значимы) были недостаточны, либо экономический рост недостаточно эффективно использовался в целях улучшения здоровья населения. В целом результаты анализа показали высокую неоднородность динамики показателей здоровья населения и социально-экономических и климато-географических детерминант здоровья, которая должна быть учтена при разработке региональных стратегий управления популяционным здоровьем.

Стрельникова Т.Д.[1]

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: *потепление климата, качество жизни, здоровье человека, погодные качели, «волны тепла», «волны холода», ухудшения питьевой воды, неблагоприятные погодно-климатические изменения, опасные гидрометеорологические явления, факторы риска для здоровья населения.*

Keywords*: climate warming, quality of life, human health, weather swings, «heat waves», «cold waves», deterioration of drinking water, adverse weather and climate changes, dangerous hydrometeorological phenomena, risk factors for public health.*

По данным Росгидромета, на территории нашей страны на протяжении последних нескольких десятков лет из года в год неуклонно возрастает как среднегодовая температура, так и число аномальных отклонений этого показателя[2].

Проведенные сотрудниками Росгидромета исследования показывают, что современные климатические условия на территории России существенно меняются, и тенденции этих изменений на протяжении ближайших десятков лет сохранятся. Эти выводы подтверждаются результатами исследований российских ученых, не связанных с Росгидрометом, в том числе сотрудников Российской академии наук, а также исследованиями многих зарубежных климатологов и экологов.

Наблюдаемые изменения климата на территории Российской Федерации, характеризуются ростом испаряемости при сохранении и даже при снижении количества атмосферных осадков за теплый период года, значительным ростом температуры холодных сезонов года, изменением годового стока рек и его сезонным перераспределением, возрастанием повторяемости засух, изменением условий ледостава в устьях северных рек. Как и многие другие особенности меняющегося климата, перечисленные тенденции в различных частях территории России, оказывают существенные воздействия на условия жизни и социально-экономическую деятельность населения.

Последствия быстрой изменчивости климатических условий проявляются в росте повторяемости опасных гидрометеорологических явлений (ураганы и шквалы, паводки и наводнения, снежные лавины и сели в горных регионах и другие явления) и в увеличении неблагоприятных резких изменений погоды (так называемых «погодных качелей»), которые приводят к огромному социально-экономическому ущербу, влияют на эффективность деятельности жизненно-важных секторов экономики, таких как жилищно-коммунальное хозяйство, водопользование и водопотребление, энергетика (в первую очередь гидроэнергетика), сельскохозяйственное производство, речное и морское судоходство.

Уже в последнее десятилетие XX века особое внимание уделялось вопросам оценки последствий изменения климата для здоровья населения. ВОЗ с 2003 проводит Всемирные дни здоровья под лозунгами защиты здоровья населения от климатических изменений, во многих странах мира на протяжении последних 10–15 лет начали активно заниматься этой проблемой[3]. По оценкам ВОЗ климатические изменения в настоящее время являются причиной примерно 150 тыс. преждевременных смертей в мире и 5,5 тысяч лет нетрудоспособности/год (0,3% от общего числа смертей и 0,4% лет нетрудоспособности соответственно)[4].

Изменения климата отражаются и на здоровье населения. Тяжелые негативные последствия имеют «волны тепла» и «волны холода», особенно первые, которые уносят больше жизней, чем все опасные метеорологические явления вместе взятые. Дело в том, что от жары очень трудно спастись. Энергетическое кондиционирование не всегда приносит пользу. В кондиционерах нередко обитают болезнетворные бактерии, вредит здоровью и переход из кондиционированного помещения на открытый воздух и обратно. Как сами климатические изменения, так и вызванные ими изменения в окружающей среде влияют на различные сферы деятельности человека, включая экономику. Однако картина этих воздействий достаточно сложна, и часто вторичные эффекты влияют сильнее, чем первичные. Например, в целом расходы на отопление снижаются, но появляются резкие пиковые нагрузки в особо жаркие дни, связанные с использованием кондиционеров.

При наступлении жары число инфарктов и инсультов резко возрастает, обостряются заболевания сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Если к «волнам холода» человечество в значительной степени адаптировалось, по отношению к жаре этого сделать, пока не удается. Следует ожидать, что глобальное потепление вызовет возрастание повторяемости и интенсивности «волн тепла».

---

[1] Стрельникова Татьяна Дмитриевна – д.геогр.н., доцент кафедры, Липецкий филиал Финансового университета.

[2] Щербо А.П. Изменения климата и здоровье: «кто виноват?» и «что делать?». – СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2006. – 40 с.

[3] Ревич Б.А., Малеев В.В. Изменения климата и здоровье населения России: анализ ситуации и прогнозные оценки. – М.: Ленанд, 2011. – 208 с.

[4] Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики / Представительство ООН в Российской Федерации. – М., 2008.

На первый взгляд, потепление климата должно стать благом для большой и в целом холодной страны. Однако есть и «обратная сторона медали». Потеплеют зимы — уменьшатся затраты на отопление домов. В то же время накатывающиеся летом горячие «волны» (подобно наблюдавшимся в 2010 г.) вынудят развивать систему кондиционирования воздуха в северных российских городах, в которых ранее нужды в этом не было. Энергозатраты на кондиционирование всегда намного (в несколько раз) превышают энергозатраты на отопление. В обычных условиях кондиционирование в помещениях работает значительно меньше времени, чем их обогрев. Установка систем кондиционирования – удовольствие не из дешевых, при этом эти системы не используются в течение большей части года.

Изменения климата влияют на здоровье человека весьма разнообразно. Существует как прямое, так и косвенное влияние. Прямое влияние происходит за счет увеличения числа дней с аномально высокими и/или низкими температурами, числа наводнений, штормов, тайфунов, а косвенное является экологически-опосредованным влиянием социально-экономических факторов (увеличение площади засушливых земель, сокращение объемов доброкачественной питьевой воды и т.д.). В городах воздействие изменения климата сочетается с неблагоприятным воздействием, в первую очередь, на здоровье населения загрязненного атмосферного воздуха. Изменения климата в последние десятилетия рассматриваются как один из ведущих факторов, оказывающих влияние на здоровье населения наряду с такими традиционными факторами риска индустриальной эпохи как загрязнение атмосферного воздуха и питьевой воды, прием наркотических веществ и курение и другие антропогенные факторы.

Человечество на протяжении последних 25–30 лет испытывает нехватку питьевой воды. И дефицит пресной живительной влаги с каждым годом будет только возрастать. По мнению учёных, проблема ухудшения питьевой воды сейчас очень актуальна и требует повышенного внимания. Чтобы очистить воду, необходимы огромные объемы финансирования во многих как развитых, так и развивающихся странах. Об этом заявляет Международная группа ученых, занимающихся исследованиями климатических изменений, в которую входят представители разных стран мира. Ученые склонны считать, что влияние глобального потепления можно сравнивать с «бомбой замедленного действия». Учёным удалось установить, что качество питьевой воды сильно страдает из-за изменившейся цикличности засухи и наводнений.

Изменение климата – это колебания климата Земли в целом или отдельных её регионов с течением времени, выражающиеся в статистически достоверных отклонениях параметров погоды от многолетних значений за период времени от десятилетий до миллионов лет. Учитываются изменения как средних значений погодных параметров, так и изменения частоты экстремальных погодных явлений.

Россиян проблема ожидаемых изменений климата интересует или должна интересовать особо: как-никак более 65% ее огромной территории занято вечной мерзлотой, которая зависит от климата, чутко реагирует на малейшие его изменения и поэтому отнюдь не является вечной.

Увеличение в России числа аномальных погодных явлений (антициклоны, сопровождаемые жарой, пожары лесов и торфяников) заставило оценить их последствия для здоровья населения. Так, в Твери был применен метод эпидемиологического анализа временных рядов за 2 года. В 2010 г. средняя температура воздуха в июне-июле была выше, чем в 2009 г.[1]

Анализ ежесуточных показателей смертности населения и среднесуточных температур позволил установить положительную корреляцию между ними. Рост или, вернее, колебание максимальной суточной температуры на каждые 10°С дает примерно один случай дополнительной смерти в день для населения Твери.

2010 г. был более жарким, чем 2011 г., – произошло больше самоубийств. В дни, когда наблюдается повышенная температура воздуха, наблюдается и повышенный уровень загрязнения атмосферного воздуха. Среднесуточные концентрации четырех из шести основных контролируемых загрязняющих веществ – взвешенные вещества, диоксиды серы и азота – статистически достоверно увеличиваются с ростом температуры воздуха. Повышенные концентрации атмосферных загрязнителей в жаркие летние дни могут быть связаны с характерными для таких дней температурными инверсиями в приземном слое, которые препятствуют рассеиванию загрязняющих веществ.

Летом 2010 года в течение длительного времени сформировался устойчивый антициклон, отсутствовали осадки, температура воздуха достигала 40°С. Аномальные высокие температуры привели к пожарам торфяников на площади 650 га, видимость в Москве была снижена до 1 км. В городе сложилась типичная смоговая ситуация с высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха, что привело к значительным изменениям состояния здоровья москвичей.

Другим важным последствием климатических изменений может стать нехватка питьевой воды. В регионах с засушливым климатом (Центральная Азия, Средиземноморье, Южная Африка, Австралия и др.) ситуация еще более усугубится из-за сокращения количества осадков. Голод, нехватка воды, а также миграция насекомых может привести к увеличению эпидемий и распространению в северных районах таких тропических болезней как малярия и лихорадка.

Изменения климата могут коснуться не только здоровья людей, но также повысить риск политических разногласий и конфликтов за доступ к водным и продовольственным ресурсам.

Потепление климата способствует развитию многих инфекционных и паразитарных заболеваний. Если в холодном климате возбудители инфекций, попадая из организма зараженного человека во внешнюю среду, не могут в ней существовать, то в теплых условиях ситуация кардинально меняется.

В России также необходимо утверждать приоритеты защиты здоровья граждан в условиях реального изменяющегося климата.

---

[1] Ревич Б.А. и др. Воздействие высоких температур атмосферного воздуха на здоровье населения РФ // Гигиена и санитария. 2008. – № 2. – С. 20–24.

Практически на всей территории Российской Федерации в период с 2017 г. следует ожидать в летние периоды рост числа дней с высокими значениями температуры воздуха. При этом значительно увеличатся вероятности экстремально продолжительных периодов с критическими значениями температуры воздуха, так называемых «волн тепла» (годовые максимумы продолжительности таких периодов к 2025 г. возрастут в 1,1–1,5 раза). Это ухудшит условия функционирования систем поглощения тепла на электростанциях, а также увеличит затраты на кондиционирование зданий. Кроме того, увеличение экстремально продолжительных периодов с критическими значениями температуры воздуха, особенно в крупных городах, может неблагоприятно отразиться на самочувствии и здоровье жителей.

Принятие заблаговременных мер руководством городов и органов здравоохранения (реагирование на предупреждения о приближении «волн тепла», разработка рекомендаций по поведению населения в условиях критических температур воздуха, повышение готовности медицинского персонала, архитектурно-строительные решения, взаимодействие со СМИ и др.) может снизить эффект негативного влияния высоких температур воздуха на самочувствие населения, что особенно важно для детей и пожилых людей.

На качество жизни населения нашего города оказывает влияние экологическая обстановка, связанная с техногенными климатическими изменениями. В г. Липецке основная жилая застройка находится на правом, высоком берегу реки Воронеж, делящей город на две части, а градообразующее предприятие – Новолипецкий металлургический комбинат – на левом, пологом берегу. Роза ветров в городе расположена таким образом, что преобладает ветер северо-восточного направления (подальше от жилых застроек, в сторону Матырского водохранилища). Правда, «факел» из труб комбината начинает снижаться к поверхности земли на расстоянии нескольких километров, – прямо в центральных районах города. А когда ветер дует с юго-востока, тогда жители спальных районов и центра правого берега, района Тракторный могут испытывать дискомфорт от запахов сероводорода, исходящих от присутствующих рядом с районом доменных и сталеплавильных печей крупнейшего в Европе металлургического комбината, а также шлаконакопителей. Это означает значительное превышение предельно-допустимых концентраций (ПДК) загрязняющих веществ, определяемое уже любым «невооруженным» носом местного жителя. В последние годы всё бóльшую актуальность приобретает загрязнение воздуха стремительно увеличивающимся автомобильным транспортом, на который уже сейчас приходится 28% всех выбросов в атмосферу. Для снижения вклада автотранспорта в загрязнение воздушного бассейна еще в 2007 году в нашем городе была внедрена автоматизированная система управления дорожным движением (АСУДД). Эта система включает в себя газоанализаторы, измеряющие концентрацию газов на автодорогах города, и детекторы движения, показывающие количество автомобилей, прошедших по полосе в единицу времени, все данные в режиме реального времени обрабатываются компьютером, который настраивает работу светофоров таким образом, чтобы транспорт двигался преимущественно по так называемой «зелёной волне». Ведь известно, чем меньше остановок и движений с места делает автомобиль, тем меньше выбросов продуктов сгорания. В настоящее время АСУДД контролирует 59 светофорных перекрёстков на основных магистралях города. Липецк некоторые считают единственным городом в России, где ведётся именно непрерывный контроль в автоматическом режиме за состоянием атмосферного воздуха на автомагистралях города. Тем не менее, несмотря на все эти ухищрения, по утверждению президента страны в 2018 году г. Липецк относился к десяти самым грязным городам России.

Зеленое строительство в России постепенно становится стимулом развития инновационных технологий, бизнеса и экономики в целом. В недалеком будущем оно может явиться ключевым фактором улучшения состояния окружающей среды и качества жизни населения в нашей стране и непосредственно в городе Липецке.

По расчетам Росгидромета, в России средняя годовая температура растет в 2,5 раза быстрее, чем во всем мире. Наиболее активно потепление идет в северных районах РФ, добавляют в МЧС. Так, в Арктике к концу XXI века температура может вырасти на 7°С. Уже к середине XXI века средняя температура зимой на всей территории России может увеличиться на 2–5°С. Повышение летних температур будет менее выраженным и составит 1–3°С к середине столетия.

Большое внимание состоянию окружающей среды в связи с изменениями климата уделяется во многих странах мира. Так в Пекине высадили несколько миллионов деревьев для защиты города от наступающих песков, а в Аделаиде (городской жемчужине Австралии) ещё в далеком 2001 году власти этого города решили сделать его более пригодным для жизни, т.е. очистить воздух и охладить. Для этого попросили всех жителей принять участие в озеленении города. Так появились многочисленные зеленые зоны и коридоры из деревьев вдоль дорог. Помимо этого здесь используют энергию солнца для нужд населения. На административных зданиях вместо крыш установлены солнечные батареи. Это снижает до минимума использование электроэнергии от других источников. Аделаида кроме того активно перерабатывает мусор. У нас и использование солнечной энергии, и переработка мусора только начинает «со скрипом» развиваться. Но далеко не все города мира могут позволить себе такие инновации. Они очень дорого стоят, а у властей городов нет больших средств на их внедрение. Хочется искренне надеяться на то, что экологически чистые технологии все же возьмут верх над загрязняющими, и наша планета начнет возрождаться к дальнейшей жизни.

Материалы Стратегического прогноза Росгидромета показывают, что в условиях меняющегося климата его проявления и воздействия на различные отрасли экономики и на условия жизнедеятельности носят ярко выраженный региональный характер. Это обстоятельство должно учитываться при разработке и реализации программ социально-экономического развития страны, регионов и субъектов Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Основное внимание при этом должно быть уделено дальнейшей детализации оценок влияния изменений климата применительно к каждому из субъектов Российской Федерации, выявлению отраслей экономики, наиболее подверженных воздействию резких неблагоприятных погодно-климатических изменений, совершенствованию национальной системы раннего обнаружения опасных гидрометеорологических явлений и прогнозированию их развития.

Принятие заблаговременных адаптационных мер позволит повысить устойчивость экономики и производства к происходящим изменениям климата и к резким проявлениям погодно-климатической изменчивости, избежать (или, по крайней мере, насколько возможно, снизить) потери от опасных гидрометеорологических явлений и негативных проявлений климатической изменчивости, а также повысить эффективность производства за счет учета благоприятных изменений климата.

Оценка влияния потепления климата на состояние здоровья населения является весьма трудной задачей, так как это явление можно считать относительно малым фактором риска для здоровья по сравнению с такими причинами, как алкоголь, курение, плохое питание (недостаток белков и витаминов), недостаточный уровень медицинского обслуживания, недооценка здоровья как главного капитала жизни самими жителями России. Однако если социальные причины ухудшения состояния здоровья населения безусловно преобладают, но со временем они могут быть преодолены, то с неблагоприятными последствиями изменения климата придется иметь дело неопределенно долго.

Согласно национальному проекту «Экология»:

- в 2030 г. выбросы Россией парниковых газов 0–75% должны составить от уровня 1990 г.;
- энергоемкость ВВП России к 2025 г. должна снизиться на 25%;
- вредные выхлопы российского автотранспорта к 2030 г. должны уменьшится на 60%.

Список литературы

1. Азиев Р.Г., Кузьмин И.И., Меньшиков В.В. Количественный подход к оценке безопасности / Научное издание под ред. В.Е. Соколова, В.С. Петросяна. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 349 с.
2. Алексеев С.В., Пивоваров Ю.П., Янушанец О.И. Экология человека: учебник. – М.: ИКАР, 2002.
3. Богоявленский Д.Д. Народы Севера России: демографический профиль на рубеже веков // Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики / Представительство ООН в Российской Федерации. 2008. – С. 14–16.
4. Карлович И.А. Геоэкология: учебник для высш. шк. – М.: Академический проект, 2005. – 512 с.
5. Кондратьев К.Я., Демирчан К.С. Климат Земли и «протокол Киото» // Вестник РАН. – М., 2005. – Т. 71. – С. 1002–1009.
6. Кершенгольц Б.М. и др. Особо опасные инфекции в республике Саха (Якутия) // Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики / Представительство ООН в Российской Федерации. 2008. – С. 24–25.
7. Кузнецова И.Н., Звягинцев А.М., Семутникова Е.Г. Экологические последствия аномалий летом 2010 года / ГПУ Мосэкономмониторинг. – М., 2010. – С. 3–4.
8. Планы действий по защите здоровья населения от воздействия аномальной жары / Всемирная организация здравоохранения. 2011. – 66 с.
9. Ревич Б.А. и др. Воздействие высоких температур атмосферного воздуха на здоровье населения РФ // Гигиена и санитария. 2008. – № 2. – С. 20–24.
10. Ревич Б.А., Шапошников Д.А., Семутникова Е.Г. Климатические условия и качество атмосферного воздуха как факторы риска смертности населения Москвы // Медицина труда и промышленная экология. 2008. – № 7. – С. 16–19.
11. Ревич Б.А., Малеев В.В. Изменения климата и здоровье населения России: анализ ситуации и прогнозные оценки. – М.: Ленанд, 2011. – 208 с.
12. Ревич Б.А. Горячее лето 2010 г. и смертность населения европейской части России. – М.: Ленанд, 2010. – 34 с.
13. Ревич Б.А. Климатические изменения как новый фактор риска для здоровья населения Российского Севера // Экология человека. – М., 2009. – С. 11–15.
14. Тронин А.А., Токаревич Н.К., Бузинов Р.В. Изменение климата и число пострадавших от нападения клещей в РФ // Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики / Представительство ООН в Российской Федерации. – М., 2008. – С. 21–23.
15. Харькова Т.Л., Кваша Е.А. Особенности смертности и продолжительности жизни населения российской Арктики // Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики / Представительство ООН в Российской Федерации. – М., 2008. – С. 11–13.
16. Щербо А.П. Изменения климата и здоровье: «кто виноват?» и «что делать?». – СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2006. – 40 с.

Тарандо Е.Е.
д.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Градусова В.Н.
к.э.н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: *демография, население, сельская местность, рождаемость, смертность, естественный прирост, миграция.*
Keywords: *demography, population, rural area, birth rate, mortality, natural increase, migration.*

Процесс урбанизации, характерный для многих стран мира, не мог обойти стороной и Россию. За короткий по историческим меркам срок – 1959–1990 гг. – удельный вес сельского населения в РФ уменьшился почти в два раза – с 48 до 26%[1]. В новейший период отечественной истории, для которого характерно замедление процесса урбанизации, структурная доля сельского населения уменьшилась на 1 п.п. – с 26,4 до 25,4%. Численность сельского населения России сокращалась значительно быстрее, чем популяции в целом. Если в 1991–2018 гг. общая численность населения страны снизилась на 1%, сельских жителей в РФ за этот период стало меньше на 4%[2].

За период между переписями 1989 г. и 2010 г. с карты России исчезли 9107 сельских населенных пунктов, их число уменьшилось на 5,6%. С высокой вероятностью можно предположить, что по результатам запланированной на 2020 г. Всероссийской переписи населения сел и деревень в России станет еще на 55,6 тыс. меньше, поскольку в каждом из них на момент последней переписи населения 2010 г. проживало всего по 1–10 чел. (табл. 1).

Таблица 1

Распределение сельских населенных пунктов Российской Федерации по числу жителей, по данным переписей населения[3]

Показатель	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Сельские населенные пункты – всего	162 231	155 289	153 124
из них с числом жителей, человек:			
до 6	26 234	32 997	42 387
6–10	13 245	14 092	13 254
11–25	24 735	22 303	19 225
26–50	19 939	15 770	13 522
51–100	18 094	14 901	13 798
101–200	17 895	15 833	14 682
201–500	22 177	20 475	18 729
501–1000	11 524	10 836	9720
1001–2000	5718	5182	4737
2001–3000	1266	1220	1217
3001–5000	803	873	979
5001 и более	601	807	874

Безусловно, что этот процесс продолжится и в дальнейшем, поскольку экономически не целесообразно строить современные здания и дороги, развивать социальную инфраструктуру в малолюдных населенных пунктах.

На основе анализа данных официальной статистики рассмотрим, какие факторы оказывают определяющее воздействие на современную демографическую динамику на сельских территориях России.

Рождаемость в российских селах, судя по общему коэффициенту рождаемости, хотя и возросла в 2000-2018 гг., остается более низкой, чем в городах. Смертность в сельской местности в рассматриваемый период снизилась более существенно, чем в городских поселениях, но остается выше в сравнении с показателями по городскому населению. Вследствие такого соотношения рождаемости и смертности относительные показатели естественной убыли в сельской местности почти в 3 раза больше (по модулю), чем на городских территориях страны (табл. 2).

Таблица 2

[1] Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 7.1.
[2] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 95.
[3] Там же, с. 103.

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в Российской Федерации, на 1000 человек населения[1]

Годы	Родившихся	Умерших	Естественный прирост
	Городское население		
2000	8,3	14,6	–6,3
2010	12,0	13,5	–1,5
2016	13,1	12,4	0,7
2017	11,6	12,0	–0,4
2018	11,0	12,0	–1,0
	Сельское население		
2000	9,8	17,1	–7,3
2010	14,0	16,1	–2,1
2016	12,2	14,2	–2,0
2017	11,2	13,7	–2,5
2018	10,7	13,6	–2,9

Конечно, по мере старения популяции случаи смерти неизбежно происходят чаще. Однако средний возраст сельских жителей в России в последние годы не намного выше уровня этого показателя, сформировавшегося в городской местности, а в предыдущие годы нередко наблюдалось и обратное соотношение (табл. 3).

Таблица 3

Средний возраст населения Российской Федерации на 1 января (лет)[2]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1990	34,9	34,6	35,8
1995	35,9	35,8	36,2
2000	37,1	37,1	37,3
2005	38,2	38,2	38,1
2010	38,9	39,0	38,7
2015	39,5	39,5	39,4
2016	39,6	39,6	39,5
2017	39,7	39,7	39,7
2018	39,8	39,8	39,9
2019	40,0	40,0	40,2

И возраст – далеко не единственный фактор, влияющий на динамику показателей смертности. Например, в 2000 г., когда сельские жители России в среднем были на 3 года моложе, чем в 2019 г., смертность была в 1,3 раза выше (см. табл. 2).

Об имеющихся резервах в снижении смертности людей на сельских территориях, связанных с организацией охраны здоровья, говорят существенные различия в продолжительности жизни городского и сельского населения, фиксируемые органами статистики: в городах женщины живут в среднем на 1,16 года, а мужчины – на 1,36 года дольше, чем сельские жители, 2018 г. (табл. 4).

Таблица 4

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Российской Федерации и Республике Мордовия, число лет[3]

Годы	Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1990	64,31	74,34	62,03	73,95
1995	58,30	71,64	57,64	71,40
2000	59,35	72,46	58,14	71,66
2005	59,58	72,99	57,22	71,06
2010	63,82	75,39	61,19	73,42
2016	66,91	77,38	65,36	76,07
2017	67,90	77,96	66,43	76,66
2018	68,11	78,09	66,75	76,93

Естественный прирост населения в сельской местности Российской Федерации в постсоветский период отмечался только в 1990–1991 гг. В связи с резким падением рождаемости и увеличением смертности в начале 1990-х гг. естественная убыль быстро нарастала, но поскольку миграция перекрывала эти потери, численность сельских жителей еще некоторое время увеличивалась (до 2000 г.).

[1] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 104.
[2] Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 1.12.
[3] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 104.

В 1991–1994 гг. решающее влияние на формирование сельского населения оказывала миграция. Этот период отечественной демографической истории характеризуется массовым исходом русскоязычного населения из новых государств, образовавшихся после распада СССР.

В 1992–1994 гг. ежегодное положительное сальдо миграции составляло 0,7% и более от общей численности сельского населения на начало каждого года данного периода. В 1995 г. и последующие 4 года поток мигрантов из стран бывшего СССР значительно сократился, но сальдо миграции на сельских территориях оставалось положительным. Однако значительного влияния на формирование населения сельской местности РФ миграционные процессы в этот период не оказывали.

В 1995–2009 гг., а также в 2015–2018 гг. определяющим фактором демографической динамики в сельской местности нашей страны была естественная убыль. Период 2010–2013 гг. характеризовался рекордно высоким миграционным оттоком населения из села. Негативное влияние миграции в этот период было гораздо более сильным, чем потери от естественного движения населения (табл. 5).

Таблица 5

Компоненты изменения численности сельского населения (тысяч человек)[1]

Годы	Численность населения на 1 января	Изменения за год				Численность населения на 31 декабря	Общий прирост за год, процентов
		общий прирост	естественный прирост	миграционный прирост	из-за перемены категории населенных пунктов		
1990	38 928,9	–60,3	87,8	–74,2	–73,9	38 868,6	–0,15
1991	38 868,6	288,4	43,0	62,0	183,4	39 157,0	0,74
1992	39 157,0	736,3	–32,8	308,5	460,6	39 893,3	1,88
1993	39 893,3	157,8	–178,5	265,9	70,4	40 051,1	0,40
1994	40 051,1	87,1	–224,2	291,1	20,2	40 138,2	0,22
1995	40 138,2	–157,2	–206,5	47,6	1,7	39 981,0	–0,39
1996	39 981,0	–140,2	–221,4	23,7	57,5	39 840,8	–0,35
1997	39 840,8	–149,5	–226,0	32,8	43,7	39 691,3	–0,38
1998	39 691,3	–205,1	–203,7	31,0	–32,4	39 486,2	–0,52
1999	39 486,2	–15,6	–265,1	49,9	199,6	39 470,6	–0,04
2000	39 470,6	–238,7	–274,2	–2,6	38,1	39 231,9	–0,60
2001	39 231,9	–307,9	–271,7	–51,9	15,7	38 924,0	–0,78
2002	38 924,0	–281,6	–281,9	–26,7	27,0	38 642,4	–0,72
2003	38 642,4	–348,3	–281,5	–90,5	23,7	38 294,1	–0,90
2004	38 294,1	324,8	–260,3	–108,8	693,9	38 618,9	0,85
2005	38 618,9	–200,9	–287,6	–117,4	204,1	38 418,0	–0,52
2006	38 418,0	–287,0	–230,4	–109,0	52,4	38 131,0	–0,75
2007	38 131,0	–248,6	–145,7	–50,9	–52,0	37 882,4	–0,65
2008	37 882,4	–60,7	–113,3	–60,6	113,2	37 821,7	–0,16
2009	37 821,7	–49,6	–88,9	–47,8	87,1	37 772,1	–0,13
2010	37 772,1	–327,9	–81,7	–228,8	–17,4	37 444,2	–0,87
2011	37 444,2	–129,8	–42,5	–149,9	62,6	37 314,4	–0,35
2012	37 314,4	–85,6	–6,3	–166,6	87,3	37 228,8	–0,23
2013	37 228,8	–110,6	–0,8	–176,8	67,0	37 118,2	–0,30
2014	37 118,2	...	...	...	...	37 985,1	...
2015	37 985,1	–97,8	–61,4	–46,8	10,4	37 887,3	–0,26
2016	37 887,3	–115,3	–74,0	–36,4	–4,9	37 772,0	–0,30
2017	37 772,0	–218,5	–95,1	–46,5	–76,9	37 553,5	–0,58
2018	37 553,5	–226,3	–112,1	–69,4	–44,8	37 327,2	–0,60

Анализ структуры миграции показывает, что ее положительное сальдо в сельской местности России в период новейшей истории страны формировалось, главным образом, за счет миграционного обмена с зарубежными странами. Только в 1991 и 1992 гг. вклад межрегиональной миграции был сопоставим с итогами международного обмена населением (таблица 6).

В 1993 г. миграционный прирост за счет перемещения населения внутри страны был на порядок меньше, чем в результате межстранового оборота. Все остальные годы постсоветского периода отечественной истории перераспределение населения внутри страны происходило в пользу городской местности.

Рассматривая структуру миграционных перемещений внутри страны, следует заметить, что если в межрегиональном обмене в отдельные годы органы статистики фиксировали миграционный прирост сельского населения (1990–1996, 1999, 2018 гг.), то внутри регионов перераспределение населения между городской и сельской местностью в рассматриваемый период постоянно складывалось в пользу городов (за исключением 1992 г.).

Начиная с 2001 г., когда резко сократился приток в нашу страну (в том числе и в сельскую местность) мигрантов из-за рубежа, сальдо международной миграции перестало перекрывать демографические потери сельских территорий от перераспределения населения внутри страны. С тех пор миграция ежегодно сокращает численность сельского населения России.

[1] Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. 1.4; Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 1.4.

Таблица 6

Миграционный прирост населения сельской местности в Российской Федерации, человек[1]

Годы	Миграционный прирост, всего	из него в результате			
		передвижений в пределах России	в том числе		миграционного обмена населением с зарубежными странами
			внутри регионов	Между регионами	
1990	94 094	–40 510	–98 727	58 217	134 604
1991	165 072	85 201	–19 738	104 939	79 871
1992	399 459	200 861	78 582	122 279	198 598
1993	245 349	19 990	–26 176	46 166	225 359
1994	258 319	–65 656	–102 147	36 491	323 975
1995	134 093	–65 922	–102 441	36 519	200 015
1996	80 469	–61 899	–86 196	24 297	142 368
1997	67 857	–91 591	–79 598	–11 993	159 448
1998	55 604	–72 182	–67 632	–4550	127 786
1999	64 651	–8574	–25 663	17 089	73 225
2000	10 563	–68 704	–58 336	–10 368	79 267
2001	–73 689	–91 017	–68 649	–22 368	17 328
2002	–47 156	–65 705	–50 854	–14 851	18 549
2003	–49 284	–57 890	–45 673	–12 217	8606
2004	–45 680	–55 940	–41 388	–14 552	10 260
2005	–26 876	–55 847	–37 393	–18 454	28 971
2006	–33 853	–72 139	–50 688	–21 451	38286
2007	–7786	–78 938	–55 996	–22 942	71 152
2008	–27 150	–100 508	–69 890	–30 618	73 358
2009	–3843	–81 604	–51 312	–30 292	77 761
2010	–96011	–141 330	–93 079	–48 251	45 319
2011	–150 518	–230 998	–155 835	–75 163	80 480
2012	–166 630	–235 241	–158 822	–76 419	68 611
2013	–177 151	–245 032	–173 903	–71 129	67 881
2014	–137 871	–204 808	–160 071	–44 737	66 937
2015	–47 535	–119 665	–89 053	–30 612	72 130
2016	–36 462	–97 920	–81 690	–16 230	61 458
2017	–47 296	–97 886	–90 111	–7775	50 590
2018	–69 469	–101 267	–102 448	1181	31 798

Таким образом, главный фактор сбережения сельского населения современной России – приток иностранных мигрантов. За 1990–2018 гг. за счет миграционного обмена населением с зарубежными странами число сельских жителей в РФ увеличилась на 2 633 991 чел., что составляет 6,8% от общей численности сельского населения в начале 1990 г. Демографические потери сельских территорий от перераспределения населения внутри страны в этот период составляли 2 302 721 чел. Таким образом, международная миграция в 1990–2018 гг. не только полностью перекрыла потери сельского населения России вследствие массового переселения сельских жителей в города, но и частично компенсировала естественную убыль (на 331,3 тыс. чел.).

Государством предпринимается комплекс мер по улучшению условий жизни на селе, что должно снизить интенсивность оттока населения, а также по привлечению в сельскую местность специалистов путем установления льгот по пенсионному обеспечению, льготных условий кредитования, предоставления субсидий на приобретение жилья и др. В 2019 г. принята государственная программа РФ «Комплексное развитие сельских территорий», в рамках которой усилия государства будут сосредоточены на следующих основных направлениях: создание условий для обеспечения сельского населения доступным и комфортным жильем; развитие рынка труда и кадрового потенциала сельских территорий; развитие инфраструктуры в сельской местности.

Одна из целей Программы – сохранение доли сельского населения на уровне не менее 25,3%, начиная с 2020 г.[2]. Учитывая описанные выше тенденции развития народонаселения, рассмотрим, насколько реальны поставленные цели. Забегая вперед, скажем, что для демографического развития сельских территорий в России характеры ряд особенностей, которые позволяют на это надеяться.

Структура сельского населения РФ по полу менее деформирована, чем городского – женщин, хотя, как и в стране в целом, больше, чем мужчин, но дисбаланс полов меньше: удельный вес женщин в сельской местности составляет 51,7%. В то время как в городах этот показатель заметно выше – 54,3% (2019 г.)[3].

Заметим также, что в 2001–2019 гг. изменение показателя численности женщин в расчете на 1000 мужчин в городах и селах имеет разнонаправленную динамику: в городской местности показатель увеличился с 1157 чел. до 1186 чел., в деревнях и селах, напротив, заметно уменьшился – с 1098 чел. до 1071 чел.[4]

[1] Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 7.1.

[2] Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326085/

[3] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 96.

[4] Там же, с. 98.

Есть особенности и в возрастной структуре сельского населения. Структурная доля граждан старше трудоспособного возраста в сельских населенных пунктах больше, чем в городской местности (табл. 7).

Таблица 7

Распределение населения Российской Федерации по укрупненным возрастным группам, по данным Всероссийской переписи населения[1]

Показатель	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2019 г., на 1 января
Все население, тысяч человек	147 021 869	145 166 731	142 856 536	146 781
Из общей численности – население в возрасте, процентов				
моложе трудоспособного	24,5	18,1	16,2	18,7
трудоспособном	57,0	61,3	61,6	55,4
старше трудоспособного	18,5	20,6	22,2	25,9
Городское население, тысяч человек	107 959 002	106 429 049	105 313 773	109 454
Из общей численности – население в возрасте, процентов				
моложе трудоспособного	23,8	16,9	15,3	18,2
трудоспособном	59,0	63,3	62,5	56,2
старше трудоспособного	17,2	19,8	22,2	25,6
Сельское население, тысяч человек	39 062 867	38 737 682	37 542 763	37327
Из общей численности – население в возрасте, процентов				
моложе трудоспособного	26,4	21,5	18,7	20,1
трудоспособном	51,5	56,0	59,2	53,1
старше трудоспособного	22,1	22,5	22,1	26,8

А удельный вес детей и подростков в составе сельских жителей, хотя и уменьшился, был и остается выше, чем среди городского населения. Это говорит о больших, чем в городской местности потенциальных возможностях стабилизации численности населения на сельских территориях. Но следует принять во внимание то обстоятельство, что в числе уезжающих из сел и деревень граждан значительную часть составляют молодые люди, сначала направляющиеся в город на обучение, а затем остающиеся там на постоянное жительство.

В этой связи необходимо расширять программы целевой подготовки специалистов в вузах с обязательством отработать после завершения обучения в сельской местности в течение 3–5 лет, за которые, возможно, человек, обустроив свою жизнь не хуже, чем в городе, не захочет покидать родное (или ставшее родным) село.

О большем потенциале демографического развития сельских территорий по сравнению с городскими говорит и постоянно отмечаемая значительно более высокая величина суммарного коэффициента рождаемости, показывающего, сколько в среднем детей приходится на одну женщину в возрасте 15–49 лет (табл. 8).

Таблица 8

Суммарный коэффициент рождаемости (родившие живыми на 1 женщину)[2]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1961–1962	2,417	1,935	3,195
1964–1965	2,139	1,732	2,928
1969–1970	1,972	1,733	2,535
1974–1975	1,993	1,757	2,764
1980–1981	1,895	1,700	2,562
1984–1985	2,057	1,826	2,936
1990	1,892	1,698	2,600
1995	1,337	1,193	1,813
2000	1,195	1,089	1,554
2005	1,294	1,207	1,576
2010	1,567	1,439	1,983
2015	1,777	1,678	2,111
2016	1,762	1,672	2,056
2017	1,621	1,527	1,923
2018	1,579	1,489	1,870

Обратное соотношение между городскими и сельскими территориями по величине общего коэффициента рождаемости, рассчитываемого как отношение численности родившихся к среднегодовой численности населения (см. табл. 2), объясняется тем, что удельный вес женщин репродуктивного возраста в городах больше, чем в селах: 45 и 40% соответственно (на 1 января 2019 г.)[3].

[1] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 97.
[2] Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 2.6.
[3] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 96.

Большое негативное влияние на демографическую динамику в России оказывает так называемая избыточная смертность. Это касается не только сельского населения, а популяции в целом. Как показывает опыт других стран, такие демографические потери можно значительно сократить.

Младенческая смертность в России в 2000–2018 гг. сократилась в 3 раза[1]. Однако в сравнении с другими странами уровень данного показателя остается более высоким. В 2017 г. коэффициент младенческой смертности в РФ составлял 5,6 умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми, в Беларуси – 3,2, Германии и Австралии – 3,3, Великобритании и Франции – 3,9, Швеции – 2,4, Финляндии – 2,0 умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми[2].

Детская смертность в России, хотя и снизилась в 1,4 раза в 2010-2017 гг., пока тоже остается большой проблемой. В 2016 г. в РФ коэффициент смертности детей в возрасте до 5 лет был равен 7,4 умерших на 1000 родившихся живыми. В большинстве стран Западной Европы, а также в Беларуси этот показатель был не более 4 случаев смерти на 1000 родившихся живыми[3].

Материнская смертность в России – самая высокая среди европейских стран (9,1 умерших женщин от осложнений беременности, родов и послеродового периода на 100 000 родившихся живыми в 2018 г.). Даже в Румынии показатель ниже – 8,5 умерших женщин от осложнений беременности, родов и послеродового периода на 100 000 родившихся живыми (2016 г.). А в большинстве стран Западной Европы материнская смертность не превышает 4 случаев смерти женщин от осложнений беременности, родов и послеродового периода на 100 000 родившихся живыми[4].

Смертность в трудоспособном возрасте в России в 1999–2017 гг. снизилась на 29,2%. Во многом это произошло в результате сокращения людских потерь от так называемых внешних причин (от случайных отравлений алкоголем, от транспортных несчастных случаев, самоубийств и убийств). Число преждевременных смертей от внешних причин сократилось более чем в 2 раза, от болезней системы кровообращения – на 14,6%, от новообразований – на 17,7%, от болезней органов дыхания – в 1,6 раза, от других болезней – на 16,9%.

Но при этом значительно возросла смертность от некоторых других групп болезней: от болезней органов пищеварения – в 1,5 раза, от некоторых инфекционных и паразитарных болезней – на 17,3% (табл. 9).

Таблица 9

Умершие в трудоспособном возрасте по основным классам причин смерти, на 100 000 человек соответствующего пола и возраста

Причина смерти	Женщины		Мужчины	
	16–54		16–59	
	1999 г.	2017 г.	1999 г.	2017 г.
Умершие от всех причин – всего	275	209,4	1059	735,7
из них от:				
болезней системы кровообращения	69	48,0	302	236,3
несчастных случаев, отравлений и травм	85	40,2	424	200,5
новообразований	62	49,9	117	97,4
болезней органов дыхания	9	6,5	48	28,5
болезней органов пищеварения	13	23,4	44	60,4
некоторых инфекционных и паразитарных болезней	7	20,7	52	48,5
других болезней	30	20,7	72	64,1

Бывший министр здравоохранения РФ В.И. Скворцова в одном из своих недавних выступлений сообщила, что основная причина преждевременных смертей российских мужчин – алкоголизм – заболевание, которое опасно не только само по себе, но и выступает фактором риска для развития многих других болезней[5].

В сельской местности ситуация с младенческой смертностью сложнее. Численность умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми на городских территориях составляет 4,7 промилле, на сельских – 6,2 промилле[6].

Смертность в трудоспособном возрасте в российской глубинке тоже выше, чем в городской местности. По мужской части населения показатели равны 8,2 и 7,0 чел. на 1000 человек соответствующего возраста соответственно, женской – 2,5 и 2,0 чел. на 1000 человек соответствующего возраста соответственно[7].

Таким образом, статистический анализ показывает, что сельское население обладает более высоким воспроизводственным потенциалом, чем городское. Чистый коэффициент воспроизводства, представляющий собой обобщенную характеристику уровней рождаемости и смертности, по которому можно оценить степень замещения поколения (при условии длительного сохранения существующих уровней рождаемости и смертности) в сельской местности РФ, хотя и меньше 1, что необходимо для простого воспроизводства (сохранения численности населения), но существенно выше, чем в городах (табл. 10).

Таблица 10

[1] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 107.

[2] Там же, с. 643.

[3] Россия и страны мира: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 47–48.

[4] Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 644.

[5] Скворцова назвала алкоголь главной причиной смертности мужчин в России // Известия. – https://iz.ru/842927/2019-02-07/nazvana-glavnaia-prichina-smertnosti-rossiiskikh-muzhchin?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

[6] Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 2.1.

[7] Там же. 2.4.

Чистый коэффициент воспроизводства населения[1]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1961–1962	1,095	0,882	1,425
1964–1965	0,971	0,790	1,351
1969–1970	0,934	0,816	1,218
1974–1975	0,932	0,818	1,307
1979–1980	0,874	0,783	1,192
1984–1985	0,964	0,855	1,387
1990	0,895	0,803	1,227
1995	0,629	0,563	0,848
2000	0,561	0,512	0,727
2005	0,611	0,571	0,743
2010	0,745	0,684	0,939
2015	0,847	0,801	1,002
2016	0,841	0,799	0,978
2017	0,774	0,731	0,915
2018	0,752	0,710	0,889

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что главным фактором сбережения сельского населения в России является предотвращение массового оттока населения с сельских территорий за счет создания благоприятных условий жизнедеятельности и формирования позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни. Способствовать стабилизации численности и удельного веса сельского населения может привлечение на сельские территории мигрантов, прибывающих в Россию из-за рубежа.

Важнейшими резервами укрепления демографического потенциала сельских территорий России является кардинальное снижение младенческой, детской и материнской смертности, а также смертности в трудоспособном возрасте, что требует в числе прочего принятия экстренных мер по борьбе с алкоголизмом.

Закреплению на селе молодых людей будут способствовать создание комфортных условий проживания в сельской местности, что является целью государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий», создание современных рабочих мест, поддержка предпринимательской активности сельских жителей, а также расширение практики целевой подготовки специалистов для работы в сельской местности.

[1] Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. 2.8.

Толкунов В.А.
старший преподаватель, Мордовский государственный университет, г. Саранск

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРОЕКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: *народонаселение, демографическая ситуация, рождаемость смертность, естественная убыль, миграция, уровень жизни, доходы.*

Keywords: *population, demographic situation, birth rate mortality, natural decline, migration, living standards, incomes.*

Взаимосвязь и взаимное влияние народонаселения и экономики изучается с разных точек зрения. С позиции экономической безопасности потенциальными угрозами, исходящими из социально-демографической ситуации, может стать сокращение численности населения, ослабление здоровья людей и, как следствие, недостаточность трудовых ресурсов и снижение качества трудового потенциала[1].

Объект данного исследования – Брянская область. Этот субъект федерации входит в состав Центрального федерального округа (ЦФО). Последние данные о социально-экономическом развитии региона свидетельствуют: стоимостные экономические показатели увеличиваются более высокими темпами, чем в РФ в целом – это касается валового регионального продукта, роста промышленного производства и продукции сельского хозяйства.

Для индикаторов эффективности хозяйствования характерно разнонаправленное движение: прирост производительности труда в регионе в соответствии с общероссийской тенденцией возрастает, причем более высокими темпами (2017 г.); сальдированный финансовый результат на фоне роста общероссийского показателя в 1,6 раза в 2018 г. снизился в 2,2 раза (табл.а 1).

Таблица 1

Темпы роста (снижения) основных социально-экономических показателей в 2018 г. (стоимостные показатели приведены в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)[2]

Показатель	Российская Федерация	Центральный федеральный округ	Брянская область
Численность населения на 1 января 2019 г.	99,9	100,2	99,1
Реальные денежные доходы населения	101,1	101,0	102,1
Реальные потребительские расходы населения	103,2	103,7	104,2
Реальная начисленная заработная плата работников организаций	108,5	108,8	107,0
Валовой региональный продукт в 2017 г.	101,8	101,9	104,7
Инвестиции в основной капитал	104,3	108,9	103,6
Промышленное производство	102,9	109,4	105,2
Продукция сельского хозяйства – всего	99,8	103,1	103,1
в том числе			
растениеводства	98,5	102,7	101,8
животноводства	101,1	103,4	103,8
Ввод в действие жилых домов	95,5	96,5	72,2
Оборот розничной торговли	102,8	104,2	104,9
Производительность труда в 2017 г.	101,9	–	105,7
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций (в фактически действовавших ценах)	159,6	153,8	45,4

Существенное отставание по такому важнейшему социально-экономическому показателю, как ввод в действие жилых домов в 2018 г., настораживает только в связи с возможным со спадом объема строительных работ, но не уровня жизни. Обеспеченность населения Брянской области жильем в последние годы росла более высокими темпами, чем в РФ и ЦФО, и в настоящее время на 11-16 % превышает значения этого индикатора жизненного уровня в ЦФО и РФ (табл. 2).

[1] Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/

[2] Там же, с. 24–25.

Таблица 2

Отдельные показатели обеспеченности и нуждаемости в жилых помещениях[1]

Регион	2005 г.	2010 г.	2017 г.	2018 г.
	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года; квадратных метров)			
Российская Федерация	20,8	22,6	25,2	25,8
Центральный федеральный округ	22,0	24,0	26,5	27,0
Брянская область	23,1	25,2	29,4	30,0
	Удельный вес семей, получивших жилые помещения, в числе семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, процентов			
Российская Федерация	3,6	8,6	4,8	4,0
Центральный федеральный округ	3,5	7,4	4,5	3,9
Брянская область	1,4	9,7	9,3	7,7
	Число семей, получавших субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, по состоянию на конец года, в процентах от общего числа семей			
Российская Федерация	11,9	7,3	5,7	5,4
Центральный федеральный округ	11,3	8,6	7,7	7,5
Брянская область	4,3	5,8	3,7	3,3

При этом удельный вес аварийного жилья в Брянской области в 2,2 раза меньше, чем в РФ – 0,3 против 0,7% в 2018 г.[2]. По благоустройству жилья Брянская область не сильно уступает другим российским регионам, за исключением оборудования напольными электроплитами; а в части отопления и газоснабжения – значительно опережает (табл. 3).

Таблица 3

Благоустройство жилищного фонда в 2018 г., в процентах[3]

Регион	Удельный вес общей площади, оборудованной						
	водопроводом	водоотведением (канализацией)	отоплением	ваннами (душем)	газом (сетевым, сжиженным)	горячим водоснабжением	напольными электроплитами
Российская Федерация	82,9	78,3	86,3	70,5	66,4	70,1	23,3
Центральный федеральный округ	85,2	82,1	89,1	76,3	70,0	75,4	23,6
Брянская область	80,9	75,3	92,0	63,0	91,0	65,6	6,5

Следует отметить, что в регионе значительное внимание уделяется решению жилищной проблемы – одного из важнейших условий демографического развития. Если в 2005 г. удельный вес семей, получивших жилье, от общего числа нуждающихся и состоящих на учете был значительно ниже, чем величина этого показателя в РФ и ЦФО и составлял всего 1,4%, то в последующие годы соотношение изменилось в пользу Брянской области и в 2018 г. этот индикатор в регионе был почти в 2 раза больше, чем в стране в целом (см табл. 2).

Опережающими общероссийскую тенденцию темпами повышается и уровень жизни населения Брянской области, о чем свидетельствует динамика таких индикаторов жизненного уровня, как реальные денежные доходы, реальные потребительские расходы, оборот розничной торговли (см. табл. 1).

Показателем относительного материального благополучия жителей Брянской области является и сравнительно невысокий удельный вес граждан, получающих субсидии на оплату услуг ЖКХ (см. табл. 2).

Таким образом, социально-экономическую ситуацию в Брянской области можно оценить как сравнительно благополучную. Однако демографическая динамика не может не вызывать опасений. Для выявления возможных угроз со стороны народонаселения нами были проанализированы демографические процессы, формирующие количественные параметры трудового потенциала. По состоянию на 1 января 2019 г. в регионе проживало 1200,2 тыс. чел., что составляет 0,82% населения России[4].

Проведенное исследование показало, что численность населения Брянской области быстро сокращается: в 2005–2018 гг. жителей в этом регионе стало на 9,6% меньше[5]. Это противоречит общей для страны и ЦФО тенденции к росту численности населения (табл. 4).

Как свидетельствует официальная статистика, и по показателям рождаемости, и по показателям смертности регион можно отнести к категории неблагополучных: по числу родившихся в расчете на 1000 человек населения Брянская область находится на 72 месте, по числу умерших на 1000 населения – на 73 месте в стране (2018 г.). В 2005 г. рождаемость в регионе была немного выше, чем среднее значение этого показателя в ЦФО. В последующие годы вплоть до 2012 г. показатели были примерно равны. А с 2013 г. рождаемость в Брянской области, если судить по общему коэффициенту рождаемости, заметно ниже среднего в ЦФО уровня, для которого характерны самые низкие среди федеральных округов показатели.

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М, 2019. – С. 274, 286–287.
[2] Там же, с. 276.
[3] Там же, с. 278.
[4] Там же, с. 28.
[5] Там же, с. 43.

Таблица 4

Динамика основных демографических показателей в Российской Федерации, Центральном федеральном округе, Брянской области[1]

Годы	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
	Общий коэффициент рождаемости, *число родившихся на 1000 человек населения*									
Российская Федерация	10,2	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	13,3	12,9	11,5	10,9
Центральный федеральный округ	8,7	10,7	10,7	11,4	11,3	11,4	11,7	11,6	10,4	9,9
Брянская область	9,0	10,7	10,9	11,4	11,1	11,0	11,4	10,9	9,5	9,2
	Суммарный коэффициент рождаемости, *число детей на 1 женщину*									
Российская Федерация	1,294	1,567	1,582	1,691	1,707	1,750	1,777	1,762	1,621	1,579
Центральный федеральный округ	1,160	1,367	1,376	1,470	1,478	1,514	1,575	1,595	1,472	1,441
Брянская область	1,218	1,422	1,464	1,558	1,534	1,557	1,650	1,612	1,434	1,430
	Общий коэффициент смертности, *число умерших на 1000 человек населения*									
Российская Федерация	16,1	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	13,0	12,9	12,4	12,5
Центральный федеральный округ	17,1	15,2	13,9	13,9	13,6	13,6	13,5	13,5	12,9	12,9
Брянская область	19,8	17,0	16,1	16,2	15,9	16,0	15,8	15,6	15,3	15,2
	Смертность населения в трудоспособном возрасте, *число умерших на 100 000 человек соответствующего возраста*									
Российская Федерация	827,8	634,0	600,9	575,7	560,9	565,6	546,7	525,3	484,5	482,2
Центральный федеральный округ	793,7	599,3	554,6	538,5	521,9	528,2	496,8	479,5	446,4	446,7
Брянская область	1021,3	720,2	687,0	681,6	652,0	693,3	634,4	606,6	582,2	577,9
	Коэффициент младенческой смертности, *число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми*									
Российская Федерация	11,0	7,5	7,4	8,6	8,2	7,4	6,5	6,0	5,6	5,1
Центральный федеральный округ	10,0	6,6	6,5	7,8	7,6	6,5	6,0	5,6	5,1	4,8
Брянская область	12,0	7,7	9,2	8,9	8,9	9,2	7,9	7,6	8,1	4,0
	Динамика численности населения, прирост за год; в процентах									
Российская Федерация	–0,4	0,02	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,05	–0,1
Центральный федеральный округ	0,2	0,3	0,2	0,4	0,4	0,3	0,4	0,3	0,3	0,2
Брянская область	–1,2	–0,9	–0,9	–0,9	–0,9	–0,8	–0,6	–0,4	–0,8	–0,9
	Коэффициент естественного прироста населения, на 1000 человек населения									
Российская Федерация	–5,9	–1,7	–0,9	–0,03	0,2	0,2	0,3	–0,01	–0,9	–1,6
Центральный федеральный округ	–8,4	–4,5	–3,2	–2,5	–2,3	–2,2	–1,8	–1,9	–2,5	–3,0
Брянская область	–10,8	–6,3	–5,2	–4,8	–4,8	–5,0	–4,4	–4,7	–5,8	–6,0
	Коэффициент миграционного прироста, на 10 000 человек населения									
Российская Федерация	20	19	22	21	21	19	17	18	14	9
Центральный федеральный округ	101	74	56	62	60	56	57	45	51	47
Брянская область	–15	–24	–34	–37	–40	–28	–15	4	–20	–30

На величину общего коэффициента рождаемости, поскольку он определяется соотношением числа родившихся с численностью населения, оказывает влияние его структура. Чем больше доля старших возрастов, тем, как правило, меньше этот коэффициент. Динамика этого показателя в соотношении с общим коэффициентом смертности характеризует процесс замещения поколений. В Брянской области под действием мер по стимулированию рождаемости общий коэффициент рождаемости повышался до 11,4 промилле в 2015 г., но уже в 2018 г. был примерно таким же, как и до введения пакета мер по поддержке семей с детьми.

Для оценки эффективности и разработки мер по корректировке социально-демографической политики более информативным является другой показатель – суммарный коэффициент рождаемости. Он показывает, сколько в среднем детей рождены одной женщиной репродуктивного возраста. Этот показатель в Брянской области традиционно был выше, чем в ЦФО, но в 2017 и 2018 гг. соотношение стало обратным.

Смертность в Брянской области была и остается выше, чем в РФ и ЦФО – в 2018 г. на 21,6 и 17,8% соответственно. Структура смертности в Брянской области имеет свои особенности. Необходимо отметить, что организаторам здравоохранения региона удалось добиться огромных успехов в снижении младенческой смертности. В 2005 г. этот показатель был выше, чем в РФ и ЦФО – 12 умерших детей в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми против 11 и 10 промилле соответственно. К 2018 г. коэффициент младенческой смертности в Брянской области удалось снизить в 3 раза – до 4 промилле, что соответствует 16 месту в стране.

Вместе с тем в Брянской области остается очень высокой смертность населения в трудоспособном возрасте – в 2018 г. ее уровень на 20% превышал общероссийское значение и почти на 30% – соответствующий показатель по ЦФО. Значительно чаще, чем в РФ и ЦФО, причинами смерти населения Брянской области являются болезни системы кровообращения – в 2018 г. показатель был на 26–27% больше. От онкологических заболеваний в Брянской области люди умирают тоже гораздо чаще, чем жители других российских регионов – в 2018 г. соответствующий показатель был на 18–24% больше, чем в РФ и ЦФО.

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М, 2019. – С. 63, 65, 67, 69, 73, 75, 77, 79.

Тот факт, что в структуре заболеваемости населения Брянской области на эти группы болезней приходится примерно такая же часть, как и в стране в целом[1], а умирают от этих болезней значительно чаще, дает основания предполагать наличие дефектов в диагностике.

Специалисты медики должны оценить организацию охраны здоровья в регионе и предпринять соответствующие меры. О том, что в регионе сохраняются проблемы в части здравоохранения говорят и другие показатели: по числу больничных коек на 10 000 чел. населения Брянская область находится на 65 месте, по численности врачей на 10 000 чел. населения – на 70 месте в стране[2].

Обращают на себя внимание и особенности структуры заболеваемости населения Брянской области. Гораздо чаще, чем в стране в целом, в этом регионе диагностируются болезни органов пищеварения – в 2018 г. на 1000 чел. населения в РФ было впервые установлено 33,1 диагноза, в ЦФО – 23,2 случая, в Брянской области – 53,2 случая заболевания (табл. 5)[3].

Таблица 5

Основные демографические показатели в Российской Федерации, Центральном федеральном округе и Брянской области в 2018 г.[4]

Показатель	Российская Федерация	Центральный федеральный округ	Брянская область
Смертность населения трудоспособного возраста, на 100 000 человек населения соответствующего возраста	482,2	446,7	577,9
Смертность от болезней системы кровообращения, на 100 000 чел. населения	583,1	591,9	743,0
Смертность от новообразований, в том числе злокачественных, на 100 000 чел. населения	203,0	213,1	251,6
Младенческая смертность, число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми	5,1	4,8	4,0
Заболеваемость на 1000 человек населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)	782,1	703,3	767,4
в том числе по основным группам болезней:			
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	27,0	23,6	25,8
Новообразования	11,6	10,6	11,5
Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	4,3	1,6	2,4
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	13,1	9,9	14,9
Болезни нервной системы	14,8	10,7	12,3
Болезни глаза и его придаточного аппарата	31,4	28,1	33,6
Болезни уха и сосцевидного отростка	25,5	23,3	28,1
Болезни системы кровообращения	32,6	24,8	31,2
Болезни органов дыхания	359,8	339,2	341,2
Болезни органов пищеварения	33,1	23,2	53,2
Болезни кожи и подкожной клетчатки	40,3	40,1	41,9
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	29,8	23,9	26,4
Болезни мочеполовой системы	44,8	37,6	35,1
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	2,0	1,3	1,9
Травмы, отравления и некоторые другие последствия внешних причин	89,0	86,9	94,4

Продолжительность жизни населения Брянской области традиционно ниже среднего в стране уровня и ЦФО. В 2018 г. показатели были равны 71,7 года и 72,9 года соответственно (51 место в РФ). Особенно большой разрыв отмечается в продолжительности жизни мужчин. Если по продолжительности жизни женщин регион занимает 32 место в стране, то низкая продолжительность жизни мужчин не позволила региону подняться выше 61 места (табл. 6)[5].

Таблица 6

Ожидаемая продолжительность жизни населения Российской Федерации, Центрального федерального округа и Брянской области в 2018 г., число лет[6]

Показатель	Российская Федерация	Центральный федеральный округ	Брянская область
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	72,91	74,01	71,71
Ожидаемая продолжительность жизни мужчин	67,75	69,09	65,60
Ожидаемая продолжительность жизни женщин	77,82	78,62	77,78
Ожидаемая продолжительность жизни граждан в возрасте 55 лет	23,45	24,10	22,56
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни	60,3	61,2	55,7

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М, 2019. – С. 395, 407.
[2] Там же, с. 383.
[3] Там же, с. 411.
[4] Там же, с. 36, 393–421.
[5] Там же, с. 79.
[6] Там же, с. 37–38.

Но особое беспокойство вызывает тот факт, что по продолжительности здоровой жизни Брянская область занимает одно из последних мест в стране. В 2018 г. этот показатель составлял 55,7 года. Более низкие значения этого индикаторы были характерны только для 2 российских регионов – Чукотского АО (49,1 года) и Еврейской АО (53 года)[1].

Значительно усугубляет демографическую ситуацию в Брянской области миграция. Вследствие оттока населения регион ежегодно теряет 0,2–0,4% населения (см. табл. 2).

Таким образом, проведенный анализ показал, что для Брянской области на современном этапе ее демографического развития характерно быстрое сокращение населения (примерено на 1% ежегодно в среднем в 2005–2018 гг.) под одновременным воздействием большой естественной убыли и значительного миграционного оттока.

Качество жизни людей страдает из-за плохого здоровья, что подтверждается одним из самых низких в стране показателей продолжительности здоровой жизни. Причинами сложившейся ситуации может быть низкий уровень организации диагностической работы, что подтверждается высокой смертностью от отдельных заболеваний при умеренной заболеваемости.

Другой причиной проблем со здоровьем жителей Брянской области является их образ жизни. Согласно статистике, доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, в Брянской области в 2,2 раза ниже, чем в среднем в стране (5,5 против 12% в РФ и 11% в ЦФО[2]).

Если судить по развитию спортивной инфраструктуры, то можно говорить о том, что должного внимания работе по популяризации здорового образа жизни и привлечению людей к занятиям физической культурой и спортом в регионе не уделяется. В то время как в 2005–2018 гг. в стране спортивных площадок стало в 1,3 раза, спортивных залов – в 1,2 раза, плавательных бассейнов – в 1,9 раза больше, в Брянской области число этих спортивных объектов изменилось незначительно (табл. 7).

Таблица 7

Число спортивных сооружений[3]

РЕГИОН	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
	Стадионы с трибунами на 1500 мест и более						
Российская Федерация	2081	1903	1959	1877	1771	1729	1764
Центральный федеральный округ	563	531	467	465	440	414	414
Брянская область	37	19	30	30	30	24	22
	Плоскостные спортивные сооружения площадки и поля)						
Российская Федерация	113 127	129 637	145 570	148 194	154 553	147 472	147 798
Центральный федеральный округ	27 942	32 516	38 935	40 280	44 786	41 032	41 349
Брянская область	1458	1571	1550	1517	1506	1472	1459
	Спортивные залы						
Российская Федерация	62 314	72 381	71 798	72 016	72 122	72 669	73 288
Центральный федеральный округ	13 713	15 586	16 686	16 859	16 889	16 872	17 195
Брянская область	650	682	682	675	663	652	659
	Плавательные бассейны						
Российская Федерация	3110	4237	4956	5196	5441	5654	5855
Центральный федеральный округ	863	1216	1323	1401	1484	1522	1566
Брянская область	41	38	48	50	49	45	47

Выявленные особенности современного этапа демографического развития Брянской области могут стать ограничением для поступательного экономического развития региона, что требует корректировки реализуемой в регионе социально-демографической политики.

Эффективность мер по стимулированию рождаемости, судя по суммарному коэффициенту рождаемости, в последние годы снижается. Требуется активизация работы по популяризации ответственного родительства, а также введение дополнительных мер, направленных на поддержку семей с детьми.

Основной резерв снижения смертности – предотвращение преждевременной смерти. Особого внимания со стороны организаторов здравоохранения региона требуют диагностика и лечение сердечнососудистых и онкологических заболеваний, смертность от которых в Брянской области значительно выше, чем в РФ. Улучшению здоровья населения будут также способствовать меры по пропаганде здорового образа жизни, созданию условий для развития массового спорта, вовлечению населения в занятия физической культурой.

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М, 2019. – С. 37–38.
[2] Там же, с. 36.
[3] Там же, с. 426–427.

Цацулин А.Н.
д.э.н., Почётный работник высшего профессионального образования РФ профессор, Северо-Западный институт управления-филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург
vash_64@mail.ru
Цацулин Б.А.
магистр экономики, нутрициолог, аспирант Балтийской академии туризма и предпринимательства, Санкт-Петербург
tsatsan@yandex.ru; http://cmtscience

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФАКТОРАХ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН НА ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Ключевые слова: *жизненные стандарты, уровень благосостояния, черта бедности, качество жизни, качество продуктов питания, нервная орторексия, расстройство пищевого поведения, обсессивно-компульсивное расстройство, чёрно–белое мышление.*

Keywords: *standard of living, welfare level, poverty line, quality of life, food quality, Nervous orthorexia, eating disorder, obsessive personality type, black and white thinking.*

Здоровых людей нет – есть недообследованные пациенты.
Из наблюдений врачей общей практики

Введение

Если уровень жизни как социально-экономическая категория выражает сложившуюся меру удовлетворения среднего индивидуума в материальных и культурных потребностях, а также степень обеспеченности потребительскими благами того же индивидуума, то жизненный стандарт, как правило, характеризуется и описывается количественными технико-экономическими показателями, которые соотносят и определяют нормативный, политически задаваемый или желаемый уровень потребления благ всех видов в конкретной общественной формации. И параметры этого стандарта могут заметно отличаться как в ту, так и в другую сторону от фактического размера потребления экономических благ членов конкретной общественно-экономической формации.

В западной традиции и в методологии международной гармонизированной статистики жизненный стандарт определяется как набор счётных характеристик объёма и структуры потребляемых благ, который усреднённые представители сложившейся социально-демографической группы населения принимают в качестве ориентира потребления, в том числе по позициям понесённых расходов семейного бюджета на питание, одежду, жильё, транспорт, медицинские, образовательные, бытовые услуги и пр.

Возмездную стоимость этого ориентира (периодически пересматриваемого и официально нормируемого стандарта) государство, со своими институтами, и гражданское общество, со своими рупорами, должны конституционно, т.е. неукоснительно, гарантировать каждому гражданину. Но лапидарно понятый патернализм немедленно сталкивается с проблемой *неопределённости*, которую следует признать как данность текущего момента, и многие россияне понимают это, отдают себе отчёт о происходящем.

Однако любая неопределённость, касающаяся будущего людей, немедленно пробуждает эмоциональные волнения и порождает тревожное состояние психики, которые многих уже не отпускают никогда. Тем не менее, такого рода неопределённость следует принимать достаточно спокойно и, по существу, смириться с осознанием этого. И одновременно необходимо подвергать непрерывному мониторингу такие специализированные счётные характеристики, как коэффициенты концентрации и дифференциации населения по уровню дохода, с опаской озираясь на колеблемость доходных групп населения возле так называемой *черты бедности*.

В конце XIX века британские экономисты, статистики и социологи Чарлз Бут и Бенджамин Сибом Раунтри провели ряд предметных исследований по бедности на местных статистических материалах городов Лондона и Йорка. Оба исследователя правомерно считаются основоположниками дефиниций и понятийного аппарата в области понимания уже упомянутой *черты бедности*. За исходную же точку отсчёта англичане первоначально принимали возможности индивидуума удовлетворить свои насущные потребности триадой благ – пища, одежда, жилище. «Бедные – это те, чьи нужды не удовлетворяются в соответствии с обычными стандартами жизни в данной стране» [18].

Б.С. Раунтри пошёл в своих исследования гораздо дальше своего коллеги. Так, изучая в динамике семейные бюджеты потребительских панелей за ряд лет, он пришёл к выводу, что фактически складываются два вида бедности – первичная и вторичная. Бедность *первичная* характеризует семьи с недостаточным объёмом средств для удовлетво-

рения первоочередных нужд даже при рациональном использовании денежных доходов. Бедность *вторичная* распространяется на те типы семей, где основные потребности не покрываются соответствующими экономическими благами, но в связи с неразумной и неоптимальной тратой располагаемых семьями доходов [19].

Исследователь добился ясности в том, что не получалось ни у кого до него, а именно – разделить тех, кто действительно был беден, и тех, кто был просто расточителен. Отсюда, по Раунтри, проистекает разделение ответственности за случившуюся у индивидуума бедность на *личную* и *социальную*. В ходе статистического анализа исследователь стремился определить массив фактической численности нуждающихся, связав уровень той и иной бедности с такими признаками-факторами, как состояние рынка труда и безработицы, размер заработной платы, качество жилищных условий и, наконец, установленные по территориям критериальные параметры *черты бедности*. Подобные расчёты осуществлялись учёным в ходе всех трёх его масштабных исследований в разные периоды – 1899, 1935 и 1951 гг.

Означенную черту бедности Б.С. Раунтри определял, исходя из уровня дохода семьи, необходимого лишь для удовлетворения основных потребностей по позициям упомянутой триады благ. Такой уровень принимался за абсолютную черту бедности, которую, тем не менее, можно регулировать не только путём изменения цен на продовольственные, непродовольственные товары и тарифов на приобретаемые услуги, но и независимо от размера и порядка распределения располагаемых семейных доходов.

Сформулированные концепция, принципы и предложенные методы измерения британских социально-экономических статистиков оказали заметное влияние на характер последующего изучения категории бедности. Некоторые известные специалисты хотя и пытались позднее вносить какие-либо изменения в инструментарий, но напрямую лишь копировали их [20].

Измеряемая капитализация человеческого потенциала, развитие и накопление компонентов человеческого капитала в общественном пространстве и времени включают в себя такие составляющие капитала, как состояние здоровья, продолжительность жизни и смертность, реальный уровень образованности, культуры, сформированность профессиональных компетенций, а также, с экономической точки зрения, поддержку способностей населения к расширенному воспроизводству общественного капитала и воспроизводство самого работника как экономического субъекта рынка труда. Авторы данной статьи крепки в своём убеждении, что именно всё перечисленное, на самом деле, образует наиболее важные тренды мирового макроэкономического процесса в условиях глобализации и турбулентности постиндустриальной экономики.

Формулирование проблемы

Россия не чужда этому процессу, многие позиции из перечисленного образуют текущую повестку работы кабинета министров РФ. Из самых последних доказательств активности руководства страны можно назвать утверждение Президентом России Стратегии развития здравоохранения в стране до 2025 года[1]. Документ вступил в силу со дня его опубликования – 07.06.2019 года. Но понижение уровня реальных доходов россиян в последние пять лет заметно отразилось не только на объёмах и структуре их потребления. Желание многих представителей молодого (и не только) поколения соотечественников выглядеть в общественной жизни внешне несколько лучше, чем удаётся жить при понижении располагаемых возможностей, обладать высокой степенью когнитивной ориентации на достижение высоких социальных результатов, имеет свою негативную, более того, зловещую сторону прогнозируемых последствий.

К подобным проявлениям и последствиям понижения уровня и качества жизни россиян можно отнести заметное ухудшение физического и психического здоровья нации на фоне вызывающего у авторов статьи искреннее сожаление развала системы отечественного здравоохранения. Но именно забота государства о своих согражданах, его таргетированный патернализм, призванный стоять на страже психофизического здоровья человека и общества в целом, позволяет каждому человеку в отдельности и социуму не чувствовать себя потерянным в пространстве и во времени [36]. Вспышка алкоголизма, наркомании, рост суицидных проявлений, угрожающая динамика ВИЧ-инфицированности по регионам РФ, фактической инвалидизации населения – это всё то, что начало серьёзно беспокоить властные структуры лишь в последние два года, но привело к организации кампании по внесению соответствующих поправок в Основной Закон.

Специалисты отечественного здравоохранения и социологи, придерживающиеся строгого эпистемологического подхода к точному и достоверному знанию, уже давно отмечают алармистский рост психических отклонений и фактов девиантного поведения у представителей разных возрастных групп и социальных слоёв населения. Так, например, в психолого-психиатрической сфере наблюдений это проявляется в виде дрейфа социума в сторону оккультизма, различных деструктивных верований, так называемых «приступов массового психоза» [14], расцвета маргинальных субкультур[2] и иных форм социально-психологического деструктивного поведения и саморазрушения личности.

Такого рода проявления индивидуума связаны с тем, что медицина по своей природе дуалистична и, наряду с естественнонаучной, включает в себя также гуманитарную компоненту. Другими словами, отдельная человеческая особь, рассматриваемая философской теорией человека и современной медициной, одномоментно принадлежит к двум разным мирам – миру земному, телесному (явленная материальная необходимость + биологическая закономер-

[1] https://news.ru/obshestvo/putin-odobril-programmu-razvitiya-zdravoohraneniya-do-2025-goda/

[2] К субкультурам в последнее время стали относить даже отдельные виды волонтёрского движения, среди которых выделяются те, что формируют агрессию в молодёжной среде и асоциальное поведение. – https://cyberleninka.ru/article/v/gosudarstvennoe-regulirovanie-sportivnogo-volonterstva-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt

ность) и миру неземному, психического существования (мир сверхчувственного + духовная умопостигаемая сущность + психологические закономерности). В соответствии с воззрениями акад. В.И. Вернадского на природу человека, на его существование в двух мирах, «Ум, сознание, дух, способность создавать новое, небывшее, – всё это унаследовано человеком из мира сверхчувственного, умопостигаемого» [17, с. 12].

Так, выдающийся русский терапевт Захарьин Григорий Антонович (1829–1897/1898) ещё в 1886 году требовал от своих коллег-врачевателей при осуществлении терапевтических мероприятий прибегать к фиксации двойственного диагноза – *diagnosis morbi et diagnosis aegroti*, т.е. *диагностику заболевания* и *диагностику пациента*, и призывал лечить больного, а не его болезнь [15]. Это тем более справедливо, что имплицитные мотивы возникают подсознательно, ведут к эмоциональным предпочтениям и к имплицитным поведенческим импульсам человека, пытающегося нащупать себя в конкретной социальной среде.

В этом смысле убедительной иллюстрацией служит обнаружение сравнительно недавно и сравнительно нового заболевания сугубо психической природы, но, по существу, рукотворного, спровоцированного и отягощённого социально-экономическими реалиями. Нервная орторексия (*Orthorexia nervosa*, от греч. ὀρθός – прямой, непосредственный и ὄρεξις – непреодолимый позыв к еде, уровень аппетита) – широко исследуемое в последнее время расстройство пищевого поведения во всех возрастных группах, независимо от половой принадлежности индивидуума, но наблюдаемое преимущественно у женщин.

В соответствии с базовыми положениями био-психо-социальной концепции психических расстройств [16], возникновению психической патологии способствуют три агрегированных фактора с разными пропорциями воздействия: биологический, включая генетический признак-фактор[1]; а также психологический (информационная перегрузка, состязательный процесс, угроза социальному статусу, самооценке, ближайшему окружению и т.д.) и социально-экологический, которые актуализируют предрасположенность индивида к психическим расстройствам.

Поведение человека характеризуется крайним или чрезмерным его стремлением к особому типу ментальности и отдельному способу физического существования в среде фактически ограниченного набора пищевых продуктов. Идеологией и основным принципом подобного бытия является зацикленность на так называемом «здоровом и правильном питании», что ведёт к осознанным и значительным, уже персональным ограничениям в выборе продуктов питания, в их групповом ассортименте, объёмах и энергетической ценности, в характере обработки и в технологиях их потребления.

Всё это, так или иначе, но теснейшим образом связано с плюрализмом видения возникшей сравнительно свежей медико-психологической проблемы и с валидностью трактовки понятийного аппарата, который собственно и должен характеризовать набор интегральных оценок признаков-факторов и идентифицированных обстоятельств существования обсуждаемого термина в форме психосоматического заболевания – нервная орторексия (НО).

А при поиске механизма причинно-следственных связей возникновения подобного недуга важно располагать достоверной информацией о периодически уточняемом содержании понятия *качество жизни*, по которому не утихают дискуссии исследователей, представляющих многие специальности и научные направления. В этом смысле представляет специальный интерес и заслуживает особого внимания деятелей социально-экономического научного сообщества острота последних обсуждений вокруг мема и контента «доказательная медицина» [21] с учётом особенностей собираемых аудиторий.

Во-первых, тех настоящих специалистов, что проявляют повышенный интерес к построению надёжной, универсальной и сбалансированной системы технико-экономических показателей, которые призваны достоверно отразить материальную сторону жизни и усреднённого человека, и общества в целом, а также зафиксировать реальную степень обеспеченности социума материальными, натурально-вещественными и социально-экономическими благами.

Во-вторых, тех многочисленных оппонентов подобному, т.е. изложенному выше взгляду на суть понятия *качество жизни*, что придерживаются принципиально иной социологической ориентации на построение альтернативной группы неких комплексных показателей метафизической сущности бытия, социальной и иной удовлетворённости населения страны в конкретных разрезах и аспектах существования, и социума в целом в рамках агностического или безусловно религиозного восприятия реальности, т.е. бытия. Иллюстрацией такого своеобразного подхода могут служить разнообразные попытки властных структур построить официальные статистические индексы «счастья», коэффициенты «удовлетворённости» населения всем и вся, индикаторы «социального оптимизма» и пр.

Высказанное экстрактно позволяет авторам статьи в качестве рабочей гипотезы попытаться предельно корректно сформулировать в онтологическом и/или социально-политическом ключе два крайне актуальных, комплексных по составу элементов, непростых, с точки зрения понимания механизма причинно-следственных связей, и одновременно интересных вопроса, связанных с достижением цели проводимого авторами исследования:

– могут ли конкретные случаи расстройства пищевого поведения отдельных индивидов в форме НО быть связаны с понижением в последние, начиная с 2012 г., кризисные годы уровня качества жизни россиян, резким ухудшением качества потребляемых продуктов питания **и/или**, соответственно, с обострением девиантного поведения в среде подростковых (пубертатного периода) и юношеских возрастных групп?

– является ли, принявший нестандартные и болезненные формы проявления, феномен т.н. *здорового и правильного питания* новой разновидностью какой-либо болезни из общепринятого перечня медицинской симптоматики (например, психиатрический недуг) **или же** это просто наблюдаемый в последнее время особый вариант социально-

[1] Согласно эпигенетическим представлениям, экспрессия генов зависит от стрессовых воздействий, то есть является неспецифическим раздражителем, вызывающим у индивида состояние стресс-ситуации.

культурного поведения в рамках установленных и выделенных фокус-групп, выявленных и идентифицированных профессиональной социологией субкультур?

Методы

Для исследования авторами данной статьи явления НО были изучены официально подтверждённые медицинскими показаниями факты, анамнез и отобраны в большую репрезентативную выборку лица (162 пациента – 111 женщин, 51 мужчина), обладающие чётко диагностированным *обсессивно-компульсивным расстройством* (ОКР) типа личности [29] или имеющие соответствующие предпосылки для самостоятельного внесения в свою жизнь необходимых *диетических ограничений* [30]. Цель подобных ограничений декларируется необходимостью укрепить здоровье. Но именно обращение к разнообразным спорным диетам парадоксальным образом влечёт за собой прямые серьёзные негативные психосоматические последствия для физического здоровья и/или психологического состояния индивида. Так, по информации Роберта Лихи (*Leahy R.L.*), порядка 2,5% американцев когда-то имели ОКР, что на момент актуализации сведений составило, в оценке авторов статьи, примерно 7,67 млн. человек [30].

Зафиксированные авторами данной статьи проявления наблюдались, например, в форме искусственной социальной изоляции, состояния повышенной тревожности, потери способности питаться согласно установленным традиционным/культурным моделям диет, снижения уровня рационально ориентированного поведения в целом ряде полезных для здоровья человека видов экономической деятельности.

Критериальные признаки-факторы диагностики и симптоматики тревожного явления *НО* с её невнятной этиологией находят своё отражение в концепции *ритуализма* как специфического вида поведения личности, основой которого служит, в свою очередь, значимость и важность конкретного персонального действия, вне зависимости от выявленной эффективности этого действия. В известных, по литературным источникам, фактах, правда, в достаточно редких, к счастью, случаях, выбранный новый образ жизни наблюдаемых лиц с подобным целеполаганием не только создавал угрозы их здоровью, но и приводил даже к летальным исходам.[1]

В качестве специального медицинского термина понятие *орторексия* впервые было введено в научный оборот американским врачом Стивеном Братманом в 1997 году [1]. В журнале *Yoga Journal* указанный автор уточнил и дополнил термин уже как *нервная орторексия* – НО (*ortho,* ορθο – правильный/верный и *orexis,* όρεξις – «присутствующий аппетит»), что, по его мнению, буквально означило *правильный аппетит*, или же применительно к общепринятой практике – *правильное питание*, как это пространно, но убедительно трактуется в работе [2], а с элементами дискуссии – также в [3]. Представляется правомерным не смешивать нарождающийся недуг НО с классической *нервной анорексией* (Дж. Торенс Уилсон; Кэтлин М. Пайк), основной синдром которой заключается в полном отсутствии аппетита (с вариантами его принудительного подавления) при объективной потребности пациента в полноценной еде [31, с. 487].

На данный момент не существует каких-либо строгих диагностических критериев НО, и её диагноз не включён в классификаторы *DSM*-V (диагностическое и статистическое Руководство по психическим расстройствам) и МКБ-10 (Международная классификатор болезней). Соответственно, такой диагноз не может быть поставлен официально, однако специалисты в области психиатрии и медицинской психологии широко используют термины видовых *орторексий* при клиническом описании данного расстройства пищевого поведения индивида в качестве уже пациента клиники или при его амбулаторном наблюдении. К настоящему времени на данную тему были опубликованы в различных рецензируемых журналах международного авторитетного уровня, в поисковых платформах *Scopus*, *Web of Science* и в других системах четыре специальных тематических доклада и более 35 научных статей [4].

Согласно данным предыдущих исследований, опубликованных в период 2011–2017 гг., из 111 случаев пациентов в Голландии с заявленным расстройством пищевого поведения специалисты полагают, что в 74 случаях (т.е. в 66,67% по выборке) в своей клинической практике они наблюдали чётко выраженный синдром НО. Тем не менее, официально Американская психиатрическая ассоциация вообще не признаёт *орторексию* расстройством приёма пищи, ссылаясь при этом на комментарии к документам *DSM*-III, *DSM*-IV, а также на мнения авторитетных специалистов, занимающихся прикладной психиатрией, но исключительно на территории США [5].

Авторы настоящей статьи в табл. 1 формулируют своё представление о наличии существенных различий по избранным критериям в отношении трактовки принципов традиционного питания и феномена так называемого *здорового и правильного питания* при НО в качестве одной из рабочих гипотез.

Таблица 1

Сравнение НО (т.н. *здорового и правильного питания*) и традиционного питания

№ п/п	Критерий	Нервная орторексия (НО)	Традиционное питание
1	Выбор пищи	Потребляется, по мнению индивидуума, «исключительно правильная, натуральная и здоровая» пища	Критерий выбора: привычка, вкусовые предпочтения индивида. Ест то, что «хочется» и что «удовлетворяет» его персональную пищевую потребность
2	Вид пищи	Очень узкий, вплоть до одного единственного, но «проверенного» поставщика-вендора	Широкий спектр продуктов, не боится пробовать новое и неизвестное

[1] http://www.orthorexia.com/original-orthorexia-essay/fatal-orthorexia/

3	Сравнение пищи	По критерию «полезности» осуществляет дихотомический выбор: овощи лечат рак, а мясо, дрожжи – это яд[1]	По интуитивному персональному ощущению респондента: «хочу – не хочу», «нравится – не нравится»
4	Социальные контакты	Чувство превосходства над другими и желание навязать им свой стиль питания. Выбирает соответствующее социальное окружения (сторонников диеты). Ограничивает общение с теми, кто не соблюдают установленный пищевой паттерн, как с «лицами неправильными»; избегает «неправильных» ресторанов, мест и друзей.	«Каждый ест так, как хочет». Нет проблем с потреблением непривычной пищи. Пища не влияет на выбор социального окружения, потребление пищи в компании приветствуется. Приём пищи рассматривается как способ наладить новые социальные контакты, в том числе полезные, включая даже карьерные соображения.
5	«Срывов» с диеты нет	Повышенная самооценка, чувство превосходства, ощущения жёсткого самоконтроля	Не отмечается при разумно и сознательно выстроенных диетах, включая медицинские рекомендации.
6	Есть «срывы» на диете	Гипертрофированное чувство вины, паника, самообвинения, «самокопание», «самобичевание» и иные проявления алармизма по данному поводу	Изменение стиля питания редко рассматривается в аспекте «вред здоровью». Чаще всего под воздействием привходящих обстоятельств.
7	Финансовая составляющая пищевого поведения	Выраженные финансовые расходы на «правильную» пищу; навязчивые мысли о еде более трёх часов в день; тревога, при отсутствии финансовой возможности обеспечить себя «здоровой» пищей	Выбор продуктов осуществляется исходя из личного финансового благополучия, индивидуальных пищевых предпочтений и традиционного рациона
8	Удобство питания	Отнимает много времени	Экономит время на потребление пищи
9	Планирование рациона	Строгий подсчёт макроэнергетического состава пищи (калории – нарастающим итогом), жёсткое меню на день, на неделю, на месяц вперёд и даже, заглядывая дальше.	Приём пищи осуществляется с учётом физической активности и реального аппетита, чувства голода, рациональных соображений и здравого смысла
10	Цель изменения способа питания	Взять свою жизнь под строгий контроль, улучшить состояние здоровья и внешнее обличье по меркам, стандартам конкретной «мега-звёзды».	Еда служит утилитарным и гедонистическим целям, потребностям в социальных контактах
11	На что обращает внимание индивид	Мнение знаменитых авторитетов, модные книги и бестселлеры, медийные гуру, признанные целители и прочие «властители дум».	Мнение специализированных медицинских организаций. Физический комфорт, удобство, объективные физиологические изменения в организме

Источник таблицы: составлено авторами.

Однако известными итальянскими учёными были проведены предварительные исследования, показавшие, что данный диагноз НО выставлять можно официально, поскольку он достаточно специфичен и отражает реально существующие клинические проявления и процессы, протекающие в организме пациента [6]. Ещё раньше, в 2009 году Урсула Филпот, председатель Британской диетологической ассоциации и профессор Городского университета Лидса, описала пациентов с НО в журнале «*The Guardian*» как лиц, исключительно обеспокоенных качеством принимаемой пищи, основным критерием выбора которой является соответствие продуктов достаточно виртуальным категориям *чистых* или *правильных* [22].

Тест, который предложили исследователи *L.M. Donini & D. Marsili*[2], для диагностики НО (ORTO-15), показал хорошую прогностическую способность при пороговом значении в 40 баллов (эффективность 73,8%, чувствительность 55,6% и специфичность 75,8%) и может использоваться в практике диагностики пациентов с расстройствами, используя сведения из табл. 2 по 15 специализированным вопросам. Однако, дальнейшее изучение этого вопроса, по мнению авторов статьи, необходимо продолжить и верифицировать на российских материалах, а также при проведении специального обследования по регионам страны и крупным городам-миллионникам.

Авторами был проведён онлайн-опрос пользователей социальных сетей, интересующихся вопросами здорового образа жизни и питания, оценена их активность на порталах и сайтах указанных сетей, проанализированы особенности пищевого поведения и специфические симптомы нервной орторексии с помощью опросника ORTO-15. Как представляется, методологический дизайн подобного исследования может быть использован и в будущих исследованиях с аналогичными целями, а полученная информация послужит ценной накопляемой базой изучения переживаний людей, страдающих от дистресса, а также для дальнейшего уточнения диагностических критериев НО.

Приведём перечень вопросов комплексного теста *Donini & Marsili*, используемого при диагностике НО. При этом предлагаются четыре варианта ответа на каждый из вопросов: «Всегда», «Часто», «Иногда», «Никогда»:

1. Думаете ли Вы о калорийности пищи во время еды? 2. Чувствуете ли Вы замешательство, когда идёте в продуктовый магазин? 3. Беспокоят ли Вас мысли о еде в последние три месяца? 4. Обусловлен ли выбор пищи беспокойством о состоянии вашего здоровья? 5. Является ли вкус пищи более важной характеристикой, нежели её качество, когда Вы оцениваете еду? 6. Готовы ли Вы потратить больше денег, чтобы есть здоровую пищу? 7. Волнуют ли Вас мысли о еде в течение более трёх часов в день? 8. Позволяете ли Вы себе какие-нибудь нарушения в режиме питания (условно – пищевые грехи)? 9. Как Вы полагаете, Ваше настроение влияет на пищевое поведение? 10. Считаете ли Вы, что убеждение есть только здоровую пищу повышает Вашу самооценку? 11. Как Вы думаете, употребление здоровой пищи повлияло на Ваш образ жизни (частота питания, друзья, другое)? 12. Вы думаете, что употребление здоровой пищи может улучшить Ваш внешний вид? 13. Чувствуете ли Вы вину при нарушениях в режиме питания (условно –

[1] https://www.youtube.com/watch?v=rC2ZITmlG8w

[2] https://orthorexia.com/wp-content/uploads/2010/06/Donini-Orthorexia-Questionaire.pdf

пищевые грехи)? 14. Думаете ли Вы, что в продаже есть ещё и нездоровая пища? 15. В настоящее время Вы употребляете пищу в одиночестве?

Таблица 2

Таблица выставления баллов для теста ORTO-15 при диагностике НО

Группы вопросов-идентификаторов п/п	№ перечневого вопроса теста *ORTO*-15	Варианты ответов по тесту			
		всегда	*часто*	*иногда*	*никогда*
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
1	2-5-8-9	4	3	2	1
2	3-4-6-7-10-11-12-14-15	1	2	3	4
3	1-13	2	4	3	1

Результаты

Если уже отмеченные выше исследователи расстройств пищевого поведения Дж. Торенс Уилсон; Кэтлин М. Пайк наглядно различали причины возникновения и симптоматику *нервной анорексии* от *нервной булимии* [31], то, по мнению также упомянутого британского диетолога У. Филпот [23] и других авторитетных авторов, главным отличием орторексии от других распространённых видов расстройств пищевого поведения пациента, является беспокойство последнего об отклонениях качественных характеристик принимаемых продуктов питания от указанных выше рамочных категорий (здоровые и/или нездоровые продукты). Именно это обстоятельство, как отмечает А. Хилл (*Amelia Hill*), позволяет отличать НО от *анорексии* и *булимии*, при которых основное внимание пациент уделяет, во-первых, объёмам съеденного пищевого продукта (количественные, физические характеристики натурально-вещественного состава) и, во-вторых, надёжно измеряемым мерам калорийности и энергетической ценности пищевых ингредиентов [7]. Авторы данной статьи полностью разделяют такой подход А. Хилл к идентификации и диагностике НО.

Активное использование авторами социальных сетей как источника актуальных данных было связано с тем обстоятельством, что их пользователи располагают наиболее полным набором рисков и обладают наибольшей угрозометрией в отношении НО, с которой ни так называемый индекс *массы тела*, ни возраст респондентов не имеют, как обнаружили авторы, какой-либо заметной связи. Распространённость нервной орторексии среди исследуемой условной *net*-популяции составила чуть более 49%, что, однако, значительно выше, нежели в общем массиве популяции – около 1%.

Наши результаты показывают, что присутствие в Интернет-сообществах дискуссионных панелей по здоровому питанию повышает шансы распространённости симптоматики НО у сетевых пользователей, поскольку воздействие на них той или иной медийной «знаменитости», властителя дум в условиях миллионной аудитории подписчиков и десятков миллионов просмотров имеет решающее значение. И это влияние имеет своеобразные микс-последствия – как клиника развития НО, так и длительный процесс восстановления расстройств пищевого поведения.

В отношении участников онлайн-опроса устанавливалось: их возраст (полные годы), половая принадлежность/самоидентификация (по выбору респондента), национальная и конфессиональная принадлежность, район проживания, рост (см), вес (кг), а также среднедушевой доход в данной семье. Собранная информация по росту и весу оказалась не полной (3,57% от объёма выборки). В ходе онлайн-опроса авторами также установлено, что для индивида, страдающего нервной орторексией, в общепринятой коннотации образа жизни принцип «здорового питания» становится настолько важным, что озабоченность этим вопросом не оставляет места для каких-либо иных интересов и увлечений в его жизни. В этой ситуации пищевой рацион индивида определяется уже исключительно по критерию *предельной полезности* (*marginal utility*) съедаемого продукта. При этом вкусовые индивидуальные предпочтения самого потребителя им же, как это не покажется странным, во внимание вообще не принимаются.

Кроме того, авторами обнаружено, что НО присущи феномены так называемого *охранительного и избегающего поведения*, входящих в группу неспецифических и панических пищевых расстройств, изолированных фобий и даже агорафобии, то есть намеренное исключение из персонального рациона очевидно «вредных» или заведомо «запрещённых» продуктов питания, страхи принятия пищи в публичных местах, еды в грязных условиях, присутствия испорченных продуктов и прочее [32].

В случае нарушении диеты употребление этих самых запрещённых (в рамках персонального диетического перечня) продуктов вызывает ощущение заметной тревожности, серьёзного возбуждения и сильное, даже гипертрофированное чувство вины, боязнь проявления собственных эмоций и непредвиденных действий. Весь перечисленный набор компульсий корреспондирует с широко известной как стилистическая фигура речи в риторике аллюзией – «Я – грязная», а также иных вариантов возможного восприятия порушенных для индивида самоограничений и аскезы. Статистические результаты онлайн-опроса респондентов показаны в табл. 3.

Статистический анализ проводился в *Microsoft Excel* 2014 и *SPSS Version*-18. Поскольку данные об использовании социальных сетей были непараметрическими, для определения взаимосвязей между показателем ORTO-15 и использованием социальных сетей рассчитывался коэффициент корреляции рангов Ч. Спирмена. К стохастическому же распределению баллов по схеме ORTO-15 применялась статистика К. Пирсона, и, соответственно, оценивались коэффициенты парной корреляции между балльными характеристиками как результативным признаком-фактором и учтёнными признаками-факторами – возрастом, ИМТ и других характеристик респондентов на уровне 1,25% статистической значимости различий.

Таблица 3

Сводные результаты статистического анализа большой выборки онлайн-опроса по отдельным признакам-факторам

№ п/п	Признак-фактор, оцениваемый по выборочной совокупности участников онлайн-опроса	Доверительный интервал выборочного среднего с вероятностью утверждения в $p = 95{,}40\%$, т.е. при $t = 2$
$k = \overline{1, K}$	x_k	$\overline{x_k^{\max}} \geq \overline{x_k} \pm \mu_{x_k} \times t \geq \overline{x_k^{\min}}$
1	**2**	**3**
1	Возраст, полных лет	25,37 ± 6,92
2	Индекс массы тела (ИМТ), %	22,14 ± 3,89
3	Число съеденных видов продуктов из предложенного перечня $j = \overline{1, m}$; $m = 20$, ед.	12,65 ± 4,12
4	Оценка ORTO-15, баллы	37,28 ± 3,16
5	Рацион питания респондента по видам пищевого поведения, % объёма выборки	а) веганы* – 22,84; б) всеядные – 35,47; в) вегетарианцы – 10,21; г) прочие – 31,48
6	Район проживания респондента, %	а) г. Санкт-Петербург – 54,45; б) Ленинградская область – 27,14; в) другие субъекты РФ – 18,41

Источник данных анализа: авторский онлайн-опрос в период с 01.09.2018–30.12.2018; число респондентов $n = 612$.
* 1 ноября официально объявлен ООН Всемирным днём вегана.

Что касается специфических особенностей социально-психологического поведения пациентов с расстройствами пищевого поведения в виде НО, то они испытывают большую, нередко чрезмерную, потребность быть любимым и чувствовать себя защищённым в самом широком смысле. В большинстве случаев эти лица чувствуют себя неудачниками, слабыми, и они зачастую испытывают длительное и мучительное смешанное чувство стыда и вины. Пациенты с расстройствами пищевого поведения склонны к самоуничижению и заниженной самооценке личности. Они, согласно результатам проведённого авторами опроса, часто утверждают в наборе сентенций будто бы: «чувствуют, что не могут есть», или «если поедят, то ощущают себя виноватыми, как будто сделали что-то такое, чего не должны были делать», или «взяли что-то некое, чего они не заслужили».

Также важной особенностью социально-психологического поведения больного НО, принятой авторами к изучению, является упомянутый выше «ритуализм» как особый тип поведения личности, подчеркивающий важность и значимость самой рутины как ритуала, вне зависимости от исхода ритуального поведения[1]. Известно, что ритуальное поведение в общественной жизни несёт в себе специфическую социально-психологическую функцию. Согласно мнению американского исследователя образа жизни Роберта Мертона, лицо, исполняя какой-либо ритуал, даже сакральный по своему содержанию, чувствует себя вполне спокойным и достаточно защищённым даже при полной уверенности, что никогда, тем не менее, не достигнет намеченной конкретным ритуалом вожделенной цели [11].

Законченная убеждённость в том, что представляет собой образ «здорового питания», часто формируется под воздействием различных, подчас скандальных и двусмысленных, авторских диетических теорий и сомнительных практик вроде сыроедения, экстремальных диет, фитнес-диет, веганства и пр., пр., пр. А плоды реализации большинства популярных и известных диет сводятся к снижению пациентом собственного веса. Но единственным известным научному сообществу, достоверным, надлежащим, а также безвредным способом снижения веса собственного тела является соблюдение *сбалансированной гипокалорийной диеты*. Именно такой способ не противоречит сложившимся представлениям о *качестве жизни* и не понижает её достигнутый в предыдущий период уровень.

Но свой значительный вклад в образ мыслей различных фокус-групп населения разных стран вносят и средства массовой информации (СМИ). Совокупный информационный эффект оказывается настолько явным и заданным, что отдельные исследователи предполагают – подобное психологическое давление со стороны сверстников и шаблоны восприятия идеализированных форм применительно к собственному телу, навязываемые в медиа-пространстве, являются значимыми паттернами, новыми детерминантами и традиционными факторами потребительских стереотипов и поведения индивидуума в любой как развитой, так и развивающей стране мирового сообщества [2].

У достаточно большого числа респондентов из опроса (24,31%), страдающих НО, также присутствуют психические и физиологические заболевания, такие как депрессия, беспокойство, навязчивое поведение, злоупотребление психоактивными и психотропными препаратами, сердечно-сосудистые и неврологические нарушения, а, кроме того, в ходе опроса обнаружены нарушения в физическом развитии. Те же, кто надолго попал в поле воздействия т.н. *странных циклов* расстройства питания и спорных диет, может окончательно потерять естественное и физиологическое умение видеть, как питаются другие представители *модальных* статистических групп населения страны.

Авторы статьи полагают, что человек зависим от запечатлённых в авторитетных текстах «идеалов» – планов питания, рутинных подсчётов калорий и питательных элементов. По фотографиям в посвященных кулинарии Интернет-блогах можно получить представление, как выглядит наполовину съеденная белковая бурда в контейнере с не-

[1] https://www.jstor.org/stable/2084686

пременной и даже обязательной надписью «Это было так вкусно, что я не смогла удержаться и начала есть до того, как сфотографировала!».

Зачастую персоны с устойчивыми пищевыми расстройствами рассуждают примерно так: мы, даже пробовали следовать таким режимам осознанного и интуитивного питания, в которых допустимо отступление от самостийных, и потому, нестрогих правил пищевого поведения, что принципиально невозможно в утверждённом строгом диетическом каноне питания (своеобразный пищевой идол). И воображение персон рисует умиротворяющую картинку, что «…вполне возможно всегда сидеть в идеальной медитативной тишине, в которой нас ничто не отвлекает, созерцая цвет отдельной карамельной стружки на верхушке капкейка» [25].

Однако, как представляется, со временем может развиваться и другая симптоматика, в том числе истончение костей (остеопения и остеопороз); хрупкость ногтей и волос; сухость и пожелтение кожи; рост волосяного покрова на теле; анемия лёгкой степени, мышечная слабость и даже дистрофия мышц; тяжёлые запоры и проблемы с перистальтикой; низкое кровяное давление, снижение частоты дыхания и пульса; понижение температуры тела, приводящее к тому, что человеку все время холодно; постоянная вялость в ощущениях.

Помимо этого, у больных НО наблюдается также проявление так называемого *чёрно-белого мышления*. Это означает отказ от принятия правды реальной жизни, её проявлений и действительных достижений мирового научного сообщества, ориентация и привязанность к построению конспирологических теорий заговора о мировом контроле за информационными потоками и СМИ, о деятельности и результатах пищевой, перерабатывающей промышленности сельского хозяйства. На этом фоне само научное сообщество выставляется ангажированными организациями, работающими по заказу олигархов пищевкусового бизнеса. Именно при НО, по наблюдениям авторов статьи, пациенту присущ «жизнеутверждающий» стиль чёрно–белого мышления.

Склонные к беспокойству пациенты с диагностикой НО постоянно боятся, что ситуация вдруг станет ещё более опасной. Любые риски для них невыносимы. В их сознании постоянно действуют канонические четыре правила тревоги [30]: распознай некую опасность; возводи её в катастрофическую степень; старайся контролировать все обстоятельства, сопутствующие опасности; избегай дискомфорта. Когда же любой человек придерживается этих правил, страдает его способность сбалансированно, рационально и адекватно оценивать реальные угрозы и риски.

Диетические режимы, ориентированные на стандартизованные убеждения разрекламированных в СМИ гастрономических гуру, пищевых мессий и рядовых индивидов перфекционистски обсессивного типа личности, обычно сопровождают протекание НО. Одновременно реализация этих режимов демонстрирует в базовом представлении фактологические/факторологические наборы симптомов и образно иллюстрирует расхожие мемы чёрно-белого мышления следующего формата:

1) все обработанные продукты являются достаточно вредными, а альтернативой этому служат сыроедение и потребление только необработанной пищи;

2) все пищевые жиры животного происхождения исключительно вредны и даже онкогенны, именно поэтому из рационов необходимо исключить все подобные пищевые жиры в полном перечне и их производные;

3) пищевые белки растительного происхождения приемлемы для диетического питания, а пищевые белки животного происхождения, соответственно, вредны, и их, разумеется, также необходимо исключить из диет.

Во многих случаях, например, при генерализованном тревожном расстройстве (ГТР) пациента не требуется назначать медикаменты. Здесь достаточно ограничиться беседой с наблюдающим врачом, в ходе которой даётся чёткое объяснение любым соматическим симптомам, связанным с тревогой. Например, следует объяснить, что учащённое сердцебиение – это результат преувеличенной, по сравнению с нормальной, реакцией на стрессовые события, а не какой-либо признак сердечного заболевания.

Необходимо помочь пациенту справиться или смириться с любой относящейся к его расстройству социально-экономической проблемой. Психологическая практика свидетельствует, что уже само наличие чёткого, обнадёживающего плана лечения позволяет снизить тревогу пациента [24, с. 136–137]. Здесь пациента важно убедить в том, что его индивидуальный стиль поведения, т.е. когнитивная ориентация на эксплицитные мотивы, предполагает видеть причины своего состояния как во внешней среде, так и в себе самом. Ещё Д.С. Мак-Клеланд, обозначив первоначально эксплицитные мотивы термином *ценности*, позднее отказался от него в пользу другого, более прагматичного термина – *самостоятельно атрибутированные потребности* [27].

Обсуждение результатов

Обычно проблема качественной диагностики связана с высоким уровнем т.н. *коморбидности* расстройств пищевого поведения на фоне других психических и поведенческих нарушений. При этом под коморбидностью понимается сосуществование любых клинических сущностей и совместных проявлений симптоматики. Расстройства пищевого поведения редко встречаются без сопутствующих симптомов депрессии или тревоги. Как правило, нарушению пищевого поведения предшествуют вполне сочетаемые коморбидная соматическая и коморбидная неврологическая патологии [33].

Так, НО, по нашему мнению, всегда коморбидна, и ей обязательно сопутствует уже замеченное *генерализованное тревожное расстройство* (*ГТР*), включающее набор проявлений и фобий: присутствие чрезмерного волнения по разнообразным, но подчас несущественным поводам, в том числе по поводу соблюдения своего пищевого режима; тщательный отбор конкретных продуктов питания и прочая симптоматика, показанная ниже [34]. Так, российские исследователи, прицельно занимающиеся нервной анорексией, обнаружили наличие коморбидности почти в 100% зафиксированных случаев и установили существенные нарушения нормальной жизни заболевающего лица [8, 12].

Естественно предположить существенное присутствие коморбидности в предстоящей массовой диагностике НО отечественных пациентов.

Порядка 7% людей в какой-либо период своей жизни сталкиваются с проявлением ГТР, причём количество женщин, подверженных ГТР, в два раза выше [30, с. 191]. С точки зрения эволюционной психологии, получается, что склонность к тревоге имеет смысл, даже несмотря на то, что условия жизни существенно изменились со времён охотников-собирателей. Но почему же один индивид волнуется больше других? Почему некоторым из них так трудно самостоятельно правильно оценить риски событий? Ответить на эти вопросы пока невозможно. Зато известно, что существует некоторая генетическая предрасположенность к ГТР. Согласно одному исследованию, болезнь генетически обусловлена в 38% случаев [35]. Однако это вовсе не означает, что индивид обречён хронически обо всём волноваться, если у него выявлен этот самый «тревожный ген».

Укажем прочие признаки симптоматики НО, помогающие её верной диагностике, помимо приведённых в табл. 1: ежедневные многочасовые (обычно не менее трёх часов) размышления о необходимости ведения здорового образа жизни; постоянный страх болезней; страх увеличения массы собственного тела; тщательное планирование завтрашнего меню; психологическая невозможность съесть то, что просто содержится в домашнем холодильнике; полный отказ от любимой, но *вредной* пищи в пользу нелюбимой, но *полезной*; невозможность есть вне пределов дома, так как не домашняя еда может не удовлетворять требованиям «здоровья»; полный отказ от употребления жиров и углеводов, иногда соли; постоянное изучение физиологических процессов питания по доступным литературным источникам; стремление каждый день сбрасывать в тренажерном зале все больше и больше калорий; ежедневный подсчёт съеденных калорий; самовнушение типа – раз съел (условно) одно пирожное, теперь придётся заниматься на тренажерах в два раза больше обычных норм.

Концепты диетических теорий сгенерировали ряд фобий, которые многие индивидуумы сразу взяли на своё вооружение, превратив их в своеобразные ритуализированные, почти религиозные, культы «здорового и правильного питания», синонимически и на слух совпадающие с понятием *здорового образа жизни*, который естественным образом способствует повышению качества этой самой жизни. Остаётся только ответить на четыре волнующие всех потребителей популярные вопросы.

1. Правда ли, что термическая обработка сырых продуктов питания изначально вредна?

Несмотря на то, что в сырых продуктах больше витаминов, минеральных веществ и растительных соединений, биодоступность некоторых нутриентов повышается при термообработке. Ликопин – каротиноид, придающий помидорам их красный цвет, абсорбируется в три-четыре раза лучше после приготовления. Томатный соус, томатная паста, суп с помидорами и даже томатный кетчуп обеспечивает организм ликопином значительно лучше, нежели сырые помидоры. Кале (разновидность капусты) хороший источник β-каротина, а также жирорастворимых витаминов группы А и К, и все эти нутриенты более доступны для организма после приготовления кале по сравнению с сырой заготовкой. Лютеин, содержащийся в моркови, – соединение, обеспечивающее здоровье глаз и хорошее зрение, лучше абсорбируется из вареной моркови.

Термообработка также улучшает усвоение белков мяса и рыбы, и стоит согласиться с тем, что мясо и рыба пахнут, но на вкус гораздо лучше после приготовления, чем в сыром виде. Наконец, кулинарная обработка помогает уничтожать вредные микроорганизмы, которые, как правило, скрываются в продуктах питания по разным причинам – плохое хранение, скверная логистика и перевозка продуктов в неудовлетворительных условиях и пр.

Конечно, можно наслаждаться и сырыми продуктами как способом реализации части плана здорового питания, но следует помнить, что у кулинарного приготовления еды имеются свои преимущества. А также следует вспомнить о двух чрезвычайно тревожных случаях последнего времени. Массовые заболевания детей в детских садах дизентерией (127 зафиксированных случаев)[1] после употребления термически плохо обработанного «творожка» («запеканка» запекается при температуре не менее 120°С) в г. Москва. По факту халатности уже возбуждено уголовное дело.

И крайне серьёзные очаговые поражения лёгких, печени, селезёнки и головного мозга (изолированные или в различных комбинациях) у 26 пострадавших курсантов, а также офицеров, преподавателей и одного работника кухни Суворовского училища в Ульяновской области[2]. Возбудитель заболевания эхинококкоза – ленточный червь мог попасть в организмы пострадавших предположительно через загрязнённое мясо и антисанитарную кухню. Проверке на заболевания в настоящее время подвергаются более 800 человек из числа сотрудников училища. Также возбуждено уголовное дело.

2. Всегда ли вредны обработанные продукты питания?

Следует также разобраться с активно навязываемом мнением, что все обработанные продукты являются «плохими» и вредными. Если потребитель считает, что все обработанные продукты плохие, то он должен, соответственно, отставить в сторону свой утренний кофе, чай или миндальное молоко, а также протеин и прочее, поскольку все эти продукты подверглись обработке. Когда же речь заходит об обработанных продуктах, большинство потребителей представляют себе продукты с чрезмерным добавлением сахаров, жиров и натрия, наряду с несколькими полезными для здоровья нутриентами. Эти виды упакованных продуктов не являются здоровыми, но обработанные продукты не все такие плохие.

Недавние исследования Американского института по исследованию пищевых продуктов (США) показывают, что новые методы обработки увеличивают абсорбцию полезных веществ из растительных продуктов, что может быть

[1] https://echo.msk.ru/sounds/2371789.html

[2] https://www.novayagazeta.ru/news/2019/02/04/148930-u-26-kursantov-ulyanovskogo-suvorovskogo-uchilischa-obnaruzhili-lentochnyh-chervey

использовано в лекарственных целях. Таким образом, вместо того, чтобы относить огульно все обработанные продукты к «плохим», их необходимо разделять на продукты, которые обеспечивают организм питательными веществами, безвредными для здоровья, и те, что содержат избыточные количества сахаров, транс-жиров и прочего вредного.

3. Всегда ли полезны для здоровья натуральные продукты?

Слово «натуральные» вызывает в воображении картину свежесобранной черники или свежевыжатого сока апельсина. Приходится сожалеть, что термин «натуральные» – это маркетинговый приём, а не определение какого-либо Департамента властных структур по контролю за качеством пищевых продуктов, лекарственных средств и др. Отдельные продуценты намеренно используют подчас вымышленную *натуральность* экономического блага, чтобы потребитель уверовал в высокую полезность для здоровья даже той еды, что обладает и излишней калорийностью за счёт разных добавок, и повышенного содержания транс-жиров или полисахаридов.

Например, некоторые конфеты продаются как натуральные, потому что в них содержится нектар агавы или мёд. Но для организма сахар – это всё равно сахар, независимо от источника его происхождения, так что это не делает «натуральные» конфеты полезнее для здоровья. Многие закуски тоже преподносятся как натуральные. Картофельные чипсы с оставленной кожурой после приготовления не становятся от этого полезнее для здоровья, чем другие чипсы. Таким образом, следует экономить деньги семейного бюджета на упакованных продуктах, разрекламированных как «натуральные», а вместо этого обращаться к действительно натуральным продуктам, фруктам, овощами и орехам (по ценам, пока ещё вписывающимся в средние потребительские бюджеты).

Правда, средние ориентиры бюджетной обеспеченности российских семей довольно динамично меняются. Так, по официальным данным Росстата, около 13,5 млн. россиян проживают ниже принятой в РФ *черты бедности* по последней методологии расчётов, т.е. имеют доход ниже установленного прожиточного минимума. Руководитель же Счётной Палаты РФ А.Л. Кудрин был более щедрым и на СПб МЭФ-2019 заявил о более 19 млн. российских бедняков[1]. И, наконец, по данным последних масштабных исследований Высшей школы экономики, была обнародована, вместо среднемесячного уровня душевого дохода, столь нелюбимая Росстатом *медианная* (она же *медианальная*) его характеристика на начало июня 2019 года в размере 15 800 рублей, что, безусловно, потребует корректировки числа российских бедняков в соответствии с международной метрикой.

Это означает, что половина населения официально живёт ниже этого уровня, а другая половина, тоже официально, проживает, соответственно, выше сакральной черты около 16 тыс. руб. Но эти же исследования ВШЭ уточняют, что 1/3 российского населения живёт на доходы, которые составляют 3/4 или меньше от означенного медианного дохода[2]. Хорошо ли живут обе половины россиян? Об этом должны судить узкие специалисты в области уровня и качества жизни. Но особый интерес представляет виртуозный комментарий пресс-секретаря президента России Д.С. Пескова по результатам обсуждения всё более обостряющейся проблемы россиян-бедняков на ежегодной прямой линии 20.06.2019. Медийный чиновник бодро сообщил, что «просто слегка повысилась доля тех, чьи доходы несколько снизились»[3].

4. Нужно ли полностью отказываться от потребления сахара?

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в настоящее время рекомендует сократить потребление сахара с 10 до 5% от общей калорийности. Это эквивалентно потреблению 5 чайных ложек или 25 г столового сахара в день. Естественный сахар, который содержится в молоке и фруктах, сочетается с другими нутриентами, поэтому беспокойство о нескольких граммах из молока или свежих фруктов беспочвенно.

В 2015 году, реагируя на дискуссии в научных статьях, где термин *orthorexia* относят к лицам, которые просто следуют не связанным с основной теорией здорового питания принципам, С. Братман (*Bratman S.*) указал: «В теории могут быть концепции и принципы обычные или не обычные, экстремальные или слабые, неразумные и совершенно дурацкие, но, независимо от теоретических деталей, последователям любых теорий совершенно необязательно иметь *orthorexia*. НО обнаруживается только тогда, когда расстройство пищевого поведения развивается вокруг диетической теории» [7].

В другой статье из журнального источника, датированного 2016 годом, американский исследователь уточняет и редактирует самого себя, что, мол, за редким исключением, наиболее распространённым в мире теориям здорового питания смело следует большинство верных приверженцев доказательной медицины, Однако, отмечает исследователь, «для некоторых индивидуумов, попытка пойти по пути жёстких ограничительных диет в поисках крепкого или даже выдающегося здоровья рано или поздно перерастает в пищевой перфекционизм» [8]. Ясно, что во многом психоаналитики и медицинские психиатры должны в повседневной практике общения с пациентами брать на себя исполнение не вполне свойственные этим специальностям функции социальной проктологии.

Заключение

Как представляется авторам данной статьи, работа с иррациональными установками индивидуума, его стойкими убеждениями, которые реально существуют в настоящем времени и неизменно приводят к эмоциональным нарушениям в будущем, является не самым простым типом терапии из области психоанализа. Но в любом случае здесь могут присутствовать и творчески использоваться провокационные элементы из популярных и известных методик. Во

[1] Из выступления А.Л. Кудрина 06 июня 2019 года на сессии СПб МЭФ. – https://akudrin.ru/news/aleksey-kudrin-na-s-ezde-rspp-rost-ekonomiki-klyuchevaya-zadacha-dlya-dostizheniya-natstseley

[2] https://echo.msk.ru/sounds/2447083.html

[3] https://iz.ru/891422/2019-06-21/peskov-prokommentiroval-priamuiu-liniiu-s-putinym

многом такая терапия весьма схожа с когнитивно-бихевиоральной *и рационально-эмоциональной видами существующей терапии.*

*Не исключена, с помощью тех же авторитетных СМИ, и профессиональная разъяснительная работа по разнообразным продуктам питания. Благодаря такой таргетированной информации, м*ногие из таких продуктов, как яйца, орехи, авокадо и др., были впоследствии возвращены в гастрономическое поле правильного питания с учётом их установленной истинной калорийности и нормированной полезности. Но одновременно они считаются сопутствующим ущербом в крестовых походах диетологов разных мастей и носителей разных теорий с единой, консолидированной целью урезать калории любой ценой, не задумываясь о полезности потребляемого продукта вовсе.

При этом такие элементы традиционного здорового питания, как клетчатка, витамины, минералы, жирные кислоты, белок и пр., были принесены в жертву непосредственно на своеобразном, сакральном для диетической апологии алтаре (основной сводный регистр) в виде *Главной книги* прихода-расхода потреблённых и потраченных килокалорий в суточном, недельном и т.п. рационе, т.е. своеобразного безостановочного кухонного учёте с электронными весами.

Целью диет-апологетов с бухгалтерским уклоном стало не наслаждение здоровой едой, а депривация, постоянное проявление силы воли и сознательное ограничение в пище, и где главным инструментом измерения индивидуального наслаждения служат клизмы. Последние занимают достойное место в аппаратном наборе средств в довольно дорогих швейцарских клиниках, куда приезжают пациенты со всех концов света по программам оздоравливающего туризма с единственной целью оставить, как им представляется, «лишние» килограммы своего тела за границей.

Ограничения и счётный контроль, по существу, сложилось в стройную схему *ортодоксии голода*, никогда не прекращающуюся аскезу и самозаявленный долговременный пост. Красочная картина обогащается живописными мазками самобичевания, вынужденного представительства в режиме *Non-stop* с тем, чтобы постоянно и публично подтверждать свою полную готовность изменить конфигурацию собственного, неприемлемого для наступившей эпохи тела в разных, подчас изощрённых и по-своему инновационных пищевых практиках.

Расплата за такой условно «подвижнический» образ существования, поскольку полноценной жизнью это назвать крайне затруднительно, наступит неизбежно – вопрос лишь во времени. Особо тяжело предсказуемое и неминуемое наказание сказывается на девочках-подростках, женщинах молодого и цветущего возрастов в самых разнообразных формах и клинических проявлениях, начиная с исчезновения, полного прекращения месячных, абсолютной утраты фертильности и удивительно полного набора сопутствующих хронических заболеваний [26]. А это уже экзистенциальный вызов обществу.

Перечисленное становится не просто гендерной проблемой страны, проблемой системы нашего ослабевшего здравоохранения и удручающего состояния отечественной демографии, но и перерастает в острую социально-экономическую проблему государства. А именно, в устойчивый рост инвалидизации населения страны [28] при повсеместном отсутствии необходимых отечественных лекарственных средств должного качества из Перечня ЖНМЛП (Перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения на 2018 год) [13]. Все поименованные в представленной статье проблемы подлежат самостоятельному, неторопливому и, главное, тщательному изучению специалистами разного научного профиля фундаментальных и прикладных исследований.

Список литературы

1. Bratman St. What is Orthorexia? M.S. of Public Health, Medical College of Wisconsin, Madison WI, 1997.
2. Bratman St. Health Food Junkie // Yoga Journal. 1997. – September/October. – P. 42–50.
3. Rochman B. Orthorexia: Can Healthy Eating Be a Disorder?; Bratman St. What is Orthorexia? 4 June 2009.
4. Dunn T.M., Bratman S. On orthorexia nervosa: A review of the literature and proposed diagnostic criteria // Eating Behaviors. 2016. – Vol. 21. – P. 11–17.
5. Vandereycken W. Media hype, diagnostic fad or genuine disorder? Professionals' opinions about night eating syndrome, orthorexia, muscle dysmorphia, and emetophobia // Eating Disorders. 2011. – Vol. 19, N 2. – P. 145–155.
6. Donini L., Marsili D., Graziani M., Imbriale M., Cannella C. Orthorexia nervosa: a preliminary study with a proposal for diagnosis and an attempt to measure the dimension of the phenomenon // Eat Weight Disord. 2004. – Vol. 9, N 2. – P. 151–157. – DOI:10.1007/BF03325060.
7. Hill A. Healthy food obsession sparks rise in new eating disorder // The Guardian. London, 2009. – 16 August.
8. Попов Ю.В., Пичиков А.А., Скрипченко П.А. и др. Роль перфекционизма в формировании особенностей восприятия временной перспективы и образа собственного тела у девушек с нервной анорексией // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2016. – № 4. – С. 73–79.
9. Группа ВК. – https://vk.com/topic-95608535_34066468?offset=500
10. http://alyonastavrova.ru/menses-present-are-you-really-sick/
11. Merton R.K. Social structure and anomie // Harvard University. American Sociological Review. 1938. – Vol. 3, N 5. – P. 672-682. – DOI: 10.2307/2084686
12. Артемьева М.С., Васильев Н.Г. Коморбидность нервной анорексии // Здоровье и образование в XXI веке. Серия: медицина. 2012. – Т. 14, № 1. С. 90–92.
13. Цацулин А.Н., Цацулин Б.А. Об одном аспекте финансово-экономических проблем предпринимательства в фармацевтической отрасли // Сб. научных трудов I Международной научно-практической конференции «Стратегии развития предпринимательства в современных условиях» 26-27 января 2017 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 322 с. – С. 254–258.
14. Незнанов Н.Г., Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Кризис естественнонаучного и гуманитарного подходов в психиатрии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2019. – № 1. – С. 8–15.
15. Захарьин Г.А. Клинические лекции и избранные статьи. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1910. – 557 с.

16. Grant P.M. Defeatist beliefs as a mediator of cognitive impairment, negative symptoms and functioning in schizophrenia / P.M. Grant, A.T. Beck // Schizophrenia Bull. 2009. – Vol. 35. – P. 798–806.
17. Афанасенко И.Д. Россия в изменяющемся мире. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 338 с.
18. Booth Ch. Life and labor of the people in London. – London; New York, 1892. – 33 p.
19. Rowntree B.S. Poverty: A Study of Town Life. 3d ed. – L.: MacMillan, 1902. – 252 p.
20. Patterson J.T. America's struggle against poverty 1970-1980. – Cambridge: Harvard Univ., 1981. – P. 6–9.
21. Зорин Н.А. Введение в доказательную медицину // Эстетическая медицина. 2009. – Т. 8, № 4. – С. 377–383.
22. Cockfield A., Philpot U. Symposium 8: Feeding size 0: The challenges of anorexia nervosa Managing anorexia from a dietitian's perspective // American Journal of Medicine, 2009. – P. 281–288. – https://doi.org/10.1017/S0029665109001281
23. Philpot U. Eating disorders in young people with diabetes: Development, diagnosis and management // Journal of Diabetes Nursing. 2013. – Vol. 17, N 6. – P. 228–232.
24. Гельдер М., Гэт Д., Мейо Р. Оксфордское руководство по психиатрии: Пер. с англ. – Киев: Сфера, 1999. – Т. 1. – 300 с.
25. RealEating: как люди на самом деле едят? – http:// alyonastavrova.ru/realeating/
26. Считаете себя недостаточно больной, потому что не потеряли месячные? Прочитайте это (полный перевод). – http://alyonastavrova.ru/menses-present-are-you-really-sick/
27. McClelland D.C., Koestner R., Weinberger J. How Do Self-Attributed and Implicit Motives Differ? // Psychological Review. 1989. – Vol. 96, N 4.
28. Цацулин А.Н., Цацулин Б.А. Нервная орторексия – психическая болезнь 21 века или нарастающее стремление повысить качество собственной жизни? // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Качество жизни» / «Научные труды СЗИУ» РАНХ и ГС при Президенте РФ. – СПб., 2019. – Т. 10, вып. 2 (39). – 324 с.
29. Taylor St. Cognition in Obsessive Compulsive Disorder: An Overview // Cognitive Approaches to Obsessions and Compulsions: Theory, Assessment and Treatment. – New York: Pergamon, 2002. – P. 1–14.
30. Лихи Р.Л. Свобода от тревоги. Справься с тревогой, пока она не расправилась с тобой. / Пер. с англ. А. Соломиной. – СПб.: Питер, 2017. – 368 с. (Серия «Сам себе психолог»).
31. Уилсон Т.Дж., Пайк К.М. Расстройство пищевого поведения. Гл. 8 // Клиническое руководство по психическим расстройствам / Под ред. Д. Х. Барлоу. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – С. 487–516.
32. Brewerton T.D., Eating Disorders, Trauma, and Comorbidity: Focus on PTSD // Eating Disorders: The Journal of Treatment & Prevention. 2007. – Vol. 15, N 4.
33. Kessler R.C. et al. Lifetime Prevalence and Age-of-Onset Distributions of DSM-IV Disorders in the National Comorbidity Survey Replication // Archives of General Psychiatry. 2005. – Vol. 62.
34. Koerner N., Dugas M.J. A Cognitive Model of Generalized Anxiety Disorder: The Role of Intolerance of Uncertainty // Worry and its Psychological Disorders: Theory, Assessment. – Hoboken (NJ): Wiley, 2006. – P. 201–216.
35. Браун Т.А., О'Лири Т.А., Барлоу Д.Х. Генерализованное тревожное расстройство. Гл. 4 // Клиническое руководство по психическим расстройствам / Под ред. Д.Х. Барлоу. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – С. 236–311.
36. Цацулин А.Н., Цацулин Б.А. Реальное качество жизни vs. завышенных представлений о собственной изысканной внешности // Управленческое консультирование. 2019. – № 8 (128). – С. 70–84.

Чумак Е.В.[1]

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Ключевые слова: *трудовые мигранты, государственная политика, положение мигрантов, влияние миграционных процессов, условия самоизоляции, пандемии.*

Keywords: *labor migrants, government policy, the situation of migrants, the impact of migration processes, conditions of self-isolation, pandemic.*

Миграционные процессы в условиях ограничения передвижения и ведения дистанционной (удаленной) работы (пандемия, карантинные меры) и следующего за этим кризиса требуют особого внимания. Так, с одной стороны, кризис приводит к сокращению спроса на рабочую силу, с другой – искусственно ограничивает миграционные потоки. При том что, по мнению ряда авторов, правительства … сталкиваются и с тем, что процесс миграции активно вносит изменения в социально-экономическую жизнь общества, современный кризис, принципиально повлияет не только на миграционные процессы, но и на социальные практики самих мигрантов.

На сегодняшний день сложно говорить о количественных показателях миграционных процессов, однако усиливающиеся негативные тенденции практически во всех национальных экономиках, добровольно пострадавших от самоизоляции, неизбежно скажутся на судьбе мигрантов. Поскольку основные страны-источники трудовых мигрантов для РФ закрывались на период пандемии, миграционные потоки в течение нескольких месяцев были практически остановлены. Однако довольно значительное количество трудовых мигрантов в период пандемии осталось в РФ, большая часть экономики которой также была практически остановлена. Мы считаем, что оставшиеся в РФ трудовые мигранты, даже имевшие формальные права на работу, были вынуждены перейти на работу в неформальный сектор поскольку оказались без средств к существованию. В этом контексте следует обратить внимание на мнение Л. Кравченко, отмечавшей, что нелегальная трудовая миграция населения увеличивает размеры теневой экономики, что крайне неблагоприятно влияет на положение страны-реципиента [1]. Накладывая на это объективные условия выживания мигрантов в период пандемии, можно предположить, что РФ неизбежно столкнется с ростом занятости в неформальном секторе, а возможно и с ростом нелегальной миграции, которая станет следствием вынужденного нарушения трудовыми мигрантами миграционного законодательства. При этом, как справедливо отмечают белорусские коллеги, проблемы минимальны в случае, если речь идёт о «видимой», регистрируемой трудовой миграции, которая транспарентна и управляема. Угрозы социально-экономического, демографического характера формируются в её скрытом секторе [2]. В нашем случае, трудовые мигранты (как минимум их часть, которая не смогла по объективным причинам вернуться в свою страну) оказались вынуждены пойти на переход из «видимой» в скрытую занятость (несмотря на Указ президента [3]) Последний, по сути, носит характер миграционной амнистии, поскольку вышел на месяц позже возникновения проблем у трудовых мигрантов в период с 25 марта по 18 апреля. Однако за этот период часть мигрантов (данные получены в ходе бесед с трудовыми мигрантами) оказалась на нелегальном положении и вынуждена была искать работу в теневом секторе.

Обратившись к исследованиям киргизских коллег (Киргизия является одним из основных реципиентов трудовых мигрантов в РФ [4]) о проблемах нелегальной миграции, можно выделить три способа стать нелегалом: 1) незаконное пересечение границы; 2) незаконное проживание на территории другого государства; и 3) ведение нелегальной трудовой деятельности [5]. По мнению А. Токтоналиева, среди трудовых мигрантов особенно распространены следующие нарушения: работа без договоров; отъем паспортов работодателем; невыплата заработной платы; установление оплаты труда ниже, чем местным работникам; отработка долга; отсутствие компенсаций по случаям трудовых травм; продолжительный рабочий день (более 50 часов в неделю); детский труд (в сфере рыночной торговли и сельском хозяйстве) [6].

По данным других источников, из общего числа трудовых мигрантов только 7% имеют на руках полис обязательного медицинского страхования, который по трудовому законодательству РФ необходим при трудоустройстве. Из программ профилактики туберкулеза выпадают неработающие члены семей, включая детей, находящиеся с ними в РФ. Так, число трудовых мигрантов-граждан Таджикистана, имеющих ОМС, составляет всего лишь 5%, у граждан Узбекистана и Кыргызстана – 9% [7].

Следует отметить мысль, высказанную Г. Соколовой, о том, что «для сферы занятости типичен высокий уровень вовлечённости трудовых ресурсов с низким эффектом их использования и потерями рабочего времени» [8]. При том что в период до 25 марта, указанная ситуация была не очень характерна для рынка труда мигрантов в РФ, в пери-

[1] Чумак Елена Васильевна – кандидат наук по государственному управлению, доцент кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета.

од самоизоляции часто оказывались задействованными на непродуктивных работах (когда большинство граждан РФ находились в режиме самоизоляции).

С учетом изложенного выше, актуальным становится тезис, высказанный Р. Бондаренко в 2011 году о том, что для трудовой миграции должны создаваться соответствующие социально-экономические условия. Во-первых, для того, чтобы конкуренция на российском рынке труда не усугублялась за счет притока иностранных работников в и без того сложных экономических ситуациях, а во-вторых, для обеспечения контроля как за деятельностью самих трудовых мигрантов на территории России, так и за деятельностью работодателей, их нанявших, во избежание злоупотреблений [9].

Еще одной важной проблемой (например, в Екатеринбурге) является анклавизация трудовых мигрантов [10; 11], которая помимо собственно правовых проблем порождает и значительное количество санитарных и социокультурных вопросов. Если масштабы санитарных проблем от сверхплотного проживания трудовых мигрантов, оказавшихся без нормальных средств к существованию, можно будет оценить по окончании пандемии, то о наличии проблем социокультурного характера можно говорить уже сейчас.

В условиях начинающегося кризиса в РФ могут обостриться проблемы, вызванные международной миграцией, которая оказывает колоссальное влияние и на социально-культурное развитие мирового сообщества. Л. Кравченко и Ю. Хороших, приводят мнение экспертов о проблемах, к которым могут привести интенсивные миграционные потоки, к ним относятся: факты социального неравенства, проявления этнической неприязни [1]. Как справедливо отмечает А. Гомцян, имеются вопросы, которые требуют усовершенствования, что в конечном итоге поднимет эффективность труда мигрантов и блокирует нежелательные процессы (конфликты, социальная несправедливость). В этом случае очень важно, чтобы и мигранты, и принимающая сторона имели четкость и прозрачность в миграционном процессе [12]. Хотя большинство стран-доноров трудовых мигрантов входят в ЕАЭС, и соответственно их мигранты имеют дополнительные права в РФ, ситуация с трудоустройством мигрантов в РФ была достаточно сложной и до объявления пандемии. Значительная часть вопросов обусловливалась квалификацией и общекультурным уровнем мигрантов.

По мнению А. Гаибова, главная проблема 65% трудовых мигрантов из Таджикистана (второго по величине донора трудовых ресурсов в РФ в 2019 году [13]), заключается в том, что они в большинстве случаев работают нелегально, нарушая законы принимающей страны. Поиск места работы, как правило, зачастую имеет неформальный характер: с помощью родственников, знакомых и друзей – в 60,0% случаев, в более 25,0% случаев он осуществляется самостоятельно. При этом услугами посредников пользовались около 15,0% мигрантов. Нередки случаи, когда работодатели вовсе отказываются платить нелегальным мигрантам за выполненную работу [13]. Сравнивая данные 2-х наибольших доноров трудовых ресурсов Узбекистана (514 916 человек в январе-марте 2020 года) и Таджикистана (276 405 человек в январе-марте 2020 года), необходимо констатировать, что от общего количества поставленных на учет 48,6% узбеков указали цель – работа, в то время как из таджиков – 45,3%.

Следует отметить и еще один немаловажный факт: по данным Е. Олейникова, «лицо» разных волн трудовой миграции в Российскую Федерацию существенно разнится. Первые волны мигрантов отличались сравнительно высоким уровнем образования (практически всегда среднее, нередко высшее) и социальной активности. У себя на родине многие из них не являлись людьми бедными, побудительным мотивом миграции служило стремление улучшить экономическое положение, расширить бизнес и т.д.

Со временем устойчивый характер приобрели две тенденции: снижение качества прибывающих трудовых ресурсов и смена мотивации большинства трудовых мигрантов. «Новые мигранты» значительно менее образованны, имеют языковые сложности, решение искать работу за рубежом для них нередко – результат полной нищеты и безысходности у себя на родине [14]. По нашему мнению, в результате происходящего кризиса ситуация в странах источниках трудовых мигрантов, скорее ухудшится, что только усугубит проблему.

Обозначив проблемное поле, связанное с ростом нелегальной занятости, ухудшением качества трудовых ресурсов и появившейся анклавизацией, необходимо отметить еще один важный вопрос, связанный с проблемами мигрантов – существенный демографический перекос. Так, по данным Международной организации по миграции, уровень представленности женщин в потоках мигрантов из разных стран различен: в миграционном потоке из Узбекистана женщины составляют 8%, из Таджикистана – 7%, Азербайджана – 9%, из Армении – 10%. в то время как среди трудящихся-мигрантов из Молдовы женщин 24%, из Кыргызстана – 28%, из Украины – 19%, из Вьетнама – 35% [15]. При этом большинство перечисленных стран – страны с выраженными традиционными (семейными) ценностями, изменение экономической ситуации обусловленной пандемией может привести к более четкому закреплению появившейся демографической стратегии трудовых мигрантов – заключение брака с женщинами из РФ. Второй ситуацией может быть ситуация, описанная А. Илимбетовой. По мнению автора, «общая тенденция такова, что в структуре стран исхода растет доля выходцев из республик Центральной Азии, что отражается и на численности женщин. Этот процесс говорит о том, что в миграцию вовлекаются выходцы из традиционных обществ, в которых, как правило, женщина занимает подчиненное положение, а потому не имеет возможности получить профессиональное образование и опыт работы, чаще всего является домохозяйкой, то есть занимается неоплачиваемым трудом, а также не имеет возможности и не испытывает необходимости изучать русский язык» [16]. Каждый из сценариев – несет существенные демографические риски для РФ. В первом случае, происходит деформация носителя русской культуры, в культуру традиционной (не светской) исламской семьи, что усиливает давление на социокультурное пространство российского общества. Вторая стратегия (при условии, что неработающая женщина въехала вместе с супругом) приводит к ужесточению анклавизации, ухудшает ассимиляцию трудового мигранта в российское общество. Потенциально (при нелегальном положении трудового мигранта) возможно появление глубоких анклавов с внутренними социальными институтами брака, рождения незарегистрированных детей и пр.).

Последнее нам представляется возможным в силу того, что, как справедливо отметила А. Илимбетова, в погоне за экономическими благами, получаемыми в результате использования иностранной рабочей силы, правительства и сами члены принимающего общества забывают о том, что мигранты такие же люди, являющиеся не только производителями материальных благ, но и членами человеческого сообщества, которым необходим минимальный набор гарантированных прав и возможностей [16]. Трудно спорить и с тем, что трудовая миграция предъявляет высокие требования к физическому и психологическому здоровью, что усугубляет негативную социальную ситуацию с трудовыми мигрантами.

Таким образом, следует признать необходимость подготовки системы социальных институтов государства к решению указанных проблем после пандемии. Решение проблем нарушения миграционного законодательства, ставшее на данный момент традиционным – через штрафы и депортации, в условиях экономического падения стран-доноров приведет только к усугублению проблем самих трудовых мигрантов и экономики этих стран. А также не обеспечит экономику РФ стратегически необходимым (после стабилизации экономики) количеством трудовых мигрантов высокой квалификации. Последнее, по нашему мнению, связано с тем, что, вернувшись на год-полтора в страну выезда, трудовые мигранты утратят часть приобретенного трудового потенциала, что может негативно сказаться на ситуации, когда в экономике РФ опять возникнет потребность в трудовых мигрантах.

При этом, возможно, нет смысла делать акцент на удержании всех без исключения трудовых мигрантов. В. Мукомель предлагает определять социально-демографические профили различных категорий трудовых мигрантов. По его мнению, существенно разнящиеся профили впервые прибывших на заработки в Россию во многом определяют их положение на российском рынке труда [17]. По нашему мнению, указанное исследование представляет в сложившейся ситуации практический интерес и требует не просто определения социально-демографических профилей, но и прогноза на основании выделенных профилей стратегии поведения трудового мигранта на рынке труда РФ.

Поскольку РФ – страна привлекательная для небогатых мигрантов из стран Средней Азии, по нашему мнению, указанная ситуация должна стать объектом особого внимания как в плане решения санитарно-эпидемических, так и социально-психологических проблем данной категории населения РФ.

Список литературы

1. Кравченко Л.Н., Хороших Ю.В. Анализ международных и российских социально-экономических аспектов трудовой миграции // Белгородский экономический вестник. 2018. – № 1 (89). – С. 104–108.
2. Васильева Л.А., Черняк Ю.В. Отдельные аспекты обеспечения социальной безопасности в сфере внешней трудовой миграции в республике Беларусь // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. 2014. – № 2. – С. 100–106.
3. Указ президента РФ от 18.04.2020 № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (covid-19). – https://54.мвд.рф/указ-президента-российской-федерации-указ
4. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-март 2020 года с распределением по странам и регионам. – https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya
5. Байтерекова Г.С. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность Кыргызстана / КНУ им. Ж. Баласагына. – Бишкек, 2009. – 166 с.
6. Токтоналиева А. Социально-экономические аспекты трудовой миграции в Кыргызстане // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства: материалы II международной научно-практической конференции. 2016. – С. 432–434.
7. Вопросы доступа мигрантов к мероприятиям по раннему выявлению, диагностике, профилактике и лечению туберкулеза и туберкулеза, сочетанного с ВИЧ-инфекцией (аналитический обзор). – М., 2016. – 68 с.
8. 8 Соколова Г.Н. Рынок труда в регионах Беларуси: анализ тенденций занятости // Социол. исслед. – М., 2011. – № 5. – С. 48.
9. Бондаренко Р.М. Социально-экономический аспект трудовой миграции в России // Успехи современного естествознания. 2011. – № 7. – С. 81-82.
10. Вице-губернатор назвал район Екатеринбурга, где больше всего шансов заразиться COVID-19. – https://www.e1.ru/news/spool/news_id-69274249.html
11. В одном из домов Железнодорожного района Екатеринбурга выявили 45 больных коронавирусом. – https://www.kommersant.ru/doc/4355044
12. Гомцян А.Д. Армянские трудовые мигранты в Российской Федерации: Актуальные вопросы адаптации и правового положения // Финансовые исследования. 2014. – № 4 (45). – https://cyberleninka.ru/article/n/armyanskie-trudovye-migranty-v-rossiyskoy-federatsii-aktualnye-voprosy-adaptatsii-i-pravovogo-polozheniya
13. Гаибов А.Г. Медико-социальные аспекты и проблемы внешней трудовой миграции граждан республики Таджикистан / Гаибов А.Г., Гаибов М.А., Лукьянов Н.Б., Кулобиева Р.Т. // Вестник Академии медицинских наук Таджикистана. 2017. – № 4 (24). – С. 86–91.
14. Олейникова Е.Г. Социальные аспекты трудовой миграции // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. – № 20. – С. 2811–2815.
15. Влияние экономического кризиса на миграционные тенденции и миграционную политику в Российской Федерации и регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Аналитический доклад по материалам Круглого стола «Миграционная политика в период экономического спада: современная реальность и долгосрочные перспективы», организованного совместно Международной организацией по миграции и Федеральной миграционной службой России (Москва, 9 февраля 2009 года). – М., 2009. – С. 73. – http://www.iomrussia.ru/russian/publications/Analitical_report_Ivakhnyuk_ru.pdf
16. Илимбетова А.А. Социальные аспекты женской трудовой миграции в Россию // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2013. – № 2. – С. 71–75.
17. Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. – М., 2012. – № 11. – С. 236–263.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Анциферова Н.Г.[1]

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова*: идентичность, национальная самоидентификация, историческая память, культурное наследие, этнографический музей, социокультурная среда.*

Вопросы межэтнического взаимодействия относятся к числу наиболее актуальных в современном российском обществе. Современные исследователи уделяют большое внимание поиску оптимального для российских условий пути гармонизации межэтнических отношений. При этом большинство ученых сходятся во мнении о необходимости формирования позитивной идентичности. Эта задача приобретает особую сложность в условиях многообразия средств и возможностей формирования позитивной идентичности и необходимости выбора наиболее эффективных из них.

Этническая идентичность – один из компонентов социальной идентичности личности. В процессе межкультурных контактов у индивида вырабатывается система представлений о сходствах и различиях этнических групп. На основе этой этнической категоризации и формируется этническая идентичность[2]. Этническая идентичность – это результат отнесения себя к определенной этнической группе на основе соотнесения себя с иными группами. В отечественных исследованиях также существует точка зрения, что этническая идентичность – это зрелый уровень этнического самосознания[3]. Еще одна позиция определяет этническую идентичность как врожденное свойство соотносить себя с этнической группой[4].

В структуре этнической идентичности принято выделять аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты, а также бессознательную составляющую. В когнитивном компоненте заложены знания о своей этнической группе, этнодифференцирующие признаки и осознание себя членом этой группы. Когнитивный компонент позволяет говорить о степени ясности, с которой личность осознает себя членом этнической группы. Аффективный компонент содержит чувство принадлежности, оценку группы и отношение к нахождению в ней. Так как аффективный компонент предполагает оценочное отношение к этничности, то этническая идентичность может быть позитивной либо негативной, то есть имеет определенность. Поведенческий компонент заключается в проявлении себя как члена группы в ситуации межкультурного взаимодействия[5].

Очевидно, что для формирования позитивной этнической идентичности необходимо комплексное воздействие на все компоненты. Стоит отметить, что формирование этнической идентичности осуществляются на протяжении всей жизни индивида, но наиболее эффективное воздействие на компоненты идентичности происходит в младшем школьном возрасте. Существенными факторами, влияющими на формирование этнической идентичности, являются: этническая социализация в семье и ближайшем социальном окружении; гетерогенность/гомогенность этноконтактной среды; статусные отношения между этническими группами. Целенаправленное воздействие на эти факторы осуществляется посредством реализации ряда направлений: правовое регулирование, демографическая политика, образовательные и молодежные программы, предоставляющие знания о родной культуре, состояние межэтнических отношений, применение мер по охране памятников национальной культуры. Данные мероприятия формируют в обществе устойчивый этнический образ, на поддержание которого направляется социализирующее воздействие всех институтов социализации.

Наибольшее воздействие на формирование этнокультурной идентичности оказывает социокультурная среда. Именно она содержит основные маркеры этнокультурной идентичности: язык, народные обычаи и традиции, специфика культуры, сходные черты характера, место жительства, внешность и историческое прошлое. Ф.С. Файзуллин и А.Я. Зарипов описали факторы формирования этнокультурной идентичности по степени своей важности: индикатор общей территории; национальность родителей; культура и язык; история своего народа; общность традиций и обыча-

[1] Анциферова Ирина Владимировна – д.соц.н., профессор, профессор кафедры ГМУ, Курская академия государственной и муниципальной службы. E-mail: anciferova1007@gmail.com

[2] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 110.

[3] Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. – СПб: Алетейя, 2000. – С. 88.

[4] Семина Г.В. Этносы и нации: к вопросу об этничности (идентичности) в научных традициях отечественных и западных исследователей // Вопросы культурологии. 2018. – № 6. – С. 12.

[5] Ершова Н.Н., Мурсатова Н.Ю. Структура социальной идентичности у студентов // Инновационные технологии в науке и образовании. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции (Пенза, 5 ноября 2017 г.). – Пенза: Наука и Просвещение, 2018. – С. 198–200.

ев; иные факторы (например, чувство малой родины)[1]. Можно сделать вывод, что одним из компонентов формирования позитивной этнической идентичности является коллективная историческая память. Она помогает формировать представления об общности происхождения, верований, традиций, материальных и духовных ценностей, исторической и межпоколенной преемственности.

Одной из самых эффективных форм сохранения и поддержания коллективной памяти являются музеи. Задачей музеев является отбор, хранение, экспонирование и интерпретация знаний о развитии общества и природы, представленных в виде музейных предметов. Таким образом, музей является институтом социокультурной памяти, который осуществляет связь между становлением и сохранением национальной идентичности[2].

Музей – исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы культурных и природных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение музейных предметов[3]. Музеи можно разделить на профильные группы в соответствии с их специализацией: естественнонаучные музеи, исторические музеи, художественные музеи, архитектурные музеи, литературные музеи, театральные музеи, музыкальные музеи, музеи науки и техники, промышленные музеи, сельскохозяйственные музеи, педагогические музеи. Эти основные профильные группы подразделяются на более узкие. Так документированием истории развития общества занимаются исторические музеи. В их составе выделена подгруппа музеев, занимающаяся сбором, хранением и экспонированием этнографических коллекций, документирующих процессы этногенеза, быт и культуру этнических общностей – этнографические музеи. Одной из наиболее распространенных форм этнографических музеев являются музеи под открытым небом, осуществляющие комплексное хранение и демонстрацию быта и культуры человеческих сообществ в естественной среде.

На сегодняшний день в России свыше 600 этнографических музеев. К самым популярным относятся Российский этнографический музей, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Этнографический комплекс «Атаманъ» в Темрюкском районе Краснодарского края, Этнический центр «Черкесский аул» в пос. Фадеево Анапского района Краснодарского края, Музей-заповедник «**Костромская слобода**», Этнографический парк истории реки Чусовой, Новгородский музей народного деревянного зодчества «Витославицы», Историко-культурный и этнографический музей-заповедник «Кижи». В последнее время активно развиваются региональные этнографические музеи, имеющие особую социокультурную цель – выступать связующем звеном между поколениями, участвовать в социокультурном развитии территории. Так, на территории Курской области действуют Беловский историко-этнографический музей, Этнографический ландшафтный комплекс «Песочное», **Октябрьский историко-этнографический музей,** посвященные жизни и быту крестьян.

Современный этнографический музей выполняет одновременно две функции: документирование, связанное с воссозданием исторической памяти и образовательно-воспитательную, которая удовлетворяет познавательные и культурные запросы общества. Этнографическая экспозиция, основанная на тематическом отборе и интерпретации музейных предметов, становится основой музейной коммуникации. На основе исследования материальной и духовной культуры этноса экспозиция этнографического музея восстанавливает среду, быт, фрагмент исторической памяти, которые погружают посетителя в историко-культурную среду4.

Образовательная функция этнографических музеев связана с разъяснением истоков и сущности этнических факторов в традиционной культуре, их связи с социально-экономическими условиями развития этноса, воспитания толерантности, терпимости, понимания людей другой культуры и религии. Данная деятельность связана с «музейной педагогикой» – разработкой специальных адресных программ с чёткой формулировкой целей и задач, с определением эффективности их воздействия на различные группы музейной аудитории5. Обучение в музее предполагает получение дополнительных и альтернативных знаний, основанных на знакомстве и изучении подлинных памятников материальной и духовной культуры. Эта сфера деятельности этнографических музеев сегодня находится на пути поиска новых способов работы с музейной аудиторией. Один из видов такой работы – традиционные праздники, обучающие праздники национальных песен и танцев и др. Такие мероприятия преследуют цель не только осветить историю родного края, но и восстановить историческую память и поучаствовать в формировании национальной идентичности.

Региональные этнографические музеи имеют широкие возможности для непосредственного контакта с носителями традиционной культуры. Привлечение их к мероприятиям музея расширяет возможности для использования различных форм деятельности, направленной на формирование чувства принадлежности к национальной культуре. Стоит отметить и тесные связи региональных музеев с образовательными учреждениями. Вовлечение обучающихся в различные музейные мероприятия способствует погружению в историко-культурную среду, формированию знаний об истории и культуре своего народа.

Особая роль этнографических музеев состоит в сохранении культуры и истории малочисленных народов. Сохраняя и передавая традиции и культуру, демонстрируя в наглядной форме нормы, ценности и культурные образцы,

---

[1] Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я., Асылгужин Р.Р. Этническое сознание и этническая идентичность. – Уфа: Гилем, 2009. – С. 145.

[2] Мазур Е. Идентичность: сознание – самосознание – образ я // Университетские исследования. 2010. – http://uresearch.psu.ru/files/articles/179_26524.doc

[3] Марутян А.Т. Роль памяти в структуре национальной идентичности: теоретические вопросы. – Ереван, 2006. – С. 87.

[4] Геворгян Л.П. Роль культурно-образовательной деятельности этнографических музеев в формировании национальной идентичности // Артикульт. 2014. – № 4 (16). – С. 68.

[5] Сорокина Г.Г. Историко-этнографический музей и социокультурные проблемы современного общества: диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии. 2006. – С. 44–46. – http://www.ceninauku.ru/page_25379.htm

музей развивает идентичность, меняет ее вектор с негативного на позитивный. Традиции, объекты культурного наследия, обретающие новую жизнь в музейном пространстве через их материальные составляющие, – всё это формирует социальную память, которая в свою очередь является одним из важнейших компонентов как культурной, так и региональной идентичности. Именно поэтому музеи можно считать социокультурными институтами формирования идентичности.

Занимаясь сохранением памяти, музей формирует идентичность, создает у носителя культуры ощущение принадлежности к ней, общности с другими носителями. При этом важно не только чувство принадлежности к национальной культуре, но и запечатленный в сознании образ определенного места, облика территории, то есть региональная идентичность. В таком случае музей способен решать задачи формирования не только национальной, но и других видов самоидентификации.

Аствацатурова М.А.[1]

ЭТНИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Ключевые слова: *этническая идентичность, этническая память, политический процесс, Северный Кавказ, Северо-Кавказский федеральный округ, образы-следы, этнические сообщества, этнотерриториальные противоречия, национальный вопрос, этническая мобилизация, политическое программирование, сегменты этнической памяти, новый трайбализм.*

Keywords*: North Caucasus, North Caucasus Federal District, ethnic identity, ethnic memory, political process, ethnic communities, ethno-territorial contradictions, national issue, ethnic mobilization, political programming, segments of ethnic memory, new tribalism, memory facts.*

Этническая идентичность как платформа формирования этнической памяти

Этническая память является одним из важнейших факторов в общем комплексе этничности и этнической идентичности и как феномена, и как института[2]. Закономерно, что рассмотрение феномена и института взаимно пересекаются, так как у феномена присутствуют институциональные свойства, а у института – феноменологические. Тем не менее, рассмотрение этнической идентичности именно как института дает некоторые преимущества с учетом тех задач, которые ставятся в конкретном теоретико-методологическом и практико-прикладном осмыслении коллективных отождествлений и групповых практик этнических сообществ в политическом процессе[3].

Этническая идентичность остается весьма востребованной не только в личных и групповых жизненных стратегиях и тактиках, но и в стратегиях и тактиках групп большого значения – «больших величин» – классов, страт, партий, элит. Такие живописные термины, как «этническое Возрождение», «этнический Ренессанс», «этническое партизанство», «этнические герои», «этническая идея» и иные получили распространение в связи с трансформациями геополитической архитектуры, с распадами и образованиями государств. Этнические и этнополитические конфликты и создание непризнанных государств и спорных территорий актуализировали этническую идентичность в общем течении социально-экономических, общественно-политических и военно-политических отношений.

При каждом удобном случае и в каждой провоцирующей ситуации этническая идентичность выходит на авансцену социальности, политики, а также и политического управления и политического манипулирования. В этой связи интерес к составляющим этнической идентичности, к ее носителям и субъектам, к ее практическим проекциям, а также к ее экстраполяции является не только оправданным, но и необходимым. В этом интересе не стоит отказываться от традиционных методологических ресурсов этнологического знания (примордиализм, инструментализм, конструктивизм), особенно в их интегративном воплощении. Методологический компромисс позволяет рассматривать ***этническую идентичность в качестве материнской платформы формирования и функционирования этнической памяти***.

Категоризация этнической памяти в политическом процессе

Категоризация этнической памяти крайне трудна в силу ее сущностно-структурной и функционально-деятельностной сложности, которая обусловлена физиологией, психологией, а также и социальностью. Многие теории памяти от Платона до Э. Блейера при их привязке к идеалистической, либо к материалистической позициям выделяют функциональность памяти. Так, субстанция памяти как свойство человеческого разума (мозга) освоена философским знанием как «*способность сохранять восприятия и представления после момента переживания; память означает также (образно выражаясь) хранилище*»[4]. Используя общие определения памяти, будем номинировать этническую память, как ***физиологический и психосоциальный акт, создающий в специфических образах-следах хранилище событийных данных об истории, мифологии, культуре, религии, языке, традициях, менталитете и внешнем облике конкретного народа (как этноса).***

Если сформулировать некоторые функции этнической памяти, то стоит указать, что она:

---

[1] Аствацатурова Майя Арташесовна – д.полит.н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований, Пятигорский государственный университет. E-mail: maya.astv@gmail.com

[2] См.: Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. Нации и национализм / Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002; Предмет и проблемы этнологии и антропологии / Сост. Е.Е. Баринова. – М.: ИЭА РАН, 2016. – 346 с.

[3] См.: Тишков В.А. Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России // Вестник Российской нации. Избранные труды академика РАН В.А. Тишкова о российской нации. Спецвыпуск 2008–2016. – С. 57–74.

[4] См.: Философский энциклопедический словарь / Ред.- сост. Е.Ф. Губский и др. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 330–331.

– сохраняет, накапливает и наращивает впечатления, представления, автостереотипические знания этнической группы о самой себе в событийно-сюжетном, пространственно-хронологическом, духовно-ментальном, идейно-мировоззренческом, фамилистическом направлениях;

– обеспечивает платформу этнической идентификации и самоопределения на основе репродукции привычных историко-культурных комплексов, родного языка, родных фольклорных образов, народного музыкального и иного творчества, этнопрофессионализма, народного ремесла и широких жизненных умений и приемов;

– создает визуализированные образы коллективной этнической солидарности и настороженности к иным по принципу Deja vu (уже видел) и Jamais vu (никогда не видел)[1], подлинность которых может быть как документально доказательна, так и сомнительна;

– укрепляет линии этнической эмпатии и внутригрупповой симпатии и признания между поколениями, между разными социально-профессиональными стратами внутри этнической группы, между основным этническим массивом и диаспорами;

– оптимизирует отношения этнического коллектива и государства, прежде всего, в случае пребывания первого в рамках «своего этнического государства» за счет этногосударственного патриотизма и упрочения этногосударственного суверенитета;

– формирует пространство внутри- и межпоколенной этнонаправленной коммуникации и информации этнического коллектива, укрепляя и расширяя ряды сторонников, апологетов, волонтеров этнической идеи как идеи приоритетной и продуктивной;

– мифологизирует реальную биографию этнического сообщества и в то же время реалистически детализирует фантастические сюжеты этногенеза, акцентируя эмоционально-позитивные и эмоционально-негативные события (победы, обретения государственности, геноцид, этноцид и др.);

– организует сообщества нового трайбализма в силу отчуждения их от современного демократического и, тем более, модернизационного процесса и императивного дисциплинирования сообществ в жестких «этнических форматах»;

– стимулирует этнические группы к аффилиации и аффектации в провозглашении и достижении требований в коллективных действиях, носящих как конструктивный («за что-то»), так и левый противоправный характер («против чего-то») и направленных против «этнических врагов», а также против власти;

– дополняет ресурсы противопоставления этнического коллектива другим этническим коллективам («мы – не они», «мы – лучше, чем они», «мы – древнее, чем они», «мы бесправнее, чем они»).

В этой связи вполне оправданным может быть рассмотрение ***этнической памяти как фактора организации политического процесса***[2].

Образы-следы этнической памяти в северокавказском политическом процессе

Этническая память в сообществах Северного Кавказа сущностно и функционально составлена общими психофизиологическими и социальными актами индивидов и коллективов. Этническая память (или ***этнические памяти***) сообществ Северного Кавказа ценна тем, что она диверсифицирована по народам и этническим коллективам и является важным сегментом общей памяти российской нации как полиэтничного гражданского сообщества[3].

Самостоятельная ценность этнической памяти сообществ региона обусловлена самостоятельной ценностью этнической идентичности на Северном Кавказе, которая остается важнейшей базой позиционирования, функционирования, программирования и презентации. Современные северокавказские сообщества, чрезвычайно уважительно и чувствительно относятся к своему прошлому, к своим предкам и фиксируют это уважение в широкой номенклатуре образов-следов[4]. Это уважение сохраняется во многих обрядово-поведенческих практиках и визуализированных атрибутах (свадебный и похоронный обряды, обряд застолья, нормы семейно-родственных, межгендерных, а также и служебно-профессиональных отношений и др.)[5]. При этом отметим, что в сообществах региона мифология, обрядность, традиция и социальная норма максимально и гармонично вмонтированы в организацию политического процесса[6].

---

[1] См.: Философский энциклопедический словарь / Ред.- сост. Е.Ф. Губский и др. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 331.

[2] Авксентьев В.А. Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтности // Сборник научных трудов. Сер. Гуманитарные науки. – Ставрополь, 2004. – С. 89–94.

[3] Российский Кавказ. Проблемы, поиски, решения / Под ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 600 с.

[4] См: Культурное наследие народов Кавказа / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. – М.; СПб: Нестор-История, 2014. – 292 с.; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Второе полугодие и итоги 2018 г. / Отв. ред. М.А. Аствацатурова. Экспертный доклад. Научное монографическое издание. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 154 с.; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. 2019 г.: Экспертный доклад. Научное монографическое издание / Под общ. ред. В.А. Тишкова; отв. ред. С.Ю. Иванова. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. – 128 с.

[5] См.: Историко-культурные традиции народов Северного Кавказа. Научно-справочное издание. Этнологическая библиотека. Вып. 1 / Под ред. В. Тишкова. – М.: ИЭА РАН; Пятигорск; Ставрополь, 2013. – 114 с.; Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Россия – Кавказ – Мировое сообщество. Материалы VII Международного конгресса. 14–18 октября 2013 г. Симп. 1, 2, 3. – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – 189 с.

[6] Проблемы консолидации народов Северного Кавказа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные этнополитические и этноконфессиональные процессы на Северном Кавказе: проблемы и пути решения» (23–27 октября 2008 г.). – Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. – 424 с.

Очевидное присутствие образов-следов этнической памяти в комплексе этнической идентичности северокавказских сообществ не требует научных доказательств, хотя это зафиксировано во множестве исследований[1]. Они не только постоянно присутствуют в политической культуре, но и во многом определяют политическую культуру, политическое сознание, а также политическое поведение и политическое программирование этнических сообществ[2].

Номенклатура сюжетов этнической памяти как фактора организации политического процесса СКФО разнообразна и общеизвестна, во всяком случае, в кругах экспертов и заинтересованных этнических энтузиастов. В этой номенклатуре множество проблемно-тематических сегментов, среди которых выделим несколько наиболее рельефных, это:

- сегмент Кавказской войны и мухаджирства;
- сегмент героизма, а также репрессий и депортаций народов в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.;
- сегмент этнических конфликтов, терроризма и радикализма 1990–2000-х гг.;
- сегмент национально-государственного, административно-территориального строительства и территориальных переделов;

Сегмент Кавказской войны и мухаджирства является основным политическим и политизированным сегментом, обеспечивающим не только бытования этнической памяти как образа-следа, но и функционирования этнической памяти как фактора организации северокавказского политического процесса. Масштаб этого сегмента определяется масштабом исторического события Кавказской войны 1817–1864 гг., само официальное название которой вызывает множество критических оценок[3].

Следствия Кавказской войны можно в общем плане корректно обозначить как включение Северного Кавказа в политико-правовое и геополитическое пространство России, в том числе, и как буферной «проливной территории»[4]. Однако такое включение, как впрочем, и следствия любой войны, породило множество жестоко-политических и жестко-политизированных ситуаций, имеющих как внутрироссийское, так и международное значение. Это, прежде всего: людские потери (которые в некоторых оценках трактуются как геноцид адыгов (черкесов), хотя потери были и среди иных народов региона); вынужденная политическая эмиграция представителей коренных народов региона (мухаджирство); властно-административное разделение горских сообществ на «мирных» и «немирных»; нарушение логики социального и политического генеза региональных сообществ и др.[5]

С одной стороны, этот сегмент этнической памяти имеет героико-мужественную составляющую с четкой этнорелигиозной коннотацией. Документальные истории и народные легенды о сопротивлении ряда народов региона Российской империи под руководством имама Шамиля и в ходе локальных инициатив популяризируют их верность родной земле, а также и родной вере в противовес завоевателям. С другой стороны, этот сегмент исторической памяти имеет выраженную трагичную составляющую исключительно этнорелигиозной коннотации[6]. Обе эти составляющие проецируются в современный политический процесс в конкретных этнических интерпретациях.

Сегмент Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. является чрезвычайно важным в коллективной этнической памяти народов Северного Кавказа. Во многом это обусловлено героическим участием представителей всех народов региона в защите Родины, а также высоким цензом военной доблести, мужества, как неотъемлемых свойств северокавказских сообществ. В сообществах региона чрезвычайно уважают подвиг соотечественников, знают и помнят героев своего этноса, а также внимательно относятся к ветеранам войны и как к героям, и как к старшим.

В то же время данный сегмент этнической памяти отягощен такими образами-следами как репрессии многих народов региона в связи с обвинениями в сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами, исходя из принципа коллективной ответственности и презумпции виновности. Факты пособничества германскому Вермахту имели место, однако неправовая – насильственная процедура депортации была применена общим порядком в отношении целых народов и этнических групп[7]. Следствиями стали прямые людские и будущие демографические потери; волюнтарист-

---

[1] Аствацатурова М.А. Этнополитические заметки из дневника Северо-Кавказского федерального округа // Вопросы политологии. 2019. – Т. 9, вып. 7 (47). – С. 1433–1441.

[2] См.: Идентичности на Кавказе: от конфронтации к консолидации. Материалы и международного форума кавказоведов. Материалы и международного форума кавказоведов / Ред. А.В. Сериков. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. – 500 с.

[3] См.: Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX в. Потери вооружённых сил. – М.: Олма-Пресс, 2001; Вооружённые конфликты на Северном Кавказе (1920–2000 гг.); Новицкий И.Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. – Краснодар, 2011. – 270 с.; Дегоев В. В. Проблема Кавказской войны XIX века: Историографические итоги / Сборник русского исторического общества. Т. 2 (150): Россия и Северный Кавказ. – М., 2000; Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2003; Джахиев Г. А. О хронологии и периодизации Кавказских войн (к постановке вопроса) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – Махачкала: ДГУ, 2004. – № 3. – С. 5–8.

[4] См.: Ещенко Ю.Г. К вопросу об оценке Кавказской войны 1817–1864 гг.: Основные тенденции отечественной историографии // Университетский историк: Сборник трудов конференции / Под ред. А. Ю. Дворниченко. Исторический факультет СПбГУ. – СПб.: СПбГУ, 2010. – Т. 7. – С. 164–170; Товсултанов Р. А., Галимова Л. Н., Оздамирова Э. М. К вопросу об историографии Кавказской войны // Самарский научный вестник. – Самара: СГСПУ, 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 252–258.

[5] Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: Процессы трансформации и дифференциации адыгского общества / Науч ред. Э.А. Шеуджен. 2-е изд., Минобрнауки России, МГТУ. – Майкоп: Магарин О.Г., 2014. – 388 с.

[6] См.: Кавказская война. 20 мая 2020 г. // Кавказский узел. – https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/171924/; Косов Г.В. Некоторые тенденции в информационном обеспечении национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения адыго-абхазских и тюркских народов Северного Кавказа и Крыма // Современная наука и инновации. 2017. – № 4. – С. 220–231; Матвеев В.А. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 226. – М.: ИЭА РАН, 2011.

[7] См.: Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). – М.: ИНСАН, 1998; Полян П.М. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. – М.: О. Г. И. Мемориал, 2001.

ское присвоение «ярлыка виноватого народа»; лишение государственности и потеря территорий исторического расселения; поражение в социальных и политических правах и др.[1]

Соответственно, этническая память о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. имеет как позитивно-героическую, так и трагическую конфликтную составляющие, которые неразрывно соединены и которые, так или иначе, стимулируют этническую солидарность и целевые народов действия в политическом процессе. Как героические, так и болезненные образы-следы этого сегмента этнической памяти используются современными журналистами, учеными, общественными активистами в противостояния и отстаивании приоритетов между народами.

Сегмент этнических конфликтов, терроризма и радикализма 1990–2000-х гг. является в коллективной этнической памяти региональных сообществ максимально приближенным к современному региональному политическому процессу[2]. Представители старшего поколения соотносят этот сегмент с распадом СССР, крушением социалистической системы, крахом идеологии коммунизма и интернационализма[3]. В коллективной этнической памяти всех народов региона живы воспоминания об этнических конфликтах, террористических актах, масштабном экстремистском воздействии 90-х начала 2000-х гг. Сотни и тысячи граждан стали прямыми, прежде всего, невольными, участниками (и жертвами) указанных трагических событий[4]. Жители Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), сохраняют память о «двух чеченских войнах»[5] и об антитеррористических операциях, об осетино-ингушском конфликте 1992 г.[6], о межэтническом электоральном противостоянии в Карачаево-Черкесии, о межэтнических противоречиях в Кабардино-Балкарии, о террористическом акте в г. Будённовске 1995 г., о беспрецедентном террористическом акте в г. Беслане в2004 г., а также о нападении террористов на г. Назрань в 2004 г., на г. Нальчик в 2005 г. и др.

Вследствие указанных сюжетов этот сегмент этнической памяти отмечен формированием устойчивых и чрезвычайно опасных взаимных страхов, опасений, а также вражды и ненависти, ассоциаций угроз терроризма и экстремизма с определёнными народами и конкретной религией.

Данный сегмент этнической памяти отличается высокой степенью «живучести» и функциональности и имеет непосредственные проекции в организацию современного регионального политического процесса[7]. Также он разворачивается и в политико-управленческом, административном процессе, процессе элитообразования и ротации управленческих кадров, который в регионе также существенно, если не глобально этнизирован[8].

Сегмент национально-государственного, административно-территориального строительства, территориальных переделов и споров имеет самостоятельную значимость на Северном Кавказе в силу малого территориального ресурса, мозаичного и чересполосного расселения народов. Земельно-территориальный вопрос является альфой и омегой политического процесса, в котором каждый народ представляет свои убедительные аргументы и свои приоритеты на «исконную территорию», на этническую автономию и государственность разного уровня. Практически все национальные вопросы, не решенные и не решаемые в СКФО, имеют выраженный причинно-территориальный ряд, пополняемый новыми конфликтогенными каузами.

Территориальные противоречия и этнотерриториальные конфликты, зачастую, катализированы политико-административными решениями, которые сталкивали и сталкивают территориальные интересы народов[9]. Так в ходе советского национально-государственного строительства на территории региона были созданы, ликвидированы, воссозданы и трансформированы несколько национальных автономий (районов, округов, республик)[10]. В результате административно-территориальных преобразований границы субъектов СССР и затем РФ разделили родственные и объединены неродственные народы, создали спорные территориальные зоны и населенные пункты. Многие народы не

---

[1] См.: Нухажиев Н., Умахаев Х. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. – Элиста: Джангар, 2009. – 328 с.

[2] См.: Конфликты на Северном Кавказе. Материалы международного круглого стола / Отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов/нД: Изд-во СКАГС, 2003. – 336 с.

[3] См.: Васильев Ю.В. Этнополитические процессы Юга России на рубеже 20-21 веков. От конфликтов к стабилизации. – Ростов/нД: Изд-во РГУ, 2004. – 236 с.

[4] См.: Зорин В.Ю. Дневник не для себя (1989 -1999). – М.: ВИОЛАНТА, 1999. – Т. 1–2; См.: Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы / Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов/нД: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – Ч. 1-2.

[5] См.: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: Наука, 2001. – 552 с.; Россия и Чечня: поиски выхода / Сост. Я.А. Гордин. – СПб: ЗВЕЗДА, 2003. – 236 с.

[6] Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 146–147; Ингушетия и Осетия: конфликт без федерального предела // Кавполит, 6.06.2016. – http:// kavpolit.com/articles/konflikt_bez_federalnogo_predela-26200/; Албогачиева М. Осетино-ингушский конфликт: причины и последствия трагедии осени 1992 года. – https://cyberleninka.ru/article/n/osetino-ingushskiy-konflikt-prichiny-i-posledstviya-tragedii-oseni-1992-goda

[7] Аккиева С.И., Теммоев И.Ю. Этнополитические процессы и этническая мобилизация карачаевцев и балкарцев в конце XX – начале XXI в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. – № 2 (39). – С. 145–150.

[8] См.: Адиев А.З., Щербина Е.А. Дагестан и Карачаево-Черкесия: проблемы регулирования этнического состава в органах власти в полиэтничных регионах // Власть. 2017. – № 2. – С. 59–63; Аствацатурова М.А. Современные этнополитические процессы и политико-управленческие тренды в Северо-Кавказском федеральном округе // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс, 2018. – С. 46–47.

[9] Ярлыкапов: земельные конфликты перерастают в политические и усугубляются бездействием чиновников // Кавказский Узел. 20 декабря 2011 г. – https: www.kavkaz-uzel.eu/articles/197969/; Гриценко А.А. Земельный вопрос на Северном Кавказе. – https://elibrary.ru/item.asp?id=32295381; Атласкирова А.Р. Земельные конфликты в Кабардино-Балкарской Республике: причины и особенности // Социодинамика. 2018. – № 9. – С. 69–76.

[10] См.: Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). – Майкоп: Меоты, 1995. – С. 225–226.

получили форм национальной государственности, иные народы утратили свои этнотерриториальные пространства, национальную государственность, населенные пункты в связи с депортациями и переподчинениями территорий. Как показали события 2018-2019 гг., нарастанию порога взаимного раздражения этнических сообществ по поводу спорных территорий способствуют в негативном смысле и некоторые современные решения власти.

Данный сегмент этнической памяти имеет большой позитивный ресурс в силу глубокой привязанности северокавказских сообществ к территории происхождения и проживания как к родной земле, земле предков, на которой сосредоточены исторические святыни, святыни веры и традиции. В то же время этот сегмент этнической памяти отягощён существенным конфликтогенным содержанием в силу нерешенности многих этнотерриториальных и политико-территориальных проблем.

Некоторые обобщения

Отмеченные сегменты этнической памяти определяют ее факторность в организации политического процесса. Закономерно, что исторические, документальные, статистические, литературные, научно-поисковые данные, Интернет-блоговые, социально-сетевые, а также и живые образы-следы этнической памяти имеют прямые проекции в политику и в коллективные политические акции и требования. Среди них:

– увековечение памяти о жертвах Кавказской войны в специально учрежденных праздниках и в днях памяти, днях траура (республиканского, всероссийского и международного статуса), которые становятся ***рубежами политической консолидации под объединяющими политизированным символами*** – этнические флаги, слоганы, призывы, национальный костюм, национальный танец и песенное искусство;

– организация этнических общественно-политических движений и объединений, проведение форумов и съездов (этнических и всеэтнических с международным участием), которые являются ***площадками публичной этнической политики и прямого этнического политического участия*** и которые не только сотрудничают с властью, но и принимают декларации, обращения, заявления, часто противостоящие решениям власти и отдельных политиков;

– проведение этнических флэш-мобов у памятных историко-культурных и природных объектов, святых мест (ущелья, камни, рощи, деревья); организация автокроссов и конных маршей, шествий по памятным историческим маршрутам в честь славных и трагических событий этногенеза, которые становятся ***базами эмоциональной этнической консолидации, внутриэтнической эмпатии, а также и социального и политического противопоставления себя другим этническим коллективам***;

– организация (научно-исследовательского, информационного, политико-управленческого, а также и инициативного) обсуждения сюжетов, образов-следов этнической памяти как профессионалами-учеными и управленцами-функционерами, так и блогерами, активистами социальных сетей и Интернет-ресурсов, которые являются ***нарративной, эмпирической, дискурсной базой реагирования северокавказского сообщества на историю и современность народов региона.***

Рекомендации, которые могут быть интересны органам власти и управления, национально-культурным институтам гражданского общества, СМИ:

как видно, этническая память выступает не только эмоционально-образным, но и рационально-институциональным фактором организации политического процесса на Северном Кавказе. В этой связи она требует не только историко-культурного осмысления, но и уважительного политико-управленческого оформления в корректных формах. Поэтому работникам профильных органов власти и МСУ, руководителям национально-культурных религиозных организаций, журналистам, блогерам, этническим активистам и лидерам целесообразно:

– обладать известной суммой достоверных знаний об истории, культуре, ментальности, традициях, о значимых событиях, тенденциях и закономерностях этногенеза народов региона;

– знать главные проблемно-противоречивые сюжеты народной истории, содержание национальных вопросов, имеющих явные проекции в политический процесс и обусловливающих стремление сообществ к этнополитическому реваншу;

– соотносить политическую программатику и политико-направленную деятельность этнических сообществ с современными правовыми и политическими реалиями, с законодательством и политическими доктринами РФ, с Конституцией РФ;

– выделять в информационном, политико-управленческом, общественном дискурсе привлекательные историко-культурные сюжеты и тенденции, объединяющие северокавказское сообщество на базе общих ценностей и общезначимых образов-следов этнической памяти в рамках российской гражданской идентичности;

– стремиться к корректному использованию старых традиций и вместе с тем к изобретению новых традиций, отражающих запросы современного поколения северокавказских сообществ и приемлемых для формирования новых перспективных позитивных общерегиональных образов-следов этнической памяти;

– профилактировать циничное использование фактора этнической памяти в провокационной дестабилизации общественно-политических отношений, власти и граждан, отношений народов;

– принимать значимые для этнических коллективов решения административно-территориальной, культурно-языковой, культурно-конфессиональной, организационно-обрядовой направленности только после общественной, правовой, политической, научно-исследовательской экспертизы;

– организовывать общественно-значимые надэтнические акции общероссийского, гуманитарно-гуманистического содержания, проводящие в жизнь традиционные и новационные ценности;

– привлекать к празднованию значимых памятных дат истории, культуры, мифологии, фольклора представителей разных этнических групп (северокавказские автохтоны, русские, казачество, диаспоры) и придавать им интернациональный, общедоступный, общепопулярный характер.

Винокуров А.И.[1]

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЭПОХИ

Ключевые слова: *транзитивная культурная эпоха, описание исторических сюжетов диахронного процесса, общества «Пролеткульта», эволюция культурного пространства Смоленской области, сеть Интернет, базовый перечень специальностей цифровой экономики, личность лидера нового типа, общество риска.*

Keywords: *transitive cultural era, description of the historical plots of the diachronous process, the Proletcult society, evolution of the cultural space of the Smolensk region, the Internet, the basic list of specialties of the digital economy, a new leader's personality, a risk society.*

Транзитивные эпохи представляют собой периоды в истории культуры, в которых происходит смена культурно-исторических циклов. В них завершается «старое» и закладывается то «новое», что будет развиваться в следующем цикле. Транзитивная культурная эпоха – это такой фрагмент культурно-исторического процесса, когда старая культурная реальность уходит за границы прежнего культурного типа, но ещё не достигла характеристики целостности нового типа, нового системного уровня; при этом старое и новое смешиваются и переплетаются, создавая неопределённые культурные реальности, в которых противоположности сосуществуют на равных [1, с. 29].

Использование нами историко-социологического анализа диахронного (то есть развивающегося во времени от прошлого к будущему) процесса в описании исторических сюжетов эволюции пространства Смоленской области начиная с периода культурного строительства после победы Октября 1917 г. и до современного периода жизни смолян 2016–2019 гг. позволило установить следующие культурные реальности.

В результате культурного строительства на Смоленщине возникла новая конструкция социокультурных институтов, которая включала: школы, библиотеки, музеи, архивы, кинотеатры, театральные любительские и профессиональные труппы, картинные галереи, народную консерваторию, музыкальные школы, хоры, оркестры, культпросветкружки, радио, устные (живые) газеты, издательства, избы-читальни, народные дома и рабочие клубы, кинопередвижки, художественные и концертные студии, общества «Пролетарской культуры», общества по изучению местного края и др. [2, с. 224–231].

Общества «Пролетарской культуры» (Пролеткульта), деятельность которых была направлена на критическое осмысление трудящимися дореволюционной культуры страны, формирование с помощью различных видов искусства культурной доминанты высокой роли труда, коллектива в жизни общества, стали системообразующим элементом конструкции социальных институтов в губернии после победы Октября [3].

Все элементы этой конструкции составили основу первичной социализации молодёжи, но вековые трансформации изменили её: *возникла новая коммуникативная культура информационного общества с использованием ресурсов сети Интернет, искусственного интеллекта, мобильных телефонов и коммуникаторов, цифрового телевидения*; *появился новый тип социальных сетевых отношений, изменивших поведение людей, язык общения, ценности, культурные предпочтения и привычки и, самое главное, возникла множественная идентичность.*

В 2015 года наши исследования показали, что более 80% смолян включились во внешнюю социально-коммуникативную среду, стали использовать в межличностных коммуникациях мобильный телефон, компьютер и Интернет[2].

Современный период жизни – это постоянный контакт с другими людьми (существование в киберпространстве с новой социокультурной конструкцией, основанной на виртуальной коммуникации). Системообразующими элементами этой конструкции стали глобальная сеть Интернет и внеинституциональные средства немассовой информации (блоги, форумы, виртуальные сообщества). Сеть Интернет – это коллективное взаимодействие людей, машин, роботов, компьютеров, технических устройств. В качестве механизмов воспроизводства идентичности личности и её замены для общения и самопрезентации в киберпространстве используется виртуальное второе «Я» – симулякры, прозвища («ники»), новые образы самого себя («аватары»).

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и федеральным проектом «Кадры для цифровой экономики» национальной программы Российской Федерации «Цифровая экономика», на территории Смоленской области реализуется региональный проект «Кадры для цифровой экономики». Определены следующие показатели подготовки кадров: количество выпускников организаций профессионального образования Смоленской

[1] Винокуров Александр Иванович – к.психол.н., доцент, проректор по научной работе, Смоленский государственный институт искусств. Сфера научных интересов – изучение социокультурной микродинамики приграничного региона в рамках Программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» *Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института Философии РАН* (научный руководитель – член-корреспондент РАН, профессор Н.И. Лапин). E-mail: alvinocurov@yandex.ru

[2] Материалы грантовых исследований автора «Социокультурный портрет Смоленской области» (проект №15-03 00443).

области с ключевыми компетенциями цифровой экономики составит: в 2020 году – 1736 человек, в 2021 году – 2314 человек; количество трудоспособных жителей Смоленской области, которые пройдут переобучение по компетенциям цифровой экономики в рамках дополнительного образования: в 2020 году – 3340 человек, в 2021 году – 4000 человек.

Началась работа по формированию перечня ключевых компетенций цифровой экономики. За 2019 г. к высокоскоростным каналам сети «Интернет» в области подключено 175 социально значимых объектов, проложено 111 км волоконно-оптических линий связи.

В 2020–2021 году Администрацией Смоленской области планируется проводить переобучение государственных и муниципальных служащих, сотрудников областных и муниципальных бюджетных организаций в форме повышения квалификации. Основными направлениями переобучения станут следующие компетенции: современные методы проектирования цифровых продуктов, технологий, лежащих в основе цифровой трансформации; обеспечение работы с данными; цифровая трансформация системы государственного управления.

Базовый перечень специальностей и направлений по цифровой экономике, по которым начнётся обучение по дополнительным образовательным программам вузов включает следующие направления и специальности:

– веб-дизайн и веб-разработка; разработка компьютерных игр и мультимедийных приложений; разработка мобильных приложений; Интернет-маркетинг и SMM; магистральные линии связи (Телеком); технологии беспроводной связи (Телеком); сетевое и системное администрирование; кибербезопасность и защита данных; графический дизайн и верстка; CAD\CAM, прототипирование и промышленный дизайн; сенсорика и робототехника; анализ и разметка данных; машинное обучение и ИИ; UX\UI проектирование; нанотехнологии, композитные материалы; инжиниринг и схемотехника, 3D моделирование и 3D анимация; биоинженерия и нейротехнологии; оптика и лазерные технологии; приложения виртуальной и дополненной реальности; системы удаленного доступа, распределенные и облачные вычисления; блокчейн и системы распределенного реестра; «умная» бытовая автоматизация и Интернет вещей; базы данных и работа с информацией; программирование и создание ИТ-продуктов (разработчик ПО, тестировщик ПО и т.п.).

Новая культурная реальность меняет условия социализации детей, среда социального окружения требуют от современного человека активного процесса адаптации, проявления новых психологических качеств – послепроизвольного внимания (таких его качеств, как – широта, интенсивность, переключаемость и устойчивость); творческого воображения (воображения, направленного на создание новых общественно значимых ценностей и являющегося основой творчества); воли (способности к выбору действий, связанных с преодолением внешних или внутренних препятствий).

Отличительными характеристиками личности мужчины – лидера нового типа станут: самоконтроль и саморегуляция состояния, интеграция разума (способности мыслить), эмоций, интуиции (способности понимать, формировать и проникать в смысл событий, ситуаций, объектов посредством инсайта, озарения, мгновенного подсознательного вывода, основанного на воображении); готовность делать выбор в равновероятных условиях победы или проигрыша; изменится и психотип женщин.

Таким образом, историко-социологический анализ диахронного процесса эволюции социального пространства Смоленской области показывает стремительные изменения его конструкции; появление нового типа социальных сетевых отношений, форм поведения, языка общения, ценностей, культурных предпочтений и привычек, множественной идентичности личности.

В этих условиях традиционные социальные институты первичной социализации детей радикально трансформируются и становятся неустойчивыми.

Список литературы

1. Глазунов О.Н. Общее понятие «транзитива» как перехода от одной формы организации социума к другой // Вопросы культурологии. 2007. – № 11. – С. 29, 32, 40, 55.
2. Винокуров А.И. Исторические конструкции систем социокультурных институтов на Смоленщине в первые годы после победы Октября и на современном этапе / А.И. Винокуров, Е.А. Сикорский // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы международной научной конференции «Россия и Беларусь на историческом перепутье, 1917–1922 гг.» (Смоленск, 19–21 октября 2017 г.) / Под ред. Е.В. Кодина. – Вып. 2. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017. – С. 224–231.
3. Винокуров А.И., Сикорский Е.А. Историко-социологический анализ социокультурных процессов в Смоленском крае (конец XIX в. – первая четверть XX в.) // Материалы научно-методического семинара по организации кросс-культурных исследований российско-белорусского приграничья. – Смоленск: Универсум, 2015. – 232 с.

Гусейнова А.
доктор философии по искусствоведению, с.н.с. Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана
afag_h@yahoo.com

СХОДСТВО ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ МИНИАТЮРАХ ВОСТОКА С СОВРЕМЕННЫМИ ТАНЦЕВАЛЬНЫМИ ДВИЖЕНИЯМИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Ключевыве слова*: средневековый азербайджанский придворный танец, современное азербайджанское танцевальное искусство, восточная средневековая миниатюра, тебризская школа миниатюры, Каджарская живопись.*
Keywords*: medieval Azerbaijani court dance, modern Azerbaijani dance art, oriental medieval miniature, Tabriz miniature school, Qajar painting.*

Азербайджан на протяжении веков территориально и политически входил в состав различных империй, сам делился на сменяющие друг друга государства, подвергался нашествиям, захватам, военным действиям, впитывая в себя разные культы, верования, религии. Поэтому азербайджанский народ вобрал в себя такое тесно сплетенное наслоение культур, искусств, обычаев, ритуалов, которое, с одной стороны создало ярко выраженную развитую индивидуальность народа, с другой стороны – естественную связь, общность со смежными восточными культурами и искусствами. Начиная с древнейших времен Азербайджан является духовным и физическим носителем многих культур, впитав в себе различные духовные и материальные наслоения восточных империй. Когда народ рождает или берет из общего истока какой-либо вид искусства (мугам, рукописную миниатюру, танец и др.), веками развивает, перерабатывает его по-своему и творчески преподносит – это искусство становится его национальным достоянием. Искусство живет не только в своем сакральном историческом первоисточнике, но и в реальном физическом претворении его носителей, у которых оно вибрирует, меняется, развивается во времени. Поэтому мы находим идентичность в средневековых восточных миниатюрах разных школ данного региона, а также схожесть движений, поз и танцев разных школ, рассматриваемых в нашей статье.

Азербайджанское танцевальное искусство ведет свои корни от ритуально-обрядовых, магических представлений, средневековых религиозно-мистериальных ритуалов, суфийской пластики, народных календарных, бытовых празднеств и т.д. и как в исторической и художественной литературе, так и в смежных видах искусств это имеет широкое и глубокое освещение. В частности, кладезем информации о жестах, позах в танцах, насыщенным исторической конкретностью и смысловыми тонкостями, является азербайджанская средневековая миниатюра, особенно тебризская школа миниатюры – миниатюры непревзойденного художника Султана Мухаммеда и его учеников и шире – восточные средневековые миниатюры.

Рисунок 1.
Султан Мухаммед. Пикник влюбленных. Миниатюра рукописи дивана Хафиза (1520–1530). Музей Фогга, Кембридж

Как неоднократно отмечал известный миниатюровед Керим Керимов[1], азербайджанская средневековая миниатюра является неисчерпаемым источником информации не только об исторических событиях, быте того времени, но и костюме, танце, музыкальных инструментах и т.д. Дворцовые сценки с танцовщицами, сценки с дервишами, сцены охоты, празднеств и т.д. являются неисчерпаемым источником вдохновения для творчества композиторов, либреттистов, хореографов, художников, исполнителей современного азербайджанского балетного спектакля (рис. 1, 2). О восточной средневековой (в частности, азербайджанской) миниатюре, как о неисчерпаемом творческом источнике вдохновения говорят такие выдающиеся сценографы, как С. Вирсаладзе, Т. Нариманбеков, Т. Салахов, Т. Таиров, Р. Исмайлов и др.

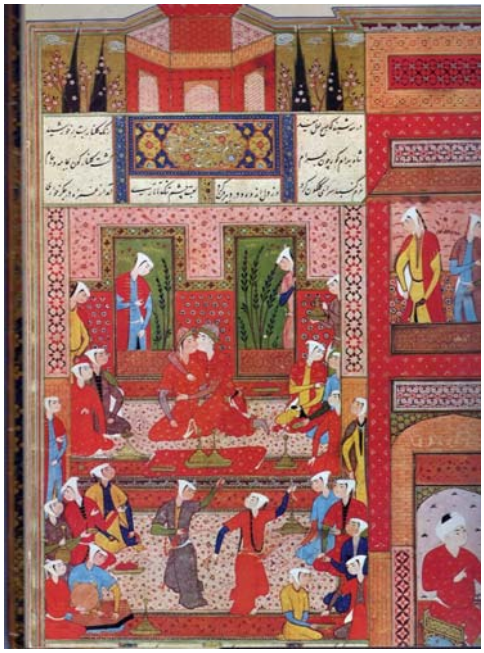

Рисунок 2.
«Любовная сцена». « Куллият» Амир Хосров Дехлеви, 60–80 гг. XVI века

Выдающийся балетмейстер современности Юрий Григорович, помимо восточной танцевальной пластики вдохновленный также и восточной средневековой миниатюрой, создавал хореографию балета «Легенда о любви» А. Меликова «как смену поэтических «строф» восточных «газелл», несущих поток чувств, мыслей».[2] (рис. 3) Балетмейстер Тамилла Ширалиева говорила, что изысканная восточная пластика образов в миниатюрах помогала ей создавать хореографический рисунок в постановке балета «Раст» Ниязи. Такие балеты, как «Девичья башня» А. Бадалбейли, «Семь красавиц» К. Караева, «Легенда о любви » А. Меликова, «Тысяча и одна ночь» Ф. Амирова, «Раст» Ниязи и др. полны творческим переосмыслением азербайджанской миниатюры. Они также насыщены азербайджанскими ментальными танцевальными движениями (балет «Девичья башня» А. Бадалбейли, хореограф Г. Алмасзаде), выразительными, психологически значимыми жестами и восточным танцевально-пластическим рисунком (балет «Легенда о любви» А. Меликова, хореограф Ю. Григорович), гротесковой характерной и мужественно царско-утонченной танцевальной пластикой (балет «Тысяча и одна ночь» Ф. Амирова, хореограф Н. Назирова) и др. Быть может в том и причина их мирового успеха, что они пропитаны ментальными основами азербайджанской культуры – средневековой миниатюрой, танцевальными движениями, поэзией, мугамом.

Рисунок 3.
Сцена из балета « Легенда о любви» А. Меликова. Балетмейстер Ю. Григорович

[1] Керимов К. Султан Мухаммед и его школа. – М., 1970; Kərimov K. Azərbaycan miniatyurları. – Bakı, 1980.
[2] Габович Е. Талант и поэзия // Советская культура. 1965. – 17 апреля.

Известный узбекский искусствовед Зухрахом Рахимова также отмечает содержательное богатство средневековых миниатюр: «Выразительные, но лаконичные данные письменных источников о музыкальной культуре этой эпохи дополняет Темуридская миниатюрная живопись к. XIV – н. XV вв. Выполненные на сюжеты популярной классической литературы (Фирдоуси, Низами, Джами, Дехлеви, Навои и др.) в Самарканде, Ширазе и Герате миниатюры дают зримое представление о музыкальном инструментарии, составе ансамблей, облике музыкантов и танцоров, их одежде, месте мутрибов – музыкантов-исполнителей в социальной структуре общества»[1].

Так как изобразительный ряд миниатюр – это выразительно схваченное, художественно преподнесенное мгновение бытия (хотя туда вложена многоярусная этапность изображаемых процессов), танец здесь присутствует как богато аранжированные позы и движения, и было бы крайне важно сегодня сплести из них реально конкретный танец. Поэтому нам кажется интересным рассмотреть восточную средневековую, в том числе и азербайджанскую миниатюру, как источник информации об исторически сложившихся пластических движениях и позах – основы танца, столь плодотворно и выразительно богато используемых в современном азербайджанском танцевальном искусстве. Какова историческая реальность присутствия танца и театральных представлений в средневековом восточном пространстве?

В главе «Праздники» своей книги «Мусульманский Ренессанс» А. Мец, отмечая условность «внешнего налета ислама» мусульманских праздничных обрядов, писал: «В этот день (праздник шествия к темнице Иосифа близ Джизы – А.Г.) устраивались всевозможные развлечения, представления (самаджат), мимические сценки (хикайат), теневой театр (хиййал)». И далее: «В Багдаде давали представления (самаджат) в масках даже перед самим халифом»[2]. Наличие театрализованных представлений в религиозных празднествах раскрывает пути проникновения обусловленных, разработанных пластических решений – поз и танцевальных движений – в духовный арсенал Востока, показывает, как воспитывалось художественно-эстетическое восприятие восточного индивидуума, как развивался обусловлено ясный, выразительный, универсальный в своем регионе пластический танцевальный язык.

Средневековый танец Азербайджана сформировался как дворцовый, так и народный, фольклорный. Дворцовые девушки, как мы видим в изображениях средневековых миниатюр, в описаниях исторических хроник, в поэтических произведениях средневековья часто с кастаньетами или нелбеки-дэсти (набор блюдец) или палочками и платками в руках и бубенцами на ногах грациозно-утонченно танцевали под изумительную музыку азербайджанских ученых музыковедов XIII века Сафи-ад-Дина Урмави, XIV века Абдулгадира Марагаи и др. (рис. 1, 2, 5**).** В своей парной миниатюре «Танец дервишей» знаменитый представитель миниатюрной школы Азербайджана Мухаммеди (? – 1580) изображает народное представление «Тэке оюну», участники которого – дервиши, танцуя, ударяют в дэф и озвучивают гашыгек. А. Марагаи изобрел музыкальный инструмент, состоящий из чаш, издающих звуки разных высот (Каса дэсти). Он исполнял на нем множество песен, мугамов и танцев своего времени. В недалеком прошлом мы были свидетелями исполнения на чашах фольклорным ансамблем «Ирс».

Обратимся к примерам: прекрасная миниатюра Султан Мухаммеда «Пикник влюбленных» (рис. 1), иллюстрирующая рукопись дивана Хафиза (1520-1530), хранящаяся в Музее Фогга, Кембридж. На фоне таинственной глуши райского сада высвечиваются яркими пятами силуэты влюбленной пары, размещенной по традиции в центре миниатюры, вязь силуэтов прислуги и музыкантов обрамляет венок композиции миниатюры, а посредине две танцовщицы в изысканном изгибе станов с платочками в ладонях как бы покачиваются в ритмах музыки. У одной танцовщицы одна рука поднята, вторая рука откинута назад. У второй танцовщицы обе руки грациозно откинуты за корпус тела. Аналогичные движения присутствуют в азербайджанском национальном танце и сегодня, притом с атрибутикой платочков, «дефе» – бубна, блюдец с наперстками, маленьких «армуды» стаканчиков в ладонях, которые в такт музыки издают приятное звучание (рис. 4, 6, 7).

Рисунок 4.
«Танец «Нелбеки». Азербайджанский государственный ансамбль танца

[1] Рахимова З. Музыка и танец в темуридской миниатюрной живописи // Шарк тароналари / VI Международный музыкальный фестиваль. – Ташкент, 2007. – С. 74.

[2] Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М., 1973. – С. 338.

Утонченную пластику силуэтов танцовщиц мы также наблюдаем в блистательной миниатюре, относящейся к рукописи « Куллият» Амир Хосров Дехлеви (рис. 2): здесь фоном служит архитектура, убранная россыпью изразцов, в центре – трон с шахом и возлюбленной, диагональными рядами спускаются силуэты прислужниц, музыкантш, придворных и в центре нижней передней части минатюры – танцовщицы в изгибах пластики тела и рук. Аналогичные позиции рук и тела мы наблюдаем в современных азербайджанских танцах, притом позиции головы-рук, головы-ног (танцовщицы двигаются влево, а голова – вправо, руки раскинуты вверх и в сторону, в ладошках «аккомпонирующие» платочки) имеют множество разработок современных азербайджанских хореографов, таких как Р. Джалилова, А. Дильбази, А. Абдуллаев и др.

Пластические жесты не только в смысловом отношении связывают персонажей азербайджанской миниатюры, обыгрывают сюжет, но и эстетически и эмоционально обогащают их, композиционно создают плавность ритмических переходов, венок, сплетая вязь силуэтов в причудливый абрис (рис. 1, 2). Поражает пластичность образов, поз, жестов, плавучесть композиционного решения азербайджанских средневековых миниатюр. Кажется, их персонажи не ходили, а ступали, обладали совершенной гибкостью, грацией, артистичной выразительностью, совершенством пропорций. В средневековых восточных миниатюрах мы наблюдаем множество миниатюр с танцовщицами («Куллият» Амир Хосров Дехлеви, 60–80 гг. XVI век; «Хамсе», Низами, XVI век, Музей искусств, Хьюстон, США и др.).

Рассматривая средневековые тебризские, гератские, ширазские, казвинские, исфаганские, багдадские и др. миниатюры мы обнаружили много аналогичных танцевальных поз, жестов, атрибутики в руках танцовщиц, элементов костюма, головного убора и т.д. Это навело нас на мысль, что помимо специфических, местных особенностей придворных танцев, существовал один первоисточник или их было несколько, характерные существенные черты которых другие школы тщательно воспроизводили, обогащая, развивая их спецификой своего региона. По историческим источникам мы прекрасно видим, что выдающиеся завоеватели-правители, объединяя захваченные ими регионы, смешивая их культуру и традиции в один цивилизованный котел, создавали благоприятные условия для развития науки, поэзии, создания манускриптов, миниатюр для рукописей, придворного танцевального искусства и т.д. Так, в начале 1430-х годов правитель Герата Байсонкур пригласил из Тебриза трех известных мастеров для изготовления рукописного альбома по уже имеющемуся образцу альбома султана Ахмеда из Багдада. Один из этих мастеров – Сейид Ахмед Наккаш – стал учителем выдающегося гератского миниатюриста Бехзада. Тебризский художник Мир Сейид Али работал в Индии при дворе Хумаюна и Акбара и сыграл основополагающую роль в становлении могольской школы миниатюр и т.д. Сын выдающегося азербайджанского шаха и поэта, основателя династии Сефевидов шаха Исмаила I шах Тахмасиб I, будучи сам прекрасным художником и поэтом, в детстве воспитывался в Герате. После смерти отца он вернулся в Тебриз, чтобы принять трон и привез с собой целую свиту придворных художников, поэтов и др. В Тебризе в это время вот уже два столетия развивалась тебризская школа миниатюрной живописи во главе с блистательным художником Султан Мухаммедом. Султан Мухаммед, Мир-Мусаввир, Мирза Али, Мир-Сеид Али, Музаффар Али, Мухаммеди, Садиг-бек Авшар и другие художники-миниатюристы создавали гениальные миниатюры, потрясающие не только своим совершенством, но и информационной насыщенностью уклада жизни, обрядов, архитектуры, костюмов, мимики, танца, поз и жестов, музыкальных инструментов, животных и т.д., и они являлись ярким примером эстетической найденности синтеза прекрасного. Но когда Бехзад прибыл из Герата в Тебриз, он внес свежую струю, обогатил стиль Тебризской школы миниатюры, которая в свою очередь повлияла на становления других школ миниатюр смежных стран и имела изумительное продолжение в Каджарской живописи конца XVIII – начала XX века (рис. 5). На живописных произведениях Каджарской эпохи мы видим более крупные изображения танцовщиц, сменивших стиль костюмов, головного убора, самого стиля преподношения. Но движения рук с теми же кастаньетами, положения головы, рук и ног несут все ту же вариантность и развитие (например, «Акробатка») наблюдаемых нами танцев в миниатюрах сефевидского периода. Известный американский хореограф и искусствовед, профессор Лаурель Виктория Грей писала: «Во времена династий Сефевидов и Каджаров при их покровительстве были созданы более престижные условия для танцев. Характеризуемый, как «изящный, тонкий и полный символики и значения», придворный танец расцвел. Сцены придворных развлечений, такие, как знаменитые картины в Исфахане – изображают танцоров, выступающих на празднествах, одетых в богатые ткани и украшения. Падение династии Каджар в 1925 году нарушило преемственность придворного танца; хотя в соседних областях, таких как Бухарский эмират, традиции не были утеряны, а передавались через семьи»[1].

Итак, рассмотренные нами материалы показали глубокие корни и преемственность движений, используемых в современном азербайджанском танце. Они имеют богатые традиции, что показали изображения с танцовщицами, выявленные нами в средневековых восточных (в частности, тебризских) миниатюрах. Автор в 2012 году на Международном научном симпозиуме, посвященном 90-летию действительного члена Национальной академии наук Азербайджана, Герою Советского Союза Зии Муса оглы Буниятову, после тщательного изучения материала, сделала доклад на тему: «Танец в изображении средневековой восточной миниатюры» и продемонстрировала поставленный ею «средневековый» азербайджанский дворцовый танец на основе поз, жестов, мимики, костюмов по азербайджанской средневековой миниатюре на музыку азербайджанского ученого музыковеда XIV века Абдулгадира Марагаи «Нахышбести» (рис. 6).

[1] https://publication.tirgan.ca/dance-interrupted-longing-for-iranian-roots-2/

Рисунок 5.
Танцовщица с кастаньетами. Династия Каджаров. н. XIX в.

Рисунок 6.
Средневековый азербайджанский танец на музыку А. Марагаи «Нахышбести»
(хореограф А. Гусейнова)

Рисунок 7.
Азербайджанский танец с тарелочками и наперстками

Как показал этот опыт, материал по танцевальным движениям в средневековых восточных миниатюрах, в том числе и тебризской школы миниатюр – многообразен, богат утонченными движениями, активной атрибутикой, он обогащает средневековый восточный танец и имеет прямые аналоги в танцевальной пластике современного азербайджанского танца.

Жесты и пластика – этот богатейший эмоциональный семантический арсенал средств выражения национальных особенностей, глубинных ментальных программ, порой утерявший тайный смысл, но сохраняющий истинность импульсного языка человечества.

Крюкова О.С.
д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств Факультета искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

РОЛЬ ТОПОНИМИКИ В КОНСТРУИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова*: топонимика региона, региональная идентичность, прецедентные имена.*
Keywords*: toponymy of the region, regional identity, case names.*

Региональная идентичность для современного человека, который обладает также национальной, гражданской, профессиональной идентичностями, предполагает ассоциирование себя с жителями определенного региона. В современных культурологических исследованиях региональная идентичность рассматривается как «аутентичная и своеобразная знаковая система в динамике и в континууме постоянных процессов межкультурной коммуникации» [5, с. 47] Самый простой маркер региональной идентичности, который является знаком в этой знаковой системе, – ответ на вопрос: откуда вы? Ответ предполагает название региона, города или села.

В связи с относительной подвижностью административных границ региона большее значение для формирования региональной идентичности приобретает название города областного масштаба. Названия древних городов России также являются маркером региональной идентичности, это подтверждается многочисленными паремиями (пословицами и поговорками), правда, не всегда с позитивной оценкой жителей соответствующих населенных пунктов. Приведем несколько примеров: «Нижний – сосед Москвы ближний»; «Орел да Кромы – первые воры, а Елец – всем ворам отец»; «Одни глаз на нас, другой – в Арзамас»; «Тверь – в Москву дверь»; «Тверь-городок – Петербурга уголок»; «Муж в дверь, жена – в Тверь»; «А у нас в Рязани – грибы с глазами»; «Тула – в лапти обула»; «В Тулу со своим самоваром не ездят». В паремиях нашли отражение и речевые особенности представителей разных регионов. Так, московское аканье закрепилось в паремии: «С Маасквы, с посаду, с Калашного ряду».

Прецедентные наименования, порождая региональные стереотипы, также являются маркерами региональной идентичности. Так, район Нижнего Новгорода, Сормово, хорошо известен россиянам по песне «Сормовская лирическая» (слова Евгения Долматовского, музыка Бориса Мокроусова), а город Мценск – по заглавию повести Николая Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». В других произведениях Лескова, по наблюдениям краеведов, широко представлена топонимика города Орла, в частности названия «улиц: Нижние (первая – современная ул. Советская, 2-я – ул. Свободы), Кромская (современная ул. Комсомольская), Карачевская, Волховская, Пушкарная слобода, Третья Дворянская, а также Навугорская застава и Дьячковская часть; площадей: Кромская (ныне Комсомольская площадь) и Полешская (сейчас застроена, на ней находится музей Изобразительных искусств); мостов: Орлицкий (существовавший на месте Александровского моста) и Балашевский» [2, с. 289]. Эти соответствия современной и исторической топонимики важны не только для конструирования региональной идентичности, но и для характеристики литературного региона.

Региональная топонимика, с одной стороны, весьма консервативна, сохраняя древние наименования славянских и неславянских народов и народностей, а с другой стороны – подвержена изменениям в зависимости от социально-политических перемен. В настоящее время исследователи отмечают «усиление роли регионального топонимикона как стилистического ресурса и топонимической лексики как социально-оценочного средства газетной публицистики» [3, с. 69].

Ряд российских городов, поселков и улиц были переименованы после Октябрьской революции, а в период перестройки состоялось возвращение к историческим названиям: Ленинград стал вновь Санкт-Петербургом, Калинин – Тверью, Горький – Нижним Новгородом и так далее, но не во всех случаях городу возвращалось историческое название. Это произошло с городом Кировом, который в древности имел два названия: Хлынов и Вятка. Консенсус по переименованию не был достигнут, и сейчас, в неофициальном дискурсе, можно встретить двойное именование: Киров (Вятка). Город Санкт-Петербург в 1991 г. обрел историческое наименование, но область осталась при прежнем названии. В то же время старое наименование – Ленинград – входит в состав хрононима «блокада Ленинграда».

О восприятии обществом чехарды переименований свидетельствует фрагмент из «Записных книжек» Сергея Довлатова: «В Ленинграде состоялась знаменитая телепередача. В ней участвовали Панченко, Лихачев, Солоухин и другие. Говорили про охрану русской старины. Солоухин высказался так:

– Был город Пермь, стал – Молотов. Был город Вятка, стал – Киров. Был город Тверь, стал – Калинин… Да что же это такое?! Ведь даже татаро-монголы русских городов не переименовывали!» [1, с. 202–203].

«Малая топонимика», т.е. наименования городских локаций: улиц, площадей, переулков, проспектов и т.п. – также является маркером региональной идентичности. Это относится, во-первых, к традиционным наименованиям, которые имеют ономастическую легенду. Ямские и Мытные улицы, которые имеются не только в Москве, но и в других городах, напоминают о ямщиках и о сборе налогов. Московские локации: Скатертный, Хлебный, Калашный пере-

улки – память о слободах, в которых селились люди, занимавшиеся обслуживанием нужд царского двора. Так, Колымажный переулок получил свое название в XVII–XVIII вв. по Колымажному двору, где хранились колымаги – царские экипажи.

Нередко улице давалось название по фамилии домовладельца или по названию ближайшего церковного прихода, ряд улиц и переулков отражал особенности рельефа местности (это названия типа Кривой переулок, Песчаная улица), характер ближайшего окружения. Острожная площадь в Нижнем Новгороде получила название по находившемуся на ней острогу, после 1917 г. она была переименована в площадь Свободы. Пересекавшая эту площадь улица Полевая была когда-то окраинной, рядом находились поля, в 1958 г. она была переименована в улицу Горького, это было мотивированное переименование, так как несколько зданий на этой улице были связаны с именем писателя.

В советскую эпоху одна из центральных улиц как крупного, так и небольшого города традиционно носила имя В.И. Ленина, в большом количестве появлялись улицы и площади Карла Маркса, Советские, Коммунистические улицы и названия, посвященные деятелям местного масштаба (например, улица Павла Андреева в Москве, площадь Маркина в Нижнем Новгороде). Топонимы, посвященные деятелям регионального масштаба, тесно связаны с региональной идентичностью. Процесс переименования улиц после 1917 года происходил практически во всех крупных городах, Нижний Новгород не был в этом смысле исключением: «На карте города были увековечены имена деятелей мирового социалистического движения (Маркс, Энгельс, Жорес, Лассаль, Дебс, Маклин), руководителей Советского государства (Ленин, Свердлов, Троцкий, Луначарский), российских борцов с самодержавием (Радищев, Пестель, Рылеев, Герцен, Чернышевский, Халтурин), «прогрессивных» поэтов и писателей (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Никитин, Надсон, Гаршин, Кольцов). Двум площадям дали названия в честь дней рождения наиболее почитаемых после революции литераторов (Горького и Толстого): площадь 28 марта и площадь 9 сентября. Основой для новых топонимов стали также сакральные для российских коммунистов даты (9 января, 22 апреля, 1 мая, 25 октября) и слова, обозначающие позитивно окрашенные в рамках советской идеологии понятия и социальные группы («рабочий», «интернационал», «коммуна», «свобода», «пролетарский», «крестьянский», «мужицкий», «батрацкий», «бедный», «гражданский», «советский», «мозолистый», «красноармейский», «коммунистический», «вольный», «октябрьский», «алый»)» [4, с. 225]. Но и в советское время улицы, названные в честь новых реалий, подвергались переименованиям [см.: 4]. После 1917 г. переименованиям подверглись также промышленные предприятия: Сормовские заводы стали «Красным Сормовом», Новая Этна – «Красной Этной», завод Фельзер – «Двигателем революции» [4, с. 227], что в ряде случаев отразилось и на названиях улиц, промышленных районов, а впоследствии – и станций метрополитена (одна из современных станций метрополитена г. Нижнего Новгорода называется «Двигатель революции»).

Новая волна переименований прошла в годы перестройки, причем улицам не всегда были возвращены собственно исторические названия (например, переименование улицы Б. Коммунистической в улицу Солженицына в Москве), отдельные региональные топонимы также подверглись подобным переименованиям. Следует отметить, что некоторые «советизмы» в топонимике также могут рассматриваться как часть культурного наследия (улица МОПРа в г. Кирове), но они не всегда имеют отношение к региональной идентичности. В приведенном примере к региональной идентичности относится название города, вернее, Кировской области, т.к. С.М. Киров был биографически связан с Вятской губернией.

Таким образом, региональную идентичность конструирует большинство топонимов, за исключением распространенных во многих регионах; прецедентные имена (исторические деятели, писатели, художники, музыканты, связанные с тем или иным регионом), которые часто используются в наименованиях улиц и других городских локаций; хрононимы, включающие местные топонимические образования (Курская битва, Куликовская битва); достопримечательности регионального масштаба (Тульский кремль); изделия народных промыслов и соответствующие наименования (палех, хохлома, гжель и пр.); музеи, прежде всего краеведческие, литературные или посвященные выдающимся людям того или иного региона.

Список литературы

1. Довлатов С. Записные книжки // Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – С. 159–229.
2. Зубова Ж.А. Орловская региональная топонимика в произведениях Н.С. Лескова как познавательный ресурс в туристической индустрии // Интеграция туризма в экономическую систему региона: перспективы и барьеры: материалы I Международной научно-практической конференции. 2019. – С. 287–290.
3. Ильин Д.Ю. Динамические процессы в региональном топонимиконе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. – № 3 (19). – С. 63–69.
4. Селезнев Ф.А. Революция и региональная топонимика: названия улиц Нижнего Новгорода в 1918-1923 гг. // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. Сб. статей /Сост. и главн. ред. А.А. Корнилов. – Н. Новгород, 2019. – С. 224–231.
5. Шушарина Г.А. Региональная топонимика Комсомольска-на-Амуре в контексте лингвоаксиологического исследования региональной идентичности // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. – Т. 2, № 2 (22). – С. 47–49.

Лысикова Н.П.
к.филос.н., доцент Саратовского государственного университета
450885@list.ru

РОЛЬ СЕМЕЙНОГО ТУРИЗМА В СОХРАНЕНИИ И ТРАНСЛЯЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *семейный туризм, социальная память, социокультурная память поколений, чувство малой родины, регион, семейная история, семейные мифы.*

Keywords: *family tourism, social memory, socio-cultural memory of generations, sense of small homeland, region, family history, family myths.*

Концепция социальной памяти имеет свою историю и свои идеи, среди которых выделяется идея коллективной памяти общества, являющаяся основой формирования сознания как отдельной личности, так и региона, в котором она проживает. Развитие и передача социальной памяти достигается, прежде всего, при непосредственном восприятии и сохранении в сознании человека и общества культурных памятников поколений, в которых материализуется отечественная, региональная, семейная история, воплощенная в произведениях изобразительного искусства, зодчества, архитектурных ансамблях, музыкально-танцевальной, народной, повседневной, праздничной культуре. Следует согласиться, что человек, постоянно расширяя границы своего реального существования в мире, усваивает «тот тип исторической памяти, который транслируется посредством образовательных и мемориальных практик, но и сами практики вынуждены приспосабливаться к ожиданиям»[1], соответствовать представлениям людей, являющихся участниками позитивного диалога, происходящего между источником информации и его адресатом.

Одним из перспективных направлений сохранения и трансляции социокультурной памяти поколений, по нашему мнению, является семейный туризм. Поддержка образцов светской и религиозной духовной культуры, формирование чувства малой родины становится актуальной проблемой, исследованием которой занимаются ученые различных областей научного знания, видные представители культуры и искусства, специалисты в сфере образования и туризма. Семейный туризм как самостоятельный вид становится все более востребованным не только на международном уровне, но и внутри страны. Региональный семейный туризм в сравнении с другими видами туризма имеет целый ряд преимуществ, которые, особенно в условиях социальной неопределенности, нестабильности и рисков, позволяют успешно решить целый ряд актуальных вопросов:

во-первых, родители вместе с детьми могут осуществить свои планы на отдых, развлечения, релаксацию, временно отвлечься от повседневных забот, профессиональной работы и учебы, не выезжая за границы своего региона и не меняя климатическую зону;

во-вторых, дети и взрослые смогут лучше познакомиться с историей и культурным многообразием родного края, и, следовательно, повысить культурно-образовательный уровень своей семьи;

в-третьих, данный вид туризма является важным стимулирующим ресурсом для позитивного развития региональной экономики, повышения качества и комфортности инфраструктуры малых городов и сельских населенных пунктов;

в-четвертых, региональный семейный туризм мотивирует путешественников на укрепление, сохранение и благополучие семьи и семейных ценностей, приобщение детей и взрослых к здоровому образу жизни и физическому воспитанию;

в-пятых, данный вид туризма также способствует укреплению национальной и региональной идентичности семейных путешественников, освоению культурных ценностей региона, формированию чувства гражданственности и патриотизма.

Динамичное семейное туристическое времяпрепровождение с конкретно поставленными целями никогда не сравнится с компьютерными аналогами виртуального знакомства с театром, музеем, выставкой, бесконтактным посещением исторических мест, памятников, природных заповедников. В процессе непосредственного общения членов семьи как с источником информации – экскурсоводом, социокультурными объектами, так и между собой, конструируются новые смыслы, осуществляется и корректируется интерпретация культурных ценностей, происходит интеллектуальное развитие, приобретается новый семейный и личностный опыт. После туристических поездок дети и взрослые, как правило, возвращаются духовно преображенными, с измененным сознанием, потому что приобретают ни с чем не сравнимые впечатления, эмоции, знания, которые не всегда полностью ими осознаются непосредственно

[1] Аникин Д.А. Контекстуальность исторической памяти: сетевой подход в философии истории // Философия и методология истории: сб. науч. ст. VII Всероссийской науч. конф., Коломна, 27–28 апреля 2017 г. / Минобрнауки РФ, М-во образования Моск. обл., Гос. соц-гум. ун-т / Отв. ред. С.Г. Калашников. – Коломна: ГСГУ, 2017. – С. 14.

после возвращения. Необходима некоторая пауза, чтобы подобные погружения в мир иной культуры, даже если они не всегда были продолжительные и продуманные, выполнили свою главную миссию, а именно: вырвать путешественника из круговерти повседневной жизни, работы, бытовых забот, возвратить ему праздник, беззаботность, ожидание чуда.

В каждом российском регионе существует туристический паспорт, в котором представлена краткая характеристика области, туристические ресурсы областного центра и муниципальных районов. В туристический паспорт Саратовской области включена сводная информация о туристском потенциале каждого из 38 районов, о памятниках природы, объектах культурно-познавательного, лечебно-оздоровительного и религиозного туризма[1]. Подобное издание может и должно стать настольной книгой каждой путешествующей семьи, которая ставит своей целью познакомиться с культурными памятниками региона, сформировать у своих детей чувство малой родины, принять посильное участие в изучении, сохранении и, возможно, реставрации культурных объектов[2]. Большой интерес представляют такие разделы туристических ресурсов, как: месторасположение, история, природные составляющие, в которые входят климат, водные ресурсы, флора, фауна, учреждения высшего образования, знаменитые люди, учреждения культуры, исторические, культурные, природные достопримечательности, объекты культового назначения, народные промыслы и ремесла, творческие коллективы. Характеристика туристических ресурсов областного центра и его муниципальных районов логически завершается действующими в настоящее время туристическими маршрутами и приуроченными к ним событийными мероприятиями.

Семейный туризм в регионе развивается в направлениях, ориентированных на сохранение и трансляцию социокультурной памяти поколений, совместное приобщение к миру культуры и культурному наследию, освоение новых географических, оздоровительных и культурных территорий. Другой, не менее важной особенностью данного вида туризма, является сопутствующее ему психологическое направление, способствующее укреплению внутрисемейных отношений, основанных на воссоздании и формировании таких параметров семьи, как: семейная история, семейные мифы, семейные ценности и правила. Особое место в семейном туризме занимает тема патриотизма, провозглашенная Президентом России В.В. Путиным в качестве национальной идеи. По его словам, патриотизм является «ключевой частью общенациональной культуры», и не «нужно все время хвататься только за наше героическое прошлое», нужно смотреть «в наше не менее героическое и успешное будущее, и в этом залог успеха»[3].

В период празднования 75-летия со Дня Победы в Великой Отечественной войне во многих российских семьях вспоминали об ушедших на фронт отцах, дедах, братьях, близких людях, поэтому логичным является участие всей семьей в специально организованных экскурсиях «Саратов – город прифронтовой», «Все для фронта – все для Победы» с посещением промышленных предприятий, работающих в военные годы, Парка Победы на Соколовой горе – музейном комплексе под открытым небом, включающим Саратовский государственный музей боевой и трудовой славы с экспозицией боевой техники, этнографический комплекс «Национальная деревня народов Саратовской области», Исторический парк «Россия – Моя история». Особенно отметим выставку с технологией дополненной реальности «Победу одержал народ. Плакат работал на Победу», которую подготовил Саратовский областной музей краеведения, рассчитывая и на семейное ее посещение. В каждом муниципальном районе существуют объекты культурно-познавательного туризма, которые постоянно реставрируются и пополняются. Так, в селе Тепловка Вольского района идет подготовка к установлению нового мемориального комплекса, посвященного Герою Советского Союза летчику Виктору Талалихину, подвиг которого известен каждому школьнику не только Саратовской области, но и России. Проект памятника герою, подготовленный местным скульптором А. Щербаковым, одобрен общественностью и в настоящее время отливается в бронзе.

В этом году Саратов станет одним из участников Всероссийского проекта «Дороги Победы», в который входят 23 субъекта Российской Федерации и включены свыше 200 маршрутов по всей стране. Бесплатные поездки по военно-историческим маршрутам планируется организовать, прежде всего, для учащихся школ, кадетских корпусов, воспитанников детских домой и детей с ограниченными возможностями здоровья.

В области помимо широко известных памятников и мест, достойных семейного туризма, существуют также неизведанные уголки и маршруты, которые раскрывают Саратовскую область и соседние регионы Поволжья совершенно с другой стороны. По-видимому, именно в таких путешествиях «к неизведанному» по-настоящему раскрывается культурно-развивающая сущность туризма как историческая практика постоянно кочующего народа, осваивающего новые территории, демонстрируется историческое и культурное многообразие мировых цивилизаций. Вряд ли, даже кто-то из опытных краеведов региона, знаком с селом Калинихой – райским уголком Поволжья, костелом в селе Подстепное, Жариным бугром на выезде из Саратова по Вольскому тракту, со старинным и таинственным домом со львами на севере области в селе Поповка. Не менее интересные места и памятники для путешествующей семьи имеются и в Ульяновской области (Скрипинские кучуры, Сегилеевские горы, дендропарк, Музей гражданской авиации), в Чувашской республике (исторический железнодорожный мост в деревне Мокры, водопад «Серебряный каскад», Музей миниатюрной железнодорожной техники под открытым небом), в Республике Мордовия (Атемарский вал, дворянское

[1] Туристический паспорт Саратовской области. – Саратов: РПК «Графика-Юг» ЧП Панина А.Н., 2012. – 100 с.

[2] Лысикова Н.П. Реставрационный туризм как стратегия сохранения культурного наследия // Актуальные проблемы социально-гуманитарных и экономических знаний. Сб. науч. трудов. – Саратов: КУБиК, 2018. – С. 113–117.

[3] «Посвятить себя развитию страны»: Путин назвал патриотизм национальной идеей России. – https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya

имение семьи Араповых, ковылкинские храмы, представляющие священное ожерелье Примокшанья, Симкинский природный парк с чудо-дубом, исполняющим желания) и во многих других российских регионах[1].

Таким образом, региональный семейный туризм играет значительную роль в сохранении и трансляции социо-культурной памяти поколений, продолжении и развитии семейных историй, выстраивании семейных мифов, которые станут передаваться семьям второго и последующих поколений, их доминантой будут любовь и преданность малой родине, родной культуре, ее памятникам, художественным ценностям и героям-победителям.

[1] Неизведанное Поволжье. Уникальные памятники истории и культуры, неизведанные природные уголки, новые туристические маршруты ПВО. – Нижний Новгород: PRO SVET. 2013. – 96 с.

Парахонская Г.А.[1]

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Ключевые слова*: краеведческий музей, социокультурная политика, провинциальный город.*

Культурно-историческая среда и организация социокультурной деятельности является непременным условием формирования самосознания народа, национальной идентичности, патриотизма. Особое значение указанная деятельность имеет на региональном уровне - в областном городе, районном центе, местном поселении – с точки зрения возрождения региональной культуры, воспитания отношения к культурному наследию у подрастающего поколения. В первые десятилетия XXI века музей в значительной мере утратил ряд своих функций, таких как просвещение, политическая социализация, трансляция культуры. Региональные и местные власти недооценивают роль музея в современном обществе. Краеведческий музей как научное, просветительное учреждение, осуществляющее комплектование, хранение популяризацию памятников истории и культуры теряет поддержку, оказывается в ущемленном положении. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления социокультурной роли краеведческого музея.

Междисциплинарный характер исследований проявляется на пересечении работ по истории, культурологии. Интерес к музейной проблематике привел к возникновению социологии музеев. Появляются теоретические работы, раскрывающие роль музея как социального института. Прикладные исследования в основном посвящены изучению посетителей музеев.

Краеведческий музей является одним из многочисленных видов музеев, но его роль в системе культуры провинциального города особенно велика в силу отсутствия большого разнообразия культурообразующих объектов.

Методологической основой исследования музейной деятельности является структурно-функциональный анализ. В марксистской традиции музей можно рассматривать как институт социализации, формирующий идеологию доминирующего класса. Неизменным остается кумулятивная функция: накопление, собирание, хранение предметов материальной и духовной культуры (культурного наследия). В российской культурной традиции музею придается статус, связанный с реализацией музеем культурного архивирования и культурного просвещения. ФЗ от 25.06.1996 № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» определяет главные функции музеев: хранение музейных предметов и коллекций, осуществление просветительской и образовательной деятельности.

Культура, по словам польского социолога Я. Щепаньского, всегда локализована в пространстве и обществе. Он различает культуру общности и культуру наследия. Культура общности – это совокупность существующих произведений и образцов, играющих признанную роль в жизни всех членов общества, а культура наследия –та часть системы, которая была передана следующим поколениям. Культурное наследие становится компонентом освященных ценностей, символов, вызывающих эмоциональное отношение, а поэтому и фактором интеграции групп, средством их объединения, фактором их постоянства и устойчивости в периоды кризисов[2].

Краеведческий музей является одним из важнейших институтов культуры, выполняющих функцию политической социализации, формирующих гражданскую позицию личности.

Осмысление роли музея как социокультурного института происходило с первых десятилетий XX века. Основные задачи его деятельности соответствовали потребностям общества и были включены в государственную политику, имеющую целью духовно-нравственное и политическое воспитание, сохранение и трансляцию культурного наследия. Причем роль региональных и местных музеев была значительна.

В последнее десятилетие XX века происходит постепенное снижение роли музея в провинции. Это связано с экономическими проблемами, пересмотром концепций исторического прошлого, переориентацией системы образования на формирование потребителя, и определяемого этим ослабления нравственного воспитания. Но имея опытный кадровый состав, сформированный в советское время, музей по инерции поддерживал стандарты своей деятельности. За счет федеральных грантов удавалось реализовывать интересные проекты. Например, в Твери была организована выставка «На обломках Атлантиды», экспонировавшаяся в течение длительного периода, что дало возможность не только школьникам, но и студентам наглядно проследить судьбы различных слоев населения на протяжении XX века. В то же время происходило постепенное сворачивание экспозиций, оставшихся от советской эпохи. Порой только сотрудникам-энтузиастам удавалось сохранить музей, отстояв его роль как культурного центра поселения, например, музей имени М.И. Калинина в селе Верхняя Троица Тверской области.

[1] Парахонская Галина Анатольевна – к.и.н., доцент кафедры социологии, Тверской государственный университет. E-mail: parakhonskaya@gmail.com

[2] Щепаньский Я. Элементарные понятия со циологии. - М.: Прогресс, 1969. - С. 44–45.

Музей всегда являлся проводником государственной политики, реализовывал ее задачи. Недооценка со стороны региональной и муниципальной власти роли краеведческого музея привела к недостаточному финансированию, а значит, и ограничению эффективности их деятельности.

В последние десятилетия создается много различных ведомственных и частных музеев. Их финансирование осуществляется за счет грантов или средств частных лиц. После завершения гранта они сталкиваются с трудностями материального характера. Частные музеи имеют обычно небольшое помещение, ограниченный состав экспонатов, которые не имеют возможности пополнить. Их основная функция носит информационно-развлекательный характер. В последнее время в каждом районом центре создаются различные небольшие музеи, например, «Музей Улитки», «Музей Козла», «Музей Оружия», «Музей Плюшкина», «Музей Пчелы», «Музей Каши» и другие. Подобных мелких музеев много в любом регионе. Данный факт заслуживает только положительной оценки. Однако эти музеи не могут заменить полноценного и активно функционирующего краеведческого музея, который является основным субъектом создания регионального социокультурного пространства, имеет возможность изучить и показать, как в частном проявляется общее, а в общем частное, т.е. представляет исторический материал системно. Между тем финансирование краеведческого музея по остаточному принципу сужает возможности его деятельности, а иногда и ставит на грань выживания.

Серьезные проблемы вызывает переориентация деятельности музея на развлекательную функцию как основную. Просветительская деятельность музея, нацеленная на изучение исторического прошлого не только по учебникам, но и через предметы материальной культуры, представленные в музейной экспозиции, способствует формированию исторического мировоззрения школьников и студентов. Непосредственное обращение к памятникам истории и культуры, понимание, восприятие и интерпретация прошлых исторических эпох через музейный предмет, эмоциональное воздействие дает возможность лучше понимать исторические события, людей, которые жили, творили, создавали, ошибались, жертвовали собой во имя великих целей. В России доступность музея воспринималось и воспринимается как общественное благо. Коммерциализация музейной деятельности негативно сказывается на воспитательной и просветительной функции. Сегодня наглядно видно противоречие между академическим статусом музея как института просвещения и социальной деятельности и превращения его в сферу оказания развлекательных услуг.

В настоящее время финансовое благополучие музея зависит от грамотного маркетинга и привлечения посетителей. Взаимодействие с властью на местах осложняется тем, что чиновники недооценивают роль музея в воспитании подрастающего поколения. Результаты воспитания проявляются в долговременной перспективе. Политика в отношении музеев – это одно из направлений социальной политики. Основным субъектом социальной политики является государство, следовательно, обеспечение деятельности краеведческого музея – задача государства. Социальная политика всегда затратна, это общее правило и традиция нашего государства. Только при помощи грамотной социокультурной политики можно воспитать нравственное поколение, чтящее память предков, любящее Родину.

Краеведческому музею должна быть возвращена роль координатора культурной жизни в российской провинции, участие в реализации культурной политики, связанное с формированием единого культурно-исторического пространства.

Оценивая эффективность деятельности краеведческого музея, региональные и местные органы власти ориентируются на показатели посещаемости, объем вырученных средств за билеты и заказанные экскурсии, количество организованных выставок. Но этих показателей недостаточно. Методология определения эффективности деятельности учреждения культуры определяется не только количественными характеристиками. Социальные индикаторы эффективности деятельности краеведческого музея должны принимать во внимание степень влияния на население в долговременной перспективе. Следовательно, нужно учитывать работу с различными группами населения, формируя их потребности их и интересы. Культурно-исторический капитал музея может быть конвертирован в ресурс исторической памяти, основу консолидации различных групп.

Краеведческий музей может быть пространством публичного дискурса и может помочь налаживанию межпоколенного диалога, преодолению разрыва поколений произошедшего в 1990-е гг.

Краеведческий музей, включенный в государственную культурную политику, способствует формированию единства российского общества, определяет место России в современном мире. Музей предоставляет возможность обсуждения общественных проблем, так как в музейной жизни сфокусированы все проблемные точки: региональные различия, конфликт поколений, неравенство. В современном обществе назрела потребность граждан обсуждать ключевые вопросы общественной жизни. Сегодня свои площадки предоставляют библиотеки. Потенциал краеведческих музеев (квалификация сотрудников, материалы фондов) дает уникальную возможность показать явление в ретроспективе, использовать разные формы публичного дискурса. Но тенденция оптимизации в социальной сфере, набирающая обороты в последние годы и затронувшая в том числе музеи, значительно ограничивает возможности сотрудников.

Осознание указанных проблем и важности задач по воспитанию молодого поколения, трансляции социокультурных ценностей, формированию исторического сознания, интеграции местного сообщества и граждан России на основе единых ценностей, формирование национального сознания даст возможность сохранить имеющийся опыт и вывести краеведческий музей на новые показатели, позволит изменить приоритеты в культурной политике на региональном и местном уровнях.

Петрова А.П.
преподаватель, Челябинский государственный институт культуры
Благов А.О.
креативный директор, агентство специальных проектов «Bizmont», Москва

КОММЕМОРАТИВНЫЙ ВИДЕО-ФЛЕШМОБ КАК НОВАЯ ФОРМА МЕДИАКУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: *коллективная память, медиакультура, коммеморативный видео-флешмоб.*

Сегодня исследования, посвященные коллективной памяти, уже трудно назвать эвристическими. Со времени генезиса дефиниции и первого обращения к данному феномену прошло без малого сто лет: за вековой промежуток тема получила значительное развитие, сложился корпус авторитетных исследований, но главное – менялись материальные формы-носители коллективной памяти в социокультурном пространстве. Последнее десятилетие породило формат коммеморативного видео-флешмоба – новейшей формы репрезентации коллективной памяти в пространстве медиакультуры.

Когда мы говорим о коммеморации и репрезентации исторических событий в аудиовизуальных произведениях, то всегда имеем в виду коллективную, а не индивидуальную память. Как правило, создатели контента не являются непосредственными участниками исторических событий и основывают свой нарратив на учебниках истории, мемуарах очевидцев, музейных свидетельствах, произведениях искусства, посвященных данной тематике и др. Впервые о дифференциации и одновременно взаимопроникновении индивидуальной и коллективной памяти заговорил М. Хальбвакс в труде «Социальные рамки памяти» (1925 г.). Исследуя механизмы работы памяти, он обозначил ряд проблемных вопросов. К примеру, каким образом индивид делает выбор в пользу запоминания или забвения некоего факта и насколько осмысленным является данный процесс; как он приобщается к памяти семьи, страны, культуры и ассимилирует их; каким образом социум влияет на работу индивидуальной памяти? Важнейшим выводом, который делает М. Хальбвакс, является нераздельность личного и социального опыта – индивидуальная память, утверждает он, всегда детерминирована «рамками» социальной группы, в которой пребывает индивид. Каждая социальная группа обладает своими «рамками» памяти, являющимися ресурсом для возникновения межгрупповых различий и одновременно внутригрупповой консолидации. Исходя из данных положений, М. Хальбвакс выводит механизм функционирования коллективной памяти, утверждая, что «история не просто воспроизводит рассказы современников о событиях прошлого, но время от времени и подправляет их – не только потому, что располагает другими свидетельствами, но и с тем, чтобы приспособить их к приёмам мышления и репрезентации, свойственным нынешним людям»[1].

М. Хальбвакс рассматривал коллективную память исключительно как умозрительный феномен, ограничиваясь анализом ментальной составляющей индивида – его воспоминаний, сновидений, речи. Ф.Р. Анкерсмит же, работая в рамках нарративной философии истории, одним из первых заговорил о форме коллективной памяти в социокультурном пространстве – историческом нарративе как особом типе повествовательного текста. Он анализировал исторический текст в эпоху постмодерна, а значит, уместно экстраполировать его рассуждения на феномен медиатекста, что представляется важным для нашего исследования. По мнению Ф.Р. Анкерсмита, главной особенностью нового исторического нарратива является элемент дискурсивности: в отличие от традиционного нарратива он конструируется не строгим изложением фактов, а «системой выразительных средств (художественным языком), а также личным опытом автора»[2]. Он утверждает новую интенсиональную природу исторического нарратива по принципу порождения текста (соответственно, и истории) говорящим субъектом: «качественный аспект текста формируется под влиянием цели сообщения, а пространственная организация выбирается в соответствии со смыслом»[3]. Ф.Р. Анкерсмит считает, что метафорический компонент в историописании сильнее хроникального – это пробуждает нравственные и эстетические чувства, что способствует более глубокому пониманию описываемых событий. «Исторический текст, – пишет М. Кукарцева во вступительной статье к труду Ф.Р. Анкерсмита, – обладает такой же непрозрачностью и приоритетом семантического измерения, как и искусство. Здесь фокус внимания находится не на самом прошлом, а на несовместимости настоящего и прошлого, на несовместимости языка, на котором мы говорим о прошлом, и самим прошлым. Ведь в соответствии с положениями постмодернизма, прошлое не имеет смысла вне той языковой формы, с помощью которой оно показывается»[4]. Важным выводом Ф.Р. Анкерсмита является то, что нарративы представляют собой интерпретации прошлого исходя из условий социоисторической действительности: «Нарратив никогда не становится моде-

[1] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М: Новое издательство, 2007. – С. 209.
[2] Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 30.
[3] Там же, с. 36.
[4] Там же.

лью событий прошлого, а только метафорическиим заявлением, с помощью которого устанавливаются отношения тождества между этими событиями и типами рассказов, которыми события описываются»[1].

Следующий значимый шаг в осмыслении форм коллективной памяти был сделан П. Нора. Он ввел понятие «мест памяти», подразумевая под ними не только явления коммеморации духовного плана, но и их материальную фиксацию – памятники, музеи, предметы, здания, которые «воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности»[2]. По мнению П. Нора, места памяти являются своеобразными коммеморативными симулякрами, а их возрастающее значение связано с утратой подлинной исторической памяти, ведь они «не имеют референции в реальности. Или, скорее, они сами являются своей собственной референцией, знаками, которые не отсылают ни к чему, кроме самих себя, знаками в чистом виде»[3].

Современная социокультурная сфера пронизана различными практиками коммеморации, которые пришли к нам из глубины веков – это праздники, памятные даты, воздвижение монументов, создание архивов, формирование коллекций и многое другое. Однако XXI век сформировал условия для появления новой формы коллективной памяти – коммеморативного флешмоба. В начале 2000-х гг. американским социологом Г. Рейнгольдом был предложен термин «смартмоб», под которым он понимал форму самоструктурирующейся социальной организации посредством использования высоких технологий[4]. Они стали возможны благодаря широкому распространению мобильных телефонов и доступу в Интернет – с их помощью в короткий срок собирались массовые акции, изначально носившие развлекательные или политические функции (демонстрации, акции протеста). По прошествии двух десятилетий термин «смартмоб» был вытеснен «флешмобом» и стал известен широкому кругу населения как заранее спланированная массовая акция, в которой группа людей появляется в общественном месте и выполняет действия по заранее созданному сценарию. Достаточно быстро формат классического флешмоба породил множество ответвлений – танцевальный, музыкальный, экстремальный, арт-моб, фан-моб – наряду с которыми зародился и коммеморативный, представляющий собой массовую акцию памяти в отношении каких-либо исторических событий.

В современном российском социокультурном поле формат коммеморативного флешмоба представлен массовыми памятными акциями в честь Победы в Великой Отечественной войне. Наиболее популярные среди них – это простые в реализации зажжения свечей или запуски небесных фонариков возле мемориалов, а также более сложные музыкальные и танцевальные флешмобы. Последние, основываясь, в первую очередь, на шоу-составляющей, обязательно фиксируются и впоследствии продолжают реализовывать зрелищные функции в Интернет-пространстве. Наибольший зрительский охват на видеохостинге «YouTube» получили танцевальный флешмоб к 9 мая на Поклонной Горе[5], а также многочисленные музыкальные флешмобы: исполнение песен «День Победы» тремя тысячами жителей на площади Новосибирска[6], «Смуглянка» – в магазине бытовой техники[7], «Священная война» – на вокзале в Москве[8], «Катюша» – на Красной площади[9], «Когда придёт весна» (из х/ф «Весна на Заречной улице») – на вокзале Запорожья[10] и др.

Парадоксально, но другие исторические события практически игнорируются данным форматом коммеморации. Для обозначения данной особенности Я. Зерубавель вводит понятие коммеморативной плотности, утверждая, что «одни периоды занимают привилегированное положение в общественном сознании, им посвящено множество памятных торжеств и ритуалов, другие привлекают к себе лишь незначительное внимание или оказываются полностью преданными забвению»[11]. Исходя из потребностей настоящего коллективная память всегда фрагментарна и делает акцент на наиболее приоритетных событиях прошлого, необходимых для единства группы. По Ф. Анкерсмиту, приоритетность обусловливается степенью травматичности событий прошлого – эпизоды, некогда разрушившие прежнюю идентичность группы, наиболее остро закрепляются в коллективной памяти, приобретая впоследствии статус мифа.

В условиях стремительной медиатизации происходит трансформация форм репрезентации коллективной памяти – классический коммеморативный флешмоб, ранее происходящий исключительно в реальном пространстве, становится видео-флешмобом. Безусловно, коммеморативные текстовые и фото-флешмобы присутствуют в медиапространстве, однако количественно они значительно уступают акциям памяти, в которых превалирует видео-составляющая. Г.М. Агеева, осмысляя характеристики медиапамяти в 2012 г., выводит ряд её ключевых особенностей[12], наиболее важной из которых в рамках нашего исследования является «фотопамять». Культуролог понимает её буквально – как частое использование фотосвидетельств с целью коммеморации. Однако менее чем за десятилетие произошло кардинальное переосмысление приоритетов аудиовизуальных форм. Сейчас данную характеристику уместно обозна-

---

[1] Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 50.

[2] Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 79.

[3] Там же, с. 48.

[4] Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИРПРЕСС, 2006. – 416 с.

[5] Танцевальный флешмоб к 9 мая на Поклонной Горе [видео]. –https://www.youtube.com/watch?v=nqE7yh3zqME

[6] Тысячи новосибирцев спели хором «День Победы» 9 мая в 6 часов утра [видео]. – https://www.youtube.com/watch?v=5SabJxjhPiM

[7] Самый лучший русский флешмоб! [видео]. – https://www.youtube.com/watch?v=2VPrT-KA-5I

[8] Через года, через века помните... [видео]. – https://www.youtube.com/watch?v=vAxNVWQr5UA

[9] Спели «Катюшу» на Красной площади | Флешмоб [видео]. – https://www.youtube.com/watch?v=054smjVFy8A

[10] Флешмоб на вокзале в Запорожье. Весна на Заречной улице [видео]. – https://www.youtube.com/watch?v=Ch34Kr7nN7Y

[11] Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. – М.: Новое издательство, 2011. – С. 19.

[12] Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестн. Том. гос. ун-та, 2012. – № 2. – С. 68–74.

чить как «видеопамять». Пользователи всё чаще отдают предпочтение видеоконтенту, который, в сравнении со статичными фотоснимками, обладает возможностью передачи движущегося изображения, звука и атмосферы происходящего.

Видео-составляющая является принципиально новым дополнением к классическому коммеморативному флешмобу, меняющим не просто форму, но сущность процесса коммеморации. Флешмоб, происходящий в реальном пространстве, может быть снят на видео, однако это является лишь методом фиксации, не влияющим на сущность памятной акции. Личные встречи участников видео-флешмоба, как правило, исключены: основным пространством коммуникации, а главное – рождения флешмоба – становится медиапространство. Содержание контента создается по принципу «user-generated content» (UGC) – пользовательского контента, который давно используется в сферах маркетинга и рекламы. Каждый из пользователей записывает свой видеофрагмент на заданную тему, эти видеофрагменты впоследствии собираются в локализованном тематическом пространстве (сайте, группе в социальной сети) или же монтируются в единое аудиовизуальное произведение. Сбор пользовательского контента воедино – тематически или пространственно – является принципиальным завершающим этапом создания коммеморативного видео-флешмоба: если он не будет собран, то видео-фрагменты уместно считать лишь единичными акциями памяти. Таким образом, аудиовизуальная составляющая становится инструментом и содержанием видео-флешмоба, а медиапространство – площадкой и одновременно единственно возможной реальностью для его существования.

Карантинные ограничения, введенные правительством РФ в связи с пандемией COVID-19, пришлись на значимую для страны памятную дату – 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. В связи с запретом массовых мероприятий все коммеморативные акции были отменены, однако большинство из них приобрели новую форму в пространстве медиакультуры. Ограничиваясь темой коммеморативных видео-флешмобов, приведём в пример лишь несколько массовых памятных акций, прошедших в Сети и использующих видео-составляющую в качестве основного инструмента.

Всероссийская акция «Бессмертный полк» приобрела форму видео-флешмоба и прошла онлайн[1]. Участникам предлагалось выслать фотографии своих родственников – героев ВОВ – из которых впоследствии был смонтирован 12-часовой «фильм-шествие». 9 мая он транслировался на портале «Бессмертный полк России», медиаэкранах страны, online-кинотеатрах и других Интернет-площадках. Молодежная палата Богородского района Москвы запустила видеофлешмоб «Вечная память»: пользователям было предложено прочитать и записать на видео стихотворение о войне, выложив его в социальные сети с хэштегом «#ВечнаяПамять»[2]. Общественное движение «Общероссийский народный фронт» организовало коммеморативную акцию «Памяти героев», в которой приняло участие более 4 тысяч человек: жители страны записывали и выгружали на «YouTube» видео-истории о героях своей семьи[3]. Жители подмосковного Солнцево исполнили и записали на видео любимые военные песни, которые были смонтированы организаторами в итоговый ролик «Солнцево. Песни Великой Победы»[4]. Гуманитарный университет Екатеринбурга запустил видеофлэшмоб «#ПомнимГероевДома»: студенты, преподаватели и сотрудники вуза прочли и записали памятные стихи о войне, лучшие из которых были собраны в подборку на сайте университета[5]. В Саранске был запущен видео-флешмоб «Победная частушка!»: желающие присылали видео-частушки о войне, патриотизме и подвиге русских солдат в специальные группы в социальных сетях[6]. Это лишь малый перечень коммеморативных видео-флешмобов, которые были организованы в преддверии 9 мая 2020 г., прошедшего в условиях всероссийской самоизоляции.

Для понимания механизмов функционирования новой формы медиакультуры приведём в пример технологический процесс создания коммеморативного видео-флешмоба «В память о Петсамо-Киркенесской операции»[7]. Памятная акция была организована по инициативе АНО «Новое течение» с целью рассказать историю разгрома немецких войск на территории советского Заполярья устами жителей Мурманской области и Восточного Финмарка (Норвегия). На основании исторических документов и консультаций с военными историками сценаристом был написан подробный сценарий, рассчитанный на 150 участников видео-флешмоба: в нём описывался ход Петсамо-Киркенесской операции с учётом основных передвижений и побед Красной Армии с 7 по 29 октября 1944 г. После чего в группах социальных сетей для жителей Мурманска, Петсамо, Никеля, Лиинахамари, Киркенеса и других населенных пунктов, где когда-то проходили боевые действия, были размещены объявления с приглашением к участию. На сайте проекта желающие выбирали удобную локацию и соответствующую ей реплику, а затем записывали себя на видео таким образом, чтобы на фоне были видны города, порты и реки Кольского полуострова, на фоне которых разворачивались исторические события. На последнем этапе все собранные видео-фрагменты были смонтированы в единый фильм, который связал два времени – прошлое и настоящее, рассказав историю одной победной операции голосом наших современников. 27 октября 2019 г., в день 75-летия Петсамо-Киркенесской операции состоялась премьера фильма в социальных сетях и видеохостингах.

---

[1] Более 20 миллионов просмотров набрала трансляция «Бессмертного полка онлайн». – https://www.polkrf.ru/news/glavnye-sobytiya/bolee-20-millionov-prosmotrov-nabrala-translyaciya-bessmertnogo-polka-onlajn-3056/

[2] Молодежная палата Богородского запустила «памятный» флэшмоб. – https://xn--80aadfdgdem9a4bbac0asi.xn--p1ai/molodezhnaya-palata-bogorodskogo-zapustila-pamyatnyy-fleshmob/

[3] ОНФ организовал десятки памятных акций и флешмобов ко Дню Победы. – https://ria.ru/20200509/1571215743.html

[4] Представляем участников районного конкурса, приуроченного к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, «Солнцево. Песни Великой Победы». – https://solntsevo-gazeta.ru/predstavljaem-uchastnikov-rajonnogo-konkursa-priurochennogo-k-75-j-godovschine-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne-solncevo-pesni-velikoj-pobedy

[5] #ПомнимГероевДома. – https://gu-ural.ru/2020/05/pomnimgeroevdoma-2/

[6] Онлайн-флешмоб «Победная частушка!». – https://www.culture.ru/events/655005/onlain-fleshmob-pobednaya-chastushka

[7] Видео-флешмоб в память о Петсамо-Киркенесской операции. – https://vmestevideo.ru/

Коммеморативный видео-флешмоб является новой формой культурной памяти, поэтому сегодня достаточно трудно судить, в какой мере он выполняет задачи, стоящие перед коммеморативными практиками. Ясно одно – мы наблюдаем явление медиатизации механизмов культурной памяти и забвения. На данном этапе уже можно сделать выводы о том, что становясь явлением медиакультуры, видео-флешмоб способен привлечь значительно большее количество человек в сравнении с классическим флешмобом, участие в котором пространственно и временно ограничено. За счет увлекательной формы, основанной на цифровых технологиях, коммеморативный видео-флешмоб становится интересен молодой аудитории – её привлекает как процесс создания контента, так и последующего просмотра. Посредством механизма самопрезентации, на котором основывается большинство видео-флешмобов, они становятся более популярны в Сети – участник не только смотрит на себя в готовом аудиовизуальном произведении, но и пересылает его знакомым, расширяя таким образом количество зрителей. Сконструированный в пространстве медиакультуры, коммеморативный видео-флешмоб остается там навсегда – к нему можно возвращаться бессчетное количество раз, пересматривать, анализировать, обсуждать – соответственно, коммеморативная практика становится пролонгированной. Она выходит за рамки разовой акции, имманентно присутствуя в пространстве повседневности, неотъемлемой частью которого сегодня является медиакультура.

Самаркина И.В.[1]

ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)[2]

Ключевые слова*: городская молодежь, локальная идентичность, институты формирования локальной идентичности, практики формирования локальной идентичности.*

Противоречивые социальные изменения, происходящие в современном обществе, тесно связаны как с институциональными, так и с не институциональными аспектами функционирования политической системы. Особый масштаб влияния эти процессы имеют на подрастающее поколение, ценности, поведение и социально-политические практики которого под влиянием системы институтов и факторов современного общества и цифровой социализации становятся принципиально отличными от других социальных групп общества.

В научном дискурсе сложилось представление о том, что современная реальность представляет новый качественный этап общественного развития, в котором человек становится ключевым субъектом социальных и политических изменений. Рефлексия о стремительно изменяющейся социальной реальности, которая отражается во множестве метафорических определений («индивидуализированное общество» З. Баумана, «общество риска» У. Бека, «сетевое общество» М. Кастельса, «infomodernity» И. Семененко, В. Лапкина), фиксирует тектонические сдвиги в сознании и поведении, в потребностях и мотивациях современного человека, механизмах его самоидентификации, которые происходят под влиянием продолжающейся технологической революции.

Масштабные и качественные изменения содержания, институтов и механизмов социализации каждой новой возрастной когорты молодежи приводят к внутренней, в том числе и нормативно-ценностной дифференциации подрастающего поколения, динамичного изменения репертуара социально-политических практик молодежи, которая с периодичностью раз в два-три года заставляет исследователей социально-гуманитарного поля поднимать вопрос о качественно новых когортах в молодежной генерации, а практиков в системе государственной политики, работы с молодежью искать новые способы понимания и взаимодействия с ними.

В этих условиях с каждым днем становится все более актуальным решение аналитической задачи понимания неинституциональных оснований формирования социально-политических практик младших поколений молодежи, обращения к базовому уровню (ядру), на основе которого формируется вся ценностно-идентитарная «пирамида», служащая основанием для формирования поведенческих установок и реализации социально-политических практик – исследованию локальной идентичности современной российской молодежи.

Исследование нематериальных ресурсов, влияющих на формирование конвенциональных социальных и политических практик молодежи в современном сетевом обществе актуально и с точки зрения понимания политических процессов в регионе и оценки реалистичности выполнения амбициозных задач, сформулированных в национальных и региональных проектах и стратегиях. В частности, цель реализации регионального проекта «Социальная активность» в Краснодарском крае (составная части национального проекта «Образование») – к 2024 году обеспечить увеличение численности обучающейся молодежи, вовлеченной в деятельность общественных объединений, в том числе волонтерских и добровольческих организаций на 25% по сравнению с базовым показателем до 550 тыс. человек. В рамках реализации в Краснодарском крае национального проекта «Жилье и городская среда» предполагается создание механизмов прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, увеличения доли граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды до 30%. Для решения этих задач важно понимание содержания, факторов и механизмов формирования локальной идентичности и конвертации ее ресурсов в конструктивные социально-политические практики.

Исследование локальной идентичности как части субъективного пространства политики, человеческого измерения социально-политических процессов в перспективе работает на решение стратегических задач, сформулированных в Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030, основным приоритетом которой является Человек, а главным ресурсом для социально-экономического и технологического прорыва определены «молодые лидеры, имеющие активную гражданскую позицию, реализующие свои способности и составляющих основу конкурентоспособности края».

---

[1] Самаркина Ирина Владимировна – д.полит.н., декан факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, директор НОЦ «Региональный центр поддержки инноваций и развития проектных управленческих компетенций», Краснодар. E-mail: smrkn@mail.ru.

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)».

Выбор для исследования институтов и практик формирования локальной идентичности молодежи больших и крупных городов Краснодарского края определялся прежде всего тем, что эти городские центры являются точками притяжения молодежи, получающей высшее образование и, соответственно, концентрации молодежи, находящейся в сложной ситуации адаптации и социализации.

Несмотря на то, что исследования спектра социальных идентичностей как части субъективного пространства личности и сообществ стали в последнее время отдельным предметным полем междисциплинарных исследований, тематика локальной (городской) идентичности изучена пока недостаточно.

Локальная идентичность представляет собой компонент субъективного пространства политики, входящий в систему социальных идентичностей и выступающий основанием для формирования иных уровней и видов идентичностей. Содержание локальной идентичности составляют представления, ценности и смыслы, связывающие личность со значимым для самоопределения человека местом. Локальная идентичность рассматривается во взаимосвязи с другими компонентами субъективного пространства политики, понимаемого как совокупность символических, идеологических и культурных образований (политическое сознание, политическая культура, политическая идентичность, политическая картина мира, политическая идеология, политическая мифология, научные представления о политической реальности, различные формы и практики репрезентации участников политической жизни), обусловливающих содержание ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов, образование множественных идейных конструкций, функционирующих в политической сфере и оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений.

Для решения задачи, направленной на разработку объяснительной модели процесса формирования локальной идентичности как части субъективного пространства политики в условиях сетевого общества использованы теория сетевого общества М. Кастельса и теория политических изменений И. Семененко, В. Лапкина. М. Кастельс определяет сетевое общество как результирующий вектор развития информационной экосистемы, где знания и информационные потоки играют определяющую роль. В условиях информационного общества социальная коммуникация, трансформируя институциональное и субъективное пространство, приобретает совершенно новые сетевые качества универсального характера. Концепция И. Семененко, В. Лапкина позволяет раскрыть содержание трансформации политического пространства через формирование нового цивилизационного типа личности – «человека постмодерна» индивидуализированного общества, представителя «общества знаний» и носителя «гибридной идентичности», который может реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате политики.

Для сбора эмпирических данных в исследовании была разработана и апробирована комплексная методика изучения локальной идентичности молодежи в условиях сетевого общества, которая включает, наряду с социологическими и социально-психологическими методами сбора информации, специфические методы, позволяющие изучить значимые для молодежи репрезентации локальной идентичности в сетевом информационном пространстве.

Эмпирический объект исследования – молодежь больших и крупных городов Краснодарского края (Краснодар, Новороссийск, Сочи и Армавир) в возрасте от 14 до 30 лет. Для сбора эмпирической информации использовались фокусированные групповые интервью, в инструментарий которых были интегрированы проективные методики, позволившие нам решить задачи по выявлению содержания, факторов и агентов, влияющих на формирование локальной идентичности молодежи; для исследования выявленных сетевых агентов и факторов формирования локальной идентичности был использован контент- и дискурс-анализ значимых для молодёжи сетевых сообществ. Эмпирическую базу исследования составили стенограммы 12 фокус-групп.

Существуют различные классификации факторов, влияющих на формирование локальной идентичности. В частности, Н.Г. Федотова[1], предлагает рассматривать факторы, исходя из институтов, актуализирующих городские смыслы, и выделяет по этому критерию политические, образовательные, культурные, религиозные и научные и другие факторы (и соответствующие институты).

В процессе формирования социальной идентичности, по мнению Мануэля Кастельса, участвуют «строительные материалы из истории, географии, биологии,… коллективной памяти и личных фантазий, из аппаратов власти и религиозных откровений»[2], вместе с тем, эти элементы осмысливаются обществом в зависимости от имеющихся властных отношений, формируя легитимирующую идентичность, идентичность сопротивления или проектную идентичность.

Какие же факторы, по мнению молодежи, оказывают влияние на формирование городской идентичности молодежи? Какие практики формирования локальной идентичности оказываются самыми эффективными?

На основании анализа стенограмм фокус-групп определено, что по мнению молодежи, актуализация городских смыслов, на основе которых конструируется локальная идентичность, осуществляется системой социальных институтов, в которую включены политические, образовательные, культурные и иные институты.

Политические институты. Активная молодежь выделяет администрации муниципалитетов как заметного игрока в поле конструирования городских смыслов. Городские мероприятия, инициируемые городскими властями, *«объединяют большое количество людей» (Армавир, школьники).* Как правило, эти мероприятия приурочены к национальным, религиозным или городским события, праздникам: Бессмертный полк, 9 Мая, День народного единства, Масленица. *«В нашем городе (Армавир) проводится очень много работы для того, чтобы люди хорошо отдыхали. Наш глава делает очень много, чтобы город стал красивым и удобным, особенно для отдыха горожан: парк, водохранилище, спортивные и детские площадки» (Армавир, школьники).*

[1] Федотова Н.Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. – № 20 (3). – С. 40.

[2] Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2. 2010. – P. 7.

По мнению молодежи, в общественной жизни города участвуют самые разные организации, связанные с администрацией города, политические партии и другие: *«У нас есть три самые крупные организации, руками которых создаются городские проекты: администрация города (Сочи), управление молодежной политики и Молодая Гвардия. При управлении молодежной политикой много разных молодежных клубов, советов – Ученический, Студенческий, Молодежный, Центр развития молодежи, Патриотика и другие. Их в городе много, каждому найдется свое дело» (Сочи, школьники).*

Образовательные институты. Несомненно, важным институтом, формирующим локальную идентичность, являются школы: *«Школа очень влияет на формирование чувства города. Мы же пишем проекты к 11 классу. Мой проект связан с промышленными предприятиями города. Я собираю макулатуру, сдаю и буду на вырученные деньги сажать деревья. Многое узнал, пока работаю над проектом: получается, школа дала мне и знания о городе и возможность ему помочь» (Краснодар, школьники). «Когда у нас поменялся мэр (Сочи), учительница Кубановедения о нем рассказывала: как зовут, где родился, сколько лет, кем работал. Мне кажется, благодаря этому многие школьники вообще узнали, о том, что сменился мэр – Алексей Когпайгородский» (Сочи, школьники).*

Культурные институты. Городские библиотеки для школьников являются значимым институтом формирования локальной идентичности. Для активной молодежи они одновременно являются и инфраструктурным ресурсом (на базе библиотек проводят мероприятия для школьников) и институтом, транслирующим важный содержательный контент: *«Мы часто организовываем мероприятия, большинство из которых в холодное время проходят в городских библиотеках. Там мы очень много узнаем о нашем городе (Армавир), особенно о его истории и его людях» (Армавир, школьники).*

Важную роль в формировании городской идентичности продолжают играть городские музеи: *«У нас большое количество музеев. Я и не подозревал о том, как там интересно. Музей Фелицына, например» (Краснодар, школьники)*. Важной, очень привлекающей молодежь, частью этих практик становятся современные информационные, интерактивные технологии: *«Он, конечно, не про город – «Россия – моя история», интерактивный комплекс, который недавно построили в Краснодаре – но очень интересно, в интерактивной форме, многое узнаешь и начинаешь задумываться» (Краснодар, школьники).*

Практики посещения городских публичных пространств формируют локальную идентичность: *«Чувствую себя частью города, городской жизни особенно в выходные на улице Красной (большая переходная зона в историческом центре города Краснодар). Здесь кипит жизнь: музыканты, художники, мастер-классы, файер-шоу. И я в центре этой жизни» (Краснодар, школьники).*

Люди и сообщества, транслирующие локальные смыслы. Важным институтом, транслирующим локальные смыслы, является семья: *«Мне многое про город рассказывают родители. Бывает, мы едем куда-нибудь. И они могут по дороге рассказывать какие-то моменты из истории города, о местах и традициях. Это запоминается. Я тоже, наверное, так буду рассказывать своим детям» (Сочи, школьники).*

В среде активной молодежи подобную функцию – трансляции и актуализации городских смыслов выполняет группа сверстников: *«Сочи – маленький город. Здесь каждый каждого знает. Информация быстро распространяется. Чаще всего мы узнаем новое про жизнь города от людей. Вот от нашей Василисы узнаем все новое!» (Сочи, школьники).*

Особенно значим этот институт для студенческой молодежи, значительная часть которой в начале обучения переезжает в другой город и проходит сложный период адаптации и социализации в новой среде (многие, в особенности приезжающие из сельской местности, – в новой городской среде): *«Когда я впервые пришла на 1 курс, было очень непривычно, не комфортно. Постепенно количество знакомых и друзей увеличилось, и я стала чувствовать себя как рыба в воде. Сейчас мне очень комфортно в городе, я чувствую себя частью Краснодара, это – мой город» (Краснодар, студенты).*

Многие участники фокус-групп отмечали важность и значимость для молодежи общения со старшим поколением, причем не только и не столько с родителями, сколько с самым старшим поколением ветеранов Великой Отечественной войны: «*У нас проводят месячники военно-патриотической работы. К ним всегда готовят много плакатов, историй. Но главное – это встречи с людьми. К нам каждый год приходят ветераны войны, рассказывают о войне, о тех ужасах, с которыми столкнулись люди и подвигах на фронте и в тылу. Мороз по коже – когда понимаешь, что все это происходило именно здесь» (Армавир, школьники).*

Основным механизмом формирования локальной идентичности городской молодежи являются деятельностные практики, в которых актуализируются городские смыслы и субъектная позиция молодежи.

Спирина М.Ю.[1]

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И СЕГОДНЯ

Ключевые слова*: природа, человек, традиционная культура, традиционные ценности, научное изучение, социум, регионы.*

Keywords*: nature, person, traditional culture, traditional values, scientific study, society, regions.*

Планета Земля и современный человек переживают сегодня разнообразные кризисы. Среди наиболее значимых следует выделить два: *антропологический* кризис, связанный с потерей человеком своей индивидуальности, способности к творчеству, интуитивного восприятия мира, т.е. того, что образует его неповторимость, самобытность, определяет его «самостоянье»; и *экологический* кризис, который в последние десятилетия проявляется всё чаще и всё острее. В кризисных явлениях, касающихся Природы, главным фактором постепенно становится техногенное воздействие, определяемое деятельностью современного человека. Отметим в этой связи и потерю бережного отношения к личности самого человека, к воспитанию неповторимого, самодеятельного, высоконравственного создателя «второй природы», о чём во многом свидетельствует развитие генной инженерии и биотехнологической революции. Человек всегда был и объектом, и субъектом истории. В процессе своего очеловечивания и освоения окружающего мира он менялся как биологический, социальный, духовный организм.

Менялись и оценки самого человека. Если в советские времена постоянно оглашали лозунг «Человек звучит гордо», то сегодня стали использовать самые разные определения, снижающие историческую значимость человека, низводить его к рабочей силе в самом узком смысле слова. С середины XX века социологи и экономисты многих стран стали уделять внимание человеческому капиталу, ибо вложения в него обладают более сильным, чем средства производства, эффектом. Теория человеческого капитала, возникшая в 1960-х гг., определяет такой капитал как воплощённую в человеке меру способности приносить доход. Отметим, что образование и его эффективность в подготовке кадров специалистов является главным объектом исследования теории человеческого капитала.

Отдельную тему образует национальный человеческий потенциал, в том числе творческий, культурный, духовно-нравственный. Национальный человеческий потенциал представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных составляющих, которые условно могут быть объединены в три блока: биологический, социально-психологический, духовно-нравственный. Первый из них определяется здоровьем человека, его наследственностью, физическим и психическим развитием; второй объединяет социально значимые потенциалы человека, активно используемые в процессе общественного производства: экономико-трудовой, интеллектуальный, общественно-политический и др.; третий включает морально-этическую и духовную составляющие.

Человек и природа образуют в современном мире одну из сущностных проблем человеческого бытия. Население Земли продолжает пользоваться благами и дарами природы, но забывает отдавать ей долги, которых на сегодня накопилось немало. В исторической ретроспективе взаимоотношения и взаимодействия природы и человека складывались сложно, которые менялись и имели в разные времена разные результаты. Они нашли своё отражение в традиционной культуре[2] народов, населяющих планету: в их науке, технике, искусстве, образовании и др. Экологический и антропологический кризисы следует рассматривать как проявления нарушения гармоничного взаимодействия природы и человека. При восстановлении этой гармонии необходимо обратиться к опыту, сохраненному в традиционной культуре, откуда современный человек может воспринять методы и способы организации своей жизнедеятельности.

Забота о природе предстаёт как забота человека о себе и о человечестве. В новейшую эпоху был принят международный документ под названием «Всемирная стратегия охраны природы», где говорится: «Мы не унаследовали землю у наших отцов. Мы взяли её в долг у наших детей»[3]. Подрастающие поколения должны и получить в наследство живую природу Земли, и быть готовыми передать её своим потомкам не только в качестве источника материальных благ для человека. Напомним слова великого педагога К.Д. Ушинского. «Зовите меня варваром в педагогике, — писал он, — но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведённый ребенком посреди рощи и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в тёплой влаге которого раскрывается всё его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в

[1] Спирина Марина Юрьевна – к.и.н., Заслуженный учитель РФ, проректор по научной работе, Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург. E-mail: mus931@inbox.ru

[2] Традиционную культуру мы рассматриваем как динамичную культуру, сформировавшуюся в эпоху первобытности и включающую исходные формы первобытного мышления, мифологии, обрядов, нравственного, эстетического и художественного сознания и основные способы взаимодействия с природой и социальным окружением.

[3] Природа-Мать. Энциклопедия животного мира. – http://www.zoodrug.ru/topic3461.html

себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведённых на учебной скамье».

Природа была и остаётся для человека Великим Учителем. Человек перенял у природы очень многое, если не сказать всё: от способов физического выживания (умение разводить огонь, прятаться в нору от непогоды, хранить пищу про запас, маскироваться под окружающую среду и т.д.) до народной философии, этических принципов и эстетических воззрений. Достаточно вспомнить мнение В.И. Вернадского о том, что познание структуры мироздания неотделимо от ощущения величия и красоты природы, внутреннего глубоко эмоционального её переживания, «интуиции, чувства такта, бессознательного порыва, чувства меры, красоты»[1]. В книге «Научная мысль как планетное явление» В.И. Вернадский оценивал творческую деятельность человека как «инструмент» развития общества. Он считал, что она отвечает требованиям общества как открытой системы, активно взаимодействующей и изменяющейся, развивающейся в единстве с природой, космосом, миром в целом[2]. В народной культуре человек также рассматривается в единстве всего окружающего его мира, он есть часть природы, к которой он относится бережно и уважительно.

Понятие «природа» в наиболее общем смысле происходит от греческого слова «фюсис», означающего процесс становления или происхождения любой вещи из своего внутреннего основания. Позднее природа стала пониматься как совокупность всего, что существует. Природа предстаёт перед человеком и как «космос» в смысле упорядоченности, и как жизненный рост. В широком смысле природу следует рассматривать как всё сущее, весь мир в многообразии его форм. В этом смысле понятие природы располагается в одном ряду с понятиями материи, универсума, Вселенной. Оно входит в число так называемых «мировоззренческих универсалий» (В.С. Стёпин). Эти мировоззренческие универсалии предстают сегодня как общие для всех народов традиционные ценности. Такие универсалии и значение природы как универсума сохраняет сегодня традиционная культура различных народов Земли.

Традиционная культура содержит в себе народное хозяйствование, народное правосознание, народную философию, народное искусство, народную психологию и народную экологическую культуру. Значительный вклад в изучение народной психологии внесли немецкие психологи, прежде всего, М. Лацарус. Благодаря им стали исследоваться материалы историко-этнографического характера, прежде всего язык, культура, мифология, религия и др. Отечественные учёные сосредоточились преимущественно на изучении проблем этнографии и языковедения. В этих исследованиях особо следует выделить труды А.А. Потебни[3]. В исследованиях этих учёных сформировались и первые подходы к психологическим аспектам традиционной культуры. Н.И. Сапова ставит народную психологию на первое место в системе моральных норм, определяющих духовно-нравственный потенциал человеческого капитала[4].

Следует особо упомянуть народный этический и эстетический идеал. Человек с самых древних времён перманентно стремился к Красоте и воспитывал в себе высокие нравственные качества. Важнейшими ценностями традиционной культуры являются добродетель, высокая значимость семьи, любовь к Отечеству, ответственность, добросовестность, самодеятельность, коллективность. Впоследствии Б.Г. Ананьев, анализируя жизненный путь человека, выделял индивидуальность и определял её как замкнутую систему (микрокосм), которая путём саморегуляции гармонизирует отношения между индивидными и личностными свойствами человека и воплощается в деятельности субъекта по созданию материальных и духовных ценностей[5].

В воспитании и формировании человека как личности традиционная культура играет основополагающую роль. Современному человеку необходимо обратиться к её опыту и методологии построения человеческой жизнедеятельности на планете. Упомянем, что в введённое им понятие Космо-Психо-Логоса Г.Д. Гачев включал тип местной природы, характер человека и национальный ум, находящиеся во взаимном соответствии и дополнительности. С его точки зрения, Труд и Культура (*так у автора — М.С.*) в ходе истории восполняют то, что не дано стране от природы[6]. Он видит в Космо-Психо-Логосе единство национальной природы, склада психики и мышления. Это утверждение учёного соотносится с такой характеристикой традиционной культуры, как синкретизм. Недаром Гачев приводит слова Гераклита о едином и всеобщем Космосе.

Перспектива разрешения экологической и антропологической проблем, стоящих перед современным человечеством, состоит в развитии гармонических отношений человека с природой. Следует не исходить из представления о необходимости «завоевания», «покорения» сил природы; не считать человека «царём природы», «венцом творения», но полностью отказаться от этого стереотипа. Народ не может изменить законы природы и, поселившись в определённых природных условиях, приспосабливается к ним. В результате освоения природы в процессе труда создаётся культура, идеально подходящая к данной природной среде. Особенно интересен здесь опыт евразийских государств (прежде всего, России), которые долгое время являлись аграрными странами. Их население выработало оптимальные взаимоотношения с природой. Природа в сознании евразийских народов представляет собой идеал гармонии, красоты, разумности, сохранённый в различных видах традиционной культуры. В таком отношении данный вид культуры продолжает предоставлять богатый материал и для теоретических исследований, и для практической деятельности.

В традиционной культуре имеет место самая тесная связь человека с природой. В.И. Вернадский обращал внимание: «Представления о ценности и красоте единства человека и Природы не исчезали в народном сознании даже в

---

[1] Гордиенко Л.Н. И образ, и термин // Владимир Иванович Вернадский. Материалы к биографии: Прометей. Т. 15. – М.: Мол. гвардия, 1988. – С. 253–256.

[2] Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html

[3] Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 318 с.

[4] Сапова Н.И. Социально-психологические аспекты социального развития: монография. – М.: МИЭП, 2012. – С. 26.

[5] Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания — СПб.: Питер, 2001. – С. 327–328.

[6] Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. – М., 1995. – http://www.mnoogoknig.ru/bookbox_99156.html

период самого оголтелого природопокровительства и технократизма. Большую роль в их поддержании сыграло искусство, всегда черпавшее отсюда наиболее долговременные образы матери-земли, речки детства, берёз у крыльца и т.д.»[1]. Л.Н. Гумилёв подчёркивал: «народное искусство – это кристаллизация той же самой энергии живого вещества биосферы…», причём оно «осуществляет защиту прекрасного, разнообразного мира от разрушающего Времени, ныне именуемого процессом энтропии»[2]. С его точки зрения, именно искусство в процессе этногенеза сыграло решающую роль в спасении народов от гибели[3].

Природа изначально давала человеку сырьё и материал для труда, в том числе художественного. Природные материалы (дерево, камень, кость, металл) являются объектами воздействия для человека до сегодняшнего дня. Из них он выделывал орудия труда, предметы быта, одежду, средства передвижения; строил и украшал жилище. Труд древнего человека состоял в преобразовании природных материалов, в результате чего появлялись артефакты – «содеянные вещи». Создание орудий как сфера, в которой наблюдается непрерывное, хотя и неторопливое, накопление достижений и успехов, занимало важнейшее место в становлении человека. Орудия труда можно рассматривать как самую сложную и самую простую вещь, выходящую из человеческих рук. Ручной труд развивал самого человека как биологическое и мыслящее существо. В.А. Сухомлинский особо подчёркивал, что рука человека с миллиардами её положений является великим воспитателем сознания, творцом разума[4].

Природа, отражённая в традиционной культуре разных народов Евразии, представляет собой не просто географическую или экологическую среду обитания для человека. Древний человек воспринимал в природе духовную составляющую, которая стала для него источником саморазвития, самосовершенствования. Синкретичный характер традиционной культуры сегодня позволяет осуществлять воспитание человека (субъекта современного этноса) как целостной биосоциальной системы.

Представители разных народов издревле чувствовали и понимали природу, бережно относились к ней, обожествляли её силы, восхищались её творениями и явлениями, учились у неё. «Одухотворение природы, — пишет Г.К. Вагнер, — вера в её неизменную благодетельность, эпическая героика, лирическая задушевность, пословичная мудрость, вера в победу Правды над Кривдой, мечта о лучшей доле, <…> — всё это и также многое другое и составляет “этос”, истинную “сущность” “норм” народного мировоззрения и творчества»[5]. Многие исследователи, представляющие различные отрасли научного знания, пришли к выводу, что этика животных и растений явилась образцом подражания для человека. Об этом подробно писал в своей «Этике» выдающийся социолог П.А. Кропоткин. Он считал, что изучение природы дало человечеству основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, развитие живых существ на земле, законы психической жизни и развитие обществ, – то это же изучение должно дать и естественное объяснение источников нравственного чувства[6].

Характеризуя традиционную культуру как сокровищницу методов и средств противостояния экологическому и антропологическому кризису, нельзя оставить без внимания народную педагогику. Она представляет собой исторически сложившуюся (во взаимодействии с природой) совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, что сохранились в устном народном творчестве, своде правил традиционного поведения и воспитания, обычаях, обрядах, традициях, детских играх и игрушках. Народная педагогика содержит как идеал воспитания («народный идеал совершенного человека»), так и пути и средства его достижения. В ней главным было всеобщее трудовое воспитание, т.е. добросовестный, систематический и разумный общественно полезный труд, осуществляемый в соответствии с законами Природы. Честный и добросовестный труд прославлялся в фольклорных произведениях; в них отражалась вера в человека, в его разум, готовность преодолевать любые трудности для достижения намеченной цели.

Жизнь Природы (растений и животных) в тесной связи с жизнью человека стала источником первых зачатков искусства. Ею вдохновлялись древние художники, она входила в состав самых древних этических преданий и мифов о создании мира. «Самое близкое» человеку прикладное искусство, искусство создания предметно-пространственной среды, в которой пребывает человек, до сих пор сохраняет слиянность материального и духовного, что характерно для традиционной культуры евразийских и других народов Земли.

Благодаря комплексу традиционных мер, включающему в себя народную медицину, разумное питание, общение с природой, использование природных факторов, игры, спортивные соревнования и праздники, складывался психически и физически здоровый человек. Таким образом обеспечивалось нормальное всестороннее развитие подрастающих поколений обитателей планеты.

В заключение подчеркнём: традиционная культура являет собой природный источник многих человеческих знаний и умений в самых разных отраслях человеческой деятельности, и задача современного человечества состоит в том, чтобы сохранить всё приобретённое и сохранённое традиционной культурой как естественную основу человеческой жизни и деятельности, выстраивая гармоничные отношения с Природой и заботясь о её сохранении и коэволюции.

---

[1] Сафрошкин Ю.В. Об этической, эстетической и воспитательной ценности концепции ноосферы // Развитие представлений В.И. Вернадского о ноосфере. – М.: Философское общество СССР, Общественный институт ноосферы, 1991. – С. 163.

[2] Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. – М.: Искусство, 1993. – С. 78, 77.

[3] Там же, с. 53.

[4] Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: в 3-х тт. Т. 1 / Сост. О.С. Богданова, В.З. Смаль. – М.: Педагогика, 1979. – С. 242, 382.

[5] Вагнер Г.К. Трудности истинные и мнимые // Декоративное искусство СССР. 1973. – № 7. – С. 37.

[6] Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – С. 24.

Хренов Н.А.[1]

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА КАК ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: РУССКОЕ ИСКУССТВО РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШИХ ДЛИТЕЛЬНОСТЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ (Часть 2)[2]

Ключевые слова: *русская культура; Серебряный век; славянский Ренессанс; надлом цивилизации; кризис империи; Россия – Запад; Россия – Восток; переходные процессы; декаданс; упадок искусства; подъем искусства; культура чувственного типа; культура идеационального типа; символизм; неоромантизм; русское искусство рубежа XIX–XX веков, преемственность; линейность; циклизм; ретроспективизм; византийская традиция; искусствоведческий подход; культурологический подход; пассионарный подъем; омассовление.*

Вопрос, связанный с массовой культурой на рубеже XIX–XX веков является одним из самых проблемных вопросов этого периода. Эта проблемность вытекает из того нового для культуры обстоятельства, когда транслируемые творческой элитой нормы и ценности начинают массой отторгаться. То иерархическое строение культуры, что было характерно для доиндустриальных обществ, разрушается. Это приводит к тому, что в художественной жизни масса начинает играть не просто активную, но в иных случаях и определяющую роль. Такую ситуацию можно назвать патологической. В этом случае традиционные механизмы трансляции эстетических оценок – от художественной критики к массовой публике – как необходимый элемент художественной жизни общества не просто становятся неэффективными, но перестают действовать. Между тем, такие механизмы трансляции эстетического и художественного опыта творческой элиты – признак всякого здорового общества. Что же касается рубежа веков, то, как уже отмечалось, творческая элита, как и составная ее часть – художественная критика – необычайно дифференцируется. Творческая элита как целое дробится и объединяется в особые группировки, которые нередко оказываются в конфликтных отношениях между собой. Плюрализм позиций в среде издателей соотносится с необычайным плюрализмом критики и публицистики.

Вот как, например, состояние литературной жизни в 1907 году оценивал А. Блок. Его оценка интересна тем, что по ней можно ощутить место критики в литературе. А оно в этот период оказывалось, действительно, беспрецедентным. «Я очень осведомлен в современной литературе и сделал выводы очень решительные: – пишет поэт – за этот год, в конечном итоге: 1) переводная литература преобладает над оригинальной; 2) критика и комментаторство – над творчеством» (47). Из этого наблюдения становится ясно, почему эта ситуация в русской литературе часто называется «новым александризмом».

При фиксации активности критики нельзя забывать и о том, что в художественной жизни этого времени развертывается необычайная и, может быть, даже беспрецедентная активность публики. Чтобы это зафиксировать, обратимся к летописцу изменений в читающей публике этого времени – Н. Рубакину. «Да, читатель нарастает – пишет он – Это нарастание, в сущности, есть необходимый вывод из истории последних 30 лет. Необходимое следствие незабвенного периода реформ императора Александра 11, внесших в русскую жизнь столько свежего и нового, оживляющего, необходимый вывод из эмансипации крестьян, увеличение числа школ, успехов грамотности и т.д.» (48).

В своей оценке ситуации А. Блок фиксирует и еще одну существенную особенность этой эпохи, а именно, дробность художественных группировок, часто оказывающихся в конфликтных отношениях. Каждая такая группировка претендует на собственное издание и популяризацию с его помощью близких и созвучных ей идей. Так, высказав свое суждение о критике, А. Блок пишет далее: «Забавно смотреть на крошечную кучку русской интеллигенции, которая в течение десятка лет сменила кучу миросозерцаний и разделилась на 50 враждебных лагерей, и на многомиллионный народ, который с XV века несет одну и ту же однообразную и упорную думу о Боге (в сектантстве)» (49). Каждая группировка старается создавать свои издательства и периодические издания, с помощью которых пропагандируются творческие позиции новых и разных художественных течений и выносятся оценки существующему искусству. В этой ситуации художественного и критического плюрализма массовые слои общества оказываются предоставленными себе, находясь во власти подчас навязываемых, а подчас просто стихийных и иррациональных настроений и социально-психологических комплексов. Возникающие новые технологии и средства коммуникации подхватывают эту предоставленную себе массу и, исходя из элементарных вкусов и потребностей, оказываются основой необычайной эскалации массовой культуры.

---

[1] Хренов Николай Андреевич – д.филос.н., профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова; гл.н.с. Государственного института искусствознания.

[2] Первая часть этой работы опубликована в журнале «Вестник культурологии». – М.: ИНИОН РАН, № 2. – С. 9–38. – http://inion.ru/ru/publishing/journals/vestnik-kulturologii/arkhiv/2020-2/

Именно рубежу XIX–XX веков русское общество обязано как в высшей степени плодотворными, опережающими свое время художественными экспериментами, выводящими за пределы существующей культуры, так и выходу на поверхность варварских, разрушительных комплексов, смягчать которые и была призвана массовая культура. Аналогию этим процессам можно отыскать и в предшествующей истории. Так, касаясь культуры Древнего Рима, М. Гаспаров пишет об одновременном существовании элитарных субкультур с их специфическими эстетическими вкусами и массовых слоев публики. «Одни явления искусства – пишет он – приемлемы для всех (или хотя бы для многих) слоев общества и объединяют общество единством вкуса (которое иногда бывает не менее социально значимо, чем, например, единство веры). Другие явления в своем бытовании ограничены определенным общественным кругом, и они выделяют в обществе элитарную культуру и массовую культуру, а иногда и более сложные соотношения субкультур» (50).

Собственно, в этом суждении можно узнать морфологию художественной жизни рубежа веков. Действовавшие до этого времени в иерархическом обществе фильтры перестают действовать. Это открывает шлюзы для эскалации массовой культуры, что свидетельствует о нарастании отчуждения, о котором писали не только Гегель и Маркс, но и Хайдеггер, правда, о нарастании отчуждения в сфере и в формах самой культуры. По мнению Г. Зиммеля, дух, превратившись в объект, приобретает самостоятельное существование, независимое от порождающего его субъекта, а значит, начинает противостоять и постоянно изменяющейся живой жизни и в то же время самому субъекту (51).

Но дело не только в этом. Культура опредмечивает не только внутреннее, что идет от субъекта, но и внешнее, что идет от цивилизации. В данном случае применительно к этому времени уместно, например, констатировать рыночные отношения в искусстве. Именно рынку общество обязано тем, что в этот период столь интенсивно развивается массовая культура. Ведь рынок способствует втягиванию в культуру тех комплексов, активность которых предшествующая культура ограничивала, не допускала. Прибыль как цель функционирования рынка диктует упразднение этих табу культуры. Так, в ней начинают функционировать элементы, которые культуру разрушают, ее захламляют, что как раз и способствует отчуждению в формах культуры.

С особой остротой этот вопрос поставлен религиозными философами. Гедонистическая функция искусства была известна и философам раннего модерна. Но на рубеже XIX-XX веков гедонизм, став массовым, продемонстрировал беспрецедентный культ наслаждений, который С. Булгаков отождествляет с неоязычеством. «Эпохи упадочные – пишет С. Булгаков – сопровождающиеся высоким уровнем развития культуры, отличаются вообще господством философии эпикуреизма, наслаждения жизнью в ее утонченных, эстетически облагороженных формах. Этот культ наслаждений разработало античное язычество в эпоху своего упадка, в эту же колею вступает и современное неоязычество» (52).

Опредмечивая внешнее, культура впускает в себя безличное. Чтобы быть общезначимой, культура вынуждена ассимилировать внешние, т.е. цивилизационные факторы. Так, вторжение в художественную жизнь массы, что является показательным и для этой эпохи беспрецедентным, привело к прорыву в культуру ранее для нее запрещенных комплексов. Их легализация породила отчуждение, но не в социальных, а именно в культурных формах. Исходной точкой этого противоречия в культуре является именно рубеж XIX–XX веков, что уже стало предметом исследования в литературе и в кино (53).

Факт возникновения и нарастания стимулируемой новыми технологиями массовой культуры (об этом, например, свидетельствуют уже фотография и кино), столь болезненный для всей последующей культуры, является причиной того, почему возникающие художественные течения и направления этого времени существуют на положении маргинальных. Ни одно из них не трансформируется в универсальный художественный стиль, как это имело место в предшествующие эпохи, более того, ни один из этих потенциальных художественных стилей не становится стилем культуры.

Может быть, именно это и становится наиболее очевидным последствием наступления переходности эпохи. Создаваемая в эпоху нового варварства массовая культура, прогнозируемая Ф. Ницше и подтверждаемая Н. Бердяевым, становясь выражением беспрецедентной переходности эпохи, превращается в мощный тормоз становления единого художественного стиля, о возвращении которого позднее будут мечтать большевистские идеологи, вновь обращаясь уже в 30-е годы к И. Винкельману и возрождая в большевистской империи классицизм.

Вот почему тот Ренессанс искусства, что был зафиксирован на рубеже XIX–XX веков, может быть назван лишь «малым», а не «большим» Ренессансом. Но ведь и «большой» Ренессанс Запада не сразу получил массовый эффект. Это могла сделать лишь Реформация, которую некоторые исследователи склонны считать продолжением Ренессанса. Позволительно в связи с этим снова провести параллель. Некоторые современные исследователи Октябрьскую революцию 1917 года называют русской Реформацией (54). Известно, что Россия до этого времени двигалась к Реформации, но аналогичного западной Реформации события здесь так и не произошло. Впрочем, представители Серебряного века и сами, стремясь к сближению с церковью, усматривали возможность в ее тогдашнем положении Реформации (55). Западная Реформация была, однако, явлением далеко неоднозначным, поскольку в литературе обсуждался вопрос, явилась ли Реформация продолжением Ренессанса или же, наоборот, она блокировала развитие открытых им ценностей. А. Лосев, например, по этому поводу высказывался так: «Поэтому если протестантизм и можно считать детищем Ренессанса, то – пишет он – это детище можно понимать только хронологически, по существу же оно было полной противоположностью Ренессансу. И поскольку протестантизм оказался безмерным развитием начал свободомыслия, которое было уже и в Ренессансе, постольку протестантизм стал подлинным и настоящим самоотрицанием Ренессанса» (56). Очевидно, что, распространяясь среди массы, идеи, возникшие в среде гуманистов, превращались в собственную противоположность, в самоотрицание.

Нечто похожее на это самоотрицание русского Ренессанса рубежа веков и произошло в 1917 году в России. Пришлось ждать десятилетия, чтобы общество вспомнило о том, что успели забыть. Таким образом, проведение ана-

логий способствует выявлению хронологии русского Ренессанса. Что все же следует считать исходной точкой рассматриваемого периода? Анализ явлений, которые нас интересуют в культуре рубежа XIX–XX веков, требуют культурологического подхода. Необходимо обнаружить тот временный контекст, некую длительность культуры, которая позволяет уйти от описательности и найти место рубежа XIX–XX веков в длительности культуры, а культура и в самом деле имеет особые временные длительности. Если мы претендуем на культурологический ракурс исследования, то для нас точкой отправления должен быть какой-то репрезентативный для культуры этого периода, точнее, для той фазы, в которой русская культура оказалась на рубеже веков, факт. Что это за фаза и как ее обозначить? Где, в каком периоде искать начало этой фазы? Кто из художников выражает эту начальную фазу становления культурной модели?

Для редактора-издателя литературно-художественного журнала «Аполлон» С. Маковского такой точкой начала переходности явилось появление в 1898 году первого номера журнала «Мир искусства», что у него ассоциируется с выходом за границы приемлемого и привычного, который он называет «пожаром». Появление журнала под старыми, уходящими в забвение культурными традициями подвело черту и открыло до того совершенно неизвестным художникам зеленую улицу. Проницательный исследователь, фиксируя столкновение между поколениями, уже, по сути, фиксирует и беспрецедентную переходность эпохи.

Сопоставляя эту ситуацию с тем, что происходило на Западе, С. Маковский констатирует: в России все разрушалось радикальнее, чем это имело место на Западе. «Горючий материал долго и незаметно накоплялся – пишет он – и пламя пожара взмывало вдруг каким-то вулканическим извержением. Старому, изжитому не было пощады, и, зная это, старое цеплялось за прошлое свое величие и мстило молодому упорно, сварливо, всеми способами. В смене художественных поколений на Руси радикализм ломки и ожесточенность междоусобия объясняются, следовательно, характером общего русского эволюционно-культурного процесса. Он совершался порывами, скачками и притом на поверхности нации, почти не затрагивая народной толщи. Россия, в значительной степени отделенная стеной от Европы, где волны искусства сменялись с ритмической постепенностью, а если и случалось, выходили из берегов при столкновении друг с другом, то, вызывая лишь местные наводнения, не потопы; художественная Россия, не связанная культурно с первобытными массами населения, творящая на верхах, в столичных центрах не поспевавшая за Западом огромной империи; художественная Россия, при Петре утратившая свою византийскую традицию, а при цареосвободителе традицию XVIII столетия, новая, по-интеллигентски «не помнящая родства» Россия, хватавшаяся то за случайные образцы европейской живописи, то за пресловутую стасовскую самобытность, ложнозападническая и ложнославянофильская Россия передвижных и академических выставок – оказалась в середине 90-х годов накануне одного из этих испепеляющих «вчерашний день» пожаров» (57).

Чтобы хоть как-то прояснить вопрос с хронологией художественного подъема, что имел место в Серебряном веке, мы должны рассмотреть его, как минимум, в трех контекстах – политическом, цивилизационном и общекультурном. Во-первых, подъем в истории русского искусства, падающий на этот период, необходимо рассматривать в контексте надлома и распада империи, т.е. распада политической системы, что тоже в русской истории имеет значимую традицию. Признаки надлома империи существовали уже во второй половине XIX века, о чем свидетельствовали молодежные протесты в высших учебных заведениях, волнения «шестидесятников» XIX века, появление различных субкультур, в том числе, радикальных (фурьеристов, нигилистов, анархистов, народников, террористов, марксистов и др.).

Естественно, что эпоха надлома представляет начавшееся разложение политической системы. Но, как известно из истории, эпохи политического упадка были всегда наиболее благоприятными для расцвета искусства, на что обращали внимание еще Руссо и Шиллер. Так, развивая мысль о подъеме искусства в эпоху разложения нравов и государства, Ж.-Ж. Руссо напоминал: как только в Египте родились философия и изящные искусства, он был завоеван греками, римлянами и рабами. Такая же судьба, по его мнению, постигла и Грецию (58). Позже близкую к этому выводу мысль высказывал Ф. Ницше, утверждая, что культура обязана высшими своими плодами политически ослабленным эпохам (59).

Но, с другой стороны, эпоха надлома и распада империи оказалась весьма недолговечной. Уже спустя десятилетие после распада империи, т.е. после Октябрьской революции 1917 года под маской идей марксизма в России развертывается становление новой, уже большевистской империи. В этом контексте происходит возвращение к идеям «шестидесятников» XIX века. Эстетика Н. Чернышевского и Д. Писарева и т.д. снова берется на вооружение и становится весьма функциональной, требуя от художника служения государству. Не случайно этот период А. Синявский называл эпохой советского классицизма, что, кстати, можно проиллюстрировать интересом в эту эпоху к неоклассике в архитектуре. Эпоха Серебряного века, следовательно, является переходной эпохой от старой империи к империи новой.

Ближе всего к пониманию переходности в этом смысле оказался В. Розанов. Точкой отсчета для начавшейся в связи с распадом империи «оттепелью» (одна из его книг, посвященная 1905-1906 годам, называется «Когда начальство ушло…») он делает именно нигилизм «шестидесятников» XIX века. Именно это для В. Розанова и было в России настоящей революцией, сравнимой лишь с Французской революцией. Для него последующие революционные потрясения, в том числе, и революция 1917 года были лишь продолжением и следствием этой определяющей революции 60-х годов XIX века. К такой точке зрения следует прислушаться, ведь наследие «нигилизма» XIX века связано с традицией того мировосприятия, которое с легкой руки Ю. Хабермаса называют модерном, как он развертывался на русской почве. Собственно, с XIX века именно эта традиция и стала альтернативой по отношению к традиции, на основе которой развертывалась «культура цветущей сложности» или Серебряный век. Не принимать ее во внимание никак нельзя.

В 1914 году В. Розанов писал: «И теперь, и до сих пор, в сущности, тон всей литературы есть тон 60-х годов. Так и темы, все содержание Государственной Думы – это 60-е годы. Революция 1905-1906 не прибавила йоты идей-

ной к 60-м годам. У нас, в сущности, была одна революция, эти «60-е годы»: и она была так огромна, что выдерживает совершенно параллель и сравнение с французской революцией от появления Вольтера и Руссо до смерти Робеспьера. Европейские эпизоды 1830 и 1848 годов – это «удачи на улице», и не больше, не имеют, конечно, ни малейшей силы и величины сравнительно с эпохою «Современника», Чернышевского и Добролюбова, Писарева и Михайловского» (60).

Мысль В. Розанова неожиданная, но она кажется удивительно точной. Ведь, собственно, функциональная фаза в истории искусства, которая похоронит эстетические ориентации Серебряного века – это та фаза, что начнется с 1917 года и утвердит себя на протяжении 20-х годов, означает в то же время и возрождение эстетических ориентаций «шестидесятников» XIX века, и продолжение их функционального отношения к искусству. В партийном догматизме Ленина продолжаются идеалы Писарева и Чернышевского. В своем дневнике З. Гиппиус пишет, что новые течения начала XX века были революцией против Белинского, Писарева и их наследников, творчество которых привело к оскудению искусства (61)

Бифуркационный взрыв начала XX века постепенно возвращал к старым кумирам. Они все еще держали внимание. В задачи В. Розанова не входило построение морфологии русской культуры, которая, как показал эксперимент О. Шпенглера, только и позволяет найти место какого-то периода в общей динамике становления культуры. В. Розанов мыслит краткими длительностями истории. Он фиксирует начальную точку разрушительной логики – распространения идей модерна, что характерна лишь для Нового времени. С другой стороны, сведение процессов истории рубежа XIX-XX веков лишь к надлому империи было бы упрощением, не позволяющим выявить многие нюансы в становлении российской цивилизации, связанные именно с этим конкретным историческим моментом – рубежом веков. Есть все основания применительно к этому времени ставить вопрос о надломе не просто политической системы, какой является империя, но о надломе российской цивилизации как одной из существующих в мире цивилизаций. В данном случае понятия «империя» и «цивилизация» употребляются не как синонимы. Империя это одна из политических систем, каких в истории цивилизации может быть много. В данном случае понятие цивилизации мы употребляем не в шпенглеровском смысле, т.е. понимая ее как определенную и, в частности, финальную фазу в истории цивилизации, но в смысле синонима большой культуры. Поскольку каждая цивилизация в своей истории проходит несколько фаз, в том числе, начальную фазу, фазу роста, фазу надлома, фазу увядания и т.д., то такая логика прослеживается и в истории русской культуры. Собственно, анализ таких фаз в русской культуре был проделан Л. Гумилевым. Хотя Л. Гумилев и считается этнологом, ибо предметом его исследований явились этносы, в том числе, и русский этнос, однако, хронология выстраиваемой им этнической истории вполне приложима и к временным ритмам русской культуры. Впрочем, сам Л. Гумилев этнические процессы отождествлял с культурными процессами.

Выделяя в истории каждого этноса конечное число фаз (инкубационная фаза, фаза подъема, акматическая фаза, фаза надлома, инерционная фаза, фаза обскурации), Л. Гумилев и в российской истории обнаруживает несколько фаз. Для нас интересно понять, какая из этих фаз соответствует выбранному нами для исследования периоду в истории русской культуры, т.е. рубежу XIX–XX веков? Выделение фаз Л. Гумилевым связано с тратой того, что он называет пассионарной энергией. Начавшись в русской культуре XIII века, пассионарный толчок превращается в пассионарную вспышку, продолжающуюся на Руси в XV–XVII веках.

Как утверждает Л. Гумилев, в российской истории это и было акматической фазой, т.е. фазой максимального пассионарного подъема, что способствовало включению в российский этнос множества других этносов. Казалось бы, если это действительно так, то спрашивается: почему то, что произошло на Западе и получило обозначение как «Ренессанс», прошло мимо Руси? Но, как показал П. Муратов, оно и не прошло. Конечно, влияние в истории России Запада вовсе не начинается с Петра I, и какой-то резонанс западного Ренессанса на Руси должен был быть. Если участие византийской традиции в подготовке Ренессанса не исключается, то эта традиция для влияния западного Ренессанса и на Русь препятствием быть не может.

Однако как в истории России происходит трата пассионарной энергии после XVII века? Как свидетельствует Л. Гумилев, уже в эпоху Петра I уровень пассионарности начинает снижаться, о чем свидетельствовала процветающая в государстве коррупция. По мнению Л. Гумилева, XVIII век явился последним столетием акматической фазы. Постепенно уже в XIX веке Россия переходит к очередной фазе – фазе надлома. «Восемнадцатый век – пишет Л. Гумилев – стал последним столетием акматической фазы российского этногенеза. В следующем веке страна вступила в совершенно иное этническое время – фазу надлома» (62).

Хотя пассионарные вспышки, правда, уже не такие мощные продолжали иметь место и позднее (и, видимо, активность «шестидесятников» в 60-е годы XIX века как раз и являются показательной для такой, пока не охватывающей всего массива населения вспышкой, хотя в соответствии с теорией Л. Гумилева пассионариев в обществе и не должно быть много), тем не менее, реальность надлома к рубежу XIX–XX веков, видимо, является очевидной, о чем свидетельствовал и крах империи. Хотя империя и цивилизация разные вещи, тем не менее, распад традиционной для России государственности, а она и представлена формой империи, свидетельствовал и о надломе цивилизации.

Однако как покажет последующая история, империя не исчезла. Ушла в прошлое лишь та разновидность элиты, которая была характерной для старой империи и которая к рубежу XIX–XX веков предельно дифференцировалась. Старая империя угасла, но на ее месте возникла вызвавшая к жизни другую элиту и других харизматических лидеров новая империя. Интересующий нас период как раз примечателен тем, что русские пассионарии в форме то фурьеризма, то нигилизма, то народничества, то терроризма и большевизма на протяжении всего XX века вдохновлялись идеями модерна. Это предполагало полное разрушение государственности (и здесь идеи М. Бакунина весьма показательны). Но и возведение на развалинах распавшегося государства последующей империи.

На рубеже XIX–XX веков реализация проекта модерна достигла такой точки, когда масса, наконец-то, поддалась лозунгам и идеям пассионариев и за ними пошла. Как будет утверждать С. Булгаков, в России создалась совер-

шенно беспрецедентная ситуация – единение пассионарно настроенной группы пассионариев и огромной массы населения. Однако когда это произошло, стало очевидно, что в России носители модерна, постоянно меняя формы обозначения, дойдя до большевизма, окончательно утеряли нравственные критерии. Вместо пассионариев-утопистов к концу движения в его мягкой форме, т.е. к началу катастрофы, которая уже носилась в воздухе, т.е. к революции 1917 года, в рядах носителей политического модерна или авангарда имело место перерождение. Оно имело психологические черты, но повлияло и на стратегию большевизма, что проявилось в том, что для осуществления поставленной цели они использовали средства, оказывающиеся за пределами тех норм, которые в русской истории формировались с таким трудом, в том числе, и благодаря христианству.

Этот момент перерождения, а точнее, активности в психологии русской революции интеллигенции негативных черт стал предметом внимания выступивших в вышедшем в 1909 году знаменитом сборнике «Вехи» философов и публицистов. Так, в культивировании революционной интеллигенцией разрушительного нигилизма и героизма С. Булгаков усматривает отрицательные черты интеллигенции, которые, как он полагал, передаются и массе (63).

Собственно, именно этот выход за пределы культуры в форме массового революционного движения и последующего построения новой имперской государственности и является выражением варварства, спрогнозированного еще в XIX веке Ф. Ницше и подхваченного Н. Бердяевым. Это перерождение как на уровне психологии, так и на уровне идеологии лагерь носителей модерна раскололо. Часть бывших поклонников идеи социализма (в том числе, Н. Бердяев и С. Булгаков) отошли от марксизма и по отношению к нему заняли критическую позицию, о чем свидетельствовал знаменитый сборник статей 1909 года «Вехи». Так, названные философы перешли от марксистской системы идей к религиозной философии. Как парадоксально утверждал Г. Флоровский, именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий в сторону православия (64).

Есть основание считать, что в фазу надлома в России вступает не только империя, но и цивилизация. Возможно, именно этим можно объяснить ретроспективный пафос русского искусства рубежа XIX–XX веков, как и расширение времени и пространства его развития как следствия нарушения принципа преемственности, понимаемого весьма поверхностно. Искусство вспоминает все те фазы, которые проходила не только российская цивилизация, но и вся мировая история. Можно ли эту закономерность выразить так, как это сделал А. Белый, имея в виду это расширение времени и пространства в самосознании символизма? «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, – пишет он – есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и Средневековье, – оживают, проносятся мимо нас эпохи, нам близкие. Говорят, что в важные часы жизни перед духовным взором человека пролетает все его жизнь; ныне пред нами пролегает вся жизнь человечества; заключаем отсюда, что для всего человечества пробил важный час его жизни. Мы действительно осязаем что-то новое; но осязаем его в старом; в подавляющем обилии старого – новизна так называемого символизма» (65).

Русское искусство вспоминает и те фазы, которыми проходила западная цивилизация, а ведь с Петра I Россия к ней тоже примыкает. Именно поэтому русский символизм – порождение западного символизма. Если рассматривать в этом смысле не только Россию, но и Запад, где символизм впервые и рождается, то истоки нового течения связаны с именами Бодлера, Верлена, Рембо и Малларме. Следовательно, можно утверждать, что во французской литературе элементы поэтики символизма были реальными уже на рубеже 70–80-х годов, хотя говорить о символизме как литературном движении было еще рано (66). В истории символизма в его французском варианте отмечается несколько этапов. Начало первого этапа связывается с 1880-ми годами, когда в поэзии активизируется столь представительное для символизма музыкальное начало, которое, как считал И. Анненский, является опознавательным знаком поэтики символизма (67). В 1886 году появилась знаменитая статья Ж. Мореаса «Литературный манифест символизма», с которой начинается и самосознание этого направления, и само это направление. С начала 90-х годов это направление уже становится модным.

Что касается русского символизма, с появления которого, по всей видимости, и начинается Серебряный век, то здесь можно фиксировать два поколения символистов: первое (1890–1900-е годы) и второе (1900–1910-е годы) (68). Хотя можно говорить также и о предсимволистах (Фет, Тютчев и др.). Но русский символизм в еще большей степени явился наследником западного романтизма. Констатируя влияние на русских символистов французского символизма, а также немецкого романтизма, П. Саккулин писал: «С 1890-х годов начинает развиваться особое литературное движение, получившее названия: «декадентства», «символизма», «модернизма». Движение это, представляющее близкую параллель тому, что совершалось на Западе, продолжает существовать и до сих пор, а современные ученые обнаруживают тенденцию подводить его под общее понятие «неоромантизма» (69).

Но в этот период Россия вспоминает и собственное Средневековье, а также свои предвизантийские ориентации, что заметно не только по живописи, но и по архитектуре. В Серебряном веке возрождалось не только искусство уже угаснувших великих культур за пределами России, но и искусство Древней Руси. Новое открытие средневекового русского искусства было частью наметившейся с этого времени общей реабилитации Средневековья, что свидетельствовало о возрождении в истории искусства традиции романтизма и, соответственно, затухании той традиции, что появилась уже в раннем модерне. Об этом, например, свидетельствовал широкий общественный, а главное, художественный резонанс заново открытой в эту эпоху древнерусской иконы.

До этого времени русская древняя иконопись была совершенно неизвестной. Многие ее образцы просто не сохранились. Начавшаяся уже в XVII веке, т.е. еще до петровских реформ вестернизация России способствовала культивированию ренессансной традиции и, соответственно, забвению альтернативных ей художественных систем. Единственными хранителями древней иконописи были гонимые старообрядцы. В 1913 году была организована первая выставка древнерусской иконописи, имевшая широкий резонанс в художественной среде. Многие впервые увидели

древнюю икону именно на этой приуроченной к трехсотлетию дома Романовых выставке. Как утверждает П. Муратов, выставленные иконы более всего поражали сознание самих художников.

Вскоре авангардная живопись этого времени продемонстрирует усвоение приемов древнерусской иконописи. Дело тут не только в том, что общество открывало древнюю икону, чему способствовала активизация в это время славянофильских идей. Оно открывало целую и альтернативную по отношению к Ренессансу художественную систему. Это открытие явилось частью той переоценки ценностей, что в это время связана с осознанием негативных последствий так называемого европоцентризма. Осознание этого позволило уяснить, что русская живопись XV и XVII веков вовсе не является провинциальной, как это иногда представлялось. Провинциальной она казалась, если оставаться на позиции европоцентризма. Оказывается, в ней сохраняются элементы почти целиком исчезнувшего искусства античной живописи. «Благодаря уединенности от Европы Древняя Русь – пишет П. Муратов – удержала тайну искусства, о котором Запад уже давно успел забыть, – тайну живописи, в основу которой легли воззрения и стилистические приемы, не встречающиеся в живописи европейского Возрождения» (70).

Таким образом, в древней иконописи Руси сохранились элементы не только доренессансной, но, в том числе, и довизантийской живописи, которая, как часто утверждается, иконописный стиль Древней Руси и определила. Как пишет П. Муратов, «русские иконы представляют, быть может, единственный случай испытать общее зрительное впечатление, близкое к общему зрительному впечатлению от исчезнувших произведений древнегреческой станковой живописи» (71).

В своем докладе, посвященном древнерусской живописи и прочитанном в 1933 году в Лондоне, П. Муратов отмечал: «Когда в начале XX столетия возродился интерес к историческому художественному наследству России, деятели этого движения нашли обширную область исторических фактов, неизвестных и неисследованных. Они должны были признать то странное обстоятельство, что богатая и одаренная русская литература XIX столетия прошла как-то мимо явлений, представляющих первостепенный интерес не только с точки зрения высших духовных ценностей мирового порядка. Открылись вдруг неожиданные обширные перспективы древнего русского искусства. Стало понятным, что древнерусская архитектура являет собою пример чрезвычайно оригинального и совершенно самостоятельного национального творчества. К изумлению широких кругов русской интеллигенции, воспитывавшейся на литературе XIX века, выяснилось, что древняя русская живопись от XII до XVII столетия создала ряд замечательных памятников в стенных росписях русских церквей и в украшающих эти церкви иконах. Этими прекрасными произведениями архитектуры и живописи русского прошлого мы имеем право гордиться так же, как гордится итальянец фресками эпохи раннего Ренессанса и француз или немец готическими соборами и готическими статуями, сохранившимися на германской и на французской земле» (72).

Почему же в России этого времени древняя икона имела такой резонанс, что немедленно проявилось в практике искусства? Проблема, видимо, во многом заключалась в том, что к этому времени становилось все более очевидным, что Запад уже начинал испытывать кризис, а потому не столько продолжал излучать художественные идеи, сколько сам нуждался в художественных заимствованиях и, собственно, уже демонстрировал активность в этих заимствованиях. Поэтому он начал проявлять интерес не только к Востоку, но, в том числе, и к русскому искусству. В ситуации распада характерной для европоцентризма картины мира само русское искусство стало заметно поворачиваться от Запада к Востоку.

Стало очевидным, что история России как история петербургского ее периода заканчивается. В средневековом искусстве Древней Руси стали видеть альтернативу художественной традиции Запада. Иногда называемая примитивом средневековая икона стала заметно воздействовать на авангардную живопись, отказывающуюся от знаменитой линейной перспективы Ренессанса. Так, в русской средневековой иконе К. Малевич усматривал альтернативу художественной традиции Запада. Характерные для древней иконы приемы обратной перспективы привлекали и западных художников. Так, в 1911 году А. Матисс заявил, что в Москве имеются такие образцы живописи, которые не только не уступают тем, что существуют в Италии, но и являются превосходящими их (73). Так, Х. Бельтинг следы увлечения древней иконой обнаруживал на полотнах Кандинского, Шагала, Татлина, Гончаровой.

Открытие древних культурных корней, в том числе, и византийских, и довизантийских помогало обнаружить влияние на разных этапах истории русского искусства восточных культур. Но ощущение кризиса Запада означало также и кризис того слоя отечественной культуры, который начал формироваться с эпохи Петра I, с петербургского периода российской истории. Именно так освещает этот вопрос, описывая ситуацию открытия иконы в России, Х. Бельтинг. Он пишет, что интерес к иконе во многом объясняется возникшей национальной ситуацией. «Связь с собственной традицией, – пишет он – которая со времени основания Санкт-Петербурга как будто официально была прервана в пользу предписанной европеизации, стала предметом дискуссии. Лишь кризис этого самосознания способствовал в XIX веке размышлениям о собственном прошлом. При этом обратим внимание на икону, которая, по существу, была единственной формой русской станковой живописи на досках до времени поворота к Западу» (74).

Так выяснилось, что чем глубже в историю собственно России, тем более очевидными становились заимствования, без которых русскую культуру представить невозможно. Ведь на разных этапах она испытывала воздействие других культур и ассимилировала их элементы. Так опровергались поверхностные славянофильские представления. В орбиту художников и поэтов Серебряного века попадают разные культуры и эпохи. Географическое пространство интересов необычайно расширяется. Но, пожалуй, среди этого калейдоскопа различных культурных стилей на первый план выходит бессознательная активность восточного начала.

Вообще, это необычайное расширение как пространства, так и времени в эту художественную эпоху выразил В. Брюсов в прочитанных им в Народном университете имени Шанявского в Москве лекциях и публиковавшихся в 1917 году в журнале «Летопись». В них он попытался передать восторг от археологических открытий последнего вре-

мени, когда время истории культуры было раздвинуто за пределы традиционного представления об античности, того, что «считалось конечным пределом истории» (75), вообще, за пределы осевого времени. От возникающей открытости искусства рубежа XIX-XX веков, действительно, захватывало дух. В. Брюсов опьянен атмосферой открытия «неизмеримых далей веков и тысячелетий» «То – писал он – что раньше представлялось всей историей человечества, оказалось лишь ее эталоном, заключительными главами к длинному ряду предшествующих глав, о существовании которых наука долгое время не подозревала или не хотела подозревать» (76). Поскольку первые наброски этой работы В. Брюсов сделал в 1914 году, то, следовательно, он еще не был знаком с появившейся позднее концепцией О. Шпенглера, подвергшего критике навязываемый Западом европоцентризм и призывавшего к более глубокому прочтению прасимволов существующих в истории каждой культуры. Но поэт, как и философ, уже ставит вопрос о разрушении существовавшей до рубежа XIX-XX веков концепции мировой истории.

Что особенно в этих лекциях обращает на себя внимание, так это то, что в предшествующих античности культурах – культуре Крита и Микен поэт улавливает сходство с некоторыми явлениями современного ему искусства. Он, в частности, передает ощущение исчезновения различия между современным человеком с его телефонами, аэропланами и кино, с одной стороны, и обитателями критского дворца, с другой. В эгейской женщине он видит современную парижанку. Мужчины Эгейского мира напоминают ему петиметров старого французского двора. Более того, в Эгейском мире поэт обнаруживает даже декадентство, орнамент, геометрический стиль, т.е. все то, что характерно для современного поэту стиля модерн (77). В Микенах поэт обнаруживает то, что характерно для моды и новых идей Парижа XVIII века.

Трактат В. Брюсова показателен еще и тем, что в ситуации возрождения славянофильской традиции, т.е. отторжения от императорской России и идеализации допетровской, средневековой и языческой Руси и возрождения национальной идеи (что захватило и искусство, например, увлечение славянским фольклором в музыке Стравинского, в живописи Нестерова, Васнецова, Рериха, в поэзии Бальмонта, С. Городецкого, В. Хлебникова и т.д.), русское искусство начинает заново осваивать всю предшествующую мировую культуру.

Увлечение славянским фольклором явилось частным проявлением того, что С. Маковский называет «неорусским Ренессансом» (78), под которым следует подразумевать ретроспекции в предшествующий период российской истории и, в частности, в Средневековую Русь. Эти ретроспекции проявлялись в особой влюбленности в допетровскую, теремную Русь, что, например, проявилось в так называемом «неорусском стиле» в архитектуре (79). Появлением этой тенденции явился интерес к устной культуре, фольклору, былинам и сказкам. Одновременно с этим имело место необычайное расширение географического пространства и неслыханное дотоле усиление интернационального комплекса искусства. Продолжением испытываемого В. Брюсовым восторга перед открывающимися историческими горизонтами явились путешествия А. Белого в Египет, Н. Гумилева – в Абиссинию, К. Бальмонта – в Мексику, Новую Зеландию, В. Соловьева – в Каир, в Египет, И. Бунина, путешествовавшего в 1907 году по странам Востока – Сирии, Египту, Палестине. В русском искусстве возникали темы и мотивы древней Америки, Ассиро-Вавилонии, Греции, Рима, Иудеи, Персии, Египта, Индии, Китая (80).

Не случайно С. Маковский в Н. Гумилеве – певце земной красоты обнаруживает второе начало – лирика, мечтателя, уходящего от жизни в прошлое, «в великолепие дальних веков, в пустынную Африку, в волшебство рыцарских времен и в мечты о Востоке «Тысячи и одной ночи» (81). В этом смысле весьма показательны путевые заметки А. Белого, посетившего Сицилию. Тунис, Египет, Палестину и Африку. Он, в частности, был восхищен Африкой. «Что-то древнее, – писал он – вещее, еще грядущее и живое в контурах строгих африканских пейзажей» (82). По его мнению, в Африке ощущается строгость, величие, вечность и даже «созерцание Платоновых идей», что из западной цивилизации совершенно исчезло. Стоит ли удивляться, что с Востока А. Белый как русский европеец вернулся даже с антизападными настроениями.

В начале 1910-х годов отечественное искусство Н. Гончарова сознательно противопоставляла западному, отдавая дань первенства первому. Однако противопоставление Западу потребовало доказательства близости русского искусства Востоку. У нее получалось так, что, собственно, и западное искусство без влияния Востока не обошлось. Но Запад переосмыслил восточное начало в соответствии со смыслами своей культуры. Поэтому согласно Н. Гончаровой необходимо было вернуться к первоисточнику, т.е. к Востоку, очистив его от западных интерпретаций.

Так возникло новое открытие в России Востока, правда, с некоторым запозданием. Ведь то же самое на Западе происходило со времен «Западно-восточного дивана» Гете. Из первостепенной значимости отечественного искусства исходил примитивизм, который и представляла Н. Гончарова. Эта потребность укорениться в собственной культурной идентичности приводила Н. Гончарову и В. Хлебникова к попыткам не только противопоставления русской культуры западной, но и к неправомерному ее возвышению.

Поскольку идея духовной зависимости России от Запада была вполне распространенной (а эта мысль была присуща Булгакову, Иванову, Бердяеву), то, например, Л. Шестов пытался резко осадить приверженцев такого взгляда, правда, он имел в виду лишь литературу, а не все искусство. Называя десяток русских писателей XIX века, Л. Шестов вопрошал: разве можно серьезно говорить об их духовной зависимости от Запада? «Если уж на то пошло, – пишет он – то скорее наоборот – нужно признать, что в последние десятилетия западная литература находилась под властью и в зависимости от русской литературы, особенно от Достоевского и Толстого, произведения которых так же знакомы и близки сердцу каждого читающего европейца, как и русскому» (83).

Комментируя такой поворот к себе, собственной культуре, к Востоку, Д. Сарабьянов пишет: «Если французские и немецкие художники в поисках примитива чаще всего пускались в дальние путешествия – в Полинезию, Африку, увлекались искусством негров, Южной Америки, то русские мастера, прежде всего, обратились к отечественному лубку, вывеске, народной игрушке, иконе и т.д.» (84). Путешествия такого рода питали образы искусства этого времени.

Тот же В. Брюсов уже в статье 1921 года, в которой ощущается критика того, чему он до 1917 года поклонялся, напишет: «Эллада и Рим, Ассирия и Египет, сказания Эдды и мифология полинезийских дикарей, мифическая Атлантида и средневековые бредни – все шло в дело. Поэзия превращалась в какой-то гербарий прошлых веков, в ряд упражнений на исторические и мифологические темы» (85). Многочисленные примеры из опыта русского искусства эпохи Серебряного века демонстрируют, однако, отнюдь не активную ассимиляцию других культур, что, как может показаться, свидетельствует об истощении культурной модели, а, совсем наоборот, они свидетельствуют о развернувшемся и активизирующемся синтезе культурных элементов, который в русской культуре никогда не прекращался. И кто только в этот период не писал о синтезе.

Здесь следует иметь в виду специфическое строение русской культуры, в которой на протяжении столетий развертывался специфический синтез разных культур. Кроме мощного византийского влияния, преобразившего локальные языческие традиции и передавшего Руси античные традиции, в этой культуре, как в 20-е годы будут утверждать евразийцы, сохраняется не менее сильное восточное влияние культуры Великой степи. Но на Русь активно воздействует (и задолго до Петра I) культурная стихия западных народов. Может быть, это разнообразие активной ассимиляции ценностей других культур придает русской культуре особую исключительность. В частности, оно определяет как строение этой культуры, так и ее открытость по отношению к другим культурам. Как писал А. Блок: «Нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений».

Известно, какое влияние на художников этого времени, в частности, на В. Кандинского имели идеи Е. Блаватской. Но сам феномен Е. Блаватской носит, как известно, антизападный характер, кстати, подчеркиваемый В. Хлебниковым, который и сам не раз демонстрировал свое антизападничество («В бегстве от Запада Блаватская приходит к священному Гангу» (86). Кстати, гипноз сочинений Е. Блаватской заключался еще и в том, что она обещает возможность прорыва к тайнам тех исторических эпох, культур и религий, что остались в доистории, в эпохах, предшествующих осевому времени. Не то, чтобы эти тайны оставались совсем уж неизвестными миру. Но проблема заключалась в том, что они до этого постигались лишь частично и поверхностно, в соответствии с теми языками, что были присущи лишь Западу. «Индусская, египетская и другие древние религии, мифы и эмблемы, – пишет Е. Блаватская в предисловии к своей «Тайной доктрине» – выдавали лишь то, что символисты желали видеть в них и, таким образом, вместо внутреннего смысла часто давалась лишь грубая внешняя форма» (87). По мнению Е. Блаватской, наука в ее современных формах вообще не способна передавать смыслы культур, оставшихся в доистории. Передача этих смыслов должна происходить в формах мистерии.

Некоторые художники и мыслители этого времени осознанно проповедуют антизападничество и подчеркивают восточные корни русской культуры (117). Так, М. Ларионов и Н. Гончарова, как пишет В. Марков, «отвернулись от Запада» и провозгласили независимость искусства России, основанного на иконе и примитивном искусстве (88). Эти художники явно находились под воздействием возрождающегося в этот период славянофильства. Именно так, т.е. в гумилевском духе их раннее творчество было представлено в выпущенной в 1913 году книге И. Зданевича. «Он (И. Зданевич – Н. Х.) – пишет В. Марков – превозносит татаро-монгольское иго за то, что оно благоприятно повлияло на русское искусство, и обвиняет Петра Великого в том, что тот практически уничтожил национальную традицию и своими реформами расколол русскую культуру на городскую и деревенскую» (89). Заслугой М. Ларионова и Н. Гончаровой является то, что они ощутили дух допетровской эпохи и, по сути, открыли древние и истинные источники национального русского искусства.

Антизападничество позже было присуще также рано умершему, но оставившему след в живописи А. Рябушкину. Это проявилось даже в том, что художник, получив денежную субсидию, отказался от заграничной командировки. «Всецело посвятивший себя своей родине, – писал об этом С. Маковский – направлявшей все мысли и желания к изучению ее истории, народного творчества, быта, интересовавшийся в этом отношении каждою мелкою подробностью, каждым старинным костюмом, старинной песней, старинною грамотой (некоторыми почерками XVII и XVIII столетий он владел в совершенстве), старинной утварью, резьбой на избах, старинными узорами на тканях, вышивками на полотенцах, – запоминавший каждую интересную мелодию, каждое меткое выражение, одним словом, живший и дышавший только своим, народным, русским, он не мог ехать к немцам, французам, итальянцам – и всю полученную сумму употребил на разъезды по России, оставшись и в этом отношении вполне самобытным, так как, насколько помнится, ни до, ни после него не было слышно о пансионере, который отказался бы от заманчивой возможности побывать в «заморских краях» (90).

Особое место в русском искусстве этого времени занимает, например, А. Добролюбов. Он не только приблизил искусство к сектам, но и сам создал собственную секту. Вот уж, действительно, апостол воспетого постмодернизмом маргинализма. В умонастроении А. Добролюбова Н. Бердяев усматривал близость к позиции Л. Толстого. А. Добролюбов выразил психологию странничества, комплекс бродячей Руси. Его деятельность Н. Бердяев называет «новым францисканцем». Но, пожалуй, еще более точное обозначение деятельности А. Добролюбова связано с Востоком. «В нем (А. Добролюбове – Н. Х.) – пишет Н. Бердяев – чувствуется пассивность, высшая покорность, что-то нечеловеческое, уклон к буддизму, к религиозному сознанию Востока, к чистому монизму, отрицание множественности и индивидуальности» (91).

В своей попытке понять символизм как некое целостное мировосприятие (а это была одна из первых попыток такого рода) Эллис настаивал на зависимости от западноевропейского движения и даже подчиненности русского символизма символизму западному. Это движение связано с именами Э. По, Бодлера, Верлена, Малларме, Ибсена, Гамсуна, Метерлинка, Верхарна, Уайльда и т.д. Но, по его мнению, новые искания рубежа XIX–XX веков все же определили такие гении, как Шопенгауэр, Ницше и Вагнер. Но даже с помощью этих философских предтеч символизма рус-

ские символисты усваивали восточные идеи. Тот же Эллис писал о Шопенгауэре, что он соединил античную пластическую мудрость с великим посвящением в восточную, индуистскую мистику (92).

Под обаяние восточных учений попал и отталкивающийся от идей А. Шопенгауэра Ф. Ницше. «Если Шопенгауэр первый перед внешне-ликующим и диалектически-победоносным, но в существе отчаявшимся во всем современном ему обществом, сумрачно и молчаливо, но внутренне уже веря, уже молясь, – пишет Эллис – развернул «Упанишады» и первый из всех интеллектуальных посылок сделал восточно-мистический вывод, то Ницше был первым, кто глубже всех был проникнут этим выводом, и первый он сам заговорил, как новый великий учитель с Востока, будучи первым среди людей Запада» (93).

Увлечение в России этого времени А. Шопенгауэром объясняется, однако, не только введением им в философию восточных идей, но и основополагающей для этого философа идеей кризиса культуры. Одним из признаков этого кризиса явился диагностируемый им как болезнь западной культуры индивидуализм. Некоторые дискуссии в эпоху Серебряного века свидетельствовали, что этот вопрос волновал и русскую интеллигенцию. С легкой руки А. Шопенгауэра культура Серебряного века как культура развертывающегося индивидуализма подняла на щит преодоление индивидуализма. Этот тезис выражал дух настоятельной необходимости разрушения старой и построения новой культуры.

Некоторыми философами и художниками этого периода эта последняя культура мыслилась как культура, в которой коллективное начало должно доминировать, т.е. как соборная культура. Эта идея владела, например, сознанием В. Иванова. Для него аполлоновское начало явилось синонимом коллективного, соборного начала, выражением стихии, в которой исчезает индивидуальное «Я». Аполлоновское начало – основа более органической культуры, способной преобразить и преодолеть индивидуализм. Вот, пожалуй, разгадка того влечения к аполлоновскому началу, которое столь заметно в раскрепостившем дионисийскую стихию Серебряном веке.

Эта ретроспективная тенденция в русской культуре этого времени является весьма обращающей на себя внимание и, возможно, является определяющей. Она позволяет применительно к Серебряному веку обсудить вопрос о взаимоотношениях между разными цивилизациями и культурами. Естественно, что, став прозападной с реформ Петра I страной, Россия испытывала со стороны Запада колоссальное давление, что могло привести к утрате ее самостоятельности. Это давление Запада на Россию, продолжающееся многие столетия, констатирует даже такой авторитетный историк цивилизаций, как А. Тойнби (94). На протяжении последних столетий Россия активно ассимилирует западные ценности. Об этом свидетельствует и искусство, в особенности искусство Серебряного века. Ведь такое определяющее художественное направление как символизм также, как уже отмечалось, первоначально зародилось на Западе, а уже потом начало распространяться в России.

Но как показывает опыт Серебряного века, такая ассимиляция элементов цивилизации Запада имеет свои пределы. Тот исторический Вызов, каким предстал по отношению к России Запад, не оказался драматическим и не привел к утрате самостоятельности российской цивилизации. Между тем, в истории народов это время от времени случалось. Не имея возможности сопротивляться более жизнеспособной культуре, некоторые из них или растворялись в ней или угасали. Однако А. Тойнби утверждает, что внешний Вызов не всегда приводит к таким последствиям. Наоборот, иногда он способен активизировать витальный потенциал оказавшейся в экстремальной ситуации цивилизации, и такое сопротивление приводит и к пассионарному, и к духовному подъему. Такая ситуация характерна и для Серебряного века. Запад, не переставая оказывать давление и представляя Вызов, спровоцировал мощный творческий ответ. Налицо позитивные последствия этого Вызова, а именно, расцвет философского, художественного, религиозного и вообще культурного творчества в целом, что и в самом деле дает основание называть это явление Ренессансом.

Такое давление цивилизации Запада, определяющей уже на протяжении нескольких столетий мировую историю, на Россию вызвало к жизни весь тот витальный и духовный потенциал, который до этого времени не мог проявиться в полноте своих возможностей. Он-то и спровоцировал радикальное отторжение дотоле существовавшей в культуре традиции, как и вызвал к жизни целое созвездие художников, оказавшихся в конфликте с предшествующими поколениями, придерживающихся традиций. Может быть, Серебряный век – это тот самый момент, когда в искусстве одновременно активизировались самые разные и имевшие место на разных этапах российской истории тенденции и традиции, которые в истории России раньше хотя и имели место, но проявлялись частично и в маргинальных формах.

Не случайно для их выражения потребовался не просто какой-то один гений, а целое созвездие гениев и талантов, без чего Серебряный век и в самом деле не существует. Это явное свидетельство того, что в это время не просто какое-то течение или направление искусства получает свое выражение в художественных формах и вообще получает свое полное выражение творческий и художественный импульс, художественная воля целого народа, а получает свое полное выражение потенциал культуры в целом. Вся эта культура вступает в период своей кульминации. Но совершенно понятно, что искусство этого момента разрушило те границы и пределы, в которых оно до этого времени развивалось. Оно разрушило даже ту конвенциональность, что была заимствована у Запада и русским искусством усвоена. Получая толчок извне, стимулируя свой ретроспективный пафос, русская культура преодолевает заимствованные формы и не то чтобы она становится собой, достигая наиболее соответствующих ей форм развития, но находит для выражения своей ничем не сдерживаемой полноты проявления наиболее адекватную для кульминации в своем развитии форму.

Искусство Серебряного века заметно выпадало из традиций западного Ренессанса и устремлялось к той системе видения, которая была заслонена Ренессансом. Между тем, ренессансная традиция стала определяющей, универсальной традицией для всей той эпохи мирового развития, которая обозначается как вестернизация. Обращаясь к опыту собственного Средневековья, открывая древнюю иконопись, Россия обнаруживала корни той системы видения, которая противостояла ренессансной и в эпоху распространения большого западного Ренессанса уходила в забвение. Это,

конечно, византийская система видения, ставшая возможной на основе платонизма и неоплатонизма, а, соответственно, и античной традиции, которая хотя как для западной, так и для византийской традиции и была общей, тем не менее, в последующую эпоху раскололась на два варианта. Уже в Византии, т.е. во втором Риме, а затем и в Риме третьем эта традиция под воздействием активного соприкосновения с Востоком видоизменилась и обособилась от западной. Именно этот вариант и был ассимилирован Россией, что позднее создало трудности во взаимоотношениях России с Западом.

В эпоху Серебряного века, когда началось осознание исчерпанности европоцентрической установки в мировой истории, Россия реабилитирует византийское наследие, а вместе с ним и свои восточные корни, что у отдельных деятелей Серебряного века подается как оппозиция Западу. Поэтому в осмыслении искусства этого периода влияние западного искусства на искусство русское нельзя недооценивать, но нельзя умалять и значения в эту эпоху подъема и значения для него незападных стимулов. Так, ощущая стремление русских художников – своих современников всматриваться в образцы византийской и древневосточной культур и, прежде всего, конечно, М. Врубеля, Г. Чулков ставил вопрос так: «Как же мы, русские отнесемся к современной западной культуре? Что нам делать? Идти за ними или строить башню искусства и жизни на свой лад? (95). Отвечая на него, он пишет: «Мы не забудем, какие сокровища подарила миру западноевропейская культура, но мы не станем мертвое называть живым» (96). И, кстати, это обстоятельство свидетельствовало о том, что надлом российской цивилизации хотя и имел в это время место, но эта цивилизация, переживая надлом империи, вовсе не утрачивала своей и витальности, и пассионарности, о чем, кстати сказать, и будет свидетельствовать весь драматический XX век.

Однако опыт Серебряного века невозможно осмыслить без еще одного, третьего аспекта – надлома и распада, понимаемого уже в ином смысле. На этот раз под таким надломом и распадом следует понимать уже не только надлом империи или цивилизации, будь это российская или западная цивилизация, о закате которой сразу же после первой мировой войны писал О. Шпенглер, но надлом определенного типа культуры, до некоторого времени оказывавшегося универсальным, а именно, того типа культуры, который в фундаментальных концепциях социодинамики называют культурой чувственного типа. Собственно, именно этот контекст надлома культуры одного типа, как и смена одного типа культуры другим позволит сделать не только необходимые обобщения, касающиеся опыта искусства Серебряного века, но и выявить актуальность этого опыта для нашего времени, в котором еще продолжают действовать установки уходящего в прошлое и утверждающего себя альтернативного типа культуры.

Собственно, с этой точки зрения история уже рассматривается историей культуры, время которой развертывается в соответствии не с линейной, а циклической логикой. На рубеж XIX–XX веков как раз падает окончание одного длительного цикла, возникновение которого обычно связывается с Ренессансом. Угасание этого цикла развертывается на протяжении всего XX века. Многочисленные трансформации, что имеют место в искусстве Серебряного века, провоцируя параллели с происходящим в предшествующих эпохах и культурах, не могут не навести исследователя на мысль о весьма нетрадиционной логике истории искусства, а, следовательно, об особой логике преемственности в художественном процессе.

Продолжим разбираться в этом с обращения к использованному А. Тойнби и подхваченному Л. Гумилевым понятию «надлом». Происходящее в Серебряном веке можно также осмыслить в соответствии с логикой циклического развертывания истории, предложенной П. Сорокиным. Однако появлению этой концепции предшествовали идеи многих плодотворно работающих именно в интересующий нас период русских мыслителей. И поскольку концепция культуры в ее исторической перспективе, в присущих ей временных длительностях была вызвана к жизни именно в русской гуманитарной науке этого времени, то об этом невозможно не сказать.

Остановимся лишь на некоторых идеях П. Флоренского и Н. Бердяева, предвосхитивших детально разработанную П. Сорокиным концепцию истории как истории культуры, позволяющую разрешить методологическую проблему подготовки данного труда. Так, П. Флоровский доказывал, что в истории культуры постоянно чередуются две культуры, когда одна культура утрачивает творческий дух и происходит возвращение к исходной точке, т.е. к той культуре, которая, казалось бы, уже ушла в прошлое. В соответствии с П. Флоренским, одна из этих культур представлена средневековой, другая – ренессансной культурой. В подготовленном философом для русского библиографического института «Гранат» «Автореферате» он писал о своей концепции истории культуры так. «Руководящая тема культурно-исторических воззрений Флоренского – отрицание культуры как единого во времени и в пространстве процесса с вытекающим отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры. Что же касается до жизни отдельных культур, то П. Флоренский развивает мысль о подчиненности их ритмически сменяющимся типам культуры средневековой и культуры возрожденческой. Первый тип характеризуется органичностью, объективностью, конкретностью, самособранностью, а второй – раздробленностью, субъективностью, отвлеченностью и поверхностностью. По убеждению П. Флоренского, ренессансная культура Европы закончила свое существование к началу XX века, и с первых же годов нового столетия можно наблюдать по всем линиям культуры первые ростки культуры иного типа» (97). Собственно, П. Флоренский по-своему пытался уже делать обобщения о художественном процессе, придерживаясь культурологической точки зрения.

Следует отметить, что симпатии П. Флоренского оказывались на стороне восходящей, т.е. средневековой культуры, о чем свидетельствует его работа, в которой он дает позитивную для нового искусства интерпретацию обратной перспективы. Поскольку на рубеже XIX–XX веков культура ренессансного типа оказывается в кризисе, то сменяющая ее культура обращает на себя внимание сходством со средневековой. Именно этот возврат к Средневековью в начале XX века и имеет в виду П. Флоренский. Так, в читаемом им с 1908 по 1918 год курсе лекций «Первые шаги философии» П. Флоренский формулирует: «Мы пережили век утонченности, а затем – и переутонченности; теперь же начинаются искания архаизма и отвращение от рациональности. Самый порочный из оплотов рационализма – научное ми-

ровоззрение – падает на наших глазах под прибоем растущего прилива. Близко новое Средневековье; и народные массы с Востока, кажется, уже идут исполнять, устремившись на западную Европу с Севера, – идут исполнять обычное историческое назначение – рушить» (98).

После таких суждений П. Флоренского легко перейти к концепции циклического развертывания исторического времени Н. Бердяева, которая, конечно же, у него не была фундаментально разработана, но, тем не менее, превратилась в лейтмотив всех тех его сочинений, в которых он касается проблематики философии истории. Так, одна из его работ, опубликованная в 1923 году в Берлине, называется весьма показательно. Ставя вопрос о кризисе на рубеже XIX-XX веков культуры (а тема эта с легкой руки Н. Бердяева затем будет постоянно обсуждаться, в том числе, и западными философами и теоретиками искусства, и показательным в этом смысле будет знаменитое исследование Х. Зедльмайра о кризисе искусства XX века, в котором он цитирует Н. Бердяева и, в общем, как можно ощутить, вдохновляется его идеями), Н. Бердяев говорит, что этот кризис дает повод рубеж XIX–XX веков обозначить как «конец Ренессанса» (99).

В этой работе Н. Бердяев пытается дать исчерпывающую характеристику рубежа XIX–XX веков с точки зрения философии истории. Эта характеристика начинается с фиксации беспрецедентности этого исторического периода, когда, по мнению философа, человечество выходит из всех привычных исторических берегов. Философ констатирует вводящий в новую, неведомую, а, следовательно, и пугающую историческую эпоху радикальный перелом. Признаком такого перелома является не только разрыв с античностью, но и утрата лидирующего значения в мировой истории Запада. Следствием этого является активность тех восточных традиций, которые отторгались не только западным миром, но, в том числе, и оторвавшейся еще от Востока античностью.

Как утверждает Н. Бердяев, это обстоятельство диктует новое видение истории, которое резко расходится с тем видением, что явилось следствием утверждения мировосприятия Нового времени. Но для Н. Бердяева рубеж XIX–XX веков не является лишь финалом начавшейся с эпохи Реформации культуры. Это финал начавшегося еще с эпохи Ренессанса длительного отрезка истории. С конца XIX века начинает ощущаться творческая исчерпанность начавшейся развиваться с эпохи Ренессанса культуры. Для философа финал Ренессанса означает кризис его духовной основы, а именно, гуманизма, без которого ни науки, ни нравственности, ни искусства целой большой эпохи понять невозможно. Но кризис гуманизма означает утрату веры в человека.

В начавшееся с Ренессанса истории самоутверждения человека просматривается не только обретение человека, но и постоянная утрата его самости. Реагируя на дискуссии начала XX века по поводу того, является ли это время духовным подъемом или упадком, философ решительно формулировал: это время упадка. В качестве основной причины упадка Н. Бердяев указывает на разрыв культуры и, соответственно, искусства с религией.

Основываясь на безрелигиозности, гуманизм закончился кризисом и крахом. Утеряв духовный центр бытия (середину по Х. Зедльмайру), т.е. веру, человек утерял и свой духовный центр. Кризис гуманизма, утратившего религиозную основу, породил ностальгию по средним векам. Кажется, что лишь возрождая Средневековье, человек разрешает не разрешенную ренессансом проблему, т.е. вернется к себе, обретет себя. Да, собственно, и характерный для Ренессанса творческий подъем, по мысли Н. Бердяева, оказался возможным лишь потому, что, несмотря на отторжение от веры и провозглашенный возврат к язычеству, он все еще питался духовными истоками средних веков.

Ставший очевидным к началу XX века кризис гуманизма проявился, с одной стороны, в безграничном индивидуализме, о чем, собственно, и свидетельствует атмосфера Серебряного века, а с другой, в беспрецедентном коллективизме, явившемся позднее в образе социализма. Это позволит философу сделать вывод о том, что проект Ренессанса не удался. Осуществление идей Ренессанса в истории привело совсем не к тому, что, казалось, преобразит человечество. Таким образом, отрицание бога в человеке ведет к отрицанию и истреблению самого человека.

Однако любопытно, как Н. Бердяев видит не только ренессансную культуру и на рубеже XIX–XX веков осмысляет ее судьбу, но и как он видит выход из исторического тупика, в котором эта культура оказалась. Философ констатирует, что история Запада – это история постепенного иссякания пассионарной энергии, пик которой совпадает с эпохой Ренессанса. Но параллельно с этим иссяканием имели место творческие подъемы, связываемые философом с возвратом к Средневековью, о чем свидетельствовал романтизм, а на рубеже XIX–XX веков символизм.

Что же позволяет Н. Бердяеву утверждать, что кризис культуры все же получает разрешение? Философ убежден, что будущая культура подхватит и разовьет то, что принесли с собой связавшие свои идеалы с религией романтизм и символизм. В соответствии с этим появляется надежда, что творческие силы человека могут быть возрождены, а образ человека восстановлен лишь с наступлением новой религиозно-аскетической эпохи. Этому будет служить возникающий новый ренессанс, в котором произойдет и возрождение религии. Что же касается Средневековья, то в соответствии с мнением философа, наступающее Средневековье, а вместе с ним и «новое цивилизованное варварство» (100) будет преодолено и отступит перед новым Ренессансом.

Спрашивается, если Н. Бердяев приоткрывает смысл возникшего кризиса начала XX века как кризиса общекультурного, то как это проявляется непосредственно в искусстве? Философ этот вопрос не обходит, пытаясь иллюстрировать кризис с помощью опыта футуризма. Для него футуризм – выражение «конца Ренессанса», поскольку он выражает смерть человека и человеческого и поскольку человек, отрываясь от своих духовных истоков, растворяется в массах. По мнению философа, футуризм созвучен крайним формам социального коллективизма, о чем свидетельствует социализм в России. В социализме образ человека затмевается образом безличного коллектива. Человек приобретает исчерпывающую его экономическую, политическую, классовую и, в общем, функциональную ипостась. Этому способствует вторжение в культуру машины. Техника начинает проникать в процессы бытия. Начавшись с утверждения индивидуальности, Ренессанс заканчивается ее отрицанием.

Именно в этой своей работе Н. Бердяев, как в свое время Ф. Ницше, утверждает, что разрыв на рубеже веков между историческими эпохами погружает человека в ускоряющий наступление нового варварства хаос. Было бы неверным к этому суждению философа не прислушаться, ведь именно сложившаяся на рубеже XIX–XX веков ситуация во многом определила всю последующую историю вплоть до сегодняшнего дня.

Излагаемые здесь теоретические идеи П. Флоренского и Н. Бердяева не исчерпывают представления о циклическом развертывании истории, которое поможет уточнить место в истории искусства Серебряного века. Идеи русских философов лишь подготавливают к восприятию фундаментальной концепции социодинамики культуры П. Сорокина, в которой и аргументирован принцип циклизма. Эта концепция преодолевает столь авторитетную с эпохи раннего модерна или Просвещения концепцию исторического прогресса.

П. Сорокин выдвинул альтернативную возникшей в эпоху Просвещения теории исторического прогресса и линейного принципа в историческом времени концепцию. Эта концепция является не линейной, а циклической. В своем элементарном виде она была изложена, как мы убедились, уже П. Флоренским, утверждавшим, что в истории постоянно чередуются лишь две культуры, которые он отождествляет со средневековой и ренессансной культурами. П. Флоренский не претендовал на разработку фундаментальной концепции циклического принципа в истории. Поэтому он и не нуждался в точности терминологии. Хотя, собственно, сам принцип цикличности он угадал точно.

Тем не менее, именно этот заявленный П. Флоренским проект П. Сорокин и реализует. Здесь трудно утверждать, был ли знаком П. Сорокин с идеями этого рода, которые мы находим у П. Флоренского и Н. Бердяева. Но это и не важно. Очевидно, что столь радикальные изменения в истории, связанные с переходностью эпохи, приводили к тому, что названные философы тоже реагировали на то, что в эпоху Серебряного века уже носилось в воздухе. Иначе говоря, что было важным для постижения характерных для русской культуры процессов. Именно это коллективное усилие разгадать возникающую на рубеже XIX–XX веков беспрецедентную ситуацию стало отправной точкой возникновения морфологии культуры П. Сорокина. В данном случае прецедентом для такого построения может считаться лишь О. Шпенглер, которого П. Сорокин считает своим предшественником.

Ставя своей целью представить историю историей культуры и культур, П. Сорокин все разнообразие культурных эпох, как это делает П. Флоренский, уже не сводит к двум – средневековой и ренессансной. Для них П. Сорокин пытается отыскать иное обозначение. Ему это нужно, поскольку аналогичную циклическую логику он находит не только в западной, но, в том числе, и в античной культуре. Поэтому то, что П. Флоренский называет средневековой и ренессансной культурами, П. Сорокин обозначает культурой идеационального и культурой чувственного типа, которые можно обнаружить на протяжении всей человеческой истории. Однако кроме двух названных у него появляется еще и смешанная культура, которую он иногда называет интегральной. Это тип культуры, который в реальности встречается чаще, ибо резкое разграничение двух основных типов культуры возможно лишь теоретически.

Какое же содержание П. Сорокин вкладывает в каждую из названных им культур? Разобраться в этом нам помогут уже высказанные ранее нами суждения и наблюдения. Ведь что-то принципиально новое, о чем не было известно ранее, П. Сорокин не открывает. Для обозначения известного он находит лишь новые, более точные научные определения, позволяющие ему от конкретного исторического опыта абстрагироваться. Но в то же время и выражать предельно обобщенную его суть через сопоставление с аналогичными ситуациями в истории. Таких аналогий, как мы уже убедились, было в эпоху Серебряного века много.

Так, когда П. Сорокин говорит о культуре чувственного типа, то под ней он подразумевает то, что П. Флоренский и Н. Бердяев имели в виду под ренессансной культурой. Под культурой чувственного типа следует подразумевать культуру, освобождающуюся от сверхчувственных смыслов, во власти которых находилась культура Средневековья и развивающуюся на основе чувственных стихий, что подчеркивает развертывающиеся в истории процессы секуляризации. Пиком развития культуры, обозначаемой как «ренессансная», будет культура раннего модерна или Просвещения с ее рационализмом и культом научности, проникающих, в том числе, и в искусство, о чем свидетельствует появление во второй половине XVIII века эстетики как научной дисциплины, исходящей именно из чувственной стихии. Как П. Флоренский и Н. Бердяев, П. Сорокин прослеживает историю этой культуры, отождествляя ее закат с рубежом XIX–XX веков, когда, как выражается Н. Бердяев, имеет место «конец Ренессанса».

Что же касается альтернативной культуры, которую П. Сорокин называет культурой идеационального типа, то ее смысл он связывает со сверхчувственной стихией. Ренессансная культура и в еще большей степени культура Просвещения освободила человечество от сверхчувственного, предоставив зеленую улицу науке, а, следовательно, и рационализму. В XIX веке она способствовала крайней форме развития позитивизма, против которого так восставали символисты, уходя от него к мистике, «Упанишадам» и теософии. Так, в своих мемуарах А. Белый пишет: «Мы не любили Спенсера; и в пику Спенсеру порою рука протягивалась к Беме…» (101). Но ведь и мистика, и Упанишады, и теософия – это все способы реабилитации сверхчувственного.

Отторжение от позитивизма, во власти которого находился весь XIX век, способствовало конфликту молодых, уходящих в теософию и мистику, с продолжающими быть верными позитивизму отцами. Столкновение между поколениями позволяет выявить столкновение между типами культуры. («Отцы большинства символистов – образованные позитивисты; и символизм в таком случае являет собой интереснейшее явление в своем «декадентском» отрыве от отцов; он антитеза позитивизма семидесятых – восьмидесятых годов в своем «нет» этим годам…» (102). Позитивизм явился продолжением тех реформ в философии и культуре, которые были начаты мыслителями раннего модерна и, прежде всего, Кантом и Гегелем.

Но в России XIX века авторитетами были не только Кант и Гегель, но и выразивший в философии идеи романтиков Шеллинг. Именно это увлечение в России Шеллингом, а оно будет характерным и для В. Соловьева, оказавшего, как известно, на символистов влияние, станет началом возникновения здесь интереса к восточной мистике. Шел-

линговское направление мысли становится тем источником, без которого будет непонятно славянофильство (103). Не случайно Ф. Степун выводил оставившее след в русской культуре рубежа веков теософское миросозерцание именно из философии Шеллинга (104). Как утверждает Ф. Степун, западный романтизм в России не способствовал возникновению научно-объективной философии, но он определил политику, публицистику, миросозерцание. Для романтического миросозерцания характерно ожидание грядущих перемен. «Дух, как бы впервые нашедший себя, естественно, ждет, что лишь теперь откроется ему вся святость подлинной жизни, естественно мнит, что все отошедшее было лишь преддверием и ступенью к тому подлинно ценному и единственно нужному, что тихо притаилось на бледных еще горизонтах. Всюду зарождается и растет чувство мессианской тоски, чувство великих канунов; все охвачены благоговейным ожиданием, все готовятся к встрече грядущего, все жаждут преображения своих душ, все слышат уже новые ритмы еще не народившихся переживаний» (105).

Но ведь именно эта атмосфера ожидания свершающихся радикальных перемен и наступления в истории нового эона в России на рубеже XIX–XX веков вновь повторилась. Чтобы это ощутить, достаточно обратиться к ранним стихам А. Блока. Когда В. Брюсов пытается дать характеристику поэзии А. Блока, он, прежде всего, фиксирует улавливаемую в ней мистическую интонацию. Так, имея в виду вышедший в 1905 году первый сборник его стихов «Стихи о Прекрасной Даме», В. Брюсов утверждает, что в вошедших в него стихах передается настроение, во власти которого находятся члены кружка, куда входили А. Блок и А. Белый. Они были убеждены в том, что приблизился «конец всемирной истории», что скоро должен свершиться радикально изменяющий жизнь человечества великий вселенский переворот. «Их возбужденному воображению, – пишет В. Брюсов – везде виделись явные предвестия грядущего. Все события, все происходящее вокруг, эти юноши воспринимали как таинственные символы, как прообразы чего-то высшего, и во всех явлениях повседневной жизни старались разгадать их мистический смысл» (106).

Популярность Р. Вагнера в Серебряном веке свидетельствовала о том, насколько важной для символистов была тема синтеза в искусстве. Но как понять этот столь важный признак эстетики этого времени без общего контекста, а им является возрождающееся миросозерцание романтизма. Для этого миросозерцания было важным преодоление того понимания науки, в которой естественнонаучное начало вытеснило начало гуманитарное. А этим пониманием человечество обязано модерну и философии XVIII века.

Рубеж XIX–XX веков со всей определенностью ставил проблему расширения гуманитарной сферы и преодоления того узкого понимания науки, которое в эпоху Просвещения возникло. Поэтому на рубеже XIX–XX веков возникает идея взаимопроникновения науки, философии, искусства и религии. Не случайно в эту эпоху концепт разума сменяется концептом жизни. Однако синтез в понимании людей этой эпохи мог быть возможным лишь на религиозной основе. Вот почему характерный для этой эпохи культурный ренессанс мог происходить лишь на религиозной основе как, собственно, и случилось. Причем, религия не была лишь элементом синтеза, а центром, ядром или, как это мы знаем по Х. Зедльмайру, «серединой».

Из этого понимания центральной роли в русском ренессансе религии исходили многие мыслители, но, в том числе, художники и писатели, которые приходили из искусства к религии, как это, например, произошло с Д. Мережковским, вызвавшим к жизни так называемый «Третий Завет». Однако при этом религию в ее христианском варианте они понимали по-разному. Так, например, П. Флоренский и С. Булгаков пытались воскресить исторические формы православия. Так, П. Флоренского Н. Бердяев сближает со старцами и пустынями, т.е. с византийской традицией, актуализация которой параллельно развертывается и в изобразительном искусстве (Васнецов, Врубель и т.д.). Это направление, как считал Н. Бердяев, нельзя называть новым христианством, и оно для нового религиозного сознания не является репрезентативным. Скорее его можно обозначить как новое в православии.

Иное дело – вариант Д. Мережковского. Может быть, Д. Мережковскому – единственному из религиозных мыслителей эпохи удалось создать систему, которую можно назвать как неохристианство. Столь значимое для русского ренессанса понятие синтеза в большей степени характерно именно для Д. Мережковского. Это понятие следует понимать в двух смыслах. По Д. Мережковскому, неохристианство есть синтез христианства и язычества, духа и плоти. Очевидно, что такое понимание синтеза у Д. Мережковского возникнет в результате критического осмысления исторического христианства.

Как утверждает Н. Бердяев, Д. Мережковский не принимает в христианстве гипертрофированный аскетизм (107). Поэтому он стремится уйти от аскетизма, старчества, византийского предания, вернуть в языческую стихию, которая у него ассоциируется с плотью. Д. Мережковский считает, что западный Ренессанс XV–XVI веков не удался. Возрождения язычества, а, следовательно, и плоти тогда не произошло. Средневековая традиция оказалась сильнее, и потому в христианстве победило восточное начало, от которого христианство, как он полагал, следует освободить.

Но, странное дело, для Д. Мережковского эта свобода в вере касалась лишь плоти, но не личностного начала. Как свидетельствует Н. Бердяев, оставивший глубокие суждения о типах религиозной мысли в России на рубеже XIX–XX веков, пытаясь возродить плоть, а через нее и язычество, Д. Мережковский теряет личность, ведь рождением личности человечество обязано именно христианству, а, еще точнее, историческом христианству, в котором синтез уже имел место. У Д. Мережковского вера понимается не как индивидуальная, а как коллективная потребность в обретении Бога. Поэтому в данном случае у Д. Мережковского возникает тот самый архаизм в религии, который присущ П. Флоренскому и С. Булгакову. А архаизм в вере (верность старцам, что тоже является возрождаемой византийской традицией), по Н. Бердяеву, является разновидностью модернизма в религии.

Не случайно «Третий Завет» Д. Мережковского Н. Бердяев соотносит с сектами и, в частности, с сектой хлыстов, для которых истинное общение с Богом происходит в экстатическом состоянии, т.е. в момент утраты в коллективных радениях индивидуального начала. Вообще, именно хлысты были озабочены поисками в восприятии божественной истины телесности. У них и Христос, и Богородица предстают в конкретных людях. Именно поэтому хлысты

и сохраняют связь с природной языческой стихией (108). Но для Д. Мережковского это как раз и важно. Утрата в коллективном радении индивидуального начала – идея знакомая, ведь именно так понимал Ф. Ницше возвращение от аполлоновской культуры в дионисийскую стихию.

Таким образом, Н. Бердяев критикует архаизм не только П. Флоренского и С. Булгакова, но и Д. Мережковского, полагая, что истинная вера связана с творческим подходом к религии, а творчество, прежде всего, связано с личным началом. Чтобы преодолевать кризис религии и культуры, необходимо не убегать в архаику, а творить новые формы, ведь, создавая этот мир, Бог видел в человеке свое подобие, т.е. способного продолжить начатый им проект творца. Однако для нового религиозного сознания рубежа веков религиозные искания Д. Мережковского весьма показательны. Ведь Д. Мережковский представляет интеллигенцию, а не церковь. Он – не священник, не теолог, а писатель, поэт, человек искусства.

Для существующей в культуре Серебряного века атмосферы логика мысли писателя показательна. Она свидетельствует не только о глубоком кризисе культуры, но и о попытках выхода из этого кризиса, успевшего к этому времени обозначиться как универсальный, т.е. как кризис всего мира. Именно поэтому эта эпоха современниками ощущалась как переходная эпоха. Деятели искусства не только рассуждали о кризисе, но и вызывали к жизни проекты выхода из этого кризиса. Всем им казалось, что таким способом выхода из кризиса может быть отказ от автономности искусства, которая до этого времени воспринималась прогрессом, и возвращение его в лоно религии. Этим и можно объяснить приход Д. Мережковского и не только его в лоно церкви.

Для многих представителей Серебряного века приход в религию был продолжением их художественной деятельности, а не чем-то таким, что находится далеко от искусства. Это было необходимой закономерностью, ведь эта эпоха вообще сдвигает границы между художественным и нехудожественным, и вместо созидания эстетических ценностей стремится по законам красоты создавать новый мир. Как утверждал Н. Бердяев, культура пришла к своему самоотрицанию. Творчество больше не вмещается ни в какие нормы («Литература перестает уже быть только литературой, она хочет быть новым бытием» (109). Слагаемым нового бытия мыслится, в том числе, и религия. Именно поэтому границы между искусством и религией, которые до этого существовали, смещаются. Собственно, именно это обстоятельство как раз и свидетельствует о реальности культуры идеационального типа.

Тема «Мережковский и религия» показательна еще и тем, что приход Д. Мережковского в религию не ограничивался лишь высказываемыми им в своих публикациях идеях (в виде статей, книг или романов), а означал активное участие в организации возрождающегося религиозного сознания. Им было организовано религиозно-философское общество, ставящее своей целью общение представителей искусства с православным духовенством. Приходящая на смену «ренессансной» альтернативная культура реабилитирует в культуре сверхчувственное начало. Именно это обстоятельство свидетельствует о том, что человечество снова возвращается к средневековой культуре, для которой сверхчувственное начало было определяющим. Это обстоятельство и является решающим в том, что, например, символисты подхватывают и развивают традиции романтизма, ведь отторжение от модерна и возвращение к Средневековью для романтиков было определяющим. Таким образом, подлинный смысл символизма приоткрывается лишь на уровне культуры.

Так, пытаясь осмыслить символизм как целое, П. Сакулин высказывает мысль о том, что у русских символистов бросается в глаза их близость не столько западному символизму (Бодлеру, Верлену, Метерлинку и т.д.), сколько западному романтизму начала XIX века и, еще точнее, ранним немецким романтикам (например, Новалису). «Через сто лет после иенского романтизма у нас – пишет он – народились поэты, более конгениальные с немецкими романтиками типа Новалиса, чем наши романтики 20–30-х годов XIX века» (110). Стало быть, символизм, к которому П. Сакулин относил Р. Вагнера, Г. Ибсена, М. Метерлинка, К. Гамсуна, Л. Андреева и т.д., – это возникший во второй раз романтизм.

Когда А. Блок пытается обнаружить корни символизма, то он тоже исходит из родства символизма в его русском варианте с немецким романтизмом. Каким же образом спустя столетие идеи и образы немецкого романтизма проявились на русской почве? По мнению А. Блока, традиции немецкого романтизма не прервались. Они вновь вспыхнули в России благодаря М. Метерлинку, без популярности которого театральную жизнь этого времени трудно представить. Например, в пьесе-сказке М. Метерлинка проявилась литературная традиция, рождение которой произошло в средние века, а вспышка интереса к ней проявилась в эпоху немецкого романтизма. Эта традиция была подхвачена, в частности, переводившим Новалиса М. Метерлинком. «Метерлинк – пишет А. Блок – один из тех, кому мы обязаны установлением тесной литературной связи между ранними романтиками начала XIX века и символистами конца века» (111).

По мнению А. Блока, проблема заключается в том, что наши существующие представления о возрождающемся романтизме поверхностны. Иенский романтизм А. Блок называет «великим течением», которое до некоторых пор находилось в забвении. Утверждая, что романтизм является не литературным течением, а формой повествования и новым способом переживания жизни, А. Блок замечает, что исключительно филологический подход, не опирающийся на философию, обедняет понимание романтизма, а, следовательно, и не дает ключа к пониманию символизма.

Мы бы к этому добавили, имея в виду становление в формах символизма культуры идеационального типа, что исключительно искусствоведческий подход, не опирающийся на культурологию, исключает из поля зрения определяющие признаки этого направления, чего мы и пытаемся избежать. Теория П. Сорокина возникла не на пустом месте. По сути, он, как мы уже отмечали, лишь обобщил идеи, получившие осмысление в эпоху Серебряного века. В некотором роде они явились самосознанием этого момента в истории русской культуры. Используемая им терминология позволяет точнее представить процессы Серебряного века, освободиться от понятий и представлений, употребляемых лишь в узком смысле и применительно к определенной эпохе. Достигшая кульминации в своем развитии в Серебря-

ном веке русская культура нуждалась в своем наиболее полном осознании. Поэтому творцы этой эпохи тянулись к философским обобщениям. Предыдущие попытки ее осознать были неполными и частными. Именно поэтому культурологическая рефлексия возникает именно в это время, что в литературе уже отмечалось (112).

Когда исследователи пытаются дать обобщенное истолкование наследия Серебряного века, то они имеют возможность осмыслить его и в соответствии с точкой зрения, сложившейся в границах модерна или ренессансной традиции классической эстетики, и с точки зрения альтернативной культуры, находящейся в XX веке в стадии становления. Но поскольку альтернативная культура во всех своих потенциальных возможностях еще не проявилась и это является делом будущего, то складывается ощущение неполноты наших оценок и представлений о наследии Серебряного века. Это естественно и можно утверждать, что это объективная трудность. Вот почему даже высоко оцениваемая нами позиция П. Сорокина еще не позволяет исчерпать все смыслы, возникшие в искусстве Серебряного века. Наиболее полная интерпретация Серебряного века возможна лишь в будущем.

Однако культурологический контекст позволяет вернуться к исходной точке и глубже осознать первоначальные или субкультурные формы искусства. Ведь и символизм, и последующие течения, в том числе, футуризм, акмеизм, кубизм, беспредметное искусство возникали именно в субкультурных формах. Причастность художественных экспериментов Серебряного века к процессам культуры некоторыми его представителями начинала осознаваться. Не случайно многие в этот период размышляли о культуре и об ее миссии в истории. Такие суждения о культуре были спровоцированы той редко имеющей место в истории ситуацией, которая характерна для рубежа XIX–XX веков. Культура выходила из всех известных и привычных берегов и, казалось, что она превращается в хаотическое нагромождение элементов, извлекаемых из разных, в том числе, уже угаснувших цивилизаций.

Необычайная открытость культуры рубежа XIX–XX веков порождает исторические аналогии. Так, задолго до О. Шпенглера Ф. Ницше первым проводит параллель между концом XIX века и периодом надлома и распада Римской империи. «Римлянин императорского периода – пишет он – зная, что к услугам его целый мир, перестал быть римлянином и среди нахлынувшего на него потока чуждых ему элементов утратил способность быть собой и выродился под влиянием космополитического карнавала религий, нравов и искусств; эта же участь, очевидно, ждет и современного человека, который устраивает себе при помощи художественной истории непрерывный праздник всемирной выставки» (113).

Позднее О. Шпенглер разработает эту идею Ф. Ницше в концепцию перехода истории к тому этапу, который будет известен как финальный этап культуры или этап цивилизации. Этот этап Ф. Ницше называет александрийско-римской культурой (114), что превратится в признак, который художники и мыслители рубежа веков находят, в том числе, и в русской культуре и именно в современной им эпохе. Эту ситуацию некоторые и оценивали как упадок, а потому эксперименты в искусстве, в частности, новации символистов оценивали как упадничество.

В связи с этим по прошествии времени, т.е. спустя столетие любопытно поставить вопрос, было ли это столь характерное для этой эпохи состояние хаоса конструктивным и, следовательно, удалось ли в результате тех новаторских форм, что связаны с символизмом, футуризмом, модерном и т.д., как и в результате ретроспекций в разные стили, эпохи и цивилизации, достичь некоего космоса, некоей целостности или синтеза, о котором в эту эпоху так много рассуждали? Конечно, первое, что обращает на себя внимание в искусстве этого времени, – это, конечно, появление даже не каких-то отдельных выдающихся творческих личностей, не представляющих даже одно поколение, а целого созвездия таких личностей, причем, это созвездие состоит из представителей разных поколений. Возникает некая новая система смыслов и ценностей, носителями которых оказываются представители разных поколений. Но, разумеется, такими носителями чаще всего становятся представители новых и младших поколений. Естественно, что они постепенно объединяются в некую фалангу, секту, как назвал символизм В. Иванов (115), а точнее, в субкультуру как основу возникновения и утверждения того, что мы ниже назвали «малым» Ренессансом. Эта субкультура первоначально воспринимается некоей контркультурой, оказывающейся в оппозиции по отношению и к старшим поколениям, и к предшествующей культуре в целом, а точнее, к русской культуре, какой она представала в предшествующие столетия.

Естественно, что символистов упрекали за то, что они жертвуют предшествующими эпохами в истории русского искусства. Оправдываясь, символисты демонстрировали свою приверженность к некоторым недостаточно оцененным в XIX веке поэтам и художникам, находили среди них своих предшественников и единомышленников, недооцененных предшествующим поколением. «Волей к переоценке и убежденностью в правоте нашей критики были сильны мы в то время: – пишет А. Белый – И эта критика наша быта отцов начертала нам схемы иных форм быта; она же продиктовала интерес к тем образам прошлого, которые были заштампованы прохожею визою поколения семидесятников и восьмидесятников; они не учли Фета, Тютчева, Боратынского; мы их открывали в пику отцам; в нашем тогдашнем футуризме надо искать корней к нашим пассеистическим экскурсам и к всевозможным реставрациям» (116).

Однако этот пассеизм символистов, манифестируемый в пику футуризму, в котором их упрекали, касается не только XIX века. По сути, деятелями Серебряного века была осуществлена реабилитация искусства этого столетия, чего мы уже касались. Они открывали его заново. Но их пассеизм, конечно, идет еще дальше: они открывают фольклор, что подтверждает их верность западному символизму, но и реабилитирующему впервые фольклор западному романтизму, а также средневековую иконопись. Они открывают, как мы уже показали, заново древнерусское искусство, его византийские и восточные корни.

Однако, извлекая из истории разные традиции и ассимилируя элементы разных культур, смогли ли деятели Серебряного века достичь некоей гармонии, целостности синтеза, что позволяло бы говорить о полноте выражения и законченности всего этого момента в истории русской культуры? Этот вопрос невозможно не поставить, иначе нельзя понять, почему созданное в тот период искусство продолжает притягивать и провоцировать на осмысление его опыта.

Здесь явно улавливается связь этой эпохи с сегодняшним днем. Все свидетельствует о том, что эпоха, начавшаяся на рубеже XIX–XX веков, все еще не закончилась. Объяснение тому, что мы сегодня переживаем, лежит именно в том времени.

Видимо, и в самом деле, обращение к отдельным индивидуальностям той художественной эпохи, как и к отдельным художественным течениям, еще не может объяснить всех смыслов этой эпохи. Объяснение, действительно, скрывается в переходе от одного типа культуры к другому. Русское искусство в тот период входило в эпоху своего подъема и расцвета. Одновременно уходил в прошлое целый продолжительный цикл в истории искусства. Это была, действительно, высшая точка художественного выражения в русской культуре. Но высший миг развития искусства свидетельствовал о некотором спаде, угасании тех форм, в которых это выражение осуществлялось. В недрах того же символизма рождались самые крайние формы авангарда, например, беспредметное искусство. Нельзя забывать, что традиция, в которой начали работать К. Малевич и В. Кандинский, возникает в это же время.

Те смыслы, которые в авангарде пытались постичь на протяжении всей второй воловины XX века, когда он постепенно реабилитировался, все еще не до конца разгаданы. И не удивительно, ведь их разгадка лежит не в плоскости собственно искусства, а в том типе культуры, который мы, опираясь на П. Сорокина назвали культурой идеационального типа, подразумевая под ней возвращение от чувственной к сверхчувственному, от секулярного к сакральному. Однако этот сдвиг свидетельствовал о том, что возникающая новая культура была не такой уж и новой. Исчерпанность того цикла, с которого началась ренессансная традиция, обязывала искусство не только экспериментировать, но и осуществлять ретроспективные экскурсы в разные эпохи и культуры. Скажем, невозможно реабилитировать сверхчувственное без мистики или без мифа. Но именно возрождение мистики, о чем писал Н. Бердяев, и мифологии как раз и происходит в символизме.

Но такое возрождение мистики и мифологии означает возвращение к романтизму, а сам романтизм, как известно, сопротивляясь модерну (имеется в виду не художественный стиль, а философское понятие) с его рационализмом и культом научности, что нам известно как позитивизм, против которого взбунтовались юные приверженцы символизма, реабилитировал средневековую культуру, «серединой» которой, как бы выразился Х. Зедльмайр, или ядром была именно сверхчувственная стихия.

Однако ни мистика, ни мифология еще не исчерпывают рождающейся в Серебряном веке культуры нового типа или альтернативной культуры. Нельзя не видеть, что русский ренессанс был не только философским и художественным, но и религиозным ренессансом. Искусство Серебряного века преодолевало эпоху автоматизации, обособления искусства от других институтов, что оценивалось в эпоху модерна величайшим прогрессом, Это преодоление было закреплено в рождающейся в тот период эстетике как научной дисциплине в ее западной форме. Сама русская философия этой эпохи трансформируется в религиозную или теургическую философию. Но и искусство Серебряного века также развивается в соответствии с этой тенденцией в философии.

Конечно, эта тенденция свидетельствует о некоторой изоляции русского искусства от того, что происходит в это время в западном искусстве. В самом деле, русский ренессанс рубежа XIX–XX веков, в отличие от западного Ренессанса, развертывался в религиозных формах. В нем улавливался не прогресс, т.е. логика западного Ренессанса, а возвращение к исходной точке, что было характерно для логики византийского искусства. Но эта изоляция даже конструктивна. Чтобы какое-то явление состоялось, достигло достаточной степени развитости, его следует изолировать от многих воздействий. Но в результате этого обособления как потребности преодолеть чувственное с помощью активизации сверхчувственного возникла уникальная система ценностей и смыслов, которая соответствует тому, что составляет смысл культуры идеационального типа. Если культуре этого типа и в самом деле надлежит в будущем развиться, то возвращение к тому, что было открыто в «малом» ренессансе в русском Серебряном веке, неизбежно. Оно будет привлекать к себе все больше внимания потому, что, видимо, именно оно и является исходной точкой, эмбрионом того, что получит выражение в альтернативной культуре.

Иначе говоря, то, что получит выражение в культуре нового типа в целом, первоначально входит в мир именно в художественной, а, точнее, в опережающей художественной форме. Вот еще почему художественный подъем рубежа XIX–XX веков невозможно понять вне контекста культуры. Искусство, как это и бывает, и в Серебряном веке явилось предвосхищением новой культуры, характерных для нее ценностей и смыслов. Именно в формах искусства и рождается культура, о которой стали размышлять в эпоху Серебряного века.

Обычно утверждают, и мы это уже показали, что именно в Серебряном веке некоторые не до конца понятые классики, например, Ф. Достоевский были прочитаны заново и прочитаны адекватно. Но ценности и смыслы, возникшие в Серебряном веке, тоже будут приоткрываться не сразу, а во времени, что собственно и происходит. Совершенно очевидно, что понимание и интерпретация этих смыслов будет зависеть от степени осознанности того типа культуры, начало которого, как и начало его постижения, связано именно с Серебряным веком. Так что культурологическое исследование Серебряного века не упраздняет и не перечеркивает его исторического и искусствоведческого исследования, а дополняет и углубляет его.

Список литературы

1. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: в 3-х т. – М., 1990. – Т. 3. – С. 313.
2. Кандинский В. Избранные труды по теории искусства. – М., 2001. – Т. 2. – С. 20.
3. Гайденко П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. – М., 2001. – С. 8.
4. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.; Л., 1960. – Т. 1. – С. 269.
5. Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение // Февр Л. Бои за историю. – М., 1991. – С. 378.
6. Борисова Е., Каждан Т. Русская архитектура конца XIX- начала XX века. – М., 1971. – С. 31.

7. Маковский С. Страницы художественной критики. – СПб., 1909. – Т. 2. – С. 117.
8. Кребер А. Избранное: Природа культуры. – М., 2004. – С. 13.
9. Базен Ж. История истории искусства. От Вазари до наших дней. – М., 1986. – С. 136.
10. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., 2003. – С. 63.
11. Маковский С. На Парнасе Серебряного века. – М., 2000. – С. 476.
12. Мережковский Д. Толстой и Достоевский: вечные спутники. – М., 1995. – С. 69.
13. Маковский С. На Парнасе Серебряного века, с. 479.
14. Мережковский Д. Эстетика и критика. Москва; Харьков, 1994. – Т. 1. – С. 137.
15. Козырев А. Соловьев и гностики. – М., 2007. – С. 12.
16. Бенуа А. Мои воспоминания: в 5 кн. – М., 1980. – Кн. 4–5. – С. 49.
17. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. – СПб., 1999. – С. 486.
18. Соловьев В. Философия искусства и литературная критика. – М., 1991. – С. 391.
19. Эйхенбаум Б. Мой временник. Художественная проза и избранные статьи 20-30-х годов. – СПб., 2001. – С. 119.
20. Белый А. Дневник писателя. Почему я не могу культурно работать // Записки мечтателей. 1921. – № 2–3. – С. 115.
21. Панченко А. Серебряный век и гибель России // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013): в 3-х т. – СПб., 2013. – Т. 3. – С. 100.
22. Дягилев С.Б., Философов Д. Сложные вопросы // Искусствознание. 1909. – № 1. – С. 554.
23. Там же, с. 554.
24. Там же.
25. Там же, с. 556.
26. Там же, с. 559.
27. Мережковский Д. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М., 1995. – С. 135.
28. Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999. – С. 38.
29. Гайденко П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. – М., 2001. – С. 325.
30. Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. – М., 1998.
31. Синявский А. Литературный процесс в России. – М., 2003. – С. 184.
32. Паперный В. Культура Два. – М., 1996. – С. 17.
33. Иванов В. Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 113.
34. Стернин Г. Художественная жизнь России на рубеже XIX-XX веков. – М., 1970. – С. 3.
35. Розанов В. Когда начальство ушло… 1905-1906 гг. Мимолетное. 1914 год. – М., 2005. – С. 341.
36. Там же, с. 342.
37. Эллис (Кобылинский Л. Л.). Русские символисты. – Томск, 1996. – С. 61.
38. Маковский С. Силуэты русских художников. – М., 1999. – С. 82.
39. Мережковский Д.Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М., 1995. – С. 66.
40. Станиславский К. Собрание сочинений в 8 т. – М., 1966. – Т. 7. – С. 266.
41. Там же, с. 483.
42. Там же.
43. Стасов В. Собрание сочинений. 1847-1886. – СПб. – Т. 1: Художественные статьи, 1894. – С. 706.
44. Бенуа А. Мои воспоминания: в 5 кн. – М., 1980. – Кн. 4–5. – С. 212.
45. Тугендхольд Я. Французское собрание И. Щукина // Аполлон. 1914. – № 1–2. – С. 5.
46. Ульянова Г. Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры // Очерки русской культуры конца XIX – начала XX века. – М., 2011. – С. 455.
47. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.; Л., 1963. – Т. 8. – С. 219.
48. Рубакин Н. Этюды о русской читающей публике. – СПб., 1895. – С. 141.
49. Блок А. Указ. соч., т. 8, с. 219.
50. Культура Древнего Рима. – М., 1985. – Т. 1. – С. 300.
51. Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Зиммель Г. Избранное. – М., 1996. – Т. 1: Философия культуры. – С. 490.
52. Булгаков С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – СПб., 1997. – С. 259.
53. Зоркая Н. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900-1910 годов. – М., 1976; Цивьян Ю. Историческая рецепция кино: кинематограф в России. 1896–1930. – Рига, 1991.
54. Жукоцкий В., Жукоцкая З. Русская Реформация XX века: статьи по культурфилософии советизма. – М., 2008.
55. Мережковский Д. Реформация или революция? // Мережковский Д. В тихом омуте. – СПб., 1908. – С. 197.
56. Лосев А. Эстетика Возрождения. – М., 1978. – С. 554.
57. Маковский С. Силуэты русских художников. – М., 1999. – С. 20.
58. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: в 3-х т. – М., 1961. – Т. 1. – С. 48.
59. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. – СПб., 2001. – С. 363.
60. Розанов В. Когда начальство ушло… – М., 2005. – С. 341.
61. Гиппиус З. Живые лица: воспоминания. – Тбилиси, 1991. – С. 40.
62. Гумилев Л. От Руси к России: очерки этнической истории. – М., 1992. – С. 291.
63. Булгаков С. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. – СПб., 1997. – С. 264.
64. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Киев, 1991. – С. 291.
65. Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 26.
66. Косиков Г. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. – М., 1993. – С. 28.
67. Анненский И. О современном лиризме // Аполлон. – СПб., 1909. – № 2. – С. 20.
68. Ханзен-Леве А. Русский символизм: система поэтических мотивов. – СПб., 1999. – С. 13.
69. Сакулин П. Романтизм и неоромантизм // Вестник Европы. – Петроград, 1915. – № 3. – С. 148.
70. Муратов П. Древнерусская живопись. История открытия и исследования. – М., 2005. – С. 126.
71. Там же, с. 134.
72. Там же, с. 411.
73. Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. – М., 2002. – С. 35.
74. Бельтинг Х. Указ. соч., с. 34.
75. Брюсов В.Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1975. – Т. 7. – С. 279.

76. Там же.
77. Там же, с. 316.
78. Маковский С. Силуэты русских художников. – М., 1999. – С. 38.
79. Борисова Е., Каждан Т. Русская архитектура конца XIX – начала XX века. – М., 1971. – С. 143.
80. Воспоминания о Серебряном веке. – М., 1993. – С. 100.
81. Маковский С. На Парнасе Серебряного века. – М., 2000. – С. 299.
82. Белый А. Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1988. – С. 156.
83. Шестов Л. Сочинения: в 2-х т. – М., 1993. – Т. 1. – С. 258.
84. Сарабьянов Д. История русского искусства конца XIX – начала XX веков. – М., 2001. – С. 179.
85. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1975. – Т. 6. – С. 470.
86. Хлебников В. Творения. – М., 1986. – С. 649.
87. Блаватская Е. Тайная доктрина. Космогенезис. Антропогенезис. – М., 2012. – С. 13.
88. Марков В. История русского футуризма. – СПб., 2000. – С. 158.
89. Там же.
90. Маковский С. Страницы художественной критики. – СПб., 1909. – Т. 2. – С. 72.
91. Бердяев Н. Мутные лики. Типы религиозной мысли в России. – М., 2004. – С. 259.
92. Эллис (Кобылинский П. Л.). Русские символисты. – Томск, 1996. – С. 38.
93. Там же, с. 40.
94. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., 2003. – С. 438.
95. Чулков Г. Демоны и современность // Аполлон. – СПб., 1914. – № 1–2. – С. 75.
96. Там же.
97. Флоренский П. Сочинения: в 4-х т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 38.
98. Флоренский П. Сочинения: в 4-х т. – М., 1995. – Т. 2. – С. 74.
99. Бердяев Н. Конец Ренессанса (К современному кризису культуры) // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. – Берлин, 1923. – С. 21-46.
100. Там же, с. 30.
101. Белый А. На рубеже двух столетий. – М., 1989. – С. 44.
102. Там же, с. 203.
103. Степун Ф. Немецкий романтизм и русское славянофильство // Степун Ф. Жизнь и творчество. – М., 2009. – С. 48.
104. Там же.
105. Там же, с. 49.
106. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1975. – Т. 6. – С. 431.
107. Бердяев Н. Мутные лики. Типы религиозной мысли в России. – М., 2004. – С. 203.
108. Там же, с. 273.
109. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 349.
110. Сакулин П. Романтизм и «неоромантизм» // Вестник Европы. – Петроград, 1915. – № 3. – С. 152.
111. Блок А. Собрание сочинений: в 8. – М.; Л., 1962. – Т. 6. – С. 413.
112. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX веков. – М., 2000. – С. 18.
113. Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 186.
114. Там же, с. 208.
115. Иванов В. Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 91.
116. Белый А. На рубеже двух столетий. – М., 1989. – С. 37.

Яковенко А.В.[1]

ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ

Ключевые слова: *конфликт поколений, молодежь, социальная память, новые технологии, отношение к войне, преемственность.*

Keywords*: generational conflict, youth, social memory, new technologies, attitude to war, continuity.*

Проблема взаимосвязи и взаимодействия поколений относится к разряду «вечных». Современные специалисты в области гуманитарных наук «устали» цитировать многочисленных предшественников, демонстрировавших обыденность конфликтов «отцов» и «детей», а также резонансные последствия, вызываемые данным противостоянием. Кроме того, политтехнологической банальностью является использование межпоколенческих противоречий для подрыва социальной стабильности. «Ретроградность», «консерватизм» и «косность» представителей старшего поколения якобы неизбежно вступают в столкновение с «прогрессивностью» и «революционализмом» молодых, нередко сметая в результате данного противостояния не только и не столько старые устои, сколько ставя под угрозу общий социальный порядок и существование государств и/или союзов государств.

К классике теории и практики обновления элит, революционного потенциала молодежи и прочим устоявшимся постулатам в последнее время активно добавляется технологическая составляющая, которая способна привнести еще больший раскол в и без того слабый диалог поколений, существенно дестабилизировать межпоколенческую коммуникацию, заглушить каналы преемственности социальной памяти. В этой связи необходимо еще раз акцентировать внимание на очевидном прецеденте, ломающем привычные представления о значении и смыслах существования преемственности поколений, а, соответственно, и логике передачи исторической памяти, уважительного отношения к ней.

Постоянно нарастающие по объему и частоте сменяемости технологические инновации создали, видимо, уникальную в человеческой эволюции ситуацию. Вряд ли когда-либо еще в различимой для нас истории молодое поколение оказывается способным иметь вполне «материальные» основания для восприятия себя в более привилегированном положении относительно знаний и навыков по сравнению со «взрослыми». Фундаментализм империй, больших и малых государств, народов, народностей и племен базировался на передаче навыков от старших к младшим. Стариков ценили, прежде всего, за опыт и умения (охота, земледелие, скотоводство, ремесло, воинское искусство…), которыми они своевременно и дозировано делились с молодежью. На базе этой почтительности к знаниям, добытым многолетним, как правило, тяжелым трудом и формировался институт социальной преемственности и памяти. Сегодня поколенческая пирамида оказывается едва ли не опрокинутой. Ничего или мало что из опыта зрелых людей кажется для большинства представителей современной молодежи заслуживающим научения и освоения. В технологическом плане родители и тем более бабушки и дедушки кажутся им малополезными, если не сказать бесполезными, людьми, постоянно обращающимися за помощью к детям и внукам по вопросам, представляющимся юношам и девушкам элементарными. Освоение новых коммуникативно-технологических платформ молодыми людьми происходит быстрее и основательнее, нежели у их старших родственников. Последние нередко выступают в качестве угрозы технологическим устройствам, которые они могут сломать из-за отсутствия должных навыков пользования. Мало того, и среди молодежи динамика технологических изменений диктует свою дифференциацию. А «старшинство» по возрасту уже не означает автоматически более высокий уровень, говоря ретроградным языком, «компьютерной грамотности». «Младшие» школьники могут ни в чем не уступать старшеклассникам, а в ряде случаев и иметь перед ними преимущество. Фактически в складывающихся условиях дети и внуки нередко становятся умелыми (пусть и в ограниченной области) без родительской помощи или даже вопреки желанию близких оградить их от «гаджетизации». Главными и авторитетными советчиками, помощниками и воспитателями современной молодежи являются ютуб- и телеграм- каналы, социальные сети и Интернет-поисковики.

В последнее время все чаще начинают говорить о так называемом поколении Alpha (дети, рожденные после 2010 года), идущему на смену широко распропагандированным поколениям Y (миллениалов) и Z. Как считается, одной из его важных отличительных черт является возможность приобретения навыков пользования гаджетами ранее, чем полноценное освоение способностями ходить и говорить. Таким образом, мы сталкиваемся с формированием поколенческой страты, для которой изначально родители выступают не доминирующими каналами воздействия на сознание и коммуницирование, а в лучшем случае оказываются частью рядоположенного фона. Мобильный телефон, планшет, ноутбук и т.п. устройства становятся носителями первичной социальной информации, научения и, следовательно, авторитетности. Специалисты не знают, какого качества личности сформируются на данной базе постутробной «гаджетной социализации».

[1] Яковенко Андрей Вячеславович – д.соц.н., профессор, профессор кафедры социологии, Луганский национальный университет им. Владимира Даля. E-mail: 6daoav@rambler.ru

Здесь нельзя не упомянуть в очередной раз тот факт, что прежние институты социальной памяти опирались на относительную гомогенность информационных каналов, если и не объединявших представителей разных поколений, то во всяком случае удерживавших их в общей пространственной канве. Давно отмечено и многократно проанализировано отличие недавней, но уже стремительно отходящей в небытие монотелевизионной эпохи от современной полигаджетной. Внутрисемейные скрепы одного телевизора, радиоприемника, радиолы, магнитофона давно ушли в прошлое, будучи замененными индивидуальными и многофункциональными информационно-коммуникационными устройствами.

Кинофильмы и даже мультфильмы были общими для нескольких поколений. А так называемые «культовые» советские фильмы цементировали не только отдельные семьи, но и несколько поколенческих пластов. В сложившихся реалиях у каждого члена семьи может быть не только индивидуальный канал информирования (гаджет и/или телевизор), но и сугубо личный любимый кино- и/или мультсериал, теле- и ютуб- передача, блогер, компьютерная игра и социальная сеть. Интернет-пространство пиксилизировало пользователей, вырывая их из некогда устойчивых сред межличностной и межпоколенческой коммуникации. Наши родители еще могли знать название рок-групп и музыкантов, которыми увлекались их дети и, возможно, разделяли эти вкусы. Ныне такое взаимопонимание и взаимоинформирование становится, как представляется, все более проблематичным. Условно говоря, Д. Тухманова или В. Высоцкого, ABBA или Beatles могли слушать и принимать несколько поколений вкупе. Сегодня и в первую очередь «внутри» молодого поколения существует гигантское число островков, где властвуют небольшие, но весьма значимые для каждой молодежной группы кумиры.

Для иллюстрации полярности в информационных предпочтениях представителей различных поколений приведем данные одного из недавних замеров общественного мнения «ВЦИОМ-Спутником» (май 2020 года). На вопрос: «Что для Вас служит главным источником новостей о событиях в стране?» респонденты возрастного диапазона 18–24 года указали следующие варианты ответа: «Интернет – социальные сети, блоги» (42%) и «Интернет – новостные, аналитические, официальные сайты» (37%). Тогда как «телевидение» отметили лишь 8%. Напротив, для тех, кому исполнилось 60 лет и более, доминирующим источником новостей является именно телевидение (71%). На социальные сети и блоги сослались лишь 5% из них[1].

Новая технологическая реальность создает не только многоуровневость и многоканальность информирования потребителей и воздействия на их сознание, но и конфигурирует мощнейший контраст между прошлым и настоящим. В данном ключе речь идет, прежде всего, о восприятии войны как важной составляющей социальной памяти. На протяжении многих исторических эпох война выступала в качестве обыденности, потоковости, прерывающейся непродолжительными мирными этапами для аккумулирования сил к очередным сражениям. Значительное число граждан государств были непосредственно или опосредованно связаны с армией, обеспечением и обслуживанием ее нужд. Нынешний рефрен по понятным причинам преимущественно мирный. И даже военная составляющая опять-таки из-за технологических новаций молодежью, да и уже не только ими, воспринимается преимущественно как сражение сверхтехнологий в виде беспилотников, боевых роботов, кибератак и т.п. В связи с этим наиболее значимыми становятся адаптированные под цифровое пространство приемы приобщения молодежи к героике прошлых поколений.

Кроме того, именно глобальное технологическое пространство выдвигает значимые фигуры, концентрируя вокруг них множество почитателей. Вряд ли нынешняя молодежь на постсоветском пространстве столь массово знает Сергея Королева и Константина Циолковского, как Стива Джобса и тем более Илона Маска. Последний вообще превращается в некий сверхрекламный и успешно потребляемый продукт высокотехнологической эпохи. Позитивное восприятие данной персоналии во многом определяется инновационной, захватывающей юные души космоориентированностью разработок его корпорации. В этих проектах большинство молодых людей, мечтающих не только о насущном и меркантильном, видят выход за косность прежних устоев. Нам ли, живущим на просторах бывшего Советского Союза, не знать насколько велико значение прорывов в космическом измерении человечества для имиджа народа, способного осуществлять, казалось бы, технологически невозможное.

И сегодня для насыщения действительно привлекательного фундамента будущего, выстраивания конструктивной платформы социальной памяти и преемственности поколений важны реальные мирные инициативы внепланетного уровня. Героический созидательнейший ресурс Гагаринско-Королевского старта необходимо подкреплять перспективой, а не ретроспективой, базирующейся преимущественно на ностальгии.

Также отчетливо необходимо понимать, что преемственность поколений разрушилась и по таким важным атрибутам как детские увлечения. Речь идет не только об уменьшении числа детей, самозабвенно играющих в футбол или хоккей, как это делали их родители. Хорошо известно, что игры в «войнушку», «наши против фашистов» да и в покорение космического пространства сменились играми в монстров, зомби и т.д. Произошла замена и подмена героев и антигероев на уровне детской исторической национальной морфологии и мифологии. Да и непосредственные игрушки у детей в большинстве своем, о чем также неоднократно говорилось, не имеют привязки к народной истории, представляя в большинстве случаев изготовленные в КНР кальки персонажей с американских, японских и иных иностранных мультфильмов, кинолент и компьютерных игр. Человек паук, капитан америка, герои аниме, солдаты и боевая техника USA и что-то еще о происхождении, чего мы можем и не знать, доминируют в игровых коробках наших детей и на полках магазинов игрушек. И теперь персонажи из российских мультфильмов, те же «Смешарики», «Фиксики», «Маша и Медведь» держат на этом поприще слабую оборону. Как это не покажется спорным, но именно такие

[1] Медиа и пандемия: что смотрят и кому доверяют россияне. – https://www.sostav.ru/publication/media-i-pandemiya-43356.html

мультсериалы хоть как-то удерживают отечественный пласт культуры в сердцах детей, оторванных от межпоколенческой канвы.

Нет смысла назидательно требовать от совсем юных молодых людей придерживаться исключительно прежних канонов передачи культурно-исторического знания. Важно уметь вкрапливать его в новые технологические конфигурации. Те же знаменитые и для своего времени технологически прогрессивные киноленты «Броненосец Потемкин» и «Чапаев» сделали для формирования идейной крепости советской молодежи больше чем все лозунги и призывы. Обладание социальной памятью, генерирование преемственности поколений должно восприниматься как модное, драйвовое, прогрессивное течение.

Нельзя закрывать глаза и на фактор разрыва авторитетности в отношении героической социальной памяти, базирующейся на подвиге народов бывшего Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Каналы непосредственного общения с очевидцами той войны по известным печальным причинам сужены до минимума. В лучшем случае это воспоминания о воспоминаниях переживших и воевавших. Но дело уже не только в этом. Поколения, заставшие СССР и формировавшиеся на гомогенности героев, событий и целей, оказались фактически рассредоточенными не только по «кускам» политического пространства, но и расколотыми именно в канве исторической преемственности. Период разрыва целостности истории, когда осуществлялась, а в ряде государств на постсоветской территории и продолжает осуществляться массированная нивелировка, сознательное принижение значимости и позитивности советского периода, не может не сказываться и на восприятии новыми поколениями, тех, кто вышел из СССР. Для своих детей, а теперь уже и внуков мы можем стать, как бы жесткой не показалась данная оценка, – предателями славного прошлого, включая и героев Великой отечественной войны. Младшие поколения вправе выставлять беспощадный и нелицеприятный «счет» своим пращурам за то, что достойная, как мы вновь пытаемся утверждать, история советской эпохи была попрана нами же по скудоумию, наивности или, что еще хуже, – недальновидной расчетливости: отказ от памяти в обмен на материальные дивиденды. С позиций исторической справедливости многие из родителей, а теперь уже бабушек и дедушек нынешних молодых людей, как раз и оказались первым «потребительским» поколением, которое ушло из Советского Союза за «красотой западной жизни», а теперь попрекает своих отпрысков в приверженности ценностям того же потребительского общества.

Выводы: Важно смотреть на ситуацию, складывающуюся вокруг передачи социальной памяти новым поколениям посредством различных институтов трезво и предметно. Молодежь всегда проблематично и со скепсисом впитывает историческую память, воспринимая многое из того что им предлагают старшие поколения в русле, говоря грибоедовским языком, «забытЫх газет времен очаковских». Это почти аксиома. При этом мы находимся в условиях, когда осуществляется целенаправленное, искусное нагнетание практик и технологий отрыва молодежи от прошлого, а, в идеале, достижение полного разрыва с ним посредством придания неактуальности, абсолютной ретроградности стремлениям действовать в русле почитания и уважения к действительно героической истории предков. Можно досадовать и даже обижаться на подрастающие поколения сколько угодно. Но более важно осознавать реальные предпосылки неприятия ими назидательной тональности со стороны старших, вполне обоснованные сложности, возникающие на старте тысячелетия сверхтехнологий, при передаче социальной памяти, когда оказывается прерванной «материальная» основа для связи поколений.

Многие рецепты многократно выписаны. Необходимо без навязчивости и надменного поучительства адаптировать опорные пункты социальной памяти под постоянно обновляющиеся реалии цифровой цивилизации. Однако каверзность ситуации заключается в том, что данные мероприятия должны накладываться на реально прогрессирующую социальную и экономико-политическую ситуацию в обществе. Улыбка Гагарина, о значимости и символичности которой неустанно говорил в своих докладах А. Агеев, была искренней, опираясь на реальный морально-технологический прорыв СССР в околоземное космическое пространство. Поэтому и имела колоссальную значимость как для советских людей, так и для сторонников Советского Союза за рубежом. Новые технологические реалии расширяют уязвимость социума от внешней и внутренней критики, но они же способны формировать и обновленные условия для более здоровой общественной атмосферы, кристаллизации наиболее честных примеров мужества и отваги.

Асатуллаев Х.С.
к.э.н. доцент, Ташкентский финансовый институт
Asatullayev75@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: *Узбекистан, региональная политика, структурные преобразования, модернизацияэкономики.*

В процессе трансформации национальной экономики сформировалась и развивается рыночная инфраструктура, способствующая функционированию хозяйствующих субъектов в новых условиях в различных секторах экономики и социальной сферы. На современном этапе развития национальной экономики рыночная инфраструктура превратилась в широко разветвленную сеть организаций (компаний, фирм, предприятий и др.), выполняющих разнообразные работы и услуги, востребованные рыночной системой хозяйствования и институциональными преобразованиями. Сама жизнь и опыт прошлых лет требуют от нас устранить серьезные проблемы в обеспечении комплексного развития территорий, создания и коренной перестройки инфраструктуры[1].

Возникающие сложности, противоречия и проблемы в функционировании рыночной инфраструктуры проявляются и на региональном уровне, что не лучшим образом сказывается на реализации имеющегося потенциала и социально-экономическом развитии регионов. Современные условия формирования инновационной модели хозяйствования и обеспечения стабильного экономического роста в регионах обусловливают высокую значимость эффективного и бесперебойного выполнения функций и предоставления адекватных услуг всеми составными частями региональной рыночной инфраструктуры. В этом деле, наряду с рыночными механизмами, немаловажная роль принадлежит государству и местным органам власти.

Для комплексного рассмотрения региональной политики, целей и задач необходимо выделить основные ее виды. Различают следующие виды региональной политики:

– по целям: выравнивание уровней развития регионов, расширение спектра социальных ролей в регионах, рационализация использования местных ресурсов, рационализация межрайонного сотрудничества;

– по механизму: автоматическая (распределение по формуле), проблемная (по специальным программам), целевая (по конкретным регионам);

– по средствам: финансовая (помощь, льготы, штрафы), административная (разрешения и запреты), инфраструктурная (строительство дорог и другое);

– по объекту: борьба с чрезмерной специализацией хозяйства, снижение остроты противоречия «регион – страна», сглаживание контрастов «бедные – богатые регионы»;

– по адресату: региональные власти, предприятия и организации, граждане.

Уровень социально-экономического развития страны, особенности ее регионального развития определяют цели региональной политики:

– обеспечение экономических, социальных, правовых и организационных основ создания единого экономического пространства;

– обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование социальных прав граждан, обеспечение социальной помощи независимо от экономического положения региона;

– выравнивание условий социально-экономического развития регионов;

– создание условий для укрепления собственной экономической базы регионов;

– предотвращение загрязнения окружающей среды, а также ликвидация последствий ее загрязнения, комплексная экологическая защита регионов.

В качестве приоритетных задач региональной экономической политики можно определить:

– содействие развитию и углублению экономической реформы, формированию во всех регионах многоукладной экономики, становлению региональных и общегосударственных рынков товаров, труда и капитала, институциональной и рыночной инфраструктуры;

– сокращение чрезмерно глубоких различий в уровне социально-экономического развития регионов, поэтапное создание условий для укрепления в них собственной экономической базы повышения благосостояния населения, рационализация систем расселения;

[1] Мирзиёев Ш.М. Критический анализ, жесткая дисциплина и персональная ответственность должна стать повседневной нормой в деятельности каждого руководителя // Народное слово. 2017. – № 11, 16 января.

– достижение экономически и социально оправданного уровня комплексности и рационализации структуры хозяйства регионов, повышение ее конкурентоспособности в рыночных условиях;

– развитие межрегиональных инфраструктурных систем (транспорта, связи, информатики и других);

– оказание государственной поддержки районам экологической напряженности, регионам с высоким уровнем безработицы, демографическими и миграционными проблемами;

– совершенствование экономического районирования.

Способы и средства, которые государство может использовать для решения региональных проблем, можно назвать методами региональной политики. Методы региональной политики определяются принципами государственного регулирования общественных процессов. Государственное регулирование регионального развития может осуществляться мерами прямого и косвенного воздействия.

Реализация региональной политики предполагает институциональные преобразования, формирование институциональной инфраструктуры, позволяющей реализовать ее цели и задачи. Ядром последней являются институты региональной политики – государственные организации, комиссии, уполномоченные формировать и проводить региональную политику. Они являются частью государственного механизма, специализированного не только на решении региональных проблем, но и на взаимодействии с регионами.

В целом, анализ теоретических концепций региональной политики, ее целей, задач и методов позволил выделить блоки проблем, от решения которых зависит действенность региональной политики:

1. Ограниченность ресурсного обеспечения территориально-регулятивной деятельности государства, целевое распределение ресурсов и гарантии результативности их использования.

2. Упорядочение организационной структуры государственного управления региональным развитием с целью координации деятельности органов государственной власти и органов исполнительной власти регионов.

3. Недостаточность научного обеспечения региональной политики. Основные концепции регионального развития базируются на единых методологических посылках, различаясь вариантами стратегии, методов, стимулов и т.д. Более того, все они, опираясь на опыт других стран, ориентированы на условия стабильного развития. Для современного Узбекистана следует разрабатывать концепцию региональной политики переходного периода.

Таким образом, теоретическая модель региональной политики, по нашему мнению, должна отвечать следующим требованиям: долговременность; адаптивность; сопряженность с перспективной программой социально-экономического развития Узбекистана; комплексность; ориентация на экономическое и социальное развитие регионов; обеспечение приоритета общенациональных интересов.

Бабинцев В.П.[1]

КУЛЬТУРНЫЙ МУСОР КАК ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ[2]

Ключевые слова*: город, городское сообщество, городская среда, социокультурная сфера города, городская социобиотехническая система, социально-экологический метаболизм, городской мусор, культурный мусор.*

Keywords*: city, urban community, urban environment, socio-cultural sphere of the city, urban socio-biotechnical system, socio-ecological metabolism, municipal waste, cultural trash.*

Актуализация проблемы переработки и утилизации твердых бытовых отходов создала прекрасный повод для обсуждения вопроса о самом феномене мусора, в массовом порядке продуцируемого урбанизированной средой. Тема эта настолько сложна и значима, что не выглядят надуманными претензии некоторых авторов (правда, пока формулируемые в публицистических изданиях) на разработку специальной «философии мусора»[3]. Но, даже если не рассматривать заявки на ее создание, следует признать, что ошибочно сводить городской мусор только к бытовым отходам – он разнообразен по своим формам, и производство мусора в условиях урбанизированной среды затрагивает самые различные сферы.

Отметим в данной связи, что еще Ж. Бодрийяр настаивал на необходимости «модифицировать и расширить» понятие отбросов применительно к городу, подчеркивая: «Материальные, количественные отбросы, образующиеся вследствие концентрации промышленности и населения в больших городах – это всего лишь симптом качественных, человеческих, структурных отбросов, образующихся в результате предпринимаемой в глобальном масштабе попытки идеального программирования, искусственного моделирования мира, специализации и централизации функций (современная метрополия очевидным образом символизирует этот процесс) и распространения по всему миру этих искусственных построений»[4]. Он довольно обоснованно считал необходимым идентифицировать эти качественные отбросы с различными элементами культурного процесса. Но нам уже приходилось отмечать, что для французского философа проблема, по его определению, «структурных отбросов», которые производит культура, имела не самостоятельное значение, а лишь являлась одним из весомых аргументов при обосновании причин, индуцирующих в отношениях между людьми современных городах равнодушие, ненависть, концентрацию насилия и злой воли[5].

Ж. Бодрийяру, судя по всему, было важно указать на антигуманную сущность культурного мусора, и традиция этого, по сути своей, аксиологического подхода в известной мере сохраняет свое значение в публикациях, посвященных проблеме культурных отходов, в которых они рассматриваются как нечто противоестественное человеческой сущности, некая превращенная форма бытия (точнее, небытия) культуры. Так, в уже упомянутой выше статье Е. Фатеев заключает: «Сегодня я вижу, как современная культура сама работает над тем, чтобы стать забытой. Она сама-сама. Она учится собственно и не производить ничего… Сегодняшний диджитальный, цифровой, онлайновый мир порождает любопытный способ небытия, культурного небытия. Мне сложно его назвать, номинировать»[6].

Однако такая точка зрения представляется крайне односторонней, поскольку, фактически, сводит проблему культурного мусора к «социально токсичным» продуктам культурной деятельности, а ее логическим завершением может быть лишь вывод о культурных отбросах как о результате сознательной или бессознательной разрушительной работы неких деструктивных социальных сил. Возможно, это и имеет место, но, наш взгляд, проблема городского мусора должна формулироваться более широко и решаться более объективировано, на основе четких дефиниций и представления о механизмах функционирования городской среды.

Прежде всего, требует своего определения понятие «городской культурный мусор». Мы предлагаем рассматривать его как комплекс продуктов культурной деятельности горожан, которые в конкретных условиях не могут быть использованы для воспроизводства города и городского сообщества на основе принципа социальной конъюнкции, остаются не востребованными большей частью горожан, не рассматриваются ими в качестве позитивной ценности, и

---

[1] Бабинцев Валентин Павлович – д.филос.н., профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

[2] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» (№ 19-011-00345).

[3] Фатеев Е. О философии мусора, или в нас пытаются вшить ген бесследности // zavtra-den-tv. – https://zavtra-den-tv.livejournal.com/452984.html

[4] Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. – № 9. – С. 107–116. – https://ruthenia.ru/logos/number/1997-9.htm

[5] Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Феномен социокультурного городского мусора: к постановке проблемы // Урбанистика. 2020. – № 1. – С. 122–133. – https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32156

[6] Фатеев Е. О философии мусора, или в нас пытаются вшить ген бесследности // zavtra-den-tv. – https://zavtra-den-tv.livejournal.com/452984.html

часть из них можно отнести к потенциально или реально социально-деструктивным («социально-токсичным») образованиям. Таким образом, культурный мусор – это не всегда продукты культурной деятельности, индуцирующие в понимании Ж. Бодрийяра отчуждение, агрессию и насилие, но и те артефакты и духовные образования, которые оказались, по тем или иным причинам, невостребованными в ходе развития урбанизированной системы. В рассматриваемом контексте понятие «культурный мусор» не имеет однозначно негативной коннотации. Оно лишь указывает на невостребованность результатов культурной деятельности большей частью городского сообщества в силу их функциональной неспособности «работать» на воспроизводство урбанизированной системы и человеческой личности в условиях этой системы.

Возникает вопрос: можно ли вообще говорить о продуцировании городом культурного мусора? Отвечать на него далеко не просто, поскольку область культурного творчества крайне многообразна и сложна для понимания. Здесь велико значение субъективных оценок, и всегда найдутся люди, для которых отнесенные к категории мусора продукты будут иметь значение. Однако если отказаться от практики однозначно негативного оценивания культурного мусора, по меньшей мере, часть противоречий и проблем будет снята. Субъективность культурного процесса, таким образом, не может служить основанием для отказа от идентификации феномена культурного мусора, она лишь подчеркивает значимость проблемы критериев его выделения.

Данное обстоятельство подтвердили результаты социологического исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем», проведенного в городах Белгородской области в январе 2020 года методами анкетного (выборка квотная, n = 500) и экспертного опроса (n = 30). В ходе его 73,3% экспертов признали допустимым применение в отношении некоторых продуктов культурной деятельности в современном городе. Но, что естественно в связи с непроясненностью многих теоретических аспектов проблемы, специалисты не смогли прийти к общему мнению относительно критериев определения мусора. 63,6% из тех, кто считает допустимым использование понятия, отнесли к ним низкое эстетическое содержание; 45,5% – деструктивное воздействие на общество; 45,5% – неспособность обеспечить воспроизводство и развитие личности; 18,8% – невостребованность большей частью городского сообщества.

Полученные результаты лишь дополнительно подчеркивают актуальность разработки таких критериев. Это особенно важно потому, что как и любой другой вид мусора культурный мусор будет постоянно массово воспроизводиться городской средой.

Этот процесс является естественным следствием социально-экологического метаболизма города как сложной социобиотехнической системы, то есть системы высокого уровня сложности, формирующейся как следствие интеграции технико-технологических, биохимических и социальных элементов. Согласно концепции О.Н. Яницкого, он представляет собой последовательность четырех этапов: 1) «входа» – аккумулирования «веществ», питающих город; 2) преобразования – разложения «веществ» на простые (анаболизм) и одновременного образования и потребления сложных «веществ» («катаболизм»); 3) «выхода», то есть выброса отходов – «процессов жизнедеятельности в окружающую среду»; 4) последующей трансформации отходов. Два последних этапа социально-экологического метаболизма современного города не только непосредственно связаны с проблемой мусора, но и имеют особое значение.

О.Н. Яницкий специально это подчеркивает, раскрывая суть своей теории: «Принципиальная новизна предлагаемого автором статьи подхода к анализу городов и иных социобиотехнических систем заключается в том, что жизнь «отходов», выброшенных ими в среду обитания, включая биосферу, *также предполагает их дальнейшие метаболические трансформации.* В результате в этой среде могут сформироваться вредные и даже смертельно опасные вещества, которые воздействуют как на названные природные и социотехнические системы, так и на саму среду, в которой совершаются эти превращения. В основе столь разных процессов (природные, демографические или социально-экономические) всегда лежат «полезные» или «вредоносные» метаболические трансформации»[1].

Поскольку, как следует из теории фрактала, тенденции развития любой системы воспроизводятся на уровне ее отдельных подсистем, этапы городского метаболизма будут характерны и для развития урбанизированной культуры. Следовательно, в ходе управления социокультурной сферы города с необходимостью придется считаться с данным обстоятельством и решать задачи, связанные с регулированием процесса «мусорогенеза». И речь идет не только о том, чтобы минимизировать влияние его социально-токсичных образцов (утилизировать их максимально эффективным и корректным способом), но «складировать» социально нейтральные образцы, которые своим присутствием в публичном пространстве создают дополнительный информационный шум, препятствуя развитию культурного творчества.

Сложность заключается в том, что и современная городская бюрократия, и представители институтов гражданского общества не имеют ясной концепции организации этой работы. Решение данной задачи требует, прежде всего, ее теоретического осмысления с участием экспертного сообщества, публичной дискуссии и разработки процедур социально-технологического регулирующего воздействия.

[1] Яницкий О. Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. – № 3. – С. 21.

Бейдина Т.Е.
д.полит.н., профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и политики,
Забайкальский государственный университет
beydina@inbox.ru
Кухарский А.Н.
н.с., Забайкальский государственный университет
kukharskijjartjom@yandex.ru
Новикова А.В.
к.полит.н., доцент, Забайкальский государственный университет
anna_novikova2010@mail.ru

ЗАБАЙКАЛЬЕ КАК ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Ключевые слова: *Забайкалье, Китай, социально-экономические процессы, китайская экономическая модель, политика и социальное развитие Китая, территория опережающего развития, национальные проекты, муниципальная реформа.*

Забайкальский край занимает важное геополитическое положение. Протяженность границы с Китаем и Монголией составляет почти 2 тыс. км. В п. Забайкальск находятся крупнейшие на востоке России международные автомобильный и железнодорожный пункты пропуска. Поставки леса преимущественно (90%) ориентированы на КНР. В товарной группе «Черные и цветные металлы» доминирует лом цветных металлов, поставляемых в Китай. Более 30% продукции экспортируется по бартеру, как правило, в Китай. Через автомобильный и железнодорожный пункты пропуска Забайкальск – Маньчжурия проходят самые короткие пути транспортировки товаров в Европу[1]. По мнению А. Новикова: «Забайкалье как стратегический регион – это не только транспортный узел с веером путей, но и узел, а точнее стык, восточных и европейских культур»[2]. Основные факторы, обеспечивающие инвестиционную привлекательность Забайкальского края:

– выгодное географическое положение (близость рынков сбыта Азиатско-Тихоокеанского региона; благоприятные возможности для развития торгово-экономического сотрудничества с Китаем и Монголией);

– уникальная минерально-сырьевая база;

– наличие законодательства, обеспечивающего защиту прав и льготный налоговый режим для инвесторов.

В Забайкальском крае развитие региональных политических процессов ухудшают сложные социально-экономические факторы. Одним из которых является демография как фактор развития инвестиционного потенциала и конкурентоспособности региона, которая отражает количественные характеристики трудового потенциала территории. На сегодняшний день основными проблемами демографического развития в Забайкальском крае являются:

– сокращение численности населения;

– высокий уровень смертности населения, особенно трудоспособного возраста, сверхсмертность мужчин;

– низкий уровень ожидаемой продолжительности жизни;

– низкий уровень рождаемости;

– старение населения;

– устойчивая миграционная убыль населения.

Как отмечено доктором географических наук А. Новиковым: «Приграничная региональная политика имеет детерминированный функциями границы характер»[3].

Близость к Китаю оказывает существенное воздействие на социально-экономическое развитие Забайкальского края, который становится сырьевым придатком КНР. В создавшихся условиях Забайкалье ориентируется на динамичное развитие экономики, особенно после назначения в 2019 г. губернатором А.М. Осипова. Серьезное внимание в своей работе глава Забайкалья уделяет повышению качества жизни населения на основе роста экономики региона. Этому должны способствовать крупные инвестиционные проекты. Одним из показателей эффективности работы А. Осипова в этом направлении стал прогресс в реализации проекта по разработке Удоканского месторождения[4]. Удокан – крупнейшее в России и одно из крупнейших в мире месторождений меди. Реализация этого проекта обсуждалась при нескольких губернаторах Забайкальского края, но серьезные подвижки были достигнуты именно при А. Осипове. Это

[1] Туровский Р.Ф. Политическая география. – Смоленск: СГУ, 1999. – С. 56.
[2] Новиков А.Н. Гуманитарно-географические основы приграничьеведения. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2009. – С. 29.
[3] Там же, с. 14.
[4] Реализация проекта по освоению Удоканского месторождения. – http://club-rf.ru/75/detail/3448

стало возможным и благодаря вхождению края в состав ДФО, в результате которого регион получил новые инструменты поддержки инвесторов. Указ о вхождении Забайкалья и Бурятии в ДФО В. Путин подписал после соответствующего предложения А. Осипова.

По мнению сенатора Баира Жамсуева, губернатор эффективно использует механизмы поддержки, которые получил регион после перехода в ДФО: «В результате мы получили преференции, которые работали на Дальнем Востоке. Сам руководитель региона не понаслышке знает все эти инструменты поддержки, поскольку раньше работал первым замминистра по развитию Дальнего Востока. И Забайкалье, исходя из этого, достаточно успешно входит в экономическое пространство Дальнего Востока. Это мобилизовало и подтолкнуло инвестора приступить к более решительным шагам по реализации проекта по освоению Удоканского месторождения и привлечет новых инвесторов в регион».

В то же время с работающими в регионе инвесторами власти Забайкалья договариваются о вложениях в социальную сферу. Это касается строительства объектов образования, здравоохранения, благоустройства территорий и др.

Вступив в должность губернатора Забайкальского края, Осипов заявил, что в числе приоритетов работы властей региона – развитие экономики и социальной сферы. По его словам, продолжится создание новых предприятий, рабочих мест, строительство, оснащение больниц и поликлиник, школ и детских садов, домов культуры и спортивных комплексов, благоустройство улиц и дворов, восстановление дорог, обеспечение мобильной связью граждан. Он также подчеркнул, что будет продолжено совершенствование системы государственного управления. Стоит сказать, что работа по обозначенным А. Осиповым направлениям уже ведется. Наблюдатели отмечают, что губернатору удалось выстроить конструктивный диалог с главами муниципальных образований и настроить их на совместную работу по развитию территорий и всего края[1].

Все это все было достигнуто за счет его высокой мобильности, настойчивости, требовательности к себе и своим подчинённым. Его указания четко выполняются. Так, например, посетив г. Краснокаменск и заметив отсутствие освещения на остановке дачных автобусов, он дал необходимое поручение главе этого города, и спустя 2 месяца на всех остановках появилось освещение. А. Осипов принимает непосредственное участие в реализации грандиозного проекта «Рудник 6», куратором которого является Президент Российской Федерации В.В. Путин. Свою рабочую поездку в Краснокаменск Александр Осипов начал с посещения строящейся инфраструктуры ППГХО. Он внимательно ознакомился с проектом развития шестого рудника, строительством очистных сооружений и побывал на восьмом руднике[2].

Как было отмечено А. Осиповым, «развитие базовой отрасли по добыче урана, и диверсификация экономики Краснокаменска – естественно, являются приоритетом для правительства края. Сейчас рассматривается реализация, подготовлен ряд проектов для диверсификации экономики. Я сейчас не буду называть эти проекты. Будем говорить о них, когда мы будем близки к старту строительных работ»[3].

А. Осипов принимает непосредственное участие в содействии гражданам, потерпевшим в результате техногенных и природных аномалий, произошедших в Забайкальском крае за последние два года. 19 апреля 2019 г. он поручил Минсоцзащиты края оказать помощь жителям, чье имущество пострадало в результате действующих природных пожаров. Кроме того, в три района по его поручению выехали члены правительства региона, сообщила пресс-служба главы края. И.о. зампредседателя правительства края Андрей Гурулев и бывший руководитель департамента по ГО и пожарной безопасности Федор Кургузкин отправились в Балейский, Ононский и Оловяннинский районы для экстренного реагирования на ситуацию и оказания помощи местным жителям. И.о. министра труда и социальной защиты населения региона Евгений Казаченко отвечает за оказание помощи потерявшим имущество в пожарах и размещение тех, чьи дома сгорели[4].

В министерстве здравоохранения Забайкальского края сообщили о возведении по региональному проекту «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» 14 фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) в девяти районах края, сейчас проводится сборка еще семи ФАПов в четырех районах. На более чем 200 млн. рублей закупили летные часы для нужд санитарной авиации. В медицинских организациях провели ремонт, закупили аппараты УЗИ, функциональные кровати для реанимационных отделений, оборудование функциональной диагностики, тренажеры и другую технику.

Губернатор отреагировал на жалобы на питание в больницах и подключил к этому надзорные органы. «В рамках национального проекта «Здравоохранение» предусмотрено строительство новой детской больницы. По сообщению губернатора Забайкальского края Александра Осипова, работа по строительству новой больницы уже начата, на сегодняшний день министерством здравоохранения выделено 65 млн. рублей на создание проектно-сметной документации»[5].

Значительные изменения произошли в администрации Читы. В 2019 г. в краевом центре выбрали первых лиц. Главой города стал Евгений Ярилов, а руководителем администрации Читы – А. Сапожников.

В 2019 г. в Забайкальском крае заработали механизмы социально-экономического развития дальневосточных регионов. Появилась территория опережающего развития «Забайкалье» и возможность получить землю в пользование – «Дальневосточный гектар». Благодаря ТОР крупный и мелкий бизнес получит налоговые льготы, а также помощь в

---

[1] «Клуб регионов» Федеральная экспертная сеть. – club-rf.ru/75/detail/3448/

[2] Осипов будет лично контролировать строительство рудника № 6 в Краснокаменске. – https://www.chita.ru/articles/122424/

[3] ГТРК Чита. – http://gtrkchita.ru/news/?id=21661

[4] Осипов поручил помочь погорельцам и направил в районы членов правительства. – https://www.mkchita.ru/incident/2019/04/19/osipov-poruchil-pomoch-pogorelcam-i-napravil-v-rayony-chlenov-pravitelstva.html

[5] Осипов: Работа по строительству новой детской больницы начата. – https://zab.ru/

строительстве необходимой для работы предприятий инфраструктуры. Ожидается, что объем частных инвестиций составит 196 млрд. рублей.

Возможность быстро и бесплатно получить землю в своих регионах жителям Забайкальского края открылась 1 августа 2019 г. С начала работы программы от жителей Забайкалья поступило 6,5 тыс. заявлений. Гектары получили более 400 граждан, три тысячи заявлений получили положительное решение.

По информации краевого Минфина, в 2019 г. общий объем финансового обеспечения на реализацию национальных проектов для Забайкалья составил 9,1 млрд. рублей, из которых средства федерального бюджета составили семь млрд. рублей. Рост экономики региональное министерство инвестиционного развития связывает с возможностью создания ТОР. С ее появлением резиденты подписали десять соглашений с объемом инвестиций свыше 115 млрд. рублей[1].

Для Забайкальского края 2019 г. был полон как положительных событий, так и не очень. Год принес региону не только череду новых политических и экономических событий: в Забайкалье появился новый губернатор, глава администрации Читы, заработали «дальневосточный гектар», «дальневосточная ипотека». Не обошлось и без печальных событий – аварии с многочисленными жертвами, пожары с многомиллионными потерями.

Политтехнологи отмечают, что получить такой процент поддержки А. Осипову удалось в электорально сложном регионе. По их словам, команде главы региона удалось выстроить сильную избирательную кампанию по сравнению не только с конкурентами, но и с участниками выборов в других регионах. При этом отмечаются не только политтехнологические моменты, но и работа самого А. Осипова. В частности, губернатор объехал большинство населенных пунктов региона, где встречался с населением и поднимал на встречах проблемные вопросы[2]. Эксперты подчеркивали, что работе главы Забайкалья свойственен стиль «жесткий к чиновникам, внимательный к людям». Кроме того, он уловил тренд на «новую искренность». «А. Осипову и его команде удалось переломить отношение населения к региональной власти. Это губернатор нового типа. Человек, который слушает, слышит и понимает запросы населения. Люди ждали в первую очередь открытости, и Александр Осипов ее обеспечил, ему удалось повысить вовлеченность жителей Забайкалья в решение региональных проблем», – сказал политконсультант, директор Дальневосточного консалтингового центра Пётр Ханас.

Также А. Осипову удалось сформировать широкую коалицию в свою поддержку. В нее вошли представители бизнес-элит, различных политических партий и общественных институтов. Во взаимодействии с Общественной палатой региона губернатор договорился о проведении масштабного исследования по оценке деятельности всех органов власти.

В Забайкальском крае в рамках реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» в нормативное состояние должны были привести 88,7 км дорог регионального значения и 29,1 км дорог – в Читинской городской агломерации. Всего региону на эти мероприятия по национальному проекту в 2019 г. выделили 2,8 млрд. рублей. Деньги потратили, ремонт провели, однако выяснилось, что не везде работы выполнили качественно.

Недавно губернатор Забайкалья Александр Осипов, находясь в рабочей поездке в Улетовском районе, осмотрел участок дороги – подъезд к поселку Дровяная, ремонт которого сделали в рамках нацпроекта. Увиденное глава региона назвал безобразием, потому что асфальт подрядчик укладывал на плиты. То есть, на разбитой дороге сначала сделали ямочный ремонт, а потом уложили новый асфальт. На участок в восемь км потратили 128 млн. рублей.

Это не первый случай жесткой критики дорожников со стороны властей. В июле 2019 г. глава Забайкалья, который лично контролировал ремонт дорог в Чите, поставил «кол» за работу над реализацией национального проекта. «Есть в крае и в соседних регионах организации, которые способны сделать дороги. Но, видимо, неправильно организовали работы, либо рассчитывали, что определенная организация выполнит эти работы. Причем было понятно, что они формально не проходят по документации, которую они себе подготовили, и все будет отменено. Это чистый кол», – отметил тогда Осипов.

В сентябре 2019 г. губернатор на оперативном совещании озвучил недочеты по выполнению ремонта дорог Читы. Тогда Осипов поручил городским властям брать со всех ремонтирующихся объектов пробы укладываемого асфальта, производить их экспертизу и проявлять предельную требовательность к результатам работ[3].

По его словам, снова игнорируются уклоны и водосточная система улиц, а стыки новых и уже покрытых асфальтом участков дорог в отдельных местах делают самым безобразным образом – с перепадами между уровнями покрытия в пять см и более.

Тем не менее, ремонтом читинских дорог, который, к слову, производился по новым технологиям, многие остались довольны. Такой масштабной реконструкции Чита не видела очень давно. Основные же жалобы горожан – на свалки сломанного бордюрного камня и на отсутствие ремонта тротуаров.

Особенно остро в Забайкалье встал вопрос о качестве дорог после трех страшных аварий, две из которых в Агинском районе унесли жизни 11 человек, в третьей аварии с автобусом в Сретенском районе 1 декабря 2019 г. погибли 19 забайкальцев. Сейчас проводится следствие, дело передали в центральный аппарат СК РФ, который выясняет все факторы, приведшие к трагедии. Вполне возможно, что и качество дороги стало одной из причин страшной аварии.

В 2020 г. планируется дальнейшая реализация национальных проектов. Будет продолжение строительства социальных объектов – школ, детских садов, больниц и поликлиник, их ремонт по государственной программе развития

[1] Год перемен. – https://www.eastrussia.ru/material/god-peremen

[2] Осипов А.М. – губернатор нового типа //Экспертно-аналитическая сеть – «Клуб Регионов». – http://club-rf.ru/75/detail/3448

[3] https://www.eastrussia.ru/material/tresnuvshiy-natsproekt/

Дальнего Востока. Также будет разрабатываться целый ряд дополнительных планов, с помощью которых будет развиваться Забайкальский край, предусматривающих в первую очередь экономическое развитие – ускоренный рост экономики, создание рабочих мест, повышение заработной платы, бюджетный рост[1].

Кроме того, в планах крупная муниципальная реформа, в основном, предполагающая введение нового вида муниципалитета – муниципального округа.[2]

[1] Александр Осипов: Поставлены первоочередные задачи для развития Забайкалья. – https://regnum.ru/news/polit/2817473.html

[2] Осипов анонсировал муниципальную реформу в Забайкалье // ИА Чита.ру. – https://www.chita.ru/news/137807/

Беилин И.Л.
к.э.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ ВОЛАТИЛЬНОСТИ НЕФТЯНЫХ ЦЕН НА МИРОВЫХ ТОВАРНО-СЫРЬЕВЫХ БИРЖАХ

Ключевые слова: *региональная экономика, нефтегазовые регионы, волатильность, экспирация фьючерса, устойчивое развитие.*

Устойчивое развитие нефтегазового региона предполагает, прежде всего, существование возможности компенсации высокой волатильности нефтяных цен на мировых товарно-сырьевых биржах. Наиболее резких колебаний эта величина достигает в период экспирации фьючерсных контрактов. Экспирация фьючерсов – это процесс окончания обращения на биржевом рынке стандартного срочного биржевого контракта. Датой экспирации фьючерсного контракта считается последняя дата, когда этим контрактом можно торговать. Эта дата зафиксирована в спецификации фьючерсного контракта. Спецификация фьючерсного контракта является официальным документом, в котором организатор торгов (биржа) устанавливает все параметры фьючерсного контракта и правила торговли. Обычно дата экспирации фьючерсного контракта приходится на третью пятницу контрактного месяца, но может отличаться для некоторых контрактов, что обязательно указывается в их спецификации.

Несмотря на то, что только менее 1% фьючерсных контрактов в мировой практике заканчиваются реальной поставкой, некоторые трейдеры держат открытые фьючерсные позиции до наступления даты их экспирации и исполняют условия фьючерсных контрактов. Однако большинство фьючерсных трейдеров зарабатывают на разнице стоимости фьючерсных контрактов и не планируют осуществлять по ним ни расчеты наличными, ни физические поставки после наступления их экспирации. К управлению открытыми фьючерсными позициями относится понимание того, какие действия необходимо предпринимать трейдеру, когда подходит дата их экспирации. До наступления даты экспирации у трейдера есть несколько вариантов действий. Трейдер может либо ликвидировать свою фьючерсную позицию, либо перенести ее на следующий контрактный месяц.

Офсетная сделка или ликвидация фьючерсной позиции является самым распространенным методом выхода из открытой позиции по фьючерсному контракту. В результате офсетной (обратной) сделки прекращаются обязанности по ранее открытой позиции в связи с тем, что возникает противоположная позиция по одному и тому же фьючерсному контракту. В итоге трейдер получает причитающийся ему доход или убыток, не прибегая к наличным расчетам или физической поставке базового актива.

Для заключения офсетной (обратной) сделки трейдеру, занимающему короткую фьючерсную позицию, потребуется купить фьючерсный контракт. Трейдеру, который занимает длинную фьючерсную позицию, при этом потребуется продать фьючерсный контракт. Так как все фьючерсные контракты стандартизированы, это позволяет трейдеру нейтрализовать свои обязательства, вытекающие из первого фьючерсного контракта путем заключения второго (обратного) фьючерсного контракта. Второй фьючерсный контракт содержит условия, которые противоположны условиям первого фьючерсного контракта, но имеет ту же дату экспирации.

В нефтяной отрасли, например, трейдеру, желающему ликвидировать короткую позицию по двум фьючерсным контрактам нефти марки WTI, экспирация которых наступит в сентябре, потребуется купить два фьючерсных контракта той же самой нефти марки WTI с той же самой датой экспирации. Разница в стоимости первых двух контрактов и двух контрактов по обратной сделке принесет трейдеру прибыль или убыток. Переносом фьючерсной позиции является переход трейдера с текущей фьючерсной позиции с ближайшим месяцем экспирации на аналогичную фьючерсную позицию со следующим месяцем экспирации. Трейдер определяет время переноса своей фьючерсной позиции, анализируя торговые объемы как текущего контракта, срок экспирации которого приближается, так и нового контракта. Перенос позиции на новый контрактный месяц часто осуществляется, когда торговые объемы на новом фьючерсном контракте достигают определенной величины.

Когда производится перенос фьючерсной позиции, трейдер одновременно заключает офсетную (обратную) сделку по текущей фьючерсной позиции и открывает новую фьючерсную позицию со сроком экспирации в следующем контрактном месяце. Например, трейдеру, который держит длинную позицию по четырем фьючерсным миниконтрактам Urals, экспирация которых наступит в сентябре, потребуется одновременно продать четыре фьючерсных мини-контракта Urals с датой экспирации в сентябре и купить четыре фьючерсных мини-контракта Urals с новой датой экспирации в декабре.

Очень важно, чтобы при переносе фьючерсной позиции на следующий контрактный месяц, все необходимые для этого операции происходили одновременно, что позволит избежать временного зазора между сделками. Ведь временной зазор между закрытием текущей позиции и открытием новой, может привести к «проскальзыванию» (slippage)

и потенциальному убытку в результате рыночных движений, произошедших в этот момент. Использование подобного переноса фьючерсной позиции на следующий контрактный месяц в одной транзакции снижает риск такого проскальзывания. Переносом фьючерсных позиций, или как еще говорят «роллированием», часто пользуются долгосрочные трейдеры, не намеренные терять свои рыночные позиции.

Исполнением фьючерсного контракта (settlement) считается выполнение юридических обязательств по поставке активов, связанных с этим контрактом. Именно обязательство, а не право, как с опционами, и это обязательство должно быть выполнено. По некоторым контрактам выполнение обязательств происходит в форме физической поставки базового актива. Несмотря на то, что физическая поставка выполняет важную экономическую функцию, связывая фьючерсный рынок некоторых видов энергоресурсов, металлов и сельскохозяйственных товаров с их реальными физическими рынками, лишь незначительная часть товарных фьючерсов заканчиваются поставкой.

В большинстве случаев исполнение фьючерсного контракта принимает форму расчета наличными (cash settlement). Когда контракт является расчетным (cash-settled), его исполнение происходит в виде предоставления кредита или списания денежных средств в размере стоимости фьючерсного контракта после наступления даты его экспирации. К наиболее часто встречающимся финансовым продуктам, по которым производится расчет наличными, относятся фьючерсы на фондовые индексы (equity index futures) и процентные фьючерсы (interest rate futures). Помимо этого, расчеты наличными могут производиться также по фьючерсам на цветные металлы (precious metals futures), валютным фьючерсам (foreign exchange futures) и некоторым фьючерсам на сельскохозяйственные товары (agricultural futures).

Если трейдер не заключил офсетную (обратную) сделку или не перенес свою фьючерсную позицию до наступления даты ее экспирации, ему необходимо исполнить фьючерсный контракт. В данном случае трейдер, занимавший короткую позицию, должен осуществить поставку базового актива согласно спецификации фьючерсного контракта. Это может быть как физическая поставка товаров (нефть, нефтепродукты и др.), так и денежные расчеты (евро, британский фунт и др.). При этом форма физической поставки базового актива будет в значительной степени зависеть от потребностей контрагента, а также от свойств поставляемого товара. При торговле на фьючерсном рынке всегда есть несколько вариантов действий в случае экспирации фьючерсного контракта. Понимание того, как происходит управление открытой фьючерсной позицией до наступления даты ее экспирации, положительно влияет на эффективность торговли. Контанго подразумевает текущую цену актива ниже, чем она будет в определённой временной перспективе. То есть, фьючерс (по определению своему, предполагающий поставку товара через определённое время) стоит дороже, чем текущая цена базового актива.

Региональная структура добычи российской нефти охватывает 17 субъектов, среди которых наибольшее значение имеют Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, на долю которых приходится до 60% нефтедобычи страны. Второе место в России по нефтедобыче и первое по нефтепереработке занимает Приволжский федеральный округ. Здесь можно выделить шесть нефтегазовых регионов: Татарстан, Оренбургская область, Башкортостан, Самарская область, Пермский край и Удмуртская республика, добывающие в совокупности до 25% нефти страны. Поставки на экспорт осуществляются через морские порты Новороссийск (около 40%) и Приморск (25%), а также по системе трубопроводов «Дружба», которые эксплуатируются компанией Транснефть. В Китай нефть Urals доставляется по системе магистральных трубопроводов. Часть нефти доставляется напрямую до границы с Китаем, другая часть через порт Козьмино в Приморском крае. По итогам 2019 г. российская нефть составила 15% в импорте Китая. Для России доля китайского рынка в поставках сырой нефти составила в том же году около 30%.

В настоящее время через систему специального налогообложения налог на добычу полезных ископаемых и экспортная пошлина практически в полном объеме направляется в федеральный бюджет. Однако налог на прибыль нефтегазовых компаний составляет большую долю региональных бюджетов. Соответственно, изменения на мировом товарно-сырьевом рынке и волатильность «бумажной» нефти может оказывать влияние не только на российскую национальную экономическую систему, но и на экономики нефтегазовых регионов. В условиях нефтяного кризиса весны 2020 года и вызванной им высокой волатильности цены на «бумажную» нефть нам представилось целесообразным провести кластеризацию нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа (рис. 1, 2) по продукции топливно-энергетического комплекса (группа 27) и продукции химической промышленности и каучука (группы 28– 40), данные по которым представлены в табл. 1.

Таблица 1

Данные товарной структуры экспорта и импорта нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа в 2018 г. (миллионов долларов США)*

№	Регион	Продукция топливно-энергетического комплекса (группа 27)		Продукция химической промышленности, каучук (группы 28– 40)	
		экспорт	импорт	экспорт	импорт
1	Республика Башкортостан	2586,3	10,1	771,7	158,4
2	Республика Татарстан	12 265,3	66,1	2201,2	641,3
3	Удмуртская Республика	19,6	0,2	21,2	29,0
4	Пермский край	1470,1	3,2	3027,8	149,7
5	Оренбургская область	1413,0	138,1	57,3	69,3
6	Самарская область	1913,7	6,2	1780,7	381,7

*Источник: Росстат.

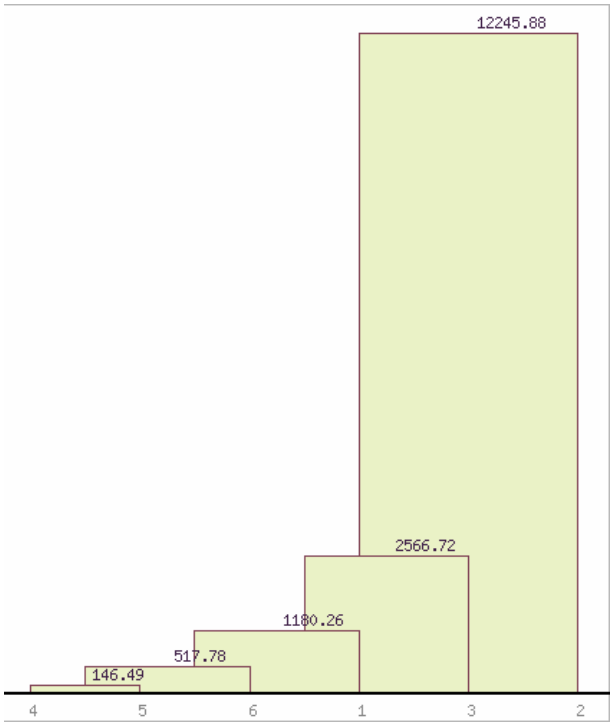

Рисунок 1.
Результаты иерархической классификации нефтегазовых регионов ПФО методом «дальнего соседа» кластерного анализа по экспорту и импорту продукции топливно-энергетического комплекса (группа 27)

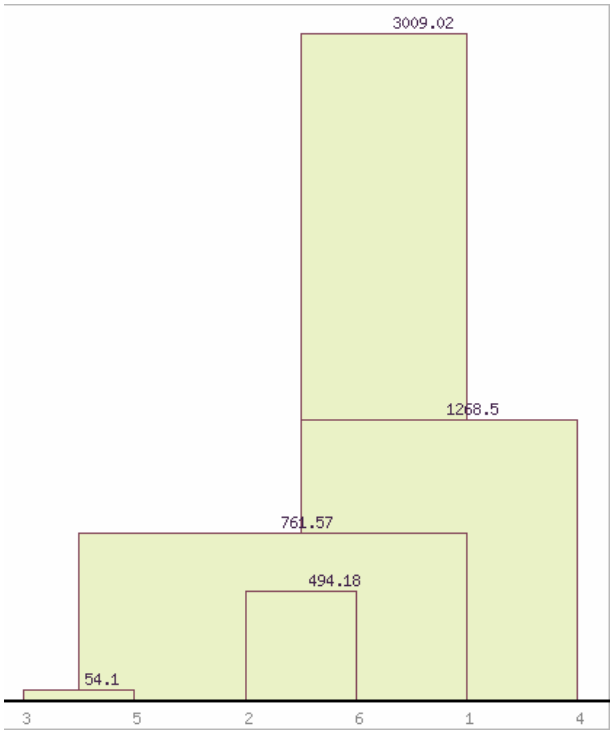

Рисунок 2.
Результаты иерархической классификации нефтегазовых регионов ПФО методом «дальнего соседа» кластерного анализа по экспорту и импорту продукции химической промышленности и каучука (группы 28– 40)

Составлено автором.

Из результатов обработки данных видно, что в случае внешней торговли продукцией топливно-энергетического комплекса наибольшая зависимость от волатильности на мировых товарно-сырьевых биржах, которая особенно сильно проявляется в период экспирации фьючерсов, среди регионов ПФО характерна для Республики Татарстан. Для внешней торговли продукцией химической промышленности и каучуком из нефтегазовых регионов ПФО получили два кластера $S_{(1,3,5)}$ и $S_{(2,6,4)}$, расстояние между которыми равно P=3009.02. Это свидетельствует о том, что прибыль производственных нефтегазохимических комплексов и, соответственно, наполняемость бюджетов Республики Башкортостан, Удмуртской Республики и Оренбургской области значительно в меньшей степени зависимы от волатильности мировых цен на энергоносители, чем в Республике Татарстан, Пермском крае и Самарской области.

Список литературы

1. Беилин И.Л. Оценка конкурентоспособности малого инновационного предприятия по ФЗ 217 // Вестник Казанского технологического университета. 2012. – Т. 15, № 21. – С. 173–174.
2. Беилин И.Л., Хоменко В.В. Экономическая оценка оптимальной производительности инновационного предприятия с учетом цикличности его развития // Вопросы инновационной экономики. 2018. – Т. 8, № 3. – С. 499–512.
3. Beilin I.L. Economic-mathematical modeling of the total costs of innovative chemical enterprise methods of fuzzy set theory // Journal of Engineering and Applied Sciences. 2017. Т. 12, N 19. – P. 4865–4869.
4. Беилин И.Л., Хоменко В.В. Управление себестоимостью инновационного химического проекта на основе подходов нечеткой логики // Вопросы инновационной экономики. 2017. – Т. 7, № 4. – С. 437–448.
5. Beilin I.L. Analysis of efficiency of the innovative project in the field of chemistry fuzzy logic // Journal of Economics and Economic Education Research. 2016. Т. 17, Special issue 3. – P. 177–185.
6. Беилин И.Л. Трехфакторная модель управления устойчивостью инновационного химического проекта в условиях экономической неопределенности // Вопросы инновационной экономики. 2018. – Т. 8, № 1. – С. 141–154.
7. Хоменко В.В., Салимов Л.Н. Актуальные направления международного регулирования инновационной активности // Интеграл. 2010. – № 2. – С. 72–74.
8. Beilin I.L., Khomenko V.V. Theoretical bases of project management in conditions of innovative economy based on fuzzy modeling // Journal of Physics: Conference Series (см. в книгах). 2018. – Т. 1015. – P. 032013.
9. Beilin I.L. Economic optimization in chemical enterprises // International Journal of Economic Perspectives. 2017. – Т. 11, N 4. – P. 670–677.
10. Yakupova N.M., Levachkova S.J., Kadochnikova E.I., Beilin I.L. Measurement of cost factors: evidence from trading companies // International Journal of Economic Perspectives. 2017. – Т. 11, N 4. – P. 794–802.

Бексултанова А.И.
ассистент, Чеченский государственный университет
adamovaaybika@mail.ru
Эдилсултанова С.А.
студент, Чеченский государственный университет)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: *развитие, экономика, регион, проблемы социально-экономического развития.*
Keywords: *development, economy, region, problems of socio-economic development.*

Развитие российской экономики зависит от состояния экономики ее регионов как социально-экономических субъектов. Регион является неотделимой частью государства, который решает свои проблемы и реализует свой потенциал посредством системы политических, правовых, экономических и социальных программ.

В результате двух военных кампаний экономика Чечни понесла огромный материальный ущерб: из 428 чеченских сел 380 были разрушены, Грозный был практически стерт с лица Земли. Разрушена вся инфраструктура, промышленность, сельское хозяйство. Во время второй чеченской кампании был полностью разрушен нефтяной комплекс.

Была разрушена инфраструктура железнодорожного и воздушного сообщения. Республика понесла большие культурные потери. Международное сообщество признало Чеченскую Республику зоной гуманитарной, экономической, социальной и экологической катастрофы.

В последние годы ВРП Чеченской республики устойчиво растет, но все же по своему объему он отстает от большинства регионов Российской Федерации, занимая 70 место (по данным на 2017 г.).

Объём ВРП на 2019 год по данным Чеченстата составил 210,14 млрд. рублей. Или 106,5% к уровню 2018 г.

Основные социально-экономические ЧР показатели представлены в табл. 1.

На фоне общей нестабильности экономики роста Российской Федерации, по основным показателям социально-экономического развития в Чеченской республики на конец 2019 года наблюдается положительная динамика.

Таблица 1

Социально-экономические показатели ЧР за 2016–2019 гг.[1]

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Площадь ЧР, тыс. кв. км	–	–	–	15,6
Численность проживающего населения, тыс. чел.	1414,9	1437,0	1455,3	1475,3
Объем ВРП млн. руб.	1 667 11,2	180 732,1	197 361,1	210 142,8
Объем ВРП на душу населения, тыс. руб.	120,6	125,5	124,1	...
Уровень зарегистрированной безработицы, в % от экономически активного населения	15,8	14,0	7,9	8,0

Особенностью Чеченской Республики является ее природно-ресурсный комплекс, от которого зависит ее социально-экономическое развитие. Регион расположен в благоприятной климатической зоне, которая обеспечивает оптимальные условия для развития сельского хозяйства, способствует развитию туризма, а также обладает большими запасами минерального сырья (в частности, углеводородов), лесных и водных ресурсов.

Чеченская республика имеет старейший нефтяной комплекс, на котором базируется ее экономика. Республика занимает 24 место среди всех регионов по объемам добычи нефти и 16 место по объему добычи природного газа. На долю нефтегазовой отрасли приходится более 98% общего объема промышленной продукции. Добыча нефти и ее реализация является важным ресурсом конкурентоспособности Чеченской Республики на внутреннем рынке России.

Восстановление и развитие этого комплекса не только даст большой позитивный импульс экономике Чечни, но и обеспечит экономическую безопасность всего Северного Кавказа. Для восстановления и эффективного функционирования данного сектора необходима реорганизация системы управления в добыче нефти. В частности представляется целесообразным строительство нового нефтеперерабатывающего завода, оснащение отрасли нефтепереработки современным оборудованием, создание новых производственных мощностей. Все это позволит перейти к производству высокотехнологичной нефтехимической продукции. Важно учитывать экологичность оборудования и минимальные выбросы в атмосферу.

[1] Чеченсат, Социально-экономическое положение 2016–2019 гг. – https://chechenstat.gks.ru/

Реализация данного проекта позволит:

– удовлетворить потребности Республики в качественных моторных топливах;

– минимизировать зависимость района от сторонних поставщиков топлив, транспортных организаций и других факторов;

– создать дополнительные рабочие места;

– уменьшить выбросы от автомобильных двигателей в атмосферу и соответственно улучшить экологическую ситуацию в регионе.

В ходе известных всем событий из республики мигрировали наиболее образованные, квалифицированные, трудоспособные граждане. В связи с этим в республике сохраняется нехватка квалифицированных технических специалистов и опытных управленческих кадров. Это отрицательно сказывается на качестве продукции и производительности труда. Проблема усугубляется высоким уровнем безработицы, которая побуждает специалистов уезжать в другие регионы. Данная проблема тормозит экономический рост, затрудняет реализацию эффективной экономической политики в республике. В этих условиях требуется принятие мер по удержанию и обеспечению притока в республику квалифицированных кадров.

Для повышения уровня занятости необходимо создать систему социальной защиты безработных граждан, которая позволит ускорить поиск подходящей работы, будет способствовать развитию предпринимательства, работы на дому. Необходимо наладить информационно-консультативную поддержку населения, а также создать структуру социально-психологической поддержки безработных. Также необходимо создание сети альтернативных некоммерческих организаций для содействия занятости, в том числе для женщин и молодежи.

Решение проблемы трудоустройства выпускников высших и средних образовательных учреждений возможно путем введения госзаказа на специалистов, сюда также входит развитие системы профессиональной подготовки, позволяющей молодым людям определять свою будущую профессию [1].

Чеченская республика имеет огромный потенциал для развития многих видов туризма. Регион расположен в благоприятной климатической зоне; богат природными ресурсами: величественные горы, живописные озера, реки, леса и т.д. Туристско-рекреационный комплекс – важнейшее направление развития республики, которое будет способствовать развитию «прилегающих» к нему отраслей, таких как транспортный и агропромышленный комплексы, сфера услуг; развитие социальной и инженерно-технической инфраструктур, социально-экономической сферы, экономической привлекательности для долгосрочных инвестиций; его развитие также будет содействовать улучшению качества жилищных условий, сохранению и развитию культурного потенциала, росту возможностей для самореализации населения, улучшению общего имиджа территории.

Самыми известными и наиболее привлекательными туристическими объектами в Чечне являются одна из крупнейших в России и Европе мечеть «Сердце Чечни», стадион «Ахмат-Арена», Аргунское ущелье, Мемориальный комплекс Славы имени А.А. Кадырова, комплекс Грозный-Сити и др.

Стоит отдельно отметить, что в августе 2019 года в городе Шали была открыта самая большая в Европе мечеть «Гордость мусульман», которая может принять до 30 тысяч человек. Живописное и крупнейшее на Северном Кавказе озеро Кезеной-Ам также является одним из наиболее привлекательных мест в Чечне. Здесь построен современный спортивно-туристический комплекс «Кезеной-Ам».

В Аргунском ущелье, в горном селе Ведучи введен в эксплуатацию первый всесезонный горнолыжный курорт «Ведучи». В летнее время предлагаются конные и пешие туры по окрестностям, экскурсионные поездки на культурно-исторические и природные объекты региона. Курорт находится на начальном этапе своего развития. Его горнолыжные трассы до сих пор находятся в стадии разработки. В настоящее время для катания доступна 1 трасса длиной 967 метров. В 2020 году планируется открытие новых трасс и канатной дороги до отметки 4300 метров. К 2025 году протяженность горнолыжных трасс достигнет 15 км, планируется открытие современного сноу-парка.

Открытие «Грозненского моря» (туристический спортивно-оздоровительный комплекс) состоялось в августе 2017 года. На территории комплекса расположен 5-звёздочный отель «Тийналла» с двухуровневым (плавучим) рестораном, великолепный 13-этажный 50-метровый ресторан в виде средневековой башни, развлекательный комплекс «Аква» (всего 5 этажей) для отдыха с семьей и не только, замечательный детский городок, смотровая площадка, прогулочные аллеи, дорожки и др.

Ранее, 5 октября 2015 года (День города) в Грозном был запущен единственный в мире монолитный подводный цветной музыкальный фонтан.

Сегодня в горной Чечне разработано до 20 маршрутов экотуризма. Маршруты проходят по красивейшей горной местности, богатой историко-архитектурными памятниками древней Чечни.

На многих горных реках республики можно организовывать рафтинг-спуски на водных сплав-средствах. На сегодняшний день такие спуски имеются.

Конечно, массовый туризм в республике еще не налажен. Но это время не за горами. Правительство делает все возможное для этого.

В целом, в Чечне можно развивать такие виды туризма, как горный, водный, экологический, рекреационный, конный, пещерный туризм (в республике есть пещеры глубиной более 250 метров); паломнический туризм (посещение священных мест-зиггуратов); автотуризм, бизнес-туризм (города ЧР); культурно-познавательный (исторические центры, музеи, памятники и т.д.); оздоровительный (горячие источники, минеральные воды, пещеры) и др.

Развитие туризма создаст тысячи рабочих мест. Развитие туристско-рекреационной индустрии является очень перспективным направлением, которая гарантированно будет формировать существенную часть доходов в бюджете

ЧР. При должном уровне развития инфраструктуры это дало бы возможность принимать не менее 500 тыс. человек в год и привлекать в экономику ЧР до 250 млн. долларов [2].

Объем инвестиций в экономику республики растет с каждым годом. Это свидетельствует о стабилизации ситуации в регионе и повышении его инвестиционной привлекательности. Одним из важнейших факторов восстановления и развития экономики является стимулирование инвестиций в основной капитал. По данным Чеченстата, за 2018 год общий объем инвестиций в основной капитал составил 40 835,9 млн. рублей или 174,6% к аналогичному периоду 2017 года в сопоставимых ценах.

В 2018 году в Чеченской Республике за счет внебюджетных инвестиций завершена реализация 211 инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 14 833,86 млн. рублей, создано 2761 рабочее место. На стадии реализации находится 639 инвестиционных проектов общей стоимостью 252 396,17 млн. рублей, планируется к созданию 21 028 рабочих мест. Наиболее крупные из них:

1. «Строительство многофункционального комплекса «Башня-Ахмат» (инициатор – ООО «Ахмат – Тауэр», стоимость – 66 000,00 млн. рублей, 4000 рабочих мест);

2. «Строительство Грозненской ТЭС» (инициатор – ООО «ГЭХ Инжиниринг», стоимость – 26 780,00 млн. рублей, 300 рабочих мест);

3. «Строительство завода по производству литий-ионных аккумуляторов мощностью – 125 МВт* ч в год» (инициатор – АО «Чеченнефтехимпром», стоимость – 7600,00 млн. рублей, 800 рабочих мест);

4. «Строительство торгово-развлекательного центра «Грозный Молл» (инициатор – ООО «Грозный Молл», стоимость – 8970,00 млн. рублей, 2000 рабочих мест).

Перечень приоритетных инвестиционных проектов Чеченской Республики включает в себя 69 проектов с общим объемом инвестиций 244,860 млрд. рублей, в том числе по отраслям:

– промышленность, энергетика, строительство и транспорт – 32 проекта на 186,902 млрд. рублей (12 770 вакантных мест);

– агропромышленный комплекс, пищевая промышленность – 33 проекта на 39,50 млрд. рублей (4265 вакантных мест);

– индустрия отдыха и туризма, связь – 4 проекта на 18,46 млрд. рублей (3 101 рабочих мест) [3].

Постепенно набирает обороты и инновационный комплекс ЧР.

Инновационный комплекс Чечни включает 8% выпуска продукции всей региональной экономики.

Ключевые проблемы, препятствующие развитию инновационной деятельности в регионе:

– отсутствие эффективной инновационной инфраструктуры;

– отсутствие механизмов стимулирования товаропроизводителей к реализации инноваций как способа конкурентной борьбы и вовлечения в хозяйственный оборот местных технологических и интеллектуальных ресурсов;

– отсутствие ориентации отечественных предприятий на отечественную прикладную науку как источник инноваций;

– старение научных кадров, недостаточный приток молодежи, отток обученной молодежи из сферы науки.

Все это может привести к углублению технологического отставания республики. Таким образом, главной стратегической целью инновационной политики является развитие наиболее современных и бюджетообразующих отраслей промышленности с одновременным достижением конкурентоспособности всей экономики республики.

В республике функционируют различные взаимодействующие структуры, обеспечивающие реализацию инновационной деятельности. Прежде всего туда входят Технопарки ЧР, в которых объединены научно-исследовательские институты, объекты индустрии, деловые центры, выставочные площадки, учебные заведения, а также обслуживающие объекты: средства транспорта, подъездные пути, жилые поселки, охрана.

Технопарки в Чеченской Республике работают с 2010 года и осуществляют свою деятельность в сфере высоких технологий:

– Технопарк Чеченского государственного университета (г. Грозный);

– Технопарк Грозненского Государственного Нефтяного Технического Университета (г. Грозный).

Кроме того в Чеченской республики на площади в 20 гектаров реализуется проект инновационного строительного технопарка «Казбек». ИСТ «Казбек» будет первым инновационным технопарком, расположенным на территории Чеченской Республики. Цель и идея строительства инновационного технопарка заключается в привлечении новейших технологий отечественной и зарубежной разработки в строительную отрасль Чеченской Республики.

Для нашего региона реперными точками экономического роста и социальной стабильности являются развитие среднего и малого бизнеса. Именно оно позволит выйти на конкурентоспособный уровень развития региона. Также важными преимуществами развития данного сектора в экономике станут:

– создание новых вакантных мест;

– обеспечение работой трудоспособного населения;

– технологическое развитие и рост научно-технического прогресса;

– активизирование инновационной деятельности и внедрение инноваций в предпринимательство;

– дополнительные налоговые поступления

В основном деятельность малого бизнеса в Чеченской Республике направлена на производство товаров и оказание услуг населению.

Можно выделить следующие проблемы развития малого бизнеса по ЧР:

– трудности в получении кредита и высокие процентные ставки;

– недостаточная развитость механизма государственной поддержки малого бизнеса;

– высокая арендная плата за коммерческую площадь

– отсутствие должных знаний нормативно-правовой базы в сфере предпринимательства у начинающих предпринимателей, что может грозить уже скорым разорением.

Для решения проблем развития малого и среднего предпринимательства в Чеченской республике необходимо принять ряд мер для устранения барьеров мешающих развитию предпринимательства:

– наладить информационное обслуживание субъектов малого и среднего предпринимательства (консалтинг, обучение, повышение квалификации)

– привлечение населения (особенно молодежи) для открытия собственного бизнеса, создавая различные программы вовлечения в предпринимательскую деятельность;

– развитие банковской системы Чеченской Республики;

– совершенствование нормативно-правовой базы, в том числе налогового законодательства, стимулирующего развитие малого и среднего бизнеса;

– государственная поддержка, посредством различных льгот и т.п.

Правительство Чеченской Республики предпринимают определенные меры по поддержке и развитию малого и среднего бизнеса. В республике создана доступная инфраструктура поддержки бизнеса. В ее состав входят: 11 бизнес-инкубаторов, 4 технопарка, 3 микрофинансовые организации, а также многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг.

В 2017 г. в результате договоренности между Главой Чеченской Республики Р.А. Кадыровым и Президентом ОАЭ, Шейхом Халифа бин Зайед Аль Нахайяном был создан Фонд имени Шейха Зайеда по поддержке предпринимательства и инноваций. Основной целью фонда является достижение устойчивого социально-экономического развития в Чеченской республике путем оказания адресной поддержки малому и среднему бизнесу.

Фонд предоставляет широкий спектр услуг (финансирование, консультирование, обучение, сопровождение) [4].

В заключение хотелось бы отметить, что главной целью в ближайший период является активизация всех факторов, обеспечивающих условия для стабильного экономического роста и повышения уровня жизни населения Чечни.

В последние годы достигнут значительный прогресс в социально-экономическом развитии ЧР. Благополучно решаются вопросы образования, культуры, здравоохранения, социального обеспечения и спорта. Ведётся активная работа по строительству жилья, различных объектов и дорожной инфраструктуры. В реальном секторе экономики Республики достигнуты некоторые успехи. Таким образом, положительная динамика социально-экономического развития Чеченской Республики становится устойчивой и необратимой.

Список литературы

1. Кадыров Р.А. Организация и управление инвестиционно-строительной сферой и восстановлением строительной отрасли в регионе с разрушенной экономикой. Автореф. … диссертации на соиск. … д.э.н. – Махачкала, 2015. – С. 19.
2. http://www.chechentourism.ru/
3. http://economy-chr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Информация-об-инвестиционной-деятельности-на-территории-Чеченской-Республики-за-2018-год.docx
4. https://zayedfund.com/

Белоусова А.В.[1]

УСЛОВИЯ ДОСТОВЕРНОЙ ОЦЕНКИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)[2]

Ключевые слова: *национальные проекты, достоверная оценка, динамика значений показателей, занятость, благосостояние, ранжирование регионов, российский Дальний Восток.*

Keywords: *national projects, reliable estimate, dynamics of indicator values, employment, wealth, ranking of regions, Russian Far East.*

В мае 2018 г. Указом Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»[3] утверждены национальные проекты по 12 направлениям стратегического развития. С указанного времени реализация данных проектов становится приоритетной задачей как для федерального, так и регионального уровней власти, связанной с осуществлением прорывного научно-технологического и социально-экономического развития РФ и ее единиц административно-территориального деления. Решение поставленной задачи связывается с достижением целевых значений показателей, обозначенных в качестве ключевых в каждом из проектов. В данном контексте особое значение приобретает получение достоверных оценок динамики значений соответствующих показателей.

В случае абсолютных показателей обеспечение достоверности результатов количественного анализа изменений значений первых определяется исключительно качеством используемой статистической информации. В случае относительных показателей динамика их значений должна подтверждаться анализом динамики абсолютных показателей, входящих в их состав (числитель и знаменатель). Проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах в отношении Дальневосточного федерального округа (ДФО).

В рамках проекта «Производительность труда и поддержка занятости» одним из ключевых показателей является «уровень занятости» (отношение численности занятого населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, в процентах). Динамика занятости, исследуемая по данному показателю в ДФО в 2013–2018 гг., характеризовалась положительным трендом: в границах исследуемого периода прирост величины соответствующего показателя составил 1,7 п.п. (2013 г. – 65,2%, 2018 г. – 66,9% (исследуемая возрастная группа – 15–72 лет)). При этом среднегодовой темп роста численности занятых в макрорегионе оценивался в 99,23% (табл. 1). Сопоставление изменений вышеуказанных относительного и абсолютного показателей свидетельствует о «номинальности» оценок первого при количественной идентификации вклада труда в рост экономики ДФО: увеличение уровня занятости в округе обусловливалось лишь превосходством темпов сокращения численности населения над темпами сокращения численности занятых (вклад трудовых ресурсов в рост экономики может быть оценен посредством уровня занятости в том случае, если соответствующий показатель демонстрирует положительную динамику при несокращении численности занятого населения). Исключением из данной тенденции являлся 2016 г., когда численность занятых макрорегиона по отношению к предыдущему году оценивалась в 100,72%.

Динамика показателя «уровень безработицы» (отношение численности безработных определенной возрастной группы к численности рабочей силы соответствующей возрастной группы, в процентах) в ДФО в 2013–2018 гг. характеризовалась убывающим трендом: изменение соответствующего показателя за указанный период составило –1,2 п.п. (2013 г. – 6,5%, 2018 г. – 5,3%). Поскольку уровень безработицы, как и рассматриваемый ранее уровень занятости, является относительной величиной, его использование для оценки вклада трудовых ресурсов в рост экономики возможно только при выполнении следующих условий: уменьшении значений показателя при несокращении (росте или постоянстве) численности рабочей силы.

Между тем, в 2013–2018 гг. среднегодовой темп роста численности рабочей силы Дальневосточного макрорегиона оценивался в 99,4%; темп прироста соответствующего показателя в границах периода составил –3,23%. Приведенные оценки являются основанием для отнесения уровня безработицы (как и уровня занятости) к числу показателей, не позволяющих получить реальные оценки вклада трудовых ресурсов в рост экономики ДФО: уменьшение значений уровня безработицы в макрорегионе в исследуемом периоде обусловливалось лишь превышением темпов сокращения численности безработных над темпами сокращения рабочей силы.

---

[1] Белоусова Анна Васильевна – к.э.н., с.н.с. лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: belousova@ecrin.ru

[2] Выполнено в рамках проекта РФФИ 20-010-00818А «Исследование траекторий экономической, структурно-технологической и социальной динамики Дальнего Востока в условиях реализации национальной программы развития макрорегиона»

[3] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Таблица 1

Основные показатели динамики трудовых ресурсов ДФО в 2013–2018 гг.

	Занятость		
	Среднегодовая структура, %	Среднегодовой темп роста, %	Темп прироста (2018 г. / 2013 г.), %
ДФО	100	99,23	–4,18
Республика Саха (Якутия)	14,98	99,36	–3,63
Камчатский край	5,39	98,56	–8,52
Приморский край	30,40	99,97	0,23
Хабаровский край	21,90	99,29	–4,34
Амурская область	12,53	98,24	–9,16
Магаданская область	2,79	98,99	–4,40
Сахалинская область	8,77	98,46	–8,92
Еврейская автономная область	2,25	98,94	–4,52
Чукотский автономный округ	0,99	98,13	–8,21

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

Помимо оценки динамики значений ключевых показателей национальных проектов, эффективность реализации последних на региональном уровне связывается с изменением места субъектов РФ в их рейтингах. Поскольку в качестве одной из ключевых целей реализации национальных проектов выступает рост благосостояния населения РФ («обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации»), обратим внимание на оценку соответствующего показателя и ранжирование дальневосточных субъектов РФ по его значениям.

В случая благосостояния населения обеспечение достоверности (корректности) межрегиональных сопоставлений связывается не только с проблемой выбора «измерителей» соответствующего показателя, но и с проблемой корректного «перевода» абсолютных показателей в относительные. Как правило, при количественном анализе пространственной неоднородности благосостояния часто проводится процедура взвешивания (уравнивания разновеликих объектов исследования), в которой в качестве «веса» выступает доля региона в численности населения страны. В данном случае некорректность заключается в несоответствии целей и результатов анализа: последние демонстрируют отнюдь не степень неравенства регионов, а неравенство всех жителей страны по благосостоянию[1]. Еще одним условием обеспечения адекватности оценок пространственной неоднородности благосостояния населения являются их содержательные интерпретации, которые определяются пониманием сути проводимых расчетных процедур.

Предлагается иллюстрация вариативности позиции региона в пространственной выборке при оценке благосостояния населения последнего посредством интегрального индекса. Для построения последнего используется исключительно в качестве «модельного» примера идея «индекса качества жизни». Тестируется гипотеза о «перемещениях» объекта исследования в пространственной выборке при различных комбинациях, составляющих его показателей. В качестве последних используются отношение среднедушевого денежного дохода к прожиточному минимуму; удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума (% от общей численности населения); ожидаемая продолжительность жизни (лет); уровень безработицы (%); коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми); число учащихся начальных, средних профессиональных и высших учебных заведений на 10 тыс. населения; обеспеченность врачами на 10 тыс. населения; общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года; кв. м.); удельный вес жилого фонда, оборудованного канализацией (%); число зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 100 тыс. чел.; отношение среднедушевого денежного дохода к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг; общая площадь жилых помещений, оборудованных канализацией, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года; кв. м.).

Интегральный индекс благосостояния населения представляет собой среднее арифметическое частных индексов, рассчитанных в отношении каждого из перечисленных выше показателей. В случае позитивного характера показателя величина соответствующего частного индекса есть результат отношения отклонения фактического значения показателя в конкретном регионе от минимального значения данного показателя по всей пространственной выборке к размаху вариации соответствующего показателя в исследуемой совокупности регионов. В случае негативного характера показателя (к примеру, число зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 100 тыс. чел. населения; коэффициенты младенческой смертности и др.) для расчета величины частного индекса слагаемые в алгебраической сумме, находящейся в числителе, меняются местами. Необходимость перевода абсолютных значений показателей в относительные обусловлена использованием различных шкал измерения и, как следствие, перекрестной несопоставимостью элементов исходного массива данных.

Для доказательства/опровержения существования «лагов» между позициями (рангами) региона в пространственной выборке при различных комбинациях исходных показателей, «образующих» интегральный индекс благосостояния населения, исследуются два варианта набора последних. Первый вариант – совпадает с подходом к расчету индекса, изложенным выше. Второй вариант набора исходных показателей для расчета интегрального индекса благосостояния предполагает сохранение их числа – 10 с заменой покупательной способности среднедушевых денежных

[1] Глущенко Н.П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2015. – № 4. – С. 39–45.

доходов по прожиточному минимуму на покупательную способность денежных доходов по стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

На основе рассчитанных значений интегрального индекса проводится ранжирование исследуемых регионов (относительно выборки из всех субъектов РФ): присвоение рангов осуществляется в порядке возрастания (региону, имеющему максимальное значение интегрального индекса, соответствует ранг, равный 1; региону, имеющему минимальное значение интегрального индекса – ранг, равный 80).

Расчеты интегрального индекса благосостояния населения по субъектам РФ с учетом двух вариантов набора исходных показателей позволили получить следующие оценки (табл. 2).

Таблица 2

Интегральные индексы благосостояния населения субъектов РФ

№	Субъект РФ	Вариант 1		Вариант 2	
		Индекс	Ранг	Индекс	Ранг
1	Республика Саха (Якутия)	0,574	59	0,581	55
2	Камчатский край	0,584	57	0,579	56
3	Приморский край	0,596	53	0,586	53
4	Хабаровский край	0,659	27	0,649	23
5	Амурская область	0,607	48	0,589	52
6	Магаданская область	0,680	17	0,682	8
7	Сахалинская область	0,676	19	0,660	20
8	Еврейская автономная область	0,405	78	0,405	77
9	Чукотский автономный округ	0,652	28	0,633	30

Источник: рассчитано автором.

Данные табл. 2 подтверждают высказанную ранее гипотезу о вариативности позиций (рангов) регионов в пространственной выборке в зависимости от набора показателей, на основе которых рассчитывается интегральный индекс благосостояния населения. Размах вариации оценок индекса по варианту 1 составляет 0,744, по варианту 2 – 0,700; коэффициент вариации принимает значения – 15,5; 15,1 соответственно.

Большинство дальневосточных субъектов РФ при сравнении индексных значений благосостояния населения представленных вариантов наиболее «выгодно» смотрятся при учете традиционных показателей. Однако уже при ранжировании в первую двадцатку, где по версии самой интегральной оценки должны присутствовать регионы с наиболее благоприятными условиями для жизни населения, попадают мало комфортные по условиям жизни территории: Магаданская (17 место) и Сахалинская (19 место) области.

Замена показателя, характеризующего покупательную способность доходов населения по прожиточному минимуму на аналогичную по стоимости фиксированного набора (вариант 2) способствует росту интегрального индекса благосостояния у двух регионов – Республики Саха (Якутия) и Магаданской области (с 0,574 до 0,581 и с 0,680 до 0,682 соответственно); остальные дальневосточные субъекты РФ (за исключением Еврейской автономной области, где значение индекса остается постоянно низким (0,405)), ухудшают свои позиции в пространственной выборке по сравнению с предыдущим вариантом. При ранжировании в лидерах оказывается Магаданская область. Отметим, что в случае межрегиональных сопоставлений, результатом которых является ранжирование регионов, идентификация факторов, объясняющих позиции элементов пространственной выборки, становится весьма затруднительной. Причина данного обстоятельства кроется в зависимости ранга каждого региона как от собственных значений исходных показателей, так и от значений последних в других регионах. Соответственно, для однозначного определения факторов, влияние которых определяет позицию региона, необходимо проведение перекрестного сравнительного анализа между всеми элементами пространственной выборки. Как следствие, любые попытки объяснения взаимного расположения регионов без осуществления вышеуказанного анализа являются по своей сути лишь предположениями.

Вышеприведенные примеры выявляют условия обеспечения достоверности оценок эффектов реализации любых программных документов, в т.ч. национальных проектов.

Список литературы

1. Белоусова А.В., Исаев А.Г. Прогнозная динамика инвестиций в условиях реализации Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года // Регионалистика. 2019. – Т. 6, № 6. – С. 36-49. DOI: 10.14530/reg.2019.6.36
2. Белоусова А.В., Исаев А.Г. Факторы экономического роста // Региональный мониторинг: Дальневосточный федеральный округ / Под ред. О.М. Прокапало; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2019. – С. 18–33.
3. Найден С.Н., Белоусова А.В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. – Т. 14, вып. 1. – С. 53–68. doi 10.17059/2018–1–5
4. Найден С.Н., Белоусова А.В. Пространственная неоднородность благосостояния населения: Хабаровский край в межрегиональных сопоставлениях // Карельский научный журнал. 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 37–43.
5. Найден С.Н., Белоусова А.В., Грицко М.А. Социальное неравенство как фактор ограничения благосостояния регионов Дальнего Востока / Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 642–647.

Васильева Л.В.
к.э.н., с.н.с. Института стратегии развития образования РАО
vasilieval@yandex.ru

ОЦЕНКА УРОВНЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ[1]

Ключевые слова*: регионы, дифференциация, оценка, потенциал сглаживания дифференциации.*
Keywords: *regions, differentiation, estimation, potential for smoothing differentiation.*

Анализ научных публикаций по тематике межрегиональной дифференциации показывает широкий спектр направлений исследований и значительную глубину ретроспективы. Показатели экономической деятельности различных регионов указывают на структурный дисбаланс в системе национального хозяйства; наблюдается значительная дифференциация между регионами по структуре валового регионального продукта, по результатам деятельности промышленности, по уровню социально-экономического развития и уровню жизни населения, а также диспропорции в бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

В то же время, в методологическом плане, несмотря на результаты многочисленных работ можно констатировать, что в целом не завершено создание целостной теории оценки межрегиональной дифференциации, хотя многие наработки для этого существуют. Методологические подходы к оценке межрегиональной дифференциации нуждаются в развитии для создания более адаптированного к современным задачам механизма корректировки мер государственной региональной политики[2].

В современной научной литературе существует множество подходов к оценке межрегиональной дифференциации: авторы предлагают учитывать динамику средних показателей по исследуемому индикатору; проводить межстрановые сопоставления; использовать не только статистические характеристики различия, но и различные показатели социально-экономического развития. Большинство исследователей придерживаются мнения, что оценка межрегиональной дифференциации должна производиться с помощью комплексного показателя, позволяющего оценить не только различия по каким-либо аспектам социального и экономического состояния территорий, но и давать представление о структуре этих различий.

При этом постоянно осуществляется поиск наиболее емкого определения, характеризующего потенциал региона. Изучение понятийного аппарата показывает, что используемая авторами терминология при проведении оценки степени межрегиональной дифференциации отличается разнообразием в зависимости от фокусировки исследования. В большей степени это характерно для комплексных (интегральных) показателей (табл. 1).

Таблица 1

Примеры используемых понятий

Автор	Показатель	Сущность определения
Трушина Н.Н., Шашкова И.Г.[3]	Региональный потенциал.	Совокупность внутренних и внешних факторов (средств и условий), определяющих возможность развития территории при условии сохранения ее социально-экономической и национально-культурной общности.
Леонтьев Е.Д.[4]	Экономический потенциал региона.	Совокупность производственного, инновационного, социального, трудового потенциалов региона.
Васильева Л.В.[5]	Потенциал импортозамещения регионов.	Комплексная характеристика способности региона к замещению импортной продукции на внутреннем рынке, технологическому развитию, интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости.
Козина Е.В.,	Экономический потенциал	Совокупность частных показателей инвестиционного, хозяйственного, фи-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-010-01177 – «А».

[2] Васильева Л.В., Березина Е.В. Дифференциация социально-экономического развития регионов: истоки, причины, тенденции // Сб. материалов I Международной научно-практической конференции «Трансформация национальной социально-экономической системы России» / Российский государственный университет правосудия. – М., 2019. – С. 118–125. – https://elibrary.ru/item.asp?id=40535398

[3] Трушина Н.Н., Шашкова И.Г. Потенциал региона как основа развития // Экономические науки. 2018. – № 7 (164). – С. 96–100.

[4] Леонтьев Е.Д. Методика оценки межрегиональной дифференциации экономического пространства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. – № 3 (72). – С. 93–103.

[5] Васильева Л.В. Вопросы разработки методики оценки потенциала импортозамещения // Инновационное развитие российской экономики: материалы X Международной научно-практической конференции. – М.: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. – М., 2017. – С. 338–342.

Гостева С. В.[1]	региона.	нансового, рыночного, трудового и инновационного блоков.
Илларионова Е.А.[2]	Экономический потенциал региона.	Вся совокупность ресурсов субъекта Российской Федерации, которые используются или могут быть мобилизованы, приведены в действие для обеспечения развития определенной территории в интересах населения, бизнеса и государства.
Гринчель Б.М. Назарова Е.А.[3]	Конкурентный потенциал региона.	Комплексная оценка, учитывающая взаимосвязь четырех факторов: экономического, инновационного, качества жизни и человеческого потенциала.
Зябирова С. Ф.[4]	Потенциал саморазвития региона.	Комплексная оценка состояния региона, включающую блоки показателей: базовых экономических, социально-экономических (желаемые уровни социально-экономического развития), оценочных (индикаторы эколого-экономической ситуации).
Аносов А.В.[5]	Инвестиционный потенциал региона.	Совокупность восьми потенциалов: ресурсно-сырьевого; трудового; производственного; инновационного; институционального; инфраструктурного; финансового; потребительского.

Необходимость в уточнении понятийного аппарата обусловлена постановкой задач исследования. Наиболее часто встречается понятие «экономический потенциал региона». В случае же более глубокого изучения отдельных параметров регионального развития в терминологии соответственно локализуются эти аспекты.

Для целей нашей работы необходимо выполнить анализ межрегиональной дифференциации с позиций возможности ее сглаживая. Полное выравнивание социально-экономических характеристик регионов невозможно в силу объективных причин и различий, обусловленных географическими, природными, демографическими факторами, ресурсной обеспеченностью, сложившейся структурой и специализацией хозяйства. Многими исследователями отмечается, что тенденция усиления межрегиональной дифференциации сохраняется и по настоящее время. Существующие различия в уровне социально-экономического развития регионов самым непосредственным образом влияют на качество жизни населения и порождают постоянную миграцию кадров в крупные экономически активные поселения как в границах субъектов РФ, так и во вне. Таким образом, межрегиональная неоднородность усиливается их внутренней неоднородностью.

Концептуально решение стратегической задачи сокращения (сглаживания) различий в социально-экономическом развитии регионов на современном этапе требует структурных преобразований в экономике регионов, повышения доли обрабатывающих производств в структуре ВРП, повышения технологического уровня всех отраслей, подъема промышленного производства, стимулирования инновационного развития. Представляется актуальным разработать методику, комплексно оценивающую динамику этих показателей и соответствующий понятийный аппарат.

Государственная политика регионального развития предусматривает реализацию комплекса мер, направленных на обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов, повышение уровня конкурентоспособности их экономики на международных рынках. При этом используется дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей. Для решения задач в практической плоскости требуется регулярный мониторинг параметров регионов, изучение тенденций их развития. С позиций научного анализа дифференциация социально-экономического развития регионов должна рассматриваться не только как результат предшествующего развития, но и как непрерывный процесс, объективно обусловленный рядом внутренних причин и воздействием комплекса внешних факторов регионального развития.

В развитие теоретических положений по диагностике межрегиональной дифференциации предлагаем ввести понятие «потенциал сглаживания дифференциации экономического пространства регионов» как комплексную оценку возможности структурной оптимизации и технологического развития отраслей региона, обеспечивающей устойчивое развитие. Данный показатель является интегральным, построенным на базе обобщенных оценок более низкого уровня – потенциал структурных преобразований, потенциал технологического развития, потенциал устойчивого развития. Структурные элементы «потенциала сглаживания дифференциации экономического пространства регионов» представлены в табл. 2.

Таблица 2

[1] Козина Е.В., Гостева С.В. Проблемы определения и оценки экономического потенциала региона // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. – Т. 8, № 5. – http://naukovedenie.ru/PDF/99EVN516.pdf

[2] Илларионова Е.А. Экономический потенциал региона: содержание, оценка, предпосылки сбалансированного развития: автореф. на соиск. ученой степ. канд. эк. наук. – Курск, 2015. – https://swsu.ru/ds/disser/ob-zashita-k-d/ob-2014/Illarionovaea%20avtoref.pdf

[3] Гринчель Б.М. Назарова Е.А. Методология построения типологий регионов России в контексте конкурентного потенциала // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. – № 3 (48). – С. 40–60.

[4] Зябирова С. Ф. Формирование механизма выравнивания региональной социально-экономической дифференциации: автореф. на соиск. ученой степ. канд. эк. наук. – Чебоксары, 2012. – 24 с. – https://www.dissercat.com/content/formirovanie-mekhanizma-vyravnivaniya-regionalnoi-sotsialno-ekonomicheskoi-differentsiatsii

[5] Аносов А.В. Социально-экономическая дифференциация Дальневосточных регионов России. – М., 2010. – 298 с.

Структурные элементы комплексного показателя «Потенциал сглаживания дифференциации экономического пространства регионов»

Интегральный показатель	Структурные элементы	Характеристика структурных элементов
Потенциал сглаживания дифференциации экономического пространства регионов.	Потенциал структурных преобразований.	Оптимальные соотношения между различными секторами, отраслями, типами предприятий, технологическими укладами и другими характеристиками экономической системы, вызывающие рост экономической эффективности и конкурентоспособности.
	Потенциал технологического развития.	Степень использования передовых технологий во всех сферах деятельности
	Потенциал устойчивого развития.	Сохранение и расширение возможностей для людей (повышение качества жизни) прибережном расходовании природного капитала.

Практическое использование данного показателя возможно при проведении типологии регионов, мониторинге процесса сглаживания дифференциации регионов, корректировки мер государственного регулирования регионального развития. Алгоритм формирования интегрального показателя позволяет дать содержательную интерпретацию положения дел в регионах в разрезе структурных элементов.

Вертинская Т.С.
к.э.н., доцент, Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

РЕГИОНЫ И ГОРОДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПУТИ НАРАЩИВАНИЯ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА ТОВАРОВ И УСЛУГ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВ И УГРОЗ

Ключевые слова: *экспорт товаров и услуг, система поддержки экспорта, регион, малое и среднее предпринимательство, система управления внешнеэкономическими рисками.*
Keywords: *export of goods and services, export support system, region, small and medium enterprises, foreign economic risk management system.*

1. Введение

Важность рассмотрения проблемы поддержки экспорта в Беларуси в региональном аспекте объясняется, по меньшей мере, четырьмя причинами.

Во-первых, анализ показателей белорусского экспорта в отдельные страны и региональные объединения показал, что он в ряде случае связан только с несколькими регионами. Это ярко видно на примере наших ключевых партнеров. В России основные экспортные поставки сосредоточены в 10 российских регионах (около 60%). В Казахстане лидерами можно назвать только 3 региона: Астана, Алматы, Восточно-Казахстанская область. Аналогичная картина наблюдается в Китае: 4 китайских провинции – лидеры белорусского экспорта. Таким образом, опираясь на оценку регионального среза развития внешнеторговых связей можно вывить новые и потенциальные региональные рынки сбыта для белорусской продукции.

Во-вторых, региональный аспект позволяет выявить внутренние региональные резервы роста экспорта, те районы и города, которые обладая конкурентным экспортным потенциалом, не смогли его реализовать. Это касается, прежде всего, экспорта деловых, туристических, образовательных услуг, развития производств, основанных на использовании уникальных природно-ресурсных условий отдельных территорий.

В-третьих, в сформированной в настоящее время в стране системе поддержки экспорта одно из ее уязвимых звеньев – это региональный уровень.

В-четвертых, при нестабильности мировой конъюнктуры, вызванной, в том числе ужесточением глобальной конкуренции, экономическим противостоянием стран, которое сопровождается введением санкций, а также в условиях экологических и природных рисков, включая распространение эпидемий и пандемии, именно на уровне регионов и городов негативные последствия таких вызов и угроз проявляются наиболее выраженно.

Все это определяет актуальность анализа регионального среза экспортной деятельности и разработки дополнительных мер поддержки участия регионов и городов во внешнеторговых связях.

2. Состояние и тенденции развития экспорта регионов Республики Беларусь

Для областей Беларуси характерны региональные различия внешнеторговой деятельности.

1. За период 2017–2019 годов сложилась следующая региональная картина экспорта товаров: 35% приходится на г. Минск; 22% занимает Минская область; 12–13% – Гомельская область; доля экспорта товаров Могилевской, Витебской, Брестской, Гродненской областей в общем объеме экспорта товаров страны находилась в пределах 7–8%.

2. Динамика экспорта товаров в региональном срезе отражает динамику ключевых экспортных товарных позиций областей. Так, в 2019 году в целом по стране по сравнению с 2018 годом наблюдалось сокращение экспорта товаров почти на 3%, главным образом за счет падение поставок товаров по группе «Топливо минеральное, нефть и продукты их», и соответственно падение экспорта товаров наблюдалась в областях: Витебская область (экспорт упал на 389 млн. долл. США, или на 17,5%) и г. Минск в экспорте которых существенную долю составляет данная группа товаров. В то же время наблюдался рост экспорта товаров в Брестской области (по группе сельскохозяйственная и пищевая продукция).

За первые три месяца 2020 г. ситуация повторилась: сокращение экспорта за счет группы нефтепродуктов. В региональном разрезе в текущем году хуже всего дела обстоят у г. Минска (экспорт упал на 941 млн. долл. США, или на 34,3%), Минской (экспорт упал на 247 млн. долл. США, или на 13,3%) и Гомельской (экспорт упал на 125 млн. долл. США, или на 12,7%) областей.

3. В целом в Беларуси имеет место сильная товарная концентрация экспорта товаров. Десять ключевых товаров и товарных групп (нефть и нефтепродукты, калийные удобрения, грузовые автомобили, тракторы и седельные тягачи,

молоко и молочные продукты, сыры и творог, черные металлы, мебель, лесоматериалы) занимают около 40 % экспорта товаров в стране.

Аналогичная картина наблюдается на уровне регионов. В городе Минске топ-10 товарных позиций в общем объеме экспорта занимали в анализируемый период от 65,0 до 68,6%.Это обусловлено высокой долей нефтепродуктов – от 44,9 до 49,5%. В Минской области топ-10 товаров находились в пределах 60,0–62,3% за счет высокой доли калийных удобрений (35,2-37,3%). В Гомельской области на топ-10 товаров приходится от 54,2 до 57,8%. Это связано с высокой долей сырой нефти – от 16,3 до 19,6%.

Отчасти указанная тенденция свидетельствует о формировании товарной специализации областей на внешнем рынке: Брестская область – сыры и творог; Витебская область – нефтепродукты; Гродненская область – азотные удобрения, а также сыры и творог; Могилевская область – шины; Гомельская область – сырая нефть, прутки из нелегированной стали, Минская область – калийные удобрения.

4. География поставок регионов повторяет картину на национальном уровне. Соотношение экспорта, которое к 2020 году должно было составить: «одна треть – одна треть – одна треть», на данный момент не удается достигнуть. На республиканском уровне география экспортных поставок следующая: страны ЕАЭС занимают 44,2%, страны ЕС – 25,5% и остальные страны – 30,4%. В целом выделяются 10 ведущих стран, на рынки которых поставляется до 90% продукции, среди них Россия – около 60%.

Примерно такая же пропорция характерна для региональных экспортных поставок. Исключение – Минск, где доля России ниже и составляет около 30%, в основном из-за поставок нефтепродуктов в ЕС через Белорусскую калийную компанию.

5. Для регионов важен экспорт предприятий малого и среднего предпринимательства (МСП). В целом доля предприятий МСП в общем объеме экспорта страны за период 2017–2019 годы колеблется в пределах 20–22%. Статистические данные по экспорту МСП в областях демонстрирует региональные различия. Регион-лидер – это Витебская область, на которую приходится около 37% экспорта товаров предприятий МСП. Как показал анализ, здесь велик вклад посреднических организаций и предприятий в области переработки древесины. Доля малых и средних предприятий Минской, Брестской областей и г. Минска находится в пределах 20–22%. Регионами-аутсайдерами в экспорте товаров предприятиями МСП оказались Гомельская и Гродненская области.

6. Доля в экспорте товаров страны иностранных предприятий (ИП) и предприятий совместной формы собственности (СП) составляла в 2019 году около 32%. Значительная доля экспортной корзины СП и ИП сформирована за счет сельскохозяйственной продукции и продуктов переработки древесины и нефти. Большая часть экспорта (около 70%) направляется в Российскую Федерацию. При этом максимальный вклад обеспечивает Минская область – более 40%, в то время как в Витебской области доля экспорта СП и ИП минимальна – около 4,5%.

Во всех областях Беларуси отмечается невысокий уровень экспорта иностранных и совместных предприятий, зарегистрированных в свободных экономических зонах с льготными условиями функционирования.

7. Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме экспортных поставок страны составила 2,95% в 2019 году. В стоимостном выражении высокотехнологичный экспорт увеличился на 6,4% по сравнению с 2018 г. Кроме того, наблюдается высокая региональная концентрация высокотехнологичного экспорта Республики Беларусь – удельный вес г. Минска в республиканских поставках такой продукции на протяжении длительного периода стабильно превышает 60% и составил в 2019 г. 61,6%. Для сравнения, Гомельская область – 1,6%.

Как положительную тенденцию можно отметить ярко выраженную специализацию некоторых белорусских регионов в части экспорта высокотехнологичных товаров: Брестская область – на производстве и экспорте фармацевтической (41,9%) и электротехнической продукции (41,7%); Витебская область – фармацевтической продукции (51,5%); Минская область – фармацевтической продукции (56,5%); Гомельская область – оптической и измерительной аппаратуры (46,2%) и электротехнической продукции (36,5%); Гродненская область – оптической и измерительной аппаратуры (93,2%); Могилевская область – электротехнической продукции (77,6%); г. Минск – электротехнической продукции (39,8%), оптической и измерительной аппаратуры (33,2%).

8. Ситуацию во внешней торговле в целом традиционно спасает внешняя торговля услугами, экспорт которых за 2019 г. по сравнению с предыдущим годом вырос на 9,3% до уровня 9650,9 млн. долл. США, в результате чего положительное сальдо внешней торговли услугами улучшилось на 398,5 млн. долл. США и сложилось в размере 3833,1 млн. долл. США. По сравнению с 2015 годом экспорт всех услуг вырос на 44,3%, в свою очередь экспорт компьютерных услуг увеличился сразу в 2,6 раза.

Объем экспорта услуг за январь-март 2020 г. составил 3371,9 млн. долл. США и по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. увеличился на 3,0%, что было обеспечено ростом экспорта услуг на 5,2% до уровня 2206,5 млн. долл. США при уменьшении импорта услуг на 0,9% до уровня 1165,4 млн. долл. США. В результате положительное сальдо внешней торговли услугами улучшилось на 120,3 млн. долл. США и сложилось в размере 1041,1 млн. долл. США**.**

3. Действующая система поддержки экспорта на региональном уровне в Республике Беларусь

В Республике Беларусь создана национальная система поддержки экспорта. Помимо профильных министерств, ответственных за экспорт в стране (Министерство иностранных дел Республики Беларусь, Министерство экономики Республики Беларусь), к числу организаций, содействующих экспорту, можно отнести *Информационное республиканское унитарное предприятие «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен*» (НЦМиКЦ), которое создано в

1997 году при Министерстве иностранных дел. НЦМиКЦ входит в межгосударственную сеть информационно-маркетинговых центров государств-участников СНГ, являясь информационно-маркетинговым центром Беларуси.

Кроме этого, в настоящее время в Республике Беларусь функционирует *Белорусское республиканское предприятие экспортно-импортного страхования «Белэксимгарант»*. С 2013 г. ОАО «Банк развития Республики Беларусь» предоставлено право предоставление льготных экспортных кредитов для поддержки отечественных предприятий-экспортеров, который с 2016 года стал единственным каналом экспортного кредитования нерезидентов Беларуси по утвержденному Правительством перечню товарных позиций.

Для выработки предложений о координации и совершенствовании экспортной политики государства в 2002 году был создан *Межведомственный совет по развитию экспорта,* преобразованный в 2015 году *в Межведомственный совет по внешнеторговой политике.* В 2017 г. при Министерстве иностранных дел Беларуси создан *Совет экспортеров* в целях выработки рекомендаций и предложений по вопросам совершенствования экспортной политики Беларуси, выявления конкретных проблемных вопросов, возникающих при осуществлении экспорта.

Региональный сегмент национальной системы поддержки экспорта представлен следующими структурами.

Во-первых, *на уровне облисполкомов* созданы управления внешнеэкономической деятельности в составе комитетов экономики, *в задачи которых входит в основном организационно-информационная работа:*

составление отчетности области по внешнеэкономической деятельности;

мониторинг выполнения плановых и прогнозируемых показателей по экспорту;

разработка предложений по наращиванию экспорта и привлечению инвестиций, в основном в части участия в выставках;

отсылка экспортеров к национальным информационным ресурсам.

Надо признать, что существенной поддержки они не оказывают, так как местные органы власти не обладают полномочиями в расходовании бюджетных средств на цели поддержки продвижения экспортной продукции на внешние рынки.

Во-вторых**,** во всех областях действуют *региональные отделения Белорусской торгово-промышленной палаты* (БелТПП)[1]. Они имеют свои представительства в 30 крупных и средних городах Беларуси: Бобруйске, Кричеве, Борисове, Лиде, Орше, Жлобине, Мозыре, Полоцке, Пинске, Барановичах и др.

Эти структуры оказывают следующие услуги белорусским экспортёрам: консультирование по вопросам национального и международного права, осуществление внешнеэкономической деятельности; юридическое, организационное и документальное сопровождение внешнеэкономической деятельности; правовая экспертиза проектов учредительных документов и правовых актов, регулирующих деятельность организаций; юридическое сопровождение различного рода сделок, а также покупки или продажи доли в уставном фонде организации; досудебное урегулирование споров; маркетинговые исследования зарубежных рынков, поиск деловых партнеров, предоставление необходимой информации о товарах и услугах; патентные исследования на патентную чистоту объектов экспорта.

Региональные отделения БелТПП оказывают также содействие экспортёрам в рамках выставочных мероприятий: организация презентаций, семинаров, проведение контактно-кооперационных бирж, встреч и переговоров, подбор партнеров, подготовка и проведение национальных выставок и экспозиций Республики Беларусь за рубежом.

В числе новых направлений деятельности Белорусской торгово-промышленной палаты и ее региональных отделений можно отметить: создание реестра добросовестных партнеров; использование современных маркетинговых коммуникаций; расширение портфеля электронных сервисов с одновременным ростом их качества и скорости оказания услуг; формирование единой базы сертификации, экспертизы и оценки с возможностью оптимизации взаимодействия с заинтересованными органами; расширение института представителей БелТПП за рубежом и др.

В-третьих, основным внешнеэкономическим инструментом является реализация мер *Национальной программы поддержки и развития экспорта в Республике Беларусь на период 2015-2020 годы.* Она включает меры поддержки экспорта товаров и услуг по шести приоритетным направлениям:

1) оптимизация национальной системы поддержки и развития экспорта;

2) занятие новых ниш на перспективных рынках, сохранение существующих и поиск дополнительных ниш, усиление позиций на традиционных рынках;

3) увеличение экспортного потенциала в сфере услуг;

4) интеграция Республики Беларусь в ЕАЭС;

5) повышение привлекательности работы субъектов хозяйствования на экспортном направлении, развитие экспортного потенциала малого и среднего предпринимательства;

6) развитие инновационного экспорта посредством увеличения экспорта наукоемкой продукции и технологий.

В частности, Программой предусматриваются: модернизация финансовых механизмов поддержки экспорта; создание альянсов с крупными региональными производителями, вхождение вместе с ними в международные производственные цепочки; развитие инфраструктуры индустрии туризма; расширение видов экспортируемых услуг в области транспорта, туризма, медицины, связи, консалтинга; формирование благоприятных условий членства в ВТО; создание условий для трансфера технологий; создание национальных инновационно-промышленных кластеров в области нано-, биоиндустрии и фармацевтической промышленности, индустрии информационно-коммуникационных технологий, микроэлектроники и др.

Резюмируя, можно *отметить проблемные стороны действующей системы поддержки экспорта на региональном уровне в Беларуси*:

[1] Сайт Белорусской торгово-промышленной палаты. – https://www.cci.by

– участие управлений внешнеэкономической деятельности в составе комитетов экономики облисполкомов главным образом в области информационной поддержки экспорта, отсутствие финансовой возможности для проявления инициативы и применению новых подходов к содействию экспортной деятельности в регионе, основной упор на функции мониторинга и контроля;

– недоучет в реализуемых мерах поддержки экспорта особенностей региона, их конкурентных преимуществ, ориентация преимущественно на общенациональные приоритеты;

– недостаточная развитость региональной среды для функционирования экспорто-ориентированных предприятий, особенности в области подготовки кадров соответствующей квалификации, оказания деловых и консалтинговых услуг;

– слабое взаимодействие органов местного управления и самоуправления с предприятиями малого и среднего предпринимательства, организациями бизнес сообщества в направлении ориентации их на решение проблем регионального развития, оказания действенной помощи, особенно на начальном этапе создания предприятий.

4. Направления совершенствования системы поддержки экспорта на региональном уровне в Республике Беларусь

1. Для расширения диапазона направлений поддержки экспорта в регионах можно позаимствовать российский опыт. В России разработан *региональный экспортный стандарт* для исполнительных органов субъектов Федерации. Он содержит перечень рекомендаций по информационной, инфраструктурной поддержке экспорта, формированию региональных брэндов, поддержке и учебе начинающих экспортеров. Разработку такого стандарта в Беларуси можно увязать с механизмом реализации Национальной программы экспорта на будущее пятилетие.

2. С учетом того, что региональный аспект Национальной программы поддержки и развития экспорта в Республике Беларусь на 2016–2020 годы ориентирован на крупных экспортёров и не учитывает в полной мере местные особенности, необходимо предусмотреть возможность *дифференцированного подхода к реализации мер поддержки экспорта на уровне областей и районов страны в разрабатываемой Программе на 2021–2025 годы.*

В этой связи интересен опыт Китая, где аналогом программы экспорта является стратегия «Идти вовне», для реализации которой провинции разрабатывают региональные программы. Каждая из таких программ имеет свои специфические приоритеты, исходя их существующих проблем и имеющихся конкурентных преимуществ. Например, в провинции Гуандун разработан и выполняется «Среднесрочный и долгосрочный план развития электронной торговли на 2016–2025 годы». В провинции Чжэцзян акцент сделан на развитие новых преимуществ внешнеторговой конкуренции и есть соответствующий план: ключевым элементом признается уровень квалификации работников занятых в производстве и сбыте экспорто-ориентированной продукции («от отсутствия квалификации к квалификации, от квалификации к производительности, от производительности к масштабу, от масштаба к расширению, от расширения к силе») ускорение развития всей промышленной цепочки. В провинции Шаньдун местные власти сделали акцент на развитии экспортных поставок на рынки Бразилии, Аргентины, Чили и Перу[1].

3. Основным направлением деятельности местных органов власти должна стать *поддержка экспорта малого и среднего предпринимательства.*

Как было отмечено, его доля невысока в общем объеме экспортных поставок регионов и страны, особенно, если сравнивать с другими странами. В то же время анализ показывает, что именно малый и средний бизнес обеспечивает поставки Беларуси высокотехнологичной продукции на европейский рынок, как известно, конкурентоспособность Беларуси на мировой арене может быть повышена именно за счет высокотехнологичной продукции. Малые и средний бизнес – наиболее уязвимое звено в кризисных ситуациях, в данном случае в условиях пандемии наблюдается сокращение объема экспорта туристических, транспортных услуг.

Речь идет *о формировании региональных систем поддержки экспорта малого и среднего предпринимательства (МСП) с ориентацией на специфику региона.*

Определённые меры поддержки экспорта МСП предусмотрены *Стратегией развития и поддержки предпринимательства в Беларуси.*

Необходимо обратить внимание на те, которые под силу органам местной власти. Представляется, что местные органы власти должны сосредоточиться на *информационно-организационной работе.*

Главная проблема сбыта МСП – небольшие партии поставок и недостаток информации о рынке страны-партнера и слабые финансовые возможности, слабые финансовые возможности для организации изучения конъюнктуры рынка. Поддержка МСП со стороны местных органов власти должна быть связана:

– с использованием *цифровых технологий* – разработка сайта облисполкома с более детальной информации об экспортных возможностях области, перечне предприятий экспортеров, необходимой информации для начинающих экспортёрах с учетов особенностей территории и участие в *построении цифровых торговых площадок и сервисов*, оказывающих информационные и консультационные услуги по выходу на мировой рынок;

– стимулированием взаимодействия МСП в промышленные и производственно-сбытовые цепочки;

[1] Министерство коммерции Китайской Народной Республики. – http://www.mofcom.gov.cn/; План действий по ускорению новых преимуществ внешнеторговой конкуренции в провинции Чжэцзян на 2018–2020 годы / Департамент торговли провинции Чжэцзян. – http://zcy.87188718.com/FourFlat/WebPolicyCloud/PrintWindow.aspx?id=199503; Среднесрочный и долгосрочный план развития электронной торговли на 2016–2025 годы / Департамент торговли провинции Гуандун. – http://gd.people.com.cn/BIG5/n2/2016/0301/c123932-27836550.html

– организацией стартапов по поддержке инновационного бизнеса на площадках технопарков, свободных экономических зон;

– организацией конкурсов на поддержку МСП в кластерах, ориентированных на внешний рынок.

4. *Совершенствование маркетинговой деятельности*, которая в настоящее время должна быть ориентирована не только на продвижение уже произведенной продукции, но и на учет обратной связи: *зарубежный рынок – производство высококонкурентной продукции*. Эта проблема сегодня актуализируется в связи с реализацией программы индустриализации страны, в соответствии с которой точками роста определены 11 средних городов Беларуси, где планируется реализовать инвестиционные проекты и запустить экспорто-ориентированные предприятия.

Если обратиться к зарубежному опыту, то для создания высококонкурентных на международном уровне предприятий разработаются специальные стратегии «выращивания экспортёров», которые реализуются в несколько этапов. Как правило, это определение источников конкурентных преимуществ (использование местных ресурсов, новые технологии, обширный рынок сбыта, формирование новых экспортных «ниш» в регионе (высокотехнологические товары, экологически чистая продукция, агроэкотуризм и др.); создание предприятий в составе кластерных структур или на территории индустриальных и агропромышленных парков др.). Таким предприятиям оказывается государственная поддержка с целью развития конкурентных преимуществ. На следующем этапе создаются сбытовые объединения и логистические структуры. Следующий шаг – развитие транснационального предпринимательства (вхождение в маркетинговые альянсы, создание филиалов за рубежом, или совместных предприятий). На последующих этапах осуществляется вхождение в транснациональные корпорации, в цепочки добавленной стоимости.

Основные задачи для местных органов власти в таких стратегиях – создать региональные условия для экспортной деятельности. Это координация работы по подготовке и переподготовке кадров, в ряде случаев особая миграционная политика; обеспечение местной инфраструктурой; создание организационных и информационных площадок для взаимодействия с научно-техническими организациями, запрос на развитие МСП в сфере оказания деловых услуг для экспортеров, малого и среднего инновационного предпринимательства; оказание поддержки в разработке региональных «брэндов» и ряд других направлений.

5. Рекомендации по формированию антикризисного механизма содействия экспорту регионов и городов Республики Беларусь

Негативные и даже кризисные явления в экспортном секторе Беларуси актуализуют задачу создания *специального антикризисного механизма*.

Как показал анализ, на внешнюю торговлю Республики Беларусь в первом квартале 2020 г. определяющее негативное влияние оказала ситуация с отсутствием договоренностей в поставках нефти из Российской Федерации. Влияние пандемии COVID-19 за исследуемый период трех месяцев было заметно в гораздо меньшей степени.

Однако данные по промышленному производству за апрель 2020 года свидетельствуют о серьезном его падении практически по всем отраслям из-за введения режима самоизоляции в России, поэтому можно ожидать соответствующего дальнейшего падения экспортных поставок товаров. Особенно это коснётся сборочных промышленных предприятий, работающих на импортных комплектующих. Ожидается, что более всего негативные последствия скажутся на экспорте туристических и транспортных услуг.

Среди факторов, сдерживающих падение экспорта, можно выделить: стабильный мировой спрос на сельскохозяйственную продукцию; возобновление поставок нефти на белорусские нефтеперерабатывающие заводы; заключение контрактов на поставку калийных удобрений в Китай и Индию; достаточно стабильную ситуацию в белорусском секторе ИКТ по сравнению с другими секторами услуг в мире.

В настоящее время Правительством Республики Беларусь принят ряд нормативно-правовых актов, направленных на поддержку экономики. Это меры чрезвычайного реагирования, где определена также роль местных органов власти[1].

Необходим встроенный *антикризисный механизм управления экспортной деятельностью в стране и на региональном уровне.* Речь идет о системе управления внешнеэкономическими рисками и соответствующих инструментах (мониторинг и контроль, специальные, новые виды страхования, подготовка риск-менеджеров, специальные финансовые фонды и др.). Такой механизм должен *стать обязательной составной частью государственных и региональных программ: так называемые антикризисные разделы. В первую очередь* это предложение целесообразно реализовать на практике при подготовке *Национальной программы поддержки и развития экспорта на следующую пятилетку.*

Надо обратить внимание на то, что такие антикризисные меры должны носить не только компенсационный и упреждающий характер. Порой кризисные явления на мировом рыке обнаруживают новые возможности и свободные «ниши» и ускоряют принятие более радикальных мер по реформированию экономики. Например, по оценкам экспертов появляется возможность роста экспорта продовольствия из-за повышения спроса на мировом рынке.

Важно подчеркнуть, что рост экспорта за счет традиционной продукции на данный момент практически исчерпан ввиду низких мировых цен на нефть и нефтепродукты, а также из-за невысоких темпов роста экономики ключевого для нас рынка сбыта – Российской Федерации и сохранения всякого рода ограничений и препятствий на данном рынке. Кроме того данная продукция характеризуется высокой волатильностью цен и низким уровнем добавленной стоимости, что не способствует стабильному притоку валютной выручки в страну в периоды кризиса.

[1] Указ Президента Республики Беларусь № 143 от 24 апреля 2020 года «О поддержке экономики».- http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/ukaz-143-ot-24-aprelja-2020-g-23485/

Поэтому необходимо придать ощутимый импульс *развитию частных высокотехнологичных предприятий,* которые уже сейчас активно действуют на рынках развитых стран. Особенно это актуально для сферы услуг, которая уже на протяжении многих лет является ключевым источником выравнивания платежного баланса нашей страны. Уже доказавшую свою эффективность модель Парка высоких технологий необходимо применить и в других перспективных для экспорта секторах экономики.

В текущих непростых условиях развития страны и ограниченности внутренних ресурсов только прямые иностранные инвестиции могут стать драйвером роста экономики Беларуси и ее экспорта. Однако это требует максимальной концентрации усилий по *привлечению иностранных инвестиций*, прежде всего, в высокопроизводительные экспортно-ориентированные отрасли и сектора экономики, создания беспрецедентных условий для прихода иностранных инвесторов и *приватизации государственной собственности.*

Володина Н.Н.
н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН
Комков Н.И.
д.э.н., профессор, зав. лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН
komkov_ni@mail.ru
Сутягин В.В.
д.т.н., профессор, в.н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

УПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКОЙ И РЕАЛИЗАЦИЕЙ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Ключевые слова*: целевые инвестиционные проекты, региональное развитие, риски, механизмы управления.*
Keywords*: targeted investment projects, regional development, risks, management mechanisms.*

В последние годы активно ведется разработка состава социально-экономических показателей, характеризующих развитие регионов. При этом основное внимание уделяется увеличению количества учитываемых показателей, которое нередко превышает несколько тысяч. Существенно меньше можно насчитать предложений, в которых излагаются конкретные меры по оценке факторов, влияющих на изменение этих показателей в прогрессивном направлении. Во многих случаях такие меры тесно взаимосвязаны друг с другом, а их адекватная оценка возможна в том случае, когда они объединены в целостные проекты и реализуются в рамках технологии проектного управления.

В настоящее время внимание руководства страны и многих экономистов стало постепенно смещаться с проблем развития экономики на макроуровне в целом на уровень регионов и муниципалитетов. Это стало особенно заметно при формировании национальных проектов, когда основные решаемые в таких проектах проблемы затрагивают интересы и возможности регионов и муниципалитетов. Вместе с тем процессы регионального развития, формируемые проекты развития, методическая организация оценки необходимых средств, для их реализации в целом по регионам находятся на низком уровне.

Намерение перейти к проектному управлению определяет необходимость разработки информационной технологии поскольку:

- количество инвестиционных проектов недостаточно для успешного развития;
- уровень качества подготовленных проектов низкий: много логически несогласованных частей и ошибочных решений;
- доля успешно завершенных проектов в срок и с намеченным качеством невелика;
- противоречивые интересы разработчиков проекта, бизнеса и администрации региона (муниципалитета) приводят к задержкам сроков реализации проектов.

Проектное управление при масштабном использовании проектов вместо краткосрочных заданий требует представления исходного состояния социально-экономической системы в сопоставимом виде, удобном для отображения результатов выполнения проектов. Возможной формой сопоставимого исходного состояния может служить пространство развития, отдельные признаки которого сформулированы в работе.[1] Элементами (сопоставимыми частями) этого пространства являются объекты, управляющие ими субъекты и отношения между ними. Возможности развития составных частей пространства рассматриваются как проекты создания новых и модернизации действующих объектов. Для формирования целей проектов развития удобно использовать модификацию информационно-логических моделей[2], отображающих переход от выявленных «узких мест» и проблемных ситуаций на основе использования способов устранения их недостатков к новым целевым результатам, соответствующим новым, либо модернизируемым объектам. Этот переход предполагает формирование перспективных объектов развития, отображаемых в целевых проектах.

Взаимодействие перечисленных объектов и субъектов, участвующих и влияющих на обоснование, реализацию и последующее использование результатов целевого проекта, осуществляется на основе выполнения согласованных между собой функций, отраженных в договоре на реализацию проекта.

Методические основы управления целевыми проектами позволяют не только определять перспективные цели развития СЭС[3], но и обосновывать вариантные оценки переменной интенсивности ресурсного обеспечения их реализации[4],

[1] Методические основы и организация научно-технического развития в развитых странах. – М.: Макс-Пресс, 2013. – С. 213.
[2] Комков Н.И., Лазарев А.А., Романцов В.С. Информационное моделирование процессов развития на основе системного анализа «узких мест» // Модернизация, инновации, развитие. 2018. – № 2.
[3] Комков Н.И., Луговцев К.И., Лазарев А.А., Якунина Н.В. Конкурсные механизмы финансирования инновационных и инвестиционных проектов // Модернизация, инновации, развитие. 2014. – № 4.
[4] Комков Н.И., Бондарева Н.Н., Романцов В.С., Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф. Методические и организационные основы управления развитием компаний. – Москва; Санкт-Петербург, 2015. – С. 520.

стимулировать ответственного исполнителя работ и проекта в целом[1], выбирать наилучший вариант с точки зрения экономической эффективности с учетом риска и др. При дальнейшем совершенствовании методических основ управления целевыми проектами необходимо учитывать ожидаемый в перспективе переход к массовому распространению проектного управления, участие в их подготовке и реализации большого числа участников и возможные значительные потери ресурсов в случае неэффективного обоснования, выбора, оценки и реализации проектов.

Необходимость перехода от неоднозначно сформулированных текущих поручений и заданий к целевым проектам, имеющим четко сформулированную цель, обозначенные условия ее достижения и ожидаемый полезный результат стала признаваться важной в конце 90-х годов прошлого века. Намерение руководителей начального этапа перехода к рынку полностью отказаться от возможностей плановой экономики упростило процесс принятия решений, но не сделало этот процесс более эффективным. К числу основных причин низкой эффективности разработки инвестиционных проектов относятся:

- отсутствие общепринятого для регионов стандарта на инвестиционный проект;
- отсутствие логически согласованной информационной технологии подготовки проектов;
- распределенность достоверной информации между большим количеством субъектов;
- отсутствие качественной независимой экспертизы проектов.

Важность технологически взаимосвязанного рассмотрения последовательности практических действий по обоснованию и принятию решений, обусловили необходимость использования известных ранее методов программирования развития и управления целевыми проектами.

Переход к формированию национальных проектов основан на достижении стабилизации экономики и поиске ответов на большие вызовы, накопленные отечественной экономикой. Формирование потенциала устойчивости к внешним и внутренним вызовам одновременно предполагает необходимость увеличения длительности планируемых решений. Такое управление предполагает замену отдельных мероприятий, заданий и поручений к создаваемым новым и модернизуемым объектам в форме целевых инновационных и инвестиционных проектов. Реализация данного перехода связана с необходимостью своевременного решения методологических и организационных задач обоснования и формирования проектов разного уровня сложности и масштабности управления такими проектами с учетом субъектной иерархии управления: макроуровень, мезоуровень, микроуровень.

Среди отмеченных изначально важной может считаться задача формирования информации о целевых проектах, которую в перспективе можно рассматривать как переход от неупорядоченной инициативы формирования информации различными субъектами, владельцами интеллектуальной собственности и разработчиками технологий к направленному поиску точек роста и формированию проектов с последующим переходом к возможности решения данной задачи с использованием современных компьютерных технологий. Для этого первоначально необходимо разработать алгоритмическое представление технологии подготовки проектов. К числу главных особенностей предлагаемого подхода к разработке информационной технологии формирования проектов относится создание:

- информационной стандартной целевой модели проекта;
- алгоритмически заданной технологии полного цикла подготовки проекта;
- логической согласованности основных компонент проекта и интересов участников проекта.

В основе технологии подготовки проектов используется целевой подход к решению проблем, где выделяются следующие составные части (компоненты): V – цель, в ней отражается предполагаемый результат реализации проекта в виде технологии и объекта, создающих продукт (услугу) определенного назначения и качества; Cv – требования к цели, формирующие условия и позволяющие использовать этот результат в условиях рыночной экономики в конкретном пространстве развития (макроуровень, мезоуровень, микроуровень); F – способ, технология реализации проекта, формирующие переход от исходного состояния U на основе использования способа F к ожидаемому конечному состоянию в форме конечного результата – R, соответствующего поставленной цели.

Последовательность информационной реализации компонент целевого проекта определяется принципом синергии[2], когда потенциал объединения двух компонент проекта больше суммы потенциала раздельно рассматриваемых компонент. Этот принцип справедлив при самоорганизации систем различной природы и назначения. Данную закономерность также называют свойством эмерджентности. Одновременно в определении компонент целевого проекта установлены такие условия, что их логическое рассмотрение формирует единственно непротиворечивую последовательность их реализации, представленную на рис. 1.

Организационная структура целевого проекта включает шесть основных участников:

- Заказчик проекта – физическое или юридическое лицо, формирующее заказ на реализацию проекта и отвечающее за передачу результатов его выполнения для дальнейшего использования;
- Разработчик проекта – лицо либо организованная группа лиц, создающих способ перехода из исходного состояния в конечное, соответствующий процессу реализации проекта;
- Инвестор – банк, государственная структура, инвестиционная компания, фонд либо частное лицо, финансирующее реализацию проекта по созданию нового либо модернизируемого объекта, от производственной деятельности которого обеспечивается возврат инвестиций и доход инвестора на вложенный капитал;

[1] Бурков В.Н. Основы математической теории активных систем. – М.: Наука, 1977. – С. 310.

[2] Инновационная экономика. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Макс-Пресс, 2012. – С. 542; Толковый словарь «Инновационная деятельность». Термины инновационного менеджмента (от А до Я) / Отв. ред. В.И. Суслов. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2010. – С. 261.

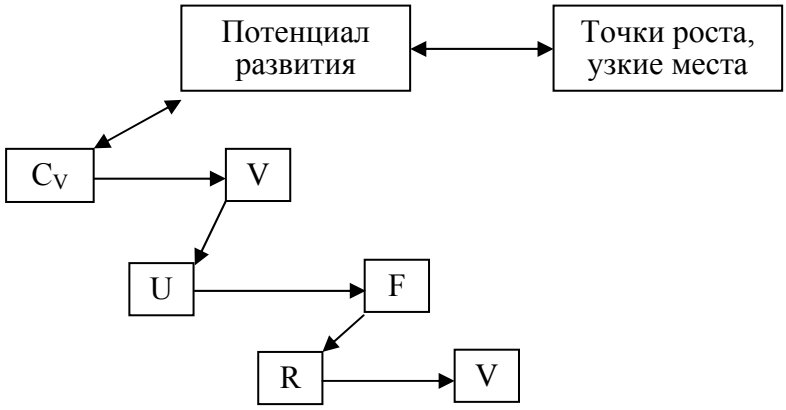
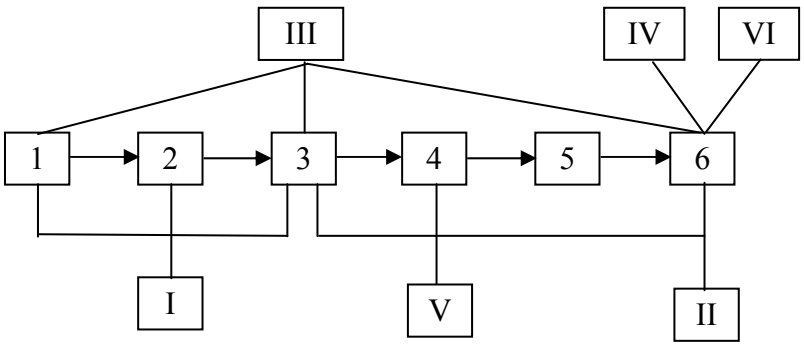

Рисунок 1.
Логическая последовательность информационной реализации компонент целевого проекта

- Управляющая компания – структура, способная превратить выделяемые инвестиции и способ реализации проекта в соответствующий целевому назначению объект;
- Подрядчик – структура, выполняющая проектные работы, привлекающая строителей, изготовителей оборудования и наладчиков, для отображения результатов проектирования, изготовления и монтажа в функционирующий и соответствующий целевым требованиям объект;
- Администрация – структура, управляющая развитием конкретной территории, на которой создается объект.

Условные обозначения: 1 – идея; 2 – решение; 3 – технология; 4 – условия и возможности реализации технологии; 5 – реализация технологии; 6 – эксплуатация объекта. I – разработчик проекта; II – инвестор; III – администрация территории; IV – подрядчик; V – управляющая компания; VI – эксплуатант.

Рисунок 2.
Взаимосвязи поэтапного формирования целевых проектов и их основных участников

Согласование интересов участников проекта предполагает использование механизма учета интересов (цели) каждого участника при достижении общей цели проекта. Формирование и обозначение цели каждым участником происходит самостоятельно и независимо друг от друга. Обозначим цель i-го каждого участника как v_i, полагая, что v_i в свою очередь состоит из отдельных независимых друг от друга элементов $v_i = v_{i1}, v_{i2}, \ldots, v_{ik}$, где каждый v_{ij} элемент предполагает определенное отношение к j-му элементу, важное для участия i-го элемента в проекте по достижению цели проекта v. Следовательно, можно представить цель проекта v как теоретико-множественную сумму (совокупность) целей участников:

$$v = \bigcup_{i=1}^{n} v_i ,$$

где n – число участников проекта. Каждый участник выполняет свою функцию, а их цели не пересекаются, т.е.

$$v_i \cap v_j = 0 \text{ для всех } i, j = \overline{1,n} \qquad (1)$$

Можно построить матрицу отношений между участниками проекта и получить оценку устойчивости участников проекта. Если выраженные участниками отношения устойчивы, то может быть использован математический аппарат сигнальных графов, где формально отношения между субъектами определяются по шкале {+1, 0, –1}; при +1 – цели участников совпадают (не противоречат), при 0 – не зависят друг от друга, при -1 – цели не совпадают или (и) противоречат друг другу.

Анализ сигнального графа (рис. 3) может свидетельствовать о наличии устойчивости либо ее отсутствии между участниками проекта. На рис. 3 показан пример отображения отношений между участниками, где сомнения вызывают отношения эксплуатанта с остальными участниками проекта.

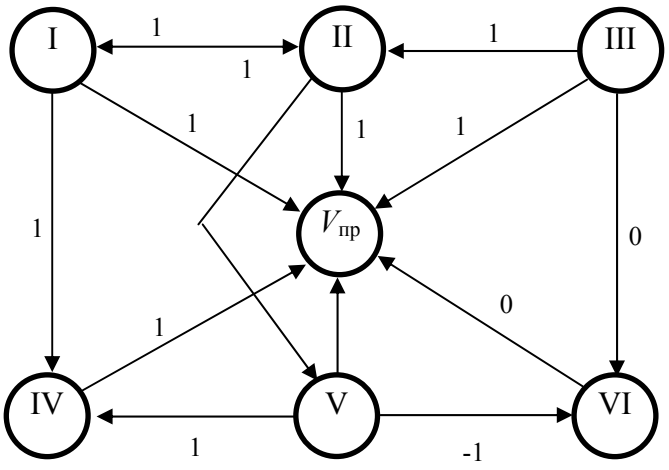

Рисунок 3.
Пример отображения отношений между участниками проекта

Следует заметить, что ведущую роль между участниками проекта имеют отношения разработчика проекта (I) и инвестора (II). Только взаимно положительные отношения между ними могут быть приняты в качестве основы для начала успешного выполнения проекта.

Анализ экспертной информации о результатах выполнения инвестиционных проектов свидетельствует о том, что обычно менее половины всех проектов выполняются в срок с соблюдением установленной стоимости и требуемого качества. Принимаемые управляющей компанией меры по регулярному мониторингу состояния процесса с постоянным либо переменным шагом контроля реализации проекта не всегда обеспечивают нужный результат, а инвестору нередко приходится решать вопрос о переносе срока завершения проекта, увеличения его стоимости и (или) снижении технико-экономических параметров (качества) проекта.

Успешное завершение проекта во многом зависит от отношений между управляющей компанией и инвестором и отношения инвестора к проекту. Возможны разные виды отношения к риску инвестора и управляющей компании:

а) заказчик (инвестор) – диктатор, и он устанавливает требования к завершению проекта без учета согласованного с исполнителем риска;

б) заказчик (инвестор) – прагматичный диктатор и, задавая требования к завершению проекта, он учитывает риск и согласен на установление страхового фонда, не израсходованная часть которого передается исполнителю в качестве премии;

В случае:

а) исполнитель, соглашаясь с заказчиком о сроках, стоимости и качестве, вынужден сам формировать потенциал, скрытый для страхования проекта. При этом исполнитель (управляющая компания) заключает соглашение с исполнителями работ об условиях интенсификации проекта, предполагая, что оставшаяся неизрасходованная стоимость будет передана исполнителям работ в качестве премии. Выполнению этого соглашения могут помешать неучтенные ранее и вновь возникшие форс-мажорные обстоятельства, что означает необходимость обращения к заказчику с объяснением причин возникших обстоятельств и предложениями по ликвидации проекта либо пересмотру условий его продолжения. В случае согласия инвестора на продолжение проекта управляющая компания берет риск на себя и предполагает компенсировать препятствия по реализации проекта за счет внутренних резервов.

б) Управляющая компания согласна с условиями заказчика на выполнение проекта к установленному сроку, в пределах согласованной стоимости и с требуемым качеством, изложенным в технико-экономических условиях.

Предположим, что управляющая компания способна количественно измерять риск достижения конечной цели при условии соблюдения продолжительности, стоимости и качества проекта, согласованных с заказчиком и подрядчиком. При этом управляющая компания может расходовать страховой фонд для устранения препятствий по успешному завершению проекта. На рис. 4. представлена схема возможного промежуточного состояния процесса, когда в момент t_i контроля израсходованные средства (точка $C(d')$) превысили запланированные (точка $C(d)$), а фактический объем работы (точка $P(d')$) отстает от запланированного к точке $P(d)$. Введем необходимые дополнительные условия. Обозначим как v – необходимый объем работы, а индекс этого объема обозначим как

$$I_v = \frac{I}{I_{max}}, I_j = \overline{0,1}.$$

при $I_v = 0$ – работа не начата, а при $I_v = 1$ – она завершена. Будем рассматривать риск $P^V \in [0,1]$ как условную вероятность выполнения определенного объема работы. Это возможно при условии, что

$$M[I_v] = P^V \cdot 1 + (1 - P^V) \cdot 0 = P^V. \quad (2)$$

Можно считать, что математическое ожидание индекса завершенности работы равно условной вероятности его выполнения, величиной которой измеряется риск.

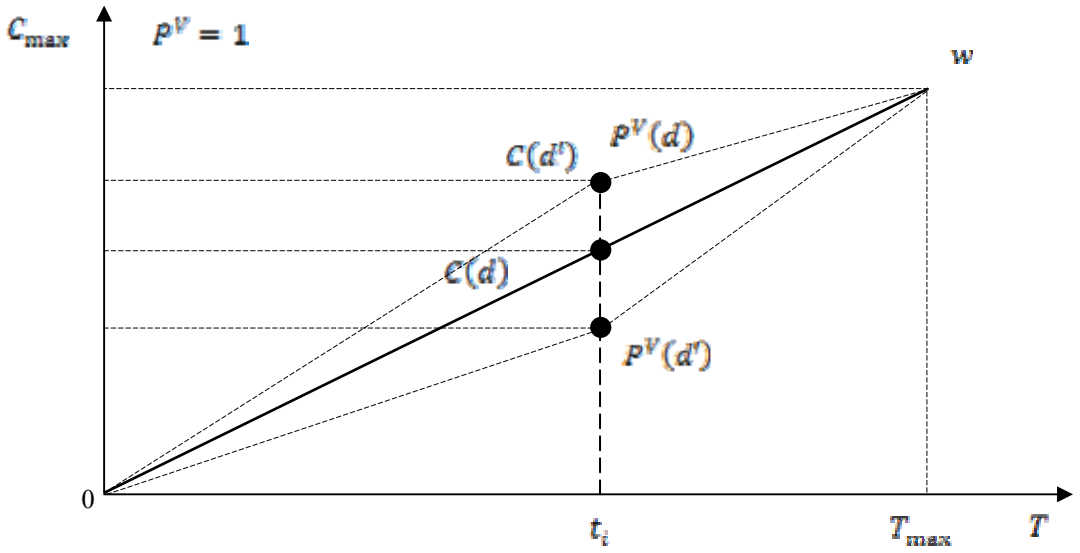
Возможность дальнейшего продолжения работы (проекта) существует, если:

$$C_i = C_{i-1} - \Delta C_i \geq 0; \quad (3)$$

$$P_i^V > P_{i-1}^V; \quad (4)$$

$$\{F_i\} \supseteq \{F_{i-1}\}. \quad (5)$$

где C_i – остающаяся неизрасходованной часть премиального фонда в момент t_i; ΔC_i – расходуемая в момент t_i часть премиального фонда, достигнутая завершенность работы в момент t_i; $\{F_i\}$ – множество значений технико-экономических показателей в момент t_i.

Условные обозначения: $C(d')$ – точка фактически освоенной стоимости к моменту t_i; $C(d)$ – точка запланированной стоимости к моменту t_i; $P^V(d')$ – точка достигнутой завершенности работы (проекта) в момент t_i; $P^V(d)$ – значение запланированной завершенности работы к моменту t_i; OW – график расходования запланированных средств на выполнение работы (проекта).

Рисунок 4.
Схема оценки состояния выполнения работы (проекта)

Если какое-либо из условий (3)–(5) не выполняется, то управляющей компании необходимо согласовать новые условия реализации проекта с учетом его оставшейся части и найти новую плановую траекторию выполнения работы (линия на рис. 4). Поиск новых условий реализации проекта предполагает решение следующей задачи. Найти

$$\min C_i = C_{max}^{(i)} - \sum_{j=i+1}^{n} C_j; \quad (6)$$

$$T_i^{KP} \leq T_{зад(i)}; \quad (7)$$

$$P_i^V \geq P_{зад(i)}^V; \quad (8)$$

$$\{F_i\} = \{F_{зад}\}. \quad (9)$$

Здесь условие (6) означает минимизацию скорректированной с учетом выполненной к моменту t_i части работы и необходимой для полного завершения от момента t_i до T; (7) означает выполнение оставшейся части работ к запланированному сроку; (8) – соответствует условию соблюдения приемлемого риска, а (9) – сохранение нужного качества работы.

Возможность управления проектом с учетом влияния на риск зависит от согласованного исполнителем и управляющей компании размера премирования. При использовании такого механизма управления проектом необходимо учитывать следующие условия:

– проект рассматривается как одна работа, что однако не противоречит логике рассуждений, если проект состоит из множества связанных работ;

– три лица формируют механизм стимулирования – заказчик определяет общую стоимость, время завершения и требования к конечному результату выполнения проекта, руководитель проекта управляет процессом выполнения всем проектом, включая контроль качества работ по проекту, исполнитель – отвечает за выполнение работы и достижение заданных технико-экономических параметров;

– предполагается, что исполнителю известна истинная величина завершенности P^V проекта (работы), которая может быть достигнута при выбранном варианте интенсивности выполнения работы;

– ожидаемая завершенность является неубывающей (монотонно возрастающей) функцией от размера премирования, т.е. $P^V = P^V(\Delta C)$, $0 \le P^V \le 1$;

– ожидаемая для заказчика полезность Э от реализации проекта с учетом риска (ожидаемой завершенности) может быть определена на основе критерия Гурвица:

$$Э = P^V \cdot Э^+ + (1 - P^V) \cdot Э^-,$$

где $Э^+$ – ожидаемый доход от реализации проекта (например, в виде NPV), $Э^-$ – потери в случае неудачного выполнения проекта.

– исследование зависимости ожидаемого эффекта от размера премирования проекта показало, что существует оптимальный размер премирования ΔC для исполнителя, который знает истинное значение завершенности, а также ему известны размеры штрафа, сокращающие размер премирования как в случае авантюрной тактики и завершения P^V, так и в случае заниженной оценки P^V, изначально сокращающей согласованный размер премии;

– с учетом штрафа фактический размер $\Delta \hat{C}$ премирования исполнителя определяется по формуле:

$$\Delta \hat{C} = \Delta \vec{C} - q_c \cdot \Delta \vec{C}, \quad (10)$$

где

$$q_c = \begin{cases} 1{,}5 \text{ при } P^V > \hat{P}^V \\ 0 \text{ при } P^V \le \hat{P}^V \end{cases}. \quad (11)$$

Здесь P^V – фактически полученная завершенность проекта (работы); $\hat{P}^V$ – оценка завершенности исполнителя, принимаемая в расчетах оптимальной интенсивности выполнения проекта; $\Delta \vec{C}$ – оптимальный размер премирования, определяемый по формуле

$$\Delta \vec{C} = \frac{P^V - P^V_{\min}}{P^V_{\max} - P^V_{\min}} \cdot \Delta C, \quad (12)$$

а ΔC – страховая стоимость проекта, $\Delta C < Э$, $\Delta C = (1 - P^V_{\min}) \cdot Э$.

Особое значение имеет адекватная оценка стоимости работ и проектов. В условиях планово-директивной экономики определение объемов расхода ресурсов на выполнение различных работ определялось нормативами, установленными централизованно в плановом порядке на ближайший год и пятилетие. Такие нормативы лежали в основе разработки предприятиями техпромфинпланов, где заданные плановые показатели выпуска продукции использовались для определения необходимой численности работников определенной специализации и квалификации, затрат энергетических ресурсов (электроэнергии, моторного топлива и др.), материальных и финансовых ресурсов и др.

В условиях планово-директивной экономики обмен одних видов ресурсов на другой был запрещен либо невозможен в связи с трудностями оперативной замены поставками других ресурсов, производимых в соответствии со своими плановыми заданиями. Дефицит одних видов ресурсов, перерасход и (или) неполное использование других усложняли процессы выполнения многих, особенно впервые осваиваемых работ.

При переходе к рыночным отношениям дефицитными при выполнении работ и проектов стали деньги, а возможность, в том числе и по повышенным ценам, приобретения практически любых ресурсов существенно изменила хозяйственные отношения при выполнении работ, в их основе сформировались договорные отношения (сделки) между заказчиком и исполнителем. Контроль и назначение цен (тарифов на услуги) остались во взаимоотношениях государства и компаний-монополистов в сфере производства электроэнергии, природного газа, моторного топлива, железнодорожных и авиаперевозок, и др. В большинстве взаимоотношений между хозяйствующими субъектами цена сделки формируется на основе спроса и предложения, а контроль за соблюдением антимонопольного законодательства возложен на ФАС.

Необходимость в централизованной разработке нормативов расходов ресурсов для экономики в целом отстала и переместилась на уровень отдельных компаний и предприятий. На макроуровне нормативы превратились в оценочные показатели: энергоемкости ВВП, производительности труда и др. За соблюдением рациональных (обоснованных) норм расхода ресурсов следят сами работодатели: предприниматели, менеджеры, руководители работ. При этом во многих случаях они обладают правом оперативного обмена ресурсов одного вида на другой, что в ряде случаев позволяет повысить качество и объемы выполняемых работ (услуг) с учетом фактора времени, а также экономить используемые ресурсы.

Возможная экономия стоимости и сокращение длительности выполнения работ зависят от используемого механизма учета интересов самих и исполнителей и их руководителей и учитываются при заключении в письменной или в устной форме договорных отношений между ними. Естественно, что более интенсивный труд, позволяющий экономить стоимость и длительность выполняемой работы, должен более высоко оплачиваться.

Гнатюк С.Н.
к.э.н., доцент кафедры экономики и управления, Белорусско-Российский университет, г. Могилев

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: *валовый региональный продукт, инвестиции, инновации, конкурентоспособность, региональная экономика, устойчивое развитие.*

Keywords: *gross regional product, investment, innovation, competitiveness, regional economy, sustainable development.*

В условиях интенсивного воздействия на окружающую среду, использования природных ресурсов, усиления социально-экономического неравенства в обществе возникает понимание необходимости перехода к концепции устойчивого развития. Оно означает достижение экономического роста, способного удовлетворить текущие потребности общества, уменьшить социальную несправедливость и сохранить окружающую среду для будущих поколений. Цели устойчивого развития сформулированы как на уровне глобальной экономики, так и на уровне отдельных государств. В Беларуси концепции устойчивого социально-экономического развития разработаны в каждой области, а в некоторых районах и на уровне местных органов власти[1]. В частности, в Могилевской области была разработана «Стратегия устойчивого развития Могилевской области на 2016–2025 годы». Приоритетной задачей стратегии является переход к устойчивому развитию посредством создания условий для комплексного развития региона с учетом эффективного использования его ресурсного потенциала и конкурентных преимуществ в интересах обеспечения высоких стандартов жизни населения и повышения вклада региона в национальную конкурентоспособность и безопасность. Достижение данной цели обеспечивается за счет формирования и поддержки региональных центров развития путем:

– создания в городах, являющихся перспективными центрами роста региональных экономик, индустриальных площадок для организации субъектами малого и среднего бизнеса производства товаров;

– стимулирования кластерного развития экономики регионов, что должно ускорить процесс внедрения новых организационных форм интеграции и кооперации субъектов хозяйствования;

– сокращения межрегиональной дифференциации в уровне жизни населения, что предполагает создание новых высокопроизводительных рабочих мест, совершенствование системы профессиональной подготовки, переподготовки, повышение мобильности трудовых ресурсов, стимулирование экономической активности незанятых граждан, содействие самозанятости и предпринимательской деятельности в сельской местности.

Организационно-экономический механизм достижения данных задач предусматривал:

– разработку местных стратегий устойчивого развития с целью обеспечения динамичного развития территориальных социально-хозяйственных систем с учетом рационального использования местных ресурсов и сохранения окружающей среды;

– расширение функций местных органов власти;

– улучшение оперативного взаимодействия организаций всех форм собственности и видов деятельности по комплексному развитию территории.

Анализируя данные о реализации концепции устойчивого развития Могилевской области, можно сделать вывод о неоднозначности происходящих процессов. Во многом это связано с влиянием внешней среды на развитие белорусской экономики и возможностями выбранной модели управления развитием.

В последнее пятилетие превышение смертности над рождаемостью в области привело к сокращению численности населения на 14,8 тыс. человек. Одна из причин – процессы внутренней и внешней миграции населения трудоспособного возраста, обусловленные поиском более высокого заработка (область занимает предпоследнее место среди регионов по уровню зарплаты в республике), более престижной работы, улучшения качества жизни. Наблюдается также процесс старения населения, рост удельного веса людей пенсионного возраста. В ряде районов области численность населения упала ниже критического уровня (10 тыс. человек), что создает проблемы для нормального функционирования бюджетов этих районов.

В области наблюдается ежегодное уменьшение среднегодовой численности занятого в общественном производстве населения в среднем на 10 тыс. человек. При этом сокращение численности занятых происходит более интенсивно, чем в целом по республике, в результате чего доля Могилевской области в общем количестве занятых по республике уменьшилась по сравнению с 2015 г.

[1] Гнатюк С.Н. Предприятие в контексте устойчивого развития экономики: монография / С.Н. Гнатюк, А.Г. Барановский, Л.В. Наркевич. – Смоленск: Маджента, 2017.

В ходе анализа среднемесячной зарплаты выявлена тенденция к увеличению с 579,1 руб. в 2015 г. до 898,5 руб. в 2019 г. На 2020 г. утверждены Комплексные планы развития регионов, согласно которым в целом по области прогнозируется рост зарплаты в реальном исчислении на 7% и в декабре 2020 г. во всех организациях реального сектора экономики она должна быть не менее 1000 руб. При этом повышение зарплаты в области происходит медленнее, чем по республике в целом, что приводит к увеличению разрыва между зарплатой в Могилевской области и в целом по республике. Следует отметить, что рост зарплаты значительно опережает рост производительности труда (соотношение индексов производительности труда и реальной заработной платы в последние три года не превышает 0,94), что в значительной степени связано с ускорением темпов увеличения объема денежной массы в экономике, проводимой политикой стимулирования внутреннего спроса для ускорения экономического роста.

Анализ валового регионального продукта выявил тенденцию к увеличению данного показателя на всем анализируемом временном промежутке за исключением 2015–2016 гг., что связано с воздействием процессов, происходивших в российской экономике. Абсолютный прирост ВРП составил в сопоставимых ценах более 1 млрд. руб. Однако следует отметить снижение удельного веса области по данному показателю с 7,1 до 6,8%. Увеличение ВРП во многом определено опережающим ростом объема производства в промышленности области: с 6383,2 до 9425,8 млн. руб. Рост промышленного производства обусловлен ростом экспорта, реализацией программ по импортозамещению и обеспечению продовольственной безопасности. За последние пять лет произведено импортозамещающей продукции на сумму 2,6 млрд. долл. При этом производство импортозамещающей продукции увеличилось с 411 млн. долл. в 2015 г. до 630 млн. долл. в 2019 г. Удельный вес импортозамещающей продукции в объеме промышленного производства области (без учета республиканских организаций) увеличился с 21,7 в 2015 г. до 40,1% в 2019 г. Доля поставок импортозамещающей продукции на экспорт увеличилась с 27,6 в 2015 г. до 52,7% в 2019 г.

Весомую роль в росте экономики области играет сельское хозяйство, на которое приходится 12,2% ВРП. Объем производства сельскохозяйственной продукции за последнее пятилетие вырос в 1,37 раза, он полностью обеспечивает потребность населения в продуктах питания, а перерабатывающие предприятия необходимым сырьем.

Обеспечить рост экономики региона можно за счет инвестиций. Однако в области в течение 2014–2017 гг. инвестиции в основной капитал уменьшаются. Только в 2018 г., инвестиции выросли на 312,93 млн. руб. или 24,5%. Удельный вес инвестиций в экономику области в общем объеме инвестиций республики уменьшился с 8,7 в 2015 г. до 6,7% в 2018 г. Такая тенденция может объясняться снижением инвестиционной привлекательности местных предприятий, их конкурентоспособности, а также недостатком средств на самих предприятиях для проведения модернизации оборудования и реконструкции зданий в силу низкой рентабельности производства и достаточно большого количества (около 12%) убыточных предприятий. Также наблюдалось снижение объемов бюджетного финансирования инвестиций и финансирования инвестиционной деятельности коммерческими банками.

Для обеспечения конкурентоспособности региона необходимо инвестиции вкладывать в инновационные проекты. Однако в области инновационной деятельностью занимается всего 35 предприятий. Объем отгруженной инновационной продукции осуществлен на сумму 379,3 млн. руб., что составляет 5,2% от общего объема отгруженной продукции области. Следует отметить, что удельный вес отгруженной инновационной продукции и оказанных услуг инновационного характера новых для мирового рынка в общем объеме инновационной продукции и оказанных услуг инновационного характера составляет всего 2,2%[1].

Необходимым элементом региональной политики повышения конкурентоспособности является развитие малого и среднего предпринимательства. Удельный вес субъектов МСП Могилевской области в основных экономических показателях развития области вырос: в валовой добавленной стоимости с 22,8 в 2015 г. до 24,8% в 2018 г., в выручке от реализации продукции, товаров, работ, услуг с 30,6 до 35,1%, в средней численности работников с 26,2% до 28,2%. Удельный вес субъектов малого и среднего предпринимательства – юридических лиц возрос в объеме промышленного производства с 18,2 в 2015 г. до 24,1% в 2018 г., в инвестициях в основной капитал – с 32,0 до 39,3%, в экспорте товаров с 21,4 до 32,9%. Положительную тенденцию имеет удельный вес поступлений, уплачиваемых субъектами МСП в консолидированный бюджет в его общем объеме. В 2015 г. он составлял 27,8, в 2019 г. – 36,9%.

В области реализуются мероприятия, направленные на улучшение деловой среды, содействие развитию субъектов МСП, совершенствование инфраструктуры поддержки МСП. Для этих целей в области функционирует 13 центров поддержки предпринимательства и 5 инкубаторов малого предпринимательства.

Рост зарплаты и других доходов привел к росту объема розничного товарооборота и платных услуг населению. Что касается темпов роста, то здесь у обоих показателей наблюдается их замедление там, где они превышали 100%. Также стоит отметить уменьшение удельного веса области в общереспубликанских показателях как розничного товарооборота, так и платных услуг населению в 2018 г. по сравнению с 2015 г.

Важную роль в развитии региональной экономики, повышении ее конкурентоспособности играет эффективная внешнеэкономическая деятельность. Так, объем экспорта в целом по области увеличился в 1,3 раза с 1,7 в 2015 г. до 2,3 млрд. долларов в 2019 г. Увеличилось положительное сальдо внешней торговли с 548,3 млн. долл. в 2015 г. до 776,2 млн. долл. в 2019 г. Наблюдается рост количества субъектов внешнеэкономической деятельности (с 712 до 904) и расширение географии внешнеторговых связей (в 2015 г. область осуществляла экспортные поставки в 97 страны, по итогам 2019 г. – в 100 стран). Тем не менее, доля области в общереспубликанском экспорте составляет 6,1%, а в импорте – 3,5%. Динамичному развитию внешней торговли способствует проводимая системная работа по межрегиональному сотрудничеству. Могилевским облисполкомом заключено более 60 документов о сотрудничестве с регионами зарубежных государств. Продолжилось развитие межрегиональных связей со странами СНГ, Европейского сою-

[1] Статистический ежегодник, 2019. – Минск: Белстат, 2019.

за и «дальней дуги». Заметно активизировалось сотрудничество с Китаем. Сегодня оно успешно осуществляется с пятью регионами (четырьмя провинциями – Цзянсу, Хэнань, Хунань, Шэньси и городом Тяньцзинь). Благодаря этому значительно увеличился и внешнеторговый оборот Могилевской области и Китая.

Могилевская область, как видно из анализа, по большинству показателей социально-экономического развития отстает от других областей. По уровню конкурентоспособности в последние годы область занимает последнее место в республике с показателем 2,73, что составляет 74,7% от максимального результата.

Данное обстоятельство свидетельствует о чрезвычайной необходимости развития и эффективного использования экономического потенциала. Для этого руководством Могилевской области были разработаны следующие цели, задачи и приоритетные направления развития региона:

Главная цель – рост благосостояния и улучшение условий жизни населения на основе совершенствования социально-экономических отношений, инновационного развития и повышения конкурентоспособности экономики региона, достижения основных показателей социально-экономического развития Могилевской области.

Достижение главной цели предусматривается на основе концентрации ресурсов на следующих приоритетных направлениях социально-экономического развития Могилевской области:

– Рост экспортного потенциала организаций региона, что должно способствовать занятию новых ниш на перспективных рынках глобальной экономики, усилению существующих позиций на традиционных рынках, увеличению экспортного потенциала в сфере услуг, развитию экономической интеграции в рамках ЕАЭС, повышению привлекательности работы субъектов хозяйствования на экспортном направлении, дальнейшему развитию экспортного потенциала МСП, увеличению экспорта наукоемкой продукции и технологий.

– Стимулирование притока иностранных инвестиций в реальный сектор экономики, продолжение работы по повышению инвестиционной привлекательности региона, презентации возможностей Могилевской области на международном уровне посредством проведения инвестиционных форумов, организации бизнес-встреч и официальных визитов представителей зарубежных бизнес-кругов.

– Создание новых рабочих мест и обеспечение эффективной занятости за счет модернизации имеющихся производств и введения в строй новых производственных мощностей, дальнейшего развития МСП.

– Развитие информационного общества и внедрение информационно-коммуникационных технологий на основе реализации декрета № 8, подписанного Президентом 21.12.2017 г. «О развитии цифровой экономики» и Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 гг.

– Развитие малого и среднего предпринимательства как одного из факторов обеспечения стабильного уровня занятости населения и экономического роста. Необходимо придать новые импульсы и создать стимулы для экономического роста на основе улучшения деловой среды, содействия развитию субъектов МСП, совершенствования инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, формирования позитивного отношения к предпринимательской инициативе граждан.

Инвестиционная деятельность должна быть направлена на воспроизводство основных фондов, обновление производственных мощностей на базе качественно нового оборудования с использованием передовых технологий в машиностроении, нефтехимическом комплексе, энергетике, перерабатывающей промышленности, на реконструкцию и оснащение современным технологическим оборудованием сельскохозяйственных комплексов, развитие инфраструктуры туризма и отдыха, придорожного сервиса, развитие транспортных и телекоммуникационных систем и другие сферы.

В условиях перехода на постиндустриальную стадию развития, повышения роли науки в социально-экономическом развитии главным фактором конкурентоспособности региона является способность обеспечивать непрерывность процесса создания и освоения инноваций за счет интеграции субъектов трех сфер: государства, бизнеса и системы образования в рамках инновационных кластеров. Это требует создания в регионе способной к саморазвитию, самоуправлению и достижению синергии инновационной системы, используя опыт развитых государств. В настоящее время в 26 европейских странах осуществляются государственные программы по развитию кластеров. При этом около 40 % программ реализуется на региональном уровне.

Для формирования и развития инновационного регионального кластера важны такие характеристики, как:

– наличие научных организаций с большим заделом научных исследований пионерского типа, специализированных научно-исследовательских институтов, центров подготовки и переподготовки профессиональных кадров;

– общность производимой предприятиями продукции, потребляемых ресурсов, технологических процессов, наличие кадров высокой квалификации, гибкость рынка труда;

– тесные кооперационные взаимосвязи между предприятиями кластера, координация взаимодействия участников системы в рамках технологических процессов, систем управления, производственных программ, контроля качества и т.д.;

– партнерство предприятий с учреждениями сферы образования и научно-исследовательскими организациями, местной администрацией для создания и продвижения инновационной продукции на рынки товаров.

Кластеры следует рассматривать как инструмент устойчивого развития региона, роста его конкурентоспособности. С переходом на постиндустриальную стадию основой устойчивости предприятий являются самоуправляемые кластерные системы, построенные на горизонтальных связях и особых, коллективных взаимодействиях. Это становится возможным за счёт внутренней перестройки организационной структуры, создания условий для инновационного прорыва, роста конкурентоспособности бизнеса. Так как большинство предприятий, как правило, входят в различные сети, то кластеры обеспечивают эффективный доступ к знаниям, инновациям, дополнительным возможностям и ресурсам, которые отсутствуют внутри самого предприятия и не могут быть получены другим способом.

С нашей точки зрения, создание кластера приводит к возникновению инновационной синергии, так как объединение различных организационных структур, занимающихся созданием новых знаний и внедрением их результатов в производство, создает специфическую систему распространения этих знаний и инноваций в рамках кластера. Создание системы устойчивых связей между участниками инновационного кластера является необходимым условием превращения научных знаний в инновации, а инноваций – в выпуск конкурентоспособной продукции.

Граница Ю.В.
к.э.н., доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

ИНДИКАТОРЫ ПОТЕРИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ[1]

***Ключевые слова**: региональное развитие, бюджетная система, устойчивость экономики.*

Кризис 2020 года затронул все институциональные структуры и сферы деятельности и этим самым он кардинально отличается от предыдущих кризисов, которые локализовывались на отдельных рынках. Дополнительной характеристикой текущего экономического кризиса служит высокая степень неопределенности в отношении будущих событий в постпандемический период, исход которых зависит, в частности, от таких факторов как разработка вакцин, выбор инклюзивной или экстрактивной политик на уровне страны и региона, степень ксенофобии в потреблении, темпы эскалации государственной помощи.

Подверженность бюджетной системы всех уровней влиянию негативных факторов подчеркивают Савчишина К.Е [1], Канкулова М.И. [2], Гамукин В.В. [3], Шаров В.Ф. [4] Наиболее же чувствительной к внешним шокам объективно является региональная бюджетная система по причине ее неоднородности [5].

В ряде исследований в области финансовой нестабильности, например, в работах Малкиной М.Ю. [6], Иванова А.И. [7], Границы Ю.В. [8], Куссый М.Ю. [9] мерой финансовой неустойчивости и риска экономических систем служит волатильность экономических индикаторов. Таким образом, перед нами стоит задача определить, какие экономические показатели подлежат анализу на предмет наличия волатильности, свидетельствующей о неустойчивости бюджетной системы.

Сбалансированность бюджета определяется на основе анализа соотношения бюджетных доходов и расходов, таким образом, индикатором состояния государственных финансов служит размер дефицита (профицита) бюджета.

В нашем докладе «Применение модели авторегрессионной условной гетероскедастичности для оценки устойчивости региональной бюджетной системы», представленном на IV Российской научной Интернет-конференция «Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства» [10], произведен анализ волатильности дефицита консолидированного бюджета субъектов РФ, на рис. 1 представлена динамика волатильности за последние десять лет.

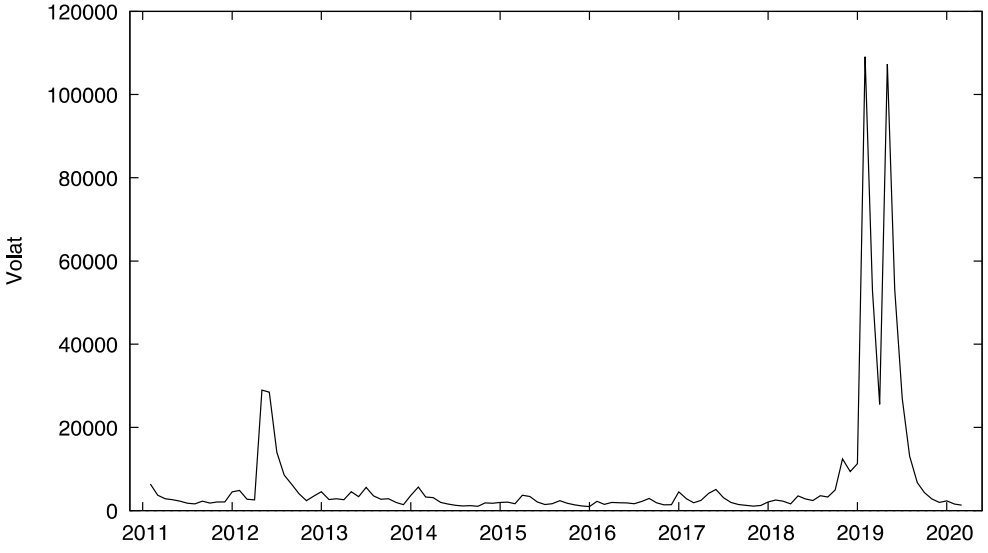

Рисунок 1.
Волатильность дефицита бюджета субъектов РФ за 2011–2020 годы

Анализ графика показывает, что в 2019 году наблюдается всплеск волатильности дефицита бюджета, который, во-первых, может расцениваться как предвестник неустойчивости бюджетной системы, во-вторых, такие скачки вола-

[1] Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ, проект 0729-2020-0056 «Современные методы и модели диагностики, мониторинга, предупреждения и преодоления кризисных явлений в экономике в условиях цифровизации как способ обеспечения экономической безопасности Российской Федерации».

тильности могут повторяться в последующие периоды благодаря такому явлению как кластеризация волатильности, а кризис 2020 года будет выступать катализатором нарастания волатильности дефицита бюджета.

Проанализируем ежемесячные показатели доходов и расходов консолидированного бюджета субъектов с января 2011 по март 2020 года[1] и выясним какой бюджетный параметр послужил источником изменчивости дефицита бюджета.

Последовательность процедур анализа бюджетных параметров представлена на рис. 2.

Рисунок 2.
Этапы анализа изменчивости бюджетных параметров

Проведем десезонизацию региональных доходов посредством процедуры TRAMO анализа в эконометрическом пакете свободного доступа Gretl и построим график временного ряда доходов (Income_sa) (рис. 3).

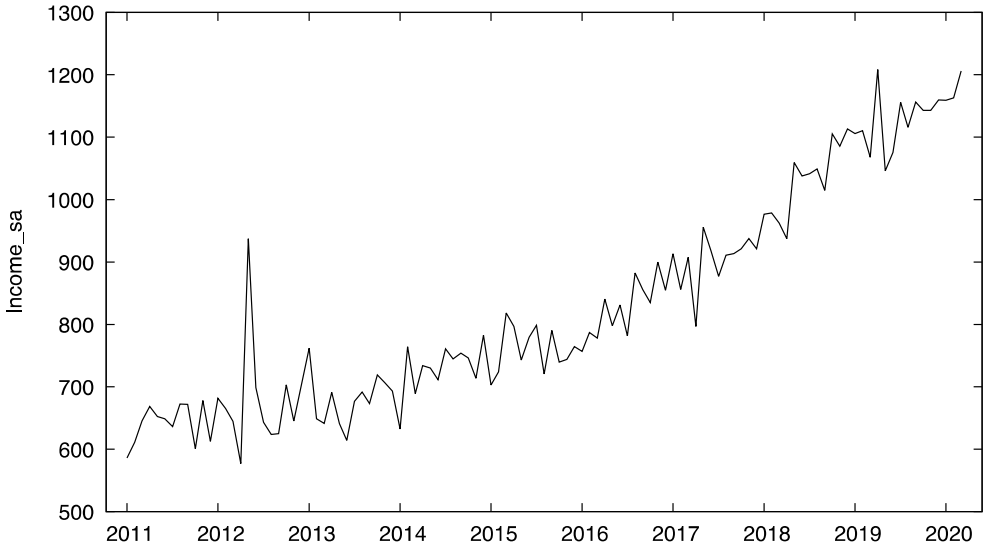

Рисунок 3.
Временной ряд ежемесячных доходов бюджета субъектов РФ за 2011–2020 годы с корректировкой на сезонность

Анализ динамики доходов бюджета позволяет сделать вывод о наличии в ряду данных восходящего тренда, а также систематических колебаний различной величины.

Гармонический анализ ежемесячных доходов бюджета осуществим с помощью функций периодограммы и спектральной плотности для выявления скрытых периодичностей. График функции спектральной плотности представлен на рис. 4.

Анализ спектра приводит нас к выводу о существенном влиянии долгосрочной изменчивости, об этом свидетельствует пик спектральной частоты в периоде в марте 2020 года, таким образом, сформулируем предположение, что именно пандемия способствовала колебанию величины доходов бюджета.

[1] Источником данных является сайт Министерства Финансов РФ: https://www.minfin.ru/ru/statistics/subbud/

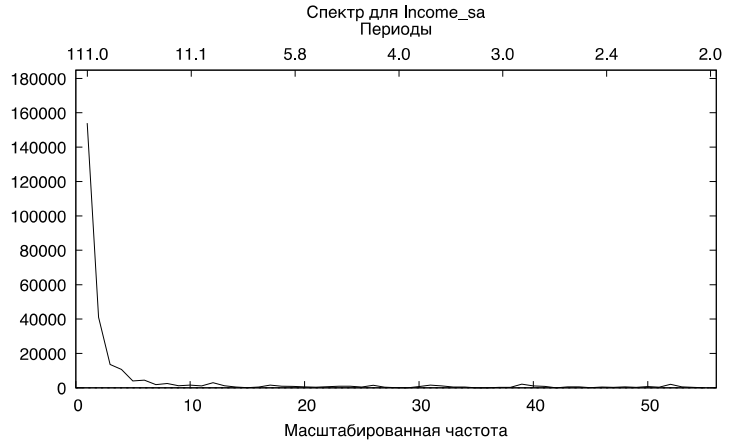

Рисунок 4.
Спектральная плотность доходов регионального бюджета

Прологарифмировав ряд данных для упрощения интерпретации получаемых результатов и проведя тест Дики-Фуллера, мы выяснили, что первые разности ряда являются стационарными, содержательно этот вывод можно трактовать как стационарность темпов прироста региональных бюджетных доходов.

На следующем этапе построим Garch-модель, описывающую динамику доходов.

Применение обобщённых моделей с авторегрессионной условной гетерескедастичностью для описания и прогнозирования поведения временных рядов финансовых данных исследуется в работах Бессонова В.А. [11], Неверович О.О. [12], Молчанова А.А. [13]

Построив кореллограмму прироста доходов (рис. 5) и проанализировав различные варианты параметров Garch модели, принимая во внимание значения логарифма правдоподобия и информационного критерия Шварца, мы выбрали авторегрессионную модель второго порядка, наилучшим образом описывающую динамику прироста доходов регионального бюджета. График условной дисперсии ошибок модели представлен на рис. 6.

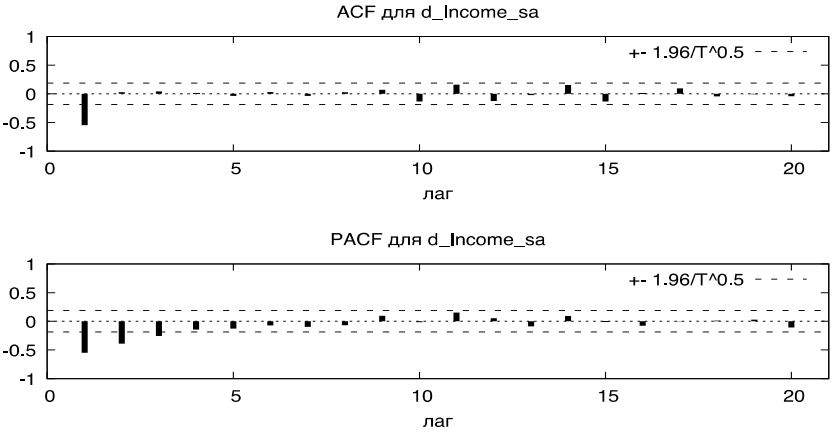

Рисунок 5.
Кореллограмма темпов прироста доходов регионального бюджета

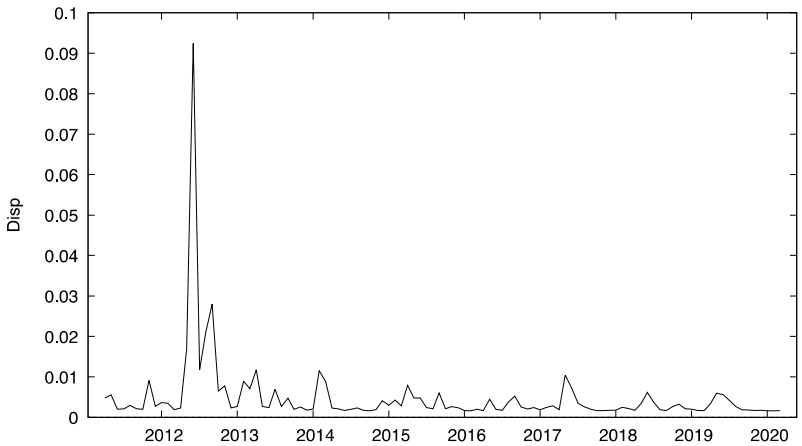

Рисунок 6.
Условная дисперсия ошибок модели динамики прироста доходов региональных бюджетов

В результате анализа данных об условной гетероскедастичности делаем вывод, что волатильность доходов бюджета субъектов РФ наблюдалась в 2012 год, с 2013 года следует отметить стабильный прирост доходов бюджета – кривая волатильности располагается практически параллельно оси абсцисс.

Произведем анализ бюджетных расходов субъектов за аналогичный период.

Следует отметить, что функция спектральной плотности расходов ведет себе идентично функции доходов (рис. 7). Таким образом, сформулируем вывод о существенном влиянии на величину расходов долгосрочной изменчивости.

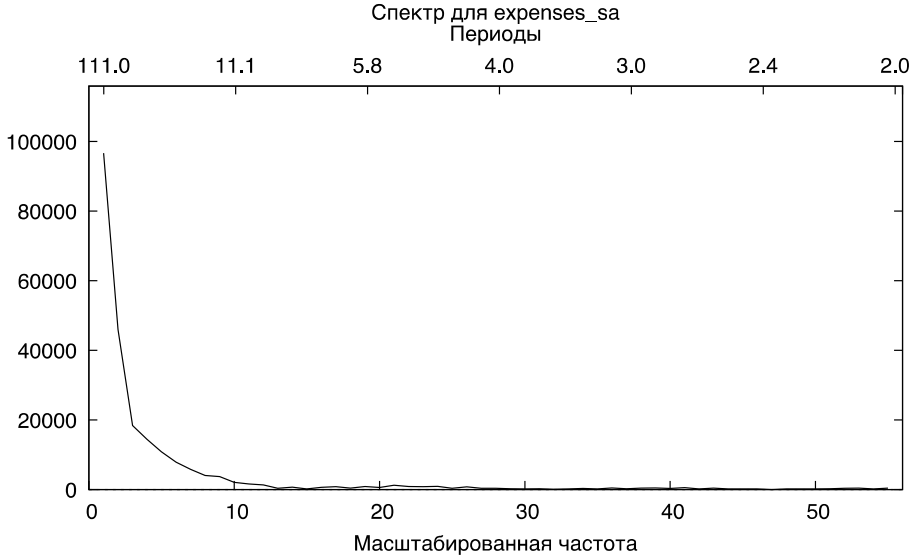

Рисунок 7.
Функция спектральной плотности расходов регионального бюджета

Результатом выполнения процедур анализа изменчивости расходов, последовательность которых представлена на рис. 2, является авторегрессионная модель первого порядка, график условной дисперсии остатков этой модели представлен на рис. 8.

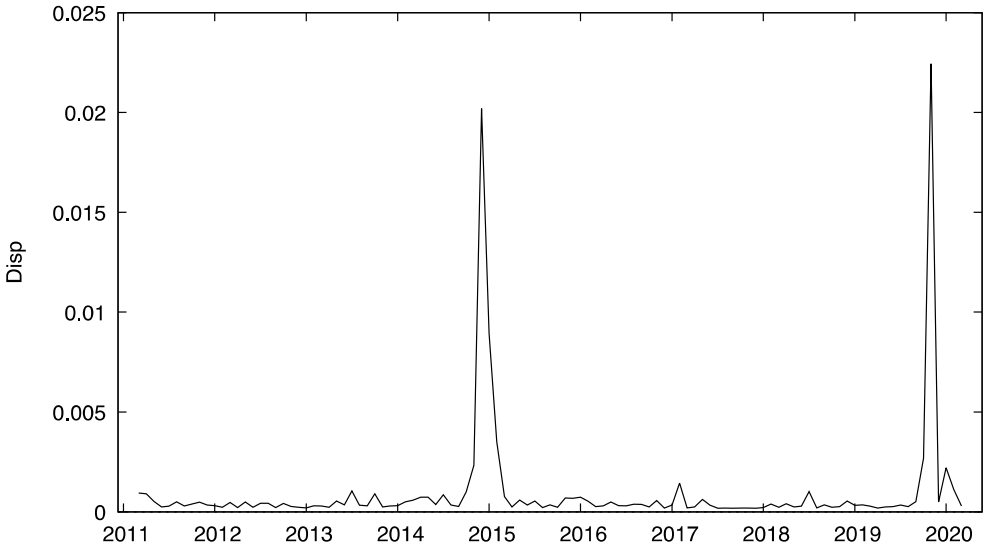

Рисунок 8.
Условная дисперсия ошибок модели динамики прироста расходов региональных бюджетов

Анализ графика условной дисперсии ошибок в модели прироста расходов показал, что пики волатильности наблюдались в начале 2015 и в конце 2019 года, то есть в период валютного кризиса и в предкризисный период на валютном рынке.

Таким образом, неустойчивость (волатильность) дефицита регионального бюджета как основного индикатора региональных финансов обусловлена волатильностью бюджетных расходов.

В период глобального спада 2020 года финансовая неустойчивость региональной бюджетной конструкции будет нарастать и не только за счет роста региональных расходов на здравоохранение и социальные выплаты, но и по причине сокращения собственных доходов регионов под влиянием падения нефтяных цен и режима самоизоляции.

Однако прогнозировать развитие бюджетного кризиса в 2020 г. на региональном уровне достаточно сложно ввиду отсутствия на текущий момент официальной статистики и все еще сохраняющейся существенной неопределенности в отношении развития общей экономической ситуации в стране и мире.

Список литературы

1. Савчишина К.Е. Современные проблемы и перспективы развития бюджетной системы России // Проблемы прогнозирования. – М., 2017. – № 6 (165). – С. 101–114.
2. Канкулова М.И. Понятие и основные факторы устойчивости бюджетной системы // Финансы и кредит. – М., 2016. – № 37. – С. 30–39.
3. Гамукин В.В. Комбинаторика рисков бюджетной системы // Финансы и кредит. – М., 2015. – № 22. – С. 28–39.
4. Шаров В.Ф., Караев А.К. Устойчивость бюджетной системы и проблемы восстановления роста экономики России // Вестник финансового университета. – М.. 2014. – № 5.
5. Алклычев А.М., Умарова С.Х., Давтукаева М.Ш. Особенности системного подхода к формированию региональных бюджетов // РППЭ. 2018. – № 12 (98). – https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sistemnogo-podhoda-k-formirovaniyu-regionalnyh-byudzhetov
6. Малкина М.Ю. Вклад регионов и отраслей в финансовую нестабильность российской экономики // Terra economicus. 2018. – Т. 16, № 3. – С. 118–130.
7. Иванов П.А., Сахапова Г.Р. Финансовая нестабильность региона: методы оценки и инструменты элиминирования // Общественные финансы. 2016. – № 3.
8. Граница Ю.В. Подходы к формированию интегрального показателя финансовой неустойчивости на уровне региона // Трансформация экономики: анализ проблем и поиск путей решений: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 60-летию БТИ АлтГТУ (23–25 мая 2019 г.) / Под ред. к.э.н. Н.В. Волковой; Алт. гос. техн. ун-т. – Бийск: Изд-во АлтГТУ, 2019. – Т.2. – С. 45–49.
9. Куссый М.Ю. Методологические аспекты измерения волатильности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2018. – № 1. – https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-izmereniya-volatilnosti
10. Граница Ю.В. Применение модели авторегрессионной условной гетероскедастичности для оценки устойчивости региональной бюджетной системы: доклад, представленный на IV Российской научной Интернет-конференции «Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства». – http://fic.vscc.ac.ru/index.php?/forum/1013-iv
11. Бессонов В.А., Петроневич А.В. Сезонная корректировка как источник ложных сигналов // Экономический журнал ВШЭ. – М., 2014. – № 4. – С. 554–584.
12. Неверович О.О. Хеджирование на нефтяном рынке: многомерные модели с динамическими условными корреляциями // Финансы и кредит. – М., 2014. – № 47 (623). – https://cyberleninka.ru/article/n/hedzhirovanie-na-neftyanom-rynke-mnogomernye-modeli-s-dinamicheskimi-uslovnymi-korrelyatsiyami
13. Молчанов А.А. Использование GARCH модели для исследования динамики курса валют // Гаудеамус. 2012. – № 20. – https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-garch-modeli-dlya-issledovaniya-dinamiki-kursa-valyut

Давиденко Л.М.
к.э.н., доцент (ассоциированный профессор), Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Казахстан; Омский государственный университет, Россия
davidenkolm@rambler.ru

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ[1]

***Ключевые слова**: технологический менеджмент, технологическая интеграция, экономика знаний, человеческий капитал, цифровая экономика.*
***Keywords**: technological management, technological integration, knowledge economy, human capital, digital economy.*

Введение. Научно-технологические параметры экономического развития, связанные с внедрением прорывных технологий в производственный процесс, выпуском инновационных товаров и услуг, увеличением расходов на НИОКР, сопровождаемых реализацией программ научного и технического сотрудничества, определяют конкурентные преимущества регионов и закладываются в качестве целевых индикаторов технологического менеджмента.

Прогнозируемый спад экономики вследствие распространения эпидемии и сворачивания деятельности предприятий может негативно отразиться на притоке инвестиций в научно-технологическое развитие стратегических объектов, имеющих жизненное значение для отдельных регионов и государства. В связи с этим представляется особенно важным исследовать условия развития системы управления формированием и распределением научно-технологических ресурсов с целью обеспечения регионов прорывными технологиями и инновациями как определяющего фактора конкурентоспособности. Для этого целесообразно решить задачи:

– во-первых, охарактеризовать современные вызовы научно-технологического развития в спектре изменения экономических условий;

– во-вторых, обобщить достижения мировой экономики на основе классификации подходов к трансформации научно-технологического обеспечения инновационного развития регионов и государств;

– в-третьих, предложить мероприятия по совершенствованию системы технологического менеджмента на основе приемов технологической интеграции, приращения экономики знаний, капитализации человеческих ресурсов и цифровизации экономики.

1. Вызовы научно-технологического развития в спектре изменения экономических условий. Спад потребительского спроса на рынке нефти и распространение пандемии, по мнению аналитиков, могут привести к ухудшению общей экономической ситуации и затронуть практически все сферы общественного производства [1]. Используя статистические данные казахстанской экономики, продемонстрируем последние изменения, в том числе произошедшие за счет активизации карантинных мер (рис. 1–6). При этом акцентируем внимание на оценке уровня общеэкономического развития, динамике промышленного производства, изменении объема и структуры капитальных вложений в регионе до и после дестабилизации обстановки.

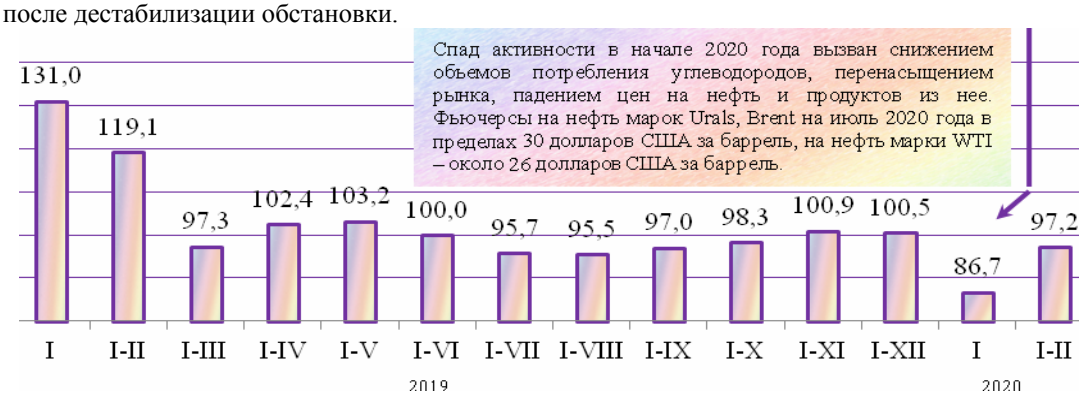

Рисунок 1.
Динамика объемов экспорта сырой нефти из Республики Казахстан за январь 2019 года – март 2020 года, в % к аналогичному периоду предыдущего года (автор по [2])

[1] Работа выполнена в рамках НИР «Исследование потенциала инновационно-технологического развития экономики регионов Республики Казахстан и разработка возможных сценариев их экономического роста», № государственной регистрации 0119РКИ0283; Проекта «Erasmus + TALENT Project 2018-2021. Создание магистерских программ по управлению персоналом и развитию кадрового потенциала в Центральной Азии», № государственной регистрации 598690-EPP-1-2018-1-BE-EPPKA2-CBHE-JP TALENT; Научного проекта № 19-010-00081 «Технологическая интеграция в обрабатывающей промышленности в рамках приоритетов научно-технологического развития России» при финансовой поддержке РФФИ.

Рисунок 2.
Динамика объема ВВП Республики Казахстан за 2008 – 2019 годы, в % к предыдущему году (автор по [2])

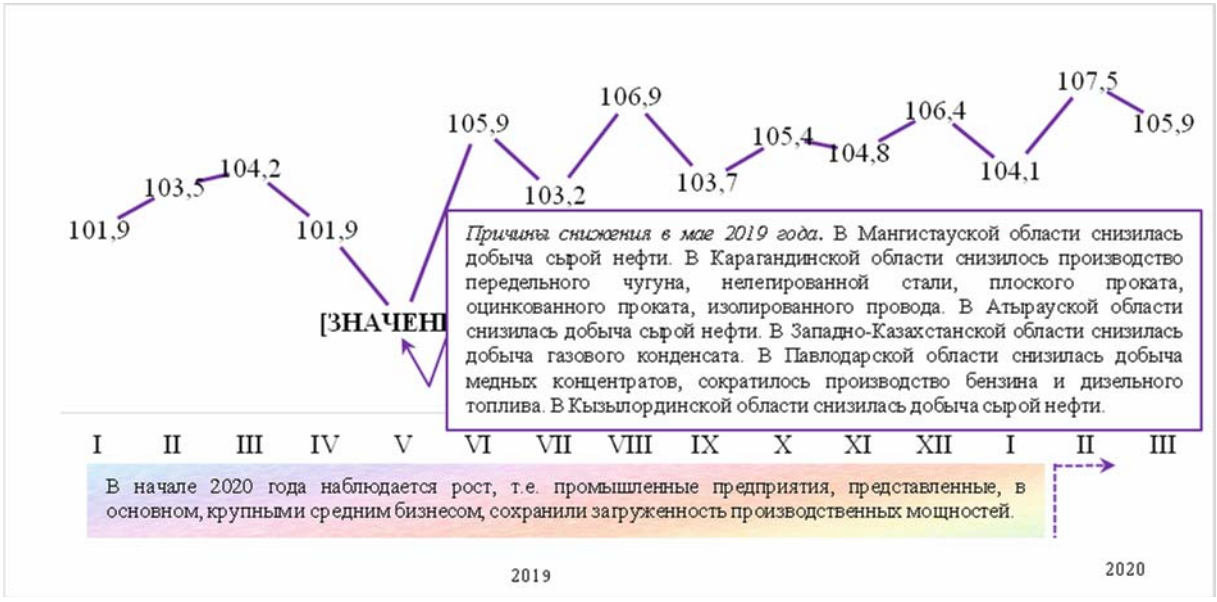

Рисунок 3.
Динамика объема промышленного производства в Республике Казахстан за январь 2019 года – март 2020 года, в % к аналогичному месяцу предыдущего года (автор по [2])

Рисунок 4.
Динамика грузооборота в Республике Казахстан за январь 2019 года – март 2020 года, в % к аналогичному месяцу предыдущего года (автор по [2])

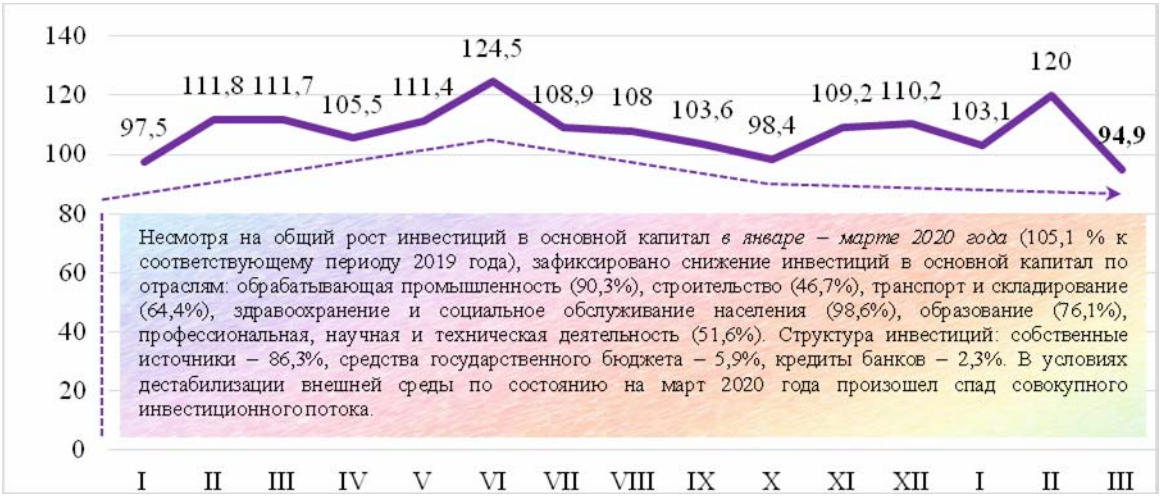

Рисунок 5.
Динамика инвестиций в основной капитал в Республике Казахстан за январь 2019 года – март 2020 года, в % к аналогичному месяцу предыдущего года (автор по [2])

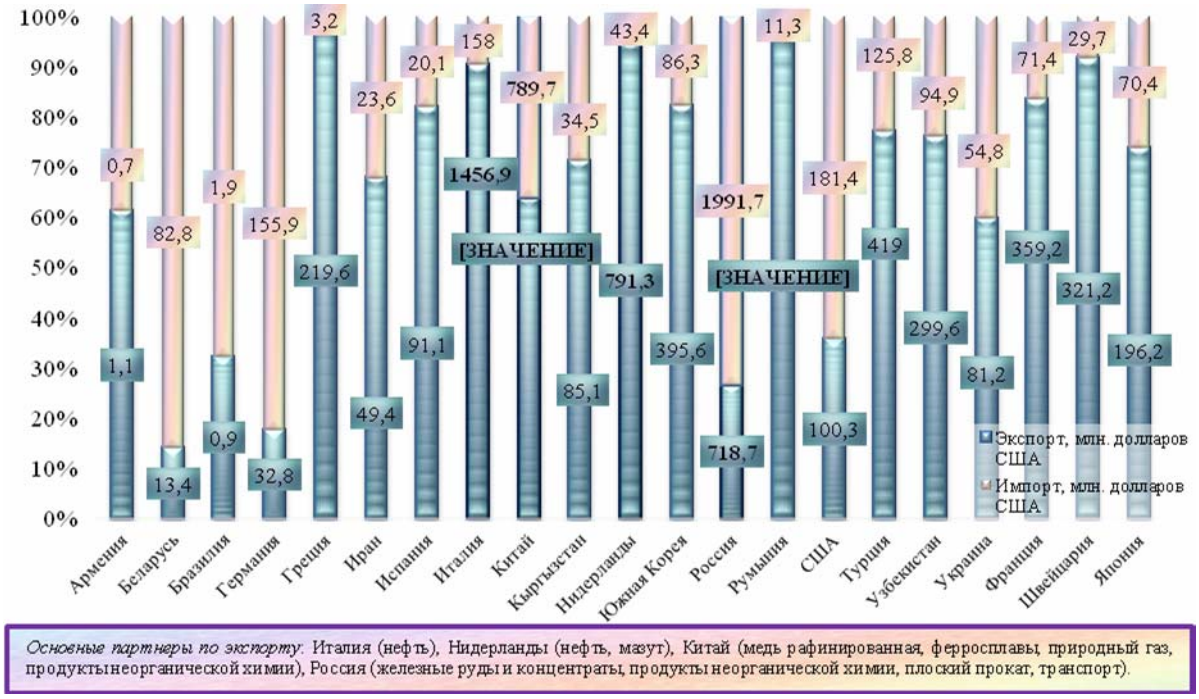

Рисунок 6.
Внешнеторговый оборот Казахстана по отдельным странам в январе – феврале 2020 года, млн. долларов США (автор по [2])

Как показала оценка статистических показателей, научно-технологическое развитие Казахстана и его регионов во многом определяется состоянием внешних и внутренних процессов, в числе которых потенциальная угроза сворачивания программ технологической и цифровой модернизации, начатых на промышленных предприятиях. Причиной может послужить сокращение объёмов производства и реализации продукции, а также прибыли, запланированной в качестве притока капитала в крупномасштабные проекты. Наряду с финансовыми и организационными затруднениями возможно обострение проблем в области управления человеческими ресурсами, в частности, слабая коммуникация в условиях дистанционной работы, отсутствие цифровых навыков и компетенций сотрудников. Для балансировки временных отклонений от параметров устойчивого развития особую роль стала играть система технологического менеджмента, предусматривающая оптимизацию и эффективное управление научно-технологическими ресурсами, в том числе посредством цифровизации подсистем управления производственными объектами и организациями, функционирующими внутри региональных и межрегиональных территориальных образований.

2. Классификация подходов к трансформации научно-технологического обеспечения инновационного развития регионов и государства. Теория и практика научно-технологических преобразований предлагают ряд инструментов эффективного управления сложными системами путем оптимального сочетания имеющихся ресурсов. Некоторые из приемов можно использовать в современных условиях с учетом специфики деятельности субъектов хозяйствования и степени развития их связей.

Таблица 1

Подходы к трансформации научно-технологического обеспечения инновационного развития хозяйственных субъектов на региональном уровне. Группа «Платформенное взаимодействие»

Подход	Инструменты реализации трансформации в рамках определенного подхода	Авторы исследований
Экологический подход к организационной трансформации промышленных компаний в условиях цифровизации экономики на основе инноваций	Трансформационный переход предприятий от модели производства продукции собственных марок к модели бизнеса на основе брендинга как «виртуализации и кластеризации деятельности промышленных компаний»	А.Е. Миллер, Е.В. Яковлева [3]
Механизм виртуального консорциума по развитию потенциала высшей школы и взаимному дополнению ресурсов вузов на региональном уровне	Создание «интеллектуальных систем» поддержки принятия управленческих решений через совмещение учебного и научно-исследовательского процессов с целью сокращения расходов посредством удаленной коммуникации с соблюдением принципов экономической безопасности на основе технологий защиты информации	А.Е. Карлик, В.В. Платонов, Е.А. Яковлева [4]
Сценарный подход к идентификации ключевых институциональных ограничений и барьеров технологической интеграции	Выявление специфики технологической интеграции в качестве фактора обеспечения конкурентных преимуществ отечественных промышленных предприятий на мировом рынке на основе ожидаемого экономического эффекта (дополнительная прибыль участников технологической интеграции вследствие превентивной защиты интегрированной структуры)	Л.А. Родина [5]
«Инфраструктурная экология» в качестве парадигмы планирования природных экосистем замкнутого цикла	Интеграция систем энергоснабжения, водоснабжения, санитарии, транспорта и общественного питания путем каскадирования «cascade (pass along)» ресурсов для повторного использования другими лицами с целью сокращения загрязнений и выбросов парниковых газов при одновременном снижении спроса на новые виды ресурсов	H. Brown [6]
Поэтапная категоризация развития Интернета вещей (IoT)	План мероприятий для разработчиков и маркетологов инновационных продуктов/услуг на основе искусственного интеллекта с соблюдением конфиденциальности сведений о клиентах	J. Chin, V. Callaghan, S. Ben Allouch [7]

Таблица 2

Подходы к трансформации научно-технологического обеспечения инновационного развития хозяйственных субъектов на региональном уровне. Группа «Цифровизация»

Подход	Инструменты реализации трансформации в рамках определенного подхода	Авторы исследований
Моделирование влияния анализа больших данных (Big Data Analytics Capabilities, BDAC) на устойчивость цепочки поставок компании (Company's Supply Chain Sustainability, CSCS)	Оценка взаимосвязи между различными параметрами устойчивости цепочки поставок и BDAC на основе опроса 234 фармацевтических компаний Ирана. Выявление конкурентных преимуществ фирм путем взаимосвязи цепочек поставок с видением цифровой стратегии, вовлеченностью сотрудников и организацией бизнес-процессов	S. Shokouhyar, Mohammad Reza Seddigh, F. Panahifar [8]
Форма государственного и частного сотрудничества на базе «гибридных» промышленных экосистем	Механизмы построения «системы экологически чистой энергии» с участием корейских и тайваньских компаний – экспортеров «интеллектуальных» микросетей на основе сотрудничества государственных органов, национальных лидеров в области инноваций, в т.ч. конгломераты и связанные с ними малые и средние предприятия внутреннего рынка	Sung-Young Kim [9]
Моделирование и анализ барьеров, влияющих на внедрение системы бережливого экологически чистого производства (Lean Green Agile Manufacturing System, LGAMS)	Выявление барьеров для объединенной системы бережливого и гибкого производства по методологии «Тотальное интерпретирующее структурное моделирование» (Total Interpretive Structural Modeling, TISM) и анализ «Матричное умножение перекрестных воздействий» (Matriced Impacts Croise's Multiplication Appliquee a UN Classement, MICMAC)	R. Sindhwani, Varinder Kumar Mittal, Punj Lata Singh, A. Aggarwal, N. Gautam [10]
Интеграция облачных вычислений и Интернета вещей в производственные системы предприятий	Преобразование бизнес-системы 96 малых и средних предприятий Индии с целью обеспечения высокой производительности на базе BDAC с учетом намерений контрагентов, состояния производственной инфраструктуры, скорости обмена знаниями и поддержки внешней среды в облаке	Vaibhav S. Narwane, Rakesh D. Raut, Sachin Kumar Mangla, Bhaskar B. Gardas, Balkrishna E. Narkhede, A. Awasthi, P. Priyadarshinee [11]
Информационные системы управления на микроуровне (города и регионы) и макроуровне (штат и нация)	Совершенствование общественных процессов в соответствии с социально-экономическим и технологическим развитием как основа для формирования «умного» социального сообщества в рамках глобального проекта «Общество 5.0» (Society 5.0)	V. Roblek, Mirjana Pejic Bach, M. Mesko, T. Bertoncel [12]

3. Мероприятия по развитию конкурентоспособности региона на основе технологического менеджмента. Значительную часть субъектов хозяйствования казахстанских регионов составляют компании добывающей и обрабатывающей промышленности, которые опираются на современные принципы организации производства с учетом требований глубины технологических переделов, внедрения цифровых систем в операционную, инвестиционную и финан-

совую деятельность. Тем не менее, анализ статистики внешней торговли показывает, что основная часть экспортной продукции представлена сырьевыми товарами, так как конкурентоспособность готовых изделий уступает зарубежным аналогам по техническим характеристикам и цене. В качестве рычага воздействия на производственную систему можно рассматривать активизацию функциональных зон технологического менеджмента (рис. 7).

Рисунок 7.
Функциональные зоны технологического менеджмента (автор)

В случае целенаправленного воздействия на указанные зоны, можно гарантировать результативность производственно-хозяйственной деятельности в сочетании с перспективами роста глобальной конкурентоспособности.

Заключение. На наш взгляд, наиболее важными мероприятиями в области научно-технологического обеспечения конкурентоспособности регионов являются:

– совершенствование подходов к управлению стадиями проектирования продуктов и технологий их изготовления путем организации совместной деятельности научно-исследовательских и опытно-конструкторских лабораторий субъектов хозяйствования, связанных единой цепочкой технологических процессов;

– выработка общих критериев технологического выбора и оптимизации производственного процесса с целью достижения конкурентных преимуществ выпускаемой продукции/оказываемых услуг;

– усиление мотивационно-ценностной составляющей рабочего капитала, включающей полноту осознания людьми, занятыми на производстве, необходимости получения профессиональных, цифровых, изыскательских навыков и компетенций, а также создание благоприятных условий по их использованию.

Важна своевременная адекватная реакция на динамику социально-экономических событий, благодаря которой удастся избежать кризиса на микроэкономическом и макроэкономическом уровнях. В конечном итоге каждое верное решение в области научно-технологического роста отдельных регионов определит позиции государства на мировой арене.

Список литературы

1. Академик Аганбегян оценил экономическую ситуацию России в кризисе. – https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/akademik-aganbegyan-otsenil-ekonomicheskuyu-situatsiyu-rossii-v-krizise/
2. Социально-экономическое развитие Республики Казахстан. – http://stat.gov.kz.
3. Миллер А.Е., Яковлева Е.В. Организационные трансформации промышленных компаний в условиях цифровизации: экологический подход // От синергии знаний к синергии бизнеса. Цифровая трансформация: сборник статей и тезисов докладов VII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и преподавателей (30 марта 2020 г.) / Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Омский филиал. – Омск: Издательский центр КАН, 2020. – С. 7–10.
4. Карлик А.Е., Платонов В.В., Яковлева Е.А. Системный анализ создания виртуальных форм организации в высшей школе // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды XI Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 25–26 октября 2019 г. – СПб., 2019. – С. 162–174.
5. Родина Л.А. Институциональные ограничения и барьеры развития технологической интеграции промышленных предприятий // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2019. – Т. 17, № 4. – С. 55–62. – DOI: 10.24147/1812-3988.2019.17(4).

6. Brown H. Infrastructural Ecology: Embedding Resilience in Public Works // Public Works Management & Policy. 2019. – Vol. 24, N 1. – P. 20-32. – DOI: 10.1177/1087724X18784602.
7. Chin J., Callaghan V., Ben Allouch S. The Internet-of-Things: Reflections on the past, present and future from a user-centered and smart environment perspective // Journal of Ambient Intelligence and Smart Environments. 2019. – Vol. 11, N 1. – P. 45–69. – DOI: 10.3233/AIS-180506.
8. Shokouhyar S., Seddigh M.R., Panahifar F. Impact of Big Data Analytics Capabilities on Supply Chain Sustainability a Case Study of Iran // World Journal of Science Technology and Sustainable Development. 2020. – Vol. 17, N 1. – P. 33–57. – DOI: 10.1108/WJSTSD-06-2019-0031.
9. Kim S.Y. Hybridized industrial ecosystems and the makings of a new developmental infrastructure in East Asia's green energy sector // Review of International Political Economy. 2019. – Vol. 26, N 1. – P 158–182. – DOI: 10.1080/09692290.2018.1554540.
10. Sindhwani R., Mittal V.K., Singh P.L., Aggarwal A., Gautam N. Modeling and analysis of barriers affecting the implementation of lean green agile manufacturing system (LGAMS) // Benchmarking-an International Journal. 2019. – Vol. 26. – N 2. – P. 498–529. – DOI: 10.1108/BIJ-09-2017-0245.
11. Narwane V.S., Raut R.D., Mangla S.K., Gardas B.B., Narkhede B.E., Awasthi A., Priyadarshinee P. Mediating role of cloud of things in improving performance of small and medium enterprises in the Indian context // Annals of Operations Research. 2020. – DOI: 10.1007/s10479-019-03502-w.
12. Roblek V., Bach M.P., Mesko M., Bertoncel T. Best Practices of the Social Innovations in the Framework of the E-Government Evolution // Amfiteatru Economic. 2020. – Vol. 22, N 53. – P. 275–302. – DOI: 10.24818/EA/2019/53/275.

Дзуцев Х.В.,
Багаева З.Г.[1]

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О СВОЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ. СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ 2019 г.[2]

Ключевые слова: *социально-экономическое положение, финансовый кризис, общественное мнение, Республика Северная Осетия-Алания.*

На рынке труда в РСО-А происходят глубинные изменения, являющиеся последствием отхода от экономики промышленной в сторону экономики, ориентированной на сферу услуг. Широкое распространение информационных технологий вызывает трансформации организационных структур, используемых стилей управления и методов, с помощью которых задания поручаются и выполняются. Хотя новые способы работы и представляют некоторые новые возможности для многих людей, они также могут вызывать и обеспокоенность. Быстрые изменения в сфере материального положения производят дестабилизирующий эффект, и работники многих видов профессий сегодня боятся потерять работу (табл. 1).

Таблица 1

Как изменилось Ваше материальное положение за последние два года? (дайте один ответ), %

Улучшилось	9,1
Ухудшилось	39,8
Осталось без изменений	51,1
Всего	100,0

Как видно из табл. 1, за последние два года с момента назначения В.З. Битарова на пост Главы РСО-А материальное положение половины участников опроса (51,1%) осталось без изменений, у 39,8% ухудшилось, у 9,1% улучшилось.

Несмотря на общее восстановление экономики, связанной с политикой Главы РСО-А, у людей пока остается страх потерять работу (табл. 2).

Таблица 2

Как Вы оцениваете свои перспективы в этом плане на ближайший год? (дайте один ответ), %

Должны улучшиться	29,2
Скорее, ухудшатся, чем улучшатся	27,7
Останутся без изменений	43,1
Всего	100,0

Перспектив на ближайший год не видят 43,1% респондентов, 29,2% ждут, что они улучшатся, 27,7% – что, скорее, ухудшатся, чем улучшатся.

Наши эксперты подтвердили гипотезу, что самый высокий рост опасений потерять работу наблюдается среди работников не физического, а умственного труда. Боязнь потерять работу у тех, кто занимается физическим трудом, снижается. Одним из основных источников этой боязни является отсутствие доверия к руководителям малого и крупного бизнеса.

[1] Дзуцев Хасан Владимирович – д.соц.н., профессор, руководитель Центра исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований РАН, зав. Кафедрой социологии и социальной работы Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ. E-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Багаева Зарина Геннадьевна – аспирант Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ, e-mail zaribagaeva@yandex.ru

[2] Данная статья основана на материалах массового (250 респондентов) и экспертного (25 человек) опросов, проведенных в период с 18 сентября по 5 октября 2019 года в г. Владикавказе. Целью исследования стало изучение общественного мнения об эффективности деятельности такого института государственной исполнительной власти, как глава республики. В качестве объекта массового опроса выступили жители г. Владикавказа, в котором сосредоточено 43,6%[2] населения республики. Эксперты были представлены действующими и бывшими чиновниками, депутатами Парламента РСО-А, представителями научной интеллигенции, СМИ, горожанами.

Таблица 3

Оказывались ли Вы за последний год (включая нынешний момент) в ситуации, когда нигде не работали и не учились более трех месяцев подряд? (дайте один ответ), %

Да	46,2
Нет	53,8
Всего	100,0

Таблица 4

Как Вы оцениваете ущерб, нанесенный лично Вам финансовым кризисом? (дайте один ответ), %

Как очень значительный, катастрофический	18,2
Существенный, но не катастрофический	32,3
Не очень существенный	35,1
Лично мне и моей семье кризис никакого ущерба не причинил	14,4
Всего	100,0

Таблица 5

Если экономический кризис затянется и Ваше материальное положение ухудшится, что Вы готовы в этом случае предпринять? (отметьте все, что Вам подходит), %[1]

Поменяю место работы	20,6
Сменю профессию	18,4
Открою собственное дело	20,6
Буду сдавать в аренду квартиру, дачу, гараж...	15,1
Сокращу расходы, начнут экономить	30,2
Будут искать дополнительные заработки	35,1
Распродам что-нибудь из своего имущества	6,2
Поменяю место жительства в России	8,1
Перееду в другую страну	13,3
Буду выращивать продукты питания на приусадебном участке	10,3
Буду жить на ранее сделанные сбережения	5,1
Возьму кредит	15,3
Обращусь за помощью к родственникам, друзьям	10,1
Обращусь за помощью к государственным органам социальной защиты	10,2
Обращусь за помощью к благотворительным организациям	3,1
Обращусь за помощью к религиозным организациям	5,4
Использую кризис для самосовершенствования, получения нового образования и т.п.	0,0
Другое	3,1
Ничего предпринимать не будут	13,3

Если экономический кризис затянется и материальное положение ухудшится, то 35,1% респондентов готовы искать дополнительные заработки; 30,2% сократят расходы, начнут экономить; 20,6% откроют новое дело или поменяют работу; 18,4% готовы сменить профессию; 15,1% будут сдавать в аренду квартиру, дачу, гараж или возьмут кредит; 13,3% переедут в другую страну; столько же ничего не будут предпринимать; 6,2 распродадут что-нибудь из своего имущества; 5,4% обратятся за помощью к религиозным организациям; 3,3% – к благотворительным организациям.

Если экономический кризис затянется, многие готовы предпринять кардинальные решения, вплоть до того, что готовы искать дополнительный заработок. По словам экспертов, материальное положение и физическое состояние сильно коррелируют со здоровьем людей и может ухудшаться в связи с боязнью потерять работу.

Таблица 6

Заставил ли Вас кризис сократить свои расходы и начать экономить? %

Да	59,1
Нет	40,9
Всего	100,0

Такое положение в обществе, связанное с сокращением расходов наших респондентов, вызывает напряжение в социуме. И как видно из табл. 7, люди начинают экономить на всем, а это приводит к внутреннему дискомфорту и отражается на структуре питания, отдыхе, покупке одежды и т.д. Эта проблема для Осетии – реальность.

[1] Учитывая, что каждый респондент мог выбрать несколько вариантов, общая сумма ответов составляет более 100%.

Таблица 7

Если Вы начали экономить, укажите, на чем именно (отметьте все, что Вам подходит), %[1]

На продуктах питаниях	26,1
На покупке одежды и обуви	40,3
На отдыхе, включая туристические поездки	55,1
На досуге (посещение театров, концертов, ресторанов, фитнес-клубов	33,2
На хобби (книги, журналы, игры, предметы коллекционирования и т.д.)	33,0
На покупке дорогостоящих предметов длительного пользования (автомобиль, мебель, компьютер и т.д.)	25,1
На лекарствах, лечении или медицинских обследованиях	20,3
На образовании и развивающих занятиях (своих или других членов семьи, включая детей)	31,6
На материальной помощи родным, друзьям и др., которую раньше оказывали	10,6
Другое (укажите, что именно)	0,2
Экономить не привык (ла), будут жить, как и раньше, а когда закончатся деньги, что-нибудь придумаю	10,0

На отдыхе, включая туристические поездки, стали экономить 55,1% респондентов, 40,3% – на покупке одежды и обуви, 33,0% – на хобби, 31,6% – на образовании и развивающих занятиях (своих или других членов семьи, включая детей), 33,2% – на досуге, продуктах питаниях – 26,1%. Каждый пятый стал экономить на покупке дорогостоящих предметов длительного пользования (автомобиль, мебель, компьютер и т.д.)

Материалы исследования показали, что у большинства респондентов материальное положение за последние два года осталось без изменения и 43,1% высказали прогноз о том, что в ближайший год их материальное положение останется без изменения. 53,8% респондентов за последний год не находились в ситуации, когда нигде не работали и не учились более трех месяцев подряд. Весьма существенным явился ответ респондентов о том, какой ущерб нанес им финансовый кризис, 35,1% ответили, что ущерб был не очень существенным. Весьма значимый ответ респондентов на вопрос, что они предпримут, если кризис затянется, 35,1% ответили, что будут искать дополнительный заработок, 30,2% – сократят расходы и начнут экономить, 20,6% – поменяют работу, откроют собственное дело, 18,4% – сменят профессию, 15,3% – возьмут кредит. 59,1% согласны с тем, что кризис заставил их сократить свои расходы и начать экономить на отдыхе (55,1%), на одежде и обуви (40,3%), хобби (33,2%).

[1] Учитывая, что каждый респондент мог выбрать несколько вариантов, общая сумма ответов составляет более 100%.

Дзуцев Х.В.,
Моргоева З.О.[1]

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[2]

Ключевые слова*: общественное мнение, трудовая деятельность, Республика Северная Осетия-Алания.*

В современном обществе работа становится важным фактором для поддержания самоуважения личности. Даже там, где условия труда являются не очень приятными, а задания – скучными, работа является структурирующим элементом психологической составляющей человека и цикла его ежедневных занятий. Эта идея подтверждается материалами массового опроса, проведенного в марте 2018 года.

Для наших респондентов работа дает возможность поддерживать бюджет (60,6%), для многих она является фактором приобретения навыков и реализации своих способностей (42,4%), для 34,3% – это набор знаний, для 12,2% – определенное направление ежедневным занятиям, 4,0% респондентов затруднились с ответом.

Эксперты считают, что для людей различных профессий мотивация труда разная. Основной мотив любого труда – заработок на жизнь себе и своей семье. К этому могут добавляться другие: если труд совпадает с индивидуальными способностями, то его содержание доставляет удовольствие (например, творческий труд); в случае альтруистского характера человек может трудиться по мотиву общественной полезности результатов его труда; выполнять конкретную работу по причине того, что другой работы нет; трудиться (особенно молодежь), чтобы освоить навыки труда.

В Осетии, вплоть до 50-х годов XX века основными сферами деятельности были ремесла: кузнечное, швейное, занятие скотоводством, полеводством. Отличительной чертой настоящего времени, по всей видимости, является рост чиновничества и представителей силовых и правоохранительных структур [Дзуцев, 2017], о чем свидетельствуют и материалы нашего опроса: 15,1% опрошенных работают в системе госаппарата (госчиновники), 12,1% – в вышеперечисленных структурах.

По мнению экспертов, большинство работают там, где есть возможность заработать; даже если они занимаются одним видом деятельности: юриспруденцией, образованием и т.д., они имеют несколько источников дохода, т.е. трудятся по специальности одновременно в разных местах.

Людей, довольных своей заработной платой, оказалось неожиданно много – 39,4%, но при этом большая часть опрошенных ею недовольны (51,5%). Весьма высок процент затруднившихся с ответом (15,1%), по всей видимости, это связано с неинформированностью большей части респондентов.

По мнению экспертов, если человек занимается частным бизнесом, то его доход зависит от самого предпринимателя, например, сколько найдешь заинтересованных заказчиков, столько и заработаешь. Но если он работает в государственном секторе, то его зарплата не всегда от него самого зависит. Некоторых она устраивает, потому что они не заняты весь рабочий день. Есть профессии, например, преподавателя, когда достойная зарплата зависит от объема работы, количества часов: трудись и будешь прилично зарабатывать. Некоторых экспертов зарплата вполне удовлетворяет, но не потому, что денег хватает на «хлеб с маслом», а потому, что по сравнению «с большей частью интеллигенции в республике и стране грешно жаловаться».

На вопрос, в полной ли мере они используют на работе свои интеллектуальные и трудовые возможности, чуть больше половины участников опроса (51,5%) ответили, что отчасти они их реализовывают; 36,4% выбрали вариант: «безусловно, да», 21,2% не вполне удовлетворены, 6,0% – абсолютно неудовлетворены.

Один эксперт считает, что интенсивность труда часто зависит от количества заказов, в принципе, человек может выполнять в десятки раз больше за счет мобилизации дополнительной рабочей силы, однако заказов часто недостаточно, другой сетует на то, что в крупных компаниях «региональный» сегмент, к сожалению, в организационных вертикалях самый ограниченный и бесправный».

---

[1] Дзуцев Хасан Владимирович – д.соц.н., профессор, руководитель Центра исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований РАН, зав. Кафедрой социологии и социальной работы Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ. E-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Моргоева Залина Олеговна – аспирант Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ. E-mail: zalina1736@mail.ru

[2] Данная статья основана на материалах массового опроса, проведенного в апреле–мае 2019 года Центром исследования приграничных территорий Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН и кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета. В опросе приняли участие 250 респондентов и 15 экспертов: журналисты, архитекторы, чиновники, юристы, преподаватели вузов, строители, работники культуры, предприниматели. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-011-31454.

«Насколько работа дает возможность раскрыть свои таланты?» – спросили мы у респондентов. Больше половины пожаловались, что не в полной мере могут проявить себя на работе, 45,4% имеют такую возможность, у 12,1% нет такого шанса вообще.

Эксперты считают, что для человека очень важно иметь постоянную и стабильную работу. Но за последние 20 нестабильных лет людей постоянно пугают сокращением штатов. Видимо, это способ отвлечения работников от проблемы низкой заработной платы. Только имеющий личный бизнес не зависит от административных решений.

Большинство респондентов (42,8%), имеющих временную работу, затруднились ответить на вопрос, есть ли у них возможность при таком ее характере вкладывать в нее свой талант. Не мешает временная занятость работать с полной отдачей 33,3% респондентов, 23,9 % считают, что на временной работе такой возможности нет.

По мнению экспертов, временная работа не дает возможности реализовать себя, но управленческий персонал должен работать с этой группой населения с целью активизации ее труда.

Большинству участников опроса работа дает возможность для налаживания дружеских контактов с другими людьми (80,5%), 8,3% респондентов ответили отрицательно, 11,2% не смогли ответить на вопрос.

Атмосфера работы, общие интересы дают чувство гармонии, решая общие проблемы коллектива. Как известно, в отрыве от места работы круг возможных друзей и знакомых, скорее всего, сокращается.

Работу обычно ценят за стабильность, особенно это касается мужчин, для которых самооценка зачастую связана с экономическим вкладом для поддержания бюджета семьи. Для 27,7% наших респондентов работа приносит чувство стабильности в полной мере, но 36,2% вообще не согласны с данным тезисом, а если сложить 2-й и 3-й ответы, то стабильность не испытывают 72,3% работающих опрошенных.

По мнению экспертов, нет никакой стабильности, как в любом бизнесе, все зависит от конъюнктуры заказов и того, подходят ли условия соглашения.

Несмотря на бытующее мнение у определенной части населения, что в неформальной экономике подразумевается оплата наличными в обмен на предоставленные услуги или прямой обмен товарами или услугами, желающих работать по такой схеме всего 32,4%, а в государственной экономике с фиксированной зарплатой – 62,2%.

Один из экспертов сообщил, что он не любит «давление бюрократов и дураков, лучше зарабатывать вдвое меньше, но быть свободным от кретинов».

Больше половины (58,3%) респондентов предпочитают работать в государственном секторе. Трудиться вне государственной системы пожелали 38,8%. Так, человеку за ремонт телевизоров, автомобилей можно оплатить наличными без выдачи чека.

Число респондентов, работающих на высокотехнологичных предприятиях с современными цифровыми технологиями, составило 38,8%. Некоторые директора военных заводов сохранили своих ИТР, и в наше время при надлежащем финансировании можно восстановить индустриальную экономику в РСО-А.

Если в 30-х годах XX века абсолютное большинство населения республики было занято физическим трудом, то сегодня картина коренным образом изменилась. Из 20 человек примерно 4 занимаются физическим трудом. Это наглядно иллюстрируется и данными опроса – 66,6% респондентов занимаются интеллектуальным трудом, 25,0% – физическим. В наше время получение высшего образования стало доступным для многих, хотя многие получившие высшее образование заняты физическим трудом: таксисты, торговые работники, рабочие по ремонту квартир и т.д.

Сегодня мы вступаем в эпоху экономики знаний, в которой большая часть трудовых ресурсов занята не физическим трудом и созданием материальных товаров, а их дизайном, разработкой новых технологий, маркетингом, продажей и обслуживанием. Из нашего опроса видно, что 32,4% работают в системе экономики знаний, но большая часть опрошенных (51,3%) далеки от такой формы работы.

11,1% ответили, что вкладывают достаточно средств в экономику знаний, 66,6% опрошенных – что у них нет информации по данной проблеме. Высок процент затруднившихся с ответом (22,3).

Сейчас очень большие требования со стороны работодателей к уровню доверия. Низкий уровень доверия грозит неминуемым крахом любой организации; 41,2% респондентов доверяют работодателям, но практически столько же им не доверяют (41,3%). Данное понятие уходит из общественного лексикона. Это подтверждают и материалы нашего опроса. 17,5% затруднились ответить на заданный вопрос. Там, где низкий уровень доверия, высок уровень недовольства населением как работодателями, так и Правительством РСО-А.

В обществе существует мнение, что работа позволяет рабочим и служащим расширять свои знания. В этом уверены 56,8% респондентов. 32,4% ответили, что очень загружены на работе и у них нет времени работать над собой, 10,8% затруднились ответить.

Если раньше работодатели принимали на работу на основе образования и квалификации, то сегодня они ищут людей, которые способны адаптироваться и быстро обучаться новым навыкам. При этом знание различных компьютерных программ может не так цениться, как способность быстро усваивать идеи. Специализация на всех уровнях работы зачастую является достоинством, но если служащим трудно творчески применять узкие навыки в новых обстоятельствах, она может не считаться преимуществом в новых условиях.

В современных коллективах обучение и переобучение служащих широко развиты. Многие компании предпочитают нанимать способных специалистов, которые могут развивать навыки по ходу работы. Материалы нашего опроса показали, что руководители стараются переобучать своих служащих (57,1%), но 34,2% респондентов отметили, что в их организациях не принято переобучать служащих. Большинство опрошенных считают, что инвестиции в служащих, которые могут стать ценными работниками, посвятившими всю свою карьеру данной организации, оправдываются.

Если до Второй мировой войны работающие женщины были в меньшинстве, то сейчас 37,5% граждан считают, что среди экономически активного населения женщин больше половины. Респонденты отметили, что менее половины мужчин являются экономически активными (47,2%), 44,4% считают, что женщины экономически активны наравне с мужчинами. Сегодня в подавляющем большинстве женщины имеют оплачиваемое место работы вне дома. Увеличивается число работающих женщин, имеющих детей. В публичной сфере женщины РСО-А представлены плохо, всего 10,% в нашем парламенте, такой же незначительный процент и в составе правительства республики.

Традиционные модели разделения домашних обязанностей сохраняются у 29,4% опрошенных, 58,8% ответили, что частично. Если объединить 1-й и 2-й варианты ответов, то получается, что 88,2% опрошенных согласны с данным утверждением. И всего 11,8% ответили, что традиционное разделение не сохраняется.

Традиционные представления о роли мужчин и женщин как в публичной, так и в производственной сферах укоренились в общественном сознании. Мужчины благодаря работе вне дома проводили больше времени в общественных местах и стали более вовлеченными в политику, рынок, а женщины всегда ассоциировались с домашней работой, воспитанием детей и приготовлением пищи для семьи. Представление о том, что «место женщины – ее дом» широко распространено в североосетинском обществе.

Уровень трудовой занятости женщины вне дома для всех слоев общества был низким в начале XX века, но во время Второй мировой войны ситуация коренным образом изменилась с уходом почти всех мужчин на войну. Впоследствии эта ситуация укоренилась, и сегодня доля женщин в трудовых ресурсах практически уравнялась с долей мужчин. А в системе здравоохранения и образования женщины составляют большинство. Но мужчины по-прежнему имеют более высокую степень экономической активности (66,7% опрошенных ответили, что в современной семье сохраняется принцип: «мужчина-кормилец». 33,3% данный тезис не поддержали).

В ходе исследования наши респонденты удивили нас тем, что 26,5% опрошенных высказались за «удлиненный рабочий день», только бы платили, но 64,7% против, потому что это нанесло бы ущерб их личной жизни.

Значительный рост рабочей недели среди замужних женщин наши респонденты связывают с тем, что матери с новорожденными детьми вынуждены работать, потому что не хватает материальных средств на воспитание (51,2%). Это плохой вариант, потому что страдают дети, так считают 36,5% опрошенных. Среди наших респондентов 12,3% женщин такое поведение считают нормальным.

Не существует единого мнения относительно политики, которая могла бы считаться «просемейной». Наши респонденты считают, что она должна быть направлена на то, чтобы работники могли выполнять требования и дома, и на работе (55,3%), 36,8% высказались в таком ключе: «Политика не должна быть дискриминационной. Она также должна быть открытой для нужд работодателя». 5,3% за то, чтобы политика поддерживала гендерное равенство между мужчинами и женщинами. «Просемейная политика выгодна для всех», – утверждают наши эксперты, потому что она дает работникам больший контроль за их собственными судьбами, позволяя им принимать решения, касающиеся того, каким образом им лучше работать. Это приводит к тому, что работодатели находят более приемлемый баланс между своими рабочими и не относящимися к работе обязательствами. Эксперты уверены, что «вторая сильная сторона «просемейной» политики состоит в том, что она идет на пользу работодателю». При поиске более удобных моделей труда работодатели обнаруживают, что их подчиненные заинтересованнее относятся к своей работе. Она, как правило, более эффективна и результативна.

В ходе исследования 34,3% наших респондентов проблему безработицы как в республике, так и в стране оценили как критическую, 40,0% отметили, что это очень серьезная проблема. Существование этой проблемы признали 22,8%, всего 2,9% опрошенных затруднились с ответом. Граждане боятся потерять работу (57,1 %). Не боятся, считают респонденты, те, кто имеет родственные связи (34,2%).

Дорошенко С.В.
д.э.н., доцент, зав. сектором региональной предпринимательской политики Института экономики УрО РАН; Оренбургский государственный университет
Шеломенцев А.Г.
д.э.н., профессор, зав. отделом исследований региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН; Оренбургский государственный университет

ПРИГРАНИЧНЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ[1]

***Ключевые слова**: приграничное сотрудничество, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Южная Осетия, экономическая изоляция, стратегия развития.*
***Keywords:** cross-border cooperation, Republic of North Ossetia-Alania, Republic of South Ossetia, economic isolation, development strategy.*

Проблемы социально-экономического развития в условиях полной или частичной изоляции являются постоянным пунктом современной мировой повестки. Во многом это связано и с военными конфликтами на постсоветском пространстве, в результате которых появились регионы в статусе вновь образованных государств, в том числе на территории Южного Кавказа. В настоящее время механизмы развития подобных государств в научном дискурсе обретают всё большую актуальность по причине нарастания международной турбулентности и политико-экономической нестабильности.

Эксперты отмечают, что подобные сецессии возникают под влиянием целой совокупности условий и факторов, включая географические, политические, исторические, культурные, лингвистические и даже личностные[2]. При этом географические условия проявляются и через специфические характеристики границ территории вновь образованных государств. Кроме того, приграничный фактор оказывает существенное воздействие и на их дальнейшее развитие. Учитывая значимость этого момента, а также трагические события 2008 года, по нашему мнению, особого внимания заслуживают проблемы восстановления и динамичного развития Республики Южная Осетия, включая социальное обеспечение и сокращение оттока населения, развитие инфраструктуры, наращивание производственного потенциала, управление государственной собственностью, потерю традиционных внешнеторговых партнёров, а также кадровый дефицит в сфере экономики. Кроме того, в постсоветский период регион перешел из ранга внутреннего в ранг приграничного[3], что существенно влияет на его развитие.

За годы Советской власти был заложен прочный фундамент развития народного хозяйства Южной Осетии. Так, если до середины 1980-х годов она была в основном аграрной территорией, то к началу 1990-х годов уже сформировалась как экономически развитый регион. Промышленность в тот период была представлена горнодобывающей, пищевой, текстильной, химической, строительной, машиностроительной и деревообрабатывающей отраслями. Все заводы были тесно объединены кооперационными связями с отраслевыми комплексами других регионов. Всего к 1990 г. в Южной Осетии функционировало 18 предприятий промышленности, из них 4 имели статус союзного подчинения, 9 – республиканского и 5 – местного подчинения. При этом Южная Осетия не только полностью обеспечивала себя плодовоовощной и животноводческой продукцией, но и вывозила ее за пределы своей территории, снабжая продовольствием Грузинскую ССР. Особой популярностью пользовались санаторно-курортные и туристические базы республики.

Распад в 1992 г. СССР и начавшиеся военные действия со стороны Грузии привели Южную Осетию к изоляции практически во всех сферах. При этом наибольший ущерб нанесён разрывом хозяйственных связей и острейшим дефицитом финансовых ресурсов.

Ситуация начала меняться после официального признания Россией независимости Республики Южная Осетия 26 августа 2008 г. С этого момента Россия стала важнейшим экономическим партнёром и геостратегическим союзником. В настоящее время активно восстанавливается социальная, инженерная и транспортная инфраструктура республики. Подписано более 100 межгосударственных договоров и соглашений о сотрудничестве между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией. Россия также дотирует бюджет республики. Так, согласно данным Министерства финансов Республики Южная Осетия, доходы Государственного бюджета Республики Южная Осетия на 2019 год были запланированы в размере более 8,7 млрд. руб. В структуре доходов Государственного бюджета РЮО, налоговые поступления на 2019 год планировались в размере более 1,1 млрд. руб., неналоговые доходы – порядка 102 млн. руб.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-514-07001.
[2] Токарев А.А. Географический фактор территориальной дезинтеграции // Россия и АТР. 2017. – № 4. – С. 125–142.
[3] Джиоева И.К. Трансформация экономики приграничного региона на примере Южной Осетии // Региональная экономика: теория и практика. 2009. – № 23 (116). – С. 20–23.

Запланированная финансовая помощь, оказываемая Республике Российской Федерацией, – более 7,4 млрд. руб. Южная Осетия старается наращивать собственные доходы. За 2017–2018 гг. они выросли более чем на 43%, что позволило реализовать ряд экономических и социальных программ.[1]

За период 2008–2018 гг. ВВП республики вырос более чем в 20 раз, а бюджет – в 10 раз. С 2010 года реализуется Инвестиционная программа содействия социально-экономическому развитию республики, что позволило построить несколько объектов образования, здравоохранения, культуры, а также проложить сотни километров дорог. Таким образом, сегодня практически восстановлена социальная инфраструктура (построены дороги, здания, электрифицировано большинство территории, почти полностью газифицированы населенные пункты). Однако реальный сектор экономики продолжает находиться в кризисе.

В целом, основными особенностями, определяющими экономические возможности Республики Южная Осетия, являются следующие:

– малая территория, составляющая 3900 км^2, десятую часть из которых занимают предгорья, остальная же часть располагается на высоте от 850 до 3938 метров над уровнем моря; для развития сельскохозяйственного производства необходимо строительство и восстановление мелиоративной системы;

– низкая плотность населения – всего 14 чел/км^2, при этом общая численность населения (порядка 56 тыс. чел.) имеет тенденцию к снижению, в том числе и вследствие оттока, поскольку существующие барьеры развития, а также угроза возобновления военных действий со стороны Грузии, несмотря на поддержку России, закономерно обусловливают высокую миграцию местного населения и особенно молодежи в различные российские регионы, что в значительной мере может неблагоприятно отразиться на перспективах республики;

– богатая минеральная и природная база, однако освоение ресурсов требует специальных исследований и применения современных технологий;

– экологическая чистота территории, уникальность рельефа и климата, что даёт широкие возможности для развития курортно-рекреационных зон и производства экологически чистой сельскохозяйственной продукции;

– наличие границы республики только с двумя государствами: с запада, юга и востока – с Грузией, на границу с которой приходится 84% от общей протяженности; с севера – с Россией.

Кроме того, как показывает опыт многих молодых стран, для устойчивого развития национальной экономики необходима активная внешнеэкономическая деятельность. И с этим у республики, к сожалению, имеются проблемы. В настоящее время независимость Республики Южная Осетия признали, помимо России, ещё четыре члена ООН: Никарагуа, Венесуэла, Науру и Сирийская Арабская Республика, а также Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровская Молдавская Республика. Позже были подписаны договоры о сотрудничестве, в том числе в области экономики с Республикой Абхазия, Донецкой народной республикой и Луганской народной республикой, а также Сербской Республикой.

В целом, внешнеэкономические связи страны в основном представлены российскими партнерами, и перспектива их расширения ограничена статусом частичного международного признания. Республика находится в состоянии принудительной экономической изоляции, что является серьезным барьером восстановления и дальнейшего развития.

В сложившихся условиях особое значение приобретает фактор приграничного сотрудничества. Географическое и геополитическое положение Республики Южная Осетия обусловливает специфику такого сотрудничества, при котором большие усилия направляются и на само обустройство сухопутных государственных границ[2] как с Грузией, так и с Россией. При этом, как отмечают эксперты, на границе с Россией «только один слабо оборудованный многосторонний АПП, а сообщение происходит через две нитки Рокского тоннеля, блокировка которого приведёт к моментальной потере единственного наземного участка, – остальные 74 км границы с Россией проходят по Большому Кавказскому хребту. Отсутствие ж/д сообщения исключает возможность быстрой и масштабной переброски военных эшелонов»[3].

Республика Южная Осетия наряду с Республикой Северная Осетия-Алания, единственным российским регионом, с которым есть общая граница, находясь в географическом центре Кавказа, могли бы объединить субъекты Российской Федерации, Армению, Азербайджан, Грузию и Республику Абхазия в единый рынок. Но существующие политические проблемы международных отношений и особенности ландшафта препятствуют свободному товародвижению на этом потенциально емком рынке.

Тем не менее, сотрудничество с Республикой Южная Осетия является чрезвычайно важным направлением развития приграничных взаимодействий Республики Северной Осетии-Алания, что отражено и в Стратегии социально-экономического развития региона[4].

В Стратегии социально-экономического развития Республики Южная Осетия до 2030 года хотя и не выделяется самостоятельным разделом развитие приграничного сотрудничества, но большое значение придается реализации совместных инфраструктурных проектов с российским регионом. Так, важной проблемой для Республики Южная Осетия является отсутствие единого транспортного каркаса, вызванное разрывом связей с территорией Грузии. В настоящее время А-164 «Транскам» через Рокский туннель соединяет Республику Северная Осетия-Алания с Республикой

[1] Официальный сайт Президента Республики Южная Осетия. – https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-2018-god-oznamenovalsya-dlya-nashej-respubliki-dostizheniyami-v-razlichnyx-sferax/

[2] Приграничные связи: ресурс евразийской интеграции и межгосударственного сотрудничества России // Проблемы национальной стратегии. 2014. – № 1 (22). – С. 7–30.

[3] Токарев А. А. Географический фактор территориальной дезинтеграции // Россия и АТР. 2017. – № 4. – С. 125–142.

[4] Закон Республики Северная Осетия-Алания «О Стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 года» от 18 сентября 2019 г. № 60-РЗ.

Южная Осетия. Предлагаемые в стратегии мероприятия направлены на формирование целостной сети автомобильных дорог, включая дороги общегосударственного значения, обеспечивающих внешние (межгосударственные) связи[1], в том числе в перспективе через транзитные грузовые и пассажирские перевозки.

Большое значение придается развитию железнодорожного сообщения. Схемой территориального планирования предусматривается строительство железной дороги от Алагира (Северная Осетия) до Цхинвала (Южная Осетия). Из 21 различных вариантов направлений выбрано прохождение трассы параллельно ТРАНСКАМу, через Магский перевал. Протяженность железной дороги «Алагир – Цхинвал» составит 130,8 км. В границах Республики – 57,5 км (в т.ч. 3 км – существующей ж/д ветки), перевального тоннеля – 8,5 км. Предложенный проект не включен в план возведения новых железнодорожных линий России до 2030 года. Поэтому сроки проектирования, строительства и ввода железнодорожного сообщения между Республиками Южная Осетия и Северная Осетия-Алания могут быть утверждены на период, находящийся за пределами настоящего исследования. Возведение железной дороги, соединяющей Южную и Северную Осетии, предполагает строительство развернутой инфраструктуры, включающей железнодорожные вокзалы в Цхинвале и Дзау, девять остановочных платформ, само железнодорожное полотно, а также широкий перечень объектов обеспечения деятельности железной дороги. Однако пока эти планы имеют весьма отдаленную перспективу реализации в силу известных причин.

И, конечно же, вопросы газификации населенных пунктов Южной Осетии невозможно решить без участия северного соседа. К примеру, еще в 2009 году было завершено строительство магистрального газопровода «Дзуарикау – Цхинвал», позволившего обеспечить газом г. Цхинвал и дать возможность создания в Республике Южная Осетия собственной газотранспортной системы.

Помимо инфраструктурного взаимодействия соглашения между Россией и Республикой Южная Осетия в настоящее время предусматривают беспошлинное прохождение большого количества наименований продовольственных товаров как из Южной Осетии в Республику Северная Осетия-Алания, так и в обратном направлении. Принятие Федерального закона от 26.07.2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» дает Республике Северная Осетия-Алания большую самостоятельность в сотрудничестве с Южной Осетией, а также сотрудничеству на муниципальном уровне, в частности, между Алагирским районом Республики Северная Осетия-Алания и Дзаусским районом Республики Южная Осетия.

Существенную роль в развитии приграничного сотрудничества могли бы играть не только органы государственной власти и местного самоуправления, но и предпринимательское сообщество. Развитие предпринимательской сферы имеет огромное значение для югоосетинского региона, поскольку обеспечивает не только занятость населения, снижение безработицы, увеличение доходов бюджета, но и повышает качество жизни, сокращает отток молодежи с территорий республики.

Отраслевая структура малых предприятий Республики Южная Осетия представлена сферой материального производства, торговли, предоставления услуг и т.д. При этом в общей структуре малого предпринимательства лидирующую роль играет торговля. Сегодня одной из проблем республики является то, что большая часть предпринимательской деятельности находится «в тени». Поэтому стимулирование развития предпринимательства и создание условий для его легализации является одним из важнейших направлений деятельности правительства. К примеру, на 2019 год был запланирован темп роста налоговых поступлений от деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства более 114% к уровню 2018 года.

В настоящее время на решение проблемы увеличения налоговых поступлений от малого и среднего предпринимательства направлены Государственная программа «Поддержка малого предпринимательства в Республике Южная Осетия на 2018 год» и Закон РЮО «О льготном кредитовании субъектов малого и среднего предпринимательства в РЮО», в котором предусмотрено выделение финансовых средств из Государственного бюджета не менее 2% от планируемых годовых доходов, за исключением финансовой помощи иностранных государств. В рамках этого закона в 2018 году порядка 40 предпринимателей, занятых в основном в сфере АПК, получили кредиты под 5% годовых.

Участие же североосетинских предпринимателей в совместных проектах и предприятиях могло бы расширить в структуре представительство сферы материального производства: добывающей промышленности, переработки сырья и продукции, агробизнеса, строительства. Кроме того, могло бы помочь восстановлению туристско-рекреационной сферы республики. Все это должно находить отражение в стратегических документах развития обоих регионов.

В целом, современная практика межгосударственных отношений отчетливо демонстрирует повышение роли приграничного сотрудничества, в том числе и как фактора реализации многих внешнеполитических и внешнеэкономических задач. Для таких частично признанных государств, как Республика Южная Осетия, находящихся в условиях экономической изоляции, этот фактор является одним из важнейших для будущего существования и развития страны.

Сегодня приграничные связи – это не только и не столько торговля на приграничном рынке, хотя и она имеет немаловажное значение. Для успешной реализации потенциала приграничности, как справедливо отмечается экспертами, «необходимо внедрять в общественное сознание современные взгляды на приграничные контакты как на сложный системообразующий механизм, который в зависимости от местных условий можно использовать для решения тех или иных социально-экономических и политических задач»[2].

[1] Стратегия социально-экономического развития Республики Южная Осетия до 2030 года.

[2] Приграничные связи: ресурс евразийской интеграции и межгосударственного сотрудничества России // Проблемы национальной стратегии. 2014. – № 1 (22). – С. 7–30.

Журавель В.П.[1]

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ключевые слова*: Арктика, Россия, Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 г., Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Ледков Г.П., Комитет Государственной Думы по делам национальностей, коренные малочисленные народы, традиционный образ жизни, виды традиционной хозяйственной деятельности, промышленные предприятия, образование, Институт народов Севера, кочевая школа, родной язык, социальное развитие, оленеводство, традиционное рыболовство, промысловая охота, тундровики, Ямало-Ненецкий автономный округ.*

Keywords: *Arctic, Russia, fundamentals of state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035, Ministry of the Russian Federation on development of Far East and the Arctic, the Association of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, G.P. Ledkov, the State Duma Committee on nationalities, indigenous peoples, traditional lifestyles, traditional economic activities, industry, education, the Institute of the peoples of the North, nomadic school, native language, social development, reindeer herding, traditional fishing, commercial hunting, tundra, Yamal-Nenets Autonomous district.*

Введение

В Российской Федерации к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока относятся 42 этноса, численность каждого из которых составляет менее 50 тыс. человек. Их общая численность составляет 247 тыс. человек[2].

Непосредственно из 2 млн. 502 тыс. человек, проживающих в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ), представителей коренных малочисленных народов насчитывается 82,5 тыс. человек[3].

Они проживают в семи субъектах АЗРФ в экстремальных природно-климатических условиях, осознают себя самостоятельными этническими общностями. Для них характерен традиционный, в том числе кочевой, образ жизни и традиционное хозяйствование, которое регулируется полностью или частично их собственными обычаями, традициями, а также специальным законодательством.

Законодательство Российской Федерации направлено на сохранение самобытного традиционного образа жизни, который ведут эти народы, с одной стороны, и обеспечение их устойчивого развития – с другой.

Среди основных векторов реализации государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера выделяются следующие ключевые направления:

– сохранение традиционного образа жизни, поддержка и поощрение разнообразия культурных традиций и традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера;

– повышение доступности образовательных услуг для коренных малочисленных народов, в том числе с учётом необходимости использования родного языка в образовательном процессе;

– модернизация системы здравоохранения и медицины в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера;

– содействие повышению занятости коренных малочисленных народов Севера, развитие их традиционной хозяйственной деятельности;

– развитие институтов гражданского общества в среде коренных малочисленных народов Севера, различных форм самоуправления.

Из общего массива основных видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов к занятиям лиц, проживающих непосредственно в условиях Арктического региона, относятся животноводство, в том числе кочевое (оленеводство); традиционное рыболовство, в том числе морской зверобойный промысел; промы-

[1] Журавель Валерий Петрович – к.п.н., доцент, в.н.с., руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН. E-mail: zhvalery@mail.ru

[2] Журавель В.П. Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения // Арктика и Север. 2018. – № 30. – С. 77.

[3] Лукин Ю.Ф. Арктическая энциклопедия: население Арктики. – http://narfu.ru/aan/Encyclopedia_Arctic/Ency clopedia_Popula tion. pdf; Тишков В.А., Новикова Н.И., Пивнева Е.А., Степанов В.В. Коренные народы российской Арктики: история, современный статус, перспективы. – http://docplayer.ru/26670607-Korennye-narody-rossiyskoy-arktiki-istoriyasovremennyy-status-perspektivy-1.html

словая охота; собирательство (заготовка, первичная переработка пищевых лесных ресурсов, сбор лекарственных растений).

Вопросы взаимодействия с промышленными предприятиями, проблемы здравоохранения и образования

Следует констатировать, что промышленная деятельность в среде обитания коренных малочисленных народов привела к кризису в традиционных отраслях и обострила социальные проблемы. Стоит отметить, что масштабное освоение Арктического региона не должно нарушать самобытного уклада жизни коренных северян, неразрывно связанного с природой. Так, из 540 тысяч человек, проживающих Ямало-Ненецком автономном округе, 48 тысяч – это представители коренных народов Севера — ненцы, ханты, селькупы, причём 19 тысяч тундровиков ведут кочевой образ жизни. За последние 8 лет численность коренных народов, кто ведет традиционный уклад выросла на 30 процентов[1]. В связи с этим необходимо формировать особую государственную политику в отношении устойчивого развития по сохранению их самобытной культуры, языка, ремесел, промыслов и исконной среды обитания.

Остается важным развитие диалога между коренными народами и промышленными компаниями. Следует отметить, что в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов ведётся активное промышленное освоение территорий, которое вытесняет малочисленные народы со своих исконных земель, ограничивает, а иногда делает невозможным осуществление привычного и традиционного образа жизни[2]. Заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ О.Н. Епифанова в декабре 2017 г. в ходе семинара-совещания Комитета по делам национальностей отметила, что у коренных малочисленных народов особая миссия. «Именно эти народы, — отметила она, — сегодня являются последним барьером на пути ресурсодобывающих компаний, которые безжалостно эксплуатируют природу. Эти народы — напоминание о связи человека и окружающей среды»[3]. Все эти вопросы часто являются причиной конфликтов и судебных разбирательств. В этих условиях федеральным и региональным органам власти и управления, общественным организациям необходимо постоянно проводить мониторинг положения коренных народов Севера в районах промышленного освоения на основании ряда определённых индикаторов и своевременно принимать решения по исправлению ситуации в лучшую сторону.

Одна из серьёзных социальных проблем коренных народов Севера – крайне высокий уровень мортальности вследствие алкоголизации, инфекционных и онкозаболеваний и суицидов. Высокий уровень потребления спиртных напитков в северных регионах России значительно усугубляется спецификой структуры и форм потребления: преобладание крепких спиртных напитков, «ударные дозы», низкое качество алкогольной продукции, значительные объём фальсификатов, недостаточное питание и т.д. Под влиянием указанных обстоятельств и в силу крайне неблагоприятных социально-экономических условий, особенно характерных для северных регионов, а также биологических особенностей северных этносов, последствия неумеренного потребления алкоголя для аборигенных народов оказываются более тяжелыми, а интенсивность их проявлений — более высокой[4]. По мнению Н.Г. Хайруллиной, приводимые статистические данные не могут быть объективным показателем уровня распространённости пьянства и алкоголизма, поскольку основная часть страдающих этой болезнью не фиксируется никакими службами. Между тем на основании количества официально регистрируемых и находящихся под диспансерным наблюдением алкоголиков и наркоманов можно сделать вывод, что распространение алкоголизма продолжается[5]. Эта проблема порой в СМИ и общественном мнении преувеличивается или занижается, исходя из обстановки или партийных предпочтений. Минздрав России и региональные власти пытаются решить эту проблему, снизить её злободневность.

Среди коренных малочисленных народов остро стоят вопросы образования. Ее положительные и проблемные вопросы, в последнее время находятся в фокусе внимания ряда исследователей[6], органов исполнительной и законодательной власти. Некоторые учёные необходимость улучшения образования и воспитания коренных малочисленных народов обосновывают тем, что для части населения характерны «утрата этнокультурного своеобразия, размывание

---

[1] Вершинин И.С. Социально-экономические факторы развития арктических регионов// Вестник Института мировых цивилизаций. – М., 2020. – Т.11, № 1. – С. 57.

[2] Кряжков В.А. Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. – М., 2014. – № 7. – С. 27–39; Сморчкова В.И. Практика взаимодействия коренного населения и промышленных компаний в Арктике // Государственная служба. – М., 2015. – № 4. – С. 63–67.

[3] Епифанова напомнила об особой миссии коренных малочисленных народов России. 11.12.2017. – https://www.pnp.ru/politics/epifanova-napomnila-ob-osoboy-missii-korennykh-malochislennykh-narodov-rossii.html

[4] Мельников А.В. Медико-демографические вопросы коренного населения западных территорий ХМАО-Югры // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. ст. VIII Уральского демографического форума / Отв. ред. А.И. Кузьмин. Т. 2. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. – С. 429–433.

[5] Хайруллина Н.Г. Проблема алкоголизма в среде коренных малочисленных народов севера // Современные проблемы науки и образования. 2015. – № 1 (ч. 1). 27.05.2015. – http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=19337

[6] Малышева Е.В., Набок И.Л. Образование коренных малочисленных народов Арктики: проблемы и их перспективы развития // Общество. Среда. Развитие. 2015. – № 1. – С. 139–144; Терехина А.Н. Кочевые школы: ограничения или возможности? // Этнографическое обозрение. 2017. – № 2. – С. 137–153; Егоров В.Н. Социально-педагогические особенности организации учебно-воспитательного процесса в школах коренных народов Крайнего Севера // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2013. – Т. 10, № 3. – С. 103–106.

этнического самосознания, породившие маргинальные настроения и разнообразные формы девиантного поведения (от бродяжничества и алкоголизма, нежелания работать до суицида и преступности)[1].

Поэтому в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 № 164, обращается внимание на обеспечение доступности качественного дошкольного, начального общего и основного общего образования, среднего профессионального и высшего образования, услуг в сфере культуры, физической культуры и спорта в населенных пунктах, расположенных в отдаленных местностях, в том числе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов[2].

В настоящее время дети коренных малочисленных народов, живя в школах-интернатах, отрываются от традиционных корней, забывают язык и свои обычаи. На многих площадках (конференциях, совещаниях, заседаниях, форумах) Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (АКМНСС и ДВ РФ, Ассоциация) ставила перед федеральными и региональными государственными органами власти вопросы внесения изменения в Федеральный закон «Об образовании Российской Федерации», обеспечивающие возможности для получения образования детьми, ведущими с родителями кочевой традиционный образ жизни, разработки образовательных программ для кочевых школ и детских садов как особого типа образовательной организации, способствующей сохранению и развитию традиционных отраслей народного хозяйства в условиях кочевья.

Одной из основных проблем в образовательных организациях коренных малочисленных народов является «старение» педагогических кадров, нехватка молодых преподавателей родных языков, литературы и культуры, трудности с поступлением в учебные заведения, в том числе в Институт народов Севера при Российском государственном педагогическом университете им А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Этот вопрос нашел свое отражение 29 ноября 2019 году в г. Нальчике на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям[3]. По итогам выступления заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам национальностей, Президента Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ Ледкова Г.П., Президентом РФ В.В. Путиным было дано соответствующее поручение (пункт 7 и 8)[4].

Так, в соответствии с пунктом 7, было поручено Минобрнауки России, Минпросвещения России, ФАДН России при участии Общероссийской общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»: а) проанализировать практику изучения языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в качестве родного языка в системе общего образования, а также определить необходимое количество соответствующих педагогических работников; б) по результатам анализа, предусмотренного подпунктом «а» настоящего пункта, обеспечить дополнительную подготовку педагогических работников, осуществляющих преподавание родного языка из числа языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также литературы этих народов на родном языке, в том числе в рамках целевого обучения, осуществляемого на базе Института народов Севера федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена».

В соответствии с пунктом 8, было поручено Минобрнауки России подготовить совместно с Минпросвещения России, ФАДН России, Общероссийской общественной организацией «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и представить предложения об оказании дополнительных мер социальной поддержки лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, обучающимся в российских образовательных организациях высшего образования по программам, предусматривающим изучение языков и культур этих народов.

В рамках выполнения указанных поручений Ассоциация вместе с ответственными ведомостями подготовила предложения в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации об оказании дополнительных социальных мер по поддержке лиц, относящимся к коренным малочисленным народам, в том числе: оплату проезда от места учёбы к месту проживания один раз в год в размере фактических расходов, обеспечение питанием; материальное обеспечение (одежда, обувь, мягкий инвентарь); выплата единовременного денежного пособия выпускникам; ежегодное пособие на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей; дополнительная социальная поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, студентов из малоимущих семей.

С целью повышения квалификации педагогических кадров, осуществляющих преподавание родного языка, литературы и культуры Ассоциация также предложила на базе РГПУ им. А.И. Герцена создать Всероссийский научно-образовательный ресурсный центр развития и модернизации образования коренных малочисленных народов Арктики, Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, восстановить 12 бюджетных мест на эвенкийское отделение Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова.

В 2020 г. была проведена серия мероприятий, направленных на решение вопросов образования коренных малочисленных народов российского Севера. Так, 13 мая Ассоциация успешно провела Межрегиональное онлайн-совеща-

---

[1] Неустроев Н.Д., Неустроева А.Н. Образование на Севере как фактор развития коренных малочисленных народов // Современные проблемы науки и образования. 2013. – № 5. – С. 253–254.

[2] Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhpAaQ0WB1zjywN04OgKiI1mAvaM.pdf

[3] Заседание Совета по межнациональным отношениям. 29.11.2019. http://www.kremlin.ru/events/president/news/62160

[4] Перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям. 16.01.2020. – http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62618

ние «Новые проекты в преподавании родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», в котором приняли участие учителя родных языков, литературы и культуры, специалисты сферы образования, представители общественных организаций, учреждений науки и профессионального образования, языковые активисты из 16 субъектов Российской Федерации. 8 июня в формате видео-конференции состоялась заседание Рабочей группы Арктического совета по устойчивому развитию, в котором участвовали свыше 100 человек из Исландии, США, Канады, Финляндии, Норвегии, Дании, Швеции, а также представители Арктического совета атабасков, Международной ассоциация алеутов, Международного совета гвичинов, Циркумполярного Совет инуитов. Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ на мероприятии представляли Юрий Хатанзейский, Фаина Леханова и Антонина Горбунова. Совместно с представителями Федерального агентства по делам национальностей они рассказали о продвижении Международного проекта «Дети Арктики: дошкольное и школьное образование», одной из основных целей которого является проведение исследований, направленных на оценку и повышение качества системы дошкольного и школьного образования [1].

Органы власти в последнее время активизировали мероприятия, направленные на внедрение информационных технологий в образовательный процесс, в том числе при дистанционном обучении. Педагогический состав нацеливается на планомерную работу по подготовке учащихся для учёбы в вузе в городских условиях.

Главной культурной ценностью для коренных народов, по мнению депутата Госдумы Г.П. Ледкова, являются их традиционные знания, объединяющие широкий спектр представлений о взаимодействии с природой и месте человека в природном и общественном окружении, навыков повседневной жизни. Их прочные связи с природной средой позволяют умело распознавать угрозы, вызванные потеплением климата и другими экологическими изменениями. К сожалению, в практике многих государств, в том числе России, этот вклад остается незаметным.

С учётом потребностей ведения традиционного образа жизни более всего коренным народам требуется подготовка учителей родного языка, специалисты в области оленеводства (зоотехники), рыболовства (переработчики рыбной промышленности). Нужны врачи, фельдшеры, квалифицированные специалисты в сфере обеспечения деятельности территорий традиционного природопользования, а также рабочие, мастера и инженеры в нефтегазовой сфере.

Следует отметить, что совершенствование системы образования коренных малочисленных народов решает и проблему их языков, так как существует потенциальная угроза их исчезновения. Наиболее успешно вопросы образования, культуры коренных народов решаются исполнительными и законодательными органами Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации

Много внимания уделяется развитию институтов гражданского общества в среде коренных малочисленных народов Севера. В марте 2017 г. на VIII съезде Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого и седьмого созывов Григорий Ледков единогласно был избран его президентом на второй срок. До избрания в Госдуму он работал председателем сельскохозяйственного производственного кооператива «Тазовский» в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. В настоящее время он является заместителем Комитета Государственной Думы по делам национальностей, возглавляет подкомитет по законодательному обеспечению защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, входит в состав Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. Является руководителем постоянной делегации Государственной Думы в Северном Совете – региональной организации сотрудничества парламентариев Северной Европы – Дании, Исландии, Норвегии и Финляндии. В соответствии с распоряжением Президента РФ от 15 января 2020 г. Ледков Г.П. включен в состав рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации.

Сегодня АКМНСС и ДВ РФ:

– имеет специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ECOSOC), является активным участником сессий Рабочих групп ООН по вопросам коренных народов и проекту Декларации по правам коренных народов, а также сессий Комиссии по правам человека и Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов;

– является Постоянным участником Арктического совета, чьи эксперты занимаются в различных рабочих группах и программах;

– имеет статус наблюдателя в Управляющем Совете Программы ООН по окружающей среде;

– имеет статус наблюдателя при Комитете интеллектуальной собственности и генетических ресурсов, традиционных знаний и культуры Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Ассоциация в последние годы значительно активизировала свою общественную деятельность, повысив авторитет и влияние в рамках деятельности Арктического совета, занимает принципиальную позицию по защите законных интересов и прав коренных малочисленных народов.

Ассоциация поддерживает деятельность, направленную на изучение вопросов культуры, традиций и образования коренных малочисленных народов. Следует отметить, что 18 июня 2020 г. Президент России подписал указ о

[1] Информация получена из Отдела права и международного сотрудничества Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

присуждении Государственной премии РФ в области науки и технологий за 2019 г. члену-корреспонденту Российской академии наук, директору федерального государственного бюджетного учреждения науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук Головнёву Андрею Владимировичу «за вклад в изучение культурного наследия народов Арктики»[1]. Андрей Головнёв — признанный в России и за рубежом специалист в области антропологии и этнологии Арктики, в течение 40 лет проводивший полевые работы на Ямале, Таймыре, Гыдане, Полярном Урале, Русском Севере, Чукотке, в Югре, Якутии, Скандинавии, на Аляске и в других областях Арктики и Субарктики. Фундаментальные исследования он сочетал с научно-прикладными разработками и их популяризацией средствами кинематографа и музейно-выставочной деятельности.

В экспертном сообществе АКМНСС и ДВ РФ имеется перечень решений, которые надо в ближайшее время принять на федеральном и региональном уровнях. О них на научной конференции «Современная Арктика: вопросы международного сотрудничества, политики, экономики и безопасности» в Институте Европы РАН говорил в своем выступлении советник президента АКМНСС и ДВ РФ В.С. Истомин.

Наиболее актуальными, на взгляд Координационного совета АКМНСС и ДВ РФ, являются следующие вопросы:

– проблемы в традиционном рыболовстве в части приоритетного доступа к рыбопромысловым участкам, расширения субъектов традиционной хозяйственной деятельности, видов и объёмов квот;

– проработка правовых механизмов, обеспечивающих создание и функционирование территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов;

– создание действенного механизма учёта мнения коренных народов при принятии решений о промышленном освоении территорий, которые являются территориями традиционного проживания. На сегодняшний день коренные народы в большинстве своём исключены из процессов принятия решений;

– оценка воздействия проектов промышленной деятельности на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов и порядок возмещения убытков, причинённых в результате хозяйственной деятельности промышленных компаний;

– увеличение объёмов финансирования, направленных на поддержку коренных народов, с проработкой механизма системы общественного контроля за поступающими денежными средствами;

– восстановление регулярного статистического наблюдения социально-демографического и экономического положения коренных малочисленных народов. Речь идёт о наблюдении за демографической ситуацией, состоянием здоровья, образовательным уровнем, занятостью, доходами и иными направлениями, характеризующими качество жизни коренных малочисленных народов.

Часть этих вопросов находится в стадии окончательного решения.

Заключение

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации к настоящему времени сумели сохранить свою уникальную самобытность, культуру, язык, ремесла и промыслы, приверженность к традиционному образу жизни. Традиционный уклад жизни практически не изменился за века.

Следует отметить, что в условиях активной промышленной деятельности исконная среда обитания коренных малочисленных народов подвергается негативным воздействиям, что в ряде случаев ведёт к полной утрате территорий и акваторий, на которых осуществляются традиционные виды хозяйственной деятельности. Изымаются значительные площади оленьих пастбищ и охотничьих угодий, часть используемых прежде промысловых рек и водоёмов теряет своё рыбохозяйственное значение.

Оптимистический сценарий развития коренных малочисленных народов наблюдается в таких субъектах, как Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия) и Ханты-Мансийский автономный округ. Успех достигается ассигнованиями за счёт добычи энергоресурсов крупными компаниями в этих регионах.

Несмотря на существующие недоработки, в Российской Арктике в результате самодостаточной общественно-государственной, этнонациональной политики постепенно складывается работающая система, обеспечивающая соблюдение прав коренных малочисленных народов, их традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности. Необходимо указать, что законодательное обеспечение само по себе никак не решит проблем аборигенов без принятия соответствующих программ развития, подкрепленных реальным финансированием.

В связи с этим важно изучать опыт решения подобных проблем в странах Арктического совета, в деятельности которого статус «постоянного участника» наряду с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации предоставлен ещё пяти организациям коренных народов: Циркумполярной конференции инуитов, Международной ассоциации алеутов, Совету саамов, Арктическому совету атабасков и Международному совету гвичинов. Данный опыт нашел своё отражение в недавно изданной в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова книге «Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы»[2], которая получила высокую оценку экспертов и практических работников.

---

[1] Указ о присуждении Государственных премий в области науки и технологий 2019 года. 18.6.2020. – http://www.kremlin.ru/acts/news/63519

[2] Верещагин И.Ф., Зайков К.С., Тамицкий А.М., Трошина Т.И., Соколова Ф.Х., Харлампьева Н.К. и др. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: моногр. / Под общ. ред. Н.К. Харлампьевой. – Архангельск: САФУ, 2017. – 325 с.

Важно продолжать и совершенствовать правоприменительную практику в области обеспечения коллективных прав коренных малочисленных народов, обеспечивать им возможности для традиционного природопользования и ведения привычного образа жизни, учитывать их интересы при принятии управленческих решений по освоению арктических территорий, а также разрабатывать и вводить в действие механизмы компенсации нанесённого ущерба.

В настоящее время Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ проводит значительную подготовительную работу по международному сотрудничеству в рамках предстоящего председательства Российской Федерации в Арктическом совете 2021–2023 гг.

Kostuchenko E.
senior lecturer, Polotsk state university,
e.kostuchenko@psu.by
Klyunya V.
doctor of economics, professor, Polotsk state university

CLUSTERING AS A DRIVER OF REGIONAL ECONOMIC COMPLEXES: INNOVATIVE DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF KNOWLEDGE ECONOMY FORMATION

Keywords: *clustering, innovative development, cluster, network cooperation, knowledge economy network platform, public-private partnership, Novopolotsk petrochemical cluster.*

1. Introduction

In the context of globalization and increasing competition, the stability of the Belarusian economy largely depends on the effective development of the economy of regions and sectors. One of the main priorities of the state policy of the Republic of Belarus is the transfer of the economy to an innovative path of development, since the intensification of innovative activity allows to raise the level of competitiveness of the national economy and ensure stable progressive development of the country. In the Republic of Belarus, the use of a sectoral approach prevails in the management of innovative activities, which does not fully contribute to the innovative renewal of the national economy. The level of research intensity of the country's GDP is not high enough. In this regard, the search for new approaches to organizing and managing innovative activities at the country level, as well as creating an enabling environment for the development, dissemination and commercialization of innovations, becomes relevant. For the economic development of the country's regions it is necessary to build continuous and regular interaction of science and production, as well as the full-scale application of competitive scientific and technical solutions and achievements. Organizational, legal and economic conditions are needed that will accelerate the development of production and the launch of competitive and high-tech products on the market. In regions of the country there are necessary prerequisites for it, namely a significant number of organizations and the developed potential of research and educational institutions of the same profile.

In the modern economy, the cluster approach is one of the most effective tools for developing regional economies and increasing the competitiveness and innovative activity of organizations, as evidenced by the vast experience of clustering of economically developed countries [6].

In the context of the formation of innovative economy of the Republic of Belarus there is a need to develop new and effective mechanisms for the development of regional and sectoral complexes that operate in conditions of fierce competition and dynamically changing external environment. In recent decades cluster theory has become increasingly popular not only among foreign researchers, but also among domestic economists.

Ensuring a steady pace of development of the territory, achieving the strategic goals of the regions is impossible without an interested partnership of the authorities with business representatives. Cluster approach to managing regional development is an alternative to traditional sectoral industrial policy [4]. Clusters can become the basis for effective economic development of regions, being innovative systems. The cluster approach is a promising basis for creating new forms of combining knowledge, stimulating the emergence of innovative scientific and technical areas and their commercial applications, as well as indirectly supporting the field of education, science and business [10]. In addition, this approach to organizing effective interaction between business entities can be successfully applied in the transition to a knowledge economy and digital economy.

A unified theory of clusters is not yet formed in the international practice. There is a set of definitions of a cluster, but there is no universally accepted classification of clusters and a unified approach to the study and identification of cluster structures. Conducting systemic research on the formation of conceptual structure and basic conceptual positions of cluster concept gains a particular relevance in this context. Thus, the purpose of research in this article is to investigate theoretical foundations of clusters and to assess clustering potential of manufacturing sector of Vitebsk region. The novelty of this research lies in the fact that the theoretical and practical foundations of clustering regional industrial complexes of the Republic of Belarus have been studied and scientifically grounded for Novopolotsk petrochemical cluster.

2. The impact of clusters to the competitiveness and innovative activity of organizations

Successful economic development is a process of successive economic upgrading in which the business environment evolves to support and encourage increasingly sophisticated ways of competing. Interdependence between productivity, innovation, and the business environment can be represented by the diamond model (see figure 1) [5, p. 5].

A country's or region's future competitiveness depends on progress in two dimensions: cross-cluster issues affecting the whole economy and clusters [5, p. 23].

Clusters provide the opportunity to move to a new level of private-public partnership. They can also be a test-ground for developing solutions to economy wide problems. However, cluster initiatives alone are less effective, if they are not part of an overarching approach to improve competitiveness on the national and/or regional level [5, p. 23].

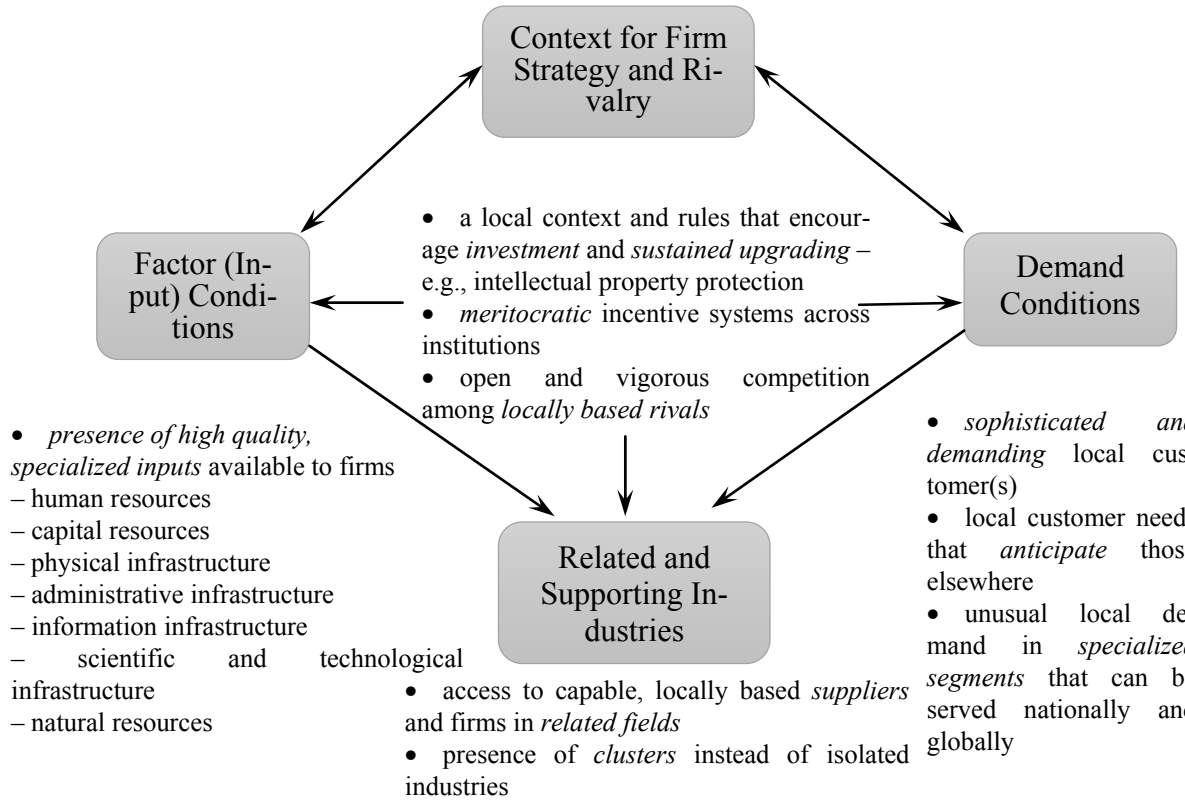

Figure 1.
Interdependence between productivity, innovation, and the business environment Source: [5, p. 5]

The impact of clusters to the competitiveness [5, p. 7]:

1. Clusters increase productivity and efficiency:
- efficient access to specialized inputs, services, employees, information, institutions, and "public goods";
- ease of coordination and transactions across firms;
- rapid diffusion of best practices;
- ongoing, visible performance comparisons and strong incentives to improve vs. local rivals.

2. Clusters stimulate and enable innovations:
- enhanced ability to perceive innovation opportunities;
- presence of multiple suppliers and institutions to assist in knowledge creation;
- ease of experimentation given locally available resources.

3. Clusters facilitate commercialization:
- opportunities for new companies and new lines of established business are more apparent;
- commercializing new products and starting new companies is easier because of available skills, suppliers, etc.

So, clusters reflect the fundamental influence of externalities/linkages across firms and associated institutions in competition clusters and competitiveness.

3. Cluster definitions. Structure of clusters

On the one hand, cluster definitions need to be broad enough to include all relevant industries and institutions that have material linkages with the core activities of the cluster; on the other hand, cluster definitions need to be narrow enough to cover companies that face a common set of barriers to upgrade productivity and performance [5, p. 25]. Clustering could be called coopetiton – cooperating in order to be more competitive and successful [3, p. 6].

Clusters have been well described by professor Michael Porter, the OECD, and many others.

Cluster is a geographically proximate group of interconnected companies and associated institutions in a particular field, linked by commonalities and complementarities (external economies) [8, p. 6]. Clusters encompass an array of linked industries and other entities important to competition … including governmental and other institutions – such as universities, standard setting agencies, think tanks, vocational training providers and trade associations [1, p. 17].

Clusters consist of co-located and linked industries, government, academia, finance and institutions for collaboration (see figure 2).

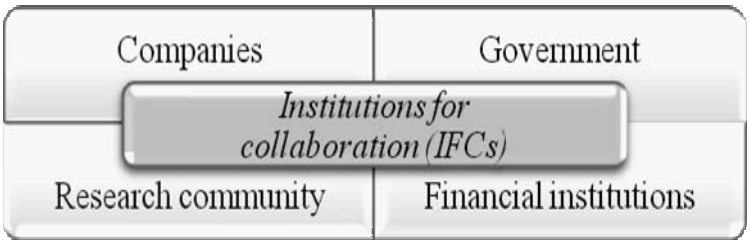

Figure 2.
Cluster structure. Source: [11, p. 18]

Summarizing the approaches to the interpretation of the concept of «cluster», in the purpose of our research we offer the following definition of concept «innovation-industrial cluster»: a set of geographically localized in a certain area, complementary, competing businesses (including suppliers, producers and consumers) linked by relations of cooperation to each other and with state and local authorities, united on an informal basis around the research or scientific-educational centre, with a purpose of creating a favourable environment for the dissemination of innovation, and enhancing innovative activity and competitiveness of organizations-actors of the cluster, regional and national economy.

4. Identification of clusters in Vitebsk region

At present, there is no generally accepted method for identifying clusters. The uniformity of composition is noted only in countries implementing one cluster project, for example, the project «INCLUDE» [2]. The experience of clustering shows that most countries use the analysis of M. Porter's value chain (qualitative analysis of the production chain) and "cost-output" analysis as methods of cluster research [9]. In general, all methods of identifying clusters can be divided into quantitative and qualitative ones. The first group includes, for example, method of calculating the localization coefficient, complex methodology using the localization coefficient (M. Porter), analysis of «cost-output» tables, methodologies for identifying clusters based on indicators of overflows of knowledge, labor, (Ripley's K-function, Markon's M-function, G. Lindkvist's Q-function), method of structural shifts (Shift-Share method), etc. The group of qualitative methods includes the method of interviewing of experts, the snowball method, compiling the genealogical tree of the cluster, case study, etc. Some authors suggest using the localization coefficient, the coefficient of per capita production and the coefficient of specialization of industries to identify cluster subjects [16]. If the calculated coefficients are greater than one and tend to grow, therefore, it is possible to create clusters for these types of economic activity. We approve the proposed methodological approach on the example of the economy of the Vitebsk region calculating coefficients by types of economic activity of section C «Manufacturing» in 2000-2018. The corresponding coefficients are shown in Table 1.

Table 1

The localization coefficient, the coefficient of per capita production and the coefficient of specialization of industries for Vitebsk region by types of economic activity in 2000–2018. Source: calculated by authors on the basis of [7; 12; 13; 14; 15]

Indicator	Year	Coefficient value (by sub-sections of section C «Manufacturing»)														
		CA	CB	CC	CD	CE	CF	CG	CH	CI	CJ	CK	CL	CM	CN	CF-CI
Localization coefficient by types of economic activity (in terms of «volume of production»)	2000	0,7	0,9	2,0	0,4	0,3	3,0	0,7	0,2	0,4	0,2	0,2	0,6	0,0	0,2	1,8
	2005	0,6	1,3	1,8	0,6	0,2	2,8	0,8	0,2	0,5	0,2	0,2	0,7	0,0	0,2	1,8
	2010	0,7	1,1	2,5	0,7	0,2	2,5	1,1	0,4	0,5	0,2	0,2	0,6	0,1	0,3	1,6
	2015	0,7	1,1	3,0	0,7	0,2	2,7	0,7	0,5	0,5	0,2	0,2	0,6	0,1	0,3	1,6
	2017	0,7	1,2	2,9	0,6	0,3	2,6	0,9	0,6	0,6	0,3	0,2	0,5	0,1	0,2	1,7
	2018	0,6	1,1	3,0	0,7	0,3	2,7	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3	0,5	0,1	0,2	1,7
Localization coefficient by types of economic activity (in terms of «volume of produced innovative products»)	2000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	2005	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	2010	0,2	1,0	–	–	–	3,6	0,1	0,2	0,1	0,0	0,1	0,4	0,0	0,0	2,4
	2015	1,0	1,8	2,0	0,1	0,5	1,9	0,4	0,2	0,1	0,0	0,1	0,4	0,1	0,5	1,5
	2017	1,1	1,7	2,1	0,2	0,4	2,1	0,3	0,3	0,1	0,1	0,2	0,4	0,1	0,6	1,6
	2018	1,1	1,8	2,2	0,2	0,4	2,0	0,4	0,3	0,1	0,1	0,2	0,3	0,1	0,5	1,5
Localization coefficient by types of economic activity (in terms of «employment»)	2000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	2005	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	2010	1,2	1,6	2,7	1,1	0,4	4,6	0,9	0,6	1,1	0,6	0,5	1,1	0,1	0,5	1,1
	2015	1,1	1,6	3,2	1,1	0,5	4,5	0,9	0,6	1,2	0,5	0,5	0,9	0,2	0,5	1,2
	2017	1,2	1,5	3,3	1,0	0,6	4,7	0,8	0,5	1,2	0,6	0,5	0,9	0,3	0,6	1,3
	2018	1,1	1,6	3,2	1,1	0,6	4,6	0,9	0,6	1,3	0,6	0,5	0,8	0,3	0,6	1,4
Coefficient of per capita production by types of economic activity	2000	1,0	1,3	2,8	0,6	0,4	4,3	1,0	0,3	0,6	0,3	0,3	0,9	0,0	0,3	2,5
	2005	0,8	1,8	2,5	0,8	0,2	3,8	1,0	0,3	0,7	0,3	0,3	1,0	0,0	0,3	2,5
	2010	0,9	1,5	3,4	0,9	0,2	3,4	1,4	0,5	0,6	0,3	0,3	0,7	0,1	0,4	2,2
	2015	0,8	1,4	3,7	0,9	0,2	3,4	0,9	0,6	0,6	0,3	0,3	0,7	0,2	0,4	2,0
	2017	0,9	1,7	3,6	0,8	0,3	3,5	0,8	0,6	0,7	0,4	0,3	0,8	0,2	0,5	2,1
	2018	0,9	1,6	3,7	0,9	0,3	3,4	0,9	0,6	0,7	0,4	0,3	0,8	0,2	0,5	2,2

Coefficient of specialization of the region on the given type of economic activity	2000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	2005	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	2010	1,4	2,2	5,0	1,4	0,3	4,9	2,1	0,7	0,9	0,4	0,4	1,1	0,1	0,5	3,2
	2015	1,2	2,2	5,6	1,3	0,4	5,2	1,4	0,9	0,9	0,4	0,4	1,1	0,3	0,5	3,0
	2017	1,1	2,3	5,4	1,2	0,4	5,3	1,5	0,8	0,9	0,5	0,3	1,2	0,2	0,6	3,1
	2018	1,2	2,3	5,5	1,2	0,4	5,2	1,3	0,9	0,8	0,5	0,4	1,2	0,2	0,6	3,2

Analysing the values of the coefficients of localization by types of economic activity, per capita production by types of economic activity and specialization of the region on the given type of economic activity in aggregate, it can be concluded that there are prerequisites for clustering in Vitebsk region by such type of economic activity as «Manufacture of textiles, wearing apparel, leather and related products» (sub-section CB), «Manufacture of wood and paper products; printing and reproduction of recorded media» (sub-section CC), «Manufacture of basic pharmaceutical products and pharmaceutical preparations» (sub-section CF) and for aggregation of types of economic activity of sub-sections CF-CI.

When analysing the values of the coefficients of per capita production by types of economic activity and specialization of the region on the given type of economic activity in aggregate, it can be concluded that there are some prerequisites for clustering in Vitebsk region by such type of economic activity as «Manufacture of food products, beverages and tobacco products» (sub-section CA) and «Manufacture of rubber and plastics products, and other non-metallic mineral products» (sub-section CG).

Analysing only the values of the coefficients of specialization of the region on the given type of economic activity, it can also be noted that there are some prerequisites for clustering in Vitebsk region by such type of economic activity as «Manufacture of coke and refined petroleum products» (sub-section CD) and «Manufacture of transport equipment» (sub-section CL).

In general, we can conclude that in Vitebsk region the most significant prerequisites for clustering exist precisely for the types of economic activity «Manufacture of textiles, wearing apparel, leather and related products» (sub-section CB), «Manufacture of wood and paper products; printing and reproduction of recorded media» (sub-section CC), «Manufacture of basic pharmaceutical products and pharmaceutical preparations» (sub-section CF) and for aggregation of types of economic activity of sub-sections CF-CI. In other words, we can say that there is a sufficient degree of localization of the organizations of relevant economic activities for identifying potential petrochemical, leather, footwear and textile clusters in the territory of Vitebsk region.

5. Novopolotsk petrochemical cluster

Nowadays environmental problems are acute in the Novopolotsk region, there is a threat to the sustainability of the region's development due to trends in de-carbonization of industries and the transition to a low-carbon economy, green economy, circular economy (this is due to the region's specialization (city-forming industries) in chemistry, petrochemicals and oil refining.

In this regard, the region needs a reorientation to new technologies, new types of industries, and the use of new resources. The region needs to intensify innovation processes, to develop small and medium-sized businesses, and to intensify digital transformation. To implement the transformations, a comprehensive approach is needed, joint efforts of business (large, medium and small), science (research and development, education), government, infrastructure are needed to build a new development strategy and implement it. The tool (organizational form) of such interaction is the cluster.

The effective functioning of the cluster should become the foundation for achieving the key goals of sustainable development of the region.

Novopolotsk innovation-industrial petrochemical cluster is a combination of legal entities and individual entrepreneurs, geographically localized, complementary, competing, linked by cooperative relationships, as well as interacting with the organization of cluster development on a contractual basis, aimed at creating an enabling environment for the spread of innovations, development and production of innovative and high-tech products.

The cluster as one of the «drivers» of economic growth is primarily oriented (in the long-run) to improving the quality of life of the population based on the growth of the economy's competitiveness, attracting investments and innovative development.

The purpose of Novopolotsk petrochemical cluster is to increase the competitiveness of the territory through the growth of innovative activity of cluster entities and improvement of mechanisms for their interaction.

The main sub-goals (tasks) of functioning of Novopolotsk petrochemical cluster are:

- consolidation of production, scientific, educational, innovative, organizational, administrative potential, aimed at improving the competitiveness of products and the regional economy;
- promoting the development of scientific, industrial, organizational cooperation within the framework of the cluster, including the commercialization of scientific research;
- introduction of technological innovation by ensuring the effective interaction of science, business and government;
- increasing the competitiveness of cluster entities at the regional, national and global levels;
- transfer of innovation according to the «science-production» scheme;
- preparation of proposals for public authorities and local authorities in the field of industrial, innovative, scientific, educational, cluster policy;
- promoting the development of industries related and complementary types of economic activity;
- promoting the growth of employment in the region through the development of small and medium-sized enterprises;
- increasing the investment attractiveness of the region and ensuring high rates of economic growth.

The results of functioning of the cluster should be:

- growth of innovative activity and economic potential of the region;
- increase in the number of employed citizens for newly created jobs, including through the creation of new enterprises and industries;
- increase in competitiveness, quality, production volumes and sales of products (works, services);
- increase in labour productivity;
- increase in the volume of research and development carried out to create new and modernize existing technologies and industries, the commercialization of scientific and technological developments;
- growth in real investment;
- ensuring social stability and economic development of the region, increasing its economic potential, economic attractiveness and competitiveness;
- development of small and medium-sized businesses.

The following cluster projects were identified as the most promising areas of interaction (possible cooperation of cluster participants in the long term):

- production of small tonnage chemical and petrochemical products;
- production of sulfur concrete.

To increase the cluster's effectiveness and competitiveness, it is necessary to fully utilize the mechanisms of network cooperation and public-private partnership (PPP) by all cluster participants.

The set of measures to enhance network cooperation and PPP during clustering includes the following areas:

- creation of a favourable macroeconomic and legal environment for the implementation of mechanisms for network cooperation and PPP;
- development of program documents for enhancing network cooperation and PPP in individual sectors of the economy both at national and regional level;
- promoting the dissemination of knowledge about networking and PPP;
- training of specialists in the field of PPP and network cooperation, as well as increasing the potential of the public sector, which will directly or indirectly relate to the implementation of PPP projects;
- identifying the most significant prerequisites and launching pilot projects for the implementation of network cooperation and PPP;
- preparing and conducting activities aimed at developing a culture of cooperation (both between private partners and/or competitors, and between them and their state partners), with the aim of increasing the level of mutual trust;
- development of forms and mechanisms for effective interaction between all subjects of network cooperation and PPP;
- development of optimal mechanisms for interaction with elements of innovative infrastructure and research organizations in the framework of network cooperation and PPP;
- assistance and partnership in the implementation of projects for the formation of a scientific and innovative infrastructure in the framework of network cooperation and PPP (technology centres, technology parks, equipment sharing centres, industry technology transfer centres, industry laboratories, free economic zones, etc.);
- improving tax and customs policies, including tax and customs benefits;
- promotion of preferential financial policies;
- more active formation of elements of the institutional environment of PPP in the country: financial and economic institutions providing investment and guaranteeing private investment, independent organizations conducting project reviews and consulting, management companies, associations, foundations, etc.;
- support for the implementation of cluster programs on the basis of network cooperation and PPP;
- development of a set of measures to stimulate and support regional cluster initiatives and cooperation;
- establishment of competitions and grants aimed at selecting and financing the implementation of promising cluster projects;
- development of forms and mechanisms for effective communication interaction within the framework of network cooperation and PPP (B2B, B2A and C2A portals).

The last of the above area is becoming increasingly relevant within the framework of modern trends in the digital transformation of the economy and international integration processes.

6. Conclusion

In the conditions of formation of knowledge economy and network economy, traditional approaches to innovative development and increase of competitiveness should be supplemented by a new cluster approach in the formation of factors of competitive advantages. Clusters are self-organizing systems in which strategic competitive advantages are created through the synergistic effect of network cooperation and public-private partnership. The growth of innovation activity in clusters is the result of positive externalities: the exchange of knowledge, technologies, high innovative activity of firms due to high competition.

In general, the theoretical study allows to assert that for the Republic of Belarus cluster approach may become a very promising way to increase the competitiveness of products and a mechanism for enhancing innovation processes in regions. On the territory of Vitebsk region, there are prerequisites for the establishment of petrochemical cluster, leather, footwear and textile clusters. These clusters may become the basis of enhancing the competitiveness of firms participating the clusters, which may increase the competitiveness of Vitebsk region and country economy as a whole. The effective functioning of Novopolotsk petrochemical cluster should become the foundation for achieving the key goals of sustainable development of the region.

References

1. Andersson T., Schwaagserger S., Sörvik J., Hansson E.W. The Cluster Policies Whitebook. – Malmö: IKED, 2004. – http://led.co.za/sites/led.co.za/files/documents/155.pdf
2. Central Hungary regional report (2016). INCLUDE: Industrial cluster development. – http://www.include.net
3. Cluster Building: A Toolkit. A Manual for starting and developing local clusters in New Zealand (2001). Cluster Navigators Ltd. – http://www.vaxtarsamningur.is/ Files/Skra_0023777.pdf
4. Karpova D.P. Ispol'zovanie klasternogo podhoda v upravlenii regional'noj ekonomikoj // Regional'naya ekonomika i upravlenie. 2007. – N 4. – https://eee-region.ru/article/1205/
5. Ketels C. Cluster-Based Economic Development // EDA Annual Conference. Washington, D.C., 2003 (May 9). – http://www.caps.am/data.php/ 859.pdf
6. Kostuchenko E.A. Analiz zarubezhnogo opyta formirovaniya i ispol'zovaniya klasternyh struktur v regional'nom razvitii // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2013. – N 14. – S. 32-41.
7. Kostuchenko E.A. Ocenka potenciala klasterizacii neftekhimicheskogo kompleksa Vitebskoj oblasti // Potrebitel'skaya kooperaciya. 2015. – N 1. – S. 80–84.
8. Porter M.E. Clusters, Innovation, and Competitiveness: New Findings and Implications for Policy // EU Conference on Innovation and Clusters, Stockholm, 2008 (January 22). – http://www.isc.hbs.edu/pdf/20080122_European Cluster Policy.pdf
9. Roelandt T.J.A., Hertog P. den. Cluster Analysis & Cluster-based policy in OECD-countries various approaches, earl results & policy implications. Report by the Focus Group on: Industrial clusters. – http://www.oecd.org / daf/ corporate
10. Shepelev I.G., Markova U.A. Turistsko-rekreacionnye klastery – mekhanizm innovacionnogo sovershenstvovaniya sistemy strategicheskogo upravleniya razvitiem regionov // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal), 2012. – N 3. – http://cyberleninka.ru/article/n/turistsko-rekreatsionnye-klastery-mehanizm-innovatsionnogo-sovershenstvovaniya-sistemy-strategicheskogo-upravleniya-razvitiem
11. Solvell O., Lindqvist G., Ketels C. The Cluster Initiative Greenbook. Stockholm: Bromma tryck AB, 2003. – http://www.cluster-research.org/dldocs/GreenbookSep03.pdf
12. Statistical Yearbook of the Republic of Belarus: Statistical Digest. – Minsk: Information and Computing Centre of National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2016. – http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_6316
13. Statistical Yearbook of the Republic of Belarus: Statistical Digest. – Minsk: Information and Computing Centre of National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2019. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_14636
14. Statistical Yearbook of Vitebsk Region: Statistical Digest. – Vitebsk: Information and Computing Centre of National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2016. – http://vitebsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public_compilation/index_6409
15. Statistical Yearbook of Vitebsk Region: Statistical Digest. – Vitebsk: Information and Computing Centre of National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2019. – https://vitebsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/public_compilation/index_14669
16. Vinokurova M.V. Konkurentosposobnost' i potencial klasterizacii otraslej Irkutskoj oblasti // Eko. 2006, N 12. – S. 73-91.

Лазарева Е.Н.
старший преподаватель, Северо-Западный институт управления РАНХиГС**,** Санкт-Петербург
Румянцева С.Т.,
старший преподаватель, Северо-Западный институт управления РАНХиГС**,** Санкт-Петербург

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ

Ключевые слова: *экономика, регион, лесное хозяйство, лесничество, лесоуправление, лесовосстановление, особо охраняемые природные территории.*
Keywords: *economy, region, forestry, forestry, forest management, reforestation, specially protected natural territories.*

Традиционной отраслью экономики Республики Мордовия является лесное хозяйство. Лесами занято 28% территории региона. В данной статье авторами предпринята попытка рассмотреть, как происходило становление лесного хозяйства как отрасли региональной экономики, как формировался современный механизм лесоуправления в этой приволжской республике, а также каких успехов удалось достичь Республике Мордовия в реализации федерального проекта «Сохранение лесов».

Начнем с небольшого экскурса в историю. Еще три столетия назад территория, занимаемая Республикой Мордовией, была покрыта лесами. Это были сплошь непроходимые лесные чащи. На супесчаных и песчаных почвах произрастали сосновые породы деревьев, на суглинках водоразделов и влажных-перегнойных почвах преобладали дуб, липа, остролистный клен, вяз, ясень. Мокрые иловато-перегнойные почвы пойм рек заполонили ольшаники. Осина и береза в этих лесах встречались довольно редко. Подчиненное положение занимала и такая порода, как ель.

Лес входил на территорию современной Мордовии несколькими крупными массивами. Один из них, который назывался «Большой Мокшанский лес», шел в основном по правобережью р. Мокши вплоть до смыкания с Большим Сурским лесом, занимавшим все возвышенные положения бассейна р. Суры.

На западе региона вдоль рек Выши, Парцы, Вада входил «язык» другого крупного лесного массива. В северо-западной части республики по р. Алатырь и ее притокам тоже простирались большие непроходимые леса, там произрастали вековые дубы, ели и сосны. Степные районы центральной части республики также были покрыты лесами. Это видно из работы М. Цветкова, который указал, что леса тянулись от Мокши к востоку почти на 700 километров.

В 1868 году О. Кучевский писал, что «большая часть Саранского уезда носит степной характер, хотя по оставшимся кое-где рощицам надо полагать, что прежде на всем этом пространстве был лес, и что нынешняя степь образовалась путем расчисток».

Ученый-историк Гераклитов Л.А. в своей работе «Арзамасская мордва» отмечает: «Поражает обилие лесов, сплошными массивами ограничивающих Арзамасский уезд с Северо-запада, Запада и Юга, а затем в виде более или менее значительных островов, рассеянных по всей площади уезда. Это лесное богатство сыграло большую роль в хозяйственной жизни Мордвы».

Профессор В.В. Докучаев в своем отчете нижегородскому губернскому ведомству об оценке земель Лукояновского уезда в 1884 г. писал: «Вся местность, лежащая к западу от Рудни до р. Ирсети, притока Алатыря, хотя в настоящее время, совершенно лишена леса, но, тем не менее, она всюду носит еще ясные следы недавнего обширного распространения здесь древесной растительности: всюду в полях попадаются одиноко стоящие кустики дуба, орешника и остатки старых пней».

На территории Республики Мордовия лесное хозяйство как самостоятельная отрасль экономики начала зарождаться в XVI веке. В этот период в России широко практиковалась передача «служилому» дворянству земли и леса. Данные участки именовались «дачами». У хозяев «дач» были неограниченные права, которыми они пользовались для перевода лесов в пашню. Расчистку лесных участков проводили с помощью огня и топора.

Поскольку основной целью новых собственников таких участков было получение наибольшего дохода, то вырубались, как правило, лучшие насаждения. Повсеместно были распространены приисковые рубки. Данные действия обесценивали лес, и его площадь с высокой скоростью сокращалась.

В конце XVII века в связи с развитием кораблестроения в России еще больше стала возрастать потребность в лесных материалах, пригодных для этих целей. В связи с этим значение лесного хозяйства заметно возросло. Начало государственного хозяйствования в лесной сфере положил Указ Петра I, изданный в 1703 г., в котором было предусмотрено во всех городах и уездах описать доступные леса вдоль больших рек и их притоков в обе стороны на 50 верст.

Царский Указ запрещал рубку всех деревьев, пригодных для кораблестроения (клен, дуб, вяз, ильм, сосна, карагач) под страхом смертной казни. Данные леса получили название «корабельных рощ» и относились к категории заповедных. За одно столетие площадь лесов, располагавшихся в границах современной Мордовии, уменьшилась более чем на 500 тыс. га (табл. 1).

Таблица 1

Площадь лесов

Наименование уездов	На время генерального межевания (1792 г.)				1900–1911 гг.			
	леса		пашни		леса		пашни	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Краснослободский	213,0	52,1	141,6	34,7	49,3	12,0	252,5	62
Инсарский	213,3	49,2	166,9	38,5	59,6	13,5	238,9	65
Саранский	99,7	30,0	180,8	54,0	35,3	10,6	319,5	66
Спасский	214,1	56,0	137,3	35,9	171,9	45,0	142,8	37
Темниковский	390,9	75,8	81,3	15,8	262,3	55,6	116,1	28
Итого	1131,0	54,6	707,9	34,1	575,4	28,4	1015,3	49

Особенно резко сократились площади лесов в Саранском, Инсарском и Краснослободском уездах. Главная проблемы состояла в том, что леса вырубались беспорядочно, независимо от их значения как регуляторов водного режима и экосистемы в целом. Итогом такого сокращения лесных пространств стал значительный рост водной эрозия почв, увеличение количества оврагов, заметно помелели реки и ручьи, подпитывавшиеся источниками из лесистой местности. Во многих местах исчезли родники, понизился даже уровень грунтовых вод.

После революции на территории современной Мордовии началась организация лесничеств, что было связано с передачей частных и общественных лесов в государственный лесной фонд. Так, на заседании Лесного совета Краснослободского уезда 23–24 ноября 1918 г. было принято решение об организации Сивильского, Троицкого, Пурдошанского и Ельниковского лесничеств.

В Саранском уезде в этот же период было организовано четыре, в Инсарском – пять лесничеств. К концу 1923 г. число лесничеств возросло до 35. Были созданы лесничества на территории сегодняшних Чамзинского, Ичалковского, Ардатовского и Березниковского районов. Такие структуры стали основной производственной единицей по управлению лесами и ведению хозяйства в них. Но и в это время вырубки по-прежнему велись в больших объемах, в значительной степени бесконтрольно, без учета влияния лесов на состояние экосистемы в целом.

Лесоэкономическая наука начала делать свои первые шаги в 30-е годы XX века, научно обоснованный подход к лесопользованию еще не был выработан. Лесное хозяйство не оформилось как самостоятельная отрасль материального производства. Вследствие этого на всей территории России (и территория современной Мордовии не исключение) был нарушен важнейший принцип лесопользования – постоянства (непрерывности) пользовании лесом. Поэтому запасы спелых насаждений были истощены за короткий срок.

Следующим шагом в развитии организованного лесопользования в Мордовии стало создание 10 межрайлесхозов, общая площадь которых составила 30,7 тыс. га, куда вошли лесные дачи бывших частных и общественных лесов.

Грянувшая Великая отечественная война нарушила развитие лесного хозяйства. В это время лесхозы в основном выполняли задачи оборонного значения: готовили древесину для самолетостроения, судостроения, ружейные и лыжные болванки, лыжи и другую продукцию, которая могла пригодиться в борьбе с врагом. Для ускорения леса рубились в местах, приближенных к населенным пунктам и путям сообщения (в Зубовском, Саранском, Чамзинском лесхозах). Лесовосстановительные работы были приостановлены.

После войны, несмотря на трудности этого периода, осознавая значимость лесного хозяйства для экономики, правительство СССР ежегодно увеличивало ассигнования на ведение лесного хозяйства. В 1945 г. лесное хозяйство республики получало 418 тыс. руб., 1947 г. – 902 тыс. руб., 1961 г. – 2085 тыс. руб., в 1974 г. – 3955 тыс. руб., что позволило увеличить объем лесовосстановительных работ.

Для восстановления лесов в Мордовской АССР были организованы комплексные лесные предприятия в малолесных районах, которые стали прогрессивной формой использования и расширения воспроизводства лесных ресурсов. В республике появилась возможность направлять в лесохозяйственное производство необходимое количество машин и оборудования. Таким образом, объем лесовосстановительных работ, начиная с 1961 года, стал превышать размеры сплошных рубок.

В начале XXI века леса Мордовии преимущественно находились в ведении Федерального агентства лесного хозяйства. Общая площадь земель лесного фонда республики составляла 749,2 тыс. га. Основные лесообразующие породы – сосна, дуб, береза, осина, липа.

В 2006 году был принят Лесной кодекс Российской Федерации, который значительно расширил возможности для внедрения рыночных механизмов в лесное хозяйство. С принятием этого закона увеличились возможности использования лесов и для других целей, прежде всего для целей рекреации, строительства, реконструкции и эксплуатации объектов, не связанных с созданием лесной инфраструктуры, а также для заготовки недревесных лесных ресурсов.

Органом исполнительной власти на территории нашей республики в сфере лесных отношений становится Министерство лесного, охотничьего хозяйства и природопользования Республики Мордовия. В его ведении находятся леса, расположенные на землях лесного фонда (680 803 га).

В Лесном кодексе заложена концепция, согласно которой управление лесами и лесохозяйственное производство строго разграничены. Большинство функций управления лесами возложены на территориальные лесничества и их подразделения – участковые лесничества. Закон предусматривает, что такие виды деятельности, как охрана леса от пожаров, несанкционированных рубок, отвод лесосек и др. могут осуществляться арендаторами лесных участков.

Осуществление лесохозяйственного производства на арендованных лесных участках возлагается на арендатора, а на лесных землях, находящихся вне аренды, – на конкурсного исполнителя контракта. С 2014 года в некоторых регионах лесохозяйственные работы стали выполнять вновь созданные субъектами федерации специализированные лесохозяйственные бюджетные учреждения, которые для обеспечения круглогодичной занятости ведут лесопромышленную деятельность, заключают договоры на куплю-продажу лесных насаждений. Но в Республике Мордовия на сегодняшний день специализированных лесохозяйственных бюджетных учреждений нет.

В соответствии с приказом Министерства природных ресурсов Республики Мордовия от 21 августа 2008 г. № 465 в границах административных районов было организовано 9 территориальных и 36 участковых лесничеств (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о границах и количестве создаваемых лесничеств, расположенных на территории Республики Мордовия

N п/п	Наименование лесничеств	Наименование участковых лесничеств	Местоположение участков лесного фонда, включаемых в границы лесничеств	
			Наименование лесхоза	Наименование лесничества
1	Ардатовское	Ардатовское	Ардатовский	Заводское Придорожное
			Ардатовский сельский	–
		Большеигнатовское	Ардатовский	Большеигнатовское Ново-Баевское
			Ардатовский сельский	–
			Большеигнатовский сельский	–
			Ичалковский сельский	–
		Заводское	Ардатовский	Заводское Ново-Баевское
			Ардатовский сельский	–
			Большеигнатовский сельский	–
		Атяшевское	Чамзинский	Атяшевское
			Атяшевский сельский	–
2	Березников-ское	Березниковское	Березниковский	Сабаевское Симкинское
			Старонайманский сельский	–
		Дубенское	Березниковский	Дубенское
			Дубенский сельский	–
		Николаевское	Березниковский	Николаевское
			Дубенский сельский	–
		Чамзинское	Чамзинский	Наченальское Чамзинское
			Чамзинский сельский	–
			Старонайманский сельский	–
3	Виндрейское	Виндрейское	Виндрейский	Виндрейское Липлейское
			Торбеевский сельский	–
		Атюрьевское	Виндрейский	Виндрейское
			Темниковский	Стрельниковское
			Атюрьевский сельский	–
			Торбеевский сельский	–
		Быстрищенское	Виндрейский	Быстрищенское
			Темниковский	Шалинское
			Зубовский сельский	–
		Парцинское	Виндрейский	Липлейское Парцинское
			Зубовский	Анаевское
			Зубовский сельский	–
4	Вышинское	Вышинское	Вышинский	Вышинское Удевское
		Известковское	Вышинский	Известковское
			Зубовский	Свеженское
			Зубовский сельский	–
		Ширингушское	Вышинский	Ширингушское Удевское
			Зубовский сельский	–
5	Зубовское	Зубовское	Зубовский	Пружанское Зубовское Комсомольское
			Зубовский сельский	–
			Торбеевский сельский	–
		Анаевское	Зубовский	Анаевское

				Студенецкое
			Зубовский сельский	–
		Комсомольское	Зубовский	Свеженское Комсомольское
			Зубовский сельский	–
		Тепло-Станское	Зубовский	Зубовское Комсомольское Тепло-Станское
			Зубовский сельский	–
6	Ковылкинское	Ковылкинское	Ковылкинский	Первомайское Рыбкинское Ковылкинское
			Ковылкинский сельский	–
			Торбеевский сельский	–
		Инсарское	Ковылкинский	Инсарское
			Инсарский сельский	–
			Ковылкинский сельский	–
		Первомайское	Ковылкинский	Пушкинское Первомайское Рыбкинское
			Ковылкинский сельский	–
		Пушкинское	Ковылкинский	Пушкинское
			Рузаевский сельский	–
7	Краснослободское	Краснослободское	Краснослободский	Краснослободское
			Ковылкинский	Рыбкинское
			Ковылкинский сельский	–
			Краснослободский сельский	–
		Ельниковское	Краснослободский	Ельниковское Горьковское Краснослободское
			Ельниковский сельский	–
		Октябрьское	Краснослободский	Горьковское Октябрьское
			Краснослободский сельский	–
		Пурдошанское	Краснослободский	Пурдошанское
			Ельниковский сельский	–
			Темниковский сельский	–
8	Саранское	Саранское	Саранский	Кочкуровское Пригородное Ромодановское
			Лямбирский сельский	–
			Октябрьский сельский	–
			Ромодановский сельский	–
			Старо-Шайговский сельский	–
		Кочкуровское	Саранский	Кочкуровское
			Березниковский	Сабаевское
			Кочкуровский сельский	–
		Старо-Шайговское	Краснослободский	Горьковское
			Саранский	Старо-Шайговское
			Старо-Шайговский сельский	–
		Шишкеевское	Саранский	Шишкеевское
			Рузаевский сельский	–
9	Темниковское	Темниковское	Темниковский	Старо-Ужовское Стрельниковское
			Темниковский сельский	–
		Барашевское	Темниковский	Барашевское
				Старо-Ужовское
		Кочемировское	Темниковский	Кочемировское Барашевское
			Виндрейский	Быстрищенское
			Теньгушевский сельский	–
		Теньгушевское	Темниковский	Кочемировское
			Теньгушевский сельский	–
		Харинское	Темниковский	Харинское
			Темниковский сельский	–
			Теньгушевский сельский	–

Площадь лесных насаждений расширялась. В 2008 г. и 2014 г решением Правительства Республики Мордовия некоторые земельные участки сельскохозяйственного назначения были переведены в категорию «земли лесного фонда». По состоянию на 6 июля 2019 г. площадь лесных земель в Мордовии составляет 721.7 тыс. га, из них:

– на землях лесного фонда – 90,7%;

– на землях населенных пунктов – 0,09%;

– на землях особо охраняемых природных территорий – 9,14%.

К числу особо охраняемых природных территорий относятся расположенные на территории Республики Мордовия национальный парк «Смольный» (ФГБУ «Заповедная Мордовия») и ФГБУ «Объединенная дирекция Мордовского государственного природного заповедника имени П.Г. Смидовича», представляющие собой природоохранные, научно-исследовательские и эколого-просветительские учреждения, имеющее целью сохранение и изучение естественного хода природных процессов и явлений, генетического фонда растительного и животного мира, отдельных видов и сообществ растений и животных, типичных и уникальных экологических систем, имеющих особую экологическую, историческую и эстетическую ценность, и предназначенных для использования в природоохранных, просветительских, научных и культурных целях и для регулируемого туризма.

Мордовский государственный природный заповедник расположен на территории Темниковского муниципального района, Национальный парк «Смольный» – на левобережье реки Алатырь на территории Ичалковского и Большеигнатовского муниципальных районов РМ. Сведения о распределении площади лесов, расположенных на землях особо охраняемых природных территорий в табл. 3.

Таблица 3

Распределение площади лесов, расположенных на землях особо охраняемых природных территорий

Муниципальный район	Наименование особо охраняемых природных территорий	Площадь земель, на которых расположены леса, га
Большеигнатовский	ФГБУ НП Смольный	6094
Ичалковский	ФГБУ НП Смольный	30291
Темниковский	ФГБУ ГПЗ Мордовский	32162
Всего		68547

Так как на сегодняшний день, значительная часть лесов находится в аренде, то перспективы развития лесного комплекса Мордовии описать сложно. В современных условиях в решении вопросов лесопользования задействованы не только государственные и муниципальные органы управления, но и физические и юридические лица, выступающие арендаторами.

Наиболее остро стоят проблемы недостаточного финансирования работ по созданию транспортной инфраструктуры, ведению рубок-уходов и другим видам работ в лесопользовании. Арендаторы не могут правильно и на системной основе организовать работу по предотвращению и тушению лесных пожаров, для этого требуется создание специализированных хорошо оснащенных лесопожарных центров.

Усилия региональных властей по решению этих проблем находят поддержку со стороны Федерального агентства лесного хозяйства РФ. В 2019 г. из федерального бюджета в регион поступило 86,5 млн. руб., из них около 62 млн. руб. было израсходовано на закупку лесопожарной и лесохозяйственной техники, почти 25 млн. руб. – на мероприятия по лесовосстановлению и лесоразведению.

Республика Мордовия принимает участие в реализации федерального проекта «Сохранение лесов». За счет средств, выделяемых на его реализацию, республикой были закуплены 40 единиц спецтранспорта и оборудования к нему, в числе которых колесные и гусеничные тракторы, автобусы, малые лесопожарные комплексы, пожарные автоцистерны. Результатом работы стало расширение площади лесовосстановления до 1400 га, в том числе 676 га леса было восстановлено искусственным способом. При этом на площади 395 га работы по искусственному лесовосстановлению были проведены арендаторами лесных участков.

В 2020 году на реализацию следующего этапа федерального проекта «Сохранение лесов» из федерального бюджета выделено более 57 млн. руб., которые также будут направлены на достижение основной цели регионального проекта «Сохранение лесов» – обеспечение баланса выбытия и воспроизводства лесов в соотношении 100% к 2024 году. Это означает, что сколько леса вырубили или погибло, столько должно быть и восстановлено как естественным, так и искусственным путем. К 2024 году, согласно национальному проекту «Экология», эта площадь лесовосстановления в Мордовии должна быть доведена до 2610 га.

В заключении хотелось бы отметить, что в современном мире потребность в древесине постоянно расширяется, несмотря на то, что есть масса заменителей. За последние полвека заготовка древесины увеличилась в два раза. Вместе с тем во всём мире наблюдается явное и динамичное изменение отношения людей к роли лесов на планете. Если раньше леса рассматривались исключительно как источник ресурсов, имеющих рыночную стоимость (древесные и недревесные лесные ресурсы), то в последние десятилетия на первый план выходит экологическая и социально-культурная роль лесов. В связи с этой тенденцией предприятия лесной отрасли должны перестроить свою деятельность. От политики лесопользования следует переходить к созданию системы устойчивого лесоуправления.

Список литературы

1. Алексеев А.С. Устойчивое управление лесным хозяйством: научные основы и концепции. – М.: Альфа-Пресс, 2012. – 222 с.

2. Бармутина Е.Н. Кудесники леса: лесное хозяйство Республики Мордовия / Е.Н. Бармутина, А.Н. Орнатский, И.Е. Дыков. – Саранск: Красный Октябрь, 2006. – 153 с.
3. Лесной план Республики Мордовия на 2019–2028 годы. – http://docs.cntd.ru/document/1200034383
4. Официальный сайт Министерства лесного, охотничьего хозяйства и природопользования Республики Мордовия. – http://minleshoz.e-mordovia.ru/
5. Писаренко А.И. Лесное хозяйства и лесной комплекс России на перепутье // Природа России. 2016. – № 3. – С. 4–6.
6. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства. – http://www.rosleshoz.gov.ru

Машунин Ю.К.[1]

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ БЮДЖЕТА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЕГИОНА НА БАЗЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *стратегическое управление, моделирование экономики государства, векторная оптимизация, цифровая экономика.*

Keywords: *strategic management, modeling the economy of the state, vector optimization, digital economy.*

1. Введение

В настоящее время перспективным направлением развития экономики государства, региона, муниципального образования и предприятия (фирмы) является прогнозирование и стратегическое планирование, которое создает методологическую основу разработки процесса набора и выбора управленческих решений, ориентированных на разработку приоритетных направлений развития экономики [1, 2, 3]. В этих условиях хозяйствования особую значимость приобретают социально-экономические процессы регионального и муниципального управления во взаимосвязи с централизованным [1] и отраслевым управлением [3, 32]. Управление социально-экономическими процессами развития региона является конструктивно-сложным, требует системного [5], сбалансированного подхода [6–11, 31]. Следовательно, роль государственного регулирования в качестве поддержки данных преобразований является особо важной и актуальной [28, 29]. Реализация прогноза и динамики развития экономики региона осуществляется путем построения математических моделей предприятий [16–21], муниципальных образований [24], и региона[22, 23]. А также требует математической [26], программной [27], информационной (цифровая экономика [15, 16]) и статистической [33, 34] поддержки принятия решений [28, 29, 30].

Целью работы является анализ, разработка концепции прогнозирования и развития экономики государства, которая представляет многоуровневую иерархическую систему: фирмы (предприятия) – муниципальные образования – регионы (субъекты РФ) – государство и добавленный уровень – мировая экономика. Прогнозирование основано, во-первых, на том принципе, что каждый объект управления представлен задачей векторной (многокритериальной) оптимизации, общая цель которой «Повышение жизненного уровня всего населения государства», во-вторых, на использовании модели «Затраты – выпуск», которая учитывает инвестиционные вложения в каждую отрасль экономики, в-третьих, на использовании цифровой экономики и статистических данных, [27–30].

Более подробно рассмотрена проблема прогнозирования развития экономики муниципальных образований и принятия решений в бюджетной сфере. Представлена технология проведения анализа развития экономики муниципалитета, которая учитывает реальные статистические данные. На основе прогноза строятся доходные и расходные части бюджета муниципального образования.

2. Анализ экономической политики государства

Деятельность органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием государства, включая взаимоотношения между государством, регионами (субъекты РФ) и муниципальными образованиями, а также регионов между собой и является составной частью общенациональной политики государства [12]. В этом же аспекте дано определение выдающегося русского философа В.И. Ленина «Политика – это концентрированное выражение экономики» [13]. Отсюда вытекает концентрированная деятельность руководящих органов государства в условиях глобального окружения конкурирующих государств. Понятно, что правовые концепции политики экономического развития государства должны быть отражены в конституционных основах государства, которые в общем-то должны быть направлены на повышении жизненного уровня всего населения государства, а также на обеспечение его безопасности от внешних и внутренних угроз. Анализ экономической политики государства проведен с нейтральных позиций, ибо автор не является коммунистом, и в отличие от всяких «ельциных» никогда коммунистом не был. Автор не является и демократом, ибо он, как и 76% населения СССР (включая Украину), голосовал против развала Советского Союза.

На практике реализация экономической политики государства отражается в определенной системе показателей, которые используются в качестве целей экономического развития государства, а также на решение задач, направленных на реализацию этих целей. В настоявшее время система экономических показателей оценивается по видам эко-

[1] Машунин Юрий Константинович – д.э.н., доцент, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Дальневосточного федерального университета. E-mail mashunin@mail.ru

номической деятельности (ВЭД) [32]. Решение задач экономической политики сводится к законодательным, административным, экономическим мероприятиям, осуществляемым центральными, региональными (субъектами РФ), местными органами власти. Структура многоуровневой иерархической системы (ИС) государства, направленная на решение задач стратегического планирования и управления на отдельных уровнях экономики и государства в целом представлена на рис. 1.

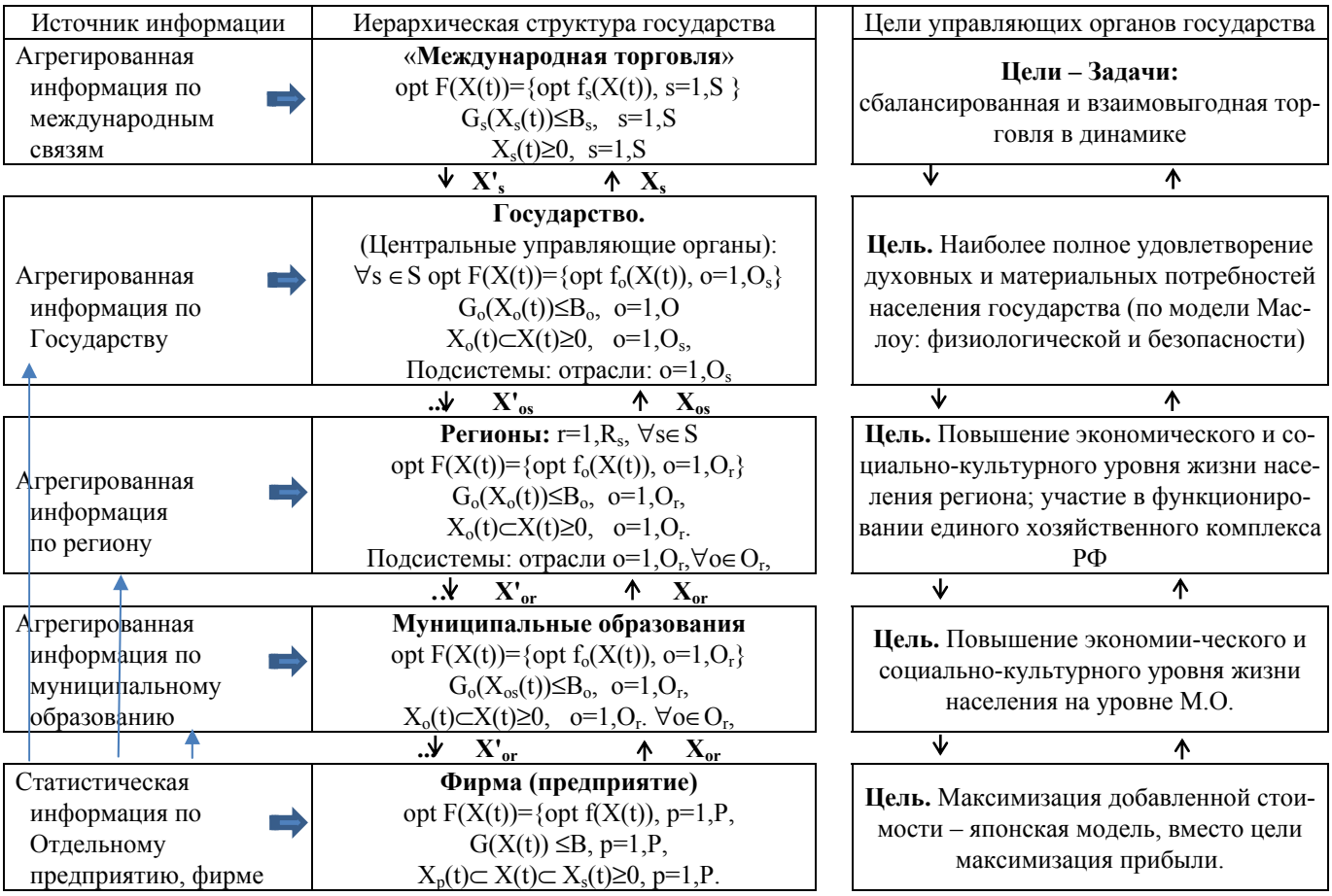

Рисунок 1.
Цели и задачи управления в многоуровневой иерархической системе государства

На рис. 1 представлены цели стратегического планирования и управления соответствующего уровня. В рамках управления в многоуровневой иерархической системой государства рассматривается четыре уровня: фирмы (предприятия) – муниципальные образования – регионы (субъекты РФ) – государство и добавленный уровень – мировая экономика.

• На верхнем (нулевом) уровне иерархической системы – высшая управляющая подсистема, которая формирует информацию для принятия решений, связанную с международными организациями, координирующих развитие внешнеторговых операций различных стран.

Координация выполняется путем решения задачи сбалансированной и взаимовыгодной торговли в динамике. Результатом решения является X_s, $s=\overline{1,S}$ - объемы прибыли (дохода), который будет иметь $s \in \boldsymbol{S}$ страна при поставке соответствующих товаров в другие страны.

• ***На высшем (первом) уровне управления*** государством рассматриваются управляющие подсистемы, моделирующие деятельность управления экономикой своих стран.

Целевая направленность определяется наиболее полным удовлетворением материальных и духовных потребностей населения государства, ростом его жизненного уровня (т.е. реализация по модели Маслоу первой и второй потребности – физиологической и безопасности).

Как правило, цель развития государства отражена в Конституции. В конституции РФ слово «цель» отсутствует. Нечто похожее на цель представлено в седьмой статье (табл. 1). Для сравнения представим выписку статьи 15 из Конституции СССР. Государственное управление базируется на законодательстве своих стран и статистических данных об экономическом потенциале своих отраслей (ВЭД). Подсистема государственного управления формирует вектор агрегированных по отраслям $o=\overline{1,O_s}$ объемов продукции, в том числе и на экспорт, который могла бы освоить данная страна: X'_{os}, $o=\overline{1,O_s}$,$\forall s \in S$ и сообщает его на уровень региона.

Таблица 1

Сравнение целей развития государства

Конституция Российской Федерации. – М.: Омега-Л, 2007. – 64 с.	Конституция Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. лит., 1989. – 48 с.
Статья 7 1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание благоприятных условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. **Заметим**. Что такое «благоприятные условия»? – не понятно. С одной стороны «Абрамовичи», вывозящие миллиардами русский капитал в Англию, Израиль. С другой стороны, бомжи, о которых в 90 годы никто и понятия не имел. За двадцать лет действия данной конституции валовой объем производства увеличился на 1,5%, при этом исчез ряд ведущих отраслей: станкоинструментальная отрасль, гражданская авиация, микроэлектроника и др. (В Китае рост на 5–6% ежегодно). При этом в России появилось свыше ста двадцати миллиардеров, (в Китае 50). См. также [36, 37]. Разваливается наука, образование [38], которое в Советском Союзе было лучшим в мире.	Статья 15 Высшая цель общественного производства при социализме – наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Опираясь на творческую активность трудящихся, социалистическое соревнования, достижения научно технического прогресса, совершенствуя формы и методы руководства экономикой, государство обеспечивает рост производительности труда, повышения эффективности производства и качество работы, динамичное, планомерное и пропорциональное развитие народного хозяйства. **Заметим**. В сталинский период рост экономики составлял 5–6% ежегодно (соизмеримо с китайским ростом). В брежневский период ежегодный рост 3–3,5% и этот период считался периодом «застоя». А как назвать нынешний рост экономики в 1–1,5%, с ежегодным вывозом до 50 млрд. $?

• ***На втором (региональном) уровне управления*** механизм прогнозирования, планирования и управления должен быть направлен, во-первых, на повышение экономического и социально-культурного уровня жизни населения региона, во-вторых, на участие в функционировании единого хозяйственного комплекса России с взаимовыгодной пользой (т.е. в общероссийском разделении труда). Управление развитием региона должно идти с учетом рационального природопользования, разработки ресурсосберегающих технологий, интенсификации развития промышленности и производства продукции сельского хозяйства. Система регионального стратегического планирования и управления должна базироваться на хозяйственной деятельности отдельных предприятий (фирм) и их объединений, которые являются основным производителем продукции региона. Только с увеличением объема продукции, выпускаемой в регионе, повышением ее качества, конкурентоспособности можно связывать рост благосостояния населения. Функционирование каждого региона направлено на решение трех глобальных целей: 1. Наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей населения; 2. Производство продукции общероссийского назначения; 3. Выполнение природоохранных мероприятий на каждом технологическом производстве с целью сохранения природы в первоначальном состоянии.

При реализации поставленных целей необходима информация о будущих тенденциях развития региона, т.е. региональный прогноз, который включает следующие основные виды прогнозов:

– демографические прогнозы (численность и структура населения, трудовые ресурсы);

– прогнозы развития и добычи природных ресурсов;

– прогнозирование развития науки, техники и технологии производства.

Эти данные являются основой для экономических прогнозов динамики развития производства и их агрегированных оценок.

Сформулированные выше глобальные цели (оценки) развития региона при реализации производственных задач, подразделяются на ряд отдельных подцелей, которые, по сути, представляют решение крупных комплексов задач.

Стратегическое развитие экономики, промышленности и социальной сферы региона на базе цифровой экономики представлено в предыдущих работах автора [28, 29].

• ***На третьем (муниципальном) уровне управления*** прогнозирование, планирование и управление должно быть направлено на повышение экономического и социально-культурного уровня жизни населения территории. Именно этому уровню управления мы уделим основное внимание в данной работе.

В Конституции РФ [1] в 12 статье сказано: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

При этом надо понимать, что именно в муниципальных образованиях, наряду с военными объектами [39], сосредоточены все промышленные и сельскохозяйственные предприятия, которые:

во-первых, создают экономическую базу развития экономики государства и создают экономический потенциал будущего развития государства;

во-вторых, именно эти предприятия определяют основные налоговые поступления и формируют доходную часть бюджета РФ, которая и определяет социально-экономическое развитие государства, его защиту.

В связи с этим хотелось бы, чтобы муниципальные образования (МО) более активно участвовали в государственной деятельности. Путин В.В. в своем выступлении [16] сказал, что в настоящее время в МО остается лишь 1% от общих налоговых поступлений. Желательно поднять их уровень до 5%. К сожалению, продвижение в этом вопросе остановилось.

За период после девяностых годов были уничтожены десятки тысяч промышленных (в том числе крупных) предприятий, отраслей, что сказалось на снижении жизненного уровня населения. Каждое предприятие (фирма), со-

гласно законодательству оплачивает за год налоги, размерность которых составляет примерно 20–25% годовых валовых поступлений. Таким образом, в неявном виде государству принадлежит 20–25% основных фондов, и государство обязано контролировать их сохранность, а еще лучше обеспечивать их рост. Если бы местному самоуправлению передать государственные функции, связанные с контролем поступления налогов (собирать налоги естественно, как и сейчас, будут федеральные органы), то уровень поступления налогов увеличится, и как следствие повысится жизненный (социально-экономический) уровень населения (а не прибыли олигархов, которые к тому же лежат за рубежом). Более того, если уровень собираемости налогов превысит какой-то средний уровень по государству, то часть превышенного объема налогов должна оставаться в распоряжении МО. А это возможно лишь тогда, когда каждое предприятие МО увеличивает объем производства, т.е. растет производительность труда.

• ***На четвертом уровне управления предприятием (фирмой)*** целевая направленность определяется повышением жизненного уровня всех участников производства, которые представлены инженерным, производственным, управленческим персоналом и акционерами. Все они в равной степени формируют прибыль предприятия (фирмы). Только при их совместной деятельности возможен *максимальный рост производительности труда*, т.е. то, о чем говорит Путин В.В. почти в каждом своем выступлении, касающемся экономики государства. Проведем анализ данного предложения. В работах [17–19, 27, 31] проведен анализ основных направлений развития теории фирмы. Анализ показал, что каждое теоретическое направление исследует фирму только с какой-то одной экономической (несомненно, существенной) точки зрения, а математическая модель такого теоретического направления представлена однокритериальной задачей. В реальных производственных отношениях все эти направления должны учитываться одновременно. Поэтому дальнейшее развитие фирмы (предприятия) связано с теорией множественности целей. Учитывая эти направления, построена математическая модель промышленного предприятия в виде векторной задачи линейного программирования [21, 27, 31].

Исследуем экономико-математическую модель фирмы с критерием «максимизации добавленной стоимости», которую часто называют «японской моделью». Эта модель определяется тем, что добавленная стоимость вычисляется как разность между продажами компании за определенный момент времени и издержками (затратами) на товары услуги, приобретенные у внешних поставщиков. Тем самым добавленная стоимость включает труд, управление, капитал, затраты на прибыль. При таком подходе каждый работник и акционер фирмы, максимизирующей добавленную стоимость знает, что независимо от экономических условий постоянным инвестициям в производственные мощности и оборудование, в исследования и разработки, в развитие рынка должен быть отдан приоритет. Если возникает необходимость сократить вознаграждение работникам, то первым будет сокращено жалование старшему управленческому персоналу. Таким способом японские автомобилестроители и другие компании, невзирая на экономические условия, год за годом стремятся максимизировать добавленную стоимость [7]. В рамках такой модели регулярно идут налоговые отчисления в доходную часть бюджета государства, региона, муниципального образования, повышая социальный уровень жизни населения. *Но такая целевая направленность должна быть закреплена законодательно*.

3. Статистическая информация на уровне предприятия, фирмы как источник цифровой экономики

На уровне фирмы (предприятия) формируется первоначальная база цифровой экономики:
во-первых, как потребителя, который занят материально-техническим обеспечением производства;
во-вторых, как производителя, который реализует технологическую организацию производства;
в-третьих, как производителя реализующего произведенные товары, услуги.

В соответствии с решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 сентября 2013 г. № 185 «Об утверждении перечня статистических показателей официальной статистической информации, предоставляемой Евразийской экономической комиссии уполномоченными органами государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства», [40], все предприятия ежегодно (ежеквартально) представляют ряд макроэкономических показателей.

Основной из них – это Валовой внутренний продукт (в текущих ценах) – квартальная, годовая в целом в целом по видам экономической деятельности (приложение 1 в [40]) по институциональным секторам (приложение 2 в [40]), по элементам конечного использования (приложение 3 в [40]), по элементам доходов (приложение 4 в [40]). Эти и другие показатели используются при анализе развития муниципального образования в разделе 5. Понятно, что эта база цифровой экономики распределена по всему государству.

4. Цифровая экономика

Электронная (цифровая, веб, Интернет) экономика – экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях (цитата из Википедии).

В рамках такого определения, «речь идёт не столько о разработке и продаже программного обеспечения, сколько об электронных товарах и сервисах, производимых электронным бизнесом и электронной коммерцией».

Таким образом, цифровая экономика сама по себе, без реального и сырьевого секторов, без производства, которое превращает сырье в продукты, без сельского хозяйства и без транспорта, доставляющего сырье на завод, продукцию на склад и товары со склада в магазин или к вам на дом – существовать не может. То есть цифровая экономика – это не целостная экономика, а ее сектор, состоящий из электронных товаров и услуг (в том числе услуг по выбору и заказу реальных товаров). Поэтому правильнее говорить не «цифровая экономика», а цифровой сектор экономики,

или сектор электронной коммерции. В совокупности цифровые технологии представляют технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления, данных большого объема в электронном виде.

Цифровая экономика, которая оказывает существенное влияние на жизнь граждан и общества в целом, представлена следующими тремя уровнями:

- рынки и отрасли экономики (виды экономической деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг);
- платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (видов экономической деятельности);
- среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (видов экономической деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

Именно эти три уровня цифровой экономики отражены в работе при организации стратегического прогнозирования и развития экономики региона и государства в целом.

Внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере связаны с выполнением ряда существенных условий: во-первых, бизнес и социальная сфера должны быть готовы к цифровым технологиям с соответствующими способами организации производства и инвестирования; во-вторых, в государстве должен сложиться достаточно высокий уровень производства и технологий как спроса, так и предложения, поскольку именно потребности и возможности производителей и потребителей, в конечном счете, определяют спрос и предложение на товары и услуги, которые реализуются на базе цифровых технологий.

5. Социально-экономическое развитие муниципального образования

5.1. Введение. Социально-экономическое развитие муниципального образования (МО) направлено на повышении жизненного уровня населения МО. Развитие МО определяется созданием таких управленческих технологий, которые определяли развитие как по отдельным видам экономической деятельности, так и по МО в целом.

Целью данного раздела работы является построение методологии как набора управленческих технологий анализа и прогноза социально-экономического развития муниципального образования, базирующихся на цифровой экономике. Цифровая экономика включает статистические и экспертные данные, а также программное обеспечение. Реализация методологии представлена на численном примере муниципального образования, входящего в субъект РФ.

Для реализации поставленной цели использованы законодательная и правовая документация на уровне государства [1-3] и на уровне муниципального образования [24], которая дополнена статистической информацией в рамках цифровой экономики [14, 15].

5.2. Организация управления муниципальным образованием в рыночных условиях

Под муниципальным образованием понимается населённая территория, в границах которой местное самоуправление осуществляется непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления в целях решения вопросов местного значения.

Под местным самоуправлением понимается система организации и деятельности граждан, обеспечивающая самостоятельное решение населением вопросов местного значения, управление муниципальной собственностью.

Формы осуществления. В соответствии с Конституцией Российской Федерации местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

Цель развития муниципального образования – обеспечение высокого уровня качества жизни населения за счет повышение конкурентоспособности ее экономики. В соответствии с этой целью основными задачами развития муниципального образования являются:

– обеспечение надежного функционирования систем жизнеобеспечения МО, повышение уровня благоустройства и устойчивое развитие территории;

– совершенствование системы управления бюджетным потенциалом, в т. ч. оптимизация расходов, повышение эффективности управления муниципальной собственностью, земельными и другими ресурсами;

– создание благоприятного предпринимательского климата, реализация мер по стимулированию развития промышленного производства и обеспечению устойчивого экономического роста.

Процесс управления – это целенаправленная деятельность субъекта управления по согласованию совместного функционирования и развития всех звеньев (подразделений) объекта управления, динамически изменяющихся в пространстве и времени. Организации управления муниципальным образованием осуществляется на двух уровнях: экономики (управление предприятием, видами экономической деятельности) и бюджетной сферы (рис. 2).

На уровне бюджета осуществляется управление социально-экономическим развитием муниципального образования. В соответствии с теорией управления муниципальное образование разделено на два крупных блока: объект (природная среда, население, экономика МО) и субъект управления (решающий задачи планирования и контроля).

Эти два уровня экономики и бюджета взаимосвязаны:

во-первых, оценим влияние уровня экономики на бюджет, при производстве и реализации товаров, произведенных в МО, формируются налоговые отчисления, которые дают основу для доходной части бюджета МО, (а также доходной части бюджета региона, федерации). Поэтому для прогноза и оценки экономического потенциала муниципального образования, налоговых поступлений, формируется финансовый план развития муниципального образования, на базе которого формируется доходная часть бюджета МО.

во-вторых, оценим влияние уровня бюджета на экономику, – это влияние определятся тем, что на уровне бюджета наряду с другими формируются два мероприятия:

а) расчет величины налоговых отчислений (к сожалению, как правило, на уровне региона и государства);

б) формирование муниципальных проектов. Реализация этих мероприятий оказывает определенное влияние на развитие экономики МО.

Финансовые методы, с помощью которых государство воздействует на макроэкономические процессы посредством косвенного влияния на рыночный механизм, являются налоги, а также непосредственно через бюджетные рычаги.

Бюджет, как экономическая категория, представляет собой систему финансовых отношений по поводу образования, распределения и расходования денежных ресурсов, необходимых для обеспечения функций органов государственной власти по предоставлению ими государственных услуг населению страны. Бюджетный кодекс РФ в статье 6 определяет бюджет как форму образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления [2].

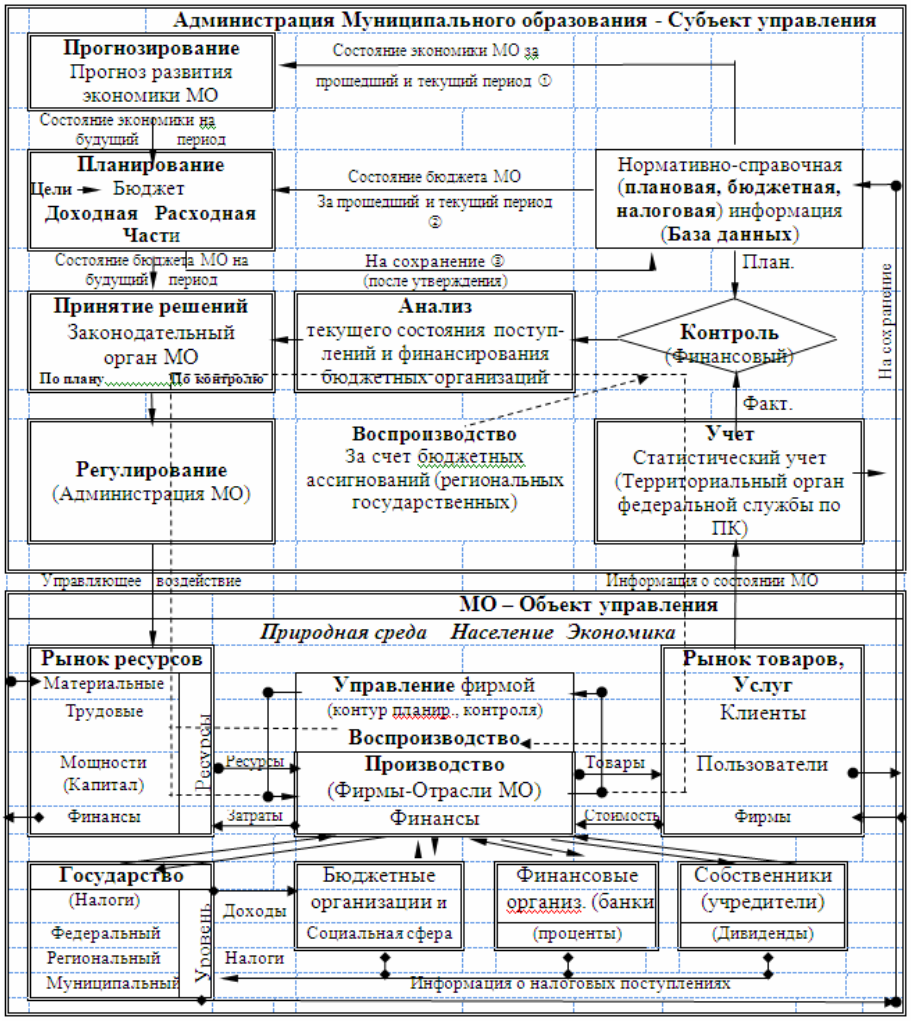

Рисунок 2.
Схема организации управления муниципальным образованием (муниципальные потоки: ●→ – материальные, ←◆– финансовые)

Бюджетное устройство – это основанная на правовых нормах организация системы взаимосвязей не только между звеньями бюджетной системы, но и между участниками бюджетного процесса, включающей кроме принципов построения бюджетной системы также принципы и методы разграничения бюджетных полномочий, требования и правила формирования и исполнения самих бюджетов [2]. Организация взаимосвязей между звеньями бюджетной системы осуществляется с помощью бюджетного и налогового законодательства РФ, бюджетного регулирования, государственного, муниципального контроля.

Бюджетная система Российской Федерации согласно статье 6 Бюджетного кодекса РФ – это основанная на экономических отношениях и государственном устройстве РФ, регулируемая нормами права совокупность федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Структура бюджета муниципального образования. Вопросы местного значения МО отражены в Уставе МО и не противоречат ст. 14 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) [32].

5.3. Прогнозирование экономического развития МО и разработка стратегии его развития

Прогнозирование экономического развития муниципального образования и разработку на его основе стратегического развития представим в виде методики, включающей два этапа: 1) Подготовка и анализ статистической информации по МО; 2) Анализ внешней среды муниципального образования; 3) Прогноз развития МО по основным экономическим показателям

1 этап. *Анализ отчетно-статистической информации МО*.

1. Выделение видов экономической деятельности в МО

Рассматривается муниципальное образование (МО). С учетом требований, изложенных в Федеральном законе «О государственном стратегическом планировании» [5], статистической отчетностью, изложенной в разделе 3, и в соответствии с классификатором в ОКВЭД [34] в тестовом МО выделим восемь видов экономической деятельности, представленных в табл. 2.

Таблица 2

Виды экономической деятельности в регионе

№	Потребность (Наименование ВЭД)	Технологии	Тип клиента	Географический район
1	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (Раздел A)	Новые технологии	Администрация края, заказчики	Россия, иностранные государства
2	Рыболовство, рыбоводство (Раздел B)	Новые технологии	Администрация края, заказчики	Приморский край, другие государства
3	Добыча полезных ископаемых (Раздел C)[1]	Новые технологии	Администрация края, заказчики	Приморский край, Россия,
4	Обрабатывающие производства (Раздел D)[1]	Новые технологии	Администрация края, заказчики	Приморский край, другие государства
5	Строительство (Раздел F)	Новые технологии	Администрация края, заказчики	Приморский край, Россия
6	Оптовая и розничная торговля (Раздел G)[2]	Устаревшие технологии	Организации	Приморский край, Россия
7	Финансовая деятельность (Раздел J)[3]	Старые технологии	Население, организации	Приморский край, Россия
8	Предоставление прочих коммунальных, социальных услуг (Раздел O)[4]	Новые технологии	Население, организации	Приморский край, Россия

6. Подготовка исходных данных и экономический анализ по видам экономической деятельности

Исходной статистической базой для прогнозирования развития экономики региона является «Отчет о доходах, расходах муниципального образования» за последние семь лет с разбивкой по отдельным видам экономической деятельности (ВЭД), которые представляют сумму соответствующих ВЭД предприятий (фирм), входящих в исследуемое МО. Отчет представлен в табл. 3, включающей в себя девять блоков.

Таблица 3(1)

Отчет о доходах, расходах муниципального образования за период 2010–2016 гг.

Таблица 1.2

ОТЧЕТ О ДОХОДАХ, РАСХОДАХ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

за 2010 - 2016 гг.

						КОДЫ		
					Форма №2 по ОКУД			
					Дата (год, месяц, число)			
Организация **Муниципальное образование**					по ОКПО			
Идентификационный номер налогоплательщика					ИНН			
Вид деятельности					по ОКДП			
Организационно-правовая форма / форма собственности					по ОКОПФ / ОКФС			
					по ОКЕИ			
Единица измерения мл. руб.								

Наименование показателя	Код строки	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Доходы и расходы по всем видам экономической деятельности								
ВАЛОВЫЙ ВЫПУСК РЕГИОНА (Доходы от реализации товаров, продукции, работ, услуг)	010	230980,8	297464,9	300928,2	296291,6	310408,2	344662,6	399175,2
в том числе: строка 010=сумме строк 011,…,018		230980,8	297464,9	300928,2	296291,6	310408,2	344662,6	399175,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (Раздел A)	011	22781	27625,2	35585	41356,6	54794	62351,1	84455
Рыболовство, рыбоводство (Раздел B)	012	57552,9	67455,4	57678,3	62513,1	76711,6	71241,2	81251,8
Добыча полезных ископаемых (Раздел C)	013	35334,2	48157,7	48657,1	51251,2	49314,6	51672,4	61754,3
Обрабатывающие производства (Раздел D)	014	45364,5	59538,1	56114,2	51843,3	32876,4	41236,2	53477,1
Строительство (Раздел F)	015	12631	11859	16622,7	17917,6	21917,6	33998	33782
Оптовая и розничная торговля (Раздел G)	016	12741,1	17457,4	14566,1	13438,2	16438,2	25498,5	25336,5
Финансовая деятельность (Раздел J)	017	23124,5	25814,1	28143	16346,4	10958,8	16167,7	16891
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (Раздел O)	018	21451,6	39558	43561,8	41625,2	47397	42497,5	42227,5

Следующим шагом определяются материальные и трудовые затраты каждого ВЭД. При этом сумма всех затрат будет представлять собой общую себестоимость каждого ВЭД и муниципального образования в целом.

Таблица 3(2)

Структура материальных и трудовых затрат, себестоимость за период 2010–2016 по ВЭД

Себестоимость проданных товаров, продукции, работ, услуг (строки 021+…+028)	**020**	214448	273223	275745	261256	270586	308117	354877
в том числе: строка **021= 021.1+021.2**								
Сельское хозяйство, охота, лесн. х-во ВЭД1:	021	20161	23879	30875	36988	48346	57915	76777
в том числе материальные затраты	021.1	19516	21315	28523	30476	36834	32458	53325
трудовые затраты	021.2	645	2564	2352	6512	11512	25457	23452
Рыболовство, рыбоводство – ВЭД2:	022	52568	61082	54312	54631	67204	65828	76884
материальные затраты	022.1	41541	57449	40987	36979	46322	45497	46930
трудовые затраты	022.2	11027	3633	13325	17653	20881	20331	29954
Добыча полезных ископаемых - ВЭД3:	023	33651	44888	45043	45163	42959	47847	53740
материальные затраты	023.1	31990	42523	40406	33558	29536	33348	38344
трудовые затраты	023.2	1660	2365	4637	11605	13424	14499	15396
Обрабатывающие производства.- ВЭД4:	024	43100	56892	52382	46842	28373	35698	47093
материальные затраты	024.1	41660	52335	45137	38705	19424	26499	34256
трудовые затраты	024.2	1440	4557	7245	8137	8949	9199	12837
Строительство - ВЭД5:	025	11734	9995	14195	15895	18915	29665	29395
материальные затраты	025.1	10440	7957	9245	12137	12949	20999	20837
трудовые затраты	025.2	1293	2038	4950	3758	5966	8666	8558
Оптовая и розничная торговля - ВЭД6:	026	11950	15946	12281	10921	13186	21249	21047
материальные затраты	026.1	10330	14168	8569	8353	9712	14749	14628
трудовые затраты	026.2	1620	1778	3712	2568	3475	6500	6419
Финансовая деятельность - ВЭД7:	027	21368	23297	26187	13947	8958	12833	13198
материальные затраты	027.1	20221	21778	23712	12568	5975	8500	8919
трудовые затраты	027.2	1147	1519	2475	1379	2983	4333	4279
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг - ВЭД8:	028	19917	37243	40469	36868	42644	37082	36744
материальные затраты	028.1	18550	34946	34281	30921	35186	26249	26047
трудовые затраты	028.2	1367	2297	6187	5947	7458	10833	10698

Далее определяем общую валовую добавленную стоимость и отдельно каждого ВЭД. Валовая добавленная стоимость является разницей валового выпуска региона и его материальных затрат. Валовая добавленная стоимость по МО, представленная в табл. 3(3), является основой для расчета валового регионального продукта (ВРП).

Таблица 3(3)

Валовая добавленная стоимость по МО за период 2010–2016 по ВЭД

Валовая добавленная стоимость (строки 010-(021.1+…+028.1))	010.0	36732,4	44993,7	70067,2	92594,9	114470,4	136363,6	155890,1
в том числе: **(строки 010.1+…+010.8)**	Сумма	36732,4	44993,7	70067,2	92594,9	114470,4	136363,6	155890,1
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство - **(строки 011-021.1) …** ВЭД1	010.1	3265,0	6310,2	7062,0	10880,6	17960,0	29893,2	31130,0
Рыболовство, рыбоводство - ВЭД2	010.2	16012,3	10006,4	16691,1	25534,3	30389,4	25744,1	34321,5
Добыча полезных ископаемых - ВЭД3	010.3	3343,8	5634,8	8251,0	17693,4	19778,9	18324,3	23410,6
Обрабатывающие производства - ВЭД4	010.4	3704,3	7202,8	10976,8	13138,1	13452,6	14737,5	19221,3
Строительство - ВЭД5	010.5	2190,8	3902,1	7377,8	5780,8	8968,4	12998,8	12944,8
Оптовая и розничная торговля – ВЭД6	010.6	2411,0	3289,8	5997,4	5085,6	6726,3	10749,1	10708,6
Финансовая деятельность - ВЭД7	010.7	2903,7	4035,7	4430,5	3778,0	4984,2	7668,1	7972,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг - ВЭД8	010.8	2901,40	4611,93	9280,64	10704,19	12210,51	16248,54	16180,98

Рассчитывается валовая прибыль МО как разность между валовым выпуском муниципального образования и себестоимостью (трудовые + материальных затраты). Расчет валовой прибыли представлен в табл. 3(4).

Таблица 3(4)

Валовая прибыль по МО за период 2010-2016 по ВЭД

Валовая прибыль (строки 010-020)	**029**	16532,88	24242,23	25183,26	35035,79	39822,51	36545,92	44298,08
в том числе: строка **029= 029.1+…+029.8**								
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство - ВЭД1	029.1	927,0	4130,1	1849,8	15057,3	17505,7	30831,8	30966,6
Рыболовство, рыбоводство - ВЭД2	029.2	1297,8	5782,1	25269,7	21080,2	24508,0	43164,5	43353,2
Добыча полезных ископаемых - ВЭД3	029.3	834,3	3717,1	16244,8	13551,6	15755,1	27748,6	29269,9
Обрабатывающие производства - ВЭД4	029.4	556,2	2478,1	10829,9	9034,4	10503,4	18499,1	18580,0
Строительство - ВЭД5	029.5	370,8	1652,0	7219,9	6022,9	7002,3	12332,7	12386,6
Оптовая и розничная торговля – ВЭД6	029.6	278,1	1239,0	5414,9	4517,2	5251,7	9249,5	9290,0
Финансовая деятельность - ВЭД7	029.7	185,4	826,0	3610,0	3011,5	3501,1	6166,4	6193,3
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг - ВЭД8	029.8	463,5	2065,1	9024,9	7528,7	8752,9	15415,9	15483,3

Учитываются коммерческие и управленческие расходы, которые непосредственно влияют на ценообразование продуктов производства. Они представлены в табл. 3(5).

Таблица 3(5)

Коммерческие и управленческие расходы по МО за период 2010-2016 по ВЭД

Коммерческие расходы	**030**	1668,4	5793,8	7003,9	9902,9	10555,3	11124,2	11477,1
в том числе: строка **030= 030.1+…+030.8**	Проверка	1668,4	5793,8	7003,9	9902,9	10555,3	11124,2	11477,1
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство - ВЭД 1	030.1	233,7	1239,2	1075,6	1856,2	1564,6	1563,1	1188,7
Рыболовство, рыбоводство - ВЭД 2	030.2	467,1	1482,9	1399,9	1568,7	1764,4	1108,3	1841,7
Добыча полезных ископаемых - ВЭД 3	030.3	300,3	953,3	1257,1	1865,6	1277,1	1426,8	1701,2
Обрабатывающие производства - ВЭД 4	030.4	200,2	635,5	1171,4	1243,7	1184,8	1617,8	1503,6
Строительство - ВЭД 5	030.5	133,5	423,7	514,3	562,5	1789,8	1745,2	1669,1
Оптовая и розничная торговля - ВЭД 6	030.6	100,1	317,8	585,7	621,9	1092,4	1108,9	1151,8
-сдача имущества в аренду - ВЭД 7	030.7	66,7	211,8	357,1	481,2	394,9	872,6	834,5
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг - ВЭД 8	030.8	166,8	529,6	642,8	1703,1	1487,3	1681,5	1586,5
Управленческие расходы	**040**	2161,3	6861,2	7239,1	8420,5	10580	11651,7	11341,1
в том числе: строка **040= 040.1+…+040.8**	Проверка	2161,3	6861,2	7239,1	8420,5	10580	11651,7	11341,1
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство - ВЭД 1	040.1	407,8	1294,6	1060,2	1607,6	1524,5	1443,7	1211
Рыболовство, рыбоводство - ВЭД 2	040.2	570,9	1812,4	1044,3	1250,7	1934,3	1621,2	1695,5
Добыча полезных ископаемых - ВЭД 3	040.3	367	1165,1	1114,2	1246,9	1672,1	1299,4	1412,6
Обрабатывающие производства - ВЭД 4	040.4	244,7	776,7	876,1	964,6	1114,7	1866,2	1726,6
Строительство - ВЭД 5	040.5	163,1	517,8	584,1	643,1	609,8	977,5	1084,4
Оптовая и розничная торговля - ВЭД 6	040.6	122,3	388,4	938,1	982,3	1557,4	1433,1	1363,3
Финансовая деятельность - ВЭД 7	040.7	81,6	258,9	792	821,5	904,9	1288,7	1242,2
-проектно-сметн.докум.в гидростроит - ВЭД 8	040.8	203,9	647,3	830,1	903,8	1262,3	1721,9	1605,5

В результате можно составить общую таблицу расходов, которая будет включать сумму себестоимости, коммерческих и управленческих расходов, представлены в табл. 3(6).

Таблица 3(6)

Суммарные затраты: себестоимости + коммерческие + управленческие расходы по МО за период 2010–2016 гг.

ИТОГО расходов (041=020+030+040):	**041**	218277,6	285434,3	289987,9	279579,2	291721,0	330892,6	377695,3
Накладные расходы ВЭД1	041.1	20802,5	26412,8	33010,8	40451,8	51435,1	60921,7	79176,7
ВЭД2	041.2	53605,6	64377,0	56756,3	57450,8	70902,3	68558,0	80421,0
ВЭД3	041.3	34317,9	47006,6	47414,8	48275,5	45908,7	50573,1	56853,4
ВЭД4	041.4	43545,3	58304,3	54429,8	49050,3	30672,5	39181,9	50323,2
ВЭД5	041.5	12030,2	10936,3	15293,3	17100,3	21314,9	32388,0	32148,9
ВЭД6	041.6	12172,6	16652,3	13805,0	12525,2	15836,3	23791,0	23561,6
ВЭД7	041.7	21515,8	23768,1	27336,5	15250,0	10257,5	14993,9	15274,4
ВЭД8	041.8	20287,7	37977,0	41941,5	39475,3	45393,8	40485,0	39936,2

Таблица 3(7)

Прибыль от продаж и прибыль (убыток) до налогообложения в МО за период 2010–2016 гг.

Прибыль (убыток) от продаж (строки 050=010-020-030-040)	**050**	12703,2	12030,6	10940,3	16712,4	18687,2	13770,0	21479,9
в том числе: **строки 051=011-021-030.1-040.1**	Проверка	12703,2	11587,2	10940,3	16712,4	18687,2	13770,0	21479,9
Сельское хозяйство, охота, лесн.х-во ВЭД 1	051	1978,5	1212,4	2574,2	904,8	3358,9	1429,4	5278,3
Рыболовство, рыбоводство - ВЭД 2	052	3947,3	3078,4	922,0	5062,3	5809,3	2683,2	830,8
Добыча полезных ископаемых - ВЭД 3	053	1016,3	1151,1	1242,3	2975,7	3405,9	1099,3	4900,9
Обрабатывающие производства - ВЭД 4	054	1819,2	1233,8	1684,4	2793,0	2203,9	2054,3	3153,9
Строительство - ВЭД 5	055	600,8	922,7	1329,4	817,3	602,7	1610,0	1633,1
Оптовая и розничная торговля - ВЭД 6	056	568,5	805,1	761,1	913,0	601,9	1707,5	1774,9
Финансовая деятельность - ВЭД 7	057	1608,7	2046,0	806,5	1096,4	701,3	1173,8	1616,6
Предоставление коммунал. услуг - ВЭД 8	058	1163,9	1137,7	1620,3	2150,0	2003,3	2012,5	2291,3
II. Операционные доходы и расходы								
Проценты к получению	060							
Проценты к уплате	070							
Доходы от участия в других организациях	080							
Прочие операционные доходы	090							
Прочие операционные расходы	100							
III. Внереализационные доходы и расходы								
Прочие внереализационные доходы	120							
Прочие внереализационные расходы	130							
Прибыль (убыток) до налогообложения (строки 050+060-070+080+090-100+120-130)	**140**	12703,2	11587,2	10940,3	16712,4	18687,2	13770,0	21479,9
в том числе: строка **140= 140.1+…+140.8**	Проверка	12703,2	11587,2	10940,3	16712,4	18687,2	13770,0	21479,9
Сельское хозяйство, охота и лесн.х-о ВЭД 1	140.1	1978,5	1212,4	2574,2	904,8	3358,9	1429,4	5278,3
Рыболовство, рыбоводство - ВЭД 2	140.2	3947,3	3078,4	922,0	5062,3	5809,3	2683,2	830,8
Добыча полезных ископаемых - ВЭД 3	140.3	1016,3	1151,1	1242,3	2975,7	3405,9	1099,3	4900,9
Обрабатывающие производства - ВЭД 4	140.4	1819,2	1233,8	1684,4	2793,0	2203,9	2054,3	3153,9
Строительство - ВЭД 5	140.5	600,8	922,7	1329,4	817,3	602,7	1610,0	1633,1
Оптовая и розничная торговля - ВЭД 6	140.6	568,5	805,1	761,1	913,0	601,9	1707,5	1774,9
Финансовая деятельность - ВЭД 7	140.7	1608,7	2046,0	806,5	1096,4	701,3	1173,8	1616,6
Предоставление коммунал. услуг - ВЭД 8	140.8	1163,9	1137,7	1620,3	2150,0	2003,3	2012,5	2291,3

Прибыль (убыток) от продаж определяется как разность между валовым выпуском муниципального образования и (себестоимостью выпускаемой продукции + коммерческие + управленческие расходы), которые представлены в верхней части табл. 3(7). К ним добавляются оперативные доходы и вычитаются оперативные расходы. В результате получаем «Прибыль (убыток) до налогообложения», который представлен в нижней части табл. 3(7).

Рассчитывается величина налога из расчета в 24% от прибыли до налогообложения, она представлена в верхней части табл. 3(8). Разность между прибылью до налогообложения и величиной налогов представляют «Прибыль МО от обычной деятельности», которая представлена в нижней части табл. 3(8).

Таблица 3(8)

Налог на прибыль по ВЭД муниципального образования

Налог на прибыль и иные аналогичные обязательные платежи 24%	**150**	3048,8	2780,9	2625,7	4011,0	4484,9	3304,8	5155,2
в том числе: строка **150.1=140.1*0.24**	Проверка	3048,8	2780,9	2625,7	4011,0	4484,9	3304,8	5155,2
Сельское хозяйство, охота и лес.хоз. - ВЭД 1	150.1	474,8	291,0	617,8	217,2	806,1	343,1	1266,8
Рыболовство, рыбоводство - ВЭД 2	150.2	947,4	738,8	221,3	1215,0	1394,2	644,0	199,4
Добыча полезных ископаемых - ВЭД 3	150.3	243,9	276,3	298,2	714,2	817,4	263,8	1176,2
Обрабатывающие производства - ВЭД 4	150.4	436,6	296,1	404,3	670,3	528,9	493,0	756,9
Строительство - ВЭД 5	150.5	144,2	221,5	319,1	196,2	144,6	386,4	392,0
Оптовая и розничная торговля - ВЭД 6	150.6	136,4	193,2	182,7	219,1	144,5	409,8	426,0
Финансовая деятельность - ВЭД 7	150.7	386,1	491,0	193,6	263,1	168,3	281,7	388,0
Предоставление прочих ком. услуг - ВЭД 8	150.8	279,3	273,0	388,9	516,0	480,8	483,0	549,9
Прибыль(убыток) от обычной деятельности	**160**	8769,9	7941,7	7083,2	11067,5	12679,8	8935,7	14583,3
в том числе:	строка **160=160.1+…+160.8**							
Сельское хозяйство, охота и лесн.хоз. -ВЭД 1	160.1	1503,7	921,4	1956,4	687,6	2552,8	1086,3	4011,5
Рыболовство, рыбоводство - ВЭД 2	160.2	2999,9	2339,6	700,7	3847,4	4415,1	2039,2	631,4
Добыча полезных ископаемых - ВЭД 3	160.3	772,4	874,8	944,2	2261,5	2588,5	835,5	3724,7
Обрабатывающие производства - ВЭД 4	160.4	1382,6	937,7	1280,1	2122,7	1675,0	1561,3	2396,9
Строительство - ВЭД 5	160.5	456,6	701,3	1010,4	621,2	458,0	1223,6	1241,2
Оптовая и розничная торговля - ВЭД 6	160.6	432,1	611,9	578,5	693,9	457,5	1297,7	1348,9
Финансовая деятельность - ВЭД 7	160.7	1222,6	1555,0	612,9	833,2	533,0	892,1	1228,6
Предоставление прочих ком. услуг - ВЭД 8	160.8	884,6	864,6	1231,4	1634,0	1522,5	1529,5	1741,4
IV. Чрезвычайные доходы и расходы								
Дивиденды, приходящиеся на одну акцию*:								
по привилегированным	201							
по обычным	202							

Результатом анализа производственной и финансовой деятельности муниципального образования являются коэффициенты рентабельности. Коэффициенты рентабельности ВЭД муниципального образования определяются отношением чистой прибыли (прибыли от обычной деятельности) к валовому выпуску (доходу), умноженному на 100%, табл. 3(9).

Таблица 3(9)

Коэффициенты рентабельности ВЭД муниципального образования

РАСЧЕТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОЭФФИЦИЕНТОВ (РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ) за 2008-2014 гг.							
Наименование	**2010 г.**	**2011 г.**	**2012 г.**	**2013 г.**	**2014 г.**	**2015 г.**	**2016 г.**
Рентабельность Муниципального образования	3,80	2,67	2,35	3,74	4,08	2,59	3,65
в том числе ВЭД1	6,60	3,34	5,50	1,66	4,66	1,74	4,75
ВЭД2	5,21	3,47	1,21	6,15	5,76	2,86	0,78
ВЭД3	2,19	1,82	1,94	4,41	5,25	1,62	6,03
ВЭД4	3,05	1,57	2,28	4,09	5,09	3,79	4,48
ВЭД5	3,61	5,91	6,08	3,47	2,09	3,60	3,67
ВЭД6	3,39	3,51	3,97	5,16	2,78	5,09	5,32
ВЭД7	5,29	6,02	2,18	5,10	4,86	5,52	7,27
ВЭД8	4,12	2,19	2,83	3,93	3,21	3,60	4,12

Руководитель _____ Главный бухгалтер _____

(расшифровка подписи) (расшифровка подписи)

Представленные расчеты и анализ служат основой для составления прогноза развития каждого ВЭД МО, прогноза поступления налогов и принятия управленческих решений для дальнейшего социально-экономического развития муниципального образования.

2 этап. Анализ внешней среды муниципального образования

Анализ внешней среды муниципального образования оценивается, во-первых, по тенденции роста спроса по каждому виду экономической деятельности, и, во-вторых, по тенденции роста рентабельности ВЭД муниципального образования, в соответствии с методикой Ансоффа И. [6]. Оценка тенденций роста спроса по каждому параметру, представленная в табл. 4, осуществляется по десятибалльной шкале: (–5) – 0 – (+5) (отрицательный показатель (–5) – 0, когда параметр падает, положительный 0 – (+5), когда параметр растет).

Таблица 4

Тенденции роста спроса по муниципальному образованию

Анализ внешней среды региона								
ТЕНДЕНЦИИ РОСТА СПРОСА								
Параметры Роста Спроса	Шкала интенсивности по ВЭД							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Темпы роста соответствующего сектора экономики	4	2	3	2	2	3	4	3
2. Прирост численности потребителей данного сектора в составе народонаселения	4	3	3	0	2	1	2	3
3. Динамика географического расширения рынков	4	3	2	2	2	2	4	5
4. Степень устаревания продукции	3	2	2	3	3	2	3	2
5. Степень обновления продукции	5	4	3	3	2	3	3	4
6. Степень обновления технологии	4	4	4	2	2	3	4	4
7. Уровень насыщения спроса	1	-3	-3	-2	-3	-4	-4	-3
8. Общественная приемлемость товара	5	5	5	2	3	3	5	3
9. Гос. Регулирование издержек	-1	-4	-4	0	0	0	0	0
10. Гос. Регулирование роста	-2	-4	-4	0	0	0	0	0
11. Неблагоприятные факторы для роста рентабельности	-1	-3	-3	-2	-2	-2	-1	-1
12. Благоприятные факторы для роста рентабельности	3	3	3	2	2	2	1	2
Общая оценка изменений в перспективе ее роста	29	12	11	12	13	13	21	22
Средняя оценка (К1ВЭД1-К1ВЭД8)	2,42	1,00	0,92	1,00	1,08	1,08	1,75	1,83

Подсчитывается сумма интенсивностей для каждого ВЭД (предпоследняя строка таблицы 4) и выводится средняя. В результате расчета получили коэффициенты «Тенденции роста спроса» для каждого ВЭД: К1вэд1-К1вэд8 = 2,4; 1; 0,9; 1; 1,1; 1,1; 1,8; 1,8.

Аналогично, по пятибалльной шкале: 0 – (+5) рассчитываются коэффициенты «Рентабельности» для каждого ВЭД (представлены в табл. 5). В результате получены коэффициенты «Рентабельности» для каждого ВЭД: К2вэд1-К2вэд8 = 2,2; 2,2; 1,7; 1,6; 1,5; 2,3; 2; 1.

Таблица 5

Тенденции роста рентабельности по муниципальному образованию

ТЕНДЕНЦИИ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ВЭД(К2ВЭД1-К2ВЭД8)								
Параметры Рентабельности	Шкала интенсивности по ВЭД							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Колебания рентабельности	2	2	2	3	2	3	2	3
2. Колебания объема продаж	3	3	2	2	2	3	3	1
3. Колебания цен	2	2	3	2	2	1	2	3
4. Цикличность спроса	3	3	3	3	2	2	4	2
5. Уровень спроса по отношению к мощности	2	1	1	2	2	1	1	2
6. Характеристика структуры рынка	2	0	0	2	1	2	1	2
7. Стабильность структуры рынка	3	3	1	1	1	0	0	2
8. Обновление состава продукции	2	2	2	0	0	2	2	0
9. Продолжительность жизненных циклов	5	5	5	1	2	3	3	0
10. Время разработки новой продукции	0	0	0	2	3	4	1	0
11. Расходы на НИОКР	2	3	2	0	1	2	0	0
товарный рынок(уход с него)	0	0	0	0	0	0	0	0
13. Агрессивность ведущих конкурентов	5	4	0	2	2	3	5	3
14. Конкуренция зарубежных фирм	1	0	0	1	0	3	5	0
15. Конкуренция на рынке ресурсов	5	5	5	2	3	3	5	3
16. Интенсивность торговой рекламы	0	0	0	2	3	4	5	4
17. Послепродажное обслуживание	0	0	0	4	0	4	0	0
18. Степень удовлетворения потребителей	4	5	5	2	3	4	4	-5
19. Гос.регулирование конкуренции	0	3	0	0	0	0	0	0
товаров(услуг)	5	5	5	0	0	0	0	0
21. Давление потребителей	0	0	0	3	2	4	0	1
Общая оценка сдвигов в перспективе рентабельности	46	46	36	34	31	48	43	21
Средняя оценка(К2ВЭД1-К2ВЭД8)	2,19	2,19	1,71	1,62	1,48	2,29	2,05	1,00

Аналогично, по пятибалльной шкале: 0 – (+5) рассчитываются коэффициенты «Потенциальных возможностей» для каждого ВЭД (представлены в табл. 6). В результате получены коэффициенты «Потенциальных возможностей» ВЭД: К3вэд1-К3вэд8 = 3,6; 3,9; 3,7; 3,2; 2,5; 2,6; 2,3; 2,5.

Аналогично, по пятибалльной шкале: 0 – (+5) рассчитываются коэффициенты «Потенциальных угроз» для каждого ВЭД (представлены в нижней части табл. 6). В результате получены коэффициенты «Потенциальных угроз» для каждого ВЭД: К4вэд1-К4вэд8 = 2,5; 2,5; 1,4; 2,3; 2; 2,2; 2,4; 2,2. Все эти коэффициенты используются в задачах прогнозирования в следующих разделах.

3 этап. *Прогноз развития муниципального образования по экономическим показателям.*

Прогноз развития муниципального образования выполняется по следующим экономическим показателям: спрос (валовой выпуск региона); затраты (капитальные вложения); прибыль = Валовой выпуск региона – Капитальные вложения; рентабельность.

Исходные данные для прогноза берутся из отчета по доходам, расходам муниципального образования (табл. 3) за семь лет. Для прогноза показателя на будущий период используется функция Предсказ (…), представленная в

EXCEL, а также данные экспертных оценок из анализа внешней среды муниципального образования, рассчитанные в предыдущем разделе.

Таблица 6

Коэффициенты «Потенциальных возможностей» и «Потенциальных угроз»

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ								
Параметры Потенциальных Возможностей	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Выход на новые рынки	4	4	4	3	3	3	4	2
2. Расширение спектра услуг	4	5	5	3	3	2	2	3
3. Повышение качества продукции	4	4	4	2	4	3	4	3
4. Проведение тендерных торгов при выборе поставщиков	5	5	5	5	4	2	2	1
5. Повышение квалификации персонала	3	3	3	5	2	3	2	4
6. Вертикальная интеграция	3	3	3	4	0	4	2	0
7. Горизонтальная интеграция	0	4	0	4	2	3	1	4
8. Наша репутация	5	5	5	3	3	5	4	4
9. Высокие капиталовложения для входа в нашу отрасль	5	5	5	2	3	1	3	3
10. Ноу-хау в тохнологиях	5	5	5	2	2	3	1	2
11. Успокоенность конкурентов	2	0	2	2	2	0	0	1
ИТОГО	40	43	41	35	28	29	25	27
Средний бал	3,64	3,91	3,73	3,18	2,55	2,64	2,27	2,45

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ								
Параметры Потенциальных Угроз	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Форс- мажорные(стихии, климатические условия)	3	3	3	1	3	2	1	1
2. Угрожающие перемены в законодательстве и политике	3	3	3	1	1	1	1	4
3. Технологический прорыв	2	2	2	3	2	2	3	1
4. Появление более крупного конкурента	2	2	2	4	4	4	5	5
5. Забастовки	0	0	0	0	0	0	0	0
6. Появление товара - заменителя	1	0	0	0	1	0	0	0
7. Изменение потребительского спроса (предпочтения)	3	3	3	3	2	3	3	4
8. Инфляция	3	4	3	4	2	4	5	3
9. Снижение качества продукции	4	4	4	4	2	4	4	2
10. Срывы в поставке	4	4	4	3	3	2	2	2
ИТОГО	25	25	24	23	20	22	24	22
Средний бал	2,5	2,5	2,4	2,3	2	2,2	2,4	2,2

1. *Экстраполяция тенденций спроса* (валового выпуска МО)

Экстраполяция тенденций спроса выполняется для МО в целом в таблице 7(0) и для всех ВЭД МО, они представлены в таблицах 7(1) – 7(8).

Таблица 7(0)

Экстраполяция тенденций спроса по МО в целом

	А	Б	В	Г	Примечание:
	Год	Объем продаж	Контрол. результат	Максимум (5 балов)	1.Используя Функцию ПРЕДСКАЗ выполнить прогноз на три года (2014, 2015,2016)
1	2010	230981	230981	230981	2.Используя экспертные данные представить
2	2011	297465	297465	297465	Объем продаж (2014,2015,2016) при 5 баллах
3	2012	300928	300928	300928	3. Добавить линию тренда
4	2013	296292	296292	296292	4. Контрольный результат получается путем
5	2014	310408	310408	310408	добавления к прогнозу (разности граф Г и Б,
6	2015	344663	344663	344663	разделенной на 5 и умножения на
7	2016	399175	399175	399175	коэффициенты К1ВЭД1 из табл. 1.3)
8	2017	398339	412209	430000	
9	2018	413536	438273	476000	
10	2019	442004	476174	520000	

=Б9+(Г9-Б9)/5*К1ВЭД1

=ПРЕДСКАЗ(А9:Б2:Б8;А2:А8)

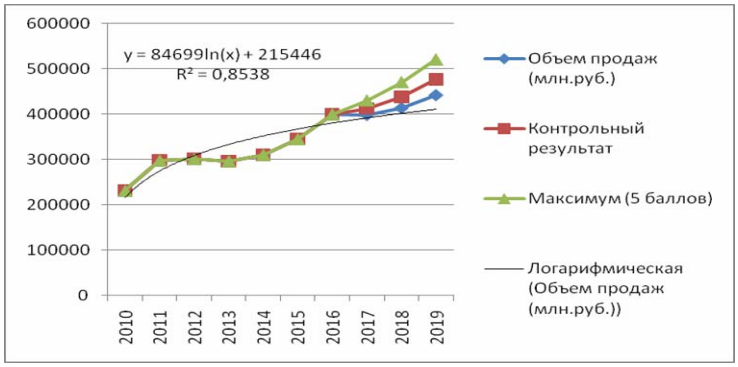
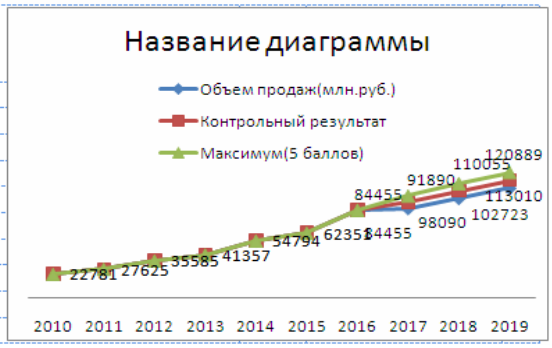

Таблица 7(1)

Экстраполяция тенденций спроса ВЭД 1

Год	Объем продаж	Кон-трольный результат	Макси-мум(5 баллов)
2010	22781	22781	22781
2011	27625	27625	27625
2012	35585	35585	35585
2013	41357	41357	41357
2014	54794	54794	54794
2015	62351	62351	62351
2016	84455	84455	84455
2017	86090	91890	98090
2018	95864	102723	110055
2019	105639	113010	120889

Аналогично рассчитывается экстраполяция спроса для ВЭД 2 –ВЭД 8.

2. Экстраполяция затрат по ВЭД

Экстраполяция тенденций затрат ВЭД 1, …, ВЭД 8 исследуется как сумма «себестоимости проданных товаров, работ, услуг (строки 021+…+028)», «коммерческих расходов строки 030=030.1+…+030.8», «управленческих расходов строки 040= 040.1+…+040.8», и в численном виде как сумма расходов (строки 041=020+030+040), графически представлена в виде табл. 7(1).

3. Экстраполяция налогов по видам экономической деятельности

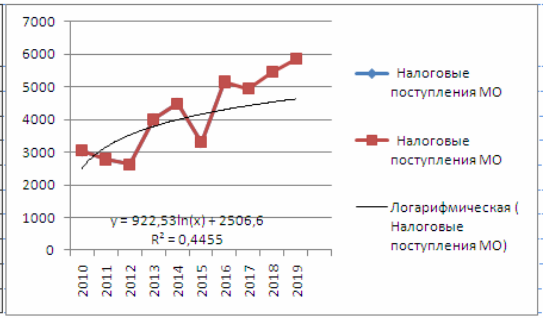
Экстраполяция тенденций налогов (как основы доходной части муниципального образования, региона и государства в целом) выполняется для всех ВЭД как «Налог на прибыль и иные аналогичные обязательные платежи 24% строка 150.1=140.1*0.24 (представлены в виде табл. 8).

По муниципальному образованию в целом «Налоговые поступления» строка 0150 табл. 3(8) переносится в табл. 7 годы 2010–2016. Прогноз на период 2017–2019 формируется с использованием функции предсказ (…). Графически прогноз представлен в табл. 8.

Таблица 8

Темпы роста налоговых поступлений за период прогноза

Год	Налоговые поступления МО
2010	3049
2011	2781
2012	2626
2013	4011
2014	4485
2015	3305
2016	5155
2017	4948
2018	5452
2019	5858

Темпы роста налоговых поступлений за период прогноза с 2016 (исходный – взят за 1.0) по 2019 год составляют: t0=1,0; t1=0,9598541; t2=1,0576171; t2=1,136342.

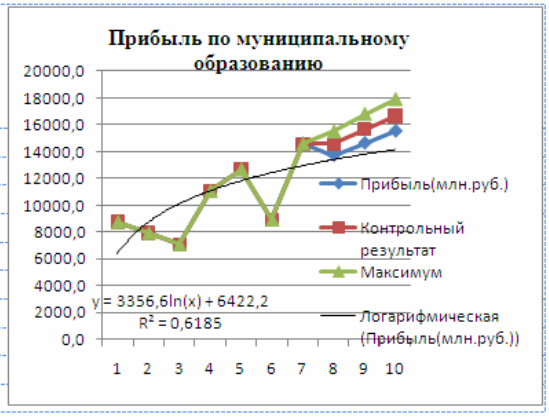
4. *Экстраполяция прибыли по ВЭД*

Экстраполяция тенденций прибыли выполняется для всех ВЭД муниципального образования: «Прибыль (убыток) от обычной деятельности строка 160=160.1+…+160.8» (графически представлены в виде табл. 9).

Таблица 9

Экстраполяция тенденций прибыли ВЭД 1

Год	При-быль(млн.руб.)	Кон-трольный резуль-тат	Мак-симум
2010	8769,9	8769,9	8769,9
2011	7941,7	7941,7	7941,7
2012	7083,2	7083,2	7083,2
2013	11067,5	11067,5	11067,5
2014	12679,8	12679,8	12679,8
2015	8935,7	8935,7	8935,7
2016	14583,3	14583,3	14583,3
2017	13726,6	14583,7	15500,0
2018	14620,3	15673,8	16800,0
2019	15514,1	16667,3	17900,0

5.4. Прогноз и формирование доходной и расходной частей бюджета МО.

Анализ доходов и расходов консолидированного бюджета муниципального образования представлен в разделе 5.3. Расчет темпов роста налоговых поступлений за период прогноза с 2016 по 2019 год: t0=1,0; t1=0,9598541; t2=1,0576171; t3=1,136342) представлен в табл. 8.

Этот темп роста является основой для прогноза источников налоговых доходов бюджета муниципального образования. Расчет прогнозируемых источников налоговых доходов бюджета муниципального образования показан в табл. 10.

Таблица 10

Структура источников налоговых доходов бюджета муниципального образования

Наименование дохода	2016	2017	2017	2019.
Темпы роста	***t0=1,0***	***t1=0,95985***	***t2=1,05761***	***t3=1,13634***
Всего налоговых поступлений, тыс.руб	**160807**	**154350,6**	**170071,1**	**182731,4**
Перечень источников:		0,0	0,0	0,0
Налог на доходы физических лиц	144692	138882,6	153027,7	164419,3
Единый налог на совокупный доход		0,0	0,0	0,0
Единый налог на вмененный доход	11013	10570,8	11647,5	12514,5
Единый сельскохозяйственный налог	15	14,4	15,9	17,0
Государственная пошлина	5089	4884,7	5382,2	5782,8
Налог на имущество предприятий		0,0	0,0	0,0
Налог на имущество физических лиц		0,0	0,0	0,0
Земельный налог		0,0	0,0	0,0
Аренда земли	2340	2246,0	2474,8	2659,0
Аренда прочего имущества	1397	1340,9	1477,5	1587,5
Плата за негативное воздействие на окружающую среду	2451	2352,6	2592,2	2785,2
Доходы от предпринимательской деятельности	18136	17407,8	19180,8	20608,7
Доходы от реализации муниципал. имущества	3740	3589,8	3955,5	4249,9
Доходы от продажи земельных участков	3114	2989,0	3293,4	3538,6
Штрафные санкции	7374	7077,9	7798,8	8379,4
Прочие поступления		0,0	0,0	0,0
Собственные доходы, всего, тыс. руб.	**199220**	**191221,3**	**210697,1**	**226381,7**

Аналогично рассчитывается прогноз расходной части бюджета муниципального образования.

Экономическая эффективность проекта определяется прогнозом экономических показателей по каждому виду экономической деятельности в муниципальном образовании с учетом влияния факторов внешней среды. Численные значения прогноза: валовых объемов продаж, затрат, прибыли и соответствующей рентабельности каждого вида экономической деятельности представлены в таблицах и графиках раздела второго этапа. Следствие этих расчетов – это те налоговые отчисления, которые ежегодно будут поступать в бюджет муниципального образования (региона, РФ). Именно они определяют социально-экономическое развитие МО. В совокупности эти показатели дают ответ на главный вопрос: «Что делать» МО на следующий плановый период в области экономики и развития социального уровня населения МО.

Заключение

Исследование направлено на решение проблемы обеспечения надежности прогнозирования в краткосрочной, среднесрочной, долгосрочной перспективе развития экономики государства, региона и муниципального образования. Исследуется целенаправленность развития экономики каждого уровня управления в государстве. Методология сформирована: во-первых, на информационном обеспечении, которое представляется государственными статистическими органами; во-вторых, на математическом моделировании экономических систем (математическое обеспечение); в-третьих, на инвестиционных процессах, которые определяют тенденции развития экономики региона. Основное внимание в работе уделено социально-экономическому развитию муниципального образования. Прогноз выполняется на основе агрегированной статистической информации по предприятиям, входящим в это образование. Рассчитывается прогноз налоговых поступлений за несколько лет. Эти налоговые поступления являются основой для прогноза доходной и расходной частей бюджета муниципального образования. Автор готов участвовать в расчетах по прогнозированию развития муниципальных образований, регионов.

Список литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок от 30.12.2008 № 7-ФКЗ.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации. – М.: ТК Велби, Проспект, 2010. – 215 с.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html
4. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – static.government.ru/media/files
5. Гелбрейт Дж. Экономическая теория и цели общества. – М.: Прогресс. 1976. -230 с.

6. Ансофф И. Стратегическое управление: пер. с англ. – М.: Экономика. 1989. – 519 с.
7. Шерер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 698 с.
8. Байе М.Р. Управленческая экономика и стратегия бизнеса. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 743 с.
9. Leontyev W.W. Input-Output Economics. – New York: Oxford university press, 1966. – 436 p.
10. Tirole J. The theory of Industrial Organization. – Cambridge (Mass.); London, 1993. – 695 p.
11. Shumpeter Y.A. Theory of economic development: capitalism, socialism and democracy / Predisl. V.S. Avtonomova. – M.: Eksmo, 2007. – 864 p.
12. Угроватов А.П. Политология: словарь-справочник. – Новосибирск: ЮКЭА, 2006. – 486 с.
13. Ленин В.И. Полное собрание соч., 5 изд., т. 42, с. 278.
14. Цифровая экономика, что это? – http://rusrand.ru/actuals/cifrovaya-putinomika
15. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82, [2] с.
16. Послание Путина 15 января 2020: все предложения Президента Путина Федеральному собранию. – buhguru.com/spravka-info/vse-...
17. Машунин Ю.К. Моделирование и прогнозирование развития фирмы на базе векторной оптимизации (1. Постановка проблемы) // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. – № 1. – С. 17–36.
18. Машунин Ю.К. Моделирование и прогнозирование развития фирмы на базе векторной оптимизации (2. Малый и средний бизнес) // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. – № 2. – С. 3–15.
19. Машунин Ю.К. Моделирование и прогнозирование развития фирмы на базе векторной оптимизации (3. Крупный бизнес) // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. – № 3. – С. 3–25.
20. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Моделирование развития и организация управления экономикой региона в рыночных условиях // Региональная экономика: теория и практика. 2010. – № 7. – С. 2–9.
21. Машунин Ю.К. Теория управления. Математический аппарат управления экономикой. – М.: Логос, 2013. – 448 с.
22. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Прогнозирование развития экономики региона с использованием таблиц «Затраты – Выпуск» // Экономика региона. 2014. – № 2. – С. 276–289.
23. Машунин Ю.К. Моделирование инвестиционных процессов в экономике региона: монография / LAMBERT Academic Publising. 2014. – 353 с.
24. Машунин Ю.К. Разработка стратегии развития муниципального образования: монография / LAMBERT Academic Publishing. 2017. – 173 с.
25. Машунин Ю.К., Машунин К.Ю. Моделирование и практика инновационного развития промышленного кластера // Научно-технические ведомости СПбПУ. Экономические науки. 2017. – Т. 10, №4. – С. 187–197. DOI: 10.18721/JE. 10418
26. Машунин Ю.К., Машунин К.Ю. Векторная оптимизация с равнозначными и приоритетными критериями // Изв. РАН. ТиСУ. 2017. – № 6. – С. 80-99. – https://rdcu.be/bhZ8i
27. Машунин Ю.К., Машунин К.Ю. Численная реализация инновационного развития промышленного предприятия // Глобальные вызовы в экономике и развитие промышленности (INDUSTRY-2016): тр. науч.-практ. конф. с зарубежным участием 21–23 марта 2016 / Под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – С. 455–484.
28. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Политика, моделирование и прогнозирование с учетом инвестиционных процессов развития экономики региона // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 2. – С. 877-884.
29. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Региональная экономика в стратегическом развитии государства // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 96–108.
30. Машунин Ю.К. Прогнозирование развития экономики и формирование бюджета муниципального образования в условиях цифровой экономики // Цифровизация экономических систем: теория и практика / Под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – С. 701–721.
31. Машунин Ю.К. Теория управления и практика принятия управленческих решений: учебник. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 494 с.
32. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [принят Государственной Думой 16.09.2003 г. Одобрен Советом Федерации 24.09.2003 г.]. офиц. текст: по состоянию на декабрь 2008 г. – Владивосток: Департамент организационной работы аппарата администрации Приморского края, 2008. – 77 с.
33. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. – http://www.primstat.ru
34. Справочник по кодам статистики ОКВЭД. – www.mogem.ru/public.htm
35. Приморский край. Социально-экономические показатели: статистический ежегодник. – Владивосток: Приморскстат, 2019. – 318 с.
36. Делягин М. Почему миллионеры в России богатеют быстрее, чем в мире? // Аргументы и факты. – М., 2019. – № 30. – С. 4.
37. Жириновский В. Конституция – дело поправимое // Аргументы и факты. – М., 2019. – № 30. – С. 9.
38. Чуйков. Науку сделать пылью // Аргументы недели. – М., 2020. – № 6(700). – С. 4.
39. Рязанов С. Самоуправление без «Самостоянья» // Аргументы недели. – М., 2020ю – № 4(698). – С. 3.
40. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 сентября 2013 г. № 185 «Об утверждении перечня статистических показателей официальной статистической информации, предоставляемой Евразийской экономической комиссии уполномоченными органами государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства». – https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70345586/

Мещеряков Д.А.
д.э.н., профессор кафедры региональной экономики и менеджмента Воронежского института экономики и социального управления

О РЕЗУЛЬТАТАХ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В 2019 ГОДУ

Ключевые слова: *национальный проект, региональный проект, демография, здравоохранение, образование, культура, жилье, городская среда, спорт, старшее поколение, бюджет, финансирование.*

Keywords: *national project, regional project, demographics, health, education, culture, housing, urban environment, sports, older generation, budget, financing.*

Как известно, в мае 2018 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[1], который лег в основу комплексного плана социально-экономического развития России по 12 стратегическим направлениям: «Демография», «Цифровая экономика», «Образование», «Здравоохранение», «Культура», «Наука», «Жилье и городская среда», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной инициативы», «Производительность труда и поддержка занятости», «Экология», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Международная кооперация и экспорт». Целевые показатели, задачи национальных проектов декомпозированы в федеральные проекты, которые на уровне субъектов РФ представлены региональными проектами.

Перечисленные выше и реализуемые в настоящее время приоритетные национальные проекты, оптимально соответствуют своему национальному статусу, так как они, во-первых, прямо и непосредственно затрагивают наиболее актуальные интересы основной массы населения России. Во-вторых, реализация этих проектов ведет к развитию человеческого потенциала России, что является главным условием становления ее в качестве конкурентоспособной державы. В-третьих, эти проекты потенциально могут обеспечить мультипликационные эффекты устойчивого экономического роста, основанного на инновационных факторах и развитии внутреннего рынка. В-четвертых, реализация национальных проектов, в конечном счете, должна отразиться на благосостоянии граждан, на росте их реальных доходов, на улучшении качества жизни. В-пятых, реализация этих проектов служит материальной базой восстановления необходимого уровня доверия основной массы населения к власти.

В 2019 году Воронежская область, как и другие субъекты РФ, вступила в пятилетку реализации национальных проектов. Регион участвует в реализации следующих национальных проектов: «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Культура», «Экология», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Цифровая экономика», «Жилье и городская среда», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной инициативы», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт». Единственный национальный проект, в который не вошла область, это – «Наука», он реализуется на базе федеральных научно-исследовательских институтов, но они в регионе не представлены.

Каждый из перечисленных выше национальных проектов имеет региональные составляющие (49 региональных проектов), с конкретными мероприятиями, ответственными исполнителями, сроками и результатами их реализации.

В целях обеспечения эффективной работы по реализации национальных проектов 29 марта 2019 года Правительством Воронежской области принято постановление № 301 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Воронежской области и исполнительных органах государственной власти Воронежской области»[2].

Для обеспечения согласованных действий исполнительных органов государственной власти Воронежской области, обеспечения взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти, структурными подразделениями правительства области, органами местного самоуправления, общественными объединениями при реализации национальных проектов на территории области, при губернаторе области создан Совет по реализации национальных проектов[3]. Совет является совещательным органом. В состав Совета входят руководители органов исполнительной власти области, председатель Общественной палаты Воронежской области, представитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Воронежской области, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О Национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «Консультант Плюс».

[2] Постановление Правительства Воронежской области от 29 марта 2019 г. № 301 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Воронежской области и исполнительных органах государственной власти Воронежской области» // СПС «Консультант Плюс».

[3] Постановление Правительства Воронежской области от 18 марта 2019 года № 229 «О создании Совета по реализации национальных проектов на территории Воронежской области (с изменениями на 25 сентября 2019 года) // СПС «Консультант Плюс».

Ход реализации национальных проектов в области в 2019 году постоянно находился в поле зрения Контрольно-счетной и Общественной палаты области. Так, например, Контрольно-счетная палата проводила проверки по исполнению областного бюджета по реализации региональных проектов. В Общественной палате Воронежской области были сформированы 11 рабочих групп (в соответствии с профилем реализации национальных проектов на территории Воронежской области) для осуществления общественного контроля за ходом реализации национальных проектов. Она выступила также реальным проводником информации для НКО и населения в целом, о возможностях участия в национальных проектах в регионе. Общественная палата явилась инициатором формирования карты результатов мониторинга национальных проектов, которая должна стать доступной всем Интернет-пользователям на сайте Общественных палат по всему региону. Палата проводила также опросы общественного мнения по национальным проектам (о степени информированности и оценке населением реализации национальных проектов), организовывала встречи общественности с представителями органов исполнительной власти, ответственными за реализацию национальных проектов, готовила, публиковала, размещала справочно-информационные материалы о национальных проектах.

В течение 2019 года Общественной палатой Воронежской области были проведены два пленарных заседания, посвященные реализации национальных проектов в области. Для жесткого народного контроля за ходом реализации проектов со стороны Общественной палаты, были отобраны пять национальных проектов, касающихся демографии, здравоохранения, образования, культуры, а также жилья и городской среды. В связи с этим, сделаем акцент на реализации этих проектов.

За шесть лет для реализации национальных проектов в регион планируется привлечь оценочно более 40 миллиардов рублей из федерального бюджета (из областного бюджета будет потрачено порядка 20 миллиардов рублей). По состоянию на конец 2019 года освоение средств по нацпроектам в области составило 18,5 млрд. рублей, или 92,7%.

Реализация национальных проектов в 2019 году в области способствовала росту благосостояния и реальных доходов граждан, улучшению их качества жизни. Это подтверждается результатами, полученными в ходе реализации наиболее значимых проектов в регионе.

Среди всех проектов, реализуемых в области в 2019 году, нацпроекту «Демография», уделялось особое внимание. Это не случайно, так как область характеризуется в последние годы высокими показателями естественной убыли населения: смертность превышает рождаемость. По оценке Воронежстата, численность населения Воронежской области по состоянию на начало 2019 года составила 2327,8 тыс. человек (23 место среди всех субъектов РФ и 3 место в ЦФО), что на 5,9 тыс. человек (или на 0,3%) ниже численности на начало 2018 года[1]. О значимости реализации этого проекта говорят и впечатляющие масштабы его финансирования. Общий объем финансирования этого проекта в 2019 году составил 5035,240 млн. рублей. Федеральные средства – 3136,598 млн. руб., собственные средства Воронежской области – 1897, 642 млн. руб.

За реализацию этого проекта отвечает ряд ведомств, потому что работу по нему можно проводить только в комплексе, повышая качество жизни населения в целом, обеспечивая рост его доходов. Реализацией мероприятий данного проекта в регионе занимаются департаменты социальной защиты, труда и занятости, образования, науки и молодежной политики, здравоохранения, а также физической культуры и спорта. Эти департаменты реализуют пять региональных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт – норма жизни».

Общий объем финансирования регионального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» в 2019 году составил 1,8 млрд. руб. Эти средства были направлены на выплату материнского капитала, одной из самых эффективных мер поддержки современной семьи. В регионе он предоставляется с 1 января 2012 г. на третьего и каждого последующего ребенка. Однако на этом в регионе при реализации нацпроекта не остановились. Так, если раньше региональный материнский капитал составлял 116 тыс. руб. и был третьим по размеру в ЦФО, то с 1 декабря 2019 года он увеличен до 150 тыс. руб. (теперь его размер второй в ЦФО). Кроме того, с 1 декабря 2019 года в регионе введена единовременная выплата в размере 200 тыс. руб. при рождении второго ребенка у женщин, не достигших возраста 28 лет.

В 2019 году за выплатами на третьего ребенка обратились более 10 тыс. семей области. Региональный материнский капитал на третьего и каждого последующего ребенка получила 1681 семья, проживающая в Воронежской области. С 1 декабря 2019 года дополнительную выплату в размере 200 тыс. руб. за рождение второго ребенка получили 36 женщин, которым не исполнилось 28 лет.

За реализацию регионального проекта «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» в области отвечают два департамента: департамент образования, науки и молодежной политики и департамент труда и занятости. Цель этого проекта – дать возможность матерям детей дошкольного возраста раньше выйти на работу, в том числе за счет увеличения количества мест в детсадах для детей в возрасте до 3 лет. За счет средств на создание мест для детей в детских садах в 2019 году было построено 17 детских садов на 4322 места для детей от двух месяцев до трех лет.

В течение 2019 года департамент труда и занятости проводил активную работу по содействию занятости женщин, которые находятся в отпуске по уходу за ребенком. В целях повышения квалификации и конкурентоспособности на рынке труда этой категории женщин, департаментом проводилась работа по организации их обучения и переобучения. В 2019 году профессиональное обучение и переобучение прошли 400 женщин в период отпуска по уходу за ребенком.

[1] По данным: Воронежский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Воронежстат. – Воронеж, 2019.

Региональный проект «Старшее поколение», в 2019 году был профинансирован из регионального бюджета на сумму 247,7 млн. руб. В рамках мероприятий по увеличению активного долголетия и продолжительности здоровой жизни были приобретены 32 единицы специализированного автотранспорта для осуществления доставки лиц старше 65 лет, проживающих в сельской местности, в медицинские организации. В целях профилактики респираторных вирусных инфекций в рамках проекта «Старшее поколение» проводилась работа по вакцинации против пневмококковой инфекции, подлежащих иммунизации лиц. Было привито 2884 человека. В течение года осуществлялись работы по строительству дома-интерната для престарелых и инвалидов на 100 мест в с. Ярки Новохоперского муниципального района. В рамках реализации проекта в регионе было организовано профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование граждан предпенсионного возраста. В течение года обучение и переподготовку прошли 1450 человек.

Региональный проект «Укрепление общественного здоровья» реализовывал департамент здравоохранения Воронежской области. Он организовывал работу по контролю за проведением профилактических мероприятий учреждениями здравоохранения, которые помогают гражданам следить за своим здоровьем. В 2019 году на реализацию этого проекта было выделено 4,4 млн. руб. из бюджета области.

Объем финансирования регионального проекта «Спорт – норма жизни» из областного бюджета в 2019 году составил 875,4 млн. руб. Эти средства были направлены на строительство значительного числа спортивных площадок и комплексов как в муниципальных районах, так и в городских округах области. В течение года были введены в эксплуатацию 18 объектов спорта. К примеру, в г. Воронеже было закончено строительство «Центра гребли на байдарках и каноэ». Также в 13 районов области было поставлено оборудование на спортивных площадках для подготовки и сдачи нормативов ГТО. Департамент физической культуры и спорта обеспечил поставку оборудования для строительства физкультурно-оздоровительного комплекса открытого типа на базе Учебно-воспитательного комплекса имени Киселева в г. Воронеже, а также для строительства футбольных полей на тренировочной базе в поселке Тенистом и для муниципальной спортивной школы олимпийского резерва по футболу № 15 в г. Воронеже. Кроме того, были поставлены комплекты спортивно-технического оборудования в спортивные школы олимпийского резерва по хоккею в г. Воронеже и г. Боброве. В рамках проекта завершается строительство плоскостного спортивного сооружения в селе Новогольское Грибановского района. В 2019 году были завершены работы по адаптации тренировочных площадок на стадионах «Локомотив» и «Чайка» в г. Воронеже. На стадионе «Локомотив» было обустроено искусственное футбольное поле с подогревом.

Общий объем финансирования региональных проектов в рамках нацпроекта «Здравоохранение» в 2019 году составил почти 1,8 млрд. руб., в том числе федеральные средства – более 1,1 млрд. руб. В рамках национального проекта «Здравоохранение» значительное внимание уделялось обеспечению больниц области новым высокотехнологичным оборудованием. В 2019 году в 35 медицинских организаций было поставлено 180 единиц медицинского оборудования. Среди них – аппараты УЗИ и искусственной вентиляции легких, лор-комбайны, компьютерные томографы, авторефрактометры. Так, в Борисоглебской районной больнице появился рентгеновский компьютерный томограф и аппарат искусственной вентиляции легких, которые используются для оказания помощи больным с сердечно-сосудистыми заболеваниями. В ВОКБ № 1 были установлены два аппарата искусственной вентиляции легких и магниторезонансный томограф. В Павловской районной больнице – рентгеновский компьютерный томограф, 72 единицы оборудования областная онкослужба получила по региональному проекту «Борьба с онкологическими заболеваниями».

Важными составляющими нацпроекта «Здравоохранение» являются региональные проекты по борьбе с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями. В 2019 году по этим проектам была осуществлена поставка медоборудования для переоснащения регионального сосудистого центра ВОКБ № 1 и первичных сосудистых отделений в Борисоглебской РБ и Павловской РБ.

Благодаря региональному проекту «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» в 2019 году в области создано 8 фельдшерско-акушерских пунктов с использованием модульных конструкций.

В ходе реализации регионального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям» изменили свой облик 41 детская поликлиника/отделения. В этих учреждениях появились крытые колясочные, открытые регистратуры, колл-центры, комнаты для кормления детей, зоны комфортного пребывания, игровые зоны. За счет финансирования из регионального и федерального бюджетов для детских медицинских учреждений были закуплены аппараты УЗИ, лор-комбайны, офтальмологическое, лабораторное оборудование, КТ, цифровое рентгеноскопическое оборудование.

В рамках национального проекта «Образование» на территории Воронежской области в 2019 году реализовывались 7 региональных проектов. Общий объем их финансирования составил 1357, 7 млн. руб. (из федерального бюджета – 1268,2 млн. руб., из областного – 89,5 млн. руб.). В ходе освоения этих финансовых средств было заключено 927 контрактов. Основная часть средств была направлена на реализацию регионального проекта «Современная школа». Были созданы центры образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста». В сентябре в области начали свою работу 63 таких центра, в которых обучается 18500 детей. В 2019 году была обновлена материально-техническая база шести интернатов: КОУ ВО «Бобровская школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья»; КОУ ВО «Воронежская школа-интернат №3 для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья»; КОУ ВО «Воронежская школа-интернат № 6 для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья»; КОУ ВО «Воронежская школа-интернат № 7 для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья»; КОУ ВО «Новоусманская школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» и КОУ ВО «Центр лечебной педагогики и дифференцированного обучения».

По региональному проекту «Современная школа» в 2019 году было построено 9 новых школ, в г. Боброве был открыт образовательный центр на 988 мест.

В течение 2019 года департаментом образования, науки и молодежной политики проводилась работа по реализации регионального проекта «Успех каждого ребенка» посредством создания новой модели поддержки одаренных детей. Эта модель включает в себя несколько площадок: круглогодичный комплекс, работающий в поселке Репном по различным направлениям. Площадка «Наука». Площадка «Искусство и спорт» на базе Губернского педагогического колледжа. В рамках регионального проекта «Цифровая образовательная среда» участвовала 21 образовательная организация.

Мероприятия, направленные на повышение уровня профессионального мастерства педагогов, вошли в региональный проект «Учитель года». В 2019 году в регионе создавались центры непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников.

Региональный проект «Молодые профессионалы» был направлен на увеличение охвата выпускников учреждений среднего профессионального образования области, которые проходили новую форму итоговой аттестации – демонстрационный экзамен. В 2019 году в регионе его сдали более 600 человек.

В 2019 году на территории Воронежской области национальный проект «Культура» реализовывался посредством трех региональных проектов «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». Общий объем финансирования этих проектов составил 125, 9 млн. руб.

В рамках реализации регионального проекта «Культурная среда» проводилась работа по строительству и ремонту учреждений культуры. В Лискинском, Павловском и Рамонском районах был проведен ремонт культурно-досуговых центров. В поселке Нижний Кисляй Бутурлиновского района приступили к строительству культурно-досугового центра. В течение 2019 года проведено оснащение 14 детских школ искусств в 9 муниципальных районах области музыкальными инструментами, оборудованием и учебными материалами. Было приобретено оборудование для кинотеатра «Победа» в г. Борисоглебск. В 2019 году учреждения культуры области приняли 8,5 млн. человек.

В ходе реализации регионального проекта «Творческие люди» проводилось обучение жителей области по программам «Художественное искусство», «Музыкальное искусство» и «Библиотечное дело». Обучение по этим программам прошли 284 человека.

Региональный проект «Цифровая культура» был направлен на создание мультимедиагидов по экспозициям и выставкам. Проводились виртуальные экскурсии. Кроме того, в Никитинской библиотеке было оцифровано 50 особо значимых книг.

В рамках проекта «Жилье и городская среда» в 2019 году реализовывались три региональных проекта: «Жилье», «Формирование комфортной городской среды», «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» с общим объемом финансирования более 4 млрд. руб. На конец года кассовое освоение федеральных средств по нацпроекту «Жилье и городская среда» составило 100%.

Благодаря полученным средствам в 2019 году было завершено строительство начатых еще в 2017–2018 годах пяти общеобразовательных школ общей мощностью 5874 места, трех детских садов на 860 мест, а также начато строительство двух новых общеобразовательных школ общей мощностью 2324 места и детского сада на 250 мест. Все три объекта располагаются в Новоусманском муниципальном районе. В течение 2019 года в регионе было сдано 1 млн. 878 тысяч кв. м. жилья, что на 10% больше, чем по итогам 2018 года. На расселение аварийного жилья в 19 районах области было выделено около 196 млн. рублей. Особое внимание при проектировании комфортной городской среды было уделено созданию и обустройству малых общественных пространств – это компактные и комфортные городские территории, которые находятся в непосредственной близости к местам проживания воронежцев, в шаговой доступности. В г. Воронеже были благоустроены 74 дворовые территории.

Таким образом, в течение 2019 года регион, в основном, успешно справился с реализацией национальных проектов касающихся демографии, здравоохранения, образования, культуры, а также жилья и городской среды. Достигнутые результаты способствовали решению ряда проблем, накопившихся в сфере демографии, здравоохранения, образования, культуры, жилья и городской среды. А это, бесспорно, отразилось на благосостоянии и качестве жизни граждан Воронежской области.

В целях повышения эффективности реализации национальных проектов в Воронежской области, на наш взгляд, необходимо:

– повысить уровень информированности граждан о работе государственных органов власти и местного самоуправления области по реализации национальных проектов в регионе в СМИ, системе Интернет;

– шире вовлекать в реализацию национальных проектов граждан, общественные объединения, некоммерческие организации, стремящихся внести свой вклад в решение задач социально-экономического развития региона;

– повысить уровень ответственности органов исполнительной и муниципальной власти области за реализацию национальных проектов;

– ежегодно, до утверждения Воронежской областной Думой бюджета на следующий год, департаментам, ответственным за реализацию национальных проектов, готовить подробный отчет об использовании финансовых средств, выделяемых на проект в течение года, о выполненных показателях по проекту, о проблемах с которыми сталкивается процесс реализации проекта. Размещать полный текст отчета в системе Интернет;

– ужесточить народный контроль за ходом реализации национальных проектов со стороны Общественной палаты и Контрольно-счетной палаты Воронежской области;

– Общественной палате ежегодно проводить социологические опросы населения региона о реализации национальных проектах, с последующим обсуждением результатов опроса и размещением их в сети Интернет;

– развивать государственно-частное и муниципально-частное партнерство для реализации социальных и инфраструктурных региональных проектов в муниципальных образованиях;

– развивать социальное партнерство, которое предполагает сотрудничество различных социальных групп и слоев населения области для достижения общих целей, согласования интересов работников, работодателей, государственных и муниципальных органов власти в ходе реализации национальных проектов.

Мищенко В.В.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления, Алтайский государственный университет, г. Барнаул
Капустян Л.А.
к.э.н. доцент, Алтайский государственный университет
s.kapustyan@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Ключевые слова*: устойчивое развитие, стратегия социально-экономического развития, муниципальные образования, разработка стратегии.*

Keywords*: sustainable development, strategy for socio-economic development of the municipality, the development of the strategy.*

Вопросы устойчивого развития территорий различного уровня сейчас особенно актуальны. Существует множество научных подходов к определению «устойчивого развития».

Устойчивое развитие (англ. sustainable development) – процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциалы для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений. Эта формулировка понятия «устойчивое развитие» сейчас наиболее широко используется в научной среде.

Несмотря на существующее многообразие подходов, понятие «устойчивого развития» обязательно включает в себя три составляющие: экономику, социальную сферу и экологию.

Учеными Алтайского края еще в 2013 году была издана монография «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты»[1].

Нам представляется, что устойчивое развитие предполагает не неизменность (стабильность) либо ничем не оправданный рост количественных и качественных характеристик сельского сообщества и условий его жизнедеятельности, а поддержание их (характеристик) на уровне, позволяющем решать ключевые проблемы внутреннего развития сельской территории, а также обеспечить наиболее полное выполнение ею основных функций и, следовательно, конкурентоспособность территории в условиях изменяющейся внешней среды.

Одна из главных стратегических задач, которая стоит сегодня перед государством, – сделать сельские территории комфортными для проживания, сохранить там молодых специалистов, обеспечить квалифицированными кадрами, которые бы с удовольствием оставались жить в селе, развивали территории.

В 2019 году в Алтайском крае прошел форум «Устойчивое развитие сельских территорий – потенциал развития Российской Федерации». Главной его темой стало обсуждение проекта федеральной программы комплексного развития сельских территорий до 2025 года.

Спикерами региональных парламентов, входящими в состав профильной комиссии Совета законодателей, было внесено предложение, как сделать Стратегию развития сельских территорий более эффективной. Для Алтайского края, где более 40 процентов населения проживает в сельской местности, это очень актуально.

Тема развития сельских территорий актуальна для большинства регионов России. В условиях введенного эмбарго на ввоз сельскохозяйственной продукции и продовольствия из ряда зарубежных стран приоритетной задачей в сфере развития агропромышленного комплекса является обеспечение ускоренного импортозамещения путем создания условий для опережающего роста объемов производства продукции. В целях решения наиважнейшей задачи, направленной на обеспечение продовольственной безопасности страны, Правительством Российской Федерации принят ряд очень своевременных и значимых для развития сельского хозяйства решений, связанных с увеличением объемов государственной поддержки отрасли и расширением ее направлений. Среди новых мер поддержки отрасли:

– возмещение части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию плодохранилищ, овощехранилищ, животноводческих комплексов (ферм) молочного направления;

– грантовая поддержка сельскохозяйственных потребительских кооперативов для развития материально-технической базы и др.

[1] Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: монография / Алт. лаб. экон. и социал. исслед. ИЭОПП СО РАН, АлтГУ, Центр соц.-экон. исслед. и регион. политики; [науч. ред. А.Я. Троцковский]. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. – 330 с.

Алтайский край, являясь крупнейшим аграрным регионом Российской Федерации, уделяет особое внимание вопросам наращивания объемов производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, обеспечению импортозамещения на внутреннем рынке. Решение этих задач определено как приоритетное направление в основных документах стратегического планирования региона. Меры государственной поддержки агропромышленного комплекса реализуются в рамках целого ряда программных документов, что обеспечивает последовательное и диверсифицированное развитие его отраслей.

В Алтайском крае, для которого характерна значительная дифференциация территории по условиям ведения сельскохозяйственного производства, при распределении средств государственной поддержки максимально реализуется дифференцированный подход.

В регионе насчитывается семь почвенно-климатических зон, которые отличаются большим разнообразием качественного состава земель и влагообеспеченностью. Уровень гидротермического коэффициента (ГТК) на территории края варьирует от 0,6 до 1,6 (отношение суммы осадков за вегетационный период к сумме эффективных температур свыше 10 градусов). При этом более 60% посевных площадей нашего региона расположены в засушливых зонах – сложных для ведения сельского хозяйства, где проживает более 450 тысяч человек, что составляет 43% всего сельского населения края[1].

Стратегия импортозамещения опирается не только на развитие производства, внедрение новых технологий и инноваций, но и на качественное преобразование сельских территорий. Это направление в крае давно признано в качестве ключевого приоритета социально-экономического развития.

На наш взгляд, одним из инструментов качественного преобразования и устойчивого развития муниципального образования является стратегическое планирование его социально-экономического развития. В 2014 г. в Российской Федерации был принят федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», тем самым на государственном уровне была признана необходимость осуществления стратегического планирования на различных уровнях власти[2].

Стратегия, прежде всего, выполняет координирующую и ориентирующую роль. Это некоторый вектор социально-экономического развития муниципальных образований. Он предполагает координацию сил различных органов власти, секторов экономики, основных действующих субъектов и т.д. Развитие муниципальных образований невозможно без определения приоритетов и целей, что позволяет выстроить всю экономическую и социальную политику.

И хотя федеральный закон не установил обязанность принимать и иметь в муниципальных образованиях этот основной плановый документ, органы местного самоуправления понимают необходимость его разработки. Наличие стратегии социально-экономического развития муниципалитета дает основу разработки программ и планов при их логической взаимоувязке и непротиворечивости – это позволяет достичь каждому муниципальному образованию стратегических приоритетов.

В современной практике планирования развития муниципальных образований основополагающую роль играют именно стратегии социально-экономического развития. Стратегия социально экономического развития муниципального образования, согласно вышеупомянутому федеральному закону, является документом стратегического планирования, определяющим цели и задачи муниципального управления и социально-экономического развития муниципального образования на долгосрочный период. На основе таких стратегий выстраивается комплексная система мер по улучшению качества жизни населения, обеспечению благоприятного инвестиционного климата, повышению эффективности экономической деятельности в муниципальном образовании. Тем не менее, некоторые представители муниципалитетов говорят о невозможности тратить время и силы на разработку стратегий в условиях кризиса, когда нужно ежедневно решать возникающие проблемы и думать о возможностях пополнения бюджетов.

Свидетельством этому является то, что в Алтайском крае разработаны и приняты стратегии социально-экономического развития только в городских округах и в 7 муниципальных районах из 59.

Анализ и обобщение опыта зарубежных стран в области стратегического планирования социально-экономического развития территорий показывает, что содержание стратегического планирования включает определение видения желаемых изменений территории, выбор целей и направлений развития, выявление стратегии, повышающей привлекательность территории для жизни и хозяйственной деятельности населения.

Стратегическое планирование имеет своей целью повышение качества жизни в городе при помощи использования возможностей экономического роста: создание рабочих мест, рост благосостояния за счет привлечения инвестиций и т.д.

Во многих зарубежных странах стратегическое планирование основано на децентрализации: сообщества «на местах» участвуют в этом процессе.

Несомненно положительным опытом реализации механизма стратегического планирования является привлечение муниципалитетами к этому процессу представителей профессионального и научного сообщества.

В Алтайском государственном университете в 2019 году начата реализация стратегического проекта «Устойчивое развитие территорий Алтая в трансграничном пространстве», целью которого является обеспечение сбалансиро-

[1] Государственная поддержка сельскохозяйственного производства и устойчивого развития сельских территорий Алтайского края – итоги и перспективы. – https://www.altairegion22.ru/gov/administration/isp/secr_gl/plany-meropriyatiy/arkhiv/edinyy-informden/2015/gosudarstvennaya-podderzhka-selskokhozyaystvennogo-proizvodstva-i-ustoychivogo-razvitiya-selskikh-te.php?sphrase_id=1042486

[2] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС Гарант.

ванных изменений территорий Алтайского края, при которых повышение инвестиционной привлекательности, развитие человеческого капитала, использование природных ресурсов согласованы друг с другом, нацелены на будущий потенциал и устремления.

Цель проекта – обеспечить выполнение Алтайским краем своей миссии как ведущего агропромышленного экспортно-ориентированного региона Сибири и Дальнего Востока, территории творческой и комфортной жизненной среды, создающей инновации, через:

– определение экономического потенциала и раскрытие возможностей для устойчивого развития территорий;

– выявление условий межрегиональной кооперации и экспортного потенциала территорий;

– выявление и развитие профессиональных компетенций населения;

– определение условий безопасной социально-экономической, экологической и комфортной жизненной среды.

В рамках данного проекта в 2019 году были разработаны и представлены на общественное обсуждение модельные Стратегии социально-экономического развития пилотных муниципальных образований (Алтайского, Смоленского и Советского районов Алтайского края). Был определен портфель экономических, социальных и экологических проектов для данных муниципальных образований, а также были определены проекты межмуниципального взаимодействия этих районов.

Итак, стратегическим планированием необходимо заниматься на всех уровнях управления, в том числе и на муниципальном, поскольку планирование так или иначе всегда идет снизу вверх. Планы федеральных и региональных властей в результате все равно реализуются на уровне муниципалитетов. Главным документом стратегического планирования в муниципальном образовании является стратегия социально-экономического развития. Чтобы она стала рабочим документом, необходимо помимо стратегии создавать целую систему по комплексному управлению развитием территории как стратегического, так и территориального планирования, и активнее вовлекать в этот процесс не только местное население, но и представителей научного сообщества.

Николаева Е.Е.[1]

СИНТЕЗ ПРОМЫШЛЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО АСПЕКТОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)[2]

Ключевые слова*: промышленность, материальное производство, социальные функции, научно-образовательно-производственный комплекс.*

Keywords: *industry, material production, social functions, scientific, educational and industrial complex.*

Ивановская область на протяжении более сотни лет славится текстильной промышленностью. Именно эта отрасль сыграла важную роль в развитии Верхневолжского региона. Развитие промышленности сделало село Иваново сначала безуездным городом Иваново-Вознесенском (1871 г.), затем столицей Иваново-Вознесенской губернии (1918 г.), центром новой Ивановской промышленной области (1929 г.), объединившей Владимирскую, Ивановскую, Костромскую и Ярославскую губернии. В 50–60-годы XX в. будучи одним из крупнейших промышленных регионов страны Ивановский край стал центром Верхневолжского экономического района[3]. Все эти факты говорят о значимости промышленного производства в экономическом развитии региона.

Особая роль промышленности как части материального производства в системе общественного воспроизводства связана с необходимостью удовлетворять первичные (физиологические, материальные) человеческие потребности в пище, жилище, одежде, услугах транспорта и связи, которые являются исходными побудителями к деятельности человека. Бурное развитие всего мирового хозяйства, начиная с XVII века, связано с научно-техническими переворотами в промышленности. На базе промышленных технологий происходят изменения не только в экономике, но и социальной сфере, в менталитете населения, в домашнем хозяйстве. Г.Б. Клейнер отмечает, что «в экономике многих стран промышленность играет роль «маховика», вращение которого обеспечивает устойчивость функционирования страновой экономики в целом»[4]. А.А. Пороховский подчеркивает, что «обрабатывающая промышленность остается основой экономической независимости любой страны и определяет уровень ее конкурентоспособности в мире»[5]. Важность промышленного производства в развитии социально-экономической системы страны или региона достаточно убедительно подтверждает в своем исследовании норвежский экономист Эрик Райнерт, который на примере многих стран мира в различные исторические периоды доказал, что экономический рост, увеличение богатства страны и ее жителей, напрямую зависят от развитости в национальном хозяйстве обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных услуг, которым свойственна возрастающая отдача[6]. В сегодняшних условиях экономических санкций со стороны ряда западных стран, закрытых границ по причине пандемии коронавируса, России необходимо иметь высокоразвитую собственную промышленность, позволяющую решить задачу импортозамещения в тех отраслях и видах производства, где это возможно и целесообразно. Так, если для лечения больных нужны лекарственные средства, приборы, аппараты, средства индивидуальной защиты и проч., то их может создать только промышленность – фармацевтическая, приборостроительная, текстильная и др. Неслучайно поэтому на площадках различных конференций, в экономической печати активно говорится о необходимости неоиндустриализации[7]. Новая индустриализация – это создание на новой технической основе многоотраслевого промышленного комплекса.

---

[1] Николаева Елена Евгеньевна – д.э.н., доцент, зав. кафедрой экономической теории и региональной экономики, Ивановский государственный университет. E-mail: politeconom@yandex.ru

[2] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-010-00329 «Теоретико-методологические основы расширенного понимания хозяйственного механизма в современной экономике».

[3] Николаева Е.Е., Езерская С.Г. Гл. 15. Проблемы воспроизводства Ивановской области // Общественное воспроизводство в смешанной рыночной экономике России: структура, противоречия, целевая функция, развитие: монография / Под ред. В.Н. Черковца, А.М. Беляновой. – М.: Экономический факультет МГУ, 2018. – С. 236–237.

[4] Клейнер Г.Б. Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России // Экономическое возрождение России. – М., 2015. – № 4 (46). – С. 35.

[5] Пороховский А.А. Обрабатывающая промышленность: вызовы и перспективы в современном мире // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее: сб. пленарных докл. IV Санкт-Петербургского междунар. экон. конгр. (СПЭК-2018) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Т. I. – СПб.: ИНИР, 2018. – С. 81–98.

[6] Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. 5-е изд. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. – 384 с.

[7] Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.; Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.; Губанов С.С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // Экономист. – М., 2016. – № 2. – С. 3–10; Губанов С.С. Гл. 1.2. Неоиндустриальная парадигма развития: основы и значение // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала: монография / Под ред. С.Д. Бодрунова, Я.П. Силина, В.Т. Рязанова, Е.Г. Анимицы; отв. за вып. Е.Б. Дворядкина, С.Г. Пьянкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – С. 27–61; и др.

Текстильная промышленность, включающая технологические стадии прядения, ткачества, отделки, исторически складывала вокруг себя комплекс смежных отраслей и видов деятельности в Ивановской области – текстильное машиностроение, химическое производство красителей, научно-исследовательские институты для текстильного производства, образовательные учреждения (училища, техникумы, вузы), готовящие кадры для всего комплекса, дизайнерская мода и проч. Комплекс окончательно сформировался в эпоху индустриализации СССР и активно развивался во второй половине XX в. Образовался своеобразный научно-образовательно-производственный комплекс (кластер). Связь промышленности и науки является серьезным преимуществом любой страны, обеспечивающим научно-промышленное развитие. К сожалению, в результате рыночных перемен этот комплекс оказался существенно разрушен, практически исчезло текстильное машиностроение, прядильное производство, подорван потенциал науки. Для малых городов и поселков Ивановской области этот вопрос чрезвычайно актуален в связи с закрытием предприятий, в том числе градообразующих, с обезлюдиванием территорий с некогда развитым производством. В областях Центральной России масса небольших городов и крупных сельских поселений, которые в результате рыночных перемен оказались с подорванной промышленностью или вообще без нее. В связи с указанной выше проблемой потери промышленного производства в малых городах и поселениях обратимся к теме «рассеянной» промышленной деятельности, известной еще с дореволюционных времен. Речь идет о кооперации крупных и особо крупных производств с длинными технологическими цепями и малых и средних предприятий с простаивающими производственными мощностями в моногородах. Здесь возможны стихийно складывающиеся кооперационные связи, но целесообразнее их планомерно организовывать через государственные специально созданные структуры. Это бы обеспечило как экономические, так и социальные эффекты для крупных и для малых и средних предприятий, для центра и периферии (причем центр – не только Москва).

Ивановская область, будучи старопромышленным регионом, отличается высокой долей городского населения. Если в 1959 г. доля городского населения составляла 67,4%, доля сельского населения – 32,6%, то в настоящее время цифры таковы – 81,71 и 18,29%, соответственно (на 1 января 2020 г.) при средней по стране 74% (2018 г.). 40,58% населения проживает в областном центре (404698 чел.). К средним городам с населением более 50 тыс. человек относятся только Кинешма (80 996 чел.) и Шуя (57 040 чел.), прочие 14 городов относятся к малым, в том числе 7 городов с численностью населения менее 10 тыс. чел. (Заволжск – 9637 чел., Наволоки – 9096 чел., Юрьевец – 7945 чел., Комсомольск – 8023 чел., Пучеж – 6255 чел., Гаврилов Посад – 5560 чел. и самый маленький – город Плес (1732 чел.))[1]. Следует обратить внимание на тему «город, его окружение и цивилизационное воздействие города на его окружение»[2]. С одной стороны, город как сосредоточение промышленности притягивает к себе рабочую силу из периферийных районов (в XX в. из села ехали в город на заработки, устраивались на текстильные фабрики, машиностроительные заводы). При этом город традиционно брал на себя снабжение периферийных районов промышленными товарами, в том числе продовольственными товарами. С другой стороны, если в городе есть избыток рабочей силы, то он может быть направлен на периферию, если там есть промышленность и другие виды экономической деятельности. Так, «в окружении» города Иваново есть предприятия, где основная занятость обеспечивается за счет городского населения. Это главным образом небольшие и средних размеров предприятия, относящиеся к текстильной промышленности, химической промышленности, металлургии, машиностроению, дорожному строительству и к некоторым другим видам экономической деятельности.

Ивановская область сегодня относится к группе компактных регионов с невысокими показателями экономического развития. По показателю ВРП на душу населения в 2018 г. Ивановская область занимала 79 место (196,0 тыс. руб.), а по размеру ВРП (197,8 млрд. руб.) – предпоследнее 17 место в ЦФО. По инвестициям в основной капитал в 2019 г. занимает 72 место (38,0 млрд руб.), по объему отгруженной продукции обрабатывающих производств – 54 место. В 2019 г. наибольший вклад в рост объема отгруженных товаров собственного производства вносили производство текстильных изделий и производство одежды, производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (Ивановский машиностроительный завод «Автокран»), металлургическом производстве (ООО «Верхневолжский сервисный металлоцентр), производство компьютеров, электронных и оптических изделий (филиал ООО «Производственная компания Аквариус» в г. Шуя), производство мебели для спален и матрасов (фабрика «Орматекс», мебельная компания «Сонум»).

В структуре ВРП в 2018 г. основная доля приходилась на обрабатывающие производства – 19,2% и оптовую и розничную торговлю – 17,8%. Наиболее крупными промышленными предприятиями региона являются в текстильной промышленности ОАО Хлопчатобумажный комбинат «Шуйские ситцы», Федеральная производственная компания «ТДЛ Текстиль», ЗАО «Ивановоискож», в швейной промышленности – АО «Полет» Ивановский парашютный завод, ООО «Протекс» (спецодежда), в машиностроении – Ивановский машиностроительный завод «Автокран», ООО «Профессионал» (дорожно-строительная техника). Основными отраслями промышленности по-прежнему являются текстильная и швейная. Ивановская область остается лидером производства тканей и текстильных изделий в стране – почти 90% хлопчатобумажного производства России сосредоточено в регионе, на долю области приходится 7 % общероссийского производства трикотажного полотна. Ивановская область также является межрегиональным центром оптовой и розничной торговли тканями, текстильными и швейными изделиями.

---

[1] Городские населённые пункты Ивановской области. – https://wiki2.org/ru/Городские населенные пункты Ивановской области.

[2] Расширенная концепция хозяйственного механизма современной социально-экономической системы России: теоретико-методологический подход: науч. изд. / Б.Д. Бабаев, Е.Е. Николаева, Д.Б. Бабаев, А.Б. Берендеева, Н.В. Боровкова, И.В. Пузырев; под общ. ред. Б.Д. Бабаева и Е.Е. Николаевой. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. – С. 182–183, 215, 234.

Следует отметить, что создание и развитие промышленных предприятий является важным социальным процессом. Исторический опыт показывает, что вокруг предприятия концентрируются людские ресурсы, образуются поселения, происходит хозяйственное освоение территории. Многие населенные пункты Ивановской области возникли вокруг так называемых градообразующих предприятий преимущественно текстильной направленности. Интересен и такой факт. В советское время наряду с текстильным машиностроением в Ивановском крае получило развитие тяжелое машиностроение (Кранэкс – 1932 г., Завод тяжелого станкостроения – 1953 г., Завод чесальных машин – 1959 г. и др.), приборостроение (Точприбор – 1960 г.) для привлечения в регион мужского населения. Дело в том, что на предприятиях этих отраслей были заняты преимущественно мужчины, в то время как среди занятых в текстильной отрасли преобладали женщины. Создание оптимального соотношения тяжелой и легкой промышленности в данном случае имело существенное значение для хозяйственного развития региона, выполняло не только экономическую, но и социально-демографическую функцию.

Остановимся на других социальных моментах в развертывании промышленного производства, эффектах этого процесса. В 2006 г. в монографии А.Б. Берендеевой было введено понятие социальных свойств экономики. «Социальные свойства экономики – это объективно обусловленные ходом экономического развития явления, процессы, характеристики, отражающие, с одной стороны, нарастание в экономике элементов, функций, ориентированных на человека, социальную составляющую (аспекты воспроизводственный, институциональный, отраслевой, территориальный), а с другой стороны, усиление значения человеческого (социального) фактора в развитии экономики»[1]. Выдвигалась идея, что по мере развития экономики происходит усиление ее социальных свойств.

С точки зрения региональной экономики промышленность – важнейшая сфера занятости населения. В 2018 г. в Ивановской области среднегодовая численность занятых составляла 444,9 тыс. чел., в том числе в обрабатывающих производствах – 102,4 тыс. чел (23%, самая большая доля), в торговле оптовой и розничной; ремонте автотранспортных средств и мотоциклов – 92,4 тыс. чел (20,8%). По мнению А.Б. Берендеевой, «чем выше занятость населения на предприятиях области, тем выше нацеленность региональной экономики на удовлетворение потребностей жителей»[2]. Создание и развитие промышленных предприятий в том или ином населенном пункте обеспечивает жителей работой – это главная социальная сторона промышленности. Занятость дает работникам доходы, позволяет приобретать предметы личного потребления, услуги, в том числе нематериальные. Однако уровень среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в регионе остается очень низким – в 2019 г. 27,3 тыс. руб., среднемесячная реальная заработная плата в Ивановской области составила 26,0 тыс. руб., что составляет 57,5% от общероссийского уровня и 45,1% от уровня ЦФО. Для области характерно высокое расслоение населения по уровню доходов. Сложившаяся демографическая ситуация (сокращение числа жителей[3], отток трудоспособного населения на заработки в Москву и другие крупные города), а также трансформация экономики области определили структуру населения, в которой основную долю занимают люди с невысокими доходами пенсионеры (около 30% населения) и работники бюджетной сферы.

Как отмечает В.Н. Черковец, «производство материальных благ составляет единственную основу физического существования общества, первооснову всей его многосторонней, многофункциональной, в том числе духовной, жизни и его поступательного развития. Вопрос не в том, что важнее – материальное или духовное производство (оба важны), а в том, что духовное развитие общества достигает тем более высокой ступени, чем выше технический уровень материального производства и производительности занятого в нем труда»[4]. Поэтому применительно к промышленному производству можно говорить о его социальной функции в виде направления инвестиционных средств на модернизацию, механизацию и автоматизацию производства, на мероприятия по повышению производительности труда, эргономичности инструментов и оборудования и др. следует обратить внимание на процессы гуманизации труда, которым было посвящено достаточно много исследований в советский период. Гуманизация труда подразумевает улучшение условий труда, обогащение содержания труда. Эти процессы актуальны и сегодня. Создание безопасных для работы и здоровья людей условий в период пандемии коронавируса становится фактором сохранения производственной деятельности предприятия. То есть социальный аспект обеспечивает экономическую деятельность как таковую.

Среди аспектов социальных свойств экономики, в том числе и промышленного производства можно говорить и о направлении средств предприятий на объекты социальной инфраструктуры (было достаточно развито в советское время) – профилактории, здравницы, детские сады, клубы, жилье для работников и др. Это очень существенная социальная функция промышленности. До недавнего времени во многих муниципальных образованиях области именно предприятия обеспечивали население теплом и горячей водой.

Еще один аспект – это всестороннее развитие личности. Современное промышленное предприятие даже традиционных отраслей требует от работников высокого уровня знаний и умений, владения информационными технологиями. Поэтому направление персонала на повышение квалификации, профессиональную подготовку и переподготов-

---

[1] Берендеева А.Б. Социальные свойства экономики: теоретико-методологические аспекты. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – С. 141.

[2] Там же, с. 267.

[3] Если на 01.01.1970 численность постоянного населения Ивановской области составляла почти 1 000 320 чел., на 01.01.2019 – 1 004 200 чел., то уже на 01.01.2020 численность жителей области стала меньше миллиона – 997 196 человек (Предварительная оценка численности населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2020 года и в среднем за 2019 год / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области. – https://ivanovo.gks.ru/storage/mediabank/NAS2020_mun.pdf

[4] Черковец В. О содержании понятия «реальный сектор экономики» и роли материального производства (материалы к лекциям и семинарам) // Рос. экон. журн. 2001. – № 11–12. – С. 54–55.

ку следует рассматривать не только как экономические инвестиции, позволяющие повысить производственные и финансовые показатели предприятия, но и как социальные инвестиции, инвестиции в человеческий капитал, позволяющие обеспечить профессиональное и личностное развитие работников. Немаловажную роль в развитии как предприятия, так и человека играет и привлечение работников к управлению в различных формах, создание благоприятной трудовой атмосферы, единой команды единомышленников в коллективе. Все это способствует тому, что потребность в труде как наиболее важная потребность в жизни человека становится ярко выраженной, влияет на рост эффективности трудовой деятельности. Социальные аспекты промышленного производства связаны и с предоставлением работникам социальных гарантий, которые обеспечивают реализацию долгосрочного интереса человека в трудовом процессе на данном предприятии и получении трудовой пенсии.

Следует отметить, что промышленное производство по мере своего развития и технической модернизации предъявляет новые требования к подготовке кадров, а, следовательно, воздействует на образование всех уровней, заставляя вносить изменения в учебные программы подготовки будущих работников промышленных предприятий. Кроме того, современной тенденцией является создание образовательных кластеров, объединяющих вузы, частный бизнес, государственные предприятий и органы власти. В этих кластерах бизнес, промышленность становятся не только заказчиками кадров, но и активными участниками образовательного процесса. Функционирование такого кластера будет способствовать закреплению выпускников в своем регионе, что немаловажно для Ивановской области. Это еще одна сторона социального в промышленном производстве.

Указанные взаимодействия промышленного и социального аспектов имеют существенное значение для региональной экономики. Поэтому этот синтез надо всячески поддерживать со стороны государственной власти всех уровней. Имеющиеся на территории административного образования ресурсы, включая и трудовые ресурсы, необходимо рационально использовать, а для этого требуется не только наличие рабочих мест на предприятиях промышленности, строительства, сельского хозяйства, торговли и проч., но и наличие необходимого жилья, объектов социальной инфраструктуры. Рыночный механизм аллокации ресурсов не может обеспечить согласование интересов работников, предприятий, муниципалитета, региона, страны в целом. Поэтому требуется целенаправленная региональная политика в сочетании с федеральной поддержкой. Необходимость такой поддержки ярко продемонстрировал и период пандемии. В условиях внешней и внутренней изоляции, резкого падения производства и даже прекращения деятельности некоторых предприятий, особенно в сфере услуг, важно было поддержать потребительский спрос, а через него спрос инвестиционный. Использование налоговых льгот, скидок, субсидирования процентных ставок, льгот по арендной плате, формирование муниципального, областного и государственного заказа позволило поддержать основную часть предпринимателей. Прямые выплаты денежных средств семьям с детьми, повышение пособия по безработице и другие меры смогли обеспечить удовлетворение самых насущных потребностей людей с низкими доходами, а также потерявших рабочее место наемных работников.

Важнейшая задача, стоящая перед регионами страны, в том числе и перед Ивановской областью – сохранение имеющихся и создание новых рабочих мест, выявление резервов роста занятости и обеспечение поддержки предпринимателей, развивающих собственное производство, особенно в промышленной сфере. Необходима продуманная целенаправленная промышленная политика с ориентацией на долгосрочное развитие, включая план размещения производительных сил на территории страны и ее регионов с учетом включенности российских предприятий в национальное и международное общественное разделение труда.

Носов А.Л.
д.э.н., к.т.н., профессор, Вятская ГСХА, г. Киров
logistic_vgu@mail.ru

АГЛОМЕРАЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА

Ключевые слова: *город, пространственное развитие, городская агломерация, характеристики.*

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. отмечается, что устойчивое и сбалансированное пространственное развитие Российской Федерации невозможно обеспечить без развития перспективных центров экономического роста – крупных и крупнейших городов [1].

Мусинова Н.Н. [2] отмечает, что основными направлениями пространственного развития Российской Федерации, определенными Стратегией, являются:

– развитие процессов урбанизации населения;

– усиление концентрации населения в крупнейших городах и агломерациях;

– рост численности населения и числа крупнейших городов и городских агломераций.

Характеризуя особенности пространственного развития города, Суворова А.В. [3] выделяет изменение его территориальной организации, сопровождающееся в результате целенаправленной деятельности людей трансформацией природных ресурсов, усложнением градостроительной и хозяйственной структуры города в целом и его отдельных территориальных подсистем. В результате реализованных изменений создаются ценности, более значимые с точки зрения пользователя данной территории.

Сираждинов Р.Ж. [4], рассматривая процессы планирования социально-экономического развития муниципальных образований, акцентирует внимание на том, что для российских городских агломераций характерны тенденции к концентрации населения и производственных мощностей вокруг города-ядра с последующей экспансией на пригородные территории разрастающихся мест расселения населения и вовлечение в состав города-ядра агломерации городов-спутников и пригородов.

Согласно Большому экономическому словарю под редакцией А.Н. Азриляна «агломерация» (от лат. Agglomerare – присоединять, накоплять) – это компактное расположение, группировка городских поселений, объединенных в единое целое интенсивными производственными, трудовыми, культурно-бытовыми и рекреационными связями [5, с. 11].

Традиционная агломерация образуется и на основе взаимодействия «крупный город – город». Определяющая роль в формировании агломерации отводится устойчивым социально-экономическим связям, высокой мобильности населения, взаимозависимости и взаимообусловленности развития субъектов, объединенных общностью использования трудовых ресурсов, инженерной и социальной инфраструктурой, социально-производственным связям [6].

Для российских городских агломераций характерны тенденции к концентрации населения и производственных мощностей вокруг города-ядра с последующей экспансией на пригородные территории разрастающихся мест расселения населения и вовлечение в состав города-ядра агломерации городов-спутников и пригородов.

Отмечаются следующие положительные эффекты агломерации:

– формируется емкий рынок товаров и услуг;

– развивается производственная и социальная инфраструктура, городской транспорт, здравоохранение, образование, коммунальное хозяйство;

– реализуются выгоды экономии за счет увеличения масштабов производства местных производителей;

– создаются условия ускоренного инновационного развития [6].

Вовлечению территорий в экономический рост способствует повышение транспортной связанности центров экономического роста. Одним из важнейших результатов развития транспортной инфраструктуры становится также вовлечение в радиус транспортной доступности всей территории в границах агломерации.

Цель формирования такой системы – создание условий для укрепления и повышения надежности и качества связей на территории городской агломерации для увеличения пространственной мобильности населения. Совершенствование транспортного каркаса включает, в частности: оптимизацию распределения транспортных потоков [7], снижение перепробегов транспорта и перегрузки сети транспортными потоками, создание условий для надежных, беспрепятственных связей территорий города, разобщенных естественными преградами, железной дорогой и магистральными улицами с учетом строительства искусственных сооружений.

Формирование интегрированной интермодальной системы городского пассажирского транспорта позволит создать условия для повышения привлекательности использования пассажирского транспорта, снижения доли пользования индивидуальным легковым транспортом, сокращения негативного влияния автотранспорта на окружающую среду.

Развитие единой транспортно-логистической системы городской агломерации позволит создать условия для эффективного и безопасного движения и хранения грузов на территории агломерации, обеспечения надежных логистических связей. Логистическое планирование требует разработки сбалансированной системы показателей [8], отражающей реальное состояние единой транспортно-логистической системы городской агломерации и позволяющей реализовать функции эффективного управления ею.

Для российских городских агломераций актуальна проблема их легитимизации как целостного урбанистического формирования. Практически на уровне федерального законодательства официальный статус городские агломерации получили только в рамках Стратегии пространственного развития России. Однако на уровне субъектов федерации их правительствами разрабатывались нормативно-правовые акты для поиска подходов к управлению городской агломерацией как единым организмом. Задача осложняется тем, что городские агломерации представляют собой рядом расположенные муниципальные образования разных типов. Главы администраций муниципальных образований, являющихся городом-ядром городской агломерации, заинтересованы быть лидерами в согласованном развитии всех муниципальных образований, входящих в городскую агломерацию. Поскольку пропорциональное совместное развитие муниципальных образований, формирующих городскую агломерацию, содержит некоторое ограничение полномочий объединяющихся для ведения единого хозяйства администраций муниципальных образований, то имеет место рассогласованность действий [9].

Городская агломерация требует создания соответствующей системы управления, которая направлена не столько на постоянное административное вмешательство, сколько на создание условий для развития муниципальных образований, входящих в ее состав. Направления деятельности органов государственной власти отдельных субъектов Российской Федерации по оказанию содействия развитию агломераций разнообразны. К ним относятся:

– комплексное освоение территорий агломераций;

– развитие конкурентных преимуществ территорий агломераций;

– развитие жилищного строительства;

– решение вопросов социальной направленности, жилищно-коммунального хозяйства, градостроительства, архитектурного планирования на территориях агломераций;

– формирование благоприятной среды для развития предпринимательства в агломерациях;

– оптимизация транспортного сообщения в границах агломераций;

– развитие объектов инженерной, энергетической и иных инфраструктур;

– формирование единого культурного пространства;

– развитие системы научных исследований и экспериментальных разработок в области агломерационных процессов;

– развитие туризма;

– развитие межмуниципального сотрудничества.

Исследователи отмечают количественные характеристики, значения которых характеризуют процессы начала формирования городской агломерации [10]:

1. Показатель людности – численность населения города-центра: средние (100–250 тыс. чел.); большие (250–500 тыс. чел.); крупные (500–1000 тыс. чел.); крупнейшие (более 1000 тыс. чел.);

2. Коэффициент агломеративности – характеризует сформированность и развитость внешней среды. Подсчитывается как плотность сети городских поселений, отнесенная к среднему кратчайшему расстоянию между ними:

$$Ka = N / S \times L,$$

где N – число городских населенных пунктов на территории агломерации;

S – площадь территории агломерации, км^2;

L – кратчайшее расстояние между городскими пунктами.

3. Индекс агломеративности – отношение численности городского населения внешней зоны к численности городского населения всей агломерации:

$$Ya = P / Pa,$$

где P – численность городского населения зоны спутников;

Pa – численность городского населения агломерации.

4. Индекс развитости населения агломерации [11]:

$$Кразв. = P \times (M \times m + N \times n),$$

где P – численность городского населения агломерации (млн чел.);

M – число городов в городской агломерации;

N – число поселений городского типа в городской агломерации;

m – доля численности населения городов в численности населения городской агломерации;

n – доля численности населения поселения городского типа в численности населения городской агломерации;

Чтобы система поселений была агломерацией коэффициент развитости (Кразв) должен быть больше 1.

Особого внимания и проработки органами управления требует ряд условий формирования агломерации:

– Человеческий капитал и мобильность трудовых ресурсов являются определяющим фактором повышения конкурентоспособности экономического образования в современных условиях [12].

– Правовое обеспечение агломерационных процессов (частично на федеральном уровне, частично на уровне субъекта Федерации.

– Целью агломерации является улучшение качества жизни жителей муниципальных образований, добровольно включившихся в процесс формирования агломерации.

– Согласование интересов всех участников процесса.

– Идеальная транспортная система агломерации должна обеспечивать часовую транспортную доступность города-центра для всех населенных пунктов в ее составе.

– Стимуляция процессов межмуниципального взаимодействия предполагает субсидирование полномочий на областном и муниципальном уровне.

– В агломерации реализуется скоординированная система территориального планирования и использования земель с учетом их градостроительной ценности: определение и резервирование наиболее подходящих площадок под жилищное строительство.

– Агломерация дает возможность путем объединения ресурсов и включения в федеральную программу создать, в том числе, за счет экономии на издержках общую систему утилизации отходов, выбор оптимальных мест размещения полигонов с учетом современных природоохранных требований; создание эффективной системы транспортировки мусора, строительство новых современных заводов по переработке отходов.

– Дачное строительство, промышленное и сельскохозяйственное производство должны развиваться с учетом имеющейся и необходимой для развития инфраструктуры. Развитие территорий осуществляется на проектной основе.

– Агломерация предполагает возможность создания на основе использования территории муниципальных образований, вошедших в агломерацию, доступных торгово-развлекательных, выставочных и других комплексов не только в городе-ядре агломерации.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». – http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req
2. Мусинова Н.Н. Развитие городских агломераций как одно из направлений стратегии пространственного развития России. // Вестник университета. – М., 2019. – N 2. – С. 46–66.
3. Суворова А.В. Пространственное развитие: содержание и особенности // Journal of new economy. 2019. – Т. 20, № 3. – С. 51–64.
4. Сираждинов Р.Ж. Стратегическое планирование социально-экономического развития муниципальных образований // Муниципальная академия. 2018. – № 4. – С. 38–42.
5. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. – 1280 с.
6. Шмидт А.В., Антонюк В.С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. – Т. 12, вып. 3. – С. 776–789.
7. Носов А.Л. Управление качеством работы городского пассажирского транспорта с использованием транспортной модели // Логистика сегодня. 2015. – № 1. – С. 38–47.
8. Носов А.Л. Сбалансированная система показателей в управлении логистическими процессами и системами // Логистика сегодня. 2007. – № 1. – С. 20–23.
9. Волчкова И.В. Особенности социально-экономического развития городских агломераций в России. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2013. – 92 с.
10. Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. – № 1. – С. 45–52.
11. Полян П.М. Методика выделения и анализ опорного каркаса расселения / Полян П. – М.: ИГ АН СССР, 1988. – 220 с.
12. Катаргина Н.А., Носов А.Л. Человеческий капитал и мобильность трудовых ресурсов как определяющие факторы повышения конкурентоспособности экономики в современных условиях // Вопросы новой экономики. 2014. – № 2 (30). – С. 68–74.
13. Шарп У. Инвестиции: пер. с англ. / У. Шарп, Г. Александер, Дж. Бэйли. – М.: Инфра-М, 2007.
14. Сутугина М.В. Влияние инновационного потенциала регионов России на экономический рост // Научные труды ВЭО России. – М., 2015. – Т. 194. – С. 69–75.

Нурланова Н.К.[1]

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ОТДАЛЕННЫХ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СПАДА

Ключевые слова*: отдаленные районы, сельские территории, экономика, социальная сфера, сельское хозяйство, промышленность, инфраструктура.*

Keywords*: remote areas, rural areas, economics, social services, agriculture, industry, infrastructure.*

Стабильному развитию мировой экономической системы, здоровью и жизни всего человечества угрожают новые глобальные вызовы. Серьезным вызовом сегодня является пандемия COVID19, последствия которой создают дополнительный фактор неопределенности, который приводит к значительному замедлению деловой активности во всех странах мира, нарастающему спаду национальных экономик.

Так, по прогнозам ряда аналитиков, в результате влияния пандемии в 2020 г. темпы роста экономики Китая могут снизиться до 3,5%, мировой валовой внутренний продукт (ВВП) может показать нулевой рост[2]. По другим оценкам, уже сейчас происходит рецессия экономики во многих странах мира, не исключая такие супердержавы, как США, Германия, Франция, Япония, что может привести к падению мирового ВВП как минимум на 2,0%. Закрываются крупнейшие компании мира, что вызывает небывалую со времен Великой депрессии 30-х годов прошлого столетия безработицу, нарушаются глобальные технологические цепочки. Объективные трудности проведения посевных работ в сельском хозяйстве в недалеком будущем могут создать дополнительную угрозу продовольственной безопасности.

Однако кризисные явления, негативные факторы могут иметь обратную сторону, так как требуют поиска новых возможностей и путей для дальнейшего развития.

В сложившихся непростых условиях в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) появилась уникальная возможность коренной перестройки структуры национальных экономик и основных подходов к ее регулированию. Необходимость изменения приоритетов в развитии национальных экономик отмечалась членами Высшего евразийского экономического совета[3], которые пришли к решению о повышении продовольственной самообеспеченности стран Союза.

В Казахстане также настала пора построить самодостаточную национальную экономику, развитие которой опирается на преимущественное использование собственных ресурсов (природных, сырьевых, материальных, трудовых, транзитного потенциала) и внешнеэкономическое сотрудничество со странами ЕАЭС в первую очередь. Важную роль здесь должна сыграть государственная поддержка развития отдаленных сельских территорий, отраслью специализации которых является сельское хозяйство.

В стране для обеспечения сбалансированного роста региональной экономики разработана и получила практическую реализацию Прогнозная Схема территориально-пространственного развития Казахстана до 2030 г.[4] Однако этот документ в основном ориентирован на планирование урбанизации и не обеспечивает эффективную государственную поддержку сельских территорий. Несмотря на принятие и реализацию целого ряда документов и программ (например, государственной программы «Аул» и др.), в последние годы проблемы сельских территорий и соответственно сельскохозяйственной отрасли только нарастали.

Во многом эти проблемы связаны с разрушением имеющейся и низкими темпами восстановления инфраструктуры села. Так, например, реализация программы «Питьевая вода», ориентированная на сельские населенные пункты, в которых население пользуется привозной водой и/или использует ее из открытых источников без предварительной очистки, до сих пор не решила проблему обеспечения населения питьевой водой. Не решена проблема и газификации сельских территорий, только 8,1% сельских населенных пунктов в стране обеспечено газом. Существенные проблемы сложились с транспортной инфраструктурой, местные автомобильные дороги, связывающие сельские территории между собой и центром, зачастую находятся в аварийном состоянии. Все это тормозит развитие экономики сельских территорий, в результате жители села имеют значительно более низкие доходы, используемые на потребление, по сравнению со среднереспубликанским уровнем. Дополнительным негативным фактором, влияющим на развитие сель-

[1] Нурланова Наиля Капеновна – д.э.н., профессор, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Алматы. E-mail: n.k.nurlanova@gmail.com

[2] Негативное влияние коронавируса на мировую экономику: выводы и рекомендации для Узбекистана. Воронин С. – https://review.uz/ru/post/negativnoe-vliyanie-koronavirusa-na-mirovuyu-ekonomiku-vvod-i-rekomendacii-dlya-uzbekistana

[3] Токаев призвал членов ЕАЭС к повышению продовольственной самообеспеченности внутри союза. – https://informburo.kz/novosti/tokaev-prizval-chlenov-eaes-k-povysheniyu-prodovolstvennoy-samoobespechennosti-vnutri-soyuza-105128.html

[4] Прогнозная схема территориально-пространственного развития РК до 2030 г. Постановление Правительства РК от 9 октября 2019 года №185. – https://www.eri.kz/info/events/ukazom-prezidenta-respubliki-kazakhstan-ot-9-oktyabrya-2019-goda-185-prinyata-prognoznaya-skhema-ter/

ских территорий, является высокий моральный и физический износ социальной инфраструктуры (объектов здравоохранения, образования, дошкольных и социально-культурных учреждений). Результатом перечисленных проблем явилась высокая внутренняя миграция населения из села в город.

В сложившихся условиях в Казахстане назрела необходимость решения проблем сельских территорий. Так, например, в отдаленных сельских районах Алматинской области, граничащих с Китаем, сельское хозяйство является самым крупным сектором по занятости населения (более 27% от общей занятости) и по доле в валовом выпуске продукции (услуг) сельского хозяйства (30,1%)[1]. Динамика валового выпуска продукции (услуг) сельского хозяйства на душу населения в последние годы в этих районах имела устойчивый рост. В то же время объемы производства промышленной продукции на душу населения в анализируемых районах были существенно ниже, чем по области. Исключение составляет Аксуский сельский район, где доля промышленности в его общем объеме по Алматинской области составила 14,3% за счет восстановления и ввода в эксплуатацию сахарного завода. При этом в промышленности Алматинской области преобладает переработка сельскохозяйственной продукции, ее доля в общем объеме промышленного производства превышает 60%[2].

Анализ динамики инвестиций в основной капитал на душу населения по приграничным районам показал неоднозначную направленность и неустойчивость этого процесса. Стабильные темпы роста инвестиций наблюдались лишь в Алакольском и Панфиловском районах, что оказало положительное воздействие на рост объемов сельскохозяйственного и промышленного производства. Лидером по этому показателю последние 2 года был Панфиловский район, что объясняется выделением средств на строительство Международного Центра приграничного сотрудничества (МЦПТ) «Хоргос».

Приведенные данные свидетельствуют *об отставании социально-экономического развития сельских отдаленных районов от уровня центральных территорий страны*.

Для того чтобы выявить потенциальные возможности, наиболее острые проблемы и риски, тормозящие развитие экономики, инфраструктуры и социальной сферы, выработать рекомендации по решению проблем села, дополнительно к статистическому анализу был разработан алгоритм и проведено социологическое обследование в отдаленных сельских районах Алматинской области.

Методология исследования была основана на использовании опросного метода, глубинного интервьюирования, социологического метода фокус-группы, и включала несколько этапов:

1) Разработка анкет опросников на государственном и русском языках.

2) Подготовка писем обращений и инструкций по заполнению анкет для анкетируемого населения.

3) Выбор состава респондентов из числа специалистов-государственных служащих, предпринимателей и жителей населенных пунктов Аксуского, Алакольского, Панфиловского, Райымбекского, Саркандского и Уйгурского сельских приграничных районов Алматинской области.

4) Проведение опроса и глубинного интервьюирования целевой фокус-группы.

5) Выявление субъективного мнения жителей приграничных с Китаем сельских районов Алматинской области о состоянии, проблемах и потенциальных возможностях развития экономики, социальной сферы, инфраструктуры, внешнеэкономических и культурных связей с приграничными районами сопредельного Китая, а также об эффективности регионального менеджмента со стороны местных органов власти.

6) Обработка и обобщение результатов анкетирования путем расчета удельного веса респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа на вопросы.

7) Определение баланса между потенциальными возможностями и ограничениями развития экономики сельских районов Алматинской области Казахстана, граничащих с Китаем.

Анкета, разработанная для жителей сельских районов Алматинской области, граничащих с Китаем, включила 24 вопроса, каждый из которых предполагал несколько вариантов ответов. Вопросы и предполагаемые ответы охватывали экономические, социальные, демографические, управленческие, инфраструктурные проблемы, возникающие у населения приграничных сельских районов, включенных в анализ. Популяция опроса включала специалистов, предпринимателей и жителей рассматриваемых территорий из 6 приграничных районов. При этом опрашивались респонденты как из районных центров, так и из сел и аулов. Трудность проведения анкетирования заключалась в невозможности проведения онлайн-опросов из-за слабого охвата сел приграничных районов Алматинской области мобильной связью, Интернетом (доступ к Интернету, как правило, имеется только в акиматах, больницах и школах), и отсутствия персональных компьютеров и смартфонов у большинства сельских жителей вследствие низких доходов населения.

Проведенный статистический анализ и анкетирование жителей позволили выявить целый ряд проблем в экономике, инфраструктуре и социальной сфере отдаленных сельских районов Алматинской области, которые явились причинами отставания основных показателей их развития от областного уровня и показателей других регионов Казахстана.

Основные проблемы и риски, тормозящие развитие экономики, инфраструктуры и социальной сферы сельских районов Алматинской области, граничащих с Китаем, в обобщенном виде сводятся к следующему:

– низкие темпы увеличения орошаемых посевных площадей вследствие разрушения ранее существующих систем мелиорации и ирригации, а также отсутствия инвестиционных средств для приобретения дорогостоящей сельхозтехники нового поколения;

[1] Регионы Казахстана в 2017 году: Статистический ежегодник (на казахском и русском языках) Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике / Главный редактор Айдапкелов Н.С. – Астана, 2018. – С. 38–43.

[2] Официальный сайт акимата Алматинской области. – http: //zhetysu.Gov.kz/ru/

– медленное развитие животноводства из-за недостатка средств для приобретения высокопродуктивных пород скота (коров мясомолочных пород, овец тонкорунных и мясосальных пород, лошадей), современного оборудования, а также для строительства современных кошар и коровников;

– низкие темпы роста производства пищевой промышленности, потенциал которой имеется во всех рассматриваемых районах, вследствие слабой заинтересованности бизнеса и недостаточной государственной поддержки для восстановления имеющихся и создания новых предприятий;

– недостаточное обеспечение транспортно-логистической инфраструктурой приграничных районов, за исключением Панфиловского, и железнодорожной ветки на станцию Достык в Алакольском районе;

– низкоскоростная железнодорожная магистраль, увеличивающая время доставки грузов и, соответственно, ограничивающая доходы от их транзита из Китая через территорию приграничных районов Алматинской области;

– медленный ввод в действие торговых объектов на казахстанской стороне МЦПС «Хоргос», что снижает возможности приграничной торговли и получение доходов от нее;

– недостаточное использование туристическо-рекреационного потенциала по причине низкого качества сервисных услуг;

– недостаток эффективных рабочих мест, и как следствие, низкие доходы населения, молодежная безработица, миграция жителей за пределы района и области;

– высокий физический и моральный износ социальной инфраструктуры (школ, больниц, домов культуры и т.п.);

– отсутствие деловой активности малого и среднего бизнеса по причине несовершенства нормативно-законодательной базы, не предусматривающей эффективные инструменты его мотивации;

– отсутствие комплексных целевых государственных программ, ориентированных на подъем и перспективное развитие сельских районов, граничащих с Китаем;

– недостаточно рациональный менеджмент со стороны местных органов власти. Так, при анкетировании жителей районов на вопрос «Правильно ли (эффективно) используются финансовые, материальные, земельные и трудовые ресурсы Вашего села или района для его развития?» утвердительно ответили только государственные служащие, жители же районов отвечали, что либо они не доверяют местным властям, либо у них нет сведений об этом;

– отсутствие рычагов для развития системы местного самоуправления;

– слабая обеспеченность интернетом и электронными услугами жителей сельских населенных пунктов районов.

Однако в развитии экономики, инфраструктуры и социальной сферы сельских приграничных районов Алматинской области можно отметить не только отставание, но и потенциальные возможности развития в перспективе.

Прежде всего следует отметить *хорошие природные условия*; наличие пастбищ для развития животноводства (крупного рогатого скота, овцеводства, коневодства, разведения птицы); наличие земель, пригодных для земледелия, в том числе орошаемого; возможности для развития промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья во всех анализируемых районах; развитие добывающих производств в Раимбекском районе. В Панфиловском и Алакольском районах создаются хорошие возможности, в том числе и инфраструктурные, для развития приграничной торговли, в других районах возможно наращивание поставок продукции сельского хозяйства на внутренние рынки.

В частности, в ***Панфиловском районе*** **активно развивается Международный центр приграничного сотрудничества (МЦПС) «Хоргос», который расположен на сопредельных территориях Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.** Для Казахстана уже заметны выгоды от функционирования МЦПС, а именно, благодаря созданию благоприятных условий для туристов наращивается приток таможенных платежей. **В настоящее время работа этого центра сотрудничества приостановлена под влиянием угрозы пандемии COVID19. Однако** строительство на территории МЦПС «Хоргос» международного выставочного комплекса площадью 115 тыс. кв. м. на 3 тысячи стендов откроет большие возможности для торговли товарами всех стран-членов ШОС в перспективе.

Во всех районах есть возможности (сырьевые, трудовые, природно-климатические, ментальные) для *активизации малого и среднего бизнеса* в сельском хозяйстве (животноводство и растениеводство), в промышленности (производства по переработке сельскохозяйственного сырья и добывающие в Райымбекском районе), в сфере услуг (столярные, строительные, ремонтные работы, общественное питание, торговля, грузо- и пассажироперевозки), в пчеловодстве, садоводстве, виноградарстве, бахчеводстве, рыболовстве, народных ремеслах.

Имеется хороший потенциал для *развития экотуризма и оздоровительного отдыха*: в Аксуском районе – на базе Капал-Арасана, в Алакольском районе – на о. Алаколь, в Панфиловском районе – на основе термальных источников Жаркент-Арасан, в Райымбекском районе – в зоне Кольсайских озер, Чарынского Каньона, Международного центра альпинизма «Хан-Тенгри», в Саркандском районе – экотуризм и отдых на о. Балхаш, в Уйгурском районе – лечение на базе термальных источников.

В Алакольском районе имеются большие возможности для подъема экономики и социальной сферы за счет развития транспортно-логистической и коммуникационной инфраструктуры, строительства новых зон отдыха и рекреации, повышения качества обслуживания туристов, дальнейшего развития приграничной торговли, малого и среднего бизнеса. Эти возможности могут быть реализованы при условии создания благоприятных условий для привлечения инвестиций, которые способны дать мультипликативный эффект, и эффективного регионального менеджмента.

Исходя из выявленных потенциальных возможностей, ограничений и угроз развитию экономики, социальной сферы и инфраструктуры, можно обозначить *общие подходы к решению назревших социально-экономических проблем* приграничных сельских районов Алматинской области Казахстана:

– вовлечение имеющихся местных ресурсов в хозяйственный оборот (полезные ископаемые, неиспользуемые земли, сельскохозяйственное сырье, природные водные и лесные ресурсы), на базе которых можно создавать новые

производства, развивать малый и средний бизнес в промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции, сельском хозяйстве, сфере услуг;

– активизация привлечения инвестиций для создания новых, восстановления и технологической модернизации имеющихся, но ныне бездействующих предприятий;

– активное привлечение инвестиционных проектов в сельское хозяйство, нацеленных увеличение орошаемого земледелия, садоводства и виноградарства, на приобретение современного дорогостоящего сельскохозяйственного оборудования (при условии обеспечения контроля за его использованием);

– в целях усиления государственной поддержки развитию малого и среднего бизнеса использование механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) и микрокредитования;

– развитие системы местного самоуправления и активизация его деятельности, внедрение системы оценки населением эффективности работы местной власти;

– приоритетное направление инвестиций и государственной поддержки на восстановление автодорог и развитие транспортно-логистической инфраструктуры;

– организация центров по оказанию консалтинговых услуг для развития деятельности предпринимателей по укреплению приграничного сотрудничества.

Необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-законодательной базы Казахстана, в частности, в области установления налоговых льгот и преференций для привлечения отечественного бизнеса в МЦПС «Хоргос», в том числе освобождение от уплаты земельного налога, установление нулевой ставки НДС на продукцию, реализуемую на территории данного центра, возможность открытия банковских счетов в национальной и иностранной валюте в уполномоченных банках на казахстанской стороне без ограничений.

По опыту зарубежных стран, успешно решающих задачи по подъему экономики депрессивных территорий, предлагается *создание регионального Фонда развития сельских приграничных районов Восточного Казахстана*, в котором должны быть сконцентрированы все финансовые средства, направляемые на развитие этих территорий из республиканского и региональных бюджетов, а также инвестиции частных компаний. Средства из этого Фонда должны выделяться только на определенные цели, связанные в основном с развитием социальной сферы и улучшением инфраструктурной обустроенности территории приграничных сельских районов. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры данных районов является наиболее важным условием преодоления их отставания. На этих малоосвоенных территориях целесообразно использовать такой эффективный механизм, как кластерный подход на основе государственно-частного партнерства.

Таким образом, благодаря использованию имеющихся возможностей и внутренних ресурсов, совершенствования институциональной базы, межрегионального взаимодействия, торгово-экономического сотрудничества и стимулирования деловой активности, Казахстан способен обеспечить продовольственную безопасность, устойчивую динамику экономического развития и повышение качества жизни населения.

Охапкин А.А.
начальник сектора, ЦАГИ
Егошин С.Ф.
инженер, ЦАГИ
Клочков В.В.
д.э.н., к.т.н., заместитель генерального директора по стратегическому развитию, НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского», в.н.с. ИПУ РАН

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ АВИАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В МАЛОНАСЕЛЕННЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ

***Ключевые слова**: отдаленные, труднодоступные и малонаселенные регионы; жизнеобеспечение, авиационные системы, интеграция, пространственное развитие, оптимизация, эффективность, математическое моделирование.*

Отдаленные, труднодоступные и малонаселенные регионы (ОТДМР) занимают около двух третьих территории России. Они характеризуются малой плотностью населения – порядка 1 человека на кв. км или ниже, а также, как правило, сложными природно-климатическими условиями. Значительная их часть совпадает и с районами Крайнего Севера или приравненными к ним, но это совпадение не 100%-но (ОТДМР встречаются и в Европейской части России). В этих регионах, с одной стороны, объективно затруднена жизнедеятельность человека и хозяйственная деятельность, и она требует дополнительных затрат (энергетических, трудовых, финансовых). С другой стороны, именно в этих регионах сосредоточена большая часть природных богатств страны, или же они стратегически важны с геополитической, транспортной точки зрения (как, например, регионы вдоль Севморпути и т.п.). Их освоение важно с точки зрения обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности России. Причем, далеко не все ОТДМР неблагоприятны для проживания человека, хозяйственной деятельности, рекреации – часть этих регионов просто остается неосвоенной. Поэтому их вовлечение в хозяйственную жизнь страны, постепенное заселение и комплексное освоение возможно и полезно.

В связи с этим важнейшая задача, осознанная как глобальный вызов при разработке Стратегии научно-технологического развития России (СНТР, см. [3]) – обеспечение транспортной связанности территории нашей страны, включая как транспортное обеспечение, так и телекоммуникационное, информационное и др. В первую очередь этот вызов касается ОТДМР, что и отражено в названии соответствующего приоритета СНТР, в котором упоминаются Арктика и Мировой океан. При этом должна обеспечиваться комплексная безопасность населения и хозяйственной деятельности (включая поиск и спасание в чрезвычайных ситуациях, медицинское обслуживание, охрану правопорядка и т.д.), а также защита окружающей среды. Экосистемы многих ОТДМР, особенно в районах Крайнего Севера, очень уязвимы, а в ряде регионов – представляют собой особую ценность, включая заповедники, природные парки и т.п.

Полноценное освоение ОТДМР означает появление в них развитой и эффективной (с учетом неизбежных дополнительных затрат) высокотехнологичной экономики. Привлечение необходимых высококвалифицированных кадров требует создания для них благоприятной поселенческой среды, которая, помимо комфортабельного жилья, будет включать в себя также развитую социально-культурно-бытовую сферу, в т.ч. здравоохранение, образование, культуру. Если начинать с базовых потребностей человека, то полноценное освоение ОТДМР требует решения следующих задач, необходимых для создания приемлемой поселенческой среды:

– обеспечение промышленными товарами и продуктами питания, включая доставку товаров под индивидуальный заказ;

– доступ к медицинскому обслуживанию, включая высокотехнологичную и неотложную медицинскую помощь;

– доступ ко всем видам образования, включая обучение в высших учебных заведениях России;

– доступ к транспортной инфраструктуре для возможности быстрого и беспрепятственного перемещения в пределах России, а также (теоретически) совершения заграничных поездок.

Важнейшая роль в освоении и развитии ОТДМР как с экономической, так и с социальной точек зрения принадлежит транспорту. При этом в силу особенностей ОТДМР – как природно-климатических, так и низкой плотности населения – в них затруднено, дорого и часто экономически (а также экологически) неэффективно строительство и содержание развитой наземной транспортной инфраструктуры. В таких регионах в обеспечении транспортной связанности ведущую роль играет авиация. Строго говоря, ее функции не ограничиваются лишь транспортом. Гражданская авиация выполняет и широкий спектр авиационных работ, ранее называвшихся «применение авиации в народном хозяйстве» (ПАНХ). Например, с помощью авиации осуществляются поиск и спасание, мониторинг и патрулирование лесов, акваторий, магистралей, объектов ТЭК (в т.ч. с целями обнаружения и ликвидации чрезвычайных ситуаций,

пожаров, противоправных действий и т.п.). Таким образом, гражданская авиация (и воздушный транспорт, и ПАНХ) активно участвует в решении большинства основных задач жизнеобеспечения ОТДМР. Однако в настоящее время авиация ОТДМР, во-первых, деградировала по сравнению с советским периодом, что критически сказывается на качестве жизни в этих регионах. Во-вторых, особенно в связи с развитием беспилотной авиации, сейчас появляются новые возможности в решении различных задач, в т.ч. и задач освоения ОТДМР. Отсюда возникает необходимость предложить новый научно-обоснованный подход к планированию развития гражданской авиации для этих сложных, но стратегически важных регионов России.

На современном этапе развития авиации при планировании, прогнозировании ее развития оперируют уже не изолированными воздушными судами (ВС). Более комплексным является рассмотрение авиационных систем (АС), которые включают в себя парки ВС и объекты авиационной инфраструктуры. Наиболее системный подход, позволяющий получать глобально оптимальные решения, состоит в рассмотрении интегрированных авиационных систем (ИАС), включающих в себя:

– многотипный парк ВС различного назначения;

– объекты авиационной инфраструктуры (аэропорты/посадочные площадки, топливозаправочные комплексы и склады ГСМ, элементы ОрВД, АРЗ и прочие управляющие и сервисно-логистические структуры);

– неавиационные объекты отраслей народного хозяйства (медицинские учреждения, предприятия, государственные территориальные службы и т.д.), для обслуживания которых предназначена рассматриваемая специализированная ИАС.

Первые два пункта из трех и составляют АС, а добавление третьего превращает ее в ИАС.

С одной стороны, как показывает опыт анализа, моделирования и оптимизации ряда ИАС гражданского назначения, их следует рассматривать как часть, подсистему соответствующей отрасли народного хозяйства. Например, санитарная авиация – это «длинная рука» системы здравоохранения. И наибольший эффект от ее развития будет получен не при локальной оптимизации парка ВС, аэродромов и посадочных площадок при фиксированной сети обслуживаемых медицинских учреждений – он будет получен именно при глобальной оптимизации пространственной организации здравоохранения, включая расположение, масштаб и специализацию медицинских учреждений, с учетом возможностей, предоставляемых санитарной авиацией.

Аналогично, эффект от внедрения более эффективных ВС в сфере патрулирования объектов, магистралей и территорий будет наибольшим, если типаж, численность и налет парка летательных аппаратов (ЛА), облик потребной инфраструктуры будут способствовать скорейшему обнаружению аварийных ситуаций и минимизации ущерба от них (пример см. [1]). Т.е. ИАС следует встраивать в соответствующие отрасли национальной экономики и оптимизировать их состав и характеристики совместно.

Причем, разумеется, и система медицинских учреждений, и санитарная авиация должны быть многоуровневыми, эшелонированными, в зависимости от сложности соответствующих видов медицинской помощи и интенсивности соответствующих «заявок».

Первую медицинскую помощь целесообразно оказывать на базе фельдшерско-акушерских пунктов, сеть которых в настоящее время активно восстанавливается. При этом в несложных случаях, когда требуется консультация профильных специалистов, можно прибегать к технологиям телемедицины, что требует создания широкополосных каналов связи с медицинскими центрами.

В более сложных случаях, когда необходимо личное посещение профильного специалиста, в том числе для оказания высокотехнологичной медицинской помощи, требуется обеспечить доступ населения к соответствующим медицинским учреждениям. Это возможно только при организации доступных пассажирских перевозок между населёнными пунктами и административными центрами. Вся система авиаперевозок на местных воздушных линиях должна обеспечивать доступные тарифы (пусть даже дотируемые из бюджета почти полностью) при приемлемом времени в пути.

Для оказания неотложной медицинской помощи и эвакуации пострадавших в тяжёлом и критическом состоянии во многих случаях целесообразно использовать именно санитарную авиацию. ЛА санитарной авиации ОТДМР должны обладать возможностью использования неподготовленных взлётно-посадочных площадок, а вся система в целом – обеспечивать необходимую оперативность медицинской транспортировки (как за счет характеристик ЛА, так и за счет пространственного размещения их баз и самих медицинских учреждений).

То же самое касается ИАС, обслуживающих интересы других отраслей экономики.

Обеспечение населения ОТДМР промышленными товарами и продуктами питания в настоящее время, в основном, осуществляется с использованием водного (речного) и наземного транспорта (часто при нерегулярном сообщении по зимникам и т.п.), а время доставки может достигать одного года. Использование системы местных грузовых авиаперевозок позволит существенно сократить время доставки, что особенно критично в случае скоропортящихся товаров.

В дополнение к этому, доступ населения ОТДМР к системам доставки товаров под индивидуальный заказ с использованием Интернет-магазинов, основной сложностью которого является проблема «последней мили», может быть реализован на базе отдельной транспортной системы, использующей грузовые беспилотные ЛА – в т.ч. сверхмалой грузоподъемности, от нескольких кг.

Население ОТДМР должно иметь полноценный доступ к транспортной системе России для возможности быстрого и беспрепятственного перемещения в пределах страны (и, теоретически, за ее пределы), с целью совершения деловых и туристических поездок, посещения родственников, получения образования. Ключевая роль в обеспечении этих потребностей принадлежит всё той же системе местных воздушных перевозок.

С другой стороны, в силу «разреженности» ОТДМР, относительной малочисленности самих ВС, выполняющих там вышеописанные функции, вряд ли целесообразно и вообще возможно разделять по различным функциям (транспортная, санитарная и т.п.) гражданскую авиацию в таких регионах. В ОТДМР, также в силу малой плотности населения, низка интенсивность рейсов при перевозках, пассажирских и грузовых. Таким образом, нецелесообразно разделять по видам деятельности и без того малозагруженные (по меркам густонаселенных регионов) аэродромы и посадочные площадки. То же самое касается и различных инфраструктурных подсистем ИАС – подсистем организации воздушного движения (тем более что все ВС для обеспечения безопасности обязательно следует рассматривать как использующие единое воздушное пространство), технической эксплуатации и ее логистического обеспечения, и т.п.

Наконец, сами группировки воздушных судов различного назначения нередко будет целесообразно объединять и универсализировать, поскольку, например, относительная загрузка ВС, выполняющих различные виды авиационных работ и услуг, в малонаселенных местностях может оказаться настолько низкой, что содержание «отдельных» группировок ВС для них окажется или вообще нецелесообразным, или их достижимая (в рамках бюджетных возможностей) численность будет так мала, что надежность таких ИАС, их готовность к выполнению срочного заказа или задания будет недопустимо низкой. Возможно, системы местных пассажирских и грузовых перевозок целесообразно объединить, так как требования к ЛА в обоих случаях в значительной мере совпадают.

«Малая авиация» в СССР выполняла сразу несколько функций жизнеобеспечения малонаселенных регионов. Фактически она – в те периоды, когда эти регионы в самом деле активно осваивались – и представляла собой единый комплекс, слабо разделенный ведомственными барьерами, а имеющий скорее территориальную привязку, особенно в «низовом» звене. Причем, и сами ВС, как правило, были универсальными или многопрофильными.

Близкие тезисы о комплексной роли «локальной» авиации в малонаселенных регионах, в их жизнеобеспечении и развитии, высказываются и в работах зарубежных ученых – например, применительно к Швеции [5]. Идеи интеграции на «низовом» уровне различных систем жизнеобеспечения (причем, не только транспортных, но и информационно-коммуникационных, энергетических и др.) в таких регионах лежат, например, в основе проекта «Умный транспортно-логистический модуль (УТЛМ) для малонаселённых и труднодоступных территорий», предложенного в рамках приоритета СНТР «Связанность территории РФ» [2].

Схематично принципы объединения объектов в единую ИАС на «низовом» уровне, в конкретном ОТДМР (точнее, в отдельном его районе, местности), представлены на рис. 1:

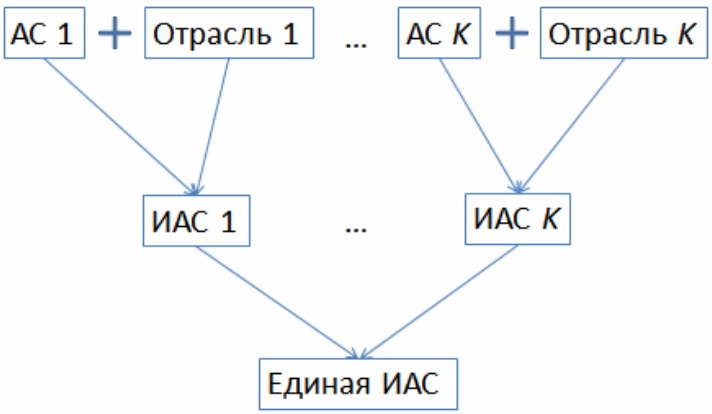

Рисунок 1.
Принципы объединения ИАС в ОТДМР

Итак, с одной стороны, ИАС должны строиться как специализированные иерархические системы, оптимальные в рамках страны и единой отрасли, интересы которой они обслуживают. С другой стороны, в «низовом звене» в ОТДМР они, вероятно, должны быть совмещенными, по возможности универсальными, и оптимизированными с учетом характеристик конкретного региона или местности. Как совместить эти противоречивые соображения?

Во-первых, более корректно рассматривать не два полярно противоположных решения – полностью независимые ИАС и полностью объединенные – а смешанные стратегии, когда часть элементов ИАС (группировок ВС, инфраструктурных подсистем и т.п.) объединяется, на тех или иных уровнях, а часть остается независимой.

Во-вторых, рациональный выбор можно сделать лишь путем научного, расчетного обоснования. Подчеркнем, что в указанных работах [2, 5] такое обоснование отсутствует – «по умолчанию» считается необходимым или единственно возможным организовать именно унифицированные системы в «низовом» звене.

Постановки задач оптимизации отдельных, «профильных» или отраслевых АС, обозначаемых индексами k=1 … K, выглядели следующим образом:

$$\begin{cases} S_1^0 = \min\limits_{m_{11}\dots m_{1I},n_{11}\dots n_{1J}} S_1(m_{11}\dots m_{1I},n_{11}\dots n_{1J},\vec{X}_{11}\dots\vec{X}_{1I},\vec{Y}_{11}\dots\vec{Y}_{1J}) \\ \vec{f}_1(m_{11}\dots m_{1I},n_{11}\dots n_{1J},\vec{X}_{11}\dots\vec{X}_{1I},\vec{Y}_{11}\dots\vec{Y}_{1J}) = \vec{A}_1 \\ \vec{g}_1(m_{11}\dots m_{1I},n_{11}\dots n_{1J},\vec{X}_{11}\dots\vec{X}_{1I},\vec{Y}_{11}\dots\vec{Y}_{1J}) \le \vec{B}_1 \end{cases}$$

...

$$\begin{cases} S_K^0 = \min\limits_{m_{K1}\dots m_{KI},n_{K1}\dots n_{KJ}} S_K(m_{K1}\dots m_{KI},n_{K1}\dots n_{KJ},\vec{X}_{K1}\dots\vec{X}_{KI},\vec{Y}_{K1}\dots\vec{Y}_{KJ}) \\ \vec{f}_K(m_{K1}\dots m_{KI},n_{K1}\dots n_{KJ},\vec{X}_{K1}\dots\vec{X}_{KI},\vec{Y}_{K1}\dots\vec{Y}_{KJ}) = \vec{A}_K \\ \vec{g}_K(m_{K1}\dots m_{KI},n_{K1}\dots n_{KJ},\vec{X}_{K1}\dots\vec{X}_{KI},\vec{Y}_{K1}\dots\vec{Y}_{KJ}) \le \vec{B}_K \end{cases}$$

где $S_1^0,\dots S_K^0$ – минимумы затрат на каждую из K специализированных АС, рассчитанные независимо для $S_1,\dots S_K$ целевых функций общих затрат, отдельных для каждой АС;

$m_{k1}\dots m_{kI}$ – количество ЛА I типов (i = 1,…I), каждый из которых описывается набором (вектором) характеристик $\vec{X}_{ki}$, в группировке, соответствующей k-ой АС;

$n_{k1}\dots n_{kJ}$ – количество J типов авиационной инфраструктуры (обозначаемых индексами j = 1,…J), каждый из которых описывается вектором характеристик $\vec{Y}_{kj}$, в составе k-ой АС;

$\vec{f}_k$ – вектор условий выполнения требуемых объемов работы $\vec{A}_k$ в k-ой АС;

$\vec{g}_k$, – вектор условий соблюдения требований (качественных ограничений) $\vec{B}_k$, предъявляемых к k-ой АС.

В отличие от АС, постановка соответствующих оптимизационных задач для ИАС выглядит следующим образом:

$$\begin{cases} S_1^0 = \min\limits_{m_{11}\dots m_{1I},n_{11}\dots n_{1J},p_{11}\dots p_{1Q}} S_1^*(m_{11}\dots m_{1I},n_{11}\dots n_{1J},\vec{X}_{11}\dots\vec{X}_{1I},\vec{Y}_{11}\dots\vec{Y}_{1J},p_{11}\dots p_{1Q},\vec{Z}_{11}\dots\vec{Z}_{1Q}) \\ \vec{f}_1^*(m_{11}\dots m_{1I},n_{11}\dots n_{1J},p_{11}\dots p_{1Q},\vec{X}_{11}\dots\vec{X}_{1I},\vec{Y}_{11}\dots\vec{Y}_{1J},\vec{Z}_{11}\dots\vec{Z}_{1Q}) = \vec{A}_1^* \\ \vec{g}_1^*(m_{11}\dots m_{1I},n_{11}\dots n_{1J},p_{11}\dots p_{1Q},\vec{X}_{11}\dots\vec{X}_{1I},\vec{Y}_{11}\dots\vec{Y}_{1J},\vec{Z}_{11}\dots\vec{Z}_{1Q}) \le \vec{B}_1^* \end{cases}$$

...

$$\begin{cases} S_K^0 = \min\limits_{m_{K1}\dots m_{KI},n_{K1}\dots n_{KJ},p_{K1}\dots p_{KQ}} S_K^*(m_{K1}\dots m_{KI},n_{K1}\dots n_{KJ},\vec{X}_{K1}\dots\vec{X}_{KI},\vec{Y}_{K1}\dots\vec{Y}_{KJ},p_{K1}\dots p_{KQ},\vec{Z}_{K1}\dots\vec{Z}_{KQ}) \\ \vec{f}_K^*(m_{K1}\dots m_{KI},n_{K1}\dots n_{KJ},\vec{X}_{K1}\dots\vec{X}_{KI},\vec{Y}_{K1}\dots\vec{Y}_{KJ},p_{K1}\dots p_{KQ},\vec{Z}_{K1}\dots\vec{Z}_{KQ}) = \vec{A}_K^* \\ \vec{g}_K^*(m_{K1}\dots m_{KI},n_{K1}\dots n_{KJ},\vec{X}_{K1}\dots\vec{X}_{KI},\vec{Y}_{K1}\dots\vec{Y}_{KJ},p_{K1}\dots p_{KQ},\vec{Z}_{K1}\dots\vec{Z}_{KQ}) \le \vec{B}_K^* \end{cases}$$

где $S_1^*,\dots S_K^*$ – функции затрат теперь уже для каждой из K «профильных» ИАС;

$p_{k1}\dots p_{kQ}$ – количество Q типов дополнительно рассматриваемых объектов неавиационной (целевой отраслевой) инфраструктуры, q = 1,…Q, каждый из которых в составе k-ой ИАС описывается вектором характеристик $\vec{Z}_{kq}$;

$\vec{f}_k^*$ – вектор условий выполнения всех требуемых объемов работы $\vec{A}_k^*$ уже применительно к k-ой ИАС с учетом особенностей $\vec{Z}_{kq}$ (причем, в общем случае, оптимизируемый объем работы может отличаться от непосредственно транспортной работы, выполняемой АС – например, ИАС оказывает услуги здравоохранения, а АС санитарной авиации – только услуги медицинской транспортировки);

$\vec{g}_k^*$ – вектор условий соблюдения требований (качественных ограничений) $\vec{B}_k^*$, предъявляемых к k-ой ИАС с учетом особенностей $\vec{Z}_{kq}$. (как и в случае с $\vec{f}_k^*$, может иметь принципиально новые отличия: например, для ИАС трубопроводного транспорта ставится условие прокачки определенных объемов нефти по заданному участку сети с

минимальными потерями от утечек и аварий, а не условие выполнения определенного объема патрульных облетов как для патрульной АС).

Значительная часть авиационных работ и услуг в ОТДМР может иметь характер случайных или квазислучайных событий. Тогда их эффективное выполнение требует проектирования соответствующих ИАС как систем массового обслуживания (СМО, подробнее см. [4]). Этот подход правомерен на долгосрочных интервалах даже в тех случаях, когда эксплуатация ВС, на первый взгляд, планируется почти детерминированным образом – например, выполнение регулярных авиаперевозок по расписанию. Но и в сфере авиаперевозок возможен режим работы «по вызову», особенно в малонаселенных местностях, при низкой интенсивности пассажиропотоков (тогда он может быть и более эффективным, чем регулярное расписание. Тем более такой стохастический подход правомерен для экстренных служб, где он и применяется традиционно. С учетом этих факторов качественные ограничения на работу ИАС принимают форму допустимой средней длительности ожидания обслуживания (выполнения миссии, будь то перевозка или медицинская транспортировка, патрульный облет, и т.п.), требуемой доли заявок, обслуженных в пределах допустимого времени.

В качестве примера такой ИАС может быть приведена следующая структура единой ИАС обслуживания территории ОТДМР, см. рис. 2.

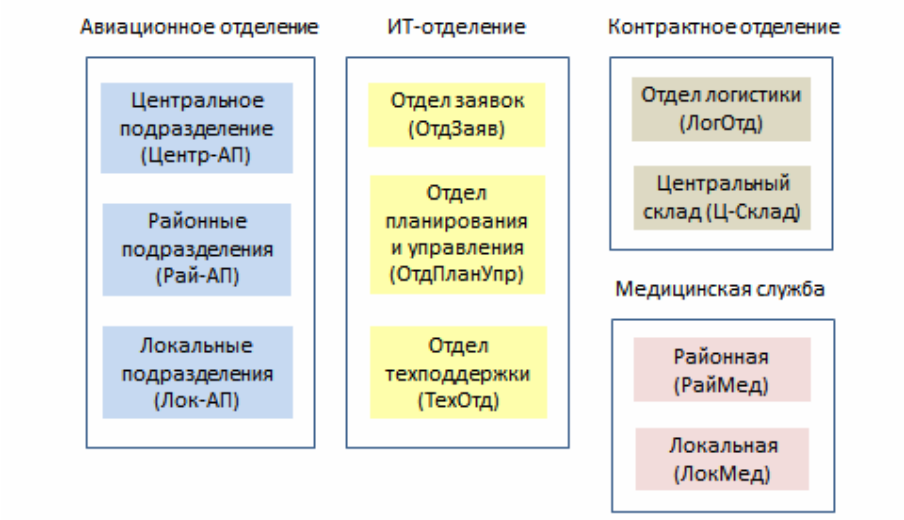

Рисунок 2.
Пример структуры единой ИАС территории

В структуре единой ИАС, помимо традиционных авиационных и обслуживающих неавиационных подразделений, присутствуют дополнительные подразделения, обеспечивающие многоцелевое применение единой ИАС. В приведенном примере это, например, медицинская служба, которая относится к персоналу единой ИАС, выполняющей санитарно-спасательные операции. Добавление такой службы позволит избежать ненужного дублирования функций, выполняемых обособленными ИАС (т.е., на примере ведомств, медицинскими сотрудниками и сотрудниками МЧС). Кроме того, объединение функций позволит централизовать управление при выполнении операций, требующих взаимной координации действий, допустим, когда требуется одновременная доставка и персонала, и специализированного оборудования/грузов. Данное обстоятельство может положительно сказаться на оперативности выполнения задач единой ИАС по сравнению с обособленными ИАС.

Взаимодействие подразделений этой ИАС происходит при поддержке ИТ-отделения, реализующего как техническую сторону (оборудование), так и программное обеспечение (интерфейс, комплекс СМО), см. рис. 3.

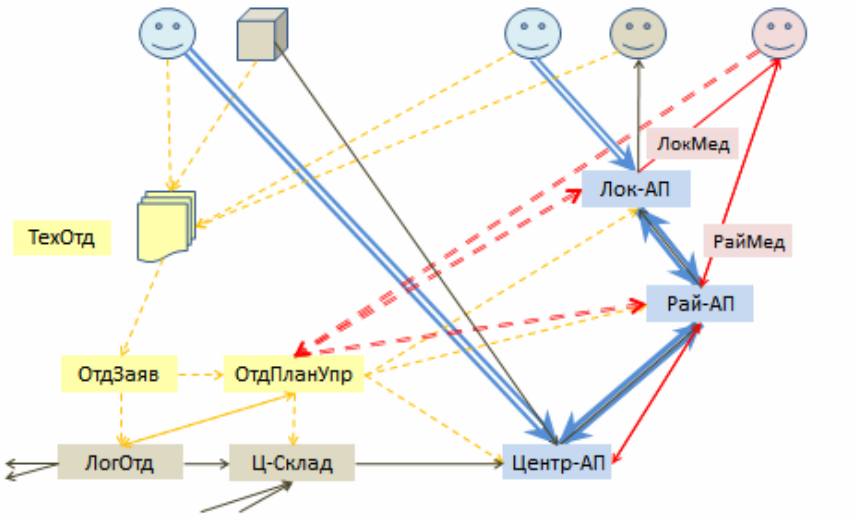

Рисунок 3.
Структура взаимодействия элементов единой ИАС и «внешней среды»

Постановка задачи оптимизации единой ИАС (в «низовом» звене она сводится к минимизации общих затрат S_Σ^*) будет выглядеть следующим образом:

$$S_\Sigma^0 = \min_{m_1 \dots m_{I^*}, n_1 \dots n_{J^*}, p_1 \dots p_{Q^*}} S_\Sigma^*(m_1 \dots m_{I^*}, n_1 \dots n_{J^*}, \vec{X}_1 \dots \vec{X}_{I^*}, \vec{Y}_1 \dots \vec{Y}_{J^*}, p_1 \dots p_{Q^*}, \vec{Z}_1 \dots \vec{Z}_{Q^*})$$

$$\vec{f_\Sigma}(m_1 \dots m_{I^*}, n_1 \dots n_{J^*}, p_1 \dots p_{Q^*}, \vec{X}_1 \dots \vec{X}_{I^*}, \vec{Y}_1 \dots \vec{Y}_{J^*}, \vec{Z}_1 \dots \vec{Z}_{Q^*}) = \vec{A_\Sigma}\ (T_{ПЕР})$$

$$\vec{g_\Sigma}(m_1 \dots m_{I^*}, n_1 \dots n_{J^*}, p_1 \dots p_{Q^*}, \vec{X}_1 \dots \vec{X}_{I^*}, \vec{Y}_1 \dots \vec{Y}_{J^*}, \vec{Z}_1 \dots \vec{Z}_{Q^*}, T_{ПЕР}) \le \vec{B_\Sigma}$$

где индексы *I**, *J** и *Q** – соответствуют обобщенному типажу ВС, обобщенной авиационной инфраструктуре и совокупности «целевой» инфраструктуры обслуживаемых отраслей (например, медицинских учреждений, объектов трубопроводного транспорта и т.п.);

$\vec{f_\Sigma}$ – обобщенный вектор условий выполнения всех требуемых объемов работы $\vec{A_\Sigma}$ (которая, в свою очередь, есть совокупность всех работ $\vec{A_k^*}$, ранее выполнявшихся в изолированных ИАС); причем $\vec{A_\Sigma}$, ввиду многообразия миссий ИАС, задается как квазистационарный процесс для периода моделирования $T_{ПЕР}$;

$\vec{g_\Sigma}$ – вектор условий соблюдения требований (качественных ограничений) $\vec{B_\Sigma}$ (как совокупность всех требований $\vec{B_k^*}$, предъявлявшихся к изолированным ИАС), предъявляемых к единой ИАС.

Отдельно следует отметить именно указанную выше возможность объединения нескольких ИАС в одну единую систему. Из теории массового обслуживания известно, что объединение СМО для совместного удовлетворения общего потока заказов, при прочих равных, повышает эффективную загрузку каналов обслуживания, снижает издержки их содержания (в расчете на единицу работы), и одновременно повышает качество обслуживания, сокращая очереди, время ожидания, вероятности отказа в обслуживании и т.д., см. [4]. На этой особенности и основана эффективность институтов коллективного пользования (шеринга), вывода на аутсорсинг и централизации технологически однородных производств и т.п.

В то же время универсальность каналов обслуживания имеет свою цену. Сами каналы становятся сложнее и дороже как в производстве (строительстве), так и в содержании. Как правило, и среднее время обслуживания заявок возрастает, поскольку приходится перестраиваться на выполнение разнородных заявок (например, подвеска санитарного модуля вместо пожарного или транспортного к универсальному вертолету занимает конечное время). Учет этих факторов при моделировании СМО и позволяет сделать обоснованный выбор между универсальностью и специализацией СМО.

Таким образом, предлагаемые подходы нацелены на максимально эффективное комплексное решение различных проблем жизнеобеспечения ОТДМР с помощью авиации (поскольку именно авиация является часто безальтернативным средством решения таких проблем). Причем получаемые решения (о структуре ИАС, составе и типаже группировок ВС, составе инфраструктурных объектов) должны быть близки к оптимальным. В противном случае, невозможно обеспечить создание и функционирование авиационных систем (как правило, весьма дорогостоящих в приобретении и эксплуатации) при жестких бюджетных ограничениях в таких регионах.

В то же время обсуждаемые здесь проблемы значимы не только и не столько для авиации. Сама идея ИАС, в отличие просто от авиационных систем, состоит в совместной оптимизации авиационной «компоненты» и «ответной части» отрасли-«клиента». Но в данном случае, при выполнении комплексных функций жизнеобеспечения, «потребителем» становятся сами районы ОТДМР, муниципалитеты и т.п. Развитие интегрированных авиационных систем жизнеобеспечения в ОТДМР способно оказать наибольшее благотворное влияние на социально-экономическое развитие этих регионов, если сама их пространственная организация будет изменяться с учетом возможностей авиации, транспортных и др.

Рациональное размещение аэродромной инфраструктуры, рациональное распределение задач между воздушными судами различных типов может оказать влияние на расселение, размещение производительных сил в регионе, размещение и состав учреждений здравоохранения, образования и т.д., даже на административно-территориальное деление. В принципе, такие эффекты не новы – возможности транспорта издавна оказывали существенное влияние на пространственную организацию общества, экономики, государства. Но современные средства математического моделирования позволяют быстрее найти рациональные решения в этой сфере, поскольку метод проб и ошибок при этом оказывается неприемлемо дорогостоящим и рискованным.

Список литературы

1. Клочков В.В., Никитова А.К. Методы прогнозирования спроса на беспилотные летательные аппараты и работы по воздушному патрулированию // Проблемы прогнозирования. – М., 2007. – № 6. – С. 144–151.
2. Комплексная научно-техническая программа полного инновационного цикла «Умная территория»: доклад на заседании Совета по приоритету Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации «Связанность территории РФ…» 27 мая 2019 г.

3. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Принята Указом Президента РФ № 642 от 01 декабря 2016 г.
4. Таха Х. Введение в исследование операций. – М.: Вильямс, 2001. – 912 с.
5. Große C. Airports as Critical Infrastructure: The Role of the Transportation-by-Air System for Regional Development and Crisis Management // 2019 IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management (IEEM), Macao. – Macao, 2019. – P. 440–444. doi: 10.1109/IEEM44572.2019.8978905

Пешина Э.В.[1]

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Ключевые слова: *моногород, Арктическая зона России, монопрофильные муниципальные образования, территории опережающего развития.*

Первые поселения, которые сегодня можно было бы отнести к моногородам, начали возникать в России в конце XVII – начале XVIII века, при императоре Петре I. Это время появления в стране первых крупных производств, основания заводов по производству железа и формирования вокруг таких производств больших поселков. Следующим периодом развития монопоселений стал XIX век. С развитием массового производства появляются новые отрасли, связанные с обработкой тех или иных ресурсов.

«Пространства различных губерний были крайне неравномерны. Самая меньшая из всех губерний – Смоленская; самая большая – Сибирская: она обнимала в Азии все пространство от Тобольской губернии до Якутской области включительно, а в Европе – Вятскую, Пермскую и Оренбургскую губернию»[2].

Понятия «арктической территории» в данный период (XVII – начало XVIII века) не было, а современная территория Арктической зоны России располагалась в Архангелогородской губернии (северо-западный сектор современной АЗР), Сибирской губернии (западно-сибирский и восточно-сибирский сектора современной АЗР).

В табл. 1 отражены современные арктические населенные пункты, основанные до 1708 г. В 1708 г., по реформе царя Петра I, все разряды в Сибири были упразднены, а территория стала называться Сибирскою губернией или (наименование в царском указе) «Землей городов сибирских».

Таблица 1

Арктические населенные пункты, основанные до 1708 г., входящие в состав сухопутных территорий по Указу Президента РФ от 02.05.2014 г. № 296[3]

№ п/п	Территория современной России	Современное название муниципального образования (на январь 2020 г.) с годом основания до 1708 г., в том числе исчезнувшие к настоящему времени (МО – муниципальные образования, гп. – городское поселение, сп. – сельское поселение, го – городской округ, д. – деревня, с. – село)
	Северо-Западный сектор Арктики	
1	МО Республики Карелия	гп. Беломорское (1419 г.), сп. Сумпосадское (1436 г.); сп. Кестеньгское (1547 г.); гп. Кемское (1450 г.); гп. Чупинское (1574 г.);
2	Мурманская область	гп. Кола (1517 г., спорная дата/1565 г. официальная дата); гп. Умба (1466 г.); сп. Варзуга (1466 г.); гп. Печенега (1533 г.), гп. Кондалакша (1517 г.); сп. Ловозеро (1574 г.); Порья Губа (примерно XV век)
3	МО Архангельской области[4]	г. Орлец 1342–1398 гг.; село Ненокса (1397 г.); го. Северодвинск (1419 г.); сп. Соловецкое (1435/1436 гг.); гп. Мезенское (1545 г.); гп. Онега (1556 г.); го. Архангельск (1584 г.); сп. Пертоминское (1617 г.); гп. Малошуйское (1638 г.)
4	Ненецкий АО	сп. Канинский (1368 г.); Пустозерск (1499 г.); сп. Великовисочный (1564 г.); сп. Пустозерский (1574); сп. Тельвисочный (1574) сп. Андегский (1679 г.);
	Западно-Сибирский сектор Арктики	
5	МО городской округ «Воркута» Республики Коми[5]	Первое упоминание в 1772 г.
6	Ямало-Ненецкий АО	ГО город Салехард (Обдорск, 1594/1595 г.); гп. Надым – 1597 г.
7	МО Красноярского края	сп. Туруханск (1607 г.); сп. Караул – 1616 г.; сп. Хатанга – 1626 г.; гп. Дудинка – 1667 г.
	Восточно-Сибирский сектор Арктики	
8	МО Республики Саха (Якутия)[6]	сп. Быковский эвенкийский национальный наслег – палеолит; сп. Казачинский национальный наслег (1636 г.); сп. Русско-Устьинский наслег (1638 г.); Зашиверский острог – 1639–1880 гг.;
9	Чукотский АО	пос. Наукан – XIV в. – 1958 г.; сп. Лорино (пос. Нукак – XVI в.); Анадырский острог – 1649–1771 гг., го. Анадырь основан на другом месте в 1889 г.

[1] Пешина Эвелина Вячеславовна – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института философии и права УрО РАН. E-mail: peshina@yandex.ru

[2] Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Ист.-юрид. исслед. П. Мрочек-Дроздовского. Ч. 1 «Областное управление эпохи первого учреждения губерний. (1708–1719 г.)». – М.: Унив. тип. (Катков), 1876. – С. 22.

[3] Составлено автором.

[4] Город Пинега основан в 1471 г. (спорной является дата основания 1137 г.) – входит в состав Пинежского района; город Шенкурск основан в 1315 г. (спорной является дата 1137 г.) – входит в состав Шенкурского района, но они не относятся к сухопутным территориям Арктической зоны России по Указу Президента РФ 2014 г. № 296.

[5] В Республике Коми сельское поселение Усть-Цильма основано в 1542 г., входит в состав Усть-Цилемского района.

[6] Город Якутск основан в 1632 г., г. Верхоянск основан в 1638 г., Стадухинский острог в 1644 г., но они не относятся к сухопутным территориям Арктической зоны России по Указу Президента РФ 2014 г. № 296.

За последние 30 исследуемых лет (с 1990 г. по 2020 г.) численность населения АЗР сократилась на 30%, причем наибольший отток населения наблюдался по:

– муниципальным образованиям Республики Саха (Якутии) (– 68,8%): Усть-Янского улуса/района (– 83,2%), Нижнеколымского района (– 68,6%), Аллаиховского улуса/района (– 50,0%);

– Чукотскому АО (– 69%);

– Лоухскому муниципальному району Республики Карелия (– 52,3%);

– Мезенскому муниципальному району Архангельской области (– 49,4%).

Основная причина резкого снижения населения АЗР – закрытие производственных предприятий и отсутствие мест работы. Для объективности данного вывода приведем выдержки из официальных документов и результатов научных исследований.

Правительство Республики Саха (Якутии) констатировало: «С 1990 года численность населения арктических районов республики Саха (Якутия) сократилась более чем в 2 раза, а миграционная убыль увеличилась в 1,5 раза. Отрицательные демографические процессы наблюдаются во всех арктических районах, наибольшее сокращение населения наблюдается в Усть-Янском улусе и Нижнеколымском районе. Основной причиной резкого снижения численности населения является закрытие производственных предприятий»[1].

Администрация МО Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутии) называет основными причинами миграционного процесса «как отсутствие работы вообще, так и по специальностям. Причем уезжает в основном активная часть населения: высококвалифицированные кадры и молодежь. Из-за этого возникли деформации и перекосы во всех демографических показателях»[2].

Выше обозначенные тенденции характерны и для Архангельской области: «Миграция остается основной причиной сокращения численности населения области. Население Архангельской области уезжает в другие регионы, в большинстве случаев Северо-Западного федерального округа (49%)»[3].

Результаты исследований по Чукотскому АО: «Экономический кризис, охвативший Чукотский АО в 1990-е гг., ликвидация добывающих предприятий, военных баз, сокращение занятости и реальных доходов населения, отсутствие альтернативных видов занятости и государственной поддержки привели к массовому миграционному оттоку пришлого населения в Европейскую часть РФ и страны СНГ. Это стало главной причиной уменьшения численности населения округа»[4].

Администрация МО ГО «Воркута» объясняет ситуацию следующим образом: «Правительство России уже не имело средств для дотирования угольных предприятий страны и рекомендовало самим договариваться с металлургами о выгодной им цене на уголь. Была принята программа реструктуризации шахт, в результате чего 7 шахт были закрыты. Начался спад производства (добыча угля в 1995 г. в сравнении с 1985 г. снизилась на треть), хронические задержки выплат заработной платы, безработица, неуверенность в завтрашнем дне ставили под сомнение будущее Воркуты. В период 1990–1999 гг. финансовое положение организаций угледобычи было неудовлетворительное. В 2009 г. шахтерская Воркута вошла в федеральный список моногородов России, в которых необходимо решить проблему перехода на многоотраслевую структуру, обеспечивающую гармоничное и устойчивое развитие экономики. С 2011 г. Воркута была включена в список наиболее проблемных моногородов России»[5].

В настоящее время действует Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований РФ к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения».

Распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 1398-р[6] утвержден перечень монопрофильных муниципальных образований в количестве 319 ед., из которых 14 (4% от общей численности муниципальных образований) находятся на территории Арктической зоны России (табл. 2).

Таким образом, к монопрофильным территориям отнесены: МО ГО «Воркута» Республики Коми, ГО город Норильск Красноярского края, города Новодвинск, Северодвинск и Онега Архангельской области, также 7 муниципальных образований в Мурманской области (пгт. Ревда, г. Кировск, г. Мончегорск, г. Кордор, пгт. Никель, г. Заполярный, г. Оленегорск) и два в Чукотском АО (пгт. Беринговский, г. Певек). В соответствии с Законом «О территориях опере-

[1] О Комплексной программе Республики Саха (Якутия) «Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) на 2014–2017 годы и на период до 2020 г.» (с изм. на 25.01.2016 г.). Блок № 3 «Повышение качества жизни населения арктических и северных районов Республики Саха (Якутия)»: Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 15.08.2014 г. – http://docs.cntd.ru/document/432880477?block=2

[2] Инвестиционный паспорт муниципального образования «Аллаиховский улус (район)» Республики Саха (Якутия). 2015. Май. – С. 14. – investyakutia.com/uploads/document/file/720/ИНВЕСТ-паспорт.doc

[3] Информация о положении детей и семей, имеющих детей, в Архангельской области за 2014 год / Правительство Архангельской области. – Архангельск, 2015. – С. 4. – www.arhzan.ru/cms_data/distribcontent/public/reg/документы/.../доклад.docx

[4] Кумо К., Литвиненко Т.В. Население Чукотки в пространстве и времени // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. – № 3. – С. 55–66. – http://elibrary.ru/download/51957833.pdf

[5] Паспорт муниципального образования «город Воркута». – Воркута, 2013. – С. 5. – http://xn--80adypkng.xn--p1ai/city/passport-city/pasport_vorkuta.pdf

[6] О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов): Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 1398-р. // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ – http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70607138/#ixzz4Pze51C73

жающего социально-экономического развития в РФ»[1], в том числе на территориях моногородов, к настоящему времени территории опережающего развития созданы только в Мурманской области[2].

Таблица 2

Монопрофильные города территорий АЗР на 01.01.2020 г.[3]

Субъект РФ АЗР	Монопрофильные муниципальные образования (моногорода)		
	Категория 1 (наиболее сложные)	**Категория 2 (имеются риски)**	**Категория 3 (стабильная ситуация)**
Архангельская область	г. Онега Онежского района	г. Новодвинск	г. Северодвинск
Красноярский край	–	г. Норильск	–
Мурманская область	г. Кировск	п. Никель	–
	г. Ковдор	г. Мончегорск	
	пгт. Ревда	г. Заполярный	
		г. Оленегорск	
Республика Коми	–	г. Воркута	–
Чукотский АО	–	г. Певек	–
		пгт. Беринговский	
Итого	**4**	**8**	**2**

С 2006 г. действует Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, направленная на «объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития российских регионов. Государственной программой дополняется система мер, направленных на стабилизацию численности населения Российской Федерации, в первую очередь на территориях, стратегически важных для России»[4].

По территориям, обозначенным в «Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом» составлена табл. 3 (учтены только федеральные округа, на которых расположены муниципалитеты АЗР).

Таблица 3

Численность территории АЗР по федеральным округам России на и участия в Программе переселения соотечественников[5]

№ п/п	Федеральные округа России	Территория приоритетного заселения из АЗР
1	Сибирский ФО	Туруханский район Красноярского края
2	Северо-Западный ФО	Все МО и ГО Мурманской, Архангельской областей, Республики Карелия и Ненецкого АО
3	Уральский ФО	Узкий перечень муниципальных образований ЯНАО

Согласно данным табл. 3 Мурманская область, муниципальные образования Архангельской области, Ненецкий АО и ГО «Воркута» Республики Коми составляют 11,3% численности населения Северо-Западного федерального округа; если рассматривать территории приоритетного заселения, то именно Северо-Западный федеральный округ рассматривается как стратегически важная территория АЗР.

«Начало процесса разработки стратегий развития моногородов российской Арктики было инициировано в 2009 г. федеральными органами власти, т.е. применен подход «сверху вниз». Факт обращения внимания федерального правительства к проблемам моногородов является весьма позитивным. Однако спешный характер кампании по организации разработки документов стратегического планирования моногородов (комплексных инвестиционных планов – КИПов) и несовершенство методических рекомендаций Минрегиона России по их разработке во многих случаях не способствовали подготовке стратегий высокого качества»[6].

Основные направления улучшения социально-экономического положения моногородов Арктической зоны России:

– внесение изменений в Налоговый Кодекс РФ в части продления сроков применения пониженных тарифов страховых взносов для резидентов территории опережающего социально-экономического развития, созданных на территориях моногородов;

[1] О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации / Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». – http://www.consultant.ru

[2] Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территории монопрофильных муниципальных образований // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ.

[3] Составлено автором.

[4] О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»). Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 (ред. от 07.12.2016). – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». – http://www.consultant.ru

[5] Составлено автором.

[6] Дидык В.В., Рябова Л.А. Моногорода российской Арктики: стратегии развития (на примере Мурманской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. – № 4 (34). – С. 84–99.

– закрепление в Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (№ 131-ФЗ от 06.10.2003 г.) понятий: «монопрофильное муниципальное образование (моногород), «градообразующая организация/предприятие»;

– разработка новой типологизации моногородов с учетом численности населения и районов проживания/географии расположения города (в том числе территории Крайнего Севера, Арктической зоны России), отраслевой принадлежности градообразующего предприятия;

– внедрение механизмов поддержки юридических лиц, реализующих новые инвестиционные проекты в моногородах в сумме, не превышающей объем налога на прибыль, налога на имущество и взносы в государственные внебюджетные фонды, уплаченные данными юридическими лицами.

Попадюк Н.К.[1]

КАПИТАЛИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЕГО ПОВЫШЕНИИ

Ключевые слова: *рыночная экономика, муниципальное развитие, местное самоуправление, капитализация муниципального пространства.*

Следует с самого начала отметить, что уже солидный срок в 30 лет складывания рыночных отношений в России пока не обеспечил рынок как всеобщность всего воспроизводственного процесса. А эта всеобщность – развитой капитализм, а не просто система рынков. Как заметил один из всемирно известных современных историков, Фернан Бродель, рыночная экономика существовала давно, а капитализм на ее основе вырос относительно недавно. Поэтому формирование рыночных отношений не есть гарантия построения современного капитализма «с человеческим лицом». Даже если начало запуска капитализма в России и было организовано, как и положено при капитализме, жестко и несправедливо с первоначального накопления капитала в форме приватизации и кооперативным разгосударствлением государственных предприятий.

Понятно, что национальные рынки должны отличаться, и в мире нет двух абсолютно одинаковых национальных рыночных моделей. Даже в США каждый штат имеет свои особенности в организации и функционировании своего местного рынка. Однако в традиционно рыночных странах, где капитализм давно развивается на собственной воспроизводимой основе, всеобщий характер товарного хозяйства, который таковым становится, как известно, после превращения рабочей силы в товар, пронизывает все, в том числе и нематериальные активы. Одним из непременных условий становления капитализма на свою основу является капитализация всех не только вовлеченных в воспроизводственный процесс активов, но и потенциальных активов, каким становятся не только участки земли, традиционно выступающие товаром, но и вся территория какого-либо административно-территориального образования как особый ресурс.

Целью настоящей статьи служит стремление показать, каким ресурсом для развития экономики муниципального образования может стать целенаправленно проводимая органами местного самоуправления (ОМСУ) капитализация экономического пространства на подведомственной территории, превращение его в часть муниципального капитала, способного приносить генерируемую добавочную стоимость всему муниципальному сообществу.

Необходимо уточнить используемые понятия. Экономическое пространство представляет собой только часть территории региона, ресурсы которой или находящиеся на ней предприятия и организации вовлечены в хозяйственно-экономическую деятельность и причем таким образом, что в своем производственном потреблении образуют единый воспроизводственный процесс. Не всякая территория может быть экономическим пространством, а только охваченная производственно-экономической деятельностью. Соответственно могут быть территории, не полностью вовлеченные в экономическую деятельность, на каких-то участках которых находятся взаимосвязанные кооперационными или инфраструктурными связями предприятия и организации. Такие участки, взаимосвязанные общей производственно-энергетической инфраструктурой и сетями инженерно-технического обеспечения, представляют собой места размещения (локусы) экономического пространства. В литературе такие организационно-экономические общности рассматривались как промышленные узлы, линейно-узловые системы, территориально-производственные комплексы[2].

Понятие «капитализация» в широком смысле слова означает превращение прибыли в капитал, а также наращивание капитальных вложений в производство продукции (работ, услуг). Экономический словарь определяет капитализацию как «исчисление ценности имущества по приносимому им доходу»[3]. Таким образом, предполагается не только превращение дохода в капитал и его использование в целях расширения актива бизнеса, но и как оценка потенциала бизнеса по генерируемому им потенциальному доходу.

В бизнесе актив – это «субстанция», генерирующая доход в форме денежных потоков. Капитализация компании, например, означает не только стоимость этой компании, но и ее потенциальный доход, получаемый при нормальных условиях воспроизводства. На капитализацию «работают» и нематериальные активы («гудвил», бренд, торговая марка, статус и имя), которые, будучи оцененные в установленном порядке, повышают стоимость компании.

Применительно к территории понятие «капитализация» также означает способность генерировать доход от ее использования, что превращает ее в актив, в экономическое пространство. Кому достанется этот доход – субъектам хозяйствования, находящимся на данной территории, или органам регионального (муниципального) управления, в

[1] Попадюк Никита Кириллович – д.э.н., доцент, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет. E-mail: popadyukn@yandex.ru

[2] Бакланов П.Я. Пространственные системы производства: микроструктурный уровень анализа и управления. – М.: Наука, 1986. – 150 с.

[3] Экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 2007. – С. 335.

каждом конкретном случае решается особо. Очевидно, что чем больше материальных и нематериальных активов «встроены» в данную территорию, – а назначение активов генерировать денежные потоки, – тем выше при прочих равных условиях уровень ее капитализации. Проще говоря, чем больше капитала вложено в ту или иную территорию, тем выше уровень ее капитализации.

Однако уровень капитализации измеряется не только этим. В отечественной экономической географии и в региональной экономике наработано такое понятие, как «экономико-географическое положение» города, района или других локально-территориальных общностей. Под ним понимается «сложная, генетически взаимосвязанная совокупность территориальных отношений, важных ныне или могущих стать важными для экономического развития объекта и для формирования таких объектов, как страны и районы, для их территориальных структур»[1].Это своеобразный нематериальный актив, обусловленный территориальной близостью того или иного объекта (город, район, муниципальное образование иного типа) к тем экономически или коммерчески выгодным территориальным данностям (аэропорт, морской или речной порт, перевал, крупный магистрально-дорожный узел и т.п.), которые для объекта становятся конкурентным преимуществом в части привлечения на территорию данного объекта капитала.

Своеобразным нематериальным активом, повышающим значимость и стоимостную оценку территории, становится картографирование этой территории, приобретающее тем самым также форму ее капитализации. К такому же нематериальному активу, распоряжение которым сохраняется у администрации муниципального образования становится кадастрирование территории, которое также представляет собой форму ее капитализации. Земельные участки, «нарезанные» в результате кадастрирования и получившие стоимостную оценку, становятся источниками генерирования денежных потоков. Будут ли они получены в результате их (земель) использования для сельскохозяйственных нужд, производства и реализации сельхозпродукции по рыночным ценам с соответствующим распределением налогов в муниципальный бюджет и доходов сельхозпроизводителей и арендаторов, или от продажи для коттеджных участков, в любом случае речь идет о включении этих объектов в хозяйственный оборот и превращении территории, подведомственной органам местного самоуправления, в экономическое пространство.

В свете учета экономико-географического положения того или иного муниципального образования, вложенных в его территорию капитала, обеспечивающего денежные потоки, иначе «считывается» и институт муниципальной собственности, прежде всего – на территорию как на объект владения и распоряжения, а также – как на объект хозяйствования. Как в рамках понятийного пространства государственно-монополистического капитализма, наряду с монополистическим капиталом можно говорить и о государственном капитале, так и здесь в таком же контексте вырисовываются контуры муниципального капитала. Содержательно в его состав включаются, наряду с оцененной в результате кадастрирования землей, казна данного муниципального образования и его бюджет, казенные и муниципальные предприятия и учреждения и другое муниципальное имущество, нематериальные активы, в том числе рассмотренное выше экономико-географическое положение территориальной общности. Вложение муниципального капитала в те или иные муниципальные или под эгидой администрации муниципального образования инвестиционные проекты может генерировать в форме денежных потоков, большую или меньшую прибыльность в зависимости от грамотного подхода к такого рода инвестиционному проектированию.

То же можно сказать и по поводу муниципального имущества: оно может быть сдано по договору о муниципально-частном партнерстве в пользование частному капиталу, в том числе предпринимателям из других муниципальных образований.

Нет необходимости отмечать, что управление муниципальным капиталом позволит органам местного самоуправления обрести роль субъекта регулирования и обеспечить повышение уровня капитализации экономического пространства муниципального образования. При этом существенно расширится возможность администрации муниципального образования задействовать чисто рыночные инструменты для активизации хозяйственной деятельности на подведомственной территории. В частности, под капитализированные в результате кадастрирования земельные участки на базе лучших отечественных практик по аналогии с передовыми муниципальными образованиями можно реализовать возможность выпускать акции и облигации под займы у населения свободных денежных средств под гарантии будущих квартир или участков во вновь отстраиваемых коттеджных поселках. Полученные денежные средства от продажи акций и облигаций целесообразно капитализировать вновь, вкладывая в развитие социальной и производственной инфраструктуры. В условиях существенного ограничения из-за глобального финансово-экономического кризиса валютных операций денежные средства населения и предпринимателей будут направлены на покупку таких акций, что будет способствовать развитию национальной фондовой биржи и обеспечит котировки и обращение указанных муниципальных ценных бумаге. Это также будет способствовать повышению уровня капитализации муниципальной территории.

Подход к подведомственной территории как ресурсу и целенаправленному вложению в муниципальные проекты муниципального капитала позволит активнее использовать и формы межмуниципального взаимодействия и его высшей формы – межмуниципального партнерства. Это также способствует повышению уровня капитализации в интересах всех взаимодействующих муниципальных образований. Интенсификация межмуниципального партнерства способствует снижению рисков негативного воздействия разворачивающегося глобального финансово-экономического кризиса[2]. Кроме того, объединение ограниченных для муниципального уровня ресурсов в рамках межмуници-

[1] Майергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. – С. 77.

[2] Попадюк Н.К. Межмуниципальное взаимодействие как императив противостояния деструктивным процессам мирового финансово-экономического кризиса // Самоуправление. 2020. – № 1 (118). – С. 332–335.

пального партнерства может предоставить такие возможности, которые муниципалитетами ранее и не рассматривались[1].

Таким образом, повышение капитализации территории муниципального образования соответствует интересам предпринимательского сообщества, проживающего в них, администрации муниципального образования и населения, а значит – страны в целом.

Заключение

Чтобы сформировать социально-ориентированную рыночную экономику, необходимо использовать в максимальной степени те рычаги, которые сформированы в традиционно капиталистических странах давно. Возможности органов местного самоуправления в пределах действующего законодательства в нашей стране используются далеко не в полной мере. Между тем роль органов местного самоуправления в повышении капитализация муниципального пространства при заинтересованном подходе их администраций велика, и становится востребованной не только в посткризисный период, но в процессе его развертывания как ресурс противостояния негативным вызовам и деструктивным процессам мирового финансово-экономического кризиса. Немаловажную роль в этом может сыграть такая социально-экономическая муниципальная политика, проводимая администрацией муниципального образования, которая бы целенаправленно повышала капитализацию его экономического пространства. Если удастся привлечь в этот процесс не только предпринимателей, но и наиболее активных членов муниципального сообщества, то это будет значительным шагом в превращении муниципального сообщества в систему местного самоуправления, к подчинению функционирования муниципального капитала интересам всего муниципального сообщества, а значит, – и страны в целом.

[1] Попадюк Т.Г., Попадюк Н.К. Муниципальное управление инновационным развитием района // Самоуправление. 2019. – № 3 (116). – С. 251–253.

Реутов Е.В.[1]

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИЙ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА[2]

Ключевые слова: *привлекательность территорий, человеческий потенциал, человеческий капитал, провинция.*

Развитие территорий – как в страновом измерении, так и на субнациональном уровне (регионы внутри стран, муниципалитеты) определяется комплексом факторов, среди которых – качество управления, ментальность населения, базовые социально-экономические условия и многие другие. Из этих факторов особое значение имеет человеческий потенциал, в целом характеризующий способность населения территорий к развитию – как на личностном и микросоциальном уровнях, так и в масштабе территории – региона или муниципалитета. В научной литературе человеческий потенциал определяется по-разному, а многообразие и динамика его трактовок во многом следует изменяющимся взглядам и принципам подходов глобальных гуманитарных структур (ООН, прежде всего) к измерению социального развития, качества жизни населения Земли. По Т.Н. Заславской, человеческий потенциал означает «готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами»[3].

Н.В. Латова оперирует понятием «базовый человеческий потенциал», основными показателями которого являются уровень образования, частота использования Интернета, состояние здоровья. Эти показатели отражают три основных ипостаси человеческого потенциала – квалификационный ресурс, личностные особенности и состояние здоровья[4].

Современные документы ООН оперируют понятием «индекс человеческого развития (ИЧР», которое с 2013 года сменило «индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)». Индекс человеческого развития рассчитывается ежегодно на основе таких интегральных показателей, как уровень образования населения, продолжительность жизни и уровень жизни. По результатам 2018 года Россия в рейтинге 189 стран по ИЧР заняла 49 место (значение индекса – 0,734), войдя в группу стран с высоким ИЧР (значение индекса не менее 0,7)[5].

Аналитическим центром при Правительстве России индекс человеческого развития рассчитывается применительно к субъектам Российской Федерации. В последнем из них, опубликованном в 2018 году по данным, характеризующим 2016 год, регионы России получили значения индекса от 0,786 (Республика Тыва) до 0,952 (Москва)[6].

Как бы ни относиться к различным индексам и методологии их расчета, все они в той или иной мере отражают как объективные условия жизни на той или иной территории, так и опосредованно субъективные ощущения их жителей. Массовое сознание, пусть и с учетом фактора принадлежности к той или иной страте и, соответственно, приоритета разных параметров качества жизни, отмечает в качестве значимых уровень комфорта/дискомфорта жизнедеятельности, позволяющий в свою очередь реализовывать основные потребности человека, в том числе в развитии и достижении лучшего будущего для себя и своих детей. По данным опроса ВЦИОМ (июнь 2020 г.), для 13% россиян смена места жительства – это именно то, что не хватает им, «чтобы преуспеть в жизни, добиться более высокого положения в обществе». И это, на самом деле, не так уж мало, поскольку это четвертый по значимости фактор реализации достижительских установок (лидирует материальная обеспеченность – 34%)[7].

Субъективная привлекательность территорий в настоящее время является важным фактором внутренней и внешней мобильности населения, объема их социальных ресурсов и, соответственно, конкурентоспособности относительно других территорий. Будучи изначально некой метафорой по отношению к территориальным субъектам, привлекательность все в большей мере становится параметром их управленческой оценки. Так, чаще всего в программных документах упоминается инвестиционная привлекательность регионов и муниципалитетов России. Мы же будем рассматривать привлекательность территорий в качестве параметра комплексной социальной оценки, определяющей

---

[1] Реутов Евгений Викторович – к.соц.н., доцент. доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: reutovevg@mail.ru

[2] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» № 18-011-00474.

[3] Заславская Т.Н. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. – М.. 2005. – № 3. – С. 10.

[4] Латова Н.В. Досуговые практики российских работников как фактор формирования их человеческого потенциала // Социологические исследования. – М., 2019. – № 11. – С. 65.

[5] Доклад о человеческом развитии 2019. – С. 22. – http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf

[6] Человек и инновации. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации 2018. – С. 161–163. – https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/19663.pdf

[7] Социальные лифты: едут или стоят? – https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10346

выраженность стремления людей к проживанию на ней исходя из возможности реализации комплекса жизненно важных потребностей и интересов.

В эмпирической основе данной статьи – результаты социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного под руководством автора в Белгородской и Воронежской областях: массового анкетного опроса (май-июнь 2018 года, N=1200 респондентов) и серии полуформализованных интервью (сентябрь-октябрь 2019 г., N=50 респондентов). Выборочная совокупность анкетного опроса формировалась по методике квотной выборки с учетом половозрастной и поселенческой структуры населения Белгородской и Воронежской областей и равным представительством жителей двух областей в составе выборочной совокупности. Для отбора участников интервью использовалась стихийная выборка, но с обязательным представительством жителей крупных и малых городов, а также сел и поселков.

В качестве основных показателей субъективной привлекательности территорий в соответствии с ключевыми жизненными целями достижительского плана, выявленными в результате анкетного опроса населения[1], были использованы: возможность получения качественного образования, возможности для трудоустройства, карьерного роста, развития предпринимательства и других способов профессиональной самореализации, готовность к выездной территориальной мобильности (выявляемые посредством анкетирования, а также возможность самореализации в целом и востребованность гражданского активизма (по данным глубинных интервью).

Условия для получения качественного образования в месте своего проживания респонденты в ходе исследования оценили в 3,27 балла (по 5-балльной шкале). Низкую и очень низкую оценку при этом дали 21,4% опрошенных, высокую и достаточно высокую – 42,6%. И в этом случае относительное большинство респондентов (35,9%) предпочло остановиться на среднем значении оценочной шкалы (табл. 1). Вполне предсказуемо более высокие оценки возможностям получения качественного образования дают респонденты, проживающие в городах с населением свыше 100 тыс. человек (3,43 балла), нежели те, кто живет в городских поселениях с населением менее 100 тыс. (3,05 балла) или в сельской местности (3,11 балла), хотя эта разница не так уж существенна. Средняя оценка молодежи 18-29 лет (3,25 балла) практически соответствует среднему по выборке значению.

Таблица 1

Оцените по 5-балльной шкале возможности получения качественного образования в месте Вашего проживания (1 – самые малые, 5 – очень большие).

Валидные	Значения	Частота	% от опрошенных	% от ответивших
1	3,0=3,3	431	35,9	35,9
2	3,8=4,1	370	30,8	30,8
3	1,8=2,1	178	14,8	14,8
4	4,6=5,0	142	11,8	11,8
5	1,0=1,3	79	6,6	6,6
	Итого ответивших:	1200	100,0	100,0
ИТОГО:		1200	100,0	

* Среднее(индекс): 3,27±0,06

Таким образом, даже в достаточно благополучных российских регионах – Белгородской и Воронежской областях образовательные институты далеко не всегда могут удовлетворить запрос граждан на качественное образование, вынуждая молодых людей к образовательной миграции – как правило, в Москву и Санкт-Петербург (при том, что Воронеж сам является центром притяжения абитуриентов, да и ведущие белгородские вузы находятся на достаточно выгодных позициях в отечественных и международных рейтингах среди российских университетов).

Но и хорошее образование не гарантирует реализации жизненных планов, достижения материального и профессионального успеха. Слабая дифференциация большинства региональных экономик, узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей, распространенность непотизма и иных проявлений клановости не способствуют реализации жизненных планов, связанных с карьерой и профессиональным ростом, и оказывают фрустрирующее воздействие на общественное сознание. В особенности это относится к выпускникам высших учебных заведений, которые сразу по выходу сталкиваются с комплексом проблем, прежде всего, трудоустройства по полученной специальности. Значительная доля представителей провинциальных социумов (42,1%) убеждена в том, что без связей, «блата» в их городе, районе невозможно ни хорошее трудоустройство, ни карьерный рост, ни эффективная предпринимательская деятельность и иные способы профессиональной самореализации. Безусловно, это субъективная оценка, но в ее основании лежат не только стереотипы, но и личный опыт либо опыт, транслируемый в привычных кругах коммуникации. И эта оценка зачастую трансформируется в соответствующую установку, оказывающую негативное воздействие на индивидуальную активность либо канализирующую ее в иных направлениях (миграция, уход в приватные практики, саморазрушительное поведение и пр.). Еще 32,3% респондентов указали на то, что в месте их проживания есть возможности для трудоустройства, карьерного роста, развития предпринимательства, но воспользоваться ими могут лишь очень способные и целеустремленные люди. Лишь 15,9% респондентов отметили наличие в их городе или районе большого объема возможностей в профессионально-деловой сфере для всех (табл. 2).

[1] Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. – М., 2020. – № 6. – С. 65.

Таблица 2

Как Вы думаете, в Вашем городе или районе есть все возможности для трудоустройства, карьерного роста, развития предпринимательства и других способов профессиональной самореализации?, %

Значения	Частота	% от опрошенных
Да, таких возможностей много; дело лишь в желании	191	15,9
Такие возможности есть, но воспользоваться ими могут лишь очень способные и целеустремленные люди	387	32,3
Такие возможности есть только для тех, у кого есть родственные связи, «блат»	505	42,1
Затрудняюсь ответить	117	9,7
ИТОГО:	1200	100,0

Субъективно узкий диапазон возможностей профессиональной самореализации в городе (районе) или регионе в целом зачастую предопределяет решение о миграции за пределы региона, а иногда – и из страны. По результатам опроса, потенциальная готовность к отъезду из региона проживания навсегда или на длительный срок имеется у 64,9% опрошенных, и лишь 24,8% не рассматривают такой вариант ни при каких условиях. Но среди молодежи 18–29 лет потенциал миграционной готовности составляет 90,7%, тогда как у респондентов 30–39 лет – 71,89%, 40–59 лет – 65,5%, пожилых респондентов – 30,5% (табл. 3). Миграционный потенциал молодежи существенно выше, нежели у иных возрастных групп, за счет мотивов получения качественного образования, карьерных и брачных соображений.

Таблица 3

При каких обстоятельствах Вы готовы переехать из Вашего региона навсегда, или на длительный срок (от 4-5 лет)?, %

Значения	Частота	% от опрошенных
Выгодное карьерное предложение	520	43,3
Скорее всего, ни при каких	297	24,8
Потеря работы, отсутствие перспектив трудоустройства	248	20,7
Вступление в брак	229	19,1
Ухудшение социальной ситуации в Вашем регионе	200	16,7
Затрудняюсь ответить	123	10,3
Возможность получения качественного образования	107	8,9
Другое	21	1,8
Сумма:	1745	145,4
Итого ответивших:	1200	100,0
ИТОГО:	1200	100,0

Поставленные в ходе проведения полуформализованных интервью вопросы о возможности реализации жизненных шансов и достижении жизненного успеха в месте своего проживания выявили преобладание крайне скептических представлений о соответствующих условиях в селах, малых, а зачастую и крупных городах российской провинции. Безусловно, в ходе интервью фиксировались и высказывания респондентов о том, что активный человек сможет найти свою нишу и достичь жизненного успеха даже в глухой провинции (высказывания респондентов приведены с минимальной стилистической и пунктуационной редакцией): «Можно везде абсолютно. Можно... Ну, конечно, в городе больше вариантов. Но можно и здесь. Вообще проще преуспеть там, где больше людей, потому что в основном на людях деньги зарабатывают. Но, в принципе, можно и в деревне взять 100 гектар. И сажай, выращивай, вези в город. Или в город езжай. Можно везде при желании. А если нету желания, то и под носом ничего не будешь видеть, ничего не делать» (мужчина, 31 год, село).

Но в подавляющем большинстве случаев в ответах респондентов просматривалась или было прямо выражена неудовлетворенность социальной ситуацией, состоянием рынка труда и набором условий для самореализации в месте своего проживания. В меньшей степени это касалось крупных городов, особенно Воронежа, в гораздо большей – сел и поселков. При этом в части высказываний в качестве конечной цели желаемой территориальной мобильности указывались другие страны. И что еще следует отметить, негативные оценки жизненным шансам в провинции давали представители абсолютно всех возрастных групп: «Если я захочу чего-то добиться в любом городе, я добьюсь, потому что врачи везде нужны, но в то же время я повторюсь, что в таких городах, как Москва и Питер, если я буду хорошим специалистом, то там меня будут ценить больше. И тем более, если какие-то новые технологии развиваются, то они сначала идут в Питер и Москву и только потом разбрасываются по областям и городам. Новые технологии доходят до нас намного позднее, чем до Москвы, поэтому, конечно, мне бы хотелось. Но «мне бы хотелось» – это одно, а смогу ли я – это другое» (женщина, 18 лет, живет в селе, учится в областном центре); «В нашем случае, в России шансов чего-то достичь – это только крупный город. Москва, конечно, прежде всего. Уровень жизни Москвы и всей остальной России – разный. Поэтому для того, чтобы самореализоваться, если добиться чего-то кто-то желает, конечно, он это делать должен не на периферии, а в крупных городах, прежде всего, в Москве. У нас в России надо жить, там, где ты родился. Но, конечно, шансы – это лучше за пределами» (мужчина, 53 года, райцентр); «Людям всегда кажется, что трава зеленее у соседей в саду. Успех практически не зависит от местоположения, но если учесть некоторые особенности нашей области (воровство проектов, обязательные условия открытия), возможно, где-то в другом месте. – А где именно? В другом населенном пункте Вашего региона, в другом регионе России или за ее пределами? – За пре-

делами России» (женщина, 22 года, областной центр); «Хотя говорится, что где родился, там и пригодился. Но здесь мало шансов. – А где именно? – Москва, наверное» (женщина, 61 год, районный центр); «Где-то в другом месте шанс преуспеть больше. – А где именно? – В крупных городах России и за ее пределами» (женщина, 45 лет, областной центр); «Все зависит от ситуации в целом. Но скорее всего, процент добиться успеха в жизни выше в других регионах. – А где именно? – Возможно, центральные города России. А если за пределами, то США, Канада, Китай» (женщина, 26 лет, областной центр); «У нас не все находят работу, которая нравится. Лучше уезжать куда-то. У нас нет работы. Допустим, устроился человек на какую-то работу. Работает и работает до пенсии. Некуда себя применить молодежи. Это же сельская местность. Мало у нас достойных мест. Они в основном заняты, редко освобождаются. А если освобождаются, то туда устраиваются "близкие" люди» (женщина, 60 лет, село); «Я думаю, что сейчас больше шансов всегда в больших городах. В миллионнике, например – Воронеж, Москва, Питер, где есть больше работы, больше специальностей, больше возможностей, естественно. В мегаполисах, где и зарплата выше и есть больше возможностей» (женщина, 53 года, райцентр); «Конечно, в другом месте. – А где именно? – Сначала хотя бы в Воронеже, а там дальше. Но только не в нашем городе. А Москва, Петербург – это самые перспективные города» (женщина, 50 лет, райцентр); «В другом месте. У нас не добьешься. – А где именно? – Я считаю, в городе. Можно и в нашем регионе, не уезжая за границу. Я считаю, что это рискованно» (женщина, 60 лет, село); «Там, где мы проживаем, этот город связан с сельским хозяйством. То есть, я думаю, перспектива в нашем городе только одна – это все, что непосредственно связано с сельским хозяйством. Мне хотелось бы, чтобы это был другой совсем даже регион. Может быть, даже за пределами России. Я, конечно, была бы безумно счастлива, если бы дети реализовали себя где-то в другой стране» (женщина, 39 лет, райцентр).

В последнем высказывании акцентируется пожелание респондента, адресованное своим детям. И хотя подавляющее большинство собеседников подчеркивали, что выбор места своего проживания они оставляют исключительно своим детям, не намереваясь влиять на него ни в ту, ни в другую сторону, в значительном количестве их ответов была все та же неудовлетворенность условиями для достойного трудоустройства и самореализации в месте их проживания: «А чего бы Вы больше хотели – чтобы Ваш ребенок (дети) остался жить в Вашем городе (селе) или уехал в другое место? – Ну я, конечно, как отец, хотел бы, чтобы дети жили рядом, с нами жили. Но мое желание не всегда совпадает с их желанием и с теми условиями, которые созданы у нас, чтобы они могли самореализоваться, развиваться, находить свою дорогу в жизни, находить свои возможности. Я думаю, что есть места для этого более подходящие. И, наверное, они должны их искать» (мужчина, 53 года, райцентр); «Это тоже вопрос выбора. Но я бы хотела предложить своим детям попробовать свои силы в более крупном населенном пункте, будь то областной центр, столица, может быть. В молодости нужно ставить более амбициозные цели» (женщина, 56 лет, село).

Хотя для большинства жителей российской провинции общественная активность находится на периферии их жизненных интересов и практик, ее проявления все же имеют нормативный характер, а людей с активной гражданской позицией, как правило, уважают. Соответственно, реакция властей и общественности на гражданский активизм и, в целом, на некую самостоятельную гражданскую позицию также может служить индикатором привлекательности территорий.

В прозвучавших в ходе полуформализованных интервью нарративах описывается, скажем так, амбивалентное отношение основных групп влияния на тех или иных территориях к общественной активности граждан. В высказываниях большей части респондентов отчетливо звучит мотив поддержки общественных инициатив, которые направлены на цели, однозначно интерпретируемые как общее благо: «Проведение демонстраций, митингов, субботников, волонтерство и очень-очень много... В области культуры можно привести примеры и спорта и все... У нас активные люди всегда в почете, в уважении. Они вокруг себя сколачивают множество народа, и за ними идут. Это все у нас хорошо» (женщина, 67 лет, райцентр); «Ну вот мероприятия по уборке востребованы и проводятся не только в моем районе. такая вот минимальная активность есть повсеместно. Что более масштабное – встречается редко, пару раз в год проводятся какие-то городские мероприятия, но их как-то маловато. Было бы побольше, я тоже бы в них поучаствовала. Препятствий никаких нет, органы местного самоуправления только «за», вопрос в инициативности людей, гражданской активности граждан» (женщина, 51 год, областной центр); «В таких местах, как я живу, люди друг друга знают, и они все помогают. Ну, например, субботники. Очень хорошо реагируют. Или там какие-то концерты устраивают. Какая-то помощь нужна... Все, что угодно. В малых городах, в малых населенных пунктах это очень хорошо проявляется – взаимопомощь. Если ты проявляешь себя, люди только рады» (женщина, 72 года, село); «Ну востребованы – только в общественных нуждах – в ремонте дорог, школ, может быть» (женщина, 52 года, райцентр).

Но в ряде случаев респондентами отмечается невостребованность общественных инициатив, особенно в тех случаях, когда речь идет о ее нестандартных проявлениях, несанкционированных властью: «Как Вы думаете, там, где Вы живете, общественный активизм, активная гражданская позиция встречают, скорее, препятствия или поддержку, востребованы они или нет, и если да, то в каких именно направлениях деятельности? – Конечно, препятствия. У нас, если ты начнешь что-то говорить против, то сразу потеряешь место работы, а мест работы очень мало в городе» (женщина, 50 лет, райцентр); «Точно не востребована, потому что мы давным-давно погрязли в своем провинциальном болоте, утонули в нем» (мужчина, 47 лет, райцентр); «Нет, большинство людей зациклено на простом выживании. Поэтому мало таких людей. Я практически их не встречала. Небольшая доля активности, если это можно отнести к социальной сфере жизни, – в культуре. Это единственное в нашем селе, что хоть немножечко развивалось и развивается. Но это малое количество людей» (женщина, 50 лет, село).

Таким образом, между привлекательностью территорий и объемом их человеческого потенциала существует прямая и обратная связь. Наличие в регионах и муниципалитетах возможностей для самореализации способствует повышению человеческого капитала их населения (образовательного, профессионального, творческого), удерживает

наиболее активных жителей от выездной миграции и, наоборот, притягивает человеческие и экономические ресурсы извне. Российская провинция в настоящее время продолжает служить источником пополнения человеческого потенциала ограниченного ряда мегаполисов, культурно-научных и финансово-экономических центров страны.

Ключевыми факторами субъективной привлекательности территорий являются эффективная система профессионального образования (прежде всего, для молодежи), условия для успешного трудоустройства и профессионального развития и самореализации в целом. Даже в достаточно благополучных российских регионах российской провинции образовательные институты далеко не всегда могут удовлетворить запрос граждан на качественное образование, вынуждая молодых людей к образовательной миграции. Еще более скептически население провинции оценивает возможность успешного трудоустройства в месте проживания. Ограниченность числа высокооплачиваемых рабочих мест и развитая система клановых отношений существенно снижают привлекательность территорий для местных жителей. В результате потенциальной готовностью к миграции за пределы региона, как показало социологическое исследование, отличаются более двух третей их жителей. Безусловно, нельзя категорически утверждать, что выездная миграция во всех случаях размывает ресурсную базу регионов и муниципалитетов. Возможность возвращения в родные места после получения образования или на другом этапе профессиональной карьеры, «удаленная» профессиональная связь с регионом – все эти возможности не исключены. Тем не менее, мониторинг факторов привлекательности территорий и постоянная работа по ее повышению должны быть основным стратегическим направлением деятельности органов власти регионов и муниципалитетов, поскольку вне воспроизводства человеческого потенциала территории ожидает медленная или ускоренная деградация.

Сухарев О.С.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономики РАН

СТРУКТУРНАЯ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ И РЕАЛИЗАЦИИ[1]

Ключевые слова: *структурная политика, инвестиции, регион, алгоритм формирования региональной политики, методы оценки экономической структуры.*

Keywords: *structural policy, investment, region, regional policy formation algorithm, methods for assessing the economic structure.*

1. Проблемы экономического развития регионов

Регион как часть крупной экономической системы в своём развитии имеет свойства, отличающие его от всей экономики. Это связано с тем, что не все виды деятельности могут охватываться в данном регионе, к тому же численность населения, кадровый потенциал и месторасположение могут создавать как добавочные преимущества в развитии, так и ограничивать это развитие. В связи с этим набор проблем развития от региона к региону отличается, но методы их решения, преодоления должны иметь идентичную методологическую основу.

Основные проблемы регионального развития России охватываются следующими позициями:

– низкой согласованностью развития и уровнем межрегиональных взаимодействий (одна из причин – высокая протяжённость страны с запада на восток и с севера на юг);

– локализацией рынков регионального развития, что делает это развитие автономным, но и ограничивает возможности выхода на внешние рынки;

– специализацией региона на ограниченном наборе видов деятельности, с возникновением структурных перекосов и привязкой к ним осуществляемых инвестиций;

– разнородным распределением основного капитала и трудового потенциала по регионам, различным уровнем научно-технического потенциала;

– невысоким уровнем аналитической подготовки решений в рамках разработки и реализации региональной политики в конкретных регионах, что связано не только с недостаточной квалификацией информационно-аналитических служб региональных администраций, но и отсутствием необходимых мотивов в привлечении научно-исследовательских кадров, способных осуществлять диагностику и оценку состояния экономической системы по множеству её системных параметров. Это сильно ограничивает возможности проводимой региональной политики, например, понижает эффективность отраслевой (промышленной) политики и структурно-инвестиционной политики в рамках региона, которая часто вообще не проводится. Детерминируют такой результат и действия федерального центра, часто направленные на то, чтобы обесценить уже принятые решения в регионе.

Учитывая, что выделение ресурсов на приоритетных направлениях развития представляет собой задачу структурно-инвестиционной политики, рассмотрим, какие аналитические методы пригодны к оценке данного вида политики и состояния региона. Кроме того, покажем, как происходит процесс реструктуризации региональной экономики, и какой алгоритм управления (принятий решений на региональном уровне) возможен для того, чтобы обеспечить эффективное региональное развитие.

2. Методы исследования экономической структуры

Одним из основных методов исследования (оценки) экономической структуры и структурной динамики региональной экономики является так называемый структурный анализ, в рамках которого могут применяться следующие способы, позволяющие осуществить изменение структуры региональной экономики и помочь выработать решения в рамках структурно-инвестиционной и промышленной региональной политики:

– метод «затраты – выпуск», дающий возможность увидеть архитектуру взаимодействия различных экономических секторов и видов деятельности, производящих продукты для иных секторов и для своего внутреннего потребления, позволяющий увидеть эффекты перемещения труда и капитала в разрезе региональной экономики, оценить соотношение спроса и предложения;

– «портфельный анализ», показывающий возможности в распределении ресурсов (инвестиций) между направлениями их использования в рамках конкретного региона, выбрать приоритетные направления развития и инвестирования;

[1] Текст доклада вошёл в книгу автора: Теория структурной динамики экономики – М.: Ленанд, 2020.

– метод фазовых портретов, известный в экономической синергетике и позволяющий проанализировать устойчивость динамики региональной экономики.

Поскольку метод «затраты – выпуск» широко известен и многократно применялся, особенно в планировании макроэкономической политики отдельных развитых стран в различные периоды времени, не будем на нём останавливаться подробно. Тем более, что применимость данного метода с течением времени изменялась – от грандиозного всплеска интереса к нему в 1960–1970-е гг. (хотя этот метод создан и апробирован ещё в 1920–1930-е гг., а с идейной точки зрения известен ещё со времён таблицы Ф. Кэне) до снижения внимания со второй половины 1980-х гг. (в 2000-е гг. даже отмечалось уменьшение числа ссылок на этот метод в научной экономической литературе), и некоторого оживления интереса в 2010-е годы (в частности, в России возрождают таблицы межотраслевого баланса как метода макроэкономической оценки развития и планирования).

Применение метода «затраты – выпуск» требует, во-первых, развитой системы статистического учёта, по крайней мере не выборочных обследований и восстановления рядов по ним, а сплошного статистического учёта релевантных показателей (сплошных рядов). Поэтому подготовка требует введения его в систему статистического государственного учёта, а также обучения, что связано с высокими затратами. Во-вторых, статическая форма (несмотря на то, что имеется так называемая динамическая форма записи) данного метода ограничивает возможности прогнозирования с его помощью. Нужно отметить, что многие прогнозы, сделанные с помощью данного метода в середине 1970-х гг. до 1990–2000 гг., не сбылись. Проблема не только в том, что довольно трудно учесть институциональные и даже технологические трансформации (по технологическим коэффициентам и величинам прямых затрат, которые сложно учесть в современном экономическом мире), а в том, что внезапные события (например, появление коронавируса, приведшего к рецессии) предугадать объективно невозможно.

В-третьих, сами возможности применения определяются выделением числа отраслей или секторов хозяйственной системы, что для разных стран порождает трудности сопоставления результатов (не только по причине отличающейся статистики, учёта, но и такого выделения в рамках метода). Для каждой страны выделение будет собственным, так как набор видов деятельности часто не совпадает. Следовательно, понадобится дополнительная интерпретация полученных результатов. Здесь же нужно отметить, что коэффициенты затрат могут быть неверными, потому что существует искажение точности информации, сколько продукции приобрёл некий сектор у другого сектора для производства единицы своей продукции. Конечно, поскольку параметры исчисляются в стоимостном выражении, это также создаёт определённое искажение, к какому базисному году приводить результаты и учитывать разную ценность валют. Для регионов одной страны, правда, это проблемы не составляет. Кроме этого, информация о прибыли и ценовой динамике не вполне достоверна. Вероятно, один из самых важных недостатков связан с тем, что метод даёт текущий срез структуры совокупного выпуска и затрат на производство продукции каждого сектора (балансовый подход), исходя из того, что конечный спрос известен (задан). Тогда находится величина производства в каждом секторе. Получается зависимость выпуска от конечного спроса. В динамической версии метода фигурирует выпуск следующего периода времени, определяемый через предшествующий выпуск, текущий спрос (предшествующего периода) с учётом матрицы затрат и капитальных коэффициентов. Тем самым удаётся найти баланс между спросом и предложением, что на уровне региональной экономики вполне применимо, во всяком случае, на уровне планирования направлений развития.

Однако оценка самих затрат при таком изменении и составляет основную проблему. Она может даваться, как утверждал В. Леонтьев, «на сопоставлении эффектов гипотетического сдвига от одной технологии к другой»[1]. Это сопоставление, как и сам гипотетический сдвиг, представляют существенную проблему в оценке. Для осуществления указанных действий, видимо, понадобится рассмотреть несколько альтернативных сценариев, задающих матрицу затрат и капитальных коэффициентов. В связи с этим метод «затраты – выпуск» становится сценарной процедурой, при этом вопрос относительно того, какой сценарий возобладает, остаётся открытым. Данное обстоятельство ограничивает прогнозную применимость данного метода.

Особенно важно то, что проектирование мероприятий макроэкономической политики, предполагающее анализ множества альтернатив, делает громоздким применение данного метода, повышает его трудоёмкость, понижая управленческую результативность. Изменения вызываются причинами, набором факторов, которые перманентно сами модифицируются. Это практически невозможно учесть. Видимо, не случайно сам В. Леонтьев указывал, что при наличии явной функции (нескольких переменных), описывающей выбор технологии, возможна её максимизация или минимизация на основе того или иного алгоритма методов оптимизации (например, линейного программирования)[2].

Широкое применение метода межотраслевого баланса требует значительного массива вычислений и подготовки данных, а также сценарного подхода в наиболее масштабном распространении. При этом проблема взвешивания самих сценариев, а также определения методов политики в рамках каждого варианта развития сохраняется. Метод не позволяет целиком разрешить или снять с повестки дня эту проблему. Безусловно, это справедливо и относительно других методов, процедур подготовки решений. Однако громоздкость в применении у них явно меньшая, что при прочих равных делает более гибким и применение.

Другие методы не столь фундаментальны, не дают общего структурного среза функционирующей экономики. Они акцентируют внимание на отдельных аспектах, но в плане обоснования мер структурной политики, макроэкономических воздействий могут оказаться действеннее, нежели метод «затраты – выпуск».

---

[1] Леонтьев В. Межотраслевая экономика. – М.: Экономика, 1997. – С. 38.

[2] Там же, с. 39. Причём, как отмечал В. Леонтьев, релевантные параметры этой функции определяются с помощью метода «затраты – выпуск».

Представляется, что любой метод или модель должны применяться исходя из той цели, которую требуется достичь. Обычно цели по экономической структуре не ставятся лицами, ответственными за проведение экономической политики. Поэтому остаётся неясным, какая экономическая структура даст возможность достичь целей по социальному развитию, и какие возникающие пропорции будут тормозить это движение. Цели развития по своему содержанию существенно проще методов их достижения. Эта закономерность характерна для экономических систем различного уровня организации.

3. Реструктуризация региональной экономики

Реструктуризация экономической системы (изменение её структуры) происходит под воздействием довольно широкого набора факторов, в том числе обусловленных наличием соседствующих регионов. Формирующиеся модели поведения агентов региональной экономики детерминируются условиями, созданными в регионе. Для ресурсоёмких регионов это специализация на добыче и переработке ресурсов либо поставке ресурсов за рубеж. Для трудоёмких регионов, близко расположенных к мегаполису – это направление трудового потока в столицу, с возвращением обратно, где заработанный доход будет истрачен. Причина в том, что ограничен спрос на труд в таких регионах, а предложение велико (рис. 1). Федеральные решения, например, наличие стратегии пространственного развития, в зависимости от качества этого документа, влияют на региональное развитие в части не только создания базовых институтов и условий, но и перемещения ресурсов, в частности государственных инвестиций. Частные инвестиции в какой-то мере зависят от государственных инвестиций, потому что при отсутствии последних, либо крайне небольшой величине, владелец капитала начинает сомневаться в привлекательности вложений, так как государственные инвестиции выступают своеобразной страховкой при инвестировании.

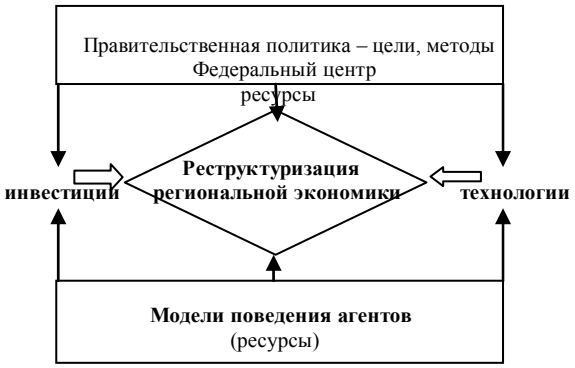

Рисунок 1.
Факторы влияния на региональную экономику

Инвестиции определяют возможности технологического обновления. Однако имеющийся к некоторому моменту времени технологический базис также влияет на то, какой поток инвестиций будет развёрнут в данном регионе. Имеется в виду как внутреннее инвестирование (силами региональных инвесторов), так и внешнее относительно региона, но осуществляемое из других регионов страны, а также иностранное инвестирование. Названные обстоятельства создают возможности для реструктуризации региональной экономики, принимающей вид изменения основных межсекторных пропорций деятельности, соотношений спроса и предложения внутри региона и по другим параметрам (кадры, фонды, технологии, создаваемая продукция).

На рис. 1 инвестиции и технологии разделены условно, хотя имеются в виду не только производственные технологии, но и технологии принятия решений, управления и организации. Причём инвестиции в этом направлении недооцениваются. Считается, что управлять можно без инвестиций, и подготовка решений не требует больших ассигнований. Вместе с тем, высший менеджмент корпораций, да и правительство в рамках бюджетного сектора, имеет всегда более высокую оплату труда, нежели звено исполнителей, низшие иерархические звенья. Тем самым более высокие звенья управления располагают большим доходом, в связи с чем, имеется дорогое управление. Поэтому, если решения не срабатывают, методы оказываются недейственными, проблемы не разрешаются, можно вести речь о дорогом и неэффективном управлении. И это касается не только государства, но и корпоративного управления (частного сектора), и региональной экономики. Однако при условии, что решения доводятся до реализации, можно утверждать, что большие ассигнования сработали и окупили себя. Конечно, более важно обеспечить финансирование аналитически точного обоснования решения, нежели просто повысить заработную плату лицам, принимающим решения.

4. Управление региональной структурой – инвестиции

Изменение экономических пропорций региона происходит под воздействием конкретных принимаемых правительственных решений (СП – федеральных и региональных), но имеется также и самопроизвольная (СП-Н) структурная динамика, которая не связана с теми силовыми воздействиями, предпринимаемыми в рамках структурно-инвестиционной, промышленной политики. Оба вида реструктуризации (СП и СП-Н) на практике разделить не удаёт-

ся (рис. 2), хотя в решениях ориентируются на первый тип, не учитывая инерцию изменения экономических порций и закономерности, которые уже сложились в связи с предшествующими их изменениями.

Рисунок 2.
Управление региональной структурой

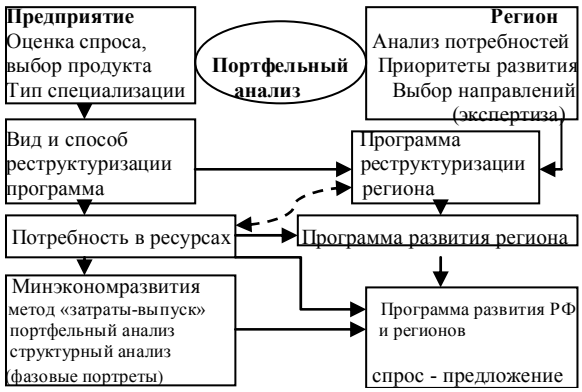

Рисунок 3.
Алгоритм формирования структурно-инвестиционной политики в регионе

Для принятия решений на региональном уровне до выбора приоритетов и целей развития требуется глубокая системная диагностика региональной экономики. Этим этапом либо пренебрегают, либо не учитывают всей необходимой системности анализа, так что в принимаемых позже решениях обнаруживаются стереотипные схемы и процедуры, закладывающие неэффективность развития. На этапе диагностики необходима всесторонняя оценка сложившейся экономической структуры региона по всем возможным и релевантным параметрам, определение необходимости её изменения, причём такой, которая бы позволила реализовать стратегические цели развития, связанные с повышением уровня жизни и возможностей реализации населения региона.

В рамках диагностики требуется оценка изменений в окружении данной экономики, которые должны регистрироваться и определять её состояние. Оценка этого состояния и влияния среды приводит к закономерному определению задач дальнейшего развития экономики. Решение этих задач предполагает изменение структуры – реструктуризацию, управление которой требует алгоритма перехода к новой структуре, проекта либо программы. Это и составляет содержание структурной политики, а реструктуризацию можно обозначить как управляемую или целевую. В противном случае, когда происходит спонтанное изменение неких пропорций в экономике, причём для этого не осуществляется никаких действий – структурная политика не влияет на реструктуризацию, а сам процесс можно считать происходящим самостоятельно, либо условно не управляемым. Условность такого представления – в том, что обычно меры экономической политики влияют на экономическую структуру, и отделить их от структурных изменений, как правило, современными методами исследования не удаётся. Видимо, необходимо дать оценку степени влияния тех или иных методов, подобрать наиболее целесообразные по силе их влияния для достижения поставленных целей развития.

На рис. 3 показан алгоритм принятия решений в рамках структурной политики, охватывающий региональную экономику и предприятия как её элемент, а также центральные органы управления.

Структурная политика как набор методов, влияющих на экономические пропорции, должна предполагать реализацию некоего алгоритма, предусматривающего аналитические шаги подготовки и реализации подобных решений.

Если рассматривать микроэкономический уровень (предприятие, корпорация) и уровень региона (рис. 3) то наиболее отчётливо шаги такого алгоритма сводятся к следующим позициям.

Во-первых, на уровне предприятия осуществляется оценка спроса, включая перспективные направления продуктовой деятельности, оценивается необходимость изменения специализации.

Во-вторых, требуется принять решение о выборе производства какого-то продукта, оценить вид необходимой для этого реструктуризации и составить программу (проект), при формировании которой возникает задача оценки потребных ресурсов для осуществления плана.

Подобное поведение предприятий детерминируется условиями развития конкретного региона, где они находятся. Программа реструктуризации отдельного предприятия может войти в программу реструктуризации региона, а та, в свою очередь, в программу развития региона. Данные программы контролируются министерством экономики, которое влияет на их формирование, определяет необходимые ресурсы в рамках отдельных регионов и в рамках программирования развития российской экономики в целом. Метод структурного анализа и портфельный анализ могут применяться как на уровне определения продуктового направления деятельности отдельного предприятия, так и на уровне выбора приоритетов развития экономики региона. На уровне региона необходимо провести анализ потребностей в развитии, оценить приоритеты и отобрать направления регионального развития (такой алгоритм полезен и на макроэкономическом уровне планирования развития). Здесь возможно применить метод «затраты-выпуск», портфельный и структурный анализ, с использованием метода фазовых портретов, для установления приоритетов развития, предъявления требований по устойчивости структурной и общей экономической динамики региона. Итогом является программа реструктуризации региональной экономики и план развития (стратегический[1]) экономики региона, который входит в федеральную программу развития российской экономики, формируемую на основе применения указанных методов анализа, обеспечивающих оценку структурным изменениям и устойчивости их динамики. Исходя из этих проектировок, далее оценивается потребность в ресурсах, ищутся источники ресурсного обеспечения выполнения программных установок.

Вопрос обеспечения ресурсами программы развития (реструктуризации) региональной экономики, а также экономической программы развития региона в целом и программы развития Российской Федерации – именно в такой тройственной постановке имеет определяющее значение. Конечно, важен ещё и уровень предприятия. Однако, частные фирмы, корпорации, самостоятельно могут найти такой ресурс, либо располагать им изначально, при значительной прибыли, которую получают в ходе текущей деятельности. Вместе с тем, их политика по изменению рынка, ассортимента, не может не учитываться при формировании мер структурной политики, программ развития отдельных регионов и экономики в целом.

Не случайно термин «развитие» и «реструктуризация» поставлены рядом, поскольку автором вкладывается идентичный смысл в их содержание, так как развитие в общем смысле и есть изменение структур. Однако такое, чтобы социальное благополучие увеличивалось, что идентифицируется по показателям доходов на душу населения, уровню бедности и неравенства, доступа к базовым социальным функциям. В этом ключе должны формироваться целевые функции социально-экономических изменений на региональном и федеральном уровне, которые требует неотъемлемого согласования и координации при движении согласно этим функциям.

[1] Он должен быть согласован с федеральными планами и программами, являться их своеобразной частью, подчиняться логике, задаваемой следующей схемой: «потребности – цели – ресурсы – возможности – результаты».

Тогузаев Т.Х.
д.э.н., доцент, профессор кафедры «Экономика», Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик
tahir07@mail.ru
Рахаев Х.М.
д.э.н., профессор, профессор кафедры «Управление», Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик
r3bizengin@mail.ru
Модебадзе Н.П.
д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика», Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик
modebadze_1950@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕСУРСНО-ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА[1]

Ключевые слова: *инновационный потенциал, ресурсный потенциал, земля, труд, капитал, сельское хозяйство, Северный Кавказ.*
Keywords: *innovative potential, resource potential, land, labor, capital, agriculture, North Caucasus.*

Введение. Сельское хозяйство Северного Кавказа является одним из передовых в России. В 2016 г. объем сельскохозяйственной продукции на Северном Кавказе составил почти 900 млрд. руб. По данному показателю сельское хозяйство опережало многие другие отрасли макрорегиона. Доля продукции сельского хозяйства Северного Кавказа в общем объеме продукции сельского хозяйства России в 2016 г. составляла 16,3%. Следует указать на то, что в 1990 г. эта доля составляла всего 12,3%, т.е. ниже современного на 4,0%. Но еще в 1995 г. она опускалась до 9,7%. Наибольший удельный вес сельского хозяйства Северного Кавказа в продукции сельского хозяйства России приходится на 2010 г., когда этот показатель составлял 16,6%. Таким образом, следует отметить, во-первых, рост доли сельского хозяйства Северного Кавказа в сельском хозяйстве России, который с советского периода (1990 г.) вырос на 4,0%. Во-вторых, на протяжении исследуемого периода наблюдается устойчивая тенденция к росту удельного веса сельского хозяйства Северного Кавказа в общем объеме продукции сельского хозяйства России.

Отмеченные особенности объясняются прежде всего тем, что сельское хозяйство на Северном Кавказе развивается более высокими темпами, и эти темпы имеют более устойчивый поступательный характер, чем в целом по России, что связано, по-видимому, с природными особенностями макрорегиона, а также историческими и институциональными особенностями отрасли. За постсоветский период доля сельского хозяйства в целом по России снизилась почти в два раза, тогда как по Северному Кавказу только в полтора раза. Причем следует указать на то, что в 1995 г. доля сельского хозяйства в ВРП Северного Кавказа составила 37,1%, тогда как в целом по России 13,5%. Самый низкий уровень сельского хозяйства в ВРП на Северном Кавказе приходится на 2012 и 2013 гг., когда его доля опустилась до 18,5%. В целом же по России антипик приходится также на эти два года, и доля составляет 6,7%, что ниже, чем на Северном Кавказе более чем в два раза. Другая особенность динамики данного индикатора состоит в том, что в России в целом снижение доли (а стало быть, и участие) сельского хозяйства в ВРП начинается раньше, чем на Северном Кавказе, во-вторых, оно носит более резкий характер.

Отраслевая динамика сельского хозяйства Северного Кавказа формируется подотраслевыми и территориальными факторами. При этом не обязательно иметь превосходство во всех подотраслях и продуктовых сегментах, а также территориальных комплексах, чтобы получить растущую динамику в целом по отрасли. Но для развития отрасли в целом, безусловно, важны как внутриотраслевые, так и территориальные тенденции, т.к. они и формируют устойчивость обозначившихся тенденций.

Важнейшей подотраслью сельского хозяйства России является производство зерна. Известно, что со второй половины десятых годов нового столетия Россия вошла в число лидеров производства и экспорта зерна[2]. В этом большую роль играет и зерноводство Северного Кавказа. В 2016 г. доля Северного Кавказа в валовом сборе зерна (весе после доработки) составила почти 25%. Иными словами, четверть зерна России производится в настоящее время на Северном Кавказе. Эта динамика формировалась на Северном Кавказе на протяжении почти трех десятилетий. Обобщая данный аспект, можно констатировать, что Северный Кавказ становится зерновой житницей России, расширяя свою долю в закромах родины. Аналогичные лидерские позиции обозначились у Северного Кавказа в производстве сахарной свеклы и подсолнечника, овощей, плодов и ягод и другой продукции сельского хозяйства.

Животноводство исторически является важнейшей отраслью сельского хозяйства Северного Кавказа. По данным официальной статистики на долю животноводства в 2019 г. в валовой продукции сельского хозяйства приходи-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00441.
[2] Гумеров Р.Р. Российский зерновой экспорт: не повторять ошибок прошлого // ЭКО. 2017. – № 1. – С. 5–19.

лось 36,1%. Кстати, в России в целом эта доля составляет 46,9%. Таким образом, можно говорить о своеобразной второстепенности или дополнительности животноводства в сельском хозяйстве Северного Кавказа. Но при этом если сопоставить с советским периодом (для чего примем в качестве базы сравнения 1990 г.), то там доля животноводства в ВПСХ Северного Кавказа составляла около 47%.

Развитие сельского хозяйства как и всякой иной отрасли зависит и определяется ресурсным потенциалом. В отличие от многих других отраслей национального хозяйства для сельского хозяйства и в настоящее время важнейшими (а во многих аспектах и секторах решающими) факторами являются земля, климат, погода, труд, капитал, коммуникации. Нашей задачей является анализ состояния и оценка перспектив **ресурсного потенциала агропромышленного комплекса Северного Кавказа.**

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретико-методологическая основа ресурсно-инновационного развития сельского хозяйства и АПК на сегодня хорошо отработана и представляет собой органическую часть более общей теоретико-методологической основы ресурсно-инновационного развития. Ее основные положения изложены в работах классиков экономической науки от У. Петти до Дж. Кейнса и Й. Шумпетера. В то же время определенные коррективы могут быть внесены в существующей теоретико-методологический континуум отраслевой особенностью сельского хозяйства, а также особенностями регионального и субрегионального характера. Мы имеем в виду в первую очередь особенность существования и развития сельскохозяйственного производства, в котором решающими факторами являются климат, погода и почвы, значение которых в сфере индустриальных производств, а также отдельных секторов сферы услуг не столь значительно как в сельском хозяйстве, где земля выступает и основным средством производства, и предметом труда, а также своеобразным продуктом деятельности человека. Не менее значимыми факторами, чем земля являются погода и климат, которые прямо и косвенно формируют основные параметры сельского хозяйства. Исходя из данных положений важными источниками, входящими в теоретико-методологический континуум ресурсно-инновационного развития сельского хозяйства и АПК являются работы отечественных авторов.[1]

Методы. В исследовании используется комплекс аналитических и дескриптивных методов, позволяющих выявить, формализовать и квантифицировать имеющиеся экономические, организационные, технологические и институциональные связи между различными ресурсами сельского хозяйства. Среди аналитических методов акцент сделан на корреляционно-регрессионном и индексном, позволяющих квантифицировать связь, определить пропорции между различными ресурсами и результатом. Среди дескриптивных внимание уделяется описанию полученных зависимостей, выявленным тенденциям и пропорциям. Основной задачей является интерпретация полученных расчетов.

Эмпирическую базу исследования составляют данные официальной статистики, систематизированные в статистических сборниках (Регионы России. Социально-экономические показатели) ФСГС России (Росстат), его территориальном отделении по субъектам Северного Кавказа, а также выборочные обследования авторов, которые проводились еще с прошлого столетия.

Результаты и обсуждение. По данным официальной статистики в настоящее время в сельском хозяйстве Северного Кавказа имеется свыше 8,5 млн. га посевных площадей, что составляет 10,7% от посевной площади России. По сравнению с 1990 г. размер посевной площади на Северном Кавказе сократился почти на 14%. Правда, в целом в России он сократился на 32%. В то же время следует указать на определенную (растущую) динамику.

В структуре посевных площадей Северного Кавказа (как впрочем и России в целом) доминирующее положение занимает посевная площадь под зерновыми и зернобобовыми. Впрочем, для нас важно даже не столько то, что растет площадь под зерновыми культурами, а то, за счет чего, каких ресурсов.

Теоретически есть два основных источника увеличения посевной площади под зерновыми культурами: 1) прирост новых площадей, 2) за счет перераспределения существующих площадей в пользу зерновых, и один дополнительный – комбинирование первого и второго. Проверим, какой механизм действовал в нашем случае.

Анализ показывает, что на Северном Кавказе основным ресурсом роста посевных площадей под зерновыми культурами является перераспределение площадей в пользу зерновых культур, а также введение ранее выведенных посевных площадей и их передача под зерновые культуры. В целом по России ситуация несколько иная. Данные статистики указывают на то, что, во-первых, на Северном Кавказе уже к 2011 г. был восстановлен уровень 1990 г. по посевным площадям под зерновыми культурами, а в 2017 г. он превысил этот уровень в 1,2 раза, во-вторых, при приросте посевных площадей действует иной, чем в целом по России механизм восстановления данной категории земель сельскохозяйственного назначения; он носит не восстановительный, а перераспределительный характер, характеризуемый тем, что часть восстанавливаемых посевных площадей перераспределяется в пользу посевных площадей под зерновыми культурами.

Обобщая эмпирические тенденции в посевных площадях, можно выделить следующие особенности для Северного Кавказа: 1) наращивание посевных площадей. Провал, который произошел в 90-е гг. и начале 2000-х, начинает

[1] Огарков С.А. Эффективнее использовать главные факторы сельского развития – труд, землю, инвестиции / С.А. Огарков, А.П. Огарков // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. – № 5. – С. 52–54; Алибий Ф.М., Гятов А.В., Кушхова Б.А. Влияние температурного режима и осадков на динамику урожайности основных сельскохозяйственных культур на Северном Кавказе в 2010–2016 гг. // Аграрный Вестник Урала. 2018. – № 8 (175). – С. 10–16; Буздалов И.Н. Структурные перекосы в сельском хозяйстве России: причины и последствия // АПК: экономика, управление. 2017. – № 2. – С. 4–14; Шарипов С.А. Оценка эффективности использования производственных ресурсов АПК / С.А. Шарипов, Г.А. Харисов // АПК: экономика, управление. 2017. – № 3. – С. 65–71; Комов Н.В. Земельные ресурсы в стратегии развития российской экономики // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2017. – № 1. – С. 5–11; Ушачев И.Г. Сельскохозяйственные кадры: дефицит при избытке / И.Г. Ушачев, В.И. Еремеев, Н.И. Жуков // АПК: экономика, управление. 2017. – № 2. – С. 15–25.

элиминироваться с 2010 г. Но несмотря на предпринятые усилия в 2017 г. доля посевных площадей составляла лишь 86,2% от уровня 1990 г.; 2) с 2000 г. происходит смена структуры посевных площадей. Во-первых, посевные площади под зерновыми культурами наращивают свою долю. Во-вторых, прирост доли посевных площадей под зерновыми культурами происходит за счет прироста общей посевной площади, а также за счет перераспределения в их пользу посевных площадей др. культур; 3) наряду с ростом посевных площадей под зерновыми культурами на Северном Кавказе в новом столетии происходит рост посевных площадей под подсолнечником (+51% по сравнению с 1990 г., но при этом доля данной категории посевных площадей снизилась на 10,3% по сравнению с 1990 г., но выросла на 4,4% в посевной площади Северного Кавказа); 4) наблюдается снижение посевных площадей под овощами (–6,5% по сравнению с 1990 г.) и картофелем (–37,2% по сравнению с 1990 г.). В результате доля посевных площадей под овощами и картофелем в общей посевной площади на Северном Кавказе снизилась на 04% под картофелем и 0,2% под овощами. Конечно, темпы снижения разные и они ниже, чем в целом по России, но тем не менее общая тенденция – сокращение посевных площадей под овощами и картофелем на Северном Кавказе.

Следующий важный фактор, который связан с землей, а также климатом, погодой и биологией культур – урожайность сельскохозяйственных культур. При анализе динамики валовой продукции и посевных площадей наблюдались две взаимно противоположных тенденции: рост валовых сборов и снижение посевных площадей (за исключением зерновых культур. Но даже там, где по зерновым имеет место прирост посевных площадей, прирост валового сбора превосходит обычный механический прирост, который был бы обеспечен исключительно приростом площадей). Стало быть, важное (а в отдельных случаях и сегментах, решающее) значение в формирующейся динамике роста валовых сборов сельскохозяйственных культур играет урожайность.

В 2017 г. урожайность зерновых и зернобобовых культур на Северном Кавказе составила 47,1 ц/га, что выше, чем в среднем по России более чем в 1,6 раза. Подсолнечник является второй специализированной культурой сельского хозяйства Северного Кавказа. Среднее значение урожайности подсолнечника на Северном Кавказе оказывается выше аналогичного показателя по России в 1,2 раза. Урожайность картофеля на Северном Кавказе оказалась ниже среднероссийской в среднем за период 1990–2017 гг. почти на 7%. Овощи являются своеобразной «визитной карточкой» Северного Кавказа. Имея небольшую площадь овощей, макрорегион выступает в роли их поставщика для всей России. Последнее становится возможным благодаря высокой урожайности. Размер урожайности овощей на Северном Кавказе в среднем за период 1990–2017 гг. оказывается ниже среднего по России на 2,5%.

Другим важнейшим ресурсом в сельском хозяйстве является труд. В свое время «отец» политической экономии У. Петти высказал положение, ставшее классическим: «Труд отец богатства, земля его мать». Численность занятых (рабочих рук) в сельском хозяйстве Северного Кавказа снижается как в целом по России. Но при этом на Кавказе как и в России имеются свои динамические и структурные особенности в динамики рабочих рук в сельском хозяйстве. За период с 1995 по 2017 гг. численность занятых в сельском хозяйстве Северного Кавказа сократилась на 25,2%, а в целом по России на 44,4%, т.е. на Кавказе снижение численности занятых в сельском хозяйстве было более щадящим, чем в целом по России. Эта особенность заметна также и по периодам. Например, в 2017 г. доля занятых в сельском хозяйстве Северного Кавказа в общей численности занятых в сельском хозяйстве России составила 19,6%, т.е. каждый пятый занятый в сельском хозяйстве России был на Северном Кавказе.

С описанной особенностью коррелирует другая – выражающая удельный вес численности занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятого в экономике населения. В данном случае, что на Северном Кавказе, что в целом по России эта доля сокращается. Причем если учесть, что имеет место общее сокращение рабочих рук, то сокращение в сельском хозяйстве опережает аналогичные тенденции по национальному хозяйству. Но при этом на Северном Кавказе снижение доли нелинейно (на траектории наблюдаются всплески роста) и само снижение носит более плавный и неоднородный характер. В отличие от Северного Кавказа в России снижение носит более устойчивый поступательный характер. На наш взгляд, это говорит о том, что на Северном Кавказе другие отрасли не так активно рекрутируют рабочую силу, как это происходит в целом в России. Стало быть, сельское хозяйство на Северном Кавказе более притягательно для занятости, чем в других регионах и в целом по России.

В классической теории роста[1], рассматривающей три главных фактора: земля, труд, капитал, последний занимает особое место. Не станем останавливаться здесь на теоретических и методологических аспектах того, что представляет собой капитал как фактор росторазвития сельского хозяйства, а проведем анализ существующих эмпирических (статистических) данных.

В 2017 г. стоимость основных производственных фондов в сельском хозяйстве Северного Кавказа составляла 1 156 027 млн. руб., что составляет 20,0% от стоимости ОПФ сельского хозяйства России. Примечательны в данном случае несколько особенностей. Первая – более высокие темпы роста ОПФ сельского хозяйства Северного Кавказа, чем ОПФ сельского хозяйства России. За период 2005–2017 гг. ОПФ сельского хозяйства увеличились более чем в 5,5 раза, тогда как в целом по России только в 4,0 раза. Это опережение в темпах роста привело к тому, что доля ОПФ сельского хозяйства Северного Кавказа выросла с 14,4% (2005 г.) до 20,0% (2017 г.), т.е. более чем на 5,5 пп. Более высокие темпы роста ОПФ в сельском хозяйстве Северного Кавказа по сравнению с сельским хозяйством России в целом наблюдаются также и в период 2010–2017 гг. – 285,0%, против 202,5%. Вторая – ускоренный рост стоимости ОПФ Северного Кавказа. Среднегодовой темп роста стоимости ОПФ в сельском хозяйстве Северного Кавказа за период 2005–2017 гг. составил 115,4%, тогда как в целом по России только 112,3%. Третья – более высокая доля ОПФ

[1] Galor O. From Stagnation to Growth: Unified Growth Theory // Handbook of Economic Growth. – https://www.brown.edu/Departments/Economics/Faculty/Oded_Galor/pdf/Galor-Handbook%20of%20Economic%20Growth%20-Reprint.pdf; Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014. – 464 с.

сельского хозяйства в ОПФ экономики в целом на Северном Кавказе по сравнению со среднероссийской. В 2017 г. эта доля по Северному Кавказу составляла 7,2%, тогда как в целом по России только 3,0%. Но при этом следует указать на снижение доли ОПФ сельского хозяйства в экономике. Но вот что примечательно (четвертая особенность) – рост стоимости ОПФ в сельском хозяйстве, как известно, возможен в двух направлениях: рост обновления и снижение выбытия. И в этой связи анализ обновления ОПФ сельского хозяйства Северного Кавказа и России указывает на принципиальные различия. За период 2010–2017 гг. стоимость обновленных ОПФ в сельском хозяйстве Северного Кавказа выросла на 188,8%, тогда как в России в целом на 211,6%, т.е. скорость обновления в сельском хозяйстве Северного Кавказа уступает среднероссийской. Среднегодовые темпы обновления ОПФ в сельском хозяйстве Северного Кавказа в период 2010–2017 гг. составляли 109,5%, тогда как в целом по России 111,3%. И в этой связи наблюдается снижение доли обновляемых ОПФ в сельском хозяйстве Северного Кавказа в общем объеме обновляемых ОПФ сельского хозяйства России. Другая особенность заключается в том, что объем обновляемых ОПФ в стоимости ОПФ сельского хозяйства Северного Кавказа оказывается ниже, чем в целом по России. Таким образом, обновление ОПФ в сельском хозяйстве Северного Кавказа уступает аналогичному индикатору по России в целом. В то же время, следует указать на то, что доля введенных ОПФ в сельском хозяйстве в общей стоимости введенных ОПФ по экономике на Северном Кавказе оказывается выше, чем в России. Причем эта тенденция сохраняется с 2010 г. по 2017 гг. В 2017 г. по сравнению с 2010 г. эта доля выросла по Северному Кавказу на 120,4%, тогда как в целом по России только на 106,0%. К тому же уровень северокавказского индикатора превосходит среднероссийский почти в два раза.

Важнейшим индикатором основных фондов, а стало быть, и функционирования капитала, является степень изношенности. Согласно официальным данным и нашим расчетам степень изношенности ОПФ сельского хозяйства на Северном Кавказе оказывается выше, чем в среднем по России.

Таким образом, обобщая статистику можно констатировать, что, несмотря на снижение, степень изношенности ОПФ в сельском хозяйстве Серного Кавказа остается весьма высокой. Причем за последние годы она растет.

В связи с состоянием основных фондов важным вопросом становится степень их годности, т.е. доля полностью изношенных ОПФ. Наши расчеты показали, что удельный вес полностью изношенных основных фондов в сельском хозяйстве Северного Кавказа, во-первых, выше, чем в среднем по России, во-вторых, остается достаточно высоким, и, в-третьих, сокращается незначительно.

Главным основным источником развития основных фондов сельского хозяйства являются инвестиции. Инвестиции выполняют две основных функции в основных фондах: с одной стороны, осуществляют восстановление выбывающих, с другой стороны, наращивают их объем за счет новых средств.

По инвестициям различными авторами[1] издавна высказано большое количество определений, и показать весь спектр такого понимания в исторической перспективе занятие энциклопедического, не аналитического характера. Поэтому мы ограничимся наиболее распространенным пониманием.

По данным официальной статистики объем инвестиций в основной капитал сельского хозяйства Северного Кавказа за период 2005–2017 гг. вырос более чем в 4,5 раза. Таким образом, можно говорить о своеобразном ускорении роста объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства Северного Кавказа. Однако наряду с описанной тенденцией просматриваются еще две особенности в динамике инвестиций в сельское хозяйство Северного Кавказа. Первая – рост доли инвестиций в сельское хозяйство Кавказа в общем объеме инвестиций в сельское хозяйство России. Вторая особенность – доля инвестиций в основной капитал сельского хозяйства в общем объеме инвестиций по экономике на Северном Кавказе оказывается выше, чем в целом по России примерно в два и более раз. Правда, она не имеет устойчивого характера. Но в целом оказывается выше, чем в среднем по России. Объясняется такое положение, на наш взгляд, местом и ролью сельского хозяйства.

Другим важным ресурсом развития сельского хозяйства является сельское население, которое предстает в двух своеобразных ипостасях – как потребитель продукции сельского хозяйства и как поставщик рабочих рук. Мировая практика показывает, что как потребитель сельскохозяйственной продукции сельское население значительно уступает городскому, т.к. использует механизм самообеспечения. Но это вовсе не означает, что его можно игнорировать.

Если сопоставить динамику сельского населения Северного Кавказа и России, то оказывается, что, во-первых, доля сельского населения на Северном Кавказе (в среднем за период 1990–2017 гг. составляла 49,1%) выше почти в два раза, чем в целом по России (только 26,2%), во-вторых, численность сельского населения в 2017 г. по сравнению с 1990 г. на Северном Кавказе выросла почти на 27%, тогда как в целом по России она снизилась на 3,2%; (таким образом, общий прирост сельского населения на Севером Кавказе составил за период 1990–2017 гг. свыше 1,6 млн. чел., тогда как в России в целом сокращение составило более 1,2 млн. чел.); в-третьих, доля сельского населения Северного Кавказа в общей численности сельского населения России растет; (за период с 1990 по 2017 гг. она выросла с 15,9% до 20,9%, т.е. на 5,0%. Что означает, что темпы роста удельного веса сельского населения Северного Кавказа в общей численности сельского населения России росли быстрее, чем росла сама численность сельского населения Северного Кавказа, 131,4% против 126,8%). Опережающий рост доли сельского населения Северного Кавказа делает Северный

[1] Федеральный Закон № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 г. // Собрание законодательства РФ. 1999; Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции. – М.: ИФРА-М, 1997; Розенберг Дж.М. Инвестиции: терминологический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997; Экономическая энциклопедия / Под ред. ак. Л.И. Абалкина. – М., 2004. – econtool.com/ekonomicheskaya-entsiklopediya-abalkin.htm; Ивасенко А.Г Инвестиции: источники и методы финансирования / А.Г. Ивасенко, Я.И. Николаева. – М.: Омега-Л, 2009. – 261 с.; Инвестиции: учебное пособие / Под ред. Е.Р. Орловой. – М.: КнорРус, 2007. – 432 с.

Кавказ своеобразным резервуаром сельского населения России со всеми вытекающими из этого последствиями, т.е. и как поставщика рабочих рук для сельского хозяйства, и как потребителя сельской экономики.

Однако если сельское население играет важную роль в развитии сельского хозяйства как поставщик рабочих рук и как его резервуар, то с точки зрения потребления его значимость определяется доходами и спросом. Потенциально спрос сельского населения может быть оценен с помощью душевых доходов. Известно, что доходы сельского населения (и в частности, денежные) исторически оказываются ниже, чем городского. То же самое и относительно трат последних, у сельского населения они и по размеру ниже и более консервативные. Причем эта особенность носит общемировой характер. В то же время доходы и расходы сельского населения именно в силу своей специфики могут оказаться дополнительным импульсом к развитию и сельского хозяйства и сельской экономики, что активно используется в условиях модернизации общества. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении выборочные данные по доходам и расходам сельского населения не могут считаться репрезентативными, но с целью оценки влияния душевых доходов на динамику макрорегионального развития нами используются общие душевые доходы населения макрорегиона. Мы признаем некоторую условность эмпирических данных, т.к. правильно было бы использовать душевые доходы и расходы исключительно сельского населения. Но, как мы уже заметили, в виду отсутствия такой информации в полноценном формате, мы используем данные по душевым доходам всего населения. При этом имея в виду, что доля сельского населения на Северном Кавказе составляет почти 50%, будем считать статистические данные вполне репрезентативными для характеристики сельского населения и его спроса.

Данные официальной статистики указывают на то, что душевые доходы населения Северного Кавказа всегда были ниже, чем в среднем по России. В 2017 г. размер душевых денежных доходов северокавказца составлял около 71% от среднероссийского, что оказывается ниже советского уровня более чем на 8%. Очевидно, что такое соотношение в уровне душевых доходов не может быть действенным фактором роста и экономики и сельского хозяйства Северного Кавказа. Одновременно, это означает, что необходимо стимулировать этот фактор. Если довести уровень душевых доходов северокавказцев хотя бы до среднероссийского, то это расширит ёмкость внутреннего рынка на Северном Кавказе почти на четверть. Но это только так называемый прямой эффект, кроме этого существует и большое количество так называемых экстернальных эффектов, которые по своему влиянию могут оказаться даже более значимыми.

Выводы и предложения

1. Сельское хозяйство и АПК Северного Кавказа располагают большим ресурсным потенциалом, являющимся к тому же наиболее конкурентоспособным с точки зрения первичных конкурентных преимуществ. Его представляют климатические и погодные условия, а также земля, рабочие руки и капитал. Это позволяет, во-первых, обеспечивать внутренние потребности как населения, так и перерабатывающих производств необходимыми сырьем и продуктами, во-вторых, обеспечить незначительное по сравнению с РФ в целом снижение производства сельскохозяйственной продукции и обеспечение его внутреннего потребления и перерабатывающие производства, обеспечить ускоренный рост, опережавший соответствующие параметры в целом по РФ. Показательно, что при этом рост макропоказателей обеспечивался за счет всех имеющихся базисных ресурсов – земли, труда и капитала. Все это в совокупности вывело сельское хозяйство и АПК Северного Кавказа в лидеры среди макрорегионов России в области производства зерна, овощей, плодов, фруктов, ягод и других сельскохозяйственных продуктов.

2. Важно указать на то, что рост объемов валовой продукции большинства сельскохозяйственной продукции на Северном Кавказе достигнут за счет рост урожайности культур и продуктивности животных и птицы. Это означает рост эффективности использования имеющегося ресурсного потенциала.

3. В то же время динамика роста основных макроэкономических показателей в сельском хозяйстве Северного Кавказа и отдельных его территорий указывает на то, что, во-первых, по многих базовым (базисным) ресурсам (в первую очередь, земли, рабочей силе) достигнут своеобразный предел. Речь идет о том, что уже не наблюдается прироста посевных площадей и рабочей силы и, напротив, происходит свертывание растущей тенденции. Во-вторых, наблюдается рост затрат на восстановление, содержание в нужной кондиции, а также развитие ресурсного потенциала для одних ресурсов (например, рабочей силы) в силу высокой миграции населения из села и ухудшившейся демографической ситуации на селе, а для других (например, земля – почвы, основные фонды) в силу высокой степени эксплуатации и высокой степени изношенности. Поэтому происходит снижение отдачи ресурсного потенциала, но главное, восстановление и содержание ресурсного потенциала требует растущих затрат. В-третьих, растущая конкуренция на внутреннем и внешних агропродовольственных рынках требует перехода от традиционном матрицы ресурсного контекста, в которой основу составляют традиционные факторы: земля-труд-капитал, к модернизированной, в основе которой лежат инновации. Все это говорит о том, что будет происходить (что уже наблюдается) снижение темпов роста и снижение объемов валовой продукции, а также отдачи ресурсов.

4. В этих условиях естественной представляется необходимость переформатирования всей существующей ресурсной матрицы сельского хозяйства и АПК Северного Кавказа. Последнее видится в следующих направлениях: а) изменение контекста в ресурсной матрице макрорегионального сельского хозяйства, предполагающего опору в ресурсном контексте не на традиционные факторы (землю, труд и традиционные средства производства), а на ресурсосберегающие аддитивные технологии, б) снижение стоимости традиционных ресурсов в стоимости единицы производимого продукта, в) создание новых цепочек ценностей за счет перехода к новым ресурсам и новой компактификации традиционных ресурсов, г) переход в торговле ресурсами и их продуктами к торговле трансакциями от ресурсов, д) расширение и углублению кооперационных связей сельского хозяйства с наукой, сферой услуг, промышленностью.

Третьякова Л.А.[1]

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: *конкурентоспособность, конкурентные преимущества, регион, экономическая система, ресурсный потенциал.*

Keywords: *competitiveness, competitive advantages, region, economic system, resource potential.*

Теоретические концепции, представленные в отечественной и зарубежной научной литературе не дают системного представления о конкурентоспособности. Это существенно затрудняет осуществление управления конкурентными преимуществами экономических систем различного уровня иерархии и сложности.

Совокупность блоков конкурентных ресурсов и преимуществ, а также наличие эффективной системы их взаимодействия образует конкурентный потенциал региона, представляющий собой сложное понятие, включающее в себя пять агрегированных характеристик, являющихся важнейшими составляющими конкурентоспособности региона и позволяющих охарактеризовать его с разных позиций: ресурсный; финансовый; экологический; организационный потенциалы и потенциал качества жизни населения.

Конкурентоспособность как экономическое явление – это сложный, многоуровневый и противоречивый процесс, содержащий как объектные, так и субъектные признаки общественных отношений. При обосновании концепции формирования конкурентоспособности необходимо выделить определенную доминанту региональной экономической системы (согласно теории экономического развития И. Шумпетера), которая обеспечит формирования максимального количества точек роста экономического развития[2]. С точки зрения такого концептуального подхода, конкурентоспособность региональной экономической системы – это динамический, непрерывный процесс формирования конкурентных преимуществ на основе развития, обновления, создания нового в структурных характеристиках ресурсного потенциала, обеспечивающий предпосылки эволюционного регионального развития.

Конкурентоспособность обладает рядом признаков: базовые − научности, экономичности, системности, релевантности, перспективности, оперативности, комфортности, контроля и ответственности; принципы обеспечения процесса − ресурсно-технического, правового, экологичности, инфраструктурного, культурного обеспечения[3].

К базовым признакам конкурентоспособности можно отнести качественные и количественные характеристики системы производственных сил и производственных отношений в регионе; наукоёмкий потенциал, определяемый степенью диффузии инноваций в деятельность регионально-отраслевых комплексов; инициативно-предпринимательский потенциала региона, характеризуемый компетентностным профилем трудового потенциала, предпринимательской активностью населения[4].

При рассмотрении процесса формирования конкурентоспособности региона необходимо учитывать гарантирующие признаки – систему стратегического планирования региона, основанную на государственно-частном партнерстве, программном и проектном управлении; использование механизмов формирования интегрированных структур и региональных кластеров; протекционизм региональных властей в обеспечении развития приоритетных отраслей; формирование институциональных условий для развития бизнеса и внутрирегиональной конкуренции, а также улучшения инвестиционного климата; реализацию в регионе социально-ориентированных проектов и программ.

Аргументировано, что методами управления формированием конкурентных преимуществ на основе ресурсного потенциала являются следующие группы: экономические, административные и программно-целевые, однотипные с методами стратегического управления, использование которых позволяет органам государственной исполнительной власти влиять на мотивацию субъектов экономического пространства региона в повышении диверсификационной активности с целью обеспечения эффективного регионального развития через формирование конкурентных преимуществ на основе рационального воспроизводства и повышения эффективности использования ресурсного потенциала (рис. 1). К гарантирующим признакам конкурентоспособности относят инфраструктурный потенциал – коммуникационно-информационная сеть, институциональные структуры управления, нормативно-регламентирующие инструменты. Системное взаимодействие базовых и гарантирующих признаков конкурентоспособности обеспечивает синерге-

[1] Третьякова Лариса Александровна – д.э.н., доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.E-mail: lora_tretyakova@mail.ru

[2] Портер М. Конкурентные преимущества. Как достичь высокого результата и обеспечить устойчивость. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – С. 435.

[3] Багунц М.Г. Конкурентоспособность региона: сущность и понятие // Молодой ученый. 2015. – № 10. – С. 502–505.

[4] Винокурова М.В. Конкурентоспособность региона: понятие и факторы развития // Модернизация экономики региона. 2013. – № 3. – С. 63.

тический эффект устойчивого развития региона, определяет возможности региональных экономических систем по формированию диверсификационных направлений.

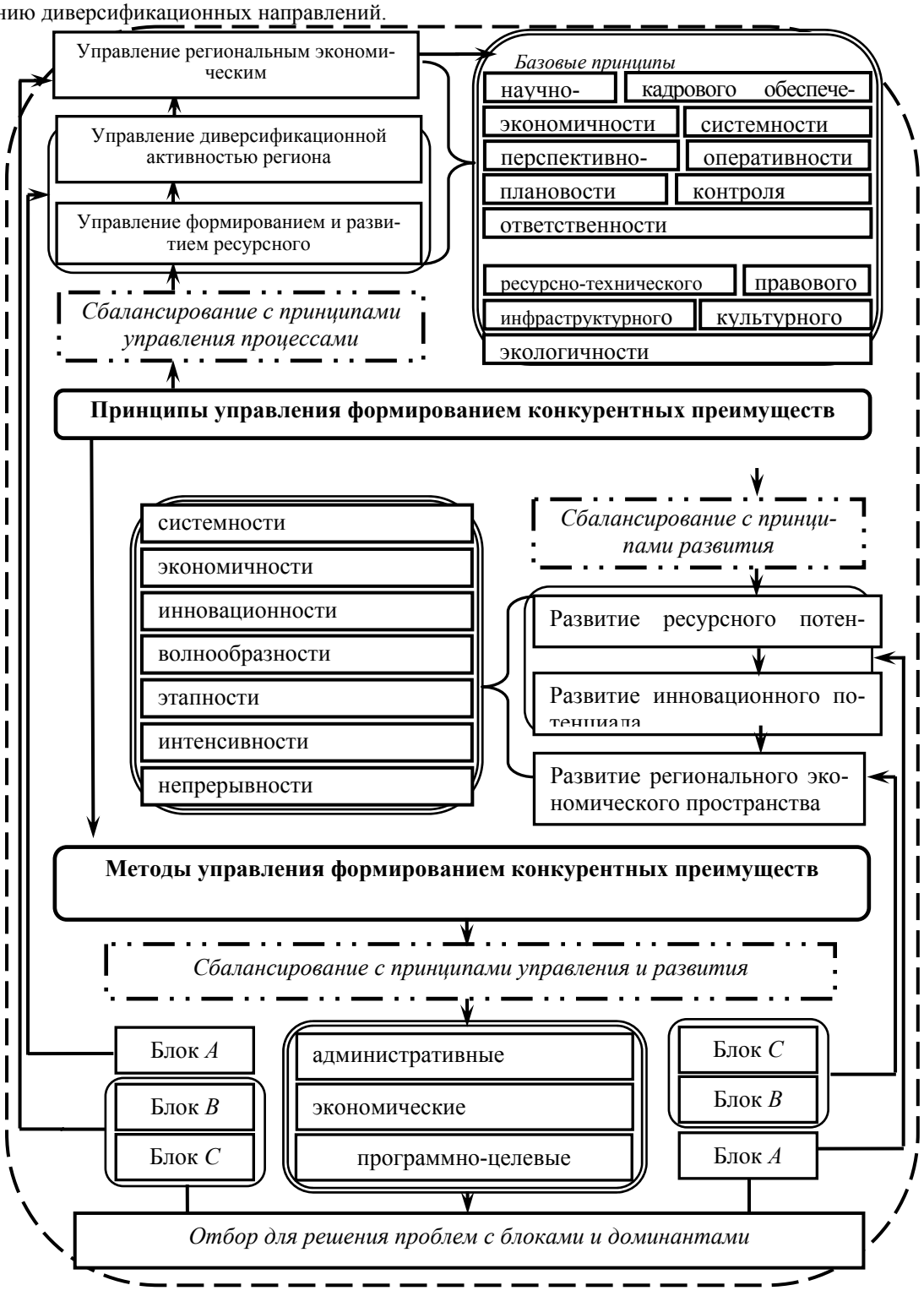

Рисунок 1.
Научный подход к обоснованию принципов и методов управления формированием конкурентоспособности региона

Процесс формирования конкурентоспособности региона подвержен факторному влиянию как внутри системы, так и с внешнего контура. Практика показывает, что в большинстве регионов РФ существует проблема низкого уровня формирования конкурентных преимуществ, что приводит к экстенсивному пути развития регионального развития. При этом определенную роль играет обострение противоречий между составляющими процесса формирования конкурентоспособности региона.

Противоречивость формирования конкурентоспособности региона обусловлена наличием сложно сочетаемых характеристик: развитие наукоёмких производств и сохранение природного биогеоценоза в формате экологической безопасности в регионе; необходимость увеличения темпов роста объемов производства в регионально-отраслевых комплексах и обеспечение комфортной социальной среды и системы жизнеобеспечения населения региона.

На основе проведенного анализа основных принципов управления формированием конкурентных преимуществ на основе ресурсного потенциала, можно сделать вывод о том, что большинство из них тесно переплетаются с рассмотренными выше задачами Программы развития конкурентоспособности региона. При этом принципы управления формированием конкурентных преимуществ: системность, экономичность, инновационность, волнообразность, этапность, интенсивность и непрерывность, где последний признан базовым. Для достижения целевых показателей реализации программных мероприятий по формированию конкурентных преимуществ на основе ресурсного потенциала необходимо применять все методы комплексно.

Для определения доминирующих мероприятий при формировании стратегии управления формированием конкурентных преимуществ на основе рационального воспроизводства и повышения эффективности использования ресурсного потенциала разработан алгоритм (рис. 2).

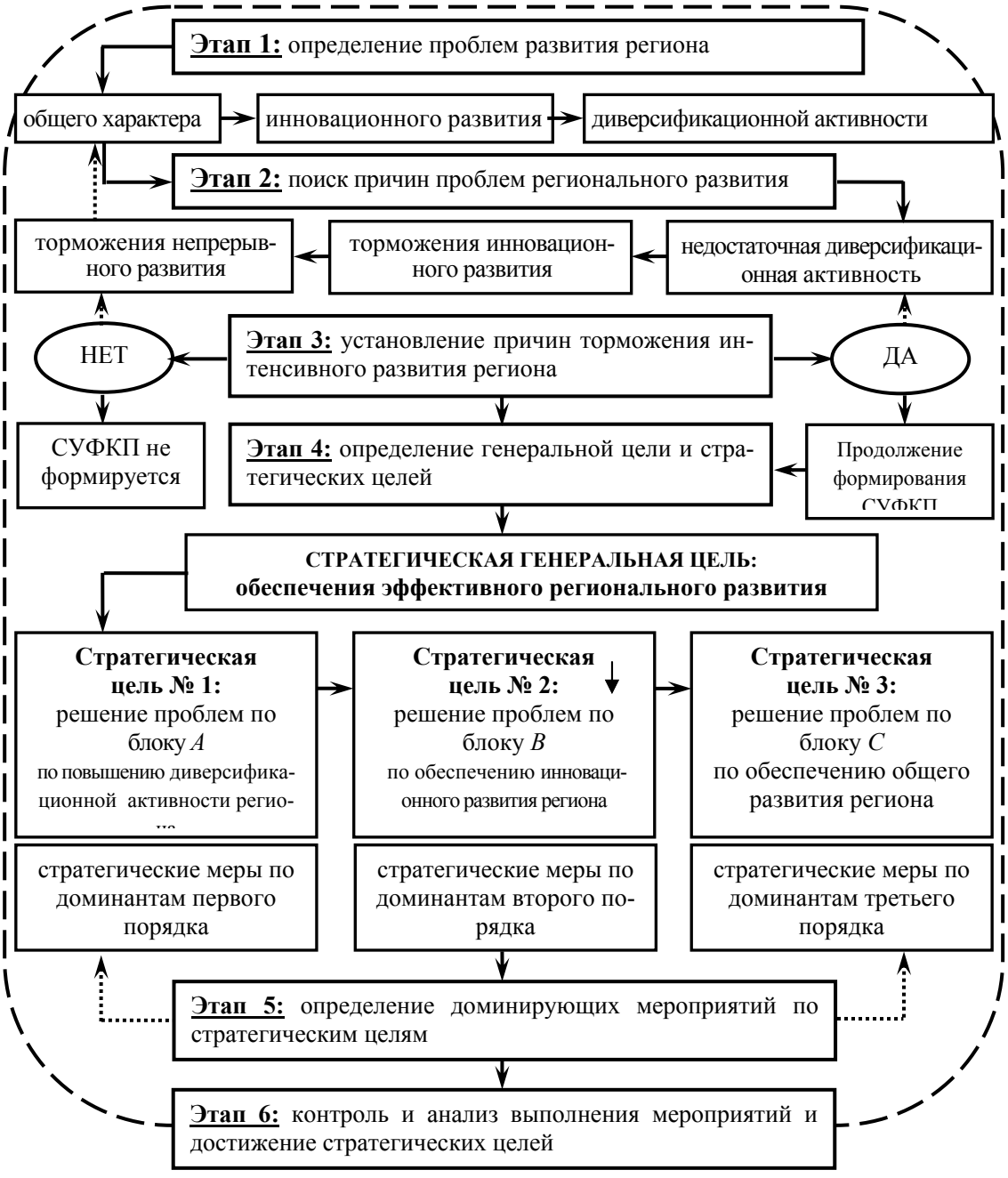

Рисунок 2.
Алгоритм формирования стратегии управления формированием конкурентных преимуществ

Разработанный алгоритм основывается на установлении главной причины торможения непрерывного регионального развития, обусловленной недостаточной инновационностью участников регионального экономического пространства и, в результате, низкой диверсификационной активностью в регионе, что вызывает необходимость определения генеральной и стратегических целей, среди которых ключевой является решение проблем по блокам повышения диверсификационной активности региона и по обеспечению инновационного развития региона.

В контексте достижения стратегической цели развития региона – обеспечения эффективного регионального развития через формирование конкурентных преимуществ на основе рационального воспроизводства и повышения

эффективности использования ресурсного потенциала особое внимание необходимо уделять развитию блока В (обеспечению инновационного развития региона) , что обеспечит достижение целевых индикаторов по блоку А (по повышению диверсификационной активности региона) и блоку С (по обеспечению общего развития региона).

Поступательно-динамичное инновационное развитие региона возможно обеспечить через реализацию механизма развития инновационного потенциала региона (рис. 3), базисной составляющей которого являются потребности участников экономического пространства региона и методы побуждения их к внедрению инноваций.

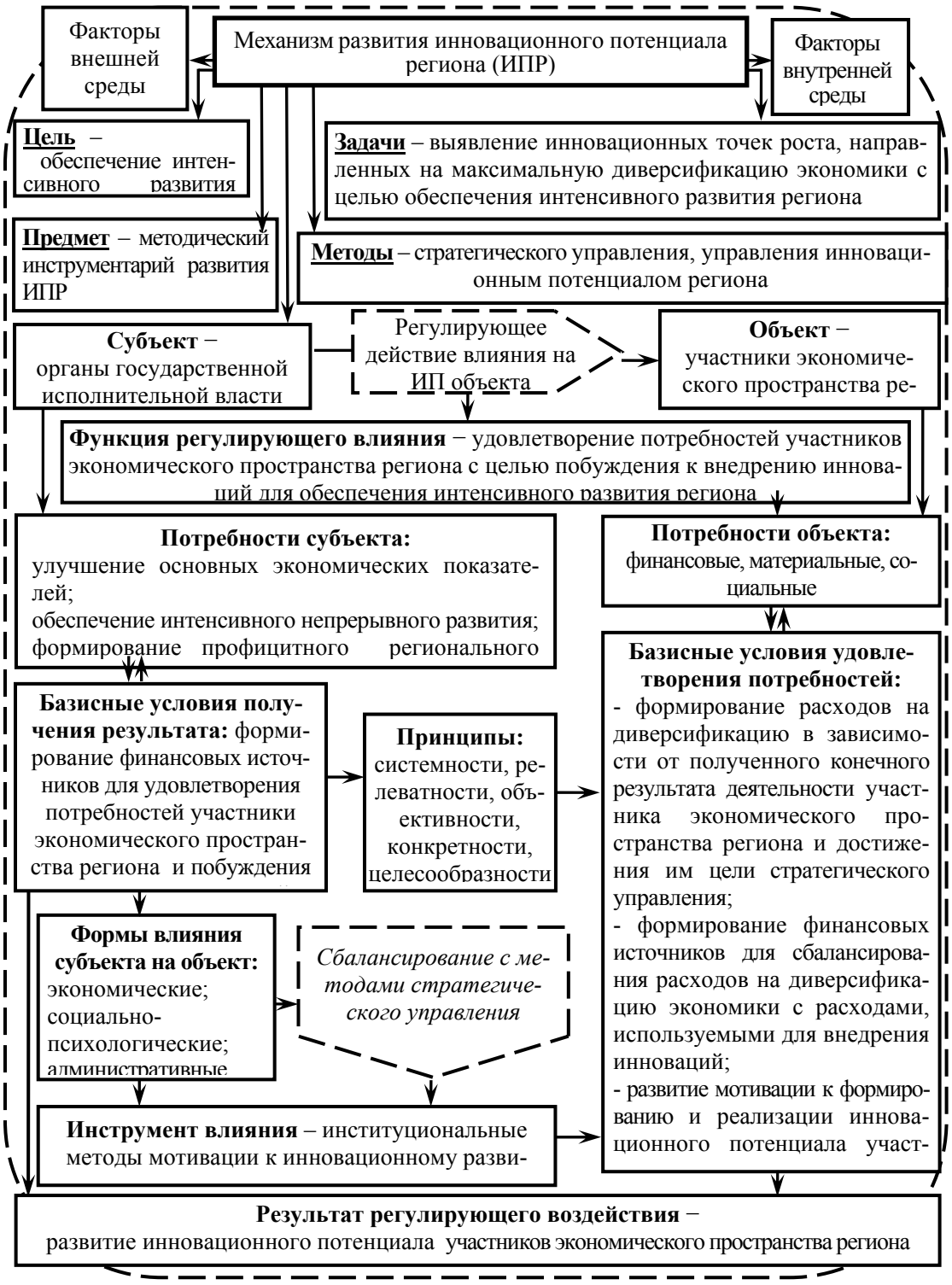

Рисунок 3.
Механизм развития инновационного потенциала региона

Комплексное использование последних предоставляет возможность достижения цели стратегического управления регионом одновременно на основе отобранных доминант.

Главным фактором, позволяющим достичь этой цели, является обеспечение зависимости между конечным результатом деятельности участника экономического пространства региона и уровнем участия регионального бюджета в финансировании расходов, используемых для внедрения инноваций.

С целью определения структуры механизма развития инновационного потенциала региона, необходимо усовершенствование структуры потребностей участников экономического пространства региона с целью побуждения к внедрению инноваций для обеспечения интенсивного развития региона[1]. С учетом необходимости формирования финансовых источников для удовлетворения потребностей участники экономического пространства региона и побуждения к внедрению инноваций обоснованы принципы развития инновационного потенциала региона – системности, релевантности, объективности, конкретности, целесообразности. При этом с учетом Программы развития конкурентоспособности региона, принцип релевантности является главным, поскольку его использование позволяет установить соответствие целей Программы решаемым проблемам и окружающим условиям: оценка по критерию релевантности – это оценка качества разработки и подготовки Программы.

Внедрение разработанного механизма развития инновационного потенциала региона обеспечивает решение проблем функционирования региональной экономической системы в стратегической перспективе, позволяет определить те из них, на которых должно концентрироваться внимание в рамках реализации стратегии управления формированием конкурентных преимуществ. Формирование и дальнейшее развитие конкурентных преимуществ определяет темпы экономического роста, эффективность использования ресурсного потенциала региона и повышение уровня благосостояния населения отдельных региональных систем. Проблематика роста конкурентоспособности регионов актуализируется в условиях нарастания процессов глобализации и локализации и является одной из самых значимых виду того, что положительные изменения в динамике развития регионов служат базисом обеспечения стабильности и целостности экономической и социальной систем страны в целом. В этой связи к одному из перспективных направлений развития методологической основы принятия организационно-управленческих решений в контексте формирования конкурентоспособности региона следует отнести комплексное изучение всех условий формирования конкурентных преимуществ как специфического явления, являющегося результатом их синергетического влияния.

В целом в рамках концептуального подхода, можно утверждать, что обеспечение эффективного регионального развития через формирование конкурентных преимуществ определяется интенсивностью процесса рационального воспроизводства и повышения эффективности использования ресурсного потенциала, что является приоритетной задачей региональных органов государственной исполнительной власти различных уровней, решение которой ориентировано на обеспечение стабильного экономического роста субъектов РФ.

[1] Королёв В.И., Дикуль Е.В. Трансформация конкурентного поведения фирм в современных условиях // Менеджмент в России и за рубежом. 2019. – № 1.

Фурман Е.Н.
старший преподаватель Курской академии государственной и муниципальной службы
Молчанова Н.П.
д.э.н., профессор, Финансовый университет

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КАК ФАКТОР РОСТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *кадры государственной и муниципальной службы, формирование резерва, финансовое обеспечение, особенности пространственного развития, подготовка и повышение квалификации, мотивация.*

Концептуальное обоснование возможных направлений формирования кадрового потенциала является актуальным вопросом в управлении муниципальными образованиями. Формирование управленческих кадров и резерва компетентных специалистов становится более эффективным при использовании социальных технологий. Анализ состояния кадрового потенциала органов местного самоуправления на основе результатов статистических и социологических исследований позволяет более предметно обосновать объем и структуру формируемого резерва управленческих кадров муниципальных образований.

Органы местного самоуправления выполняют функции координаторов при решении важных вопросов жизнедеятельности городских и сельских территорий муниципальных образований. Проблемы повышения эффективности работы муниципальных служащих рассматриваются в работах многих отечественных исследователей. Результаты этой деятельности объективно увязываются с качеством кадрового состава органов местного самоуправления. Для анализа существующей практики подготовки кадров применяются технологии инновационного характера. Актуальными становятся вопросы формирования кадрового резерва для обеспечения потребностей органов муниципального управления. Необходимо обеспечить отбор претендентов для подготовки компетентных и квалифицированных специалистов, способных на высоком профессиональном уровне осуществлять функции по управлению муниципальными образованиями.

Подготовка государственных и муниципальных служащих для работы в администрациях публично-правовых образований приобретает высокую общественную значимость. Деятельность специалистов-управленцев важна по многим причинам. Немаловажную роль играет умение принимать нестандартные решения, работать с источниками информации, отчетными и плановыми документами. В современных экономических условиях периодически возникают различного рода риски, в том числе и финансовые. Особенности их проявления в публично-правовых образованиях обусловлены разными факторами, например, цикличностью развития экономики, колебаниями рыночной конъюнктуры, проводимой экономической политикой и деятельностью хозяйствующих субъектов. Это подтверждают результаты исследований: «Возможности реализации финансовой политики, а точнее ее составных для Российской Федерации и для субъектов РФ, и тем более для муниципальных образований различны, поскольку доступ к использованию фискальных и монетарных инструментов различен. Поэтому финансовые риски имеют разную степень влияния и на финансовую деятельность публично-правовых образований» [3, с. 567]. Специфика этой деятельности связана как с формированием средств (доходов и накоплений) экономических субъектов, так и с их расходованием. В конечном счете, совокупность разных причин влияет на возникновение финансового риска и состав его компонентов.

Систематические риски в равной мере отражаются на деятельности всех экономических субъектов; несистематические обусловлены качеством менеджмента, и это позволяет предметно их классифицировать. Если рассматривать несистематические риски применительно к публично-правовым образованиям муниципального уровня, то они преимущественно связаны с формированием и исполнением местных бюджетов. Следует отметить: по причине концентрации доходов на федеральном уровне и систематические, и несистематические риски возникают на различных уровнях бюджетной системы. Это является следствием перераспределения средств в виде межбюджетных трансфертов между субъектами РФ и муниципальными образованиями. Проявляются несистематические риски в процессе планирования и использования средств местных бюджетов. Поэтому в число задач, которые входят в круг деятельности местных администраций, относится и работа по целенаправленному снижению различного рода рисков.

Активная деятельность по формированию резерва управленческих кадров началась в России во второй половине 2000-х годов. Эта работа осуществляется в целях подъема на качественно новый уровень гражданской службы и задействования потенциала квалифицированных кадров. Изучение разнообразных вопросов подготовки кадров государственных и муниципальных служащих проводится различными научными организациями. Например, социологические исследования по данной проблематике периодически проводятся научными подразделениями Российской академии народного хозяйства и государственной службы [см., например, 1]. Ежегодно по инициативе автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей» проводится Всероссийский конкурс управленцев «Лидеры России». В субъектах Российской Федерации аналогичные проекты осуществляются для привлечения высокопро-

фессионального поколения менеджеров в региональные органы власти и обеспечения механизма карьерного роста государственных служащих. Определенные успехи достигнуты, однако повсеместно на уровне муниципальных районов эту задачу еще предстоит решить. От правильной постановки работы с резервом управленческих кадров зависит, какие специалисты придут в низовые звенья системы органов публичной власти.

Вопросы подготовки профессиональных кадров муниципальных служащих и особенно кадрового резерва находятся в предметном поле региональной экономики и территориального управления. Основными критериями для оценки уровня подготовленности лиц, претендующих на включение в резерв управленческих кадров, являются профессионализм и компетентность. Применительно к данному аспекту компетентность рекомендуется понимать как «единство знаний, стремлений, способностей, навыков, личностных и профессиональных качеств резервиста, необходимых для качественного и эффективного исполнения обязанностей в рамках должностного функционала» [4, с. 34].

Сложность формирования резерва управленческих кадров для работы на муниципальном уровне в определенной мере обусловлена незавершённостью разрабатываемых вопросов как организационного, так и методологического характера. В частности, недостаточно проработаны механизмы управления преемственностью руководящего звена муниципального района. Существуют противоречия между объективной потребностью в привлечении высококвалифицированных специалистов в систему муниципального управления и применяемой социальной технологией формирования резерва управленческих кадров на основе компетентностного подхода.

По результатам выполненного исследования нами сформулировано понимание резерва управленческих кадров муниципального района как сформировавшейся группы специалистов из лиц, проживающих на данной территории или аффилированных с ней и имеющих опыт работы, положительно оцениваемых по результатам предыдущей деятельности, обладающих необходимыми компетенциями, способных в настоящий момент или после определенной переподготовки занимать соответствующие руководящие должности в органах местного самоуправления.

Сам процесс формирования резерва управленческих кадров муниципального образования рассматривается нами как последовательность стадий (этапов), включающих: выявление, отбор, оценку и подготовку кадров в целях оперативного замещения должностей в органах местного самоуправления. Он может осуществляться наиболее эффективно на базе компетентностного подхода. При этом используется методология, которая обеспечивает воспроизводство стабильного, высокопрофессионального руководящего звена для работ в органах местного самоуправления. Одним из путей отражения конкретных компетенций, используемых при отборе претендентов в резерв управленческих кадров, является построение модели компетенций с учетом взаимного согласования требований со стороны органов государственного (федерального и регионального) управления, населения, гражданского общества, бизнес-структур.

Систему методологически и методически обеспеченных средств (методов), последовательно и целенаправленно применяемых в практике решения проблем кадрового обеспечения на муниципальном уровне управления, следует рассматривать как социальную технологию. Данный подход, используемый для формирования резерва управленческих кадров для работы в муниципальных образованиях, обладает разнообразными свойствами социальных технологий – способами верификации методологических подходов, комплексностью технологических процедур, системностью их реализации в отношении объектов воздействия (кандидатов в резерв), специально подготовленными субъектами воздействия (например, руководителями и специалистами кадровых подразделений).

Социальная технология формирования резерва управленческих кадров на муниципальном уровне может быть сформулирована как комплексный системно-организованный процесс выявления, оценки, отбора кадров на основе модели компетенций, осуществляемый руководителями и специалистами кадровых подразделений, в целях своевременного удовлетворения потребностей муниципальных образований в квалифицированных специалистах.

Информационной основой формирования резерва управленческих кадров муниципальных районов служит выполненный на материалах Центрального федерального округа (в том числе и Курской области) анализ состояния кадрового потенциала органов местного самоуправления Российской Федерации [5]. По результатам исследования выявлены: высокий средний возраст сотрудников, отражающий слабый приток молодых специалистов в местные органы власти; гендерная асимметрия в пользу мужчин при переходе к высшим и главным должностям муниципальной службы; несоответствие образовательного уровня муниципальных служащих требованиям современной системы управления. Все вышеперечисленное снижает совокупную способность муниципальных служащих к эффективному исполнению должностных обязанностей и требует необходимости привлечения в резерв управленческих кадров представителей местного сообщества, удовлетворяющих требованиям системы современного муниципального управления.

До настоящего времени в работе с кадровым резервом муниципальных служащих наблюдаются определенные проблемы, на которые следовало бы обратить внимание правомочным органам. Прежде всего, следует указать на превалирование формального подхода, который сохраняется в работе с резервом управленческих кадров и не всегда предполагает разностороннюю оценку компетентности кандидатов. Далее, можно отметить отсутствие гарантий замещения должности в системе местного самоуправления даже при успешном преодолении конкурсных испытаний. Помимо этого, нужно принимать во внимание состояние нормативной правовой базы, которая регулирует данную сферу правоотношений: например, для резерва управленческих кадров не предусматривается карьерных «социальных лифтов».

В этой связи все большее значение приобретает социальная база, которая служит источником формирования резерва управленческих кадров городских и сельских муниципальных поселений. Нами установлено, что социальной базой резерва управленческих кадров органов местного самоуправления является совокупность лиц, проживающих на территории района или аффилированных с ним, имеющих возможность влиять на жизнедеятельность местного сообщества и подготовленных к занятию руководящих должностей. Понимание того, насколько местное сообщество осоз-

нает свою общность, общий интерес, цели, для достижения которых оно способно делегировать специалистов в руководящее звено муниципального района, характеризует развитость этой социальной базы.

Заключение. При переходе на качественно более высокий уровень работы муниципальных служб необходимо использовать как системный, так и институциональный подходы. Оба названные подхода рекомендуется применять к обоснованию не только возможных форм подготовки специалистов, но также вопросов формирования, оценки и эффективного использования резерва кадров для работы в муниципальных органах управления. «Основой кадровой работы являются традиции, система правил, процедур, комплекс мероприятий, связанных с подбором и расстановкой кадров, их подготовкой и переподготовкой, мотивацией и продвижением по карьерной лестнице и т.д.» [2, с. 9].

Востребованность такого понимания проблемы продиктована многокомпонентным характером политики формирования кадрового резерва, ее неразрывной связью с кадровой политикой государства. С позиций системного подхода предпочтительно анализировать особенности местного самоуправления как особый элемент государственного устройства и одновременно – как относительно автономное системное образование. Институциональный подход даёт возможность рассматривать формирование резерва кадров как совокупность формально-юридических норм, регулирующих отношения и организацию работы в структуре муниципальной службы.

Как представляется, создание системы формирования муниципального резерва управленческих кадров является одним из средств преодоления нехватки профессионально подготовленных специалистов для замещения руководящих должностей муниципальной службы. Возможности для реализации такого видения проблемы складываются при разработке социальной технологии, которая предполагает оценку кандидатов и базируется на компетентностном подходе. Для каждой группы должностей разрабатываются адекватные функциональным обязанностям модели компетенций.

В изучении конкретных экономических и социальных проблем, характерных для муниципального уровня, целесообразно применять не только официальные статистические материалы, но и прикладные методы социологических исследований, различные технологии и процедуры обработки и анализа эмпирических данных.

Применение социальной технологии формирования резерва управленческих кадров на основе оценки и отбора претендентов на замещение руководящих должностей призвано способствовать дальнейшей профессионализации и повышению уровня компетентности муниципальных служащих. Активное применение компетентностного подхода при формировании кадрового резерва дает возможность привлечь в органы местного самоуправления высокопрофессиональных руководителей и специалистов.

Результаты работы органов государственного и муниципального управления определяются влиянием многих факторов. В их числе кадровому потенциалу принадлежит ведущая роль. Среди различных аспектов управленческой деятельности выделяется комплекс вопросов по формированию резерва кадров муниципальных образований. Необходимо совершенствовать подходы к созданию контингента резервистов, разнообразить применяемые социальные технологии.

Список литературы

1. Аналитические обзоры Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2015. – № 3. – 58 с.
2. Грищук В.А. Влияние кадровой политики на стратегическое управление муниципальной службой // Общество, экономика, управление. 2019. – Т. 4, № 2. – С. 7–15.
3. Сабитова Н.М. Финансовые риски и финансовая деятельность публично-правовых образований // Финансы и кредит. – М., 2018. – Т. 24, № 3. – С. 565–578.
4. Фурман Е.Н. Компетентность представителей управленческого резерва субъекта РФ: к определению понятия // Теория и практика общественного развития. 2018. – № 11 (129). – С. 32–35.
5. Фурман Е.Н., Молчанова Н.П. Муниципальный уровень управления: особенности работы с кадрами // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики: материалы IX Международной научно-практической конференции. 13 апреля 2020 г. / Отв. ред. А.А. Бурмистрова [и др.]; М-во науки и высшего обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. – С. 513–524.

Хохлова Л.И.,
Паутова Е.П.[1]

ДИНАМИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Ключевые слова: *динамическая архитектура, факторы формирования динамической архитектуры, динамические фасады.*

Keywords: *dynamic architecture, factors of dynamic architecture formation, dynamic facades.*

Современный этап развития общества отличается динамизмом во всех сферах. Динамические решения появились и в архитектуре, конструкциях зданий и сооружений. Динамическая архитектура – это одна из важнейших областей творческой и созидательной деятельности архитектора.

Научно-практические основы динамической архитектуры на современном этапе ее развития в нашей стране разрабатывались Вечкасовой Е.Н. и Лапшиной Е.Г.[2], Демидовой Л.М. и Пименовой Е.В.[3], Кудряшовой О.С. и Юдиной Н.В.[4], Мусиной И.А[5], Радионовым Т.В.[6] и другими.

Содержание понятия «динамическая архитектура» и факторы ее формирования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Характеристики и факторы формирования динамической архитектуры

№ п/п	ФИО автора понятия	Элементы понятия «динамическая архитектура»	Факторы формирования
1	Лапшина Е.Г. Вечкасова Е.Н.	– динамичность визуального образа зданий и сооружений, – трансформация, подвижность самой архитектурной формы, – изменение объема до подвижности его конструктивных элементов, – средство художественного решения архитектурной формы	– переосмысления пространственной композиции в архитектуре, – принципы организации архитектурного пространства, – принцип движения
2	Е.В. Пименова, Л.М. Демидова	– новая «размерность» движения в пространстве и во времени, – трансформируемые архитектурные объемы, – динамика превращения или частичного преобразования конструкций	– прогресс в других сферах жизнедеятельности общества, – принцип экологизации и устойчивого развития общества, – решение актуальных задач повседневной жизнедеятельности, – формирование уникальных эстетичных и эргономичных форм и внутренних пространств
3	Лихая Д. А.	– по-новому использовать привычные формы архи-	– снижение энергопотребления,

[1] Хохлова Лина Ильинична – к.т.н., доцент кафедры строительства, Государственный университет по землеустройству. Профессиональные интересы: архитектура, строительство, строительные конструкции и материалы. Приоритетные тематические направления организации: управление земельными ресурсами, формирование кадастра недвижимости, архитектура и развитие территорий. E-mail: lina0181@mail.ru.

Паутова Екатерина Павловна – студент 3 курса очной формы обучения по направлению «Архитектура», Государственный университет по землеустройству. Профессиональные интересы: архитектура, средовая психология, экономика труда. E-mail: pautova.caterina@gmail.com

[2] Лапшина Е.Г. Пространственная композиция и современная динамическая архитектура / Е.Г. Лапшина, Е.Н. Вечкасова // Architecture and Modern Information Technologies. 2019. – № 2 (47). – С. 359–371. – https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/PDF/24_lapshina.pdf

[3] Пименова Е.В., Демидова Л.М. Динамическая архитектура: трансформация фасадов общественных зданий // Инженерный вестник Дона. 2017. – № 1. – https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29751850

[4] Кудряшова О.С., Юдина Н.В. Динамические фасады в современной архитектуре // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ Материалы международной научно-практической конференции. Сборник статей. 2018. – https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36823029

[5] Лапшина Е.Г. Динамо-форма башни Татлина и ее роль в современной динамической архитектуре: моногр. / Е.Г.Лапшина, И.А.Мусина. – Пенза: ПГУАС, 2015. – 60 с.

[6] Радионов Т.В. Научно-методологические направления развития динамической архитектуры зданий при комплексной реконструкции // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. 2018. – № 2. – https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36350609

		тектурной среды, – добавление фасадам эстетической стороны, – динамическая система	– снижение нагрузки на систему кондиционирования, – создание более здорового микроклимата
4	Кудряшова О.С., Юдина Н.В.	– преобразование внешнего и внутреннего облика сооружения, – подвижная система трансформируемых частей здания, – приспособление к условиям среды	– тенденции глобализации, – универсальность использования средств формообразования, – минимальное воздействие на окружающую среду
5	Радионов Т.В.	– изменения формы, – преобразования пространства, – изменение функционально-планировочной структуры	– изменчивость архитектурной формы, – преобразование части городской среды

Источник: составлено авторами.

С помощью новых технологий, направленных на повышение комфорта среды и жизнедеятельности человека, архитектор задает ритм его пространства в разных сферах жизни[1].

Создание среды (атмосферы), в которой будет жить человек, является главной задачей для архитектора. Все создаваемое им должно находиться в гармонии с окружающей средой, работать на человека, сохраняя его физическое и эмоциональное здоровье. Поэтому архитекторы как и врачи отвечают за жизнь человека. В частности, комфортная среда для детей – это среда сложная по цвету, безопасная, способствующая играм; комфортная среда для подростков – это функционально разнообразная среда, с наличием мест для общения и приложения интересов. Для престарелых – это среда, учитывающая особенности передвижения маломобильных групп населения, наличие мест отдыха и зеленых зон.

Архитектура должна решать три важнейших задачи: прочность, польза, красота. И сейчас с развитием технологий стало возможно современное решение этих задач[2]. Одним из таких решений стали динамические фасады. Их используют, например, для динамической солнцезащиты, которая очень актуальна для жарких стран. Используемые в этих целях технологии обеспечивают как полную изоляцию зоны, куда попадают прямые солнечные лучи, так и возможность выборочной блокировки определенных зон, то есть, временного изменения настроек солнцезащиты в соответствии с личными потребностями людей в здании. Такие решения фасадов делают их адаптированными под разные условия[3] городской среды.

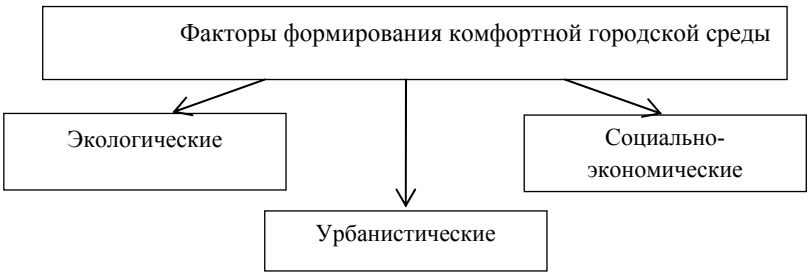

Рисунок 1.
Группы факторов формирования комфортной городской среды

Использование динамических фасадов решает не только практические, но и эстетические задачи. Благодаря таким фасадам можно создавать интересные арт-объекты даже на основе простой парковки.

Динамические фасады – это новый шаг в развитии архитектуры, так как такие фасады современны, практичны, легко вписываются в любую среду, кроме того, они энергосберегающие. Здания с динамическими панелями являются адаптивными, т.е. способными подстраиваться под окружение и условия среды, меняя свой облик в зависимости от перемещения солнца и от температуры в помещении.

Следовательно, преимущество таких фасадов заключается в том, что в помещении будет достаточная освещенность и комфортная температура воздуха, при одновременной экономии электроэнергии. Кроме того, каждое здание будет выглядеть уникальным, не типовым, что будет подчеркивать его индивидуальность и современность. Отметим также, что все механизмы монтажа панелей автоматизированы.

Также такие фасадные панели можно применять не только на зданиях, но и использовать как новый арт-объект, который будет защищать от солнца и создавать тень там, где это необходимо.

Примеры успешного применения таких фасадов представлены нами на рис. 2–7.

[1] Угрюмова А.А., Паутова Л.Е., Паутова Е.П. Комфортность как фактор устойчивого развития городской среды // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 1. – С. 245–251; Хохлова Л.И., Паутова Е.П., Володина М.А. Архитектурная комфортность // Сборник материалов научно-практической конференции «Недра Калмыкии уникальны и интересны» / Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова. 2019.

[2] Хохлова Л.И., Паутова Е.П., Володина М.А. Архитектурная комфортность // Сборник материалов научно-практической конференции «Недра Калмыкии уникальны и интересны» / Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова. 2019.

[3] Динамическая солнцезащита. – https://www.somfy.ru/projects/why-dynamic-solar-shading/smart-solar-shading

Рисунок 2.
Кампус университета в г. Кольдинг

Рисунок 3.
Элемент фасада кампуса университета в г. Кольдинг

Фасад нового кампуса университета южной Дании в Кольдинге (рис. 2 и 3) состоит из более чем 1600 перфорированных ставень-жалюзи. Датчики на ставнях постоянно измеряют освещенность и температуру воздуха и с помощью маленького мотора автоматически меняют положение ставень обеспечивая оптимальное освещение и комфортную температура в помещении. Благодаря, своему необычному ажурному фасаду кампус привлекает внимание горожан и гостей города. Спроектировала кампус архитектурная компания «Хеннинг Ларсен».

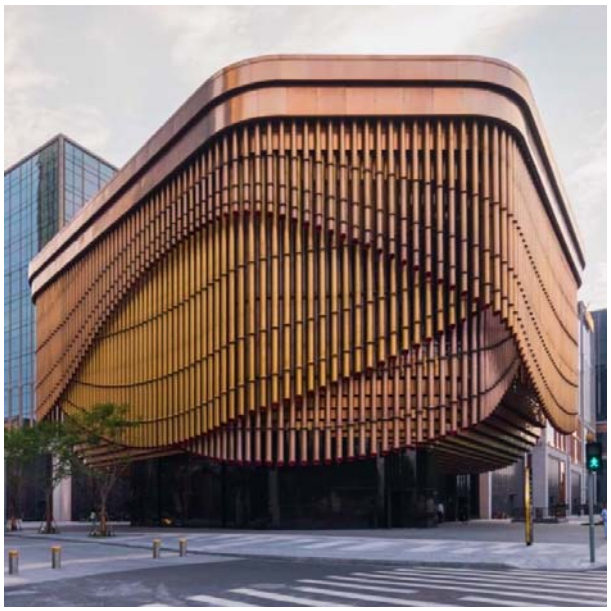

Рисунок 4.
Финансовый центр в г. Шанхай

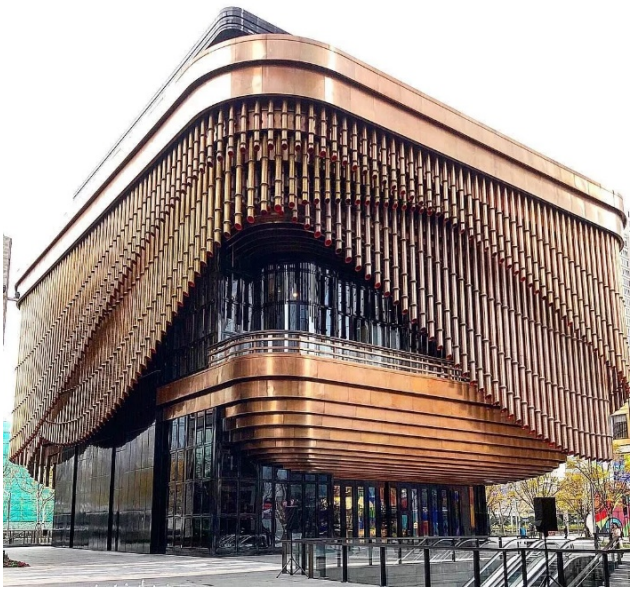

Рисунок 5.
Финансовый центр в г. Шанхай

Один из выдающихся образцов кинетического фасада разработан и реализован в Китае в центре Шанхая (рис. 4 и 5) командами известных архитекторов «Фостер и партнеры» и «Хэвервик Студио».

Центральное здание комплекса имеет кинетический фасад, меняющиеся в режиме реального времени в зависимости от функциональной необходимости. Динамический фасад здания состоит из трех слоев бронзовых труб, напоминающих бамбук. Каждый из слоев бронзовых трубок скользит по всему периметру здания, изменяя его внешний вид[1].

Фасад выглядит очень современно, при этом напоминая о традициях Китая благодаря «бамбуковым» трубкам.

Даже обычная парковка с помощью динамического фасада может быть превращена в арт-объект. На рис. 6 и 7 представлен фасад парковки аэропорта города Брисбена в Австралии. Он состоит из 250 тысяч легких перфорированных алюминиевых панелей, которые с помощью энергии ветра создают волнообразные движение на поверхности зда-

[1] Динамические фасады. – https://www.youtube.com/watch?v=yxhJbQzQlpk&feature=youtu.be

ния, напоминающие рябь на воде. Отличается этот проект большой площадью. Он был создан архитекторами из фирмы «Урбан Арт Проджектс».

Рисунок 6.
Паркинг в г. Брисбен

Рисунок 7.
Фасад парковки аэропорта г. Брисбен

К образцам кинетической архитектуры можно также отнести башни Аль-Бахар из Абу-Даби, жилой дом Шарифа Ха в Тегеране, паркинг «Май-Сентябрь» в Индианаполисе и другие. Все эти проекты объединяет адаптивность к окружающей среде, индивидуальность и энергоэффективность. За счёт того, что динамические элементы реагируют на температуру воздуха, солнечные лучи и колебания ветра, такие здания используются не только в тёплых, но и в более умеренных широтах. Ведь это позволяет реализовать приятное затемнение в солнечные часы и создавать интересное освещение там, где это необходимо[1].

Динамические фасады – это яркий пример современного сочетания в архитектурных решениях пользы, прочности и красоты. Но так как мы живем в XXI веке к этим фундаментальным характеристикам добавляется «экономичность» и «экологичность».

[1] Динамический фасад. – https://www.alpicagroup.ru/articles/dinamicheskiy-fasad/

Яковлева С.И.
д.э.н., доцент, профессор Тверского государственного университета
Sv_Yakowleva@mail.ru

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Ключевые слова: *сфера обслуживания, социальная инфраструктура, сельское расселение, трансформация и деградация сельского расселения, сжатие активно используемого пространства сельской местности, сжатие сети центров расселения, сжатие сельской сети социальной инфраструктуры.*

Keywords: *service sector, social infrastructure, rural resettlement, transformation and degradation of rural settlement, compression of heavily used rural space, compression of the network of resettlement centers, compression of the rural social infrastructure network.*

В данной работе представлена систематизация трансформационных понятий в системе «сельское расселение – сфера обслуживания». Взаимосвязанное развитие этих структур сельской местности продолжает оставаться актуальным вопросом теории и практики их разработки в территориальном планировании. Внедрение географических подходов и методов исследования является базовым (начальным) этапом при разработке Схем территориального планирования регионов-субъектов РФ и муниципальных районов, генеральных планов городских округов и сельских поселений.

Исследование и проектирование территориальной организации сферы обслуживания (социальной инфраструктуры) всегда проводится во взаимосвязи с территориальной организацией населения (расселением). Такой комплексный подход характерен для географии сельского расселения [2, 4, 11], в меньшей степени – для территориального планирования [7, 16]. В градостроительных документах – Схемах ТП регионов и муниципальных районов – разделы «расселение» и «сфера обслуживания» рассматриваются раздельно, часто отсутствуют ретроспективные и прогнозные сценарии развития расселения. Вероятно, это объясняет формальный подход к проектированию опорных центров сельского расселения – наиболее крупных населенных пунктов (более 200 чел.), в которых еще работают школы и детские сады (в том числе как филиалы школ), дома культуры, библиотеки. В географии такие населенные пункты с центральными функциями предложено называть «центрами расселения» [12, 13], именно они выполняют роль «организаторов пространства» [11].

Географические методы исследования позволяют достаточно объективно оценивать демографическую ситуацию, тенденции и проблемы сельского расселения, и переходить к моделированию опорных центров сельского расселения (центров расселения), в том числе опорных центров периферийного расселения для обеспечения доступности основных услуг удалённым поселениям.

Обвальная деградация сельского расселения и сельской сферы обслуживания типична для областей Нечерноземья [3]. Сельское расселение и его трансформация рассматриваются как с «традиционной расселенческой точки зрения, так и шире, с учетом изменения функций сельских поселений» [3]. Трансформация сельского расселения, в том числе деградация как системный процесс разрушения сети населённых пунктов и центров обслуживания, описывается разными понятиями (см. табл. 1). Каждое понятие помогает перейти от фактов и статистики событий к выявлению и пониманию сущности происходящих процессов в сложившейся традиционной сельской системе расселения.

Таблица 1

Трансформационные понятия сельского расселения (составлено автором)

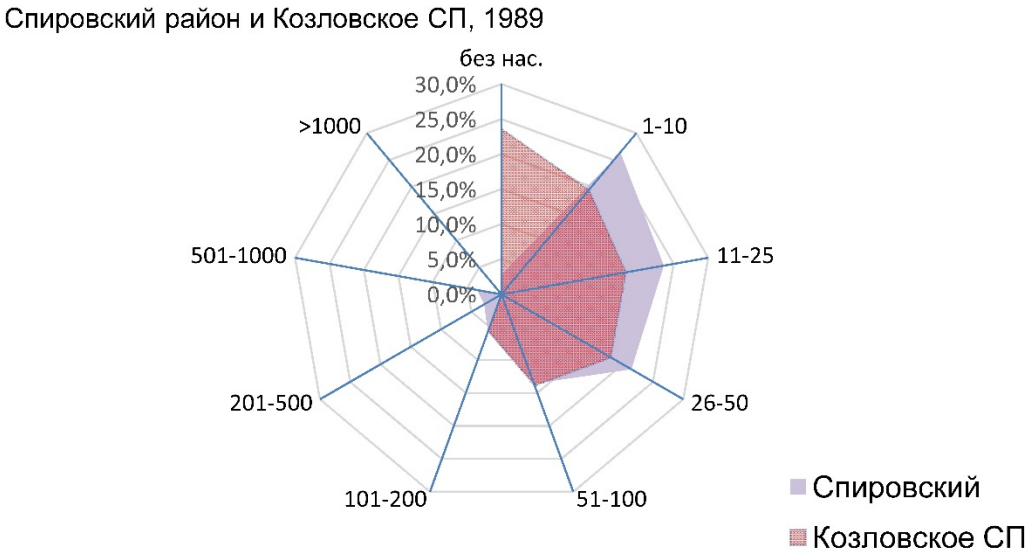
Понятия, отражающие ***разрушение*** базовых элементов сельской местности:	
1) сельской поселенческой сети (сети сельских населённых пунктов – СНП)	2) центров расселения [6] (ЦР –центров с функциями: власть, услуги, работа)
• Измельчание сети СНП [3,13]	• Свертывание сетей объектов социальной инфраструктуры [15, 17, 18], для малых поселений – только мобильные формы торгового обслуживания и почтовых услуг, скорая помощь • Упрощение функций ЦР ускоряет процесс деградации окружающих СНП [13]
• Обезлюдение: образование пустующих пунктов и пустошей [15, 13, 10]	
• Разрежение сети СНП [13]	
• Истончение сети сельского расселения [9]	
• Рост изолированности малых СНП [15]	
• Свёртывание сети СНП (сжатие активно используемого пространства сельской местности) [13]	• Свёртывание сети ЦР (сжатие активно используемого пространства сельской местности) [13]
• Поляризация сельского расселения: концентрация постоянного населения в крупных поселениях, как правило, занимающих центральное или пригородное положение в системе расселения, и вымывание средних по численности СНП [5]	• Поляризация (сжатие) сети центров обслуживания (расселения), их концентрация только в наиболее крупных СНП

<table>
<tr><td colspan="2">Понятия, отражающие трансформацию традиционной сельской сети расселения</td></tr>
<tr><td>• Сгущение сети временного расселения [9]
• сезонно обитаемые СНП [14]
• Формирование сети расселения с пульсирующим населением в летние и зимние периоды проживания [9]</td><td>• Развёртывание сети объектов отдыха и туризма в сельской местности (отели, гостевые дома [1], курортные посёлки и др.)</td></tr>
<tr><td>• Активное расширение «загородного расселения», в том числе в краевых зонах влияния столичных агломераций (среднеудалённые и дальние дачи жителей мегаполисов) и дачного расселения в пригородах [9]</td><td rowspan="2">Создание параллельной сети услуг: формирование сети услуг при крупных (1 тыс. чел. и более) бесстатусных поселках [9]</td></tr>
<tr><td>• Активное развёртывание сети сезонных дачных поселков, зачастую, бесстатусных вне СНП (садово-дачные и коттеджные посёлки,) [9]
• Вокруг Московской агломерации и за пределами пригородных районов Санкт-Петербурга сформировано коттеджно-садовое кольцо, расползающееся на десятки и сотни километров [9]</td></tr>
<tr><td>• Включение СНП в туристско-рекреационную деятельность (как транзитные пункты на туристских маршрутах, маршрутах мотокроссов, как места размещения объектов отдыха и туризма, пунктов событийного туризма)</td><td>• Расширение объектов «социальной памяти» в этнических районах/ареалах расселения для включения в культурно-познавательный этнографический туризм (музеи крестьянского быта, деревни-музеи, вновь построенные мельницы, ремесленные производства национальной культуры)</td></tr>
<tr><td>• Тяготение элитного загородного жилья к природоохранным зонам [9]</td><td>• Расширение сети специализированных центров на ООПТ, в том числе для развития заповедного туризма [8]</td></tr>
</table>

Наш конкретный пример – Спировский район Тверской области. Глубинный район межстоличного транспортного коридора Москва – СПб., районный центр – пгт Спирово – станция Октябрьской железной дороги. Транспортный коридор (железная дорога и автомагистраль «Россия») «разрезает» лишь приграничную часть района вместе с районным центром, который сильно смещён в приграничье. В районе сохранился этнический ареал расселения тверских карел (Козловское СП). По данным переписи 1939[1] г. село Козлово было сельским центром административного района (село – 567 чел. и 14039 чел. сельского населения). Попытаемся сопоставить процессы трансформации сельского расселения района и его староосвоенного этнического ареала расселения, и выявить проблемные ареалы расселения, для которых важно сохранить основные услуги (школу и детский сад, ФАП, библиотеку и дом культуры, сеть магазинов).

1. Анализ структуры сельской ***поселенческой сети*** района и СП. Мелкоселенная сеть уже в 1989 г. отличала карельский ареал от района (асимметрия – рис. 1). В карельском ареале поселенческая сеть более разрушенная, чем в районе: в 2 раза больше пустующих деревень, всего малых и пустующих пунктов в ареале – 90%, нет крупных СНП более 500 чел., они перешли в группу больших (до 500 чел.). В 2018 г. остался только один опорный центр сельского расселения с людностью более 200 чел. (центр СП – село Козлово, 411 чел.). Процессы деградации сети: разрушение, или сжатие сети: измельчание и обезлюдение.

Для карельского ареала требуется создание дополнительных центров периферийного расселения в наиболее крупных СНП – деревнях Никулино, Ососье и Еремеевка. Только в д. Никулино продолжает работать сельскохозяйственное предприятие «Агротехкомплекс» и поэтому в деревне еще продолжает работать школа, детский сад и ДК. На 56 деревень осталось две школы – в с. Козлово и д. Никулино[2].

[1] http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_4.php

[2] Список организаций в Спировском районе. – https://www.list-org.com/list?okato=28252818

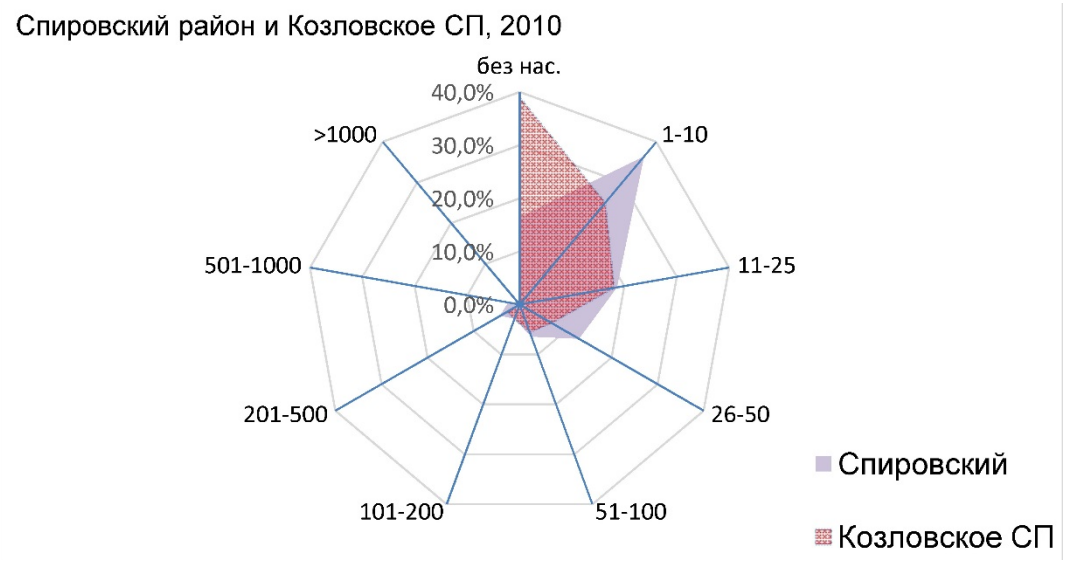

Рисунок 1.
Асимметрия сельской поселенческой сети Козловского СП (карельские деревни) в Спировском районе в 1989 и 2010 гг., %.

*Оси диаграммы – группы людности СНП, чел.

2. Анализ ***структуры сельского расселения*** – размещения населения по населённым пунктам разной людности. Их сравнение в динамике (рис. 2): переход от более равномерной структуры расселения в этническом ареале (1989) к асимметричной структуре в 2010 г. Резкий рост концентрации населения в наиболее крупных населённых пунктах (поляризация расселения): в ареале – это СНП до 500 чел. (сосредоточено 40% жителей), в районе – в СНП от 500 до 1000 чел. – 56%. В малых СНП (до 50 чел.) живёт 24% сельского населения района, в ареале – 32,5%. В карельском ареале сейчас живёт менее 1,5 тыс. чел.: депопуляция продолжается с 1950-х гг.

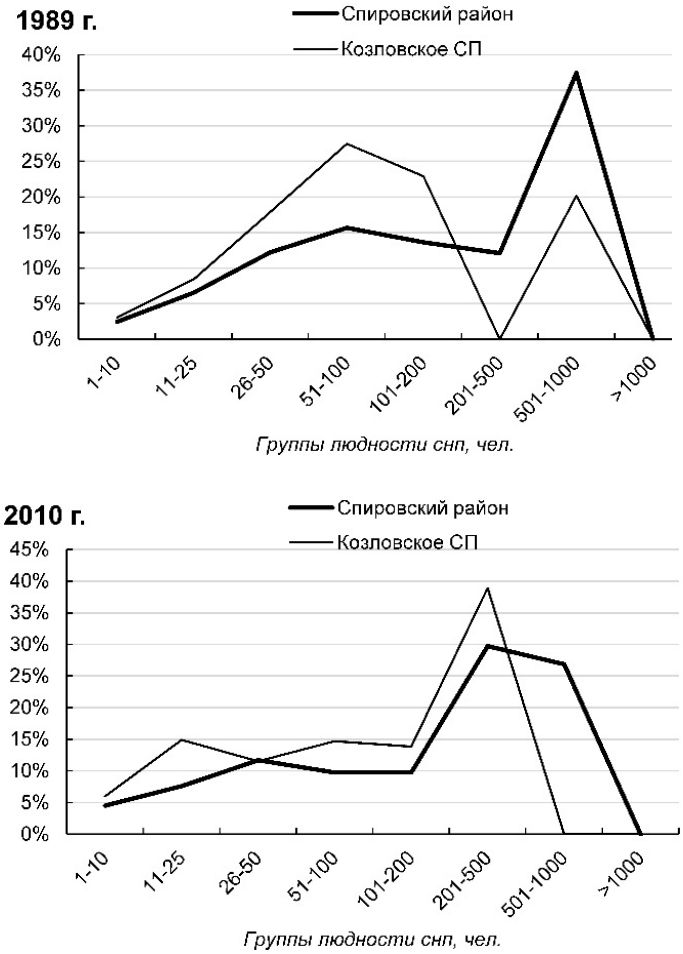

Рисунок 2.
Поляризация сельского расселения Спировского района и Козловского СП (жители карельских деревень): концентрация населения в наиболее крупных СНП в 1989 и 2010 гг., %

3. Основные ***параметры сельского расселения*** района и СП (табл. 2), которые являются доказательством выявленных процессов (пункт 1 и 2). При относительно устойчивой густоте сельского расселения произошло резкое сжатие и обезлюдение сельской поселенческой сети, существенно возросла степень измельчённости сети СНП: этнический ареал в 1959 г., имея среднюю людность выше районной (83,8 чел.), сейчас измельчал до 20,8 чел. (категория «малые»)[1]. «Обвал» сети в карельском ареале впервые за последние 60 лет произошёл в 2010–2018 гг., пустующими стали сразу 16 деревень.

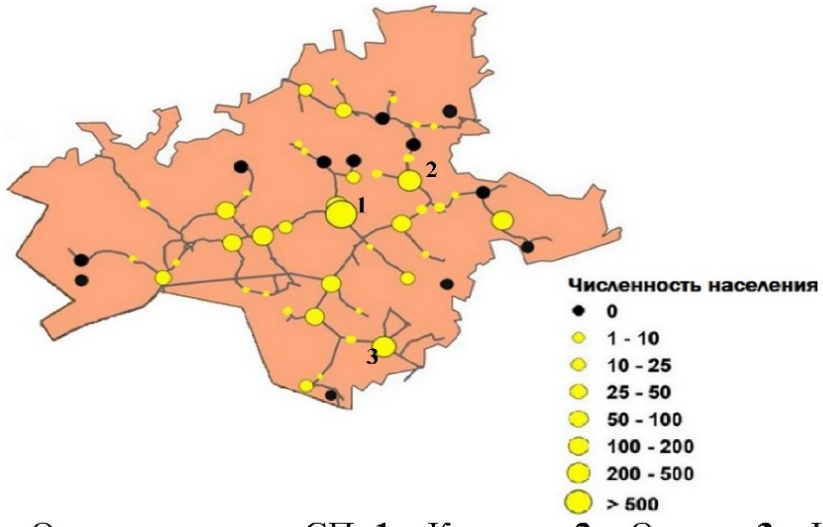
Таблица 2

Основные характеристики сельского расселения Спировского района и Козловского СП[2]

Годы	Численность сельского населения, чел.		Кол-во СНП		Плотность сельского населения, чел./км ^{2}		Густота сети СНП (на 100 км^2)		Средняя людность СНП, чел.	
	район	СП	район	СП	район	СП	район	СП	район	СП
1959	19624	6035	288	72	12,9	12,8	19,01	15,25	68,1	83,8
1970	14659	4814	179	72	9,6	10,2	11,81	15,25	81,9	66,8
1979	10525	3278	165	65	6,9	6,9	10,89	13,77	63,8	50,4
1989	8605	2705	145	72	5,7	5,7	9,57	15,25	59,3	37,5
2002	6946	2011	140	72	4,6	4,3	9,24	15,25	49,6	27,9
2010	5936	1609	140	72	3,9	3,4	9,24	15,25	42,4	22,3
2018	5345	1169	140	56	3,5	2,5	9,24	11,86	38,1	20,8

4. На карте СП (рис. 3) показаны пустующие сельские пункты: они расположены на периферии, в том числе в соседстве с мельчайшими СНП. Поселенческая сеть сжимается и «держится» за автодороги до центра – с. Козлово. Относительно крупными остались только СНП – бывшие центральные посёлки сельских округов (Козлово и рядом Еремеевка, Никулино, Ососье).

При сохранении современных тенденций процесс измельчания (сжатия) в сельском расселении Спировского района и карельского ареала продолжится. Территория и часть СНП с центром с. Козлово включены в культурно-познавательный этнографический туризм. Для самоидентификации и сохранения историко-культурного наследия – это важно: создан музей карельского быта, умельцы возродили ткацкое производство, в школах изучается карельский язык, проводятся фестивали[3] и др.

Опорные центры СП: **1** – Козлово, **2** – Ососье, **3** – Никулино

Рисунок 3.
Сельские населённые пункты и пустующие деревни Козловского СП Спировского района Тверской области в 2018 г.

В заключение подчеркнём главное: трансформация как кардинальное изменение сельского расселения отражает опасность, т.е. возникающие последствия – это риски, вызовы и угрозы. Главный «расселенческий» вызов сформулирован в Стратегии устойчивого развития сельских территорий (2015, с. 4)[4]: «В структуре сельского расселения преоб-

[1] По мнению профессора Ткаченко А.А. и др. [13, с.79], применительно к современному состоянию сельского расселения Тверской области, крупными следует считать пункты людностью более 100 чел., а малыми – до 25 чел. (мельчайшими – до 10 чел.).

[2] Табл. 2 и рис. 3 составлены Смирновой Д.С. (студент магистратуры ТвГУ).

[3] Край тверских карел. Спировский район погружает в атмосферу этноса, 25.12.2019. – https://tver.aif.ru/society/details/kray_tverskih_karel_spirovskiy_rayon_pogruzhaet_v_atmosferu_etnosa/

[4] Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение от 2 февраля 2015 года №151-р в действующей редакции. – http://government.ru/docs/16757/

Распоряжение Правительства РФ от 30 января 2018 г. № 118-р О плане мероприятий по реализации в 2018-2020 гг. Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. 8 февраля 2018. – https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71770660/%; http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf

ладают малочисленные сельские населенные пункты. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, из 153 тыс. сельских населенных пунктов 12 процентов не имеют постоянного населения, а две трети – имеют население менее 200 человек. Сельские населенные пункты с численностью жителей более 2 тысяч составляют около 2 процентов». Малые и мобильные формы организации сферы услуг в сельской местности – один из вариантов поддержания нормальных условий жизни в сельской местности. Управляемый процесс развития означает необходимость объективной оценки рисков, вызовов и угроз во взаимосвязанной системе «расселение – сфера услуг». Эти оценки опасности должны обязательно анализироваться и учитываться в стратегиях, прогнозах, проектах и программах развития сельской местности.

Список литературы

1. Аверкиева К.В. Участие горожан в развитии сельской местности: гостевые дома на Русском Севере // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2020. – № 2. – С. 66–72. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/648/539
2. Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А. География сферы обслуживания. – Тверь, 1991. – 117 с.
3. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. – № 2. – С. 66–76. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/116/117
4. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Типология сельских населенных пунктов европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2017. – № 6. – С. 55–61. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/367/349.
5. Бабурин В.Л., Гладкевич Г.И., Даньшин А.И., Савоскул М.С., Сафронов С.Г. Изменение функции места и территориальные конфликты (на примере Боровского района Калужской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2018. – № 6. – С. 72–82. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/483/437
6. Вихрёв О.В., Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. – № 2. – С. 30–37. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/202/203
7. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Сценарный подход к прогнозированию расселения населения в территориальном планировании // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик / Отв. ред. А.Г. Махрова. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – С. 63–79. – http://www.ecoross.ru/files/books2013/Georg.,%20gradostroitelstvo,%202013.pdf
8. Котова Е.С., Сергеева М.С. Яковлева С.И. Расселение и туризм заповедных территорий // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2020. – Вып. 1 (29). – С.136–142.
9. Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. – № 2. – С. 64–74. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/206/207
10. Румянцев И.Н., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2019. – № 1. – С. 29–37. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/500/444
11. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. – Тверь, 1995. – 155 с.
12. Ткаченко А.А. Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2018. – № 2. – С. 10–15. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/398/375
13. Ткаченко А.А., Смирнов И.П., Смирнова А.А. Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2019. – № 2. – С. 78–85. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/525/464
14. Фомкина А.А. Расхождения в оценках численности сельского населения (на примере Тверской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2017. – № 6. – С. 88–91. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/371/354
15. Фомкина А.А. Трансформация сельских систем расселения в староосвоенном Нечерноземье с конца XIX до начала XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2017. – № 5. – С. 68–75. – https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/351/333
16. Щукина А.С. Оценка демографических разделов документов территориального планирования // Староосвоенные районы: генезис, исторические судьбы, современные тренды развития / Отв. редактор В.Н. Стрелецкий. – М.: ИП Матушкина И.И., 2019. – С. 216–224. – http://www.ecoross.ru/files/books2019/Staroosv._2019.pdf
17. Яковлева С.И. Инфраструктура дошкольного образования Тверской области Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2019. – Вып. 3 (27). – С.59–72. – https://elibrary.ru/item.asp?id=41535402
18. Яковлева С.И. Структура и динамика сети общеобразовательных организаций Тверской области // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «География и геоэкология». 2019. – Вып. 4 (28). – С.30–42. – https://elibrary.ru/item.asp?id=41506073

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Барбашова Е.В.,
Лясковская О.В.,
Польшакова Н.В.[1]

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КРИТЕРИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ НА БАЗЕ ФУНКЦИИ ХАРРИНГТОНА

Ключевые слова: *развитие региона, информационное обеспечение, критерий качества, преобразование Харрингтона, частная функция желательности, факторный анализ, обобщенная функция желательности, аддитивная свертка, мультипликативная свертка.*

Одним из условий обеспечения устойчивого экономического роста в современных условиях является решение проблемы несбалансированного развития регионов, неравенства и социальной мобильности[2]. Этой проблеме посвящены многочисленные публикации, содержащие сравнительную оценку уровня развития, а также степени сбалансированности развития регионов в социальной, экономической и экологической сферах[3]. В последние годы особое внимание уделяется устойчивому развитию на основе принципов «зеленой» экономики[4], суть которой в том, что система показателей социо-эколого-экономического территорий рассматривается через экономическое и природное взаимодействие[5].

Важным является выбор рациональной системы оцениваемых показателей. Очевидно, что выбор критериев комплексной оценки социально-экономического развития территории должен охватывать как минимум три сферы человеческой деятельности: экономическую, экологическую и социальную, и поиск оптимального сценария развития территории должен строиться на многокритериальной модели развития. Важен также учет взаимосвязей между стратегиями пространственного развития входящих в него субъектов и муниципальных образований, причем исследование таких взаимосвязей является необходимым элементом информационно-аналитического обеспечения разработки стратегий пространственного развития территории, а также мониторинга их выполнения[6]. В то же время, количество выбранных критериев должно быть ограничено и отвечать заявленным целям оптимизации.

Вопрос о выборе системы показателей оценки уровня социально-экономического развития регионов является предметом исследования ряда авторов. Чаще всего уровень развития стран и регионов оценивается по интегральным показателям. Одним из наиболее известных интегральных показателей является индекс человеческого развития (ИЧР), который измеряет достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода ее граждан, для которых оцениваются свои индексы.

На региональном и муниципальном уровнях используются несколько иные интегральные показатели. В частности, таковым является интегральный показатель уровня социально-экономического развития муниципального образования (МО), предложенный в работе[7]. В этой работе сформулированы подходы к формированию показателя уровня социально-экономического развития муниципальных образований:

---

[1] Барбашова Екатерина Вадимовна – к.э.н., доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. Область научных интересов: региональная экономика, информационное обеспечение, математическое моделирование. E- mail: work.67@mail.ru

Лясковская Ольга Вадимовна – к.соц.н., доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. Область научных интересов: региональная экономика, социология управления, методы статистики и эконометрики. E- mail: olga0873@list.ru

Польшакова Наталья Викторовна – к.э.н., доцент, Орловский государственный аграрный университет. Область научных интересов: региональная экономика, информационные технологии, компьютерное моделирование. E- mail: polshakovanv@yandex.ru

[2] Кудревич В.В. Методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. – № 4 (27). – С. 62–67

[3] См., например: Третьякова Е.А., Осипова М.Ю. Оценка показателей устойчивого развития регионов России // Проблемы прогнозирования. – М., 2018. – № 2. – С. 24–35.

[4] Бобылев С.Н., Вишнякова В.С., Комарова И.И. «Зеленая экономика» – новая парадигма развития страны / Под общ. ред. А.В. Щевчука. – М.: СОПС, 2014. – 248 с.

[5] Коковин П.А., Мезенина О.Б. Критерии комплексной оценки развития регионов // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. – Уфа, 2015. – № 4 (36). – С. 123–127.

[6] Герасимова И.А., Герасимова Е.В. О проблеме согласования процессов разработки стратегий пространственного развития на трех уровнях управления – федеральном, субъектном и муниципальном // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – С. 30–37

[7] Дуканова И.В. Система методов оценки уровня социально-экономического развития районных муниципальных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2011. – № 19 (202). – С. 38–44.

– развитие традиционного метода свертки совокупности локальных показателей;

– оценка уровня социально-экономического развития на основе затрачиваемых финансовых ресурсов;

– оценка уровня социально-экономического развития по стоимости активов МО.

В ракурсе обсуждаемой нами темы интерес представляет первый подход, который, в свою очередь, предполагает два направления исследований: 1) обоснование совокупности показателей и способа их представления с целью формирования системы, отражающей основные социально значимые характеристики текущего и перспективного периодов, и 2) обоснование метода свертки системы локальных показателей в показатели отдельных сфер деятельности и интегрального показателя с включением условий, исключающих эффект компенсации. В цитируемой работе в качестве базовых сфер жизнедеятельности предложено учитывать качество жизни населения (13 базовых показателей) и уровень развития экономики (15 базовых показателей). Все локальные показатели подвергались статистическому анализу, на основании которого принималось решение об их включении в интегральную оценку уровня развития МО. Так, в приведенном примере количество локальных показателей уровня социально-экономического развития Рязанского муниципального района Рязанской области снизилось с 28 до 18. Для приведения локальных показателей к безразмерной форме каждый из них соотносился с максимальным или средним значением по региону, а интегральный показатель как их аддитивная свертка – с весами, устанавливаемыми экспертным путем.

Еще большее количество локальных показателей – 42 – учитывалось в оценке межрегиональной дифференциации в Российской Федерации[1]. Локальные показатели формировались по 14 блокам, отражающим различные аспекты регионального развития: общий уровень развития региона; состояние важнейших отраслей производства; финансовое положение региона; инвестиционная активность; международная экономическая активность; транспортная инфраструктура; наука и инновации; экологическая обстановка; уровень жизни населения; характеристики населения; образование; рынок труда; здравоохранение; безопасность. Интегральный показатель социально-экономического развития (ИПСЭР) регионов, предложенный в данной работе, строился по методике расчета модифицированного показателя уровня развития З. Хэльвига[2]. Основой построения ИПСЭР региона являлось определение расстояния между векторами, характеризующими социально-экономическое положение регионов, а основной инструмент расчета – евклидова метрика. Расстояния между отдельными векторами (регионами) и вектором-эталоном служили исходными величинами для расчета ИПСЭР конкретного региона, интерпретируемыми следующим образом: регион тем больше в развитии, чем ближе значение показателя уровня развития к единице.

Недостатком формирования интегрального показателя социально-экономического развития регионов, предложенного в данной работе, является избыточность числа локальных показателей, включаемых в ИПСЭР, из которых многие являются малоинформативными или дублирующими друг друга. Этот недостаток преодолен в работе[3], в которой осуществлено обоснование 13 наиболее информативных показателей из 49 исходных. В работе предлагается алгоритм, который на основе методов выбора репрезентантов групп, главных компонент, уровня развития позволяет сформировать наиболее информативное диагностическое пространство признаков социально-экономического развития регионов.

Однако количество показателей, включаемых в интегральный индекс – вопрос не определяющий, при отборе локальных показателей необходимо, прежде всего, исходить из того, что они должны позволять получать объективные результаты сравнения и, что не менее важно, предусматривать возможность их использования как самостоятельных при оценке социально-экономического развития регионов.

Не менее важным является выбор способа нормализации локальных показателей, т.е. приведения их к безразмерному виду. Распространен подход, согласно которому значения исходных показателей соотносятся с их эталонными или средними значениями по рассматриваемой выборке регионов, при этом относительные показатели могут быть меньше или больше единицы. Это не всегда удобно, и чаще показатели нормируют на интервал (0, 1), используя линейное преобразование. Затем локальные нормированные индексы объединяют в аддитивный либо мультипликативный интегральный показатель. Именно так формируется индекс человеческого развития – вначале как среднее арифметическое, а позднее как среднее геометрическое трех локальных индексов (здоровья, образования и благосостояния). Развитием этих двух способов формирования интегральных показателей является учет весов локальных индексов, причем для назначения весов некоторые авторы предлагают использовать метод анализа иерархии Т. Саати[4].

Помимо способа нормализации локальных показателей, важным вопросом является также обоснованный выбор формы их свертки в интегральный индекс. В работах[5] приведены следующие требования к интегральным индексам:

1) индекс должен быть безразмерной величиной, которая варьирует в открытом интервале от 0 до 1, асимптотически приближаясь к нулю в случае абсолютно неприемлемых значений образующих его показателей и к единице в случае очень хороших их значений;

---

[1] Дертишникова Е.Н. Комплексная оценка социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. 2011. – № 1. – С. 25–35.

[2] Лавровский Б.Л. Измерение региональной асимметрии на примере России // Вопросы экономики. – М., 1999. – № 3. – С. 42–52.

[3] Кудревич В.В. Методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. – № 4 (27). – С. 62–67.

[4] См., например: Васенко В.Е. Алгоритм методики расчета интегрального показателя устойчивого развития региона // Научный журнал КубГАУ. 2012. – № 79 (05). – С. 1–11.

[5] Шуметов В.Г. Методология анализа качества жизни на региональном уровне // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. – № 2. – С. 213–220; .Шуметов В.Г. О нормировании показателей уровня жизни населения // Вестник ОрелГАУ. 2015. – № 6 (57). – С. 106–113.

2) форма свертки частных индексов в интегральный – аддитивная или мультипликативная – должна устанавливаться, исходя из степени их взаимосвязи: при сильной корреляции целесообразно использовать аддитивную форму свертки, при слабой коррелированности – мультипликативную;

3) веса (приоритеты) частных индексов должны быть установлены либо экспертным путем, либо, что предпочтительнее, с учетом статистических характеристик реальных выборок региональных данных.

Эти требования сформулированы применительно к интегральным индексам качества жизни, но они относятся также и к интегральным индексам независимо от конкретики, включая сферу социально-экономического развития регионов.

Отметим, что линейное преобразование обладает существенным недостатком: далеко не всегда субъективные оценки «ценности» значений показателей линейно связаны с их величинами. Поэтому часто обращаются к преобразованиям, использующим специальные вербально-числовые шкалы. Эти шкалы носят название психофизических и задаются функциями специального вида – функциями желательности, которые устанавливают соответствие между натуральными значениями показателей в физических шкалах и психологическими параметрами – субъективными оценками «ценности» этих значений. При этом к физическим показателям могут относиться экономические, технические, технологические, экологические, социальные и даже эстетические параметры[1].

В этой связи интерес представляет психофизическая шкала Харрингтона, которой соответствует *S*-образная форма функции желательности. Такая форма функции означает, что вблизи нуля (вербальная оценка «очень плохо») она имеет нарастающую кривизну, и даже небольшие изменения показателя приводят к заметному увеличению желательности. Напротив, вблизи единицы (вербальная оценка «очень хорошо») функция имеет убывающую кривизну, так что дальнейший рост показателя уже не вызывает столь заметного увеличения желательности. В средней зоне (вербальная оценка «удовлетворительно») функция желательности Харрингтона практически линейна, и именно в этой области наблюдается максимальный эффект от увеличения показателя.

В цитированной выше работе приведены следующие положительные свойства функции желательности (ФЖ), построенной на основе шкалы Харрингтона:

– является количественной;

– выражается одним числом, т.е. является единой;

– является однозначной, т.е. заданному набору значений частных параметров оценки соответствует одно значение функции;

– универсальна и может использоваться в различных областях;

– всесторонне характеризует объект, т.е. соответствует требованию полноты;

– обеспечивает простой путь преобразования показателей с помощью одного графика для всех критериев;

– «нейтральна» при обобщении, на конечный результат при построении шкалы желательности влияют только личные предпочтения;

– является адекватной[2].

В цитированной работе рассматриваются два варианта ФЖ Харрингтона: с односторонними и двусторонними ограничениями.

Функция желательности Харрингтона для одностороннего ограничения определяется по формулам (1) и (2):

$$d = \exp(-\exp(-z)) \qquad (1);$$

$$z = (x - x_0)/(x_1 - x_0) \qquad (2),$$

где z – кодированные значения информативного показателя, представляющие собой безразмерные величины; x – значение показателя; x_0 и x_1 – нижняя и верхняя границы зоны «удовлетворительно» (реперные точки). В исходной шкале координаты реперных точек

$$d_0 = 0{,}368;\ d_1 = 0{,}692 \qquad (3).$$

Две реперные точки, определяемые условиями (3), однозначно задают трехзональную функцию желательности «плохо – удовлетворительно – хорошо», а в дальнейшем лучше переходить к пятизональной шкале желательности с оценками от «очень плохо» до «очень хорошо», задавая на ней зоны «очень плохо» (0,00–0,20), «плохо» (0,20–0,37), «удовлетворительно» (0,37–0,63), «хорошо» (0,63–0,80) и «очень хорошо» (0,80–1,00)[3].

Для двустороннего ограничения, когда высокие оценки придаются оптимальным значениям, а отклонения от них в любую сторону приводят к снижению желательности, ФЖ Харрингтона определяется формулами (4), (5)[4]:

$$d = \exp(-|z|^n) \qquad (4);$$

$$z = [2x - (x_{max} + x_{min})]/(x_{max} - x_{min}) \qquad (5),$$

где x и z – исходные и кодированные значения показателя; x_{max} и x_{min} –границы допустимых значений показателя; n – показатель степени, управляющий формой кривой.

---

[1] Юсупова Г.Ф. Использование функции желательности в оценке уровня техносферной безопасности территории // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2017. – № 3 (76). – С. 67–81.

[2] Там же. – С. 69.

[3] Барбашова Е.В., Чекулина Т.А., Шуметов В.Г. Статистический подход к формированию функции желательности в задачах экономико-математического моделирования // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. – № 2 (32). – С. 94–99.

[4] Шуметов В.Г., Барбашова Е.В., Слатинов В.Б. Методические аспекты преобразования показателей в оптимизационных управленческих задачах региональной экономики // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. – Т. 11, № 6. – С. 333–341.

В работе[1] выполнено сравнение функции желательности Харрингтона для одностороннего ограничения с другими функциями, также носящими *S*-образный характер. Наибольший интерес представляет одна из них, основанная на пробит-преобразовании исходного показателя, которая, как и ФЖ Харрингтона, определена на открытом промежутке (0, 1). Показано, что если, по аналогии с функцией желательности Харрингтона, построить «квинтильную» шкалу с зонами (0,00–0,20) – «очень плохо»; (0,20–0,40) – «плохо»; (0,40–0,60) – «удовлетворительно»; (0,60–0,80) – «хорошо»; (0,80–1,00) – «очень хорошо», то на всем интервале определения индикатора она дает более высокие оценки, чем функция желательности Харрингтона.

Следует согласиться с точкой зрения автора цитированной работы, что из рассмотренных им преобразований социально-экономических показателей в безразмерные индексы «наиболее приемлемым является преобразование Харрингтона. Оно отвечает экономическому закону убывающей предельной полезности и обеспечивает оценки значений показателя, отвечающие интуитивным представлениям о характере их связи с функцией желательности»[2].

Функция Харрингтона с односторонним ограничением в последнее время все чаще находит применение для оценки регионов и муниципальных образований[3]. В то же время имеются методические особенности их использования, которые не учитываются некоторыми исследователями. Так, в работе[4] авторы при оценке ряда регионов с позиции привлекательности для назначения координат реперных точек при построении ФЖ Харрингтона применили статистический подход, детально описанный в работе[5], однако допустили некоторые неточности. Справедливо обратившись при построении функции Харрингтона для показателя уровня безработицы к обучающей выборке по субъектам Российской Федерации за ряд лет, в качестве нижней границы зоны «удовлетворительно» авторами ошибочно была принята не медиана показателя, а не совпадающее с медианой значение 4,5%, кроме того, интегральные индексы в данной работе рассчитывались как среднее геометрическое локальных функций желательности, хотя между ними, скорее всего, существуют корреляционные взаимосвязи.

В принципе, назначение реперных точек при формировании функции желательности Харрингтона определяется постановкой задачи и является прерогативой исследователя, однако при этом следует учитывать статистические свойства обучающей выборки. Приведем пример из публикации[6], в которой методика нормирования социально-экономических показателей на базе нелинейной ФЖ Харрингтона использована для оценки индикатора благосостояния населения как одного из компонентов интегрального индекса качества жизни.

В качестве исходных показателей в цитируемой работе, помимо статистики по среднедушевым денежным доходам (СДД) населения 18 субъектов ЦФО Российской Федерации за 2016 и 2017 гг., использовались данные по коэффициенту Джини и коэффициенту фондов, уровню абсолютной бедности (численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума), а также отношению СДД к прожиточному минимуму (ПМ). Объем данной региональной выборки – 36 статистических единиц – являлся достаточным для проведения корреляционного и факторного анализа выбранных показателей, выполненного с целью выявления их взаимосвязей.

Для краткости последующего изложения обозначим: x_1 – отношение СДД к ПМ; x_2 – коэффициент Джини; x_3 – коэффициент фондов; x_4 – уровень абсолютной бедности. Принятая к анализу региональная выборка не содержит «выбросов» ни по одному из четырех исходных показателей, а проверка по критерию Колмогорова-Смирнова показала допустимость принятия гипотезы их нормального распределения.

Для построения функции желательности Харрингтона достаточно установить границы исходных показателей, внутри которых изучаемая характеристика может считаться удовлетворительной. Чаще всего эти границы устанавливаются экспертным путем, однако при этом следует учитывать статистические характеристики реальных выборок. В случае нормального распределения «позитивного» показателя нижнюю границу зоны «удовлетворительно» логично совместить со средним значением показателя, а ее верхнюю границу отодвинуть от нижней на величину стандартного отклонения; возможны и другие варианты назначения реперных точек.

Однако возникает вопрос: насколько правомочным является принятие гипотезы нормального распределения по региональным выборкам, которые, как правило, являются малочисленными? Можно ли при незначимости отклонения выборочного распределения от нормального по результатам теста Колмогорова-Смирнова применять параметрические методы гауссовой статистики? Не следует ли, как рекомендуется в[7], если нет уверенности в справедливости ги-

---

[1] Шуметов В.Г. О преобразовании социально-экономических показателей в безразмерные индексы в задачах математического моделирования // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. – № 4 (34). – С. 102–111.

[2] Там же, с. 110.

[3] Ливинская В.А., Комарова С.Л. Использование функции желательности Харрингтона для оценки регионов с позиции привлекательности // Вестник Белорусско-Российского университета. 2018. – № 2 (59). – С. 55–64; Чистопольская Е.В., Щербань Е.Г. Формирование методики рейтинговой оценки комплексного социально-экономического развития муниципальных образований региона // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. – Т. 18, вып. 3. – С. 305–313; Назарова А.В. Методика построения обобщающего показателя социально-экономического положения муниципальных образований // Информационная безопасность регионов. 2014. – С. 69–73; Назарова А.В. Теоретико-методологические аспекты мониторинга социально-экономического положения на муниципальном уровне // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. – С. 97–101.

[4] Ливинская В.А., Комарова С.Л. Использование функции желательности Харрингтона для оценки регионов с позиции привлекательности // Вестник Белорусско-Российского университета. 2018. – № 2 (59). – С. 55–64

[5] Барбашова Е.В., Чекулина Т.А., Шуметов В.Г. Статистический подход к формированию функции желательности в задачах экономико-математического моделирования // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. – № 2 (32). – С. 94–99.

[6] Чекулина Т.А., Лясковская О.В., Барбашова Е.В. Оценка качества жизни населения на региональном уровне с учетом дифференциации денежных доходов // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. – № 2 (48). – С. 208–219.

[7] https://ru-spss.livejournal.com/199133.html.

потезы нормального распределения, сразу обратиться к непараметрической статистике? Эта рекомендация созвучна точке зрения автора фундаментальных работ по прикладной статистике А.И. Орлова, критикующего «прикладников, кто слабо знаком статистическими методами», за применение «статистических моделей, основанных на гауссовости»[1].

Соглашаясь, в принципе, с часто допускаемой исследователями «вольностью» в применении методов гауссовой статистики ввиду их «удобства», мы склонны разделять ту точку зрения, что, как сказано в Интернет-дискуссии по «студенческим ошибкам», к нормальности следует относиться как к полезной модели, но «без фанатизма: не циклиться сильно на распределении в выборке»[2]. Тем более это относится к назначению реперных точек при построении функции желательности Харрингтона. Не столь важно, какая модель распределения показателя использована для расчета реперных точек, важно, чтобы зоны желательности его значений отвечали интуитивным представлениям исследователя.

Приведем пример. В работе[3] при построении функции желательности Харрингтона границы зоны «удовлетворительно» устанавливались исходя из статистических свойств полной выборки показателей благосостояния населения всех 18 регионов ЦФО за два года (2016–2017 гг.), причем в расчетах принята гипотеза нормального распределения показателей (табл. 1).

Таблица 1

Границы зоны «удовлетворительно» показателей благосостояния населения регионов ЦФО, 2016–2017 гг. (расчет из гипотезы их нормального распределения)

Показатель	Среднее	Стандартное отклонение	Нижняя граница зоны «удовлетворительно»	Верхняя граница зоны «удовлетворительно»
СДД/ПМ, % (x_1)	342,744	55,239	342,7	380,0
Коэф. Джини (x_2)	0,37736	0,01877	0,377	0,358
Коэф. фондов (x_3)	12,236	1,665	12,2	10,6
Уровень абсолютной бедности, % (x_4)	11,453	2,545	11,5	8,9

Если не принимать гипотезу нормального распределения показателей благосостояния населения, а рассчитать границы зоны «удовлетворительно» по значениям медианы и квартильному размаху, то реперные точки ФЖ Харрингтона будут хотя и близкими, но иными (табл. 2).

Таблица 2

Границы зоны «удовлетворительно» показателей благосостояния населения регионов ЦФО, 2016–2017 гг. (расчет из их произвольного распределения)

Показатель	Медиана	Квартильный размах	Нижняя граница зоны «удовлетворительно»	Верхняя граница зоны «удовлетворительно»
СДД/ПМ, % (x_1)	331,900	46,9875	331,9	378,9
Коэф. Джини (x_2)	0,37600	0,011875	0,376	0,364
Коэф. фондов (x_3)	12,000	1,05	12,0	11,0
Уровень абсолютной бедности, % (x_4)	10,550	2,1125	10,6	8,4

Судя по данным табл. 1 и 2, наибольшие расхождение координат реперных точек наблюдаются для функции желательности отношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму (СДД/ПМ), однако это не приводит к существенному изменению распределения регионов ЦФО по зонам желательности показателя (табл. 3): лишь один регион – Московская область – при расчете реперных точек ФЖ Харрингтона, исходя из произвольного распределения показателя СДД/ПМ, из зоны «хорошо» «перешла» в зону «очень хорошо».

Если для расчета реперных точек при построении ФЖ Харрингтона принятие той или иной статистической модели не имеет определяющего значения, то это не так при формировании интегрального показателя, поскольку свертку частных функций желательности в интегральный индекс рекомендуется проводить с учетом их корреляционных связей[4], тогда как корреляционный и факторный анализы критичны к отклонениям от гауссового распределения. Но здесь «выручает» применение точных критериев, предусмотренных в последних версиях SPSS[5], что повышает вероятность принятия гипотезы нормального распределения. Так, если для региональной выборки исходных показателей благосостояния, рассматриваемых в работе[6], в результате применения теста Колмогорова-Смирнова с поправкой Лильефорса асимптотическая значимость для ФЖ Харрингтона показателя «уровень абсолютной бедности» составила 0,002 при пороговой вероятности ошибки 0,05, то в результате аппроксимации Монте-Карло уровень значимости повысился до 0,119, и это позволяет считать проверяемое распределение нормальным.

Таблица 3

[1] Орлов А.И. Прикладная статистика: учебник. – М.: Экзамен, 2004. – С. 444.

[2] https://ru-spss.livejournal.com/199133.html

[3] Чекулина Т.А., Лясковская О.В., Барбашова Е.В. Оценка качества жизни населения на региональном уровне с учетом дифференциации денежных доходов // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. – № 2 (48). – С. 208–219.

[4] Шуметов В.Г. О нормировании показателей уровня жизни населения // Вестник ОрелГАУ. 2015. – № 6 (57). – С. 106–113

[5] Точные критерии в SPSS Statistics 25.0.0 – https://www.ibm.com/support/knowledgecenter/ru/SSLVMB_25.0.0/spss/base/idh_exact.html

[6] Чекулина Т.А., Лясковская О.В., Барбашова Е.В. Оценка качества жизни населения на региональном уровне с учетом дифференциации денежных доходов // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. – № 2 (48). – С. 208–219.

Распределение регионов ЦФО по зонам желательности значений отношения СДД/ПМ в 2017 г.

Зона желательности	Расчет реперных точек ФЖ из нормального распределения показателя	Расчет реперных точек ФЖ из произвольного распределения показателя
Очень хорошо (D_1 больше 0,80)	г. Москва	г. Москва, Московская обл.
Хорошо (0,80≥D_1>0,63)	Московская, Воронежская, Белгородская и Липецкая области	Воронежская, Белгородская и Липецкая области
Удовлетворительно (0,63≥D_1>0,37)	Тамбовская и Курская области	Тамбовская и Курская области
Плохо (0,37≥D_1>0,2)	Тульская, Ярославская и Рязанская области	Тульская, Ярославская и Рязанская области
Очень плохо (D_1 меньше 0,20)	Брянская, Калужская, Владимирская, Орловская, Ивановская, Тверская, Костромская и Смоленская области	Брянская, Калужская, Владимирская, Орловская, Ивановская, Тверская, Костромская и Смоленская области

Ограничение на объем публикации не позволяет в данной статье детально остановиться на методических особенностях формирования интегральной функции желательности с учетом результатов факторного анализа. Заметим лишь, что интегральные индексы, как и частные функции желательности, являются вспомогательными инструментами, и в любом случае комплексную оценку развития регионов необходимо проводить по исходным показателям.

Благодарность. Авторы выражают глубокую признательность доктору экономических наук, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, профессору кафедры информационных технологий и математики Орловского государственного аграрного университета им. Н.В. Парахина» Вадиму Георгиевичу Шуметову за постановку задачи исследований и участие в обсуждении полученных результатов.

Горшкова А.В.,
Барбашова Е.В.,
Лясковская О.В.[1]

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ МОНИТОРИНГА ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: *качество и уровень жизни населения, Центральный федеральный округ, информационное обеспечение, мониторинг, среднедушевые денежные доходы, прожиточный минимум, абсолютная бедность, относительная бедность.*

Сокращение уровня бедности является одной из приоритетных целей развития российского общества, и перед учеными и практиками России стоит задача дальнейшего совершенствования статистических методов оценки уровня бедности в целях информационного обеспечения органов государственной власти и управления для разработки мер, направленных на кардинальную перенастройку системы социальной поддержки населения[2]. Важная роль в достижении этой задачи принадлежит информационному обеспечению мониторинга бедности населения на региональном уровне.

Официальные оценки бедности в Российской Федерации основаны на показателях в рамках абсолютного подхода к бедности, т.е. на установлении минимума средств существования. В качестве одного из критериев оценки бедности используется величина прожиточного минимума, и под бедностью понимается состояние человека, при котором он не способен удовлетворить минимальный уровень своих потребностей[3]. Соответственно, бедность оценивается как доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума[4].

В нашей предыдущей публикации[5] отмечалось, что поскольку показатель прожиточного минимума является нормативным и носит преимущественно социальный характер, он не может быть использован в аналитических целях, ибо «важным фактором успеха любой программы является создание системы мониторинга ее результативности, отслеживающей, в какой степени достигнуты поставленные программой цели»[6]. В этой связи наряду с официально принятым показателем абсолютной бедности для объективного мониторинга социально-экономической ситуации в регионах рекомендуется использовать относительные показатели бедности. Однако до настоящего времени работ по сопоставлению абсолютных и относительных уровней бедности населения российских регионов не много, и, скорее всего, причина этого как в отсутствии региональной статистики по медианным значениям СДД, так и в трудоемкости их оценки по имеющимся статистическим данным распределения населения по среднедушевым денежным доходам.

В связи со сказанным актуальным является поиск показателей бедности, не связанных с какими-либо дополнительными расчетами. В частности, в нашей работе[7] показано, что взамен трудноизмеримых относительных показателей бедности в целях мониторинга можно использовать данные по удельному весу денежных доходов, приходящихся

---

[1] Горшкова Анна Валерьевна – к.э.н., доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Брянский филиал. Область научных интересов: региональная экономика, качество и уровень жизни населения, информационные технологии, математическое моделирование. E- mail: 330101@list.ru

Барбашова Екатерина Вадимовна – к.э.н., доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. Область научных интересов: региональная экономика, информационное обеспечение, математическое моделирование. E- mail: work.67@mail.ru

Лясковская Ольга Вадимовна – к.соц.н., доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. Область научных интересов: региональная экономика, социология управления, методы статистики и эконометрики. E- mail: olga0873@list.ru

[2] Олейник О.С., Придачук М.П. Тенденции изменения уровня бедности населения России: методы измерения и анализ социально-экономических индикаторов // Региональная экономика. Юг России. 2018. – № 3 (21). – С. 42–50.

[3] Барбашова Е.В., Горшкова А.В. Оценка благосостояния населения регионов Центральной России с учетом неравномерности распределения доходов // Социологический альманах. Вып. 12. «Социально-экономические процессы в условиях реализации национальных целей развития России»: Материалы XI Орловских социологических чтений 5 декабря 2019 г. / Под общей редакцией П.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2020. – С. 356–360.

[4] Елисеева И.И., Раскина Ю.В. Измерение бедности в России: возможности и ограничения // Вопросы статистики. – М., 2017. – № 8. – С. 70–89.

[5] Шуметов В.Г., Лясковская О.В., Горшкова А.В. О мониторинге уровня бедности в регионах ЦФО: статистический анализ // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15: Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – С. 774–779.

[6] Карцева М.А. Многомерная бедность в странах ЕС: индекс риска бедности и социальной исключенности AROPE // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. Вып. № 74. С. 127.

[7] Шуметов В.Г., Лясковская О.В., Горшкова А.В. О мониторинге уровня бедности в регионах ЦФО: статистический анализ // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15: Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – С. 774–779.

на первую группу (с наименьшими доходами) и пятую группу (с наибольшими доходами). С другой стороны, в этой же работе на примере эмпирической базы регионов ЦФО 2017 г. показано, что имеется сильная корреляция между доходами квинтильных групп населения с наименьшими и наибольшими доходами и показателями относительной бедности, получены регрессионные модели, позволяющие проводить оценку 40 и 60 процентной относительной бедности по удельному весу денежных доходов, приходящихся на первую и пятую квинтильные группы населения.

В цитируемой работе, однако, остались нераскрытыми связи показателей относительной бедности с уровнем абсолютной бедности и показателями дифференциации денежных доходов населения, что важно не только с теоретической точки зрения, но и практически в плане организации мониторинга. Выполним анализ этих связей, взяв за основу статистические данные 2017 года по всем регионам ЦФО, включая г. Москву и Московскую область (табл. 1). Помимо удельного веса общего объема денежных доходов, приходящихся на две крайние группы населения (графы 3 и 4), в ней приведены также оценки медианных среднедушевых денежных доходов, значения обобщающего показателя неравномерности распределения доходов – коэффициента фондов, а также показатели абсолютной и относительной бедности (графы 7–11).

Таблица 1

Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения регионов ЦФО в 2017 г. (фрагмент), показатели абсолютной и относительной бедности

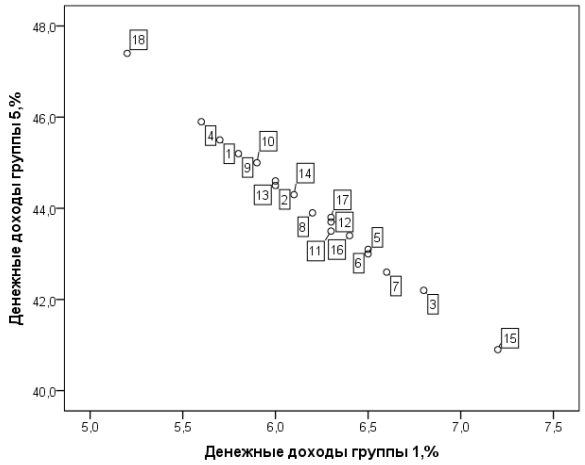
Регион	Код	Объем денежных доходов населения, %		Медиана СДД, руб.	Коэф. фондов	Уровень абсол. бедности, %	Относительная бедность, %			
		группы 1	группы 5				$Бд_{40}$	$Бд_{50}$	$Бд_{60}$	$Бд_{70}$
Белгородская	1	5,7	45,5	23 218	13,6	7,9	10,7	17,2	24,1	31,2
Брянская	2	6,0	44,5	20 753	12,5	13,5	9,9	16,5	23,4	30,5
Владимирская	3	6,8	42,2	19 526	10,2	13,0	7,9	14,4	21,4	28,7
Воронежская	4	5,6	45,9	22 463	14,1	9,1	11,1	**17,6**	21,4	28,7
Ивановская	5	6,5	43,0	19 922	10,9	14,3	8,5	15,1	22,1	29,3
Калужская	6	6,5	43,1	22 624	11,0	10,4	8,8	15,2	21,4	29,7
Костромская	7	6,6	42,6	20 079	10,5	13,0	8,3	14,8	21,8	29,1
Курская	8	6,2	43,9	21 018	11,8	10,2	9,4	16,0	22,9	30,1
Липецкая	9	5,8	45,2	22 773	13,2	8,8	10,4	16,9	23,9	31,0
Московская	10	5,9	45,0	32 376	13,1	7,9	10,6	17,1	24,1	31,2
Орловская	11	6,3	43,5	19 240	11,4	13,9	8,9	15,5	22,5	29,6
Рязанская	12	6,3	43,7	19 694	11,5	13,0	9,1	15,7	22,6	29,8
Смоленская	13	6,0	44,6	19 903	12,5	16,6	9,9	16,6	23,5	30,5
Тамбовская	14	6,1	44,3	20 408	12,3	10,5	9,7	16,3	23,3	30,4
Тверская	15	7,2	40,9	20 076	9,0	12,7	**6,8**	**12,7**	23,3	30,4
Тульская	16	6,4	43,4	22 269	11,3	9,9	9,1	15,5	22,5	29,9
Ярославская	17	6,3	43,8	22 043	11,7	10,5	9,3	15,8	22,8	30,1
г. Москва	18	5,2	47,4	46 397	16,1	8,3	12,2	18,7	25,3	31,9
РФ в целом	1000	5,4	46,8	23 689	15,3	13,2	11,7	18,2	25,1	32,0

Из табл. 1 можно заключить, что по мере роста денежных доходов, приходящихся на наиболее «бедную» группу 1 населения, доля доходов наиболее «богатой» группы 5, снижается, уменьшаются значения коэффициента фондов. Наглядно эти закономерности иллюстрируют диаграммы рассеяния, представленные на рис. 1: в г. Москве (метка 18) в 2017 г. на наиболее «богатую» группу населения приходилось 47,4% общего объема денежных доходов и 5,4% – на наиболее «бедную» группу; в противоположность этому, в Тверской области (метка 15), на «богатую» группу населения приходилось 40,9% общего объема денежных доходов, а на «бедную» – 7,2%. При этом дифференциация денежных доходов населения в г. Москве в 2017 г. была наибольшей, а в Тверской области – наименьшей: коэффициент фондов в г. Москве достигал высокого значения 16,1, тогда как в Тверской области этот показатель составлял 9.

Из диаграмм рассеяния перечисленных показателей следует их сильная статистическая взаимосвязь, близкая к линейной. Это подтверждают и результаты корреляционного анализа: коэффициенты корреляции Пирсона, характеризующие силу линейной статистической связи, по абсолютной величине близки к единице, а для пары показателей «удельный вес денежных доходов, приходящихся на наиболее «богатую» группу 5 населения» – «коэффициент Джини» коэффициент линейной корреляции с точностью до третьего десятичного разряда вообще равен единице. Причем если значения доли денежных доходов, приходящихся на первую группу населения, коррелируют с коэффициентом фондов отрицательно, то доля денежных доходов, приходящихся на наиболее «богатую» группу 5 населения, – положительно.

В отличие от сильной корреляции значений удельного веса общего объема денежных доходов по первой и пятой 20-процентным группам населения регионов ЦФО с коэффициентом фондов, уровень абсолютной бедности связан с этим показателем значительно слабее (табл. 2): значение коэффициента Пирсона -0,557 соответствует связи средней силы, тем не менее, оно статистически значимо на уровне 0,05.

a

б

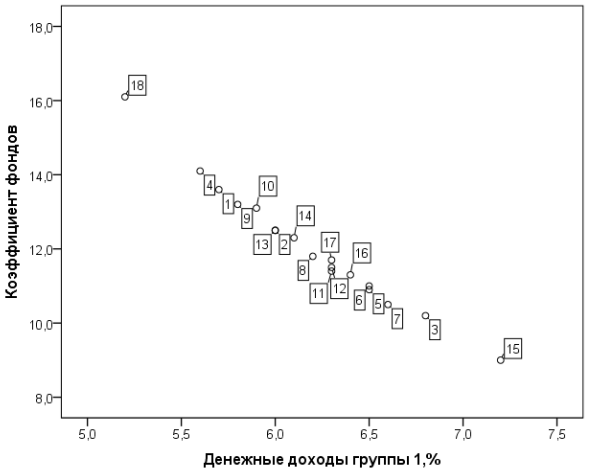

Рисунок 1.
Статистическая связь доли денежных доходов, приходящихся на наиболее «бедную» группу 1 населения: а – с долей доходов, приходящихся на наиболее «богатую» группу 5; б – с коэффициентом фондов. Числа вблизи меток соответствуют коду регионов в графе 2 табл. 1

Таблица 2

Матрица интеркорреляций показателей абсолютной и относительной бедности в регионах ЦФО в 2017 г.

		Медиана, руб.	Коэф. фондов	Уровень абсолют. бедности, %	Относит. бедность-40, %	Относит. бедность-50, %	Относит. бедность-60, %	Относит. бедность-70, %
Медиана, руб.	Коэф. корр.	1	0,720**	–0,556*	0,672**	0,701**	0,649**	0,651**
	P-уровень		0,001	0,017	0,002	0,001	0,004	0,003
Коэф фондов	Коэф. корр.	0,720**	1	–0,557*	0,991**	0,623**	0,610**	0,586*
	P-уровень	0,001		0,016	0,000	0,006	0,007	0,011
Уровень абсолютной бедности, %	Коэф. корр.	–0,556*	–0,557*	1	–0,578*	–0,384	–0,356	–0,442
	P-уровень	0,017	0,016		0,012	0,116	0,147	0,067
Относит. бедность-40, %	Коэф. корр.	0,672**	0,991**	–0,578*	1	0,593**	0,581*	0,573*
	P-уровень	0,002	0,000	0,012		0,009	0,011	0,013
Относит. бедность-50, %	Коэф. корр.	0,701**	0,623**	–0,384	0,593**	1	0,984**	0,986**
	P-уровень	0,001	0,006	0,116	0,009		0,000	0,000
Относит. бедность-60, %	Коэф. корр.	0,649**	0,610**	–0,356	0,581*	0,984**	1	0,967**
	P-уровень	0,004	0,007	0,147	0,011	0,000		0,000
Относит. бедность-70, %	Коэф. корр.	0,651**	0,586*	–0,442	0,573*	0,986**	0,967**	1
	P-уровень	0,003	0,011	0,067	0,013	0,000	0,000	

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).
* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

На представленном выше примере регионов ЦФО приведены оценки ряда показателей, рассчитанные по официальным статистическим данным, которые могут быть использованы в мониторинге бедности населения как регионального явления. К числу этих показателей, наряду с медианными среднедушевыми денежными доходами и уровнем абсолютной бедности, а также коэффициентами дифференциации доходов, относятся показатели относительной бед-

ности, которые могут быть определены графически по кумулятам распределения населения по среднедушевым денежным доходам или рассчитаны по удельному весу денежных доходов, приходящихся на две крайние группы населения (первую, с наименьшими доходами, и пятую, с наибольшими доходами). Для решения задач мониторинга бедности на региональном уровне важно установить, насколько информативными являются эти показатели и как они соотносятся друг с другом в пространственном разрезе.

Для оценки информативности показателей, отражающих материальное благополучие населения, сравним значения основной характеристики их пространственной изменчивости – коэффициента вариации по регионам ЦФО. С учетом «обособленного» положения г. Москвы и Московской области, ради корректности сравнения расчет этой относительной статистики выполним по однородной выборке, включающей 16 периферийных регионов ЦФО. Результаты расчета приведены в табл. 3.

Таблица 3

Статистические характеристики показателей материального благополучия населения периферийных регионов ЦФО в 2017 г.

Показатель	Минимум	Максимум	Среднее	Станд. отклонение	Коэф. вариации, %
Среднеарифметический СДД, руб./месяц	23 988	30 074	26 428	2039	7,7
Медианный СДД, руб./месяц	19 240	23 218	21 001	1341	6,4
Коэффициент фондов	9,0	14,1	11,7	1,308	11,2
Коэффициент Джини	0,335	0,399	0,372	0,016	4,3
Уровень абсолютной бедности, %	7,9	16,6	11,7	2,375	20,3
Относительная бедность-40, %	6,9	11,1	9,2	1,065	11,6
Относительная бедность-50, %	14,4	17,2	15,7	0,852	5,4
Относительная бедность-60, %	21,4	24,1	22,7	0,878	3,9
Относительная бедность-70, %	28,7	31,2	29,9	0,728	2,4
Доля доходов группы 1 населения	5,6	7,2	6,3	0,413	6,6
Доля доходов группы 2 населения	10,4	12,1	11,1	0,434	3,9
Доля доходов группы 3 населения	15,3	16,7	15,9	0,350	2,2
Доля доходов группы 4 населения	22,8	23,1	22,9	0,087	0,4
Доля доходов группы 5 населения	40,9	45,9	43,8	1,276	2,9

Из табл. 3 следует, что наиболее информативным для мониторинга является используемый отечественной статистикой вплоть до настоящего времени показатель «уровень абсолютной бедности»: коэффициент вариации по периферийным регионам ЦФО в 2017 г. составлял 20,3%, при минимальном значении показателя 7,9% в Белгородской области и максимальном 16,6% в Смоленской области. Таким образом, соотношение максимального и минимального уровня абсолютной бедности достигает 210% – это очень большая величина. Из показателей относительной бедности наиболее информативным является уровень 40-процентной бедности, но для него коэффициент вариации почти вдвое меньше – 11,6%. Заметим, что по мере повышения «планки» относительной бедности – при переходе от 50-ти и 60-процентного уровня медианы СДД к 70-процентному, информативность соответствующего показателя заметно снижается: значения коэффициента вариации равны 5,4%, 3,9 и 2,4% соответственно. Из составляющих структуры общего объема денежных доходов наиболее информативной является доля денежных доходов, приходящихся на наиболее «бедную» группу 1 населения – коэффициент вариации 6,6%, на втором и третьем местах – доли денежных доходов, приходящихся на вторую и пятую, наиболее «богатую» группу населения (коэффициент вариации 3,9 и 2,9% соответственно).

Из показателей дифференциации денежных доходов наиболее информативен коэффициент фондов: его значения изменяются по массиву однородной выборки регионов ЦФО от минимальной величины 9,0 крат в Тверской области до максимальной 14,1 крат в Воронежской области, т.е. более чем в полтора раза. Коэффициент Джини менее информативен: коэффициент вариации для него 4,3%.

Небольшим оказался коэффициент вариации медианных значений СДД – 6,4%, что отражает сходство периферийных регионов ЦФО по уровню денежных доходов населения, контрастирующего со значительно большими значениями этого важнейшего показателя материального благосостояния населения г. Москвы и Московской области.

Выполненный нами статистический анализ однородной выборки периферийных регионов ЦФО (без г. Москвы и Московской области) показывает, что можно достаточно точно оценивать уровень 40 и 50 процентной относительной бедности ($Бд_{40}$ и $Бд_{50}$ соответственно) по долям денежных доходов населения наиболее бедной квинтильной группы 1 ($ДД_1$) и наиболее богатой квинтильной группы 5 ($ДД_5$):

$$Бд_{40} = 25{,}472 - 2{,}590\ ДД_1 \quad (1);$$

$$Бд_{40} = -27{,}539 + 0{,}840\ ДД_5 \quad (2);$$

$$Бд_{50} = 33{,}723 - 2{,}871\ ДД_1 \quad (3);$$

$$Бд_{50} = -24{,}942 + 0{,}929\ ДД_5 \quad (4).$$

На эмпирической базе этой же однородной выборки выявлено, что значения основного показателя неравномерности распределения денежных доходов – коэффициента фондов – также можно с удовлетворительной точностью оценивать по долям денежных доходов населения $ДД_1$ и $ДД_5$:

$$КФ_1 = 31{,}476 - 3{,}152\ ДД_1 \quad (5);$$

$$КФ_5 = -33{,}012 + 1{,}022\ ДД_5 \quad (6).$$

Модели (1)–(6) адекватны на *p*-уровне не хуже 0,0005, характеризуются стандартной ошибкой аппроксимации не выше 0,15%, и могут быть использованы в оценочных целях. В методическом плане, рекомендуется для повышения надежности рассчитывать показатели как среднее оценок по известным долям денежных доходов населения крайних квинтильных групп 1 и 5.

Для визуализации результатов мониторинга показателей благосостояния эффективными оказываются предложенные в работе[1] «пространственные профили», представляющие собой диаграммы последовательности регионов с графиками, которые отвечают различным показателям (рис. 2).

Ввиду еще недостаточно широкой распространенности подобных диаграмм дадим пояснения. По форме пространственные профили идентичны графикам временных рядов, но по горизонтальной оси отмечены не временные метки, а сравниваемые статистические единицы (в рассматриваемом случае, регионы), которые следуют в порядке убывания или возрастания «опорного» показателя. На диаграмме рис. 2 опорным показателем является доля денежных доходов наиболее бедной квинтильной группы населения 1, и регионы расположены по возрастанию этого показателя. В частности, из этого рисунка следует, что лидером по доле денежных доходов населения наиболее бедной квинтильной группы 1 является Тверская область, аутсайдером – Воронежская. Графики 40 и 50 процентной относительной бедности практически симбатны друг другу и антибатны графику доли денежных доходов населения наиболее бедной квинтильной группы. Антибатность этих пространственных профилей является следствием отрицательной корреляции доли денежных доходов населения наиболее бедной группы с показателем дифференциации доходов – коэффициентом фондов: чем больше доходы квинтильной группы 1 и чем меньше доходы группы 5 населения, тем меньше неравномерность их распределения.

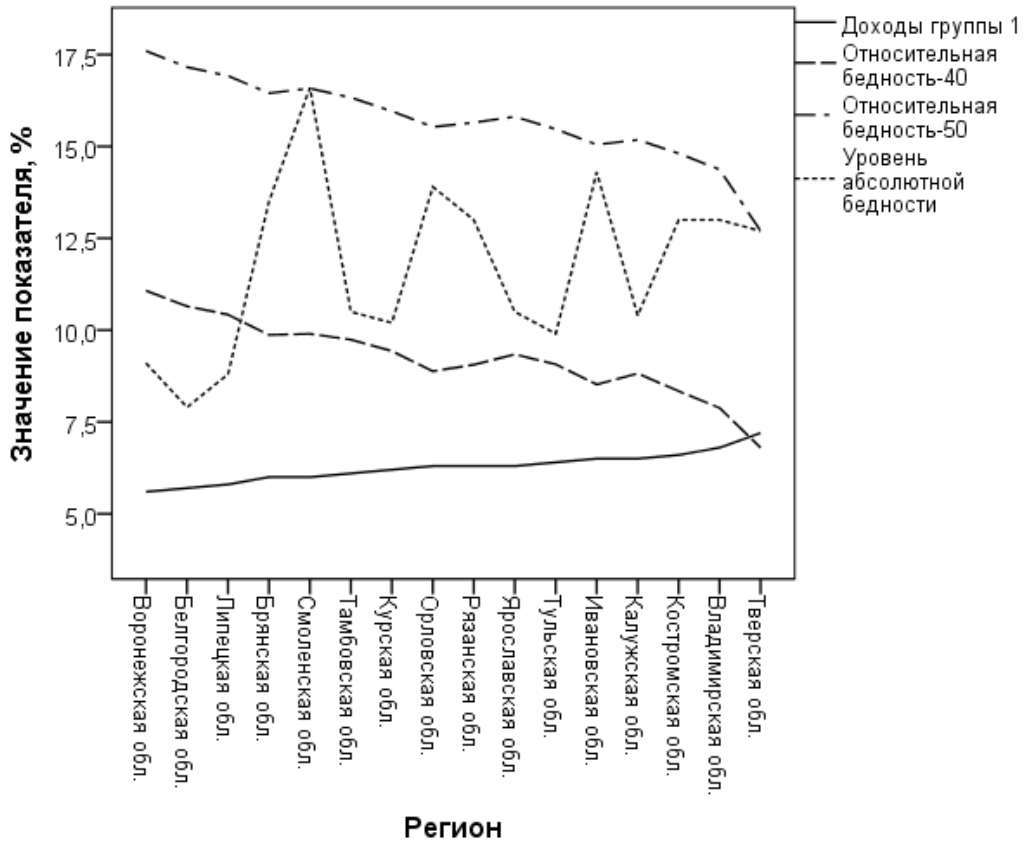

Рисунок 2.
Пространственные профили доли доходов крайних квинтильных групп населения и абсолютной и относительной бедности

По рисунку можно также отметить, что в противоположность «гладкому» характеру пространственного профиля относительной бедности, график доли денежных доходов населения наиболее бедной группы населения обнаруживает сильные осцилляции, изменяясь по величине в полосе между значениями 40 и 50 процентной относительной бедности. Этот эмпирически выявленный факт, с одной стороны, подтверждает оценку уровня абсолютной бедности как субъективной, и, с другой, говорит о том, что периферийные регионы ЦФО находятся на столь «скромном» уровне материального благополучия населения, когда о таких высоких уровнях относительной бедности, как 60–70% медианы СДД, говорить пока преждевременно.

[1] Шуметов В.Г., Титов В.А., Покровский А.М. Структурные преобразования в экономических системах на макро- и мезоуровнях: методология эконометрического и экспертно-аналитического прогнозирования: монография. – Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2017. – 278 с.

Выполненный анализ показателей материального благополучия регионов ЦФО позволяет сформулировать выводы методологического и методического плана, имеющие определенное значение не только для мониторинга бедности, но и для практики регионального управления.

1. Для более объективной характеристики бедности населения на региональном уровне, помимо официально признанного отечественной статистикой показателя «уровень абсолютной бедности», во многом субъективного из-за отсутствия единой методики расчета прожиточного минимума в регионах, необходимо обращаться к показателям относительной бедности, рассчитываемым как доля населения с уровнем денежных доходов ниже 40 и 50 процентов от медианных среднедушевых доходов.

2. Эмпирически показано, что периферийные регионы ЦФО в настоящее время находятся на столь «скромном» уровне материального благополучия населения, когда о таких высоких уровнях относительной бедности, как 60–70% медианы СДД, говорить преждевременно, и в целях мониторинга бедности достаточно рассчитывать 40 и 50 процентные уровни относительной бедности.

3. По эмпирической базе периферийных регионов ЦФО получены регрессионные модели, связывающие 40 и 50 процентные уровни относительной бедности с долями денежных доходов населения наиболее бедной и наиболее богатой групп. Модели характеризуются хорошей точностью (стандартная ошибка аппроксимации не превышает 0,15%), и могут быть использованы в оценочных целях.

4. На примере регионов ЦФО показано, что повышение материального благополучия населения региона, с одной стороны, сопровождается ростом неравномерности распределения денежных доходов, с другой – тенденцией снижения уровня абсолютной бедности, при этом уровни относительной бедности возрастают. Тем самым создается противоречие между стремлением повысить материальное благополучие населения регион и одновременно снизить уровень абсолютной бедности. Разрешение этого противоречия является актуальным и требует специального рассмотрения.

Благодарность. Авторы выражают глубокую признательность доктору экономических наук, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, профессору кафедры информационных технологий и математики Орловского государственного аграрного университета им. Н.В. Парахина» Вадиму Георгиевичу Шуметову за постановку задачи исследований и участие в обсуждении полученных результатов.

Коломейченко А.С.,
Шуметов В.Г.[1]

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ФОРСАЙТ-ИССЛЕДОВАНИЙ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОМПЬЮТЕРНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Ключевые слова: *стратегическое планирование, форсайт-исследования, информационное обеспечение, метод анализа иерархий, метод аналитических сетей, экспертно-аналитические системы и технологии.*

Keywords: *strategic planning, foresight research, information support, analitical hierarchy process, analytical network process, expert analytical systems and technologies.*

Важным фактором повышения эффективности бизнес-процессов является применение прогрессивных технологий цифровой экономики на всех уровнях. Однако выбор приоритетных направлений хозяйственной деятельности субъектов экономики, как правило, не затрагивает вопросы их стратегического развития, хотя именно здесь заключены основные резервы роста эффективности бизнес-процессов[2]. Такая задача относится к классу выбора решений в условиях неопределенности исходной информации, причем здесь требуется не столько теоретический взгляд на будущее, сколько практический, и она, по сути, является одной из составляющих Форсайта[3].

Общепризнано, что Форсайт строится на основе метода экспертных оценок и включает в себя: активное формирование образа будущего, нацеленность на определение ключевых приоритетов развития, участие в исследовании ключевых акторов и предполагает взаимосвязь с процессом принятия управленческих решений[4]. Отличие Форсайта от других методов прогнозирования – в том, что «это технология и формат коммуникации, позволяющие участникам договориться по поводу образов будущего, а также, определив желаемый, согласовать действия в его контексте»[5].

В настоящее время существуют различные модификации Форсайта, отличающиеся технологиями экспертных оценок. Изначально это была «тяжеловесная» и довольно дорогая методология, в рамках которой на протяжении месяцев трудилось огромное количество экспертов. Наиболее часто при этом используются такие мощные методы экспертных оценок, как метод Дельфи, метод критических технологий, экспертные панели, разработка сценариев, дорожное картирование и др.[6] Однако в стороне оказались эффективные технологии экспертных оценок, основанные на методах парных сравнений – методе анализа иерархий и его развитии – методе аналитических сетей, предложенных американским математиком Т. Саати еще в 70–80-е годы прошлого столетия[7].

Одной из немногих работ, посвященных характеристике этих методов для Форсайт-исследований, является публикация А.В. Андрейчикова и О.Н. Андрейчиковой[8]. В ней представлены новые интеллектуальные методы принятия решений: метод анализа иерархий с динамическими суждениями, который можно применять для прогнозирования возможных последствий решений; метод аналитических сетей, позволяющий определить приоритеты альтернатив в условиях взаимного влияния; метод нечеткого логического вывода, обеспечивающий поддержку процессов принятия решений путем моделирования рассуждений на основе экспертных знаний; метод логического синтеза сценариев развития сложных систем, позволяющий прогнозировать будущее с учетом появления новых тенденций и событий, которые могли не иметь места в прошлом. Но не раскрыты особенности применения этих интеллектуальных методов принятия решений для Форсайт-исследований. В частности, не обсуждены экспертные процедуры в Форсайте, затраги-

[1] Коломейченко Алла Сергеевна – к.э.н., зав. кафедрой, Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина. Область научных интересов: региональная экономика, информационные технологии, экспертно-аналитические методы прогнозирования. E- mail: alla.kolomeychenko@mail.ru

Шуметов Вадим Георгиевич – д.э.н., профессор, Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина. Область научных интересов: региональная экономика, математические и инструментальные методы экономики. E- mail: shumetov@list.ru

[2] Шуметов В.Г., Коломейченко А.С. Экспертно-аналитическое обеспечение процесса принятия рациональных решений в стратегическом менеджменте // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 599–603.

[3] Непогодина А.В. Форсайт как методология предвидения // Молодой ученый. 2020. – № 2 (292). – С. 290–291.

[4] Карасев О.И., Муканина Е.И. Метод экспертных оценок в форсайт-исследованиях // Статистика и экономика. 2019. – Т. 16, № 4. – С. 4–13.

[5] https://www.rbc.ru/trends/futurology/5eb542c89a79470ed74f2d21

[6] http://foresight.sfu-kras.ru/node/49

[7] Саати Т. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. Пер. с англ. / Науч. ред. А.В. Андрейчиков, О.Н. Андрейчикова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 360 с.; Саати Т.Л. Об измерении неосязаемого. Подход к относительным измерениям на основе главного собственного вектора матрицы парных сравнений // Cloud of Science. 2015. – Т. 2, № 1. – С. 5–39.

[8] Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. Методы и интеллектуальные системы принятия решений для проведения Форсайт-исследований // Cloud of Science. 2014. – Т. 1, № 3. – С. 353–382.

вающие взаимодействие и учет мнений ведущих специалистов в предметной области, в том числе лиц, принимающих решения, тогда как основными преимуществами Форсайта являются вовлеченность различных сторон в процесс выработки управленческих решений, а также организация взаимодействия между экспертами в ходе исследования[1].

С учетом важности экспертных процедур интеллектуальных методов принятия решений и сопутствующих вопросов, рассмотрим особенности метода анализа иерархий (МАИ) и метода аналитических сетей (МАС), которые обусловливают эффективность их применения для Форсайт-исследований.

Для понимания сущности этих особенностей обратимся к основам методологии экспертно-аналитического моделирования и прогнозирования[2].

Под экспертно-аналитическим моделированием понимается процесс построения и исследования информационных моделей, основанных на использовании метода анализа иерархий, как одного из эффективных методов системного анализа слабо структурированных процессов. По-видимому, этот термин впервые был введен в монографии[3], посвященной применению информационных технологий к управлению инновационными процессами в экономических системах различного уровня. Вслед за этим появляется ряд работ, в названиях которых ключевым словом является термин «экспертно-аналитические» – экспертно-аналитическое моделирование, экспертно-аналитические методы, экспертно-аналитические технологии и т.п.[4]

Особый интерес представляет возможность путем экспертно-аналитического моделирования и последующего исследования построенных информационных моделей выполнять прогнозирование слабо структурированных процессов. В Интернет-источнике[5] приводится такая оценка – свыше 90% всех сделанных в мире прогнозов выполнено с помощью *экспертизы* и *фактографических* методов. При этом несомненным положительным свойством экспертно-аналитических моделей является их устойчивость к изменениям входных параметров и широкая возможность проведения имитационных (вычислительных) экспериментов.

Основой МАИ является иерархическая модель. Различают два типа иерархических моделей: 1) концептуальную, или общую, представляющую собой иерархическую структуру проблемы с учетом ситуации; 2) конкретную, или информационную, получаемую в результате «наполнения» концептуальной модели экспертными знаниями. В простейшем варианте концептуальная модель проблемы включает три иерархических уровня: фокус (цель) иерархии, систему оценочных критериев на следующем иерархическом уровне и альтернативы управленческого решения на нижнем уровне иерархии. Интеграция мнений экспертов на стадии создания концептуальной модели носит коллективный характер, и процесс подобной интеграции осуществляется неформальным путем, в то время как интеграция оценок экспертов на стадии создания информационной модели может и должна быть формализована. Эта задача решается с помощью информационных технологий, поддерживающих алгоритмы МАИ.

Одной из таких информационных технологий является разработанная в 2000–2001 гг. специалистами Орловского государственного технического университета и Орловской региональной академии государственной службы система поддержки принятия решений (СППР) Expert Decide[6], которая фактически выполняет роль интерактивной экспертной системы. СППР Expert Decide, наряду с реализацией расчетных и графических функций, выполняет и некоторые аналитические функции, предоставляя эксперту возможность оперативного просмотра результатов, полученных другими экспертами, оценки степени их близости или же, напротив, различия.

В общем случае иерархическая модель может иметь не три, а большее число уровней. В качестве примера приведем пятиуровневую модель прогноза развития системы высшего профессионального образования (ВПО), рассмотренную в работе[7]. Для решения данной задачи в данной работе построена концептуальная модель, содержащая пять иерархических уровней:

– уровень I – фокус (цель): прогноз развития инновационной структуры системы ВПО;

– уровень II – основные факторы развития: экономические, политические, социальные, технологические;

---

[1] Экспертные процедуры в форсайте: особенности взаимодействия с экспертами в проектах по долгосрочному прогнозированию / О.И. Карасёв, А.Е. Китаев, И.И. Миронова, Т.В. Шинкаренко // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. – Т. 10, Вып. 2. – С. 169–184.

[2] Шуметов В.Г. Экспертно-аналитическое моделирование – эффективная методология решения задач в сфере управления // Современные проблемы физико-математических наук «СПФМН-2013». Труды междунар. н.-практ. конф. – Орел: ОГУ, 2014. – С. 74–80.

[3] Шуметов В.Г. Управление инновационным процессом в хозяйственной системе на основе современных информационных технологий: Монография / Под общ. ред. А.Ю. Егорова. – М.: Изд-во «Палеотип», 2004.

[4] Милых Ф.Г., Болотских Д.И., Барбашова Е.В. Методология планирования развития предприятий легкой промышленности на основе экспертно-аналитических методов // Системная модель российского общества XXI века и корректировка реформ (Общество, которое мы выбираем): Сб. тр. конф. Орел, 2003; Алабин В.Е. Управление инновационной деятельностью в сфере консалтинговых услуг на основе экспертно-аналитического моделирования. Автореф. дис. … к-та экон. наук. – М.: ГАСИС, 2007; Покровский А.М. Оценка эффективности инвестиционных проектов на основе экспертно-аналитических технологий информационного обеспечения: монография. – М.: Риалтекс, 2008; Левко М.Н. Модели управления инновационным развитием предприятий легкой промышленности на базе экспертно-аналитических методов. Автореф. дис. … к-та экон. наук. – М.: ГАСИС, 2008; Батин Б.А. Развитие методов оценки рисков инвестиционных проектов промышленного предприятия на основе экспертно-аналитического моделирования. Автореф. дис. … к-та экон. наук. – М.: ГАСИС, 2009.

[5] Константиновская Л.В. Методы и приемы прогнозирования. – http://www.astronom2000.info/mipp/

[6] Кузнецов А.И., Шуметов В.Г. Expert Decide для Windows 95, 98, NT, 2000, Me. Версия 2.2. Руководство пользователя. – Орел: ОРАГС, 2001.

[7] Шуметов В.Г. Экспертно-аналитическое моделирование – эффективная методология решения задач в сфере управления // Современные проблемы физико-математических наук «СПФМН-2013». Труды междунар. н.-практ. конф. – Орел: ОГУ, 2014. – С. 74–80.

– уровень III – действующие силы (акторы): студенты, профессорско-преподавательский состав, администрация вуза, власти (государство, правительство), бизнес-структуры, общество;

– уровень IV – мотивирующие цели акторов: для студентов – достижение высокого социального статуса, профессиональная подготовка, навыки самообразования; для профессорско-преподавательского состава – престиж, стабильная работа, профессиональный рост; для администрации вуза – стабильность, финансовая обеспеченность вуза; для властей – благосостояние населения, общественный порядок, людские ресурсы; для бизнес-структур – прибыль, технология, капиталовложения; для общества – знания, культура;

– уровень V – контрастные сценарии: проекция (проекция настоящего на будущее); профессиональные навыки (ориентация на приобретение студентами профессиональных навыков; обучение (в вузах не проводятся широкие научные исследования, акцент преимущественно на обучение); инновационное развитие (в вузах проводятся научные исследования, инициирующие инновационный характер обучения).

Очевидно, что обобщенный сценарий развития инновационной структуры системы ВПО будет являться суперпозицией контрастных сценариев, проявляющих себя с вероятностями, пропорциональными их приоритетам.

Описанная пятиуровневая иерархическая модель, однако, слишком сложна для работы экспертов, поэтому целесообразно разбить ее на несколько более простых моделей, каждая из которых решает свою частную задачу. В данной работе, прежде всего, устанавливали соотношение приоритетов акторов, влияющих на развитие системы ВПО. Для этого использовали трехуровневую иерархию, включающую первые три уровня – цель, факторы и акторы. В результате опроса экспертов получена информационная модель, представленная на рис. 1.

Из этой модели следует, что наиболее приоритетными являются экономические факторы, на которые падает 51% суммарного приоритета, менее значимы социальные и технологические факторы с приоритетами 0,237 и 0,182 соответственно, и завершают ранжирование социальные факторы с приоритетом 0,072.

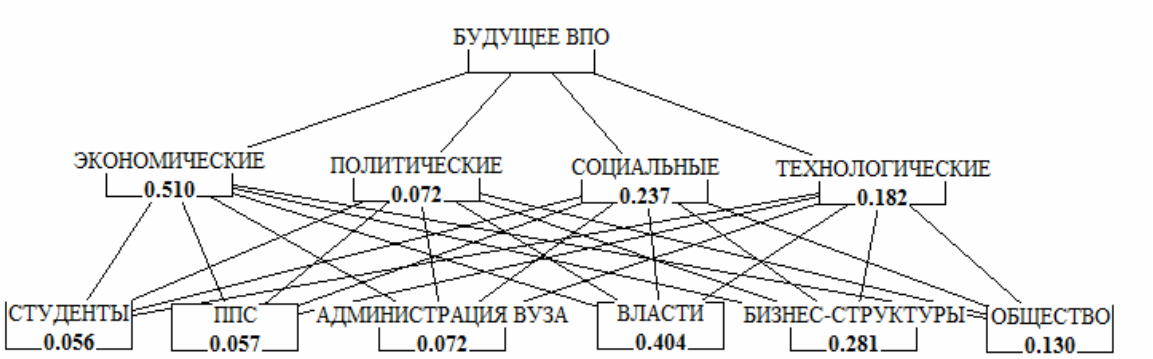

Рисунок 1.
Информационная модель влияния акторов на развитие инновационной инфраструктуры системы ВПО (экспортирована из СППР Expert Decide 2.2)

Поскольку на власти, бизнес-структуры и общество приходится более 80% воздействия на основные факторы, влияющие на развитие инновационной структуры системы ВПО, в дальнейшем для прогнозирования приоритетов контрастных сценариев использованы только эти три агента.

На следующем этапе экспертам для получения информационных моделей, описывающих распределения приоритетов целей акторов, были предложены три двухуровневые иерархии, фокусами которых являлись власти, бизнес-структуры и общество, а на нижнем уровне – мотивирующие цели акторов: для властей – благосостояние населения, общественный порядок, людские ресурсы; для бизнес-структур – прибыль, технология, капиталовложения; для общества – знания, культура. Полученные при этом результаты приведены в табл. 1.

Таблица 1

Приоритеты целей основных акторов

Актор	Цель	Приоритет относительный	Приоритет абсолютный
1	*2*	*3*	*4*
Власти (приоритет 0,404)	Благосостояние	0,218	0,088
	Общественный порядок	0,691	**0,279**
	Людские ресурсы	0,091	0,037
Бизнес-структуры (приоритет 0,281)	Прибыль	0,466	**0,131**
	Технология	0,100	0,028
	Капиталовложения	0,433	**0,122**
Общество (приоритет 0,130)	Знания	0,500	0,065
	Культура	0,500	0,065

В четвертой графе табл. 1 приведены абсолютные приоритеты целей, равные произведению относительных приоритетов (графа 3) на приоритеты акторов. Видно, что наиболее значимыми целями являются: общественный порядок (приоритет 0,279), прибыль (приоритет 0,131) и капиталовложения (приоритет 0,122). После нормирования имеем следующее распределение приоритетов этих целей: 0,524 : 0,246 : 0,229.

Поскольку для получения весов контрастных сценариев можно ограничиться только этими тремя целями, экспертам была предложена иерархия, содержащая три уровня: фокус – развитие инновационной инфраструктуры, мотивирующие цели и контрастные сценарии. В результате получена информационная модель, представленная на рис. 2.

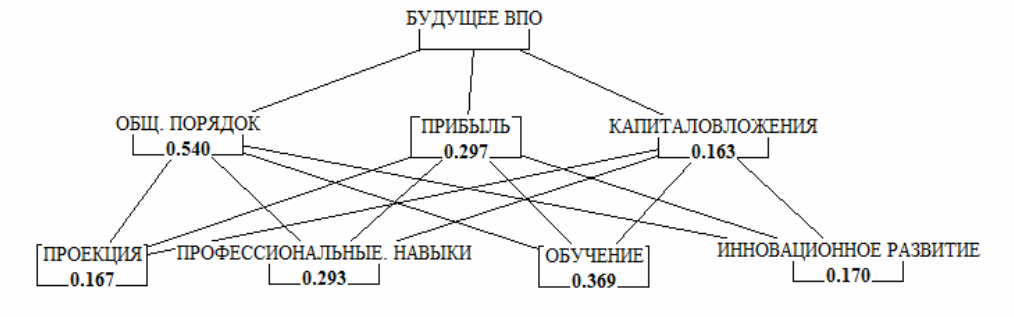

Рисунок 2.
Информационная модель развития системы ВПО (экспортирована из СППР Expert Decide 2.2)

Как видно из этой модели, эксперты очень сдержанно оценивают вероятность перехода системы высшего профессионального образования на инновационный путь развития – этот сценарий, наравне со сценарием «проекция» (сохранения существующей ситуации), получил приоритет 0,170, тогда как сценарий «обучение» получил вдвое больший приоритет – 0,369. Обращает на себя также внимание достаточно высокий приоритет сценария «профессиональные навыки» – 0,293, что, по-видимому, отражает неприятие экспертами усиленно насаждаемой Министерством науки и образования системы «бакалавр-магистр-аспирантура» и надежду вернуться к годами проверенной системе высшего профессионального образования «специалитет-аспирантура».

Таким образом, обобщенный сценарий развития системы ВПО выглядит следующим образом: наиболее вероятным вариантом ее развития является ориентация на обучение и привитие студентам профессиональных навыков, тогда как создание инноваций как самостоятельное направление будет занимать по-прежнему скромное место в миссии вуза.

Этот пример показателен. Из него следует, что используя метод анализа иерархий, можно не только дать прогноз ожидаемого будущего, но и наметить пути воздействия на него в желаемом направлении.

Вернемся теперь к рассмотрению этапов Форсайт-исследования.

Первым этапом Форсайт-исследований является определение состава и численности экспертных групп, в ходе которого подбираются наиболее компетентные участники, представляющие различные субъектные позиции в контексте предмета Форсайт-сессии[1]. Здесь могут быть реализованы самые разнообразные подходы, начиная от экспертизы заказчика и его предположений о людях, имеющих необходимую экспертизу, и заканчивая составлением списков, рейтингов и рэнкингов по данной теме, поиском авторов публикаций по теме, библиометрией и анализом патентов.

Чрезвычайно важен вопрос численности группы экспертов. Считается, что при коллективной дискуссии оптимальной по продуктивности является группа из 10–15 экспертов[2]. Мы придерживаемся точки зрения автора методов анализа иерархий и аналитических сетей Т. Саати на обеспечение консенсуса в группе: из-за ограничения на объем кратковременной памяти, препятствующего выработке согласованного решения большой группой экспертов, оптимальной является ее численность от 5 до 9 экспертов (так называемое «магическое» число Миллера 7 ± 2[3]).

Это же ограничение – 7 ± 2 – накладывается и на предельное число элементов, рассматриваемых на каждом уровне иерархической модели; при необходимости сравнивать друг с другом большее количество элементов (факторов, критериев, акторов, сценариев и т.п.) их следует объединять в подгруппы.

Следующий этап Форсайт-исследования – формирование объекта исследования[4]. В рамках метода анализа иерархий на этом этапе разрабатывается иерархическая модель прогнозирования будущего. Так, в приведенном выше примере прогнозирования будущего высшего профессионального образования это пятиуровневая модель, содержащая не только возможные сценарии развития ВПО, но и факторы развития, действующие силы, их цели. Модель прогноза будущего разрабатывается группой экспертов под руководством модератора, в качестве которого может выступать заказчик Форсайт-исследования. Процесс создания модели – итеративный, причем, в общем случае, важно добиваться консенсуса. Однако не исключается возникновение разногласий, тогда разрабатывается не одна, а несколько моделей, и не исключено, что в результате все они приведут к одному результату.

В рамках этапа формирования объекта исследования реализуется и следующий этап Форсайт-исследования – формирование существенных условий, которых желательно достичь. В терминах МАИ соответствующее исследование носит название планирования с двухточечным граничным значением – от достигнутого и от конечного результа-

[1] Методология Rapid Foresight. Версия 0.4. – М.: Агентство стратегических инициатив, 2017. – http://docplayer.ru/58510874-Rapid-metodologiya-foresight-versiya-0-4.html

[2] Обзор существующих в научно-технической сфере экспертных технологий (из опыта работы отечественных экспертных систем) / Ю.Л. Рыбаков, В.П. Голубев, Н.А. Дивуева, В.И. Медведев, Б.И. Ефимов // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2012. – № 2. – С. 173–182

[3] Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1993. – 278 с.

[4] Гусакова Я.В. Форсайт-исследование: содержание и преимущества // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – http://scienceforum.ru/2014/article/2014001985

та[1]. Приведенный выше пример представляет собой планирование от достигнутого. Планирование от достигнутого позволяет увидеть, насколько результаты в будущем близки к желаемым. Это процесс прогнозирования того, что может случиться. Если прогноз далек от желаемого, проводится планирование от конечного результата, при этом оценивается уже иная иерархическая модель, по которой «цели, политика и даже желаемые в будущем результаты изменяются для достижения большего успеха»[2]. Иногда требуется выполнить несколько итераций планирования от достигнутого и планирования от конечного результата с учетом требуемых видоизменений, чтобы процесс с двухточечным граничным значением привел к необходимому сближению возможного и желаемого.

Как правило, иерархическая модель планирования от достигнутого (иерархия прямого процесса) содержит следующие уровни:

уровень 1 – фокус: проецируемое будущее;

уровень 2 – акторы, которые будут влиять на будущее (проводится оценка их относительной важности);

уровень 3 – политики или цели каждого важного актора, которые будут влиять на планирование (проводится оценка их относительной важности для соответствующего актора);

уровень 4 – альтернативные сценарии будущего относительно политики акторов.

В результате реализации такого прямого процесса планирования проводится оценка относительной вероятности осуществления каждого сценария.

Иерархия обратного процесса планирования (от конечного результата) содержит следующие уровни:

уровень 1 – фокус: желаемое будущее;

уровень 2 – желаемые сценарии (проводится оценка их относительной желательности);

уровень 3 – проблемы и препятствия, которые должны быть преодолены для реализации одного или более сценариев (проводится оценка относительной важности каждой проблемы);

уровень 3 – акторы, контролирующие решение каждой проблемы (проводится оценка относительной значимости этих сил);

уровень 4 – политики/цели каждого актора, воздействующие на стратегию поведения по отношению к проблемам.

В результате реализации обратного процесса планирования проводится оценка относительной важности каждой противодействующей политики.

Ввиду исключительной важности построения обобщенного сценария из совокупности сценариев, определяющих «конус» будущего, приведем наиболее важные компоненты его построения[3]:

1. Определение общей системы, внешних и внутренних ограничений, а также идентификация подсистем.

2. Построение иерархической структуры подсистем и идентификация регулирующих компонент.

3. Определение состояний системы и моделирование истории ее развития.

4. Рассмотрение развития сценария во времени (исторический анализ) для освещения эволюции системы и влияния на характеристики одновременно с исследованием внутренней динамики модели.

5. Определение целей сценария с обсуждением их значений.

6. Выбор типов используемых сценариев.

7. Разработка основных данных прошлой, настоящей и будущей информации.

8. Идентификация структурных компонент, факторов, обеспечивающих равновесие и тенденции развития системы.

9. Описание трений, присущих функциональным механизмам.

10. Анализ механизмов регулирования в системе и их связей.

11. Критика и пересмотр предыдущего анализа, усовершенствование сценария посредством проверки ограничений, неравновесности, трений, сил, противоречий: вмешательства механизмов регулирования, а также установление противодействий, которые влияют на выживание системы.

12. Создание усовершенствованного сценария.

Из представленного выше перечня компонент построения обобщенного сценария следует, что методология экспертно-аналитического прогнозирования полностью отвечает логике Форсайт-исследований.

До сих пор мы обсуждали методику Форсайт-исследований с позиции метода анализа иерархий. При всей эффективности этого метода системного анализа он обладает тем недостатком, что учитывает только прямые связи, т.е. все элементы нижних уровней иерархии строго подчинены элементам верхних уровней, при этом не учитываются обратные связи и взаимодействия элементов. Этот недостаток преодолен в развитии метода анализа иерархий – в методе аналитических сетей. В отличие от МАИ, где сравнение элементов каждого уровня производится друг с другом по их вкладу в конечный результат или же относительно других элементов (факторов) вышестоящих уровней, МАС «оперирует сетями, которые могут принимать произвольную форму и содержать в себе всевозможные виды связей, включая обратные и циклические, когда фактор может влиять сам на себя непосредственно либо опосредованно»[4].

Метод аналитических сетей в «классическом» варианте достаточно сложен для практической реализации[5], и нами рекомендуется использование так называемого «базового» варианта МАС, поддерживаемого экспертно-

[1] Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1993. – С. 124.

[2] Там же.

[3] Там же, с. 125.

[4] Середкин К.А., Коробов В.Б., Тутыгин А.Г. О применении метода аналитических сетей в задачах геоэкологии // Проблемы региональной экологии. 2012. – № 4. – С. 63.

[5] Середкин К.А. О границах применимости метода аналитических сетей в задачах принятия решений в естественных науках // Искусственный интеллект и принятие решений. 2018. – № 2. – С. 95–102.

аналитической системой Expert Solution 1.0, разработанной специалистами Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова[1]. В этом варианте МАС ограничение на обратную связь снимается и, помимо «прямой» иерархии (фокус – критерии – альтернативы), рассматривается также «обратная» иерархия, в которой на нижнем уровне находятся критерии, а альтернативы – на среднем уровне. Тем самым учитывается не только зависимость приоритетов альтернатив от критериев, но и влияние альтернатив на приоритеты критериев. Взаимодействия элементов уровней при этом не учитываются: разработчики базового варианта МАС справедливо полагают, что при выборе элементов уровней необходимо исходить из их независимости. Заметим, что даже в таком упрощенном варианте работа экспертов существенно усложняется. В то же время, наш опыт показал, что несмотря на большую трудоемкость, расчеты по сетевой модели обеспечивают существенно большую надежность выводов, и при использовании соответствующего программного обеспечения, в частности, экспертно-аналитической системы Expert Solution 1.0, не доставляют значительных неудобств как организаторам экспертизы, так и самим экспертам[2].

Применение в «быстрых» Форсайт-исследованиях экспертно-аналитических технологий на базе эффективных методов системного анализа – МАИ и МАС, отнюдь не снимает применения «классических» методов Форсайта. Цель авторов данной публикации, являющейся развитием работы[3], – обратить внимание исследователей на широкие возможности, предоставляемые экспертно-аналитическими технологиями на основе алгоритмов методов анализа иерархий и поддерживаемые соответствующим компьютерным инструментарием. Читателей, интересующихся вопросами применения МАИ и МСА в условиях отечественной прикладной науки, адресуем к многочисленным публикациям, из которых следует выделить статьи и монографии энтузиастов этих методов А.В. Андрейчикова и О.Н. Андрейчиковой[4].

[1] Покровский А.М. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2012615377 Expert Solution / И.В. Барбашов, А.М. Покровский. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 15 июня 2012 г.

[2] Shumetov V., Kolomeychenko A., Mikhaylov M. Expert and analytical technologies in the sphere of agribusiness management // Advances in Intelligent Systems Research. 2019. – Vol. 167. – P. 354–358.

[3] Шуметов В.Г., Коломейченко А.С. Экспертно-аналитическое обеспечение процесса принятия рациональных решений в стратегическом менеджменте // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 599–603.

[4] Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. Интеллектуальные информационные системы. – М.: Финансы и статистика, 2004; Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. Прогнозирование вступления России во Всемирную торговую организацию // Инновации. – СПБ., 2004. – № 10. – С. 76–79; Андрейчикова О.Н., Андрейчиков А.В. Исследования проблемы вступления России во Всемирную торговую организацию методом аналитических сетей // Известия вузов. Машиностроение. 2006. – № 1. – С. 63–73; Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. Анализ, синтез, планирование решений в экономике. – М.: Финансы и статистика, 2006; Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н. Системный анализ и синтез стратегических решений в инноватике. Концептуальное проектирование инновационных систем. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Кузавко А.С.[1]

АНАЛИЗ БИЗНЕС-СРЕДЫ ДНЕПРО-ДВИНСКОГО РЕГИОНА МЕТОДОМ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ[2]

Ключевые слова*: Днепро-Двинский регион, бизнес-среда, российско-белорусское приграничье, Союзное государство России и Беларуси.*

Keywords: *Dnieper-Dvina region, business environment, Russian-Belarusian border area, Union State of Russia and Belarus.*

Существуют различные методики анализа бизнес-среды и инвестиционного климата территории, на которой функционируют субъекты предпринимательства. Сложность понятия бизнес-среды региона определяет наличие значительного числа подходов к ее исследованию. Все многообразие подходов к оценке и анализу бизнес-среды региона можно условно сгруппировать следующим образом в зависимости от признака, положенного в основу [1]:

– по методу, лежащему в основе анализа;

– по уровню обобщенности;

– по предмету управления.

Анализ закономерностей и тенденций развития бизнес-среды территорий нашел достаточно широкое отражение в трудах ведущих российских и зарубежных ученых. Дж. Мейер и Б. Роуэн в работе [2] отмечают важность институционального контекста для развития субъектов бизнеса. Е.О. Миргородская, С.Г. Шеина исследуют основные элементы предпринимательской структуры территории [3], В.А. Овчаренко акцентирует внимание на субъектах предпринимательства и их поведении [4].

Н.Е. Кубина, Н.Ю. Лукьянова, Л.Ю. Щербинина предлагают системный подход к оценке бизнес-среды региона, базирующийся на трех ее основных компонентах: состоянии конкурентной среды, деловой активности и потребительских настроениях [5]. Н.З. Солодилова, Р.И. Маликов, К.Е. Гришин [6] делают акцент на инфраструктуре, предлагая использование разработанной матричной институциональной модели предпринимательской деятельности для анализа региональной деловой среды. С точки зрения структурного подхода, регион рассматривается как территория или пространство, как участник рынка, как общность людей и как подсистема государственной системы управления.

Приграничное положение региона выделяется исследователями как фактор развития его бизнес-среды, которое в совокупности с другими особенностями социально-экономического положения территории может стимулировать или сдерживать экономический рост.

Оценить влияние приграничности, межстоличности и межгосударственной интеграции на изменение бизнес-среды, используя только статистический инструментарий весьма проблематично, поскольку численные значения индикаторов изменяются под влиянием множества факторов и сложно определить вес каждого. Поэтому для повышения качества анализа бизнес-среды помимо статистического анализа был проведен опрос предпринимателей Смоленской, Витебской и Могилёвской областей – Днепро-Двинского региона (далее ДДР) [7], методом глубинного интервьюирования.

Интервьюирование проводилось с сентября 2019 года по январь 2020 года. В опросе приняли участие 90 респондентов (по 30 в каждой области, входящей в ДДР). В число респондентов входят как руководители и профильные сотрудники крупных и средних организаций, так и представители малого бизнеса. Для повышения репрезентативности проведённого интервьюирования были опрошены представители организаций, работающие в разных отраслях экономики. Исследование проведено на условиях анонимности респондентов. Результаты обрабатывались в обобщенном виде, с фиксацией специфики проблем отдельных отраслей экономики, на которые указывали респонденты. Так как исследование было проведено до реализации стрессового события, связанного с введением ограничений из-за распространения короновирусной инфекции, то результаты опроса позволяют оценить реальное состояние бизнес-среды приграничных регионов и его динамику за ряд лет.

Большинство опрошенных во всех регионах работают более 5 лет (в среднем 62% от общего числа респондентов). Это позволяет выявить устойчивую сформированную позицию респондентов о бизнес-среде региона, в котором они функционируют продолжительное время.

Проведённый опрос показал положительную оценку бизнес-среды респондентами в ДДР (рис. 1)

---

[1] Кузавко Антон Сергеевич – к.э.н., доцент Смоленского государственного университета, директор Ассоциации «Агентство интеграционных инициатив». E-mail: akuzavko@rambler.ru; http://np-aaii.ru/

[2] Публикация подготовлена в рамках поддержанного научного проекта МК-883.2019.6 Советом по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук.

Рисунок 1.
Оценка бизнес-среды ДДР респондентами

Несмотря на более высокие оценки бизнес-среды в белорусских регионах, нельзя делать вывод о их большей привлекательности для ведения бизнеса в сравнении со Смоленской областью. Среди белорусских респондентов представители крупных промышленных предприятий с государственным участием характеризовали бизнес-климат только положительно. Сложилось впечатление, что в беседе с интервьюером они намеренно завышают оценку, пытаясь создать видимость отсутствия проблем. На уточняющие вопросы, касающиеся положительных сторон бизнес-среды в белорусских регионах, не было получено значимых ответов. Второй особенностью проведённого опроса стала кардинальная разница в ответах респондентов в зависимости от формы собственности предприятий. Представители предприятий с государственным участием характеризовали бизнес-среду только положительно, в то время как частный бизнес в большей степени высказывался негативно. Объяснение данной особенности дали сами респонденты, указав на значительную поддержку крупного бизнеса с государственным участием со стороной органов власти (субсидии, дотации и т.п.) и низкую поддержку малого и среднего частного бизнеса в Республике Беларусь.

Среди проблем бизнес-среды в Могилёвской области респонденты выделяли: снижающуюся покупательскую способность населения из-за роста цен и низких заработных плат; низкую поддержку отрасли общественного питания; рост конкуренции.

Среди проблем бизнес-среды в Витебской области респонденты выделяли нехватку сырья в Беларуси (в частности для сыроваров); низкую покупательскую способность населения; сложности с реализаций отдельных дорогостоящих групп товаров из-за регулирования цен государством; низкий спрос на бытовые услуги; дорогостоящую сертификацию ввозимых в Беларусь товаров; рост конкуренции.

Среди проблем бизнес-среды в Смоленской области респонденты выделяли рост конкуренции; сложности с привлечением высококвалифицированных трудовых ресурсов; недостаточное количество логистических центров; снижение покупательской способности населения.

Выделенные проблемы взаимосвязаны между собой. Респонденты не всегда могут адекватно определить причины ухудшения результатов своей деятельности. В частности, статистические данные не показывают столь серьезного снижения доходов населения, как на это указывают респонденты. Фактически, в большей степени снижается не покупательская способность населения, а доля организаций на рынке из-за растущей конкуренции. В отраслях с наименьшими барьерами для входа респонденты отмечали увеличение новых организаций, вышедших на рынок. Особенно часто на это указывали представители сферы ритейлинга. Они чаще представителей других отраслей указывали на рост конкуренции и одновременное снижение покупательской способности, отмечая ухудшение условий ведения бизнеса за последние годы своей работы в ДДР (рис. 2).

Наибольшие количество респондентов, отметивших улучшение бизнес-среды в Смоленской области – 43,3%. При этом в российском регионе 50% респондентов знают о существовании институтов поддержки предпринимательства, таких как Центр поддержки предпринимательства, Центр поддержки экспорта, Центр кластерного развития Смоленской области. При этом осведомленность о деятельности данных институтов поддержки предпринимательства и количество обращений за их помощью прямо зависит от срока существования организаций. Чем меньше организация работает на рынке Смоленской области, тем больше осведомленность и степень взаимодействия с ними.

Иная ситуация в белорусских регионах. 63% в Могилёвской и 13% в Витебской области отметили, что не знают организаций, поддерживающих развитие их бизнеса в регионе. В Витебской области 39% респондентов заявили о поддержке местным отделением Торгово-промышленной палаты. При этом интервьюирование показало, что респонденты, которые работают не только в ДДР, но и других регионах Беларуси отмечают наилучший уровень работы Витебского (в частности Оршанского) отделения Торгово-промышленной палаты. Также на положительные оценки респондентов о бизнес-климате повлияли особые условия работы в Оршанском районе Витебской области, которые были

созданы по поручению Президента Республики Беларусь (Указ № 506 «О развитии Оршанского района Витебской области»).

Рисунок 2.
Оценка динамики бизнес-среды за годы работы организации

В ходе интервьюирования также была предпринята попытка оценить влияние интеграционных процессов России и Беларуси на бизнес-климат ДДР (рис. 3).

Рисунок 3.
Оценка влияния интеграции России и Беларуси на изменение бизнес-среды регионов

Получены достаточно противоречивые ответы респондентов. В основном вопрос о влиянии интеграции на деятельность респондентов в регионе вызывал озадаченность. Часто респондентам было трудно сформулировать, в чем заключаются положительные аспекты влияния интеграции, даже если они одобрительно высказывались об этом процессе. Обычно предприниматели выделяли единое таможенное пространство, свободное передвижение товаров и людей через границу. Среди респондентов, высказавшихся отрицательно о создании Союзного государства, чаще всего звучала мысль о росте конкуренции со стороны организаций из соседнего государства. Не увидели какого-либо влияния интеграции на их деятельность респонденты из организаций, работающих на внутреннем рынке регионов, резидентами которых они являются.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о разных условиях работы организаций в ДДР в зависимости от вида экономической деятельности. В некоторых отраслях год от года усиливается конкуренция и интеграционный процесс России и Белоруссии ее только повышает. В других, наоборот, интеграция расширяет рынки и упрощает сбыт продукции. В целом, многое зависит от способностей управленческих команд российского и белорусского бизнеса из ДДР находить преимущества во внешней среде и развиваться.

Список литературы

1. Кузавко А.С. Анализ методик выявления закономерностей формирования и оценки бизнес-среды региона // Вопросы управления. 2019. – № 3 (39). – С. 129–139.
2. Мейер Дж., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. – № 12 (1). – С. 42–67.
3. Миргородская Е.О., Шеина С.Г. Зонирование экономического развития региона: методологические и методические подходы к анализу территории // Terra Economicus. 2012. – № 4 (10). – С. 173–178.
4. Овчаренко В.А. Формирование и развитие предпринимательской среды региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – СПб.: СПб. акад. упр. и экономики, 2008. – 185 с.

5. Кубина Н.Е., Лукьянова Н.Ю., Щербинина Л.Ю. Методологический подход к оценке состояния бизнес-среды Калининградской области: деловая активность // Финансы и бизнес. 2017. – № 1. – С. 33–48.
6. Солодилова Н.З., Маликов Р.И., Гришин К.Е. Модернизация деловой среды как фактор решения задач импортозамещения // Экономический вестник Донбасса. 2016. – № 1(43). – С. 165–171.
7. Кузавко А.С., Катровский А.П., Ридевский Г.В. Эволюция потребительского рынка Днепро-Двинского региона: монография. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. – 160 с.
8. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. – М.: Либроком, 2009. – 216 с.
9. Вертинская Т.С. Межрегиональные связи Беларуси со странами-членами ЕАЭС // Наука и инновации. 2019. – Т. 1, № 191. – С. 17–20.
10. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. – № 3. – С. 128–136.
11. Морачевская К.А. Влияние государственных интеграционных процессов на развитие российско-белорусского приграничья // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации. Монография / Под ред. Л.Б. Вардомского, Л.И. Попковой. – Курск, 2017. – С. 267–274.

Логвиненко В.П.[1]

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБОСНОВАНИЯ, РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ключевые слова: *экспертная оценка, модель, национальные проекты, идеология, управленческие технологии, консультационный процесс, междисциплинарность.*

Keywords*: expert assessment, model, national projects, ideology, management technologies, consultative process, interdisciplinarity.*

Экспертная оценка является неотъемлемой составляющей процессов разработки и реализации программ стратегического развития России.

Как известно, экспертное оценивание — процесс получения оценки чего-либо, на основе мнения экспертов, с целью его учета в последующем процессе принятия решения. Экспертные мероприятия осуществляются в ходе законотворческой деятельности, в процессах принятия стратегических, программных и текущих управленческих решений. Экспертные методы оценки применяют и в случаях, когда обоснование, подготовка и выбор решений не могут быть выполнены на основе анализа и точных расчетов. Несомненно, эксперты, имеющее специальный опыт в конкретной области знаний и участвующие в экспертных мероприятиях, используют различные методы, которые подразделяются на методы экспертных оценок (усреднение полученных результатов) и методы интеграции подходов, имеющих существенные различия.

Экспертные оценки применяются и в ходе формирования знаний, и на любом этапе исследований: определении цели и задачи, построении и проверке гипотез, интерпретации процессов и результатов исследований, обоснования адекватности выбора инструментария и в процессе выработки рекомендаций. В научной среде этому предшествует дискурс как форма научной коммуникации. Особый интерес в этом контексте представляют материалы Ли Же, в частности его статья «Дискурс как единица исследования: научные школы, понимание термина»[2]. То есть наука как социальный институт, обеспечивающий познавательную деятельность и формирующий теоретическую систему знания, оказывает существенное влияние на управленческую практику. Вместе с тем, учитывая, что члены научного сообщества, как и представители власти, включены в определенную социо-культурную и политико-правовую среду, их мнения могут существенно влиять на результаты экспертной деятельности, независимо от их научной обоснованности.

Важно также учитывать, что в периоды смены парадигм развития, обострения кризисных процессов, управленческая практика испытывает не только объективные трудности, но и попадает в зону неопределенности теоретических обоснований. Экспертные мероприятия становятся инструментом влияния экспертов – носителей тех или иных, как правило, устаревших или научно несостоятельных воззрений, а сами мероприятия приобретают имитационный, конъюнктурный характер. С этим утверждением корреспондирует следующий фрагмент одного из научных исследований. «Проблема теоретического воспроизведения процесса смены парадигм в социологии и философии науки ни в коей мере не является новой. Тем не менее нельзя сказать, что ее исследования подошли к такому рубежу, когда по крайней мере подавляющее большинство специалистов согласно хотя бы в том, как именно, в каких направлениях надо продвигаться вперед»[3].

Исследователи также отмечают пагубное влияние на социальную практику и развитие социума философии постмодернизма и углубление смыслового кризиса: «либеральная идеология с ее принципами социального атомизма, индивидуализма, плюрализма не может быть адекватной основой для создания моделей социального устройства, поскольку не соответствует действительной сущности человека/общества, родовому содержанию. Современный СМЫСЛовой кризис цивилизации – красноречивое подтверждение этому»[4].

Проблема формирования смыслов в условиях отсутствия теоретических обоснований по целому ряду проблем современности частично восполняется конструктами политических идеологий, которые не подвергаются сомнению в силу предписанной им роли. Как известно, идеологии представляют собой совокупность концептуально оформленных взглядов, представлений и идей, отражающих мировоззрение, идеалы и интересы определенных социальных общно-

---

[1] Логвиненко Виктория Павловна – D.Ed., профессор, академик Международной академии фундаментального образования, главный координатор образовательного направления, директор Института делового администрирования МАФО (https://mafo.academy), генеральный директор Сетевого консорциума непрерывного образования (https://atmos-sfera.ru/skno/). E-mail: consortium @live.ru

[2] http://workinggroup.org.ua/publdzo1.shtml

[3] Нугаев Р.М. Смена парадигм: модель коммуникативной рациональности. – https://iphras.ru/page48036745.htm

[4] Маслянка Ю.В. Смысловой кризис современности и философия постмодернизма. – https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovoy-krizis-sovremennosti-i-filosofiya-postmodernizma/viewer

стей или общества. При этом следует отметить, что ни одна из представленных обществу партийных идеологий не является непротиворечивой с точки зрения методологической и научной обеспеченности, ее теоретико-концептуального уровня представления.

Как известно, базовым основанием деления политических идеологий является определение роли государства в политической системе общества. Каждая из известных идеологий на практике стремится доказать правомерность своих идеологем и несостоятельность других и реализуется за счет учета интересов и ценностей тех или иных социальных слоев населения, классов, этносов и т.д. С целью снижения зависимости стратегии развития государства от идеологических борьбы, в ст. 13 Конституции РФ закреплено, что ни одна идеология не может устанавливаться в качестве государственной. На законодательном уровне эта статья призвана способствовать идеологическому плюрализму.

Однако стратегическая деятельность не может формироваться без идеологической направляющей, а для реализации плюрализма как философской категории требуется принципиально новое видение мира, изложенное на уровне не ниже новой философии. Как замечает д.ф.н. Малюта А.Н., «идеология в системе базового алгоритма социальной деятельности расположена между философией и меморандумом. Непонимание или неучёт места идеологии в структуре социальной деятельности приводят к серьёзным искажениям в ожидаемых результатах решений сложных социальных задач»[1]. Процесс определения идеологии как понятия на сегодняшний день может и должен рассматриваться сам по себе как отдельная, специфическая и довольно сложная задача, если браться за её решение с учетом всей полноты потребностей социальной практики.

Отмеченные выше особенности процесса формирования идеологического обоснования программ стратегического развития страны, не снижают важности обеспечения экспертной оценки, например, разработки национальных и иных программ. Тем более, что «деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта» и как подчеркивал А.Н.Леонтьев, представляющая собой систему, включенную в систему отношений общества[2], управленческая практика (как особый вид деятельности) реализуется вне зависимости от того, способна ли наука предложить неопровержимые обоснования и доказательства для достижения поставленных целей.

И все же стратегии развития регионов на современном этапе целесообразно связывать с идеологией устойчивого развития. Но не только на том осоновании, что это понятие стало привычным и ассоциируется со стабильностью, устойчивостью достигнутого результата или неизменностью поставленной цели, как оно зачастую понимается. И не только потому, что в 2015 году ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года[3], а Россия поддержала данную Повестку, сделав попытку интерпретировать и использовать методологию ООН для российских реалий и приняв социально-экономические тенденции 2015–2016 годов за стартовую точку в движении к 2030 году[4]. Отметим, что из 17 целей устойчивого развития, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия и др., отдельно выделена программа «Устойчивые города и населенные пункты».

Стратегии развития регионов целесообразно связывать с идеологией устойчивого развития и потому, что устойчивость – это объективная характеристика процесса развития, которую возможно проектировать. Одной из важнейших закономерностей развития сложных систем (например, государства) является следующая: «Устойчивость сложной системы обеспечивается за счет более сильных внутренних взаимодействий между элементами нижнего уровня по сравнению с межэлементным взаимодействием внутрисистемных макроэлементов. С ростом иерархии взаимодействие между элементами более высокого уровня падает сравнительно с взаимодействием на нижних уровнях»[5].

Как показывает анализ, на данном этапе направление устойчивого развития оформлено как некое глобальное движение, располагающее информационно-пропагандистскими и финансовыми ресурсами и характеризующееся высокой активностью международных институтов и организаций, активно использующих устоявшееся выражение – УР – для достижения своих, зачастую далеких от потребностей регионов и населения целей. УР также породило виртуальное пространство, существующее на принципах самоорганизации. «Как глобальные тренды меняют бизнес, какими принципами и моделями необходимо руководствоваться при формировании стратегий устойчивого развития, стратегий достижения ЦУР?» – задаются вопросом организаторы очередного форума по устойчивому развитию[6]. Одновременно с этим издание «PwC. Задачи в области ЦУР, 2019 г.», содержащее анализ и оценку практики реализации Концепции и программ устойчивого развития отмечает: «существует серьезная, требующая незамедлительных действий проблема, с которой необходимо справиться. Хотя ЦУР играют заметную роль, реальность такова, что в настоящее время ни одна страна не находится на пути к достижению этих целей. Уже прошла почти треть времени, отведенного на достижение ЦУР, но предстоит сделать еще многое для того, чтобы ЦУР были достигнуты»[7].

Группа независимых экспертов (Е. Абрамов, М. Андея и Ю. Бубнов) в публикации «Что такое Устойчивое развитие. Разные взгляды и подходы» отмечают: «За два десятилетия развития концепции Устойчивого развития был достигнут крайне незначительный прогресс с учётом происходящего дальнейшего обострения проблем нищеты и ухудшения экологической обстановки. Мировому сообществу требуются не новые философские и экономические споры или дебаты по вопросам политики и дележа, а принятие руководителями корпораций и государств, а также лю-

---

[1] Идеология и национальная безопасность // Национальная безопасность и геополитика России. – М., 2001. – № 9-10.

[2] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – https://www.marxists.org/russkij/leontiev/1975/dyeatyelnost/deyatyelnost-soznyanie-lichnost.pdf

[3] https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/

[4] Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия. – https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf

[5] Малюта А. Система деятельности. – https://studfile.net/preview/5265387/

[6] https://www.ccifr.ru/event/natsionalnyj-forum-po-ustojchivom-razvitiyu

[7] http://www.pwc.com/sdgchallenge

бых других лидеров на самом высоком уровне и повсеместно практических мер и достижение результатов во всех четырёх описанных выше областях»[1].

Особо следует отметить, что по мнению ряда авторов, существенный ресурс повышения эффективности достижения ЦУР необходимо искать в «повышения уровня системности в подходе нашей страны к реализации ЦУР, в частности более полного включения социальных аспектов устойчивого развития в национальные документы стратегического планирования»[2].

Отдельные актуальные аспекты, относящиеся к проблематике нового мышления в контексте УР отмечены нами в публикации «Теоретико-методологические и практические аспекты устойчивого развития регионов»[3]. Однако следует особо подчеркнуть, что при выходе на социальную практику в логике устойчивого развития, появляется потребность в организации экспертных мероприятий в целях поиска и обоснования решений как составляющих инновационной социально-экономической практики. В свою очередь инновации на практическом уровне влекут за собой потребность в адаптации законодательства. Не ставя перед собой целью изучение проблем законотворческого процесса, отметим, что по мнению исследователей этого направления зачастую участники не учитывают всех важных свойств законотворчества, где важная роль принадлежит экспертной оценке, что снижает эффективность этого процесса. Так, Е.В. Сырых считает, что системный анализ позволяет выделить важные критерии качества закона на этапах:

1) выделения в содержании закона четырех аспектов: юридического, логического, языкового и социального;

2) уточнения и конкретизации роли каждого отдельного аспекта содержания закона;

3) выявлении и обосновании свойств каждого аспекта содержания закона, способных быть критериями качества закона;

4) разработки совокупности общенациональных определений каждого критерия качества закона;

5) апробации общих критериев в оценке качества действующих или проектируемых законов[4].

Как обеспечить эффективное экспертное сопровождение построения модели устойчивого развития в пределах региона? На практическом уровне постановка задачи выхода региона на траекторию устойчивого развития может исходить от руководителей регионального уровня или от представителей депутатского корпуса. В таком случае консультативный процесс, необходимый для реализации поставленной задачи будет обеспечен организационным, информационно-коммуникационным и иными ресурсами и опираться на персональный авторитет руководителя, непосредственного руководящего его ходом.

Очевидно, что при формировании и реализации программ развития регионов важно опираться на потенциал предпринимательских и гражданских инициатив его жителей, и чем ближе к среде обитания людей разрабатывается программы, тем важнее обеспечить активное участие граждан в жизни города, села, поселка. Это положение соответствует целям УР (Повестве дня на 21 век), но требует как адаптации законодательства, так и значительных перемен в сознании граждан и представителей государственной и муниципальной власти.

Как отмечалось ранее, с появлением инициатив Президента РФ по поддержке гражданских инициатив (ГО Народный фронт и другие), появились дополнительные стимулы для поступательной трансформации социально-экономического пространства страны и создания предпосылок для устойчивого развития страны.

Экспертные мероприятия иногда становятся единственной опорой для обоснования реформ социально-экономического развития. Такая ситуация сложилась в 2000 году, когда представители всех ветвей власти столкнулись с необходимостью решать качественно новые задачи, отвечающие логике отказа от социалистической системы хозяйствования и выхода на реформирование всех отраслей хозяйствования на всех уровнях. Приведу пример организации консультатиыного процесса с позиций авторского подхода системного проектирования.

Так, группой депутатов Московской городской Думы был запрошен подход по обеспечению подготовки Концепции развития киноиндустрии Москвы на 2001–2003 гг. и реализации программных целей по воссозданию отрасли городского хозяйства, обеспечивающей, развитие культуры отечественной кинематографии в новых экономических и социальных условиях. Отмечались разрушение старой системы управления кинематографией и неэффективность попыток ее реанимации; нарушение иерархических управленческих связей и закономерностей развития; отсутствие системного видения построения модели управления кинематографической отраслью; недостаточность частных решений и мер без концептуального видения проблематики и необходимость развития киноиндустрии как отрасли городского хозяйства, позволяющей объединить все разнообразие экономических и социальных проблем, назревших в кинематографии.

Спроектированный от лица депутатов Московской государственной Думы консультативный процесс позволил поступательно (в течение полугода) обеспечить необходимые реформы концептуально, найти подходы к выходу из содержательного кризиса в киноиндустрии, сформулировать новые смыслы и пути возрождения отечественного кино в современной социо-культурной, экономической и информационной среде того периода, разработать критерии оценки эффективности деятельности хозяйствующих субъектов; определить роль государственных кинотеатров в развитии киноиндустрии Москвы и оценке состояния действующей киносети; проанализировать значение кино как фактора формирования сознания и психологического воздействия. Механизмами реализации проекта были ситуационный ана-

[1] https://www.icsgroup.ru/library/publications/Sustainable_development/

[2] Сахаров А., Колмар О. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России. – https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-realizatsii-tseley-ustoychivogo-razvitiya-oon-v-rossii

[3] https://atmos-sfera.ru/skno/node/375 https://www.roi.ru/page/how-it-works/

[4] Сырых Е.В. Общие критерии качества закона: Автореф. дис. на соискание уч. степени. канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 7; Борисов А.М. Обеспечение качества регионального законодательства – совместная задача корпуса депутатов, органов государственной власти и юридического сообщества субъектов Российской Федерации. – http://ukros.ru/archives/20131

лиз, слушания, круглые столы, экспертные опросы, консультации, семинары, что позволило сформировать пакет рекомендаций по управлению и финансированию отрасли (разработка нормативов, структур управления и др.) в соответствии с городским социальным заказом и др.

В информационном блоке «Мосгордума – за разработку столичной политики в области киноиндустрии» пресс-центр Московской городской думы 25.09.2001 сообщил: «Сегодня состоялись слушания на тему "Критерии оценки состояния отечественной кинематографии на современном этапе и развитие киноиндустрии Москвы". Разговор на слушаниях касался самых разных аспектов проблемы, однако все участники согласились с высказанной мыслью о необходимости разработки и ведения городом собственной политики в области киноиндустрии. По результатам сегодняшнего обсуждения будут сформулированы соответствующие рекомендации депутатам Московской городской Думы и правительству Москвы. Следующим этапом должна стать разработка властями города концептуальной основы развития киноиндустрии столицы и конкретных шагов по ее реализации»[1]. Концепция была принята, но это стало возможно только благодаря включенности депутатов и представителей правительственных структур в экспертно-аналитическую работу и процесс преобразований. Данный пример свидетельствует, о том, что при осуществлении экспертно-консультативных мероприятий, позволяющих увидеть проблематику не просто с разных точек зрения, а с позиций междисциплинарного и межотраслевого анализа, процесс принятия решений может быть обоснованным и достаточным для принятия практических решений.

С течением времени новые руководители и депутаты, совместно с привлеченными экспертами привнесли изменения, соответствующие их идеологическому представлению о развитии кинематографической отрасли, а с 2019 года развитие культуры и кинематографа сопрягается с целями национальной программы «Культура».

В материалах по проблематике: «Научно-технологическое обеспечение национальных программ и проектов: практика и социальный ресурс общества»[2] нами отмечалось, что в процессе обоснования национальных проектов зачастую используются присущие плановой экономике алгоритмы разработки мероприятий и декларации целей без должного обоснования путей их достижения. Однако, учитывая, что в конечном итоге решения принимаются руководителями, они и несут ответственность за исполнение этих решений, последствия внедренных новшеств и рисков, связанных с этим.

Если поставить задачу повышения эффективности и результативности управления для достижения устойчивого развития на региональном уровне, то важно исходить из понимания, что экспертно-аналитический блок – это не просто желаемая, а необходимая составляющая процесса, направленого на решение этой задачи.

В условиях кризиса политических моделей, по мнению руководителя научно-общественого Совета анализа и планирования стратегических инициатив (САПСИ): «Чтобы понять, что такое УР, особенно если объяснить его с позиций универсальности, т.е. приемлемости для разных стран и регионов, т.е. найти некие особенности, которые будут пригодны для процесса развития вне зависимости от того, как и где он происходит, то нужно осознавать, что это очень сложная задача. Она важна на сегодняшний день, а сложность ее происходит из-за того, что, употребляя фразу «устойчивое развитие», которая понимается всеми по-разному, исходя из местных условий и в принципе задачи-то эгоистические, все хотят устойчивого развития самих себя вне зависимости от того, какие они есть, и какие страны, какие регионы их окружают и можно ли сочетать это многообразие устойчивых развитий, так чтобы они не препятствовали друг другу. Так вот, для понимания этого умозрительного подхода недостаточно, невооруженного мозга вообще не хватает, т.к. степень сложности задачи такова, что она выходит за пределы естественных возможностей здравомыслящего человека. Здесь требуется инструментарий»[3].

Учитывая вышеприведенное, можно рекомендовать руководителям, желающим вывести регион в режим, учитывающий закономерности системного развития, подготовить экспертную группу, вооружив ее членов знаниями методологии системного развития, приемлемой для анализа и решения задачи соответствующего уровня сложности, обеспечив им возможность общаться в едином понятийном пространстве коллективной деятельности. Члены такой группы смогут выполнять роль экспертов и советников руководителя соответствующего уровня в условиях методологического и смыслового кризиса в социально-гуманитарном блоке науки, устаревших идеологем и законодательного каркаса.

[1] Из личного архива: https://atmos-sfera.ru/skno/node/438#overlay-context=node/333

[2] Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – С. 209–211. См. также: https://atmos-sfera.ru/skno/node/415

[3] Об устойчивом развитии и цифровизации // Блог Совета анализа и планирования стратегических инициатив (САПСИ). – https://atmos-sfera.ru/skno/node/427

Сливицкий А.Б.
начальник лаборатории ГосНИИАС

СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПРОГРАММИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ АВИАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова*: авиационная деятельность, инструментарий, основы государственной политики, программирование, прогнозирование, развитие, система, системный анализ, управление, эффективность.*

Keywords: *aviation activity, tools, fundamentals of public policy, programming, forecasting, development, system, system analysis, management, efficiency.*

Мировой коронавирусный кризис 2020 года, негативно сказавшийся на авиационном бизнесе, придал новое измерение проблематике развития авиационной деятельности (АД) [22] в России и в мире. Однако кризис пройдёт, а старые – полиаспектные по своей сути – проблемные вопросы останутся. Останется и необходимость использования современного инструментария мониторинга состояния, прогнозирования, целеполагания, планирования, программирования, контроля и оперативного управления АД [6]. На повестке дня по-прежнему будет стоять извечная задача повышения эффективности АД, задача обеспечения количественного роста её показателей и качественного развития её субъектов, представляющая собой сложную комплексную научно-практическую проблему обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации [3–7], имеющую лишь квазиоптимальное решение ad hoc.

Являясь стратифицированной проблемой совершенствования государственного управления, проблема непрерывного повышения эффективности АД имеет различные иерархические слои, аспекты и измерения (их вскрытию и системному анализу посвящены работы [1–7; 9–33]). В данном качестве она отражает в себе всю многомерность, сложность и комплексность объекта регулирования – АД, представляющего собой сплав научно-технического, производственного, инновационно-технологического, инвестиционного, социально-экономического и военно-стратегического процессов общественного развития [7]. Имеет она и статистическое, мониторинговое измерение, важное для прогнозирования, целеполагания, планирования и программирования в ходе формирования в контуре государственного управления АД эффективной обратной связи [10; 22; 31].

Подытоживая эти вводные замечания, следует с уверенностью констатировать то, что АД представляет собой сложную организационно-экономическую систему, изучаемую в ходе проведения соответствующих системных исследований.

Системные исследования в области АД проводятся на основании следующих принципов: соблюдение и отстаивание интересов государства; обоснованность выводов и их подкрепление статистическими данными; комплексность исследований, что обусловливает субъектный состав исследователей, направления исследований, учет всей массы нормативных правовых актов; вскрытие проблемных вопросов и разработку предложений по их учёту и парированию; использование общенаучных и специальных методов исследований.

Инструментарий изучения АД как системы включает такие исследовательские инструменты и их компоненты, развиваемые автором и его коллегами по ФГУП «ГосНИИАС», как: системный подход, общая теория систем [8], системный анализ [1; 2; 6; 9; 23], кибернетика [10; 22; 31], метод моделирования [7], различные направления анализа (лингвистический [23], правовой [3; 25 – 27], факторный [12; 29], рисков [11] и т.д.), методы прогнозирования [5], программно-целевого и стратегического планирования [5; 14; 15; 18; 20; 28], координации [17; 20; 21], оценки эффективности [4; 18], поддержки принятия решения [30; 31; 33], информационные и цифровые технологии [13; 16; 19; 24; 30; 31; 33], экспертные методы [32] и др.

Кратко охарактеризуем некоторые из перечисленных инструментов и их практическую реализацию в виде разработанных в ходе системных исследований концептуальных моделей, а также и обусловливающие их использование обстоятельства.

1. Признанием важности и необходимости системного рассмотрения феномена АД стало утверждение Президентом России в 2001 году Основ политики РФ в области авиационной деятельности на период до 2010 года, обособивших, выделивших АД из массы других государственно-значимых видов деятельности как организованную целостность, обладающую системными признаками. В 2012 году Президентом России были утверждены Основы на новый программный период – до 2020 года (автор участвовал в разработке проекта Основ-2020) [25; 27]. В настоящее время (при участии автора) готовится проект Основ государственной политики РФ в области АД на период до 2030 года [14].

При анализе нормативно-правовой базы АД и подготовке перечисленных доктринальных документов используются системный анализ и правовые методы, развиваемые в российской правовой науке.

2. АД представляет собой сферу активности государства, науки и бизнеса, предметно ориентированную на авиационную технику (АТ), включая воспроизводство АТ, применение и оказание авиационных услуг в гражданской

и военной областях. По значимости и размерам АД относится к разряду сложных масштабных видов государственной промышленной, оборонной и социально-экономической деятельности [15]. АД – это комплексная деятельность различных субъектов – элементов соответствующей сложной организационной системы, осуществляющих управленческие функции по отношению к находящимся в их подчинении объектам высокой наукоёмкости, технической сложности, ресурсоемкости при всём многообразии их взаимосвязей [3; 6] и структурной изменчивости во времени в ходе своего жизненного цикла [15].

Существующая структура системы управления АД – субъект управления, ЛПР иерархического вида, включающая Авиационную коллегию при Правительстве Российской Федерации[1], представлена на рис. 1 [3].

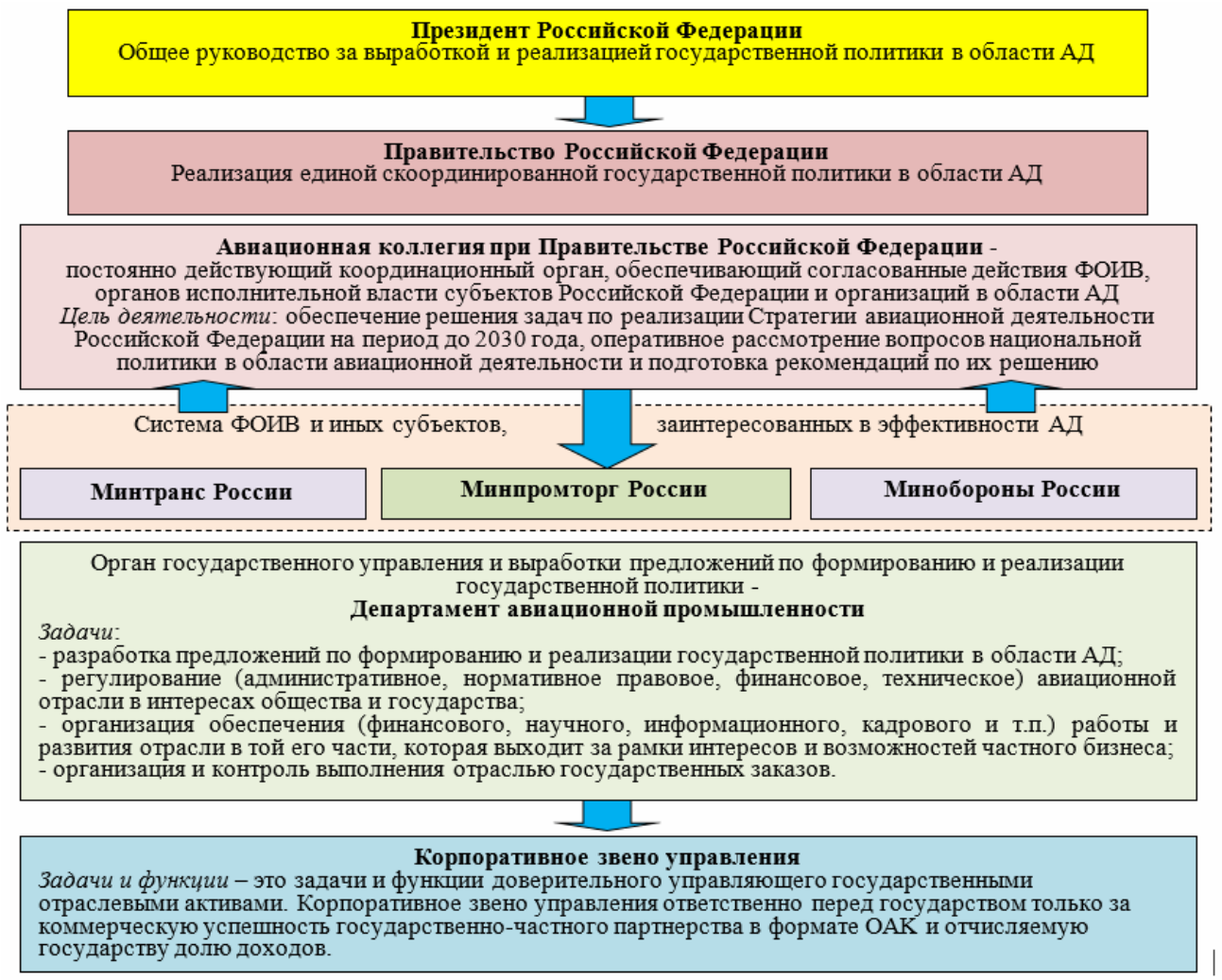

Рисунок 1.
Структура системы управления АД, включающая Авиационную коллегию при Правительстве Российской Федерации

Все элементы системы АД – субъекты АД – имеют разные цели функционирования: обеспечение территориальной связности (Минтранс России), получение прибыли (авиакомпании), обеспечение обороны и национальной безопасности (Минобороны России), создание элементов авиационного потенциала (Минпромторг России), обеспечение безопасности полетов и авиационной безопасности, экологичность воздушных судов и др. Учет и согласование перечисленных целей представляют собой сложную управленческую проблему, усложнённую динамичным изменением внешних и внутренних политико-экономических факторов [11; 12; 21].

В современных условиях существенными внешними факторами АД является глобализация, жесткая конкуренция, концентрация производства и капитала в международном масштабе [12]. Необходимость вмешательства государства в экономику вытекает, с одной стороны, из особенностей функционирования самой рыночной системы, неспособной справиться с решением ряда важных проблем, с другой – из усиления значимости и первоочередности требования учета общегосударственных целей и интересов. Последнее оказывается особенно значимым в условиях современной научно-технической революции, перехода к постиндустриальной цивилизации и новому технологическому укладу, резкого усиления интернационализации экономической жизни и глобальных геополитических изменений последнего времени.

[1] Впервые необходимость создания Авиационной коллегии при Правительстве Российской Федерации была обоснована автором в работе [17] 2010 год. Была сформулирована её цель и задачи деятельности, а также полномочия по координации в сфере АД.

В современной системе АД координирующую функцию выполняют Основы государственной политики РФ в области авиационной деятельности на период до 2020 года, в которых определены приоритеты и меры государственной политики в области АД на очередной плановый период в рамках соответствующего комплексного плана их реализации. Схема организации взаимодействия ФОИВ в области АД представлена на рис. 2.

Регулирование АД осуществляется лицами, принимающими решения (ЛПР) в соответствии с индикаторами (показателями), отражающими систему государственных приоритетов в области АД и с помощью таких видов обеспечения – подсистем системы регулирования АД – как [3]:

– нормативное правовое (законодательное) обеспечение;

– ведомственное инструктивно-методическое обеспечение (регулирование);

– нормативное техническое обеспечение (система стандартизации);

– стратегическое планирование развития;

– целевое финансирование государственного заказа на АТ, включая создание научно-технического задела, разработку и производство АТ;

– информационное обеспечение, формирующее обратную связь в контуре управления АД.

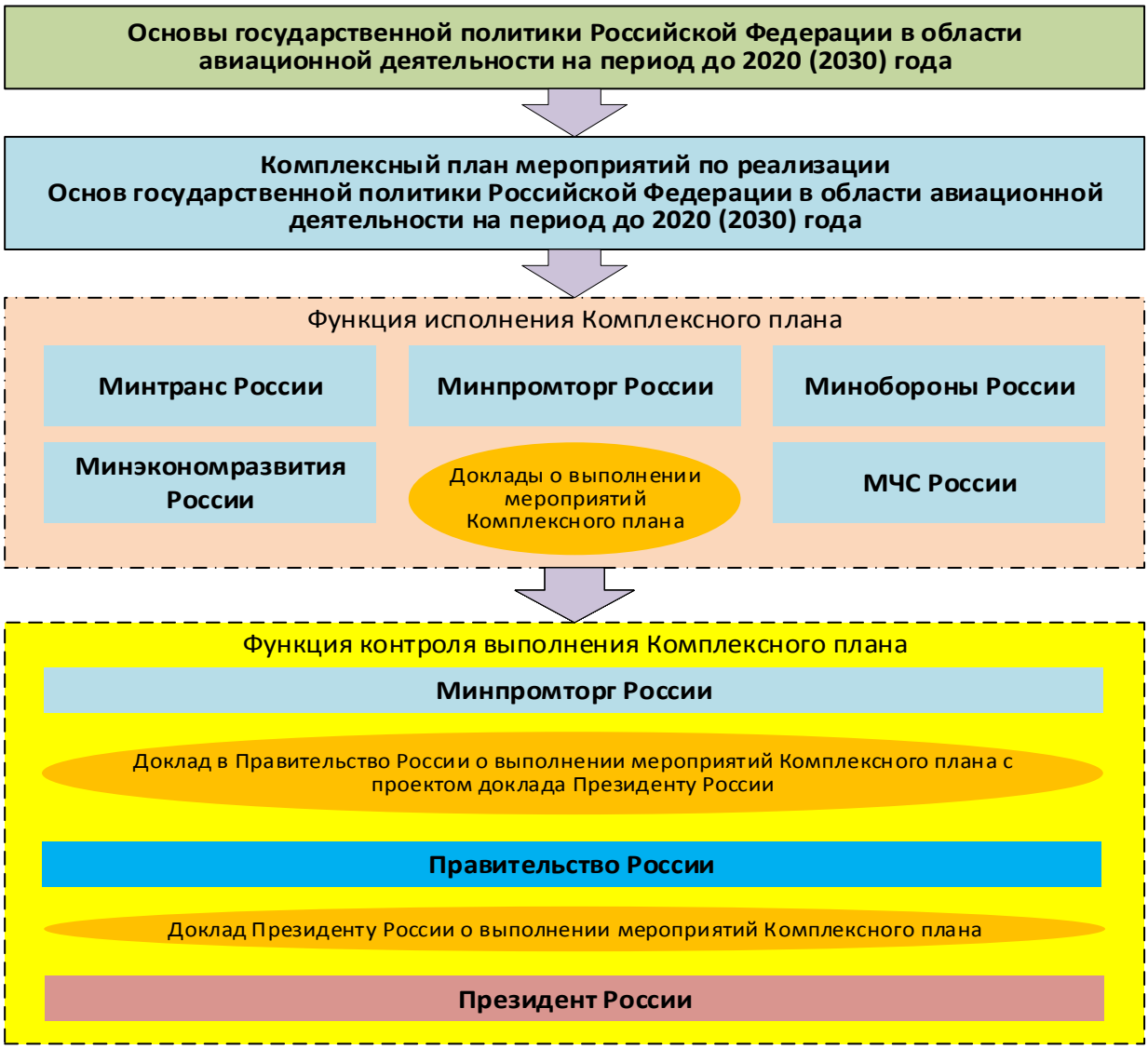

Рисунок 2.
Схема организации взаимодействия ФОИВ в области АД при выполнении Комплексного плана по реализации Основ государственной политики РФ в области АД

3. Целеполагание включает формулировку целей развития, а также критериев эффективности, отражающих соответствие настоящего и/или будущего состояния системы целям ее развития. Целеполагание составляет одну из проблем исследования АД.

Цели государства по отношению к АД состоят в создании условий и структуры ее субъектов, которые бы гарантировали военную безопасность государства (в той мере, которая связана с военной авиацией и её системами вооружения), эффективно функционирующую инфраструктуру авиаперевозок, как одну из основ обеспечения целостности государства, и авиационную промышленность, создающую материальную основу решения этих задач, промышленного и экономического могущества государства [6].

Для повышения уровня конкурентных возможностей отечественных интегрированных структур авиастроения на протяжении всего постсоветского периода государством реализуется последовательная политика повышения их финансово-экономического и промышленного потенциала с доведением, в перспективе, до мирового уровня финансово-промышленных групп. Такая политика определяется стратегической важностью авиационной промышленности и АД для государства.

4. Планирование включает определение набора задач – действий, мероприятий, которые позволяют достичь или максимально приблизиться к поставленным целям в существующих или прогнозируемых условиях.

С известной долей условности основные элементы современной методологии программно-целевого планирования могут быть представлены в виде цепочки действий по формированию альтернативных вариантов и обоснованию рационального выбора целей программы, путей достижения программных целей, средств, необходимых для реализации путей, а также анализу и контролю исполнения программных мероприятий с оценкой соответствия полученных результатов поставленным целям и осуществлением корректировки.

Разработанный в ходе многолетних системных исследований в области АД [3–7; 9–33] перспективный облик системы стратегического планирования представлен на рис. 3 [5].

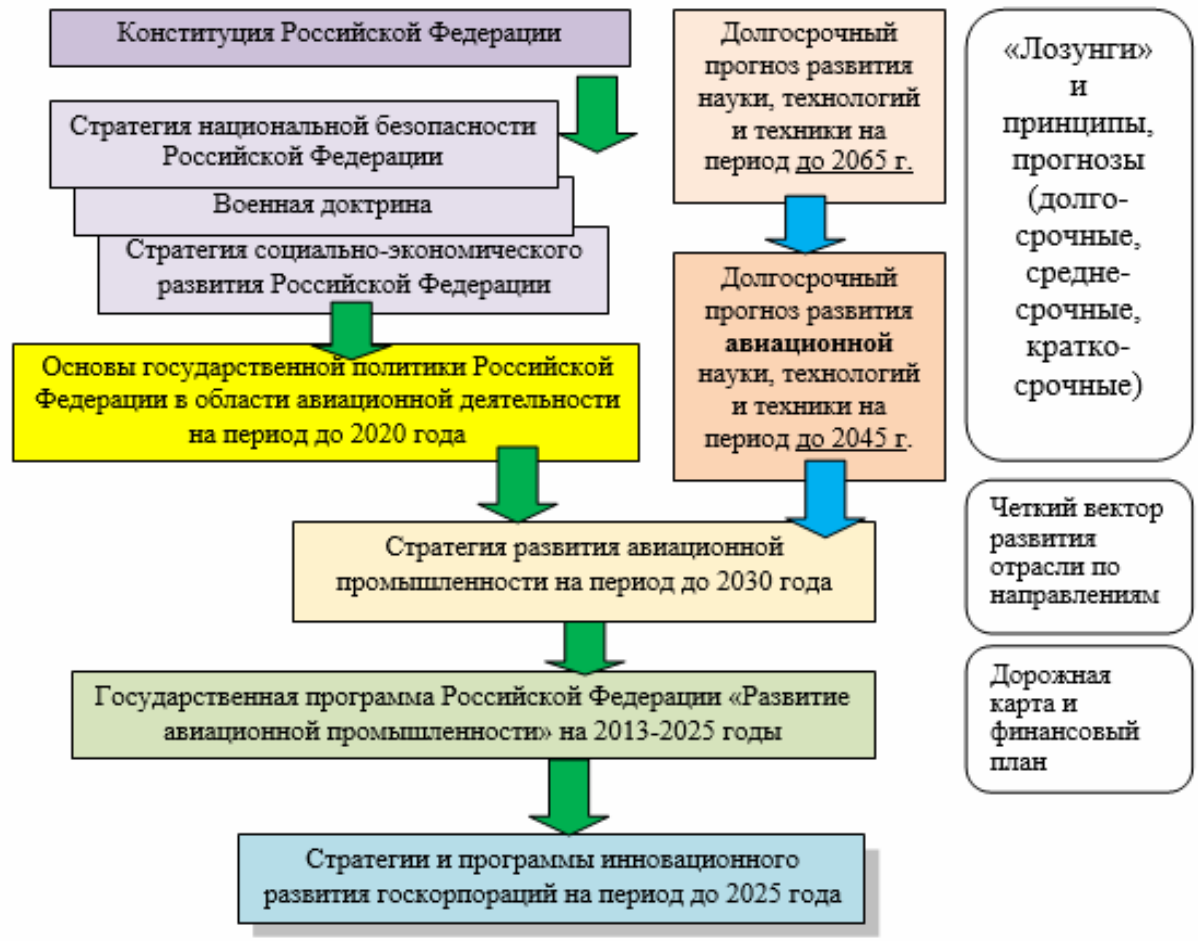

Рисунок 3.
Система стратегического планирования в области АД

5. Системные исследования авиации и авиационной деятельности стратифицированы. Они проводятся на нескольких иерархических уровнях: образца АТ (авиационного комплекса), авиационной системы (группировки), транспортной авиационной системы государства (региона), авиационной промышленности и АД в целом с учётом их взаимозависимости, взаимообусловленности и многокритериальности. Неопределённость в развитии технологий, увеличение сроков их отработки и системной интеграции, усложнение АТ и концепций её применения, превалирование влияния скрытых, латентных внешних обстоятельств на её развитие в долгосрочной перспективе затягивают начальные этапы жизненного (и соответствующего инновационного) цикла АТ. Делают процессы становления принципиально нового продукта – АТ – неопределёнными, вероятностными, итерационными и неустойчивыми.

Научно-техническая деятельность по обоснованию направлений развития АТ и технологий, формированию функционально-технического облика АТ, оценке её эффективности, а также анализу АД, реализуемая в ходе системных исследований и внешнего проектирования авиационных комплексов (ВП АК) [1; 2] – первого этапа инновационного процесса разработки АТ, основывается на системе экономических, научно-технических и военно-стратегических прогнозов [2].

Прогноз развития, проводимый без учета управляющих воздействий, позволяет судить о том, какова будет динамика поведения системы, и насколько она будет удаляться или приближаться к «идеальному состоянию», если не предпринимать никаких дополнительных мер.

Одним из видов прогностической деятельности при решении задач ВП АК является системный анализ информации о зарубежной АТ и технологиях. Системный анализ проводится в соответствии с разработанной методикой подготовки информационно-аналитических обзоров и прогнозов развития зарубежной АТ и технологий, см. рис. 4 [9]. Методика состоит из последовательности процедур информационного анализа, реализуемых в ходе применения совокупности инструментов (например, системы критериев отбора, специального ПО, аналитических методов прогнозирования) и организационных процедур, формирующих совокупность продуктов системного анализа, размещаемых в интегрированной базе данных и используемых при решении задач ВП АК.

Информационный анализ состоит из: библиографического анализа, позволяющего выделить актуальные направления развития и тренды в разных аспектах, и контент-анализа – содержательного анализа по выявлению количественных и качественных характеристик АТ и технологий, их концептуальных и сценарных условий развития, формирующих исходные данные для операционного моделирования [2].

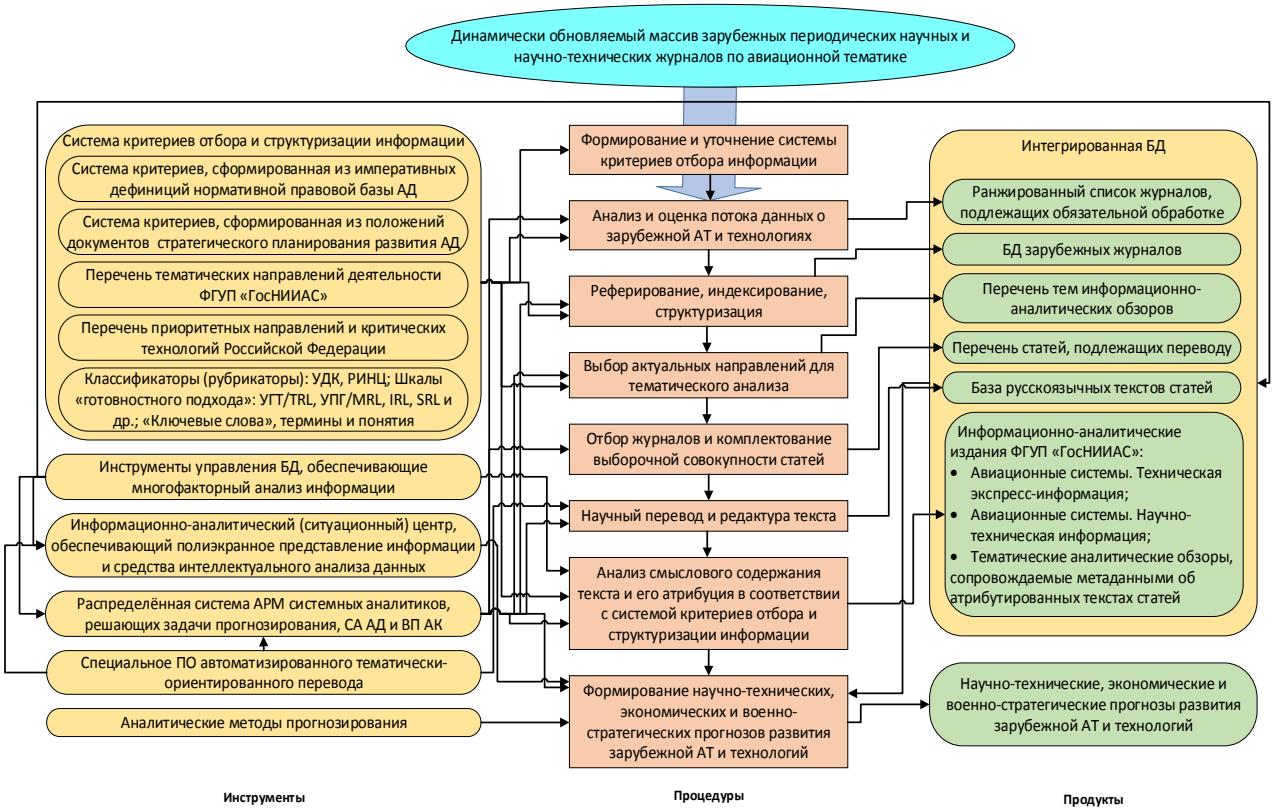

Рисунок 4.
Методика подготовки информационно-аналитических обзоров и прогнозов развития зарубежной АТ и технологий

Методика входит в состав комплекса информационных моделей анализа и оценки эффективности АД [4], реализована в распределённой системе АРМ и может быть развернута в информационно-аналитическом центре системного анализа АД и ВП АК [13; 19; 24; 30; 31; 33]. Новизна подхода состоит в комплексности применения инструментов.

6. Системный подход, взятый за методологическую основу анализа АД, предполагает изучение любого явления через уяснение его сущности путем его разностороннего, разноаспектного анализа с последующим синтезом, представления и рассмотрения явления как системы – целостного комплекса взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, имеющих вход (ресурсы), выход (цель), связь с внешней средой и обратную связь, обладающей целостностью, иерархичностью строения, структуризацией, множественностью, динамичностью и системностью [23].

Структура концептуальной модели АД, построенной на принципах слоистости, иерархичности и стратификации сложной системы [8] и конура управления ею, представлена на рис. 5. Каждый из элементов блок-схемы иерархичен. Отдельные блоки концептуальной модели были расписаны более подробно выше, см. рис. 1–4.

7. С точки зрения теории управления АД представляет собой процесс, управление которым возможно путём мониторинга заранее определённых параметров, контроля рассогласования их текущих значений в контрольных точках в сравнении с эталонными значениями, установления дефицита управления и выработки предложений по устранению рассогласований [6]. Сигнал обратной связи [10; 22; 31] показывает рассогласование $\pm\Delta\overline{Y}$ между желаемым значением вектора $\overline{Y_{план}}$ выходных параметров АД и значением вектора $\overline{Y_{реальн.}}$ выходных параметров АД, достигнутых на практике: $\overline{Y_{план}} - \overline{Y_{реальн.}} = \pm\Delta\overline{Y}$.

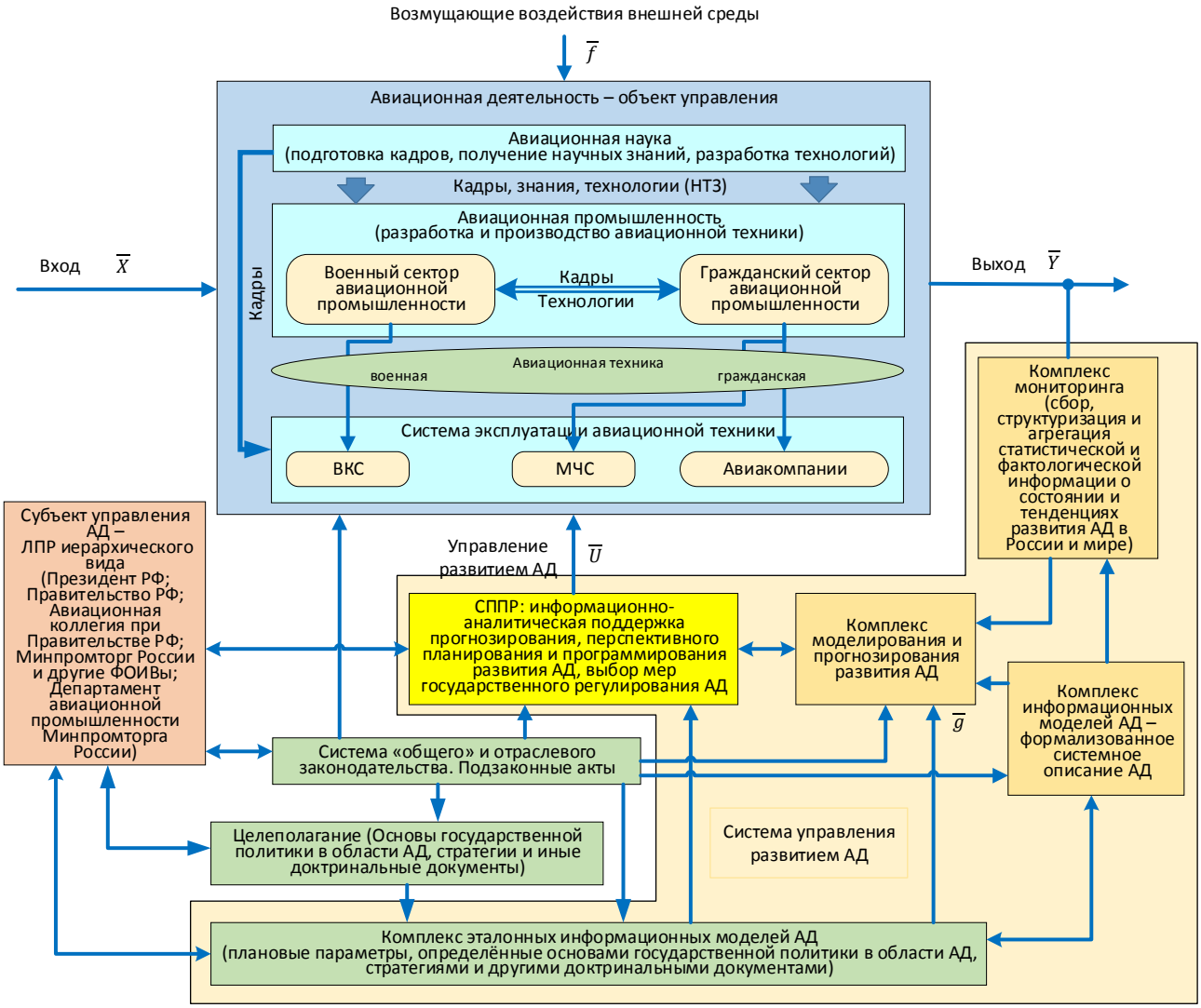

Рисунок 5.
Структура концептуальной модели АД и контура управления ею

Управление развитием АД заключается в выработке специальных управленческих воздействий на АД с целью минимизации рассогласования $\min\left(\pm\Delta\overline{Y}\right)$ или в устремлении значений вектора реальных выходных параметров АД к значениям вектора плановых выходных параметров: $\overline{Y^{t_k}_{\text{реальн.}}} \to \overline{Y^{t_k}_{\text{план}}}$ в рамках допустимых правовых, экономических и организационных инструментов, определённых законодательством РФ и ограничений на финансовые ресурсы, выделяемые на развитие АД в рамках государственных программ [18; 20].

8. Судить об эффективности государственной политики в области АД позволяет системный мониторинг результатов реализации государственной политики в области АД, формирующий регуляторную обратную связь [10; 22; 31] в контуре государственного управления АД, см. рис. 5. В интересах осуществления подобного мониторинга АД представляется в виде специальной научно-обоснованной информационной модели [3-7; 15; 21], опирающейся на понятие «авиационная деятельность» [23] и системное представление данного феномена.

Критериями оценки эффективности АД являются государственные интересы РФ, определённые, в ходе процесса целеполагания, основами государственной политики РФ в области АД, стратегиями и иными доктринальными документами, а также научно-обоснованные факторы успешности РФ в области АД [12; 29].

9. Экспертно-аналитическая деятельность проводится на постоянной основе ведущими по направлению организациями авиационной промышленности России и государственными научными центрами в рамках системных НИР и оперативных заданий Минпромторга России – головного ФОИВ в области АД, а также на общественных дискуссионных площадках, к которым можно отнести технологическую платформу «Авиационная мобильность и авиационные технологии».

Реализация функций ведущей организации по реализации направлений модернизации и технологического развития, критических технологий Российской Федерации и инновационных проектов национальной значимости включает в себя:

– участие в разработке долгосрочных прогнозов, определении приоритетных направлений, разработке концепций и индикативных планов социально-экономического и инновационно-технологического развития авиации и АД России;

– экспертизу проектов государственных программ, крупных инвестиционных проектов, проектов федеральных законов, направленных на авиацию и АД;

– координацию научно-технической деятельности по реализации направлений модернизации и технологического развития, критических технологий Российской Федерации и инновационных проектов национальной значимости.

Приоритетные направления экспертно-аналитической деятельности научного сообщества российской авиационной отрасли приведены в работе [32].

10. В результате многолетних системных исследований в области АД была выработана специальная методика проведения комплексных исследований состояния и тенденций развития АД в России и в мире [6], состоящая из следующих этапов:

1) Анализ результатов выполнения мероприятий государственных программ в области АД.

2) Анализ применения существующих нормативных правовых актов в области АД в России и в ведущих авиационных странах мира.

3) Анализ выполнения основных мер государственного регулирования АД в России.

4) Анализ состояния и развития зарубежной и отечественной авиации по результатам международных выставок.

5) Анализ рисков и ограничений АД России.

6) Комплексный анализ состояния и тенденций развития АД в России и в мире и выявление проблемных вопросов АД.

7) Оценка эффективности управления реализацией государственной политики России в области АД.

8) Разработка прогноза основных тенденций и факторов развития авиации и АД в России и в мире.

9) Разработка предложений по уточнению приоритетных направлений и основных принципов государственной политики, а также совершенствованию форм и механизмов государственного регулирования АД в России.

10) Разработка предложений по совершенствованию механизмов координации мероприятий, реализуемых в государственных программах.

11) Разработка предложений по приоритетным мерам обеспечения национальной безопасности России в области АД.

12) Разработка предложений в проект плана законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации в обеспечение реализации государственной политики в области АД.

13) Разработка проекта доклада о реализации основных мер государственного регулирования АД в России и с предложениями по решению проблемных вопросов по обеспечению национальной безопасности России.

11. Информационные системы ситуационного анализа и поддержки принятия решений (ППР) – одна из наиболее значимых форм существования информационно-коммуникационных технологий в теории и практике управления. СППР АД должна обладать функциями мониторинга и системного анализа предметной области. Данные качества сформируют эффективную обратную связь в контуре управления АД.

В интересах интеллектуализации управления АД СППР должна быть реализована на основе современных цифровых технологий при широком внедрении в управленческий процесс методов информационно-аналитической поддержки, ускоряющих ситуационный анализ и принятие решений в области инновационно-технологического развития АД.

В число цифровых технологий ППР в области АД целесообразно включить такие технологии [13; 16; 19; 24; 30; 31; 33] как: цифровые двойники реальных объектов/продуктов и процессов, базы данных, автоматизированные рабочие места, информационно-аналитические центры, ситуационные центры, интегрированную информационную среду, распределенные (сетевые) программно-аппаратные среды, виртуальные предприятия, единое информационное пространство, см. рис. 6 [31].

Все перечисленные инструменты объединяет функция анализа информации, построения прогноза поведения объекта управления, выработки стратегий возможного реагирования, предложения оптимального решения (управления), основанного на опыте экспертов, создавших данную систему управления и обеспечения выбора стратегии наилучшей с точки зрения ЛПР.

Подытоживая, следует отметить, что в основе инструментария прогнозирования и программирования, а также мониторинга состояния, целеполагания, планирования, контроля и оперативного управления АД лежит системный подход, включающий анализ существующей системы, выявление узких мест и дефицитов относительно глобальных целей, выдвигаемых государством, формирование рационального варианта системы на основе формализованного рассмотрения и оценки альтернативных вариантов, в том числе альтернативная разработка проблемных вопросов их реализации. АД рассматривается как сложная организационно-экономическая система, при анализе которой определяются принципы и механизмы функционирования основных субъектов АД в интересах выработки предложений по повышению эффективности мер государственного регулирования.

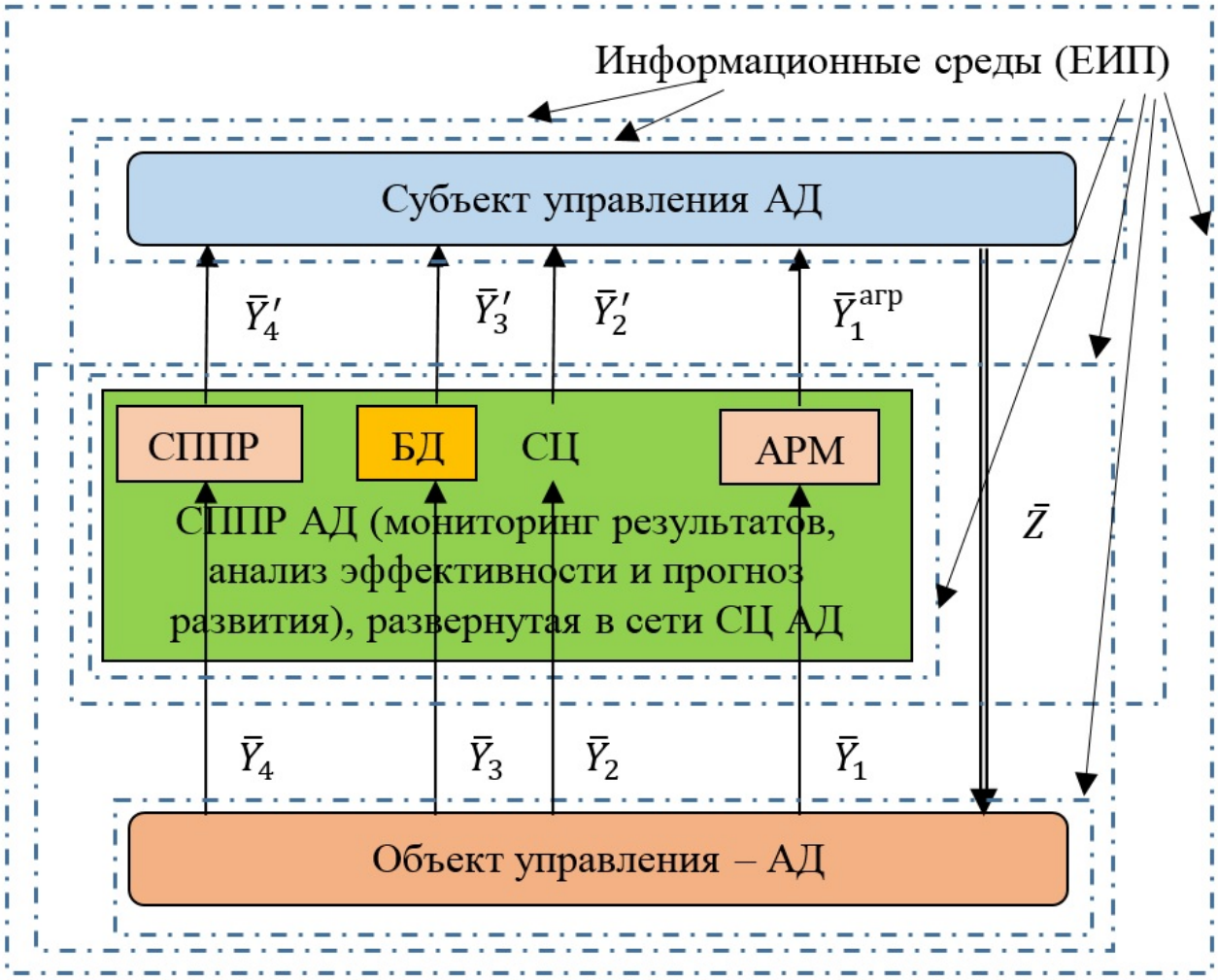

Рисунок 6.
Инфраструктурный аспект концептуальной модели системы обратной связи в контуре государственного управления АД

Список литературы

1. Авиация ВВС России и научно-технический прогресс. Боевые комплексы и системы вчера, сегодня, завтра / Под ред. Е.А. Федосова. – М.: Дрофа, 2005.
2. Желтов С.Ю., Жеребин А.М., Попов В.А. Системный анализ и внешнее проектирование авиационных комплексов – основной исследовательский этап создания авиационной техники. // Полет. 2013. – № 8. – С. 65–71.
3. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Анализ особенностей регулирования авиационной деятельности в Российской Федерации // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов Третьей Всероссийской научно-технической конференции. 2017. – С. 48–51.
4. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Комплекс информационных моделей анализа и оценки эффективности авиационной деятельности // Моделирование авиационных систем. Сборник тезисов докладов. Председатель Организационного и Программного комитетов конференции С.Ю. Желтов. – М.: ГосНИИАС, 2018. – С. 30–33.
5. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. О совершенствовании системы стратегического планирования и научно-технического прогнозирования развития авиации и авиационной деятельности Российской Федерации // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов Третьей Всероссийской научно-технической конференции. 2017. – С. 45–48.
6. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Системные вопросы исследования авиационной деятельности России // Авиационные системы в XXI веке. Сборник докладов. Председатель Организационного и Программного комитетов конференции С.Ю. Желтов. 2017. – С. 88–94.
7. Жеребин А.М., Сливицкий А.Б., Попов В.А. Критерии и моделирование в задаче управления развитием авиационной деятельности // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 23–26.
8. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973.
9. Михайлов А.Ф., Сливицкий А.Б. О системном анализе зарубежной авиационной техники и технологий в задачах внешнего проектирования авиационных комплексов // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. 2019. – С. 39–42.
10. Сливицкий А.Б. Анализ проблематики формирования системы обратной связи в контуре государственного управления научно-технологическим развитием // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации: сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию Республики Башкортостан). 2019. – С. 452–457.

11. Сливицкий А.Б. Анализ рисков и ограничений, связанных с вступлением во Всемирную торговую организацию, на авиационную деятельность России и Украины // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Тр. Второй междунар. научн.-практ. конф. (14-15 ноября 2013 г., ИНИОН). – М., 2014.
12. Сливицкий А.Б. Глобализация в авиационной, научно-технической и инновационной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. ИНИОН РАН. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 149–157.
13. Сливицкий А.Б. Инструменты анализа политики в области авиационной деятельности с использованием средств информационно-аналитического центра // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 414–420.
14. Сливицкий А.Б. Комплексный анализ целеполагания в системе стратегического планирования в области авиационной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества; Ответственный редактор В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 475–482.
15. Сливицкий А.Б. Концептуальные основы стратегического планирования и управления авиационной деятельностью // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 583–591.
16. Сливицкий А.Б. Механизмы сетевого взаимодействия при решении проблем инновационно-технологического развития России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Вып. 10, ч. 2. – С. 292–299.
17. Сливицкий А.Б. О координации взаимодействия органов государственного управления авиационной деятельностью // Транспортное право. 2010. – № 2. – С. 19–23.
18. Сливицкий А.Б. Повышение эффективности выполнения государственных программ в области развития авиации и авиационной деятельности [электронный диск] // Сборник научных статей V научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Антикризисное регулирование в современных условиях», МГУ, 18 декабря 2013 г. Москва. – М.: Перо, 2013.
19. Сливицкий А.Б. Принципы и особенности технологии реализации интегрированной информационной среды в научных организациях авиационной отрасли // Моделирование авиационных систем Сборник докладов. ГНЦ РФ ФГУП «ГосНИИАС»; РАН; РФФИ. – М., 2011. – С. 282–289.
20. Сливицкий А.Б. Проблемы координации программных мероприятий // Экономика, наука, образование: проблемы и пути интеграции. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летнему юбилею ВЗФЭИ, 26–27 октября 2010 г. Заседания секций. Т. 2. Секции 9-13. – М.: ВЗФЭИ, 2011. – С. 218–219.
21. Сливицкий А.Б. Разработка предложений по принципам функционирования и взаимодействия основных компонент авиационного потенциала России и Украины // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – С. 313–319.
22. Сливицкий А.Б. Система обратной связи в контуре управления научно-технологическим развитием // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 1. – С. 544–551.
23. Сливицкий А.Б. Системный анализ понятия «авиационная деятельность» // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел научного сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 326–332.
24. Сливицкий А.Б. Ситуационный центр как технология проведения системных исследований и внешнего проектирования авиационной техники // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. 1. – С. 339–344.
25. Сливицкий А.Б. Совершенствование нормативно-правовой базы авиационной деятельности в Российской Федерации // Мировой судья. 2010. – № 2. – С. 18–24.
26. Сливицкий А.Б. Совершенствование основ политики государственного строительства: нормативно-правовой анализ // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 2. – С. 408-414.
27. Сливицкий А.Б. Совершенствование правового поля авиационной деятельности // 8-я Международная конференция «Авиация и космонавтика – 2009». Тезисы докладов. – М.: МАИ-ПРИНТ, 2009. – С. 228.
28. Сливицкий А.Б. Стратегическое планирование инновационного и технологического развития авиационной отрасли: проблемы и решения // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Ч. 2. – С. 89–95.
29. Сливицкий А.Б. Факторы успешности России в области авиационной деятельности // Успешность развития социальных систем и государственная политика и управление. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. 2015. – С. 583–590.
30. Сливицкий А.Б. Цифровые инструменты поддержки принятия решений в области авиационной деятельности // Идеи К.Э. Циолковского в контексте современного развития науки и техники Материалы 53-х Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. 2018. – С. 329–330.
31. Сливицкий А.Б. Цифровые технологии поддержки принятия решений в контуре государственного управления авиационной деятельностью // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию Республики Башкортостан). 2019. – С. 506–511.
32. Сливицкий А.Б. Экспертно-аналитическая деятельность в обеспечение инновационного развития российской авиационной отрасли // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2014. – Вып. 9, ч. 1. – С. 627–632.
33. Сливицкий А.Б. IT-инструменты поддержки принятия решений в области инновационного и технологического развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 2. – С. 903–908.

Титов А.В.
к.т.н., доцент, РУТ (МИИТ); МГТУ
a.v.titov@mail.ru

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ МЕТОДОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЗАДАЧ УПРАВЛЕНИЯ СЛОЖНЫМИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ

Ключевые слова*: сложность, теория, ситуация управления, формальный язык, модель, синтетическая квалиметрия, предикативное определение, математическая структура.*
Key words*: complexity, theory, control situation, formal language, model, synthetic qualimetry, predicative definition, mathematical structure.*

Введение

Эффективность и оперативность управления сложными объектами и системами во многом зависит от степени автоматизации процесса принятия решения. В то же время использование информационных систем в процессе управления и принятия решений связано с применением языков формализованного описания всех этапов принятия управленческих решений, что требует разработки развитой теории процесса управления. Однако на сегодняшний день такой развитой теории, которая на основе единого формального языка была способна описывать все этапы принятия управленческого решения, не существует. В теории управления доминирует подход, связанный с использованием широкого спектра математических методов, к которым можно отнести: статистические методы, мягкие модели, эвристические методы, методы теории нечетких множеств и расплывчатых алгоритмов, фрактальные модели. Но единого подхода к проблеме выбора того или иного математического аппарата для формирования модели адекватной ситуации управления нет. Такое положение дел в области описания технологий принятия управленческих решений сложными объектами ставит на повестку дня вопрос о разработке обобщенной методологии принятия управленческих решений, анализ основных положений которой позволит развить теорию принятия решений для объектов любой сложности в виде формирования иерархии формальных методов описания различных этапов принятия управленческих решений для объектов различной сложности и природы.

Другими словами для эффективной автоматизации процесса принятия управленческого решения, теория принятия решений должна развиваться как дедуктивная наука.

1. Ситуация принятия решения

Следует иметь ввиду, что в общем случае ситуация управления осознается субъектом управления как представление и поэтому не является объектом формализации. Необходимым этапом формального описания технологии принятия управленческого решения является формирование на основе представления ситуации управления ее описания как понятия с приданием в дальнейшем ему предикативной формы.

Часто целью управления является приведение объекта управление в то или иное конечное состояние. В зависимости от начального состояния объекта управления и стратегии управления (а часто и в зависимости от наличия ресурса управления), перевод объекта управления в конечное состояние (цель управления) может осуществляться в конечное число шагов, которое может быть представлено в виде ситуационной сети, описываемой графом переходов по промежуточным ситуациям к целевой ситуации. Последовательность перехода от начальной ситуации к целевой ситуации определяется стратегией управления.

Таким образом, ситуация принятия решения (состояние объекта управления) является основанием для выработки в соответствии с некоторыми правилами управленческого решения или управляющего воздействия. Достоверность оценки состояний объекта управления при этом, естественно, играет решающую роль в правильности выбора управленческого решения или управляющего воздействия.

Таким образом, адекватная оценка состояния объекта управления (ситуации управления) играет решающую роль в задаче принятия управленческого решения на основе ситуационного подхода.

Атрибутивный подход к представлению состояния объекта управления позволяет ввести следующее определение.

Определение

Ситуацией управления назовем систему признаков, описывающих состояние объекта управления в данный момент времени.

В настоящее время не существует единого подхода к описанию состояний объектов управления общей различной природы. Основой для развития такого подхода и на его основе формальной и теории состояний объектов управления может служить модель оценки, разработанная А.И. Субетто в рамках развития общей квалиметрии [1].

Исходя из принятой выше модели ситуации управления и базовой модели оценки, предложенной А.И. Субетто, модель оценки состояния объекта управления можно представить в виде:

$$S_{ok} = \left[\begin{array}{l} \mathbf{Sb \mid S \mid F \mid Me \mid} \\ \mathbf{\quad\; \mid \quad \mid \quad \mid \quad\; \mid B; Q; O,} \\ \mathbf{Rb \mid Rs \mid Rf \mid Rм \mid} \end{array} \right]$$

где:

<Sb;Rb> – пространство субъекта оценки (пространство экспертов) со структурой отношений на нем;

<S;Rs> – пространство качеств со структурой отношений на нем;

<F;Rf> – пространство свойств («пространство атрибутов») и структура отношений на нем;

<Me;Rм> – пространство мер качеств со структурой отношений на нем;

B – пространство баз сравнения (эталонов)**;**

Q – пространство операторов (алгоритмов) оценивания**;**

O – пространство оценок.

Проводя аналогию с общей квалиметрией [1] и системой специальных квалиметрий, можно предложить следующую структуру общей теории оценки.

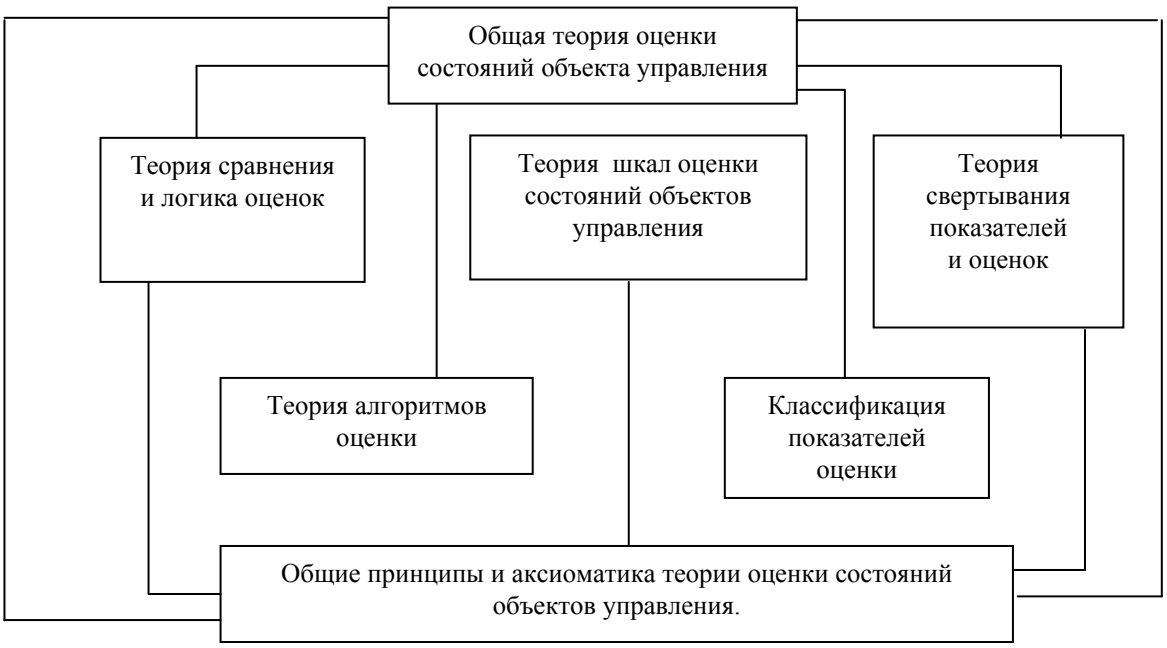

Рисунок 1.
Структура общей теории оценки состояний объектов управления

В зависимости от сложности и природы объекта управления при оценке его состояния может использоваться различный формальный аппарат при оценке состояний объекта управления, т.е. различные специальные методы оценки состояний объекта управления, структура которых идентична структуре специальных квалиметрий предложенной в работах А.И. Субетто [1].

Специальные квалиметрии (по методам и моделям оценки)- экспертная квалиметрия, индексная квалиметрия, вероятностно-статистическая квалиметрия, квалиметрическая таксономия, нечеткая квалиметрия, теория оценивания эффективности;

Как уже отмечалось, специальные квалиметрии (технологии оценки ситуации управления) различаются по тому формальному аппарату, который используется при оценке состояния объекта управления. Одним из методов определения соответствия метода обработки объекту оценки могут служить экспертные технологии. Тогда задача сводится к задаче ***использования экспертных технологий в модели ситуационного управления выбором методов и технологий оценки состояния объекта управления.***

В основе подхода к решению этой задачи с использованием экспертных технологий должно лежать формирование набора эталонных ситуаций, которым соответствуют те или иные специальные методы оценки состояний объекта управления.

Ниже описываются основные характеристики ситуации оценки и их соответствие различным типам специальных квалиметрий [2].

Тестовая квалиметрия – характеризуется ситуацией оценки с высокой степенью ее формализуемости. Чаще ситуация такова, что применяемые методы могут рассматриваться как методы тестово-экспертной квалиметрии.

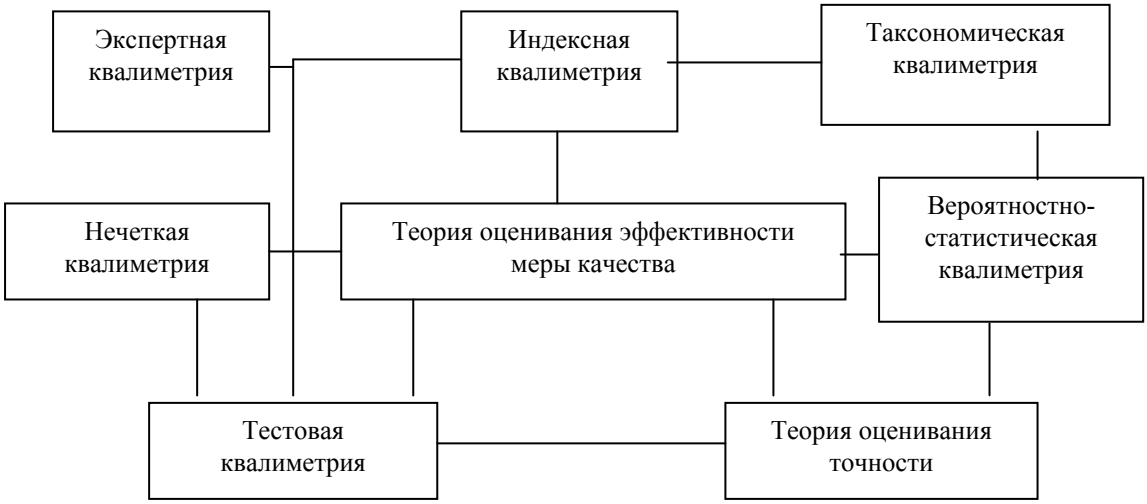

Рисунок 2.
Специальные квалиметрии

Экспертная квалиметрия. Для ситуаций, в которых применяются методы экспертной квалиметрии и методы теории экспертных оценок, характерно наличие так называемых **субъективных показателей**, по которым объект оценивается специалистом-экспертом. В экспертной квалиметрии используются методы, развиваемые в теории экспертных оценок и широко представленные в отечественной литературе [3]. Применение экспертной квалиметрии при оценке качества характеризуется ситуацией, которая основана на привлечения плохо формализуемого опыта экспертов или на измерении на основе органов чувств эксперта. Характеристики, по которым оценивается качество объекта, носят при этом субъективный характер, т.е. субъективное восприятие их интенсивностей содержит неопределенность.

Применение методов экспертной квалиметрии в процессе мониторинга объектов различной природы часто характеризуется ситуацией, при которой сам алгоритм оценки может относиться к методам другого типа специальной квалиметрии, а методы экспертной квалиметрии применяются для определения коэффициентов весомости показателей качества, шкалирования и формирования других элементов оценочной системы.

Индексная квалиметрия. Индексная квалиметрия базируется на аппарате теории индексов. Применение индексной квалиметрии характеризуется ситуацией, при которой оцениваются некоторые изменения, «темпы движения» показателей качества и объектов. Индексная квалиметрия в таком ее понимании расширяет традиционный подход к индексному измерению качества на базе среднеарифметических и среднегеометрических индексов. В роли индексов выступают здесь показатели качества в базовом периоде времени или в базовом объекте (базовой образовательной системе).

Таксономические методы – используются в виде «квалиметрической таксономии» в ситуации, когда процедуры оценивания разрабатываются в виде классификационных процедур. Сложность формирования квалиметрической таксономии связана с современным состоянием науки о классификациях и классификационной деятельности, находящейся в стадии своего становления [4]. Класс объектов с данным качеством (квалитаксон) рассматривается как совокупность свойств тождественных по отношению к базе сравнения. Синонимами класса качеств в этой ситуации становятся категории, роды, сорта и т.д.

Вероятностно-статистическая квалиметрия. Этот вид квалиметрии применим к ситуациям, в которых оценка качества ориентирована на использование статистических оценок характеристик объектов оценки. Объекты оценки и измерительные процедуры при этом описываются вероятностно-статистическими моделями. Наиболее характерно применение методов вероятностно-статистической квалиметрии в тех случаях, когда оцениваются массовость, стабильность, используются выборочные методы контроля и т.д. Методы вероятностно-статистической квалиметрии являются основой для формирования экспертных квалиметрических систем.

Нечеткая квалиметрия. В ситуации, когда объект оценки слабоформализуем, его характеристики носят описательный характер, измерение интенсивностей свойств оценки сопровождается факторами нечеткости и неопределенности целесообразно использование методов нечеткой квалиметрии при оценке качества объектов мониторинга.

2. Общематематический подход к выбору формального описания технологии оценки ситуации управления

Следует заметить, что все приведенные специальные методы оценки имеют общую базу формального описания, которая описывается базовой моделью оценки. Необходимость использования различной формализации возникает при наполнении содержанием таких элементов описания как “параметр оценки”, “свойство” и т.д.

Разработка общего подхода к определению методов как оценки состояний объекта управления, так и к описанию всех стадий технологии управления при использовании ситуационного подхода заключается в разработке формальной теории ситуационного управления, записанной на некотором формальном языке, имеющей иерархическое строение и позволяющей выбирать методы формального описания отдельных этапов технологии управления в зависимости от характера и интерпретации элементов теории.

Построение формальной теории начинается с выбора языка формализации. Объектами теории управления при ситуационном подходе являются морфизмы вида:

Ситуация управления → Управляющее воздействие

Ситуация управления, в качестве которой мы выбрали состояние объекта управления, описывается набором свойств с их интенсивностями, т.е. принята атрибутивная модель объекта управления [1].

Управленческие решения составляют при этом класс альтернатив, из которых выбираются приоритетные. Приоритетность определяется состоянием объекта управления.

Решение задачи оценки и сравнения альтернатив в общем виде подразумевает наличие четырех этапов:

– представление описания альтернатив;

– разбиение исследуемых объектов на классы, определяемые набором свойств;

– установления приоритетности на множестве классов альтернатив;

– разбиение каждого класса на «уровни приоритетности».

Четвертое условие подразумевает сравнение объектов относящихся к одному и тому же качеству.

Переходя на формальные формулировки, можно сказать, что:

– альтернатива рассматривается как общее понятие, которое выражено соответствующим выражением логики предикатов:

– пространство альтернатив разбивается на классы, соответствующие описаниям альтернатив;

– устанавливается порядок на множестве классов альтернатив;

– устанавливается порядок внутри каждого класса, либо на его разбиении.

Рассмотрим описанные этапы с точки зрения их формализованного представления.

С точки зрения теории математических структур разбиение множества альтернатив на классы, определяемые структурой совокупности свойств, которыми описываются альтернативы, моделируется построением фактор-множеств на совокупностях изучаемых альтернатив, каждому из которых приписывается определенное «качество», играющее роль отношения эквивалентности. Второй этап подразумевает введение отношения порядка на полученном классе фактор-множеств.

Третий этап подразумевает введение отношения порядка на построенных фактор-множествах, который определяет приоритетность альтернатив внутри каждого фактор-множества. Однако в наиболее обшей ситуации оценки состояния сложных объектов и ситуаций, наличие неопределенностей, субъективных параметров оценки ситуации, недостаточная точность оценки интенсивности тех или иных свойств, возможно введение лишь частичного порядка, объявляя эквивалентными альтернативы, предпочтение между которыми имеющимися средствами установить не удается. Таким образом, третий этап включает как повторную факторизацию полученных фактор-множеств, так и введение отношения порядка на полученном «вторичном» фактор-множестве.

Последний этап означает введение отношения линейного порядка на классе фактор-множеств оцениваемых альтернатив (качеств).

Формально указанные выше условия могут быть выражены путем введения отношения предпорядка на множестве оцениваемых альтернатив. Такое отношение рефлексивно и транзитивно. При этом для любых двух объектов x, y этого класса $x \sim y$ (x эквивалентно y) тогда и только тогда, когда невозможно установить одно из неравенств $x < y$ или $x > y$, в этом случае будем считать, что альтернативы связаны отношением ≈, т.е. $x \approx y$.

Положим, для любых объектов x, y исходного множества A обязательно выполнение одного из условий:

$$x < y \quad (1)$$

$$x > y \quad (2)$$

$$x \approx y \quad (3).$$

При этом условие (3) считается выполненным для объектов предпочтение, одного из которых другому невозможно оценить имеющимися средствами оценки вследствие факторов неопределенности и нечеткости и, одновременно, служит отношением эквивалентности на исходном множестве объектов. Для выделяемых при этом классов эквивалентности [x] и [y] как элементов фактор — множества A/~ установим:

$$[x] < [y] \Leftrightarrow x < y \quad (4).$$

Полученное отношение будет отношением порядка, а вследствие принятых условий (1), (2), (3) и отношением линейного порядка на фактор-множестве A/~ .

В принятой здесь атрибутивной модели, состояние объекта управления может рассматриваться как общее понятие, т.е. описывается семейством «свойств», которыми обладает объект управления. При этом, класс состояний объекта управления, отвечающих этому описанию задается классом $K=\{x \mid F(x)\}$, где x- объект или ситуация из определенного семейства ситуаций, F- свойство, Запись F(x) означает, что объект x обладает свойством F.

Как правило ситуация управления характеризуется совокупностью свойств $F_1, F_2,\ldots, F_n$, тогда можно рассматривать новое свойство $F=F_1 \wedge F_2 \wedge,\ldots,\wedge F_n$, т.е. свойство являющееся конъюнкцией свойств $F_1, F_2,\ldots,F_n$. Тогда запись F(x) представляет высказывательную форму «предмет x обладает каждым из свойств $F_1, F_2,\ldots, F_n$», где в качестве x может рассматриваться ситуация управления.

Модель конкретной ситуации управления есть просто имя этой ситуации, как мы его понимаем при моделировании, это имя является с точки зрения логики единичным понятием. Для эффективного моделирования широкого спектра ситуаций управления теория должна строиться таким образом, чтобы от описания максимально широкого

класса ситуаций можно было «спуститься» к описанию конкретной ситуации, учитывающему, если это необходимо ее индивидуальные особенности.

Оценка ситуации производится на основе ее описания с помощью системы наиболее важных признаков. Последующее разбиение ситуаций на основе этого описания на классы, по принадлежности которым определяется управленческое решение (управляющее воздействие) [2].

1.1. Стратификация ситуаций.

1.2. Многокритериальная оценка ситуаций (МК-ранжировка).

1.3. Классификационная модель принятия управленческого решения.

Частым случаем использования такой модели в задачах принятия управленческих решений может служить использование классификационного алгоритма вывода в задаче оценки и выбора инновационного проекта [5].

Таким образом, для описания базовой модели оценки целесообразно использовать язык, аналогичный языку теории множеств.

Рассматриваемый язык, который будем, следуя [4], называть *языком классификации*, содержит один сорт переменных x,y,z,…, которые рассматриваются как пробегающие классы-совокупности альтернатив, описываемых теми или иными наборами свойств. Язык включает также предикатные символы F, G,…, которые интерпретируются как свойства, которыми обладают альтернативы.

Термы и формулы теории определяются следующими правилами:

1) переменная есть терм;

2) если x – переменная, а F- предикатный символ, то F(x)- атомарная формула;

3) если x – переменная, а F- предикатный символ, то $\{x \mid F(x)\}$-терм.

4) если t и r есть термы, то $(t \in r)$ – формула

5) Если φ,ψ -формулы, то $\psi \vee \varphi$, $\psi \wedge \varphi$, $\psi \rightarrow \varphi$, $\neg\psi$- формулы.

В работе [8] описан подход к формализованному описанию пространства качеств и пространства свойств в задачах квалиметрии и управления качеством. Описание ситуации управления в разрабатываемом языке с помощью одноместных предикатов позволяет обобщить этот подход к описанию альтернатив в более широкой постановке. При этом свойства, которыми описывается ситуация управления, будем рассматривать как *простые*, т.е. такие которые не описываются с помощью других свойств и *составные* – являющиеся конъюнкцией других свойств.

Класс предикатов рассматриваемого языка при этом образует алгебру, системой образующих которой (базисом) служит класс простых свойств.

Среди всех выражений языка классификации выделим те, которые интерпретируются семантически как свойства альтернатив.

Класс ситуаций управления вводится следующим определением.

Определение 1

Множеством U ситуаций управления называется наименьшее из множеств выражений метаязыка классификации, такое что:

а) любое простое свойство F является элементом этого множества;

б) для любых G1,G2 из U, $G1 \wedge G2$ и $G1 \vee G2$ также являются элементами U,

где $G1 \wedge G2$) и $G1 \vee G2$ в соответствии с 1)-5) являются формулами языка классификации.

Далее, следуя определениям, принятым в работе [6], «качеством» именуется класс имен ситуаций управления, описываемых одинаковой совокупностью свойств.

Существование непустого множества, отвечающего приведенному определению, вытекает из существования непустого множества W свойств. «Наименьшее» здесь понимается как наименьший элемент упорядоченной по включению совокупности множеств. Таким образом, U является пересечением множеств, отвечающих свойствам а) и б) определения 1.

Определение 2

Класс ситуаций управления U называется «конъюктивным»$\Leftrightarrow$U наименьшее множество выражений метаязыка классификации такое, что:

а) любое свойство w принадлежит U;

б) для любых G_1,G_2 из U, $G_1 \wedge G_2$ также является элементом U.

Множество U качеств делается алгеброй предикатов (ситуаций управления), перенумерованной множеством N, если определить операцию $C_n(G_1,G_2,\ldots,G_n)$ ранга n как конъюнкцию выражений $G_1,G_2,\ldots,G_n$ (имен ситуаций управления).

U – свободная алгебра с базисом W.

Определение 3

Будем говорить, что свойство F является следствием свойства G, $(G \Rightarrow F)$, если выполняется следующее условие:

ПустьG=$C_n(G_1,G_2,...,G_n)$, тогда существует совокупность $(G_{i1},G_{i2},...,G_{im})$ элементов из $(G_1,G_2,...,G_n)$ такая, что F= $C_m(G_{i1},G_{i2},...,G_{im})$.

Введенная таким образом является алгеброй выражений языка классификации. Как уже отмечалось в объектной области каждому предикату (свойству) F отвечает класс $\{x \mid F(x)\}$ объектов, обладающих свойством F.

Пусть свойствам F и G соответствуют классы M и K,т.е.$K=\{x \mid F(x)\}$, $M=\{x \mid G(x)\}$, тогда:

$$1.x \in M \cap K \Leftrightarrow x \in \{x \mid F(x) \wedge G(x)\}.$$

$$2.x \in M \cup K \Leftrightarrow x \in \{x \mid F(x) \vee G(x)\}.$$

$$3.M \subseteq K \Leftrightarrow F(x) \Rightarrow G(x).$$

3. Описание эталонных классов

Пусть <X1,X2,…,X> пространство признаков, определяющих состояние объекта управления (ситуацию управления), каждая точка этого пространства – ситуация управления, причем в общем случае значения признаков могут носить как числовой, так и вербальный характер. Ситуация управления описывается кортежем $<x_1^0,x_2^0,\ldots,x_n^0>$, который является множеством как упорядоченная н-ка. Здесь $x_1^0 \in X_1$, $x_2^0 \in X_2,\ldots,x_n^0 \in X_n$.

Будем считать, что управляющее воздействие *полностью* определяется ситуацией управления (при этом если есть другие факторы, влияющие на выбор управляющего решения, например, *ресурсы управления, особенности системы управления и т.д.*), то они могут быть введены как через расширение размерности пространства признаков.

Если $R=\{r_i\}_{in}$ –множество управленческих решений (i=1,n), то в существующем предположении имеется отображение (сюрьекция) $f:<X_1,X_2,\ldots,X_n>\rightarrow R$. Введем отношение ≈ такое, что $<x_1^0,x_2^0,\ldots,x_n^0>\approx<x_1^0,x_2^0,\ldots,x_n^0>$

$\Leftrightarrow f(x_1^1,x_2^1,\ldots,x_n^1)=f(x_1^2,x_2^2,\ldots,x_n^2)$, тогда отношение ≈-отношение эквивалентности. Образуем фактор-множество вида: $<X1,X2,\ldots,X>|_{\approx}$, элементы которого $<x_1^0,x_2^0,\ldots,x_n^0>=\{<x_1,x_2,\ldots,x_n>|<x_1,x_2,\ldots,x_n>\approx<x_1^0,x_2^0,\ldots,x_n^0>\in<X1,X2,\ldots,X>\}$. Элементы построенного фактор-множества будем называть эталонными классами пространства $:<X_1,X_2,\ldots,X_n>$ относительно отношения эквивалентности ≈.

Пусть множество {Эi}- совокупность эталонных классов, а {Rj} –совокупность управленческих решений, тогда на первом этапе формирования классификационной модели принятия управленческого решения решается задача сопоставления каждому эталонному классу некоторого управленческого решения, т.е. устанавливается отображение

$$h:\{Эi\}\rightarrow\{Rj\}$$

От отображения в общем случае требуется лишь, чтобы оно было сюръективным. Возможны ситуации, в которых оно не будет даже однозначным, т.е. не будет функциональным.

Если класс управленческих решений содержит небольшое количество альтернатив, то приведенное отображение может быть получено, например, на основе использования экспертных технологий и классификационного алгоритма вывода [5].

Заключение

Моделирование процессов принятия решения при управлении сложными системами сталкивается со сложностями, связанными с разнообразием и сложностью объектов управления. Применение тех или иных специальных методов описания всех этапов технологии принятия управленческих решений зависит от природы объекта управления. Эффективность моделирования процессов принятия решений связана с разработкой единой теоретической базы, позволяющей, в частности, переходить от обобщенного описания к выбору специальных языков описания технологии принятия управленческих решений, учитывающих природу объекта управления, наличие неопределенности в описании его состояния и т.д.

Список литературы

1. Субетто А.И. Введение в квалиметрию высшей школы. – М., 1991.
2. Субетто А.И., Титов А.В. Ситуационный подход к применению методов специальных квалиметрий в системах мониторинга качества образования на различных уровнях // Труды восьмого симпозиума «Квалиметрия человека и образования». – М.: ИЦ, 1999.
3. Литвак Б.Г. Экспертные оценки и принятие решений. – М.: Патент, 1996. –271 с.
4. Субетто А.И. Метаклассификация как наука о механизмах и закономерностях классифицирования. – Санкт-Петербург; Москва: ИЦ, 1994. – 254 с.
5. Майборода В.П., Титов А.В., Харин А.А. Классификационный алгоритм вывода в технологиях оценки и выбора инновационных проектов // Инновации. – СПб., 2004. – № 1.
6. Титов А.В. Алгебраические и топологические свойства пространства качеств // Труды девятого симпозиума «Квалиметрия человека и образования: методология и практика». – М., 2000.

Ткач В.И.
д.э.н., профессор, гл.н.с. ДГТУ

ЦИФРОВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ ИСПОЛНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ[1]

Ключевые слова: *Национальные проекты РФ, инжиниринговый план счетов, цифровые технологии, цифровые технологии, цифровые механизмы, платформенные решения, оптимум, эквилибриум, синергизм, паттерн, проектный менеджмент.*

Цифровые технологии[2] – это процессы, приемы, способы и механизмы обработки информации институциональной единицы от первичной документации до комплекса отчетных форм, обеспечивающих управление экономическими процессами и результатами в режиме реального времени с ориентацией на показатель 1 и 2 законов капитализма.

Многочисленные системы менеджмента с точки зрения обработки информации можно сгруппировать в два направления:

– конвейерные системы обработки информации, используемые в традиционных системах менеджмента как в ручных, так и в автоматизированных;

– платформенные системы обработки информации, применяемые в цифровых технологиях, ориентированных на определение оптимума, эквилибриума и синергизма.

Традиционные конвейерные системы менеджмента представлены данными рис. 1.

Рисунок 1.
Традиционные конвейерные системы учета, анализа и контроля выполнения национальных проектов

Конвейер характеризуется в трех ракурсах обработки и использования информации:

1) В разрезе уровней менеджмента:

– национальные;

– федеральные;

[1] Доклад, представленный на Международную научную конференцию «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи».

[2] Термин «технология» введен И. Бексманом в 1772 году, цифровые технологии – это ноу-хау, полученные на базе исследований и системы алгоритмов. В научной школе профессора В.И. Ткача запатентованы в Роспатенте РФ более 300 баз данных, технологий, цифровых инструментов.

– субъекты федерации;
– предприниматели, мелкий и средний бизнес;
– системообразующие предприятия;
– государственные и муниципальные организации;

2) Процесс обработки информации осуществляется по 6 уровням управления в виде конвейера из 200 несопоставимых показателей, с контролем на выходе двух показателей: полученное и израсходованное финансирование, без отражения результата;

3) Контрольные технологии строятся на бюрократической системе отчетности, бюджетном учете, не ориентированном на результат и обоснование правомерности расходов без определения стоимости созданного национального капитала.

Основные недостатки традиционных систем менеджмента как ручных, так и автоматизируемых сводятся к трем основным позициям:

1. Большие затраты людских ресурсов, многочисленные структуры и показатели.

В результате, трудозатраты по сравнению с платформенными цифровыми системами примерно в 2,7 раза выше при отсутствии управления социальными, экологическими, потребительскими, бихевиористическими, образовательными процессами и капиталами.

2. Вся полученная информация характеризует прошлые периоды и получена в прошлом. Д. Тапскот пишет: «Где вы найдете отрасль в которой за 500 лет технологического развития время решения основных задач (прибыль, собственность) увеличилась на 9000%» [44].

3. Традиционная система ориентирована на обоснование правомерности расхода полученного бюджетного финансирования.

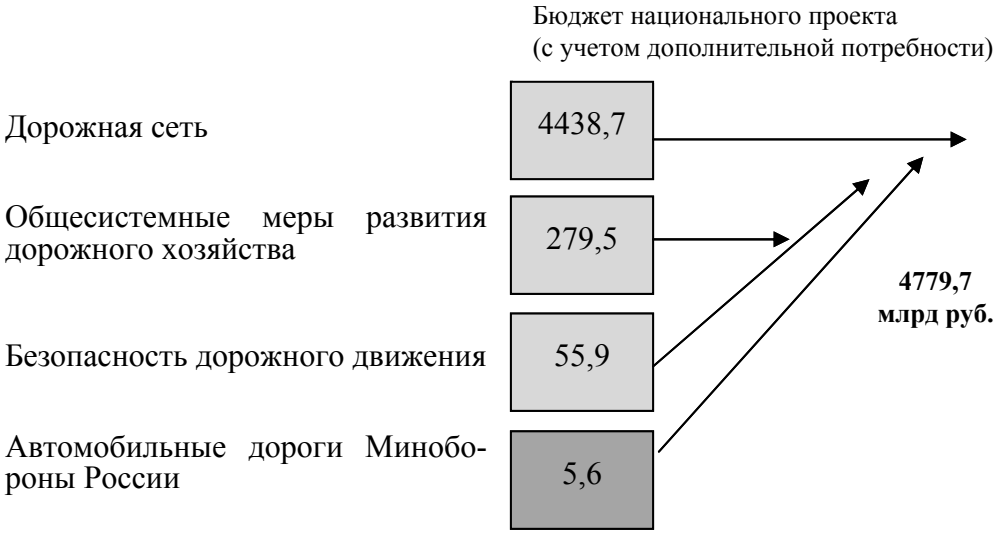
Так, например, по национальному проекту «Безопасные и качественные автомобильные дороги» и 4 федеральным проектам акцент делается на правомерность расхода финансирования (рис. 2).

Цифровые программы менеджмента ориентированы на результат:

1) Уставный капитал 5200,0 млрд. руб. (Дорожная сеть)
2) Нематериальные активы 500,0 млрд. руб. (Общественные меры развития дорожного хозяйства)
3) Человеческий капитал 100,0 млрд. руб. (Безопасность дорожного движения)
4) Национальный капитал 10,0 млрд. руб. (Автомобильные дороги Минобороны)

Итого: 5810,0 млрд. руб.

Оптимум и синергизм выполнения национального проекта составил +1030,3 млрд. руб., т.е. более 1 трлн. руб.

Источники: 440,9 млрд. руб. – Федеральный бюджет,

4139,1 млрд. руб. – бюджеты субъектов РФ,

199,7 млрд. руб. – внебюджетные источники

Рисунок 2.
Федеральные проекты, входящие в национальный проект

Цифровая платформенная организация учета, анализа и контроля является фундаментальной основой тройного, трехуровневого, хедж-, мега-, инжинирингового менеджмента (рис. 3).

Рисунок 3.
Цифровая платформенная организация учета, анализа и контроля исполнения национальных проектов

Цифровая платформа представляет собой фундамент, включающий систему финансового учета, инжиниринговый план счетов, базу данных, распределенный регистр и постоянную запись, связанную с большими данными и функционирующую в режиме реального времени.

К платформе подключаются большие данные (мировые, суверенные, корпоративные и др.) для определения влияния любых внешних факторов: управление резервной системой, рисками, социальными, конкурентными и другими процессами.

На базе цифровой платформы функционирует система цифровых инструментов, находящихся в распоряжении сотрудников, исполняющих национальные проекты, не требующая для ее использования специальных отделов и персонала:

– налоговые инструменты (20 видов);
– управленческие (30 видов: директ, стандарт-костинг и т.д.);
– стратегические (5 программ);
– трансакционные (более 150);
– хеджированные (30);
– интегрированного риска (30);
– интеллектуального капитала (5);
– социального капитала (5);
– экологического капитала (5);
– человеческого капитала (10);
– эквилибристические механизмы (более 100).

В результате, цифровая платформенная система менеджмента, контроля и анализа в режиме реального времени обеспечивает:

– управление национальным капиталом и его составляющими;
– управление финансовыми процессами;
– менеджмент эквилибристических процессов;
– управление экологическими, социальными, интеллектуальными процессами;
– определение и принятие предопределяющих решений по зонам финансового риска и марже безопасности.

Цифровые платформы бухгалтерского учета функционируют на базе технологий финансового учета и системы цифровых механизмов. В условиях конвейерных традиционных технологий каждый вид учета формируется собственной технологией и имеет соответствующую учетную политику, персонал, организацию и результаты – финансовый, налоговый, управленческий, стратегический.

Традиционная конвейерная система приводила к повышению трудовых затрат по сравнению с цифровыми технологиями, а самое главное, приводила к параллелизму, отставанию в принятии решений, так как анализ проводится в прошедшем периоде по прошлым данным.

И самое главное – она не позволяет определить социальные, экологические, интеллектуальные капиталы деятельности институциональной единицы (предприятия, организации, муниципалитета и др.) в процессе исполнения национальных проектов.

В цифровых системах менеджмента используется единая платформа (инжиниринговый план счетов) на которой строятся технологии выполнения национальных проектов, на базе которых функционируют более 500 цифровых механизмов, обеспечивающих любой из вариантов управленческого (30 механизмов по выбору), налогового (20 механизмов для учета любого из налогов), бихевиористического (более 100 программ) менеджмента.

Цифровые технологии и механизмы функционируют на базе разработанных алгоритмов, т.е. начальных и конечных операторов и системы итераций.

Так, например, цифровой социальный мегабаланс обеспечивает результаты использования социальных ресурсов на итоги деятельности предприятия (табл. 1).

Таблица 1

Социальный мегабаланс

Бухгалтерский баланс		Социальные итерации		Социальный мегабаланс		Гипотетические итерации		Гипотетический мегабаланс	
Разделы, статьи	Сумма, тыс. руб.	Дебет	Кредит	Разделы, статьи	Сумма, тыс. руб.	Дебет	Кредит	Разделы, статьи	Сумма, тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	11	12
I. Внеоборотные активы	307			I	307		3) 307	I	-
II. Оборотные активы	11148	1) 1110 2) 1150		II	13408	3) 250 4) 12500	4) 13408 5) 5000	II	7750
III. Капитал и резервы	7403	1) 370	1) 1480 2) 1150	III	9663	3) 57 4) 908 5) 948		III	7750
IV. Долгосрочные обязательства	–			IV				IV	–
V. Краткосрочные обязательства	4052			V	4052	5) 4052		V	–
Баланс	11455				13715				7750
Социальный эффект					+2260				
Маржа безопасности	8000				+1663				
Синергетический эффект									+347

– социальный эффект +2260,0 тыс. руб.;

– маржа безопасности +1663,0 тыс. руб.;

– синергетический эффект +347,0 тыс. руб.

В Российской Федерации в 2017 году действовало более 100,0 тысяч социальных программ, по которым результаты не определялись, а отражались на счете 96 полученное финансирование и его использование.

Цифровая технология финансового учета разрабатывается на базе 30 (элементы затрат) или 20 (статьи калькуляции) счетов инжинирингового плана счетов.

Цифровая технология и менеджмент на базе 30 счетов функционируют на основе алгоритма:

Начальный оператор: Мегасчета «Разделы плана счетов».

1 итерация: идентификация затрат на капитализируемые и не капитализируемые.

2 итерация: учет и контроль затрат по элементам по счетам:

– 30 «Материальные затраты»;

– 31 «Оплата труда»;

– 32 «Социальные расходы»;

– 33 «Амортизационные отчисления»;

– 34 «Прочие затраты».

3 итерация: свод затрат по элементам на счете 35 «Свод затрат».

4 итерация: определение изменения остатков производственных ресурсов на счете 39 «Остатки производственных ресурсов».

5 итерация: определение и контроль себестоимости по формуле:

$C=З_Э \pm О_{2,1}$,

где С – себестоимость продукции;

$З_Э$ – свод затрат по элементам;

$О_{2,1}$ – изменение остатков производственных ресурсов за период.

6 итерация: распределение затрат по центрам ответственности на счете 36 «Центры исполнения национальных проектов».

7 итерация: распределение затрат по функциям (метод АВС) на счете 37 «Учет затрат по функциям» или другие методы калькулирования.

8 итерация: определение финансового результата.

9 итерация: составление отчетных форм.

10 итерация: матрица преобразования в МСФО.

Конечный оператор: остатки по мегасчетам.

Цифровая технология финансового учета на базе 20 счетов (статьи калькуляции) представлена алгоритмом:

Начальный оператор: Мегасчета «Разделы плана счетов». Комплекс итераций:

1 итерация: идентификация затрат на капитализируемые и не капитализируемые.

2 итерация: отражение некапитализируемых расходов по обычным видам деятельности по выполнению национальных проектов.

3 итерация: создание резервов предстоящих расходов.

4 итерация: учет расходов будущих периодов.

5 итерация: отражение прямых затрат по счетам 20, 23, 25, 26, 28, 29, 44.

6 итерация: учет косвенных расходов.

7 итерация: распределение расходов будущих периодов.

8 итерация: распределение общепроизводственных расходов.

9 итерация: распределение общехозяйственных расходов.

10 итерация: списание потерь от брака.

11 итерация: матрица встречных услуг вспомогательных цехов.

12 итерация: распределение услуг вспомогательных цехов.

13 итерация: распределение услуг непромышленных хозяйств.

14 итерация: инвентаризация и оценка незавершенного производства.

15 итерация: определение фактической себестоимости готовой продукции.

16 итерация: определение фактической себестоимости отгруженной продукции.

17 итерация: определение фактической себестоимости реализованной продукции.

18 итерация: определение стоимости реализации.

19 итерация: определение финансового результата.

20 итерация: определение и контроль хозрасчетного результата.

21 итерация: составление отчетных форм.

22 итерация: матрицы преобразования в МСФО: баланс, отчет о финансовых результатах, отчет об изменении капитала, отчет о движении денежных средств:

– матрица 25/25 (большие);

– матрица 20/20 (финансовые результаты);

– матрица 10/10 (отчет о капитале);

– матрица 15/15 (отчет о движении денежных средств).

Цифровые технологии функционируют на базе инжинирингового плана счетов, системы мегасчетов, распределенного регистра, нескольких сотен цифровых механизмов и формируют систему цифрового менеджмента, обеспечивающую управление любыми национальными капиталами в режиме реального времени с ориентацией на наращивание рыночной и справедливой стоимости предприятия, зоны финансового риска, маржи экономической безопасности и синергетического эффекта.

Основу функционирования цифровых систем менеджмента выполнения национальных проектов составляют:

1. Цифровая платформа: инжиниринговый план счетов.

2. Базы данных: частные, корпоративные, территориальные, международные облака.

3. Система цифровых механизмов, обеспечивающая функционирование в режиме онлайн любых экономических процессов, явлений, объектов и капиталов.

4. Распределенный регистр.

5. Постоянная запись.

Цифровые механизмы подразделяются на системы и подсистемы:

I. Инжиниринговые системы:

А. Бихевиористические: структурная; бихевиористическая; потребительская (образовательная); интеллектуальная и т.д.

Б. Трансакционные: стратегическая; резервная; семантическая; инновационная; синергетическая и т.д.

II. Цифровые механизмы, интегрированные в финансовый, управленческий, налоговый учет.

III. Контрольная цифровая система.

IV. Механизмы с предопределяющими решениями.

Цифровые механизмы характеризуются следующими квалиметрическими характеристиками:

I. Экономическая:

1. Инжиниринговый структурированный план счетов.

2. Мегасчета.

3. Экономические агрегаты и агрегированные проводки.

4. Чистые интеллектуальные активы и пассивы.

5. Маржи безопасности, зоны финансового риска.

6. Синергетический эффект.

II. Правовая: ориентация на юридическую составляющую: приказ по учетной политике, финансирование, стимулирование, результат, смарт-контракты.

III. Информационная: инжиниринговый структурированный план счетов. Квалиметрия измерительная.

IV. Технологическая: начальный и конечный оператор, комплекс агрегатов, система алгоритмов, матрицы преобразований в МСФО и др.

V. Менеджмент: управление экономическими процессами, интеллектуальным, социальным, экологическим капиталами.

VI. Оптимизационная: использование человеческого капитала: интеллектуальный, структурный, бихевиористический, образовательный мегабалансы.

VII. Мотивационная: интеллектуальные чистые активы и пассивы, капитал в справедливой оценке.

VIII. Эквилибриум: управление конкурентными процессами, брендом организации.

IX. Синергизм: менеджмент синергетического эффекта.

Цифровые механизмы, интегрированные в финансовый, управленческий, налоговый учет, широко используются в самых разнообразных видах:

– финансовые балансы (Франция, Испания);

– балансы интегрированного риска (Япония, Корея);

– цифровые налоговые балансы (Польша);

– нулевые балансы (Германия, Нидерланды);

– балансы активов роста (США);

– семантические балансы (Канада, США).

Более 300 видов цифровых механизмов, разработанных в ДГТУ, зарегистрированы в Роспатенте РФ, что позволяет определять, учитывать и управлять совокупностью самых разнообразных факторов деятельности организации в процессе исполнения национальных проектов:

– социальные, политические и нормативные факторы;

– сильные и слабые стороны;

– состояние и динамика структурного, бихевиористического, образовательного, интеллектуального и потребительского капитала;

– управление зонами финансового риска;

– выполнение федеральных целевых программ;

– менеджмент эффективного контракта;

– состояние и динамика интеллектуального капитала;

– состояние и менеджмент финансового состояния;

– менеджмент дорожной карты;

– управление ссудами, субсидиями, субвенциями и др.

Цифровые механизмы, интегрированные в финансовый, управленческий и налоговый учет могут быть использованы:

1. В цифровом контроле и управлении в режиме реального времени:

– диагностика финансового состояния: мониторинговый мегабаланс;

– построение комплексной системы управления затратами и доходами по видам деятельности, приносящими доход: градуалистический мегабаланс;

– управленческий учёт с помощью систем «директ-костинг», «стандарт-костинг», «кайзен-костинг» и др.;

– управление центрами финансовой ответственности: мегабаланс ЦМО;

– организация системы контроля финансирования: субсидарный мегабаланс;

– управление структурным, бихевиористическим, образовательным и потребительским капиталом: система мегабалансов;

– управление инвестициями: инвестиционный мегабаланс;

– подведение результатов работы внутренних подразделений;

– контроль за ходом выполнения федеральных и национальных проектов: субсидарные мегабалансы;

– контроль за использованием специальных фондов и целевого финансирования субсидарный мегабаланс.

2. Организация общего цифрового управления организацией:

– управление показателями бренда: цифровой брендинг;

– управление показателями результативности в сфере исследовательских и технологических работ: инновационный мегабаланс;

– управление показателями международного и национального признания;

– управление показателями экономической и финансовой устойчивости, платежеспособностью, фондами и др.: система цифровых мегабалансов.

3. Цифровое управление и контроль использования собственности:

– внеоборотных активов, оборотных активов, фондов, интеллектуального капитала;

– чистых активов и чистых пассивов.

4. Цифровое управление реорганизационными процессами с определением результатов (синергизм, анергизм) на базе использования инжиниринговых механизмов, интегрированных в финансовый, управленческий и налоговый учёт: синергетический, реорганизационный, инновационный мегабалансы.

5. Матричные исчисления и преобразования в системе цифрового менеджмента используются в мировой экономике уже более 30 лет и сводятся к следующим основным направлениям:

– матрица распределения встречных услуг вспомогательных цехов;

– матрица соответствия систем учета разных стран (Англия – Германия, Россия – Германия и т.д.)

– матрица преобразования в международные стандарты учета (МСФО);

– 5 матрица преобразования отчетности национальной в МСФО.

Рис. 4 характеризует использование матриц в трех случаях:

1. Сопоставление систем учета разных стран или одной из стран с МСФО.
2. Матрица преобразования в МСФО.
3. Система матриц для сопоставления отчетности национальной с МСФО.

Квалиметрическая модель «Характеристика системы цифровых бухгалтерских инструментов» подразделяет весь инструментарий на две группы в зависимости от выбранного метода оценки итогов деятельности организации:

– оценка на базе интеллектуальных активов и их изменения (затратные методы);

– оценка на основе синергетического эффекта, определяемого по изменению чистых пассивов (национальный капитал и его виды).

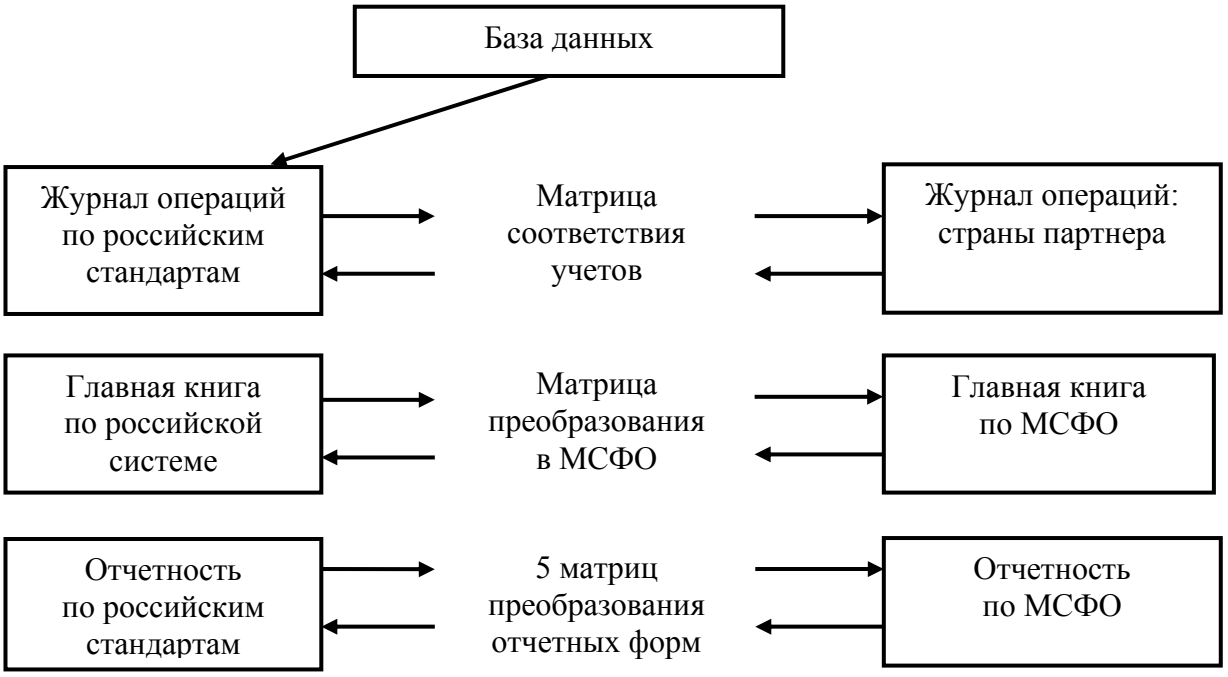

Рисунок 4.
Матрицы соответствия систем учета, преобразования в МСФО и соответствия отчетных форм

Рассмотрим формирование цифрового механизма и алгоритма «Цифровой механизм выполнения федеральных целевых программ». (Собственность ДГТУ, разработчик почетный профессор В.И. Ткач).

Начальный оператор: остатки по мегасчетам инжинирингового плана счетов университета:

– мегасчет I-00-00-000, «Интеллектуальные активы»;

– мегасчет II-00-00-000, «Интеллектуальные обязательства»;

– мегасчет III-00-00-000, «Интеллектуальный капитал»;

– мегасчет IV-00-00-000, «Синергетический эффект».

Структура мегасчетов и аналитических позиций к ним:

Мегасчета строятся на концепции чистых интеллектуальных активов и пассивов с ориентацией на основе балансового уравнения интеллектуального капитала:

$$А = К + О,$$
$$А – О = Ч_А,$$
$$Ч_П = К_{с.о.},$$

где А – активы интеллектуальные;

О – интеллектуальные обязательства;

К – интеллектуальный капитал (структурный, бихевиористический, образовательный);

$Ч_А$ – чистые активы;

$Ч_П$ – чистые пассивы;

$К_{с.о.}$– интеллектуальный капитал в справедливой оценке.

Аналитические мегасчета первого порядка: I–00; II–00; III–00; обеспечивают учет и менеджмент интеллектуального капитала, чистых активов и чистых пассивов в разрезе факультетов.

Аналитические мегасчета второго порядка предназначены для менеджмента интеллектуального капитала, чистых интеллектуальных пассивов и чистых интеллектуальных активов в разрезе кафедр и персонала кафедр: I-00-00, II-00-00; III-00-00.

Аналитические мегасчета третьего порядка предназначены для учета базовых критериев и значений интеллектуального капитала, полученных при выполнении федеральных (субъектов федерации, муниципалитетов и т.д.) целевых программ в разрезе отдельных позиций интеллектуального капитала (публикации РИНЦ, Web of Science, SCOPUS и другие): I-00-00-000; II-00-00-000; III-00-00000.

Например:

I-01-01-001 «Интеллектуальные активы», полученные в результате публикации статьи SCOPUS статьи (001) кафедры 01, факультета 01.

III-01-01-001– означает образование интеллектуального капитала в результате публикации статьи в SCOPUS статьи (001) сотрудником кафедры 01, факультета 01.

Компьютерная программа менеджмента выполнения федеральных целевых программ ППС, кафедрами, факультетами и полученного в результате этого интеллектуального капитала, синергетического эффекта характеризуется 14 типовыми итерациями:

1 итерация: Отражение процесса создания интеллектуального капитала и интеллектуальных активов в процессе реализации федеральной целевой программы в разрезе показателей (факультетов, кафедр, сотрудников):

Дебет мегасчета I-00-00-000 «Интеллектуальные активы»

Кредит мегасчета III-00-00-000 «Интеллектуальный капитал»

2 итерация: Создание интеллектуального капитала и отражения возникших в результате интеллектуальных обязательств:

Дебет мегасчета II-00-00-000 «Интеллектуальные обязательства»

Кредит мегасчета III-00-00-000 «Интеллектуальный капитал»

3 итерация: Регулирование интеллектуального капитала на суммы затрат в процессе выполнения федеральной целевой программы:

Дебет мегасчета III-00-00-000 «Интеллектуальный капитал»

Кредит мегасчета I-00-00-000 «Интеллектуальные активы»

4 итерация: Регулирование создаваемого интеллектуального капитала и размеры соответствующих обязательств и экономических отношений реализации центральной целевой программы:

Дебет мегасчета» III-00-00-000 «Интеллектуальный капитал

Кредит мегасчета II-00-00-000 «Интеллектуальные обязательства»

5 итерация: Закрытие мегасчета I-00-00-000«Интеллектуальные активы», оборот по дебету мегасчета I-00-00-000 минус оборот по кредиту мегасчета I-00-00-000. Получение дебетового остатка по мегасчету I-00-00-000 «Интеллектуальные активы» на конец периода.

6 итерация: закрытие мегасчета II-00-00-000 «Интеллектуальные обязательства» на этапах выполнения федеральной целевой программы: остаток по кредиту мегасчета II-00-00-000 «Интеллектуальные обязательства» на начало периода плюс оборот по кредиту мегасчета II-00-00-000 за период и минус оборот по дебету мегасчета II-00-00-000 за период в результате определяется остаток по мегасчету II-00-00-000 «Интеллектуальные обязательства» на конец периода (положительный остаток – в кредит, а отрицательный – в дебет).

7 итерация: закрытие мегасчета III-00-00-000 «Интеллектуальный капитал» на конец периода. Остаток по кредиту мегасчета III-00-00-000 на начало периода плюс кредитовый оборот по мегасчету III-00-00-000 за период минус дебетовый оборот по мегасчету III-00-00-000 за период равен кредитовому остатку по мегасчету III-00-00-000 (плюс) или дебетовому остатку по мегасчету III-00-00-000 (минус).

8 итерация: составление интеллектуального мегабаланса выполнения федеральной целевой программы в ходе и по окончанию выполнения:

Баланс = I-00-00-000 (дебет) = II-00-00-000 (кредит) + III-00-00-000 (дебет) – III-00-00-000 (кредит)

Интеллектуальный мегабаланс

Актив	Пассив
Интеллектуальные активы I-00-00-000	Интеллектуальные обязательства II –0-00-00-000 Интеллектуальный капитал III –0-00-00-000
Баланс: актив интеллектуального капитала	Баланс: пассив интеллектуального капитала

Справка забалансовая:

Чистые интеллектуальные активы = Интеллектуальные активы I-00-00-000 –

– Интеллектуальные обязательства II-00-00-000

9 итерация: гипотетическая реализация интеллектуальных активов, интеллектуального мегабаланса, полученного в результате выполнения федеральной целевой программы в справедливой оценке.

Первый вариант: справедливые цены интеллектуальных активов превышают балансовую оценку, т.е. финансирование использовано эффективно.

Дебет мегасчета IV-00-00-000 «Синергетический эффект» (на сумму превышения оценки)

Дебет мегасчета I-00-00-000 «Интеллектуальные активы» (балансовая оценка)

Кредит мегасчета I-00-00-000 «Интеллектуальные активы» (балансовая оценка).

Второй вариант: справедливая оценка интеллектуальных активов ниже балансовой оценки, т.е. неэффективное использование финансирования.

Дебет мегасчета I-00-00-000 «Интеллектуальные активы» (балансовая оценка)

Кредит мегасчета IV-00-00-000 «Синергетический эффект» (на разницу между балансовой и справедливой оценкой).

Механизм функционирования цифровых технологий рассмотрим на базе хеджированно-рискованного мегабаланса, предназначенного для управления резервной системой и рисками коммерческого предприятия (табл. 2).

Цифровой мегабаланс функционирует на базе мегасчетов, в качестве которого используются разделы бухгалтерского баланса:

– мегасчет I «Внеоборотные активы»;
– мегасчет II «Оборотные активы»;
– мегасчет III «Капитал и резервы»;
– мегасчет IV «Долгосрочные обязательства»;
– мегасчет V «Краткосрочные обязательства».

Таблица 2

Хеджированно-рискованный мегабаланс (тыс. руб.)

Бухгалтерский баланс		Хеджированные записи		Хеджированные балансы		Риски		Интегрированный риск		Гипотетические проводки		Гипотетический баланс	
Мегасчета	Сумма тыс.руб.	Дебет	Кредит	Разделы	Сумма тыс. руб.	Дебет	Кредит	Разделы	Сумма тыс.руб.	Дебет	Кредит	Разделы	Сумма тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
I. Внеоборотные активы	22695			I	2695	8) 80		I	2775		12) 2775	I	
II. Оборотные активы	3321	1)6000 2) 200	3) 60 4)3500 5) 100	II	5861	6) 150	9) 200	II	5811	11)6300 12)2700	11) 5811 13) 2750	II	6250
III. Капитал и резервы	2859	3) 60 4)3500 5) 100	1)6000 2) 200	III	5399	9) 200	6) 150 7) 240 8) 80 10) 350	III	6019	12)75 12)183	11) 489	III	6250
IV. Долгосрочные обязательства	–			IV	–	–		IV				IV	
V. Краткосрочные обязательства	3157			V	3157	7) 240 10)350		V	2567	13)2567		V	
Баланс	6016	9860	9860		8556	1020	1020		8586	1185	1185		6250
Чистые активы	2859				5399				6019				
Чистые пассивы													6250
Активная зона					+2540				+620				+231
Пассивная зона													
Нейтральная зона													
Состояние резервной системы с учетом справедливой стоимости													+3391
Маржа безопасности	5000				+399				+1019				+1250

По данным профессора В.И. Ткача, агрегатов резервной системы в мировой экономике более 1000, поэтому они сгруппированы в 9 укрупненных позиций:

1. Счета резервов
2. Управление активами и обязательствами
3. Хеджирование
4. Страхование
5. Инструменты финансового инжиниринга
6. Гарантии и залоги.
7. Контроль риска с помощью встроенных в операционную систему защитных механизмов.
8. Совместное предприятие, совместная деятельность.
9. Механизмы списка Финетри (более 300).

Все дело в том, что традиционная система управления резервной системой, отражает в балансовом и забалансовом учете лишь около 10% агрегатов:

А. Балансовые счета:

14 «Резервы под снижение стоимости материальных ценностей»;
59 «Резервы под обеспечение вложения в ценные бумаги»;
63 «Резервы по сомнительным долгам»;
82 «Резервный капитал»;
96 «Резерв предстоящих расходов».

Б. Забалансовые счета:

008 «Обеспечение обязательств и платежей полученных»;

009 «Обеспечение обязательств и платежей выданных»;

В. Дополняющая система:

21 «Резервы по незавершенным сделкам»;

64 «Резервы по гарантийным обязательствам»;

87 «Гарантии выданные и полученные».

(Рекомендуются рядом исследователей).

Цифровая система управления резервной системой функционирует на базе 5 итераций, две из которых увеличивают рыночную стоимость капитала, а три уменьшают, что создает возможность отразить в режиме онлайн 1000 возможных агрегатов резервной системы.

В нашем примере получаем в режиме реального времени:

1. Активная зона финансового риска с учетом агрегатов резервной системы в размере +2540,0 тыс. руб. (5399,0–2859,0).

2. Активная маржа безопасности в размере +399,0 тыс. руб.

Активная зона финансового риска и маржи безопасности характеризуют объем денежных ресурсов, которые могут быть реализованы для отражения угроз конкурентов, пассивная – недостаток ресурсов.

Цифровая система управления рисками позволяет в режиме реального времени определить влияние любого возможного риска на состояние резервной системы участника исполнения национального проекта как рекомендуемыми ПБУ России, так и в тактической и стратегической перспективе любые другие угрозы и риски:

ПБУ Н/99 «Бухгалтерская отчетность организации»: Дополнительная информация в отношении заемных средств, управления рисками;

ПБУ 12/2000 «Информация по сегментам»: Отражение по операционным и географическим сегментам общеэкономических валютных, кредитных, ценовых, политических рисков;

ПБУ 19/02 «Учет финансовых вложений»: При принятии к учету активов в качестве финансовых вложений необходимо организовывать учет финансовых рисков (изменение цены, неплатежеспособности должника, риск ликвидности);

Разработанная и запатентованная профессором Д.В. Курсеевым система цифрового менеджмента резервной системы и управления рисками коммерческого предприятия обеспечивает:

1. Управленческий учет резервной системы, интегрированных рисков и рисковых ситуаций, платежеспособности, мониторинга финансового положения, создания национального капитала.

2. Стратегический учет рисковых ситуаций во фракталах времени и пространства, стратегический учет собственности, инноваций.

В нашем примере, состояние резервной системы с учетом рисков характеризуется активной зоной в размере +620 тыс. руб., маржа безопасности составила +1019 тыс. руб., что гарантирует выполнение национального проекта.

Цифровая система учета и управления рисками и резервной системой обеспечивает требования МСФО к информации о рисках, подлежащих обязательному раскрытию в отчетности компании:

1) Рыночный риск: количественная информация по рискам с финансовыми инструментами: процентные ставки, валютные курсы, товарные цены, цены и их влияние на финансовые результаты;

2) Кредитный риск: максимальная возможность убытков при худших санкциях, политика компании по востребованию заложенного имущества;

3) Риск основной деятельности: информация о финансовом положении, капитале и результатах деятельности с указанием потребности в капитале, его размещении, эффекте инфляции;

4) Риск бухгалтерского учета: природа непредвиденных убытков и оценки их возможной величины. Если компания не в состоянии оценить возможные убытки, то это следует однозначно указать в финансовой отчетности.

Результат функционирования резервной системы определяется синергетическим эффектом или анергизмом, цифровая программа запатентована профессором В.И. Ткачем в Роспатенте РФ в виде «Цифрового синергетического мегабаланса» и составила в нашем примере +1250 тыс. руб. (синергетический эффект функционирования).

В результате, цифровое управление резервной системой и рисками носит предопределяющий характер и позволяет избежать любых угроз в режиме реального времени в процессе выполнения национальных проектов:

– компенсация снижения себестоимости сырья, материалов, топлива, незавершенного производства, готовой продукции от рыночных цен;

– компенсация потерь от вложенных ресурсов в ценные бумаги;

– компенсация потерь по сомнительным долгам;

– на цели, предусмотренные грантом;

– равномерное включение расходов в затраты;

– гарантии собственных платежей;

– гарантии платежей третьих лиц;

– компенсации потерь по договорным отношениям;

– компенсации потерь по гарантийным обязательствам.

Список литературы и источников

1. Аверчев И. Как оценить эффективность работы компании. – http: www.classs.ru/stati/uchet/effekt_kompany.html

2. Агеев И.М. Моделирование, финансовый и управленческий учет в условиях риска и неопределенности. – Ростов н/Д, 2000. – 191 с.
3. Аксенова Е.А. Организация финансового и управленческого учета в дорожном строительстве: монография. – Ростов н/Д: РГСУ, 2004. – 209 с.
4. Алябьева В.А. Факторы и пути повышения финансовой устойчивости организации. – Белгород: БГТУ, 2010. – 45 с.
5. Богатая И.Н. Стратегический учет собственности предприятия. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 240 с.
6. Благовисная К.С. Организация хедж-бухгалтерии на предприятии: учеб.-метод. пособие / К.С. Благовисная, В.И. Ткач. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. – 62 с.
7. Бочаров В.В. Финансовый инжиниринг. – СПб.: Питер, 2004. – 400 с.
8. Винья П. Машина правды. Блокчейн и будущее человечества / Пол Винья, Майкл Кейси; пер. с англ. М. Сухотиной; науч. Ред. К. Щеглова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 320 с.
9. Гамма Э., Хелм Р., Джонсон Р., Влиссидес Дж. Приемы объектно-ориентированного проектирования. Паттерны проектирования. – СПб.: Питер, 2018. – 368 с. – (Серия «Библиотека программиста»).
10. Домингос П. Верховный алгоритм: как машинное обучение изменит наш мир / Пер. с англ. В. Горохова; науч. ред. А. Сбоев, А. Серенко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 336 с.
11. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
12. Инициатива «Большой двадцатки» по развитию цифровой экономики и сотрудничеству (2016-09-29). – http://www.cac.gov.cn/2016-09/29/c_1119648520.html
13. Крайнова Е.А., Ткач В.И. Традиционные и инжиниринговые методы бухгалтерского учета: учеб.-метод, пособие / Донской гос. техн. ун-т. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. – 48 с.
14. Кольвах О.И. Ситуационно-матричное моделирование в бухгалтерском учете и балансоведении: монография. – М.: Вузовская книга, 2010. – 336 с.
15. Кольвах О.И., Копытин В.Ю. Адаптивные модели бухгалтерского учета и формирования финансовой отчетности в системе кредитных организаций (концепция, методы и информационно-техническое обеспечение). – Ростов н/Д: Терра, 2002. – 151 с.
16. Крохичева Г.Е. Виртуальная бухгалтерия: концепция, теория и практика. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 176 с.
17. Крохичева Г.Е. Корпоративный сетевой учет и отчетность: концепция, методология и организация: диссертация д.э.н. – Ростов н/Д, 2004. – 367 с.
18. Кузнецова Е.В. Совершенствование бухгалтерского учета в коммерческих организациях водного транспорта: монография. – Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2004. – 171 с.
19. Курсеев Д.В. Агентские отношения в процессах внешнего и доверительного управления собственностью: бухгалтерское моделирование и учет. – Ростов-на-Дону: РГСУ, 2003. – 142 с.
20. Лесняк В.В. Организация стратегического управленческого учета на промышленных предприятиях: теория и практика: монография. – Ростов-н/Д: РГСУ, 2006. – 195 с.
21. Ли Гоцзе. Цифровая экономика направляет инновационное развитие // Жэньминь Жибао. 2016. – 16 декабря.
22. Лилеева Л.Р. Финансовый, управленческий, стратегический учет в организациях связи и телекоммуникаций: теория и практика. – Ростов-на-Дону: ИПО РГПУ, 2006. – 212 с.
23. Любушин Н.П. Анализ финансового состояния организации. – М.: ЭКСМО, 2013.
24. Максименко А.Н. Организация сетевого ситуационного (событийного) учета в коммерческих организациях. – Ростов-н/Д: РГСУ, 2008. – 208 с.
25. Маркарьян Э.А., Герасименко Г.П., Маркарьян С.Э. Финансовый анализ: учеб. пособие. – М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2013.
26. Маршал Дж.Ф., Бансал В.К. Финансовая инженерия: полное руководство по финансовым нововведениям / Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 784 с.
27. Ма Хуатен и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / Ма Хуатен, Мэн Джаоли, Ян Дели, Ван Хуалей: пер. с кит. – М.: Интеллектуальная литература, 2019. – 250 с.
28. Мобуссин М. Больше, чем вы знаете: Необычный взгляд на мир финансов / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 380 с.
29. Мошелл Д. Путеводитель по цифровому будущему: Отрасли, организации и профессии / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 215 с.
30. Муругов Е.И. Учетно-аналитическое обеспечение управления платежеспособностью и резервной системой предприятия. – Ростов-н/Д: РГСУ, 2003. – 137 с.
31. Мэтьюс М.Р., Перера М.Х.Б. Теория бухгалтерского учета: Учебник / пер. с англ. под ред. Я.В. Соколовой, И.А. Смирновой. – М.: Аудит, ЮНИТИ, 1999. – 663 с.
32. Пигунова В.В. Применение инжиниринговых систем в учете платежеспособности и финансовой устойчивости предприятия: учеб.-метод. пособие / В.В. Пигунова, В.И. Ткач; Донской гос. техн. ун-т. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. – 55 с.
33. Пикети Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.
34. Сухарев И.Р. Стерео бухгалтерия. – М.: ИПЦ «Москва», 2014.
35. Райан Б. Стратегический учет для руководителя / Под ред. В.А. Микрюкова; пер. с англ. – М.: Аудит, ЮНИТИ, 1998. – 616 с.
36. Рудненко Н.П. Управленческий и стратегический учет платежеспособность: теория и практика. –Ростов-н/Д: РГСУ, 2007. – 229 с.
37. Русина Е.Ю. Анализ и контроль финансового состояния с использованием инструментов бухгалтерского инжиниринга: монография. – Ростов-на-Дону: РГСУ, 2013. – 195 с.
38. Ткач В.И. Цифровая поведенческая экономика: технологии и платформенные решения: учебник / Донской гос. техн. ун-т. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2019. – 482 с.
39. Ткач В.И. Университет: инжиниринговый менеджмент: квалиметрическая монография. – Ростов н/Д: Издательский центр ДГТУ, 2016. – 379 с.
40. Ткач В.И., Крохичева Г.Е., Аникеев М.Ю., Архипов Э.Л. Учет операций хеджирования. – Ростов-н/Д: РГСУ, 2004. – 158 с.
41. Ткач В.И Цифровой учет и управление платежеспособностью индивидуального предпринимателя: учеб пособие / В.И. Ткач, Д.Э. Усков; Донской гос. техн. ун-т. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2018. – 84 с.
42. Ткач В.И. Цифровые бухгалтерские инструменты в деятельности медицинских организаций: учеб. пособие / В.И. Ткач, М.М. Цечоева; Донской гос. техн. ун-т. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2018. – 68 с.
43. Ткач В.И. Цифровая экономика и менеджмент: монография. – Ростов н/Д: Издательский центр ДГТУ, 2018. – 440 с.
44. Тапскотт Д. Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня / Дон Тапскотт, Алекс Тапскотт; [пер. с англ. К. Шашковой, Е. Ряхиной], – М.: Эксмо, 2017. – 448 с. – (Top Economics Awards).
45. Ткач В.И., Крохичева Г.Е. Управленческий аспект финансового учета: международная практика. – Ростов н/Д: РГСУ, 2008. – 58 с.

46. Ткач В.И. Инжиниринговая теория бухгалтерского учета: квалиметр: учебник / В.И. Ткач, М.В. Шумейко – Ростов н/Д: РГСУ. 2013. – 428 с.
47. Ткач В.И. Инициативный семинар по России / В.И. Ткач, Ж. Лоран. – Париж: Европейская комиссия ЕЭС, 1997. – 82 с.
48. Ткач В.И., Ткач М.В. Управленческий учет: международный опыт. – М.: Финансы и статистика, 1994. – 144 с.
49. Ткач В.И., Графова Т.О., Шумейко М.В., Руденко Н.П. Бухгалтерский инжиниринг: концепция, теория и практика: монография. – Ростов н/Д: РГСУ, 2009. – 144 с.
50. Фрэнкс Б. Революция в аналитике: Как в эпоху Big Data улучшить ваш бизнес с помощью операционной аналитики / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 316 с.
51. Финансовый менеджмент: теория и практика: учебник / Под ред. Е.С. Стояновой. – 6-е изд. – М.: Перспектива, 2011.
52. Хендриксен Э.С., Ван Бреда М.Ф. Теория бухгалтерского учета / Пер. с англ. под ред. проф. Я.В. Соколова. – М.: Финансы и статистика, 1997. – 576 с.
53. Цифровизация: Практические рекомендации по переводу бизнеса на цифровые технологии / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 252 с.
54. Шумейко М.В. Концепции и методология бухгалтерского учета и инжиниринга: монография / М.В. Шумейко, Е.В. Кузнецова, И.М. Ткач. – Ростов-н/Д: РГСУ, 2008. – 188 с.
55. Шумилин П.Е. Учет и аудит реорганизации предприятия. – Ростов-н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2005. – 142 с.
56. Ishikawa A.S., Silverstein M., Jacobson M., Fiksdahl-King I., Angel S. A Pattern Language. – New York: Oxford University Press, 1977. – 460.
57. Coase R. The Firm, the Market and the Law. – Chicago, 1988; Коуз Р. Фирма, рынок и право. – М.: Дело ЛТД при участии изд-ва Catallaxy, 1993.
58. Freeman R. E., McVea J. A Stakeholder Approach to Strategic Management / Darden Business School Working Paper № 01-02. 2001.
59. Galanos J. Systeme d'information comptable et modeles de gestion mergents: These de doctorat en sciences de gestion / IAE de Nice. 1991.
60. Johnson H.T., Kaplan R.S. Relevance Lost: The Rise and Fall of Management Accounting. – Boston: Harvard Business School Press, 1987.
61. Langfield-Smith K. Strategic management accounting: how far have we come in 25 years? // Accounting, Auditing & Accountability Journal. 2008. – Vol. 21, N 2. – P. 204-228.
62. The Information Technology and Innovation Foundation. A Policymaker's Infrastructure. – http://www.infrastructureusa.org/aolicymakers-guide-to-digital-infrastructure
63. Knickrehm M., Berthon B., Daugherty P. Digital Disruption: The Growth Multiplier. 2016. – https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf-14/accenture-strategy-digital-disruption-growth-multiplier-brazil.pdf
64. World Economic Forum. The Global Information Technology Report 2016: Innovating in the Digital Economy. 2016.
65. Digital globalization: The New Era of Global Flows / McKinsey. 2016.
66. European Digital Progress Report. – https://ec.europa.eu/dlgltalsingle-market/en/european-digital-progress-report
67. European Commission. eGovernment Action Plan. – https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/egovernment-action-plan-digitising-european-industry
68. Industrial Platforms and Large Scale Pilots. – https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/industrial-platforms-and-large-scale-pilots
69. Coordination of European, National & Regional Initiatives. – https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/cordination-europeannational-regional-initiatives

РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 15

Часть 2

Компьютерная верстка
и техническое редактирование –
В.Б. Сумерова

Институт научной информации по общественным наукам РАН
117997 Москва, Нахимовский пр., д. 51/21 e-mail: inion@bk.ru

Подписано на выход в свет – 3/IX – 2020 г.
Формат 60×90/8 Уч.-изд.л. 105,0